

Հարգելի՛ ընթերցող.

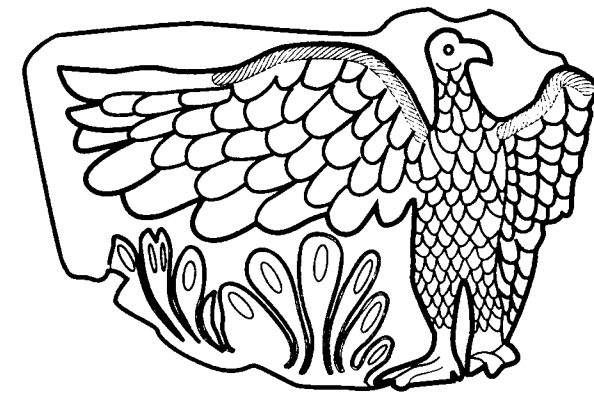
ԵՊՀ հրատարակչությունը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտի համացանցային կայքերում ներկայացնում է իր հայագիտական հրատարակությունները: Գիրքը այլ համացանցային կայքերում տեղադրելու համար պետք է ստանալ հրատարակչության համապատասխան թույլտվությունը և նշել անհրաժեշտ տվյալները:

YEREVAN STATE UNIVERSITY
FACULTY OF THEOLOGY

ՀՐԱՉ Մ. ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ
ԸԱՅ- ԲՅՈՒԶԱՆԴԱԿԱՆ ՎԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ
ՀԱՏՈՐ ԵՐԿՐՈՐԴ
ՀՈՂԿԱԾՆԵՐ ՕՏԱՐ ԼԵԶՈՒՆԵՐՈՎ

ԱՃԵՄՅԱՆ ՄԱՏԵՆԱՇԱՐ

Գ/2

HRATCH M. BARTIKIAN
STUDIA ARMENO-BYZANTINA
SECOND VOLUME
ARTICLES IN FOREIGN LANGUAGES

YEREVAN - 2002

Р. М. БАРТИКЯН

К ВОПРОСУ О ПАВЛИКИАНСКОМ ДВИЖЕНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII в.

Преследование павликиан, начатое императором Юстинианом II, продолжалось при его преемнике Филиппике (711—713). Феофан говорит, что „Филиппик изгнал армян из своей страны и принудил их переселиться в Мелитену и в IV Армению“.¹ Лебо, основываясь на этом сведении Феофана, делает вывод, что Филиппик для защиты Малой Армении от арабских нашествий переселил армян из Великой Армении и поселил их в Мелитене и в IV Армении.² Эту мысль разделяли греческий историк Папарригопуло³ и армянский историк Лео.⁴

Но Филиппик не мог поселить армян в Мелитене и в IV Армении, потому что эти территории уже были, как указывает Михаил Сириец, в руках арабов.⁵ Михаил Сириец уточняет сведение Феофана. „В то время, — говорит он, — ромейский император Филиппик изгнал армян из своей империи. Они вышли и нашли убежище у арабов. Последние их поселили в Мелитене, в ее окрестностях и в IV Армении. Армяне очень размножились, укрепились и стали союзниками арабского государства и противниками ромейской империи“.⁶

Возникает вопрос, почему император Филиппик преследовал и изгнал армян из своей империи? Ответ на этот вопрос дает тот же Феофан. Он, говоря о происходившем переселении императором Константином V во Фракию армян из самой Мелитены, как и из Феодосополя (Карин), где нашли убежище преследовавшиеся Филиппиком армяне, показывает, что благодаря им во Фракии распространилась павликианская ересь.⁷

Из этого видно, что Филиппик преследовал не просто армян, а армян-павликиан, т. е. продолжал по отношению к ним политику своего предшественника Юстиниана II. Таким образом, павликиане становятся временно союзниками арабов в их борьбе против Византии. Об этом союзе говорит и армянский писатель, современник этих событий католикос

Մարտաշահանութեան ֆակտորները ներկայ մարտնչարի
 սոյն հարորը իրականացաւ արդեամբ էւ ծախիւ-ի
 ֆակտորները պէկան՝ դոկտոր, պրոֆէսոր
 Շահէ արդեպիսկոսոս Աճեմեանի

¹ Theophanis chronographia, t. I. Ed. de Boor. Lipsiae, 1883, стр. 382.

² Ch. Lebeau. Histoire du Bas Empire, t. XII, Paris, 1831, стр. 86.

³ К. Παπαρρηγόπουλος. Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους, ἐκδ. ἑκτα. Ἀθήναι 1932, том. Г. с. 271.

⁴ Հեռ. Պատմութիւնն Հայոց, Երեւան, 1947, II. էջ 414.

⁵ Michel le Syrien. Chronique, t. II. Ed. J.-B. Chabot, Paris, 1901, стр. 482. Эта точка зрения принята М. В. Левченко: История Византии. М.—Л., 1940, стр. 118.

⁶ Michel le Syrien, ук. соч., стр. 482.

⁷ Theophanis chronographia, I, стр. 429.

Иоанн Одзунский. „И ухищряясь [павликиане] нашли [подобающее] их злобности убийственное против христоролюбивых людей оружие, войдя в союз с поработителями [арабами]“.¹

Пока павликиане находились главным образом под византийским владычеством, они мало общались с Восточной Арменией, поэтому о них и не упоминается в армянских источниках до их переселения. Но когда они вошли на армянскую территорию, находившуюся в то время под арабским владычеством, это не могло не тревожить армянских феодалов и главным образом армянское духовенство. Не случайно, что о них первым писал Иоанн Одзунский, занимавший пост католикоса в 717—728 гг. Не случайно и то, что именно тогда, в 720 г., собирается в столице Армении Двине церковный собор, в числе решений которого имеется специальное „32-е правило“, направленное против павликиан.

Преследование павликиан продолжается и при Льве III Исавре. В его время множество павликиан во главе с ересиархом Гегнесием Тимофеем из Эписпариса переходит границу и вступает в Мананалис.

Но положение павликиан, проживавших на занятой арабами территории Армении, скоро изменилось. Во время халифа Хишам (724—743) налоговая политика арабов в Армении резко изменилась. В 725 г. Хишам послал в Армению своего военачальника Херта для проведения переписи и установил новые добавочные налоги. Хишам „в первом году своего владения (725 г.), — пишет историк VIII в. Гевонд, — возымев злой умысел, посылает некоего военачальника, имя которого было Херт, произвести перепись в стране Армянской, чтобы утяжелить хомут [бремя] ига подвластности различными бедствиями... И многие тяготы причинил он нашей стране, так что все стонали от не дающих покоя утеснений, вследствие чего никто не мог переносить невообразимые тяготы. И после этого еще более тяжела стала его власть [рука] над страной нашей Армянской“.²

Моисей Каланкатуйский ясно показывает, что вошло в перепись: „В 174 году армянского летосчисления [725 г.], — говорит Моисей, — летом был падеж скота, а зимой была перепись Херта, который установил бесчисленные налоги на людей, скот и участки земли“.³

Таким образом, перепись охватила, кроме людей, скот и поля. С этого времени армяне принуждены были платить арабской казне подушный налог, налог на скот и землю, тогда как прежде налог платился только с каждого дыма.⁴ Введение новой системы налогов — подушного, земельного и с поголовья — усилило гнет для трудового населения.

Это тяжелое бремя не могло не распространяться и на находившихся под арабским игом павликиан. И не случайно, что когда в 748 г. нахарар Григорий Мамиконян, используя внутренние трудности и борьбу за престол в арабском халифате, пытался поднять восстание против арабов, армяне-павликиане стремились принять участие в этом восстании.

Повстанцы во главе с Григорием Мамиконяном уповали на крепость страны Тайской, „отправившись вместе со всеми своими домочадцами и всем скарбом; особенно они уповали на войска царя греческого, которые были в областях Понта, ибо было между ними и греческими войсками с соизволения кесаря Константина мирное соглашение“.¹

В то время, когда армянское войско находилось в Понте, к нему примкнули такие люди, которых Гевонд называет „сынами греха“. „И все сыны греха, — пишет историк, — отправившись, присоединились к войску восставших; те, что не знали ни страха божьего, ни боязни перед князьями, ни почтения к старцам, но, как иноплеменные и отчужденные, учиняя набеги, захватывали своих братьев и соплеменников и совершали великие ограбления, причиняя мучениями и побоями страдания своим братьям“.²

На упоминание этих „сынов греха“ и на выяснение того, что в действительности скрывалось под этим обозначением, еще не было обращено должного внимания. Армянский историк Лео называет их „подонками общества“ и „мерзавцами“,³ Я. А. Манандян же и не упоминает о них, а в учебнике истории армянского народа, который вышел в свет в 1951 г., „сыны греха“ отождествляются со всеми повстанцами, со всем народом.

Из этого ценного сведения Гевонда ясно, что „сыны греха“ были армяне, иначе историк не назвал бы их „иноплеменными и отчужденными“. Кроме того, эти армяне „не боятся ни бога, ни князей“. Кем могли быть они в середине VIII в., в тогдашней Армении, кроме павликиан? Подтверждение этого мы находим у Петра Сицилийского. Он сообщает о том, что после смерти павликианского ересиарха Гегнесия-Тимофея, умершего в 747 г.,⁴ ересиархи Иосиф и Захарий, возглавляя павликиан Мананалиса, пытались бежать из-под арабского владычества и перейти византийскую границу. В то же время он говорит, что арабы преследовали их и устроили резню среди сторонников Захария. Иосиф едва спасся со своими сторонниками и перешел византийскую границу.⁵ Возникает вопрос: почему арабы преследуют павликиан? Ответ на него (на основе сведений Петра Сицилийского) дает Гевонд: они хотели присоединиться к восстанию Григория Мамиконяна против арабов.

О развитии событий сообщает тот же Петр Сицилийский. Павликиане приходят в Эписпарис, где „их с большой радостью встречают местные жители; все, зажегши лампы, с большим почетом... встречали его [Иосифа], как будто [он был] учеником Христа“.⁶ Таким образом, можно сделать вывод, что и жители Эписпариса были павликианами.

Вероятно, бежавшие из Мананалиса павликиане во главе с Иосифом и являются упомянутыми у Гевонда „сынами греха“, которые „присоединились к войску восставших“. Следует отметить, что имеющееся у Гевонда обвинение в том, что они захватывали своих братьев

¹ Հեռնդեայ Մեծի Վարդապետի Հայոց Պատմութիւն, էջ 123.

² Там же.

³ Լեո, Պատմութիւն Հայոց, հատ. II, էջ 395.

⁴ Н. Grégoire. Pour l'histoire des églises pauliciennes — Καίνοχόριον du Pont, Episparris en Φαναρούα. Orientalia christiana periodica, vol. XIII, № 3—4, Roma, 1947, стр. 511.

⁵ Petri Siculi. MPG, 104, стр. 1285.

⁶ Там же.

¹ Յովհաննու Իմաստասիրի Աւանդույ Մատենադրութիւնք, Վենետիկ, 1833, էջ 34.
² Հեռնդեայ Մեծի Վարդապետի Հայոց Պատմութիւն, Ս—Պետերբուրգ, 1887, էջ 100—101.
³ Մովսէսի Վարդապետացու Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի, Թիֆլիս, 1912, էջ 368.
⁴ Акад. Я. А. Манандян. Народные восстания в Армении против арабского владычества. Ереван, 1939, стр. 9.

и соплеменников и совершали великое ограбление, причиняя мучениями и побоями страдания своим братьям, относится ко всем павликианам вообще, а не только к тем, о которых идет речь в данном случае.

Гевонд рассказывает, что вслед за этими событиями и из-за них нахарары не пришли к согласию о восстании против арабов. Вследствие присоединения „сынов греха“ к повстанцам „нарушилось их единомыслие... и тут же князь Ашот, отбив от них, достиг области Багреванд, деревни Хазр и с ним некоторые из нахараров, и желал он прийти к согласию с сынами Исмаила“.¹

Армянские нахарары не хотели ни в коем случае вовлечь в восстание широкие народные массы, тем более павликиан, которых они боялись больше, чем арабов. Им было выгоднее продолжать эксплуатировать трудящихся армян под арабским владычеством, чем действовать в союзе с освобожденными крестьянами.

Движение армянских нахараров против арабского ига не было социальной борьбой. Нахарары, используя трудное положение арабов, пытались бороться за свою политическую независимость. Еще до начала восстания несколько нахараров предпочло воздержаться от участия в нем. Они, с одной стороны, конечно, боялись арабов, но, с другой, боялись самого армянского трудового крестьянства, потому что, все равно, борьба последнего скоро приняла бы чисто классовый характер и была бы направлена против армянских эксплуататоров. Поэтому князь Ашот советовал нахарарам не поднимать восстания. „Если вы желаете принять мой совет, — говорил князь Ашот, — не делайте этого и будем платить им [арабам] налоги, как и до сих пор, и будем владеть нашим имуществом, садами, лесами и земельными угодьями“.²

Но приведенные выше сведения имеют свое продолжение. Петр Сицилийский рассказывает, что когда павликиане во главе с Иосифом прибыли в Эписпарис, то „узнав об этом, некий благочестивый муж из тамошних архонтов, по имени Крикоракес, со многими воинами окружил дом, в который прибыл ученик Манеса; его учеников он захватил, но [сам] он [Иосиф] бежал и укрылся во Фригии“.³

Интересно выяснить, кто же был „благочестивый архонт Крикоракес“? Петр Сицилийский пишет Крикоракес, а не Григоракес. Имя звучит более по-западноармянски,⁴ чем по-гречески, и возможно, что он был армянином. Крикоракес, по всей вероятности, был тождествен с Григорием Мамиконяном, преследовавшим павликиан, чтобы они не приняли участия в восстании.⁵

Благодаря этому интересному совпадению фактов выясняется ряд вопросов. Мы имеем точную дату бегства павликиан из Мананалиса в Эписпарис, а также побега Иосифа в Антиохию. Затем узнаем, что Эписпарис находится в Понте, так что подтверждается сведение Георгия

Монаха, что Эписпарис находится εἰς Ἀρμενιάκους,¹ не в Армении, как поняли некоторые, а в Армениакской феме; что, как уже сказано выше, „сыны греха“ Гевонда — павликиане; место их нахождения Мананалис. И самое главное, этот факт, как и другие факты, показывает, что павликианское еретическое движение было не только социальным движением, направленным против эксплуататоров, но вместе с тем и могучим народно-освободительным движением, направленным как против Византии, так и против арабского халифата.

¹ Հեւնդեանց Մեծի Վարդապետի Հայոց Պատմութիւն, էջ 123.

² Там же, стр. 122.

³ Petri Siculi, MPG, 104, стр. 1285.

⁴ Как известно, западные армяне звонкие согласные произносят как глухие. Ср., например, Բայբերդ (Байберд) — Παῖπερτ у византийских авторов или Գուրգեն (Гурген) — Κοῦρκοῦς и т. д.

⁵ Карапет Тер-Мкртчян (Die Paulikianer im Byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien. Leipzig, 1893, стр. 125) думает, что в этом сведении отразился Григорий Магистр Пахлавун, военачальник и философ XI столетия, который преследовал еретиков-тондракцев. Но это невозможно, потому что Петр Сицилийский, писавший свою историю в IX веке, не мог говорить о личности XI века.

¹ Georgius Monachus. Chronicon, v. II. Ed. de Boor. Lipsiae, 1904, стр. 718.

АРМЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПАВЛИКИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Армянские источники для изучения истории павликианского движения являются самыми древними. Древнейшие греческие источники — краткая история патриарха Никифора и Хронография Феофана — относятся к началу IX в. В армянских источниках еретики упоминаются раньше, а именно в самом начале VIII в. Следует, однако, отметить, что исследователи, изучающие историю указанной ереси, основной акцент делают на источниках, написанных на греческом языке, армянские же источники либо совершенно игнорируются, либо им дается неверная оценка. Хотя в количественном отношении, а порой и по своему содержанию армянские источники значительно уступают греческим, однако их необходимо привлекать, так как они дают совершенно новые факты относительно павликиан. Они позволяют правильно оценить греческие источники и, стало быть, правильно понять и оценить историю и идеологию павликианского движения. Следует привлечь данные о павликианах, встречающиеся в армянских источниках, подчеркнуть то новое, что дают они по сравнению с греческими источниками. Целесообразно также пересмотреть некоторые армянские источники, которые арменоведами ошибочно считаются относящимися к павликианскому движению и на основании которых сделаны неправильные выводы.

*

В 1900 г. К. Тер-Мкртчян впервые опубликовал решение Двинского церковного собора 554 г., носящее заглавие „Клятва о единстве страны нашей армянской“. Собор этот был созван католикосом Нерсесом II (548—557) с целью принять меры против еретиков-несториан, взгляды которых были широко распространены в Армении. Наряду с другими обвинениями, предъявленными несторианам, Двинский собор осудил их и за то, что местные армяне начали принимать причастие из рук несториан согласно обрядам, принятым у „принадлежащих к обету павликиан“ (*սիւղիւնաց*).¹

¹ К. Тер-Мкртчян. Ереси павликиан и тондракцев в современном критическом освещении. Журнал „Арагат“, 1900, июль, стр. 333 (на армянском языке); см. также „Книгу Посланий“ (Тифлис, 1901 — на древнеармянском языке).

Издатель этого документа считал его первым упоминанием о павликианах, а католикоса Нерсеса II, организатора этого собора, отождествлял с тем Нерсесом, который упоминается в речи „Против павликиан“ Иоанна Одзунского.¹

Предположение К. Тер-Мкртчяна в последнее время было принято армянскими историками, занимавшимися историей павликианского движения.²

Историки, разделяющие мнение К. Тер-Мкртчяна о том, что в документе, изданном им, речь идет о павликианах, не дают себе ответа на справедливо возникающий вопрос: как могут быть павликианами люди, признающие таинство причастия. Все известные нам источники, данные которых не подлежат сомнению, единогласно свидетельствуют, что павликиане не признают таинства причастия.

Ясно, что в документе 554 г. люди, названные павликианами, не павликиане. Так как решение Двинского собора дошло до нас только в поздней рукописи, то можно предположить, что там, где сейчас стоит слово *պավկիանաց* — „павликианец“, было слово, очень похожее на него, которое поздний переписчик „исправил“. Подобных примеров мы можем привести сколько угодно, но остановимся, однако, на одном из них, дающем нам ключ к представлению о павликианах середины VI в.

Первый Никейский церковный собор в 325 г. принял правило, которое относится к еретикам-павликианам, т. е. сторонникам ересиарха Павла Самосатского, осужденного тремя соборами в Антиохии в 264, 266 и в 269 гг.,³ которые, как хорошо известно, никакого отношения к павликианам не имеют. Переписчики, однако, с течением времени начали отождествлять павликианство с павликианами. В одной поздней рукописи, где приведены правила первого Никейского собора, вместо *παυλιανιστά* мы уже читаем *παυλικιανοί*,⁴ значит переписчик по своему усмотрению „исправил“ текст.

С более серьезным искажением не только в начертании имени, но и в толковании этого правила встречаемся в комментариях к правилам

¹ Об этом см. ниже, стр. 138.

² С. Мелик-Бахшян. Павликианское движение в Армении. Ереван, 1955, стр. 17; К. Юзбашян. 1) К истории павликианского движения в Византии в IX в. Вопросы истории религии и атеизма, № 4, 1956, стр. 254; 2) Тондракитское движение в Армении и павликиане. Известия АН АрмССР, сер. общественных наук, № 9, 1956, стр. 44; С. Погосян. Закрепощение крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1956, стр. 355 (на армянском яз.); Г. Габриелян. История армянской философской мысли, т. I. Ереван, 1956, стр. 459 (на армянском языке); А. Г. Иоаннисян. Очерки армянской освободительной мысли, кн. I. Ереван, 1957, стр. 361 (на армянском языке).

³ Дело Павла Самосатского см. в книге: — Mansi. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, t. I. Paris—Leipzig, 1901, стлб. 1031—1102.

⁴ М. Красножен. Синописис церковных правил и история его образования. Византийский временник, т. XVII, вып. 1—4, 1910, стр. 241.

церковных соборов известных авторов XII в. Зонары и Вальсамона. Они очень правильно приводят XIX правило первого Никейского собора (*περί παυλιανισάντων*). Однако Зонара в своих комментариях, заменяя слово *παυλιανισάντες* именем „павликиане“, приписывает последним правило, относящееся к павликианам (*τοὺς τῆς αἵρέσεως τῶν παυλικιανῶν, προσερχομένους τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ, ἀναβαπτίζεσθαι ὁ κανὼν προτάσσει*).¹

Вальсамон идет еще дальше. Касаясь того же самого правила, он считает своим долгом дать ему пространное объяснение, что *παυλιανισάντες* это *παυλικιανοί οἱ Μανιχαῖοι μετωνομάσθησαν ἀπὸ Παύλου τινὸς Σαμοσατέως υἱοῦ γυναικὸς Μανιχαίας Καλλινίκης τοῦνομα* и т. д. Словом, он рассказывает о легендарном происхождении павликиан, взяв это либо непосредственно из Хроники Георгия Монаха,² либо из хронографии Кедрина.³

В 431 г., когда собирался третий церковный собор в Ефесе для осуждения Нестория, клир Константинополя выступил с обращением к духовенству и к жителям столицы, в котором говорилось, что Несторий является единомышленником осужденного 160 лет тому назад еретика Павла Самосатского.⁴ В их писании приводились слова, сказанные Павлом Самосатским, и вместе с тем высказывания Нестория, а затем было сделано заключение: *Ἰδοὺ συναίνει (ὁ Νεστόριος) τῷ αἵρετικῷ Παύλῳ τῷ Σαμοσατέων*.⁵ Принятые на Никейском соборе постановления против павликианов были использованы также против несториан на Ефесском соборе 431 г.⁶

Из всего сказанного становится ясным, что армянская церковь на Двинском соборе 554 г. осуждала несториан не за павликианство — как понял в средние века поздний переписчик „Клятвы о единстве страны нашей армянской“, а в новое время ряд арменоведов, — а за павликианство, т. е. за ересь антиохийского епископа Павла Самосатского.

Итак, этот документ, который считался самым древним источником, упоминающим павликиан, не имеет никакого отношения к нашим еретикам и, стало быть, его следует исключить из числа источников, которые могут привлекаться для изучения истории павликиан. Следовательно, все выводы и предположения, сделанные арменоведами на основании этого упоминания: о начале павликианского движения, месте его распространения, религиозной идеологии павликиан, следует считать ошибочными.

¹ Ράλλη — Ποτλή, Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων; τόμ. Β', Ἀθήναι, 1853, σελ. 159—160.

² Georgii Monachi Chronicon, ed. C. de Boor, vol. II. Lipsiae, 1904, стр. 718.

³ Georgii Cedreni Historiarum compendium, vol. I. Bonnæ, 1839, стр. 757.

⁴ Mansi, ук. соч., vol. IV, стлб. 1009.

⁵ Там же, стлб. 1010.

⁶ Там же, vol. V, стлб. 176.

Древнейшим упоминанием павликиан мы считаем данные двух армянских рукописей Матенадарана (№№ 2966 и 3062). Эти данные изданы в примечаниях Тер-Микеляна к хронографии армянского историка XII в. Самуила Анийского. Рукописи, кроме включенного в них разнохарактерного материала, содержат также сведения, касающиеся истории Кавказской Албании. Обращает на себя внимание постановление собора, созванного во время патриаршества католикоса Албании Михаила (702—737) и армянского католикоса Ильи (703—717), вероятно, в городе Партаве. Албанские князья в этом соборе дали полномочия духовенству в борьбе против еретиков. В постановлении говорится: „В 88 году армянского летоисчисления мы постановили: когда вы будете принимать какие-либо меры насчет халкедонитской ереси или Майрагомского, или о пайликянах,¹ или о кровосмешанном браке, или вообще о чем-нибудь, то никто не имеет права не послушать вашего повеления (выходить из-под вашего повеления), и если кто-нибудь выйдет, да будет он осужден богом и вы полномочны судить (его) по вашей собственной воле, и никто из князей не имеет права вмешиваться, и вы оставайтесь твердыми в решениях, принятых нами“.²

Не подлежит сомнению, что дата 88 г. армянского летоисчисления (что соответствует 639 г. н. э.), указанная в нашем документе, ошибочна. Во-первых, потому, что армянским летоисчислением начали пользоваться значительно позднее,³ во-вторых, сама рукопись содержит указание, согласно которому этот собор был созван, как мы говорили выше, во время патриаршества албанского католикоса Михаила и армянского католикоса Ильи.

Ошибка в указании даты поддается исправлению, если принять во внимание труд Моисея Каланкатуйского — Историю Албании. Там приводится грамота албанского духовенства, в которой албанский клир выражает свою преданность армянскому духовенству. В этой грамоте, посланной армянскому католикосу Илье, названы имена духовных лиц и вельмож Албании, с которыми мы встречаемся и в нашем постановлении. Грамота датирована 85 г. таджиков (*դժճից*), т. е. арабов, и 148 г. армянского летоисчисления.⁴ Не подлежит сомнению, что 88 г. нашего

¹ Пайликяне, а не павликиане. В этом нужно усмотреть передачу греческого дифтонга *au* не через „ав“, а через „ай“.

² Рукопись Матенадарана № 2966, стр. 120а—б; № 3062, стр. 251—252 (Самуила Анийского Извлечения из писания историков. Вагаршапет, 1893, стр. 286, прим. 28).

³ См. об этом: И. А. Орбели. 1) Шесть армянских надписей VII—X вв. Христианский Восток, т. III, вып. I, Пгр., 1914, стр. 83; 2) Две строительные надписи князей Камсараканов. Христианский Восток, т. III, вып. III, Пгр., 1915, стр. 303, прим. 4.

⁴ Отметим, однако, что 85 г. хиджры не совпадает в точности со 148 г. армянского летоисчисления. 85 г. хиджры дает 704 г. н. э., а 148 г. армянского летоисчисления — 699—700 г.

постановления нужно считать не по армянскому летоисчислению, как указано в рукописи по ошибке переписчика, а по хиджре; 88 г. хиджры дает нам 706/707 г. н. э.; этот год и следует считать годом созыва церковного собора Албании в Партаве.

В этом постановлении имеется первое упоминание о павликианах. Оно предшествует речи преемника Ильи, католикоса Иоанна Одзунского (717—728), „Против павликиан“.

Указание, что павликианское движение в начале VIII в. тревожило господствующие классы не только Византии и Армении, но и отдаленной Кавказской Албании, безусловно очень ценно.

Основным армянским источником изучения истории павликианского движения является речь католикоса Иоанна Одзунского „Против павликиан“.¹

Причиной его выступления против еретиков служил, вероятно, их приток в Армению из восточных районов Византийской империи, имевший место во время патриаршества Ильи, предшественника Одзунского на католикосском престоле. Последний, будучи главой армянской церкви, естественно, был встревожен появлением еретиков в Армении. Он пишет речь „Против павликиан“.

Иоанн Одзунский начинает свой труд словами евангелиста Иоанна (I посл., 2, 18), что появилось много антихристов, и надо полагать, что уже настал последний час. Он сам и его современники уже оказались на краю гибели мира, ибо, говорит католикос, „носим с собой злейших и многочисленных антихристов“.² „Вот нашлась западня, — пишет он, — подобная сети птицеловов, брошенная в свой народ (с целью) захватить невежд и простаков из людей,³ переходящих от одного зла к другому — от иконоборства к крестоборству и христоненависти и оттуда к безбожью и к поклонению демонам“.⁴ Иоанн Одзунский выявляет взаимоотношения еретиков-павликиан с арабами: „И ухищряясь, (павликиане) нашли (подобное) их злобности убийственное оружие против христоролюбивых людей (т. е. византийцев, — Р. Б.), войдя в союз с обрезанными порабощителями (т. е. с арабами, — Р. Б.)“.⁵

На этот союз намекает он также, говоря: „...ибо им из-за своего упорства понравилось, вступить в дружбу с дьяволом, и неудивительно, что они охотно покорились его приспешникам (т. е. арабам, — Р. Б.)“.⁶ Иоанн Одзунский имеет в виду широкое распространение павликианства.

¹ Сочинения философа Иоанна Одзунского. Венеция, 1833 (на древнеармянском языке; переизданы вместе с латинским переводом Авкеряна: Domini Johannis philosophi Ozniensis Armeniorum catholici Opera, ed. Aucker. Venetiis, 1834).

² Там же, стр. 34.

³ Ср. Petri Siculi. Historia Manichaeorum, Migne, Patr. graeca, t. 104, столб. 1244: (οἱ Παυλικιανοὶ) τοῖς ἰδιώταις Προδιδάχονται.

⁴ Сочинения философа Иоанна Одзунского, стр. 34.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 35.

Иоанн Одзунский считает еретиков „подонками бывшего мессалианства — пайлакенства“,¹ которые „бичевались католикосом Нерсесом“,² но не образумились. „После его (Нерсеса) смерти, — пишет он, — они, уйдя, пришли и скрылись в одной местности нашей страны. К ним пришли и примкнули обличенные католикосами албанов некие иконоборцы, ибо отступивший от истины любит приходить к себе подобным. И пока для них не была найдена в лице предтечи антихриста (т. е. арабов, — Р. Б.) своя опора, они боялись и страшились прямого и достойного вероисповедания христианского... И дерзнули они к своему грязному имени (т. е. к имени павликиан, — Р. Б.) приписать (имя) тех (т. е. христиан, — Р. Б.), которые приняли его с надеждой коснуться небесных благ“.³ „На выбранных из людей и достойных божественного пребывания, которые на земле подвизаются исполнять волю небесных, на таких людей они, обезумевшие от этого поношения, не стыдились изрыгать желчь своего нечестия, называя их идолопоклонниками“.⁴

Речь Иоанна Одзунского кончается призывом к верующим не иметь сношений с еретиками, подобно тому как не имеют ничего общего свет с тьмой и волки с овцами.

Весьма важным в труде Иоанна Одзунского является упоминание о взаимоотношениях павликиан с арабами. Оказывается, что еретики-павликиане во время католикоса Нерсеса III преследовались, так как еще тогда „для них не была найдена в лице предтечи антихриста своя опора“. Но несомненно после того, как в начале VIII в. павликиане „вошли в союз с обрезанными поработорителями“, они начали действовать более свободно, и армянская церковь не имела права преследовать их. Она вынуждена была положиться на свою „божью панапию“, бороться против них „пращами своей мудрости“ и расположением „к высшей и всемогущей деснице“.⁵

¹ Под пайлакенством (*պայլակենստեան*) Иоанн Одзунский, вероятно, подразумевает ересь антиохийского епископа Павла Самосатского, с которой часто и в средневековье, и в наше время путают ересь павликиан, исходя из созвучия наименования этих двух ересей.

² Иоанн Одзунский не уточняет, какой именно Нерсес здесь имеется в виду. Дело в том, что до Одзунского было три католикоса, носящих это имя. Одни исследователи считают Нерсеса I (умер в 374 г.), другие — Нерсеса II (548—557), а третьи — Нерсеса III (641—661). Мысль о Нерсесе I отпадает, вследствие того что тогда о существовании ереси павликиан не могло быть и речи. О Нерсесе II думали те, которые считали сведения „Книги Посланий“ относящимися к павликианам, что, как мы видели, лишено оснований. Иоанн Одзунский несомненно имел в виду последнего, ближе к нему стоящего, католикоса Нерсеса III, что совершенно совпадает с датировкой начала павликианского движения, данной греческими авторами (годы царствования императора Константина II — 641—668).

³ Petri Siculi, ук. соч., стлб. 1253.

⁴ Ср. там же: ἡμᾶς δὲ τοὺς ἀληθῶς ἐκωνόμους Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν Ῥωμαίους ἀνομάζοντες, τῷ ἐθνικῷ οὐνόματι τὸ κύριον ἀμεῖψαι περὶόμενοι.

⁵ Сочинения философа Иоанна Одзунского, стр. 46.

С именем Иоанна Одзунского связаны и церковные правила, принятые Двинским собором в 719 г. Они относятся главным образом к устройству и характеру обрядов богослужения армянской церкви. Относительно еретиков в этом соборе было принято два правила — XXIX, которое касается еретиков вообще, и XXXII, полностью относящееся к павликианам. В последнем говорится: „В местностях злоеретиков мессалиан, которые называются павликианами, не нужно проживать или примыкать и ходить к ним, беседовать с ними. А (наоборот) нужно совершенно удалиться от них, гнушаться их, ненавидеть их, ибо они — сыны сатаны и топливо вечного огня, отчужденные от доброй воли творца. Если кто-либо примкнет к ним и вступит с ними в любовь и дружбу, нужно таковых истязать и наложить на них тяжкую кару, пока исправятся и оздоровятся в вере. Но если они опять окажутся (причастны) к ней (к ереси), повелеваем таковых совершенно отделить и удалить из членов церкви Христа, как заразу, ибо «горький корень, возникнув, причиняет вред и им оскверняются многие». (После Евр., XII, 15)“.¹

На основании этого правила арменоведами были сделаны ошибочные выводы. Весьма уверенно было высказано мнение о том, что после принятия этого правила католикос Иоанн Одзунский будто бы начал „жестокое гонение“ на павликиан,² применил в отношении к ним „весьма суровые наказания“,³ полностью истребил их⁴ или что Иоанн Одзунский „мобилизовал все свои силы для искоренения еретиков и добился этого“⁵ и т. д.

Однако в действительности дело обстояло иначе. Иоанн Одзунский не мог проводить подобную политику. Следует принять во внимание, что Армения во времена католикоса Иоанна находилась под арабским владычеством, и чтобы армянское духовенство и нахарары имели возможность начать гонение на еретиков, нужно было разрешение властей — арабов. Арменоведы не учитывают того, что арабский халифат использовал тогда еретиков-армян в борьбе против Византии. Иоанн Одзунский же в своей речи „Против павликиан“ говорил, что павликиане „вошли в союз с обрезанными поработорителями“.⁶ Об этом говорит также Михаил Сириец в своей Хронике. Он пишет, что преследовавшиеся императором Филиппом армяне, которые были еретиками-павликианами,⁷

¹ Там же, стр. 33.

² С. Мелик-Бахшян, ук. соч., стр. 185.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Б. Саргисян. Исследование об ереси манихео-павликианских тондракцев. Венеция, 1893, стр. 57 (на армянском языке).

⁵ К. Тер.-Mkrttschian. Die Paulikianer im byzantinischen Kaiserreiche. Leipzig, 1893, стр. 82.

⁶ Сочинения философа Иоанна Одзунского, стр. 34.

⁷ Р. М. Бартикян. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в. Византийский временник, т. 8, 1956, стр. 127.

находили убежище у арабов в Мелитене и в Армении в IV в. Они „стали союзниками арабского царства и противниками РOMEЙСКОЙ империи“.¹ После всего этого трудно ожидать, чтобы арабы допустили тогда преследование павликиан.

Очевидно, что Иоанн Одзунский не имел права распоряжаться павликианами по собственному желанию. Решающее слово оставалось за арабами. Конечно, последние не допустили бы распространения павликиан по всей Армении, что представляло бы опасность и для них самих. Арабы держали павликиан там, где им было нужно, — на византийской границе.

Часть арменоведов основывала свое предположение об истреблении павликиан в Армении Иоанном Одзунским главным образом на том, что позднее этого католикоса павликиане больше в армянских источниках, современных павликианам, не упоминаются. Единственным дошедшим до нас историческим трудом VIII в. по истории Армении является „История“ Гевонда, которая позволяет нам доказать несостоятельность подобного предположения.

Труд Гевонда историками павликианского движения не использован. Это понятно, так как Гевонд ни разу не называет имени павликиан. Но ведь и в полемической речи католикоса Иоанна Одзунского мы также, помимо заглавия („Против павликиан“), больше не встречаем имени еретиков. Вряд ли в этом упоминании была необходимость, так как всем людям той эпохи было ясно, о чем и о ком идет речь. С подобным же фактом мы встречаемся и в „Истории“ Гевонда.

Середина VIII в. была временем острого кризиса в арабском халифате. В 747 г. в Мерве началось восстание против Омейядов под руководством Абу Муслима, следствием чего явилось свержение этой династии и появление новой — Аббасидов — в 750 г.

Внутренние трудности, возникшие в арабском халифате, пытались использовать не только Византия, но также и народы, поработанные халифатом. В 748 г. в Армении было поднято большое восстание, возглавленное нахараром Григорием Мамиконяном. Целью восстания было завоевание политической независимости от халифата. Восстание было заранее организовано, и в этом, вероятно, немалая заслуга византийского государства. Повстанцы возлагали надежды на крепость страны Тайкской, „отправившись, — как говорит Гевонд, — вместе со всеми домочадцами и всем скарбом; особенно они уповали на войска царя греческого, которые были в областях Понта, ибо было между ними и греческими войсками с соизволения кесаря Константина мирное соглашение“.²

¹ Michel le Syrien. Chronique, ed. J.-B. Chabot, t. II. Paris, 1901, стр. 482.

² История великого армянского вардапета Гевонда. СПб., 1887, стр. 123 (на древнеармянском языке).

В это время в Понте к армянскому войску начали примыкать такие люди, которых Гевонд называет „сынами греха“ (*սրբի յանցանաց*). „И все сыны греха, — пишет историк, — отправившись, присоединились к войску восставших, те, что не знали ни страха божьего, ни боязни перед князьями, ни почтения к старцам, но как инопленные и отчуждившиеся, учиняя набеги, захватывали своих братьев и соплеменников и совершали великое ограбление, причиняя мучениями и побоями страдания своим братьям“.¹

Из этого весьма важного упоминания Гевонда можно сделать выводы. Во-первых, под „сынами греха“ автор, по-видимому, подразумевает армян, утверждая, что они захватывали своих братьев и соплеменников. Во-вторых, „сыны греха“ не являются коренными жителями Понта — территории, где были собраны греческие и армянские войска, ибо они присоединились к войску восставших, „отправившись вместе со всеми домочадцами и всем скарбом“. Греческие источники дадут нам соответствующие указания на путь их следования. В-третьих, „сыны греха“, по словам Гевонда, не боятся бога. Гевонд, как духовное лицо, мог иметь в виду только тех, которые не подчинялись официальной церкви. В-четвертых, исходя из того, что „сыны греха“ не боятся князей, не уважают старцев, можно говорить об их неподчинении светской власти. Стало быть, это люди, находящиеся в оппозиции к власти.

Кем, кроме павликиан, могли быть в армянской действительности середины VIII в. люди, проживавшие на арабско-византийской границе, которых Гевонд, духовное лицо, характеризует как зачинщиков набегов, грабежей, причиняющих страдания своим братьям?

Предположение о том, что „сыны греха“ — павликиане, с поразительной точностью подтверждают и греческие источники. Петр Сицилийский в своей „Истории павликиан“ упоминает, что после смерти ересиарха Гегнесия в Мананалисе его преемники Иосиф-Эпафродит и Захарий во главе с павликианами Мананалиса пытаются тайком убежать из-под арабского владычества и перейти византийскую границу.² Причина смерти ересиарха Гегнесия нам известна из „Истории“ Петра Сицилийского: он умер от чумы. Бельгийский византист А. Грегуар убедительно доказал, что Гегнесий погиб во время сильной эпидемии этой страшной болезни в 746—747 гг.,³ о которой упоминают византийские авторы Феофан⁴ и патриарх Никифор.⁵

¹ Там же, стр. 123.

² Petri Siculi, ук. соч., табл. 1285.

³ H. Grégoire. Précisions géographiques et chronologiques sur les Pauliciens. Bulletin de l'Académie royal de Belgique, Classe des Lettres, V, 33, 1947, стр. 299.

⁴ Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor, t. II, стр. 422—423.

⁵ Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, стр. 62—63.

Итак, побег павликиан из Мананалиса в Эписпарис в Понте произошел через год после смерти Гегнесия, в 748 г. (год восстания армянских нахараров). В лице этих павликиан нельзя не увидеть „сынов греха“ Гевонда, которые, „отправившись...“, присоединились к войску восставших армян, находящихся в Понте. Петр Сицилийский говорит также о том, что арабы преследовали павликиан-беглецов и особенно Захария и его сторонников. Иосиф же со своими сторонниками едва спасся и перешел византийскую границу.

Чем объяснить тот факт, что прежние союзники арабского халифата, люди, входившие в союз с „обрезанными поработителями“, вдруг стали яркими врагами халифата? Чтобы дать ответ на этот вопрос, надо принять во внимание политику халифата по отношению к армянам в первой половине VIII в. Период этот характеризуется главным образом усилением бремени налогов.¹

Трудно предположить, чтобы эта политика халифата не касалась еретиков-павликиан, которые в основном занимались земледелием и скотоводством; она не могла не вызвать сопротивления со стороны этих еретиков. И когда павликиане узнали о восстании Григория Мамиконяна против арабов, они стремились принять в нем участие.

Из Мананалиса — главного центра павликианского движения на территории Армении, занятой арабами, — бежавшие павликиане приходят в другой крупный центр павликиан в Византии — в Эписпарис в Понте, где их „с большой радостью встречают местные жители“. „Все, зажегши лампы, с большим почетом встретили его (Иосифа), как будто (он был) учеником Христа“.²

Как мы говорили выше, армянское войско повстанцев во главе с Григорием Мамиконяном находилось также в Понте, и к ним присоединились „сыны греха“.

Гевонд рассказывает далее, что после присоединения „сынов греха“ к войску восставших мнения армянских нахараров относительно восстания против арабов разделились. „Нарушилось их единомыслие...“, — пишет Гевонд, — и тут же князь Ашот,³ отбыв от них, достиг области Вагреванд, деревни Хаэр, и с ним некоторые из нахараров, и желал он придти к согласию с сынами Исмаила“.⁴

Такое отношение нахараров к восстанию понятно. Их целью было только завоевание политической независимости от арабов. Они не хотели вовлечь в эту борьбу широкие народные массы, тем более „сынов греха“ — павликиан, которых они боялись больше, чем арабов, ибо

борьба первых скоро приняла бы классовый характер и обратилась против самих нахараров. Часть нахараров была против восстания, и эта часть, разумеется, страшилась не только арабов. „Если вы желаете принять мой совет, — говорил еще тогда князь Ашот, — не делайте этого и будем платить им (арабам) налоги, как и до сих пор, и будем владеть нашим имуществом, садами, лесами и земельными угодьями“.¹

Ограниченность сведений Гевонда относительно „сынов греха“ не позволяет выяснить отношение армянских нахараров, в особенности главы восстания — Григория Мамиконяна, к людям, явившимся причиной нарушения единомыслия нахараров. Эти сведения можно почерпнуть из „Истории павликиан“ Петра Сицилийского. Там говорится о том, что когда павликиане во главе с Иосифом-Эпафродитом прибыли в Эписпарис, то, „узнав об этом, некий благочестивый муж из тамошних архонтов, по имени Крикоракес, со многими воинами окружил дом, в который прибыл ученик Манеса; его учеников он захватил, но он (Иосиф) бежал во Фригию и поселился в Антиохии Писидийской“.²

Вопросом выяснения личности „благочестивого архонта Крикоракеса“, насколько нам известно, занимался только один историк — К. Тер-Мкртчян. Он отождествил его с Григорием Магистром Пахлавуни,³ действовавшим в первой половине XI в. К. Тер-Мкртчян не мог думать иначе, так как труд Петра Сицилийского он считал не трудом IX в., а поздней фальсификацией эпохи Комнинов.

Так как имя архонта звучит не Григоракес, а Крикоракес, можно предполагать, что он не был греком. Он, по всей вероятности, армянин, так как западные армяне звонкие согласные произносят как глухие.⁴ Возможно, что архонт Крикоракес и есть нахарар Григорий Мамиконян.

Рассмотренный нами новый источник для изучения истории движения павликиан с очевидностью показал, что павликианское движение не было только социальным движением, а для армян носило также характер народно-освободительной борьбы против иноземного владычества.

Мы узнали также причину преследования павликиан арабами в 748 г., как и причину их побега из Армении, находящейся под арабским владычеством, в Византию. Это было стремление еретиков принять участие в восстании против арабов; последние же были озабочены помешать этому.

В труде Гевонда дается ряд дат, которые важны для уточнения хронологии истории павликианского движения: 1) дата побега павликиан во главе с Иосифом и Захарием из Мананалиса в Эписпарис — 748 г.,

¹ См.: А. Я. Манандян. Народные восстания в Армении против арабского владычества. Ереван, 1939, стр. 9.

² Petri Siculi, ук. соч., стлб. 1285.

³ Представитель крупного нахарарского рода Багратидов.

⁴ История великого армянского вардапета Гевонда, стр. 123.

¹ Там же, стр. 122.

² Petri Siculi, ук. соч., стлб. 1285.

³ К. Тер-Мкртчян, ук. соч., стр. 125.

⁴ Ср., например, вместо Гагиг — Κακίχλος, вместо Гурген — Κοιρχοβας, вместо Байберд — Παϊπερτ в византийских источниках.

2) дата побега Иосифа из Эписпариса в Антиохию Пинидийскую — 748 г., 3) дата смерти ересиарха Гегнесия.

Данные Гевонда не исчерпываются только этими сведениями. В его „Истории“ приведено пространное ответное послание императора Льва III (717—741) арабскому халифу Омару II (717—720), которое сохранилось только в передаче нашего автора. Послание носит догматико-полемический характер. Хронист Феофан отмечает, что между халифом Омаром и императором Львом III велась переписка догматического содержания: ἐποίησε δὲ (ὁ Ὀμάρ) καὶ ἐπιστολὴν δογματικὴν πρὸς Λέοντα τὸν βασιλέα οἰόμενος πείσειν αὐτὸν τοῦ μαγαρίσαι.¹ По всей вероятности, дошедшее до нас в „Истории“ Гевонда послание Льва III является ответом на упомянутое Феофаном послание халифа Омара. Оно датируется временем правления халифа Омара. В своем ответе Лев III, между прочим, защищает себя от обвинений халифа, говоря: „Неужели ты считаешь нас язычниками наравне с теми мерзкими, отвратительными сластолюбцами и отступниками, которым кажется, что смогли гнусность свою прикрыть всесвятим именем Христа, назвав себя христианами; у которых вера была поруганием, а крещение — осквернением; которых святая церковь, при обращении их от их мерзости (на путь истины) крестила как язычников, давно и бесследно истребленных богом“.²

Если обратиться к речи „Против павликиан“ Иоанна Одзунского, к „Полезной истории“ Петра Сицилийского, к посланиям нахарара Григория Магистра, то в этих произведениях, написанных против павликиан, мы заметим, что их авторы обвиняют павликиан в том же самом и теми же словами, что и Лев III. Мы уже видели, что Иоанн Одзунский поносил павликиан за то, что они „дерзнули к своему грязному имени“ приписать имя павликиан. Петр Сицилийский писал, что павликиане ἐαυτοὺς... χριστιανούς ἀποκαλοῦντες,³ а Григорий Магистр подчеркивал, что павликиане сами себя называют христианами. Упомынутые же в послании Льва III „мерзкие отступники“ обвиняются в том, что они „свою гнусность стремятся прикрыть именем Христа“, словом, в том, что они называют себя христианами. Не только это указание заставляет нас считать павликианами упомянутых в послании Льва III людей. Мы знаем, что павликиане не принимали таинства крещения. В послании же Льва III для упомянутых людей крещение было осквернением. В нем говорится также, что церковь крестила этих „мерзких“ людей, обратившихся „на путь истины“. Хронист Феофан указывает, что император Лев III ἠνάγκασε τοὺς Ἑβραίους καὶ τοὺς Μοντανούς βαπτίζεσθαι;⁴

¹ Theophanis Chronographia, t. II, стр. 399.

² Перевод К. Патканяна (История халифов вардапета Гевонда. СПб., 1862, стр. 43) с незначительными поправками. К. Патканян писал в своих примечаниях по поводу этого абзаца послания Льва III: „Здесь опять намек на кого-то. Вся фраза довольно темна“ (там же, стр. 145, прим. 129).

³ Petri Siculi, ук. соч., стлб. 1253.

⁴ Theophanis Chronographia, t. II, стр. 401.

это еще раз подкрепляет наше предположение о том, что Лев III в своем послании имел в виду именно павликиан.

Значение этого сведения, дошедшего в „Истории“ Гевонда, не ограничивается только одним упоминанием еретиков-павликиан. Из послания явствует, что императора Льва III еще до того, как он начал открыто осуществлять свою иконоборческую политику, обвиняли в ереси. На это намекал и арабский халиф.

После Гевонда армянские источники, современные павликианам, больше их не упоминают. Нельзя, однако, думать, что отсутствие сведений о павликианах в армянских источниках IX и X вв. свидетельствует об их исчезновении в Малой Азии. Напротив, движение распространилось с еще большей силой, охватив новые районы и фемы на востоке Византии. Павликиане этих районов вынуждены были в 30-х годах IX в. из-за бесчеловечных гонений византийского государства искать убежища на этот раз у арабов и продолжать свою борьбу против Византии до того момента, пока центр павликиан — Тефрика — не был разрушен в 872 г. и их восстание не было окончательно подавлено императором Василием I.

Остатки еретиков-павликиан, вероятно, перешли на сторону еретиков-тондракцев, усилив тем самым их движение в Армении,¹ в особенности в районе Мананали,² где, как известно, находился один из крупных центров павликианства, так сказать, его родина. Поэтому позднейшие армянские источники, современные еретикам-тондракцам, упоминают павликиан в связи с новыми еретиками, считая их идеологическими предшественниками последних. К ним относятся послания крупного армянского военного деятеля и философа XI в. Григория Магистра Пахлавунни.

В некоторых посланиях Григория Магистра, и в особенности в ответном послании к сирийскому католикосу, написанном им тогда, когда он был военачальником армянских областей Васпуракана и Тарона, имеются ценные сведения о еретиках-тондракцах, а наряду с ними упоминаются также еретики-павликиане, как и еретики-ареворди („сыны солнца“). В заглавии послания говорится о том, что после уничтожения манихеев (т. е. павликиан), а также тондракцев в стране ромеев и в Армении остатки еретиков отправились в город Амида к сирийскому католикосу „с надеждой обмануть его“. Вероятно, по этому поводу вышеупомянутый католикос писал Григорию Магистру. В пространном ответе последнего, между прочим, сказано: „Вот твои павликиане, отравленные Павлом Самосатским. Когда пытаемся их спрашивать, отвечают, что «мы — христиане». У них все время на устах Евангелие и Апостол. И когда спрашиваем их, почему не принимаете

¹ См.: К. Н. Юзбашян. Тондракитское движение в Армении и павликиане. Известия АН АрмССР, 1956, № 9, стр. 31 и сл.

² См.: „История“ Аристакеся Ластивертского. Тифлис, 1912, гл. XXIII, стр. 151—162 (на древнеармянском языке).

крещение, что повелели Христос и Апостол, отвечают: «Вы не знаете таинства крещения, нам не нужно крещение, ибо крещение — это смерть. И Христос говорил во время вечери не о литургии, а о всем столе». И говорят: «Мы любим Павла и предаем анафеме Петра; Моисей увидел не бога, а сатану». Они сатану считают творцом неба и земли, всего человеческого рода и всех творений, а самих себя они называют христианами».¹

В приведенных сведениях важно то, что, по всей вероятности, в середине XI в. еще существовали остатки армянских еретиков-павликиан главным образом в Византии. Что касается павликиан Армении, то можно предположить, что их остатки после военного поражения 872 г. выступали уже под знаменем тондракцев, оказывая большое влияние на идеологию последних. Не без основания Григорий Магистр в своем следующем (№ 69) послании называет павликиан учителями тондракцев: *πρὸς τὸν ἀντιρρητικὸν πλὴν τῶν ἀντιρρητικῶν βουνοῦ τῆς ἁγίας*.² Это послание, однако, полностью посвящено тондракцам.

Из посланий Григория Магистра явствует, что их автор был знаком с византийской литературой о павликианах. Заставляет так думать, между прочим, характеристика, которую он дает одному центру тондракских еретиков. Он именует его Шнаван (*Σηναῖν*) — „собачье место“, „собачий поселок“, по-гречески *Κυνόχωριον* — название одного из центров павликиан в Византии, упоминаемого в византийских источниках.³

Произведенный нами анализ источников для изучения истории павликианского движения, написанных на армянском языке, свидетельствует об их большом значении, так как они не только подтверждают сведения греческих источников, но и дают порой совершенно новые сведения, важные для изучения истории павликиан.

R. M. Bartikjan

ARMENIAN SOURCES FOR THE STUDY OF THE PAULICIANS MOVEMENT HISTORY

The Greek Byzantine material was the only source for the study of the Paulicians movement so far.

The author has contributed to the study by analysing Armenian sources and in particular the speech of Catholicos Ioann of Odzun, the history of Gewond and the messages of Grigor Magistros Pahlawuni.

These relics contain unknown facts and allow to make new conclusions about the nature of the Paulicians movement.

¹ Послания Григория Магистра, изд. К. Костяниц. Александрополь, 1910, стр. 161 (на древнеармянском языке).

² Там же, стр. 168.

³ См.: К. Н. Юзбашян, ук. соч., стр. 38.

Р. М. БАРТИКЯН

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И КИЛИКИЙСКИМ АРМЯНСКИМ ГОСУДАРСТВОМ В КОНЦЕ XII в.

История Киликийского армянского государства — одна из интереснейших страниц истории армянского народа. Образованное вдали от коренной Армении, в окружении вражеских ему стран, оно должно было защищать и защищало свою независимость в течение трех столетий.

Армянский элемент в Киликии обязан своим происхождением тем переселенцам-армянам, которые в разные времена, избегая притеснений и преследований завоевателей, бежали со своей родины — Армении в поисках более безопасных мест. Переселение армян в Киликию приобрело наиболее массовый характер в XI в., в конце которого и образовалось Киликийское армянское государство.

Настоящая статья затрагивает одну из сторон внешней политики Киликийского армянского государства, а именно, взаимоотношения Киликии с ее соседом — Византией во время царствования императора Исаака II Ангела (1185—1195).

В 1884 г. А. Пападопуло-Керамевс в греческом ежегоднике Константинопольского общества 'Ο Ελληνικός Φιλολογικός Σύλλογος, называемом „Μαυρογορδάτειος Βιβλιοθήκη“, опубликовал¹ найденное им в одной рукописи в монастыре богородицы Халки послание византийского императора Исаака II Ангела. Это послание было адресовано Киликийскому армянскому католику и, как видно из содержания, являлось ответом на послание армянского католика к императору Исааку. Последнее не дошло до нас. Заметим, что послание армянского католика Исааку было написано на армянском и арабском языках. Возможно, впрочем, что арабский текст был лишь копией армянского, но и в этом случае этот факт не может не представлять интереса и проливает некоторый свет на практику ведения переписки в то время между Киликией и Византией.

Ответ Исаака не имеет даты, так же как не упомянуто имени армянского католика. Издатель документа, исходя из поздравлений армянского католика Исааку по случаю его восшествия на престол, о чем упоминается в послании Исаака, предполагал, что оно написано в самом начале царствования Исаака II, т. е. в 1185—1186 гг. Эта датировка не вызывает возражений, ее подтверждает и упоминание

¹ ΚΕΦΣ. 'Ανέκδοτα ἑλληνικά συγγραμμάτια ἐγγραφέα τε καὶ ἄλλα κείμενα κατ'ἐκλογήν συλλεγόμενα ἐκ τῶν ἐν τῇ „Μαυρογορδάτειῳ Βιβλιοθήκῃ“ ἀναγραφόμενων χειρογράφων καὶ ἄν πρώτων ἐκδιδόμενα ὑπὸ Παπαδοπούλου τοῦ Κεραμῆως ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1884, σελ. 59 - 63.

Исааком обстоятельств его возведения на престол. Желая подчеркнуть, что он получил императорский скипетр ἐλέφ Θεοῦ, Исаак, между прочим, пишет, что на земле ковалось против него железо, чтобы выколоть ему глаза и чтобы изготовить кандалы для его ног и рук, а также готовилась тюрьма, похожая на мрачный тартар, между тем как от бога, свыше, ждал его венец царский. Далее Исаак пишет, что на людей крови и коварства, т. е. на его противников, пало то наказание, которое они готовили для него, что он спасся и теперь может рассказывать другим о „чудесах“, происшедших с ним. Реальная суть всех этих событий хорошо изложена в „Истории“ Никиты Хонята: Император Андроник I Комнин (1183—1185) старался заполучить и заключить в тюрьму Исаака, а затем казнить его. Но обстоятельства сложились так, что был убит Андроник, а венец получил Исаак. Если согласиться с А. Пападопуло-Керамевсом, что послание Исаака II Ангела относится к самому началу его царствования, армянским католиком, которому было адресовано это послание, следует считать Григория IV Отрока (1173—1193).

В послании ставился вопрос о единстве армянской и греческой церквей, что очень волновало как предшественника католика Григория IV Нерсеса Благодатного (1166—1173), так и византийского императора Мануила Комнина (1143—1180). До нас дошла переписка католика Нерсеса с императором Мануилом². Католикос Нерсес писал, что „Великий ромейский император (Мануил Комнин. — Р. Б.) в начале нашего наместничества послал к нам единожды, дважды и трижды почтенных людей вместе с царскими посланиями относительно любви и единения церквей, как это было в прежние времена, чтобы упразднить причины раздора среди двух народов“³. Как известно, католикос Григорий IV Отрок после смерти Нерсеса Благодатного продолжил переговоры с императором Мануилом, как и с патриархом Михаилом, которым он послал несколько дошедших до нас писем.

Вопрос о единстве армянской и греческой церквей на первый взгляд носит чисто религиозный характер и для политической истории как будто не представляет какого-либо интереса. В действительности это не так. В XII в. армяно-греческие переговоры по религиозным вопросам были обусловлены глубокими политическими причинами: в условиях вражеского окружения для Киликийского армянского государства было очень важно улучшение взаимоотношений с Византией с целью иметь союзника на северных границах в борьбе против общего врага — Иконийского султаната. Первым шагом в этом направлении было стремление к сближению двух церквей, упразднение спорных религиозных вопросов, что в те времена было трудно осуществить. Именно эти вопросы ставились в переписке Нерсеса Благодатного и Григория IV с византийским императором Мануилом.

Григорий IV продолжил переговоры и с Исааком II, который, согласно сведениям армянских источников, начал преследования людей, принадлежащих к армянскому вероисповеданию, заставляя их стать халкедонитами. Армянский историк XIII в. Вардан пишет, что в 635 г. армянского летосчисления (т. е. в 1186 г.) „над Ромеями воцарился Писик, он же Исаак, ведущий гонения на народы, исповедовавшие учение армянской церкви, с целью обратить их в свою ересь (т. е. в халкедонитство. — Р. Б.). Ему написал письмо патриарх Григорий, ... прося его оставить в покое божий народ. Но царь не по-

² См. Нерсес Благодатный. Соборное послание. Эчмиадзин, 1865 (на древнеармянском языке).

³ Там же, стр. 159.

слушался его и многих обратил в свою веру, обрушивая на них новые преследования“⁴. Исходя из этого сообщения, знаток истории армянской церкви М. Орманян писал, что после смерти императора Мануила (в 1180 г.) „переговоры с греками относительно единства церквей окончательно прекратились, императоры Алексей (1180—1183) и Андроник (1183—1185) даже не были в состоянии заниматься такими вопросами, а Исаак Ангел, восшедший на престол в 1186 г., обратился к совершенно иной политике: он больше не занимался переговорами и не прибегал к соглашениям, а действовал принуждением и насилием, желая подчинить армян халкедонитству“⁵. К такому же выводу приходит и автор ценного труда о Киликийском армянском государстве проф. Г. Микаелян⁶.

Однако в действительности дело обстояло иначе. Ответное послание Исаака II, которое не обратило на себя внимания исследователей армянской церковной и светской истории, очень ясно свидетельствует, что вопрос о единстве армянской и греческой церквей, т. е. вопрос об улучшении взаимоотношений Византии и Киликийского армянского государства, обсуждался и при Исааке II. Это можно видеть из текста послания Исаака II католику армян, русский перевод которого приводится ниже в сокращенном виде; нами пропущены лишь те места, которые имеют чисто догматический характер.

„Послание, изложенное протасикритом кир Никитой Валанитом и отправленное армянскому католику царем кир Исааком Ангелом.

Исаак во Христе Боге верный царя, боговенчанный, царь могучий, присно август и самодержец Ромеев Ангел, святейшему католику армян, его благодати и доброй воле.

... Ты послал моей царственности два послания; одно, написанное на твоём родном армянском языке, а другое — на арабском. Этими двумя посланиями ты выразил одно, что сердце в тебе горит желанием объединиться с нами, что ты очень рад этому. О твоей любви, миролюбии и согласии свидетельствует, прежде всего, то, что берешь на себя тяготы, связанные с приездом к нам, предпринимая столь долгий путь, неся благую весть о мире и переговорах с нами, и, [чтобы] немного отдохнув, возвратиться. „На пути этом я радуюсь, как во всяком богатстве“⁷. Более того. Ты писал также, что даже при возможной смерти от усталости в пути ты и тогда не колеблешься, как добрый пастырь, ценой лишения своей жизни спасти подчиненный тебе народ и объединить его с нами... Я желаю тебе, чтобы твой почин завершился успехом, чтобы ты немедленно вышел в путь, сопутствуемый богом, и мы вместе устраним находящуюся между нами пропасть и единодушно и единогласно возвестим богу обо всем, а именно, что мы больше не разделяем единую паству единого пастыря, что мы больше не два народа, а один избранный, ... что мы теперь составляем один дух, одну душу, признаем одно — справедливость, во что веруем сердцем и объявляем устами ради спасения и которой учим других. Если твое святейшество довольно благими вестями о моей царственности (я не сомневаюсь, что ты рад, как писал мне, и царственность моя убедилась в этом)..., то ты гораздо больше обрадуешься, когда побудешь у нас, когда то, что услышал слухом, увидишь глазами...

⁴ Всемирная история Вардана Великого. М., 1861, стр. 163—164. Перевод Н. Эмина. В перевод внесены мною незначительные поправки.

⁵ М. Орманян. Азгапатум. 1. Константинополь, 1912, стр. 1482 (на армянском языке).

⁶ Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952, стр. 136—137.

⁷ Псалом 118, 14.

Господь в такой мере возвеличил нас, что каждый день подчиняет нам народы и племена. Из всех этих успехов ни малый и ни большой не приписывает моя царственность себе, а все богу... На земле против нас уготовлен приговор, но на небесах принято решение нашего возвеличивания. Здесь против нас ковалось железо, чтобы выколоть глаза и чтобы изготовить кандалы для ног и рук, готовилась тюрьма, подобная темному тартару и хуже его, а богом — венец царский и императорское сияние, освобождение находящихся в оковах нищеты и железа, продвижение к настоящему изобилию, к свободному свету и тому подобному, что обильно накоплено во мне господом, моими молитвами. На людей крови и коварства пало то же наказание, которое они готовили для нас, а мы были спасены и теперь рассказываем другим чудеса, которые произошли с нами...

Ты смотри, какая большая польза из твоего путешествия к нам. Если апостольское изречение гласит, что младший благословляется старшим, то ты особенно оценишь благословение нового Сиона — матери церкви, когда будешь удостоен этого, возвращаясь к матери, которая давно желает твоего возвращения... Она будет радоваться твоей радостью, тем, что ты больше не чужой, а ее родной сын, духовно рожденный ею...

Моя царственность считает, что для успешного решения вопроса о единстве не нужно много усилий, мы не встретимся с трудностями и что это очень легко сделать. Приступим. Какие бы ни были у нас традиции, которые мы получили не от святых соборов отцов и которые не установлены святыми канонами, а находятся в явном противоречии с ними, то мы уступим и, возможно, их исправим. Божья милость тем, кто делает это скорее, ибо маленькое, хотя и ничтожно, однако оно может стать причиной большого бедствия, поэтому оно должно быть исправлено... Итак, согласно вышесказанному моей царственностью, нужно отбросить второстепенное ради первостепенного, нужно немного уступить, чтобы могло быть завершено большое дело — согласие в догматах...

Твое святейшество писало также, что филиппопольский епископ по приказанию моей царственности насильственно превращает там живущих армян, вопреки их желанию, в другую веру (т. е. в халкедонитство. — Р. Б.). Но это не так, и твоему святейшеству не сообщено о действительном. Правда, написано, что „царство небесное силою берется“⁸, однако не нужно войти в него силою, а только добровольно. Никто их не тянет силой, пусть не сомневается в этом твое святейшество. Если наша проповедь убеждает их и притягивает к нам и они по собственному желанию переходят на нашу сторону, то нельзя нас обвинять в применении силы, а, наоборот, нужно хвалить тех, которые предпочитают более хорошее и прежде всего нужно быть благодарным тем, кто их привлекает, ибо, как сказано, „никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня“⁹. В подобных вопросах нет места человеческому насилию. Но как же ты называешь нашу веру (т. е. халкедонитство. — Р. Б.) иной, к которой мы насильственно привлекаем живущих у нас армян, когда наша вера, как свидетельствуешь и ты, является единой, и мы — ромей и армяне — веруем в одного и того же Христа и в Троицу?

Итак, чтобы была устранена всякая причина разногласий, твое святейшество пусть скорее придет к нам вместе с подчиненными тебе отборными людьми, чтобы это дело вдруг не осталось незакон-

ченным по причине смерти или по какой-нибудь другой причине. Моя царственность очистила путь твоему святейшеству от всяких препятствий, обратилась к благороднейшим султанам Иконии и Египта, чтобы они не вредили твоей стране, чтобы ты смог со своими людьми легко отправиться в путь к моей царственности. По этому делу я отправил к твоему святейшеству моего вестиярита Константина Амасийского, чтобы он успешно подготовил все и чтобы вместе с тобой отправился к моей царственности...

Тон ответного послания Исаака II Ангела, как мы видим, более или менее сдержанный. Император делает вид, что он готов пойти на уступки, как он говорит, на малые уступки для устранения раздора. Но несмотря на все это, в его послании встречаются также выражения, которые могли лишь портить дело. Выражение „Господь в такой мере возвеличил нас, что каждый день подчиняет нам народы и племена“, и то обстоятельство, что император греческую церковь считает матерью, а армянскую — дочерью, не могло не привлечь внимания представителей Киликийской Армении. Считая халкедонитство настоящей, правдивой верой, „лучшей“, чем монофизитство, Исаак давал понять, что он, несмотря на свои слова об уступках, не собирался пойти на них и ожидал таковые только со стороны армян, стремясь тем самым подчинить армянскую церковь греческой. Вопрос о единстве армянской и византийской церквей не был решен, католикос Григорий IV Отрок не поехал в Византию, как он обещал. Во всем этом деле, несомненно, важнейшую роль играло то обстоятельство, что в тот период было очень трудно, почти невозможно в один присест изменить традиции, укоренившиеся в греческой и армянской церквях в течение многих столетий.

Улучшить взаимоотношения Византии с Киликийским армянским государством путем единства церквей не удалось. Поэтому оба государства стали искать другие пути к сближению.

В заключение несколько слов о филиппопольских армянах, упомянутых в ответном послании императора Исаака. Протесты армянского католикоса против притеснений филиппопольских армян византийскими властями были справедливыми, ибо гонения армян, которые пытался отрицать Исаак, в действительности имели место, что находит подтверждение, как было сказано выше, у армянского историка XIII в. Вардана. Исаак продолжал политику Мануила Комнина, который в новелле от 1166 г.¹⁰ повелел преследовать монофизитов на всей территории византийского государства. О недовольстве филиппопольских армян свидетельствует и событие в Филиппополе во время прихода туда крестоносцев во главе с Фридрихом Барбароссой. Вот что пишет об этом Никита Хониат: „Войдя в Филиппополь, он (Барбаросса. — Р. Б.) нашел город покинутым большей частью его жителей и знатными. Если кто-нибудь и оставался в городе, он был бедным армянином. Из всех только присутствие немцев они считали присутствием друзей“¹¹.

Византийский хронист пытается дать объяснение такому отношению армян к войску Барбароссы. Он усматривает причину этого в якобы существовавшей близости в догматическом отношении между армянами и немцами, но это объяснение не может нас удовлетворить. Действительные причины заключались в желании филиппопольских армян избавиться от постоянных гонений и притеснений со стороны византийских властей, независимо от того, кто будет их избавителем.

⁸ Матф., XI, 12; ср. Лука, XVI, 16.

⁹ Иоанн, VI, 44.

¹⁰ Jus, III, p. 485—492.

¹¹ Nicetae Choniatae Historiae. Bonnæ, 1835, p. 527.

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Р. М. БАРТИКЯН

ПЕТР СИЦИЛИЙСКИЙ И ЕГО „ИСТОРИЯ ПАВЛИКИАН“

Павликианское движение — одно из самых крупных социальных движений средневековья. Возникшее как ересь в VII в. в Западной Армении, оно скоро распространилось в Малой Азии, Восточной Армении, Кавказской Албании, а также во Фракии и, вылившись в вооруженное восстание против феодальной эксплуатации, долгое время тревожило господствующие классы не только Византии и Армении, но также арабского халифата и Кавказской Албании.

Движением павликиан интересовались и византийцы, и армяне, историки как православной, так и армянской церкви. Одни из них обращались к истории движения, другие — к его религиозной идеологии, третьи — к письменным источникам. Советские историки¹, помимо этих вопросов, особое внимание обратили на требования еретиков, на выявление социальных корней движения, на причины его широкого распространения и живучести.

Сведения о павликианах дошли до нас в основном на греческом и армянском языках. На греческом языке, кроме отдельных упоминаний в хронографиях и историях средневековых авторов дошло до нас четыре версии истории павликиан: две краткие — одна, приписываемая Петру Игумену², вторая, вошедшая в Хронику Георгия Монаха и адекватная первой³, и две пространные — «Полезная история» Петра Сицилийского⁴ и «Повествование о вторичном произрастании манихеев» патриарха Фотия (гл. XI—XXVIII)⁵.

В научной литературе существуют два противоположных мнения относительно приоритета последних двух источников, имеющих тождественное

¹ Из трудов советских историков отметим: Е. Э. Л и п ш и ц. Павликианское движение в Византии в VIII и в первой половине IX века. — ВВ, V, 1952; е е ж е. Вопросы павликианского движения в освещении современной буржуазной историографии. — Там же; К. Н. Ю з б а ш я н. К истории павликианского движения в Византии в IX веке. — «Вопросы истории религии и атеизма», т. IV, 1956; Р. М. Б а р т и к я н. К вопросу о павликианском движении в Византии в первой половине VIII века. — ВВ, VIII, 1956; е г о ж е. Армянские источники для изучения истории павликианского движения. — «Палестинский сб.», т. IV, 1959; е г о ж е. К вопросу об организации павликианской общины. — «Историко-филологический журнал АН АрмССР», т. III, 1958.

² См. Appendix ad Petri Siculi historiam Manichaeorum seu Paulicianorum, ed. L. Gieseler. Göttingae, 1849.

³ Georgii Monachi Chronicon, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1904. Эскурвальская версия издана Фридрихом (J. Friedrich. Der ursprüngliche bei Georgios Monachos nur theilweise erhaltene Bericht über die Paulikianer. — SBAW, 1896, H. 1).

⁴ Petri Siculi Historia utilis et refutatio atque eversio haereseos Manichaeorum qui et Pauliciani dicuntur. — PG, t. 104.

⁵ Sanctissimi Photii Narratio de Manichaeis recens repullulantibus. — PG, t. 102.

содержание и отличающихся друг от друга только формой изложения. Как мы покажем ниже, сопоставление этих двух памятников показывает, что первоисточником является именно рассказ Петра Сицилийского.

Петр Сицилийский в начале своей «Истории» пишет, что он составил свой труд «по необходимости». По поручению императора Василия I, в начале его царствования, он был отправлен в центр павликиан, в Тефрику и узнал о том, что павликиане собираются послать своих людей в Болгарию с миссионерскими целями. Желая предостеречь болгарское духовенство от подобной опасности, он принялся за изложение истории еретиков, посвятив ее болгарскому архиепископу. В посвящении автор пишет как о методах, к которым прибегают павликиане для распространения своей доктрины, так и о мерах, которые должно предпринять болгарское духовенство, чтобы не попасть в ловушку еретиков. Как это было принято, автор в начале своего повествования говорит, прежде всего, о недостаточности своих знаний и несовершенстве стиля и просит прощения у лица, которому посвящает свой труд. В заключении Истории Петр Сицилийский повторяет, что он был послан в Тефрику к павликианскому вождю Хресохиру на втором году царствования Василия I, провел там девять месяцев и был занят обменом военнопленных архоитов.

Историки, защищающие приоритет Фотия и считающие «Полезную историю» составленной в XII в., все автобиографические сведения, содержащиеся в сочинении Петра Сицилийского, сочли, как и следовало ожидать, недостовверными⁶.

Сам Фотий в очень кратком предисловии к своему «Повествованию» отмечает, что цель его работы состоит только в том, чтобы изложить историю павликиан, объяснить, откуда берется их наименование. Фотий пишет для тех читателей, у которых, по его мнению, неполное, противоречивое и неточное представление о павликианской ереси. Он отмечает также, что его работа основана на рассказах бывших павликиан, которые впоследствии стали на путь православия.

Обратимся к источникам, которые использованы Петром Сицилийским в изложении истории о Мани. Петр Сицилийский упоминает катехизисы Кирилла Иерусалимского (использован VI катехизис для составления XI—XVIII глав). В XIX и XX главах он упоминает также Церковную историю Сократа Схоластика и книгу о ересях Епифания Кипрского, которыми автор «Полезной истории» в какой-то мере пользовался. Других источников он не называет и не использует, не считая, конечно, формул отречения, на которые не ссылается⁷. Фотий же, у которого история о Мани своим содержанием не отличается от изложенной в сочинении Петра Сицилийского, перечисляет, помимо названных, множество источников: Тита Востринского, Серапиона Тмутского, Александра Ликополита, Халкедонского епископа Ираклиана и других, трудами которых он действительно не пользовался. Фотий знал, что эти авторы писали против Мани, но, не имея под рукой их трудов, он не мог выйти за пределы «Истории» Петра Сицилийского. Разница только в том, что Петр Сицилийский, будучи менее образованным, чем Фотий, человеком, переписывает в своей «Истории» катехизис Кирилла дословно, в то время как

⁶ См., например, К. Тег-Мкрттсчян. Die Paulikianer im Byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien. Leipzig, 1893.

⁷ Петр Сицилийский использовал также известный труд «Физиолог», когда писал о ересиархе Тите, которого сравнивал с морским китом (гл. XXVI). Ср. J. B. Pitre. Spicilegium Solesmense complectens sanctorum Patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera, t. III. Parisiis, 1855, p. 352.

Фотий перефразирует его. Петр Сицилийский не замечает, что в некоторых местах его рассказ содержит противоречия, чего Фотий избегает. Кирилл в IV веке писал о вере манихеев в воздушных демонов (τοὺς ἀερίους δαίμονας ἐπὶ τῆς μισαρᾶς αὐτῶν ἰσχυροῦς ἐπιχαλοῦνται). Петр Сицилийский, повторяя эти слова (гл. XI) и относя этот обычай также к павликианам, заставляет предполагать, что в IX в. павликиане также призывали воздушных демонов.

Один из вопросов Кирилла Иерусалимского, полемизировавшего с манихеями по поводу Ветхого завета, также переписан Петром Сицилийским (гл. XIV), который, однако, через несколько страниц излагая уже настоящую историю павликиан (а не манихеев), пишет, что павликиане враждебно (ἀπεχθῶς) относятся к апостолу Петру, бранят его и поносят. Этого противоречия Петр Сицилийский не заметил, у Фотия же подобных ошибок и несообразностей не встречается.

Кроме указанных источников, Петр Сицилийский пользовался также формулами отречения от манихейства, цитируя их почти дословно. У Фотия же эти места перефразированы. Трудно поверить, чтобы Петр Сицилийский, если бы он пользовался трудом Фотия (у которого источники перефразированы), сравнивал бы его с первоисточниками, даже с формулами отречения от манихейства, о которых там упоминаний нет, и переписывал бы их заново. Еще раз мы убеждаемся в том, что не Фотий является первоисточником, а именно Петр Сицилийский.

Петр Сицилийский очень любит искажать имена павликианских ересиархов, так, например, Эпафродита он называет Афроном, Тимофея — Фимофеем, Тита — Китом и т. д. Мог ли бы он (если считать, что он имел под рукой труд Фотия) не повторить единственное искажение, с которым мы встречаемся в «Повествовании» — наименование павликиан — Παυλοῖωάννοι⁸.

У Петра Сицилийского встречаются такие сведения, отсутствующие у Фотия, которые никак нельзя считать выдумкой автора «Полезной истории». Петр Сицилийский не мог выдумать, что во время его пребывания в Тефрике были еще живы Василий и Зосим, синекдемы Сергия. Петр Сицилийский не мог выдумать, что в Тефрике он встретил «православных христиан», от которых точнее узнал про павликиан. Фотий, который не был в Тефрике, ничего подобного писать не мог, но это известие Петра он использовал в другом контексте и очень умело. В своем кратком предисловии Фотий пишет, что его рассказ о павликианах основан на сведениях, полученных им от еретиков-павликиан, которые впоследствии стали на путь православия.

Трудно допустить, что оба автора — Петр и Фотий, независимо друг от друга пользовались третьим источником, слишком много текстуальных совпадений в их изложении. Письмами ересиарха Сергия (выдержки из которых приведены у обоих авторов) мог пользоваться только один из них, ведь не могли они оба выбрать точно те же самые места из этих писем. У Петра Сицилийского сравнительно больше, чем у Фотия, выдержек из указанных писем. У патриарха выдержек меньше, приведены они неполно и кое-где искажены. Петр Сицилийский, если бы он пользовался сочинением Фотия, не мог бы привести больше цитат из писем Сергия, не мог бы добавлять или исправлять их. Не мог он выдумать послание ересиарха Сергия, адресованное, по всей вероятности, византийским властям, и приводить выдержки из него: «Я неповинен в этих

⁸ Хотя это и нельзя считать искажением, Фотий по-своему толкует наименование павликиан.

бедствиях, — говорится в этом послании, — ибо неоднократно предлагал им (т. е. павликианам. — Р. Б.) прекратить пленение ромеев⁹, но они не послушали меня». Фотий об этом ничего не пишет.

Для решения вопроса о взаимоотношении обоих источников большее значение имеет также сопоставление языка «Полезной истории» Петра Сицилийского и «Повествования» Фотия. Излагая одну и ту же историю, Петр Сицилийский пользуется простой формой изложения, что сказывается и на характере его языка, в то время как Фотий, в стремлении не повторять слова и выражения своего первоисточника, прибегает к возвышенным оборотам речи и сложным конструкциям предложений. Меняя слова своего источника, Фотий порой искажает его смысл. Единственно, что очень мало, почти незаметно меняется у Фотия, это выдержки из посланий ересиарха Сергия, цитированные, вероятно, Петром Сицилийским дословно. Так, например, в послании ересиарха Сергия своим ученикам в Колонии сказано: *ἡμεῖς γὰρ πεπεισμένοι ὄντες ἐν ταῖς καρδίαις ὑμῶν γράφομεν ὑμῖν* (гл. XXXVII). У Фотия это выглядит так: *ἡμεῖς γὰρ πεπεισμένοι ὄντες ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν ἐγράφαμεν ὑμῖν*. Во-первых (если, конечно, не считать это ошибкой переписчика), немислимо здесь употребление первого лица в предложении *πεπεισμένοι ὄντες ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν* — «мы будучи уверены в наших сердцах». Сергий ведь говорит о верности своих учеников, а не о своей преданности. У Петра же мы находим вполне понятное *ὑμῶν*, т. е. «в ваших сердцах». Во-вторых, по Фотию, выходит так, что Сергий до упомянутого письма своим ученикам в Колонии посылал им еще одно, где говорил о том же самом, так как в «Повествовании» глагол данного предложения стоит в прошедшем времени — *ἐγράφαμεν ὑμῖν*. . . У Петра Сицилийского текст понятен: «пишем вам», а не «писали вам».

В начале своего «Повествования» (источником этой части его является краткая версия Петра Игумена) Фотий упоминает город Самосата и локализует его в Сирии (*πόλις ἐστὶ τῆς Συρίας*). Во второй части «Повествования», источником которой является «Полезная история», город этот локализуется, как у Петра Сицилийского, в Армении. Это противоречие повторяется в «Повествовании» и в рассказе о пленном диаконе, возвращающемся из Сирии на свою родину. Первый павликианский ересиарх Константин-Сильван жил в городе *Σαμόσατον τῆς Ἀρμενίας*¹⁰. Пленный диакон, возвращаясь из Сирии, останавливается у Константина-Сильвана. По Фотию, получается, что диакон, оставив Сирию, приходит в сирийский же город *Σαμόσατον*.

Петр Сицилийский пишет, что персидский царь повелел содрать кожу с Мани и повесить ее, как мешок, перед воротами (*ἐκδρῆναι τὸν Μάνην . . . προστάξας . . . τὸ δέρμα θυλάκου δίχην πρὸ τῶν πυλῶν ἀνηρτήθη*). В источнике Петра Сицилийского, в книге Епифания Кипрского, говорится, что кожа Мани была набита соломой (*ἀχύρων*), это слово Петром Сицилийским было пропущено. Фотий, желая дать подробности, из одного слова Петра *θύλαξ* делает неправильный вывод и пишет, что кожа Мани была якобы наполнена воздухом (*πνεύματος*). Это убедительно показывает, что у Фотия под рукой не было труда Епифания.

⁹ Этот отрывок из послания Сергия интересен своим намеком на национальную принадлежность тех, к кому обращался ересиарх. Раз речь идет о пленении ромеев, можно предполагать, что совершающие это пленение были не ромей, а, возможно, — армяне.

¹⁰ См. прим. 61 к переводу.

Изменение Фотием формы предложений и слов Петра Сицилийского также приводит иногда к искажению текста.

После убийства кинохоритами и астами Неокесарийского епископа Фомы и экзарха Паракондакеса, астаты во главе с Сергием бегут в Мелитену, эмиром которой тогда был Монохерарес (*οὕτως προσέφυγον οἱ Ἀστατοὶ ἐν Μελιτινῇ, ἀμηρᾶς δὲ τότε τῶν ἐκεῖσε ὄντων Σαρακηνῶν ὑπῆρχεν Μονοχεράρης*). Так у Петра Сицилийского. У Фотия же пересказ этого предложения выглядит так: *παράγινονται δὲ ἐν Μελιτινῇ πόλει τῆς δευτέρας Ἀρμενίας, πολιτείαν οὖσαν τότε τῶν μισοχριστῶν Σαρακηνῶν, ἧς καὶ ἀμηρᾶς ἦρχεν ὃν ἐπεκάλου Μονοχεράριν*. Перестановка Фотием слова *τότε* совершенно искажает смысл предложения. У Петра Сицилийского оно относится к эмиру: тогда (во время этого побега) эмиром Мелитены был Монохерарес, а у Фотия слово *τότε* относится к городу (тогда Мелитена находилась под арабами).

На основании этого А. Грегуар сделал вывод, что «Полезная история» Петра Сицилийского была перефразирована, когда город Мелитена находился не под арабским, а под византийским владычеством, и так как известно, что этот город перешел в руки византийцев в 932 г., то следовательно, «Повествование» написано после указанного времени и, естественно, не Фотием¹¹.

У Петра Сицилийского черным по белому написано, что Сергий *συνεστήσατο τὴν νῦν περιοῦσαν ἀποστασίαν*, т. е., что Сергий подготовил или был причиной *ныне* существующего восстания. О том же самом Петр пишет и в начале своей «Истории», он обещает рассказать о том, как и через кого ересь павликиан превратилась в *это* восстание (*ἐπὶ ταύτην ἤλασε μανιῶδῶς τὴν ἀποστασίαν*). Слова *ἐπὶ ταύτην* равноценны с *τὴν νῦν περιοῦσαν*, в обоих предложениях имеется в виду вооруженное восстание павликиан во главе с Хрисохиром, современное автору «Полезной истории».

Фотий, перефразируя эту часть истории Петра Сицилийского, пишет, что со времени Сергия и до настоящего времени *ἡ νῦν ἐπιχωριάουσα ἀσέβεια τῆς ἐκεῖνου* (т. е. Сергия. — Р. Б.) *ἤρτηται διδασκαλίας*. Здесь мы встречаемся с очень интересным и важным фактом. Слово *ἀποστασία* («восстание»)

Петра Сицилийского Фотий заменяет словом *ἀσέβεια* («нечестие»). Из этого можно сделать весьма важный вывод, а именно что Петр Сицилийский писал в то время, когда восстание Хрисохира еще не было подавлено, а Фотий — после подавления его. Но, если Фотий писал после Петра Сицилийского, то почему он умалчивает о гибели Тефрики, об окончательном подавлении павликианского восстания? Почему Фотий не хотел завершить свой труд? А. Грегуар это объясняет «ленью» компилятора X в.¹² Однако Фотию, писавшему столь обширную историю павликиан, не трудно было добавить еще одно предложение о поражении ненавистных ему еретиков. Молчание автора «Повествования» можно объяснить лишь тем, что оно действительно принадлежит перу патриарха Фотия. Во всем «Повествовании» мы нигде ни разу не встречаемся с упоминанием имени императора Василия I, которое так часто с бесчисленными льстивыми похвалами упоминается в источнике Фотия, в «Полезной истории» Петра Сицилийского. Это свидетельствует о враждебном отношении автора «Повествования» к Василию. Рассказ о гибели Тефрики, о подавлении восстания еретиков потребовал бы упоминания.

¹¹ См. H. Grégoire. Les sources de l'histoire des Pauliciens. — BCLSMP 5ème série, t. XXII, 1936, p. 110 sp.

¹² Ibid., p. 111.

а тем самым и прославления подавившего восстание Василия I. Фотий никогда не сделал бы этого, так как Василий был его личным врагом, удалившим его с патриаршего престола и выславшим его в Армению.

Итак, анализ «Повествования о вторичном произрастании манихеев» Фотия и «Полезной истории» Петра Сицилийского, сопоставление этих двух источников привели нас к убеждению, что первоисточником является «История» Петра Сицилийского и что «Повествование» Фотия для своих XI—XXVIII глав другого источника, кроме этой «Истории», не имеет.

«Полезная история» Петра Сицилийского разделена издателями на 43 главы, из которых не все представляют одинаковый интерес для изучения истории павликиан. С самого начала (гл. I) Петр Сицилийский стремится убедить читателя, что между ересью манихеев и павликиан не существует какого-либо различия, что ересь павликиан в действительности — та же манихейская ересь. Петр Сицилийский указывает на причину, побудившую его изложить историю павликиан, предназначенную для болгарского архиепископа (гл. II). Это, по его словам, опасность отправки миссионеров из Тефрики в Болгарию для распространения павликианской доктрины. В специальном предисловии к своей книге, написанном для болгарского патриарха (гл. III—IV), автор «Полезной истории» знакомит адресата с методами, к которым прибегают павликиане для распространения своих догматов, и учит болгарское духовенство, как бороться против подобной опасности. С пятой главы начинается основная часть труда Петра Сицилийского, которая озаглавлена им «История». Однако не все содержание этой «Истории» касается павликиан. Главы V—VIII, по содержанию сугубо богословские, посвящены защите православных догматов. В девятой главе говорится о том, что павликиане исповедуют свои догматы тайно. Еретики считают, что следуют изречениям евангелия и апостола Павла. Десятая глава в сжатой форме излагает шесть «заблуждений» павликиан; автор осуждает в ней богословский дуализм павликиан, защищает богоматерь, таинство причастия, образ креста, книги ветхого завета и ветхозаветных пророков, а также священнослужителей церкви. Эта глава представляет интерес для изучения религиозной идеологии павликиан. В главах XI—XX Петр Сицилийский, стремясь показать, что ересь павликиан тождественна манихейской ереси, рассказывает о Мани и о манихеях на основании сочинений писателей IV и V веков. Так, он дословно переписывает VI катехизис Кирилла Иерусалимского, пользуется формулами отречения от манихейства, упоминает Церковную историю Сократа Схоластика и частично цитирует книгу о ересях Елифания Кипрского. Настоящая же история павликиан начинается с XXI главы. Главы XXI—XLIII содержат наиболее ценный материал для изучения истории павликианского движения, которая излагается более или менее подробно от времени возникновения движения (середина VII в.) вплоть до конца 60-х годов IX в. Здесь же говорится, правда, кратко, о взаимоотношениях павликиан с империей и с халифатом в указанный период.

Ценность «Полезной истории» состоит, во-первых, в том, что в ней нашли отражение собственные наблюдения ее автора — Петра Сицилийского. Он не только имел личные контакты с еретиками, но и сам жил в центре еретиков — в Тефрике в течение целых девяти месяцев. Более того, он имел связи с «православными» жителями Тефрики, которые, будучи хорошо знакомы с еретиками, подробно и основательно рассказывали ему о павликианах. Во-вторых, ценность труда Петра Сицилийского — в том, что он, помимо личных наблюдений, пользовался

письменными трудами различного характера, происходящими из среды еретиков. Следует подчеркнуть, что до нас не дошло ни одно произведение, написанное еретиками-павликианами. Все, что мы имеем, это произведения противников павликиан, исполненных лютой ненависти к последним. И только лишь в «Полезной истории» мы встречаемся с теми отрывками еретической литературы, которые, попав в труд православного писателя, были спасены таким образом от костра. Петр Сицилийский знакомит нас с образцами эпистолярной литературы павликиан. Он приводит некоторые выдержки из посланий ересиарха Сергия павликианам Колонии, некоему Льву Монтанисту, а также, по всей вероятности, византийским властям. Послания эти были написаны по образцу посланий апостола Павла.

Внимательное изучение «Полезной истории» убеждает нас в том, что ее автор, кроме посланий ересиарха Сергия, привлек для своего труда житие этого ересиарха, написанное, по всей вероятности, также под влиянием посланий апостола Павла. Петр Сицилийский использовал это житие не очень умело, в результате чего православный автор, люто ненавидящий павликиан и всего больше ересиарха Сергия, под влиянием своего павликианского источника, жития Сергия, иногда неожиданно показывает благородство ересиарха и невольно возвеличивает его. Это бросается в глаза особенно там, где Петр Сицилийский рассказывает о борьбе Сергия против Ваана.

Кроме указанных источников, автор «Полезной истории», вероятно, пользовался еще письменной историей павликиан, созданной еретиками, так как трудно предполагать, что Петр Сицилийский мог изложить такую последовательную и хронологически точную историю еретиков на основании одних лишь устных сведений. История павликиан Петром Сицилийским изложена более или менее подробно до времени ересиарха Сергия. Отсутствие подробностей в его истории и деятельности Карвеаса и Хрисохира, которые все же являются современниками автора «Полезной истории», дает основания предполагать, что история павликиан была создана еретиками во времена ересиарха Сергия.

Без сочинения Петра Сицилийского наши знания о мощном движении павликиан были бы очень скудными и отрывочными. Оценка «Повествования» Фотия, которое целиком зависит от «Полезной истории», сводится таким образом к оценке первоисточника.

Перу Петра Сицилийского принадлежат, помимо исторического сочинения, шесть речей¹³, в которых опровергаются шесть «заблуждений» павликианского вероучения. Из них до нас дошли первые три, причем третья — неполностью. О своих речах Петр Сицилийский упоминает в «Полезной истории» несколько раз, и нам известно приблизительное содержание утерянных, так как в «Истории» Петр Сицилийский коротко излагает шесть положений вероучения павликиан, которые он осуждает в речах. В дошедших до нас речах осуждаются: в первой — тезис павликиан о существовании двух богов — доброго и злого, во второй — мнение еретиков о богоматери, в третьей — таинство причастия, отвергаемое павликианами. В трех утерянных речах, вероятно, защищались крест, ветхий завет, пророки и апостол Петр, официальная церковь и ее священнослужители, не принимаемые еретиками.

Содержание дошедших до нас трех полемических речей сводится к чисто богословским спорам. Единственный ценный исторический факт упомянут в первой речи, где говорится о том, что павликиане «мужчины и женщины, горожане и крестьяне знают наизусть Евангелие и [книгу] Апо-

¹³ PG, t. 104, col. 1305—1350.

стола¹⁴. Часто можно удивиться, как рассуждают об этих [книгах] находящиеся у них проданные рабы-скифы (т. е. славяне. — *Р. Б.*), которые еще полностью не владеют греческим языком и говорят отрывисто, так сказать нечленораздельно¹⁵.

История Петра Сицилийского дошла до нас только в одной рукописи X в. Она была издана впервые в 1604 г. М. Радером¹⁶, переиздана А. Маи¹⁷ и Гизелером¹⁸. Наш перевод сделан по изданию Миня¹⁹, переиздавшего Маи. «Полезная история» Петра Сицилийского в русском переводе публикуется впервые. Имеется французский перевод двадцати глав Истории (гл. XXIII—XLIII), сделанный А. Грегуаром²⁰.

ПОЛЕЗНАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРА СИЦИЛИЙСКОГО

Полезная история Петра Сицилийского — осуждение и опровержение ереси манихеев, называемых также павликианами, начертанная для архиепископа Болгарии¹

I. Хотя и полезно невежество скрывать молчанием, но нельзя предавать долготу молчанию то, что не заслуживает замалчивания, ибо *«Господь отверзает очи слепым»*² и предпочитает запутанным, подобно лабиринту, словесным сетям риториков заикание в простых словах, но порожденное верой. Так вот и я, не блещущий образованностью, призывая святую троицу — нашего единственно истинного бога, прославляемого среди всех, всеми и во всем, наполняющего все уста, открываемые ради него³, [призывая] в помощь также твои молитвы — молитвы архипастыря новоизбранной, святой и чтимой паствы господней⁴, как и молитвы окружающих тебя божьих пастырей и всех служителей церкви, решил с последовательностью изложить вам гнусную ересь манихеев, называемых также павликианами, рассказать откуда, каким образом и с чьей помощью она, безумствуя, привела к этому восстанию⁵, ибо речь идет не о разных людях — павликиане являются теми же манихеями, присоединившими к ересям прежних [еретиков] выдуманные ими грязные учения, вырыв тем самым общую бездну погибели. И хотя утверждают, что они не причастны к постыдным деяниям тех (манихеев. — *Р. Б.*), но бережно соблюдают их учения.

II. Я сделал это по необходимости. Я прибыл туда⁶ по императорскому поручению в начале правления Василия⁷, нашего великого, избранного богом, чудесно украшенного всеми божьими милостями, держащего благочестиво и с любовью к богу скипетр Ромейской, то есть самой христианской державы, который еще будет в течение многих лет управлять вместе со своими святыми сынами, нашими боговенчанными императорами⁸, коих неизгладимая, бесконечная и вечная память да будет сохранена в настоящем и в будущем молитвами и предстательством святейшей владычицы нашей богородицы, присно девственной Марии и всех святых. Наша

¹⁴ Под «книгой Апостола» подразумеваются послания апостола Павла.

¹⁵ Petri Siculi Historia Manichaeorum. — PG, t. 104, col. 1333, 1336.

¹⁶ Petri Siculi Historia ex ms. codice bibliothecae Vaticanae Graecae, cum Latina versione edita par Matthaeum Raderum e Societate Jesu. Ingolstadtii, 1604.

¹⁷ A. M a i. Nova Patrum Bibliotheca, t. IV, pars III. Roma, 1847.

¹⁸ J. G i e s e l e r. Petri Siculi Historia Manichaeorum seu Paulicianorum. Göttingen, 1846.

¹⁹ PG, t. 104, col. 1239—1304.

²⁰ H. G r é g o i r e. Précisions géographiques et chronologiques sur les Pauliciens. — BCLSMF, 5ème sér., t. XXXIII, 1947.

служба заключалась в обмене военнопленных⁹, что мы хорошо и выполнили во время их (т. е. Василия I и его сыновей. — *Р. Б.*) святого правления. Я часто беседовал с павликианами Тефрики, где остановился во время выполнения этого поручения; кроме этого, от многих там проживающих православных узнал точнее про них; также довелось мне услышать от этих нечестивых болтунов, что они собираются послать своих людей в разные местности Болгарии с целью отторгнуть кое-кого от православной веры и привлечь к своей мерзкой ереси¹⁰. Они дерзнули на это, полагая, что в начале божьей проповеди им легче удастся посеять свои плевелы среди чистой и истинной пшеницы. Ибо эти нечестивцы привыкли так поступать и с готовностью возьмут на себя всякие тяготы и опасности, чтобы только заразить своей заразой первого встречного. Поэтому я решил взяться за это дело. Я, простой и недостойный, ради безопасности многих добросовестно передаю вам, достойным пастырям¹¹, то что узнал. А ты, божественный и святой глава, не обращая внимания на плохой язык, прими наше изложение, не ища в нем чего-нибудь ценного. Ибо ты у меня не найдешь ни следа мастерства, ни красоты речи, в чем и убедишься, читая нижеизложенное.

Предисловие Петра для патриарха Болгарии

III. Присутствие света рассеивает мглу, а охрана пастухов разгоняет скопища разбойников и стаи диких зверей. Настоящий пастырь разумного тот, кто следует за добрым пастырем¹², кто, подобно ему, *полагает жизнь свою за овец своих*¹³, правосудие которого исходит как свет, тот, кто заботливой душой и всеми другими мерами успешно противостоит козням дьявола. Хоть и много ловушек у коварного, но из святого писания научились мы угадывать его намерения и распознавать его козни, как сети паука; [научились] с помощью животворящей и прославленной троицы, единого бога, творца неба и земли, всего невидимого и видимого создания, господина и властителя. Будьте бдительны и не пренебрегайте тем, что будет сказано. В схватке с дьяволом, в борьбе с догмами противника успех будет за более просвещенными, и эти догмы будут потоплены в церковном море святых догм. Но для простаков, говоря словами апостола, еще питающихся молоком¹⁴, как для детей, правило безопасности — не иметь с ними никаких сношений, как хорошим с дурными¹⁵. Для простаков это самое лучшее средство — отворачиваться и гнущаться этих мерзких и не пытаться отвечать на их вопросы. Пусть узнав их, простой слушатель, если это возможно, молчит и бежит от них¹⁶, как от змей, потому что, все равно, беседующий с ними никакой пользы не приносит. Они для того беседуют с простаками, чтобы *святыни попруть ногами своими*¹⁷ и растерзать небесные и божественные догмы, так как некому бороться с ними разумом. Как могут они слушаться людей, когда каждый день и час они окружают бесчисленными поношениями, бранью и проклятиями единого бога? Поэтому самое лучшее для простого человека — узнать их, но никогда не разговаривать с ними, ибо беседующие с ними, не имея опыта, будут подвергаться опасности; вряд ли простаки не будут охвачены ими, потому что они (т. е. павликиане. — *Р. Б.*) приводят всякие изречения Евангелия и Апостола и только сами знают свое коварство, будучи большими знатоками святого писания.

IV. Эти мерзкие, когда беседуют с кем-нибудь впервые, притворяются нравственными и коварно подтверждают и провозглашают все догмы православных христиан; выражаясь иносказательно, [они] нечестивым и

весьма невежественным образом [говорят], что признают святую троицу богом и предают анафеме не признающих ее. [Они] признают, хотя и нечестивым и безбожным образом, что наш господь и наш бог воплотился в деве, и предают анафеме не признающих этого. Они признают все сказанное о человеческом воплощении господя, говоря устами одно, а сердцем другое. Они с готовностью предают анафеме Мани¹⁸ и еретиков, которые [действовали] вместе с ним, а также Павла Самосатского¹⁹, ибо у них были другие учителя и вожди зла, намного хуже вышеупомянутых, о чем будет сказано ниже. Они легко меняют образ, лицо, подобно тому как полипод или хамелеон, чтобы ловить кого-нибудь из доверчивых. И когда увидят, что кто-нибудь обращает внимание на их пустословие, немного знакомят его со своими тайнствами. По этой причине знание вредного полезно не меньше [знания] здорового. Знайте это не ради того, чтобы с ними сойтись, а чтобы избегать пагубы, причиняемой ими. Итак, пора перейти к предстоящему [повествованию].

История

V. Первопричина зла — змей и коварнейший дракон, сеятель плевел, вождь и учитель всякой несправедливости, отец и проводник лжи, болотная трясина гордыни, зыбкая высота хвастовства, попирающий право младенца стопами верующих, разлучивший своим советом бога и человека — его драгоценное творение; он уготовил из-за своей безмерной злости изгнание [человека] из блаженной жизни в рай, дав ему взамен дурное наслаждение. Он купил его по собственному почину, как продажного раба. Единый бог позволил ему это из-за греха и послал его охранять в аду души людей, как в тюрьме, до воплощения божьего сына, господя нашего и бога Иисуса Христа, одного [лица] святой и прославленной троицы. Коварный поработил [человека, заставив его] служить многим, разнообразным и мерзким идолам, творить постыдные деяния и отдаваться наслаждениям, полагая, легко победимый, что он (т. е. человек. — *Р. Б.*), находившийся под его властью, не будет призван [богом]. Но коварному не удастся его ловля, ибо он, вечный лжец, ошибся в своих ожиданиях. Потому что едиnorodный сын и слово божье, не имеющий, подобно своему отцу, начала, вечный вместе с единосущным, животворящим и пресвятым духом, в своем безмерном человеколюбии пожелал опять владеть им (т. е. человеком. — *Р. Б.*), которого вылепил из глины и дуновением своим дал ему божественный образ. Соизволением отца и содействием святого духа, снизошел он [с неба], и, получив плоть от святой девы, одушевленную разумной и мыслящей душой, он становится человеком, не изменив [свое божественное начало], ибо он неизменен, а получил [плоть], которую не имел, ибо он человеколюбив. После его рождения [его мать] осталась девой, она сияла светом девственности и была, говоря словами пророка, прославленной внутри²⁰. Закон и все пророки чудесно предвозвещали о ней и прозорливо предсказали ее славу. Один предсказал: «ворота затворенные, стерегущиеся только богом»²¹; другой — «запечатанный источник»²², третий — «произойдет корень Исеева — дева, и, как цветок от корня, произойдет господь и бог наш, получая от нее плоть»²³; тот же самый сказал — «се дева во чреве приимет и родит сына»²⁴. Ясно, что господь, обитая в ней демургически, от нее получил плоть и от нее происходит воплощенный бог. Но для чего перечислять все эти свидетельства, которые добромслящие люди принимают?

VI. Пусть никто не подумает, что напрасно сейчас мы приводим свидетельства о присно деве и богородице Марии. [Делаем мы это не напрасно], ибо враги истины считают божественные ее роды не истиной, а предположением и болтают, что после божественных родов она родила и других сыновей от Иосифа. Они не считаются со свидетельствами пророков о ней, о чем потом будет сказано точнее. Они, эти безумнейшие, говорят, что следуют изречениям святого Евангелия и Апостола, желая коварным и обманным образом одеть волка в овечью шкуру. Они часто приводят не только книгу святого Евангелия, но и апостольскую и свидетельства пророков и утверждают, что они [пророки. — *Р. Б.*] достойные доверия свидетели, предсказавшие все верно, свидетельствовавшие истину, пробуждающие в слушателях зоркость и пронизательность, чтобы те (т. е. слушатели. — *Р. Б.*) не ошиблись, ибо истина в их изречениях льется потоками. Они полагали действительность основой наблюдения. Но прервав на короткое время разговор о вечно юной, подлинно и воистину прославленной богородице и присно деве Марии, — пусть разорвутся ужасные павликиане. Нам следует вернуться туда, где мы остановились немного раньше.

VII. С явлением на земле нашего великого бога и спасителя Иисуса Христа и с его общением с нами — людьми — изгоняется воц всякое идолопоклонство. Ибо «истинное ведение господя, подобно обилию воды, наполнило всю землю»²⁵. С этого времени небесная благодать управляет на земле, и люди, призывая бога, соревнуются в добродетели с ангелами. На земле был вознесен крест, и хлеб жизни человеколюбиво спустился с неба вместе с божественностью. Он (т. е. Христос. — *Р. Б.*) не спустил [с неба] свое тело, которое не отличается от нашего, а получил его на земле. Он поднялся на древо креста и, оросив землю каплями своей святой крови, сделал ее благоуханной. После того, как освящение его драгоценной кровью и водой оросило [землю], она не прекращает и теперь производить всюду благовонные разнообразные цветы разума. Поэтому почитается древо, которым дается в дар человеческому роду спасение и от которого первопричина зла — враг, низвергнутый на землю, получил смертельную рану в сердце свое. Ни с одним другим символом страданий Христа не произошли такие страшные чудеса, как с чтимым и животворящим крестом господнем: воскресенье мертвых еще до сошествия господя и бога нашего в ад, разрывание завесы, землетрясение, затмение солнца и его воспламенение, которое, с одной стороны, явило мрак иудеев, а с другой — радость воскресенья. Наконец, спасение всех душ, заточенных в аду, которое настало с явлением к ним господя и бога нашего. Также упразднение ада, чтобы он больше не владел душами [людей], усопших во господе. Все эти страшные чудеса творила непобедимая сила святого креста, [творила] силой пригвожденного к нему Христа и бога нашего. Да будут преданы позору и обращены в бегство и погублены не признающие его славу, не поклоняющиеся ему, божьему дару и непобедимому памятнику победы, с непоколебимой верой. Поэтому колдун, самый злой и ненавидящий добро дьявол, разбил свою голову и, получив удар в сердце крестным копьем, больше не может, как прежде, по своему обычаю открыто творить приятные себе мерзости, а тайком смутит души и затмив умы некоторых несчастных, обманывает их «*через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей*»²⁶, сделав их вместе с собой пищей достойной неугасимого огня.

VIII. Не перестал добрый, добрейший и вседобрейший господь по обыкновению своему благодетельствовать своему честному творению человеку. Сначала назначил он в церковь апостолов, которые весьма

ясно возглашали его беспредельную мощь и совершенно правдиво рассказывали о его божественных чудесах, будучи очевидцами его и его слугами. Они не стыдились телесных страданий Христа и не объявляли чудеса ложью, а будучи целиком озабочены истиной, истинно проповедовали воплощенный промысел божьего слова. Затем [он послал] пророков, которые божьим мечом святого духа искореняли скрытые и неизлечимые страсти и выращивали полезные и цветущие ростки добродетелей. В третий раз [он послал] учителей (т. е. отцов церкви. — Р. Б.), которые говорили в пользу тех и других и объясняли с большим совершенством сделанное ими и сказанное ими. И в прошлом и ныне их святыми догмами укрепляется всякая христианская церковь, которую врата ада — разрушительные ереси, никогда не могли и, мы точно знаем, не смогут одолеть, согласно божественному изречению²⁷. Волны болтливости еретиков всегда превращаются в пену. От времени до времени ересиархи вступали в схватку с защитниками православия, но перед светом истины отступал мрак ересей и церковь божья оставалась непоколебимой. Несчастнейшим еретикам недолго удавалось творить зло своих мерзких замыслений, ибо очень скоро их лживая ересь стала для всех очевидной. И когда [ересь эта] стала всем известной и была всеми изгнана, воссияла церковь божья. И ныне и вечно будет она сиять.

IX. Мрачная, грязная, отвратительнейшая и злодейская ересь манихеев преследуется всеми народами из-за ее неизлечимости, за то, что она полна всякой нечисти и потому, что [еретиками] она почитается и чтится глубоко тайно. Еретики усердно стараются не знакомить всех своих людей, и тем более чужих, со своими тайнами и учением, а [знакомят с ними] лишь некоторых, [тех] кого они считают совершенными²⁸ в нечестии. Немного лет назад эта [ересь], целиком созданная и обученная мятежными силами и побужденная сбивающим с пути водительство владыки зла, — сатаны, породила его предтечу — мятеж, являя [всем] других плотских демонов вместе с их вождем дьяволом. Пусть никто не сомневается в том, что они демоны, ибо то, что не осмеливаются демоны говорить или делать, они бесстыдно и не краснея делают и говорят против вседержителя бога и всех людей. Примечательно, что они из-за своих очень постыдных деяний не общаются с людьми и живут, подобно демонам в пустынях. Эти клеветники и отвратительнейшие провозглашают странные и необычные вещи, [утверждая] будто бы опираются на изречения святого Евангелия и Апостола. Теперь я расскажу вам о том, что собой представляют эти [учения], откуда и когда они [появились]. Для этой цели я приведу кое-что из самого важного и, чтобы это легче осталось в памяти, [по порядку] обозначу числом начало [каждого пункта]. После [изложения] их (павликиан. — Р. Б.) истории приступим, с помощью бога, к схватке с ними²⁹, и имеющейся [у нас] силой приведем сразу же для сопоставления к каждой главе доказательства и свидетельства из [святого] писания.

X. Их первая отличительная черта та, что они признают два начала: злого бога и [бога] доброго, [считают] что есть один [бог] — творец мира, над которым он властвует, а другой — [бог] будущего [мира]. И забавно, что это они часто подчеркивают, когда бывают на свободе, всякому, кто бы ни был их собеседником. «Скажи мне, говорит [павликианин], что нас отличает от ромеев?» Они — эти беззаконные, негодяи, неверные, неблагодарные, неблагоприятные, сами называют себя христианами, а нас, настоящих носителей имени Христа, нашего истинного бога, называют ромеями, пытаются собственное имя заменить языческим³⁰. Мы, настоящие христиане, если даже каждый из нас владел тысячами

и десятками тысяч золота, серебра, драгоценных камней, находящихся во всем мире, гордимся [только] им (т. е. Христом. — Р. Б.). Они говорят, что их отличает [от нас] то, что они признают одного бога творцом мира, а другого бога, называемого ими небесным отцом, — обладающим властью не в этом мире, а в будущем. А мы признаем одного и того же бога творцом всего и царствующим над всем и вседержителем. Они нам говорят: «Вы верите [в бога] — творца мира, а мы в того, о ком в евангелиях господь говорит: *«вы ни гласа его не слышали, ни лица его не видели»*³¹. Подобным образом они напрасно и глупо пустословят, о чем мы расскажем потом.

Второе: они прославленную и присно девственную богородицу не называют даже в числе простых добрых людей. Они говорят, что не от нее родился господь, а свое тело он принес с неба и что после рождения господя она родила и других сыновей от Иосифа³².

Третье: они отвращаются от божественного, страшного, святого таинства причащения плотью и кровью господя и нашего бога. Не только они сами [не причащаются], но и других пытаются убедить в этом, говоря, что во время вечери господь своим ученикам давал не хлеб и вино, а символически свои изречения в виде хлеба и вина³³.

Четвертое: они не признают образ, воздействие и силу честного и животворящего креста и окружают его бесчисленными поношениями, тогда как демоны, увидя только очертание его в воздухе, убегают со страхом вместе со своим вождем дьяволом³⁴.

Пятое: они не признают ни одной книги ветхого завета; пророков они называют сбивающими с пути и разбойниками, о чем потом особо будет сказано полнее. Они [принимают] только четыре святых Евангелия, четырнадцать посланий святого апостола Павла, соборное [послание] Иакова, три [послания] Иоанна, соборное [послание] святого Иуды и Деяния апостолов³⁵, как и мы, не изменяя [в них] ни слова. У них есть также богоненавистные послания их учителя Сергия³⁶, полные высокомерия и нечестия. Что касается до двух соборных [посланий] великой и настоящей основы церкви, ключаря небесного царства первоапостола Петра, то они их не принимают и относятся к нему с отвращением и окружают его бесчисленными оскорблениями и бранью, не знаю почему. Но скорее, как я предполагаю и много раз говорил лично, потому, что он (т. е. Петр. — Р. Б.) предсказал, что будущее их (т. е. павликиан. — Р. Б.) будет соответствовать их нечестивой природе. Об этом блаженный апостол говорит в своем втором послании: *«Итак, возлюбленные, ожидая всего этого, то есть второго пришествия господя, потщитесь явиться перед ним неоскверненными и непорочными в мире; и долготерпение господя нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех своих посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей гибели, превращают, как и прочие писания»*³⁷. За эти слова они и порицают апостола, а на самом деле это лишняя всякого риторического силетения похвала его пророчеству, сделанному с полной ясностью.

Шестое: они отвращаются от священнослужителей церкви; они говорят, что священнослужители выступили против господя, и поэтому не нужно их упоминать, отвращаясь даже от одного их имени; об этом потом, при более глубоком рассмотрении, будет сказано яснее — о каждом в своей главе³⁸.

Уже пора начать изложение исторических сведений. Начну так: [изложу] сначала сказанное блаженным Кириллом в катехизисах³⁹, после

чего, чтобы смысл был более понятным, добавлю то, что мне стало известно [о еретиках].

XI. Пресловутый Мани не христианского происхождения, да не будет! Он также не был изгнанным, подобно Симону, из церкви, — ни он, ни бывшие до него учителя подобного зла. Он вор, усвоивший дурные учения других ересей; а как это он делал и каким образом, слушайте! В Египте жил некий Скифиан, по происхождению сарацин, не имевший ничего общего ни с иудейством, ни с христианством. В Александрии, где он жил, он подражал Аристотелю и сочинил четыре книги. Первая называлась «Святые Евангелие»; она, однако, содержала деяния не Христа, а смертных, и только название было такое у нее. Другая называлась «Главное», третья — «[Книга] тайств», цель составления которой — опровержение [Моисеева] закона и пророков. Четвертую называют «Сокровищем жизни», хотя она есть сокровище смерти. Учеником его был некто по имени Теревинт. Вышеупомянутый Скифиан, прибывший в Иудею и осквернявший ее, был убит [ниспосланной] богом болезнью и этим зараза была прекращена. А ученик зла Теревинт, будучи наследником деда, книг и ереси, прибыл в Палестину. В Иудее все его узнавали и осуждали, поэтому он оттуда перешел в Персию, где назвал себя Буддасом, чтобы его и там опять не узнали по имени. Противниками его там оказались последователи Митры. Во время великих споров и перебранок с ними, он (т. е. Буддас. — Р. Б.) был изобличен. Будучи выгнанным отсюда, нашел убежище у некоей вдовы. Затем, поднявшись на крышу дома, он воззвал к воздушным демонам, которых и до сих пор манихеи зовут со своего гнусного фигового дерева, и, получив от бога удар, упал с [крыши] дома и умер. Таким образом был истреблен второй зверь.

XII. Но остались книги, упоминающие о нечестии, наследником которых, как и денег, оказалась вдова. Не имея ни родственников, ни кого-нибудь другого, она решила на эти деньги купить мальчика по имени Кубрик. Усыновив его, она дала ему персидское образование, оттачивая против человечества злую стрелу. Дурной раб Кубрик рос среди философов. После смерти вдовы он унаследовал и деньги, и книги. Затем, чтобы рабское имя Кубрик не принесло ему позора, он вместо [имени] Кубрик, назвал Мани, что по-персидски значит «собеседование», ибо ему казалось, что он какой-то диалектик или искусный оратор. Хотя персидское значение [этого слова] и снискало ему добрую славу, но божий промысел невольно сделал так, что он сам себя осудил. В то время, как он думал о своем почете в Персии, для греков его имя стало [означать] «манию». Он дерзнул говорить, что он сам есть Параклит, и называл себя святым духом, совершая богохульство, ибо написано: «кто будет хулить духа святого, тому не будет прощения»⁴⁰. Если из выступающих до него Скифиан дерзнул себя назвать Отцом, то Буддас [назвал себя] сыном бога и Отца, родившимся от девы и вскормленным в горах. Поэтому этот антихрист и послал двенадцать учеников проповедовать заблуждение. Тот, кто общается с ними, пусть увидит, с кем он пребывает. Потряс раб вселенную и, выступая, объявил, что может совершить сверхчеловеческие [дела].

XIII. Болел сын персидского царя, за которым ухаживало множество врачей. Мани объявил, что он сможет вылечить его. Удалились врачи, а вместе с ними и жизнь мальчика. После этого срамили [этого] человека за его нечестие и заключили его в тюрьму. Философ был заключен в тюрьму не потому, что был осужден за порицание царя во имя истины, и не потому, что он уничтожил идолы, а потому, что солгал, обещая спасти [мальчика]. Но, скорее, если надо сказать правду, за убийство. Ибо он

стал причиной смерти того, кого можно было спасти врачебной заботой. Удалив врачей, он убил его своей небрежностью. Говоря о многочисленных его злодеяниях, я припомню, во-первых, его богохульство; во-вторых, его рабское происхождение, не потому, что рабство позорно, а потому, что нехорошо рабу действовать против свободы; в-третьих, его ложное обещание; в-четвертых, убийство мальчика; и, в-пятых, позор тюрьмы, и не только позор тюрьмы, но и [позор] побега из тюрьмы, ибо называющий себя Параклитом и поборником истины убежал. Он не был преемником Христа, шедшего добровольно к кресту, а наоборот, был беглецом. Персидский царь приказал повесить тюремщиков. [Таким образом] Мани своей гордыней стал причиной смерти мальчика, а своим побегом — причиной смерти и тюремщиков. Стоит ли поклоняться ему, причине смерти, как Параклиту? Не подобает ему подражать Христу и говорить: «Если меня ищете, оставьте их, пусть идут»⁴¹, не подобает говорить подобно Ионе: «Возьмите меня, и бросьте в море, ибо ради меня эта буря»⁴².

XIV. После побега из тюрьмы он приходит в Месопотамию, где встречает его оружие правосудия — епископ Архелай, который изблудил его, причем судьями были философы, а слушателями — язычники, чтобы потом не говорили, что судьи, будучи христианами, были пристрастны. Архелай обращается к Мани и спрашивает его: «Расскажи мне, в чем заключается твоя проповедь?» Тот, чьи уста были похожи на открытую могилу, начал с богохульства творца всего, [говоря] что бог Ветхого [завета] есть изобретатель бедствий, ибо о себе он говорит: «я огонь поядающий»⁴³. А мудрый Архелай, осуждая богохульство, говорит: «Если бог Ветхого [завета] называет себя, по твоим словам, огнем, то чьим сыном является говорящий: «Огонь пришел я низвести на землю?»⁴⁴. И если порицаешь говорящего «Господь умерщвляет и оживляет»⁴⁵, почему считаешь Петра⁴⁶, который воскресил Тавифу⁴⁷, а умертвил Сапфиру?⁴⁸ Если порицаешь [бога Ветхого завета] за то, что он приготовил огонь, почему не порицаешь говорящего: «Идите в огонь вечный?»⁴⁹ Если порицаешь говорящего: «Я, господь, делаю мир и произвожу бедствия»⁵⁰, почему не порицаешь Иисуса, говорящего: «Не мир пришел я принести на землю, но меч?»⁵¹ Оба то же самое говорят и оба хороши в своем единогласии. Если Иисус безупречен, говоря это, почему ты порицаешь говорящего то же самое в Ветхом [завете]? После этого Мани спрашивает [Архелая]: «Какой бог ослепляет? Ибо Павел говорит: «Бог века сего ослепил умы неверующих, чтобы для них не воссиял свет познания славы благовествования о Христе»»⁵². Архелай, подчеркивая, ответил: «Прочти то, что здесь написано: «Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих»⁵³. Видишь, что оно закрыто для погибающих? «Не надо давать святыни псам»⁵⁴. Разве только бог Ветхого [завета] ослепил мысли неверующих? Разве и сам Иисус, ослепивший Павла, не сказал? «Потому говорю им притчами, что они видя не видят»⁵⁵. Разве не из ненависти [к ним] хотел он, чтобы они не видели? Или за то, что они, недостойные, закрыли свои глаза? Где самовольное лукавство, отсюда уходит сияющая благодать. Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что, как ему кажется, он имеет»⁵⁶. И если некоторые справедливо толкуют так, то так оно и есть, ибо не плохо изреченное. Если он ослепил мысли неверующих, как Христос глаза Павла, то ослепил их ради добра, чтобы они обратили взоры свои к святому. Он сказал, что ослепил не душу их, но мысли неверующих. Смысл сказанного такой: ослепи блудные мысли блудника — и спасен человек. Ослепи разбойничьи и хищные мысли разбойников — и спасен человек. Не хочешь так понять, есть и другое толкование. Солнце ослепляет людей с тупым зрением. Люди с больными

глазами слепнут, поврежденные светом не потому, что солнце ослепляет, а потому, что сущность глаз хвора. Так и неверующие, будучи душой больными, не могут посмотреть на божьи лучи. Он сказал, что ослепил их мысли не для того, чтобы для них не воссияло евангелие, а для того, чтобы для них не воссиял свет славы евангелия Христа. Всем разрешается слышать евангелие, но слава евангелия Христа предназначена для [его] настоящих рабов. Господь говорил притчами с теми, которые не могли слушать, а [своим] ученикам отдельно он объяснял [смысл] притчей. Воссияние славы — для просвещенных, а ослепление — для неверующих. Тебе, новообращенному, сейчас церковь рассказывает эти таинства, ибо не принято об этом рассказывать язычникам. Мы язычникам не рассказываем о таинствах, об отце, сыне и святом духе, а также при новообращенных о таинствах не говорим явно, и часто говорим скрыто, чтобы знающие верующие поняли, а не знающие не получили вреда.

XV. Такими и многими другими [речами] ниспровергался дракон и в подобных схватках побеждал Мани Архелай. [Но] убежавший из тюрьмы убегает и из этого места и от [своего] противника и приходит в одно очень бедное селение, подобно змею в раю, который оставил Адама и пришел к Еве. Но добрый пастырь Архелай, заботящийся об овцах, узнав о [его] побеге, тотчас поспешно приступил к поискам волка. Мани же, увидев супостата, неожиданно выскочил [из укрытия] и убежал, но в последний раз. Ибо телохранители персидского царя, искавшие его всюду, схватили беглеца, и кару, которую он должен был получить от Архелая, воздали ему слуги царя. Был пойман Мани, которому поклонялись его ученики, как Параклиту, и приведен к царю. Царь поносил его за ложь, насмеялся над его рабским происхождением и над его побегом. Он отомстил за убийство мальчика и за тюремщиков и осудил его, приказав, согласно персидскому закону, содрать с Мани кожу. Ободранное тело его было выброшено в пищу зверям, а кожа — сосуд злейшей мысли, была повешена, подобно мешку, перед воротами. Называвший себя Параклитом и бравшийся предсказать будущее, не предугадал собственного побега и поимки.

XVI. До него [Мани. — Р. Б.] был и другой учитель подобного зла по имени Заранес, который был его единомышленником. У антихриста Мани было двенадцать учеников, его преемник Сисиний, Фома, составивший манихейское евангелие, носящее его имя, Буддас, Гермас, Адант и Адидмант, которого послал [Мани] в разные страны проповедником заблуждения. Толкователями и записывающими [его] учения] были Гиеракс, Гераклид и Афтоний. Остальные три ученика его были: составитель Семисловия Агапий, Заруас и Габриабий. Пусть никто не читает евангелие от Фомы, ибо оно [принадлежит] не одному из двенадцати апостолов, а одному из двенадцати грешных учеников антихриста Мани, равно как [не читает] и Семисловие Агапия, сборник посланий и вообще не прочтет ни одной книги, написанной этими нечестивцами на вред многим и на гибель собственной души. Наша святая православная и апостольская церковь предала анафеме все их книги, как содержащие нечестивые учения и как полные всякой хулы; все так называемые у них молитвы, а в действительности колдовства, вместе с изложившими их, как изобретателями великих бедствий и вождями гибели. Она предала анафеме также их учеников.

XVII. Поэтому пусть никто не общается, к своему несчастью, с душепагубными манихеями, которые [расхлебывая] похлебку из шелухи, притворяются, будто соблюдают страшный пост; клеветуют [на бога — творца] пищи, будучи прожорливыми; которые проповедуют, что вырывающийся какое-нибудь растение превращается в него. Но если вырываю-

щий растение или какую-нибудь зелень превращается в него, во сколько [растений] должны превращаться земледельцы и садовники? Мы видим, на сколько таких [растений] поднял свой серп садовник, и любопытно, во что он превратился? Поистине, эти учения смешны, предосудительны, полны всяческого позора. Один и тот же человек, будучи пастухом овец, и пожертвовал овцу, и убил волка. В кого же этот [человек] превратился? Манихеи — это порождение праздности, не работающие, но съедающие работающих; с улыбкой на лице они получают пищу от приносящих ее им, но вместо благословения дают им взамен проклятия. Когда какой-нибудь безумный приносит им что-нибудь, [манихей] говорит ему: «Постой немного снаружи, а я благословлю тебя». Потом, как признались раскаявавшиеся из них, манихей, взяв в руки хлеб, говорит ему: «Я не пек тебя» и проклинает единственного всевышнего бога и проклинает пекшего его, и после этого ест приготовленный [хлеб]. Если ты ненавидишь пищу, почему с улыбающимся лицом обратил свои взоры к принесшему [ее]? Если благодарен принесшему, почему богохульствуешь против бога, создавшего и сотворившего [пищу]? [Манихей] продолжает, [обращаясь к хлебу]: «Я не посеял тебя, да будет посеян посеявший тебя. Я не пожинал тебя, да будет пожинавший тебя пожат серпами. Я не пек тебя в огне, да будет испечен пекший тебя». Хорошее воздаяние, нечего сказать.

XVIII. Все это конечно очень плохо, но никакого сравнения с остальными. Не осмелюсь при женщинах и мужчинах рассказывать о их бане. Не осмелюсь сказать во что они обмакивают смокву, давая ее несчастным, скажу лишь иносказательно. . . ⁵⁷. Но, действительно, мы мараем язык, говоря подобные вещи. Неужели язычники гнуснее их? Неужели евреи нечестивее их? Неужели блудники грязнее их? Занимавшийся блудом сделал это на час, ради желания, но потом, замечая худое в поступке, он как запятнанный, знает, что нуждается в бане, знает гнусность поступка. А манихей по своему обычаю все это делает в середине алтаря и оскверняет и язык и уста. Скажи мне, ты принял бы из таких уст учение? Вообще, встречая его, поцеловал бы? Не говоря об остальном нечестии, не избегал бы ты [этих] зараженных, наихудших из всех распущенных, самых гнусных по сравнению с прежними еретиками? Итак, это завещает церковь; она учит и прикасается к нечистотам, чтобы ты не пачкался, получает ранения, чтобы ты не поранился. Тебе достаточно знать [об этом], а испытывать — воздержись. Гремит бог, мы все дрожим, а они хулят; мечет бог молнию, мы все наклоняемся, а они обращают свои хулящие языки к небу. Нам господь и бог Иисус говорит про своего отца: «Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми, посылает дождь на праведных и неправедных» ⁵⁸, а они говорят, что [дождь] происходит от любовного безумия. Они дерзают говорить, что на небе находится красивая девушка вместе с красивым юношей, и во время [случки] верблюдов или волков к ним приходит постыдное желание. Зимой этот [юноша] бешено преследует девушку, которая бежит от него, а он, бегая за ней, потеет. И вот, от его пота происходит дождь. Это написано в манихейских книгах. Это мы прочли, не веря разговорам. Ради вашей безопасности мы занимались [изучением] их пагубной [ереси]. Да спасет нас господь от такого заблуждения.

XIX. А Сократ Схоластик, писавший Церковную Историю, коротко излагая [историю] о Скифиане и Тереминте, переименовавшем себя в Буддаса, и о Мани, полностью соглашается с великим отцом нашим Кириллом. Но и все священное и божественное писание сильно порицает их ересь. Поэтому их преемники (т. е. павликиане. — Р. Б.), не в силах переносить порицания, но вместе с тем, желая прикрыть зло, замышляют лукавый способ. Они отвергают вышеупомянутые безбожные манихейские книги,

а заключающуюся в них одну только цель передают от поколения в поколение устно. Они устанавливают и следующее: нельзя читать других книг, кроме одного Евангелия и святой книги Апостола. Это они делают с той целью, чтобы из-за отсутствия манихейских книг и находящихся у нас древних книг неоднократным чтением Евангелия и апостолической книги они смогли бы иметь очевидный повод осуждать истину и обманом [внушать] невежественным и простым людям, будто от Христа и от проповеди проповедника прославленной веры апостола Павла получили они подобную отвратительнейшую ересь. Кроме того, они стараются благоухающим и чтимым именем Христа приккрыть наихудший обман, как волка овечьей шкурой. Читая одни только эти книги, они могут повернуть по собственному желанию толкование их, но никоим образом — остальных божественных писаний. Итак, они отбрасывают ветхозаветные книги, как я сказал, из-за порицаний, как и [книги] наших боговдохновенных отцов [церкви], чтобы корень их (павликиан. — Р. В.) зла не был побежден помощью этих [книг] и все они избегают их, как огня. Но мы, желая, чтобы корень этот был окончательно побежден, приведем свидетельство и другой книги и поставим его здесь для вящего убеждения читателей.

XX. Наш великий и чудотворный отец Епифаний Кипрский, упоминающая о том, как порицали Мани, и о смертной казни, назначенной ему персидским царем по божьему правосудию, пишет следующее. В девятом году царствования римских императоров Валериана⁵⁰ и Галлиена⁶⁰ отправился Мани из Персии, убежав из тюрьмы [куда он был заключен] за убийство сына персидского царя. Вступив в спор с епископом Кархаров Месопотамии Архелаем, но без успеха, [Мани] тайком убежал оттуда. Войдя в селение Диодорис Кархарского округа, он спорил с неким Трифоном, святейшим пресвитером и вконец был им опозорен. А Архелай, узнав, что [Мани] пришел к Трифону и спорит с ним, быстро настиг его и, тотчас же поспорив с ним, вконец опозорил его. Народ собирався сейчас же умертвить [Мани], но, спасенный епископом Архелаем, он вернулся в Персию. Персидский царь, узнав его, приказал содрать с него кожу. Таким образом кончил свою жизнь Мани.

XXI. Некоторые из его учеников дошли до Самосаты в Армении⁶¹ и, посеяв там плевелы коварства, обманули многих тамошних армян. Спустя некоторое время, корень злейшего посева, разрастаясь, принес многим смертоносные плоды повсюду вплоть до Фанарии⁶². Ибо некая женщина из Самосаты по имени Каллиника имела двух сыновей Павла и Иоанна, этих двух змей. Воспитав и обучив гнуснейшей ереси, [она] породившая их ехидна, послала их из Самосаты проповедывать заблуждение. Они перешли в одно селение прихода Фанарии и, найдя жителей его невежественными и не устойчивыми [в вере], посеяли там яд коварства и горькие плевелы дьявола. Поэтому до сих пор это селение называется Эписпарис⁶³, а ересь получила название от имени проповедовавших, ибо с тех пор они начали называться вместо манихеев павликианами⁶⁴. Чтобы эта зараза, распространившись, не заразила многих из нас, наши благочестивейшие и православные цари, побуждаемые божьим рвением, время от времени убивают манихеев, находящихся на территории Ромейского государства, [делая это] согласно сказанному господом в Евангелиях: *«Не желающих, чтобы я царствовал над ними, приведите ко мне и избейте их»*⁶⁵.

XXII. Много было врагов у божьей церкви, но всегда у нее бывает гораздо больше побед с его (т. е. Христа. — Р. В.) помощью. Ненавистник добра, изобретатель козней дьявол, как некий весьма страшный и жестокий враг, без пользы опустошая свой колчан в прежних ересях,

свою самую смертельную стрелу против человечества пустил в последние времена, ибо, согласно боговдохновенному и святейшему писанию, [дьяволу] разрешено будет богом всего [сущего] действовать в конце веков не скрыто, а открыто. Там говорится, что антихрист под воздействием коварного совершит чудеса, *«чтобы прельстить, если возможно, и избранных»*⁶⁶. Итак, выражая свою дерзость во всех ересь, он высказал свое высокомерие в гнусной ереси манихеев, называемых и павликианами. Он даже убедил получающих ранения людей, не объявлять о них и выпивать яд, как сладкое вино. Теперь все издеваются и смеются над ними и над его последователями, как над смешными и глупыми. Его злость была открыта в дни наших благочестивых, православных и великих царей Василия, Константина и Льва. Ведь злейший яд раньше был скрытым, и почти никто не знал о гнусных павликианах, но теперь их открывают с помощью бессонных молитв и неустанных забот, приятной богу бдительностью и искусным управлением миротворцев и православных великих царей наших. Скрытое коварство этой гнусной ереси осталось неизвестным всем царствовавшим до них⁶⁷, но оно стало ясным нашим мироздателям святым и великим царям. Ибо пришла пора восторжествовать над этой ложью. И да будут навеки памятны ровная царственной основа⁶⁸ и прямая царствующая стезя, воистину благая и любимая за все ее почетные и славные деяния, а также — ее благочестивые сыны и наши великие цари — Константин и Лев, вечные августы. Числом равная святой, блаженной, животворящей и божественной троице, троица наших святых царей, блещущая бессмертным светом, посылает вселенной лучи богосознания и не прекращает многообразно благодетельствовать ей. Величину ее благодетельствия чувствуют даже иноязычные и дикие народы. Но об этом достаточно.

XXIII. О происхождении этой гнусной ереси мы уже сказали, когда подробно повествовали о Мани и об остальных — о Павле Самосатском, сыне манихейки Каллиники, и о его брате Иоанне. Но что касается тех, о которых мы будем рассказывать далее, они, хотя и прибавили к прежним еретическим учениям кое-какие пустословия, как об этом сказано в шести речах⁶⁹, но [в общем] остались подлинными учениками предшествующих ересиархов, как будет сказано подробнее. Теперь мы расскажем о том, кто были эти выступившие в последнее время [ересиархи], на которых опираются павликиане и кого считают своими учителями. В царствование Константина⁷⁰, внука Ираклия, в селении Мананалис⁷¹ возле Самосаты в Армении выступил некий армянин по имени Константин. Это селение до сих пор вскармливает манихеев. Этот Константин приютил в своем доме на несколько дней некоего пленного дьякона, возвращавшегося, как точно мы узнали, из Сирии на свою родину и остановившегося по пути в Мананалисе. Этот пленный принес с собой из Сирии две книги: святое Евангелие и книгу Апостола, которые отдал в дар Константину в качестве платы за гостеприимство. Последний, получив обе книги — Евангелие и [книгу] Апостола и видя, что его беззаконная, гнусная ересь всем противна и все избегают ее из-за ее богохульств и постыдных деяний и, вместе с тем, желая возобновить зло, с дьявольским усердием измышляет следующее: [он повелевает своим ученикам] не читать больше никаких других книг, кроме Евангелия и Апостола. [Он надеялся] с помощью [этих книг] скрыть вред, причиняемый ересью. Это похоже на то, как дающие пить людям смертельный яд, скрывают его под медом. Таким образом, взяв из вышеупомянутых манихейских книг всю суть каждого богохульства, он смог с помощью сатаны исказить мысли Евангелия и Апостола, толкуя их по собственному желанию. И он,

как уже говорилось, выбросил часто упоминавшиеся нами манихейские книги. Ибо они и есть, главным образом, причина того, что многие из-за них предаются мечу. Ибо божественные и православные цари [стоящие] над нами, настоящими христианами, сверх всех своих добрых и славных деяний, повелевают и следующее: манихеев и монтанистов карать мечом, их книги предавать огню и, если найдется кто-нибудь скрывающий эти книги, вынести ему тот же самый смертный приговор, а его имущество конфисковать ⁷².

XXIV. Ученик Мани Константин, желая обманом окончательно погубить своих учеников и заставить их легко принять сказанное им, хотел отбросить от себя, как недопустимые, чудовищные высказывания и богохульства Валентия, — говорю о тридцати поколениях и богах, — а также выдуманную повесть Кубрика о дожде, согласно которой дождь происходит от пота красивого юноши, преследующего девушку, и кое-что другое. Он это сделал не с целью спасения от величайших бедствий, а чтобы многих притянуть к себе. Одобрив безнравственность и мерзости пользовавшегося дурной славой Василида и зловонную грязь всех остальных, он выступил как некий новый вождь погибели. Поэтому все теперешние наследники манихеев, незнакомые с этими уловками, с готовностью предают анафеме Скифиана, Буддаса и Мани, которые были первыми вождями ереси. А этого Константина, назвавшего себя также Сильваном ⁷³, и выступивших после него, почитают как апостолов Христа и приравнивают к Павлу. Этот Константин, он же Сильван, оставив Мананалис, пришел в крепость Кибоссу у Колонии ⁷⁴, где и поселился. Он говорил там, что является Сильваном, упомянутым в посланиях апостола [Павла], которого Павел, как верного ученика, отправил в Македонию. Он показывал своим ученикам книгу Апостола, которую получил от вышеупомянутого пленного диакона, и говорил: «Вы — македоняне, а я — Сильван, посланный Павлом к вам». И это говорил он, выступая шестьсот лет спустя после мученичества Павла, как было сказано выше, при царе Константине, внуке Ираклия.

XXV. Там он прожил целых двадцать семь лет и, обманув многих из местных жителей, умер потом смертью, достойной своей проповеди. Царь, не знаю каким образом, узнав о нем, отправляет туда некоего придворного по имени Симеон, поручив ему избить камнями служителя ереси, а его учеников, обманутых из-за своего невежества, отдать церквям бога для обращения и исправления (но они остались неисправленными). Так и произошло. Симеон, прибыв туда, и взяв с собой некоего из местных архонтов по имени Трифон, пошел на то самое место, схватил всех и приведя их в южную сторону крепости Колонии, поставил несчастного [Сильвана] перед его учениками и приказал им побить его камнями. Ученики брали камни, но бросали их назад, падая собственного учителя, как посланного им богом. Этот Сильван за несколько лет до того усыновил некоего Юста, которого обучил манихейской ереси и получил тогда от него вознаграждение, достойное его (т. е. Сильвана. — Р. Б.) воспитания и учения. Юст, получив приказ от придворного и взяв камень, бросил в [Сильвана] и убил его как нового Голиафа. Исполнились на нем слова Давида, которые гласят: «Рыл ров и выкопал его: злоба его обратится на его голову» ⁷⁵. И эта местность из-за собранных там камней была названа «Сорос» ⁷⁶ и так [называется] поныне.

XXVI. Согласно царскому повелению, Симеон передал учеников Константина церквям божьим для обращения, но они остались необращенными, предпочитая скорее умереть еретиками, чем своим покаянием добиться милости бога и обрести счастье вечного спасения. Их попра-

шивал Симеон, но, не имея богословского образования и, более того, будучи легкомысленным, он сам примкнул к этой губительной ереси. Возвратившись к царю, он три года оставался у себя дома в Константинополе, где окончательно подпал под воздействие дьявола и, оставив все, тайком убежал. Он пришел в вышеупомянутую Кибоссу, где собрал вместе учеников Константина и стал наследником ереси. Подобно ересикам, выступившим до него, он, желая приписать себе добрую славу, назвался Титом. Я его называю не Титом, ибо он не был похож на критского епископа, рукоположенного апостолом Павлом, а Китом, потому что он был подобен морскому киту, который скрывается в водах. Некоторые рассказывают о морском ките следующее: он называется «аспидохелоне» ^{76а}, величиной подобен острову, голос у него грубый. Благодаря этому, моряки не узнают его и бросают на него якоря, вбивают кольца, за которые привязывают корабли. Но когда зажигают на нем костер, животное нагретшись, внезапно погружается и топит всех в глубинах моря. Так и он. Не узнавших силы его зла, не избегавших его грубого голоса, но обративших на него внимание и забросивших на него якорь надежды, он низвел через огонь в глубины ада, ибо он и заблудившиеся вместе с ним погибли на костре и отправились в неугасимый огонь ⁷⁷.

XXVII. Там [в Кибоссе] он оставался три года и обманул многих. Затем между вышеупомянутым Юстом, убившим ударом камня Константина, и Симеоном-Китом возник спор вокруг апостольского изречения, которое находится в послании к Колоссянам и которое гласит: «Ибо им создано все, что на небе и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, начальства ли, власти ли, — все им и для него создано. И он есть прежде всего и все им стоит» ⁷⁸. Выступает Юст и говорит: «Не обманываем ли мы людей и не губим ли души людей безумно, проповедуя противное апостольским изречениям, из-за чего во время страшного суда мы расплатимся за грехи их душ?» Симеон остался убежденным, а наоборот, продолжал по своей привычке искажать смысл изречения, пытаясь толковать его по собственному желанию. Между Юстом и Симеоном возникла большая ссора, после чего Юст поднимается к епископу Колонии и, желая узнать настоящий смысл апостольского изречения, сообщает ему все о себе, об остальных своих единомышленниках и о своей ереси. Епископ незамедлительно осведомляет об этом царя Юстина ⁷⁹, царившего после Ираклия. Царь, узнав об этом, повелел допросить всех вместе и оставшихся в заблуждении предать огню, что и было сделано. Около Сороса сложили большой костер и на нем сожгли всех сразу.

XXVIII. Один из них по имени Павел, по происхождению армянин, вместе со своими двумя сынами Гегнесием ⁸⁰ и Феодором, убегает и приходит в вышеупомянутый Эписпарис, о котором мы подробно говорили, когда рассказывали о сынах Каллиники Павле и Иоанне ⁸¹, по чьему имени (т. е. по имени Павла. — Р. Б.), вместо манихеев они стали именоваться павликианами ⁸². Павел своего сына Гегнесия, которого переименовывает в Тимофея, отдает в школу безбожия. Между обоими братьями, Гегнесием и Феодором, возникает распря. Каждый из них говорит, что сам получил божью благодать святого духа. Эти поборники гнусности, споря между собой, ненавидели друг друга великой ненавистью, и так продолжалось до конца их жизни.

XXIX. Узнав о них, царь (тогда правил Лев Исавр) ⁸³ призывает к себе Гегнесия-Тимофея, скорее Тимофея ⁸⁴, и отправляет его к константинопольскому патриарху ⁸⁵. Увидев его, патриарх спрашивает: «Почему ты отрекся от православной веры?» Тот отвечает: «Анафема отрешемуся от православной веры» (православной верой он считал

свою собственную ересь). Патриарх задает ему вопрос: «Почему не веришь и не поклоняешься честному кресту?» Он отвечает: «Анафема не поклоняющемуся и не почитающему честной и животворящий крест». Крестом же он считал Христа, который, распростерши руки, образовал [своим видом] крест. Опять спрашивает его: «Почему не почитаешь святую богородицу и не поклоняешься ей?» Он отвечает: «Анафема не поклоняющемуся пресвятой богородице, в которую вошел наш господь Иисус Христос, матери всех нас». Считал же он таковою верхний Иерусалим, в который вошел предтечей за нас Христос. Опять спрашивает его патриарх: «Почему ты не причащаешься нетленным телом и чтимой кровью нашего господя Иисуса Христа, а наоборот оскорбляешь это [тайнство]?» Фимофей отвечает: «Анафема не причащающемуся телом и кровью нашего господя Иисуса Христа и оскорбляющему его». Имел же он в виду его (т. е. Христа. — Р. Б.) изречения. Потом, будучи спрошен о святой православной и апостолической церкви, он отвечал подобным же образом, называя православной церковью манихейские сборища. Также и относительно крещения он говорил, что крещение есть сам господь Иисус Христос и нет другого, ибо написано: «*Я вода живая*»⁸⁶. Таким образом, Фимофей, все искажая и каждый раз возглашая анафему, был признан непричастным к злу и, получив от царя сигиллий⁸⁷, пришел опять в Эписпарис. Там он, собрав всех своих учеников, бежит вместе с ними в богоненавистный Мананалис, откуда выступил вышеупомянутый Константин. Там он оставался много лет и, наконец, придя в крайнее бешенство и получив от злых ангелов послание гнева, ярости и печали, был сражен богом — умер от чумы⁸⁸, будучи поборником нечестия целых тридцать лет.

XXX. Он имел сына по имени Захарий, который, когда пас за плату коз, на дороге нашел выброшенного незаконнорожденного ребенка, завернутого в пеленки. Блудница умеет выбрасывать на улицу своих детей, боясь [своего] преступления. После смерти Гегнесия его ученики разделились на две части. Одни примкнули к Захарии, остальные к незаконнорожденному Иосифу, — так он звался. После того, как между ними возникла большая распря, как это бывало [между ересиархами] и до них, и каждый из них считал, что он сам получил благодать духа, оба оказались под воздействием нечистого духа. И вот Захарий разозлился, как будто лишился отцовского наследства, и, ударив камнем Иосифа-Афронита, чуть не убил его. Через некоторое время каждый из них во главе своих учеников хотел тайком убежать из этой местности, но как только они удалились от селения, агаряне начали подозревать, что они хотят пройти в Романию, и начали отыскивать их. Захарий, как увидел, куда бежали агаряне, бросил своих учеников и сам убежал, а агаряне, дойдя до них, побили их мечами. Поэтому остальные носили Захария за то, что он был не настоящим вождем, а наемником⁸⁹.

XXXI. Иосиф-Афронит, узнав об этом (т. е. о резне. — Р. Б.), направляет повозку в другую сторону, [делая вид] будто едет в Сирию, и когда приблизились к нему сарацины, сказал, что они идут пасти животных и варить сыр. Агаряне, получив такой ответ, оставили их в покое и ушли⁹⁰. Иосиф-Афронит, пользуясь удобным случаем, побежал вместе со всеми своими от этого места и пришел в селение Эписпарис, не раз упоминавшееся [нами], где был с радостью встречен его жителями⁹¹. Все, зажегши лампы, с большой честью встречают его, достойного большого нечестия, как будто он был учеником Христа. Узнав об этом некий благочестивый муж из местных архонтов, по имени Крикоракес⁹², во главе многих воинов окружил дом, где остановился ученик Мани. Ему удалось схватить его учеников, но сам [Иосиф] убежал во Фригию, а от-

туда в Антиохию Писидийскую. Он также, будучи подвижником этого зла тридцать лет, говорил своим ученикам, что сам он — ученик апостола Павла, Эпафродит, и что он послан к ним [Павлом]. Но вернее назвать его Афронитом⁹³, ибо он был совсем неграмотен и непричастен к благоразумию. [Своим] коварным злом сделав многих достойными вечного наказания, он кончил свою жизнь там в местности, называемой Хортокопион⁹⁴. Еще при его жизни одна из его учениц в Армении имела от незаконной связи с одним из его учеников, как говорят, евреем, сына — известного злодейством, низкого Ваана. Этот Ваан и наследует Афрониту и становится учителем зла, а ересь, полную всякой нечисти, он хранил целью, как ее получил от прежних [ересиархов]. И много безумных привел он к окончательной гибели.

XXXII. Через некоторое время выступает еще один противник истины из города Тавии⁹⁵. Вблизи него есть селение, называемое Анния, в котором жил некий муж по имени Дриин. Он имел сына, называемого Сергий, поборника дьявола. Сергия, превратившего многих людей из овец в волков и с их помощью разогнавшего паству Христа; Сергия, страшного волка, в овечьей шкуре коварно притворившегося добродетельным и таким путем обманувшего многих людей; Сергия, врага креста Христова, [Сергия], уст безбожия, обидчика богородицы и всех святых; Сергия, врага апостолов Христа, ненавидящего пророков, искажавшего святое писание и обратившегося к мифам и лжи; Сергия, ненавистника Христа, врага церкви, презревшего сына божьего, осквернявшего кровь завета и хулящего дух милости: Сергия, считавшего себя Параклитом⁹⁶, назвавшего себя Тихиком⁹⁷, которому ученики его поклонялись как святому духу; Сергия, любимца тьмы, назвавшего себя сияющей звездой. Почему же я продолжаю говорить и не заключаю своего слова скорее? Я же знаю, что не хватило бы всего века должным образом рассказывающему о его злости. Этот Сергий еще в молодости беседует с одной женщиной манихейкой и, будучи обманутым ею, становится предтечей антихриста. Надо же, чтобы учителя самой противной ереси происходили или от сарацинов, или от арабов, или были рождены от блуда, или введены женщинами в заблуждение.

XXXIII. Расскажем о нем немного, чтобы не думали, что напрасно обвиняем его. Прежде всего скажем о том, как этот несчастный примкнул к ереси, затем приведем отрывки из его изречений, чтобы показать вам, каков он, вернее, каким он был, этот несчастнейший. Будучи еще молодым, он, как уже сказано, встретился с некой бесстыдной женщиной-манихейкой. Эта ученица дьявола, будучи лукавой и коварной, говорит ему: «Я слышала о тебе, господин [мой] Сергий, что ты очень грамотный, образованный и во всех отношениях добрый человек. Скажи же мне, почему не читаешь святые евангелия?» Сергий легко поддался обману ее слов; более того, не имея представления о скрытом в ней яде зла, он ответил: «Неудобно читать их нам, светским лицам, а [надлежит] только священникам». Она говорит ему: «Это не так, как ты думаешь; у бога нет лицепрятия, ибо *«господь хочет, чтобы все спаслись и достигли познания истины»*⁹⁸. Но так как ваши священники торгуют божьим словом и скрывают находившиеся в евангелиях тайнства, то они не читают вам все, что там написано, так, чтобы вы поняли. Одно читают, другое нет, чтобы вы не достигли познания истины. Ибо в них написано: *«Некоторые скажут в тот день: господи, господи, не твоим ли именем мы бесов изгоняли и многие чудеса творили?»*⁹⁹. А царь [небесный], отвечая, скажет им: *«Аминь, аминь, говорю вам, что не знаю вас»*¹⁰⁰. Ищи и увидишь, не написано ли так. Кто они такие, которым господь скажет: «Не знаю вас?»

А безрассуднейший [Сергий], будучи невежественным, удивленно молчал.

XXXIV. Евангельское изречение надо так понять. И сегодня можно найти таких христиан, которые думают, что живут благочестиво. Они знают, что с помощью волшебства можно часто изгонять бесов, лечить болезни и страсти, как это делали в прошлом сыны Скевы или так называемые заклинатели. О них написано в Деяниях апостолов, что они, заклинавая бесноватых, говорили: «*Заклинаем вас Христом, которого проповедует Павел, выйдите вон от людей*»¹⁰¹. И бесы, испуганные упоминанием Христа, были изгнаны. Некоторые так поступают и теперь и не ведают, что из-за волшебства они лишаются своего спасения. Они воскликнут в тот день: «*Господи, господи, не твоим ли именем мы бесов изгоняли и многие чудеса творили?*». А господь ответит им: «Аминь, аминь, говорю вам, что не знаю вас». Есть и такие люди, которые хотя и вступили в монашество и жили безукоризненно, но из-за своего неумения и невежества примкнули к ересям и поэтому не обретут небесного царства. И чтобы в тот день справедливый судья не остался в чем-нибудь в долгу перед ними, они здесь получают дар исцеления, чтобы когда станут восклицать: «*Господи, господи, не твоим ли именем мы многие чудеса творили?*», услышали [в ответ]: «*Друг! Я не обижаю тебя; ты получил свое в своей жизни, ныне возьми свое и пойдешь!*»¹⁰².

XXXV. Сергий, не зная этого и тому подобного, ищет в евангелиях и, находя изречения, о которых говорила несчастная, спрашивает ее: «Скажи мне, относительно кого сказал это господь?» Она тогда не ответила, но спросила: «О ком сказал господь: „Многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в царстве небесном. А сыны царства извержены будут во тьму внешнюю“?»¹⁰³. Кто они такие «сыны царства»? [Сергий], не зная, не мог ответить, что речь идет об израильтянах, которых касается усыновление, и служение, и обещание (ибо Христос израильтян называет детьми — так сам он сказал ханаанянке: «*Не хорошо взять хлеб у детей*»¹⁰⁴). Но они были изгнаны, потому что распяли его). Несчастный Сергий был незнаком с этим и, думая, что эта неистовая является вождем спасения, начал спрашивать ее подробно об уже сказанном. Она же, у которой уста были похожи на открытую могилу, будучи вождем погибели, начала возводить хулу на святых, говоря: «Сыны царства — это твои святые, которые изгоняют бесов и исцеляют страсти людей, которых ты, покинув живого и бессмертного господя, считаешь как богов. Они и услышат в тот день из уст справедливого судьи: «*Я никогда не знал вас*». Таким образом, она прочитав с начала до конца все написанное в евангелиях и искажая смысл каждого слова, так как видела, что он уступает, через короткое время сделала из него орудие дьявола. И она сама точила против человечества страшную стрелу, [равной] которой не было ни у кого [из живших] до него. Ибо выступавшие до него, хотя и особо выделялись в своих зловонных нечистотах разврата гнусными, постыдными делами и богохульством, но люди их из-бегали, и все гнушались их; поэтому число обманываемых ими было незначительно. Этот же, отбросив их мерзости и многие распутства, принял всю хулу как спасительные догмы. Он коварно приписал себе некоторые добродетели, скрывая под личиной благочестия волка в овечьей шкуре. Отказавшись от силы благочестия, он несведущим показался замечательным вождем спасения. Зло уподобляется благочестию, а плевелы стремятся считаться пшеницей. Такими уловками до сих пор обманывают неустойчивых. Да будем мы спасены от их злобных уловок молитвами и предстательством пречистой и пресвятой владычицы нашей, настоящей и истинной

богоматери и присно девы Марии и всех святых. Если даже этих несчастных предадут окончательной гибели, они не откроют свою великую тайну — отрицание бога.

XXXVI. Поборник дьявола Сергий, обучившись у пагубной женщины ереси и думая, что все люди, верующие в нашу настоящую, чистую и благочестивую веру истинных христиан, близки к гибели, выступает с сатанинским рвением и становится новым проповедником заблуждения. Назвав себя Тихиком, упомянутым в посланиях апостола Павла, он всем говорил, что он ученик апостола и что послан им (т. е. Павлом. — Р. Б.) проповедовать. Но проповедовал он не слово божье, а гибельное заблуждение. Он неутомимо скитался по всем городам и странам, в которых за восемьсот лет апостол проповедовал слово истины, и, отвращая многих от православной веры, принес их дьяволу. Об этом он пишет в одном из своих посланий: «С востока до запада и с севера до юга я путешествовал пешком, проповедуя евангелие Христа, и устал». Он действовал целых тридцать четыре года со времен Ирины Августы¹⁰⁵ до [времен] царя Феофила¹⁰⁶ и подготовил нынешнее восстание¹⁰⁷, которое предсказал апостол Павел фессалоникийцам¹⁰⁸ и которым заразилась большая часть церкви христовой. Одним он лишал преходящей жизни, лишив их имущества и убив преждевременно, других, следовавших за его гнусностями, лишал и вечной жизни; многих супругов он разводил и дал своим ученикам осквернить их ложе; многих младенцев с помощью своих учеников оторвал от материнской груди и одних умертвил, а других, лишив их родителей и отторгнув от живого бога, спасавшего всех своей кровью, продал агарянам; много красивых юношей и девушек единородных, разлучая с родителями, отдал варварам в рабство; он сослал в чужие страны родственников и друзей, многих братьев и сестер, разобщая их и лишая имущества, и стон и плач их поднимается до небесных врат. Многих монахов и монахинь, посвятивших свою девственность Христу, он испортил с помощью своих учеников и, отторгая их от монашеской жизни, отдал от бога. Много священников и левитов он оторвал от православной веры и, сделав их из овец дикими зверьми, сотворил людоедов. Многих он умертвил в окопах и темницах, а иных из богатых сделал бедными. Стоит ли поклоняться ему, причине стольких бедствий, как Параклиту? Ибо его ученики, молясь его именем, говорят: «Пусть молитва святого духа помилует нас».

XXXVII. [Сергий] говорит: «Я неповинен в этих бедствиях, ибо неоднократно предлагал им прекратить пленение ромеев, но они не послушали меня». Но как ты выставляешь себя невиновным? Если они не слушали тебя, то почему ты согласился быть вместе с непослушным народом, которым ты не был в состоянии править? Почему жил с ними до конца [твоей] жизни? Если ты проповедывал им путь Христа, почему не учил их и следующему, сказанному господом: «*Когда же будут знать вас из этого города, бегите в другой?*»¹⁰⁹. Я могу осудить тебя твоими же собственными изречениями. Ты писал [своим ученикам] в Колонии следующее: «*Увидев доказательство вашей веры*¹¹⁰, напоминаем вам, что как прежние церкви приняли пастырей и учителей (перечисляет Константина и остальных), так и вы приняли светлую лампаду, сияющую, как светильник, звезду и проводника к спасению, согласно написанному: «если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло»¹¹¹. О, ты, несчастнейший, полный всякого беззакония, если ты, как говоришь, ученик Павла, почему ты не берешь примера со своего учителя? Он себя называл негоднейшим человеком, выкидышем и самым малым из апостолов. А ты, сотворивший столько зла и ничего доброго, проявляешь более чем фарисейскую надменность? Ты не читал изречение, которое гласит, что ничтожен тот, кто

сам себя хвалит ¹¹², даже если он говорит правду? Как ты, целиком темный умом и разумом, ложно счел себя сияющей, словно светильник, звездой, светлой лампадой, проводником к спасению? Ты, безумный и тупой, погубивший множество человеческих душ, вообразил себя оком тела церкви божьей? Несчастный, как ты, будучи слепым, стал для других проводником к спасению? Ты не читал, что «если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму»? ¹¹³ Какой из твоих добродетелей можно завидовать? Что кричишь: «Подражайте мне ¹¹⁴ и храните предания, которые получили от меня»? Плод твоей веры и проповеди породил большое нечестие. Пока твои ученики не были знакомы с тобой, они были овцами, а теперь, познакомившись с тобой, вернее после того, как ты познакомился с ними, превратились в зверей-людоедов. И дальше он (Сергий. — Р. Б.) говорит: «Да не обольстит вас никто никак ¹¹⁵. Имея от бога этот обет, крепитесь. Мы, будучи уверены в ваших сердцах, пишем вам, что привратник, добрый пастырь, вождь тела Христова и светильник дома ¹¹⁶ божьего — это я. Я с вами все время до конца века, ибо, хотя и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами ¹¹⁷. Итак, радуйтесь, усовершеншайтесь и бог мира будет с вами» ¹¹⁸.

XXXVIII. О ты, враг истины, сын дьявола и творец всякого злодеяния! Как ты дерзнул говорить такие вещи, равняя себя с богом? Вознесшийся унижится, и пуста слава прославляющего себя. А хулящему святой дух нет прощения ни в настоящем, ни в будущем веке. А ты повинен во всем этом. Затем он говорит: «Добавлю, что церковь Коринфа основал Павел, а Македонии — Сильван и Тит» (Македонией он считает Кибосское сборище, а Константина и Симеона называет Сильваном и Титом). «Ахайскую церковь основал Тимофей» (он имеет в виду Мананалис, а Гегнесия, истинного Фимофея, называет Тимофеем). «Церкви филиппийцев служил Эпафродит» (он имеет в виду незаконнорожденного Иосифа козопаса, истинного Афронита, а его учеников называет филиппийцами). «В церквях лаодикийцев, ефесян и колоссян проповедывал Тихик» (колоссянами он называет [жителей] Аргауса, ефесянами — [еретиков] Мопсуестии, а лаодикийцами — псов-жителей Собачьего места ¹¹⁹). Об этих всех он говорит, что три [последние церкви] составляют одно целое и они все представлены только одним Тихиком ¹²⁰. Видишь, как он выдает себя за учителя в сборищах антихриста, каковым он, с целью обмануть многих, безрассудно и столь глупо дает имена церквей Христа, упомянутых в посланиях Апостола и получивших свои наименования очень давно.

XXXIX. Скажи мне, клеветник обвинитель истины, как мог апостол Павел основать только церковь Коринфа, когда он проповедовал на всем протяжении от Иерусалима до Иллирии? И если упомянутые тобой [ересиархи] были учениками Павла, каким образом и где учились они у него, если они родились спустя восемьсот лет после него? Как ты [смеешь] бороться против истины? Как не краснеешь, обманув столько народа ложными изречениями и наименованиями? Почему человеческую славу ты предпочел божьей и призываешь всех, чтобы приняли тебя как апостола Христа? Ты говоришь Льву Монтанисту: «А ты держи себя прилично и перестань раздроблять непоколебимую веру. Какое у тебя обвинение против нас? Ты не можешь сказать, что я корыстолюбив или высокомерен по отношению к кому-нибудь. Если и скажешь, твое свидетельство ложно, но я не стану ненавидеть тебя, а только призываю тебя, чтобы подобно тому, как я принял четырех апостолов и пророков ¹²¹, ты бы тоже принял пастырей и учителей, чтобы не стал жертвой зверей» ¹²². В другом месте ты сказал: «Первый блуд, который мы приоб-

рели от Адама, — благодеяние, но второй — это самый большой блуд, о котором говорит [Павел]: „Блудник грешит против собственного тела“ ¹²³. Ты добавляешь: «Мы — тело Христова, и тот, кто отрекается от преданий тела Христова, то есть от моих, грешит, ибо прибегает к поучающим иному и не верует здоровым словам» ¹²⁴. Скажи ты, защитник нечестия, каким образом стал благодеянием блуд, когда сам блудник осуждает его после совершения поступка и все боговдохновенные писания его укоряют? Как ты дерзнул своим бесстыдным равнодушием упразднить изречение господина, которые даже в [нечистом] взгляде видят прелюбодеяние? Он (т. е. Христос. — Р. Б.) говорит: «Взглянувший на женщину с вожделением . . .» и т. д. ¹²⁵ А ты хочешь подтвердить свои изречения, воздействуя на тщеславие людей, чтобы привлечь к себе раболепных и распутных, и говоришь им, что они блудят лишь тогда, когда избегают тебя. Кому же следует верить — говорящим истину или тебе, заблудшему и врагу истины?».

XL. Мы, выбрав некоторые из его богохульств, привели их здесь для осуждения его и его учеников, чтобы показать обильное коварство его сердца, «ибо от избытка сердца говорят уста» ¹²⁶. Пусть никто не думает, что между ересями, проповеданными Сергием и Мани, существует какое-нибудь различие. Обе они одно и то же. Когда начал проповедовать Сергий, желая собрать вокруг себя много учеников, отнимая их от церкви Христа, дважды и трижды он лично противостал Ваану ¹²⁷, нечистому ученику и своему единомышленнику. Притворившись благочестивым, [Сергий] начал при всех осуждать его ¹²⁸ не за веру ¹²⁹, а за неуместность его беззаконной деятельности. Ваан отвечает ему: «Ты только что появился и не увидел никого из наших учителей и не был ни с кем. А я ученик владыки Эпафродита и с самого начала проповедую так, как он меня научил» ¹³⁰. Сергий, гнушавшийся зловонной грязью его [учения], которое проповедовал [Ваан], посрамив его лично, разделил ересь на две части. Тех, кто остался с Вааном, он назвал ваниотами, а тот назвал сергиотами учеников Сергия. После смерти Сергия его ученики, не будучи в силах переносить позор и порицание, которое встречали у всех [из-за ваниотов], чтобы очистить себя от их порицания, начали убивать ваниотов. Но один из синекдемов ^{130а} Сергия по имени Феодот сказал им: «Нет повода для распри между вами и этими людьми, ибо у всех нас до появления нашего учителя была одна и та же вера». После этого они перестали убивать [друг друга].

XLI. Благочестивый царь Михаил Авва ¹³¹ и воцарившийся после него Лев ¹³², увидев, что значительная часть христиан заразилась от этой ереси, послали [приказ] по всем местам Ромейского государства убивать всех приверженцев этой гнусной ереси. Приказ царя был получен в [феме] Армениак неокесарийским епископом Фомой и экзархом Паракондакесом ¹³³. И согласно царскому повелению, они убивали достойных смерти и вождей погубили. Но потом некоторые ученики Сергия, называемые «астаты» ¹³⁴, путем измены и коварства убили экзарха, а кинохориты ^{134а} в свою очередь — митрополита Фому. После этого астаты бежали в Мелитену ¹³⁵. Эмиром тамошних сарацин тогда был Монохерарес ¹³⁶. Астаты, получив от него Аргаус ¹³⁷, поселились там. Итак, собравшись со всех сторон, они начали учинять набеги на Романию. Сергий, прожив вместе со своими учениками некоторое время в Аргаусе, потом, по праведному суду божьему, как рассекавший церковь божью, был убит и низвергнут в огонь вечный. Цанион ¹³⁸, который был из крепости Никополя, встретив его на горе, [находящейся] выше Аргауса, в то время, когда он (т. е. Сергий. — Р. Б.) изготовлял доски,

вырвал из его рук топор и, ударив, убил его. Таким образом, последний и худший из всех ушел из этой жизни в шесть тысяч триста третьем году от сотворения мира¹³⁹. Его самыми близкими учениками были Михаил, Канакарес и Иоанн Аорат — трое *μισρεῖς*¹⁴⁰, также упомянутый Феодот, Василий¹⁴¹, Зосим и много других. Эти ученики, как некоторые *μισρεῖς*, называемые у них синекдемами¹⁴², и весь народ, собранный в Аргаусе, испорченные проповедью Сергия и прежних [еретиков], после смерти своего учителя Сергия остались все равными [между собой] и больше не провозглашали никого, как раньше, учителем, но все были равны. У них есть также *μισρεῖς* низкого звания, которых они зовут нотариами.

XLII. Карвеас, появившись в эти времена¹⁴³, возглавил этот пагубный народ и настолько увеличил его численность, что в Аргаусе не стало места, поэтому он пришел и построил Тефрику¹⁴⁴, где и поселил свой [народ]. Удалившись от находившегося недалеко от него владычества мелитенских агарян, и вместе с тем не соприкасаясь с людьми, он стал окончательно похож на беса. Он хотел приблизиться к Армениям¹⁴⁵ и к Романии. Тех, которые подчинялись ему, он сделал своими союзниками и использовал их в деле пленения [людей], а тех, которые не подчинялись [ему], отсылал к сарацинам. Он грабил пограничные районы Романии, расположенные в припонтийских областях. Одновременно, [пользуясь] удобством местности, он держал наготове убежище для тех, которых убивали в Романии за то, что они принадлежали к этой ереси. И не только это [делал он], но и приглашал к себе в это [убежище] неустойчивых, распутных и безумных людей, которые жили в тех краях, не стесняя свободы [своих] постыднейших страстей¹⁴⁶. При его жизни некоторые из упомянутых его *μισρεῖς* умерли, а остальные остались [в живых].

XLIII. Сразу же после его смерти¹⁴⁷ власть над его пагубным народом наследует его племянник и зять Хрисохерис¹⁴⁸. В его дни мы и прибыли в Тефрику, посланные туда для исполнения царского поручения, для обмена военнопленных архонтов¹⁴⁹, что и было исполнено на втором году царствования наших благочестивых, справедливых и великих царей Василия, Константина и Льва. Мы там пробыли девять месяцев, когда еще были живы мерзкие, называемые синекдемами Василий и Зосим. Разведывая и исполняя поручение в точности, мы старались сделать это ясным для всех, [руководствуясь] божьим повелением этих святых, православных и великих царей наших, и, как ничтожные и недостойные рабы, полные великого страха перед ними. Но об этом¹⁵⁰ в другой раз. А о некоторых, более законченных ересях [существующих] у этих [нечестивцев] расскажем вам после. Вечная слава отцу, сыну и святому духу; единому истинному богу, создателю, хранителю и владыке всего видимого и невидимого творения. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. У Петра Сицилийского не упоминается имя архиепископа Болгарии. Гизелер это объясняет тем, что Петр Сицилийский, писавший свою историю около 869—871 гг., не мог знать, кто станет архиепископом (J. Gieseler. Appendix ad Petri Siculi historiam Manichaeorum seu Paulicianorum. Gottingae, 1849, p. 67). К. Тер-Мкртчян обращение архиепископа Болгарии считает фиктивным и приписывает его позднему автору, издавшему, как он считает, историю под именем Петра Сицилийского (K. Ter-Mkrtschian. Op. cit., S. 13). Первым архиепископом Болгарии был избран Иосиф.

2. Псалом CXLV, 8.

3. Ср. Псалом LXXX, 11: «Я господь, бог твой, изведший тебя из земли Египетской; открой уста твои, и я наполню их».

4. Болгария приняла христианство при князе Борисе в 865 г.

5. *ἀποστασία*. Мы перевели это слово «восстание» только в двух случаях, — в данном и в гл. XXXVI, где явно речь идет о поднятом павликианами восстании во второй половине IX в. В остальных случаях слово это переводится «отступничество». Здесь Петр Сицилийский даже намекает, о каком восстании идет речь (*ἐπὶ ταύτην τὴν ἀποστασίαν*), он, таким образом, имеет в виду современное ему восстание павликиан во главе с Хрисохиром. См. также примечание 107.

6. Петр Сицилийский имеет в виду центр павликиан Тефрику, куда он был послан в 869 г. с императорским поручением. См. гл. XLIII.

7. Василий I (867—886).

8. Имеются в виду Лев, Александр и Константин — сыновья Василия I. Константин был провозглашен соимператором 6 января 869 г., Лев — 6 января 870 г., а около 879 г. — Александр.

9. О том, что в плену у павликиан находились высшие военачальники византийской армии, сообщает Продолжатель Феофана: *μεγάλων δὲ στρατηγῶν ζωρεῖα λαβεῖν (τὸν Καρβέαν. — Р. Б.) τὸν τε Τσαγγότουβον τὸν Ἀβρααῶν καὶ Σηὸν τὸν παλατῖνον καὶ ἑτέρους ὑποστρατήγους καὶ τουρμάρχας ἄχρις τῶν ἑκατὸν* (Theophanes Continuatus, Воннае, 1838, p. 117).

10. Очевидно, эта миссия в Болгарию имела целью поднять против империи единомышленников павликиан, находящихся во Фракии. Если иметь в виду, что Хрисохир со своими войсками дошел до Никоидии, как об этом упоминает Генесий (Genesios, ed. C. Lachmann, Воннае, 1834, p. 121), то возможно, что павликианскому вождю понадобилось заставить Василия воевать на два фронта.

11. В подлиннике *τραπεζίταις*.

12. Т. е. Христом.

13. См. Ев. от Иоанна, X, 11.

14. Ср. Первое послание к Коринф., III, 2: «Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы еще не были в силах, да и теперь не в силах».

15. Ср. с речью армянского католикоса Иоанна Одзунского (717—728) «Против павликиан». Католикос выступает с призывом к верующим быть бдительными и не иметь сношений с еретиками, «подобно тому, как свет не имеет ничего общего со тьмой, а волки с овцами».

16. Ср. с 32-м правилом Иоанна Одзунского, принятым на Двинском церковном соборе в 719 г., которое воспрещает верующим общаться с павликианами и беседовать с ними, и, напротив, повелевает удалиться от них.

17. Взято из Ев. от Матфея, VII, 6: «не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими».

18. Крупный ересиарх, основатель манихейства. Начал проповедовать в 238 г. Его учение нашло широкое распространение в Персии, Месопотамии и Византии. Мани был казнен персидским царем Вахрамом I в 276—277 году.

19. Павел Самосатский, антиохийский патриарх (260—272), основатель ереси павликианов; был осужден тремя соборами в Антиохии в 264, 266 и 269 гг. Его сторонники, павликиансты, были осуждены на Никейском соборе в 325 г.

20. См. Псалом XLIV, 14: «Вся слава дочери Царя внутри».

21. Ср. кн. пророка Иезекииля, XLIV, 2.

22. См. кн. Песни песней Соломона, IV, 12.

23. Ср. кн. пророка Исаии, XI, 1.
 24. Там же, VII, 14.
 25. Там же, XI, 9.
 26. Первое посл. к Тимофею, IV, 2.
 27. Ср. Ев. от Матфея, XVI, 18: «И я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее».
 28. «Совершенными» οὗς ἂν ἴδοιεν παρ' αὐτοῖς τελωτέρους τῆν ἀσέβειαν. Богомилы делились на две категории — «простые верующие» и «совершенные» (см. Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии. М., 1954, стр. 84 и сл.). Возможно, что такое деление было и у павликиан, причем τέλειοι являются, очевидно, категорией «совершенных».
 29. Петр Сицилийский имеет в виду свои шесть речей (см. о них в вводной статье (стр. 330—331)).
 30. Ср. с речью Иоанна Одзунского «Против павликиан»: «И дерзнули они к своему грязному имени приписать [имя] тех, которые приняли его с надеждой коснуться небесных благ».
 31. Ев. от Иоанна, V, 37.
 32. В эскуриальской версии хроники Георгия Монаха об этом говорится более пространно.
 33. Петр Игумен (следовательно и Георгий Монах) добавляют, что павликиане, чтобы лучше обманывать, ходят в церковь и принимают причастие. См. J. G i e s e l e r. Appendix ad Petri Siculi historiam Manichaeorum seu Paulicianorum, p. 67; G e o r g i i M o n a c h i Chronicon, ed. C. de Voog. Lipsiae, 1904, p. 725.
 34. Некоторые подробности об отношении павликиан к кресту мы находим у Петра Игумена (и в хронике Георгия Монаха), где рассказывается, что павликиане кладут крест на больного, а затем, после его выздоровления, ломают и бросают его в огонь или топчут его. Фотий добавляет, что павликиане крест и крещение считают полезным только для тела, но не для души.
 35. На полях этой страницы рукописи «Полезной истории» более поздней рукой написано следующее: «Не знаю, принимали ли тогдашние (павликиане) послания Иакова или какое-нибудь другое послание и Деяния апостолов; теперешние принимают лишь четыре евангелия, главным образом (евангелие) от Луки, и пятнадцать посланий святого Павла, ибо у них есть и другое послание к Лаодикийцам».
 36. Послания крупнейшего павликианского ересиарха Сергия не дошли до нас. Только с некоторыми отрывками его посланий мы встречаемся в истории Петра Сицилийского. См. гл. XXXVI, XXXVII, XXXVIII.
 37. Второе послание Петра, III, 14—16. Интересное объяснение ненависти павликиан к апостолу Петру мы находим в эскуриальской версии хроники Георгия Монаха. Там говорится о том, что апостол Петр сочувственно относился к монашеству, что и явилось причиной ненависти павликиан к нему. А основателем монашества павликиане считали τὸν ἄρχοντα τοῦ κόσμου τούτου τὸν διάβολον.
 38. Имеются в виду упоминавшиеся уже шесть речей.
 39. См. S y r i l l i Archiepiscopi Hierosolimorum Catecheses, Catecheses VI, Deo uno Deo. PG, t. 33, col. 573—600. Петр Сицилийский в гл. XI—XV и XVII—XVIII дословно переписывал катехизис Кирилла без всяких изменений. Для XVI главы им использованы древние формулы отречения от манихейства. См. PG, t. 1, col. 1455—1474.
 40. Ев. от Марка, III, 29.
 41. Ев. от Иоанна, XVIII, 8.

42. Кн. пророка Ионы, I, 12.
 43. Второзаконие, IV, 24.
 44. Ев. от Луки, XII, 49.
 45. Первая книга Царств, II, 6.
 46. Петр Сицилийский, переписывая Кирилла, не замечает, что это противоречит его словам о том, что павликиане ненавидят апостола Петра.
 47. См. Деяния апостолов, IX, 40.
 48. Там же, V, 10.
 49. Ев. от Матфея, XXV, 41.
 50. Кн. пророка Исаии, XLV, 7.
 51. Ев. от Матфея, X, 34.
 52. Второе послание к Коринф., IV, 4.
 53. Там же, IV, 3.
 54. Ев. от Матфея, VII, 6.
 55. Там же, XIII, 13.
 56. Ср. там же, XIII, 12.
 57. ἄνδρες γὰρ τὰ ἐν τοῖς ἐνοπλισμοῖς ἐνθουσιώσασαν, καὶ γυναῖκες τὰ ἐν ἀφέδροις.
 58. Ев. от Матфея, V, 45.
 59. Валериан (253—260).
 60. Галлиен (253—268).
 61. Под Самосатой Армении имеется в виду не известный город Σαμόσατα в Сирии, а город 'Арсарόσατα в Западной Армении.
 62. Жерфаньон локализует эту местность в современном Таш-Ова, главным центром которой является Нерек, в районе южного течения рек Ешил-Ырмак и Гелгит-Ырмак (см. H. G r é g o i r e. Pour l'histoire des églises Pauliciennes, Κατοχήριον du Pont Episcaris en Φαναροία. — Orientalia Christiana Periodica, vol. XIII, № 3—4, 1947, p. 510).
 63. Местность Эписпарис еще исследователями не локализована. Название селения Петр Сицилийский производит от греческого глагола ἐπισπεῖρω — посеять. Это выдумка автора. Возможно имеется в виду Спер — область в Высокой Армении.
 64. О происхождении ереси павликиан существуют еще две легенды. Одна сохранилась в армянском тексте, который помещен в так называемой «Книге о ересях», изданной Миабаном (Галустом Тер-Мкртчяном) в 1892 г. в армянском журнале «Арагат». Эта «Книга» представляет собой перевод известного труда Иоанна Дамаскина Περί αἱρέσεων, за исключением интересующей нас части — глав 153—154. Они представляют собой легенду о происхождении и распространении павликианской ереси в Армении. Подробно об этом см.: Р. Б а р т и к я н. К оценке некоторых источников по истории павликианского движения. — Известия АН Арм. ССР, серия общ. наук, № 6, 1957 г. (на арм. яз.). Другая легенда о происхождении павликианской ереси и о ее распространении в Болгарии, дошедшая до нас на древнеболгарском языке, издана болгарским историком И. Ивановым (Происходь на павликианите споредь два български ръкописа. — Списание на българската Академия на науките, кн. XXIV, клонъ историко-филологиченъ и философско-общественъ. София, 1922). Имеется и более поздняя версия этой легенды, изданная Ю. Яворским (Легенда о происхождении павликиан. — Сборник Отделения Русского Языка и Словесности Академии наук СССР, т. 103, № 3, 1928). Об этой легенде см.: Р. Б а р т и к я н. Легендарное происхождение павликиан по одной древнеболгарской рукописи. — Известия АН Арм. ССР, сер. общ. наук, № 1, 1957 (на арм. яз.).

65. Ев. от Луки, XIX, 27.
 66. Ев. от Матфея, XXIV, 24.
 67. Петр Сицилийский, желая польстить императору Василию I, противоречит себе. Ведь он говорит, что еще до Василия I византийские императоры преследовали еретиков.
 68. *Ровная... основа*. Дословный перевод *λεία βάσις* подлинника. У Петра Сицилийского игра слов. Он имя Василий производит от греческих слов *βάσις* и *λεία*. С подобным явлением мы встречаемся и в другом памятнике времени царствования Василия I. См. Н. G r é g o i g e. *Autour des Pauliciens*. — *Byz.*, t. XI, 1936, fasc. 2, p. 611.
 69. См. прим. 29.
 70. Император Константин II (641—668).
 71. Селение Мананалис неизвестно. Существовала область Мананалис (подлинная форма — Манали). Она простиралась от гор Багир-Хач на север до реки Тузлу, причем южный и главный приток ее отделял Мананалис от Держана, а течение Ефрата до Котера — от Екелесени (см. Н. А д о н ц. *Армения в эпоху Юстианиана*. СПб., 1908, стр. 52). В этой области в X—XI вв. была широко распространена ересь тондракцев, имеющая очень много общего с павликианством. Вероятно Мананалис Петра Сицилийского и есть Мананали, тем более, что недалеко от него находился город Арсамосата, «Самосата в Армении» нашего автора. Из текста «Истории» видно, что Мананалис находился на арабско-византийской границе, на территории, находившейся под арабским владычеством. Это согласуется с данными армянских источников о Мананалис.
 72. Ср. *Ecloga Leonis et Constantini cum appendice*, ed. A. Monferratus. Athenis, 1889, tit. XVIII, § LII.
 73. Павликианские ересиархи, кроме Ваана и Захария, присваивали себе имена учеников апостола Павла. Константин получил имя Сильвана, упомянутого в посланиях Павла.
 74. Центр фемы Колонии, к северу от Себастии, ныне Койли Хисар, в вилаете Сваза (древн. Себастии).
 75. Псалом VII, 16, 17.
 76. *σῦρος* = куча.
 76а. «Аспидохелоне» — от слов: *ἀσπίς* — «щит» и *χελώνη* — «черепаха».
 77. Весь рассказ о морском ките почти буквально переписан Петром Сицилийским из известного труда, называемого «Физиолог». См. J. V. P i t t a, *Spicilegium*, t. III, p. 352; Древнерусский перевод этого труда издан А. Карнеевым («Физиолог». СПб., 1890). Имеется и древнеармянский перевод, изданный Н. Марром (Сборники притч Вардана, ч. III. СПб., 1894, стр. 129—175).
 78. Послание к Колоссянам I, 16, 17.
 79. Император Юстиниан II (685—695 и 704—711).
 80. Γεγνέσιον у Фотия Γεγναίσιον. В некоторых рукописях хроники Георгия Монаха — Γενέσιον.
 81. См. гл. XXI.
 82. Фотий происхождения имени павликиан связывает с слиянием имен двух сыновей Каллиники — Павла и Иоанна. Будто бы сначала оно было Παυλοϊωάννου, а потом от этого образовалось имя павликиан. См. P h o t i i *Historia Manichaeorum*. PG, t. 102, col. 17.
 83. Император Лев III Исавр (717—741).
 84. Игра слов; вместо Тимофей (от τιμή — честь и θεός — бог) — Фимофей (от θυμός — гнев и θεός — бог).
 85. Вероятно патриарх Герман (715—729). См. Е. Э. Л и п ш и ц. *Павликианское движение в Византии...*, стр. 54.

86. Ср. Ев. от Иоанна, IV, 10. У Петра Игумена и Георгия Монаха говорится, что некоторые павликиане крестят своих детей у православных пресвитеров, находящихся в плену у еретиков.
 87. У Фотия говорится, будто Гегнесий получил от императора не сиилий, как сказано у Петра Сицилийского, а τόπον ἑγγραφον, который давал ему право оставаться дома, действовать свободно, не боясь никаких доносов и сплетен. См. P h o t i i *Hist. Manich.* — PG, t. 102, col. 56.
 88. А. Грегуар относит смерть Гегнесия к 747 г., когда, по сведениям Феофана и патриарха Никифора, чума свирепствовала по всей Византии (см. Н. G r é g o i g e. *Précisions géographiques...*, p. 299).
 89. ὡς μισθωτός, καὶ οὐκ ὦν ποιητήν. Ср. Ев. от Иоанна, X, 11—13.
 90. У Фотия написано, что арабы оставили в покое павликиан во главе с Иосифом после того, как он якобы изменил и согласился принять магометанство. См. P h o t i i *Hist. Manich.* PG, t. 102, col. 60.
 91. Это произошло в 748 г. См. Р. Б а р т и к я н. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII века. ВВ, VIII, 1956, стр. 129.
 92. Вероятно, армянский нахарар Григорий Мамиконян, глава восстания армян против арабского халифата в 748 году.
 93. Афронит (ἀφρόνητος) — неразумный, глупый.
 94. Фотий локализует эту местность в пригороде упомянутой Антиохии Писидийской. См. P h o t i i *Hist. Manich.* PG, t. 102, col. 61.
 95. Тавия, город в районе Анкиры.
 96. В новом завете (Ев. от Иоанна, XIV, 16, 17) Параклитом («утешителем») называется дух истины, которого Христос обещает своим ученикам.
 97. Имя одного из учеников апостола Павла.
 98. Первое послание к Тимофею, II, 4.
 99. См. Ев. от Матфея, VII, 22.
 100. Там же, VII, 23.
 101. См. Деяния апостолов, XIX, 13, 14.
 102. Ев. от Матфея, XX, 13, 14.
 103. Там же, VIII, 11.
 104. Там же, XV, 26.
 105. Т. е. императрица Ирина (797—802).
 106. Император Феофил (829—842).
 107. συνεστήσατο τὴν νῦν περιουσαν ἀποστασίαν. Имеет в виду восстание павликиан, начатое Сергием и продолженное Карвеасом, а затем современником Петра Сицилийского Хрисохиром, в дни которого наш автор побывал в центре еретиков — в городе Теффрике. См. прим. 5.
 108. См. второе послание к Фессалоникийцам, II, 3.
 109. Ев. от Матфея, X, 23.
 110. τὸ δοκίμιον τῆς πίστεως ὑμῶν; у Радера — ἡμῶν.
 111. Ев. от Матфея, VI, 22.
 112. Ср. Второе послание к Коринфянам, X, 18.
 113. Ев. от Матфея, XV, 14.
 114. Обороты речи: «подражайте мне» — μιμηταὶ μοῦ γίνεσθε взяты Сергием из посланий апостола Павла (см. Послание к Филиппийцам, III, 17; Первое послание к Коринфянам, IV, 16; XI, 1).
 115. Эти слова — μηδεὶς ὑμᾶς ἐξαπατήσῃ κατὰ μηδὲνα τρόπον — Сергей также заимствовал из послания апостола Павла (см. Второе послание к Фессалоникийцам, II, 3).
 116. Слова «светильник дома» не следует понимать дословно. Этот оборот речи в переносном смысле означает «единственного защитника», «основу дома».

117. «Ибо хотя и я отсутствую телом, но духом нахожусь с вами» — слова из послания Павла к Колоссянам, II, 5.

118. «Радуйтесь, усовершеншайтесь, и бог мира будет с вами» — также слова из посланий апостола Павла (см. Второе послание к Коринфянам, XIII, 11; к Филипп., IV, 9).

119. τοῦ κυνός Χώραν. Кинохорион по указаниям Петра Сицилийского находился недалеко от Неокесарии Понта (ныне Никсар). Жерфаньон отождествляет его с Mahala-Kalesi, в 23 км к северо-западу от Неокесарии (см. H. Grégoire. Pour l'histoire des églises Pauliciennes, Καίνοχώριον du Pont, Epistolaris en Φαναροία, p. 513).

120. У Петра Игумена (а следовательно, и у Георгия Монаха и в первой части первой книги Фотия) допущена ошибка в локализации павликианских церквей. Петр Сицилийский, приводя достоверные данные — письма ересиарха Сергия, показывает, что церковь колоссян — это Аргаус, а Лаодикийская — Кинохорион. У трех вышеупомянутых авторов, наоборот, Лаодикийская это — Аргаус, а колоссян — Кинохорион.

121. Сергий, вероятно, имеет в виду павликианских ересиархов Константина-Сильвена, Симеона-Тита, Иосифа-Эпафродита и Гегнесия-Тимофея. Захария павликиане считали предателем, а современник Сергия Ваан был его врагом.

122. ἵνα μὴ θηριάλωτος γίνῃ — обычная форма проклятия. Ср. θηρίοις γένωμαι βορὰ καὶ πετεινοῖς ἐν ὄρει, μὴ καταλογιζόμενος χριστιανοῖς ἐν μέρει. (Διήγησις τοῦ Διγενῆ. II, 258 (ed. E. Legrand). См. Ф. Κουκουλές. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός, т. I, σελ. 340.

123. Первое послание к Коринфянам, VI, 18.

124. ἀπειθεῖ τοῖς ὑγιαίνουσι λόγοις. Сергий, вероятно, под этими словами имел в виду учение апостола Павла, которое сам апостол называл ὑποτύπωσις ὑγιαίνοντων λόγων.

125. Ев. от Матфея, V, 28.

126. Там же, XII, 34.

127. ἀντέστη (ὁ Σέργιος — Р. Б.) κατὰ πρόσωπον Βαάνη. Эти слова — перифраз из послания апостола Павла к Галатам, II, 11, где Павел пишет, что он выступил против Петра, апостола, которого ненавидели павликиане (см. прим. 37): κατὰ πρόσωπον αὐτῷ (τῷ Πέτρῳ. — Р. Б.) ἀντέστην. Еще в древности этот оборот послания апостола Павла смущал отцов церкви. Они пытались утверждать, что там речь идет не об апостоле Петре, а о некоем другом Петре, который был «одним из семидесяти учеников Христа» (см. Eusebius, Kirchengeschichte, hrsg. v. Ed. Schwartz. Berlin, 1955, S. 29).

128. ἤρξατο (ὁ Σέργιος. — Р. Б.) ἐλέγχειν αὐτὸν (τὸν Βαάνην. — Р. Б.) εἰς ὑπήκοον πάντων. Эти слова находят аналогию в том же послании Павла к Галатам, II, 14: εἶπον τῷ Πέτρῳ ἔμπροσθεν πάντων. Эти обороты речи, заимствованные из посланий почитаемого павликианами апостола Павла и обращенные против ненавистного им Петра, по-видимому, заимствованы Петром Сицилийским из павликианского источника. Итак, Сергий выступает против Ваана, подобно тому как Павел — против Петра.

129. οὐ διὰ πίστιν. Эти слова, вероятно, жития Сергия, позволяют предполагать, что автор его — умеренный сергиот, который осуждает не «веру» Ваана и его сторонников, а только личность Ваана. Это явствует и из выступления синекдема Феодота, который после смерти ересиарха Сергия говорил павликианам, что учение (πίστις) у павликиан, разделившись на две части во время Сергия и Ваана, раньше было одним и тем же. Автор использованного Петром Сицилийским источника хочет

доказать, что в доктрину павликиан Сергий не внес ничего нового. Это неверно. Ниже тот же самый источник Петра Сицилийского показывает, что Сергий гнушался проповеди Ваана, т. е. он был против его доктрины, а не просто против самого Ваана.

130. Фотий отмечает, что этот спор между Сергием и Вааном имел место ἐν δημοσίῳ θεάτρῳ. См. Photii Hist. Manich. PG, t. 102, col. 73.

130a. См. ниже, прим. 142.

131. Император Михаил I (811—813).

132. Император Лев V Армянин (813—820).

133. Παρακονδάκης. Не армянское ли имя Багарат? У западных армян произносится Пакарад.

134. Слово ἄστατοι, возможно, не греческое, так как его значение (неустойчивые) никак не подходит для наименования самых близких, видных и верных учеников Сергия. Фотий их считает τῶν τοῦ Σεργίου μαθητῶν οἱ λογάδες, которые возглавляли павликиан-кинохоритов, убивших митрополита Фому (Photii Hist. Manich. PG, t. 102, col. 77). Только они, астаты, верные своему учителю Сергию, после убийства бежали вместе с ним в Мелитену. Возможно, что «астаты», — производное от армянского слова hastat (հաստատ), от которого — hastatun (հաստատուն), что означает «сильный», «крепкий», «твердый», «верный», «непоколебимый». См. Новый словарь армянского языка. Венеция, 1837; С. Малхасян. Толковый словарь армянского языка. Ереван, 1944. Возможно, что это слово еретики взяли из первого послания Павла к Коринфянам, XV, 58: «Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен перед Господом». В армянском тексте греческое ἔδρατος — «твердый» переведено словом հաստատուն — hastatun.

134a. См. выше, прим. 119.

135. Мелитена была группным центром павликианства еще в начале VIII в., при императоре Филиппике (711—713). Оттуда в 752 г. император Константин V, после взятия города, переселил павликиан во Фракию.

136. Эмир Омар ибн Абдалла ал-Акта. Был убит в 863 г. в битве против византийцев в долине Гирин.

137. Ἀργαῶς или Ἀργαῶν, ныне Аргован, к северу от Мелитены, на правом берегу Евфрата.

138. Τζανίων — не собственное имя (как считает А. Грегуар), а слово, указывающее на принадлежность цанам, т. е. лазам.

139. В 6303 г. (795 г.). Здесь явное противоречие. Выше Петр говорит, что Сергий действовал со времен Ирины Августы (797—802) до времени Феофила (829—842). У Фотия указана правильная дата 6343 г. от сотворения мира, т. е. 835 г. н. э. И так как деятельность Сергия длилась 34 года, то, значит он выступил в 801 г.

140. μισρεῖς. Это слово Петр Сицилийский употребляет несколько раз. Из контекста видно (и особенно там, где говорится о том, что у павликиан есть также μισρεῖς низкого звания, которые называются нотариями), что речь идет об идеологических руководителях еретиков в IX веке. Автор Greek Lexicon of Roman and Byzantine periods Э. Софоклес предполагал, что это искажение слова μισαρός — «мерзкий», «гнусный», «отвратительный». Другие же, как, например, Дюканж, считают, что это сложное слово — отрицательная частица μή и слово ἱερεῖς — «священник», и что μισρεῖς означает лжесвященника.

141. Этого Василия А. Грегуар (Les sources de l'histoire des Pauliciens, p. 113) отождествляет с Βέρζελης-ом, упомянутым у Фотия

(PG, t. 102, col. 117). Шейдвейлер (Paulikianerprobleme. BZ, Bd. XLIII, 1950, S. 30 Anm. 2) справедливо возражает ему, исходя из хронологических соображений. Во всяком случае А. Грегуар прав только в том, что в Βέρζελης-е видит армянскую форму передачи имени Василий (Βασίλειος).

142. συνέχθησιν, т. е. спутники. Так назывались ученики апостола Павла (см. Деяния апостолов, XIX, 29).

143. ἐν ταῖς τότε καιροῖς ἀναφανείς, т. е. во второй половине 30-х годов IX в. Это подтверждается «Сказаниями о 42 аморийских мучениках» (изд. В. Васильевский и П. Никитин. — Записки имп. Академии наук, серия VIII, т. VII, № 2, 1905, стр. 29). Карвеас (Карбеас) (Καρβήσιος — Καρβήσιος), также Каро (Καρρ), уменьшительная форма армянского имени Карапет, которое означает «предводитель», «предтеча» (греч. πρόδρομος). Он упоминается и в эпосе о Дигенисе Акрите (Кароес) и выступает как дядя героя Дигениса. В одной песне акритского цикла он выступает как Καρ-αβιέρης. Грегуар (Notes sur l'épopée byzantine. Une mention du héros Ankylas et du Paulicien Karbeas dans un chant akritique, Byz., t. XIII, 1938, p. 251) справедливо отождествляет его с Кароесом. Здесь мы сталкиваемся с единственным случаем, когда павликианин Карвеас, который служил раньше в византийской армии в качестве протомандатора (см. Theophrastus Comtinuatus. Bonn, 1838, p. 166), выступает под полным своим именем Карапет.

144. Вернее, как у Петра Сицилийского, — Тиврике, арм. Տիφրիկ, город в Западной Армении, к юго-востоку от Себастии.

145. Армениям, а не Армении (в рукописи ταῖς Ἀρμενίαις, у А. Маи и Миня — τῆ Ἀρμενία). Петр Сицилийский имел в виду не Восточную Армению, а Западную, которая была императором Юстинианом I разделена на четыре области.

146. αἰσχίστων παθῶν — в изданиях Радера и Гизелера — ἐλαχίστων παθῶν.

147. Год смерти Карвеаса по греческим источникам неизвестен. Арабские источники дают 249 г. хиджры, т. е. 863 г. н. э. А. Васильев (Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900, стр. 202) полагает, что Карвеас пал в сражении в долине Гири в 863 г. Подобного мнения придерживается и А. Грегуар (см. Ὁ Διγενῆς Ἀκρίτας. New York, 1942, p. 54). Но современник событий Фотий пишет, что Карвеас умер от болезни (νόσῳ τὸν βίον κατέστρεψε), так что предположение Васильева не подтверждается (Photii Hist. Manich. PG, t. 102, col. 84). Возможно, что Карвеас действительно умер в 863 г.; но не во время сражения, а своей смертью.

148. Подробности о деятельности Хрисохира, как и Карвеаса, см.: Theophrastus Comtinuatus, p. 165—183; 266—276; Gens., p. 120—126; Georgius Cedrenus, Bonn., 1839, p. 153—155, 206—212. Хрисохир также упоминается в эпосе и Дигенисе Акрите (Χρυσόχερπος), где выступает как отец эмира, отца Дигениса.

149. См. прим. 9.

150. Περὶ μὲν τούτου ἄλλοις. Можно также перевести «но о нем в другой раз». Шейдвейлер (Op. cit., p. 16) предполагает, что так как слова эти не подходят к данному контексту, здесь имеется в виду Карвеас, о котором и расскажет в «другой раз» наш автор. Но Петр Сицилийский мог иметь в виду не только его, но также и Хрисохира.

Р. М. БАРТИКЯН

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЗАВЕЩАНИИ ЕВСТАФИЯ ВОИЛЫ (1059 г.)

Завещание протоспафария и ипата Евстафия Воилы является одним из интереснейших византийских памятников, имеющим большое значение для изучения истории и социально-экономических отношений не только в Византии, но и в Армении и Грузии, которые, начиная с конца X и в первой половине XI в., вновь стали объектами византийской агрессии.

Прошло уже семьдесят лет с того времени, как французский ученый А. Омон сообщил об обнаруженном им завещании в пергаментном рукописном кодексе Парижской национальной библиотеки Cod. coisl. N 263¹. В 1907 г. русский византист В. Н. Бенешевич опубликовал греческий текст завещания Воилы, подчеркивая трудности его понимания². Он не дал ни перевода, ни исследования памятника, хотя изданный им греческий текст заканчивался словами: «Продолжение следует». Четыре года спустя, в 1911 г., П. В. Безобразов, также подчеркивая трудности понимания текста завещания Евстафия Воилы, писал, однако, что изданный текст вполне доступен пониманию. В своей статье П. В. Безобразов дал пересказ завещания, останавливаясь главным образом на уточнении тех мест, где упоминаются книги библиотеки Воилы и церковная утварь³.

Много лет спустя, в 1951 г., М. В. Левченко в «Сборнике документов по социально-экономической истории Византии» поместил сокращенный перевод завещания Воилы⁴. В 1957 г. вышел в свет полный перевод завещания Воилы на английский язык греческого ученого Спироса Вриониса. К переводу было приложено небольшое исследование памятника⁵.

Можно сказать, что текст завещания Воилы издан В. Н. Бенешевичем хорошо, хотя в нем имеются некоторые неточности, не исправленные и переводчиками текста — М. В. Левченко и С. Врионисом.

Текст завещания⁶, как об этом уже писал В. Н. Бенешевич, читается легко, хотя сокращений довольно много. Писец руководствовался только произношением звуков; οι, ει, η употребляются безразлично либо заме-

¹ См. H. O m o n t. Facs. des manuscrits grecs datés du IX au XIV s. «Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France», 1890, p. 100—101.

² В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в. ЖМНП, май, 1907, стр. 219—231.

³ П. В. Безобразов. Завещание Воилы. ВВ, XVIII, 1911, стр. 107—115.

⁴ «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 169—173.

⁵ Speros V r i o n i s. The will of a provincial magnate, Eustathius Boilas. DOP, vol. XI, 1957.

⁶ Приношу глубокую благодарность Е. Э. Гранстрем за ее помощь в получении микрофильма Коаленовой рукописи № 263.

няются через *ι* или *ο*; точно так же нет разницы в употреблении *αι—ε*, *ω—ο* и т. д.

В. Н. Бенешевичем были допущены следующие ошибки: Воила в своем завещании писал, что местность, которую он получил, была «зловонной», она была обиталищем змей, скорпионов и диких зверей, которые *ὡς μήτε τοῖς ἀντικρὺς ἐνοικήσαντα Ἀρμενίοις παρὰ μικρὸν ἔαν ἡρεμεῖν τὸ δὲ εἰ συνεχόμενους ὡς ἀνεπίβατον τοῖς πολλοῖς εἶναι καὶ ἄγνωστον πελέκει καὶ πυρὶ κατατεφρώσας, ὡς ὁ ψαλμός.*

Чтение *τὸ δὲ εἰ*, несомненно, ошибочно; ошибочны в связи с этим и переводы этого места у М. В. Левченко и С. Вриониса. У М. В. Левченко читаем: «... которая даже местным жителям казалась непригодной и которую едва сносили живущие неподалеку армяне. Я, как говорит псалом, очистил ее топором и огнем». Врионис же перевел: *the Armenians who dwelled oposite here were not able to have even a little rest. If they <the Armenians> were constrained by the fact that the land was inaccessible to most men and unknown. I reduced it to ashes, with fire and axe, as the Psalm sayeth.*

Следует читать, однако, не *τὸ δὲ εἰ*, а *τῷ δέει*, что хорошо увязывается со следующим *συνεχομένους*.

Кроме того, В. Н. Бенешевич допустил еще одну ошибку, поставив точку после слова *ἡρεμεῖν*, тогда как слова *τῷ δέει συνεχόμενους* органически связаны с предыдущим предложением. Точка должна быть после слова *συνεχομένους*.

Следовательно, данное предложение нужно расшифровать так: *ὡς μήτε τοῖς ἀντικρὺς ἐνοικήσαντα Ἀρμενίοις παρὰ μικρὸν ἔαν ἡρεμεῖν τῷ δέει συνεχόμενους ὡς ἀνεπίβατον τοῖς πολλοῖς εἶναι καὶ ἄγνωστον πελέκει καὶ πυρὶ κατατεφρώσας, ὡς ὁ ψαλμός*, т. е. «... что не давало покоя даже живущим рядом и охваченным страхом армянам. Так как [эта местность] для многих была непроходимой и чужой, я, как говорит псалом, топором и огнем превратил [ее] в золу».

Согласно тексту В. Н. Бенешевича, Воила в полученных им имениях построил дом, церковь, мельницы, провел оросительную систему, посадил леса, сады и . . . *ζῷα πρὸς τὴν χρεῖαν καὶ ἀναγκαῖα καὶ εὐχρηστα. Ζῷα* — «исправление» В. Н. Бенешевича. В рукописи, как указывал он сам, читается *ζῶσα*. Переводчиками это слово переведено: М. В. Левченко — «завел домашний скот», С. Врионисом — «(I brought) animals». На самом же деле в завещании в данном случае нет и речи о каких-либо животных. Там просто написано *ζῶσα*. В рукописи знак *ς* встречается неоднократно, в частности еще раз и на той же самой строке в значении *καὶ*, как его и прочел В. Н. Бенешевич. Здесь же он перепутал этот знак с буквой *ζ*. Итак, вместо *ζῷα* В. Н. Бенешевича следует читать *καὶ ὅσα* (читай *καὶ ὅσα*), т. е. «и что», «и сколько», «и всякое, что».

Воила говорит, что спустя три года после смерти его сына скончалась и его жена, *κατάλυπον ταῖς δυοῖ θυγατράσι καὶ τὸν ἅπαντα βίον ἐμέ*. Так в рукописи. Издатель исправил *κατάλυπον* рукописи на *καταλιπόσα* несомненно, предполагая, что в слове *κατάλυπον* писцом допущены обычные орфографические ошибки. По мнению В. Н. Бенешевича, верно было бы *καταλιπών* (причастие от глагола *καταλίπω* — оставлять). Однако в таком случае мы столкнулись бы с другой трудностью: ведь *καταλιπών* — причастие мужского рода, а «оставляющее» лицо — жена Воилы. Поэтому В. Н. Бенешевич и принял конъектуру *καταλιπόσα*, причастие женского рода от глагола *καταλίπω*.

М. В. Левченко, принимая «исправление» В. Н. Бенешевича, перевел данное предложение так, что якобы жена Воилы умерла, «оставив мне

(т. е. Воиле. — Р. Б.) все средства к жизни и двух дочерей». Согласно переводу С. Вриониса, жена Воилы умерла, «leaving me with my two daughters for the remainder of my life».

В подлиннике же никакой ошибки нет: *κατάλυπον* — это винительный падеж от слова *κατάλυπος*, образованного от глагола *καταλύω* («причинять большое горе, печаль, сильно огорчать»). Воила писал, что смерть его жены сделала его несчастным на всю жизнь и ничего больше. В самом деле, было бы странным, если бы крупный феодал Евстафий Воила, владевший одиннадцатью селениями и множеством рабов, писал о том, что его жена, умирая, оставила ему «все средства к жизни». Ведь сам Воила подчеркивал в завещании, что все его имущество добыто его собственными трудами.

Перечисляя то, что он завещает церкви св. Варвары, Воила, между прочим, пишет *ῥωσπερα ῥυπόρας*. Так в рукописи. В. Н. Бенешевич расшифровал эти слова так: *καὶ ὡσπερ εαζυπόρας* (sic!)⁷. Разумеется, последнее слово ничего не означает. М. В. Левченко перевел: «и сколько можно доставить», а С. Врионис: «and as much fruit». С. Врионис, однако, заметил при этом, что здесь у В. Н. Бенешевича ошибка, и дал свое чтение этих слов: *καὶ ὡσπερ εα καὶ ὑπόρας*, справедливо указав, что *ὑπόρας* — это соггупт form of *ὑπόρας*. В рукописи, однако, очень ясно читается не *ὡσπερ εα*, а *ὡσπερα*, т. е. мы имеем дело не с наречием *ὡσπερ* и несуществующим словечком *εα*, а попросту со словом «бобы» (*ὄσπρια*). Воила завещал церкви св. Варвары двенадцать номисм, двести модиев зерна, тысячу литров вина, «а также бобы и фрукты».

Описывая одно драгоценное евангелие своей библиотеки, Воила отмечал, что оно имеет *ἰαστόρην ἔνδυμα ἐξ ἐπίπλεμα ἀργυροχρούσωτα*. Эти слова С. Врионис перевел: *a purple binding and silver—gilt plaits*, оставив без перевода слово «ἐξ», которое В. Н. Бенешевич понял как предлог. Но *ἐξ* — предлог родительного падежа, а в тексте после него стоят слова в именительном падеже. По нашему мнению, и здесь нет ошибки писца, а есть ошибка издателя и переводчика. Следует читать не «ἐξ», а «ἐξ» — шесть (Воила писал, что на переплете евангелия были шесть заплетенных — украшений из серебряных позолоченных ниток).

В передаче названий местностей и имен людей, упомянутых в завещании, издатель также допустил неточности. Нам кажется, что под названием селения *Ἰσαίου* нужно предполагать не имя Исей, как у В. Н. Бенешевича, М. В. Левченко и С. Вриониса, а *Ἠσαίου*, т. е. имя пророка Исаии. В XI в. эти два разных написания звучали совершенно одинаково. Много ошибок в передаче имен сделал и М. В. Левченко. Так, название селения Тандзути (*Ταντζούττι*) у М. В. Левченко передано как Талмути, а личные имена: Мусесис (*Μουσεσίης*, т. е. Моисей) — Муселий, Маркиан (*Μαρκιανός*) — как Мартин; вместо же имени Феодора М. В. Левченко написал Анна.

Выше мы говорили лишь о неточностях, допущенных В. Н. Бенешевичем при расшифровке греческого текста, как и об обусловленных этим ошибках в переводах М. В. Левченко и С. Вриониса. Теперь мы остановимся на ошибках в переводах, не связанных с изданным текстом завещания.

Перевод М. В. Левченко неполон. По словам переводчика, сокращены лишь те части завещания, где перечисляется церковная утварь, а также книги библиотеки Воилы. Однако М. В. Левченко сократил и другие места, представляющие большой интерес с точки зрения исследо-

⁷ Здесь В. Н. Бенешевич еще раз перепутал знак *ς*, означающий *καὶ*, с буквой *ζ*.

вания социально-экономических отношений. Что касается самого перевода, то он в целом неудачен, его неточности весьма значительны.

В апреле 1059 г., т. е. во время составления завещания, из одиннадцати некогда принадлежавших Воиле селений у него оставалось лишь четыре, которые он перечисляет несколько раз, а именно: селения Тандзути (иначе называемое Салим или Дзалима), Вузина, Паравунион и Исаии. Говоря об оставленном им своей дочери Ирине приданом, Воила пишет: *Τὰ δὲ καταλειφθέντα μοι κτήματα καὶ προάστεια τέσσαρα τὸ μὲν Ταντζούτην ἦτοι τοῦ Σαλήμ σὺν τοῖς ὄρεινοῖς δέδωκα εἰς προίκαν τὴν πρώτην καὶ γνησίαν μου θυγατέραν Εἰρήνην καὶ τὸν σύνευνον αὐτῆς.*

Это важное предложение В. М. Левченко перевел: «Оставленные мне четыре имения и усадьбу Талмути и Салим с горными участками я дал в приданое первой и законной моей дочери Ирине и ее мужу».

Из этого перевода следует, что Воила отдал в приданое своей первой дочери и ее мужу шесть селений. В действительности речь идет только об одном. Воила, во-первых, говорит не об «оставленных ему», а об «оставшихся у него» селениях; во-вторых, он пишет не о четырех селениях, а об одном из четырех; в-третьих, «Салим» — это не отдельное селение, а, как уже говорилось выше, лишь другое наименование того же селения Тандзути.

Несколько раз Воила отмечает, что имения, которые принадлежали ему в Кларджии, он получил (*παρέλαβεν*), разумеется, от византийского императора — факт, весьма важный для уяснения политики Византии в занятых ею областях. Политика эта заключалась в переселении в завоеванные районы византийских феодалов из различных областей империи. М. В. Левченко всюду перевел этот глагол словами «я занял», хотя ни одно значение этого русского слова не соответствует греческому *παρέλαβεν*.

Как видно из завещания, Воила был в очень плохих отношениях с дядькой Михаилом и с сыном последнего магистром Василием, в зависимости от которых находились его имения. Говоря об их подстрекательствах, Воила пишет: *τὴν τοῦ ἀλαθῆτου ὀφθαλμοῦ ἐκδεχόμενος ἀμοιβὴν οὐδὲν περὶ τοῦτου ἰλογίζασα*, т. е. что он, получая помощь всевидящего ока, не растерялся. У М. В. Левченко это место переведено: «но призываю всевидящее око, что не получил за это никакой награды». Неясно, о какой же награде Воила мог писать в данном месте? Перевод, по нашему мнению, неверен.

Воила имел рабов: некоторых он купил за деньги (*ὠνητοί*), другие родились от принадлежавших ему рабынь (*οἰκογενεῖς*). Воила пишет: *ὅσα δὲ παῖδια γένωνται ἀρρενικὰ ἐκ τῶν οἰκογενῶν καὶ ὠνητῶν ἀπελευθέρων μου, ἵνα ἀνατρέφουνται εἰς τὸν τῆς θεοτόκου ναόν.*

Слова *οἰκογενῶν* и *ὠνητῶν ἀπελευθέρων* М. В. Левченко переводит неточно: «если у освобожденных рабов».

В завещании написано: *τὰ δὲ περιτεύοντα εἰς τοὺς ἀδελφοὺς καὶ αὐθέντας μου τοὺς πένητας διανεμηθῶσιν· κτηνὰ δὲ καὶ ἕτερα πρᾶγματα κινητὰ τε καὶ ἐκίνητα, εἴ τι ἂν μου εὐρεθῶσιν, ἵνα διανεμηθῶσιν εἰς συγγενεῖς μου καὶ τοὺς εὐρεθέντας οἰκείους μου.*

М. В. Левченко перевел: «оставшееся пусть будет распределено между бедняками — моими братьями и господами, и находящимися там рабами», пропустив целое предложение греческого текста; *εὐρεθέντας* переведено при этом «находящимися там» (неизвестно где!), *οἰκείους* понято, по всей вероятности, как синоним *οἰκετικός* и передано словом «рабы». Но *οἰκετός* означает не раба, а близкого человека, родственника и т. п. Как видно из завещания, Воила приказывает поделить неведомое читателям документа «оставшееся» между бедняками, которых он лицемерно называет своими «братьями» и «господами»; реально же существующее у него и перечисляе-

мое имущество (животных и прочее), он завещает не этим «господам» и «братьям», а «своим людям» — *οἰκείους*.

Указывая на налоги, которые должны были платить его наследники, Воила говорит о *τὸν κανονιζόμενον καὶ βασιλικὸν κῆνον*. М. В. Левченко перевел: «императорские налоги», оставив без перевода слово *κανονιζόμενον*. С. Врионис перевел *the regular and imperial census*. Под словами «*κανονιζόμενον κῆνον*» нужно видеть, по всей вероятности, уплачиваемый епископу района налог, установленный как раз в эти годы Исааком Комнином (1057—1059) и называвшийся *κανονικόν*⁸.

Алексей Комнин особым хрисовулом подтвердил порядок взыскания этого налога⁹.

В завещании дважды упомянуто, что храм богородицы Воила построил «с основания» (*ἐκ βαράθρων ἐδειμάμην*), у М. В. Левченко же в обоих случаях стоит «восстановил из развалин», что, разумеется, не одно и то же.

Воила завещал храму св. Варвары для богослужения, поминок и похорон двенадцать номисм, М. В. Левченко же переводит — «двадцать модиев».

Своему рабу Кириаку Воила завещал, между прочим, *καὶ εἶδος ὁ τι ἂν ἐπεχέκτητο προσφορέσιόν τε καὶ ἐγκοίτιον*, т. е. каким бы одеянием и домашними вещами раб ни владел, все передается этому рабу. У М. В. Левченко читаем: «брачное и им приобретенное». Тот же оборот встречается в завещании еще раз: Воила завещает монахам свои *φορέσιμα ἢ ἐγκοίτια*. Ясно, что это не «брачное и им приобретенное» как во втором, так и в первом случае.

В тексте завещания написано: *τὸν δὲ Σωτήριχον ἐλευθέρωσας καὶ ληγατεύσας τὸν [κωδί]κελον ἐπιδέδωκα. τὸν δὲ Γρηγόριον καὶ τὴν αὐτοῦ γυναῖκα Θεοδώραν ἐλευθέρωνω ψυχικὸν τῆς ὁσίας Ἄννης τῆς καὶ συμβίου μου*, т. е. «освободив Сотириха и одарив его легатом, я отдал ему кодикелл, а Григория и его жену Феодору освобождаю во спасение души преподобной Анны, моей жены». У М. В. Левченко: «Я освободил Сотириха и одарил его легатом. Выдал освободительную грамоту Григорию и жену его Анну (sic!) делаю свободной во спасение души жены моей Анны».

Из перевода М. В. Левченко следует, что кодикелл (у Левченко — «освободительная грамота») ¹⁰ получил Григорий (тогда как в действительности его получил Сотирих), а во спасение души жены Воилы освобождается только Феодора (а не Анна), тогда как в завещании ясно сказано, что освобождаются оба: и Григорий, и его жена Феодора.

Из Василик и из других памятников мы знаем, что свободные граждане в Византии делились на *εὐγενεῖς*, т. е. на людей, которые никогда не были рабами, родившись от *ἀπελευθέρους*, или от *εὐγενεῖς*, или же от родителей, из которых один был *εὐγενής*, а другой — *ἀπελευθέρους*. Вторая же категория свободных граждан называлась *ἀπελευθέροι*, т. е. люди, которые когда-то были рабами, но в данное время являются свободными¹¹. Воила хочет, чтобы освобожденные им рабы (*ἀπελευθέροι*), а также их дети были *εὐγενεῖς* и *ἐλεύθεροι*. У М. В. Левченко переведено: «чтобы они были свободными, освобожденными от рабства», что не совсем точно.

⁸ Jus, III, p. 323.

⁹ Ibid., p. 365—366.

¹⁰ Как видно из Василик, «кодикелл» означал такую приписку к завещанию, в которой завещающий добавлял то, что забыл написать в основном завещании. Но «кодикелл» мог употребляться и вместо самого слова «завещание» (см. *Basilicorum lib., XXXV, tit. I, 1, 14*).

¹¹ Ibid., lib. XLVI, tit. I; Jus, VI, tit. XXXIV.

В Каппадокии находилась построенная матерью Воилы церковь, которая была посвящена трем иерархам, т. е. Василию Кесарийскому, Иоанну Богослову и Григорию Чудотворцу. У М. В. Левченко же читаем: «храм тридцати иерархов».

Этим, однако, не исчерпываются неточности перевода М. В. Левченко; на более мелких ошибках мы не будем останавливаться.

Теперь перейдем к переводу С. Вриониса. В целом перевод завещания сделан хорошо, хотя и он не лишен некоторых неточностей. Частично мы о них уже сказали выше, когда говорили о греческом тексте завещания, изданном В. Н. Бенешевичем.

В тексте завещание читаем: τὸν δὲ Γρηγόριον καὶ τὴν αὐτοῦ γυναῖκα Θεοδώραν ἐλευθερώσω ψυχικὸν τῆς οὐσίας Ἄννης καὶ τῆς συμβίου μου. У С. Вриониса переведено: «I free Gregory, and his wife Theodora, who <was formerly> the slave of my blessed wife Anna». Переводчик перепутал при этом слово ψυχικόν (дар за спасение души) со словом ψυχάριον — раб. Воила просто указывает, что он освобождает Григория и его жену — обоих во спасение души умершей Анны, и ни о каких рабах здесь нет речи. Воила завещает своей церкви: στολές ἱερέως πέντε καὶ φελόνια τὰ μὲν δύο φελόνια μαῦρα τὰ δὲ ἕτερα τέσσαρα λευκά, καὶ ἕτερον πορφυρόν, ὅπερ ἔκρυψεν ὁ Νικόλαος ὁμοῦ φελόνια ἑπτὰ. Врионис переводит: «five garments and sacerdotal robes, two of them black, the other four white, and a purple one which Nicholas hid; altogether seven robes».

К слову white своего перевода С. Врионис дает примечание (№ 23): «The scribe's calculations are somewhat erroneous here. В тексте, однако, никакой ошибки нет. С. Врионис думает, что στολές ἱερέως и φελόνια равнозначны, переводя garments and sacerdotal robes. Но это неточно: Воила говорит о пяти στολές и семи φελόνια, причем из семи фелоней две были черного цвета, четыре — белые, а одна — красная, всего же — семь, как и указывает Воила (ὁμοῦ φελόνια ἑπτὰ).

Перед последней страницей рукописи, содержащей текст завещания, имеется лакуна в три строки. До лакуны речь шла о том, что если наследники Воилы исполнят его желания, то да будет с ними благословение божье и богородицы. После же лакуны, в начале последней страницы завещания, читаем следующий фрагмент утерянного предложения: . . . ἐπισπάσεται μόρον καὶ πατραλοίας καὶ ἀδελφοκτόνος ἐπὶ πᾶσι καὶ διὰ πάντων καταγγεληθήσεται. Речь идет о формуле проклятия против тех, кто не исполнит желания Воилы. Вышеприведенный фрагмент С. Врионис перевел: death shall be his portion, and he shall be denounced by all as a parricide and a fratricide.

В греческом тексте, однако, нет слова θάνατος («death»). Оно по догадке добавлено Врионисом и, к сожалению, не взято в скобки. Предположение переводчика неверно. Слово μόρος, имеющееся в тексте, показывает, что мы имеем дело с очень распространенной в Византии формулой проклятия: «да будешь ты проклят 318 отцами и да будет у тебя с Иудой одна и та же участь». Конец лакуны должен выглядеть поэтому примерно так: после упоминания имен тех лиц, к которым обращены благословения и проклятия Воилы, — по всей вероятности, дочерей и зятьев Воилы, — следует: ἀναθεματισθήτω ὑπὸ τῶν τριακοσίων δέκα ὁκτώ πατέρων καὶ τὸν τοῦ Ἰούδα. . . Продолжение этого предложения находится в начале последней страницы рукописи завещания — . . . ἐπισπάσεται μόρον и т. д.

В переводе С. Вриониса есть и другие неточности. Например, неизвестно почему καὶ φλάμουλον πέρικον λευκοπράσινον καὶ σπονδηγήτην подлинника переведено «a green-white silk cloth for the chalice», или

почему слова ἐπίτροπος и διοικητής, которые в завещании имеют разное значение, переведены одним и тем же словом «administrator».

В конце перевода С. Врионис дает небольшое исследование о завещании. Он не ставит задачи изучить данный памятник с точки зрения его важности для исследования социально-экономических отношений в указанный период, а стремится главным образом выяснить личности, упомянутые в завещании, и локализовать ареал распространения имений Евстафия Воилы.

Решение вопроса о местонахождении имений Воилы очень важно. Без этого нельзя приступить к изучению содержащихся в памятнике сведений. И А. Омон, и П. В. Безобразов, и В. Н. Златарский ошибочно локализовали имения Воилы. С. Врионис, исходя из данных завещания, совершенно справедливо искал имения Воилы на востоке Византии, в захваченных Византией в начале XI в. областях. Указав на название одного из упомянутых в завещании имений — Калмухи, Врионис правильно предположил, что Воила поселился в армяно-грузинской области Тайк (точнее — в Кларджии), которая вошла в состав Византии в начале XI в. С. Врионис локализует и другое селение, принадлежавшее Воиле, — Коптерион, которое он отождествляет с селением Капетру, местом сражения между византийцами и сельджуками в 1049 г., находившимся, по мнению С. Вриониса, на юго-востоке Тайка. Однако, как видно из текста Скилицы, Капетру находился не в Тайке, а около города Ардна, т. е. к югу от Феодосиуполя. Впрочем, в правильности локализации Коптериона Врионис сомневается и сам (this identification cannot be demonstrated). Тем не менее можно локализовать еще некоторые селения, названия которых почти не изменились еще в начале нашего века и отмечены на пятиверстной карте Кавказа. Они находятся на территории Кларджии около известного средневекового города Артануджа. Селение Тандзути завещания Воилы, несомненно, современное селение Тандзот близ Артануджа. В Тандзоте находится грузинская строительная надпись, относящаяся к храму св. Марины, датированная 531 годом хроникона (1312 г. н. э.); в надписи назван ктитор храма — Саимдавле Калмахели¹², или Саимдавле из Калмаха, т. е. из селения Калмухи завещания Воилы. Недалеко от Артануджа на пятиверстной карте Кавказа указаны два селения — Вартхел и Вартасхеви, в одном из которых, по всей вероятности, нужно видеть селение Варта нашего документа (окончание -хеви по-грузински означает ущелье).

В житии св. Григория Хандзтийского (умер в 861 г.) говорится об известном монастыре, находящемся в местности Опиза¹³. На пятиверстной карте Кавказа к северу от Артануджа указаны два селения — Опиза и Описчала. Одно из них, вероятно, соответствует селению Офидо-вуни завещания Воилы (окончание -вуни в греческом означает «гора»). Под этим греческим словом «вуни» следует, очевидно, предполагать какое-либо созвучное местное слово. По всей вероятности, основная часть слова — Опиза — осмыслена Воилой по-гречески — «Офидо» от слова «офис», т. е. «змея»; полное же название местности в таком осмыслении (Офидо-вуни) означало по-гречески «змея-гора» («змеиная гора»).

Как мы отметили выше, все эти селения находились на территории Кларджии и стали объектом византийской агрессии после смерти тайк-

¹² См. Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст, введение, издание, перевод Н. Марра с дневником поездки в Шавшию и Кларджию. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. VII. СПб., 1911, стр. 105.

¹³ Там же, стр. 103.

ского куропалата Давида III в 1001 г., войдя по договору 1023 г., заключенному между византийским императором Василием II и грузинским царем Георгием I, в состав Византии.

По словам Воилы, местность, которую он получил, была зловонной, она не давала покоя охваченным страхом армянам, ибо была обиталищем змей, скорпионов и диких зверей. С. Врионис понимает эти слова дословно, высказывая предположение, что место поселения Воилы стало таким после грабительских походов сельджукских войск. Врионис верит также словам Воилы, что в своем большинстве его имения до переселения Воилы были пустынными и необитаемыми. Это, однако, обычный оборот в памятниках того времени. Например, в тех же словах описывает земли, купленные им у византийского государства во Фракии, Михаил Атталиат. Именно поэтому и Воила, и Атталиат не забывают затем подчеркнуть, что все эти пустынные территории были превращены ими в цветущие сады. Они желают показать таким образом, что все имеющееся у них — это дело их рук, их труда. Что касается указания Воилы, что в местностях, которые он получил, скрывались змеи, скорпионы и дикие звери, то нам кажется, что и эти слова не следует понимать дословно, как это делает С. Врионис. В указанный период, по имеющимся данным армянских источников, во всех областях, находящихся в соседстве с Тайком (и в Харке, и в Апахунике, и в Мананали, и в области Екелеац, даже в столице армянских Багратидов в Ани) была широко распространена ересь тондракцев. Кларджия, очевидно, не являлась исключением¹⁴. Ересь тондракцев была особенно распространена именно в первой половине XI в. Помимо своей антифеодальной направленности, ересь тондракцев заключала в себе идеи освободительной борьбы армянского народа против иноземных захватчиков вообще и против византийских захватчиков в особенности¹⁵. Нам кажется, что Воила под змеями, скорпионами и дикими зверями подразумевает еретиков-тондракцев. Последние в армянских источниках XI в. именно так и названы. Так, автор XI в. Аристокес Ластивертци называет тондракцев «человекообразными зверями», тондракского вождя — «упрямым демоном-змеем», центр тондракского движения селение Тондрак — «логовом диких зверей», селение, принадлежащее одному тондракскому вождю, — «местностью, обитаемой змеями», места жительства еретиков — «логовом змей». В таких же выражениях обращались к тондракцам известный армянский политический деятель и философ первой половины XI в., бывший дукой Месопотамии в царствование Константина Мономаха (1042—1054), Григорий Магистр Пахлавуни, умерший в 1058 г., т. е. за год до составления завещания Воилы, и другие армянские авторы того времени.

Воила пишет, что он огнем и мечом уничтожил этих змеев, скорпионов и диких зверей, превратил в золу их обиталища. Эти слова Воилы С. Врионис и не пытается объяснить. Есть основания, по нашему мнению, полагать, что огнем и мечом Воила уничтожил еретиков-тондракцев, предав огню их обиталища. В подтверждение нашего предположения вспомним слова Григория Магистра. В своем послании сирийскому католику

¹⁴ В житии Григория Хандатийского есть упоминание о существовании в XI в. еретиков в Кларджии, а именно в Опизе (см. Георгий Мерчул. Указ. соч., стр. 144—145). Еретики упоминаются также в Анче, находящейся в 2 км от Артануджа (там же, стр. 136). Последние, впрочем, по мнению Н. Марра, были павликианами (там же, стр. XVIII, прим. 3).

¹⁵ Ашот Иоаннисян. Очерки по истории армянской освободительной мысли, кн. 1. Ереван, 1957, стр. 237, 368, 379 и др. (на арм. яз.).

он писал, что многие военные вельможи и начальники, по указанию Григория Магистра, предали еретиков-тондракцев мечу, а их обиталища — огню. Вполне возможно, что одним из этих военных вельмож и начальников был протоспафарий и ипат Евстафий Воила.

Далее С. Врионис пытается выяснить вопрос об историчности упомянутых в завещании Воилы личностей (дука Михаил и его сыновья — магистр Василий и вестарх Фаресман). Вокруг личности магистра Василия среди византийцев уже полвека идут споры. Решение этого вопроса означало бы в то же время и выяснение вопроса о его отце, дуге Михаиле, и его брате, вестархе Фаресмане.

С упоминанием имени магистра Василия из завещания Воилы мы встречаемся еще раз в памятной записи монаха Феодула (писца текста завещания Воилы), которая находится в той же Коаленевой рукописи Парижской национальной библиотеки, содержащей «Лествицу» Иоанна Климака и текст завещания Воилы. Во всех изданиях этой записи магистр Василий выступает с прозвищем «Парадунавис» (Παραδούναβις). Византисты, занимавшиеся вопросом выяснения личности магистра Василия, имели в виду в основном именно эту памятную запись монаха Феодула, которая гласит: ἐτελειώθη ἡ πανάρετος κλίμαξ προστάξει Εὐσταθίου πρωτοσπαθαρίου καὶ ὑπάτου τοῦ Βοήλα διὰ χειρὸς ἐμοῦ Θεοδοῦλου μοναχοῦ καὶ πρεσβυτέρου τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου Σαλήμ, ἀμφότεροι Καππαδόκαι, ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἰσαακίου τοῦ Κομνηνοῦ καὶ πατριάρχου τῆς βασιλίδος Κωνσταντίνου προέδρου καὶ πρωτοβεστιαρίου καὶ Θεοδοσίου Ἀντιοχείας ἐτει ςφξζ' ἰνδικτιῶνος β' μηνὸς ἀπριλλίου δ', ὥρα ζ', τῷ ἀγίῳ καὶ μεγάλῳ σαββάτῳ, καταπάνω Ἐδέσης Ἰωάννου τοῦ Δουκίτζη, δουκῶν Ἀδριανοῦ Ἀντιοχείας, Ἀαρῶν προέδρου καὶ αὐτοῦ δὲ τῆς Αὐγούστης Μεσοποταμίας, Βασιλείου μαγίστρου τοῦ Παραδούναβι, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας, Παγκρατίου Βασσπρακᾶ καὶ Ἰωάννου κοροπαλάτου καὶ δομεστικοῦ τῶν σχολῶν τοῦ βασιλέως Κομνηνοῦ¹⁶.

В 1921 г. В. Бенешевич исправил допущенные им в последних строках неточности: Ἀαρῶν προέδρου καὶ αὐτοδεσπότου τῆς Αὐγούστης Μεσοποταμίας, Βασιλείου μαγίστρου τοῦ Παραδούναβι, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας, Παγκρατίου Βασσπρακᾶ καὶ Ἰωάννου κοροπαλάτου καὶ δομεστικοῦ τῶν σχολῶν αὐταδέλφου τοῦ βασιλέως Κομνηνοῦ¹⁷.

В других изданиях этой записи в расшифровке ее концовки допущены и другие неточности, но интересующие нас имена и прозвища у всех даны одинаково: Ἀαρῶν προέδρου καὶ αὐτοδεσπότου τῆς Αὐγούστης Μεσοποταμίας, Βασιλείου μαγίστρου τοῦ Παραδούναβι, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας, Παγκρατίου Βασσπρακᾶ καὶ Ἰωάννου κοροπαλάτου καὶ δομεστικοῦ τῶν σχολῶν αὐταδέλφου τοῦ βασιλέως Κομνηνοῦ¹⁸.

Кто же этот магистр Василий, что означает его прозвище Παραδούναβις? Византийские историки Атталиат, Зонара и Скилица упоминают о том, что в 1065 г. турки-узы, переходя реку Истр (Дунай), взяли в плен архонтов приистрских (т. е. придунайских) городов — магистра Никифора Вотаниата и магистра Василия Апокана (τῶν παριστρίων πόλεων ἄρχοντες... ὁ μάγιστρος Νικηφόρος ὁ Вотανειάτης καὶ ὁ μάγιστρος Βασίλειος ὁ Ἀποκάης¹⁸).

Румынский византист Н. Бэнеску отождествляет этого магистра Василия Апокапа с магистром Василием «Парадунависом», упомянутым в памятной записи монаха Феодула, и утверждает, что «Παραδούναβις» является не прозвищем, не фамилией Василия, как предполагал греческий

¹⁶ В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в., стр. 220.

¹⁷ В. Н. Бенешевич. Три Анийские надписи XI в. из эпохи византийского владычества. Пб., 1921, стр. 16.

¹⁸ Michaelis Attaleiotae Historia. Bonnae, 1853, p. 83; Ioannis Zonarae Epitome historiarum, t. III. Bonnae, 1897, p. 678; Georgii Cedreni Historiarum compendium, t. II. Bonnae, 1839, p. 654.

византист С. Ламброс¹⁹, а эквивалентом слова Παρίστριον²⁰ (т. е. Придунайский).

Болгарский византист В. Златарский пришел к совершенно другим выводам²¹. Он писал, что Василий Апокап не имеет ничего общего с магистром Василием памятной записи монаха Феодула, ибо первый стал магистром лишь в 1064 г., в 50-х же годах XI в. он имел чин патрикия. Кроме того, продолжает В. Златарский, известно, что в конце 1059 г. и в 1060 г. архонтом придунайских городов был Роман Диоген. В. Златарский принимает предположение С. Ламброста, что слово Παράδουναβις «есть просто прозвище, фамилия магистра Василия, а не его титул». Он полагает, что это прозвище говорит о том, что магистр Василий памятной записи монаха Феодула имеет болгарское происхождение, и, не считаясь с данными завещания Воилы, пишет, что он тождествен тому Василию, который в начале царствования Романа Диогена был дукой города Эдессы и у армянского историка XII в. Матфея Эдесского назван «сыном болгарского царя Алусиана»²². Но ведь в завещании Воилы неоднократно указано, что отца магистра Василия (именно того Василия, который упомянут в памятной записи монаха Феодула) звали Михаилом и что он имел чин дуки.

С. Врионис пришел к тем же выводам, что и Н. Бэнеску. Он тоже считает, что магистр Василий завещания Евстафия Воилы и есть магистр Василий Апокап, архонт приистрских городов, который упоминается также в хронике армянского историка Матфея Эдесского в качестве сына Апокапа.

В завещании Воилы упомянуты также вестарх Фаресман, брат магистра Василия, и их отец — дука Михаил. С. Врионис отождествляет дуку Михаила с дукой города Эдессы Апокапом, выступающим в хронике Матфея Эдесского в качестве «отца Василия»²³, а вестарха Фаресмана отождествляет с упомянутым Скилицей вестом²⁴ Фаресманом Апокапом, получившим от императора Романа Диогена в 1069 г. город Гиераполь²⁵.

Но и Н. Бэнеску, и С. Врионис не считаются с данными завещания Воилы и хроники Матфея Эдесского, поэтому их выводы не могут быть признаны убедительными. Апокап, упомянутый Матфеем Эдесским (которого С. Врионис отождествляет с дукой Михаилом завещания Воилы), владел городом Эдессой, а дука Михаил и его сыновья, как убедительно доказал сам С. Врионис, жили в Тайке, точнее — в Кларджии. Мы не располагаем данными о том, что дука Эдессы Апокап имел какое-нибудь отношение к этой области.

Но самым важным обстоятельством, вызывающим сомнение в выводах Н. Бэнеску и С. Вриониса, являются соображения хронологического порядка. По данным завещания Воилы, дука Михаил (согласно С. Врионису, Апокап, дука Эдессы) во время составления завещания, т. е. в апреле 1059 г., был μαχαίτης, т. е. умершим; в хронике же Матфея Эдесского мы

¹⁹ Sp. Lampros. Ἐνθυρήσεων ἤτοι χρονικῶν σημειωμάτων συλλογή πρώτη. NE, VII, 1910, σελ. 130—131.

²⁰ N. Banesku. Les premiers témoignages byzantins sur les Roumains du Bas-Danube. BNJ, Bd. III, 3 und. 4. (Doppel-) Heft, 1922, S. 294—295; i d e m. La question du Paristrion. Byz., vol. VIII, fasc. 1, 1933, p. 294; i d e m. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie. Bucarest, 1946, p. 84—90.

²¹ В. Н. Златарски. Една датирана приписка на гръцки от средата на XI век. BS, vol. I, 1929, p. 28 sq.

²² Մատթեոս Սահյանցի, Ժամանակագրութիւն, Վաղարշապատ, 1898, էջ 195.

²³ Մատթեոս Սահյանցի, էջ 119.

²⁴ С. Врионис по ошибке называет его вестархом.

²⁵ Cedr., II, p. 675—676, ср. Attal., p. 116.

читаем, что дука Эдессы «Апокап, отец Василия», в 1065 г. с радостью встречал своего сына²⁶, т. е. магистра Василия Апокапа, архонта приистрских (придунайских) городов, сумевшего убежать из турецкого плена. Совершенно ясно, что дука Эдессы Апокап не имеет ничего общего с дукой Михаилом завещания Воилы, как, разумеется, и его сын Василий (т. е. Василий Апокап византийских источников), архонт приистрских городов, не может иметь ничего общего с магистром Василием памятной записи монаха Феодула и завещания Воилы.

Поэтому и прозвище «Апокап» стратига Гиераполя Фаресмана, которого С. Врионис хотел отождествить с вестархом Фаресманом завещания Воилы в качестве брата магистра Василия, ничего не дает. Несомненно лишь то, что оба они называются Фаресманами, один из них имеет чин вестарха, а другой — веста.

Итак, Παράδουναβις, вероятно, нельзя считать эквивалентом Παρίστριον, и, по нашему мнению, совершенно правильно С. Ламброс и В. Златарский предполагали, что это прозвище. Но оба эти историка не ответили на другой возникающий в связи с этим вопрос. Все лица в памятной записи монаха Феодула упоминаются вместе с принадлежавшими им владениями. Если считать «Парадунавис» прозвищем, то в этом случае только при имени Василия «Парадунависа» его владения не названы. Это обстоятельство и послужило главной причиной того, что исследователи высказали разнообразные, но все же неправильные суждения по вопросу о локализации имений Евстафия Воилы, находившихся под политической властью магистра Василия и его отца дуки Михаила. А. Омон искал владения Воилы в Каппадокии²⁷, П. В. Безобразов — в феме Антиохии²⁸, а В. Златарский — в районе города Эдессы²⁹.

В. Златарский, утверждая, что у магистра Василия «Парадунависа» болгарское происхождение, опирался лишь на его прозвище «Парадунавис» и не обращал внимания на то, что брата Василия звали Фаресман, имя, которое вряд ли встречалось среди болгар. Оно, напротив, показывает, что Фаресман, как и его брат Василий и их отец Михаил, мог быть либо грузинского, либо армянского происхождения (возможно, халкедонитского вероисповедания).

Споры вокруг личности магистра Василия были бы давно решены, если бы исследователи обратили внимание не только на изданный текст памятной записи монаха Феодула, но и на фототипический снимок страницы 1586 Коаленевой рукописи № 263, изданной еще Омоном³⁰. На этой странице кончается «Лествица» Иоанна Климака. Ее концовку монах Феодул, писец «Лествицы», расположил в кресте, которому придал вид лестницы, а на оставшихся по сторонам от креста чистых полях листа и написал свою памятную запись. Слова записи начинаются с полей, находящихся с левой стороны от креста, и продолжаются на полях с правой стороны. Однако нам кажется, что монах Феодул в двух случаях не придерживался этого принципа. Интересующую нас часть записи мы читаем так: на правом поле писец начал: Ἀδριανῶ Ἀντιοχείας Ἀαρώ, затем перешел на левое поле: προέδρου καὶ αὐτοδεσπότου Αὐ, а продолжил на правом поле: τοῦστης Μεσοποταμίας. Далее же, однако, монах Феодул не перешел на левое поле, как считали все издатели этой записи, а прямо под той же

²⁶ Մատթեոս Սահյանցի, էջ 153.

²⁷ «Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France», 1890, p. 101.

²⁸ П. В. Безобразов. Завещание Воилы, стр. 107.

²⁹ В. Н. Златарски. Указ. соч., стр. 25.

³⁰ H. Oumont. Op. cit., pl. XXVI.

последней строкой на правом поле написал: τοῦ Παραδοῦναβι; затем он перешел к левому полю и продолжил: Βασιλείου μαγίστρου, после чего под той же строкой левого поля написал три последние строки записи (Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας и т. д.), которые, находясь под крестом, уже не были разделены на две части.

Итак, выясняется, что прозвище Παραδοῦναβις относится вовсе не к магистру Василию³¹, как считалось до сих пор, а к дуке Месопотамии проедру Аарону, который, кажется, никогда не был ἀρχὼν τῶν παριστρίων πόλεων. В. Златарский был совершенно прав, предполагая, что человек, носящий прозвище «Парадунавис» (в данном случае не имеет значения то, что он относил его к магистру Василию), мог иметь болгарское происхождение. Общеизвестно, что дука Месопотамии проедр Аарон был болгарского происхождения. Об этом неоднократно упоминают и византийские, и армянские первоисточники. Аарон происходил из царского рода, его отец Иоанн Владислав был царем Западной Болгарии (1015—1018 гг.). Брат Аарона Прусиан защищал в 1018 г. Болгарию против императора Василия II, сестра же Аарона Екатерина вышла замуж за Исаака Комнина (1057—1059 гг.). Аарон служил в Азии, главным образом в Армении. Он правил Васпураканом, а с 1049 до весны 1057 г. был магистром города Ани, сменив Катакалона Кекавмена, а в апреле 1059 г., как видно из записи Феодула, был дукой Месопотамии³².

Выше мы говорили о том, что если считать Παραδοῦναβις прозвищем, а не названием местности, то в записи остается лишь магистр Василий, владения которого не указаны монахом Феодулом. При нашем же чтении записи отпадает и это недоразумение. Магистр Василий и Иоанн Монастыриот оба названы монахом Феодулом владыками (дуками) Иверии, что не вызывает сомнения. Имена Евстафия Воилы, находящиеся под политической властью магистра Василия, были расположены в Кларджии, т. е. в области, которая византийцами называлась Иверией. Что касается Иоанна Монастыриота, то он также в одной греческой надписи 1059 г., найденной в фрагментарном виде при раскопках города Ани, назван Ἰωάννης βεστάρχης κατεπάνω Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας Μοναστηριώτης³³.

Итак, интересующие нас строки памятной записи монаха Феодула нужно читать так: Ἀαρὼν προέδρου καὶ αὐτοδεσπότης Μεσοποταμίας τοῦ Παραδοῦναβι, Βασιλείου μαγίστρου, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας.

³¹ Кстати, здесь нужно подчеркнуть, что в завещании Воилы магистр Василий нигде не упоминается с прозвищем «Парадунавис», как и должно было быть, ибо оно ему не принадлежало.

³² См. В. Н. Бенешевич. Три Анийские надписи. . . , стр. 4 сл.

³³ Там же, стр. 19.

ОТВЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ГРИГОРИЯ МАГИСТРА ПАХЛАВУНИ СИРИЙСКОМУ КАТОЛИКОСУ

Крупный армянский философ и военачальник Григорий Магистр Пахлавунни является одним из немногочисленных светских писателей средневековой Армении. Представители рода Пахлавунни связывали свое происхождение с именем Григория Просветителя, а через него — с Аршакидами. Основные владения рода Пахлавунни находились в областях Ширак и Айрарат.

Григорий Магистр родился около 990 года и получил для своего времени блестящее образование. Он был крупным знатоком богословия, риторики, поэзии, философии, особенно древнегреческой и точных наук. Его современник армянский историк Аристокс Ластивертци, как и католикос Нерсес Благодатный (1166—1173), выражаются о нем самыми лестными словами.¹ Григорий Магистр славился своей строительной деятельностью. Кроме всего этого он был также крупным военачальником и политическим деятелем. В 1045 г., когда Византии удалось захватить Армянское царство Багратидов, Григорий Магистр был вынужден подчиниться Византии и отдать свои владения. Взамен он получил от византийского императора Константина Мономаха (1042—1054) города и селения в Месопотамии, был назначен дукой Месопотамии и получил титул магистра. В 1048 г. в борьбе против сельджуков, вместе с византийскими военачальниками Катакалоном Кекавменом и Аароном магистром, сражался и Григорий Магистр. Умер Григорий Магистр в 1058/1059 г.

Больше всего Григорий Магистр известен своей научной деятельностью. Он организовал высшую школу, где он сам преподавал и

¹ Аристокс Ластивертци. История. Тифлис, 1912, стр. 61 (на древнеармянск. яз.); Нерсес Благодатный. Повмы. Венеция, 1830, стр. 541—542. (На древнеармянск. яз.). Из старых и новых работ о Григории Магистре и его трудах см: E. Dulaurier. [Généalogie de la] famille du prince Grégoire Magistros, duc de la Mesopotamie, issu de la branche des Arsacides de Perse, dite Sourène-Bahlav. Bibliothèque Historique Arménienne, Paris, 1858; V. Langlois. 1) Fragments d'historiens grecs, conservés, dans les oeuvres des écrivains arméniens. III—Grégoire Magistros, duc de la Mesopotamie. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, t. I, Paris, 1869, p. 401—403; 2) Mémoire sur la vie et les écrits du prince Grégoire Magistros. Journal Asiatique, ser. VI, t. XIV, 1869; Chalatianz G. Fragmente iranischer Sagen bei Gregor Magistros (†1058). Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes, 1896; M. Leroy. 1) Grégoire Magistros et les traductions arméniennes d'auteurs grecs. Annuaire de l'Institut d'Histoire et de Philologie Orientales et slaves, III, 1935; 2) La traduction arménienne d'Euclide. Там же, IV, 1936.

вырастил много талантливых учеников, которые впоследствии стали крупными деятелями армянской культуры.

Письменное наследие Григория Магистра составляют его поэмы и множество посланий, направленных разным лицам — как светским, так и духовным. Имеется много его переводов с греческого, например некоторые диалоги Платона, геометрия Евклида и др. Полное собрание, состоящее из 88 посланий Григория Магистра, издано в Александрополе в 1910 г. К. Костанянцем, с предисловием и комментариями.² Язык и стиль сочинений Григория Магистра тяжел и труден, так как он пользуется многими образованными на основании греческого языка словами и оборотами, которые чужды армянскому языку. Эти слова и обороты идут или из древней грекофильской школы, или же образованы самим Григорием Магистром.³ Под № 67 издано послание, отправленное сирийскому католикусу.⁴ Оно, как и все послания Григория Магистра, не датировано, не упомянуто также имя адресата. Английский арменовед Ф. Конибир датировал это послание 1054—1058 гг.⁵ Е. Тер-Минасян предполагал, что оно отправлено сирийскому католикусу Иоанну X Бар-Шушану, который в 1058 г. был избран католикусом восточными епископами, против законного католикуса Афанасия.⁶ Издатель К. Костаняц считает, что это послание написано в 1051—1054 гг., а адресатом его является сирийский католикус Иоанн VII Дасригда.⁷

В качестве дуки Месопотамии Григорий Магистр вел непримиримую борьбу против еретиков — тондракитов, движение которых достигло широких масштабов именно в первой половине XI в. Ересью были охвачены многие области Армении — Мананали, Васпуракан, Апахуник, Екелеац, Харк, Ширак и другие, а также Месопотамия.⁸ Движение тондракитов возникло в первой половине IX в.⁹ и оно, как все еретические движения средневековья, носило характер классовой борьбы низов общества против феодальной эксплуатации. Тондракитское движение в то же время носило характер народно-освободительной борьбы армян против иноземных захватчиков, главным

² Послания Григория Магистра. Изд. К. Костаняц, Александрополь, 1910. (На древнеармянск. яз.).

³ См.: Г. Зарбаналян. История древнеармянской литературы (IV—XIII вв.). Венеция, 1886, стр. 558 (на армянск. яз.); М. Абегиан. История древнеармянской литературы, книга вторая, Ереван, 1946, стр. 26. (На армянск. яз.).

⁴ Послания Григория Магистра, стр. 148—164.

⁵ Fr. C. Conybeare. The Key of Truth, a manual of the Paulician Church of Armenia. Oxford, 1898, стр. 141.

⁶ Erwand Ter-Minassiantz. Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zu den syrischen Kirchen, bis zum Ende des 13. Jahrhunderts, nach den armenischen und syrischen Quellen. Leipzig, 1904, стр. 96.

⁷ Послания Григория Магистра, стр. 283.

⁸ Из новейших трудов о тондракцах см.: А. Мнацаканян. О некоторых главных вопросах тондракского движения. Известия АН Арм. ССР, № 3, стр. 63—84. (На армянск. яз.); Аш. Иоаннисян. 1) Движение тондракитов в Армении. Вопросы истории, 1954, № 10, стр. 100—108; 2) Смбат Зарехаванци, его время и современники. Вестник Матенадарана, 1956, № 3, стр. 7—30; 3) Очерки истории армянской освободительной мысли, кн. I. Ереван, 1957, стр. 336—385. (На армянск. яз.); С. П. Погосян. Закрепощение крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1956, стр. 347—508. (На армянск. яз.); К. Юзбашян. Тондракитское движение в Армении и павликиане. Известия АН Арм. ССР, Общ. науки, 1956, № 9, стр. 31—44.

⁹ Начало движения дискутируется несколькими поколениями арменоведов. Подробнее об этом споре см. ниже, стр. 142, прим. 32—33.

образом против Византии. Оно было подавлено Григорием Магистром в начале 50-х годов XI в.

Из ответного послания Григория Магистра сирийскому католикусу видно, что после подавления тондракитского движения в Армении остатки еретиков искали себе убежище в Месопотамии и Сирии, что очень встревожило сирийского католикуса. Последний обратился к Григорию Магистру с просьбой дать ему сведения относительно еретиков. Из ответа Григория Магистра видно, что он и сирийский католикус были лично знакомы и в своем ответе, кроме подробной справки о еретиках, Григорий Магистр касается также разных вопросов, обоюдного интересовавших армян и сирийцев, особенно в вопросах взаимоотношений между двумя церквями.

Ответное послание Григория Магистра сирийскому католикусу в русском переводе дается впервые. Крупные выдержки из него были изданы в немецком переводе К. Тер-Мкртчяном,¹⁰ а с немецкого на английский язык были переведены и изданы Ф. Конибиром.¹¹

ПЕРЕВОД

[Григория Магистра] ответ на послание сирийского католикуса, написанный тогда, когда он был дукой Васпуракана¹ и Тарона.² После того, как он уничтожил манихеев³ в стране Ромеев и в Тондраке,⁴ остатки их проклятого народа отправились к сирийскому католикусу в город Амида, с надеждой обмануть и уговорить его. Последний по этому поводу написал послание Григорию Магистру Аршакуни.⁵ Вот его ответ

Мы получили и прочли послание, написанное твоей светлой и обгащенной господней кровью прославленной десницей, послание совершеннейшего и подлинного сына наших святых и возвышенных, трижды блаженных и правоверных предков, отца отцов, удостоенного снисшедшей милостью апостольского престола, наместника богодержавного Иисуса. С чувством необычайного смятения узнав о твоём несчастии, о том, что тебя постигла такая участь, мы пролили слезы с глубокой скорбью. В [послании] было написано о всех муках отцов, до тебя пострадавших в оковах и тюрьмах, о тех, которые подверглись осмеянию, были измучены и отправлены в изгнание. Образы их всех, как и идущих по тому же пути, находятся как живые в наших думах. Мы, обращая свои взоры вокруг, можем их, бесплотных, очами души своей созерцать телесными. Чтобы открыть появившийся в нашей среде раскол, нужно иметь острый глаз и слух. Мы считаем справедливыми тех, которые в связи с этим [расколом] поднимают такой вопль, как у могилы [умершего]. Вспоминаю я слова великого и божественного Давида: „Я позавидовал, — говорит он, — видя благоденствие нечестивых“. И в другом месте: „Отступили нечестивые; от утробы матери заблуждают, говоря ложь“.⁷

Я думаю, что именно о них до нас достойным образом было сказано другим отцом, составившим благопристойными словами свою бо-

¹⁰ K. Ter-Mkrtschian. Die Paulikianer im Byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien. Leipzig, 1893, стр. 140—150.

¹¹ Fr. Conybeare, ук. соч., стр. 143—149.

жественную речь.⁸ И я, наподобие ее, составил это [послание], после того как встревожился, встретив такую мерзкую смуту. Но терпение и дух кротости убеждает меня во всех наших слабостях видеть силу. Ибо, как учит нас блаженный Павел, „когда мы немощны, тогда сильны“,⁹ ибо „дух подкрепляет нас в немощах наших“,¹⁰ во всех страданиях, сомнениях и всех телесных муках. Он (т. е. Павел, — Р. Б.) божественно и чудесно показывает нам путь нашего мирского путешествия, как бы в город или царский дворец. Он, как добрый кормчий при морской буре, бушующих волнах и водоворотах, находит пристань. Он, говоря: „Взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, который вместо предлежащей ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление“,¹¹ показывает как нам нужно поступать, ставит настоящую мишень искусно стреляющим из лука воинам, в которую каждый стреляющий пожелает метко пустить стрелу с лука.¹² Этот блаженный не хотел долгими словам докучать всем, упоминая во всех своих посланиях об одном и том же, поэтому слово о мучениях и кресте соизволил начертать в этом послании. Ибо какое из существующих в мире страданий спаситель не претерпел?

Итак, о блаженный, необходимо, чтобы твое преосвященство выносило все доброжелательно, более того — с радостью. Ведь Иисус сам нес древо креста. И хотя для некоторых он становился причиной их убийства,¹³ но открывал он уста свои из невинности своей. Таково было так называемое владычество на раменах его.¹⁴ Он доброжелательно согласился получить венец и то потому, что он был из терновника; он не отворачивал свое лицо от тех, которые плевали на него; раб ударял свободного по ланитам; его допрашивали, издеваясь над ним; суд его совершился — его оклеветали, бранили и, оскорбив, выгнали вон из города; он удалился от народа и до страданий он [мучился] голодом, жаждой и неусыпностью, но он учил нас всей добродетели.

Я уверен, что если мы посмотрим внимательно и прозорливо очами души своей на все страдания наши, мы найдем об этом упоминание в его богом заповеданной, святой, животворящей благовествовательной проповеди¹⁵ и, идя по тому же пути, с радостью и сердечным удовольствием перенесем все печальные случаи искушения; ибо отец наш удостоил нас идти по его следам и мы можем идти по его светозарному, чистому и сияющему пути. Мы только умоляем беречь веру, чтобы не ввел нас в искушение тот, кто является господом господ и богом вечным, отцом господ нашего Иисуса Христа, который удостоил нас называться именем своего единородного [сына] христианами, одной [ипостаси] святой троицы, сошедшего с небес и соединившего с нашим телом, воссевшего одесную отца. Он — святой архиерей и наш предстатель, вошедший в святую святых ценою крови своей, а воинство небесное,¹⁶ испугавшись его, спрашивало: „Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора“.¹⁷

Итак, о святой архиерей, нужно чтобы принявшие бескровное жертвоприношение,¹⁸ согласившись также добровольно пожертвовать себя и добродетельно, [ценою] крови своей входить в святую святых. Мне кажется, что для этого понадобится много гонений, страданий, придется быть распятым с ним на кресте. Жалея нас, он отеческой заботой, как бы кнутом, увещевает нас встрепетаться от [сна] непослушности, беспечности и пресыщения, чтобы мы, сильно колеблющиеся и ленью ослабленные, больше не попадали под влияние нашего

пожирившего и сопротивного тела. Ибо мы все такие в мирное время. И эти желания происходят от разности пола людей. Чтобы отвлечь подростков от желания, все их отдают учебе и воспитанию; покорных и пищей насыщенных лошадей нужно обуздать, ибо в противном случае они станут творить сумасбродные, бесчинные, противные и неуместные поступки.

Искусные художники свои наилучшие и самые настоящие произведения стараются создавать как можно ближе к действительности. Мы говорили выше, что у людей много смерти и возмездия за грехи и тому подобное, что [Христос] желает нас предостеречь и подкрепить, отворотить нас от греха, искушений и страданий, спасти нас, пока не поздно.

Ты считай наши эти слова, о божий муж, предостережением, подобно тому, как жители нагорья указывают жителям долины удалиться и спастись от внезапно обрушившегося и текущего потока, как отец спасает бегством своих детей во время неприятельского набега, как искусный в буре кормчий, знающий время сильнейшего ветра, не ведет флот на морское сражение. Нам известна милосивость бога, который не жалеет розги своей,¹⁹ и потому мы радостно терпим всякие обрушившие на нас искушения, прося, чтобы конец был добрым.

Мы, согласно просьбе преосвященства твоего, убедительно просим и будем умолять нашего Христом венчанного святого самодержца и миродержца, славного царя,²⁰ чтобы он восстановил твою архиерейскую власть. Мы надеемся, что милость его царства услышит просьбу нашу, ведь не „Господня — земля и что наполняет ее, вселенная и все живущие в ней?“²¹ Ты должен молиться святыми и таинственными молитвами за нашего царя, чтобы господь с помощью своего животворящего и честного креста дал ему силу низложить под ноги его врагов царства его.

Мы прочли послания этих разбойников,²² выгнанных от всякой соборной церкви, архиерею святому Петру.²³ Это ты, ведущий божий, святой образ жизни сподвижника, по мудрости своей и властью архиерея, препровожденный духом святым, осведомил о них. Мы уверены, что это было указано тебе богом, чтобы твоя светлая, отменная власть знала о [ереси] и не страшилась [ее]. Ибо надлежало, чтобы ты свыше удостоился таким битвам и сражениям, чтобы вслед за другими святыми отцами твоих предков и ты сражался против богоборных мечей еретиков-чародеев, подобного рода скрытой клеветы людей, проживающих в темноте под темным сосудом.²⁴ Они научились этому, эти волки в овечьей одежде, похищать младенцев, от чего предостерегал спаситель в своей богом заповеданной благовествовательной проповеди: „Берегитесь тех, которые в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные“.²⁵ Блаженный апостол также предостерегал от подобных злых делателей.²⁶

Но ты, о святой архиерей, следующий за Христом всей мужественной твердостью, если в той области найдешь писания святого и трижды блаженного вардапета Анании,²⁷ начертанные по просьбе католикоса Армении владыки Анании²⁸ и католикоса Армении владыки Иоанна,²⁹ названия которых мы упомянули в том послании, прочти их, [чтобы узнать], каков тот кровожадный, злой зверь, мужеложник и развратный, сумасбродный борборит,³⁰ тот мерзкий и проклятый Смбат,³¹ появившийся в дни владыки Иоанна³² и Смбата Багратуни,³³ учившийся

дурной мании у некоего персидского врача и астронома-мага по имени Мджусик.

Но почему тебе, христоролюбивому человеку, долгословить и подробно писать. Хочу вкратце сказать, что вся беда раскола учеников лже-священника Смбата, совлекшего дух и облекшегося в сатану, потрясшего до основ апостолов и пророков, учеников — этих волков в овечьей шкуре и черных козлов — в их дурном двурушничестве, коварной лжи, безграмотности и невежестве, безбожной проповеди, наглости, велевещи, сумасбродных убеждениях, гнусном посвящении в таинства, необычайно мерзкой и отвратительной порочности, священнодействии без архиерея, в том, что они лишены милости крещения, проживают во тьме без света лампы, в их проповеди безнадежности,³⁴ в их бесстрашии перед богом, в том, что они, эти демоны в образе ангелов, любят мрак, а не свет.

Тот Смбат, во главе псов и волков, в образе священника, но без священнодействия, пришедший из того округа Цалкоти,³⁵ из деревни Зарехаван, поселился в Тондраке и начал во всей округности проповедовать все коварство, которое существует и мыслится в мире, что является плодом праздности и недостатка веры. Он проповедовал уничтожить всю деятельность священников и, особенно, считать ее тщетной. Он сидел, как архиерей, и клеветал. Он не дерзнул открыто рукополагать себе епископов, священников или дьяконов, благославлять елей. Он говорил: „Все это лишь для обмана народа“. Однако он лишенных сана и выгнанных [из церкви] епископов тайно рукополагал мнимым рукоположением, пользуясь святым елеем, подающимся архиереем, издеваясь и смеясь и над [елеем] и над [архиереем].

Итак, они бесстыдным образом насытились всем злодеянием и телесными пороками. Они проповедуют свою ересь тайно, подобно пифагорейке Феано,³⁶ которая не только не ела крупных бобов, но и перерезала зубами свой язык, чтобы не вымолвить неудобосказуемые вещи, и умерла. Вот так и эти разбойники, никогда открыто не показывая западню своей гибели и когда кто-либо обращается к ним с вопросом [о ереси], они не дают ему прямого ответа и вводят его в заблуждение.³⁷

Они в заблуждении. Они признали свою злую проповедь, которая заключается в следующем: словами исповедовать [правду], но душой не верить, даже тогда когда христиане касаются проклятого Смбата и выступавших вслед за ним Тодроса, Ананеса, Аркая, Саргиса, Кириллы и Иесу, проповедовавших до сего времени, больше ста семидесяти лет, его ересь. Их предали анафеме все архиереи Армении и Албании,³⁸ которые предостерегли не приближаться к ним, не иметь с ними общую трапезу, не разговаривать с ними, не входить в их обиталища,³⁹ ягоды их ядовитые, гроздь их горькие, как желчь, ибо виноград их от виноградной лозы содомской и с полей гоморрских (Второзаконие, XXXII, 32).

Чтобы никогда не ввели они в заблуждение твой здравый рассудок и чистый слух своими чрезмерно сладкими и льстивыми словами, ибо они, чтобы совершить зло, льстят самыми сладкими словами. Слова их нежнее елея, но они суть обнаженные мечи.⁴⁰ Они прикрывают свои смертоносные яды, как [рыбак] крючок и соблазняют невинных.

В твоём этом послании было написано о том, что вы расспрашивали жителей, обитающих около них (т. е. тондракитов, — Р. Б.), и

что они не увидели у них чего-либо противного христианским законам. Но я коротко напомню тебе, о божий глава, о следующем. Иуда, будучи давно зараженным злым пороком, скрывал это от святых одиннадцати, что до божьей тайной вечери блаженные одиннадцать [учеников Христа] еще ничего не знали, что приводило их ко многим подозрениям и сомнениям. Даже и после того, как они подавали друг другу знаки, не узнали о злом помысле лицемера, пока об этом не осведомил их божий промысел. Твое пресвященство знает и об Ахитофеле, который скрывал [свои помыслы] от пророка Давида. Я хочу напомнить тебе о подобном лепете многих, о том, какую кашу они заваривали. И далее. Если бы Иисус не появился святому Петру в Александрии, этот здравомыслящий мог в будущем считаться сторонником проклятого Ария своим. Ведь последний был лицемером, на словах он исповедовал настоящую веру, подобно другим лжеапостолам именем апостолов. Их имел в виду апостол, когда говорил: не удивительно, что сатана принимает вид ангела, ибо и служители его принимают вид подобный [служителям] правды.⁴¹

Они (т. е. еретики, — Р. Б.) написали, что „преследуют нас из зависти“. О, ложь, достойная удивления и изумления! Если они из наших и нашего вероисповедования, то почему же мы должны им завидовать? Чему завидовать? Какой их философии или учению? Каким [не существующим у них] митрополитам и епископам? Каким отцам, великим верующим иереям, уединенным, облекшимся в Христа и ведущим отшельническую жизнь монахам, обитающим в горах, пещерах и вертепах, мы бы могли завидовать? Чему завидовать? Каким музыкальным песнопениям, сладкопениям, установленным светлым праздникам, какому воскурению различными благовониями, какой нарядной священнической ризе, каким священническим собраниям всей чети клириков и световарных дьяконов, собранных вокруг божественного алтаря, освещению елея, [необходимого] для божьего [таинства] крещения и для рукоположения, светлейшему и бескровному [таинству] жертвоприношения, или тому, что они являются сторонниками христианского, божественного исповедования? Чему завидовать? Их телесной мощи или превосходству? Их даровитости или искусности в науках? Их благородному происхождению или большому богатству? Тому, что они особый народ [с особым] языком, царем и архиереем? Или тому, что они, как иверы, отделились от нас,⁴² как и некоторые от вас, например несториане⁴³ и некоторые другие?

Ты спроси их твоими божьими устами. Дадут ли они хоть на один твой вопрос ответ? Твердо знаем, что они промолчат. Но несмотря на это, эти словесные [существа] лаят, как псы, гремят, как медь, говорят они неясно и нелепо. Если хочешь знать, они с давних пор ведут темный, испорченный образ жизни, у них злые, коварные мысли. Они не знают, что их предтечей становится сын гибели,⁴⁴ которого убьет Иисус Христос духом уст своих.⁴⁵

Они злорадствуют, открыто написав нашему архиерею подобные вещи. Мы своими ушами слышали и своими глазами увидели множество их, которые хотя не сомневаются, что мы знаем святое писание, но несмотря на это, из их уст перед епископами и множеством народа вышла хула, подобно которой мы ни в одной божественной книге не читали,⁴⁶ подобную вещь не говорили и другие богохульствующие [еретики]. Они говорят, что „мы не идолопоклонники, а богопоклонники, мы не признаем ни креста, ни церкви, ни ризы священника,

ни литургии. а [лишь] их таинство“. И много подобного [они говорят].

Они, говоря подобные вещи, не только не хотят признать нашу, заповеданную от Христа веру, но болтают мифы и пустословят. Их некий лжесвященник, выступая против нас, открыто говорил собранному народу: „О, тщетная надежда⁴⁷ христиан. На что же вы надеетесь?“ А люди отвечали ему согласно нашему благопристойному преданию. А тот говорил им нечестивыми устами. Он, взяв тесто, руками делал просфору и обмакивая ее в вино, выбрасывал, говоря: „Это обман христиан“. И это был Кирилл, проклятый вождь тондракцев. Он сильно хулил также святую деву богоматерь и все таинство воплощения.

Но нам известно, что когда этим мерзким напоминаем об этом, они [отказываются], начинают предавать анафеме [ересь] и проклинать исповедующих. Так, коварно клянутся и отрекаются, ибо такой обет у них принят — лгать! И эти незаконные самаритянские и бешеные псы, непреклонившиеся к повиновению вере Христовой, лгут. Тот [душой] слепой Лазарь, который, будучи слепым, теперь принял предводительство над этими слепыми,⁴⁸ давно погиб душой и его воскресит не Христос, как четырехдневного [Лазаря],⁴⁹ а предтеча антихриста, чтобы он, дважды потерпев пагубу, исчез из нашего края и епархии. Ты пошел в нашу область и страну, к нашим святым монахам, к христианскому божьему народу [людей], чтобы убедиться, и я коротко осведомлю тебя, какое он бедствие и смуту причинил церкви. Мы не сомневаемся, что ты услышал о том, что во время моего прихода в Месопотамию⁵⁰ какие посеянные ими плевелы я искоренил в этой стране. Затем я увидел, что текущая чистейшая вода стала мутиться и, идя по ее следам до источника, я встретил там капище тондракитов, в котором скрывалась закваска саддукеев и воспламенялся скрытый огонь зла. Силой бога и молитвами нашего святого архиерея и просветителя и праотца,⁵¹ получив повеление от господина, в дни нашего святого и Христом венчанного самодержца императора Константина Мономаха я искоренил все плевелы зла и мерзости.

Те, которые признали свои грехи и заблуждение, безбожную грешность своих предводителей, изрыгли желчь горечи и сомнения.⁵² Наши святые епископы, одним из которых был бджнийский⁵³ архиепископ Ефрем,⁵⁴ повелели воздвигнуть для них купель крещения и удостоили их исповедовать веру святой троицы — отложить [прежний образ жизни] ветхого человека и облечься в нового человека.⁵⁵ Повелели, чтобы они больше не служили [ересиархам]. Воздвигнули среди них знамение господина и божественным бескровным жертвоприношением причастили их к божественному таинству. Принявших крещение было больше тысячи и еще продолжали приходить креститься, признав свои грехи и вредность ереси тех, которые учили невинных.

Но еще до этого причиной этого дела спасения стали некие два из [еретиков], в образе священников, которые признали все колдовство своей злой ереси. Они были близкими своего дурного и гнуснейшего предводителя и служили ему в его превратившейся в вертеп хижине,⁵⁶ где совершались зверские мерзости. Они последовательно рассказали нам об их теперешней ереси. Их учение постоянно развивалось. Оно по своему содержанию представляется тричастным: самые совершенные во зле, которые в состоянии принять смертельный яд, проповедуют полную безнадежность и безбожие, как эпикурейцы.⁵⁷ Другие похожи

на манихеев, которых хотя и проклинают, но творят то, что и они.⁵⁸ А третьи на словах исповедуют как бы согласно христианским преданиям, они не считают себя [еретиками], но, несмотря на все это, и они тоже чужды христианским постановлениям и вере. Известно, что они отлучены [от нас], живут без епископов и священников, бродяжничают и разглагольствуют, что мол „мы из войска араамского“⁵⁹ и их единовверные“. Но они ничем не подобны им, только приняли их наименование, ибо они псы, псы, псы. Имеет ли все это что-либо общего с настоящей [верой]?

Теперь я хочу ознакомить твое преосвященство с нашим постановлением относительно [еретиков]. [Наши архиереи] повелели никоим образом не общаться с ними, не разговаривать с ними, не принимать их к исповеди и крещению. И это они утвердили законом.⁶⁰ Но я позволением бога и повелением нашего святого просвятителя осмелился открыть для них врата милосердия и человеколюбия, так как эта дикая толпа была непричастна к чаше гнева и смертоносного яда [еретиков].

Теперь эти наглые [еретики], потерявшие голову лжецы, скрывая свой яд, пишут нам слова грамматиков, будто „мы не знаем этого“, что даже детям смешно, тем более нашим мудрецам и знатокам, и желают нас учить. Они перечисляют имена всей толпы ересиархов и говорят: „Мы не принадлежим их ереси“. Они давно отлучились от нас, были выгнаны из церкви как иссохшиеся члены ее,⁶¹ как больные волосы, как вырванная копна плевелов.

[Еретики], появившиеся до времен блаженного Епифания,⁶² упоминаются последним в его святой книге, которая называется Панарий; появившиеся после [Епифания] упомянуты святым Кириллом,⁶³ а те, которые выступили после [Кирилла], — другими нашими отцами. И так, как первые известили нас о тех [еретиках], так и нижеупомянутые дали нам знать об этих (т. е. тондракцах, — Р. Б.). Наш блаженный архиерей святой Иоанн⁶⁴ и вардапет Анания,⁶⁵ писавшие об их ужасном, безбожном расколе, [показали], что они отличаются от православия не в одном или двух вопросах, а что все их законоположение полностью противоречит Ветхому и Новому заветам. А наше православное учение и предания можно сравнить с благовонием всех роз и цветов, собранным пчелой в одном месте, где вырастают все новые и новые виды добродетели. Врач из различных смесей полезнейших лекарств приготавливает средство для здоровья человека, для оздоровления больного. Но тот, кто желает приготовить смертоносный яд, тот из всех ядов собирает самые сильные и самые вредные — яд разного рода змей, чтобы отравившийся тотчас же покинул жизнь, погиб телом. Так и их раскол. Он составлен на основании [учения] не одного, двух или трех [ересей], а из колдовства, чародейства, обвораживания, безверия всех ересей. Эти [еретики] призвали этого богоборца, разрушителя закона, отдавшего дьяволам незаконного Сибата, чтобы он, как мы написали выше, положил им законы. Они, оставив светлый путь, пошли по темному пути, ведущему к окончательной гибели, своевольно сомкнув свои глаза перед солнечными лучами, и лишенными солнечного света очами, они, как об этом написано в [святом] писании, достигли берега заблуждения.

Но они достигли не только берега [заблуждения], но и дна ада, стали подручными любящего мрак князя⁶⁶ и, выучившись у него, тво-

рят бесстыдные дела. Беззаконие этих злодеев следующее: когда они в безопасности, открыто не соблюдают пост. Хотя и тайно, они осмеливаются входить в сношения безразлично — с мужчинами, женщинами и родственниками. Они ничего не почитают, ни божье, ни человеческое и над всем издеваются, и над Ветхим, и над Новым заветами. Несмотря на все это, когда их открыто допрашивают [относительно ереси], они сильно проклинают [ее], отрекаются [от нее] и клянутся. Нам же известна такая хитрость. Вот твои павликиане, отравленные Павлом Самосатским.⁶⁷ Когда мы их спрашиваем относительно веры, они отвечают: „Мы христиане“. У них все время на устах Евангелие и Апостол. И когда их спрашиваем, почему вы не принимаете крещения, что повелели Христос и Апостол, они отвечают: „Вы не знаете таинства крещения, нам не нужно крещение, ибо крещение — это смерть. И Христос не говорил во время вечера о литургии, а о всей трапезе“. И говорят они: „Мы любим Павла и предаем анафеме Петра;⁶⁸ Моисей увидел⁶⁹ не бога, а сатану“. Они сатану считают творцом неба и земли, всего человеческого рода и всех творений, а самих себя они называют христианами.⁷⁰ Вот и некоторые другие [еретики, зараженные] магом Зрадаштом,⁷¹ [называющиеся] персидскими магами, и зараженные ими теперешние солнцепоклонники, которых называют Ареворди.⁷² В той области их много, и они открыто сами себя называют христианами.⁷³ Но мы знаем, что ты сведущ в их заблудшем и распутном образе жизни. Существуют и другие, из того же проклятого народа тондракцев, которые называют себя Кашеци.⁷⁴ Они — корень зла. А хнусские тондракцы⁷⁵ и теперь находят повод хулить Христа и пишут, что он обрезанный. А тулайцы⁷⁶ не признают его, говоря: „Мы не можем исповедовать обрезанного бога“. Но да будет тебе известно, что они в сердце своем не исповедуют бога, ни обрезанного и ни необрезанного. Это лишь повод, чтобы издеваться над нами.

Этим посланием я сообщаю твоему преосвященству и следующее. Вышеупомянутые два священника, которые пришли и признались, получили крещение и были названы один Поликарпом, а другой Никанором, дали нам знать, что имеются послания, отправленные из разных областей к беззаконному вождю [тондракитов] Иесу, в его гнусную берлогу,⁷⁷ говоря: „Помилуй, прочти и найдешь ты в них сумасбродство служителей дьявола“. И мы, разыскав, нашли в той области также и прочли многие зловерные писания, полные мерзкого колдовства и хулы, которые возбудили в нас сетование. В том Шнаване⁷⁸ жили люди в одежде священников и множество блудных женщин, обиталища которых мы повелели отдать огню и разрушить до основания, а самих [еретиков] выслать из нашей страны. Но мы никого не подвергли телесному наказанию, хотя закон повелевает карать их высшей мерой наказания,⁷⁹ как и поступали до нас многие военачальники и вельможи, которые беспощадно предавали их мечу, не пожалев ни стариков, ни детей, ибо [еретики] заслужили этого. Также наши архиереи [повелевали] клеймить их чело каленым лисьим клеймом,⁸⁰ ибо они похожи на лисиц-воровок, которые, как говорит мудрый, портят виноградники.⁸¹ Они повелевали выколоть некоторым глаза, говоря им: „Так как вы разумом слепы, да будьте слепыми и очами“. Несмотря на все это, им не удалось покончить с их чрезмерным сластолюбием, заставить их отказаться от своего сумасбродного, дикого и беззаконного образа жизни и вернуться к прежней благочестивости. Наоборот, они продолжают высказывать ложные и коварные слова, носить мнимую схиму

священника, что для них является ковом, западней или ловушкой, мостом, весьма удобным, чтобы вести к гибели.

Поэтому мы предостерегаем твое преосвященство беречься их сядукейской закваски, их мерзкой трапезы, их слов. Чтобы ни ты, ни епископы, ни священники твоей епархии не удостоили их благословения и из-за неведения своего были прокляты отцами. Лишь тех [еретиков], которые признают свои преступные, колдовские поступки, откажутся от своих злых делателей и старейшин, позволением твоим пошли к нам, чтобы они, придя и исповедовав грехи свои, получили крещение. А нежелающих [отречься от ереси] не щади, не мирись с ними, не делай их достойными слушания, а наоборот, как единомышленник твоих отцов и братьев, проклинай их всякий раз, когда будешь их вспоминать. Вот и все [о еретиках].

Теперь относительно единства вашей [церкви с нашей]. Во времена владыки Захарии⁸² и владыки Христофора⁸³ было написано и сделано напоминание, что нам необходимо снова объединиться и подтвердить обет отцов. Было сказано также, что возможно вас ввести к нашей благопристойности. Мы от вас относительно веры ничего не требуем, ибо вы [наши] твердые единомышленники, полны всякой благочестивости. И мы, и наша патриархия считает твое преосвященство сопредельным, солитургом и особенно соиереем, как [преосвященство] святого Кирилла и трижды блаженных отцов, которые в Египте. Мы рукополагаем друг друга и [одинаково] совершаем все таинства. Но есть некоторые предания, которых мы не получили от отцов,⁸⁴ они вползли и вкрались, но к делу никакого отношения не имеют и кажется едва ли кто-либо теперь сможет снова возбудить вопрос относительно их. Я в данном послании не захотел писать об этом, а устно уведомил твое преосвященство. Я во всем, насколько это возможно, буду тебя почитать.

Теперь я скажу твоему преосвященству о том, что я говорил тебе лично. Наша просьба в том, чтобы священный [хлеб] евхаристии был пресным,⁸⁵ был таким, каким мы приняли его от господина той ночью, когда он предавался, таким, каким он вверил его нам, чему мы учились и долгие годы хранили, что хлеб — животворящий, дающий жизнь, выводящий из Египта,⁸⁶ дающий переправу.⁸⁷ [Пресность его] говорит о том, что [мы] едины [телом].⁸⁸ Он преобразовывает нас и причащает с теократом. Об этом свидетельствует весь западный мир и Рим,⁸⁹ где проповедовали блаженные апостолы Петр и Павел. А также, чтобы в чаше крови [его] было чистое, несмешанное [с водой] вино причастия.⁹⁰ что является обетом Нового завета. Относительно этого мы знаем от Бар-Шамова⁹¹ и не от кого-либо другого, если тебе хочется знать об этом.

Относительно совершения в святых местах праздников совместно в один день⁹² мы имеем доказательства блаженного Иакова и Кирилла.⁹³ Что касается вопроса о том, что господь в первый день начал творить именно с утра до ночи,⁹⁴ твоему преосвященству известно, что об этом сказано в книге святого Василия.⁹⁵ А то, что вы из-за уменьшения вашего народа совершаете вопреки преданию бракосочетания с иноплемными,⁹⁶ то не трудно с этим покончить, и мы знаем, что твое преосвященство не станет медлить в этом. Будь здоров, наместник бога.

Примечания к тексту

¹ В аспуракан (Васропедия античных авторов, Вааспраканиа или Аспраканиа — византийских) — область на юго-востоке Армении. Она простиралась вокруг Ванского озера. Центром области был город Ван.

² Тарон — округ к западу от Ванского озера. Центром его был город Муш. В одном своем послании (посл. 73) Григорий Магистр называет себя „владыкой В аспуракана, Тарона, Маназкерта, Арчеша, Беркри, Месопотамии и магистром Мономаха“. См.: Послания Григория Магистра. Изд. К. Костанянц, Александрополь, 1910, стр. 213. (На древнеармянск. яз.).

³ Под манихеями, как и в византийских источниках, подразумеваются еретики-павликиане.

⁴ Тондрак — селение к северу от озера Ван, центр движения еретиков-тондракцев, получивших свое наименование от вышеупомянутого селения.

⁵ Как мы говорили выше, средневековые авторы, принадлежащие к роду Пахлавуни, связывали свое происхождение с родом св. Григория Просветителя, а через него — с древними Аршакидами. Григорий Магистр также связывает свое происхождение с Григорием Просветителем и Аршакидами.

⁶ Псалом LXXII, 3.

⁷ Псалом LVII, 4.

⁸ Очевидно, имеется в виду армянский католикос Иоанн Одзувский (717—728) и его речь „Против павликиан“.

⁹ Второе послание к коринфянам, XII, 10.

¹⁰ Послание к римлянам, VIII, 26.

¹¹ Послание к евреям, XII, 2.

¹² Под воинами Григорий Магистр подразумевает воинов церкви, т. е. духовенство, а под мишенью — христианскую веру, к которой должно стремиться духовенство, как стрела в мишень.

¹³ Имеется в виду преследование христиан язычниками.

¹⁴ Ср. Книгу пророка Исаии, IX, 6: „Ибо младенец родился нам — сын дан нам, владычество на раменах его“.

¹⁵ Т. е. в Евангелии.

¹⁶ Т. е. ангелы.

¹⁷ См. Книгу пророка Исаии, LXIII, 1.

¹⁸ Т. е. причастие.

¹⁹ Ср. Книгу притч Соломона, XIII, 25.

²⁰ Имена императора Григорий Магистр не упоминает. Если это послание написано в 1051—1054 гг., как считает часть арменоведов, можно было думать, что здесь имеется в виду Константин Мономах (1042—1054). Но в другом месте этого послания Григорий Магистр говорит о том, что он уничтожил тондракитов „в дни нашего святого и Христом венчанного самодержца императора Константина Мономаха“. Создается впечатление, что Григорий Магистр говорит об уже не существующем в данное время императоре, что Константин Мономах во время составления этого послания не был в живых. Следовательно, он имеет в виду царствовавшего после него императора. О царице Феодоре (1055—1056) не может быть речи, так как здесь говорится о царе, а не о царице. Остается предположить, что речь идет или о Михаиле VI (1056—1057), или же об Исаакии I Комнине (1057—1059).

²¹ Псалом XXIII, 1.

²² Т. е. тондракцев.

²³ Армянский католикос Петр I Гетадарц (1019—1058).

²⁴ Ср. от Матфея, V, 15; от Марка, IV, 21.

²⁵ От Матфея, VII, 15.

²⁶ См. Послание к филиппийцам, III, 2.

²⁷ Анания из Нарека — армянский церковный деятель первой половины X в. О его труде против тондракитов упоминает также армянский историк X в. Степанос Таронский по прозвищу Асохик (см. его „Всеобщую историю“, СПб., 1885, стр. 178, на древнеармянск. яз. Имеется русский перевод этого труда, см.: Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу. Перевод Н. Эмина, М., 1864, стр. 123). Этот труд Анании из Нарека был обнаружен и опубликован в конце прошлого столетия. См.: Анания Нарекского Слово исповедания. Изд. Миабан (Г. Тер-Мкртчян), Вагаршапат, 1892.

²⁸ Католикос Анания из Мокса (946—968).

²⁹ Не ясно, о каком именно Иоанне здесь идет речь.

³⁰ Ересь борборитов была распространена в Армении в начале V в.

³¹ Смбат Зарехаванский — основатель секты тондракцев. Подробно о нем см. статью Ашота Иоаннисяна: Смбат Зарехаванци, его время и современники. Вестник Матенадарана, 1956, № 3, стр. 7—30. (На армянск. яз.).

^{32—33} В IX в. было два армянских католикоса, носивших имя Иоанн: Иоанн Овайский (833—855) и Иоанн Драсханакертский (898—929). Современником Иоанна Овайского был спарапет Смбат (822—855), а Иоанна Драсханакертского — Смбат I, царь Армении (890—914). Так как Григорием Магистром не уточнено, какого именно Иоанна или Смбата он имеет в виду, арменоведами время начала движения тондракцев оспаривается. Одни считают первую половину IX в., а другие — вторую половину того же века. На основании других данных первоисточников Ашот Иоаннисян пришел к выводу, что речь идет об Иоанне Овайском и спарапете Смбате.

³⁴ Т. е. неверия в существование загробной жизни.

³⁵ Округ Цалкотн находился к северу от В аспуракана, в области Айратат.

³⁶ В тексте вместо Феано — Феон. В других посланиях Григория Магистра имеются подробности об этой Феано. В 7-м послании католикосу Петру он пишет: „Или Феано (в тексте также Феон, — Р. Б.), которая из-за того, что не ела крупных бобов, решила умереть от руки сицилийского тирана“ (см.: Послания, стр. 25). Имеется в виду греческая поэтесса Феано (или Тэано), дочь (по другим данным — жена) Пифагора. Григорий Магистр эту историю о Феано заимствовал у армянского философа V—VI в. Давида Непобедимого (Анахта). В труде последнего „Определения философии“ по этому поводу сказано: „И вот, когда с кем-нибудь стрясется беда, он поступает правильно, убивая себя, что и сделала пифагорейка Тимикта, которую звали (также) Тэано. Попав в руки сицилийского тирана и будучи спрошена им — почему пифагорейцы не едят крупных бобов — она ответила: „Съем, но не скажу“. И когда тиран сказал ей — ешь, она ответила: „Скажу, но не съем“. И она умерла, разжевав свой язык. См.: Давид Непобедимый (Анахт). Определения философии. Сводный критический текст, перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии С. С. Аревшатяна, Ереван, 1960, стр. 77.

³⁷ В том же самом обвиняют византийские авторы еретиков-павликиан. См. например у Петра Сицилийского: Migne. Patrologia graeca, t. 104, столб. 1292.

³⁸ Разумеется, Кавказской Албании.

³⁹ Такое решение было принято на Двинском церковном соборе 719 г. против павликиан, которое, вероятно, оставалось в силе еще при Григории Магистре. В XXXII правиле упомянутого собора, между прочим, мы читаем: „В местностях злоеретиков мессалиан, называющихся павликианами, не нужно проживать или примыкать и ходить к ним, беседовать с ними“ (см.: Сочинения философа Иоанна Одзувского. Венеция, 1953, стр. 44. На древнеармянск. яз.).

⁴⁰ Псалом LIV, 22.

⁴¹ Ср. Второе послание к коринфянам, XI, 13—15.

⁴² Грузины приняли халкедонитство в начале VII в. при католикосе Кирионе и окончательно отделились от армян.

⁴³ Несторианство возникло в первой половине V в. в Сирии.

⁴⁴ Т. е. дьявол.

⁴⁵ Ср. Второе послание к фессалоникийцам, II, 8.

⁴⁶ Здесь Григорий Магистр намекает на то, что еретики для подтверждения своих идей приводили изречения из священного писания.

⁴⁷ Т. е. надежда о существовании загробной жизни.

⁴⁸ Намек на евангельское изречение: „Оставьте их: они слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму“ (От Матфея, XV, 14).

⁴⁹ Имеется в виду воскресение Лазаря (см.: От Иоанна, XI, 17, 39).

⁵⁰ Около 1051 или 1052 гг. См.: М. Орманян. Азгатагум (История армянской церкви), т. I. Константинополь, 1912, стр. 1248.

⁵¹ См. выше, прим. 5.

⁵² См. выше, прим. 34.

⁵³ Бджни, город в районе Мазаза в области Айратат. Упоминается с начала XI в. Имел крепость и являлся владением князей Пахлавуни. См.: Б. Аракелян. Города и ремесла в Армении в IX—XIII вв., т. I. Ереван, 1958, стр. 82—83. (На армянск. яз.).

⁵⁴ К этому архиепископу Ефрему сохранилось послание Григория Магистра. См.: Послания Григория Магистра. Изд. К. Костанянц, Александрополь, 1910, стр. 131—132. (На древнеармянск. яз.).

⁵⁵ См. послание к колоссянам, III, 9—10.

⁵⁶ Т. е. в Тондраке.

⁵⁷ Здесь у Григория Магистра источником является Давид Непобедимый. У последнего сказано: „Только вликурейцы говорят, что бога нет“. См.: Давид Непобедимый (Анахт). Определения философии. Перев. С. С. Аревшатяна, Ереван, 1960, стр. 19.

58 В том же самом обвиняли павликиан. См. у Петра Сицилийского: Migne. Patrologia graeca, t. 104, столб. 1245.

59 Т. е. из армянского народа. Под словом „армянин“ в средневековые армяне подразумевали не только принадлежность к определенному народу, но и к христианской вере. „Армянин“ и „христианин“ были словами равнозначными.

60 См. выше, прим. 39.

61 См. XXXII правило Двинского церковного собора 719 г.: „Но если они снова опоганятся в ней (т. е. в ереси, — Р. Б.), повелеваем таковых совершенно отделить и выбросить из членов церкви Христовой, как заразу“.

62 Имеется в виду Епифаний Кипрский и его труд против ересей: Eriphanii Constantiae que in Cypro est episcopi Adversus octoginta haereses opus quod inscribitur Panarium sive Argula. Migne, Patrologia graeca, t. 42.

63 Имеется в виду Кирилл Александрийский.

64 Вероятно, имеется в виду католикос Иоанн Одзунский и его речь „Против павликиан“.

65 См. выше, прим. 27.

66 Т. е. дьявола, см.: От Иоанна, XII, 31.

67 Павел Самосатский, ересиарх III в., основатель ереси павликианов. Он средневековыми авторами, в том числе и Григорием Магистром, ошибочно считается также основателем павликианства.

68 Об этом упоминают и византийские авторы. См., например, у Петра Сицилийского (Migne. Patrologia graeca, столб. 1256 и сл.). В ескуриальской версии хроники Георгия Монаха такое отношение павликиан к апостолу Петру объясняется тем, что названный апостол был основателем монашества. См.: J. Friedrich. Der ursprüngliche bei Georgios Monachos nur theilweise erhaltene Bericht über die Paulikianer. Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Klasse der K. b. Akademie der Wissenschaften zu München, Heft I, 1896, стр. 73.

69 На горе Синае (см.: Исход, XXIV, 10).

70 Ср. у Петра Сицилийского (Migne. Patrologia graeca, столб. 1253): εαυτοῦς (οἱ παυλικιανῶν) . . . Χριστιανούς ἀποκαλοῦντες“.

71 Очевидно, под этим Зрадаштом, т. е. Зороастром, Григорий Магистр подразумевает не носящего это имя пророка зороастрийской религии. Сирийская хроника города Карки де бет Селох основателем маздакизма считает некоего Зарадуста, современника Мани. Сирийская хроника Иешу-Стилиста, составленная до 518 г., упоминает о религии „магов“, называемой „зарадуштан“ (об этом обстоятельно см.: Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 289—290). Григорий Магистр несомненно под „магом Зрадаштом“ имеет в виду именно жившего в III в. Зарадушту, идейного предшественника Маздака, а под „персидскими магами“, „зараженными магом Зрадаштом“ — сторонников Маздака. Эти данные Григория Магистра тем ценнее для нас, что говорят о существовании в районе города Амида еще в XI в. группы людей, считающихся последователями идей Маздака. См. и следующее примечание.

72 Ареворди в армянском языке означает „сыны солнца“. Жившие в Месопотамии армяне долго оставались солнцепоклонниками. Относительно их дошло до нас ответное послание армянского католикоса Нерсеса Благодатного армянскому духовенству города Самосата, где во множестве жили еретики-ареворди (см.: Нерсеса Благодатного Послания. Венеция, 1838, стр. 238—253. На древнеармянск. яз.).

73 В речи „Против павликиан“ Иоанна Одзунского католикос обвиняет еретиков-павликиан в том, что они клялись солнцем (см.: Сочинения Иоанна Философа Одзунского, Венеция, 1833, стр. 50. На древнеармянск. яз.). В армянской книге „О ересях“ говорится о том, что павликиане солнце называли Христом (см.: Книга о ересях. Изд. Миабан, журн. „Арагат“, 1892, № 2, стр. 113). В одной из формул отречения от манихейства мы читаем следующую анафему: „Предаю анафематех, которые считают солнце Христом и молятся солнцу“ (см.: Appendix monumentorum ad recognitiones Clementinas: Migne. Patrologia graeca, t. I, столб. 1465). С этим мы встречаемся и в песне об Армурисе, ставшей основой византийского эпоса о Дигенисе Акрите; эпос этот некоторыми исследователями считается созданным в павликианской среде. В двухстах строках этой песни, где только два раза упоминается имя бога (строки 47, 59а), шесть раз содержится следующая клятва: „Клянусь милым господом солнцем и его милой матерью“ (строки 61, 76, 95, 143, 154, 161; см. H. Grégoire. 'Ο Διγενής Ακρίτας, 'Ηβουλατική Έκδοση της Ιστορίας και της ποιητικής. New York, 1942, стр. 204—212). Интересно заметить, что это нашло отражение и в одной армянской басне Мхитара Гоша (ум. в 1213 г.) о солнечном цветке. Там сказано: „Цветок камыша и подобные ему были обвинены, что они солнцепоклонники. А он, воздев свои руки к солнцу, солнцем покаялся: «Я — не солнцепоклонник!»“ (см.: И. Орбели. Басни средневековой Армении. М.—Л., 1956, стр. 70, а также пре-

дисловие, стр. 23). „Теперешние солнцепоклонники“ Григория Магистра — „сыны солнца“, которые считают себя христианами, несомненно считали бы солнце Христом.

74 Каше, селение в области Мананали, где была широко распространена ересь тондракцев, которые по названию селения назывались кашеци. Каше соответствует теперешнему селению Кунша, на южном и главном рукаве реки Тузлу (см.: Н. Адоянц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 51).

75 Хнусские тондракцы, т. е. живущие в местности Хнус, в районе Харк, к северо-западу от Ванского озера.

76 Тулайлцы, еретики-тондракцы, живущие в селении Тулайл, в области Мананали.

77 Т. е. в Тондрак.

78 Шнаван в переводе означает „Собачья местность“. Византийские авторы один из центров павликианского движения — Κοινοχώριον умышленно передают в форме Κοινοχώριον, что означает „Собачья местность“. Возможно, что Григорий Магистр был с этим знаком, и он в свою очередь центр тондракцев — селение Тондрак называет „Собачьей местностью“. Об этом см.: K. Ter-Mkrtschian. Die Paulikianer im byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien. Leipzig, 1893, стр. 149; см. также: К. Н. Юзбашян. Тондракитское движение в Армении и павликиане. Известия АН Арм. ССР, 1956, № 9, стр. 37—38.

79 Григорий Магистр, вероятно, ссылается на византийское законодательство относительно еретиков. Еще в Эклоге — законодательном сборнике, изданном Львом III Исавром и Константином V в 726 г., в 52-м параграфе 17-го титула говорится о том, что манихеи (т. е. павликиане) и монтанисты караются мечом (см.: Ecloga Leonis et Constantini cum appendice. Ed. A. Monferratus, Athenis, 1889).

80 Лисийм клеймом клеймили в Армении еретиков-мессалиан еще в V в. согласно XIX правилу, принятому в Шаапиванском церковном соборе 447 г. Оно оставалось в силе и в будущем и распространялось и на приверженцев других ересей. О правилах Шаапиванского собора см.: С. С. Аревшатян. Шаапиванские каноны — древнейший памятник армянского права. Историко-филологический журнал Академии наук Арм. ССР, 1959, № 2—3. (Исследование и перевод на русском языке).

81 Ср. Книгу Песни песней, II, 15: „ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники“.

82 Имеется в виду армянский католикос Захария I (855—876), который на Ширакванском церковном соборе (862 г.) подтвердил монофизитство и союз с сирийцами (см.: E. Ter-Minassiantz, ук. соч. стр. 92). Во время католикоса Захария византийский патриарх Фотий начал гонения монофизитов. Захария написал Фотию послание в защиту армянского вероисповедания. Ответ патриарха Фотия дошел до нас в древнеармянском переводе и издан Пападопуло-Керамевсом в 31-м выпуске „Православного палестинского сборника“ (СПб., 1892, стр. 179—210). Его русский перевод Н. Я. Марра см. там же (стр. 227—245).

83 Подразумевается армянский католикос Христофор I (539—545), много сделавший для распространения и укрепления монофизитства. Он оставил хорошую память о себе среди сирийцев, что дало повод последним считать его сирийцем. См.: E. Ter-Minassiantz, ук. соч., стр. 57; см. также: М. Орманян, ук. соч., стр. 531—532. Армянский историк Степанос Таронский называет Христофора „философом“. См. его „Всеобщую историю“ (стр. 81; русский перевод, стр. 56).

84 Замечательно, что в ответном послании армянского католикоса Нерсеса Благодатного (1165—1173) византийскому императору Мануилу Комнину те же предания армянской церкви, относящиеся к XII столетию. Перевод с армянского Александра Худобашева, СПб., 1847, стр. 188).

85 Григорий Магистр выступает против принятого у сирийцев обычая совершать таинство причастия на квасном хлебе. У армян хлеб причастия пресный.

86 Имеется в виду освобождение евреев из египетского плена, см.: Исход, XII, 39; XIII, 3.

87 Намек на Исход, XIV, 22, 29.

88 Вероятно, намек на изречение Павла: „Один хлеб, и мы многие одно тело“ (Первое послание к коринфянам, X, 17).

89 Католическая церковь также таинство причастия совершает на пресном хлебе.

90 Григорий Магистр выступает против обычая сирийцев подмешивать в вино причастия воду.

91 По всей вероятности, имеется в виду крупный сирийский церковный деятель конца V в. епископ мар Бар-Саума.

92 Имеются в виду праздники рождества и крещения. Армянская церковь оба праздника совершает совместно в один день — 6 января. Сирийская церковь, как и греческая, рождество отмечает 25 декабря, а крещение — 6 января.

93 Кирилл Александрийский.

⁹⁴ Армяне началом дня считают утро, а сирийцы — ночь.

⁹⁵ По всей вероятности, подразумевается „Шестоднев“ Василия Великого.

⁹⁶ Под иноплеменными в армянских средневековых источниках подразумеваются не только люди, принадлежащие другому народу, но и другой вере. В данное время под иноплеменными подразумевались главным образом магометане. Это упоминание Григория Магистра очень ценно, так как показывает, что процесс ассимиляции сирийцев с арабами имел место еще в XI столетии.

R. M. Barthikjan

THE ANSWER OF GREGORY THE MAGISTROS PAHLAVOUNI
TO THE CATHOLICOS OF SYRIA

The above mentioned work is the translation of the answer of Gregory the Magistros Pahlavouni (armenian philosopher and military leader of the first half of the XIth century) to the Catholicos of Syria.

In this epistola there are valuable facts about the history of the Thondracian heretic movement in Armenia, of its spreading in Syria and ideology. Besides, the epistola gives informations about the relations between the Armenian and Syrian churches.

The translation of the epistola of Gregory the Magistros is supplied with a preface and notes.

R. M. Barthikjan

ДВА ПОСЛАНИЯ ГРИГОРИЯ МАГИСТРА ПАХЛАВУНИ (XI в.)
ОТНОСИТЕЛЬНО ЕРЕТИКОВ-ТОНДРАКИТОВ

Ранее мы имели возможность ознакомить читателя с одним обширным посланием армянского философа и военачальника Григория Магистра Пахлавунни (умершего в 1058—1059 г. ?), которое было послано им сирийскому католикосу; содержание этого послания относится к еретикам-тондракитам, нашедшим убежище от преследования армянских церковных и светских властей в Месопотамии.¹ В данной статье дается русский перевод еще двух посланий, написанных также в начале 50-х годов XI в., которые проливают свет на историю и идеологию тондракитов. По объему эти послания очень небольшие. Первое из них является ответом на послание тондракитов, живших в местности Тулайл, в районе Мананали. Из содержания этого послания видно, что еретики обратились с письмом к армянскому католикосу, которым тогда был Петр I Гетадарц (1019—1054 гг.), очень близкий Григорию Магистру человек, с просьбой получить разрешение общаться с христианами и иметь доступ в церковь. Григорий Магистр, как политический и военный глава, не позволил им этого, опасаясь, что они станут „заражать ересью простаков“,² хотя в послании тулайлцев говорилось и о том, что они предают анафеме ереси прежних ересиархов, подобно павликианам.³ Как известно, официальная церковь всякую новоявленную ересь считала возрождением уже существовавшей ранее ереси, что отрицали еретики, которые предавали анафеме своих близких или далеких предшественников, чтобы избавиться от подобного обвинения.

Григорий Магистр, как и следовало ожидать, разделяет еретиков на две части: на главарей еретиков и на простых их сторонников, „обманутых“ первыми. Весь гнев Григория Магистра обращен именно против вождей еретиков. В том же самом послании к тулайлцам имеются ценные сведения о деятельности Григория Магистра, направленной против еретиков. Он начал преследования их в Месопотамии, дукой которой

¹ См.: Палестинский сборник, № 7, 1961.

² В Хронике Георгия Монаха говорится о том, что еретики-павликиане, чтобы обмануть простаков, идут в церковь православных христиан и принимают причастие.

³ Ср.: Petri Siculi. Historia Manichaeorum. Migne, Patrologia graeca, 104, cap. XXIV.

он стал в годы царствования византийского императора Константина Мономаха (1042—1054 гг.). Затем он отправился на север и достиг главного центра тондракитов — селения Тондрак к северу от оз. Ван, где сначала от предал еретиков огню и мечу, а потом построил святилище имени св. Георгия. Однако, как видно из послания, ему не удалось полностью искоренить движение тондракитов ни в Месопотамии, ни в Армении, ибо, обращаясь к вождям еретиков, он призывает их прекратить деятельность в Месопотамии и вообще на территории, находящейся под византийским владычеством.

В вышеупомянутом послании Григория Магистра приведены данные, имеющие определенное значение для уточнения хронологии движения тондракитов. В начале 50-х годов XI в. Григорий Магистр отмечал, что тондракитов в течение 170 лет предавали анафеме тринадцать католикосов Армении. Если последним, тринадцатым из них считать современника Григория Магистра, католикоса Петра I Гетадарца (1019—1054 гг.), то первым будет католикос Иоанн Овайский (833—855 гг.); этим и определяется начало распространения ереси тондракитов.⁴ Однако в том же самом послании есть другое упоминание о том, что тондракитов предали анафеме 15 католикосов; в другом послании вардапету Саргису Григорий Магистр отмечает, что они распространяли свою „заразу“ в течение 200 лет.⁵ С первого взгляда это противоречие; оно объясняется исследователями по-разному. М. Чамъян писал, что Григорий Магистр, называя 170 лет, ведет счет с последних годов патриаршества Иоанна Овайского до начала патриаршества католикоса Петра, а когда указывает 200 лет, то считает с пятнадцатого года патриаршества Иоанна Овайского, когда были преданы анафеме тондракиты, и до Харкского церковного собора, когда еретики были почти полностью истреблены.⁶

В новейших исследованиях этот вопрос решается иначе. Так, например, крупный арменовед А. Г. Иоаннисян пишет, что эти хронологические данные не противоречивы, ибо в том и в другом случае датированы разные события. Говоря о более чем 200-летней давности тондракитов, Магистр имел в виду начало формирования секты; отмечая же 170-летнюю давность борьбы с ней, он подразумевал начало активного преследования приверженцев этой ереси.⁷ С. Погосян эти хронологические данные считает противоречивыми.⁸

⁴ А. Г. Иоаннисян. Движение тондракитов в Армении (IX—XI вв.). Вопросы истории, 1954, № 10, стр. 102.

⁵ Послания Григория Магистра. Изд. К. Костанянц, Александрополь, 1910, стр. 65 (на древнеарм. яз.).

⁶ М. Чамъян. История Армении, т. 2. Венеция, 1785, стр. 894—895 (на древнеарм. яз.).

⁷ А. Г. Иоаннисян. Движение тондракитов в Армении (IX—XI вв.), стр. 102.

⁸ С. Погосян. Закрепощение крестьян и крестьянского движения в Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1956, стр. 375 и сл. (на арм. яз.).

Второе послание, перевод которого дается в настоящей статье, представляет ценность для изучения идеологии тондракитов. Имея несомненно все основания для этого, Григорий Магистр считает учителями тондракитов манихеев, под которыми точно подразумеваются павликиане. Судя по его посланию, Магистр озабочен главным образом тем, чтобы на основе священного писания доказать ортодоксальную сущность религиозных обрядов. По его доводам, поклонение мощам, иконам святых, кресту, богослужение в церквах, вклады ради спасения души, причастие, поклонение всяким реликвиям и т. д. является не идолопоклонством, как считают еретики-тондракиты, обвиняющие в этом официальную церковь, а богоприятными и богом установленными обрядами. Однако все доказательства Григория Магистра основаны преимущественно на данных Ветхого завета, отвергнувшегося как павликианами, так и тондракитами.

Перевод двух вышеупомянутых посланий Григория Магистра сделан нами по изданию К. Костанянца „Послания Григория Магистра“ (стр. 164-170, послания №№ 68 и 69, на древнеармянском языке).

Ответ на послание тулайлцев, остатков новых манихеев-тондракитов, которые пришли к сирийскому католикосу с целью его обмануть

Вы, похищенные волком Смба⁹том и погубленные коварным, любящим мрак злодеями и их беззаконными приспешниками, члены иссохшие и отделившиеся, жалости достойные, вышедшие из ума своим неустойчивым рассудком, лозы, ставшие неплодоносными и выброшенными, растения отделившиеся, вырванные из благоухающего вертограда, превратившиеся теперь в прогнившие дрова, именно вас выбрал злой дух и привел на край гибели. Эту местность они именуют Тондраком, ибо, как показывает наименование,¹⁰ она достойна означать „сожжение“. И действительно, гнилым дровам и негодным лозам больше всего подобает сожжение. Но дух святой росой божественности своей потушил не дающий покоя воспламеняющий огонь, и эта (местность) была названа именем святого Георгия. Если вы, обитатели (Тулайла), хотите узнать настоящее значение слова Тулайл, то оно означает человека ослабленного, или же с ослабленными членами,¹¹ а Хнус означает (человека), скрывшегося и обитающего во мраке и тьме.

⁹ Имеется в виду Смба⁹т Зарехаванский, основатель секты тондракитов, действовавший в первой половине IX в. О нем подробнее см.: А. Г. Иоаннисян. Смба⁹т Зарехаванский, его время и современники. Вестник Матенадарана, № 3, 1956.

¹⁰ Игра слов.: Григорий Магистр наименование Тондрак связывает с армянским словом „тонир“ или „тондир“ — „печь, горн, горнило“.

¹¹ Игра слов: название Тулайл имеет связь со словом „туйл“ — „слабый, немощный“.

ис. Г. М.

Мы получили и прочли ваше глупое, неграмотное и злополучное послание, отправленное просветителю наших душ — наместнику святого апостола Фаддея¹² и его духовного сына Григория (Просветителя). Что это за полный ложью и достойный осмеяния шум, который вы подняли? Неужели вы думаете, что после того, как больше пятнадцати архиереев предали анафеме вас и вашу растерзанную дикими зверьями собачью стаю, сейчас вам удастся уговорить владеющего ныне престолом, чтобы тот принял (ваше учение)? Ну, скажи же, обнаглевший, добровольно отделившийся от церкви, чего ты желаешь? Уговорить его (принять) ваше ложное и темное учение? До каких пор Спаситель позволит вам похищать тех, которых он спас ценою крови своей? Мы твердо знаем, что он не позволит, как не дал Петру Александрийскому принять (учение) Ария, ибо единородный, разодрав одежды свои, открывал и показывал возгнездившегося и скрывающегося в нем (т. е. в Арии, — *Р. Б.*) дракона. Так и вам не удастся уговорить его принять ваше похабное, прогнившее и червоточное учение.

Слушай ты, выкидыш, если в состоянии слушать, ибо я считаю тебя не только слепым, но и глухонемым. Ты хочешь нас уговорить, чтобы мы вас, вместе с безбожным учением тех, приняли в церкви? Но это погубит нас. Ибо не дозволено прокаженному входить в алтарь, так как прокаженный носит в себе мертвеца. И если от незначительной раны заражаются все члены человека, тем более станет заражать всецело погубленный проказой. Мы повелеваем, чтобы грешники покалялись вне церкви и только после этого были удостоены вступить в (наши) ряды. И священник удостоивает их этого в своей молитве: „Эти душой исцеленные да будут членами церкви Твоей“, — хотя я думаю, что ты издеваешься над всем этим, ибо ты любитель сластолюбия, опьяненный смертельным ядом.

Вы (в своем послании) упомянули также об учении прежних еретиков и проклинали их. Жалкие, ведь мы знаем, твердо знаем, что для вас ничего не стоят ни проклятия, ни благословения, что для вас не имеет значения ни то, ни другое, ибо вы не из наших. И неясно, не притянули ли они (т. е. учения прежних еретиков, — *Р. Б.*) вас, после того как вы примкнули к ним. Дай бог, чтобы вы были из тех, которых вы проклинали, ибо мы были спасены от вашего смертельного яда и скрытых стрел, от (вашей) саддукейской закваски, от вас — волков в шкуре овечьей и, возможно, спали бы спокойно. Мы считаем вас не только одинаковыми с еретиками, но и находим, что вы сторонники иудейства и обрезания и хуже (всего) этого. Мы просим вас лишь об одном — будьте либо горячими (в вере), как мы, либо студеными, как сумасбродные (еретики), но не двурушными, что противно и достойно изрыгания.

Итак, просите ли вы от нас лекарства для ран или считаете себя непорочными? Я указываю вам, беснующимся вождям зла, оставьте

¹² Апостол Фаддей считается первым проповедником христианства в Армении.

в покое невинных младенцев, и они придут и признают свои грехи; все они, отделившиеся от христиан, примут крещение и проклянут (всех ересиархов), начиная от Сибата до Иесу, также рыжего пса Лазаря вместе с их единомышленниками, которых убьет и проклянет господь Иисус духом уст своих.

Но с какой целью вы дерзнули пристать к этому святому и блаженному архиерею? Разве для того, чтобы и тот стал соучастником вашей лжи? Чтобы он был осужден братьями и сопредстольниками и был ими презрен? Не выйдет! Наоборот, он проклянет вас, как (проклинали вас) его сопредстольники, единомышленники и избранные. Величайший Давид лишь подобным и гордился: „Я возненавидел ненавидящих тебя, господи, и возгнушался восстающими на тебя, и ненавидел их полною ненавистью“.¹³ Этому Давиду, милостиво богом избранному, был благодарен избравший его, говоря: „Нашел я мужа по сердцу моему, Давида, сына Иесеева, который исполнит все хотения мои“.¹⁴ Этот милостивый Давид повелевает нас не щадить никого, кто делает беззаконие. А в Новом (завете) блаженный апостол (Павел), вознесенный до третьих небес, тот, который получил благодать быть апостолом не от людей, а от бога, пишет следующее: „Извергните развращенного из среды вас и сотворите мир“.¹⁵ Когда он стыдил некоторых, то говорил: „К стыду вашему, вы поставляете своими судьями ничего не значущих в церкви“.¹⁶ Таковых повелеваем выбросить во измождение плоти, чтобы дух был спасен“.¹⁷ А Спаситель повелевает дважды обратиться с призывом к брату, и если тот не послушается, тогда пусть считают его иноплеменным и язычником. В течение ста семидесяти лет тринадцать архиереев Великой Армении, столько же Албании,¹⁸ бесчисленное множество епископов, иереев и диаконов не дважды и не трижды призывали вас, но вы не послушали; говорили вам, упрекали, но вы не постыдились; проклинали вас и выгнали (из страны), но вы не опомнились до тех пор, пока дух святой, молитвы праотца и отца моего святого Григория (Просветителя) не стали мне предводителями. Прийдя в Месопотамию, я встретил там смертоносные, бушующие и мутные потоки, которыми текла смертельная зараза проклятого Сибата Тондракского. Я очистил их и, отправившись, достиг источника, где был возгнезден змей, гад и дракон зла. Я искоренил их (т. е. еретиков, — *Р. Б.*), разрушил (их обиталища), как (в прошлом) мой праотец (город) Аштишат,¹⁹ и поныне на-

¹³ Псалом 138, 21—22.

¹⁴ Деяния апостолов, 13, 22.

¹⁵ Ср.: I послание к коринфянам, 5, 13.

¹⁶ Там же, 6, 4.

¹⁷ Ср.: I послание к коринфянам, 5, 5.

¹⁸ Разумеется, Кавказской Албании.

¹⁹ Григорий Магистр имеет в виду разрушение Григорием Просветителем языческих храмов г. Аштишата в обл. Тарон. См.: Агафангел. История Армении. Тифлис, 1909, стр. 422—423 (на древнеарм. яз.).

ходящуюся под властью пса Смбага местность назвал именем святого Георгия. Я полон веры в господа бога, который сидит на херувимском престоле, что во мне проявится милость его человеколюбия к вам — забыть (вашу) порочную ересь и злые обычаи (ваши), которыми вы заражены вашими незаконными и злыми предводителями. Но если вы и после всего этого не станете (на путь истины), то я буду уповать на то же могущество руки господней, чтобы она предала вас в мои руки. И если вы не будете раскаиваться, то (рука господня) поднимет против вас кого-либо стерегущего и защитника веры, чтобы искоренил вас из среды (нашей).

Я обращаюсь к вам с призывом, оставьте нас, нашу страну Месопотамскую, всех, кто под владычеством святого царства Ромеев, в покое. Не проповедуйте и не подкрепляйте — ни письменно и ни устно — вашу дурную ересь, ибо вы расплатитесь и за них (т. е. невинных, — Р. Б.), и за ваши грехи. Опрокиньте впредь имя ваше, слова и дела ваши, иначе же явится вам сила божья и гневом своим сокрушит вас.

Об иконописи притвора святой церкви. Написано это (Григорием Магистром) и для манихеев

Многие заблудившиеся своим тщетным пустословят, в своих мистериях высказывают подозрения и на основании того, что мы почитаем образ креста и иконы святых, считают нашу службу идолопоклонством. Недостаточно того, что они поклоняются демонам, но еще (держают) нас поносить (за идолопоклонство). Некоторые из них это проповедуют публично, другие же пустословят об этом в своих тайнствах, будучи закваской безверия и зла. А некоторые из них (осмеливаются) даже (выступить) против церкви и всего священнодействия, против страшного и ужасного таинства (причастия) телом и кровью господа. И это те, которые учились у манихеев и были названы тондракитами, полностью осужденные богом и не имеющие надежды на воскресенье.

А ты, христианин, удостоившийся крещения и света святой купели, верующий в надежду на воскресенье, поклоняйся святой троице, когда увидишь образ креста, поклоняйся ему, вспоминая, что ради тебя был распят Христос, и этим станешь его крестовым товарищем и забудешь все мирское, поцелуешь (образ креста) устами и выскажешься так: „Христос, сын божий, святым образом креста твоего помилуй душу мою и тело мое, ибо мы — цена крови твоей, ибо с помощью креста твоего ты спас нас“. Ты почитай иконы святых и поставь их перед собой при молитвах, чтобы (воскресить) в воображении своем страдания и мученичество (святых). Да будут твоим учителем, заступником перед истинным богом те, кто являются твоими единоверцами и свидетелями истины, чтобы Он, неусыпный, за твою веру помиловал тебя, как своего раба, считая тебя — любителя мучеников — мучеником. Я хочу исправить и очистить немного твои дурные мысли, (твою) скрытую клевету. Склонен ли ты поклонение всему нижесказанному

считать глупостью, а предметы (простыми) украшениями? Я хочу начать и коротко сказать (о вещественных предметах поклонения и о священнодействии).

С самого начала почитается дерево жизни и познания, дотрагиваться до которого было когда-то запрещено,²⁰ охранялось же оно серафимами. Авел стал угодным (богу) служением, в котором Он не нуждался.²¹ Ной и его семейство были спасены с помощью ковчега, и в нем нашли убежище не многие, а определенное количество;²² выходя из него, они выразили свою благодарность служением богу, что и было ему приятно.²³ Почитается Авраамом дерево Мамрево;²⁴ овен был отдан (на всеожжение) вместо Исаака;²⁵ служением стал приятным богу посох Иакова²⁶ (сотворивший чудеса), дважды окунувшийся в реку (Иордан); (чудесное) рождение скота;²⁷ возлияние елея на камень;²⁸ божественное сновидение (Иакова);²⁹ благословение сынов (Иаковым);³⁰ поручение, отданное Иосифом, — вынести с собой (из Египта) кости отцов и почитать их;³¹ спасение Моисея повивальными бабками³² и знамения и чудеса, сотворившиеся (его) жезлом;³³ скрижали были отданы богом³⁴ и почитаются; также скиния³⁵ и стол,³⁶ серафимы,³⁷ крышка,³⁸ ковчег,³⁹ светильник⁴⁰ и все принадлежности скинии,⁴¹ священные одежды (Аарона),⁴² хлеба,⁴³ жертвоприношение пяти животных по их числу;⁴⁴ манна,⁴⁵ сосуд золотой,⁴⁶ жезл Аарона;⁴⁷

²⁰ Бытие, 2, 17.

²¹ Бытие, 4, 4.

²² Бытие, 7, 1—3.

²³ Бытие, 8, 20—21.

²⁴ Бытие, 13, 18.

²⁵ Бытие, 22, 13.

²⁶ Бытие, 32, 10.

²⁷ Бытие, 31, 8.

²⁸ Бытие, 28, 18—19.

²⁹ Бытие, 28, 12—16.

³⁰ Бытие, 49, 28.

³¹ Бытие, 50, 24.

³² Исход, 1, 17.

³³ Исход, 17, 5.

³⁴ Второзаконие, 9, 11.

³⁵ Исход, 26, 1.

³⁶ Исход, 25, 23.

³⁷ Исая, 6, 2.

³⁸ Исход, 25, 17.

³⁹ Исход, 25, 10.

⁴⁰ Исход, 25, 31.

⁴¹ Исход, 27, 19.

⁴² Исход, 29, 29—30.

⁴³ Исход, 29, 2.

⁴⁴ Числа, гл. 15.

⁴⁵ Исход, 16, 32.

⁴⁶ Исход, 16, 33.

⁴⁷ Исход, 7, 20.

елей помазания,⁴⁸ медный змей,⁴⁹ умывальник (для омовения);⁵⁰ знамения и чудеса сотворили Иесу и ковчег (завета господня).⁵¹

Ты (христианин) поинтересуйся, чтобы узнать, что (тондракиты) не веруют ни Ветхому завету, ни Новому; они не (похожи) и на израильтян, видевших бога; (убедившись в этом), ты станешь достойным быть сыном Авраама, который поверил в бога и был причислен к числу праведных. (Тондракитов) нельзя сравнить и с язычниками, которым воссиял свет,⁵² а они продолжают обитать во тьме. Ты, (тондракит), будучи слепым, без предводителя, всех нас, богу повиновавшихся, почитающих его законы и покорных его повелению, подозреваешь в слепоте? Злословишь нас и издеваешься над нами? Но если и не осмеливаешься делать это открыто, однако делаешь скрыто, будучи зараженным темными и мрачными мыслями, согласившись ходить по темному пути, заблудившись во тьме безверия. Теперь слушай меня и открой глаза души твоей, иди дорогой праотцев и патриархов, пророков и апостолов, святых мучеников и учителей. Слушай слова Моисея, которые гласят: „В доме твоём не должна быть двойкая гиря, большая и меньшая“. ⁵³ (Очищайся), чтобы (явиться чистым), нам и сынам нашим явно, а господу богу тайно. ⁵⁴ Будем держаться исповедания упования нашего неуклонно ⁵⁵ и, освещенные светом лица Его, ⁵⁶ будем ходить во свете (Его), чтобы воссияла милость Его человеколюбия, чтобы заснули и пробудились с надеждой (на воскресенье) и сияющим лицом встретили господа в облаках неба. ⁵⁷ И прославляем бога Христа, надежду на наше воскресенье, вместе с Отцом и Духом святым, которому слава, честь, сила и власть во веки веков, аминь.

P. M. Bartikjan

DEUX LETTRES DE GRÉGOIRE LE MAGISTRE PAHLAVUNI SUR LES HÉRÉTIQUES TONDRAKITES

Deux lettres du Magistre Grégoire sur les tondrakites ~~trondrakites~~ de la langue arménienne sont une source du premier ordre pour l'histoire de cette hérésie, dont le caractère était non seulement religieux, mais aussi social. D'un grand intérêt est le fait, que les relations reciproques de l'église arménienne avec les évêques monophysites syriaques existaient comme aux siècles précédents.

⁴⁸ Исход, 25, 6.

⁴⁹ Числа, 21, 9.

⁵⁰ Исход, 30, 18.

⁵¹ Иисус Навин, 3, 15—17.

⁵² Евангелие от Луки, 2, 32.

⁵³ Ср.: Второзаконие, 25, 14.

⁵⁴ Евангелие от Матфея, 7, 18.

⁵⁵ Послание к евреям, 10, 23.

⁵⁶ Евангелие от Матфея, 17, 2.

⁵⁷ Ср.: Евангелие от Луки, 9, 34.

Р. М. БАРТИКЯН

ЗАМЕТКИ О ВИЗАНТИЙСКОМ ЭПОСЕ О ДИГЕНИСЕ АКРИТЕ

I. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ «ДИГЕНИСА АКРИТА»

1. 'Απλορράβδης — 'Απελβάρτ — Абу-ль-Вард

Среди многих персонажей, упомянутых в византийском эпосе о Дигенисе Акрите, идентификация которых с историческими личностями вызывает большие трудности, встречается и имя некоего Аплорравда, выступающего в качестве эмира Меферке. Под этим городом подразумевается Майафарикин (Мартирополь), расположенный на армяно-месопотамской границе. Дочь Аплорравда, в связи с которой упоминается ее отец, говорит Дигенису:

Ἐμὴ πατρὶς νεώτερος, τὸ Μεφερκὲ τυγχάνει
τὸν Ἀπλορράβδην¹ ἤκουσας, τὸν ἀμηνῶν τῶν πάντων,
οὗτος πατὴρ ἐμὸς ἐστὶ, μήτηρ ἡ Μελανθία².

(«Зовут тот город Меферке, в котором родилась я, Там правит всеми Аплорравд, эмир, — о нем ты слышал, — То мой отец, а мать моя Меланфией зовется»)³.

Этот Аплорравд, отличающийся в эпосе своей воинственностью, держал у себя в плену знатных христиан:

ἐν τοῖς πολέμοις γὰρ αἰεὶ εἶωθεν ἀσχολεῖσθαι⁴.

В огромной литературе, посвященной вопросам эпоса, были сделаны предположения и попытки идентифицировать этого Аплорравда с разными историческими личностями. Греческий ученый П. Каролидс идентифицирует 'Απλορράβδης с 'Αβδουρраχίμ⁵. Маврогордато отождествляет его с эмиром Майафарикина 'Αποτάγλης (Abū Taghlib)⁶, выступавшим в 70-х годах X в. союзником Варды Склира.

А. Я. Сыркин в недавно изданной ценной статье, специально посвященной вопросу историчности персонажей эпоса о Дигенисе Акрите, справед-

¹ В рукописи: 'Απλοράβδην исправлено в изданиях по Трапезундской и Андросской версиям.

² Digenes Akrites, edited with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato. Oxford, 1956, V, 66—68.

³ Перевод А. Я. Сыркина (см. Дигенис Акрит. М., 1960, стр. 76). τὸν ἀμηνῶν τῶν πάντων можно еще перевести и «самого великого, величайшего эмира».

⁴ Digenes Akrites, V, 76.

⁵ Π. Κ α ρ ο λ ῖ δ η ς. Σημειώσεις κριτικάι, ιστορικάι καὶ τοπογραφικάι εἰς τὸ μεσαιωνικὸν ἔπος. Ἐπετηρὶς τοῦ ἐθνικοῦ Πανεπιστημίου. Ἐν Ἀθήναις, 1906, σελ. 242.

⁶ Digenes Akrites, p. 146.

ливо отвергает эти предположения и считает их крайне гипотетичными⁷, не делая, однако, попытки идентифицировать Аплорравда.

В эпосе говорится также, что в плену у Аплорравда был юноша, сын некоего стратига Антиоха, которому удалось бежать из плена вместе с дочерью Аплорравда. Как указывается в эпосе, отец этого юноши погибает в плену у арабов, которые названы персами⁸.

Очень возможно, что под эпитетом 'Απλορράβδης нужно подразумевать упомянутого в De Administrando Imperio Константина Порфирородного эмира города Маназкерта (Μαντζικέρτ) в области Апахуник ('Απαχουνή) 'Απελβάρτ — Абу-ль-Варда. В эпосе, несомненно, перестановкой букв βαρδ⁹-ράβδ греческий писец рукописи или же до него греческий сказитель захотел осмыслить это слово... ράβδης от слова ράβδος = дубинка (на что и намекает двойное ρρ в сложном слове 'Απλορράβδης в Трапезундской и Андросской версиях)¹⁰. Арабское Абу-ль в эпосе тоже осмысленно по-гречески — ἀπλο... от ἀπλόс¹¹.

У Константина Порфирородного в качестве эмиров Маназкерта выступают два Абу-ль-Варда. Первый из них правил, по его данным, в третьей четверти IX в. Армянский князь князей Ашот Багратуни (862—885 гг., царь в 885—890 гг.) дал ему во владение крепости Хлат, Арчеш и Беркри¹². Вот все, что мы знаем о первом Абу-ль-Варде от Константина Порфирородного.

Подробности об этом Абу-ль-Варде дают нам армянские источники. Григор Нарекаци (X в.), который был обвинен в ереси тондракитов, называемых в византийских источниках павликианами¹³, написал послание против еретиков, в котором мы встречаем ценные данные о деятельности маназкертского эмира, направленной против еретиков-тондракитов. В этом послании он восхваляет некоего «мстителя, язычника эмира Аплварда»¹⁴, жившего по соседству с еретиками-тондракитами¹⁵ и ставшего гонителем последних. Он упоминает также, что этот Аплвард схватил и убил

⁷ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». ВВ, XVIII 1961, стр. 148.

⁸ Там же, стр. 148—149.

⁹ У Константина Порфирородного — 'Απελβάρτ. Последнее τ в данном случае соответствует звуку d, ибо греческое δ в это время произносилось, как английское th (в слове this), или же, что очень часто у того же автора, армянское Գ = d передается по западноармянскому произношению — t, так как имя Вард — армянское.

¹⁰ Кстати, в византийской армии был род ράβδος — дубинки, которые назывались βαρδούκια или βαρδύκια. См. Ν. Καλομενοπούλου. Η στρατιωτική ὀργάνωσις τῆς Ἑλληνικῆς Αυτοκρατορίας τοῦ Βυζαντίου. Ἐν Ἀθήναις, 1937, σελ. 133. Так что имя Вард у византийцев легко ассоциировалось со словом ράβδος как по звучанию, так и по смыслу.

¹¹ На это намекает и густое придыхание перед этим грецизированным арабским именем, происходящим от арабского Абу-ль, в то время как просто Абу у византийцев осмысливалось не словом ἀπλόс, а просто предлогом ἀπό, например, 'Αποτάγλε, 'Απόχαφ и др. в превращалось в π, Абу — 'Απο, Абу-ль — 'Απλο... ибо в это время греческое β звучало, как и теперь, — v. Поэтому в византийской транскрипции чужое β очень часто передавалось через π, например, армянское имя Абас у того же Порфирородного выступает как 'Απασ(άκιος).

¹² Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, Greek text ed. by G. Moravcsik. Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 198 (cap. 44).

¹³ См. Р. Бартиян. Легендарное происхождение павликиан по одной древнеболгарской рукописи. ИАН Арм. ССР, серия общ. наук, № 1, 1957, стр. 89 (на арм. яз.).

¹⁴ См. «Книга посланий». Тифлис, 1901, стр. 498 (на древнеарм. яз.).

¹⁵ См. там же, стр. 500. Сам центр движения — селение Тондрак — находился в области Апахуник. См. Аристкаеса Ластивертци. История. Тифлис 1912, стр. 150 (на древнеарм. яз.).

основателя и вождя ереси тондракитов — Смбата Зарехаванци, современника Карбеаса и Хрисохира¹⁶.

Подробности об этом Абу-ль-Варде дает нам и армянский историк X в. Фома Арцруни. Он упоминает о том, что в 70-х годах IX в. эмиром кайсиков Маназкерта в области Апахуник стал некий Аبلбар, которого Фома называет тираном Апахуника¹⁷.

Упомянутые в армянских источниках кайсики, принадлежащие маназкертскому эмирскому дому племени Сулайм, уже в 60-х годах IX в. являлись владыками Апахуника. Они, вероятно, поселились в Армении в правление Арун-аль-Рашида, в конце VIII в.¹⁸ Владения кайсиков, по данным Константина Порфирородного, — Маназкерт, Беркри, Хлат, Арчеш — до правления Ашота I находились под верховным владычеством халифата, названного у него Персидой. Во времена Ашота I все эти крепости и города уже находились в его вассальной зависимости. После убийства армянского царя Смбата I (914 г.) арабами кайсики Апахуника стали вассалами Византии, уплачивая ей определенную дань (до тех пор, пока современник Константина Порфирородного Абу-ль-Вард II перестал подчиняться Византии).

Константин Порфирородный считает, что правители Армении находились в вассальной зависимости от Византии, вассалами же правителей Армении являлись кайсикские эмиры. Следовательно, неподчинение правителю Армении в то время должно было считаться неподчинением Византии. Фома Арцруни упоминает о борьбе армянских Багратидов против эмиров Апахуника, что говорит в то же время о неподчинении эмира Византии, следовательно, и о его борьбе против Византии. Фома упоминает также, что в распоряжении кайсикского эмира было «персидское войско», совершавшее грабительские набеги на Романию¹⁹. В эпосе о Дигенисе Акрите «великий эмир» Аплорравд опустошает с большим войском земли Романии²⁰.

Второй Абу-ль-Вард жил во времена Константина Порфирородного. О нем византийский император дает нам больше сведений. Абу-ль-Вард второй μετὰ δόλου καὶ χλεύης убивает подчиненного византийскому императору Ахмета, тоже кайсика, владельца крепостей Хлат, Арчеш и Арчке, объединяет вновь все земли, принадлежавшие арабскому племени кайсиков, и перестает быть вассалом Византии, отказывается платить ей дань. Константин Порфирородный советует своему сыну обязательно завладеть этими крепостями, а также Беркри, ибо, по словам императора, «если царь владеет этими крепостями, арабское войско (Περσικὸν φασαῖτον) не может вступить в Романию, так как они находятся между Романией и Арменией и являются заградой и ἀπλίκτα (против неприятельских войск)²¹.

¹⁶ Подробно о нем см. Ашот И о а н н и с я н. Движение тондракитов в Армении. — «Вопросы истории», 1954, № 10; е г о ж е. Смбат Зарехаванци, его время и современники. — «Вестник Матенадарана», т. 3, 1956; е г о ж е. Очерки истории армянской освободительной мысли, кн. 1. Ереван, 1957; С. П о г о с я н. Закрепощение крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1956 (на арм. яз.).

¹⁷ Фома Арцруни. История дома Арцруни. Тифлис, 1917, стр. 353, 361 (на древнеарм. яз.).

¹⁸ Пользуюсь рукописью монографии: А. Т е р - Г е в о н д я н. Арабские эмираты в Багратидской Армении, которая скоро выйдет в свет.

¹⁹ Фома Арцруни. История дома Арцруни, стр. 395.

²⁰ Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας, ἐποποιία βυζαντινῆ τῆς 10-ῆς ἑκατονταετηρίδος κατὰ τὸ ἐν Ἀνδρῶ ἀνευρεθὲν χειρόγραφον ὑπὸ Ἀ. Μηλιαράκη. Ἐν Ἀθήναις, 1920 (стк. 2468—270).

²¹ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, p. 202, cap. 44.

Интересно здесь подчеркнуть, что Константин Порфирородный (как и армянский историк Фома Арцруни в связи с Абу-ль-Вардом I) не вызывающих в данном контексте сомнения арабов называет персами, а арабский халифат — Персидой (Περσίς), считая, что упомянутые земли никогда не находились под владичеством Персиды и халифата (ταῦτα πάντα τὰ προρηθέντα κάστρα καὶ αἱ προρηθεῖσαι χῆραι οὐδέποτε γεγόνασιν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῆς Περσίδος ἢ ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τοῦ ἀμερμουμνῆ)²². В эпосе также говорится о том, что стратиг Антиох, попавший в плен, был убит персами, т. е. арабами, и совершенно прав А. Я. Сыркин, считая, что эпизод с дочерью Аплорравда развертывается среди арабов²³.

Во всей этой истории возникает одно недоразумение. Аплорравд в эпосе является эмиром Μεφερχέ — Майфарикина, в то время как и первый и второй Абу-ль-Варды являются эмирами Маназкерта. Такого рода неточностей в эпосе довольно много, и это не должно нас смущать. Кстати, можно отметить, что, согласно данным Ибн-аль-Асира²⁴ и Яхьи ибн Саида²⁵, Абу-ль-Вард II потерпел поражение и был убит неким Наджа, стратигом эмира Диарбекира (Алдзника) Хамданида Сайф-аль-Даула, центром которого был город Майфарикин.

Труден другой вопрос: с каким из двух Абу-ль-Вардов нужно идентифицировать Аплорравда? Или Аплорравд олицетворяет деятельность обоих Абу-ль-Вардов? Более убедительно предположение, что мы имеем дело с Абу-ль-Вардом I, современником Хрисоверга — Хрисохерпа — Хрисохира и Карозса — Карбеаса.

2. О прообразе героя Ангила

В византийском эпосе о Дигенисе Акрите в Трапезундской²⁶, Андросской (ныне «Афинской» — рукопись Национальной библиотеки № 1074)²⁷, Андросской прозаической²⁸ и Оксфордской²⁹ версиях среди противников Дигениса встречается и пекий богатырь по имени Ангила³⁰ (Ἀγκύλας), который отличается большой силой, борется только дубинкой. Он единственный герой, которому удалось один раз победить Дигениса. Ангила на дубинке побежденного написал: «Пусть Дигенис идет к апелатам и скажет, что Ангила даровал ему жизнь». Это обстоятельство подчеркивает не только силу Ангила, но и его великодушие. Однако через год Дигенис вызывает Ангила на бой и убивает его ударом дубинки по голове.

Ниже приводится перевод части эпоса, касающейся Ангила из Трапезундской версии. Повествование идет от первого лица. Дигенис рассказывает апелатам о своих подвигах.

²² Ibidem.

²³ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита», стр. 149.

²⁴ См. M. S a n a r d. Recueil des textes relatifs a Sauf al-Daula. Paris, 1934, p. 249—251.

²⁵ Ibid., p. 256—257.

²⁶ Les exploits de Basile Digenis Akritas, époque byzantine du dixième siècle, ed. par C. Sathas et E. Legrand. Paris, 1875, p. 172—176 (стк. 2071—2123).

²⁷ Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας. Τὰ ἔμμετρα κείμενα Ἀθηνῶν (πρώην Ἐνδρου, μετὰ συμπληρώσεων καὶ παραλλαγῶν ἐκ τῆς διασκευῆς Τραπεζούντος), Κρυπτοφέρρης καὶ Ἐσχοριάλ. Νέα πλήρης ἐκδοσις μετ' εἰσαγωγῆς, ὑποσημειώσεων καὶ κριτικῆς ὑπομνήματος ὑπὸ Πέτρου Καλονάρου, τ. Α'. Ἀθῆναι, 1941, σελ. 171—174 (στίχ. 3068—3120).

²⁸ Οἱ δέκα λόγοι τοῦ Διγενοῦς Ἀκρίτα, κατὰ τὴν πεζὴν διασκευὴν τῆς Ἐνδρου. Ἐκδ. Δ. Πασχάλη—«Λαογραφία», IX, 1928, σελ. 379—381.

²⁹ Collection de Romans grecs en langue vulgaire et en vers publ. pour la première fois d'après les manuscrits de Leyde et d'Oxford par S. Lampros. Paris, 1880, стк. 2495—2562.

³⁰ В транслитерации придерживаюсь произношения, а не написания.

Рассказ Акрита об Ангила

«В один из дней (наполненных) моими мужественными деяниями, я сел на скакуна и отправился в поле.

В Месопотамии я встретил молодца.

Он был очень ловким, приятным и очень мужественным.

2075 Мне понравился его конь, у меня возникло желание его отнять, но взгляд молодца был обращен на своего коня, смотрел он и на меня.

Он был весьма ловким и очень мужественным.

Уклонился он слегка и нанес мне удар дубинкой, и вслед за ударом он отнял мою дубинку.

2080 Затем начертал на ней он кровью писание, началом которого были следующие слова:

«Акрит, не горюй, пусть не болит твое сердце, ибо я твой раб, я — лев Ангила.

2085 Я ради тебя сюда пришел, у меня не было других забот, и достиг я своей цели, осуществил твою мольбу, Акрит.

Но ты иди, расскажи всем апелатам:

Ангила нанес мне дубинкой сильный удар, но он не убил меня, он такой мужественный».

Вот это и есть писание чудесного Ангила.

2090 Теперь я расскажу вам о том, что затем Ангила претерпел.

Я вскочил и сел на коня, взяв свою дубинку, и, сильно обиженный, отправился к моему шатру.

Затем поставил лесенку, сошел с моего чудесного коня и прочел на дубинке написанные кровью слова.

2095 Я постоянно думал о том, как ему отомстить.

Прошел год, но обида все время меня мучила, и когда истек тот неудачный год,

я про себя решил ему отомстить,

расплатиться с ним за удар дубинкой и за писание,

2100 с ним, с достойным изумления и чрезмерно мужественным Ангилой.

Я вскочил, сел на чудесного, каракового коня, который в моих доблестных деяниях всегда был мне надеждой,

взял затем свой щит, свою лиру,

а также свою легкую дубинку и отправился в бой.

2105 И когда приблизился к его обители, тогда я начал играть на своей лире и стал петь песню,

как соловей, и изумлял я всех.

Мое сладкопение начиналось словами:

2110 «В этих ущельях и в этих теснинах,

в этих скалистых местах, дубинкой крепко бьют мужественных благородные рождением и очень мужественные,

вот и мне дали в долг дубинкой очень крепкий удар,

но я хочу по-честному, с излишком вернуть свой долг,

хочу справедливо вернуть свой долг,

2115 вот я пришел именно за тем, чтобы вернуть долг».

О том, как Акрит,
ударив Ангила дубинкой
по голове, убил его

Когда Ангила услышал то, что я пел,

и так как ему была свойственна большая отвага,

он, призвав своего молодого коня, помчался на меня.

Я тоже призвал своего каракового коня и стал бить [Ангила].

²¹²⁰ Я дал ему дубинкой по лбу легкий удар.
Он тотчас же умок, с коня свалился.
Я немедленно спустился с коня, пытался его приподнять,
но молодец, застояв, сразу испустил дух»³¹.

Андросская стихотворная ³² и Оксфордская версии не дают нам ничего отличающегося от Трапезундской, кроме того единственного, как мы увидим далее, важного факта, что в Оксфордской версии Ангила назван γίγας — гигантом (стк. 2520).

В песнях акритского цикла, собранных в Телмесе в Каппадокии и опубликованных П. Лагардом ³³, упоминается некий Акила, выступающий в качестве тестя Карабиера:

Ἐγὼ τ' Ἀκύλα κόρη ἤμουσ καὶ τοῦ Καραβιέρη νόμφη.

А. Грегуар отождествляет Акилу с Ангилой, а Карабиера — с Кароэсом эпоса, т. е. с историческим Карбеасом ³⁴.

Попыток идентификации героя-богатыря Ангилы с какой-либо исторической личностью очень мало. Слишком уверенное предположение высказал П. Калонарос, что будто Ангила — это герой Sajjid Battal турецкого эпоса ³⁵, что никак не звучит убедительно и очень шатко обосновано. А. Я. Сыркин считает, что сопоставить Ангилу с кем-либо трудно ³⁶, и это понятно, ибо из вышеупомянутого рассказа хорошо видно, что мы имеем дело не с исторической личностью, а с мифической, легендарной.

Сначала остановимся на районе, откуда был родом Ангила. Это Месопотамия — конечно, не историческое Двуречье, а византийская провинция Месопотамия. В административном делении Византии провинция Месопотамия с центром Амидом входила в состав префектуры Востока ³⁷. В сирийских источниках Амидская область носила в древности название Бет-Аггелайе, по старинной крепости Аггел, расположенной на север от Амиды ³⁸.

В состав провинции Месопотамии входила область, которая в армянских источниках называется Ангел-тун, Дом, т. е. страна Ангела (Ангелена — византийцев). Об этом свидетельствуют протоколы Халкедонского собора 451 г.: Месопотамию там представляли шесть епископов: из Амиды, Софены, Анзитены, Мартирополя, Ингела-Ангелены и Софанены ³⁹.

³¹ Les exploits de Basile Digenis Akritas..., p. 172—176.

³² Андросская прозаическая версия нам осталась недоступной.

³³ Neugriechisches aus Kleinasien. — «Abhandlungen der kgl. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen», Bd. 33, 1886, S. 20, 9.

³⁴ H. Grégoire. Notes sur l'épopée byzantine. 2. Une mention du héros Ankylos et du Paulicien Karbeas dans une chant akritique. — Byz., XIII (1938), fasc. 1, p. 521. Имена Каро[эс] или Карбеас — это армянские ласкательные (у армян встречаются и формы Крпе — Крбе, Крпо — Крбо) от Карапет — Карабет, означющее «предводитель» (греч. Πρόδρομος). См. Р. Ачарян. Словарь армянских личных имен, т. II. Ереван, 1944, стр. 582 и сл. В этой связи Караβιέρης (вероятно, искажение от Караβιέρης) вышеупомянутой песни очень близок к имени Карабет, и предположение Грегуара о том, что Караβιέρης тождествен Кароэсу, очень правдоподобно. Об этом см. также Р. Бартикян. Источники для изучения истории павлианского движения. Ереван, 1961, стр. 166.

³⁵ Βασίλειος Διγενῆς Ἀκρίτας..., ἐκδ. Π. Καλονάρου, τ. Α', σελ. 172, ὑποσημ.

³⁶ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита», стр. 147.

³⁷ Notitia dignitatum, ed. O. Seeck. Berolini, 1876, p. 77. Ср. Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 15.

³⁸ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники..., стр. 15.

³⁹ См. M a n s i, VII, p. 403: provinciae Mesopotamiae ep. VI: Symeon Amudensis, Noe Cesariensis, Zephanensis, Maras Azetiniensis, Zebennos Martyropolitani, Gaiumas Inseles, Inreles (sc. Ingeles), Eusenius (sc. Eusebius) Rufuniensis, Suphaniensis. Исправления Н. Адонца см. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 39, прим. 1.

В VI в. Ангелена входила в состав Великой Софены, а после 591 г. Великая Софена вместе с Арзаненой вошла в провинцию Верхняя Месопотамия ⁴⁰. Верхняя Месопотамия у Георгия Кипрского отождествляется с Четвертой Арменией — Ἐπαρχία Μεσοποταμίας ἕνω ἴτοι Δ' Ἀρμενίας ⁴¹, а Четвертая Армения в Армянской Географии VII в. отождествляется с Софеной: Ὁμοῦρη Ζωίρη, πρὸς τὴν Ὑψηλὴν Ἡρηνήν ⁴². Ангелена же, как мы указали выше, входила в состав Софены.

Все сказанное свидетельствует о том, что Ангелена входила в состав провинции Месопотамии, той Месопотамии, откуда вел происхождение герой-богатырь Ангила.

Позже, как видно из данных Константина Порфирородного, упомянутые территории вошли в образованную Львом VI (886—911 гг.) фему Месопотамию. При императоре Романе Лакаине в состав фемы Месопотамии вошли Романополис и Хандзит ⁴³ (sic τὸ Μεσοποταμίας θέμα ἐπὶ Ῥωμανοῦ δεσπότητος προστέθη τῇ τε Ῥωμανόπολις καὶ τὸ Χανζίτ).

Область Хандзит (арм. Անδհր, Анзитена — византийцев), области Софена, Софанена, а также Ангелена (или Ангилена) в более древнее время были известны под одним именем Софена. Они находились между Евфратом и Западным Тигром ⁴⁴.

Что собой представляла Ангелена? Это очень древняя область. Немецкий хеттолог Э. Форрер, считает что Ангелена — это Ingal-ava хеттских надписей ⁴⁵. Ангелена со своей неприступной крепостью позже стала играть большую роль в истории армянского народа. «С распространением политического и социального влияния феодального рода, — пишет известный армянский историк Гр. Капанцян, — владевшего крепостью Ангел, и вся обширная область по верхнему течению Арганы и Зебене (куда впадает Аргана-су) также стала называться „дом Ангела“ (Անգեղ տուն) ... С именем этого города-крепости Ангел у армян связывались древние традиции их политического становления и государственности, не говоря о культовом также значении» ⁴⁶.

В IV в. при христианских Аршакидах Ангелена была царским домом. Как указывает армянский историк V в. Фавстос Бузанд, страна Ангел-тун «издревле была стран аркуни (т. е. царской областью)» ⁴⁷. Во времена разорительных набегов армянского нахарара Меружана Арцруни царь Аршак сидел в Ангелене; видно, область эта служила временно местопребыванием аршакидских царей.

По сообщению того же Фавстоса Бузанда, войска персидского царя Шапуха под предводительством Меружана «пошли и осадили сильную крепость Ангел в гаваре (т. е. районе) Ангелтун, так как там находились усыпальницы многих армянских царей Аршакуни и с давних пор там были скоплены предками большие сокровища. Пошли, осадили кре-

⁴⁰ H. Hübschmann. Die altarmenischen Ortsnamen. Strassburg, 1904, S. 303—304.

⁴¹ Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani, ed. H. Gelzer. Lipsiae, 1890, p. 46.

⁴² Géographie de Moïse de Corène, texte arménien, traduite en française par Arsène Soukry. Venise, 1881, p. 30.

⁴³ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 238. О местоположении Романополиса см. E. Honigmann. Trois mémoires posthumes d'Histoire et de Géographie de l'Orient Chrétien. — «Subsidia Hagiographica», № 35. Bruxelles, 1961.

⁴⁴ См. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 30.

⁴⁵ Reallexikon der Assyriologie, 1, 88, s. v. «ALZI».

⁴⁶ См. Гр. Капанцян. Хайаса — колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947, стр. 199—200.

⁴⁷ История Армении Фавстоса Бузанда, перевод М. А. Геворкяна. Ереван, 1953, стр. 163.

пость, и когда вследствие неприступности места не сумели взять, то оставили и ушли»⁴⁸.

Армянский историк V в. Агафангел из 16 правителей Армении первым упоминает «князя Ангел-туна»⁴⁹, и этот князь — единственный, носящий у него прозвище «Великий»⁵⁰.

Развалины знаменитого замка Ангела лежат при местечке Агил, удержавшем древнее название⁵¹.

В сирийских источниках крепость Ангел упоминается у Иешу Стилита, Захарии Ритора, Иоанна Ефесского, который, впрочем, сам был уроженец Ангела, как Аггел — Aggel⁵². У теперешних сирийцев местность называется Agyl или Angyl⁵³.

В византийских источниках Ангелена упоминается Петром Патрицием — Ἰγγηληνή⁵⁴, а также в законодательстве Юстиниана⁵⁵. Она входила в число тех армянских княжеств, которые в византийских источниках назывались сатрапствами и были расположены на юге Армении, между Тигром и Евфратом, и простирались в сторону города Амиды⁵⁶.

Ангел-тун с юго-востока граничил с Сасуном⁵⁷, той областью, где был создан армянский эпос о Давиде Сасунском, эпос, имеющий много мест соприкосновения с византийским эпосом о Дигенисе Акрите. Река области Ангел-тун встречается в армянском героическом эпосе. В одной из его версий мы читаем:

«Мать Мысра Мелика говорит своему сыну:

„Сынок, раз ты не хочешь, то позови двух хороших пахлеванов, чтоб они были сильными, и дай им Давида, отправь [его], пусть пойдет в страну отца своего, чтоб он не попадался больше на твои глаза“.

Мысра Мелик позвал двух сильных пахлеванов, дал им [Давида] и сказал: «Отнесите до реки Ангела, там его зарежьте и принесете мне в дар его уши»⁵⁸.

⁴⁸ Там же, стр. 112.

⁴⁹ А г а ф а н г е л. История Армении. Тифлис, 1909, стр. 414 (на древнеарм. яз.).

⁵⁰ Там же, стр. 460. Соответствующие места в древнегреческом тексте Агафангела: κελεύει οὖν (ὁ βασιλεὺς Τριδάτιος) τοὺς ἀρχηγούς τῶν σατραπῶν συγκαλέσασθαι καὶ τοπάρχας καὶ πρώτους ἀρχῶν Ἀγγηλιτῶν οἴκου; καὶ τὸν μέγιστον ἀρχοντα τοῦ οἴκου τῶν λεγομένων Ἀγγηλιτῶν (Agathangelus und die Akten Gregors von Armenien. Neu herausgegeben von Paul de Lagard. Göttingen, 1887, S. 68, 83). См. также Иоанн Мамиконян. История Тарона. Ереван, 1941, стр. 77. В арабской версии Агафангела: «И как только прибыли письма (т. е. Тиридата. — Р. Б.), пришли к нему три царя, царь абхазский, царь грузинский и царь аланский, и вместо с ними собрание князей. Во-первых, князь Гипса (Ангела)». См. Н. Я. Марр. Крепление армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорисом (арабская версия). — ЗВРАО, т. XVI, 1905, стр. 115.

⁵¹ Н. А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 42.

⁵² Н. В. П и г у л е в с к а я. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М.—Л., 1940, стр. 149; е е ж е. Сирийские источники..., стр. 15.

⁵³ A s s e m a n i. Bibl. Orient., t. I, p. 273; t. III, p. 714.

⁵⁴ Ex Historia Petri Patricii et Magistri excerpta de legationibus Romanorum ad gentes. Bonnae, 1829, p. 135.

⁵⁵ CJ. De off. mag. mil., I, 29, 5 (Magnam Armeniam, quae Interior dicebatur et gentes: Anzetenam videlicet, Ingilenam, Asthianenam, Sophanenam, in qua est Martyropolis, Balabitenam). Ср. Н. А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 29.

⁵⁶ P r o c o p i i d e a e d., III, 1: τῇ δὲ ἄλλῃ Ἀρμενία ἤπερ ἐντὸς Εὐφράτου ποταμοῦ οὐσα διίκετ εἰς Ἀμίδην πόλιν, σατραπείας ἐφεσότημεσαν Ἀρμένιοι πέντε.

⁵⁷ См. «Сасна Цырер» (Давид Сасунский), т. II, ч. 2. Ереван, 1951, стр. 822 (на арм. яз.).

⁵⁸ Там же, стр. 250—251 (стк. 494—500).

В том же эпосе упоминается в «монастырь Ангела» — Անգեղէնց վանք⁵⁹. Что представлял собой Ангел-тун в культовом отношении?

С самого начала нужно отметить, что в армянском языческом пантеоне был бог по имени Ангел. Это подтверждается тем, что библейский бог Երցել — Нергал в армянском переводе Библии, сделанном в V в., выступает как Ангел: «...сделали каждый народ и своих богов и поставили в капищах высот, какие устроили Самаряне, — каждый народ в своих городах, где живут они. Вавилоняне сделали Суккот-Беноф, Кутийцы [в греческом — ζυδρες Χούθ] сделали Нергала...»⁶⁰. В древнеармянском переводе: *Եւ արք Բնիքսյ արարին զԱնգել*.

Н. Адонц проводит линию между семитским Нергалом, греческим Гераклом, армянским Ангелом и находит возможным, что прообразом является семитский Нергал. Он считает достоверным, что Ангел если не этимологически, то во всяком случае по своим атрибутам тождествен Нергалу. Он считает, что название крепости Ангел происходит от одноименного Ангела, храм которого, по всей вероятности, там и находился⁶¹.

Раз уже мы начали говорить о культовом центре Ангел-туне и об армянском божестве Ангеле, то пора обратиться к армянским средневековым источникам, и в первую очередь к автору V — VI вв. Мовсесу Хоренаци (Моисею Хоренскому), «История Армении» которого, по точному определению Н. Адонца, является действительно выдающимся памятником, во многих отношениях не знающим себе равного в армянской письменности, замечательным прежде всего той глубокой национальной идеологией, которую он создал и на которой воспитывались дальнейшие поколения в течение многих веков⁶².

Армянский царь Валаршак, брат парфянского царя Аршака, по данным Мовсеса Хоренаци, передал правление разными областями Армении нахарарским родам. Среди них «мужа с суровыми чертами лица, высокого, неуклюжего, со сплюснутым носом, впалыми глазами, диким взглядом, исполина ростом и силою, из потомков Пасхама, внука hАйка, по имени Турк»⁶³, которого за чрезвычайное его безобразие прозвали А н г е л я, Валаршак называет правителем з а п а д а. По безобразию [Турк'а] Валаршак называет и его род „Д о м А н г е л“. Впрочем, если желаешь, расскажу тебе о нем [такие же] невероятные и нелепые с к а з к и, какие Парсы рассказывают о Ростоме Сагчике⁶⁴, уверяя, что он обладал силою ста двадцати слонов. Слова П е с н и о с и л е и н е у с т р а ш и м о с т и Турк'а до того нескладны, что не могут быть применимы ни к Самсону, ни к Гераклу, ниже к Сагчику. Ибо п е л и про него: возьмется, бывало, руками за гранитные без трещины скалы, отломит от них, по желанию, большие или малые куски; примется сглаживать их ногтями и образует из них плиты, на которых ногтями же изобразит орлов и тому подобное. [Пели про него также], что близ берегов Понтийского моря, встретив неприятельские корабли, бросился за ними. Но корабли успели отплыть в открытое море на расстоянии восьми стадий; и Турк' не поспел за ними. Тогда он, п о е т с я в П е с н е, схватывает скалы величиною с холм и кидает им вслед. От сильного расступления вод г отонуло немало кораблей; и волны, поднявшиеся от всколыхания вод,

⁵⁹ «Сасна Цырер», т. II, ч. 2, стр. 317 (стк. 2552).

⁶⁰ См. IV Кн. Царств, XVII, 30.

⁶¹ См. Н. А д о н ц. Бог Тарку у древних армян. — «Houschardzan». Вена, 1911, стр. 392—393 (на арм. яз.).

⁶² Н. А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 209.

⁶³ Вариант: Торк'. Разумеется, имя Турк' — Торк' ничего общего с этническим «турк» не имеет.

⁶⁴ Т. е. из Сагстана.

разогнали оставшиеся корабли на многие мили. Вот это — легенда, подлинная царица легенд! Да что тебе за дело. Верно одно: [Турк'] обладал чудовищной силой, и недаром сложены про него подобные сказания»⁶⁵.

С самого начала нужно подчеркнуть, что все сказанное Мовсесом Хоренаци о безобразии Ангеля связано с ложной народной этимологией слова Ангел (ан — отрицательная частица и гел — краса). Вероятно, с этой народной этимологией нужно связать вторую половину повествования, которая соответствует легенде о безобразном циклопе Полифеме из «Одиссеи» Гомера, хотя были высказаны предположения, что подобные легенды могли существовать в Малой Азии независимо от Гомера⁶⁶. Но это в данном случае неважно.

Итак, Турк' Ангел — Ангеля был назначен правителем запада Армении, точнее — Дома-Ангела. О божестве Ангеле уже была речь. Теперь остановимся на имени Турк' — Торк'. Н. Адонц находит, что Торк' по своим атрибутам тождествен Ангелу (это знаменитый хеттский бог Tarqu, имя которого встречается в географических названиях тех районов Армении, где находилась область Ангел) и что армянская традиция, связывая Торк'а с Ангелом, дает основание думать, что Торк' — не кто иной, как древний Тарку⁶⁷.

У анонимного армянского автора, текст труда которого дошел до нас в поздних рукописях «Истории» автора VII в. Себеоса, упоминается армянский царь Фарнаваз: «Он родил Багама и Багарата; Багарат родил Бюрата; Бюрат родил Аспата; сыны Багарата получили в качестве наследства в странах западных, т. е. дом Ангела, и поэтому Багарат был назван и Ангелом, которого обоготворяли в это время народы варварские»⁶⁸.

Легенды о герое-исполнине Ангеля существовали в первую очередь именно в Ангел-туне — Ангелене, где они, вероятно, были и созданы. Но из этого, конечно, не вытекает, что их знали только в Ангелене. Они, несомненно, были распространены во всей Армении, и в особенности во всей Западной Армении. Здесь нужно подчеркнуть, что в песнях о Турк'е Ангеле — Ангеля воспевались вовсе не хеттский бог Тарку или же его армянский эквивалент Ангел. Нет! Во времена Хоренаци, тем более после него, существовали песни именно о Турк'е Ангеле — Ангеля, герое-исполнине, не имеющем ничего божественного, но сохраняющем лишь героические черты, что и сделало его, по словам Мовсеса Хоренаци, достойным подобных сказаний. Хоренаци сравнивает Ангеля с персидским героем

⁶⁵ История Армении Моисея Хоренского, новый перевод Н. Эмина. М., 1893, кн. II, гл. 8 (стр. 59), с некоторыми уточнениями, сделанными на основании критического текста М. Хоренаци, изданного М. Абегином и С. Арутюняном (Тифлис, 1913, стр. 114—115). Разрядка всюду моя. Армянское η в древности производилось как л (ср. $\Phi\lambda\omega\sigma\eta\lambda\eta$ = Платон, $\Delta\iota\omega\eta\eta\lambda\eta$ = Аполлон, $\Sigma\omega\lambda\omega\eta\eta$ = Соломон, $\Lambda\upsilon\kappa\eta$ = Лука и т. д.) о произношении арм. η см. А. Meillet. Remarques sur les l de l'arménien classique. — «Houschardzan». Вена, 1911, стр. 208—211; η теперь армянами произносится как новогреческая η , а так как этого звука в русском языке нет, передается оно через z или x (ср. новоармянские фамилии Согомонян, Гукасян и т. д.). Поэтому транслитерацию Эмина буквы η = x в собственных именах мы всюду привели не с x , а с z — Валаршак, а не Вахаршак, Ангеля, Ангел, а не Ангеля, Ангел.

⁶⁶ См. М. Абегиан. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 27—28.

⁶⁷ Н. Адонц. Бог Торк' у древних армян, стр. 392—393. О Торке см. также N. Adontz. Tarhou chez les anciens arméniens. — «Revue des études arméniens», t. VII, fasc. 1. Paris, 1927, p. 185—194; Гр. Капанцяна. Хайаса — колыбель армян, стр. 199 и сл.; его же. Малоазийские (азиатические) боги у армян. Историко-лингвистические работы к начальной истории армян. Ереван, 1956, стр. 273—274; Н. Мартиросян. Изыскания в связи с малоазийскими именами. — «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР», 1961, № 3—4, стр. 86—87 (на арм. яз.).

⁶⁸ История епископа Себеоса, перевод К. Патканяна. СПб., 1862, стр. 7.

Ростомом, библейским Самсоном, греческим Гераклом, подчеркивая только силу, но отнюдь не божественное происхождение. Хоренаци, упоминая прозвище Турк'а Ангела — Ангеля, т. е. Ангельский, сам подсказывает, что мы имеем дело не с самим богом Ангелом, а с человеком, который считался похожим на бога Ангела, вероятно, из-за его неимоверной силы⁶⁹. Это подтверждается и восклицанием Хоренаци: «Вот это — легенда, подлинная царица легенд»⁷⁰. К тому же заключению можно прийти и на основании вышеприведенного отрывка из Анонима. Тот же Аноним в своем предисловии, которое мы считаем целесообразным процитировать довольно подробно, подчеркивает, что мы имеем дело не с богами, а с людьми-героями. Он пишет: «Я не по своей охоте принялся тщательно описывать время и начертать историю древних героев, упоминая притом и о баснословном...; я загляну в книге Мараббы, философа Мдурнийского⁷¹, на ту надпись, которую нашел он в городе Мцбине (Низибине), в чертогах царя Санатрука, против дверей царского дворца, начертанную на камне, покрытом обломками царских жилищ. Когда колонны этого дворца были востребованы ко двору персидского царя, то при раскрытии развалин для отыскания колонн нашли неожиданно греческую надпись, начертанную на камне: дни и годы древних царей армян и парфян. Найдя эту надпись у его учеников в Месопотамии, я хочу вам ее сообщить. Вот заглавие ее:

„Я писец, Агафангел, написал на этом камне моею рукою годы первых царей армянских, по повелению храброго Трдата, взяв содержание из царского архива. Копию [с этой надписи] ты увидишь несколько ниже на своем месте“.

Я начну рассказывать эпос о страшном царе и храбром муже: во-первых, историю древних, откуда произошло изобилие земного строения; далее присоединю и привью к нему мифы о героях и баснословные рассказы о безумных войнах»⁷².

Песни о герое-богатыре Ангеля бытовали в Ангел-туне — Ангелене (и не только там, а во всей Армении вообще) долгое время. Об этом свидетельствует, во-первых, Аноним, данные которого мы привели выше. Но песни и легенды о Турк'е-Ангеле — Ангеля, как нам удалось выяснить, имели большое распространение даже в XVI в., и не только среди армян, но и среди мусульман. Курдский историк первой половины XVI в. Шереф эд-дин Битлиси в своем знаменитом Шереф-наме, представляющем собой первую попытку дать систематическую историю курдского народа, среди разных курдских племен и династий упоминает и племя Мардаси. В XI в. династия Мардаси господствовала в Алеппо, но одна ветвь этого племени в более позднее время обосновалась в Агиле, т. е. в Ангел-туне — Ангелене.

Вот что пишет в связи с крепостью Агил курдский историк: «Агил — это крепость, построенная на склоне одной высокой горы. Склон этот так искривлен, что взирающего на него охватывает страх и испуг. У всех на языке и из уст в уста бродит одна всем известная легенда, что будто один из возлюбленных богом людей (пророков) прибыл туда и сделал знак по-турецки (в персидском тексте: «белафзе т о р к и»)»

⁶⁹ Другие исследователи считают, что Торк' Ангеля означает Торк'а из местности Ангел, т. е. под Ангелом здесь подразумевают название не божества, а местности. См. Аст. Хачатрян. «Торк' Ангеля» в древнеармянской литературе и в новой филологии. Известия Института наук и искусств Арм. ССР, № 5. Ереван, 1931, стр. 49; Н. Мартиросян. Изыскания в связи с малоазийскими именами, стр. 91.

⁷⁰ См. Н. Эмин. Моисей Хоренский и древний эпос армянский. М., 1881, стр. 69, прим. 1.

⁷¹ Автор V в. труд которого не дошел до нас.

⁷² История епископа Себеоса, стр. 1—2.

этому склону, и склон всемогуществом бога стал кривым. Истина только богу ведома»⁷³.

Под «белафзе торки», по всей вероятности, скрывается имя нашего исполнителя Турк'а — Торк'а. Его имя у мусульман вызвало такую ассоциацию. В пользу того, что под ним скрывается герой Турк' — Торк', говорит, во-первых, то обстоятельство, что здесь «белафзе торки» в том смысле, как его понял Шереф эд-дин, никак не совместимо и непонятно. Кроме того, эта легенда имела распространение именно в Агиле. И в-третьих, выражение «сделал знак... этому склону, и склон... стал кривым» соответствует словам Мовсеса Хоренаци: Турк' «возьмется, бывало, руками за гранитные без трещины скалы и отломит от них, по желанию, большие или малые куски; примется сглаживать их ногтями и образует из них плиты...»

Эти песни и легенды об исполнине Ангеля, несомненно, не могли исчезнуть без следа. Месопотамия, Четвертая Армения, Малая Армения и прилегающие к ней территории Великой Армении — густо населенные армянами территории, районы, где была широко представлена начиная с VII в. ересь армянских павликиан, в среде которых бытовали разные песни (в том числе, вероятно, и песни об исполнине Ангеля), впоследствии породившие знаменитый эпос о Дигенисе Акрите⁷⁴. Песни об Ангеля вошли и нашли свое должное место в эпосе о Дигенисе, действие которого происходит именно в тех районах, где и существовали песни о богатыре Ангеля, ибо герой Ангила византийской эпопеи, сила которого несколько раз подчеркивается — *ἀνδρειωμένος, μᾶλλον ἀνδρειωμένος, ἕξα ἄνδρειωμένος, θραυμάσιος, λέων, γίγας*, которого *τὸ θάρρος τὸ πολὺ τῆς συνηθείας τούτου*, по нашему предположению, — не кто иной, как армянский исполнитель Ангеля, о баснословной силе которого писал Мовсес Хоренаци⁷⁵.

Ответить на вопрос, почему Ангеля стал звучать Ангила — Ἀγκύλας и писался во всех версиях с υ, нетрудно. Просто слово осмыслено на греческий лад, от слова ἀγκύλη = тетива, дротик, копьё.

Ангеля происхождением связан с Ангеленой, Ангила, как мы отметили выше, с провинцией или фемой Месопотамия, в которую входила территория Ангелены.

Нам кажется, что значение проделанного нами исследования отнюдь не в том, что удалось идентифицировать одну личность из византийской эпопеи. Нет! Значение в другом, а именно в том, что становится еще более ясной та историческая почва, на которой был создан византийский эпос, еще раз подтверждается и получает новые аргументы гипотеза Н. Адонца о том, что Западная Армения, армянское население Западной Армении сыграли главную роль в его создании. Несомненно, это население в IX — XI вв. уже было грецизировано, говорило оно, по всей вероятности, по-гречески (ибо трудно допустить, что более чем тысячелетнее господство Рима и Византии не оставило бы никакого следа на нем), но население это не забыло свою историю, не забыло своих легенд и сказаний, свои народные песни и, передавая их от поколения к поколению, сохранило их

⁷³ Chéref-Nameh ou Histoire des Kourdes par Chéref, Prince de Bidlis, publiée par Veliaminof—Zernof. St.-Pétérsbourg, 1860, t. I, p. 177.

⁷⁴ О том, что византийский эпос был создан в среде еретиков-павликиан, см. N. Adontz. Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digenis Akritas. — BZ, Bd. XXIX—XXX, 1929—1930, p. 198—227; H. Grégoire. Ὁ Διγενής Ἀκρίτας. Ἡ βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴν ποίηση. New York, 1942.

⁷⁵ Впрочем, как видно из Гротта-Ферратской версии эпоса о Дигенисе Акрите, цикл песен о героях-апелатах — Филопане, Киннаме и Иоаннакисе, имена которых коммагенского парфяно-армянского происхождения, предшествовал песням о Дигенисе и был в значительной мере вытеснен ими. См. «Дигенис Акрит», перевод А. Я. Сыркина. М., 1960, прим. к книге IV, 33, стр. 193.

до времени создания византийского эпоса. В этой связи можно уверенно сказать, что отдельные стороны византийского эпоса, отдельные персонажи его, еще не нашедшие своего объяснения и прообразов, могут быть объяснены и идентифицированы лишь в связи с глубоким изучением истории армян, и в первую очередь легенд, народных сказаний и песен, словом, фольклора армянского народа.

В конце своего исследования хочу привести содержание недавно изданной статьи А. Брайера «Ахтамар и Дигенис Акрит»⁷⁶. В этой статье автор показывает то общее, что имеется между построенным на берегу Евфрата дворцом Дигениса, его художественным убранством и воздвигнутым Гагиком, армянским царем Васпуракана (908—943 гг.), дворцом (теперь разрушенным; его описание дает армянский историк X в. Фома Арцруни) и художественным убранством Ахтамарской церкви, построенной тем же царем Гагиком на острове Ахтамар (на озере Ван), напротив города Вана, я полностью сохранившейся до наших дней. Находя у этих сооружений очень много общего, указывая вместе с тем на их географическую и хронологическую близость, А. Брайер отмечает возможность какой-либо общей связи между ними.

Мы добавили бы к высказанному А. Брайером соображению, что, согласно армянскому героическому эпосу о Давиде Сасунском, имеющему, как мы отметили выше, много точек соприкосновения с эпосом о Дигенисе Акрите, мать Санасара, деда Давида Сасунского, была, по некоторым версиям, дочерью царя «Вана» или «Ахтамара» Гагика⁷⁷, того Гагика, с сооружениями которого А. Брайер сравнивает дворец Дигениса. Дочь царя Гагика вышла замуж за сына «языческого», т. е. мусульманского, «царя», господствовавшего в местности «Телтис», подобно тому как дочь Киннамадов вышла за арабского эмира, от брака которых родился Дигенис.

Из всего этого видно, что не только нарративные сведения, но и данные материальной культуры говорят в пользу высказанного выше предположения Н. Адонца относительно исторической основы византийского эпоса.

II. О «САТРАПАХ» И ОБ «ЕΘΝΗ»

В данном очерке мы обратимся к материалу, который дополняет предыдущее исследование о прообразе героя Ангилы и ставит ряд вопросов, нуждающихся в дальнейшем исследовании. Мы имеем в виду упоминание в эпосе «сатрапов» и «ἔθνη».

Насколько мне известно, среди византистов, занимавшихся специально византийским эпосом, ни один не обратил внимания на «сатрапов». Что касается «ἔθνη» (слово перешло к армянам в форме hethanos — язычник, идолопоклонник), то они воспринимались просто как народности нехристианского происхождения.

«Сатрапы» упоминаются в эпосе всего два раза — в Трапезундской и Андросской версиях в следующих контекстах:

1. Рождение матери Акрита вызвало большую радость не только у ее родителей, но и среди λαῶν, ἀρχόντων, σατραπῶν, μετὰ παντός τοῦ πλήθους, (А 66).

⁷⁶ А. А. М. Вруер. Akhtamar and Digenis Akrites. — «Antiquity», vol. 34, № 136, Dec. 1960, p. 295—297.

⁷⁷ «Сасна Цырер» (Давид Сасунский), т. II, стр. 475 и сл., 529 и сл., 607 и сл., 1091 и сл.

2. Много лет спустя, после того как Дигенис Акрит прославился своими подвигами и построил на берегу Евфрата знаменитый дворец, со всех сторон туда начали стекаться дары:

οἱ μεγιστάνες λέγω δὴ καὶ οἱ σατράπαι πάντες,
φιλοτιμίας ἔστελλον, χαρίσματα τε πλείστα,
ὁμοίως καὶ οἱ ἄρχοντες τῆς ὅλης Ῥωμανίας,
ἔστελλον δῶρα θαυμαστά, ἐξαισία ἡδέως,
αὐτὸν μετὰ φιλότῆτος, καὶ μετ'εὐγνωμοσύνης.
Ἀλλὰ καὶ αὐτὸς ὁ βασιλεὺς ἔστελλεν καθ'ἐκάστην
μεγίστας τοίνυν δωρεὰς τῷ θαυμαστῷ Ἀκρίτῃ (A 4066—4072).

«'Εθνη» в эпосе упоминаются трижды в следующих контекстах:

1. Дигенис, рассказывая о своих подвигах, говорит, что он обложил данью «ἔθνη»:

Χαρίτσια ἐπαρασκεύασα τὰ ἔθνη διὰ τὰ δίδου
τῷ βασιλεῖ τῷ Ῥωμανῷ, τῷ μέγα τροπαιούχῳ (A 3857—3858).

2. Автор эпоса восхваляет Дигениса и среди многих его подвигов упоминает о том, что Дигенис заставил «ἔθνη» ежегодно платить налоги византийскому императору:

κατὰ πολὺ δὲ φοβερῶς τὰ ἔθνη ὑποτάξας
ὥστε καὶ φόρους βασιλεῖ παρέχειν ἐτησίους
καὶ οἱ ποτὲ πολέμιοι γηγόνασιν ἰκέται (A 4335—4337).

3. В похоронах Дигениса принимают участие, в числе других, также и «ἔθνη»:

καὶ πῶς αὐτοὺς ἐθρήνησεν πολλὰ ὁ κόσμος ὅλος,
καὶ τὴν κηδεῖαν ἔκαμεν ἐντίμως καὶ ἀξίως
αὐτοῦ καὶ τῆς συμβίου του τὰ ἔθνη ὅλα τότε (A 4363—4365)

* * *

В IX — X вв., когда в основном слагался эпос о Дигенисе Акрите, едва ли под упоминаемыми в нем сатрапами могли подразумеваться сатрапы Ахеменидской Персии, прекратившие свое существование полтора тысячелетия назад. Зато несомненно, что среди живущих на востоке Византии людей были еще свежи в памяти сатрапы Юго-Западной Армении, земли которых простиралась если не именно там, то по крайней мере по соседству с той территорией, где зародился византийский эпос¹.

Термин «сатрапы» очень часто встречается в армянских источниках V—VI вв.; под ними подразумеваются крупные армянские феодалы-нахарары, подчиненные армянскому царю. После упразднения в 428 г. армянского царства Аршакидов сатрапы Юго-Западной Армении приобрели независимость в рамках Византийской империи. Они имели свои вооруженные силы и, как указывает Прокопий Кесарийский, в военных делах были самостоятельны; такое положение просуществовало до времен императора Юстиниана².

В V—VI вв., по данным Прокопия³ и XXXI новеллы Юстиниана, сатрапств было пять, а по данным одного официального документа того же

¹ Об армянских сатрапах и сатрапствах Юго-Западной Армении подробно см. К. Güterbock, Römisch-Armenien und die römischen Satrapien im 4. bis 6. Jahrhundert. Königsberg, 1900; Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 28—45.

² De aedif., III, 1.

³ Ibidem.

императора Юстиниана, — шесть⁴. Они часто восставали против империи. Во времена императора Зенона они приняли участие в восстании Илла и Леонтия, после подавления которого Зенон упразднил наследственную власть армянских сатрапов и стал назначать их сам, по своему усмотрению. Самый чувствительный удар армянским сатрапам нанес император Юстиниан I. В 529 г. он издал приказ, по которому Армения, Полемонийский Понт и сатрапства подчинялись стратегу или магистру⁵. Власть сатрапов была упразднена, и на их место были назначены византийские дуки, подчиненные вышеупомянутому стратегу — magister militum⁶.

Разумеется, Юстиниан не уничтожил сатрапов-нахараров физически. Они еще долгое время сохраняли свои владения и постоянно обеспечивали византийскую армию первоклассными военачальниками.

В эпосе говорится, что «все сатрапы» посылают Дигенису дары. Это был, вероятно, отголосок тех «подарков», которые упомянутые армянские сатрапы были вынуждены выплачивать (именно выплачивать, так как эти «подарки» уже приняли вид налога) Византии pro devotione quae Romano debetur imperio и которые назывались augum sogopario⁷. Что это были налоги, выявляется и другим путем. Согласно эпосу, Дигенис вынудил «ἔθνη» платить империи ежегодно налоги. Но что общего между «ἔθνη» и сатрапами? Очень много! Ведь «ἔθνη» равнозначны сатрапствам. Одни и те же княжества в официальных документах, изданных Юстинианом, называются gentes и ἔθνη, в противоположность Армении Magna или Interior⁸. В законодательстве императора Юстиниана относительно армянских земель мы читаем следующее: Magnam Armeniam, quae interior dicebatur et gentes: Anzetenam videlicet, Ingilenam, Asthianenam, Sophanenam, in qua est Martyropolis, Balabitenam⁹. XXXI новелла Юстиниана сатрапов и «ἔθνη» представляет как одно и то же понятие: Τῶν ἔθνων... Τζοφανηγή τε καὶ Ἀνζιτηγή καὶ Τζοφανή, καὶ Ἀσθιανηγή καὶ Βαλαβιτηγή καλουμένη καὶ ὑπὸ σατράπαις οὔσα. Для Прокопия сатрапы и «ἔθνη» также синонимы: Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς τὸ μὲν τῶν σατραπῶν ὄνομα ἐξήλασεν ἐθθένδε εὐθύς, δούκας δὲ τοὺς καλουμένους δύο τοῖς ἔθνεσιν ἐπέστησε τούτοις¹⁰.

Согласно эпосу, «ἔθνη» были «полέμιοι» — враги империи (A 4337). Действительно, Прокопий Кесарийский описывает крайне враждебные отношения между населением Западной Армении и империей. После уничтожения власти армянских сатрапов Юстиниан превратил их земли в простую провинцию Византии, там были распространены общеимперские порядки и армянское население сатрапств и вообще Византийской Армении было превращено в рабов империи. Об этом говорит Прокопий Кесарийский устами Аршака Аршакида¹¹, того Аршака, который вместе со знаменитым Артаваном подготовил покушение на жизнь Юстиниана; об этом же говорили в 540 г. персидскому царю Хосрою восставшие против империи армяне во главе с нахараром Васаком¹².

В Гротта-Ферратской версии нет упоминания о сатрапах; что же касается «ἔθνη», то это слово встречается там трижды (I 65, I 67, IV 2094),

⁴ CJ, De off. mag. mil., I, 29, 5. О разнице в их числе подробно см. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 43—44.

⁵ CJ, De off. mag. mil., I, 29, 5.

⁶ Procop., De aedif., III, 1.

⁷ CTh., De aur. coron., XII, 13, 6.

⁸ См. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 29.

⁹ CJ, De off. mag. mil., I, 29, 5.

¹⁰ Procop., De aedif., III, 1.

¹¹ Procop., De Bel. Got., III, 32.

¹² Procop., De Bel. Pers., II, 3.

причем автор явно не знает, кто в действительности были «ἔθνη», и предполагает, что речь идет о нехристианах — арабах, которые в другом месте выступают как язычники — ἔθνηκος (IV 51).

В заключение хочу указать, что поскольку в версиях Андросской стихотворной, Андросской прозаической и Трапезундской имеется рассказ об Ангелі, о сатрапах и об «ἔθνη», а также упоминание павликианского центра Мананали — Ахайя¹³ и поскольку эти данные отсутствуют в версии Гротта-Ферратской, можно предположить, что автор их первоисточника был ближе к действительности Юго-Западной Армении, чем автор Гротта-Ферратской версии.

III. ГДЕ НАХОДИЛАСЬ АХАЙЯ?

Согласно Андросской стихотворной и Андросской прозаической версии¹ эпоса о Дигенисе Акрите, император Роман после встречи с героем Дигенисом на берегу реки Евфрат возвращается в Ахайю, где он побеждает своих врагов:

Καὶ χαίρων τότε μίσευσε στὰ μέρη Ἀχαΐας
πρὸς πόλεμον κατὰ ἐχθρῶν, καὶ νικητῆς ἐφάνη (A 2419—2420).

В парафразе Пасхали мы читаем, что после встречи император возвратился в Ахайю, потому что εἶχεν ἐκεῖ πόλεμον καὶ ἐνίκησεν τοὺς ἐχθρούς του... (П. 364, 32—34), из чего следует, что война с врагами в Ахайе шла и до этого.

По Андросской и Трапезундской версиям, император находился в Каппадокии с большим войском, предназначенным для войны против Μαγούλιων (A 2347—2348, T 1481—1482). В Гротта-Ферратской версии мы читаем, что император в тот момент, когда захотел повидать Дигениса,

ἔτυχε κατὰ Περσῶν ποιῶν τὴν ἐκστρατεῖαν
ἐν ἐκείνοις τοῖς μέρεσι ἐν οἷς ὁ παῖς διῆγεν (IV 975—976).

Встреча по всем версиям происходит на берегу Евфрата.

И под Μαγούλιοι, и под Πέρσαι, как известно, подразумеваются арабы.

Если быть строго последовательным, то нужно представить дело так: император (Василий он или Роман — здесь не важно) с большим войском находился в Каппадокии (или «в тех местах, где был Дигенис», т. е. на Евфрате), намереваясь отправиться на войну против арабов. По пути он пожелал встретить Дигениса; после встречи с ним на Евфрате он продолжает свой путь против врагов. Гротта-Ферратская версия не сообщает, куда направляется император. Андросская же указывает — в Ахайю; следовательно, именно там находились враги, которые названы Μαγούλιοι или Πέρσαι, т. е. арабы.

Если допустить, что речь идет об Ахайе в Пелопоннесе, то подобное путешествие императора выглядит совершенно абсурдным. Чтобы оказаться в Пелопоннесе, достаточно просто проплыть Эгейское море. Кроме того, из источников неизвестно, чтобы императоры Василий или Роман воевали против арабов в Ахайе Пелопоннесской.

Нужно признаться, что эпос создает впечатление, будто Ахайя находится рядом с Евфратом. Однако нам известна только Ахайя в Северном Пелопоннесе, и именно там видели ее исследователи эпоса. Например,

¹³ См. ниже.

¹ Следовательно, и в Трапезундской версии, но в этом месте там лакуна.

П. Калонарос считает, что здесь идет речь о франкском принципате Ахайе, что в эпосе отражены войны византийцев против латинян Мореи и что упоминание Ахайи очень важно, так как может помочь датировке Трапезундской, Андросской стихотворной, Андросской прозаической и даже Эскуриальской версий².

Но франки обосновались в Ахайе не раньше 1205 г., что выходит за рамки царствования не только Романа I Лакапина, но даже последнего Романа IV Диогена (1067—1071 гг.); кроме того, как мы видели выше, эпос имеет в виду арабов, а не франков.

Еще арменоведом и византиноведом Николаем Адонцем была высказана основанная на множестве фактов гипотеза о том, что ядро византийской эпопеи было создано в среде еретиков-павликиан³. Эта гипотеза была принята и далее развита известным бельгийским византиноведом А. Грегуаром⁴, много лет посвятившим изучению как эпоса, так и павликианского движения, а также другими византиноведами. Несмотря на то, что против этой гипотезы было высказано и немало возражений, полностью игнорировать роль павликиан в создании эпоса вряд ли верно. История павликиан проливает, в частности, свет на локализацию Ἀχαΐα эпоса. Она действительно находилась рядом с Евфратом. В чем же дело?

С самого возникновения ереси павликиан еретики всячески старались показать свою приверженность апостолу Павлу. Даже свое наименование — «павликиане» они связывали с именем апостола Павла. От первого ересиарха — Константина — до последнего — Сергия — ересиархи присваивали себе имена учеников апостола Павла (известны ересиархи павликиан Сильван, Тимофей, Тит, Эпафродит, Тихик и т. д.). Наконец, своим общинам павликиане также давали названия общин, основанных апостолом Павлом. Мы встречаем у них общины, которые носят названия Македония, Ахайя, Филиппийцев, Лаодикийцев, Ефессян, Колоссян. Об общине Ахайя мы читаем у Георгия Монаха следующее: λέγουσι δὲ (οἱ Παυλικιανοί) καὶ ἐξ ἐκκλησίας ἐν τῇ ὁμολογίᾳ αὐτῶν τὴν Ἀχαΐαν, ἥτις ἐστὶ χώρα Σαμωσάτου ἢ Μανανάλις ἣν ἐμαθήτευσε Γενέσιος ὁ καὶ Τιμόθεος⁵.

Следовательно, Мананали — это Ахайя. Мананали названа χώρα — деревней, но давно доказано, что здесь подразумевается область Мананали армянских первоисточников⁶. Она находилась на арабско-византийской границе — ἀκρὰ и все время переходила из одних рук в другие. Границей этой области был как раз Евфрат.

В Мананали — Ахайе действовал ересиарх Гегнесий — Тимофей. Время его деятельности хорошо известно — это первая половина VIII в. Но Мананали был центром павликиан еще долгое время спустя после Гегнесия. Петр Сицилийский пишет, что даже в его время, во время написания им трактата против павликиан (869 г.), Мананали продолжала оставаться крупным центром павликиан: Мананали «μέχρι τοῦ νῦν Μανιχαίους (т. е. павликиан) ἐκτρέφει⁷. Следовательно, еще во второй половине IX в. павликиане должны были именовать Мананали Ахайей.

² Βασίλειος Διγενῆς Ἀκρίτας. Τὰ ἔμμετρα κείμενα Ἀθηνῶν (πρῶτην Ἰαννουαρίου, μετὰ συμπληρώσεων καὶ παραλλαγῶν ἐκ τῆς διασκευῆς Τραπεζούντος) Κρυπτοφέρρης καὶ Ἐσχοριάλ, ἐκδόσεις... Π. Καλονάρου, τ. Α'. Ἀθήναι, 1941, σελ. 133—134, ὑπόσημ.

³ N. Adontz. Les fonds historiques de l'épopée byzantine. — BZ, Bd. XXIX — XXX, 1929—1930.

⁴ H. Grégoire. Ὁ Διγενῆς Ἀκρίτας. Ἡ Βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴ ποίηση. New York, 1942.

⁵ Georgii Monachi. Chronicon, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1904, p. 720—721.

⁶ E. Honigmann. Die Ostgrenzen des Byzantinischen Reiches von 363. bis 1071. nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1935, S. 192.

⁷ Petri Siculi. Historia. — PG, t. 104, col. 1276.

Это ясно видно также из посланий крупнейшего павликианского ересиарха Сергия — Тихика (умер в 835 г.). В одном из этих посланий, дошедших до нас в труде Петра Сицилийского, мы читаем: "Ἐτι δὲ λέγω, τὴν ἐν Κορίνθῳ ἐκκλησίαν φηρομένην Παῦλος... Καὶ Ἀχαΐαν ἀνιστόρησε Τιμόθεος λέγει δὲ τὴν Μανανάλιν· καὶ τὸν Γεργέσιον, Τιμόθεον ὀνομάζει, τὸν ὄντως Θεμόθεον⁸."

Сам Сергий не считал нужным давать какое-либо пояснение наименованию Ахайя — оно прочно укоренилось среди павликиан и было для них понятно.

Мананали был центром еретиков (тондракитов), как видно из «Повествования» армянского историка XI в. Аристарха Ластивертци, также в X—XI вв.⁹, а тондракиты были не что иное, как павликиане в сугубо армянской действительности, и, по всей вероятности, еретики продолжали называть Мананали Ахайей еще много времени спустя после IX в.

В эпосе, как мы видели выше, говорится о том, что император Роман пошел в Ахайю продолжать борьбу с врагами, которых он и победил. Исследователи полагают, что это был Роман I Лакапин. Следовательно, Роман I Лакапин отправился воевать в Ахайю — Мананали против арабов. Это вполне соответствует действительности. Из византийских и армянских источников известно, что царствование императора Романа I Лакапина связано с упорной борьбой против арабов, проходившей с большим успехом для Византии.

Результатом этой борьбы было завоевание множества пограничных областей, в том числе и Мананали — Ахайи, и их включение в состав Византийской империи. Вот об этой победе против арабов и говорится в эпосе о Дигенисе Акрите.

Итак, Ахайю нужно искать не в Пелопоннесе, а на Востоке Византии. Ахайя — это крупный центр павликианских еретиков, область Мананали.

IV. ОБ ИМПЕРАТОРЕ «НИКИФОРЕ»

Как известно, во всех версиях византийского эпоса о Дигенисе Акрите имеется упоминание о встрече Дигениса с византийским императором на берегу реки Евфрата. В Гротта-Ферратской версии имя императора — Василий¹, в версиях Трапезундской, Андросской стихотворной, Андросской прозаической, Оксфордской имя императора — Роман².

Однако в Андросской стихотворной версии (стр. 4344), Трапезундской (стр. 3110), а также в Андросской прозаической версии, которые по происхождению относятся к одному и тому же первоисточнику, упоминается один-единственный раз и имя императора Никифора.

Все исследователи пришли к выводу, что это место эпоса — вставка, а так как имя Никифор носил ряд византийских императоров, одни считали, что имеется в виду Никифор II Фока, другие — Никифор III Вотаниат, и, в соответствии с временем царствования того или другого императора Никифора, датировали эту вставку³.

⁸ Ibid., col. 1297.

⁹ Повествование Аристарха Ластивертци. Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашян. Ереван, 1963, гл. 23.

¹ Одни исследователи под ним подразумевают Василия I, другие — Василия II. Статьи, в древнерусской версии эпоса о Дигенисе, в Девгениевом деянии, имя императора также Василий.

² По мнению исследователей, это был Роман I Лакапин.

³ H. Grégoire. Le tombeau et la date de Digenis Akritas (Samosate, vers 940 après J. C.). — Byz., VI (1931), p. 495—496; Κυριακίδου. Рец. на вышеупомянутую статью А. Грегуара. — «Λαογραφία», I, σελ. 624, 658 (цит. по: Βασιλείος Διγενής Ακρίτας, εκδ. Π. Καλονάρου, т. Α'. Ἀθήναι, 1941, σελ. 237, ὁποσημ.); H. Grégoire.

Однако из текста совершенно не видно, что в данном месте мы имеем дело со вставкой, и упоминание в эпосе императора Никифора основано на простом недоразумении.

Император Роман в Трапезундской, Андросской стихотворной, Андросской прозаической, т. е. в тех версиях, где один раз упомянут Никифор, неоднократно наделяется следующими эпитетами:

Ρωμανοῦ τοῦ πανευτυχοῦς

(A 1369);

Καὶ βασιλέα τὸν λαμπρὸν Ρωμανόν

(A 1663);

Ἐμοίως γὰρ καὶ βασιλεὺς ὁ μέγας τῶν Ρωμαίων
ὁ Ρωμανός ὁ πλούσιος καὶ νικητῆς ὁ μέγας

(A 2342—43);

καὶ χαίρων τότε μίσευσε σὰ μέρη Ἀχαΐας
πρὸς πόλεμον κατὰ ἐχθρῶν καὶ νικητῆς ἐφάνη

(A 2419—20);

τῷ βασιλεῖ τῷ Ρωμανῷ, τῷ μέγα τροπαιούχῳ

(A 3858).

Единственное упоминание об императоре Никифоре выглядит так:

Οὗ (т. е. τοῦ Διγενῆ) καὶ τὰ κατορθώματα ὁ βασιλεὺς ἀκούων

ὁ Νικηφόρος ὁ λαμπρός, ὁ μέγας τροπαιούχος

ὁ τῶν Ρωμαίων τὴν ἀρχὴν καλλίστως διοικήσας

μεγίστην ἄγαν δωρεῖν, πεπλουτισμένην μύλα

τοῦ Διγενῆ ἀπέστειλεν ἡμέραν καθ' ἡμέραν

(A 4343—4347).

Как можно видеть, автор поэмы прилагает к императору Никифору буквально те же эпитеты, что и к Роману (μέγας τροπαιούχος λαμπρός и т. д.). Рассказ о больших дарах, преподнесенных императором Никифором Дигенису, в основном совпадает с рассказом о дарах Романа Дигенису (A 2408 и сл.).

Нужно признаться, что упоминание императора Никифора выглядит совершенно неожиданным: от времени встречи Дигениса с Романом до упоминания Никифора прошло не столь много времени, чтобы автор эпоса мог считать само собой разумеющимся появление нового императора, а если даже это имело место, то, вероятнее всего, после неоднократного упоминания Романа, автор должен был как-нибудь указать на это обстоятельство.

В чем же недоразумение? Дело в том, что в строке 4344 Андросской версии, и в соответствующей Трапезундской и Андросской прозаической, речь идет не о каком-либо новом императоре, а о том же самом неоднократно упоминаемом императоре Романо-«победителе» (νικητῆς), «великом победителе» (νικητῆς ὁ μέγας), — с той разницей, что здесь вместо νικητῆς он назван νικηφόρος — «победоносный». В рукописях эпоса текст дается без заглавных букв, а издатели, по недоразумению предполагая, что имеется в виду император Никифор, простое прилагательное νικηφόρος, относящееся к императору Роману, превратили в имя собственное (Νικηφόρος), что и стало причиной многих недоразумений.

Данный текст мы исправляем так:

Οὗ καὶ τὰ κατορθώματα ὁ βασιλεὺς⁴ ἀκούων

ὁ νικηφόρος, ὁ λαμπρός, ὁ μέγας τροπαιούχος.

⁴ Ο Διγενής Ἀκρίτας. Ἡ Βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴ ποίηση. New York, 1942, p. 198; Digenes Akrites, edited with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato. Oxford, 1956, p. LX; Дигенис Акрит. Перевод, статьи и комментарии А. Я. Сыркина М., 1960, стр. 143, 145; В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962, стр. 33.

⁴ Т. е. император Роман.

ДИГЕНИСТИКА В КУРДСКОМ ЭПОСЕ О ЗЛАТОРУКОМ ХАНЕ?

872 год. Византийским войскам после многолетних и упорных сражений удастся разбить грозных еретиков-павликиан и преодолеть большую для Византии опасность на ее восточных границах. Столица еретиков, знаменитая Тефрика (Дивриги), превращается в руины; трагический конец постигает и опаснейшего врага Византии, вождя павликиан Хрисохира. Попав в осаду в местности Ватириахс, недалеко от Тефрики, он становится жертвой копыя предателя Пулада. Византийские воины отрубают голову Хрисохире и в качестве дара посылают византийскому императору Василию I Македонянину (867—886 гг.), который, желая отомстить грозному вождю еретиков, вонзает в нее три стрелы¹.

Война против еретиков была чрезмерно трудной для византийцев. Все началось после того, как на территории Византии начались суровые гонения павликиан и еретики были вынуждены перейти границу и найти убежище у арабов. Переход павликиан во главе с ересиархом Сергием на сторону арабов произошел, видимо, в начале 30-х годов IX века. Принял их эмир города Мелитены (Малатии) Омар ибн Абдаллах ал-Акта. Он отвел беженцам для жительства город Аргаус (Аргован), но затем павликиане построили еще ряд крепостей и городов, из которых самым крупным был город Тефрика, их столица².

Война еретиков против Византии приняла особенно большие масштабы при военачальниках павликиан Карбеасе, а после смерти последнего в 863 г. его зяте Хрисохире. Карбеас раньше служил в византийской армии и имел чин протомандатора, но после того, как при гонениях павликиан императрицей Феодорой был убит его отец, исповедавший веру еретиков, Карбеас был вынужден бежать и во главе с 5000 еретиков нашел убежище у арабов. Он лично представился арабскому халифу и заключил с ним военный союз против Византии³.

Хрисохир оказался более упорным и дерзким. Он со своими войсками дошел до Никии и Никомидии, даже до Эфеса, где превратил церковь св. Иоанна Предтечи в конюшню для своих лошадей. Император Василий I Македонянин обратился к нему с призывом прекратить войну, но получил гордый ответ, засвидетельствованный в «Истории» Генесия, что если он желает мира, то должен отказаться от своих восточных владений, иначе павликиане постараются свергнуть его с престола⁴.

¹ Theophanes Continuatus, Bonnae, 1838, pp. 271—276.

² Petri Siculi Historia Manichaeorum, Migné, Patrologia graeca, t. 104, cap. XLII.

³ Theophanes Continuatus, p. 166—167.

⁴ Genesis Regum, Bonnae, 1834, p. 121—122.

Карбеас и Хрисохир, как и мелитенский эмир Омар ибн Абдаллах ал-Акта, долго воспевались как еретиками, так и арабами, и не случайно что они нашли свое отражение в знаменитом византийском эпосе о Дигенисе Акрите. Дедом главного героя, Дигениса, был Хрисохир, а прадедом его—мелитенский эмир Омар ибн Абдаллах ал-Акта. Что касается Карбеаса, то он также упомянут в эпосе. Он выступает в нем в качестве дяди отца Дигениса.

Два крупных византиноведа — армянин Н. Адонц и бельгиец А. Грегуар—доказали, что византийский эпос был создан в среде еретиков-павликиан, и для подтверждения своего тезиса они привели немало серьезных аргументов⁵. Как ни сильна была реакция ряда других византиноведов против этого тезиса⁶, дальнейшие исследования выявили новые факты в пользу предположения Н. Адонца и А. Грегуара⁷.

В сражениях павликиан и арабов против византийцев принимали участие, по всей вероятности, и курды. Об этом можно догадаться по свидетельству Продолжателя Феофана (X век). Вот что он пишет, описывая события 873 года:

«Оттуда он (т. е. Василий I Македонянин.—Р. Б.), перейдя гору Аргей (теперь Эрджиас даг) и дойдя до Кесарии, получил из Колонии и Лула благие вести о победах, за которыми следовали и вещественные доказательства—множество трофеев и военнопленных—и из крепостей Тарса, и из манихейских (т. е. павликианских.—Р. Б.) городов. Сюда была привезена и большая толпа курдов (πλειστον ὄχλον τῶν Κοῦρτων), которую царь приказал зарезать..., так как войско было очень обременено (добычей) и царь не хотел иметь обузу»⁸.

То обстоятельство, что курды были взяты в плен, говорит о том, что они оказали сопротивление империи, а в это время они могли воевать против Византии только в союзе с павликианами и арабами, следовательно, курды имели связи с павликианами, возглавляемыми Карбеасом и Хрисохиром, а также с арабами во главе с Омаром ибн Абдаллах ал-Акта. На этом основании можно утверждать, что павликианский эпос о Дигенисе Акрите, где воспевались Карбеас и Хрисохир, с одной стороны, и мелитенский эмир Омар ибн Абдаллах ал-Акта—с другой, не был для курдов чуждым и незнакомым⁹.

⁵ N. Adontz, Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digénis Akritis. Etudes arméno-byzantines. Lisbonne, 1965, p. 16 sqq.; H. Grégoire, «Ο Διγένης Ἀκρίτας», «Н βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴ ποίηση», New York, 1942, p. 74.

⁶ Digenes Akrites, Edited with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato, Oxford, 1956, p. Ixiv sq.

⁷ См. Р. М. Бартиян, Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите, Византийский Временник, том XXV, 1964, стр. 148—160.

⁸ Theophanes Continuatus, p. 283.

⁹ Мы имеем определенные данные о том, что древние легенды и песни, распространенные среди живущих на данной территории армян, были знакомы и курдам. Мы имеем в виду легенду о Торке-Ангеле, о чем упоминает курдский историк Шереф эд-дин (см. Р. М. Бартиян, Отклики легенды о Торке (Турке) Ангеле в «Шереф наме», Историко-филологический журнал Академии наук Арм. ССР, № 2, 1963; его же, «Замет-

* * *

Теперь перейдем к народному эпосу курдов.

Среди населяющих районы Среднего и Ближнего Востока курдов широко распространен эпос о Златоруком хане, о построенной им недалеко от озера Урмия крепости Дымдым. Он поется и в наши дни, но впервые опубликован в 1860 г. А. Жаба¹⁰, русским консулом в Эрзеруме. Несмотря на множество версий эпоса, его костяк в основном един, а содержание довольно просто. События, описанные в эпосе, происходят во времена иранского шаха Исмаила (1502—1524 гг.). Тогда же, говорится в эпосе, жил и хан Абдал, владетель крепости Дымдым. «Он был молод и красив, поэтому его прозвали Златоруком». Против Абдал-хана борется некий перс по имени Аскерхан из провинции Марага. Абдал-хан просит помощи от турецкого паши Вана, но не получает ее. Борьба кончается поражением курдов и гибелью крепости Дымдым.

Интересным в этой версии является то, что Абдал-хан назван Златоруком лишь по причине того, что он был «молод и красив». Сказитель этой версии не знает объяснения, которое дают прозвищу другие. Обращает на себя внимание и то, что эта, записанная Жаба версия является единственной, которая относит события ко времени шаха Исмаила. Во всех остальных версиях в качестве шаха выступает Аббас.

По версии, опубликованной А. Социным¹¹ в 1890 г., Златорукий хан, имя которого Абдал бек, был вскормлен шахом и стал его верным слугой. Имя шаха упоминается всего один раз, шах Аббас. Хан получает от шаха землю и строит себе крепость Дымдым. Вскоре между Абдал бекком и шах Аббасом возникает острый конфликт. Златорукий хан борется саблей и щитом против 32 ханов шаха. Во время осады крепости с помощью предателя курда Махмуда Алакани персы разрушают водопровод, снабжающий крепость водой. Курды, чтобы не попасть живыми в руки врага, решают взорвать крепость.

Как видно, сказитель и этой версии не знает о том, что у Абдал бека одна рука, хотя и именуется его Златоруком.

По версии, записанной в 1943 году Г. Джиди¹², «хан курдов», имя которого не упомянуто, желая покончить с жизнью бродяги, отправляется к персидскому шаху, имя которого также не упоминается, и поступает к нему на службу в качестве табунщика. Однажды он, защищая шахских коней от грабителей, теряет руку. Шах велит изготовить для него золотую

ки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите», Византийский Временник, том XXV, 1964). Среди курдов распространен и армянский эпос о Давиде Сасунском (Давите Сасуни) (см. О. Джалилов, О некоторых вопросах курдского народного творчества, Историко-филологический журнал, № 4, 1960, стр. 202), который имеет много общего с византийским эпосом о Дигенисе Акрите.

¹⁰ Recueil de notices et récits kourdes, servant à la connaissance de la langue de la littérature et des tribus du Kourdistan, SPb, 1860.

¹¹ A. Socin, Kurdische Sammlungen.

¹² Курдский фольклор, Запись, перевод, предисловие и примечания Г. Джиди, Ереван, 1947 (на армянском языке).

руку. Затем по просьбе хана шах выделил ему участок земли в районе Дымдыма, где он строит свою крепость, а строителям по окончании работ отрубает головы. Хан пощадил только Махмуда Малагани, который был ему близок. Начинается война между ханом курдов и шахом, которая длится семь лет. Махмуд Малагани становится предателем и сообщает персам местонахождение водопровода. Курдам не хватает воды, но они продолжают бороться. Сказитель говорит, что война продолжается и что крепость Дымдым до сих пор в руках курдов.

По версиям, записанным О. Джалиловым¹³, Златорукий, или Однорукий хан, после долгих странствований по Турции и Ирану, поступает на службу к шаху Аббасу табунщиком. Во время борьбы с грабителями хан теряет руку. По другой, записанной тем же О. Джалиловым версии, хан был слугой эмира города Амедийе и искусным строителем. По приказу эмира он строит минарет, но по окончании постройки эмир отрубает хану руку, чтобы тот не строил больше минареты. После лишения руки, хан отправляется в Мосул¹⁴, делает себе золотую руку, которая впоследствии с помощью бога оживилась. С этого времени хан, имя которого в этой версии не упоминается, стал называться Златоруким и одновременно Одноруким. Продолжение этих версий тождественно с данными версии, записанной Социным.

Курдоведы считают¹⁵, что в эпосе отражены исторические события, происшедшие в начале XVII века, а именно волнения курдов-сунитов, населявших территорию крепости Дымдым в районе Мергавера (Урмия, в Иране), против персидского шаха Аббаса. Как известно, этому восстанию посвятил много страниц в своем сочинении „Тарих-е Аламāра-е Аббаси» персидский историк XVII века Искендер бек Туркмен. По его данным, восстание возглавили берадостский князь Эмир-хан¹⁶ и мукринский хан Абдал. Историк пишет, что Эмир-хан до того, как порвал отношения с персидским шахом Аббасом, служил у него и в одной битве потерял свою руку, после чего стал именоваться Эмир-хан Чолах, т. е. Однорукий. Шах сделал для него золотой протез, украшенный драгоценными камнями. Эмир-хан просит у шаха Аббаса землю, на которой строит свою крепость Дымдым. Но скоро возникает большая вражда между

¹³ Приношу большую благодарность курдоведу О. Джалилову, любезно предоставившему мне свои записи эпоса.

¹⁴ Шереф эд-дин под 1507—1508 гг. в качестве вали Днарбекира упоминает «Мосульского Эмир-хана», который был в отличных отношениях с шахом Исмаилом. См. Chèref-Nâneh ou Fastes de la nation kourde par Chèref-ou'ddîne, Prince de Bidlis, traduits du Persan et commentés par F. V. Charmony, t. II, 1, St.-Petersbourg, 1873, p. 518.

¹⁵ См. О. Джалилов. Историческая канва курдского героического эпоса «Златорукий хан». Известия Академии наук Арм. ССР, № 10, 1960, стр. 53—64; его же, Курдский героический эпос «Златорукий хан» (Дымдым), Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград, 1961, стр. 8—11.

¹⁶ Не лишнее сказать, что «Эмир-хан» не имя, а титул. У Шереф эд-дина упоминается поименно несколько «Эмир-хан»-ов, живших в разное время. См. Chèref-Nâneh, t. II, 1, pp. 287, 536 etc.

Эмир-ханом и персидским шахом, вылившаяся в долголетнюю войну, которая окончилась поражением Эмир-хана. Искендер-бек подробно описывает военные действия и поражение курдов¹⁷.

У меня нет никаких сомнений, что в историческом труде Искендер бека Туркмена, по крайней мере в рассказе о золотой руке Эмир-хана и в описании отдельных сторон его биографии, имеется большая доля народного сказа. Убедиться в этом не так уж трудно, если принять во внимание то обстоятельство, что мне удалось найти в истории курдов точно такого же Златорукого хана, с точно такой же, как у Эмир-хана, биографией, с той только разницей, что он жил ровно за столетие до Златорукого Эмир-хана.

Шереф эд-дин Битлиси написал свою знаменитую «Историю курдов» — «Шереф наме» — в 1597—1598 гг. О дымдымском восстании и о его вожде — Златоруком Эмир-хане он, разумеется, не мог знать. Но он повествует о следующем.

После упразднения государства Ак-Коюнлу (1501 г.) курдский Шех-Сувар-бек, сын Хусейна Али-бека из рода Пазуки, отправляет своего сына Халед бека на службу к сефевидскому шаху Исмаилу. В одной битве Халед бек блеснул своим мужеством и хладнокровием, но потерял руку. Шах Исмаил сделал для него золотую руку, вместо ампутированной, после чего он стал называться Чолах Халед, т. е. Халед Однорукий (точно так, как у Искендер-бека Туркмена назван Эмир-хан — Чолах). С этого времени он стал любимцем шаха и получил от него в дар области Хнус, Маназкерт и Муш. Чолах Халед бек стремится к независимости, желая создать собственное государство — султанат. Он стал имеповаться в «Хутбе»¹⁸ и даже решился чеканить собственную монету. Наконец, он порвал отношения с кызылбашами (персами) и подчинился турецкому султану Селиму (1512—1520 гг.), принял участие в знаменитой битве в Чалдыране (1514 г.) на стороне турок, но по возвращении был казнен¹⁹.

Итак, не подлежит сомнению, что перед нами тот же самый образ Златорукого хана. Это может подтвердить и эпос, ведь в варианте, записанном Жаба, действия происходят именно во времена шаха Исмаила! И здесь вряд ли мы имеем дело с анахронизмом, как думают курдоведы. И если тот же самый образ начала XVI века появился столетие спустя, то мы имеем полное право предположить, что не исключен и праобраз героя XVI века. Наше предположение становится более правдоподобным, если принять во внимание и другое обстоятельство. В версии, опубли-

¹⁷ Искендер-бек Туркмен. Тарих-е Аламāра-е Аббаси, Тегеран, 1335 (1957), стр. 791—797. Относящиеся к теме страницы перевел для меня с персидского иранист А. Папазян.

¹⁸ «Хутба» — мусульманская молитва, которая читается первой во время пятничной службы; в хутбе воздается хвала богу, Мухаммеду и упоминается имя правящего государя. См. «Книга моего деда Коркута, Огузский героический эпос», перевод акад. В. В. Бартольда, издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов, М.—Л., 1962, стр. 260. В данном случае в молитве упоминался Халед бек.

¹⁹ Chèref-Nâneh, t. II, 1, p. 192—193.

ликованной Жаба, как и в других неопубликованных версиях курдского эпоса его коллекции, говорится, что курдские поэты Факие Тайран (1302—1375 гг.) и Малла Бате (1417—1497 гг.) сочинили поэму о Златоруком хане. А ведь эти поэты жили от 50 до 250 лет раньше дымдымских событий. О. Джалилов, будучи убежденным, что эпос отражает события исключительно начала XVII века, пишет: «Опубликованный (Жаба.—Р. Б.) вариант в прозе и варианты в коллекции не могут принадлежать перу этих авторов (т. е. Факие Тайрана и Малла Бате—Р. Б.), так как они жили за 100—150 лет (sic!) до событий, описанных в эпосе. Нам кажется, продолжает он, что стихотворный вариант «Сказания о битве за крепость Дымдым с кызылбашами, сочиненное Факие Тайраном», принадлежит последователю литературной школы или направления Факие Тайрана, жившему во времена исторического события или знавшему об этом со слов других»²⁰.

«История» Шереф эд-дина не говорит в пользу предположения О. Джалилова, а наоборот, подтверждает то, что названные курдские поэты действительно сложили поэму о Златоруком хане задолго до дымдымского восстания 1608—1610 гг., даже задолго до Златорукого Халедбека Шереф эд-дина. Следовательно, можно прийти к выводу, что Шереф эд-дин находится в том положении, что и Искендер бек Туркмен, т. е. пишет историю о Златоруком герое, широко используя народный фольклор, песни народа, восхваляющие некоего Однорукого-Златорукого героя. Образ этого героя в течение веков переходил от одной знаменитой в истории курдов личности к другой²¹.

Но кто же праобраз Златорукого героя?

Выше было упомянуто об эмире города Мелитены Омаре ибн Абдаллах ал-Акта, грозном противнике Византии и его союзниках павликианинах Карбеасе и Хресохире, об исторических персонажах, ставших легендарными и воспетыми как в византийском, так и арабском эпосах. Что означает прозвище ал-Акта? Именно «Однорукий». Из византийских авторов Петр Сицилийский, который был современником эмира, называет его *Μονοχέρης*²² (Однорукий, Чолах по терминологии Шереф эд-дина и Искендер бека). А что означает имя его союзника, грозного павликианского вождя—Хресохир? Именно «Златорукий». Абдал бек отказывается от короны, посланной ему шахом, эпический Хресохир отказывается от звания патрикия, которое предлагал ему византийский император. Абдал бека предает Мухамед Алакани, подобно тому как предает Хресохира—Пулад, самый близкий ему человек. Голову Хресохиру (т. е. Златорукому) отрубают и посылают в подарок Василию I, и го-

²⁰ О. Джалилов, Курдский героический эпос..., стр. 6.

²¹ Н. Марр писал, что сюжеты героических песен курдов все время обновлялись. См. Н. Марр. Еще о слове «Челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии), Отдельный оттиск из «Записок Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества», т. XX, 1911, стр. 30.

²² Petri Siculi, op. cit., cap. XLI. В «Песне об Армурисе», считающейся ядром эпоса о Дигенисе, эмир Омар назван *Κοιτοχέρης* (см. Н. Grégoire, ук. соч., стр. 203, 209). Данное прозвище как нельзя лучше соответствует персидскому «Чолах».

лову Златорукого Эмир-хана тоже отрубают и посылают в подарок шаху Аббасу.

Случайны ли все эти совпадения? Думается, что нет. Все вышеупомянутое говорит о том, что важные события, происшедшие в Западной Армении в 60—70-х годах IX столетия, события, которые коснулись также и курдов, оставили память о себе не только у византийцев, армян и арабов, но и живущих там курдов. Песни о храбрости и трагической гибели исторического Омара и Хресохира (Златорукого) воспевались не только в среде еретиков армян и греков, в среде арабов, вражески относящихся к экспансии Византии, но и курдами. В курдском эпосе образы Однорукого эмира Мелитены и павликианина Хресохира-Златорукого отнесены к одной личности. И это понятно. Раз он златорукий, можно думать, что ему нехватает одной руки. Отсюда и легенда с потерей руки и о золотом протезе.

Исторический Хресохир, разумеется, не был одноруким, у него была золотая рука не в прямом смысле слова, а в переносном. Но среди простого народа его имя было объяснено именно в прямом смысле и, понятно, нужно было определить, когда и при каких обстоятельствах он ее потерял, кто ему дал «золотую руку». Каждый давал свое объяснение, поэтому в разных версиях курдского эпоса рассказ об этом дается по-разному.

Из всего сказанного, разумеется, нельзя сделать вывод, что курды в IX веке исповедывали веру павликиан. Но могли ли курды иметь что-либо общее с павликианами в идеологическом аспекте? Такая возможность, оказывается, не исключена. Еще в 1850 году известный немецкий богослов Август Неандер сделал попытку сличить идеологию богомилов с религией курдов-иезидов²³. Н. Марр, 60 лет спустя, находил много общего между идеологией павликиан и религиозным учением иезидов²⁴ и это обстоятельство, может быть, сыграло немаловажную роль в сближении еретиков-павликиан и живущих в соседстве с ними курдов в борьбе против византийской экспансии на Востоке.

Принимая в основном выводы О. Джалилова о том, что в курдском эпосе о Златоруком хане, в том виде, в котором он дошел до нас, отражены волнения 1608—1610 гг., считаю необходимым отметить, что в нем имеются многовековые напластования, что его ядро образовалось намного раньше, чем вспыхнуло дымдымское восстание, а именно в конце IX века. Задача курдоведов выявить эти многовековые напластования, указать к какому времени относится то или другое, описанное в эпосе событие, та или другая личность, воспевающаяся в нем, определить, например, что относится к эпохе шаха Аббаса, что к эпохе шаха Исмаила, что к предыдущему времени и что, наконец, осталось от первоначальной версии.

И в заключение хочу подчеркнуть, что я далек от мысли считать первоначальную версию эпоса о Златоруком хане византийским эпосом

²³ Н. Марр, ук. соч., стр. 33—36.

²⁴ Там же, стр. 36.

в курдской среде. Нет! Эпос о Златоруком хане это курдский эпос, в первоначальной форме которого отразилась общая и для армян, и для арабов, и для византийцев действительность. Византийский эпос дошел до нас в письменном виде (древнейшая рукопись датируется XIV веком), поэтому он правильно отражает эпоху его создания. Курдский же эпос дошел до нас из уст народа, и это главная причина того, что он потерял свой первоначальный облик. Более новые, игравшие важное значение в жизни курдов события в эпосе стали вытеснять древность, но, как мы видели, не полностью.

И, наконец, видимо, мы не имеем права отказать чести видным курдским поэтам Факие Тайрану и Малла Бате в написании поэмы о Златоруком хане на основании песен, воспевающих его среди курдского народа. Вполне возможно, что они не прошли мимо этой замечательной темы, и дальнейшее исследование **стихотворных**, и именно **стихотворных** вариантов курдского эпоса с этой точки зрения возможно обогатит наши знания о литературном наследии этих поэтов, ибо не исключено, что отдельные, дошедшие до нас в эпосе стихи принадлежат именно их перу.

ЕРЕТИКИ АРЕВОРДИ («СЫНЫ СОЛНЦА») В АРМЕНИИ И МЕСОПОТАМИИ И ПОСЛАНИЕ АРМЯНСКОГО КАТОЛИКОСА НЕРСЕСА БЛАГОДАТНОГО

Среди многих еретических движений армянского средневековья определенное место занимает движение так называемых Ареворди — «сынов солнца», нашедшее распространение в Армении и Месопотамии главным образом в XI—XII вв., хотя упоминания о них и отдельные общины этих еретиков встречаются и в более позднее время.

О движении Ареворди у нас очень мало данных, и это одна из причин его недостаточной изученности. Другая причина незначительного интереса историков к этому движению в том, что, насколько известно из источников, оно не приняло того размаха и масштаба, как, например, павликианское и тондракитское движения, и не вылилось в открытую классовую борьбу против феодальных эксплуататоров. В известное нам время оно представляло собой еретическую секту. Но это обстоятельство не дает нам права игнорировать движение «сынов солнца», так как для более полного понимания социальной борьбы и борьбы идей в армянском средневековье, и не только в армянском, нужно исследовать все оппозиционные движения и идеи.

Кроме отдельных упоминаний в учебниках и монографических исследованиях по истории армянского народа и армянской церкви или же по истории армянских ересей у нас имеется всего лишь одна статья, специально посвященная этому движению, — статья Гр. Ванцяна, опубликованная еще в 1896 г.¹ Других исследований о движении, насколько нам известно, не имеется. Далее мы изложим разные мнения, высказанные исследователями о «сынах солнца», а также приведем те упоминания, которые встречаются у средневековых армянских авторов относительно указанных еретиков.

«Сыны солнца» впервые упоминаются в середине XI в. знаменитым армянским философом и военным деятелем Григорием Магистром. В его обширном ответном послании сирийскому католику в город Амиду относительно еретиков — павликиан и тондракитов, между прочим, мы читаем: «Вот и некоторые другие [еретики], зараженные магом Зрадаштом, [называющиеся] персидскими магами, и зараженные ими теперешние солнцепоклонники, которых называют Ареворди. В той области² их много, и они открыто сами себя называют христианами. Но мы знаем, что ты сведущ в их заблудшем и распутном образе жизни»³.

¹ Гр. Ванцян, *Вопрос об Ареворди*, — «h Аялес Амсорен», Вена, 1896, стр. 12—19. Гр. Ванцян в том же журнале венских мхитаристов (1901, № 2, стр. 42—44) опубликовал «Два слова об Ареворди», где отстаивает те же выводы, что и в вышеупомянутой статье.

² Речь идет о районе города Амида.

³ См. Р. Бартиян, *Ответное послание Григория Магистра Пахлавуну сирийскому католику*, — ПС, 1962, № 7, стр. 139.

После более чем столетнего молчания в источниках «сыны солнца» упоминаются армянским католиком Нерсесом Благодатным (1166—1173). Армянское духовенство и светские власти города Самосата обратились с письмом к католику, желая узнать порядок, по которому они должны принимать в лоно церкви еретиков — «сынов солнца», желающих отречься от своей ереси. В ответном послании, перевод которого приводится в конце этой статьи, католикос Нерсес дает им нужные указания и одновременно ценные сведения об идеях и представлениях «сынов солнца». Из этого послания видно, что движение «сынов солнца» было распространено кроме района города Амиды, о чем мы узнали из послания Григория Магистра, также и в городе Самосата, возможно и в пределах армянского княжества Рубенидов в Киликийской Армении, ибо, как пишет католикос Нерсес, «и к нам явились люди от них и поведали ту же просьбу». Католикос Нерсес прямо указывает, что «сыны солнца» армянского происхождения, что они почитают солнце, считая его «чем-то иным», а также тополь, учитывая, что древо креста Христова сделано из тополя.

В послании Нерсеса Благодатного важно указание об испорченности армянского духовенства, с которого новообращенные не должны были брать пример. Важно также упоминание тяжелого бремени «даров», которые должны были приносить церкви верующие за совершение таинств крещения, исповеди, причастия, погребения и т. д. Так как эти «дары» могли быть препятствием при обращении «сынов солнца» в православие, католикос Нерсес советует не брать их от новообращенных принудительно, а оставить этот вопрос на их усмотрение. Это указание свидетельствует о том, что борьба против совершения церковных таинств, засвидетельствованная и у других еретиков, кроме идеологических причин имела также экономические мотивы, она была связана со стремлением народных масс избавиться от уплаты определенной повинности.

«Сыны солнца» упоминаются и у автора XII в., составителя церковных правил, Давида, сына Алавика. Он пишет: «Павликиане, или мессалиане, — это племя Ареворди»⁴, т. е. он недвусмысленно под Ареворди подразумевает еретиков.

Еретики Ареворди упоминаются и в послании римскому папе армянского католикоса Мхитара. Он пишет, что тогда (т. е. в середине XIV в.) в Маназкерте были Ареворди⁵.

В том же XIV в. ряд подробностей о «сынах солнца» сообщает Мхитар Апаранци. Он свидетельствует: «Есть и некоторые армяне, говорящие по-армянски, поклоняющиеся солнцу, и называются они Ареворди. Они не имеют ни писем, ни письменности, а отцы учат детей своих по преданиям, по которым учились их предки от мага Зрадашта, главы капища. Они поклоняются солнцу, обернувшись лицом к нему, почитают дерево — тополь, а из цветов — лилию, хлопок и другие, которые всегда лицом обращены⁶ к солнцу. Они себя считают похожими на них [цветы] верой и делами возвышенными и благоухающими, совершают жертвоприношения [ради спасения души] умерших и приносят все [церковные]

⁴ См. Л. Алишан, *Древние верования или языческая религия армян*, Венеция, 1910, стр. 102 (на арм. яз.). Первоначально издано в 1894 г. в журнале венецианских мхитаристов «Базмавэп», т. 52. Об Ареворди Алишан писал и в своем раннем исследовании «Нерсес Благодатный и его время», Венеция, 1873, стр. 399—404.

⁵ Л. Алишан, *Древние верования*, . . . , стр. 102.

⁶ Несомненно, этих «сынов солнца» имел в виду видный армянский деятель права и баснописец Мхитар Гош (умер в 1213 г.) в своей басне о солнечном цветке: «Цветок камыша и подобные ему были обвинены, что они солнцепоклонники. А он, воздев свои руки к солнцу, солнцем поклялся: „Я не солнцепоклонник“»; см. И. А. Орбели, *Басни средневековой Армении*, М.—Л., 1956, стр. 23, 70.

подати армянскому иерею. Их предводитель называется хазырпет⁷, и каждый год дважды или чаще все — мужчины и женщины, сыны и дочери — собираются в очень темное время в одном скрытом месте⁸ и обнажаются, а хазырпет читает им [проповедь] и звенит»⁹.

В конце XIV в. армянский историк Фома Мецопеди, описывая вторжение Тамерлана в 1395 г. в Месопотамию, между прочим сообщает: «и пришел он [т. е. Тамерлан.—Р. Б.] в Мердин¹⁰, разрушил город. . . а также четыре селения идолопоклонников Ареворди — Шол, Шымрах, Сафари и Мараши — до основания. Но затем они кознями сатаны снова умножились в Мердине и Амиде»¹¹.

Наконец, из жития Путаха Амидского (принял мученичество в 1524 г.) узнаем, что Путах был сыном еретика-Ареворди, а его мать была из города Марага. Отец и брат Путаха ходили в церковь иаковитов, а Путах — в церковь армян, хотя он не знал армянского языка, а лишь арабский, персидский и турецкий¹².

На основании этих сведений можно определить следующие районы распространения ереси «сынов солнца»: города Маназкерт, Амиды и его область, Самосата, Мердин, возможно и Киликия. Учитывая подобный ареал распространения ереси, можно предположить, что она была распространена не только среди армян, но, возможно, и среди сирийцев.

Прежде чем остановиться на статье Гр. Ванцяна — единственной работе, специально посвященной движению «сынов солнца», считаем необходимым привести мнения ряда арменоведов, частично затрагивавших ересь Ареворди в связи со своими исследованиями в области истории Армении и истории армянской церкви.

Михаил Чамчян в своей объемистой «Истории Армении» еретиков-Ареворди считает язычниками, жившими еще во время Григория Просветителя в отдельных пограничных селениях Армении, где обитало смешанное население — армяне и другие народы. Еретики, которых, по данным Мовсеса Хоренаци, преследовал Месроп Маштоц в V в., Чамчян принимает за Ареворди и считает их не армянами, а выходцами из других народов, к которым примкнули некоторые из армян¹³.

Другой армянский историк — Б. Саргсян в исследовании, посвященном истории манихейской, павликианской и тондракитской ересей в Армении, считает, что Ареворди по происхождению связаны с манихеями и встречались в Армении гораздо раньше, чем о них упоминают авторы XI и последующих веков¹⁴.

Карапет Тер-Мкртчян в своей книге о павликианах посвятил движению Ареворди отдельную главу, в которой он говорит о том, что Аре-

⁷ То есть хазарпет. Персидский титул, имевший распространение и в Древней Армении, где хазарпетами назывались те лица в государстве, которые ведали финансами. В армянском переводе Нового завета хазарпет соответствует греческому οἰκονόμος. Подробнее о нем см. А. Манандян, *Феодализм в Древней Армении*, Ереван, 1934, стр. 69—73.

⁸ Букв. 'в яме'.

⁹ См. Л. Алишан, *Армянские историки и истории*, Венеция, 1901, стр. 551—552 (на др.-армян. яз.).

¹⁰ Город в Месопотамии, южнее Амиды, на дороге от Эдессы в Нисибин.

¹¹ Фома Мецопеди, *История Тамерлана и его преемников*, изд. К. Шахназаряна, Париж, 1860, стр. 45 (на др.-арм. яз.).

¹² См. «Новые армянские мученики (1155—1843)», изд. А. Манандяна и Г. Ачаряна, Валаршапат, 1903, стр. 360 и сл. (на др.-арм. яз.).

¹³ М. Чамчян, *История Армении*, т. I, Венеция, 1784, стр. 398, 766; т. III, стр. 86—87 (на др.-арм. яз.).

¹⁴ Б. Саргсян, *Исследование о ереси манихейско-павликианских тондракитов*, Венеция, 1893, стр. 31—32 (на арм. яз.).

ворди ничего общего с павликианами и тондракитами не имеют, но, возможно, временами общались с ними и испытывали их влияние, но какое именно — неизвестно. Он считает Ареворди армянами-язычниками, которые попали под влияние вавилонской религии. К сообщению Фомы Мецопеци о том, что Ареворди после разгрома Тамерланом кознями сатаны снова умножились в Мердине и Амиде, Тер-Мкртчян подходит с сомнением, предполагая, что названный автор под Ареворди мог иметь в виду не Ареворди Нерсеса Благодатного, а теперешних курдов-езидов¹⁵.

Английский арменовед Ф. Конибер находит, что Ареворди — это армянские манихеи и их секта в Армении возникла очень давно¹⁶, т. е. его заключение совпадает с заключением Б. Саргсяна.

Л. Алишан считает Ареворди солнцепоклонниками неизвестного происхождения, которые испытывали влияние павликиан и тондракитов. Они, по его мнению, существовали до XIX в. включительно¹⁷.

По мнению крупного историка армянской церкви М. Орманяна, Ареворди — это армянские еретики, подобные тондракитам, а поклонение солнцу, сатане и тополю приближает их к современным курдам-езидам¹⁸.

Другие высказывания современных арменоведов об Ареворди в той или иной мере повторяют упомянутые выше суждения, и поэтому не имеет смысла их приводить.

А теперь обратимся к работе Гр. Ванцяна. Он находит, что Ареворди не армяне и не еретики-христиане, у них совершенно другая вера, ибо они солнцепоклонники. Он считает, что под «магом Зрадаштом» Григорий Магистр подразумевает Зрадашта—Зороастра, пророка зороастрийской религии, и солнцепоклонство Ареворди, согласно его точке зрения, свидетельствует о близости последних с зороастризмом. Поэтому Ванцян считает очень сомнительными слова Григория Магистра: «а т е п е р ь¹⁹ отравленные ими (т. е. магами)», ибо нельзя допустить, пишет он, что до XI в. зороастризм достигал такой силы и размаха, что мог влиять на другие народы. Исходя из этого слова «теперь» Ванцян считает возможным, что до этого Ареворди имели другую религию, которая не очень отличалась от зороастризма; это, пишет он, культ растений, который остался у Ареворди до XIV в. Данные Давида, сына Алавика: «Павликиане, или месалиане, — это племя Ареворди», — Ванцян считает ошибочными. Давид, по его мнению, пользовался посланиями Григория Магистра, который, как и Давид, считает Ареворди не армянами, а отдельным племенем — «племенем Ареворди».

Относительно послания католика Нерсеса Ванцян пишет, что католикос не имел права считать Ареворди армянами, так как знал о них лишь по данным Григория Магистра и Давида, а также что «писания», упомянутые Нерсесом, могли быть только посланием Григория Магистра и трудом Давида. Данные Нерсеса Ванцян считает очень сомнительными. Он придает большое значение упоминанию Мхитара Апаранци о том, что Ареворди не имеют ни «письмен, ни письменности». Из этого Ванцян делает вывод: если Ареворди были армянами, они не могли не иметь письменности, следовательно, они не армяне. Он обосновывает свое предположение и тем, что ересь в рамках одной религии преследовалась очень сурово.

¹⁵ К. Ter-Mkrtschian, *Die Paulikianer im Byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien*, Leipzig, 1893, S. 101—103.

¹⁶ F. Conybeare, *The Key of Truth. A Manual of the Paulician Church in Armenia*, Oxford, 1898, p. CXXXII.

¹⁷ Л. Алишан, *Древние верования...*, стр. 100—104.

¹⁸ М. Орманян, *Азганатум (История армянской церкви)*, т. I, Константинополь, 1912, стлб. 1425—1426 (на арм. яз.).

¹⁹ Однако у Григория Магистра слово «теперь» приведено в смысле «теперешний».

в то время как представители одной религии были более веротерпимыми по отношению к исповедующим другую религию. Мы видим, пишет он, что армянская церковь вела непримиримую борьбу против тондракитов, ибо последние были армянскими еретиками; в то же время к Ареворди армянская церковь была очень терпима, что свидетельствует о том, что Ареворди не армяне.

Резюмируя свою работу о «сынах солнца», Ванцян делает следующие выводы: 1) Ареворди не армяне; 2) они не еретики-христиане; 3) их религию нельзя отождествлять с зороастризмом; 4) имеющихся данных недостаточно, чтобы определить их происхождение²⁰.

Таким образом, исходной точкой для Ванцяна являются не источники, а его предвзятые выводы. То, что не соответствует его предположениям, он считает ошибочным, и оценка данных первоисточников у него носит произвольный характер.

У нас нет никаких оснований сомневаться в данных Нерсеса Благодатного и Мхитара Апаранци, считающих Ареворди армянскими еретиками. В связи с этим вряд ли верно предположение о том, что единственные источники Нерсеса Благодатного — это Григорий Магистр и Давид, сын Алавика. Человек, который имел личную связь с еретиками Ареворди, вряд ли довольствовался отдельными высказываниями упомянутых выше авторов. Мы также считаем, что Ванцян неправильно понял высказывание Мхитара Апаранци: у них «нет ни письмен, ни письменности» и они передают ересь, которую получили их отцы от мага Зрадашта, устно, на основании чего Ванцян отрицал армянское происхождение Ареворди. Мхитар Апаранци, по всей вероятности, указывает на то, что у Ареворди нет в письменном виде их догматов, а они их распространяют устно. Ведь так было и с другими еретиками²¹.

Что касается Зрадашта, упоминаемого Григорием Магистром и Мхитаром Апаранци, то под ними подразумевается не пророк зороастрийской религии. Сирийская хроника города Карка де бет Селох основателем маздакизма считает некоего Зарадуста, современника Мани. Сирийская хроника Иешу Стилита, составленная до 518 г., упоминает о религии «магов», называемой *zaraduštakan*²². Один из источников Табари называл этого Зарадуста идейным родоначальником маздакитов, а Маздака — лишь последователем Зарадуста. Еще Нельдеке писал, что Зарадуста не вымышленное лицо и ничего общего не имеет с одноименным пророком зороастрийской религии, что это историческое лицо — Зарадушт, сын Харагана из Паза²³. Григорий Магистр и Мхитар Апаранци несомненно под «магом Зрадаштом» имели в виду жившего в III в. Зарадушту, идейного предшественника Маздака, а «персидские маги» Григория Магистра —

²⁰ В 1894 г. в журнале «Мурч» («Молот») Ванцян высказал мнение о том, что Ареворди — это цыгане, но впоследствии отказался от него. В 1896 г. в журнале «h Андес Амсореа» по поводу статьи Ванцяна выступил Пахлавуни, который считал, что Ареворди персидского происхождения, что они ветвь тех фарсов, персидских сторонников зороастризма, которые после арабских завоеваний обосновались в Индии и, как он считает, возможно, и на западе.

²¹ Под «письмом и письменностью», под «книгой» в средние века подразумевалось также св. Писание; «не имеющий книгу» в то же время означало «не имеющий веры», «нечестный».

²² См. работы Н. В. Пигулевской: *Месопотамия на рубеже V—VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник*, 1940, стр. 12; *Города Ирана в раннем средневековье*, 1956, стр. 289—290.

²³ См. Th. Nöldeke, *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden aus der arabischen Chronik des Tabari*, Leiden, 1879, S. 154; Н. В. Пигулевская, *Маздакитское движение*, — «Известия АН СССР», «Серия истории и философии», № 4, 1944, стр. 171. О движении Маздака подробно см. и новое исследование: Otakar Klimá, *Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung in Sassanidischen Persien*, Praha, 1957.

«зараженные магом Зрадаштом», — видимо, сторонники Маздака. Хотя маздакитское движение было подавлено, идеи маздакизма продолжали жить как в самом Иране, так и за его пределами²⁴, и очень возможно, что в представлениях «сынов солнца» мы встречаемся с отдельными пережитками маздакизма в Армении и Месопотамии, приспособленными к христианским верованиям, ибо Григорий Магистр конкретно указывает, что теперешние Ареворди «заразились персидскими магами», сторонниками мага Зрадашта. Возможно, что и персидское прозвище предводителя «сынов солнца» — *назырпет* — *назарапет*, хотя оно было распространено и в Армении, намекает на это.

Армянская церковь была терпима к Ареворди не потому, что последние не были армянами, как утверждал Ванцян и другие. Это объясняется своеобразием самого движения «сынов солнца». Дело в том, что павликианское и тондракитское движения выливались в открытую борьбу низов общества против феодальной эксплуатации; поэтому армянское духовенство и светские власти должны были вести против них непримиримую борьбу. Что касается Ареворди, то они, во всяком случае в упоминаемое время и по имеющимся у нас данным, представляли собой секту в полном смысле этого слова. Их движение не приняло характера вооруженного восстания против феодальной эксплуатации, как у павликиан и тондракитов. Именно поэтому Нерсесу Благодатному совершенно безразлично, станут ли они православными христианами или нет. Они не представляли собой никакой социальной опасности ни по численности, ни по характеру своего движения, и прав был католикос Нерсес, когда писал, что, если Ареворди «опять вернутся на свою блевотину, от этого нам не будет никакого вреда».

Совершенно неправильно утверждение, что Ареворди не еретики, так как они солнцепоклонники. Мы не имеем никаких оснований сомневаться в данных Григория Магистра, который упоминает Ареворди наряду с павликианами и тондракитами. Мы не имеем никаких оснований сомневаться и в данных Давида, сына Алавика, согласно которым павликиане, или мессалиане, — это племя Ареворди, откуда следует, что Ареворди — это христианские еретики. Несомненно, в догматах Ареворди имеются пережитки язычества, но пережитки, которые в то время имели уже совершенно новое содержание. В том, что Ареворди — христианские еретики, можно убедиться, если обратиться к византийским и армянским источникам. Солнце для еретиков — это Христос. Еретики солнце называли Христом, они отождествляли эти два понятия. В формулах отречения от манихейства, которые впоследствии были использованы против павликиан и других христианских еретиков, говорится, что еретики должны предавать анафеме тех, которые называли солнце Христом и клялись солнцем (*ἀναθεματίζω τοὺς τὸν Χριστὸν λέγοντες εἶναι τὸν ἥλιον καὶ εὐχομένοις τῷ ἡλίῳ*)²⁵. В византийской «Песне о сыне Армуриса» шесть раз упоминается следующая клятва: «Клянусь милым господом солнцем и его милой матерью» *«ῥὰ τὸν κύριον ἥλιον τὸν γλυκόν, μὰ τὴν γλυκεῖαν τοῦ μάνας»*²⁶. Кажется, не может быть сомнения в том, что здесь имеются в виду Христос и богоматерь. По этому поводу нельзя не вспомнить и византийский эпос о Дигенисе Акрите, действие которого проходит именно в тех краях, где были распространены движения «сынов солнца»

²⁴ Н. В. Пигулевская, *Маздакитское движение*, стр. 181.

²⁵ «Appendix monumentorum ad recognitiones Clementinas», Migne, «Patrologia graeca», t. I, col. 1465.

²⁶ Н. Grégoire, «Н βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴ ποίηση», New York, 1942, сс. 204—212 (στίχοι 61, 76, 95, 143, 154, 161).

и других еретиков. В разных версиях эпоса можно встретить много следов солнцепоклонства.

В армянской «Книге о ересях» о павликианах говорится, что они «солнце называют Христом»²⁷. В этой связи становятся совершенно понятными слова католикоса Нерсеса, обращенные к клиру города Самосата относительно Ареворди: «Наставляйте их не считать солнце чем-либо иным, кроме светильника мироздания, созданного богом-творцом. . . как и луна и звезды», т. е. он намекает на то, что Ареворди под солнцем подразумевали не только светило, а кого-то другого, Христа, как недвусмысленно указывают упомянутые выше источники. Итак, если солнце — это Христос, следовательно, в данном случае солнцепоклонник тождествен с христопоклонником, солнцепоклонник — это христианин, и Григорий Магистр совершенно правильно указывает, что Ареворди «сами себя называют христианами». Наша мысль подтверждается и другими данными. Согласно Нерсесу Благодатному, Ареворди почитали больше всего тополь, а крест Христа они считали сделанным из тополя, следовательно, они почитали древо креста Христова, т. е. были христианами.

К сожалению, скудные данные армянских источников не позволяют нам узнать подробности их учения, их истории. В связи с этим трудно что-либо сказать и о секте «Шемсиа», существовавшей еще в XVIII—XIX вв. в Месопотамии²⁸, которую считают возможным представлять как пережиток Ареворди²⁹. Но и данных армянских источников достаточно, чтобы к движению «сынов солнца» было приковано определенное внимание не только арменоведов, но и иранистов и сириологов, ибо сирийские и другие источники, вероятно, могут пролить некоторый свет на эту ересь, и желательно, чтобы сириологи и иранисты обратились к своим источникам именно с этой точки зрения.

Ниже дается в русском переводе полный текст послания армянского католикоса Нерсеса, являющегося самым важным армянским источником для изучения истории движения Ареворди. Имеется латинский перевод этого послания Каппеллетти³⁰. У Ф. Конибера приводится перевод Каппеллетти в сокращенном виде³¹. В русском переводе имеется ряд других посланий Нерсеса, которые очень ценны для изучения взаимоотношений Византии с Киликийским армянским государством во второй половине XII в.³²

Послание владыки Нерсеса, католикоса (армянского) в город Самосата относительно обращения Ареворди³³

Мы, Нерсес, раб божий и милостью его католикос армян, вам — благородным иереям города Самосата, [тебе] — хорепископу Торосу и твоим соиереям, и вам — боголюбивым гражданским мужам — Газа[во]ну, и всем старейшинам наших духовных чад шлем здравицу, исполненную любви и благословения от святого богоприимного знаменья моего, от

²⁷ «Книга о ересях», изд. Миабана, — журн. «Апарат», 1892, № 2, стр. 112.

²⁸ D. Chwolsohn, *Die SSabier und der SSabismus*, St.-Pbg, 1856.

²⁹ Гр. Ванцян, *Два слова об Ареворди*, стр. 42—44.

³⁰ «Nersetis Clajensis armeniorum Catholici Opera, nunc primum ex armenio in latinum conversa notisque illustrata studio et labore D. Josephi Cappelletti», vol. I, Venetiis, 1833, epistola XX, pp. 269—273.

³¹ F. Conybeare, *The Key of Truth*, pp. 158—159, appendix V.

³² См. «Исторические памятники вероучения армянской церкви, относящиеся к XII столетию». Перевод с армянского Александра Худобашева, СПб., 1847.

³³ Перевод сделан по изданию: «Соборные послания святого Нерсеса Благодатного», Иерусалим, 1871, стр. 223—229 (на др.-арм. яз.).

десницы святого Проветителя и от престола моего, который да сохранит господь духом и телом присно живыми.

Да будет известно вам, что мы давно получили ваше послание относительно проживающих в вашем городе Ареворди, о том что они желают и просят приобщить их к пастве христовой, что они, будучи родом и языком из племени армянского, стремятся и верой и душой быть едиными с ним. И к нам явились люди от них и поведали ту же просьбу. Мы же ознакомили их с тем, что нами было прочитано в писании относительно их сатанинской ереси, об услышанных нами от молвы разных дурных представлениях и делах их приверженцев. Ибо, подобно тому как в племени Ромеев так называемые Богомилы остались лишенными света Евангелия христовой славы и, тайно храня в сердцах ересь сатаны, не повиновались проповеди апостолов, так и в нашем племени Ареворди, пребывающие во мраке сатанинского удела, не захотели рукою Проветителя нашего, святого Григория, просветиться божественным светом и, возлюбив не свет, а мрак, пребывают в нем и по сей день. И так как в наши оскудевшие от добра времена помиловал их Бог и отверз омраченные очи их душ [и они], удалившись от сатаны, обратились к Богу не притворно, а истинно, то мы [должны] возблагодарить Бога за [эту] милость. Подобно им и люди, пришедшие к нам, [дав] большую клятву, отступили от этой злой ереси, устами своими прокляли тех, кто скрывает в себе подобное безбожие. И они обязались выполнить все требования, которые мы поставили перед ними. По отношению к ним мы тем самым выполняем повеление господя: «Приходящего ко Мне не изгоню вон»³⁴, ибо Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»³⁵, согласно Апостолу. Если они обратятся к Богу истинно, то подобное спасение душ столь многих людей — радость для Бога и ангелов небесных, и для нас, кто на земле. Но если их обращение ложно, как думают о них многие, и они опять вернуться на свою блевотину³⁶, от этого нам не будет никакого вреда, ибо мы [лишь] по повелению Христа желаем и стараемся поймать их, а если будет возможно, и все народы в сети Его Евангелия, а выбирать и собирать доброе в добрый сосуд, а худое выбрасывать вон, согласно словам притчи Евангелия³⁷, это дело справедливого судьи, когда Он сядет на престоле славы Своей и воздаст каждому по его вере и по делам.

Итак, по повелению божьему мы сочли уместным поступить с ними следующим образом. Пусть все священники вместе с нашими достопочтенными учениками придут в большую церковь, что в вашем городе, и пусть всех так называемых Ареворди — мужей, женщин и детей — соберут у дверей церкви. И сперва спросят их: «Желаете ли вы всем сердцем, разумом и всей душой отбросить прежнее заблуждение отцов ваших и прийти к истинному богопознанию нашего христианства?». И когда они согласятся с этим и скажут, что «мы добровольно и по зову сердца отрекаемся от сатанинского заблуждения отцов наших и обращаемся к Христу», тогда снова спросите их трижды, как при крещении детей: «Отрекаетесь ли от сатаны и от всех помыслов, слов и дел его?». И когда они примут это и скажут: «Отрекаемся», — тогда обратите их лица на запад и скажите: «Плюньте трижды в лицо сатане, поносите его, как мерзкого, лживого и беззаконного». Когда они сделают это, наставляйте их не считать солнце чем-либо иным кроме светильника мироздания, созданного богом-творцом и им же установленного на небесах, как и луна и звезды, для освещения

³⁴ Иоанн VI, 37.

³⁵ I Тимоф. II, 4.

³⁶ Кн. притч Соломоновых, XXVI, 11; II Посл. Петра, II, 22.

³⁷ Матфей XIII, 48.

земли. [Учите их также], чтобы они не почитали тополь больше ивы, бука и других деревьев, не считали древо креста христового, [сделанным] из тополя, что это ложь и обман сатаны, введшего их в заблуждение и отвернувшего от бога. Ибо это дерево, называемое тополем, было для них предметом поклонения во времена идолопоклонства, и в нем поселялись демоны и принимали от людей поклонение. И хотя это заблуждение было милостью божьей искоренено среди других народов, обитающих на земле, но среди вас сатана спрятал и сохранил его, как закваску зла, и если вы желаете прийти к правде Христа, то искорените дурной обычай из среды вашей. Не только не почитайте тополь больше остальных деревьев, но и считайте его ниже других деревьев, ибо таким образом и сатана будет унижен. Если кто-либо из вас знает о других их демонических суевериях, поведайте им и об этом, скажите, чтобы отказались от них и выбросили вон.

Затем обратите их лица на восток и спросите: «Верите ли вы во все-святую Троицу — в Отца, Сына и Святого Духа, которые есть три лика и одно божество, одна природа и одна сила, одна власть и одно творящее начало, от которого по его слову произошли из ничего все творения видимые и невидимые, небо и земля и все, что есть в небесах и на земле, ангелы и разумные люди, солнце и луна и звезды — светила мироздания, твари земные, небесные и водяные, все травы и деревья, [все] неподвижное и движущееся, и нет существующей твари, бестелесной или телесной, которая не была бы создана истинным Богом. Верите ли вы в воплощение Христа, одного из трех ликов — Сына божьего, кто пожелал по благоволению Отца и Святого Духа стать сыном человеческим, родившись от вечной девы Марии ради спасения человечества, кто принял крещение в Иордане от Иоанна, был засвидетельствован Отцом и Духом, искушен сатаной и победил искушителя; что он изгнал демонов, и кто с верой просил у Него, [того] исцелил от недугов душевных и телесных. [Верите ли вы], что Он дал свет слепым, вылечил хромых, воскресил мертвых и прошел по морю, как по суше, обуздал как творец ветер и море, и они успокоились, насытил тьму людей несколькими хлебами? [Верите ли вы], что после того, как Он сотворил множество божественных чудес и знамений, добровольно принял на себя спасительные страсти, которые претерпел в нашей [человеческой] природе, что был распят на кресте и [этим] искупил грехи Адама и рода его? [Верите ли], что Он умер телом и дал жизнь людям душою, сошел в могилу и спас души, которые в аду? Что Он воскрес из мертвых на третий день и даровал людям надежду на воскресение по своему подобию на второе свое пришествие? Что в присутствии своих учеников в нашем [человеческом] теле вознесся на небеса и воссел одесную Отца своего в вышних? Что снова придет для праведного суда над всеми родами человеческими, воздавая добром людям благодетельным, пребывающим в истинной вере христианской, а неверующим и нераскаившимся грешникам готовя вечные муки в руках сатаны и его чертей? [Верите ли вы], что Он вместе со своими святыми и праведниками будет царствовать вечно во веки веков?

И после того как они примут и станут исповедовать истинную веру христианскую, которую мы и изложили, соберите их в церкви, и кто из них не крещен, учите тайнствам веры, исповедуйте взрослых и наложите на них на короткое время эпитимию, а через некоторое время крестите их. Несовершеннолетних и младенцев крестите тотчас же. А кто ранее был крещен, лишь приведите к исповеди и, наложив на них эпитимию, помажьте их чело и органы чувств святым мирром, говоря: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», а затем приобщите их к пастве христовой. И как повелел Христос ученикам, что после крещения учеников-язычников

«учите их соблюдать все, что Я повелел вам»³⁸, то же самое сделайте и вы по отношению к ним, заповедуя им отказаться от убийства, прелюбодеяния, блуда, воровства, коварства в отношении друзей, пьянства и от всех злых деяний сатаны, что ненавидит Бог, а наоборот, [учите их] быть братолюбивыми, добродетельными и не только не красть имущество других, но и отдавать нуждающимся свое, честным [трудом] приобретенное, согласно повелению Христа, и не следовать примеру тех немногих из старых христиан, кто без страха творит противное законам Бога. Если даже они увидят кого-либо беспорядочного и безбоязненного среди иереев, пусть не будут соблазнены низостью немногих в отношении истинных законов христиан, а пусть обратят взоры свои к хорошим и избранным, от них пусть получают для себя добрый пример, ибо дурным не закон божий повелевает быть дурными, а их леность и безрассудство. Он, сатана, кто противен добру, предлагает им ради гибели их душ презирать законы Бога. Подобным же образом повелевайте и женщинам быть дальше от колдовства, волшебства и от всякого дьявольского чародейства, ибо всякий, кто занимается колдовством, тот служитель демонов и их поклонник. Ибо и тот, кто совершает [колдовство], и тот, кто обращается [к колдуну], не достойны ни причастия, ни христианского погребения. Подобным же образом [учите их], что если кто-либо из дьявольской любви примешивает к пище или питью какую-нибудь мерзость или гадость и дает христианину, тот отлучается от Бога, лишается святого причастия и удостоивается подлинной ненависти, и поэтому предостерегите их от изготовления всяких подобных талисманов.

Вдобавок к сказанному мною, то, о чем мы пишем [ниже] вкратце и мимолетно, да будет общим для них законом. Пусть они дважды или трижды или же больше раз в году исповедуют священникам грехи свои, пусть примут эпитимию, которую налагает на них священник ради [очищения] от грехов, — это соблюдение постов, молитвы и [раздача] милостыни, благодаря чему они удостоятся от Бога отпущения грехов, в которых признались. И во все [установленные] часы молитв пусть приходят вместе с другими христианами в молельню к священникам, поклоняются Богу—творцу всего и молятся перед Ним, просят отпущения грехов, [дабы] удостоиться царства небесного, спастись от мук геенны, сохранить душу и тело в этой жизни чистыми и неискушенными от всяких козней сатаны, от всяких опасностей и искушений. Установленные посты, которые соблюдают другие христиане во [всем] мире, пусть и они свято соблюдают, и пусть воздерживаются от тучной пищи и одурманивающих напитков. Учите их и следующему: слушаться и повиноваться голосу евангельскому и другим словам боговдохновенных писаний. Ученые священники, объясните им по возможности вашим сокровенные слова писаний. Примите от них детей к учению святым писаниям. Об этом и мы просили их, когда они пришли к нам, и они с любовью обещали дать [своих детей], чтобы, быть может, и их дети удостоятся стать священниками, подобно тому как святой Григорий учил детей жрецов и рукополагал их священниками и епископами³⁹. А вам, старающимся учить [их], Бог воздаст сторицей, как Он сказал устами пророка, что «если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста»⁴⁰. В завершение всего имя Ареворди, которое носят они от предков своих, в дальнейшем пусть сменяют и будут названы великим и чудесным именем Христа — хри-

³⁸ Матфей XXVIII, 20.

³⁹ Ср. Агафангел, *История Армении*, Тифлис, 1909, гл. 121, § 845, стр. 441—442 (на др.-арм. яз.). См. древнегреческий текст: «Agathangelus und die Akten Gregors von Armenien», neu hrsg. von P. de Lagarde, Göttingen, 1887, p. 116.

⁴⁰ Кн. пророка Иеремии, XV, 19.

стианами, имя, которое наложили на себя верующие в Христа святые апостолы в великой Антиохии. И мы будем молить Бога скрепить их на камне веры, чтобы врата ада — сатана и ему угождающие — не смогли отринуть их от истинной веры и законов Господа нашего Иисуса Христа, которому вместе с Отцом и Духом Святым слава и сила во веки веков, аминь!

Когда милостью Бога они приобщатся к пастве христовой по тем правилам, о которых мы упомянули выше, пусть они станут уделом мудрых, ученых и богобоязненных священников, чтобы последние были в состоянии постоянно учить и наставлять их боговдохновенным писаниям. Не нужно искушать их, требуя приносить дары в церковь за крещение, исповедь, причастие, погребение или за что-либо другое, а довольствуйтесь тем, что они добровольно пожертвуют. Увещивайте их не строго, а ласково, чтобы и вы за доброту [вашу] приняли воздаяние от Бога, а не кару, достойную соблазнительей, которым вешают на шею мельничный жернов и бросают в море⁴¹.

⁴¹ Матфей XVIII, 6.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВИЗАНТИЙСКОГО
ЭПОСА О ДИГЕНИСЕ АКРИТЕ

Р. М. БАРТИКЯН

1. К географии эпоса

Для уточнения, локализации той или иной географической местности, указанной в византийском эпосе, учеными сделано немало. Но не секрет, что в этой области предстоит немалая работа, ибо многое остается еще неясным. Даже то, что казалось окончательно определенным, при более тщательном изучении вызывает оправданные сомнения. Здесь мы коснемся именно двух таких до сих пор не вызывавших каких-либо сомнений географических названий. Речь идет о *Χαρζιανή* и *χώρη τοῦ Ἡρακλέος*. Как известно, исследователи *Χαρζιανή* отождествляют с фемой Харсианон, а *χώρη τοῦ Ἡρακλέος* с городом Ираклией (нынешний Эрегли) на севере Киликии.

Будущий отец героя Дигениса, эмир города Элессы, в одном из своих очередных набегов достигает Каппадокии и уводит в плен дочь стратига, которая впоследствии становится его женой и матерью Дигениса Акрита.

Все необыкновенно просто. Вызывает недоумение только маршрут эмира¹. Привожу интересующие нас стихи эпоса:

*Διαδραμὼν Χαρζιανὴν Καππαδοκίαν φθάνει (GF., I, 56)
Κάστρα πολλὰ ἐνούρησε, χώραν τοῦ Ἡρακλέος,
Χαρζιανὴν ἐπραΐευσε καὶ τὴν Καππαδοκίαν (GF., IV, 41—42)*

Итак, как видно из эпоса, эмир по пути в Каппадокию грабит множество крепостей, *χώραν τοῦ Ἡρακλέος* (страну Геракла), затем *Χαρζιανήν*, и только после этого достигает Каппадокии.

Если *χώρη τοῦ Ἡρακλέος* — это город Ираклия, находящийся на севере Киликии, а *Χαρζιανή* — фема Харсианон, то как мог эмир попасть в Харсианон раньше Каппадокии? Ведь между Ираклией и Харсианоном лежит Каппадокия. И если цель его набега — Каппадокия, то почему и каким образом он мог достичь фемы Харсианон. Могут возразить, что в эпосе все возможно и не следует искать в нем точной географии. Предположим. Но как быть с другими вопросами. Почему, например, фема Харсианон в древнейшей, содержащей эпос рукописи (Гроттаферратская, XIV век) названа *Χαρζιανή*, почему, когда во всех византийских нарративных источниках фема Харсианон приводится исключительно в среднем роде (*τὸ Χαρζιανόν*)², в эпосе всюду приводится в женском — *Χαρζιανή*?³

Все находит свое объяснение, если мы откажемся от локализации, данной исследователями *Χαρζιανή*, и согласимся, что имеем дело не с византийской фемой

¹ Ср. А. Я. Сыркин, Поэма о Дигенисе Акрите, Москва, 1964, стр. 99.

² Константин Порфирородный называет фему *τὸ Χαρζιανόν* (См. De Administrando Imperio, гл. 50; ср. De Thematibus, стр. 20, изд. Бонна; De Cerimoniis, стр. 696). В среднем роде приводит фему Константин Порфирородный и в Жизнеописании Василия (Theophanes Continuatus, стр. 272, 273). То же самое у Продолжателя Феофана (Theoph. Cont., стр. 114, 181, 183, 374, 427 и т. д.) и у атриклина Филофея (De Cer., стр. 713, 714, 727). Мне неизвестно упоминание данной фемы в женском роде.

³ Конечно, нехорошо для А. Грегуара, который „исправляет“ I, 56 Гроттафер-

Харсианон, а скорее всего с армянским округом Хордзеан (*hordzian*, произносится Хордзиан⁴). В Армянской Географии VII века Хордзеан назван первым гаваром (округом) Четвертой Армении, той Армении, которая, сейчас определенно можно сказать, сыграла немалую роль в создании византийского эпоса. «Второй областью (Великой) Армении,—говорится в «Армянской Географии»,—является Четвертая Армения, то есть район Софены. С севера она граничит с Высокой Арменией, с запада—с городом Мелитеной, с юга—с Месопотамией, а с востока—с Тароном. Четвертая Армения имеет восемь гаваров: на северо-востоке Хордзеан, через который вблизи от Колоберта течет река Другой Лик...»⁵.

Ценные, подтверждающие нашу гипотезу данные об округе Хордзеан дает Прокопий Кесарийский. Хордзеан он называет двойкой: *Χορζιανηνή* («О Персидской войне», кн. II, гл. 24) и *Χορζιανή* («О Постройках», кн. III, гл. 3). В последнем труде Прокопий указывает, что на пути из Кифариза в Феодосиополь и *ἐτέρα Ἀρμενία* лежит *Χορζιανή*, территория, равная трехдневному пути. Историк подчеркивает, что самый легкий, нетрудный для персидского царя путь в византийские владения лежал через Хордзеан. Император Юстиниан I для защиты области от персидского вторжения обнес крепкой стеной центр Хордзеана Арталессн. Юстиниан поставил там во главе дуки войсковые части.

Отправившийся из Сирии в Каппадокию арабский эмир, видимо, выбрал тот же самый «легкий, нетрудный» путь, т. е. придерживался маршрута персидского царя через *Χορζιανή[ν]*, *Χορζιανή* нашего эпоса.

Ясно теперь, что самое правильное написание этого географического названия дает нам самая древняя рукопись, содержащая эпос—Гроттаферратская. Только в этой версии данная область названа *Χορζιανή*. Во всех остальных встречается форма *Χορζιανή*, под которой уже писцы подразумевают фему Харсианон (и не только писцы, но и современные исследователи), хотя они и не решаются привести данное название в среднем роде, «исправить» текст первоисточника⁶.

Итак, арабский эмир отправляется в Каппадокию не через фему Харсианон, а через Хордзеан в Четвертой Армении.

Как мы показали выше, до того, как попасть в «Харсианон», арабский эмир проехал «страну Геракла»—*χώραν τοῦ Ἡρακλέος*. Привожу интересующие нас стихи эпоса:

Τὰ μέρη δὲ καταλαβὼν χώρας τοῦ Ἡρακλέος
πόλεις ἤρημασε πολλὰς ἐρήμους καταστήσας (GF., I, 50—51)

Κάστρα πολλὰ ἐχοῦρσυσσε, χώραν τοῦ Ἡρακλέος,
Χορζιανὴν ἐπραΐευσσε καὶ τὴν Καππαδοκίαν (GF., IV, 41—42)

ратской версии и пишет: *Διαδραμὼν Χαρσιανόν Καππαδοκίαν φθάσει*. Н. Gre'goire «O Diēnēs 'Akrītēs, New York, 1942, стр. 136. Нужно отметить, однако, что Грегуар в той же своей книге, на стр. 50 дает правильный, «неисправленный» текст.

⁴ О Хордзеане подробно см. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, С. Петербург, 1908, стр. 13—15, 19—21 и др. Н. Hübschmann, Die altarmenischen Ortsnamen, Strassburg, 1904, S. 290—291; E. Honigmann, Die Otsgrenze des Byzantinischen Reiches, Bruxelles, 1935, S. 19, 78, n. 12, 195, 204.

⁵ С. Т. Еремян, Армения по «Ашхарацуц»-у (Армянской Географии VII в.), Ереван, 1963, стр. 106—107. Хордзеан до 591 года находился в составе Великой (Высокой) Армении. См. Н. Hübschmann, ук. соч., стр. 247—248.

⁶ В сирийских источниках армянский округ Хордзеан встречается в следующем написании: *Khorsen* (Хорсен), см. E. Honigmann, ук. соч., стр. 78, прим. 12. Следовательно, нельзя убежденно говорить о том, что писцы других версий под *Χορζιανή* обязательно подразумевали фему Харсианон.

⁷ Здесь слово *χώρας* стоит не в винительном падеже множественного числа,

Исследователи, как мы отметили выше, под *χώρα τοῦ Ἡρακλέος* подразумевают город *Ἡρακλεια* на севере Киликии, хотя в эпосе определенно говорится не о городе, а о стране, об области, которая носит имя героя Геракла. Если это—город Ираклия, то как могло в этом городе быть множество других городов (GF., I, 50—51). Ясно, что речь идет о стране, области, в составе которой ряд *μέρη*—районы⁸. Неизвестно также на каком основании исследователи придают этому городу Ираклия такое большое значение в истории византийско-арабских отношений, когда в важнейших византийских источниках данной эпохи он почти не встречается⁹.

Мы выше указали на то, что путь арабского эмира в Каппадокию лежал через Хордзеан. Если это так, то отпадает маршрут через Ираклию в Киликии, находящуюся далеко на юго-западе от Хордзеана. Но арабский эмир мог попасть из Сирии в Хордзеан, пройдя другую, находящуюся в той же Четвертой Армении область, а именно через Ангилену. Мы имели случай подробно остановиться на этой области¹⁰. Мы отметили, что армяне связывали название этой области с именем армянского легендарного героя-исполина Ангела, и Ангилену называли Ангел-тун,—домом (т. е. страной¹¹, областью) Ангела. Ангел—это Геракл армян¹². Мовсес Хоренаци (кн. II, гл. 8) героя Ангела сравнивает с греческим Гераклом, с персидским Ростомом, с библейским Самсоном. Само собой разумеется, что грецизированное армянское население юга Армении отождествляло героя Ангела с Гераклом, и *χώρα τοῦ Ἡρακλέος* ни что иное, как дословный, самый точный перевод армянского Ангел-тун¹³. Как мы

как принято переводчиками эпоса («Taking those parts, the lands of Heracles»—Mavrogordato, «Завоевал в сражениях окрестности Иракля»—Сыркин), а в родительном падеже единственного числа, как это ясно видно из следующего примера—GF., IV, 41. Речь идет о районах (*μέρη*) области (*[τῆς] χώρας*) Геракла.

⁸ По данным византийского эпоса, в составе армянской области Мананали также имелись ряд *μέρη*. Ср. Р. Бартиян, Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите, Византийский Временник, том XXV, 1964, стр. 163.

⁹ Я встретил его лишь дважды: один раз в Хронографии Феофана, где говорится о том, что во время одного набега в 806 г. халиф Харун ар-Рашид взял *τὴν Ἡρακλέως κάστρον*. (см. E. Honigmann, ук. соч. стр. 47), и у Скилицы—Кедрина, который, описывая набег эмира Тарса в Романию во времена Константина Порфирородного, отмечает *κώμη τοῦ Ἡρακλέος* (Georgii Cedreni Historiarum Compendium, t. II, Вонпае, 1839, p. 329). В обоих случаях данная местность считается то крепостью, то деревней, но отнюдь не страной, областью.

¹⁰ См. Р. М. Бартиян, Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите, Византийский Временник, том XXV, 1964, стр. 151 и сл.

¹¹ В средневековых армянских источниках Армения называется «*Հայոց տուն*»—домом армян, т. е. страной (*χώρα*) армян, Грузия—«*Վրացի տուն*»—домом грузин, т. е. страной грузин, Персия—«*Պարսիկացի տուն*»—домом персов, т. е. страной персов, а Византия называется «*ռωμαίων տուն*»—домом греков. То же самое и у сирийцев: *bēṯ* означает «дом» и «страна». Армянская область Мокс в сирийских источниках названа *bēṯ Moksaue*, т. е. домом(страной) Мокса. См. Р. Ачарян, Этимологический коренной словарь армянского языка, том VI, Ереван, 1932, стр. 973.

¹² См. Н. Адонц, Бог Тарку у древних армян, «Houschardzan», Вена, 1911, стр. 392—393 (на арм. яз.). Необходимо отметить, что в дохристианскую эпоху армяне с Гераклом отождествляли и Ваһагна. См. Мовсес Хоренаци, История Армении, кн. II, гл. 12.

¹³ Ангел-тун, как и другие кантоны IV Армении, находились в так называемом арабами «Сугур» (пограничной полосе) и все время переходили из одних рук в другие. Самвел Анеци (XII в.) пишет, что император Феофил (829—842 гг.) в одном из своих походов в Армению взял крепость Ангел. См. его «Извлечения из писаний историков», Валаршапат, 1893, стр. 92. По данным Степаноса Таронаци (Асогика),

видели выше, Прокопий Кесарийский армянский гавар Хордзеан называет *χώρα*. Ангел-тун гоже является гаваром. И не случайно, что в эпосе область Геракла названа *χώρα*¹⁴.

Итак, маршрут арабского эмира из Сирии в Каппадокию в эпосе показан правильно, через Ангилену и Хордзеан.

2. О двух персонажах эпоса

Н. Адонц в своей статье, посвященной историческим основам византийского эпоса¹⁵, на данных первоисточников доказал армянское происхождение большого числа персонажей, встречающихся в нем. Н. Адонц имел в виду, главным образом, Трапезунтскую и Гроттаферратскую версии эпоса и, разумеется, обратил внимание на персонажи, засвидетельствованные в них. Мы остановились на двух персонажах эпоса, упомянутых только в Эскуриальской версии, не ставшей предметом специального изучения со стороны Н. Адонца¹⁶. Речь идет о старике *Μαιακή* и его внуке *Ἀποχάλπης*.

Одним из главных персонажей эпоса, как известно, является отец Дигениса Акрита, араб по происхождению. Во всех версиях он выступает как эмир (*ἀρχηγός*). Трапезунтская версия эпоса (строка 3070), Андросская (строка 302, 4306), а также Эскуриальская (стр. 723) дают его имя—Мусур (*Μουζούρ*)¹⁷. По всем версиям император Феофил «опустошил Четвертую Армению от людей и животных». См. Степанос Таронаци, *Всеобщая история*, С.-Петербург, 1885, стр. 144 (на древнеармянском языке).

¹⁴ Константин Порфирородный называет *χώρα* армянские области Тарон, Апахунник, Басеан и др. (*χώρα τοῦ Τάρων, χώρα Ἀπαχουνή, χώρα Φασιανή*; De Administrando Imperio, cap. 43, 44, 45).

¹⁵ См. N. Adontz, *Les fonds historiques d'épopée byzantine Dige'nis Akritas*. Byz. Zeitschrift, Bd. XXIX—XXX, 1929—1930, p. 198—227. Переведено в Сборнике его армяно-византийских исследований. N. Adontz, *Etudes Arméno-Byzantines*, Lisbonne, 1965, p. 7—36.

¹⁶ Эскуриальская версия эпоса о Дигенисе Акрите, как известно, вызвала в научной общественности самые противоречивые отклики. То она считалась первоначальной версией эпоса, то удостаивалась скептического отношения. На отдельные ценные места обратил внимание А. Грегуар. См. его рецензию на статью Дангисса: N. Gre'goire, *Le problème de la version „originale“ de l'épopée byzantine de Dige'nis Akritas*, *Revue des Etudes Byzantines*, t. VI, fasc. 1, 1948, p. 27—35.

¹⁷ Исследователи считают, что *Μουζούρ* — это искажение распространенного арабского имени Муса или Мансур (см. А. Я. Сыркин, *ук. соч.*, стр. 99). Имя эмира—Мусур дают Трапезунтская, Андросская и Эскуриальская версии. Более древняя—Гроттаферратская версия его имени не упоминает. (В Гроттаферратской версии под именем Мусур выступает некий разбойник, убитый Дигенисом. GF., V, 168, 203, 215, 261). Трапезунтская и Андросская версии тем же именем Мусур называют арабского военачальника, то тождественного с Каросом, братом матери эмира, то нет. Но если в последнем случае по контексту Трапезунтской и Андросской версий Мусур—имя, то обращаясь к соответствующему месту в Гроттаферратской версии, не трудно убедиться, что мы не имеем дело с личным именем. Там мы читаем: *ὁ ἀδελφός μου, ὁ θάϊος σου, ὁ μουρρής* (читай *μουρρής*) *ὁ Καρόης* (GF., II, 75). Здесь *μουρρής* явно не имя. Очень возможно, что *μουρρής* искажение наименования страны Мисир, под которым, по всей вероятности, нужно подразумевать не Египет, а Сирию. В армянском эпосе о Давиде Сасунском упоминается несколько Мысра Меликов, т. е. царей Мисира. Как известно, в армянском эпосе отразилась борьба армян против арабов Сирии (арабского халифата) в IX веке, а не Египта. В армянском эпосе Мисир упоминается неоднократно, и слово это встречается перед именами ряда персонажей, не только арабов, но и армян, и скорее всего под ним скрывается Сирия. *Μουρρής*,

эпоса, отец Дигениса был владельцем города Руха (*Ρουχᾶ, Ραχί, Ραχᾶς, Ραχᾶ?*), под которым подразумевается город Эдесса (арм. Урха—*Սևահ*) в Сирии. Эмир впоследствии господствует над всей Сирией. У эмира в Эдессе имеется семья—много жен и детей. Эпос дает нам имена матери эмира (Панфия—*Πανθία*), а также его деда (Амброн—*Ἀμφρόν*). Эмир часто совершает набеги на Романию (Византийскую Империю), уводит в плен множество людей. Во время очередного набега он достигает Каппадокии и уводит в плен дочь стратига. Этот пабег и послужил завязкой действия эпоса. Эмир сильно влюбляется в дочь стратига и, наконец, вместе с ней переезжает на сторону византийцев, приняв христианство. Мать эмира из Эдессы обращается к нему с письмом, тайно отправленным через арабских воинов. В нем она просит его вернуться на родину и не становиться вероотступником. Воины, достигнув Каппадокии, останавливаются в местности Левкопетра (вар. Лаккопетра, Халкопетрин), недалеко от места жительства эмира и семьи его жены. Братья жены эмира, узнав о приезде арабов, помчались к ним и пригласили их к себе домой. Братья, наконец, согласились, чтобы их зять, эмир, отправился в Эдессу, с условием, что он вернется обратно к своей жене и сыну Дигенису Акриту. На пути в Сирию эмир начал напоминать арабам подвиги, совершенные им, когда он и его воины попали в окружение византийцев в местности Милокопия (нын. Мелегоб), как он, эмир, разбил кольцо окружения и все спаслись вместе с ранее взятыми ими пленными.

Исследователи считают, что этот рассказ об окружении арабов напоминает исторический факт окружения арабского эмира города Мелитены (Малатия) Омара ибн Абдаллах аль-Акта в 863 году византийским полководцем, армянином по происхождению Петронасом (родным братом императрицы Феодоры и кесаря Варды) в местности Гирии, где Омар был убит и спасся только его сын с некоторыми воинами, которых наконец взял в плен клисурарх Харсианона¹⁸. Эмир Омар у Продолжателя Феофана назван Амброн, т. е. именно так, как дед отца Дигениса. На основании этого ученые считают, что отец Дигениса—это внук мелитенского эмира Омара (Амброна) Абу Хафс, который тоже был эмиром города Мелитены. Эмир Абу Хафс перешел на сторону византийцев в 928 году во время похода византийского полководца Иоанна Куркуаса, армянина по происхождению.

В Эскуриальской версии вышеупомянутый рассказ эмира об освобождении от византийского окружения выглядит немного иначе. По этой версии, в окружение (вернее, в плен) византийцев попали воины эмира (*ὅταν ἐφθάσαν στратηγοὶ καὶ ἐπὶ-ρην σας δεσμῶν* E. 504). Эмир в этой битве не участвовал; в это время он с пятью товарищами был на охоте. Услышав о беде, он помчался туда и освободил своих воинов.

Мы так подробно остановились на вышеупомянутом эпизоде, так как интересующие нас персонажи упоминаются именно здесь. По Эскуриальской версии, эмир освобождает плененных арабов с помощью своих пяти товарищей, из которых поименно упоминаются только двое. Это «сын Муси» и «внук старика Маякиса Апохалпа». Привожу интересующие нас строки:

*Καὶ ἐγὼ ἐκυνήγαυ, ἀγοῦροι μου, μετὰ πέντε παλληχάρια
μὲ τοῦ Μουσι τὸν υἱὸν καὶ μὲ τὸν Ἀποχάλπην
τὸν ἑγγονὸν τοῦ γέροντος τοῦ Μαϊακῆ καὶ ἄλλους τρεῖς στратιωτῆς* (E. 505—7).

Кто такой спутник Апохалп? Его имя, несомненно, напоминает имя внука эмира Омара ибн Абдаллах аль-Акта, исторического Абу Хафса. Более того. Это и есть арабское имя Абу Хафс. И только. Можем ли мы имя Апохалпа считать откликом

видимо, переключается с Мысра армянского эпоса и означает «из Мисира» (т. е. из Сирии). В парафразе византийского эпоса К. Дапонтеса показано, что отец Дигениса был *Σουλτᾶνος τοῦ Μισιρίου*. Отец Дигениса с Египтом ничего общего не имел. Он был эмиром Сирии. Ясно, что *Συρία* и *Μισίριον* выступают как омонимы.

¹⁸ Theophanes Continuatus, *Bonnæ*, 1838, p. 183. Ср. А. Я. Сыркин, *ук. соч.*,

именно имени внука эмира Омара Абу Хафса, как принято¹⁹, или же Апохалп отклик имени другого человека и под Апохалпом скрывается другая личность?

Исторический Абу Хафс, как и его двойник,—встречающийся в эпосе,—эмир Эдессы, внук Амброн и по происхождению араб. В Эскуриальской версии же, хотя и Апохалп упомянут в числе спутников эмира, все же о его национальной принадлежности там нет слова, кроме его имени, которое, ясно, арабское. Но ведь арабские имена в данной эпохе носило и множество армян. Брат Таронского князя Григория, например, назывался Апоганем (Ἀπογάνης). Среди армян были распространены также арабские имена, как Абусахл (с X века), Абусаид (с X века), Абумрван (с IX века), Абугамр (с X века) и т. д.²⁰ Что эпический Апохалп не араб, а армянин²¹, великомерно подтверждается, если принять во внимание имя его деда, упомянутого в Эскуриальской версии. Он назван Μαῖάχης (а не Μαῖαχῆς, как в изданном тексте), а Μαῖάχης не что иное как армянское имя Нтауак (Նտաւակ), приведенное в Эскуриальской версии без какого-либо искажения. Нехватает только одной буквы «h» в начале, а в греческом написании, как известно, ее и не могло быть, так как у греков этой буквы нет²². Армянское имя Нтауак в средневековье носили главным образом члены нахарарского рода Мамиконянов, род, в руках которого находилось спарпетство. Это имя было распространено и среди членов других нахарарских фамилий²³. Не лишне сказать, что в легендарной генеалогии основателя Македонской династии Василия I Нтауак-ом (Μαῖαχῆς) назывался дед императора, который считался Аршакидом²⁴.

Конечно, трудно сказать, кого имеет в виду эпос под этим Нтауак-ом. Некоторый свет мог бы пролить исторический праобраз его внука, названного в эпосе, как отметили выше, Апохалп. Что мы знаем о нем? Знаем, что он армянин и что живет в Эдессе, если принять во внимание город, в котором властвует его господин, эмир. Следовательно, мы должны Апохалпа искать в Эдессе, и искать его среди армян. И, действительно, в Эдессе есть такой армянин, носящий это имя. По всей вероятности, под Апохалпом эпоса скрывается византийский дук города Эдессы, армянин по происхождению Апухап²⁵.

Самым ценным источником по биографии этого Апухапа является «Хронография» Маттеоса Урхаеци (Матфея Эдесского), автор которой, будучи уроженцем города Эдессы, прекрасно знал историю своего родного края. Он пишет, что этот Апухап (Ապուխապ) раньше служил у Тайского куропалата Давида (последний умер в

стр. 100. Об эмире Омаре подробно см. ценную статью М. Кана: М. Canard, Un personnage de Roman Arabe-Byzantin, Extrait du Deuxième Congrès National des Sciences Historiques, Alger, 1932, p. 1—14.

¹⁹ Н. Grégoire, ук. соч., стр. 112; А. Я. Сыркин, ук. соч., стр. 101.

²⁰ См. Р. Ачарян, Словарь армянских личных имен, т. I, Ереван, 1942 (на арм. яз.).

²¹ Разумеется, А. Грегуар был неправ, считая спутника Апохалпа «другим внуком» эмира (т. е. Омара): «μὲν γὰρ ἄλλον ἔγγονο τοῦ γέροντα, δηλαδὴ τοῦ Ἐμίρη, τοῦ ὀνομαζόμενου Ἀποχάλπης (там же). Получается, что отец Дигениса и его спутник Апохалп братья. А ведь Эскуриальская версия дает имя этого γέροντα—старика, деда Апохалпа, называя его не Амброн, а Маякис.

²² И у русских этой буквы нет, и армянское имя Нтауак у них звучит и пишется Амаяк.

²³ Подробнее см. Р. Ачарян, Словарь армянских личных имен, том III, Ереван, 1946, стр. 89—91 (на арм. яз.).

²⁴ См. Theophanes Continuatus, p. 215. Ср. N. Adontz, L'âge et l'origine de l'empereur Basile Ier, Etudes Arméno-Byzantines, p. 91, 105.

²⁵ Это имя в качестве фамилии встречается у византийских авторов в форме Ἀποχάλπης. См. Michaelis Attaliotae Historia, Bonnae, 1853, p. 83; Ioannis Zonarae Epitome Historiarum, t. III, Bonnae, 1897, p. 678; Georgii Cedreni Historiarum Com-

1000 году). Маттеос Урхаеци пишет далее, что византийский император Роман (Роман III Аргир—1028—1034 гг.) отправился в поход против арабов и разбил лагерь в местности Азаз близ Алеппо (1030 г.). В это время среди его воинов было принято тайное решение покинуть императора во время битвы и оставить его на произвол судьбы. Тайну эту императору открыл вышеупомянутый Апухап. Арабы разбили византийскую армию, убили, по данным армянского историка, 20 тысяч византийцев. Роман еле спасся бегством со своими близкими, среди которых, конечно, был и Апухап. Маттеос Урхаеци рассказывает далее о вражде, существовавшей между двумя эмирами города Эдессы—Шепла и Утайра, о вмешательстве в нее через своего военачальника «ранса Пайела» «великого эмира таджикоз» Нфртола, правившего в Муфаргиле (т. е. Майафарикине, Мартирополе), а также «владельца верхней крепости» Эдессы Салмана. Вся эта острая борьба кончилась тем, что Салман был вынужден обратиться к «князю ромеев» Георгию Маниаку в Самосата, чтобы тот взял Эдессу, что и было сделано²⁶. Салман со своими сынами перешел на сторону византийцев, принял христианство. Император же сделал его князем (ἡγεμῶν) и дал ему во владение области (χωρῶν). Маттеос Урхаеци, заканчивая эту историю, указывает, что император Роман вместо Маниака дукой города Эдессы назначил Апухапа²⁷.

Как известно, Георгий Маниак овладел Эдессой в 1032 году. Роман III умер в 1034 году. Следовательно, Апухап сделался дукой города Эдессы между указанными годами²⁸. Эдесса была в руках арабов почти четыре столетия, с 641 года по 1032 г. Переход ее в руки византийцев произвел очень большое впечатление на современников и, возможно, автор более поздней редакции счел нужным упомянуть имя византийского дуки города Эдессы Апухапа. Георгию Маниаку был дукой города очень короткое время. До взятия города сельджуками он находился под началом вышеназванного Апухапа и его сына Василия. Из источников неизвестно, как звали отца Апухапа, тем более его деда. Если наше отождествление Апохалпа с дукой города Эдессы Апухапом верно, то эпос дополняет данные нарративных источников, называя имя его деда—Нтауак.

Итак, Эскуриальская версия эпоса о Дигенисе Акрите дала нам имена двух персонажей, отсутствующих в других версиях, историчность и национальную принадлежность которых мы постарались выше доказать²⁹.

pendium, t. II, Bonnae, 1839, p. 654. Во всех случаях Ἀποχάψ (Апохапс) и Ἀποχάλπης одно и то же арабское имя Абу Хафс.

²⁶ Ср. Georgii Cedreni, Historiarum Compendium, t. II, p. 500—501.

²⁷ См. Маттеос Урхаеци, Хронография, Валаршапат, 1893, стр. 57—64 (на древнеармянском языке).

²⁸ Здесь нужно отметить, что Кедрин наследником Маниака на посту дуки города Эдессы называет Δεπυδρηνός (там же, стр. 515).

²⁹ Эскуриальская версия сохранила имя еще одного персонажа, не встречающегося в других версиях. Он является воином, отправленным из Эдессы матерью к эмиру в Каппадокию. Эскуриальская версия считает его сарацином и называет Мусуфрис (Μουσοφρίς, стр. 337). Калонарос (см. его Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας, τόμ. II, Ἀθήναι, 1941, примечания к стр. 145 и 157) ошибочно отождествлял его с отцом Дигениса Акрита эмиром Мусур, считая Μουσοφρίς искажением имени Μουσοφр, не обращая внимания на то, что Мусуфрис в эпосе является воином, отправленным к эмиру Мусуру, т. е. ясно видно, что они совершенно разные персонажи. Μουσοφρίς, без сомнения, арабское имя al-Muzaffar. Мы склонны отождествить его с Μουδαφάρ-ом, сыном знаменитого армянского полководца Мануила, владельца Тεζκῆ (Дегик в Четвертой Армении), нашумевшего в царствование Льва VI. Мануил вместе со своими сынами, в том числе Мудафаром, перешел на сторону византийцев. Мудафар получил от Льва VI во владение царские земли в Трапезунте. См. Constantine Porphyrogenitus, De administrando imperio, cap. 50. Ср. E. Honigmann, ук. соч., 78. Мы намерены в будущем более подробно остановиться на личности этого Μουσοφρίς-а.

Հ. ԲԱՐՏԻԿՅԱՆ—Բյուզանդական «Դիգենիս Ակրիտաս» էպոսի մի քանի հարցերի մասին (ամփոփում)։—Հողվածում քննարկվում է IX—XI դարերի ընթացքում ձևավորված բյուզանդական նշանավոր վիպերգության մեջ հանդիպող աշխարհագրական երկու անունների («Խարձիանե» և «Հերակլեսի երկիր») ճշման և էսկուրիալի տարբերակում առկա երկու անձնավորությունների պատմականության և ազգային պատկանելության որոշման խնդիրը։ Մինչև օրս ուսումնասիրողները ենթադրում էին, որ «Խարձիանե» բյուզանդական Խարախանոն բանակաթեմն է, իսկ «Հերակլեսի երկիրը»—Հերակլիա (այժմ էրեզլի) քաղաքը հյուսիսային Կիլիկիայում։ Հեղինակի կարծիքով «Խարձիանե» Խորձեան գավառն է Չորրորդ Հայքում։ Անգեղը (խոսքը Տորք Անգեղի մասին է) նույնացվում է Հերակլեսի հետ. «Հերակլեսի երկիր» հասկացությունը ճշգրիտ թարգմանությունն է հայերեն Անգեղտան։

Ինչ վերաբերում է «ձերունի Մայակիս» և նրա թոռ «Ապոխալպ» անձնանուններին, ապա հեղինակը առաջինը համարում է հայկական Հմայակ անունը, իսկ երկրորդը նույնացնում է Եդեսիայի բյուզանդական դուքս, ժագումով հայ Ապուբապի անվան հետ։ Վերջում համառոտակի խոսվում է էսկուրիալի տարբերակում հիշված մի այլ անձնավորության մասին, որ կոչվում է Մուսուֆիս։ Հեղինակը նրան նույնացնում է Չորրորդ Հայքի Դեգիթ վայրում հաստատված հայ նշանավոր ուղմական գործիչ Մանվելի որդի Մուղաֆարի (Մուղաֆարի) հետ, որ բյուզանդական կայսր Լևոն VI-ի (886—912 թթ.) օրոք անցավ բյուզանդացիների կողմը և բարձր դիրքի արժանացավ։

«ЭНИКИОН» В ВИЗАНТИИ
И СТОЛИЦЕ АРМЯНСКИХ БАГРАТИДОВ АНИ
В ЭПОХУ ВИЗАНТИЙСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА (1045—1064 гг.)

Р. М. БАРТИКЯН

История городов и городской жизни в Византии довольно хорошо изучена советскими и зарубежными исследователями. Уже имеется ряд монографий и отдельных статей, освещающих ту или иную сторону вопроса¹. Среди нуждающихся в дополнительном освещении вопросов находится и эникион (ἐνοίκιον), сведения о котором не очень многочисленны. Для изучения этого вопроса остается главным образом «Книга эпарха». Однако содержащиеся в ней данные далеко не достаточны, чтобы составить более или менее ясное представление об эникионе в византийских городах и особенно в Константинополе. Нами исследован армянский материал, целиком нетронутый историками с этой точки зрения и дающий возможность составить более ясное представление о византийском эникионе.

Эникион до сих пор считался арендной платой, которую торговцы и ремесленники городов платили владельцам «домов», используемых в качестве магазинов и мастерских. Разумеется, эти «дома» могли принадлежать как частным лицам, так и государству, которым и поступала арендная плата.

«Константинопольские дома,—пишет М. Я. Сюзюмов,—в центре и торговых районах строились с расчетом на сдачу в аренду нижних этажей; их обычно снимали мелкие торговцы и ремесленники, которые редко имели эргастерии и лавочки в собственных домах: большей частью им приходилось арендовать помещения в частных домах или казенных зданиях»².

В «Книге эпарха» эникион встречается восемь раз: IV, § 9, VI, § 5, IX, § 4, X, § 3, XI, § 7, XIII, § 6, XVIII, § 1, XIX, § 2. В шести случаях он упомянут в связи с запретом «явно или обманным путем» повышать эникион, т. е. квартирную плату. В одном случае (VI, § 5) говорится о том, что иноземные торговцы шелком-сырцом обязаны вносить только эникион и плату за проживание. И, наконец, в другом случае (XVIII, § 1) сказано, что хлебопеки «должны начислять прибыль (в размере) одного кератия и двух милиариснев на одну номисму», из которых одна часть идет на эникион—квартирную плату.

¹ См. библиографию в книгах: А. П. Каждан. Деревня и город в Византии в IX—X вв. М., 1960, Введение; Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод и комментарии М. Я. Сюзюмова, М., 1962.

² Византийская книга эпарха, стр. 153.

Во всех вышеупомянутых примерах эникион имеет значение *арендной платы*, выплачиваемой ремесленником (или корпорацией ремесленников) и торговцем домовладельцу, который является частным лицом. Только в одном случае (VI, § 5) домовладельцем, по всей вероятности, является государство.

Но можем ли мы эникион считать лишь арендной платой за помещение? В чем суть реформы Романа I Лекапина об освобождении от уплаты эникиона? Кедрин по этому поводу пишет: «...ὁ βασιλεὺς Ῥωμανός... ἀπέτισε... καὶ τὰ χρέα τῆς πόλεως ἀπὸ τε πλουσίων καὶ πενήτων, δωδωκῶς, ὡς φασί, κεντηνάρια δέκα ἐννέα, τὰ δὲ γραμματεῖα κατακαύσας ἐν τῷ κατὰ τὴν Χαλκῆν πορφύρῳ ὀμφαλίῳ. δέδωκε δὲ καὶ τὰ ἐνοίκια τῆς πόλεως ἀπὸ τοῦ ὑψηλοτάτου καὶ μέχρι τοῦ ἐσχατοῦ»³ («Император Роман отказался от долгов граждан—и богатых, и бедных, уступив им, как говорят, девятнадцать кентинариев. Он сжег и документы о задолженности, хранившиеся в Халке, в багряном омфалии. Он освободил также город от уплаты эникиона, от самого высокого до самого низкого»).

О том же сказано у Продолжателя Феофана, где дается дата реформы — 22-й год царствования Романа (941 г.)⁴.

Император, несомненно, имел полное право не брать арендной платы от тех, кто снимал дома, принадлежащие государству. Но вряд ли он мог лишить частных домовладельцев права на арендную плату за их собственные помещения. Ради чего собственник должен был даром предоставлять свои дома торговцам или ремесленникам? Этот вопрос привлек внимание исследователей. М. Я. Сюзюмов писал: «Неясно, к кому это относилось, только ли к тем, кто арендовал в данном году помещения в казенных зданиях, или и к лицам, снимающим частные дома. Если принять во внимание, что Роман I, по сведениям тех же авторов, освободил от долгов всех—богатых и бедных, то логично считать, что распоряжение распространялось и на эникион как за казенные, так и за частные помещения»⁵.

Такая постановка вопроса не убедительна, ибо реформа касалась не арендной платы, которую торговцы и ремесленники платили домовладельцам, а налога, выплачиваемого торговцами и ремесленниками государству. Эта реформа вовсе не ущемляла интересы знати, как полагает М. Я. Сюзюмов. Из всего сказанного следует, что эникион Кедрина и Продолжателя Феофана не совпадает с содержанием эникиона «Книги эпарха». Это подтверждается армянскими источниками.

* * *

В 1045 г., после ряда неудачных попыток, путем обмана и коварства Византии удается овладеть столицей армянских Багратидов городом Ани. Царство Багратидов пало. Армения стала одной из многих провин-

³ Cedreni, t. II, ed. Вонпае, стр. 318—319.

⁴ Theoph. Cont., ed. Вонпае, стр. 430.

⁵ Византийская книга эпарха, стр. 154.

ций Византийской империи. В Ани обосновался византийский правитель-катепан, который и должен был в дальнейшем править страной.

В указанный период Ани был одним из самых богатых и развитых городов, центром оживленной международной торговли. Очень высокого уровня достигли здесь ремесла⁶. Об этом свидетельствуют не только армянские, но и византийские источники. Михаил Атталиат, например, пишет, что город Ани был чудесным (θαυμάσια πόλις) и что все его население занималось торговлей (ἐμπορίῃ)⁷.

В Армении помещение, занимаемое торговцем, называлось «кулпак» (կուլպակ—магазин, лавка, ларек). Это слово часто встречается в лапидарных надписях, особенно в надписях самого города Ани. Но очень странно, что нигде не встречается слово «мастерская». И это в то время как археологический материал и нарративные источники подчеркивают факт развитого ремесла в Ани. Но в лапидарных надписях очень часто рядом со словом «кулпак» встречается слово «тун» (дом, по греч. οἶκος), под которым, несомненно, подразумевается мастерская. Среди тысяч лапидарных надписей, собранных на территории исторической Армении, немалую часть составляют надписи, имеющие пожертвовательное содержание. В то время, как в надписях Ани и его окрестностей «кулпак» и «дома», пожертвованные церквям и монастырям, встречаются часто, они почти отсутствуют в надписях других районов Армении. Здесь в качестве пожертвований выступают преимущественно земля, виноградники, вода, мельница, животные, книги, деньги, леса и другие угодья.

В «Корпусе» армянских лапидарных надписей Костанянца⁸, собранных в районах исторической Армении, «кулпак» упоминается в 21 надписи, 18 из которых относятся к Ани и его окрестностям (надписи X—XIII вв.). В надписях того же периода 33 раза упомянуты «дома», главным образом в Ани и его окрестностях и частично в других городах. Удивительно, что упомянутые в надписях других селений «дома» представляют собой не мастерские, а обыкновенные жилища, в отличие от «домов» Ани и его окрестностей.

В 163-х недатированных надписях, собранных Костанянцем, «дом» упоминается 11 раз, 10 из них относятся к Ани и его окрестностям. В одиннадцатой надписи слово «дом» употреблено в значении «семья». Во всех 163-х надписях «кулпак» упомянут четыре раза, причем в трех надписях эти упоминания относятся к Ани.

⁶ См. Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954; Б. Н. Аракелян. Города и ремесла Армении в IX—XIII вв., т. I—II. Ереван, 1958—1964 (на арм. яз.).

⁷ См. Michaelis Attaliotae. Historia. Вонпае, 1853, стр. 80—81.

⁸ См. «Летопись на камнях». Собрание — указатель армянских надписей, составил К. Костанянц. СПб., 1913. Разумеется, «Корпус» Костанянца далеко не полный, но пока что он единственный свод надписей из всех районов Армении. Несмотря на все его недостатки, он дает полную картину вещей. Институт археологии и этнографии АН Арм. ССР приступил к изданию многотомного «Корпуса» надписей. Уже издано три тома.

не одно и то же. Если в «Книге епарха» это—арендная плата за мастерские и лавки, принадлежавшие частным лицам или государству, то в постановлении Романа эникион—налог, то же самое, что и «пахт на дома», выплачиваемый ремесленниками и торговцами государству, а вовсе не арендная плата домовладельцу. Выходит, что одно и то же лицо платило эникион (арендную плату) домовладельцу и эникион государству в виде подоходного налога¹⁵. Сейчас ясно, что Роман мог отказаться от него (как это сделала Феодора в 1055—1056 гг.), отказаться от самого высокого до самого небольшого налога, который платили торговцы и ремесленники соответственно размерам и местоположению их лавок и мастерских. Понятно, что это постановление должно было обрадовать всех, а не только часть населения.

Вернемся к надписи магистра Аарона. Как уже сказано, восемь литров золота анийцы платили не только в виде налога на дома, т. е. на мастерские; сюда входил и налог, который в надписи назван «*բաժակ*» «*фастак*». В армянской исследовательской литературе термин «*фастак*» еще не нашел окончательного объяснения. В. Н. Бенешевич перевел его как «десятина», не имея на это каких-либо оснований. Н. Я. Марр считал, что это слово происходит от персидского «*dastak*»-грамма, но переводит «повинности»¹⁶. С. Егиазаров тоже связывал его с персидским словом «*dastak*», подразумевая под ним «определенный налог в пользу сборщика налогов»¹⁷. Это неверно, так как из надписи ясно видно, что налог этот выплачивался государству и его отменил хрисулул самой императрицы. С Егиазаровым согласен Я. А. Манандян, который со своей стороны добавляет, что «*фастак*» то же самое, что «шариат» или «пахт на дома», или $\frac{1}{4}$ этого налога мутасибу (эпарху города). Эта мысль ошибочна, так как в надписи Аарона «пахт на дома» и «*фастак*» встречаются рядом, и если они представляли одно и то же понятие, то совместное их упоминание не имело бы смысла¹⁸.

Слово «*фастак*» встречается лишь в лапидарных надписях и всего пять раз, и только в XI веке.

1. В надписи 1008—1014 гг. на стене Текорского храма сказано: «Я, царь Ашот, упразднил все подати (*һарк*) вовеки и *фастак*».

¹⁵ В свете всего сказанного можно объяснить, на первый взгляд, одно недоразумение. По одному документу, изданному Миклошичем и Мюллером, башня, сдававшаяся под эргастерию, давала домовладельцу в год 200 номисм дохода, а по *Diataxis* Михаила Атталиата за аренду мироварной эргастерии следовала плата 14 номисм в год (см. Византийскую книгу епарха, стр. 153). Как бы ни была велика разница между этими двумя эргастериями (и по месту их расположения в столице, и по размерам), разница в сумме непомерно большая. Видимо, в случае 200 номисм речь идет об арендной плате, а в случае 14 номисм имеется в виду государственный налог.

¹⁶ Н. Я. Марр. Новые материалы по армянской эпиграфике. «Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества», т. VIII, 1893, стр. 80.

¹⁷ С. А. Егиазаров. Исследования по истории армянского права. Киев, 1919, стр. 4, 42.

¹⁸ См. С. Акопян. История армянского крестьянства, кн. I. Ереван, 1957 (на арм. яз.), стр. 412.

2. В надписи 1013 г., высеченной на стене храма в *һОромосе*, игумен Анания пишет, что царь Гагик, его сыновья Смбаг, Абас и Ашот освободили храм от уплаты податей (*һарк*) и *фастака*.

3. В надписи Ереруйкского храма 1038 г. говорится, что царица, дочь царя Абаса, освободила Ереруйк от уплаты *фастака*.

4. В надписи Аламанского храма 1041 г. царица Хосровануш освободила Аламан от уплаты «податей» (*һарк*) и *фастака*.

5. Этот же термин содержится в вышеприведенной надписи магистра Аарона.

Как видим, все пять надписей относятся к Ани и его окрестностям. Во всех случаях налог выплачивался государству, и освобождением того или иного монастыря или горожан от уплаты *фастака* распоряжался двор—в первых четырех случаях Багратиды, а в последнем случае—византийский двор, поскольку царство Багратидов в Армении было уже упразднено.

Из этих пяти случаев *фастак* один раз упоминается отдельно, в трех случаях вместе со словом «*һарк*»—подать и лишь один раз со словом «пахт на дома»—мастерские. Любопытно, что три случая упоминания *фастака* со словом «*һарк*» относятся не к самому городу Ани, а его окрестностям. Только в единственном его упоминании он относится к Ани и выступает вместе с эникионом. Если «*һарк*» встречается и в дальнейшем, то *фастак* в последний раз упоминается в надписи магистра Аарона, т. е. он появился и прекратил свое существование в то же самое время, что и «пахт на дома». Это обстоятельство также дает нам право видеть в них близкое содержание. Итак, если в надписи Аарона «пахт на дома»—это налог от владельцев мастерских, то не исключено, что *фастак* есть налог от владельцев «кулпаков»-магазинов, торговцев. Оба налога вместе в Ани составляли восемь литров золота в год. Насколько известно, этот случай единственный в истории Византии, когда определенно указывается сумма налога, ежегодно выплачиваемого городом¹⁹. И это очень важно, так как становится возможным в общих чертах определить количество торговых и ремесленных точек в Ани. Как уже сказано, в Константинополе мироварная мастерская давала государству 14 номисм налога в год. Если для Ани взять за основу половину этой суммы (возможно, и меньше), то в середине XI века там было около 100 крупных мастерских-магазинов, которые облагались государством. В это время в Ани проживало приблизительно 50—60 тысяч человек, и такое число мастерских-магазинов кажется не далеким от истины.

* * *

От эпохи византийского владычества в Ани, как было отмечено, дошла до нас и вторая армянская надпись. Она высечена от имени катепана Востока магистра Багарата и датируется 1060 г.²⁰

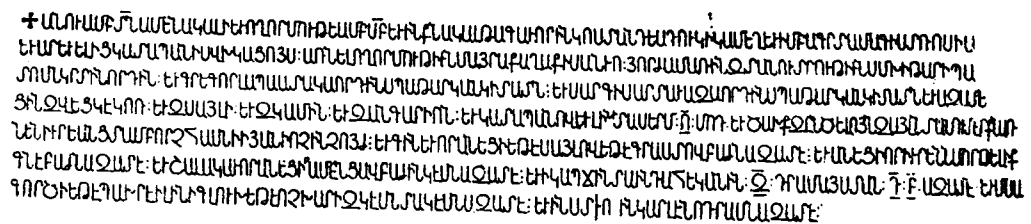
¹⁹ Девятнадцать кентинариев (136 800 номисм), от которых отказался Роман, могли быть не только налоги одного года, но также задолженности прошедших лет.

²⁰ См. В. Н. Бенешевич. Три анийские надписи, стр. 26.

Багарат, по прозвищу Вихкаци, принадлежал к известному роду Кекавменов²¹. Раньше он служил в Византии в качестве дуки Вазпуракана, о чем свидетельствует памятная запись монаха Феодула²² от 1059 г.

Багарат в византийских источниках упомянут дважды—Скилицей Кедрином и Михаилом Атталиатом. Оба отзываются о нем нелестно, считая его главной причиной гибели Ани под ударами сельджукских орд Алп-Арслана. По данным Атталиата, Багарат (Παγκράτιος) обратился к царю с просьбой назначить его правителем Востока без каких-либо денежных вознаграждений и обещал ему лучше обеспечить Ани и его окрестности всем необходимым²³. Царь, который сильно нуждался в деньгах, удовлетворил его просьбу. Скилица приводит еще более важные для нашей темы данные. Он пишет, что Панкратий обещал царю обеспечить войско местными ресурсами (ἐκ τῶν ἐνότων ὑποχόμενος τὰ ἐκεῖσε στρατεύματα διοικεῖν)²⁴. А какие могли быть местные ресурсы в Армении, в первую очередь в столице армянских Багратидов? Несомненно, налоги с торговцев и ремесленников. Вспомним еще раз слова Марвази о том, что в Византии «большую часть государственного дохода составляют налоги, собираемые с торговцев». Багарат под «местными ресурсами» имел в виду именно эти налоги, т. е. упраздненные византийской императрицей Феодорой при посредничестве магистра Аарона «пахт на дома» и «†астак».

Итак, в 1060 г. Багарат, ставший катепаном Востока, прибыл в Ани и стал осуществлять то, что обещал императору. Свое распоряжение он оставил на стене кафедрального собора в городе Ани в виде надписи, высеченной рядом с надписью магистра Аарона, о которой мы уже говорили. Приводим начало надписи²⁵:

Надпись магистра Багарата (Свод армянских надписей. Выпуск I. Городище Ани. составил И. А. Орбели, Ереван, 1966, стр. 37).

«Անուամբ տեանն ամենակալի և ողորմութեամբ սուրբ և ինքնակալ թագաւորին Կստանդեա Դուկի կամ եղև իմ Բագրտա մագիստոսիս և Արևե-

²¹ См. Н. Bartikian. La généalogie du Magistros Bagarat, Catépan de l'Orient, et des Kékauménos. „Revue des Etudes Arméniennes“, Nouvelle Série, т. II, 1965, стр. 261 и сл.

²² См. Н. O m o n t. Facs. des manuscrits grecs datés du IX au XIV s., табл. XXVI.

²³ См. Michaelis Attaliotae. Historia, стр. 80.

²⁴ Cedrenos, II, стр. 653.

²⁵ Дается перевод лишь начала надписи, так как она полностью еще не расшифрована, а ее переводы (в том числе и В. Н. Бенешевича) неубедительны и неприемлемы.

լից կատապանիս Վիկացոյս, առնել ողորմութիւն մայրաքաղաքիս Անույ, չորժամ առին զտանուորութիւնս Միխիթար իպատոսն Կրտին որդին և Գրեգոր Լապաստակա որդին սպաթարկանկիտատն և Սարգիս Արտաւազա որդին սպաթարկանկիտատն և ազատեցին զվեցկէ կոռ և զսալլի և զկամին և զանգարին...» (Գիվան հայ վիմագրութիւն, սր. I, Անի քաղաք, էջ 37).

«Именем Господа Вседержителя и милостью святого и самодержавного царя Константина Дуки возжелал я, Багарат Вихкаци, магистр и катепан Востока, оказать милость этой столице Ани, когда ипат Мхитар, сын Курта, и спафарокандидат Грегор, сын Лапастака, и спафарокандидат Саргис, сын Артаваза, получили танутерство и освободили от вецке кора²⁶ и тележного (кора), и молотильного (кора), и от ангариона...»²⁷.

Трое военачальников, как видно, «получили танутерство». Так переводит Бенешевич. В надписи это выражено словами: «арин зтанутруфюнс». Все исследователи без исключения под «տանուարութիւն» — «танутруфюн» подразумевают «տանուաւորութիւն» — «танутеруфюн»; одни «исправляют» слово надписи, другие, хотя и не «исправляют», но понимают, толкуют и переводят как «танутеруфюн». Броссе переводит «tanouters» и объясняет «i. e. maire, echevin»²⁸. Несомненно, что это ошибочно, так как понятие предполагаемого института передано названием лица, ведавшим этим институтом. Н. Эмин переводит: «Когда приняли управление городом»²⁹, С. Егиазарян — «когда управление городом приняли»³⁰. Это тоже ошибочно, ибо в надписи слово стоит во множественном числе, кроме того известно, что городом управлял Багарат.

«Танутеруфюн» — это сложный термин, распространенный в источниках раннего средневековья (Мовсес Хоренаци, Лазар Парпеци). Это от «տուն» «тун» (род. падеж «тан») — дом и «տերութիւն» «теруфюн» = господство, власть, носитель которой назывался «танутер»-ом (от «тун» = дом и «тер» = владыка). Вся Персидская Армения до 591 г. называлась Танутерской — «Танутеракан»³¹, а ее марзпан — танутером. Он был один. Но в интересующий нас период, хотя и во множестве упоминаются танутеры, танутеруфюн как институт не выступает. И танутеры уже не имеют того содержания, что раньше. Танутер в городах — то же самое, что οἰκόχυρος в византийских источниках (οἰκόχυρος тоже состоит из слов „οἶκος“ = дом и „χυρός“ = владыка (тер), а οἰκόχυρος в „Книге эпарха» значит домовладелец, т. е. владелец лавки или мастер-

²⁶ «Кор» по-армянски означает «барщина» (см. Я. А. Манандян. Феодализм в древней Армении. Ереван, 1934, стр. 210, на арм. яз.). «Вецке кор» это «кор», выполняемый с помощью плуга, запряженного парой волов (см. С. Акопян. Указ. соч., стр. 317).

²⁷ Перевод В. Н. Бенешевича с некоторыми исправлениями.

²⁸ Brosset. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, III rapport. St. Pétersbourg, 1849, стр. 95.

²⁹ Н. Эмин. Армянские надписи в Карсе, Ани и в окрестностях последнего. М., 1881, стр. 14.

³⁰ С. А. Егиазаров. Указ. соч., стр. 5.

³¹ Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 232.

ской. Именно так нужно понимать слово «танутеры» в той же самой надписи Багарата, в части, не приведенной нами³².

Если в XI в. не было понятия «танутеруѳюн» в качестве института, то тем более странно, что в надписи Багарата слово, принятое исследователями как «танутеруѳюн», стоит в винительном падеже *множественного* числа, и если быть последовательным, то следовало бы переводить его не «танутерство», а «танутерства», не «управление», а «управления». Выходит, что в Ани было несколько «танутерств», которых желающие могли «взять на себя» или «получить» (в надписи *ἡμῶν τανουτρύγιον* «арин зтанутруѳюнс»). Ни в одном источнике данной эпохи не засвидетельствовано существование понятия танутеруѳюн как института, тем более одновременное существование нескольких таких институтов в одном и том же городе.

В надписи никакой ошибки нет, действительно должно быть *ἡμῶν τανουτρύγιον* „танутруѳюн“, а не *ἡμῶν τανουτρύγιον* „танутеруѳюн“. Слово это состоит не из *τανῶν* + *ουτρύγιον* „тун“ + „теруѳюн“ (дом + власть), а *τανῶν* + *ουτρύγιον* „тун“ + „труѳюн“. *ουτρύγιον* „труѳюн“ происходит от слова *ουτρύ* „тур“ (мн. число *ουτρύ* „турк“), что означает государственный налог³³ (от глагола *ουτρύ* „тал“ — давать, ср. рус. подать, дань, гр. *δοσις*). Сложных со вторым словом *ουτρύγιον* „труѳюн“ в армянском языке множество, ср., например, *βαρῆ ουτρύγιον* „баретруѳюн“ (даяние благ), *φωσῆ ουτρύγιον* „паратруѳюн“ (хвала, величание, дословно даяние славы) и т. д.³⁴

Следовательно, *ἡμῶν τανουτρύγιον* «танутруѳюн» в надписи Багарата означает государственный налог на дома — то же самое, что «пахт на дома» в надписи магистра Аарона, то же самое, что византийский эникион³⁵.

Итак, если указом императрицы Феодоры в 1055—1056 гг. анийцы были освобождены от уплаты государству эникиона, то спустя 3—4 года, в царствование Константина Дуки, этот налог уже был восстановлен, с

³² Слово упоминается в следующем контексте: «И остальные расходы на посев (?) берут на себя *танутеры* своим *домом*, чтобы не случилось с Ани никакой обиды» (перевод Бенешевича этого места надписи неточен). В «Типиконе» армянина по происхождению, но халкедонита по вероисповеданию Григория Пакуриана, составленном почти в то же самое время, что и надпись Багарата, читаем: „Ἐτερῶ δὲ ἔστω κελλαρίτης, ὅς παρὰ τοῖς ἱεραῖς τανουτρύγιος ὀνομάζεται, (Сведения византийских писателей о Грузии, том V, Тбилиси, 1963, стр. 152). Пакуриан даже уточняет, чем занимался этот *танουτρύγιος*: он ведал пищей монахов. В *Μέγζ Λεξικὸν Δημητράκου* (Том V, стр. 3846) слово *κελλαρίτης* объясняется как *ὁ ἀποθηκάρχης, ὁ φροντιστής τῶν τροφίμων ἐν μονῇ ἢ ἄλλῳ ἱερῷματι*. Чтобы стать *κελλαρίτης*-ом, не нужно иметь высокого чина спарококандата. В деревне тоже были танутеры; они там представляли собой старейшин.

³³ См. Р. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. VI. Ереван, 1932, стр. 732—733.

³⁴ Там же, стр. 733.

³⁵ Было бы странным, если бы в надписи, целиком посвященной налогам и податям, не было слова о самом основном налоге от торговцев и ремесленников, упоминаемом в надписи магистра Аарона на первом месте.

той разницей, что во времена магистра Аарона сумма налога была твердо определена и его платили непосредственно государству, а теперь в его сборе выступают посредники — три человека³⁶, по терминологии автора Кекавмена, «пактонарии» (*πακτοναρίος*), от совести которых зависело количество собираемого налога. Для получения права быть сборщиками налогов они платили определенную сумму и разумеется были заинтересованы в том, чтобы получить обратно не только капитал (*κεφάλαιον*), но и выгоду (*κέρδος*). Здесь очень кстати вспомнить, что писали византийские авторы о подобной практике сбора налогов в данную эпоху, о спекулятивных путях, к которым прибегали византийские чиновники для получения выгоды, вспомнить автора Кекавмена, который писал, что «тот, кто приобретает должность на деньги, он старается получить не только то, что внес, но и выгоду, из-за чего он становится противным всем и ненавистным»³⁷. О распространенной в Византии практике за деньги получать право быть сборщиком налогов автор Кекавмен упоминает не один раз. Он указывает, что этим занимался сам племянник его отца стратег Иоанн Май³⁸.

Вышеупомянутые военачальники, по всей вероятности, для получения права быть сборщиками налогов деньги отдали Багарату; ведь эти деньги Багарат имел в виду, когда говорил византийскому императору о «местных ресурсах». И хотя в своей надписи пишет, что возжелал «оказать милость этой столице Ани», у армян он не пользовался хорошей репутацией и был назван ими, в данном случае Матфеем Эдесским, подлым князем, причиной гибели Ани и Армении.

Военачальники, получив право быть сборщиками налогов, как далее говорится в надписи, «освободили от вецке кора, от тележного (кора) молотильного (кора) и от ангарииона». В Византии, как известно, ремесленники и торговцы, подчиненные епарху, должны были исполнять определенные повинности, которые назывались «литургией». В данном случае, видимо, речь идет о трудовой повинности анийских ремесленников и торговцев. Собирая «танутруѳюн», т. е. эникион, Багарат освободил их от выполнения трудовой повинности, которую, по всей вероятности, ввел магистр Аарон, когда освободил анийцев от «пахта на дома и *фастака*». Аарон, вводя трудовую повинность, ставил себе целью укрепить обороноспособность города и обеспечить его хлебом. Что укрепление городских стен было произведено не на средства Византии, а трудом анийцев, видно из самой надписи Аарона, в которой, говоря о постройке водопровода, он особо указывает, что провел его на «свои средства», тогда

³⁶ Город Ани исторически делился на три района (см. И. Орбели. Краткий путеводитель по городищу Ани. Избранные труды. Ереван, 1963, стр. 105). Можно предположить, что каждый из трех военачальников взял на себя обязанность по сбору налогов в одном из этих районов.

³⁷ Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus, ediderunt B. Wassiliewsky et V. Jernstedt, Petropoli, 1896, стр. 59.

³⁸ Там же, стр. 39.

как ничего подобного не говорится, когда речь идет о постройке стен и башен, хотя об этом в надписи сказано раньше, чем о водопроводе³⁹.

Таким образом, как в Константинополе, так и в столице Армении Ани существовали «кулпаки» и «дома» — лавки и мастерские, принадлежавшие домовладельцам и сдаваемые ими в наем торговцам и ремесленникам. Последние были обязаны платить государству налоги, которые в Византии назывались *ἐνοίκιον* или *ἐνοικιακά*, а в Армении „пахт на дома“ или «танутруфюн». Что же касается Византии, термин «эникион» имел там двойное значение. Он одновременно означал и арендную плату, и подоходный налог.

**«ԷՆԻԿԻՈՆԸ» ԲՅՈՒԶԱՆԴԻԱՅՈՒՄ ԵՎ ԱՆԻՈՒՄ
ԲՅՈՒԶԱՆԴԱԿԱՆ ՏԻՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԺԱՄԱՆԱԿԱՇՐՋԱՆՈՒՄ
(1045—1064 թթ.)**

Հ. Մ. ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

(Ա մ փ ա փ ու մ)

Ուսումնասիրվող ժամանակաշրջանի բյուզանդական սկզբնաղբյուրներում հանդիպում է «էնիկիոն» տերմինը, որն ուսումնասիրողները մեկնաբանում են որպես վարձակալման գումար, որ արհեստավորներն ու առևտրականները վճարում էին իրենց վարձակալած շենքերի համար տնատերերին, լինեն նրանք մասնավոր անձնավորություններ կամ պետություններ ինքր: Հայկական սկզբնաղբյուրները հնարավորություն են տալիս ավելի լրիվ պատկերացում կազմելու «էնիկիոնի» նշանակության մասին: Անիի մայր տաճարի պատի վրա XI դ. կեսերին փորագրված երկու արձանագրություններից Անիի կատապան մագիստրոս Ահարոնի արձանագրության մեջ խոսվում է «պախտ տանց» հարկի մասին, իսկ արևելից կատապան Բագարատ Վիկացու արձանագրության մեջ՝ «տանուտրոբյան» մասին: Հեղինակը գտնում է, որ երկու դեպքում էլ խոսվում է նույն հարկի, այն է՝ «տներից» (արհեստանոցներից) և «կուղպակներից» (խանութներից) գանձվող հարկի մասին, որն իր հերթին նույնանուն է բյուզանդական «էնիկիոնի» հետ: Եվ քանի որ Անիում տվյալ հարկը պետական հարկի նշանակություն ուներ, ապա «էնիկիոնը» ևս, բացի վարձակալական գումարից, նշանակում էր նաև արհեստավորների և առևտրականների կողմից պետությանը վճարած պետական հարկ:

Բագարատ Վիկացու արձանագրության մեջ հանդիպող «տանուտրոբյան» բառին նոր մեկնաբանություն տալով, հեղինակը գտնում է նաև, որ արձանագրության մեջ խոսվում է Անիի հարկերը որոշակի անձնավորությունների կապալով տալու մասին, մի երևույթ, որ, ինչպես ցույց է տալիս «Ստրատեգիկոնի» հեղինակ Կեկավմենոսը, այդ շրջանում լայն տարածում էր գտել Բյուզանդիայում, ինչպես և նրա կողմից նվաճված հայկական շրջաններում:

³⁹ На существование в Ани «литургии» впервые обратил внимание И. А. Орбели. См. его статью «О двух терминах в надписях Ани». Избранные труды. Ереван, 1963, стр. 477—481.

Р. М. БАРТИКЯН

**ОБ ОДНОЙ ВАЖНОЙ КОНЪЕКТУРЕ В „СОВЕТАХ И
РАССКАЗАХ“ КЕКАВМЕНА**

В 1896 г. В. Г. Васильевский и В. К. Ернштедт опубликовали под названием *Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus* рукопись XIV—XV вв., хранящуюся ныне в Отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве (№ 298). Она состоит из двух частей: первая ее часть озаглавлена „*Στρατηγικόν*“. Вторую часть издатели назвали „*Λόγος νομιστικὸς πρὸς βασιλέα*“. Они считали, что эта часть принадлежит перу не автора *Στρατηγικόν*. Основанием для такого вывода послужил, между прочим, и § 242 данного труда. В нем автор обращается к византийскому императору с советом не давать высоких чинов чужестранцам, если они не принадлежат к царскому роду своей страны. По этому поводу он задает императору вопрос: „ведь если почтишь прибывшего *ἑξαγγέλοις* чужеземца примикерием или стратигом, то какой же чин останется у тебя, чтобы отдать ромею?“.

В. Г. Васильевский *ἑξαγγέλοις* рукописи читает *ἑξ Ἀγγέλης* и под этим подразумевает Англию. На этом основании он озаглавленный *Λόγος νομιστικὸς πρὸς βασιλέα* датирует началом царствования Алексея I Комнина (1081—1118 гг.), ибо, по данным Анны Комнины, английские наемные войска прибыли в Византию именно тогда, и так как „Стратегикон“ Кекавмена написан до свержения императора Михаила VII Дуки (7 января 1078 г.), то „Стратегикон“ и „*Λόγος νομιστικὸς πρὸς βασιλέα*“ написаны в разное время и разными людьми¹.

Французский византиновед П. Лемерль убедительно показал, что обе части написаны рукой одного и того же человека². В связи с этим Лемерль был вынужден остановиться и на чтении *ἑξ Ἀγγέλης* издателей. Отвергнув их предположение, а именно, что под *ἑξ Ἀγγέλης* имеется в виду Англия, он вообще в этом месте не видит упоминания географической местности и предлагает *ἑξαγγέλοις* первоисточника читать не *ἑξ Ἀγγέλης*, а *ἑξ ἀγγέλης*, т. е. „из простонародья“ („*du commun*“, „*du vulgaire*“), и считать, что здесь противопоставляется приехавший в Византию „чужеземец“, выходец из простонародья, тому чужеземцу, который принадлежит царскому роду своей страны (*ἀπὸ*

¹ *Cecaumeni Strategicon ...*, p. 8—9.

² P. Lemerle, *Prolégomènes à une édition critique et commentée des „Conseils et Récits“ de Kékauménos*, Bruxelles, 1960, p. 5 sq. Ср. Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан, По поводу книги П. Лемерля О „Советах и рассказах“ Кекавмена, Византийский Временник. том XX, 1961, стр. 280.

βασιλικῶ γένους), о котором речь шла в начале данного предложения указанного источника.

По законам греческого языка употребление в данном контексте предлога ἐξ, конечно, возможно, хотя здесь, если согласиться с конъектурой Лемерля, ожидалось бы не ἐξ, а ἀπὸ, как в предыдущем случае („ἀπὸ βασιλικῶ γένους, следовательно, ἀπὸ ἀγέλης, скорее ἀπ'ἀγέλης). Но данная конъектура вызывает сомнения, во-первых, потому, что ἀγέλης и Ἀγγέλης не звучат одинаково, чтобы видеть в нем ошибку, допущенную писцом из-за созвучия этих слов. Греки букву „γ“ и в интересующую нас эпоху произносили не так, как произносим ее мы — не греки (г). Они ее перед „ε“ произносят „й“, ἀγέλης читают как «айелис», а не «агелис». Но есть более веские причины сомневаться в правильности данной конъектуры. Об этом подробно писали Г. Г. Литаврин и А. П. Каждан в своей рецензии. Считаю необходимым привести их соображения по этому поводу полностью. „В связи с этим, пишут они, следует сказать и о конъектуре Лемерля ἐξ ἀγέλης (р. 63. 105), вместо ἐξ Ἀγγέλης издателей и ἐξαγγέλους подлинника (р. 95. 7—8 et nota). Как известно, упоминание о появлении в Византии наемников, прибывших „из Англии“, служило уже для В. Г. Васильевского основанием датировать составление памятника 1080—1081 гг., ибо Анна Комнина упоминает о прибытии английских воинов в Византию именно под 1081 г. П. Лемерль справедливо подвергает сомнению конъектуру издателей. В самом деле, текст гласит: „Чужеземцев, если они не из царского рода (ἀπὸ τοῦ βασιλικῶ γένους) своей страны, не возводи в большие чины (εἰς μεγάλας ἀξίας) и не вверяй им больших полномочий (μεγάλας ἀρχάς), ибо, поступая таким образом, конечно, унизишь и себя самого, и архонтов ромейских: если почтишь прибывшего из Англии (ἐξ Ἀγγέλης) чужеземца примикерием или стратигом³, ты сделаешь его [своим] врагом“ (р. 95. 4—9). „Еξ Ἀγγέλης,—продолжают Литаврин и Каждан, кажется, действительно плохо увязывается с контекстом: как мы видели, „чужеземцы“ у Кекавмена — и „франки“, и „германцы“, и „варяги“, а отнюдь не специально только „англичане“. Но это и не „чужеземцы“ ἐξ ἀγέλης („из толпы“, „из низов“, „из простонародья“). Непонятно, во-первых, почему иноземцу „царского рода“ противопоставляется, по мнению Лемерля, иноземец-простолюдин, к тому же, как следует из дальнейшего текста (р. 95, 9—15), простолюдин, известный в кругу знати той страны, откуда он прибыл. Во-вторых, если мы примем конъектуру Лемерля, можно заключить, что чужеземца из „царского рода“ (в противоположность простолюдину) можно сделать стратигом, что противоречит

³ Г. Г. Литавриным и А. П. Кажданом после слова „стратигом“ пропущены слова: „τὴ ἀξίαν ἔχεις δοῦναι τῷ Ῥωμαίῳ στρατηγίαν; πάντως“, что исказило смысл данного места предложения. В действительности врагом императора становится не чужеземец (почему, собственно, он бы стал врагом императора, получив от него высокий чин), а ромей, увидевший, как легко эти чины получает чужеземец. Немного раньше ведь Кекавмен говорил об „унижении архонтов ромейских“?

другому высказыванию Кекавмена (р. 96, 5—20...). Кекавмен считает, что не следует давать высокие чины всем иностранцам, кроме представителей королевского рода, а не только простолюдинам; начальство же над крупными областями (должности дуки, катепана, стратига)—не давать никому из чужеземцев, даже племянникам западных венценосцев.

„Мы думаем,—закljučают Литаврин и Каждан, что в указанном месте говорится о факте прибытия (ἐλθόντα) иностранца откуда-то⁴ или о способе его прибытия, а не о его низком социальном происхождении, о чем Кекавмен всюду говорит совсем в других выражениях⁵.

По моему мнению, Литаврин и Каждан правы, предполагая, что речь идет об иностранце, приехавшем „откуда-то“, данный контекст дает нам полное право искать здесь географическое название, вернее, он только это и имеет в виду. Однако, считая, что в ἐξ Ἀγγέλης кроется географическое название, я далек от мысли видеть в нем Англию. Речь просто идет об Амидской области (Диарбакр), которая от названия находящейся в ней старинной крепости Ангел еще в VI веке называлась Бет-Аггелайе, т. е. „домом“ (страной) ангелитов.⁶ Эта область находилась в составе IV Армении, один из кантонов которой назывался Ангел. Название этого кантона Кекавменом приведено без какого-либо искажения, он добавил только лишь греческое окончание женского рода—ης (род. пад. ης) и это закономерно, так как речь идет о χώρα—области, стране.

Данный кантон очень часто встречается не только в армянских⁷ (в которых он считается „царской областью“) и византийских⁸ источниках, но и сирийских⁹. В последних он так и пишется—Aggel или Agel. Он упоминается также в арабских, даже курдских¹⁰ источниках.

⁴ Подчеркнуто мною.—Р. Б.

⁵ Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан, ук. соч., стр. 295.

⁶ См. Н. В. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 15. В греческом тексте Агафангела—οἶκος τῶν Ἀγγελιτῶν. См. Agathangelus und die Akten Gregors von Armenien, Neu herausgegeben von P. de Lagard, Göttingen, 1887, S. 68, 83.

⁷ См. История Армении Фавстоса Бузанда, перевод М. А. Геворкяна, Ереван, 1953, стр. 112, 163; Агафангел, История Армении, Тифлис, 1909, стр. 414, 460, (на древнеарм. яз.); Иоанн Мамиконян. История Тарона, Ереван, 1941, стр. 77 (на древнеарм. яз.).

⁸ См. Ex Historia Petri Patricii et Magistri excerpta de legationibus Romanorum ad gentes, Bonnae, 1829, p. 135: Cod. Just., De off. mag. mil., 1, 29, 5.

⁹ Josua Stylites ed. Wright, p. 46, 19; Zacharias Rhetor, 155, 251, Joh. Ephes. de beat. orient. 143, 183 (apud H. Hubschmann. Die altarmenischen Ortsnamen, Strassburg, 1904, 304). См. также Н. В. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V—VI вв., Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник, М.—Л., 1940, стр. 149; ее же, Сирийские источники, стр. 15.

¹⁰ Шараф-хан ибн Шамсадин Бидлиси, Шараф-Наме, том I, перевод, предисловие, примечания и приложения Е. И. Васильевой, Москва, 1967, стр. 233—234.

Якут его считает городом в Диарбакре¹¹ (т. е. Амидской области)¹².

Итак, ἔξ Ἀγγέλ-ης значит не „из Англии“, а „из Ангела“, кантона IV Армении, скорее всего из Амидской области, из Диарбакра. „Чужеземец“ у Кекавмена назван „ἐθνικός“. В византийских источниках словом ἐθνικός обозначены не только „франки“, „германцы“ или „варяги“, а в первую очередь мусульмане¹³ (арабы, турки, возможно курды и др.); некоторые из них еще в X веке переходили на сторону византийцев, принимали христианство, а вместе с тем и высокие чины, но не всегда честно служили империи, и Кекавмен имел много оснований давать императору такой совет. Уточняя местность—Ангел-Амидскую область, Кекавмен, вероятно, имел в виду определенную личность или личности, недавно перешедшие на сторону империи, имена которых он не дает, упоминает лишь чины, полученные ими, видимо, предполагая, что императору ясно, на кого он намекает. В интересующую нас эпоху Амидская область находилась в руках Мерванидов, и можно надеяться, что дальнейшие поиски покажут, кого имеет в виду Кекавмен¹⁴.

¹¹ Jacut's geographisches Wörterbuch, herausgegeben von F. Wüstenfeld, Leipzig, 1924, S. 371. У Якута—Anhil, но добавлением одной точки читается Ангил. См. Арабские источники об Армении и сопредельных странах, составил А. Т. Налбандян, Ереван, 1965, стр. 136 (на арм. яз.).

¹² Не лишне сказать, что в Армении географических местностей с названием Ангел немало. Одну из них упоминает даже Прокопий Кесарийский. Он указывает, что недалеко от Двина κώμη τις ἐν διαχωρίᾳ στενοτάτῃ κεῖται, Ἀγγέλων ὄνομα (В. Р. II, 25). Данная местность совпадает с упомянутым Егише (V век) городком Ангел. См. „Егише, О Вардане и армянской войне“, подготовка к печати и предисловие Е. Тер-Минасяна, Ереван, 1957, стр. 58 (на древнеарм. яз.). Сен-Мартен локализует ее в кантоне Цалкотн. См. его 4-е примечание на стр. 76 IX тома Histoire du Bas-Empire Lebeau. Ср. С. Т. Еремян, Армения по „Ашхарацуйц“-у (Армянской географии VII века), Ереван, 1963, стр. 35 (на арм. яз.).

¹³ Дигенис Акрит был ἐθνικός μὲν ἀπὸ πατρὸς, ἐκ δὲ μητρὸς Ρωμαῖος (Гроттаферратская версия, IV, 51). Отец Дигениса был арабом-мусульманином из Эдессы.

¹⁴ Около 1070 г. на сторону византийцев перешел родственник султана Алп-Арслана Хрисоскул (у Матфея Эдесского—Ктрич), и был принят с большими почестями; в последствии он стал служить в виз. армии) см. Nic. Bruennii, Compt., I, 11; ср. Matthieu d'Edesse, Chronique, p. 162). Сын Алп-Арслана Тутуш родился именно под Амидом.

О ДВУХ ВИЗАНТИЙСКИХ ВОЕННЫХ ТЕРМИНАХ ВОСТОЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Р. М. БАРТИКЯН

Этническая неоднородность населения Византийской империи отразилась на многих сторонах ее жизни, в том числе и на армии. В рядах византийской армии служили представители многих национальностей, проживавших в пределах империи. С течением времени в ней стали служить и представители народов, в географическом отношении не имеющих ничего общего с Византией. Мы имеем в виду наемников-иностранцев. Разумеется, в укомплектованных негреками воинских частях в обиходе был язык и соответственно военная терминология той национальности, из представителей которой состояла данная часть. Нередко, однако, различные негреческие военные термины получали общеимперское распространение и тем самым вошли в словарный состав среднегреческого языка. В этой статье мы остановимся на двух, именно таких военных терминах. Речь идет о χωσάριος (var. χωσάριος) и траπεζίτης.

Слово χωσάριος засвидетельствовано впервые в анонимном военном трактате конца X века¹, известном теперь в науке как Аноним Вари². Слово в данном источнике встречается трижды, и в следующих контекстах:

1. «Пусть будут и много искусных хосариев (χωσάριοι), называющихся народом Востока траpezитами³, которые должны непрерывно вступать в страну [неприятеля] из разных мест с целью взять в плен людей».

2. «За несколько дней до того как войско решило вступить в неприятельскую страну, пусть будут отправлены дукаторы, разведчики и хосарии (χωσάριοι), чтобы тщательно разведать дороги и узнать, находятся ли те в руках врагов».

3. «Намеревающиеся с оружием овладеть городами, обнесенными стенами и таким путем поставить на колени неприятеля, должны часто совершать набеги на его страну с помощью курсоров, траpezитов, которых на Западе называют хосариями (χωσάριων).

¹ Три главы этого трактата опубликованы впервые Ch. Graux. Notices et extraits d'un manuscrit de la bibliothèque de l'Université de Bâle. Annuaire de l'Association pour l'encouragement des Études grecques en France, Paris, 1875, pp. 76—89. Составленный Graux полный текст после его смерти издал A. Martin. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, t. XXXVI (1899), p. 71—127.

² R. Vari, Incerti scriptoris byzantini saeculi X Liber de re militari, Lipsiae, 1901.

³ Как мы увидим далее, Аноним Вари не совсем прав, считая эти слова синонимами. Траpezиты—это защитники горных проходов, ущелий, а хосарии—разведчики.

Интересующий нас термин встречается также в «Стратегиконе» Кекавмена четырежды⁴, но в несколько другом написании, а именно $\chiουσαριοι$. Привожу все эти чтения:

1. «Если ты находишься в неприятельской стране, то пусть будут многочисленные верные и деятельные разведчики, которых мы называем обыкновенно хусариями ($\chiουσαριους$). Ты должен чрез них узнавать силу врага и его хитрые замыслы»⁵.

2. «Пусть у тебя будут и другие хусарии ($\chiουσαριοι$), так называемые сборные ($συνδοχοι$)⁶. Сборные суть те, которые по восьми, девяти, десяти и больше высылаются ради добывания языка».

3. «Если враг находится внутри укрепления и не выходит оттуда, и ты не знаешь его силы, то узнай от меня: он малочислен и не имеет силы. Но ты все-таки не презирай его по этому; если располагаешь достаточною силою, не давай ему сидеть, но пошли хусариев ($\chiουσαριους$) для отыскания пути, как пройти к нему».

4. «Он (т. е. дед Кекавмена) поставил двух хусариев ($\chiουσαριους$) на вершине вблизи крепости. Как скоро воевода и таксиархи (тысяцкие) сошли вниз и стали купаться, хусарии подали знак, какой им был указан. Пришпорив коней, они окружили место купанья и захватили тех, кто тут был».

Вышеупомянутые два источника, в которых встречается интересующий нас военный термин, были обнаружены и опубликованы в конце XIX века. Разумеется, о них не могли знать ни Меурсий, ни Дюканж, и встречающееся в их словарях слово $\chiουσαριος$ ⁷, по нашему убеждению,

⁴ Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libelus, ediderunt B. Wassiliewsky et V. Jernstedt, Petropoli, 1896, pp. 9, 17, 29.

⁵ Перевод В. Г. Васильевского. См. его «Советы и рассказы византийского боярина XI в.», С.-Петербург, 1881, стр. 14. Мы только вместо «соглядатаи», которым Васильевский передал греческое $\kappaατάσκοποι$, пишем «разведчики». Нужно отметить, что в этом своем труде Васильевский всюду пишет «хусарии» и по-гречески — $\chiουσαριοι$. См. там же, стр. 14, прим. 1, стр. 15, 34. Только в одном месте — стр. 34, § 76 — он пишет $\chiουσαριοι$, хотя по-русски передает «хусарии». Но в издании полного греческого оригинала «Стратегикона» Кекавмена, осуществленном им и Ернштедом совместно, всюду пишет $\chiουσαριοι$. Как мы убедимся далее, правильная форма $\chiουσαριοι$. Путаница с буквами „σ“ и „ν“ — обычное явление в греческой палеографии. Подобные ошибки допускали писцы часто, когда им встречалось негреческое слово, имя или географическое название. Ср. $Ταράντων$ (вместо $Ταρχωνων$) у Менандра, $Αυζαν$ (вместо $Αυζαν$) у Константина Порфирородного. Васильевский исправил в $\chiουσαριος$, видимо, на основании $\chiουσα$ „Суды“.

⁶ Васильевский слово $συνδοχοι$ переводит неправильно. Оно не связано с $συνδοχος$ — сбор, а с $συνδοχεια$ — сопутствие, сопровождение, конвоирование и т. д. На ошибку подобного рода обратил внимание и А. Грегуар.

⁷ Meursius, Glossar. graeco-barbarum, ed. 1614, s. v. $\chiουσαριος$ (apud Grégoire-Orgels, Qu'est-ce qu'un „Hussard“, p. 446, n. 2); Du Cange, Glossar. med. et infim. graecit., s. v. $\chiουσαριος$ (apud Grégoire-Orgels, ibidem).

ошибочно отождествляется исследователями⁸ с $\chiουσαριος$ - $\chiουσαριος$ наших источников⁹.

Вопрос стал изучаться со второй половины прошлого века, после находки анонимного военного трактата конца X века и «Стратегикона» Кекавмена. Ch. Graux был убежден в том, что $\chiουσαριος$ — это латинское слово *cursarius* (морской разбойник, пират), вошедшее в лексикон среднегреческого языка ($\kappaουρσαριος$) и французского — (*corsaire*). Любопытно мнение Graux о том, что под $\alphaνατολης λαος$ (народ Востока), упомянутом в Анонимном трактате, имеются в виду армяне („Le „peuple du Levant“ dont il est ici question, ce sont les Arméniens“)¹⁰.

Термину $\chiουσαριος$ - $\chiουσαριος$ посвятили отдельное исследование бельгийские византилисты А. Грегуар и П. Оргельс¹¹. Они обратили внимание на французское слово «hussard», которое, как они предполагали, посредством немецкого идет от венгерского «huszár», а венгерское слово, в свою очередь, — от славянского «гусар», что означает «бандит, грабитель, балаганный актер». В древнеславянских текстах, начиная с XII в. встречается слово «хуса», что означает «засада, вторжение, набег, отряд войска». Авторы статьи в этой связи обращаются к известному словарю конца X в. «Суды» (Свида), где отмечено и дано объяснение слова „ $\chiουσα$ “ — $\piαρά Βουλγαροις κλέπται$ ¹² (у болгар вору [называются] хонса“). А. Грегуар и П. Оргельс считали, что $\chiουσα$ не болгарское слово, а греческое, что его корень, как и корень слова $\chiουσαριος$ - $\chiουσαριος$, является греческий глагол $\chiώνω$ и образованное от него существительное $\chiουσα$, что означает „засада“¹³. Гусар, заключают авторы вышеупомянутой статьи, это — всадник, венгр или à la hongroise, слав. хусарь, напротив, разбойник. $\chiουσαριος$, по их мнению

⁸ См. H. Grégoire et P. Orgels, Qu'est-ce qu'un „Hussard“? ou de l'utilité du grec moderne. Mélanges Boisacq, Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, t. V, 1937, pp. 443—451.

⁹ Меурсий определил значение $\chiουσαριος$ как „effossore parietum“ (копатели стен), а Дюканж отождествил их с известными ассасинами.

¹⁰ Ch. Graux, op. cit., p. 86, n. 3, 4.

¹¹ H. Grégoire et P. Orgels, Qu'est-ce qu'un „Hussard“? ou de l'utilité du grec moderne. Mélanges Boisacq, Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, t. V, 1937, pp. 443—451.

¹² T. IV, p. 814, № 392 (ed. A. Adler).

¹³ Необходимо подчеркнуть, что глагол $\chiώνω$ встречается в новогреческом языке. В древних и средневековых текстах он не засвидетельствован. $\chiώνω$ означает «совать, засовывать, всовывать, втыкать, вонзать, зарывать, закапывать, вкладывать, закладывать, прятать» (см. А. А. Иоаннидис, Новогреческо-русский словарь, Москва, 1950, стр. 724. Ср. $\Delta ημητρακου$, Μέγα λεξικόν της Ἑλληνικῆς γλώσσης, τόμ. 9, σελ. 7952; $\Delta ρανδακη$, Μεγάλη Ἑλληνική Ἑγκυκλοπαίδεια, τόμ. 24, σελ. 790), но отнюдь не „устраивать западню“. Не имеет этого значения и древняя форма глагола $\chiώνω$ — $\chiώνωμι$ (fut. $\chiώσω$) — „насыпать, наваливать, засыпать, заваливать, погребать, хоронить“. Что касается $\chiουσα$, то, действительно, оно означает „западня“, но слово это встречается в более поздних источниках, и, что самое главное, ничего общего в смысловом отношении с $\chiουσαριος$ - $\chiουσαριος$ не имеет.

является разведчиком или разбойником¹⁴. Славянское слово идет от греческого через болгарское. И то, и другое слово происходят от греческого *χουσαία*¹⁵. Любопытно отметить, что, несмотря на то, что Грегуар и Оргельс исходным словом считали греческое *χουσω* и *χουσαία*, они обратили внимание на очень важное обстоятельство, а именно: говоря о *χουσαίριοι*, Кекавмен в „Стратегиконе“ подчеркивает, что разведчиков, „мы называем обыкновенно“ хусариями. Так как Кекавмен, пишут авторы статьи, армянского происхождения, можно допустить, что термин, может быть, идет из Азии. „Но никакой этимологии—армянской или персидской—закljučают они, нет“ („Mais aucune étymologie arménienne ou persane n'apparaît“).

Год спустя А. Грегуар еще раз обратился к вопросу о *χουσαίριος*, защищая прежние выводы¹⁶. Повод для этого ему дал венгерский ученый Е. Дарко, считавший по традиции *hussard* производным от *χουσαίριος*. В этой же связи А. Грегуар выступил и против А. Брюкнера, по мнению которого слово «гусар» происходит от немецкого *Hansa*.

В 1941 г. болгарский военный историк Й. Венедиков выступил против выводов Грегуара и Оргельса¹⁷. В 1943 г. венгерский историк Д. Моравчик взял под защиту болгаро-славянское происхождение данного термина¹⁸.

А. Грегуар, однако, в дальнейшем не стал настаивать на выводах работы, написанной совместно с П. Оргельсом. В 1954 г. он выступил с новой статьей о хусариях, где предложил совершенно иное толкование данного термина¹⁹. Он подробно остановился на термине *Hansa*, встречающемся в германских языках и отмеченном еще в готском переводе Библии (конец IV в.). По предположению А. Грегуара, это слово встречается и в славянских языках, среднегреческом, румынском, венгерском и финском. Грегуар приводит страницу из специального исследования

¹⁴ Конечно, это не верно. Ни в одном источнике ни *χουσαίριος*, ни *χουσαίριος* не означает „разбойник“, а просто „разведчик“. Видя непосредственную связь между *χουσαίριος* и *χουσαία* „Суды“, авторы *χουσαίριος* ошибочно переводят „разбойник“.

¹⁵ Grégoire-Orgels, op. cit. p. 450. Как отмечают авторы, приблизительно к такому же выводу пришел до них греческий византист К. Сафа. Там же, стр. 447, прим. 3.

¹⁶ H. Grégoire, Aux confins militaires de l'Orient byzantin, Hussards, tribans, tsnaks, Byzantion, t. XIII (1933), fasc. I, pp. 279—282. (Заметка о *tsnaks* написана Н. Адонцем).

¹⁷ Й. Венедиков, Българският произход на хусарската конница, Кавалерийска мисъл, том III—IV, София, 1941, стр. 1—12. Мне недоступно, цитирую по статье Ив. Дуйчева. См. ниже.

¹⁸ G. Moravcsik, Byzantinoturcica, Bd. II (1943), S. 289. II изд. стр. 396. (Мне осталась недоступной его статья, изданная в Сборнике: Emlékkönyv Melich Janes hetvenedik születésnapjára, Budapest, 1942, p. 273).

¹⁹ H. Grégoire, Origine et étymologie de la Hanse. Académie royale de Belgique, Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques, 5-e série, t. XL, 1954, fasc. 1—3, pp. 18—28.

В. Фогеля о *Hansa*²⁰, где подчеркивается, что *Hansa* берет свое начало от ассоциаций купцов-путешественников, которые регулярно навещали определенный район или город за границей, как правило, получали от местных властей торговые привилегии, что слово *Hansa* в готском и древненемецком означает отряд, вооруженный отряд, когорту, а позднее — группу купцов-путешественников. Грегуар одновременно приводит и данные работы Van Werveke²¹, где идет речь о том, что во Фландрии и в соседних областях купцы, занятые торговлей за границей, для своей безопасности объединялись, получали право, называемое *Hansa*, которое можно рассматривать как доказательство вступления в предприятие. Грегуар довольно подробно останавливается на статутах гильдий купцов валенсийцев, древнейшая часть которых датируется 1050—1070 гг. Именно в этих статутах говорится о существовании *hanseurs* или *hansseurs*, что определенно означало купцов. Грегуар обратил особое внимание на то, что эти купцы-путешественники были вооружены. Останавливаясь на византийских источниках, ученый в первую очередь приводит упоминание „*χουσαία*“ в словаре «Суды», считая, что под «болгарским» словом «Суда» подразумевал славянское, указывает эквиваленты „*χουσαία*“ в польском языке, и, наконец, обращается к *χουσαίριος* и *χουσαίριος* известных уже нам текстов и находит, что все это не что иное, как заимствования слова *Hansa*, пришедшие к византийцам посредством славянского.

Болгарский историк Ив. Дуйчев считает выводы Грегуара вполне убедительными и предлагает ряд уточнений и дополнений, главным образом в славянских передачах данного термина²².

Следует подчеркнуть, что во всех вышеупомянутых толкованиях интересующего нас термина *χουσαίριος-χουσαίριος* главный акцент делается на его фонетической близости с *hussards*, *χουσαία*, *Hansa*, слав, хусарь и т. д. Если в этом плане с авторами можно более или менее согласиться, то при обращении к смысловой стороне вопроса у нас не может не возникнуть сомнений. И у Анонима Вари, и в «Стратегиконе» Кекавмена недвусмысленно сказано, что *χουσαίριοι* или *χουσαίριοι* это *κατάσκοποι*, т. е. **разведчики, шпионы.** „*Χουσαία*“ „Суды“ ничего общего с разведчиками не имеет, *χουσαία*—это воры (*κλέπται*). Если даже в *κλέπται* „Суды“ видеть разновидность героев греческой освободительной борьбы (*κλέφτες*), то и тогда будем далеки от *κατάσκοπος*. Славянский хусарь и т. п. не разведчик, а разбойник²³, не являются разведчиками и запад-

²⁰ W. Vogel, La Hanse d'après des publications recentes, Revue Historique, t. CLXXIX, 1937.

²¹ H. van Werveke, Hansa in Vlaanderen en aangrenzende gebieden. Handelingen van het Genootschap voor Geschiedenis gesticht onder de benaming, Société d'Emulation de Bruges, 1953.

²² См. Ив. Дуйчев, Няколко бележки към Кекавмен, Сборник Радова, кн. LIX, Византолошки Институт, кн. 5, Београд, 1958, стр. 59—70.

²³ Ср. С. Геденов, Варяги и Русь, С.-Петербург, 1876, стр. 476; «Слово хуса передает греческое *σύνταγμα*, агмен, союг, полк... Слова хуса и хусарь, означавшие сначала ход и ходака, получили впоследствии, как и средневековые *cursarii*, значение

ные hussards и huszár. Они представляют собой легкую кавалерию, а, как известно, разведчики, собирающие военную информацию в стране неприятеля, на лошадях не ездили. Что касается Hansa, то она означала просто когорту, а производное от нее hanseurs или hanseures тоже не означает разведчик; они купцы-путешественники. То обстоятельство, что эти купцы были вооруженными (чему Грегуар придает большое значение) тоже не дает нам права делать далеко идущие выводы, так как разведчик вряд ли пошел в страну неприятеля за военной информацией облачившись в кольчугу и вооружившись копьем, мечом, луком, шлемом и еще чем-нибудь. Он мог скрыто носить самое большее нож или маленький кинжал. А если вдобавок всему оказанному вспомним, что кроме простых хусариев, по данным Кекавмена, существовали еще «сопутствующие, сопровождающие, провожающие или конвоирующие» хусарии (χουσαρίοι συνοδοίκοι), то вышеприведенные выводы исследователей окажутся еще неубедительней, так как мы должны предположить, что наряду с простыми разбойниками существовали «сопутствующие» и т. п. разбойники, что наряду с простыми «купцами-путешественниками» были «сопутствующие» купцы-путешественники, кроме простых гусаров—«сопутствующие» и т. п. гусары, и, наконец, наряду с простыми устроителями западней или ловушек — были «сопутствующие» устроители западней и т. п. Стоит, конечно, вспомнить и то, что хусарии действовали в одиночку, самое большее—одним десятком людей, а не целыми полками или когортами.

В этой связи необходимо более внимательно отнестись к знакомым нам словам Кекавмена „οἰδαμεν χαλεπὴν“ («разведчиков, которых мы называем обыкновенно хусариями»). Грегуар и Оргельс в 1937 г. высказали, на наш взгляд, очень остроумное предположение, исходя из этих слов Кекавмена, что слово хусарий идет из Азии, так как Кекавмен армянского происхождения. Но тут же они оговорились, ибо были уверены, что никакой этимологии армянской или персидской нет²⁴. Однако в действительности в армянском языке суще-

разбой, разбойника». Ср. также И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам, том III, СПб., 1912, ст. 1423. В переводе византийских текстов слово хуса передает греческое λόχος (воинская часть, состоявшая примерно из 100 человек) и σὺνταγμα (римская когорта, около 600 человек). А хусарь означает морской разбойник, глаголы хусити, хусовати — разбойничать, грабить.

²⁴ В статье 1954 г. А. Грегуар дал другое объяснение этим словам Кекавмена. Так как слово хусарий виз. источник он стал рассматривать как заимствование от германского Hansa, то и Кекавмена стал считать «западным». Кекавмен, пишет Грегуар, может быть армянского происхождения, но он был «натурализованным балканцем» (naturalisé balkanique) и болгарские слова (он имеет в виду и χουσα «Суды») были для него родными. Следует подчеркнуть, конечно, важность слов Анонима Вари о том, что трапезиты на Западе называются хосариями. Возможно, что автору Анонима Вари было знакомо какое-нибудь «западное» слово, близко звучащее к хусарий, которое он отождествил с восточным χουσαρίος. Не исключено, что это слово именно славянское хусарь, которое в виде χουσαρίος встречается и в «Шестикижии» Арменопула в качестве эквивалента ληστής (разбойник) и убийца (φονεύς). См. Const. Harmenopuli

ствует такое слово, которое звучит именно так, как у Анонима Вари и Кекавмена, с тем же самым значением, что у вышеупомянутых авторов. Такое поразительное сходство этого армянского слова и в фонетическом, и в смысловом отношении с хусарий мы не имеем права считать простым совпадением. Χουσαρίος Анонима Вари и χουσαρίος Кекавмена являются синонимами слова κατάσκοπος, т. е. разведчик, шпион, прямые обязанности которого—сбор военной информации. Специальный институт разведчиков существовал в Византии давно. Очень интересно о них пишет Прокопий Кесарийский:

«О разведчиках [шпионах] (κατασκοπων) можно сказать следующее: с давних пор на государственные средства содержалось множество людей, которые, отправившись к неприятелю, побыв во дворце персидского царя, или же под предлогом торговли, или каким-нибудь другим путем разведывали (διερευνημένοι) все очень тщательно и, возвращаясь на землю ромеев, докладывали властям секреты врага»²⁵.

Как мы видели выше, согласно Анониму Вари, обязанности χουσαρίος состояли в том, чтобы καλῶς ἀνερευνησάθαι (тщательно разведывать). Обязанности κατασκοπων—разведчиков Прокопия Кесарийского тоже в διερευνηῶν; то же самое сказано и Кекавменом: δι' αὐτῶν γάρ (т. е. разведчиками) ὀφείλεις μάθάναι τὴν τε τοῦ ἐχθροῦ δύναμιν καὶ τὴν πανουργίαν αὐτοῦ. (Ты должен через них узнать силу врага и его хитрые замыслы).

Существительное διερευνητής еще у Ксенофонта употреблено в смысле «разведчик»²⁶, следовательно κατάσκοπος и διερευνητής синонимы. Их синонимом выступает и хусарий, ибо κατάσκοπος и χουσαρίος равнозначны по смыслу. Итак, мы имеем διερευνητής—κατάσκοπος—χουσαρίος.

Заметим, что глагол διερευνώ, вернее ἐξερευνώ (что одно и то же), встречается в Библии (книга Судей, V, 14):

ἐν ἐμοὶ Μαχεὶρ κατέβησαν ἐξερευῶντες²⁷.

В армянском переводе Библии, сделанном в V веке, данное предложение переведено: ինչէն ի Մաքիր իջին ի սուղարկութի: Даю транскрипцию, принятую в Revue des Études Arméniennes: yinen i Mak'ir iġin xuzarkuk'.

Как видим, греческое ἐξερευῶντες в армянском переводе передано существительным իսուղարկութի-xuzarkuk, стоящим в именительном падеже множественного числа. В древнеармянских текстах встречается и форма իսուղարկ-xuzark. Ср. в древнеармянском переводе комментария Иоанна Златоуста к посланию апостола Павла к Евреям, где, между прочим, читаем: զի եթէ քննիչ ոք ինչ և իսուղարկ ինտել էր

Manuale legum sive Naxabiblos, ed. G. E. Heimbach, Lipsiae, 1851, lib. I, tit. IV, 8, p. 74, 75 n. 4.

²⁵ Тайная история, гл. 30.

²⁶ См. Киропедия, 5, 4, 4; 6, 3, 2. Ср. Liddell-Scott, A Greek Lexicon, 1966, p. 425; И. Х. Дворецкий, Древнегреческо-русский словарь, том I, Москва, 1958, стр. 401.

²⁷ В русской Библии это предложение переведено: «от Махира шли начальники».

ամհնեցուն՝ որք առ նա մտանէին, չիհնէր երբէք արժանի ընդունել զհրեշտակս:

Перевод: «Ибо если бы он (т. е. пророк Авраам) был разыщиком и разведывателем²⁸ (хузак) всех тех, которые входили к нему, то он никогда не был бы достойным принимать ангелов»²⁹.

И *խուզարկ*-хузак и *խուզարկու*-хузаку состоят из двух корней: *խուզ*-хуз и *արկ*-арк (или *արկու*-арку, что одно и то же). *Արկ*-арк и *արկու*-арку происходят от армянского глагола *արկանել*-аркanel и имеет значение: „подвергать, творить“. Что касается первого корня слова, то он происходит от глагола *խուզել*-хузел— „искать, исследовать, разведывать, изыскивать, рыться, копать“, *խուզ*+*արկ*-хуз+арк или *խուզ*+*արկու*-хуз+арку дословно означает „подвергать исследованию, разведыванию“, одним словом— „исследователь, разведчик“, по греч. *διερευνητής*, следовательно, *κατάσκοπος*—разведчик, шпион.

В древнеармянских источниках засвидетельствована и форма *խուզակ*-хузак³⁰ в том же самом значении что и *խուզարկ*-хузак и *խուզարկու*-хузаку. *Սուզակ*-хузак тоже состоит из двух частей: из *խուզ*-хуз и суффикса *ակ*-ак, который соответствует русским суффиксам „тель“, „чик“ и греческому—*αριος*. *Սուզակ*-хузак означает „исследователь, разведчик“ и т. п. В армянском есть и существительное *խուզումն*-хузумн, означающее „искание, исследование“, греч. *ἔρευνα* и сложное *հետախուզ*-hetaxuuz (het означает „след“), что переводится „шпион, разведчик“. В Словаре синонимов армянского языка А. Сукиасяна в качестве синонима слов *խուզարկու* и *խուզակ* (хузаку и хузак) стоит *հետախուզ*-hetaxuuz, значение которого определяется как шпион-разведчик³¹. Нелишнее сказать, что глагол *խուզել*-хузел и производные от него существительные в армянских источниках засвидетельствованы, начиная с V века.

Итак, резюмируя все ~~всего~~ сказанное, можно выдвинуть гипотезу о том, что *χωσάριος* скорее всего происходит от армянского *խուզարկ*-хузак (последнее *կ*-к Кекавменом, как и другими до него, легко могло приняться как *ք*-к', окончание именительного падежа множественного числа, соответствующее греческому—*ιοι*) или же, что я считаю более вероятным, от *խուզակ*-хузак, суффикс *ակ*-ак которого, как мы отметили выше, в точности соответствует греческому—*αριος*. Нашу мысль подтверждает De velitatione bellica, оши-

²⁸ Перевод дословный. Смысл таков: «Если бы Авраам стал копать — кто они такие, которые идут к нему, и допрашивать их...» и т. д.

²⁹ Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского комментарии к евангелисту Матфею книга III и фрагменты к посланию Павла, Венеция, 1826, стр. 248 (на древнеармянском языке. Мне не удалось найти греческий оригинал данного предложения).

³⁰ См. в «Начальной истории Армении» (Аноним), произведении V в., сохранившемся в «Историях» автора VII в. Себеоса, стр. 1 оригинала, Ереван, 1939.

³¹ См. А. М. Сукиасян, Словарь синонимов армянского языка, Ереван, 1967, стр. 278, 386 (на арм. яз.).

бочно приписываемое Никифору Фоке. Говоря о *τραπεζίται*, указывается, что армяне их называют *τασινάριους*³². Разумеется, последнее слово армянское, а суффикс *-αριοι* -греческий. В данном источнике эти *τασινάριοι* упоминаются вторично, но называются не *τασινάριοι*, а *τασινάκια*³³. Здесь, несомненно, сохранился армянский суффикс *ակ*-ак, плюс греческое окончание среднего рода именительного падежа множественного числа. В *τασινάκια* армянский суффикс *ակ*-ак усматривал еще Н. Адонц. Он считал, что *τασινάκια* это армянское слово *տեսանակ*-tesnak³⁴.

Итак, если теперь обратиться к интересующему нас слову *խուզակ*-хузак, и армянский суффикс *ակ*-ак передать по-гречески, то получим не что иное, как *χωσάριος*, что и засвидетельствовано у Кекавмена.

Что в терминологии византийской армии, особенно на Востоке, были в употреблении слова восточного происхождения, в том числе армянские, есть прямое указание источников: *παρὰ τῷ τῆς ἀνατολῆς λαφ καλούμενοι τραπέζιται* говорится в Анониме Вари, а в De velitatione bellica сказано: *καὶ τραπέζιτας ἐπιλέγεσθαι γενναίους καὶ ἀνδρείους οὗς οἱ Ἀρμένιοι τασινάριους καλοῦσι*. И далее: *τούς τραπέζιτας ἀποστέλλειν ἤτοι τὰ τασινάκια*. Из последнего примера видно, что термины уже вошли в фонд греческого языка.

Все это не случайно. Пограничные войска в восточных фемах Византии состояли, главным образом из армян. Об этом недвусмысленно говорит то же De velitatione bellica: *ἐν δὲ ταῖς ἄκραις τῶν Ἀρμενιακῶν θεμάτων*³⁵ ...*οἱ Ἀρμένιοι... τὴν τῶν βιγλῶν ἐκτελοῦσι δουλείαν*³⁶. И далее: *Ἀρμένιοι... τὴν τῶν βιγλῶν ὀπηρετοῦσι δουλείαν*³⁷. Эти *βίγλαι*—наблюдательные пункты в этом источнике названы *βίγλαι τῶν Ἀρμενίων*³⁸.

Разумеется, восточные термины военного характера (не только армянские, но, как увидим далее, и персидские) бытовали в среде именно этих армян-пограничников.

Как мы видели выше, Аноним Вари в качестве синонима *χωσάριος* приводит слово *τραπεζίται*, отмечая в то же время, что „народ Восто-

³² De velitatione bellica domini Nicephori augusti, Bonnae, 1828, p. 189. стр. 278, 386 (на арм. яз.).

³³ Там же, стр. 196.

³⁴ См. в вышеупомянутой статье Aux confins, p. 282. На слово *τασινάριος*—*τασινάκια* обратил внимание до Адонца Гельцер, который ошибочно считал, что мы имеем дело с армянским словом *տեսանարկ* или *տեսանարիք* (*tasnark'*—*tasnark'*—десятник). См. Die Genesis des byzantinischen Themenverfassung, S. 107. Если предположение Н. Адонца верно, то тасинакия можно отождествить с *βιγλάτορες*, призвание которых именно в том, чтобы „наблюдать“. *Τασινάκια* он производит от арм. глагола *տեսանել*—tesanel, что значит именно „наблюдать“.

³⁵ Под *Ἀρμενιακῶν θεμάτων* подразумеваются кроме фемы Армениаков, также те, которые были созданы из ее территории, а именно фемы Колонии, Халдии, Харснандон и др.

³⁶ De velitatione bellica, p. 188.

³⁷ Там же, стр. 189.

³⁸ Там же, стр. 188.

ка“ хосариев (χωσάριοι) называет трапезитами (τραπεζίται). О *τραπεζίται* писал и автор *De velitatione bellica*.

Слово *τραπεζίτης*, греческое, от *τράπεζα*—стол. *Τραπεζίτης* означает „меняла“, но мы имеем дело с негреческим словом. Уже сказано, что еще Гiaux, под „народом Востока“ усматривал не греков, а армян, тем не менее *τραπεζίτης* он все же считал словом греческим, а носителей его—предками современных уланов (*uhlan*)³⁹.

Вопрос о происхождении данного слова был специально исследован А. Грегуаром, который выдвинул очень осторожную гипотезу, что мы имеем дело не с греческим, а осмысленным на греческий лад словом в силу его созвучия, а именно с персидским *darbend*, что *τραπεζίτης* это „homme des darbends ou clisoures“—„люди дарбендов или клисур“⁴⁰.

В статье, изданной в 1954 г., Грегуар в основном подтвердил свое мнение о *τραπεζίται*. Разница лишь в том, что если в 1938 г. он имел в виду *darbend*, то в 1954 г. он пишет *dārbān*, усматривая в конечном *-bān* персидский суффикс: *c'est le persan dārbān*, „Türhüter“ (*de dār „porte“ et de bān „maître, gardien“*)⁴¹.

Оба предположения Грегуара имеют свои слабые места. Во-первых нужно сказать, что *darbend* вовсе не означает *clisoure*, слова эти—не синонимы. *Dar* означает «дверь, ворота» и «горный проход», а *bend*—«закрытый», следовательно, *darbend* значит «закрытый (стеной) горный проход»⁴². Клисура же означает ущелье открытое, открытый горный проход, который, возможно, имеет укрепления, но он не закрыт, не обнесен стеной, как *darbend*. Кроме того, специальное название защитников *darbend*-ов неизвестно, суффикс же слова *τραπεζίτης* намекает на существование специального войска. Из вышеупомянутых источников ясно видно, что речь идет о защитниках горных проходов на византийско-арабской границе, где, как известно, встречаются преимущественно клисуры, а не *darbend*-ы.

Если обратиться ко второму чтению Грегуара—*dārbān* и *-bān* считать суффиксом, соответствующим греческому *-ίτης* (что совершенно верно, как об этом будет сказано дальше), то у нас возникнут трудности фонетического порядка. В случае отделения суффикса *-bān* останется только лишь один *dār*, и трудно понять как из этого *dār* может произойти греческое *τράπεζα*, ведь мы имеем *τραπεζίτης*. Если в первой своей статье Грегуар искал объяснение каждой букве греческого слова⁴³, то этого нельзя сказать о второй статье.

Вопрос о *τραπεζίτης* решается более просто. Упомянутые выше клисуры, открытые горные проходы по-персидски называются не *darbend* и не *dar*, а *darvaz* (*var. darbaz, darpaz*). Защитники этих *dar-*

³⁹ Ch. Giaux, op. cit., p. 86, p. 4.

⁴⁰ H. Grégoire, *Aux confins*, p. 280.

⁴¹ Idem, *Origine et étymologie de la Hanse*, p. 23.

⁴² Доктор Али Акбар Нафиси, *Этимологический словарь персидского языка*, Тегеран, 1318—1334 (1940—1956).

⁴³ „*darbend* en *τραπεζίτης* ζ—(ζ était très voisin de δ)“ и т. д.

vaz-ов по-персидски называются *darvazbān* или *darvazebān*⁴⁴. Здесь персидский суффикс *-bān* или *-ebān* в точности передает греческое *-ίτης*.

Слово *darvazban* встречается и в армянском языке в виде *դարձաբան*-*darpaspan*⁴⁵. *Darpaz* могло передаваться по-гречески только в виде *ταρπαζ*, ибо „δ“ у греков тогда звучало, как и сейчас, не „d“, а как английское „th“ (в слове *this*)⁴⁶. Путем метатезиса *ταρπαζ* превратился в *τραπαζ*, что, естественно, должно было осмыслиться на греческий лад как *τράπεζα*. К этому слову прибавился уже переведенный на греческий язык—*ίτης*, персидский суффикс *-bān* или *-ebān*.

Итак, оказывается, что *τραπεζίτης* связано не со словом *darbend*, и не со словом *darban*, а с *darvazban*, сближаясь с ним и по звучанию, и по смыслу⁴⁷, и, по всей вероятности, слово это пришло в Византию через армян.

ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ԾԱԳՈՒՄ ՈՒՆԵՑՈՂ ԲՅՈՒՋԱՆԳԱԿԱՆ ՌԱԶՄԱԿԱՆ ԵՐԿՈՒ ՏԵՐՄԻՆԻ ՄԱՍԻՆ

Հ. Մ. ԲԱՐԹԻԱՅԱՆ

Ա մ փ ն փ ն ի մ

X—XI դարերում Թյուրանդական կայսրության արևելյան բանակաթեմերը Արմենիական էին կոչվում բնակչության հիմնական կազմի էթնիկապես հայ լինելու պատճառով: Նրանց սահմանապահ զորքերը, որ հայերից էին բաղկացած, օգտագործում էին հայկական ռազմական տերմինաբանությունը և պետք է սպասել, որ հայերեն ռազմական մի շարք տերմիններ մուտք գործեցին նաև հունարեն լեզվի մեջ: Այդպիսի տերմիններից են X—XI դդ. բյուզանդական աղբյուրներում հանդիպող *χουσαριος-ը* (*խուսարիոս*) և *τραπεζίτης-ը* (*տրապեզիտես*): *խուսարիոս* նշանակում է հետախույզ, որ ռազմական տեղեկություններ բաղելու համար ուղարկվում էր թշնամու երկիրը, տվյալ դեպքում արաբական խալիֆայություն: *Տրապեզիտես* նշանակում է լեռնանցքների պահապան զինվոր: *խուսարիոս* հայերեն խուզակ (*խուզարկ*) բառն է և ունի հենց հետախույզ նշանակությունը, իսկ *տրապեզիտեսը* հունարեն իմաստավորված հայերեն դարպասապան բառն է, կիրճերի պահապան նշանակությամբ, որ իր հերթին փոխառություն է պարսկերենից (*դարվազբան*, *դարվազբան*):

⁴⁴ Али Акбар Нафиси, ук. соч.

⁴⁵ Персидский язык, разумеется, для меня terra incognita. Рассуждениями о конкретном значении персидских слов и ссылками на персидский словарь я обязан любезной консультации иранистов Л. Т. Гюзальяна и А. Д. Папазяна. А ключ к персидскому *darvazban* мне дало армянское *դարձաբան*—*darpaspan*, которое является заимствованием из персидского.

⁴⁶ Ср. *Abū Dūlāf*—'Αποτοούλφης. *Danīšmend*—Τανισμάνιος, *Dāūd*—Ταούδης.

⁴⁷ Предположение R. Goosens-а о том, что *τραπεζίτης*, встречающийся у Гесихия, имеет нечто общее с византийским военным термином (см. R. Goosens, *Trois notes, Byzantion*, t. XIV (1939), p. 688—689), лишено оснований хотя бы потому, что *τραπεζίτης* (как и *χωσάριος*) не значит, как он думает, „разбойник“.

О «МОНГОЛАХ» В «ДИГЕНИСЕ АКРИТЕ»

Доктор историч. наук Р. М. БАРТИКЯН

Византийский эпос о Дигенисе Акрите по сравнению со многими другими подобными памятниками имеет то преимущество, что был записан или обработан в эпоху, не очень отдаленную от времени своего создания. Именно в этом основная причина того, что поздние напластования в «Дигенисе Акрите» редки, в то время как дошедшие до нас в устном виде или записанные довольно позднее своего сложения другие эпические памятники носят заметные следы разных эпох. Нужно сказать, однако, что определенные места в «Дигенисе Акрите», которые исследователями относились к числу поздних напластований и принимались как отголоски поздних событий, при более внимательном изучении дают основания сомневаться в этом. Некоторые «поздние напластования» все же вполне могут быть современными «Дигенису Акриту». Например, упоминание местности Ахайя в византийском эпосе, куда отправился воевать император Роман, считалось отголоском событий XIII века, отражением битвы при Пелагонии в 1259 г. между византийцами и франкским принцепатом в Ахайе Пелопоннесской¹. Предполагается, что под Ахайей подразумевается вовсе не Ахайя в Пелопоннесе, а армянский кантон Мананали, называемый еретиками-павликианами в VIII—IX вв. именно Ахайей². Это упоминание хронологически полностью совпадает с эпохой сложения «Дигениса Акрита».

Поздней интерполяцией считался и имеющийся в Трапезунтской и Андросской версиях эпоса рассказ о герое-исполине Ангиле, отсутствующий в Гротта-ферратской версии. Но имеются все основания отождествить Ангилу с армянским героем-исполином Ангеля, персонажем из древнеармянского пантеона³, о котором подробно говорится в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци⁴. В этом отношении Трапезунтская и Анд-

¹ См. А. Я. Сыркин, Поэма о Дигенисе Акрите, М., 1964, стр. 116, 136.

² См. Р. М. Бартикян, Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите, «Византийский временник», т. XXV, 1964, стр. 163—165.

³ См. там же, стр. 151 и сл.

⁴ Книга II, гл. 8. См. о нем: *Ն. Ադոնց, Տորք աստված էին հայոց, «Հուշարձան»*, Вена, 1911, стр. 392—393. N. Adontz, Tarkou chez les anciens arméniens, „Revue des Etudes Arméniennes“, t. VII, fasc. I, Paris, 1927, стр. 185—194; Гр. Капанцян, Хеттские боги у армян. В связи с хеттским влиянием на армян и генезисом армянского пантеона вообще, Ереван, 1910, стр. 21, 25. Е го же, Хайаса — колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история, Ереван, 1947, стр. 201, 254. Е го же, Малоазийские (азиантические) боги у армян, Ереван, 1956, стр. 273, 274; *Ն. Մարտիրոսյան, Պրոտոմիեր Փորասիական անունները մասին, «Պատմա-բանասիրական հանդես»*, 1961, № 3—4, стр. 86, 87.

росская версии «Дигениса Акрита» не отрицательно, а, наоборот, положительно отличаются от Гротта-ферратской версии.

Наконец, поздней вставкой считалось и упоминание в эпосе императора Никифора, хотя, видимо, там речь идет не о Никифоре, а просто император Роман был назван «Победоносным» (νικηφόρος)⁵:

В свете всего вышесказанного мы не можем не отнестись с некоторым сомнением к другим отмеченным учеными «поздним интерполяциям» и «напластованиям» в ряде пассажей «Дигениса Акрита». В данном случае имеются в виду войны эмира Мусура, в будущем — отца Дигениса Акрита, названные «магулиями» (Μαγουλίαι), во главе которых он совершал набеги на Византию. Этих воинов-магулиев исследователи считали монголами, а их набеги — отголоском событий, развернувшихся в Малой Азии спустя три столетия после сложения византийского эпоса⁶. Но монголы ли они?

„Μαγουλίαι“ встречаются в византийском эпосе дважды и только в Трапезунтской и Андросской версиях, то есть в тех, где обращается больше внимания на события, происходящие на востоке Малой Азии, в отличие от Гротта-ферратской версии, в которой больше внимания уделено подвигам героев, совершенным ими на западе Малой Азии⁷. О „Μαγουλίαι“ там сказано:

Καί πάλιν πλῆθος ἐκλεκτὸν στρατεύσε Μαγουλίῳν
καὶ μετ' αὐτοῦ ἐν τοῖς μέρεσι τῆς Ῥωμανίας ἦλθεν (Α 1343—1344)
(Он (т. е. Мусур) набрал отборное множество магулиев
и с ним пришел на земли Романии).

Вполне ясно, что магулии являются воинами. Данное событие можно датировать концом IX в., поскольку нашествие эмира Мусура совпадает приблизительно с этим временем.

„Μαγουλίαι“ вторично упоминаются в тех же версиях в связи с событиями времен императора Романа (по всей вероятности, Романа I — 919—944 гг.). В эпосе говорится, что император Роман через Каппадокию отправлялся на войну против „Μαγουλίους“:

καὶ στρατεύμα εἶχε περισσὸν κατὰ τοὺς Μαγουλίους (Α 2348).

Прежде чем подробно остановиться на них, напомним об одном месте «Стратегикона» Кекавмена, которое, возможно, поможет нам ре-

⁵ См. A. Eberhard, Über ein mittelgriechische Epos vom Digenis, Verhandlungen der 34. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Trier vom 24 bis 27 September 1879, Leipzig, 1880, стр. 53. Р. М. Бартиян, Заметки о византийском эпосе..., стр. 165, 166.

⁶ S. Kyriakides, Forschungsbericht zum Akritis-Epos, Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress, München, 1958, стр. 5, 6; Его же, Ἀκριτικαὶ μελέται, Miscellanea Giovanni Mercati, vol. III, Vaticano, 1946, стр. 405, 408; А. Я. Сыркин, Поэма о Дигенисе Акрите, стр. 117, прим. 217, стр. 122—124, 135, 136, 143.

⁷ А. Я. Сыркин, Поэма о Дигенисе Акрите, стр. 105.

шить загадку о „Μαγουλίαι“. Речь идет о чтении ἐξαγγέλοις рукописи «Стратегикона». В. Г. Васильевский это чтение рукописи исправил на ἐξ Ἀγγέλης, предполагая, что речь идет об Англии. Он был уверен, что в этом упоминании «Стратегикона» отразился факт прихода в Византию английских наемных войск в царствование императора Алексея I Комнина⁸. Французский византист П. Лемерль выразил сомнение в верности выводов Васильевского, считая, что здесь имеется в виду не географическое название. П. Лемерль ἐξαγγέλοις рукописи исправил в ἐξ ἀγγέλης («из простонародья») и считал, что здесь Кекавменом противопоставляется приехавший в Византию чужеземец, выходец из простонародья, тому чужеземцу, который принадлежит царскому роду своей страны⁹.

Мнение П. Лемерля было дискутировано В. Лораном, который выступил в защиту выводов Васильевского с той только разницей, что предлагал другую конъектуру, а именно: ἐξ Ἄγγλ(ων) γῆς («из страны англичан») ¹⁰.

В одной из статей¹¹ нами выдвинута гипотеза о том, что исправление Васильевского ἐξαγγέλοις рукописи в ἐξ Ἀγγέλης хотя и правильно, но в нем подразумевается вовсе не Англия, а армянский кантон Четвертой Армении Ангел (Ангел-туш — страна Ангела), т. е. Амидская область (Диарбакр), которая от названия находящейся в ней старинной крепости Ангел еще в VI в. в сирийских источниках называлась Бет-Ангелайе, т. е. Домом (страной) ангелитов¹². Местность эта в греческом переводе «Истории» Агафангела названа οἶκος τῶν Ἀγγελιτῶν¹³. Теперь сирийцы называют ее Ангил или Агил¹⁴, курды — Агил¹⁵.

Это предположение было поддержано А. П. Кажданом, который писал: «В латинских источниках выходцам из Ангела — Агела соответствующим ангуланы, или агуланы, которых анонимный историк I крестового похода¹⁶ ставит в один ряд с турками, арабами, сарацинами, курдами, персами, а также павликианами и «азимитами», т. е. как раз с той этно-религиозной средой, которая характерна для армяно-сирийских областей

⁸ „Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis reglis libellus“, edd. B. Wassiliewsky et V. Jernstedt. Petropoli, 1896, стр. 8, 9.

⁹ P. Lemerle, Prolégomènes à une édition critique et commentée des „Conseils et Recits“ de Kékauménos, Bruxelles, 1960, стр. 6.

¹⁰ „The Numismatic Circular“, 1963, note 27.

¹¹ Р. М. Бартиян, Об одной важной конъектуре в «Советах и рассказах» Кекавмена, «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1968, № 8, стр. 116—119.

¹² Н. В. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 15.

¹³ Agathangelus und die Akten Gregors von Armenien. Neu herausgegeben von Paul de Lagard, Göttingen, 1887, стр. 68, 83.

¹⁴ Assemani, Bibl. Orient., t. I, стр. 273; t. III, стр. 74.

¹⁵ См. Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлисн, Шараф-Наме, т. I. Перевод, предисловие, примечания и приложения Е. И. Васильевой, М., 1967, стр. 233, 234.

¹⁶ L. Gréghier, Histoire anoplume, стр. 110. Ср. также стр. 48, 112.

XI в. Э. Джемисон¹⁷ предположила, что «агуланы» это испорченное агаряне, однако библейская Агарь была слишком хорошо знакома средневековым хронистам, чтобы допустить подобное искажение. К тому же аноним, описывая армию Кербоги, осаждавшую Антиохию, конкретно характеризует отряд агуланов — отличных воинов, вооруженных мечами и не робеющих перед копьями и стрелами. Французский эпос также знает аголанов¹⁸. Сохранилось предание об аголане, который получил за свою службу в лен калабрийский город Реджо¹⁹. Таким образом, ангуланы и ἐξ Ἀγγέλων — воины из *сиро-месопотамской среды*, пользовавшиеся в XI в. определенной известностью²⁰.

Короче говоря, агул-аны, или ангул-аны, это ангел-иты (ср. у греческого Агафангела — Ἀγγέλ-ῖται), т. е. войско, состоящее из жителей армянского кантона Четвертой Армении Ангелены, армянского Ангелтуна²¹.

Следовательно, есть все основания отождествлять живших в сир-армянской, или же сиро-месопотамской среде, среди арабов и павликиан воинов «особого отряда смелых» агул-анов с жившими именно в тех же местах, в той же самой арабской и павликианской этнической среде Μαγούλ-ῖους византийского эпоса (вспомним, что эмир Мусур — *арабский эмир, сын Хрисохерпа, т. е. павликианского вождя Хрисохира*). Все

¹⁷ E. Jamison. Some Notes on the Anonymi Gesta Francorum with Special Reference to the Norman Contingent from South Italy and Sicily in the First Crusade. „Studies in Franch Language and Medieval Literature“, Manchester, 1939. стр. 186.

¹⁸ „La Chanson d'Antioch“, éd. par P. Paris, t. II, Paris, 1848, стр. I, 139.

¹⁹ См. H. E. Mayer, Das Itinerarium peregrinorum, Stuttgart, 1952, стр. 134—136.

²⁰ См. А. П. Каждан, Армяно-византийские заметки. «Историко-филологический журнал» АН Арм. ССР. 1971. № 4, стр. 103. См. также: З. В. Удальцова, А. П. Каждан, Р. М. Бартиян, Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX—XII вв. „XIV Congrès International des Etudes Byzantines, Bucarest, 6—12 Septembre 1971“, Rapports, II, стр. 24.

²¹ В свете вышесказанного по-иному нужно толковать «войско Четвертой Армении», упомянутое армянским хронистом XI в. Степаносом Таронаци (Асохик). Согласно его данным, император Василий II в 1000 году отдал приказ «войскам Четвертой Армении и Тарона явиться к нему на помощь» (сб. հրամայէ Գրգորը Չորրորդ Հայոց և Տարոնոյ՝ օգնական լինել նմա, Ստեփանոսի Տարոնացոյ Առդիւն Գաման-Քրէն Տիգրեղահան, Ս. Գեորգրուր, 1886, стр. 276). Видимо, речь идет не о византийском войске, «расположенном» в Четвертой Армении, как предполагал Эмни, который данное предложение перевел так: «Приказав [Василий II] войску, [расположенному] в Четвертой Армении и в Тароне, явиться к нему на помощь» (см. «Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия», М., 1864, стр. 200). Речь идет скорее всего об армянских местных войсках, которые в данное время служили Византии в качестве наемников. Четвертая Армения, возглавляемая нахарами-спарапетами, вплоть до VI в. пользовалась некоторой независимостью в пределах Византийской империи. Эти нахары располагали своими вооруженными силами. Видимо, местные вооруженные силы в Четвертой Армении по традиции просуществовали довольно долго, они в эпоху арабского владычества и после него, в разное время и в разных обстоятельствах служили и арабам, и византийцам.

дело в том, что переписчик прототипа Андросской-Трапезунтской версии допустил одну маленькую ошибку, связанную со схожим начертанием греческих букв «м» и «н»²². Первая буква «М» в слове „Μαγούλιους“ в действительности является последней буквой предыдущего слова στρατεύσε(ν). Так как греческие буквы «м» и «н» палеографически почти одинаковы: (μ—ν), переписчик, не знающий, кто такие эти воины, назвал их Μαγούλιοι, чему, как нам кажется, способствовало и то обстоятельство, что слово Μαγούλιοι оосмысливается на греческий лад, от слова μάγουλον (щека)²³.

Итак, интересующее нас предложение нужно расшифровать так:

Καὶ πάλιν πλῆθος ἐκλεχτὸν στρατεύσεν Ἀγούλιων,
καὶ μετ' αὐτοῦ ἐν τοῖς μέρεσι τῆς Ῥωμανίας ἦλθεν.

Войско эмира Мусура, властвовавшего в сиро-месопотамской области, в действительности состояло из Ἀγούλιοι, агуланов западных источников, а не из монголов.

В конце хочется отметить, что на основании всего сказанного кажется неубедительным предположение А. Грегуара²⁴ и следующего за ним Дж. Маврогордато²⁵ о том, что Μαγούλιοι Трапезунтской и Андросской версий тождественны Γουλαβίους Гротта-ферратской (I, 47). Названные ученые слово Γουλαβίους исправили в Γουλαρίους (раб, слуга), а Μαγούλιοι считали искажением слова Γουλάριοι, происшедшим путем метатезиса (Γουλάριοι-Μαγούλιοι)²⁶. Так как в нашем чтении Ἀγούλιοι получают определенное значение, нет основания считать это название искажением²⁷.

²² См. «Палеографическое описание греческих рукописей IX и X века», труд архимандрита Амфилохия, т. I, М., 1879, табл. XV, XIX и др., т. II (XI и XII вв.), табл. III, XXVI и др.; т. III (XIII—XIV вв.), табл. V, XXIX и др. Данная ошибка в «Дигенисе Акрите» дает нам возможность выяснить, каким письмом был написан оригинал «Дигениса Акрита» или хотя бы экземпляр, с которого были переписаны Андросская и Трапезунтская версии. Не унциалом, конечно, а минускулом.

²³ Существительное μάγουλον встречается в «Дигенисе Акрите». Ср. A 1993: ἐφίλει χεῖλη κόκκινα με μάγουλα ροδάτα.

²⁴ H. Grégoire, L'épopée byzantine et ses rapports avec l'épopée turque et l'épopée romane, Académie Royale de Belgique, Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques, 5me série, t. XVII, стр. 482.

²⁵ Digenes Akrites, edited, with an Introduction, Translation and Commentary by John Mavrogordato, Oxford, 1956, стр. 5 (примеч.).

²⁶ См. также, А. Я. Сыркин, Поэма о Дигенисе Акрите, стр. 135.

²⁷ Там, где в Трапезунтской и Андросской версиях встречается слово Ἀγούλιους, в Гротта-ферратской версии мы находим слово ἀγούρους. Возможно, что здесь никакого искажения нет, так как ἀγούρους множество раз встречается в «Дигенисе Акрите». Но все же не исключено, что незнающий Ἀγούλιους писец Гротта-ферратской версии или писец рукописи, служившей для первого прототипом, предполагал, что он имеет дело именно с ἀγούροι и «исправил» чтение ἀγούλιους в ἀγούρους.

«ԴԻՔԵՆԻՍ ԱԿՐԻՏԱՍՈՒՄ» ՀԻՇԱՏԱԿՎՈՂ «ՄՈՆՂՈՂՆԵՐԻ» ՄԱՍԻՆ

Պատմ. գիտ. դոկտոր Հ. Մ. ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո ֆ ու մ)

«Դիքենիս Ակրիտաս» էպոսում (IX—X դդ.) հիշատակվում են Μαγούλιοι կոչված ուզմիկներ: Ուսումնասիրողները նրանց նույնացնում էին մոնղոլների հետ և էպոսի այն հատվածները, որտեղ խոսվում է նրանց մասին, համարում ուշ շրջանի՝ XIII դարի ընդմիջարկություն:

Խաչակրաց առաջին արշավանքի անանուն ժամանակագրության մեջ հիշված են պարսիկների, քրդերի, արաբների, պավլիկյանների միջավայրում ապրող քաջ ուզմիկներ՝ անգուլաններ կամ ագուլաններ, որոնք չեն վախենում ո՛չ նիզակներից, ո՛չ էլ նետերից: Ա. Պ. Կաթանը նրանց նույնացնում է Անգեղտան ուզմիկների հետ: Պարզվում է, որ բյուզանդական էպոսում իրականում հիշված են 'Αγούλιοι-ներ և ոչ Μαγούλιοι-ներ: Μαγούλιοι բառի առաջին տառը՝ Μ-ն, նախորդող բառի վերջին յ տառն է, որ ձեռագրերում շատ նման է μ-ի: Αγούλιοι-ները նույնանում են արևմտյան աղբյուրների ագուլանների, այսինքն՝ Անգեղտան բնակիչների հետ:

О ВЛАДЕЛИЦЕ РУКОПИСИ «СОВЕТОВ И РАССКАЗОВ» («СТРАТЕГИКОНА») КЕКАВМЕНА

Р. М. БАРТИКЯН

Доктор исторических наук

В начале 80-х годов прошлого столетия крупнейший русский византиновед В. Г. Васильевский обратил внимание ученых на неизвестное до того времени сочинение византийского полководца XI в. Кекавмена — «Стратегикон»¹. Это сочинение, изданное им совместно с В. Ернштедтом в 1896 г. полностью², скоро вошло в научный оборот, и в силу своей большой ценности, стало предметом пристального изучения византиноведов всего мира. Помимо множества статей, специально посвященных этому памятнику, в последнее десятилетие увидели свет и две ценные монографии³.

«Стратегикон» Кекавмена дошел до нас в единственной рукописи, которая ныне хранится в Рукописном отделе Государственного исторического Музея в Москве⁴. Этот кодекс в последнее время был подробно изучен палеографом и кодикологом Б. Л. Фонкичем, который пришел к очень интересным выводам⁵. Согласно Б. Л. Фонкичу, кодекс № 436 представляет собой соединение двух первоначально самостоятельно созданных и длительное время независимо друг от друга существовавших рукописей, позднее сплетенных в единый сборник⁶. Исходя из особенностей почерка, Б. Л. Фонкич датирует их XIV веком⁷. Далее исследователь останавливается на истории рукописи № 436. Она была куплена на Афоне, в Ивирском монастыре Арсением Сухановым в 1654 г.,

¹ В. Г. Васильевский, *Советы и рассказы византийского боярина XI века*. Журнал Министерства Народного просвещения, ч. 215, 1881, стр. 242—299, ч. 216, 1881, стр. 102—171, 316—357.

² В. W a s s i l i e w s k y — V. Jernstedt, *Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de Officiis regis libellus*. „Записки Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета“, ч. XXXVIII, С.-Пб., 1896.

³ P. L e m e r l e — *Prolégomènes à une édition critique et commentée des „Conseils et Recits“ de Kékauménos—Académie Royale de Belgique. Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques. Mémoires t. LIV, fasc. I, Bruxelles, 1960*; И только что вышедший монументальный труд: „Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века“. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы, Москва, 1972.

⁴ В исторической литературе она известна под номером 436 (по Каталогу архимандрита Владимира).

⁵ Б. Л. Фонкич, *О рукописи «Стратегикона» Кекавмена*. «Византийский Временник», том 31, 1971, стр. 108—120. Ср. «Советы и рассказы Кекавмена», стр. 11 и сл.

⁶ Б. Л. Фонкич, *О рукописи «Стратегикона» Кекавмена*, стр. 109.

⁷ Там же.

привезена в Москву и передана в Синодальную (Патриаршую) библиотеку⁸. А откуда она попала на Афон? Б. Л. Фонкич пишет: «Упоминание (дважды: лл. 250 об. и 251) в формулах обращения к светским и духовным лицам «святого самодержца и царя Велико-Комнина» приводит к заключению о том, что *оба сборника появились в пределах Трапезундской империи*. Подтверждением этому служит постоянно показываемая текстами и первого и второго кодексов исключительная близость к оригиналам рукописи Монасенсис 525, написанной в 1361 г. прототабуларием и хартофилаксом Трапезундской митрополии Андреем Ливадином»⁹.

В пользу выводов Б. Л. Фонкича говорит и помета на верхнем поле л. 101 рукописи. Эта помета, однако, будучи неточно расшифрована, не использована исследователем. Б. Л. Фонкич пишет: «Помета на верхнем поле л. 101: *μοισθητη κ(υρι)ε και συγχωρισον την δουλην του¹⁰ και ραχатоу*, принадлежащая *женщине* (владелице или читательнице первого кодекса), свидетельствует о том, что еще на грани XV—XVI вв. рукопись не попала на Афон»¹¹. Б. Л. Фонкич не дает перевода этой пометы, но исходя из слова *δουλη* — раба, верно считает, что владельцем рукописи была женщиной. Но кто же она, эта владелица?

В введении своей книги Г. Г. Литаврин на этой помете остановился более подробно. Он пишет: «До того как рукопись была привезена на Афон, в мужской монастырь, по всей вероятности, принадлежала какое-то время женщине. На л. 101, на верхнем поле, имеется четко написанная густыми чернилами помета: *μοισθητη κε και συγχωρισον την δουλην σου και ραχатоу*, которую с небольшими исправлениями мы читаем так: *μ(ν)ησθητι Κυριε και συγχωρισον την δουλην σου και ραχатоу* (При этом ν, видимо, пропущено в слове *μοισθητη* — *μνησθητι*, а *ραχатоу* можно рассматривать как повелительное наклонение отложительного глагола среднего залога *ραχатоуμαι* — „покоить“, „успокоить“, образованного от существительного *τὸ ραχάτι* — „покой“, „отдых“). Надпись, таким образом, гласит: „Господи, помяни и прости рабу твою и упокой“¹².

Расшифровка и чтение этой пометы (скорее ее последних двух слов — *και ραχатоу*) вызывают некоторые сомнения. Во-первых, хотя и в новогреческом есть существительное *τὸ ραχάτι* — «покой», «отдых», которое является заимствованием из турецкого (а в турецкий оно попало из арабского), но оно позднее заимствование, а существование глагола *ραχатоуμαι* — сомнительно. И, во-вторых, что самое важное,

⁸ Там же, стр. 117. Советы и рассказы, стр. 12.

⁹ Б. Л. Фонкич, О рукописи «Стратегикона» Кекавмена, стр. 118. Подчеркнуто Фонкичем.

¹⁰ Здесь ошибка. Должно быть *σου*. (У Г. Г. Литаврина ошибка исправлена. См. ниже).

¹¹ Б. Л. Фонкич, Ук. соч., стр. 118.

¹² Советы и рассказы, стр. 12.

при подобных пометах должно быть упомянуто имя человека, обращающегося к господину богу. В таких обращениях, как например, *Κυριε βοηθει τῷ σῷ δουλω* или *Κυριε μνησθητι τὸν σὸν δουλον* и т. д. называется имя просящего.

Но женщина-владелица рукописи № 436, обращаясь к господину богу, чтобы тот помянул ее и простил, не забыла назвать своего имени. Только неправильное чтение этой пометы не дало возможности заметить его. Мы данную помету расшифровываем так: *Μνησθητι Κυριε και συγχωρισον την δουλην σου κερα Χατου(ν)* („Господи помяни и прости рабу твою госпожу Хату(н)“). Форма *κερα* вместо *κυρα* в источниках встречается часто¹³. Что касается имени Хатун, то оно тюркского происхождения и означает «дворянка, знатная женщина, а также Fürstin»¹⁴ (княгиня, государыня). Имя Хатун широко распространено у народов Закавказья¹⁵. В поздневизантийскую эпоху оно имело распространение и в Византии, более конкретно — в *Трапезунде*, и мы встречаем немало гречанок, носящих это имя-титул. Еще Фаллмерайер писал, что «от турок-сельджуков трапезундский двор заимствовал термин хатун—госпожа *Δέσποινα* (domina, imperatrix), титул супруги византийского императора»¹⁶. Хатун (*Χατουν*) называлась дочь *Трапезундского* императора Иоанна IV Комнина (1429—1458), которая была супругой Узун Хасана. В источниках она названа *δέσποινα Χατουν*. Имя Хатун встречается и в одной *трапезундской* надписи, изданной Кюмоном, датированной около 1342 г. В надписи упомянута княгиня, носящая имя *Χατουνα*¹⁷.

А теперь вернемся к нашей помете и рукописи № 436. Рукопись, как показал Б. Л. Фонкич, создана в *Трапезунде*, в XIV веке и принад-

¹³ *κερα* (ή). Κν. ή κυρία, δέσποινα, άλλως κυρά. 'Ελευθερουδάκη, 'Εγκυκλοπαιδικόν Λεξικόν τόμ. 7, 'Αθήναι, 1929, σελ. 513; Δρανδάκη, Μεγάλη 'Ελληνική 'Εγκυκλοπαίδεια, τόμ. 14, σελ. 228; И более определенно: Δ. Δημητράκου, Μέγα Λεξικόν τῆς 'Ελληνικῆς Γλώσσης, τόμ. 5, 'Αθήναι, 1951, σελ. 3856, где указывается, что форма *κερα* встречается не только в новое время, но и в византийских источниках. У Феодора Продрома (XII в.): *και λέγει την γυναίκα σου, κερα και θες τραπέζιν*. (I, 213).

¹⁴ См. Gy. Moravcsik, Byzantinoturcica, II. Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen, Berlin, 1958, S. 343.

¹⁵ У армян, например, встречается с XII в. Р. Ачарян в своем «Словаре армянских личных имен», том II, стр. 444 и сл., Ереван, 1944, упоминает 25 женщин, носивших это имя (между XII и XV вв.) и более 50 женщин носивших производное от Хатун имя (как например: Хатуншах, Хатунага, Хатунпаша, Хатунмелик и т. д.). Имя Хатун у армян встречается и в наше время.

¹⁶ См. «Трапезундская хроника Михаила Панагета», греческий текст с переводом, предисловием и комментариями, издал А. Хаханов, Москва, 1905, стр. 33, прим. 1.

¹⁷ См. F. Cumont, Inscription de l'époque des Comnènes de Trébisonde. Mélanges d'histoire offerts à Henri Pirenne, Paris, 1926, p. 68. Мне недоступно. Цитирую по Gy. Moravcsik, Byzantinoturcica, t. II, S. 344. Много производных от Хатун имен. Супруга *Трапезундского* императора Мануила III Комнина (1390—1412 гг.) называлась *Κουλχανχат* (см. там же), т. е. *Κουλχάν Χατουν* (наверно от персидского *gul*—роза). У армян в XIV в. засвидетельствовано женское имя Гулхатун. См. Р. Ачарян, ук. соч., том I, Ереван, 1942, стр. 504—505.

лежала *женщине*. Называлась она, как мы отметили *кերձ Խառօն*. На основании имеющихся в нашем распоряжении данных, разумеется, трудно точно установить, кто она. Но все же высказать предположение можно. Синснимом греческого слова *кера*—*κῆρα* будет *δέσποινα*. Исходя из этого, нельзя ли высказать мнение о том, что *кера* Խառօն нашей пометы и есть *δέσποινα Խառօն*, дочь Иоанна IV Комнина?¹⁸ Или же она тождественна с княгиней Хатун Трапезундской надписи 1342 г. или какой-нибудь другой Хатун, которая, по всей вероятности, является супругой или сестрой трапезундского императора. Слово *κῆρα* намекает на это. Эту проблему могли бы решить и палеографы, которые определили бы точное время пометы на л. 101 рукописи «Советов и рассказов»¹⁹.

ԿԵԿԱՎՄԵՆՈՍԻ «ԽՈՐՀՈՒՐԴՆԵՐ ԵՎ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ»
(«ՍՏՐԱՏԵԳԻԿՈՆ») ՁԵՌԱԳՐԻ ՍԵՓԱԿԱՆԱՏԻՐՈՒՂՈՒ ՄԱՍԻՆ

Հ. Մ. ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Պատմական գիտությունների դոկտոր

Ա մ փ ո փ ո լ մ

XI դարի հայազգի նշանավոր ռազմական գործիչ Կեկավմենոսի «Ստրատեգիկոնը» բովանդակող և մեզ հասած միակ ձեռագիրը, ինչպես մասնագետներն են ցույց տվել, արտագրված է XIV դարում, Տրապիզոնում: Մինչև Աթոնի Իվիրոն վանքի սեփականությունը դառնալը, ձեռագիրը որոշ ժամանակ պատկանելիս է եղել մի վնդ: Այդ մասին գրտենք ձեռագրի 101-րդ թերթի վերին լուսանցքում գրված հետևյալ բառերից. «μ(ν) ἡσθητι κῆριε καὶ αὐγ-
χῶριον τῆν δούλην σου καὶ βαχάτο: Այդ նախադասությունը Գ. Գ. Լիտավրինը թարգմանել է. «Տեր հիշի՛ր և ների՛ր քո աղախինն և հանգիստ տո՛ւր»: Նա «և հանգիստ տուր» է թարգմանել նախադասության և բաχάτο բառերը (արար. թրք. ռահատ—հանգիստ բառից, որ ունի նոր հունարենը՝ τὸ βαχάτι, որից հնարավոր է համարել բաχάτομαι բառի առաջացումը): Մերժելով այդ ընթերցումն ու թարգմանությունը, մենք գտնում ենք, որ պետք է ընթերցել *κῆρα Խառօն(ν)* և նախադասությունը թարգմանել. «Տեր հիշի՛ր և ների՛ր քո աղախինն Խառօնի Խառօնին»: Թյուրքական ծագում ունեցող Խառօն անունը տարածված էր ոչ միայն արևելյան (այդ թվում և հայ) ժողովուրդների մեջ, այլև հունիների, հատկապես Տրապիզոնում: Տրապիզոնի 1342 թվակիր մի արձանագրության մեջ հիշված է Խառօն անունով մի իշխանուհի: Խառօն էր կոչվում նաև Տրապիզոնի կայսր Հովհաննես IV Կոմնենոսի (1429—1458 թթ.) դուստրը, որ Ուղուն Հասանի կինն էր: Հնարավոր է, որ այդ երկու Խառօններից մեկն էլ եղել է տվյալ ձեռագրի սեփականատիրուհին:

¹⁸ Δέσποιναχάτ(ούν) называлась и *κῆρα Μαρία*, сестра трапезундского императора Иоанна—Алексея III Комнина (1349—1390). См. «Трапезундская хроника Михаила Панарета», стр. 10—11.

¹⁹ Как мы увидели выше, Б. Л. Фонкич хотя и датировал помету рубежом XV и XVI вв., но одновременно писал: «Датировать этот почерк чрезвычайно трудно: он не принадлежит грамотному и привыкшему писать человеку. Поэтому нашу датировку не следует считать окончательной». Там же, стр. 118, прим. 29.

ЕЩЕ РАЗ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ «ПАВЛИКИАНЕ»

Р. М. БАРТИКЯН

Доктор исторических наук

Исследователи, более или менее основательно занимавшиеся изучением истории одного из самых крупных социальных движений средневековья — павликианства, — коснулись также вопроса о значении их имени. Так как не было сомнений в том, что оно связано с именем Павла, то ученым оставалось одно — определить личность Павла. Этот вопрос был предметом изучения не только в работах, касающихся павликианского движения в целом, ему были посвящены специальные статьи¹. Исследователи придерживаются разных точек зрения, что связано в первую очередь с разноречивыми сведениями первоисточников.

К. Н. Юзбашян в своей недавно опубликованной статье, являющейся подробным сводом источников и литературы по этому вопросу, пишет, что, согласно первоисточникам, имя павликиан происходит:

1) От имени Павла, сына манихейки Каллиники, или

2) от смешения имен двух сынов вышеупомянутой Каллиники — Павла и Исанна. (Это мнение приводится в первой части труда патриарха Фотия, являющейся пересказом «Истории павликиан» Петра Сицилийского). Согласно этой версии, павликиане раньше назывались Павлоаннами, от чего затем произошло «Павликиане».

3) или, наконец, от имени армянина Павла, отца ересиарха Гегнесия, действовавшего в первой половине VIII в.

К. Н. Юзбашян заключает:

«Сведения источников по поводу происхождения имени «павликиане»... возводятся... либо к Павлу Самосатскому, сыну Каллиники, либо к Павлу и его брату Иоанну, либо, наконец, к Павлу Армянину, отцу Гегнесия и Тимофея². «Павлоиоанны», разумеется, — продолжает Юзбашян, — своим происхождением обязаны лишь остроумию Фотия или автора, скрывающегося под этим именем, и от этой гипотезы можно сразу же отвлечься»³.

Далее К. Н. Юзбашян приводит мнения исследователей, повторяющих высказывания источников, или же приходящих к иным вы-

¹ M. Loos, Deux contributions à l'histoire des Pauliciens. 2. Origine du nom des Pauliciens, Byzantinoslavica, t. 18, 1957. К. Н. Юзбашян, К происхождению имени «Павликиане», Византийские очерки, М., 1971, стр. 213—236.

² Здесь К. Н. Юзбашян не прав. Сыновья Павла Армянина назывались не Гегнесий и Тимофей, а Гегнесий и Феодор. Тимофей — это второе имя того же Гегнесия.

³ К. Н. Юзбашян, указ. соч., стр. 222—223.

водам. Из последних указываются те авторы, которые, учитывая общность между доктринами павликиан и антиохийского епископа III в. Павла Самосатского, связывают имя «павликиане» с именем этого Павла. Как справедливо отмечает К. Н. Юзбашян, «теория о происхождении павликиан от павликианстов остается недоказанной, соответственно нет оснований считать, что наименование «павликиане» связано с именем антиохийского епископа III в. Павла Самосатского. Это не подтверждается ни косвенными данными о происхождении ереси павликиан, ни прямыми данными о происхождении их имени»⁴.

Другие исследователи, исходя из того, что еретики глубоко почитали апостола Павла, считали павликиан носителями имени апостола Павла. По этому поводу К. Н. Юзбашян пишет: «Высказывалось мнение, что еретиков называли павликианами по имени апостола Павла. Действительно, — продолжает он, — еретики всемерно почитают Павла, их руководители принимают имена учеников апостола, а павликианские общины зовутся так же, как и церкви, основанные Павлом... Павликианские мотивы проявляются в павликианстве со всей очевидностью»⁵.

Поскольку К. Н. Юзбашян не нашел в источниках прямого указания на взаимосвязь «Павликиан» с именем апостола Павла⁶, он приводит это мнение как гипотезу и не включает в свой свод «позитивных сведений первоисточников». Но правильно ли считать непрямым указанием то, что основоположник павликианского движения Константин принял имя Сильвана, ученика апостола Павла, что основанную им общину назвал Македонией (по имени основанной апостолом Павлом христианской церкви) и говорил своим ученикам, что он сам «является Сильваном, упомянутым в посланиях апостола (Павла), которого Павел, как верного ученика, отправил в Македонию»⁷?

Солидаризируясь с высказываниями ряда источников о связи наименования павликиан и имени Павла, сына легендарной Каллиники, и считая, что этот Павел и был основоположником движения, давшим ему свое имя, К. Н. Юзбашян вынужден был доказать историчность Павла, определить его место и во времени, и в пространстве, не имея, однако, для этого достаточно оснований. Он не обратил внимания на стремление православных авторов доказать, что павликианство — продолжение, возрождение, как пишет патриарх Фотий, вторичное произрастание ереси

⁴ Там же, стр. 226.

⁵ Там же, стр. 220.

⁶ Его не нашли и другие исследователи, в том числе и греческий ученый И. Анастасиу, который в своей недавно изданной монографии, специально посвященной павликианской ереси, уверенно писал: «Εἰς τὰς πηγὰς προσηνὰ δὲν ἀναφέρεται, ὅτι οἱ ἴδιοι οἱ Παυλικιανοὶ ἐχρησιμοποιοῦν τὸ ὄνομα τοῦτο» («В источниках нигде не сказано, что сами павликиане употребляли это имя (т. е. «Павликиане» — Р. Б.)»). См. Γ. Ὁ. Α. Β. Ἀναστασίου, Οἱ Παυλικιανοί. Ἡ ἱστορία καὶ ἡ διδασκαλία τῶν ἀπὸ τῆς ἐμφάνιστος μέχρι τῶν νεωτέρων χρόνων. Ἀθήναι, 1959 σελ. 216.

⁷ См. Р. М. Бартикян, Источники для изучения истории павликианского движения, Ереван, 1961, стр. 136.

манихеев. Они поступали так, ибо манихейство давно потерпело поражение, усилиями церкви и государства было дискредитировано в глазах верующих, «манихей» стало бранной кличкой, к которой прибегали даже в константинопольском ипподроме в VI в. Против манихеев имелась огромная литература. Ее можно было использовать и против павликиан, распространить против них законы и постановления, в свое время принятые против манихеев. К. Н. Юзбашян не обратил внимания на то, что легенда о Каллинике и ее сыновьях — недостающее церковникам звено между манихейской и павликианской ересями.

Несмотря на все сказанное, К. Н. Юзбашян считает, что «Павел (сын манихейки Каллиники — Р. Б.) стал эпонимом павликиан»⁸, что он является родоначальником секты⁹. Эта реальная по его мнению личность существовала вероятнее всего раньше середины VI в. К. Н. Юзбашян не отвечает на справедливо возникающий вопрос: на основании каких фактов он датирует появление Павла в данное время? На основании ли того, что в «Клятве единения страны нашей Армянской», принятой на Двинском церковном соборе в 554 или 555 г., упоминаются еретики, имя которых похоже на имя павликиан? Если даже допустим, что в середине VI в. упоминаются павликиане, разве это дает основание датировать появление Павла, сына Каллиники и начало павликианского движения? Ведь К. Н. Юзбашян пишет: «Зарождение павликианства (следовательно и появление Павла сына Каллиники — Р. Б.) следует отнести ко времени до появления «Клятвы»¹⁰. Что понимает К. Н. Юзбашян под временем «до появления «Клятвы»? Под «до появления» можно подразумевать и один день и несколько столетий.

Мы не имеем оснований считать Каллинику и ее сыновей Павла и Иоанна реальными личностями, тем более датировать время их деятельности. Вот что сообщает Петр Сицилийский о них: «Некоторые из его (т. е. Мани, казненного в 276/277 г. — Р. Б.) учеников дошли до Самосата в Армении и, посеяв там плевелы коварства, обманули многих из тамошних армян. Спустя некоторое время, корень злейшего посева, разрастаясь, принес многим смертоносные плоды, на всем протяжении вплоть до Фанарии. Ибо некая женщина из Самосата по имени Каллиника, которая имела двух сынов Павла и Иоанна, воспитав и обучив гнуснейшей ереси, послала их из Самосата проповедовать заблуждение»¹¹.

Итак, имеем ли мы право такую неопределенную датировку, как «спустя некоторое время» (μετὰ δὲ ὑρόνως τινός) после казни Мани в 276/277 г. считать более чем за три столетия и назвать родоначальником павликиан человека, жившего предположительно за 300—400 лет

⁸ Там же, стр. 235.

⁹ Там же, стр. 229.

¹⁰ Там же, стр. 230.

¹¹ См. Р. М. Бартикян, Источники для изучения истории павликианского движения, стр. 133.

до возникновения движения павликиан? Мы не думаем, что К. Н. Юзбашян датирует появление секты павликиан концом III, или же началом IV в.

Более чем десять лет назад мы писали: «Легенда о Каллиники и ее сынах ничего общего с павликианами не имеет. Эта легенда, по всей вероятности, была создана позднее православным клиром. В лице Павла Самосатского, сына манихейки Каллиники, не трудно видеть известного антиохийского ересиарха III века Павла Самосатского. Мы не сомневаемся в том, что созданию этой легенды способствовало, во-первых, наименование еретиков (связано с именем Павла), и, во-вторых, то обстоятельство, что действительно первый ересиарх павликиан Константин-Сильван выступил в городе Самосате (т. е. Арсамосата), который был колыбелью павликианской ереси. Созданию же образа манихейки Каллиники, матери «основателя» секты павликиан Павла способствовало стремление официальной церкви показать павликианство как возрождение или «вторичное произрастание» манихейской ереси»¹².

Это предположение мы и теперь считаем обоснованным.

К. Н. Юзбашян в этой связи выступает также с уверением, будто «павликианами сектантов звали их прогивники, это имя не было самоназванием»¹³, что «еретики... решительно отвергали имя «павликианин», усвоенное их противниками»¹⁴, что «интересующее нас наименование было присвоено еретикам их противниками, сами же они решительно отвергали это имя»¹⁵.

«Решительное отвержение» К. Н. Юзбашян видит в том, что еретики считали себя истинными христианами (*καλοῦσι δὲ ἑαυτοὺς χριστιανούς*), следовательно их самоназвание — «христиане»¹⁶.

Несомненно прав К. Н. Юзбашян, когда пишет: «Гораздо естественнее предположить, что в присвоенном наименовании (т. е. «христиане» — Р. Б.) сказалося убеждение в том, что именно они, объявленные еретиками, суть носители и хранители истинного христианства, в то время как их противники, роми, изменили его принципам»¹⁷.

¹² Там же, стр. 103, прим. 1.

¹³ К. Н. Юзбашян, ук. соч., стр. 213.

¹⁴ Там же, стр. 214.

¹⁵ Там же, стр. 220. См. и сл. примечание.

¹⁶ Там же, стр. 214. К. Н. Юзбашян повторяет мнение И. Анастасиу, который в 1959 г. писал: «Οἱ ἴδιοι ὀνομάζον ἑαυτοὺς «χριστιανούς» ἐν ἀντιθέσει πρὸς τοὺς ὀρθοδόξους, τοὺς ὁποίους ὀνομάζον «Ρωμαίους». Οἱ Πавлиκιανοὶ λοιπὸν εἶχον ὄνομα οἱ ἴδιοι καὶ δὲν εἶχον ἀνάγκη νὰ εἰδρουν μέν. Τὸ μέν ὄνομα ἠλεῖσθαι εἰς αὐτοὺς ὑπ' ἄλλων» («[Еретики] сами себя называли «христианами», а православных, напротив, [они] именовали «ромейми». Следовательно, павликиане имели свое наименование, у них не было необходимости искать новое. Новое имя (т. е. «Павликиане» — Р. Б.) дано им другими». Указ. соч., стр. 216. Конкретизируя свою мысль, И. Анастасиу находит, что их стали именовать «павликианами» некоторое время спустя после возникновения движения, во времена Павла, отца ересиарха Гегнесия-Тимофея, и оно связано с именем этого Павла. А еретики продолжали называть себя «христианами». Там же, стр. 218.

¹⁷ К. Н. Юзбашян, указ. соч., стр. 214.

Итак, выводы К. Н. Юзбашяна сводятся к следующему:

1) «Павликиане» не самоназвание еретиков, а имя, данное им прогивниками.

2) Имя «павликианин» не имеет никакого отношения к имени апостола Павла или перечисленных Павлов. Оно происходит от имени Павла, сына Каллиники.

К сожалению, выводы К. Н. Юзбашяна противоречат данным первоисточника, в достоверности которого мы не имеем права сомневаться. К. Н. Юзбашян начинает свою статью следующими словами: «В научной литературе, посвященной павликианству, происхождение имени еретиков толкуется весьма разноречиво, в то время как в первоисточниках со-
держится вполне определенный ответ на этот вопрос»¹⁸. Все дело в том, что К. Н. Юзбашян привел все данные этих первоисточников, за исключением самого важного и достоверного, который и дает этот определенный ответ. Речь идет о *Λόγοι* патриарха Фотия против павликиан¹⁹.

Если его *Narratio de Manichaeis recens repullulantibus* является простым пересказом «Истории павликиан» Петра Сицилийского, то *Λόγοι* Фотия — оригинальное и очень ценное произведение, особенно для изучения идеологии еретиков. Именно здесь ученый патриарх выявляет свои глубокие знания в вопросах павликианской доктрины, дает ответ на давно возникший у исследователей и ставший у них спорным вопрос о происхождении имени павликиан. В этих *Λόγοι* одно обстоятельство бросается в глаза. Патриарх старается опровергнуть доктрину павликиан в первую очередь высказываниями глубоко почитаемого еретиками апостола Павла. Он часто подчеркивает, что хотя и еретики считают своим патроном апостола Павла, придерживаются положений, выраженных в его посланиях, все же их доктрина противоречит словам апостола. В этих *Λόγοι* патриарх между прочим пишет: «πῶς οὐκ αἰσχύνονται τῆς ἀποστασίας τὸ σύνταγμα, καίτοι ψευδῶς μὲν διδάσκαλον δὲ ὄντος τῶν ταῦτα κηρύσσοντα (Παῦλον) ὑποκρινόμενοι καλεῖν»²⁰. («Как не стыдится армия отступников (т. е. Павликиан — Р. Б.) обманным образом и с притворством считать проповедующего это [Павла] учителем»).

А далее еще яснее и определеннее: «Παῦλον δὲ μαρτυροῦντα, οὗ ψευδοπόνουρι παραγράφονται»²¹. («Об этом свидетельствует [апостол] Павел, носителями имени которого [павликиане] обманным образом себя считают»).

Если один из самых ярых противников павликиан, современник их движения патриарх Фотий пишет, что павликиане своим учителем считают апостола Павла (пусть, как кажется патриарху, без оснований) и

¹⁸ Там же, стр. 213.

¹⁹ Кстати, этот источник ускользнул от внимания и других исследователей, коснувшихся проблемы о происхождении имени «Павликиане».

²⁰ Photii Patriarchae Constantinopolitani Sermo III Contra Manichaeos, Migne, Patrologia graeca, t. 102, col. 144.

²¹ Idem, Sermo II Contra Manichaeos, Migne, Patr. gr., t. 102, col. 109.

носителями его имени — *φεροδοκισμοί*, (чего другие ортодоксально настроенные писатели в своем стремлении и усердии скрыть от верующих имеющуюся между павликянами и апостолом Павлом идейную связь, избегают показать), то эти слова Фотия имеют все основания быть правильными²².

Подведем итоги:

- 1) «Павликяне» — это самоназвание еретиков.
- 2) Происходит оно от имени апостола Павла, патрона павликян.

ԳԱՐՉՅԱԼ «ՊԱՎԼԻԿՅԱՆ» ԱՆՎԱՆ ԾԱԳՄԱՆ ՇՈՒՐՋԸ

Հ. Մ. ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Պատմական գիտությունների դոկտոր

Ա մ փ ո փ ու մ

Պավլիկյան շարժման պատմությանը այս կամ այն շափով զբաղված մասնագետները անդրադարձել են նաև շարժման անվանմանը: Արտահայտվել են բազմաթիվ իրարամերժ կարծիքներ, որոնք հավաստում են այդ հարցի վերաբերյալ աղբյուրներում եղած տեղեկությունների բազմազանությունը:

Վերջերս Կ. Ն. Յուզբաշյանը հանդես եկավ մի հոդվածով՝ նվիրված «Պավլիկյան» անվան ծագման հարցին, որտեղ պավլիկյան շարժման հիմնադիր է համարվում առասպելական Կալլինիկեի որդի Պողոսը: Ի տարբերություն բազում ուսումնասիրողների, նա Պողոսին դիտում է որպես պատմական անձնավորություն և ենթադրում, որ ապրել է VI դ. կեսերից առաջ: Ըստ Կ. Յուզբաշյանի՝ պավլիկյան շարժումն իր անվանումն ստացել է այդ Պողոսից, ընդ որում՝ նա դտնում է, որ այդ անունը աղանդավորների ինքնանվանումը չէ, այլ նրանց այդպես են կոչել հակառակորդները:

Քննությունը ցույց է տալիս, որ Կալլինիկեի որդի Պողոսին պատմական անձնավորություն համարելու, առավել ևս նրա ապրած ժամանակը որոշելու պատմական ոչ մի տվյալ չկա: Խնդրո առարկա հարցի ուսումնասիրության համար Փոտ պատրիարքի մինչև օրս չօգտագործված ուղղակի տեղեկությունից հայտնի է դառնում, որ «Պավլիկյան» անունը աղանդավորների ինքնանվանումն է՝ կապված Պողոս առաքյալի, աղանդավորների պատրոնի անվան հետ:

²² То, что в первой части Narratio имя «павликяне» выводится от имени сынов Каллиники Павла и Иоанна («Павлоиоанны») не меняет суть дела, поскольку эта часть Narratio — не труд патриарха Фотия, а пересказ «Истории павликиан» Петра Сицилийского, сделанный Фотием.

О БОЛГАРСКОМ ВОЙСКЕ В ВАСПУРАКАНЕ И ПОСЛЕДНИХ ГОДАХ ЦАРСТВА АРЦРУНИДОВ

Р. М. БАРТИКЯН

Доктор исторических наук

О политике Византии в завоеванных ею армянских областях в конце IX—первой половине XI вв. написано немало. Ученые, между прочим, подчеркивали стремление империи утвердиться в Армении путем удаления из страны армянского населения (в первую очередь армянской родовой и служилой знати) и переселения его на территорию Византии, главным образом во Фракию, а также в завоеванную Болгарию. Переселенцы должны были служить защитой границ Византии от нашествий внешних врагов, завоевывать все новые территории для империи на Западе. Эта политика, развернувшаяся еще во времена императора Маврикия¹, была пущена в полный ход императорами Исаврийской и Македонской династий. Известно, что уже во времена Константина V Копронима (741—775 гг.) было организовано массовое переселение армянских павликиан Феодосополя и Мелитены во Фракию². Лев VI (886—912 гг.) отправил войска, состоящие из армян-павликиан Тефрики, во главе с Диаконицей, бывшим телохранителем Хрисохира в Италию³. Иоанн Цимисхий (969—976 гг.) многих еретиков-армян переселил из Χαλδίων και Ἀρμενιακῶν τόπων (т. е. из Понта и Армении) в Филиппополь⁴. Василий II (976—1025 гг.) в начале своего царствования «перевел туда (т. е. в Македонию—Р. Б.) многих [армян]⁵.

В конце X и первой половине XI вв. Византия не упраздняла армянские вооруженные силы завоеванной Армении, а использовала их в своих интересах. Василий II, например, во время долголетней войны против болгарского царства использовал и армянские войска. Из сообщения Степаноса Таронаци (Асохика) известно, что император еще в 991 г. оставил в Болгарии «сына князя таронского, магистра Григория, с вой-

¹ «История епископа Себеоса», перевел с четвертого исправленного армянского издания Ст. Малхасяни, Ереван, 1939, гл. XIII, XVI.

² Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor, t. II, Lipsiae, 1833, p. 42). Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica, ed. C. de Boor, Lipsiae, 1880. См. русский перевод Е. Э. Липшиц в «Виз. Временнике», т. III, 1950.

³ Theophanes Continuatus, Bonnae, 1838, p. 313; Ср. Genesii Regum, Bonnae, 1834, p. 125.

⁴ Georgii Cedreni Historiarum compendium, t. II, Bonnae, 1839, p. 382.

⁵ «Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию—писателя XI столетия», переведена с армянского и объяснена Н. Эмвным, М., 1864, стр. 142 (гл. XX).

ском, ...также ханджитского князя Саака, сына Абеда, неоднократно сражавшегося с Булхарами»⁶.

Все это было одной стороной медали. Византийское правительство вместе с тем предпринимало попытки переселить в Армению иноплеменное население, в частности болгар из завоеванной Болгарии. На этом вопросе более подробно остановился недавно Г. Г. Литаврин⁷. Подчеркивая тот факт, что в славянско-болгарских источниках не встречается каких-либо упоминаний об этом, Литаврин обратился к данным «Повествования» армянского автора XI в. Аристакеса Ластивертци, где, в частности, говорится: «Он (т. е. Василий II—Р. Б.) овладел страной болгар, их областями и городами... Сыновей болгарского правителя вместе со всеми представителями их рода император лишил прав наследства и места [для пребывания] пожаловал им в ромейской стране. *Болгарские же войска он обманым путем собрал в одном месте, словно желая одарить их, а затем приказал переписать всех и отправить на восток путями, по которым не будет возврата.* Они прибыли туда и вконец разорили всю ту сторону»⁸.

«Подобного рода политика византийского двора,— пишет Г. Г. Литаврин,— была вполне сознательной и преследовала определенные цели: удаление из родной этнической среды эвентуальных вождей освободительного движения и постепенную их деэтнизацию»⁹.

Как видно из рассказа Ластивертци, речь идет о болгарских войсках вообще, их переселение датируется временем после упразднения болгарского государства в 1018 г., а место их переселения не уточнено, названо неопределенно «восток». Г. Г. Литаврин под «востоком» Ластивертци склонен видеть «восточные фемы империи», более конкретно — «грузино-армянские земли — фемы Халдия, Феодосиуполь, Иверия, Васпуракан, Тарон, Месопотамия». На наш взгляд, он совершенно прав, когда пишет, что «о границах одной из этих фем — и именно армянской фемы — и идет речь в известии Аристакеса, так как он вкладывает слишком много страсти в оценку тех последствий, которые были вызваны появлением новых военных поселенцев»¹⁰.

О переселении болгарского войска на восток сообщает и современник Ластивертци византийский историк Иоанн Скилица. В отличие от Ластивертци, Скилица конкретизирует, о каком именно болгарском войске идет речь, указывает точное время этого переселения и уточняет, что за область скрывается под «востоком» армянского автора.

⁶ Там же, стр. 188 (гл. XXXIII).

⁷ Г. Г. Литаврин, Армянский автор XI столетия о Болгарии и болгарях («Славяне и Россия», М., 1972, стр. 27—31).

⁸ «Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци». Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашьяна, М., 1968, стр. 57.

⁹ Г. Г. Литаврин, указ. соч., стр. 27.

¹⁰ Там же, стр. 31.

Рассказывая о последнем этапе византийско-болгарской войны, Скилица подробно описывает военные действия Василия II против Могленской крепости в Македонии. В апреле 1015 г.¹¹ византийский император отправил на взятие этой крепости патрикия Никифора Ксифию, а также стратига Фессалоник Константина Диогена. Они разорили Могленскую область и окружили город Моглен (ныне Караджова в Македонии). Во время осады прибыл и сам император, которому удалось разрушить стены города и заставить осажденных болгар сдаться. Среди болгарских пленных были симпаредр болгарского царя Гавриила-Радомира (1014—1015 гг.) кавхан Дометиан, правитель города Моглен Илица, многие вельможи, а также большое число воинов. Всех боеспособных, пишет Скилица, император отправил в Аспраканию (Васпуракан) — τὸς μὲν ὅπλα δουαρένους κινεῖν εἰς Ἀσπραχάναν ἐκέρπει ὁ βασιλεὺς¹².

Могленская область с центром г. Моглен была одной из четырех пограничных с Византией областей Болгарии¹³, образованных после восстания комитопулов Давида, Моисея, Арона и Самуила. Могленская область, которая соседствовала с фемой Фессалоник, была доверена старшему, Давиду, при нем в Моглене находился и болгарский архиепископ-патриарх. Его престол из Триадицы-Средеца (Софии) был перенесен именно в Моглен¹⁴. Если ко всему этому добавить, что оборона Моглена находилась в руках кавхана (т. е. наместника верховной царской власти, которому было поверено командование болгарской армией¹⁵) Дометиана, что Василий II лично участвовал в борьбе за Моглен, то становится ясным и место, и роль Моглена в болгарском государстве. На основании этого можно заключить, что отправленное в Васпуракан болгарское войско представляло собой силу не из малых.

Известие Скилицы, несомненно, перекликается с вышеприведенными данными Аристакеса Ластивертци, и становится ясным, что под общим названием «восток» армянского историка подразумевается именно Васпуракан¹⁶.

¹¹ О дате см. В. Златарски, История на Българската държава през средните векове, том I, часть 2, София, 1971, стр. 707 (издание второе).

¹² Georgii Cedreni Historiarum Compendium, p. 462.

¹³ В. Златарски, указ. соч., стр. 609.

¹⁴ Там же, стр. 610.

¹⁵ В. Т. Гюзелев, Функциите и ролята на кавхана в живота на Първата българска държава (VII—XI вв.). Годишник на Софийския университет, философско-исторически факултет, кн. LX, 3, 1966, стр. 33—57. Его же, Институциите кавхан и ичиргу боила. Принос към военно-административната уредна на Първата българска държава (VII—XI вв.). Диссертация, София, 1971, стр. 97—99.

¹⁶ Еще Э. Хонигман находил возможным, что и Скилица, и Ластивертци пишут о том же самом факте. См. E. Honigmann, Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches, von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen Bruxelles, 1935, S. 173. Только он (как мы увидим далее более обстоятельно), на наш взгляд, ошибочно датировал переселение болгар в Васпуракан 1022 годом. Известие Скилицы приведено и в книге В. Варданяна (см. его «Հանրապետական Գրականությունը 908—1021 թթ.», Երևան, 1969, էջ 215, ծանոթ. 548), только без упоминания о том, что речь идет о болгарях, и без указания даты их переселения.

Итак, данное событие произошло не после покорения Болгарии византийцами в 1018 г., а двумя годами раньше (взятые в плен во второй половине 1015 г. болгары вряд ли в том же году могли прибыть в Аспраканию—Васпуракан, отдаленный от Македонии тысячами километров, кроме того, в 1015 г. их еще никто не просил в Васпуракане, о чем еще пойдет речь), не все болгарское войско было переселено на восток, как пишет Ластивертци, а войско, составленное из взятых в плен в 1015 г. в Моглене.

Хронология вышеупомянутых событий, данная Скилицой, заставляет нас заново пересмотреть последний этап жизни Васпураканского царства Арцрунидов. Аристаке Ластивертци не упоминает даты упразднения этого царства. Матфей Эдесский, описывая тюркский набег 1016 г. (*Խրոնոգրի արգն անորինացն, որք անկանիալ կոչին թուրք*), пишет, что «тогда [Сенекерим, царь Васпуракана—Р. Б.] подумал отдать отчизну свою императору греков Василию и получить [взамен] Себастию. Он тотчас же написал императору Василию, который, узнав об этом, обрадовался и пожаловал ему Себастию. А Сенекерим отдал страну Васпуракан: 72 крепости и 4400 деревень... Все это он письменно отдал Василию. Император Василий написал Сенекериму, чтобы тот отправил к нему царским великолепием своего сына Давида. [Сенекерим] отправил своего сына, вместе с ним также сыновей азатов, епископа владыку Елише, нагруженных сокровищами и разнообразным снаряжением 300 вьючных мулов и 1000 арабских коней. Таким великолепием вошел Давид в Константинополь... Василий, увидев Давида, очень обрадовался. Он увел его в святую Софию и усыновил. Его, Давида, почитали как царевича. Император отдал ему много даров и отправил обратно к отцу, которому пожаловал Себастию со множеством кантонов. Сенекерим всей своей семьей и с простонародьем пришел в Себастию...»¹⁷.

Итак, всю эту историю Матфей Эдесский упоминает под 1016 годом. Исходя из этого, некоторые арменоведы принимают 1016 год как дату переселения Сенекерима в Себастию и утверждения византийского господства в Васпуракане. Однако более внимательное изучение данных Матфея Эдесского не дает нам права для такого заключения. Эдесский пишет о сделке Сенекерима вообще, но дата поездки Давида в Константинополь и дата переселения Сенекерима в Себастию не может быть одной и той же¹⁸. В 1016 г. велись переговоры, но уход Сенекерима произо-

¹⁷ Մատթէոս Եդեսի, Ժամանակագրութիւն, Վաղարշապատ, 1898, էջ 48—49.

¹⁸ Это мнение, высказанное первоначально С. Шальджяном, по-нашему, правильно. См. его статью: «Из истории Васпураканского царства», «Известия» АН Арм. ССР, № 4, 1949, стр. 68 и сл. Ряд арменоведов, исходя из того, что до упразднения Болгарского царства Василий II будто не мог заняться восточными делами, находят, что Давид вел переговоры с Василием в 1021 г. и не в Константинополе, а в Трапезунде (см. Հենրի Հայոց պատմութիւն, հտ. Բ, Երևան, 1967, էջ 633—634; R. Grousset, Histoire de l'Arménie, Paris, 1947, p. 553), где в это время находился византийский император, занятый войной против абхазско-грузинского царства. Но из данных Скилицы ясно, что Василий II был в Константинополе в 1016 г., с января месяца. См. Cedreni, II, p. 464.

шел несколько лет спустя, после того, как Василий II, упразднив Болгарское царство, прибыл на восток. О всех событиях, связанных с взаимоотношениями между Васпураканом и Византией в это время, армянский историк упоминает в одном месте, что и дало повод для недоумений. Именно так нужно понимать и сообщение об этом событии, встречающееся в Хронографии Скилицы. Под 6524 годом (1016 г.) он пишет: «Тогда и Сенахирим, архонт Верхней Мидии, которую ныне именуют Аспраканией, всем племенем перешел в сторону императора, отдав ему всю, принадлежащую себе страну. Он получил титул патрикия, звание стратига Каппадокии, а взамен получил следующие города: Себастию, Лариссу, Абару и много других имений. Будучи стеснен соседними агарянами и не будучи в состоянии им противостоять, [Сенекерим] перешел на сторону императора, сдав ему свою страну»¹⁹.

Одно несомненно: Давид в 1016 г. был в византийской столице, и он отправился туда после вызова Василия II, находившегося уже в Константинополе. Немногим раньше в Константинополе уже побывало другое посольство Сенекерима, передавшее Василию послание Васпураканского царя. Не лишено основания полагать, что приглашение в византийскую столицу Давида связано с тем, что именно он, Давид, мог дать Василию самую точную и полную информацию о новоявленных врагах—тюрках, так как именно Давид нес на себе всю тяжесть тюркского нападения на Васпуракан в 1016 г., а в основе переговоров Васпуракана с Византией в это время лежал вопрос о тюркской опасности.

Но переселение Сенекерима в Себастию в большинстве армянских источников датируется 1021 годом²⁰. Выходит, что договор об обмене территорий был заключен в 1016 г., а Византия пользовалась плодами этой сделки шесть лет спустя.

Византия была не из тех государств, чтобы на целых шесть лет откладывать аннексию Васпуракана. Из истории известно, что после смерти ширакского царя Иоанна-Смбата, Византия тотчас же потребовала от его наследника Гагика II царство Багратидов по заключенному в Трапезунде в конце 1021 г. договору. А здесь целых шесть лет откладывать мирное присоединение Васпуракана к империи кажется неправдоподобным. Это нельзя объяснить и болгарской войной. Известно, что Василий II еще в том же 1016 г., т. е. за два года до окончания войны в Болгарии, отправил целый флот в Хазарию и подчинил себе страну²¹. Если верить тому, что Сенекерим еще в 1016 г. согласился на обмен, то Византия не должна была откладывать аннексию Васпуракана, ведь для этого не нужно было и воевать! Резонно высказать следующую гипотезу. Давид в Константинополе, как и побывавшее там до него посольство, вовсе

¹⁹ Cedr., II, p. 464.

²⁰ Об этом более подробно см.: Վ. Վարդանյան, Վասպուրականի Արժրույաց Բազմադրույթներ, էջ 210 և հտ. Самое важное доказательство этого то, что после смерти ширакского царя Гагика I в 1020 г. его сын Ашот обратился за помощью к Сенекериму в Васпуракан, т. е. к тому времени Сенекерим еще был в Васпуракане.

²¹ Cedr., II, p. 464.

не затрагивали вопроса о передаче Васпуракана. Кажется неубедительным, чтобы Сенекерим из-за тюркской опасности сразу же решился отказаться от Васпуракана и его короны. Более логично полагать, что он сперва попытался бы получить помощь находящейся в зените своего могущества христианской державы. И Давид, и посольство до него, вероятнее всего, были отправлены в Константинополь, чтобы просить у Василия военную помощь для защиты границ Васпуракана от тюркских набегов. И эта помощь была Васпуракану оказана в лице могленских болгар, взятых в плен в предыдущем, 1015 г. Болгарское войско вступило в Васпуракан до упразднения царства Арцрунидов²². Вступление болгарского (теперь мы уже можем смело сказать—византийского, т. к. его этнический состав не меняет сути дела) войска в Васпуракан в 1016 г. не имело ничего общего с ликвидацией царства Арцрунидов. В противном случае непонятно, как мог Сенекерим целых шесть лет собираться в путь, как могла Византия этого допустить. Если бы в 1016 г. был заключен договор об обмене территорий, то Византия не позволила бы Сенекериму, чтобы тот, пять лет спустя, в 1020 г. вел собственную внешнюю политику, распоряжался собственными войсками, оказывал помощь Ашоту Багратуни²³. Если бы Сенекерим обеспечил безопасность своих границ военной помощью Византии и тюрки более не были ему страшны, то ему незачем было и отказаться от своих владений, от своей родины, к которой он так был привязан, что на смертном одре в Себастии распорядился, чтобы его похоронили именно в Васпуракане, как и было сделано.

Византийское войско в Васпуракане для царства Арцрунидов сыграло роль троянского коня. Если раньше Сенекерим был стеснен внешним врагом—тюрками, то теперь, пропустив в свою страну византийцев, в их лице приобрел новых врагов, которые будучи в самой стране, представляли большую опасность. По данным историка Аристаркеса Ластивертци эти болгарские войска «разорили всю ту сторону» (мы знаем, что это—Васпуракан), «их приход на восток» стал настоящим бедствием. Вот и Сенекерим, будучи не в состоянии противостоять опасности тюрков и нажиму византийцев, был вынужден покинуть пределы Васпуракана. Византия взорвала Васпураканское царство Арцрунидов *не снаружи*, как считалось до сих пор, а *снутри*, и главную роль в этом сыграли прибывшие еще в 1016 году византийские «союзнические» войска.

²² Неубедительно мнение исследователей о том, что войско, состоящее из могленских болгар, вступило в Васпуракан после упразднения царства Арцрунидов, т. е. 6—7 лет спустя после их взятия в плен в 1015 г., поскольку, во-первых, Византия не оставила бы их неиспользованными столько времени и, во-вторых, большая часть этих «боеспособных» в 1015 г. болгар к 1021—1022 гг. была бы уже небоеспособной.

²³ Մ տ թ է ու Ու լ Ն շ յ Ե ց ի, Ժ ա մ շ ն կ զ զ ը թ ի ն, էջ 8: Мы не исключаем и другое объяснение этому. Сенекерим оказал помощь Ашоту Багратиду, боровшемуся против центральной власти своего брата, ширакского царя Иоанна-Смбата, т. е. он действовал на руку Византии, озабоченной в ослаблении, а затем и уничтожении Багратидского царства. Не действовал ли Сенекерим под диктовку и давлением империи?

Аналогичная ситуация была в Армении приблизительно столетие до этого, когда в страну вступили полчища атропатенского эмира Юсуфа и багратидам было трудно с ними бороться. Ашот II Железный вынужден был в 914 г. оглянуться в Константинополь и попросить военную помощь от империи. Эта помощь была ему оказана. «Многие стратеги и ромейские войска» вместе с Ашотом были отправлены в Армению²⁴. Однако византийские войска стали хозяйничать в стране, они заняли некоторые западные районы Армении²⁵, стали вмешиваться во внутренние дела Багратидов—организовывать восстания армянских нахараров против центральной власти Ашота II. И Ашот в 922 г., когда византийские войска во главе с Иоанном Куркуасом пытались овладеть городом Двином, как это ни странно, выступил против византийцев в союзе с атропатенским эмиром Сбуком²⁶, изгнал византийские войска из Армении, чего не смог сделать столетие спустя Сенекерим. Сенекерим покинул Васпуракан в 1021 г., т. е. тогда, когда прибыл на восток Василий II. До этого Сенекерим, видимо, и не помышлял отказаться от Васпуракана. Василий мог и без политического нажима упразднить Васпураканское царство, ему достаточно было двинуть свои войска. Но дело до этого не дошло. В данной ситуации Сенекериму ничего другого не оставалось делать, как согласиться на предложение Василия, пойти на встречу византийскому диктату.

Аннексию Васпуракана представить в качестве честной сделки между равными сторонами, простым обменом территорий было на руку и Византии, и Васпуракану. Первой потому, что ей еще предстояла борьба за захват царства Багратидов, она хотела показать армянам, что включение Васпуракана в состав империи,— это простой обмен, обоюдо-выгодный обмен, но не обман, а Васпуракану потому, что таким образом он как-то защищал свою честь, показывая, что это не результат византийского диктата. А сделка эта была со стороны Византии далеко не честной, а для Васпуракана не обоюдовыгодной и не равной, ибо, по словам Продолжателя Фомы Арцруни, переселившиеся в Себастию армяне «попали под рабское иго ромеев»²⁷.

В свете всего вышесказанного образ Сенекерима нам представляется в совершенно ином виде. Он не трусливый династ, готовый при первой опасности продать и предать свою родину и народ, как он показан в ряде источников и исследований. Сенекерим в действительности, в чрезмерно сложной политической обстановке сделал все, чтобы спасти свою родину и народ от врагов—восточных и западных. Может быть, он ошибся в выборе союзника? А к кому он еще мог тогда обратиться за помощью? Собственными силами ведь противостоять тюркам он не мог.

²⁴ Յ ո Վ Տ ա ն ն է ո Դ ը ա ի խ ա ն ա կ ե ը ո ց ի, Պատմութիւն Հայոց, Թիֆլիս, 1912, էջ 293:

²⁵ Ա. Տ Ե ը Ղ Կ ը ն ղ յ ա ն, Արարական ամիրայությունները Բագրատունյաց Հայաստանում, Երևան, 1965, էջ 136:

²⁶ Там же, стр. 136—137.

²⁷ Թ ո Վ Մ ա Ա ը ժ ը ու ն ի, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց, Թիֆլիս, 1917, էջ 500:

Через каких-нибудь 20—25 лет им не смогла уже противостоять сама могучая Византийская держава...

В конце статьи вернемся еще раз к болгарскому войску. Само собой разумеется, что оно было отправлено в Васпуракан во главе со своими предводителями, о которых в источниках нет каких-либо прямых свидетельств. Но в одной поэме современника событий Григория Магистра Пахлавунни (умер в 1058/1059 г.) упоминается приехавший в Армению «болгарская ночная сова, разоритель, разрушитель, позорный Николай»²⁸, т. е. об этом болгарине Николае он отзывается теми же нелестными словами, что и Аристакаес Ластивертци о болгарских воинах. Николай Григория Магистра назван «*աւերող*» («разоритель»), а болгары Аристакаеса Ластивертци «*զաշխարհս աւեր դարձուցին*» («они разорили страну») ²⁹. Не исключено, что этот Николай был одним из предводителей могленских болгар. В одной из наших статей мы идентифицировали личность этой «болгарской ночной совы» Николая с патрикием Николаем Хрисилием Болгарином (*ὁ πατριχίος Νικόλαος ὁ Βούλγαρος, ὁ Χρυσήλιος τὸ ἐπίμαχον*) Скилицы³⁰, катепаном именно Васпуракана в годы правления императора Михаила III Аргири (1028—1034 гг.)³¹. Это предположение, подкрепленное упоминанием Скилицы об отправленных в Васпуракан болгарских воинах, представляется нам убедительным³². Его выдвижение на такой высокий пост не было ли вознаграждением за большие заслуги перед империей?

²⁸ Գրիգոր Մագիստրոսի թղթերը, Ալեքսանդրապոլ, 1910, էջ 234.

²⁹ В переводе К. Н. Юзбашяна — «они разорили всю ту сторону». «Աշխարհ» по-армянски имеет множество значений: страна, область, гр. χῶρος.

³⁰ Georgii Cedreni Historiarum Compendium, vol. 11, p. 451.

³¹ Подробнее см. Р. М. Бартикян, Գրիգոր Մագիստրոսի քաղաքական կողմնորոշման հարցի շուրջը: էջեր հաշվով ժողովրդի պատմության և բանասիրության, Երևան, 1971: Николая поэмы Григория Магистра считают болгаринном также болгарские ученые Д. Ангелов и В. Гисзелев, которые отмечают также, что «Николай болгарин, как видно, участвовал в завоевании Армении. Этот болгарин оставил очень плохую о себе память у армянского народа». См. Գ. Անգելով, Վ. Գիսելև, Հայկական աղբյուրները թուրքաբանության միջնադարյան պատմության մասին, «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1971, № 1, էջ 47, Լ. Абгарян, однако, в своей статье («Ո՞վ է Գրիգոր Մագիստրոսի հիշատակած նիկոլաս գործարարը», «Լրաբեր», 1971, № 9, էջ 41—49), находит, что «болгарскую ночную сову» Николая нужно отождествить с паракимомом Николаем Скилицы (Cedr., II, стр. 558), неважно, что паракимомеи Николай не болгарин, а грек! «Мы,—пишет далее Абгарян,—полной расшифровке этой поэмы (Г. Магистра) посвятили специальное исследование, которое пока не опубликовано. В этом исследовании, — продолжает он, — обсуждено также выражение «болгарская почная сова», которому мы даем новое толкование» (стр. 42). Читатель статьи Абгаряна тщетно пытается найти в ней это «новое толкование», которое, кажется, обязано было служить основанием, краеугольным камнем его статьи.

³² Этот патрикий Николай Хрисилий, видимо, один из двух сыновей того вельможи Хрисилия, который в 1005 г. отдал Василию II Диррахий, попросив за это титул патрикия для своих двух сыновей, что и было сделано Василием II. См. Cedr., II, p. 451.

ԲՈՒՂԱՐԱԿԱՆ ԶՈՐՔԸ ՎԱՍՊՈՒՐԱԿԱՆՈՒՄ
ԵՎ ԱՐԾՐՈՒՆՅԱՑ ԹԱԳԱՎՈՐՈՒԹՅԱՆ ՎԵՐՋԻՆ ՏԱՐԻՆԵՐԸ

Հ. Մ. ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Պատմական գիտությունների դոկտոր

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Բյուզանդական պատմիչ Սկիլիցայի տվյալների համաձայն, Վասիլ Բ կայսրը բուլղարական Մոզլենա քաղաք-ամրոցը (Մակեդոնիա) 1015 թ. երկրորդ կեսում գրավելուց հետո գերի ընկած և «զենք կրելու ընդունակ բուլղարներին ուղարկեց Վասպուրական»:

1016 թ. դեսպանություններ Կոստանդնուպոլիս է գալիս Վասպուրականի թագավոր Սենեքերիմի որդի Դավիթը: Ուսումնասիրողները գտնում են, որ Դավիթը Վասիլ Բ կայսեր հետ հենց 1016 թ. համաձայնության եկավ Վասպուրականը Սերաստիայի հետ փոխանակելու մասին:

Ելնելով այն փաստից, որ խնդրո առարկա փոխանակությունը կատարվեց միայն 1021 թ. և որ Բյուզանդիան հաղիվ թե վեց տարով հետաձգեց Վասպուրականի խաղաղ միացումը կայսրության, կարծում ենք, որ 1016 թ. Կոստանդնուպոլսում բանակցություններն ամենևին էլ հողերի փոխանակության շուրջ չեն ընթացել, որ 1016 թ. Դավիթը կայսրությանից պարզապես զինական օգնություն խնդրելու էր գնացել՝ այլազգիների հարձակումներին ընդդիմակալելու համար: Այդ օգնությունը Բյուզանդիան տվեց ի դեմս վերոհիշյալ բուլղար ռազմագերիներից բաղկացած զորքի: Այս զորքը Վասպուրականում տրոյական ձիու դեր խաղաց՝ ներսից պայթեցնելով Արծրունյաց թագավորությունը:

Р. М. Бартиян

О ПАВЛИКИАНАХ ПОСЛЕ ПАВЛИКИАН

Круг научных интересов профессора М. Я. Сюзюмова очень широк. Многие важные проблемы византиноведения стали предметом его внимательного и глубокого изучения. Среди них большое место занимает изучение социально-экономических отношений и классовой борьбы в Византии и в связи с этим — разные аспекты могучего и грозного социального движения средневековья — павликианства. В своих исследованиях М. Я. Сюзюмов обратился и к византийскому эпосу о Дигенисе Акрите¹. Этих двух связанных между собой вопросов — павликиане и византийский эпос, конкретнее, павликиане после их разгрома в 70-х годах IX в. — мы и коснемся в данной статье. Здесь речь пойдет не о павликианах, переселенных во Фракию в VIII в., которые там просуществовали очень долго и сыграли большую роль в истории Болгарии и Византии на Балканах, а о павликианах на востоке Византийской империи.

Как известно, с первой половины IX в. византийские императоры стали проводить политику преследования павликиан на востоке Византии. Особенно отличилась в этом императрица Феодора, которая, по данным первоисточников, уничтожила до ста тысяч павликиан². Разумеется, эта цифра сильно преувеличена, но все же говорит о масштабе карательных действий. Гонения принудили еретиков оставить византийские территории и найти убежище у арабов, врагов Византии³. Последние приняли павликиан с большой радостью, предоставили им ряд городов и крепостей на границе с Византией, откуда еретики под предводительством своих талантливых полководцев Карбеаса и Хрисохира в союзе с арабами с успехом вели долгую и кровопролитную войну против Византии. Василию I и его стратигам удалось в 70-х годах IX в. победить павликиан, уничтожить их столицу Тефрику и немало других городов и крепостей.

Много павликиан погибло на поле брани, многие укрылись на территории Арабского халифата, в Мелитене. Арабский эмир Мелитены Омар ибн Абдаллах ал-Акта в середине IX в. принял

бежавших из Византии павликиан во главе с Карбеасом⁴. По данным Феофана, Мелитена была средоточием павликиан и столетием раньше. Константин V именно из Мелитены переселил массы павликиан во Фракию⁵. Еще до того, как император Филиппик Вардан выгнал армян из Византии, они обосновались опять-таки в Мелитене⁶. Павликиане Тефрики и других городов и поселений бежали и в Армению, находящуюся еще под арабским владычеством, или же на армянские территории, ставшие уже независимыми. Не забудем, что движение тондракитов, т. е. армянских павликиан, переживает подъем именно в данное время и в этом, надо полагать, немалую роль сыграли павликианские беженцы. Само собой разумеется, что и на павликианской территории остались еретики, подчинившиеся Византии.

О бегстве павликиан в халифат вообще и в Мелитену в частности в источниках определенно ничего не говорится. Только у Генесия сказано, что во время осады Тефрики часть еретиков бежала в Сирию⁷, т. е. в халифат. Ценные данные можно почерпнуть из трудов Константина Порфирородного. От него мы узнаем, что чуть позже падения Тефрики в южной Армении действовали Мелиас (Млех), ставший потом знаменитым, его братья Крикорик и Пазун, а также армянин Исмаил (Ismael ho Armenios ekeinos)⁸. Конкретно о Мелиасе он пишет, что тот нашел убежище в Мелитене и «еще находился там» (eis ten Melitenen eti prosphygos en)⁹, из чего становится ясным, что Мелиас и другие вышеупомянутые лица до этого проживали в Византии и при неизвестных нам обстоятельствах были вынуждены бежать в Мелитену. Как раз в то время Василий I преследовал побежденных павликиан, это дает основание предполагать, что Мелиас принадлежал к павликианским беженцам. Эти армяне решили вернуться в Византию при Льве VI (886—912)¹⁰, очень возможно, что в начале его царствования, чего не осмеливались сделать при Василии I, яром враге павликиан.

Лев VI был не против использовать в своих целях побежденных, но все же воинственных еретиков. Известно, что он даже имел войско, состоящее из павликиан, возглавляемое телохранителем самого Хрисохира Диаконицей, уже ставшим менсуратором византийской армии. Войско было послано в Италию, чтобы защищать империю от врагов¹¹. Вернувшиеся павликиане и армяне были приняты Львом VI на определенных условиях, по требованию Мелиаса ему была предоставлена должность турмарха Евфратии¹², а Евфратия — не что иное, как район Тефрики¹³.

В то же самое время в Четвертой Армении подвизались и другие армяне, политическое положение которых очень походило на положение Карбеаса и Хрисохира. Речь идет о Мануиле, его сыновьях Панкратуке, Яхнуке, Мудафаре, Иоанне, Пукрике и Тавтуке¹⁴. Они вернулись в Византию также на определенных условиях¹⁵.

Армяне, переходя в империю, лишались своих земель и владе-

ний, находящихся на границе между Византией и халифатом. Целью внешней политики Византии в то время было завоевание новых территорий в тех районах, и павликиане под военным и политическим давлением империи вынуждены были пойти на компромисс. Арабы к этому относились враждебно. Не случайно, что одного из возвратившихся армян, Исмаила, убили мелитенские арабы¹⁶. Остальных (кроме Мелиаса) под разными предложениями убрали византийцы.

По нашему предположению, факт возвращения еретиков-павликиан в Византию и их поступление в византийскую армию отражен в византийском эпосе о Дигенисе Акрите. Принято считать, что в «Дигенисе Акрите» говорится о переходе арабского эмира Эдессы Мусура и его родни в Византию. Но если внимательнее отнестись к данным эпоса, то можно прийти к совершенно иным выводам. Кто такой эмир Мусур? Он о себе говорит:

«Tou Chrysocherrou ho hyios eimi cai tes Spathias» (A—516)
(«Я сын Хрисохерпа и Спафии»).

В другом месте сообщаются другие подробности:

«...theios mou ho Caroos» (A—520)
(«...дядей моим был Кароес»).

Все исследователи отождествляют Хрисохерпа с павликианским вождем Хрисохиром, а Кароеса — с Карбеасом. По данным Петра Сицилийского, Хрисохир был апериос и гамброс Карбеаса¹⁷, т. е. они были в родственных связях, и в этом отношении историческая действительность в эпосе отражена правильно. Рядом с Тефрикой стояла павликианская крепость. Называлась она Спафия (Spathe)¹⁸ по имени жены Хрисохира (Хрисохерпа) Спафии, имя которой сохранилось только в «Дигенисе Акрите». Все это говорит о том, что в византийском эпосе отражен не факт перехода арабов в империю, а, скорее всего, возвращения павликиан в Византию. «Дигенис Акрит» — произведение художественное, но основано оно на исторической реальности.

Что касается Мелиаса-Млеха, то и он нашел свое место в византийском эпосе. Вождь апелатов Мелеменгис (Млех менц — Млех Великий), имевший владения на берегу Евфрата и вынужденный подчиниться Дигенису и служить ему, исследователями отождествляется с историческим Мелиасом-Млехом.

Согласно эпосу, перешедшие в Византию «арабы» отказались от мусульманства и приняли христианство. Но более вероятно, что павликиане отказались от ереси и приняли православие, хотя не исключено, что часть павликиан в халифате приняла ислам. В арабских источниках, например, Карбеас считается мусульманином¹⁹, следовательно, мусульмане и его родственник Хрисохир (Хрисохерп) и его сын.

Если наше предположение верно, то находит свое объяснение и тот факт, что вернувшиеся в Византию эмир Мусур и другие «арабы» очень хорошо представляли себе и ислам, и христианство, отлично знали мусульманские обычаи, и то, что в византий-

ском эпосе так подчеркнута расовая и религиозная терпимость, совершенно не чувствуется враждебного отношения к арабам²⁰. Не забудем, что «Дигенис Акрит» сложился в эпоху, когда об арабо-византийской близости не могло быть и речи, скорее наоборот. Павликиане, несомненно, прекрасно знали эпические песни, восхваляющие храбрость их отцов и союзников (Амброн), наличие которых в эпохе иначе не объяснимо.

Вернувшиеся павликиане, как и их единоверцы на родине, для Византии уже не представляли никакой опасности. Они уже больше не были борцами против социальной несправедливости²¹. Верхушка этих еретиков нашла общий язык с военной аристократией восточных областей Византии, стала ей служить и даже устанавливать с ней родственные связи. Это обстоятельство отразилось в «Дигенисе Акрите», где сын Хрисохерпа (Хрисохира) Мусур женится на дочери византийского стратига Андроника Дуки. Известно, что Алексей I Комнин выдал замуж прислужницу императрицы за павликианского вождя Травла²².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Я. Сюсюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. — УЗ СГПИ, т. 4, 1948, стр. 48—110.

² *Theoph. Cont.*, p. 165.

³ *Ibid.*, p. 166.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Theoph. Chron.*, p. 429.

⁶ Р. М. Бартикян. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в. — ВВ, т. 8, 1956, стр. 127.

⁷ *Genes.*, p. 121.

⁸ *De adm.*, p. 238.

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *Ibidem.*

¹¹ *Genes.*, p. 125; *Theoph. Cont.*, p. 313.

¹² *De adm.*, p. 238.

¹³ См. карту Армении 960 г. в кн. Э. Хонигмана (*E. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1935*).

¹⁴ *De adm.*, p. 238.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Ibidem.*

¹⁷ *Migne PG*, t. 104, col. 1304.

¹⁸ *Theoph. Cont.*, p. 267.

¹⁹ А. А. Васильев. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Спб., 1900, стр. 183, прим. 1.

²⁰ А. Я. Сыркин. Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964, стр. 24, 88, 101.

²¹ Упоминание Анной Комниной о владеющих неприступными городами и крепостями на Понте (*Chalybes*) и армянскими областями (*Armeniacoi toroi*) павликианам, которых Иоанн Цимисхий, победив в войне, переселил во Фракию (XIV, 8), по всей вероятности, не противоречит сказанному, так как там речь идет, видимо, не о павликианах, а, скорее всего, о тондракитах, именуемых византийцами павликианами. Древнеболгарская легенда приписывает возникновение и распространение павликианства в Болгарии ученику дьявола Пайла Субботину, которого отождествляют с Смбагом, основоположником ереси тондракитов в Армении (См.: *И. Иванов. Происход на Павликианите според два български*

ръкописа. — Сп БАН, кн. 24, 1922, стр. 30). Что касается *Armeniacoi toroi*, то, по всей вероятности, речь идет не о феме Армениаков, а о феме Армениаса, или *Armenica themata*. У Скилицы и других авторов под этими территориями (*toroi*) подразумеваются пограничные с халифатом армянские области, вошедшие в состав империи в конце IX и первой половине X в. О них см.: *H. Glykatzi-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX—XI siècles. P., 1960, p. 47, 80.*

²² *Traulon tina Manichaion proslabomenos meta ton gnesion autou theraponton sygcatelexe, cai tou theiou baptismatos axiosas, mia ton tes basilidos therapainidon synezeuxen (Alexias, VI, 4).*

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В IX—XII вв**

З. В. УДАЛЬЦОВА, А. П. КАЖДАН,
Р. М. БАРТИКЯН
(Москва)

На первый взгляд может показаться, что восточная граница Византийской империи представляла собой меняющуюся, но все-таки в каждый данный момент четкую демаркационную линию, отделявшую Государство ромеев от могущественных держав, последовательно сменявших друг друга на Ближнем Востоке: Ирана, Арабского халифата, Сельджукского султаната и, наконец, Османской империи. В действительности же византийская восточная граница представляла собой в полном смысле слова подвижную (динамичную) структуру — подвижную не только в том смысле слова, что она перемещалась географически, но прежде всего потому, что она составляла меняющуюся социально-политическую структуру. Здесь — в промежутке между двумя мировыми державами — постоянно существовали нестабильные, разноплеменные государственные образования, своеобразные лимитрофы, поглощение которых османами практически совпало с турецким завоеванием Византии.

Можно было бы думать, что эти приграничные государственные образования были своего рода географическим явлением, вызванным к жизни особенностями природных условий византийского востока, — допустим, наличием здесь гористых областей, ограничивающих коммуникации и как бы благоприятствующих сепаратизму. Можно было бы искать корни этого явления в племенной пестроте населения восточных границ Византии или даже в „исконном свободолюбий” тех или иных этнических групп. Однако подобные предположения разбиваются об одно элементарное наблюдение: византийская восточная граница постепенно перемещалась — от степей Приевфратья и Сирии через горы Кавказа и Тавра к плоскогорьям Галатии. Изменялся ее географический облик, изменялся этнический субстрат, но тем не менее оставалась неизменной социально-политическая структура приграничных областей, остававшихся бахромой племенных княжеств подле централизованной и много-этнической империи.

Так возникает потребность перенести поиск корней этого своеобразного явления из этно-географической сферы в социально-политическую. Мы поневоле задаемся вопросом, не являлась ли эта динамичная структура племенных княжеств естественным, внутренне обусловленным продолжением (или коррелятом?) возведенной в абсолют стабильности Царства ромеев.

Благодаря трудам покойной Н. В. Пигулевской¹ и особенно Ф. Альтхайма и Р. Штиль², мы можем в настоящее время довольно хорошо преставить себе не только политическую роль северных арабских княжеств, функционировавших в пространстве между Восточной Римской империей и Ираном в IV—VI вв., но и их культурное влияние на византийцев.

Политические сдвиги на Ближнем Востоке в VII—VIII вв., образование Халифата и арабская экспансия на запад, привели к смещению византийской восточной границы в новую этно-географическую среду. Месопотамия и Сирия перестают быть лимитрофными областями, превращаются в ядро новой *Grossmacht*, тогда как на востоке Малой Азии начинается интенсивный процесс формирования княжеств.

Может быть, в этой связи следует еще раз пересмотреть историю павликианского движения. До сих пор при изучении павликианства мы обращали основное внимание на формы классового протеста и на религиозную ересь. Нет никакого сомнения, что оба эти момента, тесно взаимосвязанных, действительно определяли существенные черты павликианского протеста. И все-таки нельзя быть уверенным, что все павликианство исчерпывается этими двумя моментами.

В самом деле, образование независимого государства с центром в Тефрике³ не вытекает с необходимостью ни из манихейского дуализма, ни из крестьянского антифеодального восстания. Оно, однако, хорошо объясняется как провозвестник той тенденции к образованию независимых и полузависимых княжеств на востоке Византии, которая обнаруживает себя особенно отчетливо накануне и в ходе I Крестового похода.

Проблема „восточная граница Византии“ включает в себя несколько аспектов.

Прежде всего, это политическая структура границы. Бросается в глаза разнородность политических образований на византийском востоке. Здесь существовали армянские царства и мусульманские эмираты (Хлат, Манцикерт), которые могут рассматриваться как независимые государства. Более сложен вопрос о полузависимых „княжествах“ в составе Византийской империи. Действительно, что представляли собой в политическом отношении владения армянских Арцрунидов, переселившихся в Византию и получивших города и села в районе Севастии?⁴ Можно ли считать эти целостные территории, населенные довольно однородным населением (к тому же монофиситским, т.е. иноверческим), обычными владениями византийской знати или, как нам кажется, они отличались от поместий Кантакузидов в Пелопоннесе или Кондостефанов в районе реки Меандра?

Но если мы допустим существование полузависимых армянских княжеств на востоке империи в XI в., то возникает вопрос о самостоятельных

¹ См. особенно Н. В. Пигулевская, *Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв.* М.—Л., 1964.

² F. Altheim, R. Stiehl, *Die Araber in der alten Welt*, Bd. I—V, Berlin, 1964—1969.

³ После падения Тефрики возникло политическое образование с центром в Теки, в Четвертой Армении во главе с армянином Мануилом, который впоследствии был вынужден уступить свои владения Льву VI.

⁴ См. об этом новейшую работу по истории Васпураканского царства Арцрунидов: В. Варданян, *Васпураканское царство Арцрунидов 908—1021 гг.* Ереван, 1969, глава VI — „Феодальное княжество Арцрунидов в районе Севастии“, стр. 217—239.

греческих территориях. Братья Мандалы, которые, опираясь на собственную крепость, ведут настоящую феодальную войну с соседними армянскими „князьями“ — характерные представители этой восточно-византийской провинциальной аристократии, которая чувствовала себя независимой в собственных владениях.

Второй аспект — это социальная специфика лимитрофных областей. Можно ли говорить о том, что процесс феодализации развивался здесь более интенсивно, чем в коренных византийских землях, где формирование новых общественных отношений наталкивалось на сопротивление устойчивых, традиционных порядков? Эта соблазнительная мысль, к сожалению, не может быть доказана из-за отсутствия достаточно репрезентативного материала источников.

Вместе с тем восточная граница — один из основных центров городской жизни. При этом мы можем говорить не только о торгово-ремесленной деятельности горожан, столь естественной в условиях страны, богатой природными ресурсами и вместе с тем лежащей на перепутье из Византии в Халифат; лимитрофные города были, несомненно, более самостоятельными, нежели собственно имперские центры, поставленные под мелочный контроль императорской администрации. Мы знаем во всяком случае о существовании здесь городских советов (в Эдессе он состоял из 12 человек), решавших основные проблемы, возникавшие перед горожанами. По мере продвижения границы на запад в третьей четверти XI в. можно проследить функционирование городских учреждений в малоазийских городах (например, в Амасии).

Одна из особенностей социальной организации восточных лимитрофов — наличие в них образцовых, хотя и немногочисленных армий. Военный опыт был естественным результатом пограничного положения, требовавшего постоянной боевой готовности. Неудивительно, что население пограничных княжеств пользовалось — по крайней мере до конца XI в., до близкого соприкосновения Византии с западноевропейской военной техникой, — высокой репутацией в империи.

В этой связи позволим себе остановиться на истолковании двух неясных этнических терминов, которые, на наш взгляд, тесно между собой связаны. Хорошо известно, что Кекавмен говорит о выходцах ἐξ Ἀγγέλως, которые могли приобрести большое влияние в Византии (Cesaireni Strategicon, p. 95.7—8). В. Г. Васильевский и А. А. Васильев отнесли эти слова к англичанам, что хорошо корреспондировало с их представлением о ведущей роли англо-варяжского корпуса в XI в. Однако их толкование натолкнулось на сопротивление П. Лемерля, предлагавшего читать ἐξ ἀγγέλως и полагавшего, что речь должна идти о простонародье⁵.

Вопрос был поставлен по-новому Р. М. Бартикяном, который показал, что Ангел или Агел — это Амидская область (Диарбакр) и что Кекавмен имеет в виду мусульманина из Амидской области на византийской службе⁶. Однако могло бы показаться, что Амиды — слишком незначи-

⁵ P. P. Lemerle, *Prolégomènes à une édition critique*, p. 6.

⁶ Р. М. Бартикян, *Об одной важной конъектуре в „Советах и рассказах“ Кекавмена*, Вестник общ. наук АН Арм. ССР, 1968, № 8, стр. 118 и сл. См. также P. Lemerle, *Recherches récentes sur Kékavmène, auteur de „Conseils et récits“*, „Revue des études arméniennes“, 5, 1958, p. 143 sq.

тельная территория, чтобы привлечь к себе столь пристальное внимание Кекавмена. Впрочем, не надо забывать, что Кекавмен сам происходил из армян с восточной границы Византии и был хорошо осведомлен об устройстве и истории этих земель.

Гипотеза Бартикяна находит прямое подтверждение в латинских источниках. Там выходцам из Ангела-Агела соответствуют ангулани или агулани, которых анонимный историк I Крестового похода ставит в один ряд с турками, арабами, сарацинами, курдами, персами, а также павликианами и азимитами⁷, т.е. как раз с той этнической и религиозной средой, которая характерна для лимитрофных областей XI в. Э. Джемисон, не привлекающая параллельного места Кекавмена, предположила, что „агулани” — испорченное „агаряне”⁸, однако библейская Агарь была слишком хорошо знакома средневековому хронисту, чтобы мы могли допустить подобное искажение. К тому же аноним, описывая армию Кербоги, осаждавшую крестоносцев в Антиохии, конкретно характеризует отряд агуланов — отличных воинов, вооруженных мечами, не боящихся ни копья, ни стрелы⁹. Старофранцузский эпос также знает аголанов¹⁰. Сохранилось предание об аголанде, который получил за свою службу в лен калабрийский город Реджо¹¹.

Таким образом, вполне вероятно, что область Ангел-Агел действительно славились в конце XI в. своими воинами.

Третий аспект проблемы — социально-политическое влияние лимитрофных областей на Византию.

Представляя собой динамичную структуру, менее скованную традиционными институтами и представлениями, восточные приграничные области в какой-то мере оказывались „бродилом” и колыбелью новых общественных тенденций. Проследить это воздействие нелегко — особенно потому, что новые тенденции, даже проникая в коренную византийскую среду, встречали там столь решительное противодействие, что подчас преобразовывались или выдыхались. Относительно проще — в силу специфики источников — ставить эту проблему на просопографическом материале.

Останемся в этой связи на двух моментах.

В последнее время все более четко обнаруживается, что деятельность императоров Комниновской династии опиралась на поддержку разветвленного „клана” Комнинов, включавшего большую группу аристократических семей, связанных между собой отношениями родства и свойства. Этот клан составлял в социальном отношении элиту, сосредоточившую в своих руках военное командование. По-видимому, этому клану принадлежали и наиболее крупные земельные владения в Византийской империи.

Возникает вопрос: из какой среды происходили семьи Комниновского клана.

⁷ L. Bréhier, *Histoire anonyme*, p. 110. Cf. *ibid.*, p. 48.

⁸ E. Jamison, *Some Notes on the Anonymi Gesta Francorum with Special Reference to the Norman Contingent from South Italy and Sicily in the First Crusade*, „Studies in French Language and Medieval Literature”, Manchester, 1939, p. 186.

⁹ L. Bréhier, *Histoire anonyme*, p. 112.

¹⁰ *La Chanson d'Antioche*, éd. par P. Paris, t. II, Paris, 1848, P. I, 139.

¹¹ См. о нем Н. Е. Mayer, *Das Itinerarium peregrinorum*, Stuttgart, 1952, p. 134—136.

Не во всех случаях можно ответить на этот вопрос — иногда мы просто не знаем этого. Но там, где мы располагаем данными, они рисуют довольно любопытную картину.

Прежде всего, в составе Комниновского клана нет ни одной семьи, о которой можно было бы сказать, что она происходит из Константинополя или из Греции. Центральные области Византии остались в стороне от нового социального движения.

Среди императорских родичей мы встречаем ряд фамилий иноземного происхождения. Сюда относятся болгары — Ааронии, норманны Рогерии, Петралифы, Раули и Монферратский дом, турки — Татикии и Аксухи, венгры — потомки Гезы I и Каламана. Далее, в их числе семьи македонского происхождения: Вриении, Ватацы, эллинизированные армяне Куртикии, эллинизированные славяне Враны и, видимо, Тарханиоты. Большинство же — выходцы из Малой Азии и преимущественно из ее восточных областей: Дуки, Вотаниаты, Синадины, Вурцы-Мелисины, Даласины, Гавры, Диогены, Палеологи, Ангелы, по-видимому, также Комнины и Иаситы, а если судить по этимологии имен — Катакалоны, Докианы, Арвандины¹² и Кантакузины. Этимология имени Ласкарей также ведет на восток. Наконец, непосредственно с лимитрофными областями связаны Тарониты и Пакурианы.

Таким образом, можно предположить, что восточная приграничная среда оказала весьма существенное влияние на состав господствующего класса при Комнинах.

Другое наблюдение касается состава полководцев при Мануиле I. Широко распространено традиционное представление о колоссальной роли латинян в армии Мануила. Просопографические наблюдения заставляют ограничить эту точку зрения: во всяком случае, это положение не может быть распространено на командную верхушку, где мы почти не видим выходцев с Запада (они, как правило, используются Мануилом в качестве дипломатов).

Напротив, среди полководцев Мануила I, помимо его родичей, было довольно много турок (Пупак, Просух, Байрам, Иоанн Иса, — помимо Аксухов и Татикиев).

Если мы учтем, что к середине XII в. восточная граница Византии проходила уже не через армянские земли, как в XI в., а значительно западнее, и что приграничные области были населены турками-сельджуками, значительные массы которых к тому же переселялись, по свидетельству Евтафия Солунского, внутрь Византии, большая роль турецкого элемента в составе господствующего класса империи XII в. становится понятной. История Гияса ад-Дина Кайхосрова, бывшего иконийского султана, изгнанного его братом и переселившегося в Византию в конце XII в., где он женился на дочери Мануила Мавродзома, одного из малоазийских магнатов, и поселился в замке тестя¹³, — весьма показательна для

¹² По свидетельству Матфея Эдесского, некий Аруантан был комендантом византийской крепости Нисибис близ Самосаты в 1066—1067 г. Э. Хонигман выводит его имя от названия северосирийской крепости ар-Равандан (E. Honigmann, *Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches*, Bruxelles, 1935, p. 140, A. 7).

¹³ См. о нем Н. W. Duda, *Die Seldschukengeschichte des Ibn-Bibi*, Kopenhagen, 1939, p. 27—30. Ср. P. Wittek, *Von der byzantinischen zur türkischen Toponymie*, „Byzantion”, 10, 1935, p. 21—25.

той ситуации, которая существовала в новой приграничной полосе накануне 1204 г.

Наконец, последний аспект проблемы — культурное влияние лимитрофных областей на Византию.

Оставляя в стороне такую спорную проблему, как армянское влияние на византийскую архитектуру, хотим только обратить внимание на тот материал, какой содержит эпос о Дигенисе Акрите. Он несомненно вышел из лимитрофной среды с ее многоэтничными пересечениями (греки, арабы, армяне); с отзвуками старых павликианских преданий и вместе с тем с определенно выраженной идеализацией того феодального быта, который, как мы предположили, был особенно характерным для приграничных областей.

Таким образом, можно ставить вопрос о существовании на восточных границах Византийской империи особой подвижной (динамичной) социальной структуры, может быть более близкой к общественным порядкам феодальной Западной Европы. Эта многоэтничная среда оказывала постоянное социальное и культурное влияние на Византийскую империю.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О «СОВЕТАХ И РАССКАЗАХ» («СТРАТЕГИКОНЕ») КЕКАВМЕНА

Р. М. БАРТИКЯН

Доктор исторических наук

«Советы и рассказы» Кекавмена¹ — этот памятник византийской литературы, по точному определению Г. Г. Литаврина, «...является в полном смысле уникальным. Во-первых, он дошел до нас в единственной рукописи; ...во-вторых, ни один известный науке документ, включая акты и жития святых, не освещает с такой полнотой и так всесторонне жизнь византийской провинции XI столетия, как труд Кекавмена. В-третьих, нет ни одного памятника византийской литературы, начиная с 330 г. и кончая 1453 г., который бы так же глубоко, как сочинение Кекавмена, вводил читателя во внутренний мир византийца той эпохи. «Советы и рассказы» — своего рода исповедь: ставя перед собой дидактические цели, автор невольно раскрывает свое отношение к различным сторонам византийской действительности того времени. Государство, служба, войны, восстания, хозяйство, религия, частная жизнь и семейные отношения, проблемы морали и нравственности — все привлекает внимание Кекавмена»².

Со времени первого издания этого труда, осуществленного видными русскими учеными В. Г. Васильевским и В. К. Ернштедтом, прошло уже 75 лет. Издание Г. Г. Литаврина отличается огромной исследовательской работой, проделанной им на основании накопившейся за это время большой литературы как о самом памятнике и его авторе, так и об истории Византии и сопредельных стран. Параллельно с греческим текстом дается полный перевод памятника на русский язык, осуществленный Литавриным. Перевод сделан добросовестно, хорошо, читается легко, хотя не лишен ряда погрешностей, о которых будет сказано в конце данной статьи. Нужно отметить, что на русском языке полностью «Советы и рассказы» выходят впервые. В. Г. Васильевский перевел на русский язык частично или полностью 90 параграфов из 220.

В этой статье мы не ставим себе целью подвергнуть подробному анализу проделанный Литавриным труд. Задача наша — предложить ряд конъектур, которые, на наш взгляд, восстанавливают первоначальный текст «Советов и рассказов», исправляют допущенные писцом ошиб-

¹ «Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века», подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина, М., 1972, 743 стр.

² Там же, стр. 5.

ки; указать на некоторые неточности перевода и обратить внимание арменоведов на этот памятник византийской литературы. Он, к сожалению, мало использован арменоведами, хотя и представляет для них определенный интерес, особенно для изучения истории завоевания Византийской империей ряда областей Армении в первой половине XI в., для изучения политики Византии в Армении, а также роли армян в Византийской империи, ибо Кекавмен принадлежит к числу тех видных армянских деятелей, которые, поступив на службу Византийской империи и будучи далеко от родных краев, не переставали поддерживать тесные контакты со знатными и многочисленными родственниками на родине³.

Переходим к нашим конъектурам. Страницы указаны по изданию Г. Г. Литаврина.

1) Стр. 118, стрк. 16: βοηθεῖ σοι.

Глагол приведен в настоящем времени, в то время как, судя по контексту и по тому, что следующий за ним глагол стоит в будущем времени (ἐκπλήρωσει), он тоже должен стоять в будущем времени. Г. Г. Литаврин, исходя из смысла предложения, перевел «поможет» и поступил правильно. Но все-таки βοηθεῖ означает «помогает», а не «поможет». Вместо βοηθεῖ σοι нужно писать βοηθήσει — «поможет», т. е. надо восстановить чтение рукописи (там βοηθείσῃ, т. е. βοηθήσει) и отвергнуть обе конъектуры первых издателей. Σοι в конце излишне, поскольку оно подразумевается.

2) Стр. 126, стрк. 22: εἰ μὲν ὠφελῆ σε ὁ κύριός σου ἢ ἀποδέχῃ. Ὁφελῆ — в данном контексте необъяснимо, перевод Литаврина — «считает тебя дельным» — тоже. Мы предлагаем: εἰ μὲν φιλεῖ σε. Итак, предложение переводится следующим образом: «Если твой господин любит тебя...».

3) Стр. 136, стрк. 26: πάσῃ μηχανῇ. Исправить — πᾶσα μηχανή.

4) Стр. 138, стрк. 14—15: καὶ ὄχυρός τόπος.

В предыдущем предложении стратигу дается совет: если его войско многочисленно, то пусть он свой лагерь устраивает в «укрепленных и открытых местах» (εἰς ὄχυρός τόπος καὶ ἐμφανείς). А в следующем (нашем) предложении говорится, что если у стратига немного воинов, пусть располагает лагерь в «скрытых и укрепленных местах» (εἰς ἀφανείς καὶ ὄχυρός τόπος). Не может быть и речи о том, что во втором случае слово ὄχυρός не на месте. Или писец механически повторил

³ Там же, стр. 89, 635. Одного из них (своего деда) — топарха в Великой Армении упоминает сам Кекавмен. В одной памятной записи армянского Евангелия, датированной 1169 г., мы встречаем даже родословную Кекавменов Армении. Там говорится о том, что Катю, дочь сасунского князя Вигена, выдали замуж в область Дегик, в Четвертую Армению — Шаханшаху, сыну Григора и внуку Катакалона, который был сыном великого Каменаса» (Ф. В. Р. Ш. и др., *Քրիստոսյան Գրքերը*, Ե. Բ. Կ. Գրքեր, 1884, էջ 312—313; Գ. Ա. Լ. շ. ն., *Հայաստանի Գեղեցիկ*, 1901, էջ 394). Под «великим Каменасом», по всей вероятности, имеется в виду знаменитый полководец середины XI в. Катакалон Кекавмен, Каменас Аристакеся Ластивертци и Матфея Эдесского.

предыдущее ὄχυρός, или же допустил ошибку. Недоразумение, по нашему убеждению, решает продолжение фразы, где Кекавмен повторяет свой совет в несколько иной форме: «Итак, как сказано, если у тебя большие силы, располагайся на открытых местах (ἐμφανείς τόπος), вне леса (ἔξω τῆς ὄλης)». Следовательно, если у него силы малые, Кекавмен советовал бы ему расположиться лагерем «в скрытых» и лесистых местах, «внутри леса». Поэтому наш ὄχυρός τόπος 14-ой строки нужно исправить — ὀλιώδεις τόπος. Это исправление находит свое подтверждение сказанным на стр. 142, стрк. 26—28: «Если у тебя немногo воинов, изловчись, чтобы показать, будто имеешь большие силы. Но ты не сможешь сделать это иначе, как расположившись в лесистой местности» (εἰς ὀλιώδεις τόπος).

5) Стр. 142, стрк. 28—29: ἀποκαθαρίσαι πόσον λαὸν ἔχεις. В переводе Литаврина: «вызвать сколько велико у тебя войско». Однако ἀποκαθαρίσω означает не «вызвать», а «очищать», «исцелять», что никак не вяжется с данным предложением, смысл которого — как сделать, чтобы неприятель не мог определить точное количество ромейского войска. Мы предлагаем: ἀποκαθαρῆσαι — «определить в точности».

6) Стр. 144, стрк. 28: ἀλλ' ἴν' ἄλλως — исправить: ἄλλοι ἄλλως.

7) Стр. 150, стрк. 5: Σκόπει δὲ να. Должно быть: Σκόπει δὲ ἴνα.

8—9) Стр. 154, стрк. 1 и стр. 246, стрк. 19: вместо οἱ поставить οἱ. Правильно у первых издателей.

10) Стр. 158, стрк. 3—4: ἀρρονευσαμένου γάρ τινος τῶν ἀνωνύμων οὐδ' εἰ ἐσφαλῆ τις ἐπίσταται διὰ τὴν εὐτέλειαν αὐτοῦ. У Г. Г. Литаврина: «Когда сделал глупость кто-нибудь из безвестных, никто не знает об ошибке, так как он низкого положения». Ни первые издатели, ни Литаврин и Бек (осуществивший немецкий перевод «Советов и рассказов») не заметили, что данное предложение вопросительное. Здесь τις нужно исправить на τίς, перед ним поставить запятую, а в конце предложения — вопросительный знак: «Если совершил глупость кто-нибудь из безвестных, даже если он и ошибся, кто же (имея в виду его низкое положение) обратит на него внимание?».

11) Стр. 158, стрк. 8: οὕτως — исправить: οὕτως.

12) Стр. 158, стрк. 21: ὅπλα γὰρ πολέμου δικαιοσύνη. Перевод Литаврина: «справедливость — оружие войны». В предыдущем § 24 подробно сказано «О вооружении и снаряжении воинов стратига». Там говорится именно о вещественном вооружении, а здесь вдруг в качестве оружия войны выступает справедливость. Кекавмен вряд ли думал победить в войне справедливостью. Он пишет: «Старайся маневрами, хитростями и засадами ослабить своего врага» (стр. 134, стрк. 29), «Иначе.. как через хитрость... трофей не водрузишь» (стр. 136, стрк. 12—19), «...мнимая робость пусть соединяется с мудростью и тайным коварством» (там же) и т. д. Первые издатели предлагали вместо слова πολέμου (войны) писать φρονίμου (разумного), т. е. «справедливость — оружие разумного». Г. Г. Литаврин против этой конъектуры, он за текст рукописи и для под-

тверждения своей правоты приводит данные из других источников, где говорится об «оружии справедливости». Но «оружие справедливости» и «оружие войны» — два совершенно разных понятия.

Мы предлагаем следующую конъектуру: ὅπλα γὰρ πολεμεῖ δικαιοσύνη, т. е. «справедливость может победить (одолеет) оружие».

13) Стр. 160, стрк. 1—2: Εἰ δὲ οὐ δέχεται θεραπείαν οὕτως, τότε ἐξανάγκης μετὰ δυνατῆς χειρὸς.

Во втором предложении нет глагола. Г. Г. Литаврин переводит: «Если дело (?) не исправляется при таком подходе, тогда *принуждай* сильной рукой». Он слово ἐξανάγκης переводит как «принуждай». Но ἐξανάγκης не глагол, а наречие, означает «поневоле», «вынужденно». Предлагаем вместо ἐξανάγκης поставить ἐξενέγκης, т. е.: «Но если вопрос не решится так, то тогда уж *иди* (нападай на них) сильной (твердой) рукой».

14) Стр. 160, стрк. 10: εἰ δοκιμᾶ σε κορσεῦσαι.

Это конъектура П. Лемерля. В рукописи — δοκιμάσαι. По Г. Г. Литаврину: «Если он попытается *тебя* разорить», т. е. местоимение *се* он относит к глаголу κορσεῦσαι. Глагол κορσεῦω обычно не употребляется по отношению к человеку, а главным образом касательно страны, области, города и т. п. (как и в данном случае: в предыдущей строке говорится именно о стране — χώραν σου).

Мы исправляем: εἰ δοκιμᾶσει κορσεῦσαι, т. е. «если он попытает совершить набег».

15) Стр. 160, стрк. 23: Θεσσαλονίκη πόλις ἐστὶν ἐπὶ... πολυάνθρωπος.

Г. Г. Литаврин отметил лакуну, но, к сожалению, мы не знаем, сколько букв не хватает. Переводя «Город Фессалоника находится у... многолюдный», Литаврин считает ἐπὶ предлогом. Но, по всей вероятности, лакуну нужно дополнить так: «Θεσσαλονίκη πόλις ἐστὶν ἐπί- [σημος καὶ] πολυάνθρωπος», т. е. «Фессалоника знаменитый и многолюдный город». Прилагательное ἐπίσημος в качестве определения к городу в источниках встречается часто. Ср., например, Μελιτηνὴ πόλις ἐπίσημος (XXXI Новелла Юстиниана, гл. 1, § 2).

16) Стр. 160, стрк. 26: κατουνεῦσας. Восстановить чтение рукописи: κατουνεῦσαι.

17) Стр. 162, стрк. 4—5: ὁ μὲν ὕδωρ πιεῖν θέλων, ὁ δὲ τὸν ἵππον αὐτοῦ ἀναπαύσασαι.

Г. Г. Литаврин переводит правильно: «один хотел воды попить, другой *дать отдых* своему коню». Но по контексту ожидалось не ἀναπαύσασαι, а ἀναποτίσαι (ἀναπῶσαι ?) — поить лошадей.

18) Стр. 162, стрк. 22: οἱ δὲ Ῥωμαῖοι καὶ οἱ ἵπποι αὐτῶν ἀγανακτῆσαντες.

Перевод: «Ромеи же и их кони, *измученные*...». Исходя из смысла предложения, перевод правильный. Однако ἀγανακτῶ означает не «измучиться», а «негодовать», «возмущаться». Но как могут кони негодовать или возмущаться? (вместо ἀγανακτῆσαντες предлагаем ἄγαν κερμηχότες —

очень уставшие, очень измученные). На той же 162-ой странице, стрк. 1: ὁ λαός... ἀπὸ τοῦ κόπου καὶ τῆς παλαιωρίας κερμηχόως. На стрк. 5: αὐτὸν κερμηχόως. На стрк. 18—19: στρατὸν κερμηχόως. Исходя из всего этого, наше исправление оправдано.

19) Стр. 164, стрк. 13: λαὸν σὼν ἐπιβολήν. Должно быть λαὸς σοὶ ἐπιβολήν (ср. четыремя строками выше: σοὶ λαὸς ἐπιβολήν).

20—21) Стр. 172, стрк. 16 и 222, стрк. 4: καθεστῆναι. Исправить в обоих случаях на καθέστηναι. В той же фразе первого предложения отмечено это же слово, только в другом времени (ἐκαθέστησαν), это ясно показывает, что мы имеем дело с глаголом καθίζω, а не с καθίημι. Во втором же случае речь ведь идет не о том, чтобы «занять» (кстати, καθεστῆναι от глагола καθίστημι не означает «занять») патриарший трон, а «сесть» на него, от глагола καθίζω.

22) Стр. 174, стрк. 31: ἐλθὼν νυκτὸς καὶ ἔστη.

Если бы первый глагол этого предложения стоял не в партиципе, а в аористе (ἦλθεν), как и второй глагол (ἔστη), то можно было считать, что здесь союз καὶ стоит на месте, а поскольку он в партиципе, союз καὶ оказывается лишним, поэтому мы предлагаем следующую конъектуру: ἐλθὼν νυκτὸς κατέστη.

23) Стр. 178, стрк. 9: μεταλύπης πρόξενον.

Перевод Г. Г. Литаврина: «повлекшие последующие беды». В своих комментариях Литаврин указывает, что «место не совсем ясное», причиной чего является слово μεταλύπης. Такого слова в греческом нет. Это предлог μετὰ и существительное λύπη. Литаврин предлагает писать μετὰ λύπης — «с горем». Но тогда как быть с πρόξενον — «причиняющее» (от глагола πρόξενω — «причинять», «вызывать»). В этом случае предлог μετὰ становится лишним, λύπης πρόξενον, а не μετὰ λύπης πρόξενον. Мы исправляем: μεγάλης λύπης πρόξενον — «причиняющую большую боль» (большое горе). Ошибка писца объясняется тем, что рядом оказались два «ли» (λη (лу), произносятся одинаково — «ли» — μεγάλης λύπης, одно из которых он сократил). Нашу конъектуру мы считаем бесспорной. Ср. стр. 122, стрк. 32: ταῦτα μεγάλων κινδύνων εἰσὶ πρόξενα. Здесь не было причины для искажения.

24) Стр. 178, стрк. 14: после слова πύργους поставить запятую, ибо это слово не связано со следующим τοὺς προμαχῶνας, как полагает Литаврин и переводит: «башни бастионов». Мы имеем не τῶν προμαχῶνων, а τοὺς προμαχῶνας. Итак: «Укрепи башни, бастионы».

25) Стр. 180, стрк. 18: ἐξαίφνης ἀκρωτηρίασαι αὐτόν.

По Г. Г. Литаврину: «внезапно порази его». Перевод правильный, однако в двух первых словах греческого текста, на наш взгляд, есть ошибки: в первом случае ошибка допущена по вине писца, во втором — издателей. Вместо слова ἐξαίφνης поставить ἐξέλθης («выходи»), ибо четыремя строками раньше Кекавмен советовал — μὴ ἐξέλθης — «не выходи» из крепости, поскольку еще не известна сила врага. После того, как через два-три дня она стала известной, он советует — «выходи». И продолжение предложения говорит в пользу нашей конъектуры —

ἐξελεύσασιν, «пусть выйдут», т. е. те, которые не охраняют стены. Наша конъектура подтверждается также рассказом Кекавмена о защитниках Боянской крепости (стр. 180, стрк. 21 и сл.), которые «выступили (ἐξέρχονται) из крепости для сражения, как бы стыдясь оставаться внутри ее», за что и были наказаны.

Второе слово издателями и переводчиком принято за императив — «порази». В данном контексте требуется инфинитив, который есть в нашем тексте, только нужно поменять место ударения — ἀκρωτηριάσαι. И так, ἐξέλθης ἀκρωτηριάσαι αὐτόν («выходи, чтобы поразить его»).

26) Стр. 182, стрк. 31—32: Ἡ δὲ μεγάλη Ἀντιόχεια οὐκ ἐκ τῶν νομιζομένων ὀχυρωμάτων αὐτῆς παρεδόθη.

У Литаврина: «Антиохия Великая была также сдана не из-за ее пресловутых укреплений». Совсем наоборот. Не замечено, что предложение вопросительное. В конце нужно поставить вопросительный знак: «А Антиохия Великая не была сдана [врагу] из-за ее мнимых укреплений?», т. е. причиной падения города были ее слабые стены.

27) Стр. 184, стрк. 7: ἐστῶτες. Исправить на οἱ ἐστῶτες? Г. Г. Литаврин слово ἐστῶτες, что означает «стоящие» (т. е. стоящие на досках защитники крепости), перевел как «сооружение», а речь идет о людях. У Прокопия Кесарийского (О перс. войне, II, 8), откуда взят данный рассказ, говорится именно о стоящих на досках защитниках (ἅπαντες ὄσοι αὐταῖς (ταῖς δοκῆς) ἐφροστήσαν ἐς τὸ ἔδαφος ἐξέπεσαν).

28) Стр. 184, стрк. 32, стр. 186, стрк. 1: ... τὸν φόρον ποιῆσαι, ἀλλ' ἐποίησεν αὐτοῦς ποιῆσαι, где три раза повторяется глагол ποιέω! «Еποίησεν исправить на ἐφίεσεν — „позволил“. „разрешил“, что и требует данный контекст.

29) Стр. 188, стрк. 1—2: ὑπὲρ ἐξωσίαν. Исправляем: ὑπεξούσιον. Ср. стр. 298, стрк. 21.

30) Стр. 188, стрк. 25—26: φύτευσον δένδρα παντοῖα καὶ χαλαμῶνας (т. е. «насади всевозможные деревья и камыш (или тростник)» — буквально — «насади... места, где растет камыш»). Г. Г. Литаврин χαλαμῶνας переводит как «кустарники», хотя слово не имеет такого значения. В комментариях он предполагает, что «по-видимому, имеются в виду плодово-ягодные кустарники!» (стр. 456). Кекавмен пишет далее, что от этих χαλαμῶνες (и деревьев) будет доход и насаждавший их будет пребывать в покое. Но какой доход или покой может дать камыш? Пятью строками ниже Кекавмен говорит о вине, а на стр. 218, стрк. 2—3 советует: «вина старайся производить побольше, пей же его поменьше». Следовательно, он предполагает производить вино для рынка, чтобы получить доход, о котором говорил на 188-ой странице. Но из камыша вина не получают, его получают из винограда. На 220 странице, стрк. 19 Кекавмен еще раз возвращается к этой теме: φύτετε δὲ μᾶλλον ἀμπέλωνας («лучше насаждай виноградники». Поэтому резонно χαλαμῶνας читать ἀμπέλωνας (κλήματα) ?).

31) Стр. 190, стрк. 3—5: καὶ εἰ οὕτως βίῳν ἔχεις, μὴ ἀναπέσης καὶ ἀμελήσης τοῦ βίου σου καὶ ταῦτα πάντα μειωθήσονται. Г. Г. Литаврин пишет: «Не совсем ясная фраза» и переводит: «если ты будешь вести такой образ жизни, то не разоришься и не будешь озабочен своим пропитанием. Иначе все это придет в расстройство». В начале этого параграфа (§ 35) Кекавмен советует как сделать, чтобы в доме имелось в достатке все необходимое, и призывает: μὴ ἀμέλει — «не будь беззаботен». В вышеупомянутом предложении говорится о последствиях того, если он «будет беззаботен» (ἀμελήσης). Издатели и переводчики не видели связи между этими двумя предложениями, поэтому перевод — «не будешь озабочен своим пропитанием. Иначе все это придет в расстройство» — неверен. А мысль ясна: «А если ты будешь беззаботен в своей жизни (т. е. хозяйстве—Р. Б.), то у тебя будет нехватка всего этого».

Мы предлагаем следующее чтение: καὶ εἰ οὕτως βίῳν ἔχεις, μὴ ἀναπέσης, καὶ εἰ ἀμελήσεις τοῦ βίου σου, ταῦτα πάντα μειωθήσονται.

32) Стр. 192, стрк. 4: Εἶδετε, κύριοί μου τοιαύτην ἀναίσχυντιαν; Должно быть „Εἶδατε“. Вопросительное предложение требует, скорее, глагол в прошедшем времени. «Вы [когда-нибудь], господа мои, видели подобное бесстыдство?», а не «Вы видите, господа, какое бесстыдство?».

33) Стр. 192, стрк. 11: ἀναβιβασθέντος πολλοῦ ποσοῦ ἐλευσιλογήσεις ὁ ποτε μακάριος νῦν εἰς δικαστήρια ἐλχόμενος.

Перевод: „И когда вырастет большая сумма, ты будешь молить о сострадании, некогда счастливый, ныне же влекомый в судилища“. Предлагаем: ἀναβιβασθέντος πολλοῦ (т. е. τοῦ τόκου) πῶς οὐ (м. б. πόσον?) ἐλευσιλογήσεις ὡς (м. б. ὅ) ποτε μακάριος νῦν εἰς δικαστήρια ἐλχόμενος; („Когда очень увеличатся (проценты), то как ты можешь не роптать жалко, что некогда счастливый, ныне таскаешься по судилищам?..“)

В данном контексте говорится именно о процентах, об удвоении, т. е. об увеличении этих процентов, но не о сумме. Кроме того, глагол ἀναβιβάω означает не «вырастать», а «поднимать», «повышать», «увеличивать».

34) Стр. 196, стрк. 24: τὸν. Должно быть τὸ?

35) Стр. 198, стрк. 11: убрать ἦ.

36) Стр. 202, стрк. 26: вместо εἰ поставить ἦ.

37) Стр. 204, стрк. 28: τοῦτο. Исправить на τούτο.

38) Стр. 206, стрк. 30—31: ἐνθῆσει γὰρ εἰς εἰς ἡμέραν πονηράν.

Перевод Литаврина: «Он *ввергнет* тебя в злую годину». Ἐνθῆσει (буд. вр. ἐνθήσω) не имеет значения «ввергнуть». На наш взгляд, нужно читать ἐκθύσει, т. е. «...он пожертвует тобой в трудную минуту».

39) Стр. 210, к стрк. 1: В рукописи имеется предложение: ὁ γὰρ ἐλατῶ χρῆσαι βουλούμενος, которое первые издатели и Г. Г. Литаврин понимают как «либо желающий умащать елеем» и поэтому считают, что оно «совершенно не связано с текстом». «Здесь,— продолжает Литаврин,— можно предположить пропуск или — что более вероятно — опisku пис-

ца, внесшего эту фразу в текст по недоразумению (из другой рукописи или с полей)» (стр. 478). Напомню, что в данном месте в тексте говорится (привожу заглавие § 42) «О любви и помощи истинным друзьям и близким людям». Исходя из всего этого, первые издатели и Литаврин исключают из текста это предложение, как и его перевод. Но напрасно. Никакой описки или недоразумения здесь нет. Все стоит на своем месте, только речь идет не о «умощении елеем», а о сострадании, сочувствии. Мы предлагаем следующую конъектуру: ὁ γὰρ ἐλ.έ.ω χρῆσαι (не от χρίω — умащать, а от χράω). Ср. стр. 154, стрк. 7: ἀγάπα καὶ ἐλεα πάντας, также ср: χρῆσται, стр. 200, I. Все же нужно признать, что текст в этом месте испорчен.

40) Стр. 210, стрк. 15: Μύκητα πρόσφατα μὴ ἐσθίης· πολλαὶ γὰρ οἰκίαι ἐξ αὐτῶν ἐμείναν ἔρημοι.

Перевод: «Свежих грибов не ешь, потому что из-за них много домов опустело». Но μύκητα — существительное мужского рода (ὁ μύκης-τος), винительный падеж единственного числа, а πρόσφατα — средний род, именительный (или винительный) падеж множественного числа (τὰ πρόσφατα). Можно было бы ожидать μύκητας προσφάτους, если, конечно, πρόσφατα здесь не приведено в качестве наречия (в смысле προσφάτως). Но если даже речь идет о свежих грибах, то непонятно, почему Кекавмен против их употребления. Видимо, предложение нужно исправить так: μύκητας [καὶ] πρόσφατα μὴ ἐσθίης — «не ешь грибов даже в качестве закуски», т. е. вообще не ешь их.

41) Стр. 214, стрк. 4—5: καὶ ἄλλα τινὰ οἶνον εὐώδη. Но в рукописи: καὶ ἄλλα τινὰ καὶ οἶνον εὐώδη. Первые издатели полагали, что второе καὶ лишнее, поэтому они взяли его в квадратные скобки. Литаврин, считая их предположение верным, вычеркнул его из текста. Но напрасно, ибо оно стоит на своем месте, допущена ошибка в другом слове, поэтому второе καὶ оказалось лишним. Вышеприведенное предложение Литаврин перевел так: «либо что-нибудь другое — положим благовония». Однако εὐώδη означает ароматный, благоухающий, кроме того, здесь речь идет о пышных трапезах, на которых помимо съестного бывает вино, но не благовония. Мы предлагаем следующую конъектуру: καὶ ἄλλα τινὰ καὶ οἶνον εὐώδη, т. е. «либо что-нибудь другое (кушанье), а также ароматное вино».

42) Стр. 218, стрк. 3—4: ὁ γὰρ δαιτυμῶν ὧν ἀπαξ τῆς σελήνης τυχὼν ἢ τοῦ χρόνου παραφρονεῖ.

У Литаврина: «Ибо тот, кто стал собутыльником, раз в месяц или в год теряет разум». δαιτυμῶν ὧν — конъектура Литаврина, но в рукописи — δαιμωνῶν. Литаврин справедливо подчеркивает, что здесь «трудное для понимания место» (стр. 484). Не настаивая на окончательном решении этой загадки, мы бы предложили другую конъектуру, оставаясь верным данным рукописи: ὁ γὰρ [т. е. ὁ οἶνος] δαίμων ὧν [καὶ] ἀπαξ τῆς σελήνης τυχὼν ἢ τοῦ χρόνου παραφρονεῖ (м. б. παράφρων ἢ ?), что переводится: «[вино] — бес (ср. русск. «змий») и человек, встретив-

шись с ним [даже] раз в месяц или в год, теряет рассудок» (или же: «он сумасшедший»).

В христианском мире сумасшедший — это человек, в которого вошел δαίμωνιον — бес. Он называется δαιμονιζόμενος — бесноватый (см. Матф., XII, 22), одержимый бесом (Лука, VIII, 27). Такого человека лечили тем, что „изгоняли“ („вынимали“) из него этого беса (ἐκβάλλειν τὰ δαιμόνια, Матф., XII, 24. XVII, 18, Марк, III, 15, 22). В вышеупомянутом высказывании Кекавмена связь δαίμων с παράφρων — очевидна. (См. и метафорически у Платона: Законы 649 D: ὅσα δι' ἡδονῆς αὐτὸ μείλιοντα παράφρωνας ποιεῖ).

43) Стр. 200, стрк. 3—4: Θεοῦ χάριτι ταῦτα ποιούμεν· πρῶτον γὰρ διανοούμεθα καὶ οὕτως χέρσον ἐργαζόμεθα — („божьей милостью мы то же самое добываем, сначала творим в мыслях, а затем создаем вещественное“). Литаврин совершенно правильно предполагает, что под ταῦτα подразумевается встречающееся немного выше слово πλοῦτος — богатство, и под строкой предлагает чтение ταῦτόν. Но логичнее τοῦτον (τὸν πλοῦτον) — „его“, а не „то же самое“. Что касается χέρσον рукописи, которое первые издатели исправляли на χερσίν — „руками [создаем]“, Леммерль на χερσόν, а вслед за ним Литаврин на χέρσον, подразумевая под ним „вещественное“, то слово χέρσον не имеет такого значения, оно означает „сухая земля, суша, материк“ или „сухая, твердая“, что никак не вяжется со смыслом предложения, где четыре раза упоминается πλοῦτος — богатство. Само собой напрашивается слово χρυσοῦν — золото, деньги, богатство. Итак, Θεοῦ χάριτι τοῦτου (т. е. πλοῦτον) ποιούμεν· πρῶτον γὰρ διανοούμεθα καὶ οὕτως χρυσοῦν ἐργαζόμεθα („Божьей милостью мы добываем его [богатство]. Но сначала мы творим в мыслях, а затем добываем [зарабатываем] золото“). (Ср. Odys., III, 435: χρυσοῦν εἰργάζετο).

44) Стр. 220, стрк. 18—19: ἀμαρτήσεις καὶ μεταβληθήσῃ.

Но Г. Г. Литаврину: „запутаться в долгах и откажешься от своих намерений“. Перевод далек от текста. В своих комментариях (стр. 486) Литаврин пишет: „недостаточно ясная фраза“. Исправить на — ἀμαρτήσεις καὶ μεταβληθήσῃ („совершишь ошибку, а [затем] будешь расклевываться“). Ср. стр. 278, стрк. 7. Здесь опечатка). Ср. ὁ Ἰούδας... μεταβληθήεις... λέγων. ἡμαρτον (Матф., XXVII, 3—4).

45) Стр. 220, стрк. 20: καὶ ἀλόπως διατραφήσῃ.

В переводе Литаврина: „ты без печали будешь питаться ими“. „Без печали“ — правильный перевод слова ἀλόπως, но в греческом тексте, по всей вероятности, допущена ошибка. Должно быть ἀλοιπώς (в смысле ἀλείπτως), т. е. „в достатке“, „полностью“. (Слово λοιπώ у Кекавмена встречается несколько раз. См., например, стр. 196, стрк. 14. От него образовано причастие с отрицательной приставкой α).

46) Стр. 228, стрк. 13—14: Ἄφρων δὲ πρὸς ἅ κέχηγε σκοπῶν, ποῦ δειπνᾷ καὶ κόμβηλα.

Запятую нужно поставить перед σκοπῶν, т. к. оно связано со следующим предложением, а вместо глагола δειπνᾷ („угощается“, „ужинает“)

— существительное *δειπνα* (τά), которое связано со следующим далее существительным *κίρβαλα*. Перевод Литаврина верен, соответствует исправленному нами тексту, но не приведенному в книге.

47) Стр. 242, стрк. 18: δι' αὐτοῦ. Исправить: δι' αὐτόν («из-за него», а не «через него»).

48) Стр. 244, стрк. 7: ὁ δὲ πολύβουλος καὶ πονηρός... οὐχ ἑαυτῷ μόνον, ἀλλὰ καὶ ἄλλοις πολλοῖς χρήσιμος.

У Литаврина: «благоразумный и *неутомимый*... приносит пользу не только себе, но и многим другим». Литаврин *πονηρός* переводит как «неутомимый», а в комментариях пишет: «Мы не уверены в переводе этого слова. Оно... далее у Кекавмена употребляется в pejоративном смысле — «дурной», «злой» и т. д.». Он прав. Это слово означает также: плохой, скверный, негодный, испорченный, бесчестный, низкий, враждебный, трусливый, малодушный, мошенник, плут и даже лукавый, т. е. дьявол. Как мог такой человек «приносить пользу не только себе, но и многим другим»? Литаврин ищет отвечающее смыслу предложения значение слова *πονηρός* у Геснода. Но не нужно идти так далеко. По всей вероятности, у Кекавмена было написано не *πονηρός*, а *πονικός* — трудолюбивый. И, действительно, пользу может принести тот, который *благоразумен*, но в то же время *трудолюбив*, он помогает и умом, и трудом.

49) Стр. 258, стрк. 17: μᾶλλον δέ, ὅτι. Скорее—μᾶλλον διότι.

50) Стр. 258, стрк. 18: Γρηγόρης καὶ ὁ Παγκράτις.

Исправить на *Γρηγόρης καὶ ὁ Παγκράτης*. Если из литературной формы *Παγκράτιος* образовалось *Παγκράτης*, то из *Γρηγόριος* образуется *Γρηγόρης*. *Γρηγόρας* скорее фамилия (ср., например, Никифор Григора), а не имя, мы же имеем дело с именем. Таким образом, чтение *Γρηγόρης* полностью совпадает с именем того же человека, который немного спустя назван литературно—*Γρηγόριος*⁴. Для имен мужского рода характерно окончание *ης*, а не—*ις*.

51) Стр. 262, стрк. 29: вместо ὅσα ἤθελεν поставить ὡς ἤθελεν.

52) Стр. 264, стрк. 9: Προσέταξεν (т. е. Никулица Дельфин) οὖν ἀποκλείσθηναί... τὸν Καρμαλάκην [καί]... τὸν Πεταστόν. В переводе Литаврина: «Приказал схватить... Кармалака и... Петаста». Если обратим внимание на продолжение предложения—«Все прочие, видя этих уводимых на смерть...»,—то вызывает сомнение глагол *ἀποκλείσθηναί*, ибо здесь требуется слово, теснее связанное по смыслу с «на смерть», поэтому вместо *ἀποκλείσθηναί* надо писать *ἀποκεφαλίσθηναί* — обезглавить: «Приказал обезглавить... Кармалака и... Петаста. Все прочие, видя этих уводимых на смерть...». Раньше (см. стр. 254) Никулица не решался обезглавить

⁴ Сыновья последнего таронского князя Ашота, которые отдали свои владения Никифору II Фоке в 966 г., назывались Григорий и Панкратий. Многие правители Тарона носили имена Григорий и Панкратий (Р. Гийан, Очерки просопографии Византийской империи. Патрикий. Патрикий со времени правления Александра (912—913) до Иоанна I Цимисхия (969—976), «Византийский временник», том 34, 1973, стр. 61). Случайно ли это совпадение или Кекавмены имели какие-либо родственные связи с Таронитами. У каждого армянского феодального дома свои личные имена, более или менее свойственные именно ему.

(здесь написано именно обезглавить — *ἀποκεφαλίζει*) предводителей восстания, боясь, что они в союзе с влахами и триккалитами могут восстать против него. Но после того, как они уже восстали, он приказал не *ἀποκλείσθηναί*, а *ἀποκεφαλίσθηναί* (обезглавить).

53) Стр. 276, стрк. 6: δι' αὐτόν. Лучше δι' αὐτόν, т. е. не «из-за него», а «через него».

54) Стр. 276, стрк. 12—14: Ἐὰν γὰρ τιμήσης πρωτοσπαθάριον μῖμον ἢ αἰσχρὸν ἀνθρώπον, τὸν στρατιώτην σου τὸν θέλοντα χύσαι τὸ αἷμα διὰ σέ, ὡσαύτως καὶ τὸν ἐνεργῆ νοτάριόν σου ἢ σεκρητικὸν ἐὰν τιμήσης πατρίκιον. ἡγείται τοῦτο ἀντ' οὐδενός.

У Литаврина: «Если ты почтишь титулом протоспафария мима, либо [другого] недостойного человека, [как и] своего стратиота, готового пролить за тебя свою кровь, точно так же, если ты почтишь своего прилежного нотариуса или служащего секрета титулом патрикия, то эти достоинства станут пустым звуком». Выходит, что Кекавмен призывает императора не жаловать высоких титулов не только мимам, недостойным людям, но и военным, готовым пролить свою кровь за императора, т. е. он ставит в один ряд мимов и военных. Мы не имеем никаких оснований приписывать Кекавмену такое. Он ведь с огорчением пишет, что видел «добрых стратиотов, забытых василевсами», подчеркивает, что «войско — слава василевса и сила дворца. Без войска не удержится государство» (стр. 293), советует императору, чтобы стратиоты получали и плату, и награду, и пост, и *титул* (стр. 87).

Итак, или перед словом *τὸν στρατιώτην* нужно поставить *καὶ οὐ* («а не»), или же после слов *τὸ αἷμα διὰ σέ* требуется вопросительный знак. Таким образом, данное предложение переводится: «Если ты почтишь титулом протоспафария мима, либо [другого] недостойного человека, а как же тогда твои стратиоты, готовые пролить за тебя свою кровь?».

55) Стр. 284, стрк. 11: ἀρχαῖος σκαιὸς ἄνθρωπος. В переводе Литаврина: «негодный старец». Слово *ἀρχαῖος* переведено как «старец», однако оно не имеет этого значения. Этот «негодный» хотел дать Василию II плохой совет, стремясь подготовить его низвержение. Итак, само собой напрашивается синоним слова *σκαιός* — негодный, который есть в тексте, нужно лишь исправить ошибку писца и вместо *ἀρχαῖος* написать *ἀχρεῖος* — «негодяй», «подлец».

56) Стр. 286, стрк. 26: καὶ τὸ μὲν δι' αὐτούς, τὸ δὲ πλείστον. Восстановить чтение рукописи, убрать *δέ* и запятую: *καὶ τότε μὲν δι' αὐτούς τὸ πλείστον* («тогда, главным образом, из-за них...»).

57) Стр. 290, стрк. 12: Ὁ Καῖσαρ θυμώδης ὄν... Сохранить чтение рукописи—Ὁ Καῖσαρος, но читать Ὁ Καῖσαρ, ὅς θυμώδης ὄν...

58) Стр. 292, стрк. 27: πῶσις. Восстановить конъектуру Васильевско-Ернштедта — *πῆσις*, т. к. речь действительно идет о полете (это подтверждается и последующим примером, где говорится, что, если у кораблей не хватает весел, то они не плывут быстро, следовательно, если у орла не хватает *перьев*, он не может хорошо летать). Первое значение

слова πτερόν — перо, второе — крыло. Литаврин перевел: «Если орел, поднявшись в воздух, потеряет крыло, спуск его, конечно, окажется плох». Непонятно, как может орел в воздухе потерять крыло и без него опуститься вниз. Он ведь упадет камнем. Правильный перевод предложения, на наш взгляд, такой: «Если летающий в воздухе орел потеряет перо (т. е. перья), он, конечно, станет плохо летать». Восстановить также слово αὐτοῦ рукописи — πτήσις αὐτοῦ (т. е. τοῦ αὐτοῦ).

59) Стр. 296, стрк. 16: παθάνουσι. Должно быть παθίνουσι (или же παυθάνουσι, ср. стр. 284, стрк. 15).

60) Стр. 296, стрк. 28: Убрать βασιλικῆς. Писцом механически повторено это слово, встречающееся в предыдущей строке.

61) Стр. 296, стрк. 23: ὅτε ἐπαναστάσονται τοῖς πράκτορσιν.

В переводе Литаврина: «Не восстанут на исполняющих должность». Мы предлагаем чтение: τοῖς πράκτορσιν, «не восстанут на практоров», т. е. на сборщиков налогов. Шестью строками выше говорится именно о πράκτορες (стрк. 17), что Литаврин перевел как «практиоры». На стр. 152, стрк. 24—25 говорится о несправедливости практоров, конкретно о Сервлии, который стал причиной больших неприятностей для Византии. О практорах см. стр. 374—375 книги Литаврина. А о восстаниях против них — Cedr., t. II, стр. 529—530.

62) Стр. 296, стрк. 26: ἀλλὰ ἄλιψεις. По Г. Г. Литаврину: «ты (император) *обременишь*», т. е. страны и фемы, проходя по ним с войском и царской свитой. Литаврин предполагает, что эти слова, высказанные придворными, — совет императору не путешествовать по стране, ибо это дорого обойдется, *обременит* те провинции, по которым он пройдет с войском и царской свитой, т. к. все их расходы ложатся на жителей провинций.

Но ἀλλὰ ἄλιψεις — исправление первых издателей, принятое и Литавриным, в то время как в рукописи стоит ἀλ'λεῖψεις, которое не нуждается в исправлении, поскольку придает определенный смысл. Оно читается ἄν λείψης — «если ты *будешь отсутствовать* (из столицы)», т. е. плохо, если император будет отсутствовать из Константинополя. Продолжение предложения, особенно глагол этого предложения — ἐὰν ἐξέλθης — «если выйдешь» (из столицы), подтверждает правильность нашего чтения. Здесь говорится о совете приближенных императора *не отсутствовать* из столицы.

В связи с нашей конъектурой мы предлагаем убрать запятую после слова ἐστίν и поставить ее после λείψης. Итак: ὡς ἀγαθόν ἐστίν ἄν λείψης.

63) Стр. 298, стрк. 4: πάντως. Исправить: πάντες? Эту конъектуру требует контекст, где говорится о том, что «самодержцы и августы ромеев, ...не только правившие в Риме, но и в Византии», т. е. «все» (πάντες) посещали провинции страны. Писец мог вместо πάντες написать πάντως под влиянием встречающегося тремя строками раньше слова πάντως.

64) Стр. 304, стрк. 3—4: После λαλοῦντος поставить запятую, а точку — после περιέρχοι.

Кроме предложенных выше конъектур мы хотим обратить внимание исследователей на наличие в «Советах и рассказах» некоторых не выявленных издателями скрытых цитат: стр. 258, стрк. 28—30: καὶ μὴ βουλόμενος γέγονα αὐτοῖς κεφαλὴ καὶ βουλόμενος ἠθρεῦσαι ἐθηράθη. Эти слова, вероятно, были в мемуарах самого Никулицы Дельфина (поэтому и приведены в первом лице). На наш взгляд, не надо было принимать конъектуру первых издателей, предложивших первое лицо глаголов заменить третьим (γέγονε и ἐθηράθη). С подобным фактом встречаемся в данных мемуарах еще раз (стр. 254, стрк. 18). Разумеется, вышеприведенный оборот может быть цитатой и в самих мемуарах, взятой Никулицей или Кекавменом из другого сочинения греческой или византийской литературы.

Мы считаем скрытой цитатой и предложение на стр. 262, стрк. 22 и сл.: «οἱ δουλοφόντες τοῖς βασιλεῦσιν κατὰ τὰ θελήματα αὐτῶν λέγουσιν. ὡς εἰσὶν ἐν ὀρθότητι, ἀλλὰ ψεῦδος καὶ ἀδικία ἐπὶ στόματος αὐτῶν καὶ δουλιότης ἐνεδρεῖται ἐν τοῖς χειλέσιν αὐτῶν». Во всяком случае, с чем-то похожим мы встречаемся в книге Иезекииля (33, 31): «ὅτι ψεῦδος ἐν τῷ στόματι αὐτῶν καὶ ἔπισω τῶν μασμάτων ἢ καρδία αὐτῶν».

В «Советах и рассказах» имеется также скрытая басня (стр. 226, стрк. 26—27): «ὁ γὰρ λέων λέοντα γεννᾷ καὶ ἡ ἀλώπηξ ἀλώπεκα»⁵, а также намек на книгу Прокопия. На стр. 272, стрк. 2 и сл. Кекавменом дается совет не оскорблять врага, осаждающего крепость. Не исключено, что имеется в виду не гарнизон крепости Сербия, а осажденные жители города Амиды, оскорбившие персидского шаха Кавада, за что и были им сурово наказаны (см. О персидской войне, кн. I, 7). Книга Прокопия хорошо известна Кекавмену (см. Литаврин, стр. 42—43).

Несколько слов о топархах. Г. Г. Литаврин считает ошибочным предположение Р. Бартикяна⁶ о том, что дед Кекавмена по отцовской линии, названный в «Советах и рассказах» топархом, — византийский военнослужащий. Он считает, что топарх — дед Кекавмена — независимый от Византии человек и что его владения находились вне территории Византийской империи, ибо, по его убеждению, термином топарх в литературе XI в. «обозначали предводителя иноплеменного народа или страны, расположенной по соседству с византийскими границами», и они (топархи) — «полунезависимые и независимые от империи правители» (стр. 405). Г. Г. Литаврину представляется ошибочным также мнение

⁵ „Corpus fabularum Aesopicarum“, edidit A. Naugath, vol. I, fasc. I, Lipsiae, 1957, p. 192—193. Ср. Иосиф Орбели, Басни средневековой Армении, М.—Л., 1956, стр. 67 («Львица родила львенка, и собрались все животные, чтобы повидать его и принять участие в празднестве. Приходит лиса и во время торжества, среди всего этого собрания, громко упрекнула львицу и поносила ее: «В этом ли твоя мощь, что рождаешь одного детеныша, а не многих?». Львица спокойно ответила: «Да, я рождаю одного детеныша, но рождаю льва, а не лисицу, как ты»).

⁶ Н. М. Bartikian, La généalogie du magistros Bagarat, catépan de l'Orient et des Kékaumenos („Revue des Études Arméniennes“, t. II, 1965, p. 269).

Ш. Диля, который под топархами имел в виду почти независимых от центральной власти *византийских* феодалов. «Алексиада», однако, не дает нам права настаивать на этом. Перед турецкой опасностью Алексей I Комнин (1081—1118 гг.) решил вызвать в столицу всех восточных топархов (*πάντας τοὺς κατὰ τὴν ἀνατολὴν τοπαρχάς*). Анна Комнина упоминает их поименно: Даватин, который тогда был топотиритом Ираклии на Понте, и Вурц — топарх Каппадокии и Хомата. Алексей приказал им (*παράχειλεύσμενος*) оставить для защиты своих провинций достаточно *стратиотов* и явиться с остальными в Константинополь (Алексиада, VII, 9). Считать топотирита полунезависимым, даже независимым от империи предводителем иноплеменного народа, владения которого были вне Византии, мы не имеем оснований. Ведь топотирит, как пишет Г. Г. Литаврин, является командиром схол, провинциальных тагм, военных моряков и заместителем крупной воинской единицы или непосредственным заместителем командира тагмы — доместика схол. У Кекавмена, согласно Литаврину, топотирит «выполняет приказы... стратига фемного войска», у Анны Комниной — «наместник небольшой области» (стр. 453).

Нам представляется, что понятие топарх Г. Г. Литавриным в некоторой степени сужено.

Несколько слов об именах Βαμβάκης и Μαγγήριος (произносится Майиринос). О первом Литаврин пишет: «неясно, греческое, валашское или славянское это имя» (стр. 527). Это не имя, а фамилия и, несомненно, греческая; обозначает человека, обрабатывающего или продающего βάμβαξ — хлопок. Происхождение слова пехлевийское — рамбак. Оно распространено у многих народов (арм. բամբակ, русск. бумага и т. д.)⁷.

Относительно второго имени (стр. 174, стрк. 19). Первые издатели текста Кекавмена предполагали, что оно связано с μάγειρος — повар. По всей вероятности, оно происходит от латинского мажог. Ведь были римский император по имени Мајогинус (457—461) и епископ карфагенский Мајогинус (IV в.).

Ниже отмечаем некоторые погрешности в переводе Г. Г. Литаврина. Указываем только места в греческом тексте и перевод.

Стр. 118, стрк. 12—13: «Не допускай, чтобы из-за их брани и насмешек несправедливо обвиненного ими постигла жалкая участь». Должно быть: «чтобы (боясь) их брани и насмешек, вдруг допустил, чтобы несправедливо таскаемого в суд постигла жалкая участь».

Стр. 122, стрк. 20: «Не возмечтай». Исправить: «Не заблуждайся».

Стр. 132, стрк. 18: «Не будет лишен должности». Правильно: «Не будет опозорен».

Стр. 132, стрк. 20—21: «так как он приобщит тебя к своей чести и покою, а не к стыду и поношению». Нужно перевести: «Ведь он взял тебя [на службу] ради своей чести и покоя, а не к своему несчастью и позору».

⁷ Р. Ачарян, Этимологический коренной словарь армянского языка, т. I, Ереван, 1971, стр. 401.

Стр. 138, стрк. 11: вместо «будут рассержены» должно быть: «будут задетыми» (оскорбленными).

Стр. 140, стрк. 25: «испугавшийся не может найти спасения в бегстве». Должно быть: «струсивший и бежать не может».

Стр. 142, стрк. 24 (и в других местах). Слово *γράμμα* переводится как «грамота». Предпочтительнее «письмо», «послание».

Стр. 146, стрк. 14: «не захотел брать всего». Должно быть: «я и во все не хотел брать», т. е. «я ничего не хотел брать».

Стр. 150, стрк. 14: «иначе будет зол на тебя предложивший мир». Г. Г. Литаврин, по-видимому, предполагает, что речь идет с неприятелем, отправившем послов для переговоров, хотя, несомненно, имеется в виду Христос («Мир оставляю вам, мир мой даю вам» — Иоанн, 14, 27. «Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа» — Деяния апост., 10, 36). На стр. 234, стрк. 26 также подразумевается Христос (*εἰρηνικός*). «Предложивший» нужно исправить: «проповедовавший».

Стр. 150, стрк. 6: «враги помимо многочисленных *костров* разожгут множество *огней*, как бы *по отрядам*, но не в соответствии с их числом, а вдесятеро больше...». Мы исправляем: «враги выставляют много *знамен*, будто по количеству [своих] отрядов, кроме того, [разжигают] множество *огней*, не соответственно их количеству, а вдесятеро больше». *Φάροια* здесь не может иметь другого значения, кроме «знамена». Сам Г. Г. Литаврин пишет в комментариях, что в стратигиконах *ἱαμπύλα* означает обычно знамя: «свои знамена... имело *каждое* мелкое или крупное *подразделение* византийского войска»; он указывает также, что в «Тактике Льва» встречается эта военная хитрость, где речь идет о лишнем числе знамен, и, несмотря на все это, переводит «костров». И выражение «по отрядам» говорит против такой интерпретации. Каждый отряд имел свое *знамя*, но не свой «*костер*».

Стр. 150, стрк. 24—25: вместо «и исмаилиты Египта и Палестины» должно быть: «исмаилиты [завоевали] Египет и Палестину». Во времена Ираклии в Египте и Палестине не было исмаилитов в качестве населения. Идущий далее рассказ о печенеггах подтверждает правоту нашего перевода.

Стр. 154, стрк. 1: Г. Г. Литаврин правильно переводит: «василевсу персов», считая, что Кекавмен имеет в виду турок-сельджуков, но непонятно, почему этого василевса он идентифицирует с багдадским аббасидским халифом ал-Каимом; вернее отождествить с великим сельджуком Тогрул-беком.

Стр. 154, стрк. 6 (см. также стр. 190, 10, 196, 3, 224, 16, 276, 10, 278, 26): *νόμισμα* дается в дословном переводе: «номисма». Но в вышеупомянутых случаях правильнее было бы перевести как «деньги». Нашу мысль подтверждает пример на стр. 224, стрк. 16, где говорится о том, что больной платит врачу за какие-нибудь лекарственные травы не один раз по несколько номисм. Ведь номисма монета золотая! На стр. 278, стрк. 26 также говорится о „*νομίσματα σιδαιμένα*“, что Литаврин перево-

дит: «нескольких номисм», когда вернее было бы перевести: «ничтожное количество денег».

Стр. 156, стрк. 15: не «с рвением», а «спеша», «наспех», «впопыхах».

Стр. 160, стрк. 4—5: «Прежде всего опасайся этого в соединении с бунтом (?)». Ни о каком бунте нет речи. Μετὰ ταραχῆς означает «с тревогой». На стр. 200, стрк. 20 встречается ὁ μετὰ ταραχῆς, что переводится: «не возбуждая волнения». Здесь правильнее было бы «невзволнованно», т. е. «спокойно, тихо, без паники».

Стр. 162, стрк. 21: не «пища», а «нега». Τροφή принята за τροφή.

Стр. 168, стрк. 21: «не болтая об этом». Исправить: «внезапно», «неожиданно».

Стр. 186, стрк. 32: «не стоит и говорить». Правильно: «я не в состоянии рассказать».

Стр. 196, стрк. 24—25: «возвратить свои затраты». Должно быть переведено: «спасти свои затраты».

Стр. 196, стрк. 25: «ты захочешь уменьшить ругу». Глагол θέλω не нужно переводить дословно. Он употреблен здесь в качестве будущего времени вспомогательного глагола — «будешь» («уменьшишь ругу», не обязательно желая этого, а скорее вынужденно), подобно тому, как строкой ниже в выражении ἔχεις φυλάττει εἶχεις не переводится дословно. Оно также имеет значение будущего времени вспомогательного глагола.

Стр. 196, стрк. 32: не «освободишь», а «ты постесняешься».

Стр. 202, стрк. 19: «повысит голос». Правильно перевел Васильевский — «вытянет шею» (чтобы получше рассмотреть, см. следующее замечание).

Стр. 202, стрк. 21—22: «он с любопытством воззрится на их (т. е. женской половины дома—Р. Б.) походку, округлости, стан, глаза». Литаврин (независимо от греческого текста) правильно отмечает, что именно Кекавмен старается защитить от глаз друга, не модную обувь и головной убор этих женщин, разумеется, а именно «округлости». Но все же слово γύρισμα не имеет этого значения, оно означает «возвращение» (сделать «круг»), а γάδισμα καὶ γύρισμα — хождение туда и обратно (от γύρος — круг), одним словом, «походка», под которой Кекавмен имеет в виду то же, что и Литаврин.

Стр. 212, стрк. 2: «глупы». Правильно: «малолетни».

Стр. 212, стрк. 31: «приведешь в беспорядок свои дела». Должно быть: «ты потеряешь свои деньги» (дословно — «свою вещь»). Тот же глагол — χάσῃ — на стр. 214, стрк. 17 переведен верно — «потеряешь».

Стр. 218, стрк. 23—25: «Если же он (т. е. друг—Р. Б.) не один раз станет говорить тебе, чтобы ты пил яд или что другое пагубное, если он посоветует тебе что-нибудь дурное, да не будешь ты сбит с толку его советом».

Как может человек, предлагающий другому пить яд, считаться его другом? Должно быть: «Если же он не один раз станет говорить тебе,

что, мол, он выпьет яд или что-либо другое пагубное, если когда-нибудь даст плохой совет, ты не будь сбит с толку его советом». Этот друг, советуя, клянется ему своей жизнью, что дает хороший совет, а не дурной.

Стр. 220, стрк. 12: «Держи дочерей в затворе... как способных на все». Надо перевести: «Держи дочерей в затворе... и дальше от [посторонних] глаз».

Стр. 226, стрк. 8: «Своих сыновей и дочерей бей не палкой, а словом, и пусть их не бьют другие». Здесь речь идет не о том, чтобы защитить детей от побоев других, а о том, что, если дети получают надлежащее воспитание у родителей, то не будет оснований для того, чтобы их били (т. е. воспитывали палкой) другие.

Стр. 228, стрк. 4—5: «Люди, буруеваемые сильными чувствами, заслуживают серьезного порицания». Должно быть: «Очень раздражительные люди совершают большие преступления».

Стр. 230, стрк. 8—9: «потерял половину либо еще больше в своей жизни». Должно быть: «потерял половину своей жизни или, быть может, большую ее часть».

Стр. 230, стрк. 10: «останется разумным». Лучше передать смысл предложения: «не женится вторично».

Стр. 230, стрк. 11: «жить в полной безопасности». Исправить: «У него будет много свободного времени» (для воспитания детей).

Стр. 232, стрк. 8: вместо «если не глух» — «если не притворяешься глухим».

Стр. 238, стрк. 14—15: «чтобы ты становился богат грехами, а получающие от тебя [взятки] — богаты деньгами». Точней: «[таким образом] ты зарабатываешь грехи, а получающие от тебя [взятки] — деньги».

Стр. 244, стрк. 26—27: «Моли бога, чтобы он внял молитвам твоего отца и матери твоей». Должно быть: «Моли бога, чтобы ты удостоился молитв твоего отца и матери твоей».

Стр. 246, стрк. 13—14: «Не шути с неразумным, так как он разозлится на тебя и, может быть, даже, схватит за бороду». Не «разозлится», а «оскорбит». (Борода была в почете и прикоснуться к чужой бороде равносильно было оскорблению).

Стр. 246, стрк. 19—20: «Я видывал таких, которые смеялись и издеваясь над подобным человеком (т. е. над неразумным), убивали его из-за того, над чем [сами] шутили». Должно быть: «Я видел таких, которые, когда смеялись и издевались над подобным человеком, убили его тем, чем издевались над ним» (т. е. палкой, камнем и т. п.). Правильность нашей мысли подтверждается следующим далее предложением: «не бей юродивого».

Стр. 252, стрк. 7: «кожи, валявшиеся в кучах отбросов». Должно быть: «кожи (или шкуры), находящиеся в помете». Помет, особенно голубиный, использовался для обработки шкур.

Стр. 266, стрк. 26: не «очень резкий», а «очень способный».

Стр. 282, стрк. 21: вместо «ведя войну на острове» — «ведя войну против острова», т. е. против сарацин острова. Далее ведь говорится: «когда Сицилия была подчинена».

Стр. 284, стрк. 17: «Стратноты пусть не получают сниженной руги». Должно быть: «стратноты пусть получают свою ругу вовремя».

Стр. 286, стрк. 13: «хлеб себе добывающие». В комментариях Г. Г. Литаврин уточняет, что речь идет о трудящихся, о тех, кто «добывает хлеб трудом своих рук». Должно быть: «попрошайки» (ср. новогреческое *φοροῦται*). Ведь противопоставляются два края общественной лестницы. На самом верху стоит император, а на самом низу не может быть трудящийся, а именно: «хлеб просящий», попрошайка.

Стр. 286, стрк. 18–19: «У него было много близких бедных родственников, во главе которых стоял Орфанотроф». Должно быть: «У него было много близких бедных родственников, о которых заботился (пекея) Орфанотроф».

Стр. 286, стрк. 28: «И все поклялись уничтожить его род». Нужно перевести: «Все прокляли его род, чтобы он был уничтожен» (исчез с лица земли).

В конце своей статьи хочу отметить, что «тавли» Кекавмена соответствуют известному у нас «нарды», только *Հարի* и *Հարիա* не то же самое «тавли», как пишет Литаврин (стр. 387), а упомянутые им игральные кости.

ԴԻՏՈՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

ԿԵԿԱՎՄԵՆՈՍԻ «ԵՈՐՀՈՒՐԴԵՆԵՐ ԵՎ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ»

(«ԱՏՐԱՏԵԳԻԿՈՆ») ԵՐԿԻ ՄԱՍԻՆ

Հ. Մ. ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Պատմական գիտությունների դոկտոր

Ա մ փ ո փ ու ը մ

Երկրորդ հրատարակությանը լույս է տեսել XI դ. բյուզանդական հայագրի նշանավոր ազգական գործիչ Կեկավմենոսի աշխատությունը: Այդ երկի առաջին հրատարակությունից անցել է մոտ երեք քառորդ դար (հրատարակիչներ՝ Վ. Գ. Վասիլևսկի, Վ. Կ. Երնշտեդտ): Սույն երկրորդ հրատարակությունն առաջինից տարբերվում է այն հսկայական գիտահետազոտական աշխատանքով, որ կատարել է Գ. Գ. Լիտավրինը ոչ միայն հուշարձանի, այլև Կեկավմենոսի և նրա ապրած ժամանակաշրջանի ուսումնասիրության ուղղությամբ:

Քննության ենթարկելով Գ. Գ. Լիտավրինի հրատարակած բնագիրը և ուսուցիչներին թարգմանությունը, առաջարկվում է հունարեն բնագրի 64 ուղղում-սրբագրություն, որոնք փերականգնում են գրիչների ձեռքով ազգավարձ տեղերը: Ինչպես և ուղղվում երկի ուսուցիչներին թարգմանության մեջ թույլ տրված մի շարք էական անճշտություններ:

Օ ՓԵՄԵ ԻՎԵՐԻՅԱ

Ր. Մ. ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Դոկտոր исторических наук

Օ ֆեմաх և ֆեմոմ շարժման մասին Բիզանտիայում գրված է ոչ քիչ: Որոշները դարձան հետազոտության օբյեկտ: Բայց ոչ ոք չէր հետազոտել դրանք մինչև իմ հոդվածը:

Վերջին ժամանակներին այս խնդրին նվիրվել է մի քանի հոդված: Վ. Ա. Արուտյան-Փիլանյան, արտահայտվելով Բիզանտիայի պատմական լրագրության մեջ, երկու հոդվածներում նվիրվել է ֆեմայի մասին: Այս հոդվածներում նա օգտագործել է միայն մի քանի աղբյուրներ: Մյուս կողմից, Վ. Ա. Արուտյան-Փիլանյանը, արտահայտվելով Բիզանտիայի պատմական լրագրության մեջ, երկու հոդվածներում նվիրվել է ֆեմայի մասին: Այս հոդվածներում նա օգտագործել է միայն մի քանի աղբյուրներ: Մյուս կողմից, Վ. Ա. Արուտյան-Փիլանյանը, արտահայտվելով Բիզանտիայի պատմական լրագրության մեջ, երկու հոդվածներում նվիրվել է ֆեմայի մասին: Այս հոդվածներում նա օգտագործել է միայն մի քանի աղբյուրներ:

1. Օ ֆեմայի ծագումը և մասին: Բիզանտիայի պատմական լրագրության մեջ, երկու հոդվածներում նվիրվել է ֆեմայի մասին: Այս հոդվածներում նա օգտագործել է միայն մի քանի աղբյուրներ: Մյուս կողմից, Վ. Ա. Արուտյան-Փիլանյանը, արտահայտվելով Բիզանտիայի պատմական լրագրության մեջ, երկու հոդվածներում նվիրվել է ֆեմայի մասին: Այս հոդվածներում նա օգտագործել է միայն մի քանի աղբյուրներ:

¹ Վ. Ա. Արուտյան-Փիլանյան. Ինչպես ծագել է ֆեմայի ծագումը և մասին Բիզանտիայի պատմական լրագրության մեջ, 1972, № 1, էջ 91–102; երկրորդը — «Բիզանտիայի ֆեմայի ծագումը» (ՄԱՄ, ԳԱ «Լրագրություն», 1973, № 2, էջ 63–78). Օրոշ հիմնական եզրակացությունները ներկայացված են նաև նրա հոդվածում «Իմաստները ֆեմայի մասին», № 11, Երևան, 1973, էջ 46–67):

² Ն. Ա. Բերդշենշվիլի, Վ. Դ. Դոնդուա, Ն. Կ. Դումբաձե, Գ. Ա. Մեդալիշվիլի, Ս. Ա. Մեսխիա, Իստորիա Գրուզիայի, Կ. Երևան, 1962, էջ 146):

³ N. Adontz, Notes Arméno-Byzantines. V. Les Dalassènes. In Etudes Arméno-Byzantines, Lisbonne, 1965, p 171):

⁴ Ն. Ա. Արուտյան-Փիլանյան, Տեղագրությունը և Փոքր և խոշոր շախմատի, 1864, էջ 74: N. Adontz, ցույց, էջ 163):

преемник Василия II император Константин VIII в 1027 г. назначил правителем фемы Иверия Никиту Писидийца⁵, Н. Адонц заключает, что Роман Далассин правил с 1023 по 1026 гг.⁶

Нужно, однако, подчеркнуть, что о времени правления Романа Далассина источники ничего не говорят, единственное упоминание о нем как о катепане фемы Иверия встречаем в надписи из Феодосиополя, а она не имеет даты. Мы знаем только, как было отмечено выше, что во втором году своего царствования, в 1027 г., Константин VIII назначил правителем фемы Иверия Никиту Писидийца, но последнее еще не дает нам оснований считать Романа Далассина непосредственным предшественником Никиты на этот пост, как это делает Н. Адонц, ибо Роман был на службе в Византии вплоть до 1038—1039 гг.⁷, следовательно, он мог быть катепаном фемы Иверия не обязательно в промежутке времени между 1023 и 1026 гг.

Н. Адонц пытается обосновать свою датировку правления Романа Далассина и рядом других соображений. Он считает, что Роман Далассин мог быть назначен в 1023 г. Василием II катепаном Иверии в знак вознаграждения за оказанную ему Романом помощь в подавлении восстания Никифора Ксифии и Никифора Фоки (1022 г.) и за содействие в борьбе против грузинского царства⁸ (1022 г.). Но об участии Романа в этих двух событиях в источниках тоже ничего не сказано, и это остается простым предположением.

Итак, мы приходим к выводу, что не обладаем вескими данными для того, чтобы датировать правление Романом Далассином фемой Иверией именно 1023—1026 гг. Необоснованна и мысль о том, что Роман был первым правителем этой фемы. Первым, упомянутым в источниках, правителем фемы Иверия (с указанием даты) мы считаем Никиту Писидийца, и, естественно, это еще не значит, что ему не предшествовали другие.

Как относится к этому вопросу В. А. Арутюнова-Фиданян? Вышеупомянутая работа Н. Адонца известна Арутюновой-Фиданян (она на нее ссылается и принимает его датировку правления Романа Далассина), но все же встречающиеся в ней соображения Н. Адонца о времени образования фемы Иверия ею полностью игнорированы. Это в том случае, когда придерживаясь совершенно иного, чем Н. Адонц, мнения о времени образования фемы, она, кажется, обязана была обосновать свои соображения и пояснить причину отклонения иных. Если в статье «Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи

⁵ Cedg., II, p. 481; «Повествование вардапета Аристакеза Ластивертци», перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна, М., 1968, стр. 70.

⁶ N. Adontz, указ. соч., стр. 172.

⁷ Cedg., II, p. 521.

⁸ N. Adontz, указ. соч., стр. 171.

в XI в.» Арутюнова-Фиданян все же говорит, что вопрос о времени образования фемы у исследователей остается спорным⁹, то в другой — «Византийские правители фемы Иверия» — дело представляется так, будто дата, предложенная ею, бесспорна, и по этому вопросу не высказано других мнений.

В отличие от Н. Адонца Арутюнова-Фиданян образование фемы Иверия датирует 1001 г., т. е. последующим за смертью куропалата Давида, будто дата завоевания Тайка обязательно должна совпасть с датой образования фемы Иверия. Она пишет: «Василий II Болгаробойца основал фему Иверия в 1001 г. Источники ничего не сообщают нам о том, кто был первым правителем новой фемы... В источниках и не сохранилось никаких сведений о первых правителях Иверии»¹⁰.

В источниках не сохранилось никаких сведений не только о «первых правителях» фемы, но и об основании этой фемы вообще. Поэтому тем непонятнее уверенность Арутюновой-Фиданян в том, что «сопоставление сведений армянских, греческих и грузинских источников позволяет утверждать (!) что: 1) Фема была образована в 1001 г.»¹¹. Автор статьи «Византийские правители фемы Иверия» все же пытается дать объяснение «молчанию» первоисточников. «Вел военные действия (против грузинского царя — Р. Б.), — пишет она, — и заключал мирные договора сам император Василий II Болгаробойца. Быть может, поэтому в источниках и не сохранилось никаких сведений о первых правителях Иверии»¹².

Объяснение неубедительно. Тот же Василий II лично вел борьбу против болгар и арабов, заключал с ними мирные договора, но в источниках встречается много сведений о византийских правителях Македонии, Диррахия, Антиохии и др.

О правителях «фемы Иверия» в первой четверти XI в. нет упоминаний не только у византийских авторов, но и у армянских, в том числе и у такого осведомленного историка, как Аристакез Ластивертци. Он очень добросовестно и точно перечисляет правителей фемы Васпуракан, как и правителей Армении (об этом подробнее будет сказано), а относительно Тайка пишет лишь о том, что Василий II «назначил там чиновников, судей и надсмотрщиков». И ни слова о правителе!

Тайк до Трапезундского мира в конце 1021 г. для Византии не имел того значения, какое он приобрел после. После завоевания Васпуракана в 1021 г. и заключения мира с армянским царем Иоанном-Смбатом и грузинским царем Георгием I значение Тайка сильно возросло. После присоединения Васпуракана к империи Ширакское царство Багратидов со стороны Васпуракана и Тайка было взято в клещи. Именно это об-

⁹ В. А. Арутюнова-Фиданян, Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи в XI веке, стр. 91.

¹⁰ В. А. Арутюнова-Фиданян, Византийские правители фемы Иверия, стр. 64.

¹¹ Там же, стр. 63.

¹² Там же, стр. 64.

стоятельство и призвало к жизни фему Иверия, которая вместе с Васпураканом должна была играть роль могильщика Багратидского царства¹³.

Подытоживая сказанное, приходим к выводу, что фема Иверия возникла не в 1001 г., а, скорее всего, в 20-х гг. XI в., ее целью и задачей являлись: борьба против армянских Багратидов и, конечно, защита того, что было приобретено у грузинского царя Георгия I. До этого времени Тайк, наверное, не представлял собой отдельной административной единицы в составе империи, он был включен в состав соседней византийской фемы и им правил катепан или стратиг соседней фемы.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется убедительным высказывание Арутюновой-Фиданян о том, что «фема Иверия возникла (в 1001 г.) в борьбе с грузинскими Багратидами»¹⁴. В 1001 г. еще рано говорить об этой борьбе. Она развернулась полтора десятилетия спустя.

2. О территории фемы Иверия. Поскольку фема Иверия была образована из земель последнего тайкского князя Давида, то, разумеется, территория фемы более или менее совпадала с границами Тайкокого княжества. И совершенно правильно поступила Арутюнова-Фиданян, когда, касаясь территории фемы Иверия, в первую очередь попыталась установить, что именно входило в княжество Давида куропалата. Она пишет:

«Давид куропалат имел в наследственном владении Южный Тайк, Басен, Кол, Артаан, Джавахети и Шавшети¹⁵. Затем он получил от Византии за помощь при разгроме восстания Варды Склира (976—979) Халтой-арич с клисурами¹⁶, Чормайри, Карин (Феодосиополь), Мардали, Харк и Апахуник. В 992—994 гг. Давид захватил г. Маназкерт»¹⁷.

В. А. Арутюнова-Фиданян, приняв данные Степаноса Таронаци за чистую монету, допустила ряд неточностей. Армянский историк пишет: «Царь греческий Василий отправил его (т. е. полководца Торника) к куропалату тайкскому Давиду с предложением уступить последнему

¹³ В 1045 г. на Ани напал Михаил Иасит, дука именно фемы Иверия, его усилиями было уничтожено царство армянских Багратидов. А по данным Матфея Эдесского, потерпевший поражение у стен Ани паракимомен Николай отступил с ромейским войском в Ултик (Олти); *Մատթէոս Եկեղեցիական թագաւորութեան Վերջապահումը*, 1898, стр. 96.

¹⁴ В. А. Арутюнова-Фиданян, Византийские правители фемы Иверия, стр. 64.

¹⁵ У Арутюновой-Фиданян наблюдается разноречивость в передаче географических названий. Если Тайк, то почему Джавахети, а не Джавахк, если Джавахети, то почему Тайк, а не Тао. И в локализации местностей нет ясности. Олти то считается главным городом Южного Тайка («Византийские правители фемы Иверия», стр. 67), то вообще Южным Тайком (стр. 76, прим. 9), то отождествляется со... «страной Халтеац» (стр. 73), т. е. с византийской фемой Халдия с центром в Трапезунте. Далее: Шавшк, Джавахк, Кол и Артаан локализируются к югу от Тайка (стр. 63), в то время как все они находятся к северу и северо-востоку от него. См. и на карте академика С. Т. Еремяна на стр. 69 статьи Арутюновой-Фиданян.

¹⁶ Не «с клисурами», а с «клисурой». У Степаноса Таронаци написано *Կլիսուրան*. Речь идет о теперешнем Брнакапане: N. Adontz, Tornik le Moine. In *Études Arméno-Byzantines*, Lisbonne, 1965, p. 305.

¹⁷ В. А. Арутюнова-Фиданян, Византийские правители фемы Иверия, стр. 63.

Хахто-иаритч с Келе-Сирией¹⁸, Чор-майри и Карин, Басен и крепостцу Сэвук в Мардахи¹⁹, Харк и Апахуник, — что и уступил в самом деле, — если Давид пришлет ему на помощь войско»²⁰.

Данные Степаноса Таронаци не следует понимать дословно. Давид получил право завоевать и владеть рядом этих земель, но это не значит, что он тут же получил их. Еще Н. Адонц писал, что, как мог Василий II дать Давиду куропалату, например, Харк и Апахуник, когда эти земли ему, Василию, не принадлежали. Они были собственностью Мерванидов и во времена восстания Варды Склира (т. е. тогда, когда эти территории, согласно Степаносу Таронаци, были пожалованы Давиду куропалату), ими владел курд Бад ибн Достак²¹. Ясно, что во времена восстания Склира Давид от Василия не мог получить эти земли. И не удивительно поэтому, что Давиду пришлось самому завоевать Маназкерт, центр Апахуника. Далее: Василий II не мог пожаловать Давиду Басен, т. к. он уже был собственностью Давида куропалата.

Вышеупомянутые сведения Степаноса Таронаци так поняли и другие исследователи²². Недавно на них еще раз обратил внимание В. П. Степаненко, который писал, что во время восстания Варды Склира Мерваниды прочно удерживали Апахуник и что Византия не уступила эту область куропалату, а просто столкнула Тайк и Мерванидов. «Следовательно, — пишет он, — передача куропалату Давиду «прав» на территории, перечисленные Асоликом, еще не означала передачи самих территорий. Одни из них (Басен) уже принадлежали Тао, и Византия только признала это. Другие — Халтой Арич и Чормари — находились, вероятно, под его сюзеренитетом, третьи — Харк и Апахуник — еще предстояло отвоевать у Мерванидов. Реально Давид мог получить только Карин-Феодосиополь»²³.

После образования фемы Иверия ее территория, как показывает Арутюнова-Фиданян, стала увеличиваться за счет новых, захваченных Византией земель, а после 1064 г. под натиском турок-сельджуков границы ее стали постепенно уменьшаться. Она пишет: «В 1064 г. Ани был

¹⁸ У переводчика Н. Эмина здесь допущена ошибка: не «Келе-Сирией», а «клисурой» (*Կլիսուրան*).

¹⁹ Эту крепость упоминает и Ластивертци (*Սեւուկ քաղաքը*, стр. 64 арм. текста и стр. 86 русского перевода).

²⁰ «Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозвищу писателя XI столетия». Переведена с армянского и объяснена Н. Эмином, М., 1864, стр. 135.

²¹ N. Adontz, Tornik le Moine, p. 304.

²² Z. Avalichvili, La succession du curpalate David d'Ibérie, dynaste de Tao („Byzantion“, t. VIII, fasc. I, p. 185 sqq).

²³ В. П. Степаненко, Апахуник в византийско-таосских отношениях в период мятежа Варды Склира (976—979) («Античная древность и средние века», вып. 10, Свердловск, 1973, стр. 223); М. Д. Лордкипанидзе, Из истории грузинско-византийских взаимоотношений на грани X—XI вв. («Вопросы истории Грузии феодальной эпохи», т. II, Тбилиси, 1972, стр. 34); е е же—«История Грузии XI—начала XIII века», Тбилиси, 1974, стр. 49, 56.

взят. Территория фемы значительно сократилась. Теперь в нее входили только земли бывшего (sic!) Карсского царства, Южный Тайк и Карин»²⁴.

Как могли в 1064 г. в состав фемы Иверия входить земли «бывшего» Карсского царства, когда оно, это царство, еще не «бывшее», а здравствующее²⁵. Как могли Ани и Ширак в 1064 г. отпасть от состава фемы и оставаться в ней вплоть до 1072 г!²⁶

3. *О феме Иверия после 1045 г.* Образованная в 20-ых гг. фема Иверия как таковая просуществовала до 1045 г., т. е. до времени завоевания Византией царства армянских Багратидов. Арутюнова-Фиданян, однако, находит, что фема Иверия просуществовала вплоть до 70-ых гг. XI в., т. е. даже после включения в состав империи царства Ширакских и Карсских Багратидов. Она пишет: «В 1045 г. к этим областям (т. е. Иверии) было присоединено Ширакское царство с Ани, который стал столицей фемы» (т. е. фемы Иверия)²⁷, что фема Иверия просуществовала «семь десятков лет»²⁸ и она «была весьма значительных размеров, охватывая чуть ли не половину всей территории центральной Армении»²⁹.

В конце своей статьи «Византийские правители фемы Иверия» автор приводит список правителей фемы вплоть до 1072/74 гг. и считает их «правителями фемы Иверия».

Багратидское царство для Византии во всех отношениях — и территориальном, и военном, и стратегическом, и экономическом — стояло намного выше Иверии, которая если до 1045 г. и представляла для империи важность в качестве пограничной области, то с включением Ширака в состав Византии потеряла былое значение. Главную роль начало играть бывшее Багратидское царство. Поэтому не Армения могла быть присоединена к «Иверии», а, совсем наоборот, «Иверия» к Армении, вернее, из этих двух единиц была образована «фема Армении и Иверии». Это не догадка, об этом свидетельствуют и эпиграфические, и сигиллографические, и нарративные источники. Если у Скилицы Михаил Иасит называется катепаном — дукой Иверии, а он был таковым до того, как Ширак был завоеван, то после падения последнего Иасит уже не является просто правителем Иверии. В армянских источниках написано: «А

²⁴ В. А. Арутюнова-Фиданян, Византийские правители фемы Иверия, стр. 76.

²⁵ Там же, стр. 63.

²⁶ Там же, стр. 69; здесь указывается, что Ани и Ширак оставались «в пределах фемы Иверия» от 1045 по 1072 гг.

²⁷ Там же, стр. 63. Ср. «Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи в XI веке», стр. 95: «Ширакское царство административно вошло в состав византийской фемы Иверия».

²⁸ А в статье «Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи в XI веке» на стр. 101 Арутюнова-Фиданян пишет, что византийская фема Иверия, основанная в начале XI в., просуществовала около полувека. На стр. 63 статьи «Византийские правители фемы Иверия» указано, что фема просуществовала до 1072 г., а на стр. 76 той же статьи — перестала существовать в промежутке между 1072 и 1074 гг.

²⁹ Там же, стр. 64.

некоего ишхана по имени Асит, который ранее правил Востоком, император отправил в качестве *наместника города Ани*³⁰. И это в 1045 г., сразу же после падения Ширака. Мысль «наместник города Ани» Аристакес Ластивертци шестью строками ниже передает словами «Կեցեալ (т. е. *Уцхал*) Ի տէրութեանն Հայոց» («пребывал (т. е. Иасит — Р. Б.) в правлении Арменией»)³¹, т. е. ясно, что Иасит если до завоевания Ширака был «катепаном Востока», то после этого он уже *правитель Армении*, его статус изменился, и очевидно, что в 1045 г. объединенная «фема Армении и Иверии» (с византийской точки зрения, об этом ниже) уже существовала. Тот же Ластивертци пишет, что Иасита «в правлении Арменией (Ի տէրութեանն Հայոց) заменил «некий» Кекавмен, т. е. и Кекавмена он именуется правителем Армении.

Данные армянского историка подтверждает Скилица, который считает Кекавмена катепаном не только Иверии, а «Ани и Иверии» «τὸν Ἀνίου καὶ τῆς Ἰβηρίας κατάρχοντα»³², хотя мы не отрицаем, что в первое время после завоевания Ширака, он по-старому называет его еще катепаном Иверии³³.

Данные нарративных источников подтверждают эпиграфические и сигиллографические, которые, разумеется, в качестве источников более надежны. В 1907—1908 гг. во время археологических раскопок в Ани были найдены фрагменты греческой надписи, датированной 1059 г., в которой, между прочим, мы читаем: ΙΩΑΝΝΟΥ ΒΕΣΤΑΡΧΟΥ ΤΟΥ ΚΑΤΕΠΑΝΩ ΑΡΜΕΝΙΑΣ ΚΑΙ ΙΒΗΡΙΑΣ ΤΟΥ ΜΟΝΑΣΤΗΡΙΩΤΟΥ/«Иоанна вестарха катепана Армении и Иверии Монастыриота...»³⁴.

³⁰ Аристакес Ластивертци, стр. 85. У Юзбашьяна: «наместника в Ани», но в оригинале: «տեղակալ քաղաքին Անի». Под городом Ани подразумевается бывшее Ширакское царство, а не просто город Ани. То же самое встречается и у Скилицы, см. об этом ниже. Арутюнова-Фиданян неверно толкует слова Ластивертци. Она пишет: «Михаил Иасит после 1045 г. стал дукой Иверии и Ани. Это указывает на то, что Ани стал столицей этой фемы» («Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи в XI в.», стр. 95). Ластивертци имеет в виду не столицу фемы, а саму фему, которую он называет Арменией, см. об этом ниже.

³¹ Արիտակէս Լաստիվերտցի, էջ 63. К. Н. Юзбашьян переводит «в государстве Армянском». Во времена византийского владычества не может быть и речи о государстве армянском. Տէրութիւն здесь означает «власть», «правление».

³² Седг., II, р. 574. Под Ани, как мы уже отметили, подразумевается, как и у Ластивертци, не сам город, а весь Ширак, Армения Багратидов. Скилица в другом месте (стр. 556) пишет, что при Мономахе началась «Анийская война», и подробно описывает завоевание Византией Армении Гагика II. Тот же историк царя Иоанна-Смбата именуется «топархом Ани» (там же). Мы знаем, что Иоанну-Смбату принадлежал не только Ани, а Ширак, Сурб Григор с долиной Ашоцк, Анберд, долина Айрататская, Кайан, Кайцон и Тавуш — область Севордик: «Всеобщая история Вардана Великого», перевел Н. Эмиин, М., 1861, стр. 117. Ср. Н. Glykatzis—Ahrweiler, Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IXe—XIe siècles, Paris-Athènes, 1960, р. 59: «...de la Grande Arménie ou d'Anion».

³³ Седг., II, р. 560.

³⁴ В. Н. Бенешевич, Три анийские надписи XI в. из эпохи византийского владычества, Петербург, 1921, стр. 19. Нам неизвестно, на основании чего Арутюнова-Фиданьян

Эта надпись — официальный документ, содержит официальную титулатуру наместника фемы, и она, если даже не было других косвенных или дополняющих данных, достаточна для подтверждения нашей мысли. Но это еще не все.

Арутюнова-Фиданян Аарона магистра называет правителем фемы Иверия, но сам Аарон себя так не именует. До нас дошли его свинцовые печати, легенда которых гласит: + Κύριε βοήθει 'Ααρῶν μαγίστρω καὶ δουκὶ Ἰβηρίας καὶ τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας («Господи, помоги Аарону, магистру и дуке Иверии и Великой Армении») ³⁵.

Арутюнова-Фиданян признает существование фемы Иверия и после 1045 г. по той причине, что она, на наш взгляд, ошибочно трактует понятие Иверия в византийских источниках в указанное время. Встретив в них упоминание географического названия Иверия, она обязательно отождествляет его с фемой Иверия, в то время как нередко под ним подразумевается просто Тайк, неизвестный Скилице и другим византийским авторам этой эпохи, т. е. географическое понятие Иверия она принимает за административное.

Сравнение данных византийских и армянских источников по интересующему нас вопросу выявило одну весьма примечательную деталь. Дело в том, что «фема Армении и Иверии» существует только для византийцев, о ней говорят только византийские источники (нарративные, эпиграфические, сигиллографические). *В армянских источниках такого понятия нет!* В них говорится только о стране Армения. Михаил Иасит «пребывал в правлении Арменией» (4հցհալ ի տէրութեանն Հայոց) ³⁶, Кевкамен «имел власть над армянской страной» (ունէր զիրխանութիւն տանն Հայոց) ³⁷, Багарата Вхкаци и Григория Пакуриана «назначил император стражами страны армянской» (վացուցեալ էր թագաւորն լիազաւանս տանն Հայոց) ³⁸.

Подытоживая сказанное, мы приходим к выводу, что фема Иверия как таковая просуществовала не 70 лет (и не «около полувека»), как пишет Арутюнова-Фиданян, а лет 20, что после 1045 г. нельзя говорить о феме Иверия, а лишь об объединенной феме Армении и Иверии (и то с византийской точки зрения), с центром в столице армянских Баграти-

нян Иоанна Монастырнота считает представителем армяно-халкидонитской знати: «Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи в XI в.», стр. 96.

³⁵ В. С. Шандровская, Неизвестные печати Аарона, магистра и дуки Иверии и Великой Армении и проедра и дуки (XI в.) («Сообщения Государственного Эрмитажа», XXXVII, Л., 1973, стр. 61). Арутюнова-Фиданян пишет: «надпись на анийском соборе свидетельствует о том, что в 1055—1056 гг. Аарон Болгарин правил Ани и Иверией» («Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи в XI в.», стр. 99). В надписи же написано, что он «прибыл на восток в сию прекрасную крепость Ани» (Եկի յարեւելս ի գեղեցկաշէն բերդս յԱնի):

³⁶ Արիւտտակես Լատրիվերտցի, էջ 63:

³⁷ Там же, стр. 80.

³⁸ Մտտթէսու Ունշախցի, стр. 148.

дов Ани³⁹. Для армян эта византийская область-фема была и именовалась Арменией — տանն Հայոց, տէրութիւնն Հայոց.

4. К вопросу о «соправителях» фемы Иверия. Новым у Арутюновой-Фиданян является тезис о «соправителях» фемы Иверия. Она пишет: «Самое интересное и важное наблюдение над византийской администрацией в этом пограничном округе заключается... в том, что рядом с правителем фемы почти постоянно появляется лицо, которое не только делит военные заботы наместника, но вмешивается иногда и во внутренние дела фемы, т. е. является в какой-то мере соправителем» ⁴⁰.

Посмотрев на составленный автором список этих «соправителей», нетрудно убедиться в том, что большинство из них никак не могли быть таковыми. Вот они:

- 1) Симон паракимомен, domestик Востока.
- 2) Константин, domestик схол Востока.
- 3) Николай, проэдр, паракимомен, domestик схол Востока.
- 4) Константин, стратиг-автократор, архонт великой этерии⁴¹ (т. е. великий этериарх).
- 5) Михаил Аколуп, командующий наемными войсками.

Нетрудно заметить, что все они — военные и отправлены на Восток не для того, чтобы делить власть с правителем «фемы Иверия», а помочь ему в войне против врагов империи. Первые три являются паракимоменами и доместиками схол. На то он и паракимомен, чтобы «спать рядом» с императором, ибо он его спальник, его постоянное место во дворце. Паракимомены — евнухи, лишённые права стать императорами, поэтому им нередко доверяются обязанности доместика схол. А domestик схол — главнокомандующий византийской армией, он возглавляет крупные экспедиции в том случае, если император не принимает личного участия. Поэтому он не может оставаться в Иверии, став соправителем. То же самое можно сказать и о стратиге-автократоре и великом этериархе, так как и его обязанности общеимперские, а не сугубо локальные. Чтобы убедиться в этом, достаточно остановиться на том же стратиге-автократоре Константине, великом этериархе («соправителе» Катакалона по убеждению Арутюновой-Фиданян). Он из-под Двина был вызван на запад сразу же после того, как возникла в этом необходимость. И доместики схол, и стратиги-автократоры, этериархи отправляются туда,

³⁹ См. об этом наши комментарии ко II-ому тому Лео: «Պատմութիւնն Հայոց», Երևան, 1967, стр. 762, прим. 157, 158; Հ. Մ. Քարթիկյան, Հայաստանի նվաճումը Բյուզանդական կայսրության կողմից («Պատմա-բանասիրական հանդես», 1970, № 2, стр. 87); В. С. Шандровская, указ. соч., стр. 63.

⁴⁰ В. А. Арутюнова-Фиданян, Византийские правители фемы Иверия, стр. 77.

⁴¹ Этот этериарх Константин упоминается и Матфеем Эдесским под «именем» Телиарх. Арутюнова-Фиданян считает, что «Телиарх», может быть, «является передачей в армянской огласовке какого-нибудь византийского титула... но какого именно — установить сложно» («Византийские правители фемы Иверия», стр. 70). Он установлен, «Телиарх» и есть византийский этериарх: Р. М. Бартиян, О некоторых византийских терминах в «Хронографии» Матфея Эдесского (ՀՄՄՀ ԳԱ «Հրաբեր», 1969, № 3, стр. 75—77).

где возникает в этом необходимость, но нельзя говорить о том, что такой-то domestik схол, придя на помощь, скажем, дуке Антиохии или Македонии против арабов или болгар, становится «соправителем» в этих фемах. Мы не считаем, что из всех пограничных фем для империи самая важная «фема Иверия».

Посмотрим, что подразумевает под «делением власти» Арутюнова-Фиданян. «Скилица сообщает, — пишет она, — что Баграт, царь Грузии, «сильно теснил катепана Иверии Иасита. Иоанн (Орфанотроф) послал против него domestika схол Востока Константина, своего брата, со всеми восточными войсками». Автор статьи заключает: «Интересно отметить, что прямые и основные обязанности правителя фемы — оборону области — делит с ним domestik схол Востока»⁴².

Здесь мы не видим какого-либо деления власти. Весь вопрос упирается в то, что речь идет не о войне между Грузией и фемой Иверией, а о войне между Грузией и Византией, и поскольку правитель Иверии не в состоянии собственными силами защитить границы Византии, то центральное правительство отправляет ему на помощь свои вооруженные силы во главе с главнокомандующим. А это еще не означает, что он стал «соправителем». Не мог справиться с Абу-л-Асваром и Михаил Иасит, поэтому центральное правительство послало ему на помощь domestika схол Востока Николая паракимомена, и это тоже не означает, что последний стал «соправителем».

Мы выше увидели, что, согласно Арутюновой-Фиданян, «соправитель» «в той или иной мере» делит власть с правителем фемы, т. е. их двое, ибо «рядом с правителем фемы... появляется лицо». Но если обратимся к источникам, то выходит, что один раз этих «соправителей» — трое. Скилица пишет: «(Мономах) приказывает паракимомену (Николаю) воевать против Аплесфара с ромейскими, а также иверскими войсками и с силами Великой Армении, которые возглавлял Аниот. Итак, он (т. е. Николай паракимомен)⁴³, собрав (вооруженные) силы и назначив их командующим Михаила вестарха Иасита и своего слугу магистра Константина Алана, отпраздновал против Двина»⁴⁴.

В списке «соправителей» Арутюновой-Фиданян Николай паракимомен указан под 1044—1045 гг., а Константин Алан — под 1046 г., т. е. в разные времена, в то время как Скилица, как мы убедились выше, упоминает их одновременно. Арутюнова-Фиданян должна была либо считать соправителями фемы троих (Иасит, Николай, Константин), либо, идя против фактов, показать, что они действовали не одновременно. И Арутюнова-Фиданян идет против фактов. Она говорит, будто Нико-

⁴² В. А. Арутюнова-Фиданян. Византийские правители фемы Иверия, стр. 65—66.

⁴³ Арутюнова-Фиданян почему-то считает, что это Мономах («Византийские правители фемы Иверия», стр. 68). Допустив эту неточность, она стала считать Константина Алана «рабом» императора, а не «слугу» Николая паракимомена, как в самом деле.

⁴⁴ C e d r., II, p. 559.

лай проэдр был «соправителем» до 1045 г., хотя византийские войска были им отправлены против эмира в 1046 г.

Далее. Как может Николай паракимомен называться «соправителем» Иасита, считаться «в той или иной мере» делившим власть с Иаситом, когда он, Николай, назначает Иасита командующим и отправляет его против эмира, сам оставаясь в Ани? Это говорит о том, что Иасит находится в подчинении у domestika схол Николая. И это действительно так, ибо вооруженные силы всех фем подчиняются главнокомандующему. О каком «соправителе» может идти речь!

Помимо «соправителей» Арутюнова-Фиданян пишет и об «администраторах» фемы Иверия, «подчиняющихся византийскому наместнику фемы»⁴⁵. «Администраторами» считаются и стратеги-правители Карина, и трое военных, взявших на себя откуп налогов в Ани⁴⁶, и, скажем, Франкопол, который, по данным Матфея Эдесского в 1062 г. пошел в Карин и победил встретившиеся ему там турецкие войска⁴⁷. Этого достаточно, чтобы Франкопола объявить администратором фемы Иверия⁴⁸, «подчиняющимся византийскому наместнику фемы». Но по сообщению того же Эдесского, Франкопол до того, как воевал с турками у Карина, вместе с правителем Эдессы Диаватином воевал против них под городом Амидой⁴⁹. По данным Скилицы, Франкопол был отправлен на войну и против печенегов⁵⁰. Можем ли мы на основании этого Франкопола считать администратором и в Эдессе, и в Паристрионе?

Франкопол еще раньше служил в Италии у Георгия Маниака⁵¹. Выходит, что он был администратором и в Италии...

Нелишне отметить, что сохранилась свинцовая печать этого, «подчиняющегося наместнику фемы Иверия» «администратора» Франкопола, в которой он называет себя «магистром, вестом и стратилатом Востока!»

⁴⁵ В. А. Арутюнов-Фиданян, Византийские правители фемы Иверия, стр. 78.

⁴⁶ Арутюнова-Фиданян их упоминает под 1064 г., в то время как их единственное упоминание встречается в анийской надписи Багарата Вхкаци, датируемой не последним годом его правления, а первым. Кстати, о Багарате Вхкаци. Арутюнова-Фиданян пишет (см. «Ивер» в византийских источниках XI в., стр. 55), будто он «в своей анийской надписи называет себя ивером». В указанной же надписи сказано: «Именем Господа Вседержителя и милостью святого и самодержавного царя Константина Дуки возжелал я, Баграт Вхкиец, магистр и катепан Востока, оказать милость своей столице Ани» (перевод В. Н. Бенешевича. Три анийские надписи XI в. из эпохи византийского владычества, стр. 22). Вот и оригинал: «*Κωνσταντίνου Σεβαστάτου καὶ αυτοκράτορος τοῦ ἁγίου Πατριάρχου Κωνσταντίνου Δουκῆς τοῦ Παριστῆως βασιλέως καὶ κατὰ τὴν ἐξουσίαν τὸν ἐπὶ τῆς Ἰβηρίας ἀποστατήρα καὶ ἀντιβασιλέα τῆς Ἰβηρίας καὶ ἡμεῖς Βαγρατὸς Βεχκακίης μαγιστρός τε καὶ στρατιλάτης καὶ ἐπὶ τῆς Ἐδέσσης κἀν τῆς Ἀντιόχειας ἀρχιεπίσκοπος καὶ ἀντιβασιλέας τῆς Ἰβηρίας καὶ ἀντιβασιλέας τῆς Ἰβηρίας καὶ ἀντιβασιλέας τῆς Ἰβηρίας καὶ ἀντιβασιλέας τῆς Ἰβηρίας καὶ ἀντιβασιλέας τῆς Ἰβηρίας*» (C e d r., II, p. 559).

⁴⁷ У ш о р б е н у П и н с ш б г р, стр. 144.

⁴⁸ В. А. Арутюнова-Фиданян, Византийские правители фемы Иверия, стр. 78.

⁴⁹ У ш о р б е н у П и н с ш б г р, стр. 142—143.

⁵⁰ C e d r., II, p. 527.

⁵¹ Там же, стр. 616.

λῆς τῷ Φραγ[γ]οπώλω⁵². Мог ли стратилат Востока быть «администратором» в феме Иверия?...

XI столетие очень важный, богатый событиями период в истории Византии. Фема Иверия, впоследствии фема Армении и Иверии, является одной из наиболее интересных страниц в этой истории. Источники не так уж богаты сведениями о ней, поэтому к дошедшему до нас материалу нужно подходить с большим вниманием и ответственностью.

Ի Բ Ե Բ Ի Կ Ա Ք Ա Ն Ա Կ Ա Թ Ե Մ Ի Մ Ա Ս Ի Ն

Հ. Մ. ԲԱՐՏԻԿՅԱՆ

Պատմական գիտությունների դոկտոր

Ա մ փ ո փ ո լ լ

Հայկական հողերի վրա Բյուզանդիայի հիմնադրած բանակաթեմերի պատմությունը հայագիտության համար մեծ կարևորություն ունի: Իրանցից մեկի՝ Իբերիա բանակաթեմի մասին վերջերս հոդվածներով հանդես եկավ Վ. Ա. Հարությունովա-Ֆիդանյանը, որոնց մեջ առաջ է քաշել մեր կարծիքով վիճելի մի քանի մտքեր, ինչպես բանակաթեմի հիմնադրման ժամանակի, նրա առաջին կառավարիչի, այնպես էլ տարածքի ու «կառավարչակիցների» մասին և այլն:

Իբերիա բանակաթեմը ստեղծվել է XI դ. 20-ական թվականներին և ոչ թե 1001 թ., ինչպես վարժում է Վ. Հարությունովա-Ֆիդանյանը: 1045 թ. Շիրակի Բազրատունյաց թագավորության նվաճումից հետո Բյուզանդիան ստեղծեց «Հայաստանի և Իբերիայի» միացյալ բանակաթեմը՝ Անի կենտրոնով, որը հայկական աղբյուրներում հանդես է գալիս «Հայոց տուն» (Հայաստան) անվամբ: Վ. Հարությունովա-Ֆիդանյանի կարծիքով՝ Շիրակի թագավորության տարածքը 1045 թ. կցվեց «Իբերիա» բանակաթեմին, որը մինչև 1072—1074 թթ. կոչվել է Իբերիա բանակաթեմ:

Անդրադառնալով Վ. Հարությունովա-Ֆիդանյանի ենթադրյալ «կառավարչակիցներին», գտնում ենք, որ նրանց մեծ մասը (գլխավորապես կայսեր սենեկապետները և բյուզանդական բանակի սպարապետները) պարզապես ռազմական օգնություն են ցույց տվել Իբերիա բանակաթեմի կառավարչին՝ պաշտպանելու կաթողիկոսական սահմանները արտաքին թշնամիներից, ուստի հիմք չկա նրանց «կառավարչակից» համարելու:

⁵² G. Schumberger, Sigillographie de l'Empire byzantin, Paris, 1884, p. 658 sq.

НЕСКОЛЬКО КОНЪЕКТУР К СОЧИНЕНИЮ КЕКАВМЕНА «СОВЕТЫ И РАССКАЗЫ» («СТРАТЕГИКОН»)

Р. М. БАРТИКЯН

В нашей статье, опубликованной в «Вестнике общественных наук» Академии наук Армянской ССР (1974 г., № 2, стр. 71—88), мы предложили вниманию ученых ряд конъектур, которые, на наш взгляд, исправляют допущенные переписчиком сочинения Кекавмена ошибки. В настоящей статье мы вносим еще несколько таких¹.

1) Стр. 124, стрк. 24: *μη δὴ σε διαλανθάνη*. Должно быть *μηδὲν σε διαλανθάνη* (ср. и тремя строками выше).

2) Стр. 124, стрк. 25—26: После *ἀνάπαυτιν* поставить точку (или запятую), убрать точку после *ἔξω*, а *Ἐρώτα* писать с маленькой буквы. Итак: *τῶν* (или же *Τῶν*) *ερχομένων* (*τὸν ἐρχόμενον?*) *ἀπὸ τῶν ἔξω ἐρώτα κατιδίαν*) («Прибывающих из-за границы расспрашивай наедине»).

3) Стр. 132, стрк. 11: Окончание 6-го параграфа (стрк. 10) фрагментарно, после чего издатели приводят слова: *ἀλαζόνες, ὡσαύτως καὶ οἱ δυσειδεῖς* («хвастуны как и уроды») и этим кончают § 6, несмотря на то, что эти слова данному параграфу не подходят, а подходят следующему, 7-у параграфу, где, между прочим, говорится: «не хвали человека за красоту его», «не имей отвращения к человеку за наружность его». Речь о красоте или уродстве шла бы в одном месте, следовательно, § 7 нужно начать строкой 11 стр. 132. Хотя и в такое фрагментарное предложение трудно внести исправление, все же кажется, что после *ἀλαζόνες* нужно поставить точку, а *ὡσαύτως* написать с большой буквы. Я не уверен также, что после *δυσειδεῖς* нужно поставить точку.

4) Стр. 134, стрк. 26: убрать *ἐάν*. Рядом ведь *εἰ*, что означает то же самое.

5) Стр. 140, стрк. 21: *ἀναθαρσίσουσιν συνευθίστης*. Между этими словами, наверное, есть не отмеченная писцом и издателями лакуна. Скорее всего: *ἐκ τῆς* (*ἀπὸ τῆς?*), или же просто *τῆς*.

6) Стр. 140, стрк. 24: убрать *ἦ*.

7) Стр. 152, стрк. 20—21: *Βουλγαρίους* (так и у первых издателей). Исправить: *Βουλγάρους* (ср. стр. 162,8 и 260,8).

8) Стр. 158, стрк. 18: *ὅτι ὡς καὶ ἀνδρείος ἐστὶν ἀλλ' ἢ τὴν σωτηρίαν... σοφίζεται*. Исправить: *ὅτι εἰ καὶ ἀνδρείος ἐστὶν ἀλλὰ τὴν σωτηρίαν... σοφίζεται* («если даже он и храбр, все же помышляет о своем спасении...»).

¹ Страницы указаны по изданию: «Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века». Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972.

9) Стр. 164, стрк. 27: вместо колона поставить запятую, так как ἤρουντο следует за ἐπιλιπόσης. Предложение ведь причастное, и оно переводится так: «После того как кончилась пища у войска и животных, враги, веселые от (своего) изобилия, приходили вблизи войска...».

10) Стр. 166, стрк. 26: ἀποστοχῆσεις. Верно у первых издателей: ἀποτοχῆσεις. У Литаврина, скорее всего, опечатка.

11) Стр. 170, стрк. 11: Ὁ δὲ μετὰ χαρᾶς εἶπεν: «ὅσον κελεύεις». Слова μετὰ χαρᾶς не принадлежат рассказчику-Кекавмену, они высказаны дедом Кекавмена и обращены к стратигу крепости, поэтому должны быть взяты в кавычки: Ὁ δὲ «μετὰ χαρᾶς», εἶπεν, «ὅσον κελεύεις»/ (перевод: «Он сказал: «С удовольствием, сколько велишь!»).

12) Стр. 172, стрк. 29—30: ἀπέστειλεν... στρατιώτην (ὁ γὰρ στρατηγός... τζελνίκος λέγεται). Раз Кекавмен дает перевод греческого слова «стратиг» «по-болгарски», то этим греческим словом не может быть στρατιώτης, а должно быть στρατηγός. Три строками ниже Кекавмен называет его именно στρατηγός. Он называет его στρατηγός еще в двух местах (стр. 174, стрк. 8 и 16) и ни разу — στρατιώτης. Поэтому ἀπέστειλεν... στρατηγόν. Далее: или убрать слово γὰρ на стр. 172, стрк. 30, или же, если оставить, то предположить, что слово τζελνίκος еще раз встречалось в этом предложении раньше, после слова στρατιώτην (т. е. στρατηγόν), или же вместо этого слова фигурировал τζελνίκον.

13) Стр. 178, стрк. 1: λογιωτάτους. В рукописи: λογιωτάτους. Принять конъектуру первых издателей λογιωτάτους, ибо λογιωτάτους не означает «наиболее опытных».

14) Стр. 196, стрк. 33—198, стрк. 1: τὸν ἄνθρωπον σου ἀποστελεῖς λαβεῖν ἢ νομίσματα ἢ ὀβολούς.

Весь смысл данного предложения в том, что, когда к работнику фиска явится человек василевса и потребует от него животное в счет ангарии, то он по ряду соображений не сможет этого сделать, а именно: он не сможет обратиться ни к другу, ни к родственнику, ни к лицу могущественному, т. к. постесняется их. Далее речь идет об «своем человеке» работника фиска. Исходя из контекста, следует полагать, что и от него он не сможет потребовать денег, поэтому и обращаясь к человеку василевса, скажет «не нашел». Но у нас ἀποστελεῖς («пошлешь», т. е. своего человека за деньгами). Если работник фиска его послал за деньгами, то как он может сказать: «не нашел». Ведь у Кекавмена ничего не сказано на этот счет. Из текста Кекавмена ясно одно, что человек фиска в силу различных обстоятельств ни к кому обратиться не сможет, в том числе и к своему человеку. Исходя из всего вышесказанного, мы полагаем, что слово ἀποστελεῖς стоит не на месте, там должно быть другое слово, скорее, созвучное по смыслу с ἐντραπήτη. Может быть ἀποστήσεις? («откажешься, не решишься, воздержишься» потребовать этих денег).

15) Стр. 198, стрк. 11: ἀλλ'ἢ. Здесь не может быть ἢ, так как в таком случае в предложении должно было стоять второе ἢ («или... или»). Поэтому исправить: ἀλλά.

16) Стр. 204, стрк. 3: πῶς δὲ αὐτάς (т. е. τὰς γυναῖκας) ἀνατρέφεσθαι. У Литаврина все предложение переведено: «Мы (т. е. Кекавмен) намереваемся составить сочинение для женщин о том, как они должны себя вести», то есть эту книгу Кекавмен пишет для женщин, читателями этого сочинения должны быть женщины. Вряд ли! Кекавмен скорее мог составить сочинение, посвященное тому, как нужно воспитывать, растить женщин. И в этом 39-ом параграфе — конспект его будущего сочинения: «я... сведу поучение, так как нужно, чтобы ты (т. е. сын Кекавмена) проявлял постоянное попечение о дочери и о жене своей». Поэтому вместо ἀνατρέφεσθαι, нужно писать ἀνατρέφειν («воспитывать»).

17) Стр. 206, стрк. 9: Ὅμως. Исправить: Ὅπως («как говорит пророк»). Литаврин переводит «подобное», но ὅμως означает не «подобное», а «однако», «тем не менее», «все же», «все-таки». У нас не ὁμοίως.

18) Стр. 218, стрк. 9—10: μὴ ἐγκλιματικῶς. Исправить: μὴ ἐγκλιματικῶς. Следующий за ним μήτε требует, чтобы и до него было μήτε, а не μή, а так как следующее за ним слово начинается с гласной (ἐγκλιματικῶς), то вместо μήτε будет μήτ' (ср. и стр. 268, 15—16).

19) Стр. 224, стрк. 20: ποτέ. Должно быть τότε («тогда»).

20—21) Стр. 232, стрк. 29 и стр. 234, стрк. 18: ἀπηνείας. Это конъектура первых издателей. Восстановить в обоих случаях чтение рукописи — ἀπονοίας (но писать ἀπονίας — жестокость).

22) Стр. 240, стрк. 1: σκεῖ... χρυσῶν. Должно быть σκεῖ... χρυσῶν. Подчеркнутое слово — прилагательное (τὸ χρυσοῦν), а не существительное (τὸ χρυσίον), существительное рядом: τὸ σκεῖος (τὸ χρυσοῦν σκεῖος, а не τὸ χρυσίον σκεῖος). Далее же мы имеем τὸ ἀργυροῦν и τὸ ὕλεινον (т. е. σκεῖος).

23) Стр. 244, стрк. 1: δοκεῖς σοῦ. Перед нами конъектура первых издателей. Восстановить чтение рукописи δοκεῖ σοῦ. (но писать δοκεῖ σοι «тебе кажется»).

24) Стр. 260, стрк. 14: καὶ. Писать καί.

25) Стр. 262, стрк. 20: κατέλαβεν καὶ ὁ τοῦ βασιλέως ὄρκος καὶ εἰκόν. Ἐργῶν ὄρκος... ἐπαγγελίας ἀξιωματῶν καὶ ἄλλα πολλά.

Это место оказалось одним из самых трудных и для издателей и для переводчиков. И все из-за одной лишней буквы. В переводе Литаврина данное предложение выглядит так: «После этого-то и прибыли клятва и образ блаженного василевса, Никулица имел (теперь) клятвы, обещания чинов и многое другое». Литаврин в своих комментариях пишет, что «здесь говорится, по-видимому, о каком-то документе с обещаниями и обязательствами василевса» (стр. 540). Предположение обоснованное, но каким словом этот документ обозначен у Кекавмена? Несомненно, словом, которое писцом рукописи передано как ὄρκος. Но ὄρκος такого значения не имеет. Кроме того, не следует забывать, что точка после слова εἰκόν поставлена издателями, в оригинале ее нет, в изданиях текста фигурируют два предложения, в оригинале — одно. Издатели,

исходя из того, что не могло быть написано $\delta\rho\kappa\omicron\varsigma \dots \epsilon\chi\omega\nu \delta\rho\kappa\omicron\varsigma$, перед $\epsilon\chi\omega\nu$ поставили точку, вследствие чего возникли другие недоразумения и недоумения. например, Литаврин пишет: «фраза, начинающаяся словом $\epsilon\chi\omega\nu$ (букв.: «имеющий», «имея») синтаксически запутана», а Васильевский и Ернштедт считают, что здесь имеется порча текста, после $\epsilon\chi\omega\nu$ пропущено либо несколько слов, либо одно $\delta\tilde{\nu}$ («итак»). Первые издатели увязывали $\epsilon\chi\omega\nu$ с подлежащим «он»—«Никулица» (так думает и Литаврин и в переводе добавляет это, отсутствующее в оригинале имя, даже вне скобок), и ставили перед $\epsilon\chi\omega\nu$ отсутствующую в рукописи точку.

На наш взгляд, прав Бек, который причастие $\epsilon\chi\omega\nu$ относит не к Никулице, а к предшествующему $\delta\rho\kappa\omicron\varsigma$. но видя, что не может быть $\delta\rho\kappa\omicron\varsigma \dots \epsilon\chi\omega\nu \delta\rho\kappa\omicron\varsigma$, убирает $\delta\rho\kappa\omicron\varsigma$ после $\epsilon\chi\omega\nu$. Литаврин считает, что повторение слова $\delta\rho\kappa\omicron\varsigma$ «с учетом экскурса его можно простить такому писателю, как Кекавмен» (стр. 541).

В данном предложении ничего не запутано, не имеется никакой порчи текста, не пропущено никаких слов, все на месте и все понятно. Только писец, и ясно почему, как мы отметили выше, написал одну лишнюю букву, букву «к» в слове $\delta\rho\kappa\omicron\varsigma$ (под влиянием идущего за ним $\delta\rho\kappa\omicron\varsigma$). Должно быть $\delta\rho\kappa\omicron\varsigma$ — указ, декрет, приказ, постановление, решение (см. Sophocles, Greek Lexicon, vol. II, p. 819: $\delta\rho\kappa\omicron\varsigma$ = decree, decision, rule. Ср. Lampe, A Patristic Greek Lexicon, p. 975; Δ. Δημητράκου, Μέγα Λεξικόν, τόμ. 6, Αθήναι, 1951, σελ. 5235) $\delta\rho\kappa\omicron\varsigma$ = διάταξις, απόφασις (приказ, постановление, решение). См. также: Joannis Malalae Chronographia, Bonnæ, 1831. p. 384, 10, 12. Ср. и сигиллий Василия II от 1020 г. Охридскому архиепископу Иоанну: $\tau\omicron\upsilon\varsigma \delta\rho\alpha\upsilon\varsigma \kappa\alpha\iota \tau\omicron\pi\omicron\upsilon\varsigma \tau\omicron\upsilon\varsigma \kappa\alpha\lambda\omega\varsigma \pi\alpha\rho\grave{\alpha} \tau\omicron\upsilon\nu \pi\rho\delta \tau\eta\mu\omega\nu \beta\alpha\varsigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\sigma\acute{\alpha}\nu\tau\omicron\nu \theta\epsilon\sigma\pi\iota\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\omicron\varsigma \dots$ «Извори за българската история том XI. Гръцки извори том VI, София, 1965, стр. 44. На наш взгляд, И. Иванов интересующее нас слово $\delta\rho\alpha\upsilon\varsigma$ переводит неправильно: «границите». Здесь $\delta\rho\alpha\upsilon\varsigma$ выступает в качестве синонима слова $\tau\omicron\upsilon\varsigma \tau\omicron\pi\omicron\upsilon\varsigma$. Ту же ошибку допустил и В. Златарски. См. подробную критику у N. Bănescu, Les duchés byzantines de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie, Bucarest, 1946, p. 14—17.

Итак: $\text{Μετὰ δὲ ταῦτα κατέλαβεν καὶ ὁ τοῦ μακαρίου βασιλέως ὄρος καὶ εἰκὼν ἔχων ὄρους, ἐπαγγελίας ἀξιωματῶν καὶ ἄλλα πολλά.}$ («После этого прибыли икона² и подтвержденное клятвами постановление блаженного василевса, содержащее обещания чинов и многое другое»).

26) Стр. 274, стрк. 21: Не отмеченную в рукописи лакуну Бек заполняет целым предложением из десяти слов (по-немецки), которое, как пишет Литаврин, «на первый взгляд, соответствует смыслу исчезнувших слов, но плохо увязывается с последующим: «как сделавший дурному добро, а хорошему зло» (стр. 568—569).

² Т. е. «святая икона Христа и нашего Бога, Богородицы и многих других святых, изображенных на (этой) иконе». Ср. подробнее об этой иконе десятью строками ниже: стр. 262, стрк. 30 и сл.

Мы бы на месте лакуны писали лишь одно слово: $\mu\epsilon\mu\phi\theta\eta\sigma\tau\eta$ = «тебя будут упрекать» («как сделавшего дурному добро, а хорошему зло»). Ср. стр. 246, стрк. 16.

27) Стр. 280, стрк. 6: Βάραγγον. Можно и сохранить чтение рукописи: Βράγγον. У армянских средневековых авторов, например, данный этноним приводится только в форме «вранг»³, а так как этих врангов в Армении не было, то следует сделать вывод, что, армянские авторы воспроизводят произношение, бытующее у византийских авторов и византийцев вообще.

28) Стр. 282, стрк. 7: $\text{Βασιλείῳ τῷ Πορφυρογεννήτῳ.}$ В рукописи вместо $\tau\omicron\upsilon$ написано $\alpha\upsilon\tau\omicron$. что и нужно оставить, добавив $\tau\omicron\upsilon$, которое, по всей вероятности, сокращено писцом в виду того, что слово $\alpha\upsilon\tau\omicron$ кончается именно на $\tau\omicron\upsilon$. и ему показалось, что оно повторено. Итак: $\text{Βασιλείῳ αὐτῷ [τῷ] Πορφυρογεννήτῳ}$ («того же Василия Порфирородного»). Кекавмен пишет «того же», ибо до этого еще раз упоминал его.

29) Стр. 288, стрк. 6: $\epsilon\iota\varsigma$. Исправить: $\epsilon\iota$. Правильно у первых издателей.

30) Стр. 288, стрк. 7: после $\epsilon\acute{\xi}\epsilon\lambda\theta\eta\varsigma$ поставить запятую, а Ἐἰ писать с маленькой буквы, так как мы имеем дело с одним предложением, а не с двумя⁴.

31) Стр. 306, стрк. 1: $\alpha\gamma\rho\upsilon\pi\nu\epsilon\iota\nu \sigma\epsilon \delta\acute{\epsilon}\nu.$ В рукописи $\alpha\gamma\rho\upsilon\pi\nu\epsilon\iota\sigma\alpha\iota \delta\acute{\epsilon}$. Предлагаем: $\alpha\gamma\rho\upsilon\pi\nu\epsilon\iota\sigma\alpha\iota \delta\acute{\epsilon}\iota.$

Несколько исправлений ударений:

Стр. 140, стрк. 13: $\pi\acute{\omicron}\theta\acute{\epsilon}\nu.$ Восстановить чтение рукописи: $\pi\acute{\omicron}\theta\acute{\epsilon}\nu$ (particip sr. рода от $\pi\acute{\iota}\nu\omega$).

Стр. 168, стрк. 13: $\chi\iota\lambda\iota\alpha\delta\omega\nu.$ Должно быть $\chi\iota\lambda\iota\alpha\delta\omega\nu.$

Стр. 206, стрк. 9: $\tau\omicron \mu\omega\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu \sigma\omicron\upsilon \tau\iota\nu\iota.$ Скорее: $\tau\omicron \mu\omega\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu \sigma\omicron\upsilon \tau\iota\nu\iota.$

Стр. 272, стрк. 15: $\alpha\rho\alpha\theta\acute{\iota}\alpha\nu \mu\omicron\upsilon.$ Писать $\alpha\rho\alpha\theta\acute{\iota}\alpha\nu \mu\omicron\upsilon.$

Стр. 282, стрк. 17: Παφλάγον. Писать Παφλαγόνη.

Стр. 300, стрк. 27: Ἄργυρον. Писать Ἄργυρόν.

Стр. 300, стрк. 31—32: Παφλαγῶν. Писать Παφλαγῶν.

К сказанному нами о топархах можно добавить и следующее. У Льва Дьякона (стр. 96,6, боннского издания) этим термином обозначены стратиги византийских фем. Иоанн Цимисхий сразу же после того, как узурпировал власть, $\tau\alpha\iota\varsigma \mu\epsilon\gamma\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\iota\varsigma \tau\eta\varsigma \pi\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\iota\alpha\varsigma \alpha\rho\chi\alpha\iota\varsigma$ назначил своих людей ($\sigma\iota\kappa\epsilon\iota\omicron\upsilon\varsigma \acute{\alpha}\nu\theta\rho\alpha\varsigma$ стр. 95, 21). Так в столице. Сделал он то же самое и в провинции: $\tau\omicron\upsilon\varsigma \tau\epsilon \tau\omicron\pi\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\varsigma \tau\omicron\nu\nu \chi\omega\rho\omega\nu$ (sic!) $\acute{\alpha}\pi\acute{\alpha}\nu\tau\omicron\nu \mu\epsilon\gamma\acute{\iota}\sigma\tau\eta\sigma\iota,$ $\kappa\alpha\iota \sigma\iota\kappa\epsilon\iota\omicron\upsilon\varsigma \acute{\alpha}\nu\tau'\epsilon\kappa\epsilon\iota\omicron\nu\omega\nu \acute{\alpha}\pi\omicron\kappa\alpha\theta\acute{\iota}\sigma\tau\eta\sigma\iota.$

³ С. Т. Еремян, Юрий Боголюбовский в армянских и грузинских источниках («Научные труды Ереванского государственного университета», том XXIII, 1946, стр. 390); К. Н. Юзбашьян, «Варяги» и «прония» в сочинении Арпстакэса Ластивертци («Византийский временник», том XVI, 1959, стр. 15—20).

⁴ Ср. наше 31-ое замечание в статье «Некоторые замечания о «Советах и рассказах» («Стратегикове») Кекавмена, стр. 77.

Несколько слов о связях Кекавменов с Таронитами. Мы в нашей предыдущей статье⁵, основываясь на том соображении, что сыновья последнего Таронского князя Ашота именовались Панкратием и Григорием, как и сыновья Никулицы-Дельфина (свата Кекавмена-автора), высказали предположение о том, что между Кекавменами и Таронитами могли быть свойственные связи. Добавим к этому следующее: сын последнего Таронского князя Ашота вышеупомянутый Григорий Таронит и его сын Ашот (назван так по имени деда!) служили Византии там же, где и дед Кекавмена-автора и другие Кекавмены, а именно, в Македонии, и в то же самое время⁶. И дед Кекавмена, и Григорий Таронит в то же самое время боролись против болгарского царя Самуила. Григорий Таронит являлся стратигом Фессалоник и в 995 г. был убит во время войны с болгарями⁷. Самуил после взятия Лариссы переселил весь род свата деда Кекавмена-автора в Болгарию⁸. Сын Григория Таронита Ашот женился на дочери Самуила⁹.

Сказанное, разумеется, еще не дает оснований для того, чтобы настаивать на предположении о родстве Кекавменов и Таронитов, но обратить на это внимание нелишне. Вместе с тем отметим еще, что Сасунские Торникяны, которые считаются ветвью Торникянов Тарона (Таронитов)¹⁰, по неопровержимым сведениям имели свойственные связи с Кекавменами, что позволяет говорить о близких отношениях этих двух семей. В памятной записи армянского евангелия, датированной 618 г. армянской эры (= 1169 г.), мы читаем, что князь Сасуна великий протонovelissim Виген, сын Чортванела и внук Торника¹¹, свою дочь по имени Ката выдал замуж «за Шахиншаха, сына Григория, внука Катакалоса, который (т. е. Катакалос—Р. Б.) был сыном великого Каменаса (т. е. полководца Катакалона Кекавмена—Р. Б.) в кантон Дегик¹²» в Четвертой Армении.

⁵ Р. М. Баргикян. Некоторые замечания о «Советах и рассказах «Стратегиконе» Кекавмена (2002 ՔԱ «Արարի», 1974, № 2, стр. 80, прим. 4).

⁶ «Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозванию — писателя XI столетия» — переведена с армянского и объяснена Н. Эминьым, М., 1864, стр. 188; Cedg. II, p. 447.

⁷ Там же, p. 449; «Всеобщая история Степаноса Таронского», стр. 188.

⁸ «Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века», подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина, М., 1972, стр. 252.

⁹ Cedg., II, p. 451.

¹⁰ Ն. Ա. Կիրենիան, Քրոնիկանց ճիշդագրությունը: Մատենադարանի հետազոտություններ, հ. 7, Վիեննա, 1938, էջ 49:

¹¹ Имеется в виду сасунский князь Торник, убитый воином Амр-Кафра по приказу Филарета Варажнуни в 1075 г., Մատթէոս Առնշահեցի, Ժամանակագրություն, Վարդապետ, 1898, էջ 209:

¹² H. Bartikian, La généalogie du magistros Bagarat, Catépan de l'Orient et des Kékaumènos. («Revue des Études Arméniennes», t. II. 1965, p. 270—272).

ՄԻ ՔԱՆԻ ՍՐԲԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ԿԵԿԱՎՄԵՆՈՍԻ «ԵՐԱՏՆԵՐ ԵՎ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ» («ՍՏՐԱՏԵԳԻԿՈՆ») ԱՇԽԱՏՈՒԹՅԱՆ ՀՈՒՆԱՐԵՆ ԲՆԱԳՐՈՒՄ

Հ. Մ. ԲԱՐԳԻԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու ռ ի մ

«Արարի» 1974 թ. № 2-ում բյուզանդագետների ուշադրության էինք ներկայացրել ընթերցումներ, որոնք սրբագրում էին Կեկավմենոսի աշխատության հունարեն բնագրում գրիչների թույլ սխալները և շարք սխալներ: Այստեղ ևս փորձ է արվում սրբագրելու մի քանի գրչական սխալներ: Բացի այդ Կեկավմենոսների և Տարոնացիների (Տարոնիտների) ընտանիքների միջև ազգակցական-խնամհական կապերի առկայությունը հաստատող փաստեր են բերվում:

МИГРАЦИЯ АРМЯН В XI ВЕКЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Р.М.БАРТИКЯН

В новелле императора Никифора II Фоки (963–969 гг.) относительно земель армянских стратиотов, между прочим, говорится о том, что если они, стратиоты, бросив свои земли, удалились в другие места, а затем по истечении свыше трех лет; возвратившись, нашли эти земли перешедшими во владение к другим, не имеют права требовать их обратно. Император объясняет мотивы своего постановления: Ибо, — говорит он, — если таким законом не обуздать неустойчивый (ἀστατον) и любящий вечно скитаться (πολυπλανές) нрав армян, ... то все армянское тво исчезнет" (τὸ γὰρ τῶν Ἀρμενίων ἀστατον καὶ πολυπλανές ἐὰν μὴ διὰ τῆς τοιαύτης νομοθεσίας παιδευθῆ, πάντα τὰ ἀρμενικὰ οὐχ ἴσονται)¹.

Император армянского происхождения надо полагать лучше чем кто-либо другой мог знать о нраве и склонностях своих соотечественников. Врожденными были у них эти черты или приобретенными — трудно сказать, скорее всего приобретенными. Отыскать их истоки сложно, но можно предположить, что они — результат тяжелой судьбы армянского народа, печальной участи его государственности.

Эти черты, сформировавшиеся, по всей вероятности, в эпоху римско-персидской конфронтации и борьбы за завоевание Армении

1. Nov. XVIII Imp. Nicophori Phocae de fundis militum Armenicorum et homicidarum. Jus graecoromanum, cura J. Zepi et P. Zepi, vol. I. Scientia Aalen, 1962, p. 247.

полностью проявились после раздела Армении между Византией и Ираном в 387 г., после окончательного упразднения армянского царства Аршакидов в 428 г. Армянский народ ради своего физического существования и сохранения своей самобытной культуры был вынужден лавировать между двумя империями, переходить из одной части Армении в другую. Этот переход в VI-VII вв. носил более или менее добровольный характер, и "скитающимися" были в основном армянская знать и ее вооруженные силы. Но в последующие века мы наблюдаем иное явление. Мигрируют низшие слои армянского общества и не только добровольно, но и насильственно. В середине VIII в. Константин Копроним переселяет армян из Феодосополя и Мелитены во Фракию. Поскольку они распространили во Фракии ересь павликиан, это значит, что были переселены трудовые массы народа.

В эпоху арабского владычества процесс миграции армян усилился. Господство халифата в Армении в корне отличалось от владычества Ирана. Персы, будучи зороастрийцами, (не считая отдельных моментов когда они стали в открытую воевать с христианами), были веротерпимы к армянам-христианам, особенно после халкидонского собора, который стал барьером между армянами и византийцами. Персы стали поддерживать несториан, разрешая им иметь на территории Ирана свои церковные центры.

Для халифата все армяне были "неверными", тяжесть его политического и экономического ига лежала на всех "неверных", религиозному преследованию подлежали все. Показательно, что за более чем двухсотлетнее владычество халифата в Армении не была сооружена ни одна церковь. Если в Византии все же можно было

отказавшись от монофиситства и приняв халкидонитское вероисповедание, оставаться в конце концов христианами, то в эпоху владычества халифата необходимо было отказаться от веры отцов, принять мусульманство, а на это армяне не шли. В этих условиях им оставался единственный путь миграции - в христианскую Византию.

Насильственное переселение армян в Византию не прекращалось и после Константина Копронима. Такое же массовое переселение армян было предпринято Иоанном Цимисхием (969-976 гг.), когда он множество еретиков из Понта и армянских территорий (ἐν Χαλδύβων καὶ Ἀρμενισμῶν τόπων) переселил туда же, в город Филиппополь во Фракии². В то же время и армянская знать не переставала переходить византийскую границу. Масса армян в составе господствующего класса Византии в VIII-XI вв. тому свидетельство.

Хотя миграция армян до XI века отрицательно сказывалась на судьбе их страны, ее нельзя считать катастрофической. Подавляющая масса народа осталась в стране, осталась и знать, вопреки стремлению халифата уничтожить ее физически. Восстановление армянской государственности в конце IX века говорит именно об этом.

Со второй половины X века Византия более активно приступила к осуществлению своей давней мечты - завоеванию Армении, ей удалось, воспользовавшись феодальной раздробленностью страны и участвовавшими нашествиями иноплеменных, в течении одного

столетия

² Anna Comnena, Alexias, lib. XIV, 8.

достичь этой цели.. В 966 г. она овладела ближайшей к себе областью - Тароном, затем в 1000 г. Тайком (Тао) и прилегающими к нему кантонами. Завоевание этих двух областей во второй половине X в. отразилось на армянах политически, возможно и экономически. Каких-нибудь демографических чувствительных изменений это завоевание не принесло. Армянское население этих провинций продолжало жить и трудиться в своей стране, правда под византийским владычеством. Несомненно, оно отрицательно сказалось на армянской знати, ибо Византия всякими мерами стремилась избавиться от нее и физически, и переселяя в западные провинции империи.

С начала XI века миграция армян на запад уже носит совершенно иной характер. Если до сих пор Византия стремилась избавиться лишь от политических, церковных и военных руководителей армян, то теперь мы видим, что империя была не против переселения в Византию армянского населения целых областей. Этим путем она рассчитывала легче освоить страну. Характерными являются события в Васпуракане в первые десятилетия XI века. Сенекерим, царь Васпуракана, не будучи в силах противостоять огузам, обращается за помощью к Василию II. В 1016 г. в Константинополь отправляется посольство васпураканского царя во главе с царевичем Давидом. Военная помощь была оказана в лице мюгленских болгар, взятых в плен в предыдущем году в Македонии. Сенекериму ничего не оставалось как согласиться на диктат Василия II, переселиться

в Себастию со всей семьей и знатью³. Но вместе с Сенекеримом переехала в Себастию значительная часть жителей Васпуракана. По данным Продолжателя Фомы Арцруни число мигрировавших в Себастию васпураканцев составляло 14.000 человек, "не считая женщин и детей"⁴. По данным Самуила Анийского Сенекерим отдал ромеям 72 крепости, восемь городов, 4000 селений⁵. Это было беспрецедентным в истории Армении.

Новая волна армянских переселенцев хлынула на запад после завоевания Византией Ширака (1045 г.) и Вананда (1065 г.), чему способствовала сама империя. После завоевания Ширака, пишет армянский историк XI века Аристакес Ластивертци, "князья покинули свои наследственные вотчины и отправились на чужбину ..., населенные места стали обиталищем скота, а поля превратились в пастбища. В прекрасных домах с высокими крышами поселились лешие... Великолепные монастыри обратились в пещеры для разбойников..."⁶.

То же самое произошло в 1065 г., когда ванандский царь Гагик сын Абаса отдал свое царство Византии и переселился в Цамндав. Армянский историк первой половины XII века Матфей Эдесский пишет: "Сюда прибыл Гагик со своими азатами, оставив

3. Р. М. Бартикян, О болгарском войске в Васпуракане и последних годах царства Арцрунидов, "Вестник общественных наук" АН Арм. ССР, № 10, 1973, стр. 88-96.

4. Фома Арцруни, История дома Арцруни, Тифлис, 1917, стр. 500 (на древнеармянском языке).

5. Самуил Анийский, Извлечения из книг историков, Валаршапат, 1893, стр. 104 (на древнеармянском языке).

6. Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци. Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна, Москва, 1968, стр. 79.

свой отчий дом. Таким образом была полонена страна армян, вся страна целиком была наполнена кровью и кольхалась она как море от края до края, был разрушен и осквернен отнятый от нас отчий дом, поколеблена основа обиталища нашего армянского народа, нам не осталось надежного места упования, и мы стали слушать безбожным народам и чужеземным зверям"⁷.

Миграция армян на запад приобрела большие масштабы особенно после завоевания Армении сельджуками. "В стране, — пишет Матфей Эдесский, — приостановились земледельческие работы, иссяк хлеб, пахари и труженики стали жертвами меча и пленения. И распространился голод во всей стране"⁸. Именно этот голод стал одной из причин миграции, которая шла и на запад, и на юг, и на юго-запад.

С продвижением сельджуков по Малоазийскому полуострову, армяне, даже одного и того же поколения, были вынуждены снова взяться за посох изгнанника. Часть обосновавшихся в Себастии армян уже двигается на юг, в Киликию, Месопотамию, Сирию⁹. "Утвердившись на чужбине, — пишет Аристакеc Ластивертци, — ушли во второе изгнание... они рассеялись как звезды планеты. С четырех сторон ныне войны проснулись: с востока — меч, с запада — гибель, с севера — пламя, с юга — смерть! Радостям пришел конец, умолкли звуки лиры, рокот кимвалов умолк, и вознеслись рыдания..."¹⁰.

7. Матфей Эдесский, Хронография, Валаршапат, 1898, стр. 151 (на древнеармянском языке).

8. Там же, стр. 217.

9. Michel le Syrien, Chronique, t. III, p. 133, 188.

10. Повествование вардапета Аристакеcа Ластивертци, стр. 55-56.

В Киликии, Месопотамии и Сирии и до XI века было армянское население. Лучшим тому свидетельством является то, что в этих местах в конце X века были образованы армянские епископии.

Каковы причины миграции армян в XI веке? Разумеется, небезопасность существования, непрекращающиеся нашествия, грабежи и убийства, угон в неволю со стороны иноплеменных. "Племена инородные, — пишет Аристакеc Ластивертци, — смогли изгнать нас из обиталища нашего"¹¹. Только один Матфей Эдесский упоминает более пятнадцати крупных экспедиций огузов в Армению за вторую половину XI века, во время которых были уничтожены, сравнены с землей, сожжены множество армянских областей — Васпуракан, Апахуник, Тарон, Балаховит, Высокая Армения, Малая Армения, Гугарк, Ширак, Тайк, Сасун, города Арци, Беркри, Арчеш, Маназкерт, Мелитена, Себастиа, Тлмух, Карин, Ани, Карс и многие, многие другие. Описывая нашествия сельджуков до 1064 г. Аристакеc Ластивертци кончает свой рассказ стереотипными словами о том, что сельджуки, ограбив и уничтожив тот или иной город, ту или иную область Армении, "удалились в свою страну", не забывая подчеркнуть, что в Армении "повсюду им была уготовлена богатая добыча, ибо страна оказалась для них плодообильным раем"¹². Но при описании взятия Ани, столицы Армении в 1064 г., у него появляются новые нотки, он пишет, что в войне в Армении сельджуки имели целью "расширить пределы своего местожительства, господствовать над территорией чужого царства"¹³.

11. Повествование вардапета Аристакеcа Ластивертци, стр. 55.

12. Там же, стр. 89.

13. Перевод наш.

Чем объясняются легкие успехи сельджуков в Армении?

В первую очередь уничтожением Византией силы, могущей противостоять иноземному вторжению. Византийские гарнизоны в Армении, состоящие, главным образом, из иноземных наемников, защита чужой страны и чужого народа не очень интересовала. Во имя чего, например, моголенские болгары стали бы отдавать свои жизни в Васпуракане, русские в Тайке, варяги в Баберте, или узы и печенеги в Маназкерте?

На вопросе об армянских вооруженных силах я считаю необходимым остановиться особо, ибо он является ключевым для понимания всего комплекса вопросов данной темы.

Хотя Византию не устраивало существование армянское военной знати, она не была против существования самих армянских войск, ибо они были ей нужны. Армянский историк начала XI в. Степанос Таронский упоминает армянскую пехоту на византийской службе во времена Иоанна Цимисхия¹⁴, под 425 г. армянской эры (976г.) он упоминает "армянскую конницу" в греческом царстве, т.е. в византийской части Армении¹⁵, армянское войско Четвертой Армении и Тарона, подчиненное императору Василию II¹⁶. Армянская рать имелась в Сасуне во времена Цимисхия¹⁷. О пехоте сасунцев упоминает Матфей Эдесский, он же говорит и об армянских

14. Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозванию, писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н.Эминым, Москва, 1864, стр. 128.

15. Там же, стр. 133.

16. Там же, стр. 200.

17. Матфей Эдесский, Хронография, стр. 18.

войнах императора Михаила IV Пафлагонянина (1034-1041 гг.), и конкретизирует: "которые находились под ромейским владычеством в Себастии, Тароне и всем Васпуракане"¹⁸. Упоминается армянская рать князя Гандзи во времена войны за Беркри¹⁹. Имеются сведения о воинстве "армянской страны", Великой Армении во времена Мономаха²⁰. Последнее представляло собой воинство упраздненного царства ширакских Багратидов.

Мы кое что знаем и о численности армянских войск. Императору Иоанну Цимисхию армянский царь Ашот III противопоставил восемьдесят тысяч воинов из всей Армении²¹. В 989 г. главнокомандующий армянскими вооруженными силами собрал состоящую из сорока тысяч регулярную армию, не считая дворцовой гвардии²². В торжествах по случаю коронации Гагика I приняли участие сто тысяч воинов²³. В 1020 г., во времена междоусобной борьбы царя Армении Иоанна-Смбата со своим братом Ашотом, первый выставил сорок тысяч пехоты и двадцать тысяч конницы²⁴. У Ашота тоже было воинство, численность которого нам неизвестна, как и численность рати карсского царя Абаса и Арцрунидов Васпуракана. Во времена второго нападения византийцев на Ани,

18. Матфей Эдесский, Хронография, стр. 88,90.

19. Там же, стр. 74.

20. Там же, стр. 93; Cedr., II, p.559.

21. Матфей Эдесский, Хронография, стр. 17.

22. Там же, стр. 3.

23. Там же, стр. 4.

24. Там же, стр. 8.

в начале 40-х годов XI века, главнокомандующий Вахрам Пахлавунни выставил "оставшееся" войско армян, состоящее из тридцати тысяч пехоты и конницы²⁵.

Как мы видим, армянские войска имелись во всех завоеванных Византией армянских провинциях, не считаться с чем империя не могла. Она старалась их расплыть, не оставить в Армении, все время отправляла их на разные фронта против врагов. Мы встречаем армянские войска в Болгарии во времена Цимисхия²⁶ и Василия II²⁷, в 994 г. в войне против египтян в районе Антиохии²⁸. Но всех армянских воинов удалить из страны, разумеется, было невозможно. И вдруг свершилось как будто непонятное: военная реформа Константина Мономаха, суть которой в роспуске местных и фемных, подчиненных империи войск.

Упомянув о легких успехах сельджуков в Армении, Михаил Атталиал виновным в этом считает Константина Мономаха, который располагал боеспособным "ивирийским войском" (под ним подразумевается армия объединенной фемы Армении и Ивирии), получающим свой опсоний из близлежащих селений, но лишил армию этого опсония, из-за чего не только потерял своих союзников (συνμάχους), но и сделал их своими врагами²⁹. Более ясен Скилица. Константин Мономах, пишет он, "с помощью Льва Сервлия распустил пятидесяти-тысячное ивирийское

25. Матфей Эдесский; Хронография, стр. 85.

26. Всеобщая история Степаноса Таронского, стр. 128.

27. Там же, стр. 177.

28. Там же, стр. 189.

29. Attal., p. 44-45.

войско, и вместо воинов стал взимать из этих мест большие налоги"³⁰.

Реформа Мономаха охватывала не только Армению и Ивирию, но и Месопотамию, возможно и Васпуракан. Говоря о том же Сервлии, Кекавмен пишет, что тот по приказу Мономаха отправился в Ивирию и Месопотамию, чтобы произвести опись имущества и наложить подати, которых никогда не ведали тамошние жители в своей стране³¹. Под Месопотамией подразумевается византийская тема Месопотамия, в составе которой входили также Четвертая Армения и Высокая Армения.

Итак, суть реформы - роспуск местных и фемных, состоящих главным образом из грузин, армян и подчиненных империи войск. Каковы ее причины?

Если верить византийским источникам причина тому жадность императора. Атталиал пишет διὰ τὴν τοῦ βασιλέως πλεονεξίαν, Скилица - в нужде императора в деньгах, ибо тратил он ἀφειδῶς (ἀφειδῶς τὰ δημόσια καταναλώσιων... χρήματα). Приблизительно так рассуждает и Аристакес Ластиверти. "Богатства, пишет он, собранные в качестве налога со всех стран, которые он (т.е. Мономах - Р.Б.) должен был раздавать всадникам, дабы увеличить конное войско, призванное отражать врагов и победой над неприятелем обеспечить стране мир (как то делал Василий на

30. Cedr., II. p. 608.

31. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введение, перевод и комментарии Г.Г.Литаврина, Москва, 1972, стр.152.

протяжение 50 лет своего царствования, когда никакой враг не решался вступить в его страну), — эти богатства Мономах тратил на блудниц и ничуть не тревожился о разорении страны... Поэтому враги осмелели как голодные волки, которые безжалостно пожирают стадо, оставленное без присмотра, и при нем произошло всеобщее побоище христиан³².

Итак, согласно источникам, единственная причина реформы Мономаха — личные интересы императора. Но так ли это? Нелишне отметить, что в современных исследованиях подобный шаг Византии считается близорукостью и причиной успехов сельджуков на востоке. Что это было причиной успехов иноплеменных знал еще Матфей Эдесский, о чем он пишет очень ярко и красноречиво³³.

Роспуск армяно-грузинских войск вряд ли можно считать близорукостью. Константин Мономах имел за плечами более чем семисотлетнюю традицию византийской политической мудрости, и если он все же пошел на роспуск вооруженных сил, то он наверняка имел серьезные на это основания. Ответ на этот вопрос мы вряд ли найдем у византийских авторов. Но если внимательно изучить армянские источники, то мы увидим, что у византийского правительства в середине XI века были основания пойти на это.

Кекавмен с огорчением пишет о неблагоприятной роли, которую играла византийская администрация в стране, особенно в пограничных областях³⁴, под которыми, несомненно, подразумевает и Армению

32. Повествование варталеда Аристакеса Ластивертци, стр. 104–105.

33. Матфей Эдесский, Хронография, стр. 135.

34. Советы и рассказы Кекамена, стр. 152.

Как ясно видно из армянских источников, против ее незаконный выступало местное население, его выступления нередко переходили в восстания, в которых принимали участие и местные войска. Если для подавления готовившегося в 1040 г. в Себастии сынами Сенекерима Арцруни Атомом и Абусахлом восстания империя отправила, по словам Матфея Эдесского, пятнадцатитысячную армию во главе с аколупом³⁵, то это свидетельствует о том, что в восстании намерены были принять участие и армянские воины. И этот случай был не единичным.

Византийское правительство решило найти выход из создавшегося положения не наилучшим образом — роспуском местных войск. Оно полтысячелетия спустя повторило реформу императора Юстиниана I. По данным Прокопия Кесарийского армянские правители нахарары-сатрапы византийской Четвертой Армении имели свои собственные вооруженные силы, которыми распоряжались по своему усмотрению (τὰ πολέμια κατὰ μὲν αὐτοῖς διέποιοντο)³⁶. Но ввиду того, что нахарары присоединились к повстанцам Иллу и Леонтию, после подавления восстания сперва по приказу императора Зенона лишились права наследственной власти. Окончательный удар им нанес Юстиниан I. Он упразднил армянские вооруженные силы сатрапов. В Четвертой Армении были размещены чисто византийские гарнизоны.

Прокопий Кесарийский несравненно более серьезный и глубоко вникающий в события историк. Ему видны действительные мотивы реформ Зенона и Юстиниана I.

35. Матфей Эдесский, Хронография, стр. 83.

36. Прокопий Кесарийский, О постройках, гл. III, I.

Итак, военную реформу Мономаха нельзя считать близорукостью. Все дело в том, что своей внешней политике в Армении, и не только в Армении, империя исходила из интересов сегодняшнего, в крайнем случае — завтрашнего дня, а не очень отдаленного будущего.

Распустив армянские регулярные войска, империя все же, когда это было необходимым, производила мобилизацию боеспособного населения Армении. Известно, что Исаак Комнин составил военные отряды из армян Себастии, Мелитены и Теффрики³⁷, а среди войск Романа IV была армянская пехота³⁸.

Я довольно подробно остановился на вопросах о вооруженных силах армян и военной реформе Константина Мономаха, ибо они имеют прямое отношение к миграции армян. На Армению нападали враги не впервые, но предыдущие нашествия никогда не становились причиной массового ухода армян из своей страны. Дело в том, что нашествия иноплеменных прежде носили временный характер и заканчивались разорением той или иной области, того или иного города Армении. И только в Армении бывали силы, могущие воспрепятствовать их постоянному обоснованию. В эпоху византийского владычества в X-XI вв. картина резко изменилась. В Армении не осталось сил, могущей защитить страну и народ от иноплеменных, выгнать их из страны, не дать им обосноваться навсегда, заодно и оградить империю надежной стеной. Если для обороны столицы византийской фемы Армении и Ивирии города Ани от полчищ Алп-Арслана вообще не было войск и все заботы о защите города лежали на ничего

37. Седр., II, р. 626

38. Там же, стр. 674.

не ведавших в военных делах местных торговцев (ἔμποροι καὶ πολεμικοὶ μηχανημάτων καὶ προβλημάτων ἀπελοτοί), то ясна картина состояния оборонноспособности других областей и городов страны.

Для судеб Армении и ее народа миграция армян в XI в. имела тяжелые последствия. В 1021 г. начался процесс, приведший к образованию армянской диаспоры. Этому процессу суждено было продолжаться ровно 900 лет. Миграция трудового народа дала возможность сельджукам без особого труда обосноваться в завоеванной ими стране, что в свою очередь привело к новым миграциям.

Миграция армян на запад, юг и юго-запад имела и другие последствия. Западная Армения в эпоху римского, а затем и византийского многовекового владычества стала терять свой национальный облик. Все четыре Армении Юстиниана I — I, II, III и IV — шли по пути денационализации. Этому способствовало и арабское завоевание и политика халифата в захваченных им областях Армении, заключавшаяся в систематическом переселении арабского населения. Первым кантоном, где обосновались арабы, был Алдзник на юге Армении. В дальнейшем они дошли до Карина-Феодосополя³⁹. Мотивы этого заселения, преимущественно вблизи арабско-византийской границы, были политическими и стратегическими. После завоевания этих территорий Византией, империя всячески старалась обосновать в этих же местах армян, исходя из интересов безопасности

39. А. Тер-Гевондян, Арабские эмираты в Багратидской Армении, Ереван, 1965, стр. 58-59 (на армянском языке).

границ. Были образованы "армянские" пограничные фемы (ἀρμενική ἐφέστα) ⁴⁰. Миграция армян на запад в XI в. способствовала арменизации шедших по пути денационализации армянских земель. Насколько эти территории были арменизированными и как много армян стало проживать в этих местах свидетельствует то, что Сенекерим в Себастии, Гагик II в Пизу и Калон Пегад в Каппадокии в среде армян продолжали именоваться царями армян, а их владения — армянскими царствами, хотя царства Арцрунидов и Багратидов были упразднены давно. Царство Багратидов перестало существовать в 1045 г., но Матфей Эдесский концом этого царства считает 528 г. армянской эры, т.е. 1079 г., год убийства Гагика II: "Здесь прекратило свое существование, — пишет он, — царство из дома армян и рода Багратуни. Здесь свершилось предсказание святого Нерсеса, католикоса армян, который сказал: "И будет уничтожено царство из дома армян" ⁴¹.

Царство Арцрунидов в Васпуракане было упразднено в 1021 г. Последний царь Сенекерим удалился в Себастию, где и умер в 1025 г. Византийские авторы его называют просто патриkiem или магистром и стратигом. А для армян он продолжал быть царем. После смерти Сенекерима, пишет Матфей Эдесский, "царская власть дома армян перешла к его (Сенекерима) старшему сыну Давиду" ⁴². И далее: "В это время (т.е. в 1036 г.) умер царь Давид, сын армянского царя Сенекерима. Он передал власть своей родины своему брату Атому" ⁴³.

40. H. Glykatzl-Ahrweiler, *Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX-XI siècles*, Paris, 1960, p. 80.

41. Матфей Эдесский, *Хронография*, стр. 220.

42. Там же, стр. 55.

43. Там же, стр. 65.

И все это в Каппадокии и Себастии, в центре малоазийской территории Византийской империи...

Компактное армянское население на юге Армении и Византии дало возможность армянам образовывать маленькие армянские княжества, которые на данном этапе сыграли положительную роль в деле защиты армянского населения от иноплеменных. Одним из важнейших было княжество Филарета Варажнуни с центром в городе Мараше (Германикия), созданное сразу же после поражения Романа IV при Маназкерте (1071 г.). Михаил Атталиат очень обстоятельно показывает районы и цели образования этого княжества. Филарет, пишет он, "обосновался в непроходимых и горных, находящихся далеко от турецких проходов местах, он обнес стенами большинство теснин, укрепил переходы и таким образом он сделал неприступными эти места для неприятеля; затем он собрал множество армян и беженцев мужчин и организовал из них боеспособную военную силу. Он не выразил покорности предыдущему императору (Михаилу), стал действовать по собственному желанию, присваивать принадлежащие императору города, расширять свои владения" ⁴⁴.

Планы Филарета были далеко идущими. Он стремился подчинить себе соседние армянские княжества, в том числе довольно сильное княжество Торникянов Сасуна ⁴⁵. В 1083 г. он распространил свою власть на Эдессу ⁴⁶. Более того, он счел свое княжество настолько сильным, что решил обосновать армянский католикосат именно у себя. И если на это дал свое согласие католикос Григорис, это

44. Attal., p. 301; *Cedr.*, II, p. 741.

45. Матфей Эдесский, *Хронография*, стр. 206.

46. Там же, стр. 223-224.

значит, что и он считал княжество Филарета достаточно сильным⁴⁷. Филарет добился своего. В местечке *h*они и в Мараше имели пребывание армянские католикосы Саргис, Теодорос и Погос,

Армянское княжество было образовано и в районе Мелитены. Его князем был Гавриил, тесть эдесского правителя куропалата Тороса. Гавриил в 1096 г. с успехом противостоял Клыч-Арслану⁴⁸, а также Данишмандидам Себастии в 1100г.⁴⁹.

На юге Византии, в Кесуне было образовано армянское княжество "великого князя" Гоха Василия. Его прозвище, означающее "вор", по-гречески *κλέφτης*, повидимому, нужно считать самым ранним упоминанием о знаменитых клефтах — героях греческого освободительного движения в эпоху 400-летнего владычества турок. Матфей Эдесский называет его сильным и храбрым мужем, вокруг которого собрались все остатки армянского войска⁵⁰, весь род Багратидов и Пахлавидов, сыны армянских царей⁵¹. Под его предводительством армянские войска в 1107 г. в Бердусе, а в 1108 г. в Хисн Мансуре разбили войска иноплеменных⁵². Гох Василий распространил свою власть на многие области, успешно боролся с крестоносцами⁵³. Он в Кесуне учредил армянский католикосат⁵⁴, что тоже свидетельствует о силе его княжества.

47. Матфей Эдесский, Хронография, стр. 210.

48. Там же, стр. 252.

49. Там же, стр. 272.

50. Там же, стр. 299, 323.

51. Там же, стр. 323.

52. Там же, стр. 305-306.

53. Там же, стр. 323-324.

54. Там же, стр. 324.

Во времена Василия расцветало и княжество Аблгароба и Ликоса, сынов Васака, в Бире и Нисибине⁵⁵.

Но все эти княжества были эфемерными. Просуществовав несколько десятилетий, они под ударами множества могучих врагов ушли со сцены истории. Единственным княжеством, сумевшим противостоят натискам неприятелей, оказалось княжество Рубенидов в Киликии, которое став в 1198 г. царством, просуществовало целых три столетия. Оно стало тем убежищем, в котором искали спасение армяне коренной Армении. В Киликии собралось так много армян, что в Византии понятия Армения и Киликия стали синонимами, в византийских географических справочниках стало необходимо⁵⁶ дать объяснение, что Киликия, это Армения, а киликиец — армянин (*Κιλικία ἢ Ἀρμενία, Κίλικξ ὁ Ἀρμένιος*)⁵⁶.

Каппадокия, Сирия, Месопотамия, Киликия были районами, которые более или менее находились по соседству с Арменией, или же были очень к ней близки территориально. В XI веке армяне стали образовывать и колонии уже в далеких от родины странах. Матфей Эдесский упоминает о существовании в конце XI века армянской колонии в Египте, где проживало до тридцати тысяч армян⁵⁷. В это же время в Египте была учреждена и армянская патриархия⁵⁸.

55. Матфей Эдесский, Хронография, стр. 337-338.

56. Hieroclis Synecdemus, recensuit Augustus Burckhardt, Lipsiae, 1893, p. 68.

57. Матфей Эдесский, Хронография, стр. 211.

58. Там же, стр. 229, 231.

Потеря государственности и родины, начало диаспоры в XI веке настолько потрясли армян, оставили столь глубокий след в их сознании, что позднее временем образования большинства своих колоний на чужбине, даже если они, эти колонии, возникли много спустя после завоевания Армении сельджуками, армяне считали именно XI век, конкретнее — время после падения Ани, а себя — выходцами именно из Ани.

ОБ АРМЯНСКОЙ ПАМЯТНОЙ ЗАПИСИ В ГРУЗИНСКОЙ РУКОПИСИ, СОДЕРЖАЩЕЙ ТИПИК ГРИГОРИЯ ПАКУРИАНА

РАЧ БАРТИКЯН

Широко известно исследование Н. Я. Марра, посвященное армянам-халкедонитам¹, в котором автор доказывал, что в средневековье этноним того или иного лица не всегда совпадал с его этнической принадлежностью, а мог иметь конфессиональное значение — в данном случае называемые в источниках «иверы» могли быть и армянами-халкедонитами. Свои выводы Н. Я. Марр обосновывал, главным образом, данными греческого текста устава монастыря св. Богородицы Петрицонской, основанного Григорием Пакурианом в Филиппополе в 1083 г. Касаясь вопроса об этническом составе братии монастыря, Н. Я. Марр находит, что там действительно были и монахи-армяне², вернее — армяне-халкедониты, по вероисповеданию называемые грузинами³.

Выводы Н. Я. Марра нашли сторонников, а также противников, главным образом среди грузиноведов. Недавно вышли в свет брошюра⁴ и книга⁵ акад. А. Шанидзе, посвященные этой проблеме. Его выводы сводятся к следующему:

1) Вслед за проф. Г. Гозалишвили акад. А. Шанидзе утверждает, что «во всех случаях, где в уставе говорится о грузинах, имеется в виду национальный признак, а не конфессиональный, а когда говорится о грузинском монастыре, или, точнее, о монастыре грузин, всегда подразумевается этнический состав монахов, а не собрание разноязычных соседей грузин и армян, будто объединенных в вероисповедном отношении на почве одинакового признания ими постановлений халкедонского собора»⁶.

2) «Монастырь в честь Богородицы Петрицонской основали исключительно для грузинских монахов»⁷.

¹ Н. Я. Марр, Аркаун, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонитах («Византийский временник», т. XII, 1905. Отдельный оттиск).

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 20.

⁴ А. Шанидзе, Великий доместик Запада Григорий Бакурианис-дзе и грузинский монастырь, основанный им в Болгарии, Тбилиси, 1970.

⁵ А. Шанидзе, Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Грузинская редакция типика, Тбилиси, 1971. (Книга состоит из двух частей. В первой части дается исследование о типике на грузинском языке и текст грузинской редакции типика. Во второй — исследование на русском языке и русский перевод грузинской редакции типика).

⁶ А. Шанидзе, Великий доместик, стр. 8; его же, Грузинский монастырь, стр. 250.

⁷ А. Шанидзе, Великий доместик, стр. 9; его же, Грузинский монастырь, стр. 250.

3) Отрицая существование армян-монахов в Петрицонском монастыре со дня его основания, А. Шанидзе считает, что их не было и в последующие времена, поэтому он находит «странным» вывод акад. С. Г. Каухчишвили о том, что «хотя армян и не было в Петрицонском монастыре с самого начала, через 20—30 лет после его основания туда были допущены православные армяне, что повлекло за собой необходимость написания устава и по-армянски»⁸. А. Шанидзе находит, что «такое предположение лишено всякого основания... и вставка (!) в заключительной главе слов, упоминающих армянский список устава и армянскую подпись основателя монастыря, выглядит настоящей фальсификацией»⁹.

Таким образом, акад. А. Шанидзе полностью отрицает существование армян-монахов в Петрицонском монастыре. Мы считаем излишним вновь приводить серьезные аргументы Н. Я. Марра и его последователей, опровергающие точку зрения А. Шанидзе. Наша задача — ввести в научный оборот армянскую памятную запись, встречающуюся на первой же странице грузинской рукописи, содержащей устав Петрицонского монастыря. Это рукопись № 1598 библиотеки им. Адамантиоса Кораиса на острове Хиос¹⁰, датированная акад. А. Шанидзе XIII в. Насколько нам известно, фото первой страницы данной рукописи издано в виде вкладки четырежды: болгарским ученым Вс. Николаевым в 1951 г. в его статье, посвященной судьбе типика Григория Пакуриана¹¹, акад. С. Г. Каухчишвили в пятом томе «Георгика» и акад. А. Шанидзе дважды: в брошюре «Великий доместик» и в книге «Грузинский монастырь».

Запись читается так:

Եւ Բրտիկարտյոն. Եսմ
սոսն Խաչում [ի]:

(«Я, Кыртикиартюн. Я есм
сын Хачума»).

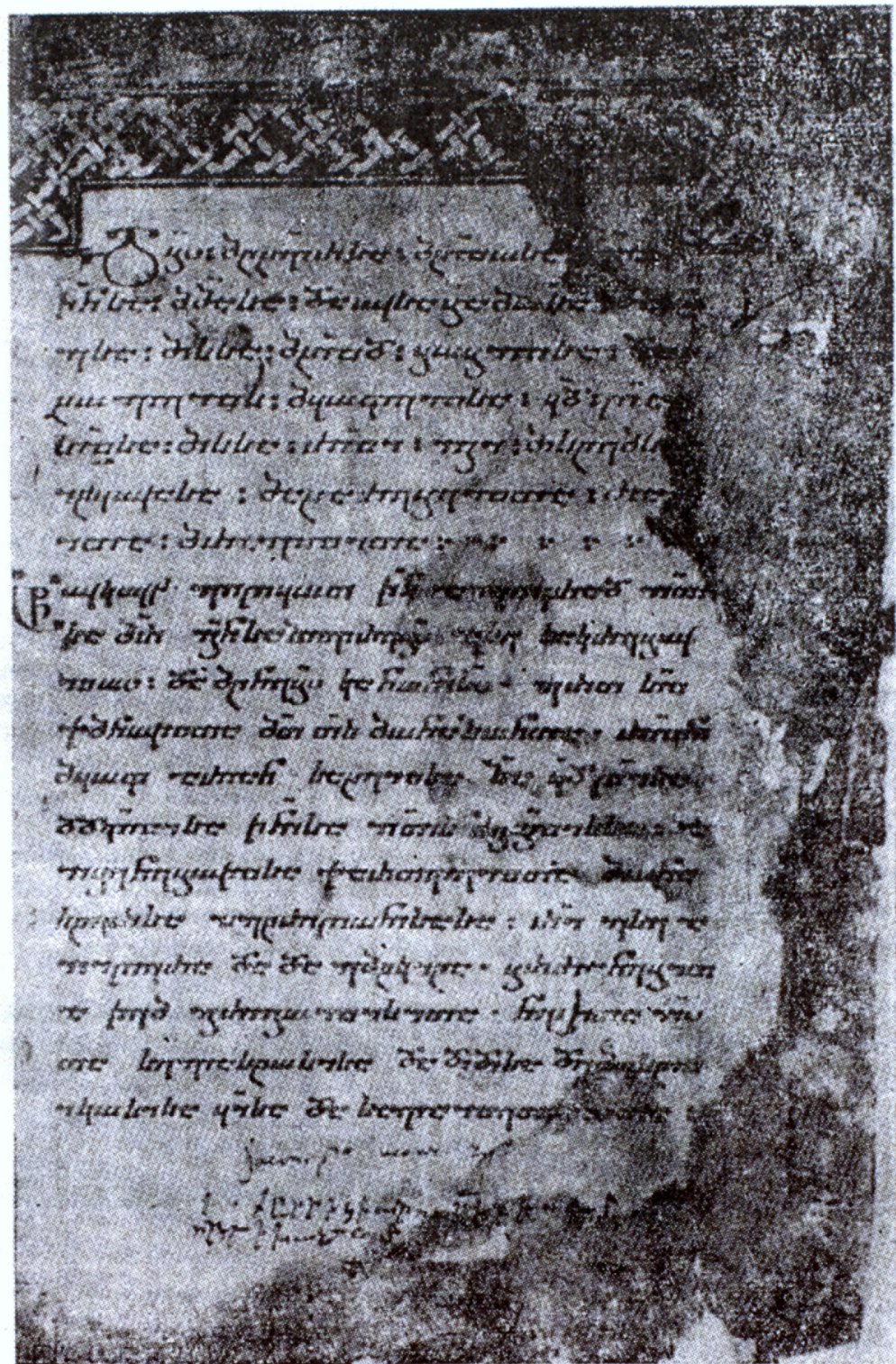
А. Шанидзе в грузинской части своей книги коротко остановился на этой записи. (не отметив на каком языке она сделана), которую прочитал так:

⁸ С. Г. Каухчишвили, Сведения византийских писателей о Грузии, т. V, Тбилиси, 1963, стр. 275 (цит. по А. Шанидзе, Великий доместик, стр. 44—45; его же, Грузинский монастырь, стр. 276).

⁹ А. Шанидзе, Великий доместик, стр. 45; его же, Грузинский монастырь, стр. 276.

¹⁰ Σ. Δ. Καββαδά, 'Η ἐν Χίῳ Βιβλιοθήκη Κοραΐ (Ἱστορία, Κατάλογος χειρογράφων) ἐν Ἀθήναις, 1933, σελ. 284. Как видим, в 1933 г. уже было известно о существовании древнего списка обоих текстов, грузинского (Каввадас ошибочно считал его армянским!) и греческого в библиотеке им. Кораиса на о. Хиос. Поэтому неправ А. Шанидзе, утверждающий, что о них стало известно только после опубликования в 1951 г. статьи В. Николаева.

¹¹ В. Николаев, Съдбата на типик-устав на Григория Бакуриани (Пакуриан) и на неговото грузинско копие от Софийската народна библиотека («Известия на Института за Българска история», № 1—2, София, 1951).

Первая страница грузинской редакции типика
Григория Пакуриана.

О ВАРДАЕ О ВРАТЗНЕ ЖИТИЯ СВ. МАРИИ НОВОЙ
И ВИЗАНТИЙСКИХ ПАТРОНИМАХ ИВЕРИЦИ И ВАТАЦИ

Доктор историч. наук Р. М. БАРТИКЯН

Свыше полувека тому назад болландисты Ипполит Delehaye и Поль Peeters опубликовали Житие св. Марии Новой, снабдив его кратким предисловием — о времени памятника, его рукописной традиции, упомянутых в нем исторических событиях и персонажах и т. п.¹ Автор Жития неизвестен. Возможно, он был знаком с «Историей Армении» Агафангела (скорее всего — с ее греческим переводом)².

Хронологически Житие охватывает период со времени царствования Василия I Македонянина (867—886 гг.), когда родители св. Марии мигрировали из Армении в Византию. В Житии упомянуты Роман I Лакапин (920—944 гг.) и византино-болгарский мирный договор 927 г. Если упоминание в Житии императора Василия II не поздняя интерполяция, то время его царствования (976—1025 гг.) может считаться *terminus ante quem* этого памятника.

Житие св. Марии Новой сохранилось в двух рукописях, Codex Vaticanus graecus 800 (XIV—XV вв.)³ и Codex Laurae Sancti Athanasii Athonensis, K. 81 (XIV в.)⁴, и впервые стало известно науке по опубликованным М. И. Гедеоном извлечениям⁵.

Славяноведы сразу же обратили внимание на этот замечательный памятник, содержащий много ценных сведений о византино-болгарских войнах в конце IX и в первой четверти X вв. Г. Баласчев опубликовал касающиеся упомянутых войн отрывки с русским переводом⁶. Памят-

¹ Vita S. Mariae Iunioris.—Acta Sanctorum Novembris, collecta, digesta, illustrata ab H. Delehaye et P. Peeters, t. IV, Bruxellis, 1925, стр. 688—705.

² Рассказ Жития о перенесении Никифором, мужем св. Марии, больших глыб для постройки усыпальницы своей покойной жены (§ 17) перекликается с историей о перенесении армянским царем Тиридатом III таких же глыб с горы Масис для постройки усыпальницы свв. Рипсимийских дев. По данным Агафангела, тяжело больной царь Тиридат после этого выздоровел (см. Agathangelus und die Akten Gregors von Armenien, neu herausgegeben von P. de Lagarde, Göttingen, 1887, стр. 111, 51—54); так же выздоровел после постройки усыпальницы Никифор, муж св. Марии.

³ Ср. Catalogus codicum hagiographicorum graecorum bibliothecae Vaticanae, ediderunt Socii Bollandiani et Pius Franchi de Cavallieri, Bruxelles, 1899, стр. 39—40.

⁴ Теперь № 1368. Ср. Sp. et Sophr. Eustratia des, Catalogue of the Greek manuscripts in the Library of the Laura on Mount Athos, „Harvard Theological Studies“, XII, Cambridge (Mass.), 1925, стр. 230—231.

⁵ М. И. Г е д е о в, Византинов ертоложіон, Константиноуполис, 1899, стр. 294—301.

⁶ Г. Баласчев, Новые данные для истории греко-болгарских войн при Симеоне, на основании жития Марии Новой.—«Известия Русского Археологического Института в Константинополе», т. IV, 2, София, 1899, стр. 189—220.

ником серьезно заинтересовались известный знаток византийских житий Хр. Лопарев⁷, болгарский историк В. Златарский⁸, чешский славист и византист Ф. Дворник⁹ и многие другие. Интерес к нему не ослабевает. Болгарская Академия наук в своем многотомном издании «Источники по истории Болгарии» опубликовала касающиеся Болгарии отрывки с переводом на болгарский язык, приложив краткое предисловие, в котором Житие характеризуется как «чрезвычайно ценный источник», данные которого «подробны и достоверны»¹⁰.

Один из издателей греческого текста памятника П. Пеетерс, имея в виду важное значение Жития для арменоведения, опубликовал в 1927 г. в научном органе Венских Мхитаристов статью «Одна забытая армянская святая: св. Мария Новая (ум. 902—903)»¹¹. Несмотря на это, в арменоведении эта святая оставалась забытой и после опубликования статьи Пеетерса¹².

В Житии св. Марии Новой говорится о том, что в годы царствования Василия I «некоторые вельможи Великой Армении» (*κατὰ τῆν Μεγαλήν Ἀρμενίαν μετὰ δυνάμεων*), в том числе «благородные и прославленные» (*εὐγενῶν καὶ ἐνδοξῶν*) родители святой мигрируют из Армении в Константинополь. Их с радушием принимает византийский император, который преподносит им ценные дары, жалует высокие титулы и должности.

Переход родителей Марии и других армянских вельмож в Византию в то время не был явлением необычным. Миграция армян в Византию, которая началась еще в эпоху византино-персидских войн за Армению, приняла большие масштабы во времена владычества халифата. Массы армян, в том числе ряд известных представителей армянской знати, из-за жестоких тонений халифата и угрозы физического истребления были вынуждены все чаще искать убежища в Византии¹³.

⁷ Хр. Лопарев, Византийские жития святых VIII—IX вв.—«Византийский временник», т. XIX, 1912, стр. 120—122.

⁸ В. Златарски, История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 2, София, 1971, стр. 419—420, 489—490, 499.

⁹ F. Dvornik, Quelques données sur les Slaves exaltés du tome IV Novembre des „Acta Sanctorum“.—„Byzantinoslavica“, I, 1929.

¹⁰ Извори за българската история, т. IX. Гръцки извори, т. V. Съставили М. Войнов, Ив. Дуйчев, П. Тивчев, В. Тълкова-Займова, Г. Цанкова-Петкова, София, 1964, стр. 75—81.

¹¹ P. Peeters, Une sainte arménienne oubliée. Sainte Marie la Jeune (†902—903).—*Հիշողիկ ամսագրամ*, 1927, համ. 41, стр. 723—730. Переиздано в сборнике статей того же автора: Recherches d'Histoire et de Philologie Orientales, t. I, Bruxelles, 1951, стр. 129—135.

¹² О ней кратко упомянула С. Тер-Нерсисян: S. Der Nersessian, Byzance et l'Arménie.—„Etudes Byzantines et Arméniennes“, t. I, Louvain, 1973, стр. 321. Осуществленный нами полный перевод памятника на армянский язык был опубликован в журнале «Эчмиадзин» (1975, № 12, 1976, № 1, 2).

¹³ См. об этом Р. М. Бартиян, Миграция армян в XI веке: причины и последствия.—XVe Congrès International d'Études byzantines. Rapports et co-rapports, I.

По данным современника и очевидца армянского историка католикоса Иоанна Драсханакертци, для подавления восстания армян против ига халифата в 851 г. в Армению была отправлена карательная экспедиция во главе с Бугой, получившим приказ «привести к нему, халифу, в окопах всех архонтов и вельмож» Армении¹⁴. Буга развернул в Тароне, Васпуракане, Сюнике, Шираке и многих других областях Армении страшную деятельность. Было истреблено большое число представителей армянских нахарарских родов, другие были угнаны в Багдад и казнены. Террор не ослабевал и в последующие годы. Часть армянской аристократии была вынуждена мигрировать в Византию и обратиться к императору-армянину Василию I, который, объявив себя Аршакидом¹⁵, внушал армянам определенные надежды. Напомним, что среди армянского народа еще с начала VIII в. бытовала вошедшая в так наз. «Видение» св. Саака Партева легенда о восстановлении династии Аршакидов.

По всей вероятности, в числе мигрировавших в это время из Армении в Византию армянских вельмож был и отец св. Марии Новой. Он, кроме Марии, имел еще двоих сыновей и двух дочерей. Последние еще при жизни отца вышли замуж. Младшая, Мария, оставалась в столице империи; при посредничестве своего свояка, владельца небольшого имения в местности Месина во Фракии Варда Враци (*Βάρδας ὁ Βρατζίς—Վարդ Վրացի*), она вышла замуж за друнгария Никифора из селения Камара в той же Фракии и из Константинополя переехала на постоянное жительство в Месину. Некоторое время спустя супружеская чета обосновалась в многолюдном городе Визия во Фракии.

Мария имела несколько сыновей от Никифора. Старший, Орест скончался в возрасте пяти лет, второй, Вардан (*Βαρδάνης—Վարդան*) скончался тоже малолетним. После них Мария родила близнецов Ваана (*Βαάνης—Վահան*) и Стефана. Первый, поступив на военную службу, достиг чина друнгария и был назначен начальником гарнизона города Силиврии во Фракии. Впоследствии Ваан ушел в монастырь, а Стефан с самого начала был монахом.

Итак, об армянском происхождении св. Марии Новой свидетельствует Житие: ее отец принадлежал к вельможам Великой Армении. Характерно армянские имена сыновей Марии Вардан и Ваан, подтверждающая это обстоятельство, позволяют прийти и к другим выводам. «Благородный и прославленный» вельможа Великой Армении это, несомненно, лицо, принадлежащее к одному из нахарарских родов Армении. Указанные имена сыновей Марии дают основание считать ее отца

Histoire, 2. Composition et mouvement de la population dans le monde byzantin, Athènes, 1976. См. также «Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, 10. Բյուզանդական աղբյուրներ, գիրք 3, Հովհաննես Սկիլիցես», Թարգմանություն բնագրից, արաշարան և ծանոթագրություններ 2. Մ. Բարթիկյանի, Երևան, 1979, стр. LXXVI—LXXIX.

¹⁴ «Յովհաննես կաթողիկոսի Դրասխանակերտեցու Պատմութիւն Հայոց», Թիֆլիս, 1912, стр. 118.

¹⁵ Theophanes Continuatus, ex rec. I. Bekkeri, Bonnae, 1838, стр. 212.

представителем видного армянского нахарарского рода Мамиконянов¹⁶, поскольку имена Вардан и Ваан бытовали преимущественно среди них, а также подчеркнуть, что память об армянских освободительных войнах V в. против Сасанидов, которые возглавил именно род Мамиконянов, была жива не только в Армении, но и среди живущих на чужбине армян. Вардан Мамиконян возглавил восстание армян 451 г., Ваан Мамиконян — восстание 484 г.

Как было отмечено выше, одна из сестер Марии вышла замуж за Варда Враци. Армяне *враци* называют грузин, это армянская форма этнонима народа, самоназвание которого *картвели*. *Врац* не что иное, как греческое *Ἰβηρία* (Иверия) с армянским суффиксом *-аци (-ացի)*, образующим этниконны от топонимов. *Врац* (т. е. *Իվերիացի* — Ивериаци) означает «из Иверии (из Грузии)», т. е. «ивер, грузин».

Н. Я. Марр давно доказал, что в средневековье называли грузинами и армян-халкедонитов грузинского толка¹⁷, как и армян-халкедонитов греческого толка именовали ромеями (*Ῥωμαῖοι*)¹⁸, а позднее армян-католиков — франками. Подчеркнуто армянское имя этого «грузина» — *Βάρδας* — Вард—*Վարդ*, не оставляет сомнения в том, что он армянин-халкедонит грузинского толка¹⁹.

В Житии говорится, что Варда называли *ἰβηρ* местные жители. Так как *Врац* является армянской передачей этнонима *Ἰβηρ*, то именующие его так — армяне, и несомненно, армяне-монофизиты (иначе бы они не подчеркивали, что Вард является *Врац*, т. е. халкедонитом). Это в то же время свидетельствует о том, что пределы армянской колонии во Фракии, созданной еще в годы правления императора Маврикия и расширенной за счет переселенных в середине VIII в. Константином Копронимом армян Кариана и Мелитены, не ограничивались регионом Филиппополя. В конце IX и в X вв. армянские поселения имелись и в Месине, а также, возможно, в Визии и прибрежной Мидии.

Отметим, что *Врац* — Враци—*Վրացի* это сокращенная форма данного этнонима. Его полной формой является *Իվերիացի* (Ивериаци). Этноним в такой передаче встречается в армянских источниках начиная с V в.²⁰ Если его передать греческими буквами, то мы получим

¹⁶ Мысль о принадлежности отца св. Марии к Мамиконянам подсказана нам Б. Л. Чугасяном.

¹⁷ Н. Я. Марр, Аркаун, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонитах.—«Византийский временник», т. XII, 1905, стр. 21.

¹⁸ Тондрахит Врвер, чтобы спастись от преследований армянской (монофизитской) церкви, обещает византийскому судье «стать ромеем». См. Повествование вардапета Аристакеаса Ластивертци. Пер. с древнеарм., вступ. статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашьяна, М., 1968, стр. 127.

¹⁹ По предположению П. Пеетерса, он был родом из Тайка-Кларджии. См. P. Peeters, Recherches d'histoire et de Philologie Orientales, t. I, стр. 132—133.

²⁰ См. «Թողո՞ւ իշխան ի վերայ գերոսփեանն Իվերիացաց ազգացն»: «Մովսիսի Խորենացու Պատմութիւն Հայոց», Տիֆլիս, 1913, стр. 114 (кн. II, гл. 8). Издатели критического текста «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци напрасно привели разночтение *Իվերիացաց*

Ἰβηριατζής. Трудно не заметить сходства, вернее — идентичности этого армянского этнонима с византийским патронимом *Ἰβηριτζής*.

До сих пор византинисты были убеждены в том, что окончание *-τζής* патронима *Ἰβηριτζής* — уменьшительный суффикс, указывающий на малорослость *Ἰβηρ*'а (ивера), первым принявшего этот патроним²¹. Это убеждение, однако, теряет почву, когда мы рассматриваем этот патроним во всем комплексе известных нам византийских патронимов данной эпохи. Он выглядит белой вороной. Византия — государство многонациональное, представители множества народов достигли высокого положения в византийском обществе и государстве. Нам с XI—XII вв. известны 340 патронимов, носителями которых были свыше 2300 представителей византийской элиты²². Среди них, кроме греков, были армяне, сирийцы, грузины, славяне, русские, болгары, узы, печенег, турки, арабы, персы, латиняне, немцы, венгры, влахи, албанцы и многие, многие другие. Однако мы не знаем ни одного *Ῥωμαίτζής*, ни одного *Ἀρμενίτζής* (если принять во внимание антропологические данные последних, их ожидалось бы большое множество), ни одного *Φραγκίτζής*, *Βουλγαρίτζής* и т. д. А вот *Ἰβηριτζής* есть. Это обстоятельство, как и наличие в Житии св. Марии Новой прозвища *Врац* (т. е. *Ἰβηριατζής*), дает нам право высказать мысль о том, что интересующий нас патроним *Ἰβηριτζής* первоначально был идентичен прозвищу Варда Жития св. Марии Новой—*Врац*, т. е. *Ἰβηριατζής*—*Իվերիացի*; ср. Хоренаци, Таронаци, Нарекаци, а в Византии—Вихкаци (*Βηχκατζή*—*Վիվացի*). Армянский суффикс *-ացի* *-τζής* патронима *Ἰβηριατζής* в Византии с опущением одной лишь буквы—*Ἰβηρι(α)τζής*—получил вполне понятный для греков облик, превратившись в уменьшительный суффикс (ср. *Θεοφιλίτζής*, *Νεστορίτζής*, *Σχολίτζής*).

Вард Враци Жития св. Марии Новой, конечно, ничего общего с семьей более поздних Иверицев не имеет. *Врац* — прозвище Варда, данное ему армянами-монофизитами, у Иверицев же — патроним, принятый ими самими, вернее их родоначальником. Если человек считает себя *Врац* — Враци — *Վրացի*, т. е. приписывает себе этноним в его армянской передаче, а не грузинской — картвели, то можно ли сомневаться в том, что *Ἰβηριτζής* — армяне-халкедониты?

Но рано еще ставить точку. Среди византийских патронимов XI—XII вв. единичен не только *Ἰβηριτζής*. Таков и патроним *Βατάτζής*—

под строкой, а в тексте—*Իվերիացաց*. См. также у Аристакеаса Ластивертци: «*Քէ ք' րպէս Բազաւորն Երկրորդ ահագն դարն առնել ի վերայ աշխարհին Տայոց, չորսն պարտեցան զորքն Վերացաց*», «Պատմութիւն Արիստակիի Լաստիվերտցու», աշխատասիրութիւնը Կ. Ն. Յուզբաշյանի, Երևան, 1963, стр. 32. Ср.: Մարտիւսի, Վրաստանի և Հայերէ, Վիեննա, 1939, стр. 79.

²¹ Ср. Theophanes Continuatus, указ. соч., стр. 224: *ὅν (Θεοφίλον) ὀποχορίζομενοι Θεοφιλίτζην ἐκάλουν*.

²² А. П. Каждан, Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв., М., 1974, стр. 88—101.

Ватаци. Среди 340 упомянутых выше патронимов только два оканчиваются суффиксом -ατζής -аци. Один из них — Вихкаци (Βηχκατζής). Его носил Григорий, сын патрикия Смбата, патрикий, стратиг Ларисы и Македонии, упомянутый в греческой надписи из Эгрека 1006/7 гг. На вопросе об этнической принадлежности этой личности не стоит и останавливаться. Если он сам в своей греческой надписи указывает свое имя с армянским суффиксом -аци, он бесспорно армянин. Кроме него, известны и другие члены этой семьи. Один из них — катепан Востока Багарат Вихкаци, армянская надпись которого находится на стене кафедрального собора в Ани²³. Он упомянут Продолжателем Иоанна Скилицы как δούξ Ἀρμένιος τῆς Παγχατίας τοῦνομι²⁴. Отметим также, что хорошо известна местность, называемая Вихик, откуда происходил этот род. Вихкаци по-армянски значит Вихкиец, из Вихика.

Второй среди 340 византийских патронимов XI—XII вв. с армянским суффиксом -аци — уже упомянутый Βατάτζής — Ватаци. Насколько мне известно, никто не обращал внимания на это обстоятельство. Не придавалось особого значения и тому, что один из первых известных нам представителей этого рода, некий местный вельможа (из Македонии или Фракии) Βατάτζής был родственником мятежника армянина Льва Торника. После всего сказанного ясно, что окончание -ατζής этого патронима не что иное, как армянский суффикс -ացի (отметим еще раз: Хоренаци, Нарекаци, Таронаци, Вихкаци и т. д.). Это подтверждается и тем фактом, что в византийских источниках сохранилось прозвище Βατάτζής и с греческим суффиксом -ιός. В трактате о еретиках-фундагитах (отождествляемых нами с тондракитами) византийского автора XI в. монаха Евтимия Акмонийского упомянуты ереснархи Τζουριλλας и Ραχέας с прозвищем Βατινοί (или Βατνηοί)²⁵. Эти ересиархи действовали во множестве городов Фракии (πόλεις ὀλοκλήρους ἐν τοῖς τῶν Θρακῶν μέρεσι), то есть именно там, откуда предположительно происходил Ватаци, родственник мятежника Льва Торника²⁶.

Поскольку бесспорно, что греческий суффикс -ιός в прозвище Βατινός указывает на место происхождения его носителя²⁷, а оконча-

²³ H. Bartikian, La généalogie du Magistros Bagarat, catépan de l'Orient et des Kékaumènos, — Revue des Etudes Arméniennes, t. II, 1965.

²⁴ Εὐθὺμόξου Θ. Τσολάκη. Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονολογίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη (Ioannes Skylitzes Continuatus), Θεσσαλονίκη, 1968, стр. 113.

²⁵ Gerhard Ficker, Die Phundagtagiten. Ein Beitrag zur Ketzergeschichte des byzantinischen Mittelalters, Leipzig, 1908, стр. 37, 84.

²⁶ Отмечая идентичность прозвища ереснархов Βατινός с патронимом Βατάτζής, мы не хотим сказать, что между ними была какая-либо семейная связь. Они просто земляки.

²⁷ Ср. и вместо *Վանեցի* (Ванецы, т. е. из Вана, ванский) — Βατινός в «Типике» Григория Пакуриана (XI в.). — Geographica. Сведения византийских писателей о Грузии, т. V. Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, 1963, стр. 112.

ние -ατζής -аци -ացի в патрониме Ватаци имеет то же самое значение в армянском языке, мы вполне уверены, что окончание -ατζής в патрониме Ватаци — армянский суффикс. Если наше предположение верно, то византийская аристократическая семья Ватаци, представители которой в XI—XIII вв. занимали в византийском обществе и государстве самые высокие посты, вплоть до императорского трона, — армянского происхождения.

ՍՈՒՐԲ ՄԱՐԻԱՄ ՆՈՐԱՎԿԱՅԻ ՎԱՐՔԻ ԵԱՐՁԱՏ Օ ԵՐԱՏԶԵՍ-Ի ԵՎ ԲՅՈՒԶԱՆԻԱԿԱՆ ԽԼԵՐԻՑԻ ԵՎ ՎԱՏԱՑԻ ԱԶԳԱՆՈՒՆՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

Պատմ. գիտ. դոկտոր Հ. Մ. ԲԱՐՏԻԿՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

902—903 թթ. վախճանված բյուզանդական հայազգի սուրբ Մարիամ Նորավկայի Վարքում ասված է, որ սրբուհու «ազնվական ու փառավորյալ» ծնողները, ի թիվս Մեծ Հայքի այլ «ազնվականների», Վասիլ I Մակեդոնացի կայսեր (867—886 թթ.) օրոք գաղթում են Կոստանդնուպոլիս, արժանանում կայսեր սիրալիր ընդունելությանը, նվերներին, աստիճանների ու պաշտոնների: Համաձայն Վարքի, Թրակիայում բնակվող իր քրոջ ամուսին «Վարդ Վրացու» միջնորդությամբ Մարիամ Նորավկան ամուսնանում է Նիկեփոր դրոնգարի հետ և նույնպես հաստատվում Թրակիայում: Մարիամը Նիկեփորից ունենում է բազմաթիվ զավակներ, այդ թվում և Վարդան ու Վահան անունները կրող որդիներ: Մամիկոնյանների նախարարական ընտանիքին հատուկ հիշյալ անունները, ինչպես և սրբուհու ծնողների՝ Մեծ Հայքի ազնվականներից լինելու հանգամանքը թույլ են տալիս ենթադրելու, որ հիշյալ ընտանիքը Մամիկոնյանների նախարարական տանն էր պատկանում:

Մարիամի քրոջ ամուսնու անունը՝ Վարդ և մականունը՝ «Վրացի» (հայկական աղբյուրներում հանդիպում է տվյալ էթնոնիմի և «Իվերիացի» ձևը), որ Վարքում հունարեն տառերով հայերեն է բերված՝ Βρατζής, և ոչ հունարեն՝ Ἰβηρ կամ վրացերեն՝ քարթվելի, ցույց է տալիս, որ Վարդը վրացազավան հայ էր: Միջնադարում վրացազավան հայերին վրացի էին կոչում, հունազավան հայերին՝ հոռոմ, իսկ ավելի ուշ կաթոլիկներին՝ ֆրանկ:

Այս իրողությունը հնարավորություն է տալիս նորովի մեկնաբանել այս քրջանում հանդես եկած բյուզանդական արխատիրատական Միքսիլեզ (Իվերիցի) ընտանիքի ազգանունը: Դրա իցի վերջավորությունը սկզբնական շրջանում իացի (ացի) է եղել և հետագայում հունարեն փաղաքական նշանակություն ունեցող -իլեզ վերջածանցի ձև ստացել:

Եթե բյուզանդական հիշյալ ընտանիքի անդամները իրենց կոչել են «վրացի», այսինքն իրենց տվել են «վրացի» էթնոնիմի հայեցե՞ն ձևը (և ոչ հունարեն կամ վրացերեն), ապա կասկած չկա, որ Միքսիլեզ ընտանիքը հայազգի է եղել: Հայազգի է եղել և Վատացի ընտանիքը, որի ազգանվան վերջավորությունը ոչ այլ ինչ է, քան հայկական -ացի վերջածանցը: Այդ իրողությունը հաստատվում է և այն հանգամանքով, որ «Վատացի» ազգանունը, որպես մականուն հանդիպում է և հունարեն -ιός վերջավորությամբ, Βατινός, որ իմաստով նույնն է, ինչ հայկական -ացին:

ДВИЖЕНИЕ ТОНДРАКИТОВ В ВИЗАНТИИ

РАЧ БАРТИКЯН

Изучение истории социальных движений в Армении и Византии, их идеологии всегда находилось в центре внимания советских медиевистов. Больше всего внимания было уделено движению павликиан по той простой причине, что оно было самым мощным по сравнению с другими движениями, а также потому, что изучению его способствовало обилие дошедшего до нас на армянском и греческом языках источниковедческого материала.

Нужно, однако, отметить, что наряду с павликианским движением важное место занимает также движение тондракитов, которое, к сожалению, не стало предметом должного внимания византиноведов, и, главным образом, потому, что оно считается сугубо армянским явлением, движением, распространившимся только на территории Армении, а также потому, что данные о нем, как полагали специалисты, встречаются лишь в армянских источниках.

Бесспорно, движение тондракитов и по охваченной им территории, и по своему размаху и месту в истории общественных движений в средневековой Армении и Византии нельзя сравнить с движением павликиан. Однако, если мы хотим иметь более полное представление о социально-классовых отношениях, в данном случае Византийской империи, то не можем его игнорировать. Цель этой статьи состоит в том, чтобы раскрыть необоснованность представления (которого, кстати, придерживались раньше и мы) о сугубо армянском значении тондракитской ереси, показать, что общины тондракитов существовали и на территории самой Византии, указать на отношение тондракитов к византийской экспансии на Армению, на политику византийского правительства по отношению к еретикам.

Исследователям павликианского движения повезло, так как дошел до нас прекрасный труд Петра Сицилийского, который, бесспорно, использовал данные созданной еретиками литературы. Сохранились и важные византийские хронографии, описывающие разные этапы истории движения. С историей тондракитского движения дело обстоит сложнее. Ученые не располагают такими источниками, хотя и, как сообщают средневековые армянские авторы, они имелись, однако не сохранились. Некоторые авторы средневековья опасались говорить о движении и его идеологии. «Мы сочли неуместным описать отвратительную деятельность еретиков, — пишет армянский историк XI в. Аристакес Ластивертци, — ибо она преисполнена скверны. И поскольку слух не у каждого стоек, упоминание о многих прегрешениях увлекает внимающего и даже под-

талкивает его к подобным действиям»¹. Итак, «Исповедь» Анании Нарекаци², послание Григора Нарекаци³, а также данные армянских авторов XI в. Григория Магистра⁴ и Аристакеаса Ластивертци⁵ остаются почти единственными источниками, освещающими отдельные этапы движения и его идеологию.

Движение тондракитов возникло в IX в. и своим названием оно обязано находящемуся на севере Ванского озера селению Тондрак (вернее, Thondrak, по произношению западных армян — Thondrag—*Թոնդրակ*, я подчеркиваю это обстоятельство, поскольку, как мы увидим далее, оно имеет для нас определенное значение), в котором проповедником был основатель движения Смбат Зарехаванци. Он, по словам Григория Магистра, «потряс до основ апостолов и пророков», «проповедовал уничтожить всю деятельность священников и, особенно, считать ее тщетной»⁶. Смбат, по данным Григория Магистра, «учился дурной мании у некоего персидского врача и астронома-мага по имени Мыджусик»⁷. Об этом Мыджусике, который, по всей вероятности, был зороастрийцем и носителем традиций манихеев, мы не располагаем другими сведениями.

Возникновение движения тондракитов (в армянских источниках — *Թոնդրակիցիք* — thondraketik', где окончание -цик', — суффикс, указывающий на место происхождения, соответствующий греческому -ίται или -ίται, следовательно, тондракецик' переводится «тондракцы», «тондракские», «из Тондрака») в IX в. было обусловлено дальнейшим развитием феодальных отношений в Армении, углублением социально-классовых противоречий в армянском обществе. Этому способствовало и прямое влияние движения павликиан. Известно, что павликианское движение возникло в VII в. в армянском кантоне Мананали, который еще в 870 г., по данным Петра Сицилийского, был крупным центром павликиан (*καὶ μέγροι τοῦ υἱοῦ Μανουαίου ἐκτρέφει*)⁸.

¹ «Повествование вардапета Аристакеаса Ластивертци», перевод с древнеармянского. Вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна, М., 1968, с. 127.

² Անանիոս Երեւանցի, *Գիրք խոստովանութեան, հրտ. Միշրանի, «Արարատ», 1892:*

³ «Թոնդրակիցիքի վարդապետին Գրիգորի Երեւանցի... վասն կրօնացի անհոծից Թոնդրակիցից...», *Գիրք թղթոց, Թիֆլիս, 1901, էջ 498—502:*

⁴ «Գրիգոր Սագաարոսի թղթերը», հրտ. Կոստանյանց, Այբրահամյան, 1910: Русский перевод интересующих нас посланий Григория Магистра см.: Р. М. Бартиян, Ответное послание Григория Магистра Пахлавуну сирийскому католику («Палестинский сборник», вып. 7(70), с. 130—145); его же, Два послания Григория Магистра Пахлавуну относительно еретиков-тондракитов (там же, вып. 9(72), с. 133—140).

⁵ «Повествование вардапета Аристакеаса Ластивертци», гл. 22 и 23.

⁶ Р. М. Бартиян, Ответное послание Григория Магистра Пахлавуну, с. 134—135.

⁷ Там же.

⁸ Ch. Astruc, W. Conus-Wolska, J. Guillard, P. Lemerle, D. Pacha-chyssanthou, J. Paranelle, Les sources grecques pour l'histoire des Pавликианс d'Asie Mineure («Travaux et Mémoires», 4, Paris, 1970).

Аристакеас Ластивертци одним из главных тондракитских центров считает именно Мананали⁹. Это свидетельствует о том, что местность Мананали долго хранила еретические традиции. IX век—это эпоха ересиарха павликиан Сергия, эпоха наибольшего размаха движения павликиан в годы его военных вождей Карбеаса и Хрисохира, так что влияние павликиан на возникновение ереси тондракитов в Армении должно было быть самым прямым. Это влияние усилилось в 70-х гг. IX в., когда разгромленные в восточных провинциях империи павликиане были вынуждены искать убежище в Армении. Этот прямой контакт с низшими слоями армянского общества и способствовал возникновению и усилению движения тондракитов, формированию его идеологии.

Движение тондракитов в Армении просуществовало двести лет и было разгромлено в середине XI века византийским государством. На основании имеющегося источниковедческого материала невозможно дать его последовательную историю, нам известны имена ересиархов, но мы почти не знаем когда, где и при каких обстоятельствах они действовали. После Смбата движение поочередно возглавляли Тодрос, Аианес, Арка, Саргис, Кирилл, Иесу и Лазарь. Последний был современником Григория Магистра, т. е. жил в середине XI века.

Подобно павликианам, тондракиты организовывали территориальные общины. По названию того или иного центра они назывались: кашеци (от местности Каше в кантоне Мананали), тулаймеци (от местности Тулайл в том же Мананали) и т. д. Известно, что так было и у павликиан, например, кинохориты (от Кинохориона).

Географический ареал распространения тондракитского движения в Армении был довольно широк. Это армянские кантоны и области Тарон, Апахуник, Харк, Мардали в Турубераке, Мананали в Высокой Армении, Васпуракан, Ширак в Айрарате, возможно, Сюник и другие. По мере включения той или иной из этих территорий в состав Византии и переселения еретиков византийским правительством в разные регионы Византийской империи этот ареал расширялся еще больше. Переселение еретиков Византией было связано с той опасностью, которую представляли они для империи и в социальном, и в политическом аспекте. Под знаменем еретиков-тондракитов развертывалась не только классовая, но и национально-освободительная борьба против византийской экспансии на Армению¹⁰.

Первой армянской областью, завоеванной Византией, был Тарон, он был аннексирован в 966 г. Никифором II Фокой. До этого Византия отняла у арабов армянские города Малитену (934 г.) и Карин-Феоносиополь (949 г.). И вот через несколько лет узурпировавший у Никифора Фоки трон Иоанн Цимисхий переселяет, по данным Анны Комниной

⁹ «Повествование вардапета Аристакеаса Ластивертци», гл. 23.

¹⁰ Ա. Մ. Մանուկյան, *Թոնդրակիցի շարժման մի քանի գլխավոր հարցերի մասին (ՀՄՄՀ ԳԱ «Տեղեկագիր», 1954, № 3, էջ 78)*; А. Г. Иоаннисян, Движение тондракитов в Армении (IX—XI вв.) («Вопросы истории», 1954, № 10, с. 108, прим. 58).

ἐκ Χαλύβων καὶ Ἀρμενικῶν τόπων (по всей вероятности, из Малой Армении и Тарона), еретиков-павликиан во Фракию, более конкретно — в Филиппополь¹¹, в традиционное место переселения армянских еретиков еще со времен Константина V Копронима. Интересно отметить, что переселить еретиков «в какой-то совершенно пустынный край» (εἰς τινα ἐρητικὴν ἐγκατοικίσει πανέρημον) упорно требовал от Иоанна Цимисхия не кто иной, как сам константинопольский патриарх Полиевкт¹². Согласно Скилице, этими павликианами „был охвачен и осквернен весь Восток“¹³ (τῆν ἑὸν πᾶσαν ἐπινεμομένους καὶ λυμαινομένους τῆ μεταδόσει τῆς μωσαῖκ᾽ αὐτῶν θρησκείας). Они, как пишет Анна Комнина, владели неприступными городами и крепостями, оказывали Цимисхию упорное вооруженное сопротивление¹⁴. А ведь павликиане были разгромлены столетием раньше, в царствование Василия I. Все дело в том, что переселенные Иоанном Цимисхием в Филиппополь «павликиане» были скорее всего тондракитами, считающимися византийскими авторами из-за общности идеологии павликианами¹⁵. Об этом свидетельствует армянский автор Павел Таронский. Обращаясь к своему адресату-ромею, он пишет: «Это сделали тондракиты, которых вы [ромей] называете павликианами. Они были учениками мерзкого Смба́та, отравленного ересью племени павликиан»¹⁶.

О действиях Иоанна Цимисхия в Армении (не считая вышеупомянутых сообщений Иоанна Скилицы и Анны Комниной) византийские источники молчат. Но интересные сведения сообщает Матфей Эдесский, армянский хронограф первой половины XII века. Он пишет, что во время своего арабского похода император решил пройти через Армению¹⁷, т. е. заодно овладеть и соседствующими с уже византийским Тароном территориями, но он встретил сопротивление всех царей и князей Армении во главе с багратидским царем Ашотом III Милостивым (953—977 гг.). Состоящая из 80.000 воинов армянская рать была сосредоточена в кантоне Харк, граничащем с Тароном, готовая дать императору отпор¹⁸. Иоанн Цимисхий, по всей вероятности, не решился преодолеть это серьезное препятствие.

Но, как видно из данных того же Матфея Эдесского, в 966 г. в пределах Византии оказался не весь Тарон. Отдельные крепости все еще

¹¹ Anne Comnène, *Alexiade*, Texte établi et traduit par B. Leib, t. III, Paris, 1945, p. 179.

¹² Ioannis Scylitzae, *Synopsis historiarum*, editio princeps, recensuit Ioannes Thurn, Berolini et Novi Eboraci, 1973, p. 286.

¹³ Там же.

¹⁴ Anne Comnène, указ. соч., с. 179.

¹⁵ 2. Մ. Քարթիկյան, Պավլիկյանների առասպելական ծագումը ըստ հին բուլղարերեն մի ձեռագրի (ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիր», 1957, № 1, էջ 89)։

¹⁶ Рукописи Матенадарана № 1154, с. 240 б и № 671, с. 74 б; 2. Գ. Մանուշարյան, Պողոս Տարնացին Բերդապետի շարժման մասին, («Պատմա-բանասիրական հանդես», 1974, № 4, էջ 118)։

¹⁷ Մատթեոս Ոսկեյցի, Ժամանակագրութիւն, Վաղարշապատ, 1898, էջ 17։

¹⁸ Там же.

подчинялись багратидскому царю, и они оказывали византийской агрессии ожесточенное сопротивление. Одной из таких крепостей была Айцеац берд, которую Иоанн Цимисхий не смог взять штурмом. Если принять во внимание и то обстоятельство, что Иоанну Цимисхию в данное время оказывала сопротивление и «пехота горцев-сасунцев»¹⁹, то находящаяся около Айцеац берда неприступная крепость Сасуна в 966 г. также не была завоевана Византией. По всей вероятности, об этих неприступных крепостях и неизвестных нам городах пишет Анна Комнина (ἐρημικῶν πόλεων καὶ φρούρων), из данных которой видно, что Иоанну Цимисхию оказывали сопротивление и «павликиане», т. е. тондракиты, точно так же, как более чем два столетия назад павликиане оказывали сопротивление арабам²⁰.

Сообщение Анны Комниной явствует о национально-освободительном содержании тондракитского движения, с которым империя не могла не считаться. В этом главная причина переселения тондракитов. В этой связи приобретает известное значение болгарская легенда о происхождении павликиан. Она впервые была издана в 1922 г. болгарским ученым Йорданом Ивановым²¹ под заглавием: «Слово Иоанна Златоуста о том, как произошли павликиане». В легенде говорится о Субботине и Шутиле, двух учениках дьявола по имени Пайл, пришедших из Каппадокии в Болгарию, где они получили христианские имена Павел и Иоанн (заметим, что это имена двух сыновей легендарной павликианской еретички Каллиники) и стали проповедовать. Примкнувших к ним называли павликианами.

Легенда в этом виде, конечно, отражает события, имевшие место после XI в., ибо деятельность Субботина и Шутила, согласно легенде, проходит в Петриче, т. е. в селении Бачково в Филиппополе, где в 1083 г. Григорий Пакуриан построил монастырь Богородицы. Еще издатель легенды И. Иванов предполагал, что под именем ереснарха Субботина, видимо, скрывается «армянин и павликианин Смба́т, который в IX в. основал ересь тондракитов»²². И это вполне возможно. Армянское имя Смба́т (вариант Сумбат), которое местному населению ничего не говорило, могло очень легко принять славянский вид и превратиться в Субботин²³. Из сказанного мы не делаем вывод, что во Фра-

¹⁹ Там же, с. 18. Эта борьба сасунцев против Иоанна Цимисхия нашла отражение в армянском эпосе о Давиде Сасунском, согласно которому против героя Давида с большим войском выступает «Чмшкк султан» и подло его убивает. Интересно отметить, что Чмшкк султан в эпосе женщина («Մանուշարյան», с. 11, *Երևան, 1936, էջ 595, 1014*)։

²⁰ Р. М. Бартияян, Источники для изучения истории павликианского движения, Ереван, 1961, с. 42 и сл.

²¹ И. Иванов, Происход на Павликианите според два български ръкописа. Списание на Българската Академия на науките, книга XXIV, клон историко-филологичен и философско-обществен, София, 1922.

²² Там же, с. 30.

²³ На то, что армянское имя Смба́т могло превратиться в Субботин, указывает Феофан Исповедник, который армянского князя Смба́та именует Σαββάτιος: „Theophranis Chronographia“, recensuit Carolus de Boor, vol. I, Lipsiae, 1883, p. 366.

кию был переселен Смбат Зарехаванци, а, скорее всего, были переселены его последователи тондракиты, наверное, «павликиане» Анны Комниной.

Но переселенные Иоанном Цимисхием тондракиты были не единственными. В конце X в. под контролем Византии оказались Харк и Мананали, два крупнейших центра тондракитского движения. В Мананали борьбу против еретиков и, вероятно, их переселение возглавил отправленный византийским императором со специальной миссией судья (= $\chi\rho\iota\tau\eta\varsigma$, в тексте « $\epsilon\upsilon\psi\iota\sigma\tau\eta\varsigma$ $\beta\rho\omega\lambda\omega\beta\upsilon$ $\omega\gamma\beta\omega\rho\acute{\alpha}\rho\eta\varsigma$) по имени Илья²⁴. Его местопребыванием был город Карин-Феодосиополь в кантоне Екелеац-Акилисене в Высокой Армении. В 1000 г. империей был завоеван Тайк, в 1021 г. — Васпуракан, в 1045 г. — Ширак. В этих областях также имелись общины еретиков, и надо полагать, что тондракиты были переселены в Византию и из этих областей, и общины тондракитов были образованы и в других частях Византии. Об этом свидетельствует Григорий Магистр, который указывает, что тондракиты в годы царствования Константина Мономаха были в Месопотамии, «в стране греков» ($\gamma\omega\gamma\beta\omega\rho\acute{\alpha}\rho\eta\varsigma$ $\beta\eta\lambda\iota\omega\gamma$), действовали на территории, находящейся «под владичеством святого царства Ромеев»²⁵.

Возникает вопрос, если тондракиты еще со времен Иоанна Цимисхия переселялись в Византию, основывали там многолюдные общины, развертывали, по данным Григория Магистра, кипучую деятельность, то почему о них в византийских источниках не сохранилось никаких сведений? Объяснить это лишь тем, что тондракиты в Византии назывались павликианами, нельзя. И так, за этим вопросом последует другой. Кто такие еретики *фундагиаты*?

Фундагиаты действовали в Византийской империи в первой половине XI в., т. е. именно в эпоху наибольшего распространения тондракитского движения. О них после 1034 г. написал подробный трактат монах монастыря Богородицы Периблептос в Константинополе Евтимий Акмонийский. Этот трактат издан Г. Фикером²⁶, а его более краткий вариант — в 131-ом томе Патрологии Миня²⁷. В рукописях эти еретики называются по-разному— $\Phi\omega\upsilon\delta\alpha\iota\tau\alpha\iota$ (читай $\Phi\omega\upsilon\delta\alpha\chi\iota\tau\alpha\iota$, $\Phi\omega\upsilon\delta\alpha\gamma\iota\tau\alpha\iota$) $\Phi\omega\upsilon\delta\alpha\chi\iota\alpha\chi\iota\tau\alpha\iota$ и т. д., но мы считаем более точной форму $\Phi\omega\upsilon\delta\alpha\gamma\iota\tau\alpha\iota$ (или $\Phi\omega\upsilon\delta\alpha\gamma\iota\alpha\tau\alpha\iota$), где „Фундаγ“ коренное, а— $\tau\alpha\iota$ или— $\iota\alpha\tau\alpha\iota$ суффикс, указывающий на место происхождения (ср. $\Sigma\pi\alpha\rho\tau\iota\alpha\tau\alpha\iota$, $\Gamma\iota\omega\upsilon\iota\alpha\tau\alpha\iota$).

Евтимий Акмонийский считает их ересь *новоявленной* ($\nu\epsilon\omega\lambda\acute{\epsilon}\chi\tau\omega$ $\alpha\sigma\epsilon\beta\epsilon\iota\omega\varsigma$ $\alpha\upsilon\tau\omega\upsilon\upsilon$ $\beta\eta\rho\eta\kappa\epsilon\iota\alpha\varsigma$), т. е. возникшей в Византии, видимо, в конце X или начале XI вв. Он не знает значения их названия, но ему

²⁴ «Повествование вардапета Аристахэса Ластивертци», с. 130.

²⁵ Р. М. Бартияян, Два послания Григория Магистра Пахлавуни, с. 138.

²⁶ G. Ficker, Die Phundaglagiten. Ein Beitrag zur Kirchengeschichte des byzantinischen Mittelalters, Leipzig, 1908.

²⁷ „Euthymii monachi venerabilis coenobii Peribleptae Liber invectivus contra haeresim execrabiliam et impiorum haeticorum qui Phundagiatae dicuntur“, Migne, Patrologia graeca, t. 131, col. 47—58.

известно, что еретики имеют отношение к армянам. В связи с этим не лишне привести слова издателя трактата Г. Фикера. «Поскольку наш автор фундагиагитов (Фикер принимает именно эту форму наименования еретиков — Р. Б.) сопоставляет с армянами, возникает вопрос: *не связано ли их наименование с армянским?*»²⁸. Хотя и Фикер специально подчеркивает, что в XI и XII вв. религиозное влияние армян в Малой Азии было очень большим, однако он не может ничего определенного сказать в этой связи о фундагиатах.

Отметим здесь, что Евтимий Акмонийский особое внимание обратил на доктрину фундагиатов, которая поразительно схожа с доктриной тондракитов и, разумеется, павликиан. Византийский монах специально подчеркивает, что фундагиаты «чрезмерно почитают и принципы павликиан и манихеев. Если кто-либо хочет убедиться в том, что эти дурные и неблагочестивые почитают принципы павликиан, пусть тот встретится с павликианином» (... $\acute{\epsilon}\zeta\alpha\iota\rho\acute{\epsilon}\tau\omega\varsigma$ $\tau\acute{\alpha}$ $\tau\omega\upsilon\upsilon$ $\Pi\alpha\upsilon\lambda\iota\kappa\iota\acute{\alpha}\nu\omega\upsilon$ $\kappa\lambda\iota$ $\text{Μανιχαίων, καὶ εἰ θελήσει τις γινῶναι, ὅτι καὶ τὰ τῶν Παυλικιάνων φρονούσι οἱ κακοὶ ἀσεβεῖς οὗτοι, συντυχέτω Παυλικιανῶν}). И далее: «Их доктрина схожа с доктриной безбожных [павликиан]» (... $\kappa\alpha\iota$ η $\delta\acute{\iota}\delta\alpha\sigma\kappa\alpha\lambda\iota\alpha$ $\alpha\upsilon\tau\omega\upsilon\upsilon$ $\pi\alpha\rho\omicron\mu\omicron\iota\alpha$ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\upsilon$ $\tau\omega\upsilon\upsilon$ $\alpha\theta\acute{\epsilon}\omega\upsilon$ $\tau\acute{\alpha}\upsilon\tau\omega\upsilon\upsilon$)²⁹.$

Вернемся к тондракитам. В армянском языке название еретиков тондракитов начинается не глухим взрывным «t», а глухим спирантом «th», следовательно, у греков оно должно было употребляться не в форме $\Gamma\omicron\upsilon\delta\rho\alpha\chi\text{-}\tau\alpha\iota$ или $\Gamma\omicron\upsilon\delta\rho\alpha\chi\text{-}\iota\alpha\tau\alpha\iota$, а $\Theta\omicron\upsilon\delta\rho\alpha\chi\text{-}\iota\tau\alpha\iota$ — $\Theta\omicron\upsilon\delta\rho\alpha\chi\text{-}\iota\alpha\tau\alpha\iota$, по западноармянскому произношению (а Византия в это время имела дело как раз с западными армянами) $\Theta\omicron\upsilon\delta\rho\alpha\chi\text{-}\tau\alpha\iota$ — $\Theta\omicron\upsilon\delta\rho\alpha\chi\text{-}\iota\alpha\tau\alpha\iota$. Известно, что в греческом языке звук „θ“ (как в древности, так и в наши дни) по законам звукоизменения превращается в „φ“ (ср. $\theta\lambda\acute{\iota}\beta\omega$ > $\phi\lambda\acute{\iota}\beta\omega$, $\theta\lambda\acute{\alpha}\omega$ > $\phi\lambda\acute{\alpha}\omega$, а теперь $\theta\acute{\eta}\beta\alpha$ > $\phi\acute{\eta}\beta\alpha$, $\theta\eta\kappa\acute{\alpha}\rho\iota$ > $\phi\eta\kappa\acute{\alpha}\rho\iota$, $\theta\lambda\iota\beta\epsilon\nu\acute{\omicron}\varsigma$ > $\phi\lambda\iota\beta\epsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$ и т. д.)³⁰. С подобным явлением мы встречаемся в славянских языках, где греческое „θ“ превращается в „ф“ (ср. $\Theta\epsilon\acute{\omicron}\delta\omega\rho\omicron\varsigma$ > Фёдор, $\Theta\epsilon\acute{\omicron}\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$ > Феофил, Ἀθῆναι > Афины и т. д.). То же самое можно встретить и в ряде английских говоров.

Очень распространено в греческом и превращение «ο» („ω“) в „ου“ (ср. например, $\mu\omicron\upsilon\sigma\acute{\alpha}\rho\iota$, $\sigma\phi\omicron\gamma\acute{\alpha}\rho\iota$, $\zeta\omega\nu\acute{\alpha}\rho\iota$, $\phi\lambda\omega\rho\acute{\iota}$, $\pi\acute{\omicron}\theta\epsilon$, вместо правильного $\mu\omicron\upsilon\sigma\acute{\alpha}\rho\iota$, $\sigma\phi\omicron\gamma\acute{\alpha}\rho\iota$, $\zeta\omega\nu\acute{\alpha}\rho\iota$, $\phi\lambda\omega\rho\acute{\iota}$, $\pi\acute{\omicron}\theta\epsilon$)³¹.

Основываясь на сказанном, мы имеем полное право ничего не говорящее нам название еретиков $\Phi\omega\upsilon\delta\alpha\gamma\iota\alpha\tau\alpha\iota$ ($\Phi\omega\upsilon\delta\alpha\gamma\iota\tau\alpha\iota$) читать как $\Theta\omicron\upsilon\delta\acute{\omicron}(\rho)\alpha\gamma\iota\tau\alpha\iota$, а при таком прочтении в этом названии не хватает

²⁸ G. Ficker, указ. соч., с. 194, прим. I.

²⁹ Там же, с. 63.

³⁰ $\text{Ἐλευθερουδάκη, Ἑγκυκλοπαιδικὸν λεξικόν, Ἀθῆναι, τόμ. 6, σελ. 426; ср. Ζ. Μ. Δωκίμης, Ἱστορικὴ μελέτη περὶ τῆς ἑλληνικῆς ἑσθῆτος, σ. 2, ὁμηρῶν, 1971, ἐξ. 461, ἑνὸς 537.$

³¹ $\text{Ἐλευθερουδάκη, Ἑγκυκλοπαιδικὸν λεξικόν, τόμ. 9, σελ. 944. См. также: X. Π. Συμεωνίδης, Χείρση στὴ Μεσαιωνικὴ καὶ Νέα Ἑλληνικὴ („Βυζαντινὰ“, τόμος 4^{ος}), Θεσσαλονίκη, 1972, σελ. 240, 246, 249.$

лишь буквы „р“, чтобы в точности передать армянское *Θονδρακ-ιται* (*Θονδρακ-ιται*—*Thondrak-etzik*). Ученые считают, что *Θονδρακ-ιται* связано с греческим словом *φουδα*, которое Ламбеций и другие переводят как „*marsurium seu cymena*“³², т. е. мощна, с которой будто еретики бродили и просили милостыню. Они не объясняют ни наличия в конце этого слова „γ“, ни суффикса—*-ιται*, указывающего на место происхождения.

Наше предположение о тождестве фундагиатов и тондракитов основано не на одном совпадении или созвучии их названий. Как было отмечено выше, на эту мысль наводит нас поразительное сходство их идеологии. И не только. Почему Евтимий Акмонийский, рассказывая о ереси фундагиатов, считает нужным критиковать «мерзкую и скверную армянскую ересь»? (*καὶ τῆν τῶν Ἀρμενίων βέβηλον καὶ βδελυρὰν αἵρεσιν*). При чем тут армяне, почему вдруг он их вспомнил? Не следует забывать, что, говоря об армянской ереси в первой половине XI в., мы можем иметь в виду только и только тондракитов. Других еретиков в Армении тогда не было. Возможно, Евтимий Акмонийский имеет в виду монофиситство армян, ересью считает их официальное вероисповедание, но все равно в данном случае речь может идти не об этом, а о направленной против официального вероисповедания доктрине, которая в данном случае была доктриной тондракитов.

Далее Евтимий Акмонийский показывает, что один из ересиархов фундагиатов в последние годы царствования Василия II (976—1025 гг.) целых три года проповедовал учение еретиков во многих городах Фракии³³. Отмеченного ересиарха Евтимий Акмонийский именует *Τσουριλλα* (Цурилла), а ведь это имя встречается в списке ересиархов тондракитов, приведенном Григорием Магистром. Он — Кирилл, по-армянски Кюрел, действовавший в Армении именно в это время. Конечно, заманчиво предположить, что Кюрел вместе с другими тондракитами был переселен византийским правительством из Армении во Фракию (отметим, что и Иоанн Цимисхий тондракитов переселил именно во Фракию), где продолжил свою деятельность. отождествлять этого Цуриллу с тондракитским вождем Кюрелом на основании идентичности их имен и совпадении периода их деятельности более чем рискованно, но говорить об этом не лишне.

Евтимий Акмонийский, продолжая свой рассказ, пишет, что этих еретиков называет фундагиатами население фемы Опсикий, а в феме Кивирреотов и на Западе их называют богомилами³⁴. На основании

³² G. Ficker, указ. соч., с. 193.

³³ Г. Фикер и Д. Ангелов предполагают, что чтение рукописи *ἐν τοῖς τῶν Φρακῶν μέρεσι* (в местах Фракии) ошибочно и предлагают читать *ἐν τοῖς τῶν Φρακισίων μέρεσι* (в местах фемы Фракисийской): G. Ficker, указ. соч., с. 249, прим. 2; Д. Ангелов, Богомилство в България, София, 1969, с. 383, прим. 45. Д. Оболенский не сомневается в правильности чтения рукописи: D. Obolensky, *The Bogomils. A study in Balkan Neo-manichaeism*, Cambridge, 1948, p. 175.

³⁴ G. Ficker, указ. соч., с. 62.

этого ученые считали фундагиатов теми же богомилами, а возникновение их ереси в Малой Азии связывали с прямым влиянием богомилов³⁵. Но если быть последовательным и руководствоваться этой же логикой, то и мы имеем полное право богомилов считать фундагиатами, что, конечно, неверно.

Если все еретики были носителями одной и той же идеологии, принадлежали к одной и той же ереси, то непонятно, почему на Западе и в феме Кивирреотов их называли богомилами, а в феме Опсикий — фундагиатами, т. е. давали им совершенно неизвестное и непонятное название. Все дело в том, что и с фундагиатами произошло то же, что и с другими еретиками. Новоявленную ересь правящие круги всегда умышленно или неумышленно считали возобновлением (*ἀναβλάστησις*—Фотий) старой, более известной. Мы знаем, что византийские и армянские авторы павликиан, например, считали манихеями. В конце X и начале XI вв. павликиан в Византии не было, я имею в виду восточные области империи, здесь были тондракиты. Вот и тондракитов стали называть и считать павликианами. Отметим здесь, что те же еретики фемы Кивирреотов, которых Евтимий Акмонийский называет богомилами, в житии св. Павла Нового именуется манихеями³⁶.

В XI в. движение богомилов было самым мощным, самым известным еретическим движением на западе Византийской империи. И понятно, что всякое еретическое движение в этих местах должно было быть отождествлено с ересью богомилов. Поэтому, наверное, Евтимий Акмонийский, уроженец Опсикия, считал новоявленных фундагиатов богомилами. Мы приходим к выводу, что богомилов в Малой Азии, видимо, не было, фундагиаты Опсикия и Кивирреотов, несмотря на общие черты их доктрины с доктриной богомилов, не являются богомилами. И не удивительно, что глава о малоазийских «богомилах» в книге профессора Д. Ангелова написана сугубо на основании данных Евтимия Акмонийского. Других сведений в источниках не оказалось.

По всей вероятности, переселение тондракитов, начатое Иоанном Цимисхием (быть может, и до него, ибо в житии св. Павла Нового, умершего в 955 г., говорится о борьбе этого святого против «манихеев» и их вождей в Милете и феме Кивирреотов³⁷, именно в той феме, где, по данным Евтимия Акмонийского, проживали фундагиаты), продолжалось и в последующие годы, по мере проникновения Византийской империи в Армению. Они были переселены и в фему Опсикий на северо-западе малоазийского полуострова, ведь там или рядом в Пергаме издавна проживали армяне³⁸, а также в фему Кивирреотов.

³⁵ Д. Ангелов, указ. соч., с. 382 и сл.

³⁶ „*Vita S. Pauli Iunioris in monte Latro*“ („*Analecta Bollandiana*“, t. XI, Bruxelles, 1892, p. 156).

³⁷ Там же.

³⁸ H. Gelzer, *Pergamon unter Byzantinern und Osmanen. Abhandlungen der königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften*, Berlin, 1903. Армянский перевод касающихся армян страниц этой работы см.: *Հայ Հասարակութեան Ի Փերգամոն*

Тондракиты, надо полагать, действовали и в других частях Византии, об этом писал Григорий Магистр. Вспомним его призыв к тондракитам: «Оставьте нас... *всех, кто под владычеством святого царства ромеев*. в покое. Не проповедуйте и не подкрепляйте — ни письменно и не устно—вашу дурную ересь, ибо вы расплатитесь и за них (т. е. невинных — Р. Б.), и за ваши грехи»³⁹. Еще до него об этом писал Евтимий Акмонийский: «Фундагиаты обегают кругом *все государство ромеев*, всех живущих под солнцем христиан, с целью ввести в заблуждение и обмануть их души» (*καὶ περιτρέχουσι πᾶσαν τὴν τῶν Ῥωμαίων ἐπικράτειαν καὶ εἰς ὅσους ὁ ἥλιος ἐφορεῖ Χριστιανούς, εἰς τὸ πλανᾶν καὶ ἀπατεῖν ψυχάς*), презирая смерть, проповедуют свое учение *во всех областях Романии*» (*τῆς Ῥωμανίας ἀπαντα κλίματα*)⁴⁰.

Если высказанное предположение о тождестве фундагиатов и тондракитов верно, то правомерно сказать, что наши представления об ареале распространения ереси тондракитов в Византии, их роли в общественной, политической и религиозной жизни империи значительно углубляются и расширяются, расширяется и круг источников⁴¹ об этом движении вообще и его идеологии в частности.

4. «Պերգամոսցի կայսերական գահի վրա» («Հանդես ամսորյա», 1907, № 8, սյունակ 225—228).
 О существовании большой, враждебно настроенной к Византии армянской колонии в феме Опсикий говорит более поздний автор—Никита Хониат. Он пишет, что латинский император Константинополя Балдуин I (1204—1205 гг.) по подстрекательству геллеспонтских латинян и армян Трояды отправил на восток против Феодора Ласкаря своего брата Генриха Фландрского, что Генрих заключил союз с армянами Трояды: последние предоставили ему войсковые части («ὁ μὲν Ἑρρῆς συμπύλας τοῖς ἐν Τροίᾳ Ἀρμενίοις καὶ συμπυλάδας ἴλας ἐκείθεν ἐπαρηγάμενος...» — „Nicetae Choniatae Historia“, rec. I. A. Van Dieten, Berolini et Novi Eboraci, 1975, p. 601—602. Ср. „Ephremii monachi Imperatorum et patriarcharum recensens“, Bonnæ, 1840, строки 7244—7245. Трояда как раз входила в состав фемы Опсикий: „Costantino Porfirogenito De Thematibus“. Introduzione, testo critico, commento a cura di A. Pertusi, Città del Vaticano, 1952, p. 69). Опустошив неподчиняющиеся латинянам византийские города и села, Генрих Фландрский через теснины горы Ида дошел до Атрамиттия и с армянами из Атрамиттия вступил в город Редестос во Фракия („Nicetae Choniatae Historia“, p. 617). Факт предоставления Генриху воинов-армян (их численность вместе с семьями составляла 20.000 человек; см.: И. П. Жаборовков, У истоков образования Никейской империи (оценка деятельности Константина XI Ласкаря), «Византийский временник», т. 38, 1977, с. 35, прим. 52) свидетельствует о значительности армянской колонии, а враждебное отношение армян Опсикия к ромеям объясняется плохими отношениями византийских властей к ним, преследованиями византийской церкви, вследствие чего армяне этой области (как, кстати, и армяне Филиппополя, см. „Nicetae Choniatae Historia“, p. 403) крестоносцев считали (на первых порах, конечно), своими освободителями и избавителями. Никита Хониат, например, пишет, что филиппопольские армяне вторжение крестоносцев считали не нашествием иноземцев, а приходом друзей. Как известно, армянская колония Филиппополя и, видимо Опсикия, состояла главным образом из армян-еретиков—основного объекта преследований византийских властей и церкви.

39 Р. М. Бартияян, Два послания Григория Магистра Пахлавуня, с. 138.

40 G. Ficker, указ. соч., с. 63.

41 Автор этой статьи готовит полный перевод трактата Евтимия Акмонийского о Фундагиатах.

ԹՈՆԴՐԱԿՅԱՆ ՇԱՐԺՈՒՄԸ ԲՅՈՒՋԱՆԴԻԱՅՈՒՄ

ՀՐԱՉ ԲԱՐԹԻԱՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հայագիտության և բյուզանդագիտության մեջ տիրող է այն կարծիքը, որ ի տարբերություն պավլիկյան շարժման, որը ծագելով Հայաստանում լայն տարածում գտավ նաև Բյուզանդական կայսրության մեջ, թոնդրակյան շարժումը Հայաստանի սահմաններից դուրս չի եկել, թեև դեպքերին ժամանակակից Գրիգոր Մագիստրոսը վկայում է, որ թոնդրակեցիները գործում էին «հոռոմոց սուրբ թագաւորութեան» ողջ տարածքում: Ժամանակին մենք ցույց ենք տվել, որ դեռևս Հովհաննես Զմշկիկ կայսեր (969—976 թթ.) կողմից Հայաստանից Թրակիա բռնագաղթեցված «պավլիկյանները» թոնդրակեցիներ էին, հետևաբար այդ կայսեր օրոք Թրակիայում թոնդրակեցիների համայնք գոյություն ուներ:

Խնդրո առարկա հարցի վերաբերյալ կարևոր աղբյուր է Բյուզանդական կայսրության Օպսիկիոն բանակաթեմում բնակվող և «Ֆունդագեցիներ» անունը կրող աղանդավորներին նվիրված Եվթիմիոս Ակմոնացու՝ 1034 թ. հետո գրած ընդարձակ երկը: Ելնելով ֆունդագեցիների և թոնդրակեցիների վարդապետությունների, նրանց ակտիվ գործունեության ժամանակագրական բացահայտ նույնությունից, այն հանգամանքից, որ ֆունդագեցիները առնչվում են հայերին և, վերջապես, ֆունդագեցի-թոնդրակեցի անունների նմանությունից, կարծում ենք, որ Օպսիկիոն բանակաթեմի ֆունդագեցիները Բյուզանդական կայսրության կողմից X դ. վերջին և XI դ. սկզբին նվաճված հայկական շրջաններից բռնագաղթեցված թոնդրակեցիներն են: Այս հանգամանքը հնարավորություն է տալիս թոնդրակյան շարժման պատմության և գաղափարախոսության ուսումնասիրության համար շրջանառության մեջ դնել մի նոր ընդարձակ աղբյուր, ինչպիսին է Եվթիմիոս Ակմոնացու երկը:

ВИЗАНТИЙСКАЯ, АРМЯНСКАЯ И БОЛГАРСКАЯ ЛЕГЕНДЫ
О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПАВЛИКИАН
И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Р. М. Бартикян (Ереван)

Одно из крупнейших социальных движений средневековья — павликианство, возникшее в середине VII в. в Западной Армении, скоро распространилось и в Восточной Армении, на территории Малой Азии, а начиная с середины VIII в., в силу переселения еретиков византийскими императорами, также в Болгарии. Территориальный и этнический ареалы распространения движения — Армения, Византия, Болгария — явился причиной того, что армяне, греки и болгары, вернее, господствующие классы этих народов создали о происхождении павликиан разные легенды, основной целью которых была дискредитация павликианства в глазах верующих, стремление воспрепятствовать его дальнейшему распространению. Поэтому павликианство и его идеи в этих легендах представляются в сильно искаженном виде, хотя отдельных исторических реминисценций в них нетрудно проследить.

Византийская легенда о происхождении и распространении павликиан встречается у Петра Игумена¹, Петра Сицилийского², Георгия Монаха³ и у пользовавшихся их трудами авторов⁴. Создатели византийской легенды павликианство считают продолжением, вернее, возрождением манихейства, и чтобы создать недостающее звено в созданной им цепи, приводят легенду о манихейке Каллинике и ее сынах Павле и Иоанне. После смерти Мани, пишут они, некоторые из его учеников дошли до Самосата в Армении (исследователи отождествляют его с городом Аршамашат-Арсамосата⁵), где „обманули многих из тамошних армян“. Через некоторое время манихейка Каллиника отправила своих сыновей Павла и Ионна из Самосата в Фанарию⁶, где они распространили

¹ Les Sources Grecques pour l'Histoire des Pauliciens d'Asie Mineure. — Travaux et Mémoires, 4, 1970, 80—81.

² Ibid., 37—39.

³ Georgii Monachi Chronicon, ed. C. de Boor. T. 2. Lipsiae, 1904, 718—719.

⁴ Photii Narratio. . . — In: Les Sources Grecques. . . , p. 121.

⁵ Аршамашат находился в 130 километрах к юго-западу от Мананали.

⁶ Согласно R. P. de Jerphanion современный Таш Ова, главным центром которой является Нерек, к южному течению рек Ешил-Ырмак и Гелгит-Ырмак.; H. Grégoire. Pour l'histoire des églises Pauliciennes. — Orientalia Christiana Periodica, 13, 1947, No 3—4, p. 510.

свою ересь. С тех пор она по имени этого Павла стала называться павликианством, а место их проповеди — Эписпарис⁷.

В основе этой легенды лежит стремление господствующих классов Византии отождествить движение манихеев с движением павликиан, ибо в эпоху возникновения павликианства манихейства уже не было, усилиями церкви и государства оно было дискредитировано в глазах верующих, „манихей“ стало бранной кличкой, которой оскорбляли людей, ничего общего не имеющих с манихеями, даже в константинопольском ипподроме. Кроме того, для церкви и государства было выгодно считать павликиан манихеями, поскольку таким образом представлялась возможность использовать против павликиан всю обширную антиманихейскую литературу, а также распространить на павликиан принятые против манихеев законы и постановления. И неудивительно, что сами павликиане всячески стремились огородить себя от манихеев, они считали, что ничего общего с манихеями не имеют, отказывались от всех манихейских „учителей“, в том числе от Каллиники и ее сынов, считали основоположником своего движения Константина-Сильвана, а название своей ереси производили от имени своего патрона апостола Павла (*ἀποστόλου Παύλου, ὃν ψευδελώνυμοι παραούφονται*)⁸.

Повесть о манихейке Каллинике и ее сынах и в хронологическом аспекте никак не вяжется с павликианами. Как видно из легенды, Каллиника и ее сыны (если и допустить, что они когда-либо в действительности и существовали), появились не так уж поздно после смерти Мани (III в.), а основатель павликианства Константин-Сильван жил и действовал начиная с середины VIII века. В этой легенде, видимо, отразилась ошибка ряда византийских писателей, которые павликианство путали с павлианитством, с ересью епископа Павла Самосатского, и под Павлом Самосатским, сыном Каллиники, по всей вероятности, кроется епископ III в. Павел Самосатский. В этой легенде, вероятно, верно упоминание местности Эписпарис, название которой авторы легенды производят от греческого глагола *ἐπισηρίω* — сеять (разумеется, плевелы ереси), но не исключено, что под ним кроется название VII кантона Высокой Армении Спер. Как известно, павликианство начало свой путь из Мананали, из пятого кантона той же Высокой Армении.

Армянская легенда о павликианах встречается в так называемой „Книге о ересях“⁹, которая представляет собой древнеармянский перевод известного труда Иоанна Дамаскина об ересях¹⁰, основанного на „Панарии“ Епифания Кипрского¹¹ с той только разницей, что в армянской „Книге о ересях“ есть и оригинальная часть, не имеющая соответствующего места

⁷ Les Sources Grecques. . . , p. 39.

⁸ В своей статье К. Н. Юзбашян (см. его „К происхождению имени „Павликиане“. Византийские очерки, вып. 2. М., 1970, 213—236) находит, что название „Павликиане“ не связано с именем апостола Павла, что сами еретики себя так не называли, что имя это дано им их противниками и связано оно с именем Павла, сына Каллиники, которых он считает историческими персонажами. Источники, однако, не подтверждают его выводы. Подробнее см. Р. М. Бартиян. Еще раз о происхождении имени „Павликиане“. — Вестник общественных наук АН Армянской ССР, 1973, № 2.

⁹ Издана Г. Тер-Мкртчяном в журнале „Арарат“, Вагаршапат, 1892 (на армянском языке).

¹⁰ Johannis Damasceni de Haeresibus liber. — Migne, Patrologia graeca. Т. 94.

¹¹ Epiphani Adversus octoginta haereses. — Migne, Patrologia graeca. Т. 42.

в греческих источниках. В вышеупомянутой армянской „Книге“ дается краткое описание 158 ересей. Для нашей темы интерес представляет ересь, упомянутая под номерами 153 и 154. Под № 153 между прочим говорится: „Некий император страны ромеев, встретив мерзких еретиков павликиан, не смог заставить их отказаться от ереси и прогнал их дальше горы Кавказ. Их предводителем была некая женщина по имени Марэ, колдунья и блудница. Она злодеям делала добро, а добродетельных наказывала, проповедовала об общности женщин, а те пять дней, которые мы называем господними, называла она сатанинскими и считала, что проливать человеческую кровь в эти дни добро, а те, которые едят плоть и пьют кровь человеческую поступают справедливо. Она под воздействием сатаны видела видения, убивала детей и говорила, что души этих убитых детей приходят в видениях колдунов“.

154-я ересь является продолжением вышеприведенного рассказа. „Далее, говорится здесь, некая женщина по имени Шети из той же ереси, после турок (видимо, арабов. — Р. Б.) пришла в Армению. Некий Павел из области Айратат, который учился у святого Ефрема, похитил эту женщину, чем ересь была смешана с христианством. Еретики солнце отождествляли с Христом — не умершим и не воскресшим. Святой Ефрем пришел, но не смог отторгнуть его от ереси, поэтому проклял его и ушел“.

Если оставить в стороне все сказанное армянскими церковниками о колдовстве, кровопийстве и других „пороках“ павликиан, рассчитанных на простаков, если не обратить внимания на все анахронизмы, то в этой легенде интересно то, что совершенно правильно указывается путь распространения павликианской ереси из находящихся под византийским владычеством западных областей Армении в Восточную Армению, а также время этого события. Действительно, павликианство было распространено в Восточной Армении после установления здесь арабского владычества и в силу преследования еретиков византийскими императорами¹². Что касается Павла из области Айратат, который считается основоположником павликианства в Восточной Армении, то мы встречаем его и в армянском фольклоре, где он выступает под именем дьявола Пулика (Павлика)¹³. О нем более определенно говорится в болгарской легенде о происхождении павликиан, о которой еще пойдет речь.

В армянской легенде нашли отражение и некоторые черты идеологии павликиан, в том числе их богословский дуализм. Согласно этой легенде, то, что православный считает господним, т. е. божественным, еретики считали сатанинским, т. е. здесь нашло свое выражение представление еретиков о добром и злом боге (т. е. сатане), их учение о том, что все видимое является творением сатаны, т. е. злого бога. Верно также и то, что павликиане отождествляли Христа с солнцем. Это подтверждается и армянскими, и византийскими источниками.¹⁴

Перехожу к болгарской легенде. Видный болгарский ученый Йордан Иванов в 1922 г. опубликовал древнеболгарскую легенду о происхождении

¹² См. Р. М. Бартиян. К вопросу о павликианском движении в Византии в первой половине VIII в. — Византийский Временник, 8, 1956.

¹³ См. Г. Тер-Мкртчян. Армениака — XIII—XIX. Вагаршапат, 1903, с. 78 (на арм. яз.), а также А. Т. Ганалаян. Армянские пословицы. Ереван, 1960, XV—XVII (на арм. яз.).

¹⁴ См. Р. М. Бартиян. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961, с. 35, прим. 7.

дени павликиан, обнаруженную им в содержащей апокрифическую литературу рукописи XVII в.¹⁶ Известны и другие, более поздние редакции этой легенды, которые восходят к опубликованному Ивановым тексту¹⁶. Содержание болгарской легенды, озаглавленной „Слово Иоанна Златоустаго како зачеху се Павликяне“, таково: Дьявол по имени Пайл, приняв облик писаря, поступает на службу к св. Василию Кесарийскому. Из письма писаря Иоанн Златоуст убедился, что имеет дело с дьяволом и в письме Василию Кесарийскому выразил желание лично повидать его. Иоанн Златоуст приходит в Каппадокию, видит Пайла и убеждается в своей правоте. Когда Иоанн Златоуст стал в церкви читать святое Евангелие, дьяволу Пайлу стало не по себе, что испугало св. Василия. Дьявол стал страшным, когда св. Иоанн начал давать святое причастие и упомянул имя св. Богородицы, а когда он сказал „один святой, один господь“, дьявол лопнул. Св. Иоанн собрал все книги дьявола Пайла и предал их огню, а его двух учеников по имени Суботин и Шутил, так как они были сыны христианские, решил направить на путь христианский. Эти два ученика из Каппадокии приходят в болгарские земли, принимают апостольские имена Павел и Иоанн и приступают по книгам учить людей. Те, которые принимали их проповедь, стали именоваться павликианами и прославляли они Павла. Иоанн Златоуст ищет учеников дьявола Пайла. Из Константинополя он приходит в Петрич, где ему идет навстречу Богородица. Из Петрича Иоанн Златоуст вступает в болгарские земли, повелевает содрать с Суботина-Павла и Шутила-Иоанна кожу, поскольку она была крещена, и проклинает павликиан и их учеников.

Вот вкратце содержание болгарской легенды. Разумеется, имя Иоанна Златоуста (и Василия Кесарийского также) упомянуто здесь с целью придать рассказу большую авторитетность. Это отметил еще И. Иванов и, как мы увидели выше, и в армянской легенде также имя св. Ефрема упомянуто с той же целью. Что касается времени создания легенды, то совершенно прав И. Иванов, который, на основании упоминания в ней Петрича, т. е. Петриционского монастыря и Богородицы Петроционистиссы, считает, что легенда в данной форме датируется после 1083 г., времени основания Бачковского монастыря в Филиппополе Григорием Пакурианом.

В легенде ясно показано распространение в Болгарии павликианства из Малой Азии путем переселения еретиков. В этом историческая действительность отражена точно. Как известно, начиная с середины VIII в. вплоть до второй половины X в. византийскими императорами в Болгарию было переселено множество еретиков, которые и распространили там ересь. На основании этого можно говорить о том, что легенда о возникновении павликиан в Малой Азии и Армении нашла свое продолжение, отражающее события уже на месте, в Болгарии. Новые имена учеников дьявола Пайла — Павел и Иоанн, которые суть не что иное как имена сынов Каллиники византийской легенды, подтверждают это. Однако ряд фактов заставляет нас предположить, что болгарская легенда

¹⁶ И. И в а н о в. Происход на Павликяните според два български ръкописа. — Списание на Българската академия на науките, клон историко-филологичен и философско-обществен, кн. 24, 1922, 20—31.

¹⁶ Ю. Я в о р с к и й. Легенда о происхождении павликиан. — В: Сборник Отделения русского языка и словесности АН СССР. Т. 101. Л., 1928, с. 503.

в своей основе имеет не греческий источник. Во-первых, дьявол Пайл в византийских источниках не фигурирует вовсе. Его мы встречаем в армянском фольклоре. Об этом свидетельствует и имя одного из учеников Пайла — Шутил. Как известно, в греческом языке нет „ш“, на что указывал И. Иванов. Но в Шутиле нужно видеть не Шатила, сына Адама и Евы по манихейскому учению, сохранившемуся в труде Ан-Надима, как предполагал И. Иванов, а скорее всего Шети армянской легенды. Что касается Суботина, то И. Иванов приводил две параллели — Смбага Зарехаванци, основателя ереси тондракитов в Армении, и Сантаварина, современника Смбага, которого Иванов считает манихеем. Но скорее всего Суботина нужно отождествить с Смбагом (произносится и Сумбат), а не с Сантаварином, который не был манихеем. Он был близким другом патриарха Фотия, автора многих сочинений, направленных как раз против павликиан и манихеев. В переселении Суботина-Смбага в Болгарию и распространении им там ереси павликиан, по всей вероятности, отражен факт переселения в Болгарию армян-тондракитов, происшедшего после завоевания Армении Византией в IX—XI вв. В исторических сочинениях о переселении поименно тондракитов в Болгарию нет каких-либо упоминаний, есть упоминания о переселении Иоанном Цимисхием павликиан, и это, видимо, нужно объяснить тем, что в Византии тондракитов считали теми же павликианами. В этом отношении болгарская легенда является единственным источником, свидетельствующим об этом факте. Она является также единственным источником, прямо указывающим на роль Петриционского монастыря, направленную против павликиан Фракии. В болгарской легенде сказано, что св. Иоанн Златоуст начал преследование павликианских вождей Суботина-Павла и Шутила-Иоанна, выходя из Петрича, т. е. из Бачковского монастыря Богородицы. Хотя ряд ученых, начиная с Н. Я. Марра писали о целях основания и роли данного монастыря в борьбе против павликиан Фракии, но нигде не было прямого указания на это. Известно, что основатель монастыря Пакуриан был убит в Белятове печенегами в союзе с павликианами Фракии, которых возглавлял Травл¹⁷, и в этом нужно видеть и ненависть павликиан Фракии к их преследователю Григорию Пакуриану¹⁸. В болгарской легенде в завуалированной форме мы встречаемся со многими сторонами павликианского вероучения. Дьявол Пайл стал страшным, когда св. Иоанн Златоуст начал давать святое причастие, когда упомянул имя Богоматери, а когда он стал говорить „один святой, один господь“, он лопнул. В этом нашло свое отражение отказ павликиан от таинства причастия, их отрицательное отношение к Богоматери, как и их вера в существование двух богов — Злого и Доброго, их богословский дуализм. А в убиении св. Иоанном Суботина и Шутила и предании книг Пайла огню нашло свое отражение отношение церкви и государства к еретикам и их книгам.

¹⁷ Алексиада. Кн. II, 14.

¹⁸ Ср. И. И в а н о в. Указ. соч., с. 27.

В конце добавим, что болгарская легенда о происхождении павликианства и его распространении в Болгарии создана в среде, хорошо знакомой и с армянской, и с византийской легендами людей, и, по всей вероятности, прав Й. Иванов, который предполагает, что она создана в Бачковском монастыре, но до того как монастырь стал болгарским, скорее всего его армяно-халкедонитским духовенством, в эпоху Алексея I Комнина, развернувшего большую борьбу против павликиан Филиппопольского района.

О ПРОТОБОЛГАРСКИХ НАДПИСЯХ ХАНОВ КРУМА (803—814) И ОМУРТАГА (814—831) И НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОРГАНИЗАЦИИ РАННЕБОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

РАЧ БАРТИКЯН

Как отмечают болгарские ученые, единственными болгарскими источниками по истории Болгарии эпохи Крума и Омуртага являются лапидарные надписи этих же ханов. Протоболгарские надписи, как известно, высечены по-гречески, встречающиеся в них отдельные протоболгарские титулы и термины написаны греческими письменами на протоболгарском языке. Эти надписи изобилуют ошибками, особенно орфографического характера. Предметом нашего исследования являются обнаруженные в селении Хамбарли (ныне Маламирово) Ямбольского округа две лапидарные надписи¹ хана Крума и одна — его сына, хана Омуртага. Надписи Крума датируются последними месяцами 813 и первыми месяцами 814 гг., т. е. последним полугодием жизни грозного хана. Надписи высечены на двух сторонах алтаря античного времени, они очень плохой сохранности, отсутствует их начало и конец.

В первой надписи Крум говорит о своих блестящих победах, одержанных им над византийским императором Никифором I (802—811 гг.), во второй — об административном устройстве и делении своего государства. Здесь он указывает, что «первым» (πρῶτος) в правой части его государства является «внутренний бояр Тук»², которому непосредственно подчиняются стратеги Вардан (Βαρδάνης) и Иоанн, а во главе (κεφαλῆ) левой части государства стоит «бояр-кавхан Иратайс», которому подчиняются стратеги Кордил (Κορδύλης) и Григора. Хан Крум пишет, что правая часть его государства берет начало от города Вероя (ныне Стара Загора), в левую же часть входят города Анхиал,

¹ Вторая надпись в действительности является продолжением первой, и по существу мы имеем дело с двумя частями одной надписи. Мы располагаем опубликованными И. Венедиковым и В. Бешевлиевым текстами: I. Venedikov, La population byzantine en Bulgarie au début du IXe siècle („Byzantinobulgarica“, t. I, Sofia, 1962, p. 264—265); V. Beševliev, Les inscriptions protobulgares et leur portée culturelle et historique („Byzantinoslavica“, t. XXXII, fasc. I, Prague, 1971, p. 46).

² В тексте: [ἰ]βουλγῶν βοῦλτζα, т. е. İbırgū boıla, титул тюркского происхождения, переданный Константином Порфирородным по-гречески как ἑπὶ βοῦλτζα; (множ. число). О них см.: I. Dujshev, Les boljars dits intérieurs et extérieurs de la Bulgarie médiévale (In: I. Dujshev, Medioevo bizantino-slavo I, Saggi di storia politica e culturale, Roma, 1965, pp. 231—244); В. Гюзелев, Ичиргу боилите на Първата българска държава VII—XI в. Гос. Соф. Университет, филос.—ист. факультет, 65 (1971) III, 1973, с. 125—179.

Девельтос, Созополь и Ранула³, следовательно, под правой частью подразумевается запад, а под левой — восток государства. В начале этой надписи Крум упоминает своего брата, видимо, в качестве верховного правителя третьей части государства⁴. Имя брата в надписи не сохранилось, а сохранилось лишь имя стратига Льва (Λέων), его непосредственного подчиненного.

К какому выводу можно прийти на основании приведенных сведений этих надписей? Самые высокие, ключевые посты в государстве Крума занимали люди, носящие болгарские имена и болгарские титулы. Первые два назывались «внутренний бояр Тук» и «бояр-кавхан Ира-тайс». Имени третьего мы не знаем, но поскольку его носителем был брат хана Крума, то его имя, вероятно, тоже должно было быть болгарским. Что же касается имен их подчиненных — Лев, Вардан, Иоанн, Кордил и Григора — то они, несомненно, «византийские». И их титул — στρατηγός — тоже византийский. Как пишет И. Венедиков, в надписях болгарских ханов языческой эпохи первой половины IX в. встречаются только протоболгарские титулы⁵. В связи с этим И. Венедиков упоминает надпись Омуртага, найденную в Сулейман-кёй-е (ныне Сечище). В ней названы византийские полководцы, бежавшие в Болгарию. Болгарский историк обращается и к «Хронографии» Феофана Исповедника, в которой хронист под 6301 г. (809 г.) пишет, что хан Крум после того, как захватил город Сердику (нынешняя София), истребил там 6000 византийских воинов. Против Крума безуспешно выступил император Никифор I (802—811 гг.). Феофан далее указывает, что, отказав в амнистии спасшимся от резни византийским полководцам, император Никифор вынудил их искать убежища у неприятеля, т. е. у Крума⁶. На основании всего сказанного И. Венедиков приходит к выводу, что стратиги Лев, Вардан, Иоанн, Кордил и Григора могли быть перебежчиками из византийской армии Никифора I, но в то же время он полагает, что они

³ Эта надпись изобилует орфографическими ошибками. Привожу интересующую нас часть надписи, с соответствующими исправлениями: "... ἐστὶν πρῶτος ὁ Τούκος ὁ [ἡ]στρατοῦ βουλητὰ διὰ τὸ δεξιὸν μέρος καὶ Βαρδάνης καὶ ὁ [ἡ]ἰώνης οἱ στρατηγοὶ ὑποκάτω αὐτοῦ. Καὶ διὰ τὸ ἀριστερὸν μέρος τοῦ παρακάτω μου (не от персидского ли šahr = государство, держава) τὴν Ἀρχιάλον, τὴν Δεβελτόν, τὴν Σωζόπολιν, τὴν Ρανούλην ἐστὶν κεφαλὴ ὁ Ἰρατάς ὁ βεῖλα κρυχῆνος καὶ Κορδύλης καὶ ὁ Γρηγοράς ὑποκάτω τοῦ στρατηγοῦ" (I. Venedikov, указ. соч., с. 264—265).

⁴ По предположению И. Венедикова в нее входил регион Адрианополя (I. Venedikov, указ. соч., с. 206), следовательно, он правил южной частью империи Крума.

⁵ Там же, с. 273.

⁶ „Theophanis Chronographia“, ed. C. de Boor, t. I, Lipsiae, 1883, p. 485. В эти годы Феофан Исповедник упоминает спафария Вардана Анему (с. 482), Вардана, стратига фемы Фракисийцев (с. 474), патрикия Льва Серантапиха и патрикия Григория, сына Мусулака (т. е. Мушега) (с. 476), но, разумеется, это совпадение имен стратигов Крума не дает нам права отождествлять их.

могли быть также военнопленными или же представителями подчиненного болгарам византийского населения.

Суммируя свои соображения по этому вопросу, И. Венедиков находит, что все пять стратигов, упомянутых в надписи из Хамбарли, командовали войнами, выходцами из местных византийских крестьян. После захвата северной Фракии Крумом крестьяне были оставлены им под командованием этих же военачальников⁷.

Мы согласны с И. Венедиковым, что названные пять стратигов — византийские полководцы, но неубедительно его замечание о том, что они командовали лишь местными (византийскими) крестьянами. Надписи из Хамбарли показывают, что роль этих стратигов в государстве Крума намного серьезней и важней. Отметим здесь, что имена трех стратигов — Лев, Иоанн и Григора — общехристианские и, разумеется, невозможно определить этническую принадлежность их носителей. Эти имена в Византийской империи мог носить любой христианин. Имена же Вардан и Кордил — типично армянские⁸. Анонимный византийский хронист эпохи Льва V (813—820 гг.), а также Георгий Монах сообщают нам дополнительную информацию об армянских стратигах Кордиле и Вардане⁹. Рассказывая о взятии города Адрианополя (813 г.) ханом Крумом, Аноним и Георгий Монах пишут, что Крум переселил из этого города десять тысяч мужчин (не считая женщин и детей) на левый берег Дуная (πέραν τοῦ Δαυουβίου)¹⁰. Согласно Георгию Монаху, в годы правления императора Феофила (829—842 гг.) стратилатом македонян (т. е. переселенцев из фемы Македонии, региона Адрианополя)¹¹ был человек по имени Кордил (Κορδύλης). Сына Кордила звали Вард. Отец, оставив Варда править «македонянами», обратился к императору Феофилу, не исключено, и к его жене, императрице Феодоре, армянке по происхождению, с просьбой помочь им и переселенцам бежать из Болгарии, что удалось осуществить в 837 г.

Итак, одного из двух стратигов «правой части» государства Крума звали Вардан, а один из двух стратигов «левой части» государства носил редкое в Византии армянское имя Кордил. Оба в надписи Крума названы стратигами. И Кордил, и Вард в «Хронографии» Анонима и Георгия Монаха упоминаются как стратилаты, и оба, как и их тезки,

⁷ I. Venedikov, указ. соч., с. 275.

⁸ Н. Адонц считает, что встречающееся в византийских источниках имя Кордил есть армянское имя Гарджуйл или Гарджул (Գարջույլ, Գարջուլ). N. Adontz, L'age et l'origine de l'empereur Basile I (867—883) („Etudes Arméno-byzantines“, Lisbonne, 1965, p. 54).

⁹ Предполагается, что два других стратига, Лев и Иоанн, по неизвестным нам причинам были казнены наследником Крума Омуртагом: I. Venedikov, указ. соч., с. 274—275.

¹⁰ „Scriptor Incertus de Leone Armenio“, Bonnae, 1832, p. 345; Georgius Monachus, Vitae Imperatorum recentiorum, Bonnae, 1838, p. 817; Cp. Symeon Magister (In: „Theophanes Continuatus“, Bonnae, 1838, p. 615).

¹¹ I. Venedikov, указ. соч., с. 275.

правили в одно и то же время. Такое совпадение нельзя считать случайным¹². Отметим здесь, что среди взятых Крумом в плен жителей Адрианополя были и родители будущего императора Василия I, который, согласно Продолжателю Феофана, по национальности был армянином (τὸ γένος εἶχεν ἐξ Ἀρμενίων)¹³. Примечательно что в числе взятых Крумом во Фракии трофеев были армянские высококачественные шерстяные ковры, одежда и медная утварь (Ἀρμενιακά στρατιωτικὰ κάρα καὶ γαλκώματα)¹⁴. Это в свою очередь говорит о том, что среди пленных Крума были армяне. Сказанное проливает свет на то обстоятельство, почему в этих регионах Болгарии правителями были назначены лица армянского происхождения. Эти стратигаты раньше управляли более важными регионами болгарского государства, следовательно, их назначение на новый пост нужно считать понижением в должности. Чем же это объяснить?

Видимо, после Крума и Омуртага новые правители болгарского государства изменили свое отношение к чужеземным стратигатам (то ли потому, что они не внушали им прежнего доверия, то ли потому, что уже мало нуждались в их услугах) и стали назначать их на более скромные посты. Ответом на это и было решение Кордила и Варда (не исключено, и Льва и Иоанна) бежать в Византию. Кордилу и Варду это удалось, Лев и Иоанн, видимо, заплатились за это жизнью. Разумеется, все сказанное это всего-навсего предположения, которые не могут быть проверены данными первоисточников.

Вернемся к эпохе Крума и Омуртага. Простая ли случайность, что хан Крум пользовался услугами полководцев армянского происхождения? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к надписи его сына Омуртага. В 1970 г. во время археологических раскопок в древнеболгарской столице— г. Плиска— было обнаружено четыре саркофага. Они были расположены на расстоянии 2—3 метров восточнее южной апсиды большой базилики, в 1,5 км от крепости, известной в литературе под названием «Внутренний город». Саркофаги ориентированы с востока на запад, а усопшие были захоронены по христианскому ритуалу. На крышке одного из саркофагов был вырезан крест. Только в одном из саркофагов были найдены золотая застежка пояса и его золотой конец, в остальных трех ничего не сохранилось. Большой интерес представляет семистрочная лапидарная надпись, высеченная на крышке одного из упомянутых саркофагов. Надпись сделана на греческом языке и по своему содержанию относится к известным и неоднократно публиковавшимся протоболгарским надписям¹⁵. В отличие от всех остальных только эта надпись обнаружена in situ.

¹² Там же.

¹³ „Theophanes Continuatus“, p. 212.

¹⁴ Symeon Magister, p. 617.

¹⁵ St. Michailov, Une nouvelle inscription protobulgare dans l'ancienne capitale Plisca („Byzantion“, t. XL (1970), fasc. 2. Hommage au R. P. J. Loenertz, p. 421—422). Эта работа является измененным и расширенным вариантом статьи Ст.

Надпись прекрасно сохранилась. Привожу чтение Ст. Михайлова¹⁶.

κανὰς ὄβριγι	Ἄνθρωπος μου ἦ—
οὐρτάγ	τον καὶ ἀπέθαν—
δάτζις ὁ κανὸ	εν ἔσω.
ιδάτος θρεπτός—	

В 1972 г. известный специалист по протоболгарским надписям проф. В. Бешевлиев исправил допущенные Ст. Михайловым неточности в расшифровке титулатуры хана Омуртага (вместо *κανὰς ὄβριγι—κανὰ σὺβριγι*), а также имени усопшего (вместо *Ἄνθρωπος μου ἦ—ὁ Τουρδάτζις*)¹⁷.

Писец не был большим знатоком греческой орфографии и допустил ряд ошибок. Приведем исправленный нами текст надписи:

κανὰ σὺβριγι	Ἄνθρωπος μου ἦ—
οὐρτάγ ὁ Τουρ—	τον καὶ ἀπέθαν—
δάτζις ὁ κανὸ	εν ἔσω.
ιδάτος θρεπτός	

Хотя и надпись сделана на греческом языке, титулатура хана Омуртага (*κανὰ σὺβριγι*) приведена на протоболгарском.

Перевод надписи, осуществленный Ст. Михайловым, следующий: „Le grand khan Omourtag: le candidat Otourdatzis était mon homme fidèle (littéralement: nourri ou élevé par moi) et il est mort à l'intérieur“ («Великий хан Омуртаг: Кандидат Отурдацис был моим верным человеком¹⁸ (дословно: откормленным или воспитанным мною) и он мертв внутри»)¹⁹.

Итак, могила принадлежит человеку, носящему византийский титул кандидата и названному по чтению Ст. Михайлова *Ἄνθρωπος μου ἦ—ὁ Τουρδάτζις*, а В. Бешевлиева—*Τουρδάτζις*. Справедливо считая окончание имени—ΙΣ (вернее— ΗΣ) греческим, Ст. Михайлов находит, что это «протобол-

Михайлова, опубликованной в болгарском журнале «Археология» (т. XII, 1970, вып. 4, с. 1—8). Полное издание протоболгарских надписей см.: В. Бешевлиев, Първоболгарските надписи. Годишник на Софийския държавен университет «Клемент Охридски» («Философско-исторически факултет», XXXI, София, 1934); его же. Die Protobulgarischen Inschriften, Berlin, 1963. Мы располагаем болгарскими переводами В. Бешевлиева, опубликованными в «Христоматия по история на България», т. 1. От най-стари времена до средата на XVIII в. Съставители: А. Бурмов и П. Петров. София, 1964, с. 108 и сл.

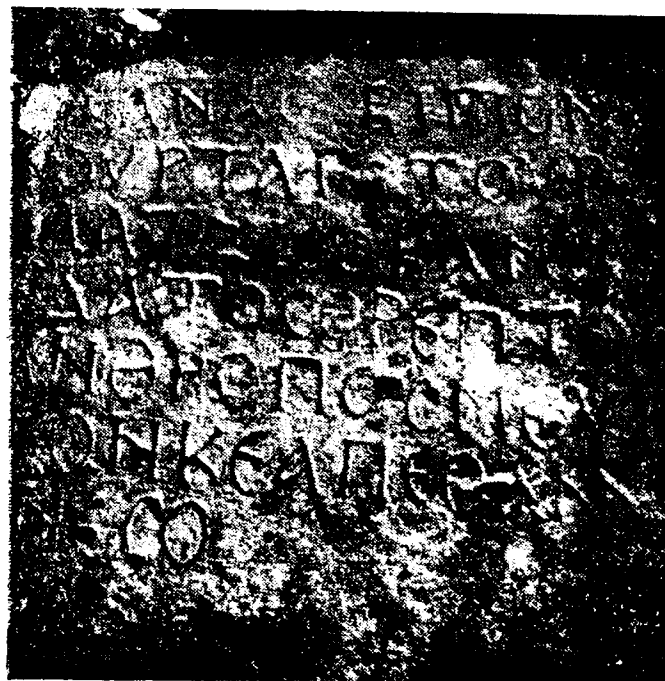
¹⁶ St. Michailov, указ. соч., с. 426.

¹⁷ V. Beševliev. Eine neue protobulgarische Gedenkschrift („Byzantinische Zeitschrift“, Bd. 65, Heft 2, 1972, S. 394—399).

¹⁸ Ср. *οἱ ἄνθρωποι μου* в Типике Григория Пакуриана. П. Лемерль заметил, что это выражение в Типике следует за выражением *οἱ συγγενεῖς*, обозначающим кровное родство. Стало быть, согласно П. Лемерлю, *οἱ ἄνθρωποι*—это друзья, слуги или, скорее, соратники: P. Lemerle, Cinq Études sur le XIe siècle byzantin, Paris 1977, p. 186.

¹⁹ Т. е. умер и захоронен в этом саркофаге. Ст. Михайлов думает иначе: «умер в городе Плиска» (указ. соч., с. 426).

гарское» имя должно было звучать у протоболгар как „Otourdač“²⁰ (Отурдач), и что носителем его был протоболгарин. Однако Ст. Михайлов не приводит каких-либо параллелей, подтверждающих наличие подобного имени у протоболгар²¹. Кроме того, он утверждает, что захоронение христианское. Болгары в это время были еще язычниками, христианство в Болгарии стало государственной религией лишь полстолетия спустя, в 865 г., при царе Борисе I, к тому же титул «Отурдач»-а «кандидат» — византийский, а не протоболгарский.

Могильная плита кандидата Турдаца с надписью хана Омуртага
(Фото из: St. Michailov, Une nouvelle inscription protobulgare dans l'ancienne capitale Plisca, „Byzantion“, t. XL (1970), fasc. 2)

Мы считаем правильной расшифровку В. Бешевлиева. Данное имя в этой надписи не могло быть употреблено без греческого артикля мужского рода „ὁ“, который Ст. Михайловым по ошибке принят за первую букву имени — Otourdačiz, в то время как, согласно В. Бешевлиеву, нужно читать ὁ Otourdačiz (ὁ Otourdačiz — Турдац).

Если усопший был похоронен по христианскому ритуалу и носил византийский титул кандидата, то он «византиец». Но поскольку поня-

²⁰ Там же, с. 427.

²¹ В подробнейшем указателе встречающихся в византийских источниках тюркских имен ничего похожего нет: G. Moravcsik, Byzantinoturcica, II, Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen, Berlin, 1958, S. 222, 319.

тие «византиец» слишком расплывчатое, нужно уточнить этническую принадлежность этой личности исходя из его имени. Для арменоведа это не представляет особой трудности. Otourdačiz — типично армянское (иранского происхождения) имя *Srēšim* (Trdat), транслитерация его в греческих источниках *Tripdátēs* (*Tripdátēs*, *Tripdátēs*), *Terdátēs*, *Tárdač*²², в сирийских — *Turātašis*²³. Варьирование находящейся между первыми буквами «Т» и «р» гласной буквы в неармянских источниках (ι (η), ε, α, ου и т. д.) объясняется тем, что в армянском языке между отмеченными буквами «Т» и «р» нет гласной, там произносится, но не пишется интерконсонантное «р», оно в транскрипции обычно передается перевернутым „е“ (ə), в данном случае Тэрдат. Как и в сирийских источниках, в надписи хана Омуртага это „ə“ передано через „ου“²⁴.

Однако в надписи хана Омуртага интересующее нас имя кандидата все же приведено не как Турдатис (*Tourdatēs*), а Турдацис (*Tourdatēs*). Отметим здесь, что в византийских источниках через ζ передается армянское ճ (ДЧ), ծ (Ц) и Յ (ДЦ)²⁵, следовательно, в армянском имя «верного человека» Омуртага должно было бы выступать не как *Srēšim* (Трдат), а скорее всего *Srēšuz* (Трдац), или же *Srēšud* (Трдац). К тому же в армянских источниках засвидетельствована передача этого имени именно в такой форме. Этот факт блестяще подтверждает наше предположение об армянском происхождении «верного человека» хана Омуртага. Персидское имя *Tiridat* означает «[богом] Тиром даренный», т. е. «дар бога Тира». Армяне в отдельных случаях вместо персидского окончания *dat* приводили армянское *dadz* (*Srēšud*). Армянский автор V в. Фавстос Бузанд под 373 г. упоминает Трдац-а, «главу служителей»

²² O. Zamboni, *Manuscrits de la Bibliothèque de la Sorbonne*, t. II, 1784, p. 273.

²³ „Woodbrooke Studies. Christian documents in Syriac, Arabic and Garshūni“, edited and translated with a critical apparatus by A. Mingana, vol. IV, The Works of Dionysius Barsalibi against the Armenians, Cambridge, 1931, p. 7.

²⁴ Это характерно и для других армянских личных имен (и существительных), ср., например: Сумбат вместо Сэмбат (*Ušrēšim-Ušrēšim*), *Συμβάτιος* в византийских источниках, или же новоармянское Мукуч (*Ušrēšim*) вместо Мэкэртич (*Ušrēšim*) и т. д.: Z. K. Zamboni, *Manuscrits de la Bibliothèque de la Sorbonne*, t. II, 1784, p. 273; ср. также армянское имя *Ճանչալուկ* (Чанчэлук), которое в византийских источниках выступает в форме *Τζαντζουλόκιος*, *Τζουτζουλόκιος*, *Τζαντζιλόυκις*, т. е. „ə“ передается через „ι“ или „ου“, как в имени Тэрдата. См. „Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum“, Berolini et Novi Eboraci, 1973, p. 415. О явлении см. X. II. Συμμεωνίδης, *Χείλωση στη Μεσαιωνική και Νέα Ελληνική*, „Βυζαντινά“, „Επιστημονικόν Ὀργανον Κέντρου Βυζαντινῶν Ἑρευνητῶν Φιλοσοφικῆς Σχολῆς Ἀριστοτελείου Πανεπιστημίου, τόμ. 4ος, Θεσσαλονίκη, 1972, σελ. 243—244. В греческом и болгарском „ə“ передается через „ου“, ср. „България“ — „Βουλγαρία“.

²⁵ Ср. ВHXKATZH (*Վրդապի*). Н. М. Bartikian, *La généalogie du Magistros Bagarat, Catépan de l'Orient, et des Kékaumènos* („Revue des Études Arméniennes“, t. II, 1965). *Մար Նախիբ — Կաթան*, „Արմենիոն“. Н. Адонц, О происхождении армянцатов („Журнал Министерства народного просвещения“, 1911, с. 238—249). То же на армянском языке: *Հայ-ճախիբի ծագման մասին (հանդիսա ամսորդա)*, 1912, № 5, էջ 271.

во время похорон армянского католикоса Нерсеса Великого («*սիշտօ-նէիցն զիւստր Տրդաժ*») ²⁶. Фердинанд Юсти объясняет значение имени Трдадц: „Trdadz: d. i. vom [Gotte] Tir geschenkt“ ²⁷ = „Трдадц: т. е. (богом) Тиром дареный“.

Имя *Տրդատ* — Трдат — *Τριδάτης*; носили три царя Армении, в том числе Трдат III (298—330 гг.), провозгласивший вместе со св. Григорием Просветителем христианство государственной религией. Это имя носили многие другие видные армянские деятели как в самой Армении, так и в Византии. Феофан Исповедник под 6234 (743) годом упоминает „храброго воина патрикия Тиридата армянина“ (*πατριχίου Τηριδάτην τὸν Ἀρμένιον στρατιώτην γενναῖον*) ²⁸, двоюродного брата „армянина Артавазда, стратига фемы Армениаков“ (*Ἀρταύαζδον Ἀρμένιον, τὸν Ἀρμενιάκων στρατηγόν*) ²⁹. Тиридатом звали и знаменитого армянского зодчего, восстановившего в 989 г. разрушенный в результате землетрясения купол храма св. Софии в Константинополе ³⁰.

Итак, близкий Омуртагу человек был по национальности, бесспорно, армянином. Он носил византийский титул кандидата, следовательно, был военным и, наверное, служил раньше в византийской армии. Армянин Трдадц, по всей вероятности, занимал в администрации Омуртага такую же должность, какую во времена Крума занимали армяне Кордил и Вардан, а также Лев, Иоанн и Григора, которые, вероятно, тоже были армянами ³¹. В этом нельзя не заметить некоей закономерности. Самые высокие и ответственные посты в государстве Крума и Омуртага предоставлялись чистокровным болгарам, представителям семьи правящей династии. Но Крум и Омуртаг были не прочь воспользоваться и услугами опытных и предприимчивых «византийцев». Однако, обращаясь к их услугам, болгарские ханы не были безразличны в выборе. Они не доверяли византийцам-грекам, отдавая предпочтение византийцам-инородным, как видно из надписей Крума и Омуртага — армянам. Наше мнение о том, что болгарские ханы проявляли особый подход в выборе «ви-

²⁶ «*Փիւստտրի Բուզանդացի Պատմութիւն Հայոց*», Վենետիկ, 1933, էջ 222. Переводчик Истории Фавстоса на русский язык М. А. Геворкян, считая чтение *Տրդաժ* — Трдадц ошибкой переписчика, «исправил» на Трдат («История Армении Фавстоса Бузанда», Ереван, 1953, с. 167). К таким «исправлениям», видимо, часто прибегали и средневековые писцы.

²⁷ Ferdinand Justi, *Iranisches Namenbuch*, Marburg, 1895, S. 327.

²⁸ „*Theophanis Chronographia*“, p. 418.

²⁹ Там же, с. 386.

³⁰ «Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прованию — писателя XI столетия». Переведена с армянского и объяснена Н. Эминим, М., 1864, с. 180. (Имя архитектора Н. Эмин транскрибирует „Тёрдат“). Отметим, что догадка об армянском происхождении кандидата Турдаца высказана впервые доцентом Велико-тырновского университета в Болгарии Йорданом Андреевым.

³¹ В эпоху таких тяжелых с Византией войн греки не могли внушать болгарам доверия, так что хан Крум вряд ли стал бы назначать на такие ключевые посты греков.

зантыйских» кадров, предоставляя важные посты деятелям именно армянского происхождения, подтверждается тем обстоятельством, что из множества протоболгарских надписей только в двух вышеупомянутых встречаются «византийские» военные деятели, и они оказываются армянами.

Наличие на службе у болгарских ханов за столь короткий промежуток времени такого количества армян, факт необыкновенный, это чрезвычайно интересное явление.

Болгарии служили не только армяне-перебежчики. На территории этой страны еще со времен Маврикия существовала колония насильно депортированных византийским правительством армян. Эта колония заметно расширилась за счет переселенных в 756 г. императором Константином V армян из Феодосополя и Мелитены. Если эти переселенцы, по словам Феофана Исповедника, распространили там ересь павликиан, значит среди них были и павликиане, т. е. элемент, преследуемый византийскими властями и в силу этого всегда готовый перейти на сторону врагов империи. По данным Михаила Сирийца, армяне и сирийцы переселялись во Фракию и в годы правления византийского императора Льва IV (775—780 гг.) ³².

Все это говорит о том, что армяне-монофизиты, считающиеся в Византии элементом «не своим», были готовы в удобном случае бросить своих господ-халкидонитов и искать убежища у болгар-язычников. Кроме того, маловероятно, чтобы Крум и Омуртаг обращались к армянам для использования лишь их военного и административного таланта, ибо армяне были и прекрасными ремесленниками, торговцами, искусными строителями. Как было отмечено, в трофеях хана Крума, взятых у пленных армян, были высококачественные шерстяные армянские ковры, одежда, медная утварь, следовательно, среди этих пленных, возможно, были и искусные ткачи, медных и других дел мастера, услугами которых болгарские ханы вряд ли не пользовались, и не обязательно после их пленения, но и раньше. Они обращались и к армянским строителям и зодчим. Именно в период их правления началось в стране и в особенности в столице Плиске интенсивное строительство. От множества строений Плиски этого времени до нас дошли остатки Большого дворца, Малого дворца и некоторых других построек в Плиске, а также крепостная стена ее цитадели, остатки дворца в Великой Преславе, второй болгарской столице, основанной Омуртагом в 822 г. Рассматривая архитектуру этих строений, известный советский архитектор-медиевист А. Л. Якобсон отмечает: «Процесс формирования этой архитектуры от нас полно-

³² «*Միջնադարի ասորացի պատմիչի ժամանակագրութիւն*», Երուսաղէմ, 1871, էջ 353. В сирийском оригинале упомянуты только сирийцы: Michel le Syrien, *Chronique*. Editée pour la première fois et traduite en français par J.-B. Chabot. t. III, Paris, 1905, p. 2.

стью скрыт. Она является перед нами в Плиске как бы в готовом виде: предшественников здесь, в Болгарии, не знаем. Архитектура этих дворцов явилась сюда, видимо, вместе с болгарскими ханами. Однако,— продолжает А. Л. Якобсон,— болгары, будучи кочевниками, вряд ли могли выработать столь совершенную для своего времени монументальную архитектуру до прихода в Дунайскую низменность. Не могли заставить они такую архитектуру и на месте— у славян, заселивших Мезию и Фракию только в VI в., т. е. сравнительно незадолго до прихода сюда болгар. Уже давно поэтому встал вопрос о реальных источниках дворцовых палат Плиски, как и Преславы, и их строительной техники— прекрасной квадратной кладки³³. Ряд исследователей считал, что архитектура созданных в начале IX в. дворцов Плиски и Преславы восходит к искусству Ирана эпохи Сасанидов, другие архитектурным источником считали дворцы византийских императоров в Константинополе. А. Л. Якобсон на основании множества фактов опровергает эту точку зрения и приводит в качестве параллелей раннесредневековые (VII в.) дворцы Армении, а именно: дворец католикоса Нерсеса III (641—661 гг.) рядом с храмом Звартноц, дворец в Двине, раскопанный в 1937—1939 гг. и дворец в Аруче, раскопанный в 1947 г. Он пишет: «Дворцы Плиски имеют несравненно больше точек соприкосновения с дворцами Вагаршапата, Двина и Аруча, чем с дворцами Константинополя, не говоря уже о сасанидских...»³⁴. А. Л. Якобсон отмечает также сходство культовой архитектуры Болгарии и Армении VIII—IX вв.³⁵

Приводя свидетельства армянских и византийских источников о наличии большой колонии армян во Фракии в VI—VIII вв., А. Л. Якобсон пишет: «Непосредственное общение болгар с армянами и сирийцами (кстати сказать, прирожденными каменщиками) могло происходить (да, несомненно, и просходило) как раз в период интенсивного строительства в болгарской столице Плиске. *Непосредственное участие в этом строительстве армянских и сирийских зодчих более чем вероятно*»³⁶.

Как видим, и архитектурные данные говорят о том, что в период правления Крума и его сына Омуртага армяне играли значительную роль в жизни раннеболгарского государства, что являлось результатом глубоко продуманной политики этих ханов, знаменитых творцов раннеболгарской государственности.

³³ А. Л. Якобсон, К изучению раннесредневековой болгарской архитектуры (армянские параллели) («Византийский временник», т. 28, 1968, с. 198).

³⁴ Там же, с. 202.

³⁵ Там же, с. 202—203.

³⁶ Там же, с. 206. Подчеркнуто мною.

ԿՐՈՒՄ (803—814) ԵՎ ՕՄՈՒՐՏԱԳ (814—831) ԽԱՆՆԵՐԻ
ՆԱԽԱՐՈՒՂԱՐԱԿԱՆ ԱՐՁԱՆԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԵՎ ՎԱՂՐՈՒՂԱՐԱԿԱՆ
ՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԿԱԶՄԱԿԵՐՊՄԱՆ ՄԻ ՔԱՆԻ ՀԱՐՅԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

ՀՐԱԶ ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Բուլղարիայի IX դ. առաջին կեսի՝ Կրում և Օմուրտագ խաների ժամանակաշրջանի ուսումնասիրության համար բուլղարական միակ աղբյուրները հիշյալ խաների հունարեն վիմագիր արձանագրություններն են, որոնցում հիշատակված վարդանը, Գարջույլը և Տրդածը՝ ըստ երևույթին նախապես բյուզանդական ծառայության մեջ գտնված, իսկ այնուհետև բուլղարների կողմն անցած հայազգի բարձրաստիճան զինվորականներ են: Բացառված չէ, որ հայեր էին նաև արձանագրությունների հիշատակած համաքրիստոնեական անուն կրող Հովհաննեսը, Գրիգորասը և Լևոնը՝ նույնպես զինվորական գործիչներ: Բացի վարչական ու ռազմական գործիչներից, բուլղարական պետության մեջ այս շրջանում որոշակի տեղ ունեին հայ արհեստավորները, գույե և վաճառականները, ինչպես նաև ճարտարապետները: Հիշյալ խաների մայրաքաղաքներ Պլիսկայում և Պրեսլավայում կառուցված ապարանքների ճարտարապետության հայկական տարրերը, որ վեր են հանված հայկական միջնադարյան ճարտարապետության հայտնի գիտակ Ա. Յակոբսոնի կողմից, դրա լավագույն ապացույցն են:

МАТТЕОС УРХАЕЦИ

Маттеос Урхаеци—видный летописец армянского средневековья. Он жил и творил в богатую историческими событиями и деятелями, решающую для судеб народов и государств эпоху.

К сожалению, наши сведения о нем ограничиваются несколькими автобиографическими строками из его произведения. Родился он в XI в. в городе Урхе (Эдесса) и там же умер между 1138—1144 гг., в пожилом возрасте. Есть предположение, что Урхаеци погиб во время захвата Урхи эмиром Занги из Алеппо в 1144 г.

Маттеос Урхаеци был монахом и писал свой труд в Урхе, в последние годы жизни побывал в Кесуне. В сочинении, которое он назвал «Хронография», охватывается период, начиная с 952 г. и кончая 1136—1137 гг. Оно состоит из трех частей. Первая содержит хронику событий 952—1051 гг., т. е. историю одного столетия; вторая часть — 1051—1101 гг.—т. е. полувековую историю, а третья доведена до 1137 г.

Свою «Хронографию» Урхаеци начал писать в 1113 г.; причем изложение первой части, т. е. столетнего периода, длилось 8 лет. Вторую часть он завершил в 1128 г. Третью он начал писать после десятилетнего перерыва, с 1138 г., и был намерен записать события 30 лет, т. е. 1101—1130 гг., но, как видим, довел «Хронику» до 1136 г.—1137 г.

«Хронография» Урхаеци содержит события армянской истории того времени, когда в середине IX в., после двухвекового арабского господства, армянский народ, пользуясь ослаблением халифата, в ряде областей Армении восстановил свою независимость. Но слабостью халифата воспользовалась и Византия. Она стала отвоевывать не только свои территории, захваченные халифатом, но одновременно намеревалась захватить всю Армению, разработав специальную политику, которую осуществляла силой оружия и дипломатии в течение целого столетия.

Эта политика Византии заключалась в удалении из страны аристократии и знати, т. е. в обезглавливании общества.

Раздавая высокие должности, даря большие поместья, империи удалось переселить во владения Византии большую часть армянских феодалов.

Армянский народ боролся против византийского владычества всеми возможными средствами. Он стремился сбросить с себя ярмо зависимости, восстановить политическую и религиозную самостоятельность.

Таким было положение Армении, когда над страной нависла угроза нашествия сельджуков, которые в скором времени наводнили всю Малую Азию, Сирию и Палестину. Удивительно впечатляюще и образно описывает Урхаеци эти набеги. «Кровожадный и озверелый народ турков, — пишет он, — разошелся по всей земле, не оставив в покое ни одной области. Все страны христиан были преданы мечу и рабству; исчезли продукты земледелия, кончился хлеб, крестьянин и работник убит мечом и угнан в плен, повсюду распространился голод. Множество гаваров обезлюдело, разрушен мир Востока, в развалинах страна ромеев, люди нигде не находили покоя... Именитые и славные люди, свободные и князья, и знатные женщины занимались нищенством. Мы были свидетелем всего этого»¹.

Разбой, опустошение, пленение послужили причиной новой волны эмиграции армян. Захват Каппадокии турками вынудил здешних армян бежать в области Тавра и Антитавра. Они обосновались у среднего течения Евфрата, куда еще не достигли турки. Последний армянский царь из рода Багратидов, Гагик II, был убит византийцами в 1079 г. Один из его князей, Рубен, восстал против Византии и сумел основать армянское княжество в северо-западной Киликии. При наследниках Рубена границы княжества расширились до Средиземного моря. Армянские княжества возникли также в Кесуне, Нисибине, Бире, Арвандане, Каркаре и в других местах.

Завоевание малоазийского полуострова, Сирии и Палестины турками произвело в Европе большое впечатление. Развитие социально-экономических отношений и, в первую очередь, городов и торговли в X—XI вв. вызвало там стремление к захвату новых стран. Под предлогом освобождения «Святой земли» от иноверцев в XI в. в Европе возникло движение, известное в истории под названием крестовых походов и направленное на укрепление позиций на Востоке. Крестоносцам удалось создать свои княжества в Эдессе, Антиохии и Иерусалиме.

Сначала армяне радушно приняли крестоносцев, всячески помогали и поддерживали их, предполагая, что имеют

¹ Маттеос Урхаеци. Хронография, Вагаршапат, 1898, стр. 217—218 (на древнеармянском языке).

дело с освободителями от турецкого и греческого ига. Но вскоре эти обманчивые надежды рассеялись. «Франки, — пишет Маттеос Урхаеци, — превратили страну в руины, безлюдные и тернистые, под их ногами земля стала пустыней, сады и деревья высохли, поля покрылись колючками, родники иссякли» (стр. 303).

«Хронография» Маттеоса Урхаеци начинается с описания голода, охватившего страну. Если иметь в виду предпоследние второй и третьей частям страницы предисловия, то следовало бы ожидать нечто аналогичное и к первой части. Однако, оно не сохранилось. Возможно, Урхаеци намеревался написать вступление ко всему труду, но не успел.

В отличие от многих других хронистов (не только армянских), Урхаеци начинает свое историческое повествование не с сотворения мира или описания событий, удаленных от времени его жизни на много лет: он повествует о периоде менее двухсотлетней давности. Труд по принципам и форме изложения материала похож на сочинение одного из лучших византийских хронистов — Феофана Исповедника.

Урхаеци столкнулся с серьезными трудностями. Большинство армянских историографов средневековья писало только историю Армении, порою историю одной какой-то местности. Являясь современником чрезвычайно важных для жизни армянского народа событий, Урхаеци не мог довольствоваться подобным охватом материала и вынужден был рассказывать не только об армянах, но и о соседних или вообще о тех народах, с которыми армяне по воле судьбы общались. Грузия и Агванк (Кавказская Албания), Арабский халифат, Византия, Болгария, Фатимиды Египта, турки-сельджуки и турецкие деспотии, крестоносцы и княжества крестоносцев — вот неполный список тех стран, царств и владений, чью историю он в той или иной мере затронул в своем труде.

Историю ста лет (первой части) Маттеос Урхаеци писал на основании рассказов лиц, «видевших и слышавших, которые родились в старые времена, и читавших первых историков, бывших очевидцами всех происшествий».

К сожалению, он не называет имен историков, у которых черпал сведения. Им не использованы труды известных нам хронистов этого периода (Шапуха Багратуни, Ованнеса Драсханакертци, Степанноса Таронечи, Аристакаса Ластивертци): очевидно, имевшиеся в его распоряжении источники попросту не сохранились. В рукописи № 9832 Матенадарана им. Маштоца имеются фрагменты исторического труда по названию «Хроника священника Акоба». Этот автор отождествляется с известным ученым Акобом Санаинеци. Фрагменты из его «Хроники» обнаруживают параллели в фактическом материале, а также сходство в стиле, формах и композиции с соответствующими местами «Хронографии» Урхаеци, из

чего можно заключить, что Маттеос Урхаеци при написании своего сочинения пользовался «Хроникой» Акоба Санаинеци.

Известно, что Акоб Санаинеци провел последние годы своей жизни в Урхе, где и погиб в 1085 г. Следовательно, Маттеос мог не только использовать его рукописное наследие, но и лично быть знаком с ним². Санаинеци встречался с выдающимися политическими и церковными деятелями своего времени, имел возможность черпать материал из архива Багратидов, а также из архива католикоса, из ряда официальных документов и другого рода источников (например, письма византийского императора Иоанна I Цимисхия армянскому царю Ашоту II, письма императора Василия II царю Ованнесу Багратиду и католикосу Саргису и т. д.)³.

В 1065 г. Акоб побывал в Константинополе, где, по-видимому, ознакомился с хрониками византийских авторов, а также с богатой патриаршей библиотекой. Этими материалами он пополнил свое историческое произведение. По всей вероятности, такого рода факты через посредство «Хроники» Санаинеци могли попасть в исторический труд Маттеоса Урхаеци.

Конечно, Маттеос Урхаеци был знаком с византийскими источниками непосредственно, но с какими именно, пока трудно сказать.

Во второй и третьей частях своего труда Урхаеци выступает как современник описываемых событий. Здесь он является свидетелем, хорошо осведомленным и разбиравшимся в том, что происходило в его городе, области и соседних областях. В таком богатстве содержания большое достоинство его «Хронографии», поэтому она высоко оценивается исследователями-историками. Разумеется, здесь он опирается и на письменные источники, которые, однако, опять-таки не называет. Кроме письменных, Урхаеци имел возможность получать сведения о крестоносцах от живых людей, поскольку именно в его родном городе в 1098 г. было основано первое княжество франков на Востоке.

Сочинение Урхаеци — хроника, история, изложенная в хронологической последовательности. Но автор не холодный регистратор фактов, он исследователь, у него свой подход к происходящему, и он ясно понимает политическое положение и судьбу армян. С сочувствием и любовью относится он к деяниям той или иной личности, если они идут на пользу народу, и с ненавистью — к разорителям и угнетателям. С возмущением говорит он о византийцах прежде всего потому,

² Этот вопрос подверг обстоятельному исследованию акад. Л. С. Хачикян. См.: Акоб Санаинеци—хронист XI в., «Вестник Ереванского университета», 1971, № 1, стр. 22—48 (на арм. яз.).

³ Там же.

что они обманом лишили армян государственности и оставили их беззащитными перед вторгшимися турками. Нельзя не согласиться с оценкой, данной Маттеосом опустошительной византийской политике в Армении. Ромеи, пишет он, «удалили из дома Армянского храбрых военачальников, лишили их родного крова и областей, разрушили престол царства Армянского, упразднили войска, оборонявшие [страну]. Племя ромеев вместо мужества прославилось своим неудержимым бегством. Они уподобились плохим пастухам, которые при виде волка [первыми] обращаются в бегство. Ромеи своими усилиями добились лишь того, что понапрасну разрушили крепкую стену дома Армянского, и персы (имеются в виду турки-сельджуки) обрушились на него мечом и всю победу приписали себе. И в то время как сами ромеи с помощью своих наглых военачальников-скопцов и войском евнухов пытались удержать Армению, персы увидели, что весь Восток не имеет хозяина»⁴. Это объяснение успехов сельджуков высоко оценено историками.

В этих условиях утраты государственности Маттеос Урхаеци связывал большие надежды с отдельными армянскими княжествами, которые вдали от сельджуков и византийцев основывали армянские беженцы и где они силой оружия защищали себя.

Урхаеци испытывает глубокую ненависть к франкам-крестоносцам, теснившим армян, захватывавшим владения армянских князей, уничтожавшим их власть. Граф Балдуин, — пишет историк, — «доставил христианам больше зла, чем турки..., одно за другим он уничтожил все армянские княжества, более последовательно, чем персы (турки), сделал гонимыми тех армянских князей, которые смогли спасти свою жизнь от озверевшей нации турок» (стр. 338). «Мне хотелось записать их сплошные беззакония, — пишет Урхаеци о крестоносцах, — но не осмелился, поскольку мы находились под их властью» (стр. 339).

Хотя Маттеос Урхаеци жил и творил в тяжелое для армянского народа время, когда Армения вновь лишилась государственности и попала под иго иноземных властей, тем не менее он не предавался отчаянию, напротив, был полон удивительного оптимизма, уверен, что еще придет «лучшее время» (стр. 227). И именно это побуждало его писать свой труд, чтобы оставить потомкам память о прошлом.

Урхаеци был страстным защитником национальных традиций. Он чувствовал, что в условиях потери самостоятельности национальные традиции — один из факторов, поддер-

⁴ Маттеос Урхаеци. Указ. соч., стр. 135—136.

живающих существование армянского народа. Поэтому он боролся не только против проповедников халкедонитства в Армении, но и против принимающих халкедонитство армян.

Урхаеци повествует почти на современном ему разговорном языке, с повторением одних и тех же слов и оборотов. Есть в языке труда и шероховатости, часть которых — следствие дальнейшей копировки. Но, несмотря на все это, местами у него встречаются красивые живые описания, которые производят впечатление стихотворения в прозе. Описания мести царя Гагика II митрополиту Кесарии, мести князя Тороса за убийство Гагика II относятся к лучшим страницам древнеармянской литературы.

«Хронографию» Маттеоса Урхаеци продолжил Григор Ерец (Пресвитер), доведя ее до 1162—1163 гг. Известно, что происходил он из Кесуна. Описывая нападение Мелика Махмеда на Кесун в 1137—1138 гг., Григор Ерец пишет: «Я, нижайший пресвитер Григор, подбадривал горожан бдительно охранять город» (стр. 370).

Григор Ерец повествует почти в том же стиле, что и Маттеос Урхаеци, но более четким языком. Изложение не оставляет впечатления обработанного, законченного произведения. «Теперь вернемся назад,— пишет он, например,— и расскажем то, что забыли», и после событий 606 г. (1157 г. н. э.) излагает события 602 г.

Григор Ерец, подобно Маттеосу Урхаеци, разоблачает губительную политику византийцев в отношении армян. «Мы еще со старых времен знаем,— пишет он,— а также от летописцев, что императоры ромеев ничего не сделали для спасения христиан. Они только умеют отнимать и грабить города и области. Они были причиной того, что армяне удалились из своей страны, что чужеземцы усилились и пришли, завладели всем» (стр. 421). Нетрудно догадаться, что Григор Ерец пишет не только о том, что видел сам; источником для этих его слов послужила именно «Хронография» Урхаеци.

Что касается франков (крестоносцев), то в отличие от Урхаеци, который в конце концов совершенно ясно понял их сущность, Григор Ерец не осознал их подлинных намерений.

В продолжении Григора Ереца большое место занимает элегия, написанная Барсегом Кесунци по поводу безвестного исчезновения (1148 г.) франкского князя Кесуна и Мараша—Балдуина. Если элегия бедна историческими фактами и дает незначительный материал исследователю-историку, то как сохранившийся в истории армянской литературы редкий по своему языку и форме изложения образец подобного жанра она представляет большую ценность.

«Хронографию» Урхаеци вместе с продолжением Гри-

гора Ереца использовал Смбат Спарпет (Гундстабль) при написании своей «Летописи». Это сокращенное изложение «Хронографии» Урхаеци. Живя веком позже Урхаеци и Григора Ереца, Смбат Спарпет, очевидно, имел под рукой, если не оригинал «Хронографии», то, во всяком случае, сделанный непосредственно с нее список, который был намного более ранним и близким к оригиналу, чем имеющиеся в нашем распоряжении. В этом смысле «Летопись» Смбата полезна для корректирования ряда искажений «Хронографии», допущенных по вине писцов.

Уже целых два века «Хронография» Урхаеци является предметом исследования историков. Кроме арменоведов, ею интересуются византиноведы, арабисты, туркологи, специалисты по истории крестоносцев на Востоке.

В 1850 г. французский арменовед Эд. Дюлорье опубликовал во французском переводе сведения Маттеоса Урхаеци о первом крестовом походе, а в 1858 г. осуществил полный перевод «Хронографии» вместе с продолжением Григора Ереца (за исключением элегии Барсега Кесунци) на французский язык, снабдив его предисловием и подробным комментарием.

Армянский оригинал «Хронографии» впервые был издан в 1869 г. в Иерусалиме, а вторично — с более полного списка в 1898 г. в Вагаршапате (Эчмиадзине).

Новейший исследователь крестовых походов, немка Аннелиз Людерс, в своей работе, написанной на основании сирийских и армянских источников, ставя труд Маттеоса Урхаеци в ряд с такими сирийскими авторами, как Михаил и Григор Абу-ль-Фарадж (Бар Хебреос), пишет: «Урхаеци лучше ориентируется в подробностях, чем сирийские хронисты»⁵.

Касаясь эпизодов истории Урхи (Эдессы) и Киликии, известный советский специалист по истории крестовых походов М. Заборов отмечал: «Имеются все основания считать показания Матфея Эдесского, вообще хорошо осведомленного относительно политической истории Киликии, более близкими к истине, нежели свидетельства западных историков»⁶.

История Маттеоса Урхаеци, Иерусалим, 1869 (на древнеарм. языке). Маттеос Урхаеци, «Хронография», Вагаршапат, 1898 (на древнеарм. языке).

Маттеос Урхаеци, Хронография, Перевод, предисловие и комментарий Грача Бартикяна, Ереван, 1973 (на арм. языке).

⁵ Annelise Lüders, Die Kreuzzüge im Urteil syrischer und armenischer Quellen, Berlin, 1964, s. 19.

⁶ Заборов М. А., К вопросу о значении известий восточных современников крестовых походов. «Историко-филологический журнал» АН Арм. ССР, 1968, № 3, с. 158.

Mattieu d'Edesse, *Récit de la Première Croisade, Extrait de la Chronique et trad. de l'arménien...* par Ed. Dulaurier, Paris, 1850.

Chronique de Mattieu d'Edesse (962—1136), avec la Continuation de Grégoire le prêtre jusqu'en 1162... par Ed. Dulaurier, Paris, 1858.

Dulaurier Ed., *Recueil des historiens des Croisades, Documents arméniens*, t. I, Paris, 1869.

Алишан Г., Айапатум, Венеция, 1901 (на арм. языке).

Абегиан М., История древнеармянской литературы, Ереван, 1975.

Зарбанальян Г., История древней армянской литературы, Венеция, 1894 (на арм. яз.).

Газикян А., Новая армянская библиология и энциклопедия армянской жизни, т. I, Венеция, 1909—1912 (на арм. яз.).

Ачарян Р., Филологические исследования, Ереван, 1976 (на арм. яз.).

Гр. БАРТИКЯН
(доктор исторических наук)

РАЗРЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ МАРДАИТОВ

РАЧ БАРТИКЯН

Феофан Исповедник (умер в 818 г.), описывая события 6169-го года от сотворения мира (677 г. н. э.), отмечает, что в упомянутом году в Ливан вторглись *мардаиты*¹. Они заняли территорию от Черной горы (Аманос) до святого города (т. е. Иерусалима), овладели высотами страны². Хронист далее пишет, что у мардаитов в Ливане нашли убежище множество рабов, пленных и местных жителей.

Под 6176 г. (683 г.) Феофан отмечает, что мардаиты совершали набеги на Ливан, из-за чего халиф Абд аль-Малик (685—705 гг.) решил восстановить заключенный в 678 г. при халифе Моавии (661—680 гг.) мир с Византией. Для этой цели им было отправлено в Константинополь посольство, но, видимо, переговоры успеха не имели, поскольку в 688 г., уже при преемнике императора Константина IV (668—685 гг.) Юстиниане II (685—695, 705—711 гг.) в Византию с той же целью отправляется новое посольство. Оно и заключает желанный халифату мир. Согласно главному пункту мирного договора, Византия должна была распустить и вывести тагму (полк) мардаитов из Ливана, запретить их набеги³. За это Абд аль-Малик согласился платить империи за каждый день тысячу номизм, одного коня, одного раба, а также делить поровну взимаемую с Кипра, Армении и Иверии дань. Феофан далее пишет: «Император отправил людей и взял мардаитов, которых было 12 тысяч человек. Этим он сокрушил Ромейское государство, ибо все населенные ныне [т. е. к началу IX в.— Р. Б.] арабами пограничные города, от *Мопсуестии до Четвертой Армении*, из-за набегов мардаитов были небезопасными и безлюдными. С роспуском [мардаитского войска] Романия потерпела от арабов страшные бедствия, и терпит их и поныне» (... καὶ πέμφας ὁ βασιλεὺς προσελάβετο τοὺς Μαρδαίτας χιλιάδας ἰβ' τῆν Ῥωμαϊκὴν δυναστείαν ἀκρωτηριάσας. πᾶσαι γὰρ αἱ νῦν οἰκούμεναι παρὰ τῶν Ἀράβων εἰς τὰ ἄκρα πόλεις ἀπὸ Μοψουεστίας καὶ ἕως τετάρτης Ἀρμενίας ἀνίσχυροι καὶ ἀοίκητοι ἐτόγχανον διὰ τὴν ἔφοδον τῶν Μαρδαίτων ὧν παρασταλέντων, πάνδεινα κακὰ πέπονθεν ἡ Ῥωμανία ὑπὸ τῶν Ἀράβων μέχρι τοῦ νῦν)⁴.

Интересно отметить, что отозванную из Ливана тагму мардаитов император Юстиниан II принял собственноручно в *Армении*, прибыв туда специально с этой целью. Вновь подчеркивая отрицательные для Византии последствия этого шага, Феофан пишет, что этим Юстиниан

¹ В греческом тексте „Μαρδαίται“, где „-αῖται“—суффикс, указывающий на место происхождения. Отметим, что из современных Феофану византийских писателей мардаитов знает патриарх Никифор. Он не дает их имени, а просто называет «гоплитами» („тяжеловооруженными воинами“). См. „Nisephorī archiepiscopi Constantino-politani Opuscula historica“, ed. C. de Boor, Lipsiae, 1880, p. 36.

² „Theophanis Chronographia“, rec. C. de Boor, vol. I. Lipsiae. 1883, p. 355.

³ Там же, с. 363.

⁴ Там же.

разрушил защищающую империю «медную стену» (*καὶ ἔλθων ὁ βασιλεὺς εἰς Ἀρμενίαν ἐκεῖ ἐδέξατο τοὺς ἐν τῷ Λιβάνῳ Μαρδαίτας χάλκεον τεῖχος διαλύσας.*)⁵.

Из вышесказанного становится ясным, что в годы царствования Константина IV и в первые годы правления его сына Юстиниана II в составе византийской армии служила состоящая из воинственных, скорее всего наемников, тагма (*τάγμα*) пограничников, называемых мардаитами. Как мы убедились из вышеприведенных данных Феофана, главной обязанностью мардаитов была защита южных границ империи, более конкретно — территории, простирающейся от Мопсуестии в Киликии до Четвертой Армении. Им вменялось в обязанность препятствовать арабам селиться в этих местах. Для защиты интересов Византии отдельные отряды мардаитов могли быть отправлены и в другие регионы империи, как это случилось в 677 г. Если иметь в виду характеристику, данную мардаитам византийским хронистом («медная стена»), то становится ясным, что они были воинственными и весьма надежными бойцами, о чем свидетельствует и настойчивость халифата любой ценой избавиться от их присутствия у своих границ.

Из сообщений Феофана можно прийти и к другим выводам: во-первых, о том, что до отправления тагмы мардаитов в Ливан они защищали границы Византии в Верхней Месопотамии (Четвертой Армении) и, разумеется, в предшествующую их вторжению в Ливан эпоху; во-вторых, о том, что не все мардаиты были отправлены в Ливан. Другие их части оставались защищать южные границы Византии, ибо с роспуском тагмы мардаитов Ливана граница Византии в Четвертой Армении не могла стать уязвимой. Мы считаем, что в мирном договоре 688 г. имелись в виду мардаитские полки вообще, а не только служащие в Ливане. Предложение Феофана *„ἵνα ὁ βασιλεὺς παύσῃ τὸ τῶν Μαρδαίτων τάγμα ἐκ τοῦ Λιβάνου καὶ διακωλύσῃ τὰς ἐπιδρομὰς αὐτῶν“* мы интерпретируем именно так: чтобы император 1) распустил тагму мардаитов Ливана; 2) запретил набеги мардаитов *вообще* (и не только ливанских). Мардаиты скорее всего были христианами монофизитского толка. Об этом свидетельствуют данные Феофана, согласно которым в Ливане местные христиане находили у мардаитов убежище, наверное не от гонений арабов (об их преследованиях говорить еще рано), а от травли православного клира. Как известно, монофизиты, особенно этих районов, терзаемые ортодоксами-диофизитами, на первых порах завоеваний арабов, считали последних даже своими избавителями.

Кроме Феофана о мардаитах пишут также арабские и сирийские средневековые авторы. Ученые считают, что «аль-Джараджима», упомянутые Балазури, Масуди, Табари, Ибн аль-Асиром и другими и есть мардаиты. Их локализуют между Байасом (севернее Александретты, до подножия горы Аманос) и Букой (северо-западнее Антиохии до подножия Тавра).

Из сирийских авторов мардаитов упоминает Михаил Сириец. Остановившись на событиях 9-го года правления императора Константина IV (т. е. 676/677 г.), он пишет, что тогда вступили в горы Ливана ромеи, которых называют «маридайе» (мардаиты), или «лифуре». Историк далее пишет, что жители Сирии именуют их Гаргумаие. Завоевав территорию от галилейских гор до Черной горы, они стали заниматься

⁵ Там же, с. 364.

грабежом, поскольку были отправлены ромеями именно для этой цели⁶. То же самое пишет и Бар Эбрей, добавляя, что их отправил император Константин⁷. Рассказывая о халифе Абд аль-Малике, Михаил Сириец пишет, что он пожелал установить мир в своей стране, избавить терзаемых мардаитами Ливана людей, поэтому он вошел в переговоры с византийским императором Юстинианом II. Последний согласился заключить мир на десять лет, отозвать мардаитов из Ливана, воспрепятствовать их *грабительским набегам* на арабов. Взамен этого Абд аль-Малик платил Византии за каждый день тысячу номизм, одного коня и одного раба. Согласно договору Кипр должен был находиться под владичеством ромеев и арабов, а взимаемые с острова налоги полагалось делить между двумя государствами поровну. Армения, Иверия и Арзон (Арзанена), северная часть Мидии, т. е. Атропатена, оставались под господством Византии. Император должен был вывести мардаитов из Ливана в пределы империи. Их число, согласно Михаилу Сирийцу, было 12 тысяч человек⁸.

Как видим, данные Феофана и Михаила Сирийца в общем совпадают. Разница лишь в том, что, согласно тексту мирного договора в Хронике Михаила Сирийца, Армения, Грузия, Арзанена и Атропатена находились всецело под византийским господством, в то время, как по Феофану налоги Армении и Иверии должны были делиться между двумя государствами. А в остальном рассказ обоих авторов совпадает.

С каких пор мардаиты служили Византии? Как уже отметили, они и до 677 г. охраняли границы империи в Верхней Месопотамии (Четвертой Армении). Защитой этого региона империя была обеспокоена еще со времен византийско-персидского (чтобы не сказать римско-персидского) противостояния. Из данных Прокопия Кесарийского известно, что в предшествующую Юстиниану I эпоху Четвертую Армению защищали местные военные силы армянских феодалов-нахараров, называемые в византийских (и в армянских тоже) источниках сатрапами⁹. При Юстиниане I (527—565 гг.) военные подразделения армянских нахараров были распущены и заменены византийскими¹⁰, но неизвестно, какими именно.

Кто же такие мардаиты, защищавшие в VII в. территории, принадлежащие столетием раньше армянским феодалам и охраняемые их же местными войсками? В истории Византии, пожалуй, мало таких, покрытых пеленой загадочности, проблем, как проблема мардаитов. Ими интересовались и интересуются не только византиноведы, но и арабисты, сириологи. Ими не занимались только арменоведы, хотя, как мы убедимся далее, именно они и могли разрешить их загадку.

Все исследователи единодушны в том, что мардаиты — христианское племя, но дальше констатации этого факта они не пошли. Если не считать греческих византиноведов К. Сафу и К. Амантоса, никто не попытался докопаться до их предыстории. Нужно, однако, отметить, что Феофан говорит *не о племени мардаитов*, а о части (*τάγμα*), состоящей

⁶ „Chronique de Michel le Syrien“, Patriarche Jacobite d'Antioch (1166—1199), éditée pour la première fois et traduite en français par J. B. Chabot, t. II, Paris, 1901, p. 455 (в дальнейшем: Michel le Syrien).

⁷ Bar Hebraeus, ed. Wallis Budge, p. 101.

⁸ Michel le Syrien, t. II, p. 469.

⁹ Proc., De aedificiis, III, 1. О них см.: K. Güterbock, Romisch-Armenien und die römischen Satrapien in 4 bis 6 Jahrhundert, Wien, 1914.

¹⁰ Proc., De aedificiis, III, 1.

из воинов, которые, разумеется, могли принадлежать (и принадлежали) определенному племени, известному как племя мардаитов. Один из наиболее ранних исследователей, Лебо, слово «мардаиты» считает арабским, которое переводит как «rebelles» («мятежник», «бунтовщик»), а мардаитов отождествляет с маронитами¹¹. С ним не согласен Сен-Мартен, издатель «Истории» Лебо, который далее пишет, что мардаиты не местные (ливанские) жители¹². Эд. Дюлорье, издатель французского перевода отдельных отрывков древнеармянского перевода «Хроники» Михаила Сирийца, мардаитов также отождествляет с маронитами. Что касается имени мардаитов, то он его считает словом арабским — *magid* («бунтовщик») ¹³. Греческий медиевист К. Сафа находит «предков» мардаитов в районе горы Тавр еще во времена Юстиниана I и считал, что византийцы их называли *апелатами* (это слово он переводит как «негодяи», «грабители»), а сирийцы и арабы — мардаитами (и объясняет: т. е. бунтовщики, по-турецки — зорба)¹⁴. Интересна мысль Сафы о том, что мардаиты существовали еще во времена Юстиниана I, но отождествлять их с апелатами нет оснований. Апелаты эпохи Юстиниана, как видно из законодательства императора и более поздних законодательных памятников¹⁵, это угонщики скота¹⁶, а мардаиты — охранявшие границы империи регулярные военные части. Отметим, что арабы и сирийцы в VI в. мардаитов еще не знали.

Заслуживает внимания мысль о том, что мардаиты имели отношение к воинственному племени мардов, проживающему в Древнем Иране и упомянутому античными авторами. Эту мысль, принятую и греческим историком К. Папарригопуло¹⁷, отверг его соотечественник П. Каролидис. Дело в том, что Каролидис (как, впрочем, и Папарригопуло) мардов знал только на территории Древнего Ирана, он подчеркивал, что в источниках ничего не сказано об их переселении на греческие земли, и что само название «мардаиты» — арабского происхождения¹⁸.

Английский византиновед Бьюри принимает выводы Сафы о тождестве апелатов и мардаитов, а их имя переводит как «rebels» («грабители»). Бьюри находит, что мардаиты постоянно усиливались и умножались за счет славян и сирийцев, хотя об этом нет сведений. Английский ученый мардаитов считает христианами-монофелитами¹⁹. Изда-

¹¹ „Histoire du Bas-Empire par Lebeau“. Nouvelle édition... par M. de Saint-Martin, t. XI, Paris, 1830, p. 431 sq.

¹² Там же, с. 436, прим. 1.

¹³ „Extrait de la Chronique de Michel le Syrien“, traduit de l'arménien par Ed. Dulaurier, Paris, 1849, p. 108.

¹⁴ К. Н. Σάφα, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη, τόμος Β', 'Εν Βενετία, 1873, σελ. μέξξ.

¹⁵ Digesta, XLVIII, 14, Ecloga. XVII, 13, Prochiron, XXXIX, 56, Epanagoge, XL 73, Basilica, LX, 25, 4 (см. А. Я. Сыркин, Поэма о Дигенесе Акрите, М., 1964 с. 153, прим. 47, 48. См. также: „Digenes Akrites“, edited with an Introduction Translation and Commentary by John Mavrogordato, Oxford, 1956, p. XXXVII).

¹⁶ Апелаты византийского эпоса о Дигенесе Акрите, вопреки мнению К. Сафы, ничего общего с апелатами VI в. не имеют.

¹⁷ К. Παπαρρηγόπουλος, 'Ιστορία του 'Ελληνικού 'Εθνους, έκδοσις έκτη, 'Αθήνα, 1932, τόμ. Γ', μέρος Α', σελ. 248.

¹⁸ Там же, с. 246–248. См. также: П. Καρολίδης, Περὶ τῆς ἐθνικῆς καταγωγῆς τῶν Ὀρθόδοξων χριστιανῶν Συρίας, Παλαιστίνης καὶ Μεσοποταμίας, 'Αθήνα, 1909, σελ. 351–353.

¹⁹ J. B. Burg, A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 a. D. to 800 a. D.), vol. II, London, 1889, p. 312, 321.

тель сирийского текста «Хроники» Михаила Сирийца и переводчик его на французский язык Ж.-Б. Шабо без колебаний имя «Magidayé — Мардаїται» считает арамейским и переводит как «мятежник», «бунтовщик». Он справедливо отвергает мысль о том, что мардаиты имеют отношение к «ранним» маронитам. Объяснение Шабо наименования «лифуре», выступающего в качестве «синонима» мардаитов, звучит неубедительно. Не находя ничего похожего в сирийском, он «лифуре» производит с греческого слова „λάφυρα“ — «трофеи», подразумевая «praedones» — грабители. Что касается другого наименования мардаитов — «гаргумаїе», данное им жителями Сирии, Шабо объясняет его «inverecundi, imprudentes», т. е. «бесстыдные», «бессовестные», «наглые»²⁰. Посему имя «мардаиты» он считает не самоназванием интересующего нас племени, а скорее всего бранной кличкой, данной им их врагами, поскольку вряд ли люди именовали бы себя наглыми, бесстыдными, бессовестными и т. п.

Согласно Ю. Кулаковскому, мардаиты «... с давнего времени были расквартированы в горах Ливана... Главное ядро мардаитов составляли потомки тех воинов, которые числились некогда в старых имперских полках, расквартированных в горах Ливана и имевших там свою оседлость»²¹. Специальную статью мардаитам посвятил греческий византист К. Амантос. Он считал их партизанскими частями, а их наименование — словом арабским, означающим «бунтовщик» (ἀνάρτης). Амантос находит, что мардаиты частично греки и не только сирийцы, как полагал Ш. Диль²². К. Амантос, как и К. Сафа, ищет предшественников мардаитов в Византии в эпоху Юстиниана I. Основываясь на упоминании Прокопия Кесарийского о византийских «воинах в Ливане»²³ (τῶν ἐν Λιβάνῳ στρατιωτῶν), он находит, что клисуры Ливанской горы и в прошлом охранялись, и не исключено, что от этих стражей и происходят первые мардаиты²⁴. Согласно А. Васильеву, мардаиты проживали в сирийском Ливане много раньше второй половины VII в., т. е. он их считал местным племенем, а их название переводил как «rebels», «apostates», «bandits». Они были организованы в армии и служили в указанных местах для Византийской империи защитной стеной. После завоевания Сирии арабами, мардаиты двинулись на север, к арабо-византийским границам, и своими постоянными набегами причиняли арабам много неприятностей²⁵. Э. Хонигман²⁶ и повторяющий его Г. Острогорский²⁷ считают мардаитов христианским племенем грабителей, проживавшим, до их переселения Юстинианом II, близ горы Аманос.

²⁰ Michel le Syrien, t. II, p. 455, n. 5.

²¹ Ю. Кулаковский, История Византии, т. III (602—717), Киев, 1915, с. 255.

²² Ch. Diehl, Byzance, Grandeur et Décadence, Paris, 1930, p. 76 (автору недоступно).

²³ Proc., De Bello Persico, I, 13, 5; II, 16, 17.

²⁴ К. 'Αμαντος, Μαρδαίται („Ελληνικά“ τόμος 5, 1932, σελ. 130 κξξ); Его же, 'Ιστορία του Βυζαντινού κράτους, τόμος Α', 'Αθήνα, 1963, σελ. 317, ύποσ. 1.

²⁵ A. A. Vasiliev, History of the Byzantine Empire, Madison, 1952, p. 215.

²⁶ E. Honigmann, Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches, Bruxelles, 1961, S. 41.

²⁷ G. Ostrogorsky, Histoire de l'État Byzantin, Paris, 1956, p. 162.

О мардаитах довольно подробно сказано арабистами Ламменсом и Канаром²⁸. Оба, основываясь на данном им арабами имени — Джарджима (ед. число — Джурджумани) и на сведениях Якута, мардаитов считают жителями находящейся к северу от Антиохии местности Джурджума, имеющей отношение к области Гургум в районе Мараша, или же селению Джорджум на дороге Алеппо — Александретта. Многие исследователи считают мардаитов горцами Аманоса, которыми руководили византийские военачальники²⁹. Подробнее на них остановился греческий византист А. Стратос в своей шеститомной работе, посвященной истории Византии в VII в. Он в основном повторяет мнение Шабо о том, что «Magidayé» — означающее повстанца арамейское слово, что «синоним» мардаитов «лифуре» происходит от греческого „λάφυρα“, которое, согласно ему, означает «грабитель»³⁰, что мардаиты с маронитами ничего общего не имеют. Со своей стороны, Стратос пишет, что мардаиты *не этноним*, а название партизанских частей, которое со временем стало обозначать храбрых пограничников³¹.

Проблемой мардаитов заинтересовались и советские исследователи. Согласно М. В. Левченко, мардаиты — это «сирийцы, не мирившиеся с арабским владычеством», которые «... укрепились в Ливане и, подерживая византийское правительство, создали для калифата очень серьезную опасность»³². Арабист Е. А. Беляев мардаитов считает горцами «неизвестного происхождения, которые, будучи христианами, сражались на стороне Византии в период арабских завоеваний в Малой Азии. В 60-х годах VII в. они проникли (откуда? — Р. Б.) в наименее доступные районы горного Ливана и поселились там». Согласно Е. А. Беляеву, мардаиты были независимы от Византии и в начале VIII в. часть их выселилась в византийские пределы, а остальные слились с ливанскими христианами-маронитами³³. О мардаитах написано и в трехтомном коллективном исследовании «История Византии». Г. Л. Курбатов согласен с теми, кто мардаитов считает местным племенем, а не воинской частью византийской армии. Он пишет, что «... на границах Малой Азии и Сирии, в горах Ливана, жило многочисленное племя мардаитов». Такого же мнения З. В. Удальцова, которая указывает, что мардаиты — горное племя, проживающее в пределах халифата и подвластное ему. Согласно же М. Я. Сюзюмову, христиане-мардаиты жили в горах Ливана³⁴.

Самое уязвимое в вышеприведенных мнениях ученых то, что они считали мардаитов горцами Ливана, местным племенем этой страны. Но Феофан ничего подобного не писал. Он писал о вторгшихся (εἰσθλή-

²⁸ H. Lammen, Études sur le règne du calife Omayyade Mo'awiya Ier, Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph de Beyrouth, I, p. 14—22. См. и его статью («Mardaïtes») в первом издании «Энциклопедии Ислама», а также статью М. Канара «Djagadjima» во втором издании энциклопедии, т. II, с. 468—469).

²⁹ Библиографию см. в кн.: А. Стратос. Τὸ Βυζάντιον στὸν Ζ' αἰῶνα, τόμος Β', Ἀθήνα, 1974, σελ. 49, ὄπισθ. 193.

³⁰ Слово „λάφυρα“ означает „добыча“, „награбленное“ и никак не может иметь значения „грабитель“.

³¹ А. Стратос, указ. соч., с. 48.

³² М. В. Левченко, История Византии, М.—Л., 1940, с. 111.

³³ Е. А. Беляев, Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье, М., 1966, с. 180—181.

³⁴ «История Византии», т. I, М., 1967, с. 74, 372; т. II, с. 42.

θου) в 6169 г. (677 г.) в Ливан мардаитах, о полке (τάγμα) мардаитов в Ливане, который, числом в 12 тысяч человек, в 6179 г. прибыл (скорее всего — *возвратился*) в Армению. Считая мардаитов местным племенем, исследователи не отвечали на вопрос, как могло жившее в горах Ливана племя воспрепятствовать арабам селиться в Четвертой Армении, охранять (в Ливане!) границы Византии в Четвертой Армении. И как могла Византия «распустить» все племя мардаитов в Ливане, если оно там действительно существовало. На эти вопросы византиноведы (да и арабисты, и сириологи) не давали ответа, да и не могли дать, поскольку имеющиеся в их распоряжении источники не представляли этой возможности. Исследователи и не подозревали, что мардаиты могли иметь какое-либо отношение к Армении. На эту мысль их не наводило ни то обстоятельство, что мардаиты охраняли южные границы Армении (имеется в виду Четвертая Армения), ни то, что они христиане монофизитского толка, ни то, что распущенные полки ливанских мардаитов император Юстиниан II принял именно в Армении, откуда они скорее всего и были отправлены в Ливан.

Итак, пора обратиться к «предыстории» мардаитов. Но прежде необходимо остановиться на этимологии их имени, которая и откроет нам путь к выяснению этого вопроса. На наш взгляд, совершенно правы те исследователи, которые имя мардаитов связывали с «marid» (слово иранское (magēda), перешедшее и в арамейский и арабский)³⁵, означающим «убийца», «грабитель» и т. п. Но, к сожалению, дальше этого они не пошли. Им осталось неизвестным объяснение В. Гейгера, согласно которому „magēda“ (подобно слову «курд») — бранное прозвище, перешедшее, как он полагал, в этноним *разбойничьего иранского племени, известного в источниках как «марды»*³⁶. Гейгер, наверное, мардаитов не знал.

Мы считаем, что *мардаиты*, бесспорно, имеют отношение к племени *мардов*, но не к проживавшим в Древнем Иране своим предкам, а к тем мардам, которые еще в древности обосновались в Армении и были арменизированы. О существовании мардов в Армении свидетельствуют между прочим и названия двух кантонов древней Армении — Мардастан и Мардали, означающие соответственно «Страна мардов» и «Марды». Забегая вперед отметим, что после раздела Армении в 387 г. между Сасанидским Ираном и Восточно-римской империей Мардали вошел в состав империи, в то время как Мардастан остался в персидской части Армении. Когда в 591 г. Армения была вновь разделена между этими двумя великими державами, Мардастан, как и прежде, остался в пределах Сасанидского Ирана, а в интересующую нас эпоху — Арабского халифата. Что касается кантона Мардали, то он продолжал находиться в пределах Византийской империи.

³⁵ См. Christian Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Berlin, 1961 S. 1150; «A compendious Syriac Dictionary», ed. by J. Payne Smith, Oxford, 1957, p. 299; «Арабско-русский словарь», сост. Х. К. Баранов, М., 1957, с. 956.

³⁶ W. Geiger, Ostiranische Kultur im Altertum, Erlangen, 1882, S. 203 (В кн.: И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, с. 417, прим. 3). По нашему убеждению, скорее — наоборот, этноним «марды» стал бранной кличкой. Ср. этноним «стурок» у армян (и у греков тоже), означающий «бессердечный», «жестокый», «бесжалостный» (Ут. У ш і р ш и ш і г, Հայերէն բարձրաբանի բարձրան, հ. Բ, Երևան, 1944, էջ 126; Δ. Δημητριάδου. Μέγα Λεξικόν τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης, τόμ. Θ', Ἀθήνα, 1944, էջ 126; Δ. Δημητριάδου. Μέγα Λεξικόν τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης, τόμ. Θ', Ἀθήνα, 1944, էջ 126). Ведь и приводимый Гейгером «курд» является этнонимом, перешедшим в бранную кличку, а не наоборот.

Здесь нелишне, основываясь на данных античных авторов, проследить вкратце историю мардов³⁷. Одним из древнейших писателей, упоминавшим племя мардов, был Геродот. В числе множества персидских племен он называет и мардов. Он их считает кочевниками. Марды были в войсках ахеменидского царя Кира при осаде персами города Сарды³⁸. Далее племя мардов упоминает Ксенофонт. Он пишет, что на той стороне реки Кентрит (приток Тигра, ныне Бохтан), т. е. на территории Армении, лежащей к югу от озера Ван, греки увидели «вооруженных всадников, готовых, по-видимому, помешать переправе, а также пехоту, выстроенную на холмах выше всадников, с целью воспрепятствовать вторжению эллинов в Армению. То были наемные войска Оронта и Артуха, марды и халдеи»³⁹. Страбон, основываясь на данных Эратосфена, пишет, что на берегу Каспийского моря живут марды⁴⁰. Географ мардов упоминает снова в числе бродячих и разбойничьих горных народностей в Персиде, как и мардов, проживающих в его время в Армении⁴¹ (*καὶ οἱ ἐν τῇ Ἀρμενίᾳ μέγρι τοῦ ὀρνύρωος* [т. е. *Μάρδοι*] *προσγυροῦμενοι τῆς αὐτῶν εἰς ἰδέας*). *Разбойничий нрав* мардов⁴² Страбон подчеркивает и далее⁴².

Воинственный характер мардов отмечен и в связи с событиями времен армянского царя Тиграна II (95—55 гг. до н. э.). Плутарх рассказывает, что в 68 г. до н. э. Тигран II выставил против набегавшего на Арташат Лукулла многочисленную конницу, впереди которой стояли конные стрелки мардов и копьеносцы-иверы. На них именно возлагал свои надежды армянский царь⁴³. Марды в армии Тиграна II, наверное, служили в качестве наемников. *Воинственных и разбойничьих* мардов упоминает и Тацит. Он пишет, что Корбулон (преемник Лукулла), отступая из Арташата, вступил в пределы *разбойников мардов*, которые напали на него⁴⁴.

³⁷ О мардах см. статью Вейсбаха „Μάρδοι“ В „Paulys Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft“, Bd. XIV 2, Stuttgart, 1966, col. 1648—1651. О мардах в Армении см.: Ч. У. Ч ш р т ш њ ш њ, *Մարդերը Վասպուրականում* («Պատմա-բանասիրական հանդես») (далее—*ՊՔԶ*), 1971, № 3, էջ 49—60); է. Լ. Պ ա ն ի ե ի չ ա ն, *Մարդերը Երկր: Հին Հայաստանում* (*ՊՔԶ*, 1976, № 1, էջ 203—208).

³⁸ Геродот, I, 125, I, 84.

³⁹ Ксенофонт, Анабазис, кн. IV, гл. III, 3—4. Й. Маркварт (J. Markwart, Die Entstehung und die Wiederherstellung der armenischen Nation, Potsdam, 1919, S. 24: См. է. Մ ա ն ի ե ի չ ա ն, *Երկիր, հ. Ա, Երևան, 1977, էջ 74*), находит, что вышеупомянутые марды были наемными войсками, как и халдеи, следовательно, они были свободными и независимыми, как и халдеи. О мардах-наемниках см.: Г. А. Тирацян, Некоторые аспекты внутренней организации армянской сатрапии (*ՊՔԶ*, 1972, № 2, էջ 110—111).

⁴⁰ Страбон, География; кн. XI, гл. VI, 1.

⁴¹ Там же, кн. XI, гл. XIII, 3, 6.

⁴² Там же, кн. XV, гл. III, 1.

⁴³ Plut. Luc. 31: „ πολλοὶ γὰρ ἦσαν ἱππεῖς καὶ λοχάδες ἀντιπαρατεταγμένοι, πρὸ δ' αὐτῶν ἱπποτοξόται Μάρδοι καὶ λοχυφοροὶ Ἴβηρες“. Ср. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, с. 416—417; Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим, Ереван, 1943, с. 152. Согласно данным Плутарха, марды в качестве наемников служили и Риму. См. Plut. Ant., XLI, XLVII, XLVIII.

⁴⁴ Тацит, *Анналы*, XIV, 23: „Corbulonem fines suos praegredientem incursavere Mardī latrociniis exercitū contraque iurumpentem montibus defensi“.

Итак, по данным Страбона и Тацита ясно видно, что во времена Тиграна II марды уже проживали в Армении, занимали территории, которые позже у армян назывались Мардастан и Мардали, т. е. «Страна мардов» и «Марды»⁴⁵. Вот вкратце о мардах в Армении в античное время. Пора перейти к вопросу об их местопребывании в Армении, т. е. к кантонам древней Армении Мардастан и Мардали.

Согласно армянской географии VII в., марзпанская (т. е. находящаяся в пределах Сасанидского Ирана) Армения распадалась на три большие области — Айрарат, Туруберак и Васпуракан. Мардали⁴⁶ входил в состав второй, центральной области Туруберак и занимал истоки Аракса на северных склонах Бингёла⁴⁷. Из данных армянского писателя X в. Ухтанеса, а также арабской версии Агафангела видно, что уже в IV в. Мардали имел епископа, что подтверждается и сведениями соборных актов 451, 505 и 555 гг. В указанных соборах присутствовали и епископы Мардали⁴⁸. Марды Мардали, по предположению Н. Адонца, происходят от тех мардов, которые вместе с халдеями набросились на воинов Ксенофонта на реке Кентрите. Вместе с халдеями они, вероятно, передвинулись на север и заняли местности, которые назывались соответственно Мардали и Халдия⁴⁹. Кантон Мардастан Гюбшманн⁵⁰ и Адонц⁵¹ локализуют на севере Васпуракана, от озера Арчак до Артаза. Марды здесь появились позднее и со стороны Ирана⁵².

⁴⁵ Ср. Н. Адонц, Указ. соч., с. 417. Й. Маркварт и Я. Манандян находят, что Корбулон не прошел через Мардастан, страна мардов, через которую он прошел, находилась к северо-востоку от Тарона (J. Markwart, Die Entsehung, S. 23; է. Մ ա ն ի ե ի չ ա ն, *Երկիր, հ. Ա, էջ 331*).

⁴⁶ Н. Адонц, *ali в топониме Мардали считает флексией, по сему Мардали означает Мард-ская область (см. Н. Адонц, указ. соч., с. 56). Не исключено, что -ли в этом топониме является окончанием множественного числа (ср. Г. А. Меликшивили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960, с. 52). По сему Мардали должно было обозначить «марды» (т. е. «страна мардов»). Ср. у Птолема, у которого этноним „Μάρδοι“ выступает как топоним: „Ἀπ' ἀνατολῶν δὲ τῶν Τίγριδος ποταμοῦ πηγῶν ἢ τε Βαγρασανδηνῆ καὶ ὑπ' αὐτὴν ἢ Γορδοηνῆ, τῆς ἀνατολικωτέρας ἢ Κωταία καὶ ὑπ' αὐτὴν Μάρδοι“ (apud: N. Adontz, Armenia in the Period of Justinian. Translated with partial revisions, a bibliographical note and appendices by Nina Garsoïan. Louvain, 1970, p. 114*—115*). Армянское окончание именительного падежа множественного числа «р» (-ы) носят множество армянских топонимов, например: Абелеанк, Андзевацик, Бзунуик, Габелеанк, Хорхорунуик, Авнуик, Палуик, Рштуник и др., которые в то же время являются названиями нахарарских родов.

⁴⁷ Н. Адонц, указ. соч., с. 314.

⁴⁸ «Սիրտանէն Եփրատըն Պատմութիւն հայոց», *Վաղարշապատ*, 1871, էջ 100: Н. Адонц, указ. соч., с. 327, 329—331.

⁴⁹ Н. Адонц, Указ. соч., с. 417, прим. 5. К этнониму «марды» имеет, наверное, отношение и название горы Мерд в Тароне, которую Н. Адонц отождествлял с горой Марута армянского эпоса о Давиде Сасунском (см.: N. Adontz, Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digénis Akritas, Études Arméno-Byzantines, Lisbonne, 1965, p. 31). Гора Мерд упомянута в дошедших до нас отрывках приписываемого арабскому историку Вакиди (748—823 гг.) утерянного труда о завоевании арабами Месопотамии и Армении. Тарон—тот же Туруберак, один из кантонов которого—Мардали.

⁵⁰ Н. Hübschmann, Die altarmenischen Ortsnamen („Indogermanische Forschungen“, Bd. 16, 1904, S. 239).

⁵¹ Н. Адонц, указ. соч., с. 316.

⁵² Там же, с. 417, прим. 5.

Мардастан также, согласно соборным актам вышеупомянутых соборов, имел епископа⁵³.

Обосновавшись в Армении, марды со временем слились с армянами, хотя долгое время продолжали носить свое племенное название⁵⁴. Они стали играть заметную роль в военной и политической жизни страны. Марды и другие пришлые племена уже при Тигране II дали начало очень важным нахарарским фамилиям⁵⁵, которые отличились и в государстве армянских Аршакидов (66—428 гг.). Одна из самых важных функций находилась в руках представителей племени мардов⁵⁶, глава которых именовался «մարդպետ-տաքրեի», т. е. «глава мардов». Должность мардпета впоследствии превратилась в родовой титул и род мардпетов и их владения именовались Мардпет-акан, т. е. Мардпетские⁵⁷. Нужно отметить, что хотя «տաքրեի» в армянских источниках раннего средневековья упоминается довольно часто, марды, как племя, не встречаются, быть может из-за того, что уже слились с армянами, или же потому, что у армян племенное название мард (մարդ) ассоциировалось с существительным мард (մարդ), означающим «человек». Но не приходится сомневаться, что марды к этому времени еще были, иначе существование их главы — мардпета — было бы невысказано. Что касается кантонов Мардастан и Мардали, то они упоминаются довольно часто и в намного более поздних источниках.

Обратимся к должности мардпета⁵⁸. Мардпет был видной фигурой при дворе армянских Аршакидов. Об этом свидетельствуют многие источники и в первую очередь «История» Агафангела. Мардпет был после царя третьим лицом в государстве. Тиридат III (298—330 гг.), пишет Агафангел, «... собрал главных из нахараров и правителей областей⁵⁹. Первый — князь Ангелены, второй — князь Арзанены, т. е. великий бдешх, третий — князь должности мардпетства...»⁶⁰. В списке Агафангела — шестнадцать должностных вельмож. Мардпет часто упоминается с прозвищем հայր (отец, т. е. հայր мардпет). Таковым он считался по отношению к аршакидскому царю, «Отец царя»⁶¹. По сему

⁵³ Там же, с. 330—331.

⁵⁴ В Армении проживают армяне, которых до сих пор называют «зак». Ученые в этом имени усматривают этноним «сак». Саки обосновались в Армении в VII в. до н. э.

⁵⁵ Н. Адонц, указ. соч., с. 416.

⁵⁶ «История Армении Фавстоса Бузанда», пер. М. А. Геворгияна, Ереван, 1953, с. 159.

⁵⁷ Н. Адонц, указ. соч., с. 417.

⁵⁸ О мардпете см. подробнее: J. Markwart, Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen, Wien, 1930, S. 58—70; Հ. Մանուկյան, Յեռոզիգիւր Հին Հայաստանում (Արշակունիքի ու Մարդպետության շրջան), Երևան, 1954, էջ 63—67:

⁵⁹ В оригинале: «գլխավորն նախարարացն եւ զպետական». Слова эти встречаются рядом в арм. пер. Библии (Даниил, III, 94) и соответствуют греч. «ὑπατοί, τοπάρχαι».

⁶⁰ «Ազատական գեղացի Պատմութիւն հայոց», Տիգրիս, 1909, էջ 414:

⁶¹ Ср. византийск. «Βασίλειοπάτωρ», хотя Стилиан Зауца был назван так потому, что он был тестем Льва VI.

его должность именовалась «հայրութիւն մարդպետութեան»⁶² (дословно: «отцовство мардпетства») или же «մեծ մարդպետութիւն» («великое мардпетство») ⁶³, а он сам «իշխան մարդպետութեան» («князь мардпетства») ⁶⁴, или же «մեծ իշխան մարդպետութեան» («великий князь мардпетства») ⁶⁵. Мардпетство, т. е. должность мардпета, в ранних источниках считается «գործակալութիւն» ⁶⁶ (ὄφφίσιον византийских источников, по сегодняшней терминологии — министерство). Мардпет был советником царя, ведал его двором, имениями, сокровищницей. Он был заинтересован в мощном централизованном государстве, в сильной царской власти. Мардпет принимал участие в избрании католикоса, и, если судить по враждебным по отношению к мардпетам высказываниям армянских писателей раннего средневековья, принадлежащих главным образом к духовенству, можно прийти к выводу, что мардпеты были в оппозиции к церкви⁶⁷. Мардпеты играли большую роль и в армии аршакидского государства. У них было специальное воинское подразделение, которое армянский историк конца V в. Лазар Парпеци называет «полки из войск мардпетаканской конницы» («գունդք ի զորացն մարդպետական շիրուհրոյ») ⁶⁸. Эти войска принимали участие в восстании армян во главе с Варданом Мамиконяном против Сасанидов в 451 г. Но главной обязанностью этих войск была защита границ аршакидского государства, т. е. они представляли собой пограничные войска. Известен, например, мардпет Глак, «... который был назначен правителем пограничной области» («սահմանակալ») ⁶⁹. Как пишет Н. Адонц, «... обязанность охранять царские укрепления, т. е. estage, у армян лежала на известной фамилии, подобно другим наследственным званиям. Охрана и надзор за царскими укреплениями в Софене и Ангелене были вверены князьям Мардпет»⁷⁰.

На фоне вышесказанного приобретает особое значение название одной крепости в данном регионе, упомянутой римским историком IV в. Аммианом Марцеллином. Он ее именует «Maride»⁷¹. Как мы убедимся далее, она носит имя племени мардов, которые, по всей вероятности, ее и построили и охраняли.

Отметим здесь, что Софена и Ангелена — кантоны Четвертой Армении, которая и после падения царства армянских Аршакидов в 428 г. была независимой в составе Византии и имела свои собственные национальные вооруженные силы. Как пишет Прокопий Кесарийский, войска нахараров-сатрапов Четвертой Армении состояли не из ромеев, а из ар-

⁶² «Փակտոսի Բուզանդացւոյ Պատմութիւն հայոց», Ս. Պետրոսով, 1883, էջ 160: В рус. пер. М. А. Геворгияна («История Армении Фавстоса Бузанда», с. 148) упрощено — «должность Айна Мардпета».

⁶³ «Փակտոսի Բուզանդացւոյ Պատմութիւն հայոց», էջ 40: В рус. пер. (с. 39) упрощено — «великий Мардпет».

⁶⁴ «Փակտոսի Բուզանդացւոյ Պատմութիւն հայոց», էջ 39:

⁶⁵ Там же, с. 60—61.

⁶⁶ Там же, с. 173.

⁶⁷ «История Армении Фавстоса Бузанда», с. 90.

⁶⁸ «Հազարայ Փարպեցւոյ Պատմութիւն հայոց», Տիգրիս, 1904, էջ 64, 162:

⁶⁹ «История Армении Фавстоса Бузанда», с. 156.

⁷⁰ Н. Адонц, указ. соч., с. 470 (подчеркнуто нами. — Р. Б.).

⁷¹ Amm. Marc., XIX, 9, 4 (... regionumque Mesopotamiae gnarum, per Izalamontem, inter castella praesidiaria duo Maride et Lorne introiturum, Nisibim ocquita dimisit*).

мян⁷². Такое положение в Четвертой Армении просуществовало до реформ Юстиниана I, когда армянские войска сатрапов были распущены и заменены византийскими, неизвестно какими⁷³.

Итак, если при Аршакидах охрану Четвертой Армении осуществляло княжество Мардпетуни, с состоящим, скорее всего, из мардов войском, то не исключено, что марды могли и после падения династии Аршакидов защищать эти границы, уже в качестве наемных пограничных войск византийского государства. Для этого немалую роль продолжала играть упомянутая выше крепость «Magide». Отметим, что она находилась в 15 км севернее главного оплота Византии в этих местах — крепости Дара. Дара была перестроена императором Анастасием в 507 г. и, согласно Прокопию Кесарийскому, представляла собой оплот империи. Случись с ней несчастье, то сотрясется все ромейское государство, писал историк⁷⁴. Крепость «Magide» Аммиана Марцеллина была построена намного раньше Дары, и, наверно, тогда она играла ту же роль, что впоследствии Дара. Она часто упоминается в связи с персидско-византийской войной конца VI в. Иоанн Элифанский пишет, что крепость эта находится в горах и своими жителями называется Мардес («... ἐς τε φρούριον ἐν ὄρει χεῖμενον... Μάρδης ὑπὸ τῶν ἐνοικοῦντων ὀνομαζόμενον»)⁷⁵. Ее упоминает Феофилакт Симокатта («ἡ τοῦ Μάρδου φρουρά⁷⁶, τὸ Μάρδης⁷⁷, τὸ Μάρδες»)⁷⁸, «Армянская география VII в.» «*Մարդէ բերդ*» — «крепость Мардэ»⁷⁹, Георгий Кипрский и др.⁸⁰ И крепость Мардес, и оплот Дара, согласно составленному около 591/606 гг., т. е. в интересующую нас эпоху, трактату Георгия Кипрского, локализуются в Верхней Месопотамии⁸¹, которая называлась также *Четвертой Арменией* («Ἐπαρχία Με-

⁷² Proc., De aedificiis, III, 1: Στρατιώτης δὲ Ρωμαῖος οὐτε τῷ Ἀρμενίων βασιλεῖ οὐτε σατράπαις ἤμουν πόποτε, ἀλλὰ τὰ πολέμια κατὰ μόνας αὐτοὶ διωκοῦντο.

⁷³ Мы знаем, что Четвертая Армения до 701/702 г. находилась в составе империи. Ее уступил арабам византийский полководец, скорее всего военный глава области, армянин Ваан (См. «Theophanis Chronographia», А. М. 6194). Значит, и к этому времени защита Четвертой Армении находилась в руках армян.

⁷⁴ Proc., De aedificiis, II, 1.

⁷⁵ Ioann. Epiph., frgm. 5 («Fragmenta Historicorum graecorum», vol. IV, ed. C. Müller, Paris, 1851, p. 275). Μάρδης у Menand. Prot., fr. 60, и Μάρδης у Прокопия Кесарийского («De aedificiis, II, 4»).

⁷⁶ Theophyl. Sym., II, 2.

⁷⁷ Там же, II, 3.

⁷⁸ Там же, III, 11.

⁷⁹ U. S. b r b d j a h, Հայաստանի ըստ «Աշխարհացոյց»-ի, Երևան, 1963, էջ 113.

⁸⁰ «Georgii Cyprii Descriptio Orbis Romani», edidit praefatus est commentario instruxit Henricus Gelzer Lipsiae, 1890, p. 46. См. также: E. Honigmann, Le Synecdèmos d'Hieroklès et l'Opusculé géographique de Georges de Chypre, Texte, Introduction, Commentaire et Cartes, Bruxelles, 1939, p. 64; Hamilton and Brooks, The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene London, 1899, VII, 6. Обстоятельную библиографию см. в статье Вейсбаха «Μάρδης» («Paulys Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft», Bd. XIV, 2, col. 1648). Отметим, что на месте крепости Мардес находится теперь город Мердин в Турции.

⁸¹ О ней см. N. A. Oikonomidès, Recherches sur l'histoire du Bas-Danube aux Xe — XIe siècles: La Mésopotamie de l'Occident («Revue des Études Sud-Est Européennes», t. III, 1965, № 1—2, p. 58—59).

σοποταρίας ἄνω ἤτοι Ἄ Ἀρμενίας»)⁸². Значит они защищали *Четвертую Армению*, ту Армению, которую, согласно Феофану Исповеднику, защищали мардаиты («ἕως τετάρτης Ἀρμενίας, ἀνίσχυροι καὶ ἀοίκητοι ἐτύχαιον διὰ τὴν ἐφοδὸν τῶν Μαρδαϊτῶν»)⁸³.

В Четвертой Армении, кроме крепости Мардес, была еще одна, которая, бесспорно, носила племенное название мардов, название, свидетельствующее вместе с тем и о том, что она была построена именно мардами. Тот же Георгий Кипрский ее именует «Μερτικέρτον» (должно быть «*Մարդիկերտ*», или «*Մարդիկերտ*», дословно: «строение мардов», «построенная мардами», ср. Ервандакерт, Тигранакерт и т. п.). Георгий Кипрский ее локализует в «другой Четвертой Армении» («Ἐπαρχία Ἄ Ἀρμενίας ἄλλη»)⁸⁴ и упоминает сразу же после крепости Китарич (Κιταρίζων), которая учеными локализуется на персидско-византийской границе, в кантоне Аштеанк («Ασθιαννή») Четвертой Армении⁸⁵.

Вернемся к феодальному роду Мардпетуни. К V в. в острой борьбе он был ликвидирован, но титул мардпета перешел к феодальному роду Арцруни, т. е. *должность* мардпета (разумеется, и марды), продолжали существовать. В упомянутом уже нами восстании армян против Сасанидов в 451 г. принимали участие и Арцруниды, князь которых Михр-Шапук, по данным Лазаря Парпеци, именовался мардпетом⁸⁶. Отметим также, что в источниках епископ кантона Мартпетакан отождествляется с епископом Остана, или Сепухакана, т. е. с епископом Арцрунидов⁸⁷.

Читателю уже очевидны выводы, к которым мы пришли. Мардаиты Феофана Исповедника — это состоящее из арменизированных мардов наемное войско, служащее Византии для защиты границ Верхней Месопотамии (Четвертой Армении) от арабов. Об этом свидетельствует не только тождество их имен — «мард-аиты» — «мард-ы», присущий обоим воинственный и разбойничий нрав, но и совпадение географического ареала, веками защищаемого мардами и мардаитами. Вдобавок ко всему сказанному отметим еще раз, что мардаиты — христиане-монофизиты, т. е. исповедывали христианство согласно преданиям армян.

Наше исследование было бы неполным, если бы не остановились еще на одном факте. Речь идет об одном названии, встречаемом в сочинениях двух армянских историков в связи с событиями в Армении, по времени в точности совпадающими со временем деятельности упоминаемых Феофаном мардаитов. Гевонд (VIII в.) пишет, что после упразднения империи Сасанидов, арабы в 653 г. напали на византийского военачальника Прокопия в армянском кантоне Коговит, в пределах Базудзора и *Мардуцайка*⁸⁸. Из контекста ясно, что речь идет о топониме. Н. Адонц считал, что данный топоним состоит из Mardotz nom. loci из

⁸² E. Honigmann, Le Synecdèmos d'Hieroklès..., p. 64.

⁸³ «Theophanis Chronographia», p. 363.

⁸⁴ «Georgii Cyprii Descriptio», p. 48.

⁸⁵ Н. Адонц, указ. соч., с. 22.

⁸⁶ «Ղաղարիշի Փարպեցու Պատմութիւն Հայոց», Տիգրիս, 1904, էջ 71: Ср. также Н. Адонц, указ. соч., с. 320.

⁸⁷ Н. Адонц, указ. соч., с. 335, 337.

⁸⁸ «История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в.», пер. с арм. К. Патканяна, СПб., 1862, с. 4.

marđ, а флексия -айк придает ему значение *nom. ethn.*: жители Мардоца, как *h*Айстанейк и проч. Мардуцайк он отождествляет с упомянутым выше кантоном Мардастан⁸⁹. На основе Мардуцайк он, вслед за К. Патканяном, решает и вопрос «топонима» *Мардоцэк*, встречающегося у Себеоса. Сообщив о заключенном между князем Теодоросом Рштуни и арабским халифом Муавией на двенадцатом году царствования византийского императора Константина (653 г.) мирном договоре, Себеос указывает, что «Все ромейские войска жаловались и обвиняли Рштунийского владельца (т. е. князя Теодороса Рштуни.— Р. Б.) и армян пред своим царем (т. е. Константином.— Р. Б.) за поражение при местечке *Мардоцэк*»⁹⁰. Так в переводе Ст. Малхасянца. Но в оригинале «...*Մարձուցէք՝ որ եղին ի Մարդուցէսն* («... за удары, нанесенные (ромейам) мардоцэк-ами»). Это место «Истории» Себеоса стало камнем преткновения для всех имевших с ним дело. Т. Михрдатян⁹¹, первый издатель текста Себеоса, находил в нем искажение армянских слов «*ի Մարդուցիսն*» или «*ի Մարդուցսն*» (т. е. «от сражавшихся», «в бастionaх» (1)), что справедливо было отвергнуто. Первый переводчик текста на русский язык К. Патканян данное место перевел «... за поражения, которые происходили в *мардоцесе*»⁹² и под строкой дал следующее примечание: «Не знаем, что значит *мардоцес* — искаженное слово, или собственное имя»⁹³. А в своем издании оригинала К. Патканян, отвергая объяснение Михрдатяна, писал, что *мардоцес* — это топоним. Свое мнение он обосновал вышеупомянутым местом «Истории» Гевонда⁹⁴. Гюбшманн⁹⁵ и Маклер⁹⁶, считая данное место в «Истории» Себеоса искаженным, пропускают его в своем переводе.

Кажется, данные Гевонда так убедительно говорят о Мардуцайке как о местности, топониме, что исследователи, и это естественно, стали «мардоцэк» Себеоса отождествлять с этим топонимом. Подробно на нем остановился Н. Адонц, который также Мардоцэк и Мардуцайк считал одной и той же местностью и, как уже отметили, отождествил с кантоном Мардастан. Замечание Н. Адонца об окончании -айк в имени Мардуц-айк (и -эк в Мардоцэк) имеет определяющее значение для нашей задачи. Если данный суффикс (-эк и -айк) передать по-гречески *-ίται*, *-αίται*, то мы получим не что иное, как «*Μαρδαίται*»⁹⁷. Этнони-

⁸⁹ Н. Адонц, указ. соч., с. 417, прим. 5.

⁹⁰ «История епископа Себеоса», пер. с 4-го исправл. арм. изд. Ст. Малхасянца, Ереван, 1939, с. 117.

⁹¹ «*Պատմութիւն Սերէնոսի եպիսկոպոսի ի Հերակին*», *Չոստանդնուպոլիս*, 1851, էջ 216:

⁹² «История императора Иракла, сочинение епископа Себеоса, писателя VII века», СПб., 1862, с. 153.

⁹³ Там же.

⁹⁴ «*Պատմութիւն Սերէնոսի եպիսկոպոսի ի Հերակին*», ի լոյս ած Ք. Պատկանյանի, Ս. Պետերբուրգ, 1879, էջ 202:

⁹⁵ «Zur Geschichte Armeniens und der ersten Kriege der Araber. Aus dem armenischen des Sebeos» (Übersetzt von) Dr. Heinrich Hübschmann, Leipzig, 1875, S. 31.

⁹⁶ «Histoire d'Héraclius par l'évêque Sebêos». Traduite de l'arménien et annotée par Frédéric Macler, Paris, 1904, p. 133.

⁹⁷ Ср. у Георгия Кипрского, который жителей (λαοί) местности Хут (*Խուրթ*) в Армении (см. в «Эскуриальском Тактиконе»: «ὁ τοῦ Χουρῆ»; Ν. Οἰκοπομίδης *Les Lists de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*, Paris, 1972, 269) именуется «*Χοθ-αίται*», а Санасуна (т. е. Сасуна)— «*Σανασουν-ίται*» (Georgii Surlil *Descriptio*, p. 48). Следовательно, если жители местности Хут называются «*Χοθ-αίται*»

мов или имен собственных, выступающих в качестве топонимов, в Армении сколько угодно.

Итак, вышеупомянутое дает нам право в «*ի Մարդուցէսն*» Себеоса усмотреть не топоним, а этноним мардаитов, которые и разбили византийские войска в 653 г. Этот факт свидетельствует о том, что к возглавляемому нахараром Теодоросом Рштуни в середине VII в. антивизантийскому движению армян примкнули и мардаиты Армении. В связи с этим нужно остановиться на одном важном, на наш взгляд, замечании издателя древнеармянского перевода «Хроники» Михаила Сирийца, оставшемся незамеченным учеными. Комментируя данные Михаила Сирийца о заключенном между Юстинианом II и Абд аль-Маликом мирном договоре 688 г. и роспуске полка «мятежников» («бунтовщиков»)⁹⁸, издатель отождествил их с мардаитами (византийских авторов) и писал: «*Себеос их называет Мардоцэк*»⁹⁹, т. е. в «Мардоцэк» Себеоса совершенно верно усмотрел не топоним, а племенное название. Как бы то ни было, считать «мардоцэк» топонимом или этнонимом сущности не меняет. В обоих случаях имя переводится *Μαρδαίται*. Разница только в том, что если речь действительно шла об этнониме, нам стала бы известной неведомая раньше страница истории армянского народа. И не только. Еще раз бы подтвердилось, что родина мардаитов — Армения, что они — армяне, ибо «ромейские войска жаловались императору на армян», а не на ромеев, тем более не на сирийцев, маронитов и т. п., за какими ученые принимали мардаитов. С установлением арабского ига в Армении антивизантийские настроения армянских мардаитов, наверное, пошли на убыль и мардаиты в дальнейшем включились в возглавляемую Византией общую антиарабскую борьбу.

Откуда происходили служащие Византии в VII в. мардаиты? Из Мардастана (Мардуцайк) в Васпуракане, или Мардали в Туруберане? Скорее всего из Мардали. Мардастан был довольно далеко от границ империи и к тому времени находился под арабским господством, а Мардали был в пределах Византии и соседствовал с Феодосиополем — Карином, местопребыванием византийского главнокомандующего, который и мог их вербовать. Исходя из сказанного, очень заманчиво, но в то же время не лишено резона *Μαρδαίται* Феофана Исповедника исправить на *Μαρδα(λ)ίται*. Если иметь в виду, что буква «л» в топониме Мардали армянами произносится как новогреческая «γ», *Μαρδαγί*, то мы получим *Μαρδα(γ)ίται* (Мардаиты). В таком случае эта «γ» греками могла быть и опущена (ср. варианты имени еретиков фундаментов-фундаитов — *Φουδαγίται*-*Φουδαίται*)¹⁰⁰.

то «*Μαρδ-αίται*» могли называться жители (λαοί, народ, племя) местности «*Μάρδ-οι*». Как мы увидели выше, кантон Мардали переводится «*Μάρδοι*».

⁹⁸ Древнесармянский (XIII в.) перевод «Хроники» Михаила Сирийца был опубликован лет за 30 до издания сирийского оригинала и, разумеется, его издатель не мог знать, что там, где в армянском стоит «*սափափաք*» («бунтовщики, мятежники»), в сирийском встречается (*Maridayé*), что средневековый армянский переводчик «перевел» данное племенное название, не догадываясь, что он имеет дело не с простым существительным.

⁹⁹ «*Ժամանակագրութիւն Տեանն Միջագետի Ասորոց ցատրիարքի*», *Երևանից, 1871*, էջ 326, ծանոթ. 2:

¹⁰⁰ «*Marid-ayé*» же (-ayé — оконч. им. падежа мн. числа) Михаила Сирийца не напоминает ли название крепости *Maride* (*Μάρδης*), упомянутую Аммианом Марцеллином?

Мардаиты упоминаются и в более позднее время (IX—X вв.), в основном в качестве служащих византийского военного флота¹⁰¹. Их можно встретить в Памфилии Малой Азии, Элладе, Пелопоннесе, Кефалонии, Никополесе Эпира и в других местах Византийской империи¹⁰². Они служили на флоте фемы Кивирреотов, имея центром местопребывания город Атталию. Здесь сидел «катепано мардаитов» (ὁ κατεπάνω τῶν Μαρδαϊτῶν Ἀτταλείας), который, по данным Константина Порфирородного, назначался лично императором¹⁰³. На этот пост мог быть назначен даже сарацин¹⁰⁴. Катепано мардаитов обладал самостоятельностью (αὐτεξούσιος)¹⁰⁵.

В отличие от мардаитов-моряков Малой Азии, Константин Порфирородный мардаитов европейской части Византийской империи именуется «мардаитами Запада» (Μαρδαῖται τῆς Δύσεως)¹⁰⁶.

Какое отношение имели поздние мардаиты к мардаитам Феофана Исповедника? По нашему убеждению — никакого. Просто продолжало существовать название их полка, а рекрутировались они «византийцами». Мы считаем совершенно правильным мнение К. Сафы и К. Амантоса о том, что мардаиты Запада не являются частью племени мардаитов, а особой частью военно-морского флота, которая обязана племени мардаитов лишь своим именем¹⁰⁷.

Таким образом, воинственное и разбойничье племя мардаитов — это арменизированное племя мардов. Состоящие из мардов военные полки служили в армии армянских Аршакидов (вспомним еще раз «полки из войск Мардпетаканской конницы», упомянутые Лазаром Парпеци), а позже — в византийской. И в эпоху Аршакидов, и во времена ранней Византии они охраняли главным образом одни и те же территории Армении — Четвертую Армению (Верхнюю Месопотамию). Ради защиты интересов Византии мардаитские полки по приказу императора могли быть отправлены и за пределы Армении. «Мардаиты» IX—X вв. к племени мардаитов отношения не имеют. Они лишь носители их имени.

¹⁰¹ „Constantini Porphyrogeniti Imperatoris De Cerimonis aulae byzantinae“, e recensione Io. Iac. Reiskii, vol. I, Bonnae, 1829, p. 668; Theophanes Continuatus, Chronographia, ex recognitione Immanuelis Bekkeri, Bonnae, 1838, p. 304, 311.

¹⁰² См. Н. Ahrweiler, Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe—XVe siècles, Paris, 1966, p. 33, 44, 50, 52, 84—85, 108, 110, 399—400.

¹⁰³ „Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio“, Greek text ed. by Gy. Moravcsik, English translation by R. J. H. Jenkins, Budapest, 1949, p. 240, 242.

¹⁰⁴ Там же, с. 242.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ „De Cerimonis“, vol. I, p. 655, 656.

¹⁰⁷ К. Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Age, IV, p. LXVIII—LXXII (apud: Н. Ahrweiler, Byzance et la mer, p. 400); К. Ἀμαντος, Μαρδαῖται. „Ελληνικά“ τόμ. 5, 1932, σελ. 130 κέξ. С ним не согласен Д. Закифинос (см. Δ. Ζακυθηνός, Οι Σλαῦοι ἐν Ἑλλάδι, Ἀθήναι, 1945, σελ. 92, а также: Н. Ahrweiler, Byzance et la mer, p. 399—400).

ՄԱՐԴԱՅԻՏՆԵՐԻ ԱՌԵՂՄՎԱԾԻ ԼՈՒԾՈՒՄԸ

ՀՐԱԶ ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

VII դ. երկրորդ կեսին բյուզանդական բանակում ծառայում էր ռազմունակ մարդայիններից բաղկացած հատուկ գունդ, որի պարտականությունն էր արաբական արշավանքներից պաշտպանել հիմնականում Չորրորդ Հայքի սահմանները, թույլ շտալ արաբներին այնտեղ մշտական բնակություն հաստատելու: Ելնելով իր շահերից, կայսրությունը մարդայինների առանձին գնդեր ուղարկում էր Բյուզանդիայի տարբեր շրջանները: 688 թ. բյուզանդա-արաբական հաշտության պայմանագրի համաձայն Բյուզանդական կայսրությունը լուծարքի ենթարկեց մարդայինների գնդերը և արգելեց նրանց ապատակելու խալիֆայության տարածքը:

Բյուզանդագիտության, արաբագիտության և ասորագիտության մեջ մինչև օրս անլուծելի էր մնացել մարդայինների էության ու էթնիկական պատկանելիության հարցը: Նրանց համարում էին կիբանանի լեռնականներ՝ ազգությամբ հույն, ասորի, մարոնիտներ և այլն: Նրանք չէին բացատրում, թե ինչպես կարող էին այդ լեռնականները կիբանանի տերիտորիայից պաշտպանել Չորրորդ Հայքի տարածքը արաբներից:

Մարդայինները պատկանում էին դեռևս անտիկ ժամանակաշրջանում Հայաստանում հաստատված և ժամանակի ընթացքում հայացած իրանական մարդ ցեղին, որի անունն էին կրում պատմական Հայաստանի երկու գավառները՝ Մարդաստանը և Մարդաղին: Մարդերը և նրանց պարագլուխ մարդպետը, իրենց մարդպետական կոչվող գնդերով, կարևոր դեր էին խաղում Արշակունյաց (հետագայում նաև մարդպանական և բյուզանդական) Հայաստանում. նրանց գլխավոր պարտականություններից մեկը Չորրորդ Հայքի տարածքի պաշտպանությունն էր: IX—X դդ. բյուզանդական բանակի մարդայինների անունը կրող գնդերը VII դ. մարդայինների հետ որևէ առնչություն չունեն. նրանք սոսկ ծառանգել են ռազմունակ մարդայինների անունը:

РОЛЬ ИГУМЕНА ФИЛИППОПОЛЬСКОГО АРМЯНСКОГО
МОНАСТЫРЯ ИОАННА АТМАНА В АРМЯНО-ВИЗАНТИЙСКИХ
ЦЕРКОВНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ ПРИ КАТОЛИКОСЕ НЕРСЕСЕ IV
БЛАГОДАТНОМ (1166—1173)

РАЧ БАРТИКЯН

После Двинского церковного собора 554 г., когда армянская церковь, отвергнув решения Четвертого Вселенского собора в Халкедоне (451 г.), отделилась от византийской, константинопольское правительство неоднократно предпринимало попытки к ликвидации создавшегося между двумя церквями и народами разрыва. На это были направлены усилия императора Ираклия в VII в., патриарха Фотия— в IX, патриарха Николая Мистика— в X в., По этому вопросу велись долгие и безрезультатные переговоры, догматические диспуты в первой половине XI в. Мотивы, толкающие византийское правительство на это, были предельно ясны. Оно стремилось к тому, чтобы армянская церковь утратила свою самостоятельность и в то же время пыталось добиться политического подчинения Армении Византийской империи.

После создания армянского государства в Киликии в конце XI в. и безуспешных попыток Византии силой лишить армян независимости, на повестку дня внешней политики византийского двора снова был поставлен вопрос об унии армянской и византийской церквей. Византия не скрывала, что ее конечной целью было подчинение армянской церкви константинопольскому патриархату. Главной фигурой со стороны империи в длившихся более десяти лет переговорах с армянским католикосом в Ромкла был император Мануил I Комнин (1143—1180 гг.), со стороны армян— католикос Нерсес IV Благодатный (1166—1173 гг.). Эти переговоры начались еще при католикосе Григоре III (1113—1166 гг.).

В этой статье мы не намерены остановиться на догматической стороне переговоров между византийской и армянской церквями, на существе диспутов, споров между посланниками византийского императора и главой армянской церкви. Они мало чем отличаются от других споров и диспутов, имевших место до этого, на протяжении 700 лет, и о них написано более чем достаточно¹.

Как уже было сказано, инициатором нового раунда армяно-византийских церковных переговоров была Византия. Еще будучи епископом, Нерсес Благодатный, уже известный богослов, в 1165 г. представил византийскому наместнику в Мопсуестии Алексею текст исповедания веры армянской церкви, разумеется, по требованию византийского двора. Ответом на текст, составленный Нерсесом Благо-

¹ Подробнейшую библиографию см. в статье Л. Зекьяна, Համաժողովրդական արամաթուրիան ըն ժԲ դարում, Բաղնաձիպ, 1977, էջ 592, ծանոթ. 1. См. также и статью А. А. Бозояна, Հայ-բյուզանդական զիվանազրուական հարաբերությունները XII դ. 60—70-ական թթ. («Գաղտնա-բանասիրական հանդես», 1981, № 2 (далее: ԳԲ):

датным, было послание императора Мануила Комнина, датированное сентябрем 1166 г. и отправленное католикосу Григору через Смбата, византийского придворного, как указывает его имя—армянина по происхождению. В письме император просил армянского католикоса отправить в Константинополь своего брата Нерсеса Благодатного для дальнейших переговоров на известную тему. Однако к этому времени католикоса Григора уже не было в живых, а наследовавший его престол Нерсес Благодатный, разумеется, не смог поехать в столицу империи. Свой ответ на послание императора он отправил через вышеупомянутого Смбата. В нем он излагал причины, не позволяющие ему покинуть Ромкла, и просил, чтобы Мануил Комнин или прислал для переговоров своих людей, или же, если это возможно, приехал сам, не сочтя это чем-то унижительным. Ответное послание императора Нерсесу дошло до нас как в греческом оригинале, так и в армянском переводе, осуществленном, вероятно, в армянской патриархии по его получению. Мануил превозносил католикоса за его готовность содействовать унии церкви и сообщал: «Я отправил к Вашей благочестивости слугу моей царственности философа магистра Феориана² вместе с Атманом, игуменом армянского монастыря в Филиппополе, которые и ознакомят тебя с точкой зрения Святейшей Церкви³ и моей царственности о данной проблеме». Император, желая подчеркнуть свое доверие к Феориану и Атману, предоставленные им большие полномочия, заверял католикоса Нерсеса в том, что он полностью может положиться на доподлинность сказанного ими⁴.

Армянский перевод интересующей нас части послания Мануила совпадает с текстом греческого оригинала. В армянском отсутствует слово „философ“ касательно магистра Феориана, вместо „*en Philipopolis*“ („в Филиппополе“) написано «*ի Փիլիպոպոլսեաց աշխարհէն*» („в стране (области, феме) филиппопольцев“), а вместо *τῷ Ἀτμάνῳ* („с Атманом“) — *զՅովհաննէս, ճակատոն Ութման* („Иоанном, по прозвищу Утман“)⁵, из чего становится ясным, что Атман—это прозвище игумена филиппопольского монастыря, а его имя—Иоанн⁶.

В греческом издании оригинала после послания Мануила Комнина следует подробнейший текст догматического диспута между Феорианом и католикосом Нерсесом. В начале указанного текста Феориан пишет, что в 6678 г. от сотворения мира (1170 г.), в двадцать восьмом году царствования Мануила Комнина, третьего ин-

² В Житии Нерсеса Благодатного: *զայր սնն ճարտարարան փիլիսոփայ արտաքին արոգէ կրթեալ եւ եկեղեցական ուսմամբ ճարտարեալ* („некоего, получившего светское воспитание и дополненное духовным образованием мужа, красноречивого философа“: «Սրբոյն Ներսէսի Շնորհաւոյ Գառնուքիւն վարդգ»։ Սոփերը հայկականը, հ. 27, Վենետիկ, 1854, էջ 75. О нем коротко упоминает и Михаил Сириец: Michel le Syrien. Chronique, ed. J.-B. Chabot, t. III, Paris, 1905, p. 335—336.

³ Т. е. Восточно-православной, более конкретно—константинопольского высшего духовенства.

⁴ „Theoriani Orthodoxi Disputatio cum Armeniorum Catholico“, Migne, Patrologia graeca, t. 133, col. 120 (далее: Disputatio).

⁵ Поскольку в оригинале Иоанн назван Атманом, а не как в армянском переводе Утманом, мы в этой статье будем его именовать Атманом.

⁶ Ներսէս Շնորհաւի, Քուղթ ընդհանրական, Երուսաղեմ, 1871, էջ 144. (далее—Քուղթ ընդհանրական).

дикта, пятнадцатого числа мая месяца Феориан и Атман прибыли в армянский католикосат в Ромкла, и приветствуя католикоса армян от имени императора, вручили ему императорское послание, о котором мы уже упомянули, не забыв назвать себя «ничтожнейшими слугами» императора. Далее следует текст диспута.

Феориан не владел армянским языком, во всяком случае он выдавал себя за человека, не знающего по-армянски, католикос Нерсес, видимо, плохо знал греческий, или вовсе не владел им. Иначе нельзя объяснить присутствие переводчика на переговорах. Феориан и Атман именуют его Михаилом. Он был духовным лицом (пресвитером)⁷ и, скорее всего, не местным, а прибывшим из Константинополя. Бесспорно, он был халкедонитом, ибо в конфиденциальных переговорах Нерсеса с Феорианом первый не захотел бы высказывать свои доверительные намерения в присутствии человека армянского вероисповедания. Как отмечал Феориан, переводчик Михаил был несведущ не только в грамматике греческого языка, но плохо владел даже разговорным греческим языком⁸. Исходя из всего сказанного, надо полагать, что переводчик Михаил был армянином. Возникает вопрос: ведь Иоанн Атман прекрасно знал и армянский, и греческий, почему же он не взял на себя роль переводчика? Разве это было для него унижительным? Или под этим кроется нечто серьезное? Известно, что ответное послание католикоса Нерсеса императору Мануилу перевел на греческий, причем перевел блестяще, именно Иоанн Атман (*ἔξελληνισθὲν παρὰ τοῦ μοναχοῦ τοῦ Ἀτμάνου τοῦ ἀπὸ Φιλιπποπόλεως*)⁹. Сказанное означает, и мы убедимся в этом далее, что переговоры между Нерсесом и Феорианом велись в отсутствие Атмана. Для Нерсеса было нежелательно, чтобы Атман был в курсе его конфиденциальных переговоров.

Феориан к этому диспуту готовился давно. Если верить ему, то католикос Нерсес при переговорах отметил, что он, Феориан, видимо, многие годы собирал из разных книг отцов церкви материал для обоснования главной догмы халкедонитов о двух естествах Христа¹⁰. Сказал это Нерсес или нет, не имеет значения, ибо в действительности не могло быть иначе. Император Мануил не послал бы в Ромкла для переговоров несведущего или малосведущего в богословии человека.

Армянский текст диспута не сохранился, а если верить составленному Феорианом греческому тексту, в Ромкла он одержал блестящую победу, склонив католикоса принять решения халкедонского собора, и присутствующий на диспуте племянник Нерсеса епископ Григор (будущий католикос Григор IV Отрок) даже воскликнул: «Я—ромей¹¹, анафема не принимающему догмы о двух естествах Христа»¹².

Феориан далее пишет, что католикос Нерсес поручил ему передать императору запечатанное секретное письмо, согласно которому он принимает решения халкедонского собора¹³, что католикос предвари-

⁷ Disputatio, col. 233. Сравни col. 236.

⁸ Там же, стлб. 124.

⁹ Там же, стлб. 213.

¹⁰ Там же, стлб. 144.

¹¹ Т. е. халкедонит, диофизит.

¹² Disputatio, col. 148. Сравни col. 149.

¹³ Там же, стлб. 212.

тельно ознакомил его, Феориана, с содержанием этого секретного письма.

Странно то, что о секретном письме и его содержании католикос Нерсес не осведомил Иоанна Атмана, своего «соплеменника и единоверного» (ὁμόφυλος καὶ ὁμόπιστος), как его именует Нерсес. Католикос не захотел, чтобы Иоанн Атман знал, что он принял вероучение Четвертого Вселенского собора, отрекшись от армянского вероисповедания. Почему? Единственным вразумительным ответом может быть то, что католикос Нерсес принимал Атмана за монофизита («*համω-
հրոյ մեզ*» — «ὁμόπιστος ἡμῶν»), хотя, как мы убедимся далее, он просто выдавал себя за монофизита, скорее всего с целью войти в доверие Нерсесу.

Отправленное Мануилу секретное письмо Нерсеса не было единственным. Он отправил ему, видимо, аналогичное послание и через своих доверенных людей. В своем втором послании, которое представляет собой ответ императора на секретное послание армянского католикоса, Мануил ясно отмечает, что получил «отправленное через людей твоего пиегета моей царственности письмо»¹⁴ («τὸ μετὰ τῶν ἀνθρώπων τῆς σῆς τιμωρίας σταλὲν γράμμα τῆ βασιλείᾳ μου»). В армянском переводе: «Առ ի քէն անարեալ զիր թագաւորութեան իմոյ ընդ արի պատմականութեան քս»¹⁵). Эти люди в греческом тексте названы «βραχάριοι»¹⁶, стало быть, они принадлежали к знаменитой семье Вахрамиев, известной в Византии с X в. К этой семье принадлежал и знаменитый Филарет¹⁷.

Но вернемся к личности Иоанна Атмана. В армянском оригинале послания католикоса Нерсеса императору Мануилу он назван «наш (т. е. армян—Р. Б.) соплеменник и единоверный (т. е. монофизит—Р. Б.) игумен Иоанн» («*համազգի մեր և համահրոյ Յովհաննէս հայր վանաց*»)¹⁸. Греческий перевод этого послания католикоса Нерсеса, осуществленный самим Атманом, в интересующем нас месте гласит: «ὁ ὁμόφυλος καὶ ὁμόπιστος ἡμῶν ἡμῶν Ἰωάννης ὁ ἡγούμενος, ὃς καὶ Ἀτμάνος ἐπωνομάζεται»¹⁹. В греческом разница в том, что приводится прозвище Иоанна—Атман. Но не только. Слово «*համահրոյ*» («единоверный») армянского оригинала заменено словом «*ὁμοεχέμων*» (дословно: «одетый как и мы в духовную схиму», т. е. церковник, как и мы), в отличие от Феориана, который был лицом светским. Нет сомнения в том, что замена данного слова послания Нерсеса, представленного в византийский двор, разумется, в греческом переводе, дело рук самого Атмана. Атман хорошо знал, как и в вышних кругах византийского государства, что он не «единоверный» ни католикосу, ни армянам вообще, чего не знал Нерсес. Он боялся осведомить Атмана о своем решении принять постановления халкедонского собора, поскольку предполагал, что Атман мог

¹⁴ Там же, стлб. 236.

¹⁵ «*Թուղթ ընդհանրական*», էջ 154.

¹⁶ Disputatio, col. 213.

¹⁷ О них см. А. П. Каждан, Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв., Ереван, 1975, с. 25—28.

¹⁸ «*Թուղթ ընդհանրական*», էջ 146.

¹⁹ Disputatio, col. 213.

об этом известить более широкие круги армянского духовенства и общества.

Но в чем заключалась миссия Иоанна Атмана? Случайность ли, что Мануил Комнин доверил ему такое важное и ответственное задание? Ответ на этот вопрос можно найти в тексте второго диспута Феориана с католикосом Нерсесом, проходившего в Ромкла после второго прибытия Феориана и Атмана из Константинополя в армянский католикосат в 6680 г. от сотворения мира (1172 г.), пятого индикта. Посланицы Мануила Комнина вручили католикосу Нерсесу письмо константинопольского патриарха Михаила, а также два послания византийского императора, одно секретное (μυστική τοῦ βασιλέως γραφή), другое—открытое (φανερὰ)²⁰. В армянском переводе сохранился текст открытого послания Мануила²¹. В секретном послании император приветствовал готовность католикоса Нерсеса принять постановления халкедонского собора и отмечал, что для содействия унии церквей отправил уже известных нам Феориана и Атмана²². Упоминание имени Атмана в конфиденциальном письме императора было осечкой византийской дипломатии или, наоборот, шантажом, трудно сказать. Известно только, что католикос Нерсес, узнав, что Атман в курсе его, католикоса, намерений принять решения халкедонского собора, пришел в ярость. Когда Михаил перевел католикосу текст секретного послания Мануила, Нерсес воскликнул: «Ведь [мою] тайну²³ Атман не знал, как в послании [Мануила] фигурирует его имя?»²⁴. На это переводчик Михаил ответил: «Воля царя, чтобы и тот был в курсе дела, как философ [Феориан]. Католикос, услышав это, глубоко вздохнул, но тогда помолчал»²⁵.

В открытом письме Мануила католикосу Нерсесу сказано, что из Константинополя в Ромкла «к Вашей благочестивости снова отправлены слуга моей царственности Феориан и игумен армянского монастыря в Филиппополе Атман»²⁶. Армянский перевод данного отрывка гласит: «Անարեցան արդ ևս ան քր ըստ Աստուծոյ սրբազանութեան իմ թագաւորութեան մերոյ՝ արդ Թէոփիանէ Մալիտոս, և հայրը որ ըստ Փիլիպուպոլսեաց հայրը»²⁷ վանից Յովհաննէս անուն»²⁸.

²⁰ Там же, стлб. 236.

²¹ «*Թուղթ ընդհանրական*», էջ 154—156.

²² Disputatio, col. 233.

²³ Тайну о том, что Нерсес примкнул к халкедонитам.

²⁴ Disputatio, col. 236.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же: Ἀπεστάλησαν τοῖνον καὶ αὐτῶν πρὸς τὴν σὴν κατὰ Θεὸν εὐλάβειαν ὁ τε λῆξις τῆς βασιλείας μου ὁ Θεοφιανὸς καὶ ὁ καθηγούμενος τῆς ἐν τῆ Φιλίππου πόλει Ἀρμενικῆς μονῆς ὁ Ἀτμάνος.

²⁷ Здесь не замеченная издателями ошибка писца. Должно быть «*հայ վանից*», т. е. «армянского монастыря», как и в греческом оригинале: Ἀρμενικῆς μονῆς. Писец под влиянием упомянутого ранее «*հայր*», т. е. «*հայր վանաց*» (игумен), слово «*հայր*», относящееся к этнической принадлежности монастыря, механически повторил—*հայր*. Таким образом, слово *հայր* (*վանաց*) (игумен) упоминается дважды. О том, что наше исправление верно, свидетельствует не только соответствующее место греческого оригинала этого письма, но и текст первого послания Мануила. Там сказано: «ὁ καθηγούμενος τῆς Ἀρμενικῆς μονῆς ἐν Φιλίππουπόλει (стлб. 120). В армянском переводе: «*հայր վանաց հայրը*» որ ի Փիլիպուպոլսեաց աշխարհէն» («*Թուղթ ընդհանրական*», էջ 144).

²⁸ «*Թուղթ ընդհանրական*», էջ 155.

После того, как католикосу Нерсесу стало известно, что Иоанн Атман в курсе его тайны, а такой поворот дел, видимо, был выгоден византийскому двору, дабы очернить католикоса в глазах армян, представив его перебежчиком, поставить его перед свершившимся фактом, Иоанн Атман перешел к открытому шантажу. Обратившись к Нерсесу, он сказал: то, что католикос считает тайной, известно всей Романии (т. е. Византийской империи), поскольку об этом Феориан написал и выступил во дворце и в собрании высшего византийского духовенства, что составленный Феорианом отчет был размножен в свыше ста экземплярах и распространен по всей Романии. И, приняв позу обиженного, добавил, что не католикос, а он, Атман, вправе обидеться, ибо Нерсес скрыл от него, „соплеменника и единоверного“ (ὁμόφυλον καὶ ὁμόπιστον), секрет, который католикос доверил „иноплеменному“ (ἀλλογενεὶ ἀνδρὶ), т. е. греку Феориану²⁹.

Но Иоанн Атман на этом не остановился. Он продолжил свой шантаж и в присутствии армянского высшего духовенства сказал, что Нерсес действительно написал императору и через Феориана устно передал, что принимает постановления халкедонского собора³⁰. Феориан же отрицал, что выступил в императорском дворце публично и известил о тайных намерениях Нерсеса, что секрет католикоса, как этого требовал Нерсес, сообщил лично императору, вручив ему запечатанное письмо, и что в этот момент у царя находился лишь логофет. Тайну Нерсеса, сказал Феориан, вправе был огласить император как Церкви, так и Сенату³¹.

Нерсес вынужден был перед высшим армянским духовенством отрицать сказанное Иоанном Атманом и выступил с осуждением решений Четвертого Вселенского собора. Переговоры с посланниками византийского императора на несколько дней были им прерваны. Но, возобновившись, они ни к чему не привели. Посланцы Мануила вынуждены были отправиться в путь, и уния армянской церкви с византийской не состоялась, миссия Феориана и Иоанна Атмана окончилась громким провалом. Известно, что в 1177 г. Мануил еще раз попытался достичь унии двух церквей, но в переговорах с византийской стороны не было ни магистра Феориана, ни Иоанна Атмана. Не потому, что, как предполагает Малахия Орманиян, к этому времени их, по-видимому, не было в живых³², а потому, что им нельзя было больше доверить эту ответственную миссию.

Нами уже было отмечено, что переговоры Мануила с Нерсесом имели политические мотивы. Нельзя, конечно, принять за чистую монету и согласие католикоса Нерсеса отречься от армянского вероисповедания и пойти на унию с византийской церковью. Этот шаг был ничем иным, как необходимым ходом, конкретные мотивы которого пока неизвестны. Может быть, католикос хотел таким путем предотвратить

²⁹ Disputatio, col. 248.

³⁰ Там же, стлб. 248. Г. Алишан считает, что Иоанн Атман открыл тайну Нерсеса по своей „наивности“! (Συμπληρωματικὸν Περὶ τῶν — 2. Ὑπερῶν, Ἐπιτομὴ καὶ ὑπομνήματα, 1873, էջ 428).

³¹ Disputatio, col. 249.

³² Մ. Օրմանյան, Ազգայնագիտություն, 1913, էջ 1465.

возможную политическую и военную экспансию Мануила Комнина в армянскую Киликию. Сам Феориан ясно пишет, что в Византии никто не верил в то, что католикос Нерсес искренне желает унии церквей. В Византии, писал Феориан, «почти все, кроме царя, говорили, что католикос человек неискренний, он никогда не согласится на унию» („πάντες σχεδὸν πλὴν τοῦ βασιλέως ἔλεγον ὅτι οὐκ ἔστιν ὁ Καθολικὸς ἀνθρώπος ὀρθός, καὶ οὐδέποτε παραδέξεται τὴν ἑνωσιν“)³³.

Теперь перейдем к основной цели нашей статьи—выявлению места и роли в армяно-византийских церковных переговорах Иоанна Атмана. Из вышесказанного уже явствует, что игумен филиппопольского армянского монастыря Иоанн Атман был никем иным, как простым, вошедшим в доверие католикосу Нерсесу агентом византийского правительствa. Его задача заключалась в том, чтобы выявить намерения католикоса, сообщить о них Феориану, дабы тот более основательно смог подготовить свою контриггу в диспуте с католикосом³⁴. Заметим, что Иоанн Атман был единственным соучастником «делегации», возглавляемой Феорианом в переговорах с армянским католикосом Нерсесом, Феориан же был не рядовой личностью, а крупной фигурой при византийском дворе, знатным богословом, удостоенным высшего титула магистра, наделенным чрезвычайными полномочиями императора Мануила Комнина и константинопольского патриарха Михаила. Это обстоятельство косвенно подчеркивает вес самого Иоанна Атмана. Он должен был быть известным в византийском дворце и константинопольской патриархии деятелем. Прямую связь с его личностью имеет то обстоятельство, что он был игуменом филиппопольского армянского монастыря. Возникает справедливый вопрос и вместе с тем недоумение: разве во всей обширной Византийской империи не было другого армянского монастыря, что император и патриарх обратились к услугам именно этого, а не какого-нибудь другого монастыря. Когда Феориан пишет «τῆς ἀρμενικῆς μονῆς ἐν Φιλιππούπολει» («армянского монастыря в Филиппополе»), он точно указывает, что армянский монастырь в Филиппополе—один, другого армянского монастыря там нет, иначе он уточнил бы, какой именно филиппопольский армянский монастырь имеет в виду. Если даже и допустить, что в Филиппополе к этому времени существовали и другие армянские монастыри, тот факт, что Феориан не уточняет, какой именно, указывает на самый известный армянский монастырь в этом городе или феме³⁵.

Что представляли собой Филиппополь и филиппопольская фема в интересующую нас эпоху в этническом и социальном отношениях?

Анна Комнина закончила свою «Алексиаду» в 1148 г.³⁶ т. е. за два десятилетия до начала армяно-византийского диалога об унии

³³ Disputatio, col. 249.

³⁴ Наивно звучат слова Малахии Орманияна: «неизвестна позиция Утмана, но он, наверное, был на стороне армян, ибо Нерсес именует его «нашим соплеменником и сочувствующим нам» (Ազգայնագիտություն, 1913, էջ 1420). Слово «համահրոն» («единоверный») он исправляет на «համահրոն» («сочувствующий»), хотя во всех изданиях посланий Нерсеса Благодатного стоит «համահրոն», а не «համահրոն».

³⁵ В армянском переводе послания Мануила Комнина вместо Φιλιππούπολις написано «Φιλιπποπόλην καὶ φεμάν», т. е. область, фема филиппопольцев.

³⁶ K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Literatur, München, 1897, S. 274.

церквей в Ромкла. Описывая события времен своего отца, Алексея I Комнина (1081—1118 гг.), она указывает, что все население Филиппополя, кроме немногих, состояло из «манихеев», т. е. павликиан и тондракитов (армян), которые насильничали над местными христианами, по всей вероятности, греками-халкедонитами. Продолжая свой рассказ, она представляет все в более мрачных тонах: весь регион Филиппополя (τὰ κύκλῳ Φιλιπποπόλεως) населяли еретики. К ним она причисляет армян-монофизитов и сирийцев-иаковитов. Желая в который раз восхвалить своего отца, Алексея Комнина, она пишет, будто ему удалось многих еретиков-«манихеев» обратить в православие³⁷. Но вряд ли за свое недолгое пребывание в Филиппополе императору удалось «бы чего-то достичь». К такому заключению приводят события, происшедшие в Филиппополе столетие спустя. Возглавивший Третий Крестовый поход Фридрих Барбаросса 24 августа 1189 г. вступил в Филиппополь. Город был покинут зажиточными жителями, в нем оставались только неимущие греки и *армяне-монофизиты*³⁸. Это свидетельствует о том, что в Филиппополе и его округе армян-халкедонитов не было, во всяком случае, если они и были, то в таком ничтожном количестве, что источники об этом ничего не сообщают. Наоборот, имеются достоверные данные о том, что в Филиппополе именно к этому времени армяне-монофизиты стали подвергаться гонениям, местный епископ армян-монофизитов насильно стал обращать в халкедонитство³⁹, против чего запротестовал армянский католикос Григор IV Отрок⁴⁰.

Из вышесказанного следует, что если даже и допустить существование армянских монастырей в Филиппополе, то они должны были быть монофизитскими. Само собой разумеется, еретики-армяне (павликиане, тондракиты) не могли иметь монастырей, поскольку они вообще были против монашества и церкви как учреждения.

А как же с игуменом *армянского монастыря* в Филиппополе *халкедонитом* Иоанном Атманом?

В начале этой статьи мы отметили, что Мануил Комнин для ведения переговоров об унии армянской монофизитской церкви с византийской-халкедонитской не мог обратиться к услугам духовного лица *армянского* вероисповедания. От него никакой пользы не было бы. Иоанн Атман, хотя и представился католикосу как человек армянского вероисповедания⁴¹ (вспомним ὁμόπιστος—*համաիրօն*—едино-

³⁷ Anne Comnène. Alexiade, ed. B. Leib, t. III, Paris, 1945, p. 180—182.

³⁸ Nicetae Choniatae Historia, rec. I. A. Van Dieten, Berolini et Novi Eboraci, 1975, p. 403.

³⁹ Р. М. Бартикян, К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским армянским государством в конце XII в. («Византийский временник», том XVII, 1960, с. 55).

⁴⁰ Վարդան Վարդապետ, Հաւաքումն պատմութեան, Վենետիկ, 1862, էջ 133. В армянских источниках Григор IV упоминается под прозвищем «Տրոկ». Ученые или переводят это прозвище—«Отрок», или же оставляют без перевода («Тра»). Феорнан же перевел «Μικρός» («Младший»), (стлб. 248), что вернее. Так Григор IV отличался от католикоса Григора III. Ведь император Феодосий II в источниках именуется Младшим (Μικρός), чтобы отличить его от Феодосия I. Феодосий Μικρός умер в 50-летнем возрасте!

⁴¹ Это не подлежит сомнению. Он ведь сказал католикосу, что тот скрывал от него, Атмана, «единоплеменника и единоверного», свои тайны.

верный в послании католикоса Нерсеса), но в греческом переводе письма, осуществленном им самим, слово ὁμόπιστος он заменил словом ὁμοσύνην, подчеркивая тем самым, что он не единоверный католикосу армян.

Но Иоанн Атман игумен *армянского монастыря* в Филиппополе. Значит, все же в Филиппополе в это время *существовал армянский халкедонитский монастырь*, и монастырь не рядовой, а широко известный своей деятельностью византийскому правительству и церкви. Таким мог быть только основанный в 1083 г. Великим доместиком Запада армянином-халкедонитом Григорием Пакурианом монастырь святой Богородицы в Филиппопольской феме⁴², в местечке Петрицос (Бачково). Иоанн Атман был никем иным, как игуменом именно этого монастыря!

Н. Марр в своей замечательной работе, посвященной армянам-халкедонитам⁴³, подробно остановился как на личности «армянина-халкедонита»⁴⁴ Григория Пакуриана, так и на построенном им монастыре в Филиппополе. Сделав акцент на вопросе о предоставленных монастырю византийским государством широчайших, исключительных правах, Н. Марр, имея на это все основания, сомневался в том, что это было связано лишь с личными заслугами Григория Пакуриана перед византийским правительством, «как они ни были велики»⁴⁵. И задавался вопросом: «Не возлагала ли, напр., имперская политика на Петрицонский монастырь надежд, как на сотрудника в каком-либо наиболее важном вопросе местной жизни в Болгарии? Таким действительно наиболее важным вопросом на месте являлось павликианство»⁴⁶.

Но армяне-халкедониты, и не только филиппопольского монастыря, использовались византийским правительством в первую очередь в борьбе против армян-монофизитов. Н. Марр приводит свидетельство современника Григория Пакуриана грека Никона Черногорца, который, имея в виду армян-халкедонитов, писал: «Этих наших братьев, как только среди них оказывается кто с божественным разумом, и доднесь отцы наши и патриархи берут с Богом на борьбу с врагами, когда на соборе возбуждается что-либо против армян еретиков (т. е. монофизитов—Р. Б.), так как они сведущи в их языке и писаниях»⁴⁷.

Свидетельство поразительное. Если бы Никон Черногорец жил столетие спустя, нам казалось бы, что он имел в виду константинопольского патриарха Михаила и игумена Иоанна Атмана!

Предположение Н. Марра о политических и конфессиональных мотивах основания филиппопольского монастыря св. Богородицы нашло многих сторонников⁴⁸.

⁴² Ср. в Типике Григория Пакуриана (I, § 3): его монастырь был построен в *δασα τῆς Φιλιπποπόλεως*. См. и примечание 35 этой статьи.

⁴³ Н. Марр, Аркаун, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонитах (отдельный отклик из «Византийского временника», т. XII, 1905).

⁴⁴ Там же, с. 25.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, с. 35—36; подчеркнуто мною—Р. Б.

⁴⁸ См. например: В. С. Николаев, Един феодальный институт XI в. в нашей земле със специально предназначение. Манастирът на Григорий Бакуриани (Паку-

Петрицонский монастырь, надо полагать, неплохо выполнял поставленные перед ним задачи. Лучшим свидетельством тому является то, что почти столетие спустя византийское правительство в своих переговорах с армянской церковью обратилось к услугам духовенства именно этого монастыря, ибо, говоря словами Никона Черногорца, его игумен «был сведущим в их, армян, языке и писаниях».

В последние пятнадцать лет написано очень много об этнической принадлежности Петрицонского монастыря и его основателе⁴⁹. Здесь излишне подробно останавливаться на этом вопросе. Отметим только, что было высказано в основном два противоположных мнения. Арменоведы считают, что Бачковский монастырь построен армяно-халкедонитом Григорием Пакурианом, и что монастырь этот армянский-халкедонитский. Для подтверждения своего вывода они ссылались как на уже указанные Н. Марром доводы (данные Анны Комниной о принадлежности Григория Пакуриана к армянам, его армянская подпись под греческим текстом устава монастыря в Филлиппополе, упоминание в числе родственников Григория Пакуриана армян-монофизитов, упоминание об армянском тексте Типика монастыря), так и на ими выявленные. Грузиноведы, наоборот, основываясь на данных Типика, согласно которым Пакуриан называет себя «ивером», а монастырь «иверским», пришли к выводу, что Бачковский монастырь—грузинский, а его основатель—грузин. Нелишне здесь в который раз обратиться к убедительному заключению Н. Марра о том, что слово «ивер» в устах Григория Пакуриана имело «чисто культурное значение»⁵⁰, что «всякий армянин-халкедонит, даже все еще более грамотный в армянском, чем в грузинском, по его представлению, есть грузин наравне с чистокровным грузином»⁵¹.

Выводы Н. Марра еще раз подтверждаются данными переписки Мануила Комнина с католикосом Нерсесом Благодатным. Петрицонский монастырь в этой переписке назван *Արմենիկի մոնի* (армянским монастырем). Уж кто-кто, а византийский император и константинопольский патриарх не могли ошибиться.

Игумен этого монастыря был «соплеменником» армянского католикоса Нерсеса Благодатного. Приходится ли сомневаться в том,

риан)—средище на византийски прозелитизм между пловдивските армено-павликени («Известия» на Института за българска история, София, 1951, № 1—2).

⁴⁹ 9. Մ. Ա. Ր ա ղ յ ա ն, Գրիգոր Բակուրյանի «Սահմանք»-ի հոսնարհն և վրացերեն խմբագրությունների գնահատության հարցի շուրջը, ԳՐՀ, 1968, № 1. А. Шанидзе, Великий доместик Запады Григорий Бакурианис-дзе и грузинский монастырь, основанный им в Болгарии, Тбилиси, 1970; его же, Грузинский монастырь в Болгарии и его Типик. Грузинская редакция Типика, Тбилиси, 1971; Р. Lemerle, Cinq Etudes sur le XIe siècle byzantin, Paris, 1977, p. 113—191; Р. М. Бартикян. Об армянской памятной записи в грузинской рукописи, содержащей Типик Григория Пакуриана (ՀՄՄՀ ԳԱ «Արարիք», 1978, № 7); его же, Գրիգոր Բակուրյանի «Կանոնադրության» մեջ հիշատակվող «ἀνιδροστον ἔθνος»-ի (սանկայուն ժողովրդի) մասին (ՀՄՄՀ ԳԱ «Արարիք», 1980, № 7); Типик Григория Пакуриана. Введение, перевод и комментарий В. А. Арутюновой-Фиданян, Ереван, 1978; В. А. Арутюнова-Фиданян, Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.), Ереван, 1980; Н. Ломоури, К истории грузинского Петрицонского монастыря (Бачковский монастырь в Болгарии), Тбилиси, 1981.

⁵⁰ Н. Марр, указ. соч., с. 21.

⁵¹ Там же.

что католикос всех армян Нерсес был армянином? Это в свою очередь не свидетельствует ли о том, что руководство Петрицонским монастырем во второй половине XII в., т. е. без малого столетие спустя после его основания, находилось в руках игумена армянина-халкедонита?

ՖԻԼԻՊՈՒՊՈՒՄԻ ՉԱՅԿԱԿԱՆ ՎԱՆՔԻ ՎԱՆԱՀԱՅՐ ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ԱՏՄԱՆԻ ԴԵՐՐԸ
ՉԱՅ-ԲՅՈՒԶԱՆԴԱԿԱՆ ԵԿԵՂԵՑԱԿԱՆ ԲԱՆԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ ԿԱԹՈՂԻԿՈՍ
ՆԵՐՍԵՍ ՇՆՈՐՀԱՆՈՒ ՕՐՈՔ (1166—1173)

ՀՐԱԶ ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Հայ եկեղեցու միաբնակությունն ընդունելուց և բյուզանդական եկեղեցուց անջատվելուց հետո, բյուզանդական կառավարությունը բազմիցս փորձել է կամրջել երկու եկեղեցիների և ժողովուրդների միջև առաջացած վիճը, ձյտելով այդ ճանապարհով վերացնել հայոց եկեղեցու ինքնուրույնությունը՝ ախապատրաստել Հայաստանի քաղաքական ենթարկումը կայսրությանը: Կիրիլյան հայկական պետության ստեղծումից հետո բյուզանդական արքունիքը, չկարողանալով զինական ուժով վերացնել Ռուբինյանների նորաստեղծ իշխանությունը, փորձեց այդ բանին հասնել դարձյալ եկեղեցիների միության հարցը առաջ քաշելով: Սկսվեցին երկարատև բանակցություններ, որոնցում բյուզանդական կողմից գլխավոր դերը խաղում էին Մանուել Ա կայսրը և Կոստանդնուպոլսի պատրիարք Միքայելը, իսկ հայոց կողմից՝ կաթողիկոս Ներսես Շնորհալին:

Բյուզանդական կայսրը բանակցություններ վարելու համար Հոսմկլա ուղարկեց իր բանագնացներ հույն փիլիսոփա մագիստրոս Թեոդորանոսին և Ֆիլիպուպոլսի հայկական վանքի վանահայր Հովհաննես Ատմանին (հայկական աղբյուրներում՝ Ութման): Բանակցություններն, ինչպես և անցյալում, ավարտվեցին ապարդյուն: Հովհաննես Ատմանը բյուզանդական գործակալ էր, իսկ Ֆիլիպուպոլսի «հայկական վանքը», որի վանահայրն էր նա, Արևմուտքի մեծ դոմեստիկոս, բյուզանդական նշանավոր ռազմական և պետական գործիչ հայ-քաղկեդոնիկ Գրիգոր Բակուրյանի կողմից դեռևս 1083 թ. Ֆիլիպուպոլսի բանակաթեմի Պետրիցոս ավանում կառուցված սբ. Աստվածածնի վանքն էր, որ բյուզանդական կառավարությունն օգտագործում էր քաղաքական նկատառումներով:

Рач М. Бартиян (Ереван)

У ИСТОКОВ АРМЯНО-БОЛГАРСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
(ПО ЛАПИДАРНЫМ НАДПИСЯМ ХАНОВ КРУМА И ОМУРТАГА)

Болгарский народ торжественно отметил важную дату в своей многовековой истории — 1300-летие образования своего государства. На протяжении этого долгого времени в жизни болгарского народа происходили великие события. Бывали трудные годы борьбы в защиту своей государственности, приходили мрачные времена невыносимого иноземного ига, за которыми, однако, всегда последовала эпоха завоеванной в борьбе независимости, восстановления государственности, мира и созидания, расцвета культуры и цивилизации.

Армению и Болгарию разделяют тысячи километров, более того, эти страны расположены на разных континентах, Армения находится в Азии, Болгария — в Европе. Но несмотря на это, армянский и болгарский народы еще в глубокой древности установили между собой тесные связи, продолжающиеся и до наших дней. Не лишне отметить, что о протоболгарах древнейших времен упоминают как раз армянские источники. Армянский историк V века Мовсес Хоренаци в своей знаменитой „Истории Армении“ упоминает о болгарях дважды. Рассказывая о реформах мифического царя Армении Вагаршака, он пишет и об обосновавшейся в армянской области Басеан (Фасиане греческих авторов) части проживающего у подножия горы Кавказ болгарского народа. Предводителя указанной части народа Мовсес Хоренаци именует Вгндур Булгар Вунд и считает, что от его имени Басеан стал называться Вананд. Арменоведами доказано, что в реформах мифического царя Вагаршака отражена деятельность основателя династии армянских Аршакидов Тиридата I (63—88 гг.).

Перейдя к рассказу о деятельности царя Аршака, сына Вагаршака, Мовсес Хоренаци пишет, что „Во дни его возникли большие смуты в цепи великой Кавказской горы в земле Булгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и надолгое время поселились на юге от Кога¹, в плодородных и хлеборобных местах“².

¹ Наиболее северный кантон области Тайк, граничащий с Ванандом.

² История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н. О. Эмина. М., 1893, с. 62.

Исследователями высказано убеждение, что в имени Вгндур, предводителя болгар, нельзя не заметить этникон „огхондор“ или „гуннугндур“ византийских авторов. Они отмечали, также, что „самый факт переселения какой-то части гуннугндур в Армению не должен вызывать сомнений“³. Но вызывало сомнения время, к которому отнесено это переселение. Отметим, однако, что так думают исследователи, считающие Вагаршака исторической личностью и датирующие его правление между 149—127 гг. до н. э., а его сына Аршака — между 127—114 гг. до н. э. А как было показано выше, реформы мифического царя Вагаршака произведены царем Тиридатом I (63—88 гг.), следовательно, упомянутые события передвигаются на два столетия вперед. Если даже и эта датировка неверна, мы были бы недалеко от истины, если бы считали, что они произошли намного раньше V века, эпохи Мовсеса Хоренаци, ибо от рассказа армянского историка веет многовековой давностью, его рассказ выступает перед нами в облике легенды. Отметим здесь, что болгарские ученые Д. Ангелов и В. Гюзелев датируют события II веком н. э.⁴

О болгарях, даже о сыне Кубрата Аспарухе, говорится в „Армянской географии“ VII в., по ошибке приписываемой тому же Мовсесу Хоренаци. В описании Азиатской Сарматии между прочим говорится, что „... к северу живут народы тюрков и болгар, которые именуются по названиям рек: Кули булгар, Дучи булгар, Огхондор булгар, Чдар булгар. От Гиппийских гор бежал сын Худбада“⁵, т. е. Кубрата.

В данном месте источником „Армянской географии“, бесспорно, был греческий текст, который, однако, не сохранился, поэтому сведения „Армянской географии“ приобретают значение первоисточника.

³ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, с. 168.

⁴ Д. Ангелов, В. Гюзелев. Армянские источники о средневековой истории Болгарии. — Историко-филологический журнал „Академии наук Армянской ССР“, № 1, 1971, с. 42 (на арм. яз.).

⁵ География Мовсеса Хоренаци. Венеция, 1881, с. 25 (на древнеарм. яз.).

Приводя эти данные из древнеармянских источников⁶, мы хотели показать знакомство армян с болгарями в глубокой древности. Но цель нашего доклада в другом, в выявлении истоков армяноболгарского сотрудничества на самой родине болгарского народа.

Армяне начали обосноваться на территории будущей Болгарии еще во время византийского императора Маврикия (582—602 гг.). Известен текст послания Маврикия персидскому шахиншаху Хосрову II Парвезу, сохранившийся в „Истории“ епископа Себеоса. Имея в виду армян разделенной между Византией и Ираном Армении, император писал: „Народ строптивый и непокорный, живет между нами и мутит. Поступим так: я соберу своих и отправлю во Фракию, а ты собери своих и прикажи отправить их на Восток. Если они умрут, то умрут наши враги, если же они убьют, то убьют наших врагов, а мы будем жить в мире. Ибо если они будут пребывать в своей стране, нам не будет покоя“⁷. Себеос, продолжая свой рассказ, пишет, что оба царя сговорились, и что Маврикий стал издавать приказы, „чтобы собрали всех и отправили во Фракию, и настойчиво требовал, чтоб приказ был исполнен“⁸.

Но основные массы армян стали переселяться во Фракию в VIII веке. В 756 г. император Константин V (741—775 гг.) переселил в город Филиппополь (ныне Пловдив) армян и сирийцев из Карина-Феодосиополя (ныне Эрзерум) и Мелитены (ныне Малатия). Поскольку они распространили во Фракии ересь павликиан, значит были приверженцами этой ереси. Армяне и сирийцы были переселены там же и в годы правления Льва IV (775—780 гг.). Эти армяне, еретики или монофизиты, были не только чуждым, но и преследуемым в Византии элементом, и в силу этого имели все основания переходить на сторону противников Византии, в данном случае на сторону болгар. А последние, в свою очередь, имели все основания им доверять, ибо видели в них естественных, более опытных и знающих империю союзников.

После этого краткого вступления нам уже пора перейти к основной части нашего доклада, посвященного истокам армяно-болгарского сотрудничества в эпоху болгарских ханов Крума и Омуртага.

История Болгарии первой половины IX в. досконально изучена, имеющиеся в распоряжении исследователей все разноязычные и раз-

⁶ В. Н. Златарски. История на България държавата през средните векове. Т. I, с. 106, 107, прим. 2. С., 1918; В. В. а н а ъ е а н и. La plus ancienne mention arménienne à propos des Bulgares colonisés dans l'Arménie. — Studia et Acta Orientalia, v. 1, Bucarest, 1958, 354—356. Д. Ангелов, В. Гюзелев. Ук. соч.

⁷ История епископа Себеоса. Перевел с четвертого исправленного армянского издания Ст. Малхасянц. Ереван, 1939, с. 45.

⁸ Там же.

нообразные источники изучены более чем достаточно, и одна из самых ярких страниц в истории Болгарии — эпоха Крума и его сына Омуртага — теперь известна ученым хорошо. И казалось бы странным еще раз обратиться к истории этой эпохи, особенно исследователю, стоящему далеко от нее. Но, как мы увидим далее, изучение некоторых вопросов истории раннеболгарского государства с точки зрения арменоведа, может пригодиться для более обстоятельного понимания событий этого времени.

Как отмечают болгарские ученые, единственными болгарскими источниками по истории Болгарии эпохи Крума и Омуртага являются лапидарные надписи этих же ханов. Протоболгарские надписи, как известно, высечены по-гречески, встречающиеся в них отдельные протоболгарские титулы и термины написаны греческими письменами на протоболгарском языке. Эти надписи изобилуют ошибками, особенно орфографического характера. Предметом нашего исследования являются обнаруженные в селении Хамбарли (ныне Маламирово) Ямбольского округа две лапидарные надписи⁹ хана Крума и одна — его сына, хана Омуртага. Надписи Крума датируются последними месяцами 813 и первыми месяцами 814 г., т. е. последним полугодием жизни грозного хана. Надписи высечены на двух сторонах алтаря античного времени, они очень плохой сохранности, отсутствует их начало и конец.

В первой надписи Крум пишет о своих блестящих победах, одержанных им над византийским императором Никифором I (802—813 гг.), во второй — об административном устройстве и делении своего государства. Здесь он конкретно указывает, что „первым“ (πρῶτος) в правой части его государства (в надписи σαραχтов. Не от персидского ли слова šahr = государство, держава?) является „внутренний бояр“¹⁰. Тук, которому непосредственно подчиняются стратиги Вардан (Βαρδάνης) и Иоанн, а во главе (κεφαλῆ) левой части государства стоит бояр-кавхан Иратайс, которому подчиняются стратиги Кордил (Κορδίλης) и Григорá. Хан Крум пишет, что правая часть его государства берет начало от города Вероя (ныне Стара-Загора), в левую же часть входят города Анхлал, Девельтос, Созополь и Ранула¹¹, следовательно,

⁹ Вторая надпись в действительности является продолжением первой, и по существу мы имеем дело с двумя частями одной надписи. Мы располагаем опубликованным И. Венедиковым текстом (La population byzantine en Bulgarie au début du IXe siècle. — ВВг, V. 1, S., 1962, 264—265). Самое новое издание этой надписи см. у В. Бешевлиева. Първобългарските надписи. С., 1979, 173—174.

¹⁰ В тексте: ἡ[κ]ουρουῦ βουλῆς, т. е. ičigü voila, титул тюркского происхождения, переданный Константином Порфирородным по-гречески как ἐσω βουλῆδες (мн. ч.). См. исследование по этому вопросу — В. Гюзелев. Ичигру боилите на Първата българска държава (VII—XI в.). — ГСУ ФИФ, т. 65, кн. 3, 125—179.

¹¹ Эта надпись тоже изобилует орфографическими ошибками. Привожу интересующую нас часть надписи, с соответствующими исправлениями: ... ἐστὶν πρῶτος ὁ Τοῦχος ὁ ἡ[κ]ουρουῦ βουλῆς διὰ τὸ δεξιὸν μέρος καὶ Βαρδάνης καὶ ὁ Ἰ[ω]άννης οἱ στρατιῶται ὑποτάκτω αὐτοῦ. Καὶ διὰ τὸ

под правой частью подразумевается запад, а под левой — восток государства. В начале этой надписи Крум упоминает своего брата, видимо, в качестве верховного правителя третьей части государства¹². Имя брата в надписи не сохранилось, а сохранилось лишь имя стратига Льва (Λέων), его непосредственного подчиненного.

К какому выводу можно прийти на основании приведенных сведений этих надписей? Самые высокие, ключевые посты в государстве Крума занимали люди, носящие болгарские имена и болгарские титулы. Первые два назывались „внутренний бояр Тук“ и „бояр-кавхан Иратайс“. Имени третьего мы не знаем, но поскольку его носителем был брат хана Крума, то его имя тоже должно было быть болгарским. Что касается имен их подчиненных — Лев, Вардан, Иоанн, Кордил и Григорá — то они, несомненно, „византийские“. И их титул — στρατῆς — тоже византийский. Как пишет И. Венедиков, в надписях болгарских ханов языческой эпохи первой половины IX в. встречаются только протоболгарские титулы¹³. В связи с этим И. Венедиков упоминает надпись Омуртага, найденную в Сулейман-кёйе (ныне Сечице). В ней названы византийские полководцы, бежавшие в Болгарию. Болгарский историк обращается и к „Хронографии“ Феофана Исповедника, в которой хронист под 6301 г. (809 г.) пишет, что хан Крум после того, как захватил город Сердику (нынешняя София), истребил там 6000 византийских воинов. Против Крума безуспешно выступил император Никифор I (802—811 гг.). Феофан далее указывает, что, отказав в амнистии спасшимся от резни византийским полководцам, император Никифор вынудил их искать убежища у неприятеля, т. е. у Крума¹⁴. На основании всего сказанного, Венедиков приходит к выводу, что стратиги Лев, Вардан, Иоанн, Кордил и Григорá могли быть перебежчиками из византийской армии Никифора I, но в то же время он полагает, что они могли быть также военнопленными или же представителями подчиненного болгарам византийского населения. И. Венедиков задает вопрос: „Что хотели эти полководцы в болгарской армии? Кем были эти воины, которые командовали вышеупомянутыми городами, население которых состояло из византийцев? Как странным бы это ни казалось, — заканчивает свою мысль И. Венедиков, — совер-

ἀριστερὸν μέρος τοῦ σαραχτου μου τὴν Ἀρχιῆλον, τὴν Δεβελτόν, τὴν Σοζόπολιν, τὴν Ρανοῦλιν ἐστὶν κεφαλῆ ὁ Ἰρατάς ὁ βουλῆς καὶ Χορδίλης καὶ ὁ Γρηγοῦρς ὑποτάκτω του στρατηγῶ.

¹² По предположению И. Венедикова в нее входил регион Адрианополя (I. Venedikov. Ук. соч., 226), следовательно, он правил южной частью империи Крума.

¹³ I. Venedikov. Ук. соч., с. 273.

¹⁴ Theophanis. Chronographia, ed. C. de Voog. V. 1. Lipsiae, 1883, p. 485. В эти годы Феофан Исповедник упоминает спафария Вардана Анему (с. 482), Вардана, стратига фемы Фракийцев (с. 474), патрикия Льва Серапиха и патрикия Григория, сына Мусулака (т. е. Мушега) (с. 476), но, разумеется, это совпадение имен стратигов Крума не дает нам права отождествлять их.

шенно очевидно, что в данном случае речь идет о византийских полководцах¹⁵.

Суммируя свои соображения по этому вопросу, И. Венедиков находит, что все пять стратигов, упомянутых в надписи из Хамбарли, командовали войнами, выходящими из местного византийского крестьянского населения. После захвата северной Фракии Крумом, крестьяне были оставлены под командованием этих же военачальников¹⁶.

Мы согласны с И. Венедиковым, что названные пять стратигов — византийские полководцы, но неубедительно его замечание о том, что они командовали лишь местными (византийскими) крестьянами. Надписи из Хамбарли показывают, что роль этих стратигов в государстве Крума намного серьезней и важней. Отметим здесь, что имена трех стратигов — Лев, Иоанн и Григорá — общехристианские и, разумеется, невозможно определить этническую принадлежность их носителей. Эти имена в Византийской империи мог носить любой христианин. Имена же Вардан и Кордил — типично армянские¹⁷. Анонимный византийский хронист эпохи Льва V (813—820 гг.), а также Георгий Монах сообщают нам дополнительную информацию об армянских стратигах Кордиле и Вардане¹⁸. Рассказывая о взятии города Адрианополя (813 г.) ханом Крумом, Аноним и Георгий Монах пишут, что Крум переселил из этого города десять тысяч мужчин (не считая женщин и детей) на левый берег Дуная (πέραν τοῦ Δανουβίου)¹⁹. Согласно Георгию Монаху, в годы правления императора Феофила (829—842 гг.) стратигатом македонян (т. е. переселенцев из фемы Македонии, региона Адрианополя)²⁰ был человек по имени Кордил (Κορδίλης). Сына Кордила звали Вард. Отец, оставив Варда править над этими „македонянами“, обратился к императору Феофилу, не исключено, и к его жене, императрице армянке Феодоре, с просьбой помочь им и переселенцам бежать из Болгарии, что удалось осуществить в 837 г.

Итак, одного из двух стратигов „правой части“ государства Крума звали Вардан, а один из двух стратигов „левой части“ государства носил редкое в Византии армянское имя Кордил. Оба в надписи Крума названы стратигами. И Кордил, и Вард в Хронографии Анонима и Георгия Монаха упоминаются как стратиги, и оба, как и их тезки, правят в одно и то же время областями Болгарии. Такое совпадение нель-

¹⁵ I. Venedikov. Ук. соч., с. 273.

¹⁶ Там же, с. 275.

¹⁷ Н. Адош считает, что встречающиеся в византийских источниках имя Кордил есть армянское имя Гарджул или Гарджул (Γαρτζουλ, Γαρτζουλ): см. N. A. Adontz. L'age et l'origine de l'empereur Basile I (867—886). — Etudes Armeno-byzantines. Lisbonne, 1965, p. 54.

¹⁸ Предполагается, что два других стратига. Лев и Иоанн, по неизвестным нам причинам, были казнены наследником Крума Омуртагом: I. Venedikov. Ук. соч., 274—275.

¹⁹ Scriptor Incertus de Leone Armenio, Bonnae, 1832, p. 345; Georgius Monachus. Vitae imperatorum recentiorum, Bonnae, 1838, p. 817; Cp. Symeon Magister. (In: Theophanes Continuatus, Bonnae, 1838, p. 615).

²⁰ I. Venedikov. Ук. соч., с. 275.

зя считать случайным²¹. Отметим здесь, что среди взятых Крумом в плен жителей Адрианополя были и родители будущего императора Василия I, который, согласно Продолжателю Феофана, по национальности был армянином (τὸ γένος ἑλκεν ἐξ Ἀρμενίων)²². Отметим еще, что в числе взятых Крумом во Фракии трофеев были армянские высококачественные шерстяные ковры, одежда и медная утварь (Ἀρμενιακά στραυλομαλωτάρια καὶ νακοτάπητα ἀνότερα καὶ ἱματισμὸν πολλὸν καὶ χαλκώματα)²³. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что среди пленных Крума были армяне. Сказанное проливает свет на обстоятельство, почему в этих регионах Болгарии правителями были назначены лица армянского происхождения. Эти стратилаты раньше управляли более важными регионами болгарского государства, следовательно, их назначение на новый пост нужно считать понижением в должности. Чем объяснить это?

Видимо, после Крума и Омуртага новые правители болгарского государства изменили свое отношение к чужеземным стратигам или потому, что они не внушали им прежнего доверия, или же потому, что уже мало нуждались в их услугах, и стали назначать их на более скромные посты. Ответом на это и было решение Кордила и Варда (не исключено, и Льва, и Иоанна) бежать в Византию. Кордиду и Варду это удалось, Лев и Иоанн, видимо, заплатили за это жизнью. Разумеется, все сказанное это лишь простые предположения, которые не могут быть проверены данными первоисточников.

Вернемся к эпохе Крума и Омуртага. Случайно ли, что хан Крум пользовался услугами полководцев армянского происхождения? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к надписи его сына Омуртага. В 1970 г. во время археологических раскопок в древнеболгарской столице — г. Плиска — было обнаружено четыре саркофага. Они были расположены на расстоянии 2—8 метров восточнее южной апсиды Большой базилики, в 1,5 км от крепости, известной в литературе под названием „Внутренний город“. Саркофаги ориентированы с востока на запад, а упомянутые захоронены по христианскому ритуалу. На крышке одного из саркофагов был вырезан крест. Только в одном из саркофагов были найдены золотая застежка пояса и его золотой конец, в остальных трех ничего не сохранилось. Большой интерес представляет семистрочная лапидарная надпись, высеченная на крышке одного из упомянутых саркофагов. Надпись сделана на греческом языке и по своему содержанию относится к известным и неоднократно публиковавшимся протоболгарским надписям²⁴. В отличие от всех ос-

тальных только эта надпись обнаружена in situ.

Надпись прекрасно сохранилась. Привожу чтение Ст. Михайлова²⁵:

κανὰς ὄβριγι Ὀμουρδάτζις ὁ κανδιδάτος θρεπτός ἀνθρώπος μου ἡτον καὶ ἀπέθανεν ἔσο.

В 1972 г. известный специалист по протоболгарским надписям проф. В. Бешевлиев исправил допущенные Ст. Михайловым неточности в расшифровке титулатуры хана Омуртага (вместо κανὰς ὄβριγι — κανὰ σὺβριγι), а также имени усопшего (вместо Ὀμουρδάτζις — ὁ Τουρδάτζις)²⁶.

Писец не был большим знатоком греческой орфографии и допустил ряд ошибок. Привожу исправленный мною текст надписи:

κανὰ σὺβριγι Ὀμουρτάγ ὁ Τουρδάτζης ὁ κανδιδάτος θρεπτός ἀνθρώπος μου ἡτον καὶ ἀπέθανεν ἔσο.

Хотя и надпись сделана на греческом языке, титулатура хана Омуртага (κανὰ σὺβριγι) приведена на протоболгарском языке.

Перевод надписи, осуществленный Ст. Михайловым, следующий: „Le grand khan Omourtag: le candidat Otourdatzis était mon homme fidèle (littéralement: pourri ou élevé par moi) et il est mort à l'intérieur“ („Великий хан Омуртаг: Кандидат Отурдацис был моим верным человеком²⁷) (дословно: откормленным или воспитанным мною (и он мертв внутри)“)²⁸.

Итак, могила принадлежит человеку, носящему византийский титул кандидата, и названному, по чтению Ст. Михайлова, Ὀμουρδάτζις, а В. Бешевлиева — Τουρδάτζις. Справедливо считая окончание имени — ΙΣ (вернее — ΗΣ) греческим, Ст. Михайлов находит, что это „протоболгарское“ имя должно было звучать у протоболгар как „Otourdaç“²⁹ (= Отурдач), и что носителем

ше в л и е в. Първобългарските надписи. — ГСУ ФИФ, XXXI, 1934; его же, Die Protobulgarischen Inschriften. Akademie-Verlag, Berlin, 1963 (мне недоступны). Я располагаю их болгарскими переводами В. Бешевлиева. Христоматия по истории на България. Т. I. От най-стари времена до средата на XVIII в. Съставители А. Бурмов и П. Петров. С., 1964, с. 108 и сл.).

²⁵ S. Michailov. Ук. соч., с. 426.

²⁶ V. Beševliev. Eine Neue protobulgarische Gedenkschrift (Byzantinische Zeitschrift, Bd. 65, Heft 2, 1972, p. 394—399).

²⁷ Ср. οὐ ἀνθρώποι μου в Типике Григория Пакуриана. П. Лемерль, заметил, что это выражение в Типике спорно, следуя за, но никогда не предшествуя выражение οὐ συγγενεῖς, обозначающему кровное родство. Стало быть, согласно П. Лемерлю, οὐ ἀνθρώποι — это друзья, слуги или скорее соратники. См. P. Lemerle. Cinq études sur le XIe siècle byzantin. Paris, 1977, p. 186.

²⁸ Т. е. умер и захоронен в этом саркофаге. С. Михайлов думает иначе: „умер в городе Плиска“ (ук. соч., с. 428).

²⁹ S. Michailov. Ук. соч., с. 427.

его был протоболгарин. Однако Ст. Михайлов не приводит каких-либо параллелей, подтверждающих наличие подобного имени у протоболгар³⁰. Кроме того, Ст. Михайлов утверждает, что захоронение христианское. Болгары в это время были еще язычниками, христианство в Болгарии стало государственной религией лишь полстолетия спустя, в 865 г., при царе Борисе I, к тому же титул „Отурдач“ — „кандидат“ — византийский, а не протоболгарский.

Мы считаем правильной расшифровку В. Бешевлиева. Данное имя в этой надписи не могло быть употреблено без греческого артикля мужского рода „ὁ“. Этот артикль присутствует в тексте, только Ст. Михайловым по ошибке принят за первую букву имени — Ὀμουρδάτζις, в то время как, согласно В. Бешевлиеву, нужно читать ὁ Τουρδάτζις (ὁ Τουρδάτζης — Турдац).

Если усопший был похоронен по христианскому ритуалу и носил византийский титул кандидата, то он „византиец“. Но поскольку понятие „византиец“ слишком расплывчатое, нужно уточнить этническую принадлежность этой личности, исходя из его имени. Для арменоведа это не представляет особой трудности. Τουρδάτζις — типично армянское (иранского происхождения) имя *Σρησσι* (Trdat), транслитерация его в греческих источниках Τηριδάτης (Tηριδάτης, Tηρδάτης), Τερδέτης, Τάρδας³¹, в сирийских — Turatatis³². Варьирование, находящегося между первыми буквами „Т“ и „р“ гласной буквы в неармянских источниках (ι (η), ε, α, ου и т. д.) объясняется тем, что в армянском языке между отмеченными буквами „Т“ и „р“ нет гласной буквы, там произносится, но не пишется интерконсонантное „с“ (оно в транскрипции обычно передается перевернутым „е“ (ə), в данном случае Тэрдат). Как и в сирийских источниках, в надписи хана Омуртага это „ə“ передано через „ou“³³.

Но в надписи хана Омуртага интересующее нас имя кандидата все же приведено не как Турдатис (Τουρδάτης), а Турдацис (Τουρδάτζις).

³⁰ В подробнейшем указателе встречающихся в византийских источниках тюркских имен ничего похожего нет: G. Moravcsik. Byzantinoturcica, II, Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. Berlin, 1958, p. 222, 319.

³¹ U. Zambach, *Φωνητικὴν ἱστορίαν τῆς ἑλληνικῆς, 1784, էջ 273.*

³² Woodbrooke Studies. Christian documents in Syriac, Arabic and Garshūni, edited and translated with a critical apparatus by A. Mingana, vol. IV, The Works of Dionysius Barsalibi against the Armenians. Cambridge, 1931, p. 7.

³³ Это характерно и для других армянских личных имен (и существительных). Ср. например: Сумбат вместо Самбат (*Սմբատ* — *Սմբատ*), Σουβάτος — в византийских источниках, или же новоярмянское Мукуч (*Մուկուչ*) вместо Мэкартич (*Մարտիրոս*) и т. д. *Ն. Աճառյան, Հայոց անձնանունների բանասիրան, հտ. 9, Երևան, 1946, էջ 393, հտ. 7, 1948, էջ 538.* Ср. также армянское имя *Տրդատ* (Чанчэлук), которое в византийских источниках выступает в форме *Τριταύλοβιος, Τριταύλοβιος, Τριταύλοβιος*, т. е. „ə“ передается через „i“ или „ou“, как в имени нашего Тэрдата. См. Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum, p. 415. В греческом и болгарском „ə“ передается через „ou“, ср. България — *Βουλγαρία*“.

Отметим здесь, что в византийских источниках через τς передается армянское δ (ДЧ), ε (ЛЛ) и θ (ДЦ)³⁴, следовательно, в армянском имя друга Омуртага должно было бы выступать не как *Տրդատ* (Трдат), а скорее всего *Տրդաց* (Трдац), или же *Տրդա* (Трдади). К тому же в армянских источниках засвидетельствована передача этого имени именно в такой форме. Этот факт блестяще подтверждает наше предположение об армянском происхождении друга хана Омуртага. Персидское имя Tiridat означает „[богом] Тиром даренный“, т. е. „дар бога Тира“. Армяне в отдельных случаях вместо персидского окончания dat приводили армянское dadz (*Տրդած*). Армянский автор У в. Фавстос Бузанд под 373 г. упоминает Трдадц-а, „главу служителей“ во время похорон армянского католикоса Нерсеса Великого *սուշտուծիցն զիմասր Տրդած*³⁵. Фердинанд Юсти объясняет значение имени Трдадц: „Trdadz: d. i. vom [Gotte] Tir geschenkt“³⁶) = „Трдадц: т. е. (богом) Тиром даренный“.

Имя *Տրդատ* — Трдат — Τηριδάτης носили три царя Армении, в том числе Трдат III (298—330 гг.), провозгласивший вместе со св. Григорием Просветителем христианство государственной религией. Это имя носили многие другие видные деятели Армении, а также Византии. Феофан Исповедник под 6234 (743) годом упоминает „храброго воина патрикия Тиридата армянина“ (*πατρικίου Τηριδάτην τὸν Ἀρμένιον στρατιότην γυνναῖον*)³⁷, двоюродного брата „армянина Артавазда, стратига фемы Армениаков“ (*Ἀρταύαζδον Ἀρμένιον, τὸν Ἀρμενιάκων στρατηγόν*)³⁸. Тиридатом звали и знаменитого армянского зодчего, восстановившего в 989 г. разрушенный в результате землетрясения купол храма св. Софии в Константинополе³⁹.

Итак, близкий хану Омуртагу человек был по национальности, бесспорно, армянин. Он носил византийский титул кандидата, следовательно,

³⁴ Ср. ΒΗΧΚΑΤΖΗ (*Չիխкагի*). H. M. Bartikian. La généalogie du Magistros Bagarat, Catépan de l'Orient, et des Kékauménos (Revue des Études Arméniennes, V, II, 1965). *Սաթի Հայեր — Երկրորդ Վերածնունդ*, H. Адони. О происхождении армян-царей Ж. МНПР 1911, с. 238—249 (То же на армянском языке: *Հայ-ժաթերի ծագման մասին (սլանդիս Ամբոխար, 1912 թ. 5, էջ 271)*).

³⁵ «Փայտոսոսի Բուզանդացու Պատմութիւն Հայոց», *Չիխկախի, 1933, էջ 222*. Переводчик Истрий Фавстоса на русский язык М. А. Гурский, считая чтение *Տրդած* — Трдади ошибкой переписчика, „исправил“ на Трдат („История Армении Фавстоса Бузанда“, Ереван, 1953, с. 167). К таким „исправлениям“, видимо, часто прибегали и средневековые писцы. Переписчики правил *Տրդած* (Трдади) на *Տրդատ* (Трдат). См. об армянском происхождении Турдациса также статью Я. Андреева. Оше веднѣж за надписи на Турдацис. — В: Плиска — Преслав. Т. II. С., 1981, 212—214.

³⁶ F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, p. 327.

³⁷ Theophanis Chronographia, p. 418.

³⁸ Там же, с. 386.

³⁹ „Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию — писателя XI столетия“. Переведена с армянского и объяснена Н. Эминым. М., 1864, с. 180. (Имя архитектора Н. Эмины транскрибирует „Тэрдат“.)

²¹ I. Venedikov. Ук. соч., с. 275.

²² Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 212.

²³ Symeon Magister, p. 617.

²⁴ S. Michailov. Une nouvelle inscription protobulgare dans l'ancienne capitale Plisca (Byzantion, V, XL 1970, fasc. 2. Hommage au R. P. R. J. Loenertz, 421—422). Эта работа является измененным и расширенным вариантом статьи С. Михайлова. Археология, XII, 1970, кн. 4, 1—8. Полное издание протоболгарских надписей см.: В. Бешевлиев.

К РАЗГАДКЕ ЗАГАДКИ О «СЛАВЯНСКОМ» ПРОИСХОЖДЕНИИ ОСНОВАТЕЛЯ МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ ВАСИЛИЯ I (867—886 гг.)

РАЧ БАРТИКЯН

В настоящей статье мы не намерены подробно обсуждать вопрос об этнической принадлежности основателя Македонской династии Василия I. Об этом уже достаточно написано¹, и проблема решена в пользу армянского происхождения. Еще в середине нашего века, обобщая итоги проделанной учеными работы, С. Дер Нерсесян писала: «Армянское происхождение Василия I теперь общепринято»². Об этом же писал и Г. Острогорский в своем капитальном труде по истории Византии: «Василий был родом, очевидно, из семьи армянского происхождения»³. Подобная точка зрения утверждается и в солидной «The Cambridge Medieval History», где говорится о том, что фамилия Василия I «происходила из армян, обосновавшихся около Адрианополя»⁴. Но, дабы не согрешить против истины, отметим, что и в наши дни говорят о его «армяно-славянском» происхождении.

Вернуться к этой теме нас вынуждает то обстоятельство, что хотя уже более 150 лет дискутируются данные арабских источников о славянском происхождении Василия I (а они встречаются только в арабских источниках), вразумительного ответа на происхождение этих сведений до сих пор не дано. Разумеется, мы вынуждены будем вобщем коснуться данной проблемы, приводя при этом данные ряда давно уже известных и исследованных источников, ибо без ссылки на них проблему решить невозможно.

¹ Из многих работ отмечаем самые обстоятельные: А. Васильев, Происхождение императора Василия Македонянина («Византийский временник», т. XII, вып. 1—4, СПб., 1906, с. 148—165; далее—«Происхождение...»); N. Adontz, L'âge et l'origine de l'empereur Basile I (867—885), «Byzantion»- 1933, 1934. Перепечатано в сборнике его трудов: «Études arméno-byzantines», Lisbonne, 1965, p. 47—109 (далее: L'âge); его же: La portée historique de l'Oraison funèbre de Basile I par son fils Léon VI le Sage, там же, стр. 111—123; его же, Վասիլի Հայազնի (Մեծագործ կայսր, 867—886), «Պատմական ուսումնասիրություններ», Պարիս, 1948, էջ 453—500:

² S. Der Nersessian, Armenia and the Byzantine Empire. A brief Study of Armenian Art and Civilization, Cambridge, 1945, p. 20.

³ G. Ostrogorsky, Histoire de l'Etat Byzantin, Paris, 1956, p. 259. Г. Острогорский согласен с выводами Н. Адонца. Об этом свидетельствует тот факт, что касаясь данного вопроса, он дает ссылку только на его исследование. Отметим, что в опубликованном недавно новогреческом переводе книги Острогорского («Ιστορία τῆς Βυζαντινῆς κράτους, τόμος Β' Ἀθήνα 1979, σελ. 106) вышеприведенное предложение Острогорского, как и его ссылка на работу Адонца, опущены, а вместо них приведено приписываемое Острогорскому примечание редактора перевода Э. К. Хрисоса, где говорится: «Нельзя с уверенностью сказать, что Василий по происхождению был армянским, как обычно утверждается и как с полной уверенностью настаивает Адонц».

⁴ «The Cambridge Medieval History. IV. The Byzantine Empire». Part I, Byzantium and its Neighbours, Cambridge, 1966, p. 116

был военный и, вероятно, служивший раньше в византийской армии. Армянин Трдадц, по всей вероятности, занимал в армии и администрации Омуртага такую должность, что и во времена Крума армяне Кордил и Вардан и, не исключено⁴⁰, тоже армяне Лев, Иоанн и Григор. В этом нельзя не заметить некоей закономерности. Самые высокие и ответственные посты в государстве Крума и Омуртага предназначались для чистокровных болгар, принадлежащих семье правящей династии. Но Крум и Омуртаг были не против использовать иногда и услуги опытных и предприимчивых «византийцев». Но, обращаясь к их услугам, болгарские ханы не были безразличны в выборе. Они не доверяли византийцам-грекам, отдавая предпочтение византийцам-иностранцам, как видно из надписей Крума и Омуртага — армянам.

О том, что болгарские ханы имели особый подход в выборе «византийских» кадров, что они важные посты предоставляли деятелям именно армянского происхождения, свидетельствует то обстоятельство, что в двух упомянутых протоболгарских надписях, где указываются «византийские» военные деятели, они оказываются армянами. До тех пор, пока не найдено других надписей, опровергающих это мнение, оно имеет право на существование.

Наличие на службе у болгарских ханов за такой короткий промежуток времени такого количества армян, факт не обыкновенный. Это чрезвычайно интересное явление.

Но это еще не все. Маловероятно, чтобы Крум и Омуртаг обращались к армянам для использования лишь их военного и административного таланта, ибо армяне были и прекрасными ремесленниками, торговцами, искусными строителями. Мы уже знаем, что в трофеях хана Крума, взятых у плененных армян, были высококачественные шерстяные армянские ковры, одежда, медная утварь, следовательно, среди этих плененных были искусные ткачи, медных и других дел мастера, услугами которых болгарские ханы вряд ли не пользовались, и не обязательно после их пленения, но и раньше. Они обращались и к армянским строителям и зодчим, ибо именно в их правление началось в стране, и в особенности в столице Плиске, интенсивное строительство. От множества строений Плиски этого времени до нас дошли остатки Большого дворца, Малого дворца и некото-

рых других построек в Плиске, а также крепостная стена ее цитадели, остатки дворца в Великой Преславе, второй болгарской столице, основанной Омуртагом в 822 г.

Ряд исследователей считали, что архитектура созданных в начале IX в. дворцов Плиски и Преславы восходит к искусству Ирана эпохи Сасанидов, другим архитектурным источником считали дворцы византийских императоров в Константинополе. Известный советский архитектор-медиевист А. Л. Якобсон, на основании множества фактов, опровергает эту точку зрения и приводит в качестве параллелей ранне-средневековые (VII в.) дворцы Армении, а именно, дворец католикоса Нерсеса III (641—661 гг.) рядом с храмом Звартноц, дворец в Двине, раскопанный в 1937—1939 гг. и дворец в Аруче, раскопанный в 1947 г. Он пишет: «Дворцы Плиски имеют несравненно больше точек соприкосновения с дворцами Вагаршата, Двина и Аруча, чем с дворцами Константинополя, не говоря уже о сасанидах...»⁴¹. А. Л. Якобсон отмечает также сходство культурной архитектуры Болгарии и Армении VIII—IX вв.⁴²

Приводя свидетельства армянских и византийских источников о наличии большой колонии армян во Фракии в VI—VIII вв., А. Л. Якобсон пишет: «Непосредственное общение болгар с армянами и сирийцами (кстати сказать, прирожденными каменщиками) могло происходить (да, несомненно, и происходило) как раз в период интенсивного строительства в болгарской столице Плиске. Непосредственное участие в этом строительстве армянских и сирийских зодчих более чем вероятно»⁴³.

Как видим, и архитектурные данные говорят об усиленном привлечении Крумом и его сыном Омуртагом армян в разных областях жизни раннеболгарского государства. Это было глубоко и умно придуманной политикой этих ханов, знаменитых творцов древнеболгарской государственности.

Итак, изучение некоторых надписей Крума и Омуртага с точки зрения арменоведа, дает возможность пролить совершенно новый свет на историю болгарского народа этой эпохи, найти истоки армяно-болгарского сотрудничества в глубокой древности, сотрудничества, которое, как отметили в начале нашего доклада, успешно продолжается и поныне.

⁴⁰ А. Л. Якобсон. К изучению ранне-средневековой болгарской архитектуры (армянские параллели). — ВВр, т. 28, 1968, с. 202.

⁴¹ Там же, 202—203.

⁴² Там же, с. 206.

⁴⁰ Не исключено, а более чем вероятно. В эпоху таких тяжелых с Византией войн, греки не могли внушать у болгар доверия, хан Крум вряд ли стал назначать на такие ключевые посты греков.

Вопрос о славянском происхождении Василия I стал дискутироваться с начала XIX в. Спор начал Рейзке, известный комментатор знаменитой книги о церемониале византийского двора Константина VII Порфирородного (913—959 гг.). На основании данных арабского историка Гамзы ал-Исфагани (умер в 970 г.) Рейзке утверждал, что Василий I славянин⁵. Нужно отметить, что версия о славянском происхождении Василия I встречается и в более раннем арабском источнике—труде Табари (838—923 гг.). Под 257 годом хиджры (29 ноября 870—17 ноября 871 г.) он упоминает Василия *«известного как Славянин»*. Далее Табари уже упоминает императора, не называя его Василием (Басил), а только «Славянином»—*«al-Saclabi»*: «И воцарился после него (т. е. Михаила III—Р. Б.) над греками al-Saclabi»⁷. Однако наверняка зная, что Василий I хотя бы по отцу не был славянином и желая объяснить распространенную в Халифате версию о его «славянстве», Табари «уточняет»: Василий назывался славянином, «потому, что мать его была славянка»⁸. Он говорит о «славянине» Василии и в связи с событиями 268 г. хиджры (1 августа 881—20 июля 882 г.) Здесь он уже пишет: «сын славянки, император ромеев, совершил нашествие...»⁹.

Версия о славянском происхождении Василия I из книги Табари, или же из его источника, дословно перекочевывала в труды других арабских писателей—Саида ибн Батрика (т. е. мелкитского патриарха Александрии Евтихия—876—940 гг.), Масуди (умер в 959 г.), известного уже нам Гамзы ал-Исфагани (умер в 970 г.), Ибн ал-Асира (умер в 1234 г.), Сибта ибн ал-Джаури (умер в 1257 г.), Ал-Макина (умер в 1273 г.), Айна (умер в 1451 г.) и др.¹⁰.

На основании вышеупомянутых сведений многие слависты, а также некоторые византилисты XIX в. стали настаивать на том, что основатель Македонской династии был славянином по происхождению, или же был рожден в смешанном браке армянина со славянкой. Нет необходимости подробно останавливаться на их трудах. При желании можно обратиться к обстоятельной статье А. Васильева, где имеется и обширная библиография по этому вопросу.

подавляющее большинство византистов отнеслось к сведениям арабских источников более чем скептически. Уж очень неубедительны были эти сведения и, что важнее, не подтверждались ни византийскими, ни другими источниками. Данные арабских авторов стояли особняком.

⁵ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De Cerimoniali aulae byzantinae libri duo, graece et latine, e recensione Io. Jac. Reiskii cum eiusdem commentariis integris, vol. II, Bonnae, 1830, p. 451.

⁶ Так в арабском оригинале—*«malicuf»* (консультация арабиста А. Тер-Гевондяна). Переводы А. А. Васильева—«Василий по прозвищу Славянин» («Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии», СПб., 1900, ч. II, Приложения, с. 16) и М. Кана—*«connu sous le nom de „le Slave“* (A. A. Vasiliev, Byzance et les Arabes, tome II, La Dynastie Macédonienne (867—959), Deuxième partie. Extraits des sources arabes, traduits par Marius Canard, Bruxelles, 1950, p. 6) могут ввести в заблуждение.

⁷ А. Васильев, Византия и арабы. Приложения, с. 16. Ср. М. Сапард, указ. соч., с. 6.

⁸ Там же, с. 16; о «славянке» матери Василия I см. подробнее ниже.

⁹ М. Сапард, указ. соч., с. 8.

¹⁰ Там же, с. 25, 38, 39, 47, 165, 264. Ср. А. Васильев, Византия и арабы, с. 72 (данные Масуди).

О происхождении Василия I А. Рамбо писал: «Армянская национальность кажется мне более обоснованной, нежели национальность славянская, в пользу которой имеется лишь одно упоминание у некоторых арабских историков, а также вероятность факта проживания славян в окрестностях Адрианополя»¹¹. Совершенно прав был А. Васильев: «Никто из византийских авторов об этом (т. е. о смешанном браке армянина со славянкой—Р. Б.) не говорит, и современники Василия не имели никакого твердого предания о славянском происхождении Василия со стороны матери»¹². А. Васильев на основании множества источников защищал версию об армянском происхождении Василия: «армянское происхождение Василия является наиболее доказанным»¹³. Однако в своих выводах он непоследователен. Приведем его выводы полностью. «Из сопоставления всех вышеприведенных данных я прихожу к следующему выводу: 1) Василий происходил от армян, поселенных в Македонии. 2) Его царское происхождение является, по всей вероятности, измышлением Фотия, которое отразилось на известной части последующей литературы. 3) Сведения, сообщаемые арабскими писателями, дают возможность сделать два предположения: арабы могли весьма легко из слов «македонец» сделать «славянина»; тогда «славянин» у арабов равнялся бы «македонцу» или жителю Македонии, т. е. в данном случае армянину, поселенному в Македонии у Адрианополя; или действительно, *Василий происходил от смешанного союза—армянина и славянки*»¹⁴ (подчеркнуто мною—Р. Б.). Впоследствии А. Васильев стал защищать именно эту последнюю версию: «Исходя из того факта,—писал он,—что среди жителей Македонии было много армян и славян, вероятно, правоммерно допустить, что Василий имел смешанное, армяно-славянское происхождение»¹⁵. И далее: «более правильное определение Македонской династии с точки зрения ее этнического состава—*армяно-славянская*»¹⁶.

Немногом отличаются выводы А. Вогта, посвятившего Василию I и его эпохе специальную монографию. Он пишет о «славянизированной» армянской семье Василия I: «Его (т. е. Василия—Р. Б.) фамилия может быть армянского происхождения, позже, в результате смешанного брака со славянами, которых было очень много в этой части Европы (в Македонии), она постепенно была сильно славянизирована»¹⁷.

Нужно отметить, что и до А. Васильева ученые считали, что слово «славянин» у арабов могло означать и «македонец», т. е. они усматривали в нем не этникон Василия, а место его рождения, происхождения. Ведь Василий I был родом из Македонии¹⁸.

Вот так «решается» вопрос о славянстве Василия I и его семье в трудах некоторых ученых.

¹¹ A. Rambaud, L'Empire grec au dixième siècle, Paris, 1870, p. 147.

¹² «Происхождение...», с. 154.

¹³ Там же, с. 158.

¹⁴ Там же, с. 165.

¹⁵ A. Vasiliev, History of the Byzantine Empire, 324—1453, Madison, 1952, p. 301.

¹⁶ Там же.

¹⁷ A. Vogt, Basile Ier, empereur de Byzance, et la civilisation byzantine à la fin du IXe siècle, Paris, 1908, p. 21, n. 3.

¹⁸ Об этом см. в статье Васильева: Происхождение..., с. 162: «Македонец, Македония» превратилось у арабов в «славянина»; «По всей вероятности, славянское происхождение Василия у арабов есть результат его происхождения из Македонии и Фракии» (там же, с. 163). См. также и у Адонца, L'âge, с. 104; Ы. Цяцѣв, Чыстыя, с. 495.

Нам представляется, что этот вопрос не должен быть дискуссионным, ибо данные византийских источников столь красноречивы и достоверны, что не оставляют никаких сомнений и не дают повод спорам. Неверно, более того, несерьезно подвергать сомнению свидетельства Константина VII Порфирородного, *родного внука Василия I*. В V книге Продолжателя Феофана, которая представляет собой жизнеописание Василия I, написанное самим Константином VII Порфирородным, сказано: «Император Василий по происхождению был из Македонии, по национальности армянин, из рода Аршакидов». (ὁ αὐτοκράτωρ Βασίλειος ὄφρατο μὲν ἐκ τῆς Μακεδονίᾳ γῆς, τὸ δὲ γένος ἄρχεν ἐξ Ἀρμενίων ἔθνους Ἀρσακίδων)¹⁹.

Тот же Константин Порфирородный, упоминая патрикия Константина, сына логофета дрома, философа и патрикия Фомы, пишет, что Константин был большим другом Василия, ибо он, Константин, «по происхождению тоже был из армян» (ἄτε καὶ αὐτός ἐξ Ἀρμενίων ἔλκειν τὸ γένος).²⁰ Это свидетельствует не только о происхождении Константина и Василия но и о том, что этническое сознание у обоих было достаточно живучим.

Сведения составленного в первой четверти X века Жития святого Евфимия более красноречивы. Говоря о Стилиане Зауце, тесте сына Василия I, Льва VI, автор пишет: «Царь Василий оставил опекуном (Льва VI—Р. Б.) Стилиана, который по-армянски назывался Зауца. Он был македонцем, родом из армян, как и он» (т. е. Василий) (Στυλιανόν δὲ τὸν καὶ Ζαούτζην κατὰ τὴν Ἀρμενίων διάλεκτον προσταγορευόμενον, ὡς ἄτε Μακεδόνα ὄντα καὶ τὸ γένος Ἀρμένιον, καθὼς καὶ αὐτός,)²¹.

Можно привести сколько угодно сведений о принадлежности Василия I к армянам, и не только из византийских источников, но и из армянских²². Даже фальсификация генеалогического древа Василием или же его окружением, будто Василий принадлежал к армянской царской династии Аршакидов, имел отношение к Тиридату III, армянскому царю, провозгласившему христианство государственной религией Армении²³, и ловкое переосмысление приписываемого Сааку Партеву «Видения» о восстановлении династии Аршакидов Василием I²⁴ и многое другое дают дополнительный материал для подтверждения достоверности сообщений Константина Порфирородного и Жития св. Евфимия.

Перейдем к вопросу о матери-славянке Василия I. Выше мы отметили, что поскольку в халифате знали, что Василий I, хотя бы по отцу, не был славянином, то желая как-то объяснить распространенную у них версию о славянстве Василия, создали легенду о том, что Васи-

¹⁹ Theophanes Continuatus, ex recognitione Imman. Bekkeri, Bonnæ, 1838, p. 212.

²⁰ Там же, с. 230.

²¹ В русском переводе Жития Евфимия это предложение переведено неточно: «Царь оставил опекуном Стилиана, армянское имя которого было Зауца (он был армянином, родившимся в Македонии, подобно самому императору)»—«Две византийские хроники X века. Псамафийская хроника. Иоанн Камепната, Взятие Фессалоники», М., 1959, с. 28.

²² «Всеобщая история Вардана Великого». Перевел Н. Эмин, М., 1861, с. 108.

²³ S. P. N. „Ignatii archiepiscopi Constantinopolitani, Vita sive certamen, auctore Niceta servo Jesu Christi, cognomento Davide Paphlagone“, Migne, Patrologia graeca, t. 105, col. 565; „Symeonis Magistri ac Logothetae, Annales“, In: „Theophanes Continuatus“, p. 639.

²⁴ «Всеобщая история Вардана Великого», с. 108. Также: «Theophanes Continuatus», p. 241.

лий был славянином по матери. Но и это сведение, разумеется, безосновательно, т. к. не подтверждается ни византийскими, ни армянскими средневековыми авторами.

В Жизнеописании Василия I подробно говорится о матери императора. Отметим, что в нем не указывается ее этническая принадлежность и даже не упоминается ее имя. Но оно известно из 42-й главы II книги «De Cerimoniis» византийского двора. В перечне могил византийских императоров и членов их семей указано, что в монастыре святой Евфимии в Константинополе, называемом Прекрасным, похоронен прах Панкало, матери христолюбивого владыки Василия²⁵. На основании имени Панкало, что по-гречески означает «Самая прекрасная», «Прекраснейшая», нельзя делать выводов о ее этнической принадлежности. Она могла быть гречанкой или же армянкой, но никак не славянкой, как утверждают арабские авторы. Константин Порфирородный неоднократно подчеркивает набожность и благочестивость матери Василия I и считает ее родственницей первого христианского императора Константина Великого²⁶. Ясно одно, Панкало была христианкой, а славяне в конце VIII, начале IX в. еще были язычниками. Что же касается армянских авторов, то современник Василия Таронский епископ Ваан «уверял Василия в том, что он, Василий, происходит из рода Аршакуни, ибо мать его была армянка»²⁷.

Однако пора перейти к основному вопросу нашей статьи—к решению проблемы происхождения данных арабских источников о славянстве Василия I. С этой целью обсудим вопрос о принадлежности основателя Македонской династии к армянскому царскому роду Аршакидов. Об этом не может быть и речи, ибо род Аршакидов к этому времени не существовал²⁸.

Известно, что версия об Аршакидском происхождении Василия I приписывалась византийскими авторами (и приписывается учеными) патриарху Фотию, который действовал, видимо, не без специального поручения самого императора. Но требования, выдвигаемые императором Фотию, этим не ограничивались. Никита Пафлагонянин, автор Жизнеописания патриарха Игнатия (846—857, 867—877 гг.), ярый противник Фотия, писал, что Фотий в годы своей ссылки (867—877 гг.) пожелал угодить императору и дабы достичь своей цели, прибег к следующей хитрости. На основе первых букв имен членов семьи Василия—Β(ασιλειος), Ε(ὐδοκία), Κ(ωνσταντίνος), Λ(έων), Ἀ(λέξανδρος), и Σ(τέφανος) он состряпал имя ΒΕΚΛΑΣ. Далее он составил псевдогенеалогию императора, начиная с армянского царя Тиридата. Дойдя до отца Василия, он написал, что тот родит сына (Фотий описывал его внешность, которая, разумеется, точь-в-точь совпадала с внешностью императора

Василия), имя которого будет Βεκλάς (τὸ δὲ ὄνομα εἶναι Βεκλάς)²⁹ и который станет самым счастливым василевсом. Свою страпню Фотий «александрийскими» буквами (т. е. уставом) внес в одну дрезную пергаментную рукопись и постарался придать книге ветхий вид. В своей работе Фотий прибег к помощи дворцового иерея Феофана, который поль-

²⁵ „De Cerimoniis aulae byzantinae“, vol. I, Bonnæ, 1828, p. 648.

²⁶ „Theophanes Continuatus“, p. 216; cf. p. 225—226.

²⁷ «Всеобщая история Вардана Великого», с. 108.

²⁸ N. Adontz, L' âge, p. 105.

²⁹ В оригинале: „ἦνθα δὲ πρὸς τὸν πατέρα κατέλας Βασιλείου, ταύτων ἐγράψεν ὡς ἀνδραγευήσας... τὸ δὲ ὄνομα εἶναι Βεκλάς... Бесспорно, что Никита Пафлагонянин Беклас считал ет именем Василия. А. Васильев («Происхождение...», с. 158) и ряд других ученых по ошибке Бекласа считали отцом Василия.

зовался славой мудрого человека и который в дальнейшем стал епископом Кесарии Каппадокийской. Феофан книгу Фотия внес в императорскую библиотеку и показал ее императору Василию. Согласно Никите Пафлагонянину, никому не удавалось разгадать загадку БЕКЛАСа. Феофан сказал, что ее сможет разгадать лишь один человек—Фотий, на место ссылки которого и отправляется Феофан. Фотий притворяется, что не может открыть тайну никому, кроме императора Василия, ибо речь идет именно о нем. Фотий прибывает во дворец и «открывает» тайну³⁰. Эта версия была широко известна в Византии. Об этом свидетельствует Симеон Магистр в своей Хронике. Он, в отличие от Никиты Пафлагонянина, называет фамилию епископа Феофана—Сфинодемон и добавляет, что смысл загадки Фотий знал «от ангела»³¹.

Мы уверены, что исследователи грешат перед памятью такого великого деятеля византийской церкви и культуры, каким был Фотий, повторяя сплетни его личных врагов о том, будто история с БЕКЛАСом и с псевдогенеалогией Василия состряпана Фотием по собственной инициативе. Не новость, что каждый тиран, особенно если он не наследовал власть, а узурпировал ее, прибегает ко всяким ухищрениям с целью «обоснования» законности своего воцарения. Псевдогенеалогия эта создана самим Василием или же его близким окружением. Она всячески культивировалась в империи, и горе тому, кто при жизни императора осмелился бы выразить сомнение относительно ее достоверности. Известно, что современник Василия I Григорий Сиракузский только на исповеди дерзнул сказать священнику о фальсификации Фотия и Феофана Сфинодемона³². Значит говорить о ней вслух было небезопасно!

Василий I заставил Фотия «создать» выдуманную им самим, Василием, легенду, ибо невозможно поверить в то, что Василий, якобы, не знал своей генеалогии, поверил Фотию и будто после этого отношения императора с бывшим патриархом были восстановлены. Василий всеми правдами и неправдами стремился не только обосновать свою политическую легитимность, но и то, что на престол Константина Великого он вззошел волею божьей. И поскольку решено было выдать себя за отпрыска самого знаменитого армянского царя (Василий ведь был армянином), он вынужден был «создание» генеалогии поручить человеку, имеющему отношение к армянам, большому знатоку армянской истории. Таковым был Фотий!

Псевдогенеалогия Василия I в Византии при жизни императора была широко распространена. И если о ней мы находим сведения только в двух византийских памятниках, то это еще ни о чем не говорит. Известно, что со смертью тирана умирает и созданная о нем легенда. Будь Никита Пафлагонянин другом Фотия, вряд ли бы он упомянул о ней. Но поскольку он был его врагом, ему ничего не стоило облить грязью человека, которого *вынудили* согласиться принять участие в «создании» легенды с «именем» БЕКЛАС.

Как бы то ни было, было состряпано второе имя Василия I. Ведь Никита Пафлагонянин БЕКЛАС считал именем—*ὄνομα*.

Возвратимся к данным арабских авторов о славянском происхождении Василия I. Недостаточно сказать, что их версия ошибочна, недостаточно сказать, что она не подтверждается основными источниками. Она ведь не могла возникнуть из ничего. Откуда арабы могли почерпнуть сведения о происхождении Василия? Разумеется, не из Аф-

³⁰ „Ignatii archiepiscopi Constantinopolitani, Vita“, col. 565—568.

³¹ „Symeonis Magistri Annales“, p. 689—690.

³² «Происхождение...», с. 150.

рики или Западной Европы, а из Византии. Но в Византии ничего подобного не знали. Значит, здесь кроется какое-то *недоразумение*. В чем же оно заключается?

Легенда с именем БЕКЛАС была известна и в халифате, причем по письменным источникам. Известно, например, что Гамза Исфгани знал об этом от какого-то судьи Ваки, который в свою очередь почерпнул эти сведения из книги одного византийского императора, *переведенной при содействии переводчика с греческого языка на арабский*³³. Эта книга не сохранилась ни в греческом оригинале, ни в арабском переводе, но как мы убедимся далее, Василий в ней был упомянут как БЕКЛАС, причем это имя в названном источнике не связывалось с псевдогенеалогией Василия I, как в трудах Никиты Пафлагонянина и Симеона Магистра. Переводчик книги императора, будучи арабом, машинально прочел имя БЕКЛАС, как у них принято, не слева направо, а наоборот, справа налево. Получилось SALCEB. В арабском нет гласных, следовательно, SALCB, которое не могло быть арабом осмыслено иначе, как SCLB, т. е. Saclabi, а оно ничто иное, как этноним, означающий «славянин». Поскольку арабам было известно, что Василий, хотя бы по отцу, не славянин, но почему-то он считается славянином, вошло в оборот объяснение: «он был славянином, потому что его мать была славянкой». Отсюда и берет начало версия о Василии «Славянине» и его матери «славянке».

Приводя данное толкование арабской версии о «славянском» происхождении Василия I, мы должны признаться, что не исключаем и другое объяснение. Как указано выше, Василий I приписывал себе Аршакидское происхождение. Известно, что у арабов очень часто начинающиеся с «Ал» («Ар») чужие личные имена, этнонимы и топонимы искажались, эти первые две буквы воспринимались ими в качестве арабского определительного члена. Например, первый слог, первые две буквы имени великого завоевателя Александра Македонского приняты ими за определительный член и опущены. Александр стал у арабов называться Искандер. В арабской версии «Истории Армении» Агафангела, изданной Н. Марром, с этим явлением мы встречаемся неоднократно. Этноним «алан», например, получил удвоенное «л» (алан), причем начальное «ал» воспринято в качестве арабского определительного члена³⁴. С этим названием, как пишет Н. Марр, мы встречаемся и в других памятниках³⁵. То же произошло и с топонимом Арарат. Начальный слог «ар» прочитан «ал» и понят в смысле члена³⁶, как и с династической фамилией Арцруни. В обнаруженной в Анберде в 1965 г. арабской лапидарной надписи Захария и Иванэ Захариды названы ал-Сруни (вместо Арцруни)³⁷. Наконец, что для нас важнее, в новоизданном арабском переводе «Истории Армении» Агафангела, осуществленном с греческого, родовое *Ἀρσακιδῶν* (род. падеж мн. числа) передано al-Saracitun, т. е. первый слог «Ар» воспринят как арабский определительный член «ал»³⁸. Не постигла ли та же участь Василия I, родовое

³³ Там же, с. 161.

³⁴ См. Н. Я. Марр, Крещение армян, грузин, арабов и аланов святым Григорием (арабская версия) («Записки Восточного отдела Императорского Русского археологического общества», т. XVI, СПб., 1905, с. 199—200).

³⁵ Там же, с. 200.

³⁶ Там же.

³⁷ Ա. Տէր-Ղևոնդյան, Հաջորդիչի և Իվանի արարատյան արձանագրությունը Անբերդում («Պատմա-բանասիրական հանդես», 1971, №1, էջ 186):

³⁸ Ա. Տէր-Ղևոնդյան, Ագաթանգեղոսի արարական նոր լուսնագրությունը (արարերեն բնագիր և ուսումնասիրություն), Երևան, 1968, էջ 58:

нмя которого 'Αρσακίος³⁹ (Аршакид, по греч. Арсакид) превратилось в al-Sac..., а в дальнейшем—в al-Saclabi?

ՄԱԿԵԴՈՆԱԿԱՆ ՀԱՐՍՏՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱԳԻՐ ՎԱՍԻԼ I-ի (867—886 թթ.) «ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ» ԾԱԳՄԱՆ ԱՌԵՂՄՎԱԾԻ ԼՈՒՅՄԱՆ ՇՈՒՐՁ

ՀՐԱԶ ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Ա. մ փ ո փ ու մ

Բյուզանդական աղբյուրների ծանրակշիռ տվյալները, այդ թվում Վասիլ I-ի հարազատ թոռ Կոստանդին Միրանաժինի գրչին պատկանող և իր պապի կենսագրությանը նվիրված ծավալուն երկասիրութունը, աներկբա վկայում են, որ Վասիլ I-ը ծագումով հայ էր: Հայտնի է նաև, որ Վասիլը, ջանալով իր ծագումը վեհացնել և օրինականացնել իր գահ բարձրանալը, իրեն Արշակունի հռչակեց: Հայկական աղբյուրները ևս Վասիլ I-ին համարում են հայ Արշակունի: Սակայն XIX դ. սկզբում մի շարք բյուզանդագետների և սլավոնագետների աշխատություններում առաջ քաշվեց Վասիլ I-ի սլավոնական կամ հայ-սլավոնական ծագման մասին վարկածը, որն իր հետևորդներն ունի և այսօր: Նրանք իրենց թեղը հիմնավորում են արաբական աղբյուրների տվյալներով, որոնցում Վասիլ I-ը համարվում է սլավոն (al-Saclabi), կամ սլավոնուհու որդի: Նրանք լավ վերոհիշյալից, նշված ուսումնասիրողները Վասիլ I-ի հիմնադրած Մակեդոնական (ըստ Հ. Գելցերի՝ Հայկական) հարստությունը անվանում են «հայ-սլավոնական»: Սակայն Վասիլ I-ի սլավոնական ծագման մասին արաբական աղբյուրների տեղեկությունները չեն հաստատվում ո՛չ բյուզանդական, ո՛չ հայկական և ոչ այլ աղբյուրներով և պարզ թյուրիմացության արդյունք են: Բանն այն է, որ Վասիլ I-ը Բյուզանդիայում հայտնի էր և մի շինծու անվամբ, որն ամենայն հավանականությամբ ինքը Վասիլը (կամ նրա մերձավորագույն շրջապատն) էր հորինել: Այդ անունն էր ԲԵՎԼԱՍ: Բյուզանդիայում տարածել էին իբրև թե շատ հնից եկող մի ավանդություն, որի համաձայն դարեր անց գահին է տիրանալու ուն ԲԵՎԼԱՍ: Այդ «անվան» տառերը ոչ այլ ինչ են, քան Վասիլի (Բասիլ), նրա կնոջ Եվդոկիայի և որդիներ Կոստանդինի, Լեոնի, Ալեքսանդրի և Սանփանոսի անունների սկզբնատառերը: Այդ «անունն» էլ ահա բյուզանդական աղբյուրներից մուտք գործեց նաև արաբական աղբյուրները, և քանի որ արաբները ձայնավորներ չունին, ԲԵՎԼԱՍԻ փոխարեն պիտի կարգային BCLS, ըստ իրենց՝ արաբների աչից ձախ ընթերցելու կարգի՝ SLCB, որից էլ ահա՝ al-SACLABI—սլավոն:

Չի բացառվում Վասիլ I-ի սլավոնական ծագման մասին վարկածի և մի այլ բացատրություն: Ինչպես տեսանք, Վասիլ I-ը բյուզանդական աղբյուրներում կոչված է Արշակունի (Արսակիոս, հունարենում «շ»-ի բացակայություն պատճառով): Արաբները շատ հաճախ Al-ով կամ At-ով սկսվող, իրենց համար օտար անունները տառադարձելիս, այդ առաջին երկու տառերը սխալմամբ դիտում կին որպես որոշիչ հոդ՝ al-, որը կամ բաց էին թողնում (օրինակ՝ Ալեքսանդրի փոխարեն՝ Բսկանդար), կամ բերում, բայց որպես որոշիչ հոդ: Ազաթանգեղոսի երկի հունարենից արաբերեն թարգմանության մեջ, օրինակ, 'Αρσακιδών (Արշակունիների) տոհմանունը տառադարձվել է al-Saracitum, Այս փաստը հիմք չի՝ սալիս ենթադրելու, որ նույնը կատարվել է և Վասիլ «Արշակունու» ('Αρσακιος) հետ, al-SAC..., որը հետագայում դարձել է al-Saclabi-սլավոն:

³⁹ Константин Порфирородный считал, что его дед Василий I происходил из рода Арσακίων.

Р. М. Бартикян

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УЧАСТИЯ АРМЯН В ПРАВЛЕНИИ ВИЗАНТИЙСКИМ И БОЛГАРСКИМ ГОСУДАРСТВАМИ В VIII—XI ВВ.

В 387 г. между сасанидским Ираном и Восточно-Римской империей был заключен мирный договор, согласно которому армянское государство Аршакидов делилось между двумя великими державами: большая территория Армении вошла в состав Сасанидской державы, и лишь 1/3 стала частью Восточно-Римской империи.

Противоборство между двумя завоевавшими Армению государствами привело к тому, что в 591 г. был осуществлен и второй ее раздел, когда уже 4/5 территории страны вошло в состав Византийской империи. Византия всячески стремилась освоить этот край, уничтожить местную знать, вывести из страны ее вооруженные силы, превратить Армению в провинцию империи. Армяне ради обеспечения физического существования и сохранения своей самобытной культуры были вынуждены лавировать между двумя империями, переходить из одной части Армении в другую. В VI—VII вв. перемещались главным образом представители армянской политической и военной знати, которые и поступали на службу в той или другой, завоевавшей их родину стране. Но в последующие века, особенно в эпоху арабского владычества, стали мигрировать, и на этот раз только в Византию, также низшие слои армянского общества, что было связано с тяжелым политическим и экономическим игом Халифата, его нетерпимой религиозной политикой. В результате этих переселений в разных регионах Византийской империи появились многолюдные армянские колонии, сыгравшие в ее жизни значительную роль.

Когда идет речь об армянских поселениях в Византии, исследователи делают акцент главным образом на колонии, созданной во Фракии, конкретнее — в г. Филиппополе. Бесспорно, она была самой многолюдной и дольше всех просуществовала, но, согласно сведениям многих первоисточников, можно прийти к выводу, что армянские колонии в разные годы возникали и в других частях Византийской империи. В конце VI в. была образована большая колония на о-ве Кипр. По данным источников, в 578 г. сюда были переселены армяне в основном из армянской области Алдзник.¹

Император Никифор II Фока (963—969) еще в те времена, когда он был domestиком схол (главнокомандующим византийской армии), после освобождения о-ва Крит от арабов с целью уплотнения поредевшего христианского населения острова переселяет сюда множество христиан, в том числе армян.² Об этом свидетельствуют и критские топонимы с этниконом «армяне».³

Армянская колония существовала и во втором по величине городе Византии — Фессалониках. Доказательством служит текст мирного договора, заключенного 19 марта 1277 г. между императором Михаилом VIII Палеологом (1259—1282) и венецианским дожем Иаковом Контарини

(1275—1280). Император соглашается отдать во владение венецианским купцам «принадлежавшую в прошлом армянам церковь в городе Фессалоники»,⁴ а также много домов вокруг этой церкви.

Большая армянская колония находилась в византийской феме Опсикий. Она, по всей вероятности, была расширена за счет армян-тондракитов, переселенных туда императором Иоанном Цимисхием (969—976), возможно, и его предшественниками.⁵ Первоначально армяне проживали в данном регионе в г. Пергаме, откуда происходил император Вардан-Филиппик (711—713). Эта колония упомянута и в трудах авторов XI—XII вв. Никита Хониат сообщает о вооруженных силах армян Опсикия,⁶ которые вместе с семьями составляли 20 000 человек.⁷ В колонии, по данным Анны Комниной, имелась крепость, называемая Арменокастрон (армянская крепость).⁸

Как видно, армяне были расселены «островами» по всей территории Византийской империи. Разумеется, компактно они жили на своей родине, находящейся под византийским владычеством.

Самая значительная армянская колония, как мы уже говорили, находилась во Фракии. Она была, по всей вероятности, образована в конце VI в., в годы правления императора Маврикия (582—602). До того как армяне создали здесь свою колонию, они знали этот край довольно хорошо, поскольку Византия в борьбе против врагов империи часто использовала там армянские вооруженные силы. В основе такой политики Византии лежало не только стремление воспользоваться состоявшими из армян войсками, но и желание лишить Армению своих вооруженных сил, представляющих на месте для империи большую опасность. По данным армянского историка VII в. Себеоса, армянские войска «пошли на народы, которые занимали западные страны, до берегов великой реки Дунаб (Дунай. — Р. Б.)».⁹

И в дальнейшем византийское правительство прибегало к этой политике. Множество армян сложили свои головы в далекой Фракии во имя защиты границ Византии от внешнего врага. Но армянские вельможи, видя всю пагубность такой политики, противились ей. Тот же Себеос пишет, что «оставшиеся на родине армянские нахарары . . . задумали отказаться от служения греческому царю и посадить своего царя, чтобы им не пришлось умереть в стране фракийцев, а жить и умереть за свою родину».¹⁰

Маврикий стремился отправить во Фракию не только армянских воинов, но и армянское население на постоянное жительство. Он издал по этому поводу приказ: «Следует собрать в Армении тридцать тысяч человек с семьями и переселить их во Фракию».¹¹ Но к этому времени Маврикия убили, и неизвестно, был ли его приказ приведен в исполнение.

Армяне большими группами стали обосновываться во Фракии, и в особенности в г. Филиппополе, в середине VIII в. Это было связано со взятием в 752 г. императором Константином V Копронимом армянских городов Феодосополя и Мелитены у арабов и желанием их жителей, армян и сирийцев, переселиться в Византию. Таким значительным было это переселение, что о нем упоминают все источники эпохи — армянские, византийские, сирийские, арабские,¹² причем каждый из них сообщает

данные, дополняющие друг друга и рисующие довольно подробную картину случившегося. Но только византийские авторы Феофан Исповедник и патриарх Никифор уточняют, что переселенцы распространили во Фракии ересь павликиан, а значит, они были ее приверженцами.

По данным армянского средневекового перевода «Хронографии» Михаила Сирийца, армяне двумя десятилетиями спустя были переселены во Фракию и императором Львом IV (775—780).¹³

Много армян были переселены во Фракию (в тот же Филиппополь) императором Иоанном Цимисхием.¹⁴ Они, хотя и именуются Анной Комниной манихеями (т. е. павликианами), по всей вероятности, принадлежали к тондракитам, поскольку павликианское движение было разгромлено императором Василием I (867—886) ровно столетием раньше, а в Армении в это время было в разгаре движение тондракитов.¹⁵ Не исключено, что Иоанн Цимисхий переселил армянских еретиков-тондракитов и в византийскую фему Опсикий, где они были известны как фундагиаты.¹⁶

Сведения византийских источников об армянских колониях на территории империи очень скупы, поэтому нам трудно представить их во всех подробностях. Но можно прийти к выводу, что армяне жили там довольно компактно и обособленно; следовательно, они долгое время сохраняли свой этнический облик, язык, обычаи. По данным Константина Порфирородного, армяне г. Адрианополя «чувствовали себя, как в среде собственного народа, они очень разбогатели, сохраняя чистым и несмешанным свое этническое лицо».¹⁷ Отметим здесь, что само византийское законодательство даже и в XII в. старалось воспрепятствовать армянам смешиваться с греками. В ответ на вопрос архиепископа Диррахия Константина Кавасилы китрскому епископу Иоанну, «имеют ли армяне право строить церкви в городах, где они проживают», последний ответил: «С давних пор разрешается проживание иноязычных и иноверных народов, как евреев, армян, исмаилитов, агарян и им подобных, в регионах и городах (православных) христиан, но не смешанно с (православными) христианами, а отдельно от них. С этой целью каждому из них предоставляется территория или в черте города, или же вне ее с тем, чтобы они были обособлены и не выходили за пределы места их обитания. . . Поэтому и армяне, где бы они ни проживали, имеют право и беспрепятственно строить церкви, и исповедовать свою ересь»,¹⁸ т. е. монофизитство.

Если данный вопрос волновал архиепископа Диррахия, то это можно считать косвенным свидетельством наличия армян в этом городе, существования там целой армянской колонии, ибо в постройке церкви могли быть заинтересованы не отдельные лица, а скорее всего целая община, духовным потребностям которой она и была призвана служить.

Итак, как видно из вышесказанного, на территории Малой Азии и на Балканском полуострове было образовано множество армянских колоний. Их население в течение долгого времени играло важную роль в жизни государств названных регионов. В интересующую нас эпоху их было два: могучая Византийская империя и первая Болгарская держава. Именно в этих государствах армяне Византии и проявили свой

талант в политической, военной, культурной областях, в торговле и ремесле.

Говоря о роли армян в Византии и Болгарии, нужно иметь в виду, что эти государства сильно отличались друг от друга. Византийская империя — многонациональное государство, в жизни которого принимали участие разные народы и этнические меньшинства. В связи со сказанным необходимо остановиться на следующем. Нельзя видеть ничего удивительного в том, что армяне занимали ведущие позиции в Византии. Они веками жили в пределах данного государства, и сами не считали его чужим. Если бы большая роль армян в Византии представляла собой что-то удивительное и из ряда вон выходящее, то это должно было бы непременно найти отражение у основного населения империи, у греков, а следовательно, и в трудах византийских авторов. Но последние не видели ничего предосудительного в том, что на троне Константина Великого сидели императоры армянского происхождения, в том, что крупнейшие полководцы византийской армии, а также правители областей являлись армянами. Это было для них естественным. Более того, греки провозглашали армян императорами, назначали на высокие военные и административные посты. Всех соседей Византии греки именовали «варварами», т. е. чужими, чужестранцами, но армян — никогда, поскольку они были не чужими, а органической частью их страны. Единственно, что волновало греков Византии — монофизитство армян, их вероисповедание. Грекам хотелось, чтобы тот или иной армянский государственный деятель по своему вероисповеданию был халкедонитом, диофизитом.

Греки считали участие армян в жизни их государства явлением естественным и потому, что эти армяне, были ли они императорами либо полководцами, правителями областей и т. д., постоянно проводили византийскую политику, заботились о могуществе империи даже тогда, когда это шло наперекор интересам их собственного народа и собственной родины — Армении и армян.

Однако, отмечая «византийность» армянских деятелей, мы должны подчеркнуть совершенно иной подход к государственным вопросам населения армянских колоний Византии. Здесь уже армяне были сугубо армянами, они веками боролись за свои права, за сохранение своей самобытной культуры, вероисповедания. Бывали случаи, когда для избавления от преследований государства и церкви рядовые армяне этих поселений даже переходили на сторону противников империи.

В Болгарии дело обстояло совершенно иначе. По своей сущности болгарское государство отличалось от византийского. Оно было этнически более или менее компактным. Имеется в виду не население на территории Болгарии, которое было довольно пестрым, а главным образом правящий этнос. Находясь в соседстве с враждебным, более могучим государством — Византией, болгарские владыки относились к византийским деятелям, поступающим к ним на службу, с опаской. В период образования Болгарской державы ее правители прибегали к услугам иноплеменников. Но опасаясь греков, они относились доверчивее к армянам Фракии, состоявшим в основном из монофизитов и еретиков — павликиан и тондракитов, — т. е. чуждых для византийского правительства элементов,

нередко преследуемых, видя в них своего естественного союзника. О перешедших на службу к болгарам армянах свидетельствуют протоболгарские надписи болгарских ханов, высеченные, как известно, на греческом языке. Речь идет о надписях ханов Крума (803—814) и его сына Омуртага (814—831).

В обнаруженной в селении Хамбарли лапидарной надписи хана Крума¹⁹ говорится об административном устройстве и делении болгарского государства. Крум указывает, что «первым» (πρῶτος) в правой части его государства является «ичиргу бойла» Тук, которому непосредственно подчиняются стратеги Вардан и Иоани, во главе же (κεφαλῆ) левой части государства стоит «бояр кавхан» Иратайс, которому подчиняются стратеги Кордил и Григорá. Крум упоминает и своего брата в качестве, видимо, верховного правителя третьей части государства. Имя брата в надписи не сохранилось, читается лишь имя стратега Льва, его непосредственного подчиненного. Нетрудно заметить, что носящим византийские звания Вардану, Льву, Иоанну, Кордилу и Григорé в государстве Крума предоставлены очень высокие посты. Отметим еще, что имена трех из них — Лев, Иоанн и Григорá — общехристианские, эти имена в Византийской империи мог носить любой христианин. Что касается имен Вардан и Кордил (т. е. Гарджуйл или Гарджул), они типично армянские, поэтому не исключено, что армянами являлись также Лев, Иоанн и Григорá. Известно, что Вардан и Кордил впоследствии возглавляли регионы Болгарии, куда Крумом были переселены полоненные во Фракии армяне, т. е. править армянским населением Болгарии Крум назначил людей армянского происхождения.

В 1970 г. в первой столице болгарского государства — г. Плиске был обнаружен саркофаг с надписью хана Омуртага.²⁰ В ней говорится о том, что «кандидат Турдац был моим (т. е. Омуртага. — Р. Б.) верным человеком». Турдац — типично армянская форма иранского имени Тиридат, свидетельствующая о том, что и носящий византийское звание кандидата близкий хану Омуртагу человек был армянином по происхождению.

И армяне надписи Крума, и Тиридат надписи Омуртага носят византийские военные звания стратега и кандидата, стало быть, они раньше служили в византийской армии и в силу неизвестных нам обстоятельств перешли на сторону болгар.

Итак, самые высокие и ответственные посты в государстве Крума и Омуртага предоставлялись чистокровным болгарам, членам семьи правящей династии. Но Крум и Омуртаг были не прочь воспользоваться также услугами опытных и предприимчивых «византийцев». Однако, обращаясь к их услугам, болгарские ханы не были безразличны в выборе. Они не доверяли византийцам-грекам, отдавая предпочтение инородным византийцам, как видно из надписей Крума и Омуртага, — армянам. Наше мнение о том, что болгарские ханы проявляли особый подход в выборе «византийских» кадров, предоставляя важные посты людям именно армянского происхождения, подтверждается и тем обстоятельством, что из множества протоболгарских надписей только в двух вышеупомянутых встречаются «византийские» военные деятели, и они оказываются армянами.

Наличие на службе у болгарских ханов за столь короткий промежуток времени такого количества армян — факт не обыкновенный, это очень интересное явление.

Крум и Омуртаг обращались к армянам не только для использования их военного и административного таланта. Армяне были и прекрасными ремесленниками, торговцами, искусными строителями. Именно в период их правления началось в стране, и в особенности в столице, интенсивное строительство, в том числе дворцовых зданий. Рассматривая эти строения, А. Л. Якобсон отмечает большое сходство их архитектуры с таковой дворцов Вагаршапата, Двина, Аруча и, приводя свидетельства источников о наличии большой колонии армян во Фракии в VI—VIII вв., заключает: «Непосредственное общение болгар с армянами и сирийцами . . . могло происходить (да несомненно и происходило) как раз в период интенсивного строительства в болгарской столице Плиске. Непосредственное участие в этом строительстве армянских и сирийских зодчих более чем вероятно».²¹

Таким образом, в эпоху Крума и его сына Омуртага болгарские правители, исходя из интересов своего государства, широко использовали военный и административный опыт армянских деятелей, талант армянских зодчих и строителей, ремесленников и торговцев. Это было результатом их продуманной политики.

Армяне и в дальнейшем принимали участие в государственных делах Болгарии. В последнее пятидесятилетие истории первого Болгарского царства армянам было суждено сыграть особенно немаловажную роль. Это была эпоха наибольшего могущества Византийской империи, ее великих завоеваний на востоке и западе. Еще в годы предшественников Василия II (976—1025) начался захват армянских территорий. На повестке дня византийской внешней политики было уничтожение армянской и болгарской государственности, превращение этих стран в провинции империи. Армянский и болгарский народы встали на защиту своей государственности, и борьба каждого из них была и борьбой другого. К середине XI в. армянская государственность была уничтожена, армянские царства Багратидов и Арцрунидов, ряд армянских княжеств перестали существовать и превратились в катепанаты Византии во главе с византийскими правителями — дуком или катепаном.

Такое же положение было и на Балканах. Болгары вели против находящейся в апогее своего могущества Византийской империи неравную борьбу, в которой немалую роль сыграли и армянские государственные мужи. Об этом важные сведения сообщает армянский историк Степанос Таронечи, современник описываемых им событий. Он пишет, что одного из двух братьев, называемых комитопулами (т. е. сынами комита), старшего, армянина родом из Дерджанского округа, который звался Самуилом, император Василий «с гвардейскими своими полками повел в Македонию на войну против Булхаров. Воспользовавшись удобным случаем, они отложились от греческого императора, перешли к царю булхарскому Курту, как мужи храбрые достигли [при дворе его] высоких почестей».²² По данным того же автора, «после этого греческий царь Василий взял на войне булхарского царя Курта, а комсадзак (т. е. комитопулы. — Р. Б.),

завладев всею Булхарскою страной, восстали жестокою войной против греческого императора».²³

Степанос Таронечи под болгарским царем Куртом (т. е. скопцом) подразумевает Романа, сына болгарского царя Петра, который действительно был взят в плен и оскотлен в Константинополе в годы правления Иоанна Цимисхия, предшественника Василия II.

Ряд историков, в том числе известный болгарский историк Й. Иванов,²⁴ считают, что болгарский царь Самуил происходил из переселившейся в Болгарию армянской семьи. Армянское происхождение комитопулов, т. е. Самуила и его братьев, Иванов обосновывает не только данными Таронечи, но и заметкой 1118 г. епископа Михаила Девольского на полях венской рукописи «Хронографии» Иоанна Скилицы. В ней названа мать комитопулов — Рипсима. Это имя, распространенное только у армян, подкрепляет сведения армянского историка Степаноса Таронечи.²⁵

Как известно, борьба Самуила против Византии длилась до трагической смерти последнего в 1014 г. Власть перешла в руки его сына Гавриила-Романа, который правил всего год; после него царем Болгарии стал Иван-Владислав, сын Аарона, брата Самуила.

В 1018 г. Византии удалось сломить сопротивление болгарского народа и уничтожить первое Болгарское царство. Царь Иван-Владислав был убит в бою. Началась эпоха византийского господства, длившаяся до 1187 г.

Подытоживая сказанное, мы приходим к следующим выводам. В результате завоевания Византией обширных территорий Армении, их включения в состав империи, создания в разных регионах страны многолюдных армянских колоний многие армяне получили возможность развернуть широкую деятельность в пределах не только византийского государства, но и болгарского. Однако если их активность в Византии в силу ее многонационального состава была естественной, правомерной и постоянной, то в Болгарии она носила временный и в какой-то мере случайный характер.

¹ Kyrris C. P. Military colonies in Cyprus in the Byzantine Period: their character, purpose and extent. — *Byzantinoslavica*, 1970, t. 31, fasc. 2, p. 157.

² Κριάρη Π. Κ. 'Η Κρήτη καθ' ἅπαντας τοὺς πρό τοῦ μεγάλου κρητικοῦ πολέμου (1645—1669) αἰῶνας. 'Εν Ἀθήναις, 1934, σ. 103.

³ Τομαδάκης Ν. Β. Συμβολή εἰς τὴν μελέτην τῶν σλαβικῶν ἀρμενικῶν καὶ τουργικῶν ἐποικήσεων ἐν Κρήτῃ. — 'Επετηρίς 'Εταιρείας Κρητικῶν Σπουδῶν, 'Αθήναι, 1939, τ. Β', σ. 12—13.

⁴ Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Coll. ediderunt F. Miklosich et I. Müller. Vindobonae, 1865, vol. 3, p. 89.

⁵ Бартикан Р. М. Движение тоудракитов в Византии. — ВОН АН АрмССР, 1980, № 9, с. 66.

⁶ Nicetae Choniatae Historia / Rec. I. A. Van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975, p. 601, 602; ср.: Ephremius monachus. Imperatorum et patriarcharum recensio. Bonnae, 1840, l. 7244, 7245.

⁷ Жаворонков И. П. У истоков образования Никейской империи: (Оценка деятельности Константина XI Ласкаря). — Визант. временник, 1977, т. 38, с. 35, примеч. 52.

⁸ Anne Comnène. Aléxiade: (Règne de l'empereur Aléxis I Comnène 1081—1118) / Texte ét. et trad. В. Leib. Paris, 1945, t. 3, p. 198.

⁹ История епископа Себеоса / Пер. с 4-го испр. арм. изд. Ст. Малхасянц. Ереван, 1939, с. 49.

МНИМОЕ УПОМИНАНИЕ «КАРТЛИЙСКОЙ ЦАРИЦЫ»
В АРМЯНСКОЙ НАДПИСИ ИЗ АТЕНСКОГО СИОНА

РАЧ БАРТИКЯН

Сравнительно недавно грузинским медиевистом З. Алексидзе на центральном выступе западного фасада Атенского Сиона выявлен фрагмент армянской надписи, которая отличается от множества других армянских лапидарных надписей Грузии тем, что в некоторой степени проливает свет на происходившие в Грузии в конце X в. исторические события. Сохранившаяся часть надписи была расшифрована и переведена З. Алексидзе на грузинский язык. В его расшифровке она выглядит так:

«Ձալս ես Գերգիում
Երհասանա որդի: Որ
դալս կարդալ Ա[ստուծո]ն կկար-
իւն [լիշեցէք]: Որ Բարգրատ Ափխազա-
ց թագաւորն տիկինի վրա-
ց ետ-արաւ էլ դալ... լտ Ուփ-
լիսցիէ կալաւ սի (?)»:

З. Алексидзе дал следующий перевод надписи: «Это я, Гергиум, сын Эрхасана. Кто это прочтет [да помянет] скульптора божьего. Когда царь абхазский Баграт поссорился с царицей Картли... занял Уплисцихе...»¹. Издатель, исходя из упомянутого в надписи имени абхазского царя Баграта, датирует ее годами его царствования—978—1014, точнее, годом взятия им города Уплисцихе (предположительно между 980 и 988 гг.), хотя упоминание факта взятия города Багратом является всего навсего *terminus ante quem* надписи, нижним пределом, а не датой ее составления.

После опубликования работы З. Алексидзе армянская надпись Атенского Сиона стала предметом специального исследования грузиноведа П. М. Мурадяна, который внес определенные коррективы как в расшифровку, так и в перевод надписи. Часть исправлений П. Мурадяна, как и его интерпретаций, убедительна. Привожу исправленный им текст:

«Ձալս ես՝ Գերգիում
Երհասանա որդի: Որ
դալս կարդալ ալն տար-
ին, որ Բարգրատ Ափխազա-
ց թագաւորն տիկինի վրա-
ց ետ արաւ էլ դալ [ա]մ Ուփ-
լիսցիէ կալաւ, որ...»:

П. Мурадян обратился к вышеупомянутой надписи вторично в четвертой книге «Армено-Georgica», представляющей собой свод ар-

¹ Цитирую по статье П. Мурадяна: Нововыявленная армянская надпись Атенского Сиона («Պատմա-բանասիրական Հանդես», 1979, № 3, էջ 214—215, 223).

¹⁰ Там же, с. 51.

¹¹ Там же, с. 63.

¹² История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Рус. пер. К. Паткяняна. СПб., 1862, с. 91; Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880 (рус. пер.: Липшиц Е. Э. Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия. — Визант. временник, 1950, т. 3, с. 349—382); Nicephori patriarchae Constantinopolitani Antirrheticus adversus Constantinum Copronymum. — Migne, Patrologia graeca, s. a., t. 100, col. 508, 509; Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, t. 1, p. 429; Michel le Syrien. Chronique / Ed. J.-B. Chabot. Paris, 1901, t. 2, p. 518, 523; Agapius (Mahboub) de Menbidj. Kitab al-Unvan=Histoire Universelle / Ed. et trad. en franç. A. Vasiliev. — Patrologia orientalis, 1912, t. 8, fasc. 3, p. 531.

¹³ Хронография владыки Михаила, сирийского патриарха. Иерусалим, 1871, с. 353. На древнеарм. из.

¹⁴ Anne Comnène. . . , p. 180, 181.

¹⁵ Бартикян Р. М. 1) Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961, с. 63. 2) Движение тондракитов. . . , с. 65.

¹⁶ Бартикян Р. М. Движение тондракитов. . . , с. 65.

¹⁷ Theophanes Continuatus / Ex recognitione Immanuelis Bekkeri. Bonnæ, 1838, p. 214—215.

¹⁸ Ράλλη Γ., Ποτλή Μ. Σύσταγμα τῶν Θεῶν καὶ Ἱερῶν κανόνων. Ἀθήναι, 1855, τ. Β', с. 415.

¹⁹ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979, с. 173—180.

²⁰ Там же, с. 212, 222.

²¹ Яковсон А. Л. К изучению раннесредневековой болгарской архитектуры / (Арм. параллели). — Визант. временник, 1968, т. 28, с. 206.

²² Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. с арм. и объяснена Н. Эминым. М., 1864, с. 175, 176.

²³ Там же, с. 176.

²⁴ Иванов И. 1) Происход на цар Самуиловия род. — В кн.: Сб. в чест на В. Н. Златарски. София, 1925, с. 55; 2) Български старини из Македония. София, 1970, с. 24, 25.

²⁵ Об армянском происхождении Самуила пишут и другие исследователи (см.: Акинян Н. Степанос Асохик и комитопулы. — Андэс Амсорца, Вена, 1955, № 3—6, с. 115—136; Adontz N. Samuel l'Arménien, roi des Bulgares. — In: Études Arméno-Byzantines. Lisbonne, 1965, p. 347—407).

мянских лапидарных надписей из двух наиболее важных в истории Грузии областей—Картли и Кахети. Здесь П. Мурадян повторяет расшифровку и интерпретацию надписи, данные им в вышеупомянутой статье².

Считая свою расшифровку «подлинным текстом» надписи, П. Мурадян перевел ее следующим образом:

«Сие [написал] я—Герджиум сын Ерхасана. Кто прочтет это, в то лето, когда царь абхазов Баграт заставил царицу грузинскую отстать [от сговора], а в следующий год занял Уплисцихе, дабы...».

Мы не намерены здесь коснуться надписи в целом и остановиться на вопросе о личности Герджиума, ибо в статье и книге П. Мурадяна об этом говорится довольно-таки обстоятельно и убедительно. Отметим только, что точка после слова *որդի*, наверное, не нужна, она должна стоять, скорее, после слова *կարդայ*, а слово *այն* необходимо написать с заглавной буквы, поскольку начинается новое предложение, не связанное с предыдущим: «*Ձայս ես՝ Գերջիում Երհասանի որդի, որ դայս կարդայ*»—в смысле, кто прочтет эту надпись, пусть знает, что она сделана Герджиумом, сыном Ерхасана. Далее следует одно цельное предложение, на котором мы намерены остановиться подробнее.

Мы пришли к выводу, что эта часть надписи в прочтении П. Мурадяна является далеко не «подлинным текстом». Здесь обоими издателями допущены ошибки в расшифровке и осмыслении слов *տիկինի վրաց ետ արավ*. З. Алексидзе, как было сказано, перевел их как «поссорился (т. е. абхазский царь Баграт III—Р. Б.) с царицей Картли», не уточняя, кто она такая. П. Мурадян справедливо указал, что слова *ետ արավ*, независимо от того, как их воспринимать—*ետ արավ* или *ետ առավ*, не могут означать «поссорился». Однако дело в том, что П. Мурадян, к сожалению, пошел по следам З. Алексидзе и, как и он, усмотрел в надписи «царицу грузинскую» (З. Алексидзе—«царицу Картли», что вернее). Правильно указав на ошибочную трактовку грузинским исследователем слов «*ետ արավ*» («поссорился»), П. Мурадян допустил не менее серьезную ошибку, переведя их следующим образом: «заставил царицу грузинскую отстать [от сговора]». И невооруженным глазом видно, что данный перевод неверен. Однако П. Мурадян не ограничился этим и решил определить, кто такая «царица грузинская» и что имел в виду Герджиум, сын Ерхасана. Он пришел к выводу, что автор надписи имел в виду Гурандухт, мать абхазского царя Баграта III.

В надписи Герджиума «слово» *տիկինի* переводится З. Алексидзе и П. Мурадяном «царицей». По-армянски *տիկին* действительно означает «госпожа», так называлась и царица. Но ведь в нашей надписи не *տիկին*, а—*տիկինի*. Если бы речь шла о царице, здесь ожидалось бы не *տիկինի*, а *գտիկինն* или *տիկինն*, но никак не *տիկինի*. П. Мурадян эту «ошибку» объясняет следующим образом. «Вместо ожидаемого аккумулятива слова *տիկին* в виде *գտիկին* он (т. е. Герджиум—Р. Б.) употребляет диалектную форму родительного—*տիկինի* (в древнеармянском литературном—*տիկինոյ*)». Его объяснение неубедительно, ибо какую бы форму ни приводил писец—литературную или диалектную—он должен был употребить только и только винительный падеж, более того, он не мог опустить определительный член в конце слова

² П. М. Мурадян, Армянская эпиграфика Грузии. Картли и Кахети. Ереван, 1985, с. 107.

տիկին, т. е. должен был написать *տիկինն*, или же, если согласиться с предположением П. Мурадяна о том, что Герджиум употребил диалектную форму, то—*տիկինի*, но ни в коем случае не мог привести это слово в родительном падеже—*տիկինի*.

Надпись Герджиума является одним из ярких примеров того, как наши собственные ошибки приписываются совершенно грамотным людям, которые в итоге именуется малограмотными или писавшими на диалекте³. К сожалению, мы приписываем Герджиуму предположение, которое и с литературной, и с диалектной точек зрения абсурдно. Оно не соответствует нормам армянского языка.

Неискушенный исследователь слово «*արավ*» надписи исправил бы на «*առավ*», усмотрев в нем орфографическую ошибку, допущенную под влиянием грузинского языка⁴, в котором нет твердого «р». Но З. Алексидзе и П. Мурадяна ввела в заблуждение «царица», с которой никак не вязалось третье лицо аориста глагола «*առնուլ*» («*առավ*»—«взял, завоевал», и «*ետ առավ*»—«взял обратно, отвоевал»). П. Мурадян уверен, что в надписи слово «*արավ*» употреблено в смысле «*առնել*» (означает «создавать», «делать»). Но ведь третье лицо аориста глагола *առնել* будет *արար*, а не *арав*. Исследователь видит в нем не литературную, а диалектную форму передачи аориста этого глагола, (для большей наглядности выразимся по-новоармянски «*տիկինի վրաց ետ արեց*»):

Итак, определив, что мнимая «царица» это—мать царя Баграта III Гурандухт, П. Мурадян пишет: «В надписи Герджиума говорится о взятии Уплисцихе *у Гурандухт*. Даже из перевода самого П. Мурадяна не видно, что Баграт взял упомянутый город *у Гурандухт*. Дело в том, что данные «Летописи Картли» П. Мурадяном внесены... в надпись Герджиума. В «Летописи Картли» сказано: «[Баграт] отобрал крепость [Уплисцихе] *у матери своей*». Но «Летопись Картли» и армянская надпись Герджиума не один и тот же источник. Развивая свою мысль, П. Мурадян далее пишет: «Благодаря этой надписи не только подтверждаются сообщения «Летописи Картли», но и *становятся известны некоторые подробности имевшей место борьбы*. Так, выражение *տիկինի վրաց ետ արավ* («заставил царицу грузинскую отстать») недвусмысленно указывает на то, что Баграт и его мать находились в разных, противоположных лагерях; мать поддерживала азнауров Картли, выступавших против Баграта в его политике создания объединенного грузинского царства. По «Летописи Картли»,—продолжает он,—царь абхазов оставался в Уплисцихе «несколько дней», в надписи же указывается на то, что Баграт сначала справился с выступившими против его политики азнаурами и матерью (!), а затем, «в следующем году занял Уплисци-

³ П. Мурадян уверен, что «*տիկինի վրաց*» и «*ետ արավ*» «грамматические и лексико-фразеологические новинки (!)», которые «придают этой надписи особую важность (!)» и показывают, что «Герджиум писал так, как говорил», т. е. на диалекте (там же, с. 222). Эта мысль обобщена в предисловии книги П. Мурадяна, где он пишет о «фиксации» им, Мурадяном, «живой разговорной речи в эпиграфических памятниках» (там же, с. 11).

⁴ П. Мурадян, Армянская эпиграфика Грузии, с. 11. С этим явлением мы встречаемся в армянских надписях Грузии даже... 1904 г. (там же, с. 48, где вместо *կառնելի, կառնուլ* написано *կարնելի, կարնուլ*).

хе», т. е. картлийские дела заняли у него не «несколько дней», а целый год⁵. Это, несомненно,—заканчивает свою мысль П. Мурадян,—говорит об организованности и многочисленности участников сопротивления»⁶.

Ничего подобного! В надписи Герджума вовсе не говорится о том, что Баграт вел борьбу с азнаурами и своей матерью, тем более надпись не дает оснований говорить об «организованности и многочисленности участников сопротивления». «Царица» повлекла за собой одну ошибку за другой. На самом деле в надписи ни о какой «царице» нет и речи. Но, чтобы правильно понять содержание надписи, мы вынуждены обратиться к той же «Летописи Картли». Там сказано: Баграт «пришел в Картли с целью поправить дела расстроенные картлийские. Вступил в Тигви. Но в ту пору некоторые азнауры картлийские не желали прихода его, ибо розно правили делами картлийскими, хотя и пребывали в повиновении у Гурандухт... Вступил Баграт в Уплисцихе, отобрал крепость [Уплисцихе] у матери своей, пробыл [здесь немного] дней, несколько поправил дела картлийские, забрал свою мать и ушел в страну Абхазскую»⁷.

Итак, если опустить подробности, на первый план выступают связанные с картлийской экспедицией Баграта III два крупных события: вступление абхазского царя в Тигви и Уплисцихе, причем взятию Уплисцихе предшествовало вступление царя в Тигви. В армянской надписи Герджума, сына Ерхасана, о взятии Уплисцихе ясно сказано («Բարգրատ Ափրազաց թագաւորն... Ուրիցիսիէ կալաւ»), и в этом отношении чтение обоих ученых—З. Алексидзе и П. Мурадяна—убедительно. Однако дело в том, что и в армянской надписи с той же последовательностью, как в «Летописи Картли», говорится о взятии Тигви и Уплисцихе, только ошибочная расшифровка топонима послужила причиной появления мифа о царице Гурандухт, ее взаимоотношениях с сыном Багратом и даже о том, в каком лагере была Гурандухт и т. д.

«տիգիւի զրաց» мы расшифровываем следующим образом: «Տիգիւ զ] ին ի զրաց», т. е. «Тигви у картлийцев». Бесспорность нашего чтения подтверждается следующими за ними словами «ետ արաւ», как уже было сказано, в смысле «ետ առաւ» («взял обратно», «отвоевал»). Здесь не излишне сказать, что осмысление слов «ետ արաւ» П. Мурадяном вызывает недоумение. Согласно ему, «ետ արաւ» употреблено в смысле «ետ ահել», что он понимает как «нарушить какое-нибудь обязательство, не сдержать какое-нибудь обещание, не исполнить какое-нибудь обещание»⁸ и для наглядности приводит уж слишком

⁵ В действительности, в «Летописи Картли» говорится о том, что Баграт III «несколько дней» оставался в Уплисцихе, а вовсе не о том, что у него «несколько дней» заняли картлийские дела, как считает П. Мурадян.

⁶ П. Мурадян, Армянская эпиграфика Грузии, с. 107—108.

⁷ Перевод Г. В. Сулая, Тбилиси, 1982, с. 58. Перевод М. Д. Лордкипанидзе несколько отличается от перевода Сулая. См. «Матиане Картлиса». Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе, Тбилиси, 1976, с. 39.

⁸ В действительности «ետ ահել» означает «вернуть обратно, оставить позади». См. У. У. Սուրբիանյան, Ս. Ա. Քալուսյան, Հայոց լեզվի դարձվածքաբանական բանաբան, Երևան, 1975, էջ 203.

народные и современные обороты, вроде «հարսնացուին կամ հարսին ետ են ահում՝ հակառակ պայմանագրովածութան, առածախի պայմանագրութունից ետ են լինում» (т. е. «невестку или невесту, вопреки договоренности ет են ահում (посылают обратно (домой), или ет են լինում (отказываются) от торговой договоренности»)». Если даже согласиться с таким объяснением, то откуда берется «заставил... отстать [от слова]»? Что общего между «нарушить обязательство», «не сдержать обещание», «не исполнить обещание» и «заставил отстать»?

Итак, слова «ետ արաւ» следует понимать как «ետ առաւ», что находит свое логическое продолжение в следующем за ним и относящемся к Уплисцихе глаголе «կալաւ» («взял», «завоевал»)». ⁹

Интересующий нас отрывок армянской надписи из Атенского Сиона расшифровывается нами следующим образом:

«...Այն տար-
ին, որ Բարգրատ Ափրազա-
ց թագաւորն Տիգիւ զ] ին ի զրա-
ց ետ արաւ եւ գաւ [ա] յ Ուփ-
իցիսիէ կալաւ...»

Перевод:

«В ту годину, когда царь абхазов Баграт отвоевал («взял обратно») у картлийцев Тиг[в]и, в следующем же году он взял Уплисцихе...».

Здесь совершенно логично и противопоставление «абхазов» «картлийцам»—«царь абхазов» отвоевал «у картлийцев». В чтении же П. Мурадяна противопоставление противоестественно. Если Баграт—царь «абхазов», как могла его мать быть царицей «грузинской»?

Исследователи могут возразить, что в «Летописи Картли» топоним приводится как «Тигви», а в надписи Герджума «в» отсутствует—«Тики». Но это, видимо, закономерно. Другой грузинский топоним—Тмогви в той же «Летописи Картли» фигурирует как Тмоги, без «в»¹². Так и в древнеармянском переводе «Летописи Картли»—Թմալ¹³. Что касается первой буквы топонима Тигви (в «Летописи

⁹ З. Алексидзе верно прочел здесь слово «արաւ» в смысле «առաւ», но неправильно его интерпретировал («поссорился»). П. Мурадян считает, что если даже это слово употреблено в смысле առաւ-առելու, нельзя было его так воспринимать, ибо «оно должно было бы быть употреблено в переносном смысле (!) и означало бы «думать, обдумывать, обсуждать, взвешивать, развивать (!)». П. Мурадян, указ. статья, с. 217.

¹⁰ «Առաւ» и «կալաւ»—синонимы, которые Герджум использовал, чтобы избежать повтора одного и того же глагола. Этого достаточно, чтобы Герджуму считать вполне образованным человеком, неплохо разбирающимся в литературном языке.

¹¹ Здесь конечное «ն»—определятельный член. В топониме Уплисцихе (Ուփիցիսիէ) он опущен и логично было бы ожидать, что и в топониме Տիգիւ զ] ին ի զրաց его не должно было быть. Но он поставлен верно, поскольку за этим топонимом следует предлог отложительного падежа «ի» (у, от, из), и буква «ի» повторилась бы—Տիգիւ զ] ին ի զրաց. Это тоже свидетельствует о грамотности Герджума.

¹² См. «Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник» («Картлис Цховреба»). Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабуларием издал И. В. Абуладзе, Тбилиси, 1953, с. 216.

¹³ Там же. Греки также опускали это «в». Грузинский топоним «Элавси» в греческих источниках фигурирует как Ελας. Встречается и обратное. Имя «Симон» в грузинском «Свимон», «Кюрике»—«Квирике», «Кирмон»—«Квирмон».

Картли» «Դ», в надписи же Герджиума «Т»), то и это закономерно. Топоним «Тбилиси» в средневековых грузинских источниках встречается в обеих формах (в армянских источниках с «Т»)¹⁴.

Таким образом, из вышеизложенного явствует, что до того, как Баграт III взял Уплисцихе, он отвоевал у картлийцев Тигви, значит этот город раньше находился в пределах царства Баграта III, и лишь на некоторое время был взят картлийцами, поэтому и Баграт заново должен был овладеть им.

Как видим, данные армянской надписи Герджиума вполне согласуются с данными «Летописи Картли» в сообщении об овладении Баграмом городами Тигви и Уплисцихе. И только!

«ՔԱՐՔԻԻ ԹԱԳՈՒՀՈՒ» ԿԱՐՇԵՅՅԱԼ ԶԻՇԱՍԱԿՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՏԵՆԻԻ ՄԻՈՆԻ ՀԱՅԵՐԵՆ ԱՐՁԱՆԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

ՀԱՍՁ ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու լ մ

Վրաց միջնադարագետ Զ. Ալեքսիձեն վերջերս հայտնաբերեց, վերծանեց, վրացերեն թարգմանեց ու հրատարակեց Ատենիի Միոնի հայերեն վիմագիր մի պակասավոր արձանագրություն: Նրա վերծանությունն ու թարգմանությունն իրավացիորեն քննադատության ենթարկեց վրացագետ Պ. Մուրադյանը և սովեց արձանագրության իր վերծանությունն ու թարգմանությունը: Մի հարցում, սակայն, երկու ուսումնասիրողների կարծիքները համընկնում են: Հստ նրանց, արձանագրության մեջ հիշվում է «վրաց թագուհին» Պ. Մուրադյանը գտնում է, որ խոսքը ափխազաց Բագրատ Գ թագավորի (978—1014 թթ.) մոր Գուրանդուխտի մասին է: Արձանագրության մեջ հետաքրքրող մասը ըստ Զ. Ալեքսիձեի վերծանման կարդացվում է «Բարգրատ Ափխազաց թագաւորն տիկինի վրաց ետ-արավ եւ գալ... լտ Ուփխսցիսէ կալաւ...», իսկ ըստ Պ. Մուրադյանի՝ «Բարգրատ Ափխազաց թագաւորն տիկինի վրաց ետ արավ եւ գալ [ա]մ Ուփխսցիսէ կալաւ»: Զ. Ալեքսիձեն իր վերծանությունը թարգմանել է՝ «Երբ Ափխազաց թագավոր Բագրատը գծովեց Քարթլիի թագուհու հետ... գրավեց Ուփխսցիսեն», իսկ Պ. Մուրադյանը՝ «Երբ Ափխազաց թագավոր Բագրատը ստիպեց վրաց թագուհուն ետ կանգնել [ղավադրությունից], իսկ հաջորդ տարին գրավեց Ուփխսցիսեն...»:

«Քարթլիի մատյանի» տվյալները հնարավորություն են տալիս ճիշտ վերծանելու արձանագրությունը և տալու նրա ճշգրիտ թարգմանությունը: Հիշյալ աղբյուրում խոսվում է Թիդլի և Ուփխսցիսեն քաղաքների՝ Բագրատ Գ-ի ձեռքն անցնելու մասին, որը և հաստատվում է խնդրո առարկա արձանագրությամբ: Այն պետք է վերծանել հետևյալ կերպ. «Բարգրատ Ափխազաց թագաւորն Տիկ[վ]ինի վրաց ետ արավ (կարդա՝ առաւ) եւ գալ [ա]մ Ուփխսցիսէ կալաւ...», այսինքն՝ «Ափխազաց թագավոր Բագրատը վրացիներից վերագրավեց Տիկ[վ]ին, իսկ հաջորդ տարին Ուփխսցիսեն առավ»:

14 «Վրաց ժամանակագրություն (1207—1318)», թարգմանությունը հին վրացերենից, առաջաբանը և ծանոթագրությունները Գ. Մուրադյանի, Երևան, 1971. Встречается и обратное. Армянское «Տ» в грузинском переходит в «Թ» Ср. Տրդատ—Թրդատ:

ЕЩЕ РАЗ ОБ АРМЯНСКОЙ НАДПИСИ ИЗ АТЕНСКОГО СИОНА

ՐԱՇ ԲԱՐՏԻԿՅԱՆ

В № 7 «Вестника общественных наук» АН АрмССР за 1986 г. был опубликован ответ П. Мурадяна на нашу статью «Мнимое упоминание «Картлийской царицы» в армянской надписи из Атенского Сиона». Согласно П. Мурадяну, расшифровывая и переводя на русский язык упомянутую надпись, мы читаем «не то, что написано в надписи, а то, что может послужить основой для новой интерпретации и критики предыдущих издателей текста». Это вовсе не так, и никому не запрещено подвергать критике своих предшественников, если высказанные ими мысли и суждения ошибочны, разумеется, с точки зрения последующего исследователя. Хочется верить, что такой же точки зрения придерживался и П. Мурадян, подвергая критике чтение и перевод данной надписи, осуществленные З. Алексидзе. Как бы то ни было, факт остается фактом, наш оппонент критикует нас фактически в искажении и подтасовке фактов.

Напомним читателям интересующую нас часть надписи Герджиума в нашем прочтении и переводе:

«...Այն տարին, որ Բարգրատ Ափխազաց թագաւորն Տիկ[վ]ինի վրաց ետ առաւ՝ եւ գալ [ա]մ Ուփխսցիսէ կալաւ...»:

Перевод: «... В ту годину, когда царь абхазов Баграт отвоевал («взял обратно») у картлийцев Тиг[в]и, в следующем же году взял Уплисцихе...». Нетрудно убедиться в том, что никакого искажения текста и подтасовки фактов здесь нет. Более того, наше чтение подтверждают данные основного источника—«Летописи Картли»—, свидетельствующего о событиях, описанных в надписи Герджиума. Там написано: Царь Баграт «пришел в Картли с целью поправить дела расстроенные картлийские. Вступил в Тигву». Далее: «Вступил Баграт в Уплисцихе»². Итак, как видим, оба источника—надпись Герджиума и «Летопись Картли»—повествуют об одних и тех же событиях, дополняя друг друга.

А вот расшифровка и перевод надписи, осуществленные П. Мурадяном, уверенным в том, что он читает именно «то, что написано в надписи»:

«...այն տարին, որ Բարգրատ Ափխազաց...»

1 В надписи—արավ:

2 «Летопись Картли». Перевод, введение и примечания Г. В. Шулая, Тбилиси, 1982, с. 58. Ср. «Матнате Картлиса». Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкванидзе, Тбилиси, 1976, с. 39.

g Թագաւորն տիկինի վրա-
g ետ արաւել եւ գաւլ [ա]մ Ոսի-
իսցիւէ կալաւ...»:

Его перевод: «... в то лето, когда царь абхазов Баграт заставил царицу грузинскую отстать [от сговора], а в следующий год занял Уплисцихе...».

Неприемлемость расшифровки и странный перевод надписи подробно были рассмотрены в нашей статье и повторяются нет никакой надобности. Отметим только, что П. Мурадян вовсе не пытается обосновать «правильность» собственного чтения и перевода, а заостряет свое внимание на «опровержении» сказанного нами, пользуясь при этом двумя мерами и двумя весами. Приведем несколько примеров:

1) Согласно П. Мурадяну, наше чтение «ետ տոսաւ» — «это армянский язык эпохи автора статьи (т. е. нашей — Р. Б.), а не составителя надписи в конце X века». А вот чтение П. Мурадяна «ետ արաւել», осмысленное на языке именно его эпохи, «հարսնացուին կամ հարսին ետ են տնում հակառակ պայմանավորվածության, առածախի պայմանագրությունից ետ են լինում» (т. е. невестку или невесту, вопреки договоренности, посылают обратно домой, или отказываются от торговой договоренности) — это «язык X века». Разве обороты «посылают обратно» (невестку или невесту) или «отказываются от договоренности» имеют что-либо общее с «ետ արաւել» надписи Герджиума в интерпретации П. Мурадяна «заставил отстать [от сговора]»? П. Мурадян далее пишет:

2) «К тому же подлинной формой аориста третьего лица ед. числа глагола տննուլ является էտն/տն, а не արաւել/տնաւել». Напомним, что подлинной формой аориста третьего лица ед. числа глагола տննել является արար, а не արաւել.

Как было показано, З. Алексидзе արաւել надписи воспринимал, и, на наш взгляд, правильно, в смысле տնաւել/տնաւել, не важно, что он неправильно это интерпретировал. П. Мурадян в своей критике интерпретации З. Алексидзе писал: «если даже это слово употреблено в смысле տաւ-տննուլ, нельзя было его так воспринимать», поскольку «оно должно было быть употреблено в переносном смысле». Факт остается фактом. Независимо от того, в каком смысле употреблено это слово, П. Мурадян и в своей статье, и в своей книге все же допускал, что արաւել надписи может быть третьим лицом ед. числа аориста глагола տննուլ-տնաւել, т. е. употребление именно этой формы он считал «языком X века». А теперь находит, что это язык эпохи Р. Бартикяна (и З. Алексидзе, между прочим).

То, что форма տնաւել (в действительном залоге, в страдательном встречается с начала армянской письменности) характерна и для языка далеко не нашей эпохи, можно подтвердить множеством примеров. Можно даже показать, что один и тот же автор употребляет обе формы аориста третьего лица ед. числа одного и того же глагола³.

3) В надписи Герджиума мы читаем արաւել (вместо «տնաւել»). Разумеется, вместо «վ» должно было фигурировать «ւ». Это явление П. Му-

³ «Մանր ժամանակագրություններ XIII—XVIII դդ.», հ. Ա, կազմեց Վ. Ա. Հակոբյան, Երեւան, 1951, էջ 145: Даже в приписываемом Аниану Ширакаци (VII в.) сборнике загадок можно встретить обе формы: «մարդոյ միս և արին կերաւ»: В другом варианте: «միս հարդոյ էկեր», «բաղցեալ էկեր զմարին», «զԱստուած տեաւ» (вместо «ետեաւ»), «ազգին հասաւ» (вместо «ետհասաւ»): См. Ա. Շ. Մ ն ա ց ա կ ա ն յ ա ն, Հայ միջնադարյան հանելուկներ (V—XVIII դդ.), Երեւան, 1980, էջ 179, 186, 187, 225, 226:

радян раньше считал закономерным и писал, что в надписи Герджиума «վ» и «ւ» употребляются параллельно⁴ (в надписи кроме արաւել встречается и կալաւ) и что употребление «վ» вместо «ւ» «говорит о давно начавшихся нарушениях древней орфографии»⁵. А когда же речь идет о чтении Бартикяна արաւել (в смысле տնաւել), он пишет: «ведь и в X в. в армянском языке функционировали графемы «ւ» и «ւ». Для Бартикяна функционировали, для Мурадяна — нет. Несостоятельность возражений П. Мурадяна, кроме всего сказанного, подтверждается древнеармянским переводом «Картлис Цховреба», в котором ряд грузинских личных имен и топонимов, начинающихся с «р», вопреки всем законам армянского языка и только по законам грузинского, выступает с «р» (Րաժդէն, Րաշիս, Րէու[ն], Րել, Րիեն, Րկինիս-խելու)⁶, вместо правильного «Տ».

4) Опровергая нашу интерпретацию слов ետ արաւել в смысле ետ տնաւել («отвоевал» Баграт III у картлийцев Тигви), П. Мурадян пишет: «У кого же он мог отвоевать («взять обратно») Тигви, если в первоисточниках нет сведений о том, что он ее вообще уступал или дарил кому-либо?». Во-первых, не принято отвоевывать то, что когда-то было принесено в дар. А, во-вторых, есть ли сведения о том, что Баграт III «уступал или дарил кому-либо» Уплисцихе? Ведь он его завоевал, о чем пишет Герджиум и с которым соглашается и П. Мурадян. Далее: основной источник — «Летопись Картли», обращаясь к событиям, связанным с Тигви и Уплисцихе, употребляет один и тот же глагол: «вступил», т. е. Баграт вступил в Тигви и Уплисцихе. В случае с Уплисцихе это «вступил» может означать, что тот, кто вступил, вступил с боем, а вот, если речь идет о Тигви, то источник обязан специально указать, что вступивший сюда раньше эту местность кому-то уступал или дарил.

5) Остановимся на прочтенном нами определительном члене «ն» в конце топонима Տիկվիլիս. В нашей статье, в связи с чтением П. Мурадяна տիկինի, мы отмечали, что составитель текста надписи «должен был употребить только и только винительный падеж, более того, он не мог опустить определительный член в конце слова». Не обязательно быть большим знатоком русского языка, чтобы понять, что в вышеприведенном предложении «винительный падеж» и «определятельный член в конце слова» — это два разных понятия, которые фигурируют самостоятельно. П. Мурадян старается показать, что у нас не два понятия, а одно: «общеизвестно, пишет он, что категория определенности древнеармянского языка (подчеркнуто нами, об этом будет подробно сказано ниже — Р. Б.) в винительном падеже выражается не буквой ն в конце слова, а специальным показателем զ⁷ в начале склоняемого слова». Р. Ачарян думает иначе. Он пишет: «Предлог զ... употребляется прежде всего: а) как определитель, если существительное стоит в винительном падеже, но не пресекая и использование определяющего члена ն с существительным» («իրն որոշիլ, եթե որոշալ գոյականը հայցական է, առանց խախտելու սակայն ն որոշիլ հոդի գործածությունը գոյա-

⁴ Պ. Մ. Մ ու ռ ա դ յ ա ն, Աթենի Միոնի նորահայտ հայերեն արձանագրությունը («Պատմա-բանասիրական հանդես», 1979, № 3, էջ 222):

⁵ П. М. Мурадян, Армянская эпиграфика Грузии. Картли и Кахети, Ереван, 1985, с. 84.

⁶ Քարթլիս ցիտլրերալի կամ Վրաց պատմության հին հայերեն թարգմանությունը, վրացերեն բնագիրը և հին հայերեն թարգմանությունը ուսումնասիրությանը և բառգրքով լույս ընծայեց Իլիա Արուստան, Քրիլիսի, 1953, էջ 334 (индекс):

⁷ Наверное, имеет в виду предлог.

Կանի վրա»⁸. Что же касается предлога винительного падежа «q», то при наличии определительного члена «h» в конце слова он не всегда обязателен. Даже не обязательны они оба—и предлог «q», и определительный член «h». Наглядным примером может служить та же надпись Герджиума. В интересующей нас части надписи встречается топоним Уплисцихе—Ուփլիսցիսէ. Он употреблен в винительном падеже, так полагает и П. Мурадян. Но почему же, когда речь идет о Тигви, он считает обязательным наличие «q» в начале, а в том, что «q» отсутствует в топониме Ուփլիսցիսէ, он не усматривает ничего противоестественного? Что касается наличия определительного члена «h» в топониме Тигви и отсутствия последнего в топониме Уплисцихе, то об этом подробно было сказано в нашей статье (с. 79, прим. 11).

Выше мы привели пять примеров. Однако есть и *шестой*. Приведем цитату из ответа П. Мурадяна относительно «категории определенности древнеармянского языка в винительном падеже», мы специально подчеркнули слова: «древнеармянского языка». П. Мурадян возражает нам в прочтении надписи Герджиума, исходя из правил древнеармянского языка, то есть, косвенно указывает, что надпись следует читать и осмысливать по законам древнеармянского языка (грабара). Но ведь в своей статье, а также в книге П. Мурадяна неоднократно подчеркивал и пытался на основании многих примеров доказать, что «Герджиум далек от возможности пользоваться литературным (т. е. грабаром, древнеармянским—Р. Б.) языком» («Գերջիում հենու է գրոց լեզու գործածելու հնարավորությունից»), что он писал на «среднеармянском языке» («միջին հայերեն») ⁹, доказывал, что «Герджиум писал так, как говорил и высказывал то, что намерен был огласить» («Գերջիում գրել է աչնպես, ինչպես խոսել է և ասել՝ ինչ մտադիր է եղել հրապարակել») ¹⁰, обращаясь к «слову» տիկինի, подчеркивал, что в древнеармянском литературном оно будет տիկնոջ, но Герджиум писал տիկինի, поскольку употреблял диалектную форму, на основании и данной надписи далее он говорил о «фиксации» им, Мурадяном, «живой разговорной речи в эпиграфических памятниках» ¹¹.

Итак, выходит, что одну и ту же надпись, смотря для обоснования чего, можно читать и интерпретировать согласно законам и древнеармянского, и среднеармянского, и даже разговорного языка.

Нам необходимо остановиться и на трех первых пунктах ответа П. Мурадяна. Наш оппонент останавливается на вопросах транслитерации. Он пишет: „Передача топонима ԹՂԷ/ԹՂԶՅՈՅՈՅԻ в виде Տիկ [վ] ի неправомерна, ибо в источниках, относящихся ко времени составления рассматриваемой армянской надписи, груз. Թ в позиции перед гласной фонемой соответствует арм. Թ, . . . а арм. տ—груз. Ծ . . .“ ¹². Но ведь речь идет не о транслитерации, а о чередовании звуков. В грузинском встречаются различные написания одного и того же топонима Ծვոլոսի/Ծვոլոսի (Տփխիս/Տփղիս), или личных имен Ծրճճ/Ծրճճ

⁸ Զ. Ա ճ ա յ ա ն, Կիպարի քերականություն հայոց լեզվի, հ. V, Երևան, 1965, էջ 71: Здесь приведен и пример. Другие примеры см.: там же, т. III, с. 963.

⁹ Պ. Մ. Մուրադյան, Արևելի Սիոնի նորահայտ հայերեն արձանագրությունը, էջ 222:

¹⁰ Там же.

¹¹ П. М. Мурадян, Армянская эпиграфика Грузии, с. 11.

¹² Олушены примеры.

(Տրղասի/Տրղասի), Ծվոլոց/Ծվոլոց (Տիկորէ/Տիկորէ), какая у нас гарантия, что не могло быть Տիկ [վ] ի/Տիկվի?

П. Мурадян делает упор на груз. Թ “в позиции перед гласной фонемой”. Но ведь встречаются написания Ծվոց/Ծվոց (Ատնի/Աթնի), хотя бы тот же Ծվոլոց/Ծվոլոց (Տիկորէ/Տիկորէ), ը (e) разве не гласная буква?

«Груз. Թ — пишет далее П. Мурадян,—в армянском тексте скорее должна была соответствовать графема խ, поскольку арм. Կ ближе к груз. ը». Говоря «скорее», наш оппонент не отрицает того, что все же груз. Թ могла дать «Կ», Но дело не в том. Не надо забывать, что Герджиум—армянин, и при передаче на армянском грузинского топонима он мог придерживаться законов не грузинского, а армянского языка. Он не обязан был калькировать грузинский. Почему мы должны считать, что подлинное написание топонима (Տիկ [վ] ի—Տիկվի) сохранили поздние списки «Летописи Картли», а не более ранняя надпись Герджиума? Ведь самые лучшие рукописи, сохранившие текст «Летописи Картли», на полтысячелетие и больше «моложе» ее: список царицы Анны датируется XV в., а список царицы Мариам—1633—1646 гг., остальные—XVIII в. ¹³. Выходит, что мы должны считать разными топонимами Կափան в памятной записи 1457 г. ¹⁴ и Կապան в более ранних источниках, а также поздний Կարս и более ранних Կարս, наконец, Ծვոլոսի/Ծվոլոցի/Ծվոլոսի (арм. Տփղիս, Տփխիս, Տփղիս, Տփխիս).

Как отмечалось, в «Летописи Картли» интересующий нас топоним фигурирует как Тигви (с «в»), в то время как в надписи Герджиума «в» отсутствует, буква «в» добавлена нами—Տիկ [վ] ի. П. Мурадян пишет: «Графема վ добавлена автором статьи (т. е. нами—Р. Б.), чтобы сблизить армянское слово ¹⁵ с предполагаемым грузинским топонимом». Выходит, что П. Мурадян Ո («О») в топониме Ուփլիսցիսէ надписи «исправил» на Ու («У»), после буквы ց («ц») «добавил» ի («и»), чтобы «сблизить» его с топонимом Уплисцихе. Обоснован ли этот упрек? Он не пытается распространиться, поскольку сам прекрасно понимает, что возражение не из серьезных. Впрочем, П. Мурадян прав. Вернее было бы не «добавить» это «վ» в топониме в армянской надписи, а, исходя из хорошо известных П. Мурадяну законов грузинского языка, «опустить» ее в топониме Тигви грузинского текста «Летописи Картли». В грузинской топонимике, и не только, сколько угодно примеров, где это «в» то пишется, то опускается. В нашей статье мы остановились на двух примерах: 1) в «Летописи Картли» топоним Тмогви фигурирует как Тмоги. Если и в древнеармянском переводе «Летописи Картли», осуществленном, кстати, в XII в., т. е. более чем за три столетия до того, как была переписана древнейшая дошедшая до нас грузинская рукопись, содержащая «Летопись Картли», топоним Тмогви фигурирует без «վ» Թմոք (Тмок), если то же самое неоднократно встре-

¹³ «Картлис цховреба» (История Грузии). Грузинский текст, т. 1. Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, 1955, с. 056.

¹⁴ «ԺԵ զարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, մասն երկրորդ (1451—1480 թթ.)», Կապանց Լ. Ս. Խաչիկյան, Երևան, 1958, էջ 81 (см. и с. 333):

¹⁵ Речь идет о «слове» տիկինի. Автор, который до выхода нашей статьи чтение տիկինի считал чуть ли не «открытием», «грамматической и лексико-фразеологической новинкой, которая придает этой надписи особую важность», теперь избегает его воспроизвести.

чается в памятных записях армянских рукописей¹⁶, если даже уроженец города Тмогви в них назван *թմոցեցի* (тмокеци)¹⁷, то не служит ли все это основанием для того, чтобы добавить графему «վ» в топониме *Տիգվի*, скорее—опустить ее в топониме Тигви? 2) В нашей статье мы привели и второй пример, когда грузинский топоним Элавси в греческих источниках фигурирует как *Ἐλας*. Но мы можем привести и множество других примеров. Грузинское личное имя Кваркваре (в армянском произношении *Ղվարղվարե*) в армянских источниках фигурирует как *Ղարղարա* и *Ղորղորէ*. Это явление грузиноведами считается законмерным¹⁸. В его пользу свидетельствуют и византийские, и поствизантийские источники, в которых данное личное имя выступает как *Γοργοράς*¹⁹. Далее, грузинское имя Гванца в армянских источниках передается как *Գոնցա* (Гонца), греческое слово *μάρτυς*—*μάρτυρος* мартвили/мартвири.

В нашей статье нигде не говорится о локализации местности Тигви. Но П. Мурадяну понадобилось, чтобы мы все же локализовали эту местность. «Поселение Тигва /Тигви,—пишет он,—находилось не на подступах к Уплисцихе, как, видимо, это показалось нашему исследователю (т. е. нам—Р. Б.), а на северо-западной окраине Земо Картли, ближе к горе Котохи». Исходя из чего П. Мурадян решил, что нам что-то показалось? Может быть, исходя из того, что мы вместо *տիգիհնի*, читая Тигви, территориально «сблизили» его с упомянутым в надписи вслед за ним Уплисцихе? Если так, то П. Мурадян обязан был это обвинение предъявить автору «Летописи Картли», поскольку он, как и Герджиум, в связи с данной картлийской экспедицией Баграта упоминает Уплисцихе вслед за Тигви. П. Мурадяну необходимо, чтобы эти две местности находились как можно дальше друг от друга, ибо в таком случае «легче» опровергнуть правильность чтения Бартикяна. Поэтому он пишет, что Тигви находился далеко от Уплисцихе, «на северо-западной окраине Земо Картли», а, как известно, Уплисцихе «в ту эпоху выполнял функции политического центра *Միժա Կարտլի*»²⁰. Грузинские медиевисты, однако, Тигви локализуют иначе; «Тигва, географический пункт на дороге, следующей из Западной Грузии в *Միժա Կարտլի*»²¹. В «Грузинской Советской Энциклопедии» Тигви локализуется даже не «на дороге, следующей в *Միժա Կարտլի*»²², а в самом *Միժա Կարտլի*, в том самом *Միժա Կարտլի*, центром которого был Уплисцихе.

В ответе П. Мурадяна показывается, почему чтение и интерпретация Бартикяна «не убедительны», «ошибочны», однако в нем нет попытки доказать верность своего чтения—*տիգիհնի վրաց ետ արավ*—и своего перевода—«заставил царицу грузинскую отстать [от сговора]». В своем ответе П. Мурадян вносит поправку: «Единственное, что можно было бы изменить в нашем прочтении, это выделение показателя отложительного падежа *ի*, т. е. «*տիգիհն ի վրաց*». Данная поправка

¹⁶ «ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, մասն առաջին (1401—1450 թթ.)», *Լազիսի Կ. Խաչիկյան, Երևան, 1955, էջ 354, 535, 618, 1410:*

¹⁷ Там же, с. 163.

¹⁸ Զ. Գ. Մարգարյան, *Հյուսիսային Հայաստանի և Վրաստանի ժրգարի պատմության մի քանի հարցեր, Երևան, 1980, էջ 162, ծանոթ. 119:*

¹⁹ См. например, *Laonici Chalcocondylae Atheniensis Historiarum libri decem*. Ex rec. I. Bekkeri, Bonnæ. 1843, p. 467.

²⁰ «Матнае Картляса», с. 69.

²¹ Там же, с. 78.

²² «Грузинская Советская Энциклопедия», т. 4, с. 685.

ка автора нам непонятна, ибо в таком случае ожидалось бы не «*տիգիհն*», а «*տիգիհնն*», чего в надписи нет.

В завершении нашего ответа мы вынуждены высказать ставшую банальной фразу: не ошибается тот, кто ничего не делает. П. Мурадяна причислить к таковым никак нельзя. Такой многосторонний исследователь, как Мурадян, научные интересы которого весьма обширны, не мог, увы, обойтись, без упущений. И в этом ничего предосудительно нет. *Ergate humanum est.*

ԳԱՐՉՅԱԼ ԱՏԵՆԻ ՄԻՈՆԻ ՀԱՅԵՐԵՆ ԱՐՁԱՆԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

ՀՐԱԶ ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրաբեր հասարակական գիտությունների» ամսագրի 1986 թ. № 7-ում տպագրված է Պ. Մուրադյանի «Հ. Բարթիկյանի «Քարթլիի թագուհու» կարծեցյալ հիշատակությունը Ատենիի Միոնի հայերեն արձանագրության մեջ» հոդվածի առթիվ» խորագրով պատասխանը՝ նվիրված նույն պարբերականի № 2-ում հրատարակված մեր հիշյալ հոդվածին: Նշված արձանագրության մեջ հետաքրքրող հատվածում Պ. Մուրադյանի «տիգիհնի վրաց ետ արավ» վերծանությունը սխալ համարելով, մենք ներկայացրել ենք մեր ընթերցումը՝ «Տիգի- [վ]ին ի վրաց ետ առավ», որը հիմնավորել էինք ժամանակաշրջանի հիմնական աղբյուրի՝ «Վրաց տարեգրության» համապատասխան տվյալներով: Պ. Մուրադյանը իր պատասխանում փոխանակ հիմնավորելու իր ընթերցման և թարգմանության իսկությունը, փորձում է ցույց տալ, որ իբր մեր ընթերցումն ու մեկնաբանությունը սխալ են. այդ բանը հիմնավորելու համար նրա բերած լեզվական ու պատմական փաստարկները դուրյն իսկ չեն խախտում մեր ընթերցման ու մեկնաբանության ճշտությունը:

О ВИЗАНТИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ СЕМЬЕ ГАВРАС
(ΓΑΥΡΑΣ-ΓΑΒΡΑΣ)

Доктор ист. наук Р. М. БАРТИКЯН

I

Об этнической принадлежности семьи

Изучение византийской просопографии насчитывает историю более трех веков. Оно берет начало со знаменитого исследования Дюканжа¹ и продолжается по сей день. В последние годы был опубликован ряд серьезных трудов о византийских аристократических фамилиях Кантакузинов², Дук³, Раулов⁴, Дермокаитов⁵, Аргиров⁶, Склиров⁷, Комнинов⁸, Кекавменов⁹, продолжается монументальное издание, посвященное византийской просопографии эпохи Палеологов¹⁰. Изданы монографии и отдельные статьи, посвященные армянам-аристократам на службе Византийской империи¹¹. В последние два десятилетия появились специальные исследования о византий-

¹ D u c a n g e. Historia Byzantina I. Familiae augustorum byzantinorum, Lutetiae Parisiorum, 1680.

² D. M. Nicol. The byzantine Family of Kantakouzenos.—Dumbarton Oaks Studies, XI, 1963.

³ D. P o l e m i s. The Doukai. A Contribution to byzantine Prosopography, London, 1968.

⁴ St. F a s s o u l a k i s. The byzantine Family of Raoul Ral(l)es. Athens, 1973.

⁵ D. M. Nicol. The byzantine Family of Dermokaites, circa 940—1453.—Byzantinoslavica, t. XXXV, fasc. I, 1974, pp. 1—11.

⁶ J. V. V a n n i e r. Familles byzantines. Les Argyroi (IXe—XIIe siècles). Publications de la Sorbonne, Byzantina I, Paris, 1975.

⁷ W. S e i b t. Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie, Wien, 1976.

⁸ K. Βάρζος. Η γενεαλογία των Κομνηνών, ττ. Α'—Β'. Βυζαντινά Κείμενα και Μελέται 20 Α'—20 Β', Θεσσαλονίκη, 1984.

⁹ A l e x i s G. C. S a v v i d e s. The byzantine Family of Kekaumenos (Cecaumenus) (late 10th—early 12th century). Περιοδικόν „Δίπτυχα“ Ἐταιρεία Βυζαντινῶν και Μεταβυζαντινῶν Μελετῶν, Ἀθήναι, 1986.

¹⁰ „Prosopographisches Lexikon der Palaeologenzeit“. Erstellt von Erich Trapp, Wien, 1976. (Издание продолжается. Список Гаврасов данной эпохи см. во II выпуске труда, Wien, 1977, SS. 125—130, No No 3319—3373).

¹¹ P. C h a r a n i s. The Armenians in the Byzantine Empire. Lisboa, 1963. А. П. К а ж д а н. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. (далее—Армяне...), Ереван, 1975. I d e m. The Armenians in the byzantine ruling class predominantly in the ninth through twelfth centuries. T. Samuelian and M. Stone, eds. Medieval Armenian Culture.—University of Pennsylvania armenian Texts and Studtes, 6, 1983, pp. 439—451.

ской аристократической фамилии Гаврасов¹², игравшей в истории Византии, да и не только Византии, заметную роль на протяжении семи веков.

Одной из проблем, интересовавших ученых, являлась проблема этнической принадлежности этой семьи. Исследователи пытались в первую очередь объяснить значение фамильного имени «Гаврас», поскольку от этого зависело и решение вопроса о ее происхождении. Этой задаче, на наш взгляд, способствовало бы и правильное прочтение данной фамилии. Дело в том, что в источниках она фигурирует двояко: Γαβράς и Γαβράς, которые на средневековом греческом звучали совершенно одинаково—Гаврас, вернее—γаврас (фонема «γ» звучала как и теперь, не «г», а как новогреческая «γ»/армянская «ղ», следовательно—Γαβρῆς). Однако европейские исследователи, следуя еразмскому произношению греческих согласных, читали и читают Gabras, допуская при этом две ошибки: первая ошибка являлась результатом того, что, не имея эквивалента для «γ», они писали «G», а вторая ошибка исходила из написания «б» вместо «в». Как увидим далее, этот на первый взгляд второстепенный вопрос, наряду с другими фактами, мог бы приблизить нас к правильной интерпретации фамильного имени «Гаврас».

Все исследователи согласны с тем, что «Гаврас»—имя негреческого происхождения. Основные выраженные по этому поводу мнения собраны в статье А. Брайера, что мы в сокращенном виде воспроизводим ниже.

П. Г. Голубович¹³ усматривал в имени Gabras название древнепонтийской столицы Кабира. А. Брайер справедливо отверг его точку зрения, указав, что уже Помпей переименовал этот город в Диосполис, а с первого века нашей эры он назывался Неокесарией. Исследователи, исходя из географического ареала деятельности семьи Гаврасов (это были северные края центрального и восточного анатолийского плато, охватывавшего византийские фемы Халдия, Колония, Армениаков и Харсиан, с крепостями Феодосиополя, Байберта, Севастии, Херианы, Колонии, Таулары, Неокесарии, Коман, Амасии и крепостью Харсианы), искали объяснение имени в языках народов, населявших восточные границы империи. А. Брайер отверг некоторые выраженные по этому поводу предположения, в первую очередь—византийского автора Георгия Пахимера¹⁴, согласно которому Гаврас—имя лазское. Он возражает также А. Васильеву¹⁵, ко-

¹² A. Bryer. A byzantine Family: the Gabrades, c. 979—c. 1653. University of Birmingham, „Historical Journal“, 12, 1970; A. Bryer, St. Fassoulakis, D. M. Nicol. A byzantine Family: the Gabrades. An Additional Note, „Byzantinoslavica“, t. XXXVI, fasc. I, 1975, pp. 38—45; C. Cahen. Une famille byzantine au service des Seldjuquides d'Asie Mineure. „Polychronion“ (Festschrift Franz Dölger), Heidelberg 1966.

¹³ P. G. Golubovich. Biblioteca biobibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francese, 1913, II, Quaracchi, p. 298—299.

¹⁴ Georgii Pachymeris de Michaelis et Andronici Palaeologus libri XIII, rec. I. Bekker, I, Bonn, 1835, p. 282.

¹⁵ А. А. Васильев. Готы в Крыму.—Известия государственной Академии истории материальной культуры, 1927, 5, с. 278. В английском издании книги Васильева в соответствующем месте (А. А. Vasiliev. The Goths in the Crimea. Camb. Mass., 1936, p. 156) этого утверждения нет; А. П. Каждан. Армяне..., с. 88, прим. 2.

торый, основываясь на родственных связях Гаврасов с Таронитами, имя Гаврас считает армянским. Одним из аргументов А. Брайера является то, что в Словаре армянских личных имен Р. Ачаряна этого имени нет¹⁶. Далее А. Брайер, исключив попытку связать имя Гаврас с персидским¹⁷, остановился на двух возможных, с его точки зрения, объяснениях. Первое—это мнение, выраженное еще Я. Ф. Фальмерайером, согласно которому имя Гаврас происходит из арамейско-сирийского «g-b-g», означающего «герой» или просто «человек»¹⁸. Второе объяснение, которое А. Брайер считает самым вероятным, сводится к тому, что имя берет начало от арабского слова «kafir» («неверующий»), персидского «gabrak» (первоначально—зо-роастриец), давшего в дальнейшем курдское «gebir» или «gavir» (армянин или русский) и, наконец, перешедшего в новотурецкое «gavir» (гяур, неверующий, христианин). Для подтверждения своего мнения, А. Брайер отмечал, что данное слово первоначально не имело нынешней pejоративной окраски, и обозначало живущего в мусульманском окружении чужака, армянина или православного христианина, или же приграничного (акритского) властителя¹⁹.

В своей книге, посвященной роли армян в Византии в XI—XII вв., А. П. Каждан остановился и на семье Гаврасов. Подытожив сказанное А. Брайером, он указал, что для А. Васильева одним из самых серьезных обоснований считать Гаврасов армянской семьей «служило выдвинутое еще Я. Ф. Фальмерайером представление о родстве Гавров с Таронитами. Само по себе,—пишет А. Каждан,—это родство довольно проблематично, к тому же родственные отношения еще не могут служить доказательством этнической однородности. Следуя за А. А. Васильевым,—пишет далее А. Каждан,—А. Л. Якобсон уже без каких-либо оговорок писал о «византийских деятелях Гаврасах из армянского рода Гаврасов-Таронитов»²⁰. По мнению С. Т. Еремяна, имя Гавров должно быть связано с названием армянской области Гаврэк—Γαβρῆς, откуда, как он полагает, эта семья должна была происходить. Однако недавнее исследование А. Брайера, специально посвященное Гаврам, показывает, что сколько-нибудь определенных свидетельств в пользу армянского происхож-

¹⁶ A. Bryer. Op. cit., p. 165, not. 9.

¹⁷ Gabariva (Γαβράς у Ксенофонта, Ugaru—в клинописных текстах) назывался правитель Вавилона во времена Кира II. См. V. Scheil. Le Gobryas de la Cyropédie et les textes cuneiformes.—Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale, XI, 1914, pp. 165—174.

¹⁸ J. P. Fallmerayer. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt, München, 1827—Hildesheim, 1964, p. 19. Греческий византиновед К. Амантос также считал, что это слово означает «человек», однако, по его мнению, Гаврас является уменьшительной формой имени Гавриил («божий человек»). К. И. "Αρμάντος. Ἐχέταις Ἑλλήνων καὶ Τοῦρκων, Ἀθήναι, 1955, σελ. 140, ὑπόμ. 5. Его предположение лишено всяких оснований. Во-первых, в греческом нет уменьшительного суффикса -ās и, во-вторых, он не обратил внимания на то, что первоначальная форма имени—Γαυράς, а не Γαβράς. В греческом архангел всегда Γαβριήλ, а не Γαυριήλ, хотя и они звучат совершенно одинаково, такого рода орфографическая ошибка в данном имени не специфична для греческих текстов.

¹⁹ A. Vasiliev. См. слово „Gabr“ в „The Encyclopaedia of Islam“, London—Leiden, 1965, II, XXXVIII, p. 970.

²⁰ А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, с. 81.

дения этой семьи не существует»²¹. Как бы то ни было, А. П. Каждан в своей книге, посвященной армянам-аристократам в Византии, о фамилии Гаврасов упоминает в главе под заглавием: «Семьи предположительно армянского происхождения»²².

Таким образом, согласно вышеуказанным авторам, мы не располагаем определенными данными об этнической принадлежности Гаврасов, хотя бы в начальной стадии их деятельности в Византии. Ясно одно, имя Гаврас—негреческого происхождения, а «восточного», но какого именно—неизвестно. Известно одно, что географический ареал происхождения фамилии Гаврасов—территории фемы Армениаков, из которой в IX в. были образованы более мелкие фемы—Харсиан, Колония, Халдия, а территории, находящиеся по соседству с ними, входили в состав фемы Армениаков, но в более узких границах.

Мы тоже уверены, что для определения этнической принадлежности семьи Гаврасов необходимо в первую очередь объяснить происхождение их фамильного имени, однако последнее не следует связывать с названием какой-либо местности, ибо в таком случае ожидалось бы окончание *-άτης, -ίτης, -ώτης, -αῖος, -εὖος, -ιος* и др., но никак не *-ās*. Ни одна византийская аристократическая, да и не только аристократическая фамилия XI—XII вв., оканчивающаяся на *-ās*, с топонимом не связана (ср. Григорас, Михаилас, Аротрас, Вамвакас, Ампелас, Анемас, Зонарас, Гавалас, Кефалас, Проватас, Лаханас, Метаксас, Скевинас, Ливадас, Офридас, Скривас, Схинас, Апотирас, Каситерас).

Как уже было сказано, А. Брайер имени Гаврас в Словаре армянских личных имен не нашел. Ему помешало эразмское произношение данного имени—*Gabgas*. Действительно, имени *Գաբրի* у Р. Ачаряна нет, но если бы А. Брайер произносил имя так, как произносили его греки и армяне, впрочем, в интересующую нас эпоху, то в указанном словаре он нашел бы его. Р. Ачарян, не имея под рукой соответствующие данные о существовании византийской семьи Гаврас, встречающееся в армянских источниках XII в. имя Хаврас—*Խավրաս* произвел из персидского *xigās*—петух, перешедшего к армянам через турецкое *hogāz*²³. Этимология неверна, поскольку мы встречаем Гаврасов с X в., когда говорить о турецком влиянии еще рано. Неубедительно и усмотрение А. Брайером в имени Гаврас распространенного в арабском, персидском и турецком слова, обозначающего чужака, живущего в мусульманском окружении. Вряд ли служивший в христианской Византии христианин имел бы такое прозвище.

Мы считаем, что фамильное имя *Γαυράς*, скорее всего, происходит от армянского прилагательного, ставшего именем *Գաւր/Գաւրի*

²¹ А. П. Каждан. Армяне..., с. 88—89.

²² Там же, с. 88 и сл. В другой работе по поводу Гаврасов и Далассинов А. Каждан пишет: «может быть армяне?» См.: Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв., М., 1974, с. 200. Но на с. 212 того же труда автор считает Гаврасов «кавказского или малоазийского происхождения».

²³ Հ. Աճառյան. Հայոց անձնանունները բնագրի. Ե. Ք, Երևան, 1944, էջ 503. Р. Ачаряна ввел в заблуждение неправильное прочтение некоторыми учеными имени на могильной плите, находящейся в Ахпатском монастыре. Надпись ясно читается *Խավրաս*—Хаврас. Некоторые издатели дифтонг *աւ* (ав) надписи воспроизвели слитно (по примеру *Գաւրի*—*Գաւրի*)—*Խավри* (Хорас).

(Гор=Гороз), означающего «гордый», «грозный», «храбрый»²⁴. Еще Плутарх упоминает брата армянского царя Тиграна II, называя его *Γαυράς*²⁵. О том, что это имя было распространено среди армян и гораздо позже, а именно в те же годы, когда появился на арене истории первый известный нам Гаврас, свидетельствует Самвел Анеци, который главнокомандующего войсками армянского царя Ашота III Багратида (953—977 гг.) именует Гор²⁶. Матфей Эдесский, не упоминая его имени, отмечает, что в 974 г. его войска были сконцентрированы в армянской области Харк, на западе Армении, готовые дать отпор проискам императора Иоанна Цимисхия²⁷.

Наше предположение о тождественности имени *Goř* (= *Gořoz*) с греческим *Γαυράς* зиждется не только на одном их созвучии. *Goř* (= *Gořoz*) и *Γαυράς* идентичны и по смыслу, поскольку греческое фамильное имя *Γαυράς*—обыкновенный перевод армянского *Goř oz*, ибо *Γαυράς* не что иное, как производное от прилагательного *γαῦρος*, означающего именно «гордый», «великолепный»²⁸. В армянских источниках, правда, сравнительно поздних, упоминается личность, называемая *Γαυρος* (*Կաւրոս*), которая, вероятно, носила первоначальную форму фамильного имени *Γαυράς*. В дальнейшем подобно тому, как личное имя *Γρηγόριος*, превратившись в фамильное, дало форму *Γρηγόρι*²⁹, так и прилагательное *γαῦρος*, став фамильным, образовало *Γαυράς*. Вероятность нашего предположения подтверждает и оставшееся незамеченным учеными ценнейшее свидетельство Никиты Хониата. Описывая события 1183—1185 гг., историк касается праведности императора Андроника II Комнина. Здесь, в рукописи Paris, gr. 1778 (XIII в.) «Истории» Никиты Хониата имеется интереснейшая интерполяция, касающаяся одного послания императора, адресованного государственным чиновникам. Там мы читаем: „*Ἀληθινὲ τοῦ ψεύδους πρωτάγγελε, οὐ ἀσύνετέ μοι συνέσις, οὐ γαῦρε Γαυρᾶ καὶ οὐ ἀγοράτε Λαχάνα*“³⁰. Интерполяция эта свидетельствует о том, что еще в XII в. в Византии фамильное имя *Γαυράς*-*Γαβρᾶς* связывалось с прилага-

²⁴ Там же, т. I, Ереван, 1942, с. 503. Он же. Հայերեն արձատիան բնագրի. Ե. Ա, Երևան, 1971, էջ 580—581. Есть и персидское имя *Gurāz*, происходящее от имени *Warāza* (F. Justi. *Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1895, S. 348—349), которое с армянским *Goř* (= *Gořoz*), *Գաւրաս* ничего общего не имеет.

²⁵ Plut., Lucull., 32, 4.

²⁶ Samouel d'Ani. *Tables chronologiques*. Collection d'Historiens Arméniens, traduits par M. Brosset, t. II, S. Pétersbourg, 1876, p. 437.

²⁷ Մատթեոս Քեռեկեցի. Ժամանակագրութիւն. Վաղարշապատ, 1898, էջ 17.

²⁸ *συνώνος, μεγαλοπρεπής* ('Παύλου τοῦ Ἀλεξανδρείως Λεξικόν, слово *γαῦρος*). См. также E. A. Sophokles. *Greek Lexicon of Roman and Byzantine Periods*. New York, 1900; И. Х. Дворецкий. *Древнегреческо-русский словарь*. Т. I, М., 1958, с. 315; Δ. Δημητράκου. *Μέγα Λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς Γλώσσης, τόμ. Δ', Ἀθήναι, 1964, σελ. 1564.*

²⁹ Вспомним хотя бы византийского историка *Νικήφορος Γρηγόρας*.

³⁰ *Nicetae Choniatae Historia*, rec. I. A. van Dielen. *Berolini et Novi Eboraci*, 1975, p. 331. Прилагательное *γαῦρος*, как и армянское *գաւ/գաւրի* (*goř/gořoz*), кроме значения «гордый», «великолепный» имеет и pejоративное значение, по Гесихию—*αὐθάτης* («надменный», «кичливый»). У Никиты Хониата в этом отрывке оно приведено как раз в pejоративном значении. Не это ли послужило причиной того, что *Γαυράς*-ы в дальнейшем стали писаться *Γαβρᾶς*?

тельным γαῦρος. Если император имя Синесий совершенно верно соотносит с прилагательным οὐνετός (α—отрицательная частица), Λαχανᾶς (означает продавец капусты) связывает с рынком (ἀγορά), то он прав и в интерпретации фамилии Γαυράς, производя ее от прилагательного γαῦρος. Таким образом, проблема происхождения интересующего нас фамильного имени решена. Вместе с этим мы располагаем сведениями еще об одном представителе семьи Гаврасов, не нашедшем места в списке А. Брайера и его соавторов. Наличие окончания -ᾶς в фамильном имени Γαυράς можно объяснить двояко: это или гречизированное окончание армянского -oz (Gofoz), при этом армянской формой имени Γαυράς мы будем считать Gofoz, или же греческое окончание -ᾶς, в таком случае Γαυρ-ᾶς произошел бы от имени Gof. Последнее предположение основано и на том, что среди армянских аристократов в Византии встречается деятель с армянским именем Артак, ставшим фамильным: Артакас ('Αρτάκας или 'Αρτικάς)³¹. Итак, перед нами не что иное, как перевод на греческий язык армянского прилагательного, причем оно, бесспорно, переведено армянином, которому было известно значение армянского слова gof (=gofoz). И поскольку греческое Γαυράς имеет отношение к греческому слову γαῦρος, следует первоначальной формой византийского патронима считать не Γαβράς, а Γαυράς. Не случайно, что в более ранней рукописи, содержащей Хронографию Иоанна Скилицы (рук. Coisl. 136, XII в.), преобладает написание Γαυράς (дважды—Γαυράς и один раз—Γαβράς).

Обратимся к истории Гаврасов. Остановимся на первом, известном из источников, представителе этой армянской аристократической семьи, служившей в Византии. В 976 г. в Византии вспыхнуло всколыхнувшее империю восстание Варды Склира. Оно с восьмилетним перерывом (979—987 гг.) продолжалось до 989 г. Варда Склир был схвачен и ослеплен. Предки Варды Склира, упоминавшиеся с начала IX в., были уроженцами Малой Армении³², и часть исследователей считает, что род Склиров армянского происхождения³³. Примечательно, что войска Варды Склира, как и их полководцы, состояли из армян, что является дополнительным аргументом в пользу его армянского происхождения³⁴. Мы обращаемся к Варде Склиру потому, что первый известный представитель интересующей нас византийской феодальной фамилии Гаврасов упоминается именно в связи с этим восстанием. Сведения о восстании можно найти не только в византийских, но и в других—армянских, арабских, сирийских источниках. Большую ценность представляют данные современника событий—армянского хронографа Степаноса Таронаци (Асохика). «Когда воцарился в 425 (=976) году Василий...,—пишет хронист,—Вард, по прозвищу Склерос, отложившись, стал царствовать в джаханской и

³¹ См.: К. Κωνσταντόπουλος. Βυζαντινά μολυβδόβουλλα, Νο 381 (apud: N. Adontz. Samuel l'Arménien, roi des Bulgares.—Etudes Arméno-Byzantines, Lisbonne, 1965, p. 386).

³² P. Lemerle. La Chronique improprement dite de Monémvasie: le contexte historique et légendaire.—Revue des Etudes Byzantines, t. XXI, 1963, p. 17.

³³ А. П. Каждан. Армяне..., с. 75—76.

³⁴ Там же, с. 76.

мелитенской странах³⁵. Вард был муж храбрый и сведущий в военном деле. Склонив на свою сторону армянскую конницу, бывшую в Греции³⁶, он разделил греческое царство на две... Царь Василий, собрав [с своей стороны] войска византийские³⁷, фракийские и македонские со всеми западными народами, отправил их против тирана³⁸ Варда. Вард выступил против них войною; армянское войско сражалось мужественно: сыновья князя Таронского—Григор и Багарат, и князь мокский Зафраник³⁹, навели ужас на греческое воинство, которое, приведенное в смятение как бы вихрем, частью погибло под их мечами, частью же было захвачено. На этом сражении был убит [греческий] полководец евнух Петранос. Но Вард сжалился над остальными, как над христианами, и даровал им жизнь⁴⁰. Именно это сражение имел в виду византийский хронограф Иоанн Скилица. Он писал, что мятежник «во главе со своей армией разбил лагерь в местности, именуемой Рагеас. Императорские войска во главе с протовестиарием подготовились дать ему бой. Варда разделил свое войско на три части. Он сам возглавил центр, правое крыло—брат Варды Константин, а левое—Константин Гаврас. Возглавлявшим правое и левое крылья удалось разбить противостоящие им императорские войска. Здесь протовестиарий потерпел поражение, многие были убиты, в том числе патрикий Иоанн, стратопедарх Петр⁴¹ и многие другие. Протовестиарий был взят в плен с другими вельможами⁴².

Сопоставление данных армянского и византийского историков показывает, что Варда Склир в этом сражении опирался на армянские войска, в то время как византийское правительство вынуждено было отказавшись от услуг армянских и малоазийских войск, опираться на константинопольские тагмы и на фемные войска Фракии и Македонии. Все военачальники повстанца Варды Склира, как было отмечено выше, были армянами. Об этом пишут не только армянские, но и византийские источники. Кроме прямых указаний Степаноса Таронаци (о полководцах Григоре и Багарате, бывших князьях Тарона, аннексированного империей в 966 г., мокском князе Зафра-

³⁵ Округи Третьей Армении.

³⁶ Н. Эмин находит, что речь идет о греческой, т. е. византийской половине Армении (Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н. Эмином. М., 1864). Степанос Таронаци, скорее всего, имел в виду Византийскую империю.

³⁷ Перевод Н. Эмина неверен. В оригинале—*βυζαντινῶν*—Византия, т. е. Константинополь. Имеются в виду тагмы—полки, состоящие из наемников.

³⁸ В оригинале—*τηρανῶν*, что означает не только тиран, но и повстанец, мятежник, бунтовщик.

³⁹ У Н. Эмина по ошибке—Апраник. В оригинале—*ζαφρανῆς*. Первая буква имени—«Ζ» принята за предлог винительного падежа. Зафраник носил византийский титул манглавита.

⁴⁰ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, писателя XI столетия, с. 133—134.

⁴¹ Бесспорно, имеется в виду «полководец евнух Петранос» Степаноса Таронаци. Ср. также прим. 4 Н. Эмина на с. 134, который почему-то его именуется Петром Фоккой.

⁴² Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum, recensuit I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973, p. 321—322.

нике), вспомним еще Сахакия-Врахамия⁴³, правителя Антиохии Михаила Вурца⁴⁴ и его армянские войска⁴⁵, адмирала Михаила Куртикия⁴⁶, Романа Таронита⁴⁷. Не случайно, что после первого поражения повстанца византийцы стали убивать именно пленных армян, поскольку последние первыми примкнули к Варде⁴⁸ и провозгласили императором⁴⁹. И территориальный ареал начала восстания охватывал именно армянские земли (Харберт, Четвертая Армения, Тарон, Сасун, Ангилена, Анзитена, Ликанд, Цаманд). Добавим еще, что Варда провозгласил себя императором в столице Третьей Армении—городе Мелитене. Не говорит ли сказанное о том, что хотя бы на первых порах восстанием Варды Склира руководили полководцы-армяне? Не служит ли это для нас основанием считать и Константина Гавраса армянином?

Но у нас есть и другие доказательства армянского происхождения Гаврасов. Иоанн Скилица, сообщая подробности о византийско-болгарской войне при Василии II (976—1025 гг.), упразднении империей болгарского государства в 1018 г., отмечает, что в указанном году была совершена попытка свержения византийского ига. Восстание болгар возглавил некий Элемаг⁵⁰. Но, как известно, в венской рукописи XIII—XIV вв., содержащей Хронографию Иоанна Скилицы, встречаются ценнейшие интерполяции Девольского епископа Михаила, сделанные в 1118 г.⁵¹ Он добавляет, что восстание возглавили двое, носившие византийский титул патрикия—Элинаг Франци ('Ελίναγος ὁ Φραγγίτης) и Гаврас. Имя Элинаг, по-видимому, более правильная форма упомянутого Скилицей имени Элемаг⁵². Д. Моравчик Элинаг предположительно считал тюркско-болгарским именем Пипаг, оставив без объяснения его фамильное имя—Франци и отметив лишь, что Франци—это известное византийское имя⁵³.

⁴³ Там же, с. 318.

⁴⁴ Там же, с. 319.

⁴⁵ Там же, с. 321.

⁴⁶ Там же, с. 322.

⁴⁷ Там же, с. 320.

⁴⁸ Там же, с. 321.

⁴⁹ Там же, с. 316.

⁵⁰ Там же, с. 364.

⁵¹ C. Prokič. Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes. Codex Vindobonensis hist. graec. LXXVII. Ein Beitrag zur Geschichte des sog. westbulgarischen Reiches. Diss., München, 1906. Эти интерполяции включены в критическое издание Хронографии Иоанна Скилицы И. Турна. Кстати, из них известно армянское имя матери болгарского царя армянского происхождения Самуила комитопула—Рипсимэ.

⁵² Имя 'Ελίναγος, наверное, идентично с именем того повстанца, который возглавил борьбу персов против арабского ига в годы правления халифа Адуда ад-Даула Абу-Шуджа Хусрау (949—983 гг.). Скилица его именует 'Ιναγος (Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum, p. 332) и считает его принадлежащим к аристократической семье. В имени 'Ελίναγος первые две буквы—арабский определенный член. Стало быть, настоящее его имя 'Ινα(ρ)γος.

⁵³ G. Moravcsik Byzantinoturcica II. Sprachreste des Türkvolker in den byzantinischen Quellen, Berlin, 1958, S. 123. Начиная с XIII в., это имя встречается и у армян Ալինախ/Ալինախ (Элинах/Алинах). См. Հ. Ահարյանի Հայոց ազնվականների անունները. Ե. Ա., էջ 80—81, հ. Բ, էջ 227.

А. Брайер, Ст. Фассулакис и Д. М. Николь правильной считали форму Элемаг, а не Элинаг⁵⁴.

Попытка восстания болгар во главе с Элинагом и Гаврасом потерпела неудачу. Руководители восстания были схвачены, Элинагу удалось спастись, он был восстановлен в своем прежнем сане, но Гаврас был ослеплен в Фессалониках⁵⁵.

Нужно отметить, что в составленный А. Брайером список членов семьи Гаврасов «болгарский» Гаврас не включен, поскольку составитель, вслед за Д. Моравчиком⁵⁶, считал его «болгарским вождем», а его имя—простым совпадением с фамильным именем Гаврас. Болгарские историки также обоих организаторов восстания болгар 1018 г. считали болгарскими воеводами или боярами⁵⁷. А. П. Каждан в связи с этим задавался вопросом: «Почему болгарский военачальник мог носить это имя, вызвано ли это случайным совпадением или родственными связями болгар с населением восточных окраин Малой Азии,—остается неясным»⁵⁸. Однако в статье, написанной А. Брайером совместно со Ст. Фассулакисом и Д. М. Николем⁵⁹, «болгарский» Гаврас уже считается византийцем, предавшим интересы империи в 1018 г., перешедшим на сторону болгар и являвшимся членом восточной аристократической фамилии Гаврасов, известным своими антиимперскими настроениями. Подобно тому, как первым своим антиимперскими настроениями. Подобно тому, как первый известный Гаврас—Константин, предав интересы империи, сражался против нее на стороне повстанца Варды Склира, этот Гаврас выступил против Византии на стороне болгар⁶⁰.

Нас, разумеется, больше интересует один из главарей восстания болгар в 1018 г.—Гаврас. Как мы увидели выше, согласно А. Брайеру и его соавторам, византиец Гаврас служил в византийской армии до 1018 г., когда стал перебежчиком. Мы пришли к выводу, что не может быть и речи о совпадении имен, о родственных связях болгар с населением восточных окраин Малой Азии, кроме того в те страшные годы византийско-болгарского противостояния вряд ли в Византии мог служить болгарский полководец, или же грек—в Болгарии. Именно в указанное время греки ослепили 10 000 болгарских военнопленных, лишили болгар государственности и своего императора стали величать Болгаробойцей. В подобной ситуации болгары вряд ли пошли бы за греком против греческой империи.

Итак, если Гаврас не болгарин и не грек, то кто же он? Как он, служивший раньше Византии, получивший в империи высокий титул патрикия, оказался в Болгарии и сражался против империи именно в год падения болгарского государства и в период всемогущества Византии? В решении этой задачи могут помочь данные того же современника событий Степаноса Таронаци. Рассказывая о двух братьях-комитопулах, армянский историк пишет, что старший

⁵⁴ A. Bryer, St. Fassoulakis, D. M. Nicol. Op. cit., p. 39.

⁵⁵ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum, p. 364.

⁵⁶ G. Moravcsik. Op. cit., Bd. 2, S. 123.

⁵⁷ В. Златарски. История на българската държава през средните векове. Т. I, ч. 2, изд. 2-ое. София, 1971, с. 742; P. Mutafchiev. Bulgares et Roumains dans l'histoire de pays Danubiens. Sofia, 1932, p. 205.

⁵⁸ А. П. Каждан. Армяне..., с. 89.

⁵⁹ A. Bryer, St. Fassoulakis, D. M. Nicol. Op. cit., p. 39.

⁶⁰ Там же.

из них «армянин родом из дерджанского округа⁶¹ назывался Самуилом, император Василий⁶² их обоих с гвардейскими своими полками повел в Македонию на войну против Булхаров. Воспользовавшись удобным случаем, они отложились от греческого императора, перешли к царю булхарскому Курту⁶³ и как мужи храбрые достигли [при дворе его] высоких почестей»⁶⁴.

Итак, поскольку на сторону болгар перешли именно армяне (в сложившейся ситуации исключено, чтобы греки переходили на сторону болгар), армянские полки со своими, разумеется, армянскими полководцами, резонно предположить, что Гаврас не кто иной, как сподвижник Самуила комитопула⁶⁵, который, после смерти Самуила в 1014 г., продолжил борьбу болгар против византийского господства в Болгарии, стало быть, он перешел на сторону болгар не в 1018 г., а гораздо раньше⁶⁶.

Что касается фамилии Элинага—Франци, то это неестественное, вызывающее недоумение сочетание негреческого имени с византийской неизвестной еще в конце X—начале XI в. фамилией⁶⁷, можно объяснить следующим образом. Дело в том, что в Житии святой Марии Новой (умерла в 902/903 г.) встречается некий армянин, византийский друнгар и землевладелец именуемый Βάρδας ὁ Βρατζίης (Вард Враци, т. е. Вард Ивир). Армянское имя данной личности и армянская форма передачи этнонима—греческого Ἰβήρη—*Иривир* (—аци—армянский суффикс, ср. Хоренаци, Таронаци и др.) красноречиво свидетельствует о том, что Вард был армянином-халкедонитом грузинского толка⁶⁸. Не логично ли предположить, что Ἐλίναγος ὁ Φρατζίης первоначально был Ἐλίναγος ὁ Βρατζίης? Ничего не говорящая греку „фамилия“ Βρατζίης легко могла писцом Венской рукописи № LXXVII превратиться в известную уже в его время византийскую фамилию Φρατζίης⁶⁹. Если наше предположение верно, то и Элинаг оказывается

⁶¹ Т. е. Дерджана, Δερζήνη византийских источников. Граничил с северо-запада с Тароном.

⁶² Василий II (976—1025 гг.).

⁶³ Имеется в виду Роман, сын царя Петра, который был осклопен в Византии еще в годы Иоанна Цимисхия. «Курт» по-армянски означает скопец.

⁶⁴ Всеобщая история Степаноса Таронского, с. 175—176.

⁶⁵ Кстати, Дерджан представлял те территории, в ареале которых мы находим Гаврасов XIII в., а также селения армян-халкедонитов (хайхоромов).

⁶⁶ О дате перехода Самуила и его армянских полков на сторону болгар см.: N. Adontz. Samouel l'Arménien, roi des Bulgares.—Etudes Arméno-Byzantines. Lisbonne, 1965, p. 358.

⁶⁷ «Фамильное имя Франци в византийских источниках встречается почти исключительно касательно историка Георгия Франци (1401—1477 гг.,—Р. Б.) и членов его семьи». См.: Γεώργιος Γεώργιος. Συραντζίης, Φιλίππος ἢ Φρατζίης; „Βυζαντινά“, τὸμ. 9, Θεσσαλονίκη, 1977, σελ. 126.

⁶⁸ Р. М. Бартиян. О Βάρδας ὁ Βρατζίης Жития св. Марии Новой и византийских патронимах Иверици и Ватаци.—Историко-филологический журнал, 1980, № 3, с. 244—250; Он же. Размышления о Житии св. Марии Новой («Българско-средновековне»). Българо-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. Иван Дуйчев, София, 1980, с. 62—64).

⁶⁹ Чередование фонем «в» и «ф», со всеми вытекающими из этого последствиями, не редкость в рукописях. Неизвестные более поздним переписчикам рукописей в а р я г и (*Чашык*—вранг-к') «Повествования» автора XI в. Аристахеса

армянином, следовательно, он был одним из тех полководцев, которые вместе с Самуилом дерджанцем (и Гаврасом) Василием II были отправлены на войну против болгар. В таком случае можно считать, что имя Элинах у армян стало употребляться гораздо раньше, нежели оно встречается в армянских рукописях XIII в.

Случай этот с византийскими полководцами, ставшими перебежчиками на сторону болгар и служившими им, не единичный. Такое бывало и раньше. В годы правления хана Крума (803—814 гг.) на сторону болгар перешли византийские стратиги армянского происхождения Вардан и Гарджуыл, возможно, также являвшиеся армянами—Лев, Иоанин и Григора⁷⁰. Они получили в болгарском государстве высокие административные посты. В годы правления хана Омуртага (814—831 гг.) таким перебежчиком стал носящий византийский титул кандидата Турдац (*Σρησθ*), т. е. Тиридат, тоже армянин⁷¹.

Подытоживая сказанное, приходим к выводу, что Гаврасы—византийская аристократическая фамилия армянского происхождения. Если ее первым упомянутым в источниках представителем был убитый в 979 г. Константин Гаврас, то вторым—нужно считать «болгарского» полководца Гавраса, ослепленного византийцами в Фессалониках в 1018 г.⁷²

Продолжение следует

Ластивертци, превращены в хорошо знакомых франков (*Франк*—франк-к'). Древнейшая рукопись сочинения Ластивертци (рук. Матенадарана им. Маштоца № 2865, л. 275а) все же передает этноним правильно—*Чашык*—вранг-к'. См.: Ч. Вандерштерн. *Արխիվներու Լաստիվերտցու Փատմութիւնն ընկ տարրհիւրդածը մասին Վաշիկը և ոչ ֆրանկը*.—«Բանբեր Մտանկադարանի», 1958, № 4, էջ 77—79. Он же. «Варяги» и «прония» в сочинении Аристахеса Ластивертци.—Византийский временник, т. XVI, 1959, с. 15—20. С тем же самым явлением мы встречаемся и в византийских источниках. В рукописях Хронографии Продолжателя Феофана, там, где должно быть Βράττοι (Βάραττοι), выступает Φράττοι. См.: Theophanes Continuatus, ex rec. Im. Bekkeri, Bonnæ, 1838, p. 423.

⁷⁰ См. В. Бешевлиев. Първобългарски надписи. София, 1979, с. 173—174.

⁷¹ Там же, с. 221—222. Об этом вопросе подробно см.: Р. М. Бартиян. О протоболгарских надписях ханов Крума (803—814) и Омуртага (814—831) и некоторых вопросах организации раннеболгарского государства.—Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1981, № 4, с. 67—77; Он же. У истоков армяно-болгарского сотрудничества (по lapидарным надписям ханов Крума и Омуртага).—Сборник в память на проф. С. Ваклинов, София, 1984, с. 40—45; Он же. Об особенностях участия армян в правлении византийским и болгарским государствами в VIII—XI вв.—Культурное наследие Востока. Сборник статей, посвященный 75-летию академика Б. Б. Пиотровского, Л., 1985, с. 258—265.

⁷² В связи с вышесказанным здесь уместно отметить интереснейшее указание А. П. Каждана: «Вторую подгруппу,—пишет он,—составляют семьи, которые на рубеже XI—XII вв. добились (или добивались) установления независимых «княжений». Это—Вахрамьи, Рубениды, Пахлавуньи, Вурцы, Гавры и несколько позднее Тарониты (мы встречаем их независимыми правителями в Приевфратье в середине XII в.)—все военно-аристократические «линьжи» (А. П. Каждан. Социальный состав господствующего класса Византии в XI—XII вв., М., 1974, с. 168). Добавим—все армянские военно-аристократические «линьжи».

Доктор ист. наук Р. М. БАРТИКЯН

II

Гаврасы Малой Азии и Западной Армении (XI—XIII вв.)
Еще раз о цатах (армянах-халкедонитах)

В предыдущей статье говорилось об этнической принадлежности византийской феодальной фамилии Гаврасов, регионе их обитания и деятельности в конце X—первой половине XI в. В дальнейшем речь пойдет о Гаврасах второй половины XI—середины XIII в. Здесь мы остановимся не на всех Гаврасах отмеченной эпохи¹, а вкратце изложим данные о Гаврасах Малой Азии, конкретнее—византийской фемы Халдия с центром в Трапезунте, а также Западной Армении², а далее более подробно остановимся на Гаврасах, упомянутых в армянских источниках, оставшихся неизвестными византиноведам.

Начиная со второй половины XI в., мы видим Гаврасов в качестве правителей византийской фемы Халдия (с 1067 по 1160 гг.). Самым известным из них был Феодор Гаврас, носивший высокие титулы севаста и патрикия. Он был женат на Ирине, принадлежавшей к армянской аристократической семье Таронитов. После смерти Ирины в 1091 г., Феодор Гаврас женился на аланке, кузине жены севастократора Исаака Комнина. По освобождении Трапезунта от трехлетнего владычества сельджуков в 1075 г., Алексей I Комнин (1081—1118 гг.) назначил Феодора Гавраса дуком фемы Халдия. В качестве дука Феодор Гаврас защищал Колонию и Неокесарию от нашествий эмира Данишменда, а Трапезунт—от притязаний грузин, отвоевал Баберт у

* Продолжение. Начало см.: Историко-филологический журнал, 1987, № 3.

¹ Эта задача обстоятельно осуществлена А. Брайером и его соавторами, а также К. Каэном. Отметим здесь, что на с. 185 статьи Брайера под № 42 назван Кирилл Гаврас, великий скевофилак св. Софии, упомянутый в годы константинопольского патриарха Рафаила II (1603—1607 гг.). Он упомянут и в автографе александрийского патриарха Кирилла Лукариса (1601—1620 гг.), ставшего в дальнейшем константинопольским патриархом (1620—1638 гг.). В автографе Лукариса содержится его послание «великому скевофилаксу Гаврасу». Об этом указано впервые Э. Лераном в его *Bibliographie hellénique*, Paris, 1894, p. 24. Ср. *Περσολογικὴ βιβλιοθήκη συνταχθεῖσα ὑπὸ Α. Παπαδόπουλου-Κεραμέως, Ἐν Περτρούπλει, 1899, σελ. 239.*

² Данный обзор основывается главным образом на трудах А. Брайера и его соавторов Ст. Фассулакиса и М. Николя, а также К. Каэна. См.: А. Bryer. *A byzantine Family: the Gabrades*, с. 979—с. 1633. University of Birmingham, *Historical Journal*, 12, 1970; А. Bryer. *St. Fassooulakis*, D. M. Nicol. *A byzantine Family: the Gabrades. An Additional Note*. „Byzantinoslavica“, t. XXXVI, fasc. I, 1975; С. Cahen. *Une famille byzantine au service des Seldjuquides d'Asie Mineure*. „Polychronion“ (Festschrift Franz Dölger), Heidelberg, 1966.

турок. Погиб он в 1098 г. в Феодосополе (Карин), воюя против сельджуков, и был причислен к сонму святых византийской церкви.

Имеются данные и о Григории Гаврасе, сыне Феодора от Ирины Таронитиссы, который отождествляется исследователями с Григорием Таронитом византийских авторов³. Около 1103 г. он стал дуком Халдии вместо Днаватина, назначенного на этот пост после гибели Феодора Гавраса. Известно, что Григорий Гаврас заключил союз с эмиром Данишмендом, был схвачен византийцами и брошен в тюрьму. В дальнейшем он был помилован (до 1118 г.). До 1119 г. на должности дука фемы Халдия мы видим Константина Гавраса (сын, брат или же племянник Феодора Гавраса), который находился на этом посту и после 1140 г. Он стал независимым от империи в 1126 г. В 1119—1120 гг. эмир Ерзынки ибн Мангуджак вместе с Константином Гаврасом напал на эмира Мелитены Балака и гази Гюмуштекина, сына эмира Данишменда. Гюмуштекин разбил обоих. Константин был взят в плен и был выкуплен за 30 000 динаров. По-видимому, после этого поражения Неокесария окончательно перешла в руки Данишмендидов, хотя самая ранняя мечеть в этом городе была построена не раньше 1180 г.

С середины XII в. мы видим Гаврасов уже на службе у сельджуков Малой Азии⁴. Иоанн Киннам, описывая войны Мануила I Комнина (1143—1180 гг.), под 1146 г. упоминает некоего Гавраса, который «будучи ромеем по происхождению, воспитывался и вырос у персов (т. е. у сельджуков.—Р. Б.), и в данное время стал правителем сатрапии»⁵. Разумеется, под «сатрапией» Иоанн Киннам имеет в виду эмират, стало быть этот Гаврас был эмиром. Если иметь в виду то обстоятельство, что византийцы, взявшие его в плен в 1146 г., обезглавили его, то можно предположить, что он, возможно, был вероотступником. Известно также место, где он был схвачен—близ Иконии.

Служившие в Византии Гаврасы часто использовались византийским правительством в войне против сельджуков. Известен Михаил Гаврас, который в 1175 г. во главе с войсками Трапезунта и Инеона был отправлен Мануилом I Комниным в Джаник (т. е. в византийскую фему Армениаков). Он сдал Амасию сельджукскому султану Клич-Арслану II (1156—1188 гг.)⁶.

Известен другой Константин Гаврас, которого Мануил I Комнин отправил в 1162—1163 г. для ведения переговоров с вышеупомянутым Клич-Арсланом II⁷.

Еще один Гаврас, эмир, был ведущим советником во дворе Клич-Арслана II, первым, по свидетельству Никиты Хониата, самым близким человеком султана (τὰ πρῶτα τῶν πρὸ αὐτοῦ τετιμημένων καὶ φεισόμενων μάλιστα). Он был отправлен сельджуками в посольство к Мануилу I

³ N. Adontz. *Les Taronites en Arménie et à Byzance*.—In: *Etudes arméno-byzantines*, Lisbonne, 1965, p. 247—248.

⁴ О теме см.: С. Cahen. *Une famille byzantine au service des Seldjuquides d'Asie Mineure*.—In: *Polychronion, Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag*, Heidelberg, 1966, p. 145—149.

⁵ Ioannis Cinnami *Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum*, rec. A. Meineke. Bonnae, 1836, p. 56.

⁶ Cinnamus, pp. 226, 238—239, 258, 293, 296, 299. О Михаиле Гаврасе см. также Nicetae Choniatae *Historia*, rec. I. A. van Dieten, Berolini et Novi Eboracae, 1975, p. 132—133.

⁷ Nicetae Choniatae *Historia*, p. 121.

Комнину во время переговоров 1175—1176 гг. после катастрофы в Мириокефалоне⁸. Этот Гаврас считается amir-i-hadjib султана и идентичным с Ихтияром ал-дином Хасаном ибн Гафрасом (он же Икстияр ал-дин Хасан ибн Гаврас) восточных источников⁹. После смерти Клич-Арслана II в 1192 г. он был удален от должности. По пути к своим владениям, близ Ерзынки, он был убит туркменами. Мангуджамидский султан Ерзынки Бахрам-шах претендовал на наследство его владениями. Эмир Гаврас (или его сын) был обвинен в отравлении Клич-Арслана II и его сына и наследника Кайхосрова в 1192 г.

Из западных источников известен Джованни (т. е. Иоанн) Гаврас, христианин-вельможа на службе у сельджуков. Он был послом султана Ала ал-дина Кайкубада I (1219—1236 гг.) в Европе в 1234 г. и встретился с римским папой Григорием IX 20 марта 1235 г. Этот Гаврас отправился далее, дабы встретиться с императором Фредериком II. Возвратился он в Иконию в 1236 г.

Наконец, из данных Абул Фараджа известен Михаил бар Гаврас, врач в Мелитене в 1256 г.¹⁰

Вот вкратце о Гаврасах на интересующих нас территориях фемы Халдия и в захваченных сельджуками регионах Малой Азии и Западной Армении по списку А. Брайера. В дополнениях к этому списку, составленному совместно со Ст. Фассулакисом и М. Никодем, фигурируют и другие Гаврасы, которые, однако, действовали не в интересующем нас географическом регионе.

Таким образом, из аристократической семьи Гаврасов последним, служившим при дворе сельджукских султанов, исследователи считают Иоанна Гавраса (1235 г.), а последним представителем данной семьи в Армении (Мелитена)—врача Михаила Гавраса (1256 г.). Остальные Гаврасы в списке А. Брайера и его соавторов имеют непосредственное отношение к Трапезунтской империи (с 1204 по 1432 г.) к Византийской империи (с 1263 по 1399 г.) и к греческому княжеству в Крыму (около 1391—около 1458 г.). Некоторые Гаврасы известны в годы турецкого владычества в Греции (1555—около 1653 г.), а также на Крите (с 1497 г.).

Как мы увидим далее, армянские источники дают нам возможность дополнить список действовавших в Армении Гаврасов, уточнить ареал распространения их власти и владений. Нужно особенно подчеркнуть, что все известные нам сведения о правивших в Западной Армении Гаврасах мы черпаем из памятных записей армянских рукописей, созданных *армянами-халкедонитами* в армянских диофизитских монастырях. И хотя эти записи издавались не раз, предметом специального исследования они не стали. Издатели даже и не подозревали, что рукописи эти созданы армянами-халкедонитами. С этой точки зрения эти записи неоценимы для науки, поскольку представляют со-

⁸ Там же, с. 189.

⁹ См.: Imād ed-Dīn el-kātib el-isfahāni. Conquête de la Syrie et de la Palestine de Salēh ed-Dīn, ed. C. de Landberg. Leiden, 1888, p. 451. См. также: Sp. Vryonidis. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, Los Angeles, London, 1971, p. 231. В статье А. Брайера, Ст. Фассулакиса и М. Николя они считаются разными персонажами (с. 39).

¹⁰ Bar Hebraeus. Chronicon Ecclesiasticum, ed. trad. Abeloos et Lamy, II, 718 (apud: C. Sahen. Op. cit., p. 148).

бой редкие сохранившиеся до наших дней письменные творения преследовавшихся армянской церковью «еретиков-диофизитов». Последние в источниках часто именуется цатами (ծադ, ծաթ¹¹, ծախթ), так и в византийских источниках (Γάτοι). Нелишне отметить, что один из писцов памятной записи, называя себя, указывает далее, что он является цатом.

Цаты, армяне-халкедониты, как мы увидим далее, упоминаются в источниках начиная с X в. Известны и места их обитания. Это в первую очередь византийская фема Месопотамия, доходившая на севере вплоть до города Камаха, т. е. та территория, откуда происходили известные в истории начиная именно с X в. Гаврасы. Резонно высказать предположение, что Гаврасы—армяне-халкедониты из тех же цатов. Отметим здесь, что интересующие нас писцы называют своих правителей Гаврасов «благочестивыми» и «христоролюбивыми» князьями, молятся господу дабы он хранил их и их семью невредимыми. Значит, служившие у сельджуков Гаврасы не были вероотступниками, как, впрочем, Гаврас середины XII в.

Исходя из сказанного, нам необходимо остановиться на истории армян-цатов не только потому, что и писцы рукописей и, наверное, Гаврасы были цатами, а прежде всего потому, что не все, сказанное ранее исследователями о цатах, соответствует действительности. Заодно мы остановимся и на вопросе о времени и местах обитания армян-цатов в Западной Армении.

Первым упоминает армян-цатов армянский автор второй половины X в. Ухтанес. В предисловии своей книги, написанной в 986 г., он отмечает, что третья глава его труда посвящена «крещению народа, называемого цатами»¹². К сожалению, эта глава труда Ухтанеса утеряна, и все, что мы знаем о них от Ухтанеса—это всего один абзац в его предисловии, если не считать, конечно, одного предложения автора XIII в. Мхитара Айриванеци, который в Житии Степаноса Сюнеци (688—735 гг.) пишет, что «в это время (т. е. в дни католикоса Давида Какагеци—809—838 гг.—Р. Б.) усилиями некоего честолюбивого священника по имени Парсман, как об этом повествует Ухтанес, епископ Севастии, от армянского народа отделилась народность (в оригинале—*ազգ*) цад»¹³.

¹¹ Исследователи, исходя из разного написания в источниках последней буквы—*դ* (д) и *թ* (т), передают слово по-разному—цад и цат. Хотя это верно по законам транслитерации, необходимо иметь в виду, что западные армяне фонему «т» произносят «р», поэтому нужно придерживаться единой транслитерации—цаг.

¹² Ուխտանեսի Գրքի Նախաբան. Փարսմանի Ծախթը. Վարդապետ, 1871, էջ 14:

¹³ Памятники армянской агнографии, вып. I. Перевод с древнеармянского, вступительные статьи и примечания К. С. Тер-Давтян. Ереван, 1973, с. 64. См. также: Հովհաննիսյան Մխիթար Այրիվանեցի, նորագույն արձանագրություն և երկեր. Երևան, 1931, էջ 13: «По всей вероятности,—пишет Н. Адонц,—Ухтанесова история о цатах (т. е. III глава его труда.—Р. Б.) исчезла рано, до времени Павла (т. е. Погоса Таронаци.—Р. Б.). Этим объясняется, что последующие авторы почти ничего не знают о цатах»; Н. Адонц. О происхождении армян-цатов. —Журнал Министерства народного просвещения, 1911, с. 239—240. Но свидетельство Мхитара Айриванеци говорит против предположения Н. Адонца, поскольку из его краткого рассказа видно, что в его время, т. е. в XIII в., история эта еще существовала, иначе откуда наш автор знал бы о Парсмане, о котором писал Ухтанес и на труд которого он ссылается?

Из византийских авторов цатов упоминает творивший во второй половине XI в. Никон Черногорец. Он указывает ареал их обитания—Месопотамия (τῆς υἰώρας Μεσοποταμίας ἐν ᾧ καὶ οἰκοῦσιν ἀπὸ τῶν ἀνορθῶν χρόνων)¹⁴. Это свидетельство очень важно, ибо от Ухтанеса мы этого не узнали; хотя в предисловии к своей книге он писал, что скажет «о происхождении, о местожительстве этого народа», но, к сожалению, третья глава этого труда, где говорилось об этом, как уже отмечено, не дошла до нас.

В конце XI—начале XII в. против цатов писал армянский философ Погос (Павел) Таронаци. Возражая халкедониту Феописту, он отмечал: «Во дни патриарха Иоанна¹⁵, когда он устроил собор в Двине¹⁶ и обратил армян из халкедонитства... те из нашего народа, которые были в стране ромеев, остались тверды в ромейском исповедании... Так обстоит теперь дело с цайтами... Итак вы, сердце Армении, нашли распущенную веру и возлюбили ее... И теперь вы цайты, т. е. называете себя греками¹⁷, хотя вы с армянским языком»¹⁸.

Ученые интересовались цатами в основном после выхода в свет в 1871 г. труда Ухтанеса. Одним из первых был А. Ерицян, который задался вопросом: «что собой представлял народ (шгг) цатов, где он обитал, когда и как». Он пришел к выводу, что «цаты еще в X веке были диким и лютым народом, среди которых христианство было распространено по повелению Смбата Багратуни (неизвестно какого—Первого или Второго) с помощью некоего епископа Григория, которому содействовал Ухтанес»¹⁹.

Н. Эмин посвятил цатам несколько строк, которые представляют собой скорее библиографическую, чем научную ценность. Согласно ему «цат» означает «неполный, искаленный», название, которое,

¹⁴ Описание греческих рукописей монастыря Святой Екатерины на Синае, т. 1. Под редакцией и с дополнениями В. Н. Бенешевича, СПб., 1911, с. 588. Ср. Н. Адонц. О происхождении армян-цатов, с. 242. Статью Н. Адонца в армянском переводе см.: «Հանդես Ամբոթի», 1912, էջ 257—271.

¹⁵ Имеется в виду католикос Иоанн Одзнец (717—728 гг.). См.: Н. Адонц. О происхождении армян-цатов, с. 240.

¹⁶ Двинский церковный собор 726 г. К. Тер-Мкртчян (Die Paulikianer im Byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien, Leipzig, 1893, S. 74) в связи с этим приводит цитату из «Хроник» Мхитара Айриванеци: «Год 719. Иоанн Одзнец созвал собор в Маназкерте и отделил от армян греков и ихних армян», т. е. армян-халкедонитов. Мхитар Айриванеци, однако, пишет лишь: «Иоанн Одзнец созвал собор в Маназкерте» («Յովհանն Օձնեցի արար ժողով ի Մանազկերտ», в других рукописях «ի Գուհն», «в Двине»). Մխիթարայ Այրիվանեցու Պատմութիւն Հայոց, ի լոյս ընծայեաց Մկրտիչ Էմին. Ստեփան, 1860, էջ 51. И отмеченная дата принадлежит не Мхитару Айриванеци, а издателю, отметившему ее на полях издания.

¹⁷ Имеются в виду византийцы (ромей), но не в этническом смысле, а в конфессиональном, т. е. халкедониты. В армянских источниках ромеями (հռոմ) называются и армяне-халкедониты. Даже будущий армянский католикос Григор IV, желая показать византийцам, что он, будто, принимает решения собора в Халкедоне, сказал императорскому послу, что он—«ромей». См.: Р. М. Бартикян. О роли Иоанна Атмана, игумена филлиппопольского армянского монастыря, в армяно-византийских церковных переговорах при католикосе Нерсесе IV Благодатном.—Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1984, № 6, с. 80.

¹⁸ Н. Я. Марр. Аркаун, монгольское название христиан. В связи с вопросом об армянах-халкедонитах.—Византийский временник, т. XII, 1905, с. 32.

¹⁹ Ա. Երիցյան. Մար ազգը հայ է, քի ոչ.—«Փորձ», աղբյուրի և գրականական միամսյա հանդես, հինգերորդ տարի, մարտ, 1881, էջ 125—126.

может быть, в X в. служило бранным словом, укором, с которым армяне обращались к соплеменникам и грекам, ставшим ренегатами²⁰.

Поскольку «интерпретация» слова цат—«неполный, искаленный», а далее еще «недостаточный», «половинчатый» будет неоднократно повторяться исследователями, необходимо здесь же указать читателю на источник подобного осмысления слова «цат». Мхитар Апаранци в 1410 г. составил труд, посвященный критике разных ересей. Относительно цатов он писал: «Некоторые называются армянами-цатами, которые по языку, письму, национальности суть армяне, но по вероисповеданию и всем правилам—греки, во всем им подчинены, как свидетельствуют те, которые проживают в Ерзынке и в остальной стране ромеев²¹, в Кафе²², в Крыму и во многих других местах»²³. Немного спустя он упоминает цатов, проживающих вокруг города Кесарии. Они «называются цатами-греками и цатами-армянами» («սրբ կոչին Սալթ Յոնք և Սալթ Հայք») ²⁴.

Сочинение Мхитара Апаранци было издано Г. Алишаном в 1901 г.²⁵, но интересующая нас строка о цатах была известна науке как из изданного в 1806 г. труда Г. Инджиджяна²⁶, так и из опубликованного в 1837 г. «Нового словаря армянского языка»²⁷. Но если Г. Инджиджяном данные Мхитара Апаранци приведены точно, то в указанном словаре они искажены: фраза Мхитара Апаранци «սրբ կոչին Սալթ Յոնք և Սալթ Հայք» приведена так: «սրբ կոչին կիսամ յոնք և ծաթ հայք»²⁸ (т. е. «которые называются половинчатыми греками и цатами-армянами»). Так, утвердилась в науке интерпретация слова цат. Раз Мхитар Апаранци слово цат «переводит» կիսամ (половинчатый), значит это—бранное слово, укор, с которым армяне обращались к своим соплеменникам-ренегатам. В действительности же наш автор ничего подобного не писал. Это интерпретация авторов «Нового словаря армянского языка».

Если упомянутые выше статьи А. Ерицяна и Н. Эмина носили более или менее популярный характер, не претендуя на научную глубину, последующие ученые постарались поставить проблему на научные основы, хотя, а это необходимо отметить, нередко находились под влиянием высказанных своими предшественниками мыслей. Одним из них был К. Тер-Мкртчян, писавший специальный труд о павликианах и других еретических движениях армянского средневековья. Он, вторя Н. Эмину, отмечал, что «цат»—слово армянское, означающее «недостаточный, половинчатый». Так назвали армян-халкедонитов армяне-монофизиты в насмешку. Далее он попытался связать слово «цат» с названием павликиан, известных как „ἀστατοι“²⁹.

²⁰ Н. О. Эмин. О цатах. Исследования по армянской мифологии, археологии, истории и истории литературы (за 1858—1884 гг.). Изд. второе, М., 1896, с. 137—138.

²¹ Имеет в виду, наверное, не страну греков, а территории бывшего Румского султаната.

²² Т. е. в Феодосии.

²³ Ղ. Ալիշան. Հայագրատու. Վենետիկ, 1901, էջ 552.

²⁴ Там же, с. 553.

²⁵ Там же, с. 550—553.

²⁶ Ղ. Ինջիճյան. Աշխարհագրութիւն շորից մասանց աշխարհի, մասն Առաջին, Ասիա. Կ. Ա., Վենետիկ, 1806, էջ 303.

²⁷ Նոր բառերը Հայկազան լեզուի. Վենետիկ, 1837, հ. Ա, էջ 1005.

²⁸ Там же.

²⁹ К. Ter-Mkrtschian. Die Paulikianer. S. 74 u. folg. Предположение К. Тер-Мкртчяна о тождестве цатов и павликианских астатов лишено всяких оснований.

Н. Я. Марр с верных позиций возразил К. Тер-Мкртчяну: «Трудно себе представить, чтобы армяне-халкедониты приняли название, данное им в насмешку армянами-антихалкедонитами, между тем на Черной Горе они сами так называли себя, раз так называют их дружественные им греки»³⁰.

Считая цатов армянами-халкедонитами, Н. Я. Марр указывает, что они сохранили армянский язык в богослужении³¹ и в повседневном обиходе, а хай-хоромы (*հայ-հորոմ*), армяно-ромеи, т. е. армяне греческого вероисповедания, жившие еще в начале нашего столетия главным образом в Акне, недалеко от Диарбекира—их потомки³².

Определив наименование «цат» как самоназвание армян-халкедонитов, Н. Я. Марр пришел к этому выводу косвенно, на основании данных византийских источников. Насколько он был прав в своих выводах свидетельствует то, что, как мы указали выше вскользь, в одной интересующей нас памятной записи армянской рукописи писец-монах армянин-халкедонит рядом со своим именем специально отметил, что он является цатом.

О цатах обстоятельно писали Н. Акинян и Н. Адонц. Первого из них интересовало: «какой народ представляли собой цаты, где было их местопребывание, какую религию они исповедовали—все это нерешенные вопросы»³³. Далее он писал: «цатами назывались вообще те христиане, которые принимали решения халкедонского собора. Так именовали армяне вообще и армян [халкедонитов], и греков, и латинян и грузин. Но конкретно наименование это было прикреплено к тем армянам, которые, отделившись от армянской церкви и общества, по вероисповеданию и обрядами были греками—хай-хором, хотя по языку они были армянами»³⁴.

Н. Адонц, исходя из данных упомянутого выше Ухтанеса, согласно которому цаты—«особый народ» («...սղգհն՝ որ Մաղն կոչի») ³⁵, «принявший христианство» в его время, при царе Смбате (972—989 гг.), считал этническим термином слово «цат» и отождествлял их с пришедшими из Индии предками современных цыган, народом, именуе-

Цаты—это православные, придерживающиеся догм византийской официальной церкви, христиане, в то время как аспаты—самые радикальные приверженцы павликианской ереси, жестоко преследуемые имперской церковью. И хронологические данные говорят против этого мнения. Аспаты известны только в начале IX в., а цаты появляются впервые во второй половине X в.

³⁰ Н. Я. Марр. Аркауи, с. 38.

³¹ Мысль Н. Я. Марра подтверждается наличием созданных цатами в XIII в. на армянском языке богослужебных книг, в том числе Евангелием.

³² Н. Я. Марр. Аркауи, с. 29. Об этих хай-хоромеях ровно за столетие до Н. Я. Марра подробно писал Г. Инджиджян: «Хай-хоромеи... по вероисповеданию являются греками, а по языку, обычаям и всему остальному—армяне... Их священники облачаются как священники-армяне, совершают богослужение по обряднику греков, но переведенному на армянский, поскольку не ведают греческого языка, не умеют говорить на языке греков. Они принадлежат епархии греческого митрополита Феодосиополя, т. е. Эрзерума...». Г. Инджиджян далее пишет: «Они, по-видимому, происходят от армян, но затем приняли греческое вероисповедание. Они по происхождению не греки и не сменили по прошествии времени свой язык на армянский. Так пишет о них и Мхитар Апаранци в своих писаниях в 1410 году господнем... и именует их армянами-цатами». См.: Г. Ինձիճյան, հ. Ա, էջ 303.

³³ Ն. Ակնյան, Կյուրթն, կաթողիկոս վրաց. Վրեհնա, 1910, էջ 73:

³⁴ Там же, с. 74.

³⁵ Ուխտանեսան, էջ 14:

мом в арабских источниках «зотт» или «зутт»³⁶. Согласно Н. Адонцу эти «зотты» «утвердились в пределах Армении значительно раньше времени крещения их в конце X века. Видимо, они находились уже на пути ассимиляции с армянами, усвоили их язык, хотя полная арменизация их, вероятно, наступила после принятия христианства или фактически совпала с моментом крещения»³⁷.

Н. Адонц видит два этапа в конфессиональном превращении зотов-цатов: Первый этап, что когда они приняли христианство от армян-монофизитов. Это произошло, как он указывает, в конце X в. Второй этап наступил в период «ослабления и окончательного падения Багратидского царства в Армении», когда они перешли к халкедонитам. Н. Адонц пишет: «В пору конфессиональных распрей и смут X века цаты отпали от своей веры и примкнули к армянам-халкедонитам или ромеям»³⁸. Заканчивая свою мысль, Н. Адонц пишет: «Трудно сказать, цаты-армяне, о которых говорят Никон и Павел (т. е. Погос Таронаци.—Р. Б.), восходили ли действительно к цатам, т. е. представляли ли собою потомков арменизированных цатов, или же название это сделалось к тому времени нарицательным термином для обозначения не только подлинных цатов, но вообще всех армян, сходных с цатами по вероисповеданию, всех армян-халкедонитов»³⁹.

В связи со статьей Н. Адонца, Н. Я. Марр был вынужден заново возвратиться к вопросу о происхождении цатов, с очень верных позиций показав, что вопреки убеждению Н. Адонца, Ухтанес о принятии цатами христианства в конце X в. «ничего подобного не говорит, не мог говорить»⁴⁰.

Итак, согласно Н. Адонцу, цаты (зотты, зутты) стали христианами-монофизитами в конце X в., а перешли в халкедонитство во время ослабления (1022 г.) и окончательного падения Багратидского царства (1045 г.). Трудно себе представить, что за какие-нибудь 20—50 лет могло произойти такое. Но не только это обстоятельство заставляет нас не согласиться с выводами Н. Адонца. Термин «սղգ» Ухтанеса нельзя интерпретировать как «особый народ». «Սղգ» означает и племя, общность людей, не обязательно этнически отличающаяся от какой-либо другой. Еретики-тондракиты были армянскими еретиками. Но армянин Погос Таронаци пишет о них: «Нам не нужно подробно говорить, а также упоминать тондракитов. Ибо народу (в оригинале тот же սղգ.—Р. Б.), который не имеет ни свидетельства веры, ни прочной веры, ни бога, не нужны ни крест, ни церковь»⁴¹. Но самое

³⁶ Н. Адонц. О происхождении армян-цатов, с. 246.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 247. Мнение Н. Адонца разделяют Р. Ачарян (*Հայերեն արձատական բարձրան. հ. Բ, էջ 442*), Ст. Малхасян (*Հայերեն բացատրական բարձրան. հ. Բ, էջ 325*). О цатах см. также: Լ. Մ. Մեկիջյան և Բ. Բ. Պողոս Տարոնացի՝ ՃԱ—ՃԲ դարերի հայ ստանկագիրք և թողարկեցի ու Մաթ հայերը.—«Էջմիածին», 1960, № 4, էջ 38—44; Լ. Բ. Մանուկյան. Պողոս Տարոնացի. Երևան, 1980, էջ 96—105; В. А. Арутюнова-Фиданян. Армяне-халкедониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980, с. 57—59.

⁴⁰ Н. Я. Марр. Цаты (iaφ) палеонтологически.—В кн.: Մաղն և հայագիտությունը. Երևան, 1968, էջ 198:

⁴¹ Պողոս Երանեղոս Պողոսի Տարոնացի, յաղթող տիրուհան վարդապետի՝ ընդդէմ Բէն-փրատեայ հոռոմ յիլիստիային. Կ. Պոլիս, 1752, էջ 260:

слабое звено в цепи суждений Н. Адонца—термин *մկրտել* (крестить) Ухтанеса, на которое указал еще Л. Лисицян, переводчик статьи Н. Адонца на армянский язык⁴². Когда Ухтанес писал о крещении цатов, он вовсе не имел в виду принятие цатами христианства, а только лишь их крещение, что не одно и то же.

В христианской церкви еще со времен ее организации возникло множество ересей. Еретиками были христианами, но при их возвращении в лоно «православия», по правилам официальной церкви их следовало заново крестить. Об этом постановляет 19-е правило как Первого, так и Второго Никейских соборов, 8-е правило собора в Лаодикии и многих других соборов, принятых и армянской церковью⁴³. Павликиане были христианами, даже считали себя истинными христианами, но Алексей I Комнин с помощью епископа города Nikei и филиппопольского архиепископа крестил возвращающихся в «православие» павликиан (той θείου μετέστου βαπτισματος)⁴⁴.

Для византийцев армяне-монофизиты были еретиками. В своем послании, адресованном армянскому католику Хачику (973—992 гг.), севадийский митрополит неоднократно именовал армян еретиками⁴⁵, которых, если они становились диофизитами, следовало заново крестить. Грузинский летописец XIII в. пишет о братьях Закарэ и Иванэ Захаридах: «... хотя они по вере были армяне, но зато—почитателями православия. Иванэ был прекрасным знатоком священного писания, в силу чего постиг всю кривизну веры армян, перекрестился и стал истинным христианином»⁴⁶.

А для армян-монофизитов еретиками были диофизиты (греки, грузины). Матфей Эдесский именует греков «богоотступным и коварным народом еретиков»⁴⁷. Для армян-монофизитов таковыми были и армяне-халкедониты. Исполняя предписания принятых армянской церковью вышеупомянутых церковных соборов, армянский католикос Анания I Мокаци (946—968 гг.), современник Ухтанеса, повелел армянскому клиру заново крестить армян-халкедонитов. Об этом красноречиво свидетельствует Степанос Таронаци: «Все они по приказанию владыки Анании по глубокому исследовании божественных книг и на их основании постановили вторичное крещение для последователей халкидонского собора»⁴⁸ («ըրաղկեդոնականն մկրտեալսն կրկին անգամ հրամայեցին մկրտել») ⁴⁹.

⁴² «Հանդես Ամսօրյա», 1912, էջ 264, ծան. 3:

⁴³ Կանոնագիրք Հայոց, աշխատախորհրդամբ Վ. Հակոբյանի. հ. Ա, Երևան, 1964, էջ 130; հ. Բ, Երևան, 1971, էջ 76, 230:

⁴⁴ Anne Comnène Alexiade, ed. В. Leib, t. III, Paris, 1945, p. 182.

⁴⁵ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н. Эминим, М., 1864, с. 144.

⁴⁶ См.: В. Дондуа, Базили, историк царицы Тамары.—В сб.: Памятники эпохи Руставели, Л., 1938, с. 48. См. также: Լ. Մելիքյանի Վրաց աղբյուրների Հայաստանի և հայերի մասին. հ. Բ, Երևան, 1936, էջ 11:

⁴⁷ Մատթէոս Ունհայեցի. Ժամանակագրութիւն. Վաղարշապատ, 1898, էջ 96: Ср. Повествование вардапета Аристакаса Ластивертци. Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна, М., 1968, с. 71.

⁴⁸ Всеобщая история Степаноса Таронского, с. 123.

⁴⁹ Ստեփանոսի Տարոնացոյ Ասողկան Պատմութիւն տրեղերական. Պետերբուրգ, 1887, էջ 178: Ср. также замечание Л. Лисицяна, переводчика статьи Н. Адонца на арм. яз., с. 264, прим. 3.

Итак, Ухтанес, писавший о крещении цатов в 986 г.⁵⁰, имел в виду приведение в исполнение распоряжения католика Анании I Мокаци о повторном крещении армян-халкедонитов. Эти два факта так совпадают хронологически, что думать иначе нельзя. Согласно Ухтанесу, борьба за крещение цатов происходила в годы царствования Смбага Багратуни (972—989 гг.), а Анания Мокаци умер всего за четыре года до начала царствования армянского царя. Таким образом, главный тезис, на котором зиждется предположение Н. Адонца о крещении «особого народа» цатов, т. е. по его предположению, христианизация этого «народа», лишен всех оснований. Но это еще не все. Ухтанес писал о крещении не только цатов, проживающих в областях, больших селах, городах и крепостях, но и цатов *монахов* монастырей, *иноков* и *пустынников*. Но какие могли быть зотты или зутты, которые, еще не приняв крещения (по предположению Н. Адонца—не став христианами), были уже монахами, иноками и пустынниками?

Итак, Ухтанес имел в виду вторичное крещение армян-халкедонитов, а не принятие зоттами христианства. Это косвенно явствует и из другого сообщения того же Ухтанеса. Н. Адонц писал об арменизации зоттов, о том, что они усвоили армянский язык, что их полная арменизация «наступила после принятия христианства или фактически совпала с моментом крещения». Но когда читаешь внимательно текст Ухтанеса, то ясно видно, что крещения цатов фактически не было, а были лишь попытки их крестить, причем насильственно. Эти попытки в основном не дали ожидаемого эффекта. Ухтанес писал, что цаты направили на армян (т. е. на армян-монофизитов.—Р. Б.), стремившихся их крестить, по нашему убеждению—отдалить их от халкедонитства, «страх и опасения и угрозы», что «они (цаты.—Р. Б.) не довольствовались подобными злыми выходками, но вступали в схватку и бой и старались завлечь нас в свои сети всевозможными уловками, посредством разных хитростей, многих и разнообразных злых деяний и даже измены»⁵¹.

Вывод один: армянская церковь скорее защищалась от происков и посягательств армян-халкедонитов, инициаторами же этой борьбы были именно цаты.

Происки армян-халкедонитов в Армении имеют многовековую историю, их подстрекателями были византийское правительство и церковь. Не обращаясь к более ранней эпохе, вспомним, что армяне-халкедониты еще в IX в. старались склонить на свою сторону армянских Багратидов⁵². Армянские халкедонитские монастыри в Армении зачастую играли роль агентов Византийской империи⁵³. Их деятельность стала

⁵⁰ О дате см.: Ն. Ազիւնյան. Կյուրիոն կաթողիկոս վրաց, էջ 54:

⁵¹ Ուխտանեսու, էջ 14—15: Перевод Н. Адонца. Указ. соч., с. 238—239.

⁵² Н. Я. Марр. Аркауи, с. 8.

⁵³ Одним из важнейших агентурных центров был Валаршакерт. См.: Արիտտակեւ Նախարարի վերջին, էջ 36. Подробнее: Օտար աղբյուրների Հայաստանի և հայերի մասին 10. Բյուզանդական աղբյուրներ, դիրք 9, Հովհաննես Ազիւնյան. Քարգմանութուն բնագրից, առաջարան և ծանոթագրութուններ 2. Բարթիկյանի. Երևան, 1979, էջ LXVIII—LXIX. Таковым центром византийской агентуры был и основанный в 1083 г. в Филиппополе армянином-халкедонитом Григорием Пакурианом монастырь св. Богородицы. См.: Н. Я. Марр. Аркауи, с. 25. См. также: Р. М. Бартиян. Роль Иоанна Атмана ...

особенно активной в эпоху византийской экспансии в Армении в X—XI вв. И не удивительно, что армянские Багратиды и армянская церковь именно во второй половине X в. предприняли серьезные меры против них. Это было после завоевания империей Мелитенского региона в 934 г., после взятия города Феодосиополя-Карина в 949 г., после подлой аннексии Таронского княжества Багратидов в 966 г. Ибо армяне-халкедониты, по словам Ухтанеса, прибегали даже к измене, под которой нельзя подразумевать иное, чем измену по отношению к армянскому государству и церкви. Эта борьба должна была, разумеется, принять формы борьбы конфессиональной. Не случайно, что именно в эти годы Анания Нарекаци вручил католикосу Хачику (973—992 гг.) свое антихалкедонитское произведение «Корень веры» («Գգիրն Հալիստորման՝ որ ընդ դէմ երկարեմալացն») ⁵⁴. Не забудем, что борьбу против цатов возглавил царь Армении Смбат (972—989 гг.) и ему понадобилось руководство в защиту армянского вероисповедания. В этой борьбе, бесспорно, победили армянское государство и церковь. Армянам-халкедонитам, по всей вероятности их части, не оставалось ничего иного как, спасаясь от преследований и угрозы насильственного их обращения в вероисповедание армян, искать убежище в регионах Армении, вошедших недавно в состав Византийской империи, где наверняка существовали общины армян-халкедонитов. По данным Никона Черногорца цаты в его время, т. е. во второй половине XI в., «уже с давних пор» (ἀπὸ τῶν ἀνωθεν χρόνων) проживали в Месопотамии. Но что имел в виду Никон под Месопотамией? Не древнее Междуречье или Месопотамию Синекдема Иерокла ⁵⁵, а, бесспорно, основанную в годы правления византийского императора Льва VI (886—912 гг.) фему Месопотамия, которая охватывала территории I Армении и II Армении, а также часть IV Армении. Фема эта граничила с севера с фемами Колония и Халдия, с востока—с владениями халифата, с юга—с фемой Ликанда, а с запада—с фемой Севастия ⁵⁶. По данным сочинения Константина VII Порфирородного (913—959 гг.) Львом VI в состав фемы были включены Камах и Акилисена (по арм. *Եկեղեցւոց գաւառ*), а Романом I Лекапином—Романополис (арм. Джапахджур—*Ճապաղճուր*) ⁵⁷ и Ханзит ⁵⁸ (арм. *Սհճիտ*, Анзитена византийских источников, находившаяся в IV Армении). Именно в этой Месопотамии мы встречаем цатов в памятных записях армянских рукописей XIII в., именно там, где их локализует Мхитар Апаранци в 1410 г. (Ерзынка), именно там, наконец, где еще до геноцида армян в 1915 г. существовали армянские селения хай-хоромов, армяно-ромеев, т. е.

⁵⁴ Ուխտանէս, էջ 11.

⁵⁵ Уменьше, локализующие цатов в Сирии, исходили из неправильной интерпретации топонима «Месопотамия» Никона Черногорца.

⁵⁶ Constantino Porfirogenito. De Thematibus. Introduzione, testo critico, commento a cura di A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952, p. 139—140. См. также карту Э. Хонигманна: Fines Orientales Imperii Byzantini c. annum 960.—В кн.: E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1961.

⁵⁷ E. Honigmann. Une „Scala“ géographique copte-arabe et l'emplacement de Romanopolis en Arménie.—Trois Mémoires posthumes d'Histoire et de Géographie de l'Orient Chrétien, Subsidia Hagiographica, № 35, Bruxelles, 1961, pp. 87—123.

⁵⁸ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek Text edited by Gy. Moravcsik, English Translation by R. J. H. Jenkins, Budapest, 1949 p. 238.

армян-халкедонитов. Замечательно, что в районе Ерзынки в указанное время было армянское село с названием «Цаты» (*Շաթեր*) ⁵⁹.

Выше мы говорили об армянских халкедонитских монастырях, в которых были переписаны армянские книги, где мы встречаем интересующие нас памятные записи. В них указаны места, где находились названные монастыри. Локализовать их нетрудно. Это регион города Акн, на границе Малой и Великой Армений, Чмшкадзак. Здесь необходимо указать, что в Акне в начале нашего столетия селения армяно-ромеев носили те же названия, что и селения, в которых были переписаны интересующие нас рукописи и памятные записи XIII в. Об этом еще будет сказано в нашей третьей статье. Отметим здесь только, что все сказанное дает нам возможность документально проследить историю армяно-ромеев хотя бы с XIII в.

Но когда и откуда пришли сюда эти армяне, в особенности интересующие нас армяне-халкедониты? Согласно традиции проживающих в XIX—начале XX вв. в этом регионе армян, их предки переселились из Васпуракана после упразднения царства Арцрунидов в 1021 г. Именно тогда, согласно той же традиции, был построен город Акн ⁶⁰. Как известно, последний царь Васпуракана Сенекерим Арцруни уступил свое царство византийскому императору Василию II (976—1025 гг.) и обосновался в регионе города Севастии, бывшего когда-то центром II Армении Юстиниана I. О переселении Сенекерима Иоанн Скилица пишет: «В эти годы Сенекерим, архонт Верхней Мидии, которую теперь называют Аспраканией (т. е. Васпуракан.—Р. Б.), всей семьей перешел на сторону императора (Василия), уступил принадлежащую ему всю страну, получив взамен в качестве домена следующие города: Севастию, Ларису, Авару и многие другие владения, был удостоен титула патрикия и должности стратига Каппадокии» ⁶¹. В армянских источниках отмечено также, что Сенекерим уступил византийскому императору 8 городов, 72 крепости, 4000 селений. Число армян, перебравшихся в Византию насчитывалось 14 000 мужчин, не считая женщин и детей ⁶².

Мы не отрицаем верность традиции об обосновании здесь армян, в том числе армян-халкедонитов в 20-х гг. XI в., но не исключаем возможности того, что армяне-халкедониты пришли сюда раньше, как уже сказано, во второй половине X в., более конкретно—в годы правления багратидского царя Смбата (972—989 гг.). Не исключено, что в новых местах их обитания уже существовали селения армян-халкедонитов и пришельцы еще больше упрочили существующие центры армян-халкедонитов. Они, вероятно, были образованы во второй половине IX в., о чем свидетельствует патриарх Фотий (858—867, 877—886 гг.). Он пишет, что им было отправлено «армянам-таронитам, проживаю-

⁵⁹ Селение с таким же названием существует и до наших дней в Туманянском районе Армянской ССР. Наверное именно оно упомянуто в лапидарной надписи 1221 г. (см.: Կ. Ղաֆադարյան. Սանահի վանքը և նրա արձանագրությունները. Երեւան, 1957, էջ 133).

⁶⁰ Ղ. Ինճիճյան. Աշխարհագրությունը շորից մասանց աշխարհի, Կ. Ա., էջ 302.

⁶¹ Ioannis Scylitzae; Synopsis historiarum, p. 354—355. Ср. также: Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина, М., 1972, с. 282.

⁶² Քաղաքացի վարդապետի Արժրունույ Պատմութիւն տանն Արժրունեաց. Թիֆլիս, 1917, էջ 509. նաև Սամուէլի բանաստի Անեցույ Հաւարմունքի գրոց պատմագրաց. Վաղարշապատ, 1893, էջ 104.

(ΓΑΥΡΑΣ—ΓΑΒΡΑΣ)

Доктор ист. наук Р. М. БАРТИКЯН

III

Гаврасы Западной Армении по армянским источникам XIII века

Единственными источниками, дополняющими наши сведения о Гаврасах Западной Армении, являются памятные записи армянских рукописей. Они косвенно указывают не только на подвластный Гаврасам территориальный ареал, но и называют имена ряда членов этой семьи, оставшихся неизвестными ученым, специально занимавшимся просопографией данной фамилии. Становится ясным, что они служили в Румском султанате Икония, были правителями (эмирами) эмирата, входившего в состав государства сельджукидов Малой Азии. Вместе с тем становится известным, что служба Гаврасов в Армении, начавшаяся еще в середине XII в., продолжалась вплоть до падения Иконийского султаната.

В собрании армянских рукописей монастыря святых Иаковов в Иерусалиме под № 336 хранится армянская пергаменная рукопись, содержащая «Հարցոցս դիրք» („Regulae fusius tractatae“—монашеские правила) Василия Кесарийского (листы 3а—155а), а также «Հարանցս դիրք» („Жития свв. отцев“, листы 155б—285а). Оба труда написаны двумя переписчиками в армянском халкедонитском (диофизитском) монастыре. На листе 2б рукописи имеется миниатюра св. Василия с греческой надписью: Ο ΑΓΙΟΣ ΒΑΣΙΛΙΟΣ (читай ὁ ἅγιος Βασίλειος). Напротив портрета св. Василия—фигуры двух молящихся монахов (стоящий—бородатый старец, сидящий—молодой безбородый), по всей вероятности, писцов двух частей рукописи. На нижних полях листа две памятные записи на греческом языке:

μνήσθητι καὶ τὴν ψυχὴν τοῦ δούλου σου	μνήσθητι καὶ τὴν ψυχὴν τοῦ δούλου σου Ἀ- μοναχοῦ ²
„Помяни, господи, душу раба твоего“	„Помяни, господи, душу раба твоего монаха А.....“ ³

щим в IV Армении и принявшим православие»⁶³, т. е. халкедонитство, два послания.

Выше говорилось о феме Месопотамия как о центре обитания армян-цатов. Таковыми были, наверное, Тарон и Держан, которые, будучи аннексированы Византией в 966 г., составили отдельные фемы⁶⁴. Переселяя цатов в Месопотамию, Тарон и Держан, Византия тем самым расширяла свои политические и социальные основы во вновь завоеванной и враждебно настроенной против империи стране, обеспечивала себя сторонниками, которые, будучи преследуемым элементом в армянском государстве, были готовы служить имперским интересам. Наверно их хорошо знал уроженец упомянутого региона епископ Ухтанес Себастиа, а также Погос Таронаци. Именно Ухтанесу во второй половине X в. было поручено написать историю цатов, именно Погос Таронаци возглавил догматическую борьбу против армян-халкедонитов и в первую очередь против их идеолога Феописта, бесспорно армянина-халкедонита. О Погосе Таронаци писал Матфей Эдесский: «В этом (1123 г.—Р. Б.) году скончался великий философ армян вардапет Погос. Он был мужем чудесным, знатоком Ветхого и Нового Заветов, трудов первых святых вардапетов. Он стал вторым Просветителем Армении, алмазным камнем в борьбе против еретиков, великим оплотом православных (т. е. монофизитов.—Р. Б.). На протяжении всей своей жизни он бесстрашно боролся против еретиков. Происхождением он был из Таронской области...»⁶⁵

В данное время в Армении не было ни павликиан (они были разгромлены в 872 г.), ни тондракитов (были уничтожены в середине XI в. византийским военачальником Григорием Магистром Пахлавуни), стало быть Матфей Эдесский под еретиками подразумевал армян-халкедонитов. Заглавие главного труда Погоса Таронаци свидетельствует о том же: «Послание блаженного вардапета Погоса Таронаци, поборника-победителя против Феописта, ромейского философа» (под словом «ромейского» подразумевается сторонник решений собора в Халкедоне). И другие произведения этого автора направлены на опровержение диофизитизма.

Подытоживая сказанное, мы пришли к выводу, что цаты являются армянами-халкедонитами, они не имеют ничего общего с предками теперешних цыган, наименование же зотт или зутт—лишь созвучно с «цат» армянских и византийских источников. Цаты проживали в основном на территории Карина, Ерзынки, Акна, Камаха, Чмшкадзака, в верхнем течении реки Евфрат. Что же касается этимологии наименования «цат», то об этом пока ничего определенного сказать нельзя.

Окончание следует

⁶³ J. Darrouzeš. Notes d'epistolographie et d'histoire de textes.—Revue des Etudes Byzantines, t. XII, 1954, p. 185.

⁶⁴ N. Oikonomidès. Les Lists de Précéance byzantines des IXe et Xe siècles, Paris, 1972, p. 265, 267.

⁶⁵ Մատթէոս Ուկնոմիտի. Փառանկադրութիւն, էջ 355—356.

* Окончание. Начало см.: Историко-филологический журнал, 1987, №№ 3, 4.

¹ Читай—δούλου.

² Читай—μοναχοῦ.

³ Имена просящих поминовения стерты последующим владельцем рукописи, знатоком греческого языка. На листе 13а этой рукописи, по сообщению издателя,

Кроме двух, относящихся к теме нашей статьи главных памятных записей, о которых речь пойдет ниже, в рукописи встречается и несколько других, более кратких, которые представляют для нас интерес упомянутыми в них именами монахов данного монастыря. Это «грешный священник Харитон» (*հարիտան*) и монах «Эвтаксес» (*Եւտակսէս*)⁴ переименованный в Евтимия (*Եւթիմի*), что лишний раз свидетельствует о том, что рукопись создана в армянском халкедонитском монастыре.

В главной памятной записи первого произведения рукописного кодекса № 336 (лист 155а) читаем:

«... написана [сия книга] в стране Сагик, в княжении *кпр Леона Гавраса* (*հիշխանութիւն Կեռ Լեոնի Ղաւրասի*), которого да хранит надежно Господь волею своей, аминь. [Написана] в монастыре, именуемом Новым, под сенью св. Богоматери, в лето от сотворения мира 6722. Завершено [писание] во вторник, 15-го числа апреля. Написана она рукою бесталанного диакона Сергия»⁵.

На листе 287а имеется памятная запись, сделанная четыре месяца спустя писцом «Житий свв. отцев»:

«Написана [сия книга] в лето от сотворения мира 6722, завершена 13-го числа августа месяца, в среду, в стране Сагик⁶, в монастыре, именуемом Новым, прозванном Гайл (= Волчий) монастырем, близ селения, именуемого Атма, в княжении *кпр Леона Гавраса*, благочестивого князя, которого да хранит Господь от всяких искушений»⁷.

Название месяца августа писец приводит не как армяне—*օգոստոս*, а как греки—*σηπτιμωσις* (читай *σηπτιμωσις*—*Αύγουστος*). Это тоже свидетельствует о халкедонитском происхождении рукописи. «Страна Сагик», как мы увидели выше, отождествляется с Чмшкадзаком, по слова «близ селения, именуемого Атма» дают нам возможность определеннее локализовать Новый (или Волчий) монастырь. Дело в том, что около города Акн, на левом берегу реки Евфрат вплоть до конца XIX в. существовал ряд селений, населенных хай-хоромами (армянами-

имеется и другая, состоящая из четырех строк, памятная запись на греческом языке, текст которой, к сожалению, не приведен в издании. См.: *Մայր ցուցակ ձեռագրաց սրբոց Յակոբեանց, հ. Բ, կազմեց Նորայր Եպս. Պողոսեան. Երևուսդէմ, 1967, էջ 220:*

⁴ К северу от города Акн, района, где, как увидим, создана данная рукопись, еще в XIX в. был монастырь, построенный по преданию во имя мученика стратига *Եւտակսի* или *Եւտակսի* (Евстахий или Евстафий). По всей вероятности, имя именно этого святого носил монах Эвтаксес. О монастыре см.: *Հ. Կ. Ճանիկյան. Հնութիւնք Ակն. Քիջիւ, 1895, էջ 35:*

⁵ *Մայր ցուցակ ձեռագրաց սրբոց Յակոբեանց, հ. Բ, էջ 221:* Памятная запись переиздана А. Матевосяном. См.: *Հայերն ձեռագրերի հիշատակարաններ, ԺԳ դար, կազմեց Ա. Ս. Մաթևոսյան. Երևան, 1981, էջ 834—835:* На листе 13а этой рукописи имеется и другая памятная запись в четырех строках на греческом языке. Она, с исправлением орфографических ошибок и открытием лигатур, читается так: *Δ' εὐχῶν τῶν ἁγίων πατέρων ἡμῶν κύριε Ἰησοῦ Χριστέ θεε ἡμῶν ἐλέησον ἡμᾶς. Κύριε βοήθει τὸν δοῦλον σου. Σεργίου διακόνου ἀμαρτωλοῦ καὶ ἀναξίου* («Молитвами святых отцев наших Господи Иисус Христос, бог наш, помилуй нас. Господи, помоги твоему рабу, Сергию диакону грешному и негодному»). Нетрудно заметить, что упомянутый здесь диакон Сергий и «*սարկաւազ Եւրպի*», писец труда Василия Кесарийского, одно и то же лицо.

⁶ На полях рукописи указано, что «страна Сагик»—это Чмшкадзак.

⁷ *Մայր ցուցակ ձեռագրաց սրբոց Յակոբեանց, հ. Բ, էջ 221:* Ср.: *Հայերն ձեռագրերի հիշատակարաններ, ԺԳ դար, էջ 835:*

халкедонитами). Они носили названия: *Վանք* (Ванк), *Շրշու* (Шрзу), *Շրշուի Ագրակ* (Хутор Шрзу), *Աթմա* (Атма)⁸. Другие селения хай-хоромев вокруг города Акн были *Զորակ* (Дзорак) и *Մուշեղկան* (Мушегкан, т. е. Мушегика)⁹. По предположению Джаникяна церковь св. Георгия села Ванк в прошлом была монастырем (ванк), от которого и получило свое название село¹⁰. Атма, бесспорно, и есть то селение, вблизи которого находился Новый монастырь. И поскольку по-армянски монастырь—*վանք*, (ванк), а Атма находилась вблизи селения, именуемого Ванк, последний и есть то селение около города Акн, в котором была написана рукопись № 336.

Самое трудное—правильная датировка памятной записи. Как мы увидели выше, обе записи датированы 6722 годом от сотворения мира. Если армяне-халкедониты данного региона придерживались эры константинопольской (5508=1 г. н. э.), то датировать запись нетрудно: 6722—5508=1214 г. Но правильно ли это? Все дело в том, что Евангелие, о котором будет сказано ниже, датируется и годом от сотворения мира—6951 и годом армянского летосчисления—721 (+551=1272 г.). Поскольку армянская дата не вызывает сомнений, 6951 год от сотворения мира должен соответствовать 1272 г., следовательно 5679=1 г. н. э. Этого не может быть. Бесспорно, *ՅԶՄ* (6951) нужно исправить на *ՅԶՄԱ* (6751)¹¹. Тогда получим 5479=1 г. н. э., дату, которая приближается к александрийской эре (5493=1) с ошибкой одного индикта—15 лет. Если и монахи—переписчики рукописи

⁸ *Հ. Կ. Ճանիկյան. Կղ. աշխ., էջ 34:* В памятной записи—*Աթմա*. У западных армян они звучат совершенно одинаково. Происхождением из этого селения Атма был игумен основанного в Филиппополе армянином-халкедонитом Григорием Пакурнаном монастыря Богородицы Иоанн Атман (*Իωάννης ὁ Ἀτμάνος*), который принимал активное участие в армяно-византийских церковных переговорах в 1170 г. в Ромкла. Данный факт красноречиво свидетельствует о том, что и столетие спустя монастырем руководили лица, приглашенные из центров армяно-халкедонитов коренной Армении. Об этом см. нашу статью: О связях монастыря Григория Пакурнана с Арменией.—*Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1988, № 6.*

⁹ См.: *Հ. Կ. Ճանիկյան. Աշխարհագրութիւն շրջից մասանց աշխարհի: Մասն Առաջին. Աթմա. հ. Ա, Կենտրին, 1806, էջ 308; Հ. Կ. Ճանիկյան. Կղ. աշխ., էջ 57—58, 59.*

О вышеупомянутых хай-хоромах (армяно-ромеев) интересную серию статей опубликовал в газете «*Ազատամարտ*» (Константинополь, 1910, №№ 246, 248, 254, 257, 261, 276) Фархад, согласно которому в казе г. Акн были следующие селения армяно-ромеев: Дзорак, Мушегика, Шрзу и Ванк. В казе Камаха—Хогус. Во всех этих селах к 1910 г. проживало около 2000 армяно-ромеев. В официальных документах министерства внутренних дел Турции они именовались «эрмени-рум» (армяно-греками). Их родной язык—армянский, священники свои проповеди читали на армянском языке. Часть армяно-ромеев, как и армян-монофизитов в годы восстания эрзрумского Абазы паши была вынуждена оставить родные места и обосноваться в северо-западной окрестности малоазийского полуострова, в Никомидийской области. В 1924 г. армяно-ромеев Акна и района Никомидии были переселены в Грецию (около Фессалоник и на острове Эвбиа). Они на упомянутом острове основали село, существующее и поныне—*Νέον Ἐγκίν* (Новый Акн). См.: *Γ. Ι. Ἀναστασιάδου. Νεὶ-χουροῦμ (ἀρμενόγλωσσοι Ἑλληνας). Μικρασιατικὰ χρονικά. Σύγγραμμα περιοδικὸν ἐκδιδόμενον ὑπὸ τοῦ τμήματος Μικρασιατικῶν μελετῶν τῆς Ἐνώσεως Ἑυρωπαϊῶν, τόμος Δ' Ἀθήναι, 1948, σελ. 34—46.* Все армяне этого села и поныне армяноязычны.

¹⁰ *Հ. Կ. Ճանիկյան. Կղ. աշխ., էջ 58:*

¹¹ Буквы *Զ* и *Մ* у западных армян звучат совершенно одинаково—«ч». Но здесь скорее всего опечатка.

№ 336 придерживались александрийской эры, то данная рукопись, с допущенной ими ошибкой, написана в 1243 г.¹²

Следующий представитель семьи Гаврасов—Константин упомянут в памятной записи армянского Евангелия, созданного также в армянском халкедонитском монастыре. Рукопись, которая до геноцида армян в 1915 г. находилась в монастыре св. Иоанна в Егрдуте в городе Муш (Тарон), в данное время утеряна, нам о ней известно только по каталогу, составленному в 1912 г. В памятной записи рукописи было написано:

«Написано сие светлое Евангелие в лето 6951 от сотворения мира и в 721 году армянского летосчисления (721+551=1272 г. н. э.—Р. Б) в стране Шержиу¹³ и в монастыре тех же славных мучеников Сергия и Вакха, на берегу реки Евфрат, под сенью всесвятой Богородицы, в княжении амира кир Константина Гавраса (իշխանութեան Կիր-Կոստանդին),¹⁴ Ղառաւ ամիրային), которому, семье которого и детям да помилует Христос многие лета, аминь»¹⁵.

Выше уже была отмечена ошибка переписчика в передаче даты от сотворения мира—вместо 3200 (6951) должна была быть 3201 (6751)¹⁶, что согласно переписчику соответствует 721 г. армянской эры (1272).

«Страна Шержио» (Շէրժիոյ, род. пад. ед. числа), что является средневековым греческим произношением род. падежа имени Σέργιοσ—Σεργίωσ (произносится Серйиу)¹⁷, бесспорно идентична с селением Շրջու (Шрзу) или Շրճի (Шрзи) города Акн, существовавшего еще до начала нашего века и принадлежавшего хай-хоромам (армянам-халкедонитам). Как мы увидели выше, Шрзу находилась рядом с селом хай-хоромов Ванк, где, по нашему предположению, написана рукопись № 336, а последнее, как указано в памятной записи этой рукописи, находилось рядом с селом Атма. Следовательно, известные нам из этих памятных записей селения Ванк, Атма, Шержио—три из четырех находившихся на левом берегу реки Евфрат селений города Акн, принадлежавших хай-хоромам, рукописи же созданы предками хай-хоромов XIX—начала XX в.

Итак, в указанное в памятной записи время правителем (эмиром) региона был Константин Гаврас, носивший греческий эпитет «кир»—господин, но и арабский титул «амир».

¹² Н. Богарян на основании данных армянской рукописи 1430 г., переписанной в Кафе, датирует рукопись № 336 1298 г. См.: Մայր ցուցակ ձեռագրաց սրբոց Յակոբեանց. Կ. Ք, էջ 109—110. На наш взгляд, хронологические данные поздней монофизитской рукописи не пригодны для датировки нашей рукописи.

¹³ Издатель почему-то приводит топоним со строчной буквы.

¹⁴ Запятая—издателя, она не нужна.

¹⁵ Մ ա հ ա կ Ա. Մ ս ր յ ա յ ա ն, Ն ա զ ա ր ե ք Պ. Մ ա ր տ ի ր ո ս յ ա ն. Յուցակ ձեռագրաց Մշո ս. Առաքելոց-Թարգմանչաց վանքի և շրջակայից. Երևանում, 1967, էջ 97—98. Ср.: Հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, ԺԳ դար, էջ 421.

¹⁶ Издатель памятной записи хотя и отметил дату—3200, но читал 6751.

¹⁷ Греческая фонема „γ“ перед гласными „ι“, „ε“ произносится как английская „у“ и немецкая „ј“ в начале слова. Она в армянских средневековых источниках, начиная с X в. передается через „ճ“ (ж). Ср. մաճիստրոս (греч. μάγιστρος), Ժան (греч. Γιάννης, т. е. Γιάννης), Պորփիրոսեն (греч. Πορφυρογένητος) и т. д.

Как мы увидели выше, у нас предостаточно фактов считать местами создания отмеченных выше рукописей монастыри армян-халкедонитов. Но следующее Евангелие, о котором пойдет речь, содержит прямое свидетельство об этом. Евангелие в настоящее время находится в хранилище рукописей армянского католикосата Киликии под № 223¹⁸. Кроме Евангелия, в кодексе содержится канон (листы 223а—251а), составленный „по порядку ромеев“ (առաւ կարգին Հոսովոց). Иллюминатором рукописи был монах Мегофан (Մեցոֆան), т. е. Митрофан, переписчиком—Феофил (Փեոֆիլէ), который создал ее по просьбе պապա Պաւլէ (папá Павлэ), т. е. священника (греч. παπᾶς)¹⁹ Павла, которого Феофил именует «զաւակ իմ ըստ մարմնոյ» (сыном по плоти) и «սուղափառ» (православным, т. е. диофизитом) монахом, а также молитвами «եղբար իմոյ ըստ մարմնոյ» („брата моего по плоти“) великого отшельника монаха «պապա Նիկաւլա» (папá Никола). Писец отмечает также, что средства для приобретения чернил предоставила ему его «հոգևոր քույրս» („духовная сестра“) Քուճախի (т. е. Θεοχαίς). Наконец, игуменом монастыря назван Օնոֆրիոս (Онуфрий). Такое обилие греческих имен при отсутствии армянских, явно свидетельствует о происхождении данной рукописи, но, как отметили выше, на это есть и прямое свидетельство. Переписчик называет себя «Թէոֆիլ ծաղ» (Феофил цат).

В памятной записи читаем:

«... Написано сие светлое святое Евангелие в стране Сагик, в пустыне именуемой Жглик, под сенью святого и великого пустытника и отшельника Онуфрия в княжении христоролюбивого и благочестивого парона нашего шахиншаха Василия Гавраса (պարոնի մերոյ շահնշահ Վասիլիու Ղաւրասա) которого Христос бог да хранит неискушенным вместе с Христом венчанной супругой его и богом данными его детьми и братьями, аминь.

Написано в лето 6784, месяце сентябре. Оно было закончено в первом дне, [написание] же было начато 3-го июля и здесь было закончено во славу Христа бога нашего, который да будет благословенным во веки».

Итак, и данное Евангелие, и предыдущий труд Василия Кесарийского написаны в одном и том же монастыре страны Сагик. Разница в том, что если в памятной записи рукописи № 336 монастырь именовался Новым или Волчьим, то здесь мы имеем Жглик. Этот топоним нам неизвестен из других источников. Основанием для отождествления монастырей Жглик и Волчий (Գալլ) для нас служит окончание топонима Жглик, которое может быть греческое слово Лик (Λύκος), означающее Волк²⁰. Интересно, что ряд имен, упомянутых в записи,

¹⁸ Մայր ցուցակ հայերեն ձեռագրաց Մեծի տանն Կիլիկիոյ կաթողիկոսութեան, կազմեց Ա. Վրդ. Գանիելեան. Անթիլիաս-Կրթանան, 1984, էջ 545—546. Ср.: Հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, ԺԳ դար, էջ 940—942.

¹⁹ Еще в конце XIX в. хай-хоромы Акна именовали своих священников պապա (παπᾶς). См.: Հ. Կ. Ժ ա ն ի կ յ ա ն. Ն զ Վ. ա շ խ., էջ 35.

²⁰ Ср. греческое наименование реки—Λύκος, в армянских источниках передается в переводе—Գալլ գետ. Кстати, река, текущая близ Ерзынки, называлась Գալլ (Λύκος, т. е. Волк).

приведен с греческим окончанием родительного падежа—*Ονοφρηου* (Онофриу т. е. *Ὀνοφρίου*), *Ψαυήριου* (Василиу—*Βασυήριου*).

Нам стало известно, что к 6784 (=1305)²¹ году в регионе Сагик властвовал *царьнн շահնշահ* (парон шахиншах) Василий Гаврас. По всей вероятности, он был выдающейся личностью, поскольку встречаем его и в других памятных записях армянских рукописей. В собрании рукописей монастыря святых Иаковов под № 1273 хранится Сборник религиозных текстов (*Փողովածոյ կրօնական*), датируемый Н. Богаряном XIII в. На стр. 188 рукописи сохранилась памятная запись писца:

«Итак, я умоляю всех читателей и слушателей помянуть в своих святых и светлых молитвах высокородного князя князей парона *Василия* (*իշխանաց իշխողն, զպարոն Վասիլի*) с его богом даренными детьми»²².

Хотя мы здесь не имеем фамильного имени—Гаврас, но бесспорно, что это тот же Василий Гаврас (сравни ниже).

Евангелие № 223

Рукопись № 1273

«...ընդ իշխանութեամբ... պարոնի մերոյ շահնշահ Վասիլիու Ղաւրասա, զոր Քրիստոս Աստուած խաղաղութեամբ անփորձ պահեսցէ հանդերձ քրիստոսապատկամունոյ և աստուածատուր զաւակաց իւրոց...»:

«Յիշեցչիք ի սուրբ և ի մարրափայլ աղակիս ձեր, զմեծագարմ իշխանաց իշխողն, զպարոն Վասիլի, հանդերձ աստուածապարզ և զաւակաւ իւրով»:

Примечательно, что если в памятной записи Евангелия Василий Гаврас именуется *շահնշահ*—шахиншахом, то в рукописи № 1273 это персидское слово передано по-армянски—*իշխանաց իշխողն*—князь князей²³.

Не исключено, что переписчиком данной рукописи был тот же монах Феофил, а место составления рукописи—тот же монастырь в Сагике (=Чмшкадзак). Это решить нетрудно, если сравнить почерки обеих рукописей, но, к сожалению, мы не имеем этой возможности, поскольку рукописи находятся вне пределов нашей страны.

Наконец, Василий Гаврас без своего фамильного имени упомянут и в четырех памятных записях священника Тороса армянского пергаменного Сборника (*Փողովածոյ*), рукописи № 1722 собрания рукописей монастыря святых Иаковов²⁴. На с. 17 встречается первая памятная запись:

«О, читатели, настоятельно умоляю вас, помяните во Христе князя князей парона *Василия* (*զիշխանաց իշխանն զպարոն Վասիլին*)».

На стр. 140 пятая памятная запись:

²¹ Если считать первым годом н. э. 5479 г., то по александрийской эре это 1291 г. 22 б. Պ ո ղ ա թ յ ա ն. Յ ո յ ա կ ձ ե ռ ա գ ռ ա յ, հ. Դ, էջ 456—459.

²³ В X в. *իշխանաց իշխան* и *շահնշահ* в византийских официальных документах передавались термину *ἀρχων τῶν ἀρχόντων*. В послании Иоанна Цимисхия царю Армении Ашогу III Багратиду *ἀρχων τῶν ἀρχόντων* греческого оригинала (ср. и у Константина Порфирородного: *Constantini Porphyrogeniti Imperatoris De Cerimoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine e recensione Io. Iac. Reiskii, vol. I, Bonnae, 1829, lib. II, cap. 48*) переведен *շահնշահ*—шахиншах. См.: Մ ա ա Թ է ո ո ի Ու ա ն ա յ ե յ ա յ ժ ա ի ն ա կ ա ղ ա գ ռ ու Թ ի Ն Ն. Վ ա գ ա թ շ ա պ ա տ, 1898, էջ 19.

²⁴ б. Պ ո ղ ա թ յ ա ն. Յ ո յ ա կ ձ ե ռ ա գ ռ ա յ, հ. Դ, էջ 33—34. Рукопись Н. Богаряном не датирована.

«О, мои святые господа, челом бью и умоляю вас именем любви Иисуса Христа, помяните в ваших святых и очищающих грехи молитвах князя князей парона *Василия* вместе с родителями и детьми, а также меня, негодного слугу божьего и вашего священника Тороса, аминь».

На стр. 151 шестая памятная запись:

«Христе Боже, предстательством твоей святой матери, отпусти грехи парона *Василия* и его родителей, аминь».

На стр. 214 восьмая памятная запись:

«Князя князей парона *Василия*, его родителей и весь его род, усопших и здравствующих, помяните во Христе добром, и бог помянет вас в настоящей и будущей [жизни], аминь».

Нельзя не обратить внимания на одно интереснейшее обстоятельство. Писцы армяне-халкедониты в своих памятных записях упоминают своих непосредственных правителей Гаврасов, т. е. армян-халкедонитов, замалчивая имена и сельджукских государей-мусульман, и царей Киликийского армянского государства—армян-монофизитов, в то время как писцы армяне-монофизиты, в том числе и те, которые творили в тех же регионах, где и армяне-халкедониты, упоминают в основном своих единоверных царей Киликии и армянских католикосов, хотя последние в политическом отношении не имели с ними ничего общего. И датировка памятных записей армян-халкедонитов отличается от датировки армян-монофизитов. Первые в основном придерживаются византийской эры от сотворения мира, а вторые—армянской.

Итак, можно сказать, что все известные нам Гаврасы правили в регионе Аки—Чмшкадзак, входивших в области Карина, в составе которой находилась и Ерзынка, где еще в 1410 г. локализуется цатов Мхитар Апаранци.

IV

Гаврасы Северо-восточной Армении в XII—XIII веках

В предыдущих статьях были рассмотрены вопросы об этнической принадлежности византийской феодальной фамилии Гаврасов, деятельности ее членов в Малой Азии и Западной Армении. Но если Гаврасы в Византии представляли собой одну из многочисленных армянских аристократических семей на службе империи, представители которой в XII—XIII вв. служили также у турок-сельджуков, то их наличие в Северо-восточной Армении именно в то же время, не может не вызывать удивления. Ни в армянских, ни в византийских первоисточниках о переселении Гаврасов в указанный географический ареал нет и намека. Перед исследователями возникает вопрос: какое отношение имеют Гаврасы Северо-восточной Армении к Гаврасам Малой Азии и Западной Армении. Принадлежали ли они к одной и той же фамилии, или между ними были установлены только лишь связи и отношения свойственников? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо ознакомить исследователей с данными армянских источников о Гаврасах Северо-восточной Армении. Как ни странно, сведения о них мы черпаем главным образом из тех же памятных записей армянских рукописей, которые, будучи современными описываемым событиям, являются весьма надежными источниками.

В Матенадаране им. М. Маштоца в Ереване под № 1519 хранится пергаменное Евангелие, датированное 1232 г. Писцом и миниатюри-

стом его является известный Игнатий²⁵, заказчиком—патрон Хаврас. На листе 99б встречается следующая памятная запись писца рукописи:

«Помяните в своих молитвах патрона Хавраса (*ղլախրոն Խաւրաս*) и его жену Хатун²⁶, которые получили это Евангелие Багнайрской Богоматери в память их любимого и первородного сына Сасна, почившего во Христе в молодые годы и окутавшего большим трауром своих родителей. Читающие его, умоляем, помяните в своих святых молитвах»²⁷.

На листе 297а той же рукописи сохранилась другая пространная запись. Ниже приводятся отдельные отрывки, касающиеся исследуемой нами темы. В ней говорится об обстоятельствах создания данной рукописи, о ее заказчике:

«...высокопочтимый князь князей патрон Хаврас, сын амир Саргиса, который, амир Саргис, был братом матери кесарей армян и грузин и всех абхазцев благочестивых и Богом усиленных Закарэ великого и Иванэ, у которых он, Хаврас, воспитывался и вырос и с их милостью возвысился и прославился...»²⁸

Прежде чем продолжить рассказ об этом Хаврасе, необходимо остановиться на ряде вопросов. Во-первых, о передаче интересующего нас имени. Как мы увидели выше, в памятных записях армянских рукописей, созданных в Западной Армении, фамильное имя приводится именно так, как оно произносится у греков—*Χαυρασ*. А мы имеем *Խաւրաս*—Хаврас. Здесь все закономерно с точки зрения армянской фонетики. В армянских источниках фонемы «*խ*» /*х*/ и «*ղ*» /*г*/ чередуются очень часто. Это свидетельствует о том, что в средневековье в произношении этих двух согласных не было большой разницы²⁹. Кстати, ветвь Гаврасов, правивших в Крыму, а с 1391 по 1459 г. их было не менее семи, известна именно как *Ховра*³⁰.

Далее, титул «патрон», не что иное как греческий «*πάτρον*», был широко распространен в Северо-восточной Армении и Грузии. Если не по происхождению, то по своему значению совпадает он с «армянским» парон³¹ и греческим «кир», уже известных нам из памятных записей рукописей, упоминавших Леона, Константина и Василия Гаврасов. Полностью совпадают и титулы Гаврасов Западной Армении—*իշխանաց իշխան* (князь князей) и одного из Хаврасов Северо-восточной Армении, который также упомянут как *իշխանաց իշխան* (князь

²⁵ О нем подробно см.: Գ. Հովսեփյանց. Իգնատիոս մանրանկարիչ և Շոթոսկանց սոսճը: Նյութեր և առանձնագրեր Վրացի արվեստի և մշակույթի պատմության պրակ Ա. (արտատպված «Սիոն» ամսագրից), Երևան, 1935, էջ 15—40:

²⁶ Ее полное имя мы встречаем в другой памятной записи. Она называлась Хутлу хатун.

²⁷ Գ. Հովսեփյանց. Հիշատակարանք ձեռագրաց. Տ. Ա (Ե. դարից մինչև 1250 թ.), Անթիլիաս, 1951, էջ 885:

²⁸ Գ. Հովսեփյանց. Հիշատակարանք ձեռագրաց, էջ 885—886:

²⁹ Ср. имена Ղազար/Խազար, Ղալաշահ/Խալաշահ, Բուղա/Բուխա, Ղարիբ/Խարիբ, Ղաբիլ/Խարիլ (т. е. Գարրիել), Ղաթ/Խաթ, Ղրիմ/Խրիմ, Ղափան/Խափան: Титул монгольских властителей «хан» в армянских источниках чаще приводится как «*ղան*». Вблизи Севастии А. Инджиджяном упоминается селение «Хавраз» (*Խավրազ*), которое А. Брайер и его соавторы неверно называют Gavraz.

³⁰ См. о них: А. Васильев. Готы в Крыму.—Известия ГАИМК, 5, 1927; А. Вгугер. A byzantine Family. p. 172—173, 184.

³¹ В армянской лапидарной надписи 1262 г., там, где должно было фигурировать *պատրոն*, встречается *պարոն*. См.: Ն. Սարգսյան. Տեղագրությունք ի Փոքր և ի Մեծ Հայս. Վեներիկ, 1864, էջ 188:

князей). Что касается «кесарей» Закарэ и Иванэ, то они известные сыновья амиропасалара Саргиса Великого Долгорукого и Саһакадухт, занимавшие высокие посты в государстве грузинских царей. Закарэ умер в 1212 г., Иванэ—в 1234.

После смерти Закарэ Хаврас стал служить его сыну Шахиншаху. Об этом сказано в той же памятной записи:

«Высокопочтимый князь князей Хаврас сохранил и к нему ту же верность... и от него, и за свою верную службу был вознагражден, был удостоен великой чести, получил должность, именуемую по-грузински мсахур тахуцэс, что переводится по-нашему [армянскому] языку властвующая глава и повелитель всех владетелей и вельмож царствующего дома своего господина...»³²

В памятной записи далее говорится о безвременной кончине сына Хавраса, именуемого Сасна, о его захоронении в Багнайрском монастыре, как и захоронении первой жены Хавраса и матери Сасна по имени Хутлу хатун. Очень интересны подробности, касающиеся как Хутлу хатун, так и второй жены Хавраса—Змрухт хатун:

«...Всебогословенная Богом мать его (т. е. Сасна.—Р. Б.) Хутлу хатун была по происхождению персиянкой, но по зову и милостью Бога истинной служанкой Христа. Она скончалась два года спустя после кончины ее сына. А по повелению Бога высокопочтимый Хаврас, вместе со своей благочестивой женой, именуемой Змрухт хатун, которая по происхождению также была из тачиков, из великих нахараров персов, и она по благоволению и милости божьей была удостоена этой светлой веры [христиан]...»³³ Грешный слуга Христа Хаврас, положившись на человеческое благоволение Бога, заказал святое Евангелие в память моего первородного Сасна, его матери Хутлу хатун и моей—многогрешного, жены моей Змрухт хатун и моей любимой дочурки царицы³⁴ Танк, жены моего первородного сына, являющейся отпрыском и потомком армянских царей, а также за долголетие моего любимого сына Васака...»³⁵

Далее в записи указано, что Евангелие написано в 681 г. армянской эры (1232 г.) в знаменитом монастыре hOромос, игуменом которого был отец Симеон, и содержится мольба помянуть Сасна, в память которого и было написано Евангелие Хавраса и всех упомянутых выше.

Первую свою жену Хутлу хатун Хаврас называет по происхождению персиянкой, вторую—Змрухт хатун—принадлежащей к великим персидским нахарарам (бесспорно—амирам), которых в то же время называет «тачиками». Оба термина—«перс» и «тачик» в указанное время имели одно и то же значение,—подразумевались турки-сельджуки. Эти термины одновременно означали человека мусульманской веры. Как бы то ни было, и Хутлу хатун, которая, по всей вероятности, была незначительного происхождения, и Змрухт хатун, происшедшая из семьи сельджукской правящей верхушки, выходя замуж за Хавраса, приняли христианство. Это подчеркивает тесные связи Хавраса с

³² Գ. Հովսեփյանց. Հիշատակարանք ձեռագրաց, էջ 886—887:

³³ В рукописи лагуна в восемь строк.

³⁴ В оригинале—*թագուհի*. Слово это имеет несколько значений. Во-первых—царица, а также невестка. Неизвестно, что имел в виду Хаврас. О вопросе: см.: Գ. Հովսեփյանց. Իգնատիոս մանրանկարիչ, էջ 18:

³⁵ Գ. Հովսեփյանց. Հիշատակարանք ձեռագրաց, էջ 887—888:

Иконийским султанатом, что имело в указанное время больше политический, чем узкосемейный характер³⁶.

Вскользь были названы имена сына Хавраса и жены последнего Таик. Они известны и из лапидарных надписей того же монастыря в Багнайре, где (впрочем) был похоронен Сасна́. Из известной уже нам памятной записи Евангелия, Сасна́ в 1232 г. считался уже умершим. Мы имеем возможность датировать его кончину более или менее точно. В Багнайре, над южной дверью церкви, находится надпись, составленная матерью Сасна́ Хутлу хатун. Дата на камне, к сожалению, не четка, можно читать и *ՈՂԸ* (678+551=1229 г.), и *ՈՂԲ* (672+551=1223 г.)³⁷. В надписи мы читаем:

«В лето 678 (1229 или 672=1223) я, Хутлу хатун, с давних пор огороженную вотчину благочестивого князя *Хаваржа*³⁸, находящуюся в Мокке, и другие... [пожертвовала] являющемуся обиталищем ангелов святому монастырю в Багнайре в память наших родителей и нашего первородного Сасна́, безвременно почившего и окутавшего своих родителей большим трауром, в память которого я и построила на нем этот склеп. Служители моей святой Богоматери, боголюбивый отец Симеон и другие святые братья обязались ежегодно невозбранно, до второго пришествия Сына Божьего, совершать 40 дней литургии во имя Христа: 20 дней за Хатун, 10 дней за *Хавраса*, 10 дней за Сасна́...»³⁹

Поскольку имя настоятеля Багнайрского монастыря встречается и в памятной записи от 1232 г., вероятнее датировать надпись не 1223, а 1229 годом⁴⁰.

Хаврас вместе со своей второй женой Змрухт хатун упомянут и в памятной записи другого Евангелия, иллюстрированного тем же писцом и миниатюристом Игнатием⁴¹.

«О Господи, помяни в молитвах *патрона Хавраса* и его супругу Змрухт хатун, которая предоставила золото для книги»⁴².

Этим не кончаются наши сведения о семье Хавраса, сыне амир Саргиса. До нас дошла лапидарная надпись из того же Багнайра, датированная 1262 годом, из которой видно, что наш Хаврас был жив еще долго после 1234 г.:

«711 год (+551=1262). Волею божьей, я, *Хавраз*, внук *Хавраса старшего*⁴³, сын Асасна, [в память] о моем первородном сыне Сасна́, почившем во Христе в полугодовалом возрасте, пожертвовал Багнайрскому монастырю: покупную вотчину в Ашнаке, которую [в свое время] дед приобрел на деньги и подарил мне, заверив сделку сигиллием. После смерти моего деда, я, *Хавраз*, на приданое моей жены, драгоценные камни и жемчуг, заново скупил Ашнак от парона Шахин-

³⁶ См.: В. А. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии.— Избранные сочинения, т. I, М., 1960, с. 209.

³⁷ Г. Алишан (*Շիրակ, էջ 116*) путает упомянутого Хавраса с одноименным внуком его, о котором еще будет сказано ниже. Также ошибочно жену Хавраса Хутлу хатун он считает женой внука этого Хавраса.

³⁸ Явная ошибка писца (скорее, резчика) надписи. Ниже ошибка им исправлена—*Խառախ*.

³⁹ Ղ. Ալիշան. Շիրակ. Վեներիկ, 1881, էջ 116—117.

⁴⁰ Эту дату предпочитает и Г. Овсепян. См. его: *Իգնատիոս Մանրանկարիչ, էջ 17*.

⁴¹ Сохранилось всего два листа Евангелия, иллюстрация хоранов, на одном из которых и сохранилась запись Игнатия.

⁴² *Հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, ԺԳ դար, էջ 180*.

⁴³ Дословно—великого (большого).

шаха⁴⁴ и [вместе] с уделом моего сына Сасна́, пожертвовал церкви Богоматери Багнайрского монастыря, также находящиеся в верхней части виноградник вместе со своей давилейной, двух крестьян—Михревана и Хачатура, зятя Дулуса, вместе с ихней землей и водой, мельницу в Тигнисе, принадлежащую мне поляну—площадь укоса 100 стогов сена, дабы косил монастырь...⁴⁵ серебряную чашу. Я, *Хавраз*, [все] это пожертвовал моей св. Богоматери. Кто воспротивится моему распоряжению да будет его судьей моя Богоматерь. Я—владыка Саргис и отец Авраам, ключарь Иосиф и остальные монахи установили литургию в году 10 дней: 5 дней—Сасна́, 5—*Хавразу*. Кто отменит это распоряжение...⁴⁶ Умоляю, помяните резчика Симеона»⁴⁷.

Хаврас младший известен и своей надписью из того же Багнайра, датированной 1266 годом:

«715 год (+551=1266). Милостью божьей я, *Хаврас*, сын Сасна́, пожертвовал нашей святой Багнайрской обители, [церкви] святой Богородицы, наш покупной монастырь Джрдзорик со своей землей, мельницей и фруктовым садом, ... источник минеральной воды, фруктовый сад, купленный моим дедом (т. е. Хаврасом старшим.—*Р. Б.*) и подаренный мне. Я [все это] при моей жизни пожертвовал монастырю. Отец Авраам и остальные святые отцы взамен согласились совершать 10 дней в году литургию. После моей смерти они совершат литургию за меня...»⁴⁸

В большом притворе Ахпатского монастыря, там, где находится могильная плита с надписью *Քաիկ* (Таик), т. е. с именем жены Сасна́, невестки Хавраса старшего, имеется и могильная плита с надписью, датированной издателями XIII в. На одной и той же плите написаны два имени—*Խառախ* и *Հասան* (Хаврас и Хасан). Надпись издана множество раз, но читалась и осмыслялась она по-разному. М. Бжшкянц читал *Խառախ-Հասան*⁴⁹ (Хаврас-Хасан). Нетрудно догадаться, что он считал, что в могиле похоронены двое. Иоанн Крымский читал *Խառախ-Հասան*⁵⁰ (Хаврасхасан), т. е. рассматривал в надписи одно имя. Ростом бек Ерзынкянц прочел более правильно, но совершил ошибку, прочитав дифтонг *աւ* (ав) в имени *Խառախ* (Хаврас) слитно (по примеру *Պաղղոս-Պողոս*). У него получилось *Խոռախ-Հասան* (Хорас-Хасан)⁵¹, то есть считал, что это один человек с двумя именами. Е. Лалаянц повторил чтение Р. Ерзынкянца, следовательно и его интерпретацию⁵².

Вот это ошибочное чтение имени *Խառախ/Խոռախ* (Хаврас-Хорас) и ввело в заблуждение Р. Ачаряна. Раз «встречается» чтение *Խոռախ*

⁴⁴ Шахиншах Захарид (1208—1261 гг.), сын Закарэ.

⁴⁵ В надписи лакуна.

⁴⁶ Следует формула проклятия.

⁴⁷ Ն. Սարգիսյան. նշվ. աշխ., էջ 188—189; Կ. Կոստանյանց. Վիմական տարեգիրք. Ս.-Պետերբուրգ, 1913, էջ 104:

⁴⁸ Ղ. Ալիշան. Շիրակ. էջ 116; Կ. Կոստանյանց. Վիմական տարեգիրք, էջ 110:

⁴⁹ Մ. Բժշկյանց. Ճանապարհորդություն ի Լեհաստան, Վենետիկ, 1830, էջ 80:

⁵⁰ Описание монастырей Ахпатского и Сангинского архимандрита Иоанна Крымского.—Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg, VIIe serie, t. VI, № 6, St.-Petersbourg, 1863, p. 35.

⁵¹ Ռոստոմ բեկ Երզնկյանց. Հնարասան տեղագրություն Հայրատա աշխարհահռչակ վանից սրբո նշանի. Վաղարշապատ, 1886, էջ 22:

⁵² Ն. Վալայանց. Բորչալուի գավառ.—«Ազգագրական հանդես», վեցերորդ տարի. Մի և VIII գրքեր, 1901, էջ 401:

(Хорас), то логично произвести имя от персидского *xirūs*, турецкого *xorūz*—петух⁵³.

В фото надписи, изданной К. Кафадаряном, ясно читается *իւլիւսի* (Хаврас), а не *իւրիւսի* (Хорас), издатель, однако, считает Хавраса и Хасана разными личностями. Он пишет: «Хаврас похоронен вместе с неким Хасаном под одной и той же могильной плитой; на левой стороне похоронен Хаврас, на правой—Хасан, который, по всей вероятности, был его братом»⁵⁴.

Имея в виду, что из других источников нам известен действовавший в Иконии—Ерзынке и умерший в 1192 г. Хасан Гаврас⁵⁵, стало бы такой мог бы существовать и в Северо-восточной Армении. Вопрос, разумеется, в другом. Данный Хаврас-Хасан идентичен ли с известными нам Хаврасом дедом или с Хаврасом внуком, или же это уже третья личность с именем Хаврас в Северо-восточной Армении? Как бы то ни было, в том же большом притворе Ахпатского монастыря, где похоронены Хаврас-Хасан и Таик, имеется могильная плита с именем *Սասնա* (Сасна)⁵⁶, мужа Таик, сына Хавраса старшего, или же другого Сасна—скончавшегося в полугодовалом возрасте сына Хавраса младшего.

Перечисляя выше известных нам Хаврасов XII—XIII вв., следует указать, что ими не кончаются наши сведения о них. В одной памятной записи от 1545 г. армянского Евангелия, созданного в 1450 г., говорится, что рукопись была куплена некоей Кулаф хатун и при покупке свидетельствовал ряд людей, в том числе некий *իւլիւսի* (Хаврас)⁵⁷, бесспорно Хаврас.

Какое отношение имеют Хаврасы Северо-восточной Армении к широко известной византийской семье Гаврасов, конкретнее— к Гаврасам Западной Армении? Вряд ли верно считать их простыми тезками, носителями фамильного имени данной аристократической фамилии. Несомненно, какие-то связи с Гаврасами были. Но какие? Когда и при каких обстоятельствах они установлены? Хаврас старший и его потомки не имели отношения к Западной Армении, сельджукскому султанату Рума, хотя бы исходя из данных имеющих в нашем распоряжении источников. Единственной ощутимой нитью связей Хавраса старшего с сельджукским двором являются его супруги. Если первая—Хутлу хатун, была просто турчанкой, принявшей вероисповедание мужа, то вторая—Змрухт хатун, происходила из «великих нахараров персов», из семьи сельджукского эмира. Это свидетельствует о связях Хавраса с сельджукским двором, следовательно с султанатом Рума и Западной Арменией. О чем-то свидетельствует и имя сына

53 Չ. Ա ճ ա ո յ ա ն. Հ ա ղ ո ղ տ ր ա ն անձնանունների բառարան, հ. Բ, էջ 503.

54 Կ. Ղ ա Ֆ ա դ ա ղ յ ա ն. Հ ա ղ ո ղ տ: Զ արտարապետական կառուցվածքները և վիճակները տրմանագրությունները. Երևան, 1963, էջ 188.

55 A. Bryer. St. Passoulakis, D. M. Nicol. A Byzantine Family: the Gabrades. An Additional Note, p. 39.

56 Կ. Ղ ա Ֆ ա դ ա ղ յ ա ն. Հ ա ղ ո ղ տ, էջ 186: В индексе этой книги (с. 282) по ошибке этот Сасна отождествляется с другим одноименным, который, однако, на могильной плите назван сыном Асланпа (с. 178). Сасна, сын Асланпа, скончался в 1242 г., в то время как Сасна, сына Хавраса старшего, как видно из lapидарной надписи из Багнайра от 1229 (или 1223) г., к указанному году не было в живых. Что касается сына Хавраса младшего, то он умер в полугодовалом возрасте несколько спустя после 1242 г.

57 См.: Ն. Գ ա ղ ա ղ յ ա ն. Մ ա յ ը ջ ո ղ տ ա կ ձ հեղուհարց, հ. 9, էջ 359.

Хавраса старшего—Сасна, имеющее отношение к армянской провинции Сасун⁵⁸ в Западной Армении. Как мы знаем, отец Хавраса амир Саргис был дядей (братом матери) Закарэ и Иванэ Захаридов. Женой Закарэ была дочь князя Сасуна, что тоже свидетельствует о том, что Хаврасы имели отношение к Сасуну и по другой линии. Но кто установил эти связи Хаврасов с сельджуками и с Западной Арменией? Свет на эту загадочную проблему проливает знаменитый деятель армянского средневековья, правовед Гош, современник описываемых им событий и лично знакомый с семьей Хаврасов. Рассказывая о воцарении грузинского царя Давида, сына Деметре, он пишет: «Царь Давид был... мужем доброжелательным, особенно к служащим у него армянским князьям. Он очень почитал градоначальника города Тифлиса Васака, сына князя Вахрама, и его братьев по имени Курд и Саргис». После смерти царя Давида Георгий III (1156—1184 гг.) «по злomu доносу других грузинских князей, пожелал схватить князя Васака... и поэтому Васак вместе со своими братьями бежал в Феодосию, который ныне называется Карином. Эмир города, именуемый Салтук, принял их с радостью и почетом..., оказал им почести, преподнес дары и пожаловал власть над множеством селений. Побыв там несколько лет, Васак умер и был похоронен в церкви Богородицы города. Что касается его знамени, денег и власти, то он их оставил брату своему, именуемому Курд, который пребывал там в великом почете...»⁵⁹.

Из вышесказанного становятся известными имена дядей (братьев матери) Закарэ и Иванэ Захаридов—Васак, Курд и Саргис. Последний—не кто иной, как известный из памятной записи армянского Евангелия от 1232 г. амир Саргис, отец Хавраса старшего. Итак, все трое братьев бежали в Феодосию, к сельджукскому эмиру Салтуху (т. е. салтухиду, имени его Мхитар Гош не называет) около 1156 г. Они там стали владельцами ряда селений и, стало быть, вели и какую-то административную службу в государстве сельджукидов. Васак скончался в Феодосии, его брат Курд, наследовавший его власть (*իշխանություն*—княжество), после смерти царя Георгия III в 1184 г., возвратился в Грузию⁶⁰. А что произошло с братом Саргисом? Что произошло с владениями вокруг Карина, принадлежавшими сперва брату Саргиса Васаку, а затем—Курду? О возвращении Саргиса в источниках нет сведений, стало быть Саргис остался в Феодосии, унаследовав власть своего брата Курда. Не следует упускать из виду и одно важное, на наш взгляд, обстоятельство. Современник событий Мхитар Гош только Васака именует ишханом—князем, в то же время—шахапом (градоначальником) города Тифлиса. Остальные братья—Курд и Саргис у Мхитара Гоша эпитетов не имеют. Васак в Феодосии получил *իշխանություն*—власть ли, княжество ли, эмирство ли, неизвестно, так как слово *իշխանություն* можно интерпретировать как угодно. После смерти Васака обладателем одного из этих понятий стал Курд, а далее, бесспорно, Саргис. Это подтверждается тем, что если для Мхитара Гоша Саргис просто Саргис, для его сына Хавраса старшего он амир (Саргис, так он назван в памятной записи армянско-

58 Չ. Ա ճ ա ո յ ա ն. Հ ա ղ ո ղ տ ր ա ն անձնանունների բառարան, հ. Գ, էջ 399: Первый упомянутый в армянских источниках Сасна—сын Хавраса старшего.

59 Ղ. Ա ի ի շ ա ն. Հ ա ղ ա ղ ա ղ տ, էջ 389—390.

60 А. Маргарян считает, что князь Курд возвратился раньше, в 70-е годы XII в. См.: Չ. Ա. Մ ա ղ ա ղ յ ա ն. Հ յ ու ի ս ա յ ի ն Հ ա ղ ա ղ տ ա ն ի և Վրաստանի ժԲ դարի պատմության մի քանի հարցեր. Երևան, 1980, էջ 208 և հտ.:

го Евангелия от 1232 г. Где он стал амиром? Разумеется, в Феодосиополе и эпитет этот раньше принадлежал сперва Васаку, затем—Курду. О том, что амир Саргис не вернулся в Северо-восточную Армению вместе с Курдом косвенно свидетельствует и другое обстоятельство. Из источников известно, что Хаврас старший, его сын Сасна и потомки этой семьи похоронены в Багнайре и Ахпате, но о том, что в этих местах был похоронен и амир Саргис, неизвестно. Стало быть он остался в своих владениях у Феодосиополя, где скончался и был похоронен.

Из всего сказанного мы приходим к следующему заключению. Амир Саргис создал на месте семью, и если назвал своего сына Хаврас, значит установил свойственные связи с византийской фамилией Гаврасов, служившей при дворе турок-сельджуков. Последние именно в данное время правили на территории, лежащей недалеко от Феодосиополя. Из византийских источников нам уже известно, что в 1146 г. на стороне сельджуков против Византии сражался «сатрап», т. е. эмир Гаврас, который, попав в плен, был обезглавлен. Известно также, что к 1176 г., после катастрофического поражения византийцев при Мнирокефале, от турок-сельджуков было отправлено к Мануилу I Комнину посольство, которое возглавлял Гаврас. Стало быть, с ним или его отцом имел близкие связи амир Саргис. Приходится предполагать, что его сын, князь князей Хаврас вместе со своим дядей Курдом переехал в Северо-восточную Армению, где под покровительством своих троюродных братьев (сыновей Сахакадухт, дочери Курда) Закарэ и Иванэ стал обладателем высоких постов. После смерти Закарэ Хаврас стал воспитателем Шахиншаха, сына и наследника Закарэ, получив от него должность мсахур тахуцеса. Но он не порывал своих связей с сельджукским двором. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что обе его жены были принявшие христианство турчанки. Не порывал он своей связи и с князьями Сасуна. Об этом свидетельствует имя его сына—Сасна, позже так же был назван сын Хавраса младшего.

Заканчивая свое исследование, посвященное византийской фамилии Гаврасов и подчеркивая их армянское происхождение, мы далеки от мысли находить, что на протяжении долгих веков они сохранили неизменным свое этническое лицо. Часть их, главным образом та, которая была в Византии и Греции, была грецизирована, те, которые подвизались в Крыму—русифицировались. Не исключено, что некоторые, принявши ислам, отуречились. Свое этническое лицо могли бы сохранить только те, которые пребывали и действовали в армянских регионах Малой Азии, в Армении, те, которые имели постоянную связь со своими сородичами, с армянским населением этих регионов.

Послесловие

Гаврасы у истоков т. н. «сельджукского искусства»?

Когда мы начали эту работу, мы и не думали, что нам придется остановиться также на вопросах, относящихся к искусству. Это не только потому, что искусство далеко от наших научных интересов, а главным образом потому, что просопография представителей одной феодальной фамилии и искусство—не связанные друг с другом понятия. Но по ходу наших изысканий вопрос об искусстве возник сам собой. Напрашивается вопрос о корнях так называемого «сельджукского искусства». И. А. Орбели писал: «Уже давно европейской наукой была отмечена связь сельджукской архитектуры с архитектурой Армении»

и Грузии»⁶¹. «Изучая мавзолен Ахлата, Эрзерума, Востана,—продолжает ученый,—мы видим зарождение нового архитектурного типа из черенка, срезанного с веками росшего христианского, армянского и грузинского храма»⁶². И. А. Орбели отмечает и сельджукские надгробия с орнаментом, явно повторяющем «мотивы армянского надгробия, в виде так называемого крестного камня, хачкара, с заменой креста растительными побегами»⁶³. Заканчивая свою мысль, маститый ученый писал: «... Нет никаких оснований рассматривать сельджукские памятники Кавказа и древних армянских областей Малой Азии как плод творчества пришедших откуда-то и принеших с собою какие-то новые формы искусства мастеров. Имея свою кочевническую культуру, эти пришельцы не могли с собою принести ни архитектуры в камне, ни творческого напряжения сил, нужных для выработки новых форм искусства, строительного и декоративного, в камне...»⁶⁴

Зарождение этого искусства приходится ко времени служения в Румском султанате аристократической семьи Гаврасов, носителей как армянского, так и византийского искусства. Обращаясь только к области архитектуры, можно указать, что знаменитая мечеть Алаэдина в городе Иконий была построена армянином еще в 1158 г.⁶⁵, а здание «Индже минарели медресе» в том же городе—армянским зодчим Галустом в 1251 г. Зодчий Галуст оставил свою надпись на построенном им здании⁶⁶.

Не может быть сомнения в том, что в зарождение так называемого «сельджукского искусства» внесли свою лепту в первую очередь служившие сельджукам Гаврасы, а также выходцы из Северо-восточной Армении братья Васак, Курд и Саргис, их окружение.

ԲՅՈՒՋԱՆԴԱԿԱՆ ԱԶԵՎԱԿԱՆԱԿԱՆ ՂԱՎՌԱՍ ԸՆՏԱՆԻՔԻ ՄԱՍԻՆ

Պատմ. գիտ. զոկուր 2. Մ. ԲԱՐՔԻՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ս մ

Բյուզանդական կայսրության ավագանու կազմում X դարի վերջից հանդես է գալիս Ղավրասների հայազգի ընտանիքը, որ զգալի գործունեություն ծավալեց ոչ միայն Հայաստանում և Բյուզանդիայում, այլև Գրիմում և Հռոմաստանում: Այն իր գոյությունը պահպանեց Բյուզանդիայի անկումից հետո էլ XV դարի կեսերին:

Աղբյուրներից հայտնի առաջին Ղավրասը Կոստանդինն էր, որ բազմաթիվ այլ հայ ազնվականների հետ մասնակցեց հայազգի զորավար Վարդ Սկլերոսի ապստամբությանը Վասիլ II կայ-

⁶¹ И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства.—Избранные труды, Ереван, 1963, с. 364.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, с. 365.

⁶⁴ Там же, с. 367. Курсив наш.—Р. Б.

⁶⁵ G. Migeon. Manuel d'art musulman, t. II, p. 120. Apud: Ք. Ք ո ռ ա մ ա ն յ ա ն. Եյուրեք հայկական ճարտարապետության պատմության Աշխատությունների ժողովածու, Երևան, 1942, էջ 180:

⁶⁶ H. Saladin. Manuel d'art musulman, t. I, p. 456. Apud: Ք. Ք ո ռ ա մ ա ն յ ա ն. Եզվ. աշխ., էջ 180: Т. Тораманян зодчего Галуста считает армянином-вероотступником. Это исключено, вероотступники обязаны были менять свое имя на мусульманское, в первую очередь, наш Галуст, имя которого означает «Пришествие святого духа». См. также: А. Л. Якобсон. Сельджукские отклики на темы армянской средневековой архитектуры.—Историко-филологический журнал, 1983; № 4, с. 126—130: Карой Гомбош. Малоазийский ковер в системе восточных ковров.—Историко-филологический журнал, 1986, № 4, с. 61.

ներ դեմ և սպանվեց 979 թ.: Մի յերիշը՝ պատրիկ Ղափուս, Սամուել կոմսաձագի հետ միասին գլխավորեց բուլղարների պայքարը կայսրության դեմ և սպանվեց 1018 թ.: Ղափուսները հայ-բաղկերդնականներ էին, որոնք հայկական և բյուզանդական աղբյուրներում հայտնի են որպես ծաթեր: Նրանցից ոմանք XII դարի կեսերից ծառայում էին սելջուկների Ռումի սուլթանության մեջ որպես ամիրաներ մինչև այդ սուլթանության անկումը XIII դարի վերջին: Հայկական միջնադարյան աղբյուրները, գլխավորապես Ակնի և Զմշկաձագի՝ Եփրատի վերին հոսանքի շրջանում գործող հայ-բաղկերդնական վանքերում ստեղծված հայերեն ձեռագրերի հիշատակարանները հնարավորություն են տալիս լրացնելու սելջուկների սուլթանության մեջ ծառայող Ղափուսների ցուցակը: 1243 թ. գրված հայերեն ձեռագրի մի հիշատակարանում որպես Զմշկաձագի շրջանի «բարեպաշտ իշխան» հիշվում է «կիր» (տեր) Ասո Ղափուսը, 1272 թ. մի հիշատակարանում՝ «ամիրա կիր» Կոստանդին Ղափուսը, իսկ 1305 թ.՝ «պարոն շահնշահ, իշխանաց իշխան» Վասիլ Ղափուսը:

Հյուսիս-արևելյան Հայաստանում 1232 թ. գրված «Բագնայրի» նշանավոր Ավետարանը ստեղծվել է «իշխանաց իշխան պատրոն Խառասի» պատվերով: Հիշյալ անձնավորությունը որդին էր ամիր Սարգսի՝ Զաքարիա և Իվանե Զաքարյանների մորեղբոր: Ամիր Սարգսը և նրա եղբայրներ Վասակն ու Քուրդը 1156 թ. հաստատվել էին Կարինում և տիրում էին ամիրայության: Հավանաբար այստեղ էր ծնվել վերոհիշյալ հավառը, ծնունդն այն խնամիական կապերի, որոնք հաստատվել էին ամիր Սարգսի կողմից սելջուկների ծառայության մեջ գտնվող Ղափուսների հետ: Խավառը իր հորեղբայր Քուրդի հետ 1184 թ. հետ վերադարձել էր Հայաստան և բարձր պաշտոնների արժանացել վրաց արքունիքում: Բագնայրի 1262 թվակիր մի վիճազիր արձանագրության մեջ հիշվում է և այս հավառի թոռը, որ նույնպես հավառ էր կոչվում: Հաղբատի վանքի գավթում թաղված ոմն «Հասան Խառաս» եթե վերոհիշյալ հավառներից մեկի հետ չի նույնանում, ապա հյուսիս-արևելյան Հայաստանում հայտնի մի երրորդ հավառ է:

Շուրջ 150 տարի սելջուկների արքունիքում ծառայած Ղափուսները, ինչպես և Կարինում հաստատված Վասակ, Քուրդ և Սարգիս իշխանները իրենց ավանդն ունեն իրականում հայկական, իրաց գիտության մեջ սխալմամբ «սելջուկյան» համարված արվեստի ձևավորման գործում:

О СВЯЗЯХ МОНАСТЫРЯ ГРИГОРИЯ ПАКУРИАНА С АРМЕНИЕЙ

РАЧ БАРТИКЯН

В 1083 г. в Филиппополе знаменитым византийским полководцем армянином-халкедонитом Григорием Пакурианом был основан монастырь Богородицы. Ученые давно высказали предположение, что византийское правительство, дав монастырю исключительно широкие привилегии, ставило перед ним определенные задачи—развернуть прозелитическую деятельность среди армян-монофизитов, павликиан и тондракидов данного региона. С этой целью, собственно, и был основан монастырь. Это предположение было правомерным, поскольку в феме Филиппополя проживали в основном армяне «еретики», а не халкедониты¹. Но перешедший из византийской Армении в фему Филиппополя Григорий Пакуриан, наверное, стал перед трудной задачей: найти подходящих лиц, способных возглавить деятельность монастыря. Они должны были быть армянами-халкедонитами, иначе основание этого центра лишалось смысла. Но в Филиппополе армян-халкедонитов, могущих взять на себя руководство монастырем и развернуть деятельность в регионе, не было. Григорий Пакуриан должен был обратиться к услугам армян-халкедонитов Армении, с которыми, естественно, поддерживал тесные связи еще в годы своей службы там. В свете всего сказанного вполне закономерно назначение им первым настоятелем монастыря армянина Григория Ванского (Βανικός)². Было бы неверно утверждать, что в дальнейшем Бачковский монастырь не создавал своих кадров, но что он не порывал своих связей с Арменией—бесспорно.

Как известно, во второй половине XII в. византийским правительством была предпринята очередная попытка унии греческой и армянской церквей. Главными фигурами в переговорах по этому вопросу со стороны Византии были император Мануил I Комнин (1143—1180 гг.) и константинопольский патриарх Михаил III Анхиальский (1170—1178 гг.), со стороны армян—католикос Нерсес IV Благодатный (1166—1173 гг.). Из Константинополя в Ромкла (Рум кала), местопребывание армянского католикоса на берегу реки Евфрат, была отправлена специальная миссия во главе с философом магистром Феорианом. В нее входили также «игумен армянского монастыря в Филиппополе» Иоанн Атман и переводчик армянин-пресвитер Михаил.

В нашей статье³, посвященной этим переговорам, мы подробно ос-

¹ Anne Comnène, Alexiade. ed. B. Leib, t. III, Paris, 1945, p. 180—185; Nicetae Choniatae Historia, rec. I. A. Van Dielen, Berolini et Novi Eboraci, 1975, p. 403.

² «Georgica. Сведения византийских писателей о Грузии», т. V. Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечанием снабдил С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, 1965, с. 112; «Типик Григория Пакуриана». Введение, перевод и комментарий В. А. Арутюновой-Фиданян, Ереван, 1978, с. 43—44.

³ Р. М. Бартикян, Роль игумена Филиппопольского армянского монастыря Иоанна Атмана в армяно-византийских церковных переговорах при католикосе Нерсесе IV Благодатном (1166—1173) (ՀՄՄԶ ԳԱ «Արարիկ հասարակական գիտությունների», 1984, № 6, էջ 78—88).

танавливались на личности Иоанна Атмана. Католикос Нерсес его считал «нашим» (т. е. армян—Р. Б.) соплеменником», стало быть, он был армянином, хотя и без его свидетельства об этом нетрудно догадаться. Игумен армянского монастыря не мог быть другой национальности. Кроме того, Иоанн Атман лично перевел адресованное Мануилу Комнину письмо Нерсеса Благодарного с армянского на греческий. Что касается «армянского монастыря в Филиппополе», то мы в упомянутой статье доказали, что речь идет о Бачковском монастыре Богородицы, построенном в 1083 г. армянином-халкедонитом Григорием Пакурианом. Следовательно, Иоанн Атман—армянин-халкедонит. И это было само собой разумеющимся, поскольку византийский император и константинопольский патриарх для ведения переговоров с армянской церковью вокруг унии могли прибегнуть к услугам именно армян-халкедонитов. В связи с этим мы обратились к известному «Тактикону» византийского автора второй половины XI в. Никона Черногорца, который, выступая в защиту армян-халкедонитов, именуемых им *цатами*, писал: «Этих наших братьев, как только среди них оказывается кто с божественным разумом, и доднес отцы наши и патриархи берут с Богом на борьбу с врагами, когда на соборе возбуждается что-либо против армян еретиков (т. е. монофизитов—Р. Б.), так как они сведущи в их языке и писаниях»⁴.

Нетрудно догадаться, что Иоанн-Атман был одним из тех армян-халкедонитов (цатов), к услугам которого обратилась византийская церковь сто лет спустя после Никона Черногорца.

Что же означает «Атман» (в греческом оригинале—'Ατμάνος), «фамилия» игумена Иоанна? Как ни странно, над этим никто не задумывался, хотя, как мы увидим далее, правильное истолкование этого «фамильного» имени пролило бы свет на многие важные вопросы. На первый взгляд, «фамилия» Атман звучит по-западному: составное «ман» (человек), по примеру Альтман, Фишман, Гольдман, Бергман и т. д. Но что общего могло быть между армянским игуменом и Западом в данное время? Разумеется ничего. Следовательно, надо искать другое объяснение. Мы исходим из того, что «фамилия» игумена Иоанна должна содержать *топоним*. «Фамильное» имя подавляющего большинства армянских средневековых писателей, церковников, светских деятелей связано с топонимом—Кохбацци, Парпеци, Хоренацци, Ширакацци, Драсханакертци, Таронацци, Сюнеци, Каганкатвацци, Дасхуранци, Татеваци, Даврикеци. Список можно продолжить до бесконечности. Следовательно, игумен Иоанн должен был быть родом из местности, скорее всего носившей название *Атма*, от которой образован этникон Атманос 'Ατμάνος (скорее—'Ατμανός, с ударением на последнем слоге) с греческим окончанием—νός, по примеру Γεωργία (Грузия)—Γεωργιανός (грузинский, грузин), 'Αγκυρα—'Αγκυρανός, 'Αλβανία—'Αλβανός, 'Αλανία—'Αλανός. А была ли местность с таким названием? Оказывается была и, наверное, существует и поныне, если, конечно, турки ее не переименовали. Во вся-

⁴ «Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае», т. I—«Замечательные рукописи в библиотеке Синайского монастыря и Синаеджуванийского подворья (в Каире), описанные архимандритом Порфирием (Успенским)». Под редакцией и с дополнениями В. Н. Бенешевича, СПб., 1911, с. 590. Вышеприведенный перевод принадлежит Н. Я. Марру. Он пользовался славянским переводом «Тактикона» Никона Черногорца, поскольку тогда еще не был опубликован греческий оригинал источника: Н. Я. Марр, Аркаун, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонитах («Византийский временник», т. XII, 1905, с. 35—36).

ком случае до великой резни армян в 1915 г. она существовала. Для выяснения проблемы нам необходимо вернуться к данным Никона Черногорца о локализации армян-цатов (халкедонитов). В его «Тактиконе» мы читаем, что цаты с давних времен проживают в «стране Месопотамской» (χωρα Μεσοποταμίας). Н. Адонц по этому поводу пишет: «По административному строю византийской церкви, представленному в труде Георгия Кипрского, месопотамские имперские земли образовали две епархии, Озроену с метрополией Едессой и Месопотамией» (ἐπαρχία Μεσοποταμίας ἄνω, μητρόπολις Ἐδέσσας. Georg. Cyp., p. 46, ed. Geizer) с метр. Амидой. Деление это сохранилось и в арабский период и, вероятно, дело так обстояло и при Никоне. Тогда цаты приходятся в район Амиды, в пределы древней Софены»⁵. Предположение Н. Адонца, кстати, принятое всеми занимавшимися цатами арменоведами, неверно. Георгий Кипрский жил в VI в., когда административный строй Византийской империи был совершенно иным и не совпадал с делением, которое существовало при Никоне Черногорце в XI в. Последний, когда пишет «χωρας Μεσοποταμίας» (т. е. страны Месопотамской), имеет в виду образованную в годы правления императора Льва VI (886—912 гг.) византийскую *фему* Месопотамия, которая ничего общего с Месопотамией Георгия Кипрского не имеет. Фема Месопотамия, как показывает Константин VII Багрянородный в своем труде «О фемах», была образована армянами Панкратукасом и его братьями Пукрикасом и Тавтукасом. Она охватывала территории Первой и Второй Армении, а также часть Армении Четвертой. Фема эта граничила с севера с фемой Колония и Халдия, с востока—с владениями халифата, с юга—с фемой Ликанда, а с запада—с фемой Севастия⁶. Львом VI в состав фемы были включены *Камах* и *Акилисена* (ὀχυρῆσις καμαχ), а Романом I Лекапином—Романополис (арм. Чапагджур—Չապաղջուր) и Ханзит (ὀχυρῆσις). Мы так подробно остановились на феме Месопотамия потому, что именно здесь были сконцентрированы армяне-халкедониты, именно здесь находились на протяжении многих веков их церковные и культурные центры.

Литература, созданная армянами-халкедонитами на армянском языке, почти не изучена. Нам удалось из огромнейшего числа средневековых армянских рукописей выделить ничтожное количество рукописей, созданных в монастырях и культурных центрах армян-халкедонитов. Они в основном сконцентрированы на территориальном ареале, совпадающем с византийской фемой Месопотамия. Для нас представляют ценность не сами рукописи, которые по содержанию не отличаются от созданных армянами-монофизитами (Евангелие, труды Василия Кесарийского, Жития святых и т. п.), а их памятные записи, из которых можно узнать о местах их создания и, стало быть, локализовать их культурные центры.

В собрании армянских рукописей монастыря святых Иакобов в Иерусалиме под № 336 хранится написанная в 1243 г. армянская пергаменная рукопись, содержащая труды Василия Кесарийского и Жития святых отцев⁷. Писец рукописи на листе 287а оставил запись, где

⁵ См.: Н. Адонц, О происхождении армян-цатов («Журнал Министерства народного просвещения», 1911, с. 246, прим. 1).

⁶ Costantino Porfirigenito De Thematibus. Introduzione, Testo critico, Commento a cura di A. Pertusi, Città del Vaticano, 1952.

⁷ «Մայր ցուցակ ձեռագրաց սրբոց Յակոբեանց», Կ. Ք, կազմեց Նորայր Եպիսկոպոս Պապրյան, Երուսղէմ, 1967, էջ 220.

мы читаем: «Գրեցաւ սա ի թուականիս յաւիտենից՝ 82ԻԲ (= 6722) և ասարտեցաւ յամեննի աղաւստաւ ժԳ. յաւուր շորհրջարաթու, յերկիրս Սաղկանս, ի վանքն, որ կռչի նոր, յորշորջեալ Գալլ Վանք, մերձ ի գեղն որ կռչի Ա դ մ ա, յիշխանութիւն Կեր Լէոնի Ղաւոսասյ, բարեպաշտ իշխանի, զոր պահեսցէ Տէր յամենայն փորձութեանց»: Перевод: «Написана [сия книга] в лето от сотворения мира 6722, завершена 13-го числа августа месяца, в среду, в стране Сагик⁸, в монастыре, именуемом Новым, прозванным Гайл (Волчьим—Р. Б.) монастырем, близ селения, именуемого Атма⁹, в княжении кир Левона Гавраса, благочестивого князя, которого да хранит Господь от всяких искушений».

Селение Атма, как место написания рукописи, упоминается и в памятной записи армянской рукописи от 1582 г.¹⁰ Это селение, как мы уже отметили, было известно и позже¹¹, вплоть до начала нашего века. Атма находилась около города Акн (Эгин), на левом берегу реки Евфрат, на стыке Малой и Великой Армении. В ней еще в 1910 г. проживали армяне-халкедониты, известные как хай-хоромы (армяно-ромей), т. е. армяне по национальности, ромей (греки) по вероисповеданию. Но Атма была не единственным селением армян-халкедонитов. Там же находились селения Ванк, Шрзу, Шрзуи Аграк, Дзорак, Мушегкан, а около Камаха—Хогус. К 1910 г. во всех этих селениях проживало около 2000 армяно-ромеев¹².

Итак, если самое раннее, известное нам упоминание Атма, церковного и культурного центра армян-халкедонитов, относится к 1243 г., а последнее—к 1910 г., то в промежутке между этими датами она упоминается в 1582 г., значит, интересующий нас халкедонитский регион города Акна и, в частности, Атма существовал непрерывно почти 650 лет. Но если 1915 год, год армянской резни и уничтожения армянского населения на территории Турции представляется нам terminus post quem для центров армян-халкедонитов, то 1243 год нельзя считать terminus ante quem. Эти центры, наверное, существовали гораздо раньше 1243 г. Это подтверждается «фамильным» именем игумена филиппопольского армянского монастыря—'Ατράνος—Атман, ибо оно означает не что иное, как Атманец, Атманский. Значит, ко второй половине XII в. существовало селение с названием Атма. Но мы располагаем данными, которые позволяют утверждать, что Атма существовал и в XI в. Найдена свинцовая печать некоего Петра, византийского спафарокувикулария, фамилия которого Атуман (Ατομάνος). Е печати читается: κύριε βοήθει Πέτρον спафарокуβιχοу аρίφ τφ 'Ατομάνφ¹³. („Господи, помоги Петру спафаро-

⁸ На полях рукописи указано, что «страна Сагик» это Чмшкадзак.

⁹ В источниках встречаются написания Ադմա (Адма) и Աթմա (Атма). У западных армян фонемы դ (д) и Թ (т) звучат совершенно одинаково—т'. То же самое можно сказать и о написании в источниках названия «цаты». Встречается Ծադ и Ծաթ, но они произносятся одинаково—Цат'.

¹⁰ См. Ս. Ա. Էփրիկյան, Պատկերազարդ բնաշխարհիկ բառարան, հ. Ա, Վենետիկ, 1902—1905, էջ 26.

¹¹ Ղ. Ինճիճեան, Աշխարհագրութիւն շորից մասանց աշխարհի Մասն Առաջին, Ասիա, հ. Ա, Վենետիկ, 1806, էջ 308.

¹² Յ. Կ. Ծանիկյան, Հնությունք Ակնա, Քիֆլիս, 1895, էջ 35. См. также статью Фархада в газете «Азатамарт» («Ազատամարտ»), Константинополь, 1910, №№ 246, 248, 254, 257, 261, 276.

¹³ „Documents de sigillographie byzantine“. La Collection C. Orghidan par V. Laurent, Paris, 1952, p. 85. № 153. Как показывает В. Лоран, в XIV в. был известен своей деятельностью и некий монах „грек“ (скорее—армянин-халкедонит) по имени Симон Атуман, который впоследствии стал католическим архиепископом Фив, в

кувикуларию Атуману»). Печать датируется издателем В. Лораном XI в. Мы уже подошли ко времени Никона Черногорца, который, не называя селений, указывает, что цаты, армяне-халкедониты, проживают с давних времен в феме Месопотамия. А ведь регион Акна и Камаха—это фема Месопотамия. Значит, вышеупомянутые селения, в том числе Атма, существовали и до XI в.

Итак, стало ясным, что основанный в 1083 г. в Филиппополе бывшим правителем византийской фемы Феодосиополя¹⁴ Григорием Пакурианом армянский халкедонитский монастырь спустя столетие не порывал своих связей с главными центрами армян-халкедонитов в Армении и даже приглашал оттуда лиц, могущих возглавить деятельность монастыря. И в этом нет ничего удивительного. Как мы уже отметили, Григорий Пакуриан первым настоятелем основанного им монастыря назначил Григория Ванина, т. е. Ванского, из города Вана, центра бывшей византийской фемы Васпракания.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԵՏ ԳՐԻԳՈՐ ԲԱԿՈՒՐՅԱՆԻ ՎԱՆՔԻ ԿԱՊԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

ՀՐԱԶ ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

1083 թ. Ֆիլիպուպոլսում հայ-քաղկեդոնիկ Գրիգոր Բակուրյանի կողմից հիմնադրվեց Աստվածածնի վանքը, որը կատարում էր բյուզանդական իշխանությունների պատվերը՝ հավատորսությունը շրջանի միաբնակ հայերի, պավլիկյան և թոնդրակյան աղանդավորների մեջ: Ֆիլիպուպոլսում քաղկեդոնիկ հայություն հավանաբար լկար, ուստի Գրիգոր Բակուրյանը վանքը կառավարելու համար ստիպված դիմեց Հայաստանի քաղկեդոնիկներին և վանահայր նշանակեց ոմն Գրիգոր Վանեցու:

Բյուզանդական արքունիքի կողմից ներսես Շնորհալու հետ միարարական բանակցություններ վարելու համար 1170 թ. Հռոմկյա ուղարկված «Ֆիլիպուպոլսի հայկական վանքի» (այսինքն՝ Բակուրյանի վանքի) վանահայր Հովհաննես Առմանը Հայաստանի քաղկեդոնիկ հայերից էր: Նրա «ազգանունը» վկայում է, որ նա Արևմտյան Հայաստանի Ակնի շրջանի Աթմա (Ադմա) քաղկեդոնիկ կենտրոնից էր, կենտրոն, որը որպես հայ-հոռոմների գյուղերից մեկը իր գոյությունը պահպանեց մինչև 1915 թ. Մեծ եղեռնը:

Գրիգոր Բակուրյանի հիմնադրած Ֆիլիպուպոլսի վանքը մշտապես կապեր էր պահպանում Արևմտյան Հայաստանի քաղկեդոնիկ հայերի (ծաթերի) կրոնական և մշակութային կենտրոնների հետ, այնտեղից հրավիրում վանքը կառավարող գործիչներ:

Беотии. См. также: G. Mercati, Se la versione dell'ebraico del codice veneto greco VII sia de Simone Atumano arcivescovo di Tebe, Roma, 1916 (Studi e Testi, t. XXX).

¹⁴ Примечательно, что хай-хоромы (армяно-ромей) Акна подчинялись греческому митрополиту Феодосиополя.

О ВИЗАНТИЙСКОМ КЛИТОРОЛОГИИ В СУДЕБНИКЕ МХИТАРА ГОША
И ЕГО АРМЯНСКОМ ПЕРЕВОДЧИКЕ

Доктор ист. наук Р. М. БАРТИКЯН

Мхитар¹ Гош родился в 20-х гг. XII в. в городе Гандзаке², умер в 1213 г. в Нор Гетике нынешнего Иджеванского района Армянской ССР. Он известен как крупный ученый, мыслитель, педагог и общественный деятель. Получив в Армении звание вардапета (ученого монаха), он продолжил свою учебу в пределах Киликийского армянского государства. По возвращении обосновался в своем родном городе Гандзаке, затем в Хачене³, а впоследствии в монастыре Гетик. После разрушения Гетика сильным землетрясением Мхитар Гош с помощью братьев Закарэ и Иванэ Захаридов построил недалеко от Гетика монастырь Нор (Новый) Гетик, где и прожил оставшиеся годы.

Мхитар Гош—автор более десятка трудов, таких как «Толкование пророчества Иеремии», труда, посвященного защите православной веры от всех ересей; назидательных посланий, молитв, сборника притчей, краткой хроники и др.

Главным трудом Мхитара Гоша является Судебник. Автор начал его составление, как он указывает в своем Прологе, в 1184 г. Дата завершения неизвестна.

Судебник дошел до нас в трех редакциях. Первая состоит из Пролога и 251 статьи, притом содержащиеся в ней церковные и светские статьи приведены смешанно. Вторая редакция разделена на две части: светские статьи (130) и церковные (124). Главный спор исследователей Судебника—которая из редакций первична. В. Ба-стамянец в 1880 г. в Вагаршапате опубликовал с подробнейшим и ценнейшим предисловием и комментариями вторую редакцию Судебника, которую и считал первичной⁴. Он использовал все известные к этому

¹ Армянское имя Мхитар встречается и в византийских источниках как Μηχ ητάρης. См.: N. Adontz. Notes arméno-byzantines I. Les sceaux des Makhitar. Etudes arméno-byzantines. Lisbonne, 1965, p. 137—141. Армянские переводчики Св. Писания словом „мхитар“ передают „Παράκλητος“ Нового Завета. См. Евангелие от Иоанна, XIV, 26, XV, 26, XVI, 7. Не имеет отношения к греческому слову „πάλη“.

² Из византийских авторов эпохи город упоминается у Иоанна Скилицы—Καντζάκιον, Καντζακηνοί. См.: Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum, editio princeps, recensuit Ioannes Thurn, Berolini et Novi Eboraci, 1973, p. 464. Ныне Кировабад.

³ Область Хачен упоминается в Книге о церемониале византийского двора императора Константина VII Порфирородного (913—959 гг.): “εις τὸν ἀρχοντα τοῦ Χατζι-ἐννης, Ἀρμενία” („Князю Хачена. Армения“). Constantinii Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae byzantinae, vol. I. Вонпае, 1829, p. 687. Татарами Кавказа переименована в Карабах. Азербайджанские горе-«историки» теперь тщатся «доказать», что армяне впервые появились здесь в... XIX в.

⁴ Մխիթարայ Գոշի Տոմարապետանոցի շարք, Իրավարանական հետազոտութիւնք հանդերձ ծանօթութեանը Վահան ծ. վարդապետի Բաստանեանց. Վաղարշապատ, 1880:

времени рукописи, содержащие Судебник, и совершенно основательно отверг предположение ряда исследователей о том, что рукопись № 1237 хранилища рукописей мхитаристов Венеции является автографом Мхитара Гоша (содержит первую редакцию Судебника).

В 1975 г. Х. Торосян опубликовал первую (и третью) редакции Судебника⁵, считая первичной именно первую. Что касается третьей редакции, то вокруг нее, кажется, споров нет. Она восходит к первой редакции, хотя интересующая нас статья, бесспорно, восходит ко второй.

Мы не касаемся вопроса, которая из двух первых редакций первична главным образом потому, что содержащая византийский клиторологий статья в обеих редакциях существенных различий не имеет.

Всего через полстолетия после смерти Мхитара Гоша, коннетабль Смбат, брат Хегума, царя Киликийского армянского государства, переложил Судебник на разговорный язык киликийских армян и переработал применительно к местной киликийской действительности⁶. Он, как считает Х. Торосян, имел под рукой третью редакцию Судебника Мхитара Гоша, стало быть к 1265 г. третья редакция уже существовала⁷.

Судебник Мхитара Гоша был очень популярен и действовал не только в Армении, но и в армянских колониях диаспоры. Армяне Польши перевели его на латинский язык и представили на утверждение королю Сигизмунду I в 1519 г. С латинского перевода между 1519—1523 гг. был осуществлен польский перевод, с которого сразу же был сделан перевод на кипчакский язык армянскими письменами. Грузинским царевичем Вахтангом осуществлен перевод на грузинский язык (1703—1709 гг.)⁸.

Труд Мхитара Гоша был широко использован и при составлении Судебника армян Астрахани в конце 40-х гг. XVIII в., который имел хождение и в армянской колонии Нового Нахичевана⁹.

Уже в наши дни Судебник Мхитара Гоша вышел в свет в русском переводе А. А. Паповяна¹⁰, к сожалению, неспециалиста по ви-

⁵ Մխիթար Գոշի Գիրք դատաստանի, աշխատասիրությամբ Խոսրով Քորոսյանի. Երևան, 1975.

⁶ Издания Судебника коннетабля Смбата: Sempadscher Kodex aus dem 13. Jahrhundert oder mittelarmenisches Rechtsbuch nach der Venediger und der Etschmidziner Version unter Zurückführung auf seine Quellen, hrsg. und übersetzt von Josef Karst, Strassburg, 1905 (Armenisches Rechtsbuch, I Band). Sempadscher Kodex aus dem 13. Jahrhundert in Verbindung mit dem grossarmenischen Rechtsbuch des Mechitar Gosch (aus dem 12. Jahrhundert) unter Berücksichtigung der jüngeren abgeleiteten Gesetzbücher, erläutert von Josef Karst, Strassburg, 1905 (Armenisches Rechtsbuch, II Band); Դատաստանագիրք Սմբատի իշխանի, լույս ընծայեց Ա. Ղլումյան, էջ-ձիվերի, 1918; Смбат Спарает. Судебник. Составление текста, перевод, предисловие и примечания А. Г. Галстяна. Ереван, 1958; Судебник Смбата Спараета (Гундстабля), 1265 г. Перевод, предисловие и примечания А. Г. Сукиасяна. Ереван, 1971.

⁷ Գիրք դատաստանի, էջ 22:

⁸ Библиографию переводов см.: Գիրք դատաստանի, էջ 24—25:

⁹ Դատաստանագիրք Աստրախանի հայոց, աշխատասիրությամբ Ֆ. Գ. Պողոսյանի. Երևան, 1967:

¹⁰ Армянский Судебник Мхитара Гоша, перевод с древнеармянского А. А. Паповяна. Ереван, 1954.

зантийской тематике. Перевод интересующей нас статьи не выдерживает критики¹¹.

Цель данного исследования—не разбор самого Судебника, что является делом специалиста по средневековой юриспруденции, в частности, армянской. Мы остановимся лишь на той части Судебника, которая имеет прямое отношение к византиноведению. Речь идет о статье Судебника, носящей в первой и третьей редакциях № 225, во второй—№ 113¹². Она озаглавлена: «Յաղագս դատաստանաց կարգաց եկեղեցույ եւ տան թագաւորին» («О суде чиновначалия церкви и царского дома»). У читателя справедливо возникает недоумение. Дело в том, что заглавия всех статей Судебника начинаются словами: «Յաղագս դատաստանաց» («О суде»), и они оправданы, поскольку все статьи касаются определенного правонарушения и полагающейся за него кары. Заметим все же, что в двух рукописях первой редакции Судебника и одной рукописи второй слово «դատաստանի» («о суде») отсутствует. И в третьей редакции данная статья озаглавлена: «Վան կարգաց եկեղեցույ եւ տան թագաւորին» («О чиновначалии церкви и царского дома»). Интерполятор статьи 225 (113) механически повторил начало заглавия всех остальных статей.

Статья 225 (113) Судебника Мхитара Гоша посвящена описанию трех чиновначалий: небесного, церковного и дворцового. Ни первый издатель Судебника Ваан Бастамянц, ни издатель первой и третьей редакций Хосров Торосян, ни подвергший Судебник обстоятельному филологическому анализу Эммануел Пивазян¹³ не сомневаются в том, что автором статьи 225 (113) является Мхитар Гош. Не было бы проблемы, если бы оправдалось мнение Г. Алишана о том, что рукопись № 1237 является автографом Гоша. Но поскольку рукопись эта не автограф¹⁴, возникает вопрос: была ли в автографе Гоша эта, стоящая особняком статья 225 (113)?

Мхитар Гош начал писать Судебник в 1184 г., скончался он в 1213 г. Значит Судебник был составлен между этими датами.

Что собой представляет статья 225 (113)? Она, как мы уже отметили, состоит из трех частей. В первой части автор говорит о бытии ангелов и природе людей, имея как источник книгу Бытия Ветхого Завета. Автор статьи пользовался также книгами ряда пророков и

¹¹ Дабы не быть голословным представим один пример. В армянском тексте читаем: «Թո՛ւի ինձ՝ եթանասնիցս կարճելով վան բանին, զանունս հրեշտակաց բաւական համարելով, զկերպսն ու իշխնն» («Мне кажется, что семьдесят [переводчиков] сократили изложение, считая одно название ангелов вполне достаточным, поэтому не упоминают об их образе»). А вот перевод Паповяна: «Мне кажется, что когда не упоминают об образах, а считают достаточными одни названия ангелов, то [делают] это для краткости выражения [понятия] о семидесяти» (подчеркнуто нами.—Р. Б.). Речь ведь идет о Септуагинте, а не о каком-нибудь понятии цифры семьдесят. Сам переводчик признает, что статья 225 (113) «представляет трудности для перевода».

¹² Член конгрегации венецианских мхитаристов В. Ованнисян в журнале «Базмавеп» (Полистор), 1960, № 11—12, с. 266—273, опубликовал первую часть своего исследования, озаглавленного: «Рукопись Мхитара Гоша хранилища рукописей венецианских мхитаристов № 1237 и статья 225» («Մխիթար Գոշի Ս. Ղազարու թիւ 1237 ձեռագիրք եւ 225-րդ կանոնը»). Исследование не имело продолжения, автор в его первой части еще не коснулся 225-й статьи.

¹³ Է. Ա. Պիվազյան. Մխիթար Գոշի «Դատաստանագիրքի» բանասիրական քննություն. Երևան, 1987:

¹⁴ О проблеме см. подробно: Մխիթարայ Գոշի Դատաստանագիրք հայոց, էջ 111 և հտ.: Է. Ա. Պիվազյան. նշվ. աշխ., էջ 18—28:

псалмами. Указывается на существование семи небесных чинов: ангелы и архангелы, владения, силы, престолы, власти, господства, серафимы и херувимы. Далее приводится указание Дионисия Ареопагита о существовании девяти чинов, поскольку он отделил ангелов от архангелов, серафимов от херувимов. Далее подробно описывается каждый из этих небесных чинов, начиная с низшего—ангелов, и кончая херувимами, указываются обязанности каждого.

Во второй части статьи Судебника автор опускается с небес на землю, указывает, что церковь приняла порядок небесных чинов и установила у себя девять чинов, ибо у скинии откровения мы видим девять родов левитов и других служителей, от Моисея и Аарона как первого чина до рода Муши как девятого. Следует перечень установленных в церкви господом девяти чинов, упомянутых апостолом Павлом, начиная от апостолов и кончая «истолкователями языков». Сразу же после этого идут чины церкви—четыре патриарха-евангелиста и их престолы—Антиохийский, Александрийский, Римский и Ефесский. В статье указывается, что подобное разделение престолов существовало до императора Юстиниана, который перенес Ефесский престол в Константинополь, а Александрийский в Иерусалим, причем «святые отцы постановили признать Иерусалимского епископа стоящим выше всех остальных епископов».

Далее в статье 225 (113) приводятся чины, описывается их облачение, отмечаются их обязанности и права: 1) патриархи, 2) архиепископы, 3) митрополиты, 4) епископы, 5) священники, 6) диаконы (и диаконисы), 7) иподиаконы, 8) анагносты и 9) псалмопевцы. Этот перечень в большинстве рукописей искажен. В них до шестого чина список идет строго по нисходящей, а далее, вопреки логике—по восходящей. Седьмой чин—епископы, восьмой—архиепископы-катликосы, девятый, самый высший—папа римский. Еще В. Бастамянц указал на эту несуразность, и считал ее делом неискusstного фальсификатора-католика, подчеркивающего верховенство папы римского. Бастамянц подтверждает ошибочность в перечислении чинов трудами Нерсеса Ламбронаци и Степаноса Орбеляна¹⁵. Первый в своем «Толковании литургии», второй в своей «Истории» приводят точно такой же список церковных чинов, который полностью совпадает с нашим, с той только разницей, что в качестве седьмого чина выступают иподиаконы, восьмого—анагносты, а девятого—псалмопевцы, что вполне логично. Заметим также, что в рукописи XIV в. Матенадарана последовательность чинов такая же.

Бесспорно, что вышеупомянутые три текста—перевод одного и того же источника. Очевидно, что в Армении существовало более одного перевода первоисточника. Об этом еще будет сказано. На вопрос, который из этих переводов ближе к византийскому прототипу, можно ответить определенно: текст 225 (113) статьи Судебника Мхитара Гоша. В тексте Нерсеса Ламбронаци и Степаноса Орбеляна нередко объясняются трудные для понимания места, в то время как в статье 225 (113) непонятные армянскому читателю места так и остались необъясненными.

Теперь кратко об армянском переводе византийского источника. В языке первой и начала второй части статьи 225 (113), до того места, где идет перечисление чинов церкви, начиная с патриарха,

¹⁵ Ն եր ր ւ ե ս լ ա մ ր ր ո ն ա ց ի. Խորհրդածոթիւնք ի կարգս եկեղեցւոյ եւ մեկնութիւն խորհրդոյ պատարազին. Վեներիկ, 1847, էջ 82—85. Ստեփաննոս Օրբելյան. Պատմութիւն նահանգին Սիսական. Քիֆլիս, 1910, էջ 108—111.

гречизмов не заметно. Язык чисто армянский. Но начиная со второй половины второй части мы сталкиваемся с сугубо византийским чиновначалием, церковным и дворцовым. Большинство чинов церкви приведено на греческом языке и тут же дается армянский перевод. Так:

патриархи — հայրապետք
митрополиты — մայրաքաղաքացի եպիսկոպոսք
иереи и попы — քահանայք եւ երիցունք
псалты — սաղմսեբրուք
монахи — միաւորք

Имеются и названия чинов, не переведенных, как например, «анаганосы» — անագանոսք, т. е. ἀναγνώσται, хотя далее дается только его армянский эквивалент — գրականացք. Ряд специальных терминов приводится по-гречески, как եմբիփորոն (омофор — ὀμοφόριον), սառղոզիս (стихологий — στιχολόγιον), քլամիդ (хламида — χλαμίδ). Случается, что армянский переводчик и ошибается. Встретив греческое слово ἱερεὺς, он транскрибирует его правильно — երիսունք (ерис-унк, мн. ч.), но под влиянием его созвучия с армянским երէց переводит երիցունք (ериц-унк, мн. ч.), что, однако, означает не священник, а пресвитер.

Дословный перевод греческого текста приводит и к другим неточностям. В третьей редакции, в части о митрополитах указывается, что «обязанность их посвящать епископов крепостей и деревень» (подчеркнуто нами.—Р. Б.). Наличие «деревни» означает, что слово «крепость» (բերդ) должно означать «город». Но в армянском «крепость» (բերդ) не означает город, а вот по-гречески слово «καστρον» означает и город.

Переходим к третьей части статьи 225 (113). Она посвящена византийскому дворцовому чиновначалию, скорее перед нами византийский клиторологий, неизвестный (?) в греческом оригинале. Греческие термины нередко искажены армянскими переписчиками до неузнаваемости, даже в списках XIII в., может быть, и раньше, до их интерполяции в Кодекс Мхитара Гоша. Поскольку эти термины к 1265 г. были неузнаваемы, скорее непонятны для армян, коннетабль Смбат иногда их объясняет, приводит их армянские (и не только армянские, даже западные) эквиваленты, хотя и не всегда соответствующие. Византисту нетрудно восстановить их первоначальный вид.

В клиторологии упоминаются следующие дворцовые чины, отмечается их облачение, обязанности в византийском дворе. Их число (девять) соответствует числу небесных и церковных чинов.

- 1 Силентиарии — [ս] եղենդիարք
- 2 Веститоры — վեստիտորաշին
- 3 Кандидаты — կանտիտորաշին
- 4 Проксеторы — պրոքսետորաշին
- 5 Экскубиторы — եսկուպитորաշին (из них сcribeоны — սկրриունք и мандаторы — մանդատորք)
- 6 Страторы — ստրատորք
- 7 Схоларии — սքоլарք (из них сигнаторы — սիգնալք)
- 8 Деканы — դեկанիոնք
- 9 Курсоры — կурсорք

Завершая данный перечень, автор клиторология пишет: «Существуют и другие дворцовые служители, частью из варватов, частью из скопцов. Они не состоят в тех девяти службах, но свободны. Они не

представляют чинов, их число неопределенное, не имеют точного места охраны, их иногда бывает много, иногда мало». Далее идет их перечень. В нем упомянуты не только светские лица, но и церковные:

- 1 Деметриты — դեմետրիտոսք
- 2 Регионарии — րեգիոնարք
- 3 Асикриты — ասիկրիտք
- 4 Венеторы — վենետորք, т. е. бальнеаторы
- 5 Триклинарии — տրիқлиնարք. Из их скопцов назначают актариев
- 6 Нипсистиарии — փսսիստարք
- 7 Апокристиарии — փոքրիստարք
- 8 Филаки — փղակոնք
- 9 Σπουδαῖοι — սպուդեօք
- 10 Аввасы и монозоны — արաւսք եւ մոնոզոնք
- 11 Дометики — դոմետիկոսք (δογματικοί, δομῆστικοί?)

Все они, повторяет автор статьи, не состоят в девяти церковных чинах и не приписаны к определенной службе. Они не поднимаются на амвон и не входят в алтарь, но все они назначены дабы славословить в храме божею.

На вопрос кто интерполировал статью 225 (113) в Судебник Мхитара Гоша, можем ответить, что во всяком случае не автор Судебника. Эта статья и по содержанию, и по стилю изложения стоит особняком. Но необходимо подчеркнуть, что была интерполирована немного спустя после составления Судебника, раньше 1265 г., времени составления Судебника коннетабля Смбата, в который она включена, даже раньше 1238 г., времени написания рукописи № 1738 хранилища рукописей венецианских мхитаристов, в которой она встречается.

Где была интерполирована статья 225 (113) в Судебник Мхитара Гоша? По всей вероятности, в пределах Киликийского армянского государства. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что древнейшие рукописи, содержащие Судебник Мхитара Гоша, переписаны в пределах этого государства, а также незначительная на первый взгляд глосса в статье. В начале второй редакции клиторология читаем: «Первый чин дворца, т. е. дарпаса...» (подчеркнуто нами.—Р. Б.). Слово «дарпас» (դարպաս) в значении «дворец» было распространено именно в Киликийском армянском государстве, обстоятельство, отмеченное еще В. Бастамянцем¹⁶.

Поскольку наш текст—перевод с византийского прототипа, возникает вопрос, где он был осуществлен, кто его возможный переводчик? Перевод сделан раньше XIII в., времени древнейших рукописей, содержащих Судебник, и года составления Судебника Смбата (1265 г.). Но касающаяся церковной иерархии часть, как мы уже увидели, встречается в «Толковании литургии» Нерсеса Ламбронаци, написанном в 1177 г. Значит terminus post quem — 1177 г. Возникает новый вопрос: Нерсес Ламбронаци включил в «Толкование литургии» уже существовавший перевод, или же переводчиком является он сам? Этот очень интересный и важный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании, но здесь мы можем высказать некоторые соображения.

Нерсес Ламбронаци—видный представитель армянской средневековой культуры, поэт, философ, политический и церковный деятель, действовавший в Киликийском армянском государстве, главным образом, в таких центрах армянской культуры, как Ромкла, Тарс, Ламброн,

¹⁶ Մխիթարայ Գօշի Դատաստանագիրք հայոց, էջ 261, ծան. 243.

Скевра, Черная гора (Аманос), Лулон и др. Его отец Ошин был владельцем крепости Ламброн. Политическая ориентация Ошинидов была провизантийской. Нерсеса Ламбронаци, крупного знатока греческого и латинского языков, церковных и догматических вопросов, киликийский князь Левон II в 1197 г. во главе посольства отправил в Константинополь к императору Алексею III вести переговоры вокруг унии церквей. Мы здесь не будем подробно останавливаться на его литературной и культурной деятельности¹⁷. Для нашей темы представляет интерес переводческая деятельность Нерсеса Ламбронаци, и особенно, его переводы византийских текстов, в первую очередь тех, содержание которых более или менее перекликается с содержанием статьи 225 (113) Судебника Мхитара Гоша. Отметим осуществленные им переводы следующих византийских текстов: «Աւրէնք յաղթող թագաւորացն Կոստանդիանոսի, Թէոդոսի եւ Լեւոնի թագաւորաց հոռմալեցոց» («Законы победоносных императоров христиан Константина, Феодосия и Льва», 150 статей)¹⁸, «Վասն զինուորաց սահմանադրութիւն» («Военный закон», 57 статей)¹⁹, «Համառոտ ժողովումն օրինաց» («Синописис законов», 75 статей), «Հնարութիւն համառոտ յարինացն քաղաքականաց Լեւոնի եւ Կոստանդիայ իմաստուն եւ բարեպաշտ թագաւորաց» («Краткая эклога из гражданских законов Льва и Константина, мудрых и благочестивых царей»)²⁰, «Աւրինադրութիւն Երինայ թագուհոյն, մայր Կոստանդիայ» («Законы императрицы Ирины, матери Константина» (797—802 гг.).

Прямое отношение к содержанию статьи 225 (113) имеют следующие переводы Нерсеса Ламбронаци: «Ἐκθεσις πρωτοκλησιῶν πατριαρχῶν τε καὶ μητροπολιτῶν» (О чиноначалии патриархов и митрополитов) Епифания Кипрского, «Τάξις τῶν πατριαρχικῶν θρόνων» (О чиноначалии патриарших престолов) Нила Доксапатри, а также «Книга о чиноначалии римской церкви» (с латинского).

Исходя из вышесказанного, не имеем ли мы права предположить, что переводчиком статьи 225 (113) Судебника Мхитара Гоша является именно Нерсес Ламбронаци? Еще Йозеф Карст относительно трех редакций церковной иерархии (в статье 225 (113), в «Толковании литургии» Нерсеса Ламбронаци и в «Истории» Степаноса Орбеяна) отметил, что они представляют собой один и тот же текст, часто совпадают буквально. Отдельные места, встречающиеся в Судебнике и в «Истории» отсутствуют в «Толковании», или имеются в «Толковании» и в «Истории», но их нет в Судебнике, или, наоборот, встречаются в «Толковании» и в Судебнике, но отсутствуют в «Истории»²¹. Это свидетельствует о том, что один и тот же текст перево-

¹⁷ О нем подробно см.: Ներսես Աղբնյան. Ներսես Լամբրոնացի, արքեպիսկոպոս Տարսոնի. Վիեննա, 1956; Գր. Հակոբյան. Ներսես Լամբրոնացի. Երևան, 1971:

¹⁸ Речь идет о т. н. Сиро-римском судебнике: Syrisch-römisches Rechtbuch auf dem fünften Jahrhundert. Hrsg., übers. und erläutert von Dr. Karl Georg Bruns und Dr. Eduard Sachau, Leipzig, 1961. Армянский текст—ч. I, с. 95—141. Исследование армянского текста—ч. II, с. 161—164 и 170—172. Согласно Н. Акиняну, был переведен в 1173 г.

¹⁹ Имеется в виду «Περὶ στρατιωτικῶν ἐπιτιμίων».

²⁰ «Эклога» Исавров.

²¹ Sempadscher Kodex, Kommentar, S. 65—75, № 132.

дился несколько раз. Известно, что Нерсес Ламбронаци при переводе юридических текстов поступал именно так, один и тот же текст постоянно дополнял, исправлял²². Очевидно, таким же образом он поступил со статьей 225 (113). Мы считаем, что первичным, более близким к византийскому оригиналу является перевод клиторология, встречающийся в статье 225 (113) Судебника Мхитара Гоша.

Таковы результаты наших изысканий. Дело специалистов-византиноведов указать на византийский прототип клиторология, определить время его составления.

ՄԽԻԹԱՐ ԳՈՇԻ ԴՍԱՍՏԱՆԱԳՐՔՈՒՄ ԲՅՈՒՋԱՆԴԱԿԱՆ ԳԱՀՆԱՄԱԿԻ ԵՎ ՆՐԱ ՀԱՅ ԹԱՐԳՄԱՆՁԻ ՄԱՍԻՆ

Պատմ. գիտ. դոկտոր Հ. Մ. ԲԱՐԹԻԱՅԱՆ

Ս. մ փ ո փ ու լ մ

Մխիթար Գոշի Դատաստանագրքի վերոնշյալ գլուխը նվիրված է Երկնային, եկեղեցական և բյուզանդական արքունիքի հիերարխիային: Թեև իր բովանդակությամբ, շարադրման ոճով այն ոչնչով չի առնչվում Դատաստանագրքին, սակայն և՛ Դատաստանագրքի հրատարակիչների, և՛ դրա հետազոտողների կողմից համարվել է Մխիթար Գոշի ստեղծագործություն: Ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ այն թարգմանված է հունարենից, բազմաթիվ տերմիններ բերվել են հունարեն և տեղի ու տեղը միջնադարյան հայ թարգմանչի կողմից թարգմանվել հայերեն (եկեղեցական տերմիններից՝ պատրիարք-հայրապետ, մետրոպոլիտ-մայրաքաղաքացի, փսաղտոս-սաղմոսերգու, մոնաքոս-միաւոր, եռիսունք-երիցուք և այլն): Ինչ վերաբերում է պալատական պաշտոնյաների անվանումներին, ապա դրանք բերված են իրենց հունարեն ձևով միայն (սիլենտիար, վեստիտոր, կանդիդատ, էքսկուրսիտոր, ստրատոր, սգողար, ղեկանիտն, կուրսոր, ապոկրիսիար, փղակոն, ասիկրիտ և այլն):

Թարգմանությունը, մեր կարծիքով, կատարված է Կիլիկիայում նախքան 1238 թ., հավանական թարգմանիչն է ներսես Լամբրոնացին, իսկ գլուխը ներառվել է Մխիթար Գոշի Դատաստանագրքում հենց Կիլիկիայում: Այդ բնագրի եկեղեցական հիերարխիային վերաբերող մասը ներսես Լամբրոնացին ներառել է իր «Մեկնութիւն պատարագին» ստեղծագործության մեջ, հետագայում Ստեփանոս Օրբելյանը՝ իր «Պատմութիւն նահանգին Սխական» գրքի մեջ: Հիշյալ գլուխը ունեցել է մի քանի թարգմանություն, հավանաբար նույն ներսես Լամբրոնացու կողմից կատարված, որով և բացատրվում են այդ բյուզանդական աղբյուրի թարգմանության մեզ հասած կրիք սարբերակները:

ՈՒՍՏԱՆԱԳՐՔՈՒՄ ԴՍԱՍՏԱՆԱԳՐՔՈՒՄ ԲՅՈՒՋԱՆԴԱԿԱՆ ԳԱՀՆԱՄԱԿԻ ԵՎ ՆՐԱ ՀԱՅ ԹԱՐԳՄԱՆՁԻ ՄԱՍԻՆ

(к миссии католикоса Петра I в Константинополь)

Р. М. Бартиян

40-е годы XI в. для армянского народа были одни из самых тяжелых. Византийская империя, завоевывая постепенно ряд областей Армении — Тарон, Тайк, Васпуракан, Харк, Апахуник, уже стучалась в двери царства ширакских Багратидов. В 1041 г. с разницей в несколько месяцев отправились к отцам багратидские цари братья Ашот и Иоанн-Смбат. Их «смерть» была не чем иным, как результатом деятельности византийских агентов в Армении. В повестку дня внешней политики византийского правительства вошел заключенный еще в 1021 г. в Трапезунте между Василием II и армянским царем Иоанном-Смбатом договор, согласно которому Иоанн-Смбат «завещал» свое царство Византии. Император Михаил V Калафат (1041—1042 гг.), узнав о кончине Иоанна-Смбата, потребовал свое «наследство», но, наверное, получил отказ, ибо только в этом случае он обратился бы к оружию. Его попытки овладеть царством Багратидов силой не увенчались успехом, армяне тогда сумели в упорной борьбе защитить свою политическую независимость. Однако положение было критическим. Престол Багратидов пока что пустовал, а преемник Михаила Калафата Константин Мономах упорно требовал армянское царство. В сложившейся ситуации правителям Армении ничего не оставалось, кроме как обратиться к дипломатии. На данном этапе известный своей провизантийской ориентацией католикос Петр был самой подходящей личностью для ведения переговоров с империей. О них свидетельствует один большой абзац Хронографии Матфея Эдесского, армянского историка первой трети XII в. Интересующие нас его данные, по нашему убеждению, исследователями поняты неправильно. Так как в этой статье к вышеупомянутому абзацу мы будем обращаться неоднократно, то считаем необходимым привести его здесь полностью.

Останавливаясь на событиях 498 г. армянского летосчисления (1049 г. н. э.), Матфей Эдесский пишет о приглашении Константином Мономахом армянского католикоса Петра посетить Константинополь и очень подробно описывает оказанный ему великолепный прием. «В этом году, — пишет хронист, — царь Мономах написал армянскому патриарху владыке Петру послание, приглашая его приехать в Константинополь. Владыка Петр волею своей дал согласие отправиться в путь. Но он задумался: „... а вдруг ромеи не дадут мне вернуться на Восток“. Поэтому он назначил на свой патриарший престол всехвального владыку Хачика. Он подумал также о благословенном елее святого мира помазания армянской церкви. В железных сосудах вместимостью в четыреста литров он закопал его в реке Ахурян, дабы не попало в руки ромеев. Это миро поныне упрятано. Петр свершил это ночью, вблизи ворот города Ани. Сам же со славными азатами своего дома, с тремястами вооруженных мужей, вардапетами, епископами, музыкантами и монахами, с сотней севших на великолепных мулов иереев и двумястами служителями отправился в путь. Вместе с владыкой Петром были давно ему знакомый и самый лучший вардапет Булгар, главный чтец всехвальный Хачатур, неборимый писец Фадей, Георг Карнегеци и Иоанн Карнегеци, Матфей Хагбатаци, Мхитар Бнайреци, философ Тиранун Капанеци, Мхитарик, Вардан Санахнеци, Барсег Башхатаци, самый благородный владыка Елише, его брат Барсег, сын ткача Георг, владыка Ефрем, владыка Ананэ и владыка Хачик. Все эти вардапеты и философы, знатоки божьих Ветхого и Нового заветов. Итак, всехвальный владыка Петр отправился с ними в путь и прибыл в Константинополь. Когда жители Константинополя узнали о его приезде, все вышли ему навстречу и в сопровождении вельмож, с неопишуемым великолепием привели в Святую Софию, где встретили его царь и патриарх, которые и предоставили ему замечательный дом. Царь приказал пожаловать владыке Петру средства на расходы. На первый день дали один кентинарий «золота». На следующий день владыка Петр отправился во дворец к царю, который, узнав о его прибытии, вышел ему навстречу. Он приказал посадить владыку Петра на золотой трон. Этот трон при возвращении из Константинополя владыка Елише взял с собой, служители же царя старались отнять трон у него, но Елише с упорством не уступал. Узрев случившееся, царь спросил Елише, почему он не желал уступить трон. Ответил ему владыка Елише и сказал: „О царь! Этот трон — патриарший, никто не достоин сесть на него, кроме владыки Петра“. Царь, услышав объяснение, сочел слова владыки Елише правдивыми. Он сказал: „Уступите этот апостольский трон ему“. А далее, обращаясь к владыке Елише, царь сказал: „Этот трон стоит тысячу номизм, береги его для своего владыки, дабы никто, кроме него, не сидел на нем“. Владыка Петр пробыл среди ромеев в Константинополе в подобном великолепии четыре года¹. И с каждым днем умножались его слава и почет среди греков. Когда он шел в царский дворец, несли впереди него его патриарший жезл, а царь, увидев его, кланялся ему, приказывал своим вельможам выходить владыке Петру навстречу. По истечении четырех лет² царь и патриарх преподнесли владыке Петру великие дары — сокровища, златотканые и сребротканые материи, всевозможные украшения. Царь определил на «разные» должности его азатов, племянника же, владыку

Ананэ, назначил синкеллом. Преподнеся армянскому патриарху всякие ценные наряды, с большими дарами и с миром проводили его в путь. Но владыка Петр не достиг Ани, он поехал и поселился в большом великолепии в городе Севастия, у семьи Сенекерима»³.

Здесь мы должны подчеркнуть, что все сказанное Матфеем Эдесским полностью соответствует действительности. У нас имеются все основания верить ему. Единственное место, вызывающее сомнение, — это то, что византийцы будто на первый день пребывания армянского католикоса в Константинополе пожаловали ему кентинар золота (7200 номизм). Речь, скорее всего, идет о литре золота (72 номизмы).

Итак, первый вопрос, который встает перед исследователем, следующий: откуда мог Матфей Эдесский знать эти подробности? Словом, какие у нашего хрониста источники, достаточно ли достоверные источники, поскольку вышеприведенное считать выдумкой нельзя.

Академик Л. С. Хачикян в рукописи № 9832 Научно-исследовательского института древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР (Матенадаран) обнаружил ценные фрагменты исторического содержания, взятые «Из хронографии иерея Иакова». На основе скрупулезного филологического анализа Л. Хачикян пришел к выводу, что данная личность никто иной, как известный из «Хронографии» Матфея Эдесского и из других источников видный ученый и церковный деятель вардапет Иаков Санахнеци. Сравнив дошедшие до нас отрывки хронографии Иакова Санахнеци с соответствующими местами исторического труда Матфея Эдесского, Л. Хачикян выявил общность стиля, структуры, изложения фактического материала, указал на ряд повторений и пришел к выводу, что Матфей Эдесский при составлении своего труда использовал «Хронографию» Иакова Санахнеци. Из исторического сочинения Матфея Эдесского известно, что Иаков Санахнеци последние годы своей жизни провел в Эдессе, где и скончался в 1085 г. Следовательно, Матфей Эдесский не только мог использовать рукописное наследие Иакова, но и знать его лично⁴.

Хронография Иакова Санахнеци написана до 1085 г., следовательно, Эдесский мог использовать его исторический труд в первой, частично — во второй главе своей хронографии. Иаков Санахнеци, «будучи близким сотрудником католикоса Диоскора и установив дружеские связи с знаменитыми политическими и церковными деятелями эпохи», «был одним из главных действующих лиц важных исторических событий, имел возможность черпать исторический материал из царского и патриаршего архивов»⁵. В свете всего вышесказанного находит свое объяснение наличие в «Хронографии» Матфея Эдесского текстов ряда официальных документов, упоминание о некоторых других. Имеется в виду прежде всего текст послания императора Иоанна Цимисхия царю Армении Ашоту III Милостивому. Предположение о том, что Матфей Эдесский имел под рукой текст данного послания справедливо вызывало сомнение (поскольку архив Багратидов или отдельные его документы вряд ли могли попасть в Эдессу), но вполне возможно, что текст послания Цимисхия он почерпнул из хронографии Иакова Санахнеци. Все это еще раз говорит о подлинности нашедших место в «Хронографии» Матфея Эдесского документов.

Вывод однозначный. Обстоятельное, по нашему убеждению, достоверное описание путешествия и пребывания в Константинополе армянского католика Петра Матфей Эдесский позаимствовал из ныне утраченной, дошедшей до нас в незначительных отрывках хронографии Иакова Санахнеци, очевидца, может быть, и соучастника описываемых событий.

Обратимся к вышеприведенному фрагменту из «Хронографии» Матфея Эдесского, на котором зиждется данная работа. Исследователи считают его одной целостностью и, исходя из сообщения армянского хрониста XI в. Аристакаса Ластивертци о том, что византийский правитель фемы Армении и Иверии Катакалон Кекавмен католика Петра отправил из Ани в ссылку в город Арци, далее бросил в тюрьму крепости Халто Арич, после чего его отправили в Константинополь «к царю», пришли к выводу, что Матфей Эдесский имеет в виду именно это путешествие католика Петра к императору Константину Мономаху. В своей хронографии, посвященной католику Петру, К. Костанянц писал: «Путешествие католика из своего последнего заключения в Византию было пышным, подобающим его положению»⁶.

Неизвестно, на основании чего это путешествие К. Костанянц датирует 1051 г. (Матфей Эдесский пишет о нем под 1049 г.). Но дело не в этом. Данное «пышное» путешествие автор считает «подобающим» положению католика. Но положение католика Петра тогда было не иное, как заключенного, ссыльного. Нам известно, что еще в 1046 г. католикос Петр в своем престольном городе Ани попал в опалу византийского правителя. «В 493 году нашего счисления⁷, — пишет Аристакас Ластивертци, — его⁸ сменил в должности некий Каменас⁹. Он прибыл в «Ани» и не воздал патриарху прежних почестей, затем принялся поносить его в грамотах перед императором¹⁰ и обманным путем изгнал из города, говоря, что император, мол, назначил тебе местопребывание в гаваре Карина¹¹, в городе Арци. И патриарх прибыл в наш большой и цветущий город <...> Во время трапезы, когда восседали за столом, прибыла стража, схватила патриарха и доставила его в крепость Халтой Арич. Из Армении доставили также его племянника по сестре по имени Хачик¹² и заточили в крепость, которая зовется Сеав Кар <...> А затем их вывели оттуда и доставили в Константинополь к императору»¹³.

Данное противоречие по-своему объясняет видный исследователь истории армянской церкви Малахия Орманян. Он показывает, что византийцы, заключив в тюрьму католика Петра после 19 апреля 1047 г., затем отправили его в Константинополь. Что касается его «пышного» путешествия, описанного Матфеем Эдесским, в корне отличающегося от описания Аристакаса Ластивертци, он пишет: «Вот так кратко описывает современник Ластивертци, в то время как Эдесский добавляет обширные подробности. Ластивертци представляет нам происходящее как перемещение заключенного, Эдесский же присовокупляет данные о пышном путешествии <...> Разумеется, — продолжает Орманян, — заключение католика произвело плохое впечатление на армян, возмутило их против греков. Было необходимо исправить создавшееся положение, и поскольку император не имел желания освободить Петра, он счел удобнее всего ока-

зать ему почет, но держать как можно дальше «от Армении», в почетном заточении. Наверное, сам Петр понимал суть дела, ибо он задумался: «... а вдруг ромей не дадут мне вернуться на Восток»¹⁴. Словом, Малахия Орманян был уверен, что почести, оказанные армянскому католику византийским двором, преследовали одну цель — задобрить армян. Трудно согласиться с подобным мнением. Все столетнее господство Византии в Армении, начиная с аннексии Таронского княжества (966 г.) до захвата Ани тюрками-сельджуками в 1064 г., было периодом произвола византийской администрации, преследований, тяжелого налогообложения, когда византийскому двору и в голову не приходила мысль задобривать армян.

Мы замечаем противоречия не только между рассказами Аристакаса Ластивертци и Матфея Эдесского. Бросаются в глаза противоречия в самом вышеприведенном обширном отрывке Эдесского. Остановимся прежде всего на отмеченной хронистом дате описываемых им событий. Как отметили выше, путешествие католика Петра в Константинополь к императору Константину Мономаху он датирует 498 годом армянской эры (1049 г.). Нетрудно не сомневаться в достоверности этой даты. Как явствует из данных Матфея Эдесского, католикос Петр удалился из Ани. Это подтверждается тем фактом, что перед отправлением в Византию, в реке Ахурян, вблизи анийских ворот, католикос Петр в железных сосудах закопал четыреста литров елей мира, дабы оно не попало в руки ромеев. Он опасался, что византийцы не разрешат ему вернуться в Ани. Но в 1049 г. католикос не находился в Ани. Он, как хорошо видно из вышеприведенного сообщения Аристакаса Ластивертци, в 1046 г. был сослан в Арци, затем заключен в тюрьму и, скорее всего, в 1047 г. отправлен в почетную ссылку в Константинополь. Из Константинополя он в Ани не вернулся, а остался жить в Севастии.

Итак, мы приходим к следующему выводу.

Матфей Эдесский в интересующем нас абзаце спутал два разных события, произошедшие — первое накануне падения царства Багратидов, второе — после падения. Нетрудно не заметить, что католикос Петр в рассказе Эдесского выступает в двух амплуа. В одном как преследуемый императором, отправленный им в ссылку, в другом — как принятый им же с большим почетом, и с таким же почетом отправленный на родину.

Путаницей двух разных событий является и то, что отправленный из Константинополя в Армению с миром, большими дарами католикос «не достиг Ани, он поехал и поселился <...> в городе Севастии». Удивительно, но факт. Удостоенного таких почестей, получившего в дар даже золотой трон армянского католика, не пускают в Ани, а посылают в Севастию, в город, куда на четверть века раньше фактически был сослан последний васпураканский царь Сенекерим.

Вызывают удивление и недоумение и другие места в рассказе Матфея Эдесского. Лично и любезно приглашенный императором в Константинополь католикос пребывает в страхе: «... а вдруг ромей не дадут мне вернуться на Восток». Поэтому он заранее закапывает в реке Ахурян елей мира армянской церкви, назначает на свой престол преемника владыку Хачика. Заключенный в Халто Ариче и оттуда отправленный в Византию, католикос не мог раньше поехать в Ани и совершить все это. Согласно

Аристакесу Ластивертци, Константин Мономах находящегося в Константинополе католикоса Петра «не решался отпустить в Армению, ибо опасался, что, вернувшись, он побудит Ани к восстанию»¹⁵. Ясно, что византийский двор никоим образом не мог позволить католикосу Петру отправиться из Халто Арича в Ани. Значит, Петр и когда закапывал святое миро, и когда назначал себе преемника, находился в Ани.

Итак, какие суть многочисленные противоречия в интересующем нас абзаце «Хронографии» Матфея Эдесского? В чем загадка? Упомянутое в начале данного абзаца приглашение Константина Мономаха католикосу Петру не имеет никакой связи с фактом закапывания им в 1046 г. святого мира и назначением преемника, вызванное страхом отправления на Запад. Вопреки заверению Матфея Эдесского, католикос Петр в 1046 г. отправился не в Константинополь, а, как указывает стоящий ближе к событиям Аристакес Ластивертци, в ссылку. Таким образом, католикос Петр отправлялся в Константинополь *дважды* — в первый раз из Ани, во второй раз — из Халто Арича (при совершенно разных обстоятельствах. В первый раз — обладающий фактической властью, вершивший судьбы страны, во второй раз — лишенный политического веса, преследуемый и ссыльный).

Когда отправился в Константинополь католикос Петр в первый раз? Это можно определить довольно точно. Если приглашавший Константин Мономах, то это не могло произойти ранее 12 июля 1042 г., когда он воссел на престол. Этого не могло быть и после первых месяцев 1043 г., когда Гагик II стал царем Армении, ибо последний, отказавшись подчиниться императорскому диктату о сдаче ему царства Багратидов, был втянут в войну. Следовательно, католикос Петр получил приглашение в столицу империи между июнем 1042 и первыми месяцами 1043 г. А какими были мотивы приглашения, его истинные цели, которые армянские хронисты упорно замалчивают?

Еще в 554 г. армянская церковь в Двинском соборе решительно отвергла решения IV Вселенского собора в Халкедоне и окончательно отделилась от византийской церкви. Но империя неоднократно предпринимала шаги к установлению унии греческой и армянской церквей. Усилия византийцев были догматическими лишь на вид, в действительности же они преследовали политические цели. С ликвидацией самостоятельности армянской церкви византийцы рассчитывали подготовить почву к ликвидации и политической независимости армян. Когда поднимался вопрос об унии церквей, византийский император и константинопольский патриарх всегда приглашали в Константинополь армянского католикоса. Но, если исключить случай с католикосом Петром, ни один армянский патриарх в Константинополь не ездил. Одни прямо отказывались ехать, другие — соблюдая все нормы приличия, хорошо зная, что цель византийского двора — вынудить их принять решения халкедонского собора. Еще император Маврикий (582—602 гг.) в Армению «отправил приказ о том, чтобы все армянские епископы и католикос Мовсес (574—604 гг.) вместе со своими чтецами прибыли в Константинополь. Но католикос Мовсес не обратил внимания на приказ и сказал: „Я не перейду реки Азат¹⁶, не стану есть хлеба пекарни, пить теплое, смешанное с водою вино“»¹⁷.

В 913 г., когда в Армении свирепствовал атропатенский эмир Юсуф и в стране создалась невыносимая ситуация, правители Армении обратились за помощью к империи. Византийский двор и тогда попытался пригласить в Константинополь армянского католикоса. Но Иоанн Драсханакертци не решился ехать. «Хотя посол неоднократно приглашал меня, — пишет Иоанн Драсханакертци, — проявить благосклонное волеизъявление и отправиться во дворец к императору, однако я не пожелал, думая в душе, что может найтись кто-нибудь, кто косо посмотрит на мою поездку туда — к халкидонитам, решив, что я присоединился к ним. Итак, я не пожелал ехать, дабы не соблазнять души слабых»¹⁸.

Уже в XII в. в таких же тяжелых для Армении условиях император Мануил Комнин (1143—1180 гг.) пригласил в Константинополь будущего католикоса Нерсеса Благодатного «для встречи со святым патриархом и святым божьим клиром <...> и моей царственностью, дабы дело <об унии> было успешно разрешено»¹⁹. Но Нерсес Благодатный в Константинополь не поехал, «тогда не было возможности исполнить волю царя — отправиться в царственный город, поскольку был занят церковными делами»²⁰. Об этом хорошо знали и в Византии. Посланник императора Мануила философ Феориан писал: «Почти все, кроме царя, говорили, что католикос человек неискренний, он никогда не пойдет на унию»²¹.

После смерти Нерсеса Благодатного Мануил Комнин пригласил в Константинополь католикоса Григория IV Отрока (1173—1193 гг.), но и он не пожелал ехать. Много лет спустя Григория Отрока еще раз приглашают в столицу империи, на этот раз император Исаак II Ангел (1185—1195 гг.). Армянский католикос, хотя и обещал поехать, и даже согласился идти навстречу требованию императора об унии церквей²², и на этот раз не поехал, потому что, хотя и формально принимал унию, на деле был против нее.

Католикос Петр I был единственным главой армянской церкви, который поехал в Константинополь. Если исходить из данных Матфея Эдесского, армянский патриарх отправился в Константинополь в туристическую поездку. Но как объяснить наличие в его свите многочисленных вардапетов и философов — знатоков Ветхого и Нового заветов? Очевидно, что католикос Петр поехал в Константинополь для ведения переговоров относительно унии армянской и византийской церквей. Если принять во внимание оказанный ему великолепный, беспрецедентный прием, совершенно уверенно можно сказать, что византийскому двору уже было ясно, что католикос Петр приехал подписаться под решениями Халкедонского собора, что он дал свое согласие на унию. Только так можно объяснить тот факт, что как только католикос вступил в Константинополь, «все вышли ему навстречу и в сопровождении вельмож с неопишуемым великолепием привели в Святую Софию, где встретили его царь и патриарх», то, что константинопольский патриарх назначил владыку Анаэ, племянника католикоса Петра, синкеллом. Император не поклонился бы перед католикосом-монофизитом, а патриарх не назначил бы церковника-монофизита синкеллом.

Здесь возникает еще один важный вопрос. Кто послал католикоса Петра в Константинополь? Ибо последний не мог отправиться в Византию без согласия политических властей. Легче всего сказать, что его послала

действующая тогда в Армении провизантийская партия во главе с Вестом Саркисом, которая, воспользовавшись создавшейся после смерти царя Иоанна-Смбата и до воцарения Гагика II ситуацией, решилась на такой шаг. Но многие вопросы ставят под сомнение такое предположение. Во-первых, как объяснить тот факт, что, вернувшись в Армению, Петр продолжал оставаться католикосом? В Багратидском царстве, на престоле Григория Просветителя, католикос-халкедонит? Это более чем неправдоподобно. Во-вторых, в декабре 1046 г., уходя из Ани, католикос Петр «подумал также и о благословенном елее святого мира помазания армянской церкви <...> дабы оно не попало в руки ромеев». «Армянская церковь» — монофизитская, а не диофизитская. Если это было миро сторонника диофизитизма, то почему католикос Петр должен был бояться, что оно может попасть в руки греков? В-третьих: в 1045 г. царь Гагик II, отправляясь к Константину Мономаху, ключи города Ани доверяет католикосу Петру. Как он мог их доверить халкедониту? И наконец, известно, что ссыльного католикоса «с большой радостью» встретили жители армянского города Арцна. Уже целое столетие вкусившие византийское иго армяне так бы не встретили католикоса-халкедонита.

Ответ может быть один. Миссия католикоса Петра в Константинополь была дипломатическим шагом, призванным предотвратить вооруженное столкновение Армении с Византией в начале царствования Константина Мономаха. Католикос Петр с ведома армянских властей формально принял халкедонитство, то же сделал ставший синкеллом его племянник владыка Ананэ.

В свете всего вышесказанного находит свое объяснение и ряд других вопросов. Кто были те триста воинов, сопровождавших католикоса в Константинополь? По всей вероятности, византийские, а не армянские воины, которые представляли собой не только почетную свиту Петра, но и прежде всего его охрану, защищающую его от возможных неприятностей. Нам неизвестен его маршрут из Ани в Константинополь, но он непременно должен был проехать через находящиеся под византийским владычеством армянские земли — Тайк, Апахуник, Харк, Тарон, Держан, антивизантийские настроения населения которых были хорошо известны и католикосу, и византийскому двору. Ведь это население было уверено, что католикос стал перебежчиком, едет в Константинополь подписать унию. Откуда оно могло знать, что вся эта история всего лишь дипломатический маневр.

Подобная интерпретация вопроса вполне объясняет, почему хронист, так подробно описавший пребывание католикоса в Константинополе, умалчивает мотивы его пребывания. Он просто утаивает факт подписания документа об унии двух церквей, и в данном случае так поступает не Матфей Эдесский, а, по всей вероятности, его источник — Иаков Санахнеци. Последний имел серьезные причины поступить так. 20 лет спустя после упомянутых событий, в 1065 г., он сам согрешил подобным образом, прикнув к халкедонитам. По словам Матфея Эдесского, Иаков Санахнеци в Константинополе «в годы правления царя Дуки (Константин X Дука — 1059—1067 гг. — Р. Б.) принимал участие в спорах с ромейскими философами <...> и в вопросе о двух естествах Христа в некоторой степени прикнул к ромеям, <...> подписал грамоту об унии армян и ромеев.

Царь одобрил грамоту «об унии» веры, приказал эту грамоту положить в Святую Софию, как доказательство того, что в дальнейшем армяне и ромеи — единомышленники»²³.

Сразу же после возвращения католикоса Петра в Ани армянским царем был провозглашен Гагик II, который отверг унию двух церквей, т. е. подчинение Армении Византийской империи. Константину Мономаху больше ничего не оставалось делать, как, отказавшись от дипломатии, двинуть византийские войска против Ани.

Ни один из армянских деятелей средневековья не представлен в источниках так противоречиво, как католикос Петр I. Он и византийский агент, предавший свою родину ромеям, обманувший царя Гагика, отдавший ключи города Ани, столицы царства Багратидов, Византии, и святой армянской церкви, чудотворец, еще в 1021 г. в Трапезунте, в присутствии императора Василия II обративший вспять течение реки и получивший за это прозвище Гетадарц, глубоко любимый и уважаемый армянами. Не результат ли это того, что часть армян, не вникавшая в тонкости большой дипломатии, усматривала в католикосе изменника, что нашло свое отражение в источниках? Ведь так поступали и с современником и большим другом Петра, видным философом и военным деятелем Григорием Магистром Пахлавуни. Он также считался византийским агентом, но исследование доказало, что в его лице мы имеем большого патриота, борца за независимость Армении против происков Византийской империи²⁴.

¹ Другая интерпретация — четыре месяца.

² См. предыдущее примечание.

³ Матфей Эдесский. Хронография, Валаршапат, 1898. С. 104—107. На древнеарм. яз. Под Сенекеримом подразумевается царь Васпуракана Сенекерим Арцруни, который в 1021 г., уступив свое царство Василию II, обосновался в Севастии.

⁴ Хачикян Л. Иаков Санахнеци, хронограф XI в. // Вестн. Ерев. ун-та. 1971. № 1. С. 22—48. На арм. яз.

⁵ Там же. С. 37, 38.

⁶ Костанянц К. Владыка Петр I. Валаршапат, 1897. С. 39. На арм. яз.

⁷ 10 марта 1044—9 марта 1045 г. Но ошибка писца. Скорее — 10 марта 1045 — 9 марта 1046 г.

⁸ Михаила Иасита.

⁹ Правитель фемы Армении и Иверии Катакалон Кекавмен.

¹⁰ Константином Мономахом.

¹¹ Феодосиополя.

¹² Будущий католикос Хачик.

¹³ Повествование вардапета Аристакаса Ластивертци / Пер. с древнеарм., вступ. ст., коммент. и прил. К. Н. Юзбашяна. М., 1968. С. 85—86.

¹⁴ Малахия Орманян. Азгапатум: (История армянской церкви). Константинополь, 1913. Т. 1. С. 1234—1235. На арм. яз.

¹⁵ Повествование Вардалета Аристакаса Ластивертци. С. 95.

¹⁶ Река Азат была границей между Византией и маршпанской Арменией.

¹⁷ «Хлебом пекарни» и «смешанным с водой вином» католикос называет хлеб евхаристии и вино причастия греческой церкви. Армяне для причастия употребляют хлеб без закваски и вино, не смешанное с водой. Издание текста приказа Маврикия см.: Garitte G. La Narratio de Rebus Armeniae: Edition critique et commentaire // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Louvain, 1952. Vol. 132, subsidia t. 4.

¹⁸ Драсханакертци И. История Армении / Пер. с древнеарм., вступ. ст. и коммент. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. С. 197.

¹⁹ Нерсес Благодатный. Соборное послание. Эчмиадзин, 1865. С. 146—147. На древнеарм. яз.

О ЦАРСКОМ КУРАТОРЕ "ΜΑΝΖΗΚΕΡΤ ΚΑΙ ΕΣΩ
ΙΒΗΡΙΑΣ" МИХАИЛЕ. В СВЯЗИ С ВОСТОЧНОЙ
ПОЛИТИКОЙ ВАСИЛИЯ II (976 — 1025 гг.)

РАЧ БАРТИКЯН

Академик И. А. Орбели, подчеркивая исключительное значение материальной культуры в качестве исторического источника, в каждом удобном случае повторял: "Вещи не врут", в отличие от нарративных источников, которые описывают события более или менее субъективно, с точки зрения их автора, нередко, независимо от себя, неточно и необоснованно. Византийские свинцовые печати — моливдовулы — принадлежат именно к источникам, которые "не врут". Это обстоятельство подчеркивают все их изучающие, одновременно отмечая трудности, которые они представляют для понимания их чрезвычайно лаконичного содержания, из-за множества не совсем ясных лигатур, связанных с миниатюрным полем источника.

В своей обстоятельной работе проф. Н. Иконоmidис¹, директор Института византийских исследований в Афинах, подчеркивает ценность моливдовуллов в качестве источника "первостепенного значения", прежде всего в вопросах, касающихся административной организации византийского государства. Ученый в то же время показывает, что моливдовулы "часто поднимают неожиданные проблемы исторической географии. Приведем для примера, — продолжает Н. Иконоmidис, — печать Михаила Катафлорона, царского куратора Μανζικέρτ и "Εσω Ιβηρίας"² (т. е. "Маназкерта и Внутренней Иверии").

Моливдовулл, о котором идет речь, принадлежит коллекции Dumbarton Oaks (DO 58. 106, 5502) и датируется Н. Иконоmidисом серединой XI в.³ О Манцикерте ученый пишет кратко: "Он известен великим поражением византийцев в 1071 г., которое открыло двери Малой Азии перед турками. Но ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ?" Привожу ниже полностью размышления проф. Н. Иконоmidиса по данному вопросу.

¹ Ν. Οικονομίδης. Τά βυζαντινά μολυβδόβουλλα ὡς ιστορική πηγή. Πρακτικά τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν, τόμος 62-ος, Ἐν Ἀθήναις 1987 (Н. Иконоmidис. Византийские моливдовулы как исторический источник. — Труды Афинской академии, т. 62, 1987, Афины, 1987).

² Там же, с. 6.

³ Там же.

"Существование второй византийской административной области, называемой Иверия — " ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ ", много южнее Тайка⁴, армянского региона, приведет, естественно, к пересмотру административной истории восточных границ [Византии]. В данном случае, наверное, необходимо отметить, что не исключено, что знаменитое "иверийское войско", упраздненное сборщиком податей Львом Сервлием дабы увеличить государственные доходы, находилось именно в этой ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ. Историки XX в. убеждены, что выражение "иверийское войско" означало армянских воинов, и Кекавмен локализует деятельность Сервлиа на юге, в Иверии и Месопотамии, а не в Тайке. И не исключено, что куратория ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ была организована как следствие мер Сервлиа. Нам известно из других источников, что конфискованные земли армянских воинов и ранее передавались кураториям". Соглашаясь с тем, что печать Михаила Катафлорона ставит много загадок, Н. Икономидис заключает: "Все же проблема поставлена. Специалисты по восточным границам Византии пусть дадут более конкретные ответы"⁵.

Поскольку должность Михаила Катафлорона в Манцикерте и в ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ была одна и та же, обстоятельнее остановимся на Манцикерте.

На моливдовулле имя города передано как ΜΑΝΖΗΚΕΡΤ. Исходя из того, что топоним в историческом труде византийского автора XI в. Иоанна Скилицы приводится как Μανζικιέρτε⁶, Н. Икономидис восстанавливает его на печати согласно данным Скилицы. Но в этом нет необходимости, поскольку наименование города на печати совершенно правильно и полностью соответствует армянскому Մանձկերտ⁷ (Манцкерт).

Согласно "Армянской географии" VII в. историческая Великая Армения состояла из 15 больших областей — ашхар⁸, каждая из которых, в свою очередь, содержала более мелкие геогра-

4 На территории Тайка была организована византийская фема "Иверия".

5 Н. Икономидис. Указ. соч., с. 7 (здесь и везде далее курсив наш.-Р. Б.).

6 Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. Editio princeps, recensuit I. Thurn.— Berolini et Novi Eboraci, 1973, p. 462.

7 Топоним Մանձկերտ (Манцкерт) в армянских источниках встречается часто, хотя более распространена его форма — Маназкерт. Буква "Z" моливдовулла передает не имеющийся в греческом армянский звук "ձ" (между "ц" и "дз"). В ранних армянских источниках город назван и Манавазакерт.

8 В византийских источниках армянский "ашхар" передается или переводится χώρα. Ср. "Περὶ τῆς χώρας τοῦ Ταρών". Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, Greek Text edited by Gy. Moravcsik, Budapest, 1949, p. 188.

фические единицы, называемые "гавар"⁹. В зависимости от величины ашхара, он мог иметь в своем составе меньшее или большее число гаваров.

Четвертым ашхаром Великой Армении был Турубера, или "Сторона Тарона" с шестнадцатью гаварами, четырнадцатым из которых был Апахуник с центром Маназкерт¹⁰. Заглавие 44-й главы труда Константина Багрянородного "О правлении государством" начинается словами: "Περὶ τῆς χώρας τοῦ Ἀπαχουνή καὶ τοῦ κάστρου τοῦ Μανζικιέρτ" ("О стране Апахуни и о крепости Манцикерт").

Тарон в 966 г. вошел в состав Византии, судьба Апахуника с Маназкертом была иной. Халифат, завоевав в начале VIII в. Армению, стал переселять сюда арабские племена, самым значительным из которых было племя кайсиков¹¹. Оно обосновалось в Апахунике по всей вероятности в конце VIII в., в годы правления халифа Харуна ал-Рашида (786—809 гг.). В 60-е годы IX в. кайсики уже были хозяевами гавара.

Исключительную ценность представляет 44-я глава "О правлении государством" Константина Багрянородного, в которой дается история кайсикских эмиров Апахуника, начиная с эпохи правления армянского царя Ашота I Багратиды (884—890 гг.).

Эмир Abū' l-Ward "правил Манцикертом и находился под властью [Ашота], архонта архонтов"¹². Когда багратидского царя Смбата I (890—913 гг.) умертвил эмир Атропатены Апасата (Yusuf Abū Kāsim' b. Abū' l-Sādj), Апасевата (Abū-Sawāda b. Abd al-Ḥamid) "самовластно и бесконтрольно, как господин и независимый правитель, владел крепостью Манцикерт и прочими крепостями.

9 Западные исследователи переводят district. Византийские авторы, однако, и их именуют χώρα. См. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, cap. 44, 40-41, 86-87.

10 В IV в. это было село. Церковный собор 726 г. был созван уже в городе Маназкерте.

11 Ա. Տ Է ր - Ղ և Ե ր յ ա Կ. Արաբական ամիրայութունները Բագրատունյաց Հայաստանում. Երևան, 1965, էջ 96 և Հ., 143-149. Имеется перевод на английском языке: A. T e r - G h e w o n d y a n. The Arab Emirates in Bagratid Armenia. Translated by Nina Garsoïan, Lisbon, 1976. Кайсики встречаются и в эпосе о Дигенисе Акрите (Κασίοι). Экскурсиальская версия эпоса, строка 245. Основатель эмирата кайсиков Маназкерта назывался Abū' l-Ward, у Константина Багрянородного — Ἀλελβάρτ (De administrando imperio, гл. 44, 17, 19, 23). Багрянородный упоминает и современного ему второго Ἀλελβάρτ (гл. 44, 79, 107, 112). Abū' l-Ward в византийском эпосе назван Ἀλλοράβδης (версия Андроса — Афин, строки 2446, 2468, 2552). Κασίοι ошибочно отождествлялись с еретиками исмаилитами — ассасинами, которые, однако, появились в конце XI в.

12 Константин Багрянородный. Об управлении государством. Пер. Г. Г. Литаврина. — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 305.

Он подчинился [однако] василевсу (византийскому императору. — Р. Б.) вместе в двумя другими его братьями, Аполесфуетом (Abū l-Aswad b. Abd al-Ḥamīd) и Апоселми (Abū Salim b. Abd al-Ḥamīd), ибо domestик схол (Иоанн Куркуа. — Р. Б.) при всяком случае нападал на их крепости, разорял и опустошал их страны. Они предоставляли и пакты (подати. — Р. Б.) василевсу ромеев за их крепости и земли"¹³.

После смерти эмира Abū'-Sawāda продолжали быть данниками Византии и последующие эмиры Маназкерта. "Апосеватас (...) сидел в крепости Манцикерт и владел (...) следующими странами: Апахунис, Кори и Харка. Он давал за них пакты василевсу ромеев. Когда он умер, владел его сын Абдурахим и сам платил вышеупомянутые пакты"¹⁴.

Упомянув последующего эмира по имени Ахмет, Багрянородный пишет, что тот "был рабом василевса (...) предоставляя пакты и за себя самого, и за своего дядю Аполесфуета"¹⁵.

Багрянородный, отмечая области, находящиеся под властью кайсикских эмиров, вкратце повторяет сказанное: "Все эти вышеназванные крепости и ранее упомянутые страны никогда не были под властью Персии¹⁶ или под властью амермумна¹⁷, но находились (...) в дни господина василевса Льва¹⁸ под властью Симватия¹⁹, архонта архонтов, а после этого оказались под властью трех братьев, вышеозначенных эмиратов: Апосеватаса, Аполесфуета и Апоселми. В их дни они были подчинены, обложены пактом и оказались под властью василевсов ромеев"²⁰.

Апахуник и Манцикерт, хотя "были подчинены, обложены пактом" Византией, однако, по всей вероятности, де факто были независимыми, иначе нельзя объяснить то обстоятельство, что империя неоднократно старалась завоевать их земли. Последующую историю излагает современник событий Степанос Таронеци. Он пишет, что "в 417 году (29 марта 969 — 28 марта 970 г.) Вард (Вардас Фокас), племянник [по брату] Никифора, с многочисленным войском пришел в Апахуник, окружил город Маназкерт и, взяв его, срыл до основания городские стены"²¹.

13 Там же.

14 Там же, с. 306.

15 Там же.

16 Арабских эмиров Адарбайгана — Атропатены Персии.

17 Арабского халифа.

18 Лев VI (886 — 912).

19 Смбат I Багратуни (890 — 913).

20 Константин Багрянородный. Об управлении государством, с. 306.

21 Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н. Эминым. М., 1864, с. 127.

Если тот срывает стены Маназкерта, значит город не является владением империи. Когда скипетр Византии получил Василий II (976 г.) против него восстал Варда Скляр. Империя оказалась в хаотическом состоянии. Степанос Таронеци пишет: "Между тем как в таком смятении находилось греческое царство, Бат²², эмир Хлата²³ и Неперкерта²⁴, возобновил город Маназкерт"²⁵, т. е. овладел им и восстановил разрушенные византийцами крепостные стены.

Отметим, что в начале восстания Варды Скляра, Василий II отправил к тайкскому куропалату Давиду монашествующего на Святой горе — Афоне Торника, с просьбой чтобы тот, Давид, поспешил на помощь Василию против повстанца, пообещав уступить ему взамен ряд городов, гаваров, крепостей, а именно: "Халдойарич с клисурой, Чормайри и Карин (т. е. Феодосиополь. — Р. Б.), Басен и крепостцу Севук, то есть Мардали, Харк и Апахуник"²⁶.

Степанос Таронеци добавляет, будто Василий II "и уступил в самом деле". Неизвестно когда. И уступил ли? Известно, что Давид Апахуника тогда не получил²⁷.

Насколько Василий II был искренен — другой вопрос. Но факт, что в начале восстания Варды Скляра (976 г.) Апахуник, следовательно и его центр Маназкерт, Византия считала своими. Согласно Степаносу Таронеци, после смерти эмира Бата Маназкерт был взят куропалатом Тайка Давидом. Значит до этого Маназкерт находился под властью Бата. По данным Степаноса Таронеци "эмир апахуникский и неперкертский"²⁸ Бат умер в сражении с пустынными аравитянами, на место Бата заступил племянник его по сестре Мерван. Когда Бат умер, армянский²⁹ куропалат Давид осадил город Маназкерт и голодом и мечом

22 Badh al-Kurdi или Abū Abd Allāh al-Hasan b. Dustāk al-Ḥarbukhti, основатель крупного курдского эмирата Мерванидов. *Ա. Տ Ե ր - Ղ Է ո ն դ յ ա ն Արարական ամիրայությունները...*, (The Arab Emirates, p. 111-113).

23 Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, p. 198; τοῦ Χλιὰτ καὶ τοῦ (исправ. — τοῦ καὶ) Χαλιὰτ. В русском переводе как в греческом тексте — Хлиат, Халиат, будто это разные крепости, когда в действительности это разная передача одного и того же топонима.

24 Город Мартирополь, сир. mefrkt. Называется и Muharkin, сир. mefar-kin, араб. miyuafarkin.

25 Всеобщая история Степаноса Таронского, с. 134.

26 Перевод наш: *Ստեփանոսի Տարոնեցւոյ Առողկան Պատմութիւն Տեղեբրական, Հրտ. Առ. Մալխասյանցի. Ա. Պետերբուրգ, 1885, էջ 192*: Перевод Н. Эмина не точен: "Хакто-иаритч с Келе-Сирией, Чор-Майри и Карин, Басен и крепостцу Севук в Мардали, Харк и Апахуник" (с. 135).

27 *Ա. Տ Ե ր - Ղ Է ո ն դ յ ա ն Արարական ամիրայությունները...*, էջ 110:

28 Степанос Таронеци, описывая события 976 г., считал Бата эмиром Хлата и Нпркерта. Здесь, как видим, считает его эмиром Апахуника и Нпркерта.

29 Вернее *Տայկոյ* (Тайка), а не *Հայոց* (армян).

принудил его к сдаче. Он вывел оттуда и отпустил татчиков (т. е. арабов. — Р. Б.) и наполнил город жителями из армян и иверийцев³⁰, признававших власть его. Парсы и татчики, раздраженные этим, отправили к куропалату Давиду послов с предложением возвратить город, в противном случае они принуждены будут идти на него войною³¹.

На помощь куропалату Давиду спешат Гагик I Багратуни (990—1020 гг.), царь Вананда (с центром Карс) Абас (984—1029 гг.) и грузинский царь Баграт III (975—1014 гг.). "Персидское" войско не осмелилось дать бой и вернулось в свою страну, превратив до этого в руины гавар Багреванд и его центр город Валаршакерт³².

Итак, город Маназкерт на несколько лет переходит в руки тайкского куропалата Давида. В 447 г. армянского летосчисления (22 марта 997—21 марта 998 г.) эмир Атропатены Мамлан (Mamlān b. Abū' l-Ḥaydjā al-Rawwādī), сын Абулхаджа (Abū' l-Ḥaydjā al-Rawwādī), как пишет Степанос Таронечи, в ответ на то, что христиане разрушили их мечеть в Маназкерте, объявляет куропалату Давиду войну. Собрав войска "парсов и маров"³³, он думал при помощи эмира хорасанского и прочих варваров завладеть Арменией и Иверией, возобновить город Карин и опустошить землю тайкскую³⁴.

Куропалату Давиду оказывают помощь армянский царь Гагик I Багратуни, грузинский царь Гурген и ванандский царь Абас. Христиане обратили в бегство "персидские" войска эмира Мамлана и преследовали их до города Арчеша³⁵.

Неизвестно точно, когда куропалат Давид (как раньше князь Тарона Ашот, а в дальнейшем армянский царь Иоанн-Смбат Багратуни), завещал свою страну Василию II, "так как у него не было ни сына, ни брата, который бы мог наследовать престол его владения"³⁶, но, разумеется, под давлением Византии. Историк Вардан пишет: "В это время скончался куропалат Давид бездетным и завещанием оставил императору Василию свои владения: Ухтик³⁷, Матруван, город Апахуникского округа Мантцикерт и все свое достояние"³⁸. После его смерти в 1000 г. находящийся в городе Тарсе в Киликии Василий II "поспешил прибыть в страну нашу" дабы овладеть своим наследством. Он

30 Имеются в виду армяне-халкедониты.

31 Всеобщая история Степаноса Таронского, с. 191.

32 Там же, с. 192. Н. Эмин по ошибке пишет "Вахаршапат".

33 Имеются в виду курды.

34 Всеобщая история Степаноса Таронского, с. 193—194.

35 Там же, с. 194—196.

36 Там же, с. 199.

37 Центр Тайка, ныне Олти в Турции.

38 Всеобщая история Вардана Великого, пер. Н. Эмин, М., 1861, с. 117.

через Мелитену, Андзит, Баллу, Цопк и Хордзиан, доходит до гавара Аршамуник, в город Ериза, приказывает "войску Четвертой Армении и Тарона явиться к нему на помощь"³⁹. Оттуда Василий II доходит до горы Хавчич⁴⁰, до одноименного города, далее через гавар Харк⁴¹ в город *Маназкерт*, далее в гавар Багреванд и останавливается в городе Ухтике, овладевает всеми крепостями и укреплениями Тайка, которые дал "в руки верным людям; остальных же тайкских дворян взял с собою, чтобы поселить их в земле греческой, и сам возвратился через [Карин и] Хахтоиарич в Константинополь"⁴².

Василий II, овладев Тайком, назначает на административные посты своих людей. Какие это посты? Аристакес Ластивертци, который в данном случае пользовался историческим трудом Степаноса, пишет вдобавок: "Василий овладел множеством (гаваров)⁴³, крепостей и городов. Он назначил там чиновников (горцакал)⁴⁴, судей (датавор)⁴⁵ и надсмотрщиков (веракацу)⁴⁶, а сам с миром пустился в путь и прибыл в свой царский город Константинополь. Это было в 450-м году (20 марта 1000—19 марта 1001 г.), и в стране на 14 лет воцарился мир"⁴⁷.

К "веракацу" мы подробно обратимся немного спустя. Здесь же отмечу факт невторостепенного для данной темы значения. Маназкерт не только город. Аристакес Ластивертци считает центр Тайка Ухтик городом, а в качестве гаваров перечисляет Харк, *Маназкерт* и Багреванд. А в 25-й главе своей Истории, рассказывая о событиях 1071 г., пишет, что император

39 Всеобщая история Степаноса Таронского, с. 200 (с исправлениями).

40 В византийских источниках Χαβτζιτζιβ. См.: E. N o p i g t a n n. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1961, S. 192, 194-196.

41 9-й гавар Тарона. Упоминается Константином Багрянородным как τὸ Χάρκα (с. 200 греческого оригинала).

42 Всеобщая история Степаноса Таронского, с. 201.

43 К. Н. Юзбашьян пропущено слово "гаваров".

44 В средневековых армянских источниках греческие термины τοῦάρχης, ἡγεμών, ὁ ἔλ' ἐξουσιῶν переводятся как "горцакал", а "веракацу" (греч. ἐπιστάτης) как начальник, глава.

45 Аристакес упоминает отправленного императором в Акилисену "датавора страны" по имени Илья, однако не уточняет ни времени, ни имени императора.

46 Калька греческого слова "ἐπιστάτης". К. Юзбашьян переводит то "правитель", то "надсмотрщик", М. Канар и Г. Берберян — "inspecteur". A r i s t a k è s d e L a s t i v e r t. Recit des malheurs de la Nation Arménienne, trad. Par M. Sapard et H. Bérbérian, Bruxelles, 1973. В 1027 г. император отправил на Восток в качестве "веракацу" евнуха Никиту, который "прибыв, переходит в гавар иверов", т. е. в византийскую *фему Иверия*. А в 1028 г. приходит на Восток евнух Симон, который входит "в страну иверов", т. е. в собственно Иверию (Грузию). К. Юзбашьян и *ψηλλική χώρα* (область иверов), и *σηθημερική χώρα* (страна иверов) переводит как "Грузия". Указ. соч. с. 70.

47 Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци, пер. К. Н. Юзбашьяна, М., 1968, с. 57.

Роман Диоген "подошел к пределам гавара Маназкерта"⁴⁸. Отмечаю это обстоятельство потому, что MANZHKERT моливдовулла Михаила Катафлорона, наверное, не город Маназкерт, а весь гавар Апахуник с центром в городе Маназкерт, и Михаил был куратором не только города, а всего гавара Апахуник. Последний, как видно, не вошел в состав византийской фемы Иверия, организованной из земель бывшего княжества куропалата Давида, и составил отдельную административную единицу.

Возвращаюсь к недоуменному замечанию Н. Икономидиса: "а EZΩ IBHPIA?"

Н. Икономидис совершенно прав, считая, что EZΩ IBHPIA "никак не может быть отождествлена с областью Тайка"⁴⁹. Ученый предполагает существование второй византийской административной единицы с названием Иверия — EZΩ IBHPIA, "много южнее Тайка, армянского региона", т. е. кроме собственно Иверии (Грузии), двух византийских Иверий.

Южнее Тайка расположена область Айрарат (ее западная окраина) и Тарон, западнее Тайка — Высокая Армения или "Страна Карина" (Феодосиополя), которая не могла быть названа EZΩ IBHPIA. Н. Икономидис локализует EZΩ IBHPIA "много южнее Тайка" исходя из того, что по данным Кекавмена податной сборщик Лев Сервлий действовал "в Иверии и Месопотамии". Однако Кекавмен не конкретизирует — "на юге", просто пишет "в Иверии и Месопотамии"⁵⁰, а Месопотамия Кекавмена не та, что упоминается Иероклом, страной, расположенной между Тигром и Евфратом (Двуречье) с городом Амид⁵¹. Имеется в виду организованная в годы царствования императора Льва VI (886—912 гг.) византийская *фема Месопотамия*, состоявшая из крепостей, которые уступили императору братья-армяне Панкратукас, Пукрикас и Тавтукас⁵² (Ρωκρησθητης, Φουκρητης, Ταυτσητης). И название ее — Месопотамия — фема получила в годы царствования именно Льва VI, и до этого представляла собой "некую безымянную клисуру"⁵³. Таким образом, Месопотамия Кекавмена, в которой развернул деятельность податной сборщик Лев Сервлий, была не Двуречье, а фема Месопотамия, которая на севере граничила с фемой Колонии и с Халдией, доходила до Камаха —

48 Там же, с. 131.

49 N. Ikonidis. Указ. соч., с. 6.

50 Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина, М., 1972, с. 152.

51 Hierocles Synecdemus accenda fragmenta apud Constantinum Porphyrogenetum servata et nomina urbium mutata. Rec. A. Burckhardt, Lipsiae, 1883, p. 39—40.

52 Costantino Porfirogenito De Thematribus. Introduzione — Testo critico — Commento a cura di A. Pertusi, Città del Vaticano, 1952, p. 73.

53 Там же.

напротив Ерзка, на востоке с арабами⁵⁴, на юге с Ликандом, а на западе с фемой Севастии⁵⁵.

Изданный Н. Икономидисом моливдовулл куратора Михаила не единственный. Заведующая сектором Византии Отдела Востока Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге Валентина Самойловна Шандровская, многолетний исследователь богатой коллекции моливдовуллов музея, обнаружила среди них вторую печать куратора EZΩ IBHPIAΣ Михаила, с той только разницей, что на ней MANZHKERT не упоминается. Если на лицевой стороне печати из коллекции Dumbarton Oaks имеется образ св. Николая, на эрмитажной печати изображена Богородица. А текст на оборотной стороне читается так: "Θ(εοτόκ)ε (βοήθει) Μιχαήλ κουράτωρ(ι) τῆς Ἐσω Ἰβηρίας" ("Богородица, помоги Михаилу, куратору EZΩ IBHPIAΣ").

Свинцовая печать (моливдовулл) Михаила из коллекции моливдовуллов Государственного Эрмитажа (М-6733. Увеличена в 1,5 раза)

Излагая результаты исследования Н. Икономидиса, В. С. Шандровская вкратце отмечает: "Само понятие 'Н' Ἐσω Ἰβηρία, ее местоположение, границы, время существования еще предстоит выяснить. По-видимому, "Внутренняя Иверия" была частью большой византийской фемы, административное устройство которой, как и функции кураторов, требует дальнейшего уточнения"⁵⁶.

54 По всей вероятности, армянские территории, находящиеся еще под арабским игом.

55 Costantino Porfirogenito De Thematribus, p. 140. См. также карту Э. Хонигманна: Fines Orientales Imperii Byzantini c. annum 960. — In: Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches.

56 В. С. Шандровская. Эрмитажные печати Катафлоров.-Государственный Эрмитаж, научная конференция памяти Алисы Владимировны Банк (1906—1984 гг.). К 90-летию со дня рождения. Тезисы докладов, СПб., 1996, с. 67. Выражаю искреннюю благодарность В. С. Шандровской, очень помогавшей мне в годы учебы в аспирантуре (1954—1958 гг.) в секторе Византии Отдела Востока Гос. Эрмитажа, за любезное предоставление фото печати для исследования и публикации.

Вопросом локализации Внутренней Иверии занялся и византиновед В. Степаненко из Екатеринбурга. Его выводы: "Катафлор являлся императорским куратором Манцикерта и Внутренней Иверии. Очевидно, что куратория появилась здесь вследствие реформы Сервлия в первой половине 40-х гг. XI в. С Манцикертом все более или менее ясно. Он был "малой" фемой, созданной в 1000 г. и затем, возможно, время от времени входившей в состав Иверии (т. е. византийской фемы Иверия — Тайк. — Р. Б.). Сложнее с локализацией Внутренней Иверии. Несомненно, что это — часть фемы Иверии. Судя по тому, что в названии куратории она фигурирует наряду с Манцикертом, ставшим фемой, Внутренняя Иверия — также фема или конгломерат "малых" фем, выделенных из состава Иверии и подчиненных единому стратигу, в свою очередь, возможно, подчинявшемуся стратигу "большой" фемы Иверия"⁵⁷.

Наши выводы в корне отличаются от упомянутых выше. Что же, наконец, имеется в виду под географическим понятием ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ?

Топоним, несомненно, дословный перевод грузинского *Шида Картли*, означающего "Внутренняя Иверия", т. е. именно ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ. Сборник исторических сочинений XI в. "Картлис Цховреба" ("Жизнь Картли") начинается трудом Леонтия Мровели (XI в.) "История картлийских царей, праотцев и родов". В ней регион городов Уплисцихе, Урбниси и Касп, до "Тайкских ворот" (т. е. до пределов Тайка), назван "Шида Картли". В древнеармянском переводе "Картлис Цховреба" (XII—XIII вв.) грузинское *Шида Картли* переведено именно как *Ներքին Քարթլ*, т. е. "Внутренняя Иверия" (как на печати по-гречески — ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ). Леонтий Мровели возвращается к *Шида Картли* и в связи с административной деятельностью иверского царя Фарнаваза, пишет, что *Шида Картли* — это регион Тбилиси, Арагви "до Тайкских ворот"⁵⁸. Столицей *Шида Картли* до конца V в. была Мцхета, на 21 километр севернее Тбилиси, затем столицей стал Тбилиси. Таким образом, *Шида Картли* — *Ներքին Քարթլ* — ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ географически представляет собой колыбель грузинского государства, его экономический и культурный центр. В армянских источниках *Шида Картли* называется и *Վերին աշխարհ վրաց*

57 В. П. Степаненко. Михаил Катафлор, императорский куратор Манцикерта и "Внутренней" Иверии. — Античная древность и средние века, Екатеринбург, 1998, с. 190.

58 Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник ("Картлис Цховреба") — грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием, издал И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1953, с. 13, 35; Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 113, 118; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII века. Тбилиси, 1974, с. 7; Очерки истории Грузии, Тбилиси, 1988.

("Верин ашхар врац"), т. е. "Верхняя страна иверов", что является дословным переводом грузинского "Зена сопели" — "Верхняя страна"⁵⁹. Константин Багрянородный упоминает "Зена сопели" в ее армянском варианте: — "Βεριασάχ", т. е. "Верин ашхар"⁶⁰.

В связи с ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ моливдовулла Михаила нельзя не вспомнить *ἐνδοτέρω Ἰβηρία* Иоанна Скилицы. Он называет грузинского царя Георгия архонтом *τῆς ἐνδοτέρω Ἰβηρίας*, т. е. "Внутренней Иверии" — *Տիდა Կարտլի* грузин и *Ներքին Քարթլ* армян. Э. Хонигманн *ἐνδοτέρω Ἰβηρία* стал локализовать севернее Тайка⁶¹, Н. Икономидис же считал невозможной подобную локализацию⁶². На наш взгляд, не подлежит сомнению, что *ἐνδοτέρω Ἰβηρία* Иоанна Скилицы и "Εσω Ἰβηρία свинцовых печатей куратора Михаила одна и та же страна, это *Шида Картли*. "Εσω Ἰβηρία это ее официальное наименование и на печати официального лица — куратора Михаила — не могло быть по-иному. Иоанн Скилица, будучи хорошо знаком с существованием византийской фемы Иверия⁶³ (Тайк), находящуюся дальше — собственно Иверию-Картли, естественно, назвал бы *Ἐνδοτέρω Ἰβηρία*⁶⁴, хотя не исключено и другое объяснение. Размер свинцовой печати диаметром в два сантиметра обязывает ее владельца передать свою титулатуру чрезвычайно сжато, с использованием многих лигатур. В нашем случае владелец печати никак не мог написать

59 U. S. b r h d j w b. *Հայաստանի ըստ «Աշխարհացոյցի»*. Երևան, 1963, էջ 83—84:

60 Constantini Porphyrogeniti De Cerimoniis aulae byzantinae, vol. I, Bonnae, 1829, p. 687.

61 E. H o n i g m a n n. Указ. соч., S. 194 sqq.

62 N. O i k o v o m i d i s. Указ. соч., с. 6.

63 Ср. источники, которые "не врут". Греческая надпись от 1059 г. на стене анийского кафедрального собора: "Ἰωάννου βεστάρχου τοῦ κατεπάνω Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας τοῦ Μοναστηριώτου". — В кн.: В. Н. Бенешевич. Три анийские надписи XI в. из эпохи византийского владычества. Пб., 1921, с. 19. Печать магистра Аарона: "Κύριε βοήθει Ἀαρόν μαγίστρον καὶ δουκὶ Ἰβηρίας καὶ τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας". В. С. Шандровская. Неизвестные печати Аарона, магистра и дуки Иверии и Великой Армении и проэдра и дуки (XI в.). — Сообщения Гос. Эрмитажа, XXXVII, Л., 1973. Надпись другого государственного лица: "Κύριε βοήθη τὸν δοῦλον σου Ρωμανόν τὸν Δαλασινόν κέ κατεπάνων τῆς Ἰβηρίας". *Ն. Ս ա ռ զ ի ս ե ա ն. Տեղագրութիւնք ի Փոքր և Մեծ Հայս. Վենետիկ, 1864*: Из нарративных источников — памятная запись монаха Феодула, писца текста Завещания Евстафия Воилы: "Ἰω(άννου) Μοναστηριώ(του) Ἰβηρί(ας)". P. L e m e r l e. *Cinq Etudes sur le XI-e siècle byzantin*. Paris, 1977, p. 39.

64 Император Маврикий, став в 591 г. владельцем почти всей Армении и осуществив ее административную реорганизацию, Тайк назвал *«Ներքինայն Հայք»* — "Внутренней Арменией". См. *Յովհաննու Դրասխանաղբրտեցոյ Պատմութիւն Հայոց. Քրիստոս, 1912, էջ 68*: (Histoire d'Arménie par le Patriarch Jean VI dit Jean Catholicos. Trad. de l'arménien en français par M. J. Saint-Martin, Paris, 1841, p. 58). Армения, находящаяся вокруг верхнего течения Евфрата, в годы царствования Юстиниана I называлась "Interior" ("Внутренняя"). (Codex Justinianus, liber I, Titulus XXVIII — 5, De officio magistri militum), а в 31-й новелле Юстиниана — "Ἐνδοτάτη" — "Внутренняя" (De dispositione quattuor administrationum Armeniae, cap. I).

ἐνδοτέρω, слово, состоящее из восьми букв, просто не хватило бы места на печати, если можно то же самое передать синонимом из трех букв. "Εσω"⁶⁵.

Чтобы определить роль царского куратора ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑΣ, т. е. собственно грузинского государства, необходимо обратиться к византино-грузинским и византино-армянским отношениям в интересующую нас эпоху. В 1000 г. Тайк стал собственностью Византии, но еще не был организован в административную единицу — фему, и, по всей вероятности, продолжал носить свое название — Тайк⁶⁶. Однако некоторые его земли, согласно утверждению империи, захватил царь Грузии Георгий (1014—1027 гг.). После окончания византино-болгарской войны (1018 г.) Василий II занялся иверийскими делами и потребовал, чтобы эти земли были ему возвращены. Дело дошло до войны.

В 470 г. армянского летосчисления (16 марта 1021—15 марта 1022 г.), пишет Аристакес Ластивертци, Василий II "во главе большой рати вновь прибыл на восток. Он остановился в широкой долине близ Карина, отправил к грузинскому правителю Георги послов [с требованием], чтобы тот прибыл и изъявил покорность". Грузинский царь отказался, "ибо многие из его приспешников страдали его, говоря: "как увидит он тебя, ты либо погибнешь, либо схватит он тебя"⁶⁷ и ты не вернешь своего [царского] достоинства". Василий "пришел в ярость, он отдал приказ огнем, мечом и пленением покончить с большим городом⁶⁸ Окоми⁶⁹ и с относящимися к нему деревнями и хуторами. (...) Георги же, сочтя момент благоприятным, напал на город Ухтеац".

65 Согласно В. П. Степаненко, "нарративные источники не дают никакой информации относительно "Внутренней Иверии". А разве упоминание Скилицей Георгия, архонта "Внутренней Иверии", не информация? А данные грузинских источников?

66 Несколькими десятилетиями ранее интересующей нас эпохи назывался "Καρνατάης" (С. T o u m a n o f f. Studies in Christian Caucasian History, Georgetown, 1963, p. 493-494), что является метатезой грузинского "Таос Кар(н)и" (Ворота Тайка).

67 К. Н. Юзбашян "*կամ արգելիակն անէ*" оригинала, что переводится "либо бросит в тюрьму", перевел "либо схватит он тебя".

68 В оригинале "*քմեծ աւանն*" — "большое село". К. Юзбашян перевел "большой город". Окоми никогда не был городом (по-гречески он назван Καστρόκλιον — укрепленное село), тем более — большим. "Аван" в V главе "Повествования" встречается еще раз, а слово Юзбашян не перевел, в комментарии же объяснил: "Аван — город, городок, деревня, пригород". "В этом контексте, — пишет Юзбашян, — "аван" синоним деревни".

69 В византийских источниках 'Οκόμειον -Καστρόκλιον, ныне Угуми в Турции.

Критическая битва произошла близ озера Палакацис⁷⁰, византийское войско потерпело поражение, был убит и архонт Рат. "Это ввергло Тайкскую страну в великую скорбь".

Василий II разорил двенадцать гаваров и обезлюдил цветущий край и еще до наступления зимы разорил и опустошил его⁷¹.

Гнев Василия II против грузинского царя Георгия Матфей Эдесский объясняет тем обстоятельством, что последний в 1022 г. пришел на помощь повстанцу Никифору Кривошеину (сыну Варды Фоки) против императора. "Василий с большим войском яростно ринулся против грузинского царя Георгия, (...) который, обратившись в бегство, спасся в недоступные крепости. Он записал себя слугой Василия и отдал ему в заложники своего сына"⁷².

Такое же описание событий встречается и в грузинских источниках. Согласно Леонтию Мровели "иверы были истреблены и уничтожены, их страна лежала в развалинах (...). Георгий потерпел поражение и, отчаявшись, отдал в заложники на три года своего сына Баграта и выразил [императору] *повиновение*"⁷³.

Василий II зимует в гаваре Халдии. Сюда, в день Богоявления, приходит и встречает его армянский католикос Петр. "Там же была [подписана] грамота о гибели Армении. Ибо Иоанн (царь Армении) поручил патриарху, мол, составь завещание и передай его императору, что после смерти город мой (Ани. — Р. Б.) и страну оставляю ему в наследство"⁷⁴.

Средневековые армянские историки, как и исследователи наших времен, считают этот шаг выражением малодушия армянского царя. Но если представить его положение сразу же после поражения грузин, после захвата Византией царства Арцрунидов Васпуракана — Веспракании, ясно, что он не мог поступить иначе. Грузинский царь Георгий просит Василия II заключить мир, император требует в качестве заложника царевича Баграта и других вельмож.

Вышеупомянутые события нашли отражение и в византийских источниках. После захвата Тайка в 1000 г., грузинский царь, согласно византийским источникам, добивался ряда территорий Тайка, которые Василий II считал частями своего нас-

70 Озеро Чалдыр-гёл в Турции.

71 Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци, с. 60—62.

72 Մ շ ի թ է ո ի Ո լ լ Ն Տ Վ Յ Գ Ի. Ժամանակագրութիւն. Վաղարշապատ, 1898, էջ 51 (франц. пер.: Chronique de Matthieu d'Edesse (962—1136), avec la Continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162. Trad. Ed. Dulaurier, Paris, 1858 (под 471-м годом армянского летосчисления — 16 марта 1022—15 марта 1023 г.):

73 Картлис Цховреба, с. 222—224.

74 Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци, с. 63.

ледства. Император Георгия, "архонта Внутренней Иверии, убедил довольствоваться своим и не посягать на чужое"⁷⁵. Однако Георгий, согласно Скилице, "нарушил заключенный с ромеями мир, стал опустошать пограничные местности, поэтому император со всем войском двинулся против него". Георгий "бежит (...) во внутренние горы Иверии"⁷⁶. Немного спустя он отправляет к императору послов, уступает ему территорию, сколько тот захотел, заключает с ним мир, и отдает ему в заложники своего сына Панкратия (Баграта. — Р. Б.), которого царь, сделав магистром, вернул"⁷⁷.

Возникает вопрос. Захватил ли Георгий земли Тайка или в действительности это был повод для начала Василием II войны? Не имел ли император далеко идущие намерения — после захвата Армении завоевать и Иверию? Такое честолюбие у Василия II было.

В восточной политике Византии было что-то схожее. Когда началась война против царства Багратидов, против царя Гагика II, Константин Мономах отправил "письма архонту Двина и находящейся около реки Аракс Персармении Аплесфару (эмир Abū I-Aswar) призывая его по возможности опустошать Великую Армению и подвластные Гагику земли (...). Тот, получив письма, обещает исполнить предложенное в том случае, если получит царскую грамоту, утверждающую, что все города⁷⁸ и села Гагика, которые будут взяты им в войне, будут беспрекословно принадлежать ему. Император согласился и скрепленной золотой буллой грамотой подтвердил все то, что требовал Аплесфар"⁷⁹.

Двинский эмир напал на Гагика с тыла и "осадил его многие города и села и взял их". Константин Мономах, однако, хотя и обещал скрепленной золотой буллой грамотой эмиру, что все им завоеванное будет принадлежать ему, после капитуляции армянского царя "потребовал взятые двинцем (т. е. Аплесфаром) города и села как части Ани (т. е. царства Багратидов — Р. Б.), и поскольку тот добровольно не уступал их и предъявлял скрепленную золотой буллой [императорскую] грамоту, объявляет ему войну"⁸⁰. Византийское войско потерпело страшное поражение, вместе с ним и уже служившая Византии армянская рать. Ее

75 S c y l., p. 339.

76 У Скилицы — εἰς τὰ ἐνδοτέρα ὄρη τῆς Ἰβηρίας. Скорее должно быть "εἰς τὰ ὄρη τῆς ἐνδοτέρῳ Ἰβηρίας" "в пределы Внутренней Иверии".

77 S c y l., p. 367.

78 В тексте — φρούρια — крепости, т. е. укрепленные города.

79 S c y l., p. 436.

80 Там же, с. 437.

главнокомандующий Вахрам Пахлавуни и его сын Григорий пали на поле брани⁸¹.

После победоносной для Византии войны, в 1022 г. Тайк образует отдельную административную единицу — катепанат — с названием *Иверия*. Для Византии это наименование преследовало, наверное, далеко идущие политические цели — присоединение к ней собственно Иверии⁸². Именно это должно было быть программой максимум Василия II. Он в 1018 г. покорил Болгарию, в 1022 г., можно сказать, была решена судьба всей Армении (в 966 г. был присоединен к Византии Тарон, в 1000 г. — Тайк, в 1021 г. — Васпуракан, а Великая Армения Багратидов с завещанием царя Иоанна-Смбата как бы de jure уже была собственностью империи). Почему же должно оставаться вне программы завоевание Внутренней Иверии — Картли? Случайно ли такое долгое и упорное сопротивление царя Георгия византийскому императору? Участие грузинского царя в антивизантийских повстанческих движениях? Разве причиной войны был захват им, Георгием, лишь нескольких районов Тайка? Не исключено, что Георгию тоже было предложено завещать свое царство Византии, Георгий же на это не пошел.

Василий II умер в 1025 г., осуществив свои иверийские дела лишь частично (завоевание Тайка). По всей вероятности его брат Константин VIII сделал попытку завершить их.

Приходится обратиться и к загадочному скорому освобождению из византийского плена царевича Баграта, вручению ему Византией высокого титула магистра с полагающейся носителю этого титула уплатой десяти литров золота (720 золотых номизм) и такого же количества серебра ежегодно. Не давал ли он притворно каких-либо обещаний империи о будущей зависимости своей страны от нее, быть может, и о своем завещании в пользу империи, а по возвращении на родину отказался их выполнить⁸³? Ведь Византия вторично начала войну против Грузии именно в самом начале царствования Баграта, в 1028 г., когда грузинский царь ничем не угрожал византийской феме Иверии.

81 *Ἰστορία τῆς Ἰβηρίας* Π. Ν. Σωζ. β γ ρ. Φωκιδῶν ἰστορικῶν βιβλίων..., τ. 2 98 (Chronique de Matthieu d'Edesse, p. 80):

82 Примеры наших времен: Республика Азербайджан (и этникон "азербайджанцы") рядом с собственно Адарбайганом — Азербайджаном (ист. Атропатеной) на северо-западе Ирана, Карело-финская республика рядом с Финляндией, Республика Македония (и этникон "македонцы") рядом с греческой областью Македонией.

83 Аристаке Ластивертци считает причиной войны Византии против Грузии союз катепана Васпуракана Комнина с грузинским царем Георгием, направленный против императора (Повествование, с. 70). Но эта война началась в 1028 г., когда Георгия не было в живых, и Грузией правил его сын Баграт.

Нельзя не заметить некую закономерность в восточной политике империи. Еще в начале 60-х годов X в. она присуждает архонту Тарона (как и Баграту) высокий титул магистра, а затем заставляет его завещать Тарон империи. Далее присуждает архонту Тайка Давиду титул куропалата, а затем заставляет его поступить так же с Тайком. Византия заставила и Иоанна-Смбата Багратуни завещать свою страну империи, но после его смерти царь Гагик II отказался выполнить его завещание и началась война Византии против царства Великой Армении.

В 1028 г. началась новая византино-грузинская война. О ней свидетельствует Аристакес Ластивертци: "на третий год (царствования Константина VIII. — Р. Б.) на восток выступил с многочисленным войском евнух Симон. Он правил половиной империи и по-гречески звали его паракаманос (т. е. паракимомен. — Р. Б.). Симон прибыл в Грузию, но не успел ничего сделать, ибо его настигла весть о смерти императора. Узнав об этом, он без промедления вернулся с войском в Константинополь"⁸⁴.

Византии не удалось покорить Иверию-Картли. В 1045 г., после завоевания Великой Армении, византийская фема Иверия (Тайк) вместе с Великой Арменией составила объединенную феми под названием катепанат "Великой Армении и Иверии".

Остается выяснить: в чем же заключалась роль куратора Внутренней Иверии Михаила? Нести огромные потери⁸⁵, потерпеть унижительные поражения⁸⁶, наконец победить царя Георгия, заставить его признать себя "слугой" Византии⁸⁷, чтобы взамен объявить заложника царевича Баграта магистром? Тайкские земли Василий II уже завоевал оружием. Известно, что победитель берет заложников у побежденного дабы заставить его выполнить ряд обязательств. Какие обязательства мог иметь Георгий перед Василием? Разумеется, уплата дани или, скорее, военной контрибуции. Кто должен был следить за ее регулярным взиманием? Конечно, назначенный Василием II царский инспектор-эфор, в нашем случае куратор ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑΣ — Внутренней Иверии Михаил.

Если Баграт, сын грузинского царя Георгия, возвратился из плена до 1025 г., спустя три года после 1022 г., значит обязательства Георгия по отношению к Византии были выполнены, следовательно, обязанности куратора ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑΣ не могли быть продолжены после упомянутого года. То есть должность куратора Внутренней Иверии могла существовать между годами

84 Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци, с. 70.

85 S c y l., p. 367: "было убито много ромеев".

86 Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци, с. 58 — "обратили в бегство войска ромеев".

87 М а т ф е й Э д е с с к и й (под 470-м годом — 16 марта 1021 — 15 марта 1022 г.).

1022 — 1025, и никак в годы податного сборщика Льва Сервлия, т. е. в годы царствования Константина Мономаха (1042 — 1055 гг.). Повторяю, Иверия Кекавмена, где действовал Лев Сервлий, не имеет отношения с ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ. В его случае речь идет или о византийской феме Иверия, т. е. Тайке, или, скорее, о Великой Армении. Монах Феодул, писец Завещания Евстафия Воилы (1059 г.) в своей памятной записи называет Иоанна Монастыриота "катепана Армении и Иверии" просто катепаном "Иверии"⁸⁸. В 1047 г. этериарх Константин, который осаждал "находящуюся недалеко от Двина" крепость Хелидонион, когда вспыхнуло восстание Льва Торника, из Константинополя к нему "в Иверию" был послан гонец, чтобы вызвать его обратно⁸⁹. Константин находился не в Иверии, а рядом с исторической столицей армянских Аршакидов городом Двином, в котором с IV в. находился и престол армянского католикоса. В эпоху арабского владычества Двин был местопребыванием арабского наместника "Арминии".

Сказанное, однако, не означает, что в том же 1025 г. перестала существовать и должность куратора Манцикерта. Аристакес Ластивертци под 1054 годом упоминает архонта, который имел должность "веракацу" города Маназкерта⁹⁰.

Пониманию сущности термина "куратор" нашей печати, возможно, способствует послание императора Иоанна Цимисхия армянскому царю Ашоту III Багратуни. Как известно, греческий текст послания до нас не дошел. В хронографии Матфея Эдесского сохранился его древнеармянский перевод, осуществленный, наверное, при дворе армянского царя.

В своем послании Иоанн Цимисхий описывает одержанные им победы "во всем востоке персов", т. е. мусульман. Взяв город Нисибин, он получил от его жителей дань и ушел, вторгся в Финикию и Палестину, покорил их жителей и наложил на них тяжелую дань, осадил город и область Дамаска и получил от жителей дань в 40 тысяч номизм. Дамаскинцы приняли у себя от византийцев "стратигов" и дали письменное обязательство о том, что вечно будут слугами империи. Цимисхий назначил там "стратига", жители же дали письменно клятву о том, что будут "верно платить подати". Император далее отправился в Тивериаду, жители которой выразили повиновение, заплатили в качестве дани 30 тысяч номизм, не считая другие подати и попросили "стратигов". Как дамаскинцы, они вручили письменное завере-

88 P. L e m e r l e. Cinq Etudes sur le XI-e siècle byzantin, p. 39.

89 S c y l., p. 439.

90 Պատմութիւն Արիւստակիւի Լաստիվերտցոյ, էջ 90 («իշխանն որ ունէր զհոգի վերականգնելիս թաղաքին»). К. Юзбашян перевел: "Ишхан же, который осуществлял попечение над городом" (с. 101). Матфей Эдесский (Ժամանակագրութիւն, էջ 119) называет его «գորապետ» — стратигом.

ние твердо *служить* империи, быть навеки *в подчинении и платить постоянно подати*. Жители Рамалаха и Иерусалима также попросили у императора "*стратига*", стали *данниками и слугами* ромеев, как и Пениада, т. е. Декаполис, Генисарет, Акра, т. е. Птолемаида, Сидон. Над жителями же Бейрута и Сидона Цимисхий назначил "*стратигов*".

К каким выводам можно прийти на основании приведенных выше данных послания Цимисхия? Что его интересует *сбор податей* из этих стран. Император, как видно, не внес изменений в их администрации, не организовал там стратигий или фем. Не упоминаются и византийские гарнизоны. Вопрос — экономический, а не административный. А "*стратиги*", которые упоминаются неоднократно? Они действительно являются высшими военными чинами, или армянский переводчик послания Цимисхия перевел как "*зоравар*" — стратиг" неизвестный ему византийский термин? Из текста письма видно, что называемые "*стратигами*" являются скорее инспекторами, надзирателями, управляющими, эфорами, забота которых — сбор налогов с покоренных императором людей. Они, согласно посланию, "*являются слугами царя и платят налоги*". Царь Иверии "*пишет себя слугой Василия*", следовательно, он является его данником, платит ему налоги⁹¹.

Таким образом, понятие "куратор" печатей Михаила должно быть эквивалентным "веракацу" Аристакаеса Ластивертци и "*стратигу*" послания Цимисхия. Мы отметили выше, что Аристакаес называет Василия Апокапа "веракацу", а Матфей Эдесский — "стратигом".

"Веракацу" — это калька греческого "ἐπιστάτης". Латинское слово *curator* мы должны понимать в его первоначальном значении — управляющий, надсмотрщик, эфор. Маназкерт (гавар) имел своего куратора. Можно было бы допустить, что Михаил до того, как был назначен куратором Внутренней Иверии, был куратором Маназкерта, а в 1022 г. параллельно стал и куратором Внутренней Иверии. Затем — только Внутренней Иверии. Следовательно, должность куратора Маназкерта получил некто другой. Но, как нам сообщила В. С. Шандровская в своем письме от 4 ноября 1999 г., на эрмитажной печати после топонима ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ заметен знак, означающий союз καί — "и", следовательно нужно предположить, что в последней испорченной строке назван был или второй топоним (т. е. Михаил, кроме Внутренней

91 Как мы увидели выше, кайсикский эмир Маназкерта Ахмет был рабом василевса и платил ему налоги за себя и за своего дядю Аполесфуета. Константин Багрянородный. Об управлении государством, с. 305.

Иверии, возможно был куратором и другой административной единицы), или его вторая должность, но никак не родовое имя.

Итак, микроскопический источник — свинцовая печать Михаила — дал столько пищи для размышлений.

«ՄԱՆԾԻԿԵՐՏԻ ԵՎ ՆԵՐՔԻՆ ԻՔԵՐԻԱՅԻ» ԿԱՅՍԵՐԱԿԱՆ ԿՈՒՐԱՏՈՐ ՄԻՔԱՅԵԼԻ ՄԱՍԻՆ. ՎԱՍԻԼ II-Ի (976-1025 թթ.) ԱՐԵՎԵԼՑԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՌԹԻՎ

ՀՐԱՉ ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հոդվածը նվիրված է Dumbarton Oaks-ի (ԱՄՆ) և Սանկտ-Պետերբուրգի էրմիտաժի արճճե կնիքների Հարուստ Հավաքածուներում առկա երկու կնիքների ուսումնասիրությանը: Դրանք կրում են Միքայել անունը, ընդ որում առաջինը որպես «Մանազկերտի և ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑ»-ի («Ներքին Իբերիայի» (կուրատորի) վերակացուի), երկրորդը՝ միայն «Ներքին Իբերիայի»: Հետազոտության առարկան «Ներքին Իբերիայի» տեղադրության և նրա կուրատորի դերի բացահայտումն է: Հետազոտողները ենթադրում են բյուզանդական «Իբերիա» (Տայք) բանակաթեմի կողքին կամ դրա կազմում մի երկրորդ բյուզանդական վարչական միավորի առկայությունը՝ «Ներքին Իբերիա» անունով, կազմավորված XI դարի 40-ական թթ.: Պարզվեց սակայն, որ «Ներքին Իբերիան» ոչ այլ ինչ է, քան վրացական և Հայկական աղբյուրներում Հայտնի Շիրա Քարթլին՝ «Ներքին Քարթլի»-ը՝ վրացական միջնադարյան պետության տարածքը: Բյուզանդա-վրացական 1021-1022 թթ. պատերազմում պարտված վրաց թագավոր Գիորգին Վասիլ II-ին պարտավորվեց վճարել ռազմատուգանք, որի կանոնավոր մուծմանը պիտի Հետևեր, ահա, կայսերական կուրատորը: «Ներքին Իբերիայի» կայսերական կուրատորի պարտականությունները տևել են 1022-1025 թթ.: Բյուզանդիան Տայքի տարածքի վրա կազմավորված բյուզանդական վարչական միավորը կոչել է «Իբերիայի բանակաթեմ»: Նպատակը բուն Իբերիայի-Քարթլիի Հետագա «միացումն» էր հիշյալ բանակաթեմին:

ABOUT MICHAEL, THE IMPERIAL CURATOR OF "ΜΑΝΖΗΚΕΡΤ ΚΑΙ ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑΣ". ON THE ORIENTAL POLICY OF THE BASIL II (976-1025)

HRATCH BARTIKYAN

S u m m a r y

The article is devoted to the study of two Byzantine lead seals kept in the collections of Dumbarton Oaks (USA) and in the State Hermitage Museum (St. Petersburg). They carry the name of Michael, at that on the first one he is indicated as a "curator of Manazkert and ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑΣ (Internal Iberia)" and on the second — only of the "Internal Iberia". The subject of the study is to find out the location of "Internal Iberia" and to understand the role of its curator. The investigators suppose that along with the Byzantine theme "Iberia" (i. e. Ταυκ) or within its frontiers there existed another Byzantine administrative unit named "Internal Iberia", which was formed during fourth decade of the XI century. But we found out that "Internal

Iberia" was nothing else than Shida Kartli, i. e. Internal Iberia, known from the Georgian, Armenian and Byzantine sources, the territory of the Georgian medieval state. The Georgian king Giorgi, who lost the Byzantine-Georgian war of 1021–1022, pledged himself to pay the contribution and the imperial curator should control the regular payment of that. The obligations of the imperial curator of "Internal Iberia" lasted from 1022 up to 1025. We have considered as well the question why the Byzantine administrative unit, formed on the territory of Таиk, Byzantium called "Theme of Iberia". The goal of this was the further "joining" of the real Iberia – Kartli to the mentioned theme.

Η ΜΕΤΑΝΑΣΤΕΥΣΙΣ ΤΩΝ ΑΡΜΕΝΙΩΝ ΤΟΝ ΙΑ΄ ΑΙΩΝΑ: ΑΙΤΙΑΙ ΚΑΙ ΣΥΝΕΠΕΙΑΙ

Χρ. Μπαρτικιάν/Ερεβάν

Εἰς τὴν 18ην νεαράν τοῦ αὐτοκράτορος Νικηφόρου Β΄ τοῦ Φωκά (963 - 969) ἀναφορικὰ μὲ τὰς γαίας τῶν Ἀρμενίων στρατιωτῶν, μεταξὺ ἄλλων λέγεται ὅτι ἐὰν αὐτοὶ ἀναχωρήσαντες τριετίαν ἀλλαχοῦ ποιήσαιεν, καὶ μετὰ ταῦτα ὑποστρέψαντες εὐροίεν τοὺς ἑαυτῶν τόπους... ἑτέροις... παρασχεθέντας, μὴ ἔχειν ἐπ' ἀδείας τοὺς μετὰ τὴν τριετίαν ἀρμενίους στρατιώτας ἐπανελθόντας τοὺς τοιούτους ζητεῖν καὶ ἀπολαμβάνειν τόπους. Ὁ αὐτοκράτωρ ἐξηγεῖ τὸν σκοπὸν τῆς νομοθεσίας του: Τὸ γὰρ τῶν ἀρμενίων ἄστατον καὶ πολυπλανὲς ἐὰν μὴ διὰ τῆς τοιαύτης νομοθεσίας παιδευθῆ, ἀλλ' ἐπ' ἐξουσίας εἶη τούτοις ἀλλαχοῦ ἀπιέναι καὶ μετοικεῖν καὶ πάλιν ἐπανερχομένοις τοὺς τόπους ἀκωλύτως κατέχειν, πάντα τὰ ἀρμενικὰ οἰγήσονται¹.

Ὁ ἀρμενικῆς καταγωγῆς αὐτοκράτωρ, νομίζω, καλλίτερα ἀπὸ κάθε ἄλλον μποροῦσε νὰ ξέρη τὸν χαρακτήρα καὶ τὰς κλίσεις τῶν συμπατριωτῶν του. Εἶναι δύσκολο νὰ πῶ ἐὰν ἦτο ἔμφυτος ὁ χαρακτήρας αὐτοῦ ἢ ὄχι· δὲν εἶναι εὐκόλον, νὰ παρακολουθήσωμεν τὰς ἀρχὰς του ἀλλὰ δυνάμεθα νὰ ὑποθέσωμεν ὅτι εἶναι ἀποτέλεσμα τῆς βαρείας τύχης τοῦ ἀρμενικοῦ λαοῦ, τῆς θλιβεραῖς μοίρας τῆς πολιτείας του. Ὁ χαρακτήρας αὐτοῦ ποὺ διαμορφώθηκε κατὰ πᾶσαν πιθανότητα τὴν ἐποχὴν τῶν ρωμαιο - περσικῶν συγκρούσεων καὶ τοῦ ἀγῶνος διὰ τὴν κατάκτησιν τῆς Ἀρμενίας, ἐκδηλώθη ὀλοκληρωτικὰ μετὰ τὴν διαίρεσιν τῆς Ἀρμενίας μεταξὺ τοῦ Βυζαντίου καὶ τῆς Περσίας τὸ 387, μετὰ τὴν τελικὴν διάλυσιν τοῦ ἀρμενικοῦ βασιλείου τῶν Ἀρσακιδῶν τὸ 428. Ὁ ἀρμενικὸς λαὸς διὰ τὴν φυσικὴν του ὑπαρξιν καὶ διαφύλαξιν τοῦ ἰθαγενοῦς του πολιτισμοῦ ἦτο ἐξηναγκασμένος νὰ μανουβράρη μεταξὺ τῶν δύο αὐτοκρατοριῶν, νὰ μεταβαίνει ἀπὸ τὸ ἓνα τμῆμα τῆς Ἀρμενίας εἰς τὸ ἄλλο. Ἡ μετάβασις αὐτὴ κατὰ τοὺς ΣΤ΄ - Ζ΄ αἰῶνας εἶχε κατὰ τὸ μᾶλλον ἢ ἥττον ἐκούσιον χαρακτήρα, καὶ πλανώμενοι ἦσαν κυρίως οἱ Ἀρμένιοι εὐπατρίδες

1. Nov. XVIII Imp. Nicephori Phocae de fundis militum armenicorum et homicidarum, *Jus graecoromanum*, cura J. Zepi et P. Zepi, Vol. I, Scientia Aalen, 1962, 247.

και αι ένοπλοι των δυνάμεις. Άλλά κατά τους έπομένους αιώνας παρατηρούμεν άλλο φαινόμενον. Μεταναστεύουν τα κατώτερα στρώματα της άρμενικής κοινωνίας, και όχι μόνον εκουσίως, αλλά και βιαίως. Κατά τα μέσα του Η' αιώνας ο Κωνσταντίνος ο Ε' μετοικεί Άρμενίους εκ Θεοδοσιουπόλεως και Μελιτηνής εις Θράκην. Έάν αυτοι διέδωσαν εις τον νέον τους τόπον την αίρεσιν των Παυλικιανών, σημαίνει ότι μετωκίσθησαν τα κατώτερα στρώματα της άρμενικής κοινωνίας.

Κατά την εποχήν της άραβικής κυριαρχίας ή μετανάστευσις των Άρμενίων έλαβε μεγαλυτέρας διαστάσεις. Η κυριαρχία του Χαλιφάτου εις την Άρμενίαν ήτο ριζικώς διάφορος από την κυριαρχίαν της Περσίας. Οί Πέρσαι άν και ήσαν όπαδοί του Ζωροάστρου (ένάν δέν λάβωμεν ύπ' όψιν μερικώς περιπτώσεις όταν όργάνωσαν μεγάλους διωγμούς των Χριστιανών), ήσαν ανεξίθρησκοι προς τους Άρμενίους χριστιανούς, και ιδιαιτέρως μετά την σύνοδον της Χαλκηδόνας ή όποία έγινε φραγμός μεταξύ της άρμενικής και βυζαντινής εκκλησίας. Οί Πέρσαι ήρχισαν να υποστηρίζουν τους Νεστοριανούς επιτρέποντας εις αυτούς να έχουν επί του έδάφους των τα εκκλησιαστικά των κέντρα.

Διά το Χαλιφάτον οί Άρμένιοι πάντες ήσαν άπιστοι, το βάρος του πολιτικού και οίκονομικού του ζυγοϋ εκειτο επί πάντων των άπίστων, εις θρησκευτικόν διωγμόν υπέκειντο πάντες. Είναι πολύ ένδεικτικόν ότι κατά την διακοσιετηρίδα της άραβικής κυριαρχίας εις την Άρμενίαν δέν εκτίσθη οϋδεμία εκκλησία. Έάν εις το Βυζάντιον οί Άρμένιοι γενόμενοι χαλκηδονίται μ' όλα ταϋτα έμενον χριστιανοί, κατά την εποχήν της άραβοκρατίας αυτοι έπρεπε να άρνηθοϋν την θρησκείαν των προγόνων των. Οί Άρμένιοι δέν έκαμαν αυτό το βήμα. Και εις αυτάς τας συνθήκας δι' αυτούς έμεινε ένας δρόμος μεταναστεύσεως, ο δδηγών εις το χριστιανικόν Βυζάντιον.

Η βιαία μετοίκισις των Άρμενίων εις το Βυζάντιον δέν έπαυσε και μετά τον Κωνσταντίνον τον Ε'. Μιά τέτοια μαζική μετοίκισις Άρμενίων έγινε επί Ιωάννου του Τσιμισκή (969 - 976), ο όποιος πληθος αίρετικών εκ Χαλύβων και Άρμενιανών τόπων μετώκισεν εις Φιλιππούπολιν². Κατά τους ίδίους καιρούς και οί Άρμένιοι εϋπατρίδες συνέχισαν να διαβαίνουν τα βυζαντινά μεθόρια. Μέγας αριθμός Άρμενίων εις την βυζαντινήν άριστοκρατίαν τον Η' - ΙΑ' αιώνα είναι ή πιό πειστική μαρτυρία περι τούτου.

Άπό το δεύτερον ήμισυ του Ι' αιώνας το Βυζάντιον ήρχισε με πιό μεγάλην δραστηριότητα την πραγματοποίησιν του παλαιοϋ του όνειρου - την κατάκτησιν της Άρμενίας. Έπωφεληθέν από τον φεουδαρχικόν κερματισμόν της χώρας και τας άλλοπαλλήλους επιδρομάς των άλλοφύλων, το Βυζάντιον κατόρθωσε εις έναν αιώνα να φθάση εις τον σκοπόν του. Το 966 ή αυτοκρατο-

2. Anna Comnena, *Alexias*, Lib. XIV, 8.

ρία κατέκτησε το Ταρών, την πιό έγγϋς κειμένην άρμενικήν χώραν, το 1000 το Τάϊκ και τας γειτονευούσας περιοχάς. Η κατάκτησις αυτών των δύο χωρών κατά το δεύτερον ήμισυ του Ι' αιώνας επέδρασε επί των Άρμενίων πολιτικώς και, είναι δυνατόν, οίκονομικώς. Δημογραφικάς αλλοιώσεις ή κατάκτησις αυτή δέν επέφερε. Ο άρμενικός πληθυσμός αυτών των χωρών συνέχιζε να ζή και να εργάζεται εις την χώραν του, μόνον υπό βυζαντινήν διοίκησιν. Αναμφιβόλως ή κυριαρχία αυτή εκδηλώθη άρνητικά σχετικώς με τους Άρμενίους εϋπατρίδας: ή αυτοκρατορία με όλα τα μέσα επέδιωκε να άπαλλαγη από αυτούς και δια της φυσικής των έξοντώσεως, και δια της μετοικεσίας των εις τας δυτικάς περιοχάς του Βυζαντίου.

Άπό τας αρχάς του ΙΑ' αιώνας ή μετανάστευσις των Άρμενίων εις την Δύσιν έλαβεν έντελώς νέον χαρακτήρα. Έάν μέχρι τώρα το Βυζάντιον επέδιωκε να άπαλλαγη από τους πολιτικούς, εκκλησιαστικούς και στρατιωτικούς παράγοντας των Άρμενίων, τώρα βλέπομεν ότι ή αυτοκρατορία δέν είχε τίποτε το αντίθετο να μετοίκιση εις το έδαφος της άρμενικόν πληθυσμόν ολοκληρώνων περιοχών. Με αυτόν τον τρόπον υπελόγιζε πιό εύκολα να άφομοιώση την Άρμενίαν. Άπό την άποψιν αυτήν είναι πολύ χαρακτηριστικά τα γεγονότα του Βασπουρακάν κατά τας πρώτας δεκαετηρίδας του ΙΑ' αιώνας. Ο Σενεκερίμ, ο βασιλεύς του Βασπουρακάν, άνίκανος να αντιμετώπιση τους Τούρκους, άπευθύνεται δια βοήθειαν προς τον Βασίλειον τον Β'. Το 1016 άποστέλλεται εις Κωνσταντινούπολιν ή αντιπροσωπεία του βασιλέως του Βασπουρακάν με επί κεφαλής τον υιόν του Σενεκερίμ Δαυίδ. Η στρατιωτική βοήθεια παρεχωρήθη δια των αίχμαλωτισθέντων το προηγούμενον έτος εις τα Μογλενά της Μακεδονίας Βουλγάρων, οί όποιοι και εκπλήρωσαν το έργον που τους άνέθεσε ο Βασίλειος ο Β' - άνετίναξαν το βασίλειον των Άρτζρουνιδών έσωθεν. Εις τον Σενεκερίμ δέν έμεινε τίποτε άλλο, παρά να δεχθη την πρότασιν του Βασιλείου του Β' και με δλην του την οίκογένειαν και τους μεγιστάνες του να μεταναστεύση εις την Σεβάστειαν³. Άλλά μαζί μ' αυτόν μετανάστευσε και σημαντικόν μέρος του πληθυσμού του Βασπουρακάν. Ο Συνεχιστής του Θωμά Άρτζρουνή γράφει ότι οί μετοικισθέντες ήσαν 14.000 ψυχαί, εκτός των γυναικοπαίδων⁴. Σύμφωνα με τας πληροφορίας του Σαμουήλ του Άνιώτου, ο Σενεκερίμ έγκατέλειπεν εις τους Ρωμαίους 72 φρού-

3. Р. М. Бартикян, О болгарском войске в Васпуракане и последних годах царства Арцрунидов. "Вестник Обществeнных наук" АН Арм. ССР, 10 (1973); 88 - 96 (= Χρ. Μπαρτικιάν, "Ο βουλγαρικός στρατός στο Βασπουρακάν και τα τελευταία έτη του βασιλείου των Άρτζρουνιδών, Δελτίον κοινωνικών έπιστημών της Άρμενικής Άκαδημίας, 10, (1973), 88 - 96).

4. Θωμά Άρτζρουνή, *Ιστορία του οίκου των Άρτζρουνιδών*, Τιφλίς, 1917, 500 (στα άρχαία άρμενικά).

ρια, ὀκτώ πόλεις, 4.000 χωριά⁵. Αὐτὸ ἦταν ἄνευ προηγουμένου εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Ἀρμενίας.

Νέον κῶμα Ἀρμενίων μετοίκων κατέκλυσε τὴν Δύσιν μετὰ τὴν βυζαντινὴν κατάκτησιν τοῦ Σιράκ (1045) καὶ τοῦ Βανάνδ (1065), καὶ εἰς αὐτὸ συνέτεινεν ἡ αὐτοκρατορία αὐτή. «Μετὰ τὴν κατάκτησιν τοῦ Σιράκ, γράφει ὁ Ἀρμένιος ἱστορικὸς τοῦ ΙΑ΄ αἰῶνος Ἀρίστακὸς ὁ Λαστιβερηνός, οἱ ἄρχοντες ἐγκατέλειψαν τὰ κληρονομικὰ τῶν κτήματα καὶ ἔφυγον εἰς τὰ ξένα... οἱ πολυάνθρωποι τόποι μετετράπησαν εἰς κατοικίας θηρίων, τὰ χωράφια εἰς βοσκοτόπους. Εἰς τὰ ὠραῖα καὶ μεγάλα μὲ ὑψηλὰς στέγας σπίτια ἐγκαταστάθησαν τὰ στοιχειά... τὰ λαμπρὰ μοναστήρια ἐγίναν σπήλαια ληστῶν...»⁶.

Τὸ ἴδιο ἐγινε τὸ 1065, ὅταν ὁ βασιλεὺς τοῦ Βανάνδ Κακίκιος, ὁ υἱὸς τοῦ Ἀμπάς, παρεχώρησε τὸ βασίλειόν του εἰς τὸ Βυζάντιον καὶ μετοίκησεν εἰς τὴν Τζαμανδόν. Ὁ Ἀρμένιος ἱστορικὸς τοῦ πρώτου ἡμίσεος τοῦ ΙΒ΄ αἰῶνος Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνός γράφει: «Ἐδῶ ἀφίχθη ὁ Κακίκιος μὲ τοὺς μεγιστάνες του ἐγκαταλείψας τὸν πατρικὸν του οἶκον. Μὲ αὐτὸν τὸν τρόπον αἰχμαλωτίσθη ἡ γῆ τῶν Ἀρμενίων, ἡ χώρα πᾶσα κατεκλύσθη μὲ αἷμα καὶ κυματίζει ἀπ' ἄκρη σὲ ἄκρη. Ἀφανίσθη καὶ ἐβεβηλώθη τὸ ἄρπαγμένο ἀπὸ ἐμᾶς πατρικὸς μας σπίτι, ἐκλονίσθησαν τὰ θεμέλια τοῦ οἴκου τοῦ ἄρμενικοῦ μας λαοῦ, δὲν μᾶς ἔμεινε ἀσφαλὲς καταφύγιον, καὶ ἐξαναγκασθήκαμε νὰ δουλεύωμεν ἄθεους λαοὺς καὶ ξένα θηρία»⁷.

Ἡ μετανάστευσις τῶν Ἀρμενίων πρὸς δυσμὰς ἔλαβε μεγάλας διαστάσεις ἰδιαιτέρως μετὰ τὴν κατάκτησιν τῆς Ἀρμενίας ὑπὸ τῶν Τούρκων. «Στὴ χώρα – γράφει ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνός – κατέπαυσαν αἱ ἀγροτικαὶ ἐργασίαι, ἐξέλιπεν ὁ ἄρτος, οἱ γεωργοὶ καὶ οἱ ἐργαζόμενοι ἐγίναν θύματα τῆς σπάθης καὶ τῆς αἰχμαλωσίας. Καὶ ὁ λιμὸς ἄρχισε νὰ βηματίζῃ εἰς ὅλην τὴν χώραν»⁸. Ὁ λιμὸς αὐτὸς ἦτο μία ἀπὸ τὰς αἰτίας τῆς μεταναστεύσεως τῶν Ἀρμενίων πρὸς δυσμὰς, πρὸς νότον καὶ νοτιο-δυτικά.

Μὲ τὴν προέλασιν τῶν Τούρκων διὰ τῆς Μικρασιατικῆς χερσονήσου οἱ Ἀρμένιοι ἀκόμα τῆς αὐτῆς γενεᾶς κατηναγκάσθησαν ἐκ νέου νὰ γίνουν φυγάδες. Μέρος τῶν μετοικισθέντων εἰς Σεβάστειαν Ἀρμενίων ἤδη κινεῖται πρὸς νότον – πρὸς Συρίαν, Μεσοποταμίαν, Κιλικίαν⁹.

«Οἱ ἐγκατασταθέντες εἰς τὰ ξένα Ἀρμένιοι – γράφει ὁ Ἀρίστακὸς ὁ Λαστιβερηνός – ἐκτοπίσθησαν ἐκ νέου... καὶ διεσκορπίσθησαν ὡς οἱ πλανώμενοι ἀστέρες. Τώρα πάντοθεν πόλεμοι κατέκλυσαν: ἀπὸ τὴν ἀνατολὴν – σπάθη, ἀπὸ τὴν δύσιν – φόνος, ἀπὸ τὸν βορρᾶ – φωτιά, ἀπὸ τὸν νότον – θάνατος.

5. Σαμουήλ Ἀνιώτου, *Συλλογὴ ἱστοριῶν*, Βαλαρσαπάτ, 1893, 104 (στὰ ἀρχαῖα ἄρμενικά).

6. Ἀρίστακὸς Λαστιβερηνός, *Ἱστορία*, Ἐρεβάν, 1963, 55 (στὰ ἀρχαῖα ἄρμενικά).

7. Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ, *Χρονογραφία*, Βαλαρσαπάτ, 1898, 151 (στὰ ἀρχαῖα ἄρμενικά).

8. *Αὐτόθι*, 217.

9. Michel le Syrien, *Chronique*, III, 133, 188.

Ἐξηφανίσθη ἡ χαρὰ ἀπὸ τὴν χώραν, ἔσβησαν οἱ ἦχοι τῆς λύρας, ἡ φωνὴ τῶν κυμβάλων ἔσβησε. Καὶ ἄρχισαν οἱ θρῆνοι καὶ οἱ λυγμοί...»¹⁰.

Εἰς τὴν Συρίαν, Μεσοποταμίαν καὶ Κιλικίαν ἄρμενικὸς πληθυσμὸς ὑπῆρχε καὶ πρὸ τοῦ ΙΑ΄ αἰῶνος. Ἡ καλλίτερη μαρτυρία περὶ τούτου εἶναι ἡ ἴδρυσις ἄρμενικῶν ἐπισκοπῶν εἰς τὰς χώρας αὐτὰς τὸν Ι΄ αἰῶνα.

Ποῖαι ἦσαν αἱ αἰτίαι τῆς μεταναστεύσεως τῶν Ἀρμενίων τὸν ΙΑ΄ αἰῶνα; Εἶναι αὐτονόητο – ἡ ἔλλειψις ἀσφαλείας, αἱ ἀκατάπαυστοι ἐπιδρομαὶ, λεηλασίαι, φόνοι καὶ αἰχμαλωσίαι ἐκ μέρους τῶν Τούρκων. «Ξεναὶ φυλαὶ – γράφει ὁ Ἀρίστακὸς ὁ Λαστιβερηνός – μᾶς ἀποξένωσαν ἀπὸ τὴν κατοικία μας»¹¹. Ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνός μνημονεῖ ἄνω τῶν δεκαπέντε μεγάλων ἐπιδρομῶν τῶν Τούρκων εἰς τὴν Ἀρμενίαν κατὰ τὸ δεῦτερον ἡμισυ τοῦ ΙΑ΄ αἰῶνος, κατὰ τὰς ὁποίας ἐξοντώθησαν, κατεδαφίσθησαν, ἀποτεφρώθησαν πάμπολλαι ἄρμενικαὶ ἐπαρχίαι – τὸ Βασπουρακάν, ἡ Ἀπαχουνῆ, τὸ Ταρών, ἡ Βαλαβιτηνῆ, ἡ Ὑψηλὴ Ἀρμενία, ἡ Μικρὰ Ἀρμενία, ἡ Γωγαρηνῆ, ἡ Σιρακηνῆ, τὸ Τάϊκ, τὸ Σασούν, αἱ πόλεις Ἀρτζε, Περκρί, Ἀρτζές, Μαναζκέρτ, Μελιτηνῆ, Σεβάστεια, Τελούχ, Θεοδοσιούπολις, Ἄνιον, Κάρσ, καὶ πολλαί, πολλαὶ ἄλλαι. Ἐξιστορῶν τὰς ἐπιδρομὰς τῶν Τούρκων πρὸ τοῦ 1064 ὁ Ἀρίστακὸς ὁ Λαστιβερηνός καταλήγει πάντοτε τὴν ἀφήγησίν του μὲ τὰς στερεοτύπους φράσεις, ὅτι οἱ Τούρκοι λεηλατήσαντες ἢ ἐξολοθρεύσαντες τὴν μίαν ἢ τὴν ἄλλην πόλιν, τὴν μίαν ἢ τὴν ἄλλην περιοχὴν τῆς Ἀρμενίας, «ἀπεχώρησαν εἰς τὴν χώραν τῶν», χωρὶς νὰ λησμονήσῃ νὰ ὑπογραμμίσῃ, ὅτι εἰς τὴν Ἀρμενίαν αὐτοὶ εἶδον πλουσίαν λείαν, ἐφ' ὅσον ἡ χώρα δι' αὐτοὺς ἦτο, «πολύκαρπος παράδεισος»¹². Ἀλλὰ ὅταν ἀρχίξῃ τὴν ἀφήγησιν τῆς καταλήψεως τοῦ Ἀνίου, τῆς πρωτεύουσος τῆς Ἀρμενίας τὸ 1064, ὁ ἱστορικὸς μας ἤδη γράφει ὄλωσ διαφόρως, λέγει ὅτι οἱ Τούρκοι πολεμῶντας εἰς τὴν Ἀρμενίαν ἐσκόπευον, «νὰ εὐρύνουν τὰ ὄρια τοῦ τόπου τῆς διαμονῆς τῶν, ἐσκόπευον νὰ κυριαρχήσουν ἐπὶ ἐδάφους ξένης βασιλείας»¹³.

Πῶς ἐξηγοῦνται αἱ εὐκόλοι ἐπιτυχίαι τῶν Τούρκων εἰς τὴν Ἀρμενίαν;

Πρῶτ' ἀπ' ὅλα μὲ τὴν ἐξόντωσιν ἐκ μέρους τοῦ Βυζαντίου τῆς δυνάμεως ἢ ὁποῖα ἐδύνατο νὰ ἀντιμετωπίσῃ τὴν ξένην ἐπιδρομὴν. Τὰς βυζαντινὰς φρουρὰς εἰς τὴν Ἀρμενίαν (αἱ ὁποῖαι ἦσαν συγκροτημέναι κυρίως ἐκ ξένων μισθοφόρων) λίγο ἐνδιέφερε ἡ ἄμυνα ξένης χώρας καὶ ξένου λαοῦ. Ἐν ὀνόματι τίνος, παραδείγματος χάριν, οἱ Βούλγαροι τῶν Μογλενῶν θὰ ἐθυσίαζον τὴν ζωὴν τῶν εἰς τὸ Βασπουρακάν, οἱ Ρῶσοι εἰς τὸ Τάϊκ, οἱ Βάραγγοι εἰς τὸ Παϊπέρτ, οἱ Οὐζοὶ καὶ οἱ Πετσενέγγοι εἰς τὸ Μαναζκέρτ;

10. Ἀρίστακὸς Λαστιβερηνός, *Ἱστορία*, 22.

11. Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ, *Χρονογραφία*, 21.

12. Ἀρίστακὸς Λαστιβερηνός, *Ἱστορία*, 71.

13. *Αὐτόθι*, 135.

Περὶ τοῦ ζητήματος τῶν ἀρμενικῶν ἐνόπλων δυνάμεων κρίνω ἀναγκαῖον νὰ ὀμιλήσω ἰδιαιτέρως, διότι τὸ ζήτημα αὐτὸ εἶναι σπουδαῖον διὰ τὴν κατανόησιν τοῦ συνόλου τῶν ζητημάτων τοῦ θέματός μας.

Διὰ τὸ Βυζάντιον ἂν καὶ δὲν ἦτο τόσον ποθητὴ ἢ ὑπαρξίς τῆς ἀρμενικῆς στρατιωτικῆς ἀριστοκρατίας, αὐτὸ δὲν εἶχε τίποτε τὸ ἀντίθετο ἔναντι τῶν ἀρμενικῶν ἐνόπλων δυνάμεων, διότι αὐταὶ ἦσαν ἀναγκαῖαι. Ὁ Ἀρμένιος ἱστορικὸς τῶν ἀρχῶν τοῦ ΙΑ΄ αἰῶνος Στέφανος ὁ Ταρωνίτης μνημονεῦει τὸ ἀρμενικὸν πεζικὸν εἰς τὴν βυζαντινὴν ὑπηρεσίαν ἐπὶ Ἰωάννου τοῦ Τσιμισκῆ¹⁴, τὸ ἀρμενικὸν ἰππικὸν, «ἐν τῇ Ἑλληνικῇ αὐτοκρατορίᾳ», τὸ 976¹⁵, τὸν ἀρμενικὸν στρατὸν τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας καὶ τοῦ Ταρῶν ὑπὸ τὰς διαταγὰς τοῦ Βασιλείου τοῦ Β΄¹⁶. Ἀρμενικαὶ ἔνοπλοι δυνάμεις ὑπῆρχον εἰς τὸ Σασοῦν ἐπὶ τοῦ Τσιμισκῆ¹⁷. Γιὰ τὸ πεζικὸν τοῦ Σασοῦν γράφει ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσηνός, ὁ ὁποῖος μνημονεῦει καὶ τὴν ἀρμενικὴν στρατιάν τοῦ Μιχαῆλ Δ΄ τοῦ Παφλαγόνος (1034 - 1041), καὶ πῶς συγκεκριμένα· «ἢ ὁποῖα εὐρίσκετο ὑπὸ ρωμαϊκὴν διοίκησιν εἰς τὴν Σεβάστειαν, τὸ Ταρῶν καὶ εἰς ὄλον τὸ Βασπουρακάν»¹⁸. Μνημονεῦεται τὸ ἀρμενικὸν στράτευμα τοῦ ἄρχοντος Γκαντζῆ κατὰ τὴν μάχην διὰ τὸ Περκρί¹⁹. Ἔχομεν πληροφορίας περὶ τῆς στρατιᾶς τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας ἐπὶ τοῦ Μονομάχου²⁰, ἢ ὁποῖα δὲν ἦτο τίποτε ἄλλο παρὰ αἱ ἔνοπλοι δυνάμεις τοῦ κατηργημένου βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν.

Ἔχομεν καὶ πληροφορίας περὶ τοῦ ἀριθμοῦ τῶν ἀρμενικῶν ἐνόπλων δυνάμεων. Ὁ Ἀρμένιος βασιλεὺς Ἀσῶτ ὁ Γ΄ ἀντιπαρατάξε στὸν Τσιμισκῆ ὀγδόντα χιλιάδες στρατιωτῶν ἀπὸ ὅλην τὴν Ἀρμενίαν²¹. Τὸ 989 ὁ Ἀρμένιος ἀρχιστράτηγος συγκέντρωσε τὴν συγκροτουμένην ἐκ σαράντα χιλιάδων στρατιωτῶν κανονικὴν στρατιάν, ἐκτὸς τῆς βασιλικῆς φρουρᾶς²². Εἰς τὰς ἑορτὰς ἐπὶ τῆς ἀνόδου εἰς τὸν θρόνον τοῦ Κακικίου τοῦ Α΄ ἔλαβον μέρος ἑκατὸ χιλιάδες στρατιωτῶν²³. Τὸ 1020, κατὰ τοὺς ἐμφυλίους πολέμους μεταξὺ τοῦ βασιλέως τῆς Ἀρμενίας Ἰωάννου-Σεμπὰτ καὶ τοῦ ἀδελφοῦ του Ἀσῶτ, ὁ πρῶτος εἶχε σαράντα χιλιάδες πεζικὸν καὶ εἴκοσι χιλιάδες ἰππικὸν²⁴. Καὶ ὁ Ἀσῶτ εἶχε δυνάμεις, τὸν ἀριθμὸν τῶν ὁποίων δὲν ξέρομεν, ὅπως καὶ τὸν

14. Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτου, *Ἱστορία γενική*, Πετρούπολις, 1885, 184 (στὰ ἀρχαῖα ἀρμενικά).

15. *Αὐτόθι*, 191.

16. *Αὐτόθι*, 276.

17. Ματθαίου τοῦ Ἐδεσηνοῦ, *Χρονογραφία*, 18.

18. *Αὐτόθι*, 88, 90.

19. *Αὐτόθι*, 74.

20. *Αὐτόθι*, 93. Cedr., II, σ. 559.

21. Ματθαίου τοῦ Ἐδεσηνοῦ, *Χρονογραφία*, 17.

22. *Αὐτόθι*, 3.

23. *Αὐτόθι*, 4.

24. *Αὐτόθι*, 8.

ἀριθμὸν τῶν στρατιωτῶν τοῦ βασιλέως τοῦ Κάρς Ἀμπᾶς καὶ τῶν Ἀρτζρουνιδῶν τοῦ Βασπουρακάν. Κατὰ τὴν δευτέραν ἐπίθεσιν τῶν Βυζαντινῶν κατὰ τοῦ Ἀνίου εἰς τὰς ἀρχὰς τῆς τετάρτης δεκαετηρίδος τοῦ ΙΑ΄ αἰῶνος, ὁ ἀρχιστράτηγος Βαχράμ Παχλαβουνη ἀντιπαρατάξε τὸν «ἐναπομείναντα στρατὸν τῶν Ἀρμενίων» – τριάντα χιλιάδες πεζικὸν καὶ ἰππικὸν²⁵.

Ὅπως βλέπομεν εἰς ὅλας τὰς κατακτηθείσας ὑπὸ τοῦ Βυζαντίου ἐπαρχίας τῆς Ἀρμενίας ὑπῆρχον ἀρμενικαὶ ἔνοπλοι δυνάμεις, πρὸς τὰς ὁποίας ἡ αὐτοκρατορία δὲν ἐδύνατο νὰ εἶναι ἀδιάφορος. Αὐτὴ προσπαθοῦσε νὰ τὰς διασκορπίσῃ, νὰ μὴν τὰς ἐγκαταλείψῃ εἰς τὴν Ἀρμενίαν, τὰς ἀπέστειλλε εἰς διάφορα μέτωπα ἔναντι τῶν ἐχθρῶν τῆς. Μνημονεῦονται ἀρμενικαὶ δυνάμεις εἰς τὴν Βουλγαρίαν ἐπὶ Τσιμισκῆ²⁶ καὶ Βασιλείου τοῦ Β΄²⁷, τὸ 994 εἰς τὸν πόλεμον κατὰ τῶν Αἰγυπτίων εἰς τὴν περιοχὴν τῆς Ἀντιοχείας²⁸. Ἀλλὰ, βέβαια, ἡ ἐκκένωσις τῆς Ἀρμενίας ἐξ ὅλων τῶν ἐνόπλων τῆς δυνάμεων ἦτο αἴτημα ἀπραγματοποιήτων. Καὶ αἴφνης συνέβη, νομίζεις, κάτι τὸ ἀκατανόητο· ἡ στρατιωτικὴ μεταρρύθμισις τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου περὶ τῆς διαλύσεως τῶν ἐντοπίων καὶ θεματικῶν στρατῶν εἰς τὴν Ἀρμενίαν.

Ἱστορῶν τὰς εὐκόλους ἐπιτυχίας τῶν Τούρκων εἰς τὴν Ἀρμενίαν, ὁ Μιχαῆλ ὁ Ἀτταλειάτης θεωρεῖ αἴτιον τὸν Κωνσταντῖνον τὸν Μονομάχον, ὁ ὁποῖος ἔχων ἰβηρικὸν ἀξιόμαχον στράτευμα (ἔχει ὑπ' ὄψιν τὰς ἐνόπλους δυνάμεις τοῦ ἠνωμένου θέματος Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας) ὀψώνιον ἔχοντός τινος τῶν παρακειμένων δημοσίων χωρῶν, ἀφείλετο ταύτας ὁ βασιλεὺς, καὶ παρελὼν τσαυτὴν ἰσχὺν οὐ μόνον τοὺς ἰδίους ἀπέβαλε συμμάχους, ἀλλὰ πολεμίους αὐτοὺς ἰσχυρῶς ἐργασάμενος προσθήκην διὰ τούτων ἀκαταμάχητον προεξένησε τοῖς ἐναντίοις²⁹.

Ὁ Σκυλίτσης γράφει σαφέστερα. Ὁ Κωνσταντῖνος ὁ Μονομάχος – γράφει αὐτός, κατέλυσε ... τὸν Ἰβηρικὸν στρατὸν ἀμφὶ τὰς πενήτηντα χιλιάδας ἀριθμούμενον διὰ Λέοντος τοῦ Σερβλίου, καὶ ἀντὶ στρατιωτῶν φόρους πολλοὺς ἐπορίζετο ἀπὸ τῶν χωρίων ἐκείνων³⁰.

Ἡ μεταρρύθμισις τοῦ Μονομάχου ἐπεκτείνετο ὄχι μόνον ἐπὶ τῆς Ἀρμενίας καὶ τῆς Ἰβηρίας, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῆς Μεσοποταμίας, εἶναι δυνατόν, καὶ ἐπὶ τοῦ Βασπουρακάν. Ὁ Κεκαυμένος γράφει, ὅτι ὁ μνημονευθεὶς ἀνωτέρω Σερβλίας ἀπελθὼν... εἰς Ἰβηρίαν καὶ Μεσοποταμίαν ... ἀναγράφασθαι καὶ ἐπιθεῖναι τέλη ἃ

25. *Αὐτόθι*, 85.

26. Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτου, *Ἱστορία γενική*, 184.

27. *Αὐτόθι*, 2.

28. *Αὐτόθι*, 262.

29. Attal., 44 - 45.

30. Cedr., II, 608.

οὐδέποτε εἶδον εἰς τὴν χώραν αὐτῶν οἱ ἐκεῖσε ἄνθρωποι³¹. Ὑπὸ τὴν Μεσοποταμίαν ὑπονοεῖται τὸ βυζαντινὸν θέμα τῆς Μεσοποταμίας, εἰς τὰ πλαίσια τοῦ ὁποίου εὐρίσκετο καὶ ἡ Τετάρτη Ἀρμενία καὶ ἡ Ὑψηλὴ Ἀρμενία, ὑπὸ τὴν Ἰβηρίαν – τὸ ἠνωμένον θέμα Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας.

Καὶ οὕτως ἡ οὐσία τῆς μεταρρυθμίσεως ἦτο ἡ διάλυσις τῶν συγκροτημένων κυρίως ἐξ Ἀρμενίων ἐντοπίων καὶ θεματικῶν στρατῶν. Ποία ἦτο ἡ αἰτία;

Ἐὰν πιστεύσωμεν εἰς τοὺς βυζαντινοὺς συγγραφεῖς ἡ κυρία αἰτία ἦτο ἡ πλεονεξία τοῦ βασιλέως. Ἔτσι γράφει ὁ Μιχαὴλ ὁ Ἀτταλειάτης. Ὁ Σκυλίτσης λέγει ὅτι ὁ Μονομάχος ἀφειδῶς τὰ δημόσια καταναλίσκων χρήματα... εἰς μεγάλην ἤλασεν ἐνδειαν...³². Περίπου ἔτσι κρίνει καὶ ὁ Ἀριστακὲς ὁ Λαστιβερινός: «Τὸν πλοῦτον τὸν ὁποῖον συνέλεγε ἀπὸ ὅλας τὰς χώρας ὡς φόρους καὶ ἔπρεπε νὰ τὸν διανεῖμη εἰς τοὺς ἰππεῖς διὰ νὰ αὐξήσῃ τὸν ἀριθμὸν τοῦ προορισμένου νὰ ἀντιμετωπίσῃ τοὺς ἐχθροὺς ἰππικοῦ καὶ διὰ τῆς νίκης ἐναντίον τῶν ἀντιπάλων νὰ ἐξασφαλίσῃ τὴν εἰρήνην εἰς τὴν χώραν (ὅπως ἔκανε ὁ Βασίλειος εἰς ὅλα τὰ πενήντα χρόνια τῆς βασιλείας του, ὅταν κανένας ἐχθρὸς δὲν τολμοῦσε νὰ εἰσέλθῃ εἰς τὴν χώραν του), τὸν πλοῦτον αὐτὸν ὁ Μονομάχος ἐσπατάλει εἰς ἀνηθίκους γυναῖκας καὶ οὐδόλως ἀνησυχοῦσε διὰ τὴν ἐρήμωσιν τῆς χώρας... Καὶ δι' αὐτὸ οἱ ἐχθροὶ ἐτόλμησαν σάν πειναλέοι λύκοι οἱ ὁποῖοι ἐξαφανίζουσι ἀνηλεῶς τὸ ἐγκαταλελειμμένον ἀνευ ἐπιβλέψεως ποιμνιον, καὶ ἐπὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ συνέβη καὶ εἰς τὴν ἀνατολήν, καὶ εἰς τὴν δύσιν ἢ σφαγὴ τῶν χριστιανῶν»³³.

Ὅπως βλέπομεν, σύμφωνα μὲ τὰς πηγὰς, ἡ μόνη αἰτία τῆς μεταρρυθμίσεως τοῦ Μονομάχου ἦσαν τὰ ἀτομικὰ του συμφέροντα. Εἶναι ἀληθὲς τοῦτο; Δὲν εἶναι περιττὸν νὰ σημειώσω, ὅτι καὶ εἰς τὰς συγχρόνους μελέτας τὸ βῆμα αὐτὸ τῆς αὐτοκρατορίας θεωρεῖται μὴ διορατικὸ καὶ αἰτία τῶν τουρκικῶν ἐπιτυχιῶν εἰς τὴν Ἀνατολήν. Πῶς ἡ διάλυσις τῶν ἐντοπίων ἐνόπλων δυνάμεων ἦτο ἡ αἰτία τῶν ἐπιτυχιῶν τῶν ἀλλοφύλων, τὸ ἤξερε ἀκόμα ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνός περὶ τοῦ ὁποίου γράφει πολὺ ζωηρὰ καὶ ἐκφραστικά. «Ποῖος δύναται – γράφει αὐτὸς – νὰ ἱστορήσῃ καθ' ἐξῆς τὸν θρῆνον τῆς μεταμελείας τῶν Ἀρμενίων, τὴν ἀπώλειαν τῆς χώρας των, τὰ βάσανα ποὺ ὑπέστησαν ἀπὸ τὰ ἄνομα καὶ αἰμοβόρα θηρία – τοὺς τουρκικοὺς στρατοὺς – ἐξ αἰτίας τῆς ἀπουσίας τοῦ ἀμύνοντος, ἐξ αἰτίας τῶν ψευδοφρουρῶν... Οἱ Ῥωμαῖοι ἐκκένωσαν συστηματικῶς τὴν χώραν τῶν Ἀρμενίων ἐκ τῶν ἀνδρείων στρατιωτικῶν

31. "Советы и рассказы Кекавмена". Сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина, Москва, 1972, 152 (= Συμβουλαὶ καὶ διηγήσεις τοῦ Κεκαυμένου. Ἔργων βυζαντινοῦ στρατηλάτου τοῦ ΙΑ' αἰῶνος. Κείμενον, εἰσαγωγή, μετάφρασις, σχόλια ὑπὸ Γ.Γ. Λιτάβριν, Μόσχα, 1972, 152).

32. Cedr., II, 608.

33. Ἀριστακὲς Λαστιβερινοῦ, Ἱστορία, 95.

της, τοὺς ὁποίους ἀπεξένωσαν ἀπὸ τοὺς οἴκους των καὶ τὰς περιοχὰς των, κατήργησαν τὸ βασιλεῖον τῶν Ἀρμενίων, κατεκρήμνισαν τὰ τεῖχη τῆς χώρας διὰ τῆς διαλύσεως τῶν ἐνόπλων τῆς δυνάμεων... Ἐμιμήθησαν τοὺς κακοὺς ποιμένας, οἱ ὁποῖοι βλέποντας λύκον, τρέπονται εἰς φυγὴν. Οἱ Ῥωμαῖοι κατεδάφισαν τὰ ἰσχυρὰ τεῖχη τῆς Ἀρμενίας, ἔδωσαν τὴν δυνατότητα εἰς τοὺς Τούρκους νὰ ἐπιδράμουν μὲ τὰς σπάθας... Καὶ μὲ ἐκτομίας στρατηγούς καὶ εὐνούχους στρατιώτας ἐσπευδον νὰ ὑπερασπίσουν τὴν Ἀρμενίαν, ἕως ὅτου οἱ Τούρκοι εὗρον ἀνυπεράσπιστον πᾶσαν τὴν Ἀνατολήν. Οἱ ἀλλόφυλοι τόσο ἐδυνάμωσαν, ὥστε ταχέως ἐφθασαν πρὸ τῶν πυλῶν τῆς Κωνσταντινουπόλεως καὶ ἐκυρίευσαν ἅπασαν τὴν χώραν τῶν Ῥωμαίων»³⁴.

Τὴν διάλυσιν τῶν ἀρμενικῶν ἐνόπλων δυνάμεων δὲν δυνάμεθα νὰ θεωρήσωμεν πολιτικὴν μυωπικὴν. Ὁ Κωνσταντῖνος ὁ Μονομάχος εἶχε ὀπίσω του τὰς παραδόσεις ἄνω τῶν ἐπτακοσίων ἐτῶν βυζαντινῆς πολιτικῆς σοφίας καὶ ἐὰν αὐτὸς παρ' ὅλα ταῦτα διέταξε τὴν διάλυσιν τῶν ἀρμενικῶν ἐνόπλων δυνάμεων, σίγουρα εἶχε σοβαρὰς αἰτίας. Εἰς τὸ ἐρώτημα αὐτὸ ἐμεῖς δὲν βρίσκομε ἀπάντησιν εἰς τὰς βυζαντινὰς πηγὰς, ἀλλὰ ἐὰν μελετήσωμεν μὲ προσοχὴν τὰ ἱστορικὰ ἔργα τῶν Ἀρμενίων μεσαιωνικῶν συγγραφέων, θὰ βεβαιωθοῦμε, πῶς ἡ βυζαντινὴ κυβέρνησις κατὰ τὰ μέσα τοῦ ΙΑ' αἰῶνος εἶχε σοβαροὺς λόγους νὰ κἀν τὸ βῆμα αὐτὸ.

Ὁ Κεκαυμένος μὲ λύπη γράφει περὶ τῆς ἀπρεποῦς δράσεως τῆς βυζαντινῆς διοικήσεως εἰς τὴν χώραν καὶ ἰδιαιτέρως εἰς τὰς μεθοριακὰς περιοχὰς³⁵, ὑπὸ τὰς ὁποίας ἀναμφιβόλως ὑπονοεῖ καὶ τὴν Ἀρμενίαν. Ὅπως φαίνεται εὐκρινῶς ἀπὸ τὰς ἀρμενικὰς πηγὰς, ἐναντίον τῶν ἀνομιῶν τῆς διοικήσεως αὐτῆς ἐπεξήρχετο ὁ ἐντόπιος πληθυσμὸς, αἱ ἐξεγέρσεις τοῦ ὁποίου ὄχι σπανίως μετετρέποντο εἰς ἐπαναστάσεις κατὰ τῆς κεντρικῆς κυβερνήσεως, εἰς τὰς ὁποίας ἐλάμβανον μέρος καὶ αἱ ἐντόπιοι ἐνοπλοὶ δυνάμεις. Ἐὰν διὰ τὴν κατάπνιξιν τῆς ἐτοιμαζομένης τὸ 1040 εἰς τὴν Σεβάστειαν ὑπὸ τῶν τοῦ Σενεκερίμ Ἀρτζρουνῆ υἱῶν ἐπαναστάσεως ἡ βυζαντινὴ κυβέρνησις, ὅπως γράφει ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνός, ἔστειλε ἀριθμούμενον εἰς δεκαπέντε χιλιάδας ἀνδρῶν στρατὸν μὲ ἐπὶ κεφαλῆς τὸν ἀκόλουθον³⁶, αὐτὸ ἐπιμαρτυρεῖ, ὅτι εἰς τὴν ἐπανάστασιν τῶν Ἀρμενίων ἐσκόπευον νὰ λάβουν μέρος καὶ οἱ Ἀρμένιοι στρατιῶται. Ἡ περίπτωσις τῆς Σεβαστείας δὲν ἦτο μοναδική.

Ἡ βυζαντινὴ κυβέρνησις ἀπεφάσισε νὰ εὕρῃ διέξοδον ἐκ τῆς καταστάσεως αὐτῆς, ἀλλὰ ἐξέλεξε τὴν χειροτέραν ὁδόν· διέλυσε τὰς ἐντοπίους ἐνόπλους δυνάμεις. Ἡ αὐτοκρατορία μετὰ ἡμίσειαν χιλιετηρίδα ἐπανέλαβε τὴν μεταρ-

34. Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ, Χρονογραφία, 135 - 136.

35. "Советы и рассказы Кекавмена", 152.

36. Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ, Χρονογραφία, 83.

ρύθμισιν τοῦ αὐτοκράτορος Ἰουστινιανοῦ τοῦ Α΄. Ὅπως γράφει ὁ Προκόπιος ὁ Καισαρεύς, οἱ Ἀρμένιοι σατράπαι τῆς βυζαντινῆς Τετάρτης Ἀρμενίας εἶχον τὰς ἰδικὰς τῶν ἐνόπλων δυνάμεις, καὶ τὰ πολέμια κατὰ μόνους αὐτοὶ διωκοῦντο³⁷. Ἀλλὰ ἐπειδὴ οἱ σατράπαι αὐτοὶ προσεχώρησαν πρὸς τοὺς ἐπανάστατας Ἴλλον καὶ Λεόντιον ἐναντίον τῆς κεντρικῆς κυβερνήσεως, μετὰ τὴν κατάπνιξιν τῆς στάσεως αὐτῶν ἀποστερήθησαν ὑπὸ τοῦ Ζήνωνος τῶν δικαιωμάτων τῆς κληρονομικῆς τῶν ἀρχῆς. Τὸ ἀπόφασιστικὸ πλῆγμα τοὺς κατέφερε ὁ Ἰουστινιανὸς ὁ Α΄, ὁ ὁποῖος διέλυσε τὰς ἐνόπλους δυνάμεις τῶν Ἀρμενίων σατραπῶν. Εἰς τὴν Τετάρτην Ἀρμενίαν ἐγκατεστάθησαν καθεαυτοῦ βυζαντιναὶ φρουραὶ.

Ὁ Προκόπιος ὁ Καισαρεύς, ἀσυγκρίτως πῶς σοβαρὸς καὶ εὐφυῆς ἱστορικός, βλέπει τοὺς πραγματικοὺς σκοποὺς τῶν μεταρρυθμίσεων τοῦ Ζήνωνος καὶ Ἰουστινιανοῦ.

Συνεπῶς τὴν στρατιωτικὴν μεταρρύθμισιν τοῦ Μονομάχου δὲν δυνάμεθα νὰ θεωρήσωμεν πρᾶξιν μυωπικὴν, καίτοι εἶναι δυνατὸν νὰ τὴν κρίνωμεν ὡς μὴ διορατικὴν. Τὸ ζήτημα εἶναι ὅτι εἰς τὴν ἐξωτερικὴν τῆς πολιτικῆς εἰς τὴν Ἀρμενίαν, καὶ ὄχι μόνον εἰς τὴν Ἀρμενίαν, ἡ αὐτοκρατορία ἐβασίλευε εἰς τὰ συμφέροντα τῆς σημερινῆς, πολὺ - πολὺ τῆς αὐριανῆς ἡμέρας, καὶ ὄχι εἰς τὸ ἀπώτερον μέλλον.

Διαλύσασα τοὺς ἀρμενικοὺς κανονικοὺς στρατοὺς ἡ αὐτοκρατορία μ' ὅλα ταῦτα, ὅταν ἦτο ἀνάγκη ἐπεστράτευε τὸν μάχιμον πληθυσμὸν τῆς Ἀρμενίας. Εἶναι γνωστὸν, ὅτι ὁ Ἰσαάκιος ὁ Κομνηνὸς συγκρότησε στρατιωτικὰ σώματα ἐξ Ἀρμενίων τῆς Σεβαστείας, Μελιτηνῆς καὶ Τεφρικῆς³⁸, εἰς τὸν στρατὸν τοῦ Ρωμανοῦ τοῦ Διογένοους ὑπῆρχε ἀρμενικὸν πεζικόν³⁹.

Ἐγὼ ὀμιλῶ ὀλίγον ἐκτενῶς περὶ τῶν ἀρμενικῶν ἐνόπλων δυνάμεων καὶ περὶ τῆς στρατιωτικῆς μεταρρυθμίσεως τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου, διότι τὰ ζητήματα αὐτὰ ἔχουν ἄμεσον σχέσιν μὲ τὸ πρόβλημα τῆς μεταναστεύσεως τῶν Ἀρμενίων. Κατὰ τῆς Ἀρμενίας ἐχθροὶ ἐπιτίθεντο ὄχι τὸ πρῶτον, ἀλλὰ αἱ προηγούμενοι ἐπιδρομαὶ ποτὲ δὲν ἔδωσαν ἀφορμὴν μαζικῆς ἐξόδου τῶν Ἀρμενίων ἐκ τῆς πατρίδος τῶν. Τὸ ζήτημα εἶναι ὅτι αἱ ἐπιδρομαὶ τῶν ἀλλοφύλων πρὶν εἶχον πρόσκαιρον χαρακτήρα καὶ ἐτελείωναν μὲ τὴν ἐρήμωσιν τῆς μιᾶς ἢ τῆς ἄλλης ἐπαρχίας ἢ πόλεως τῆς Ἀρμενίας. Καὶ μόνον. Εἰς τὴν Ἀρμενίαν ὑπῆρχον δυνάμεις, αἱ ὁποῖαι ἠδύναντο νὰ παρεμποδίσουν τὴν μόνιμον ἐγκατάστασιν τῶν κατακτητῶν. Κατὰ τὴν ἐποχὴν τῆς βυζαντινῆς κυριαρχίας ἡ κατάστασις ἠλλαξεν ὀλοκληρωτικῶς. Εἰς τὴν Ἀρμενίαν δὲν ἀπέμεινε ἡ δύναμις, ἡ ὁποία θὰ μπορούσε νὰ ὑπερασπίσῃ τὴν χώραν καὶ τὸν

37. Προκοπίου τοῦ Καισαρέως, *Περὶ κτισμάτων*, Γ', 1.

38. Cedr., II, 626.

39. *Αὐτόθι*, 674.

λαὸν ἀπὸ τοὺς Τούρκους, νὰ τοὺς ἐκδιώξῃ ἀπὸ τὴν χώραν, νὰ μὴν τοὺς δώσῃ τὴν δυνατότητα νὰ ἐγκατασταθοῦν μόνιμως, καὶ ταυτοχρόνως νὰ φράξῃ τὴν αὐτοκρατορίαν μὲ τεῖχος σταθερόν. Ἐὰν διὰ τὴν ἄμυναν τῆς πόλεως τοῦ Ἀνίου, τῆς πρωτεύουσος τοῦ βυζαντινοῦ θέματος τῆς Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας ἀπὸ τὰς ὁρδὰς τοῦ Ἄλπ Ἀρσλάν γενικῶς δὲν ὑπῆρχε στρατὸς καὶ πᾶσαι αἱ φροντίδες τῆς ἀμύνης ἔκειντο, ὅπως γράφει ὁ Μιχαὴλ ὁ Ἀτταλειάτης, ἐπὶ τῶν ἐμπορῶν καὶ πολεμικῶν μηχανημάτων καὶ προβλημάτων ἀπειράτων⁴⁰, κατοίκων τῆς μεγαλοπόλεως, μπορούμε νὰ λάβωμεν μίαν ἰδέαν περὶ τῆς ἀμυντικῆς ἰκανότητος τῶν ἄλλων περιφερειῶν καὶ πόλεων τῆς χώρας.

Διὰ τὴν Ἀρμενίαν καὶ τὸν λαὸν τῆς ἡ μετανάστευσις τοῦ ΙΑ΄ αἰῶνος εἶχε συνεπείας βαρείας. Τὸ 1021 στὴν πραγματικότητα ἔλαβεν ἀρχὴν ἡ ἀρμενικὴ διασπορά, ἡ ὁποία ἔπρεπε νὰ συνεχισθῇ ἀκριβῶς ἑννέα αἰῶνας. Ἡ μετανάστευσις τοῦ ἐργαζομένου λαοῦ ἔδωσε στοὺς Τούρκους τὴν δυνατότητα μετὰ μεγάλης εὐκολίας νὰ ἐγκατασταθοῦν εἰς τὴν κατακτηθεῖσαν ὑπ' αὐτῶν χώραν. Αὐτὸ μὲ τὴν σειρὰν τοῦ ἐγένετο αἰτία νέων μεταναστεύσεων.

Ἡ μετανάστευσις τῶν Ἀρμενίων πρὸς δύσιν, νότον καὶ πρὸς νοτιο - δυτικὰ εἶχε καὶ ἄλλας συνεπείας. Ἡ δυτικὴ Ἀρμενία κατὰ τὴν ἐποχὴν τῆς ρωμαϊκῆς καὶ κατόπιν τῆς βυζαντινῆς πολυχρονίου κυριαρχίας ἀρχισε νὰ ἀποβάλλῃ τὸν ἐθνικὸν τῆς χαρακτήρα. Εἰς αὐτὸ συνέτεινε καὶ ἡ ἀραβικὴ κατάκτησις, καὶ ἡ πολιτικὴ τοῦ Χαλιφάτου εἰς τὰς κυριευθεῖσας ὑπ' αὐτοῦ περιοχὰς τῆς Ἀρμενίας, ἡ ὁποία συνίστατο εἰς τὴν συστηματικὴν ἐγκατάστασιν ἀραβικοῦ πληθυσμοῦ. Ἡ πρώτη περιοχὴ εἰς τὴν ὁποίαν ἐγκατεστάθησαν οἱ Ἀραβες ἦτο ἡ Ἀρζανηνὴ εἰς τὴν νότιον Ἀρμενίαν. Μετὰ αὐτοὶ ἔφθασαν μέχρι τῆς Θεοδοσιουπόλεως⁴¹. Ὁ σκοπὸς τῆς μετοικεσίας αὐτῆς, κυρίως ἐπὶ τῆς ἀραβο-βυζαντινῆς μεθορίου, ἦτο πολιτικὸς καὶ στρατηγικός. Μετὰ τὴν κατάκτησιν αὐτῶν τῶν περιοχῶν ὑπὸ τοῦ Βυζαντίου, ἡ αὐτοκρατορία παντοιοτρόπως προσπαθοῦσε νὰ ἐγκαταστήσῃ εἰς αὐτὰ τὰ μέρη Ἀρμενίους, ἔχοντας βεβαίως ὑπ' ὄψιν τὴν ἀσφάλειαν τῶν συνόρων τῆς. Ὁργανώθησαν τὰ μεθοριακὰ «Ἀρμενιακὰ θέματα»⁴².

Ἡ μετανάστευσις τῶν Ἀρμενίων πρὸς δύσιν τὸν ΙΑ΄ αἰῶνα συνέτεινε εἰς τὸν ἐξαρμενισμόν τῶν χωρῶν αὐτῶν. Κατὰ ποῖον βαθμὸν ἐξαρμενίσθησαν αἱ περιοχαὶ αὐταὶ καὶ πόσον πολλοὶ Ἀρμένιοι ἐγκατεστάθησαν εἰς τὰ μέρη αὐτὰ μαρτυρεῖ τὸ γεγονός, ὅτι ὁ Σενεκερίμ εἰς τὴν Σεβάστειανὸν Κακίκιος ὁ Β΄ εἰς τὴν Πιζοῦ καὶ Καλὸν Πηγᾶδι τῆς Καππαδοκίας, εἰς τὸν κύκλον τῶν

40. Attal., 81.

41. Ἀ. Τερ-Γεβοντιάν, *Τὰ ἀραβικὰ ἐμπερᾶτα στὴν Ἀρμενίαν τῶν Βαγρατιδῶν*, Ἐρεβάν, 1965, 58 - 59 (στὰ ἀρμενικά).

42. Η. Glykatzi - Ahrweiler, *Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IXe - XIe siècles*, Athènes - Paris, 1960, 80.

Ἄρμενίων συνέχιζαν νὰ καλοῦνται βασιλεῖς τῶν Ἄρμενίων, αἱ δὲ κτήσεις αὐτῶν – ἄρμενικὰ βασίλεια, ἂν καὶ τὰ βασίλεια τῶν Ἀρτζρουνιδῶν καὶ Βαγρατιδῶν εἶχον καταργηθῆ πρό πολλοῦ. Τὸ βασίλειον τῶν Βαγρατιδῶν ἔπαυσε τὴν ὑπαρξίν του τὸ 1045, ἀλλὰ ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνὸς τὸ τέλος τοῦ βασιλείου αὐτοῦ θεωρεῖ τὸ 528ον ἔτος τῆς ἄρμενικῆς χρονολογίας, τουτέστιν τὸ 1079, τὸ ἔτος τῆς δολοφονίας τοῦ Κακικίου τοῦ Β'. «Ἐδῶ ἔπαυσε τὴν ὑπαρξίν του, – γράφει αὐτός, – τὸ βασίλειον τῆς χώρας τῶν Ἄρμενίων ἐκ γένους τῶν Βαγρατιδῶν. Ἐδῶ ἐπαλήθευσε ἡ προφητεία τοῦ ἁγίου Νερσές, καθολικοῦ τῶν Ἄρμενίων: «Καὶ θὰ ἐξοντωθῆ ἡ βασιλεία ἀπὸ τὴν χώραν τῶν Ἄρμενίων»»⁴³.

Τὸ βασίλειον τῶν Ἀρτζρουνιδῶν τοῦ Βασπουρακὰν κατηργήθη τὸ 1021. Ὁ Σενεκερίμ, ὁ τελευταῖος βασιλεὺς του ἐπῆγε εἰς τὴν Σεβάστειαν, ὅπου καὶ ἐτελεύτησε τὸ 1025. Οἱ βυζαντινοὶ συγγραφεῖς τὸν ὀνομάζουν ἀπλῶς πατρίκιον ἢ μάγιστρον καὶ στρατηγόν. Ἄλλὰ διὰ τοὺς Ἄρμενίους αὐτὸς ἦτο ἀκόμη βασιλεὺς. Μετὰ τὸν θάνατον τοῦ Σενεκερίμ – γράφει ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνός – «τὴν βασιλικὴν ἀρχὴν τῶν Ἄρμενίων διεδέχθη ὁ πρεσβύτερος υἱὸς τοῦ Δαυίδ»⁴⁴. Καὶ μετ' ὀλίγον: «Τότε (τὸ 1036) ἐτελεύτησεν ὁ βασιλεὺς Δαυίδ, ὁ υἱὸς τοῦ βασιλέως τῶν Ἄρμενίων Σενεκερίμ. Αὐτὸς παρέδωσε τὴν ἀρχὴν τῆς πατρίδος του εἰς τὸν ἀδελφόν του Ἄτόμ»⁴⁵.

Καὶ ὅλα αὐτὰ εἰς τὴν Καππαδοκίαν καὶ Σεβάστειαν, εἰς τὸ κέντρον τῶν Μικρασιατικῶν περιοχῶν τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας...

Ὁ συμπαγὴς ἄρμενικὸς πληθυσμὸς εἰς τὸν νότον τῆς Ἀρμενίας καὶ τοῦ Βυζαντίου ἔδωσε τὴν δυνατότητα εἰς τοὺς Ἄρμενίους νὰ ἰδρῦσουν μικρὰ πριγκιπᾶτα τὰ ὁποῖα εἰς αὐτὴν τὴν περίστασιν ἐπαιξαν θετικὸν ρόλον εἰς τὴν ἄμυναν τοῦ ἄρμενικοῦ πληθυσμοῦ ἀπὸ τὰς ὀρδὰς τῶν ἀλλοφύλων. Ἐνα ἀπὸ τὰ πιὸ σπουδαῖα ἦτο τὸ πριγκιπᾶτον τοῦ Φιλαρέτου Βαραζουνη με κέντρον τὸ Μαρὰς (Γερμανίχεια), τὸ ὁποῖον ἐσχηματίσθη ἀμέσως μετὰ τὴν ἦτταν τοῦ Ρωμανοῦ τοῦ Δ' εἰς τὴν μάχην τοῦ Ματζικέρτ (1071). Ὁ Μιχαὴλ ὁ Ἀταλειάτης δείχνει πολὺ παραστατικὰ τὰς περιοχὰς καὶ τοὺς σκοποὺς τῆς ἰδρύσεως τοῦ πριγκιπάτου αὐτοῦ. Ὁ Φιλάρετος – γράφει ὁ βυζαντινὸς συγγραφεὺς – ἐν τόποις δυσβάτοις καὶ ὀρεινοῖς καὶ τῶν Τουρκικῶν παρόδων ἀπωκισμένοις τὰς οἰκήσεις ποιούμενος τείχεσι πλείστοις τοὺς στενωποὺς περιέλαβε, καὶ κατοχυρώσας τὰς διεκβάσεις, ἀνάλωτον τοῖς ἐκεῖσε χώραν ἀπὸ τῶν ἐναντίων εἰργάσατο, καὶ πλήθος Ἀρμενίων καὶ ξυγκλύδων ἀνδρῶν συλλεξάμενος δύναμιν ἑαυτῷ περιμάχητον ἀπειργάσατο, καὶ τῷ προβεβασιλευκῷ (Μιχαὴλ) ἀκαταδού-

43. Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ, *Χρονογραφία*, 220.

44. *Αὐτόθι*, 55.

45. *Αὐτόθι*, 65.

λωτος ἦν, καὶ κατ' ἐξουσίαν τὰ ἑαυτοῦ προμηθούμενος, καὶ πόλεις βασιλικὰς εἰς ἑαυτὸν οἰκείουμένος, καὶ εἰς μῆκος ἐξαίρων τὴν ἰδίαν κατάκτησιν⁴⁶.

Ὁ Φιλάρετος εἶχε πολὺ σοβαρὰ σχέδια, ἐπεδίωκε νὰ ὑποτάξῃ τὰ γειτονικὰ ἄρμενικὰ πριγκιπᾶτα, μετὰξὺ τῶν ὁποίων καὶ τὸ ἀρκετὰ ἰσχυρὸν πριγκιπᾶτον τῶν Τορνικίων τοῦ Σασοῦν⁴⁶. Τὸ 1083 ὁ Φιλάρετος ἐπέκτεινε τὴν ἐξουσίαν του ἐπὶ τῆς Ἐδέσσης⁴⁷ καὶ ἐπιπλέον ἔκρινε τὸ πριγκιπᾶτον του τόσον ἰσχυρὸν, ὥστε ἀποφάσισε νὰ καθιδρύσῃ ἐπὶ τοῦ ἐδάφους του τὴν ἔδραν τοῦ καθολικοῦ τῆς ἄρμενικῆς ἐκκλησίας. Καὶ ἂν ὁ καθολικὸς Γρηγόριος ἔδωσε τὴν συγκατάθεσίν του, σημαίνει ὅτι καὶ αὐτὸς ἔκρινε τὸ πριγκιπᾶτον τοῦ Φιλαρέτου ἀρκετὰ ἰσχυρὸν⁴⁸. Ὁ Φιλάρετος ἐφθασεν εἰς τὸν σκοπὸν του. Εἰς τὴν πολίχνην Χωνῆ καὶ εἰς τὸ Μαρὰς εἶχον τὰς ἔδρας τῶν οἱ Ἀρμένιοι καθολικοὶ Σαρκίς, Θεόδωρος καὶ Παῦλος.

Ἀρμενικὸν πριγκιπᾶτον ἰδρύθη καὶ εἰς τὴν περιοχὴν τῆς Μελιτηνῆς. Ἀρχων αὐτοῦ ἦτο ὁ Γαβριήλ, ὁ πενθερὸς τοῦ ἡγεμόνος τῆς Ἐδέσσης κουροπαλάτου Τορός. Ὁ Γαβριήλ τὸ 1096 ἀντιπαρεστάθη ἐπιτυχῶς ἐναντίον τοῦ Κλίτς Ἀρσλάν⁴⁹, τὸ 1100 ἐναντίον τῶν Τανισμανίων τῆς Σεβαστείας⁵⁰.

Εἰς τὰ νότια τοῦ Βυζαντίου, εἰς τὸ Καῖσοῦν ἰδρύθη τὸ ἄρμενικὸν πριγκιπᾶτον τοῦ μεγάλου ἀρχοντος Κὸγ Βασιλείου (Κοκκοβασιλείου). Τὸ παράνομά του, πὺ σημαίνει κλέφτης, εἶναι δυνατόν νὰ θεωρήσωμεν ὡς παλαιότεραν μνεῖαν τῶν περιφήμων κλεφτῶν, τῶν ἡρώων τοῦ ἑλληνικοῦ ἀπελευθερωτικοῦ ἀγῶνος κατὰ τὴν ἐποχὴν τῆς τουρκοκρατίας. Ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνός τὸν ὀνομάζει ἰσχυρὸν καὶ ἀνδρεῖον, περίξ τοῦ ὁποῖου ἐσυνάχθησαν ὅλα τὰ ὑπολείμματα τοῦ ἄρμενικοῦ στρατοῦ⁵¹, αἱ οἰκογένειαι τῶν Βαγρατιδῶν καὶ Παχλαβιδῶν, οἱ υἱοὶ τῶν Ἀρμενίων βασιλέων⁵². Ὑπὸ τὴν ἡγεσίαν αὐτοῦ τὰ ἄρμενικὰ στρατεύματα τὸ 1107 εἰς τὸ Μπερντούς, τὸ 1108 εἰς τὸ Χίσιν Μανσοῦρ κατετρόπωσαν τοὺς στρατοὺς τῶν Τούρκων⁵³. Ὁ Κοκκοβασιλείος ἐπέκτεινε τὴν ἐξουσίαν του ἐπὶ πολλῶν περιοχῶν, ἀγωνίζετο ἐπιτυχῶς κατὰ τῶν σταυροφόρων⁵⁴. Εἰς τὸ Καῖσοῦν αὐτὸς ἰδρυσε τὴν ἔδραν τοῦ καθολικοῦ τῶν Ἀρμενίων⁵⁵, πὺ ἐπίσης μαρτυρεῖ περὶ τῆς ἰσχύος τοῦ πριγκιπάτου του.

46. Attal., 301. Cedr., II, 741.

46. Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ, *Χρονογραφία*, 206.

47. *Αὐτόθι*, 223 - 224.

48. *Αὐτόθι*, 210.

49. *Αὐτόθι*, 252.

50. *Αὐτόθι*, 272.

51. *Αὐτόθι*, 299, 323.

52. *Αὐτόθι*, 323.

53. *Αὐτόθι*, 305 - 306.

54. *Αὐτόθι*, 323 - 324.

55. *Αὐτόθι*, 324.

Κατά την ίδιαν εποχήν ήκμαζε και τὸ πριγκιπᾶτον τῶν υἰῶν τοῦ Βασάκ Ἀμπουλγαρίμπ και Λύκου εἰς τὸ Μπίρ και εἰς τὴν Νίσιβιν⁵⁶.

Ἄλλὰ τὰ πριγκιπᾶτα αὐτὰ ἦσαν ἐφήμερα, μετὰ μερικὰς δεκαετίας ζωῆς ὑπὸ τὰς πληγὰς παντοίων ἐχθρῶν ἐξηφανίσθησαν ἐκ τῆς σκηνῆς τῆς ἱστορίας. Τὸ μόνον πριγκιπᾶτον, τὸ ὁποῖον ἠδυνήθη νὰ ἀντισταθῆ ἐναντίον πάμπολλων ἐχθρῶν, ἦτο τὸ κράτος τῶν Ρουπενιδῶν εἰς τὴν Κιλικίαν, τὸ ὁποῖον μετατραπὲν τὸ 1198 εἰς βασίλειον, διετηρήθη ἕως τὰ τέλη τοῦ ΙΔ' αἰῶνος. Τὸ βασίλειον αὐτὸ ἐγίνε καταφύγιον διὰ χιλιάδας ἀναζητούντων σωτηρίαν φυγάδων ἐκ τῆς κυρίως Ἀρμενίας. Εἰς τὴν Κιλικίαν συνηθροίσθησαν τόσον πολλοὶ Ἀρμένιοι, πού εἰς τὸ Βυζάντιον αἱ ἔννοιαι Ἀρμενία και Κιλικία ἐγιναν συνωνυμικαί, εἰς τοὺς βυζαντινοὺς γεωγραφικοὺς ὁδηγοὺς ἤρχισαν νὰ δίδουν ἐξήγησιν, ὅτι «Κιλικία ἢ Ἀρμενία, Κίλιξ ὁ Ἀρμένιος»⁵⁷.

Ἡ Καππαδοκία, ἡ Συρία, ἡ Μεσοποταμία, ἡ Κιλικία ἦσαν περιοχαί, αἱ ὁποῖαι κατὰ τὸ μᾶλλον ἢ ἥττον ἐγειτόνευον μετὰ τὴν Ἀρμενίαν ἢ εὐρίσκοντο πλησίον αὐτῆς. Κατὰ τὸν ΙΑ' αἰῶνα οἱ Ἀρμένιοι ἤρχισαν νὰ ἰδρῦουν και ἀποικίας εἰς ἀπωτέρους τῆς πατρίδος χώρας. Ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνὸς μνημονεύει τὴν ἀρμενικὴν ἀποικίαν τῆς Αἰγύπτου κατὰ τὰ τέλη τοῦ ΙΑ' αἰῶνος, ὅπου διέμενον ἕως τριάντα χιλιάδες Ἀρμένιοι⁵⁸. Κατὰ τοὺς καιροὺς αὐτοὺς εἰς τὴν Αἴγυπτον ἰδρύθη και ἀρμενικὸν πατριαρχεῖον⁵⁹.

Ἡ ἀπώλεια τοῦ κράτους και τῆς πατρίδος, ἡ ἀρχὴ τῆς διασπορᾶς τὸν ΙΑ' αἰῶνα τόσον πολὺ συνετάραξαν τοὺς Ἀρμένιους, ἄφησαν τόσον βαθὺ ἶχνος εἰς τὴν συνείδησιν αὐτῶν, πού μεταγενεστέρως, καιρὸν ἰδρύσεως τῶν περισσοτέρων ἀποικιῶν τῶν εἰς τὰ ξένα, ἀκόμη και ὅταν αὐταὶ ἔλαβον ἀρχὴν πολὺν καιρὸν μετὰ τὴν κατάκτησιν τῆς Ἀρμενίας ὑπὸ τῶν Τούρκων, οἱ Ἀρμένιοι ἐθεωροῦσαν τὸν ΙΑ' αἰῶνα, και πῶς συγκεκριμένα, μετὰ τὴν ἄλωσιν τοῦ Ἀνίου, και ἑαυτοὺς προερχομένους ἀκριβῶς ἐκ τοῦ Ἀνίου.

BYZANTION KAI ARMENIA

ΧΡΑΤΣ Μ. ΜΠΑΡΤΙΚΙΑΝ / Ἐρεβαν

Τὸν Αὐγούστο τοῦ 1980, ἕνας Ἑλλήν ἀρθρογράφος ἐλληνικῆς ἐφημερίδος διετύπωνε τὸ παράπονον τῶν Ἑλλήνων, διατί δὲν ἔχουν ἄλλον συγγενικόν τους λαὸν εἰς τὸν κόσμον· διατί δὲν ἀνήκουν εἰς μίαν εὐρυτέραν ὁμοεθνίαν, ὅπως οἱ Ἀγγλοσάξωνες, οἱ λατινικοὶ λαοί, οἱ γερμανικοί, οἱ σλαῦοι. Ὁ ἀρθρογράφος ἀμφισβητοῦσε τὴν ἀκρίβειαν τοῦ παραπόνου αὐτοῦ, και τὸ ἀπέδιδεν εἰς διπλὰ και ὄχι πάντοτε ἐναρμονιζόμενα κριτήρια κατατάξεως, φυλετικά και πολιτιστικά, και κατέληγε: «Ἐνα εἶναι βέβαιο: ὅτι ἔχομε ὅπωςδήποτε ἕναν λαὸν πολὺ συγγενικό μας, πού δὲν θὰ ἦταν καμμιά ὑπερβολὴ νὰ τὸν χαρακτηρίσουμε σὰν ἀδελφὸ ἔθνος: τὸν ἀρμενικό...».

Δὲν θὰ ἦτο περιττὸν νὰ ὑπογραμμίσωμεν, ὅτι τὴν ἰδίαν γνώμην εἶχον και οἱ ἀρχαῖοι Ἑλληνες, οἱ ὁποῖοι ἐθεώρουν τοὺς Ἀρμένιους Θεσσαλικῆς καταγωγῆς.

Ὁ Στράβων εἰς τὸ γεωγραφικὸν του ἔργον διέσωσεν μίαν ἀρχαίαν, γνωστὴν ἀπὸ τοὺς Κυρσίλον τὸν Φαρσάλιον και Μήδιον τὸν Λαρισαῖον παράδοσιν, κατὰ τὴν ὁποῖαν «Λέγεται δ' Ἰάσωνα μετὰ Ἀρμένου τοῦ Θετταλοῦ κατὰ τὸν πλοῦν τὸν ἐπὶ Κόλχους μέχρι τῆς Κασπίας θαλάττης, και τὴν τε Ἰβηρίαν και τὴν Ἀλβανίαν ἐπελθεῖν και πολλὰ τῆς Ἀρμενίας και τῆς Μηδίας, ὡς μαρτυρεῖ τά τε Ἰασόνια και ἄλλα ὑπομνήματα πλείω. τὸν δὲ Ἀρμενὸν εἶναι ἐξ Ἀρμενίου πόλεως τῶν περὶ τὴν Βοιβηίδα λίμνην μεταξὺ Φερῶν και Λαρίσης. τοὺς σὺν αὐτῷ τε οἰκῆσαι τὴν τε Ἀκιλισηνὴν και τὴν Συσπιριτιν ἕως Καλαχηνῆς και Ἀδιαβηνῆς, και δὴ και τὴν Ἀρμενίαν ἐπώνυμον καταλιπεῖν».

Ὁ Στράβων εἰς ἕν ἄλλον μέρος τοῦ βιβλίου του, ἀναφερόμενος ἐκ δευτέρου εἰς τὸ ζήτημα τῆς ἐκ Θεσσαλίας προελεύσεως τῶν Ἀρμενίων, προσθέτει ἐπὶ πλέον ὅτι «και τὴν ἐσθῆτα δὲ τὴν Ἀρμενικὴν Θετταλικὴν φασιν...».

Ἐκάστη παράδοσις ἔχει εἰς τὴν βάσιν της και κόκκον τινὰ ἱστορικῆς ἀληθείας. Ἡ ἀλήθεια εἶναι ὅτι οἱ Ἑλληνες και οἱ Ἀρμένιοι ἔχουν τὴν αὐτὴν καταγωγὴν, τὴν Ἰνδοευρωπαϊκὴν (πρᾶγμα τὸ ὁποῖον ὑπογραμμίζει εἰς τὸ ἄρθρον του και ὁ ἀρθρογράφος), και πρὸ τῆς διαμορφώσεως τῶν διαφόρων διαλέκτων ὁμίλουν τὴν αὐτὴν, πρωτοῖνδοευρωπαϊκὴν γλῶσσαν.

56. Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ, *Χρονογραφία*, 337 - 338.

57. Hieroclis *Synecdemus*, recensuit Augustus Burckhardt, Lipsiae, 1893, 68.

58. Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ, *Χρονογραφία*, 211.

59. *Αὐτόθι*, 229. 231.

Πολύ προσφάτως δύο Σοβιετικοί, διαπρεπεῖς γλωσσολόγοι, ὁ Γεωργιανὸς Τ. Γκαμκρალიτζε καὶ ὁ Ρῶσσος Β. Ίβανώφ, ἤρχισαν νὰ δημοσιεύουν τὰ πορίσματα τῶν πολυετῶν μελετῶν των περὶ τῆς πρώτης κοιτίδος τῶν Ἰνδοευρωπαϊκῶν λαῶν. Ἐπὶ τῇ βάσει γλωσσολογικῆς, ἀρχαιολογικῆς καὶ ἄλλης μελέτης, οἱ ἐπιστήμονες αὐτοὶ συμπεραίνουν, ὅτι ἡ πρώτη κοιτίς τῶν Ἰνδοευρωπαϊκῶν λαῶν εἶναι τὸ ἀρμενικὸν ὄροπέδιον ἀπὸ ὅπου καὶ ἤρχισεν ἡ μετανάστευσις αὐτῶν εἰς τὴν Εὐρασίαν. Κατὰ πόσον ἡ νέα θεωρία τῶν Σοβιετικῶν γλωσσολόγων εἶναι ὀρθὴ καὶ ἀποδεκτὴ θὰ ἀποδείξῃ τὸ μέλλον. Ἀλλὰ συμφώνως πρὸς αὐτὴν οἱ μετὰ πάροδον αἰῶνων διαμορφωθέντες δύο λαοὶ μας εἰς πολὺ παρωχημένην ἐποχὴν εἶχον τὸ ἐνδιαίτημά των εἰς τὸ αὐτὸ γεωγραφικὸν περιβάλλον, ὁμίλουν τὴν αὐτὴν γλῶσσαν, ἦσαν ἐν ὀλίγοις ὁ ἴδιος λαός. Καὶ ἡ ἑλληνικὴ παράδοσις ἐξ ἄλλου δὲν ἀναφέρει ἄλλον τι διαφορητικόν.

Θὰ παρέλθουν πολλοὶ αἰῶνες, οἱ δύο λαοὶ μας θ' ἀποκτήσουν διαφόρους πατρίδας, ἕκαστος ἐξ αὐτῶν θὰ ὀδεύσῃ ἰδίαν ἱστορικὴν ἀγυιάν, ἀλλὰ αἱ σχέσεις των δὲν θὰ παύσουν ποτὲ νὰ ὑφίστανται.

Αἱ γραπτὰ πληροφορίαι περὶ τῶν ἀρχαιοτάτων σχέσεων τῶν Ἀρμενίων μετὰ τῶν Ἑλλήνων ἀπαντοῦν εἰς τὴν «Ἱστορίαν τῆς Ἀρμενίας» τοῦ μεγάλου Ἀρμενίου ἱστορικοῦ τοῦ Ε' αἰῶνος Μωυσῆ τοῦ Χωρηνοῦ, τοῦ Ἡροδότου τῶν Ἀρμενίων, ὅπως δικαίως ἀποκαλεῖται αὐτὸς ὑπὸ τῶν νεωτέρων μελετητῶν. Ὁ ἱστορικὸς αὐτὸς γράφει, ὅτι ὁ μυθικὸς Ἀρμένιος βασιλεὺς Ζαρμαίρ συμμετέσχε εἰς τὸν Τρωϊκὸν πόλεμον.

Περὶ τῶν Ἀρμενίων καὶ τῆς Ἀρμενίας αἱ ἀρχαιότεραι μνεῖαι ἐμπεριέχονται εἰς τὸ ἱστορικὸν ἔργον τοῦ Ἡροδότου, πολὺ εὐρύτερον καὶ ἐμπειστατωμένως εἰς τὴν «Κύρου ἀνάβασιν» καὶ τὴν «Κύρου παιδείαν» τοῦ Ξενοφῶντος. Αἱ πληροφορίαι τοῦ αὐτόπτου αὐτοῦ μάρτυρος θεωροῦνται παρὰ τῶν Ἀρμενίων ἱστορικῶν αἱ πλέον ἀναμφισβήτητοι καὶ ἀξιόλογοι, αἱ μόναι παρέχουσαι τὴν πραγματικὴν εἰκόνα τῆς πολιτικῆς καὶ οἰκονομικῆς καταστάσεως τῆς Ἀρμενίας κατὰ τὴν ἐποχὴν αὐτὴν. Ἐδῶ δὲν ὑπάρχει ἀνάγκη νὰ ἀπαριθμήσωμεν τοὺς Ἑλληνας συγγραφεῖς τῆς Ἑλληνιστικῆς ἐποχῆς οἱ ὅποιοι εἰς τὰ ἔργα των γράφουν διὰ τὴν χώραν μας καὶ τὸν λαόν μας. Προσωπικῶς ὀφείλω νὰ ὁμολογήσω, ὅτι ἡ ἱστορία τῆς χώρας μας καὶ τοῦ λαοῦ μας μέχρι τοῦ Δ'-Ε' αἰῶνος μ.Χ. (δηλαδὴ μέχρι τῆς ἐποχῆς ὅτε ὁ μέγας Μεσρῶπ Μαστότς ἐφεῦρε τὸ ἀρμενικὸν ἀλφάβητον καὶ ἤρχισεν ἡ ἀνάπτυξις τῆς καθεαυτοῦ ἀρμενικῆς γραμματείας), εἶναι ἀδύνατον νὰ γραφῇ ἐρήμην τῶν ἑλληνικῶν πηγῶν.

Αἱ κατακτήσεις τοῦ Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνα, ἡ κατάκλισις τῆς Ἀνατολῆς διὰ τοῦ λαμπροῦ φωτὸς τοῦ ἑλληνικοῦ πολιτισμοῦ, δὲν ἄφησαν

ἀμέτοχον τὴν Ἀρμενίαν. Οἱ ἀρμενολόγοι σήμερον ἐρίζουν μεταξύ των, κατεκτήθη ἄραγε ἡ Ἀρμενία ὑπὸ τῶν στρατιῶν τοῦ Ἀλεξάνδρου ἢ ὄχι. Ἀλλὰ ἡ μετὰ τῶν ἑρὶς καθίσταται ἀναίτιος, ἐφ' ὅσον αὕτη κατεκτήθη ὑπὸ τοῦ ἑλληνικοῦ πολιτισμοῦ. Ὁ ἀρμένιος βασιλεὺς Ἀρτασῆς μεταφέρει ἐκ Μικρᾶς Ἀσίας εἰς Ἀρμενίαν τὰ ἐπίχρυσα χαλκᾶ ἀγάλματα τῆς Ἀρτέμιδος, τοῦ Ἡρακλέους καὶ τοῦ Ἀπόλλωνος, τὰ ὅποια τοποθετήθηκαν εἰς τοὺς ναοὺς τῶν ἀρμενικῶν πόλεων Ἀρμαβίρ, Ἀρταξάτων καὶ ἄλλων. Οἱ Ἀρμένιοι ἐγνώριζον ἤδη, ὅτι ἡ Ἀρτεμις ἀντιστοιχεῖ μὲ τὴν δικὴν τους Ἀναχίτ, ὁ Ἡρακλῆς μὲ τὸν Βαχάγκν, ὁ Ἀπόλλων μὲ τὸν Μιχρ-Μίθραν. Οἱ Ἀρμένιοι ἐγνώριζον καλὰ ὅτι ὁ Ζεὺς εἶναι ὁ δικὸς τους Ἀραμάζδ-Ἀχουραμάζδα. Ἐὰν ἔχη ἤδη διεισδύσει εἰς τὴν χώραν τὸ ἑλληνικὸν πάνθεον, αὐτὸ σημαίνει ὅτι ἔχει εἰσβάλλει τὸ ἑλληνικὸν δαιμόνιον γενικῶς.

Οἱ Ἀρμένιοι βασιλεῖς τῆς ἀρχαιοτέρας ἀρμενικῆς δυναστείας τῶν Ὀροντιδῶν γράφουν ἑλληνιστί, ἑλληνιστὶ γράφουν καὶ οἱ μεγάλοι βασιλεῖς τῆς δυναστείας τῶν Ἀρτασειδῶν. Ἐπὶ τῶν νομισμάτων τῶν βασιλέων αὐτῶν ὑπάρχουν ἑλληνικαὶ ἐπιγραφαί, ὁ δὲ μέγιστος ἀναξ τῆς δυναστείας αὐτῆς, ὁ Τιγράνης ὁ Β', θέλων νὰ ὑπογραμμίσῃ τὴν ἀγάπην του πρὸς πᾶν τὸ ἑλληνικὸν γράφει ἐπὶ τῶν νομισμάτων του: «Τιγράνου βασιλέως Φιλέλληνας». Ὁ ἴδιος ὁ Τιγράνης, κατὰ τὸν Πλούταρχον, εἰς τὴν πρωτεύουσάν του, τὰ Τιγρانونκερτα, ἔκτισε θέατρον, ὅπου προσεκάλει καὶ Ἑλληνας ἠθοποιούς. Ὁ υἱὸς τοῦ Τιγράνου, βασιλεὺς Ἀρταύασδος, σύμφωνα μὲ τὸν ἴδιον συγγραφέα, ἔγραφε ἑλληνιστὶ τραγωδίας, αἱ ὅποια μετὰ τῶν τραγωδιῶν τοῦ Εὐριπίδου καὶ ἄλλων τραγωδῶν τῆς ἀρχαίας Ἑλλάδος ἀνεπιβίβαστον ἐπὶ τῆς σκηνῆς τοῦ ἀρμενικοῦ ἑλληνιστικοῦ θεάτρου τῶν Ἀρταξάτων τῆς Ἀρμενίας. Τὸ αὐτὸ παρατηρεῖται καὶ κατὰ τὴν ἐποχὴν τῆς δυναστείας τῶν Ἀρσακιδῶν. Ἡ ἐπιγραφή τοῦ ἱδρυτοῦ τῆς δυναστείας τῶν Ἀρμενίων Ἀρσακιδῶν Τιριδάτου τοῦ Α' περὶ ἀνεγέρσεως τῶν ἀνακτόρων καὶ τοῦ φρουρίου του εἰς τὴν τοποθεσίαν Γκαρνί, 27 χιλιόμετρα νοτιοανατολικῶς τοῦ Ἐρεβάν, εἶναι λαξευμένη ἑλληνιστὶ· τὸ μωσαϊκὸν δάπεδον τῶν θερμῶν τοῦ Γ' αἰῶνος εἰς τὸ Γκαρνί ἔχει παραστάσεις ἐκ τῆς ἑλληνικῆς μυθολογίας καὶ ἑλληνικὰς ἐπιγραφάς. Καὶ αὐτὸ δὲν εἶναι κάτι τὸ περιεργόν. Τὸν θαυμασμόν καὶ τὴν ἀγάπην τῶν Ἀρμενίων πρὸς κάθε τι ἑλληνικόν, ἐξ ἀπόψεως τῆς λατρείας τοῦ ὠραίου, θὰ ἐκφράσῃ τὸν Ε' αἰῶνα ὁ Μωυσῆς ὁ Χωρηνός, γράφων πρὸς τὸν μαικῆνα του Σμπάτ Βαγρατίδην: «Τί χρεῖαν ἔχεις τῶν χονδροειδῶν, ἀνοήτων καὶ ἀμούσων μυθευμάτων τῶν Περσῶν. Ὁμοιάζουν ἄραγε αὐτὰ μὲ τοὺς χαριτοβρύτους καὶ γοητευτικούς μύθους τῶν Ἑλλήνων, οἱ ὅποιοι παρουσιάζουν ἐν ἀλληγορίᾳ τὴν πραγματικότητα;».

Ἡ κατάστασις δὲν ἤλλαξεν οὐδόλως καὶ ὅτε τὸ ἀνατολικὸν ρωμαϊκὸν κράτος βαθμηδὸν μετετρέπετο εἰς Βυζαντινὴν αὐτοκρατορίαν. Ἡ ἀλλαγὴ

αυτή ήτο πολιτική, κοινωνική και οικονομική. Έξ απόψεως όμως πολιτιστικής αι αρχαίαι ελληνικαί παραδόσεις έμειναν ζωνταναί και κυρίαρχοι καθ' όλην την χιλιετή ύπαρξιν του κράτους αυτού.

Κατά τον Μεσαίωνα ούδέν κράτος παίζει τόσον σημαντικόν ρόλον εις την ιστορίαν και τας τύχας του άρμενικοῦ λαοῦ, όσον ή Βυζαντινή αυτοκρατορία, την όποιαν οι Άρμένιοι ώνόμαζον «Χώραν των Έλλήνων» («Χώρα των Ίώνων»), τους δε κατοίκους αυτής «Έλληνες» («Ίωνες»). Ταυτοχρόνως πρέπει να υπογραμμίσωμεν, ότι και εις το πολυεθνές Βυζάντιον από όλας τας έθνικάς μειονότητες τον σημαντικότερον ρόλον έπαιξαν οι Άρμένιοι.

Η σημασία του Βυζαντίου επί των Άρμενίων ήτο διττή, θετική και άρνητική. Άρνητική, εάν λάβωμε υπ' όψιν την σταθεράν επιδίωξιν της αυτοκρατορίας να κατακτήση την Άρμενίαν, να μετατρέψη την Άρμενίαν εις έπαρχίαν του Βυζαντίου. Θετική, εάν λάβωμε υπ' όψιν την ευεργετικήν επίδρασιν του βυζαντινοῦ πολιτισμοῦ επί των Άρμενίων.

Η Άρμενία έκειτο μεταξύ της Ρωμαϊκής αυτοκρατορίας και του κράτους των Πάρθων, το όποϊον διεδέχθη ή ισχυροτέρα Περσία των Σασανιδών. Άλλά ούτε ή Ρώμη, ούτε ή Περσία δέν ήδυνήθησαν κατ' ιδίαν να έδραιώσουν την κυριαρχίαν των επί της Άρμενίας, έως ότου επέτυχον το 387 να την διαμοιράσουν μεταξύ των. Ούτως έλαβεν άρχήν ή διασάλευσις της ένότητας της Άρμενίας, ή άρχή του κατακερματισμοῦ της χώρας. Η Άρμενία δέν θα κατωρθώση πλέον να ένωθῆ.

Κατά την πρώτην αυτήν διαίρεσιν της Άρμενίας το έν πέμπτον μόνον της χώρας περιήλθεν εις τους Ρωμαίους. Ο τελευταίος Άρμένιος βασιλεύς της δυναστείας των Άρσακιδών έγκατεστάθη εις την ρωμαϊκήν Μεγάλην Άρμενίαν και τυπικά έθεωρεΐτο Άρμένιος βασιλεύς επί του εδάφους της Ρωμαϊκής αυτοκρατορίας. Μετά τον θάνατον όμως αυτού, όπως γράφει ο Μωυσής ο Χωρηνός, «οί Ρωμαίοι δέν έθεσαν πλέον επί του ήμισους της Άρμενίας αυτών βασιλέαν Άρμένιον, αλλά έγκατέστησαν άρχοντας ους ώνόμαζον κόμητας».

Το Βυζάντιον, μεταξύ άλλων, εκληρονόμησεν και την κατακτητικήν πολιτικήν της Ρώμης έναντι της Άρμενίας. Αυτή έδιδε σημασίαν εις την άρμενικήν άριστοκρατίαν, έφ' όσον αι σχέσεις αυτού μετά της Περσίας των Σασανιδών ήσαν έντατικάι. Άλλά οτε μεταξύ των δύο μεγάλων και αιώνιων αυτών αντιπάλων το 532 συνήφθη σύμφωνον ειρήνης, το Βυζάντιον έκρινε δυνατόν να άρχιση μίαν πολιτικήν, ή όποία εις την 21ην Νεαράν του Ίουστινιανου του Α' έχει διατυπωθεΐ ούτως: «Περί Άρμενίων ώστε και αυτούς έν πᾶσι τῶϊς Ρωμαίων άκολουθεΐν νόμοις». Βαθμηδόν διασαλεύεται

ή ανεξαρτησία των άρμενικῶν πριγκηπάτων. Έκδίδονται αι Νεαράι του Ίουστινιανου του Α' περι διαίρέσεως και κατακερματισμοῦ της Βυζαντινης Άρμενίας, οι νόμοι, οι όποιοι διασαλεύουν το αϊώνιον άρμενικόν κληρονομικόν δίκαιον, το καθεστώς των ναχαράρ-σατραπῶν, την βάσιν της αυτοτελείας των άρμενικῶν πριγκηπάτων της Βυζαντινης Άρμενίας. Αι άρμενικαί ένοπλοι δυνάμεις, αι τόσον αναγκαΐαι δια την άμυναν της πατρίδος, είναι αναγκασμένοι να υπερασπίζωνται τα συμφέροντα της αυτοκρατορίας εις την Άφρικήν, Ίταλίαν, Θράκην, Λαζικήν και άλλαχοῦ. Μόνον επί Ίουστινιανου του Α' άνω των 17 Άρμενίων στρατηγῶν υπηρέτουν εις τον βυζαντινόν στρατόν, συμπεριλαμβανομένων και του λαμπροῦ Ναρσή, των Άρσακιδῶν Άρταβάνου και Άρσάκου, των Καμσορακάνων Άρατίου (Χραχάτ), Ίσαάκ και Ναρσή. Μεταξύ των Άρμενίων στρατηγῶν του Ίουστινιανου υπῆρχον και τοιοῦτοι, οι όποιοι δέν έγνώριζον ούτε λέξιν ελληνικήν, έπομένως ήγούντο δυνάμεων συγκροτημένων αποκλειστικῶς εξ Άρμενίων. Κατά τον Προκόπιον τον Καισαρέα, ο αιχμαλωτισθείς υπό των Γόθων Άρμένιος στρατηγός Γιλάκιος (Γκλάκ) «οῦτε ελληνίζειν ήπίστατο οῦτε Λατίνην ή Γοθικήν ή άλλην τινά ή Άρμενίαν μόνην άφείναι φωνήν. τούτω δὴ Γόθοι έντυχόντες τινές έπυθάνοντο όστις ποτέ ειή... ο δε αυτοίς άλλο οὔδεν άποκρίνασθαι ίσχυσε πλήν γε δὴ ότι Γιλάκιος στρατηγός ειή. το γάρ αξίωμα, ο δὴ πρὸς βασιλέως λαβὼν έτυχε πολλάκις άκούσας εκμαθεΐν ίσχυσε».

Δέν είναι περιττόν να σημειώσωμεν έδῶ, ότι εις την περίοδον αυτήν, κατά τον ίδιον τον Προκόπιον τον Καισαρέα, ή περιφρούρησις των βυζαντινῶν ανακτόρων ήτο επιτετραμμένη εις Άρμένιους: «έτεροι στρατιῶται οὔχ ήσους ή πεντακόσιοι και τρισχίλιοι τα εξ άρχῆς επί φυλακῆ του παλατίου κατέστησαν, οῦσπερ σχολαρίους καλοῦσιν... τούτους οι πρότερον μὲν άριστίνδην άπολέξαντες εξ Άρμενίων ες ταύτην δὴ την τιμήν ήγον».

Με την πρόφασιν της εξασφαλίσεως της Άρμενίας εκ των εισβολῶν του έξωτερικοῦ έχθροῦ, εις την χώραν ήρχισε μεγάλης εκτάσεως καστροκτισία· εις τα φρούρια έγκατεστάθησαν βυζαντιναί δυνάμεις και φρουραί, ο σκοπός των όποιων ήτο όχι μόνον ή άποσόβησις του κινδύνου των εισβολέων, αλλά και των έσωτερικῶν κινημάτων. Τα άντιβυζαντινά κινήματα έλαβον μεγάλας διαστάσεις, ιδιαιτέρως μετά την σύναψιν του βυζαντινο-περσικοῦ συμφώνου ειρήνης του 532.

Η κατάσταση ήλλαξεν οῦσιωδῶς κατά τα τέλη του ΣΤ' αϊώνος. Ο αυτοκράτωρ Μαυρίκιος δια των ένόπλων του δυνάμεων (μεταξύ των όποιων δέν ήσαν ολίγοι οι Άρμένιοι στρατιῶται και στρατηγοί, και πρώτος ο περίφημος Μουσεγ Μαμικονιάν) κατέπνιξε την στάσιν του Πέρσου Βαχράμ Τσουμπίν και παλινώρθωσε επί του θρόνου των μεγάλων βασιλέων τον Χοσ-

ρόην τὸν Β'. Ὡς ἀντιδωρεὰν διὰ τὴν βοήθειάν του αὐτὴν ὁ Μαυρίκιος λαμβάνει ἀπὸ τὸν Πέρσην βασιλέα ἓνα ἀρκετὰ μεγάλο μέρος τῆς Ἀρμενίας. Τὸ 591 ἡ Ἀρμενία διαιρεῖται μεταξὺ τῶν δύο μεγάλων δυνάμεων. Τὰ βυζαντινὰ μεθόρια φθάνουν καὶ πέραν τοῦ βιβλικοῦ ὄρους Ἀραράτ, ἐκτείνονται ἕως τῆς σημερινῆς πρωτευούσης τῆς Σοβιετικῆς Ἀρμενίας Ἐρεβάν.

Ἡ βυζαντινὴ κυβέρνησις ἀρχίζει περισσότερον ἐντατικῶς νὰ ἀναμιγνύεται καὶ εἰς τὰς ἐκκλησιαστικὰς ἀκόμη ὑποθέσεις τῶν Ἀρμενίων. Ἐπὶ τῆς παραμεθορίου κωμοπόλεως Ἀβάν (σήμερον ἐντὸς τοῦ Ἐρεβάν) ἰδρύεται ἀντίθρονον διφυσικὸν καθολικοσάτον, 15 περίπου χιλιόμετρα μακρὰν τῆς εὐρισκομένης ὑπὸ περσικὴν κυριαρχίαν πρωτευούσης τῆς Ἀρμενίας Δβὶν καὶ τοῦ ἀρμενικοῦ ἐν αὐτῇ μονοφυσικικοῦ καθολικοσάτου. Τὸ Βυζάντιον κατανοοῦσε καλὰ, ὅτι ὁ μονοφυσιτισμὸς τῶν Ἀρμενίων ἦτο σοβαρὸν ἐμπόδιον. Τὸ ζήτημα εἶναι ὅτι ὅτε τὸ 303 οἱ Ἀρμένιοι ἐκήρυξαν τὸν χριστιανισμὸν ὡς ἐπίσημον θρησκείαν τοῦ κράτους των, οὕτως ἀντετάχθησαν εἰς τὴν ζωροαστρικὴν Περσίαν τῶν Σασανιδῶν, εἰς τὴν κατακτητικὴν καὶ ἀφομοιωτικὴν πολιτικὴν τῆς, ἀλλὰ καὶ ἀποκηρύξαντες τὴν σύνοδον τῆς Χαλκηδόνας (451) καὶ τὸν διφυσιτισμὸν, ἀντετάχθησαν καὶ εἰς τὴν βυζαντινὴν ἀπειλήν. Κατὰ τὴν ἐποχὴν αὐτὴν τὸ κύριον πρόβλημα ἦτο ἡ ἀντίστασις εἰς τὴν ἀφομοιωτικὴν ἐπίδρασιν καὶ ἡ συντήρησις τῆς ἐθνικῆς ταυτότητος. Αἱ θρησκευτικαὶ καὶ αἱ δογματικαὶ ἔριδες ἦσαν παραπετάσματα τὰ ὁποῖα ἐκάλυπτον πολὺ ζωτικώτερα πολιτικὰ προβλήματα.

Κατὰ τὴν ἐποχὴν αὐτὴν τὸ Βυζάντιον, ἂν καὶ ἐπέδρασεν ἐπὶ τῶν Ἀρμενίων ἀρνητικῶς, ἐξ ἀπόψεως πολιτιστικῆς ἐπαιξεν ρόλον πολὺ θετικὸν καὶ εὐεργετικόν. Ὁ βυζαντινὸς (ἐλληνικὸς) πολιτισμὸς ἐπαιξεν μέγαν ρόλον ἰδίως εἰς τὸ ζήτημα τῆς δημιουργίας τοῦ ἀρμενικοῦ ἀλφαβήτου. Ὁ μέγιστος παράγων τοῦ ἀρμενικοῦ πολιτισμοῦ, ὁ ἐφευρέτης τῆς ἀρμενικῆς γραφῆς Μεσρῶπ Μαστότς, τὸν ὁποῖον ἡ ἀρμενικὴ ἐκκλησία ἀξίως κατέταξεν εἰς τὸν χορὸν τῶν ἁγίων τῆς, κατὰ τὴν ἐποχὴν τῶν μόχθων ἐπὶ τοῦ μεγίστου δημιουργήματός του, τῆς ἐφευρέσεως τοῦ ἀρμενικοῦ ἀλφαβήτου θὰ περιοδεύσῃ τὰ ἐλληνικὰ πολιτιστικὰ κέντρα καὶ θὰ συνάψῃ στενὰς σχέσεις μὲ τοὺς παράγοντας τοῦ ἐλληνικοῦ πολιτισμοῦ. Τὰ ἀποτελέσματα τῶν περιοδιῶν του αὐτῶν, καθὼς καὶ ἡ καλλιέργεια τῶν δεσμῶν του εἶναι ὀφθαλμοφανεῖς, ἐὰν βυθίσωμεν τὸ βλέμμα εἰς τοὺς κοινούς τῶν δύο γλωσσῶν φθόγγους, ἀλλὰ καὶ εἰς τὴν κατάταξιν τῶν γραμμάτων τῶν δύο ἀλφαβήτων.

Ὁ ἐλληνικὸς πολιτισμὸς ἦτο εὐεργετικὸς καὶ εἰς τὴν γένεσιν τῆς ἀρμενικῆς ἰθαγενοῦς καθὼς καὶ τῆς μεταφραστικῆς γραμματείας.

Ἐπὶ δεκαπέντε αἰῶνας οἱ πάμπολλοι ἐχθροὶ τοῦ ἀρμενικοῦ λαοῦ πολλάκις ἐθρυμάτισαν τὰ ὕλικά μας ὅπλα, ἀλλὰ τὸ σκουτάριον τὸ ὁποῖον ἔθεσεν εἰς τὰς χεῖρας μας ὁ μεγαλοφυής Μεσρῶπ Μαστότς διὰ τὴν ἄμυναν καὶ

διαφύλαξιν τῆς ἐθνικῆς μας ταυτότητος, ἀπεδείχθη ἀπροσμάχητον. Κατὰ τοὺς χρόνους τῆς δουλείας πολλοὶ Ἀρμένιοι ἐλησμόνησαν τὴν γλῶσσαν τῶν προγόνων, ἔγραφον τουρκικά, ἐδιάβαζον τὴν Ἀγίαν Γραφὴν μεταφρασμένην εἰς τὰ τουρκικά, ἀλλὰ τὰ τουρκικά αὐτὰ ἦσαν γραμμένα μὲ ἀρμενικοὺς χαρακτῆρες τοῦ ἁγίου Μεσρῶπ Μαστότς. Τὸ ὄπλον αὐτὸ εὐρίσκειτο καὶ εἰς τὰς χεῖρας τῆς ἐκτοπισθείσης κατὰ τὸ φοβερὸν 1915 εἰς τὰς ἐρήμους τοῦ Ντέιρ ἐξ Ζὸρ καταδικασμένης Ἀρμενίδος μητέρας, ἡ ὁποία ἐπὶ τῆς ἄμμου, ὡς ἐπὶ πίνακος, ἔγραφε καὶ ἐδίδασκε εἰς τοὺς ἐπίσης καταδικασμένους παῖδας τὸ ἀλφάβητον τοῦ Μεσρῶπ Μαστότς.

Μετὰ τὴν ἐφεύρεσιν τοῦ ἀρμενικοῦ ἀλφαβήτου πολυάριθμοι Ἀρμένιοι νέοι, καὶ πρῶτοι οἱ μαθηταὶ τοῦ Μεσρῶπ Μαστότς, ἀναχωροῦν διὰ σπουδὰς εἰς Ἀθήνας, Κωνσταντινούπολιν, Ἀντιόχειαν, Ἀλεξάνδρειαν, Τραπεζοῦντα καὶ εἰς ἄλλα κέντρα τοῦ ἐλληνικοῦ πολιτισμοῦ, καὶ μὲ πλουσίας γνώσεις ἐπιστρέφουν εἰς τὴν πατρίδα των καὶ συντελοῦν μέγαν εἰς τὴν ἀνάπτυξιν καὶ καλλιέργειαν τοῦ ἀρμενικοῦ πολιτισμοῦ. Ἱστοριογραφία, λογοτεχνία, φιλοσοφία, γραμματικὴ, μουσικὴ, γεωγραφία, ἀρχιτεκτονικὴ, ἀστρονομία, τέχνη καὶ ἄλλοι πολυάριθμοι κλάδοι τῆς ἐπιστήμης ἔλαβον μέγαν ἀνάπτυξιν ἀκριβῶς κατὰ τὴν ἐποχὴν αὐτὴν, ἡ ὁποία θεωρεῖται χρυσοῦς αἰὼν τοῦ ἀρμενικοῦ πολιτισμοῦ.

Ἐνας ἀπὸ τῶν νέων αὐτούς, ὁ Μωουσῆς ὁ Χωρηνός, ἀπευθυνόμενος πρὸς τὸν μαικῆνα του θὰ γράψῃ εἰς τὸν πρόλογον τῆς «Ἱστορίας» του, τὸν φέροντα τὴν ἐπικεφαλίδα «Διὰ τί τὴν ἱστορίαν τῆς πατρίδος ἡμῶν προτιμῶ νὰ συγγράψω ἐπὶ τῇ βάσει ἐλληνικῶν καὶ ὄχι περσικῶν καὶ συριακῶν πηγῶν»: «Διότι τὴν Ἑλλάδα θεωρῶ μητέρα καὶ τροφὸν τῆς σοφίας».

Αἱ πρῶται ἀρμενικαὶ μεταφράσεις τῆς Ἀγίας Γραφῆς ἐπραγματοποιήθησαν ἐπὶ τῇ βάσει τοῦ ἐλληνικοῦ καὶ συριακοῦ κειμένου. Ἀπὸ τὴν ἐποχὴν αὐτὴν ἡ θεία λειτουργία εἰς τὰς ἐκκλησίας τῆς Ἀρμενίας, ἡ ὁποία μέχρι τότε διεξήγετο εἰς ἄγνωστον διὰ τοὺς κατηχουμένους ἐλληνικὴν καὶ συριακὴν γλῶσσαν, τελεῖται εἰς τὴν ἀρμενικὴν, πρᾶγμα τὸ ὁποῖον συντελεῖ εἰς τὴν περαιτέρω διάδοσιν τοῦ χριστιανισμοῦ εἰς τὴν χώραν. Τὴν ἐποχὴν αὐτὴν ὁ Ἀρμένιος ἀναγνώστης ἤδη λαμβάνει γνῶσιν τῶν ἔργων τοῦ Εὐσεβίου Καισαρείας («Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία» καὶ «Χρονικόν»), τοῦ μυθιστορημάτος τοῦ Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνας, τῶν ἔργων τοῦ Φίλωνος τοῦ Ἰουδαίου, τῆς πατερικῆς γραμματείας (Βασίλειος ὁ Καισαρεύς, Γρηγόριος Ναζιανζηνός, Γρηγόριος Νύσσης, Κύριλλος Ἀλεξανδρείας, Κύριλλος Ἱεροσολύμων, Ἀθανάσιος Ἀλεξανδρείας, Ἰωάννης Χρυσόστομος) μέσω τῶν ἀρμενικῶν μεταφράσεων. Μερικὰ ἀπὸ τὰ ἔργα αὐτῶν διεσώθησαν μόνον εἰς ἀρμενικὴν μετάφρασιν. Ὁ ἀρμενικὸς λαὸς ἐξετίμησε κατ' ἀξίαν τοὺς μόχθους τῶν πρῶτων ἀρμενίων μεταφραστῶν, τοὺς κατέταξεν εἰς τὸν χορὸν τῶν ἀ-

γίων τῆς ἐκκλησίας του καὶ ἐπὶ 1500 τῶρα ἔτη ἑορτάζει κατ' ἔτος τὴν «ἡμέραν τῶν Ἀγίων Μεταφραστῶν».

Ἀρχίζει τὴν δρᾶσιν τῆς ἡ γνωστῆ εἰς τὴν ἐπιστήμην ὡς σχολῆ τῶν Ἑλληνοφίλων, οἱ ὅποιοι τῆς ὁποίας κατὰ τὸν Ε'-ΣΤ' αἰῶνα μεταφράζουν ἐκ τῆς ἑλληνικῆς πάμπολλα φιλοσοφικά, ρητορικά καὶ ἄλλα ἔργα (τοῦ Πλάτωνος, Ἀριστοτέλους, Πορφυρίου, Διονυσίου τοῦ Ἐφεσίου, Θεωνος Ἀλεξανδρινοῦ, Τιμοθέου τοῦ Αἰλουρίου, Ἰαμβλίχου, Νόννου, Ζήνωνος, Ἀφθονίου, Φίλωνος τοῦ Ἰουδαίου καὶ ἄλλων). Τὰ διαπρεπῆ μέλη τῆς σχολῆς τῶν Ἑλληνοφίλων (Δαβὶδ ὁ Ἀρμένιος ἢ Δαβὶδ ὁ Ἀνίκητος, Δαβὶδ ἐκ Χάρκ, Ἰωάννης ἐκ Μαϊρακὼμ καὶ ἄλλοι) δημιουργοῦν τὰ ἀξιόλογα φιλοσοφικά τῶν ἔργα, τὰ ὅποια εἶχον καὶ μεγάλην σημασίαν διὰ τὸν ἐμπλουτισμὸν τοῦ λεξιλογίου τῆς ἀρμενικῆς γλώσσης καὶ τῆς ἐπιστημονικῆς ὁρολογίας τῆς. Εἰς τοὺς Ἑλληνας βυζαντινολόγους εἶναι ἄγνωστος ἡ προσωπικότης τοῦ Ἀνανία τοῦ Σιρακηνοῦ, μεγάλου Ἀρμενίου φιλοσόφου, μαθηματικοῦ, ἐπιστήμονος τοῦ Ζ' αἰῶνος, τὰ βασιζόμενα ἐπὶ ἑλληνικῶν πηγῶν πάμπολλα καὶ ποικίλα αὐτοῦ ἔργα, ὡς καὶ ἡ αὐτοβιογραφία του, ἡ ὁποία εἶναι μία ἄγνωστος εἰσέτι σελὶς τῆς ἱστορίας τοῦ βυζαντινοῦ πολιτισμοῦ.

Εἶναι ἐπίκαιρον νὰ σημειώσωμεν ἐδῶ, ὅτι αἱ σχέσεις τῶν Ἀρμενίων μετὰ τῆς Ἑλλάδος καὶ τῶν Ἑλλήνων κατὰ τὴν ἐποχὴν αὐτὴν δὲν εἶχον μόνον πολιτιστικὸν καὶ μορφωτικὸν χαρακτῆρα, ἀλλὰ ἀκόμη καὶ ἀθλητικόν. Ὁ τελευταῖος ὀλυμπιονίκης εἰς τὴν πάλην τῆς τελευταίας 293ης Ὀλυμπιάδος ἦτο ὁ Ἀρμένιος Ἀρσακίδης βασιλεὺς Βαραζδάτ. Ὁ Βαραζδάτ ἦτο ὁ τελευταῖος Ἀρμένιος ὁ ὁποῖος ἔλαβε μέρος εἰς τοὺς Ὀλυμπιακοὺς ἀγῶνας τῆς ἀρχαιότητος, ἀσφαλῶς ὁμοῦς ὅχι καὶ ὁ πρῶτος.

Ἡ ἀρμενικὴ λογοτεχνία τῶν Ε'-Ζ' αἰῶνων, καὶ πρὸ παντὸς ἡ ἱστοριογραφία εἶναι πολύτιμος ὅχι μόνον διὰ τὴν μελέτην τῶν ἀρμενο-βυζαντινῶν σχέσεων (στρατιωτικο-πολιτικῶν, οἰκονομικῶν, θρησκευτικῶν, πολιτιστικῶν), ἀλλὰ διαθέτει καὶ πλουσίαν ὕλην περὶ τοῦ Βυζαντίου καὶ τῶν σχέσεων αὐτοῦ μετὰ τῶν γειτόνων (τῆς Περσίας, τῶν Χαζάρων, ἀργότερον τοῦ Ἀραβικοῦ χαλιφάτου). Οἱ Ἀγαθάγγελος, Κοριούν, Φαῦστος, Ἐλισσαῖος, Λάζαρος ἐκ Παρπί, Μωυσῆς ὁ Χωρηνός, Σεβαῖος εἰς τὸν κλάδον τῆς ἱστοριογραφίας, Ἐζνὶκ ἐκ Κόλμπ εἰς τὴν φιλοσοφίαν, Ἀνανίας ὁ Σιρακηνός εἰς τὰς θετικὰς ἐπιστήμας καὶ τὴν φιλοσοφίαν, εἶναι, δυστυχῶς, σχεδὸν ἄγνωστοι εἰς τοὺς Ἑλληνας ἐπιστήμονας.

Τὸν Ζ' αἰῶνα ἡ πολιτικὴ κατάστασις τῆς Ἑγγύς Ἀνατολῆς ὑφίσταται ριζικὰς ἀλλοιώσεις. Κατέρχεται εἰς τὴν σκηνὴν τῆς ἱστορίας τὸ ἀραβικὸν χαλιφάτον, ὁ νέος ἰσχυρὸς ἀντίπαλος τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας, ὁ ὁποῖος ἄνω τῶν διακοσίων ἐτῶν κυριαρχεῖ ἐπὶ τοῦ μεγαλυτέρου μέρους τῆς

Ἀρμενίας. Κατὰ τὴν ἐποχὴν αὐτὴν, εἶναι αὐτονόητον, δὲν δύναται νὰ γίνῃ λόγος περὶ ἀρμενο-βυζαντινῶν ὁμαλῶν σχέσεων, ἀν καί, ὁμολογῶ, αἱ σχέσεις δὲν ἐκλείπουν τελείως. Τὸ καταπληκτικὸν εἶναι ὅτι τὸ Βυζάντιον καὶ εἰς μίαν ἀπὸ τὰς κρισιμότερας ἐποχὰς τῆς ἱστορίας του, ὅτε τὰ ἀραβικὰ στρατεύματα τῶν Μασλαμᾶ καὶ Σουλεϊμᾶν ἔκρουον τὰς θύρας τῆς Κωνσταντινουπόλεως, δὲν ἐλησμόνει τὴν αἰώνιον ἐξωτερικὴν αὐτοῦ πολιτικὴν. Διεσώθη ἡ ἀρμενικὴ μετάφρασις τῶν ἐπιστολῶν τοῦ πατριάρχου Γερμανοῦ (715-730) πρὸς τοὺς ἐκκλησιαστικοὺς παράγοντας μιᾶς τόσον ἀπωτέρας περιφέρειας τῆς Ἀρμενίας, ὡς ἡ Συνή. Εἶναι πασίγνωστον ὅτι τὴν διπλωματικὴν τοῦ Βυζαντίου εἰς τὴν Ἀρμενίαν ἤρχιζε πάντοτε ὁ πατριάρχης.

Αἱ σχέσεις τοῦ Βυζαντίου μετὰ τῆς Ἀρμενίας συνεχίσθησαν καὶ κατὰ τὰ μέσα τοῦ ἰδίου αἰῶνος. Ὄταν τὸ 748-750 τὸ χαλιφάτον ἐσπάραζεν ὁ ἐμφύλιος πόλεμος μετὰ τῶν Ἀββασιδῶν καὶ Ὀμμαυδῶν, οἱ Ἀρμένιοι ἐγείρονται εἰς ἀποστασίαν κατὰ τοῦ χαλιφάτου. Ὁ Ἀρμένιος ἱστορικὸς Λεόντιος, αὐτόπτης τῶν γεγονότων, γράφει, ὅτι μετὰ τῶν Ἀρμενίων ἐπαναστατῶν καὶ τοῦ αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου τοῦ Ε' ὑπῆρχεν συμφωνία, ἐπομένως ἡ ἐπανάστασις αὐτὴ δὲν ἦτο ἄσχετος μὲ τὴν τότε πολιτικὴν τοῦ Βυζαντίου.

Ἐπὶ ἀραβοκρατίας ἡ ἀφόρητος κατάστασις εἰς τὴν χώραν ἔδωκεν ἀφορμὴν νὰ λάβῃ μεγαλυτέρας διαστάσεις ἡ μετανάστευσις τῶν Ἀρμενίων εἰς τὸ Βυζάντιον, φαινόμενον, τὸ ὁποῖον εἶχε ἀρχίσει ἀκόμη μετὰ τὴν κατάρρευσιν τοῦ κράτους τῶν Ἀρσακιδῶν. Ἀλλὰ ἐὰν κατὰ τοὺς Ε' καὶ ΣΤ' αἰῶνας εἰς τὸ Βυζάντιον ἀναζητοῦν ἄσυλον κυρίως ἡ ἀριστοκρατία καὶ οἱ στρατιωτικοὶ παράγοντες, τὴν ἐποχὴν τῆς ἀραβοκρατίας μεταναστεῦν καὶ τὰ κατώτερα στρώματα τοῦ ἀρμενικοῦ λαοῦ. Μετὰ τὴν ἄλωσιν τῆς Θεοδοσιουπόλεως τὸ 752 ὑπὸ τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Ε', ὅπως γράφει ὁ Ἀρμένιος ἱστορικὸς Λεόντιος, οἱ Ἀρμένιοι κάτοικοι τῆς περιοχῆς αὐτῆς ἐκλιπαροῦν τὸν αὐτοκράτορα νὰ ἀπολυτρώσῃ αὐτοὺς ἐκ τοῦ ἀφορήτου ζυγοῦ τῶν Ἰσμαηλιτῶν καὶ νὰ μετοικήσῃ αὐτοὺς εἰς τὸ Βυζάντιον. Διὰ διαταγῆς τοῦ Κωνσταντίνου οἱ Ἀρμένιοι, κατὰ τὴν μαρτυρίαν τοῦ ἰδίου ἱστορικοῦ, «καταφεύγουν εἰς τὴν δύναμιν τοῦ σταυροῦ τοῦ Χριστοῦ καὶ εἰς τὴν δόξαν τοῦ βασιλέως, ἐγκαταλείπουν τὴν γενέτειράν των καὶ προσέρχονται εἰς τὸ μέρος τοῦ εὐσεβοῦς βασιλέως».

Κατὰ τὴν ἐποχὴν τῆς ἀραβοκρατίας καὶ αἱ πολιτιστικαὶ σχέσεις δὲν φθίνουν τελείως. Εἶναι γνωστὸν ὅτι εἰς τὰς πρώτας δεκαετίας τοῦ Η' αἰῶνος εἰς τὴν Κωνσταντινουπόλιν ἀναπτύσσουν ζωηρὰν δραστηριότητα διάφοροι Ἀρμένιοι παράγοντες: «ὁ ὑπατος καὶ κενάριος τῆς βασιλικῆς τραπέζης Δαβὶδ», ὁ μαθητὴς τοῦ Μωυσῆ, ἐπισκόπου Συνής «ιερεὺς καὶ ποιητὴς Στέφανος», οἱ ὁποῖοι «ἐξ ἐκλεκτοῦ ἑλληνικοῦ πρωτοτύπου» μεταφράζουν

ἔργα τοῦ Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας, Διονυσίου τοῦ Ἀρεοπαγίτου, Γρηγορίου Νύσσης καὶ ἄλλων.

Τὴν ἐποχὴν αὐτὴν αἱ ἀντιφουδαρχικαὶ διαθέσεις τῶν κατωτέρων στρωμάτων τῆς ἀρμενικῆς κοινωνίας ἐκδηλώθησαν εἰς τὸ κίνημα τῶν Παυλικιανῶν, τὸ ὁποῖον λαβῶν ἀρχὴν εἰς τὴν βυζαντινὴν Ἀρμενίαν, ἐπεξετάθη εἰς διαφόρους περιοχὰς τοῦ Βυζαντίου, συμπεριλαμβάνον νέας μάζας. Μεγάλαι μᾶζαι Ἀρμενίων αἰρετικῶν ἐκτοπίζονται ὑπὸ τῶν βυζαντινῶν αὐτοκρατόρων κυρίως εἰς Θράκην, ὅπου ὄχι μόνον διαδίδουν τὴν ἰδεολογίαν των, ἀλλὰ καὶ παίζουν σημαντικὸν ρόλον εἰς τὴν ἄμυναν τῶν βυζαντινῶν μεθωρίων. Μεταγενεσιτέρως ἡ Ἄννα ἢ Κομνηνὴ θὰ γράψῃ διὰ τοὺς μετοικισθέντας ὑπὸ τοῦ Τσιμισκῆ εἰς Φιλιππούπολιν Ἀρμενίους αἰρετικούς: «ὁ δὲ Τζιμισκῆς Ἰωάννης τοὺς ἐκ τῆς Μανιχαϊκῆς αἰρέσεως ἀντιμάχους ἡμῖν ποιησάμενος συμμάχους κατὰ γε τὰ ὄπλα ἀξιωμαχούς δυνάμεις τοῖς νομάσι... Σκύθαις ἀντέστησε· καὶ τὸ ἐντεῦθεν ἀπὸ τῶν πλειόνων καταδρομῶν ἀνέπνευσε τὰ τῶν πόλεων».

Οἱ Ἀρμένιοι ὅμως δὲν ἦσαν μόνον ἔμπειροι μαχηταί, ἀλλὰ καὶ δραστήριοι ἔμποροι καὶ χειροτέχναι, οἱ ὁποῖοι συνέτεινον εἰς τὴν ἀνάπτυξιν τοῦ ἐμπορίου καὶ τῆς βιοτεχνίας ὄχι μόνον εἰς τὴν Θράκην, ἀλλὰ καὶ εἰς τὰς γειτονεούσας περιοχὰς. Ἄν καὶ αἱ μεσαιωνικαὶ πηγαὶ δὲν διέσωσαν δεδομένα περὶ τοῦ ζητήματος αὐτοῦ, τὸ γεγονὸς ὅτι μεταξὺ τῶν λαφύρων, τὰ ὁποῖα ἔλαβεν ὁ Κροῦμς εἰς τὴν Θράκην, μνημονεύονται τὰ «Ἀρμενικὰ στραγλωμαλωτάρια καὶ νακοτάπητα ἀνώτερα», ὁ πολὺς ἱματισμὸς καὶ τὰ χαλκώματα, σημαίνει ὅτι μεταξὺ τῶν Ἀρμενίων τῆς Θράκης ὑπῆρχον ἔμπειροι ταπητουργοὶ καὶ χαλκουργοί. Εἰς τὴν Θράκην ὑπῆρχον καὶ ἐπιδέξιοι Ἀρμένιοι ἀρχιτέκτονες. Αἱ τελευταῖαι μελέται τοῦ σοβιετικοῦ ἱστορικοῦ τῆς ἀρχιτεκτονικῆς Ἀλεξάνδρου Γιακομπσὸν ἐπιβεβαιώνουν ὅτι εἰς τὴν ἀνέγερσιν τῶν ἀνακτόρων τῶν βουλγάρων χάνων Κρούμου καὶ Ὀμουρτάγ εἰς τὴν Πλίσκαν καὶ Πρεσθλάβαν ἰργάσθησαν Ἀρμένιοι ἀρχιτέκτονες. Τὴν γνώμην αὐτὴν ὑποστηρίζει ἡ καταπληκτικὴ ὁμοιότης τῆς ἀρχιτεκτονικῆς τῶν μνημείων αὐτῶν μετὰ τῆς ἀρχιτεκτονικῆς τῶν ἀρμενικῶν ἀνακτόρων τοῦ Ζ' αἰῶνος εἰς Ζβαρτνότς, Δβὶν καὶ Ἀρούτς.

Ἡ βυζαντινὴ κυβέρνησις μετοικίζει τοὺς Ἀρμενίους ὄχι μόνον εἰς τὴν Θράκην. Εἶναι γνωστὸν ὅτι πολυάνθρωποι ἀρμενικαὶ παροικίαι ὑπῆρχον εἰς τὴν Κύπρον, εἰς τὴν περιοχὴν τῆς ἀρχαίας Περγάμου, εἰς τὸ θέμα τοῦ Ὀψικίου. Μετὰ τὴν ἀνάκτησιν τῆς Κρήτης ἀπὸ τὰς χεῖρας τῶν Ἀράβων, ὁ Ἀρμένιος Νικηφόρος ὁ Φωκάς διὰ νὰ αὐξήσῃ τὸν ἀραιοθθέντα χριστιανικὸν πληθυσμὸν τῆς μεγαλονήσου, μετοικίζει ἐκεῖ χιλιάδες Ἀρμενίων. Καὶ μέχρι σήμερα δὲν εἶναι ὀλίγαι αἱ κῶμαι τῆς Κρήτης, ἡ ὀνομασία τῶν ὁποίων μαρτυρεῖ τὸ γεγονὸς αὐτό. Ἀρμένιοι εἰς τὸν νομὸν Χανίων, Λασηθίου καὶ Ρεθύ-

μνης, Ἀρμενόκαμπος καὶ Ἐπάνω Ἀρμένιοι πλησίον τοῦ τελευταίου, Ἀρμενοχώριον εἰς τὸν νομὸν τῶν Χανίων καὶ ἄλλαι. Τὴν μνησίαν τοῦ γεγονότος αὐτοῦ ἔκαμεν ὁ μέγας Κρῆς Ἐλευθέριος Βενιζέλος προσκεκλημένος εἰς μίαν συνέλευσιν τῆς ἀρμενικῆς παροικίας τῶν Ἀθηνῶν καὶ ἀστερευόμενός πως εἶπε: «ποῖός ξέρει, μπορεῖ ὁ παπὸς τοῦ παποῦ μου νὰ ἔχῃ κάτι τὸ ἀρμενικόν». Τὴν ἐπομένην αἱ ἀρμενικαὶ ἐφημερίδες τῶν Ἀθηνῶν ἔγραφον, ὅτι «Ὁ παπὸς τοῦ Βενιζέλου ἦταν... Ἀρμένιος».

Οἱ Ἀρμένιοι τῆς Βυζαντινῆς Ἀρμενίας καὶ οἱ ἐγκατασταθέντες εἰς διαφόρους περιοχὰς τῆς αὐτοκρατορίας καταλαμβάνουν ὄλοεν νέας θέσεις, ἰδίως εἰς τὸν στρατιωτικὸν τομέα. Κατὰ τοὺς Ζ' καὶ Η' αἰῶνας στρατηγὸὶ διοικηταὶ τῶν μικρασιατικῶν θεμάτων ἦσαν κυρίως Ἀρμένιοι. Τὸν Η' αἰῶνα στρατηγὸς τοῦ θέματος τοῦ Ὀψικίου ἦτο ὁ γαμβρὸς τοῦ Λέοντος τοῦ Γ' Ἀρταύσδος, ὁ ὁποῖος ὄχι μόνον ἀνηγορεύθη καὶ αὐτοκράτωρ, ἀλλὰ καὶ κατώρθωσε νὰ κόψῃ καὶ νομίσματα ἀκόμη. Ἐπὶ Λέοντος τοῦ Δ' στρατηγὸς τοῦ θέματος τῶν Βουκελλαρίων ἦτο ὁ Τατζάτης Ἀντζεβατοσί, τῶν Ἀνατολικῶν ὁ Ἀρταύσδος Μαμικονιάν. Ἐπὶ Κωνσταντίνου τοῦ ΣΤ' στρατηγὸς τοῦ θέματος τῶν Ἀρμενικῶν ἦτο ὁ Βαρδάνης, ὀλίγον ὕστερον ὁ Ἀλέξιος Μουσελές. Ἐνας ἄλλος Βαρδάνης ἐπὶ Νικηφόρου τοῦ Α' ἦτο στρατηγὸς τῶν Ἀνατολικῶν. Οἱ Ἀρμένιοι ἤδη καταλαμβάνουν τὸν βυζαντινὸν θρόνον. Ὁ πρῶτος ἀνεὺ ἀμφιβολίας Ἀρμένιος αὐτοκράτωρ τοῦ Βυζαντίου ἦτο ὁ Βαρδάνης Φιλιππικός. Μελετηταί, ὄχι μόνον Ἀρμένιοι, ἀλλὰ καὶ Ἕλληνες καὶ εὐρωπαϊοὶ (ὡς οἱ Grégoire, Bréhier, Χαρχίνης καὶ ἄλλοι) Ἀρμενίους θεωροῦν καὶ τὸν Μαυρίκιον, τὸν Ἡράκλειον, τοὺς Ἰσαύρους, ἂν καί, κατ' ἐμέ, δὲν εἶναι δυνατὸν νὰ ὑποστηρίξωμεν τὴν γνώμην αὐτὴν δι' ἀξιολόγων τεκμηρίων ἐκ τῶν πηγῶν. Ἡ κατάστασις δὲν ἤλλαξεν καὶ τὸν Θ' αἰῶνα. Ἀπὸ τὸ 813 ὁ Λέων ὁ Ε' ἐπὶ ὀκταετίαν κρατεῖ τὰ ἡνία τοῦ κράτους. Αἱ βυζαντιναὶ πηγαί, ἂν καὶ ψέγουν τὸν Λέοντα τὸν Ἀρμένιον διὰ τὴν πώρωσιν τοῦ θρησκευτικοῦ του αἰσθήματος, γράφουν ὅτι αὐτὸς «περὶ τὴν πίστιν ἐμαίνετο κραταιῶς», οὐχ ἦττον θεωροῦν καθῆκον νὰ ὑπογρχμίσουν τὰς πολιτικὰς αὐτοῦ χάριτας. Ὁ πατριάρχης Νικηφόρος ὁ ὁποῖος οὐκ ὀλίγον ἐδοκιμάσθη ἐπὶ τοῦ Λέοντος, θὰ πῆ μετὰ τὴν δολοφονίαν τοῦ τελευταίου: «εἰ καὶ ἀλάστορα, ἀλλ' οὖν ἐπιμελητὴν τῶν κοινῶν ἢ πόλις ἀνδρα ἀπώλεσεν». Ὁ δὲ Συνεχιστὴς τοῦ Θεοφάνους, ἄσπονδος ἐχθρὸς τοῦ Ἀρμενίου αὐτοκράτορος θὰ γράψῃ περὶ αὐτοῦ: «χρημάτων κρείττων αὐτὸς ὦν τοὺς ἀδωροτάτους πάντων προέκρινεν, ἀριστίνδην πάντας ἀλλ' οὐ κατὰ πλοῦτον τιμῶν».

Διὰ τοῦ Λέοντος δὲν λήγει ὁ πῖναξ τῶν μεγάλων Ἀρμενίων τοῦ Βυζαντίου, ἀντιθέτως, ἀρχίζει. Ὁ Θεόφιλος ἐνυμφεύθη τὴν Ἀρμενίδα Θεοδώραν, ἡ ὁποία μετὰ τὸν θάνατον τοῦ συζύγου της, δέκα περίπου ἔτη κυβερνᾷ ὡς ἐπίτροπος τοῦ ἀνηλίκου Μιχαὴλ τοῦ Γ', ἀναστηλώνει τὰς εἰκόνας καὶ περι-

λαμβάνεται εις τὸν χορὸν τῶν ἀγίων τῆς ὀρθοδόξου ἐκκλησίας. Κατὰ τὴν τελευταίαν περίοδον τῆς βασιλείας τοῦ Μιχαήλ τοῦ Γ', ὁ καθεαυτοῦ ἰθύνων τοῦ κράτους ἦτο ὁ καῖσαρ Βάρδας, ἀδελφὸς τῆς Θεοδώρας. Ὁ θεῖος τῆς Θεοδώρας Ἀρμένιος Μανουήλ ἦτο στρατηγὸς τοῦ θέματος τῶν Ἀρμενιῶν ἀκόμη ἐπὶ Λέοντος τοῦ Ε'. Δὲν ἐπαίξεν ἦττον ρόλον καὶ ὁ στρατηγὸς Πετρωνᾶς, ἕτερος ἀδελφὸς τῆς Θεοδώρας, ὁ ὁποῖος νικήσας τοὺς Ἀραβας τὸ 863, ἔθεσεν τὴν πρωτοβουλίαν τοῦ βυζαντινο-αραβικοῦ πολέμου εἰς τὰς χεῖρας τοῦ Βυζαντίου.

Βεβαίως ἡ μεγίστη ἀρμενικὴ προσωπικότης τοῦ Θ' αἰῶνος εἶναι ὁ ἰδρυτὴς τῆς Μακεδονικῆς δυναστείας Βασίλειος ὁ Α'. Κατὰ τὸν Κωνσταντῖνον τὸν Πορφυρογέννητον αὐτὸς «τὸ... γένος εἶλκεν ἐξ Ἀρμενίων».

Οἱ Ἀρμένιοι παίζουν σημαντικὸν ρόλον ὄχι μόνον εἰς τὸν πολιτικὸν καὶ στρατιωτικὸν τομέα, ἀλλὰ καὶ εἰς τὸν πνευματικόν. Ὁ καῖσαρ Βάρδας ἦτο ὁ ἐπανιδρύσας τὴν σχολὴν τῆς Μαγναύρας, ἥς πρύτανις ἦτο ὁ Ἀρμένιος Λέων ὁ Μαθηματικός. Τὸν πατριαρχικὸν θρόνον καταλαμβάνει ὁ Ἀρμένιος Ἰωάννης ὁ Γραμματικός, ὁ υἱὸς τοῦ ἀστρονόμου Παγκρατίου (Μπαγκράτ), ἀδελφὸς τοῦ πατρικίου Ἀρσαβήρ καὶ ἀνεψιὸς τοῦ Λέοντος τοῦ Μαθηματικοῦ. Ἀρμενικὸν αἷμα ἔρρεε καὶ εἰς τὰς φλέβας τοῦ πατριάρχου Φωτίου. Ἡ μήτηρ αὐτοῦ Εἰρήνη ἦτο ἀδελφὴ τοῦ Ἀρσαβήρ, τοῦ γαμβροῦ τοῦ καίσαρος Βάρδα καὶ τῆς Θεοδώρας.

Τονίζοντες τὸν ρόλον καὶ τὴν θέσιν τῶν Ἀρμενίων εἰς τὸν βίον τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας, ἑμεῖς εἰς αὐτὸ δὲν βλέπομεν τίποτε τὸ παράδοξον. Δὲν εἶναι δυνατὸν νὰ κάνωμεν λόγον περὶ τοῦ ρόλου ἑνὸς λαοῦ εἰς τὸν βίον κράτους («τέρου») κατὰ τὴν περίστασιν, ὅτε ὁ λαὸς αὐτὸς ἐπὶ αἰῶνας παρουσιάζεται ὡς συστατικὸν μέρος τοῦ κράτους, τὸ ὁποῖον δὲν θεωρεῖ ξένον. Ὁ μχιταριστὴς τῆς Βενετίας Καραμπέτ Τερ-Σαχακιάν, εἰς ἓκ τῶν πρώτων Ἀρμενίων βυζαντινολόγων καὶ ἓκ τῶν πρώτων θυμάτων τῆς ἀποφράδος ἡμέρας τῆς 24ης Ἀπριλίου τοῦ 1915, τὸ 1905 εἰς τὴν Βενετίαν δημοσιεύει δίτομον διατριβὴν ὑπὸ τὸν τίτλον «Οἱ Ἀρμένιοι αὐτοκράτορες τοῦ Βυζαντίου». Εἰς τὰς δεκαετίαι τοῦ 1920 καὶ 1930 ὁ διαπρεπὴς Ἀρμένιος μεσαιωνιστὴς καὶ βυζαντινολόγος Νικόλαος Ἀντόντς θὰ δημοσιεύσῃ σειράν μελετῶν περὶ Ἀρμενίων στρατιωτικῶν, ἐπιστημόνων καὶ ἀνθρώπων τῶν γραμμάτων εἰς τὸ Βυζάντιον. Τὸ 1941 ὁ Βέλγος Ἀνρὺ Γκρεγκουάρ θὰ γράψῃ ἐκτενὲς ἄρθρον ὑπὸ τὸν τίτλον «Μία ἀρμενικὴ δυναστεία ἐπὶ τοῦ βυζαντινοῦ θρόνου» (περὶ τῶν Ἡρακλειδῶν). Εἴκοσι ἔτη ἀργότερον ὁ ἐλληνοαμερικανὸς ἱστορικὸς Πέτρος Χαράνης εἰς τὸν 22ον τόμον τῶν «Βυζαντινοσλαβικῶν» τῆς Πράγας θὰ δημοσιεύσῃ τὸ πόνημά του ὑπὸ τὸν τίτλον «Οἱ Ἀρμένιοι εἰς τὴν Βυζαντινὴν αὐτοκρατορίαν», τὸ δὲ 1975 ὁ Ἀλέξανδρος Καζντάν τὸ βιβλίον του «Οἱ Ἀρμένιοι τῆς κυριαρχούσης τάξεως τῆς Βυζαντινῆς αὐτο-

κρατορίας κατὰ τὸν ΙΑ'-ΙΒ' αἰῶνας». Κατὰ πόσον εἶναι ὀρθὴ ἡ διχοτόμησις καὶ διανομὴ αὐτῆ; Ἐὰν τὸ φαινόμενον αὐτό, τουτέστιν ὁ ἐντυπωτικὸς ρόλος τῶν Ἀρμενίων, παρουσίαζε κάτι τὸ παράδοξον ἢ τερατώδες, ἔπρεπε ὅπωςδὴποτε νὰ εὕρη ἀντανάκλασιν εἰς τὴν συνείδησιν τοῦ ἑλληνικοῦ πληθυσμοῦ τῆς αὐτοκρατορίας, ἐπομένως καὶ εἰς τὰ ἔργα τῶν βυζαντινῶν συγγραφέων. Τρεῖς περίπου δεκαετηρίδας μελετῶ τὰ ἔργα τῶν βυζαντινῶν ἱστορικῶν, χρονογράφων, ποιητῶν καὶ ἄλλων, καὶ κατέληξα, τὸ ὁμολογῶ, εἰς τὸ εὐχάριστον συμπέρασμα, ὅτι καὶ οἱ βυζαντινοὶ (ἔχω ὑπ' ὄψιν τοὺς Ἕλληνας) δὲν ἔβλεπον τίποτε τὸ παράδοξον καὶ ἀφύσικον εἰς τὸ ὅτι ἐπὶ τοῦ θρόνου τοῦ κράτους των εὕρισκετο Ἀρμένιος αὐτοκράτωρ, εἰς τὸ ὅτι τῶν βυζαντινῶν στρατιῶν καὶ ἐπαρχιῶν ἠγοῦντο Ἀρμένιοι στρατηγοὶ καὶ διοικηταί. Αὐτὸ ἔθεώρουν κάτι τὸ φυσικὸν καὶ κανονικόν. Καὶ ἐπιπλέον αὐτοὶ οἱ Ἕλληνες ἀνεκῆρυττον αὐτούς. Πάντας τοὺς γείτονας λαοὺς τοῦ Βυζαντίου οἱ Ἕλληνες ὠνόμαζον «βαρβάρους» (μὲ τὴν ἔννοιαν τοῦ ξένου), ἀλλὰ τοὺς Ἀρμενίους ποτέ, διότι ἦσαν δι' αὐτούς οὔτε γείτονες καὶ οὔτε ξένοι, ἀλλὰ τμήμα καὶ μῦριον οἰκεῖον καὶ συγγενές. Οἱ Ἀρμένιοι διὰ τοὺς Ἕλληνας τοῦ Βυζαντίου δὲν ἦσαν Ὁθῶνες καὶ Βαυαροί, οἱ Ἕλληνες εἶχον μίαν μόνον μέριμναν, ὁ εἰς ἢ ὁ ἄλλος Ἀρμένιος αὐτοκράτωρ εἶναι ὀρθόδοξος (τουτέστιν διφυσίτης) ἢ ὄχι. Τὸν πατριάρχην τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἀνησυχεῖ μόνον ὁ μονοφυσιτισμὸς τῶν Ἀρμενίων καὶ δι' αὐτὸ ἐπὶ τῇ στέψει αὐτοκράτορος, κυρίως Ἀρμενίου, ἀπαιτεῖ τὴν ὁμολογίαν τῆς πίστεώς του. Τὸ ζήτημα τῆς «ὀρθοδοξίας» ἔθεωρεῖτο τότε σοβαρότερον καὶ σπουδαιότερον καὶ αὐτῆς τῆς σπονδυλικῆς στήλης τῆς αὐτοκρατορίας.

Τὸν ΙΑ' αἰῶνα, ὅτε ὁ πύρινος χεῖμαρρος τῶν Τούρκων κατακλύζει πᾶσαν τὴν βυζαντινὴν Ἀρμενίαν, οἱ βυζαντινοὶ ἐρευνοῦν νὰ εὕρουν τὰ αἷτια τῶν ἐπιτυχιῶν τῶν ἀλλοφύλων. Καὶ εἰς τί συμπέρασμα, νομίζετε, καταλήγουσιν; «Ἡ τοσαύτη τῶν ἐθνῶν ὀρμὴ καὶ ἐπαρσις καὶ τῶν ὑπὸ Ρωμαίους τελούντων κατακοπῆ ὀργὴ τοῦ Θεοῦ ἐδόκει, κατὰ τῶν αἰρετικῶν δὲ οἱ τὴν Ἰβηρίαν καὶ Μεσοποταμίαν ἄχρι Λυκανδοῦ καὶ Μελιτηνῆς καὶ τὴν πετρακιμένην οἰκοῦσιν Ἀρμενίαν», τουτέστιν τῶν μονοφυσιτῶν. Ἀλλὰ ὅταν κατὰ συνέχειαν ὁ χεῖμαρρος αὐτὸς κατακλύζει καὶ τὰς διφυσιτικὰς ἐπαρχίας τῆς αὐτοκρατορίας, οἱ βυζαντινοὶ πίπτουν εἰς ἀμηχανίαν: «Ἐπὶ δὲ καὶ τῶν ὀρθοδόξων ἠψατο τὸ δεινόν, ἐν ἀμηχάνοις ἦσαν πάντες οἱ τὰ Ρωμαίων θρησκεύοντες», τουτέστιν οἱ διφυσιταί. Ἀλλὰ οἱ ἰθύνοντες τοῦ Βυζαντίου καὶ τότε δὲν ἐλογικεύθησαν. Ὁ Ρωμανὸς ὁ Διογένης τὴν παραμονὴν τῆς μάχης τοῦ Μαναζκέρτ ἀπειλοῦσε ὅτι «κατὰ τὴν ἐπιστροφὴν του ἐκ τοῦ πολέμου κατὰ τῶν Τούρκων, θὰ ἐξοντώσῃ τὴν πίστιν τῶν Ἀρμενίων», οἱ ὁποῖοι, ὑπερασπίζοντες τὴν γῆν τῶν προγόνων των, ἦσαν οἱ μόνοι, δυστυχῶς, οἱ ὁποῖοι ὄντως ἀντιπαρατάχθησαν τῶν ὀρδῶν τοῦ Ἄλπ Ἀρσλάν.

Ἡ περιορισμένη αντίληψις αὕτη ἦτο, δυστυχῶς, ζωτικὴ εἰς τὸ Βυζάντιον καὶ μέχρι τῆς 29ης Μαΐου τοῦ 1453. Τὴν προηγουμένην αὐτῆς, εἰς ἓκ τῶν μεγάλων παραγόντων τοῦ κράτους θὰ πῆ τὸ «ἀριστούργημα» του: «Κρεϊττότερον ἔστι εἰδέναι ἐν μέσῃ τῇ πόλει φακιόλιον (τουτέστιν τσαλμαῖν) βασιλεῦον Τούρκων, ἢ καλύπτραν Λατινικήν».

Πολλάκις καὶ αἱ προσωπικαὶ ἀντιπάθειαι τῶν ἰθυόντων ἐτάσσοντο ὑπεράνω τῶν συμφερόντων τοῦ κράτους. Ὁ Μιχαὴλ ὁ Παραπινάκης, κατὰ τὴν Συνέχειαν τοῦ Σκυλίτση, «τῶν ὁμογενῶν ἀπώλειαν καὶ τὴν ὑφαίρεσιν τῆς ἀρχῆς καὶ τὸ σφάττεσθαι τοὺς Χριστιανούς καὶ δουλοῦσθαι τὰς κόμας καὶ τὰς χώρας ἀφανίζεσθαι ἐν δευτέρῳ ἐτίθετο», οὗτος «μᾶλλον ἐνόμιζε συμφέρον τοὺς Τούρκους ἔχειν τὰ Ρωμαίων ἢ τὸν Ρουσέλιον χωρεῖσθαι ἐν τόπῳ ἐνί». Τὸν Ρουσέλιον, ὁ ὁποῖος ἀπὸ τὰ κάστρα τοῦ θέματος τῶν Ἀρμενικῶν «ἐκδρομάς κατὰ Τούρκων ποιούμενος ἀπειρῆξεν αὐτοὺς τῶν κατὰ τοῦ τοιοῦτου θέματος ἐφόδων».

Οἱ βυζαντινοὶ δὲν ἔβλεπον τίποτε τὸ παράξενον καὶ ἀφύσικον εἰς τὴν ἀνοδὸν ἐπὶ τοῦ θρόνου τῶν Ἀρμενίων αὐτοκρατόρων καὶ διότι οἱ ἀνακτες αὐτοί, ἀνερχόμενοι ἐπὶ τοῦ θρόνου τοῦ Μεγάλου Κωνσταντίνου, νομίζεις διέγραφον ἐκ τῆς μνήμης τὴν πρέλευσίν των, ἔδρον ὡς πραγματικοὶ βυζαντινοὶ πολιτικοὶ καὶ στρατιωτικοὶ παράγοντες, ἢ φροντίς των ἦσαν μόνον καὶ μόνον τὰ συμφέροντα τοῦ κράτους· πολλοὶ ἐξ αὐτῶν ὄχι μόνον ἦσαν ἀνωφελεῖς καὶ ἀλυσιτελεῖς εἰς τοὺς ὁμοεθνεῖς των, ἀλλὰ πολλάκις ἐπιβλαβεῖς καὶ ἐπηρεασταί, ἐὰν τὰ συμφέροντα τῆς αὐτοκρατορίας ἤρχοντο εἰς ἀντίθεσιν πρὸς τὰ συμφέροντα τῶν Ἀρμενίων. Ὅτι οἱ Ἀρμένιοι τοῦ Βυζαντίου δὲν ἦσαν ἀλλότριοι ἀλλὰ οἰκεῖοι μαρτυρεῖ καὶ ἓνα βαρυσήμαντον γεγονός. Ἐγὼ δὲν ἀπάντησα βυζαντινὸν συγγραφέα, ὁ ὁποῖος νὰ κακολογῇ τοὺς Ἀρμένιους ὡς ἔθνος. Κακολογοῦντες τὸν μονοφυσισμὸν των πολλοί, ἐσπατάλουν ἀφειδῶς τὴν πολυτίμον περγαμηνὴν διὰ νὰ φέρουν εἰς φῶς πονήματα ἀφιερωμένα εἰς τὴν κατάκρισιν «τῆς βδελυρᾶς καὶ ἀθέου θρησκείας τῶν Ἀρμενίων». Ἀλλὰ οἱ Ἕλληνες διφυσιῖται μὲ τὸ ἴδιο πάθος ἐκακολογοῦν καὶ τοὺς Ἕλληνας μονοφυσίτας. Ἐπομένως τὸ ζήτημα εἶναι ὄχι ἡ ἐθνικότης, ἀλλὰ τὸ δόγμα, ὁ μονοφυσισμὸς, ὁ ὁποῖος, νὰ μὴ λησμονήσωμεν, καὶ αὐτὸς εἶναι καρπὸς τοῦ ἑλληνικοῦ δαιμονίου. Κατὰ τὸν Μεσαίωνα τὸ ἐθνικὸν αἶσθημα ἦτο ἀρκετὰ ἀμβλύ. Πρώτην θέσιν κατεῖχεν ἡ ὁμολογία τῆς πίστεως, ἢ ὁπίκία καὶ πολλάκις ἐθεωρεῖτο ἐνδειξίς ἐθνικότητος. Ὁ Ἀρμένιος αἰρετικὸς Θονδρακίτης Βρβέρ διὰ νὰ ἀποφύγῃ τοὺς διωγμοὺς τῆς ἀρμενικῆς ἐκκλησίας, κατὰ τὸν Ἀριστακῆς ἐκ Λαστιβέρτ, ἔγινε «Ρωμαῖος», τουτέστιν διφυσιτής. Ἀργότερον οἱ Ἀρμένιοι καθολικοὶ θὰ λέγουν, ὅτι εἶναι Φράγκοι καὶ ὄχι Ἀρμένιοι, ἂν καὶ δὲν θὰ ξέρουν οὔτε μίαν «φραγκικὴν» λέξιν.

Τὸν Ζ' αἰῶνα ὅταν αἱ διενέξεις καὶ αἱ ἔριδες τῶν διφυσιτῶν-μονοφυ-

σιτῶν εἶχον ἀποκορυφωθῆ, ὁ Ἀρμένιος καθολικὸς Κομητᾶς διὰ νὰ διευκολύνη τὸν ἀγῶνα τῶν Ἀρμενίων μονοφυσιτῶν κατὰ τῶν διφυσιτῶν, θὰ συντάξῃ τὴν περίφημον «Σφραγίδα τῆς πίστεως». Καὶ τί νομίζεται, ἔργα τίνων προσωπικοτήτων φέρει διὰ νὰ ἀποδείξῃ τὸ ὀρθὸν τῆς πίστεως τῶν Ἀρμενίων; Τοῦ Γρηγορίου τοῦ Θαυματουργοῦ, Κυρίλλου Ἱεροσολύμων, Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας, Γρηγορίου Νύσσης, Ἐπιφανείου τῆς Κύπρου, Γρηγορίου Ναζιανζηνοῦ, Ἀθανασίου τοῦ Μεγάλου, Βασιλείου Καισαρείας καὶ πολλῶν ἄλλων ἐπιλέκτων παραγόντων τῆς ἑλληνικῆς ἐκκλησίας. Δὲν θέλω νὰ πῶ ἔτι οἱ πατέρες αὐτοὶ ἦσαν μονοφυσίται, ἀλλὰ ὅτι τὰ συγγράμματά των, ἔπως φαίνεται, παρεῖχον ὕλην κατάλληλον εἰς τοὺς Ἀρμένιους ἐκκλησιαστικούς παράγοντας.

Εἰς ἐμὲ εἶναι γνωστὸς μόνον εἰς βυζαντινὸς συγγραφεὺς ὁ ὁποῖος μέμφεται τοὺς Ἀρμένιους ὡς ἐθνικότητα:

«Τῶν Ἀρμενίων τὸ δεινότατον γένος
ὑπουλόν ἐστι καὶ φαυλῶδες εἰς ἄγαν,
μανιῶδές τε καὶ τρεπτὸν καὶ βασκαῖνον
πεφυσωμένον πάμπλειστα καὶ δόλου πλήρες».

Ἡ πηγὴ τοῦ ποιήματος αὐτοῦ εἶναι ὁ ἀρχαῖος Δημόδοκος, ἀλλὰ αὐτὸς μέμφεται ὄχι τοὺς Ἀρμένιους, ἀλλὰ τοὺς Καππαδόκας, τοὺς ὁποῖους ὁ βυζαντινὸς συγγραφεὺς τοὺς μετατρέπει εἰς Ἀρμένιους. Τὰ ἐλατήρια τῆς μεταμορφώσεως αὐτῆς δὲν εἶναι τίποτε ἄλλο παρὰ ἡ γυναικεία ζήλια καὶ φθόνος. Διότι ἡ περίφημη Εἰκασία, Κασία ἢ Κασιανὴ εἶναι ἡ ἀποκυήσασα τὸ πόνημα αὐτό.

Ὅλοι ἀπὸ τὰ σχολικὰ θρανία γνωρίζομεν τὰς λεπτομερείας τῶν γάμων τοῦ αὐτοκράτορος Θεοφίλου, ἡ μήτηρ τοῦ ὁποῦ Εὐφροσύνη («ἄγει κόρας διαφόρους ἀσυγκρίτους τῷ κάλλει, μεθ' ὧν μία τις ἐξ αὐτῶν κόρη ὠραιότατη ὑπῆρχεν Εἰκασία λεγομένη καὶ ἕτερα Θεοδώρα ὀνομαζομένη»). Ὁ Θεόφιλος ἤθελε νὰ δώσῃ τὸ χρυσοῦν μῆλον τῇ Εἰκασίᾳ καὶ ἀστεριολογῶν εἶπεν αὐτῇ: «ὡς ἄρα διὰ γυναικὸς ἐρρῦν τὰ φαῦλα», ἔχων ὑπ' ὄψιν τὴν προμήτορα Εὐαν. Ἡ Εἰκασία ἀντέφη: «ἀλλὰ καὶ διὰ γυναικὸς πηγάζει τὰ κρείττονα», ἔχουσα ὑπ' ὄψιν τὴν Παναγίαν. Ὁ Θεόφιλος μὴ θέλων νὰ νυμφευθῇ Ἀμαζόνα, ἔδωκε τὸ μῆλον εἰς τὴν Ἀρμενίσσαν Θεοδώραν.

φαίνεται, εἶπε ἐνδόμυχα: «τώρα ἐσὺ πάρε με, καὶ ἐγὼ μετὰ σοῦ δείχνω πῶς διὰ γυναικὸς ἐρρῦν τὰ φαῦλα». Αἱ πηγαὶ δὲν γράφουν τίποτε, ἦτο ἄρα ἡ Θεοδώρα δύστροπος ἢ ὄχι, ἀλλὰ εἶναι γνωστὸν, ὅτι ὁ Θεόφιλος ἀπεδήμισε

Τί θέλατε νὰ γράψῃ ἡ ἀποσυρθεῖσα μετὰ τοῦτο τῆς τύρβης τοῦ κόσμου ρασοφόρος Κασιανὴ περὶ τοῦ λαοῦ τῆς πορφυρενδύτου ἀντιζήλου τῆς Ἀρμενίδος Θεοδώρας;

*
* *

Ἀπὸ τὸ δεύτερον ἡμισυ τοῦ Θ' αἰῶνος ἡ Ἀρμενία μετὰ διακοσιετῆ ἀναστολὴν πάλιν ἐτέθη εἰς τὴν ἡμερησίαν διάταξιν τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας. Ἦρχισε μία νέα φάσις εἰς τὰς βυζαντινο-αρμενικὰς σχέσεις. Τὸ ζήτημα εἶναι ὅτι ὁ ἀραβο-βυζαντινὸς ἀνταγωνισμὸς ἔδωσε τὴν δυνατότητα εἰς τὴν Ἀρμενίαν νὰ ἀποσπασθῇ ἀπὸ τὸ καταρρέον χαλιφάτον ἢ συμμαχία τοῦ Βυζαντίου μετὰ τῆς Ἀρμενίας ἠδύνατο νὰ γίνῃ καρποφόρος διὰ νὰ καταλάβῃ ἀποφασιστικὴν ὑπεροχὴν ἐναντι τῶν Ἀράβων.

Ἐπωφεληθεὶς τοῦ ἑπταετοῦς ἀραβο-βυζαντινοῦ πολέμου (856-863) ὁ Ἀσὼτ ὁ Βαγρατίδης ἀνεκήρυξεν ἑαυτὸν ἄρχοντα τῶν ἀρχόντων τῆς Ἀρμενίας, τὸ δὲ 885 βασιλέα. Ὁ Βασίλειος ὁ Μακεδὼν ἤθελε νὰ ἀποκαταστήσῃ μὲ τὸν Ἀσὼτ φιλικὰς σχέσεις διὰ νὰ ἔχῃ, εἶναι αὐτονόητον, σύμμαχον ἐνσυντόν τῶν Ἀράβων. Κατὰ τὴν ἀρμενικὴν παράδοσιν, ἡ ὁποία βεβαίως ἔχει ἱστορικὴν βάσιν, ὁ Βασίλειος εἶχε διακαῆ ἐπιθυμίαν νὰ στεφθῇ αὐτοκράτωρ διὰ χειρὸς τοῦ Ἀσὼτ τοῦ Βαγρατίδου. Ὀλίγον ὕστερον θὰ ἐξηγήσωμεν τί ἐσήμαινεν αὐτό. Ἐδῶ ἄς σημειώσωμεν, ὅτι ὁ Ἀρμένιος ἄρχων τῶν ἀρχόντων δὲν εἶχε τίποτε τὸ ἀντίθετον εἰς τὸ νὰ ἀποκαταστήσῃ ὁμαλὰς σχέσεις μὲ τὸν αὐτοκράτορα, ἐφ' ὅσον ἤθελε νὰ ἔχῃ τὴν βοήθειαν τοῦ Βυζαντίου διὰ νὰ ἐδραιώσῃ τὴν πολιτικὴν του κατάστασιν.

Ἀνέπτυξαν μεγάλην δραστηριότητα καὶ οἱ πνευματικοὶ ἄρχοντες. Ὁ πατριάρχης Φώτιος καὶ ὁ καθολικὸς Ζαχαρίας ὁ Α' καὶ πρὸ τῆς ἀναρρήσεως τοῦ Βασιλείου τοῦ Α' εἶχον ζωηρὰν ἀλληλογραφίαν ἐπὶ τοῦ ζητήματος τῆς ἐνώσεως τῶν δύο ἐκκλησιῶν, ζήτημα, τὸ ὁποῖον ἀναμφισβητήτως εἶχεν ἐλατήρια πολιτικά. Ὁ Φώτιος, ἐκτὸς τῆς ἐπισήμου δραστηριότητός του αὐτῆς μετὰ τοῦ Ἀρμενίου καθολικοῦ, συνῆψεν καὶ ἄλλας, ὅπως φαίνεται, μυστικὰς σχέσεις μετὰ πνευματικῶν ἰθυόντων διαφόρων ἐπαρχιῶν τῆς Ἀρμενίας, ὡς τοῦ Ταρῶν καὶ τῆς Συνῆς.

Ὁ Βασίλειος ὁ Α' ἀνεκήρυξεν ἑαυτὸν Ἀρσακίδην, ἂν καὶ εἰς τὰς φλέβας του δὲν ἔρρεε καὶ ρανὶς αἵματος τῶν Ἀρσακιδῶν. Τὸ γένος τῶν Ἀρσακιδῶν εἶχεν ἐκλείψει πρὸ πολλοῦ. Τὴν πατρότητα τοῦ χονδροειδοῦς αὐτοῦ ψεύδους, κατὰ πᾶσαν πιθανότητα, πρέπει νὰ ἀποδώσωμεν εἰς τὸν πολὺν πατριάρχην Φώτιον. Οἱ ἐρευνηταὶ εἶναι τῆς γνώμης ὅτι ὁ Βασίλειος διὰ τοῦ διαβήματος αὐτοῦ ἤθελε νὰ συγκαλύψῃ τὴν λαϊκὴν καταγωγὴν του καὶ νὰ νομιμοποιήσῃ τὴν ἀνάρρησίν του ἐπὶ τοῦ θρόνου τῶν αὐτοκρατόρων. Αὐτὸ εἶναι πολὺ πιθανόν, ἀλλὰ ἡ βασικὴ αἰτία ἦτο ἄλλη. Τὸ διάβημα τοῦ Βασιλείου εἶχε σοβαροὺς πολιτικούς σκοπούς.

Ἡ Ἀρμενία διὰ τὴν αὐτοκρατορίαν εἶχε πάντοτε ἐξαιρετικὴν σημασίαν. Ἐὰν λάβωμεν ὑπ' ὄψιν τὴν ἀξίαν τοῦ χρυσοβούλλου ἐπὶ τῶν ἀποστέλ-

λομένων εἰς ξένα κράτη τῆς ἐποχῆς αὐτῆς ἐπισήμων ἐγγράφων τῆς βυζαντινῆς αὐλῆς, δὲν εἶναι δύσκολον νὰ πεισθῶμεν, ὅτι διὰ τὸ Βυζάντιον μετὰ τὸ ἀραβικὸν χαλιφάτον τὴν πρώτην θέσιν κατεῖχεν ἡ Ἀρμενία. Τὰ ἀποστέλλόμενα εἰς τὴν Βαγδάτην βυζαντινὰ ἐπίσημα ἐγγράφα ἔφερον βούλλαν τετρασόλιδον, εἰς δὲ τὴν Ἀρμενίαν τρισολδίαν. Ἄς σημειώσωμεν ὅτι τὰ ἀποστέλλόμενα εἰς Φραγγίαν ἢ Γερμανίαν ἐγγράφα ἔφερον βούλλαν μονοσόλιδον.

Ἐπὶ τῆς δυναστείας τῶν Ἀρσακιδῶν πᾶσαι αἱ φεουδαρχικαὶ οἰκογένειαι (οἱ ναχαράροι) ἦσαν ὑποτελεῖς τῆς βασιλευούσης δυναστείας, συμπεριλαμβανομένων καὶ τῶν οἰκογενειῶν τῶν Βαγρατιδῶν, Ἀρτζρουνιδῶν, Ἀντζεβατσὶ, Συνῆ καὶ ἄλλων, αἱ ὁποῖαι κατώρθωσαν νὰ ἐπιζήσουν κατὰ τὴν ἀραβοκρατίαν καὶ νὰ ἐγκαθιδρῶσουν τὸν Θ' αἰῶνα τὰ ἀνεξάρτητα πριγκηπάτα των. Ἀνακηρύττων ἑαυτὸν Ἀρσακίδην, ὁ Βασίλειος, εἶναι φυσικόν, ἐθεωροῦσε ἑαυτὸν δεσπότην ὄλων τῶν ἀνωτέρω, ἐσκόπευε νὰ κυριαρχήσῃ ἐπ' αὐτῶν κατ' ἀρχὰς τουλάχιστον de jure. Τὸ ἀκριβὲς τῆς ἰδέας μας αὐτῆς ἐπικυρώνει πρῶτον ἡ ἐπιθυμία τοῦ Βασιλείου νὰ στεφθῇ ὑπὸ τοῦ Βαγρατίδου Ἀσὼτ (ἐπὶ τῆς δυναστείας τῶν Ἀρσακιδῶν ἕκαστον ὑψηλὸν αὐλικὸν ἢ στρατιωτικὸν λειτουργημὰ κατεῖχεν ὠρισμένη φεουδαρχικὴ οἰκογένεια. Οἱ Βαγρατίδαι ἦσαν οἱ θέτοντες τὸ στέμμα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς τοῦ βασιλέως), καὶ δεύτερον ἡ χαλκευμένη εἰς τὴν βυζαντινὴν αὐλὴν θεωρία, κατὰ τὴν ὁποῖαν, δῆθεν «τοῦ... παλαιοῦ Ἀρσάκου, ὃς Πάρθων ἠγήσατο, ἐπὶ μέγα δόξης προελθόντος καὶ ἀρετῆς, νόμος τοῖς ὕστερον ἐχρημάτισε μὴ ἄλλοθεν βασιλευέσθαι μῆτε Πάρθους μῆτε Ἀρμενίους, ἀλλὰ μῆτε Μήδους, ἢ παρὰ τοῦ γένους Ἀρσάκου καὶ τῶν ἀπογόνων αὐτοῦ». Ὁ σκοπὸς εἶναι σαφὴς καὶ εὐληπτος. Ἐφ' ὅσον ὁ Βασίλειος εἶναι Ἀρσακίδης, τουτέστιν «ἀπόγων» τοῦ ἐνδόξου καὶ ἐναρέτου Ἀρσάκου, κατὰ τὸν «νόμον» αὐτὸν ὁ Βασίλειος προϋποθέτει νὰ βασιλεύσῃ καὶ ἐπὶ τῶν Ἀρμενίων.

Ἡ προοπτικὴ αὐτὴ δὲν ἦτο ἐπιθυμητὴ εἰς τοὺς Ἀρμενίους, οἱ ὁποῖοι μετὰ διακοσιῶν ἐτῶν δουλείαν μόλις ἐπανέκτησαν τὴν ἀνεξαρτησίαν των.

Αἱ ἀρμενο-βυζαντινὰι σχέσεις ἐγένοντο στενωτέραι ἐπὶ τῶν διαδόχων τοῦ Βασιλείου τοῦ Α', καὶ ἰδιαίτερος ἐπὶ Λέοντος τοῦ ΣΤ' καὶ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου. Θέλουσα νὰ ἐπωφεληθῇ ἀπὸ τὴν ἀφόρητον κατάστασιν τῆς Ἀρμενίας κατὰ τὴν περίοδον τῶν θηριωδιῶν τοῦ ἀμυρᾶ τῆς Ἀτροπατηνῆς Γιουσούφ, ἡ βυζαντινὴ κυβέρνησις μέσω τοῦ πατριάρχου Νικολάου τοῦ Μυστικοῦ ἀπηυθύνθη πολλάκις εἰς τὸν Ἀρμένιον καθολικὸν Ἰωάννην τὸν ἐκ Δρασχανακέρτ καὶ τὸν Ἀρμένιον βασιλέα, ὑποσχόμενον βοήθειαν, ἐναντι τῆς ὁποίας ὁμοῦς εἶχεν ὑπ' ὄψιν νὰ δράξῃ πολιτικὰ ὠφέλη. Ἡ βυζαντινὴ κυβέρνησις τὸ 913 προσεκάλεσε τὸν υἱὸν τοῦ βασιλέως Σμπάτ, τὸν μέλλοντα βασιλέα τῆς Ἀρμενίας Ἀσὼτ τὸν Β' νὰ ἐπισκεφθῇ τὴν Κων-

σταντινούπολιν, έπου με μεγάλας τιμάς ύπεδέχθη αυτόν ή αυτοκράτειρα Ζωή.

Έπί τής βασιλείας του Ρωμανού του Λεκαπηνού αρχίζει ή άπροκάλυπτος επίδρομή του Βυζαντίου διά την κατάκτησιν τής Αρμενίας. Το 934 διά του Ιωάννου του Κουρκούα και Μελία-Μλέχ κυριεύεται ή Μελιτηνή, ή πρωτεύουσα τής Γ' Αρμενίας του Ιουστινιανού, το 949 διά του Θεοφίλου, του αδελφού του μέλλοντος αυτοκράτορος Ιωάννου του Τσιμισκή, κυριεύεται «το άνδρειότατον και πανθαύμαστον κάστρον» τής Θεοδοσιουπόλεως, το 966 ο Νικηφόρος ο Φωκός φέρει εις πέρας το Anschluss του Ταρών. Η περαιτέρω μετωπική επίθεσις του Βυζαντίου κατά τής Αρμενίας επί τής βασιλείας του Ιωάννου του Τσιμισκή δέν είχε θετικά άποτελέσματα. Η αυτοκρατορία υίοθετεί νέαν πολιτικήν, την έσωτερικήν εξάρθρωσιν τής Αρμενίας και κατά τμήματα κατάκτησιν της. Κυριεύεται το Τάϊκ, ή Βασπρακανία, το Σιράκ και Βανάντ (ή Μεγάλη Αρμενία των βυζαντινών πηγών), καταλύονται τα κράτη των Βαγρατιδών και Αρτζρουνιδών. Εις περίοδον εκατόν περίπου έτών ή βυζαντινή αυτοκρατορία κατακτά δλην σχεδόν την Αρμενίαν.

Η χώρα διαιρείται εις στρατιωτικα-πολιτικάς περιφερείας - καπετανάτα, με επικεφαλής τον δουκα ή κατεπάνω. Το Βυζάντιον έγκαθιστά εις την Αρμενίαν την ιδικήν του τάξιν και φορολογικόν σύστημα. Το άρμενικόν καθολικισάτον του Ανίου καταργείται, ο καθολικός άγεται εις έπίτιμον έξορίαν πλησιέστερον τής πρωτεύουσας του Βυζαντίου. Η βυζαντινή κυβέρνησις γνώριζε πολύ καλά, ότι μετά την έξόντωσιν του άρμενικού κράτους ή μόνη ένοποιούσα δύναμις των Αρμενίων ήτο το άρμενικόν καθολικισάτον.

Το Βυζάντιον κρίνει πρωτεῖον ζήτημα την εκτόπισιν τής ιθαγενοῦς άριστοκρατίας. Παρέχον εις αυτήν τιμάς, κτήματα, αξιώματα και τίτλους έπιτυγχάνει να μετοικήσῃ εις την Δύσιν μέγαν αριθμόν Αρμενίων εύπατριδών. Ο άρμενικός στρατός «άμφι τας πενήκοντα χιλιάδας αριθμούμενος», ο όποιος άμέσως μετά την κατάκτησιν τής χώρας έχρησιμοποιήθη υπό τής βυζαντινής κυβερνήσεως διά κατάκτησιν νέων χωρών, κατελύθη υπό του Κωνσταντίνου του Μονομάχου· ο αυτοκράτωρ κατά τον Σκυλίτην «άντι στρατιωτών φόρους πολλούς έπορίζετο» εις την Αρμενίαν. Και αυτό κατά την εποχήν, ότε ή τουρκική άπειλή έγένετο όλοέν αισθητή.

Έάν πιστεύσωμεν εις τους βυζαντινούς συγγραφείς, ή κυρία αίτία τής καταλύσεως των άρμενικών στρατευμάτων ήτο ή πλεονεξία του βασιλέως, ο όποιος «άφειδώς τα δημόσια καταναλίσκων χρήματα... εις μεγάλην ήλασε ένδειαν». Ο Αρμένιος ιστορικός του ΙΑ' αιώνος Αριστακός είναι πιό δηκτικός: «Τόν πλοῦτον —γράφει αυτός—, τόν όποιον συνήθριζε από όλας

τας χώρας ως φόρους και τους όποιους ήτο προσήκον να διανείμη εις τους ιππείς διά να αύξήσῃ τόν αριθμόν του προορισμένου να άντιμετωπίσῃ τους έχθρους ιππικου... ο Μονομάχος κατεσπατάλει εις πόρναις και ούδόλωσ κατετρύχετο από άνησυχίαν επί τῷ άφανισμῷ τής χώρας».

Την ρόγαν πενήντα χιλιάδων στρατιωτών «ο κατεχόμενος —κατά τον Σκυλίτην— υπό τής συνήθους νόσου τής ποδάγρας» κατάκειτος Μονομάχος είναι άπίθανον να διεσκόρπιζε επί Μαγδαληνών, όσον και ακριβαί (και με τας δύο σημασίας τής λέξεως) να ήσαν αυτάι διά την καρδίαν και το βαλάντιόν του. Η μεταρρύθμισις του Μονομάχου είχε πολύ σοβαρώτερα έλατήρια.

Ο Κεκαυμένος με πικρίαν γράφει περι τής άπρεπούς δράσεως τής βυζαντινής διοικήσεως εις την χώραν, και ιδιαιτέρως εις τας παραμεθορίους περιοχάς. Έναντίον των άνομιών τής διοικήσεως αυτής άντεπεξήρχετο ο ιθαγενής πληθυσμός, ή δυσαρέσκεια του όποιου όχι σπανίως μετετρέπετο εις έξεγέρσεις κατά τής κεντρικής κυβερνήσεως. Εις τας έξεγέρσεις αυτάς έλάμβανον μέρος και αι ιθαγενείς ένοπλοι δυνάμεις. Η βυζαντινή κυβέρνησις εις την επιδίωξιν της να εύρη διέξοδον εκ τής τοιαύτης καταστάσεως, εξέλεξεν την χειροτέραν όδόν: διέλυσε τα ιθαγενή στρατεύματα. Εις την Αρμενίαν έξανεμίσθη ή δύναμις, ή όποια θα ήτο εις θέσιν να προασπίσῃ την χώραν και τον λαόν από τους Τούρκους, να εκδιώξῃ αυτούς από την χώραν, να μη δώσῃ εις αυτούς την δυνατότητα να εγκατασταθούν μονίμως, και ταυτοχρόνως να φράξῃ την αυτοκρατορίαν με τεῖχος σθεναρόν. Τας βυζαντινάς φρουράς εις την Αρμενίαν, αι όποιαι ήσαν συγκροτημένοι κυρίως εκ ξένων μισθοφόρων, λίγο ένδιέφερον ή άμυνα ξένης χώρας και ξένου λαού. Έν όνόματι τίνος, παραδείγματος χάριν, οι Βούλγαροι των Μογλενών θα έχονον το αίμα των εις το Βασπουρακάν, οι Ρώσοι εις το Τάϊκ, οι Βάραγγοι εις το Παϊπέρτ, οι Ούζοι και οι Πετσενέγκοι εις το Μαναζκέρτ;

Οι σύγχρονοι των τουρκικών κατακτήσεων Αρμένιοι ιστορικοί του ΙΑ' αιώνος δέν βλέπουν εισέτι τα επακόλουθα αυτών. Αυτοι παρουσιάζονται ως άπληρ άφηγηται των γεγονότων. Αλλά μετά παρέλευσιν ήμισείας περίπου εκατονταετηρίδος, ότε αι θηριωδία των Τούρκων Σελτζούκων εις την Αρμενίαν θα αποκορυφωθούν, ότε οι Αρμένιοι θα δοῦν ότι ή χώρα των, σύμφωνα με τον Αρμένιον ιστορικόν του ΙΒ' αιώνος Ματθαῖον τον Έδεσσηνόν, «από άνθόκηπον, από παράδεισον μετέτράπη εις άκανθώναν», ότι «έξηφανίσθη ή χαρά από την χώραν, έσβησαν οι ήχοι τής λύρας και των κυμβάλων, και κατέκλυσαν αυτήν οι θρήνοι και οι λυγμοί», ότε κατά ποίαν φοράν αυτοι λαβόντες εις χειρας την βακτηρίαν του άπάτριδος, θα αρχίσουν και πάλιν να περιπλανώνται εις τον κόσμον, κατά τον ίδιον ιστορικόν, «ως οι πλανώμενοι άστέρες», τότε οι Αρμένιοι θα έρευνήσουν διά να εύρουν τον

αίτιον τῆς καταστάσεως αὐτῆς. Ὁ ἴδιος ιστορικὸς θὰ γράψῃ εἰς τὴν περίπυστον «Χρονογραφίαν» του: «Ποῖος δύναται νὰ ιστορήσῃ καθ' ἐξῆς τὸν θρηῆνον τῆς μεταμελείας τῶν Ἀρμενίων, τὴν ἀπώλειαν τῆς χώρας των, τὰ βάσανα τὰ ὁποῖα ὑπέστησαν ἀπὸ τὰ ἄνομα καὶ αἰμοβόρα θηρία, τοὺς τουρκικοὺς στρατοὺς, ἐξ αἰτίας τῆς ἀπουσίας τοῦ ἀμύνοντος, ἐξ αἰτίας τῶν ψευδοφρουρῶν... Οἱ Ρωμαῖοι ἐκκένωσαν συστηματικῶς τὴν χώραν τῶν Ἀρμενίων ἐκ τῶν ἀνδρείων στρατιωτικῶν της, ἀπεξένωσαν αὐτοὺς ἀπὸ τοὺς οἰκούς καὶ τὰς περιοχὰς των, κατήργησαν τὸ βασιλεῖον τῶν Ἀρμενίων, ἐκρήμνισαν τὰ τείχη τῆς χώρας διὰ τῆς διαλύσεως τῶν ἐνόπλων της δυνάμεων...».

«Οἱ ἀλλόφυλοι τόσον ἐνδυνάμωσαν, —συνεχίζει ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσηνός—, ὥστε ταχέως ἐφθασαν πρὸ τῶν πυλῶν τῆς Κωνσταντινουπόλεως καὶ ἐκυρίευσαν ὅλην τὴν χώραν τῶν Ρωμαίων». Καὶ ἄλλοῦ: «Ὅλες οἱ χώρες τῶν Χριστιανῶν ἐγένοντο θύματα τῆς σπάθης καὶ τῆς αἰχμαλωσίας. Ἐπαυσαν αἱ ἀγροτικαὶ ἐργασίαι, ἐξηντλήθη ὁ ἄρτος, κατεσφάχθησαν ἢ ἀχθῆσαν εἰς αἰχμαλωσίαν οἱ γεωργοὶ καὶ οἱ ἀγρόται, καὶ ἐξηπλώθη εἰς ὅλην τὴν χώραν ὁ λιμός. Ἐρημώθησαν πολλαὶ ἐπαρχίαι, ἐκρημνίσθη ὁ οἶκος τῆς Ἀνατολῆς καὶ ἐγένετο ἐρείπιον ἡ χώρα τῶν Ἀρμενίων».

Τοιαύτη, καὶ ἀπὸ ιστορικῆς καὶ ἀπὸ λογοτεχνικῆς ἀπόψεως καταπληκτικὴ περιγραφή τῆς ἐποχῆς εἶναι ἀδύνατον νὰ εὕρωμεν εἰς ἔργα ὄχι μόνον ἄλλων μεσαιωνικῶν συγγραφέων, ἀλλὰ καὶ τῆς ἐποχῆς μας.

Εἶχε πολὺ δίκαιον ὁ Μητροπολίτης Κοζάνης Ἰωακείμ ὅταν ἔγραφεν: «Ἡ Ἀρμενία ἦτο ἡ ἀσπίς τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους κατὰ τῶν ἀπὸ Ἀνατολῶν κινδύνων του. Διὰ τοῦτο ὅτε, λόγῳ κακῆς κατὰ τοὺς τελευταίους αἰῶνας πολιτικῆς τοῦ Βυζαντίου, ἔπεσε ὑπὸ τοὺς Πέρσας (τοὺς Τούρκους δηλαδὴ - Χρ. Μπ.) ἡ Ἀρμενία, ἔδυσσε καὶ ὁ Βυζαντινὸς Δικέφαλος πρὸς Ἀνατολὰς».

Ἀλλὰ τὴν τόσον εὐχερῆ ὑπὸ τῶν Τούρκων κατάκτησιν τῆς Ἀρμενίας δὲν θὰ ἦτο ὀρθὸν νὰ θεωρήσωμεν ἐπακόλουθον μόνον καὶ μόνον τῆς ἐσφαλμένης πολιτικῆς τοῦ Βυζαντίου. Τὴν κατάκτησιν τῆς Ἀρμενίας ὑπὸ τῶν Τούρκων προπαρεσκεύασαν ἀπὸ τὸν Ζ' αἰῶνα οἱ Ἀραβες, ἡ πολιτικὴ τῶν ὁποίων ἐναντι τῆς Ἀρμενίας ἦτο ὅλως διαφορετικὴ ἀπὸ αὐτὴν τῶν Σασανιδῶν καὶ βυζαντινῶν. Μόνον τρία πράγματα ἐνδιέφερον τοὺς τελευταίους, ἡ πολιτικὴ ὑπόταξις τῆς χώρας, ἡ εἰσπραξις φόρων καὶ ἡ ἐκμετάλλευσίς τῶν ἐντοπίων ἐνόπλων δυνάμεων. Τὸ περισσότερον ποὺ ἔπραττον αὐτοὶ ἦτο ἡ ἐγκατάστασις φρουρῶν. Οἱ Ἀραβες ὅμως, ἰδιαίτερος ἀπὸ τῆς ἐποχῆς τῆς δυναστείας τῶν Ἀββασιδῶν, ἤρχισαν συστηματικῶς νὰ ἐποικίζουσι εἰς τὴν Ἀρμενίαν ἀραβικοὺς πληθυσμούς, ἀραβικὰς φυλάς, νὰ ἰδρῶν ἀραβικὰ ἐμιράτα διαφόρων φυλῶν (τῶν Σαϊμπανιδῶν, Καϊσίκων, Οὐθμανίκων, Τζα-

χαφίτων, Ζουραρικών, Σαλαριδῶν, Μερβανιδῶν καὶ ἄλλων). Τὸ ἀρχιπέλαγος τῶν μουσουλμανικῶν αὐτῶν πληθυσμῶν εἰς τὴν Ἀρμενίαν ἀπὸ τοῦ ΙΑ' αἰῶνος ἔπαιξεν διὰ τοὺς Σελτζούκους ρόλον πέμπτης φάλαγγος.

Καὶ εἰς τὴν περίοδον αὐτὴν, καίτοι ἐσυνεχίσθη ὁ πολιτικὸς καὶ θρησκευτικὸς ἀνταγωνισμὸς, αἱ οἰκονομικαὶ καὶ πολιτιστικαὶ σχέσεις μεταξὺ Ἀρμενίας καὶ Βυζαντίου ἀνεπτύχθησαν οὐσιωδῶς. Ὁ ἀραβο-βυζαντινὸς ἀνταγωνισμὸς ἐπέδρασε ἀρνητικῶς ἐπὶ τοῦ διεθνοῦς διαμετακομιστικοῦ ἐμπορίου. Ἀπὸ τὸ δεύτερο ἡμισυ τοῦ Θ' αἰῶνος ἡ Ἀρμενία γίνεται ἰδεῶδες κράτος-συγκρουστήρ, ὅπου συναντῶνται τὰ ἐρχόμενα ἀπὸ τὸ Βυζάντιον καὶ Ἀραβίαν ἐμπορικὰ καραβάνια. Εὐδοκιμοῦν μέγας αἱ πόλεις τῆς Ἀρμενίας, αἱ ὁποῖαι λαμβάνουν ἐνεργὸν μέρος εἰς τὸ διεθνὲς ἐμπόριον μὲ τὴν ἰδικὴν των παραγωγὴν, ἧς πολλὰ εἶδη ἦσαν γνωστὰ εἰς τὰς ἀγοράς τοῦ Βυζαντίου. Ταυτοχρόνως τὰ βυζαντινὰ ἐμπορεύματα πωλοῦνται εἰς τὰς ἀγοράς τῆς Ἀρμενίας. Τὰ πορίσματα τῶν ἀρχαιολογικῶν ἐρευνῶν εἰς τὰς κυριωτέρας πόλεις τῆς μεσαιωνικῆς Ἀρμενίας, καὶ πρῶτον εἰς τὸ Ἀνίον καὶ Δβίν, εἶναι οἱ καλύτεροι μάρτυρες.

Κατὰ τὴν ἐποχὴν αὐτὴν τοὺς Ἀρμενίους, ὅπως καὶ εἰς τὸ παρελθόν, ἐνδιέφερον πολὺ ἡ ἀρχαία ἑλληνικὴ λογοτεχνία καὶ τέχνη, περὶ τῶν ὁποίων ἐλάμβανον γνῶσιν μέσω τοῦ Βυζαντίου. Ἀπὸ τοὺς διασήμεους παράγοντας τοῦ μεσαιωνικοῦ ἀρμενικοῦ πολιτισμοῦ πρέπει νὰ ὑπογραμμίσωμεν τὸ ὄνομα τοῦ Γρηγορίου Μαγίστρου Παχλαβουνί, τοῦ διαπρεποῦς φιλοσόφου τοῦ ΙΑ' αἰῶνος, στρατιωτικοῦ, μεγάλου γνώστου τοῦ ἑλληνικοῦ πολιτισμοῦ. Ὁ Γρηγόριος ὁ Μάγιστρος, δυστυχῶς, ἀγνωστος εἰς τοὺς Ἕλληνας μεσαιωνιστάς, εἶναι πλάσμα τοῦ βυζαντινοῦ κόσμου καὶ πολιτισμοῦ. Αἱ ἐπιστολαὶ του ποὺ βρῆθουν εἰκόνων τῆς ἑλληνικῆς μυθολογίας καὶ ἱστορίας τῆς ἀρχαίας Ἑλλάδος, εἶναι ἓνα ἀπὸ τὰ καλύτερα δημιουργήματα τοῦ εἶδους τῆς ἐπιστολογραφίας, ποὺ ἦτο τόσον τῆς μόδας εἰς τὸ Βυζάντιον κατὰ τὸν ΙΑ' αἰῶνα. Μέγας γνώστης τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης καὶ τοῦ πολιτισμοῦ ὁ Γρηγόριος ὁ Μάγιστρος μεταφράζει ἐκ τῆς ἑλληνικῆς τὴν «Γεωμετρίαν» τοῦ Εὐκλείδου, τοὺς διαλόγους τοῦ Πλάτωνος «Τίμαιος» καὶ «Φαίδων» καὶ ἄλλα ἔργα, γράφων εἰσέτι εἰς τὸν ἐπιστολοδέκτην του, ὅτι «ἐὰν ὁ Θεὸς μακρύνῃ τὴν ζωὴν του, ἄνευ ἄλλου θὰ μεταφράσῃ ὅλα τὰ ὑπόλοιπα ἔργα τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων καὶ Σύρων συγγραφέων». Ὁ Γρηγόριος Παχλαβουνί, ὁ ὁποῖος ἔλαβε τὸν τίτλον τοῦ μαγίστρου καὶ τὴν ἀξίαν τοῦ βεστάρχου ἀπὸ τὴν βυζαντινὴν αὐλὴν, μετὰ τὴν κατάρρευσιν τοῦ ἀρμενικοῦ κράτους τῶν Βαγρατιδῶν ἄνω τῶν δέκα ἐτῶν ὑπηρέτησεν εἰς τὸν βυζαντινὸν στρατόν, ἐγένετο κατεπάνω τῶν βυζαντινῶν θεμάτων τῆς Βασπρακανίας, Ταρών, Δερζηνῆς, Μεσοποταμίας καὶ ἄλλων, δι' αὐτὸ καὶ ἐξ αὐτῆς τῆς ἀπόψεως εἶναι ἐνδιαφέρουσα προσωπικότης εἰς τὴν βυζαντινὴν ἱστορίαν.

Κατὰ τὴν ἐποχὴν αὐτὴν δὲν ἔπαυσεν ἡ στρατιωτικὴ καὶ πολιτικὴ δρᾶσις τῶν Ἀρμενίων εἰς τὸ Βυζάντιον. Ἀνεβαίνουν εἰς τὴν σκηνὴν τῆς ἱστορίας νέα πρόσωπα, τὰ ὁποῖα θεωροῦνται ἡ δόξα τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας, καίτοι ἡ δρᾶσις των, ὅπως καὶ εἰς τὸ παρελθόν, εἶναι κυρίως ἐπιβλαβῆς διὰ τὴν Ἀρμενίαν καὶ τοὺς Ἀρμενίους. Ἀπὸ τοὺς αὐτοκράτορας πρέπει νὰ ὑπογραμμίσωμεν τὰ ὄνόματα τοῦ Ρωμανοῦ τοῦ Λεκαπτηνοῦ, Νικηφόρου τοῦ Φωκᾶ καὶ Ἰωάννου Τσιμισκῆ, ἀπὸ τοὺς στρατηγούς τοῦ Μελιά-Μλέχ, ἀνέου Βελισαρίου, Ἰωάννου Κουρκούα, Βάρδα Σκληροῦ, Βάρδα Φωκᾶ. Δὲν ἔπαυσαν καὶ αἱ σχέσεις ἄλλου χαρακτῆρος. Σύμφωνα μετὰ τὴν «Χρονογραφίαν» τοῦ Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτου, τὸν κατεδαφισθέντα ἀπὸ τὸν σεισμόν τοῦ 989 ναδὸν (μᾶλλον τὸν τροῦλλον) τῆς Ἁγίας Σοφίας ἀνοικωδόμησεν ὁ Ἀρμένιος ἀρχιτέκτων Τιριδάτης.

*
* *

Τὴν 19ην Αὐγούστου τοῦ 1071 εἰς τὸ Μαναζκέρτ τῆς Ἀρμενίας τὸ ζήτημα τοῦ κυρίου τῆς Μικρασιατικῆς χερσονήσου ἐλύθη εἰς ὄφελος τῶν Τούρκων. Μετὰ τοῦτο δὲν δύναται, φυσικά, νὰ γίνεταί λόγος περὶ ἀρμενο-βυζαντινῶν ὀμαλῶν σχέσεων, ἀν καὶ ἐπιφανεῖς Ἀρμένιοι παράγοντες ἀπὸ καιροῦ εἰς καιρὸν ἐφαίνοντο εἰς τὸν ὀλοὸν ἀμαυρούμενον ὀρίζοντα τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας.

Καίτοι ἡ κατάκτησις τῆς Μικρασιατικῆς χερσονήσου ὑπὸ τῶν Σελτζούκων ἔθεσε τέλος εἰς τὰς ἀρμενο-βυζαντινὰς σχέσεις (ἔχομεν ὑπ' ὄψιν τὴν καθεαυτοῦ Ἀρμενίαν), παρ' ὅλα ταῦτα αἱ σχέσεις αὐταὶ συνεχίσθησαν ἐκτὸς τῆς Ἀρμενίας, εἰς τὴν Κιλικίαν, ὅπου οἱ εὐρόντες ἄσυλον καὶ καταφύγιον ἀπὸ τοὺς διωγμούς των Τούρκων χιλιάδες Ἀρμένιοι ἐγκαθίδρυσαν πριγκηπάτα καὶ βασιλείων. Ὁ πρῶτος Ἀρμένιος βασιλεὺς τοῦ κράτους τῆς Κιλικίας Λεβὸν ὁ Β' τὸ στέμμα του ἔλαβε ἀπὸ τὴν βυζαντινὴν αὐλήν.

Τὸ ἀρμενικὸν κράτος τῆς Κιλικίας εἶχε εὐρείας σχέσεις μετὰ τοῦ Βυζαντίου καὶ τόσον στενάς, ὥστε ἀπὸ τὸ δεῦτερον ἡμισυ τοῦ ΙΒ' αἰῶνος ἐπανελήφθησαν αἱ συζητήσεις διὰ τὴν ἔνωσιν τῶν δύο ἐκκλησιῶν. Αἱ διαπραγματεύσεις αὐταὶ διεξήχθησαν ὑπὸ τῶν Ἀρμενίων καθολικῶν Ναρσὲς τοῦ Χαριέντος καὶ Γρηγορίου τοῦ Δ' μετὰ τοῦ αὐτοκράτορος Μανουὴλ τοῦ Κομνηνοῦ καὶ τοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Μιχαήλ. Ἡ ἐκτενὴς ἀλληλογραφία αὐτῶν διεσώθη καὶ εἰς τὴν ἀρμενικὴν γλῶσσαν.

Τὸ ἀρμενικὸν κράτος τῆς Κιλικίας εἶχε μετὰ τοῦ Βυζαντίου καὶ εὐρείας οἰκονομικὰς καὶ ἐμπορικὰς σχέσεις. Ὁ ἐμπορικὸς στόλος τῆς Ἀρμενοκιλικίας διέπλεε τὸ Αἰγαῖον πέλαγος καὶ τὴν Μεσόγειον. Ἐπὶ τῇ εὐκαιρίᾳ αὐτῇ θέλω νὰ σᾶς θυμίσω ἓνα παλαιόν, ὅπως φαίνεται πολὺ παλαιὸν σκω-

πτικόν, τὴν καθεαυτοῦ σημασίαν τοῦ ὁποίου, δυστυχῶς, ἔχουν λησμονήσει καὶ οἱ Ἕλληνες καὶ οἱ Ἀρμένιοι:

Ἡμουν μικρὸ παιδὶ καὶ οἱ Ἕλληνες φίλοι μου εἶχαν συνήθειαν νὰ με πειράζουσι μετὰ τὸ «Ἀρμενικὸ βαπόρι ἔρχεται ἀπὸ τὴν Ἀρμενίαν». Ὅσο καὶ μικρὸς καὶ ἂν ἦμουν, ἐγνώριζα καλὰ ὅτι ἡ Ἀρμενία εἶναι χώρα ὄρεινή, δὲν ἔχει οὔτε θάλασσα, οὔτε λιμένας (ἂν καὶ τὸ βαπόρι τοῦ Νῶε — ἔχω ὑπ' ὄψιν τὴν κιβωτὸν — ἐπλευσε εἰς τὴν Ἀρμενίαν καὶ, κατὰ τὴν βίβλον τῆς Γεγέσεως, ἐκάθησεν ἐπὶ τὰ ὄρη Ἀραράτ. Ἀλλὰ δι' αὐτὸ ἔπρεπε ὁ Θεὸς νὰ βρέξει σαράντα ἡμέρας καὶ νύκτες, νὰ γίνῃ ὁ παγκόσμιος κατακλυσμός).

Κατὰ τὴν δεκαετίαν τοῦ 1930 ὁ πατέρας μου ἔγραφε μίαν διατριβὴν «Τὰ ἔχνη τῶν Ἀρμενίων αἰρετικῶν εἰς τὴν Βόρειον Ἑλλάδα» καὶ μεταξὺ διαφόρων πηγῶν ἐξεμεταλλεύθη καὶ τὴν «Μάγισσα», ἓνα ὠραῖο ἑλληνικὸ τραγούδι, τὸ ὁποῖο εἶχε δημοσιεύσει ὁ Νικόλαος Πολίτης. Κατὰ τὸ τραγούδι αὐτὸ ἡ μάγισσα εἶναι Ἀρμένισσα, ἡ ὁποία ἔχει μαγεύσει ἓνα Ἑλληνόπουλο, ἀρχοντόπουλο, τὸ ὁποῖο μετὰ τὸ καράβι του, δὲν κἀνω λάθος, μετὰ τὸ καράβι του, πηγαίνει εἰς τὴν Ἀρμενίαν νὰ εὔρη τὴν Ἀρμένισσα μάγισσα. Ὁ πατέρας μου δὲν μπόρεσε νὰ ἐξηγήσῃ πῶς τὸ ἀρχοντόπουλο αὐτὸ πηγαίνει εἰς τὴν Ἀρμενίαν μετὰ τὸ καράβι.

Μετὰ πολλὰ χρόνια εἰς τὴν συλλογὴν συμαϊκῶν δημοδῶν ἀσμάτων, ἐκδοθέντων ὑπὸ τοῦ Δημοσθένους Χαβιαρᾶ, ἐγὼ ἀνεκάλυψα μίαν ἄλλην διασκευὴν τοῦ τραγουδιοῦ αὐτοῦ. Τὸ ἀρχοντόπουλο ἀποτεινόμενον εἰς τὴν γυναῖκα του, λέγει:

«κ' ἐγὼ, κυρά μου, πάω μέσ' τὴν Ἀρμενίαν
νὰ πάρ' Ἀρμενοπούλλα, νᾶναιγ καὶ μάισσα,
μαγειόβγει τὰ καράβια καὶ τῆθ θάλασσα·
τὸν οὐρανὸ μαγειόβγει, ἄστρα δὲβ βγάλλει,
τῆθ θάλασσα μαγειόβγει, κῦμα δὲγ κάμνει,
μαγειόβγει με καὶ μένα, ποιδὲ δέμ με θωρεῖς».

Τώρα δι' ἐμὲ εἶναι φανερόν, ὅτι καὶ τὸ σκωπτικόν, καὶ τὸ τραγούδι ἔχει ὑπ' ὄψιν ὄχι τὴν εὐρισκομένην εἰς τοὺς πρόποδας τοῦ Ἀραράτ Ἀρμενίαν, ἀλλὰ τὴν Ἀρμενοκιλικίαν, ἡ ὁποία εἶχε μεγάλους λιμένας, ὡς τοῦ Κωρύκου καὶ τῆς Ἀγιάς, εἶχε μεγάλον στόλον. Ἐχει ὑπ' ὄψιν τὴν Ἀρμενοκιλικίαν, ἡ ὁποία τὸν ΙΒ'-ΙΔ' αἰῶνα ἤτο τόσον ἀρμενικὴ, ὥστε εἰς τὸ Βυζάντιον αἱ ἔννοιαι Ἀρμενία καὶ Κιλικία ἔγιναν συνωνυμικαί, εἰς τοὺς βυζαντινοὺς γεωγραφικοὺς ὁδηγοὺς ἤρχισαν νὰ δίνουν ἐξήγησιν, ὅτι «Κιλικία ἡ Ἀρμενία, Κίλιξ ὁ Ἀρμένιος».

Κατὰ τὰ τέλη τοῦ ΙΔ' αἰῶνος τὸ ἀρμενικὸν βασίλειον τῆς Κιλικίας κατέρρευσε ὑπὸ τὰς πληγὰς τῶν Μαμελούκων καὶ κατὰ συνέπειαν εὔρον τέ-

λος και αἱ ἀρμενο-βυζαντιναὶ πολιτικά, οἰκονομικά και ἐκκλησιαστικά σχέσεις, καίτοι και ἕως τῆς πτώσεως τοῦ Βυζαντίου τὸ ἀρμενικὸν στοιχεῖον συεχίζε νὰ παίζη ρόλον εἰς τὴν ζωὴν τῆς αὐτοκρατορίας, τὴν ὁποίαν οἱ Ἀρμένιοι ἐθεώρουν κράτος συγγενὲς και φίλον. Τὴν ἄλωσιν τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἐβρήνησαν και οἱ Ἀρμένιοι. Ἐξ αὐτῶν ὁ Ἀβραάμ ἐξ Ἀγκύρας και ὁ Ἀρακὲλ ἐκ Μπαγὲς (νῦν Μπιτλίς), αὐτόπτες μάρτυρες τῆς ἀλώσεως, θὰ γράψουν και ἐκτενεῖς θρήνους, θὰ σημειώσουν μετὰ μεγάλης πίκρας, ὅτι «ἡ δόξα και ἡ τιμὴ πάσης τῆς ἀνθρωπότητος, ἡ κατοικία τοῦ Θεοῦ και τῶν ἀγγέλων πόλις Στιμπόλ, μετετρέπη ὑπὸ τῶν ἀλλοφύλων εἰς τόπον ἀναψυχῆς και διαμονῆς τῶν κακούργων και δαιμόνων».

Τὴν ἐποχὴν τῆς Τουρκοκρατίας οἱ ἰθύνοντες τῆς Ὑψηλῆς Πύλης ἔκαναν τὸ πᾶν διὰ νὰ σπεύρουν ζιζάνια μετὰ τῶν δύο λαῶν μας. Ὅχι μόνον ἔχοντες ὑπ' ὄψιν τὸ «διαίρει και βασιλευε», διότι οἱ ἐκλεκτοὶ τοῦ προφήτου ἦσαν τόσον ἰσχυροί, οἱ δὲ ραγιαῖδες τόσον ἀσθενεῖς, ὥστε δὲν ὑπῆρχεν τόση μεγάλη ἀνάγκη εἰς αὐτό. Τὸ κύριον κίνητρον ἦτο ἡ καταλήστευσις αὐτῶν, ὁ σφετερισμὸς τοῦ ἰδρώτος των. Εἰς ἡμερησίαν διάταξιν ἦτο τὸ «διαίρει και λήστευε». Εἶναι ἀρκετὸν νὰ διαβάσῃ τις τὴν «Χρονογραφίαν» τοῦ Ἀρμενίου ἱστορικοῦ Γρηγορίου τοῦ ἐκ Δαρανάλεως (1576-1643), ὡς και τὰ ἐκδοθέντα ὑπὸ τοῦ Παπαδοπούλου τοῦ Κεραμέως εἰς τὸν Α' και Β' τόμον τῶν «Ἀναλέκτων Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας» ὑπομνήματα τοῦ μητροπολίτου Καισαρείας τῆς Παλαιστίνης τοῦ ἐξ Ἀθηνῶν Παρθενίου και τοῦ Νεοφύτου Κυπρίου διὰ νὰ λάβῃ μίαν γενικὴν ἰδέαν τοῦ τί θλιβερὰ ἀποτελέσματα και διὰ τοὺς Ἕλληνας και διὰ τοὺς Ἀρμενίους εἶχεν ἡ πολιτικὴ αὐτή. Ἀλλὰ οἱ φωτεινότεροι παράγοντες τῶν δύο λαῶν μας ἐγνώριζαν καλά, ὅτι δύνανται νὰ λυτρωθοῦν μόνον διὰ συντονισμένων διαβημάτων. Αὐτοὶ εἰς πείσμα κατὰ τῶν ἐνεργειῶν τῶν Τούρκων νὰ ἀνάψουν τὸν δαυλὸν τῆς διχονοίας μετὰ τῶν Ἀρμενίων και Ἑλλήνων, ἐπιχειροῦν πᾶν τὸ δυνατὸν διὰ τὴν ὀργάνωσιν κοινοῦ ἀγῶνος. Κατὰ τὴν ἐποχὴν τοῦ Κρητικοῦ πολέμου τοῦ 1645-1669 ὁ Ἀρμένιος Μαχτεσί Σαχμουράτ ἐρχεται εἰς Παρισίους και ἀπευθύνεται πρὸς τὸν βασιλέα Λουδοβίκον τὸν ΙΔ' προφορικῶς και γραπτῶς. Περιγράφων τὴν ἀθλίαν κατάστασιν τῶν χριστιανῶν τῆς Τουρκίας, ὁ Μαχτεσί Σαχμουράτ γράφει πρὸς τὸν Λουδοβίκον, ὅτι «οἱ χριστιανοὶ τῆς Ἀνατολῆς εἶναι ἀδύνατοι νὰ φέρουν τὸν τουρκικὸν ζυγόν, πάντες, ὡς σὰς ἐπληροφόρησαν οἱ Ἕλληνες τῆς Ἑλλάδος, οἱ Ἕλληνες τοῦ Εὐξείνου Πόντου, οἱ Ἰβηρες και Σῦροι, εἶναι ἔτοιμοι νὰ ἐξεγερθοῦν κατὰ τοῦ σουλτάνου και τῶν πασάδων του». Ἐν συνεχείᾳ τοῦ ὑπομνήματός του πρὸς τὸν Λουδοβίκον ὁ Ἀρμένιος παράγων γράφει, ὅτι «ἐὰν τὰ στρατεύματα τῶν χριστιανῶν πλησιάζουν και ἐπιτεθοῦν κατὰ τῶν νήσων τοῦ Ἀρχιπελάγους και τῶν παραλίων τῆς Κύπρου, ὅταν αἱ στρατιαὶ τῆς Ὑμετέρας Μεγαλειότητος κατα-

λάβουν τὴν Κωνσταντινούπολιν και οἱ Μοσχοβῖται ἐπιτεθοῦν κατὰ τῆς Τραπεζοῦντος, οἱ Πέρσαι θὰ εἰσβάλλουν ἀπὸ τὰ μέρη τῆς Βαγδάτης. Οἱ δὲ Ἀρμένιοι, οἱ ὁποῖοι εἶναι παμπληθεῖς εἰς τὰς ἐπαρχίας τοῦ Βάν, Μπιτλίς, Τοχάτ, Σεβαστείας, Θεοδοσιουπόλεως, Κάρς και εἰς τὰς πλησίον ἐπαρχίας, ἐνωθέντες μετὰ τῶν Ἑλλήνων και τῶν ἄλλων χριστιανῶν, δύνανται νὰ προκαλέσουν ἀναστάτωσιν εἰς τὴν Ἀνατολίαν».

Κατὰ τὰ τέλη τῆς 18ης ἑκατονταετηρίδος εἰς ἕκ τῶν λαμπροτέρων φυσιογνωμιῶν τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους, ὁ μέγας Ρήγας Φερραῖος θὰ γράψῃ εἰς τὸν Θούριόν του:

Βούλγαροι κι' Ἀρβανῖτες, Ἀρμένιοι και Ρωμιοί,
ἀράπηδες και ἄσπροι, με μιά κοινὴ ὄρμη
γιὰ τὴν Ἐλευθερίαν νὰ ζώσωμεν σπαθί
πὼς εἴμασθ' ἀντρειωμένοι, παντοῦ νὰ ξακουσθεῖ.

Εἰς τὸ 7ον ἄρθρον τοῦ Συντάγματός του τῆς Ἐλευθέρας Ἑλλάδος ὁ Ρήγας θεωρεῖ κυρίαρχον λαὸν ὄλους τοὺς κατοίκους τῆς Ἑλλάδος: «Χωρὶς ἐξαίρεσιν θρησκείας και διαλέκτου, Ἕλληνες, Ἀλβανοί, Βλάχοι, Ἀρμένηδες, Τούρκοι και κάθε ἄλλο εἶδος γενεᾶς» εἰς δὲ τὸ 122ον βεβαιεῖ «εἰς ὄλους τοὺς Ἕλληνας, Τούρκους, Ἀρμένηδες, τὴν ἰσοτιμίαν, τὴν ἐλευθερίαν, τὴν σιγουρότητα, τὴν ἐξουσίαν τῶν ὑποστατικῶν ἐκάστου...» κ.τ.λ.

Εἶναι γνωστὸν, ὅτι τὰ τῆς Φιλικῆς Ἐταιρείας ἐμυθήθησαν και οἱ Ἀρμένιοι. Ὑπάρχουν ἔγγραφα τὰ ὁποῖα ἐπικυρώνουν τὴν συμμετοχὴν τῶν Ἀρμενίων τοῦ Ἰσμαήλ. Ἡ ἐπανάστασις τοῦ 1821 εὔρε ἀντίλαλον ὄχι μόνον εἰς τὴν Ἀρμενίαν και τὸν Καύκασον, ἀλλὰ και εἰς ὄλας τὰς ἀρμενικὰς παροικίας τοῦ ἐξωτερικοῦ. Τὸ 1822 ἕνα ἀρμενικὸν περιοδικὸν τῆς Καλκούτας τῶν Ἰνδιῶν ἔγραφε, ὅτι «τὸ ἔθνος τῶν Ἀρμενίων πρέπει νὰ δράσῃ ὡς οἱ Ἕλληνες», τουτέστιν νὰ ἐξεγερθῇ κατὰ τῆς Ὀθωμανικῆς αὐτοκρατορίας. Καὶ τὰ ἐπόμενα ἔτη αἱ μορφαὶ τῶν Ἑλλήνων ἡρώων τοῦ 1821 δὲν ἔλειπον ἐκ τῶν σελίδων τῶν ἀρμενικῶν ἐφημερίδων και περιοδικῶν. Καὶ αὐτὸ εἶναι φυσικόν. Τὰ 9/10 τῆς Ἀρμενίας εὐρίσκοντο ὑπὸ τὸν ζυγὸν τῶν ἀλλοφύλων. Αἱ μορφαὶ τῶν Ἑλλήνων ἡρώων ἀνεπτέρωνον τὸ ἠθικὸν τῶν Ἀρμενίων, ἡ δὲ ἀπελευθέρωσις τῆς Ἑλλάδος ἐδίδεν αὐτοπεποιθήσιν, ὅτι και ἡ τουρκοκρατουμένη Ἀρμενία δύναι οὕτως νὰ λυτρωθῇ. Κατὰ τὸν ρωσο-τουρκικὸν πόλεμον τοῦ 1877-1878, ὅτε και πάλιν ἐτέθη εἰς ἡμερησίαν διάταξιν τὸ ζήτημα τῆς ἀπελευθέρωσεως τῆς Δυτικῆς Ἀρμενίας, εἰς ἕνα ἀρμενικὸν περιοδικὸν τῆς Τιφλίδος δημοσιεύεται ἡ ἀρμενικὴ μετάφρασις τοῦ Θουρίου τοῦ Ρήγα Φερραίου. Μετὰ τόσα χρόνια τὸ φλογερὸν αὐτὸ ποίημα διὰ τοὺς Ἀρμενίους ἦτο πολὺ ἐπικαιρον.

*
* * *

Εἰς τὰ μαῦρα χρόνια τῆς Τουρκοκρατίας οἱ Ἀρμένιοι δὲν ἔπαυσαν νὰ μελετοῦν τὰ ἔργα τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων συγγραφέων. Εἰς τὰς κορυφὰς τῶν ἀπροσίτων ὁρέων ἀναπτύσσουν δρᾶσιν μοναὶ καὶ σχολαί. Θέλω νὰ τονίσω ἐδῶ κάτι τὸ καταπληκτικόν. Εἰς διαφόρους βιβλιοθήκας τοῦ κόσμου φυλάσσονται ἑκατοντάδες ἀρμενικὰ χειρόγραφα τοῦ IB'-IH' αἰῶνος περιέχοντα τὰ ἔργα τοῦ Πλάτωνος, Ἀριστοτέλους, Πορφυρίου, Ζήνωνος, Θέωνος καὶ ἄλλων Ἑλλήνων συγγραφέων τῆς ἀρχαιότητος, δηλαδὴ κατὰ τὰ χρόνια τῆς μαύρης σκλαβιάς, ὅταν ἡ ζωὴ τοῦ ἀνθρώπου δὲν ἐκόστιζε τίποτε, οἱ τουρκοκρατούμενοι Ἀρμένιοι συνέχιζαν εἰς μακρὰν τῶν πόλεων καὶ κέντρων μονὰς νὰ διαβάζουν, ἀντιγράφουν, ἐρμηνεύουν, μελετοῦν τὰ ἔργα τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων. Τὴν ἀγάπην πρὸς τὴν ἀρχαίαν Ἑλλάδα καὶ τὸν ἀρχαῖον ἑλληνικὸν πολιτισμὸν ἤθελαν νὰ ὑπογραμμίσουν οἱ Ἀρμένιοι, ὀνομάζοντες τὴν ἰδρυθεῖσαν τὰ τέλη τοῦ IG' αἰῶνος εἰς τὴν μονὴν τοῦ Γκλατζὸρ σχολὴν «δευτέρας Ἀθήνας».

Μεταγενέστερον, τὸ ἐνδιαφέρον αὐτὸ γίνεται περισσότερον ἔντονον. Τὸ 1783 Γεωργίος τις Κωνσταντινουπολίτης μεταφράζει εἰς τὴν ἀρμενικὴν τὴν Ἰλιάδα τοῦ Ὀμήρου ἐκ παλαιᾶς νεοελληνικῆς μεταφράσεως. Ὑπάρχει καὶ ἀρμενικὴ μετάφρασις τοῦ ἔργου τοῦ Νικελάου Λουκανοῦ «Ἡ ἄλωσις τῆς Τροίας».

Εἰς ἄλλος Ἀρμένιος Κωνσταντινουπολίτης, ὁ Μελχισεδέκ, τὸ 1772 μεταφράζει τὸ Χρονικὸν τοῦ Γεωργίου τοῦ Φραντζῆ. Αὐτὴ εἶναι ἡ πρώτη μετάφρασις τοῦ ἔργου αὐτοῦ εἰς ζωντανὴν γλῶσσαν καὶ ἔχει πραγματοποιηθῆ πρὸ τῆς ἐκδόσεως τοῦ πρωτοτύπου.

Οἱ Ἕλληνες ἀπήλαυσαν ὅλας τὰς «χάριτας» τῆς Τουρκοκρατίας τετρακόσια ἔτη, οἱ Ἀρμένιοι ἑνεακόσια. Διὰ τοὺς Ἀρμενίους ἡ Τουρκοκρατία ἔληξε διὰ τῆς ἐξοντώσεως μόνον τὸ 1915 ἐνὸς καὶ ἡμίσεος ἑκατομμυρίου ψυχῶν, τῆς ἀπωλείας τῶν 9/10 τῆς πατρίδος των καὶ τῆς διασπορᾶς τῶν ἐπιζησάντων εἰς ὅλας τὰς χώρας τοῦ κόσμου. Οἱ κατακτηταὶ ἔπραξαν τὸ πᾶν διὰ νὰ ἐξοντώσουν τὸν λαὸν μας, νὰ ἐξαλείψουν ὅ,τι ἐνεθύμιζεν ὅτι κάποτε ἡ χώρα αὐτὴ ἦτο ἡ Ἀρμενία. Ὁ Ταλαὰτ πασᾶς εἶχε πεῖ, ὅτι θὰ σφάζῃ ὅλους τοὺς Ἀρμενίους ἐκτὸς ἐνός, ὁ ὁποῖος θὰ λάβῃ θέσιν εἰς τὴν βιτρίναν τοῦ μουσείου. Ἀλλὰ οἱ Ἀρμένιοι ἐπέζησαν καὶ συναθροισθέντες εἰς τὴν πατρίδα των, τὴν Σοβιετικὴν Ἀρμενίαν, ἐπὶ τῶν 10 τοῖς ἑκατὸν τοῦ ἐδάφους τῆς ἱστορικῆς Ἀρμενίας, πορεύονται τὴν ὁδὸν τῆς προόδου καὶ τῆς προκοπῆς, ἀλαλάζοντες εἰς ὅλον τὸν κόσμον, ὅτι ζεῖ, ὑπάρχει ὁ σύγχρονος τῶν Ἑλαμιτῶν, ἀρχαίων Αἰγυπτίων, Ἀσσυρίων, Χετταίων, Βαβυλωνίων, Μήδων πα-

νάρχαιος λαός. Πόσα ἔθνη τοῦ κόσμου δύνανται νὰ καυχηθοῦν ὅτι εἶναι σύγχρονοι τῶν ἀνωτέρω;

Ὁ ἑλληνικὸς λαὸς εἰς τὴν πλέον θλιβερὰν καὶ δραματικὴν ἐποχὴν τῆς ἱστορίας του, ὅτε ἔπρεπε νὰ ἐξασφαλίσῃ ἄσυλον καὶ στέγην εἰς ἓνα ἑκατομμύριον Ἕλληνας τῆς Μικρᾶς Ἀσίας καὶ Ἀνατολικῆς Θράκης, ἄνευ διακρίσεως ἔπραξε τὸ ἴδιο διὰ τοὺς χιλιάδας τῆς ἰδίας μοίρας Ἀρμενίου. Μεταξὺ αὐτῶν καὶ διὰ τοὺς γονεῖς μου. Ἡ εὐγενικὴ, φιλικὴ καὶ ἀνθρωπιστικὴ χειρονομία αὐτῆ τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ ἔχει βαθιὰ σφραγισθεῖ εἰς τὴν συνείδησιν τοῦ ἀρμενικοῦ λαοῦ, τῶν Ἀρμενίων τῆς Ἑλλάδος, οἱ ὅποιοι θεωροῦν τὴν χώραν αὐτὴν δευτέραν των πατρίδα καὶ μὲ κάθε δυνατὸν μέσον συντείνουν εἰς τὴν πρόοδον καὶ προκοπὴν τῆς.

Αὐγουστος 1981

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

- ³ *Ἀβρααμιάν Ἀ.*, Τὰ συγγράμματα τοῦ Ἀνανία τοῦ Σιρακηνοῦ, Ἐρεβάν, 1944 (ἀρμενιστί).
- ⁴ *Ἀκολουθία τοῦ ἁγίου βαπτίσματος κατὰ τὰς διατάξεις τῆς Ἀρμενικῆς Ὁρθοδόξου Ἐκκλησίας καὶ Ἐκθεσις ὁμολογίας πίστεως ὑπὸ Νερσῆς τοῦ Χαρίεντος καὶ ἐπιστολαὶ διαμειφθεῖσαι μεταξύ αὐτοῦ καὶ τοῦ αὐτοκράτορος Μανουὴλ Πορφυρογεννήτου τοῦ Κομνηνοῦ καὶ Μιχαὴλ τοῦ Οἰκουμενικοῦ πατριάρχου. Μεταφρασθεῖσαι ἐκ τοῦ ἀρμενικοῦ ὑπὸ Δημητρίου Ἰ. Χ. Τζολακίδου, Κωνσταντινούπολις, 1881.*
- ⁵ *Ἀκοπιάν Μ.*, Ἡ ἀντανάκλασις τῶν ἐλληνικῶν ἀπελευθερωτικῶν κινήματων εἰς τὸ (ἀρμενικὸ) περιοδικὸ «Μετέωρα». Ἰπ: «Ἀπὸ τὴν ἱστορία τοῦ ἀρμενικοῦ περιοδικοῦ τύπου», Ἐρεβάν, 1963 (ἀρμενιστί).
- ⁶ *Ἀκοπιάν Μ.*, Ἡ ἀπελευθέρωσις τῆς Ἑλλάδος καὶ ἡ ἀρμενικὴ κοινωνικὴ ἰδέα. Ἰπ: «Ἡ Κεντρικὴ καὶ Νοτιο-ανατολικὴ Εὐρώπη στὴ νέα ἐποχὴ», Μόσχα, 1974 (ρωσιστί).
- ⁷ *Ἀκοπιάν Μ.*, Βιβλιοκρισία τῆς ἐργασίας τοῦ Γ. Α. Ἄρς, Τὸ ἐταιριστικὸ κίνημα στὴ Ρωσία, Μόσχα, 1970. «Ἱστορικο-φιλολογικὸν περιοδικὸν» τῆς Ἀρμενικῆς Ἀκαδημίας ἐπιστημῶν, ἀριθ. 2, 1972.
- ⁸ *Ἀκοπιάν Μ.*, Ὁ Ρήγας καὶ οἱ Ἀρμένιοι, «Δελτίον» Κοινωνικῶν Ἐπιστημῶν τῆς Ἀρμενικῆς Ἀκαδημίας, ἀριθ. 8, 1971 (ἀρμενιστί).
- ⁹ *Ἀκοπιάν Μ.*, Ὁ ρόλος τοῦ (ἀρμενικοῦ) περιοδικοῦ «Μετέωρα» στὸ δυτικοαρμενικὸ δημοκρατικὸ κίνημα, Ἐρεβάν, 1977 (ἀρμενιστί).
- ¹⁰ *Ἀνασιάν Ἀ.*, Ἡ ἀνέκδοτος ἀρμενικὴ μετάφρασις τοῦ Χρονικοῦ τοῦ Γεωργίου Φραντζῆ, «Δελτίον τοῦ Ματενανταράν» (Ἰνστιτούτου ἀρχαίων χειρογράφων), ἀριθ. 3, 1956 (ἀρμενιστί).
- ¹¹ *Ἀνασιάν Ἀ.*, Οἱ ἀρμενικὲς πηγὲς γιὰ τὴν πτώσις τοῦ Βυζαντίου, Ἐρεβάν, 1957 (ἀρμενιστί καὶ ρωσιστί).
- ¹² *Ἀνασιάν Ἀ.*, Μία σελίδα τοῦ ἀρμενο-ἐλληνικοῦ ἀπελευθερωτικοῦ κινήματος τῆς ἐποχῆς τοῦ πολέμου τῆς Κρήτης, «Δελτίον» Κοινωνικῶν Ἐπιστημῶν τῆς Ἀρμενικῆς Ἀκαδημίας, ἀριθ. 3, 1954 (ἀρμενιστί).
- ¹³ *Ἀνασιάν Ἀ.*, Τὰ ἀπελευθερωτικὰ κινήματα στὴ Δυτικὴ Ἀρμενία κατὰ τὸν 17ον αἰῶνα, Ἐρεβάν, 1961 (ἀρμενιστί).
- ¹⁴ *Ἀρακελιάν Μπ.*, Γκαρνὶ Α'. Τὰ πορίσματα τῶν ἀρχαιολογικῶν ἀνασκαφῶν τῶν ἐτῶν 1949-1950, Ἐρεβάν, 1951 (ρωσιστί).
- ¹⁵ *Ἀρακελιάν Μπ.*, Γκαρνὶ Β'. Τὰ πορίσματα τῶν ἐργασιῶν τῶν ἐτῶν 1951-1955 τῆς ἀρχαιολογικῆς ἀποστολῆς τοῦ Γκαρνὶ, Ἐρεβάν, 1957 (ρωσιστί).
- ¹⁶ *Ἀρακελιάν Μπ.*, Οἱ πόλεις καὶ οἱ τέχνες τῆς Ἀρμενίας κατὰ τοὺς 9ον-13ον αἰῶνες, τόμοι Α'-Β', Ἐρεβάν, 1958-1964 (ἀρμενιστί).
- Γιακομπσόν Ἀ. Α.*, Γιὰ τὴ μελέτη τῆς πρωίμου μεσαιωνικῆς βουλγαρικῆς ἀρχιτεκτονικῆς (ἀρμενικοὶ παραλληλισμοί), «Βυζαντινὰ Χρονικά» τῆς Μόσχας, τόμ. 28, 1968 (ρωσιστί).
- Γρηγορίου ἐκ Δαρανάλεως*, Χρονογραφία, ἔκδοσις Μεσρόπ Νισιανῶν, Ἱερουσαλήμ, 1915 (ἀρμενιστί).
- Ζωϊδῆ Γ. Ι.*, Ρήγας Βελεστινλῆς, ὁ μεγάλος ἐπαναστάτης - δημοκράτης, 1757-1798. Πολιτικὲς καὶ λογοτεχνικὲς ἐκδόσεις, 1957.
- Ἡροδότου*, Ἱστορίαι, Α', Γ', Ε', Ζ'.
- Καζντάν Ἀ. Π.*, Οἱ Ἀρμένιοι τῆς κυριαρχοῦσης τάξης τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας κατὰ τοὺς 11ον-12ον αἰῶνες, Ἐρεβάν, 1975 (ρωσιστί).
- Καφανταριάν Κ. Γ.*, Ἡ πόλις Δβιν καὶ οἱ ἀνασκαφῆς τῆς, Ἐρεβάν, 1952 (ἀρμενιστί).
- Κεκανμένον*, Συμβουλῆς καὶ ἀφηγήσεις. Ἔργον βυζαντινοῦ στρατηγοῦ τοῦ ΙΑ' αἰῶνα, ἔκδοσις Γ. Γ. Λιτάβριν, Μόσχα, 1972 (τὸ ἐλληνικὸν κείμενον, ρωσικὴ μετάφρασις, μελέτη καὶ σχόλια).
- Κριαρῆ Π. Κ.*, Ἡ Κρήτη καθ' ἅπαντας τοὺς πρὸ τοῦ μεγάλου κρητικοῦ πολέμου (1645-1669) αἰῶνας, Ἐν Ἀθήναις, 1934.
- Μαναντιάν Ἀ.*, Ἡ σχολὴ τῶν Ἑλληνοφίλων καὶ αἱ περίοδοι τῆς ἀναπτύξεώς τῆς, Βιέννη, 1928 (ἀρμενιστί).
- Μάρρ Ν.*, Ἀνί. Ἱστορία τῆς πόλης καὶ ἀνασκαφῆς στὴν τοποθεσίαν τῆς, Λένινγκραντ-Μόσχα, 1934 (ρωσιστί).
- Μικαηλιάν Γ.*, Ἱστορία τοῦ ἀρμενικοῦ κράτους τῆς Κιλικίας, Ἐρεβάν, 1952 (ρωσιστί).
- Μουραντιάν Ἀ.*, Ἡ σχολὴ τῶν Ἑλληνοφίλων καὶ ὁ ρόλος τῆς στὴ δημιουργία τῆς ἀρμενικῆς γραμματικῆς ὁρολογίας, Ἐρεβάν, 1971 (ἀρμενιστί).
- Μπαρτικιάν Χρ.*, Οἱ 101η καὶ 139η ἐπιστολῆς τοῦ πατριάρχου τῆς Κωνσταντινουπόλεως Νικολάου τοῦ Μυστικοῦ στὸν καθολικὸν τῆς Ἀρμενίας Ἰωάννη ἐκ Δρασχανακέρτ καὶ βασιλέα Σεμπάτ τὸν Α', «Ἱστορικο-φιλολογικὸν περιοδικὸν» τῆς Ἀρμενικῆς Ἀκαδημίας Ἐπιστημῶν, ἀριθ. 4, 1966 (ἀρμενιστί).
- Μπαρτικιάν Χρ.*, Νέα ὕλη γιὰ τὶς σχέσεις τοῦ ἀρμενικοῦ κράτους τῆς Κιλικίας καὶ τοῦ Βυζαντίου, «Δελτίον τοῦ Ματενανταράν», τόμ. 4, 1958 (ἀρμενιστί).
- Μπαρτικιάν Χρ.*, Γιὰ τὸ βουλγαρικὸν στρατὸν στὸ Βασπουρακὰν καὶ τοὺς τελευταίους χρόνους τοῦ βασιλείου τῶν Ἀρτζρουνιδῶν, «Δελτίον» Κοινωνικῶν Ἐπιστημῶν τῆς Ἀρμενικῆς Ἀκαδημίας, ἀριθ. 10, 1973 (ρωσιστί).
- Μπενεσέβιτς Β. Ν.*, Τρεῖς ἐπιγραφῆς τοῦ Ἀνίου τοῦ ΙΑ' αἰῶνα ἀπὸ τὴν ἐποχὴ τῆς βυζαντινῆς κυριαρχίας, Πετρούπολις, 1921 (ρωσιστί).
- Νεοφύτου Κυπρίου*, Ὑπόμνημα περὶ τῶν ἐν Ἱερουσαλήμ διαφόρων χριστιανικῶν ἔθνων καὶ λογομαχιῶν αὐτῶν περὶ τῶν παναγίων προσκυνημάτων. Ἰπ: Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως, Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, τόμ. Β', Ἐν Πετρούπολει, 1894.
- Ξενοφῶντος*, Κύρου Παιδεία.
- Ξενοφῶντος*, Κύρου Ἀνάβασις.
- Παρθενίου μητροπολίτου Καισαρείας τῆς Παλαιστίνης ἐξ Ἀθηνῶν*, Ἱστορία τῆς μεταξύ Ρωμαίων καὶ Ἀρμενίων διαφορᾶς. Ἰπ: Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως, Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, τόμ. Α', Ἐν Πετρούπολει, 1891.
- Πλουτάρχου*, Βίοι παράλληλοι, «Λούκουλος», «Κράσσοι».
- Πολίτη Ν.*, Ἐκλογαί
- Στεφάνου ἐπισκόπου Σνῆς*, Ἀπάντησις στὴν ἐπιστολὴν τοῦ πατριάρχου τῆς Κωνσταντι-

- νουπόλεως Γερμανού (715-730), «Βιβλος ἐπιστολῶν», Τιφλίς, 1901 (ἀρμενιστί).
 Στράβωνος, Γεωγραφικά, ΙΑ', ΙΒ', ΙΓ'.
 «Σφραγίς τῆς πίστεως» συνταχθεῖσα ἐπὶ τοῦ καθολικοῦ Κομητᾶς (615-628), Ἐτσμια-
 τζίν, 1914 (ἀρμενιστί).
 Τεῖρ-Γεβοντιάν Ἀ. Ν., Τὰ ἀρχαῖα ἐμιράτα τῆν Ἀρμενία τῶν Βαγρατιδῶν, Ἐρεβάν,
 1965 (ἀρμενιστί).
 Τεῖρ-Σαχακιάν Κ., Οἱ Ἀρμένιοι αὐτοκράτορες τοῦ Βυζαντίου, τόμ. Α'-Β', Βενετία, 1905
 (ἀρμενιστί).
 Τσολάκη Θ., Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογράφιας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτση, Θεσσαλονίκη,
 1968.
 Χαβιαροῦ Δ., Δημότικη ποίησις Σύμης, ἡ συλλογὴ συμαϊκῶν δημοδῶν ἀσμάτων. In: Ὁ
 ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος, τόμ. ΙΘ', 1884-1885
 (Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1890).

- Adontz N., Études arméno-byzantines, Lisbonne, 1965.
 Adontz N., Role of the Armenians in byzantine science, «The Armenian Review»,
 3, No 3, 1950.
 Agathangelos, History of the Armenians. Translation and commentary by R. W.
 Thomson, Albany, State University of New York Press, 1976.
 Anne Comnène, Alexiade. Texte établi et traduit par B. Leib, t. III, Paris, 1945.
 Aristakès de Lastivert, Récit des malheurs de la nation arménienne. Traduction fran-
 çaise avec introduction et commentaire par M. Canard et H. Berberian, d'après
 l'édition et la traduction russe de K. Yuzbashian, Bruxelles, 1973.
 Bartikian H., La conquête de l'Arménie par l'Empire Byzantin. «Revue des Études
 Arméniennes», t. VIII, 1971.
 Bartikian M., Traces de sectateurs arméniens en Grèce Septentrionale. «Revue
 des Études Arméniennes», t. I, 1964.
 Berberian H., Autobiographie d'Anania Širakac'i. «Revue des Études Arméniennes»,
 t. I, 1964.
 Bréhier L., Les Colonies d'Orientaux en Occident. «Byzantinische Zeitschrift»,
 Bd., XII, 1903.
 Charanis P., A note on the ethnic origin of the emperor Maurice. «Byzantion»,
 t. XXXV, fasc. 2, 1965.
 Charanis P., The Armenians in the Byzantine Empire, Lisboa, 1963.
 Chronique de Matthieu d'Edesse (952-1136), avec la Continuation de Grégoire le
 Prêtre jusqu'en 1162... par Ed. Dulaurier, Paris, 1858.
 Constantini Porphyrogeniti imperatoris, De Cerimoniis aulae byzantinae, e recen-
 sione Io. Iac. Reiskii, vol. I, Bonnae, 1829.
 Corpus Iuris Civilis, vol. II, Codex Iustinianus, recognovit et retractavit Paulus
 Kreuger, Berolini, 1959, I, 29, 5.
 Corpus Iuris Civilis, vol. III, Novellae, Nov. XXI.
 Corpus Iuris Civilis, vol. III, Novellae, Appendices. Edictum III de Armeniorum
 successione, p. 760-761.
 Darrouzès J., Deux lettres inédits de Photios aux Arméniens. «Revue des Études
 Byzantines», t. XXIX, 1971.

- Darrouzès J., Notes d'épistolographie et d'histoire des textes. «Revue des Études
 Byzantines», t. XII, 1954.
 Darrouzès J., Un Recueil épistolaire byzantin. Le manuscrit de Patmos 706. «Re-
 vue des Études Byzantines», t. XIV, 1956.
 Der Nersessian S., Armenia and the Byzantine Empire, Cambridge, 1945.
 Der Nersessian S., Byzance et l'Arménie. Problèmes et état des recherches. In:
 Études byzantines et arméniennes, t. I, Louvain, 1973.
 Diller A., Byzantine lists of old and new geographical names. «Byzantinische Zeits-
 chrift», Bd. 62, Heft I, 1970.
 Ducas, Istoria turco-bizantină (1341-1462), ediție critică de Vasile Grecu. Editura
 Academiei Republicii Populare Române, 1958.
 Eznik de Kolb, De Deo. Traduction française, notes et tables par Louis Mariès et
 Ch. Mercier. «Patrologia Orientalis», t. XXVIII, fasc. 4, Paris, 1959.
 Des Faustus von Byzanz, Geschichte Armeniens. Aus dem armenischen übersetzt
 und mit Abhandlung über die Geographie Armeniens eingelätes von Dr M.
 Lauer, Köln, 1879.
 Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V., The migrations of Indo-European speaking tribes
 from their original Near Eastern habitat to their historical homes in Eurasia.
 «Vestnik Drevnej Istorii», t. II, 1981 (ρωσιστί με ἀγγλική περίληψη).
 Grégoire H., An armenian dynasty on the Byzantine Throne. «Armenian Quarterly»,
 vol. I, No 1, New York, 1946.
 Grégoire H., Maurice le Marcioniste, empereur arménien et «Vert». «Byzantion»,
 t. XIII, 1938.
 Grumel V., L'envoyé de Photios au catholicos Zacharia. «Revue des Études By-
 zantines», t. XIV, 1956.
 Hieroclis Synecdemus, recensuit Augustus Burckhardt, Lipsiae, 1893.
 Histoire d'Arménie par le Patriarche Jean VI dit Jean Catholicos. Traduite de
 l'arménien en français par M. J. Saint-Martin, ouvrage posthume, Paris, 1841.
 Histoire des guerres et des conquêtes des Arabes en Arménie, par l'éminent Ghe-
 vond Vardapet arménien, écrivain du huitième siècle, trad. par Garabed V.
 Chahnazarian, en enrichie de notes nombreuses, Paris, 1856.
 Ioannis Scylitzae, Synopsis Historiarum, editio princeps, recensuit Ioannes Thurn,
 Berolini et Novi Eboraci, 1973.
 Koriun, The Life of Mashtotz. Translated by Bedros Norehad, New York, 1964.
 Krumbacher K., Kasia. «Sitzungsberichten der philos.-philol. und der hist. Classe
 der K. bayer. Akad. d. Wiss., 1897, Heft III.
 Kyrris C. P., Military colonies in Cyprus in the Byzantine Period. «Byzantinosla-
 vica», t. XXXI, fasc. 2, 1970.
 Lamentation sur la prise de Constantinople. In: A. Tchobanian, La Roseraie
 d'Arménie, t. III, Paris, 1929.
 Lazare de Pharbe, Histoire d'Arménie. Traduite pour la première fois en français
 et accompagnée de notes historiques et critiques, par le P. Samuel Dr. Ghe-
 sarian (Cantarian). In: «Collection des historiens anciens et modernes de
 l'Arménie», publiée en français... par... V. Langlois, t. II, Paris, 1869.
 Lemerle P., Note sur les données historiques de l'autobiographie d'Anania de Shi-
 rak, Revue des Études Arméniennes, t. I, Paris, 1964.

- Leroy M., Grégoire Magistros et les traductions arméniennes d'auteurs grecs. «Annuaire de l'Institut d'Histoire et de Philologie Orientales et Slaves», III, 1935; *Idem*: La traduction arménienne d'Euclide, *Ibidem*, IV, 1936.
- Moses Chorenatsi, History of the Armenians. Trans. and Commentary on the Literary sources by R. Thomson, London, 1978.
- Nicephori Archiepiscopi Constantinopolitani, Opuscula historica, ed. C. de Boor, Lipsiae, 1880.
- Nicephori Patriarchae Constantinopolitani, Antirrheticus adversus Const. Copr., Migne, Patrologia graeca, t. 100.
- Procopii Caesariensis, Opera Omnia, recognovit Jacobus Haury, Lipsiae, 1905-1913.
- Sébéos, Histoire d'Heraclius par l'évêque Sébéos, traduite de l'arménien et annotée par F. Macler, Paris, 1904.
- Stephanos von Taron, Armenische Geschichte. Aus dem altarmenischen übersetzt von H. Gelzer und A. Burckhardt, Leipzig, 1907.
- Tallon M. S., Livre des Lettres (Girk T'lt'oc), Ier groupe: Documents concernant les relations avec les grecs, Beyrouth, 1955. Mélanges de l'Université Saint Joseph, Beyrouth (Liban), t. 32, fasc. I.
- Theophanis Chronographia, rec. C. de Boor, vol. I, Lipsiae, 1883.
- Theophanes Continuatus Chronographia, ex recognitione Immanuelis Bekkeri, Bonnae, 1838.
- Winfried Petri, Ananija Schirakatzi-ein armenischer Kosmograph des 7. Jahrhunderts. «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 114, Heft 2, 1964.
- Yeghisheh, The History of Vartanank. English translation by Dickran H. Boyajian, New York, 1952.

ΓΙΑ ΤΟΝ «ΙΒΗΡΙΚΟ ΣΤΡΑΤΟ» ΚΑΙ ΤΟ ΒΥΖΑΝΤΙΝΟ ΘΕΜΑ
«ΙΒΗΡΙΑ»
ΧΡΑΤΣ ΜΠΑΡΤΙΚΙΑΝ /'Αρμενιά

Τὸ 863 ὁ Ἄραβας ἀμνηρᾶς τῆς Μελιτηνῆς Omar ibn Abdallah al-Akta (ὁ Ἄμερ καὶ Ἄμβρων τῶν βυζαντινῶν πηγῶν) γιὰ δευτέρη φορά εἰσέβαλε στὸ Βυζάντιο, λεηλάτησε τὸ θέμα τῶν Ἀρμενικῶν, καὶ ἔφθασε μέχρι τῆς Ἄμισου¹. Ὁ αὐτοκράτωρ Μιχαὴλ ὁ Γ' διέταξε τὸν στρατηγὸ τῶν Θρακησίων Πετρωνᾶ, τὸν ἀδελφὸ τῆς αὐτοκράτειρας Θεοδώρας καὶ τοῦ καίσαρα Βάρδα νὰ ἀντεπεξέλθῃ κατὰ τοῦ ἀμνηρᾶ. Πλησίον τοῦ Ἄλυος ποταμοῦ, στὴν τοποθεσία Πόσων, ἐπὶ τῆς μεθορίου τῶν θεμάτων τῶν Ἀρμενικῶν καὶ τοῦ Χαρσιανοῦ ἔγινε ἡ ἀποφασιστικὴ σύρραξη, κατὰ τὴν ὁποία ὁ βυζαντινὸς στρατὸς κατήγαγε λαμπρὰ νίκη², μετὰ τὴν ὁποία ἡ πρωτοβουλία τοῦ βυζαντινο-ἀραβικοῦ πολέμου περιῆλθε στὰ χέρια τοῦ Βυζαντίου. Ἐκτοτε ἡ αὐτοκρατορία ἀπὸ ἀμυνόμενον μέρος ἔγινε ἐπιτηθέμενον, ἄρχισε νὰ ἀνακτᾶ τις ἀπολεσθεῖσες πρὸ 150-200 ἐτῶν περιοχῆς τῆς, μεταξὺ τῶν ὁποίων καὶ περιοχῆς τῆς Ἀρμενίας πού, μετὰ τὸ σύμφωνο τοῦ 591 μεταξὺ Μαυρικίου καὶ τοῦ βασιλέως τῶν Σασανιδῶν Χοσρόη τοῦ Β' Ἀπρβέζ, εἶχαν εἰσέλθει στὰ πλαίσια τοῦ βυζαντινοῦ κράτους. Κυριεύονται οἱ ἀνήκουσες στοὺς κάποτε συμμάχους τῶν Ἀράβων τῆς Μελιτηνῆς αἰρετικὸς Παυλικιανὸς περιφέρειες (Τεφρική καὶ ἄλλες)³, τὸ 934 κυριεύεται ἡ πρῶν πρωτεύουσα τῆς Τρίτης Ἀρμενίας τοῦ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Α' τὸ «ἐπίσημον καὶ ἐξακουστὸν καὶ πάνυ ὄχυρον καὶ δυνατὸν κάστρον», πόλη Μελιτηνῆ⁴, τὸ δὲ 949 «τὸ ἀνδρειότατον καὶ πανθαύμαστον» κάστρο τῆς Θεοδοσιούπολης⁵. Ἐὰν τὸ Βυζάντιο τις πόλεις αὐτῆς τις ἀνακατέλαβε ἀπὸ τοὺς Ἄραβες, μετὰ μία δεκαετία, ἄρχισε νὰ προσαρτᾶ καὶ ἐδάφη τῆς Ἀρμενίας πού εἶχαν ἤδη ἀπελευθερωθεῖ ἀπὸ τοὺς Ἀρμένιους αὐτοὺς· ἐκεῖ εἶχαν ἰδρυθεῖ ἀρμενικὰ πριγκιπᾶτα καὶ βασιλεία, ἐπομένως ἐδῶ δὲν δύναται νὰ γίνῃ λόγος γιὰ ἐπανάκτηση, γιὰ ἀπελευθέρωση ἐδαφῶν. Τὸ 966 κυριεύεται ἡ χώρα τοῦ Ταρών⁶, τὸ 1000 τὸ πριγκιπᾶτο τοῦ Τάϊκ (ἡ χώρα τοῦ κουροπαλάτη Δαβίδ)⁷, τὸ 1021 καταλύεται τὸ ἀρμενικὸ βασίλειον τῶν

1. Theophanes Continuatus, ex rec. I. Bekkeri, Bonnae 1838, p. 179.

2. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 179-183.

3. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 271-276.

4. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 415.

5. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 428.

6. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum, editio princeps, rec. Ioannes Thurn, Berolini et Novi Eboraci, 1973, p. 279.

7. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 339.

Ἀρτζρουνιδῶν τῆς Βασπρακανίας⁸, τὸ 1045 τὸ βασιλεῖο τῶν Ἀρμενίων Βαγρατιδῶν τῆς Σιρακηνῆς (ἡ Μεγάλη Ἀρμενία τῶν βυζαντινῶν πηγῶν)⁹.

Ἡ Βυζαντινὴ αὐτοκρατορία συνεχίζει τὴν πολιτικὴ αὐτὴ προσπάθειά της νὰ κυριεύσει καὶ ἄλλα φρούρια καὶ πόλεις τοῦ πρώην βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν, πού μὲ τὴ συγκατάθεσή της εἶχε ἐκπορθῆσει ὁ ἀμνηστὸς τοῦ Δβίν Ἀπλησφάρης (Abu-l-Asvar). Ἡ στάση τοῦ Λέοντος τοῦ Τορνικίου ἐμπόδισε τὸν Κωνσταντῖνο τὸν Μονομάχο νὰ συνεχίσει τὶς κατακτήσεις του, ὁ εὐρισκόμενος στὴν Ἀρμενία βυζαντινὸς στρατὸς ἀνακαλεῖται στὴ Δύση γιὰ νὰ καταπνίξει τὴ στάση τοῦ Τορνικίου. Καὶ οὕτως παίρνει τέλος ἡ περαιτέρω ἐπέκταση τῆς αὐτοκρατορίας πρὸς Ἀνατολήν.

Κατακτῆσασα τὴν Ἀρμενία, ἡ βυζαντινὴ κυβέρνησις ἐγκαθιστᾷ ἐκεῖ τὸ δικό της διοικητικὸ, φορολογικὸ σύστημα· ἐφαρμόζει ἰδιαίτερη ἐκκλησιαστικὴ καὶ στρατιωτικὴ πολιτικὴ, ὁ σκοπὸς τῆς ὁποίας ἦταν ἡ ἀφομοίωση τῆς Ἀρμενίας, ἡ μετατροπὴ της σὲ ἀπλὴ ἐπαρχία τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας. Σοβαρὸ ἐμπόδιο στὴν πολιτικὴ αὐτὴ ἦταν βέβαια ἡ ἀρμενικὴ ἀριστοκρατία καὶ τὸ ἀρμενικὸ καθολικοσάτο (πατριαρχεῖο), πού στὴν περίπτωσή της πτώσης τοῦ ἀρμενικοῦ κράτους ἦταν γιὰ τοὺς Ἀρμενίους ἡ κύρια συνεκτικὴ δύναμη. Καὶ γι' αὐτὸ ἕνα ἀπὸ τὰ πρῶτα βήματα τοῦ βυζαντινοῦ κράτους ἦταν ἡ διάλυση τοῦ ἀρμενικοῦ καθολικοσάτου στὸ Ἄνιο, καθὼς καὶ ἡ μετοικεσία τῶν Ἀρμενίων εὐπατριδῶν στὴ Δύση. Πολὺ δυσκολώτερο ἦταν τὸ πρόβλημα τῶν ἀρμενικῶν ἐνόπλων δυνάμεων, τὶς ὁποῖες μετὰ τὴν κατάκτηση τῆς Ἀρμενίας τὸ Βυζάντιο δὲν διάλυσε.

Ἐὰν παρακολουθήσουμε μὲ προσοχὴ τὰ στρατιωτικὰ μέτρα τοῦ Βυζαντίου στὴν Ἀρμενία μετὰ τὴν κυρίευσή της, δὲν εἶναι δύσκολο νὰ πεισθοῦμε, ὅτι ἡ αὐτοκρατορία ἀπὸ τὰ μέσα τοῦ Ι' αἰῶνα ἔθεσε σὲ ἐφαρμογὴ ἰδιαίτερη πολιτικὴ, τὰ θεμέλια τῆς ὁποίας εἶχε βάλει ἤδη ὁ αὐτοκράτωρ Μαυρίκιος, καὶ ὁ σκοπὸς τῆς ὁποίας ἦταν νὰ μὴ διαλύσει τὶς ἀρμενικὲς ἐνοπλές δυνάμεις, νὰ τις φυλάξει γιὰ νὰ τις ἐκμεταλλευθεῖ πρὸς ὄφελος τῆς αὐτοκρατορίας¹⁰. Μερικὰ χρόνια μετὰ τὴν κατάκτηση τοῦ Ταρών οἱ πηγές μιλοῦν γιὰ ἀρμενικοὺς στρατοὺς τοῦ Βυζαντίου πού πολεμοῦν στὴ Βουλγαρία κατὰ τοῦ Σφενδο-

8. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 354-355.

9. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 436-437.

10. Κατὰ τὸν Ἀρμένιο ἱστορικὸ τοῦ Ζ' αἰῶνα Σεβαῖο, ὁ Μαυρίκιος (ἔχοντας ὑπ' ὄψιν τὶς ἀρμενικὲς ἐνοπλές δυνάμεις) ἔγραφε στὸν Χοσρόη τὸν Β': «Ἐνα λοξοδρομοῦν καὶ ἀνυπότακτο ἔθνος ζεῖ μεταξύ μας καὶ ταράσσει. Ἄς φερθοῦμε ἔτσι: ἐγὼ νὰ συνάξω / τοὺς Ἀρμενίους / τῆς δικῆς μου / Ἀρμενίας / καὶ νὰ τοὺς ἐγκαταστήσω στὴ Θράκη, σὺ δὲ σύναξε τοὺς δικούς σου / Ἀρμενίους / καὶ διάταξε νὰ τοὺς μετακομίσουν στὴν Ἀνατολή. Ἐὰν αὐτοὶ σκοτωθοῦν, οἱ ἐχθροὶ μας θὰ σκοτωθοῦν, ἐὰν σκοτώσουν, τοὺς ἐχθρούς μας θὰ σκοτώσουν, καὶ ἐμεῖς θὰ ζήσουμε ἐν εἰρήνῃ. Διότι ἐφόσον αὐτοὶ μείνουν στὴ χώρα τους, ἐμεῖς δὲν θὰ ἔχουμε ἀνάπαυλα». Histoire d'Heraclius par l'évêque Sébéos. Traduite de l'arménien et annotée par F. Macler, Paris 1904, p. 30-31.

σλαίου¹¹, μνημονεύεται τὸ ἀρμενικὸ ἰππικὸ πού βρίσκεται στὰ πλαίσια «τοῦ βασιλείου τῶν Ἑλλήνων»¹². Τὸ 1000 μνημονεύονται τὰ ἀρμενικὰ στρατεύματα τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας καὶ τοῦ Ταρών¹³, τὸ τάγμα τῶν εὐπατριδῶν τοῦ κουροπαλάτη τοῦ Γάιχ Δαβίδ¹⁴. Ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ Μιχαὴλ τοῦ Ε' μνημονεύονται τὰ ἀρμενικὰ στρατεύματα τῆς Σεβάστειας, τοῦ Ταρών καὶ τοῦ Βασπουρακάν¹⁵, τὰ στρατεύματα «τῆς χώρας τῶν Ἀρμενίων» ἐπὶ Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου¹⁶. Ἐδῶ δὲν ὑπάρχει ἀνάγκη νὰ ἀναφερθοῦμε στὸν ἀριθμὸ τῶν στρατευμάτων αὐτῶν. Οἱ πηγές γράφουν ἐκτενῶς γιὰ τὸ ζήτημα αὐτό: οἱ ἀρμενικὲς ἐνοπλές δυνάμεις ἀριθμοῦσαν πολλὰ δεκάδες χιλιάδες μαχητές.

Καὶ οὕτως δὲν εἶναι δύσκολο νὰ πεισθοῦμε, ὅτι σὲ ὅλες τὶς κατεχόμενες ἀπὸ τοὺς βυζαντινοὺς ἀρμενικὲς περιφέρειες, ὑπῆρχαν ἀρμενικὲς ἐνοπλές δυνάμεις, τὶς ὁποῖες, ὅπως εἴπαμε, τὸ Βυζάντιο ἐκμεταλλεῖτο πρὸς ὄφελός του. Ἀλλὰ οἱ δυνάμεις αὐτὲς γιὰ τὴν αὐτοκρατορία ἦταν δίκοπο μαχαίρι· αὐτὲς ὄχι σπάνια μετεῖχαν στὶς ἀντιβυζαντινὲς ἐξεγέρσεις τῶν Ἀρμενίων. Καὶ δὲν εἶναι τυχαῖο πού ἐπὶ Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου διὰ αὐτοκρατορικοῦ διατάγματος οἱ στρατοὶ τῶν Ἀρμενίων διαλύθηκαν. Ὁ Μιχαὴλ ὁ Ἀτταλειάτης, σύγχρονος τῶν γεγονότων ἱστορικὸς, γράφοντας γιὰ τὶς εὐκόλες ἐπιτυχίες τῶν Τούρκων Σελτζούκων στὴν Ἀρμενία, θεωρεῖ αἴτιο τὸν Μονομάχο, ὁ ὁποῖος ἔχων «ἰβηρικὸν ἀξιόμαχον στρατεύμα ὀψώνιον ἔχοντός τινος τῶν παρακειμένων δημοσίων χωρῶν, ἀφείλετο ταύτας ὁ βασιλεὺς καὶ παρελὼν τῶν τούτων ἰσχυρῶς ἐργασάμενος προσθήκην διὰ τούτων ἀκαταμάχητον προεξένησε τοῖς ἐναντίοις»¹⁷.

Πιὸ σαφὴς εἶναι ὁ Ἰωάννης ὁ Σκυλίτης. Αὐτὸς γιὰ τὸν Κωνσταντῖνο τὸν Μονομάχο γράφει, ὅτι «κατέλυσε ... τὸν ἰβηρικὸν στρατὸν ἀμφὶ τὰς πενήκοντα χιλιάδας ἀριθμούμενον διὰ Λέοντος τοῦ Σερβλίου καὶ ἀντὶ στρατιωτῶν φόρους πολλοὺς ἐπορίζετο ἀπὸ τῶν χωρίων ἐκεῖνων»¹⁸.

Τὸ γεγονὸς αὐτὸ τὸ μνημονεύει καὶ ὁ Κεκαυμένος. Αὐτὸς δὲν ἀναφέρει κατ' ὄνομα τὸν «ἰβηρικὸ στρατὸ», ἀλλὰ μιλά γιὰ τὴ δράση τοῦ Λέοντα τοῦ Σερβλίου στὴν Ἰβηρία καὶ Μεσοποταμίᾳ¹⁹, στὰ πλαίσια τοῦ ὁποῖου, ὅπως εἶναι

11. Etienne Asolik de Taron, Histoire Universelle, trad. de l'arménien et annotée... par Fr. Macler, Paris 1917, p. 45.

12. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 56.

13. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 163.

14. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 162.

15. Chronique de Matthieu d'Edesse (952-1136), avec la Continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162, par E. Dulaurier, Paris 1858, p. 72.

16. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 76, 80.

17. Michaelis Attaliothae Historia, rec. I. Bekkerus, Bonnae 1853, p. 44-45.

18. Ioannis Scylizae Synopsis Historiarum, p. 476.

19. Συμβουλές καὶ ἀφηγήσεις τοῦ Κεκαυμένου. Ἔργο βυζαντινοῦ στρατηγοῦ τοῦ ΙΑ'

γνωστό, εύρισκετο και η Τετάρτη 'Αρμενία.

Και έτσι, όπως βλέπουμε, και ο 'Ατταλειάτης και ο Σκυλίτσης μιλούσαν για «ιβηρικό» στρατό, ο δε Κεκαυμένος τόπον δράσης του Σερβλίου θεωρεί πρώτον την 'Ιβηρία, και μετά το θέμα της Μεσοποταμίας, μέσα στην οποία εύρισκονταν περιφέρειες καθαρώς αρμενικές. Είναι πολύ περίεργο το ότι και οι δύο αυτοί βυζαντινοί συγγραφείς, ως προσθέσουμε και τον Κεκαυμένο, τίποτε δεν γράφουν για αρμενικό στρατό, και πάλι περίεργο, αναφορικά με τον στρατό αυτό «ξεχνούν» και την 'Αρμενία, η οποία, όπως είδαμε παραπάνω, τροφοδοτούσε την αυτοκρατορία με δεκάδες χιλιάδες μαχητές.

'Ακόμη ο E. Honigmann είχε σαφέστατα γράψει για το ζήτημα αυτό «Dazu kam der verhängnisvolle Entschluss des Kaisers Monomachos, das «iberische Heer», d.h. die einheimische Miliz Armeniens, in Stärke von 50.000 Mann aufzulösen...»²⁰, αλλά η γνώμη του αυτή η έμεινε απρατήρητη η σ' αυτή δεν εδόθηκε η δέουσα σημασία. Ο Honigmann δεν έμελέτησε ιδιαίτερος τα παραπάνω δεδομένα των βυζαντινών συγγραφέων, διότι για το θέμα του δεν είχαν άμεση σχέση. Όμως τί έχουν υπ' όψη αυτοί, ο 'Ιωάννης Σκυλίτσης και ο Μιχαήλ 'Ατταλειάτης γράφοντας για «ιβηρικό στρατό»; Οι μελετητές υποθέτουν ότι ο λόγος αφορά τον στρατό της 'Ιβηρίας (Γεωργίας)²¹ η τον στρατό του βυζαντινού θέματος 'Ιβηρία²². 'Εφ' όσον το ζήτημα αυτό έχει άμεση σχέση με το βυζαντινό θέμα της 'Ιβηρίας, είναι αναγκαίο να ασχοληθούμε με αυτό ειδικότερα. Πρώτον ως αναφερθούμε στο χρόνο της οργάνωσης της διοικητικής αυτής μονάδας του βυζαντινού κράτους.

Το Τάϊκ (ή 'Ιβηρία του κουροπαλάτη Δαβίδ, και όχι η καθαυτό 'Ιβηρία²³, το κράτος των Βαγρατιδών της Γεωργίας) κατακτήθηκε από το Βυ-

αίωνα. Παρασκευή του /έλληνικού/ κειμένου, πρόλογος, /ρωσική/ μετάφραση και σχόλια υπό Γ. Γ. Λιτάβριν, Μόσχα, 1972, σελ. 152.

20. E. Honigmann, Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches, Bruxelles 1961, S. 178.

21. 'Ιστορία του Βυζαντίου, τόμ. Β', Μόσχα 1967, σελ. 270 (ρωσ.).

22. Σ. Α. Μέσγια, Ν. 'Ασιατίαν, Β. Κοπαλιάνι, Ζ. Χοστάρια, Μερικές παρατηρήσεις στον Β' τόμο της «'Ιστορίας του Βυζαντίου». Τα ζητήματα της 'Ιστορίας, Μόσχα 1969, αριθ. 9, σελ. 178-180 (ρωσ.).

23. Το Τάϊκ στις βυζαντινές πηγές είναι γνωστό ως 'Ιβηρία, και για να μη συγχέεται με το όμνυμο Γεωργιανικό κράτος των Βαγρατιδών, οι βυζαντινοί συγγραφείς διασαφηνίζουν. Π.χ. ο Σκυλίτσης την καθ' έαυτου Γεωργία την ονομάζει «ένδοτέρω 'Ιβηρίαν», το δε Τάϊκ «κατ' αυτόν 'Ιβηρία», δηλαδή του Βασιλείου του Β'. Το αυτό άπαντά και στις αρμενικές πηγές. Ο 'Αριστακός, από το Λαστιβέρτ, την βυζαντινή 'Ιβηρία ονομάζει «έπαρχία των 'Ιβήρων» (agavan Vraç), το δε Γεωργιανικό κράτος «χώρα των 'Ιβήρων» («Askharn Vraç») ('Αριστακός, εκ Λαστιβέρτ, 'Ιστορία. Έκδοση του Κ. Ν. Γιουζμπασιάν, Έρεβάν 1963, σελ. 41-42, στα άρχ. άρμ.). Οι Μ. Κανάρ και Χ. Μπερμπεριάν και στις δύο περιπτώσεις μεταφράζουν άπλως Georgie. Atistakes de Lastivert. Recit des Malheurs de la Nation Arménienne. Traduction française avec Introduction et Com-

ζάντιο το 1000, αλλά δεν αποτέλεσε ίδια διοικητική μονάδα. Η χώρα αυτή τότε δεν έπαιζε τόσο σημαντικό στρατηγικό ρόλο στην έξωτερική πολιτική της αυτοκρατορίας, που θα έπαιζε αυτή μετά μία είκοσαετία. Το Τάϊκ, κατά πάσα πιθανότητα τότε ένσωματώθηκε σε ένα γειτονικό του βυζαντινό θέμα²⁴, και έκυβερνάτο από τον κατεπάνω του θέματος αυτού. Γι' αυτό συνηγορεί μεταξύ άλλων και το ότι πρό της τρίτης δεκαετίας του ΙΑ' αιώνα δεν είναι γνωστοί διοικηταί (κατεπάνω η δοῦκες) 'Ιβηρίας. Κατά τον N. Adontz, το θέμα της 'Ιβηρίας οργάνωθηκε μετά το σύμφωνο ειρήνης μεταξύ του Βασιλείου του Β' και του βασιλέως της Γεωργίας Γεωργίου του Α' το 1023²⁵. Το γεγονός είναι ότι μετά την κατάκτηση της Βασπρακνίας από το Βυζάντιο, την ύπογραφή του ως άνω συμφώνου, καθώς και του συμφώνου μεταξύ του βυζαντινού αυτοκράτορα και του 'Αρμενίου Βαγρατίδη βασιλέως 'Ιωβαννεσίκη, κατά το όποιο ο τελευταίος «κληρονομούσε» το κράτος του στο Βυζάντιο²⁶, η σημασία του Τάϊκ αυξήθηκε μάλα. Το κράτος της Μεγάλης 'Αρμενίας από βορρά (Τάϊκ), νότο (Βασπουρακλιν) πάρθηκε μέσα σε μέγγενη. Άκριβώς το γεγονός αυτό και συνέτεινε στην οργάνωση ειδικού θέματος της 'Ιβηρίας, που μαζί με το οργανωμένο το 1021 θέμα της Βασπρακνίας έπρεπε να παίξουν το ρόλο του νεκροθάπτη του βασιλείου της Μεγάλης 'Αρμενίας. Και δεν είναι τυχαίο ότι έπιτεθείς το 1045 κατά του 'Ανίου, της πρωτεύουσας των Βαγρατιδών της Μεγάλης 'Αρμενίας, ήταν ακριβώς ο δούξ του θέματος της 'Ιβηρίας βέστης Μιχαήλ ο 'Ιασσίτης²⁷. Με τις προσπάθειες αυτού

mentaire par M. Canard et H. Berberian, Bruxelles 1973, p. 27. Το ίδιο λάθος και στη ρωσική μετάφραση του Κ. Γιουζμπασιάν (Μόσχα 1968).

24. Η H. Ahrweiler (Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin aux IX-XI siècles, Athènes-Paris 1960, p. 85) νομίζει, ότι πιθανώς ένσωματώθηκε στο θέμα της Μεσοποταμίας, έχοντας υπ' όψη το ότι ο Σερβλίας, σύμφωνα με τον Κεκαυμένο, έδρασε στην 'Ιβηρία και Μεσοποταμία. Νομίζω είναι πιθανότερο, ότι το Τάϊκ (ή βυζαντινή 'Ιβηρία) αποτέλεσε μέρος του θέματος της Θεοδοσιούπολης. Ο κοντόσταυλος Σμπάτ, γράφοντας για τον βυζαντινό παρακοιμώμενο (που το 1045 έπιτέθηκε κατά του κράτους των 'Αρμενίων Βαγρατιδών), λέγει ότι αυτός «έχειμασε στο Ούχθικ (τόρα 'Ολτι στην Τουρκία) της έπαρχίας της Θεοδοσιούπολης» (Χρονογραφία, Βενετία 1956, σελ. 42, στα άρχ. άρμενικά). Το Ούχθικ ήταν η πρωτεύουσα του Τάϊκ ('Ιβηρίας). Τη σχέση της 'Ιβηρίας με την Θεοδοσιούπολη, όπως φαίνεται, έπιβεβαιώνει και μία έλληνική έπιγραφή επί των «'Ιβηρικών» πυλών της Θεοδοσιούπολης, όπου είναι γραμμένο: «Κύριε βοήθη τον δοῦλον σου Ρωμανόν τον Δαλασινόν κέ κατεπάνον της 'Ηβερίας» (N. Σαρκισιάν, Τοπογραφία της Μικράς και της Μεγάλης 'Αρμενίας, Βενετία 1864, σελ. 74, στα άρμενικά), καθώς και το γεγονός, ότι άμέσως μετά τον θάνατο του κουροπαλάτη Δαβίδ, ο Βασίλειος ο Β' έσπευσε προς το Τάϊκ, στρατοπεδεύσας στην πεδιάδα της Θεοδοσιούπολης (Βαρδάνης Βαρδαπέτης, 'Ιστορία, Βενετία 1862, σελ. 93, στα άρχ. άρμενικά).

25. N. Adontz, Notes arméno-byzantines V. Les Dalessènes. In: N. Adontz, Etudes arméno-byzantines, Lisbonne 1965, p. 171.

26. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum, p. 435.

27. Ένθα άνωτέρω, σελ. 435-436.

διαλύθηκε τὸ ἄρμενικὸ βασίλειο τῶν Βαγρατιδῶν, ὁ δὲ Ἰασσίτης ὠνομάσθηκε βεστάρχης²⁸.

Διὰ τῆς κατακτήσεως τοῦ ἄρμενικοῦ κράτους τῶν Βαγρατιδῶν τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας ἤλθε στὸ προσκήνιο ἡ σύνταξη τοῦ καταστατικοῦ χάρτη τῆς χώρας αὐτῆς. Τὸ Βυζάντιο δὲν ὠργάνωσε θέμα Ἀρμενίας, ἀλλὰ τὸ θέμα τῆς Ἰβηρίας τὸ ἐνσωμάτωσε μὲ τὴν Ἀρμενία, συγκροτοῦν οὕτως νέο θέμα, τὸ «θέμα τῆς Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας». Ὁ Ἰωάννης Σκυλίτσης τὸν Μιχαὴλ τὸν Ἰασσίτη ὀνομάζει ἄρχοντα, δοῦκα τῆς Ἰβηρίας²⁹. Μετὰ τὴν κατάκτηση τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας ὁ Ἰασσίτης ἤδη θεωρεῖται ὄχι μόνον διοικητῆς τῆς Ἰβηρίας. Ὁ Ἀριστακὲς γράφει ὅτι «έναν ἄρχοντα ὀνόματι Ἰασσίτην, ὃς προηγούμενως διοικοῦσε τὴν Ἀνατολή, ὁ αὐτοκράτωρ τὸν ἔστειλε τοποτηρητὴν τῆς πόλης Ἀνίον»³⁰. Καὶ αὐτὸ τὸ 1045, ἀμέσως μετὰ τὴν κατάρρευση τοῦ βασιλείου τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας. Ὁ Ἀριστακὲς λίγο ἀργότερα τὸν ὄρο «τοποτηρητῆς τῆς πόλης Ἀνίον» ἀποδίδει διὰ τοῦ «ἐπιστάτης τῆς ἐπικράτειας τῆς Ἀρμενίας»³¹. Εἶναι φανερό, ὅτι ὁ Ἰασσίτης πρὶν τὴν κατάκτηση τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας, κατὰ τὸν Ἀρμένιο ἱστορικό, ἦταν διοικητῆς (κατεπάνω) τῆς Ἀνατολῆς (εἶναι σαφὲς ὅτι ὑπὸ τὸ «Ἀνατολή» ἔχει ὑπ' ὄψη τὸ θέμα τῆς Ἰβηρίας), ἀλλὰ μετὰ τὴν πτώση τοῦ ἄρμενικοῦ βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν τὸ καταστατικό του ἀλλάξε, αὐτὸς ἔγινε διοικητῆς τῆς Ἀρμενίας. Αὐτὸ σημαίνει ὅτι τὸ 1045 τὸ ἐνωμένο «θέμα τῆς Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας» (κατὰ τὴ βυζαντινὴ ἀποψη) εἶχε ἤδη ὀργανωθεῖ. Ὁ ἴδιος ὁ Ἀριστακὲς γράφει, ὅτι τὸν Ἰασσίτη «στὴν ἐπιστάσια τῆς ἐπικράτειας τῆς Ἀρμενίας» διαδέχθηκε «κάποιος» Κεκαυμένος, δηλαδὴ καὶ τὸν Κεκαυμένο αὐτὸς τὸν θεωρεῖ διοικητὴ τῆς Ἀρμενίας.

Τὸ ἴδιο ἀπαντᾷ καὶ στὶς βυζαντινὲς πηγές. Ὁ Σκυλίτσης τὸν ὡς ἄνω Κεκαυμένο τὸν ὀνομάζει ὄχι μόνον δοῦκα τῆς Ἰβηρίας³², ἀλλὰ καὶ «τοῦ Ἀνίου καὶ τῆς Ἰβηρίας κατάρχοντα»³³. Εἶναι γνωστὸ ὅτι γράφοντας «Ἀνίον» ὁ βυζαντινὸς ἱστορικός ἔχει ὑπ' ὄψη τὴν Ἀρμενία τῶν Βαγρατιδῶν. Ὁ Σκυλίτσης σὲ ἓνα ἄλλο μέρος γράφει, π.χ., ὅτι ἐπὶ Μονομάχου «ὁ κατὰ τοῦ Ἀνίου ἀρχὴν ἐλάμβανε πόλεμος»³⁴ καὶ λεπτομερῶς περιγράφει τὴν κατάκτηση τῆς Ἀρμενίας. Ὁ αὐτὸς ἱστορικός τὸν Βαγρατιδὴ βασιλέα Ἰωβαννεσίκη ὀνομάζει «τοῦ

28. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 437.

29. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 438.

30. Ἀριστακὲς, σελ. 63 (στὴ γαλλικὴ μετάφραση ἡ λέξη «τοποτηρητῆς» λείπει).

31. Ἀριστακὲς, σελ. 63 (στὴ γαλλικὴ μετάφραση, σελ. 56: gouvernement de l'Arménie).

32. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum, p. 438.

33. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 448.

34. Ἐνθα ἀνωτέρω, σελ. 435.

Ἀνίου τοπάρχῃ»³⁵, ἀλλὰ καὶ «ὁ τῆς τοῦ Ἀνίου κυριεύων χώρας»³⁶, «ἄρχων Ἀνίου καὶ τῆς λεγομένης μεγάλης Ἀρμενίας»³⁷.

Τὰ δεδομένα τῶν ἀφηγητικῶν πηγῶν ἐπικυρώνει ἡ ἐπιγραφικὴ καὶ σφραγιδογραφικὴ ὕλη, ἡ ἀξιοπιστία καὶ ἐγκυρότητα τῆς ὁποίας εἶναι ὑπεράνω ἀμφιβολίας. Κατὰ τὶς ἀνασκαφές τοῦ Ἀνίου τὸ 1907-1908 ἀνακαλύφθηκε μία ἑλληνικὴ ἐπιγραφή ἐπὶ λίθου, τοῦ 1059, ὅπου μνημονεύεται ὁ βυζαντινὸς κατεπάνω τοῦ ἐνδιαφέροντος ἐμᾶς θέματος: «Ἰωάννου βεστάρχου καὶ κατεπάνω Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας τοῦ Μοναστηριώτου»³⁸. Ἡ ἐπιγραφή αὐτὴ εἶναι ἐπίσημο ἐγγράφο, περιέχει τὸν ἐπίσημο τίτλο τοῦ διοικητῆ τοῦ θέματος καὶ ἐὰν ἀκόμη δὲν εἶχαμε ἄλλες πηγές, εἶναι ἀρκετὸ γιὰ νὰ ἐπιβεβαιώσουμε τὴν ἰδέα μας. Ἀλλὰ ἡ ἐπιγραφή αὐτὴ δὲν εἶναι τὸ μοναδικὸ τέτοιου εἴδους τεκμήριο. Ἐχομε καὶ μολυβδόβουλλα τοῦ βυζαντινοῦ διοικητῆ τοῦ ἴδιου θέματος μαγίστρου Ἀαρῶν, ἐπὶ τῶν ὁποίων διαβάζουμε: «Κύριε βοήθει Ἀαρῶν μαγίστρω καὶ δουκὶ Ἰβηρίας καὶ τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας»³⁹.

Ἡ σύγκριση τῶν βυζαντινῶν καὶ τῶν ἄρμενικῶν πηγῶν μᾶς ἔφερε σὲ πολὺ ἐνδιαφέροντα συμπεράσματα. Τὸ ζήτημα εἶναι ὅτι ἡ ἔννοια «θέμα Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας» ὑπάρχει μόνον γιὰ τοὺς βυζαντινοὺς, ἀπαντᾷ μόνον στὶς βυζαντινὲς πηγές. Στὶς ἄρμενικὲς πηγές τέτοια ἔννοια ἀπουσιάζει. Ἐδῶ γίνεται λόγος μόνον καὶ μόνον γιὰ χώρα ὀνομαζομένη Ἀρμενία. Ὁ Μιχαὴλ ὁ Ἰασσίτης ἦταν γιὰ τοὺς Ἀρμενίους «ἐπιστάτης τῆς ἐπικράτειας τῆς Ἀρμενίας», ὁ Κεκαυμένος «εἶχε τὴν ἐξουσία τοῦ Οἴκου (δηλαδὴ τῆς χώρας) τῶν Ἀρμενίων»⁴⁰. Τὸν Παγκράτιο Βηγκατζῆ καὶ τὸν Γρηγόριο Πακουριανὸ «ὁ βασιλεὺς / τῶν Ρωμαίων / εἶχε διωρίσει φύλακες τοῦ Οἴκου τῶν Ἀρμενίων»⁴¹.

Καὶ οὕτως συμπεραίνουμε, ὅτι τὸ βυζαντινὸ θέμα τῆς Ἰβηρίας, ὀργανωθὲν στὶς ἀρχές τῆς τρίτης δεκαετίας τοῦ ΙΑ' αἰῶνα, διατηρήθηκε μέχρι τὴ διάλυση τοῦ βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν τὸ 1045. Μετὰ τὴν κυρίευση τοῦ βασιλείου αὐτοῦ τὸ θέμα τῆς Ἰβηρίας μαζί με τὴ Μεγάλῃ Ἀρμενίᾳ τῶν βυζαντινῶν πηγῶν σχημάτισε τὸ ἐνωμένο θέμα «Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας» μὲ κέντρο

35. Ἐνθα ἀνωτέρω.

36. Ἐνθα ἀνωτέρω.

37. Ἐνθα ἀνωτέρω. Ἡ H. Ahrweiler πολὺ σωστὰ γράφει: «la Grande Arménie ou d'Anion» (Recherches, p. 59). Ὁ Ἀρμένιος ἱστορικός τοῦ ΙΓ' αἰῶνα Βαρδάνης γράφει, ὅτι ὁ πρεσβύτερος γιὸς τοῦ τελευταίου ἐκπτώτου βασιλέως τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας Ἰωάννης ἐνυμφεύθη τὴν κόρη «τοῦ δουκὸς τοῦ Ἀνίου» (Βαρδάνης, Ἱστορία, σελ. 106).

38. Ν. Μπενεσέβιτς, Τρεῖς ἐπιγραφές τοῦ Ἀνίου τοῦ ΙΑ' αἰῶνα ἀπὸ τὴν ἐποχὴ τῆς βυζαντινῆς κυριαρχίας, Πετρούπολις 1921, σελ. 19 (ρωσ.).

39. Β. Σ. Σανδροβσκαγια, Ἄγνωστες βοῦλλες τοῦ Ἀαρῶν, μαγίστρου καὶ δουκὸς τῆς Ἰβηρίας καὶ Μεγάλης Ἀρμενίας. Ἀνακοινώσεις τοῦ Κρατικοῦ Ἐρμιτάζ, XXXVII, Λενινγκράντ 1973, σελ. 61 (ρωσ.).

40. Ἀριστακὲς, σελ. 80 (γαλλικὴ μετάφραση, σελ. 68).

41. Chronique de Matthieu d'Edesse, p. 123.

τὴν πρωτεύουσα τῶν Βαγρατιδῶν Ἀνίο⁴². Τὸ θέμα αὐτὸ ποὺ διατηρήθηκε ἕως τὶς κατακτήσεις τοῦ Ἀλπ Ἀρσλάν, γιὰ τοὺς Ἀρμενίους ἦταν «Οἶκος τῶν Ἀρμενίων», «ἐπικράτεια τῆς Ἀρμενίας» ἐφόσον τὸ Τάϊκ γι' αὐτοὺς δὲν ἦταν τίποτε ἄλλο, παρὰ μία ἐπαρχία τῆς Ἀρμενίας.

Ἀλλὰ ἐὰν τὸ 1045 ἡ ὀνομασία—ὀρθότερα, ἡ ἐπίσημη ὀνομασία— τοῦ θέματος ἄλλαξε, οἱ βυζαντινοὶ συγγραφεῖς, ἀπὸ συνήθεια ὄχι σπανίως συνεχίζουν νὰ ὀνομάζουν ὅλη τὴ χώρα αὐτὴ Ἰβηρία. Γιὰ νὰ πεισθοῦμε σ' αὐτὸ εἶναι ἀρκετὸ νὰ φέρουμε ἕνα-δύο παραδείγματα. Παραπάνω εἶδαμε ὅτι ἡ ἐλληνικὴ ἐπιγραφή τοῦ 1059 ἀπὸ τὸ Ἀνίο εἶναι τοῦ «Ἰωάννου βεστάρχου καὶ κατεπάνω Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας τοῦ Μοναστηριώτου». Τὸ αὐτὸ 1059 ἔτος συνετάχθη ἡ διαθήκη τοῦ Εὐσταθίου τοῦ Βοήλα διὰ χειρὸς τοῦ μοναχοῦ Θεοδούλου. Ὁ γραφεὺς στὸ χρονικὸ του σημείωμα ἕναν πρὸς ἕνα μνημονεύει τοὺς κατεπάνω διαφόρων βυζαντινῶν θεμάτων τῆς περιοχῆς, μεταξὺ αὐτῶν καὶ τὸν Ἰωάννη Μοναστηριώτη: «Ἰω(άννου) Μοναστηριώτ(ου) Ἰβηρί(ας)»⁴³.

Ὁ Κεκαυμένος μνημονεύων τὴ δράση τοῦ Λέοντος τοῦ Σερβλία, γράφει, ὅτι αὐτὸς ἔδρασε «εἰς Ἰβηρίαν καὶ Μεσοποταμίαν»⁴⁴.

Ὁ Συνεχιστὴς τοῦ Σκυλίτση γράφων γενικῶς γιὰ τὶς κατακτήσεις τῶν Σελτζούκων στὶς ἀνατολικὲς περιοχὲς τοῦ Βυζαντίου ἀμέσως μετὰ τὴν ἀφήγηση γιὰ τὴν ἄλωση τοῦ Ἀνίου (1064), λέγει: «τὰ τῆς ἀνατολῆς καὶ μᾶλλον τὰ ἐν τοῖς τέρμασι τῶν μερῶν τῶν ρωμαϊκῶν ὑπὸ τῶν πολεμίων ἐφέροντό τε καὶ ἤγοντο καὶ ἐληίζοντο... Διὸ καὶ ἡ εὐδαίμων χώρα τῆς Ἰβηρίας ἠρείπωτο παντελῶς καὶ ἠδάφιστο»⁴⁵. Ὑπάρχει ἀμφιβολία ὅτι γράφοντας Ἰβηρία, οἱ παραπάνω συγγραφεῖς ἔχουν ὑπ' ὄψιν τὴν Ἀρμενία, πιδ σωστά, τὸ θέμα τῆς Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας; Τὴν ἐποχὴ τοῦ Σερβλία καὶ μετὰ, τὸ 1064, ὑπῆρχε βυζαντινὸ θέμα Ἰβηρία; Μποροῦσε ὁ Συνεχιστὴς τοῦ Σκυλίτση τὸ Τάϊκ νὰ θεωρεῖ τέρμα τῶν μερῶν τῶν ρωμαϊκῶν στὴν ἀνατολή, ἐὰν αὐτὸ εὐρίσκετο δυτικῶς τῶν περιοχῶν τοῦ πρώην βασιλείου τῶν Ἀρμενίων Βαγρατιδῶν; Εἶναι περιττὸ νὰ ποῦμε, ὅτι γράφοντας «χώρα τῆς Ἰβηρίας» ὁ Συνεχιστὴς τοῦ Σκυλίτση δὲν μποροῦσε νὰ ἔχει ὑπ' ὄψιν τὴν καθαυτὸ Ἰβηρία (τὴ Γεωργία). Αὐτὴ δὲν ἀποτελοῦσε μέρος τοῦ βυζαντινοῦ κράτους, καὶ τότε δὲν εἶχε ἀκόμη «ἐρηπυθεῖ παντελῶς».

Μετὰ ἀπὸ ὅ,τι εἶπαμε, ἄς ἐπιστρέψουμε στὸ θέμα τοῦ «ἰβηρικοῦ στρατοῦ» τοῦ Μιχαῆλ τοῦ Ἀτταλειάτη, τοῦ ἰβηρικοῦ στρατοῦ «ἀμφὶ τὰς πενήκοντα χιλιάδας ἀριθμούμενον» τοῦ Ἰωάννη Σκυλίτση ποὺ κατέλυσε ὁ Μονομάχος.

42. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum, p. 453.

43. P. Lemerle, Cinq Etudes sur le XIe siècle Byzantin, Paris 1977, p. 39.

44. Συμβουλὲς καὶ ἀφηγήσεις τοῦ Κεκαυμένου, σελ. 152.

45. Εὐδόξου Θ. Τσολάκη, Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτση, Θεσσαλονίκη 1968, σελ. 112.

Θὰ ἦταν ἀφελὲς νὰ ὑποθέσουμε ὅτι τὸ Τάϊκ, μὴ τόσο μικρὴ ἐπαρχία, τὸ κέντρο τοῦ ὁποίου, ἡ πόλη Οὐλλθίκ, ὀνομάζεται καὶ «μεγάλῃ κώμη»⁴⁶, νὰ μποροῦσε νὰ παρέξει στὸ Βυζάντιο 50.000 μαχητές. Εἶναι ἀληθές, σχετικὰ μὲ τὰ γεγονότα τοῦ 1046, στὸν πόλεμο τοῦ Βυζαντίου κατὰ τοῦ ἀμυρᾶ τοῦ Δβὶν Ἀπλησφάρη, μνημονεύεται «ἰβηρικὸς στρατὸς» ὁ ὁποῖος ἀσφαλῶς εἶναι τοῦ Τάϊκ (τοῦ θέματος τῆς Ἰβηρίας). Ὁ Σκυλίτση γράφει, ὅτι ὁ Μονομάχος «προσπάττει τῶ παρακοιμωμένῳ μετὰ τε τῆς Ρωμαϊκῆς χειρὸς τοῦ τε Ἰβηρικοῦ στρατοῦ καὶ τῆς ἐν τῇ μεγάλῃ Ἀρμενίᾳ δυνάμεως... τῶ Ἀπλησφάρη πολεμεῖν»⁴⁷, ἀλλὰ αὐτὸς ὁ στρατὸς δὲν εἶναι δυνατὸν νὰ ταυτισθεῖ μὲ τὸν ἰβηρικὸ στρατὸ ποὺ διάλυσε ὁ Μονομάχος. Εἶναι ἀκόμη περισσότερο ἀμφίβολο οἱ 50.000 στρατιῶτες αὐτοὶ νὰ ἦταν στρατεύματα τοῦ βασιλέως τῶν Βαγρατιδῶν τῆς Ἰβηρίας (Γεωργίας)⁴⁸. Γεωργιανὸς στρατὸς τότε δὲν ὑπηρετοῦσε στὸ Βυζάντιο.

Καὶ ἕνα πιδ βαρυσήμαντο: ἐὰν πρὸς στιγμὴν ὑποθέσουμε, ὅτι γράφοντας «ἰβηρικὸς στρατὸς» ὁ λόγος ἀφορᾷ τὶς ἐνοπλῆς δυνάμεις τοῦ Τάϊκ, μένει ἀκατανόητη ἡ ἰδέα τῆς μεταρρύθμισης τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου. Θὰ ἦταν παράλογο τὸ νὰ διαλύσει αὐτὸς τὸν ἰβηρικὸ στρατό, ἀφήνοντας ἀνέπαφο τὸν ἄρμενικὸ στρατό, ποὺ στὴν πραγματικότητά ἦταν ἡ κύρια αἰτία τῆς μεταρρύθμισης αὐτῆς, καὶ τὴν ὑπαρξὴ τοῦ ὁποίου, σχετικὰ μὲ τὰ γεγονότα τοῦ 1046 γράφει ὁ Σκυλίτση καὶ ἄλλοι Ἀρμένιοι μεσαιωνικοὶ συγγραφεῖς. Εἶναι γνωστὸ, ὅτι κατὰ τὴν πολιορκία τοῦ Ἀνίου, τῆς πρωτεύουσας τοῦ θέματος Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας ἀπὸ τὸν Ἀλπ Ἀρσλάν τὸ 1064, στρατὸς ὑπερασπιζὼν τὴν πόλη δὲν ὑπῆρχε, ὅλες οἱ φροντίδες τῆς ἀμυνας ἔκειντο, κατὰ τὸν Μιχαῆλ τὸν Ἀτταλειάτη, «ἐπὶ τῶν ἐμπόρων καὶ πολεμικῶν μηχανημάτων καὶ προβλημάτων ἀπειράτων»⁴⁹ κατοίκων τῆς μεγαλοπόλης, διότι τὸν ἄρμενικὸ στρατὸ εἶχε διαλύσει ὁ Μονομάχος.

Καὶ ἔτσι καταλήγουμε στὸ συμπέρασμα, ὅτι ὁ μνημονευθεὶς ἀπὸ τὸν Σκυλίτση «ἀμφὶ τὰς πενήκοντα χιλιάδας ἀριθμούμενος» ἰβηρικὸς στρατὸς, εἶναι ὁ ἄρμενικὸς στρατὸς τοῦ πρώην ἄρμενικοῦ βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν τῆς Μεγάλῃς Ἀρμενίας, ἡ διάλυση τοῦ ὁποίου τὴν προτεραιὰ τῶν εἰσβολῶν τοῦ Τογρούλ μπέκ καὶ Ἀλπ Ἀρσλάν, ἦταν μοιραῖα ὄχι μόνο γιὰ τὴν Ἀρμενία, ἀλλὰ καὶ γι' αὐτὸ τὸ Βυζάντιο.

46. Ἀριστοταλῆς, σελ. 25 (γαλλικὴ μετάφραση, σελ. 8).

47. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum, p. 437.

48. Ἱστορία τοῦ Βυζαντίου, τόμ. Β', Μόσχα 1967, σελ. 270.

49. Michaelis Attaliothae Historia, Bonnae 1853, p. 81.

Η ΛΥΣΗ ΤΟΥ ΑΙΝΙΓΜΑΤΟΣ ΤΩΝ ΜΑΡΔΑΪΤΩΝ

Ὁ Θεοφάνης ὁ Ὁμολογητὴς περιγράφοντας τὰ γεγονότα τοῦ 6169 ἀπὸ κτίσεως κόσμου ἔτους (677), σημειώνει ὅτι κατὰ τὸ ἔτος αὐτὸ «εἰσῆλθον Μαρδαῖται εἰς τὸν Λίβανον καὶ ἐκράτησαν ἀπὸ τοῦ Μαύρου ὄρους ἕως τῆς ἁγίας πόλεως (Ἱερουσαλήμ) καὶ ἐχειρώσαντο τὰς τοῦ Λιβάνου περιωπὰς». Ὁ χρονογράφος στὴ συνέχεια γράφει ὅτι «πολλοὶ δοῦλοι καὶ αἰχμάλωτοι καὶ αὐτόχθονες πρὸς αὐτοὺς κατέφυγον, ὥστε δι' ὀλίγου χρόνου εἰς πολλὰς χιλιάδας γενέσθαι»¹.

Κάτω δὲ ἀπὸ τὸ ἔτος 6176 (683) ὁ Θεοφάνης λέγει: «τῶν δὲ Μαρδαϊτῶν ἐπιτιθεμένων τοῖς μέρεσι τοῦ Λιβάνου καὶ τοῦ λοιμοῦ ἐπικρατοῦντος, ὁ αὐτὸς Ἀβιμέλεχ (ὁ Ἄραβας χαλίφης Abd al-Malik) τὴν ἐπὶ Μαυῖου ζητηθεῖσαν εἰρήνην αἰτεῖται ἀποστείλας πρέσβεις πρὸς τὸν βασιλέα»².

Ὅπως φαίνεται, οἱ διαπραγματεύσεις τότε τῶν πρέσβων τοῦ Ἄραβα χαλίφης Abd al-Malik καὶ τοῦ αὐτοκράτορα τοῦ Βυζαντίου Κωνσταντίνου τοῦ Δ' δὲν εἶχαν ἐπιτυχία, ἐφ' ὅσον ἐπὶ τοῦ διαδόχου τοῦ τελευταίου, Ἰουστινιανοῦ τοῦ Β', στὸ Βυζάντιο μὲ τὸν ἴδιο σκοπὸ ἔρχεται νέα πρεσβεία τῶν Ἀράβων, ἡ ὁποία καὶ συνάπτει τὴν τόσο ἐπιθυμητὴ γιὰ τὸ Χαλιφάτο εἰρήνη. Σύμφωνα μὲ τὸν Θεοφάνη, «ἐστοιχῆθη ἡ εἰρήνη οὕτως· ἵνα ὁ βασιλεὺς παύσῃ τὸ τῶν Μαρδαϊτῶν τάγμα ἐκ τοῦ Λιβάνου, καὶ διακωλύσῃ τὰς ἐπιδρομὰς αὐτῶν· καὶ Ἀβιμέλεχ δώσῃ τοῖς Ῥωμαίοις καθ' ἑκάστην ἡμέραν νομίσματα χίλια καὶ ἵππον καὶ δοῦλον· καὶ ἵνα ἔχωσι κοινὰ κατὰ τὸ ἴσον τοὺς φόρους τῆς Κύπρου καὶ Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας»³. Ὁ βυζαντινὸς χρονογράφος κατὰ συνέχειαν γράφει: «... καὶ πέμψας ὁ βασιλεὺς προσελάβετο τοὺς Μαρδαῖτας χιλιάδας ἰβ' τὴν Ῥωμαϊκὴν δυναστείαν ἀκρωτηριάσας. πᾶσαι γὰρ αἱ νῦν οἰκούμεναι παρὰ τῶν Ἀράβων εἰς τὰ ἄκρα πόλεις ἀπὸ Μοψουεστίας καὶ ἕως Τετάρτης Ἀρμενίας ἀνίσχυροι καὶ ἀοίκητοι ἐτύγχανον διὰ τὴν ἔφοδον τῶν Μαρ-

1. Theophanis Chronographia, recensuit Carolus de Boor, vol. I, Lipsiae 1883, σελ. 355.

2. Αὐτόθι, σελ. 361.

3. Αὐτόθι, σελ. 363.

δαϊτῶν ὧν παρασταλέντων, πάνδεινα κακὰ πέπονθεν ἡ Ρωμανία ὑπὸ τῶν Ἀράβων μέχρι τοῦ νῦν»⁴.

Εἶναι ἀξιοσημείωτο ὅτι τὸ ἀνακληθὲν ἀπὸ τὸ Λίβανο τάγμα τῶν Μαρδαϊτῶν ὁ αὐτοκράτωρ Ἰουστινιανὸς ὁ Β΄ ὑποδέχθηκε αὐτοπροσώπως στὴν Ἀρμενία, ἐλθὼν ἐδῶ εἰδικὰ γι' αὐτό. Μία ἀκόμη φορὰ ὑπογραμμίζων τὰ ἀρνητικὰ γιὰ τὸ Βυζάντιο ἐπακόλουθα τοῦ βήματος αὐτοῦ, τῆς διαλύσεως δηλαδὴ τοῦ τάγματος τῶν Μαρδαϊτῶν, ὁ Θεοφάνης γράφει: «... καὶ ἐλθὼν ὁ βασιλεὺς εἰς Ἀρμενίαν ἐκεῖ ἐδέξατο τοὺς ἐν τῷ Λιβάνῳ Μαρδαίτας, χάλκεον τεῖχος διαλύσας»⁵.

Ἀπὸ τὰ ἀναφερθέντα ἄνω γίνεται σαφές ὅτι στὰ χρόνια τῆς βασιλείας τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Δ΄ καὶ στὰ πρῶτα χρόνια τοῦ υἱοῦ του Ἰουστινιανοῦ τοῦ Β΄ στὸ βυζαντινὸ στρατὸ ὑπηρετοῦσε τάγμα φιλοπολέμων ἀνδρῶν, τὸ πιθανότερο μισθοφόρων ἀκριτῶν, ποὺ ὀνομάζονταν Μαρδαίται. Ὅπως πεισθῆκαμε ἀπὸ τὰ ὡς ἄνω δεδομένα τοῦ Θεοφάνη, τὸ κύριο καθῆκον τῶν Μαρδαϊτῶν ἦταν ἡ ἄμυνα τῶν νοτίων μεθωρίων τῆς αὐτοκρατορίας, πιὸ συγκεκριμένα, περιοχῆς ἐκτεινομένης ἀπὸ τὴ Μοψουεστία στὴν Κιλικία μέχρι τὴν Τετάρτη Ἀρμενία. Τὸ καθῆκον τῶν ἦταν νὰ ἐμποδίσουν τοὺς Ἀραβες νὰ ἐγκατασταθοῦν μονίμως στὶς περιοχὲς αὐτές. Γιὰ τὴν ἄμυνα τῶν συμφερόντων τοῦ Βυζαντίου ἰδιαίτερα στρατιωτικὰ σώματα τῶν Μαρδαϊτῶν μπορούσαν νὰ σταλοῦν καὶ σὲ ἄλλα μέρη, ὅπως ἔγινε τὸ 677. Ἐὰν λάβουμε ὑπ' ὄψη τὸν δοθέντα στοὺς Μαρδαίτες χαρακτηρισμὸ τοῦ Θεοφάνη, «χάλκεον τεῖχος» γίνεται σαφές ὅτι αὐτοὶ ἦταν πολεμικώτατοι, πολὺ σταθεροὶ μαχητές. Γι' αὐτὸ μαρτυρεῖ καὶ ἡ ἐμμονὴ τοῦ Χαλιφάτου πάση θυσίᾳ νὰ ἀπαλλαγεῖ ἀπὸ τὴν παρουσία τῶν στὰ μεθωρία του.

Ἀπὸ τὰ δεδομένα τοῦ Θεοφάνη μπορούμε νὰ βγάλουμε καὶ ἄλλα συμπεράσματα: κατὰ πρῶτον ὅτι μέχρι τῆς ἀποστολῆς τοῦ τάγματος τῶν Μαρδαϊτῶν στὸ Λίβανο αὐτοὶ ὑπεράσπιζαν τὰ ἄκρα τοῦ Βυζαντίου στὴν Ἄνω Μεσοποταμία (Τετάρτη Ἀρμενία), κατὰ δεύτερον ὅτι ὄχι ὅλοι οἱ Μαρδαίτες ἐστάλθηκαν στὸ Λίβανο. Ἄλλα σώματα αὐτῶν συνέχιζαν νὰ ὑπερασπίζον τὰ νότια μεθωρία τοῦ Βυζαντίου, ἐφ' ὅσον μὲ τὴ διάλυση τοῦ τάγματος τῶν Μαρδαϊτῶν τοῦ Λιβάνου δὲν μπορούσαν νὰ γίνουν τρωτὰ τὰ ἄκρα τοῦ Βυζαντίου στὴν Τετάρτη Ἀρμενία. Ἐμεῖς πιστεύουμε ὅτι στὴ συνθήκη τοῦ 688 ἐλαμβάνοντο ὑπ' ὄψη τὰ τάγματα τῶν Μαρδαϊτῶν γενικῶς, καὶ ὄχι μόνον τῶν ὑπηρετούντων στὸ Λίβανο.

4. Αὐτόθι.

5. Αὐτόθι, σελ. 364.

Τὴ φράση τοῦ Θεοφάνη «ἵνα ὁ βασιλεὺς παύσῃ τὸ τῶν Μαρδαϊτῶν τάγμα ἐκ τοῦ Λιβάνου καὶ διαλύσῃ τὰς ἐπιδρομὰς αὐτῶν» ἐμεῖς ἐρμηνεύομε ἀκριβῶς ἔτσι: 1) ὁ βασιλεὺς νὰ διαλύσει τὸ τάγμα τῶν Μαρδαϊτῶν τοῦ Λιβάνου καὶ 2) ν' ἀπαγορεύσει τὶς ἐπιδρομὲς τῶν Μαρδαϊτῶν γενικῶς (καὶ ὄχι μόνον τῶν τοῦ Λιβάνου).

Οἱ Μαρδαίτες ἦταν χριστιανοί, μᾶλλον μονοφυσίτες. Αὐτὸ μαρτυροῦν τὰ δεδομένα τοῦ Θεοφάνη σύμφωνα μὲ τὸν ὁποῖο στὸ Λίβανο οἱ αὐτόχθονες (ἐντόπιοι) χριστιανοί, εὑρίσκαν ἄσυλο κοντὰ στοὺς Μαρδαίτες, βέβαια ὄχι ἀπὸ τοὺς διωγμοὺς τῶν Ἀράβων (νὰ μιλάμε γιὰ διωγμοὺς αὐτῶν εἶναι λίγο νωρίς), ἀλλὰ τοῦ διφυσιτικοῦ κλήρου. Ὅπως εἶναι γνωστό, οἱ μονοφυσίτες, ἰδίως τῶν περιοχῶν αὐτῶν, κατατρεχόμενοι ἀπὸ τοὺς διφυσίτες, στὶς ἀρχὲς τῶν ἀραβικῶν κατακτήσεων, ἔθεωροῦσαν τοὺς Ἀραβες ἀκόμη καὶ λυτρωτές τους.

Ἀπὸ τὶς βυζαντινὲς πηγὲς τοὺς Μαρδαίτες μνημονεύει καὶ ὁ πατριάρχης Νικήφορος, χωρὶς ὅμως νὰ δίνει τὸ ὄνομά τους. Τοὺς θεωρεῖ ἀπλῶς ὀπλίτες, οἱ ὁποῖοι διεξήγον τοὺς πολέμους τῶν «λοχῶντες»⁶. Οἱ ἄλλοι βυζαντινοὶ συγγραφεῖς ἐπαναλαμβάνουν τὰ δεδομένα κυρίως τοῦ Θεοφάνη.

Ἐκτὸς τῶν βυζαντινῶν πηγῶν γιὰ τοὺς Μαρδαίτες γράφουν καὶ μεσαιωνικοὶ Ἀραβες καὶ Σύροι συγγραφεῖς. Οἱ ἐπιστήμονες θεωροῦν ὅτι οἱ «Djaradjima» τῶν Belazuri, Tabari, Ibn al-Athir καὶ ἄλλων εἶναι οἱ Μαρδαίτες. Αὐτοὶ τοὺς τοποθετοῦν μεταξὺ τοῦ Bayas καὶ Buka (βορείως τῆς Ἀντιοχείας).

Ἀπὸ τοὺς Σύρους συγγραφεῖς τοὺς Μαρδαίτες μνημονεύει ὁ Μιχαὴλ ὁ Σύρος. Γράφοντας γιὰ τὰ γεγονότα τοῦ 9ου ἔτους τῆς βασιλείας τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Δ΄ (676/678) αὐτὸς λέγει ὅτι τότε εἰσεχώρησαν στὰ βουνὰ τοῦ Λιβάνου Ρωμαῖοι, τοὺς ὁποίους ὀνομάζουν «Maridayé», «Liphuri» ἢ «Lipore». Ὁ ἱστορικὸς περαιτέρω γράφει ὅτι οἱ κάτοικοι τῆς Συρίας τοὺς ὀνομάζουν Gargumaye. Κυριεύσαντες περιοχὴν ἀπὸ τὰ βουνὰ τῆς Γαλιλαίας μέχρι τοῦ Μαύρου ὄρους, αὐτοὶ ἄρχισαν νὰ ἀσχολοῦνται μὲ ληστεία, ἐφ' ὅσον τοὺς εἶχαν στείλει οἱ Ρωμαῖοι γι' αὐτὸ τὸ σκοπὸ⁷. Τὸ ἴδιο γράφει ὁ Bar Hebraeos, προσθέτοντας ὅτι αὐτοὺς τοὺς ἔστειλε ὁ αὐτοκράτωρ Κωνσταντῖνος⁸.

Γράφοντας γιὰ τὸν χαλίφη Abd al-Malik ὁ Μιχαὴλ ὁ Σύρος λέγει

6. Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica, ed. C. de Boor, Lipsiae 1880, p. 36.

7. Chronique de Michel le Syrien, Patriarche Jacobite d'Antioche (1166 - 1199), éditée pour la première fois et traduite en français par J. B. Chabot, t. II, Paris 1901, p. 455.

8. Bar Hebraeus, ed. Wallis Budge, p. 101.

ὅτι αὐτὸς θέλησε νὰ ἀποκαταστήσει τὴν εἰρήνην στὴ χώρα του, νὰ λυτρώσει τοὺς κατατρεγμένους ἀπὸ τοὺς Μαρδαῖτες τοῦ Λιβάνου ἀνθρώπους, χάριν τοῦ ὁποῖου ἦρθε σὲ διαπραγματεύσεις μὲ τὸν βυζαντινὸ αὐτοκράτορα Ἰουστινιανὸ τὸν Β'. Ὁ τελευταῖος συμφώνησε νὰ κλείσει εἰρήνην γιὰ δέκα χρόνια, νὰ ἀνακαλέσει τοὺς Μαρδαῖτες ἀπὸ τὸ Λίβανο καὶ νὰ ἐμποδίσει τὶς ληστρικές κατατῶν Ἀράβων ἐπιδρομές των. Ἀντὶ αὐτοῦ ὁ Abd al-Malik θὰ ἐπλήρωνε στοὺς βυζαντινοὺς γιὰ κάθε μέρα χίλια νομίσματα, ἓνα ἄλογο καὶ ἓνα δοῦλο. Κατὰ τὸ σύμφωνο αὐτὸ τῆς εἰρήνης ἡ Κύπρος θὰ εὐρίσκετο ὑπὸ τὴν κυριαρχία τῶν βυζαντινῶν καὶ Ἀράβων, οἱ δὲ φόροι ἀπὸ τὸ νησί αὐτὸ θὰ διαιροῦνταν ἕξιςου μεταξὺ τῶν δύο κρατῶν. Ἡ Ἀρμενία, Ἰβηρία καὶ τὸ Ἀρζὸν (ἢ Ἀρζανηνή), τὸ βόρειο τμήμα τῆς Μηδίας (ἢ Ἀτροπατηνῆ) ἔμεναν ὑπὸ τὴν κυριαρχία τοῦ Βυζαντίου. Ὁ αὐτοκράτωρ ἦταν ὑποχρεωμένος νὰ βγάλει τοὺς Μαρδαῖτες ἀπὸ τὸ Λίβανο στὰ ὄρια τῆς αὐτοκρατορίας. Κατὰ τὸν Μιχαὴλ τὸν Σύρο αὐτοὶ ἦσαν 12 χιλιάδες⁹.

Ὅπως βλέπομε, τὰ δεδομένα τοῦ Θεοφάνη καὶ τοῦ Μιχαὴλ τοῦ Σύρου γενικῶς συμπίπτουν, ἡ διαφορὰ εἶναι μόνο στὸ ὅτι σύμφωνα μὲ τὸ Σύρο ἱστορικὸ ἡ Ἀρμενία, Ἰβηρία, Ἀρζανηνή καὶ Ἀτροπατηνῆ εὐρίσκοντο ὀλοσχερῶς ὑπὸ βυζαντινὴ κυριαρχία, ἐνῶ κατὰ τὸν Θεοφάνη οἱ φόροι τῆς Ἀρμενίας καὶ τῆς Ἰβηρίας ἔπρεπε νὰ διαιρεθοῦν μεταξὺ τῶν δύο κρατῶν.

Ἀπὸ πότε οἱ Μαρδαῖτες ὑπηρετοῦσαν στὸ Βυζάντιο; Ὅπως ἐσημειώσαμε, αὐτοὶ καὶ πρὸ τοῦ 677 ὑπεράσπιζαν τὰ μεθόρια τῆς αὐτοκρατορίας στὴν Ἄνω Μεσοποταμία (Τετάρτη Ἀρμενία). Γιὰ τὴν ἀμυνα τῆς περιφέρειας αὐτῆς ἡ αὐτοκρατορία ἀνησυχούσε ἀκόμη καὶ κατὰ τὴν ἐποχὴ τῆς βυζαντινο-περσικῆς (γιὰ νὰ μὴν ποῦμε ρωμαιο-περσικῆς) ἀντιμαχίας. Ἀπὸ τὰ δεδομένα τοῦ Προκοπίου τοῦ Καισαρέως εἶναι γνωστὸ ὅτι κατὰ τὴν προηγούμενη τῆς βασιλείας τοῦ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Α' ἐποχὴ τὴν Τετάρτη Ἀρμενία τὴν φύλαγαν οἱ ἰθαγενεῖς ἔνοπλοι δυνάμεις τῶν Ἀρμενίων φεουδαρχῶν-ναχαράρων, τοὺς ὁποῖους οἱ βυζαντινοὶ ὠνόμαζαν (καὶ οἱ Ἀρμένιοι ἐπίσης) σατράπες: «... τὰ πολέμια κατὰ μόνους αὐτοὶ (οἱ σατράπες) διωκοῦντο»¹⁰. Ὁ Ἰουστινιανὸς ὁ Α' «... τὸ μὲν τῶν σατραπῶν ὄνομα ἐξήλασεν ἐνθένδε εὐθύς, δοῦκας δὲ τοὺς

9. Michel le Syrien, t. II p. 469.

10. Προκοπίου Περὶ κτισμάτων, III, 1. Περὶ τῶν σατραπῶν αὐτῶν εἰδικῶς ἴδε: K. Güterbock, Römisch-Armenien und die römischen Satrapien in 4. bis 6. Jahrhundert, Wien 1914.

καλουμένους δύο τοῖς ἔθνεσιν¹¹ ἐπέστησε τούτοις: οἷς δὲ ξυνεστήσατο μὲν Ρωμαίων στρατιωτῶν καταλόγους παμπληθεῖς, ἐφ' ᾧ τὰ Ρωμαίων ξυμφυλάξουσιν αὐτοῖς ὄρια»¹².

Ἄλλὰ ποιοὶ ἦταν οἱ Μαρδαῖτες πρὸ τὸν Ζ' αἰῶνα φύλαγαν τὶς περιφέρειες πρὸ πρὶν ἓνα αἰῶνα ἀνῆκαν σὲ Ἀρμενίους φεουδάρχες, περιφέρειες τὶς ὁποῖες καὶ φύλαγαν οἱ φεουδάρχες αὐτοὶ μὲ ἰθαγενεῖς ἐνόπλους δυνάμεις;

Στὴν ἱστορία τοῦ Βυζαντίου εἶναι λίγα τὰ προβλήματα πρὸς εἶναι καλυμμένα μὲ τέτοια νεφέλη μυστηρίου, ὅπως τὸ πρόβλημα τῶν Μαρδαῖτων. Μὲ αὐτοὺς ἀπασχολήθηκαν ὄχι μόνον βυζαντινολόγοι, ἀλλὰ καὶ ἀραβολόγοι, συρολόγοι. Δὲν ἀσχολήθηκαν μόνον ἀρμενολόγοι, ἀν καί, καθὼς θὰ πεισθοῦμε περαιτέρω, μόνον αὐτοὶ εἶχαν τὴν δυνατότητα νὰ λύσουν τὸ αἰνιγμὰ των.

Ὅλοι οἱ μελετητὲς εἶναι σύμφωνοι ὅτι οἱ Μαρδαῖτες ἦταν χριστιανικὴ φυλὴ, ἀν καὶ ὁ Θεοφάνης δὲν μιλά γιὰ φυλὴ, ἀλλὰ μόνο γιὰ τάγμα στρατιωτῶν, οἱ ὁποῖοι, δὲν ἀποκλείεται, μποροῦσαν νὰ ἀνήκουν (καὶ ἀνῆκαν) σὲ ὀρισμένη φυλὴ.

Σὲ ἓνα μικρὸ ἄρθρο εἶναι δύσκολο νὰ ἀναφερθοῦμε σὲ ὅλα ὅσα ἔχουν γραφεῖ γιὰ τοὺς Μαρδαῖτες. Ἄς σημειώσουμε μερικά.

Ἐνας ἀπὸ τοὺς πρώτους μελετητὲς, ὁ Lebeau, τὴ λέξη Μαρδαῖτες τὴ θεωρεῖ ἀραβικὴ καὶ τὴ μεταφράζει "rebelles", τοὺς δὲ Μαρδαῖτες ταυτίζει μὲ τοὺς Μαρονίτες¹³. Μὲ αὐτὸν εἶναι σύμφωνος ὁ ἐκδότης τῆς ἱστορίας τοῦ Lebeau, Saint Martin, ὁ ὁποῖος γράφει περαιτέρω ὅτι οἱ Μαρδαῖτες δὲν εἶναι ἐντόπιοι (τοῦ Λιβάνου) κάτοικοι¹⁴. Ὁ Ed. Dulaurier, ἐκδότης τῆς γαλλικῆς μετάφρασης μερικῶν περικοπῶν τῆς ἀρχαίας ἀρμενικῆς μετάφρασης τῆς Χρονογραφίας τοῦ Μιχαὴλ τοῦ Σύρου, τοὺς Μαρδαῖτες ἐπίσης ταυτίζει μὲ τοὺς Μαρονίτες. Ὅσον ἀφορᾷ τὸ ὄνομά τους, αὐτὸ τὸ θεωρεῖ λέξη ἀραβικὴ, marid, σημαίνουσα ἀντάρτης¹⁵.

Ὁ Κ. Σάθας νομίζει ὅτι πρόγονοι τῶν Μαρδαῖτων εἶναι τὰ ἀρματωλικά, ὅπως τὰ ὀνομάζει, σώματα πρὸ συγκεντρώθηκαν ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ

11. Ὁ Προκόπιος ὀνομάζει "ἔθνη" τὸν ἀρμενικὸ πληθυσμὸ τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας. Ἔτσι εἶναι καὶ στὸν Κώδικα τοῦ Ἰουστινιανοῦ (gentes).

12. Προκοπίου Περὶ κτισμάτων, III, 1.

13. Histoire du Bas-Empire par Lebeau. Nouvelle édition... par M. de Saint Martin, t. XI, Paris 1830, p. 431.

14. Αὐτόθι, σελ. 436, ὅπος. 1.

15. Extrait de la Chronique de Michel le Syrien, traduit de l'arménien par Ed. Dulaurier, Paris, 1849, p. 108.

τοῦ Α' περὶ τὸν Ταύρου. Ἀπὸ αὐτοῦ, κατὰ τὸν Σάθα, «παρέμειναν ἐν τῇ βασιλικῇ ὑπηρεσίᾳ οἱ ἐξαρκούντες μόνον διὰ τὰς φρουρὰς τῶν ἐπικαίρων κλεισουργῶν ἄνδρες· οἱ δ' ἕτεροι, ἢ δι' ἔλλειψιν μισθοφορᾶς, ἢ διότι ἐπρωτίμων τὸν παλαιὸν ἀνεξάρτητον βίον, καταλαβόντες τὰς μᾶλλον δυσβάτους τοῦ Ταύρου ἀκρωρείας, ἔζων ἀρπάζοντες καὶ ληστεύοντες τοὺς περιοικοῦντας χριστιανούς καὶ μωαμεθανούς. Τοὺς τελευταίους τούτους ἀπεκάλουν οἱ μὲν βυζαντινοὶ ἀπελάτας, ἢ ὡς νῦν ἠθέλομεν εἶπει ἀποβλήτους ἢ ἄρπαγας, οἱ δὲ Σύροι καὶ Ἀραβες οἱ πολλὰ ἐξ αὐτῶν παθόντες Μαρδαίτας δηλονότι ἀντάρτας, ἢ ἐπὶ τὸ τουρκικώτερον ζορμπάδες¹⁶.

Ἡ ἰδέα τοῦ Σάθα ὅτι οἱ Μαρδαῖτες ὑπῆρχαν ἀκόμη καὶ ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Α', εἶναι ἐνδιαφέρουσα, ἀλλὰ νὰ ταυτίσουμε αὐτοὺς μὲ τοὺς Μαρδαῖτες τοῦ Θεοφάνη, καθὼς καὶ μὲ τοὺς ἀπελάτες, δὲν εἶναι δυνατόν¹⁷. Οἱ ἀπελάτες τῆς ἐποχῆς τοῦ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Α', ὅπως φαίνεται ἀπὸ τὴν νομοθεσίαν τοῦ τελευταίου, καθὼς καὶ τὶς μεταγενέστερες, εἶναι ζωοκλέφτες, οἱ δὲ Μαρδαῖτες ἀκροφύλακες, τακτικὰ στρατιωτικὰ σώματα. Ἄς ὑπογραμμίσουμεν ἐδῶ ὅτι οἱ Ἀραβες καὶ οἱ Σύροι κατὰ τὸν ΣΤ' αἰῶνα ἀκόμη δὲν γνωρίζουν τοὺς Μαρδαῖτες.

Εἶναι πολὺ ἐνδιαφέρουσα καί, ὅπως θὰ δοῦμε, ἀξιόλογη ἡ γνώμη μερικῶν Εὐρωπαϊῶν μελετητῶν περὶ τῆς καταγωγῆς τῶν Μαρδαϊτῶν (τὴν ὁποία καὶ ἀκολουθεῖ ὁ Κ. Παπαρρηγόπουλος), κατὰ τὴν ὁποία οἱ Μαρδαῖτες «... ἀνήκον εἰς τὴν μάχιμον καὶ πολλαχού τοῦ πρώην περσικοῦ κράτους οἰκοῦσαν φυλὴν τῶν Μάρδων»¹⁸. Τῇ γνώμῃ αὐτῇ ἀδίκως θεωρεῖ «παντάπασι ἀστήρικτον» ὁ Π. Καρολίδης. Γράφων ὅτι περὶ ἐποικήσεως Μάρδων στὶς ἑλληνικὰς χῶρας οὐδεμία ὑπάρχει παράδοσις, ὁ Π. Καρολίδης σημειώνει· «Ἀπορον δὲ φαίνεται ἡμῖν, πῶς οἱ τὴν γνώμην ταύτην πρεσβεύοντες φαντάζονται τοὺς ἀπὸ τοῦ Ἡροδότου, τοῦ Πλουτάρχου καὶ τοῦ Ἀρριανοῦ γνωστοὺς Μάρδους τῶν περσικῶν χωρῶν μεθισταμένους αἴφνης κατὰ τοὺς χρόνους Κωνσταντίνου τοῦ Δ', καθ' οὓς χρόνους οἱ Μωαμεθανοὶ Ἀραβες ἤρχον τῆς Περσίας, εἰς χριστιανούς πολεμιστὰς καὶ εἰς ἓν νεῦμα τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει βασιλέως ἀθρόους προστρέχοντας διὰ χωρῶν μωαμεθανικῶν ἀχανῶν καὶ διὰ πε-

16. Κ. Ν. Σάθα, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, τόμ. Β', Ἐν Βενετίᾳ 1873, σελ. με' κέξ.

17. Οἱ ἀπελάτες τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα, παρὰ τὴν γνώμην τοῦ Σάθα, μὲ τοὺς ἀπελάτες τοῦ ΣΤ' αἰῶνα δὲν ἔχουν τίποτε τὸ κοινόν.

18. Κ. Παπαρρηγοπούλου, Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους, ἐκδοσις ἕκτη, Ἀθήναι 1932, τόμ. Γ', μέρος Α', σελ. 248.

διάδων ἐκτενεστάτων εἰς τὰ ὄρη τῆς Συρίας καὶ Παλαιστίνης καὶ μαχομένους ἐνταῦθα μετὰ τοσοῦτου ζήλου ὑπὲρ τῆς χριστιανικῆς πίστεως καὶ ὑπὲρ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει βασιλείας καὶ εἰς ἓν πάλιν νεῦμα τῆς βασιλείας ταύτης ἐκκενοῦντας πάσας τὰς ὑπ' αὐτῶν κατεχομένας θέσεις»¹⁹. Ὁ Καρολίδης γράφει ὅτι τὸ ὄνομα Μαρδαίτης προέρχεται ἐκ τοῦ ἀραβικοῦ Μαρδάτ (Mardat), ποῦ σημαίνει ἀποστάτης, ὅτι αὐτοὶ ἦσαν Ἕλληνες ἄτακτοι πολεμιστῆς, στοὺς ὁποίους τὸ ὄνομα αὐτὸ τὸ ἔδωσαν οἱ Ἀραβες. Ὅλο τὸ ζήτημα εἶναι ὅτι ὁ Καρολίδης, (καθὼς καὶ ὁ Παπαρρηγόπουλος ἄλλωστε) ξέρει τοὺς Μάρδους μόνον τῆς ἀρχαίας Περσίας.

Ὁ J. B. Bury εἶναι σύμφωνος μὲ τὴν γνώμην τοῦ Σάθα κατὰ τὴν ὁποίαν οἱ Μαρδαῖτες ταυτίζονται μὲ τοὺς ἀπελάτες, τὸ ὄνομά τους μεταφράζει “rebels” καὶ τοὺς θεωρεῖ χριστιανούς-μονοθελητῆς²⁰.

Ὁ ἐκδότης τοῦ συριακοῦ κειμένου τῆς Χρονογραφίας τοῦ Μιχαὴλ τοῦ Σύρου καὶ μεταφραστῆς αὐτῆς στὴ γαλλικὴ γλῶσσα J. - B. Chabot τὸ Maridaye (Μαρδαῖτες) θεωρεῖ λέξη ἀραμαϊκὴ καὶ μεταφράζει “rebelles, révoltés”. Αὐτὸς σωστὰ ἀπορρίπτει τὴν γνώμην, κατὰ τὴν ὁποία οἱ Μαρδαῖτες ἔχουν σχέσηην μὲ τοὺς “πρώιμους” Μαρονίτες. Ἡ ἐρμηνεία τοῦ Chabot τοῦ “συνωνύμου” τῶν Μαρδαϊτῶν Liphuri ἢ Lipore εἶναι ἀπίθανη. Αὐτὸς νομίζει ὅτι ἔχει σχέσηην μὲ τὴν ἑλληνικὴν λέξιν “λάφυρα”, τὴν ὁποία ἐξηγεῖ “praedones” (ληστῆς!). Ὅσον ἀφορᾷ τὸ “Gargumaye”, τὴν ὀνομασίαν τῶν Μαρδαϊτῶν κατὰ τοὺς Σύρους, ὁ Chabot ἐρμηνεύει “inverecundi, imprudentes”, δηλαδὴ “ἀδιάντροποι, ἀσυνείδητοι, ἰταμοί”²¹. Ἐπομένως τὸ Μαρδαῖτες αὐτὸς θεωρεῖ ὄχι αὐτονομασία τῆς ἐνδιαφέρουσας ἐμᾶς φυλῆς, ἀλλὰ δοθὲν ἀπὸ τοὺς ἀντιπάλους των ὑβριστικὸν ὄνομα, ἐφόσον εἶναι ἀπίθανον νὰ θεωροῦν αὐτοὶ τοὺς ἑαυτοὺς τοὺς ἀδιάντροπους, ἀσυνείδητους, ἰταμούς κ.τ.τ.

Εἰδικὸν ἄρθρον στοὺς Μαρδαῖτες ἔχει ἀφιερῶσει ὁ Κ. Ἀμαντος. Τοὺς θεωρεῖ Ἕλληνες ὀρθοδόξους, στοὺς ὁποίους προσήλθαν μονοφυσίται Σύροι. Κατ' αὐτὸν ἦσαν κάτοικοι τοῦ Ταύρου, Ἀμανοῦ καὶ Λιβάνου, υἱοθετεῖ τὴν γνώμην αὐτῶν, ποῦ θεωροῦν τὴν λέξιν ἀραβικὴν, δηλοῦσα ἀποστάτην, ἀντάρτην, ἀπορρίπτει τὴν γνώμην τοῦ Σάθα περὶ ταυτίσεως αὐτῶν

19. Αὐτόθι, σελ. 246 - 248. Ἴδε καὶ Π. Καρολίδης, Περὶ τῆς ἐθνικῆς καταγωγῆς τῶν Ὀρθοδόξων χριστιανῶν Συρίας, Παλαιστίνης καὶ Μεσοποταμίας, Ἀθήναι 1909, σελ. 351 - 353.

20. J. B. Bury, A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 a. D. to 800 a. D.), vol. II, London, 1889, p. 312, 321.

21. Michel le Syrien, t. II, p. 455.

μέ τους ἀπελάτες, καὶ τοὺς θεωρεῖ πρώτους ἀκρίτες τοῦ Βυζαντίου²². Ὁ Ἄμαντος, ὅπως καὶ ὁ Σάθας, ἀναζητεῖ τοὺς προγόνους τῶν Μαρδαϊτῶν στὸ Βυζάντιο στὴν ἐποχὴ τοῦ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Α'. "Δὲν ὑπάρχει ἀμφιβολία, γράφει, ὅτι οἱ ὄρειοι κάτοικοι τοῦ Λιβάνου, ὅπως καὶ τοῦ Ἄμανοῦ καὶ τοῦ Ταύρου ἐχρησιμοποιήθησαν ὡς καλοὶ στρατιῶται ἐνωρὶς ὑπὸ τοῦ Βυζαντίου. Δι' αὐτὸ ἀναφέρει ὁ Προκόπιος ("Υπὲρ πολ. II 8,2 καὶ II 16, 17) "ἄρχοντες τῶν ἐν Λιβάνῳ στρατιωτῶν"²³.

Κατὰ τὸν Ἄ. Βασιλίου οἱ Μαρδαῖτες κατοικοῦσαν στὸ συριακὸ Λίβανο πολὺ νωρίτερα ἀπὸ τὸν Ζ' αἰώνα, δηλαδὴ τοὺς θεωρεῖ ντόπια φυλὴ, τὸ δὲ ὄνομά τους μεταφράζει "rebels, apostates, bandits". Ἦταν ὀργανωμένοι στρατιῶτες καὶ σὲ αὐτὰ τὰ μέρη παρουσίαζαν γιὰ τὸ Βυζάντιο ἀμυντικὸ τεῖχος. Μετὰ τὴν κυρίευση τῆς Συρίας ἀπὸ τοὺς Ἀραβες, οἱ Μαρδαῖτες ἀπομακρύθηκαν πρὸς βορρᾶν, στὰ ἀραβο-βυζαντινὰ μεθόρια καὶ μὲ τὶς συνεχεῖς τοὺς ἐπιδρομὲς προξενούσαν στοὺς Ἀραβες πολλὰ δυσάρεστα²⁴.

Ὁ Ε. Honigmann²⁵ καὶ ὁ ἐπαναλαμβάνων αὐτὸν G. Ostrogorsky²⁶ θεωροῦν τοὺς Μαρδαῖτες ληστρική χριστιανικὴ φυλὴ ἢ ὁποῖα πρὸ τῆς μετοικεσίας των ἀπὸ τὸν Ἰουστινιανὸν τὸν Β', κατοικοῦσαν κοντὰ στὸν Ἄμανο.

Γιὰ τοὺς Μαρδαῖτες ἐκτενέστερα ἔχουν γράψει οἱ ἀραβολόγοι H. Lammens καὶ M. Canard²⁷. Καὶ οἱ δύο, βασιζόμενοι στὸ δοσμένο στοὺς Μαρδαῖτες ἀπὸ τοὺς Ἀραβες ὄνομα Djaradjima (ἐνικὸς ἀριθμὸς Djardjumanī), καὶ στὰ δεδομένα τοῦ Γιακούτ, τοὺς Μαρδαῖτες θεωροῦν κατοίκους τῆς τοποθεσίας Djurdjuma, βορείως τῆς Ἀντιοχείας, ἢ τῆς κόμης Djurdjum ἐπὶ τῆς ὁδοῦ Ἀλέππο-Ἀλεξανδρέττας.

Πολλοὶ ἐρευνητὲς τοὺς Μαρδαῖτες θεωροῦν ὀρεσίβιους τοῦ Ἄμανοῦ, εὐρίσκομένους κάτω ἀπὸ τὴ διοίκηση βυζαντινῶν στρατιωτικῶν²⁸.

Γι' αὐτοὺς πολλὰ ἔχει γράψει ὁ μακαρίτης Ἄ. Στράτος στὸ μεγάλο του ἔργο γιὰ τὴν ἱστορία τοῦ Βυζαντίου στὸν Ζ' αἰώνα. Αὐτὸς κυρίως εἶναι σύμφωνος μὲ τὴ γνώμη τοῦ Chabot, ξεκινώντας ἀπὸ τὰ δεδομένα βυζαντινῶν πηγῶν "δίκην Μαρδαϊτῶν κρυπτόμενοι" (Θεοφάνης), "τοὺς ἐν τῷ ὄρει τοῦ Λιβάνου λοχοῦντας ὀπλίτας" (Νικηφόρος), νομίζει, ὅτι "δὲν πρόκειται περὶ ἐθνικοῦ ὀνόματος, ἀλλὰ περὶ ἀνταρτικῶν σωμάτων καὶ ἡ σημασία αὐτῆς τῆς λέξεως σὺν τῷ χρόνῳ ἐταυτίσθη μὲ τὴν ἀνδρεία τῶν ἀκριτῶν καὶ τὸν τρόπο μὲ τὸν ὁποῖο πολεμοῦσαν"²⁹.

Τὸ πρόβλημα τῶν Μαρδαϊτῶν ἐμελέτησαν καὶ οἱ σοβιετικοὶ ἱστορικοὶ. Ὁ Μ. Β. Λέβτσενκο τοὺς θεωρεῖ μὴ ὑποταχθέντες στὴν ἀραβικὴ κυριαρχία Σύρους, οἱ ὁποῖοι ὀχυρωθέντες στὸ Λίβανο, ὑποστήριζαν τὴ βυζαντινὴ κυβέρνησις καὶ παρουσίαζαν γιὰ τὸ Χαλιφάτο μεγάλο κίνδυνο³⁰.

Ὁ ἀραβολόγος E. A. Μπελιάγιεφ τοὺς θεωρεῖ ὀρεσίβιους "ἀγνώστου προελεύσεως, οἱ ὁποῖοι, ὄντες χριστιανοί, ἐμάχοντο ἀπὸ τὸ μέρος τοῦ Βυζαντίου κατὰ τὴν ἐποχὴ τῶν ἀραβικῶν κατακτήσεων στὴ Μικρὰ Ἀσία. Στὴ δεκαετία τοῦ '60 τοῦ Ζ' αἰώνα αὐτοὶ διείσδυσαν (ἀπὸ ποῦ; — Χρ. Μπ.) στὶς δυσπρόσιτες περιοχὲς τοῦ ὄρειοῦ Λιβάνου καὶ ἐγκαταστάθηκαν ἐκεῖ". Σύμφωνα μὲ τὸν Μπελιάγιεφ, οἱ Μαρδαῖτες ἦσαν ἀνεξάρτητοι ἀπὸ τὸ Βυζάντιο καὶ στὶς ἀρχὲς τοῦ Η' αἰώνα μέρος αὐτῶν μετοίκησε στὰ βυζαντινὰ ὄρια, οἱ δὲ ἀπομείναντες ἀφομοιώθηκαν μὲ τοὺς χριστιανοὺς Μαρονίτες τοῦ Λιβάνου³¹.

Στὴν τρίτομο "Ἱστορία τοῦ Βυζαντίου" τῆς Ἀκαδημίας Ἐπιστημῶν τῆς ΕΣΣΔ οἱ Μαρδαῖτες θεωροῦνται ντόπια φυλὴ ὑπαγομένη στὸ Χαλιφάτο καὶ κατοικοῦσαν στὰ μεθόρια τῆς Μικρᾶς Ἀσίας καὶ τῆς Συρίας, τῶν βουνῶν τοῦ Λιβάνου³².

* * *

Τὸ πρῶτον σημεῖο τῶν ἄνω γνωμῶν εἶναι τὸ ὅτι οἱ Μαρδαῖτες θεωροῦνται ὀρεσίβιοι τοῦ Λιβάνου, ντόπια φυλὴ τῆς χώρας αὐτῆς.

22. Κ. Ἄμαντος, Μαρδαῖται. "Ἑλληνικά" τόμ. 5, 1932, σελ. 130 κέξ. Τοῦ ἰδίου, Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους, τόμ. Α', Ἀθήναι 1963, σελ. 317, ὑποσ. 1.

23. Κ. Ἄμαντος, Μαρδαῖται, σελ. 130.

24. A. A. Vasiliev, History of the Byzantine Empire, Madison 1952, p. 215.

25. E. Honigmann, Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches, Bruxelles 1961, S. 41.

26. G. Ostrogorsky, Histoire de l'État Byzantin, Paris 1956, p. 162.

27. H. Lammens, Études sur le règne du calife Omayyade Mo'awiya Ier. Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph de Beyrouth, I, p. 14 - 22. Ἴδε καὶ τὸ ἄρθρο τοῦ ἰδίου (Mardaites) στὴ Α' ἐκδόση τῆς Encyclopédie de l'Islam, καθὼς καὶ τὸ ἄρθρο τοῦ M. Canard (Djaradjima) στὴ Β' ἐκδόση τῆς ἴδιας Ἐγκυκλοπαιδείας (τόμ. Β', σελ. 468 - 469).

28. Τὴν βιβλιογραφία ἴδε: Ἄ. Στράτου, Τὸ Βυζάντιον στὸν Ζ' αἰώνα, τόμ. Ε', Ἀθήναι 1974, σελ. 49, ὑποσ. 193.

29. Αὐτόθι, σελ. 48.

30. M. V. Levčenko, Istorija Vizantii, Moskva-Leningrad, 1940, str. 111 (M. B. Λέβτσενκο, Ἱστορία τοῦ Βυζαντίου, Μόσχα-Λένινγκραντ 1940, σελ. 111 (ρωσ.).

31. E. A. Beljajev, Araby, Islam i Arabskij Khalifat v rannjeje srednevekonje, Moskva, 1966, str. 180 - 181 (E. A. Μπελιάγιεφ, Οἱ Ἀραβες, τὸ Ἰσλάμ καὶ τὸ Ἀραβικὸ Χαλιφάτο κατὰ τὸν πρῶτον Μεσαίωνα, Μόσχα 1966, σελ. 180 - 181, (ρωσ.).

32. Istorija Vizantii, t. I. Moskva 1967, str. 74, 372, t. II, str. 42 (Ἱστορία τοῦ Βυζαντίου, τόμ. Α', Μόσχα 1967, σελ. 74, 372, τόμ. Β', Μόσχα 1967, σελ. 42 (ρωσ.).

Ἄλλὰ ὁ Θεοφάνης δὲν γράφει τίποτε τὸ παρόμοιο. Αὐτὸς γράφει γιὰ τοὺς “εἰσελθόντας” τὸ 6169 (677) στὸ Λίβανο Μαρδαῖτες, γιὰ τὸ *τάγμα* τῶν Μαρδαϊτῶν στὸ Λίβανο, τὸ ὁποῖο τὸ 6179 ἤλθε (μᾶλλον *ἐπέστρεψε*) στὴν Ἀρμενία. Θεωρώντας τοὺς Μαρδαῖτες ντόπια φυλὴ οἱ μελετητὲς δὲν ἀπαντοῦν στὸ ἐρώτημα, πῶς ἦταν δυνατὸ ἢ κατοικοῦσα *στὰ βοννά* τοῦ *Λιβάνου* φυλὴ νὰ διακωλύει τὴν ἐγκατάσταση τῶν Ἀράβων στὴν *Τετάρτη Ἀρμενία*, νὰ ὑπερασπίζεται (ἀπὸ τὸ Λίβανο!) τὰ μεθόρια τοῦ Βυζαντίου στὴν *Τετάρτη Ἀρμενία*. Πῶς μποροῦσε τὸ Βυζάντιο νὰ “διαλύσει” ὅλη τὴ φυλὴ τῶν Μαρδαϊτῶν, ἐὰν αὐτοὶ ὄντως ζοῦσαν ἐκεῖ. Εἶναι γνωστὸ ὅτι ὁ Ἰουστινιανὸς ὁ Β΄ ἐδέχθηκε 12 χιλιάδες Μαρδαῖτες πολεμιστὲς. Ἐὰν αὐτοὶ ἦσαν κάτοικοι τοῦ Λιβάνου, πρέπει νὰ ὑποθέσουμε, ὅτι τὰ γυναικόπαιδά τους, καθὼς καὶ οἱ μὴ φέροντες ὄπλα ἄνδρες ἔμειναν στὸ Λίβανο. Εἶναι αὐτὸ δυνατὸ; Στὰ ἐρωτήματα αὐτὰ οἱ βυζαντινολόγοι (καθὼς καὶ οἱ ἀραβολόγοι καὶ συρολόγοι) δὲν ἔδιναν ἀπάντηση, ἀλλὰ καὶ δὲν μποροῦσαν, ἐφόσον οἱ πηγὲς ποὺ εἶχαν στὴ διάθεσή τους δὲν ἔδιναν τὴ δυνατότητα αὐτή. Οἱ ἐρευνητὲς δὲν ὑποψιάζονταν, ὅτι οἱ Μαρδαῖτες μποροῦσαν νὰ ἔχουν σχέση μετὰ τὴν Ἀρμενία. Αὐτοὺς δὲν τοὺς ὀδηγοῦσε στὴ σκέψη αὐτὴ οὔτε τὸ ὅτι αὐτοὶ ἐφύλαγαν τὰ νότια μεθόρια τῆς Ἀρμενίας (ἔχομε ὑπ’ ὄψη τὴν *Τετάρτη Ἀρμενία*), οὔτε τὸ ὅτι ἦταν Χριστιανοὶ μονοφυσίτες, καὶ οὔτε τὸ ὅτι τὰ διαλυθέντα *τάγματα* τῶν Μαρδαϊτῶν τοῦ Λιβάνου ὁ Ἰουστινιανὸς ὁ Β΄ δέχτηκε στὴν Ἀρμενία, ἀπὸ ὅπου πιθανώτατα εἶχαν σταλεῖ στὸ Λίβανο.

Καὶ ἔτσι, εἶναι καιρὸς νὰ ἀναφερθοῦμε στὴν προϊστορία τῶν Μαρδαϊτῶν. Ἄς ἀρχίσουμε ἀπὸ τὸ ἔτυμο τοῦ ὀνόματός των, τὸ ὁποῖο καὶ θὰ ἀνοίξει τὸν δρόμο γιὰ τὴ διασάφηση τοῦ προβλήματος. Τὸ ἐθνικὸ “Μαρδαῖτες” πολὺ σωστά ἔχει σχέση μετὰ τὴν ἀραμαϊκὴ (καὶ ἀραβικὴ) λέξι *marid*³³, ἀλλὰ αὐτὴ προέρχεται ἀπὸ τὴν ἱρανικὴ *marəda*³⁴, ποὺ σημαίνει “φονιάς”, “ληστής”, κτλ. Σύμφωνα μετὰ τὸν W. Geiger τὸ *marəda* (ὅπως ἢ λέξι “Κοῦρδος”) εἶναι ὕβριστικό, τὸ ὁποῖο, ὅπως

33. Ἴδε W. Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum*, Erlangen 1882, S. 203 (μέσω τοῦ: I. M. Diakonov, *Istorija Midii*, Moskva-Leningrad 1956, str. 417, prim. 3 (I. M. Διακωνῶφ, Ἡ ἱστορία τῆς Μηδίας, Μόσχα-Λενινγκράντ 1956, σελ. 417, ὑποσ. 3, ρωσ.).

34. Ἴδε Christian Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, Berlin 1961, S. 1150: A Compendious Syriac Dictionary, edited by J. Payne Smith. Oxford 1957, p. 299: *Arabsko-russkij slovar, sostavl' Kh. K. Baranov*, Moskva 1957, str. 956 (Ἀραβο-ρωσικὸ Λεξικὸ, συνταχθέν ὑπὸ Χ. Κ. Μπαράνωφ, Μόσχα 1957, σελ. 956, ρωσ.).

θεωροῦσε αὐτὸς, ἔγινε ἐθνικὸ καὶ περιῆλθε ὡς ὀνομασία τῆς ληστρικῆς ἱρανικῆς φυλῆς, γνωστῆς ἀπὸ τὶς πηγὲς ὡς Μάρδοι³⁵.

Ὁ Geiger κατὰ πᾶσα πιθανότητα τοὺς Μαρδαῖτες δὲν τοὺς ἤξερε.

Οἱ *Μαρδαῖτες* τοῦ πρώιμου Μεσαίου αἰῶνα ἔχουν ἄμεση σχέση μετὰ τοὺς Μάρδους, ἀλλὰ ὄχι τοὺς ἀρχαίους προγόνους τοὺς τῆς Περσίας, ἀλλὰ τοὺς ἐγκατασταθέντες ἀκόμη στὴν ἀρχαιότητα στὴν Ἀρμενία καὶ πρὸ πολλοῦ ἐξαρμενισθέντες. Περί τούτου μεταξὺ ἄλλων μαρτυροῦν τοπωνύμια δύο ἐπαρχιῶν τῆς Ἀρχαίας Ἀρμενίας — *Mardastan* καὶ *Mardali*, ποὺ σημαίνουν ἀντίστοιχα “χώρα τῶν Μάρδων” καὶ “Μάρδοι”. Ἄς σημειώσουμε, ὅτι μετὰ τὴ διαίρεση τῆς Ἀρμενίας τῶν Ἀρσακιδῶν τὸ 387 μεταξὺ τῆς Ρωμαϊκῆς αὐτοκρατορίας καὶ τῆς Περσίας, ἡ *Mardali* μπῆκε στὰ πλαίσια τῆς αὐτοκρατορίας, ἐνῶ τὸ *Mardastan* ἔμεινε στὸ περσικὸ τμήμα τῆς Ἀρμενίας. Ὅταν τὸ 591 ἡ Ἀρμενία διαιρέθηκε ἐκ νέου μεταξὺ τῶν δύο αὐτῶν μεγάλων δυνάμεων, τὸ *Mardastan* ὅπως καὶ πρὶν, ἔμεινε στὰ πλαίσια τῆς Περσίας τῶν Σασανιδῶν, κατὰ δὲ τὴν ἐποχὴ ποὺ μᾶς ἀπασχολεῖ, τοῦ Ἀραβικοῦ Χαλιφάτου. Ὅσον ἀφορᾷ τὴ *Mardali*, αὐτὴ συνέχιζε νὰ βρίσκεται στὰ ὄρια τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας.

Ἐδῶ δὲν εἶναι περιττὸ ἐπὶ τῇ βάσει τῶν ἀρχαίων πηγῶν νὰ σκιαγραφήσουμε τὴν ἱστορία τῶν Μάρδων³⁶. Ἐνας ἀπὸ τοὺς ἀρχαιότερους συγγραφεῖς ποὺ τοὺς μνημονεύει εἶναι ὁ Ἡρόδοτος. Μεταξὺ διαφόρων περσικῶν φυλῶν αὐτὸς μνημονεύει καὶ τὴ φυλὴ τῶν νομάδων Μάρδων. Οἱ Μάρδοι ὑπηρετοῦσαν στὸ στρατὸ τοῦ Κύρου καὶ ἔλαβαν μέρος στὴν πολιορκία τῶν Σάρδεων³⁷.

Περαιτέρω τοὺς Μάρδους μνημονεύει ὁ Ξενοφῶν. Οἱ Ἕλληνες στὶς ὄχθες τοῦ ποταμοῦ Κεντρίτη (τώρα Μποχτὰν σοῦ) «ὄρῳσι ἰπέας που πέραν τοῦ ποταμοῦ ἐξωπλισμένους ὡς κωλύσοντας διαβαίνειν, πεζοὺς δ' ἐπὶ ταῖς ὄχθαις παρατεταγμένους ἄνω τῶν ἰπέων ὡς κωλύσοντας εἰς τὴν Ἀρμενίαν ἐκβαίνειν. Ἦσαν δὲ οὗτοι Ὀρόντα καὶ Ἀρτοῦχα Ἀρμένιοι καὶ *Μάρδοι* καὶ Χαλδαῖοι μισθοφόροι»³⁸.

35. W. Geiger, *αὐτόθι*. Κατ' ἐμὲ ἔγινε τὸ ἀντίθετο, τὸ ἐθνικὸ Μάρδοι ἔγινε ὕβριστικό. Πρβλ. τὸ ἐθνικὸ “Τοῦρκος” ποὺ σημαίνει καὶ γιὰ τοὺς Ἀρμένιους, καὶ γιὰ τοὺς Ἕλληνες (καὶ κατὰ πᾶσα πιθανότητα γιὰ ἄλλους τοὺς κάποτε ὑπόδουλους αὐτῶν λαοὺς) “ἄκαρδος, σκληρὸς, ἀπλαγχνός, ὄμογος”. Ἀφοῦ καὶ τὸ “Κοῦρδος” τοῦ Geiger εἶναι ἐθνικὸ ποὺ πῆρε ὕβριστικὴ σημασία, καὶ ὄχι ἀντιθέτως.

36. Γιὰ τοὺς Μάρδους γενικῶς ἴδε τὸ ἀρθρο, “Μάρδοι” τοῦ Weissbach στὴν *Paulys Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*. Bd. XIV, 2. Stuttgart, 1966, col. 1648 - 1651.

37. Ἡρόδοτος, Α' 125, Α' 84.

38. Ξενοφῶν, Ἀνάβασις, Δ', 3, 3 - 4. Ὁ J. Markwart (*Die Entstehung und die Wiederherstellung der armenische Nation*, Potsdam, 1919. S. 24 (μέσω τοῦ: Ἀ. Μαναντιάν, Κριτικὴ ἀνασκόπηση τῆς ἱστορίας

Ὁ Στράβων ἐπὶ τῇ βάσει τῶν δεδομένων τοῦ Ἐρατοσθένη γράφει, ὅτι οἱ Μάρδοι κατοικοῦν στὴν παραλία τῆς Κασπίας θάλασσας³⁹. Ὁ γεωγράφος τοὺς μνημονεύει πάλι μεταξὺ τῶν περιπλανωμένων, ληστρικών καὶ ὄρεσιβίων φυλῶν στὴν Περσία, ἀλλὰ ταυτοχρόνως μνημονεύει καὶ τοὺς *οἰκοῦντες στὴν Ἀρμενία Μάρδους*: «καὶ οἱ ἐν τῇ Ἀρμενίᾳ μέχρι νῦν ὁμωνύμως (Μάρδοι) προσαγορευόμενοι τῆς αὐτῶν εἰσὶν ἰδέας»⁴⁰. Αὐτὸ σημαίνει, ὅτι ἡ φυλὴ τῶν Μάρδων, ἐὰν ὄχι ὀλόκληρη, τουλάχιστον ἓνας κλάδος τῆς πρὸ τῆς ἐποχῆς τοῦ Στράβωνος εἶχε ἤδη ἐγκατασταθεῖ μονίμως στὴν Ἀρμενία. Τὸν ληστρικό χαρακτήρα τῶν Μάρδων ὁ Στράβων ὑπογραμμίζει καὶ ἄλλοῦ⁴¹.

Τὸ φιλοπόλεμο τῶν Μάρδων ἔχει μνημονευθεῖ ἀπὸ τοὺς ἀρχαίους συγγραφεῖς καὶ σχετικὰ μὲ τὰ γεγονότα τῆς ἐποχῆς τοῦ Ἀρμενίου βασιλέως Τιγράνου τοῦ Β' (95 - 55 π.Χ.). Ὁ Πλούταρχος γράφει, ὅτι τὸ 68 π.Χ. ἀπὸ τοὺς στρατιῶτες τοῦ Ἀρμενίου βασιλέως πολλοὶ «ἦσαν ἰππεῖς καὶ λοχάδες ἀντιπαρατεταγμένοι, πρὸ δ' αὐτῶν ἰπποτοξόται *Μάρδοι* καὶ λογχοφόροι Ἰβηρες, οἷς μάλιστα τῶν ξένων ὁ Τιγράνης ἐπίστευεν ὡς μαχιμοτάτοις»⁴². Οἱ Μάρδοι αὐτοί, ὅπως φαίνεται, ἦταν μισθοφόροι.

Τὸ πολεμικὸ καὶ ληστρικό τῶν Μάρδων μνημονεύει καὶ ὁ Τάκιτος. Αὐτὸς γράφει, ὅτι ὁ Κορβούλων (ὁ διάδοχος τοῦ Λουκούλλου), ὑποχωρώντας ἀπὸ τὰ Ἀρτάξατα τῆς Ἀρμενίας, εἰσῆλθε στὰ ὄρια τῶν ληστρικών Μάρδων, οἱ ὅποιοι τοῦ ἐπιτέθηκαν⁴³.

Καὶ ἔτσι, σύμφωνα μὲ τὰ δεδομένα τοῦ Στράβωνος καὶ τοῦ Τακίτου εἶναι σαφές, ὅτι στὴν ἐποχὴ τοῦ Τιγράνη τοῦ Β' οἱ Μάρδοι ἤδη κατοικοῦσαν μονίμως στὴν Ἀρμενία, σὲ περιφέρειες τῆς ὁποῖας οἱ Ἀρμένιοι ὀνόμαζαν *Mardastan* καὶ *Mardali*, δηλαδή «Χώρα τῶν Μάρδων» καὶ «Μάρδοι»⁴⁴.

τοῦ ἀρμενικοῦ ἔθνους, Ἔργα, τόμ. Α', Ἐρεβάν 1977 σελ. 74, ἀρμ.) ὑποθέτει, ὅτι οἱ ὡς ἄνω Μάρδοι ἦσαν μισθοφόροι, ὅπως καὶ οἱ Χαλδαῖοι, ἐπομένως αὐτοὶ ἦταν ἐλεύθεροι καὶ ἀνεξάρτητοι ὅπως οἱ Χαλδαῖοι.

39. Στράβων, Γεωγραφικά, ΙΑ', 4, Ι.

40. Αὐτόθι, ΙΑ', 3, 3.6.

41. Αὐτόθι, ΙΕ', 3, Ι.

42. Πλούταρχος, Λούκουλλος 31. Πρβλ. N. Adontz, *Armenia in the Period of Justinian. The Political Conditions based on the Naxarar System. Translated with partial revisions. A bibliographical Note and Appendices by Nina G. Garsoian, Louvain 1970, p. 322. J. A. Manandian, Tigran Vtoroj i Rim, Erevan 1943, str. 152 (A.A. Μαναντιάν, Ὁ Τιγράνης ὁ Β' καὶ ἡ Ρώμη, Ἐρεβάν 1943, σελ. 152, ρωσ.). Σύμφωνα μὲ τὸν ἴδιο τὸ Πλούταρχο ('Αντίγονος, ΜΑ', ΜΖ', ΜΗ') οἱ Μάρδοι ὡς μισθοφόροι ὑπηρετοῦσαν καὶ στὸ ρωμαϊκὸ στρατό.*

43. Tacitus, *Annales*, XIV, 23: «Atque illum (Corbulonem) finis suos praegredientem incursavere *Mardis* latrociniis exerciti contraque inrumpentem montibus defensu».

44. Πρβλ. N. Adontz, αὐτόθι, σελ. 322. Ὁ J. Markwart καὶ ὁ Α. Μαναντιάν κρίνουν, ὅτι ὁ Κορβού-

Τόσα συνοπτικὰ γιὰ τοὺς Μάρδους στὴν Ἀρμενία κατὰ τὴν ἀρχαιότητα. Τώρα εἶναι καιρὸς νὰ μιλήσουμε γιὰ τῆς ἐπαρχίες ὅπου αὐτοὶ κατοικοῦσαν, δηλαδή γιὰ τῆς ἐπαρχίες τῆς ἀρχαίας Ἀρμενίας *Mardastan* καὶ *Mardali*.

Σύμφωνα μὲ τὴν «Ἀρμενικὴ Γεωγραφία» τοῦ Ζ' αἰώνα ἡ μαρζπανικὴ (δηλαδή ἡ εὐρισκομένη κάτω ἀπὸ περσικὴ κυριαρχία) Ἀρμενία, ἦταν διηρημένη σὲ τρεῖς μεγάλες περιοχές, τὸ Αἶραράτ, Τουρουπεράν (ἄλλως Ταρῶν) καὶ Βασπουρακάν. Ἡ *Mardali*⁴⁵ εὐρίσκετο στὰ ὄρια τῆς δευτέρας, κεντρικῆς, περιοχῆς Τουρουπεράν καὶ ἔπιανε τῆς πηγῆς τοῦ ποταμοῦ Ἀράξη στῆς βόρειες κλιτύες τοῦ ὄρους Μπινγκιόλ⁴⁶.

Ἀπὸ τὰ δεδομένα τοῦ Οὐχτανές, Ἀρμενίου συγγραφέως τοῦ Ι' αἰώνα, καθὼς καὶ ἀπὸ τὴν ἀραβικὴ διασκευὴ τῆς «Ἱστορίας τῆς Ἀρμενίας» τοῦ Ἀγαθαγγέλου φαίνεται, ὅτι τὸν Δ' αἰώνα ἡ *Mardali* εἶχε ἐπίσκοπο. Αὐτὸ ἐπιβεβαιώνεται καὶ ἀπὸ τὰ Πρακτικὰ τῶν ἀρμενικῶν ἐκκλησιαστικῶν συνόδων τοῦ 451, 505 καὶ 555. Στῆς συνόδους αὐτῆς πῆραν μέρος καὶ ἐπίσκοποι τῆς *Mardali*⁴⁷. Οἱ Μάρδοι τῆς *Mardali* κατὰ τὸν N. Adontz, προέρχονται ἀπὸ αὐτοὺς τοὺς Μάρδους, οἱ ὅποιοι μὲ τοὺς Χαλδαίους ἐπιτέθηκαν στοὺς στρατιῶτες τοῦ Ξενοφῶντος στῆς ὄχθες τοῦ ποταμοῦ Κεντρίτη. Μαζὶ μὲ τοὺς Χαλδαίους οἱ Μάρδοι αὐτοὶ ὅπως φαίνεται, κινήθηκαν πρὸς βορρᾶν καὶ ἐγκαταστάθηκαν στῆς περιοχές, οἱ ὁποῖες ὀνομάζονταν ἀντιστοίχως *Mardali* καὶ Χαλδία⁴⁸.

λων δὲν πέρασε μὲσω τοῦ *Mardastan*, ὅτι ἡ χώρα τῶν Μάρδων, μὲσω τῆς ὁποίας πέρασε αὐτὸς εὐρίσκετο βορειο-ἀνατολικά τοῦ Ταρῶν (J. Markwart, *Die Entstehung*, S. 23. Α. Μαναντιάν, Κριτικὴ ἀνασκόπηση, σελ. 331).

45. Ὁ N. Adontz (αὐτόθι σελ. 46) τὸ *ali τοῦ τοπωνυμίου *Mardali* θεωρεῖ κλιτικό, ἐπομένως *Mardali* σημαίνει «Ἐπαρχία τῶν Μάρδων». Δὲν ἀποκλείεται, ἡ λήγουσα -li τοῦ τοπωνυμίου αὐτοῦ νὰ εἶναι πρόσφυμα πληθυντικοῦ (πρβλ. G. A. Melikišvili, *Ourartskije klinoobraznyje nadpisi* (Γ. Α. Μελικισβίλι, Οἱ οὐραρτικὲς σφηνοειδεῖς ἐπιγραφές, Μόσχα 1960, σελ. 52, ρωσ.). Ἐπομένως *Mardali* πρέπει νὰ σημαίνει «Μάρδοι», (δηλαδή «Χώρα τῶν Μάρδων»). Πρβλ. τὸν Πτολεμαῖο ὁ ὅποιος τὸ «Μάρδοι» θεωρεῖ τοπωνύμιο: «Ἀπ' ἀνατολῶν δὲ τῶν Τίγριδος ποταμοῦ πηγῶν ἡ τε Βαγραυανδηνὴ καὶ ὑπ' αὐτὴν ἡ Γορδυηνή, ἧς ἀνατολικώτερα ἡ Κωτία καὶ ὑπ' αὐτὴν *Μάρδοι*». Τὴν ἀρμενικὴ λήγουσα τῆς ὀνομαστικῆς πώσεως τοῦ πληθυντικοῦ ἀριθμοῦ “ ” (k' = οἱ) φέρουν πολλὰ ἀρμενικὰ τοπωνύμια. Π.χ. *Abeleank'*, *Apdzevatsik'*, *Bznounik'*, *Gabeleank'*, *Χορκορονικ'*, *Havnounik'*, *Rštounik'* καὶ ἄλλα, τὰ ὁποῖα ταυτοχρόνως εἶναι ὀνόματα φεουδαρχικῶν οἰκογενειῶν.

46. N. Adontz, αὐτόθι, σελ. 246.

47. Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας τοῦ ἐπισκόπου Οὐχτανές, Βαλαρσαπάτ 1871, σελ. 100 (στὰ ἀρχ. ἀρμενικά). N. Adontz, αὐτόθι, σελ. 256, 258 - 259.

48. N. Adontz, αὐτόθι, σελ. 492 ὑποσημ. 57. Ὅπως φαίνεται ἔχει σχέση πρὸς τὸ ἐθνικὸ «Μάρδοι» καὶ τὸ ὄνομα τοῦ ὄρους *Merd* στὸ Ταρῶν. Τὸ ὄρος αὐτὸ ὁ N. Adontz τὸ ταυτίζει μὲ τὸ ὄρος *Μαρουθ* τοῦ ἀρμενικοῦ ἔπους τοῦ Δαυὶδ ἐκ Σασούν. N. Adontz, *Les fonds historiques de l'épopée Byzantine Digénis Akritas, Études Arméno-byzantines*, Lisbonne, 1965, p. 31. Τὸ ὄρος *Merd* μνημονεύεται στὰ ἀποσπάσματα τοῦ ἀποδιδόμενου στὸν Ἀραβὸ ἱστορικὸ *Vakidi* (748 - 823) ἀπολοσθέντος ἔργου γιὰ τὴν

Τὴν ἐπαρχία Mardastan ὁ H. Hübschmann⁴⁹ καὶ ὁ N. Adontz⁵⁰ ἐντοπίζουν βορείως τοῦ Βασπουρακάν, ἀπὸ τῆ λίμνη Arcaκ μέχρι τὸ Ἄρτάζ. Οἱ Μάρδοι ἐδῶ ἐφάνηκαν ἀργότερα καὶ ἀπὸ τὸ Ἰράν⁵¹. Τὸ Mardastan ἐπίσης, σύμφωνα μὲ τὰ Πρακτικὰ τῶν ὡς ἄνω ἐκκλησιαστικῶν συνόδων, εἶχε ἐπίσκοπο⁵².

Οἱ ἐγκατασταθέντες στὴν Ἀρμενία Μάρδοι σὺν τῷ χρόνῳ ἀφομοιώθηκαν μὲ τοὺς Ἀρμενίους^{52α}, ἀν καὶ ἐπὶ πολὺ συνέχιζαν νὰ φέρουν τὸ φυλετικὸ τους ὄνομα⁵³. Αὐτοὶ ἄρχισαν νὰ παίζουν μεγάλο ρόλο στὴν πολιτικὴ καὶ στρατιωτικὴ ζωὴ τῆς χώρας. Οἱ Μάρδοι, καθὼς καὶ ἄλλες ξένες φυλές, ἐγκαταστημένες στὴν Ἀρμενία, ἤδη ἐπὶ Τιγράνου τοῦ Β' ἔδωσαν ἀρχὴ σὲ πολὺ σπουδαῖες οἰκογένειες ναχαράρων⁵⁴, οἱ ὁποῖες διακρίθηκαν καὶ στὸ κράτος τῶν Ἀρμενίων Ἀρσακιδῶν (66 - 428). Ἐνα ἀπὸ τὰ πιὸ σπουδαῖα ἀξιώματα ἀνήκε στὸν ἀντιπρόσωπο τῆς φυλῆς τῶν Μάρδων⁵⁵, ὁ ἀρχηγὸς τῶν ὁποίων ὠνομάζετο Mardpet, “Ἀρχηγὸς τῶν Μάρδων”, ἡ δὲ οἰκογένειά του Mardpetuni. Τὸ ἀξίωμα τοῦ Mardpet ἐν συνεχείᾳ μετατράπηκε σὲ κληρονομικὸ τίτλο καὶ τὸ γένος τῶν Mardpet καὶ οἱ κτήσεις αὐτῶν ὠνομάζονταν Mardpetakan, δηλαδὴ Μαρδπετικές⁵⁶.

Πρέπει νὰ σημειώσουμε, ὅτι ἀν καὶ ὁ Mardpet στίς ἀρμενικὲς πηγὲς τοῦ πρώιμου Μεσαιῶνα μνημονεύεται συχνά, οἱ Μάρδοι, ὡς φυλὴ, δὲν ἀπαντᾶν, ἢ διότι ἀφομοιώθηκαν μὲ τοὺς Ἀρμενίους, ἢ διότι τὸ ὄνομα τῆς φυλῆς αὐτῶν (mard) συνδυάζετο μὲ τὴν ἀρμενικὴ λέξι mard, ποὺ σημαίνει “ἄνθρωπος”. Ἀλλὰ δὲν πρέπει νὰ ἀμφιβάλλουμε, ὅτι στὴν ἐποχὴ αὐτὴ οἱ Μάρδοι ὑπῆρχαν, διαφορετικὰ θὰ ἦταν ἀνόητη ἡ ὑπαρ-

κατάκτηση τῆς Μεσοποταμίας καὶ τῆς Ἀρμενίας ἀπὸ τοὺς Ἀραβες. Τὸ Ταρὼν εἶναι ἄλλη ὀνομασία τοῦ Τουρουπεράν, ἐπαρχία τοῦ ὁποίου εἶναι ἡ Mardali.

49. H. Hübschmann, Die altarmenische Ortsnamen. Indogermanische Forschungen, Bd. 16, 1904, S. 239.

50. N. Adontz, αὐτόθι, σελ. 248.

51. N. Adontz, αὐτόθι, σελ. 493, ὑποσ. 57.

52. Αὐτόθι, σελ. 258.

52α. Ὁ Πλίνιος ἤδη ξέρει τοὺς menobardi (Plin., VI 10,28). Ὁ N. Adontz πολὺ σωστὰ διορθώνει σὲ (ar)menomardi (Adontz, αὐτόθι, σελ. 322). Αὐτὸ ἀριστα μαρτυρεῖ, ὅτι ἡ πορεία τοῦ ἐξαρμενισμού τῶν Μάρδων ἐπὶ Πλίνιου εἶχε ἤδη πάρει ἔκταση. Ὁ Πλίνιος ξέρει καὶ τοὺς ἐξαρμενιζομένους Χάλυβες, ποὺ τοὺς ὀνομάζει Armeno-chalybes (Plin., VI, 4, 12; 11 29).

53. Σήμερα Ἀρμενίους μιᾶς περιφέρειας τῆς Ἀρμενίας ὀνομάζουν “Ζόκ”. Οἱ ἐρευνητὲς στὴν ὀνομασία αὐτὴ βλέπουν τὸ ἀρχαῖο “Σάκαι”. Οἱ τελευταῖοι ἐγκαταστάθηκαν στὴν Ἀρμενία τὸν Ζ' π.Χ. αἰῶνα.

54. N. Adontz, αὐτόθι, σελ. 322.

55. Faustus de Byzance. Bibliothèque historique en quatre Livres. Traduite pour la première fois de l'arménien en français par J. - B. Emine. In: Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie publiée en français . . . par V. Langlois, t. I, Paris, 1867, p. 286.

56. N. Adontz, αὐτόθι, σελ. 322. Στὴν ἐλληνικὴ μετάφραση τοῦ Ἀγαθαγγέλου ἡ χώρα ὀνομάζεται Μαρ(δ)πετακάν. Ἴδε G. Garitte, Documents pour l'étude du livre d'Agathange, Città del Vaticano, 1946, p. 102. Βιβλιογραφία περὶ τῆς ἐπαρχίας Mardpetakan ἴδε αὐτόθι, σελ. 224.

ξη τοῦ Mardpet, τοῦ ἀρχηγοῦ τῶν. Ὅσον ἀφορᾶ τὶς ἐπαρχίες Mardastan καὶ Mardali, αὐτὲς μνημονεύονται ἀρκετὰ συχνὰ καὶ σὲ πολὺ μεταγενέστερες πηγές.

Ἄς προστρέξουμε στὸ ἀξίωμα τοῦ Mardpet⁵⁷. Ὁ Mardpet ἦταν ἐξέχουσα προσωπικότης στὴν αὐτὴ τῶν Ἀρμενίων Ἀρσακιδῶν. Γι' αὐτὸ μαρτυροῦν πολλὲς πηγὲς καὶ πρώτως ἡ “Ἱστορία” τοῦ Ἀγαθαγγέλου. Ὁ Mardpet ἦταν τὸ τρίτο μετὰ τὸν βασιλέα πρόσωπο τοῦ κράτους⁵⁸. Στὸν κατάλογο τοῦ Ἀγαθαγγέλου ἀπαριθμοῦνται δεκαῆξι ὑπηρεσιακοὶ μεγιστᾶνες.

Ὁ Mardpet μνημονεύεται συχνὰ μὲ τὸ παρωνύμιο Հայր (Haïr = Πατήρ), δηλαδὴ Haïr Mardpet. Αὐτὸς ἐθεωρεῖτο, “Πατὴρ” ἀναφορικὰ μὲ τὸν Ἀρσακίδη βασιλέα”, “Ὁ Πατὴρ τοῦ βασιλέως”⁵⁹, καὶ γι' αὐτὸ τὸ ἀξίωμά του ὠνομάζετο Հայրուհի Մարդպետուհի (haïrouh'ion mardpetout'ean, κατὰ λέξι: “Πατρότης τῆς mardpet-ότητος⁶⁰) ἢ Մեծ Մարդպետուհի (metz mardpetout' ion “Μεγάλη mardpet-ότητα”⁶¹, ὁ δὲ Mardpet իշխան Մարդպետուհի (ishkhan mardpetout'ean “Ἀρχὼν τῆς mardpet-ότητος”)⁶², ἢ Մեծ իշխան Մարդպետուհի (metz ishkhan mardpetout'ean “Μέγας ἄρχων τῆς mardpet-ότητος”)⁶³.

Ἡ mardpet-ότητα, δηλαδὴ τὸ ἀξίωμα τοῦ Mardpet, στίς πρώιμες ἀρμενικὲς πηγὲς θεωρεῖται գործակալուհի (gortzakalout'ion⁶⁴, ὀφθίκιον τῶν βυζαντινῶν πηγῶν). Ὁ Mardpet ἦταν σύμβουλος τοῦ βασιλέως, διοικητὴς τῆς αὐλῆς του, τῶν κτημάτων καὶ τοῦ θησαυροφυλακίου του, μεριμνοῦσε γιὰ ἰσχυρὸ κεντροποιημένο κράτος, γιὰ ἰσχυρὴ βασιλικὴ ἐξουσία. Αὐτὸς ἐπαιρνε μέρος στὴν ἐκλογὴ τοῦ καθολικοῦ (πατριάρχη) καί, ἐὰν πάρουμε ὑπ' ὄψη τὶς ἐχθρικές, σχετικὰ μὲ τὸν Mardpet, ἐκ-

57. Γιὰ τὸν Mardpet ἴδε ἐκτενέστερα: J. Markwart, Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen, Wien, 1930, σ. 58 - 70: Ἄ. Μαναντιάν, Ἡ Φεουδαρχία στὴν ἀρχαία Ἀρμενία (ἐποχὴ τῶν Ἀρσακιδῶν καὶ τῶν Μαρζπάνων), Ἐρεβάν 1934, σελ. 63 - 67 (ἀρμ.).

58. Ἀγαθαγγέλος, Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας, Τιφλίς, 1909, σελ. 414 (στὰ ἀρχ. ἀρμ.). Στὴν ἀρχαία ἐλληνικὴ μετάφραση τοῦ μέρους αὐτοῦ τῆς Ἱστορίας τοῦ Ἀγαθαγγέλου εἶναι γραμμένο: «ὁ δὲ τρίτος τῶν Μάρδων τοπάρχης». G. Garitte, Documents pour l'étude du livre d'Agathange, p. 72.

59. Πρβλ. τὸ βυζαντινὸ “βασιλεωπάτωρ”, ἀν καὶ ὁ Στυλιανὸς Ζαούτζης (καὶ ὁ Ρωμανὸς ὁ Λεκαπηνὸς) ὀνομάζονταν ἔτσι, γιὰτὶ ἦταν οἱ πενθεροὶ τοῦ βασιλεύοντος.

60. Ἡ γαλλικὴ μετάφραση “office de Haïr-martbed” (Faustus de Byzance, p. 281) εἶναι ἀπλοποιημένη.

61. Ἡ γαλλικὴ μετάφραση (αὐτόθι, σελ. 228) “la dignité de grand Eunuque; c'était un homme . . . qu'on nommait Haïr” εἶναι ἀπλοποιημένη.

62. Ἴδε Faustus de Byzance, p. 228. Ἡ μετάφραση «chef des eunuques, qualifié du nom de Haïr (père)» εἶναι ὄχι ὅλως ὀρθή.

63. Ἴδε Faustus de Byzance, p. 238. Ἡ γαλλικὴ μετάφραση “Haïr, principal chef des eunuques”, δὲν εἶναι ὀρθή.

64. Πρβλ. Faustus de Byzance, p. 286.

φράσεις τῶν ἀνηκόντων στὸν κλῆρο Ἀρμενίων ἱστορικῶν τοῦ πρώϊμου Μεσαίωνα, μπορούμε νὰ συμπεράνουμε, ὅτι οἱ Mardret ἦταν σὲ ἀντίθεση μὲ τὴν Ἐκκλησία⁶⁵.

Οἱ Mardret ἔπαιζαν μεγάλο ρόλο στὸ στρατὸ τοῦ κράτους τῶν Ἀρσακιδῶν. Αὐτοὶ εἶχαν *εἰδικὸ στρατιωτικὸ σῶμα*, τὸ ὁποῖο ὁ Ἀρμένιος ἱστορικὸς τοῦ Ε΄ αἰῶνος Λάζαρος ἐκ Παρπι τὸ ὀνομάζει «τάγματα τοῦ mardret-ικοῦ ἵππικοῦ, πλήρη ζήλου στὰ ἔργα πολεμικῆς ἀρετῆς» *գուշիքի զυրացւ Վարդապետական սյրուհիոյ փոյթքի գործապետրազմին առաքինութեան*”)⁶⁶. Τὰ τάγματα αὐτὰ πῆραν μέρος στὴν ἐπανάσταση τῶν Ἀρμενίων κατὰ τῶν Σασανιδῶν τὸ 451. Ἀλλὰ τὸ κύριο καθῆκον τῶν ταγμάτων αὐτῶν ἦταν ἡ *ἄμυνα τῶν μεθοριῶν τοῦ κράτους τῶν Ἀρμενίων Ἀρσακιδῶν*, δηλαδή παρουσίαζαν *ἀκριτικὰ στρατεύματα*. Εἶναι γνωστός, π.χ., ὁ Mardret Γιλάκιος, ὁ ὁποῖος «διωρίσθηκε ἄρχων παραμεθορίου ἐπαρχίας»⁶⁷. Ὁ N. Adontz γράφει «... ἡ ἄμυνα τῶν βασιλικῶν ὄχυρῶν, τῶν ὀνομαζομένων *estage*, στὴν Ἀρμενία, ἦταν καθῆκον συγκεκριμένης οἰκογένειας... Ἡ διαφύλαξη καὶ ἡ ἐπιτήρηση τῶν βασιλικῶν φρουριῶν στὴ Σωφηνῆ καὶ Ἀγγιληνῆ ἦταν ἐμπιστευμένη στοὺς ἄρχοντες Mardret»⁶⁸.

Στὰ πλαίσια τῶν προαναφερθέντων μεγάλη σημασία παίρνει ἡ ὀνομασία ἐνὸς φρουρίου τῆς περιοχῆς αὐτῆς, μνημονευθέντος ἀπὸ τὸν Ρωμαῖο ἱστορικὸ τοῦ Δ΄ αἰῶνος Ἀμμιανὸ Μαρκελλῖνο. Αὐτὸς τὸ ὀνομάζει *Maride*⁶⁹. Ὅπως θὰ πεισθοῦμε κατωτέρω, τὸ φρούριο αὐτὸ φέρει τὸ ὄνομα τῆς φυλῆς τῶν Μάρδων, οἱ ὁποῖοι, ὅπως φαίνεται τὸ ἔκτισαν καὶ τὸ φρουροῦσαν.

Ἄς σημειώσουμε ἐδῶ, ὅτι ἡ Σωφηνῆ καὶ ἡ Ἀγγιληνῆ εἶναι ἐπαρχίες τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας, ἡ ὁποία καὶ μετὰ τὴν κατάρρευση τοῦ βασιλείου τῶν Ἀρσακιδῶν τὸ 428 ἦταν ἀνεξάρτητη στὰ πλαίσια τῆς Βυζαντι-

65. Αὐτόθι, σελ. 228.

66. Lazare de Pharbe, *Histoire d'Arménie. Traduite pour la première fois en français... par le P. Samuel Dr. Ghésarian*. In: *Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, publiée en français... par V. Langlois*, t. II, Paris 1869, p. 293. (Ὁ Γκεσαριανὸς ἔχει μεταφράσει: "... troupes de cavalerie du Martbed, courageux à la guerre". Ἴδε καὶ σελ. 355, ὅπου ἡ μετάφραση "... chef des eunuques" δὲν ἔχει τίποτε τὸ κοινὸ μὲ τὸ "... i mardpetakan gnden" ("... ἐκ τοῦ mardret-ικοῦ τάγματος"), τοῦ ἀρμενικοῦ κειμένου.

67. Faustus de Byzance, p. 284 (τὸ ὄνομά του κατὰ λάθος στὴ γαλλικὴ μετάφραση: Teghag).

68. N. Adontz, αὐτόθι, σελ. 356.

69. Amm. Marc. XIX 9, 4 (... regionumque Mesopotamiae gnarum, per Izalam montem, inter castella praesidiaria duo *Maride et Lorne* introiturum, Nisibim occulta dimisit" (πρβλ. Procopii De aedificiis, II 4:). Καὶ τὰ ἄλλα δὲ φρούρια πάντα ἐν ὄρει κείμενα, ἅπερ ἐνθῆνδε τε καὶ ἐκ Δάρας πόλεως ἄχρι ἐς Ἀμιδαν διήκειν ξυμβαίνει, τὸ τε Κιφᾶς καὶ Σαυράς καὶ *Μάρδεις τε καὶ Λούρηης*... καὶ ὅσα ἄλλα ἐνταῦθα ἐκ παλαιοῦ ἐστὶ...

νῆς αὐτοκρατορίας καὶ εἶχε τὶς δικές της ἰθαγενεῖς ἀρμενικὲς ἐνόπλους δυνάμεις. Ὅπως γράφει ὁ Προκόπιος ὁ Καισαρεὺς «Στρατιώτης δὲ Ρωμαῖος οὔτε τῷ Ἀρμενίῳ βασιλεῖ οὔτε *σατράπαις* (δηλαδή τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας — Χρ. Μπ.) ἤμυνε πώποτε. ἀλλὰ τὰ πολέμια κατὰ μόνους αὐτοὶ διωκοῦντο»⁷⁰. Ἡ κατάσταση αὐτὴ στὴν Τετάρτη Ἀρμενία διατηρήθηκε μέχρι τὶς μεταρρυθμίσεις τοῦ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Α΄ (527–565), ὅταν τὰ στρατεύματα τῶν Ἀρμενίων *σατραπῶν* διαλύθηκαν καὶ ἀντικαταστάθηκαν μὲ βυζαντινά, ἄγνωστο μὲ ποιὰ⁷¹.

Καὶ ἔτσι, ἐὰν ἐπὶ Ἀρσακιδῶν ἡ μέριμνα τῆς ἄμυνας τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας ἀφοροῦσε τῇ φεουδαρχικῇ οἰκογένεια τῶν Mardret, μὲ στρατὸ συγκροτημένο μᾶλλον ἀπὸ Μάρδους, δὲν ἀποκλείεται τὸ ὅτι οἱ Μάρδοι μπορούσαν καὶ μετὰ τὴν κατάρρευση τῆς δυναστείας τῶν Ἀρσακιδῶν νὰ φρουροῦν τὰ μεθόρια αὐτά, ἤδη ὡς μισθοφόροι ἀκρίτες τοῦ βυζαντινοῦ κράτους. Σ' αὐτὸ συνέχιζε νὰ παίζει ὄχι μικρὸ ρόλο τὸ φρούριο *Maride*, τὸ ὁποῖο εὑρίσκετο 15 χιλιόμετρα βορείως τῆς Δάρας, κυρίου προμαχώνα τοῦ Βυζαντίου στὰ μέρη αὐτά. Ἡ Δάρα ἀνακαινίσθηκε τὸ 507 ἀπὸ τὸν Ἀναστάσιο καὶ κατὰ τὸν Προκόπιο τὸν Καισαρέα «ἦν δέ τι τῇ πόλει Δάρας ἀξύφορον ἐπιγένηται, πάσης μὲν προβεβλημένη τῆς Ρωμαίων ἀρχῆς, ἀντιταγμένη δὲ τῇ πολεμῖα διαφανῶς, οὐχ ἄχρι τοῦδε ἡμῖν κείσεται τὸ κακόν, ἀλλ' ἡ πολιτεία κατασεισθήσεται ἐκ τοῦ ἐπὶ πλεῖστον»⁷². Τὸ φρούριο *Maride* τοῦ Ἀμμιανοῦ Μαρκελλῖνου ἐκτίσθη νωρίτερα ἀπὸ τὴ Δάρα, καί, ὅπως φαίνεται, τότε ἔπαιζε τὸ ρόλο τὸν ὁποῖο διεδραμάτιζε ἡ Δάρα. Τὸ φρούριο *Maride* μνημονεύεται συχνὰ ἀναφορικὰ μὲ τὸν βυζαντινο-περσικὸ πόλεμο τοῦ τέλους τοῦ ΣΤ' αἰῶνα. Ὁ Ἰωάννης Ἐπιφανεὺς γράφει, ὅτι αὐτὸ «... ἐν ὄρει κείμενον... Μάρδης ὑπὸ τῶν ἐνοικούντων ὀνομαζόμενον»⁷³. Τὸ μνημονεύουν καὶ οἱ Μένανδρος (Μάρδης)⁷⁴, Θεοφύλακτος ὁ Σιμοκάττης (ἡ τοῦ Μάρδιος φρουρά⁷⁵, τὸ Μάρδης⁷⁶, τὸ Μάρδης)⁷⁷, ἡ Ἀρμενικὴ Γεωγραφία

70. Procopii De aedificiis, III, 1.

71. Εἶναι γνωστό, ὅτι ἡ Τετάρτη Ἀρμενία μέχρι τὸ 701/702 εὑρίσκετο στὰ πλαίσια τοῦ Βυζαντίου. «Τούτῳ τῷ ἔτει *Βαάνης*, ὁ ἐπὶ κλην Ἑπταδαίμων, τὴν Τετάρτην Ἀρμενίαν τοῖς Ἀραβῖν ὑπέταξεν» (Theophanis Chronographia, p. 372). Σημαίνει, ὅτι τὸν καιρὸ αὐτὸ ἡ ἄμυνα τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας εὑρίσκετο στὰ χεῖρα τῶν Ἀρμενίων.

72. Procopii De aedificiis, II, 1.

73. Ioann. Epiph., frgm. 5 (Fragmenta historicorum graecorum, vol. IV, ed. C. Müller, Paris 1851, p. 275)

74. Menand. Prot., frgm. 60.

75. Theophyl. Sim., II 2.

76. Αὐτόθι, II 3.

77. Αὐτόθι, III, 11.

τοῦ Ζ' αἰώνα (φρούριον Μάρδε)⁷⁸, ὁ Γεώργιος ὁ Κύπριος καὶ ἄλλοι⁷⁹.

Καὶ τὸ φρούριον Μάρδης, καὶ ὁ προμαχῶνας Δάρα σύμφωνα μετὰ τὴν γραμμὴν μεταξὺ τῶν ἐτῶν 591/606 (δηλαδὴ τὴν ἐποχὴ πού μᾶς ἐνδιαφέρει) πραγματεία τοῦ Γεωργίου τοῦ Κυπρίου, τοποθετοῦνται στὴν Ἄνω Μεσοποταμία⁸⁰, ἢ ὁποία ὀνομάζεται καὶ Τετάρτη Ἀρμενία (Ἐπαρχία Μεσοποταμίας ἄνω ἢτοι Δ' Ἀρμενίας)⁸¹. Ἐπομένως αὐτὰ ὑπεράσπιζαν τὴν Τετάρτη Ἀρμενία, τὴν ὁποία, κατὰ τὸν Θεοφάνη τὸν Ὁμολογητὴ, ὑπεράσπιζαν οἱ Μαρδαῖτες, ἐμποδίζοντας τοὺς ἀραβικοὺς πληθυσμοὺς νὰ ἐγκατασταθοῦν ἐδῶ μονίμως (... «ἕως τετάρτης Ἀρμενίας, ἀνίσχυροι καὶ ἀοίκητοι ἐτύγχανον διὰ τὴν ἔφοδον τῶν Μαρδαϊτῶν»)⁸².

Στὴν Τετάρτη Ἀρμενία, ἐκτὸς τοῦ φρουρίου Μάρδης, ὑπῆρχε καὶ ἓνα ἀκόμη, τὸ ὁποῖο ἀσφαλῶς ἔφερε τὸ ὄνομα τῆς φυλῆς τῶν Μάρδων, ὄνομα, τὸ ὁποῖο ἐξάλλου μαρτυρεῖ καὶ ὅτι ἦτο κτισμένο ἀπὸ τοὺς Μάρδους. Ὁ αὐτὸς Γεώργιος ὁ Κύπριος τὸ ὀνομάζει Μερτικέρτον⁸³, στὰ ἀρμενικὰ πρέπει νὰ ἦταν Mardakert ἢ Merdikert (κτίσμα τῶν Μάρδων, κτισθὲν ἀπὸ τοὺς Μάρδους). Ὁ Γεώργιος ὁ Κύπριος τὸ φρούριον αὐτὸ τὸ τοποθετεῖ στὴν «Ἐπαρχία Δ' Ἀρμενίας ἄλλης»⁸⁴ καὶ τὸ μνημονεῦει εὐθὺς μετὰ τὸ φρούριον Κιθαρίζων, τὸ ὁποῖο οἱ μελετητὲς τὸ τοποθετοῦν ἐπὶ τῆς βυζαντινο-περσικῆς μεθορίου, στὴν ἐπαρχία Hasteank' (Ἀσθιανή) τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας⁸⁵.

Ἄλλὰ ἄς ἐπιστρέψουμε στὴ φεουδαρχικὴ οἰκογένεια Mardpetuni. Τὸν Ε' αἰώνα μετὰ ἄσπονδη ἀντιμαχία μεταξὺ φεουδαρχικῶν οἰκογενειῶν, ἢ οἰκογένεια Madretuni ἐξολοθρεύθηκε, ἀλλὰ τὸ ἀξίωμα καὶ

78. Σ. Ἐρεμιάν, Ἡ Ἀρμενία κατὰ τὴν Ἀρμενικὴ Γεωγραφία τοῦ Ζ' αἰῶνος, Ἐρεβάν 1963, σελ. 113 (ἀρμ.).

79. Georgii Cyprii Descriptio Orbis Romani, edidit praefatus est commentario instruxit Henricus Gelzer, Lipsiae 1890, σ. 46. Ἴδε καὶ E. Honigmann. Le Synecdemos d'Hieroklès et l'Opuscule géographique de Georges de Chypre. Texte, Introduction, Commentaire et Cartes. Bruxelles 1939, σ. 64. Hamilton and Brooks, The Syrian Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene, London 1899, VII, 6. Τὴν ἐκτενῆ βιβλιογραφία ἴδε στὸ ἄρθρο «Μάρδοι» τοῦ Weissbach στὴ Paulys Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, Bd. XIV 2, col. 1648. Ἄς σημειώσουμε, ὅτι τὸ φρούριον αὐτὸ ταυτίζεται μετὰ τὴ σημερινὴ πόλη Μερδὶν τῆς Τουρκίας.

80. Γι' αὐτὴν ἴδε: N. A. Oikonomidès, Recherches sur l'histoire du Bas-Danube aux Xe-XIe siècles: La Mésopotamie de l'Occident. «Revue des Etudes Sud-Est Européennes», t. III, 1965, No 1 - 2, p. 58 - 59.

81. E. Honigmann, Le Synecdemos d'Hieroklès, p. 64.

82. Theophanis Chronographia, p. 363.

83. «Κέρτ(ον)», στὰ ἀρμενικὰ σημαίνει «κτίσμα», «κτισθὲν». Πρβλ. Τιγράνκερτα, «κτίσμα τοῦ (βασιλέως) Τιγράνη», Ἐρουανδακέρτ, «κτίσμα τοῦ (βασιλέως) Ὀρόντη», καὶ Μαναζκέρτ, δηλαδὴ Μαναβαζακέρτ («κτίσμα τοῦ Μαναβάζου-Μονοβάζου), τὸ Μαντζικέρτ τῶν βυζαντινῶν.

84. Georgii Cyprii Descriptio, p. 48.

85. N. Adontz, αὐτόθι, σελ. 20.

ὁ τίτλος τοῦ Mardpet ἔμειναν καὶ μεταδόθηκαν στὴ φεουδαρχικὴ οἰκογένεια τῶν Ἀρτζρουνιδῶν, δηλαδὴ τὸ ἀξίωμα τοῦ ἀρχηγοῦ τῶν Μάρδων, Mardpet (καὶ οἱ Μάρδοι φυσικὰ) συνέχισαν τὴν ὑπαρξὴ τους. Στὴν ἐπανάσταση τοῦ 451, γιὰ τὴν ὁποία γράψαμε μία φορά, πῆραν μέρος καὶ οἱ Ἀρτζρουνίδες, ὁ ἀρχὼν τῶν ὁποίων Mihr-Saruh, σύμφωνα μετὰ τὸν Λάζαρον ἐκ Παρπί, ὀνομάζετο Mardpet⁸⁶. Ἄς σημειώσουμε ἐπίσης, ὅτι στὶς πηγὲς ὁ ἐπίσκοπος τῆς ἐπαρχίας Mardpetakan ταυτίζεται μετὰ τὸν ἐπίσκοπο τῆς ἐπαρχίας Ὀστάν ἢ Σεπουχακάν, δηλαδὴ μετὰ τὸν ἐπίσκοπο τῶν Ἀρτζρουνιδῶν⁸⁷.

Ὁ ἀναγνώστης ἤδη ξέρει σὲ τί πόρισμα μᾶς ἔφερε ἢ ὡς ἄνω μελέτη. Οἱ Μαρδαῖτες τοῦ Θεοφάνη τοῦ Ὁμολογητῆ εἶναι τάγμα πού ἀποτελεῖτο ἀπὸ ἐξαρμενισθέντες μισθοφόρους Μάρδους καὶ ὑπερασπιζόταν τὰ βυζαντινὰ μεθόρια στὴν Ἄνω Μεσοποταμία (Τετάρτη Ἀρμενία) ἀπὸ τοὺς Ἀραβες. Γι' αὐτὸ μαρτυρεῖ ὄχι μόνο ἡ ταυτότης τῶν ὀνομάτων τους (Μαρδ-αῖται, Μάρδ-οι), τὸ πολεμικὸ καὶ ληστρικὸ ἀμφοτέρων, ἀλλὰ καὶ ἡ ταυτότης τῆς χώρας πού ἐπὶ αἰῶνες ὑπερασπίζονταν οἱ Μάρδοι καὶ οἱ Μαρδαῖτες. Ἄς προσθέσουμε καὶ τὸ ὅτι οἱ Μαρδαῖτες ἦσαν μονοφυσίτες, δηλαδὴ ὁμολογοῦσαν τὴ χριστιανικὴ πίστη σύμφωνα μετὰ τὶς ἀρμενικὲς παραδόσεις. Ἀποτελούμενα ἀπὸ Ἀρμενίους στρατιωτικὰ τάγματα ὑπερετοῦσαν τὴν ἐποχὴ αὐτὴ στὸ βυζαντινὸ στρατὸ καὶ σὲ ἄλλες περιφέρειες τῆς αὐτοκρατορίας, κυρίως στὴ Θράκη. Γι' αὐτὸ γράφει πολὺ ἐκτενῶς ὁ ἱστορικὸς Σεβαῖος.

Ἡ μελέτη μας θὰ ἦταν ἀτελής, ἐὰν δὲν ἀναφερθοῦμε καὶ σὲ ἓνα ἀκόμη δεδομένο πού ἀπαντᾷ στὰ ἔργα δύο Ἀρμενίων ἱστορικῶν σχετικὰ μετὰ τὰ γεγονότα στὴν Ἀρμενία, χρονολογικὰ μετὰ ἀκρίβεια συμπίπτοντα μετὰ τὸ χρόνο τῆς δραστηριότητος τῶν Μαρδαϊτῶν τοῦ Θεοφάνη. Ὁ Ἀρμένιος ἱστορικὸς τοῦ Η' αἰῶνος Λεόντιος γράφει, ὅτι, μετὰ τὴν κατάρρευση τοῦ κράτους τῶν Σασανιδῶν, οἱ Ἀραβες τὸ 653 ἐπιτέθηκαν ἐναντίον τοῦ βυζαντινοῦ στρατηγοῦ Προκοπίου στὴν ἀρμενικὴ περιφέρεια Κογκοβίτ, στὰ ὄρια τοῦ Μπαζουτζὸρ καὶ Mardoutzaik⁸⁸. Ἀπὸ τὰ συμφραζόμενα εἶναι σαφές, ὅτι ὁ λόγος ἀφορᾷ τοπωνύμιον. Ὁ N. Adontz θεωροῦσε ὅτι τὸ τοπωνύμιον αὐτὸ εἶναι σύνθετον ἀπὸ τὸ Mardotz

86. Στὴ γαλλικὴ μετάφραση (Lazare de Pharbe, σ. 297) κατὰ λάθος «le chef des eunuques Mihr-Scharuh». Στὸ ἀρμενικὸ πρωτότυπον «Mardpet Mihr-Saruh» (Λαζάρου ἐκ Παρπί, Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας, Τιφλίς 1904, σελ. 71, στὰ ἀρχαῖα ἀρμενικὰ). Γιὰ τὸ θέμα ἴδε N. Adontz, αὐτόθι σελ. 250.

87. N. Adontz, αὐτόθι, σελ. 262, 263.

88. Histoire des guerres et des conquêtes des arabes en Arménie par l'éminent Ghémond, vardabed arménien écrivain du huitième siècle, traduite par G. V. Chahnazarian, Paris 1856, p. 5.

nom.loci, από το *pard*, το δε -aik είναι κλιτικό πού του δίνει σημασία nom. ethn., δηλαδή κάτοικοι του Mardotz, και ξεκινώντας από αυτό την έπαρχία Mardoutzaik' εταύτιζε με το Mardastan⁸⁹.

Επί τῆ βάσει τοῦ Mardoutzaik ὁ Ν. Adontz, ὅπως καὶ πρὶν ἀπὸ αὐτὸν ὁ Κ. Πατκανιάν, λύνει καὶ τὸ ζήτημα τοῦ Mardotzek, πού ἀπαντᾷ στὴν Ἱστορία τοῦ Ἀρμενίου ἱστορικοῦ τοῦ Ζ' αἰώνα Σεβαίου. Ὁ τελευταῖος μετὰ τὴν ἀναφορὰ τοῦ συμφώνου εἰρήνης μετὰ τοῦ Ἀρμενίου εὐπατρίδη Θεοδώρου Ρστουνί καὶ τοῦ Ἀραβα χαλίφη Μουαβία τὸ 120 ἔτος τῆς βασιλείας τοῦ αὐτοκράτορα Κωνσταντίνου (653), γράφει, ὅτι «... ὅλοι οἱ Ρωμαῖοι (βυζαντινοὶ) στρατιῶτες παραπονιοῦνταν στὸν αὐτοκράτορα Κωνσταντῖνο κατὰ τοῦ Θεοδώρου Ρστουνί καὶ τῶν Ἀρμενίων γιὰ τὴν ἦττα τους ἀπὸ τοὺς Mardotzek'» (. . . Կառն հարուածոց որ եղծւ ի Մարդոցեսու)⁹⁰. Ὅλοι οἱ μελετητὲς (ἐκτὸς ἐνός) ἐπὶ τῆ βάσει τοῦ τοπωνυμίου Mardoutzaik' τοῦ Λεοντίου, τὸ Mardotzek' τοῦ Σεβαίου θεωροῦσαν τὸ αὐτὸ τοπωνύμιο καὶ ἐνόμιζαν, ὅτι ὁ Σεβαῖος ἔχει ὑπ' ὄψη ἦττα Ρωμαίων στὴν τοποθεσία Mardotzek', δηλαδή Mardoutzaik', ἐπομένως στὸ Mardastan. Ἐὰν ἔχουμε ὑπ' ὄψη τὴν παρατήρηση τοῦ Ν. Adontz γιὰ τὸ κλιτικὸ -aik στὸ τοπωνύμιο Mardoutzaik' (καὶ -ek στὸ Mardotzek', πού δὲν εἶναι τίποτε ἄλλο παρὰ ἡ συνηρημένη προφορὰ τῆς διφθόγγου "ai"), πρέπει νὰ σημειώσουμε, ὅτι τὸ κλιτικὸ αὐτὸ συμπίπτει μετὰ τὴ λήγουσα -ίται, -αῖται στὴν ἑλληνικὴ, καὶ τὸ Mardotzaik'-Mardotzek' δὲν εἶναι τίποτε ἄλλο, παρὰ ἡ ἀρμενικὴ μορφή τοῦ ἐθνικοῦ Μαρδαῖται. Ἐθνικὰ ἢ κύρια ὀνόματα παρουσιαζόμενα ὡς τοπωνύμια, στὴν Ἀρμενία ἔχομε πάρα πολλά⁹¹.

Καὶ ἔτσι, ὅλα τὰ ἀνωτέρω μᾶς δίνουν τὸ δικαίωμα τὸ Mardotzek' τοῦ Σεβαίου νὰ τὸ θεωρήσουμε ὄχι τοπωνύμιο, ἀλλὰ ἐθνικὸ, Μαρδαῖται, οἱ ὅποιοι καὶ ἐνίκησαν τοὺς Ρωμαίους στρατιῶτες τὸ 653. Τὸ γεγονὸς αὐτὸ μαρτυρεῖ, ὅτι στὸ ἀντιβυζαντινὸ κίνημα τῶν Ἀρμενίων τῶν μέσων τοῦ Ζ' αἰώνα, πού ἠγεῖτο ὁ Θεόδωρος Ρστουνί, πῆραν μέρος καὶ οἱ Μαρδαῖτες τῆς Ἀρμενίας. Σχετικὰ μ' αὐτὸ πρέπει νὰ σημειώσουμε μιὰ πολὺ

89. Ν. Adontz, ἀτόθι, σελ. 492, ὕποσ. 57.

90. Ὁ F. Macler (Histoire d'Héraclius par l'énêque Sébéos, traduite de l'arménien et annotée par Frederic Macler, Paris 1904, p. 133) τὴν ἀγνωστὴ σ' αὐτὸν "λέξη" Mardotzek' σβῆνει ἀπὸ τὸ κείμενο.

91. Πρβλ. μετὰ τὰ ὅσα γράφει ὁ Γεώργιος ὁ Κύπριος γιὰ τοὺς "λαοὺς" τῆς τοποθεσίας Χοῦθ (ἴδε στὸ Τακτικὸ τοῦ Ἐσκοριάλ: "ὁ τοῦ Χοῦθ". Ν. Oikonomidès, Les listes de préséances byzantines des IXe et Xe siècles, Paris 1972, p. 269) καὶ Σασούν στὴν Ἀρμενία. Τὸ "λαὸ" τοῦ Χοῦθ ὀνομάζει Χοθαῖται, τὸ δὲ Σανασούν (δηλαδή τοῦ Σασούν) Σανασουνίται. Georgii Cyprii Descriptio, p. 48. Ἐπομένως, ἐὰν οἱ κάτοικοι τῆς τοποθεσίας Χοῦθ ὀνομάζονται Χοθ-αῖται, μπορούσαν νὰ ὀνομάζονταν Μαρδαῖται οἱ κάτοικοι (λαὸς) τῆς τοποθεσίας Μάρδοι. Ὅπως εἶδαμε ἀνωτέρω, ἡ ἐπαρχία Mardali μεταφράζεται «Μάρδου».

σπουδαία, ἀπὸ τὴν ἀποψή μας, παρατήρηση τοῦ ἀνωνύμου ἐκδότη τῆς ἀρχαίας ἀρμενικῆς μετάφρασης τοῦ Χρονικοῦ τοῦ Μιχαήλ τοῦ Σύρου, παρατήρηση πού ἔμεινε ἀγνωστὴ στοὺς ἐρευνητὲς. Σχολιάζοντας τὰ δεδομένα τοῦ Σύρου ἱστορικοῦ γιὰ τὸ συμφωνο εἰρήνης μετὰ τοῦ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Β' καὶ τοῦ χαλίφη Abd al-Malik τοῦ 688 γιὰ τὴ διάλυση τῶν "ἀνταρτῶν"⁹² ὁ ἐκδότης τοὺς "ἀντάρτες" αὐτοὺς εταύτιζε μετὰ τοὺς Μαρδαῖτες (τῶν βυζαντινῶν πηγῶν) καὶ ἔγραφε: «Τοὺς Μαρδαῖτες ὁ Σεβαῖος τοὺς ὀνομάζει Mardotzek'»⁹³, δηλαδή στὸ Mardotzek' τοῦ Σεβαίου εἶδε πολὺ σωστὰ ὄχι τοπωνύμιο, ἀλλὰ ἐθνικὸ. Ὅπως καὶ ἂν εἶναι, ἂν θεωρήσουμε τὸ Mardotzek' τοπωνύμιο ἢ ἐθνικὸ, ἢ οὐσία δὲν ἀλλάζει. Καὶ στὶς δύο περιπτώσεις τὸ ὄνομα (Mardotzek', Mardoutzaik') μεταφράζεται Μαρδαῖται. Ἡ διαφορὰ εἶναι μόνο σ' αὐτὸ, ὅτι ἐὰν πρόκειται ὄντως γιὰ ἐθνικὸ, σὲ μᾶς γίνεται γνωστὴ μία ἀγνωστὴ μέχρι τώρα σελίδα τῆς ἱστορίας τοῦ ἀρμενικοῦ λαοῦ, καὶ ὄχι μόνον. Μία ἀκόμη φορὰ ἐπιβεβαιώνεται, ὅτι ἡ πατρίδα τῶν Μαρδαῖτῶν εἶναι ἡ Ἀρμενία, ὅτι αὐτοὶ εἶναι Ἀρμένιοι, διότι ὅπως εἶδαμε, «... ὅλοι οἱ Ρωμαῖοι στρατιῶτες παραπονιοῦνταν στὸν αὐτοκράτορα Κωνσταντῖνο . . . κατὰ τῶν Ἀρμενίων» καὶ ὄχι κατὰ τῶν Ρωμαίων, Σύρων, Μαρονιτῶν κ.τ.τ., ὅπως θεωροῦσαν τοὺς Μαρδαῖτες. Μετὰ τὴν ἐγκαθίδρυση τοῦ ἀραβικοῦ ζυγοῦ στὴν Ἀρμενία, οἱ ἀντιβυζαντινὲς διαθέσεις τῶν Ἀρμενίων Μαρδαῖτῶν ἀρχίζουν νὰ ὑποχωροῦν, καὶ αὐτοὶ στὸ ἐξῆς συντάσσονται στὸν κοινὸ ἀντιαραβικὸ ἀγῶνα μετὰ ἐπικεφαλῆς τὸ Βυζάντιο.

Ἀπὸ ποῦ προέρχονταν οἱ ὑπηρετοῦντες τὸν Ζ' αἰῶνα στὸ Βυζάντιο Μαρδαῖτες; Ἀπὸ τὸ Mardastan (Mardoutzaik') τοῦ Βασπουρακάν, ἢ τῆ Mardali τοῦ Τουρουμπεράν; Πιθανώτατα ἀπὸ τὴ Mardali. Τὸ Mardastan ἔκειτο πολὺ μακριὰ ἀπὸ τὰ μεθόρια τῆς αὐτοκρατορίας καὶ τὴν ἐποχὴ αὐτὴ εὐρίσκετο ὑπὸ ἀραβικὴ κυριαρχία, ἐνῶ ἡ Mardali ἦταν στὰ πλαίσια τοῦ Βυζαντίου, γειτονεύοντας μετὰ τὴ Θεοδοσιούπολη, τὸν τόπο διαμονῆς τοῦ βυζαντινοῦ magister militum per Armeniam et Pontum Polemoniacum et gentes, ὁ ὅποιος φυσικὰ καὶ τοὺς στρατολογοῦσε.

92. Ἡ ἀρχαία (τοῦ ΙΓ' αἰῶνα) ἀρμενικὴ μετάφραση τοῦ Χρονικοῦ τοῦ Μιχαήλ τοῦ Σύρου δημοσιεύθηκε τρεῖς περίπου δεκαετίες πρὶν τὴν ἐκδοσὴ τοῦ συριακοῦ πρωτοτύπου καί, εἶναι ἀτονόητο, ὅτι ὁ Ἀρμένιος ἐκδότης δὲν μπορούσε νὰ ξέρει, ὅτι ἐκεῖ ὅπου στὴν ἀρχαία ἀρμενικὴ μετάφραση ἀπαντᾷ ἡ λέξη Կառն (ἀντάρτης) στὸ συριακὸ εἶναι τὸ Maridaye, ὅτι ὁ Ἀρμένιος μεσαιωνικὸς μεταφραστὴς "μετέφρασε" τὸ φυλετικὸ αὐτὸ ὄνομα, χωρὶς νὰ ὑποψιαστῆ, ὅτι δὲν πρόκειται γιὰ ἀπλὸ ὀδσαστικὸ.

93. Χρονογραφία τοῦ Σύρου πατριάρχη κύρ Μιχαήλ, Ἱερουσαλήμ 1871, σελ. 326, ὕποσ. 2 (στὰ ἀρχαία ἀρμενικά).

Ἀπὸ ὅλα αὐτὰ πού εἶπαμε εἶναι πολὺ δελεαστικό, ἀλλὰ καὶ ὄχι ἀβάσιμο τὸ ἔθνικὸ Μαρδαῖται τοῦ Θεοφάνη νὰ διορθώσουμε Μαρδα(λ)ίται. Ἐὰν πάρουμε ὑπ' ὄψη, ὅτι τὸ "Ι" τοῦ τοπωνυμίου Mardali οἱ Ἀρμένιοι προφέρουν ὅπως τὸ νεοελληνικὸ "γ", Mardayi, ἐπομένως Μαρδα(γ)ίται, οἱ Ἕλληνες τὸ "γ" αὐτὸ μπορούσαν καὶ νὰ τὸ παραλείψουν (πρβλ. τὶς διαφορετικὲς γραφὲς τοῦ ὀνόματος αἰρετικῶν στὶς βυζαντινὲς πηγές: Φουνδαγίται-Φουνδαῖται).

Οἱ Μαρδαῖτες μνημονεύονται καὶ σὲ μεταγενέστερη ἐποχὴ (Θ' - Γ' αἰῶνες), κυρίως ὡς ὑπηρετοῦντες στὸ βυζαντινὸ ναυτικὸ⁹⁴. Αὐτοὺς τοὺς ἀπαντοῦμε στὴν Παμφυλία τῆς Μικρᾶς Ἀσίας, στὸ θέμα τῆς Ἑλλάδας, στὴν Πελοπόννησο, Κεφαλληνία, Ἡπειρο καὶ σὲ ἄλλα μέρη τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας⁹⁵. Αὐτοὶ ὑπηρετοῦσαν καὶ στὸ ναυτικὸ τοῦ θέματος τῶν Κιβυρραιωτῶν μὲ κέντρο τὴν Ἀττάλεια. Ἐδῶ διέμενε ὁ "κατεπάνω τῶν Μαρδαῖτῶν Ἀτταλείας" τὸν ὁποῖο, σύμφωνα μὲ τὸν Κωνσταντῖνο τὸν Πορφυρογέννητο, διώριζε ὁ αὐτοκράτωρ προσωπικά⁹⁶. Στὴ θέση αὐτὴ μπορούσε νὰ διορισθεῖ ἀκόμη καὶ σαρακηνός⁹⁷. Ὁ κατεπάνω τῶν Μαρδαῖτῶν ἦταν, "αὐτεξούσιος"⁹⁸. Τοὺς Μαρδαῖτες τοῦ εὐρωπαϊκοῦ μέρους τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας ὁ Κωνσταντῖνος ὁ Πορφυρογέννητος ὀνομάζει "Μαρδαῖται τῆς Δύσεως"⁹⁹.

Τὴ σχέση εἶχαν οἱ μεταγενέστεροι Μαρδαῖτες μὲ τοὺς Μαρδαῖτες τοῦ Θεοφάνη τοῦ Ὁμολογητῆ; Κατ' ἐμὲ καμιά. Ἀπλῶς συντηρήθηκε τὸ ὄνομα τοῦ τάγματος αὐτῶν. Σ' αὐτὸ ἐστρατολογοῦντο τώρα οἱ βυζαντινοί. Ἐμεῖς θεωροῦμε ὀρθὴ τὴ γνώμη τοῦ Σάθα καὶ τοῦ Ἀμάντου, ὅτι οἱ Μαρδαῖτες τῆς Δύσεως ἦταν ἄσχετοι μὲ τὴ φυλὴ τῶν Μαρδαῖτῶν καὶ ἀποτελοῦσαν ἰδιαίτερο τμήμα τοῦ ναυτικοῦ, τὸ ὁποῖο ὀφείλει στὴ φυλὴ τῶν Μαρδαῖτῶν μόνο τὸ ὄνομά του¹⁰⁰.

94. Constantini Porphyrogeniti imperatoris De Cerimoniis aulae byzantinae, e recensione Io. Iac. Reiskii, vol. I, Bonnae 1829, σ. 668; Theophanes Continuatus, Chronographia, ex recognitione Immanuelis Bekkeri, Bonnae 1838, σ. 304, 311.

95. H. Ahrweiler, Byzance et la mer, La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe - XVe siècles, Paris 1966, σ. 33, 44, 50, 52, 84 - 85, 108, 110, 399 - 400.

96. Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio. Greek text edited by Gy. Moravcsik, English translation by R. J. H. Jenkins, Budapest 1949, σ. 240, 242.

97. Αὐτόθι, σελ. 242.

98. Αὐτόθι.

99. De Cerimoniis, vol. I, p. 655, 656.

100. K. Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Age., IV, p. LXVIII - LXXII (apud: H. Ahrweiler, Byzance et la mer, p. 400); K. Ἀμάντος, Μαρδαῖται, «Ἑλληνικά» τόμ. 5, 1932, σελ. 130 κέξ. Μ' αὐτὸν εἶναι σύμφωνος ὁ Δ. Ζακυθηνός (Οἱ Σλαῦοι ἐν Ἑλλάδι, Ἀθήναι 1945, σελ. 92), καθὼς καὶ ἡ H. Ahrweiler, Byzance et la mer, p. 399 - 400.

Τὰ συμπεράσματά μας:

Ἡ φιλοπόλεμη φυλὴ τῶν Μαρδαῖτῶν ταυτίζεται μὲ τὴν ἐξαρμενισθεῖσα φυλὴ τῶν κατοικούντων τὴν ἄρμενικὴ ἐπαρχία Mardali (ἐξ ἧς καὶ τὸ ὄνομά τους, Μαρδαῖται, resp. Μαρδαλίται-Μαρδαγίται) Μάρδων. Τὰ ἀποτελούμενα ἀπὸ Μάρδους τάγματα ὑπηρετοῦσαν στὸ στρατὸ τῶν Ἀρμενίων Ἀρσακιδῶν ("τὰ τάγματα τοῦ mardret-ικοῦ ἵππικοῦ"), ἀργότερα δὲ στὸ βυζαντινὸ. Καὶ κατὰ τὴν ἐποχὴ τῶν Ἀρσακιδῶν καὶ στὸ πρῶϊμο Βυζάντιο αὐτοὶ φρουροῦσαν κυρίως τὶς ἴδιες περιοχὲς τῆς Ἀρμενίας, τὴν Τετάρτη Ἀρμενία (Ἄνω Μεσοποταμία). Γιὰ τὴν υπεράσπιση τῶν συμφερόντων τοῦ Βυζαντίου τὰ τάγματα τῶν Μαρδαῖτῶν μὲ τὴ διαταγὴ τοῦ αὐτοκράτορα μπορούσαν νὰ ἀποσταλοῦν καὶ ἐκτὸς τῆς Ἀρμενίας. Οἱ "Μαρδαῖτες", τοῦ Θ' - Γ' αἰῶνα μὲ τὴ φυλὴ τῶν Μαρδαῖτῶν δὲν ἔχουν σχέση, αὐτοὶ εἶναι ἄπλοὶ φορεῖς τοῦ ὀνόματός των.

Χρ. Μπαρτικιαν

Ἐρεβάν, Ὀκτώβριος 1982.

ΧΡΑΤΣ Μ. ΜΠΑΡΤΙΚΙΑΝ

«ΔΙΓΕΝΗΣ ΑΚΡΙΤΑΣ» ΚΑΙ ARMENIA

Δι' ἐμὲ εἶναι εὐχάριστο νὰ ὁμιλήσω ἐδῶ μὲ θέμα τὸν Διγενῆ Ἀκρίτα, εἰς αὐτὴν τὴν ὠραίαν χώραν, ὅπου βρῖθουν οἱ θρύλοι ἐκ τοῦ ἀκριτικοῦ κύκλου. Εἶναι ἐπίσης εὐχάριστον νὰ ἀναφερθῶ σὲ ἓνα θέμα τὸ ὁποῖον τόσον εὐκρινῶς παρουσιάζει τὰς μακροαιωνίας σχέσεις τῶν δύο μας λαῶν, τοῦ ἑλληνικοῦ καὶ τοῦ ἀρμενικοῦ. Εἶναι πασίγνωστον ὅτι κατὰ τὴν βυζαντινὴν ἐποχὴν, ἡ ὁποία καὶ μᾶς ἀπασχολεῖ, οὐδὲν κράτος διεδραμάτισε τόσον σημαντικὸν ρόλον εἰς τὴν ἱστορίαν καὶ τὰς τύχας τοῦ ἀρμενικοῦ λαοῦ ὅσον τὸ Βυζάντιον. Ἀλλὰ καὶ εἰς τὸ πολυεθνὲς Βυζάντιον ἀπὸ ὄλας τὰς μειονότητας τὸν σημαντικότερον ρόλον ἔπαιξαν οἱ Ἀρμένιοι. Τὸ φυσικόν, ὅπως θὰ ἴδωμεν, φαινόμενον αὐτὸ ἀπησχόλησε πολλοὺς μελετητάς. Ὁ Μεχταριστὴς τῆς Βενετίας Καραπέτ Τερ Σαχακιάν τὸ 1905 εἰς τὴν Βενετιαν δημοσιεύει διατριβὴν ὑπὸ τὴν ἐπικεφαλίδαν *Οἱ Ἀρμένιοι αὐτοκράτορες τοῦ Βυζαντίου*,¹ ὁ διαπρεπὴς Ἀρμένιος μεσαιωνιστὴς καὶ βυζαντινολόγος Νικόλαος Ἀντόντς ἐκδίδει σειρὰν μελετῶν περὶ Ἀρμενίων στρατιωτικῶν, ἐπιστημόνων καὶ ἀνθρώπων τῶν γραμμάτων εἰς τὸ Βυζάντιον.² Τὸ 1941 ὁ Βέλγος Henri Grégoire γράφει ἐκτενὲς ἄρθρον ὑπὸ τὸν τίτλον «Μία ἀρμενικὴ δυναστεία ἐπὶ τοῦ βυζαντινοῦ θρόνου»³ (περὶ τῶν Ἡρακλειδῶν), εἴκοσι ἔτη ἀργότερα ὁ ἑλληνοαμερικανὸς ἱστορικὸς Πέτρος Χαρανής δημοσιεύει τὸ πόνημα αὐτοῦ μὲ τὴν ἐπιγραφὴν *Οἱ Ἀρμένιοι εἰς τὴν Βυζαντινὴν αὐτοκρατορίαν*,⁴ τὸ δὲ 1975 ὁ Ἀλέξανδρος Καζντάν τὸ βιβλίον *Οἱ Ἀρμένιοι τῆς κυριαρχούσης τάξεως τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας κατὰ τοὺς ΙΑ'–ΙΒ' αἰῶνας*.⁵

Κατὰ πόσον εἶναι ὀρθὴ ἡ διχοτόμησις αὕτη; Ἐὰν τὸ φαινόμενον αὐτὸ, τουτέστιν ὁ ἐντυπωσιακὸς ρόλος τῶν Ἀρμενίων παρουσίαζε κάτι τὸ παράδοξον ἢ τερατῶδες, ἔπρεπε ὅπωςδὴποτε νὰ εὕρη ἀπήχησιν εἰς τὴν συνείδησιν τοῦ ἑλληνικοῦ πληθυσμοῦ τῆς αὐτοκρατορίας, ἐπομένως καὶ εἰς τὰ ἔργα τῶν βυζαντινῶν συγγραφέων. Τίποτε τὸ παρόμοιον. Αὐτὸ οἱ βυζαντινοὶ ἐθεώρουν κάτι τὸ φυσικὸν καὶ κανονικόν. Τοὺς γείτοντας λαοὺς τοῦ Βυζαντίου οἱ Ἕλληνες ἐθεώρουν «βαρβάρους» (μὲ τὴν ἔννοιαν τοῦ ξένου), ἀλλὰ τοὺς Ἀρμένιους ποτέ, διότι δὲν ἦσαν δι' αὐτοὺς οὔτε γείτονες καὶ

1. Κ. Τερ Σαχακιάν, *Οἱ Ἀρμένιοι αὐτοκράτορες τοῦ Βυζαντίου*, τόμ. Α'–Β', Βενετία, 1905 (ἀρμενιστί).

2. N. Adontz, 'Role of the Armenians in Byzantine Science', *The Armenian Review* 3, No. 3, 1950. *Idem*, *Études Arméno-Byzantines*, Lisbonne, 1965.

3. H. Grégoire, 'An Armenian Dynasty on the Byzantine throne', *Armenian Quarterly*, I, 1946.

4. P. Charanis, *The Armenians in the Byzantine Empire*, Lisboa, 1965.

5. A. P. Kazdan, *Armjane v sostave gospodstvujuscevo klassa Vizantijskoj Imperii v XI–XII vv.*, Erevan, 1975.

ούτε ξένοι, αλλά τμήμα και μόριον οίκεϊον και συγγενές.

Βυζάντιον και Ἀρμενία, Ρωμαῖοι (τουτέστιν Ἑλληνας) και Ἀρμένιοι. Αἱ δύο αὐται χώραι και λαοὶ καθ' ὄλην τὴν ἐποχὴν τοῦ Μεσαίωνος εἶναι δύσκολον νὰ παρουσιασθοῦν ἀπομονωμένως. Ἀπὸ τὸ 387 τὸ 1/5 τῆς Ἀρμενίας ἀποτελεῖ μέρος τῆς Ἀνατολικῆς Ρωμαϊκῆς αὐτοκρατορίας. Ἀπὸ τὸ 591 ἤδη τὰ 4/5 τῆς Ἀρμενίας εὐρίσκονται εἰς τὰ πλαίσια τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας. Οἱ Ἀρμένιοι διὰ πολλοὺς αἰῶνας ἀποτελοῦν ἓνα ἀπὸ τὰ πιὸ δυναμικὰ και δραστήρια στοιχεῖα τοῦ κράτους. Ἡ ἀραβοκρατία βεβαίως ἐπέδρασεν ἀρνητικῶς ἐπὶ τῶν σχέσεων αὐτῶν, ἀλλὰ ἀπὸ τὰ μέσα τοῦ Θ' αἰῶνος ἀρχίζει ἡ περίοδος τῆς ἀντεπιθέσεως τῶν βυζαντινῶν εἰς τὴν Μικρὰν Ἀσίαν. Ταυτοχρόνως ἀρχίζει μία νέα ἐποχὴ εἰς τὰς βυζαντινο-ἀρμενικὰς σχέσεις. Ἡ Ἀρμενία ὄλοεν περισσότερο συμπεριλαμβάνεται εἰς τὴν σφαῖραν τῶν ἐσωτερικῶν και ἐξωτερικῶν συμφερόντων τοῦ Βυζαντίου. Ἀρχίζει ἡ συστηματικὴ προώθησις τοῦ Βυζαντίου εἰς τὴν Ἀρμενίαν, ὄλοεν νεαὶ μᾶζαι ἀρμενικοῦ πληθυσμοῦ συμπεριλαμβάνονται εἰς τὰ ὄρια τῆς αὐτοκρατορίας, πάμπολλαι δραστήριαι ἀρμενικαὶ προσωπικότητες δοξάζουν τὰ βυζαντινὰ ὄπλα, τὸ κράτος, τὰς ἐπιστήμας.

Ἀκριβῶς τὴν ἐποχὴν αὐτὴν ἀρχίζει νὰ λαμβάνει σάρκα και ὄστα τὸ βυζαντινὸν ἔπος τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα, τὸ μεγάλο αὐτὸ ἀριστούργημα τοῦ μεσαιωνικοῦ Ἑλληνισμοῦ. Ἀλλὰ ποῦ; Εἰς ἓνα γεωγραφικὸν περιβάλλον τὸ ὁποῖον ἂν και ἀποτελεῖται ἀπὸ τὰς ἀνατολικὰς περιφερείας τοῦ βυζαντινοῦ κράτους, ταυτοχρόνως εἶναι και δυτικαὶ περιφέρειαι τῆς Ἀρμενίας. Τὸ ἀναντίρρητο αὐτὸ γεγονός εἶναι δυνατὸν νὰ μὴν ἔχει βρεῖ εἰς διαφόρους μορφὰς ἀπήχησιν εἰς τὸ βυζαντινὸν ἔπος;

Ἀρχίζοντας τὸν λόγον μας περὶ τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα ἡμεῖς ξεκινοῦμε ἀπὸ τὴν προϋπόθεσιν ὅτι ἐφ' ὅσον δὲν ἔχει ἀκόμη εὑρεθῆ τὸ πρωτότυπον τοῦ ἔπους, πᾶσαι αἱ διασκευαὶ αὐτοῦ εἶναι ἀξιοπρόσεκτοι, διότι ἐκάστη ἐξ αὐτῶν κατὰ τὸ μᾶλλον ἢ ἦττον περιέχει στοιχεῖα ἀξιόλογα. Βεβαίως ἔχομεν ὑπ' ὄψιν τὰς βασικὰς διασκευὰς και ὄχι μεταφορὰς τοῦ εἴδους Πετρίτζη.

Εἰς τὴν ἀνακοίνωσίν μας αὐτὴν θὰ γίνῃ λόγος περὶ ἀρμενικῶν στοιχείων εἰς τὸ βυζαντινὸν ἔπος πολυμερῶς: περὶ τοῦ γεωγραφικοῦ αὐτοῦ περιβάλλοντος, περὶ τῶν πηγῶν (ὄχι βεβαίως γραπτῶν) τοῦ ἔπους, ἀρμενικῶν τοῦ ἔπους προσωπικοτήτων, ἀρμενικῶν ἐπικῶν ἀσμάτων εἰς τὸ βυζαντινὸν ἔπος. Μερικὰ ἀπὸ τὰ προβλήματα αὐτὰ ἔχουν ἤδη ἐξετασθῆ ὑπὸ τοῦ διαπρεποῦς Ἀρμενίου μεσαιωνιστοῦ Νικολάου Ἀντόντς, ὁ ὁποῖος εἰς τὸ περιοδικὸν *Byzantinische Zeitschrift* ἐδημοσίευσε ἐκτενὲς ἄρθρον περὶ τῶν ἱστορικῶν πηγῶν τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους, ἐμελέτησε τὰ ἀρμενικὰ στοιχεῖα αὐτοῦ, καθὼς και ἔκαμε παραλληλισμὸν μετὰ τοῦ ἀρμενικοῦ ἔπους τοῦ Δαυὶδ ἐκ Σασούν.⁶ Ἡμεῖς θὰ προσπαθήσωμεν νὰ μὴν τὸν ἐπαναλάβωμεν ἀλλὰ νὰ σημειώσωμεν κυρίως τὰ ἰδικὰ μας πορίσματα.

Ἄς ἀρχίσωμεν ἀπὸ τὸ πάτριον ἔδαφος τοῦ ἔπους. Ὅπως εἶναι γνωστὸν τὸ λίκνον τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους εἶναι ἡ Καππαδοκία, ὁ Διγενῆς Ἀκρίτας αὐτὸς ἐκ μητρὸς εἶναι καππαδόκης. Ἐδῶ δὲν εἶναι ἀνάγκη νὰ δώσωμεν τὸ ἱστορικὸν και ἔθνο-

6. N. Adontz, 'Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digénis Akritas', *Byzantinische Zeitschrift*, Bd. 29/30, 1929-1930 (*Idem*, *Études Arméno-Byzantines*, σσ. 7-36).

λογικὸν τῆς χώρας αὐτῆς, ἀλλὰ ἄς ἀρχίσωμεν ἀπὸ ἓνα θρύλον ὁποῖος ἀπαντᾷ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Ἀρμενίας, τοῦ Ἀρμενίου ἱστορικοῦ τοῦ Ε' αἰῶνος Μωυσῆ τοῦ Χωρηνοῦ, θρύλος ὁ ὁποῖος δίχως ἄλλο ἔχει πυρῆνα ἱστορικόν. Αὐτὸς γράφει ὅτι ὁ προπάτωρ τῶν Ἀρμενίων βασιλεὺς Ἀράμ «κινήθεις πρὸς τὴν Δύσιν . . . καταφθά- νει εἰς τὰ μέρη τῶν Καππαδόκων, εἰς τόπον ὀνομαζόμενον τὴν σήμερον Καισαρεία. . . Ἐγκαταλείψας ἐκεῖ ἓνα ἐκ τοῦ γένους αὐτοῦ ὀνόματι Μασάκ και μυρίου στρατιώ- τας ἐπὶ τῆς χώρας, αὐτὸς ἐπιστρέφει εἰς Ἀρμενίαν. Ἀλλὰ διατάσσει τοὺς οἰκοῦντας τὴν χώραν ὅπως ἐκμάθωσι τὴν ἀρμενικὴν γλῶσσαν. Ἐνεκα τούτου, συνεχίζει ὁ Μωυσῆς ὁ Χωρηνός, μέχρι τὴν σήμερον οἱ Ἑλληνας τὸ κλίμα αὐτὸ ὀνομάζουν Πρώ- την Ἀρμενίαν.» Τὴν δὲ ἀκρόπολιν τὴν ὁποῖαν ἔκτισεν ὁ Μασάκ, διοικητῆς τοῦ Ἀράμ, και ἔδωκεν εἰς αὐτὴν τὸ ὄνομά του, τειχίσας αὐτὴν με μικροὺς λίθους, οἱ ἀρχαῖοι τῆς χώρας ὀνομάζον Μάζακα . . . μετὰ δὲ διευρυνθεῖσα ὀνομάσθη Καισαρεία . . .».⁸

Ὅτι ὁ θρύλος αὐτὸς ἔχει βάσιν ἱστορικὴν μαρτυρεῖ τὸ γεγονός ὅτι ἐπὶ Διοκλη- τIANOῦ ἡ Καππαδοκία ὀνομάσθη Δευτέρα Ἀρμενία, ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Α' Τρίτη Ἀρμενία. Τὸν Ζ' αἰῶνα ἡ Καππαδοκία μετὰ τοῦ Πόντου ἀπετέλεσε βυζαντινὸν θέμα μετὰ τὸ ὄνομα Ἀρμενιακόν, ὅπως γράφει ὁ Κωνσταντῖνος ὁ Πορφυρογέννητος «ἀπὸ τῶν ὀμορῶντων και συνοίκων Ἀρμενίων».⁹ Ὁ Συνέκδημος τοῦ Ἰεροκλέους πολλὰς καππαδοκικὰς πόλεις τὰς ἐντάσσει εἰς τὴν Δευτέραν Ἀρμενίαν.¹⁰ Ὅπως ἀνεφέραμεν, ἡ πατρὶς τοῦ Διγενῆ ἐκ μητρὸς, τουτέστιν τῶν Δουκάδων, εἶναι ἡ Καπ- παδοκία. Ἀλλὰ ἡμεῖς δυνάμεθα νὰ συγκεκριμενοποιήσωμεν τὴν τοποθεσίαν Λυκαν- δὸς (Α. 2006).¹¹ Τί ἦτο ἡ Λυκανδὸς κατὰ τὰ τέλη τοῦ Θ' αἰῶνος; Κατ' ἀρχὴν ἄς ποῦμε, ὅτι σύμφωνα μετὰ τὸν Κωνσταντῖνον τὸν Πορφυρογέννητον, ἡ Λυκανδὸς ἐπὶ Ἰουστίνου τοῦ Α' ἐθεωρεῖτο «μέρος τῆς Μικρᾶς Ἀρμενίας».¹² Μεταγενεστέρως ἡ πόλις ἠρημώθει. Ὁ ἴδιος ὁ Πορφυρογέννητος γράφει: «Ἡ δὲ Λυκανδὸς χθὲς και πρὸ μικροῦ εἰς τάξιν θέματος ἐχρημάτισεν, ἀλλὰ και πόλεως ἐπὶ τῶν χρόνων τοῦ μακα- ρίτου και ἁγίου μου πατρός.» Ἐρημος γὰρ ἦν τὸ πρότερον και ἀοίκητος κάκεινη και ἡ Τζαμανδὸς και τὰ συμπαρακείμενα μέρη τῶν Ἀρμενίων· και οὐκ ἦν ὄνομα αὐτῶν οὐτ' ἐν λόγῳ οὐτ' ἐν ἀριθμῷ . . . ὁ γοῦν προλεχθεὶς: Μελίας . . . πρὸς τὴν τῶν Ἀρ- μενίων χώραν ἀπάρας, εὐφυῆς ὦν και πρὸς ληστουργίαν βαρβαρικὴν ἐπιτήδειος, συμμορίαν τινὰ τῶν Ἀρμενίων ἀναλεξάμενος, και ταυτησὶ τῆς πόλεως (τουτέστιν

7. Οἱ μελετηταὶ νομίζουν, ὅτι ἐδῶ γίνεται λόγος ὄχι περὶ τῆς διοικητικῆς περιφέρειας μετὰ τὸ ὄνομα αὐτὸ (*Armenia Prima*), ἀλλὰ περὶ τῆς ἀρχικῆς Ἀρμενίας.

8. Μωυσῆς ὁ Χωρηνός, *Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας*, βιβλ. Α', κεφ. 14, Τιφλίς, 1913 (ἀρ- μενιστί. Πρβλ. Moses Khorenatz'i, *History of the Armenians*, Translation and Commentary on the Literary Sources by R. W. Thomson, London, 1978, σσ. 94-95).

9. Costantino Porfirogenito, *De Thematribus, Introduzione, testo critico, commento a cura di A. Pertusi*, Città del Vaticano, 1952, σ. 63.

10. Hierocles *Synecdemus et Notitia episcopatum accedunt Nili Doxapatri Notitia Patriar- chatuum et locorum nomina, immutata ex recognitione G. Parthey*, Berolini, 1866, σ. 38.

11. Εἰς τὸ ἄρθρον αὐτὸ σημειώνονται αἱ κάτωθι συντομογραφίαι: Α - διασκευὴ Ἄνδρου (νῦν Ἀθηνῶν), ΚΦ - διασκευὴ Κρυπτοφέρρης, Ε - διασκευὴ Ἐσχοριᾶλ.

12. Costantino Porfirogenito, *De Thematribus*, σ. 76.

τῆς Λυκανδοῦ, Χ. Μπ.) τὴν ἀκραν κατοχυρώσας ὡς ἡδύνατο, καὶ κατὰ μικρὸν προῶν ὄλην, ὡς εἰπεῖν, τὴν πόλιν τοῦ πτώματος ἤγειρε· καὶ προβαίνουσα ἐπὶ τὸ πρόσθεν πᾶσα ἡ χώρα, μεστὴ γέγονεν τῶν Ἀρμενίων, κουροτρόφος οὔσα ἀγαθὴ τε καὶ ἱππόβοτος, καὶ παντοίων βοσκημάτων εἰς τροφήν ἐπιτήδειος. Διὸ καὶ θέμα κατωνομάσθη καὶ εἰς στρατηγίδα περιδοξὸν ἀνήχθη σπουδῇ τουτωῖ τοῦ κραταιόφρονος. Ἡ δὲ ὀνομασία τῆς πόλεως ἀρχαία τις καὶ παλαιὰ ἀπὸ τῆς τῶν Ἀρμενίων γενεᾶς τε καὶ γλώττης ὀνόμαστο». ¹³

Τόσα περὶ τῆς Λυκανδοῦ, τῆς γενετήρας τοῦ Διγενῆ ἐκ μητρός. Ὅσον ἀφορᾷ τὴν πατρίδα τοῦ Διγενῆ ἐκ πατρός, αὐτὴ εἶναι ἡ Ραχά, ἀρμ. Οὐρχά, τουτέστιν ἡ Ἔδεσσα τῆς Ὀσροηνῆς, ὅπου τὸ ἀρμενικὸν στοιχεῖον ἦτο πάντα αἰσθητόν. Ὑπὲρ τούτου μαρτυρεῖ τὸ γεγονός ὅτι ἀκόμη εἰς τὸν πρῶτον Μεσαιῶνα τὸ κράτος τῆς Ὀσροηνῆς κατὰ τὴν ἀρμενικὴν παράδοσιν ἐθεωρεῖτο κράτος ἀρμενικὸν ὃ δὲ ἀσπασθεῖς τὸν χριστιανισμὸν βασιλεὺς Αὐγαρος ὃ Ε΄ Οὐκκάμα, σύγχρονος τοῦ Χριστοῦ, Ἀρμένιος βασιλεὺς.

Τὸ βυζαντινὸν ἔπος μᾶς δίδει τὴν δυνατότητα νὰ συμπεράνωμεν καὶ τοῦ ἐγκατεστάθῃ ὃ Διγενῆς μετὰ τῆς συζύγου του, ἀναχωρήσας ἀπὸ τὴν Καππαδοκίαν. Ὁ τόπος αὐτὸς εὐρίσκετο εἰς τὴν ἀραβο-βυζαντινὴν μεθόριον, εἰς τὴν ἀριστερὰν ὄχθην τοῦ Εὐφράτου, εἰς τοποθεσίαν ὀνομαζομένην Τρῶσις, τὴν ὁποίαν ὃ Α. Γκρεγκουὰρ τοποθετεῖ εἰς τὴν τουρκικὴν κωμόπολιν Τρούς, εἰς τὸ βιλαέτιον τῆς Οὐρφᾶς-Ἐδέσσης. ¹⁴ Αὐτὸ σημαίνει, ὅτι ὃ Διγενῆς ἐγκατεστάθῃ εἰς περιοχὴν, ἡ ὁποία εἰς τὰς πηγὰς ὀνομάζεται Τετάρτη Ἀρμενία καὶ μετὰ τὴν πτώσιν τῆς δυναστείας τῶν Ἀρσακιδῶν διετήρησε εἰς τὰ πλαίσια τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας τὴν πολιτικὴν τῆς αὐτοτέλειαν. Οἱ Ἀρμένιοι διοικηταὶ αὐτῆς οἱ ὅποιοι ὀνομάζοντο σατράπαι, εἶχον τὰς ἰδικὰς τῶν ἐνόπλων δυνάμεις. ¹⁵ Αἱ δυνάμεις αὐταὶ ἀναφέρονται ἀκόμη καὶ ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ Βασιλείου τοῦ Β΄. ¹⁶ Εἶναι ἐνδιαφέρον ὅτι τὸ βυζαντινὸν ἔπος μνημονεῦει τὴν Τετάρτην Ἀρμενίαν ὄχι μόνον ὡς γεωγραφικὴν ἔννοιαν. Αὐτὸ

13. Αὐτόθι σ. 75-76. Πρβλ. *De Administrando Imperio*, σ. 240, («... Κατῆλθε οὗτος ὃ προρρηθεὶς Μελλίας, καὶ τὸ παλαιὸν κάστρον τὴν Λυκανδὸν ἐκράτησεν· καὶ ἔκτισε αὐτὸ καὶ ὠχυροποίησεν, καὶ ἐκεῖσε ἐκαθέσθη, καὶ ὀνομάσθη παρὰ Λέοντος, τοῦ φιλοχρίστου βασιλέως, κλεισοῦρα... Ἐπὶ δὲ Κωνσταντίνου, τοῦ φιλοχρίστου δεσπότη. . . γέγονεν ἡ Λυκανδὸς στρατηγίς, καὶ πρῶτος Λυκανδοῦ στρατηγὸς ὀνομάσθη ὃ πατρικίος Μελλίας, δηλονότι τῷ τότε καιρῷ αὐτοῦ κλεισοῦράρχου ἐν Λυκανδῷ τυγχάνοντος».

14. H. Grégoire, Ὁ Διγενῆς Ἀκρίτας. Ἡ βυζαντινὴ ἐποποιεῖα στὴν ἱστορία καὶ στὴν ποίησιν, New York, 1941, σ. 98.

15. K. Güterbock, *Römisch Armenien und die römischen Satrapien im 4. bis 6. Jahrhundert*, Königsberg, 1900.

16. Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτου *Οἰκουμένη ἱστορία*, Πετροῦπολις, 1887, σ. 276 (ἀρμενιστί). Περὶ τῶν ἀρμενικῶν ἐνόπλων δυνάμεων τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας καὶ εἰδικῶς τῆς ἐπαρχίας Ἀγγιληνῆς ἴδε H. Bartikian, 'Ob odnoj važnoj konjektury v "Sovetakh i rasskazakh" Kekavme-na', *Vestnik Obscestvennykh nauk Akademii nauk Armjanskoj SSR*, 1968, No. 8, str. 118. *Idem*, 'O "Mongolakh" v "Digenise Akrite"', *Istoriko-filologičeskij Žurnal Akademii nauk Armjanskoj SSR*, 1972, No. 3.

μνημονεῦει καὶ τοὺς ὡς ἄνω Ἀρμένιους διοικητὰς - σατράπαι, τὸν ἀρμενικὸν πληθυσμὸν αὐτῆς, ὀνομαζόμενον εἰς τὰς Νεαράς τοῦ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Α΄ «ἔθνη» (*gentes*). ¹⁷

Τὸ ἔπος μνημονεῦει καὶ διαφόρους περιφερείας τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας ὡς τῆς Χορζιανηνῆς (τὴν ὁποίαν οἱ μελετηταὶ κατὰ λάθος ἐθεώρουν ὅτι εἶναι τὸ Χαρσιανὸν θέμα) καὶ τὴν Ἀγγιληνὴν (χώρα τοῦ Ἡρακλέους). ¹⁸

Ἡ Τετάρτη Ἀρμενία εἰς τὰς μεσαιωνικὰς πηγὰς ὀνομάζεται καὶ Ἄνω Μεσοποταμία. Εἰς τὴν Σύνοδον τῆς Χαλκηδόνος (451) θεωροῦνται ἐπίσκοποι Μεσοποταμίας καὶ οἱ ἐπίσκοποι διαφόρων ἐπαρχιῶν τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας ὡς οἱ τῆς Σωφηνῆς, Ἀνζιτηνῆς, Ἀγγιληνῆς καὶ ἄλλων. ¹⁹ Καὶ ὃ Γεώργιος ὃ Κύπριος συνταυτίζει τὴν Μεσοποταμίαν μετὰ τὴν Τετάρτην Ἀρμενίαν, γράφων: «Ἐπαρχία Μεσοποταμίας ἄνω ἦτοι Δ΄ Ἀρμενίας». ²⁰ Τὸ ζήτημα αὐτὸ εἶναι ἐνδιαφέρον διότι ἡ Μεσοποταμία παρίσταται καὶ εἰς τὸ βυζαντινὸν ἔπος καὶ ἐμεῖς ἔχομεν τὴν δυνατότητα νὰ διευκρινήσωμεν τί ἔχει ὑπ' ὄψιν τὸ ἔπος λέγοντας Μεσοποταμία.

Ἐκτὸς τῶν ἀνωτέρω, εἰς τὸ ἔπος ἀναφέρεται καὶ ἡ Μανάναλις τῆς Ἀρμενίας, ὃ τόπος ὅπου ἔλαβεν ἀρχὴν τὸ κίνημα τῶν Παυλικιανῶν, μόνον ὄχι μετὰ τὸ ἀρμενικὸν αὐτοῦ ὄνομα, ἀλλὰ ὡς τὴν ὀνόμαζον οἱ Παυλικιανοί, Ἀχατα. ²¹

Περαίνοντες τὸν λόγον περὶ τοῦ γεωγραφικοῦ περιβάλλοντος τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους, δὲν εἶναι δύσκολον νὰ πεισθῶμεν, ὅτι ὃ τόπος γεννήσεως, ἀλλὰ καὶ δράσεως ὄχι μόνον τοῦ Διγενῆ, ἀλλὰ καὶ τῶν γονέων αὐτοῦ, ἦσαν περιοχαὶ τῆς Δυτικῆς Ἀρμενίας, περιοχαὶ μετὰ κυρίως ἀρμενικὸν πληθυσμὸν.

Τί παρουσίαζε τὸ ὡς ἄνω γεωγραφικὸν περιβάλλον κατὰ τὴν προηγουμένην καὶ κατὰ τὴν ἐποχὴν τῆς δημιουργίας τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους ἐξ ἐπόψεως κοινωνικῆς; Τὴν ἐποχὴν αὐτὴν ἐκεῖ ἦτο εὐρέως διαδεδομένον τὸ κοινωνικὸν κίνημα τῶν αἰρετικῶν Παυλικιανῶν, ἰδρυτῆς τοῦ ὁποίου ἦτο ὃ Ἀρμένιος Κωνσταντῖνος, μετὰ κέντρον τὴν ἀναφερθεῖσαν ἀρμενικὴν κωμόπολιν Μανάναλις. Τὸ κίνημα αὐτὸ βαθμηδὸν ἐπεξετάθη εἰς ὄλην τὴν Ἀρμενίαν καὶ εἰς διαφόρους περιοχὰς τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας, φθάνον εἰς τὸ ἀπόγειόν του ἀκριβῶς τὴν προτεραιάν τῆς δημιουργίας τοῦ ἔπους, τὸν Θ΄ αἰῶνα. Εἶναι δυνατόν τὸ κίνημα αὐτὸ νὰ μὴ εὕρη εἰς αὐτὴν ἢ ἄλλην μορφήν τὴν ἀπῆχσιν του εἰς τὸ βυζαντινὸν ἔπος, κέντρον τοῦ ὁποίου ἦσαν αἱ ἀκριτικαὶ περιοχαὶ τῶν ἀνατολικῶν ἐπαρχιῶν τοῦ Βυζαντίου, τουτέστιν περιοχαὶ αἱ ὁποῖαι μερικὰς δεκαετίας τοῦ αἰῶνος αὐτοῦ παρουσίαζαν καθ'αυτοῦ κράτος αἰρετικῶν;

Ὡς εἶναι γνωστὸν οἱ N. Adontz καὶ Henri Gregoire καθὼς καὶ ἄλλοι, ἔχοντες ὡς τεκμήριον τὴν μνείαν εἰς τὸ ἔπος τῶν Παυλικιανῶν ἀρχηγῶν Καρβάα καὶ

17. H. Bartikian, 'Notes sur l'épopée byzantine "Digénis Akritas"', *Revue des Études Arméniennes*, t. III, 1966, σσ. 166-170.

18. Ἐκτενεστέρως ἴδε H. Bartikian, 'Sur quelques questions relatives à l'épopée byzantine de Digénis Akritas', *Revue des Études Arméniennes*, t. V, 1968, σσ. 295-299.

19. Mansi, *Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio*, t. VII, σ. 403.

20. Georgi Cyprii, *Descriptio orbis Romani*, ed. H. Gelzer, Lipsiae, 1890, σ. 46.

21. H. Bartikian, 'Notes sur l'épopée byzantine', μν. ἐργ., σσ. 170-174.

Χρυσόχειρος (Καρόη και Χρυσοχέρπου) και τὰ ἐγκωμιαστικά δι' αὐτοὺς στοιχεῖα, ἐθεώρησαν τὴν βυζαντινὴν ἐποποιίαν παυλικιανικῆς προελεύσεως. Κατὰ τὸν Γκρεγκουὰρ αὐτὴ εἶναι «μία αἰρετικὴ καὶ ἐπαναστατικὴ Ἐποποιία». ²² Ἐναντίον τῆς θέσεως αὐτῆς ἐξεφράσθησαν πολλοὶ μελετηταί, οἱ ὅποιοι ὄχι μόνον διεμφισβήτησαν τὴν ἰδέαν αὐτήν, ἀλλὰ καὶ ὑπεγράμμισαν τὴν ἀριστοκρατικὴν προέλευσιν τοῦ ἔπους, τὴν «ὀρθοδοξίαν» αὐτοῦ. Οἱ τελευταῖοι ὁμῶς δὲν ἀπαντοῦν εἰς τὸ ἐρώτημα πῶς εἰς τὸ ἀριστοκρατικὸν ἔπος ἐξυμνοῦνται οἱ πλέον μισητοὶ ἀρχηγοὶ τῶν Παυλικιανῶν, οἱ τελευταῖοι αὐτῶν στρατηγοὶ Καρβέας καὶ Χρυσόχειρ. Αὐτοὶ δὲν ἀπαντοῦν καὶ εἰς τὴν ἐρώτησιν διατὶ μνημονεύεται εἰς τὸ ἔπος ὁ ἀμηρᾶς τῆς Μελιτηνῆς Ἀμβρών, αἱ ἀνδραγαθίαι αὐτοῦ, ἀλλὰ ἔχουν «λησμονηθεῖ» ἢ ἦττα καὶ ὁ δλεθρός του εἰς τὴν μάχην τοῦ 863.

Οἱ ὑποστηρίζοντες τὴν ἰδέαν τῆς ἀριστοκρατικῆς, φεουδαρχικῆς προελεύσεως τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους, δυστυχῶς δὲν στρέφουν τὴν ἀναγκαίαν προσοχὴν εἰς τὸ βαρυσήμαντον περιστατικόν, ὅτι τὰ ἐπικά ἄσματα εἶναι ἓνα πρᾶγμα, τὸ ἐπικὸν ποίημα ἄλλο. Τὸ ἐπικὸν ποίημα ἀντανεκλᾷ τὴν κοσμοθεωρίαν τοῦ ποιητοῦ, ἢ ὅποια δύναται καὶ νὰ μὴν συμπίπτῃ μὲ τὴν κοσμοθεωρίαν τοῦ δημιουργοῦ τῶν ἐπικῶν ἁσμάτων. Ἐάν, παραδείγματος χάριν, ὁ δημιουργὸς τοῦ ποιήματος ὑποχρεῶναι τὸν «ἄραβ» πατέρα τοῦ Διγενῆ, τουτέστιν τοῦ υἱοῦ τοῦ Παυλικιανοῦ Χρυσόχειρος, νὰ ἀποστηθίσῃ τὸ Σύμβολον τῆς πίστεως τῆς Νικαίας, εἶναι σαφές, ὅτι αὐτὸς χωρὶς ἄλλο θὰ ἐλογόκρινε τὰ ἐπικά ἄσματα ἀπὸ αὐτὴν τὴν σκοπιάν, θὰ ἐψαλίδιζε πᾶν ὅ,τι θὰ ἦτο ὑπερβολικὰ αἰρετικο-παυλικιανικόν. Ἀλλὰ διὰ νὰ πλησιάζωμεν ὅσον τὸ δυνατόν περισσότερον εἰς τὸ πρωτότυπον, πρέπει νὰ ἀναλύσωμεν μίαν σειρὰν νέων δεδομένων, ἐκ πρώτης ὄψεως διὰ τὴν λύσιν τοῦ προβλήματος ὄχι καὶ τόσον σημαντικῶν. Ἐχομεν ὑπ' ὄψιν τὸ πρόβλημα τῶν ἀπελατῶν, περὶ τοῦ ὁποίου θὰ ἀναφερθῶμεν ἐκτενεστέως.

Εἶναι ἄραγε τυχαῖον ὅτι τὸ ἐπικὸν ποίημα ἔχει ἀφιερῶσει εἰς αὐτοὺς ἓνα ὀλόκληρον Λόγον; Ποῖοι εἶναι συγκεκαλυμμένοι ὀπισθεν αὐτῶν;

Ἀπὸ τὸ βυζαντινὸν ἔπος εἶναι ἐμφανές ὅτι τὰ λαϊκὰ περὶ τῶν ἀπελατῶν τραγούδια ἤδοντο καὶ πρὸ τῆς δημιουργίας τοῦ «Διγενῆ Ἀκρίτα», ὅτι ὁ Διγενῆς ἦτο ὁ αἴτιος ὥστε μεταγενεστέως τὰ λαϊκὰ περὶ τῶν ἀπελατῶν τραγούδια (τουλάχιστον εἰς τὰς γραπτὰς διασκευὰς τοῦ ἔπους ποὺ ἔχομεν εἰς χεῖρας) νὰ παραγκωνισθοῦν. Πρῶτον ἂς ὀμιλήσωμεν περὶ τῆς ἐθνικότητος τῶν ἀπελατῶν. Ἐν εἶναι σαφές. Οὔτοι εἶναι χριστιανοί, ἀλλὰ ὡς φαίνεται ὄχι Ρωμαῖοι. ²³ Ὁ ποιητὴς γράφει «εἶναι δὲ καὶ τὸ βάρβαρον δύσπιστον ἔθνος ἅπαν» (Α. 3480, ΚΦ. VI, 499), τουτέστιν ξένον. Αὐτοὶ «στολὰς ἐφόρουν . . . πολλὰ παρηλλαγμένας» (Α. 3037) καὶ, τουλάχιστον ἢ Μαξιμῶ, «ἐν τῇ χειρὶ ἐβάσταζε . . . κοντάρι ἀραβίτικον» (Α. 3742-3743, πρβλ. ΚΦ. VI, 739).

Οἱ ἀπελάται ὡς ζφουκλέπται εἶναι γνωστοὶ ἀκόμη ἀπὸ τὴν ἐποχὴν τοῦ Ἰουστι-

22. H. Grégoire, 'Ο Διγενῆς Ἀκρίτας, σ. 74.

23. Περὶ τοῦ θέματος ἴδε N. Oikonomidès, 'L' "Épopée" de Digénis et la frontiere orientale de Byzance aux Xe et XIe siècles', *Travaux et Mémoires* 7, 1979, σ. 388.

νιανοῦ τοῦ Α'. Ἀλλὰ κατὰ τοὺς Θ'-Ι' αἰῶνας, ὅταν ἐδημιουργεῖτο τὸ βυζαντινὸν ἔπος ποίους ὠνόμαζον ἀπελάτας; Αὐτὸ θὰ φανεῖ ἀπὸ τὸ ἴδιον τὸ ἔπος.

Οἱ ἀπελάται κατοικοῦν εἰς τὰς δχθας τοῦ Εὐφράτου καὶ ἀποτελοῦν δύο ομάδας. Ἡ μία εὐρίσκεται ὑπὸ τὰς διαταγὰς τοῦ Μελεμεντζῆ, ὁ ὁποῖος μὲ τὴν σειρὰν του ὑπόκειται εἰς τὴν Μαξιμῶ. Τῆς ἄλλης ἡγεῖται ὁ Φιλόπαππος καὶ τὰ «παιδιά» του, ὁ Κίνναμος, Ἰωαννίκιος καὶ Λεάνδρος, οἱ ὁποῖοι ὀνομάζονται «πολέμαρχοι». Αἱ δύο ομάδες τῶν ἀπελατῶν εὐρίσκονται εἰς φοιδεραιτικὰς μεταξὺ των σχέσεις καὶ ἐν πολέμῳ βοηθοῦν ἀλλήλους. Ἡ Μαξιμῶ τὸν Φιλόπαππον καὶ τοὺς ἀπελάτας αὐτοῦ «ἐτίμα . . . ὡς ἀγχιστάς . . . καὶ ὡς συμμάχους» (Α. 3424). Οἱ ἀπελάται ἀποτελοῦν τακτικὸν στρατὸν καὶ ὀνομάζονται «στρατιῶται» (Α. 3645, 3647-3648, 3662, ΚΦ. VI, 117, 182, 457, 515, 560), εἶναι καλὰ ὀπλισμένοι ἵππεῖς (ΚΦ. VI, 316), ἔχουν φουσσᾶτα (Ε. 1293, 1302, 1393), «κρατοῦσι τὰ στενά» (Α. 1585) καὶ «τὰς στενάς κλεισοῦρας» (Ε. 1367), «τὰς ἄκρας, τοὺς πόρους τε ἐσκόπευον διὰ τοὺς ἐναντίους» (Α. 3376-3378, ΚΦ. VI, 405), «κάνουν ἀνδραγαθίας» (Α. 1585). Αὐτοὶ ὄχι μόνον φυλάσσουν τὰ μεθόρια, ἀλλὰ καὶ τρέπουν εἰς φυγὴν μυριάδας ἐχθρῶν καὶ καταλαμβάνουν χώρας (Α. 3255) καὶ πόλεις (ΚΦ. VI, 317, 355-357), συμμετέχουν εἰς πολέμους καὶ ἀριστεύουν («ἀριστείων καὶ μεγίστων ἐπάθλων τῶν τελεσθέντων παρ' ἡμῶν ἐν κραταιοῖς πολέμοις»-ΚΦ. VI, 367-368).

Ἐχοντες ὑπ' ὄψιν ὅλα τὰ ἀνωτέρω βλέπομεν, ὅτι ἡ κυρία ἀσχολία τῶν ἀπελατῶν δὲν εἶναι ἡ ζφουκλοπὴ καὶ ἡ ἀπαγωγὴ νυμφῶν. Παρουσιάζονται εἰς ἡμᾶς γενναῖοι ἄνδρες, αἱ ἀνδραγαθίαι τῶν ὁποίων γίνονται αἰτία νὰ κυκλοφορήσουν περὶ αὐτῶν θρύλοι. Αὐτὸ ἐξηγεῖ διατὶ ὄχι οἱ πάντες ἠδύναντο νὰ γίνουν ἀπελάται, νὰ καυχηθοῦν ὅτι εἶναι ἀπελάται, διατὶ διὰ τὸν Διγενῆ εἶναι φιλοδοξία νὰ ἴδῃ τοὺς ἀπελάτας, νὰ γίνῃ ἀπελάτης.

Οἱ ἀπελάται εἶναι ἀνεξάρτητοι καὶ ἀπὸ τοὺς Ἄραβας καὶ ἀπὸ τοὺς βυζαντινοὺς. Τοιοῦτος εἶναι καὶ ὁ Διγενῆς, ὁ θέλων νὰ ἀναδειχθῆ καὶ ἀναδεικνυόμενος ἀπελάτης.

Διὰ τὴν ἐξακρίβωσιν τοῦ ἱστορικοῦ πρωτοτύπου τῶν ἀπελατῶν μεγάλην σημασίαν ἔχουν τὰ ἔργα τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου. Ἀπὸ αὐτὸν εἶναι γνωστὸν ὅτι κατὰ τὰ τέλη τοῦ Θ' καὶ ἀρχὰς τοῦ Ι' αἰῶνος ἢ Τετάρτη Ἀρμενία, τὸ κέντρον τῶν ἀπελατῶν τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους, ἢ εὐρισκομένη εἰς τὴν ἀραβο-βυζαντινὴν μεθόριον σπουδαία αὐτὴ χώρα, ἦτο ἡ ζώνη τῆς δραστηριότητος τοῦ Ἀρμενίου Μανουήλ. ²⁴ Ὁ Μανουήλ ἦτο ἡμιανεξάρτητος, αὐτὸς δὲν ἦτο ὑποτελὴς οὔτε εἰς τὸν βυζαντινὸν αὐτοκράτορα, οὔτε εἰς τὸν ἀμερμουμνῆν, ἀν καί, ὅπως φαίνεται, εὐρίσκετο ὑπὸ τὴν κυριαρχίαν τοῦ Χαλιφάτου. Ἡ πολιτικὴ αὐτοῦ κατάστασις θυμίζει πολὺ τὴν κατάστασιν τοῦ Καρβέα καὶ τοῦ Χρυσόχειρος κατὰ τὴν ἐποχὴν τοῦ κράτους τῆς Τεφρικῆς. Μαζὶ μὲ τὸν Μανουήλ εἶχον ἀναπτύξει μεγάλην δρᾶσιν καὶ οἱ υἱοὶ αὐτοῦ, ὁ Παγκρατούκας, Ἰαχνούκας, Μουδαφάρ καὶ Ἰωάννης, καθὼς καὶ οἱ Ἀρμένιοι Πουκρίκας, καὶ Ταυτούκας. ²⁵

24. Constantinus Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, Greek Text edited by Gy. Moravcsik, English Translation by R. J. H. Jenkins, Budapest, 1949, σ. 238.

25. *Ibid.*, σ. 238. *Idem*, *De Thematisibus*, σ. 73.

Τὴν ἰδίαν αὐτὴν ἐποχὴν εἰς τὴν Νότιον Ἀρμενίαν ἔδρων καὶ πολλοὶ ἄλλοι περὶ-
φημοὶ Ἀρμένιοι, ὁ Μελίας, ὁ Βαασάκιος, οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ Κρικορίκιος καὶ Παζου-
νῆς, ὡς καὶ ὁ Ἰσμαήλ ὁ Ἀρμένιος.²⁶ Οἱ Μελίας, Βαασάκιος, Κρικορίκιος, Πα-
ζουνῆς καὶ Ἰσμαήλ πρωτῆτερα κατώκουν εἰς τὴν Βυζαντινὴν αὐτοκρατορίαν καὶ
μετὰ, ἀγνώστως διατί, εὔρον ἄσυλον εἰς τοὺς Ἀραβας. Εἶναι γνωστὸς καὶ ὁ τόπος
ὅπου ἐγκατεστάθησαν, ἡ Μελιτηνὴ, ἡ πρωτεύουσα τῆς Δευτέρας Ἀρμενίας (εἰς
Μελιτηνὴν ἔτι πρόσφυγος ἦν),²⁷ ἡ πόλις τοῦ συμμάχου τῶν Παυλικιανῶν ἀμυρᾶ
Ἰομάρ Ἰμπν Ἀβδαλλάχ ἄλ-Ἀκτα.

Εἶναι ἄραγε τυχαία ἡ φυγὴ τῶν ἀνωτέρω Ἀρμενίων εἰς τὴν Μελιτηνὴν; Ποία
ἡ αἰτία τῆς φυγῆς αὐτῶν ἐκ τοῦ Βυζαντίου καὶ ἡ ζήτησις ἀσύλου ἀπὸ τοὺς Ἀραβας;
Πότε ἔφυγον οὗτοι; Εἶναι γνωστὸν ὅτι αὐτοὶ ἀπεφάσισαν νὰ ἐπιστρέψουν εἰς τὸ
Βυζάντιον ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ Λέοντος τοῦ ΣΤ', ἐπομένως ἔφυγον ἐπὶ τοῦ Βασι-
λείου τοῦ Α'. Διατί δὲ ἔφυγον, πρέπει νὰ ὑποθέσωμεν ὡς αἰτίαν τοὺς διωγμούς. Ὁ
Βασίλειος ὁ Α' τότε κατεδίωκε τοὺς Παυλικιανούς.

Ἀκόμη ἐπὶ Φιλιππικοῦ-Βαρδάνη (711-713) οἱ καταδιωκόμενοι Ἀρμένιοι Παυ-
λικιανοὶ εὔρον ἄσυλον εἰς τὴν Τετάρτην Ἀρμενίαν καὶ τὴν Μελιτηνὴν.²⁸ Ἀπὸ ἐκεῖ
μετὰ 40 ἔτη ὁ Κωνσταντῖνος ὁ Ε' μετοίκησε τοὺς Ἀρμένιους Παυλικιανούς εἰς τὴν
Θράκην.²⁹ Ἐπὶ Μιχαήλ τοῦ Α' καὶ Λέοντος τοῦ Ε' εἰς τὴν Μελιτηνὴν εὔρε ἄσυλον
ὁ μέγιστος αἰρεσιάρχης τῶν Παυλικιανῶν Σέργιος μὲ μεγάλας μάζας αἰρετικῶν,³⁰
ὀλίγον ὕστερον ὁ στρατηγὸς τῶν Παυλικιανῶν πρωτομανδάτωρ Καρβέας μὲ πέντε
χιλιάδας αἰρετικῶν.³¹

Θὰ ἦτο πολὺ παράξενον, ἐάν, μετὰ τὴν καταστροφὴν τῆς πρωτεύουσας αὐτῶν
Τεφρικῆς, τὸ 872, καὶ τῆς ἀλώσεως πολλῶν πόλεων αὐτῶν οἱ ἐπιζήσαντες Παυλικια-
νοὶ δὲν ἀνεζήτησαν ἄσυλον εἰς τὸ παλαιὸν αὐτῶν καταφύγιον, τὴν Μελιτηνὴν καὶ τὴν
Τετάρτην Ἀρμενίαν. Τοῦτο ἐπιβεβαιώνει ὁ Γενέσιος, μνημονεύων γενικῶς τὰ ἔνδον
τῆς Συρίας.³² Δὲν ἀποκλείεται ὁ Μανουὴλ καὶ ὁ Μελίας καὶ φυσικὰ οἱ ὑποκείμενοι
εἰς αὐτοὺς νὰ εἶναι φυγάδες Παυλικιανοί. Καὶ οἱ δύο ἀποφασίζουν νὰ ἐπιστρέψουν
εἰς τὸ Βυζάντιον μόνον ἐπὶ Λέοντος τοῦ ΣΤ', τουτέστιν μετὰ τὸν θάνατον τοῦ ἐχθροῦ
τῶν Παυλικιανῶν Βασιλείου τοῦ Α'.

Ἡ αὐτοκρατορία δὲν εἶχε συμφέρον νὰ μὴ ἐκμεταλλευθῇ τοὺς ἀνδρείους αἰρε-
τικούς διὰ τὴν ἀμυναν τῶν μεθόρων αὐτῆς ἀπὸ τὰς εἰσβολὰς τῶν ἐχθρῶν. Αὐτὸ

26. Constantinus Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, σ. 238.

27. Αὐτόθι.

28. *Theophanis Chronographia*, ed. C. de Boor, Lipsiae, 1883, σ. 382; Michel le Syrien, *Chronique*, ed. J.-B. Chabot, t. II, Paris, 1901, σ. 482. Cf. H. Bartikian, 'K voprosu o pavlikian-skom dviženii v Vizantii v pervoj polovine VIII veka', *Vizantijskij Vremennik*, t. VIII, 1956, σ. 127.

29. *Theophanis Chronographia*, σ. 429.

30. Ch. Astruc, W. Conus-Wolska, J. Gouillard, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, J. Paramelle, 'Les Sources grèques pour l'Histoire des Pauliciens d'Asie Mineure', *Travaux et Mémoires*, t. 4, 1970, σ. 65, 169.

31. *Theophanes Continuatus*, ex recognitione Im. Bekkeri, Bonnae, 1838, σ. 166.

32. *Genesis Regum*, ex recognitione Caroli Lachmani, Bonnae, 1834, σ. 121.

τὸ ὑπογραμμίζει ἡ Ἄννα ἡ Κομηνή.³³ Μετὰ τὸν θάνατον τοῦ Βασιλείου τοῦ Α' ὁ
υἱὸς τοῦ τελευταίου Λέων ὁ ΣΤ' υἰοθετεῖ ἔναντι τῶν Παυλικιανῶν νέαν πολιτικὴν.
Αὐτὸς τὸν Διακονίτζην, τὸν σωματοφύλακα τοῦ φοβεροῦ Χρυσόχειρος, ὀνομάσας
μηνσουράτορα μὲ ἀποτελούμενον ἐκ Παυλικιανῶν στρατιωτικῶν σῶμα ἀπέστειλεν
εἰς Ἰταλίαν κατὰ τῶν ἐχθρῶν τοῦ κράτους.³⁴ Ἀλλὰ ὅπως φαίνεται ὁ Λέων ἐστρατο-
λόγησε καὶ ἄλλους.

Ἀκριβῶς τὴν ἐποχὴν αὐτὴν ἐπιστρέφουν εἰς τὸ Βυζάντιον οἱ ὡς ἄνω Μανουήλ,
Μελίας καὶ οἱ ἄλλοι Ἀρμένιοι, εἰς τοὺς ὁποίους ἀπονέμονται ὑψηλαὶ στρατιωτικαὶ
καὶ διοικητικαὶ τιμαί. Ὁ Μελίας π.χ. ἔγινε τουρμάρχης τῆς Εὐφρατείας, τουτέστιν
τῆς ἐπαρχίας τῆς Τεφρικῆς, τῆς πρωτεύουσας τῶν Παυλικιανῶν. Εἶναι πολὺ ἐνδια-
φέρον νὰ σημειώσωμεν ὅτι τὴν τιμὴν αὐτὴν τοῦ τουρμάρχου τῆς Εὐφρατείας τὴν
εἶχεν ἀπαιτήσῃ ὁ ἴδιος ὁ Μελίας.³⁵

Ἐὰν ὁ Μελίας εἶναι Παυλικιανός, πρέπει νὰ θεωρήσωμεν αἰρετικὸν καὶ τὸν
Μελεμέντζην τοῦ ἔπους (Μλέχ-Μέντζ, Μελίας ὁ Μέγας), τὸν ὁποῖον οἱ Ν. Ἀντόντζ
καὶ Α. Γκρεγκουάρ καὶ ἄλλοι ἐταύτισαν μὲ τὸν Μελίαν.³⁶ Καὶ ἐὰν ὁ ἀρχηγὸς τῶν
ἀπελατῶν Μελεμέντζης εἶναι τῶν Παυλικιανῶν, ἐπομένως εἶναι Παυλικιανοὶ καὶ
οἱ ὑποκείμενοι εἰς αὐτὸν ἀπελάται, οἱ ἀπελάται γενικῶς. Ὑπὲρ τῆς ἰδέας μας αὐτῆς
μαρτυρεῖ ἓν δεδομένον, τὸ ὁποῖον ἀπαντᾷ μόνον εἰς τὴν παλαιὰν ρωσικὴν διασκευὴν
τοῦ ἔπους, τὸ «Δεβγένιεβο δεγιάνιε» δεδομένον ἐπὶ τοῦ ὁποῖου οἱ μελετηταὶ δὲν
ἐπέστησαν τὴν προσοχὴν. Οἱ βυζαντινοί, κατὰ τὴν διασκευὴν αὐτὴν, ἐπὶ τοῦ προ-
σώπου τῶν αἰχμαλωτισθέντων ἀπελατῶν Φιλοπάππου, Κιννάμου καὶ Ἰωαννικίου
θέτουν κεντητὴν σφραγίδα.³⁷ Ἡ τιμωρία αὐτὴ εἰς τὴν Ἀρμενίαν ἐπεβάλλετο εἰς
τοὺς αἰρετικούς, Μεσσαλιανούς, Παυλικιανούς, Θονδρακίτας καὶ ἄλλους.

Ἦτο ἐκουσία ἄραγε ἡ ἐπιστροφή τῶν ὡς ἄνω Ἀρμενίων εἰς τὸ Βυζάντιον; Νο-
μίζομεν ὄχι. Ἄν καὶ αὐτοί, σύμφωνα μὲ τὸν Κωνσταντῖνον τὸν Πορφυρογέννητον,
ἔλαβον ὑψηλὰς τιμάς, τίτλους, χώρας καὶ ἔγιναν διοικηταὶ ἐπαρχιῶν, ὅμως ἀντ' αὐτῶν
ἦσαν ὑποχρεωμένοι νὰ παραχωρήσουν εἰς τὸ Βυζάντιον τὰ ἰδικὰ των ἐδάφη, ὅπως
φαίνεται, ὑπὸ τὴν πίεσιν τῆς αὐτοκρατορίας.

Εἰς καταπληκτικῶς ὁμοίαν κατάστασιν εὐρίσκονται οἱ ἀπελάται τοῦ ἔπους.
Αὐτοὶ οἱ ἀνδεῖοι, οἱ θαυμαστοὶ καὶ φημισμένοι, ὑπὸ τὴν πίεσιν τοῦ Διγενῆ ἀποτεί-
νονται πρὸς τὸν ἥρωα διὰ νὰ συμφιλιωθοῦν, νὰ παύσουν τὸν πόλεμον (ΚΦ. VI, 277),
συμφωνοῦν νὰ ἀναγνωρίσουν αὐτὸν ἀρχηγὸν ὄλων τῶν ἀπελατῶν (Α. 3205-3209),
ὑπόσχονται νὰ λάβουν μέρος εἰς τὰς ἐκστρατείας αὐτοῦ ὡς «οἰκέται» (Τ. 2211, ΚΦ.
VI, 770, Ε. 1292-1295). Ὁ Διγενὴς γίνεται κύριος τῶν ἐδαφῶν αὐτῶν. Μετὰ τὴν

33. Anne Comnène, *Alexiade*, ed. B. Leib, t. III, Paris, 1945, σσ. 180-181.

34. *Theophanes Continuatus*, σ. 313.

35. Constantinus Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, σ. 238.

36. N. Adontz, *Les fonds historiques*, σ. 25. H. Grégoire, 'Ο Διγενὴς Ἀκρίτας', σ. 117. Ὁ Ν. Οἰκονομίδης ἀμφιβάλει τὴν ταύτισιν αὐτῆν. Ἴδε Ν. Οἰκονομίδης, 'L' ἐπορέε' de Digénis, σ. 390.

37. V. D. Kuzmina, *Devgenievo Dejanije*, Moskva, 1962, σ. 153.

νίκη του κατά των άπελατών ο Διγενής έγκατεστάθη εις τὰ άνήκοντα προηγουμένως εις τους άπελάτας έδάφη.

Ο κοινός άγων του Φιλοπάππου και των υιών αυτού, του Μελεμέντζη και των άπελατών αυτού κατά του Διγενή πρέπει να είναι ή άπήχησις του κοινοῦ άγωνος του Μανουήλ και των υιών του και του Μελία κατά της προωθήσεως της Βυζαντινής αυτοκρατορίας εις την Νότιον Ἀρμενίαν. Εύρεθέντες μεταξύ δύο πυρών, των Ἀράβων και των βυζαντινών, όπως ολίγον πριν οι Καρβέας και Χρυσόχειρ, αυτοί ήσαν ήναγκασμένοι τέλος να συμφιλιωθοῦν με την αυτοκρατορίαν, να περάσουν και να ύπηρετήσουν εις αυτήν.³⁸

Είναι εύνόητον, ότι το Χαλιφάτον δέν ήθελε να περιέλθουν τὰ έδάφη αυτά εις χεῖρας των βυζαντινών, ήτο κατά της φυγής των Ἀρμενίων εις το Βυζάντιον. Και δέν είναι τυχαῖον ότι ένα από τους περιελθόντας εις το Βυζάντιον Ἀρμενίους, τον Ἰσμαήλ, φονεύουν οι Ἰσραβες της Μελιτηνής,³⁹ όπως εις τὰ μέσα του Η' αἰώνος έφόνευσαν τους οπαδούς του Ζαχαρία, ενός αίρεσιάρχου των Παυλικιανών, τολμήσαντας να προσέλθουν εις την αυτοκρατορίαν.⁴⁰ Και οι προσελθόντες δέν είχαν καλύτεραν τύχην εις το Βυζάντιον. Πάντες, εκτός του Μελία, με διαφόρους αίτιολογίας, με διαφόρους ψευδοκατηγορίας ή απολούνται, ή φυλακίζονται, ή θανατώνονται. Μένει μόνον ο Μελίας.

Ἐδημιουργήθη μία κατάστασις, ή οποία, επαναλαμβάνομεν, υπενθυμίζει πολύ την επικρατούσαν πρό μερικῶν δεκαετιῶν κατάστασιν εις το κράτος των Παυλικιανών. Τότε οι Ἰσραβες έδέχθησαν θερμῶς τους Παυλικιανούς ήγέτας Σέργιον και Καρβέαν, θεωρήσαντες αυτούς τους φυσικούς των συμμάχους κατά του Βυζαντίου. Ἄλλα όταν οι Παυλικιανοί απέκτησαν ολίγην ανεξαρτησίαν, οι Ἰσραβες έγιναν οι έχθροι αὐτῶν.

Το αυτό επαναλαμβάνεται και μετά μερικῶν δεκαετιῶν. Μετά την πολιτικὴν και στρατιωτικὴν ήτταν των αίρετικῶν εις την δεκαετίαν του 70 του Θ' αἰώνος, οι Ἰσραβες εκ νέου υποδέχονται τους φυγάδας Ἀρμενίους Παυλικιανούς, εγκαθιστοῦν αὐτούς, όπως εις το παρελθόν, εις παραμεθορίους περιοχάς, αλλά ήτο αρκετόν να απαλλαγοῦν ολίγον από την εξάρτησιν των Ἀράβων, δια να φέρωνται προς αὐτούς έχθρικῶς.

Αὐτό, βέβαια, δέν σημαίνει ότι ο Διγενής παρουσιάζεται ως ή προσωποποίηση της αυτοκρατορίας. Ο Διγενής εις τὰ ακριτικά τραγούδια θα διέφερε από τον Διγενή του έπικού ποιήματος. Ο ποιητής αὐτός εκάμε τον Διγενή βυζαντινόν άριστοκράτην ήρωα και κατεύθυνε αὐτόν κατά των άπελατών. Εις την πραγματικότητα ο Διγενής ονειρεύετο να γίνει άπελάτης, και έγινε ο ήγέτης αὐτῶν. Κατά την διασκευήν

38. Σχετικὰ με αὐτό είναι πολύ ενδιαφέρουσα μία έκφρασις που άπαντὰ εις το έπος και εις το έργον του Κωνσταντίνου του Πορφυρογέννητου. Εις το έπος οι άπελάται ονομάζονται «λησταί», τὸ κέντρον αὐτῶν «λησταρχεῖον» άν και πουθενά δέν γίνεται λόγος περί της ληστρικῆς αὐτῶν δράσεως. Ο Πορφυρογέννητος δια τον Μελίαν γράφει, ότι αὐτός ήτο «πρὸς ληστουργίαν βαρβαρικὴν επιτήδειος» (*De Thematibus*, σ. 75) άν και δέν αναφέρει τίποτε περί αὐτῆς.

39. Constantinus Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, σ. 238.

40. Ch. Astruc . . ., 'Les Sources . . .', σ. 51, 151.

του Ἐσκοριάλ, ο Διγενής είναι «τὸ φῶς τῶν εύγενικῶν και άνδρείων άπελατῶν» (E. 622-624), δι' αὐτόν ο μέγιστος άπελάτης είναι ο άγιος Θεόδωρος, με τὸ δνομα του όποίου αὐτός και ορκίζεται· «μα τον άγιον Θεόδωρον, τον μέγα άπελάτην» (A. 1921, E. 891).

Νομίζομεν ότι θα ήτο λάθος να θεωρήσωμεν τον Διγενή καθ' έαυτοῦ βυζαντινόν άριστοκράτην. Ἐναντίον της θεωρίας αὐτῆς μαρτυρεῖ αὐτὸ τοῦτο τὸ έπικόν ποιήμα, τὸ όποῖον, και εις αὐτήν την επεξεργασμένην μορφήν του, μαρτυρεῖ τὸ αντίθετον. Τὸν θάνατον του Διγενή και της συζύγου του «γοερῶς θρηνεῖ» και αὐτὸ είναι άξιοσημείωτον, όχι ο βυζαντινός κόσμος, αλλά ο ανατολικός, και πρώτον οι άπελάται·

*Ὡς δέ ή τούτων τελευτή εμαθητεύθη εις πάντας,
οι πρώτοι της Ἀνατολῆς και πάντες άπελάται
εκ της Ταρσοῦ, εκ του Βαγδά και εκ της Βαβυλῶνος,
Μαυριοροί τε θαυμαστοί και Κιλικιοί τὸ γένος,
και ετεροι εκ του Σωλούμ, εκ του Λουκά τὰ μέρη,
άλλοι δέ εκ του Μαδαροῦ και εκ της Λευκοπέτρας,
εκεί δέ εμαζώχθησαν εκ τῶν μερῶν τῶν πάντων,
και πρὸς τον οἶκον εφθασαν του Διγενοῦς Ἀκριτου*

(A. 4633-4640).

Μόνον ή Λευκοπέτρα εύρίσκεται εις το Βυζάντιον και αὐτή μνημονεύεται διότι, επί τέλους, είναι ή πατρίς των γονέων του ήρωος.

Και δια αὐτὰ κατά την περίστασιν κατά την οποία, σύμφωνα με τὸ ποιήμα, ο Διγενής είναι «ή δόξα των Ρωμαίων» (A. 4287), «ο παροχεύς βαθύτατος ειρήνης Ρωμανίας» (A. 4290), ο όποῖος «φρικτότατος εδείκνυτο παρα τους άπελάτας, τους τὰς κλεισούρας τὰς δεινάς κρατοῦντας και τὰς άκρας» (A. 4332-4333).

Περαίνοντες τον λόγον μας περί των εύρόντων εις το Χαλιφάτον άσυλον Παυλικιανών και της επιστροφῆς αὐτῶν, καταλήγομεν εις ένα πολύ ενδιαφέρον και σημαντικόν συμπέρασμα. Ἐάν πρὸς στιγμὴν λησμονήσωμεν ότι ο πατήρ του Διγενή ο άμηρᾶς Μουσοῦρ είναι έγγονος του Ἀμβρών και Ἰσραψ, άν και δέν αποκλείεται να είναι οὔτος εκ μητρός, μένει εν ιστορικῶς αναμφισβήτητον γεγονός, τὸ ότι αὐτός είναι ο υἱός του Παυλικιανοῦ στρατηγοῦ Χρυσόχειρος, ο όποῖος έρχεται εις το Βυζάντιον και συνδέεται δια συγγενείας με ένα βυζαντινόν άριστοκράτην τον Ἀνδρόνικον Δουκαν. Και από τὸ έπος εμφανίζεται ότι ο άμηρᾶς της Ραχά, ο υἱός του Χρυσόχειρος και μέλλων πατήρ του Διγενή δέν θεωρεῖ τον έαυτόν του Ἰσραβα. Αὐτός λέγει εις τους μέλλοντας γυναικαδέλφους του·

*Ἐγώ, καλοὶ νεώτεροι, νέοι και άνδρειωμένοι,
του Χρυσοχέρπον ο υἱός ειμι και της Σπαθίας·
άπόθανεν ο πατέρας μου, μικρόν υἱόν με αφήκεν,
εκδίδομαι παρα μητρός εις Ἀραβίτας θείους,
εκείνοι με άνέθρεψαν με άμετρήτους πόθους*

(A. 515-519. Πρβλ. ΚΦ. I, 286-287).

Διατί αὐτὸς ὑπογραμμίζει τὴν ἐθνικότητα τῶν θείων του; Αὐτὸ δὲν σημαίνει ὅτι αὐτὸς τὸν ἑαυτὸν του δὲν θεωρεῖ ἽΑραβα; Ποῖος Ρωμαῖος, π.χ., ὁμιλῶν περὶ ἑαυτοῦ μπορεῖ νὰ πεῖ ὅτι οἱ θεῖοι του εἶναι Ρωμαῖοι; Αὐτὸ δὲν πρέπει νὰ εἶναι αὐτόνοητο;

Καὶ οὕτως, ἀποκλείεται ἄραγε τὸ ὅτι εἰς ὅλην αὐτὴν τὴν ἱστορίαν νὰ ἔχει ἐκδηλωθεῖ ἡ ἐπιστροφή εἰς τὸ Βυζάντιον ὄχι ἽΑραβός τινός ἀμηνῶ, ἀλλὰ μᾶλλον τῶν Παυλικιανῶν, διατί ὄχι, καὶ τοῦ καθεαυτοῦ υἱοῦ τοῦ Χρυσόχειρος, ἡ ἀπάρνησις αὐτῶν τῆς αἰρετικῆς ἰδεολογίας (καὶ ὄχι τοῦ μωαμεθανισμοῦ) καὶ ὁ ἀσπασμὸς ὑπ' αὐτῶν τῆς ὀρθοδοξίας; Ἐὰν ἡ ἰδέα αὐτὴ εἶναι ὀρθή, τότε διασαφηνίζεται τὸ διατί τόσο εὐκόλα ἐρχονται, ὀρθότερα ἐπιστρέφουν, αὐτοὶ εἰς τὸ Βυζάντιον, διατί οἱ βυζαντινοὶ μὲ τόσην εὐκολίαν ὑποδέχονται αὐτούς, συμφωνοῦν νὰ κάμουν γαμβρόν των ἓνα «μουσουλμᾶνον»; Αὐτὸ ἐξηγεῖ καὶ τὴν τόσον καλὴν γνῶσιν τῶν χριστιανικῶν ἰδεῶν ὑπὸ τῶν ἐπιστρέφόντων (οἱ μουσουλμᾶνοι δὲν θὰ ἦσαν τόσο ἐνήμεροι εἰς αὐτό), καθὼς καὶ τοῦ Ἵσλάμ (οἱ Παυλικιανοί, παλαιοὶ σύμμαχοι τῶν ἽΑράβων, θὰ ἦσαν γνῶσται τοῦ μωαμεθανισμοῦ), ἡ πρόδηλος φυλετικὴ καὶ θρησκευτικὴ ἀνεκτικότης αὐτῶν. ἽΑς μὴ λησμονήσωμεν ὅτι εἰς τὸ Βυζάντιον καὶ τὸ Χαλιφᾶτον ὑπῆρχε καὶ ἀντίληψις ὅτι ὁ Καρβέας (καὶ ὁ συγγενὴς αὐτοῦ Χρυσόχειρ) ἦσαν μουσουλμᾶνοι.⁴¹ Ἐξ ἀπόψεως αὐτῆς τὸ βυζαντινὸν ἔπος δὲν λανθάνει θεωρῶν τὸν Χρυσόχειρα ἽΑραβα, ἐπομένως ὁ Ἀκρίτας μένει καὶ οὕτως «Διγενῆς».

Ὁ Μανουῆλ καὶ ὁ Μελλίας, οἱ υἱοὶ αὐτῶν τῶν ἐλαβον ὑψηλὰς θέσεις εἰς τὸ Βυζάντιον καί, δὲν ἀποκλείεται, ὅτι αὐτοὶ συνεδέθησαν διὰ συγγενείας μετὰ τῶν Δουκάδων. Ἐὰν ἡ εἰκασία μας αὐτὴ εἶναι ὀρθή, καὶ ἔχει λόγους νὰ εἶναι ὀρθή, μεταβάλλεται τελείως ἡ ἀντίληψίς μας περὶ τοῦ χαρακτῆρος τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους. Συνδέονται διὰ συγγενείας μὲ τοὺς βυζαντινοὺς ὄχι οἱ ἽΑραβες, ἀλλὰ οἱ ἐπιστρέψαντες εἰς τὸ Βυζάντιον ἔκγονοι τῶν Παυλικιανῶν τοῦ δευτέρου ἡμίσεος τοῦ Θ' αἰῶνος. Εἶναι φυσικὸν ὅτι οἱ ἐπιστρέψαντες ἐγνώριζον πολὺ καλὰ καὶ ἐφαλλον τὰ ὑμνοῦντα τοὺς γονεῖς αὐτῶν ἐπικὰ τραγούδια, τοὺς συμμάχους τῶν γονέων αὐτῶν (ἽΑμβρών). Αὐτὰ τὰ τραγούδια ἀπετέλεσαν τὸν παυλικιανικόν, φιλοαραβικόν πυρῆνα τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους. Ἐπὶ τόπου, εἶναι πιθανόν, ἐδημιουργήθησαν καὶ τραγούδια ὑμνοῦντα τὸν ἔκγονον τοῦ Παυλικιανοῦ καὶ τοῦ ἀριστοκράτου Διγενῆ Ἀκρίτα καὶ ὄχι μόνον ἀπὸ τοὺς πρώην Παυλικιανούς, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ μέλη τῆς βυζαντινῆς ἀριστοκρατίας, τῶν ἀκριτικῶν θεμάτων τῆς αὐτοκρατορίας. Καὶ εἰς αὐτὸ πρέπει νὰ ἐρευνήσωμεν τὴν αἰτίαν τῆς ἀντιφατικότητος τῆς μορφῆς τοῦ Διγενῆ, εἰς τὰς δύο ἀλληλοεξαιρούσας πλευρὰς τῆς «βιογραφίας» αὐτοῦ, παυλικιανικῆς καὶ ἀριστοκρατικῆς. Βεβαίως εἶναι παυλικιανικῆς προελεύσεως καὶ ὄχι ἀριστοκρατικῆς ἡ μνεῖα αἰρετικῶν δοξασιῶν εἰς τὸ βυζαντινὸν ἔπος καὶ τὰ ἀκριτικὰ τραγούδια. Ἀκόμη εἰς τὰς ἀρχὰς τοῦ

41. Σύμφωνα μὲ τὸν ἽΑραβα ἱστορικὸν Μασουντί, ἓνας ἐξωμότης Ρωμαῖος τοῦ εἶπε ὅτι οἱ Ρωμαῖοι εἰς μίαν ἐκκλησίαν αὐτῶν ἔχουν εἰκόνας δέκα ἀνδρῶν χριστιανῶν καὶ τὰς εἰκόνας δέκα δραστηρίων εἰς τὴν στρατηγικὴν τέχνην μουσουλμᾶνων. Ἐξ αὐτῶν ἦσαν ὁ Παυλικιανὸς Καρβέας, ὁ πατρικίος τῆς πόλεως Τεφρικῆς καὶ ὁ Χρυσόχειρ. A. A. Vasiliev, *Byzance et les Arabes*, tome II, *La dynastie Macedonienne*, Deuxième partie, *Extraits des sources arabes*, traduits par Marius Canard, Bruxelles, 1950, σ. 41.

Ἡ αἰῶνος ὁ Ἀρμένιος Καθόλικος Ἵωάννης ὁ ἐξ Ὀτζοῦν εἰς τὸν Λόγον αὐτοῦ «Κατὰ τῶν Παυλικιανῶν» ἔγραφε, ὅτι οἱ αἰρετικοὶ ἐκλιπαροῦν τὸν ἥλιον.⁴² Εἰς μίαν ἀρμενικὴν Βίβλον κατὰ τῶν αἰρέσεων λέγεται ὅτι οἱ Μανιχαῖοι τὸν ἥλιον θεωροῦν Χριστόν.⁴³ Τὸ αὐτὸ ἀπαντᾷ καὶ εἰς τὰς βυζαντινὰς πηγὰς κατὰ τὰς ὁποίας οἱ ἐπιστρέφοντες εἰς τὴν ὀρθοδοξίαν Μανιχαῖοι ἦσαν ὑποχρεωμένοι νὰ εἴπωσι: «ἀναθεματίζω τοὺς τὸν Χριστὸν λέγοντας εἶναι τὸν ἥλιον καὶ εὐχομένους τῷ ἥλιῳ». ⁴⁴ Τὸ αὐτὸ ἀπαντᾷ καὶ εἰς τὴν διασκευὴν τοῦ Ἐσχοριᾶλ (E. 94, πρβλ. A. 450) καὶ σαφέστερα εἰς τὸ ἀκριτικὸν ἄσμα τοῦ Ἀρμούρη ὅπου ἐξ φορᾶς ἀπαντᾷ τὸ «μὰ τὸν κύρ ἥλιον τὸν γλυκύν, μὰ τὴν γλυκειὰν του μάννα» (στίχ. 61, 76, 95, 143, 154, 161).

Τόσα περὶ τῶν νέων παυλικιανικῶν-αἰρετικῶν πηγῶν ἐξ ὧν ἠρύσθη τὸ βυζαντινὸν ἔπος. Ὅσον ἀφορᾷ τὸ πρόβλημα τῶν προσώπων τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους, πρέπει νὰ προειδοποιήσωμεν τὸν ἀκροατὴν ὅτι ἐδῶ θὰ γίνῃ λόγος ὄχι περὶ τοῦ ζητήματος αὐτοῦ γενικῶς, ἀλλὰ συγκεκριμένως περὶ προσώπων ἀρμενικῆς προελεύσεως ἢ ἐν Ἀρμενίᾳ δρασάντων. Ἐδῶ ἡμεῖς παραλείπομεν αὐτούς, περὶ τῶν ὁποίων ἔχει γίνῃ λόγος εἰς τὸ παρελθόν κυρίως ὑπὸ τοῦ Ν. Ἀντόντς. Ἐχομεν ὑπ' ὄψιν τὸν Μουσελάμ, τὸν πάππον τοῦ Διγενῆ ἐκ μητρὸς, τὸν Χρυσόχειρα, τὸν πάππον ἐκ πατρὸς, τὸν Καρόην-Καρβέαν, θεῖον τοῦ ἀμηνῶ Μουσούρ, τὸν Μελεμέντζην καὶ ἄλλους. Ἐδῶ ἡμεῖς θὰ ἀναφέρομεν συνοπτικῶς τὰ πορίσματα τῆς ἰδικῆς μας ἐρεύνης.

ἽΑς ἀρχίσωμεν ἀπὸ τὸν Ἀπλορράβδην, τὸν πατέρα τῆς ἐρωμένης τοῦ Διγενῆ. Αὐτὴ λέγει πρὸς τὸν ἥρωα:

*Ἐμὴ πατρίς, νεώτερε, τὸ Μεφεροκέ τυγχάνει
τὸν Ἀπλορράβδην ἤκουσας, τὸν Ἀμηνῶν τῶν πάντων,
οὗτος πατὴρ ἐμὸς ἐστὶ, μήτηρ ἡ Μελανθία»*

(ΚΦ. V, 66-68).

Μὲ τὸ ὄνομα τοῦ ἀμηνῶ αὐτοῦ ἠσχολήθη εἰς τὸ παρελθόν ὁ Π. Καρολίδης, θεωρῶν αὐτὸ παραμόρφωσιν τοῦ ὀνόματος Ἀβδουραχίμ, χωρὶς ὅμως νὰ προσπαθῆσιν νὰ καθορίσῃ τί ὑπονοεῖται ὑπ' αὐτόν. Ὁ Γκρεγκουάρ τὸν ταυτίζει μὲ τὸν ἀμηνῶν Χαμδοῦν, ὁ Γ. Μαυρογορδάτος μὲ τὸν ἀμηνῶν τοῦ Μαΐφαρικίν Ἀμποῦ Ταγλίμπ, τὸν Ἀποτάγλε τῶν βυζαντινῶν πηγῶν, τὸν σύμμαχον τοῦ ἐπαναστάτου Βάρδα Σκληροῦ. Ὁ Α. Σίρκιν, ἂν καὶ θεωρεῖ τὰς εἰκασίας αὐτὰς μὴ πειστικὰς, δὲν πειρᾶται νὰ λύσῃ τὸ πρόβλημα.⁴⁵

ἽΗμεῖς νομίζομεν ὅτι ὑπὸ τὸν ἐπικὸν Ἀπλορράβδην ὑπονοεῖται ὁ μνημονευόμενος ὑπὸ τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογέννητου Ἀπελβάρτ (Abu-I-Vard), Καϊσίκιος

42. *Domini Johannis Philosophi Ozmiensis, Armeniorum Catholici Opera*, per R. P. Johannem Bapt. Aucher, Venetiis, 1834, σ. 87.

43. ἽἸδε περιοδικὸν Ἀραράτ, Βαλαρσαπάτ, 1892, ἀριθ. 2, σ. 113 (ἀρμενιστί).

44. *Appendix monumentorum ad recognitiones Clementinas*, Migne, *Patrologia graeca*, t. I, col. 1465.

45. A. Syrkin, *Poema o Digenise Akrite*, Moskva, 1964, στ. 113-114.

ἀμηρᾶς τῆς πόλεως Μαναζκέρτ,⁴⁶ ἐχθρὸς τοῦ Βυζαντίου, ὁ ὁποῖος, κατὰ τὸν Ἀρμένιον ἱστορικὸν Θωμᾶν Ἀρτζρουνίδην μὲ ἀραβικοὺς στρατοὺς ἐπραγματοποίει ἐπιδρομὰς εἰς τὴν χώραν τῆς αὐτοκρατορίας,⁴⁷ ἀκριβῶς ὅπως ὁ Ἀπλορράβδης τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους

«τῆς Ρωμανίας ἐκούρσευε τὰς πόλεις καὶ τὰς χώρας»

(A. 2468–69).

Ἐπεὶ αὐτοῦ μαρτυρεῖ καὶ ἡ ὁμοιότης τῶν ὀνομάτων, καὶ τὰ χρονολογικὰ δεδομένα, καὶ ἡ στάσις αὐτῶν ἔναντι τοῦ Βυζαντίου. Ὁ Abu-I-Vard ἤρχει τὸ τρίτον τέταρτον τοῦ Θ' αἰῶνος καὶ εἶναι ὁ θανατώσας τὸν Σεμπάτ ἐκ Ζαρεχαβάν, τὸν ἰδρυτὴν καὶ πρῶτον αἰρεσιάρχη τῶν κινήματος τῶν Θονδρακιτῶν, συγγενῶν τῶν Παυλικιανῶν.⁴⁸

Δύο ἄλλα πρόσωπα τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους, ἐπὶ τῶν ὁποίων ἐπεστήσαμεν τὴν προσοχὴν μας, εἶναι ὁ γέρων Μαϊάκης (καὶ ὄχι Μαιακῆς ὅπως ἔχει ἐκδοθεῖ) καὶ ὁ ἔγγονος αὐτοῦ Ἀποχάλπης, οἱ ὁποῖοι ἀπαντοῦν εἰς τὴν διασκευὴν τοῦ Ἐσχοριᾶλ. Ὁ μέλλων πατὴρ τοῦ Διγενῆ ἀμηρᾶς Μουσούρ, λαβὼν τὴν ἐπιστολὴν τῆς μητρὸς αὐτοῦ, σπεύδει εἰς τὴν Ραχά—Ἐδεσσαν καὶ κατὰ τὴν πορείαν του διηγεῖται εἰς τοὺς συνοδούς του τὰς ἀνδραγαθίας αὐτοῦ κατὰ τῶν βυζαντινῶν εἰς τὴν τοποθεσίαν Μελλοκοπία. Ὅταν οἱ βυζαντινοὶ ἐκύκλωσαν τοὺς στρατιώτας τοῦ ἀμηρᾶ, ὁ τελευταῖος τότε ἦτο εἰς τὸ κινήριον·

*Καὶ ἐγὼ ἐκνήριον, ἀγοῦροι μου μετὰ πέντε παλληκάρια,
μὲ τὸν Μουσι τὸν υἱὸν καὶ μὲ τὸν Ἀ π ο χ ἄ λ π η ν
τὸν ἔγγονον τοῦ γέροντος τοῦ Μαϊάκη*

(E. 505–507).

Ποῖος εἶναι ὁ Ἀποχάλπης; Ἀναμφιβόλως τὸ ὄνομα αὐτὸ εἶναι τὸ ἀραβικὸν Ἀμποῦ Χάφς, τὸ Ἀποκάπης (καὶ Ἀπόχαψ) τῶν βυζαντινῶν καὶ ἀρμενικῶν πηγῶν. Αὐτὸ τὸ ὄνομα ἔφερε ὁ ἔγγονος τοῦ ἀμηρᾶ τῆς Μελιτηνῆς Ὀμάρ Ἴμπν Ἀμπνταλλάχ ἀλ—Ἀκτα (Ἀμβρῶν τοῦ ἔπους), τοὺς ὁποίους καὶ οἱ μελετηταὶ ταυτίζουσιν. Ἀλλὰ εἶναι αὐτὸ ὀρθόν; Κατὰ τὴν διασκευὴν τοῦ Ἐσχοριᾶλ ὁ ὡς ἄνω Ἀποχάλπης δὲν εἶναι Ἀραψ, ἀλλὰ, ἐὰν λάβωμεν ὑπ' ὄψιν τὸ ὄνομα τοῦ πάππου του, Μαϊάκης, Ἀρμένιος. Τὸ Μαϊάκης εἶναι καθαυτὸ ἀρμενικὸ ὄνομα Hmayak. Τὸ ὄνομα αὐτὸ ἔφερε καὶ ὁ πάππος τοῦ ἰδρυτοῦ τῆς Μακεδονικῆς δυναστείας Ἀρμενίου Βασιλείου τοῦ Α'.⁴⁹

46. Constantinus Porphyrogenitus, *De Adm. Imperio*, σ. 198.

47. Ἐκτενεστέρως ἴδε Θωμᾶ τοῦ Ἀρτζρουνίδου, *Ἱστορία τῆς Δυναστείας τῶν Ἀρτζρουνιδῶν*, Τιφλίς, 1917, σ. 353, 361 (ἀρμενιστί. Πρβλ. *Collection d'historiens Arméniens*, Th. Ardzrouni, *Histoire des Ardzrouni* . . ., traduits par M. Brosset, t. 1, St.-Pétersbourg, 1874, σ. 199).

48. Ἐκτενεστέρως ἴδε H. Bartikian, 'Notes sur l'épopée byzantine', σσ. 147–152.

49. *Theophanes Continuatus*, σ. 215. Cf., N. Adontz, 'L'âge et l'origine de l'empereur Basile 1er', *Études Arméno-Byzantines*, σ. 91, 105. H. Bartikian, 'Sur quelques questions', σσ. 299–305.

Ὅσον ἀφορᾷ τὸ ἀραβικὸν ὄνομα Ἀποκάπης, πού ἔφερε ὁ ἔγγονος τοῦ Ἀρμενίου Μαϊάκη αὐτὸ ἦτο διαδεδομένον καὶ εἰς τὴν Ἀρμενίαν καὶ τὸ ἔφερον Ἀρμένιοι πολιτικοὶ καὶ στρατιωτικοὶ παράγοντες. Μετὰ τὸν πρῶτον διοικητὴν τῆς Ἐδέσσης Ραχά Γεώργιον Μανιάκη, τὴν θέσιν αὐτοῦ κατέλαβεν ὁ Ἀρμένιος Ἀποκάπης. Τὸ ὄνομα αὐτὸ εἰς τὸ Βυζάντιον μετετρέπη εἰς πατρωνύμιον.

Ἡ διασκευὴ τοῦ Ἐσχοριᾶλ (E. 337) κάμνει μνείαν καὶ ἐνὸς ἄλλου προσώπου, τοῦ Μουσούφρι, τὸ ὁποῖον δὲν ἀπαντᾷ εἰς τὰς ἄλλας διασκευάς. Ὁ Μουσούφρις εἶναι στρατιώτης, τὸν ὁποῖον ἡ μήτηρ τοῦ ἀμηρᾶ τῆς Ραχά στέλλει εἰς Καππαδοκίαν πρὸς τὸν υἱὸν αὐτῆς, μέλλοντα πατέρα τοῦ Διγενῆ. Τὸ Μουσούφρις βεβαίως εἶναι τὸ ἀραβικὸν ὄνομα al-Muzaffar, τὸ ὁποῖον εἶναι διαδεδομένον καὶ μεταξύ τῶν Ἀρμενίων. Ἄνω ἔγινε λόγος περὶ τοῦ Ἀρμενίου Μανουήλ, τὸν ὁποῖον ἐθεωρήσαμεν Παυλικιανὸν καὶ ἐταυτίσαμεν μὲ ἓνα ἀρχηγὸν τῶν ἀπελατῶν. Ὁ υἱὸς τοῦ Μανουήλ, κατὰ τὸν Κωνσταντῖνον τὸν Πορφυρογέννητον, ὠνομάζετο Μουδαφάρ (Μουζαφάρ), τὸ ὁποῖον δὲν εἶναι τίποτε ἄλλο, παρὰ τὸ Μουσούφρις τοῦ ἔπους.

Περνῶ εἰς τὸ θέμα περὶ τῶν ἀρμενικῶν ἐπικῶν ἀσμάτων εἰς τὸ βυζαντινὸν ἔπος. Κάθε ἔπος ἀντανακλᾷ ὠρισμένην ἱστορικὴν ἐποχὴν, πολλάκις συμπεριλαμβάνει καὶ παλαιότερα γεγονότα καὶ πρόσωπα, τραγούδια καὶ θρύλους, βεβαίως τροποποιουῦν αὐτά. Ἀνωτέρω ἐλάβομεν ἀφορμὴν νὰ σημειώσωμεν ὅτι οἱ θρύλοι περὶ τῶν ἀπελατῶν Φιλοπάππου, Κιννάμου, Ἰωαννικίου καὶ ἄλλων εἶναι προγενέστεροι τοῦ ἔπους τοῦ Διγενῆ, καὶ ὅτι ἡ γένεσις τῆς μορφῆς τοῦ Διγενῆ ἦτο ἡ αἰτία ὅπως οἱ ἀπελάται τεθοῦν εἰς τὸ περιθώριον.

Τὸ γεωγραφικὸν περιβάλλον τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους (Ἀρμενικὴ Μεσοποταμία, Τετάρτη Ἀρμενία, Καππαδοκία, Λυκανδός), ἡ ἐθνολογικὴ σύστασις τοῦ πληθυσμοῦ τοῦ περιβάλλοντος αὐτοῦ παρῶτρνον ἡμᾶς νὰ προβῶμεν εἰς ἔρευναν διὰ τὴν ἀνεύρεσιν προγενεστέρων τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους ἀρμενικῶν ἀσμάτων εἰς αὐτὸ καὶ αἱ ἔρευναι αὐταὶ ἔδωσαν ἀξιοσημειώτα ἀποτελέσματα.

Εἰς τὰς διασκευὰς τῆς Τραπεζοῦντος, Ἄνδρου καὶ Ὀξφόρδης μετὰ τῶν ἀντιπάλων τοῦ Διγενῆ ἐμφανίζεται εἰς γίγας μὲ ἄφατον σωματικὴν ρώμην. Αὐτὸς ἔμενε εἰς τὴν Μεσοποταμίαν καὶ ὠνομάζετο Ἀγκύλας. Εἶναι ὁ μόνος ὁ ὁποῖος μίαν φορὰν εἰς συμπλοκὴν ἐνίκησε τὸν Διγενῆ. Τὸ ἐπόμενον ἔτος ὁ βυζαντινὸς ἦρως φονεῦει αὐτὸν κρούσας διὰ τῆς ράβδου του.

Οἱ μελετηταὶ τοῦ ἔπους κατέβαλον πολλὰς προσπάθειας διὰ νὰ ταυτίσουν τὸν ἦρωα αὐτὸν ἀλλὰ ἄνευ ἐπιτυχίας.

Ἄς ἀρχίσωμεν ἀπὸ τὴν χώραν ἐξ ἧς κατάγεται ὁ Ἀγκύλας. Εἰς τὸ βυζαντινὸν ἔπος αὐτὴ εἶναι ἡ Μεσοποταμία, βεβαίως ἡ βυζαντινὴ Μεσοποταμία ἢ Ἄνω, ἡ ὁποία ὅπως εἶδομεν κατὰ τὸν Γεώργιον τὸν Κύπριον ἀντιστοιχεῖ μὲ τὴν Τετάρτην Ἀρμενίαν. «Ἐπαρχία Μεσοποταμίας ἄνω ἦτοι Δ' Ἀρμενίας». Εἰς τὴν ἐπαρχίαν αὐτὴν εὕρισκετο κλίμα τὸ ὁποῖον εἰς τὰς βυζαντινὰς πηγὰς ὠνομάζεται Ἀγγιληνὴ, τὸ κέντρον τοῦ ὁποῖου ἦτο τὸ φρούριον Ἀγγέλ. Ἐδῶ εὕρισκοντο οἱ τάφοι τῶν ἀρχαίων Ἀρμενίων βασιλέων, καθὼς καὶ τὸ θησαυροφυλάκιον αὐτῶν.⁵⁰ Τὸ Ἀγγέλ

50. Φαῦστος Μπουζάντ, *Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας*, Βιβλίον Δ', κεφ. 24 (ἀρμενιστί. Πρβλ.

ἦτο μέγα θρησκευτικὸν κέντρον, ὅπου ἐλατρεύετο θεότης μετὰ τὸ ὄνομα Ἀγγελιά. Ἡ θεότης αὐτὴ κατὰ τὴν ἐποχὴν τοῦ πρώτου Μεσαίωνος εἶχε ἤδη λάβει μορφήν ἥρωος. Ὁ Ἀρμένιος ἱστορικὸς τοῦ Ε' αἰῶνος Μωυσῆς ὁ Χωρηνός συγκρίνει τὸν Ἀγγελιά μετὰ τὸν Σαμφών τῶν Ἑβραίων, τὸν Ροστῶμ τῶν Περσῶν, τὸν Ἡρακλῆ τῶν Ἑλλήνων καὶ γράφει ὅτι περὶ αὐτοῦ εἰς τὴν Ἀρμενίαν ἄδονται ἐπικά τραγούδια, κυκλοφοροῦν θρῦλοι.⁵¹ Τὰ τραγούδια καὶ οἱ θρῦλοι αὐτοὶ ἐκυκλοφόρουν εἰς τὴν Ἀρμενίαν ἐπὶ αἰῶνας καὶ ὄχι μόνον μετὰ τοῦ ἀρμενικοῦ πληθυσμοῦ. Ὑπάρχουν δεδομένα μαρτυροῦντα ὅτι οἱ θρῦλοι αὐτοὶ ἦσαν γνωστοὶ ἀκόμη τὸν ΙΣΤ' αἰῶνα εἰς τοὺς Κούρδους τῆς αὐτῆς Ἀγγιληνῆς (Agil).⁵² Τὰ τραγούδια αὐτὰ ἐκυκλοφόρουν ἰδιαζόντως εἰς τὴν Τετάρτην Ἀρμενίαν, συμπεριλαμβανομένης καὶ τῆς Ἀγγιληνῆς, ὅπου καὶ ἐγεννήθησαν εἰς τὰς ἀκριτικὰς ἐπαρχίας τοῦ Βυζαντίου, κατοικουμένης κυρίως ὑπὸ Ἀρμενίων. Καὶ τίποτε τὸ περίεργον ὅτι αὐτὰ ἀπαντοῦν καὶ εἰς τὸ βυζαντινὸν ἔπος τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα, τὸ γεωγραφικὸν περιβάλλον τοῦ ὁποίου, ὅπως εἶδομεν, εἶναι αἱ περιφέρειαι ὅπου ἤδοντο τὰ περὶ τοῦ ἥρωος Ἀγγελιά τραγούδια, διότι ὁ ἥρωος Ἀγκύλας τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους ἀναμφιβόλως ταυτίζεται μετὰ τὸν Ἀρμένιον μυθικὸν ἥρωα Ἀγγελιά. Ὁ Ἀγγελιά ἔχει σχέσιν μετὰ τὴν ἐπαρχίαν τῆς Ἀγγιληνῆς, ὁ Ἀγκύλας μετὰ τὸ θέμα τῆς Μεσοποταμίας, εἰς τὰ πλαίσια τοῦ ὁποίου εὕρισκετο ἡ Ἀγγιληνῆ.⁵³

Συνοψίζοντες τὰ ἀνωτέρω συμπεραίνομεν ὅτι ἡ Δυτικὴ Ἀρμενία, ἡ ὁποία ταυτοχρόνως περιελάμβανε καὶ ἀνατολικὰς ἀκριτικὰς περιφέρειας τοῦ βυζαντινοῦ κράτους, διεδραμάτισε ρόλον ὄχι δευτερεύοντα εἰς τὴν δημιουργίαν τοῦ «Διγενῆ Ἀκρίτα». Οἱ Ἀρμένιοι τῆς περιφέρειας αὐτῆς εἰς τὴν ἐποχὴν αὐτὴν κατὰ πᾶσαν πιθανότητα εἶχον ἐξελληνισθεῖ, ἀλλὰ αὐτοὶ δὲν εἶχον λησμονήσει τὴν ἱστορίαν των, τὰ λαϊκὰ των τραγούδια καὶ θρῦλους, καὶ μεταδίδοντες αὐτὰ ἀπὸ γενεᾶς εἰς γενεάν τὰ διέσωσαν ἕως τὴν ἐποχὴν τῆς δημιουργίας τοῦ «Διγενῆ Ἀκρίτα».

Καὶ οὕτως, ἐὰν ὁ ἐντυπωσιακὸς ρόλος τῶν Ἀρμενίων εἰς τὴν ἱστορίαν τοῦ Βυζαντίου δὲν παρουσιάζει τίποτε τὸ παράδοξον ἢ τερατώδες, ἐὰν οἱ βυζαντινοὶ ἐθεώρουν τὸ πρῶτον αὐτὸ κάτι τὸ φυσικὸν καὶ κανονικόν, ἐπομένως ἡ παρουσία ἀρμενικῶν στοιχείων εἰς τὸ δημιουργηθὲν εἰς τὴν Δυτικὴν Ἀρμενίαν βυζαντινὸν ἔπος δὲν πρέπει νὰ προξενήσῃ ἐκπληξιν. Τοῦτο εἶναι ἡ κατόπτρισις τοῦ ἰδίου φαινομένου μόνον εἰς τὴν λογοτεχνίαν.

Ἐν τέλει ἐπιθυμοῦμεν νὰ σημειώσωμεν ὅτι τὴν ἰδίαν ἐποχὴν τῆς δημιουργίας τοῦ «Διγενῆ Ἀκρίτα» εἰς τὰς ἰδίας περιοχὰς τῆς Δυτικῆς Ἀρμενίας, κυρίως εἰς τὴν ἐπαρχίαν τοῦ Ταρών, ἐγεννήθη τὸ ἀρμενικὸν ἔπος τοῦ Δαυὶδ ἐκ Σασούν. Ὁ Ν. Ἀντόντς, ὡς ἀνεφέραμεν εἰς τὴν ἀρχὴν, προέβη εἰς παραλληλισμὸν τοῦ ἀρμενικοῦ αὐτοῦ ἔπους πρὸς τὸ βυζαντινόν. Ἀλλὰ κατ' ἐμὲ τὸ ἀρμενικὸν ἔπος ἔχει ὁμοιότητος ὄχι τόσον μετὰ τὸν «Διγενῆ Ἀκρίτα» ἀλλὰ μετὰ τὸ ἄσμα τοῦ Ἀρμούρη. Ἀλλὰ αὐτὸ εἶναι ἰδιαίτερον θέμα.

Faustus de Byzance, *Bibliothèque historique en quatre livres*, traduite pour la première fois de l'arménien en français par J.-B. Emine, Paris, 1867, σ. 261).

51. Μωυσῆς ὁ Χωρηνός, *Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας*, Βιβλίον Β', κεφάλαιον 8 (ἀρμενιστί. Πρβλ. Moses Khorenatz'i, *History of the Armenians*, σσ. 141-142).

52. Ἴδε Η. Bartikian, 'Notes sur l'épopée byzantine', σσ. 163-164.

53. Ἐκτενεστέρως ἴδε Η. Bartikian, 'Notes sur l'épopée byzantine', σσ. 152-166.

ΕΠΙΣΗΜΑ ΒΥΖΑΝΤΙΝΑ ΕΓΓΡΑΦΑ ΣΕ ΕΡΓΑ ΑΡΜΕΝΙΩΝ ΜΕΣΑΙΩΝΙΚΩΝ ΣΥΓΓΡΑΦΕΩΝ

A

ΟΙ ΕΠΙΣΤΟΛΕΣ ΤΟΥ ΙΩΑΝΝΗ ΤΣΙΜΙΣΚΗ ΣΤΟΥΣ ΑΡΜΕΝΙΟΥΣ

τοῦ

Χράτς Μ. Μπαρτικιάν

Ἡ μελέτη τῆς βυζαντινῆς ἱστορίας ἄρχισε ἀμέσως μετὰ τὴν πτώση τῆς βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας. Οἱ σπουδὲς στὸν κλάδο αὐτὸ ἀναπτύχθηκαν σὲ τόσο σοβαρὸ βαθμὸ πού ἤδη τὸ 1567 στὸ Παρίσι ἐκδίδεται ἡ πρώτη συλλογὴ βυζαντινῶν κειμένων. Οἱ συλλογὲς αὐτὲς μετὰ ὀλοένα ἀξανόμενα νέα κείμενα συνεχίζουν τὴν πορεία τους. Ἀλλὰ οἱ βυζαντινολόγοι τῶν μεταγενεστέρων αἰώνων, ἰδίως ἀπὸ τὸν 19ο, ὀλοένα αἰσθάνονται τὴν ἔλλειψη πηγῶν. Οἱ καθεαυτοῦ βυζαντινὲς πηγές, μελετημένες καὶ ξαναμελετημένες, δὲν τοὺς ἱκανοποιοῦν πιά καὶ εἶναι ὑποχρεωμένοι νὰ στρέψουν τὴν προσοχή τους στὰ ἔργα μεσαιωνικῶν συγγραφέων τῶν γειτόνων τῆς βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας, Ἀρμενίων, Ἀράβων, Σύρων, συγγραφέων τῆς μεσαιωνικῆς Δύσης καὶ ἄλλων, ἔργα πού συχνὰ δίνουν νέα, ἄγνωστα ἀπὸ τὶς βυζαντινὲς πηγές, ὕλη, διορθώνουν καὶ ἐμπλουτίζουν τὰ δεδομένα τῶν βυζαντινῶν πηγῶν.

Τὸν 19ο αἰ. μεταφράζονται σὲ εὐρωπαϊκὲς γλῶσσες σχεδὸν ὅλα τὰ κείμενα τῶν Ἀρμενίων μεσαιωνικῶν ἱστορικῶν. Γιὰ τὴ μελέτη τῆς ἱστορίας τοῦ Βυζαντίου τὰ κείμενα αὐτὰ ἔχουν σημασία ὄχι μόνον ὡς καθεαυτοῦ ἀρμενικὲς πηγές. Σὲ διάφορα ἱστορικῶν, καὶ ὄχι μόνον ἱστορικῶν, περιεχομένου ἀρμενικὰ κείμενα ἀπαντοῦν μεταφράσεις βυζαντινῶν ἐπισήμων ἐγγράφων, τὰ πρωτότυπα τῶν ὁποίων ἔχουν χαθεῖ, ἐπομένως οἱ μεταφράσεις αὐτὲς παίρνουν σημασία καὶ ἀξία πρωτοτύπου. Ἀπὸ αὐτὰ ἰδιαίτερη ἀξία ἔχουν οἱ ἐπιστολὲς τοῦ αὐτοκράτορα Ἰωάννη Α' Τσιμισκῆ, πού ἀφοροῦν τὴν ἐκστρατεία του στὴ Συρία καὶ Παλαιστίνη, γιὰ τὴν ὁποία, ὅπως εἶναι γνωστὸ, τὰ δεδομένα τοῦ Λέοντα Διάκονου εἶναι περιορισμένα. Τὴν ἀρχαία ἀρμενικὴ μετάφραση τῶν ἐπιστολῶν αὐτῶν βρισκόμεν ἐν τῇ «Χρονογραφίᾳ» τοῦ Ἀρμενίου ἱστορικοῦ Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ (πέθ. ἀνάμεσα στὸ 1138-44).

Δὲν μπορούμε νὰ ποῦμε ὅτι οἱ ἐπιστολὲς τοῦ Τσιμισκῆ πρὸς τοὺς Ἀρμενίους εἶναι λίγο γνωστὲς στοὺς μελετητὲς καὶ κυρίως στοὺς βυζαντινολόγους. Ἀκόμη ὁ Ἀρμένιος ἱστορικὸς Μιχαὴλ Τσαμτσιάν τὸ 1785, 85

περίπου χρόνια πρὸ τῆς ἔκδοσης τοῦ ἀρμενικοῦ κειμένου, στὸν 2ο τόμο τῆς «Ἱστορίας τῆς Ἀρμενίας» του, γράφει γιὰ τὴν ἐπιστολὴ τοῦ Τσιμισκῆ στὸν βασιλιὰ Ἀσώτιο Γ΄¹. Ἀλλὰ οἱ ἐπιστολὲς αὐτὲς ἔγιναν γνωστὲς στοὺς βυζαντινολόγους ὅταν γιὰ πρώτη φορὰ τὸ 1811 ὁ Saint Martin δημοσίευσε τὴ γαλλικὴ μετάφρασή τους².

Γιὰ δευτέρη φορὰ οἱ ἐπιστολὲς αὐτὲς μεταφράστηκαν στὰ γαλλικὰ τὸ 1858, ὅταν ὁ Ed. Dulaurier δημοσίευσε ἐξ ὀλοκλήρου τὴ «Χρονογραφία» τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ³. Ὁ ἴδιος ὁ Dulaurier στὸν τεράστιο τόμο τῶν πηγῶν τῆς Ἱστορίας τῶν Σταυροφοριῶν δημοσίευσε τὴ διορθωμένη γαλλικὴ του μετάφραση τῶν ἐπιστολῶν αὐτῶν, παράλληλα μὲ τὸ ἀρμενικὸ κείμενο⁴.

Στὶς ἀρχὲς τοῦ αἰῶνα μας τὴν ἐπιστολὴ τοῦ Τσιμισκῆ στὸν Ἀσώτιο μετέφρασε στὰ ρωσικὰ ὁ Χριστόφορος Κουτσούκ-Ἰωαννέσωφ⁵, ὁ ὁποῖος γιὰ τὴ μετάφραση τοῦ Dulaurier πολὺ σωστὰ γράφει τὰ ἑξῆς: «Ἡ μετάφραση αὐτὴ, κατὰ τὴ γνώμη μου, εἶναι πολὺ λελειασμένη, ἐξομαλυσμένη, πολὺ πλουμισμένη μὲ περιγραφικὲς ἐκφράσεις, πὺ μᾶλλον διασαφηνίζουν τὸ κείμενο παρὰ μεταφράζουν αὐτό. Ἀπὸ αὐτὴν ὁ ἀναγνώστης παίρνει ἐσφαλμένη ἰδέα γιὰ τὸ ἀρμενικὸ κείμενο». Στὰ τελευταῖα εἴκοσι χρόνια ἡ «Χρονογραφία» τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ εἶχε καὶ τρεῖς ἀκόμη μεταφράσεις, στὰ τουρκικὰ, ἀγγλικὰ καὶ νέα ἀρμενικὰ⁶.

Τὸ πρωτότυπο ἀρχαῖο ἀρμενικὸ κείμενο ὅλης τῆς «Χρονογραφίας» τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ δημοσιεύθηκε γιὰ πρώτη φορὰ μόνις τὸ 1869 στὴν Ἱερουσαλήμ⁷, δευτέρη φορὰ, ἀπὸ πληρέστερο χειρόγραφο, τὸ 1898

1. Μ. Τσαμτσιάν, Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας (Βενετία 1785), 846 (ἀρχ. ἀρμενικὰ).

2. Matthieu d'Edesse, Détails historiques de la première expédition des chrétiens dans la Palestine sous l'empereur Zimiscès, tirés d'un manuscrit arménien inédit de la Bibliothèque Impériale, traduits en français par J. Saint Martin, collationnés sur le texte original et accompagnés de notes par M. Chahan de Cirbied, pour servir à l'histoire du Bas-Empire (Παρίσι 1811).

3. Chronique de Matthieu d'Edesse, 962-1136, avec la Continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162 (Παρίσι 1858), 16-24.

4. RHC, Documents arméniens, I (Παρίσι 1868).

5. Χρ. Κουτσούκ-Ἰωαννέσωφ, Ἡ ἐπιστολὴ τοῦ αὐτοκράτορα Ἰωάννη Τσιμισκῆ στὸν Ἀρμένιο βασιλιὰ Ἀσώτιο Γ΄, VV 10 (Πετρούπολη 1903), 91-101 (ρωσ.).

6. Urfalı Mateos Vekayi-namesi, 952-1136, ve Papaz Grigor'un zeyli, 1136-62. Türkçe ve çeviren H.D. Andreasyan, notlar E. Dulaurier, M. Halil Yinanç çeviren (Ἄγκυρα 1962: Türk Tarih Kurumu Yayınları, II Seri, 21). — A.E. Dostourian, The Chronicle of Matthew of Edessa. Transl. from the Original Armenian, with a Commentary and Introduction (Ann Arbor: University Microfilms 1972), 2 τόμοι, σσ. 752 (καὶ οἱ δύο αὐτὲς μεταφράσεις, δυστυχῶς, ἦταν ἀπρόσιτες σὲ μένα). Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ Χρονογραφία. Μετάφραση στὰ νέα ἀρμενικὰ, πρόλογος, σχόλια τοῦ Χρ. Μ. Μπαρτικιάν (Ἐρεβάν 1973).

7. Ἱστορία (sic!) τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ (Ἱερουσαλήμ 1869).

στὸ Βαλαρσαπάτ⁸. Οἱ ἐκδότες τῆς τελευταίας ἔκδοσης εἶχαν ὕπ' ὄψη καὶ τὰ ἄλλα χειρόγραφα τῆς «Χρονογραφίας».

Ἀπὸ τὴν πρώτη στιγμή τῆς ἔκδοσης τῶν ἐπιστολῶν τοῦ Τσιμισκῆ, οἱ μελετητὲς βεβαίωσαν τὴν αὐθεντικότητά αὐτῶν καὶ χρησιμοποίησαν αὐτὲς στὴν ἱστορία τῆς ἐποχῆς τοῦ Ἰωάννη Α΄ Τσιμισκῆ. Ὁ Ed. Dulaurier στὸν πρόλογο τῆς μετάφρασής του ἔγραψε: "C'est ainsi que, grâce au soin qu'il a pris de nous transmettre un des plus curieux documents de l'histoire byzantine, la lettre de Zimiscès à Aschod III, roi de la Grande-Arménie, nous connaissons aujourd'hui la marche de cet empereur dans la Syrie et Palestine avec des détails que l'on ne trouve point dans Léon le Diacre. L'authenticité de cette pièce, qui provient sans doute des archives des rois bagratides d'Ani, ne saurait être contestée..."⁹.

Ὁ G. Schlumberger, στὴ μεγάλη του μονογραφία γιὰ τὸν Ἰωάννη Τσιμισκῆ, φέρει ὀλόκληρο τὸ κείμενο τῶν ἐπιστολῶν στὴ διορθωμένη μετάφραση τοῦ Dulaurier, γιὰ τὶς ὁποῖες γράφει τὰ ἀκόλουθα: "Cette lettre imperial... est un bulletin officiel aussi véridique que détaillé de la campagne de 975 en Syrie...", "Quant à l'authenticité du document, elle ne saurait faire de doute", "...longue lettre indiscutablement authentique de Jean Zimiscès", "document tout à fait exceptionnel", "texte d'une valeur inappréciable"¹⁰.

Ἡ ἑλληνικὴ βυζαντινολογία ἐπίσης ἐκτιμᾷ πολὺ τὴν ἀξία τῆς ἐπιστολῆς τοῦ Τσιμισκῆ στὸν Ἀσώτιο Γ΄. Ὁ Κ. Ἄμαντος βρῆκε σ' αὐτὴν «ἀκριβεστέρως πληροφορίας»¹¹. Οἱ Ἕλληνες μελετητὲς, ἐκτὸς τῆς γαλλικῆς μετάφρασης τῶν ἐπιστολῶν τοῦ Τσιμισκῆ, ἔχουν στὴ διάθεσή τους καὶ τὴν ἑλληνικὴ μετάφραση αὐτῶν μέσω τῆς μετάφρασης τοῦ προαναφερόμενου ἔργου τοῦ G. Schlumberger ἀπὸ τὸν Σ.Ι. Βουτυρᾶ¹², δηλαδὴ ἔχουν τὴ μετάφραση τῆς μετάφρασης, καὶ εἶναι φυσικὸ, ἀνεξάρτητα ἀπὸ τὸν Βουτυρᾶ, ἡ ἑλληνικὴ μετάφραση νὰ ἔχει ἀκόμη περισσότερο ἀπομακρυνθεῖ ἀπὸ τὸ πρωτότυπο. Ἄς μὴν ξεχνᾶμε ὅτι καὶ τὸ ἀρμενικὸ κείμενο ἀποτελεῖ μετάφραση...

Ἡ γαλλικὴ μετάφραση τοῦ Dulaurier βασίζεται ὄχι σὲ ὅλα τὰ ὑπάρχοντα χειρόγραφα τῆς «Χρονογραφίας», οἱ δὲ ἀρχὲς τῆς πραγματοποιημένης πρὶν ἀπὸ μιάμισυ ἑκατονταετηρίδα μετάφρασης, δὲν μᾶς ἱκανοποιοῦν σήμερα. Δὲν εἶναι περιττὸ νὰ σημειώσουμε ἐδῶ ὅτι ἡ προφορὰ τοῦ Dulaurier εἶναι αὐτὴ τῶν δυτικῶν Ἀρμενίων, ἐπομένως τὰ κύρια ὀνόματα καὶ

8. Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ Χρονογραφία (Βαλαρσαπάτ 1898).

9. Chronique de Matthieu d'Edesse, σσ. XVI-XVIII.

10. G. Schlumberger, L'Épopée Byzantine à la fin du 10ème siècle (Παρίσι 1896), 282-3.

11. Κ. Ἄμαντος, Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ Κράτους, 2 (Ἀθήνα 1957), 142.

12. Ἡ Βυζαντινὴ Ἐποποιία (Ἀθήνα 1904), 513-23.

τὰ τοπωνύμια ποὺ ἀπαντοῦν στὶς ἐπιστολὲς ἔχουν πολλές φορές παραμορφωθεῖ¹³. Ἀλλὰ ἕνα ἀπὸ τὰ μειονεκτήματα τῆς μετάφρασης τοῦ Dulaugier, ποὺ μᾶς ἀναγκάζει μιὰ ἀκόμη φορά νὰ ἀναφερθοῦμε στὶς ἐπιστολὲς τοῦ Τσιμισκῆ, εἶναι οἱ ἀνακρίβειες, ποὺ, ὄχι μόνο δυσχεραίνουν τὴ μελέτη τῶν βυζαντινολόγων, ἀλλὰ καὶ τοὺς ὀδηγοῦν σὲ ἀπαράδεκτα συμπεράσματα. Ἀπὸ τὴ μετάφραση τοῦ Dulaugier ὁ ἀναγνώστης καταλήγει πρῶτ' ἀπ' ὅλα σὲ ἐσφαλμένο συμπέρασμα σχετικὰ μὲ τὸν ἀριθμὸ τῶν ἐπιστολῶν τοῦ Τσιμισκῆ στὸς Ἀρμενίους. Δὲν γίνεται σαφὲς πῶς ἐπιστολῶν τοῦ Τσιμισκῆ περιέχει στὴν ἀρμενικὴ μετάφραση τῆς «Χρονογραφίας» τοῦ ὁ Ματθαῖος Ἐδεσσηνός. Κατ' αὐτὸν τριῶν: 1) Στὸν βασιλέα Ἀσώτιο Γ', 2) Στὸν πρωτοσπαθᾶριο τῆς Δερζηνῆς καὶ στρατηγὸ (commandant militaire) τοῦ Ταρῶν Anaph'ourdên Λέοντα¹⁴, καὶ 3) στὸν Ἀρμένιο βαρδαπέτη Λέοντα (Πανταλέοντα). Τὸ ἴδιο συναντᾶμε καὶ στὸ ἔργο τοῦ Schlumberger¹⁵. Στὴν πραγματικότητα στὴ «Χρονογραφία» τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ γίνεται λόγος γιὰ δύο ἐπιστολές: στὸν Ἀσώτιο καὶ τὸν βαρδαπέτη Λέοντα. Ποιὸς εἶναι ὁ πρωτοσπαθᾶριος Anaph'ourdên, ποὺ τὸ 975 ὑπηρετοῦσε στὴ Δερζηνή καὶ τὸ Ταρῶν, ποὺ σύμφωνα μὲ αὐτοὺς τάχα ἀνῆκαν στὸν Ἀσώτιο Γ'¹⁶; Εἶναι γνωστὸ ὅτι τὸ Ταρῶν, ἀπὸ τὸ 966 ἐπὶ Νικηφόρου Β' Φωκά, ἐντάχθηκε στὰ πλαίσια τῆς βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας καὶ ἔπαψε νὰ ἀνήκει στὸς Βαγρατίδες¹⁷. Τὴν παρανόηση αὐτὴ ἔλυσε ὁ Ν. Adontz¹⁸. Ὁ Anaph'ourdên δὲν εἶναι τίποτε ἄλλο παρὰ ἡ ἑλληνικὴ λέξις «ἀναφορᾶ», ποὺ ὁ Ἀρμένιος μεταφραστὴς τοῦ 10ου αἰ. δὲν μετέφρασε. Τὸ τελευταῖο «en» εἶναι ἀρμενικὴ λήγουσα τῆς ἀφαιρετικῆς (ablativus) πώσης, ἐπομένως Anaph'ourdên (ὀρθότερα anaphoraen, ἢ γραφὴ τοῦ ἀρμενικοῦ μικροῦ «α» ποὺ πολὺ μοιάζει μὲ τὴν τοῦ «τ», στὴ δυτικοαρμενικὴ προφορὰ «d») σημαίνει «ἐκ τῆς ἀναφορᾶς», δηλαδὴ «ἐκ τῆς ἀναφορᾶς τοῦ στρατηγοῦ τῆς Δερζηνῆς καὶ τοῦ Ταρῶν πρωτοσπαθᾶριου Λέοντα». Καὶ ἔτσι ἡ «ἐπι-

13. Γιὰ τὸ ζήτημα βλ. Χρ. Μ. Μπαρτικιάν, Τὸ Βυζάντιον εἰς τὰς Ἀρμενικὰς Πηγὰς (Θεσσαλονίκη 1981), 19-20.

14. Στὴν πρώτη μετάφραση τοῦ Dulaugier τοῦ 1858: "A Anaph'ourdên, protospathaire de Terdchan, à Léon, commandant militaire de Darôn". Εἶναι δύσκολο νὰ καταλάβει κανεὶς, ἂν κατὰ τὸν Dulaugier γίνεται λόγος γιὰ ἕνα πρόσωπο ἢ δύο. Στὴ μετάφραση τοῦ 1869 ὁ Dulaugier γράφει: "A Anaph'ourdên Léon, protospathaire de Terdchan, gouverneur militaire de Darôn" (σ. 20), ὅπου ὁ λόγος ἤδη ἀφορᾶ ἕνα πρόσωπο μὲ δύο «ὀνόματα».

15. Schlumberger, δ.π., 291.

16. Ὁ Schlumberger γράφει ὅτι ὁ "Anaph'ourdên" ἦταν "un des fonctionnaires militaires du roi Aschod, gouverneur de sa province de Darôn" (σσ. 290-91).

17. «Προσερρῦσαν δὲ τῷ βασιλεῖ (Νικηφόρῳ) Γρηγόριος καὶ Παγκράτιος οἱ ἀδελφοὶ τῆς ἑαυτῶν παραχωρήσαντες ἀπὸ χώρας τοῦ Ταρῶν». Ioannes Scylitzae Synopsis Historiarum, ἐκδ. I. Thurn (Βερολίνο - Ν. Ὑόρκη 1973: CF), 279.

18. N. Adontz, La lettre de Tzimisès au roi Ashot (Ashot). Notes arméno-byzantines II, στὸν N. Adontz, Études arméno-byzantines (Λισαβόνα 1965), 143-4.

στολή» αὐτὴ δὲν εἶναι τίποτε ἄλλο, παρὰ ἡ συνέχεια, ὀρθότερα τὸ τέλος τῆς ἐπιστολῆς τοῦ Τσιμισκῆ πρὸς τὸν Ἀσώτιο Γ', ὅπου γίνεται λόγος γιὰ τὴν ἀναφορὰ τοῦ στρατηγοῦ τοῦ ἐνωμένου ἀκόμη βυζαντινοῦ θέματος τῆς Δερζηνῆς καὶ τοῦ Ταρῶν¹⁹.

Ἐνα ἀπὸ τὰ λάθη τῆς μετάφρασης τοῦ Dulaugier, ποὺ «ταξιδεύει» ἀπὸ βιβλίο σὲ βιβλίο εἶναι καὶ οἱ «40.000 oboles», ποὺ, σύμφωνα μὲ τὸν Dulaugier, ἔστειλε ὁ Τσιμισκῆς στὸν... «Anaph'ourdên» καὶ ζητᾶ νὰ τοὺς ἐπιστρέψει. Στὰ σχόλιά του ὁ Dulaugier γράφει: "Le traducteur arménien a conservé dans sa version ce mot grec eu génitif, obolôn, qui existait sans doute, dans l'original"²⁰. Ἀλλὰ ἐνῶ στὸ ἀρμενικὸ κείμενο εἶναι γραμμένο ΧΡΕΟΒΟΛΟΝ, ὁ Dulaugier (καὶ μερικοὶ ἀντιγραφεῖς) νόμισαν πὼς τὰ δύο πρῶτα γράμματα, ΧΡ εἶναι ἀριθμοί. Τὸ ἀρμενικὸ «Χ» ἀντιστοιχεῖ μὲ τὸ 40, τὸ δὲ «Ρ» (σκληρὸ «Ρ») μὲ τὸ 1000, καὶ «ἀνοίγοντας» τοὺς ἀριθμοὺς αὐτοὺς ἔγραψαν μὲ λέξεις «σαράντα χιλιάδες σοβολούς», ποὺ ὁ Dulaugier τοὺς μετέτρεψε σὲ ὀβολούς. Ἀλλὰ ἀπὸ πότε οἱ βυζαντινοὶ αὐτοκράτορες πλήρωναν μὲ ὀβολούς; Ἡ ἀλήθεια εἶναι ὅτι ὁ λόγος ἀφορᾶ αὐτοκρατορικὸ χρυσόβουλλο²¹.

Δὲν ἔχει δίκιο ὁ Dulaugier ὅταν μεταφράζει τὰ terminus technicus. Π.χ. τὴ λέξις «ζοραβάρ» τοῦ ἀρμενικοῦ κειμένου, ποὺ εἶναι ἡ calque τοῦ ἑλληνικοῦ «στρατηγός»²², δὲν ἔπρεπε νὰ τὴ μεταφράσει «Chef» ἢ «chef militaire» ἢ «commandant», ἀλλὰ μόνο «stratège»²³, τὴ λέξις τοῦ κειμένου «θέμα» «pays», τὸ tahegan (ὀρθότερα dahekan, τουτέστιν darehakan, δηλαδὴ δαρεικός) ἔπρεπε νὰ μεταφράσει «νόμισμα», ὅπως τὸ δίχως ἄλλο θὰ ἦταν στὸ ἑλληνικὸ κείμενο.

Ὁ Dulaugier τὴ λέξις Schahinschah τοῦ ἀρμενικοῦ κειμένου ἀφήνει χωρὶς μετάφραση, ὀρθότερο ὅμως θὰ ἦταν νὰ τὴ μεταφράσει «ἄρχοντα τῶν ἀρχόντων», ὅπως θὰ ἦταν στὸ ἑλληνικὸ πρωτότυπο. Ἡ ἐπίσημη βυ-

19. Στὸ Τακτικὸ τοῦ Ἐσκοριάλ ἤδη τὸ Ταρῶν καὶ ἡ Δερζηνή εἶναι χωριστὰ θέματα. Βλ. N. Oikonomidès, Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles (Παρίσι 1972), 265 [20], 267 [12].

20. Matthieu d'Edesse, Chronique, 385. Πβ. σ. XVIII, ὅπου γράφει "génitif pluriel d'obolos". Δηλαδὴ «40.000 ὀβολῶν». Ἀλλὰ ἐὰν ὁ λόγος ἦταν γιὰ ὀβολούς, δὲν ἔπρεπε ἡ λέξις αὐτὴ νὰ ἦταν στὴν αἰτιατικὴ: ὀβολούς; Συντακτικὰ αὐτὴ ἡ λέξις δὲν εἶναι ἀντικείμενο; Εἶναι περίεργο ποὺ τὸ λάθος αὐτὸ τὸ ἐπαναλαμβάνει ὁ βυζαντινολόγος Schlumberger (δ.π., 283, σημ. 1). Καὶ εἶναι βέβαια στὴν αἰτιατικὴ, ἀλλὰ ἐνικοῦ ἀριθμοῦ.

21. N. Adontz, δ.π., 145. Στὴν παράφραση τῆς «Χρονογραφίας» τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ διαβάζουμε «χρυσόβουλλον». Βλ. Χρονογραφία τοῦ Κοντοσταύλου Σμπάτ (Βενετία 1956), 12 (ἀρχ. ἀρμενικά).

22. Πβ. N. Oikonomidès, Les listes de préséance, 346, σημ. 330.

23. Τὴν ἐποχὴ αὐτὴ ὑπῆρχε πληθώρα μικρῶν στρατηγῶν πόλεων ἢ μικρῶν περιφερειῶν: Oikonomidès, δ.π., 345.

ζαντινή όνομασία του Ἄρμενίου βασιλιᾶ ἦταν «ἄρχων τῶν ἀρχόντων»²⁴.

Ἄς σημειώσουμε ὅτι ὅπου τὸ ἄρμενικὸ κείμενο ἔχει *Tadik* (ἔτσι ὀνομάζουν οἱ Ἄρμενιοὶ τοὺς Ἄραβες)²⁵, ὁ Dulaurier μεταφράζει *Musulmans*. Εἶναι ἀπίθανο στὸ ἑλληνικὸ πρωτότυπο νὰ ἦταν γραμμένο «Μουσουλμάνοι». Ἀσφαλῶς θὰ ἔγραφε «Ἄραβες».

Στὸ ἄρμενικὸ κείμενο ὑπάρχουν λέξεις ἑλληνικὲς ποὺ ὁ Dulaurier δὲν κατάλαβε τὴ σημασία τους, κυρίως διότι ἡ προφορὰ του εἶναι ἡ τῶν δυτικῶν Ἄρμενίων. Στὴν ἐπιστολὴ του ὁ Τσιμισκῆς γράφει ὅτι ἔστειλε στὴν Τρίπολη ἰππεῖς, τοὺς ὁποίους ὀνομάζει (κατὰ τὸν Ἄρμενιο μεταφραστή) *Thimatsi* καὶ *Tasxamatatsi*²⁶ (ἡ λήγουσα *-atsi* στὰ ἄρμενικὰ ἀντιστοιχεῖ μὲ τὸ *-ίτης* ἢ *-ικός* τῆς ἑλληνικῆς). Ὁ Dulaurier ἀφήνει τίς λέξεις χωρὶς μετάφραση: "*la cavalerie des Thimatsis et des Deschkhadamatsis*" (στὴ μετάφραση τοῦ 1869 *Daschkhamadatsis*), καὶ στὰ σχόλιά του, ἂν καὶ τὸ *Thimatsi* ὀρθὰ θεωρεῖ στρατιῶτες τῶν θεμάτων, γιὰ τοὺς *Daschkhadamatsis* γράφει: "*C'est sans doute quelque mot grec altéré; on pourrait y reconnaître l'expression taxation ou taxidion, garnison. Les Daschkhadamatsik seraient ainsi les taxati, 'milites praesidiarii' d'Anastase le Bibliothécaire*"²⁷. Γιὰ τὸν βυζαντινολόγο δὲν εἶναι δύσκολο νὰ ἀντιληφθεῖ ὅτι εἶναι ἡ λέξη «ταγματικοί»²⁸.

Πῶς οἱ ἐπιστολὲς —ὀρθότερα, οἱ ἄρμενικὲς μεταφράσεις τῶν ἐπιστολῶν τοῦ Τσιμισκῆ— ἔπесαν στὰ χέρια τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ; Ὁ Dulaurier πολὺ σωστὰ γράφει ὅτι αὐτὲς δίχως ἄλλο προέρχονται ἀπὸ τὰ ἀρχεῖα τῶν Βαγρατιδῶν τοῦ Ἀνίου²⁹. Ὁ Schlumberger, ἄγνωστο ποῦ βασισμένος, γράφει ὅτι ὁ Ματθαῖος Ἐδεσσηνὸς "...avait pu copier cette lettre sur l'original, qui devait à ce moment encore être conservé aux archives royales des Pagaratides d'Ani"³⁰. Τὰ ἴδια γράφει καὶ ὁ Ἄμαντος: τὴν ἐπιστολὴ τοῦ Τσιμισκῆ «εὔρε εἰς τὴν πρωτεύουσαν Ἀνί ὁ Ἄρμενιὸς τοῦ 12ου αἰ. συγγραφέας Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνὸς καὶ ἐδημοσίευσεν»³¹.

Πρῶτα εἶναι γνωστὸ ὅτι ὁ Ἐδεσσηνὸς ποτέ του δὲν πῆγε στὸ Ἀνί, καὶ δεύτερον θὰ ἦταν ἀφέλεια νὰ νομίζουμε ὅτι τὰ ἀρχεῖα τῶν Βαγρατιδῶν στίς πρῶτες δεκαετίες τοῦ 12ου αἰ. βρισκόνταν ἀκόμα στὸ Ἀνί ἢ ἦταν

24. Πβ. «*Εἰς τὸν ἀρχοντα τῶν ἀρχόντων τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας*»: Constantini Porphyrogeniti, *De Cerimoniis aulae byzantinae* (Βόννη 1829: CS), I, lib. II, 48, σ. 686.

25. Μεταγενέστερα τοὺς Τούρκους.

26. Τὸ «χ» διαβάζεται ὅπως τὸ ἑλληνικὸ «χ» καὶ ὄχι λατινικὸ «x».

27. Matthieu d'Edesse, *Chronique*, 383.

28. Πβ. E. Honigmann, *Die Ostgrenze...*, 100. Τὴν λέξη δὲν «ἀποκρυπτογράφησε» ἀκόμη καὶ ὁ Schlumberger (σ. 288, σημ. 2).

29. Matthieu d'Edesse, *Chronique*, XVI-XVII.

30. G. Schlumberger, ὁ.π., 283.

31. K. Ἄμαντος, *Ἱστορία*, 2, 142.

σῶα. Ἄν ὁ τελευταῖος βασιλιᾶς τῶν Βαγρατιδῶν, Κακίκιος Β', μεταναστεύοντας τὸ 1045 στὴν Καππαδοκία, δὲν πῆρε μαζί του καὶ τὸ ἀρχεῖο του, αὐτὸ καταστράφηκε, ἂν ὄχι κατὰ τὴν ἐποχὴ τῆς βυζαντινῆς κυριαρχίας (1045-64), πάντως τὴν ἐποχὴ τῆς κυριαρχίας τῶν Σελτζούκων.

Τὸ αἶνιγμα ἔλυσε ὁ Λεβὸν Χατσικιάν, ὁ ὁποῖος στὸ *Matenadaran* (Ἰνστιτοῦτο Ἀρχαίων Χειρογράφων τοῦ Ἐρεβάν), στὸ ὑπ' ἀριθμὸν 9832 χειρόγραφο βρῆκε ἀξιόλογα ἀποσπάσματα ἀπὸ ἓνα ἱστορικὸ περιεχομένου ἔργο. Τὰ ἀποσπάσματα αὐτὰ ἔφεραν τὴν ἐπικεφαλίδα: «Ἐκ τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἱερέα Ἰακώβου». Μὲ ἐμβριθὴ φιλολογικὴ μελέτη ὁ Λ. Χατσικιάν κατέληξε στὸ συμπέρασμα ὅτι ὁ Ἰάκωβος αὐτὸς εἶναι ὁ ἀπὸ τὴν «Χρονογραφία» τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ καὶ ἄλλων ἄρμενικῶν μεσαιωνικῶν πηγῶν γνωστός, διαπρεπῆς ἐπιστήμων καὶ ἐκκλησιαστικὸς παράγων, ὁ βαρδαπέτης Ἰάκωβος ἐκ Σαναχίν. Συγκρίνοντας τὰ ἀποσπάσματα τῆς «Χρονογραφίας» τοῦ Ἰακώβου ἐκ Σαναχίν μὲ τὰ ἀντίστοιχα χωρία τῆς «Χρονογραφίας» τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ, ὁ Λ. Χατσικιάν ἔφερε στὸ φῶς ὕλη ἐκπληκτικῆς ὁμοιότητας ὕφους, μορφῆς καὶ σύνθεσης, καὶ συμπέρανε ὅτι ὁ Ματθαῖος Ἐδεσσηνὸς ἐκμεταλλεύθηκε τὸ ἱστορικὸ ἔργο τοῦ Ἰακώβου. Ἀπὸ τὸν Ματθαῖο Ἐδεσσηνὸ εἶναι γνωστὸ ὅτι ὁ Ἰάκωβος ἐκ Σαναχίν τὰ τελευταῖα χρόνια τῆς ζωῆς του τὰ πέρασε στὴν Ἐδεσσα, ὅπου καὶ πέθανε σὲ βαθεῖα γεράματα τὸ 1085· ἐπομένως, ὁ Ἐδεσσηνὸς ὄχι μόνον μπορούσε νὰ ἐκμεταλλευθεῖ τὴ χειρόγραφη κληρονομιά του, ἀλλὰ καὶ νὰ ὑπῆρξε προσωπικὰ γνωστός του³².

Ὁ Ἰάκωβος ἐκ Σαναχίν ἦταν οἰκεῖος τοῦ Ἀρμενίου ἀντίθρονου καθολικοῦ Διοσκόρου (1037) καὶ εἶχε στενὲς σχέσεις μὲ τοὺς διαπρεπεῖς πολιτικούς καὶ ἐκκλησιαστικούς παράγοντες τῆς ἐποχῆς τῶν Βαγρατιδῶν τοῦ Ἀνίου· ἔπαιξε μεγάλο ρόλο σὲ ἱστορικὰ γεγονότα καὶ εἶχε τὴ δυνατότητα νὰ ἀντλήσει ὕλικὸ ἀπὸ τὰ βασιλικά καὶ πατριαρχικά ἀρχεῖα τοῦ Ἀνίου. Καὶ ἔτσι ὑπὸ τὸ φῶς αὐτὸ βρῖσκουν τὴν ἐρμηνεία τους ἡ παρουσία σειρᾶς ἐπισήμων βυζαντινῶν ἐγγράφων ἢ μνεῖα αὐτῶν στὴ «Χρονογραφία» τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ. Ἄν μέχρι σήμερα ἡ ἰδέα ὅτι ὁ Ματθαῖος ὁ ἴδιος μπορούσε νὰ γνωρίσει τὰ ἔγγραφα αὐτὰ κατευθείαν κινούσε ὑποψίες γιὰ τοὺς λόγους ποὺ ἀναφέραμε παραπάνω, ἡ γνώμη ὅτι ἐνδιάμεσος κρίκος ἦταν ὁ Ἰάκωβος ἐκ Σαναχίν λύνει τὸ ζήτημα.

Πιο κάτω παρουσιάζουμε κατὰ λέξη ἑλληνικὴ μετάφραση τῶν ἐπιστολῶν τοῦ Τσιμισκῆ πρὸς τοὺς Ἀρμένιους ἀπὸ τὸ δημοσιευμένο τὸ 1898 στὸ Βαλαρσαπὰτ ἀρχαῖο ἄρμενικὸ κείμενο. Ἄς σημειώσουμε ἐδῶ ὅτι ἀκόμα καὶ τώρα δὲν ὑπάρχει κριτικὴ ἔκδοση τῆς «Χρονογραφίας»· ὅλα τὰ χειρόγραφα αὐτῆς δὲν εἶναι προγενέστερα τοῦ 17ου αἰ. καὶ φυσικὰ οἱ

32. Λ. Χατσικιάν, Ὁ Ἰάκωβος ἐκ Σαναχίν, χρονογράφος τοῦ 11ου αἰ., *Δελτίο τοῦ Πανεπιστημίου τοῦ Ἐρεβάν* I (1971), 22-48 (ἀρμεν.).

παραναγνώσεις τῶν συγγραφέων θὰ ἦταν ἀναπόφευκτες. Ἐχοντας ὑπ' ὄψη ὅτι τὰ δεδομένα τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ γιὰ τὸν Τσιμισκῆ γενικῶς παρουσιάζουν γιὰ τὸν Ἑλληνα βυζαντινολόγο ἐνδιαφέρον, μεταφράζουμε καὶ τὶς προηγούμενες καὶ τὶς μετέπειτα τῶν ἐπιστολῶν σελίδες τῆς «Χρονογραφίας». Καὶ αὐτὸ πρῶτ' ἂπ' ὅλα γιὰ νὰ ἐκλείψει μία μεγάλη παρανόηση τῆς ἱστορίας τῶν ἀρμενο-βυζαντινῶν σχέσεων ἐπὶ Τσιμισκῆ. Οἱ μελετητές, ξεκινώντας ἀπὸ μέρους μόνον τῶν δεδομένων τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ, ἔχοντας ὑπ' ὄψη τὴν παροχὴ στρατιωτικῆς καὶ οἰκονομικῆς βοήθειας ἐκ μέρους τοῦ Ἀσώτιου στὸν Τσιμισκῆ, βλέπουν σὲ αὐτὴν ἀπόδειξη μεγάλης φιλίας καὶ συμμαχίας μεταξύ Βυζαντίου καὶ Ἀρμενίας τῶν Βαγρατιδῶν. Ἡ βοήθεια πράγματι δόθηκε, ἀλλὰ ἀπὸ τὰ δεδομένα τοῦ Ἐδεσσηνοῦ ἡμεῖς καταλήξαμε σὲ ἄλλα συμπεράσματα. Ὅτι ὁ Τσιμισκῆς, 7-8 χρόνια μόνον μετὰ τὴν κατάκτηση τοῦ Ταρών, ἤθελε νὰ συνεχίσει τὴν κατακτητικὴ πολιτικὴ τῆς αὐτοκρατορίας ἐναντι τῆς Ἀρμενίας, νὰ κυριεύσει καὶ ἄλλες περιφέρειες τοῦ κράτους τῶν Βαγρατιδῶν. Πρῶτα τὸ Αἰγῶν κάστρον, πού, ἂν καὶ ἀνήκε στοὺς Ταρών, βρισκόταν ἀκόμα στὰ πλαίσια τοῦ ἀρμενικοῦ κράτους, καὶ σὲ συνέχεια ἄλλα ἐδάφη. Διαφορετικὰ πῶς μπορούμε νὰ ἐξηγήσουμε τὶς πληροφορίες τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ γιὰ τὴν κάκωση τῶν στρατευμάτων τοῦ Τσιμισκῆ ἀπὸ τὸ πεζικὸ τῶν Ἀρμενίων Σασουνιτῶν, τὸ γεγονός ὅτι ὅταν ὁ Τσιμισκῆς μὲ τὰ στρατεύματά του ἦλθε στὸ Ταρών, θέλοντας νὰ περάσει μέσω Ἀρμενίας, οἱ ἔνοπλες δυνάμεις ὄλων τῶν βασιλείων καὶ πριγκηπάτων τῆς Ἀρμενίας, 80.000 μαχητές, μὲ ἐπικεφαλῆς τὸν Ἀσώτιο Γ' ἔφραξαν τὸν δρόμο τοῦ Τσιμισκῆ πρὸς τὴν Ἀρμενία; Τί ἐξήγηση μπορούμε νὰ δώσουμε στὴ «μεγάλῃ ὀργῇ» τοῦ Ἀσώτιου ἐναντίον τοῦ Τσιμισκῆ στὴν ἀρχὴ τῆς ἐκστρατείας τοῦ βυζαντινοῦ αὐτοκράτορα;

Τὰ κατακτητικὰ σχέδια τοῦ Τσιμισκῆ ἐναντι τῆς Ἀρμενίας πολὺ εὐγλωττα παρουσιάζει ὁ Κοντόσταβλος Σμπάτ. Αὐτὸς γράφει: «Ὁ Τσιμισκῆς ὀργισθεὶς συνέλεξε ὅλα τὰ στρατεύματα τῶν Ἑλλήνων, ἔλαβε καὶ τὴ βοήθεια τῶν Φράγγων (ὅπως φαίνεται τῶν Βαράγγων) καὶ θέλησε κατ' ἀρχὴν νὰ κυριεύσει τὴν Ἀρμενία»³³. Τὸ ὀρθὸ τῶν ἀρμενικῶν πηγῶν βεβαιώνουν καὶ οἱ βυζαντινὲς πηγές. Ἡ Ἄννα ἡ Κομνηνὴ, μνημονεύοντας τοὺς Ἀρμένιους αἰρετικούς τῆς Φιλιππούπολης, γράφει: «Ἀλλὰ τούτους δὴ τοὺς ἀπὸ Μάνεντος καὶ Παύλου καὶ Ἰωάννου, τῶν τῆς Καλλινίκης, ἀγριωτέρους ὄντας τὰς γνώμας καὶ ὤμοδος καὶ μέχρις αἵματος διακινδυνεύοντας ὃ ἐν βασιλευσὶν ἐκεῖνος θαυμάσιος Ἰωάννης ὁ Τζιμισκῆς πολέμῳ νικήσας, ἐξανδραποδισάμενος ἐκ τῆς Ἀσίας, ἐκεῖθεν ἀπὸ τῶν Χαλύβων καὶ τῶν Ἀρμενιακῶν τόπων εἰς τὴν Θράκην μετένεγκε καὶ περὶ τὴν Φιλιππούπολιν ἀλλίεσθαι κατη-

33. Χρονογραφία τοῦ Κοντόσταβλου Σμπάτ (Βενετία 1956), 9 (ἀρχ. ἀρμενικά).

νάγκασεν, ἅμα μὲν τῶν ἐρυμνοτάτων πόλεων καὶ φρουρίων, ἃ κατεῖχον τυραννιῶντες, ἀπαγαγόν, ἅμα δὲ καὶ φύλακας ἐπιστήσας ἀσφαλεστάτους τῶν σκυθικῶν ἐκεῖνων διεκδρομῶν, ἃς ὑποσύχνως ὑπὸ βαρβάρων τάπι Θράκης ἐπεπόνθει χωρία»³⁴. Δὲν εἶναι ἄνευ ἐνδιαφέροντος τὸ ὅτι τὴν μετοίκηση τῶν Ἀρμενίων αἰρετικῶν ἀπὸ τὴν Ἀρμενία στὴ Δύση ἀπαιτοῦσε ὄχι κανένας ἄλλος, ἀλλὰ ὁ ἴδιος ὁ πατριάρχης Πολύευκτος: «ἀξιώσαντα δὲ καὶ τοὺς Μανιχαίους, τὴν ζω πᾶσαν ἐπινεμομένους καὶ λυμαιομένους τῇ μεταδόσει τῆς μυσαρᾶς αὐτῶν θρησκείας, πρὸς τὴν ἐσπέραν ἀποικίσαι καὶ εἰς τινα ἐσχατιὰν ἐγκατοικίσαι πανέρημον, ὃ καὶ πεποίηκε ὕστερον, ἀπαναστήσας τούτους καὶ τῇ Φιλιππουπόλει ἐγκατοικίσας»³⁵.

Ὁ Τσιμισκῆς, βέβαια, νίκησε καὶ μετέφερε ἀπὸ τὴν Ἀρμενία στὴ Θράκη ὄχι τοὺς Παυλικιανούς (στὶς βυζαντινὲς πηγές ὀνομάζονται καὶ Μανιχαῖοι καὶ εἶχαν ἐξοντωθεῖ ἐδῶ καὶ ἓνα αἶώνα ἐπὶ Βασιλείου Α'), ἀλλὰ τοὺς αἰρετικούς Θονδρακίτες. Ὁ Ἀρμένιος συγγραφέας Παῦλος ὁ Ταρωνίτης σὲ ἐπιστολὴ του σὲ κάποιον Ρωμαῖο φιλόσοφο, μεταξύ ἄλλων γράφει: «Τοὺς Θονδρακίτες ἐσεῖς οἱ Ρωμαῖοι τοὺς ὀνομάζεται Παυλικιανούς»³⁶.

Εἶναι γνωστὸ ὅτι τὰ κινήματα τῶν Ἀρμενίων αἰρετικῶν Παυλικιανῶν καὶ Θονδρακικῶν εἶχαν ὄχι μόνον κοινωνικὸ χαρακτήρα, ἀλλὰ καὶ ἀπελευθερωτικὸ, ἀφοῦ κατευθύνονταν ἐναντίον τῶν ξένων εἰσβολῶν.

Ἡ ἀρνητικὴ γιὰ τοὺς Ἀρμένιους μορφή τοῦ Τσιμισκῆ, ὁ μνημονεύμενος ἀπὸ τὸν Ματθαῖο Ἐδεσσηνὸς ἀγώνας τοῦ Σασουνιτῶν ἐναντίον του, βρῆκαν ἀντανάκλαση ἀκόμη καὶ στὸ ἀρμενικὸ μεσαιωνικὸ ἔπος τοῦ Δαβὶδ ἀπὸ τὴν Σασούν, ὅπου ἐναντίον τοῦ Δαβὶδ μὲ μεγάλο στρατὸ ἐξῆλθε «ἡ σουλτάνα Τσιμισκῆ». Ὁ Τσιμισκῆς στὸ ἀρμενικὸ ἔπος εἶναι... γυναῖκα³⁷. Μετὰ τὸν Τσιμισκῆ ἀποπειράθηκε νὰ κατακτήσει ἀρμενικὰ ἐδάφη καὶ ὁ Βασίλειος Β'. Τὸ 993 «ἐκινήθη ὁ μέγας δοῦξ τῶν Ρωμαίων καὶ ἦλθε μὲ πλῆθος στρατευμάτων ἐναντίον τῆς χώρας τῶν Ἀρμενίων»³⁸. Ἀλλὰ ὅλη ἡ Ἀρμενία ἐνωμένη ἀντιμετώπισε τοὺς βυζαντινοὺς στρατοὺς καὶ τοὺς νίκησε³⁹.

Μετὰ ἀπὸ ὅλα αὐτὰ τὸ Βυζάντιο υἱοθετεῖ νέα τακτικὴ. Ἀκολουθώντας τὴν ἴδια στρατηγικὴ, δηλαδή τὴν κατάκτηση τῆς Ἀρμενίας, ἡ αὐτο-

34. Anne Comnène Alexiade, texte établi et traduit par B. Leib, 3 (Παρίσι 1945), 179-80.

35. Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum, 286.

36. Χειρόγραφο τοῦ Matenadaran ἀριθ. 1154, σ. 240β, ἀριθ. 671, σ. 74β. Βλ. τὴ σχετικὴ βιβλιογραφία στὰ ἄρθρα τοῦ Χρ. Μπαρτικιάν: Παυλικιανοί, Τονδρακίτες, στὴν ΜΓΕΥ 43 (1987), 184-5 καὶ 51 (1988), 14-15.

37. David de Sassoun, épopée en vers. Traduit de l'arménien avec un Introduction et des notes de F. Feydit (Παρίσι 1964), 363-4.

38. Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνός, 41 (Matthieu d'Edesse, 36).

39. Ὁ.π.

κρατορία ήδη αποφεύγει την κατά μέτωπον επίθεση, αποφεύγει τον πόλεμο με τα ενωμένα στρατεύματα των αρμενικών βασιλείων και πριγκηπάτων, και αρχίζει την κατά τμήματα κατάκτηση της 'Αρμενίας. Το 1000 κατακτά το Τάικ, το 1021 το βασίλειο των 'Αρτζρουνιδών του Βασπουρακάν, το 1045 την Μεγάλη 'Αρμενία των Βαγρατιδών, το 1065 το βασίλειο του Βανάνδ (Κάρς).

Τα δεδομένα του Ματθαίου 'Εδεσσηνού για τις τελευταίες μέρες του Τσιμισκή, καθώς και για τα πρώτα χρόνια των Βασιλείου Β' και Κωνσταντίνου Η', αν και είναι καθεαυτού μύθοι, παρουσιάζουν ενδιαφέρον από άποψη λαογραφική.

ΑΠΟ ΤΗ «ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑ» ΜΑΤΘΑΙΟΥ ΤΟΥ ΕΔΕΣΣΗΝΟΥ

«...Τὸ ἔτος 418 τῶν Ἀρμενίων¹ πρὸς ἓνα μελλοθάνατο καὶ ἐγκάθειρτο σὲ νῆσο, καλούμενο Τσιμισκῆ, ἄνθρωπο; ἢ ἀσεβῆς καὶ μιαρῆ βασίλισσα / Θεοφανῶ / ἔστειλε κρυφὰ / ὑπηρέτη / καὶ τάχα μὲ διαταγὴ τοῦ βασιλέως / Νικηφόρου / ἐξήγαγε αὐτὸν ἀπὸ τῆ νῆσο καὶ χωρὶς τῆ γνώση τοῦ βασιλέως ἔφερε στὴν Κωνσταντινούπολη καὶ ἔκλεισε μὲ αὐτὸν μυστικὴ συμφωνία νὰ θανατώσῃ τὸν βασιλέα Νικηφόρο. / Ἡ Θεοφανῶ / ὑποσχέθηκε / στὸν Τσιμισκῆ / νὰ γίνῃ γυναικα του καὶ νὰ τὸν ἀνεβάσῃ στὸ βασιλικὸ θρόνο. / Ὁ Τσιμισκῆς / συμφώνησε νὰ φέρῃ εἰς πέρας τὶς διαταγὲς τῆς ἀσεβοῦς βασίλισσας. Ὁ ἅγιος βασιλεὺς Νικηφόρος τὸ βράδυ, καθισμένος στὸ θρόνο του, μὲ ἀναμμένα κεριὰ διάβαζε τὰ θεῖα Ἐδαγγέλια. Ἦλθε ἡ βασίλισσα, ἠναγκαλίσθη τὸν βασιλέα, καὶ μετὰ ἔδεσε ἰσχυρὰ μὲ λῶρο στὴ θήκη τὸ εὐρισκόμενον πλησίον του σπαθί. Μετὰ ἔφυγε πρὸς τὸν κακόβουλόν της, ἰδιοχείρως τοῦ ἔδωσε τὴ φονικὴ μάχαιρα γιὰ νὰ χύσῃ τὸ αἷμα τοῦ ἀθώου. Ὁ Τσιμισκῆς ἦλθε καὶ κρυφὰ ἔσπευσε στὸ δωμάτιο τοῦ βασιλέως. Ὁ βασιλεὺς τὸν εἶδε καὶ τοῦ εἶπε: “Σκύλε λυσσαλέε, τί θέλεις ἐδῶ;” Ὁ βασιλεὺς ἀνέστη γενναίως, ἐζήτησε τὸ σπαθί του, ἀλλὰ εἶδε πὼς ἦταν ἰσχυρὰ δεμένο. Τότε ὁ Τσιμισκῆς ἐπιτέθηκε κατὰ τοῦ βασιλέως καὶ ἀνηλεῶς, θηριωδῶς ἔσφαξε τὸν ἀγαθότατο βασιλέα, κατακόψας αὐτὸν σὲ τρία μέρη. Ὁ φονεὺς ἅγιος βασιλεὺς κατεκλύσθη μὲ τὸ αἷμα του καὶ μὲ ἐπώδυνο πικρὸ θάνατο παρέδωσε τὸ πνεῦμα στὸν Χριστό. Εἶδαν ὅτι ὁ βασιλεὺς φοροῦσε ἐπάνω στὸ γυμνὸ του σῶμα χιτῶνα ἀπὸ ἔριο αἰγὸς καὶ πάνω ἀπὸ αὐτὸν τὴν πορφύρα. Τὸ αἷμα του ράντιζε τὰ πρόσωπα τῶν φονέων τοῦ ἀνθρώπου τοῦ Θεοῦ. Τὸ σῶμα

1. 418 + 551 = 969 μ.Χ.

του ἔθαψαν πλησίον / τῶν τάφων / τῶν ἁγίων βασιλέων, σὲ ἄξιο λόγου μνημεῖο. Καὶ ἐκάθησε στὸ θρόνο τῆς βασιλείας τῶν Ἑλλήνων² ὁ ἀσεβῆς Τσιμισκῆς καὶ ἐκυριάρχησε ἐπὶ τῆς Κωνσταντινουπόλεως, καὶ ὅλη τὴ χώρα τῶν Ρωμαίων ὑπέταξε στὴν ἐξουσία του. Τοὺς δὲ υἱοὺς τοῦ βασιλέως Ρωμανοῦ ἐφυγάδευσε ἀπὸ τὴν ἀσεβῆ βασίλισσα³ στὸ Βασακαβὰν τῆς χώρας τῆς Ἀνζιτηνῆς⁴: μετέφεραν τὸν Βασίλειον καὶ τὸν Κωνσταντῖνον στὴ Σπραμίκ, τὴ μητέρα τοῦ μεγάλου Μχιτάρ⁵, γιὰ νὰ μὴ τοὺς δηλητηριάσῃ καὶ θανατώσῃ ἡ βασίλισσα. Ἀλλὰ γιὰ τὸν ἀθέμιτο θάνατο / τὸ Νικηφόρου / ὁ βασιλεὺς Τσιμισκῆς αἰσθανόταν μεγάλη λύπη, ἢ ψυχὴ του ἦταν ἀνήσυχη καὶ πληγωμένη⁶.

... Τὸ ἔτος αὐτὸ⁷ / ὁ βασιλεὺς Τσιμισκῆς / ἐπιστράτευσε ὅλη τὴ χώρα τῆς Δύσεως καὶ κατοργισμένος, σὰν πῦρ μαινόμενον, ὤρμησε σὲ πόλεμο κατὰ τῶν Ἀράβων, θελήσας ὅμως νὰ διέλθῃ διὰ τῆς Ἀρμενίας.

Τότε ὅλοι οἱ βασιλεῖς τῶν Ἀρμενίων, οἱ ἀζάτοι⁸, ἄρχοντες, ὅλοι οἱ μεγά-

2. Οἱ Ἀρμένιοι μεσαιωνικοὶ συγγραφεῖς τὴν βυζαντινὴ αὐτοκρατορία ὀνομάζουν βασίλειο τῶν Ἑλλήνων, τοὺς δὲ κατοίκους τῆς Ἑλληνες. Γίνεται, βέβαια, καὶ χρῆση τοῦ «Ρωμαίου», ἀλλὰ ὑπ' αὐτοὺς ἔχουν ὑπ' ὄψη ὄχι μόνον τοὺς Ἑλληνες, ἀλλὰ τοὺς διφυστες γενικῶς.

3. Τὴν βασίλισσα Θεοφανῶ.

4. Ἡ Ἀνζιτηνῆ ἦταν ἡ 6η ἐπαρχία τῆς Τέταρτης Ἀρμενίας τοῦ Ἰουστινιανοῦ Α'. Μνημονεύεται στίς βυζαντινὲς πηγές (Corpus Iuris Civilis, τόμ. 2, Codex Iustinianus, recognovit et retractavit Paulus Kreuger (Βερολίνο 1959), 1, 29, 5, σ. 82. Ὁ Κωνσταντῖνος ὁ Πορφυρογέννητος τὴν ὀνομάζει Χανζιτ (ὅπως οἱ Ἀρμένιοι) (De administrando imperio, κεφ. 50). Λεπτομερέστερα βλ. E. Honigmann, Die Ostgrenze, 90. — Τοῦ ἰδ., Une "Scala" géographique copte-arabe et l'emplacement de Romanopolis en Arménie, στίς: Trois Mémoires posthumes d'Histoire et de Géographie de l'Orient Chrétien [Subsidia Hagiographica, 35] (Βρυξέλλες 1961), 92-3. — N. Adontz, Armenia in the Period of Justinian. The Political Conditions based on the Naxarar System, translated with partial revisions. A. Bibliographical Note and Appendices by Nina Garsoian (Λισαβόνα 1970), 28-35. Ὅσον ἀφορᾷ τὸ Βασακαβὰν (τὸ τοπωνύμιο σημαίνει «Κώμη τοῦ Βασάκ»), ὁ N. Adontz θεωρεῖ ὅτι αὐτὸ φέρει τὸ ὄνομα τοῦ Βασακίου, Ἀρμένιου στρατιωτικοῦ παράγοντα τῆς ἐποχῆς τοῦ Λέοντα ΣΤ' (De administrando imperio, κεφ. 50).

5. Κατὰ τὸν N. Adontz "...on ne pas douter que Spramik et Mkhithar ne soient des personnages historiques au même titre que Basile et Constantin" (N. Adontz, Les sceaux des Makhitar, Notes arméno-byzantines, στίς: Études arméno-byzantines, Λισαβόνα 1965, 138). Ἡ ἀρμενικὴ γλῶσσα δὲν ἔχει γένη καὶ τὸ ἐπίθετο «μεγάλος», κατὰ τὸν N. Adontz, ἀφορᾷ τὴν Σπραμίκ, μητέρα τοῦ Μχιτάρ, μὲ τὴ σημασία τῆς «γρηᾶς» (N. Adontz, ὁ.π., 138).

6. Παραλείπουμε ἐννέα περίπου σελίδες (7-17) τοῦ ἀρμενικοῦ κειμένου, ποὺ δὲν ἔχουν σχέση μετὰ τὴν ἱστορία τοῦ Τσιμισκῆ.

7. Ἐὰν ὑποθέσουμε ὅτι ἔχει ὑπ' ὄψη τὸ ἀμέσως προηγούμενον μνημονευόμενον ἔτος, εἶναι τὸ 421 (+ 551 = 972). Ἀλλὰ οἱ μελετητὲς ἔχουν ἀποδείξει ὅτι τὰ γεγονότα αὐτὰ ἀφοροῦν τὸ 974-5.

8. Κατὰ λέξη σημαίνει «ἐλεύθερος». Ἔτσι ὀνομαζόταν στὴ μεσαιωνικὴ Ἀρμενία ἡ κατώτερη τάξη τῶν εὐγενῶν, ποὺ κυρίως ὑπηρετοῦσε στὸ στρατὸ (N. Adontz, Armenia, 342-3, κ.ἄ.).

στάνες τῆς χώρας τῆς Ἀνατολῆς, συναθροίσθησαν περίξ τοῦ βασιλέως τῶν Ἀρμενίων Ἀσωτίου τοῦ Βαγρατίδου⁹, ὁ βασιλεὺς τοῦ Καπὰν Φίλιππος¹⁰, ὁ βασιλεὺς τῶν Ἀλβανῶν Γουργέν¹¹, ὁ κύριος τοῦ Κὰρς Ἀβᾶς, ὁ κύριος τοῦ Βασπουρακὰν Σενεκερίμ¹², ὁ κύριος τῆς Ἀντζεβατσι¹³ Γουργέν καὶ ὄλος ὁ οἶκος τοῦ Σασούν¹⁴. Αὐτοί, ἄνδρες ὡς ὀγδόντα χιλιάδες, ἐστρατοπέδευσαν στήν ἐπαρχία¹⁵ Χάρκ¹⁶. Ἐκεῖ πρὸς αὐτοὺς ἀφίχθησαν οἱ ἀγγελιοφόροι τοῦ βασιλέως τῶν Ρωμαίων, οἱ ὅποιοι εἶδαν πάνοπλον / πρὸς ἀπόκρουσιν / ὅλη τὴ χώρα τῶν Ἀρμενίων καὶ ἀναχωρήσαντες ἐνημέρωσαν γι' αὐτὸ τὸν βασιλέα Τιμισκῆ. Μετὰ τοὺς ἀγγελιοφόρους τῶν Ρωμαίων ἀνεχώρησαν καὶ τινες ἄρχοντες τῶν Ἀρμενίων, ὁ φιλόσοφος Λέων¹⁷ καὶ ὁ ἄρχων Εὐστάθιος¹⁸ ὁ Τορνίκιος καὶ ἄλλοι ἐπίσκοποι καὶ βαρδαπέται¹⁹, οἱ ὅποιοι καὶ ἐσύναψαν / σύμφωνον / φιλίας

9. Ἀσώτιος (Ashot) Γ' Βαγρατίδης, βασιλιάς τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας (τοῦ Σιράκ), 953-77. Εἶναι γνωστὸς μὲ τὸ παρωνύμιο «Ἐλετήμων». Αὐτὸς μετέφερε τὴν πρωτεύουσα τῶν Βαγρατιδῶν ἀπὸ τὸ Κὰρς στὸ Ἀνίο.

10. Ἐχει ὑπ' ὄψη τὸν βασιλέα τῆς Συνής (κέντρον ἢ πόλη Καπὰν), ἐπαρχίας τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας.

11. Ὁ βασιλιάς τῆς ἐπαρχίας Λορὲ στή ΒΑ. Ἀρμενία.

12. Δὲν εἶναι ὁ τελευταῖος βασιλιάς τῆς Βασπρακανίας (Βασπουρακὰν) Σενεκερίμ (ἔγινε βασιλιάς μόνο ἀπὸ τὸ 1003), ἀλλὰ ὁ πάππος του, πού ἐπίσης ὀνομάζονταν Σενεκερίμ.

13. Ἡ Ἀντζεβατσι εἶναι ἡ 11η ἐπαρχία τῆς χώρας τῆς Βασπρακανίας.

14. Ὁ Dulaugier μεταφράζει «maison de Sassan» καὶ ὑποθέτει τοὺς... Σασσανίδες, τὴν Ἀτροπατηνὴ ἢ τὴν Περσαρμενία (Matthieu d'Edesse, 379-80). Βέβαια ἔχουμε τὸ Σασούν (μερικὰ χειρόγραφα τῆς «Χρονογραφίας» τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ γράφουν Σασούν).

15. Μεταφράζουμε «ἐπαρχία» τὸ gavar τοῦ ἄρμενικοῦ κειμένου. Συμπίπτει περίπου μὲ τὸ «κλίμα» ἢ τὸ canton. Ὁ Dulaugier μεταφράζει district. Στὶς ἄρμενικὲς πηγὲς μεγάλες περιφέρειες ὀνομάζονται ashkari, τὰ ὁποῖα συγκροτοῦνται ἀπὸ μικρότερα gavar. Ἄς σημειώσουμε ὅτι ὁ Π. Καρολίδης (Γλωσσάριον Συγκριτικῶν Ἑλληνοκαππαδοκικῶν Λέξεων, Σμύρνη 1885, 168) ἀπαντᾷ τὴ λέξη στήν καππαδοκικὴ διάλεκτο τῆς ἐλληνικῆς γλώσσας (gavari). Εἶναι ἐνδεχόμενον ὅτι στὸ ἐλληνικὸ πρωτότυπο τῶν ἐπιστολῶν τοῦ Τιμισκῆ, ἐὰν ὄχι παντοῦ, κυρίως θὰ ἦταν γραμμένο «χώρα».

16. Τὸ Χάρκ (Hark'), πού ὁ Κωνσταντῖνος Πορφυρογέννητος ὀνομάζει Χάρκα (De administrando imperio, κεφ. 44), εἶναι ἡ 9η ἐπαρχία τῆς χώρας Τουρουμπεράν, Α. τῆς Θεοδοσιούπολης, καὶ συνορεύει μὲ τὴν εὐρισκόμενη ἀπὸ τὸ 966 ὑπὸ βυζαντινὴ κυριαρχία ἐπαρχία τοῦ Ταρών. Ἐδῶ τὴν ὁδὸ τοῦ Τιμισκῆ ἐφραξαν οἱ ἄρμενικὲς ἐνοπλες δυνάμεις. Πρέπει νὰ θεωρήσουμε ἀπλή παρανόηση τὰ γραφόμενα ἀπὸ τὸν Ἀμαντο, ὅτι, δῆθεν, ὁ Τιμισκῆς «ἐπροχώρησε πρὸς τὴν Ἀρμενίαν μέχρι τοῦ Βάν» (Κ. Ἀμαντου, Ἱστορία, 2, 141). Οἱ Βυζαντινοὶ ἐφθασαν στὸ Βάν μόνο τὸ 1021, ἐπὶ Βασιλείου Β'.

17. Ἡ Παντιλέων. Ἡ δευτέρη ἐπιστολὴ τοῦ Τιμισκῆ ἀπευθύνεται σ' αὐτόν.

18. Στὸ ἄρμενικὸ κείμενον Στάτ (στὴν πρώτη ἐκδοσὴ τοῦ ἄρμενικοῦ κειμένου «Σμπάτ» (Συμβάτιος). Πρὸ τοῦ Στάτ βρίσκουμε τὸν ἄρμενικὸ σύνδεσμο «ευ» (= καί, «καὶ Στάτ ἄρχων Τορνίκιος»). Κατὰ τὴ γνώμη μου τὰ δύο πρῶτα γράμματα τοῦ ὀνόματος ὁ Εὐστάθιος, ἀντιγραφεὺς τοῦ χειρογράφου, θεώρησε ἐπανάληψη τοῦ συνδέσμου «ευ» (= καί) ἔτσι τὸν ἔσβησε καὶ ἔμεινε ὡς ὄνομα τὸ Στάτ («καὶ Στάτ» ἀντὶ «Ευστάτ»).

19. Ἡ λέξη βαρδαπέτης ἔχει πολλὰ σημασίες. Ἐδῶ σημαίνει διδάσκαλος, ἐπιστήμων-μοναχός.

καὶ εἰρήνης μεταξὺ τοῦ βασιλέως τῶν Ρωμαίων καὶ τοῦ βασιλέως τῶν Ἀρμενίων Ἀσωτίου. Ὁ βασιλεὺς Τιμισκῆς μὲ τεράστια δύναμη ἐκστράτευσε καὶ ἐφθασε στὸ Ταρών, χώραν τῆς Ἀρμενίας, κατῆλθε στὸ Μοῦς²⁰, ἐμπροσθεν τοῦ κάστρου τῶν Αἰγῶν²¹. Τὴν πρώτη νύκτα ὁ στρατὸς τῶν Ρωμαίων ὑπέστη πάμπολλα δεινὰ ἀπὸ τὸ πεζικὸ τοῦ Σασούν²². Οἱ ἄρχοντες καὶ οἱ βαρδαπέται τῶν Ἀρμενίων ἦλθαν πρὸς τὸν βασιλέα τῶν Ρωμαίων καὶ τοῦ παρέδωσαν τὴν ἐπιστολὴ τοῦ καθολικοῦ τῶν Ἀρμενίων Βαάν²³. Ὁ βασιλεὺς ἔλαβε αὐτὴν μετὰ χαρᾶς καὶ ἄκρως ἐπαίνεσε καὶ / τὸ περιεχόμενο / τῆς ἐπιστολῆς, καὶ τὸν κομίσαντα αὐτὴν, ἐσύναψε σύμφωνον φιλίας μὲ τοὺς Ἀρμενίους καὶ παρεκάλεσε τὸν Ἀσώτιον νὰ τοῦ στείλῃ εἰς ἄρωγὴν στρατεύματα. Ὁ Ἀσώτιος ἔδωσε ἀπὸ τὴν χώραν τῶν Ἀρμενίων στρατιῶτες ἐνόπλους, ἄνδρας πολεμικοὺς ὡς δέκα χιλιάδες. Ὁ Τιμισκῆς παρεκάλεσε καὶ ὀψώνιον καὶ ρόγας. Ὁ Ἀσώτιος τοῦ ἔδωσε ὅλα αὐτά. / Ὁ Τιμισκῆς / μὲ μεγάλα δῶρα ἐξαπέλυσε τὸν βαρδαπέτην τῶν Ἀρμενίων Λέοντα, τοὺς ἐπισκόπους καὶ ἄρχοντες πρὸς τὸν βασιλέα τῶν Ἀρμενίων Ἀσώτιον.

Τότε ὁ Τιμισκῆς, τὸν ὁποῖον ἐκάλουν κὺρ Γιάννη, ἔστρεψε τὸν πόλεμον κατὰ τῶν Ἀράβων καὶ μὲ μεγάλη δύναμη καὶ ὀργὴν κατέκλυσε ὅλη τὴ χώρα μὲ ἀφανισμόν καὶ αἶμα, ἐδῆωσε ἐκ θεμελίων πολλὰς πόλεις καὶ κάστρα, ἕως τριακόσια, μέχρι τὰ ὄρια τῆς πόλης τῆς Βαγδάτης. Τὴν Ἐδεσσα ὁμως δὲν ἐρείπωσε λόγω τῶν κατοικούντων στὸ ὄρος καὶ σὲ ὅλη τὴν περίχωρον τῆς Ἐδέσσης

20. Τὸ Μοῦς (ἔτσι ὀνομάζεται καὶ σήμερον) ἦταν τὸ κέντρο τῆς χώρας τοῦ Ταρών, γιὰ τὴν ὁποία βλ. τὸ 43ο κεφάλαιο τοῦ Administrando imperio τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογέννητου — «Περὶ τῆς χώρας τοῦ Ταρών».

21. Στὸ ἄρμενικὸ κείμενον Aitzeats berd τὸ δίχως ἄλλο εἶναι κατὰ λέξιν μετάφρασις τοῦ ἐλληνικοῦ «Αἰγῶν κάστρον». Τὸ κάστρο αὐτὸ τῆς χώρας τοῦ Ταρών εὐρίσκετο στήν ὁδὸ ἀπὸ τὴς χιονοσκεπαστες κορυφῆς τοῦ Σασούν στὸ Ταρών, ὅπως βλέπουμε ἀπὸ τὰ δεδομένα τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ, κοντὰ στὸ Μοῦς. Ὑποθέτουν ὅτι εἶναι τὸ Hirsis kalesi τῶν Τούρκων (βλ. Μ. Χοβαννεσιάν, Τὰ Κάστρα τῆς Ἀρμενίας, Βενετία 1970, 180, ἀρμ.).

22. Καὶ Σανασούν. Κάστρο στήν ἐπαρχία τῆς Ἀρζανηνῆς, καὶ σήμερον ὀνομάζεται Σασούν. Ἐκτενέστερα βλ. W. Tomaschek, Sasun und des Quellengebiet des Tigris. Historisch-topographische Untersuchung, Sitzungsberichte des Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Classe, τόμ. 133 (Βιέννη 1895). Τοὺς κατοίκους τοῦ Σασούν (Σανασούν), Σανασουνίται, μνημονεύει ὁ Γεώργιος ὁ Κύπριος (Georgii Cyprii Descriptio Orbis Romani, ἐκδ. H. Gelzer, Λειψία 1890, 48) καὶ ἄλλοι βυζαντινοὶ συγγραφεῖς.

23. Ὁ καθολικὸς Βαάνης ἀπὸ τὴ Συνή, τὸν ὁποῖον οἱ σύγχρονοι κατηγόρησαν ὡς φιλοχαλκηδονίτη. Ὅπως φαίνεται, ἡ ἰδιότητά του ὡς φιλοχαλκηδονίτη συνέβαλε ὥστε στὶς διαπραγματεύσεις μεταξὺ Τιμισκῆ καὶ Ἀσωτίου νὰ λάβει μέρος ὁ Βαάνης αὐτός. Ἄς σημειώσουμε ὅτι ἔγινε καθολικὸς (= Πατριάρχης) τὸ 968, οἱ πηγὲς ἀναφέρουν ὅτι ὁ φιλοδιφυσιτισμὸς του ἔγινε αἰτία νὰ τὸν καθαιρέσουν τὸν ἐπόμενον χρόνον. Ἀλλὰ ἐὰν τὸ 969 ἔπαψε νὰ εἶναι καθολικὸς, πῶς μπορούσε νὰ λάβει μέρος στὶς διαπραγματεύσεις τοῦ 974; Ὁ Ματθαῖος Ἐδεσσηνὸς γράφει ὅτι ὁ Βαάνης ἦταν καθολικὸς πέντε χρόνια, κατὰ τὸν οἱ ἄρμενολόγοι θεωροῦν ἀβάσιμον βλ. Μαλαχίας Ὀρμανιάν, Ἱστορία τῆς Ἀρμενικῆς Ἐκκλησίας, 1 (Βηρυτὸς 1959), 1116-7 (ἀρμεν.).

μοναζόντων, ὡς δώδεκα χιλιάδων. / Ὁ Τσιμισκῆς / μὲ μεγάλο θυμὸ ἐφθασε καὶ ἐπιτέθηκε κατὰ τῆς πόλης Ἀμίδας. Κύριος τῆς πόλης τῆς Ἀμίδας ἦταν γυναικα, ἡ ἀδελφὴ τοῦ Ἀραβα ἀμηρᾶ Χαμδούν. Στὸ παρελθὸν ὁ βασιλεὺς εἶχε διαπράξει μὲ αὐτὴν ἀμαρτία, καὶ γι' αὐτὸ δὲν ἐμεθόδευσε τὴν ἄλωση τῆς πόλης τῆς Ἀμίδας. Ἡ γυναικα, ἀνελθοῦσα στὸ τεῖχος τῆς πόλης, ἔλεγε στὸν βασιλέα: "Ἐρχεσαι σὲ πόλεμο ἐναντίον γυναικός καὶ δὲν θεωρεῖς αὐτὸ ὄνειδος;" Λέγει ὁ βασιλεὺς: "Ἐγὼ ἔχω κάνει ὄρκο νὰ κατασκάψω τὰ τεῖχη τῆς πόλης σου, γιὰ νὰ λυτρωθοῦν οἱ ἐν αὐτῇ ἄνθρωποι". Λέγει ἡ κυρία τῆς πόλης: "Κατέβα καὶ κατάστρεψε τὴ γέφυρα τοῦ Τίγρη ποταμοῦ καὶ οὕτως ἐκπληρεῖς τὸν ὄρκο σου". Ὁ βασιλεὺς ἔκανε ἔτσι, καὶ παίρνοντας πολλοὺς θησαυροὺς ἀπὸ χρυσὸ καὶ ἄργυρο, ἄφησε τὴν Ἀμιδα λόγῳ τῆς γυναικός του, καθὼς καὶ διότι ὁ Τσιμισκῆς ἦταν ἀπὸ τὴν ἐπαρχία Χοζάν²⁴, ἀπὸ τὴν τοποθεσία πού τὴν ὀνομάζεται Τσιμισκατζάκ²⁵, ἡ δὲ γυναικα ἔμενε στὴν περιοχὴ αὐτῆ. Τὴν ἐποχὴ αὐτὴ οἱ Ἀραβες εἶχαν κυριεύσει πολλοὺς τόπους. Καὶ οὕτως ὁ βασιλεὺς τῶν Ἑλλήνων πορεύεται διὰ τῆς χώρας τῶν Ἀράβων χύνων αἵματα μέχρι τὰ ὄρια τῆς πόλης τῆς Βαγδάτης, γυρίζει ἀπὸ τὰ ἐνδότερα τῆς χώρας καὶ ὀδεύει πρὸς τὴν πόλη Ἱερουσαλήμ. Καὶ γράφει ὁ βασιλεὺς Τσιμισκῆς στὸν βασιλέα τῶν Ἀρμενίων οὕτως:

1. Ἡ ἐπιστολὴ τοῦ αὐτοκράτορος Ἰωάννη τοῦ Τσιμισκῆ πρὸς Ἀσώτιο Γ' Βαγρατίδη, βασιλιὰ τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας

"Ἀσώτιε, ἄρχων τῶν ἀρχόντων τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας καὶ πνευματικὸν ἐμοῦ τέκνον²⁶. Ἄκουσε καὶ γνῶθι πόσα θαύματα ἔκανε ὁ Θεὸς σὲ μᾶς, τί θαυμάσιες καὶ ἀκατάληπτες νίκες, γνῶθι τὴν γλυκύτητα τοῦ Θεοῦ καὶ τὴν τεράστια φιλανθρωπία πού ἔδειξε ὁ Κύριος στὴν κληρονομία του. Τὸ ἔτος αὐτὸ ἐμεῖς θελήσαμε διὰ χειρὸς τῆς βασιλείας μας²⁷ νὰ γνωστοποιήσουμε στὴ μεγαλειότητά σου, ὦ Ἀσώτιε Βαγρατίδη καὶ τέκνον μου, νὰ σοὺ κάνουμε δῆλον, ὅπως καὶ σύ, πού εἶσαι Χριστιανός, πιστὸς καὶ ἀγαπητὸς τῆς βασιλείας μας, εὐφρανθεῖς καὶ δοξάσεις τὸ τεράστιο μεγαλεῖο τοῦ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ μας, καὶ γνώσεις πόσον βοηθεῖ ὁ Θεὸς τοὺς Χριστιανούς κατὰ πάντα χρόνον. Διότι

24. Καὶ φρούριο μὲ τὸ ἴδιο ὄνομα τοῦ κλίματος Βαλαβιτηνῆς τῆς Τέταρτης Ἀρμενίας τοῦ Ἰουστινιανοῦ Α'. Μνημονεύει ὁ Κωνσταντῖνος Πορφυρογέννητος («Τὸ τοῦ Χοζάνου θέμα»): De administrando imperio, κεφ. 50.

25. Τὸ Τσιμισκατζάκ βρισκόταν στὴ Σωφηνῆ τῆς Τέταρτης Ἀρμενίας, στὴν Α. δχθη τοῦ Εὐφράτη. Τώρα οἱ Τοῦρκοι τὸ ὀνομάζουν Τσιμισκεζέκ.

26. Ἀκολουθεῖ κατὰ λέξιν τὴ βυζαντινὴ ἔθιμοτυπία. Ὁ Κωνσταντῖνος Πορφυρογέννητος γράφει ὅτι τὸ γράμμα πρὸς τὸν «ἄρχοντα τῶν ἀρχόντων τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας» πρέπει νὰ ἀρχίζει μὲ τὴ μνημόνευση τοῦ ὀνόματος τοῦ βυζαντινοῦ αὐτοκράτορα, κατὰ συνέχεια νὰ περιλαμβάνει τὸ ὄνομα τοῦ ἐπιστολολήπτη Ἀρμένιου ἡγεμόνα μὲ τίς λέξεις: «...καὶ πνευματικὸν ἡμῶν τέκνον» (De Cerimoniis aulae byzantinae, I, lib. II, 48, σ. 687).

27. Δηλαδή ἰδιοχειρῶς.

κάναντες ὑποτελῆ τῆς βασιλείας μας ὅλη τὴν ἀνατολὴ τῶν Περσῶν²⁸, ἢ πῶς βγάλαμε τὰ λείψανα τοῦ ἁγίου πατριάρχου Ἰακώβου Νισίβης ἀπὸ τὴν πόλη τῶν Ἀράβων²⁹, πήραμε ἀπὸ τοὺς Ἀραβες τοὺς φόρους μας, ἐξάγαμε τὴν αἰχμαλωσία ἀπὸ αὐτοὺς³⁰ καὶ ἀναχωρήσαμε. Πῶς / ἐπατάξαμε / τὴ γαυρία καὶ τὴν ἐπαρση τοῦ ἀμερμουμνῆ, ἄρχοντα τῶν Ἀφρων τῶν ὀνομαζομένων Μάχρ Ἀραβες³¹, πού μὲ μεγάλη δύναμη ἐπιτέθηκαν ἐναντίον μας, καὶ ἀρχικῶς ἔθεσαν σὲ κίνδυνο τὰ στρατεύματά μας, ἀλλὰ μετὰ τοὺς νικήσαμε μὲ μεγάλη δύναμη καὶ τὴν ἀρωγὴ τοῦ Θεοῦ, καὶ κατατροπώθηκαν μὲ αἰσχύνη, ὅπως καὶ οἱ ἄλλοι ἐχθροί. Τότε ἐμεῖς ἐκυριεύσαμε τὰ ἐνδότερα τῆς χώρας των καὶ κατασφάζαμε / τοὺς κατοίκους / πολλῶν ἐπαρχιῶν καὶ ταχέως ἐξήλθαμε καὶ ἐχειμάσαμε, ρογεύσαμε ὅλο τὸ ἱππικὸ μας³². Καὶ στίς ἀρχές τοῦ μηνὸς Ἀπριλίου ἐκστρατεύσαμε στὴ χώρα τῶν Φοινικέων καὶ Παλαιστινίων καὶ κατατροπώσαμε τοὺς μαροὺς Ἀφρους πού εἶχαν ἔλθει στὴ χώρα τοῦ Σάμ³³. Καὶ μὲ ὅλα μας τὰ στρατεύματα πορευθήκαμε πρὸς Ἀντιόχεια³⁴, περάσαμε διὰ πάντων τῶν ἐπαρχιῶν τῆς βασιλείας μας, ὑπετάξαμε, τάξαντες βαρεῖς φόρους, καὶ μὲ ἄπειρη αἰχμαλωσία φθάσαμε ἕως τὴν πόλη Ἐμεσα. Μᾶς προηπάντησαν καλὰ οἱ φοροτελεῖς μας κάτοικοι. Φθάσαμε ἕως τὸ Βατολβέκ³⁵, τὸ ὀνομαζόμενο Ἡλιούπολη, δηλαδή πόλη τοῦ Ἡλίου³⁶, περίπτυστη, φοβερὰ ὀχυρωμένη, πολὺ μεγάλη καὶ πλούσια. Αὐτοῖς³⁷ μᾶς ἐπιτέθηκαν, ἀλλὰ τὸ πλῆθος τῶν στρατιωτῶν μας τοὺς κατετρόπωσε καὶ κατέσφαξε διὰ ρομφαίας. Μετὰ λίγες μέρες πολιορκήσα-

28. Μετὰ τὴ λέξη «Περσῶν» εἶμαι βέβαιος ὅτι στὸ κείμενο τοῦ Ἐδεσσηνοῦ ὑπάρχει μικρὴ lacuna, αὐτὴ τὴν ὑποδειχνεὶ ὁ ἐπόμενος σύνδεσμος «ἢ», τὸν ὁποῖον ὁ Dulaurier ἔσβησε καὶ ἄρχισε μὲ κεφαλαῖο νέα φράση.

29. Μεταφράζω κατὰ λέξιν τὸ κείμενο τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ. Ὁ Dulaurier γράφει: "...nous avons emporté de Nisibe, ville des musulmanes, les reliques du patriarche saint Jacques" (σ. 13 τῆς δευτέρας του μετάφρασης). Ἐτσι καὶ ὁ Κουτσοῦκ-Ἰωαννέσωφ. Ἡ πρώτη μετάφραση τοῦ Dulaurier ἦταν: "...nous avons retiré les reliques du patriarche saint Jacques, de Medzpin (Nisibe), villes des musulmanes" (σ. 17).

30. Δηλαδή ἀπελευθερώσαμε τοὺς Χριστιανούς αἰχμαλώτους, καὶ ὄχι αἰχμαλωτίσαμε τοὺς Ἀραβες.

31. Κατὰ τὸν Dulaurier ὁ Φατιμίδης χαλίφης Μουῖζ, ἡγεμόνας τῆς Αἰγύπτου ἀπὸ τὸ 972. Τὸ Μάχρ εἶναι ἡ ἀραβικὴ Maghrébi «τῆς Δύσης». Ἐδῶ ἔχει ὑπ' ὄψη τοὺς Ἀραβες τῆς Αἰγύπτου.

32. Ὁ Dulaurier ἀντὶ νὰ βάλει τὴν τελεία μετὰ τὴ λέξη «τὸ ἱππικὸ μας», τὴν ἔβαλε μετὰ τὴ λέξη «ἐχειμάσαμε» καὶ ἔτσι βγήκε πῶς ὁ αὐτοκράτωρ ἐρόγευσε τὸ ἱππικὸ στίς ἀρχές τοῦ Ἀπριλίου τοῦ ἐπομένου ἔτους, ὅταν ἡ ἡμερομηνία αὐτὴ ἀφορᾷ ὄχι τὴ ρόγευση τοῦ στρατοῦ, ἀλλὰ τὴν ἀρχὴ τῆς εἰσβολῆς τῶν στρατευμάτων στὴ Φοινίκη καὶ Παλαιστίνη.

33. Ἐχει ὑπ' ὄψη τὴ Συρία. Ἄς ἀναφέρουμε ἐδῶ ὅτι Σάμ ὀνομάζεται καὶ ἡ Δαμασκός (Al-Sham, Dimashk al-Sham).

34. Ἄλλα χειρόγραφα γράφουν «ἐξ Ἀντιοχείας».

35. Δηλαδή Baalbek.

36. Ἡ διασάφηση αὐτῆ, βέβαια, εἶναι τοῦ Ἀρμένιου μεταφραστή.

37. Οἱ ὑπερασπιστὲς τῆς Ἡλιούπολης.

με τὴν Ἡλιούπολη, οἱ στρατιῶτες μας πῆραν μεγάλη αἰχμαλωσία, ἀγόρια καὶ κορίτσια, θησαυροὺς χρυσοῦ καὶ ἀργύρου, πλῆθος ζώων. Ἀναχωρήσαντες ἀπὸ ἐκεῖ πῆγαμε πρὸς τὴ μεγάλη πόλη τὴ Δαμασκό, θέλοντες νὰ πολιορκήσουμε καὶ αὐτή. Ὁ ἑπαρχὸς τῆς πόλης³⁸, ἕνας συνετὸς πολιορκητὴς γέρον, ἔστειλε στὴ βασιλεία μου ἀνθρώπους μὲ δῶρα πολλὰ καὶ μᾶς ἐξελιπάρησε νὰ μὴν αἰχμαλωτῆσουμε, νὰ μὴ δουλώσουμε, ὅπως τοὺς κατοίκους τοῦ Βατολβέκ, μὴ κατασκάψουμε τὴν ἐπαρχία ὅπως τὴν / τῶν Ἡλιουπολιτῶν. / Αὐτοὶ ἔφεραν πλῆθος πολυτίμων δώρων, πολλὰ ἄλογα, θαυμάσιους ἡμίονους, ὠραῖα, ἐκ χρυσοῦ καὶ ἀργύρου, σκευὴ, σαράντα χιλιάδες / νομίσματα / ἀπὸ ἀραβικὸ χρυσὸ³⁹ ὡς φόρο. Αὐτοὶ δέχτηκαν ἀπὸ ἐμᾶς στρατηγούς⁴⁰, καὶ ἔδωσαν ἔγγραφο ὅτι ἔσαι θὰ εἶναι δοῦλοι τῆς βασιλείας μας, ἀπὸ γένος σὲ γένος, καὶ ἀπὸ φυλῆς σὲ φυλῆ. Ἐμεῖς διωρίσαμε ἐκεῖ στρατηγὸ ἕναν ἄνδρα, ὀνομαζόμενον Τοῦρκος, ἄνδρα φημισμένο, Βαγδατηνὸ, πὸ μὲ πεντακοσίους ἰππεῖς ἦλθε νὰ μᾶς ὑπηρετήσῃ καὶ ἐπίστευσε στὸ Χριστό. Αὐτὸς καὶ στὸ παρελθὸν εἶχε ὑπηρετήσῃ στὴ βασιλεία μας⁴¹. Οἱ δὲ Δαμασκηνοὶ ἔκλεισαν, ἐπιβεβαιωμένη μὲ ὄρκο, συμφωνία ὅτι θὰ ἀποτίξουν ἀκωλύτως τοὺς φόρους, θὰ πολεμοῦν κατὰ τῶν δικῶν μας ἐχθρῶν, καὶ ἀπηύθυναν ἐπαίνους στὴ βασιλεία μας. Καὶ γι' αὐτὸ ἐμεῖς δὲν τοὺς πολιορκήσαμε. Ἀναχωρήσαντες ἀπὸ ἐκεῖ πῆγαμε πρὸς τὴ θάλασσα τῆς Τιβεριάδος, ὅπου ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἔκανε τὰ θαύματα μὲ ἑκατὸν πενηντατρία ψάρια⁴². Θελήσαμε νὰ πολιορκήσουμε καὶ αὐτὴ τὴν πόλη⁴³, ἀλλὰ οἱ κάτοικοι ὑποτάχθηκαν στὴ βασιλεία μας καὶ μᾶς ἔφεραν, ὅπως οἱ Δαμασκηνοὶ, πλῆθος δώρων / ἀπότισαν / φόρους τριάντα χιλιάδες νομίσματα, ἐκτὸς τῶν ἄλλων δασμῶν. Καὶ μᾶς παρεκάλεσαν νὰ τοὺς διωρίσουμε στρατηγούς ἀπὸ τοὺς δικούς μας, δώσαντες ἔγκυρον ἔγγραφο ὑποτελείας, ὅπως οἱ Δαμασκηνοὶ, ὅτι θὰ εἶναι ἔσαι ὑποτελεῖς μας καὶ θὰ μᾶς ἀποτίξουν ἀκωλύτως φόρον. Καὶ γι' αὐτὸ ἀπαλλάξαμε αὐτοὺς τῆς αἰχμαλωσίας, δὲν κατασκάψαμε τὴν πόλη, ὁμοίως καὶ τὴν / πέριξ / χώρα, δὲν λεηλατήσαμε αὐτούς, διότι ἦταν πάτριος γῆ τῶν ἁγίων Ἀποστόλων. Ὁμοίως καὶ τὴν Ναζαρέτ, ὅπου ἡ Θεοτόκος ἁγία παρθένος Μαρία ἄκουσε ἀπὸ τὸν ἄγγελο τὴν εὐαγγελία. Πῆγαμε καὶ στὸ ὄρος Θαβώρ, ἀνεβήκαμε στὸν τόπο ὅπου μεταμορφώθηκε ὁ Χριστὸς ὁ Θεὸς ἡμῶν. Καὶ ὅταν ἀκόμη εὐρισκόμεθα στὸν τόπο αὐτό, ἦλθαν σὲ μᾶς ἀπὸ τὴν Ραμλὲ καὶ τὴν Ἱερουσαλήμ γιὰ νὰ ἐκλιπαρήσουν τὴ βασιλεία μας νὰ βροῦν ἔλεος ἀπὸ ἐμᾶς, μᾶς παρεκάλεσαν νὰ τοὺς διωρίσουμε στρατηγὸ, καὶ ἔγιναν ὑποτελεῖς, ἔκλεισαν συμφωνία νὰ

38. Ὁ Dulaurier μεταφράζει: "Gouverneur", ὁ Ματθαῖος γράφει «κύριος (ἀρχηγός) τῆς πόλεως».

39. Κατὰ λέξη «ἀπὸ τῶν Ἀράβων χρυσοῦ». Ὅπως φαίνεται ἀραβικὸ χρυσὸ νόμισμα. Ὁ Dulaurier μετέφρασε: "Les tributs des Arabes, qui s'élevaient en or a 40.000 tahégans..."

40. Ὁ Dulaurier μετέφρασε: "...furent distribués par nous à nos soldats!"

41. Κατὰ τὸν Dulaurier: "Il avait déjà, auparavant, reconnu notre autorité!"

42. Ὁ Dulaurier «διορθώνει» τὸ κείμενο: "avec deux poissons /et cinq pains d'orge".

43. Ποιὰ;

εἶναι ὑπόδουλοι μας καὶ ἐμεῖς τοὺς ἱκανοποιήσαμε. Ἐμεῖς θελήσαμε νὰ ἐλευθερώσουμε ἐκ τῆς αἰχμαλωσίας τῶν Ἀράβων καὶ τὸν ἅγιον Τάφον τοῦ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν. Διωρίσαμε στρατηγούς σὲ ὅλα τὰ θέματα⁴⁴ πὸ μᾶς ὑποτάχθηκαν καὶ ἔγιναν ὑποτελεῖ τῆς βασιλείας μας, στὴν Πενιάδα⁴⁵ πὸ λέγεται Δεκάπολις, στὴ Γενησαρέτ καὶ στὴν Ἄρκεα πὸ ὀνομάζεται Πτολεμαῖς, καὶ συμφώνησαν ἔγγράφως νὰ ἀποτίξουν ἀκωλύτως ἐτησίους φόρους καὶ νὰ εἶναι ὑπόδουλοι μας. Πῆγαμε ἕως τὴν Καισάρεια πὸ βρίσκεται στὴν ἀκτὴ τῆς μεγάλης θάλασσας τοῦ Ὠκεανοῦ, / οἱ κάτοικοι / τῆς ὁποίας ὑποτάχθηκαν καὶ ἔγιναν ὑπὸ τὴν ἐπικράτειά μας. Καὶ ἐὰν οἱ μιανοὶ Ἄφροι φοβηθέντες ἐμᾶς δὲν εἶχαν καταφύγει ἀπὸ τὰ παράλια στὰ κάστρα⁴⁶, μὲ τὴ βοήθεια τοῦ Θεοῦ θὰ εἶχαμε πάει καὶ στὴν ἁγία πόλη Ἱερουσαλήμ καὶ προσευχηθεῖ στοὺς ἁγίους τόπους τοῦ Θεοῦ. Ἀλλὰ ὡς ἀκούσαμε ὅτι οἱ κάτοικοι τῶν παραλίων κατέφυγαν / στὰ κάστρα /, τότε ὑποτάξαμε τὸ ἄνω μέρος τῆς χώρας καὶ ἐκάναμε αὐτὸ ὑπὸ τὴν ἐπικράτεια τῶν Ρωμαίων, διωρίσαμε ἐκεῖ στρατηγὸ καὶ κλίναμε αὐτὸ πρὸς τὸ μέρος μας, τοὺς δὲ μὴ ὑποταχθέντες πολιορκήσαμε διὰ πολέμου καὶ πορθήσαντες, πορευθήκαμε μέσῳ τῆς παραλίας ὁδοῦ, τῆς κατευθεῖαν ἀγούσης στὴ Βηρυττό, περίφημη καὶ ὀνομαστή, ἐρυμνωτάτη πόλη πὸ τώρα ὀνομάζεται Μπερούθ⁴⁷, καὶ πολεμήσαντες, μὲ σκληρὴ μάχη ἀλώσαμε καὶ αὐτὴ, αἰχμαλωτήσαμε χίλιους Ἄφρους, μεταξὺ αὐτῶν καὶ τὸν Νουσερή⁴⁸, [στρατηγὸ] τοῦ ἀμερμουμνῆ, καὶ ἄλλους ἀρίστους στρατηγούς. Στὴν πόλη αὐτὴ διωρίσαμε στρατηγὸ, καὶ θελήσαμε ἀπὸ ἐκεῖ νὰ περάσουμε στὴ Σιδώνα. Ὅταν οἱ Σιδώνιοι ἔμαθαν αὐτό, ἔστειλαν πρὸς ἐμᾶς τοὺς πρεσβύτες τῆς πόλης των, οἱ ὁποῖοι ἐλθόντες, ἐκλιπάρησαν τὴν βασιλεία μας καὶ παρεκάλεσαν μὲ μεγάλο φόβο νὰ γίνουν ὑποτελεῖς μας καὶ ὑπόδουλοι. Ἐμεῖς ἀνταποκριθήκαμε στὴ δέησή τους, ἐκπληρώσαμε τὴ θέλησή τους, καὶ λαβόντες ἀπὸ αὐτοὺς τὸν φόρο, διωρίσαμε σ' αὐτοὺς στρατηγούς. Καὶ ἐγερθέντες ἀπὸ ἐκεῖ πῆγαμε στὴ Βύβλο, ἀρχαῖο καὶ ὄχυρὸ κάστρο, ἐκπορθήσαμε καὶ αὐτὸ καὶ αἰχμαλωτίσαμε τοὺς κατοίκους του. Μὲ πολλὰ λάφυρα καὶ αἰχμαλώτους περάσαμε διὰ πάντων τῶν παραλίων πόλεων, διὰ τραχέων στενωπῶν, διὰ τοιοῦτων στενῶν καὶ κακῶν διαβάσεων, πὸ μὲχρι τότε δὲν εἶχε περάσει ἰππικό. Ἐκεῖ ἀπαντήσαμε ἀνθηρὲς καὶ θαυμαστὲς πόλεις καὶ ὄχυρά κάστρα μὲ Ἀραβες φρουρούς. Ὅλα τὰ ἐκπορθήσαμε καὶ κατεδαφίσαμε, τοὺς δὲ κατοίκους ἤγαμε σὲ αἰχμαλωσία. Πρὶν φθάσωμε στὴν Τρίπολη, στείλαμε τὸ ἰππικό

44. Ἔτσι στὸ ἀρμενικὸ κείμενο, πὸ εἶναι terminus technicus ὁ Dulaurier μετέφρασε "tous les pays".

45. Ἔτσι στὸ κείμενο. Ὁ Dulaurier γράφει Beniata στὴν πρώτη του μετάφραση καὶ Bethsan στὴ δεύτερη.

46. Τὸ ἀρμενικὸ κείμενο ἐδῶ εἶναι λίγο ἀσαφές, ἀλλὰ ἡ συνέχεια ὑποδεικνύει ὅτι πρέπει νὰ μεταφραστεῖ ἔτσι.

47. «Ποῦ τῶρ ὀνομάζεται Μπερούθ» εἶναι διασάφηση τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ.

48. Ὁ εὐνοῦχος Νασίρ.

των θεματικῶν καὶ τῶν ταγματικῶν στήν ὀνομαζομένη Καρερὲς κλεισοῦρα⁴⁹, διότι ἀκούσαμε ὅτι οἱ μιανοὶ Ἄφροϊ ἐκάθοντο στήν κλεισοῦρα. Διατάξαμε νὰ τοποθετήσουν ἐνέδρες καὶ κατασκευάσαμε γι' αὐτοὺς παγίδες θανατηφόρους. Καὶ ἐπραξαν ὡς διατάξαμε. Ἀπὸ τὶς δύο χιλιάδες ἀπὸ αὐτοὺς ποὺ καταφανῶς ἐπιτέθηκαν ἐναντίον τῶν στρατιωτῶν μας, τοὺς περισσότερους ἐφόνευσαν, πολλοὺς ἀπὸ αὐτοὺς δεσμίους ἔφεραν μπροστὰ στὴ βασιλεία μας. Ἐπίσης ὅπου συναντοῦσαν αὐτοὺς, ἔτρεπαν σὲ φυγή. Ἀφανίσαμε ὅλη τὴ χώρα τῆς Τρίπολης, κατακόψαμε τοὺς ἀμπελῶνες, τοὺς ἐλαιῶνες καὶ τοὺς κήπους των, σπείραμε τὸν ὄλεθρο καὶ κατασυντρίψαμε ὅλες τὶς ἐπαρχίες⁵⁰. Καὶ οἱ Ἄφροϊ ποὺ ἦταν ἐκεῖ, ἀποτόλμησαν καὶ ἤλθαν σὲ πόλεμο ἐναντίον μας. Τότε ἐμεῖς τοὺς ἐπιτεθήκαμε καὶ κατασφάζαμε αὐτοὺς κυριολεκτικῶς. Μετὰ πῆραμε τὴ μεγάλη πόλη Τζοῦελ ποὺ τὴν ὀνόμαζαν Γαβαῶν, τὴ Βαλανέα καὶ τὸ Σιχούν, καὶ αὐτὴ τὴ φημισμένη Ζουρζαῦ. Μέχρι τὴ Ραμλὲ καὶ τὴν Καισάρεια δὲν ἔμεινε οὔτε παραλία οὔτε χέρσος ποὺ δὲν ὑποτάχθηκε στὴ βασιλεία μας μὲ τὴ δύναμη τοῦ Ἀδμηουρηγῆτου Θεοῦ, διότι μέχρι τὴ Βαβυλῶνα⁵¹ αὐτοὺς τοὺς κάναμε ὑποχείριους τῆς βασιλείας μας καὶ δούλους μας. Ἡ βασιλεία μας μὲ πλῆθος στρατεύματα ἐπὶ μῆνες περιῆλθε τὴ χώρα αὐτή, ἐμεῖς ἐρημώσαμε τὶς πόλεις καὶ τὶς χῶρες, ὁ δὲ ἀμερμουμνῆς δὲν ἐτόλμησε νὰ ἐξέλθῃ ἀπὸ τὴ Βαβυλῶνα ἐναντίον μας ἢ νὰ στείλῃ ἰππικὸ σὲ βοήθεια τῶν στρατιωτῶν του. Καὶ ἂν δὲν ἦταν στὰ μέρη αὐτά, ποὺ εἶναι κοντὰ στὴ Βαβυλῶνα, ὁ σκληρὸς καύσων καὶ ἀνυδρὴ διάβαση, ὅπως ξέρεϊ καὶ ἡ ἐνδοξότητά σου, ἡ βασιλεία μου θὰ ἐπορευέτο καὶ μέχρι τὴ Βαβυλῶνα. Ἐμεῖς / τὸν ἀμερμουμνῆν / αὐτὸν καταδιώξαμε καὶ κατανικήσαμε, μὲ τὴ χάρη τοῦ Θεοῦ, ποὺ μὲ ἀνέδειξε βασιλέα.

Ἀπελευθερώθηκαν τώρα ὅλη ἡ Φοινίκη, Παλαιστίνη καὶ Συρία ἀπὸ τὴ δουλεία τῶν Ἀράβων⁵² καὶ ὑποτάχθηκαν στὴν ἐπικράτεια τῶν Ρωμαίων. Ἀλλὰ καὶ τὸ μεγάλο ὄρος τοῦ Λιβάνου μπῆκε στὰ πλαίσια τοῦ κράτους μας, ὅλους δὲ τοὺς εὐρισκομένους ἐκεῖ ἀναριθμήτους Ἄραβες χειρώσαντες καταμερίσαμε στοὺς ἰππεῖς μας. Τὴ Συρία⁵³ διοικήσαμε πρῶτος καὶ φιλανθρώπως, εἴκοσι περίπου χιλιάδες ψυχὲς βγάλαμε ἀπὸ ἐκεῖ καὶ ἐγκαταστήσαμε στὴ Γαβαῶν. Καὶ οὕτως γινώθι τί πρωτοφανεῖς νίκες χορήγησε ὁ Θεὸς στοὺς Χριστιανούς. Στὴν

49. Καρερὲς (ἀρμ. κάρ σημαίνει λίθος, ἐρὲς = πρόσωπο, ἐπομένως Λιθοπρόσωπον). Οἱ βυζαντινὲς πηγὲς μνημονεύουν στὰ μέρη αὐτά «ὄρος λεγόμενον Λιθοπρόσωπον». Βλ. E. Honigmann, Die Ostgrenze, 100 καὶ τὸ ἄρθρο τοῦ ἰδίου («Θεοῦ πρόσωπον») στὴ RE, Zweite Reihe, 11 Halbband (1936), στήλ. 257-8.

50. Ἄλλα χειρόγραφα γράφουν «ὅλη τὴν ἐπαρχία».

51. Ἔτσι στὸ κείμενό μας. Τὸ κείμενο τοῦ Dulaurier ἔχει καὶ τὸ ἐπίθετο «μεγάλην» (Βαβυλῶνα). Ἐκτὸς τῆς Βαγδάτης στὶς πηγὲς Βαβυλῶν ὀνομάζεται καὶ τὸ Κάιρο. Ὁ Dulaurier νομίζει ὅτι ὁ λόγος ἀφορᾷ τὸ Κάιρο.

52. Κατὰ τὸν Dulaurier «de la tyrannie des musulmans».

53. Ὁ Ἀρμένιος μεταφραστὴς γράφει Asorestan Ἀσσυρία (καὶ ὄχι Asorik'), ἀλλὰ βέβαια ὁ λόγος ἀφορᾷ τὴ Συρία.

πόλη Γαβαῶν βρήκαμε τὰ ἅγια πέδιλα τοῦ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν μὲ τὰ ὁποῖα περπάτησε αὐτὸς ἐπὶ τῆς γῆς, τὴν εἰκόνα τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν τὴν ὁποῖα οἱ Ἑβραῖοι στὸ παρελθὸν εἶχαν νύξει καὶ ἀπὸ τὴν ὁποῖα εὐθὺς ἐξῆλθε αἷμα καὶ ὕδωρ, καθὼς καὶ τὴν αἰχμὴ τῆς λόγχης⁵⁴. Στὴν ἴδια πόλη βρήκαμε καὶ τὴν τίμια κόμη τοῦ Προδρόμου καὶ Βαπτιστῆ Ἰωάννη. Λαβόντες ὅλα αὐτὰ τὰ ἀποκομίζουμε γιὰ νὰ τὰ φυλάξωμε στὴ θεοφύλακτο πόλη μας. Καὶ ἔτσι τὸν μῆνα Σεπτέμβριο Θεοῦ θέλοντος ὁδηγήσαμε τὰ θεόσωστα στρατεύματά μας στὴν Ἀντιόχεια. Καὶ / ὅλα αὐτὰ / γνωστοποιήσαμε στὴν ἐνδοξότητά σου γιὰ νὰ θαυμάσης πάντα ὅσα ἐγένοντο μὲ τὶς διαταγὲς μας, γιὰ νὰ δοξάσης καὶ σὺ τὴ μεγάλη φιλανθρωπία τοῦ Θεοῦ καὶ νὰ ἔχῃς γνώση τοῦ τί καλὰ νῦν ἐπράχθησαν ἢ κατὰ πόσον ἐπεκτάθη τὸ κράτος τοῦ ἁγίου Σταυροῦ τοῦ Χριστοῦ, πῶς μέχρι τοὺς τόπους αὐτοὺς ὑμνεῖται καὶ δοξολογεῖται τὸ ὄνομα τοῦ Θεοῦ, μεγαλύνεται ἢ βασιλεία μας μὲ τὸ ἐνδοξο ὄνομά μας, εὐλογεῖται καὶ ἐπαινεῖται ἡ δύναμη τοῦ Θεοῦ διὰ τοῦ στόματός μας, διότι ὁ Θεὸς διὰ τῶν χειρῶν μας ὑπέταξε αὐτοὺς / τοὺς ἐχθροὺς / μας. Καὶ γι' αὐτὸ ἂς εἶναι πάντα εὐλογητὸς ὁ Θεὸς τοῦ Ἰσραήλ⁵⁵.

Ἀπὸ τὴν ἀναφορὰ τοῦ στρατηγοῦ τῆς Δερζηνῆς⁵⁶ καὶ τοῦ Ταρῶν πρωτοσπαθαρίου Λέοντος⁵⁷ ἐγινε σὲ μᾶς γνωστὸ ὅτι, ἂν καὶ εἶχες ὑποσχεθῆ, / μέχρι τώρα / δὲν ἔχεις δώσει τὸ Αἰγῶν κάστρον. Ἐμεῖς τώρα γράψαμε στὸν στρατηγὸ μας ὅπως οὔτε τὸ κάστρο νὰ πάρῃ οὔτε τὸ σιτάρι⁵⁸ ποὺ ὑποσχέθηκες, διότι τώρα δὲν μᾶς εἶναι ἀναγκαῖα. Ἀλλὰ ὅσον ἀφορᾷ τὸ χρυσόβουλλο ποὺ στείλαμε, δῶσε το νὰ τὸ φέρουν στὸν στρατηγὸ μας, γιὰ νὰ τὸ στείλῃ αὐτὸς στὴ βασιλεία μας. Καὶ τρυγίσης κάθε καλὸ, ἓνα πρὸς ἓνα, κατὰ τὸ μόχθο σου καὶ τὴ σπορά σου”.

/ Ὁ Τσιμισκῆς / ἔγραψε καὶ στὸν βαρδαπέτη τῶν Ἀρμενίων Λέοντα τὰ ἀκόλουθα·

54. Μὲ τὴν ὁποῖα, κατὰ τὴν παράδοση, ὁ Ρωμαῖος στρατιώτης ἐνυξε τὴν πλευρὰ τοῦ Χριστοῦ.

55. Ἐδῶ τελειώνει ἡ ρωσικὴ μετάφραση τοῦ Κουτσοῦκ-Ἰωαννέσωφ.

56. Στὸ ἀρμενικὸ κείμενο Derdjan. Δίνουμε τὴν ἐλληνικὴ ὀνομασία, ὅπως καὶ ἔπρεπε νὰ ἦταν στὸ ἐλληνικὸ πρωτότυπο.

57. Τὸ ἀρμενικὸ κείμενο ἐδῶ συνεχίζεται μὲ τὶς λέξεις «ὕγιαίνειν καὶ ἐν Κυρίῳ χαίρειν», τὶς ὁποῖες ὁ Adontz δικαίως θεωρεῖ interpolation (δ.π., 143).

58. Στὴν ἐκδόση τοῦ Βαλαρσαπάτ c'orean (σιτάρι), τῆς Ἱερουσαλήμ jorean (ἡμίονοι). Γι' αὐτὸ καὶ ὁ Dulaurier μετέφρασε “les mulets”.

2. Ἐπιστολὴ τοῦ αὐτοκράτορος Ἰωάννη τοῦ Τσιμισκῆ πρὸς τὸν Ἀρμένιον βαρδαπέτην Λέοντα

“Ἐδδόκιμε καὶ ἀγαπητὲ τῆς ἀγίας μας βασιλείας μεγάλε φιλόσοφε Πανταλέων, χαῖρε⁵⁹. Ὄταν ἐσὺ ἦλθες πρὸς ἐμᾶς ἀπὸ τὸν ἄρχοντα τῶν ἀρχόντων Ἀσώτιον, τὸ πνευματικὸ μας τέκνο, καὶ / κατὰ συνέχεια / κατέστειλες ὅλην τὴν / ἐναντίον μας / ὀργή, πῆγες τὸν Παγκράτιο καὶ τὸν πρωτοσπαθάριο Εὐστάθιο Τορνίκιο στὸν Πάππον Ἀντζεβατσί⁶⁰, τότε ἐμεῖς διατάξαμε ὅπως κατὰ τὴν ἐπιστροφή μας ἀπὸ τοὺς Ἀραβες σᾶς βροῦμε στὴν ἀγία μας πόλιν⁶¹ ἢ στὸ Σλεσίν⁶². Ἄρα προσπάθησε ὅπως σὲ συναντήσω στὴ θεοφύλακτό μας πόλιν, ὅπου καὶ νὰ ἐορτάσουμε τὴ μεγάλη ἐορτὴ / τῆς εὐρέσεως / τῶν πεδίων τοῦ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν καὶ τῆς ἀγίας κόμης τοῦ Βαπτιστῆ Ἰωάννη. Ποθῶ ἀπὸ σένα καὶ αὐτὸ ὅπως διαλεχθῆς μὲ τοὺς σοφοὺς καὶ φιλοσόφους μας καὶ σᾶς χαροῦμε. Ὁ Θεὸς μεθ’ ἡμῶν καὶ μεθ’ ὑμῶν καὶ ὁ Κύριος ὁ Χριστὸς ἔσσεσθαι μετὰ τῶν δούλων αὐτοῦ⁶³.”

Ὡς ἤκουσε αὐτὸ ὁ βαρδαπέτης τῶν Ἀρμενίων Λέων, ἠγέρθη καὶ ἐπορεύθη στὴν Κωνσταντινούπολη, ὅπου ἐτέλεσαν τὶς θαυμάσιες ἐορτὲς / τῆς εὐρέσεως / τῶν πεδίων τοῦ Θεοῦ καὶ τῆς κόμης τοῦ ἀγίου Προδρόμου. Τὴν ἡμέρα αὐτὴ ἐγίνε μεγάλη χαρὰ στὴν Κωνσταντινούπολη, ὁ δὲ βαρδαπέτης τῶν Ἀρμενίων, ἐπὶ τῇ παρουσίᾳ τοῦ βασιλέως ἔσχε διαλογικὴ συζήτηση μὲ ὅλους τοὺς φιλοσόφους τῶν Ρωμαίων καὶ ἐφάνη ἀήττητος / στὴ συζήτηση / μετὰ τῶν βαρδαπετῶν τῆς χώρας τῶν Ρωμαίων, αὐτὸς σὲ ὅλα τὰ ἐρωτήματα ἔδωσε πειστικὴ ἀπάντηση. Καὶ ἐπλεξαν τὸ ἐγκώμιό του μὲ πολλοὺς ἐπαίνους καθὼς καὶ τοῦ διδασκάλου του. Καὶ λαβὼν ἀπὸ τὸν βασιλέα μεγάλα, θαυμάσια καὶ πολύτιμα δῶρα, μὲ μεγάλη χαρὰ ἐπορεύθη πρὸς τὴ χώρα τῶν Ἀρμενίων, τὸ μεγάλο οἶκο τοῦ Σιράκ⁶⁴.

59. Ὁ Ματθαῖος Ἐδεσσηνὸς τὸν ὀνομάζει ἐδῶ, ὅπως καὶ προηγουμένως, Λέοντα. Ἀλλὰ στὴν ἐπιστολὴ τοῦ Τσιμισκῆ αὐτὸς ὀνομάζεται Πανταλέων.

60. Στὸ ἀρμενικὸ κείμενο παρατηρεῖται ἀσάφεια. Δὲν εἶναι γνωστὸ ποιοὶ εἶναι ὁ Παγκράτιος, ὁ Πάππος Ἀντζεβατσί, τί ὑπαινίσσεται ἐδῶ ὁ ἐπιστολογράφος. Γιὰ τὸν Εὐστάθιο Τορνίκιο βλ. τὸ σχόλιο 18.

61. Στὴν Κωνσταντινούπολη.

62. Ὅτι ἐδῶ ἔχουμε τοπωνύμιο δὲν ὑπάρχει ἀμφιβολία, ἀλλὰ μᾶς εἶναι ἀγνωστὴ ἡ τοποθεσία μὲ τὸ ὄνομα αὐτό. Ἄν ἔχει ἢ ὄχι σχέση μὲ τὸ ὄρος Λεσούν που μνημονεύει ὁ Ματθαῖος Ἐδεσσηνὸς στὴ «Χρονογραφία» του σχετικὰ μὲ ἄλλα γεγονότα, ὅς ποῦν οἱ εἰδικοί τῆς ἱστορικῆς γεωγραφίας (πβ. E. Honigmann, Die Ostgrenze, 142). Ὁ Dulaurier τὸ Σλεσίν μεταφράζει —ἀγνωστο γιατί— “bénie” καὶ τὸ θεωρεῖ ἐπίθετο τῆς «ἀγίας πόλης», χωρὶς νὰ ἐξηγῆ τί σχέση ἔχει ἐδῶ ὁ διαζευκτικὸς σύνδεσμος «ἢ» μετὰ τῆς «ἀγίας πόλης» καὶ τοῦ «Σλεσίν».

63. Ἐδῶ τελειώνουν τὰ κείμενα τῶν ἐπιστολῶν τοῦ Τσιμισκῆ. Ἡ συνέχεια εἶναι ἤδη τοῦ Ματθαίου Ἐδεσσηνοῦ.

64. Ἡ Shirak εἶναι ἡ 8η ἐπαρχία τῆς χώρας Αἰραράτ (στὶς ἐλληνικὲς πηγὲς Σιρακηνή), ὅπου στὰ τέλη τοῦ 8ου αἰ. ἰδρύθηκε τὸ κράτος τῶν Ἀρμενίων Βαγρατιδῶν. Στὶς βυζαντινὲς

Καὶ οὕτως, μετὰ τοὺς πολλοὺς πολέμους καὶ τὶς νίκες ποὺ κατῆγε ὁ αὐτοκράτωρ Τσιμισκῆς, αὐτὸς συνήχθη ἀπὸ τὸν φόβον τοῦ θανάτου καὶ τὸ δέος τῆς φοβερᾶς δίκης τοῦ Θεοῦ. Αὐτὸς θυμῆθηκε, ἀναλογίστηκε τὸν ἀθέμιτο θάνατο τοῦ δικαίου Νικηφόρου, τὸ ἀθῶο του αἷμα, καὶ ἄρχισε νὰ θρηνῆ καὶ νὰ ὀδύρεται, νὰ ἀναστενάξῃ. Τότε αὐτὸς διαβουλεύθηκε νὰ διάξῃ βίον ἐνάρετον, ἴσως διὰ μετανοίας καθαριστῆ ἀπὸ τὸ αἷμα ποὺ ἔχυσε ἀπὸ τὸν ἀναίτιο, καὶ γι’ αὐτὸ μόνο πέντε χρόνια κατέσχε τὸν θρόνον τῆς βασιλείας τῶν Ἑλλήνων. Καὶ ἐνῶ ἀναλογίζετο ὅλα αὐτά, ἔλαβε καλὴ ἀπόφαση, ποὺ ἦταν κατὰ τὴ θέληση τοῦ Θεοῦ, καὶ στείλας ἀνθρώπους στὸ Βασακαβάν τῆς ἐπαρχίας Ἀνζιτηνῆς, ἔφερε τοὺς υἱοὺς τοῦ βασιλέως Ρωμανοῦ, τὸν Βασίλειον καὶ Κωνσταντῖνον, τοὺς ὁποίους αὐτὸς / ὁ Τσιμισκῆς / εἶχε φυγαδεύσει πρὸς τὴν Σπραμίκ, / γιὰ νὰ τοὺς σώσῃ / ἀπὸ τὴν ἐπικείμενη ἀπειλὴ τῆς δυσσεβοῦς βασιλείσεως, διότι αὐτὴ ἦταν ἄκρως κακοήθης. Εἰσκομίσας τὸν Βασίλειο στὴν Κωνσταντινούπολη / ὁ Τσιμισκῆς / ἐσύναξε ὅλους τοὺς μεγάλους ἄρχοντες τῆς χώρας τῶν Ἑλλήνων. Στὸ παλάτι τοῦ βασιλέως ἐγίνε τεράστια τελετὴ, ὅποτε ὁ βασιλεὺς Τσιμισκῆς ἀφαιρέσας ἰδιοχείρως τὸ στέμμα ἀπὸ τὴν κεφαλὴ του, τὸ ἔθεσε στὴν κεφαλὴ τοῦ Βασιλείου, τὸν ἀνέβασε στὸ θρόνο τῆς βασιλείας του, τὸν προσκύνησε καὶ τοῦ ἐγχείρησε ὅλη τὴ βασιλεία τῆς χώρας τῶν Ἑλλήνων. Δώσας στὸν Βασίλειο τὸν πατρικὸ του θρόνο⁶⁵, αὐτὸς πῆγε στὴν ἔρημο καὶ γενόμενος κληρικός, ἐγκαταστάθηκε σὲ μονή. Αὐτὸς ποὺ τὴν προηγουμένη ἦταν βασιλεὺς, σήμερα συνδιέτριβε μὲ πτωχοὺς, γενόμενος οἰκιοθελῶς πτωχός, γιὰ νὰ κληρονομήσῃ τὴν χαρὰ τοῦ ἀγίου Εὐαγγελίου καὶ ἀποτίσῃ τὸ χρέος / ποὺ ὄφειλε / γιὰ τὸν / φόνο / τοῦ ἀθῶου Νικηφόρου...»

πηγὲς τὸ βασίλειο αὐτὸ ὀνομάζεται τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας. Ἀπὸ τὸ 961 πρωτεύουσα τοῦ κράτους τοῦ Σιράκ ἦταν τὸ Ἀνίον.

65. Δηλαδὴ τοῦ Ρωμανοῦ Β’.

Ἐρεβάν, Αὐγούστος 1983

OFFICIAL BYZANTINE DOCUMENTS IN THE WORKS OF MEDIEVAL ARMENIAN AUTHORS. I: THE EPISTLES OF JOHN ZIMISCES TO THE ARMENIANS

by Hratch M. Bartikian

The works of medieval Armenian authors constitute a considerable contribution to the study of Byzantine history, particularly those which appear as translations of official documents, of which the originals have been lost. Among the most important

of them are the 2 letters of the Byzantine emperor, John I Zimisce, addressed on the one hand to the Bagratid king of Armenia Major, Ashot III, and on the other to the Armenian vardapet Levon; both letters deal with the campaign of Zimisce against the Moslems in Syria and Palestine, while their old Armenian translation is included in the Chronography of Matthew of Edessa. These letters became for the first time known to byzantinists when Saint Martin published a French translation of them in 1811. Consequently they were studied by several scholars and were once more translated into French as well as into Russian, Turkish, English and modern Armenian. While inaccuracies and errors resulting through these translations are indicated hereby, the present article offers a word-for-word Greek translation of Zimisce's epistles to the Armenians, based on the old Armenian text, published in Valarsapat in 1898. A Greek translation of Matthew's preceding and ensuing pages in the latter's chronicle is also added, aiming at a fuller understanding of Byzantine-Armenian relations in the time of Zimisce.

ΓΙΑ ΤΗ ΛΥΣΗ ΤΟΥ ΑΙΝΙΓΜΑΤΟΣ
ΠΕΡΙ ΤΗΣ «ΣΛΑΥΙΚΗΣ» ΚΑΤΑΓΩΓΗΣ
ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ Α΄

τοῦ

Χράτς Μ. Μπαρτικιάν

Στὸ ἄρθρο αὐτὸ δὲν ἔχουμε σκοπὸ νὰ ἐξετάσουμε τὸ ζήτημα τῆς ἐθνικῆς καταγωγῆς τοῦ ἰδρυτῆ τῆς Μακεδονικῆς δυναστείας Βασίλειου Α΄. Γι' αὐτὸ ἔχουν ἤδη γραφεῖ ἀρκετὰ¹ καὶ τὸ πρόβλημα ἔχει λυθεῖ ὑπὲρ τῆς ἀρμενικῆς του καταγωγῆς. Ἀκόμα στὰ μέσα τοῦ αἰώνα μας, συνοψίζοντας τὰ πορίσματα τῶν ἐργασιῶν τῶν ἐπιστημόνων, ἡ S. der Nersessian ἔγραφε: «Ἡ ἀρμενικὴ καταγωγή τοῦ Βασίλειου Α΄ τώρα εἶναι κοινῶς παραδεγμένη»². Γιὰ τὸ ἴδιο θέμα ἔγραψε καὶ ὁ G. Ostrogorsky: «Ὁ Βασίλειος καταγόταν, προφανῶς, ἀπὸ οἰκογένεια ἀρμενικὴ»³. Ἡ ἴδια ἀποψη ὑποστηρίζεται καὶ στὴ σοβαρὴ *The Cambridge Medieval History* ὅπου λέγεται, ὅτι ἡ οἰκογένεια τοῦ Βασίλειου Α΄ καταγόταν ἀπὸ ἐγκαταστημένους πλησίον τῆς Ἀδριανούπολης Ἀρμένιους⁴. Ἀλλὰ γιὰ νὰ εἴμαστε εἰλικρινεῖς πρέ-

1. Ἀπὸ τίς πολλὲς σχετικὲς ἐργασίες σημειώνουμε τίς παρακάτω: Ἀ. Βασίλειφ, Ἡ καταγωγή τοῦ αὐτοκράτορα Βασίλειου τοῦ Μακεδόνα, *VV* 12, τεύχ. 1-4 (Πετρούπολη 1906), 148-65 (ρωσ.). — N. Adontz, L'âge et l'origine de l'empereur Basile Ier (867-886), *Byz* (1933, 1934) = ἐπανεκδ. στὴ συλλογὴ τῶν ἀρθρῶν του: *Études arméno-byzantines* (Λισσαβόνα 1965), 47-109. — Τοῦ ἴδ., *La portée historique de l'Oraison funèbre de Basile I par son fils Léon VI le Sage*, δ.π., 111-23. — A. Vogt, *Basile Ier, empereur de Byzance, et la civilisation byzantine à la fin du 9e siècle* (Παρίσι 1908).

2. S. Der Nersessian, *Armenia and the Byzantine Empire. A brief Study of Armenian Art and Civilisation* (Καίμπριτζ 1945), 20.

3. Ὁ G. Ostrogorsky (*Histoire de l'État Byzantin*, Παρίσι 1956, 259) εἶναι σύμφωνος μὲ τὰ πορίσματα τοῦ N. Adontz. Αὐτὸ πιστοποιεῖται ἀπὸ τὸ γεγονός ὅτι, ἀναφερόμενος στὸ ζήτημα, στηρίζεται ἀποκλειστικὰ στὴν ἐργασία τοῦ Adontz. Εἶναι ἀναγκαῖο νὰ σημειώσουμε ὅτι στὴν ἑλλ. μετ. τοῦ βιβλίου τοῦ Ostrogorsky, Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ Κράτους, Β΄ (Ἀθήνα 1979), σ. 106 ἢ ὡς ἄνω φράση τοῦ Ostrogorsky, καθὼς καὶ ἡ μνεία τοῦ ἔργου τοῦ Adontz ἔχουν ἀπαράδεκτα ἐξαιρεθεῖ, καὶ ἀντὶ αὐτῶν φέρεται ἡ ἀποδιδόμενη στὸν... Ostrogorsky ὑποσημείωση τοῦ ἐπιμελητῆ τῆς μετάφρασης Ε.Κ. Χρυσοῦ, ὅπου διαβάζουμε: «Δὲν εἶναι ἐπίσης καθόλου βέβαιο ὅτι ἦταν ἀρμενικῆς καταγωγῆς, ὅπως συνήθως ὑποστηρίζεται καὶ ὅπως ἰσχυρίζεται μὲ ἀπόλυτη βεβαιότητα ὁ Adontz, Basile Ier...» (σ. 286, σημ. 66).

4. *CMH* 4/1: *The Byzantine Empire, I. Byzantium and its Neighbours* (1966), 116.

πει να σημειώσουμε, ότι και σήμερα ακόμα γράφουν περι της «άρμενο-σλαβικής» καταγωγής του Βασιλείου.

Να αποτανθούμε για μια ακόμη φορά στο θέμα αυτό μας αναγκάζει η περίπτωση, κατά την οποία, αν και πάνω από 150 χρόνια συζητούνται τα δεδομένα των αραβικών πηγών για τη σλαβική καταγωγή του Βασιλείου Α' (τα δεδομένα αυτά απαντούν μόνο στις αραβικές πηγές), κατανοητή απάντηση για την προέλευση των δεδομένων αυτών μέχρι τώρα δεν έχει δοθεί. Είναι αυτονόητο ότι εμείς είμαστε αναγκασμένοι να αναφερθούμε γενικά στο πρόβλημα, παρουσιάζοντας δεδομένα προ πολλού γνωστών και μελετημένων πηγών, αφού δεν είναι δυνατόν να προσεγγίσουμε τη λύση του προβλήματος χωρίς να αναφερθούμε σε αυτά.

Το ζήτημα για τη σλαβική καταγωγή του Βασιλείου Α' άρχισε να συζητείται από τις αρχές του 19ου αί. Τη συζήτηση την άρχισε ο Reiske, ο γνωστός έρμηνευτής του βιβλίου «Έκθεσις της Βασιλείου τάξεως» του Κωνσταντίνου Πορφυρογέννητου (913-59). Με βάση τα δεδομένα του Άραβα ιστορικού Hamza al-Isfahani (†970), ο Reiske ισχυριζόταν ότι ο Βασίλειος Α' ήταν Σλαύος⁵.

Η έκδοχή για τη σλαβική καταγωγή του Βασιλείου Α' απαντά και σε πιο πρώιμη αραβική πηγή, στο έργο του Tabari (838-923). Μετά από το έτος 257 της Έγείρας (29 Νοεμ. 870 - 17 Νοεμ. 871) αυτός μνημονεύει τον Βασίλειο «γνωστό ως⁶ Σλαύο». Στη συνέχεια ο Tabari ήδη αναφέρει τον αυτοκράτορα χωρίς να τον ονομάζει Βασίλειο (Basil), αλλά μόνο «Σλαύο» - «al-Saclabi»: «Και βασίλευσε μετ' αυτόν [τόν Μιχαήλ Γ' - Χρ. Μπ.] επί των Έλλήνων ο al-Saclabi»⁷. Άλλα ξέροντας ασφαλώς ότι ο Βασίλειος Α', τουλάχιστον εκ πατρός, δεν ήταν Σλαύος, και θέλοντας να εξηγήσει την διαδεδομένη στο Χαλιφάτο έκδοχή για τη σλαβική του καταγωγή, διευκρινίζει: ο Βασίλειος ονομαζόταν Σλαύος, «διότι η μητέρα του ήταν Σλαύα»⁸. Ο Tabari μιλά για τον «Σλαύο» Βασίλειο και αναφορικά με τα γεγονότα του έτους 268 της Έγείρας (1 Αυγ. 881 - 20 Ιουλ. 882). Έδω

5. Constantini Porphyrogeniti imperatoris De Cerimoniis aulae byzantinae libri duo, graece et latine, e recensione Io. Iac. Reiskii cum eiusdem commentariis integris, Β' (Βόνη 1830: CS), 451.

6. Στο αραβικό κείμενο: mahruf. Οι μεταφράσεις του 'Α. Βασίλειφ — «ο Βασίλειος ο επιλεγόμενος Σλαύος» στο: Βυζάντιο και Άραβες. Οι πολιτικές σχέσεις Βυζαντίου και Άράβων κατά την εποχή της Άμοριακής δυναστείας Β', επίμετρο, σ. 16, (Πετρούπολη 1900) (ρωσ.), και του Μάριου Κανάρ — «connu sous le nom de le Sclave» (A.A. Vasiliev, Byzance et les Arabes II. La Dynastie Macedonienne, 867-959. Deuxième partie. Extraits des sources arabes, par Marius Canard, Βρυξέλλες 1950, 6) μπορούν να μας παραπλανήσουν.

7. 'Α. Βασίλειφ, Βυζάντιο και Άραβες, επίμετρο, σ. 16. Πβ. M. Canard, δ.π., 6.

8. 'Ο.π., 16. Για τη «Σλαύα» μητέρα του Βασιλείου βλ. παρακάτω.

αυτός ήδη γράφει: «ο γιός της Σλαύας, αυτοκράτωρ των Ρωμαίων, πραγματοποίησε επιδρομή»⁹.

Η έκδοχή για τη «σλαβική» καταγωγή του Βασιλείου Α' από το βιβλίο του Tabari, η από την πηγή του, μεταφέρθηκε κατά λέξη στις εργασίες άλλων Άράβων συγγραφέων: του Said ibn Batriq (του Μελχίτη πατριάρχη της Άλεξάνδρειας Έυτυχίου — 876-940), του Masudi († 959), του γνωστού μας ήδη Hamza al-Isfahani (†970), του Ibn al-Atir (†1234), του Sibt ibn al-Gauzi (†1257), του Al-Makin (†1273), του Aini (†1451) και άλλων¹⁰.

Με βάση τις προβαλλόμενες άνω πληροφορίες, πολλοί σλαβιστές, καθώς και μερικοί βυζαντινολόγοι του 19ου αί., άρχισαν να επιμένουν στην άποψη ότι ο ιδρυτής της Μακεδονικής δυναστείας ήταν Σλαύος στην καταγωγή η ήταν βλαστός μικτού γάμου Άρμένιου με Σλαύα. Δεν υπάρχει ανάγκη να σταθούμε έκτενώς επί των εργασιών τους. Όσοι θέλουν μπορούν να απευθυνθούν στο έμπεριστατομένο άρθρο του 'Α. Βασίλειφ, όπου υπάρχει και έκτενης βιβλιογραφία για το ζήτημα.

Η συντριπτική πλειοψηφία των βυζαντινολόγων έδειξε στις πληροφορίες των αραβικών πηγών πολύ δυσπιστία, διότι, με την αλήθεια, ήταν πολύ μη πειστικές και, κάτι που είναι πιο σοβαρό, δεν επιβεβαιώνονταν ούτε από τις βυζαντινές ούτε από άλλες πηγές. Τα δεδομένα των αραβικών πηγών στέκονταν μεμονωμένα. Για την καταγωγή του Βασιλείου Α' ο Rambaud έγραφε: «Η άρμενική του καταγωγή μου φαίνεται πιο τεκμηριωμένη, παρά η σλαβική, υπέρ της οποίας μαρτυρεί μόνο μία μνεία των Άράβων ιστορικών, καθώς και το ένδεχόμενο του δεδομένου της διαμονής Σλαύων γύρω στην Άδριανούπολη»¹¹. Όπως σωστά γράφει ο 'Α. Βασίλειφ: «Κανείς από τους βυζαντινούς συγγραφείς δεν μιλά για αυτό [δηλ. για τον μικτό γάμο Άρμένιου με Σλαύα — Χρ. Μπ.] και οι σύγχρονοι του Βασιλείου δεν είχαν καμιά σταθερή παράδοση για τη σλαβική καταγωγή του Βασιλείου εκ μητρός»¹². Ο 'Α. Βασίλειφ, βασιζόμενος σε πολλές πηγές υποστήριξε την έκδοχή της άρμενικής καταγωγής του Βασιλείου: «η άρμενική καταγωγή του Βασιλείου είναι η πιο άποδειγμένη»¹³. Άλλά στα συμπεράσματά του αυτός δεν ήταν συνεπής: «Άπό την αντιπαράβολη όλων των ως άνω δεδομένων έγω συμπεραίνω: 1) 'Ο Βασίλειος καταγόταν από Άρμένιους, έγκαταστημένους στη Μακεδονία. 2) 'Η βα-

9. M. Canard, δ.π., 8.

10. 'Ο.π., 25, 38, 39, 47, 165, 264. Πβ. Βασίλειφ, Βυζάντιο και Άραβες, 72 (τα δεδομένα του Masudi).

11. A. Rambaud, L'Empire grec au 10e siècle (Παρίσι 1870), 147.

12. 'Α. Βασίλειφ, 'Η καταγωγή του αυτοκράτορα Βασιλείου του Μακεδόνα, 154.

13. 'Ο.π., 158.

σιλική του προέλευση είναι, κατά πᾶσα πιθανότητα, ἐπινόηση τοῦ Φώτιου, ἢ ὁποία ἀντικατοπτρίσθηκε σὲ μεγάλο μέρος στὴ μεταγενέστερη λογοτεχνία. 3) Τὰ δεδομένα τῶν Ἀράβων συγγραφέων δίνουν τὴ δυνατότητα νὰ κάνουμε δύο εἰκασίες: οἱ Ἀραβες μποροῦσαν πολὺ εὐκόλα τὴ λέξη «Μακεδῶν» νὰ τὴν ἐρμηνεύσουν «Σλαῦος». Τότε ὁ «Σλαῦος» γιὰ τοὺς Ἀραβες ἰσοδυναμοῦσε μὲ τὸ «Μακεδῶν», ἢ μὲ τὸν κάτοικο τῆς Μακεδονίας, δηλαδὴ στὴν περίπτωσή μας μὲ τὸν ἐγκαταστημένο στὴ Μακεδονία, πλησίον τῆς Ἀδριανούπολης, Ἀρμένιο. Ἡ, πραγματικά, ὁ Βασίλειος προερχόταν ἀπὸ μικτὸ γάμο Ἀρμένιου μὲ Σλαῦα¹⁴. Ἐν συνεχείᾳ ὁ Α. Βασίλειος ὑπερασπίστηκε ἀκριβῶς αὐτὴ τὴν τελευταία ἐκδοχή: «Ἐκινῶντας ἀπὸ τὸ δεδομένο —ἐγραφε— ὅτι μεταξὺ τῶν κατοίκων τῆς Μακεδονίας ἦσαν πολυάριθμοι Ἀρμένιοι καὶ Σλαῦοι, εἶναι δυνατόν νὰ ὑποθέσουμε ὅτι ὁ Βασίλειος εἶχε μικτὴ, ἀρμενο-σλαβική καταγωγή»¹⁵. Καὶ στὴ συνέχεια: «Εἶναι πιὸ σωστὸ τὴ Μακεδονικὴ δυναστεία, ἐξ ἀπόψεως ἐθνικῆς σύστασης, νὰ τὴ θεωρήσουμε *ἀρμενο-σλαβική*»¹⁶.

Λίγο διαφέρουν τὰ συμπεράσματα τοῦ Α. Vogt, ὁ ὁποῖος ἀφιέρωσε στὸν Βασίλειο Α΄ καὶ στὴν ἐποχὴ του εἰδικὴ μελέτη. Αὐτὸς ἤδη γράφει γιὰ «ἐκσλαυισθεῖσα» ἀρμενικὴ οἰκογένεια τοῦ Βασίλειου Α΄. «Ἡ οἰκογένειά του, εἶναι δυνατόν νὰ εἶναι ἀρμενικῆς καταγωγῆς, ἀλλὰ ἀργότερα, μετὰ ἀπὸ τὸ μικτὸ γάμο μὲ τοὺς Σλαῦους, οἱ ὁποῖοι ἦσαν πολλοὶ σ' αὐτὸ τὸ μέρος τῆς Εὐρώπης (στὴ Μακεδονία), αὐτὴ βαθμηδὸν ἐκσλαυίσθηκε οὐσιωδῶς»¹⁷.

Πρέπει νὰ σημειώσουμε ὅτι καὶ πρὶν ἀπὸ τὸν Βασίλειο ὀρισμένοι ἐπιστήμονες θεωροῦσαν ὅτι ἡ λέξη «Σλαῦος» γιὰ τοὺς Ἀραβες μποροῦσε νὰ σημαίνει καὶ «Μακεδῶν», δηλαδὴ μὲ τὴ λέξη αὐτὴ δὲν ἀναφέρονταν στὴν *ἐθνικότητα* τοῦ Βασίλειου, ἀλλὰ στὸν τόπο τῆς γέννησής του, τῆς προέλευσής του, ἀφοῦ ὁ Βασίλειος Α΄ καταγόταν ἀπὸ τὴ Μακεδονία¹⁸.

Ἔτσι «λύνεται» τὸ ζήτημα τῆς «σλαβικῆς» καταγωγῆς τοῦ Βασίλειου καὶ τῆς οἰκογένειάς του στὰ ἔργα μερικῶν ἐπιστημόνων.

Κατ' ἐμὲ τὸ ζήτημα αὐτὸ δὲν ἔπρεπε νὰ εἶναι συζητήσιμο, ἐφ' ὅσον οἱ βυζαντινὲς πηγὲς εἶναι τόσο εὐγλωττες καὶ ἀθθεντικὲς, πού δὲν ἀφήνουν

14. Ὁ.π., 165.

15. A. Vasiliev, *History of the Byzantine Empire, 324-1453* (Μάντισον 1952), 301.

16. Ὁ.π.

17. A. Vogt, *Basile Ier, empereur de Byzance, et la civilisation byzantine à la fin du 9e siècle* (Παρίσι 1908), 21, ἀρ. 3.

18. Γι' αὐτὸ βλ. στὸ ἄρθρο τοῦ Βασίλειος: Ἡ καταγωγή τοῦ αυτοκράτορα Βασίλειου τοῦ Μακεδόνα, 162: «Μακεδῶν, Μακεδονία» μετατράπηκε ἀπὸ τοὺς Ἀραβες σὲ «Σλαῦοι». Κατὰ πᾶσα πιθανότητα, ἡ σλαβικὴ καταγωγή τοῦ Βασίλειου στοὺς Ἀραβες εἶναι ἐπακόλουθο τῆς καταγωγῆς του ἀπὸ τὴ Μακεδονία καὶ τὴ Θράκη» (δ.π., 163, καὶ N. Adontz. L'âge, 104).

καμιὰ ἀμφιβολία, δὲν δίνουν ἀφορμὴ γιὰ συζήτηση. Δὲν εἶναι σωστὸ καὶ σοβαρὸ νὰ ἀμφισβητήσουμε τὰ δεδομένα τοῦ Κωνσταντίνου Πορφυρογέννητου, ἐγγονοῦ τοῦ Βασίλειου Α΄. Στὸ «Βίο» τοῦ παπποῦ του αὐτὸς γράφει: «ὁ αὐτοκράτωρ Βασίλειος ὠρμάτο μὲν ἐκ τῆς Μακεδόνων γῆς, τὸ δὲ γένος εἶλκεν ἐξ Ἀρμενίων ἔθνους Ἀρσακίδων»¹⁹. Ὁ ἴδιος ὁ Κωνσταντίνος Πορφυρογέννητος, μνημονεύοντας τὸ γιὸ τοῦ λογοθέτη τοῦ δρόμου φιλοσόφου Θωμᾶ πατρίκιο Κωνσταντίνου, γράφει, ὅτι ὁ Κωνσταντίνος «σφόδρα φιλίως πρὸς τὸν Βασίλειον διακείμενος ἄτε καὶ αὐτὸς ἐξ Ἀρμενίων ἔλκων τὸ γένος»²⁰. Αὐτὸ μαρτυρεῖ ὄχι μόνον γιὰ τὴν καταγωγή τοῦ Κωνσταντίνου καὶ τοῦ Βασίλειου, ἀλλὰ καὶ γιὰ τὸ ὅτι τὸ αἶσθημα τῆς ἐθνικῆς καταγωγῆς καὶ τῶν δύο ἦταν ἀρκετὰ ἔντονο.

Οἱ πληροφορίες τοῦ «Βίου» τοῦ Ἁγίου Εὐθυμίου (1ο τέταρτο 10ου αἰ.) εἶναι πιὸ εὐγλωττες. Μιλώντας γιὰ τὸν Στυλιανὸ Ζαούτζη, πεθερὸ τοῦ Λέοντα Στ΄, γιοῦ τοῦ Βασίλειου Α΄, ὁ συγγραφέας γράφει: «Στυλιανῶ δὲ τῶ καὶ Ζαούτζη κατὰ τὴν Ἀρμενίων διάλεκτον προσαγορευομένω, ὡς ἄτε Μακεδόνι ὄντα καὶ τὸ γένος Ἀρμένιον, καθὼς καὶ αὐτὸς»²¹, ὁ Βασίλειος.

Μποροῦμε νὰ παρουσιάσουμε καὶ πολλὲς ἄλλες πληροφορίες γιὰ τὴν ἀρμενικὴ καταγωγή τοῦ Βασίλειου, καὶ ὄχι μόνον ἀπὸ τὶς βυζαντινὲς, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τὶς ἀρμενικὲς πηγές²². Ἀκόμη καὶ ἡ χάλκευση τοῦ δικοῦ του γενεαλογικοῦ δέντρου ἀπὸ τὸν Βασίλειο ἢ τὸ περιβάλλον του, ὅτι ὁ Βασίλειος, δῆθεν, ἀνήκε στὴν ἀρμενικὴ βασιλικὴ δυναστεία τῶν Ἀρσακιδῶν, ὅτι εἶχε σχέση μὲ τὸν Τιριδάτη Γ΄, Ἀρμένιο βασιλέα πού ἀνακήρυξε τὸν Χριστιανισμὸ κρατικὴ θρησκεία τῆς Ἀρμενίας²³, καὶ ἡ ἐπιδέξια διερμηνευση τοῦ ἀποδιδόμενου στὸν Ἰσαὰκ τὸν Πάρθο, πατριάρχη τῶν Ἀρμενίων «Ὁράματος» γιὰ τὴν ἐπανόρθωση τῆς δυναστείας τῶν Ἀρσακιδῶν ἀπὸ τὸν Βασίλειο Α΄²⁴, καὶ ἄλλα πολλὰ, μᾶς δίνουν ἐπιπρόσθετη ὕλη γιὰ τὴν ἐπιβεβαίωση τῆς ἀθθεντικότητας τῶν πληροφοριῶν τοῦ Πορφυρογέννητου καὶ τοῦ «Βίου» τοῦ Ἁγίου Εὐθυμίου.

Περνῶ στὸ ζήτημα γιὰ τὴ Σλαῦα μητέρα τοῦ Βασιλείου Α΄. Προηγουμένως ἔγινε λόγος, ὅτι ἐφόσον στὸ Χαλιφάτο ἤξεραν ὅτι ὁ Βασίλειος,

19. Theophanes Continuatus, ex recognitione Imm. Bekkeri (Βόννη 1838: CS), 212.

20. Ὁ.π., 230.

21. P. Karlin-Hayter, *Vita Euthymii*, Byz 25/27 (1955-7), 10.

22. Οἰκουμενικὴ Ἱστορία τοῦ Βαρδάνη τοῦ Μεγάλου (Μόσχα 1861), 116 (ἀρχ. ἀρμ.). Κατὰ τὸν Στέφανο Ταρωνίτη «λέγουν ὅτι [ὁ Βασίλειος] προήρχετο ἀπὸ τὴν ἐπαρχία τοῦ Ταρών, ἀπὸ τὴν κόμη Θίλ». Βλ. *Histoire Universelle par Etienne Asogh'ig de Daron*. Traduite de l'arménien et annotée par Ed. Dulaurier (Paris 1883), 172.

23. S.P.N. Ignatii archiepiscopi Constantinopolitani, *Vita sive certamen, auctoro Niceta servo Jesu Christi, cognomento Davide Paphlagone*. Migne, PG 105, στήλ. 565. — Symeonis Magistri ac Logothetae Annales. — Theophanes Continuatus, 689.

24. Οἰκουμενικὴ Ἱστορία τοῦ Βαρδάνη τοῦ Μεγάλου, 116. — Theophanes Continuatus, 24.

τουλάχιστον εκ πατρός δεν ήταν Σλαῦος, θέλοντας κατά κάποιο τρόπο να εξηγήσουν την διαδεδομένη στη χώρα τους έκδοχή για τη σλαυική καταγωγή του Βασιλείου, δημιούργησαν τον θρύλο ότι ο Βασίλειος ήταν Σλαῦος εκ μητρός. Ἄλλα και αυτή η πληροφορία, εννοείται, είναι άβασιμη, δεν επιβεβαιώνεται ούτε από τις βυζαντινές, ούτε από τις αρμενικές πηγές.

Στο «Βίο» του Βασιλείου Α' γίνεται έκτενης λόγος για τη μητέρα του αυτοκράτορα. Ἄς σημειώσουμε ότι σ' αυτόν δεν αναφέρεται ούτε η ἐθνικότητά της ούτε και τὸ ὄνομά της. Ἄλλα αὐτὸ εἶναι γνωστὸ ἀπὸ τὸ 420 κεφάλαιο τοῦ Β' βιβλίου τῆς «Ἐκθεσης τῆς Βασιλείου τάξεως» τῆς βυζαντινῆς αὐλῆς. Στὴν ἀπαρίθμηση τῶν τάφων τῶν βυζαντινῶν αυτοκρατόρων και μελῶν τῆς οἰκογένειάς των ἀναφέρεται ὅτι στὴ μὴν τῆς Ἁγίας Εὐφημίας στὴν Κωνσταντινούπολη, ὀνομαζόμενης Εὐμόρφου, «ἀπόκειται Παγκαλῶ, ἡ μήτηρ Βασιλείου τοῦ φιλοχρίστου δεσπότη»²⁵. Ἀπὸ τὸ ὄνομα αὐτό, φυσικά, δὲν μποροῦμε νὰ συμπεράνουμε τὴν ἐθνικότητα αὐτῆς. Αὐτὴ μποροῦσε νὰ εἶναι Ἑλληνίδα, Ἀρμένια, ἀλλὰ ὄχι Σλαῦα. Ὁ Κωνσταντῖνος Πορφυρογέννητος ὑπογραμμίζει πολλακίς τὴν εὐλάβεια και τὴν εὐσέβεια τῆς μητέρας τοῦ Βασιλείου Α'. Τὴ θεωρεῖ συγγενὴ τοῦ πρώτου χριστιανοῦ αυτοκράτορα Κωνσταντίνου τοῦ Μεγάλου²⁶. Εἶναι φανερό ὅτι ἡ Παγκαλῶ ἦταν χριστιανή, οἱ Σλαῦοι δὲ στὰ τέλη τοῦ 8ου και ἀρχῆς τοῦ 9ου αἰ. ἦταν ἀκόμη εἰδωλολάτρες. Ὅ,τι ἀφορᾷ τοὺς Ἀρμένιους μεσαιωνικοὺς συγγραφεῖς, ὁ σύγχρονος τοῦ Βασιλείου ἐπίσκοπος τοῦ Ταρῶν Βαάνης «διαβεβαίωνε τὸν Βασίλειο ὅτι αὐτός, ὁ Βασίλειος, κατάγεται ἀπὸ τὸ γένος τῶν Ἀρσακιδῶν, ἐφόσον ἡ μητέρα του ἦταν Ἀρμένια»²⁷.

Ἄλλα εἶναι καιρὸς νὰ ἀναφερθοῦμε στὸ κύριο ζήτημα τοῦ ἀρθρου μας, στὴ λύση τοῦ προβλήματος τῆς προέλευσης τῶν δεδομένων τῶν ἀραβικῶν πηγῶν γιὰ τὴ σλαυικὴ καταγωγή τοῦ Βασιλείου Α'. Γιὰ τὸ σκοπὸ αὐτὸ θὰ συζητήσουμε τὴ «σχέση» τοῦ ἰδρυτῆ τῆς Μακεδονικῆς δυναστείας μετὰ τὸ ἀρμενικὸ βασιλικὸ γένος τῶν Ἀρσακιδῶν. Αὐτὸ εἶναι ἀδύνατο, ἐφόσον τὸ γένος τῶν Ἀρσακιδῶν τὴν ἐποχὴ αὐτὴ εἶχε ἤδη ἐκλείψει²⁸.

Εἶναι γνωστὸ ὅτι ἡ ἐκδοχὴ τῆς καταγωγῆς τοῦ Βασιλείου ἀπὸ τοὺς Ἀρσακίδες ἀποδιδόταν ἀπὸ τοὺς βυζαντινοὺς συγγραφεῖς (και τοὺς ἐπιστήμονες) στὸν πατριάρχη Φώτιο, ὁ ὁποῖος, ὅπως φαίνεται, ἐνεργοῦσε ὄχι χωρὶς τὴν εἰδικὴ ἐντολὴ τοῦ ἰδίου τοῦ αυτοκράτορα. Ἄλλα οἱ ἀπαιτήσεις τοῦ αυτοκράτορα ἀπὸ τὸν Φώτιο δὲν περιορίζονταν μόνο σ' αὐτό. Ὁ Νικήτας ὁ Παφλαγῶν, συγγραφεὺς τοῦ «Βίου» τοῦ πατριάρχη Ἰγνατίου (846-57, 867-77), μέγας ἀντίπαλος τοῦ Φωτίου, ἔγραφε ὅτι ὁ Φώτιος στὰ χρόνια τῆς ἐξορίας του (867-77), θέλοντας νὰ κολακεύσει τὸν αὐτο-

25. De Cerimoniis aulae byzantinae, 648.

26. Theophanes Continuatus, 216. Πβ. και σσ. 225-226.

27. Οἰκουμηνικὴ Ἱστορία τοῦ Βαρδάνη τοῦ Μεγάλου, 116.

28. N. Adontz, L' âge, 105.

κράτορα και γιὰ νὰ φθάσει στὸ σκοπὸ του, ἀπεινθύνθηκε στὴν κάτωθι πονηρία. Μὲ βάση τὰ πρώτα γράμματα τῶν ὀνομάτων τῶν μελῶν τῆς οἰκογένειας τοῦ Βασιλείου — Β(ασίλειος), Ε(ὐδοκία), Κ(ωνσταντῖνος), Λ(έων), Ἀ(λέξανδρος) και Σ(τέφανος) κατασκεύασε τὸ «ὄνομα» ΒΕΚΛΑΣ. Αὐτὸς μετὰ σχημάτισε τὴν ψευδογενεαλογία τοῦ αυτοκράτορα, ἀρχίζοντας ἀπὸ τὸν Ἀρμένιο βασιλέα Τιριδάτη. Φθάνοντας στὸν πατέρα τοῦ Βασιλείου ἔγραψε ὅτι αὐτὸς θὰ γεννήσει γιὸ (ὁ Φώτιος περιέγραφε τὴν ἐμφάνισή του, ἡ ὁποία, ὑπονοεῖται, ἐξ ὀλοκλήρου συνέπιπτε μετὰ τὴν ἐμφάνιση τοῦ αυτοκράτορα Βασιλείου) τὸ ὄνομα τοῦ ὁποῖου θὰ εἶναι Βεκλᾶς²⁹, και ὁ ὁποῖος θὰ γίνεῖ ὁ πιὸ εὐτυχῆς βασιλιάς. Τὸ «μαγεῖρεμά» του ὁ Φώτιος τὸ ἔγραψε σὲ ἓνα παλαιὸ περγαμηνὸ χειρόγραφο και προσπάθησε νὰ τοῦ δώσει παλαιὰ ὄψη. Γιὰ τὸ ἔργο του αὐτὸ ὁ Φώτιος ἀποτάνθηκε στὴ συνεργασία τοῦ αὐλικοῦ ἱερέα Θεοφάνη, ὁ ὁποῖος εἶχε φήμη σοφοῦ ἀνθρώπου και ἀργότερα ἐγίνε ἐπίσκοπος τῆς Καισάρειας τῆς Καππαδοκίας. Ὁ Θεοφάνης τὸ βιβλίον τοῦ Φωτίου τὸ ἔθεσε στὴν αυτοκρατορικὴ βιβλιοθήκη και τὸ ἔδειξε στὸν αυτοκράτορα Βασίλειο. Σύμφωνα μετὰ τὸν Νικήτα τὸν Παφλαγῶνα, κανεὶς δὲν μπόρεσε νὰ λύσει τὸ αἶνιγμα τοῦ «Βεκλᾶς». Ὁ Θεοφάνης εἶπε, ὅτι αὐτὸ μπορεῖ νὰ τὸ λύσει μόνο ἓνας ἀνθρώπος, ὁ Φώτιος, στὸν τόπο τῆς ἐξορίας τοῦ ὁποῖου και πῆγε ὁ Θεοφάνης. Ὁ Φώτιος προσποιήθηκε ὅτι δὲν μπορεῖ νὰ φανερώσει τὸ μυστικὸ σὲ κανέναν, ἐκτὸς τοῦ αυτοκράτορα Βασιλείου, ἐφόσον ὁ λόγος ἀφορᾷ ἀκριβῶς αὐτόν. Ὁ Φώτιος ἔρχεται στὴν αυτοκρατορικὴ αὐλὴ και «φανερώνει» τὸ μυστικόν³⁰.

Ἡ ἐκδοχὴ αὐτὴ ἦταν πλατεῖα διαδομένη στὸ Βυζάντιο. Γι' αὐτὸ μνημονεύει ὁ Συμεὼν Μάγιστρος στὴ Χρονογραφία του. Σὲ ἀντίθεση μετὰ τὸν Νικήτα Παφλαγῶνα, αὐτὸς μνημονεύει τὸ ἐπίθετο τοῦ ἐπισκόπου Θεοφάνη —Σφηνοδαίμων— και προσθέτει ὅτι τὸ μυστικὸ τοῦ αἰνίγματος τὸ ἐξήγησε στὸν Φώτιο ἄγγελος³¹.

Ἐμεῖς εἴμαστε βέβαιοι ὅτι οἱ μελετητὲς ἀμαρτάνουν στὴ μνήμη ἐνὸς τέτοιου μεγάλου παράγοντα τῆς βυζαντινῆς Ἐκκλησίας και τοῦ πολιτισμοῦ, ὅπως εἶναι ὁ Φώτιος, ἐπαναλαμβάνοντας τὶς κακολογίες τῶν προσωπικῶν του ἐχθρῶν, ὅτι ἡ ἱστορία μετὰ τὸ ΒΕΚΛΑΣ και τὴν ψευδογενεαλογία τοῦ Βασιλείου τάχα ἔχει ἐπινοηθεῖ ἀπὸ τὸν Φώτιο μετὰ δική του πρωτοβουλία. Δὲν εἶναι κάτι νέο ὅτι κάθε τύραννος, εἰδικὰ ὅταν αὐτὸς δὲν διαδέχθηκε τὴν ἀρχὴ ἀλλὰ τὴ σφετερίσθηκε, ἀποτίνεται σὲ κάθε πονηριά

29. «ἠνίκα δὲ πρὸς τὸν πατέρα κατῆλθε Βασιλείου, τοῦτον ἔγραψεν ὡς ἀνδρα γεννήσει... τὸ δὲ ὄνομα εἶναι Βεκλᾶς». Ἀναμφίβολα, ὁ Νικήτας ὁ Παφλαγῶν τὸ ΒΕΚΛΑΣ θεωρεῖ ὄνομα τοῦ Βασιλείου. Ὁ Βασίλειος (Ἡ καταγωγή..., 158) και ἄλλοι ἐπιστήμονες τὸ Βεκλᾶς κατὰ λάθος θεωροῦν ὄνομα τοῦ πατέρα τοῦ Βασιλείου.

30. Ignatii archiepiscopi Constantinopolitani Vita, PG 105, στῆλ. 565-8.

31. Symeonis Magistri Annales, 689-90.

μέ σκοπό να αποδείξει τη νομιμότητα της ανόδου του στο θρόνο. Αυτή η ψευδογενεαλογία δημιουργήθηκε από αυτόν τον Βασίλειο ή από το στενό του περιβάλλον. Η γενεαλογία αυτή με κάθε μέσον έκαλλιεργείτο στην αυτοκρατορία και αλλοίμονο σ' αυτόν πού, στη διάρκεια του βίου του αυτοκράτορα, θα τολμούσε να εκφράσει αμφιβολία στην αυθεντικότητά της. Είναι γνωστό ότι ο σύγχρονος του Βασιλείου Α' Γρηγόριος ο Συρακούσιος μόνο στην εξομολόγησή του τόλμησε να πει στον ιερέα για τη φαλκίδευση του Φώτιου και του Θεοφάνη Σφηνοδαίμονα³². Αυτό σημαίνει ότι το να εκφραστεί κανείς γι' αυτό μεγαλόφωνα ήταν πολύ επικίνδυνο.

Ο Βασίλειος Α' κατανάγκασε τον Φώτιο να «δημιουργήσει» τον επινοηθέντα από τον ίδιο τον Βασίλειο μύθο, εφόσον είναι αδύνατο να πιστέψουμε ότι ο Βασίλειος, δήθεν, δεν ήξερε τη γενεαλογία του, πίστεψε στον Φώτιο και τάχα μετά από αυτό οι σχέσεις του αυτοκράτορα με τον πρώην πατριάρχη αποκαταστάθηκαν. Ο Βασίλειος επεδίωκε με κάθε αληθές και αναληθές μέσον όχι μόνο να επικυρώσει την πολιτική του νομιμότητα, αλλά και το ότι στον θρόνο του Κωνσταντίνου του Μεγάλου ανήλθε έλεφ Θεοῦ. Και εφόσον είχε αποφασισθεί να παρουσιάσει τον έαυτό του απόγονο του επιφανή βασιλιά της Αρμενίας (ο Βασίλειος ήταν Αρμένιος), αυτός έπρεπε να αναθέσει τη «δημιουργία» της γενεαλογίας σε άνθρωπο που είχε σχέση με τους Αρμένιους, μεγάλου γνώστη της αρμενικής ιστορίας. Τέτοιος ήταν ο Φώτιος.

Η ψευδογενεαλογία του Βασιλείου Α' στη διάρκεια του βίου του ήταν εύρως διαδεδομένη. Και εάν έμεις άπαντάμε πληροφορίες μόνο σε δύο βυζαντινά μνημεία, αυτό δεν σημαίνει τίποτε. Είναι γνωστό ότι με τον θάνατο του τυράννου πεθαίνει και ο δημιουργηθείς γι' αυτόν μύθος. Εάν ο Νικήτας Παφλαγών ήταν φίλος του Φώτιου είναι αμφίβολο να μνημόνευε τον μύθο αυτό. Αλλά εφόσον ήταν έχθρός του, γι' αυτόν δεν άξιζε τίποτε να λασπολογήσει άνθρωπο, τον οποίο *έξανάγκασαν* να συμφωνήσει να λάβει μέρος στη «δημιουργία» του μύθου για το «όνομα» ΒΕΚΛΑΣ.

Έτσι η άλλιως χαλκεύθηκε το δεύτερο όνομα του Βασιλείου Α'. Μήπως δεν είναι αλήθεια ότι ο Νικήτας Παφλαγών θεωρούσε το ΒΕΚΛΑΣ όνομα;

Ας επιστρέψουμε στα δεδομένα των Αράβων συγγραφέων για τη σλαβική καταγωγή του Βασιλείου Α'. Δεν είναι άρκετο να πούμε, ότι η έκδοχή τους είναι λανθασμένη, ότι δεν επικυρώνεται με τα δεδομένα των κυριωτέρων πηγών. Η έκδοχή αυτή δεν μπορούσε να γεννηθεί από το τίποτε. Από πού οι Άραβες μπορούσαν να άρυσθουν τα δεδομένα για την καταγωγή του Βασιλείου, όχι από την Αφρική ή τη Δυτική Εύρώπη, αλλά από το Βυζάντιο. Αλλά στο Βυζάντιο τίποτε το παρόμοιο δεν ήξε-

32. Α. Βασιλιεφ, Η καταγωγή..., 150.

ραν. Αυτό σημαίνει ότι έδω υπάρχει κάποια *παρεξήγηση*. Ποιά είναι αυτή;

Το «όνομα» ΒΕΚΛΑΣ ήταν γνωστό στο Χαλιφάτο και από γραπτές πηγές. Είναι γνωστό, παραδείγματος χάριν, ότι ο Hamza al-Isfahani ήξερε αυτό από κάποιο κριτή Βακί, ο οποίος άρύσθηκε τα δεδομένα από το βιβλίο κάποιου βυζαντινού αυτοκράτορα, *μεταφρασμένο με τη βοήθεια μεταφραστοῦ από την έλληνική στην άραβική γλώσσα*³³. Το βιβλίο αυτό δεν σώθηκε ούτε στο έλληνικό πρωτότυπο ούτε στην άραβική του μετάφραση, αλλά, όπως θα πεισθούμε κάτωθι, ο Βασίλειος μνημονευόταν εκεί ως ΒΕΚΛΑΣ, και το «όνομα» αυτό στην πηγή αυτή δεν σχετιζόταν με την ψευδογενεαλογία του Βασιλείου Α', όπως στα έργα του Νικήτα Παφλαγώνα και του Συμεών Μάγιστρου. Ο μεταφραστής του βιβλίου του αυτοκράτορα, όντας Άραβας, μηχανικά διάβασε το όνομα ΒΕΚΛΑΣ με το καθιερωμένο για τους Άραβες τρόπο, όχι από τα άριστερα προς τα δεξιά, αλλά αντίθετα, από τα δεξιά προς τα άριστερα και έλαβε SALCEB. Στην άραβική μερικά φωνήεντα (α βαρύ, ο, ε) προφέρονται, αλλά δεν γράφονται, επομένως SLCB, το οποίο δεν μπορούσε από τον Άραβα να διερμηνευτεί παρά ως SCLB, δηλαδή S(a)cl(a)b-i αυτό δε δεν είναι τίποτε άλλο, παρά έθνικό, που σημαίνει «Σλαῦος». Εφόσον οι Άραβες ήξεραν ότι ο Βασίλειος, τουλάχιστον εκ πατρός, δεν ήταν Σλαῦος, και αφού δεν ήξεραν γιατί θεωρούνταν Σλαῦος, βρήκαν έρμηνεία: «αυτός ήταν Σλαῦος, διότι η μητέρα του ήταν Σλαῦα». Και από έδω παίρνει την άρχή του ή έκδοχή για τον «Σλαῦο» Βασίλειο και τη «Σλαῦα» μητέρα του.

Παρουσιάζοντας την έρμηνεία αυτή της άραβικής έκδοχής για τη «σλαβική» καταγωγή του Βασιλείου Α', πρέπει να όμολογήσουμε ότι δεν άποκλείεται και άλλη έρμηνεία. Όπως αναφέραμε πιο πάνω ο Βασίλειος θεωρούσε τον έαυτό Άρσακίδη. Είναι γνωστό ότι οι Άραβες τα άρχιζοντα σε «Αλ» («Αρ») ξένα, όχι άραβικά κύρια όνόματα, έθνικά και τοπωνύμια τα αλλοιώνουν, εφόσον τα δύο πρώτα αυτά γράμματα τα θεωρούν άραβικό άρθρο. Π.χ. τα πρώτα δύο γράμματα του όνόματος του Άλέξανδρου του Μακεδόνα, οι Άραβες τα θεωρούσαν άρθρο, και γι' αυτό τα παρέλειψαν. Ο Άλέξανδρος έγινε Ίσκαντέρ. Στην άραβική διασκευή της «Ιστορίας της Αρμενίας» του Άγαθαγγέλου έμεις άπαντάμε το φαινόμενο αυτό πολύ συχνά. Το έθνικό «Άλανός» έλαβε διπλό «λ» — Άλλάν, όπου το πρώτο «άλ» θεωρούνταν άραβικό άρθρο³⁴. Το ίδιο με το τοπωνύμιο Άραράτ. Το άρχικό «αρ» διαβάστηκε «αρ» (αλ) και θεωρήθηκε άρθρο³⁵, όπως και στο οικογενειακό όνομα της δυναστείας των Άρ-

33. Ο.π., 161.

34. Ν. Μάρρ, Η βάπτιση των Αρμενίων, Ίβήρων, Αράβων και Άλανων από τον Άγιο Γρηγόριο (άραβ. διασκευή). Πρακτικά του Ανατολικού τμήματος της αυτοκρατορικής Ρωσικής Αρχαιολογικής Έταιρείας 16 (Πετρούπολη 1905), 199-200 (ρωσ.).

35. Ο.π., 200.

τζρουνιδών. Στην ανακαλυφθείσα τὸ 1965 στὸ Ἀμπέρτ τῆς Ἀρμενίας ἀραβικὴ ἐπιγραφή τῶν Ἰβανὲ καὶ Ζαχαρία Ζαχαριδῶν, αὐτοὶ ὀνομάζονται ἀλ-Σρουνί (ἀντὶ Ἀρτζρουνί)³⁶. Καί, τέλος, ποῦ γιὰ μᾶς εἶναι πιὸ σοβαρό, στὴν πρόσφατα ἀνακαλυφθείσα ἀραβικὴ ἐκ τῆς ἐλληνικῆς μετάφραση τῆς «Ἱστορίας» τοῦ Ἀγαθαγγέλου, τὸ οἰκογενειακὸ «Ἀρσακιδῶν» μεταδίδεται ὡς al-Saracitun, δηλαδὴ τὰ πρῶτα δύο γράμματα (Ar) θεωρήθηκαν ὡς ἀραβικὸ ἄρθρο³⁷. Ἄραγε δὲν ἔτυχε τῆς ἴδιας τύχης ὁ Βασίλειος Α΄, τὸ οἰκογενειακὸ ὄνομα τοῦ ὁποῖου Ἀρσάκης³⁸ - Ἀρσάκιοι μετατράπηκε σὲ al-Sac..., καὶ στὴ συνέχεια σὲ al-Saclabi;

Ἀθήνα, 5 Δεκεμβρίου 1988

36. Ἀ. Τέρ-Γεβοντιάν, Οἱ ἀραβικὲς ἐπιγραφὲς τοῦ Ζαχαρία καὶ Ἰβανὲ στὸ Ἀμπέρτ, Ἱστορικο-φιλολογικὸ περιοδικὸ τῆς Ἀρμενικῆς Ἀκαδημίας Ἐπιστημῶν (1971), ἀρ. 1, 186 (ἀρμ.).

37. Τοῦ ἴδ., Ἡ νέα ἀραβικὴ σύνταξη τοῦ Ἀγαθαγγέλου (ἀραβ. κείμενο καὶ μελέτη) (Ἐρεβάν 1969), 58 (ἀρμ.).

38. Theophanes Continuatus, 212, 216.

ON THE SOLUTION OF THE QUESTION CONCERNING BASIL I'S "SLAVIC" ORIGINS

by Hratch Bartikian

A contribution to the solution of the subject of Basil I's descent. His possible slavic origin as resulted at the beginning of the 19th century from Reiske and his studies on the Arabic sources and mainly Hamza al-Isfahani, is questioned. On the other hand, proof based on Byzantine sources (Constantine Porphyrogenetus, Life of Saint Euthymius etc.) and modern byzantinists (Vasiliev, Adontz, Ostrogorsky *et al.*) is in favor of the emperor's Armenian origins.

ΤΟ ΚΙΝΗΜΑ ΤΩΝ ΘΟΝΔΡΑΚΙΤΩΝ ΣΤΟ ΒΥΖΑΝΤΙΟ

τοῦ

Χράτς Μπαρτικιάν

Κατὰ τὴ χιλιετηρίδα τῆς ὑπαρξης τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας στὴ χώρα αὐτὴ ἐμφανίστηκαν δεκάδες θρησκευτικὲς αἱρέσεις καὶ αἰρετικὰ κινήματα. Τὰ περισσότερα ἀπὸ αὐτὰ ἦταν κινήματα μέσα στὴν ἴδια τὴν ἄρχουσα τάξη καὶ ἀφοροῦσαν κυρίως στὸ δόγμα τῆς Ἐκκλησίας. Ἀλλὰ στὴ Βυζαντινὴ αὐτοκρατορία ἔλαβαν χώρα καὶ ἰσχυρὰ κοινωνικὰ κινήματα, τὰ ὁποῖα, ἂν λάβουμε ὑπ' ὄψη τὴν ἐποχὴ, ἔπρεπε νὰ πάρουν —καὶ πῆραν— χαρακτῆρα θρησκευτικῶν αἱρέσεων, οἱ ὁποῖοι τῶν ὁποίων διώχθηκαν ἀφειδῶς ἀπὸ τὶς ἀρχές. Τὰ ἰσχυρότερα κοινωνικὰ κινήματα ποῦ συγκλόνισαν τὸ Βυζάντιο ἦταν οἱ αἱρέσεις τῶν Μανιχαίων, τῶν Μεσσαλιανῶν καὶ τῶν Παυλικιανῶν. Γι' αὐτὰ τὰ κινήματα ἔχουν γραφεῖ ἀπὸ τοὺς βυζαντινολόγους πάμπολλα ἄρθρα καὶ βιβλία. Ἀλλὰ ἓνα κίνημα, τὸ κίνημα τῶν Θονδρακιτῶν, ἔχει μείνει στὴ σκιά, κυρίως ἀπὸ τὸ βιβλίον τοῦ Ἀρμένιου ἐπιστήμονα μοναχοῦ (βαρδαπέτη) Καραπέτ Τέρ Μκρτσιάν, ποῦ δημοσιεύτηκε στὴ Λειψία τὰ τέλη τοῦ περασμένου αἰ.¹ Στὸ κίνημα αὐτὸ οἱ βυζαντινολόγοι-ιστορικοὶ, ἀλλὰ καὶ οἱ ιστορικοὶ τῆς Ὀρθόδοξης Ἐκκλησίας δὲν ἔδωσαν τὴ δέουσα προσοχή, κυρίως διότι τὸ θεώρησαν καθαρὰ ἀρμενικὸ φαινόμενο, ποῦ δὲν βγήκε ἔξω ἀπὸ τὰ ὅρια τῆς Ἀρμενίας. Ἡ αἰτία τῆς ἀνεπαρκοῦς μελέτης τῆς ἱστορίας τοῦ κινήματος τῶν Θονδρακιτῶν ἀπὸ τοὺς βυζαντινολόγους εἶναι καὶ τὸ ὅτι, σὲ ἀντίθεση μὲ τὸ κίνημα τῶν Παυλικιανῶν, γιὰ τὸ ὁποῖο ἔχουμε ἀφθονὴ ὕλη στὶς βυζαντινὲς πηγές, γιὰ τοὺς Θονδρακίτες, ὅπως νόμιζαν οἱ βυζαντινολόγοι, δὲν ὑπάρχει τίποτα, ἀφοῦ γι' αὐτοὺς ἔχουν γράψει μόνον οἱ Ἀρμένιοι μεσαιωνικοὶ συγγραφεῖς.

Εἶναι ἀναμφισβήτητο ὅτι τὸ κίνημα τῶν Θονδρακιτῶν, καὶ ἀπὸ τὴν ἄποψη τῆς διάδοσής του καὶ ἀπὸ τὴ θέση του στὴν ἱστορία τῶν κοινωνικῶν κινήματων στὴ μεσαιωνικὴ Ἀρμενία καὶ στὸ Βυζάντιο, δὲν μπορεῖ νὰ ἔλθει σὲ σύγκριση μὲ τὸ κίνημα τῶν Παυλικιανῶν. Ἀλλὰ ἐὰν θέλουμε νὰ

1. K. Ter-Mkrttschian, Die Paulikianer im Byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien (Λειψία 1893).

έχουμε πιο πλήρη ιδέα για τις κοινωνικές και ταξικές σχέσεις, στην περίπτωση μας στο Βυζάντιο, δεν μπορούμε να το παραγνωρίσουμε. Ο σκοπός του άρθρου μας αυτού είναι να δείξει την άβασιμότητα της αντίληψης, σύμφωνα με την οποία ο Θονδρακισμός (εάν είναι δυνατόν να εκφραστούν με έτσι) είναι καθαρά αρμενικό φαινόμενο· επίσης να δείξει ότι κοινότητες Θονδρακιδίων υπήρχαν και στο χώρο της Βυζαντινής αυτοκρατορίας. Τέλος, να εξετάσει τη στάση των Θονδρακιδίων έναντι της βυζαντινής εισβολής στην Αρμενία, καθώς και την πολιτική της αυτοκρατορίας έναντι των αίρετικών.

Οι μελετητές του κινήματος των Παυλικιανών μπορούν να θεωρήσουν τον εαυτό τους τυχερό, γιατί σώθηκε ένα λαμπρό, πολύτιμο έργο του Πέτρου Σικελιώτη, ο οποίος, αναμφίβολα για τη γραφή του εκμεταλλεύθηκε την δημιουργημένη από τους αίρετικούς λογοτεχνία. Σώθηκαν επίσης πολύτιμες βυζαντινές χρονογραφίες που αφηγούνται τις διάφορες φάσεις της ιστορίας του κινήματος. Για την ιστορία των Θονδρακιδίων το ζήτημα είναι πιο δύσκολο. Οι μελετητές δεν έχουν στη διάθεσή τους τέτοιες πηγές, αν και, όπως γράφουν οι Αρμένιοι μεσαιωνικοί συγγραφείς, τέτοιες πηγές υπήρχαν, αλλά δε σώθηκαν. Μερικοί μεσαιωνικοί συγγραφείς, αν και ήξεραν πολύ καλά τους Θονδρακίτες, την ιστορία και το δόγμα τους, φοβήθηκαν να γράψουν. Ο Αριστακές εκ Λαστιβέρτ, π.χ., ιστορικός του 11ου αί., σύγχρονος των Θονδρακιδίων, γράφει τα εξής: «*Εμείς θεωρήσαμε άτοπο να περιγράψουμε την άπεχθή [κατά λέξη — Μεσσαλιανική, Χρ. Μπ.] δράση των αίρετικών, διότι αυτή είναι μεστή άχρειότητας. Και εφόσον ή άκοή όχι όλων είναι σταθερή, ή μνημόνευση πολλών άμαρτημάτων όχι μόνον έλκύει την προσοχή των ανθρώπων, αλλά και τους ύποκινεί να άναπτύξουν όμοια δράση, γι' αυτό εγώ άπέφυγα να γράψω*»². Έτσι, ή «Όμολογία», του Άνανία εκ Ναρέκ³, ή έπιστολή του Γρηγόριου εκ Ναρέκ⁴ και τα δεδομένα των Αρμενίων συγγραφέων του 11ου αί. Γρηγόριου Μάγιστρου⁵ και του Αριστακές⁶ είναι οι μόνες σχεδόν πηγές που χύνουν φώς

2. Αριστακές εκ Λαστιβέρτ, 'Ιστορία, εκδ. του Κ.Ν. Γιουζμπασιάν ('Ερεβάν 1963), 133 (άρχ. άρμ.). (Aristakès de Lastivert. Recit des Malheurs de la Nation Arménienne. Traduction française avec Introduction et Commentaire par M. Canard et H. Berberian, d'après l'édition et traduction russe de K. Yuzbashian, Βρυξέλλες 1973, 119-20).

3. Άνανίας εκ Ναρέκ, Έγγραφη όμολογία, εκδ. του Miaban (Galoust Ter-Mkrttschian), περιοδ. Άραράτ, Βαλαρσαπάτ 1892 (άρχ. άρμ.).

4. Έπιστολή του χαριέντος βαρδαπέτη Γρηγορίου εκ Ναρέκ... «περί των δογμάτων των κατάρτων Θονδρακιδίων». Έν τή «Βίβλω των έπιστολών» (Τιφλίδα 1901), 498-502 (άρχ. άρμ.). Άγγλική μετάφραση αυτής βλ. στο βιβλίο F.C. Conybeare, The Key of Truth. A Manual of the Paulician Church of Armenia ('Οξφόρδη 1898), 125-30. Γερμ. μετ. Κ. Ter-Mkrttschian, Die Paulikianer, 130-5.

5. Γρηγορίου Μάγιστρου Έπιστολαί, εκδ. του Κ. Κωστανιάντς, ('Αλεξανδρούπολη-σημ. Λενινάκάν Σοβ. Αρμενίας, 1910), 148-70 (άρχ. άρμ.). Τη γερμανική μετάφραση των

στην ιστορία διαφόρων περιόδων του κινήματος των Θονδρακιδίων και στις βασικές άρχές του δόγματός τους.

Τò κίνημα των Θονδρακιδίων εμφανίστηκε τον 9ο αί. και τò δνομά του όφείλει στην κώμη Θονδράκ (κατά την προφορά των δυτικών Αρμενίων Θονδράγ - Thondrag· ύπογραμμίζω την περίπτωση αυτή, γιατί, όπως θα δούμε, για μās έχει σημασία), όπου κήρυξε ο ίδρυτής της αίρεσης Σμπάτ από τò Ζαρεχαβάν. Αύτός, σύμφωνα με τὰ δεδομένα του Γρηγόριου Μάγιστρου, «*έσεισε εκ θεμελίων τούς άποστόλους και τούς προφήτες*», «*κήρυττε να εξοντώσουν όλη τή δράση των κληρικών και, ιδιαίτέρως, να τή θεωρήσουν μάταιη*»⁷. Ο Σμπάτ «*έδιδάχθη την κακή μανία από κάποιον Πέρση γιατρό και άστρονόμο-μάγο όνομαζόμενο Μετζουσίκ*»⁸. Για τόν Μετζουσίκ αυτόν, που κατά πάσα πιθανότητα ήταν ζωροαστρικός και φορέας των παραδόσεων των Μανιχαίων, τίποτε άλλο δεν είναι γνωστό.

Η εμφάνιση του κινήματος των Θονδρακιδίων (στις άρμ. πηγές Thondraketzik', όπου ή λήγουσα -etzik' είναι πρόσφυμα που αντίστοιχεί με τò ελληνικό -ίτης, -αίτης, έπομένως Thondraketzik' σημαίνει Θονδρακίτης, από τò Θονδράκ) τόν 9ο αί. όφείλεται στην ανάπτυξη των φεουδαρχικών σχέσεων στην Αρμενία και στην έμβάθυνση των κοινωνικών-ταξικών αντίθέσεων στην αρμενική κοινωνία. Στην εμφάνιση αυτών συνέβαλλε και ή κατευθείαν επίδραση του κινήματος των Παυλικιανών. Είναι γνωστό ότι τò κίνημα των Παυλικιανών εμφανίστηκε τόν 7ο αί. στην αρμενική έπαρχία της Μανάναλης, ή όποία, σύμφωνα με τὰ δεδομένα του Πέτρου Σικελιώτη ακόμα τò 870, όταν αύτός έγραφε τή διατριβή του για τούς Παυλικιανούς, ήταν μεγάλο κέντρο των αίρετικών αυτών («*και μέχρι τού νυν Μανιχαίους [δηλαδή Παυλικιανούς — Χρ. Μπ. έκτρέφει]*»⁹). Ο Αριστακές εκ Λαστιβέρτ ως ένα από τὰ κυριότερα κέντρα των Θονδρακιδίων κατονομάζει τή Μανάναλη¹⁰. Αυτό συνηγορεί ότι ή έπαρχία της Μανάναλης επί αιώνες εφύλαττε τις αίρετικές παραδόσεις. Ο 9ος αί. ήταν εποχή

άναφερομένων στους Θονδρακίτες έπιστολών του Γρηγόριου Μάγιστρου βλ. στο ως άνω βιβλίο του Κ. Ter-Mkrttschian, Die Paulikianer, 136-53. Τη άγγλ. μετ. F.C. Conybeare, The Key of Truth, 141-51. Τη ρωσ. μετ. Χρ. Μπαρτικιάν, 'Η άπόκριση του Γρηγόριου Μάγιστρου Παχλαβουνή στην έπιστολή του Σύρου καθολικού. Παλαιστίνη Συλλογή, τεύχ. 7 (70), 1962, 130-45. Του ίδ., Δύο έπιστολές του Γρηγόριου Μάγιστρου Παχλαβουνή (11ος αί.) αναφορικά τούς αίρετικούς Θονδρακίτες. Παλαιστίνη Συλλογή τεύχ. 9 (72) 1962, 133-40.

6. Αριστακές εκ Λαστιβέρτ, 'Ιστορία, 119-33 (Aristakès de Lastivert, Recit des Malheurs de la Nation Arménienne, 108-20).

7. Γρηγορίου Μάγιστρου Έπιστολαί, 153 (Ter-Mkrttschian, δ.π., 141· Conybeare, δ.π., 144· Μπαρτικιάν, 'Η άπόκριση του Γρηγορίου Μάγιστρου, 135).

8. Ό.π.

9. Ch. Astruc, W. Conus-Wolska, J. Gouillard, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, J. Paramelle, Les sources grecques pour l'histoire des Pauliciens d'Asie Mineure, TM 4 (1970), 41.

10. Αριστακές, 125-33 (Aristakès, 113-20).

του αίρεσιάρχη Σέργιου, έποχή του απόγειου του κινήματος των Παυλικιανών στα χρόνια της δράσης των πολεμάρχων Καρβέα και Χρυσόχειρα. Έπομένως ή έπιρροή των Παυλικιανών στην εμφάνιση της αίρεσης των Θονδρακιτών ήταν άμεση. Η επίδραση αυτή έγινε πιο αισθητή στην δεκαετία του 9ου αι., όταν οι κατασυντριφθέντες στις ανατολικές έπαρχίες του Βυζαντίου Παυλικιανοί ήταν αναγκασμένοι να βρουν άσυλο στην Άρμενία. Αυτή ή κατευθείαν έπαφή με τα κατώτερα στρώματα της άρμενικής κοινωνίας συνέτεινε στην εμφάνιση και ένταση του κινήματος των Θονδρακιτών, στη διαμόρφωση της ιδεολογίας τους.

Το κίνημα των Θονδρακιτών στην Άρμενία διατηρήθηκε διακόσια χρόνια και κατεπνίγη στα μέσα του 11ου αι. από το βυζαντινό κράτος. Με βάση τις πηγές δεν είναι δυνατόν να δώσουμε την κατά συνέχεια ιστορία του· είναι μόνον γνωστά τα όνόματα των αίρεσιάρχων, αλλά σχεδόν τίποτα δεν ξέρουμε για το πότε, πού και σε τί περιστάσεις έδρασαν αυτοί. Μετά τον Σμπάτ του κινήματος κατά σειράν ήγήθηκαν ο Τοδρός (δηλαδή Θεόδωρος), Άνανες (Άνανίας), Άρκά, Σαρκίς, Κύριλλος, Ίησοῦ και Λάζαρος. Ο τελευταίος ήταν σύγχρονος του Γρηγόριου Μάγιστρου, δηλαδή ζούσε στα μέσα του 11ου αι.

Όπως και οι Παυλικιανοί, οι Θονδρακίτες ήσαν οργανωμένοι σε κοινότητες. Με το όνομα του ενός ή του άλλου κέντρου τους ονομάζονταν Κασεσι (από το όνομα της τοποθεσίας Κασέ της έπαρχίας της Μανάναλης), Θουλαϊλετσι (από το Θουλάιλ της ίδιας Μανάναλης) κ.λπ. Είναι γνωστό πως έτσι γινόταν και με τους Παυλικιανούς, π.χ. Κοινοχωρίται (από το Κοινοχώριο). Το γεωγραφικό πλαίσιο του κινήματος των Θονδρακιτών ήταν πολύ εύρύ. Οι άρμενικές έπαρχίες του Ταρών, της Άπαχουνης, του Χάρκ, της Μαρδαλης στο Τουρουμπεράν, της Μανάναλης στην Ύψηλη Άρμενία, του Βασπουρακάν, Σιράκ στη χώρα Άϊραράτ, με πιθανή εξάπλωση στη χώρα Σινη και σε άλλες. Με την ένσωμάτωση της μιās ή της άλλης από αυτές τις έπαρχίες της Άρμενίας στο Βυζάντιο και με τη μετοίκηση των αίρετικών από τις βυζαντινές αρχές σε διάφορες περιοχές της βυζαντινής αυτοκρατορίας, ή γεωγραφία των Θονδρακιτών ευρύνθηκε. Η μετοίκηση των αίρετικών από τη βυζαντινή κυβέρνηση σχετιζόταν με τον κίνδυνο που αυτοί παρουσίαζαν για την αυτοκρατορία και από κοινωνικής και από πολιτικής άποψης. Κάτω από τη σημαία των αίρετικών εξέλισσετο όχι μόνον ο ταξικός αλλά και ο άπελευθερωτικός αγώνας των Άρμενίων κατά της βυζαντινής έπιδρομής στην Άρμενία.

Η πρώτη άρμενική χώρα που κατακτήθηκε από το Βυζάντιο ήταν το Ταρών. Αυτό είσηλθε στα πλαίσια του βυζαντινού κράτους το 966 από τον Νικηφόρο Β΄ Φωκά. Προηγουμένως είχαν κυριευθεί οι άρμενικές πόλεις Μελιτηνή (το 934) και ή Θεοδοσιούπολη (το 949). Μετά μερικά χρόνια, σύμφωνα με τα δεδομένα της Άννας Κομνηνής, τους αίρετικούς «...τους

από Μάνεντος και Παύλου και Ίωάννου των της Καλλινίκης, άγριωτέρους όντας τας γνώμας και ώμούς και μέχρις αίματος διακινδυνεύοντας ό εν βασιλεύσειν εκείνος θαυμάσιος Ίωάννης ό Τζιμισκής πολέμω νικήσας, έξανδραποδισάμενος έκ της Άσίας, εκείθεν από των Χαλύβων και των Άρμενιικών τόπων εις Θράκην μετήνευκε. Και τα περι την Φιλιππούπολιν αλλίξεσθαι κατηνάγκασεν...»¹¹, δηλαδή στο παραδοσιακό, ως πούμε, μέρος μετοίκησης των Άρμενίων αίρετικών από την έποχή του Κωνσταντίνου Ε΄. Σύμφωνα με τον Σκυλίτση, αυτούς τους Παυλικιανούς, οι «...την έω πᾶσαν έπινεμομένους και λυμαινομένους τῇ μεταδόσει της μισαρᾶς αυτών θρησκείας», άπαίτησε από τον Τσιμισκή «εις τινα έσχατιάν εγκατοίκισαι πανέρημον όχι τίς άλλος, παρά αυτός ό πατριάρχης της Κωνσταντινουπόλεως Πολύευκτος»¹². Οι Παυλικιανοί αυτοί, όπως γράφει ή Άννα ή Κομνηνή, ήσαν κύριοι «έρυμνοτάτων πόλεων και φρουριών»· ό Τσιμισκής τους μετοίκησησε στη Θράκη «πολέμω νικήσας»¹³, αλλά είναι φανερό αυτοί πρόβαλλαν πεισματώδη αντίσταση.

Όπως όμως είναι γνωστό, οι Παυλικιανοί έξοντώθηκαν έναν αιώνα πριν, επί Βασιλείου Α΄. Όλο το ζήτημα είναι ότι οι μετοικισθέντες από τον Τσιμισκή στη Φιλιππούπολη «Παυλικιανοί» ήταν Θονδρακίτες, τους όποιους οι Βυζαντινοί, λόγω της κοινής με τους Παυλικιανούς ιδεολογίας τους, θεωρούσαν Παυλικιανούς. Γι' αυτό μαρτυρεί ό Άρμένιος φιλόσοφος, Παῦλος ό Ταρωνίτης. Άπαντώντας στον έπιστολοδέκτη του Ρωμαίο φιλόσοφο Θεόπιστο, γράφει: «Αυτό το έκαναν οι Θονδρακίτες, που έσεις [οι Ρωμαίοι] τους ονομάζετε Παυλικιανούς. Αυτοί ήσαν μαθητές του μιανού Σμπάτ¹⁴ του δηλητηριασμένου από την αίρεση του έθνους των Παυλικιανών»¹⁵.

Για τη δράση του Ίωάννη Τσιμισκή στην Άρμενία, εκτός των δεδομένων των παραπάνω βυζαντινών συγγραφέων Σκυλίτση και Άννας Κομνηνής, στις βυζαντινές πηγές δεν υπάρχουν πληροφορίες. Άλλά ενδιαφέροντα δεδομένα άπαντούν στις χρονογραφίες του Ματθαίου Έδεσσηνού και του Κοντόσταβλου Σμπάτ. Ο Ματθαίος Έδεσσηνός γράφει ότι κατά την έπιδρομή του Τσιμισκή κατά των Άράβων, ό αυτοκράτορας θέλησε να περάσει μέσω Άρμενίας, δηλαδή ταυτόχρονα να κυριεύσει και γειτονικές με το Ταρών άρμενικές περιοχές¹⁶. Ο Κοντόσταβλος Σμπάτ είναι πιο σαφής. Αυτός γράφει: «Ο Τσιμισκής γεμάτος όργη συνάθροισε

11. Άννα Κομνηνή, Άλεξιάς, έκδ. Β. Leib, 3 (Παρίσι 1945), 179.

12. Ίω. Σκυλίτζης, έκδ. J. Thurn, CF (1973), 286.

13. Άννα Κομνηνή, 3, 179.

14. Δηλαδή του ίδρυτή της αίρεσης Σμπάτ από το Ζαρεχαβάν.

15. Χειρόγραφο του Maténadaran, άρ. 1154, σ. 240β, και 671, σ. 74β.

16. Ματθαίου του Έδεσσηνού Χρονογραφία (Βαλαρσαπάτ 1898), 17 (άρχ. άρμ.). Βλ. και Chronique de Matthieu d'Edess (962-1136) avec la continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162, trad. par E. Dulaurier (Παρίσι 1858), 14.

ὅλες τις δυνάμεις τῶν Ἑλλήνων, ἔλαβε τὴ βοήθεια τῶν Φράγγων [κατὰ πάσα πιθανότητα τῶν Βαράγγων, Χρ. Μπ.] καὶ θέλησε καταρχὴν νὰ κατακτήσει τὴν Ἀρμενίαν»¹⁷. Ὅτι ὁ Κοντόσταβλος Σμπάτ ἔχει δίκαιο μαρτυρεῖ τὸ γεγονός ὅτι ὄλοι οἱ βασιλεῖς καὶ ἄρχοντες τῆς Ἀρμενίας μὲ 80.000 μαχητὲς καὶ ἐπικεφαλῆς τὸν βασιλέα τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας, Ἀσώτιο Γ' Βαγρατιδῆ (953-77), ἀντιστάθηκαν στὸν Τσιμισκῆ στὴν ἐπαρχία Χάρκ, γειτονικὰ τοῦ Ταρῶν¹⁸. Ὁ Τσιμισκῆς δὲν τόλμησε νὰ ὑπερκεράσει τὸ σοβαρὸ αὐτὸ ἐμπόδιο.

Ἀλλά, ὅπως φαίνεται ἀπὸ τὰ δεδομένα τοῦ Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ, τὸ 966 μεγάλο μέρος τοῦ Ταρῶν κυριεύθηκε ἀπὸ τὸ Βυζάντιο. Μερικὰ φρούρια συνέχιζαν νὰ ὑποτάσσονται στὸ βασίλειο τῶν Βαγρατιδῶν. Τὰ φρούρια αὐτὰ ἀντεπεξέρχονταν στὴν εἰσβολὴ τῶν Βυζαντινῶν. Ἐνα ἀπὸ αὐτὰ τὰ φρούρια ἦταν τὸ τῶν Αἰγῶν κάστρο, τὸ ὁποῖο ὁ Τσιμισκῆς δὲν μπόρεσε νὰ κυριεύσει. Ἐὰν λάβουμε ὑπ' ὄψη ὅτι τὴν περίοδο αὐτὴ κατὰ τοῦ Τσιμισκῆ κινεῖτο τὸ πεζικὸ τῶν ὀρσειβίων Σασουνιτῶν, σημαίνει ὅτι τὸ εὐρισκόμενο κοντὰ στὸ τῶν Αἰγῶν κάστρο ἐρημνότατο φρούριο τοῦ Σασοῦν ἐπίσης δὲν ἦταν κατεκτημένο ἀπὸ τὸ Βυζάντιο. Εἶναι χαρακτηριστικὸ ὅτι ἡ Ἄννα ἢ Κομνηνὴ μιᾶ ἀκριβῶς περὶ αὐτῶν τῶν «*ἐρυμνοτάτων φρουρίων*» καὶ ἄγνωστων σὲ μᾶς πόλεων, ἀπὸ τὰ δεδομένα τῆς ὁποίας φαίνεται ὅτι στὸν Τσιμισκῆ ἀντιστέκονταν καὶ οἱ «*Παυλικιανοί*», δηλαδὴ οἱ Θονδρακίτες, ἀκριβῶς ὅπως καὶ πάνω ἀπὸ 200 χρόνια πρὶν ἀντιστέκονταν οἱ Παυλικιανοὶ στοὺς Ἀραβες¹⁹.

Ἀπὸ τὶς πληροφορίες τῆς Ἄννας τῆς Κομνηνῆς γίνεται φανερὸ καὶ τὸ ἀπελευθερωτικὸ περιεχόμενο τοῦ κινήματος τῶν Θονδρακίτων, τὸ ὁποῖο ἢ βυζαντινὴ αὐτοκρατορία δὲν μποροῦσε νὰ παραγωνίσει. Καὶ αὐτὸ ἦταν ἡ κύρια αἰτία τῶν διωγμῶν καὶ τῆς ἀπομάκρυνσης τῶν Θονδρακίτων ἀπὸ τὴν Ἀρμενία. Σχετικὰ μὲ τὸ ζήτημα αὐτὸ ἔχει σημασία ἕνας ἀρχαῖος βουλγαρικὸς θρύλος γιὰ τὴ προσέλευση τῶν Παυλικιανῶν. Ὁ θρύλος αὐτὸς γιὰ πρώτη φορὰ δημοσιεύθηκε τὸ 1922 ἀπὸ τὸν Βούλγαρο ἱστορικο-μυθολόγο Ἰορδάνη Ἰβάνωφ²⁰ καὶ φέρει τὸν τίτλο «*Ὀμιλία τοῦ Ἰωάννου τοῦ Χρυσσοστόμου περὶ τοῦ πῶς προῆλθαν οἱ Παυλικιανοί*». Στὸ θρύλο γίνεται λόγος γιὰ τὸν Soubbotin καὶ τὸν Soutil, δύο μαθητὲς τοῦ ὀνομαζόμενου Πάιλ διαβόλου, οἱ ὁποῖοι ἦλθαν ἀπὸ τὴν Καππαδο-

17. Χρονογραφία τοῦ Κοντοστάβλου Σμπάτ (Βενετία 1956), 9 (ἀρχ. ἀρμ.).

18. Ματθαῖος Ἐδεσσηνός, 17 (Matthieu d'Édesse, 14).

19. Βλ. Χρ. Μπαρτικιάν, Γιὰ τὸ ζήτημα τοῦ κινήματος τῶν Παυλικιανῶν στὸ Βυζάντιο στὸ πρῶτο μισὸ τοῦ 8ου αἰ., *VV* 8 (1956). — Τοῦ ἰδ., Οἱ πηγὲς γιὰ τὴ μελέτη τῆς ἱστορίας τοῦ κινήματος τῶν Παυλικιανῶν (Ἐρεβάν 1961), 48 (ρωσ.).

20. Ἰορδάνης Ἰβάνωφ, Ἡ προέλευση τῶν Παυλικιανῶν κατὰ δύο βουλγαρικὰ χειρόγραφα, *Δελτίο τῆς Βουλγαρικῆς Ἀκαδημίας Ἐπιστημῶν*, βιβλίο 24, τμῆμα Ἰστορικο-φιλολογικὸ καὶ Φιλοσοφικὸ-κοινωνιολογικὸ (Σόφια 1922), (βουλγ.).

κία στὴ Βουλγαρία καὶ ἔλαβαν χριστιανικὰ ὀνόματα Παῦλος καὶ Ἰωάννης²¹. Οἱ μαθητὲς αὐτοὶ ἄρχισαν νὰ κηρύττουν στὴ Βουλγαρία καὶ τοὺς πιστεύσαντες σ' αὐτοὺς ὀνόμασαν Παυλικιανούς.

Ὁ βουλγαρικὸς θρύλος στὴ μορφή του αὐτῆ, βέβαια, ἀντανაკλᾶ γεγονότα ποὺ διαδραματίστηκαν μετὰ τὸν 11ο αἰ., ἐφόσον ἡ δράση τῶν Soubbotin καὶ Soutil σύμφωνα μὲ τὸ θρύλο, ἐξελίσσεται στὸ Πετρίτς, δηλαδὴ στὸ σημερινὸ χωριὸ Μπάτσκοβο, κοντὰ στὴ Φιλιππούπολη, ὅπου τὸ 1083 ὁ Γρηγόριος ὁ Πακουριανός, μέγας δομῆστικός τῆς Δύσης, ἔκτισε τὴ μονὴ τῆς Θεοτόκου τῆς Πετριτζονιτίσης. Ἀκόμη ὁ ἐκδότης τοῦ θρύλου Ἰορδάνης Ἰβάνωφ ἐξέφρασε τὴν εἰκασία ὅτι ὑπὸ τὸν αἰρεσιάρχη Soubbotin, κατὰ πᾶσα πιθανότητα, κρύβεται «ὁ Ἀρμένιος Παυλικιανὸς Σμπάτ, ποὺ τὸν 9ο αἰ. ἱδρυσε τὴν αἵρεση τῶν Θονδρακίτων»²², δηλαδὴ ὁ ἀναφερθεὶς στὴν ἀρχὴ τοῦ ἄρθρου μας Σμπάτ ἀπὸ τὸ Ζαρεχαβάν. Καὶ αὐτὸ εἶναι πολὺ δυνατόν. Στὸ Βυζάντιο πολὺ συχνὰ τὸ ἀρμενικὸ ὄνομα Σμπάτ ἔπαιρνε ἑλληνικὴ μορφή καὶ γινόταν Συμβάτιος, ἀλλὰ ἔχουμε πολλὲς ἀποδείξεις πῶς τὸ ὄνομα αὐτὸ μετετρέπετο καὶ σὲ Σαββάτιος. Ὁ Θεοφάνης ὁ Ὀμολογητὴς τὸν ἐμφανιζόμενο ὑπὸ τὸ ἔτος 6185 (693) Ἀρμένιο ἄρχοντα (πατρίκιο), γνωστὸ ἀπὸ τὶς ἀρμενικὲς πηγὲς ὡς Σμπάτ, ὀνομάζει «*Σαββάτιο*» «*πατρίκιο Ἀρμενίας*»²³. Ἐνα Συμβάτιο ἐπὶ Λέοντα Ε' ²⁴ ὁ συμπλητὴς Κεδρηνὸς τὸν ὀνομάζει Σαββάτιο²⁵. Ἐνα λογοθέτη τοῦ δρόμου ἐπὶ Μιχαὴλ Γ' ὀνομαζόμενο Σμπάτ (Συμβάτιος)²⁶, ὁ Γενέσιος ὀνομάζει Σαββάτιο²⁷. Καὶ ἐφόσον τὸ Σάββατο στὶς σλαβικὲς γλῶσσες εἶναι

21. Εἶναι αὐτονόητο, ἐπὶ Χρυσσοστόμου Παυλικιανοὶ δὲν ὑπῆρχαν. Ὁ δημιουργὸς τοῦ θρύλου ἀπλῶς θέλησε νὰ ἐκμεταλλεῖται τὸ ὄνομα τοῦ ἀγίου γιὰ νὰ δώσει περισσότερο κύρος. Τὸ ἱστορικὸ εἶναι πῶς, σύμφωνα μὲ τὸ θρύλο, οἱ αἰρετικοὶ ἦλθαν στὴ Βουλγαρία ἀπὸ τὴν Καππαδοκία, στὰ πλαίσια τῆς ὁποίας εὐρίσκοντο καὶ περιοχὲς τῆς Μικρῆς Ἀρμενίας. Ἄς σημειώσουμε ὅτι τὰ ὀνόματα τῶν μαθητῶν τοῦ διαβόλου, Παῦλος καὶ Ἰωάννης, ποὺ ὅπως εἶδαμε ἄνω μνημονεύει καὶ ἡ Ἄννα Κομνηνὴ, εἶναι τῶν γιῶν τῆς θρυλικῆς Καλλινίκης, ἡ ὁποία «*δύο υἱούς ἔσχεν, Παῦλον καὶ Ἰωάννην· τούτους οὖν τοὺς δύο ὄφεις ἢ αὐτῶν γεννήτρια ἔχιδνα ἐκθρέψασα καὶ τὴν παμμίαρον διδάξασα αἵρεσιν [τῶν Παυλικιανῶν, Χρ. Μπ.] κήρυκας τῆς πλάνης ἀπέστειλεν ἐκ τοῦ Σαμωσάτου. Οἱ δὲ καταλαβόντες τὴν ἐνορίαν Φαναροίας ἦλθον εἰς τινὰ κόμην... ἐκεῖσε τὸν ἰὸν τῆς πονηρίας καὶ τὸ πικρὸν ζιζάνιον τοῦ ἐχθροῦ ἐνέσπειραν. Διὸ καὶ μέχρι τῆς σήμερον ἡ μὲν κόμη Ἐπίσπαρις μετωνομάσθη, ἡ δὲ αἵρεσις κατὰ τὴν τῶν κηρυζάντων ὀνομασίαν· καὶ γὰρ ἔκτοτε ἐκ Μανιχαίων ἐπεκλήθησαν Παυλικιανοί*». Βλ. Ch. Astruc et al., *Les sources grecques*, 37-9. Ὅπως βλέπουμε, ὁ βουλγαρικὸς θρύλος ἔχει γνώση τοῦ ἑλληνικοῦ θρύλου γιὰ τὴν προέλευση τῶν Παυλικιανῶν.

22. Ἰορδάνης Ἰβάνωφ, ὁ.π., 30.

23. Θεοφάνης, Χρονογραφία, ἔκδ. C. de Boor, 1 (*Teubner*, 1883), 366.

24. Συνεχιστὲς Θεοφάνη, *CS* (1838), 26.

25. Κεδρηνός, Β', *CS* (1839), 54.

26. Συνεχ. Θεοφάνη, *CS*, 205.

27. Γενέσιος, *CS* (1834), 106.

soubbota, ὁ Σμπάτ-Σαββάτιος στὸ βουλγαρικὸ θρύλο ἔπρεπε νὰ παρουσιαστεῖ σὰν Soubbotin.

Ἄπο δ,τι εἶπαμε ἐμεῖς δὲν συμπεραίνουμε ὅτι στὴ Θράκη μετοίκησε ὁ ἰδρυτὴς τῆς αἵρεσης τῶν Θονδρακιτῶν Σμπάτ ἀπὸ τὸ Ζαρεχαβάν, ἀλλὰ, κατὰ πάσα πιθανότητα, οἱ ὁπαδοὶ τοῦ Θονδρακίτες, δηλαδή οἱ «Παυλικιανοὶ» τῆς Ἄννας τῆς Κομνηνῆς.

Οἱ μετοικισθέντες ἀπὸ τὸν Τσιμισκῆ Θονδρακίτες δὲν ἦταν οἱ μόνοι. Τὰ τέλη τοῦ 10ου καὶ ἀρχὲς τοῦ 11ου αἰ. εἰσῆλθαν στὰ πλαίσια τοῦ βυζαντινοῦ κράτους τὸ Χάρκ καὶ ἡ Μανάναλη, δύο μεγάλα κέντρα τοῦ κινήματος τῶν Θονδρακιτῶν. Στὴ Μανάναλη τοῦ ἀγώνα κατὰ τῶν αἵρετικῶν ἠγήθηκε ὁ ἀποσταλεὶς ἀπὸ τὴν βυζαντινὴ ἀρχὴ με εἰδικὴ ἀποστολὴ κριτῆς ὀνομαζόμενος Ἡλίας²⁸. Ἡ ἔδρα τοῦ κριτῆ αὐτοῦ ἦταν ἡ Θεοδοσιούπολη στὴ χώρα Ἀκιλισηνῆ τῆς Ὑψηλῆς Ἀρμενίας. Τὸ 1000 ἡ αὐτοκρατορία κατέκτησε τὸ Τάικ, τὸ 1021 τὸ Βασπουρακάν, τὸ 1045 τὴ Σιρακηνή (Μεγάλῃ Ἀρμενία). Σὲ ὅλες τὶς περιφέρειες αὐτὲς ὑπῆρχαν κοινότητες αἵρετικῶν καὶ πρέπει νὰ υποθέσουμε, ὅτι Θονδρακίτες μετοικίσθησαν στὸ Βυζάντιο καὶ ἀπὸ τὴν περιφέρειαν αὐτὴν, καὶ κοινότητες Θονδρακιτῶν δημιουργήθηκαν καὶ σὲ ἄλλες περιοχὲς τοῦ Βυζαντίου. Γι' αὐτὸ μαρτυρεῖ ὁ Γρηγόριος Μάγιστρος, πὺ δειχνεὶ ὅτι Θονδρακίτες στὰ χρόνια τῆς βασιλείας τοῦ Κωνσταντίνου Μονομάχου ὑπῆρχαν στὴ Μεσοποταμία, «στὴ χώρα τῶν Ἑλλήνων» (ὅπως ὀνομάζει αὐτὸς τὴν βυζαντινὴ αὐτοκρατορία), δροῦσαν στὶς περιοχὲς πὺ εὐρίσκοντο «ὑπὸ τὴν κυριαρχία τῆς ἁγίας Βασιλείας τῶν Ρωμαίων»²⁹.

Ἄπο ὅλα αὐτὰ γεννιέται τὸ ἐρώτημα: ἐὰν οἱ Θονδρακίτες ἀκόμη ἐπὶ Τσιμισκῆ μετοικίζονταν στὸ Βυζάντιο, ἴδρυσαν ἐκεῖ πολυάνθρωπες κοινότητες, ἀνέπτυξαν, σύμφωνα με τὸν Γρηγόριο Μάγιστρο, ἐντονη δραστηριότητα, γιατί στὶς βυζαντινὲς πηγὲς γι' αὐτοὺς δὲν ἀπαντᾶ καμιά μαρτυρία; Νὰ ἐξηγήσουμε αὐτὸ με τὸ ὅ,τι αὐτοὶ στὸ Βυζάντιο ἦσαν γνωστοὶ ὡς Παυλικιανοὶ δὲν εἶναι ἀρκετό. Καὶ ἔτσι, μετὰ τὸ ἐρώτημα αὐτὸ ἔρχεται ἄλλο. Ποιοὶ εἶναι οἱ αἵρετικοὶ Φουνδαγίτες;

Οἱ Φουνδαγίτες δροῦσαν στὴ βυζαντινὴ αὐτοκρατορία στὸ 1ο μισὸ τοῦ 11ου αἰ., δηλαδή ἀκριβῶς στὴν ἐποχὴ τῆς ἀκμῆς τοῦ κινήματος τῶν Θονδρακιτῶν. Γιὰ τοὺς Φουνδαγίτες ἔγραψε μετὰ τὸ 1034 ἐκτενὴ πραγματεία ὁ μοναχὸς τῆς μονῆς τῆς Περιβλέπτου στὴν Κωνσταντινούπολη Εὐθύμιος Ἀκμονείας. Ἡ πραγματεία αὐτὴ δημοσιεύθηκε ἀπὸ τὸν Γ. Φίκερ³⁰, ἡ δὲ συνοπτικὴ τῆς διασκευῆ στὸν 131ο τόμο τῆς Πατρολογίας τοῦ

28. Ἀριστακὲς, 130 (Aristakès, 117).

29. Γρηγορίου Μαγίστρου Ἐπιστολαί, 167-8 (Ter-Mkrtschian 139-40. — Conybeare, 143. — Μπαρτικιάν, Δύο ἐπιστολὲς, 138).

30. G. Ficker, Die Phundagiagiten. Ein Beitrag zur Kirchengeschichte des byzantinischen Mittelalters (Λειψία 1908).

Migne³¹. Στὰ χειρόγραφα οἱ αἵρετικοὶ φέρουν διαφορετικὰ ὀνόματα, Φουνδαῖται, (διάβαζε Φουνδαγῖται, Φουνδαγιᾶται), Φουνδαγιαγῖται κ.λπ., ἀλλὰ ἐμεῖς θεωροῦμε πὺ ἀκριβῆς τὸ Φουνδαγῖται (ἢ Φουνδαγιᾶται), ὅπου τὸ «Φουνδαγ» εἶναι ἡ ρίζα, τὸ δὲ -ῖται (-ῖαται) πρόσφυμα πὺ ὑποδείχνει τόπο προέλευσης.

Ὁ Εὐθύμιος ὁ Ἀκμονείας θεωρεῖ τὴν αἵρεσὴ τους νεοφανῆ («νεολέκτου ἀσεβοῦς αὐτῆς θρησκείας»), δηλαδή νεοφανῆ στὸ Βυζάντιο· κατὰ πάσα πιθανότητα ἐμφανίστηκε στὰ τέλη τοῦ 10ου καὶ ἀρχὲς τοῦ 11ου αἰ. Αὐτὸς δὲν ξέρεει τὴ σημασία τοῦ ὀνόματός τους, ἀλλὰ γνωρίζει καλὰ ὅτι οἱ αἵρετικοὶ ἔχουν σχέση με τὴν Ἀρμενία. Ἀναφορικὰ μ' αὐτὸ δὲν εἶναι ἄσκοπο νὰ ἀναφέρουμε ἐδῶ τὰ λόγια τοῦ ἐκδότη τῆς πραγματείας Γ. Φίκερ. «Ἐφόσον ὁ συγγραφεὺς μας [Εὐθύμιος] τοὺς Φουνδαγιαγῖτες [ὁ Φίκερ υἱοθετεῖ αὐτὴ τὴν παραλλαγὴ τοῦ ὀνόματος τῶν αἵρετικῶν] ἀντιπαρβάλλει με τοὺς Ἀρμένιους, γεννιέται ἐρώτηση: τὸ ὄνομά τους ἀραγε δὲν σχετίζεται με τὴν ἀρμενική;»³² Ὁ Φίκερ ἂν καὶ εἰδικὰ ὑπογραμμίζει ὅτι ἡ θρησκευτικὴ ἐπίδραση τῶν Ἀρμενίων κατὰ τὸν 11ο καὶ 12ο αἰ. ἦταν στὴ Μικρὰ Ἀσία πολὺ μεγάλη, δὲν λέγει τίποτε τὸ συγκεκριμένο γιὰ τοὺς Φουνδαγῖτες.

Ὁ Εὐθύμιος ὁ Ἀκμονείας στρέφει τὴν προσοχὴ του στὴ διδασκαλία τῶν Φουνδαγιτῶν, πὺ εἶναι καταπληκτικὰ ὅμοια με τὴ διδασκαλία τῶν Θονδρακιτῶν καί, εἶναι αὐτονόητο, τῶν Παυλικιανῶν. Ὁ βυζαντινὸς μοναχὸς εἰδικὰ ὑπογραμμίζει ὅτι οἱ Φουνδαγῖτες σέβονται καὶ δέχονται «...ἐξαιρέτως τὰ τῶν Παυλικιανῶν καὶ τῶν Μανιχαίων· καὶ εἰ θελήσει τις γνῶναι, ὅτι καὶ τὰ τῶν Παυλικιανῶν φρονοῦσι οἱ κακοὶ ἀσεβεῖς οὗτοι, συντυχέτω Παυλικιανῶν». Καὶ στὴ συνέχεια: «...καὶ ἡ διδασκαλία αὐτῶν παροιμοία ἐστὶν τῶν ἀθέων τούτων»³³.

Ἄς ἐπιστρέψουμε στοὺς Θονδρακίτες. Τὸ ὄνομα αὐτῶν, ὅπως εἶδαμε, κατὰ τοὺς δυτικούς Ἀρμένιους (τὸ Βυζάντιο τότε εἶχε σχέση ἀκριβῶς με τὴ Δυτικὴ Ἀρμενία) ἀπηχεῖ Thondrag-etzik' — Θονδραγῖτες καὶ ὄχι Θονδρακίτες, εἶναι γνωστὸ ὅτι στὴν ἐλληνικὴ ὁ φθόγγος «θ» (ὅπως στὴν ἀρχαιότητα, ἔτσι καὶ στὶς μέρες μας) ἐναλλάσσεται σὲ «φ» (πβ. θλίβω φλίβω, θλάω φλάβω, καὶ σήμερα Θήβα Φήβα, θηκάρι φηκάρι, θλιβερός φλιβερός κ.λπ.³⁴ Τὸ ἴδιο φαινόμενο ἀπαντᾶ καὶ στὶς σλαβικές γλώσσες, ὅπου τὸ ἐλληνικὸ «θ» ἐναλλάσσεται σὲ «φ» (Θεόδωρος - Φεοντόρ, Θεόφιλος - Φεοφίλ, Ἀθήναι - Ἀφίνοι κ.λπ.). Τὸ αὐτὸ ἀπαντᾶ καὶ σὲ ἄλλες ἰνδοευρωπαϊκὲς γλώσσες.

31. Euthymii monachi venerabilis coenobii Peribleptae Liber invectivus contra haeresim execrabilium et impiorum haeticorum qui Phundagiatae dicuntur, PG 131, 47-58.

32. G. Ficker, ὁ.π., 194, σημ. 1.

33. G. Ficker, ὁ.π., 63

34. EAE 6, 426.

Είναι πολύ διαδεδομένη και η έναλλαγή του «ο» («ω») με το «ου» (μουσάρι, σφουγγάρι, ζουνάρι, φλουρί, ποϋθε, αντί των μοσχάρι, σφογγάρι, ζωνάρι, φλωρί, πόθε)³⁵.

Με βάση τα παραπάνω εμείς έχουμε δλο το δικαίωμα να προσφέρουμε την χωρίς ιδιαίτερη σημασία όνομασία των αίρετικών Φουνδαγιτών Θονδ(ρ)αγίται. Λείπει μόνο ένα «ρ» όπως μεταδώσουμε ακριβώς την αρμενική όνομασία των αίρετικών Θονδραγιτών. Είναι ενδιαφέρον να σημειώσουμε ότι την ιδέα αυτή την εξέφρασαν ο Άρμένιος θεολόγος Κ. Τέρ-Μκρτσιάν και ο Μχιταριστής της Βιέννης Νερσές Άκινιάν³⁶. "Ας σημειώσουμε επίσης ότι υπήρξαν επιστήμονες, οί όποιοι το όνομα Φουνδαγίται το συσχέτισαν με τη λέξη «φοϋνδα» που ο Λαμπέτιος και άλλοι μεταφράζουν "marsupium seu crumena"³⁷, δηλαδή σακκούλα με την όποία, δήθεν, οί Φουνδαγίτες πλανώνταν και ζητιάνευαν. Αυτόι δέν εξηγούν ούτε το «γ» στην όνομασία αυτή, ούτε το πρόσφυμα -ίτης, που υποδειχνει τόπο πρέλευσης.

Άλλά η εικάσια περι της ταύτισης των Φουνδαγιτών με τους Θονδραγίτες βασίζεται όχι μόνο στη σύμπτωση ή τη συνήχηση των όνομάτων αυτών. Όπως σημειώσαμε ανωτέρω, στην ιδέα αυτή μάς έφερε η έκπληκτική όμοιότητα του δόγματός τους. Και όχι μόνο αυτό. Γιατί ο Εϋθύμιος ο Άκμονείας άφηγούμενος για την αίρεση των Φουνδαγιτών θεωρεί άναγκαίο να ψέξει «την των Άρμενίων βέβηλον και βδελυράν αίρεσιν»; Τί δουλειά έχουν έδω οί Άρμένιοι, γιατί αίφνης τους θυμήθηκε; Δέν πρέπει να λησμονήσουμε ότι όμιλώντας για αρμενική αίρεση του πρώτου μισού του 11ου αι., μπορεί να γίνει λόγος μόνο για την αίρεση των Θονδραγιτών. Άλλες αίρέσεις στην Άρμενία την εποχή αυτή δέν υπήρχαν. Είναι δυνατόν ο Εϋθύμιος να έχει υπόψη τον μονοφυσιτισμό των Άρμενίων, αίρεση θεωρεί την όμολογία της πίστης των Άρμενίων γενικώς; Όχι, στην περίπτωση αυτή ο λόγος μπορεί να άφορα μόνο την κατευθυνόμενη έναντιον της έπίσημης όμολογίας της πίστεως διδασκαλία, ή όποία στην περίπτωση αυτή ήταν η διδασκαλία των Θονδρακιτών.

Ό Εϋθύμιος Άκμονείας στη συνέχεια δείχνει ότι ένας από τους αίρεσιάρχες των Φουνδαγιτών που δροϋσε στα τελευταία χρόνια της βασιλείας του Βασιλείου Β' (976-1025) όλόκληρα τρία χρόνια κήρυττε τη διδασκαλία των αίρετικών σε πολλές πόλεις της Θράκης³⁸. Τον αίρεσιάρχη

35. "Ο.π., 9, 944. Βλ. και Χ.Π. Συμεωνίδης, Χείλωση στη Μεσαιωνική και Νέα Έλληνική, Βυζ (4, 1972), 240, 246, 249.

36. Κ. Ter-Mkrttschian, Die Paulikianer, 123. — Handes Amsorya, Monatschrift für armenische Philologie 25 (Jahrgang 1911), 765 (άρμ.).

37. G. Ficker, ό.π., 193.

38. Ό Γ. Φίκερ και ο Δ. Άγγελωφ υποθέτουν ότι το «έν τοίς Θρακων μέρεσι» του χειρογράφου του έργου του Εϋθυμίου πρέπει να διορθωθεί «έν τοίς των Θρακησιων μέρεσι»

αυτόν ο Εϋθύμιος όνομάζει Τζουρίλλα. Άλλά το όνομα αυτό άπαντά στον κατάλογο των αίρεσιάρχων-Θονδρακιτών, που φέρει ο Γρηγόριος Μάγιστρος. Το όνομα Τζουρίλλας είναι το Κύριλλος. Ό Θονδρακίτης αίρεσιάρχης Κύριλλος δροϋσε στην Άρμενία άκριβώς την εποχή αυτή. Βέβαια είναι πολύ δελεαστικό να υποθέσουμε ότι τον Κύριλλο μαζί με άλλους Θονδρακίτες ή βυζαντινή κυβέρνηση μετοίκισε από την Άρμενία στη Θράκη (ο Ιωάννης ο Τσιμισκής τους Θονδρακίτες τους μετοίκισε άκριβώς στη Θράκη), όπου και συνέχισε τη δράση του. Να ταυτίσουμε τον Τζουρίλλα με τον αίρεσιάρχη των Θονδρακιτών Κύριλλο με βάση την όμοιότητα των όνομάτων και της σύμπτωσης της εποχής της δράσης των, άν και είναι πολύ παράτολμο, παρ' όλα ταϋτα δέν είναι περιττό να άναφερθούμε σ' αυτήν την ταύτιση.

Ό Εϋθύμιος Άκμονείας συνεχίζοντας την άφήγησή του γράφει ότι τους αίρετικούς αυτούς όνομάζουν Φουνδαγίτες οί κάτοικοι του θέματος του Όψικίου, αλλά στο θέμα των Κιβυρραιωτών και στη Δύση αυτούς τους όνομάζουν Βογομίλους. Με βάση αυτό οί επιστήμονες ταυτίζουν τους Φουνδαγίτες με τους Βογομίλους, τη δέ εμφάνιση της αίρεσής τους στη Μικρά Άσία συνδέουν με την άμεση επίδραση των Βογομίλων³⁹. Άλλά άν είμαστε συνεπείς και όδηγηθούμε με την αυτή λογική, έχουμε δλο το δικαίωμα να θεωρήσουμε τους Βογομίλους Φουνδαγίτες, πού, φυσικά, δέν είναι όρθό.

Έάν όλοι οί αίρετικοί ήσαν φορείς της αυτής ιδεολογίας, ανήκαν στην ίδια αίρεση, είναι άκατανόητο γιατί στη Δύση και στο θέμα των Κιβυρραιωτών αυτούς τους όνόμαζαν Βογομίλους, στο δέ θέμα του Όψικίου Φουνδαγίτες, δηλαδή τους έδιναν άγνωστη και άκατανόητη όνομασία. Το ζήτημα είναι ότι με τους Φουνδαγίτες συνέβη ό,τι και με άλλους αίρετικούς. Τη νεοφανή αίρεση οί άρχουσες τάξεις πάντα, εκ προθέσεως ή μή, θεωρούσαν, άς χρησιμοποιήσουμε τον όρο του πατριάρχη Φωτίου, «άναβλάστηση» παλαιάς, πιο γνωστής αίρεσης. Μάς είναι ήδη γνωστό ότι οί βυζαντινοί και άρμένιοι μεσαιωνικοί συγγραφείς τους Παυλικιανούς θεωρούσαν Μανιχαίους. Κατά τα τέλη του 10ου και άρχές του 11ου αι. Παυλικιανοί στο Βυζάντιο δέν υπήρχαν (έγώ έχω ύπ' όψη τις άνατολικές έπαρχίες του Βυζαντίου), έδω ήταν οί Θονδρακίτες, τους όποιους θεωρούσαν και όνόμαζαν Παυλικιανούς. "Ας σημειώσουμε έδω ότι τους αυτούς αίρετικούς του θέματος των Κιβυρραιωτών, τους όποιους ο Εϋθύμι-

(G. Ficker, ό.π., 249, σημ. 2. — Δ. Άγγελωφ, Ό Βογομιλισμός στη Βουλγαρία (Σόφια 1969), 383, 45 (βουλγ.). Ό D. Obolensky σωστό θεωρεί το «Θρακων μέρεσι». Βλ. The Bogomils. A Study in Balkan Neo-manichaeism (Καίμπριτζ 1948), 175.

39. Δ. Άγγελωφ, ό.π., 382. Πβ. Beck, 336, 532.

ος Ἀκμονείας ὀνομάζει Βογομίλους, στὸν Βίο τοῦ ἁγίου Παύλου τοῦ Νέου ὀνομάζονται Μανιχαῖοι⁴⁰ (δηλαδή Παυλικιανοί).

Τὸν 11ο αἰ. τὸ κίνημα τῶν Βογομίλων ἦταν ἡ πιὸ ἰσχυρή, ἡ πιὸ γνωστὴ αἵρεση στὴ Δύση τοῦ βυζαντινοῦ κράτους. Καὶ εἶναι κατανοητὸ ὅτι κάθε αἵρετικὸ κίνημα σ' αὐτὰ τὰ μέρη ἔπρεπε νὰ ταυτισθεῖ μὲ τὴν αἵρεση τῶν Βογομίλων. Γι' αὐτό, κατὰ πάσαν πιθανότητα, ὁ Εὐθύμιος Ἀκμονείας, καταγόμενος ἀπὸ τὸ θέμα τοῦ Ὀψικίου, θεωροῦσε τοὺς νεοφανεῖς Φουνδαγῖτες Βογομίλους. Ἐμεῖς συμπεραίνουμε ὅτι, ὅπως φαίνεται, Βογόμιλοι στὴ Μικρὰ Ἀσία δὲν ὑπῆρχαν, οἱ Φουνδαγῖτες τοῦ Ὀψικίου καὶ τοῦ θέματος τῶν Κιβυρραιωτῶν, παρὰ τὶς κοινὲς γραμμὲς τῆς διδασκαλίας τους μὲ τὴ διδασκαλία τῶν Βογομίλων, δὲν εἶναι Βογόμιλοι. Καὶ δὲν εἶναι παράξενο πὸ τὸ κεφάλαιο γιὰ τοὺς «μικρασιάτες» Βογομίλους στὸ βιβλίο τοῦ διαπρεποῦς Βούλγαρου μεσαιωνολόγου καὶ μεγάλου γνώστη τοῦ κινήματος τῶν Βογομίλων Δ. Ἀγγελωφ, βασίζεται ἀποκλειστικὰ στὰ δεδομένα τοῦ Εὐθυμίου Ἀκμονείας. Ἄλλες πληροφορίες γι' αὐτοὺς τοὺς «Βογομίλους» στὶς πηγὲς δὲν βρέθηκαν.

Κατὰ πάσα πιθανότητα ἡ μετοίκηση τῶν Φουνδαγῖτῶν πὸ ἄρχισε ἀπὸ τὸν Ἰωάννη Τσιμισκῆ (δὲν ἀποκλείεται καὶ πρὸ αὐτοῦ, διότι στὸ Βίο τοῦ ἁγίου Παύλου τοῦ Νέου πὸ πέθανε τὸ 955, γίνεται λόγος γιὰ τὸν ἀγῶνα τοῦ ἁγίου αὐτοῦ ἐναντίον τῶν «Μανιχαίων» καὶ τῶν ἡγετῶν τους στὴ Μίλητο καὶ στὸ θέμα τῶν Κιβυρραιωτῶν⁴¹, δηλαδή ἀκριβῶς στὸ θέμα, ὅπου, σύμφωνα μὲ τὰ δεδομένα τοῦ Εὐθυμίου Ἀκμονείας, ζοῦσαν οἱ Φουνδαγῖτες), συνεχίσθηκε καὶ στὰ ἐπόμενα χρόνια, καθ' ὅσον ἡ Βυζαντινὴ αὐτοκρατορία διεῖσδυε στὴν Ἀρμενία. Αὐτοὶ μετοικίσθηκαν στὸ θέμα τοῦ Ὀψικίου, στὸ ΒΔ τμήμα τῆς Μικρασιατικῆς χερσονήσου, ὅπου ἀκόμη πολὺ παλαιὰ ζοῦσαν Ἀρμένιοι⁴², καθὼς καὶ στὸ ναυτικὸ θέμα τῶν Κιβυρραιωτῶν.

40. Vita S. Pauli Iunioris in monte Latro, AB 11, 156.

41. Ὁ.π.

42. H. Gelzer, Pergamon unter Byzantinern und Osmanen. Abhandlungen der königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften (Βερολίνο 1903). Γιὰ τὴν ὑπαρξὴ μεγάλης, ἐχθρικῆς διακειμένης πρὸς τὸ Βυζάντιο ἀρμενικῆς παροικίας στὸ θέμα τοῦ Ὀψικίου γράφει ὁ Νικήτας Χωνιάτης. Αὐτὸς λέγει ὅτι ὁ Λατίνος αὐτοκράτορας τῆς Κωνσταντινούπολης, Βαλδουῖνος Α' (1204-5), μὲ τὴν ὑποτροπὴ τῶν Ἑλλησποντίων Λατίνων «καὶ τῶν Τρωικῶν Ἀρμενίων», ἔστειλε στὴν Ἀνατολὴ κατὰ τοῦ Θεόδωρου Α' Λάσκαρη τὸν ἀδελφὸ του, Ἐρρίκο τῆς Φλάνδρας, ὅτι ὁ «Ἐρρῆς συμμίζας τοῖς ἐν Τροίᾳ Ἀρμενίοις καὶ συμμαχίδας ἴλας ἐκεῖθεν ἐπαμησάμενος ἔκειρε τὰς πόλεις...»: ἔκδ. J.-L. van Dieten (Βερολίνο - Νέα Ὑόρκη 1975: CF), 601-2. — Πβ. Ἐφραίμ, Χρονικὸ (CS, 1840), στίχ. 7244-5. Ἡ Τρωάδα εὐρίσκετο ἀκριβῶς στὰ ὄρια τοῦ θέματος Ὀψικίου. Βλ. Κωνσταντῖνος Πορφυρογέννητος, De Thematibus, ἔκδ. A. Pertusi (Βατικανὸ 1952), 69. Ἐρημώνοντας τὶς ἀντιστεκόμενες στοὺς Λατίνους βυζαντινὲς πόλεις καὶ χωριά, ὁ Ἐρρίκος τῆς Φλάνδρας ἔφθασε στὸ Ἀτραμύτιο καὶ μὲ τοὺς Ἀρμένιους τῆς Τροίας ἦλθε στὴ Ρεδαιστὸ (Νικ. Χωνιάτης, 617). Τὸ γεγονὸς τῆς

Οἱ Φουνδαγῖτες, βέβαια, δροῦσαν καὶ σὲ ἄλλες περιοχὲς τοῦ Βυζαντίου, γι' αὐτὸ ἔγραφε ὁ Γρηγόριος Μάγιστρος. Ἦς θυμηθοῦμε τὴν ἐκκλησίᾳ του πρὸς τοὺς Φουνδαγῖτες: «Ἀφήστε μας, ... ὅλους τοὺς ὑποκειμένους στὸ ἅγιο βασίλειο τῶν Ρωμαίων, ἡσυχούς. Μὴ διδάσκετε καὶ μὴ ἐδραιώνετε — οὔτε ἐγγράφως, οὔτε προφορικῶς — τὴν κακὴ σας αἵρεση, διότι ἐσεῖς θὰ τιμωρηθῆτε καὶ γιὰ τοὺς /δίκαιους/, καὶ γιὰ τὶς δικές σας ἁμαρτίες»⁴³. Πρὶν ἀπὸ αὐτὸν ἔγραφε ὁ Εὐθύμιος Ἀκμονείας: οἱ Φουνδαγῖτες «περιτρέχουσι πᾶσαν τὴν τῶν Ρωμαίων ἐπικράτειαν καὶ εἰς ὅσους ὁ ἥλιος ἐφορᾷ χριστιανούς εἰς τὸ πλανᾶν καὶ ἀπατᾶν ψυχὰς ἀψηφοῦν τὸν θάνατο καὶ κηρύσσουν τὴ διδασκαλίαν τῶν στὰ τῆς Ρωμανίας ἅπαντα κλίματα»⁴⁴.

Ἐὰν ἡ εἰκασία γιὰ τὴν ταύτιση τῶν Φουνδαγῖτῶν καὶ τῶν Φουνδαγῖτῶν εἶναι σωστὴ, καὶ ἔχει ὅλα τὰ δεδομένα νὰ εἶναι σωστὴ, οἱ γνώσεις μας γιὰ τὴν ἐπέκταση τοῦ κινήματος τῶν Φουνδαγῖτῶν στὸ Βυζάντιο, ὁ ρόλος τους στὸν κοινωνικὸ καὶ θρησκευτικὸ βίο τῆς αὐτοκρατορίας βαθύνονται καὶ εὐρύνονται, ἐνῶ εὐρύνεται καὶ ὁ κύκλος τῶν πηγῶν γιὰ τὴ μελέτη τοῦ κινήματος αὐτοῦ, καθὼς καὶ τῆς ἰδεολογίας του.

Ἀθήνα, 5 Δεκεμβρίου 1988

παροχῆς στὸν Ἐρρίκο Ἀρμενίων στρατιωτῶν (ὁ ἀριθμὸς τους μαζί μὲ τὶς οἰκογένειές τους ἔφθασε τὶς 20.000 ψυχές. Βλ. I.Π. Ζάβορονκοφ, Στὶς ἀρχὲς τῆς ἱδρύσεως τῆς αὐτοκρατορίας τῆς Νικαίας: Ἐκτίμηση τῆς Δράσης τοῦ Κωνσταντίνου ΙΑ' Λάσκαρη, VV 38, 1977, 35, σημ. 52 ρωσ.), μαρτυρεῖ τὴν σημαντικότητά τῆς ἀρμενικῆς παροικίας, ἡ δὲ ἐχθρικὴ πρὸς τὸ Βυζάντιο στάση τῶν Ἀρμενίων τοῦ Ὀψικίου ἐξηγεῖται λόγω τῆς κακῆς συμπεριφορᾶς τῶν βυζαντινῶν ἀρχῶν πρὸς αὐτούς, μὲ τοὺς διωγμοὺς ὄχι μόνον τῶν αἵρετικῶν, ἀλλὰ καὶ τῶν Μονοφυσιτῶν γενικῶς ἀπὸ τὴν βυζαντινὴ Ἐκκλησίαν. Οἱ Ἀρμένιοι τοῦ θέματος αὐτοῦ, ὅπως καὶ οἱ Ἀρμένιοι τῆς Φιλιππούπολης κατὰ τὴν Γ' Σταυροφορία, «μόνοι τῶν ἀπάντων οὐκ ἐπιδρομὴ ἔθνων, ἀλλὰ φίλων παρουσίαν τὴν τῶν Ἀλαμανῶν διέλευσιν ἤγγητο...» (Νικ. Χωνιάτης, 403). Ὅπως εἶναι γνωστὸ, ἡ ἀρμενικὴ παροικία τῆς Φιλιππούπολης — καθὼς φαίνεται καὶ τοῦ Ὀψικίου — συνίστατο κυρίως ἀπὸ Ἀρμένιους αἵρετικούς, βασικοῦ στόχου τῶν διωγμῶν τῶν βυζαντινῶν ἀρχῶν καὶ τῆς Ἐκκλησίας.

43. Γρηγορίου Μάγιστρον Ἐπιστολαί, 167-8 (Ter-Mkrttschian, 139-40. — Conybeare, 143. — Μπαρτικιάν, Δύο ἐπιστολές, 138).

44. G. Ficker, δ.π., 63.

THE TONDRAKIAN MOVEMENT IN BYZANTIUM

by Hratch Bartikian

The present article aims at the examination of the Tondrakian movement which took place between the 9th-11th century A.D. It was not an exclusively Armenian phenomenon, since Tondrakian communities were active in Byzantine territory as well. A parallel examination of Tondrakian attitudes regarding the byzantine invasion of Armenia as well as of the policy adopted by the Emperor concerning heresy. Based on important Armenian sources (particularly of the 11th century) this study attempts to associate the Tondrakian movement with that of the Fundagites, who were mainly active in the Byzantine Empire during the 1st half of the 11 century. Additional information on the important Tondrakian centres, Harq and Mananalis, as well as on the influence of the Paulicians on the Tondrakian movement.

ΧΡ. Μ. ΜΠΑΡΤΙΚΙΑΝ

Η ΟΙΚΟΝΟΜΙΚΗ ΠΟΛΙΤΙΚΗ ΤΟΥ ΒΥΖΑΝΤΙΟΥ
ΣΤΗΝ ΑΡΜΕΝΙΑ

Δεύτερο μισό του 10ου με πρώτο μισό του 11ου αιώνα

Ἡ Ἀρμενία γιὰ τὸ Βυζάντιο δὲν ἦταν μόνο γεωγραφικὴ ἔννοια. Ἦταν ἡ χώρα ποὺ ἐπὶ αἰῶνες τροφοδοτοῦσε τὴν αὐτοκρατορία μὲ φόρους, μὲ χρυσὸ καὶ ἄργυρο τῶν ὀρυχείων της, ἀλλὰ καί, ποὺ εἶναι τὸ σοβαρότερο, μὲ πρώτης τάξεως μαχητὲς καὶ στρατιωτικούς, πολιτικούς, πολιτιστικούς καὶ ἄλλους παράγοντες.

Τῆ σημασία τῆς Ἀρμενίας γιὰ τὸ Βυζάντιο τὴν ἐποχὴ αὐτὴ μπορούμε νὰ παρουσιάσουμε μὲ τὸ κάτωθι εὐγλωττο γεγονός. Μὲ τὴν ἀξία τῆς χρυσῆς βούλλας ἐπὶ τῶν ἀποστελλομένων στοὺς ἰθύνοντες τῆς Ἀρμενίας ἐπισήμων ἐγγράφων τῆς βυζαντινῆς αὐλῆς. Τὴν μεγαλύτερη ἀξία (βούλλα χρυσῆ τετρασολδία) ἔφεραν οἱ ἀποστελλόμενες στοὺς Ἀραβες χαλίφες ἐπιστολές.¹ Ἀμέσως μετὰ (βούλλα χρυσῆ τρισολδία) ἔρχονται οἱ Βαγρατίδες βασιλεῖς τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας καὶ οἱ Ἀρτζρουνίδες βασιλεῖς τοῦ Βασπουρακάν (Βασπρακανίας).² Σὲ κανέναν πλέον ἰθύνοντα γειτονικοῦ κράτους (ἐκτὸς τῆς Χαζαρίας)³ δὲν ἀποστέλλοντο ἐγγραφα μὲ βούλλα τόσο ὑψηλῆς ἀξίας.

Οἱ 10ος καὶ 11ος αἰῶνες στὴν ἱστορία τοῦ Βυζαντίου ἦταν ἐποχὴ ὄχι μόνο ἀπελευθερώσεως τῶν βυζαντινῶν ἐδαφῶν ἀπὸ τὴ μακρὰ κυριαρχία τοῦ Ἀραβικοῦ Χαλιφάτου, ἀλλὰ καὶ ἐποχὴ κατακτήσεως νέων ἐδαφῶν στὴν Ἀνατολή, καὶ κυρίως στὴν Ἀρμενία. Ὅταν τὸν 7ο αἰῶνα οἱ Ἀραβες κατέκτησαν τὴν βυζαντινὴ Ἀρμενία, ἐκεῖ δὲν ὑπῆρχε ἀρμενικὸ κράτος, αὐτὸ εἶχε καταλυθεῖ τὸ 428. Ἡ Ἀρμενία εἶχε διαιρεθεῖ μεταξὺ τῶν μεγάλων δυνάμεων τῆς ἐποχῆς, τῆς Περσίας τῶν Σασανιδῶν καὶ τῆς Βυζαντινῆς Αὐτοκρατορίας ἀκόμη τὸ 387, γιὰ δευτέρη φορά ἐπὶ Μαυρικίου τὸ 591. Ἀλλὰ τὸν 10ο-11ο αἰῶνα, ὅταν ἡ Βυζαντινὴ

1. Κωνσταντῖνος Πορφυρογέννητος, *Περὶ Βασιλείου Τάξεως* (ἐκδ. Reiske) 686.2. *δ.π.* 686-687.3. *δ.π.* 687.

Αυτοκρατορία άρχισε νά κατακτᾶ άρμενικά έδάφη, έπ' αὐτῶν ἤδη ὑπῆρχαν άρμενικά βασίλεια καὶ πριγκηπάτα, έπομένως έδῶ δέν μπορεῖ νά γίνει λόγος γιά έπανάκτηση, γιά άπελευθέρωση έδαφῶν, έφόσον αὐτά ἤδη εἶχαν άπελευθερωθεῖ με τὸ αἷμα τῶν Ἄρμενίων, αλλά γιά κατάκτηση. Τὸ 966 τὸ Βυζάντιο έγινε κύριος τοῦ Ταρών, τὸ 1000 τοῦ Γάικ, τὸ 1021 τοῦ Βασπουρακάν, τὸ 1045 τοῦ βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν τῆς Μεγάλης Ἄρμενίας, τὸ δὲ 1065 τοῦ βασιλείου τοῦ Βανάνδ (Κάρς). Δηλαδή πρὶν ἔξι χρόνια ἀπὸ τὴν καταστροφή τοῦ Μαντζικέρτ, σχεδὸν ὅλη ἡ Ἄρμενία εὐρίσκετο στὰ πλαίσια τῆς Βυζαντινῆς Αυτοκρατορίας.

Γιά τὴν οἰκονομικὴ πολιτικὴ τοῦ Βυζαντίου στὴν Ἄρμενία κατὰ τὴν ἑκατονταετὴ κυριαρχία της οἱ πηγές μᾶς προσφέρουν ὄχι πολλὰ δεδομένα. Εἶναι αὐτονόητο ὅτι ἕνα ἀπὸ τὰ πρῶτα μέτρα τῆς βυζαντινῆς κυβέρνησης ἦταν ἡ έγκαθίδρυση τοῦ φορολογικοῦ ζυγοῦ. Ἄπὸ τὸν Ἄριστακὲς Λαστιβερτσί, Ἄρμένιο ἱστορικὸ τοῦ 11ου αἰῶνα, εἶναι γνωστό, ὅτι ὁ Βασίλειος Β' τὸ 1018, δηλαδή άμέσως μετὰ τὴν διάλυση τοῦ βουλγαρικοῦ κράτους, «στέλνει... ἕναν Νικομηδηνὸ άρχοντα, ὁ ὁποῖος ἔλθων έγκαθιστᾶ άγγαρεία στὴ χώρα μας. Συναθροίσας πλῆθος ανθρώπων, αὐτὸς άρχίζει τὴν άνοικοδόμηση τῆς Θεοδοσιούπολης».⁴

Ἐάν ἐπὶ Βασιλείου Β' μᾶς εἶναι γνωστὸ τὸ φορολογικὸ αὐτὸ σύστημα, δηλαδή ἡ άγγαρεία, ἡ άνευ άμοιβῆς έκμετάλλευση τοῦ μόχθου τῶν εργαζομένων, ἐπὶ Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου ἡ φορολογία γίνεται χρηματικὴ. Ὁ Κεκαυμένος σχετικὰ μ' αὐτὴ γράφει: Ἄπελθὼν γάρ εἰς Ἰβηρίαν καὶ Μεσοποταμίαν τῇ προστάξει αὐτοῦ (δηλαδή τοῦ Μονομάχου - Χρ. Μπ.) ὁ Σερβλίας άναγράψασθαι καὶ επιθῆναι τέλη, ἃ οὐδέποτε εἶδον εἰς τὴν χώραν αὐτῶν οἱ ἐκεῖσε άνθρωποι (δ καὶ έποίησεν, ἦν γάρ δεινότατος εἰς πάντα), αὐτομολῆσαι τούτους πανοικει παρεσκεύασε πρὸς τὸν βασιλέα τῶν Περσῶν,⁵ δηλαδή τῶν Σελτζούκων.

Ὁ Κεκαυμένος γράφοντας Ἰβηρία, ἔχει ὑπόψη τὸ βυζαντινὸ θέμα τῆς Ἄρμενίας καὶ Ἰβηρίας,⁶ στὰ πλαίσια δὲ τοῦ θέματος τῆς Μεσοποτα-

4. Aristakès de Lastivert, *Récit des malheurs de la nation arménienne* (Traduction française avec introduction et commentaire par Marius Canard et Haïg Berberian d'après l'édition et la traduction russe de Karen Yuzbashian), Βρυξέλλες 1973, σ. 11.

5. Οἱ συμβουλές καὶ οἱ διηγήσεις τοῦ Κεκαυμένου. Πόνημα βυζαντινοῦ στρατιωτικοῦ τοῦ 11ου αἰῶνα (Κριτικὸ κείμενο, εισαγωγή, (ρωσικὴ) μετάφραση ὑπὸ Γ. Γ. Λιτάβριν), Μόσχα 1972, σ. 152-154 (στὰ ρωσικά).

6. Βλ. Χρ. Μπαρτικιάν, «Γιά τὸ θέμα Ἰβηρία», *Δελτίο κοινωνικῶν ἐπιστημῶν τῆς άρμενικῆς Ἀκαδημίας*, 1974, ἀριθ. 12.

μίας τοῦ Λέοντος τοῦ ΣΤ' εὐρίσκετο τὸ μέγα μέρος τῆς Δυτικῆς Ἄρμενίας.⁷ Ἐπομένως ἡ δράση τοῦ άπογραφέα Σερβλία ἐξελίχθηκε κυρίως στὴν Ἄρμενία.

Τὸ Βυζάντιο πρῶτ' ἀπ' ὅλα εἰσέπραττε φόρους ἀπὸ τοὺς εμπόρους καὶ βιοτέχνες τῶν άρμενικῶν πόλεων. Γι' αὐτὸ στίς άφηγηματικὲς πηγές δέν άπαντοῦν σχετικὰ δεδομένα. Μόνον ὁ Σκυλίτζης μᾶς πληροφορεῖ, ὅτι ὁ Γεώργιος ὁ Μανιάκης, κυριεύσας τὴν πόλη τῆς Ἐδεσσας στὴν Μεσοποταμία τὸ 1034, άπέστειλε... τῷ βασιλεῖ (Ρωμανῷ τῷ Ἀργυρῷ - Χρ. Μπ.) *ἐνιαύσιον φόρον, λίτρας πενήκοντα*.⁸ Περισσότερες πληροφορίες μᾶς δίνουν οἱ άρμενικὲς έπιγραφές τῆς έποχῆς αὐτῆς, χαραγμένες στοὺς τοίχους τῶν ἐκκλησιῶν σὲ άρμενικὲς μονές, καὶ κυρίως δύο έπιγραφές στὸν μητροπολιτικὸ ναὸ τοῦ Ἄνιου. Τὴν μία ἀπὸ αὐτὲς τὴν ἔχαραξε γύρω στὸ 1056 ὁ κατεπάνω τοῦ θέματος τῆς Ἄρμενίας καὶ Ἰβηρίας Ἄαρών ὁ Βούλγαρος,⁹ τὴν ἄλλη ὁ κατεπάνω τοῦ αὐτοῦ θέματος Παγκράτιος Βηχκατζῆ, κατὰ πᾶσα πιθανότητα τὸ 1060.¹⁰

Τὴν έποχὴ αὐτὴ τὸ Ἄνιο ἦταν πολὺ πλούσια καὶ άνεπτυγμένη πόλη, κέντρο διεθνoῦς έμπορίου. Ἐδῶ εὐρίσκοντο σὲ πολὺ ὑψηλὸ επίπεδο οἱ βιοτεχνίες. Γι' αὐτὸ μαρτυροῦν ὄχι μόνον οἱ άρμενικὲς, αλλά καὶ οἱ βυζαντινὲς πηγές. Ὁ Μιχαῆλ ὁ Ἀτταλειάτης ὀνομάζει τὸ Ἄνιο *θαυμασίαν πόλιν*¹¹ καὶ γράφει ὅτι ὅλοι οἱ κάτοικοί της άσκοῦσαν τὸ έπάγγελμα τοῦ εμπόρου.

Κατακτώντας τίς πόλεις τῆς Ἄρμενίας, τὸ βυζαντινὸ κράτος άρχισε νά εἰσπράττει ἀπὸ τοὺς εμπόρους καὶ βιοτέχνες τῶν πόλεων αὐτῶν φόρους, οἱ ὁποῖοι ἦταν τὸ κύριο εἰσόδημα τοῦ κράτους. Ὁ συγγραφέας κατὰ τὰ τέλη τοῦ 11ου καὶ τίς άρχές τοῦ 12ου αἰῶνα Ἄραβας έπιστήμων Μαρβαζὶ δείχνει, ὅτι μέγα μέρος τῶν εἰσοδημάτων τοῦ Βυζαντίου άποτελοῦν οἱ εἰσπραττόμενοι ἀπὸ τοὺς εμπόρους φόροι.¹² Στὴ μνημονευθεῖσα άνω έπιγραφὴ τοῦ μαγίστρου Ἄαρών μετὰξὺ άλλων λέγεται: ...*Ἐφερον χρυσόβουλλον γραφὴν τῆς πορφυρογεννήτου βασιλίσης περι*

7. *Costantino Porfirogenito De Thematibus* (Introduzione, testo critico, commento a cura di A. Pertusi), Βατικανὸ 1952, σ. 139.

8. Ἰωάννης Σκυλίτζης, *Σύνοψις Ἱστοριῶν*, σ. 388 (έκδ. Thurn).

9. Χρ. Μ. Μπαρτικιάν, *Τὸ Βυζάντιον εἰς τὰς άρμενικὰς πηγὰς* (Βυζαντινὰ κείμενα καὶ μελέται 18), Θεσσαλονίκη 1981, σ. 130-131.

10. *δ.π.* 130.

11. Μιχαῆλ Ἀτταλειάτης, *Ἱστορία*, σ. 80 (έκδ. Bekker).

12. V. Minorsky, «Marwazi on the byzantines», *Mélanges H. Grégoire*, II, 1950, σ. 462.

ἀπαλλαγῆς ἐκ τῆς ἀποτίσεως τοῦ πάκτου τῶν οἰκῶν τῆς πόλεως καὶ τοῦ θαστάκ,¹³ ἅτινα ἔδιδον ἐτησίως λίτρας ὀκτώ. Καὶ [ἱκανοποιῶν] τὴν παράκλησιν τῶν ἀρχόντων, κατήργησα τὴν ἀπότισιν τῶν δύο λίτρων τοῦ [φόρου] *giut*,¹⁴ ὃν ἔδιδεν ὁ μουτασίμπ, δηλαδή ὁ ἑπαρχος τῆς πόλης. Ἀπὸ τὴν ἐπιγραφή αὐτὴ γίνεται γνωστὸ, ὅτι οἱ ἔμποροι καὶ οἱ βιοτέχνες τοῦ Ἀνίου ἐπλήρωναν στὸ βυζαντινὸ κράτος ὀκτὼ λίτρες (576 χρυσὰ νομίσματα) ὡς ἐνοίκιο καὶ θαστάκ, ὁ δὲ ἑπαρχος τῆς πόλης δύο λίτρες (144 νομίσματα) φόρο *giut*.

Γιὰ τοὺς φόρους ποὺ εἰσέπραττε τὸ βυζαντινὸ κράτος ἀπὸ τοὺς ἑμποροὺς καὶ βιοτέχνες τοῦ Ἀνίου μνημονεύει καὶ ὁ κατεπάνω τοῦ ἰδίου θέματος Παγκράτιος Βηγκατζῆ στὴν ἐπιγραφή του, μὲ τὴ διαφορά ὅτι ἐὰν στὴν ἐπιγραφή τοῦ Ἀαρῶν τὸ ἐνοίκιο φέρει τὴ βυζαντινὴ του ὀνομασία (πάκτον ἐκ τῶν οἰκῶν), στὴν ἐπιγραφή τοῦ Παγκρατίου ἔχει καθιερωθεῖ ἀρμενικὸς ὄρος, *tanoutrouitioun*, ποὺ σημαίνει φόρος ἐκ τῶν οἰκῶν (τῶν ἐργαστηρίων καὶ καταστημάτων). Ἀπὸ τὴν ἐπιγραφή αὐτὴ γίνεται σαφές, ὅτι ἐὰν ἐπὶ τῆς διοικήσεως τοῦ Ἀαρῶν οἱ βιοτέχνες καὶ οἱ ἔμποροι τοῦ Ἀνίου ἀπαλλάσσονταν ἀπὸ τὸ φόρο αὐτό, γύρω στὰ 1060 ἐπὶ Παγκρατίου ὁ φόρος ἐπαναεισπράττεται, μὲ τὴ διαφορά ὅτι ἐὰν ἐπὶ Ἀαρῶν τὸ ποσὸ τοῦ φόρου ἦταν σταθερὸ καὶ ἐπληρώνετο κατευθεῖαν στὸ βυζαντινὸ κράτος, ἐπὶ Παγκρατίου αὐτὸ δὲν εἶναι συγκεκριμένο καὶ ἡ εἴσπραξή του ἐχορηγεῖτο στοὺς πακτοναρίους, ἀπὸ τὴ συνείδηση τῶν ὁποίων ἐξηρτᾶτο τὸ ποσὸ τοῦ εἰσπραττομένου φόρου.

Ἡ φορολογικὴ αὐτὴ πολιτικὴ ἦταν, βέβαια, διαδεδομένη καὶ στὶς ἄλλες πόλεις τῆς Ἀρμενίας. Δυστυχῶς, οἱ πηγές δὲν μᾶς παρέχουν δεδομένα γι' αὐτό. Ἐμεῖς δὲν ξέρουμε καὶ γιὰ τοὺς φόρους ποὺ ἐπλήρωναν οἱ μεγαλογαιοκτῆμονες. Ὁ Γρηγόριος ὁ Μάγιστρος μεταξὺ ἄλλων μνημονεύει ἕναν πρωτοπατρίκιο καὶ ἀπογραφέα, στὴ Μελιτηνή.¹⁵

Ποιὰ ἦταν ἡ οἰκονομικὴ πολιτικὴ τοῦ Βυζαντίου ἀναφορικὰ μὲ τὴν ἀρμενικὴ Ἐκκλησία; Πρέπει νὰ ὑπογραμμίσουμε, ὅτι γιὰ τὸ Βυζάντιο τὸ θέμα αὐτὸ δὲν ἦταν τόσο οἰκονομικὸ, ὅσο πολιτικὸ. Τὸ ζήτημα εἶναι ὅτι μετὰ τὴν κατάρρευση τοῦ ἀρμενικοῦ κράτους, ἡ μόνη ἐνοποιούσα τοὺς Ἀρμενίους, πολιτικὴ στὴν οὐσία της, δύναμη ἦταν ἡ διακειμένη ἐχθρικῶς πρὸς τοὺς χαλκηδονῖτες ἀρμενικὴ Ἐκκλησία, τὸ ἀρμενικὸ πα-

13. Ἄγνωστος φόρος.

14. Ἄγνωστος φόρος.

15. Γρηγορίου Μαγίστρου Ἐπιστολαὶ (ἔκδ. Κωστανιάντης) Ἀλεξανδράπολις (νῦν Λενινακάν, στὴ Σοβιετικὴ Ἀρμενία - Χρ. Μπ.) 1910, σ. 225 (στὰ ἀρχαῖα ἀρμενικά).

τριαρχεῖο. Γι' αὐτὸ μόλις τὸ ἐπόμενο μετὰ τὴν κατάλυση τοῦ βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν ἔτος, ἡ βυζαντινὴ κυβέρνησις καταργεῖ τὸ ἀρμενικὸ καθολικοσᾶτο τοῦ Ἀνίου, ἀπελαύνει τὸν πατριάρχη ἐκ τῶν ὀρίων τῆς χώρας,¹⁶ ἐπιχειρεῖ μὲ ὅλα τὰ μέσα τὴν ἐδραίωση τοῦ διφυσιτισμοῦ. Ἀρχίζουν νὰ ξεφυτρώνουν σὰν μανιτάρια τὰ χαλκηδονικὰ μοναστήρια, δίνονται πλεονεκτήματα στοὺς ἀσπαζομένους τὸν διφυσιτισμὸ Ἀρμενίου. Ἀλλὰ τὸ κυριότερο γιὰ τὴν βυζαντινὴν κυβέρνησις ἦταν ἡ οἰκονομικὴ ἐξαθλίωση τῆς ἀρμενικῆς Ἐκκλησίας, ἡ ἰσχὺς τῆς ὁποίας ἀπέρρεε ἀπὸ τὴν οἰκονομικὴ της εὐρωστία. «Ὅταν ὁ Κύριος Πέτρος ἦταν στὸν πατριαρχικὸ θρόνο στὴν Ἀρμενία — γράφει ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνός, Ἀρμενίος ἱστορικὸς τοῦ 12ου αἰῶνα — αὐτὸς εἶχε ὡς κτῆμα κληρονομικὸ δωρισμένα ἀπὸ τοὺς βασιλεῖς τῶν Ἀρμενίων παντακόσια ὀνομαστά, μεγάλα, προσοδοφόρα καὶ πολὺ ἐκλεκτὰ χωριά, ἐπίσης καὶ πεντακόσιους περιφανεῖς χωρεπισκόπους ἐπὶ ἑπτακοσίων¹⁷ μονίμων ἐπισκοπῶν... Ὁ πατριαρχικὸς θρόνος τῶν Ἀρμενίων δὲν ὑστεροῦσε καθόλου ἀπὸ τὸν τοῦ βασιλείου αὐτῶν».¹⁸ Ὁ ἱστορικὸς γράφει καὶ γιὰ τοὺς θησαυροὺς τῆς ἀρμενικῆς Ἐκκλησίας. Τὸ Βυζάντιο, κατακτῆσαν τὴν Ἀρμενία, ἀποστέρησε τὴν ἀρμενικὴ Ἐκκλησία τῶν κτημάτων της. Ἀλλὰ αὐτὸ ἦταν λίγο γιὰ τὴν αὐτοκρατορία. Οἱ βυζαντινοὶ «ἤγειραν ζήτημα (...) γιὰ τοὺς πολλοὺς χρυσοὺς καὶ ἀργυροὺς θησαυροὺς τοῦ Κυρίου Πέτρου, καθολικοῦ τῶν Ἀρμενίων».¹⁹ Ἡ βυζαντινὴ κυβέρνησις κατόρθωσε νὰ μεταφέρει στὴν Κωνσταντινούπολη τοὺς θησαυροὺς τοῦ ἀρμενικοῦ καθολικοσᾶτου, τοὺς ὁποίους ἀνακάλυψε στὴ Σεβάστεια καὶ τὴν Ἀρμενία.²⁰

Γιὰ τὸν πλοῦτο τῶν Ἀρμενίων ἀνωτέρων κληρικῶν μαρτυρεῖ ἡ ἱστορία τοῦ χωρεπισκόπου τῆς πόλης τοῦ Ἄρτζε, κοντὰ στὴ Θεοδοσιούπολη, Δαυτοῦκ. Ὅταν τὸ 1049 οἱ Σελτζοῦκοι κυρίευσαν τὴν πόλη αὐτή, ἐλήστευσαν καὶ ἐφόρτωσαν τοὺς θησαυροὺς τοῦ Δαυτοῦκ σὲ σαράντα καμῆλες. Ἀπὸ τὸ σπῆτι τοῦ χωρεπισκόπου αὐτοῦ, κατὰ τὸν Ματθαῖο τὸν Ἐδεσσηνὸ, πρὶν τὴν εἰσβολὴ τῶν νομάδων αὐτῶν, ἐβγαίνουν ὀκτακόσια ζευγάρια βοδιῶν. Γιὰ νὰ δουλέψουν τόσα ζῶα, ἦταν ἀπαραίτητα ἀνάλογα χωράφια.

16. Aristakès de Lastivert, *δ.π.* 56.

17. Ὁ Dulaurier μεταφράζει «παντακοσίων». Ἀλλὰ στὸ ἀρχαῖο ἀρμενικὸ πρωτότυπο «ἑπτακοσίων».

18. *Chronique de Matthieu d'Edesse (962-1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162* (Trad. Ed. Dulaurier), Παρίσι 1858, σ. 128.

19. *δ.π.* 115.

20. Aristakès de Lastivert, *δ.π.* 73.

Ἡ βυζαντινὴ κυβέρνησις ἀποπειράθηκε νὰ κάνει φοροτελεῖς τὸ ἀρμενικὸ καθολικοσῶτο. «Οἱ Ρωμαῖοι — γράφει ὁ Ἀρισταχὲς — θέλησαν νὰ κάνουν φοροτελεῖ τὸν καθολικὸ Χατσίκ». Ὁ τελευταῖος, ὅμως, ἀρνήθηκε λέγοντας: «Ὅ,τι δὲν ἐγένετο πρὸ ἐμοῦ, καὶ ἐγὼ δὲν συγκατανεύω». ²¹ Ὅ,τι ἀφορᾷ τοὺς Ἀρμενίους κληρικούς καὶ μοναχοὺς, αὐτοὶ ἐπὶ τῶν Βαγρατιδῶν ἀπέτιαν φόρο στὸ κράτος, τὸν ὁποῖον τῶρα ἦσαν ἀναγκασμένοι νὰ πληρώνουν στοὺς Βυζαντινοὺς. Στὶς πηγὰς ἀν καὶ δὲν ἀπαντᾷ γι' αὐτὸ ἀμεση μνεῖα, ἔμμεσα εἶναι φανερό. Στὸν νότιο τοῖχο τῆς μονῆς τοῦ Κετσαρίς, 40 περίπου χιλιόμετρα βορείως τοῦ Ἐρεβάν, εἶναι χαραγμένη ἡ ἐπιγραφή τοῦ Γρηγορίου Μαγίστρου, μεγάλου Ἀρμενίου πολιτικοῦ καὶ στρατιωτικοῦ παράγοντα, πού μετὰ τὴν πτώση τοῦ βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν, ὑπηρετήσε στὸ Βυζάντιο ὡς κατεπάνω τῶν θεμάτων Βασπρακανίας, Ταρών, Μεσοποταμίας καὶ Δερζηνῆς. Στὴν ἐπιγραφή αὐτή, πού φέρει χρονολογία τὸ 1051, ὁ Γρηγόριος Μάγιστρος δηλώνει ὅτι ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου μὲ μεγάλους κόπους κατόρθωσε νὰ λάβει χρυσόβουλλο περὶ ἀπαλλαγῆς τῆς μονῆς αὐτῆς τῆς ἀποτίσεως τῶν φόρων. ²² Ἐὰν ἐφορολογεῖτο αὐτή, ἡ εὐρισκόμενη πολὺ μακριὰ ἀπὸ τὰ κέντρα μονή, σημαίνει ὅτι ἡ φορολογία τῆς ἀρμενικῆς Ἐκκλησίας ἦταν γενική.

Ἡ οἰκονομικὴ πολιτικὴ τῆς βυζαντινῆς κυβέρνησις στὴν Ἀρμενία δὲν παρέλειψε καὶ τὸν στρατιωτικὸ τομέα. Ἐπὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ τοῦ περιβόητου Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου καθιερώνεται ὁ πρωτάκουστος γιὰ τὴν Ἀρμενία στρατιωτικὸς φόρος, δηλαδὴ φόρος γιὰ ἀπαλλαγὴ ἀπὸ τὴ στρατιωτικὴ θητεία. Σημειωτέον, ὅτι κατὰ τὴν πρώτη περίοδο τῆς βυζαντινῆς κυριαρχίας στὴν Ἀρμενία, ἡ αὐτοκρατορία δὲν κατήργησε τίς ἀρμενικὰς ἑνοπλῆς δυνάμεις, πού ἀριθμοῦσαν ἀπὸ 50 ἕως 100 χιλιάδες μαχητῆς. Αὐτὲς χρησιμοποιοῦνταν γιὰ τὴν ὑπεράσπιση τῶν βυζαντινῶν μεθορίων καὶ τὴν κατάκτηση νέων ἐδαφῶν. Ἀλλὰ ὅχι σπανίως οἱ δυνάμεις αὐτὲς ἐλάμβαναν μέρος καὶ στὶς ἐπαναστάσεις καὶ τὰ κινήματα τοῦ ἀρμενικοῦ λαοῦ κατὰ τῆς βυζαντινῆς κυριαρχίας, ἐπομένως δὲν ἦταν πάντα ἐπιθυμητῆς. Ἀλλὰ ἀντὶ νὰ βελτιώσῃ τὴν πολιτικὴ της στὴν Ἀρμενία, νὰ καταπραῦνει τὰ πάθη, ἐπομένως καὶ μὲ κάθε δυνατὸ μέσο νὰ φανεῖ πῶς φιλοφρονητικὸ στοὺς Ἀρμενίους στρατιωτικούς, τὸ Βυζάντιο ἐνεργεῖ ἕξω πάσης λογικῆς. Δημοσιεύεται τὸ διάταγμα τοῦ Κωνσταντίνου Μονομάχου γιὰ τὴ διάλυση τῶν ἀρμενικῶν ἐνόπλων δυνάμεων.

21. δ.π.

22. Χρ. Μ. Μπαρτικιάν, *Τὸ Βυζάντιον εἰς τὰς ἀρμενικὰς πηγὰς* 134.

Ἱστορῶν τίς εὐεπίτευκτες ἐπιτυχίες τῶν Τούρκων στὴν Ἀρμενία, ὁ Μιχαὴλ ὁ Ἀτταλειάτης θεωρεῖ ὑπεύθυνο τὸν Μονομάχο, ὁ ὁποῖος ἔχων στρατεύματος γὰρ ἀξιομάχου τὴν Ἰβηρικὴν περιέποντος (ἔχει ὑπόψη τίς ἑνοπλῆς δυνάμεις τοῦ θέματος Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας — Χρ. Μπ.) καὶ ὁψώνιον ἔχοντός τινος τῶν παρακειμένων δημοσίων χωρῶν, ἀφείλετο ταύτας ὁ βασιλεὺς, καὶ παρελὼν τσοαύτην ἰσχὺν οὐ μόνον τοὺς ἰδίους ἀπέβαλε συμμαχούς, ἀλλὰ πολεμίους αὐτοὺς ἰσχυρῶς ἐργασάμενος, προσθήκη διὰ τούτων ἀκαταμάχητον προεξένησε τοῖς ἐναντίοις. ²³

Ὁ Σκυλίτζης γράφει σαφέστερα. Ὁ Κωνσταντῖνος ὁ Μονομάχος, γράφει αὐτός, κατέλυσε (...) τὸν Ἰβηρικὸν στρατὸν ἀμφὶ τὰς πενήντα χιλιάδας ἀριθμούμενον διὰ Λέοντος τοῦ Σερβλίου, καὶ ἀντὶ στρατιωτῶν φόρους πολλοὺς ἐπορίζετο ἀπὸ τῶν χωρίων ἐκείνων. ²⁴

Οἱ βυζαντινολόγοι πιστεύουν, ὅτι ὁ κύριος σκοπὸς τῆς στρατιωτικῆς μεταρρύθμισης τοῦ Μονομάχου ἦταν ἡ ἐπιδίωξη νὰ ἀπαλλαγεῖ ἀπὸ τίς ὑπηρεσίες τῶν συγκροτημένων ἀπὸ ξένους μισθοφόρους στρατιωτικῶν ταγμάτων καὶ ἡ δημιουργία ἐθνικοῦ στρατοῦ. Ἀλλὰ ποῖος θὰ καταργουῖσε αὐτὰ τὰ τάγματα πρὶν δημιουργῆσαι τὸν ἐθνικὸ του στρατό; Δὲν εἶναι σαφὲς ὅτι αὐτὸς ἀνοίγει διὰπλατὰ τίς πύλες τοῦ κράτους πρὸ τοῦ ἐχθροῦ; Ὁ ἐθνικὸς αὐτὸς στρατὸς δὲν εἶχε συγκροτηθεῖ οὔτε δύο δεκαετίες μετὰ τὸ διάταγμα τοῦ Μονομάχου. Στὸ Μαντζικέρτ τῆς Ἀρμενίας ὁ Ρωμανὸς ὁ Διογένης ἀντέταξε κατὰ τῶν Τούρκων Σελτζούκων τοῦ Ἄλπ Ἀρσλάν Οὐζους καὶ Πετσενέγκους μισθοφόρους, δηλαδὴ τοὺς Τούρκους κατὰ τῶν Τούρκων. Τὸ τί διαδραματίστηκε ἐκεῖ εἶναι πασίγνωστο. Εἶναι καὶ πασίγνωστη ἡ συνέχεια τοῦ Μαντζικέρτ.

Τὸ βῆμα τῆς βυζαντινῆς κυβέρνησις ἦταν μοιραῖο ὅχι μόνον γιὰ τὴν Ἀρμενία, ἀλλὰ καὶ γιὰ τὸ Βυζάντιο τὸ ἴδιο, ἐὰν λάβουμε ὑπόψη τὴν τουρκικὴ ἀπειλή. Ἐναντίον τῆς Ἀρμενίας ἐχθροὶ ἐπετίθεντο ὅχι γιὰ πρώτη φορά, οἱ ἐπιδρομῆς τῶν ἀλλοφύλων πρὶν εἶχαν πρόσκαιρο χαρακτήρα καὶ ἐτελειώσαν μετὰ τὴν ἐρήμωση τῆς μιᾶς ἢ τῆς ἄλλης ἐπαρχίας ἢ πόλης τῆς Ἀρμενίας καὶ μόνον. Στὴν Ἀρμενία ὑπῆρχαν δυνάμεις, πού εἶχαν τὴν δυνατότητα νὰ παρεμποδίσουν τὴν μόνιμη ἐγκατάσταση τῶν Τούρκων. Ἐὰν τὸ 974 ὁ ἀποτελούμενος ἀπὸ 80.000 μαχητῆς ἀρμενικὸς στρατὸς μπόρεσε νὰ ἀνακόψει τὴν εἰσβολὴ τῶν στρατιῶν τοῦ Τσιμισκῆ στὴν

23. Μιχαὴλ Ἀτταλειάτης, σ. 44-45.

24. Ἰωάννης Σκυλίτζης, σ. 476.

Ἄρμενία,²⁵ εἶναι φανερό, ὅτι ὁ στρατός αὐτός θὰ μπορούσε νὰ ἀνακόψει καὶ τὴν εἰσβολὴ τῶν νομάδων ἐπιδρομέων, τὶς ἄτακτες ληστρικές ὀρδές τῶν Σελτζούκων.

Κατὰ τὴν ἐποχὴ τῆς βυζαντινῆς κυριαρχίας ἡ κατάστασις ἄλλαξε ὀλοκληρωτικῶς. Στὴν Ἄρμενία δὲν ἀπέμεινε ἡ δύναμις, ποὺ θὰ μπορούσε νὰ ὑπερασπίσει τὴ χώρα καὶ τὸν λαὸ ἀπὸ τοὺς Τούρκους, νὰ τοὺς διώξει ἀπὸ τὴ χώρα, νὰ μὴν τοὺς δώσει τὴ δυνατότητα νὰ ἐγκατασταθοῦν μονίμως, καὶ ταυτοχρόνως νὰ φράξει τὴν αὐτοκρατορία μὲ τείχη σταθερά. Ἐὰν γιὰ τὴν ἄμυνα τῆς πόλης τοῦ Ἄνιου, τῆς πρωτεύουσας τοῦ βυζαντινοῦ θέματος τῆς Ἄρμενίας καὶ Ἰβηρίας, ἀπὸ τὶς ὀρδές τοῦ Ἄλπ Ἀρσλάν, ἀπὸ τὰ φτερωτὰ φίδια, ὅπως τὶς ὀνομάζει ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνός,²⁶ γενικῶς δὲν ὑπῆρχε στρατός, καὶ τὴν ἄμυνα τῆς πόλης, ὅπως γράφει ὁ Μιχαὴλ ὁ Ἀτταλειάτης, ἐφρόντιζαν οἱ ἔμποροι καὶ πολεμικῶν μηχανημάτων καὶ προβλημάτων ἀπείρατοι²⁷ κάτοικοι τῆς μεγαλούπολης, μπορούμε νὰ λάβουμε μιὰ ἰδέα γιὰ τὴν ἀμυντικὴ ἰκανότητα τῶν ἄλλων περιφερειῶν καὶ πόλεων τῆς χώρας. Μόνον οἱ Ἄρμένιοι στρατιῶτες μπορούσαν νὰ τρέφουν ἐνδιαφέρον πρὸς τὴν ἄμυνα τῆς πατρίδας των, καὶ ὄχι οἱ ξένοι μισθοφόροι, τοὺς ὁποίους ἔφερνε τὸ Βυζάντιο στὴν Ἄρμενία. Ὅπως σημειώνει ὁ ἴδιος ὁ Ματθαῖος Ἐδεσσηνός, οἱ Ῥωμαῖοι κατεκρήμνισαν τὰ τείχη τῆς χώρας διὰ τῆς διαλύσεως τῶν ἐνόπλων τῆς δυνάμεων, ἔδωσαν τὴν δυνατότητα στοὺς Τούρκους νὰ ἐπιδράμουν μὲ τὰ σπαθιά. Οἱ ἀλλόφυλοι τόσο δυνάμωσαν, ὥστε ταχέως ἐφθασαν πρὸ τῶν πυλῶν τῆς Κωνσταντινούπολης καὶ ἐκυρίευσαν ὅλη τὴ χώρα τῶν Ῥωμαίων.²⁸

Ἐπὶ τοῦ τοίχου τοῦ κτισθέντος ἀπὸ τὸν Ἄρμένιο καθολικὸ (πατριάρχῃ) Νερσῆς στὰ μέσα τοῦ 7ου αἰώνα ναοῦ τοῦ Ζβαρτνότς ὑπάρχει ἡ ἐλληνικὴ του ἐπιγραφή: *Ναρσῆς ἐποίησεν, μνημονεύσατε*. Τέτοιες ἐπιγραφές, ἀλλὰ καὶ ἐνθυμήσεις ἀντιγραφῶν ἀρμενικῶν χειρογράφων ἔχουμε πάμπολλες. Καὶ τοὺς μνημονεύουμε, καὶ τοὺς εὐλογοῦμε.

Σὲ ἓνα ἀπὸ καλλιτεχνικῆς ἀπόψεως λαμπρὸ ψηφιδωτὸ τῆς Ἁγίας Σοφίας τῆς Κωνσταντινούπολης ἀπεικονίζεται ὁ Κωνσταντῖνος Μονομάχος μὲ ἓνα μεγάλο πουγγὶ στὰ χέρια. Τὸ πουγγὶ εἶναι γεμάτο χρυσὰ νομίσματα. Μέσα σ' αὐτὰ εἶναι καὶ τὰ μαζεμένα στὴν Ἄρμενία, καὶ ποὺ

25. Matthieu d'Edesse, *Chronique*, σ. 14-15.

26. ὁ.π. 40.

27. Μιχαὴλ Ἀτταλειάτης, σ. 81.

28. Matthieu d'Edesse, *Chronique*, σ. 113.

ἔπρεπε νὰ δοθοῦν ὡς μισθὸς στοὺς Ἄρμένιους στρατιῶτες. Ὁ Μονομάχος θέλει νὰ πεῖ ὅτι ἔκανε οἰκονομία μεγάλων πόρων. Καὶ τοποθετώντας τὴν εἰκόνα του στὴν Ἁγία Σοφία νομίζει πῶς καὶ αὐτὸς λέγει: *Μνημονεύσατε*. Αὐτὸς δὲν μπορούσε νὰ ὑποψιασθεῖ ὅτι τὰ νομίσματα αὐτὰ εἶχαν ἀντίκρισμα τῆ μοῖρα μιᾶς ὀλόκληρης αὐτοκρατορίας.

Οἱ Ἄρμένιοι συχνὰ μνημονεύουν τὸν Μονομάχο, ἰδιαίτερα τὸν τελευταῖο αἰῶνα, ἀλλὰ ὄχι ὅπως τὸν Ναρσῆ καὶ τοὺς ἀντιγραφεῖς τῶν χειρογράφων τους. Δὲν ἀμφιβάλλω πῶς καὶ οἱ ἀδελφοὶ Ἕλληνες ἔχουν ὅλα τὰ δεδομένα νὰ κάνουν τὸ ἴδιο. Εἴθε νὰ μὴν τὸν μνημονεύσουμε στὸ μέλλον...

Η ΑΡΜΕΝΙΚΗ ΠΑΡΟΥΣΙΑ ΣΤΟ ΒΥΖΑΝΤΙΟ

Όταν γίνεται λόγος για την παρουσία των Ἀρμενίων στο Βυζάντιο, οἱ μελετητές ὀμιλοῦν ἀποκλειστικά γιά τούς Ἀρμενίους τῆς ἄρχουσας τάξης¹. Καί αὐτό εἶναι φυσικό. Καί ἀπό ἀποψη ποσοτική (κατά τόν Α. Καζδαν τόν ΙΑ΄-ΙΒ΄ αἰῶνα ἀποτελοῦσαν τό 15%, κατά δέ τόν C. Toumanoff τό 25% τῆς βυζαντινῆς ἀριστοκρατίας), καί ἀπό ἀποψη ποιοτική ὄντως ἦταν φαινόμενο ἐντυπωσιακό, ὁ πῖο εὐγλωττος δείκτης τοῦ πράγματι ὑψηλοῦ πολιτικοῦ, πολιτιστικοῦ, ἐπιστημονικοῦ καί στρατιωτικοῦ ἐπιπέδου τῶν Ἀρμενίων, ἀλλά καί τοῦ γεγονότος, ὅτι τό ἀρμενικό στοιχεῖο στό Βυζάντιο δέν ἐθεωρεῖτο ξένο· διαφορετικά αὐτό δέν θά μπορούσε τόσο εὐκόλα νά καταλάβει τόσο ὑψηλές θέσεις. Ὁ Κεκαυμένος στό *Στρατηγικό* του γράφει, ὅτι οἱ Βυζαντινοί στούς «ἐθνικούς», δηλαδή στούς ξένους, δέν πρέπει νά προσφέρουν (καί δέν προσέφεραν) μεγάλα ἀξιώματα γιά δύο λόγους. «Ὅποταν γάρ τιμῆσης τόν ...ἐθνικόν ἐλθόντα πριμικήριον ἢ στρατηγόν, – γράφει αὐτός, – τί ἀξίαν ἔχεις δοῦναι τῷ Ρωμαίων...; Πάντως ποιήσεις αὐτόν ἐχθρόν. Ἀλλά καί εἰς τήν χώραν του, ἀκούσαντες εἰς τοιαύτην ἐλθεῖν ἀξίαν καί ἀρχήν, γελάσωσι πάντες καί εἰπωσιν· Ἡμεῖς εἶχομεν ἐνταῦθα αὐτόν ἀντ' οὐδενός, καί ἀπελθόν εἰς Ρω-

1. S. Der Nersessian, *Armenia and the Byzantine Empire*, Cambridge 1945. Τῆς ἴδιας, *Études byzantines et arméniennes*, τόμ. Α΄, Louvain 1973. N. Adontz, *The Role of the Armenians in Byzantine Science*, *The Armenian Review* 3, (1950), σ. 55-73. Τοῦ ἴδιου, *Études arméno-byzantines*, Lisbonne 1965. P. Charanis, *The Armenians in the Byzantine Empire*, Lisboa 1963. H. Grégoire, *Maurice le Marcioniste, empereur arménien et «vert»*, *Byzantion* 13 (1938). Τοῦ ἴδιου, *An Armenian Dynasty on the Byzantine Throne*, *Armenian Quarterly* 11 (1946). C. Toumanoff, *Caucasia and Byzantium*, *Traditio* 27 (1971). A. P. Kazdan, *Armiane v. sostave gospodstvijuščego klassa Vizantiiskoi Imperii v XI-XII vv.*, Erevan 1975. Τοῦ ἴδιου, *The Armenians in the Byzantine Ruling Class predominantly in the Ninth through Twelfth Centuries*. T. Samuelian & M. Stone (ἐκδ.), *Medieval Armenian Culture* (University of Pennsylvania Armenian Texts and Studies 6), Chicago, CA: Scholars Press, 1983. σ. 440-452.

μανίαν ἔτυχε τοιαύτης ἀξίας· καί, ὡς ἔοικεν, εἰς Ρωμανίαν ἄνθρωπος οὐκ ἔνι ἰκανός καί διὰ τοῦτο ὑψώθη ὁ ἡμέτερος· εἰ ἦσαν ἐνεργεῖς οἱ Ρωμαῖοι, οὐκ ἂν ἀνεβίβασαν τοῦτον εἰς τοσοῦτον ὕψος»². Οἱ Ἀρμένιοι ἐγένοντο κύριοι ὄχι μόνον τοῦ ἀξιώματος τοῦ πριμικηρίου ἢ στρατηγοῦ, ἀλλά καί τοῦ στέμματος καί τοῦ σκήπτρου αὐτοκράτορος, τῆς μίτρας τοῦ πατριάρχου. Οἱ Ρωμαῖοι ἐκτιμοῦσαν τοὺς Ἀρμένιους ἀκόμη καί ὅταν ἦσαν προσωπικοί ἀντίπαλοι τοῦ ἑνός ἢ τοῦ ἄλλου ἀνδρός. Ὁ πατριάρχης Νικηφόρος μετὰ τὸν θάνατο τοῦ ἀσπόνδου τοῦ ἐχθροῦ Λέοντος Ε' τοῦ Ἀρμενίου, θα πει· «εἰ καί ἀλάστορα, ἀλλ' οὖν ἐπιμελητὴν τῶν κοινῶν ἢ πόλις ἄνδρα ἀπώλεσεν»³. Ὁ δὲ Συνεχιστὴς τοῦ Θεοφάνους θά γράψει· «*χρημάτων κρείττων αὐτός ὢν τοὺς ἀδωροτάτους πάντων προέκρινεν, ἀριστίνδην πάντας ἀλλ' οὐ κατὰ πλοῦτον τιμῶν*»⁴.

Ὅλους τοὺς γείτονες λαοὺς τοῦ Βυζαντίου οἱ Ἕλληνες ὀνόμαζαν «βαρβάρους» (μέ τὴν ἔννοια τοῦ ξένου), ἀλλὰ τοὺς Ἀρμένιους ποτέ, διότι δέν ἦταν γι' αὐτοὺς οὔτε γείτονες οὔτε ξένοι, ἀλλά τμήμα καί μόριον οἰκείου καί συγγενές. Τοὺς Ἕλληνες ἀπασχολοῦσε ἂν ὁ ἕνας ἢ ἄλλος Ἀρμένιος στρατηγός, αὐτοκράτορας εἶναι ὀρθόδοξος (δηλαδή διφυσίτης) ἢ ὄχι. Τὸν πατριάρχη τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἀνησυχεῖ μόνον ὁ μονοφυσιτισμὸς τῶν Ἀρμενίων καί γι' αὐτό ἐπὶ τῆ στέψει αὐτοκράτορος, κυρίως Ἀρμενίου, ἀπαιτεῖ τὴν ὁμολογία τῆς πίστεώς του. Καί ἐφόσον παρέχοντο σ' αὐτοὺς τὰ ὑψηλά τοῦτα ἀξιώματα, αὐτό δηλεῖ, ὅτι πράγματι ὁμολογοῦσαν τὴν πίστη τῶν Ρωμαίων.

Μελετώντας τὴν θέση τῶν Ἀρμενίων τῆς ἄρχουσας τάξης στό Βυζάντιο, οἱ ἐπιστήμονες ἔχουν ἐν τούτοις ἀφήσει στή σκιά ἕνα ὄχι ἥσσονος σημασίας πρόβλημα. Τίς ἄρμενικές λαϊκές μάζες τοῦ Βυζαντίου καί τὴν ἱστορία τῶν κοινοτήτων αὐτῶν. Ποῦ ἀκριβῶς εὐρίσκοντο, ἀπό ποιά κοινωνικά στοιχεῖα καταρτίζοντο, ποιοί ἦσαν οἱ νομικοὶ θεσμοί

2. Soveti i Rasskazi Kekavmena. Sočinenie vizantiiskogo polkovodca XI veka. Podgotvka teskta, v vedenie i kommentarii G.G. Litavrina, Moskva 1972, σ. 278.

3. *Theophanes Continuatus*. Ex recognitione Immanuelis Bekkeri, Bonnae 1838, σ. 30.

4. Ὁ.π.

ὑπὸ τοὺς ὁποίους διέμεναν στὰ πλαίσια τῆς Βυζαντινῆς Αὐτοκρατορίας, ποιά προνόμια ἀπελάμβαναν ἢ δέν ἀπελάμβαναν ἐν συγκρίσει μέ τοὺς καθεαυτοῦ πολῖτες τοῦ κράτους; Ἐφόσον ἡ ἱστορία τῶν Ἀρμενίων τῆς ἄρχουσας τάξης τοῦ Βυζαντίου κατὰ τό μᾶλλον ἢ ἥττον εἶναι μελετημένη, θά ἀναφερθοῦμε σ' αὐτή κάπως συνοπτικά, γιά νά μιλήσουμε πιό ἐμπεριστατωμένα περί τῶν ἄρμενικῶν κοινοτήτων τοῦ Βυζαντίου.

Οἱ Ἀρμένιοι κατελάμβαναν ὑψηλές θέσεις στό Βυζάντιο ἤδη ἀπό τὴν ἐποχὴ τῆς σύστασης τοῦ κράτους τους, πού συνέπεσε μέ τὴν πτώση τοῦ ἄρμενικοῦ κράτους τῶν Ἀρσακιδῶν τό 387 καί τῆ διαίρεση τῆς Ἀρμενίας μεταξύ τῆς αὐτοκρατορίας καί τοῦ νεοπερσικοῦ βασιλείου τῶν Σασανιδῶν. Στό Θεοδοσιανό Κώδικα κάτω ἀπό τό ἔτος 414 μνημονεύεται Μουσελίος τις (Moušel) *πραιπόσιτος*⁵, στόν δὲ Κώδικα τοῦ Ἰουστινιανοῦ κάτω ἀπό τό ἔτος 442 ἐπίσης *πραιπόσιτος* τις Ἀρτάξης⁶, δηλαδή Ἀρτασές, πού κατὰ πᾶσαν πιθανότητα ἀνήκαν στή μεγάλη φεουδαρχική οἰκογένεια τῶν Μαμικονιδῶν.

Ἀκριβῶς κατὰ τὰ ἔτη αὐτά ἀρχίζει νά γίνεται αἰσθητή ἡ δράση τῶν Ἀρμενίων στόν στρατιωτικό τομέα. Σέ διάφορα θέατρα πολέμου ἀπαντοῦν ὄχι μόνον Ἀρμένιοι στρατηγοί, ἀλλά καί ὀλόκληρα τάγματα συγκροτημένα ἐξ Ἀρμενίων⁷. Ἀκόμη ἡ φρουρά τῶν βυζαντινῶν ἀνακτόρων ἦταν ἐμπιστευμένη στοὺς Ἀρμένιους στρατιῶτες. Σύμφωνα μέ τὸν Προκόπιο τὸν Καισαρέα «*ἕτεροι στρατιῶται οὐχ ἦσσαν ἢ πεντακόσιοι καί τρισχίλιοι τὰ ἐξ ἀρχῆς ἐπὶ φυλακῇ τοῦ Παλατίου κατέστησαν, οὔσπερ σχολαρίους καλοῦσιν... τούτους οἱ πρότερον μὲν ἀριστίνδην ἀπολέξαντες ἐξ Ἀρμενίων ἐς ταύτην δὴ τὴν τιμὴν ἤγον*»⁸.

5. *Theodosiani Libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis* edidit adsumpto apparatu P. Kreugeri Th. Mommsen, τόμ. Α', pars posterior, Textus cum apparatu editio secunda Lucis ope expressa. Berolini 1954, XI, 28,9.

6. *Corpus Iuris Civilis*, τόμ. Β', Codex Iustinianus. Recognovit Paulus Kreuger, Berolini 1959, III, 26, 11.

7. Histoire d'Heraclius par l'évêque Sébéos. Traduite de l'arménien et annotée par F. Macler, Paris 1904.

8. *Procopii Caesariensis Opera Omnia*. Rec. J. Hauray, τόμ. Γ', Historia quae dicitur arcana, Lipsiae 1963, σ. 149.

Ἡ δράση τῶν Ἀρμενίων στρατιωτῶν καί στρατιωτικῶν γίνεται περισσότερο αἰσθητή κατά τόν ΣΤ' αἰῶνα. Μόνον ἐπί Ἰουστινιανοῦ τοῦ Α' ἄνω τῶν 17 Ἀρμενίων στρατηγῶν ὑπηρετοῦσαν στόν βυζαντινό στρατό, συμπεριλαμβανομένων καί τοῦ λαμπροῦ Ναρσῆ, τῶν Ἀρσακιδῶν Ἀρταβάνου καί Ἀρσάκου, τῶν Καμσαρακάνων Ἀρατίου (Hrahat), Ἰσαάκ καί Ναρσῆ. Μεταξύ τῶν Ἀρμενίων στρατηγῶν τοῦ Ἰουστινιανοῦ ὑπῆρχαν καί ὀρισμένοι, οἱ ὁποῖοι δέν ἤξεραν λέξη ἑλληνική, ἐπομένως ἠγοῦντο δυνάμεων συγκροτημένων ἀποκλειστικά ἀπό Ἀρμένιους. Κατά τόν ἴδιον τόν Προκόπιο τόν Καισαρέα ὁ αἰχμαλωτισθεῖς ὑπό τῶν Γότθων Ἀρμένιος στρατηγός Γιλάκιος (Glak) «οὔτε ἑλληνίζειν ἠπίστατο οὔτε Λατίνην ἢ Γοτθικήν ἢ ἄλλην τινά ἢ Ἀρμενίαν μόνην ἀφείναι φωνήν· τούτῳ δὲ Γότθοι ἐντυχόντες τινές ἐπυθάνοντο ὅστις ποτέ εἶη... ὁ δέ αὐτοῖς ἄλλο οὐδέν ἀποκρίνασθαι ἴσχυσε πλὴν γε δὴ ὅτι Γιλάκιος στρατηγός εἶη· τό γάρ ἀξίωμα, ὃ δὴ πρός βασιλέως λαβῶν ἔτυχε, πολλάκις ἀκούσας ἐκμαθεῖν ἴσχυσε»⁹.

Ἐπί ἀραβοκρατίας ἡ ἀφόρητη κατάσταση στή χώρα ἔδωσε ἀφορμή νά λάβει μεγαλύτερες διαστάσεις ἡ μετανάστευση τῶν Ἀρμενίων στό Βυζάντιο. Ἀλλά ἐάν κατά τούς Ε' καί ΣΤ' αἰῶνες στό Βυζάντιο ἀναζητοῦν ἄσυλο κυρίως ἡ ἀριστοκρατία καί οἱ στρατιωτικοί παράγοντες, τήν ἐποχή τῆς ἀραβοκρατίας μεταναστεύουν καί τά κατώτερα στρώματα τοῦ ἀρμενικοῦ λαοῦ. Μετά τήν ἄλωση τῆς Θεοδοσιουπόλεως τό 752 ἀπό τόν Κωνσταντῖνο τόν Ε', ὅπως γράφει ὁ Ἀρμένιος ἱστοριογράφος τοῦ Η' αἰῶνα Λεόντιος, οἱ Ἀρμένιοι κάτοικοι τῆς περιοχῆς αὐτῆς ἐκλιπαροῦν τόν αὐτοκράτορα νά ἀπολυτρώσει αὐτούς ἀπό τόν ἀφόρητο ζυγό τῶν «Ἰσμαηλιτῶν» καί νά τούς μετοικήσει στό Βυζάντιο.

Μέ διαταγή τοῦ Κωνσταντίνου οἱ Ἀρμένιοι «καταφεύγουν εἰς τήν δύναμιν τοῦ σταυροῦ τοῦ Χριστοῦ καί εἰς τήν δόξαν τοῦ βασιλέως, ἐγκαταλείπουν τήν γενέτειραν αὐτῶν καί παρέρχονται εἰς τό μέρος τοῦ εὐσεβοῦς βασιλέως»¹⁰.

9. *Procopii Caesariensis Opera Omnia*. Rec. J. Haury. τόμ. Β', Lipsiae 1963, σ. 416.

10. *Histoire des guerres et des conquêtes des Arabes en Arménie par l'émir Ghevond Vardapet arménien, écrivain du huitième siècle*. Trad. par Garabed V. Chahnazarian, Paris 1856.

Τήν ἐποχή αὐτή οἱ ἀντιφεουδαρχικές διαθέσεις τῶν κατωτέρων στρωμάτων τῆς ἀρμενικῆς κοινωνίας ἐκδηλώθηκαν στό κίνημα τῶν Παυλικιανῶν, τό ὁποῖο ἀρχίζοντας ἀπό τή βυζαντινή Ἀρμενία, διαδόθηκε σέ διάφορες περιοχές τοῦ Βυζαντίου, συμπεριλαμβάνοντας νέες μάζες. Πολλοί Ἀρμένιοι αἵρετικοί μετοικίζονται ἀπό τούς Βυζαντινοὺς αὐτοκράτορες κυρίως στή Θράκη, ὅπου ὄχι μόνον διαδίδουν τήν ἰδεολογία τους, ἀλλά καί παίζουν σημαντικό ρόλο στήν ἀμυνα τῶν βυζαντινῶν μεθοριῶν.

Οἱ Ἀρμένιοι ὅμως δέν ἦταν μόνον ἔμπειροι μαχητές, ἀλλά καί δραστήριοι ἔμποροι καί χειροτέχνες, οἱ ὁποῖοι συνέτειναν στήν ἀνάπτυξη τοῦ ἐμπορίου καί τῆς βιοτεχνίας ὄχι μόνον στή Θράκη, ἀλλά καί στίς γειτονεύουσες περιοχές. Ἄν καί οἱ μεσαιωνικές πηγές δέν διέσωσαν δεδομένα περί τοῦ ζητήματος αὐτοῦ, τό γεγονός ὅτι μεταξύ τῶν λαφύρων πού ἔλαβε ὁ Κρούμος στή Θράκη, μνημονεύονται τά «Ἀρμενικά στραγλωμαλωτάρια καί νακοτάπητα ἀνώτερα», ὁ πολὺς ἱματισμός καί τά χαλκώματα¹¹, σημαίνει ὅτι μεταξύ τῶν Ἀρμενίων τῆς Θράκης ὑπῆρχαν ἔμπειροι ταπητουργοί καί χαλκουργοί. Στή Θράκη ὑπῆρχαν καί ἐπιδέξιοι Ἀρμένιοι ἀρχιτέκτονες. Οἱ τελευταῖες μελέτες τοῦ Σοβιετικοῦ ἱστορικοῦ τῆς ἀρχιτεκτονικῆς Ἀλεξάνδρου Γιακομπσόν ἐπιβεβαιώνουν ὅτι γιά τήν ἀνέγερση τῶν ἀνακτόρων τῶν Βουλγάρων χάνων Κρούμου καί Ὁμουράγ στήν Πλίσκα καί στήν Πρεσθλάβα ἐργάσθηκαν Ἀρμένιοι ἀρχιτέκτονες. Τήν γνώμη αὐτή ὑποστηρίζει ἡ καταπληκτική ὁμοιότητα τῆς ἀρχιτεκτονικῆς τῶν μνημείων αὐτῶν μετά τῆς ἀρχιτεκτονικῆς τῶν ἀρμενικῶν ἀνακτόρων τοῦ Ζ' αἰῶνα στό Ζβαρνότς, Δβίν καί Ἀρούτς¹².

Οἱ Ἀρμένιοι τῆς Βυζαντινῆς Ἀρμενίας καί οἱ ἐγκατασταθέντες σέ διάφορες περιοχές τῆς Αὐτοκρατορίας καταλαμβάνουν ὀλοένα νέες θέσεις, ἰδίως στόν στρατιωτικό τομέα. Κατά τούς Ζ' καί Η' αἰῶνες στρατηγοί-διοικητές τῶν μικρασιατικῶν θεμάτων ἦταν κυρίως Ἀρμένιοι. Τόν Η' αἰῶνα στρατηγός τοῦ θέματος τοῦ Ὀψικίου ἦταν ὁ γραμ-

11. *Symeonis Magistri Annales* (= Theophanes Continuatus, Bonnæ 1838, σ. 617).

12. A.L. Jakobson, Kizučeniju rannesrednevekovoi Bolgarskoj arhitekturi / armjanskije paralleli, *Vizantiiski Vremennik* 28 (1968), σ. 195-206.

βρός του Λέοντος του Γ', Ἀρτάβασδος, ὁ ὁποῖος ὄχι μόνον ἀναγορεύθηκε αὐτοκράτορας, ἀλλά κατώρθωσε νά κόψει καί νομίσματα. Ἐπί Λέοντος του Δ' στρατηγός του θέματος τῶν Βουκελλαρίων ἦταν ὁ Τατζάτης Ἀντζεβασί, τῶν Ἀνατολικῶν ὁ Ἀρτάβασδος Μαιμονιάν. Ἐπί Κωνσταντίνου του ΣΤ' στρατηγός του θέματος τῶν Ἀρμενικῶν ἦταν ὁ Βαρδάνης, λίγο μετά ὁ Ἀλέξιος Μουσελές. Ἐνας ἄλλος Βαρδάνης ἐπί Νικηφόρου του Α' ἦταν στρατηγός τῶν Ἀνατολικῶν. Οἱ Ἀρμένιοι ἤδη καταλαμβάνουν τόν βυζαντινό θρόνο. Ὁ πρῶτος ἀνευ ἀμφιβολίας Ἀρμένιος αὐτοκράτορας του Βυζαντίου ἦταν ὁ Βαρδάνης Φιλιππικός, Μελετητής, ὄχι μόνον Ἀρμένιοι, ἀλλά καί Ἕλληνες καί Εὐρωπαῖοι (ὅπως οἱ H. Grégoire, L. Bréhier, Π. Χαράνης καί ἄλλοι) Ἀρμενίους θεωροῦν τόν Μαυρίκιο, τόν Ἡράκλειο καί τούς Ἰσαύρους, ἂν καί, κατ' ἐμέ δέν εἶναι δυνατὸν νά ὑποστηρίξουμε τήν γνώμη αὐτῆ δι' ἀξιολόγων τεκμηρίων ἀπό τίς πηγές. Ἡ κατάσταση δέν ἄλλαξε καί τόν Θ' αἰῶνα. Ἀπό τό 813 ὁ Λέων ὁ Ε' ὁ Ἀρμένιος ἐπί ὀκταετία κρατεῖ τά ἡνία του κράτους. Οἱ βυζαντινές πηγές, ἂν καί ψέγουν τόν Λέοντα γιά τόν ἐκφυλισμό του θρησκευτικοῦ του αἰσθήματος, γράφουν ὅτι αὐτός «περί τήν πίστιν ἐμαίνεται κραταιῶς» χωρὶς νά παραλείψουν νά ὑπογραμμίσουν τίς πολιτικές του χάριτες.

Μέ τόν Λέοντα τόν Ε' δέν λήγει ὁ πίνακας τῶν μεγάλων Ἀρμενίων του Βυζαντίου, ἀντίθετα, ἀρχίζει. Ὁ Θεόφιλος παντρεύτηκε τήν Ἀρμενίδα Θεοδώρα, ἡ ὁποία μετά τόν θάνατο του συζύγου της, ἐπί δέκα περίπου ἔτη κυβερνᾷ ὡς ἐπίτροπος του ἀνηλίκου Μιχαήλ του Γ', ἀναστηλώνει τίς εἰκόνες καί περιλαμβάνεται στή χορεία τῶν ἁγίων τῆς ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας. Κατά τήν τελευταία περίοδο τῆς βασιλείας του Μιχαήλ του Γ', ὁ πραγματικός κυβερνήτης του κράτους ἦταν ὁ καῖσαρ Βάρδας, ἀδελφός τῆς Θεοδώρας. Ὁ θεῖος τῆς Θεοδώρας, Ἀρμένιος Μανουήλ, ἦταν στρατηγός του θέματος τῶν Ἀρμενικῶν ἀκόμη ἐπί Λέοντος του Ε'. Δέν ἔπαιξε μικρότερο ρόλο καί ὁ στρατηγός Πετρωνᾶς, ἕτερος ἀδελφός τῆς Θεοδώρας, ὁ ὁποῖος ἀφοῦ νίκησε τούς Ἀραβες τό 863, ἔθεσε τήν πρωτοβουλία του βυζαντινο-ἀραβικοῦ πολέμου στά χέρια του Βυζαντίου.

Βεβαίως ἡ μεγίστη προσωπικότητα του Θ' αἰῶνα εἶναι ὁ

ιδρυτής τῆς Μακεδονικῆς δυναστείας Βασίλειος ὁ Α'. Σύμφωνα μέ τόν ἐγγονό του, Κωνσταντῖνο Ζ' τόν Πορφυρογέννητο, αὐτός «τό γένος εἶλκεν ἐξ Ἀρμενίων»¹³.

Οἱ Ἀρμένιοι παίζουν σημαντικό ρόλο ὄχι μόνον στόν πολιτικό καί στρατιωτικό τομέα, ἀλλά καί στόν πνευματικό. Ὁ καῖσαρ Βάρδας ἦταν ὁ ἐπανιδρύσας τῆ σχολῆ τῆς Μαγναύρας, τῆς ὁποίας πρύτανης ἦταν ὁ Ἀρμένιος Λέων ὁ Μαθηματικός. Τόν πατριαρχικό θρόνο καταλαμβάνει ὁ Ἀρμένιος Ἰωάννης ὁ Γραμματικός, ὁ γιός του ἀστρονόμου Παγκρατίου (Bagarat), ἀδελφός του πατρικίου Ἀρσαβίρ καί ἀνηψιός του Λέοντος του Μαθηματικοῦ. Ἀρμενικό αἷμα ἔρρεε καί στίς φλέβες του πατριάρχη Φωτίου. Ἡ μητέρα του Εἰρήνη ἦταν ἀδελφή του Ἀρσαβίρ, του γαμβροῦ του καίσαρα Βάρδα καί τῆς Θεοδώρας.

Καί τόν Ι' αἰῶνα δέν ἔπαυσε ἡ στρατιωτική καί πολιτική δράση τῶν Ἀρμενίων στό Βυζάντιο. Ἀνεβαίνουν στή σκηνή τῆς ἱστορίας νέα πρόσωπα, τά ὁποία θεωροῦνται ἡ δόξα τῆς Βυζαντινῆς Αὐτοκρατορίας, καίτοι ἡ δράση τους, ὅπως καί στό παρελθόν, εἶναι κυρίως ἐπιβλαβής γιά τήν Ἀρμενία καί τούς Ἀρμενίους. Ἀπό τούς αὐτοκράτορες πρέπει νά ὑπογραμμίσουμε τά ὀνόματα του Ρωμανοῦ Α' του Λεκαπηνοῦ, του Νικηφόρου Β' Φωκά καί του Ἰωάννη Α' Τσιμισκή, ἀπό τούς στρατηγούς ἐκεῖνα του Μελία - Μλεῖ «νέου Βελισαρίου», του Ἰωάννη Κουρκούα - Gouigen, του Βάρδα Σκληροῦ, του Βάρδα Φωκά καί ἄλλων. Κατά τήν ἐποχὴ αὐτῆ ἄρμενικές ἦσαν οἱ κάτωθι βυζαντινές ἀριστοκρατικές οἰκογένειες: Μωσηλέ, Κρηνῖτες, Λεκαπηνοί, Κουρτίκιοι, Ταρωνῖτες, Βαχράμιοι - Βραχάμιοι, Κεκαυμένοι, Σενεκερίμοι (Ἀρτζρουνίδες), Παχλαβουνί, Ρουπένιοι, Κοκκοβασίλιοι, Ἀσπιέτοι, Τορνίκιοι, Πακουριανοί, Βηγκασί, Ἀποκάποι, Τζάντζοι, Τζιρίθωνες Βούρτζοι, Γαυράδες, Δαλασηνοί, Θεοδωροκάνοι, Ἀρμενόπουλοι, Μαχητάριοι, Βασιλάκιοι, Βασπρακανῖτες, Τζιντζουλούκιοι, Δελφῖνοι, Ἀρτάβασδοι, Διαβατηνοί, Λεβοῦνοι, Βαρδάνιοι.

Ἀπό ποσοτική ἀποψη ἡ εἰκόνα κατά τόν ΙΑ'-ΙΒ' αἰῶνα εἶναι ἡ κάτωθι. Στά χρόνια τῆς βασιλείας του Βασιλείου

13. *Theophanes Continuatus*, σ. 212.

του Β' από τις πηγές είναι γνωστοί 40 Ἀρμένιοι ἀριστοκράτες, ἐκ τῶν ὁποίων 33 στρατιωτικοὶ ἄρχοντες καὶ ἓνας πολιτικός, ὁ Βασίλειος Λεκαπηνός, ἀνωτάτου ἀξιώματος. Κατὰ τὸ δεύτερο τέταρτο τοῦ ΙΑ' αἰῶνα 38 Ἀρμένιοι ἀριστοκράτες, ἀπὸ τοὺς ὁποίους οἱ 23 στρατιωτικοὶ ἄρχοντες. Κατὰ τὸ τρίτο τέταρτο τοῦ ΙΑ' αἰῶνα γύρω στὸς 50 Ἀρμένιοι ἀριστοκράτες, 30 ἐκ τῶν ὁποίων στρατιωτικοὶ ἄρχοντες. Εἶναι γνωστοί καὶ 26 ἀριστοκράτες ἀπὸ μολυβδόβουλλα.

Κατὰ τὴν ἐποχὴ τῆς βασιλείας τοῦ Ἀλεξίου τοῦ Α' Κομνηνοῦ (1081-1118) μνημονεύονται 63 Ἀρμένιοι ἀριστοκράτες, στὰ δὲ ἔτη τῆς βασιλείας τῶν διαδόχων τοῦ Ἀλεξίου, τοῦ Ἰωάννη τοῦ Β' (1118-1143) καὶ Μανουήλ τοῦ Α' (1143-1180), εἶναι γνωστοί 40 Ἀρμένιοι ἀριστοκράτες, στὰ τέλη δὲ τοῦ ΙΒ' αἰῶνα (μέχρι τὸ 1204) μνημονεύονται 19 Ἀρμένιοι ἀριστοκράτες¹⁴.

Ἀπὸ τις πηγές εἶναι γνωστό, ὅτι οἱ Ἀρμένιοι στὸ Βυζάντιο διέπρεψαν καὶ ὡς ἀρχιτέκτονες καὶ μουσικοί. Σύμφωνα μὲ τὴν Χρονογραφία τοῦ Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτη, τὸν κατεδαφισθέντα ἀπὸ τὸν σεισμό τοῦ 989 ναὸ (μᾶλλον τὸν τροῦλο) τῆς Ἁγίας Σοφίας τῆς Κωνσταντινούπολης ἀνοικοδόμησε ὁ Ἀρμένιος ἀρχιτέκτων Τιριδάτης¹⁵. Στη βιβλιοθήκη τῆς ἐν Λέσβῳ μονῆς τοῦ Λειμῶνος βρῖσκεται ἓνα μεμβράνινο χειρόγραφο, κατὰ τὸν Ἀ. Παπαδόπουλο τὸν Κεραμέα τῆς Θ'-Ι' ἑκατονταετηρίδος. Τὸ κείμενο τῶν Πράξεων τῶν Ἀποστόλων ἔχει ἐπάνω καὶ κάτω τόνους μουσικούς μὲ κιννόβαρη. Στὸ τέλος δὲ εἶναι γραμμένο ὅτι «Ἀρσαβήρ ἐστὶν ὁ τονίσας τὴν βίβλον ταύτην. Ἀμήν»¹⁶.

Τὴν ἐποχὴ αὐτὴ στὰ γεωγραφικὰ πλαίσια τῆς δυτικῆς (βυζαντινῆς) Ἀρμενίας, δὲν ἀποκλείεται σὲ περιβάλλον αἰρετικῶν Παυλικιανῶν, νὰ σχηματίστηκε τὸ περίφημο βυ-

14. Οἱ ὑπολογισμοὶ τοῦ Α. Každan. Βλ. *The Armenians in the Byzantine Ruling Class predominantly in the Ninth through Twelfth Centuries*, σ. 447-448.

15. *Stephanos von Taron*, *Armenische Geschichte*. Aus dem armenischen übersetzt von H. Gelzer und A. Burckhardt, Leipzig 1907.

16. Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος, Μαυρογορδάτειος βιβλιοθήκη... καταρτισθεῖσα καὶ συνταχθεῖσα... ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου τοῦ Κεραμέως, τόμ. Α', Κωνσταντινούπολη 1884, σ. 62.

ζαντινὸ ἔπος τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα, πολλὰ πρωταγωνιστικά πρόσωπα τοῦ ὁποίου φέρουν ὀνόματα ἀρμενικά· ἀρμενικά ἐπίσης εἶναι καὶ μερικά τοπωνύμια πού ἀπαντοῦν σ' αὐτό. Ἡ Λυκανδός, ἡ ὁποία κατὰ τὸν Κωνσταντῖνο τὸν Πορφυρογέννητο πρὶν τὴ βασιλεία τοῦ πατέρα του Λέοντα τοῦ ΣΤ' «ἔρημος ἦν καὶ ἀοίκητος», διὰ τῶν μόχθων δὲ τοῦ προλεχθέντος Μελία καὶ τῶν Ἀρμενίων του στρατιωτῶν «μεσθὴ γέγονεν τῶν Ἀρμενίων... Ἡ δὲ ὀνομασία τῆς πόλεως ἀρχαία τις καὶ παλαιά ἀπὸ τῆς τῶν Ἀρμενίων γενεᾶς τε καὶ γλώττης ὀνόμαστο»¹⁷. Ἡ περιφέρεια τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας Χορζιανηνή καὶ ἄλλα.

Οἱ πάπποι τοῦ Διγενῆ εἶναι πρόσωπα ἱστορικά καὶ ἀρμενικῆς καταγωγῆς. Ἐκ μητρὸς ὁ Μουσελῶμ (Mousel), ἐκ πατρὸς ὁ Παυλικιανὸς Χρυσόχειρ, ὁ θεῖος τοῦ πατρὸς τοῦ Διγενῆ ἐλέγετο Καρῶης, πού ταυτίζεται μὲ τὸν Παυλικιανὸ Καρβέα, καὶ τὰ δύο ὑποκοριστικά τοῦ ἀρμενικοῦ ὀνόματος Καραπέτ (Καρῶ-Καρπίς) πού σημαίνει Πρόδρομος. Ἐνας ἀπὸ τοὺς ἥρωες τοῦ ἔπους ὀνομάζεται Μελεμέντζης, κατὰ τοὺς Ν. Adontz καὶ Η. Grégoire Μλέχ ὁ Μέγας, πού ταυτίζεται μὲ τὸν στρατηγὸ Μελία¹⁸, ἓνας ἄλλος λέγεται Μαϊάκης, δηλαδή Hmayak¹⁹.

Τὴν 19η (ἢ κατ' ἄλλους τὴν 26η) Αὐγούστου τοῦ 1071 στὸ Μαντζικέρτ τῆς Ἀρμενίας τὸ ζήτημα τῆς κυριότητος τῆς Μικρασιατικῆς χερσονήσου ἐλύθη εἰς ὄφελος τῶν Σελτζούκων Τούρκων. Μετὰ ἀπὸ αὐτὸ δὲν δύναται, φυσικά, νὰ γίνεαι λόγος περὶ ἀρμενο-βυζαντινῶν ὁμαλῶν σχέσεων, ἂν καὶ ἐπιφανεῖς Ἀρμένιοι παράγοντες ἀπὸ καιροῦ εἰς καιρὸν ἐφαίνοντο στὸν ὀλοένα ἀμαυρούμενο ὀρίζοντα τῆς Βυζαντινῆς Αὐτοκρατορίας.

Καίτοι ἡ κατάκτηση τῆς Μικρασιατικῆς χερσονήσου ἀπὸ

17. *Costantino Porfirogenito De Thematibus*. Introduzione, testo critico, commento a cura di A. Pertusi (Studi e Testi 160). Città del Vaticano 1952, σ. 75-76. *Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio*. Greek text edited by Gy. Moravcsik, English Translation by R. J. Jenkins, Budapest 1949, σ. 240.

18. Ν. Adontz, *Les fonds historiques de l'épopée byzantine*, *Études arméno-byzantines*, Lisbonne 1965, σ. 25, 36· Η. Grégoire, Ὁ Διγενῆς Ἀκρίτας, New York 1942, σ. 117 κ.ἑξ.

19. Η. Bartikian, *Sus quelques questions relatives à l'épopée byzantine de Digenis Akritas*, *Revue des Études Arméniennes* 5 1968, σ. 303.

τούς Σελτζούκους ἔθεσε τέρμα στίς ἄρμενο-βυζαντινές σχέσεις (ἀναφερόμαστε βέβαια στήν καθεαυτοῦ Ἑρμενία), παρ' ὅλα ταῦτα οἱ σχέσεις αὐτές συνεχίσθηκαν ἐκτός τῆς Ἑρμενίας, στή Κιλικία, ὅπου οἱ εὐρόντες ἄσυλο καί καταφύγιο ἀπό τούς διωγμούς τῶν Τούρκων χιλιάδες Ἑρμενιοὶ ἐγκαθίδρυσαν πριγκηπάτα καί βασιλῆιο. Ὁ πρῶτος Ἑρμενίος βασιλεύς τοῦ κράτους τῆς Κιλικίας, Λέων ὁ Β', ἔλαβε τό στέμμα ἀπό τήν βυζαντινή αὐλή (1198 μ.Χ.).

Τό ἄρμενικό κράτος τῆς Κιλικίας μετὰ τοῦ Βυζαντίου εἶχε εὐρείες οἰκονομικές καί ἐμπορικές σχέσεις. Ὁ ἐμπορικός στόλος τῆς Ἑρμενοκιλικίας διέπλεε τό Αἰγαῖο πέλαγος καί τή Μεσόγειο. Κατά τά τέλη τοῦ ΙΔ' αἰῶνα τό ἄρμενικό βασιλῆιο τῆς Κιλικίας κατέρρευσε ὑπό τās πληγὰς τῶν Μαμελούκων τῆς Αἰγύπτου καί κατά συνέπεια βρῆκαν τέλος καί οἱ ἄρμενο-βυζαντινές πολιτικές, οἰκονομικές καί ἐκκλησιαστικές σχέσεις, ἂν καί μέχρι τήν πτώση τοῦ Βυζαντίου τό ἄρμενικό στοιχεῖο συνέχισε νά παίζει ἀξιοσημεῖωτο ρόλο στή ζωὴ τῆς αὐτοκρατορίας, τήν ὁποία οἱ Ἑρμενιοὶ θεωροῦσαν κράτος συγγενές καί φίλον. Τήν ἄλωση τῆς Κωνσταντινούπολης ἐθρήνησαν καί οἱ Ἑρμενιοὶ. Ἀπό αὐτούς ὁ Ἀβραάμ ὁ ἐξ Ἀγκύρας καί ὁ Ἀρακέλ ἀπό τό Μπαγές (τώρα Μπιτλὶς), αὐτόπτες μάρτυρες τῆς ἄλωσης, ἔγραψαν καί ἐκτενεῖς θρήνους, ἀνέφεραν μέ πίκρα, ὅτι «ἡ δόξα καί ἡ τιμὴ ὅλης τῆς ἀνθρωπότητος, ἡ κατοικία τοῦ Θεοῦ καί τῶν ἀγγέλων πόλη Στιμπόλ, μετατράπηκε ἀπό τούς ἀλλοφύλους σέ τόπο ἀναψυχῆς καί διαμονῆς τῶν κακούργων καί δαιμόνων»²⁰.

Περνῶ στό ζήτημα τῶν ἄρμενικῶν κοινοτήτων στό Βυζάντιο. Τά πορίσματα τῆς μελέτης μου ἐπὶ τοῦ θέματος αὐτοῦ γιά μένα ἦταν καταπληκτικά. Ἦλθε στήν ἐπιφάνεια ἕνα τεράστιο ἀρχιπέλαγος ἄρμενικῶν κοινοτήτων πού κατέκλυζε ὄχι μόνο τίς δυτικές ἀκτές τῆς Μικρασιατικῆς χερσονήσου, ἀλλά καί ὅλη τήν Βαλκανική χερσόνησο καί νησιά τοῦ Αἰγαίου, συμπεριλαμβανομένων τῶν Κρήτης καί Κύπρου.

Ἡ στάση τῶν βυζαντινῶν ἀρχῶν ἔναντι τῶν Ἑρμενίων

20. Lamentation sur la prise de Constantinople. (= A. Tchobanian, La Rotsaie d'Arménie, τόμ. Γ', Paris 1929).

τοῦ Βυζαντίου δέν ἦταν μονοειδῆς. Αὐτή ἐξαρτᾶτο ἀπό τήν ὁμολογία τῆς πίστεως τῶν Ἑρμενίων. Ἡ συμπεριφορὰ τῶν Βυζαντινῶν ἔναντι τῶν μονοφυσιτῶν Ἑρμενίων καί τῶν ἀσπασθέντων τόν διφυσιτισμό ἦταν τελείως διαφορετική. Οἱ μονοφυσίτες Ἑρμενιοὶ, πού παρουσίαζαν τήν ἀπόλυτη πλειοψηφία τῶν Ἑρμενίων τοῦ κράτους, ἀποτελοῦντες κοινότητες, ἔμεναν παραγκωνισμένοι ἐν ἀντιθέσει μέ τούς Ἑρμενίους χαλκηδονίτες, οἱ ὁποῖοι ὄντες ὁμόδοξοι τῶν Ἑλλήνων, ἀπολάμβαναν ὅλων των δικαιωμάτων τῶν Ρωμαίων πολιτῶν. Ἡ πιό εὐγλωττῆ μαρτυρία περὶ τοῦ ζητήματος αὐτοῦ βρῖσκεται σέ μιὰ ἀπόκριση τοῦ ἐπισκόπου Κίτρου, Ἰωάννη. Στήν ἐρώτηση τοῦ ἀρχιεπισκόπου Δυρραχίου Καβασίλα στόν ἐπίσκοπο Ἰωάννη «εἰ ἔξεστι τοῖς Ἑρμενίοις, ἐν αἷς πόλεσι οἰκοῦσι, κατά πᾶσαν ἄδειαν κτίζειν ἐκκλησίας, καί εἴτε χρῆ κωλύεσθαι, ἢ ἔᾶν αὐτούς ποιεῖν, ὡς βούλονται», ὁ τελευταῖος ἀπεκρίθη:

«Ἐν ταῖς Χριστιανῶν χώραις καί πόλεσιν ἐνδέδοται μέν ἀρχῆθεν οἰκεῖν καί ἀλλογλώσσους, καί ἑτεροδόξους... πλὴν οὐκ ἀναμίξ μετὰ τῶν Χριστιανῶν, ἀλλὰ κεχωρισμένως· ὅθεν καί ἀφορίζονται τόποι ἐκάστη τούτων φυλῆ, εἴτε ἐντός πόλεων, εἴτε ἐκτός, ὥστε τούτοις ἐμπεριγράφεσθαι, καί μέ ἐπέκεινα τούτων τās οἰκήσεις αὐτῶν ἐκτείνεσθαι... Τοῖνυν καί οἱ Ἑρμενιοὶ, εἰ ἐν τόπῳ, ἐνθα περιγράφονται, καί ναοὺς κτίζουσι, καί τὰ τῆς αἱρέσεως αὐτῶν ἐκτελοῦσι, μένουσιν ἀνεπηρέαστοι... εἰ δέ τούς ὄρους ὑπερβαίνουσι τῆς ἀφορισθείσης αὐτοῖς συνοικῆσεως, οὐ μόνον αὐτοὶ κωλυθήσονται, ἀλλά καί τὰ οἰκοδομήματα τούτων, ὁποῖα δ' ἂν καί ᾤσι, καταστραφήσονται...»²¹.

Τό γεγονός αὐτό ἂν καί μπορεῖ νά θεωρηθεῖ ταπεινωτικό γιά τούς Ἑρμενίους τῆς αὐτοκρατορίας, εἶχε σημασία θετική, διότι ἔδινε τήν δυνατότητα τῆς συντηρήσεως τοῦ ἐθνικοῦ τους προσώπου, τῶν ἠθῶν καί ἐθίμων αὐτῶν, συνεπῶς συνέτεινε στήν περίοδο μακροχρόνια αὐτῶν ὑπαρξῆς. Τήν πραγματικότητα αὐτή εἶχε σημειώσει ἀκόμη ὁ Κωνσταντῖνος ὁ Πορφυρογέννητος. Στόν Βίο τοῦ πάππου του Βασιλείου τοῦ Α', ἀναφερόμενος στήν ἄρμενική κοινότητα τῆς

21. Γ.Α. Ράλλη καί Μ. Ποτλῆ, Σύνταγμα τῶν θείων καί ἱερῶν κανόνων τόμ. Ε', σ. 415.

Ἰακωβίου ἀδριανούπολης κατά τόν Θ' αἰώνα, γράφει ὅτι οἱ Ἀρμένιοι «κατ' ἰδίαν ὥσπερ συνεστηκότες φατρίαν τε καί φυλὴν εἰς πλῆθος ἐγένοντο καί ἐπ' εὐπορίας κατέστησαν ἰκανῆς, τὴν πάτριον εὐγένειαν διασώζοντες καί ἀσύγχυτον τό γένος διαφυλάττοντες»²².

Στό Βυζάντιο οἱ Ἀρμένιοι ἦσαν γνωστοί ὄχι μόνο μέ τό ἔθνικό τους ὄνομα. Ἡ διαφορὰ αὐτῶν μέ τούς ὀρθοδόξους ὡς πρός τὴν ὁμολογία τῆς πίστεως, τὴν τέλεση νηστειῶν μὴ ὀρισθέντων ὑπὸ τῆς ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας, ἔδωσαν ἀφορμὴ ὅπως ἐμφανισθοῦν νέες ὀνομασίες τῶν Ἀρμενίων, Χατζιτζάριοι καί Ἀρτζιβούριοι, πολλές φορές θεωρούμενοι ἀπλᾶ αἰρετικοί, ἀσχέτως ἐθνικότητας.

Ὁ ζήσας τόν ΙΑ' αἰώνα ἐπὶ Ρωμανοῦ Γ' τοῦ Ἀργυροῦ (1028-1034) καί Μιχαήλ Δ' τοῦ Παφλαγόνος (1034-1041) μητροπολίτης Κυζίκου Δημήτριος στή διατριβή του *Περὶ Ἰακωβιτῶν καί Χατζιτζαρίων* γιὰ τούς τελευταίους γράφει: «Χατζιτζάριοι εἰσὶν οἱ τό σταυρόν μόνον σέβοντες· χατζί γάρ ὁ σταυρός παρ' αὐτοῖς... τὰς εἰκόνας ἀποστρέφονται· εἰσὶν ἐν ταυτῶ καί Θεοπασχίται καί Νεστοριανοί· τό μέν, ὡς τό Ὁ σταυρωθεὶς τῷ τρισαγίῳ παρενεύροντες, τό δέ, ὡς ἐπὶ Χριστοῦ δύο πρόσωπα λέγοντες· ἐν τῷ ἀγίῳ μέν σαββάτῳ καί κυριακῇ γάλα καί τυρόν καί ὠά ἐσθίουσιν· οἶνον οὐχ ἐνοῦσι...»²³.

Ὁ μητροπολίτης Δημήτριος ἐάν καί γράφει ὅτι «χατζί» παρ' αὐτοῖς ὁ σταυρός, δέν προσδιορίζει, σέ τί ἔθνος ἀνήκουν αὐτοί. Βεβαίως εἶναι Ἀρμένιοι, ἡ λέξη χάζι εἶναι ἀρμενική καί ὄντως σημαίνει σταυρός, τό δέ «χατζιτζάρ» σημαίνει «Ὁ σταυρωθεὶς», δηλαδή εἶναι ἡ παρεμβολή στό τρισάγιο.

Σέ μία ἐπιστολή τοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Νικολάου πρός τόν Πρῶτον τοῦ Ἀγίου Ὁρους, ἀναφέρεται: «Ἦν ἑβδομάδα λέγω οὖν τὴν πρό τῆς ἀποκρέου, τὴν καί ἐπονομάζομεν τὴν τοῦ Ἀρτζιβουρίου οἱ πλεῖστοι ἔθος ἔλαβον ἀδεῶς καταλύειν· τετράδα καί παρασκευὴν οἱ κοσμικοὶ τό κρέας, ὡσαύτως καί οἱ μοναχοὶ τυροῦ μεταλαμ-

22. *Theophanes Continuatus*, σ. 214-215.

23. Γ.Α. Ράλλη καί Μ. Ποτλή, *Σύνταγμα τῶν θείων καί ἱερῶν κανόνων*, τόμ. Δ', σ. 408.

βάνειν... εἰ μὲν φυλῆς κατάγονται ἐκ τῆς τῶν Ἀρμενίων, καί εἶχον καί τὴν αἵρεσιν τοῦ Ἀρτζιβουρίου, καλῶς ποιούσι λύοντες πάσαν ὑποψίαν... Λοιπὸν ἐκ τούτου δείκνυμεν μὴ κοινονοῦντες τοιούτοις»²⁴. Ἡ μνεία αὐτῆ τοῦ πατριάρχου Νικολάου πρός τόν Πρῶτον τοῦ Ἀγίου Ὁρους μήπως παρέχει τὴν βάση νά ὑποθέσουμε παρουσία Ἀρμενίων στόν Ἄθω τὴν ἐποχὴ αὐτή, Ἀρμενίων μονοφυσιτῶν;

Ἡ «αἵρεσις» τοῦ Ἀρτζιβουρίου μνημονεύεται καί στό *Τυπικό* τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει μονῆς τοῦ Ἀγίου Μάμαντος, πού γράφτηκε τό 1159. Στό ΙΘ' κεφάλαιο διαβάζουμε: «Περὶ τοῦ ἐσθίειν ἀπαρατηρήτως τυρόν καί ὠά κατὰ πᾶσαν τὴν πρωτοαποκρέω ἑβδομάδα διὰ τὴν τῶν Ἀρτζιβουρίων αἵρεσιν... Ἐν γάρ τῇ πρό τῆς Ἀποκρέω ἑβδομάδι τῶν τοιούτων Ἀρτζιβουρίων μὴ ἄλλο τι ἐσθίειν πάρεξ ἄρτου καί ὕδατος. Ἡμεῖς ἵνα τῆς τοιούτων αἵρέσεως ἀποδηρημένοι τυγχάνωμεν, καί τυρόν καί ὠά δι' ὅλης ταύτης τῆς ἑβδομάδος ἀνευδοιάστως ἐσθίωμεν...»²⁵.

Γιὰ τούς Ἀρτζιβουρίους ἔχει γράψει στό ἐκτενές του ποίημα περὶ νηστειῶν καί ὁ πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως Λουκάς Χρυσοβέργης (1156-1169)²⁶, τό 1210 ὁ ἱερομόναχος Νεῖλος, καθηγούμενος καί κτήτωρ τῆς μονῆς τῆς Θεοτόκου τοῦ Μαχαιρᾶ, ἐπίσκοπος Ταμασέων²⁷ καί πολλοὶ ἄλλοι²⁸. Ἡ λέξη «Ἀρτζιβούριον» εἶναι ἡ παραμόρφωση τῆς ἀρμενικῆς λέξης (arajanoṛac') καί σημαίνει «προκειμένη», δηλαδή νηστεία προκειμένη μιᾶς ἄλλης.

Αὐτά γιὰ τούς Ἀρμενίους μὴ διφυσίτες τοῦ Βυζαντίου. Ὅ,τι ἀφορᾶ τούς Ἀρμενίους χαλκηδονίτες, δηλαδή τούς ὀμοδόξους τῶν Ρωμαίων, ἡ κατάστασή τους ἦταν διαφορε-

24. *Nicolai sanctissimi patriarchae Constantinopolitani Opus ad praepositum Sancti Montis...*, Migne, *Patrologia Graeca* 111, στήλ. 404.

25. *Σωφρονίου Εὐστρατιανοῦ*, *Τυπικόν* τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει μονῆς τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Μάμαντος, *Ἑλληνικά* 1,2 (1928), σ. 277.

26. Σπ. Λάμπρου, *Λουκά Χρυσοβέργη Περὶ διαίτης κοσμικῆς τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ*, *Νέος Ἑλληνομνήμων* 16 (1922), σ. 205-207.

27. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Collecta ediderunt F. Miklosich et I. Müller*, τόμ. Ε', Vindobonae 1887, σ. 412.

28. Γιὰ τούς Χατζιτζαρίους, Ἀρτζιβουρίους, Ἀρμενίους μονοφυσίτες ἔχει γράψει καί ὁ Νικηφόρος Κάλλιστος Ξανθόπουλος. Βλ. Migne, *Patrologia Graeca*, 147, στήλ. 441 κ.ἐξ.

τική. Ὁ Νίκων ἀπό τό Μαῦρον ὄρος (ΙΑ΄ αἰώνας) τοὺς Ἀρμενίους χαλκηδονίτες, γνωστούς ὡς Τζάτους καί κατοικοῦντας «ἀπό τῶν ἄνωθεν χρόνων» στό θέμα τῆς Μεσοποταμίας καί ὑπαγομένους στόν πατριάρχη Ἀντιοχείας, θεωρεῖ «πνευματικούς ἡμῶν (τῶν Ἑλλήνων δηλαδή) ἀδελφούς»· τονίζει ὅτι «τοῖς ὀρθῶς περί τήν ἀμώμητον τῶν Χριστιανῶν ἔχοντας πίστιν οὐκ ἔστιν σφαλερόν συγκοινωνεῖν τῶν θείων μυστηρίων καί μεταδιδόναι αὐτοῖς καί παρ' αὐτῶν μεταλαμβάνειν· οὐδέ γάρ περί τήν γλώσσαν ἔστιν ἡ διαφορά καί τό ὑποπτον, περί τήν πίστιν αὐτήν τήν ὀρθήν»²⁹.

Ὁ Ἅγιος Σάββας, σύμφωνα πάντα μέ τόν Νίκωνα, τοὺς ἐπέτρειψε «ἐν τῇ Ἀρμενίων διαλέκτῳ ψάλλεσθαι τήν ἀκολουθίαν», ἀλλά γιά νά εἶναι ἀσφαλῆς ἔβρισκε ὅτι πρέπει «τόν τρισάγιον ὕμνον ἑλληνιστί» νά προσφέρουν, γιά νά μή βάλουν τήν προσθήκη «ὁ σταυρωθεῖς δι' ἡμᾶς» τοῦ Πέτρου τοῦ Γναφέως³⁰.

Στήν ἐρώτηση τοῦ πατριάρχη Ἀλεξανδρείας Μάρκου (πέθανε τό 1174) «Ἀκίνδυνον ἔστιν ἱερατεῦειν ὀρθοδόξους Σύρους καί ἔξ Ἀρμενίων... κατά τήν ἰδίαν διάλεκτον, ἢ παντοίως ἀναγκάζονται μετά ἑλληνίδος ἱερατεῦει γραφῆς;» ὁ Θεόδωρος Βαλσαμών ἀπάντησε· ἐάν αὐτοί εἶναι ἀμέτοχοι τῆς ἑλληνικῆς δύναται ἱερατεῦειν «μετά τῆς ἰδίας διαλέκτου», «ἀντίγραφα ἔχοντες τῶν συνήθων ἀγίων εὐχῶν ἀπαράλλακτα, ὡς μεταγραφέντα ἐκ κοντακίων καλλιγραφηθέντων διά γράμματων ἑλληνικῶν»³¹.

Ἀρμένιοι χαλκηδονίτες ὑπῆρξαν ἀπό τόν ΣΤ΄ αἰώνα, ἀλλά στίς πηγές ἀπαντοῦν πιό ἐμπεριστατωμένα ἀπό τόν Γ΄ αἰώνα. Κυρίως ἀναφέρονται στό θέμα Μεσοποταμίας, πού πρός βορράν ἐκτεινόταν μέχρι τό Κάμαχο. Αὐτοί εἶχαν δικά τους μοναστήρια, πολιτιστικά κέντρα. Ἐπέζησαν μέχρι τίς σφαγές τοῦ 1915 καί εἶναι γνωστοί ὡς χαιΐ-χορόμ

29. Iz «Taktikona» Nikona Divnogorčā. Opisane grečeskih rukopisei monastirja sv. Ekaterini na Sinae, tom I Pod redakciei i c dopolnenijami V.H. Benesēviča. C. - Petersburg 1911, σ. 588.

30. Ὁ.π., σ. 588-589.

31. Γ.Α. Ράλλη καί Μ. Ποτλή, Σύνταγμα τῶν θείων καί ἱερῶν κανόνων, τόμ. Δ΄, σ. 452-453.

(Ἀρμενο-Ρωμαῖοι, δηλαδή Ἀρμένιοι τήν καταγωγή, Ρωμαῖοι κατά τήν ὁμολογία τῆς πίστεως).

Οἱ χαιΐ-χορόμ ἀπασχόλησαν ἀρκετά τοὺς Ἕλληνες μελετητές, οἱ ὁποῖοι πρότειναν διάφορες, πολλάκις φανταστικές, εἰκασίες γιά τήν προέλευσή τους. Ὁ Γ.Α. Πασχαλίδης, καί αὐτός ἀπό τοὺς χαιΐ-χορόμ, κάνει μνεῖα διαφόρων γνωμῶν, ὅπως ὅτι «οὗτοι ἀνέκαθεν ἦσαν Ἕλληνες, εἴτε ἐκ τῶν ἐκεῖ (δηλαδή στήν Ἀρμενία) μεινάντων συστρατιωτῶν τοῦ Ξενοφῶντος τό γένος ἔλκοντες, εἴτε ἐκ τῶν στρατιωτῶν τοῦ Μεγάλου Ἀλεξάνδρου μετ' Ἀρμενίδων γυναικῶν εἰς ἐπιμιξίαν ἔλθόντων».

Ξεκινώντας ἀπό τό γεγονός ὅτι πολλοί χαιΐ-χορόμηδες κατοικοῦσαν στήν ἀρμενική πόλη Ἄκν (τουρκικά Ἐγκίν), ἄλλοι μελετητές νόμιζαν ὅτι αὐτοί ἦταν «ἀποικία τῆς νήσου Αἰγίνης». Ἀλλά ὁ Πασχαλίδης φέρει καί τή σωστή ἐρμηνεία τῆς καταγωγῆς τους, ὅτι αὐτοί «εἶνε μὲν Ἀρμένιοι τήν φυλήν, ἀλλά... κατά τόν χωρισμόν τῶν ἐκκλησιῶν εἰς Ὀρθόδοξον ἀνατολικήν καί εἰς Γρηγοριανήν... ἔμειναν πιστοί εἰς τήν Μεγάλην Ἐκκλησίαν καί ἐξακολούθησαν νά διοικῶνται ὑπό Ἑλλήνων ἱεραρχῶν ἐκ Βυζαντίου ἀποστελλομένων»³².

Μία μεγάλη ομάδα τῶν χαιΐ-χορόμ τόν ΙΖ΄ αἰώνα ἐγκαταστάθηκε στή Βιθυνία, ἀπό ὅπου τό 1923 μετανάστευσε στήν Ἑλλάδα, στή Θεσσαλονίκη καί στήν Εὐβοία, ὅπου καί μέχρι σήμερα ὑπάρχει ἀρμενικό χωριό, ὀνομαζόμενο Νέο Ἐγκίν. Κατά τόν Γ.Ι. Ἀναστασιάδη «Οἱ χαιΐχορούμηδες ἀνέδειξαν ἄνδρας διαπρέψαντες ὡς ἰατρούς, διδασκάλους, συγγραφεῖς κ.λ.π. Ἀναφέρομεν τοὺς Χρῆστον Παπαδόπουλον, Μάρκον Κλεόβουλον, Γεώργιον Παχτίκον, τόν συνθέτην τοῦ πρός Ἀπόλλωνα ὕμνου καί συλλογέα δημοτικῶν ἀσμάτων, τόν Μ. Μωῦσιάδην, Γ. Πασχαλίδην, τόν ἡγεμόνα τῆς Σάμου Κωνστ. Βαγιάννην. Οἱ τέως Μητροπολίται Κερκύρας Ἀλέξανδρος καί Κοζάνης Ἰωακείμ ἐκ χαιΐχορούμηδων προέρχονται»³³.

32. Γ.Α. Πασχαλίδης, Ἀρμενόφωνοι Ἕλληνες ἐν Χουδίῳ τῆς Μικρᾶς Ἀσίας, Ἑβδομάς, Ἐπιθεώρησις κοινωνική καί φιλολογική, περίοδος Β΄, ἔτος Η΄, ἀριθ. 45, Ἀθήνα, 1891 (28 Δεκεμβρίου).

33. Γ.Ι. Ἀναστασιάδου, Χαιΐ-χορούμ (Ἀρμενόγλωσσοι Ἕλληνες), Μικρασιατικά Χρονικά 4 (1948), σ. 45.

Περνώ στο ζήτημα τῶν ἀρμενικῶν κοινοτήτων στο Βυζάντιο. Ἡ μελέτη τοῦ προβλήματος αὐτοῦ παρουσιάζει πολλές δυσχέρειες. Τό ζήτημα εἶναι ὅτι μέχρι τώρα δέν ἔχει γραφεί τίποτε τό σχετικό, τά δεδομένα περί αὐτῶν εἶναι διασκορπισμένα σέ πάμπολλα καί παντοειδῆ ἔργα βυζαντινῶν συγγραφέων. Τό ζήτημα παρουσιάζει δυσχέρειες καί ἀπό ἀποψη χρονολογική. Οἱ πηγές κάνουν μνεία τῆς μᾶς ἢ τῆς ἄλλης κοινότητας σέ ὀρισμένη ἐποχή, πού δέν μπορεῖ ὅμως νά σημαίνει ὅτι αὐτή δέν ὑπῆρξε πρὶν ἢ καί μετά. Ἐκτός αὐτοῦ ἐγκατάσταση Ἀρμενίων σέ ὀρισμένη τοποθεσία ἔγινε ὄχι μία φορά. Π.χ. στήν Κρήτη μποροῦμε νά ἀναφέρουμε τουλάχιστον τέσσερις ἐποικήσεις. Ποιοί Ἀρμενιοί τῆς Κρήτης ἀφοροῦν τούς τῆς βυζαντινῆς ἐποχῆς; Νά ἀπαντήσουμε σ' αὐτό τό ἐρώτημα εἶναι ἀδύνατο. Πάντως, γιά τρεῖς τουλάχιστον κοινότητες μποροῦμε νά ποῦμε πότε συστάθηκαν. Ὁ λόγος ἀφορᾷ τίς κοινότητες τῆς Θράκης, Κρήτης καί Κύπρου. Ἡ ἀρχαιότερη, κατά πᾶσαν πιθανότητα, ἦταν ἡ τῆς Θράκης. Σχετικά μέ τό ζήτημα, πρέπει νά φέρουμε ἐδῶ τό κείμενο τῆς ἐπιστολῆς τοῦ αὐτοκράτορα Μαυρικίου (582-602) στό βασιλέα τῶν Περσῶν Χοσρόη τόν Β' Παρβέζ (590-628), πού ἀπαντᾷ στήν Ἱστορία τοῦ Ἀρμενίου ἱστοριογράφου τοῦ Ζ' αἰῶνα Σεβαίου. Ὅπως εἶναι ἤδη γνωστό, τό ἀρμενικό βασίλειο τῶν Ἀρσακιδῶν ἐξέλειψε τό 428· ἡ Ἀρμενία εἶχε διαιρεθεῖ μεταξύ τοῦ Βυζαντίου καί τῆς Περσίας ἤδη τό 387, ἀλλά ὁ ἀγῶνας τῶν Ἀρμενίων κατά τῆς ξένης κυριαρχίας ὑπῆρξε συνεχῆς. Καί ἰδοῦ, ὁ Μαυρίκιος γράφει στόν Πέρση βασιλέα: «Μεταξύ ἡμῶν ζεῖ ἕνας ἀτακτος καί ἀνυπότακτος λαός, πού διαταράσσει. Ἐλα νά συναθροίσω ἐγώ τούς δικούς μου Ἀρμενίους καί νά τούς ἐγκαταστήσω στή Θράκη, σύ δέ συνάθροισε τούς δικούς σου Ἀρμενίους καί διάταξε νά τούς μετοικήσουν στήν Ἀνατολή. Ἐάν ἐξοντωθοῦν ἐκεῖ, οἱ ἐχθροί μας θά ἐξοντωθοῦν, ἐάν σκοτώσουν, τούς ἐχθρούς μας θά σκοτώσουν, ἐμεῖς δέ θά μείνουμε ἐν εἰρήνῃ. Καθ' ὅσον αὐτοί μείνουν στή χώρα των, ἐμεῖς δέν θά ἔχουμε ἡσυχία»³⁴.

34. Histoire d'Heraclius par l'evêque Sébéos, traduite de l'arménie et annotée par F. Macler, Paris 1904.

Ὅποιος εἶναι λίγο-πολύ γνώστης τῆς βυζαντινῆς ἐπιστολογραφίας, καί κυρίως τῶν ἐπιστολῶν τῆς βυζαντινῆς αὐλῆς, χωρίς ἄλλο θά πεί, ὅτι εἶναι ἀδύνατο ὁ Μαυρίκιος νά ἔχει γράψει ἐπιστολή τέτοιου περιεχομένου. Ἀλλά στή συνείδηση τῶν Ἀρμενίων τῆς ἐποχῆς, ὅταν ἔβλεπαν πῶς οἱ ὑποτελεῖς τοῦ Βυζαντίου Ἀρμενιοί στρατιῶτες πολεμοῦσαν καί ἐξοντώνονταν γιά τό Βυζάντιο στή Θράκη καί ἄλλου, γιά τήν Περσία δέ στήν Ἀνατολή, δέν μποροῦσαν νά σκεφθοῦν ἄλλοιῶς, ἀλλά ὅτι μεταξύ τῶν δύο αὐτοκρατοριῶν ὄντως θά πρέπει νά ὑπῆρχε τέτοια συνεννόηση. Ἄς σημειώσουμε ἐδῶ ὅτι ὁ Τιβέριος καί ὁ ἴδιος ὁ Μαυρίκιος τό 578, σύμφωνα μέ τίς πηγές, μετοίκησε καί στή Κύπρο 10.000 Ἀρμενίους ἀπό τήν Ἀρζανηνή³⁵.

Καί ἔτσι, ἀπό τήν ἐποχή τοῦ Μαυρικίου ἡ Θράκη μετατρέπεται σέ τόπο μετοίκησης τῶν Ἀρμενίων, οἱ ὁποῖοι συνάμα ἀπαρτίζουν ἐδῶ γιά τό Βυζάντιο ἐκλεκτές στρατιωτικές δυνάμεις γιά τήν ἀμυνα τῶν βορείων μεθωρίων τῆς αὐτοκρατορίας ἀπό τίς ἐπιδρομές διαφόρων ξένων φυλῶν. Μιά μεγάλη μάζα Ἀρμενίων κατοίκων τῆς Θεοδοσιούπολης καί Μελιτηνῆς, μετά τήν ἄλωση τῶν πόλεων αὐτῶν ἀπό τόν Κωνσταντῖνο τόν Ε' (741-775), ἀπευθύνεται στόν βασιλέα ὅπως ἀπελευθερώσει αὐτούς ἀπό τόν ἀραβικό ζυγό καί τούς μετοικήσει στά πλαίσια τοῦ Βυζαντίου. Ὁ αὐτοκράτορας Κωνσταντῖνος τούς μετοικίζει στή Θράκη³⁶. Ὁ πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως Νικηφόρος γράφει: «Ὁ Κωνσταντῖνος ἤρξε δομεῖσθαι τά ἐπί Θράκης πολίσματα, ἐν οἷς οἰκίζει Σύρους καί Ἀρμενίους, οὓς ἐκ τε Μελιτηναίων πόλεως καί Θεοδοσίου πόλεως μετανάστας πεποίηκε, τά εἰς τήν χρεῖαν αὐτοῖς ἀνήκοντα φιλοτίμως δωρησάμενος»³⁷.

35. *Johannis Ephesini Historiae ecclesiasticae, pars tertia*, ἐκδ. E.W. Broons, Parisiis 1935, VI, 14-15, 27, 34· πρβλ. *Theophylactus Simocatta*, ἐκδ. C. de Boor, 1887, σ. 143.

36. *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica*, ἐκδ. C. de Boor, Lipsiae 1880· *Τοῦ ἴδιου*, *Antirrheticus adv. Const. Copr.* Migne, *Patrologia Graeca*, 100, στήλ. 508-509. *Theophanis Chronographia*, ἐκδ. C. de Boor, τόμ. Α', Lipsiae 1883, σ. 429.

37. *Sancti Nicephori CP Breviarium historicum de rebus gestis post imperium Mauricii*, Migne, *Patrologia Graeca* 100, στήλ. 976. *Georgii Monachi Chronicon*, ἐκδ. C. de Boor, Lipsiae 1904, σ. 763.

Δέκα χρόνια μετά την μετοίκηση τῶν Ἀρμενίων στή Θράκη, τό 765 ἀκριβῶς, στήν περιφέρεια αὐτή ὁ διογράφος τοῦ ἁγίου Στεφάνου τοῦ Νέου μνημονεύει «στῖφος τῶν Ἀρμενίων»³⁸, δηλαδή στρατιωτικό τάγμα ἀποτελούμενο κατά πᾶσαν πιθανότητα ἀπό τούς μετοικισθέντες ἀπό τόν Κωνσταντῖνο τόν Ε΄ Ἀρμενίους αἰρετικούς.

Πλήθη Ἀρμενίων αἰρετικῶν, ὀνομαζομένων ὑπό τῆς Ἄννας τῆς Κομνηνῆς Παυλικιανοί, ἀλλά στήν πραγματικότητα Θονδρακῖτες, αἰχμαλωτισθέντες ἀπό τόν Ἰωάννη Α΄ Τσιμισκή (969-976) στήν Ἀρμενία, μετοικίζονται στή Θράκη, στήν πόλη Φιλιππούπολη. Κατά τήν Ἀλεξιάδα «ὁ Τζιμισκῆς Ἰωάννης τούς ἐκ τῆς Μανιχαϊκῆς αἰρέσεως ἀντιμάχους ἡμῖν ποιησαμένους συμμάχους κατά γε τά ὄπλα ἀξιωμαχούς δυνάμεις τοῖς νομάσι... Σκύθαις ἀντέστησε καί τό ἐντεῦθεν ἀπό τῶν πλειόνων καταδρομῶν ἀνέπνευσε τά τῶν πόλεων... Πᾶσα γάρ ἡ Φιλιππούπολις πλὴν ὀλίγων ὄντες Μανιχαῖοι... Ἡῤξανον τοίνυν καί τά κύκλω Φιλιππουπόλεως πάντα ἦσαν αἰρετικοί»³⁹. Καθ' ὅλην τήν ἐποχή τῆς βασιλείας του ὁ Ἀλέξιος Α΄ Κομνηνός (1081-1118) προσπάθησε νά φέρει στήν ὀρθοδοξία τούς αἰρετικούς αὐτούς, ἀλλά καί τούς μονοφυσίτες Ἀρμενίους τῆς Θράκης⁴⁰. Ἀκριβῶς γιά τόν σκοπό αὐτό ἱδρυσε στή Φιλιππούπολη διά τοῦ Ἀρμενίου δομεστίκου τῆς Δύσης Γρηγορίου Πακουριανοῦ τή μονή τῆς Παναγίας τῆς Πετριτσιονιτίσης, ἡ ὁποία ἔπρεπε νά παίξει ρόλο προσηλυτιστικοῦ κέντρου μεταξύ τῶν Ἀρμενίων τῆς περιοχῆς, ἀλλά χωρίς ἐπιτυχία.

Οἱ Παυλικιανοί τῆς Φιλιππούπολης μνημονεύονται ἀπό τούς ἱστορικούς τῆς Γ΄ καί Δ΄ Σταυροφορίας, τοῦ Ἀρνόλδου ἐκ Λιούμπεκ καί Βιλλαρδουίνου. Ὁ τελευταῖος τούς ὀνομάζει *Popelicanī*⁴¹.

38. *Vita Sancti Stephani Junioris monachi et martyris*, Migne, *Patrologia Graeca*, 100, στήλ. 1156.

39. *Anne Comnène Aléxiade*, ἐκδ. Β. Leib, τόμ. Γ΄, Paris 1945, 180-181.

40. Λόγος τοῦ μεγάλου βασιλέως κυροῦ Ἀλεξίου Κομνηνοῦ ἐκδοθεῖς παρ' αὐτοῦ πρός Ἀρμενίους δοξάζοντας κακῶς μίαν φύσιν ἐπί τοῦ Χριστοῦ (Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως, Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, τόμ. Α΄, Πετρούπολη 1891, σ. 116-118).

41. *Geoffroi de Villeharduin, La Conquête de Constantinople*. Texte et traduction nouvelle par E. Bouchet, Paris 1891, σ. 283.

Κατά τήν ἐποχή τῆς τουρκοκρατίας οἱ Παυλικιανοί τῆς Φιλιππούπολης μνημονεύονται ἀπό διάφορους Εὐρωπαίους περιηγητές, τούς Adam Wennern (1616), John Burbury (1664), Paul Taffernern (1665), Konte de Marsigli (μεταξύ τοῦ 1679 καί 1700), Lady Wortly Montagu. Ἡ τελευταία σέ μιά ἐπιστολή τῆς τοῦ 1717 γράφει: «Στήν Φιλιππούπολη συνάντησα Χριστιανούς αἰρετικούς, οἱ ὁποῖοι ὀνόμαζαν ἑαυτούς Παυλίνοους. Αὐτοί μου ἔδειξαν μιά παλιά ἐκκλησία, ὅπου, σύμφωνα μ' αὐτούς, ἐκήρυξε ὁ ἅγιος Παῦλος, ὁ ὁποῖος εἶναι ὁ πιό ἀγαπητός τους ἅγιος»⁴².

Ἄν καί ἀπομακρυνθήκαμε γιά πολλούς αἰῶνες ἀπό τήν βυζαντινή ἐποχή, θεωροῦμε ἀναγκαῖο νά γράψουμε γιά τούς ἤδη ἐκβουλγαρισθέντες⁴³ Παυλικιανούς τῆς Θράκης καί μερικά ἄλλα ἀπό δημοσιευμένα ἀπόρρητα ἔγγραφα τῆς ρωσικῆς αὐτοκρατορικῆς αὐλῆς. Ὁ λόγος ἀφορᾷ τίς ἀναφορές τοῦ Ρώσου πρόξενου στή Φιλιππούπολη, Νάϊντεν Γκέρωφ, διορισμένου τό 1857. Αὐτός γράφει ὅτι οἱ Παυλικιανοί ἔχουν στή Φιλιππούπολη δική τους συνοικία⁴⁴, ὅτι οἱ ὀρθόδοξοι καί οἱ Ἀρμένιοι τῆς ἐπαρχίας Φιλιππούπολης θεωροῦν δικό τους τόν Ρώσο πρόξενο, οἱ δέ Παυλικιανοί ἀντίθετα τούς προξένους τῆς Γαλλίας καί Αὐστρίας⁴⁵, ἐφόσον οἱ Παυλικιανοί στίς ἀρχές τοῦ 19ου αἰῶνα ἦταν ὅλοι ἤδη καθολικοί. Σύμφωνα μέ τήν ἐπιστολή τοῦ Νάϊντεν Γκέρωφ τῆς 18ης Ἀπριλίου 1862 στόν πρίγκηπα Λομπανώφ-Ροστόφσκυ, οἱ Παυλικιανοί αὐτοί «ἀπό πατάρχαιους, ἀμνημόνευτους χρόνους εἶναι ἀγνώστου ὁμολογίας τῆς πίστεως... Τέτοιοι Παυλικιανοί ἢ Βούλγαροι καθολικοί ὑπάρχουν μόνο στήν ἐπαρχία Φιλιππουπόλεως (ἕως 7.000 ψυχές), στίς ἐπαρχίες Σίστοβο καί στή Βλαχία, καί μέχρι τῆς σήμερον δέν ὑπάρχει περίπτωση ὅπως ἕνα ὀρ-

42. Πολυδ. Παπαχριστοδούλου, Ὁ ἑλληνισμός τῆς Θράκης, Ἀθήνα 1945. Κ.Μ. Ἀποστολίδου, Ἡ Φιλιππούπολις ἐπί Τουρκοκρατίας κατά τόν 17ον αἰῶνα. Προσηλυτισμός τῶν Παυλικιανῶν εἰς τόν καθολικισμόν, Ἀρχεῖον τοῦ Θρακικοῦ Λαογραφικοῦ καί Γλωσσικοῦ Θησαυροῦ, 11 (1944-45), σ. 145-156.

43. Κ. Οἰκονόμου, Ἐγχειρίδιον περί τῆς ἐπαρχίας Φιλιππουπόλεως, Βιέννη 1819.

44. Dokumenti za bulgarskata istorija, tom I. Arhiv na Naiden Gerov, Sofija 1931, σ. 512.

45. Ὁ.π. σ. 18.

θόδοξος Βούλγαρος νά προσχωρήσει σ' αὐτούς»⁴⁶, διότι, συνεχίζει ὁ Γκέρωφ στήν ἐπιστολή του τῆς 13ης Ἰανουαρίου στόν Ἰγνάτιεφ, «μέχρι τῆς σήμερον οἱ Παυλικιανοί δέν ἐξήλθαν ἀπό τά κατώτερα στρώματα τῆς κοινωνίας»⁴⁷, καί ἡ κλήσις «Παυλικιανός» θεωρεῖται ὑβριστική⁴⁸.

Ἡ σκέψη αὕτη πιό ἐμπεριστατωμένη ἀπαντᾷ στήν ἐπιστολή τοῦ Γκέρωφ τῆς 15ης Δεκεμβρίου 1869 στόν Γραμματέα τῆς Σλαυικῆς Ἐπιτροπῆς Ἀγαθοεργίας στή Μόσχα: «οἱ ἀγνώστου προελεύσεως Παυλικιανοί παρουσιάζουν τό κατακάθι τῆς κοινωνίας καί τώρα ἀκόμη κοινωνικῶς βρίσκονται κατωτέρω τῶν ἄλλων, ἐπομένως τό γίγνεσθαι Παυλικιανός σημαίνει ἐξευτελίζεσθαι»⁴⁹. Ἀκριβῶς τό γεγονός αὐτό ἀνάγκασε τούς Παυλικιανούς νά ἀπευθυνθοῦν στίς τουρκικές ἀρχές ὅπως στά ἐπίσημα ἔγγραφα νά ὀνομάζονται αὐτοί ὄχι Παυλικιανοί, ἀλλά Βούλγαροι-καθολικοί, κάτι πού ἀπορρίφθηκε ἀπό τήν Ὑψηλή Πύλη⁵⁰.

Κατά τούς μελετητές «ὁ φυλετικός τύπος τῶν πρώην Παυλικιανῶν διαφέρει οὐσιωδῶς τοῦ τε Βουλγαρικοῦ καί τοῦ Ἑλληνικοῦ· εἶναι βραχύσωμοι, βραχυμέτωποι μετά μεγάλων ρινῶν καί σχεδόν πάντες μέλαχροι καί μελανότριχες»⁵¹. Ὁ τύπος αὐτός στήν ἐπιστήμη λέγεται ἀρμενοειδής, μία μαρτυρία ἀκόμη ὅτι ἐναντι τῶν Παυλικιανῶν αὐτῶν ἔχουμε τούς ἀπογόνους τῶν Ἀρμενίων αἰρετικῶν τοῦ 8ου καί 10ου αἰώνα, πού μετοίκισαν ἀπό τήν Ἀρμενία ἐπί Κωνσταντίνου Ε' καί Ἰωάννη Α' Τσιμισκῆ.

Ἡ Φιλιπούπολη καί τά περίχωρα αὐτῆς δέν ἦταν ἡ μόνη περιοχή, ὅπου εἶχαν κατά τόν Μεσαίωνα ἐγκατασταθεῖ οἱ Ἀρμένιοι. Σέ ὅλη τή Θράκη ὑπῆρχαν κοινότητες Ἀρμενίων, ἀγνωστον πότε συσταθεῖσες. Γιά τήν κοινότητα τῆς Τριάδιτζας (δηλαδή τῆς σημερινῆς Σόφιας) ἔχουμε δεδομένα ἀπό πολύ παλιά. Ἔτσι, ὁ ἐπίσκοπος Τριάδιτζας σέ μία ἐπιστολή του πρὸς τόν ἀκμάσαντα κατά τά τέλη τοῦ

46. Ὁ.π. σ. 281.

47. Ὁ.π. σ. 339.

48. Ὁ.π. σ. 448.

49. Ὁ.π., σ. 512.

50. Ὁ.π., σ. 488-489.

51. Κ.Μ. Ἀποστολίδου, Ἡ Φιλιπούπολις ἐπὶ Τουρκοκρατίας, σ. 155.

ΙΑ'-ἀρχές τοῦ ΙΒ' αἰώνα ἀρχιεπίσκοπο Ἀχρίδος (Βουλγαρίας), Θεοφύλακτο, γράφει, ὅτι οἱ Ἀρμένιοι τῆς περιοχῆς ἀσπάστηκαν τόν διφυσιτισμό, ὅτι αὐτός μετὰ τῶν προυχόντων Ἀρμενίων μέλλει «εἰς τήν πόλιν (δηλαδή Κωνσταντινούπολη) ἀνελθεῖν... τῷ κραταιῷ καί ἀγίῳ ἡμῶν» αὐτοκράτορα. Στήν εἶδηση αὕτη ὁ Θεοφύλακτος ἐκφράζει τήν ἀγαλλίασή του, ἀλλά ταυτόχρονα καί τήν ὑπόνοια, ὅτι ἡ προσχώρηση αὕτη τῶν Ἀρμενίων μπορεῖ καί νά εἶναι ἀσταθής: «ὡς ἂν μή κατά τῶν φυτῶν, ὅσα βιαίως χερσί μεθέλκεται, πάλιν εἰς ἑαυτούς ἐπανέλθοιεν». Ὅπως βλέπουμε, ἡ προσχώρησις τῶν Ἀρμενίων στό διφυσιτισμό δέν εἶναι ἐθελοούσια. Ὅπως καί νά εἶναι, γίνεται γνωστό ὅτι τήν ἐποχή αὕτη στή Τριάδιτζα ὑπῆρχε ἀρμενική πολυάνθρωπη κοινότητα⁵².

Ὁ ἴδιος ὁ Θεοφύλακτος σέ μία του ἐπιστολή πρὸς τινά Διαβολογύρη πληροφορώντας τον περὶ τῆς ἐπιστροφῆς τῶν Ἀρμενίων πρὸς τήν ὀρθοδοξίαν γράφει ὅτι «ἠγαλλιάσε μου τό πνεῦμα ἐπὶ τῇ τῶν Ἀρμενίων ἐπιστροφῇ», καί ταυτόχρονα δίνει ὁδηγίες στόν Διαβολογύρη: «τάς ἐκκλησίας αὐτῶν οὐ δεῖ κλειῖσαι, ἀλλά τήν ἀκολουθίαν, ἣν ποιούμεν εἰς ἐγκαίνεια ναοῦ ποιήσαντά τε καί χρίσαντα σταυροειδῶς μύρω τούς τοίχους, ὀρθοδόξους ἱερεῦσι παραδοῦνται... Εἰ δέ καί ἱερεῖς αὐτῶν τῇ ὀρθοδόξῳ πίστει προσῆλθον... χειροτόνησον τούτους αὐτός»⁵³.

Εἶναι πολύ ἐνδιαφέρον ὅτι ἡ ὀρθόδοξος Ἐκκλησία εἶχε εἰδική λειτουργία γιά τούς «νεοφωτίστους» Ἀρμένιους. Ὁ Θεοφύλακτος στήν ἐπιστολή του πρὸς τόν ἴδιο Διαβολογύρη τόν ρωτᾷ: «Δήλωσον δέ μοι εἰ καί πᾶσαν τήν ἀκολουθίαν ἔχεις, ἣν τελούμεν ἐπὶ τοῖς ἐξ Ἀρμενίων ἐπιστρέφουσιν· εἰ δέ οὐκ ἔχεις, μεταγράψομεν ταύτην». Ὅλα αὐτά μαρτυροῦν, ὅτι οἱ Ἀρμένιοι στήν περιοχή αὕτη εἶχαν πολλές ἐκκλησίες, πού βεβαιώνει τό πολυάνθρωπο τῆς ἀρμενικῆς αὐτῆς κοινότητος.

Ὅτι ἡ ἐπιστροφή στήν ὀρθοδοξία τότε ἔγινε βίαια καί

52. *Theophylacti Bulgariae archiepiscopi Opera quae reperiri potuerunt omnia*. Tomus quartus. Epistolae. Migne, *Patrologia Graeca* 126, στήλ. 344-345.

53. Ὁ.π., σ. 520.

ὄχι ἐθελοῦσια, τό βεβαιώνει ὄχι μόνο ὁ Θεοφύλακτος, ἀλλά καί τά ἐπακολουθήσαντα γεγονότα. Ἐναν αἰῶνα μετά ὁ Ἄρμενιος πατριάρχης Γρηγόριος ὁ Δ΄ θά παραπονεθεῖ στόν αὐτοκράτορα Ἰσαάκιο Β΄ τόν Ἄγγελο (τό 1185-1186) «ὄτι τούς περί τήν Φιλιππούπολιν Ἄρμενίους ὁ ἐκεῖσε ἀρχιερέας εἰς ἑτέραν λατρείαν μεθέλκει οὐχ ἐκόντας, καλευσάσης τοῦτο τῆς βασιλείας μου»⁵⁴. Τό γεγονός ἐπιβεβαιώνει ὁ Ἄρμενιος ἱστοριογράφος τοῦ ΙΓ΄ αἰῶνα Βαρδάνης. «Τό 635ο ἔτος (τῶν Ἄρμενίων 1186) – γράφει αὐτός – ἐπί τῶν Ἑλλήνων ἐβασίλευσε ὁ Πισίκ, ὁ καί Σαάκ (Ἰσαάκ), ὁ ὁποῖος ἄρχισε διωγμούς κατά τῶν ὁμολογούντων τήν πίστιν τῶν Ἄρμενίων ἐθνῶν, ὅπως ἀσπασθοῦν τήν αἵρεσίν των (τῶν Ρωμαίων). Ἐπί τῇ εὐκαιρίᾳ αὐτῇ ὁ πατριάρχης Γρηγόριος γράφει αὐτῷ ἱκετευτήριαν ἐπιστολήν εἰρηνεῦσαι μετά τοῦ λαοῦ τοῦ Θεοῦ. Ἄλλά ὁ /βασιλεύς/ δέν ἤκουσε αὐτόν καί πολλούς μετέστρεψε στή θρησκεία αὐτοῦ καί ἐπιχείρησε καί ἄλλους διωγμούς»⁵⁵.

Ἐπιβεβαιώνεται ἀπό δύο ἀκόμη ἔγγραφα γραμμένα μεταξύ τῶν ἐτῶν 1323-1334 ἀπό τόν πατριάρχη τῆς Κωνσταντινούπολης Ἡσαΐα στόν Ἄρμενιο, τόν πατριάρχη Κωνσταντῖνο Δ΄ Λαμπρονασί καί τόν βασιλέα τῆς Κιλικίας, Λέοντα τόν Ε΄. Ὁ πατριάρχης γράφει στόν Ἄρμενιο καθολικό· «Περί μέντοι τῶν ἐνταῦθα Ἄρμενίων, οἵτινες προσετέθησαν εἰς τήν ἡμετέραν ἀγίαν καί καθολικήν ἐκκλησίαν, ἔχετε πληροφορίαν βεβαίαν, ὡς οὐκ ἔκ τινος βίας ἢ ἀνάγκης ἐποίησαν τοῦτο, καθώς ἐγνωρίσατε ὑμεῖς, ἀλλά ἐξ οἰκείας γνώμης, ἐξ οἰκείας προαιρέσεως καί θελήσεως...»⁵⁶. Εἰς δέ τόν Ἄρμενιον βασιλέα ἐπί τοῦ ἰδίου θέματος γράφει τά ἑξῆς· «Περί μέντοι τῶν ἐνταῦθα Ἄρμε-

54. Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικός Φιλολογικός Σύλλογος. Μαυρογορδάτειος βιβλιοθήκη. Ἀνέκδοτα ἑλληνικά συγγράμματα, ἔγγραφα τε καί ἄλλα κείμενα κατ' ἐκλογήν συλλεγόντα ἐκ τῶν ἐν τῇ «Μαυρογορδατεῖῳ βιβλιοθήκῃ» ἀναγραφόμενων χειρογράφων καί νῦν πρῶτον ἐκδιδόμενα ὑπό Α. Παπαδοπούλου τοῦ Κεραμέως, Κωνσταντινούπολη 1884, σ. 63.
55. Βαρδάνης Βαρδαπέτης Ἱστορία, Βενετία 1862, σ. 133 (στά ἀρχαῖα ἀρμενικά).

56. Miklosich-Müller, Acta et diplomata graeca medii aevi, τόμ. Α΄, σ. 161. Migne, Patrologia Graeca, 152, στήλ. 1207-1211.

νίων, οἵτινες προσετέθησαν εἰς τήν ἡμετέραν ἀγίαν καί καθολικήν ἐκκλησίαν, πληροφορηθήτω ἡ ριγική σου ἐξουσία, ὡς οὐκ ἔκ τινος ἀνάγκης ἢ φόβου ἐποίησαν τοῦτο, ἀλλά ἐξ οἰκείας γνώμης καί προαιρέσεως καί θελήσεως...»⁵⁷

Τόν ΙΑ΄ αἰῶνα μνημονεύονται Ἄρμενιοί στή Βάρνα. Στό Βίο τοῦ ἀποθανόντος τό 1100 ἀγίου Κυρίλλου τοῦ Φιλεώτου, πού συντάχθηκε ἀπό τόν Νικόλαο τόν Κατασκεπηνό, γίνεται λόγος γιά τά διαβήματα τοῦ ἀγίου ὅπως οἱ Ἄρμενιοί αὐτοί «ἀπαρνήσασθαι μεν τήν οἰκείαν θρησκείαν, συντάξασθαι δέ τῇ καθολικῇ καί ἀποστολικῇ ἐκκλησίᾳ»⁵⁸, πού σημαίνει ὄτι οἱ Ἄρμενιοί αὐτοί ὁμολογοῦσαν τήν πίστιν τῶν Ἄρμενίων, δηλαδή ἦσαν μονοφυσίτες, «αἵρετικοί» σύμφωνα μέ τήν ἀντίληψη τοῦ ἀγίου.

Μία ἀπό τίς ἀρχαιότερες ἀρμενικές κοινότητες τῆς Θράκης εὐρίσκετο στήν τοποθεσία Μεσήνη, καθώς καί στήν πόλη Βιζύη. Ἐδῶ εἶχαν καταφύγει μεταξύ ἄλλων καί οἱ γονεῖς τῆς ἀγίας Μαρίας τῆς Νέας. Σύμφωνα μέ τόν Βίο τῆς ἀγίας, πού πέθανε τό 902/903, οἱ «κατά τήν Μεγάλην Ἄρμενίαν μέγα δυναμένων... εὐγενῶν καί ἐνδόξων» γονέων τῆς Μαρίας, ἐπί τῆς βασιλείας τοῦ Βασιλείου τοῦ Α΄, κατέφυγαν ἐδῶ⁵⁹. Δέν ὑπάρχει ἀμφιβολία ὄτι ἡ ἀρμενική αὐτή κοινότητα ὑπῆρχε καί πρό τῆς ἐγκαταστάσεως τῶν εὐγενῶν αὐτῶν. Ἀπό τά ὀνόματα τῶν γιῶν τῆς Μαρίας, Βαρδάνη καί Βαάνη, μπορούμε νά συμπεράνουμε, ὄτι οἱ εὐγενεῖς αὐτοί ἀνήκαν στή μεγάλη καί διάσημη φεουδαρχική οἰκογένεια τῶν Μαμικονιδῶν, ἐφόσον τά ὀνόματα αὐτά ἦταν χαρακτηριστικά ἀκριβῶς γιά τήν οἰκογένεια αὐτή. Ὁ Βαρδάνης καί ὁ Βαάνης οἱ Μαμικονίδες ὑπῆρξαν ἡγήτορες τῶν μεγάλων ἐπαναστατικῶν κινήματων τῶν Ἄρμενίων

57. Miklosich-Müller, Acta et diplomata graeca medii aevi, τόμ. Α΄ σ. 163.

58. La Vie de Saint Cyrille le Philéote, Moine byzantin (†1100). Introduction, texte critique, traduction et notes par Etienne Sargologos. Subsidia Hagiographica, No 39, Bruxelles 1964, σ. 126.

59. Vita S. Mariae Iunioris. Acta Sanctorum Novembris. Collecta, digesta, illustrata ab Hippolyto Delehaye et Paulo Peeters, tomus IV, Bruxelles 1925, σ. 692-705· De S. Maria Iunioris matrona Bizyae in Thracia. Commentarius praevius, στό ἴδιο, σ. 688-691· Paul Peeters, Une sainte arménienne oubliée, Sainte Marie la Jenue (†902-903). Recherches d' Histoire et de Philologie Orientales, τόμ. Α΄ Bruxelles 1951, σ. 129-135.

κατά τῶν Σασσανιδῶν τό 451 καί 482. Εἶναι βέβαιο ὅτι οἱ Ἄρμενιοι αὐτοί εἶχαν ἀσπασθεῖ τό δόγμα τῶν ὀρθοδόξων, διαφορετικά ἢ βυζαντινή Ἐκκλησία θά ἦταν ἀδύνατο νά συμπεριλάβει στή χορεία τῶν ἁγίων τῆς τήν Μαρία, καθώς καί νά κάνει μνεία στόν Βίο τοῦ γαμβροῦ τῆς Μαρίας, τοῦ γαιοκτήμονα Βάρδα, ὀρθοδόξου.

Ἔτσι οἱ Ἄρμενιοι ἔδωσαν στό Βυζάντιο ἐκτός τῶν στρατηγῶν, αὐτοκράτορων, καί δύο ἅγιες, τήν ἀναστηλώσασα τίς εἰκόνες τό 843 αὐτοκράτειρα Θεοδώρα καί τήν ἁγία Μαρία τή Νέα.

Στή θρακική παραλία τοῦ Εὐξείνου Πόντου κεῖται ἡ Σωζόπολις. Στήν πόλη αὐτή ἀπό τόν θεῖο τοῦ αὐτοκράτορα Ἰωάννη Ε' τοῦ Παλαιολόγου (1341-1391), Ἀθανάσιο Παλαιολόγο, ἦταν κτισμένη περίφημη μονή «ἡ τιμωμένη εἰς ὄνομα τῶν ἁγίων καί ἐνδόξων πανευφήμων Ἀποστόλων». Ἡ μονή ἦταν ἀρκετά πλούσια, εἶχε πολλά κτήματα. Σέ ἕνα χρυσόβουλλο τοῦ 1363 τοῦ αὐτοκράτορα Ἰωάννη τοῦ Παλαιολόγου, μεταξύ τῶν ἀναθημάτων αὐτοῦ στή μονή, μνημονεύονται δουλοπάροικοι Ἄρμενιοι. Ὁ αὐτοκράτορας γράφει: «Κέκτηται δέ ὁμοίως διά προστάγματος τῆς βασιλείας μου καί τούς ἐκεῖθε ἐξ Ἄρμενίων εὐρισκομένους, διορίζεται ἡ βασιλεία μου διά τοῦ παρόντος χρυσοβούλλου αὐτῆς, ἵνα κατέχη τούτους μετά τῶν εἰρημένων κτημάτων... ἀνενοχλήτως πάντη καί ἀδιασειστως...»⁶⁰ Εἶναι ἀδύνατον οἱ Ἄρμενιοι αὐτοί, ὡς δουλοπάροικοι, νά μεταφέρθηκαν ἐδῶ ἀπό ἄλλοῦ. Φυσικά πρέπει νά ἦταν κάτοικοι τῆς Σωζόπολης ἢ τῆς περιοχῆς, γεγονός πού φανερώνει ὅτι καί ἐδῶ ὑπῆρχε ἄρμενική κοινότητα, φυσικά, ὄχι ἐξ ὀλοκλήρου ἐκ δουλοπαροίκων ἀποτελουμένη.

Ὁ ἀρχιμανδρίτης Νικόλαος Βαφείδης ἔχει γράψει μιά ἀξιόλογη διατριβή: «Ἱστορία τῆς ἄρμενικῆς κοινότητος Διδυμοτείχου καί ὁ βυζαντινός ναός τοῦ ἁγίου Γεωργίου

60. *Ι. Σακκελίωτος*, Ἰωάννου Ε' καί Ἰωάννου Ζ' τῶν Παλαιολόγων χρυσόβουλλον καί ἀργυρόβουλλον περί τῆς κατά τήν Σωζόπολιν μονῆς τοῦ Προδρόμου, *Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καί Ἐθνολογικῆς Ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος*, 2, 8 (1889), σ. 614-615. *Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως*, Ἡ ἐν τῷ νησίῳ Σωζοπόλεως βασιλική μονή Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου καί ἡ τύχη τῆς βιβλιοθήκης αὐτῆς, *Βυζαντινά Χρονικά τῆς Πετρούπολης*, τόμ. Ζ' τεύχ. 4, 1900, σ. 664, 668.

τοῦ Παλαιοκαστροῦ»⁶¹. Ἐχοντας ὑπ' ὄψη τό γεγονός, ὅτι Ἄρμενιοι ἐγκαταστάθηκαν στή Θράκη ἀκόμη ἐπί Μαυρικίου καί βασιζόμενος στό τοπωνύμιο Ἄρμενα τοῦ Διδυμοτείχου, τό ὁποῖο ἐπί τουρκοκρατίας μετετράπη σέ Ἐρμενίκιοι, ὑποθέτει ὅτι ἡ ἄρμενική κοινότητα τῆς πόλης αὐτῆς ὑπῆρχε καί ἐπί Βυζαντινῶν.

Περί ὑπαρξῆς ἄρμενικῆς κοινότητος στίς Σέρρες μαρτυρεῖ τό γεγονός, ὅτι «ἐν τῷ μέσῳ πού τῆς νοτίας πλευρᾶς τῆς ἀκροπόλεως (τῶν Σερρῶν) κεῖται καί ἡ κοινῶς λεγομένη Ἄρμενόπετρα, μέγας βράχος... Ἐν τῷ οὐ μακράν κειμένῳ ναῷ τοῦ Ἁγίου Ταξιάρχου ὑπάρχει ἀρχαία... εἰκὼν Παναγίας τῆς Ἄρμενοκρατούσης· πάλιν ἐν Μακεδονία ἄρμενο(ν) σημαίνει χορτάριον τι καί ἄρμενόξυλον, ξύλον τι, διδόμενα εἰς τὰς ἀρτιτόκους γυναῖκας καί τὰ νήπια, τό δέ ἄρμενίζειν ῥῆμα λέγεται ἐπί τῶν (κατά τόκον) τὰς φρένας παθουσῶν γυναικῶν (ἡ γυναῖκα ἄρμένισε)»⁶².

Ἀπό ἕνα ἔγγραφο τοῦ 1079, στή Ραιδεστό μνημονεύεται «Λεύκη τῶν Ἄρμενίων», ὅπως φαίνεται κώμη μέ τό ὄνομα αὐτό⁶³.

Πολυάριθμες ἄρμενικές κοινότητες ὑπῆρχαν στή Μακεδονία. Ἡ μεγαλύτερη, βέβαια, ἦταν αὐτή τῆς Θεσσαλονίκης. Ὁ μητροπολίτης τῆς πόλης αὐτῆς Εὐστάθιος (γεννήθηκε γύρω στό 1125, πέθανε τό 1194) γράφοντας γιά τήν ἄλωση τῆς πόλης ἀπό τούς Νορμανδούς τό 1185, μνημονεύει ἄρμενικές κοινότητες στή Θεσσαλονίκη καί στίς πλησίον αὐτῆς τοποθεσίες Κράνια καί Ζεμένικος. Σύμφωνα μέ

61. *Θρακικά* 8 (1937), σ. 318-319.

62. *Π.Ν. Παπαγεωργίου*, Αἱ Σέρραι καί τὰ προάστεια τὰ περί τὰς Σέρρας καί ἡ μονή Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου. Συμβολή ἱστορική καί ἀρχαιολογική, *Byzantinische Zeitschrift* 3 (1894), σ. 242-243. *Τοῦ ἴδιου*, Περί τῶν σημασιῶν τοῦ ῥήματος ἄρμενίζω, *Ἀθηνᾶ* 24 (1912), σ. 459-468. βλ. καί *Στυλιανοῦ Βίου*, *Χιακαί παραδόσεις*, *Λαογραφία* 8 (1921-1925) σ. 436-446. *Στίλπωνος Π. Κυριακίδου*, Παρατηρήσεις εἰς τὰς χιακάς παραδόσεις. *Στ. Βίου*. ὁ.π., σ. 447-487. *Philip P. Argenti and H.J. Rose*, *The Folklore of Chios*, τόμ. Α'-Β', Cambridge University Press 1949. Κριτικό ἄρθρο περί τοῦ βιβλίου αὐτοῦ δημοσίευσε ἡ Αἰμιλία Σάρρου στήν *Ἐπετηρίδα Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν* 19 (1949), σ. 344-350. Ἀπό τίς ἀρχαιότερες μνείες τῶν δεισιδαιμονιῶν αὐτῶν βλ. *Michaelis Pselli Dialogus de daemonum energia*. *Migne, Patrologia Graeca*. 122, στήλ. 857-860.

63. *Miklosich-Müller*, *Acta et diplomata graeca*, τόμ. Ε', σ. 145.

αὐτόν, οἱ Ἀρμένιοι αὐτοὶ ἦταν μονοφυσίτες καὶ ἔμποροι καὶ εἶχαν κῦρος στή πόλη⁶⁴. Μία ἑκατονταετηρίδα μετὰ, τὸ 1277, σέ ἓνα ἔγγραφο τοῦ αὐτοκράτορα Μιχαήλ Η' τοῦ Παλαιολόγου στόν δόγη τῆς Βενετίας ἀναφορικά μέ τά πρόνομα πού αὐτός ἔδινε στούς Βενετσιάνους ἔμπόρους, μεταξὺ ἄλλων γράφεται: «Ἴνα δέ δώσει αὐτοῖς ἡ βασιλεία μου καὶ ἐκκλησίας δύο ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει... καὶ ἐν τῇ πόλει Θεσσαλονίκη τὴν ἐκκλησίαν ἣν κατεῖχον οἱ Ἀρμένιοι καὶ περίξ τῆς τοιαύτης ἐκκλησίας ὁσπίτια οὕτως, ἡγουν ἐν χάριν καταμονῆς τοῦ κονσοῦλου, ἕτερον ἐν χάριν καταμονῆς τῶν συμβούλων αὐτοῦ καὶ ἕτερον ἐν χάριν ἀποθήκης τοῦ πράγματος τοῦ κομουνίου τῆς Βενετίας...»⁶⁵.

Τελευταία, τὸ 1981, ὁ Νοτιοσλαῦος ἱστορικός, Β. Μόσιν, ἔδημοσίευσε μία «μυστήρια» – ὅπως τὴν ἐχαρακτήρισε – ἐπιγραφή πού βρέθηκε στό Περγλεπέ-Πρίλαπο τῆς Μακεδονίας. Αὐτὴ εἶναι λαξευμένη ἐπὶ ἀρχαίας ἑλληνικῆς ἐπιγραφῆς, καὶ πολὺ σωστά θεωρεῖται ἀρμενική. Ὁ Μόσιν ἂν καὶ δέν ξέρει ἀρμενικά, τὴν ἐκρουπτογράφησε ἀρκετά σωστά⁶⁶. Μεταφράζουμε στά ἑλληνικά τὴν ἀρμενική αὐτὴ ἐπιγραφή: *Εὐχαριστίαν τῇ ἀγίᾳ Θεοτόκῳ δότε. Ἔτει 651 (+551=1202· ἡ χρονολόγησις τοῦ Mosin εἶναι τυπογραφικὸ παρόραμα). Οὗτος οἶκος τῶν ἀγίων Ἀποστόλων ἐστίν. Οἱ ψάλλοντες ἐν τῷ ἀγίῳ καθαρτηρίῳ παρὰ Χριστοῦ τῶν τοῦ ψευδοἰερέως κύρ Ἀθανασίου ἁμαρτιῶν ἄφεσιν ἐκλιπαρήσατε, μνημονεύσατε αὐτόν καὶ ὁ Κύριος ὑμᾶς ἐλεήσει. Ἀμήν».*

Στὴ βορειο-ανατολικὴ Σερβία, στὴ μονὴ Βιτόβνιτσα, 10 χιλιόμετρα ἀνατολικά τῆς Πέτροβτσας, τὸ 1948 ἀνακαλύφθηκε μιὰ ἀρμενική ἐπιγραφή τοῦ 667 (+551=1218), ἀπὸ ὅπου μαθαίνουμε, ὅτι κάποιος Lado, γιὸς τοῦ Babik, ἔκτισε ἀρμενική ἐκκλησία ἀφιερωμένη στόν ἅγιον Ἰάκωβο καὶ τόν

64. *Eustathii Metropolitae Thessalonicensis Opuscula*, ἔκδ. Theophil. Lucas Frider. Tafel, Amsterdam 1964, XXV. De Thessalonica urbe a Latinis capta Narratio, σ. 298-299.

65. *Miklosich-Müller, Acta et diplomata graeca*, τόμ. Γ' Vindobonae 1865, σ. 89.

66. V. Mošin, Prilepsko-Varoškiot tainstveh natpis na edia antična ploča. Spomeničk za srednovekovnata i ponovata istorija na Makedonija, tom. IV. Skopje 1981.

ἀπόστολο ἅγιον Πέτρο, εἰς μνήμην αὐτοῦ (τοῦ Lado) καὶ τῶν γονέων του, γεγονός πού μαρτυρεῖ γιὰ ὑπαρξὴ ἀρμενικῆς κοινότητος τόν ΙΓ' αἰῶνα στήν περιφέρεια αὐτή. (G. Bošković, Srednevekovni Spomeniči severoistočne Srbije. Srpska Akademija Nauka. Statinar organ Arheološkog Instituta. Nova serija, kn. 1, Beograd 1950, σ. 185-187).

Ἐάν στή τοποθεσία αὐτὴ ὑπάρχει λειτουργοῦσα ἀρμενική ἐκκλησία σημαίνει, ὅτι ὑπῆρχε καὶ ἀρμενικὴ κοινότητα. Φυσικά, γεννᾶται τὸ ἐρώτημα ἂν ἡ κοινότης αὐτὴ ὑπῆρχε στὴ βυζαντινὴ ἐποχὴ, ἢ ἂν εἶναι μεταγενέστερη. Ἐνα δεδομένο ὅμως μᾶς δίνει τὸ δικαίωμα νὰ ὑποθέσουμε ὑπαρξὴ τέτοιας, τουλάχιστον στίς ἀρχές τοῦ ΙΑ' αἰῶνα. Σέ ἓνα χειρόγραφο τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννη Σκυλίτζη (Vind. Hist. gr. 74) τοῦ ΙΔ' αἰῶνα, ἀπαντοῦν παρεμβολές τοῦ ἐπισκόπου Διαδόλεως (Σελασφόρου) Μιχαήλ, τοῦ 1118, ὅπου διαβάζουμε, ὅτι ὁ βασιλιάς τῆς Βουλγαρίας Σαμουήλ αἰχμαλώτισε πολλοὺς Ρωμαίους στρατιῶτες καὶ τοὺς ἐγκατάστησε στά πλαίσια τοῦ κράτους του: «ἦσαν γάρ πολλοὶ (αἰχμάλωτοι στρατιῶτες) ἐκ τε Ρωμαίων καὶ Ἀρμενίων ἐν τε Πελαγονία καὶ Πρέσπα καὶ τῇ Ἀχρίδι ὑπὸ Σαμουήλ κατρωκισάμενοι, ὧν ἐπισημότετοι οἱ Βασιλείου τοῦ Ἀποκάπ' παῖδες Γρηγορᾶς καί...»⁶⁷.

Ἄν καὶ δέν δύναται νὰ γίνῃ λόγος γιὰ ἀρμενικὴ κοινότητα στόν Ἄθω, Ἀρμένιοι μοναχοὶ καὶ ἀρμενικὲς μονές ἀπαντοῦν ἐδῶ ἀπὸ πολὺ παλαιά. Πάνω ἀπὸ ἓνα αἰῶνα πρὸ τῆς ἰδρύσεως τῆς μονῆς τῆς Μεγίστης Λαύρας, στίς πηγές μνημονεύεται Ἀρμένιος τις ἀσκητῆς ὀνόματι Ἰωσήφ⁶⁸. Σύμφωνα με τόν Βίο τοῦ ἀγίου Ἀθανασίου τοῦ Ἀθωνίτη, ἀμέσως μετὰ τὴν ἰδρυση τοῦ Ἄθω, ἀπαντοῦν ἐδῶ Ἀρμένιοι καὶ μονές αὐτῶν⁶⁹.

Κατὰ τά τέλη τοῦ Ι' αἰῶνα ἓνας Ἀρμένιος ἀριστοκράτης, ὁ Ἰωάννης Τορνίκιος, ἔγινε μοναχός καὶ ἐγκαταστάθηκε στόν Ἄθω⁷⁰. Ἐπὶ Ρωμανοῦ Γ' τοῦ Ἀργυροῦ (1028-1034), σύμφωνα μέ τόν Ἰωάννη Σκυλίτζη, «Γεώργιός τε καὶ Βα-

67. Στό κείμενο lacuna. *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*, editio princeps. Recensuit Ioannes Thurn. Berolini et Novi Eboraci 1973, σ. 363.

68. *Denise Parachryssanthou, Actes Prôtaton*, σ. 29-30.

69. Ὁ.π., σ. 272-273.

70. N. Adontz, *Études arméno-byzantines*, Lisbonne 1965, σ. 299-310.

ραζβατζέ ὁ ἐν τῷ ὄρει τῷ Ἄθω τὴν τῶν Ἰθῆρων (δηλαδή Ἀρμενίων χαλκηδονιτῶν) μονὴν συστησάμενος»⁷¹.

Ἐάν μέχρι τώρα οἱ Ἀρμένιοι στὸν Ἄθω ἦσαν ἀπλοὶ μοναχοὶ ἢ ἡγούμενοι μονῆς, περὶ τὸ 1035 φαίνεται ὅτι αὐτοὶ ἡγοῦνται πασῶν τῶν μονῶν τοῦ Ἁγίου Ὄρους. Σέ ἓνα ἔγγραφο τῆς Μεγίστης Λαύρας, ἡμερομηνίας Ἀπριλίου τοῦ 1035, μεταξύ πολλῶν ὑπογραφῶν μοναχῶν, ἡγουμένων, ἀπαντᾶ ἢ τοῦ Πρώτου τοῦ Ἄθω, Θεοκτίστου. Ἀλλά κάτω ἀπὸ τὴν ἑλληνικὴ του ὑπογραφή ἀπαντοῦν καὶ δυσανάγνωστα, ὄχι ἑλληνικά γράμματα. Ὁ Paul Lemerle, νομίζοντας ὅτι εἶναι ἰθνηρικά, ἀπευθύνθηκε σὲ Γεωργιανούς ἐπιστήμονες, οἱ ὁποῖοι τοῦ ἀπάντησαν ἀρνητικά. Ὁ Lemerle τὴν φωτοτυπία τοῦ ἔγγραφου ἔστειλε σὴν ταπεινότητά μου, ἢ ὁποῖα διάβασε ἀρμενιστί· ὑπεγράφη διὰ τῆς ἐμῆς χειρός. Θεόκτιστος⁷². Αὐτὸ σημαίνει ὄχι μόνον ὅτι, ὅπως εἶπαμε, ἢ ἡγεσία τοῦ Ἄθω εὕρισκετο εἰς τὰς χεῖρας Ἀρμενίου, ἀλλὰ καὶ ὅτι ὁ Ἀρμένιος αὐτὸς δὲν εἶχε ἀπολέσει τὴν ἐθνικὴ του ταυτότητα.

Ὁ Θεόκτιστος αὐτὸς ὡς Πρῶτος τοῦ Ἁγίου Ὄρους μνημονεύεται καὶ σὲ ἓνα ἔγγραφο τοῦ 1037⁷³. Ἡ σταδιοδρομία τοῦ μοναχοῦ Θεοκτίστου εἶναι γνωστὴ ἀπὸ ἄλλα ἔγγραφα. Κατὰ τὰ τέλη τοῦ Ι' αἰῶνα αὐτὸς ἦταν μοναχός, καὶ ἤδη ἀπὸ τὸ 1015 ἕως τὸ 1030 ἡγούμενος τῆς μονῆς τοῦ Ἐσφιγμένου, ἐνῶ τὸ 1040-1041 ὁ Θεόκτιστος ἦταν ἤδη ἐκλιπών⁷⁴.

Τὴν ἐποχὴ αὐτὴ στὸν Ἄθω ἀπαντᾶ ἓνας ἄλλος Ἀρμένιος, ὁ Ἰωάννης Πετρόσης, ἀπὸ τὴν ἀριστοκρατικὴ οἰκογένεια τοῦ Σμπάτ Πετρόση, πού ἦταν στρατηγός τῆς πόλης Ἄπρος τῆς Θράκης γύρω στὸ 1064⁷⁵. Σέ ἓνα δὲ ἔγγραφο τῆς Μεγίστης Λαύρας τοῦ Ἄθω τοῦ 1023 ἢ τοῦ 1038 γίνεται καὶ μνεῖα μονῆς τοῦ Ἀρμενίου ἢ Ἀρμένου στὸ Ξηρόκα-

71. *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*, editio princeps. Recensuit Ioannes Thurn. Berolini et Novi Eboraci 1973, σ. 377.

72. *Archives de l' Athos*, τόμ. Ε', Actes de Lavra I. Des origines à 1204, par P. Lemerle, N. Svoronos, A. Guillou, avec la collaboration de D. Papatryssanthou, Paris 1970 (No XXIII).

73. A.P. Kazdan, *Esfigmenskaja gramota 1037 g. i dejatelnost Feoktista. Vestnik Erevanskogo Universiteta*, No 3, 1974, σ. 236-238.

74. D. Nastase, *Les débuts de la communauté oecumenique du Mont Athos. Σύμμεικτα* 6 (1985), σ. 278-280.

75. A.P. Kazdan, *Grečeskaja nadpis XI v.s upominanien armjanina-stratiga, Istroriko-Filologičeskii žurnal akademii Nauk Armjanskoi CCP*, No 2,

στο⁷⁶. Κατὰ τὴν εἰκασία τοῦ Δ. Ναστάσε, ἢ μονὴ αὐτὴ συστάθηκε ἀμέσως, μετὰ τὴν κατάληψη τῆς ἀρμενικῆς ἐπαρχίας τοῦ Ταρῶν ἀπὸ τὸν Νικηφόρο Β' τὸν Φωκᾶ τὸ 967, ἀπὸ μετοικισθέντες ἐδῶ Ἀρμενίους μοναχοὺς τοῦ Ταρῶν⁷⁷.

Τέλος, καὶ ὁ κύριος τῆς μονῆς τοῦ Πιθαρά πλησίον τῶν Καρυῶν τοῦ Ἄθω ἦταν Ἀρμένιος. Σύμφωνα μέ ἓνα ἔγγραφο τοῦ 1024, αὐτὸς ἦταν ὁ Τορνίκιος Κοντολέων, πρωτοσπαθᾶριος καὶ στρατηγός τοῦ θέματος Ἑλλάδος⁷⁸.

Ὅλοι αὐτοὶ οἱ Ἀρμένιοι, βεβαίως, ἦταν χαλκηδονίτες, δηλαδή ὀρθόδοξοι. Ἀλλὰ ὑπάρχουν καὶ δεδομένα, τὰ ὁποῖα μαρτυροῦν τὴν παρουσία καὶ Ἀρμενίων μονοφυσιτῶν. Τουλάχιστον ἢ ἐπιστολὴ τοῦ πατριάρχη τῆς Κωνσταντινούπολης Νικολάου πρὸς τὸν Πρῶτον τοῦ Ἄθω, ὅπου ἀπαντᾶν Ἀρμένιοι Ἀρτζιζούριοι στὸν Ἄθω⁷⁹, ἐπιβεβαιώνει τὴν εἰκασία αὐτὴ.

Εἶναι ἀρκετὰ τὰ δεδομένα τῶν πηγῶν γιὰ τὴν παρουσία ἀρμενικῶν κοινοτήτων καὶ σὴν Ἡπειρο. Σέ διάφορα ἔγγραφα, δημοσιευθέντα ἀπὸ τοὺς Miklosich-Müller, γίνεται λόγος γιὰ τὴν ὑποκείμενη σὴν ἐπισκοπὴ Κεφαλληνίας περιοχὴ τῆς Αὐλῶνος. Στὴ μονὴ τῶν ἁγίων Ἀναργύρων κατὰ ἓνα ἔγγραφο τοῦ 1262, ἓνα ἀμπέλι ἔχει δωρήσει «ὁ κύριος Ἀρτάβασδος τοῦ Μανδακίου», ὅπως φαίνεται τῆς μεγάλης ἀρμενικῆς φεουδαρχικῆς οἰκογένειας τῶν Μανδακουνί. Μνημονεύονται ἐδῶ καὶ «χωράφιον τὸ ἐπιλεγόμενον τῶν Ἀρμενάδων», «θέσις τῶν Ἀρμενάδων» «ρουποτόπιον τῶν Ἀρμενάδων» καὶ «ἕτερον τοῦ Ἀρμένου»⁸⁰.

Ἐάν λάβουμε ὑπ' ὄψιν τὸ γεγονός, ὅτι τὸν ἀρχιεπίσκοπο

1973, σ. 189. *Τοῦ ἴδιου*, *The Armenians in the Byzantine Ruling Class, predominantly in the Ninth through Twelfth Centuries*, σ. 441.

76. *Actes de Lavra. Ier Patrie. Des origines a 1204. Texte*, Paris 1970, σ. 49.

77. D. Nastase, *Les débuts de la communauté oecumenique du Mont Athos*, σ. 280.

78. Ὁ.π., σ. 281.

79. *Nicolai sanctissimi patriarchae Constantinopolitani opus ad praepositum Sancti Montis*. Migne, *Patrologia Graeca*, 111, στήλ. 404.

80. *Miklosich-Müller, Acta et diplomata graeca*, τόμ. Ε' *Vindobonae* 1887, σ. 42, 56-57, 62.

Δυρραχίου Καβάσιλα (τέλη τοῦ ΙΒ΄ αἰώνα) ἀπασχολοῦσε τό ζήτημα ἄν θά δώσει ἄδεια στούς Ἀρμενίους νά κτίσουν ἐκκλησίες ἢ ὄχι, σημαίνει ὅτι κοινότης Ἀρμενίων τήν ἐποχή αὐτή ὑπῆρχε καί στό Δυρράχιο.

Περισσότερες εἶναι οἱ πληροφορίες γιά τίς ἄρμενικές κοινότητες τῆς Θεσσαλίας. Σέ ἓνα καταθετικό γράμμα τοῦ ἱερομονάχου Κυπριανοῦ τοῦ 1276, ἀναφέρονται τά κτήματα τῆς μονῆς τῆς Θεοτόκου Μακρινιτίσσης παρά τήν Δημητριάδα Θεσσαλίας, μνημονεύεται «τό μέρος τό ἀποβλέπον τό Ἀρμενονῆσιν...»⁸¹.

Γιά ὑπαρξη ἄρμενικῆς κοινότητος στή Θεσσαλία, πῶς συγκεκριμένως στήν περιοχή τοῦ Ἀλμυροῦ, μαρτυρεῖ τοποθεσία ὀνομαζομένη «τῶν Ταρωνάτων», μνημονευομένη σέ ἓνα χρυσόβουλλο τοῦ Ἀνδρονίκου Β΄ τοῦ Παλαιολόγου τοῦ 1289⁸². Δέν ξέρουμε πότε συστάθηκε, ἀλλά εἶναι γεγονός, ὅτι εἶχε πολύ μακρό βίο. Δύο αἰῶνες μετά τό χρυσόβουλλο τοῦ Ἀνδρονίκου Παλαιολόγου, αὐτή μνημονεύεται καί πάλιν, καί γίνεται γνωστό, ὅτι συνίστατο ἀπό Ἀρμενίους μονοφυσιίτες. Ὁ λόγος ἀφορᾷ μιά ἐπιστολή τοῦ πατριάρχη Κωνσταντινουπόλεως, Μαξίμου τοῦ Γ΄, γραμμένη τό 1480 πρός στόν δόγη τῆς Βενετίας. Μνημονεύεται ἄρμενική μονοφυσιτική κοινότητα στή Μεγάλη Βλαχία, ὅπως ὀνομάζονταν τότε ἡ Θεσσαλία. Στό ἐγγραφο ἀναφέρεται, ὅτι «ἐν τῇ Μεγάλῃ Βλαχίᾳ διάζωνται τοὺς Ἀρμενίους ἵνα ὀρθοδόξους ποιήσωσι»⁸³. Ἀκριβῶς στήν περιοχή αὐτή, στόν Ἀλμυρό τῆς Θεσσαλίας, τό 1900 ὁ Ν. Γιαννόπουλος, σέ ἓνα κελλί τῆς ἐκκλησίας τοῦ ἁγίου Ἰωάννη τοῦ Προδρόμου, ἀνακάλυψε μιά μεγάλη ἐπιτύμβια ἐπιγραφή μέ ἄγνωστη γραφή. Μεταξύ τῶν μελετητῶν ἄρχισε ἓνας συναγωνισμός, ποιός θά τήν ἀποκρυπτογραφήσει πρῶτος. Κατ' ἀρχήν ἡ ἐπιγραφή ἐθεωρήθη αἰθιοπική, ὁ δέ ἐν Βόλῳ

81. Miklosich-Müller, Acta et diplomata, τόμ. Δ΄, σ. 421. Πρβλ. Ν. Γιαννόπουλου, Αἱ παρά τήν Δημητριάδα δυζαντιναί μοναί, Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν 1 (1924), σ. 220.

82. Σπ. Λάμπρου, Ἀνέκδοτον χρυσόβουλλον τοῦ αὐτοκράτορος Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου (1289), Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καί Ἐθνολογικῆς Ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος, 1 (1883), σ. 119.

83. Ν.Ι. Γιαννόπουλου. Ἡ Μεσαιωνική Φθιώτις καί τά ἐν αὐτῇ μνημεῖα. Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καί Ἐθνολογικῆς Ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος 8 (1922), σ. 85-93.

φιλάρχαιος Πάτροκλος Παλαμηδᾶς στό περιοδικό Προμηθεύς (παράρτημα τοῦ ἀριθμ. 154 φύλλου τοῦ 1901, σ. 10-13) τήν θεώρησε πελασγική, μέχρις ὅτου ἓνας Ἀρμένιος ὄνοματι Μορουκιάν, ἀντιπρόσωπος τοῦ ἐμπορικοῦ οἴκου κωνων Σαρκισιάν στό Βόλο, διάβασε· Οὗτος ἐστίν ὁ τάφος τοῦ Καραπέτ, υἱοῦ τοῦ Ἀθάκ, ἀπό τό Dašt Ἔτος 1140 (= 1691). Τό Dašt εἶναι ἄρμενική πόλη στό Ναχιτσεβάν.

Βέβαια εἶναι δύσκολο νά ποῦμε, ὅτι ὁ Καραπέτ αὐτός ἀνήκει στήν κοινότητα τῶν Ἀρμενίων, μνημονευομένη στό ἐγγραφο τοῦ πατριάρχη Μαξίμου, ἀλλά καί δέν ἀποκλείεται κάτι τέτοιο. Εἶναι ἐνδιαφέρον νά σημειώσουμε ὅτι στή συλλογή τῆς Ἐταιρείας Ὁθρυος εὗρισκετο ἄρμενικό χάλκινο νόμισμα, ἀνακαλυφθέν στόν Πλάτανο τῆς Θεσσαλίας καί κοπέν ἀπό τόν βασιλέα τῆς Ἀρμενοκιλικίας, Χετούμ τόν Α΄, καί τόν σουλτάνο τοῦ Ἰκονίου, Κάϊ-Χοσρόη τόν Β΄, μεταξύ τῶν ἐτῶν 1240-1245⁸⁴. Αὐτό δηλώνει περί τῶν σχέσεων τῆς Θεσσαλίας, ὅτι εἶναι δυνατόν νά ὑπῆρξαν ἐπαφές μεταξύ τῶν Ἀρμενίων τῆς Θεσσαλίας καί τοῦ ἄρμενικοῦ κράτους τῆς Κιλικίας. Τέλος κόμη μέ τήν ὀνομασία Ἀρμένι ὑπῆρχε πλησίον τῆς Λάρισας⁸⁵.

Γιά τήν παρουσία Ἀρμενίων στήν Αἰτωλοακαρνανία μαρτυρεῖ ἡ τοποθεσία ὀνομαζομένη Βαρδάνι, πού ἀπαντᾷ σέ ἓνα ἐγγραφο τοῦ αὐτοκράτορα Ἀνδρονίκου τοῦ Γ΄ τοῦ 1336, ὑποκείμενη στήν ἐπισκοπή Σταγῶν. Ἡ τοποθεσία του διευκρινίζεται ἀπό τό ἐγγραφο αὐτό· «καί περᾷ τόν Ἀχελῶον ποταμόν, καί καταντᾷ εἰς τό χωρίον τό λεγόμενον Μουσίγια, καί ἀνέρχεται εἰς τό Μυρόκοβον καί εἰς τά Κορνήσια, καί ἀναβαίνει εἰς τό βουνόν, καί καταβαίνει εἰς τό/ χωρίον τό λεγόμενον Βαρδάνι...»⁸⁶.

Ἀρμενικές κοινότητες στή βυζαντινή ἐποχή ὑπῆρχαν καί στά ἑλληνικά νησιά. Γιά τή παρουσία τους στή Χίο μαρτυροῦν πάμπολλα τοπωνύμια, ὅπως τοῦ Ἀρμένη, Ἀρμενιά, Ἀρμένηδες, Ἀρμενόλακκος, Ἀρμενοπόταμος, τ' Ἀρμένη τό πηγάδι, τ' Ἀρμένη ἡ βρύση, καθώς καί τά παραμύθια,

84. Ν. Γιαννόπουλου, ὁ.π.,

85. Δημ. Σ. Λουκάτου, Ἀργαίαι καί ἄγιοι τιμωροί. Ἐπετηρίς τοῦ Κέντρου Ἐρεῦνης τῆς Ἑλληνικῆς Λαογραφίας (πρῶτην Ἐπετηρίδα τοῦ Λαογραφικοῦ Ἀρχείου) 20-21 (1967-1969), σ. 94.

86. Miklosich-Müller, Acta et diplomata graeca, τόμ. Ε΄ σ. 272.

ή λαϊκή ποίηση και οι λαϊκές δοξασίες. Ὁ δέ μυθικός και τρομερός βασιλιάς τῆς νήσου Δράκων λέγεται ὅτι ἦταν και βασιλιάς τῆς Ἀρμενίας⁸⁷.

Γιά ἄρμενική κοινότητα στήν Εὐβοία τά ιστορικά δεδομένα εἶναι λίγα. Εἶναι γνωστό, ὅτι τό 1414 Ἀρμένιος τις Ἀβραάμ Ἀντερών ἀπό τήν Τραπεζούντα, παρακάλεσε τόν δόγη τῆς Βενετίας ὅπως ἐπιτρέψει σέ 880 ἄρμενικές οἰκογένειες νά ἐγκατασταθοῦν στήν Κρήτη γιά νά λυτρωθοῦν ἀπό τίς θηριαδιές τῶν Τούρκων. Ὁ δόγης πρότεινε σ' αὐτούς τήν Κρήτη ἢ τήν Εὐβοία (Negropont)⁸⁸. Δέν εἶναι γνωστό ἂν αὐτοί ἐγκαταστάθηκαν στήν Εὐβοία ἢ ὄχι. Ἀλλά γιά τήν παρουσία Ἀρμενίων στή νήσο μαρτυροῦν τοπωνύμια. Ὁ Βενετός χρονικογράφος Μαρίνος Σανουῦδος στήν *Istoria del regno di Romania* σημείωνε χωριό, βορειοδυτικά τῆς Καρύστου, μέ τό ὄνομα Armena. Στόν ΝΑ λόφο πάνω ἀπό τά Στύρα, στό Διακόφτι, ὑπάρχει και κάστρο τῶν Ἀρμενίων (Ἀρμάνων - Armeno - Armena - Larmena - Armenia)⁸⁹.

Ἔχουμε και πληροφορίες γιά μετοικεσία Ἀρμενίων στήν Κῶ, ἢ ὁποία κατά τόν ΙΓ' και ΙΔ' αἰῶνα εἶχε γίνει καταφύγιο τῶν ἐκ Μικρᾶς Ἀσίας διωκομένων. Τό 1366 μαρτυρεῖται ὁμαδική μετοικεσία Ἀρμενίων στή νήσο αὐτή.⁹⁰

Μία ἀπό τίς πιό μεγάλες και μακροχρόνιες ἄρμενικές κοινότητες τῆς Ἑλλάδος εἶναι αὐτή τῆς Κρήτης. Ὅπως εἶναι γνωστό, οἱ Ἀραβες τῆς Ἰσπανίας, ἐπωφελοῦμενοι τῆς ἀσταθοῦς πολιτικῆς κατάστασης τοῦ Βυζαντίου στά χρόνια τῆς ἐπανάστασης τοῦ Θωμᾶ τοῦ Ἀρμενίου (821-823) κυ-

87. Αἰμιλία Σάρου, κριτικό ἄρθρο γιά τό βιβλίο τῶν P. Argent και H. Rose, *The Folklore of Chios*, Ἐπετ. Ἐταιρ. Βυζ. Σπουδῶν, 19 (1949), σ. 346. Γιά τίς δεισιδαιμονίες τῆς Χίου σχετικές μέ τούς Ἀρμενίους δ.π. σ. 31, ὑποσ. 1.

88. Ν. Τωμαδάκη, Συμβολή εἰς τήν μελέτην τῶν σλαβικῶν, ἄρμενικῶν και τουρκικῶν ἐποικήσεων ἐν Κρήτη, Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Κρητικῶν Σπουδῶν, 2 (1938), σ. 16.

89. Σπ. Λάμπρου, Τά Ἀρμενα τῆς Εὐβοίας, *Νέος Ἑλληνομνήμων* 5 (1908), σ. 488-489. Θ.Ι. Σκουρᾶ, Ὀχυρώσεις στήν Εὐβοία (μερικές λύσεις στά τοπογραφικά τους προβλήματα), *Ἀρχεῖον Εὐβοικῶν Μελετῶν* 20 (1975), σ. 381.

90. Βυζαντινά ἔγγραφα Πάτμου. Α': Αὐτοκρατορικά. Διπλωματική ἔκδοσις ὑπό Ἔρας Α. Βρανούση, Ἀθήνα 1980, σ. 110.

ρίευσαν περί τό 824 τήν μεγαλόνησο. Αὐτή ἐπί 130 περίπου χρόνια βρισκόταν ὑπό τό ζυγό αὐτῶν και ἀπελευθερώθηκε τό 961 ἀπό τόν Ἀρμένιο στρατηγό - λίγο μετά αὐτοκράτορα - Νικηφόρο τόν Φωκᾶ. Ἀκόμη ἐπί Λέοντα ΣΤ' τοῦ Σοφοῦ οἱ Βυζαντινοί ἀποπειράθηκαν νά καταλάβουν τήν Κρήτη. Μεταξύ τῶν Βυζαντινῶν στρατιωτῶν, σύμφωνα μέ τά δεδομένα τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογέννητου, ἦταν 1000 Ἀρμένιοι ἀπό τό θέμα τῆς Σεβαστείας και 500 Ἀρμένιοι ἀπό τό Πλατάνιο. Κατά τήν ἀπόπειρα τοῦ 949, ἀπό τό θέμα τῶν Ἀνατολικῶν ἔλαβαν μέρος 1000 Ἀρμένιοι, 600 ἀπό τό θέμα τῶν Θρακησίων καθώς και ἀπό τό θέμα Χαρπεζικίου⁹¹. Ὁ Νικηφόρος Φωκᾶς γιά νά πυκνώσει τόν ἀραιοθέντα χριστιανικό πληθυσμό τῆς Κρήτης, μετοικίζει ἐδῶ μεταξύ ἄλλων και μέγα ἀριθμόν Ἀρμενίων, περί τοῦ ὁποίου μαρτυροῦν και πάμπολλα τοπωνύμια, ὅπως Ἀρμένιοι στόν Ἀποκώρονο, Ρεθύμνη και Σητεία, Ἀρμενικά στό Ἀμάριο, Ἀρμενοχωριό στό Κίσαμο, Ἀρμανώγεια στό Μονοφάτσι, Ἀρμενόκαμπος στή Σλαβοπούλα Σελίνου, Ἀρμενοκαστέλλι στή Ρέθυμνο, Ἀρμενόπετρα στό Βίαννο⁹².

Ἀρμένιοι ἐγκαταστάθηκαν στήν Κρήτη και τό 1363. Ἀπό ἓνα ἔγγραφο τῆς Βενετικῆς Γερουσίας γίνεται γνωστό ὅτι ἓνας Ἀρμένιος ἀρχιεπίσκοπος, παρουσιαζόμενος στόν Δόγη, ἀνέφερε ὅτι δύο χιλιάδες Ἀρμενίων, ἐκτός τῶν ὑπηρετῶν, ἐπιθυμοῦν νά μετοικήσουν στήν Κρήτη. Ὁ ἀρχιεπίσκοπος ζήτησε ἀπό τόν Δόγη ἓνα ἀρχαῖο ναό στόν Χάνδακα (Ἡράκλειο), πού ὀνομαζόταν ναός τῶν Ἀρμενίων. Αὐτό σημαίνει, ὅτι ὁ ἀρχιεπίσκοπος ἤξερε καλά ὅτι στήν πόλη αὐτή ὑπῆρχε ἀπό παλιά ἄρμενική ἐκκλησία. Ἀρμέ-

91. *Constantini Porphyrogeniti, De Cerimoniis aulae byzantinae*, τόμ. Α', Bonn 1829.

92. Ν. Σταυράκη, Στατιστική Κρήτης, Ἀθήνα 1890 (πίνακες τῶν σελίδων 18 και 52). Ν. Καλομενοπούλου, Κρητικά, Ἀθήνα 1894, σ. 29. Π. Παπαγεωργίου, Περί τῶν σημασιῶν τοῦ ρήματος ἀρμενίζω, Ἀθηνᾶ 24 (1912), σ. 467. Στέφ. Ξανθουδίδης, Χάνδαξ-Ἡράκλειον. Ἱστορικά σημειώματα ἐν Ἡρακλείῳ Κρήτης, 1927, σ. 30-31. Π. Κριάρη, Ἡ Κρήτη καθ' ἅπαντας τοῦς πρό τοῦ μεγάλου Κρητικοῦ πολέμου (1645-1669) αἰῶνας, Ἀθήνα 1934, σ. 103. Τοῦ ἴδιου, Νέα Ἱστορία Κρήτης, Ἀθήνα 1937, σ. 743. Ν. Τωμαδάκη, Συμβολή εἰς τήν μελέτην..., σ. 7-19.

νιοι ἐγκαταστάθηκαν ἐδῶ καί τό 1414⁹³. Μνημονεύονται ἐπίσης 880 οἰκογένειες Ἀρμενίων ἀπό τήν Τραπεζούντα⁹⁴.

Ὅπως φαίνεται, νέες μάζες Ἀρμενίων ἐγκαταστάθηκαν στήν Κρήτη ἀπό τό πρῶτο μισό τοῦ ΙΖ' αἰώνα. Γι' αὐτό μαρτυροῦν ὄχι μόνο ἀρμενικές ἐπιτύμβιες ἐπιγραφές στά Χανιά⁹⁵ καί στό Ἡράκλειο⁹⁶, ἀλλά καί πάμπολλα ἐγγραφα τοῦ τουρκικοῦ ἱεροδικείου Ἡρακλείου, δημοσιευθέντα ἀπό τόν Νικόλαο Σταυρινίδη⁹⁷. Ὁ τελευταῖος σέ μιά ἐπιστολή του στόν Ν. Τωμαδάκη γράφει, ὅτι τά ἐγγραφα αὐτά τῶν ἐτῶν 1670-1700 βρίθουν πληροφοριῶν σχετικῶν μέ Ἀρμενίους τοῦ Χάνδακα κατά τρόπον μάλιστα ὁ ὁποῖος κάνει κάποιον νά ὑποθέσει ὅτι ἡ πρωτεύουσα τῆς Κρήτης κατοικεῖτο ὑπό Ἀρμενίων⁹⁸.

Ἀπό τήν Κρήτη, μετά τήν ἄλωση τῆς νήσου ἀπό τοὺς Τούρκους (1669) κατά τή δεκαετία τοῦ 80 τοῦ ΙΖ' αἰώνα, ἴσως καί νωρίτερα, ἀρμενικές οἰκογένειες ἐγκαταστάθηκαν στήν Κέρκυρα⁹⁹.

93. Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénitienne en Crète de 1380 a 1485 par Hippolyte Noiret, Paris 1892. Σπ. Μ. Θεοτόκη, Πρεσβεία Ἀρμενίων πρὸς τήν Βενετικὴν Γερουσίαν, 1 Ἰουλίου 1363, Ἐπετ. Ἐταιρ. Βυζ. Σπουδῶν 9 (1932), σ. 34-38. Ν. Τωμαδάκη, Συμβολαί. 94. Η. Noiret, ὁ.π., σ. 225.

95. Δ. Σαβαλάν. Ἀρμενικαὶ ἐπιγραφαὶ ἐν τῷ Μουσείῳ Χανίων, Κρητικὴ Ἔστια, Φεβρουάριος 1962, χρόνος ΙΓ', τεῦχος 116, σ. 277-280. Χρ. Μπαρτικιάν, Ὑλη περὶ τῆς ἱστορίας τῆς ἀρμενικῆς κοινότητος τῆς Κρήτης, Δελτίο Κοινωνικῶν Ἐπιστημῶν τῆς ἀρμενικῆς Ἀκαδημίας ἐπιστημῶν, 1982, ἀριθ. 8. Ὁ Σαβαλάν γράφει, ὅτι «ἐκτός τῶν Χανίων ἀρμενικαὶ ἐπιγραφαὶ ὑπάρχουν καί ἀλλαχοῦ τῆς Κρήτης... τόσον ἐν τῷ χωρίῳ Ἀρμένιοι Ἀποκορώνου ὅσον καί τῷ ἐτέρῳ Σητείας, ὅπου καί ἀρμενικὴ ἐκκλησία τῷ ὀνόματι τοῦ ἁγ. Γεωργίου». Βλ. Δ. Σαβαλάν, Ἐπιτύμβιοι ἐπιγραφαὶ ἐν τῇ Ἀρμενικῇ ἐκκλησίᾳ Ἡρακλείου, Κρητικὴ Ἔστια, Ἰούλιος 1962, χρόνος ΙΔ', τεῦχος 122, σ. 105-106.

96. Χρ. Μπαρτικιάν, Οἱ ἀρμενικὲς ἐπιτύμβιες ἐπιγραφές τῆς ἀρμενικῆς ἐκκλησίας τοῦ ἁγίου Ἰωάννη Προδρόμου Ἡρακλείου Κρήτης, Ἱστορικο-φιλολογικὸ περιοδικὸ τῆς Ἀρμενικῆς Ἀκαδημίας Ἐπιστημῶν, 1984, σ. 102-110 (ἀριθ. 1).

97. Μεταφράσεις τουρκικῶν ἱστορικῶν ἐγγράφων ἀφορώντων εἰς τήν ἱστορίαν τῆς Κρήτης ὑπό Ν. Σταυρινίδου, τόμ. Α'-Γ', Ἡράκλειον Κρήτης, 1975-1978.

98. Ν. Τωμαδάκη, Συμβολαί, σ. 17.

99. Κ.Δ. Μέρτζιου, Δύο κατάλογοι τῶν ἐν Κερκύρα καί Ζακύνθῳ Κρητῶν προσφύγων κατά τά ἔτη 1682 καί 1683. Κρητικὰ Χρονικά, 5, 1 (1951), σ. 17, 19. Σπ. Λάμπρου, Κατάλογος τῶν Κρητικῶν οἰκῶν Κερκύρας, Νέος Ἑλληνομνήμων, 10, τεύχ. Α'-Β' (1913) σ. 452-454.

Ἄν καί δέν ἔχουμε ἀρκετά δεδομένα, εἶναι φανερό ὅτι ἀπό πολύ παλαιὰ Ἀρμένιοι εἶχαν ἐγκατασταθεῖ καί στά δυτικά παράλια τῆς Μικρᾶς Ἀσίας. Ὅσο παράξενο καί ἂν εἶναι αὐτό, οἱ γνωστὲς σέ μένα πηγές δέν δίνουν πληροφορίες γιὰ ὑπαρξὴ ἀρμενικῆς κοινότητος στή Κωνσταντινούπολη, ἂν καί ἄλλοι Ἀρμένιοι πιστεύουν ὅτι ὑπῆρξε.

Ἀπὸ τίς ἀρχαιότερες κοινότητες εἶναι αὐτὴ τῆς Περγάμου, ἀπὸ ὅπου προερχόταν ὁ Ἀρμένιος αὐτοκράτωρ Βαρδάνης Φιλιππικός¹⁰⁰. Ἡ Πέργαμος, κατὰ τόν Κωνσταντῖνο Πορφυρογέννητο, εὑρίσκετο στά πλαίσια τοῦ θέματος τῶν Θρακησίων¹⁰¹, ἀπὸ ὅπου στήν ἐκστρατεία τοῦ 949 κατὰ τῶν Ἀράβων τῆς Κρήτης πῆραν μέρος καί 600 Ἀρμένιοι στρατιῶτες¹⁰².

Στό θέμα τῶν Θρακησίων εὑρίσκετο ἡ Μίλητος¹⁰³, ὅπου σέ ἓνα ἐγγραφο τοῦ 1213 μνημονεύεται κώμη «τῆς Ἀρμένησας»¹⁰⁴. Το δὲ 1250 ἱερέας τῆς ἀγιωτάτης μητροπόλεως Μιλήτου ἦταν Γεώργιος τις Ἀρμενόπουλος¹⁰⁵, μάρτυρας δὲ τοῦ ἐγγράφου Κωνσταντῖνος Ἀρμενόπουλος¹⁰⁶.

Ἐάν λάβουμε ὑπ' ὄψη τά δεδομένα τοῦ Εὐθυμίου Ἀκμωνέως (ἔγραψε μετὰ τό 1034) περὶ τῆς παρουσίας «τῶν Ἀρμενίων βέβηλον καί βδελυρὰν αἵρεσιν» ἀσπαζομένων καί αἵρετικῶν Φουνδαγιατῶν (δηλαδή Θονδρακιτῶν) στά θέματα Ὀψικίου καί Κιβυρραιωτῶν¹⁰⁷, ὅτι δηλαδή αὐτοὶ ἤδη ἐπὶ Βασιλείου τοῦ Β' ἐκήρυτταν τήν αἵρεσίν των ἀκόμη καί στή Θράκη, μποροῦμε νά συμπεράνουμε ὅτι ὁ Ἰωάννης Α' ὁ Τσιμισκῆς μετοίκησε τοὺς Ἀρμενίους ὄχι μόνο στή Φιλιππούπολη, ἀλλά καί στά ἀναφερόμενα παραπάνω θέ-

100. Η. Gelzer, Pergamon unter Byzantinern und Osmanen. Abhandlungen der königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin 1903.

101. Costantino Porfirogenito De Thematibus, σ. 68.

102. Constantini Porphyrogeniti De Cerimoniis aulae byzantinae, τόμ. Α'.

103. Costantino Porfirogenito De Thematibus, σ. 68.

104. Miklosich-Müller, Acta et diplomata, τόμ. ΣΤ', 1890, σ. 159.

105. Ὁ.π., σ. 192.

106. Ὁ.π.

107. Euthymii monachi venerabilis coenobii Peribleptae Liber invectivus contra haeresim execrabilium et impiorum haereticorum qui Phundagiatae dicuntur. Migne, Patrologia Graeca 131, στήλ. 47-58. G. Ficker, Die Phundagiagiten. Ein Beitrag zur Kirchengeschichte des byzantinischen Mittelalters, Leipzig 1908.

ματα τῆς Δυτικῆς Μικρᾶς Ἀσίας¹⁰⁸, ὅπου ἡ Ἄννα ἡ Κομνηνὴ μνημονεῖται καὶ Ἀρμενόκαστρο μεταξύ τῆς Νίκαιας καὶ τῶν Λευκῶν¹⁰⁹.

Δὲν ξέρουμε τί σχέση ἔχουν οἱ Ἀρμένιοι αὐτοὶ τοῦ Ὀψικίου τοῦ τέλους τοῦ Ι' αἰῶνα μὲ τούς Ἀρμένιους τοῦ ἰδίου θέματος, μνημονευομένους ἀπὸ τὸν Νικήτα τὸν Χωνιάτη¹¹⁰ στὶς ἀρχές τοῦ ΙΓ' αἰῶνα καὶ ἀριθμουμένους ὡς 20.000 ψυχές¹¹¹.

Φθάσαμε στό τέλος τῆς διάλεξής μας. Ἀπὸ τί αἰσθήματα ἐμφορεῖται κάθε Ἀρμένιος μετὰ τὴν ἀκρόαση τῆς διάλεξης αὐτῆς πού τιτλοφορήθηκε «Ἡ παρουσία τῶν Ἀρμενίων στό Βυζάντιο»; Εἶμαι βέβαιος γιὰ δύο πράγματα, ἂν καὶ ἀλληλοαναιρούμενα. Πρῶτα ἀπὸ ὑπερηφάνεια. Τό Βυζάντιο ἦταν τό πῖο ἀκμαῖο καὶ πολιτισμένο κράτος τοῦ Μεσαίωνα, μὲ κύριο πληθυσμό του, Ἕλληνες, δημιουργοὺς καὶ κατόχους ἑνὸς μέγιστου, ἐξαισίου καὶ λαμπροῦ πολιτισμοῦ. Τό γεγονός ὅτι οἱ Ἀρμένιοι στό Βυζάντιο ἀνέπτυξαν τέτοια δραστηριότητα, μετεῖχαν ἐνεργά σέ ὅλους τούς τομείς τῆς ζωῆς τοῦ κράτους, φανερῶνει ὅτι αὐτοὶ ἀποτελοῦσαν κύριο ἐθνικό στοιχεῖο τῆς αὐτοκρατορίας. Τό δεύτερο αἶσθημα εἶναι ἡ ἀλγηδών, ὅταν βλέπεις τούς τόσο δραστήριους καὶ ἐνεργητικούς σου ἄνδρες, ἀριστοὺς στρατιῶτες, νά μὴν συντείνουν στήν ἀνάπτυξη τῆς ἰδίας τους πατρίδας, στήν ὑπεράσπιση αὐτῆς ἀπὸ τούς πάμπολλους ἄπληστους καὶ ἄξεστους ἄγριους νομάδες. Ὅπως ἔγραψε ὁ Ἄγγλος βυζαντινολόγος Jenkins, «αὐτὴ ἦταν ἡ μοῖρα τοῦ ταλαντούχου αὐτοῦ λαοῦ, ὁ ὁποῖος τίς μεγαλύτερες ἱστορικές του

108. Ἡ μνεία «Μανιχαίων» στή Μίλητο καὶ στό θέμα τῶν Κιβυρραιωτῶν στό Βίο τοῦ Ἁγίου Παύλου τοῦ Νέου τό ἔτος 955 (*Vita S. Pauli Iunioris in monte Latro, Analecta Bollandiana* 11, 1892, σ. 156) μαρτυρεῖ ὅτι ἡ μετοίκηση τῶν Θονδρακιτῶν στή περιοχὴ αὐτὴ ἀρχισε καὶ πρὶν τὸν Ἰωάννη Τσιμισκῆ.

109. *Anne Comnène, Alexiade*, τόμ. Γ' σ. 198.

110. *Nicetae Choniatae Historia*, rec. I.A. Van Dieten. Berolini et Novi Eboraci 1975, σ. 601-602. Πρὸβλ. *Ephremi monachi Imperatorum et Patriarcharum recensio*, Bonnae 1840, στίχ. 7244-7245.

111. *P.I. Žavoronkov, U istokov obrazovanija Nikeiskoi Imperii/Odienko dejatelnosti Konstantina XI Laskarja*, *Vizantijski Vremennik* 38 (1977), σ. 35 σημ. 52.

ἐπιτεύξεις ἔθεσε εἰς ὑπηρεσίαν ὄχι τῆς δικῆς του αὐτοκρατορίας, τοῦ δικοῦ του πολιτισμοῦ»¹¹².

Προξενεῖ αἶσθημα ἀλγηδῶνος καὶ ἡ συνεχὴς ἐξοδος τῶν λαϊκῶν μαζῶν τῶν Ἀρμενίων ἀπὸ τὴν πατρίδα τους. Τούς Ἀρμένιους ἀνάγκαζε νά ἐγκαταλείψουν τὴν πατρίδα τους γῆ ὄχι ἡ εὐμοιρία. Ἄν καὶ κατὰ τὴν Βίβλο τῆς Γένεσης τῆς Παλαιᾶς Διαθήκης ὁ ἐπίγειος παράδεισος βρισκόταν στήν Ἀρμενία, γιὰ τούς κατοίκους τῆς ὁ παράδεισος συνεχῶς μετατρεπόταν σέ πραγματικὴ κόλαση. Ὅλες οἱ ἄγριες, αἰμοδόρες καὶ βάρβαρες φυλές τῶν νομάδων πρὸς ὅπου καὶ νά κινούντο, χωρὶς ἄλλο περνοῦσαν ἀπὸ τὴν Ἀρμενία. Γιὰ τούς Ἀρμένιους ἡ μόνη χώρα, ὁ ἄλλος λαός πού τούς παραχωροῦσε ἄσυλο καὶ δυνατότητα ἐπιβίωσης ἦταν ἡ Ἑλλάδα καὶ οἱ Ἕλληνες. Καὶ εἶναι πολὺ εὐνόητο γιὰ τὴν ἀρμενικὴ μεσαιωνικὴ διασπορά ἔλαβε χώρα ἀκριβῶς στὰ πλαίσια τοῦ Βυζαντίου, καὶ ὄχι ἄλλου.

Πάντως, ὁ κύριος πληθυσμὸς τῶν Ἀρμενίων ἔμεινε στή χώρα του, ἔμεινε καὶ ὑπεράσπισε τὴν πατρίδα του ἀπὸ τους ξένους κατακτητές, διατήρησε τὴν γλώσσα του, τὴ χριστιανικὴ του πίστη, τὰ ἦθη καὶ ἔθιμά του, τό ἐθνικὸ του πρόσωπο. Γιὰ ἕναν εὐάριθμο λαό αὐτό μπορεῖ νά χαρακτηριθεῖ ὡς τιτάνιον ἔργον.

112. *R.J.H. Jenkins, The Byzantine Empire on the eve of the Crusades*. London 1953, σ. 11-12.

BYZANTINO ΚΛΗΤΟΡΟΛΟΓΙΟ ΣΤΟΝ ΚΩΔΙΚΑ
ΤΟΥ ΑΡΜΕΝΙΟΥ ΝΟΜΙΚΟΥ ΜΚΗΙΘΑΡ ΓΟΣ
(†1213)

Hratch BARTKIAN (Erevan)

Ὁ Mkhithar Gos γεννήθηκε τὴν τρίτη δεκαετία τοῦ ΙΒ' αἰώνα στὴν πόλη Gandzak.¹ Πέθανε τὸ 1213 στὸ Nor Getik (Νέο Γετίκ) τῆς σημερινῆς ἐπαρχίας Idjevan τῆς Ἀρμενικῆς Δημοκρατίας. Εἶναι γνωστὸς ὡς νομικὸς στοχαστὴς καὶ κοινωνικὸς παράγων. Πῆρε στὴν Ἀρμενία τὸν τίτλο τοῦ vardapet (ἐπιστήμονα-μοναχοῦ) καὶ συνέχισε τὶς σπουδές του στὸ ἀρμενικὸ κράτος τῆς Κιλικίας. Ἐγγραψε πάνω ἀπὸ δέκα ἔργα: ἐρμηνεῖα τοῦ προφήτη Ἰερεμία, συγγράμματα ὑπὲρ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, κατὰ πασῶν τῶν αἱρέσεων, παραινετικὴ ἐπιστολή, προσευχές, συλλογὴ μύθων, σύντομο χρονικὸ καὶ ἄλλα. Τὸ σπουδαιότερο ἔργο του εἶναι ὁ Κώδικας. Ἄρχισε νὰ τὸν συντάσσει τὸ 1184· δὲν γνωρίζουμε πότε τὸν ἀποπεράτωσε.

Ὁ Κώδικας διεσώθη σὲ τρεῖς διασκευές. Ἡ πρώτη (Α) ἀποτελεῖται ἀπὸ πρόλογο καὶ 251 ἄρθρα, ἐκκλησιαστικὰ καὶ κοσμικὰ ἀναμίξ. Ἡ δεύτερη διασκευή (Β) χωρίζεται σὲ δύο μέρη, τὰ κοσμικὰ ἄρθρα (130) καὶ τὰ ἐκκλησιαστικὰ (124).

Ποιά ἀπὸ τὶς διασκευές τοῦ Κώδικα εἶναι ἡ πρωταρχικὴ; Οἱ μελετητὲς τοῦ Κώδικα διαφωνοῦν. Τὸ 1880, ὁ V. Bastamians δημοσίευσε, μὲ ἀξιόλογο πρόλογο καὶ σχόλια, τὴν Β διασκευή, τὴν ὁποία θεωροῦσε καὶ πρωταρχικὴ. Μελέτησε ὅλα τὰ γνωστὰ τότε χειρόγραφα τοῦ Κώδικα καὶ ἀπέρριψε τὴν θεωρία ὅτι τὸ χειρόγραφο 1237 τῶν Μχιταριστῶν τῆς Βενετίας, ποὺ περιέχει τὴν διασκευή Α, εἶναι αὐτόγραφο τοῦ Mkhithar Gos.²

¹ Τὴν πόλη μνημονεύει ὁ Ἰωάννης Σκυλίτσης (ἔκδ. Thurn) 464: *Καντζάκιον*. Μετονομάσθηκε σὲ Kyronabad (τώρα Giandja) στὸ Ἀζερμπαϊτζάν.

² Ὁ κώδικας τοῦ Mkhithar Gos. Νομικὴ μελέτη μὲ σχόλια τοῦ βαρδαπέτη Vaan Bastamians, μοναχοῦ τοῦ Ἁγίου Ἐτσματζίν καὶ ἡγουμένου τῆς μονῆς τῆς Ὁσίας Γαϊανῆς (Βαλαρσαπάτ [Ἐτσματζίν] 1880) (στὰ ἀρμενικά).

Τὸ 1975, ὁ Kh. Torosian δημοσίευσε τὴν Α (καὶ Γ) διασκευὴ τοῦ Κώδικα, τὴν ὁποία καὶ ἔκρινε ὡς πρωταρχική.³ Ἡ Γ διασκευὴ θεωρεῖται ὅτι ἀνάγεται στὴν Α.

Για μᾶς δὲν εἶναι οὐσιώδεις τὸ ποιά διασκευὴ εἶναι ἡ ἀρχική, διότι τὸ ἄρθρο 225 τοῦ Κώδικα ποὺ μᾶς ἐνδιαφέρει δὲν παρουσιάζει οὐσιώδεις διαφορὰς ἀπὸ τὴν μία διασκευὴ στὴν ἄλλη.

Πηγὲς τοῦ Κώδικα τοῦ Mkhithar Gos εἶναι ὁ μωσαϊκὸς νόμος, καὶ τὸ ἀρμενικὸ ἐκκλησιαστικὸ καὶ ἐθιμικὸ δίκαιο. Βυζαντινὲς πηγὲς δὲν ἔχει, καὶ εἶναι ζήτημα ἂν ἤξερε ἑλληνικά.

Τὸ 1265, πενήντα χρόνια μετὰ τὸν θάνατο τοῦ Mkhithar Gos, ὁ κοντόσταυλος Smbat, ἀδελφὸς τοῦ Ἀρμένιου βασιλιᾶ τῆς Κιλικίας Hetum, διασκεύασε τὸν Κώδικα στὴν ἀρμενικὴ διάλεκτο τῆς Κιλικίας καὶ τὸν προσάρμοσε στὴν ἐκεῖ πραγματικότητα.⁴ Χρησιμοποίησε, σύμφωνα μὲ τὸν Torosian, τὴν Γ διασκευὴ τοῦ Κώδικα, ἡ ὁποία συνεπῶς ὑπῆρχε ἤδη τὸ 1265.

Σκοπὸς γιὰ μᾶς ἐδῶ δὲν εἶναι ἡ ἀνάλυση ὁλόκληρου τοῦ Κώδικα, ἀλλὰ ἡ ἐξέταση ἑνὸς μόνο ἄρθρου, τὸ ὁποῖο περιλαμβάνει τὸ βυζαντινὸ κλητορολόγιο. Εἶναι τὸ ἄρθρο 225 (στὶς Α καὶ Γ διασκευὲς) καὶ 113 στὴν Β. Ἔχει τὴν ἐπικεφαλίδα "Περὶ κρίσεως τῶν τάξεων τῆς Ἐκκλησίας καὶ τοῦ οἴκου τοῦ βασιλέως." Ἡ ἔκφραση "περὶ κρίσεως," ποὺ ξενίζει ἐδῶ, χρησιμοποιεῖται στοὺς τίτλους ὄλων τῶν ἄρθρων τοῦ Κώδικα, τὰ ὁποία ἀναφέρονται σὲ ἀδικήματα καὶ τὶς ἀντίστοιχες ποινές. Ἄς σημειώσουμε ὅτι σὲ δύο χειρόγραφα τῆς Α διασκευῆς καὶ σὲ ἓνα τῆς Β ἡ λέξις "κρίσεως" ἔχει παραλειφθεῖ, ἐνῶ στὴν Γ διασκευὴ τὸ ἄρθρο φέρει τὸν τίτλο "Περὶ τῶν τάξεων τῆς ἐκκλησίας καὶ τοῦ οἴκου τοῦ βασιλέως."

³ Mkhithar Gos, *Κώδικας*. Κριτικὸ κείμενο, πρόλογος, σχόλια τοῦ Khoston Torosian (Ἐρεβάν 1975) (στὰ ἀρμενικά). — Ἡ πιὸ πρόσφατη μελέτη ποὺ γνωρίζω, γραμμένη σὲ δυτικοευρωπαϊκὴ γλῶσσα καὶ ἀναφερόμενη στὸν Mkhithar Gos, εἶναι τοῦ J. A. C. Greppin, *References to Physicians and to Galen in the Armenian Fables of Mikhitar Gosh*, *BZ* 83 (1990) 91-97.

⁴ *Sembadscher Kodex aus dem 13. Jh. oder Mittelarmenisches Rechtsbuch*, ἔκδ. καὶ μετάφρ. J. Karst (Strassburg 1905); *Sembadscher Kodex aus dem 13. Jh. in Verbindung mit dem grossarmenischen Rechtsbuch des Mechitar Gosch (aus dem 12. Jh.)... erläutert von J. Karst* (Strassburg 1905) [*Armenisches Rechtsbuch I, II*]. — Ὁ κώδικας τοῦ ἄρχοντα (κοντόσταυλου) Smbat (κώδικας τῆς Κιλικίας τοῦ ΙΓ' αἰῶνα), ἔκδ. A. Klitchian (Ἐτσμιατζίν 1918) (στὰ ἀρμενικά). — Ὑπάρχουν καὶ δύο ρωσικὲς σχολιασμένες μεταφράσεις, τοῦ A. G. Galstian (Erevan 1958) καὶ τοῦ A. G. Sukiasian (Erevan 1971).

Τὸ ἄρθρο περιγράφει τὶς τάξεις τῶν οὐρανίων δυνάμεων, τῆς Ἐκκλησίας καὶ τῆς βασιλικῆς αὐλῆς. Καὶ ὁ Bastamiants, καὶ ὁ Torosian, καὶ ὁ E. Pivazian, ποὺ μελέτησε τὸν Κώδικα ἀπὸ φιλολογικὴ ἄποψη,⁵ πιστεύουν πῶς συγγραφέας τοῦ ἄρθρου 225 (113) εἶναι ὁ Mkhithar Gos, μολοντί δὲν εἶναι δύσκολο νὰ πεισθοῦμε ὅτι δὲν ἔχουμε ἐδῶ ἓνα πρωτότυπο κείμενο, ἀλλὰ μιὰ μετάφραση, ἀναμφίβολα ἀπὸ τὰ ἑλληνικά. Καὶ ἐφόσον δὲν σώζεται αὐτόγραφο κείμενο τοῦ Mkhithar Gos, ἀναρωτιέται κανεὶς ἂν αὐτὸ τὸ μεμονωμένο καὶ ἄσχετο σὲ περιεχόμενο ἄρθρο ὑπῆρχε ἐξ ἀρχῆς στὸν Κώδικα.

Τὸ ἄρθρο 225 (113) ἀποτελεῖται ἀπὸ τρία μέρη. Στὸ πρῶτο γίνεται λόγος γιὰ τὴ φύση τῶν ἀγγέλων καὶ τῶν ἀνθρώπων. Πηγὲς εἶναι ἡ Γένεσις, τὰ βιβλία μερικῶν προφητῶν καὶ οἱ Ψαλμοί.

Στὸ δεύτερο μέρος περιγράφεται ἡ ἱεραρχία τῆς ἐκκλησίας: πατριάρχες, ἀρχιεπίσκοποι, μητροπολίτες, ἐπίσκοποι, ἱερεῖς, διάκονοι (καὶ διακόνισσες), ὑποδιάκονοι, ἀναγνώστες, ψάλτες. Στὰ περισσότερα ὅμως χειρόγραφα ἡ σειρὰ αὐτὴ ἔχει μεταβληθῆ καὶ μετὰ ἀπὸ τὴν ἕκτη θέση ἀναγράφονται ὡς ἑβδομὴ τάξη οἱ ἐπίσκοποι, ὡς ὄγδοη οἱ ἀρχιεπίσκοποι, καθολικοὶ-πατριάρχες, καὶ ὡς ἑνατῆ, ἀνώτατη, ὁ πάπας τῆς Ῥώμης. Ὁ Bastamiants βλέπει ἐδῶ τὴν ἐπέμβαση ἑνὸς Ρωμαιοκαθολικοῦ πλαστογράφου. Παρατηροῦμε ὅμως ὅτι σὲ δύο ἄλλα ἔργα, τὴν "Ἐρμηνεία τῆς λειτουργίας" τοῦ Nerses ἐκ Lampron (1155-1198)⁶ καὶ στὴν "Ἱστορία" τοῦ Στεφάνου Orbelian (+1305),⁷ ἀπαντᾷ τὸ ἴδιο κείμενο, ἀλλὰ οἱ θέσεις 7 ὡς 9 κατέχονται, ὅπως ἦταν λογικὸ, ἀπὸ τοὺς ὑποδιακόνους, τοὺς ἀναγνώστες καὶ τοὺς ψάλτες. Ἡ ἴδια σειρὰ ἀπαντᾷ καὶ σὲ ἓνα χειρόγραφο τοῦ Κώδικα τοῦ Mkhithar Gos ΙΓ' ἢ ΙΔ' αἰῶνος. Ἔχουμε λοιπὸν, σὲ διάφορες παραλλαγές, τὴν μετάφραση ἑνὸς βυζαντινοῦ πρωτοτύπου. Πιστεύουμε πῶς ἀπὸ τὶς παραλλαγές αὐτὲς ἡ πλησιέστερη στὸ βυζαντινὸ πρωτότυπο εἶναι τοῦ ἄρθρου 225 (113) τοῦ Κώδικα, στὸ ὁποῖο οἱ δυσνόητες γιὰ τὸν Ἀρμένιο ἀναγνώστη ἐκφράσεις δὲν ἔχουν ἐρμηνευθῆ, ἐνῶ συχνὰ

⁵ E. A. Pivazian, *Φιλολογικὴ ἀνάλυση τοῦ κώδικα τοῦ Mkhithar Gos* (Erevan 1987) (στὰ ἀρμενικά).

⁶ Nerses ἐκ Lampron, *Ἐπισκόπηση τῆς τάξης τῆς ἐκκλησίας καὶ ἐρμηνεία τοῦ μυστηρίου τῆς λειτουργίας* (Βενετία 1847) 82-85 (στὰ ἀρχαῖα ἀρμενικά).

⁷ Στεφάνου Orbelian, *Ἱστορία τῆς ἐπαρχίας Σισακάν* (Τιφλίς 1910) 108-110 (στὰ ἀρχαῖα ἀρμενικά).

έρμηνεύονται στα κείμενα του Nerses εκ Lampron και του Στεφάνου Orbelian.

Ἡ γλώσσα του πρώτου και της αρχής του δεύτερου μέρους του άρθρου 225 (113), ως εκεί που αρχίζει ή απαρίθμηση των τάξεων της εκκλησίας (ὁ πατριάρχης, κλπ.), είναι καθαρῶς ἀρμενική, χωρίς καθόλου ἑλληνισμούς. Ἀλλὰ ἀπὸ τῆς μέσης του δεύτερου μέρους και πέρα ἔχουμε μιὰ βυζαντινὴ ἔκθεση πρωτοκλησιῶν. Τὸ πλεῖστο τῶν ὄρων εἶναι βυζαντινὸ, πὸ μεταφράζεται στα ἀρμενικά. Ἀλλες ὅμως ὀνομασίες και εἰδικοί ὄροι δὲν ἔχουν καθόλου μεταφρασθῆ (π. χ. ἀναγνώστης, ὠμοφόριον, στιχολόγιον, κ. ἄ.).

Τὸ τρίτο μέρος του άρθρου 225 (113) εἶναι ἀφιερωμένο στὴν αὐλικὴ ἱεραρχία· εἶναι ἓνα βυζαντινὸ κλητορολόγιον ἄγνωστου σὲ μένα προτύπου. Τὸ μέγα μέρος τῶν ὄρων ἔχει παραφθορῆ στὴν μετάφραση ἤδη τὸν ΙΓ' αἰ.: ἴσως νὰ πρόκειται γιὰ σφάλματα ἀντιγραφῆς. Συνεπῶς οἱ ὄροι αὐτοὶ ἦταν ἀπὸ τότε δυσνόητοι γιὰ τοὺς Ἀρμενίους· τὸ 1265, ὁ κοντόσταυλος Smbat συχνὰ τοὺς ἐξηγεῖ στὸν κώδικά του μὲ ἄλλους ὄρους πὸ ἦσαν κατανοητοὶ στοὺς Ἀρμενίους τῆς Κιλικίας, μολονότι οἱ νέοι αὐτοὶ ὄροι δὲν συμφωνοῦν πάντοτε μὲ τοὺς βυζαντινοὺς.

Τὸ ἄρθρο αὐτό, και ἀπὸ ἄποψη περιεχομένου και ἀπὸ ἄποψη τρόπου ἀφήγησης, ξεχωρίζει ὀλοκάθαρα ἀπὸ τὸν ὑπόλοιπο κώδικα. Δὲν μπορεῖ νὰ γράφτηκε ἀπὸ τὸν ἴδιο τὸν Mkhithar Gos. Πρέπει ὅμως νὰ τονίσουμε ὅτι ἐνσωματώθηκε στὸν κώδικα λίγο μετὰ ἀπὸ τὴν συγγραφὴ του, πρὶν ἀπὸ τὸ 1265 (συγγραφὴ του κώδικα του Smbat) και πρὶν τὸ 1238, χρονολογία πὸ γράφτηκε τὸ ἀρχαιότερο σωζόμενο χειρόγραφο τῆς διασκευῆς A (κωδ. 1738 τῶν Μχιταριστῶν τῆς Βενετίας).

Τὸ ἄρθρο 225 (113) ἐνσωματώθηκε στὸν κώδικα πιθανῶτα κάπου στὴν Ἀρμενικὴ Κιλικία: ἐκεῖ ἀντιγράφηκαν τὰ παλαιότερα χειρόγραφα του κώδικα (Ρωμαίων κουλᾶ - Hromgla, ἡ ἔδρα του Ἀρμενίου καθολικοῦ, Σκευρᾶ). Ἐπίσης παρατηροῦμε στὴν Β διασκευὴ τὴν φράση "πρῶτη τάξη του παλατίου, δηλαδὴ του darpas." Ἡ λέξη darpas μὲ τὴν σημασία του παλατίου χρησιμοποιοῦταν μόνο στὸ ἀρμενικὸ κράτος τῆς Κιλικίας.

Ποιὸς θὰ μποροῦσε νὰ ἦταν ὁ πιθανὸς μεταφραστὴς του κειμένου αὐτοῦ; Ἡ μετάφραση ἔγινε πρὶν ἀπὸ τὸν ΙΓ' αἰῶνα (ἀρχαιότερα χειρόγραφα του Κώδικα). Τὸ μέρος τὸ σχετικὸ μὲ τὴν ἐκκλησιαστικὴ ἱεραρχία ἀπαντᾶ και στὴν "Ἑρμηνεία τῆς λειτουργίας" του Nerses εκ Lampron, πὸ γράφτηκε τὸ 1177. Ἄρα τὸ terminus ante quem εἶναι τὸ ἔτος 1177. Καὶ

γεννιέται τὸ ἐρώτημα· ὁ Nerses εκ Lampron περιέλαβε στὸ ἔργο του μιὰ ὑπάρχουσα μετάφραση, ἢ μετέφρασε ὁ ἴδιος; Τὸ ζήτημα χρειάζεται μελέτη, πρὸς τὸ παρὸν ὅμως μποροῦμε νὰ διατυπώσουμε μερικὲς σκέψεις.

Ὁ Nerses εκ Lampron ἦταν καλὸς γνώστης τῆς ἑλληνικῆς και τῆς λατινικῆς γλώσσας, τῶν ἐκκλησιαστικῶν και δογματικῶν ζητημάτων και μεταφραστὴς βυζαντινῶν κειμένων.⁸ Μετέφρασε τοὺς "Νόμους τῶν νικηφόρων χριστιανῶν βασιλέων Κωνσταντίνου, Θεοδοσίου και Λέοντος" (150 ἄρθρα), τοὺς "Νόμους του Λέοντος και του Κωνσταντίνου," τὸν "Στρατιωτικὸ νόμο" (57 ἄρθρα, εἶναι τὸ περὶ στρατιωτικῶν ἐπιτιμίων), τὴν "Σύννοψη τῶν νόμων κατ'ἐπανάληψιν" (75 ἄρθρα), τὴν "Σύντομη ἐκλογή τῶν νόμων τῶν βασιλέων" (δηλ. τὴν Ἐκλογή τῶν Ἰσαύρων), τοὺς "Νόμους τῆς βασιλίσσης Εἰρήνης." Ἀλλὰ πὸ μεγάλη σχέση πρὸς τὸ περιεχόμενο του άρθρου 225 (113) ἔχουν οἱ παρακάτω μεταφράσεις του Nerses εκ Lampron: ἡ "Ἐκθεσις πρωτοκλησιῶν, πατριαρχῶν και μητροπολιτῶν" του Ἐπιφανίου Κύπρου, ἡ "Τάξις τῶν πατριαρχικῶν θρόνων" του Νεῖλου Δοξαπατρῆ, και, ἀπὸ τὰ λατινικά, ἡ "Βίβλος τῶν τάξεων τῆς ἐκκλησίας τῆς Ῥώμης."

Τὰ παραπάνω ἐπιτρέπουν λοιπὸν νὰ ὑποθέσουμε — μόνο νὰ ὑποθέσουμε — ὅτι μεταφραστὴς του άρθρου 225 (113) εἶναι ὁ Nerses εκ Lampron.⁹

Αὐτὰ εἶναι τὰ συνοπτικὰ ἀποτελέσματα τῆς μελέτης μας. Οἱ εἰδικοί Βυζαντινολόγοι ἄς ἀναζητήσουν τὸ βυζαντινὸ πρότυπο του άρθρου 225 (113) και ἄς ἀποπειραθοῦν νὰ τὸ χρονολογήσουν.

Ἡ ἑλληνικὴ μετάφραση του άρθρου 225 (113) του Κώδικα του Mkhithar Gos, πὸ ἀκολουθεῖ, βασίζεται στὴν κριτικὴ ἔκδοση του Torosian. Ἄς σημειωθῆ ὅτι κυρίως στὸ τρίτο μέρος, πὸ περιέχει τὸ βυζαντινὸ κλητορολόγιον, ὁ Ἀρμενίος μεταφραστὴς δυσκολεύτηκε νὰ μεταφράσῃ τοὺς βυζαντινοὺς ὄρους, γιὰ τοὺς ὁποίους δὲν ὑπῆρχαν ἀντίστοιχοι ἀρμενικοί. Ἀλλωστε οἱ ὄροι αὐτοὶ ἔχουν ἐπίσης μεταβληθῆ ἀπὸ τοὺς ἀντιγραφεῖς, και δὲν εἶναι πάντα εὐκόλο νὰ ἀναγνωρισθοῦν.

Ἐπάρχει και ρωσικὴ μετάφραση του κειμένου αὐτοῦ ἀπὸ τὸν A. Paponian βάσει τῆς ἔκδοσης του Bastamians. Ὁ Paponian ἦταν νομικός, ὄχι βυζαντινολόγος· γι' αὐτὸ ἡ μετάφρασή του ἔχει ἀνακρίβειες και διατηρεῖ

⁸ Βλ. Nerses Akinian, *Nerses εκ Lampron, ἀρχιεπίσκοπος Ταρσοῦ* (Βιέννη 1956)· Gr. Hagopian, *Nerses εκ Lampron* (Erevan 1971) (και τὰ δύο στα ἀρμενικά).

⁹ Πρὸβλ. και Karst, *Sembadscher Kodex*, 65-75, σημ. 132.

τοὺς τεχνικοὺς ὄρους μὲ τις ἀλλαγμένους μορφές πού τοὺς ἔδωσαν οἱ Ἀρμένιοι ἀντιγραφεῖς τῶν χειρογράφων.¹⁰

Περὶ κρίσεως¹¹ τῶν τάξεων τῆς ἐκκλησίας καὶ τοῦ οἴκου τοῦ βασιλέως.

Ποιό εἶναι τὸ ἔργο τοῦ ἀνθρώπου; Ξέρουμε ὅτι (εἶναι) ἡ θεοσέβεια. Ὁ ἄνθρωπος πρέπει νὰ ἐλέγχει τοὺς συλλειτουργοὺς του καί, θεωρῶν αὐτούς, νὰ ἀγωνίζεται νὰ πράττει ὅσο τὸ δυνατὸ πιὸ ὅσια καὶ νηφάλια ἔργα· καί, στὴ συνέχεια, νὰ ἔχη ἀντίληψη τῶν τάξεων¹² τῆς ἐκκλησίας καὶ (τοῦ οἴκου) τῶν βασιλέων, τὶς ὁποῖες σεβόμεθα.

Λοιπὸν, ὅπως εἶναι σὲ ὄλους γνωστό, δύο πλάσματα δημιουργήθηκαν συνετὰ¹³ καὶ λογικά, οἱ ἄγγελοι καὶ οἱ ἄνθρωποι. Οἱ ἄγγελοι ἀπὸ τὴν καθαρὴ καὶ ἀμιγῆ φύση, οἱ δὲ ἄνθρωποι ἀπὸ πολλά. Ὁ Μωϋσῆς στὴν ἀρχὴ δὲν ἔγραψε γιὰ τοὺς ἀγγέλους, γιὰ τὸν ἄνθρωπο ὅμως εἶπε ὅτι "ἔπλασεν ὁ Θεὸς τὸν ἄνθρωπον χοῦν ἀπὸ τῆς γῆς· καὶ ἐνεφύσησεν εἰς τὸ πρόσωπον αὐτοῦ πνοὴν ζωῆς, καὶ ἐγένετο ὁ ἄνθρωπος εἰς ψυχὴν ζῶσαν" [Γέν. 2,7]. Οἱ ἀνόητοι ὅμως νομίζουν ὅτι ὁ Θεὸς ἐνήργησε μὲ τὸ στόμα καὶ μὲ ἄλλα μέσα, καὶ ὅτι τὸ ἄπειρο περιλαμβάνεται μέσα στὸ αἰσθητό. "Ὅτι εἶναι γνωστὸ ὅτι τὸ "ἐνεφύσησε" σημαίνει "ἔδωσε ζωὴ" ἢ "ἔδωσε ψυχὴ." Νὰ ξέρης ἐπίσης ὅτι τὸ "χοῦν ἀπὸ τῆς γῆς" δὲν σημαίνει μόνο χῶμα, ἀλλὰ ὅτι αὐτὸ ἀποτελεῖται ἀπὸ ὅλα τὰ τέσσερα στοιχεῖα τῆς φύσης, τὸ ξηρὸ καὶ τὸ ὑγρὸ, τὸ θερμὸ καὶ τὸ ψυχρὸ, καὶ ἀπὸ τὸν ἀέρα. "Ὅπως οἱ γιατροί, τὸ ξηρὸ τοῦ χῶματος τὸ διαπιστώνουν στὰ ὀστά, τὸ ὑγρὸ τοῦ ὕδατος στὴν σάρκα,¹⁴ τὸ ὕδωρ στὶς φλέβες, τὸ ψυχρὸ τοῦ ἀέρα στὶς ἀρτηρίες,¹⁵ καὶ τὸ θερμὸ τοῦ πυρός τὸ ἀναμιγνύουν σὲ ὅλα. Ἀλλὰ καὶ τὰ διαχωρίζουν σὲ ἀρσενικὰ καὶ θηλυκὰ· τὴν σάρκα καὶ τὴν δορὰ θεωροῦν θηλυκὰ.¹⁶

¹⁰ *Armjanskij sudbnik* Mhitara Goša, μετάφρ. Α. Παρονιαν, ἐπιμέλεια, εἰσαγωγικὸ ἄρθρο καὶ σχόλια Β. Arutiunian (Erevan 1954).

¹¹ Περὶ κρίσεως om. Παρονιαν. Πρβλ. πιὸ πάνω, σελ. 240.

¹² Ὁ Παρονιαν στὸ σημεῖο αὐτὸ μεταφράζει "τάξεις", στὸ ὑπόλοιπο κείμενο ὅμως ἀποδίδει τὸν ἴδιο ὄρο μὲ τις λέξεις "βαθμός," "ἀξίωμα."

¹³ Ὁ Παρονιαν μεταφράζει "σοφά."

¹⁴ Ὁ Παρονιαν μεταφράζει "σῶμα."

¹⁵ Στὸ κείμενο *ἡνῆρακ*, πού σημαίνει ἀρτηρία, φλέβα, σφυγμός, ὅπως φαίνεται, ἢ τραχεῖα ἀρτηρία. Ὁ Παρονιαν μεταφράζει "ἀναπνευστικὸ ὄργανο."

¹⁶ Ἡ ἀρμενικὴ γλῶσσα δὲν ἔχει γένη. Ἡ πρόταση λοιπὸν αὐτὴ δείχνει πὺς ὑπάρχει ἑλληνικὸ πρότυπο. Ὁ Παρονιαν δὲν κατάλαβε ὅτι πρόκειται ἐδῶ γιὰ

Γιὰ ὅλα αὐτὰ ὁ Μωϋσῆς δὲν ἔκανε λόγο, οὔτε μίλησε γιὰ τὴν φύση τῶν ἀγγέλων· αὐτοὶ πάντως εἶναι ὄντα.

Λοιπὸν, εἰάν ὁ Μωϋσῆς δὲν εἶπε ὅτι ὁ Θεὸς ἔπλασε τοὺς ἀγγέλους, ἀλλὰ ὅτι διέταξε τὰ σεραφεῖμ [ieg. χερουβεῖμ] μὲ τις φλόγινες ρομφαῖες νὰ φρουροῦν τὴν ὁδὸ τοῦ ξύλου τῆς ζωῆς [Γέν. 3,24], σημαίνει ἄραγε αὐτὸ ὅτι οἱ ἄγγελοι εἶναι πλάσματα, ἢ ὅτι δημιουργήθηκαν αὐτομάτως, ἢ ὅτι ὑπῆρχαν καὶ πρὶν ἀπὸ τὴν δημιουργία τῶν ἄλλων πλασμάτων; Ἄν ἦταν ἔτσι, θὰ ἔπρεπε νὰ θεωρήσουμε καὶ τὸ ὕδωρ ὡς ἀδημιούργητο, ἐφόσον λέει "ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν" [Γέν. 1,1] καὶ δὲν εἶπε "τὸ ὕδωρ," ἀλλὰ ὅτι "ἡ γῆ ἦν ἀόρατος καὶ ἀκατασκεύαστος, ... καὶ πνεῦμα Θεοῦ ἐπλανᾶτο ἐπάνω τοῦ ὕδατος" [Γέν. 1,2].

Ἐμεῖς ὅμως πρέπει νὰ ξέρουμε καὶ νὰ λέμε, ὅτι ὁ Θεὸς δημιουργῶντας τὸν οὐρανὸ καὶ τὴν γῆ, μαζὺ δημιούργησε καὶ τὰ οὐράνια τάγματα, τὰ ὕδατα, τὶς πέτρες, ὅλα ὅσα βρίσκονται ἐπὶ τῆς γῆς, ἐφόσον στὴ γλῶσσα τῶν Ἑβραίων "χῶμα" σημαίνει μόνο "γῆ·" ἐπομένως τὰ ὕδατα δημιουργήθηκαν μαζὶ μὲ τὴν γῆ, ὅπως μαρτυρεῖ καὶ ὁ Δαυὶδ [Ψαλμ. 94, 5]: "ὅτι αὐτοῦ ἐστὶν ἡ θάλασσα καὶ αὐτὸς ἐποίησεν αὐτήν." Μαζὺ μὲ τὸν οὐρανὸ δημιουργήθηκαν καὶ οἱ ἄγγελοι, ἐφόσον λέγει· ποιός εἶναι "ὁ ποιῶν τοὺς ἀγγέλους αὐτοῦ πνεύματα καὶ τοὺς λειτουργοὺς αὐτοῦ πῦρ φλέγον;" [Ψαλμ. 103,4]. (Οἱ λέξεις) "ἄγγελοι" καὶ "λειτουργοὶ" δὲν δηλώνουν τάξεις ἀλλὰ εἶναι γενικὰ ὀνόματα. Ἔτσι κρυφὰ ὁ Μωϋσῆς ὄχι μόνο δὲν δήλωσε τάξη, ἀλλὰ στὴν ἀρχὴ οὔτε πού μνημόνευσε τοὺς ἀγγέλους· μόνο ἀργότερα εἶπε στὸν Ἀβραάμ, ὅτι "εὗρεν ὁ ἄγγελος τὴν Ἄγαρ ἐν τῇ ἐρήμῳ" [πρβλ. Γέν. 21,17]. Καὶ εἶπε πάλι "ἦλθον δὲ οἱ ἄγγελοι εἰς Σόδομα" [Γέν. 19,1]. Αὐτὸς δὲν εἶπε τίποτε γιὰ τὴν μορφή τους ἀλλὰ τοὺς παρουσίασε ὡς ἄνδρες πού ἐμφανίσθηκαν. "Ὅχι μόνο δὲν ἔκανε λόγο γιὰ τὴν μορφή τους, ἀλλὰ οὔτε γιὰ τὴν μορφή τῶν χερουβεῖμ καὶ τῶν σεραφεῖμ. Ὁ δὲ Ἰάκωβος, ὅπως λέει ὁ Ἀκύλας,¹⁷ περιγράφει τὴν μορφή τῶν ἀγγέλων πού παρουσιάσθηκαν σὲ ὄνειρο [Γέν. 28,12]. Αὐτὸς γράφει: "καὶ εἶδε κλίμακα ἐστηριγμένην ἐν τῇ γῆ, ἧς ἡ κεφαλὴ ἀφικνεῖτο εἰς τὸν οὐρανόν, καὶ πλῆθος πτερωτῶν ἀνθρώπων ἀνήρχοντο καὶ κατήρχοντο." Ἐγὼ νομίζω πὺς οἱ Ἑβδομήκοντα, συντέμνοντας τὸν

ἔννοιες τῆς γραμματικῆς.

¹⁷ Πρόκειται γιὰ τὸν Ἀκύλα τὸν Σινωπέα ἢ Ποντικὸ, ἐκχριστιανισθέντα Ἑβραῖο, πού ἔκανε δύο μεταφράσεις τῆς Ἀγίας Γραφῆς στὰ Ἑλληνικά. Βλ. Bastamiants, 237, σημ. 461.

λόγο, θεώρησαν τὴν μνεΐα τοῦ ὀνόματος τῶν ἀγγέλων ἀρκετή, καὶ δὲν ἀναφέρθηκαν στὴ μορφή τους.¹⁸

Τὸ ἴδιο ξέρουμε καὶ γιὰ τὰ (δύο) χερουβεΐμ, πού φιλοτέχνησε μὲ χρυσὸ ὁ Σολομὼν καὶ τοποθέτησε στὸ ναὸ πού φιλοπόνησε ὁ Μωϋσῆς ἐντὸς τῆς σκηνῆς,¹⁹ διπτέρους, νὰ ἀκουμποῦν φτερὸ μὲ φτερὸ [Γ' Βασ. 6, 23-28] σκιάζοντας τὸ ἱλαστήριο [Ἔξοδ. 25, 18-20· 38,7-9]. Ξέρουμε ἐπίσης ὅτι ἐπάνω στὰ μεχωνῶθ (βρίσκονταν παραστάσεις) τῶν χερουβεΐμ, λεόντων καὶ βοῶν [Γ' Βασ. 7,16 κέ], ὄμοιοι ἀνθρώπων καὶ χέρια, τροχοὶ ὅπως τῶν ἀρμάτων. (Οἱ Ἑβδομήκοντα) δὲν τὰ ἀναφέρουν σαφῶς, δὲν ἔχουν ἰδέα γιὰ τὶς τάξεις καὶ τὴν μορφή τους. Μόνο παρουσιάζουν τὶς ὁμοιότητες, σὰν τὰ πέταλα [Γ' Βασ. 6,32] μὲ παράσταση ἀγγέλων πού φτερουγίζουν.²⁰

Ὁ δὲ Μιχαΐας, μολονότι ἀναφέρει ὅτι τὰ τάγματα τῶν οὐρανῶν κρατύνονται ὅταν στέκονται γύρω ἀπὸ τὸν θρόνο τοῦ Θεοῦ, δὲν ἀναφέρει οὔτε τὸν ἀριθμὸ τῶν τάξεων οὔτε τὸ ὄνομά τους.²¹ Ἀλλὰ ὁ Ἡσαΐας [6,2-3] ἀναφέρει τὸ ὄνομα τῶν σεραφεΐμ, τὰ περιγράφει ὡς ἐξαπτέρυγα καὶ μνημονεύει τὴν δοξολογία τους. Ὁ δὲ Ἰεζεκιήλ²² ἀναφέρει καὶ ἄλλες τάξεις, προσθέτει τὰ τετράμορφα καὶ τὰ τετραπτέρυγα, πού εἶναι ὁμοιώματα (τῶν παραστάσεων) τῶν μεχωνῶθ τοῦ ναοῦ, μόνο πού, ἀντὶ γιὰ τὴν παράσταση τοῦ φοίνικα, αὐτὸς παρουσιάζει (ὁμοίωμα) ἀετοῦ. Ἄν καὶ ἡ ἀναφορὰ δὲν εἶναι σαφής, καταλαβαίνει ὅτι πρόκειται γιὰ τὸ ἴδιο πράγμα, μολονότι διαφέρει στὴν μορφή. Στὴν ὄπτασία του ὁ Ἰεζεκιήλ [10,10] βλέπει καὶ τροχοὺς ἄλλης μορφῆς,²³ ὄχι σὰν αὐτοὺς τῶν μεχωνῶθ, ἀλλὰ τροχοὺς μέσα σὲ τροχοὺς διαφορετικοὺς καὶ θεσπέσιους. Ἐγὼ ὅμως νομίζω, ὅτι αὐτοὶ εἶναι ἄλλες τάξεις, διότι γιὰ τοὺς τροχοὺς μιλᾷ ξεχωριστά. Αὐτὸς ἀναφέρει [10,1 κέ.] καὶ ἄλλες τάξεις, πού εἶναι πολυόμματες, καθὼς καὶ τὸ φοβερό, ἀναμειγμένο καὶ φλέγον πῦρ. Γι' αὐτὸ μιλᾷ χωριστά.

Μολονότι οἱ προφῆτες ἔκαναν λόγο γιὰ ὅλα αὐτά, τὶς διαφορὲς

¹⁸ Λανθασμένη μετάφραση στὸν Ραρονιαν.

¹⁹ Λανθασμένη μετάφραση στὸν Ραρονιαν.

²⁰ Στὸ κείμενο luseramk', πού σημαίνει "φωτεινὲς ἀγέλες" μὲ τὴν ἔννοια τοῦ χοροῦ τῶν ἀγίων ἢ τῶν ἀγγέλων. Λανθασμένη μετάφραση στὸν Ραρονιαν.

²¹ Πρόκειται γιὰ τὸν προφῆτη Μιχαΐα, ὁ ὁποῖος ὅμως δὲν γράφει τίποτε τὸ παρόμοιο.

²² Ἰεζεκιήλ 1,6. Λανθασμένη μετάφραση στὸν Ραρονιαν.

²³ Λανθασμένη μετάφραση στὸν Ραρονιαν.

τάξεις τὶς παρουσίασαν κρυφὰ καὶ ὄχι φανερά. Καὶ ὁ Κύριος στὸ εὐαγγέλιο δὲν μίλησε γιὰ τίποτε ἄλλο παρὰ μόνο γιὰ τὸ πλῆθος τῶν λεγεῶνων τῶν ἀγγέλων [Ματθ. 26,53· Ἰωάν 1,52].

Ἀλλὰ καὶ ὁ ἀπόστολος Ἰούδας σαφῶς καὶ ὀλοφάνερα ἀναφέρει ἐπὶ τὰς τάξεις καὶ δίνει τὸ ὄνομα τῆς κάθε μιᾶς: ἄγγελοι καὶ ἀρχάγγελοι, ἀρχές, δυνάμεις, θρόνοι, ἐξουσίες, κυριότητες, σεραφεΐμ καὶ χερουβεΐμ.²⁴

Ὁ ἅγιος Διονύσιος ὁ Ἀρεοπαγίτης ὅμως, τὸ καύχημα τῶν Ἀθηναίων, ὁ μαθητῆς καὶ ἀκόλουθος τοῦ ἀποστόλου (Παύλου), ἀναφέρει ἐννιά τάξεις. Ὁ ἀπόστολος (Ἰούδας) εἶχε συγχωνεύσει δύο τάξεις σὲ μιά· ὁ Διονύσιος ὅμως χώρισε τοὺς ἀρχαγγέλους ἀπὸ τοὺς ἀγγέλους καὶ τὰ χερουβεΐμ ἀπὸ τὰ σεραφεΐμ, καὶ ἀρίθμησε ἀκριβῶς ἐννιά τάξεις μὲ τὴν σειρά αὐτή. Ὅπως τὰ μάθαμε ἀπ' αὐτὸν τὰ παρουσιάζουμε στὴν φιλομάθειά σου.

Κατώτερη τάξη, ἡ τῶν ἀγγέλων, πού εἶναι πρέσβεις καὶ κομισταὶ τῶν προσταγῶν. Ἡ δοξολογία τους, πού ἄκουσαν οἱ ποιμένες, εἶναι "δόξα ἐν ὑψίστοις Θεῷ" [Λουκ. 2,14].

Δεύτερη τάξη, ἡ τῶν ἀρχαγγέλων. Ἡ δοξολογία τους, πού ἄκουσε ὁ Ζαχαρίας, εἶναι "κύριε ἐλέησον τὰ πλάσματά σου" καὶ "ἕως τίνος οὐ μὴ ἐλέησης τὴν Ἱερουσαλήμ καὶ τὰς πόλεις Ἰούδα" [Ζαχ. 1,12].

Τρίτη τάξη, ἡ τῶν ἀρχῶν,²⁵ πού δοξολογοῦν τὶς ἀρχές τοῦ Θεοῦ λέγοντας "δόσω σοι ἔθνη τὴν κληρονομίαν σου καὶ τὴν κατάσχεσίν σου τὰ πέρατα τῆς γῆς" [Ψαλμ. 2,8].

Τέταρτη τάξη, ἡ τῶν δυνάμεων, πού δοξολογοῦν τὶς δυνάμεις τοῦ Θεοῦ λέγοντας "Κύριος δυνατὸς ἐν πολέμῳ" [Ψαλμ. 23,8].

Πέμπτη τάξη, ἡ τῶν θρόνων, πού δοξολογοῦν τοὺς θρόνους τοῦ Θεοῦ λέγοντας "ὁ θρόνος σου, ὁ Θεός, εἰς τὸν αἰῶνα τοῦ αἰῶνος· ῥάβδος εὐθύτητος ἢ ῥάβδος τῆς βασιλείας σου" [Ψαλμ. 44,7· Ἑβρ. 1,8].

Ἑκτη τάξη, ἡ τῶν ἐξουσιῶν, πού δοξολογοῦν τὴν ἱερωσύνη τοῦ Θεοῦ λέγοντας "σύ εἶ ἱερεὺς εἰς τὸν αἰῶνα" [Ψαλμ. 109,4].

Ἑβδομη τάξη, ἡ τῶν κυριοτήτων, πού δοξολογοῦν τὶς κυριότητες τοῦ Θεοῦ λέγοντας "ἡ βασιλεία σου βασιλεία τῶν αἰώνων" [Ψαλμ. 144,13].

Ὀγδοη τάξη, ἡ τῶν σεραφεΐμ, πού σημαίνει στόματα φωτιᾶς, καὶ

²⁴ Στὴν ἐπιστολὴ τοῦ Ἰούδα δὲν ὑπάρχει τίποτε τὸ παρόμοιο.

²⁵ Ὁ Ραρονιαν παραλείπει, ἐδῶ καὶ παρακάτω, τὰ ὀνόματα ἀρχές, δυνάμεις, θρόνοι, ἐξουσίες καὶ κυριότητες, καὶ παρουσιάζει ὅλους ὡς ἀγγέλους.

πὸν δοξολογοῦν μὲ τὸν τρισάγιο, πὸν ἄκουσε ὁ Ἡσαΐας, "ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος εἶ" [Ἡσ. 6,3· Ἀποκάλ. 4,8].

"Ἐνατη τάξη, ἡ τῶν χερουβείμ, πὸν σημαίνει ἀνώτεροι ἢ φρόνηση τοῦ μεγαλείου,²⁶ καὶ πὸν ἐπαινοῦν τὸ μεγαλεῖο τοῦ Θεοῦ λέγοντας "Κύριε τῶν δυνάμεων, πλήρεις οἱ οὐρανοὶ καὶ ἡ γῆ τῆς δόξης σου" [Ἡσ. 6,3].

Αὐτὲς εἶναι οἱ ἐννέα οὐράνιες τάξεις καὶ αὐτὸ εἶναι τὸ ἔργο τους. Δὲν πρέπει νὰ ὑποθέσουμε πὸς ὑπάρχουν ἄλλες τάξεις πέρα ἀπὸ αὐτές, ὅπως ὁ ἄθλιος Ὠριγένης, ὁ ὁποῖος ἀφανίσθηκε τελειῶς γιατί θεωροῦσε πὸς ὑπῆρχαν περισσότερες οὐράνιες τάξεις ἀπὸ αὐτὲς πὸν ἀναφέρθηκαν παραπάνω καὶ τὶς διαφοροποιοῦσε. Τερατολογῶντας²⁷ κατὰ κάποιον τρόπο, αὐτὸς εἶπε καὶ μερικὰ ἄτοπα γιὰ τὰ ἐν ὑψίστοις, ὅτι οἱ ἄγγελοι δὲν εἶναι ὁρατοὶ στοὺς ἀνθρώπους, ὅτι οἱ ἀρχάγγελοι δὲν βλέπουν τὶς ψυχὰς τῶν ἀνθρώπων, ὅτι τὸ Ἅγιον Πνεῦμα δὲν βλέπει τὸν Υἱόν, καὶ ὅτι ὁ Υἱὸς δὲν βλέπει τὸν Πατέρα. Ἐμεῖς ὅμως — μὴ γένοιτο νὰ ἐκστομίσουμε τέτοια βλασφημία! — πρέπει νὰ θεωροῦμε πὸς οἱ οὐράνιες δυνάμεις δοξολογοῦν τὸ θεῖον. Σύμφωνα μὲ τὴν σειρὰ τῆς θέσης τοῦ καθενός, αὐτοὶ διανέμουν τὸν φωτισμό· καὶ κατὰ τὸ μέτρο τοῦ φωτισμοῦ καταλαμβάνουν τὴν τάξη τους. Ὅποια εἶναι ἡ ὑπόσταση τοῦ Πατρὸς εἶναι καὶ ἡ ὑπόσταση τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος. Τὰ λεχθέντα γιὰ τὶς οὐράνιες τάξεις εἶναι ἀρκετά.

Ἡ δὲ Ἐκκλησία σὰν μιὰ ὠραία νύφη πὸν καλύπτει (τὸ πρόσωπό της) μὲ προσοχή γιατί προορίζεται γιὰ τὸν μεγάλο νυμφίον, τὸν γιὸν τοῦ βασιληᾶ, πὸν εὐπρεπίζει τὸ δωμάτιό της γιὰ νὰ τὸ κάνει ὅσο γίνεται πιὸ ὅμοιο μὲ (τὰ δωμάτια) τοῦ βασιλικοῦ παλατιοῦ καὶ νὰ τιμῆται ἔτσι (τὸν βασιλόπαιδα) ἔχοντας ἐπίγνωση τῆς οὐράνιας αὐτῆς τάξης, δημιούργησε καὶ δικές της τάξεις παρόμοιες πρὸς τὶς οὐράνιες, ἐννέα τὸν ἀριθμό, ἀφοῦ καὶ στὴν σκηνὴ παρίστανται ἐννέα τάξεις λευϊτῶν καὶ λειτουργῶν· ὅλοι δὲν ἀξιῶθηκαν τὴν ἴδια στάση, ἀλλὰ ὁ καθένας πῆρε ὑπηρεσία σύμφωνη πρὸς τὸ μέγεθος τῆς ἀξίας του [Ἀρ., 3, 4].

Πρώτη τάξη ὁ Μωϋσῆς, ὁ Ἄαρὼν καὶ οἱ γιοὶ τοῦ τελευταίου.

Δεύτερη τάξη ὁ δῆμος τοῦ Ἀμράμ.

Τρίτη τάξη ὁ δῆμος τοῦ Ἰσαάρ.

²⁶ Ὁ συγγραφέας ἐρμηνεύει τὴν ἐβραϊκὴ λέξη. Λανθασμένη μετάφραση στὸν Paponian.

²⁷ Χωρὶς ἄλλο στὸ ἐλληνικὸ κείμενο ὑπῆρχε ἡ λ. "τερατολογῶν." Στὰ ἀρμενικὰ μεταφράσθηκε hrašalis barbarelon, ἀπὸ τὴν λ. hrašk πὸν σημαίνει τέρας ἀλλὰ καὶ θαῦμα. Λανθασμένη μετάφραση στὸν Paponian.

Τετάρτη ὁ δῆμος τοῦ Χεβρών.

Πέμπτη ὁ δῆμος τοῦ Ὀζιήλ.

Ἑκτη ὁ δῆμος τοῦ Ρουβὴν.

Ἑβδόμη ὁ δῆμος τοῦ Σεμεί.

Ὀγδόη ὁ δῆμος τοῦ Μοολί.

Ἐνάτη ὁ δῆμος τοῦ Μουσί.

Ἐὰν κανεῖς πῆ ὅτι ὁ Μωϋσῆς καὶ ὁ Ἄαρὼν ἀνήκουν στοὺς δῆμους, ἄς γνωρίζει ὅτι ὁ Θεὸς τοὺς ξεχώρισε, γιατί ἦσαν ἱερεῖς καὶ τὸ ἔργο τους ἦταν νὰ προσφέρουν θυσία, νὰ θυμιάζουν θυμίαμα ἱλασμοῦ, νὰ κατεβάσουν τὴν σκηνὴ καὶ νὰ τὴν καλύπτουν μὲ κάλυμμα [Ἀρ. 4,6]. Ἄλλοι ἦσαν οἱ ὑπηρέτες πὸν προσέρχονταν καί, ἀνάλογα μὲ τὴν ἀξία τους, σήκωναν οἱ μὲν τὶς σανίδες καὶ τὸ ἱλαστήριον, οἱ δὲ τοὺς πασσάλους τῆς σκηνῆς, τὰ σχοινιά καὶ τὰ πιὸ μικρὰ σκεύη τοῦ ἁγιάσματος. (Ὁ Θεὸς) διέταξε τὸν Μωϋσῆ νὰ στέκεται ὄχι μὲ τὶς ἄλλες τάξεις, ἀλλὰ στὰ ἀνατολικά τῆς σκηνῆς.

Λοιπὸν ἀναφέραμε σαφῶς ὅτι οἱ τάξεις τῆς ἐκκλησίας, οἱ λευῖτες, εἶναι ἐννέα σύμφωνα μὲ τὴν Παλαιὰ Διαθήκη.²⁸

Ὡς χάριτες πὸν προέρχονται ἀπὸ τὸ Ἅγιο Πνεῦμα θεωροῦνται· λόγος σοφίας, λόγος γνώσεως, πίστις, χαρίσματα ἰαμάτων, ἐνεργήματα δυνάμεων, προφητεία, διακρίσεις πνευμάτων, γένη γλωσσῶν,²⁹ ἐρμηνεία γλωσσῶν [Α' Κορινθ. 12, 7-11].

Καὶ ὁ ἀπόστολος (Παῦλος) μᾶς παρουσιάζει σαφῶς ἐννέα τάξεις τῆς Ἐκκλησίας· μᾶς λέει ὅτι οἱ τάξεις τὶς ὁποῖες ὄρισε ὁ Θεὸς γιὰ τὴν Ἐκκλησία εἶναι οἱ ἐξῆς.

Πρώτη τάξη οἱ ἀπόστολοι.

Δεύτερη οἱ προφῆτες.

Τρίτη οἱ διδάσκαλοι.

Τέταρτη οἱ δυνάμεις.

Πέμπτη τὰ χαρίσματα ἰαμάτων.

Ἑκτη οἱ ἀντιλήψεις.

Ἑβδόμη οἱ κυβερνήσεις.

Ὀγδόη τὰ γένη τῶν γλωσσῶν.

Ἐνάτη ἡ ἐρμηνεία τῶν γλωσσῶν.

Σ' αὐτὲς ἀντιστοιχοῦν:

²⁸ Λανθασμένη μετάφραση στὸν Paponian.

²⁹ Λανθασμένη μετάφραση στὸν Paponian.

Πρώτη τάξη τῆς ἐκκλησίας οἱ πατριάρχες, πὺ ἐρμηνεύονται *hairarei*,³⁰ καὶ κατέχουν τοὺς τέσσερις θρόνους τῶν εὐαγγελιστῶν.

Δὲς τὸ θαυμάσιο τοῦ μυστηρίου. Ἄντι τῶν τετραμόρφων ζῶων, [Ἀποκάλ. 4,6-7· Ἰεζεκ. 10,14] μῆκαν οἱ ἅγιοι εὐαγγελιστές. Δηλαδή τὸ πρόσωπο τοῦ ἀνθρώπου ὁ Ματθαῖος, διότι λέγει ὅτι ὁ Χριστὸς γεννήθηκε ὡς ἄνθρωπος στὴ Βηθλεέμ [Ματθ. 2,1]. Ὁ δὲ Μᾶρκος προσωποποιεῖται μὲ λέοντα [Ἀποκάλ. 4,6-7· Ἰεζεκ. 10,14], ἐφόσον λέγει "ἐξῆλθε ὁ Χριστὸς ὡς λέων ἀπὸ τὸν Ἰορδάνην στὸ Δαθάν." Λέων ὀνομάζεται καὶ ὁ διάβολος [Ἀ' Πέτρ. 5,8], λόγῳ τοῦ σαρκοβόρου καὶ θηριώδους του ἤθους, διότι ἀρπάζει καὶ κατασπαράσσει τὰ ζῶα. Ὁ Σωτήρας μας ὀνομάσθηκε λέων χάρις στὴ δύναμή του καὶ διότι βασιλεύει ἐπὶ τῶν ἀνθρώπων.³¹ Τὸ ἴδιο λέει καὶ ὁ Μᾶρκος· ἐξῆλθε ὁ Χριστὸς ὡς λέων ἀπὸ τὸν Ἰορδάνη, δηλαδή νὰ βασιλεύσει.

Ὁ Λουκᾶς παρουσιάζεται μὲ πρόσωπο βοῦς, διότι λέγει "ὡς βοῦς ὁ ἐσφαγμένος (γιὰ τὴν σωτηρία) τοῦ κόσμου."³²

Ὁ Ἰωάννης παρουσιάζεται μὲ πρόσωπο ἀετοῦ, ὅπως δηλοῖ τὸ οὐράνιο κήρυγμα.³³ Αὐτὸς ἀρχίζει ὄχι ἀπὸ κτίσεως κόσμου οὔτε ἀπὸ τῆς ἐνανθρωπήσεως (τοῦ Κυρίου),³⁴ ὅπως ἄλλοι, ἀλλὰ σὰν ἀετὸς πὺ πετὰ γρήγορα μὲ τὰ φτερά του, ἀρχίζει (τὸ εὐαγγέλιό του) ἔτσι· "ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν, καὶ Θεὸς ἦν ὁ λόγος ... Πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο" [Ἰωάν. 1,1-3]. Ἀληθῶς τὸν ὀνομάζει³⁵ ἀετὸν ὑψιπέτη καὶ πτηνὸν τοῦ οὐρανοῦ.

Λοιπὸν ἐμεῖς παραβάλαμε τοὺς οὐρανοὺς μὲ τὴν Ἐκκλησία, τὰ τετράμορφα ζῶα μὲ τοὺς εὐαγγελιστὲς καὶ τοὺς τελευταίους μὲ τὴν τάξη τῶν πατριαρχῶν καὶ τῶν θρόνων τους. Πρεσβύτερος καὶ μέγας ὁ θρόνος τῆς Ἀντιοχείας τοῦ Ματθαίου, τῆς Ἀλεξανδρείας τοῦ Μάρκου, τῆς Ρώμης τοῦ Λουκᾶ καὶ τῆς Ἐφέσου τοῦ Ἰωάννη.

Μὲ τὴν τάξη αὐτὴ διοικήθηκε ἡ Ἐκκλησία ἕως τῶν ἡμερῶν τῆς βασιλείας τοῦ Ἰουστινιανοῦ, κατὰ τὰ τετράμορφα ζῶα, κατὰ τοὺς

³⁰ Ἀπὸ ἐδῶ καὶ πέρα ὁ Ἀρμένιος μεταφραστὴς ἀναφέρει τοὺς ἐλληνικοὺς ὄρους, τοὺς ὁποίους στὴ συνέχεια μεταφράζει στὰ ἀρμενικά.

³¹ Λανθασμένη μετάφραση στὸν Ραρονιαν.

³² Στὸ εὐαγγέλιο ἡ φράση αὐτὴ δὲν ἀπαντᾷ. Ὁ Bastamians καὶ οἱ μετ' αὐτὸν παραπέμπουν στὴν Ἀποκάλυψη (13,8), ἀλλὰ ἐκεῖ δὲν πρόκειται γιὰ βοῦν ἀλλὰ γιὰ ἀρνί.

³³ Λανθασμένη μετάφραση στὸν Ραρονιαν.

³⁴ Λανθασμένη μετάφραση στὸν Ραρονιαν.

³⁵ Δὲν εἶναι σαφὲς γιὰ τίνος κήρυγμα γίνεται ἐδῶ λόγος.

τέσσερις ποταμοὺς πὺ πηγάζουν ἀπὸ τὴν Ἐδέμ, κατὰ τὰ τέσσερα μέρη τῆς οἰκουμένης, κατὰ τὸν ἀριθμὸ τῶν τεσσάρων εὐαγγελιστῶν· διαιρέθηκε ὁ κόσμος κάτω ἀπὸ τὴν ἀρχὴ τῶν τεσσάρων εὐαγγελιστῶν. Ὅταν ἐβασίλευσε ὁ Ἰουστινιανός, αὐτὸς ἀποφάσισε νὰ μεταφέρῃ τὸν θρόνο τοῦ ἁγίου Ἰωάννη ἀπὸ τὴν Ἐφεσο στὴν Κωνσταντινούπολη. Ἐπεισε τὴν σύνοδο καὶ μετέφερε καὶ τὸν θρόνο τοῦ ἁγίου Ματθαίου ἀπὸ τὴν Ἀντιόχεια στὴν Ἱερουσαλήμ, ἐφόσον μέχρι τῶν χρόνων (τοῦ Ἰουστινιανοῦ) οἱ ἐπίσκοποι ἦταν αὐτοκέφαλοι· οὔτε αὐτοὶ ὑποτάσσονταν σὲ ἄλλους, οὔτε ἄλλοι σ' αὐτούς. Μεταφέρθηκαν οἱ θρόνοι αὐτοὶ στὴν Κωνσταντινούπολη, ἐπειδὴ αὐτὴ ἦταν πρωτεύουσα, καὶ στὴν Ἱερουσαλήμ, ἐπειδὴ αὐτὴ εἶναι ἡ πόλη τοῦ ἐπουράνιου βασιλεία. Πάντως οἱ ἅγιοι πατέρες ὠρίσαν στὴ σύνοδο ὅτι ὁ θρόνος τοῦ ἐπισκόπου τῆς Ἱερουσαλήμ πρέπει νὰ τίθεται πάνω ἀπὸ ὅλους τοὺς ἄλλους.

Ὅπως εἶπαμε, πρώτη τάξη τῆς ἐκκλησίας εἶναι οἱ πατριάρχες. Φοροῦν ἀποστολικὴ ἀμφίεση καὶ πενταπλοῦν³⁶ ὠμοφόριο. Ἔργο τοῦ πατριάρχη εἶναι νὰ χειροτονῇ τοὺς ἀρχιεπισκόπους, πὺ βρίσκονται στοὺς κλήρους τους στὰ τέσσερα μέρη τῆς οἰκουμένης. Αὐτὸς συγκαλεῖ τὴν σύνοδο.

Δεύτερη τάξη τῆς ἐκκλησίας, οἱ ἀρχιεπίσκοποι. Ἡ ἀμφίεσή³⁷ τους εἶναι ποδήρης χιτῶν,³⁸ φελώνιο καί, πάνω ἀπὸ αὐτά, ὠμοφόριον τετραπλοῦν. Ἔργο τους εἶναι νὰ χειροτονοῦν μητροπολίτες³⁹ καὶ νὰ εὐ-

³⁶ Δηλαδή πὺ περιτυλίσσεται πέντε φορές.

³⁷ Ὁ Ἀρμένιος μεταφραστὴς χρησιμοποιοεῖ, καὶ γιὰ τοὺς κληρικούς, καὶ γιὰ τοὺς αὐλικούς καὶ στρατιωτικούς, τὴν ἐλληνικὴ, ἀλλὰ ἤδη ἐξαρμενισθεῖσα λέξη, sk'em (σχῆμα). Στὴν Β διασκευή, ἀντὶ τοῦ sk'em ἀπαντᾷ ἡ ἀρμενικὴ λέξη zgest. Ἐμεῖς μεταφράζουμε μὲ τὴν λ. ἀμφίεση, ὅταν πρόκειται γιὰ κληρικούς, καὶ μὲ τὴν λ. στολή, ὅταν πρόκειται γιὰ αὐλικούς καὶ στρατιωτικούς.

³⁸ Στὰ ἀρμενικά ak'akan, λέξη τῆς ὁποίας ἡ σημασία εἶναι ἄγνωστη. Ὁ Bastamians ὑποθέτει πὺς πρόκειται γιὰ λέξη ἐλληνικὴ ἀλλὰ δὲν μπορέσαμε νὰ τὴν ταυτίσουμε. Σὲ ἓνα χειρόγραφο ἀπαντᾷ ἡ γλῶσσα "λευκὸ ἔνδυμα πὺ καλύπτει τὰ πόδια" (Bastamians 253, σημ. 522), πρᾶγμα πὺ ὁδήγησε τὸν Γρ. Sarkisian (*Bazmaver* [Βενετία 1927] 15-16) στὸ νὰ ἀναγνωρίσῃ τὴν ἀρμενικὴ ρίζα ak' = πόδι καὶ νὰ ἐρμηνεύσῃ τὸ ak'akan ὡς ποδήρης, telaris, vestis telaris.

³⁹ Στὴν Β διασκευή ὁ ἀντιγραφεὺς ἐρμηνεύει τὴν λ. μητροπολίται ὡς maïrak'alak'ac'i, πὺ ἀποδίδει ἀκριβῶς τὴν ἐλληνικὴ λέξη. Στὴ νέα ἀρμενικὴ γλῶσσα maïrak'alak' σημαίνει "πρωτεύουσα κράτους," maïrak'alak'ac'i δὲ τὸν

λογοῦν τὸ ἔλαιο τοῦ βαπτίσματος. Ἔχουν τὸ δικαίωμα νὰ χειροτονοῦν πατριάρχες.

Τρίτη τάξη τῆς Ἐκκλησίας οἱ μητροπολίτες, πὺ σημαίνει *mai-rak'alak'ac'ik'*. Αὐτοὶ φέρουν τὴ ἴδια ἀμφίεση ἀλλὰ τριπλὸ ὠμοφόριο. Ἔργο τους εἶναι νὰ χειροτονοῦν ἐπισκόπους καὶ νὰ εὐλογοῦν τὸ ἔλαιο τοῦ βαπτίσματος, στὸ ὁποῖο προστίθεται ἀπὸ τὸ ἀποστολικὸ ἔλαιο πὺ φυλάσσει ἢ Ἐκκλησία ἐν ἀφθονίᾳ. Τρεῖς μητροπολίτες ἔχουν δικαίωμα νὰ χειροτονοῦν ἀρχιεπισκοπὸ τους.

Τέταρτη τάξη τῆς Ἐκκλησίας εἶναι οἱ ἐπίσκοποι, πὺ φέρουν τὴν ἴδια ἀμφίεση, ἀλλὰ ὠμοφόριο διπλὸ. Ἔργο τους εἶναι νὰ χειροτονοῦν κάθε κληρικό.⁴⁰ Τρεῖς ἐπίσκοποι ἔχουν τὸ δικαίωμα νὰ χειροτονοῦν τὸν μητροπολίτη τους. Ἔργο τους εἶναι νὰ εὐλογοῦν τὴν (ἀγία) τράπεζα, τὸ βαπτιστήριον καὶ τὸ ἔλαιο τοῦ χρίσματος.

Πέμπτη τάξη τῆς Ἐκκλησίας οἱ ἱερεῖς καὶ οἱ παπᾶδες,⁴¹ δηλαδὴ οἱ *k'ahanaik'* καὶ οἱ *eritsounk'*. Οἱ ἱερεῖς μένουν στὶς πόλεις, οἱ δὲ παπᾶδες στὰ χωριὰ καὶ τὶς κῶμες. Καὶ οἱ δύο ὅροι ἔχουν τὴ ἴδια σημασία ἔχουν ὅμως διαφορετικὰ ὀνόματα λόγῳ τῆς τιμῆς (πὺ τοὺς ἀποδίδεται).⁴² Ἡ ἀμφίεσή τους εἶναι ἴδια μὲ τῶν ἐπισκόπων, ἀλλὰ χωρὶς ὠμοφόριο, μόνο πὺ στοὺς ὤμους τους ρίχνουν τὸ φακιόλιο.⁴³ Αὐτοὶ ἔχουν τὸ δικαίωμα νὰ ἴστανται στὸ βῆμα φορῶντας τὸ ἱμάτιο.⁴⁴ Ἔργο τους εἶναι νὰ τελοῦν τὴ (θεία) λειτουργία, νὰ χορηγοῦν τὴν μετάληψη, νὰ βαπτίζουν, νὰ εὐλογοῦν, νὰ λένε τὸ "Εἰρήνη πᾶσι" καί, ὅπου δὲν ὑπάρχει ἐπίσκοπος, νὰ εὐλογοῦν τὸν σταυρὸ καὶ τὴν θυσία. Μὲ τὴν ἄδεια τοῦ ἐπισκόπου, αὐτοὶ μποροῦν νὰ εὐλογοῦν τὸ ἔλαιο τοῦ χρίσματος καὶ νὰ χειροτονοῦν ἀναγνώστες,⁴⁵ ψάλτες καὶ μοναχοὺς.⁴⁶

πρωτευουσιάνο. Ὁ Παρονιαν μετέφρασε "ἐπίσκοποι πρωτεύουσας."

⁴⁰ Ἡ ἄρμενικὴ λέξη σημαίνει καὶ ἱερέα.

⁴¹ Στὸ κείμενο διατηρεῖται ἢ ἑλληνικὴ λέξη "παπᾶς."

⁴² Σύμφωνα μὲ τὴν ἱστορία τῆς Ἀρμενίας (βιβλ. 2, κεφ. 8) τοῦ Μωϋσῆ τοῦ Χωρηνοῦ (Ε' αἰ.), ὁ βασιλεὺς Valaršak διέταξε οἱ κάτοικοι τῶν πόλεων νὰ ἀπολαμβάνουν μεγαλύτερων τιμῶν ἀπὸ τοὺς κατοίκους τῶν χωριῶν.

⁴³ Στὴν διασκευὴ Β ἀπαντᾶ ἐδῶ ἢ λ. ὠράριον.

⁴⁴ Στὸ ἄρμενικὸ κείμενο *baškon*. Ἡ λ. αὐτὴ ἀπαντᾶ τέσσερις φορές στὴν ἄρμενικὴ μετάφραση τῆς Ἀγίας Γραφῆς ("Ἐξ. 22,26· Δ' Βασ. 9,13· Ματθ. 5,40· Λουκ. 6,29) γιὰ νὰ ἀποδώσει τὴν λ. ἱμάτιο τοῦ ἑλληνικοῦ πρωτοτύπου.

⁴⁵ Στὴν Α (Γ) διασκευὴ ὑπάρχει ἢ μεταγραμματισμένη ἑλληνικὴ λέξη *anapanos* (ἀναγνώστης), στὴν Β ἢ λ. *drir*, πὺ σημαίνει ἀναγνώστης. Καμμὶ δὲν σημαίνει διάκος, ὅπως μεταφράζει ὁ Παρονιαν.

Ἐκτη τάξη, τῶν διακόνων. Φέρουν τὴ ἴδια ἀμφίεση, ἀλλὰ εἶναι ἀσκεπεῖς, ἄζωνοι καὶ ρίχνουν στὸν ἀριστερό τους ὦμο τὸ ὠράριο.⁴⁷ Ἔργο τους εἶναι νὰ διαβάζουν τὸ εὐαγγέλιο, νὰ κηρύττουν, νὰ φέρουν ἀπὸ τὸ δωμάτιο⁴⁸ στὴ ἁγία τράπεζα τὸν δίσκο, τὸ ποτήριον καὶ τὸ ριπίδιον, νὰ προσφέρουν (τὴν ἁγία μετάληψη) ἐκτὸς τῆς ἁγίας τράπεζης.⁴⁹ Ὁ διάκονος θυμιατίζει καὶ ὑπηρετεῖ σὲ ὅ,τι ἀφορᾶ γενικῶς τὴν λειτουργία.⁵⁰ Αὐτοὶ ποτὲ δὲν κάθονται, μόνο τὴν νύχτα, καὶ αὐτὸ μόνο μὲ τὴν ἄδεια τοῦ ἱερέα. Ὑπάρχουν καὶ γυναῖκες χειροτονημένες διάκοι, πὺ ὀνομάζονται διακόνισσες, γιὰ νὰ κηρύττουν καὶ νὰ διαβάζουν τὸ εὐαγγέλιο στὶς γυναῖκες, ὥστε νὰ μὴ μπαίνουν ἄνδρες στὶς μονές τους, οὔτε αὐτὲς νὰ βγαίνουν ἀπὸ ἐκεῖ. Μόνο ὅταν οἱ ἱερεῖς τελοῦν τὴν βάπτισμα, οἱ διακόνισσες ἔρχονται στὸ βαπτιστήριον, δεδομένου ὅτι τὸ πλένουν μὲ ὕδωρ ἰλασμοῦ μέσα ἀπὸ τὸ παραπέτασμα οἱ γυναῖκες. Ἡ ἀμφίεσή τους εἶναι ἢ ἴδια μὲ τῶν μοναστριῶν, μόνο πὺ στὸ μέτωπό τους φέρουν σταυρὸ καὶ στὸν δεξιό τους (ὦμο) κρέμεται ὠράριο. Κι ἄς μὴ θεωρηθῆ ὅτι αὐτὸ εἶναι νεωτερισμὸς ἢ κάτι ἀθέμιτο· περὶ αὐτοῦ διδασκόμαστε ἀπὸ τὴν παράδοση τοῦ ἁγίου Ἀποστόλου, ἐφ' ὅσον αὐτὸς λέγει "συνίστημι δὲ ὑμῖν Φοίβην τὴν ἀδελφὴν ἡμῶν, οὗσαν διάκονον τῆς ἐκκλησίας" [Ρωμ. 16,1].

Ἔβδομη τάξη τῆς Ἐκκλησίας⁵¹ οἱ γραμματεῖς, πὺ εἶναι ἡμιδιάκοι. Ἡ ἀμφίεσή τους εἶναι διπλοῖς⁵² χωρὶς περιλαίμιο. Ἔργον τους εἶναι νὰ στέκονται στὸ βῆμα ἀσκεπεῖς καὶ ἄζωνοι, νὰ φέρουν τὰ ριπίδια, νὰ χύνουν νερὸ στὰ χέρια τῶν ἱερέων, νὰ θυμιάζουν καὶ νὰ μεριμνοῦν γιὰ τὰ ἄμφια τῶν ἱερέων.

Ὀγδοῦν τάξη τῶν ἀναγνώστῶν. Ἡ ἀμφίεσή τους⁵³ εἶναι νὰ κου-

⁴⁶ Ὁ Παρονιαν μεταφράζει "κληρικούς."

⁴⁷ Στὸ ἄρμενικὸ κείμενο *ougar*.

⁴⁸ Στὴν ἄρμενικὴ ἐκκλησία δὲν ὑπάρχει εἰδικὸς χῶρος γιὰ τὰ ἅγια σκευὴ κι ἔτσι ὁ μεταφραστὴς χρησιμοποίησε τὴν λ. δωμάτιο γιὰ νὰ ἀποδώσει τὸ σκευοφυλάκιο τοῦ ἑλληνικοῦ προτύπου του.

⁴⁹ Λανθασμένη μετάφραση στὸν Παρονιαν.

⁵⁰ Λανθασμένη μετάφραση στὸν Παρονιαν.

⁵¹ Ἀπὸ τὸ σημεῖο αὐτὸ καὶ πέρα ἢ ἀπαρίθμηση ἔχει μεταβληθῆ σὲ ὅλα τὰ χειρόγραφα τοῦ *Goš*, ἐκτὸς ἀπὸ ἓνα (πρβλ. πῶ πάνω, σελ. 241).

⁵² Δηλ. διπλοῦς μανδύας, δις περὶ τὸ σῶμα ἐλισσόμενος. Βλ. Δημητράκου, *Μέγα Λεξικόν...Γ'*, 2046.

⁵³ Ἐδῶ ὑπάρχει πιθανῶς παράλειψη — ἢ ὁ ἀντιγραφέας κατὰ λάθος ἔγρα-

ρεύουν την κόμη και να ξυρίζουν τα μαλλιά τους και να αναγιώσκουν άσκεπείς μέσα στο ναό, αλλά και έξω απ'αυτόν, στον κόσμο, τα προφητικά και αποστολικά κείμενα. Έργο τους είναι να στέκονται μπροστά στη θύρα της εκκλησίας και να απαγορεύουν την είσοδο στους δυσσεβείς, και να αποπέμπουν από την εκκλησία τους άμυήτους και όσους δεν δικαιούνται να μεταλάβουν. Όταν δὲ κηρύσσει ὁ διάκονος, αὐτοὶ ἐξέρχονται πρὸς τὴν θύρα καὶ προσεύχονται.

Ἐνατη τάξη, οἱ ψάλτες, δηλαδή οἱ ψαλμοῦδοι. Αὐτοὶ πρέπει νὰ παρουσιάζονται μόνο καὶ μόνο μὲ τὴν πλήρη ἀμφίεση τῶν κληρικῶν καὶ νὰ ἔχουν λευκοὺς χιτωνίσκους. Ἔργο τους εἶναι νὰ ψάλλουν μὲ τὴν φωνή τους τὴν στιχολογία.

Ὁ πατριάρχης, τὸν ὁποῖο οἱ Φράγκοι ὀνομάζουν Πάπαν, ἐκτελεῖ, ἐκτὸς ἀπὸ ὅσα ἀναφέραμε, καὶ ἓνα ἄλλο ἔργο, συντάσσει καὶ τὶς τάξεις τῶν βασιλέων. Ἐὰν ὁ ἄνθρωπος εἶναι εἰκόνα τοῦ Θεοῦ, καὶ ὅσοι εἰς Χριστὸν ἐβαπτίσθησαν, Χριστὸν ἐνεδύσαντο, αὐτὸ ἰσχύει περισσότερο γιὰ τοὺς πιστοὺς βασιλεῖς, οἱ ὁποῖοι φέρουν στὸ κεφάλι τους τὸ σημεῖον τοῦ Κυρίου.⁵⁴ Αὐτοὶ ὀφείλουν νὰ εἶναι μιμητὲς τοῦ Χριστοῦ, καὶ ὄχι μόνο νὰ ταπεινοφρονοῦν καὶ νὰ φέρουν στὸ σῶμα τους τὰ πάθη τοῦ Χριστοῦ, ἀλλὰ καὶ νὰ γίνονται μιμητὲς τῆς δόξας του, πὺ φανερώνει τὴ γλυκύτητα τοῦ Κυρίου καὶ Σωτῆρος μας.⁵⁵ Ἔτσι, ἅμα τὰ ἀκούσουν καὶ οἱ εἰδωλολάτρες βασιλεῖς, θὰ προθυμηθοῦν νὰ ἔλθουν νὰ προσκυνήσουν τὸν Κύριο καὶ Θεό μας.

Ἡ ὁμοιότητα μὲ τὶς οὐράνιες τάξεις εἶναι ἡ ἐξῆς:

Οἱ ἄγγελοι μὲ τὴν ἀποστολικὴ ἀμφίεση - μὲ τὶς προσευχῆς.

Οἱ ἀρχάγγελοι⁵⁶ - μὲ τὴν χλαμύδα.

Οἱ ἀρχῆς μὲ τὴν στρατεία καὶ ἀποστολικὴ ἀμφίεση - μὲ τὶς προσευχῆς.

Οἱ δυνάμεις - μὲ τὴν ἀποστολικὴ ἀμφίεση.

Οἱ θρόνοι - μὲ τὶς ὑπατεῖες.⁵⁷

Οἱ ἐξουσίες - μὲ τὴν ἀποστολικὴ ἀμφίεση.

Οἱ κυριότητες - μὲ τὸν στέφανο καὶ τὴν ἀποστολικὴ ἀμφίεση.

Τὰ σεραφεῖμ ἐξάπτερα.

ψε "ἡ ἀμφίεσή τους" ἀντὶ γιὰ "τὸ ἔργο τους."

⁵⁴ Τὸν σταυρό. Ὁ Παρονιαν ἀντιλαμβάνεται "τὰ σημεῖα τῆς ἐξουσίας."

⁵⁵ Φράσεις δυσνόητες, κομμάτια τῶν ὁποίων ἔχουν ἀπλῶς παραλειφθῆ ἀπὸ τὸν Παρονιαν.

⁵⁶ Ὁ Παρονιαν γράφει καὶ ἐδῶ "ἄγγελοι."

⁵⁷ Στὰ ἀρμενικὰ hurat.

Τὰ χερουβείμ ὀκτάπτερα καὶ πολυόμματα.

Ὁ ἅγιος βασιλεὺς Κωνσταντῖνος θεώρησε πὺς ὅλα αὐτὰ ἦταν δαιμονικὸς νόμος τῶν εἰδωλολατρῶν καὶ τὰ κατέλυσε καὶ τὰ διέλυσε· ἐναρμόνισε ἔτσι τὶς τάξεις τῶν οὐρανῶν καὶ τῆς ἐκκλησίας μὲ τὰ ἀξιώματα τῆς βασιλείας καὶ τοῦ παλατίου, καὶ ὥρισε πὺ θὰ στέκεται ὁ καθένας καὶ ποιὸ θὰ εἶναι τὸ καθήκον του ὡς ἐξῆς:

Πρώτη τάξη τοῦ παλατίου⁵⁸ οἱ σελεντιάριοι ([s]elendiar),⁵⁹ πὺ εἶναι φύλακες τοῦ χρυσοῦ valar.⁶⁰ Στολή τους εἶναι μανδύας (grat) μεταξωτὸς (metakseaik')⁶¹ vnzatin⁶² διακοσμημένος. Κρατοῦν χρυσῆς ράβδους. Δουλειά τους εἶναι νὰ εἰσάγουν τοὺς ἐπισκέπτες καὶ ὅσους ζητεῖ ὁ βασιλεὺς.

Δεύτερη τάξη οἱ βεστίτωρες (vestitor), πὺ στέφουν τὸν βασιλέα. Στολή τους μανδύας χρυσοῦφαντος (grat dipak).⁶³ Φέρουν στὰ κρυφὰ ἓνα ὄπλο μέσα σὲ χρυσὴ θήκη (koral).⁶⁴

Τρίτη τάξη οἱ κανδιδάτοι (kantitor),⁶⁵ πὺ κρατοῦν χρυσῆ κοντάρια.⁶⁶ Στολή τους ἱμάτιο βυσσινί⁶⁷ διακοσμημένο καὶ χρυσὸ μανιάκιο

⁵⁸ Ἐδῶ στὴν διασκευὴ Β χρησιμοποιεῖται ὡς ἐπεξήγηση ἡ λ. dagras, πὺ δείχνει προέλευση ἀπὸ τὴν ἀρμενικὴ Κιλικία. Βλ. πὺ πάνω, σελ. 242.

⁵⁹ Ὁ ὅρος ἔχει πλήρως παρανοηθεῖ ἀπὸ τοὺς Bastamians καὶ Παρονιαν πὺ τὸν συσχέτισαν μὲ τὴν "τιάρα."— Ἐδῶ καὶ παρακάτω, ὅταν μεταγράψουμε ἀρμενικὲς λέξεις παραλείπουμε στὸ τέλος τὴν ἀρμενικὴ κατάληξη τῆς ὀνομαστικῆς πληθυντικῆς (k').

⁶⁰ Ἄπαξ λεγόμενον, ὅπως καὶ τὸ belar, παρακάτω. Νομίζω πὺ εἶναι μεταγραφή τῆς λέξης βῆλον ἢ βηλάριον. Οἱ Παρονιαν καὶ Bastamians, ἀκολουθώντας τὸ Νέο Λεξικὸ τῆς ἀρμενικῆς γλώσσας (Βενετία 1836) (πὺ ἐτυμολογεῖ ἀπὸ τὸ φάλαρα -sic) μεταφράζουν ὡς "στέμμα," βασιλικὴ τιάρα."

⁶¹ Στὴν διασκευὴ Β, ἀντὶ μανδύας μεταξωτὸς, διαβάζουμε χρυσοῦφαντος χιτῶν (dipak).

⁶² Ἡ, σὲ μερικὰ χειρόγραφα, valnatin. Ὁ Karst συνδυάζει τὴν λ. μὲ τὴν ἑλληνικὴ βάλανο καὶ μεταφράζει mit eichelförmigen Besatz. Ἐὰν ἡ λ. σχετίζεται μὲ τὴν ἀρμενικὴ viz (αὐχὴν), θὰ μπορούσε νὰ ἀναφέρεται στὸ περιλαίμιο τοῦ μανδύα. Τὸ at θὰ μπορούσε νὰ εἶναι τὸ στερητικὸ, ὁπότε ἡ λ. θὰ σήμαινε "ἄνευ περιλαίμιου."

⁶³ Στὴν Β διασκευὴ "ἀργυροῦφαντος."

⁶⁴ Καὶ ἄλλο ἄπαξ λεγόμενον. Ὁ Χρ. Ἀτζαριαν συσχετίζει τὴν λέξη μὲ τὴν λατινικὴ copula. Ἡ ὑπόθεσή του ὅμως δὲν μοῦ φαίνεται πειστικὴ.

⁶⁵ Ὁ Παρονιαν μεταφράζει Gerold=ἄγγελιαφόρος.

⁶⁶ Ὁ Παρονιαν μεταφράζει "ὄπλο."

⁶⁷ Behez ktav. Στὴν διασκευὴ Β tzirani dipak = πορφυροῦς χιτῶν.

(maneak) στὸν ἀρχὴν τους. Κατὰ τὶς ἐξόδους τοῦ βασιλέα, αὐτοὶ μεταφέρουν τὸν ἄγιο σταυρό. Ἀπὸ αὐτοὺς προέρχονται τέσσερις ἄνδρες σπαθᾶριοι (spatxar),⁶⁸ οἱ ὁποῖοι φέρουν ὅπλα.

Τέταρτη τάξη οἱ προξίτορες (proxor),⁶⁹ πού φέρουν μάχαιρες (valer)⁷⁰ καὶ σιδερένιες ἀσπίδες. Στολή τους μανδύας λεπτὸς χρυσοῦφαντος. Κατὰ τὴν τελευταίη τοῦ βασιλέως αὐτοὶ ἐκφέρουν τὸ φέρετρο καὶ τὸ φορεῖο.⁷¹

Πέμπτη τάξη τοῦ παλατίου οἱ ἐξκουβίτορες (eskorotir). Αὐτοὶ εἶναι μεγαλόσωμοι, κρατοῦν ἀσπίδες μὲ κύρτωμα στὴ μέση καὶ μικροὺς θυρεοὺς. Στολή τους, μανδύας λινὸς ἴσιος, σουδάριο καὶ καμπάγια μὲ πόρπη⁷² καὶ διπλὴ χρυσὴ ζώνη. Ἀπὸ αὐτοὺς προέρχονται οἱ σκριβωνες (skrboun) καὶ οἱ μανδάτωρες (mandator).⁷³

Ἑκτη τάξη τοῦ παλατίου, οἱ στρατῶρες (strator), οἱ ὁποῖοι σελλῶνουν τὸ ἄλογο καὶ ἐπικαθίζουσιν τὸν βασιλέα. Στολή τους, μανδύας ἀποκαλαμὴν (arou kalamin grat)⁷⁴ κοσμημένος καὶ καββάδιν (karak).⁷⁵ Κρατοῦν ἀμφίστομο σπαθὶ καὶ μικρὴ ἀσπίδα.

⁶⁸ Ὁ ὅρος αὐτὸς δὲν ἀπαντᾷ στὴν Β διασκευή, ὅπου ἀναφέρεται ὅτι οἱ τέσσαρες ἄνδρες μεταφέρουν τὰ ὅπλα (τὸ ἄρμα;) τοῦ βασιλέως.

⁶⁹ Στὸν Smbat: proxor. Ὁ Karst ἀναρωτιέται: "προσεκούτορες;" Ὁ Οἰκονομίδης ἀναρωτιέται: "προτήκτορες;"

⁷⁰ Ἀντίθετα πρὸς τὸν Paronian, πὺ μεταφράζει ἐδῶ "σιδερένια περικεφαλαία," ἀναγνωρίζω τὴν ἄρμενικὴ λέξη valr=μάχαιρα, πέλεκυς.

⁷¹ Ὁ Paronian μεταφράζει "μαξιλαράκι μὲ παράσημα."

⁷² Στὶς διασκευὲς Β καὶ Γ προστίθεται: "καὶ καλλίγια (gall[er]) στὰ πόδια."

⁷³ Ὁ Paronian μεταφράζει "οἱ γραμματεῖς καὶ οἱ τραγουδιστές."

⁷⁴ Ἐκφραση δυσερμήνευτη, ἐφόσον δὲν μπορεῖ νὰ συσχετισθεῖ μὲ τὸ ἑλληνικὸ ἀποκαλάμη (ἄχυρο πὺ μένει στὸν ἀγρὸ μετὰ τὸν θερισμό). Ὁ Karst (77) τὴν συσχετίζει μὲ τὴν ἀραβο-περσικὴ abū-qalmūn καὶ ἐρμηνεύει buntschillernd gestreifter Waffenrock. — Στὴν Β διασκευὴ ἔχουμε τὴν παραλλαγή ourenour kara (ἄλλο ἄπαξ λεγόμενον), τὴν ὁποία ὁ Karst ἐρμηνεύει buntgestreifter Waffenrock. Ἐφόσον ἡ συλλαβὴ εν φαίνεται πὺ εἶναι ὁ συμπλεκτικὸς σύνδεσμος "καί," ἀναρωτιέμαι μήπως τὸ our σχετίζεται μὲ τὸ βυζαντινὸ "ροαῖος, ροῆς, σαγία ροῆς" πὺ μνημονεύεται στὸν Φιλόθεο. Στὰ ἄρμενικὰ τὸ ρόδι λέγεται pour.

⁷⁵ Ἀπὸ τὴν ἀραβικὴ qara, πὺ σημαίνει χιτῶν, ἀνοικτὸ μπροστὰ ἔνδυμα. Περσ. qaba, τουρκ. kebe, κουρδ. kana, kova, νεοελλην. κάπα. Ὁ Γρηγόριος μάγιστρος (†1058/59) γράφει: "οἱ Ἕλληνες δὲν συνηθίζουν νὰ φοροῦν kara· πῆραν τὴν λέξη ἀπὸ ἐμᾶς (τοὺς Ἀρμενίους), τὴν παραμόρφωσαν καὶ τὴν ὀνομάζουν καββάδιν" (N. Adontz, *Denys de Thrace et les commentateurs arméniens* [Louvain 1970] 228).

Ἑβδομη τάξη τοῦ παλατίου οἱ σχολᾶριοι (sk'olar). Στολή τους, μανδύας λινὸς μὲ χρυσοῦφαντα μανίκια. Φέρουν κοντάρια καὶ μαῦρες ἀσπίδες. Ἀπὸ αὐτοὺς προέρχονται καὶ οἱ ὀνομαζόμενοι σιγνάτορες (sign[aik]), πὺ φέρουν τὴν σημαία καὶ τὴν δρακοντοκεφαλή.⁷⁶

Ὀγδοη τάξη, οἱ δεκανοὶ (dekanion), πὺ εἶναι τοξότες. Φέρουν διπλές ράβδους καὶ ἀπλές ἀκαλλώπιστες ἀσπίδες. Στολή τους, μανδύας κόκκινος ἀπὸ κατσικίσιο μαλλί.⁷⁷ φοροῦν ὑποδήματα. Κατὰ τὴν ἐξοδο⁷⁸ τοῦ βασιλέως, αὐτοὶ ἐπιβλέπουν τὸν ὄχλο. Οἱ Ἑβραῖοι τοὺς ὀνομάζουν χερεθίν.

Ἐνατη τάξη τοῦ παλατίου, οἱ κούρσωρες (kürsor), οἱ ὁποῖοι εἶναι ἀγγελιαφόροι πεζοί. Στολή τους, μανδύας βαμβύκηνος διακοσμημένος μὲ κεντήματα, καὶ περικνημίδες. Φοροῦν πέδιλα. Αὐτοὶ εἶναι ὑπηρετές τῆς αὐλῆς. Οἱ Ἑβραῖοι τοὺς ὀνομάζουν ὀφελεθίν.⁷⁹ Ὅλοι στέκονται ἀσκεπεῖς καὶ φοροῦν ζῶνες· μόνο αὐτοὶ (οἱ κούρσωρες) εἶναι ξέζωστοι.

Αὐτὲς εἶναι οἱ τάξεις τῶν φυλάκων τοῦ παλατίου, στὴν κάθε τάξη στρατιωτικοὶ βαρβᾶτοι, ἔξω ἀπὸ τὸ χρυσὸ belar.⁸⁰ Αὐτὲς εἶναι ἡ ὑπερσία καὶ ἡ στολή τοῦ καθενός.

Ἐπὶ τῶν ὑπηρετῶν τοῦ παλατίου, καὶ βαρβᾶτοι καὶ εὐνοῦχοι, οἱ ὁποῖοι δὲν περιλαμβάνονται στὶς ἐννέα στρατιωτικὲς τάξεις, ἀλλὰ εἶναι ἀδέσμευτοι· δὲν ἔχουν (εἰδικὲς) τάξεις, ὁ ἀριθμὸς τους εἶναι ἀπεριόριστος, ὁ τόπος φρουρᾶς τους (ἀπροσδιόριστος)· κάποτε εἶναι πολλοί, κάποτε λίγοι.

Πρῶτοι οἱ demetritos,⁸¹ αὐτοὶ πὺ ἀνακοινῶνουν τὶς διαταγές.⁸²

Δεύτεροι οἱ ρεγεωνᾶριοι (rek'inar, reginar),⁸³ πὺ ἀναγινώσκουν

⁷⁶ Ἀνακριβῆς ἢ μετάφραση τοῦ Paronian.

⁷⁷ Paronian: ἀπὸ δέρμα κατσικᾶς.

⁷⁸ Drsmonis, λέξη ἀθησαύριστη. Τὴν συσχετίζω μὲ τὴν λέξη dours=ἔξω. Στὴν Β διασκευὴ γράφεται: "ὅταν ὁ βασιλεὺς βγαίνει ἔξω (dours) γιὰ t'amaša. Ἡ τελευταία αὐτὴ λέξη εἶναι περσικὴ καὶ σημαίνει "περίπατος" ἀλλὰ καὶ "θέατρο" (γιὰ τοὺς Βυζαντινοὺς "ἵππόδρομος").

⁷⁹ Γιὰ τὶς ἑβραϊκὲς λέξεις χερεθίν καὶ ὀφελεθίν, βλ. Β' Βασ. 8,18· 15,18· 20,7· Γ' Βασ. 1,38, 44· Α' Παραλ. 18,17.

⁸⁰ Πρβλ. ὑποσ. 60.

⁸¹ Λέξη ἄγνωστη. Οἱ Bastamiants καὶ Karst τὴν συνδέουν πρὸς τὸ λατινικὸ dimitto= στέλλω, ἀποστέλλω. Ἀλλὰ κι αὐτὸ δὲν δίνει νόημα.

⁸² Patgamasats. Patgam= λόγος, ῥῆμα· asats=ὁ λέγων. Ὑποθέτω οἱ κοινοποιοῦντες τὶς διαταγές τοῦ βασιλέως.

⁸³ Ἀπίθανες θεωρῶ τὶς ἐρμηνεῖες τῶν Bastamiants (ἀπὸ τὸ requiro!) καὶ

ἐνώπιον τοῦ βασιλέως τις δηλώσεις.⁸⁴

Τρίτοι οἱ ἀσηκρήτες (asin krik'),⁸⁵ οἱ ἐπιστολογράφοι τοῦ βασιλέως.

Τέταρτοι οἱ βαλνιάρητες (venetor, vinetor), οἱ ὅποιοι ἐτοιμάζουν τὸ λουτρό καὶ λούουν τὸν βασιλέα.

Πέμπτοι οἱ τρικλινάριοι (triglinar), οἱ ἐπὶ τῆς τραπέζης. Αὐτοὶ εἰσάγουν στὸν βασιλέα τοὺς καλεσμένους σὲ συνεστίαση.⁸⁶

Ἄπο ἐκτομίες⁸⁷ ἀποτελοῦνται οἱ ἀκτάριοι (aktar),⁸⁸ ποὺ εἶναι σημειογράφοι,⁸⁹ καὶ οἱ λεγόμενοι ὄπιτάριοι, αὐτοὶ ποὺ χύνουν νερὸ στὰ χέρια τοῦ βασιλέως.⁹⁰

Ἀποκρισιάριοι (apokrisiar) ὀνομάζονται οἱ θεράποντες τῆς ἐκκλησίας. Φύλακες (p'lakon)⁹¹ εἶναι αὐτοὶ ποὺ ψάλλουν τὰ τροπάρια· ἀλλοιῶς δὲν δεσμεύονται ἀπὸ συγκεκριμένη ὑπηρεσία.⁹²

Σπουδαῖοι (spoudek')⁹³ εἶναι οἱ μοναχοὶ τῆς πόλης, καθῆκον τῶν ὁποίων εἶναι νὰ ψάλλουν τὰ gobola,⁹⁴ τὶς λειτουργίες καὶ τοὺς κανόνες.

Οἱ ἀββᾶδες (abas) καὶ οἱ μονάζοντες (monozon) φοροῦν τρίχινη ἀμφίεση καὶ μετέχουν στὴ λειτουργία μὲ ζῆλο.

Οἱ φύλακες καὶ οἱ σπουδαῖοι εἶναι μοναχοί, δηλαδὴ miavork.⁹⁵

Οἱ dometikos⁹⁶ εἶναι οἱ θεσμοθέτες· αὐτοὶ μελετοῦν τὴ θεολογία

Torosian, Karst, Atzarian (ἀπὸ τὸ recitator).

⁸⁴ Τὶς δικές τους δηλώσεις ἢ τοῦ λαοῦ, ὅχι τοῦ βασιλέως, ὅπως ἐρμηνεύει ὁ Paronian.

⁸⁵ Παρασυρμένοι ἀπὸ τὴν ψευδῆ ἐτυμολογία τοῦ Ἀρμενίου ἀντιγραφέα, οἱ προηγούμενοι μεταφραστές δὲν ἀναγνώρισαν ἐδῶ τὸν βυζαντινὸ ὄρο.

⁸⁶ Ὁ Ν. Οἰκονομίδης ἀναρωτιέται μήπως πρόκειται γιὰ τοὺς ἀτρικλίνες.

⁸⁷ Κοτορ=κλάσμα, κοπή. Πρβλ. καὶ πιὸ πάνω, kurt=ἐκτομίας. Ὁ Bastamians καὶ ὁ Paronian μιλοῦν γιὰ σωματοφύλακες (ἀπὸ τὸ λατινικὸ cautor).

⁸⁸ Ὁ Ν. Οἰκονομίδης ἀναρωτιέται μήπως πρόκειται γιὰ τὸν ἀκτουάριο.

⁸⁹ Paronian: συντάκτες πρωτοκόλλων.

⁹⁰ Ὁ Ν. Οἰκονομίδης ἀναρωτιέται μήπως πρόκειται γιὰ τοὺς νιψισταρίους.

⁹¹ Κακῶς οἱ Bastamians καὶ Karst ἀναγνωρίζουν ἐδῶ τοὺς ψάλτες (ποὺ ἔχουν ἀναφερθεῖ παραπάνω). Στὸ Νέο Λεξικὸ (βλ. πιὸ πάνω, ὑποσ. 60, Α', 365) μεταφράζουν νυκτοφύλακες, φρουροί, γρηγοροῦντες.

⁹² Λανθασμένη μετάφραση στὸν Paronian.

⁹³ Τὸ k' εἶναι ἡ κατάληξη τῆς ἀρμενικῆς ὀνομαστικῆς πληθυντικῆς.

⁹⁴ Λειτουργικὸς ὄρος ποὺ δηλώνει ὁμάδα δύο ἕως τεσσάρων τροπαρίων, τὸ ἀντίστοιχο πρὸς τὴν ὥδη τοῦ κανόνος.

⁹⁵ Miavork εἶναι ἡ ἀρμενικὴ μετάφραση τοῦ ἐλληνικοῦ μοναχός.

τῶν ἔξω καὶ διδάσκονται ἀπὸ τοὺς ἐκκλησιαστικούς.

Ὅλοι αὐτοὶ δὲν συμπεριλαμβάνονται στὶς ἐννέα τάξεις τῆς Ἐκκλησίας, δὲν ἔχουν συγκεκριμένη ὑπηρεσία, δὲν ἀνεβαίνουν στὸν ἄμβωνα, δὲν μπαίνουν στὸ βῆμα, ἀλλὰ ὅλοι εἶναι ὑπηρετές. Δοξολογοῦν στὸν οἶκο τοῦ Θεοῦ ὅπου ἐτάχθησαν.

⁹⁶ Δομέστικος; Κατὰ τὸν Bastamians, δογματικός, δογματιστής.

‘Ο ‘Ιωάννης ‘Ατμάνος, ἡγούμενος τῆς ἐν Φιλιππουπόλει ἄρμενικῆς μονῆς, καί ὁ ρόλος του στίς ἄρμενο-βυζαντινές ἐκκλησιαστικές διαπραγματεύσεις ἐπί τοῦ καθολικοῦ (πατριάρχη) Νέρσεος Δ΄ τοῦ Χαριέντος (1166-1173)

ΧΡΑΤΣ ΜΠΑΡΤΙΚΙΑΝ

Μετά τή Σύνοδο τοῦ Δβίν τό 554, ὅταν ἡ ἄρμενική ‘Εκκλησία, ἀπορρίψασα τίς ἀποφάσεις τῆς Δ΄ Οἰκουμενικῆς Συνόδου τῆς Χαλκηδόνας (451), ἀποσπάσθηκε ἀπό τήν ‘Ανατολική ‘Ορθόδοξο ‘Εκκλησία, ἡ βυζαντινή κυβέρνηση ἀπεπειράθη ἐπανειλημμένως νά ἐξαλείψει τό δημιουργηθέν μεταξύ τῶν δύο ‘Εκκλησιῶν καί λαῶν χάσμα. Σ’ αὐτό ἀπέβλεπαν οἱ προσπάθειες τοῦ αὐτοκράτορος ‘Ηρακλείου τόν Ζ΄ αἰῶνα, τοῦ πατριάρχη Φωτίου τόν Θ΄, τοῦ πατριάρχη Νικολάου τοῦ Μυστικοῦ τόν Ι΄ αἰῶνα. ‘Ο σκοπός πού προέτρεπε τήν βυζαντινή κυβέρνηση σ’ αὐτό εἶναι πολύ σαφές. Αὐτή ἐσπευδε νά ἐξαλείψει τήν αὐτοτέλεια τῆς ἄρμενικῆς ‘Εκκλησίας, στήν ὁποία θά ἐπακολουθοῦσε ἡ πολιτική ὑπόταξη τῆς χώρας.

Μετά τή συγκρότηση τοῦ ἄρμενικοῦ κράτους τῆς Κιλικίας κατά τά τέλη τοῦ ΙΑ΄ αἰῶνος καί τῶν ἀνευδῶτων ἀποπειρῶν τοῦ Βυζαντίου νά ἀποστερήσει τούς ‘Αρμενίους τῆς ἀνεξαρτησίας, στήν ἡμερησία διάταξη τῆς ἐξωτερικῆς πολιτικῆς τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας πάλιν ἐτέθη τό ζήτημα τῆς ἔνωσης τῆς βυζαντινῆς καί τῆς ἄρμενικῆς ‘Εκκλησίας. Τό Βυζάντιο δέν ἀπέκρυπτε, ὅτι ὁ τελικός του σκοπός ἦταν ἡ ὑπόταξη τῆς ἄρμενικῆς ‘Εκκλησίας στό Πατριαρχεῖο τῆς Κωνσταντινουπόλης. ‘Ο κύριος παράγων ἀπό τό μέρος τῆς αὐτοκρατορίας στίς διαρκεσάσας ἄνω τῶν δέκα ἐτῶν διαπραγματεύσεις μέ τό ἄρμενικό Πατριαρχεῖο στό Ρωμαίων Κουλά (Ρουμκαλά) ἦταν ὁ αὐτοκράτωρ Μανουήλ Α΄ ὁ Κομνηνός (1143-1180), ἀπό τό μέρος τῶν ‘Αρμενίων ὁ πατριάρχης Νερσές ὁ Δ΄ ὁ Χαρίεις. Οἱ διαπραγματεύσεις αὐτές εἶχαν ἀρχίσει ἀκόμη ἐπί τοῦ πατριάρχη τῶν ‘Αρμενίων Γρηγορίου τοῦ Γ΄ (1113-1166).

Στό ἄρθρο μας αὐτό δέν ἔχουμε σκοπό νά ἀναφερθοῦμε στό δογματικό τῶν διαβουλεύσεων μεταξύ τῆς βυζαντινῆς καί ἄρμενικῆς ‘Εκκλησίας, στήν οὐσία τῶν συζητήσεων, ἐρίδων μεταξύ τῶν ἀπεσταλμένων τοῦ βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος καί

τῆς κεφαλῆς τῆς ἄρμενικῆς ‘Εκκλησίας. Αὐτές λίγο διαφέρουν ἀπό τίς ἐριδες καί διαβουλεύσεις τοῦ παρελθόντος, ἐξάλλου γι’ αὐτό ἔχουν γραφεῖ ἀρκετά¹.

“Ὅπως σημειώσαμε, ὁ πρωτουργός τοῦ νέου κύκλου τῶν ἄρμενοβυζαντινῶν ἐκκλησιαστικῶν διαβουλεύσεων ἦταν τό Βυζάντιο. “Ὅταν ὁ Νερσές ὁ Χαρίεις ἦταν ἀκόμη ἐπίσκοπος, ἤδη γνωστός θεολόγος, τό 1165 παρουσίασε στόν ‘Αλέξιο, βυζαντινό δικαϊκῆ στήν Μοψουεστία τό κείμενο τῆς ὁμολογίας τῆς πίστεως τῆς ἄρμενικῆς ‘Εκκλησίας, φυσικά, μετά τήν ἀπαίτηση αὐτοῦ ἀπό τήν βυζαντινή αὐλή. ‘Η ἀπόκριση στό κείμενο τοῦ Νερσές τοῦ Χαριέντος ἦταν ἡ ἐπιστολή τοῦ αὐτοκράτορος Μανουήλ τοῦ Κομνηνοῦ ἡμερομηνίας Σεπτεμβρίου τοῦ 1166 ἔτους, καί ἀποσταλεῖσα στόν καθολικό Γρηγόριο διά τοῦ Σεμπάτ, βυζαντινοῦ αὐλικοῦ, ὅπως μαρτυρεῖ τό ὄνομά του, ‘Αρμενίου τήν καταγωγήν. Στήν ἐπιστολή του αὐτή ὁ αὐτοκράτωρ παρακαλοῦσε τόν καθολικό νά στείλει στήν Κωνσταντινούπολη τόν ἀδελφό του Νερσές τόν Χαριέντα γιά διαβουλεύσεις ἐπί τοῦ γνωστοῦ θέματος. ‘Αλλά ἐν τῷ μεταξύ ὁ καθολικός Γρηγόριος εἶχε ἀποβιώσει, ὁ δέ διαδεχθεῖς αὐτόν Νερσές ὁ Χαρίεις, φυσικά, δέν μπορούσε νά ἀναχωρήσει πρὸς τήν βασιλεύουσα. Τήν ἀπόκριση στήν ἐπιστολή τοῦ αὐτοκράτορος αὐτός τήν ἔστειλε μέσφ τοῦ ρηθέντος ἄνωθεν Σεμπάτ. Σ’ αὐτήν ὁ Νερσές ἔγραφε, ὅτι δέν εἶναι εἰς θέσιν νά ἐγκαταλείψει τό Ρωμαίων Κουλά, καί παρακαλοῦσε

1. Τήν ἐκτενῆ βιβλιογραφία βλ. Λ. ΖΕΚΙΑΝ, “Ένας διάλογος γιά τήν ἔνωση τῶν ‘Εκκλησιῶν τόν ΙΒ΄ αἰῶνα. Περιοδικό τῶν ‘Αρμενίων Μχηταριστῶν τῆς Βενετίας «BAZMAVER» («Πολυστρω»), 1977, σελ. 592, ὑπ. 1 (στά ἄρμενικά). Βλ. ἐπίσης ΙΩΑΝΝΗΣ ΚΑΡΜΠΗΣ, Σχέσεις ‘Ορθοδόξων καί ‘Αρμενίων καί ἰδίως ὁ κατά τόν ΙΒ΄ αἰῶνα θεολογικός διάλογος μεταξύ αὐτῶν, Πανεπιστήμιον ‘Αθηνῶν, ‘Επιστημονική ‘Επιτηρίδα τῆς Θεολογικῆς Σχολῆς, τόμος ΙΣΤ΄, ‘Εν ‘Αθήναις 1968, σελ. 326-417.

τόν Μανουήλ τόν Κομνηνό νά στείλει άπεσταλμένους ή, εάν αυτό είναι δυνατόν, νά έλθει ό ίδιος, χωρίς νά θεωρήσει τό βήμα αυτό ταπεινωτικό. 'Η άπάντηση του αυτοκράτορος στόν Νερσές διεσώθη άπως στό έλληνικό πρωτότυπο, έτσι και στην άρμενική μετάφραση, πού, είναι δυνατόν, πραγματοποιήθηκε στό άρμενικό Πατριαρχείο μετά τήν λήψη της. 'Ο Μανουήλ έπεινούσε τόν καθολικό γιά τήν έτοιμότητά του νά συμβάλλει στην ένωση τών δύο 'Εκκλησιών και του γνωστοποιούσε: «... επί τούτο τόν παρόντα λίζιον της βασιλείας μου τόν μάλιστα Θεωριανόν και φιλόσοφον πρός τήν ήμετέραν εύλάβειαν ή βασιλεία μου εξαπέστειλε, σύν άμα τῷ καθηγουμένῳ τῆς 'Αρμενικῆς μονῆς τῆς ἐν Φιλιππουπόλει τῷ 'Ατμάνῳ, ἐφ' ᾧ ἀπαγγεῖλαι σοι τά δοκοῦντα περί τῆς τιοαύτης υποθέσεως τῆ τε ἀγιωτάτῃ 'Εκκλησίᾳ καί τῆ βασιλείᾳ μου»².

'Ο αυτοκράτωρ θέλοντας νά υπογραμμίσει τήν έμπιστοσύνη του πρός τόν Θεωριανό και τόν 'Ατμάνο, τήν άπόλυτη πληρεξουσιότητα τήν όποία παρέχει σ' αυτούς, πιστοποιούσε τόν καθολικό Νερσές, ότι μπορεί όλοκλήρως νά δώσει πίστιν στά λεγόμενα αυτών: «καί δύναται ή ύμετέρα σύνεσις πιστεῦσαι τοῖς παρ' αὐτῶν λαληθησομένοις»³.

'Η άρμενική μετάφραση του ενδιαφέροντος έμας μερους της επιστολής του Μανουήλ συμπίπτει μέ τό κείμενο του έλληνικού πρωτοτύπου, μόνον αντί «τῷ 'Ατμάνῳ» του πρωτοτύπου, ή άρμενική μετάφραση έχει «τῷ 'Ιωάννῃ 'Ατμάνῳ» από τό όποιο γίνεται γνωστό, ότι 'Ατμάνος είναι τό επίθετο του ήγουμένου της εν Φιλιππουπόλει 'Αρμενικῆς μονῆς, τό δέ όνομά του ήταν 'Ιωάννης⁴.

Στήν έκδοση του έλληνικού πρωτοτύπου έπεται τό εκτενέστατο κείμενο της δογματικῆς συζήτησης μεταξύ του Θεωριανου και του καθολικου Νερσές. Στήν αρχή του ως άνωθεν κειμένου ό Θεωριανός γράφει, ότι τό 6678 από της του κόσμου κτίσεως έτος (1170), τό εικοστό όγδοο έτος της βασιλείας του Μανουήλ Κομνηνου, τρίτης Ινδικτιώνος, τήν δεκάτην πέμπτην Μαΐου, ό Θεωριανός και ό 'Ατμάνος άφίχθησαν στό Ρωμαίων Κουλά, στό άρμενικό Πατριαρχείο, και χαιρετίσαντες τόν 'Αρμενιο καθολικό έξ όνόματος του αυτοκράτο-

ρος, έπέδωσαν σ' αυτόν τήν αυτοκρατορική επιστολή, γιά τήν όποία έγινε λόγος άνωθεν, όνομάζοντες τούς έαυτούς τους «ελαχίστους δούλους» του αυτοκράτορος. 'Επεται τό κείμενο της συζητήσεως.

'Ο Θεωριανός δέν ήξερε άρμενικά, πάντως παρουσιάσθηκε ως μή γνώστης της άρμενικῆς, ό δέ καθολικός Νερσές, όπως φαίνεται, δέν ήξερε καλά τά έλληνικά, ή δέν ήξερε καθόλου. 'Αλλως δέν είναι δυνατόν νά εξηγήσουμε τήν παρουσία έρμηνεύς στις διαβουλεύσεις. 'Ο έρμηνεύς όνομάζετο Μιχαήλ, και ήταν ίερωμένος (πρεσβύτερος)⁵, τό πιθανότερο, όχι εντόπιος, αλλά άφιχθείς από τήν Κωνσταντινούπολη. 'Αναμφιβόλως, αυτός ήταν διφυσίτης (χαλκηδονίτης), διότι στις μυστικές διαβουλεύσεις του Νερσές και του Θεωριανου ό πρώτος δέν θά ήθελε νά εκφράσει τις έμπιστευτικές του προθέσεις παρουσία ανθρώπου όμολογούντος τήν πίστη σύμφωνα μέ τις παραδόσεις της άρμενικῆς 'Εκκλησίας. 'Όπως έγραφε ό Θεωριανός, ό έρμηνεύς Μιχαήλ ήταν «άγροικος» αυτός «ού μόνο ότι γραμματικήν ουκ οἶδεν, ουδέ τήν 'Ελληνίδα πεζήν διάλεκτον καλῶς εξεπίσταται»⁶.

Ξεκινώντας από τό ό,τι είπαμε άνωτέρω, πρέπει νά υποθέσουμε, ότι ό διερμηνεύς Μιχαήλ ήταν 'Αρμενιος. Μās συνέχει ή έρώτηση: ό 'Ιωάννης 'Ατμάνος ήξερε θαυμάσια και τά άρμενικά και τά έλληνικά, γιατί αυτός δέν ανέλαβε τόν ρόλο του διερμηνεύς; Μήπως αυτό ήταν γι' αυτόν εξευτελιστικό; 'Η κάτω από αυτό κρύβεται κάτι τό σοβαρότερο; Είναι γνωστό, ότι τήν άπόκριση του καθολικου Νερσές στην επιστολή του αυτοκράτορος Μανουήλ τήν μετέφρασε στα έλληνικά (και μετέφρασε θαυμάσια) αυτός ό 'Ιωάννης 'Ατμάνος («εξελληνισθέν παρά τό μοναχου του 'Ατμάνου του από Φιλιππουπόλεω»)⁷. Αυτό σημαίνει, και έμεις θά πεισοθούμε σ' αυτό περαιτέρω, ότι οί διαβουλεύσεις μεταξύ τών Νερσές και Θεωριανου διεξήγοντο εν άπουσία του 'Ατμάνου. Γιά τόν Νερσές ήταν ανεπιθύμητο ό 'Ατμάνος νά είναι ενήμερος τών μυστικῶν του συνομιλιών.

'Ο Θεωριανός έτοιμάσθηκε στή συνομιλία αυτή πρό πολλου. 'Εάν πιστέψουμε στα λόγια του, ό καθολικός Νερσές κατά τις συζητήσεις, άπευθυνόμενος στόν Θεωριανό, είπε: «'Εμοί δοκεῖ όπ πολλῶν χρόνων έχεις επιμέλειαν του συναγαγεῖν

5. «Disputatio», col. 233. Cf. 236.

6. «Disputatio», col. 124.

7. *Ibid.*, col. 213.

2. Theoniani orthodoxi Disputatio cum Armeniorum Catholico, Migne, *Patrologia graeca*, t. 133, col. 120-121 (στή συνέχεια «Disputatio»).

3. «Disputatio», col. 121.

4. ΝΕΡΣΕΣ Ο ΧΑΡΙΕΙΣ, 'Εγκύκλιος επιστολή, 'Ιερουσαλήμ 1871, σελ. 144 (στά αρχαία άρμενικά. Στή συνέχεια: «'Εγκύκλιος επιστολή»).

βιβλία, και παρεκβαλεῖν χρήσεις άγιων περί τών δύο φύσεων»⁸. Είπε αυτό ό Νερσές ή όχι, δέν έχει σημασία, εφ' όσον στην πραγματικότητα δέν μπορούσε νά είναι άλλοιως. 'Ο αυτοκράτωρ Μανουήλ δέν θά έστειλε στό Ρωμαίων Κουλά γιά διαπραγματεύσεις αναρμόδιο ή άμοιρο στην θεολογία άνθρωπο.

Τό άρμενικό κείμενο τών συζητήσεων δέν διεσώθη, αν πιστέψουμε στό συνταγμένο από τόν Θεωριανό έλληνικό κείμενο, στό Ρωμαίων Κουλά αυτός κέρδισε μεγάλη νίκη, προσκλίνας τόν καθολικό νά αποδεχθεί τις αποφάσεις της Τετάρτης εν Χαλκηδόνι Συνόδου, ό δέ παρών στις διαπραγματεύσεις άνεψιός του Νερσές επίσκοπος Γρηγόριος (ό μέλλων καθολικός Γρηγόριος ό Δ' ό Μικρός) «έβόησε φωνή μεγάλη: 'Εγώ Ρωμαῖός εἰμι⁹, ανάθεμα τῷ μή λέγοντι δύο φύσεις εν τῷ Χριστῷ»¹⁰.

'Ο Θεωριανός γράφει περαιτέρω, ότι ό καθολικός Νερσές του άνέθεσε νά μεταδώσει στόν αυτοκράτορα σφραγισμένη μυστική επιστολή, σύμφωνα μέ τήν όποία αυτός αποδέχεται τις αποφάσεις της Συνόδου της Χαλκηδόνος («Δέχομαι τήν τετάρτην μεγάλην και οικουμενικήν άγιαν σύνοδον εν Χαλκηδόνι»)¹¹, ότι είναι σύμφωνος της ένωσης τών δύο 'Εκκλησιών («έξ ὧν τελείαν ένίκαμεν έχειν ύμας προθυμίαν περί της εις τήν καθολικην 'Εκκλησίαν ένώσεως»)¹². 'Ο Θεωριανός έγραφε άκόμη, ότι ό καθολικός προηγουμένως έμίσησε αυτόν του περιεχομένου της μυστικῆς αυτής επιστολής.

Είναι παράξενο τό ό,τι για τή μυστική επιστολή και τό περιεχόμενό της ό καθολικός Νερσές δέν κατόπιε τόν 'Ιωάννη 'Ατμάνο, τόν «όμόφυλο και όμόπιστό» του, όπως τόν όνομάζει αυτόν ό Νερσές. 'Ο Νερσές δέν ήθελε όπως ό 'Ιωάννης 'Ατμάνος μάθει, ότι αυτός έδέχθη τό δόγμα της Δ' Οικουμενικῆς Συνόδου άρνηθείς της όμολογίας της άρμενικῆς πίστης. Γιατί; 'Η μόνη κατανοητή άπάντηση μπορεί νά είναι τό ότι ό καθολικός Νερσές υπελάμβανε τόν 'Ατμάνο γιά μονοφυσίτη («όμόπιστος ήμῶν»), αν και, όπως θά πεισοθούμε περαιτέρω, ό 'Ατμάνος παρουσιάζετο ως μονοφυσίτης, μάλλον γιά νά κερδίσει τήν έμπιστοσύνη του Νερσές.

8. «Disputatio», col. 144.

9. Δηλαδή χαλκηδονίτης, διφυσίτης.

10. «Disputatio», col. 148. Πρβλ. col. 149.

11. «Disputatio», col. 212.

12. *Ibid.*, col. 213.

'Η άπεσταλμένη στόν Μανουήλ μυστική επιστολή του Νερσές δέν ήταν ή μόνη. 'Όπως φαίνεται αυτός έστειλε στόν αυτοκράτορα ίδιου περιεχομένου επιστολή διά τών έμπιστων του ανθρώπων. Στήν δευτέρα του επιστολή, ή όποία είναι ή άπάντηση του αυτοκράτορος στην μυστική επιστολή του 'Αρμενίου καθολικου, ό Μανουήλ σαφέστατα σημειώνει, ότι έλαβε «τό μετά τών ανθρώπων της σῆς τιμότητος σταλέν γράμμα τῆ βασιλείᾳ μου»¹³. Στο έλληνικό κείμενο οί «άνθρωποι» αυτοί όνομάζονται «βραχαμίιοι»¹⁴, έπομένως άνηκαν στην μεγάλη φεουδαρχική οικογένεια τών Βραχαμίων¹⁵, γνωστών στό Βυζάντιο από τόν Ι' αιώνα. Στήν οικογένεια αυτή άνηκε και ό περιβόητος Φιλάρετος¹⁶.

'Αλλά άς επιστρέψουμε στην προσωπικότητα του 'Ιωάννη 'Ατμάνου. Στο άρμενικό πρωτότυπο της επιστολής του καθολικου Νερσές στόν αυτοκράτορα Μανουήλ αυτός σημειώνεται ως «όμόφυλος και όμόπιστος ήμῶν» (δηλαδή μονοφυσίτης) «ήγούμενος 'Ιωάννης»¹⁷. Στήν έλληνική μετάφραση της επιστολής αυτής του Νερσές, πού πραγματοποιήσε αυτός ό 'Ατμάνος («εξελληνισθέν παρά του μοναχου του 'Ατμάνου του από Φιλιππουπόλεω»)¹⁸ ή πρόταση αυτή παρουσιάζεται ως «όμόφυλος και όμοσχημων ήμῶν 'Ιωάννης ό ήγούμενος ός και 'Ατμάνος έπονομάζεται»¹⁹. 'Η διαφορά στό έλληνικό κείμενο είναι στό ότι όχι μόνο σημειώνεται τό επώνυμο του 'Ιωάννη ('Ατμάνος), αλλά και στό ότι ή λέξη «όμόπιστος» του άρμενικου πρωτοτύπου αντικατεστάθη μέ τήν λέξη «όμοσχημων». 'Αναμφιβόλως, ή αντικατάσταση της λέξης αυτής της παρουσιασθείσης στην βυζαντινή αύλή επιστολής του Νερσές, έννοείται στην έλληνική μετάφραση, είναι έργο του 'Ατμάνου αυτού. 'Ο 'Ατμάνος ήξερε καλά, όπως ήταν γνωστό και στους άνωτέρους κύκλους της βυζαντινῆς κυβέρνησης, ότι αυτός δέν είναι «όμόπιστος», ούτε του

13. «Disputatio», col. 236.

14. *Ibid.*, col. 213.

15. 'Ο σχολιάσας τούς «βραχαμίους» του κειμένου εσφαλμένως νομίζει, ότι τό «βραχαμίος» «Vocabulum corruptum, ut puto, a Graeco scriptore ex Armeniaco panagan, qui est orator, legatus» (col. 213, n. 2), γι' αυτό και τό οικογενειακό όνομα τό φέρει όχι μέ κεφαλαίο Β αλλά μέ μικρό.

16. Γι' αυτός ίδε: Α. Π. ΚΑΖΙΤΑΝ, Οί 'Αρμενιοί της κυριαρχούσῃ τάξεως της Βυζαντινῆς αυτοκρατορίας κατά τούς ΙΑ' -ΙΒ' αἰῶνες, 'Ερεβάν, 1975, σελ. 25-28 (στά ρωσικά).

17. «'Εγκύκλιος επιστολή», σελ. 146.

18. «Disputatio», col. 213.

19. *Ibid.*

καθολικού, ούτε των Ἀρμενίων γενικῶς, κάτι, πού δέν ἤξερε ὁ Νερσές. Αὐτός φοβόταν νά κατατοπίσει τόν Ἀτμάνο γιά τήν ἀπόφασή του νά δεχθεῖ τίς ἀποφάσεις τῆς Συνόδου τῆς Χαλκηδόνος, ἐφ' ὅσον ὑπέθετε, ὅτι ὁ Ἀτμάνος μπορούσε νά γνωστοποιήσει τούς πύο εὐρεῖς κύκλους τοῦ ἄρμενικοῦ κλήρου καί τῆς κοινωρίας.

Ἄλλά σέ τί συνίστατο ἡ ἀποστολή τοῦ Ἰωάννη Ἀτμάνου; Εἶναι τυχεῖο, ἄραγε, ὅτι ὁ Μανουήλ ὁ Κομνηνός τοῦ ἐμπιστεύθηκε ἕνα τόσο σοβαρό ἔργο; Τήν ἀπάντηση τῆς ἐρώτησης αὐτῆς βρίσκουμε στό κείμενο τῆς δευτέρας συζήτησης τοῦ Θεωριανοῦ μέ τόν καθολικό Νερσές στό Ρωμαίων Κουλά, μετά τῆ δεύτερη ἀφιξη τοῦ Θεωριανοῦ καί τοῦ Ἀτμάνου ἀπό τήν Κωνσταντινούπολη στό ἄρμενικό Πατριαρχεῖο τό 6680 ἀπό κτίσεως κόσμου ἔτος (1172), πέμπτης ἰνδικτιῶνος. Οἱ ἀπεσταλμένοι τοῦ Μανουήλ Κομνηνοῦ ἐνεχείρησαν στόν καθολικό Νερσές τήν ἐπιστολή τοῦ Πατριάρχου τῆς Κωνσταντινούπολης Μιχαήλ, καθώς καί δύο ἐπιστολές τοῦ βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος, μία «μυστική τοῦ βασιλέως γραφή», τήν ἄλλη «φανερῶν»²⁰. Στήν ἄρμενική μετάφραση διεσώθη τό κείμενο τῆς «φανερῶν» ἐπιστολῆς τοῦ Μανουήλ²¹. Στήν «μυστική» του ἐπιστολή ὁ αὐτοκράτωρ χαιρετίζει τήν ἐτοιμότητα τοῦ καθολικοῦ Νερσές νά δεχθεῖ τίς ἀποφάσεις τῆς Συνόδου τῆς Χαλκηδόνος, καί σημείωνε, ὅτι γιά νά συντείνει στήν ἔνωση τῶν δύο Ἐκκλησιῶν ἀπέστειλε τούς ἤδη γνωστούς σέ μᾶς Θεωριανό καί τόν Ἀτμάνο²². Ἡ μνεῖα τοῦ ὀνόματος τοῦ Ἀτμάνου στήν μυστική ἐπιστολή τοῦ αὐτοκράτορος ἦταν γκάφα τῆς βυζαντινῆς διπλωματίας, ἢ, ἀντιθέτως, ἐκβιασμός, εἶναι δύσκολο νά ποῦμε. Εἶναι μόνο γνωστό, ὅτι ὁ καθολικός Νερσές, μαθῶν ὅτι ὁ Ἀτμάνος εἶναι ἐνήμερος τῶν προθέσεων του νά ἀποδεχθεῖ τίς ἀποφάσεις τῆς Συνόδου τῆς Χαλκηδόνος, ἔγινε ἔξω φρενῶν. Ὅταν ὁ διερμηνεύς Μιχαήλ μετέφρασε στόν καθολικό τό κείμενο τῆς μυστικῆς τοῦ Μανουήλ ἐπιστολῆς, ὁ Νερσές εἶπε: «Τό μυστήριον²³ ὁ Ἀτμάνος ἠγνόει, πῶς οὖν κέφται τό ὄνομα αὐτοῦ ἐν τῇ γραφῇ;»²⁴. Σ' αὐτό ὁ διερμηνεύς Μιχαήλ ἀπεκρίθη: «Ἐθέλημα ἐστί τοῦ βασιλέως, ὡς ἵνα γινώσκῃ καί αὐτός περὶ ταύτης τῆς ὑποθέσεως, ὅσα

καί ὁ φιλόσοφος»²⁵, δηλαδή ὁ Θεωριανός.

Στή «φανερῶν» ἐπιστολή τοῦ Μανουήλ στόν καθολικό Νερσές σημειώνεται, ὅτι ἀπό τήν Κωνσταντινούπολη στό Ρωμαίων Κουλά «Ἀπεστάλησαν τοῖνον καί αὐθις πρὸς τήν σήν κατά Θεοῦ εὐλάβειαν ὁ τε λίζιος τῆς βασιλείας μου ὁ Θεωριανός καί ὁ καθηγούμενος τῆς ἐν Φιλιππουπόλει Ἀρμενικῆς μονῆς ὁ Ἀτμάνος»²⁶.

Ὅταν γιά τόν καθολικό Νερσές ἔγινε σαφές, ὅτι ὁ Ἰωάννης Ἀτμάνος εἶναι ἐνήμερος τοῦ μυστικοῦ του, ἡ δέ τέτοια τροπή τῶν γεγονότων, ὅπως φαίνεται, ἦταν πρόσφορη γιά τήν βυζαντινὴ αὐλή, νά διασύρει τόν καθολικό πρό τῶν Ἀρμενίων, παρουσιάζοντας αὐτόν ὡς ἀποστάτην, θέτοντας αὐτόν πρό τετελεσμένου γεγονότος, ὁ Ἰωάννης Ἀτμάνος κατήλθε σέ ἀπροκάλυπτο ἐκβιασμό. Ἀπευθυνόμενος στόν Νερσές αὐτός εἶπε: «ὁ γάρ σύ μυστήριον ἔχειν ὑπολαμβάνεις, πᾶσα ἡ Ρωμανία κωμῆδιαν ἔχει. Ἐγραφε γάρ τοῦτο ὁ σύντροφός μου ἐν τῇ διαλέξει, ἡτις ἀνεγνώσθη ἐπὶ συνόδου καί ἐπὶ παλατίου, καί μετεγράφη ἐν ἀντιγράφοις ἐπέκεινα τῶν ἑκατόν, καί γνωστόν ἐγένετο ἐφ' ὅλη τῇ Ρωμανίᾳ»²⁷. Καί παίρνοντας πόζα προσβεβλημένου, πρόσθεσε: «οὐκ εὐλόγως οὖν λυπῆ κατ' ἐμοῦ· ἐγὼ μᾶλλον ὀφείλω δικαίως λυπεῖσθαι κατά σοῦ δι' ἀπέκρυψας τοῦτο δι' ἐμοῦ τοῦ ὁμοφύλου καί ὁμοπίστου σου καί ἀπεκάλυψας αὐτό ἄλλογενεῖ ἀνδρὶ»²⁸ δηλαδή στόν Θεωριανό.

Συνεχίζοντας τόν ἐκβιασμό του ἐπὶ τῇ παρουσίᾳ τοῦ ἀνωτάτου ἄρμενικοῦ κλήρου, ὁ Ἰωάννης Ἀτμάνος, ἀπευθυνόμενος πρὸς τόν Νερσές, εἶπε: «Ἐγὼ κεκρυμμένα λέγειν οὐκ οἶδα· ἐν οἶδα, δι' ἔγραψες πρὸς τόν βασιλέα, καί ἀγράφως ἐμήνυσας πρὸς αὐτόν διὰ τοῦ συντρόφου μου τοῦ φιλοσόφου ὄν οἶδας, καί διὰ τοῦτο ἦλθον νῦν εἰς πρᾶγμα ἔτοιμον, οὐκ εἰς διαλέξεις. Ἐρωτῶ οὖν σε εἰ θέλεις ποιῆσαι ἃ ἐμήνυσας τῷ βασιλεῖ· εἰ δέ μή, εἰπέ ἡμῖν φανερώς ἵνα ὑποστρέψωμεν»²⁹.

Ὁ ἐκβιασμός τοῦ Ἀτμάνου ἔδωσε τοὺς καρπούς πού ἐδοκοῦσε αὐτός: «τούτων κατήκοι τῶν ρημάτων γεγονότες οἱ προσκαυδαλιθέντες ἀρχιερεῖς κατά τοῦ Καθολικοῦ, ἤρξαντο θορυβεῖσθαι καί λέγειν ἕκαστος πρὸς τόν ἔγγιστον αὐτοῦ

25. *Ibid.*

26. Ἐνθα ἀνωτέρω. Στήν ἄρμενική μετάφραση τῆς ἐπιστολῆς αὐτῆς τοῦ Μανουήλ ὁ Θεωριανός ὀνομάζεται «μάγιστρος» («Ἐγκύκλιος ἐπιστολή», σελ. 155).

27. «*Disputatio*», col. 248.

28. Ἐνθα ἀνωτέρω.

29. «*Disputatio*», col. 248.

20. «*Disputatio*», col. 236.

21. «Ἐγκύκλιος ἐπιστολή», σελ. 154-156.

22. «*Disputatio*», col. 233.

23. Τό μυστικό σύμφωνα μέ τό ὅποιο ὁ Νερσές προσχώρησε στό μέρος τῶν διφυσιῶν.

24. «*Disputatio*», col. 236.

ὄντως ἀληθῆ εἰσιν ἃ ἀκηκόαμεν»³⁰. Ἀπό τήν μεριά του ὁ Θεωριανός δέν ἀρνῆτο ὅτι δημηγόρησε ἐπὶ τοῦ θέματος στήν αὐτοκρατορική αὐλή καί γνωστοποίησε τοὺς μυστικούς σκοπούς τοῦ Νερσές, εἶπε, ὅτι τό μυστικό τοῦ καθολικοῦ, ὅπως ἀπαιτοῦσε αὐτό ὁ Νερσές, ἀνεκοίνωσε στόν αὐτοκράτορα προσωπικῶς παραδῶσας σ' αὐτόν τήν σφραγισμένη ἐπιστολή, καί ὅτι τήν στιγμή αὐτῆ πλησίον τοῦ βασιλέως εὐρίσκετο μόνον ὁ λογοθέτης. Καί δικαιολογώντας τήν στάση του, προσέθεσε: «Ἐδωκα τῷ βασιλεῖ τήν γραφήν ἐσφραγισμένην· εἶπον τὰ ρήματα μυστικῶς, μόνον τοῦ λογοθέτου παρισταμένου. Ἐκ τότε ἐξουσίαν οὐκ εἶχον περιορίσαι τόν βασιλέα, καί κωλύσαι αὐτόν βουλόμενον ἐξεῖπεν αὐτό τῇ Ἐκκλησίᾳ, ἢ τῇ συγκλήτῃ καί τῇ βουλῇ αὐτοῦ»³¹.

Ὁ Νερσές ἐξ ἀνάγκης πρό τοῦ ἀνωτάτου ἄρμενικοῦ κλήρου ἀπέριψε τὰ λεγόμενα τοῦ Ἰωάννη Ἀτμάνου καί κατεδίκασε τίς ἀποφάσεις τῆς Δ' Οἰκουμενικῆς ἐν Χαλκηδόνι Συνόδου. Οἱ διαπραγματεύσεις μέ τούς ἀπεσταλμένους τοῦ βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος γιά μερικές μέρες διεκόπηκαν. Ἀλλά ἐπαναληφθεῖσες, δέν ἔδωσαν κανένα ἀποτέλεσμα. Οἱ πρέσβεις τοῦ Μανουήλ ἦταν ἀναγκασμένοι νά ἀναχωρήσουν καί ἡ ἔνωση τῆς ἄρμενικῆς Ἐκκλησίας μέ τήν βυζαντινὴ ἀπέτυχε μία ἀκόμη φορά, ἡ ἀποστολή τοῦ Θεωριανοῦ καί τοῦ Ἰωάννη Ἀτμάνου ναυάγησε πασιγῶδως. Εἶναι γνωστό ὅτι τό 1177 ὁ Μανουήλ μία ἀκόμη φορά ἀπειπεράθη νά φέροι εἰς πέρας τήν ἔνωση τῶν δύο Ἐκκλησιῶν. Ἀλλά αὐτῇ τῇ φορά σίς διαπραγματεύσεις ἀπό τήν βυζαντινὴ πλευρά δέν ἦταν οὔτε ὁ μάγιστρος Θεωριανός, οὔτε ὁ Ἰωάννης Ἀτμάνος. Ὅχι γιατί, ὅπως ὑποθέτει ὁ Μαλαχίας Ὁρμανιάν³², τότε αὐτοί, ὅπως φαίνεται, ἔχον ἀποθάνει, ἀλλά διότι δέν ἦταν πλέον δυνατό νά τούς ἐμπιστευθοῦν τήν ὑπεύθυνη αὐτῇ ἀποστολή.

Σημειώσαμε ἤδη, ὅτι οἱ διαπραγματεύσεις τοῦ Μανουήλ μέ τόν Νερσές εἶχαν κίνητρα πολιτικά. Δέν πρέπει βέβαια νά πάρουμε στά σοβαρά τήν συναίνεση τοῦ Καθολικοῦ Νερσές νά ἀποκηρύξει τό ἄρμενικό δόγμα καί νά δεχθεῖ τήν ἔνωση μέ τήν βυζαντινὴ Ἐκκλησία. Τό διάβημα αὐτό δέν ἦταν ἴποτε ἄλλο, παρά ἀναγκαῖο μέτρο, διπλωματικό παιγνίδι, τὰ καθεαυτοῦ κίνητρα τοῦ ὁποίου δέν εἶναι πρὸς τό παρόν γνωστά. Δέν ἀποκλείεται, ὁ

Καθολικός ἤθελε οὕτως νά ἀποσοβῆσει δυνατὴ πολιτική καί στρατιωτικὴ εἰσβολὴ τοῦ Μανουήλ τοῦ Κομνηνοῦ στήν Ἀρμενοκιλικία, κάτι πού ὄχι τόσο πολύ πρὶν πραγματοποιήσε ὁ Ἰωάννης ὁ Κομνηνός μέ καταστρεπτικά, ὀλέθρια γιά τό νεοσύστατο ἄρμενικό κράτος τῶν Ρουπενιδῶν ἐπακόλουθα³³. Ὁ Θεωριανός γράφει σαφῶς, ὅτι στή Ρωμανία «πάντες σχεδόν πλήν τοῦ βασιλέως ἔλεγον ὅτι οὐκ ἔστιν ὁ Καθολικός ἄνθρωπος ὀρθός, καί οὐδέποτε παραδέξεται τήν ἔνωσιν»³⁴.

Τώρα περνῶ στό βασικό σκοπὸ τοῦ ἀρθρου μου αὐτοῦ, στήν ἐξακριβίωση τῆς θέσης καί τοῦ ρόλου τοῦ Ἰωάννη Ἀτμάνου στίς ἄρμενοβυζαντινὲς ἐκκλησιαστικὲς διαπραγματεύσεις. Ἀπὸ ὅ,τι ἀναφέραμε ἄνωθι, εἶναι ἤδη φανερό, ὅτι ὁ ἡγούμενος τῆς ἄρμενικῆς ἐν Φιλιππουπόλει μονῆς Ἰωάννης Ἀτμάνος ἦταν κοινός, κερδίσας τήν ἐμπιστοσύνη τοῦ Καθολικοῦ Νερσές, πράκτορας τοῦ Βυζαντίου. Ὁ σκοπὸς του συνίστατο στό νά ἐξακριβίωνει τίς διαθέσεις τοῦ Νερσές καί νά τίς γνωστοποιεῖ στόν Θεωριανό, γιά νά ἔχει ὁ τελευταῖος τήν δυνατότητα νά προπαρασκευάσει τήν ἀντενέργειά του στήν ἀμίλλα μετά τοῦ Καθολικοῦ. Ἄς σημειώσουμε, ὅτι ὁ Ἰωάννης Ἀτμάνος ἦταν ὁ μοναδικὸς συμμετοχὸς τῆς ἀντιπροσωπείας τοῦ Θεωριανοῦ στίς διαπραγματεύσεις μέ τόν Ἀρμένιο Καθολικό Νερσές. Ὁ δέ Θεωριανός δέν ἦταν κοινὴ προσωπικότητα, ἀλλὰ μεγάλη φυσιογνωμία στήν βυζαντινὴ αὐλή, γνωστός θεολόγος, φέρων τόν ὑψηλὸν τίτλο τοῦ μαγίστρου, ἄνθρωπος μέ ἐκτάκτους πληρεξουσιότητες τοῦ βασιλέως Μανουήλ καί τοῦ Πατριάρχου Μιχαήλ. Ἡ περίπτωσις αὐτῆ ὑπογραμμίζει ἐμμέσως τό κύρος αὐτοῦ τοῦ Ἰωάννη Ἀτμάνου. Αὐτὸς ἔπρεπε νά εἶναι γνωστός παράγων στήν βυζαντινὴ αὐλή καί τό Πατριαρχεῖο τῆς Κωνσταντινούπολης. Ἄμεση σχέση μέ τήν προσωπικότητά του ἔχει καί ἡ περίπτωσις, ὅτι αὐτὸς ἦταν ἡγούμενος τῆς ἐν Φιλιππουπόλει ἄρμενικῆς μονῆς. Δικαιολογημένως ἀναφέεται τό ἐρώτημα, συνάμα καί ἡ ἀπορία· μήπως ἄραγε στήν ἀχανὴ Βυζαντινὴ αὐτοκρατορία δέν ὑπῆρχε ἄλλη ἄρμενικὴ μονή, πού ὁ αὐτοκράτωρ καί ὁ Πατριάρχης ἀποτάθησαν στίς ὑπηρεσίες

33. Nicetae Choniatae Historia, rec. I. A. VAN DIETEN, *Beolimi et Novi Eboraci*, 1975, p. 21 sq; Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum, rec. A. MEI NEKE, *Bonnae*, 1836, p. 16 sq; FRANCA FUSCO Il Panegirico di Michele Italo per Giovanni Comneno. Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, τόμος ΛΖ', Ἀθήναι 1969-1970, σελ. 146-169.

34. «*Disputatio*», col. 249.

έκτενως στο ζήτημα αυτό. "Ας σημειώσουμε μόνο, ότι έχουν εκφραστεί δύο διαμετρικώς αντίθετες γνώμες. Οι αρμενολόγοι θεωρούν, ότι η μονή της Πετριτζού κτίσθηκε από τον 'Αρμένιο χαλκηδονίτη Γρηγόριο τον Πακουριανό και ήταν αρμενική διφυσιτική. Για την επιβεβαίωση του συμπεράσματος τους αυτού, αυτοί απαριθμούσαν τους Ισχυρισμούς του Ν. Μάρρ (ή μαρτυρία της 'Αννης της Κομνηνης, ότι ο Πακουριανός από «γένους λαμπρού εξ 'Αρμενίων ορμώμενος»⁴⁸ ή αρμενική υπογραφή του Πακουριανού κάτω από το ελληνικό κείμενο του Τυπικού της μονής: «υπεγράφη παρ' εμού τε αυτού του σεβαστού Γρηγορίου και μεγάλου δομειστικού της δύσεως του Πακουριανού δια αρμενικών γραμμάτων»⁴⁹, το γεγονός, ότι το Τυπικό εγράφη «ρωμαϊκόν, ιβηρικόν και αρμενικόν δια τούς μοναχούς της τοιαύτης μονής "Ιβηράς τε τυγχάνειν και μη επίστασθαι ρωμαϊκά γράμματα»⁵⁰, ή μνεία μεταξύ των συγγενών του Πακουριανού 'Αρμενίων μονοφυσιτών κ.τ.τ.), καθώς και δικούς τους ισχυρισμούς. Οι γεωργιανολόγοι και μερικοί βυζαντινολόγοι, αντιθέτως, βασιζόμενοι στα δεδομένα του Τυπικού, σύμφωνα με τα όποια ο Πακουριανός ονομάζει τον εαυτόν του «"Ιβηρα» την δε μονήν «ιβηρικήν», ήλθαν στο συμπέρασμα, ότι η μονή της Πετριτζού ήταν μονή γεωργιανική, ο δε κτήτοράς της γεωργιανός. Δεν είναι περιττό να αναφερθούμε στο πολύ καταπειστικό συμπέρασμα του Ν. Μάρρ ότι «η λέξη "Ιβηρ" στα χείλη του Γρηγορίου Πακουριανού είχε καθαρώς πολιτιστική σημασία»⁵¹, ότι «ο κάθε 'Αρμένιος χαλκηδονίτης, ακόμη αυτός που ήταν περισσότερο εγγράμματος στα αρμενικά παρά στα γεωργιανικά, σύμφωνα με

ρίεχον το Τυπικό του Γρηγορίου του Πακουριανού «Δελτίον Κοινωνικών 'Επιστημών» της 'Αρμενικής 'Ακαδημίας, αριθ. 7, 1978 (στα ρωσικά). ΤΟΝ ΑΥΤΟΝ, Για το μνημονεύμενο στο Τυπικό του Γρηγορίου του Πακουριανού «άνιδρυτον έθνος». «Δελτίον Κοινωνικών 'Επιστημών» της 'Αρμενικής 'Ακαδημίας, αριθ. 7, 1980 (στα αρμενικά). Το Τυπικό του Γρηγορίου του Πακουριανού. Εισαγωγή, μετάφραση (στα ρωσικά) και σχόλια υπό Β. Α. ΑΡΟΥΤΙΟΝΟΒΑ-ΦΙΝΤΑΝΙΑΝ. Οί 'Αρμένιοι χαλκηδονίτες στα ανατολικά μεθόρια της Βυζαντινής αυτοκρατορίας (ΙΑ' αιών), 'Ερεβάν, 1980 (στα ρωσικά). Ν. ΛΟΜΟΟΥΡ, Για την ιστορία της γεωργιανικής μονής της Πετριτζού ('Η μονή του Μπατοκόβου στη Βουλγαρία), Τιφλίδα, 1981 (στα ρωσικά).

48. ANNE COMNENE, *Alexiade*, t. I, Paris, 1945, p. 73.

49. GEORGICA, t. V, p. 252.

50. 'Εάν οι «"Ιβηρες» ήταν "Ιβηρες (Γεωργιανός) αυτούς θα τους άρκοισε το ιβηρικό κείμενο, τι ανάγκη θα υπήρχε να έχουν αυτοί και το αρμενικό; Σημαίνει «"Ιβηρ» δεν είναι έθνικό, αλλά άφορα την όμολογία της πίστης κατά τούς κανόνες της όρθόδοξου 'Εκκλησίας, σημαίνει διφυσιτής.

51. Ν. ΜΑΡΡ, *Ένθα άνωτέρω*, σελ. 21.

τήν δική του αντίληψη είναι γεωργιανός έξισου με τον καθαρόαιμο Γεωργιανό»⁵².

Τό ζήτημα είναι ότι στον Μεσαίωνα τό έθνικό άίσθημα ήταν άρκετά άμβλύ. Τήν πρώτη θέση κατείχε ή όμολογία της πίστewς, ή όποία και πολλάκις έθεωρείτο ένδεικτης έθνικότητας. 'Επί της βυζαντινής κυριαρχίας στην 'Αρμενία τον ΙΑ' αιώνα ό 'Αρμένιος αίρετικός Θουδρακίτης Βρβέρ, για να άποφύγει τούς διωγμούς της άρμενικής 'Εκκλησίας έγινε «Ρωμαίος», δηλαδή διφυσιτής. 'Ανωτέρω είδαμε, ότι ό άνεσιός του Νερσές του Χαρίεντος Γρηγόριος (που μετά τον θάνατο του Καθολικού έγινε πατριάρχης των 'Αρμενίων), σύμφωνα με τον γνωστό μας Θεωριανό έκραξε: «'Εγώ Ρωμαίος είμι, άνάθεμα τῷ μη λέγοντι δύο φύσεις έν τῷ Χριστῷ»⁵³.

Ο 'Ιάκωβος από τη Θεοδοσιούπολη (ΙΖ' αιών), περιγράφοντας την έπαρχία Μαρβάν του Τάικ, γράφει ότι ή έπαρχία αυτή «είναι μεγάλη και έχει πολλά χωρία, οι δε κάτοικοι αυτής είναι 'Αρμένιοι και "Ιβηρες». Περαιτέρω αυτός δείχνει τί έχει υπ' όψη γράφοντας «"Ιβηρες» «Οί μισοί κάτοικοι της έπαρχίας αυτής είναι 'Αρμένιοι την έθνικότητα, οι δε άλλοι μισοί "Ιβηρες την πίστη, αλλά μιλούν αρμενικά»⁵⁴.

'Αργότερα οι 'Αρμένιοι καθολικοί θα λέγουν ότι είναι «Φράγκοι» και όχι «'Αρμένιοι», άν και δεν θα ξέρουν και μία «φραγκική» λέξη.

Τά συμπεράσματα του Ν. Μάρρ επιβεβαιώνονται μία ακόμη φορά με τά δεδομένα της άλληλογραφίας του Μανουήλ του Κομνηνού με τον Καθολικό Νερσές τον Χαρίεντα. 'Η μονή της Πετριτζού στην άλληλογραφία αυτή ονομάζεται «'Αρμενική μονή». Ποιός ποιός, αλλά ό βυζαντινός αυτοκράτωρ και ό Πατριάρχης της Κωνσταντινούπολης δεν είναι δυνατόν να σφάλλονται.

Ο ήγούμενος της μονής αυτής ήταν «μόφυλος» του Καθολικού Νερσές. Είναι δυνατόν ό Καθολικός των άπανταχού 'Αρμενίων να μήν ήταν 'Αρμένιος; Αυτό με την σειρά του δεν μαρτυρεί όπ ή ήγείσα της μονής της Θεοτόκου της Φιλιππούπολης στο δεύτερο μισό του ΙΒ' αιώνα, δηλαδή περίπου μία έκονταετηρίδα μετά την κτίση της από τον 'Αρμένιο χαλκηδονίτη Γρηγόριο Πακουριανό, βρισκόταν στα χέρια 'Αρμενίου χαλκηδονίτη ήγουμένου;

52. *Ένθα άνωτέρω*.

53. «Disputatio», col. 148. Cf. col. 149.

54. Βραχέα χρονικά των ΙΕ'-ΙΗ' αιώνων. Έκδοση Β. 'Ακοπάν. 'Ερεβάν, 1956, σελ. 554 (στα αρμενικά).

ΟΝΟΜΑΤΟΔΟΣΙΕΣ ΛΑΩΝ ΣΤΙΣ ΑΡΜΕΝΙΚΕΣ ΜΕΣΑΙΩΝΙΚΕΣ ΠΗΓΕΣ

Και έφύτευσεν κύριος ό Θεός παράδεισον έν 'Εδέμ κατά άνατολάς και έθετο εκεί τον άνθρωπον, όν έπλασεν (...) ποταμός δε έκπορεύεται έξ 'Εδέμ ποτίζειν τον παράδεισον εκείθεν άφορίζεται εις τέσσαρας άρχάς, όνομα τῷ ένί Φισών (...) και όνομα τῷ ποταμῷ τῷ δευτέρῳ Γηών (...) και ό ποταμός ό τρίτος Τίγρις (...) ό δε ποταμός ό τέταρτος, ούτος Εύφράτης (Γεν. 2, 8-14). 'Η μεταξύ των ποταμών Τίγριδος και Εύφράτου χώρα είναι αυτή, που μετά πάροδο αιώνων θα άκουγε στο όνομα Hayastan, από δε τούς ξένους θα έλέγετο 'Αρμενία. Και εμείς οι 'Αρμένιοι, όπως και σήμερα άφελείς και εύπιστοι, θα κατοικούσαμε την χώρα αυτή, όπου νομίζαμε ότι τῷ όντι θα έφρεε για μάς μέλι και γάλα. Δεν σκεφθήκαμε ότι τον παράδεισο αυτό θα τον επιθυμούσαν και άλλοι. Καλά εάν οι κάθε τόσο εισβολείς ήσαν πολιτισμένα έθνη, και όχι όρδες βαρβάρων. Οί Μήδοι, 'Αχαιμενίδες, Πάρθοι, Πέρσες Σασανίδες, Ρωμαίοι, Βυζαντινοί, κυριεύοντες την χώρα αυτή, είχαν μία μερίμνα, να εισπράττουν φόρους και να στρατολογούν πρώτης τάξεως μαχητές. 'Η κυριαρχία αυτών δεν άλλαξε καθόλου την δημογραφία της χώρας, δεν δημιούργησε έμπόδια στην οικονομική άνάπτυξη αυτής. Και ό ύψηλός πολιτισμός αυτών, κυρίως ό των βυζαντινών, έπαιξε ρόλο θετικό. 'Ολως διαφορετική ήταν ή επίδραση των βαρβάρων φυλών, Τούρκων Σελτζούκων, Τούρκων 'Οθωμανών, Ταταρο-Μογγόλων, Τουρκομάνων 'Ασπροπροβατάδων και Μαυροπροβατάδων, αλλά και των Περσών Σεφεβιδών, έφόσον την εποχή της κυριαρχίας των τελευταίων, την 'Αρμενία κυβερνούσαν οι βαπτισθέντες τώρα 'Αζέροι Τούρκοι χάνοι.

Εύρισκόμενοι σε κατώτατο βαθμό άνάπτυξης, επέβαλαν τό νομαδικό τους οικονομικό σύστημα, ξεριζώσαν τά άμπέλια και τά όπωροφόρα δένδρα, για να μετατρέψουν τη χώρα σε βοσκοτόπους των προβάτων τους. 'Αλλά τό χειρότερο, εγκαθιστάμενοι έδῶ μονίμως, διεξάγοντες συστηματικούς διωγμούς και σφαγές, άλλαξαν την δημογραφία του τόπου, για να πουν ότι ή χώρα αυτή ήταν δική τους από την εποχή του Νῶε, που ήταν 'Αζέρος, ότι οι 'Αρμένιοι ήρθαν μετά, και εγκαταστάθηκαν έδῶ δια της μεγαλοφυΐου συναίνεσης αυτών. Και άντι μέλιτος και γά-

λακτος ἄρχισαν νὰ ρέουν στή χώρα αὐτή ἀφθόνως αἷμα καί δάκρυα, καί ὁ παράδεισος γιά τοὺς αἰώνιους κατοίκους του μετατράπηκε σὲ ἀληθινὴ κόλαση.

Δὲν ξέρω, ὑπάρχει ἄρα γε στὸν κόσμο λαός, ποὺ νὰ εἶχε σχέση μὲ τόσα πολυάριθμα ἔθνη, ξένες φυλές, μὲ τόσους λαούς, ὅσων ὁ ἄρμενικός; Τὰ 15-20 λεπτά ποὺ διαθέτω δὲν ἀρκοῦν γιά τὴν ἀπλὴ ἀπαρίθμησή τους. Γι' αὐτὸ θὰ ἀναφερθῶ στὸς κυριώτερους.

Ὁ ἀρχαιότερος λαός μὲ τὸν ὁποῖο οἱ Ἀρμένιοι εἶχαν σχέση ἀκόμη ἀπὸ τὸν ΣΤ΄ π.Χ. αἰῶνα, ἦταν οἱ Πέρσες. Ἐπὶ Ἀχαιμενιδῶν ἢ Ἀρμενία ἀποτελοῦσε τὴν 13ην καὶ 18ην σατραπείαν τοῦ κράτους των. Στὶς ἄρμενικὲς πηγὲς οἱ Πέρσες ὀνομάζονται *Parsikk'*. Ὁ λόγος ἀφορᾷ κυρίως τοὺς Ἀχαιμενίδες, Ἀρσακίδες καὶ Σασανίδες. Ἀλλά, ἂν καὶ σπανίως, *Parsikk'* ὀνομάζονται καὶ οἱ Πάρθοι, στὶς ἄρμενικὲς πηγὲς *Partevk'*. Ὁ Μωϋσῆς ὁ Χωρηνός γιά τὸν τελευταῖο Πάρθο βασιλέα Ἀρταβάνη γράφει, ὅτι ὁ Ἀρτασίρ, ὁ ἰδρυτὴς τῆς δυναστείας τῶν Σασανιδῶν, ἐφόρευσε τὸν βασιλέα τῶν *Parsikk'* Ἀρταβάνη καὶ κατέλυσε τὸ κράτος τῶν Πάρθων.

Περσικὲς γραπτὲς πηγὲς ἔχουν σωθεῖ πολὺ λίγες. Οἱ περισσότερες, μετὰ τὸν ἀσπασμὸ τοῦ Μωαμεθανισμοῦ ἀπὸ τοὺς Πέρσες, ἀπωλέσθηκαν. Τὸ κενὸ συμπληρώνουν οἱ ἄρμενικὲς πηγὲς, οἱ ὁποῖες εἶναι ἀνεκτίμητες γιά τὴν ἱστορία τῶν Περσῶν. Σ' αὐτὲς ἀπαντοῦν ἐπίσημα περσικὰ ἐγγραφα, ἐπιστολὲς Περσῶν βασιλέων πρὸς τοὺς Ἀρμενίους ἡγέτες, ἀπ' ὅπου γίνεται γνωστὸ ὅτι τὸ ἐπίσημο ὄνομα τῶν Περσῶν ἦταν *Eran*, ποὺ οἱ Ἀρμένιοι τὸ ἀπέδιδαν μὲ τὸ ὄνομα Ἄριοι (*Arík'*). Ἐπισημῶς τὸ κράτος τῶν Περσῶν ὀνομάζετο βασίλειο τῶν *Eran* καὶ *Aneran*, στὶς ἄρμενικὲς πηγὲς, βασίλειο *Ageac'* καὶ *Apareac'* – τῶν Ἀρίων καὶ Ἀναρίων. Νὰ μὴ ξεχάσουμε ὅτι ἀκόμη ὁ Ἐρατοσθένης τὴν χώρα τὴν ὀνομάζει Ἀρίανα. Ἄριοι ἦσαν οἱ Πέρσες, Ἀνάριοι ὅλοι οἱ ἄλλοι λαοὶ τοῦ βασιλείου. Ὁ βασιλεὺς Σαπῶρης Β' (309-379) στὴν ἐπιστολὴ του πρὸς τοὺς κατοίκους τῆς πόλεως Τιγρανόκερτα, γράφει: «Ὁ γενναῖος τῶν *Mazdezk* (τῶν ζωροαστρικῶν) βασιλεὺς βασιλέων Σαπῶρης (*Šaruh*) πρὸς τοὺς πολίτας τῶν Τιγρανόκερτων, ποὺ δὲν ὀνομάζεσθε μεταξὺ τῶν Ἀρίων καὶ Ἀναρίων» (Μ.Χ.) Σημειώτεον ὅτι ἂν καὶ οἱ Ἀρμένιοι ὀνόμαζαν τοὺς Πέρσες *Parsikk'*, στὶς ἐπιστολὲς τους πρὸς τὴν αὐλὴ τῶν μεγάλων βασιλέων τοὺς ἀποκαλοῦσαν Ἀρίους. Εἶναι ἐνδιαφέρον ὅτι καὶ οἱ Μῆδοι, ἀκόμη τὴν ἐποχὴ τοῦ Ἀστυάγη, στὶς ἄρμενικὲς πηγὲς θεωροῦνται Ἀριοι. Πολὺ μετὰ, κατὰ τὰ τέλη τοῦ ΙΔ' αἰῶνα, τὸ ἱππικὸ τοῦ *Šah Mansur* (1387-1393) Μουζαφφαρίδη τοῦ Φάρς, Κερμάν καὶ Κουρδιστάν, ὁ Θω-

μᾶς ἀπὸ τὸ Μετσόπ θὰ τὸ ὀνομάσει ἱππικὸ τῶν Ἀρίων (Θ.Μ.)

Μετὰ τὴν πτώση τῆς κυριαρχίας τῶν Μακεδόνων, ἐπὶ τῶν Περσῶν ἐδέσποσαν οἱ Πάρθοι – *Part'evk'* στὶς ἄρμενικὲς πηγὲς – μέχρι τὸ 224, ὅταν ἰδρύθηκε ἡ δυναστεία τῶν Σασανιδῶν Περσῶν. Τὸ ἔθνικὸ Πάρθος – *Part'ev* στὴν ἄρμενικὴ ἔχει καὶ σημασία ὀνόματος ἐπιθέτου, σημαίνει ρωμαλέος, ἄλκιμος, εὐρωστος, δυνατός, στιβαρός. Ἀλλά στὶς ἄρμενικὲς πηγὲς οἱ Πάρθοι ὀνομάζονται καὶ *Pahlavikk'*. Ὁ μνημονευθεὶς Σασανίδης Ἀρτασίρ κατέλυσε τὸ κράτος τῶν *Pahlav*, καὶ οἱ Ἀραβες στὴν ἀρχὴ τῶν κατακτήσεων τους, «πῆγαν στὴν ἀνατολή, στὰ μέρη τῆς χώρας τῶν *Pahlav*, ἢ ὁποῖα εἶναι ἡ χώρα τῶν Πάρθων» (Σ.), ἂν καὶ ὁ Μωϋσῆς ὁ Χωρηνός τοὺς Πάρθους καὶ τοὺς *Pahlavikk'* τοὺς θεωρεῖ διαφορετικὰ γένη.

Οἱ Ἀρμένιοι πρωτογνώρισαν τοὺς Ἕλληνες κυρίως τὴν ἐποχὴ τῶν Περσικῶν πολέμων, καὶ ἰδιαίτερος ἀπὸ τὴν ἐποχὴ τῶν κατακτήσεων τοῦ Μεγάλου Ἀλεξάνδρου. Ἐὰν πάrouμε ὑπ' ὄψη τὸ γεγονός ὅτι οἱ Ἀρμένιοι τοὺς Ἕλληνες ὀνομάζουν *Yoyh*, δηλαδὴ Ἴωνες, τὴν δὲ χώρα τῶν *Yunastan*, σημαίνει ὅτι κατ' ἀρχὴν εἶχαν σχέση μὲ τοὺς Ἴωνες τῶν δυτικῶν ἀκτῶν τῆς Μικρασιατικῆς χερσονήσου, ἂν καὶ δὲν ἀποκλείεται ἡ ὀνομασία αὐτὴ νὰ εἶχε περιέλθει στὸς Ἀρμενίους μέσω τῶν Περσῶν. Οἱ Ἀρμένιοι πολὺ λίγο μιλοῦν γιά Ρωμαίους (δηλαδὴ γιά Λατίνους) καὶ γιά Ρωμαϊκὴ αὐτοκρατορία. Ἡ γνωστὴ σὲ μᾶς Βυζαντινὴ αὐτοκρατορία (ἢ Ρωμανία τῶν βυζαντινῶν πηγῶν), ὡς καὶ οἱ Ρωμαῖοι – βυζαντινοί, γιά τοὺς Ἀρμενίους εἶναι πάντοτε *Yoyh*, δηλαδὴ Ἕλληνες, ἢ δὲ Βυζαντινὴ αὐτοκρατορία βασίλειο τῶν Ἑλλήνων. Οἱ καθεαυτοῦ Ρωμαῖοι αὐτοκράτορες Κάρος (282-283), Διοκλητιανός (284-305), Κωνσταντῖνος (306-337), Ἰουλιανός (361-363), Οὐαλεντινιανός (364-375), Γρατιανός (375-383), Θεοδόσιος Α' (408-450), Μαρκιανός (450-457), πάντες, μέχρι τέλους τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας, εἶναι *Yoyh* / Ἕλληνες, οἱ πατριάρχες τῆς Κωνσταντινούπολης, Ἕλληνες πατριάρχες, οἱ βυζαντινοὶ στρατιωτικοὶ καὶ στρατιῶτες Ἕλληνες. Ἄν καὶ ὑπάρχουν συγγραφεῖς, ποὺ ξέρουν τὸν καθεαυτοῦ τίτλο τῶν βυζαντινῶν αὐτοκρατόρων, ὄχι αὐτοκράτωρ (*Kaisr*) τῶν *Yoyh*, ἀλλὰ τῶν *H'ronmayec'ik*, δηλαδὴ τῶν Ρωμαίων, (I.K., M.K.).

Ἀλλά ἀκόμη ἀπὸ τὴν ἀρχὴ τῆς ἄρμενικῆς λογοτεχνίας, δηλαδὴ ἀπὸ τὸν Ε' αἰῶνα, παρουσιάζεται καὶ ἕνας νέος ὄρος, ποὺ σημαίνει Ἕλλην, ὁ *Hoioh*, ποὺ δὲν εἶναι τίποτε ἄλλο παρὰ τὸ ἴδιο τὸ «Ρωμαῖος», ποὺ θὰ πάρει στὸ ἐξῆς πάμπολλες, μεταξὺ αὐτῶν καὶ ἀπίθανες σημασίες. Στὶς πηγὲς τὸ *Yoyh* καὶ *Hoioh* παρουσιάζονται ὡς συνώνυμα. Ὁ Ἐλισαῖος

γράφει για τον Πέρση βασιλέα, ότι αυτός «επιτέθηκε επί της χώρας των Υογν (Έλλήνων) και κατέστρεψε πολλές επαρχίες των Ηοίομ». Ο δὲ Μωϋσῆς ἀπὸ τὸ Καλανκατούϊκ λέγει, ὅτι Ἀρμένιοι «ἀπέδρασαν ἀπὸ τὸν Βαχράμ, ὀνομαζόμενο Τσουμπίν, καὶ κατέφυγαν στοὺς Υογν / Ἐλληνες, πρὸς τὸν Μαυρίκιο, βασιλέα τῶν Ηοίομ». Ὁ πατριάρχης Νερσῆς ὁ Γ' (641-661) «ἀνατραφεὶς ἐκ τῶν παιδικῶν του χρόνων στὴ χώρα τῶν Υογν, ἔμαθε τὴν γλῶσσα καὶ τὴν γραμματεία τῶν Ηοίομ» (Σ.Ο.) Ὁ Στέφανος Ὁρμπελιάν γράφει καὶ σαφέστερα: «ὁ βασιλεὺς τῶν Υογν, δηλαδή τῶν Ηοίομ». Ἡ Βυζαντινὴ αὐτοκρατορία ὀνομάζεται καὶ «χώρα τῶν Ηοίομ». Τὸ γνωστὸ ἀπὸ τὸν Προκόπιο τὸν Καισαρέα τοπωνύμιον «Ρωμαίων ἀγρός», ὁ πατριάρχης Ἰωάννης ὀνομάζει *hoïomoc*. Ἀπαντᾷ ἀλήθεια, πολὺ σπάνια, καὶ *Hoïomstan*, δηλαδή «χώρα τῶν Ηοίομ, ἢ Βυζαντινὴ αὐτοκρατορία. Καὶ τὰ ἑλληνικὰ γράμματα εἶναι γράμματα τῶν Ηοίομ. Ὅταν τὸ 1216 ἦρθε στὴν Ἱερουσαλὴμ ὁ ἄρχων Λιπαρίτης Ὁρμπελιάν, βρῆκε τὴν δεξιὰ τοῦ ἁγίου Στεφάνου τοῦ Πρωτομάρτυρος. Ἐπ' αὐτῆς ἦταν γραμμένο με φραγκικά (δηλαδή λατινικά), Ηοίομ (ἑλληνικά) καὶ συριακὰ γράμματα, ὅτι ἡ δεξιὰ τῶ ὄντι «ἀνήκει στὸν ἅγιον Στέφανο» (Σ.Ο.)

Ἐὰν λάβουμε ὑπ' ὄψη μία φράση τοῦ Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτη σχετικὰ μετὰ τὸν αὐτοκράτορα Ζήνωνα, ὅτι «αὐτὸς ἔγραψε ἐπιστολὴ πρὸς ὅλην τὴν χώραν τῶν Υογν καὶ Ηοίομ, ποὺ ὀνομάζεται Ἐνωτικὸ» ἢ τὸ τοῦ αὐτοῦ: «ἐπὶ τῶν Υογν καὶ Ηοίομ, ἐβασίλευαν ὁ Κώνστας καὶ ὁ Κωνσταντῖνος» ἢ τὸ τοῦ Ἀγαθαγγέλου: «τὴν χώρα τῶν Υογν καὶ τῶν Ηοίομ ξέρω καλά», σημαίνει ὅτι οἱ Ἀρμένιοι ἤξεραν καὶ τὴν πρωταρχικὴ σημασία τοῦ Ηοιομ, δηλαδή Λατίνος.

Ὅταν τὸν ΣΤ' αἰῶνα ἄρχισαν οἱ δογματικὲς ἐριδες τῶν διφυσιτῶν Ἑλλήνων καὶ μονοφυσιτῶν Ἀρμενίων, τὸ ἔθνικὸ Ηοίομ ἄρχισε νὰ σημαίνει διφυσιτῆς/χαλκηδονίτης, ποὺ δὲν ἀφοροῦσε πάντοτε τοὺς Ἑλληνες, ἀλλὰ ὅλους τοὺς ὀπαδοὺς τῆς Συνόδου τῆς Χαλκηδόνας, μεταξὺ αὐτῶν καὶ τῶν Ἀρμενίων διφυσιτῶν, οἱ ὁποῖοι καὶ μέχρι τῶν ἡμερῶν μας ὀνομάζονται Ηαγ-Ηοίομ, Ἀρμενο-Ρωμαῖοι, δηλαδή Ἀρμένιοι τὴν ἔθνικότητα, ἀλλὰ Ἑλληνες τὴν ὁμολογία τῆς πίστεως. Σύμφωνα μετὰ τὸν ἱστορικὸ Βαρδάνη, ὁ Ρωμανὸς ὁ Διογένης ἀπειλοῦσε τοὺς Ἀρμένιους νὰ τοὺς κάνει ὅλους «Ηοίομ». Ὁ ἴδιος συγγραφεὺς γράφει ὅτι ὁ τελευταῖος ἐκπτωτὸς βασιλεὺς Κακίκιος Β' ὁ Βαγρατίδης, ὅταν τὸ 1045 ἦρθε στὴν Κωνσταντινούπολη, τάχα, ἢ αὐτοκράτειρα «Θεοδώρα, ἀδελφὴ τῆς Ζωῆς, ἐκλιπαροῦσε αὐτὸν νὰ γίνῃ Ηοίομ καὶ σύζυγός της καὶ νὰ βασιλεύσῃ ἐπὶ τῶν Ἑλλήνων, ἀλλὰ αὐτὸς ἀρνήθηκε». Ἀπαντᾷ καὶ ρῆμα

hoïomanaï, δηλαδή γίνεσθαι *hoïom*, τουτέστιν ἀσπάζεσθαι τὸν διφυσιτισμό, ἀποχωρώντας ἀπὸ τὸν μονοφυσιτισμό. Τέλος ἔχουμε καὶ «ἡμερολόγιο τῶν Ηοίομ», μετὰ τὸ ὁποῖο ὁ Ἰωάννης Μαιμικονιάν χρονολογεῖ γεγονόσ: «Αὐτὸ ἔγινε τὸ 130 ἔτος τῶν Ἀρμενίων (681) καὶ τὸ 427ο τῶν Ηοίομ».

Οἱ καθεαυτοῦ Ρωμαῖοι, δηλαδή οἱ Λατῖνοι, στὶς ἀρμενικὲς πηγές ὀνομάζονται *Hïo(v)payec'ik*, ποὺ δὲν εἶναι τίποτε ἄλλο, παρὰ τὸ ἑλληνικὸ Ρωμαῖος, ὅπου ἡ ἑλληνικὴ λήγουσα -οι, ἔχει παρουσιαστῆ μετὰ τὴν ἀρμενικὴ -ec'i, ποὺ εἶναι δείκτης τόπου προελεύσεως (πρβλ. Ταρωνίτης -Taronec'i).

Ἀπὸ τὸν ΙΒ' αἰῶνα τὸ ἔθνικὸ Ηἰονpayec'i εἶναι συνώνυμο μετὰ τὸ φράγκος, ποὺ σημαίνει γενικῶς δυτικὸς/εὐρωπαϊὸς. Ἡ ἀρχὴ τῶν Σταυροφοριῶν, σύμφωνα μετὰ τὸν Κυριάκο ἀπὸ τὸ Καντζάκιο, ἔγινε ἀπὸ τὰ ἔθνη τῶν Ηἰονpayec'i. Ὁ Σαμουήλ ὁ Ἀνιώτης εἶναι πιὸ σαφής: «Τὸ 597 ἔτος (1148) τὸ ἔθνος τῶν Ηἰοmpayec'i, ποὺ λέγονται Φράγκοι». Ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσηνὸς ἀναφορικὰ μετὰ αὐτοὺς γράφει: «Τότε ἔγινε ἡ ἐξοδος τῶν Ηἰοmpayec'i καὶ ἀνοιξε ἡ θύρα τοῦ ἔθνους τῶν Λατίνων». Τὴν Κωνσταντινούπολη τὸ 1204 κυρίευσαν οἱ στρατοὶ τῶν Ηἰοmpayec'i (Κ.Σ.)

Σχετικὰ μετὰ τὴ γλῶσσα, ὁ Λάζαρος ἀπὸ τὸ Παρπί γράφοντας γιὰ *hiompayec'i* γλῶσσα ἔχει ὑπ' ὄψη τοῦ τὴν λατινικὴ: *Palatn*, ποὺ μεταφράζεται «αὐλὴ (τοῦ βασιλέως)». Ὁ Ἀγαθάγγελος ἔμαθε «*hiompayec'èp* καὶ *yuparèp*», δηλαδή λατινικὰ καὶ ἑλληνικὰ. Ἡ ἁγία Γαϊανὴ μιλοῦσε τὴν γλῶσσα τῶν Ηἰοmpayec'ik, δηλαδή λατινικὰ.

Οἱ Ἀρμένιοι, βέβαια, κυρίως αὐτοὶ ποὺ ἔλαβαν ἑλληνικὴ μόρφωση, ἤξεραν καὶ τοὺς *Hellèp*, δηλαδή τοὺς Ἑλληνες. Ὁ Μωϋσῆς ὁ Χωρηνὸς π.χ. γράφει γιὰ *hellèp* γραφὴ, δηλαδή ἑλληνικὰ γράμματα, γράφει ὅτι ἡ ἐπιγραφή στὸ Γκαρνὶ τοῦ βασιλέα Τιριδάτη ἦσαν διὰ *hellèpac'i* γραφῆς, ἔξερει τοὺς Ἀχαιοὺς τοῦ Τρωϊκοῦ πολέμου, ποὺ τοὺς ὀνομάζει ἀνδρείους τῶν *Hellèpac'i*, γράφει γιὰ μεταφράσεις στὴν ἀρμενικὴ ἀπὸ τὴν *hellèp* γλῶσσα, ποὺ τὴν θεωρεῖ γλῶσσα θαυμάσια.

Ἀπὸ τὸ μισὸ τοῦ Ζ' αἰῶνα οἱ Ἀρμένιοι γιὰ δύο καὶ πάνω αἰῶνες μπῆκαν στὰ πλαίσια τοῦ Ἀραβικοῦ χαλιφάτου. Ἀλλὰ κατὰ πάσαν πιθανότητα τοὺς ἐγνώριζαν καὶ πολὺ πρὶν. Ἡ κυριαρχοῦσα μορφή τοῦ ὀνόματος τοῦ λαοῦ αὐτοῦ στὶς ἀρμενικὲς πηγές εἶναι *Tačik*, ποὺ ἀπαντᾷ στὶς ἀρχαιότερες ἀρμενικὲς γραπτῆς πηγές. Ἀναφορικὰ μετὰ τὰ γεγονότα τοῦ Δ' αἰῶνα, ὁ Φαῦστος μνημονεύει ἵππον *tačik*, δηλαδή ἵππον ἀραβικόν, ποὺ θὰ τὸν ἀπαντήσουμε καὶ στὸ ἱστορικὸ ἔργο ἀκόμη τοῦ Γρηγο-

ρίου από το 'Ακνέρ (ΙΓ' αιώνας). 'Από τον Ε' αιώνα ήταν γνωστή και η χώρα των Ταϋίκ, ονομαζομένη στις πηγές Ταϋκασταν (Α., Ε., Σ.), αλλά και «χώρα των Ταϋίκ» (Σ.), «χώρα του Νότου» (Μ.Ε.), ο λαός «ἔθνος του Ταϋκασταν» (Μ.Κ.) ο δὲ στρατός «στρατός του Ταϋκασταν» (Ι.Κ.).

Πιο ἐμπεριστατωμένα γι' αὐτούς, φυσικά, γράφουν, οἱ ἱστορικοὶ Σεβαΐος, Μωϋσῆς ἀπὸ τὸ Καλανκατούϊκ, Λεόντιος, αὐτόπτες μάρτυρες τῶν γεγονότων. 'Ακόμη τὸν ΙΓ' αἰώνα ἡ Βαγδάτη θεωρεῖται «πρωτεύουσα τῶν Ταϋίκ» (Κ.Κ.) μετὴν κυρίευση τῆς ὁποίας τὸ 1258 καὶ τὴν κατάδικη σὲ θάνατο τοῦ χαλίφη τῶν Ταϋίκ ἀπὸ τὸν Τάταρο-Μογγόλο Χουλαγού ἐτερματίσθη ἡ ἀλαζονικὸς καὶ μανιώδης βασιλεία τῶν Ταϋίκ, πὸν διήρκεσε 647 χρόνια» (Γ.Α., Κ.Κ.)

Τὸ ἀραβικὸ ἡμερολόγιο τῆς 'Εγείρας στὶς ἀρμενικὲς πηγὲς εἶναι «ἔτος τῶν Ταϋίκ». 'Ο Μωϋσῆς ἀπὸ τὸ Καλανκατούϊκ, π.χ., γράφει ὅτι ἡ ἐπιστολὴ τῆς ἐκκλησιαστικῆς Συνόδου τῶν 'Αλβανῶν τοῦ Καυκάσου στὸν 'Αρμένιο πατριάρχη 'Ηλία, «ἐγράφη τὸ 85ὸ ἔτος τῶν Ταϋίκ καὶ τὸ 148ὸ τῶν 'Αρμενίων» δηλαδὴ θεωρεῖ τὸ πρῶτο ἔτος τῆς 'Εγείρας τὸ 614.

Ταϋίκ στὶς ἀρμενικὲς πηγὲς ἔχει καὶ σημασία μουσουλμάνου, ἀσχετῆς τῆς ἐθνικῆς καταγωγῆς τοῦ φορέως. 'Ο Γρηγόριος ὁ Μάγιστρος γράφει: «'Εβραῖος καὶ εἰδωλολάτρης, χριστιανὸς καὶ Ταϋίκ» ὁ δὲ Θωμᾶς ἀπὸ τὸ Μετσόπ, ὅτι ὁ Ταμερλᾶνος διέταξε νὰ σκοτώνουν τοὺς χριστιανούς τοῦ 'Ανίου καὶ νὰ ἀπελευθρώνουν τοὺς Ταϋίκ, ἀλλὰ ἐγινε τὸ ἀντίθετο. Οἱ 'Αρμένιοι «σκότωσαν τοὺς Ταϋίκ καὶ ἀπελευθέρωσαν τοὺς πιστούς» (Θ.Μ.). 'Ο Σελτζούκος 'Αλπ 'Αρσλάν κολάκευε ἕναν ἐπίσημο 'Αρμένιο «ὅπως γίνε Ταϋίκ μετὸς νόμους τοῦ Μωάμεθ» (Α.Ν.). 'Απαντοῦν ὄροι *taçkahavat*, *taçkakrawn*, δηλαδὴ τῆς πίστεως τῶν Ταϋίκ, ἀλλὰ καὶ ῥῆμα *taçkanal*, γίνεσθαι Ταϋίκ, δηλαδὴ μουσουλμάνος (Α.Ν.)

Στὶς ἀρμενικὲς μεσαιωνικὲς χαριστικὲς ἐπιγραφές, στὸ τέλος ἀπαντᾶ σειρὰ ἀπὸ κατάρες γι' αὐτούς πὸν δὲν θὰ ἐκπληρώσουν τὶς διατάξεις τῶν δωρητῶν, ὅπως π.χ. νὰ εἶναι καταραμένοι ἀπὸ τοὺς 318 ἐπισκόπους τῆς Νίκαιας, ὅπως λάβουν τὸν κλῆρον τοῦ 'Ιούδα κ.τ.τ. 'Αλλὰ ἐφόσον ἡ 'Αρμενία ἀπὸ τὸν Η' αἰώνα εὐρίσκετο συχνὰ ὑπὸ τὸν ζυγὸν τῶν μουσουλμάνων καὶ οἱ χριστιανικὲς κατάρες δὲν παρουσίαζαν γι' αὐτοὺς ἀπειλή, οἱ 'Αρμένιοι δωρητὲς βρῆκαν διέξοδο καὶ στὴν συνέχεια ἔγραφαν κατάρες καὶ γιὰ τοὺς μουσουλμάνους. Μιὰ ἀπὸ αὐτὲς θέλω νὰ σᾶς παρουσιάσω γιὰ νὰ ἔχετε μιὰ ἰδέα τῆς ψυχολογίας τῆς ἐποχῆς:

«'Εὰν ἀλλάξει ὁ τοπάρχης τῶν Ταϋίκ, καὶ ὁ νέος θελήσει νὰ ἀρπάξει [τὰ δωρηθέντα], νὰ εἶναι καταραμένος ἀπὸ τὸν πλάσαντα τὸν οὐρανὸ καὶ τὴν γῆ Θεὸ καὶ ἀπὸ πάντας τοὺς ἔκλεκτοὺς αὐτοῦ ἁγίους. Νὰ εἶναι

καταραμένος καὶ ἀπὸ τὸν προφήτη πὸν ὀνομάζουν *reiyambag*, ἀπὸ τὸν νομοθέτη τοὺς Μωάμεθ μετὸς 100.000 *palat* (κατάρεις). 'Ο οὐρανὸς αὐτοῦ νὰ βρέξει φωτιὰ καὶ ἡ γῆ αὐτοῦ νὰ φέρει ἀγκάθια, τὸ χαλάλι του νὰ γίνε *χαράμι*, καὶ μετὸν σατανᾶ νὰ κατεβεῖ στὴν κόλαση, μετὴν γυναῖκα καὶ τὰ παιδιὰ του νὰ ἐξοντωθεῖ». (Σ.Ο.)

Μεταγενεστέρως οἱ 'Αρμένιοι ὀνόμαζαν Ταϋίκ τοὺς Τούρκους. 'Εκτὸς τοῦ ὄρου Ταϋίκ, γιὰ τοὺς 'Αραβες ἔχουμε καὶ τὸ ὄνομα «Πέρσης» πὸν ἀπαντᾶ μόνο στὸ ἱστορικὸ ἔργο τοῦ Σαμουήλ τοῦ 'Ανιώτη. Οἱ χαλίφες Μωαυίας, 'Εζίτ, Μρουάν, Βαλίδ, Σουλεϊμάν, Ηεῆτ, καὶ ἄλλοι εἶναι ἀρχόντες τῶν Περσῶν.

Οἱ Ταϋίκ στὶς ἀρμενικὲς πηγὲς, φυσικά, λέγονται καὶ «'Αραβες» / *Arabik*, *Arabaçik*, ἔθνος τῶν *Arabik*, ἡ δὲ χώρα *Arabia* (Μ.Κ., Ι.Κ., Σ.Τ., Γ.Μ., Μ.Ε.). Οἱ δὲ 'Αραβες τῆς βορείου 'Αφρικῆς ὀνομάζονται *Μάχρ Arabik*, δηλαδὴ «'Αραβες τοῦ Μαγρίμπ» (Σ.Τ., Μ.Ε.), οἱ ὁποῖοι λέγονται καὶ Αἰγύπτιοι (Σ.Τ., Μ.Ε.), ἢ *Μισίριοι* / *Mstic'ik* (Σ.Α., Β.Χ.), ἀλλὰ στὶς πηγὲς τοῦ ΙΓ' αἰώνα καὶ *Τούρκοι* (Γ.Α.).

Τὸ τρίτο ὄνομα τῶν 'Αράβων εἶναι «'Ισμαηλίται», υἱοὶ τοῦ 'Ισμαήλ / *Ismayēlac'ik*, *ordik Ismayēli*, 'Ισμαηλιτικὸ ἔθνος / *azg Ismayēlean*, 'Ισμαηλικὸι / *Ismayēlean*, 'Αγαρογενεῖς «'Ισμαηλίται» / *hagarac'in Ismayēlac'ik*, τὸ δὲ 'Ισλάμ «πίστις τῶν 'Ισμαηλικῶν» / *den Ismayēlakanac'* (Σ., Μ.Κ., Λ., Ι.Κ., Σ.Α., Σ.Ο., Β., Α.Ν.).

Τὸ τέταρτο ὄνομα τῶν 'Αράβων εἶναι «'Αγαρηνοί» / *Hagarac'ik*, ἀπαντοῦν ἀκόμη «'Ισμαηλικοὶ 'Αγαρηνοί», / *Ismayēleann Hagaracik*, Υἱοὶ τῆς 'Αγαρ / *Hagaru ordik'*, ἔθνος τῆς 'Αγαρ / *Hagaru azg* (Μ.Κ., Σ., Λ., Ι.Κ., Σ.Α.).

Τὸ πέμπτο ὄνομα τῶν 'Αράβων πὸν ἀπαντᾶ σπανίως εἶναι Σαρακηνοῦς / *Sar'akinos* (Λ., Ι.Κ.).

Οἱ 'Ιβηρες (Γεωργιανοὶ) στὶς ἀρμενικὲς πηγὲς εἶναι γνωστοὶ ὡς *Vrac'ik'* ἀλλὰ καὶ *Veriac'ik'*, πὸν συμπίπτει μετὸ ἑλληνικὸ 'Ιβηρες (τὸ -ac'ι εἶναι πρόσφυμα). 'Αλλὰ ὄχι σπανίως, ὡς συνώνυμο τοῦ *Vrac'ik'* ἔχουμε καὶ τὸ *Ar'xaz*, δηλαδὴ 'Αβασγός. 'Ο 'Ιβηρ βασιλεὺς Γεώργιος (1014-1027), γιὸς τοῦ *Bagarat*, στὴν ἴδια πηγὴ ὀνομάζεται καὶ βασιλεὺς τῶν *Ar'xazk'*, καὶ βασιλεὺς τῶν *Vrac'* (Β.).

Οἱ πηγὲς ξέρουν καὶ τοὺς *Egerac'ik*, τοὺς σημερινούς Μιγγρέλους, τὴν δὲ χώραν τοὺς *Eger*. Σύμφωνα μετὴν «'Αρμενικὴ Γεωγραφία τοῦ Ζ' αἰώνα» χώρα τῆς 'Ασίας εἶναι ἡ Κολχίς, δηλαδὴ ἡ *Eger*. 'Ο λόγος ἀφορᾶ τὴν Δυτικὴν Γεωργία. Σχετικὰ μετὰ τὰ γεγονότα τοῦ Ζ' αἰώνα, τὴν πολιορκία δηλαδὴ τῆς Τιφλίδας ἀπὸ τὸν 'Ηράκλειο, ὁ σύμμαχος τοῦ τε-

λευταίου χάζαρος Jebu χακάν «πέρασε μέσω της χώρας των Vrac'ik' και Egerac'ik'».

Το Vrac'i, όπως και το Hoioim, έλαβε και την σημασία του ορθόδοξου, δηλαδή του διφυσίτη. Ο Γρηγόριος ο Πακουριανός, π.χ., αν και ήταν Άρμένιος την εθνικότητα (το τυπικό του το υπέγραψε αρμενικά), ο Ματθαίος ο Έδεσσηνός τον ονομάζει Vrac'i, δηλαδή Ίβηρα κατά την όμολογία της πίστης, χαλκηδονίτη.

Οί Άλβανοί του Καυκάσου μνημονεύονται με ένα και το αυτό όνομα, *Atuanak'*. Ο Μωϋσής ο Χωρηνός τους θεωρεί «βαρβάρους». *Atuanak'* ταυτοχρόνως είναι και η όνομασία της χώρας.

Οί Άρμένιοι καθ' όλον τον Μεσαίωνα είχαν τις πιο στενές σχέσεις με τους Σύρους, με τους όποιους ήταν και όμόπιστοι, μονοφυσίτες. Αυτοί στις αρμενικές πηγές (όπως και σήμερα) όνομάζονται *Asorik'* και *Asorestanc'ik'*, Άσσύριοι και η χώρα τους *Asorik'* και *Asorestan*. Οι αρχαίοι Άσσύριοι αντίθετως όνομάζονται Σύροι / *Asorik'*. Η Άσσύρια βασίλισσα Σεμίραμις / *Šamiram* θεωρείται γυναίκα Σύρου βασιλέως (Σ.) Άλλά αυτοί, όχι σπανίως, λέγονται και Χαλδαίοι / *K'atdeac'ik'*. Ο Άσσύριος βασιλεύς Σαρδανάπαλος ήταν Χαλδαίος (Μ.Χ.) Άλλά ο Λεόντιος γράφει ότι ο χριστιανισμός διαδόθηκε με τις γλώσσες των Έλλήνων (Υογν), Ρωμαίων - (*Hioamayec'ik'*), Έβραίων (*Ebrayec'ik'*), Χαλδαίων (*Katdeac'ik'*) και Σύρων (*Asorik'*) δηλαδή τους Χαλδαίους και Σύρους δέν τους ταυτίζει.

Άπό τα έργα του Προκοπίου Καισαρέως και άλλων πρωίμων βυζαντινών συγγραφέων είναι γνωστοί οι Έφθαλίτες της Άσίας, έναντιόν των όποιων πολέμησε και ήττήθηκε ο Πέρσης βασιλεύς Περόζης. Τα γεγονότα αυτά βρήκαν άντανάκλαση και στις αρμενικές πηγές. Οί Έφθαλίτες στις δικές μας πηγές είναι γνωστοί ως *Hp'it'al*. «Ο Χριστός έστειλε έναντιόν του τυράννου και αίμοβόρου βασιλέως των Περσών (δηλαδή του Περόζου) ως ράβδον θυμού το έθνος των *Hp'it'al*. Άλλά αυτοί κατά τον Μωϋσή τον Χωρηνό τον Ε΄ αιώνα ζούσαν και στον βόρειο Καύκασο. Ο άγιος *Maštoc'* διέδωσε τον χριστιανισμό μεταξύ των *Kamicičik'* *Hp'it'al*, οι όποιοι αν και στο παρελθόν ήταν χριστιανοί, είχαν ξεχάσει την θεολατρεία. Αυτούς ο Άλέξανδρος ο Μακεδών, αίχμαλωτίσας, είχε εγκαταστήσει γύρω στο μεγάλο όρος του Καυκάσου». Οί πρώτοι Άρμένιοι συγγραφείς τους ταυτίζουν με τους *K'ušan*, πρωτεύουσα των όποιων ήταν η πόλη *Balx* στο Χορασάν (Α., Φ., Μ.Χ., Σ.).

Οί Έβραίοι στις αρμενικές πηγές είναι *Hreayk'*. Η ρίζα είναι «*Hur*» (το *-eayk'* κατάληξη). Ταυτίζεται με το συριακό *ihūdāyā* ή *yūdāhā*, έβρ.

yahūdīm, άραμ. *yahūdāyā* και ελληνικό *Ίουδαίος*. Η χώρα των λέγεται *Hreastan*. Οί Άρμένιοι είχαν άμεση σχέση μ' αυτούς κυρίως από την εποχή του βασιλέως Τιγράνη του Μεγάλου, όταν αυτός, κυριεύσας την Παλαιστίνη, μετέφερε στην Άρμενία χιλιάδες Έβραίων (Φ., Μ.Χ.). Τον Δ΄ αιώνα μέγα μέρος των Έβραίων αυτών ο Πέρσης βασιλεύς Σαπώρης ο Β΄ το εγκατέστησε στην Περσία. Με τα έξογκωμένα δεδομένα του φαύστου από τα Άρτάξατα μετοίκησαν 9.000 οικογένειες, από την πόλη Έρουαντασατ 30.000, από το Ζαρεχαβάν 8.000, από το Ζαρισάτ 14.000, από το Βάν 8.000, από το Ναχτσαβάν 16.000 οικογένειες.

Οί Έβραίοι όνομάζονται και *Ebrayec'ik'*, η έπιστολή του άποστόλου Παύλου προς Έβραίους έχει μεταφραστεί «Προς *Ebrayec'ik'*», αλλά λέγονται και «Υιοί του Ίσραήλ».

Οί Χάζαροι του βορείου Καυκάσου, «το βόρειο έθνος» όνομάζονται *Xazirk'*. Αυτοί θεωρούνται και Ούννοι / *Honk'*. Ο βασιλεύς των Χαζάρων *Jebu Xak'an* για τον Μωϋσή από το Καλανκατούϊκ είναι βασιλεύς των Ούννων, αν και ο ίδιος συγγραφέας γράφει ότι ο Άρμένιος πατριάρχης Νερσές «πολλές έπαρχίες των Χαζάρων και Ούννων έφερε στον Χριστιανισμό». Και για τον Λεόντιο οι Χάζαροι και οι Ούννοι είναι έθνη διαφορετικά. Οί Χάζαροι όνομάζονται και «Τουρκεστένιοι» (Μ.Κ.). Για πρώτη φορά τους μνημονεύει ο Μωϋσής από το Καλανκατούϊκ, σχετικά με τα γεγονότα των μέσων του Δ΄ αιώνα. Ο Λεόντιος γράφει ότι «άρχων των Χαζάρων όνομάζεται χαγάνος / *Xak'an*». Ένω, σύμφωνα με τον Στέφανο τον Ταρωνίτη, ο Ίουστινιανός ο Β΄ Ρινότμητος κατέφυγε προς τον χαγάνο των Χαζάρων και παντρεύθηκε την κόρη του, ο Σαμουήλ ο Άνιώτης γράφει ότι αυτός κατέφυγε στους Ίνδους.

Στις μεταγενέστερες πηγές οι Χάζαροι ταυτίζονται με τους *Xp'č'ak'* (Κιπτσάκους). Ο Στέφανος Όρμπελιάν φέρει το κείμενο μιας λίθινης έπιγραφής του 1261, όπου μνημονεύεται Άρμένιος άρχων που «σε νεανική ηλικία σκοτώθηκε στον πόλεμο στην χώρα των *Xalandrik'*, στην πεδιάδα των Χαζάρων, που τώρα όνομάζουν *Xp'č'ak'*. Άλλά ο ίδιος συγγραφέας γράφει για την πύλη Δαριάλ «Καυκασίαι πύλαι». «Η πύλη των Άλανών, που οι παλαιοί ώνόμαζαν Δαριάλ (...). Είναι ο τόπος από όπου εισβάλουν οι Χάζαροι, Άλανοί, Όσοι (Όσετίνοι) και *Xp'č'ak'*».

Στον στρατό του Ίβηρα βασιλέα Δαυίδ (1073-1125), που έμάχητο κατά του σουλτάνου Μελέν του Καντζακίου, υπήρχαν τάγματα που έλαβε από τον βασιλέα των *Xp'č'ak'*, 15 χιλιάδες άνδρες (Μ.Ε.), η 40.000 ίππεις (Κ.Σ.).

Για στρατούς των *Xp'č'ak'*, (που θεωρούνται Ούννοι και ήλθαν στο

Καντζάκιο) γράφει και ο Βαρδάνης.

Οί Βούλγαροι στις αρμενικές πηγές είναι γνωστοί από τον 5^ο αιώνα. Έδω δὲν ὑπάρχει ἀνάγκη νὰ ἀναφερθοῦμε στοῦ Βουλγάρους τοῦ Θ' - ΙΑ' αἰώνα τῆς χερσονήσου τοῦ Αἴμου, ἐφόσον τὰ δεδομένα τῶν ἀρμενικῶν πηγῶν ἔχουν ὡς βάση τὶς βυζαντινὲς πηγές, γραπτές ἢ προφορικές.

Ὁ Μωϋσῆς ὁ Χωρηνὸς γράφοντας γιὰ τὴ δράση τοῦ Ἀρμενίου μυθικοῦ βασιλέως Βαλαρσάκ, ἀλλὰ κατ' οὐσίαν τοῦ Ἀρτασῆς τοῦ Α' Τιριδάτη τοῦ Α', μνημονεύει τὸν ἐγκατασταθέντα στὴ Βασιανή Vilndur (Ὁνογουνδούρ;) Bulkar, ἀπὸ τὸ ὄνομα τοῦ ὁποῖου, δῆθεν, ἡ ἐπαρχία αὐτὴ ὀνομάσθηκε Vanand.

Στὴν Ἀρμενικὴ Γεωγραφία τοῦ Ζ' αἰώνα, στὸ τμῆμα ποῦ ἀφορᾷ στὴν Ἀσιατικὴ Σαρματία καὶ ἔχει βάση ἑλληνικὸ κείμενο (τοῦ Πτολεμαίου ἢ τοῦ Πάππου Ἀλεξανδρινοῦ), ἀπαντᾷ παρεμβολὴ μᾶλλον ἀπὸ προφορικὴ πηγὴ, ὅπου διαβάζουμε, ὅτι βορείως τοῦ Καυκάσου εἶναι «τὰ ἔθνη τῶν Τούρκων [καί] Βουλγάρων, ποῦ φέρουν ὀνόματα ποταμῶν: Kuri Bulgar, Kuč'i Bulgar, Oχxontor Bulkar καὶ Č'dar Bulkar. Τὰ ὀνόματα αὐτὰ εἶναι ἀγνωστα στὸν Πτολεμαῖο». Στὴ συνέχεια στὸ κείμενο διαβάζουμε: «Καὶ ἀπὸ τὸ Ἰππικὸ ὄρος ἀπέδρασε ὁ γιὸς τοῦ Xudbad (δηλαδὴ τοῦ Κουβράτου)», ὁ ὁποῖος σὲ ἓνα ἄλλο μέρος τῆς Γεωγραφίας ὀνομάζεται Aspar - hruk (Ἀσπαρούχ).

Οἱ Ρῶσοι ὡς *Ruzikk'* καὶ *Ruz* εἶναι γνωστοί ἀπὸ τὸν 1^ο αἰώνα. «Τὸν καιρὸ αὐτὸ – γράφει ὁ Μωϋσῆς ἀπὸ το Ντασχορᾶν – ἐξόρμησε ἀπὸ τὸν βορρᾶ δυσειδές, ξένο ἔθνος τι, ποῦ ὀνομάζουσαν Ruzik. Αὐτοὶ ὡς λαὶ λαψ πέρασαν τὴν τεράστια Κασπία θάλασσα, αἴφνης ἐφθασαν στὴν πρωτεύουσα τῆς Ἀλβανίας [τοῦ Καυκάσου] πόλη Παρταύ. (...) Αὐτοὶ ἦσαν ἀνικῆτου δυνάμεως». Τοὺς μνημονεύουν καὶ ὁ Στέφανος ὁ Ταρωνίτης σχετικὰ μὲ τὴν διάδοση τοῦ Χριστιανισμοῦ μεταξὺ αὐτῶν τὴν ἐποχὴ τοῦ Βασιλείου τοῦ Β', ὡς καὶ τὴν συμμετοχὴ αὐτῶν στὴν κατάκτηση τοῦ Τάϊκ ἀπὸ τὸν ἴδιο αὐτοκράτορα. Μεταξὺ τῶν στρατευμάτων τοῦ Βασιλείου τοῦ Β' ἦσαν καὶ τάγματα τῶν Ruz. Τὸν ΙΒ' καὶ ΙΓ' αἰώνα τοὺς μνημονεύουν ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσηνὸς καὶ ὁ Βαρδάνης. Ruz ἦταν ὁ ὑπηρέτης τοῦ Γεωργίου Μανιάκη, καθὼς καὶ ὁ πρῶτος σύζυγος τῆς βασιλίσσης τῶν Ἰβήρων Θάμαρ.

Οἱ Οὐζοὶ καὶ οἱ Πετσενέγκοι ὡς Uz καὶ *Pacipak*, *Pacupak*, *Pacenak* ἢ *Pecenek* μνημονεύονται ἀπὸ τὸν Ματθαῖο τὸν Ἐδεσηνὸ καὶ τὸν Βαρδάνη. Ὅπως βλέπουμε, οἱ ὀνομασίες τῶν δύο αὐτῶν λαῶν συμπίπτουν μὲ ἐκείνες τῶν βυζαντινῶν πηγῶν. Ὁ Ματθαῖος τοὺς Πετσενέγκους

θεωρεῖ «σαρκοβόρο, ἄνομο, μυσαρὸ, κακὸ καὶ αἰμοβόρο ἔθνος». Κατὰ τὸν ἴδιο συγγραφέα στὸ στρατὸ τοῦ Ρωμανοῦ τοῦ Διογένη στὴ μάχη τοῦ Μαντζικέρτ τὸ 1071, ὑπῆρχαν τάγματα τῶν Uz καὶ Pacupak. Ὁ Ματθαῖος καὶ ὁ Βαρδάνης γράφουν καὶ γιὰ τὶς εἰσβολές τῶν Πετσενέγκων στὸ ἔδαφος τοῦ Βυζαντίου ἐπὶ Ἀλεξίου Α' τοῦ Κομνηνοῦ, ἀλλὰ καὶ γιὰ «βασιλέα τῶν Pacipak» ἢ Pecenak.

Ὁ Βαρδάνης, σχετικὰ μὲ τὴν Γ' Σταυροφορία, μνημονεύει καὶ τοὺς Βλάχους / *Blax*: «Οἱ Κωνσταντινουπολίτες ἔδωσαν [στὸν Φρειδερίκο Βαρβαρόσσα] 100 κεντηνάρια χρυσοῦ καὶ 200 ἀργύρου, καθὼς καὶ συμφώνησαν νὰ περάσουν δωρεάν τὸν πολυάριθμο στρατὸ τους, ἀλλὰ καὶ τοὺς πάμπολλους θησαυροὺς ποῦ αὐτοὶ πῆραν ἀπὸ τοὺς Blax καὶ ἀπὸ τοὺς Βουλγάρους, ὅταν περνοῦσαν μὲσω τῆς χώρας αὐτῶν».

Τὸ 1080 οἱ καταφυγόντες στὴν Κιλικία Ἀρμένιοι ἴδρυσαν τὸ ἀρμενικὸ πριγκηπάτο τῆς Κιλικίας, ποῦ στὰ τέλη τοῦ ΙΒ' αἰώνα ἐγίνε βασιλῆιο καὶ διατηρήθηκε μέχρι τὸ 1375. Στὸ τέλος τοῦ ΙΑ' αἰώνα ἄρχισαν οἱ Σταυροφορίες καὶ οἱ Ἀρμένιοι ἦρθαν πρόσωπο μὲ πρόσωπο μὲ τοὺς Εὐρωπαίους. Ἡ Εὐρώπη γενικῶς καὶ οἱ κάτοικοι αὐτῆς γιὰ τοὺς Ἀρμένιους εἶναι *P'rang - P'rank*, ἡ χώρα, «χώρα τῶν P'rank». Ὁ Γάλλος Godfrey de Bouillon, ὁ Baudouin de Boulogne, ὁ Baudouin de Bourg, ὁ Raymond IV de Saint-Guilles εἶναι Φράγκοι, ἀλλὰ Φράγκοι εἶναι καὶ οἱ Νορμανδοὶ Ταγκρέδος καὶ Ροβέρτος, Ρογήρος, Ρουσέλιος (Μ.Ε.), ὁ Ἄγγλος βασιλεὺς Ἐδουάρδος ὁ Α' (Κ.Σ.). Ὅταν τὸ 1204 κυρίευσαν τὴν Κωνσταντινούπολη οἱ Φράγκοι (Β.Χ.), ὁ Λέων ὁ Β', πρῶτος βασιλεὺς τῆς Ἀρμενοκιλικίας, ἔλαβε τὸ στέμμα του ἀπὸ τοὺς βασιλεῖς τῶν Yoyn / Ἑλλήνων, δηλαδὴ ἀπὸ τὸ Βυζάντιο, καὶ ἀπὸ τοὺς Φράγκους (Σ.Σ.Α.). Ὁ Λέων τὸ στέμμα του τὸ ἔλαβε ἀπὸ τὸν Γερμανὸ αὐτοκράτορα τῆς Ἁγίας Ρωμαϊκῆς αὐτοκρατορίας. Ὁ Κοντόσταυλος Σμπάτ γράφει ὅτι τὸ στέμμα ὁ Λέων τὸ ἔλαβε ἀπὸ τὸν «βασιλέα τῶν Ἀλαμανῶν», τὸν ὁποῖο στὴ συνέχεια ὀνομάζει *aprgur* ἢ *onprun* (ἱμπεράτορα), τῶν Ἀλαμανῶν.

Ὅπως δὴποτε, οἱ Ἀρμένιοι ἤξεραν πῶς οἱ Φράγκοι δὲν εἶναι ἐνιαῖο ἔθνος. Ὁ Βαρδάνης ξέρει ὄχι μόνο τὸν αὐτοκράτορα τῶν Ἀλαμανῶν (*Alamank'*), ἀλλὰ καὶ τοὺς βασιλεῖς τῶν Ἄγγλων (*Anglizk'*) καὶ τῶν Γάλλων (*P'rang'is*). Ὁ Μογγόλος χάνος Μπατοῦ (1227-1255) ἐφθασε μέχρι τὰ μεθόρια τῶν Ἀλαμανῶν καὶ τῶν *Ungr*, δηλαδὴ τῶν Οὐγγρων (Σ.Ο.). Ὁ Κοντόσταυλος Σμπάτ ξέρει τὸν Ἀνδρέα, βασιλέα τῶν *Ungr*. Στὰ Βραχέα Χρονικά κάτω ἀπὸ τὸ 1263 μνημονεύονται καὶ οἱ Βενετοὶ καὶ οἱ Γενουάτες (*Venesiank'* καὶ *Č'nuizk'*). Τὸ λατινικὸ ἀλφάβητο θεωρεῖται φραγκικὸ (Σ.Ο.).

Ἐκ τῆς ἀρχῆς τοῦ ΙΑ΄ αἰῶνα νέα χαλαζοβόλα σύννεφα συγκεντρώνονται στὸν οὐρανὸ τῆς Ἀρμενίας, οἱ Τούρκοι Σελτζούκοι. Ὁ αὐτόπτης μάρτυς τῶν θηριωδιῶν τῶν νέων εἰσβολῶν Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνὸς κάτω ἀπὸ τὸ 1016 γράφει: «Στὴ χώρα μας εἰσέβαλαν φίδια φτερωτά, (...) ἢ ἄγρια φυλὴ ὀνομαζομένη Τούρκοι, τὰ ἄνομα καὶ αἰμοβόρα θηρία, οἱ στρατοὶ τῶν Τούρκων. Μέχρι τότε δὲν εἶχαμε δεῖ ἱππικὸ Τούρκων. Εἶδαμε τὴν ἀλλόκοτη φυσιογνωμία αὐτῶν. Ἦσαν τοξότες μὲ ἐκχυτὴ ὅπως τῶν γυναικῶν κόμη. Αὐτοὶ ἦσαν ὁ στρατὸς τῶν ἀλλοφύλων, μυσσαρῶν Τούρκων, τῶν κατάρτων υἱῶν τοῦ Χάμ».

Ἐὰν ὁ ἱστορικός μὲ παραξενιὰ περιγράφει τὴν ἐξωτερικὴ ὄψη αὐτῶν, σημαίνει ὅτι αὐτοὶ πρωτοεμφανίσθηκαν στὴν Ἀρμενία τὸν ΙΑ΄ αἰῶνα. Γιὰ λογαριασμὸ τῶν ὑποδουλωμένων Ἑλληνίδων, Ἀρμενίδων, Γεωργιανίδων γυναικῶν τῶν χαρεμιῶν τοὺς ἀλλάξαν ἐντελῶς τὴν φυσιογνωμία τους, ἀλλὰ ὄχι καὶ τὴν ψυχολογία, μεθ' ἧς ἦλθαν τὸν ΙΑ΄ αἰῶνα. Καὶ τώρα θεωροῦν τοὺς ἑαυτοὺς τοὺς αὐτόχθονες, οἱ ἐκ δυσμῶν μας ὁμοφύλους τοῦ Ὀμήρου / Ὀμέρ, οἱ δὲ ἐξ ἀνατολῶν μας ἀπογόνους τοῦ Νῶε, ποὺ ἦταν Ἀζέρος, καὶ ποὺ αὐτοὶ εἶναι οἱ ἐφευρέτες τοῦ τροχοῦ (βλ. ἐφημερίδα, «Σοβιετικὸ Ναχιτσεβάν»).

Τὸ πιὸ διαδεδομένο ὄνομα τῶν νέων εἰσβολῶν στὶς ἀρμενικὲς πηγὲς εἶναι *Türk*. Αὐτοί, ἂν καὶ εἰσέβαλαν στὴν Ἀρμενία τὸν ΙΑ΄ αἰῶνα, ἦσαν στοὺς Ἀρμενίους γνωστοὶ πρὸ πολλοῦ. Στὴν Ἀρμενικὴ Γεωγραφία τοῦ Ζ΄ αἰῶνα, ἀναφορικὰ μὲ τὰ βόρεια ἔθνη, μνημονεύεται καὶ ἔθνος Τούρκων πλησίον τοῦ ποταμοῦ Ἄτλ (δηλαδὴ τοῦ Βόλγα). Στὶς πηγὲς οἱ Τούρκοι ὀνομάζονται καὶ «Skiwt'ac'i Türk'» / Σκῦθες Τούρκοι (Σ.Ο., Α.Γ.), ἢ ἀπλῶς «Skiwt'ac'i» / Σκῦθες (Σ.Α.). Ὁ Σαμουήλ ὁ Ἀνιώτης προσθέτει ἀκόμη ὅτι «τὸ ὄνομα αὐτῶν εἶναι «Sag'uk», δηλαδὴ Σελτζούκοι. Τοὺς Σκῦθες Τούρκους οἱ Ἀρμένιοι τοὺς ἤξεραν καὶ στὶς ἀρχὲς τοῦ ΙΑ΄ αἰῶνα. Ὁ ἀμπερᾶς τῆς Ἀτροπατηνῆς Γιουσουφ εἰσέβαλε στὴν Ἀρμενία, ἔχοντας μεταξὺ τῶν ταγμάτων του καὶ «Σκῦθες Τούρκους, ποὺ κατοικοῦσαν στὰ ἐνδότερα τῆς χώρας του» (Σ.Ο.).

Τέλος, τὸ ὄνομα Τούρκος εἶναι γιὰ τοὺς Χριστιανούς καὶ ὕβριστικό. Στὸ ἀρμενικὸ ἐτυμολογικὸ λεξικὸ τοῦ Στεφάνου Μαλχασιάντς διαβάζουμε: «Τούρκος: σκληρόκαρδος, ἀνηλεής, ἀσυνειδήτος, ἄξεστος, ἀγροῖκος». Στὸ δὲ τὸ τοῦ Δημητράκου Τούρκος σημαίνει «ἄνθρωπος σκληρός, ὠμός, ἀγριός, ἀψύς, ἀσπλαχνός». Ἀλλὰ λίγοι ἔξεραν ὅτι αὐτὸ ἦταν ὕβριστικό ἀκόμη τὸν ΙΓ΄ αἰῶνα, καὶ ὄχι μόνο στὸ χριστιανικὸ περιβάλλον, ἀλλὰ καὶ στὸ μουσουλμανικὸ. Κατὰ τὸν Κυριάκο ἀπὸ τὸ Καντζάκιο, ὅταν τὸ 1258 ὁ Ταταρο-Μογγόλος ἰλχάνος Χουλαγού (1256-1265)

πολιορκήσῃ τὴν Βαγδάτη καὶ ἀπευθύνθηκε στὸν τελευταῖο Ἀραβὰ χαλίφη Ἀλ-Μουστασίμ (1242-1258) μὲ ἐκκλήση «να ὑποταχθεῖ σ' αὐτὸν καὶ νὰ γίνῃ φόρου ὑποτελής του», ὁ χαλίφης, «θεωρῶν τὸν ἑαυτὸν τοῦ κοσμοκράτορα καὶ κύριον τῆς θάλασσας καὶ τῆς στεριᾶς, καυχόμενος τῆς σημαίας τοῦ Μωάμεθ, τοῦ ἀπάντησε: “Ἐδῶ εἶναι ἡ σημαία τοῦ Μωάμεθ, καὶ ἐὰν ἀνεμίσω αὐτήν, ἐσὺ καὶ ἡ οἰκουμένη θὰ ἐξοντωθῆτε ἀπαξάπαντες. Ἐσὺ εἶσαι ἓνας σκύλος, Τούρκος εἶσαι, πῶς νὰ σοῦ δώσω φόρους, ἢ νὰ σοῦ ὑποταχθῶ;”».

Σχετικὰ μὲ τὴν ὀνομασία τῶν Τούρκων Σελτζούκων στὶς πηγὲς φέρονται πολλὰ ὀνόματα. Ἐνα ἀπὸ τὰ πιὸ διαδεδομένα, ποὺ ἀπαντᾷ καὶ στὶς βυζαντινὲς πηγὲς, εἶναι τὸ *Parsik* / Πέρσης. Οἱ Τογρούλ, Ἄλπ Ἀρσλάν, Μελίκ σάχ, Παρκιαρούχ εἶναι σουλτάνοι τῶν Περσῶν. Οἱ στρατοὶ αὐτῶν εἶναι στρατοὶ τῶν Περσῶν (Μ.Ε., Σ.Α.). Ὁ αὐτοκράτωρ Ρωμανὸς ὁ Διογένης στὸ Μαντζικέρτ τῆς Ἀρμενίας ἐπολέμησε κατὰ τῶν Περσῶν (Σ.Α.). Καὶ τὸ γνωστὸ μας Ταçik ἤδη τὴν ἐποχὴ αὐτὴ σήμαινε καὶ Τούρκος Σελτζούκος. Ὁ Ἄλπ Ἀρσλάν εἶναι τύραννος τῶν Ταçik (Α.Ν.) ὁ δὲ σουλτάνος Rukn ad-din Masud ὁ Α΄ (1116-1156) μέγας ἀρχὼν τοῦ Ταçkistan (Α.Ν.).

Τὸν ΙΓ΄ αἰῶνα στὶς ἀρμενικὲς πηγὲς ἀπαντᾷ ἓνα ἀκόμη ὄνομα τῶν Τούρκων Σελτζούκων, ποὺ συνάμα εἶναι ἡ καλύτερη μαρτυρία κατὰ τῆς γελοιώδους θεωρίας τοῦ αὐτοχθόνου τῶν Τούρκων στὶς περιοχὲς αὐτές. Οἱ Τούρκοι ὀνομάζονται *Hoïom* / Ρωμαῖοι. Οἱ Σελτζούκοι σουλτάνοι ὀνομάζονται σουλτάνοι τῶν *Hoïom*. Οἱ Runk ad-din Κιλίτς Ἀρσλάν Δ΄ (1257-1267), Gıyas ad-din Masud (1282-1284) καὶ ὁ Ala ad-din Kay Kubad (1284-1284) εἶναι σουλτάνοι τῶν *Hoïom*. Αὐτὸ σημαίνει ὅτι στοὺς αἰῶνες αὐτοὺς οἱ κατακτητὲς ἤξεραν ὅτι κυρίευσαν τὰ ἐδάφη τῶν Ρωμαίων, δηλαδὴ τῶν Ἑλλήνων Βυζαντινῶν. Καὶ τὸ πιὸ ἐνδιαφέρον: ὁ ἱστορικός Βαρδάνης τὴν χώρα τῶν Τούρκων - *Hoïom* ὀνομάζει καὶ «μέρη τῶν *Yoyn*», δηλαδὴ τῶν Ἑλλήνων, δηλαδὴ τὸ *Hoïom* - Ρωμαῖος πολὺ σωστὰ τὸ θεωρεῖ ὁμώνυμο τοῦ Ἑλλην. Καὶ τὸ σουλτανάτο αὐτῶν ὀνομάζεται «τῆς χώρας τῶν *Hoïom*», ὅπου κατοικοῦν Ἀρμένιοι, Σῦροι, Ἑλληνοί, Ἀραβες καὶ Τούρκοι» (Β.). Μνημονεύονται καὶ οἱ πόλεις τῆς χώρας τῶν *Hoïom* Τούρκων: Καισάρεια, Σεβάστεια, Ἐρζινκά, Ἰκόνιο καὶ ἄλλες. Δὲν εἶναι περιττὸ νὰ σημειώσουμε ὅτι σουλτάνοι τῶν *Hoïom* ὀνομάζονται καὶ οἱ Ὀθωμανοί. Ὁ αἰχμαλωτισθεὶς ἀπὸ τὸν Ταμερλάνο σουλτάνος Βαγιαζίτ Γιλδριμ (1389-1402) θεωρεῖται, «σουλτάνος τῶν *Hoïom*» (Α.Ν.).

Οἱ ἀρμενικὲς πηγὲς διαφοροποιοῦν τοὺς Τούρκους ἀπὸ τοὺς Τουρ-

κομάνους. Οί εγκατασταθέντες στη χώρα κυρίως τὸν ΙΔ' αἰῶνα Ἴσπρο-προβατάδες καὶ Μαυροπροβατάδες εἶναι γνωστοὶ ὡς Turkmanik. (Σ.Σ.Α.).

Τὴν τρίτη δεκαετία τοῦ ΙΓ' αἰῶνα ἄρχισε ἡ εἰσβολὴ τῶν Ταταρο-Μογγόλων στὴν Ἀρμενία, ἡ ἐγκαθίδρυση τῆς κυριαρχίας τους στὴ χώρα. Αὐτοὶ στὶς πηγές ὀνομάζονται *Tatar*, ἀλλὰ καὶ *Μουγάλ*, *Μανγλά*, *Μουγχάλ*, δηλαδὴ Μογγόλοι. Στὶς ἀρμενικὲς πηγές εἶναι πολὺ διαδεδομένο καὶ ὡς ἔθνικὸ τὸ «Ἔθνος τῶν Τοξοτῶν» / *azg petolac* (Κ.Σ.). Τὸ ἱστορικὸ ἔργο τοῦ Γρηγορίου ἀπὸ τὸ Ἀκνέρ, ἀφιερωμένο στοὺς Ταταρο-Μογγόλους, φέρει τὴν ἐπικεφαλίδα: «Περὶ τοῦ ἔθνους τῶν Τοξοτῶν». Τὸ 1236, γράφει ὁ Στέφανος Ὁρμπελιάν, «ἀφύπνησε ὁ Κύριος ἀπὸ τὴν ἀνατολὴ τὸ ἔθνος τῶν Τοξοτῶν, πού ὠνόμαζαν Μουγάλ, καὶ κατὰ τὸ ἀγροικότερο Τατάρων, ἐκ τῆς χώρας τῶν *Č'ip* καὶ *Mač'ip* (Κίνα), πέραν τοῦ Χαταστάν, ἀθέους καὶ ἄνομους». Ὁ Γρηγόριος ἀπὸ τὸ Ἀκνέρ περιγράφει πολὺ ρεαλιστικὰ τὸ παρουσιαστικὸ τους: «Οἱ τὸ πρῶτον ἐλθόντες στὴ χώρα μας δὲν ἔμοιαζαν μὲ ἀνθρώπους. Αὐτοὶ ἦσαν φοβεροὶ τὴν ὄψη καὶ ἀνέκφραστοι. Τὸ κεφάλι τους μεγάλο σὰν τοῦ βουβαλιοῦ, τὰ μάτια στενὰ σὰν τῶν νεοσσῶν, ἡ μύτη κοντὴ σὰν τῆς γάτας, ἡ μούρη προτεταμένη σὰν τοῦ σκύλου, ἡ μέση λεπτὴ σὰν τοῦ μύρμηγκα, τὰ πόδια κοντὰ σὰν τοῦ χοίρου. Γενειάδα δὲν εἶχαν τελείως, ἀλλὰ εἶχαν χαιτὴ σὰν τοῦ λιονταροῦ. Ἡ φωνὴ τους ὀξύτερη καὶ ἀπὸ τοῦ ἀετοῦ. Οἱ γυναῖκες τους (...) γεννοῦσαν σὰν τὰ φίδια καὶ τὰ ἔτρεφαν σὰν τοὺς λύκους. Θάνατος γι' αὐτοὺς δὲν ὑπῆρχε. Ζοῦσαν 300 χρόνια. Τέτοιοι ἦσαν αὐτοὶ πού πρωτοῦλθαν στὴ χώρα μας. Καὶ ψωμί δὲν ἔτρωγαν καθόλου».

Οἱ Κοῦρδοι μνημονεύονται ὡς *Kurd*, ἀλλὰ μεταγενεστέρως καὶ *Mar*, δηλαδὴ Μῆδοι (Θ.Μ). Ἕνας κλάδος αὐτῶν εἶναι γνωστὸς ὡς *Yezdi*.

Εἶναι καιρὸς νὰ ἀναφερθοῦμε καὶ στὴν ὀνοματοδοσία τοῦ δικοῦ μας λαοῦ. Ἡ αὐτονομία τῶν Ἀρμενίων εἶναι *Hay*, ἡ χώρα λέγεται *Hayastan*. Οἱ ἐπιστήμονες τὸ ὄνομα τοῦ λαοῦ τὸ σχετίζουν μὲ τὴν *Hayasa* τῶν χιτιτικῶν ἐπιγραφῶν τοῦ ΙΕ' - ΙΓ' αἰῶνα π.Χ., ἡ δὲ χώρα τοποθετεῖται μεταξὺ τοῦ Εὐξείνου Πόντου, τοῦ ποταμοῦ Εὐφράτη, τοῦ ἀρμενικοῦ Ταύρου καὶ τῆς λίμνης τοῦ Βάν. Ἡ ρίζα εἶναι *Hay*, τὸ -asa εἶναι πρόσφυμα χιτιτικὸ. Οἱ ξένοι (Πέρσες, Ἕλληνες καὶ στὸ ἔξῃς ὁ ἄλλος κόσμος) μᾶς ὀνομάζουν Ἀρμενίους, οἱ Γεωργιανοὶ «Σομέχους», τὴ χώρα «Σομχέτη». Ἡ ὀνομασία «Ἀρμένιοι» καὶ ἡ χώρα «Ἀρμίνα» ἀπαντᾶ στὴν ἐπιγραφή τοῦ 521 π.Χ. τοῦ Δαρείου τοῦ Ὑστάσπου στὸ Behistun, ὅπου ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων γράφει ὅτι κατέπνιξε τὴν ἐπανάσταση τῶν Ἀρμενίων. Κατὰ τὴν ἀρμενικὴ παράδοση, τὸ ὄνομα *Hay* σχετίζεται μὲ τὸ ὄνομα τοῦ προπάτορος τῶν Ἀρμενίων *Hayk*, πού θεωρεῖται γιὸς

τοῦ Θοργόμ (Θόργαμα τῆς Παλαιᾶς Διαθήκης), ἐγγονὸς τοῦ Ἰάφεθ, γιοῦ τοῦ Νῶε, ἀλλὰ καὶ μὲ τὸ ὄνομα τοῦ ἀπογόνου τοῦ *Hayk* Ἀράμ. Ἀπὸ αὐτὸ καλεῖται τὸ ἔθνος «Ἀραμιάν», δηλαδὴ ἀραμικὸ, ἡ δὲ χώρα «Ἀραμική» (I.K., Γ.Μ.).

Κατὰ τὴν βίβλον τῆς Γενέσεως γιὸς τοῦ Νῶε ἦταν ὁ Γάμερ, ἀπὸ δὲ αὐτὸν γεννήθηκαν οἱ Ἀσχανάζ, Ριφάθ καὶ Θόργαμα. Σύμφωνα μὲ τὴν ἀρχαία παράδοση, ἀπὸ τὸν Ἀσχανάζ καὶ τὸν Θόργαμα προέρχονται οἱ Ἀρμένιοι. Ἐπὶ τῆ βάσει μιᾶς φράσης τοῦ προφήτου Ἰερεμία στὴν ἀρμενικὴ μετάφραση «παραγγείλατε παρ' ἐμοῦ ταῖς Ἀραρατικαῖς βασιλείαις καὶ τῆ Ἀσχαναζικῆ τάξει» (στὸ κείμενο τῶν Ἑβδομήκοντα: Ἔρατε σημεῖον ἐπὶ τῆς γῆς, σαλπείσατε ἐν ἔθνεσιν σάλπιγγι, ἀγιάσατε ἐπ' αὐτὴν ἔθνη, παραγγείλατε ἐπ' αὐτὴν βασιλείαις Ἀραράτ παρ' ἐμοῦ καὶ τοῖς Ἀσχαναζαίοις» Ἰερ. 28, 27), οἱ Ἀρμένιοι θεωροῦσαν καὶ τὸν Ἀσχανάζ προπάτορά τους. Ὁ βασιλεὺς Ἀσώτιος ὁ Β' ὁ Βαγρατίδης (913-929) ἐβασίλευσε ἐπὶ τοῦ ἔθνους *Ask'anazean* (I.K.). Οἱ Ἀρμένιοι ὀνομάζονται καὶ «ἔθνος τοῦ Θόργαμα» / *T'orgom* (A.), ἡ δὲ χώρα τους Οἶκος τοῦ *T'orgom*, ἡ «Οἶκος *T'orgomean*» Σ.Ο.). Τὸ ἀρμενικὸ ἡμερολόγιο ὀνομάζεται καὶ ἡμερολόγιο *T'orgomean* (I.K.).

Ἐμεῖς ἀναφερθήκαμε σὲ μᾶλλον ἢ ἥττον ὀνόματα, οἱ φορεῖς τῶν ὀνομάτων ἐπαιξαν αἰσθητὸ ρόλο στὴν ἱστορία τῶν Ἀρμενίων. Ἀλλὰ στὶς πηγές μας ἀπαντοῦν καὶ πάμπολλα ἄλλα, ἐπὶ τῶν ὀνομάτων ὁ περιορισμὸς μας χρόνος δὲν μᾶς ἐπιτρέπει νὰ σταθοῦμε. Καὶ νὰ τὰ προφέρουμε ἑλληνικὰ εἶναι ἀδύνατο, γι' αὐτὸ τὰ προφέρω ὅπως εἶναι στὶς ἀρμενικὲς πηγές:

Βωυήλε (Basilk'),	Αλιάνε (Alank').
Μωυρηκθ (Mask'ut'k').	Ζηνε (Honk').
Ζηναγνερ Ζηνε (Honagur Honk').	Γωζε (Gašk').
Κουκθ (K'ut'k').	Σουάνε (Suank').
Ναχάματεαν (Naxčamateank').	Αστὶγορ (Aštigor).
Χεβουρ (Xeburk').	Κουδετ (K'udetk').
Αργουέλ (Arguēl).	Ραčάνε (Račank').
Πίντ (P'inč'k').	Δουάλ (Dualk').
Č'χοϋμκ (Č'xoymk').	Αβουρ (Avsurk').
Κανάρ (Canark').	Σελκ'αν (Celk'an).
Γουσκ (T'ušk').	Χουνκ (Xunj'k').
Κουστ (K'ustk').	Č'χάουρ (Č'xawark').
Γουδάμακ (Gudamakark').	Δουρκούκ (Durcukk').

Դիդոյք (Didoyk'),
Տապասարանք (Tapasarank'),
Խենաւք (Xenawk'),
Ճիդք (Čitbk'),
Խեդաւք (Xeřayk'),
Փուխք (P'uxk'),
Հեծմաւաղք (Hečmatakk'),
Փուքանաւք (P'iwk'anakk'),
Սաւիրք (Sawirk'),

Լեկք (Lekk'),
Ախուտականք (Ałutakank'),
Շիդք (Šitpk'),
Լփինք (Lp'ink'),
Կազք (Kazbk'),
Թաւասարք (T'awasark'),
Իժմաւք (Ižmaxk'),
Բազկան (Bazkan),
Ճենք (Čenk').

Όλοι αυτοί στο βόρειο Καύκασο. Στην ανατολή **Կատուշք** (Katušk'), **Դեմեմիք** (Delemikk'). Στις μεταγενέστερες πηγές απαντάμε νέα όνομα. Οί Πολωνοί ονομάζονται *Leh* ή *Olah*, ή Πολωνία *Lehastan*, οί Ούγγροι / *Mačar*, οί όποιοι θεωρούνται Φράγχοι: «Φράγχοι, ονομαζόμενοι *Mačar* (B.X.). Οί Γερμανοί *Nemča*, οί Φλαμανδοί *Felemenk*, οί Άλβανοί *Arnavud*, οί Ρώσοι *Urus* ή *Hurus* και *Moskof*, οί Πέρσες Σεφεβίδες *Ačem* ή *Gzibaš*, οί Γεωργιανοί *Gürči*, ή χώρα των *Gürcistan*, οί Έβραίοι *Čhud*, οί Μολδαυοί *Boydan*, ή Μολδαβία *Boydanija*, οί Άβυσσινοί *Habaš* ή *Habeš*.

Τόσα περίπου για την ονοματοδοσία λαών στις αρμενικές πηγές. Έπαναλαμβάνω, ότι το θέμα αυτό είναι αδύνατο να συμπεριληφθεί σε μία ανακοίνωση. Άλλά ό,τι παρουσιάσαμε, νομίζω δίνει μια γενική ιδέα.

Η μεταγραφή στο λατινικό αλφάβητο ακολουθεί το σύστημα των Hübschmann - Meillet - Benveniste, που έχει υιοθετηθεί από την *Revue des Études Arméniennes*. Άς σημειώσουμε ότι το «κ» στο τέλος των ονομάτων των λαών είναι κατάληξη της ονομαστικής του πληθυντικού (έλλην. - οί). Για τον Έλληνα αναγνώστη πρέπει να διευκρινήσουμε την προφορά μερικων γραμμάτων. Το ē = μακρό, t' = γαλλικό (thé), ž = γαλλικό j (jeun), x = έλληνικό «χ», j = έλληνικό «τζ» (τζάκι), l = λ βαρύ, που μεταγενέστερα προφερόταν ως «γ» (γάλα), j = άγγλικό g (George), č' = άγγλικό ch (cheese), č = φθόγγος μεταξύ του j και c', t' = ρ βαρύ, c' = έλληνικό «τσ» (τσόςος), p' = «π» δασύ, k' = «κ» δασύ.

Περνώντας στις βραχυγραφίες σημειώνουμε τις αρμενικές εκδόσεις, των πηγών. Ό ενδιαφερόμενος για το θέμα δεν πρέπει να αποτανθεί στις μεταφράσεις των πηγών, έφόσον στην περίπτωση αυτή, χωρίς άλλο, θα παραπλανηθεί. Π.χ. το *Tačik* το μεταφράζουν «Άραβες» το *Yogh* «Grec», το *Hořom* «Romain», κ.ο.κ., που δεν αποδίδει το καθεαυτό όνομα.

- A.: Άγαθάγγελος - Άγαθαγγέλου, *Ίστορία της Άρμενίας*, Έκδ. Γκ. Τερ. Μικρτσιάν και Στ. Καναγιάντς, Τιφλίς 1909.
- A.Γ.: Άρμενική Γεωγραφία - Σ.Τ. Έρεμιάν, *Η Άρμενία κατά την Άρμενική Γεωγραφία του Ζ' αιώνα*, Έρεβάν 1963.
- A.N.: Άρμένιοι Νεομάρτυρες - *Οί Άρμένιοι Νεομάρτυρες*, τόμ. Α' (1155-1485), Έκδ. Ίάκ. Μαναντιάν και Χρ. Άτζαριάν, Βαλαρσαπάτ 1902.
- B.: Βαρδάνης - *Του Μεγάλου Βαρδάνη από το Μπαρτζομπέρντ Οίκουμενική Ίστορία*, Έκδ. Μ. Έμίν, Μόσχα 1860.
- B.X.: Βραχεία Χρονικά - *Βραχεία χρονικά των ΙΓ' - ΙΗ' αιώνων*, Έκδ. Β. Άκοπιάν, τόμ. Α' - Β', 1951, 1956.
- Γ.Α.: Γρηγόριος από το Άκνέρ - (έχει δημοσιευθεί υπό το όνομα του μοναχού Μαλαχία:) *Μοναχός Μαλαχίας, Ίστορία του έθνους των Τοξοτών*, Πετρούπολη 1870.
- Γ.Μ.: Γρηγόριος Μάγιστρος - *Οί έπιστολές του Γρηγορίου Μάγιστρος*, Έκδ. Κ. Κωστανιάντς, Άλεξανδρούπολη (τόρα Λενινακάν) 1910.
- Ε.: Έλισαίος - *Περί του Βαρδάνη και του πολέμου των Άρμενίων*, Έκδ. Έ. Τέρ-Μινασιάν, Έρεβάν 1957.
- Θ.Α.: Θωμάς Άρτζουνίδης - Θωμά Βαρδαπέτη του Άρτζουνίδη, *Ίστορία του Οίκου των Άρτζουνιδών*, Έκδ. Κ. Πατκανιάν, Πετρούπολη 1887.
- Θ.Μ.: Θωμάς από το Μεσόπ, *Ίστορία του Ταμερλάνου και των διαδόχων του*, Έκδ. Κ. Σαχναζαριάν, Παρίσι 1860.
- Ι.Κ.: Ίωάννης Καθολικός (Πατριάρχης) - Ίωάννη Καθολικού από το Δρασχανακέρτ, Ίωάννης Καθολικός (Πατριάρχης) *Ίστορία της Άρμενίας*, Τιφλίς 1912.
- Ι.Μ.: Ίωάννης Μαιμικονιάν, *Ίστορία του Ταράν*, Έκδ. Α. Άμπραχαμιάν, Έρεβάν 1941.
- Κ.Κ.: Κυριάκος από το Καντζάκιο, *Ίστορία της Άρμενίας*, Έκδ. κ. Μελίκ - Όχαντζιανιάν, Έρεβάν 1961.
- Κ.Σ.: Κοντόσταυλος Σμπάτ, *Χρονογραφία*, Βενετία 1956.
- Λ.: Λεόντιος - *Ίστορία του Λεοντίου, Μεγάλου βαρδαπέτη των Άρμενίων*, Πετρούπολη 1887.
- Λ.Π.: Λάζαρος από το Παρπί, *Ίστορία της Άρμενίας και Έπιστολή προς τον Βαάνη Μαιμικονιάν*, Έκδ. Γκ. Τέρ-Μικρτσιάν και Στ. Μαλχασιάν, Τιφλίς 1904.
- Μ.Ε.: Ματθαίος Έδεσσηνός, *Χρονογραφία*, Βαλαρσαπάτ 1898.
- Μ.Κ.: Μωύσης από το Καλανκατούϊκ, *Ίστορία της χώρας των Άλβανών [του Καυκάσου]*, Έκδ. Β. Άρακελιάν, Έρεβάν 1983.
- Μ.Χ.: Μωύσης ό Χωρηνός, *Ίστορία της Άρμενίας*, Έκδ. Μ. Άμπεγιάν και Σ.

Ἄρουτιουνιάν, Τιφλίς 1913.

Σ.: Σεβαίος – Ἱστορία τοῦ Σεβαίου, Ἔκδ. Γ. Ἀμπγκαριάν, Ἐρεβάν 1979.

Σ.Α.: Σαμουήλ Ἀνιώτης, Συλλογὴ ἐκ τῶν ἔργων τῶν ἱστορικῶν, Βαλαρσαπὰτ 1893.

Σ. Ο.: Στέφανος Ὀρμπελιάν, Ἱστορία τῆς ἐπαρχίας Σισακάν, Τιφλίς 1910.

Σ.Σ.Α.: Συνεχιστὴς τοῦ Σαμουήλ τοῦ Ἀνιώτου (βλ. Σ.Α.).

Σ. Τ.: Στέφανος ὁ Ταρωνίτης – Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτη Ἀσολίκ, Οἰκουμενικὴ Ἱστορία, Πετρούπολη 1885.

Φ.: Φαῦστος – Φαῦστου Μπουζάντ, Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας, Ἔκδ. Κ. Πατκανιάν, Πετρούπολη 1883.

ΟΙ «ΒΥΖΑΝΤΙΝΟΙ» ΧΟΥΡΡΑΜΙΤΕΣ ΚΑΙ Η ΑΡΜΕΝΙΑ

Οἱ Χουρραμίτες (ἄραβ. Χαυρραμιγιά, συρ. Χουρνταναγιέ, περσ. Χορραμντίν) ἦταν μέλη σειρᾶς διαδεδομένων στὸ Ἰράν, τὴν Ἀτροπατηνὴ καὶ Κεντρικὴ Ἀσία ἀντισλαμικῶν, ἀντιαραβικῶν κινημάτων. Αὐτοὶ ἐμφανίσθηκαν ἤδη στὰ χρόνια τῆς ἐγκαθίδρυσης τῆς δυναστείας τῶν Ἀββασιδῶν (748-750) καὶ ἀσπάζονταν τὶς ιδέες τῶν Μασδακιτῶν. Σύμφωνα μὲ τὸν Ἰμπν αλ-Ἀθίρ, οἱ Χουρραμίτες ἐπίστευαν στὴ θεωρία τῆς μετεμψύχωσης, ὅτι ἡ ψυχὴ εἶναι ἀθάνατη καὶ μετέρχεται ἀπὸ ἓνα ὄν σὲ ἄλλο¹. Οἱ Χουρραμίτες ἔλαβαν μέρος σὲ πολλὰς ἐπαναστάσεις, ὡς τοῦ Ἀμποῦ Μουσλίμ (747-750), τοῦ Μάγου Σουμπάτ (755), στὴν ἐπανάσταση τῶν «Ἐρυθροσημαιοφόρων» (778-779), στὴν ἐπανάσταση τοῦ Μουκάννα, ποὺ ἐξερράγη στὶς δεκαετίες '70-'80 τοῦ Η' αἰῶνα καὶ τέλος στὴ γνωστὴ μεγάλη ἐπανάσταση τοῦ Bābek (στὶς ἀρμενικὲς πηγές Baban, Parak). Ἡ ἐπανάσταση αὐτὴ ξεκίνησε στὴν Ἀτροπατηνὴ, στὸ σημερινὸ Karadağ, μεταξύ τοῦ Μουγάν καὶ Ardabil, καὶ διήρκεσε ἕως τὸ 837/838, ὅταν ὁ ἀρχηγὸς τοῦ κινήματος Bābek συνελήφθη καὶ ἐκτελέστηκε στὴ Σαμάρρα.

Στὸ ἄρθρο αὐτὸ δὲν ἔχουμε σκοπὸ νὰ ἐκθέσουμε γενικὰ τὴν ἱστορία τοῦ Bābek καὶ τοῦ κινήματος τῶν Χουρραμιτῶν. Αὐτὸ ἔχει γραφτεῖ ἀπὸ ξένους ἱστορικούς². Ὅ,τι ἀφορᾷ τοὺς Ἀρμενίους ἱστο-

1. I. P. PETROUŠEVSKY, *K istorii Mazdakitov v epohu gospodstva Islama (Narodi Azii i Afriki, no 5)* [Γύρω ἀπὸ τὴν ἱστορία τῶν Μασδακιτῶν κατὰ τὴν ἐποχὴ τῆς κυριαρχίας τοῦ Ἰσλάμ (ἀριθ. 5)], 1970.

2. A. A. VASILIEV, *Byzance et les Arabes*. Τόμ. 1.— *La dynastie d'Amorium*, Βρυξέλλες 1935 (ἀνατύπ. 1959)· M. TOM'ARA, *Babek*, Μόσχα 1936· G. H. SADIGHI, *Les*

ρικούς, αὐτοὶ μελέτησαν τὴν ληστρική δράση τοῦ Bābek στὴ νότια Ἀρμενία ἐπὶ τῆ βάσει κυρίως ἀρμενικῶν πηγῶν³. Ἀπὸ τὴν προσοχή τῶν Ἀρμενίων μελετητῶν διέφυγε τὸ γεγονός (ἢ αὐτοὶ ἀγνοοῦσαν) ὅτι ὑπῆρξαν καὶ «βυζαντινοὶ» Χουρραμίτες οἱ ὁποῖοι παρουσιάζουν ἰδιαίτερο ἐνδιαφέρον γιὰ τὴν ἱστορία τῆς Ἀρμενίας κυρίως μὲ τὴ δράση τους στὸ κεντρικὸ καὶ βόρειο τμήμα τῆς χώρας. Ἐδῶ, ἐμεῖς θὰ προσπαθήσουμε ἐπὶ τῆ βάσει ἐνὸς ὀλότελα ἐσφαλμένου ἐρμηνευμένου δεδομένου τοῦ Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτη, Ἀρμενίου ἱστορικοῦ τοῦ ΙΑ' αἰώνα, σὲ σύγκριση μὲ τὰ δεδομένα βυζαντινῶν συγγραφέων, νὰ ἀποδείξουμε, ὅτι οἱ Χουρραμίτες ἔκαναν ληστρικές ἐπιδρομές καὶ σφαγές ὄχι μόνον στὴ νότια Ἀρμενία.

Ἡ ὕλη τῆς μελέτης αὐτῆς ἀφορᾷ τὴν δευτέρη περίοδο τοῦ κινήματος τῶν Χουρραμιτῶν, τὴν δεκαετία τοῦ '30 τοῦ Θ' αἰώνα, ὅταν ὁ αὐτοκράτωρ Θεόφιλος (829-842) ἀποπειράθηκε νὰ ἐκμεταλλευτεῖ τὸ κίνημα πὺ κατέσκαπτε τὰ θεμέλια τοῦ κράτους τοῦ φοβεροῦ του ἐχθροῦ, τοῦ Ἀραβικοῦ Χαλιφάτου. Ἡ ἀνατολικὴ αὐτὴ πολιτικὴ τοῦ Θεοφίλου πρὸς τοὺς ἐπαναστάτες, πὺ ὀνομάστηκε ἀπὸ τοὺς μελετητῆς «Χουρραμιτικὴ πολιτικὴ»⁴, ἄρχισε γύρω στὸ 830. Αὐτὴ θεωρεῖται ὡς ἡ «ἀπάντηση» τοῦ Θεοφίλου γιὰ τὴν ἀνάλογη πολιτικὴ πὺ υἱοθέτησε ὁ χαλίφης Μαμούν (Ma'mūn, 813-833) κατὰ τοῦ Μιχαήλ Β' τοῦ Τραυλοῦ (820-829), πατέρα τοῦ Θεοφίλου. Τότε ὁ χαλίφης πῆρε κάτω ἀπὸ τὴν προστασία του τὸν ἐπαναστάτη Θωμᾶ πὺ καταγόταν ἀπὸ τὴν περιοχὴ τῆς λίμνης Γαζουροῦ, ὅταν ὁ τελευταῖος, ἔχοντας πάρει ἀπὸ τοὺς Ἀραβες πολυάριθμο στρατό, ἐπιτέθηκε κατὰ τοῦ αὐτοκράτορα. Ὁ Θωμᾶς δέχτηκε ἐπίσης τὸ στέμμα ἀπὸ τὰ χέρια τοῦ πατριάρχη τῆς Ἀντιό-

mouvements religieux iraniens, Παρίσι 1938. E. A. BELYAYEV, *Arabi, Islam i Arabski Halifat* [Οἱ Ἀραβες, τὸ Ἰσλάμ καὶ τὸ Ἀραβικὸ Χαλιφᾶτο], Μόσχα 1965. I. P. PETROUSEVSKY, *Islam v Irane v VII-XV vv.* [Τὸ Ἰσλάμ στὸ Ἰράν κατὰ τοὺς Ε'-ΙΕ' αἰῶνες] Λενινγκράντ 1966. ΤΟΥ ΙΔΙΟΥ: *Γύρω ἀπὸ τὴν ἱστορία τῶν Μασδακιτῶν*.

3. ΛΕΟ, *Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας*, τόμ. Β', Ἐρεβάν 1947 (ἀρμενικά). Σ. Τ. ΜΕΛΙΚ-ΜΠΑΧΣΙΑΝ, *Ἡ Ἀρμενία κατὰ τοὺς Ζ'-Θ' αἰῶνες*, Ἐρεβάν 1968 (ἀρμενικά). A. N. TER-GHEVONDIAN, *Armenia i Arabski Halifat* [Ἡ Ἀρμενία καὶ τὸ Ἀραβικὸ Χαλιφᾶτο] Ἐρεβάν 1977.

4. J. ROSSER, «Theophilus' Khurramite Policy and its Finale: the Revolt of Theophobus' Persian Troops in 838», *Βυζαντινά* 6 (1974), σελ. 263-271.

χειας, κάτω ἀπὸ τὴν πίεση τῶν Ἀράβων φυσικά, καὶ ἀνακηρύχθηκε αὐτοκράτωρ⁵.

Τὴν ἐποχὴ αὐτὴ ἐπικεφαλῆς τοῦ κινήματος τῶν Χουρραμιτῶν ἦταν δύο πρόσωπα: ὁ περιβόητος Bābek καὶ ὁ Nasr (κατὰ τὶς συριακές πηγές) ἢ Nasir (κατὰ τὶς ἀραβικές). Ἡ ἐπανάσταση τοῦ Bābek, ὅπως εἶδαμε, ἐξερράγη στὴν Ἀτροπατηνὴ, ἐνῶ τοῦ Νάσρ στὸ Djibal (περιοχὴ τοῦ Hamadān). Εἶναι αὐτονόητο, ὅτι οἱ ὀπαδοὶ καὶ τῶν δύο ἦταν Χουρραμίτες.

Ὁ Μουτασίμ (Mu'tasim, 833-842), διάδοχος τοῦ χαλίφης Μαμούν, κατόρθωσε τὸ 833 νὰ καταφέρει βαρὺ πλήγμα στὴ μία παράταξη τῶν Χουρραμιτῶν. Αὐτοὶ μὲ τὸν ἀρχηγό τους Νάσρ, τὸν χειμῶνα τοῦ 833/834 κατέφυγαν στὸ Βυζάντιο. Ὁ Νάσρ ἀσπάσθηκε τὸν Χριστιανισμό καὶ ὀνομάστηκε Θεόφοβος⁶ καὶ μὲ αὐτὸ τὸ ὄνομα εἶναι γνωστὸς στὶς βυζαντινές πηγές.

Γιὰ τοὺς Χουρραμίτες πὺ βρῆκαν ἄσυλο καὶ ἀνέπτυξαν μεγάλη δράση στὴ Βυζαντινὴ αὐτοκρατορία ἀπαντοῦν ἀξιόλογες μεεῖς πρῶτ' ἀπ' ὄλα στὶς ἀραβικές πηγές, στὰ ἔργα τοῦ Tabarī, Ibn al-Athir καὶ ἄλλων. Ὁ Tabarī γράφει: «ὁ βασιλιάς τοῦ Ροῦμ (ὁ αὐτοκράτωρ Θεόφιλος) τοὺς «ἐρόγευσε», τοὺς πάντρεψε καὶ σχημάτισε ἀπὸ αὐτοὺς στρατιωτικὸ σῶμα πὺ ὀνομάστηκε «περσικόν». Αὐτοὶ ὑποστήριζαν τὸν βασιλέα στὶς πιὸ δύσκολες περιπτώσεις»⁷.

Ὁ Ibn al-Athir γιὰ τὸ ἔτος 833 γράφει, ὅτι «οἱ κάτοικοι τοῦ Hamadān, Spahan, Masibdan καὶ ἄλλων τόπων ἀσπάσθηκαν τὴν πίστη τῶν Χουρραμιτῶν καὶ ἀφοῦ συγκεντρώθηκαν, στρατοπέδευσαν στὴν ἐπαρχία τοῦ Hamadān. Ὁ Μουτασίμ ἔστειλε ἐναντίον

5. *Συν. Θεοφάνη*, (CSHB), σελ. 55. Ὁ Σαμουήλ ὁ Ἀνιώτης ὀνομάζει αὐτὸν «ψευδο-βασιλέα Θωμᾶ». SAMOUEL D'ANI, *Tables chronologiques* (Collection d'Historiens Arméniens, traduits par M. Brosset, τόμ. II), Ἀγ. Πετρούπολη 1876, σελ. 421.

6. Τὸν Νάσρ ἐταῦτισε μὲ τὸν Θεόφοβο ὁ H. GRÉGOIRE, «Manuel et Théophobe ou la concurrence de deux monastères», *Byzantion* 9 (1934), σελ. 183-204. Ὁ REKAYA, «Mise au Point sur Théophobe et l'alliance de Babek avec Théophile (833/34-839/40)», *Byzantion* 44 (1974), σελ. 46, ὑποθέτει ὅτι μεταξὺ τῶν φυγάδων ἦσαν καὶ Κοῦρδοι τοῦ Ἰσπαχάν, Djibal, Mahsabadan καὶ Hamadān. Οἱ Tabarī, Balami καὶ Ya'qūbī μνημονεύουν κάποιον Ἰσματ, Κοῦρδο ἀξιωματικὸ τοῦ Bābek.

7. TABARI, *Annales*, ἐκδ. M. de Goeje, Leyden 1879, τόμ. III, 1235 (apud M. REKAYA, ὁ.π., σελ. 45).

τους στρατιῶτες, μεταξύ τῶν ὁποίων ἦταν καὶ ὁ Ishak ibn Ibrahim Mousab, τὸν ὁποῖο διώρισε διοικητὴ τοῦ Djibal τὸν μῆνα Šaval (20 Ὀκτωβρίου - 17 Νοεμβρίου). Αὐτὸς πῆγε ἐναντίον τους καὶ κατήγαγε νίκη στὰ μέρη τοῦ Hamadān, ἐφόνησε ἐξῆντα χιλιάδες. Οἱ ὑπόλοιποι κατέφυγαν στὴ χώρα τῶν Ρούμ»⁸.

Τὸ γεγονός τῆς καταφυγῆς στὸ Βυζάντιο τῶν Χουρραμιτῶν με ἐπικεφαλῆς τὸν Νάσρ ἀπαντᾷ καὶ στὴ Χρονογραφία τοῦ Μιχαήλ τοῦ Σύρου. «Στὰ χρόνια αὐτὰ —γράφει ὁ ἱστορικὸς— πολλοὶ ὁμοφρονοῦντες τοῦ Bābek με ἐπικεφαλῆς τὸν Νάσρ, κάτω ἀπὸ τίς ἀφόρητες συνθήκες τοῦ περσικοῦ πολέμου, καταναγκάστηκαν νὰ πᾶνε πρὸς τὸν βασιλέα τῶν Ρωμαίων Θεόφιλο, καὶ ἀσπασθήκαν τὸν Χριστιανισμό»⁹. Στὴ συνέχεια ὁ Μιχαήλ ὁ Σύρος δείχνει, ὅτι ὁ Θεόφιλος τοὺς ἐγκατέστησε στὴ Μεγάλῃ Ἀρμενίᾳ, ὑπολογίζοντας νὰ τοὺς ἐκμεταλλευθεῖ στὸν πόλεμο κατὰ τῶν Ἀράβων¹⁰.

Ἐνδιαφέρουσα δεδομένα ἀπαντοῦν στὴν ἀρχαία (τοῦ ΙΓ' αἰῶνα) ἀρμενικὴ μετάφραση τῆς Χρονογραφίας τοῦ Σύρου ἱστορικοῦ. Σχετικὰ μετὰ τὴ σύλληψη τοῦ Bābek ἀπὸ τὸν Ἀρμένιο ἄρχοντα Ἰσαάκ¹¹ καὶ τὴν καρατόμησή του, σημειώνεται, ὅτι «λίγοι ἀπὸ αὐτοὺς (τοὺς Khourdan-Khourdanaye), ἀφοῦ διασώθηκαν, ἤρθαν κρυφὰ πρὸς τὸν Θεόφιλο»¹². Εἶναι γνωστὸ, ὅτι ὁ Bābek ἐκτελέστηκε τὸ 837/838, ἀλλὰ ἐμεῖς εἶδαμε, ὅτι οἱ Χουρραμίτες με ἐπικεφαλῆς τὸν Νάσρ, πέρασαν στὸ Βυζάντιο ἤδη τὸ 833. Λοιπόν, ἢ ὁ Ἀρμένιος

8. IBN AL-ATHIR, *Al-kamil f-l-Tarikh*, Κάιρο, I-X, 1353 (1934-1935), σελ. 231.

9. MICHEL LE SYRIEN, *Chronique*, Editée pour la première fois et traduite en français par J. B. Chabot, III, Παρίσι 1905, σελ. 88. Στὴν ἀρχαία ἀρμενικὴ μετάφραση τῆς Χρονογραφίας τοῦ Μιχαήλ τοῦ Σύρου: «Τὸ ἔτος 1041 τῶν Σύρων καὶ 256 τῶν Ἀρμενίων πέθανε ὁ βασιλεὺς τῶν Ἑλλήνων Μιχαήλ καὶ βασιλεψε ὁ Θεόφιλος. Ἦλθαν οἱ Βούλγαροι καὶ οἱ Khourdan [οἱ Χουρραμίτες] πρὸς ὑποτάχθηκαν σ' αὐτόν». *Chronique de Michel le Grand, Patriarche des Syriens Jakobites*, Traduite pour la première fois sur la version arménienne du Prêtre Ischok par Victor Langlois, Βενετία 1868, σελ. 269.

10. MICHEL LE SYRIEN, *Chronique*, III, σελ. 88.

11. Ὁ Sahl Smbatian τῶν ἀρμενικῶν πηγῶν, κύριος τοῦ Heret-Šaki τῆς ἀνατολικῆς Ἀρμενίας. Βλ. N. ADONTZ, *Ἡ δόξα τῶν Βαγραδιδῶν. Ἱστορικὴ μελέτη*, Παρίσι 1948, σελ. 134 κ.έ. (στὰ ἀρμενικά). Γι' αὐτὸν βλ. καὶ V. MINORSKY, «Sahl ibn Sunbat of Shaki and Arran», *Caucasica*, IV. *Bulletin/School of Oriental and African Studies* 15/3 (1953).

12. *Chronique de MICHEL LE GRAND*, σελ. 270.

μεταφραστῆς σημειώνει τὰ γεγονότα τοῦ 838 κατὰ μία πενταετία νωρίτερα, ἢ μία νέα ομάδα Χουρραμιτῶν μετὰ τὴν ἐκτέλεση τοῦ Bābek ἤρθε στὸ Βυζάντιο. Στὴ συνέχεια στὴν ἀρμενικὴ μετάφραση τῆς Χρονογραφίας διαβάζουμε: «Ὅταν ὁ Θεόφιλος εἶδε τοὺς φυγάδες πρὸς ἤρθαν πρὸς αὐτὸν χάρηκε καὶ με αὐτοὺς ἐπιτέθηκε ἐναντίον τοῦ κράτους τῶν Ἀράβων, πῆγε στὴ Ζάπετρα, τὴν κυρίευσε καὶ τὴν κατέκαυσε»¹³.

Ἡ ἐκστρατεία τοῦ Θεοφίλου κατὰ τῆς Σωζόπετρας ἔγινε τὸν Μάρτιο-Ἀπρίλιο τοῦ 837, ὁ Bābek καρατομήθηκε τὸ 223 ἔτος τῆς Ἐγείρας (3 Δεκεμβρίου 837 - 22 Νοεμβρίου 838)¹⁴, ἐπομένως ἡ διάβαση αὐτῆ τῶν Χουρραμιτῶν πρὸς τὸ μέρος τοῦ Θεοφίλου εἶναι ἀπλῆ ἢ τῶν γεγονότων τοῦ 833.

Τέλος στὴν ἐγκατάσταση τῶν Χουρραμιτῶν στὸ Βυζάντιο καὶ τὴν ὑπηρεσία τους στὸ βυζαντινὸ στρατὸ ἀναφέρονται καὶ οἱ βυζαντινοὶ συγγραφεῖς, ὁ Συμεὼν ὁ Μάγιστρος, ὁ Συνεχιστὴς τοῦ Γεωργίου Μοναχοῦ, ὁ Γενέσιος καὶ ὁ Συνεχιστὴς τοῦ Θεοφάνη. Σύμφωνα μετὰ τὸν Συμεὼν τὸν Μάγιστρο, κατὰ τὸ δεύτερο ἔτος τῆς βασιλείας τοῦ Θεοφίλου (830) προσέφυγε Θεόφοβος ὁ Πέρσης Ρωμαίος, ἅμα τῷ πατρὶ αὐτοῦ μετὰ Περσῶν χιλιάδας ἰδ', οὗς καὶ διένειμεν ἐν τοῖς θέμασι κατασκευώσας καὶ τούρμας ἀποκαταστήσας. αὐτὸν δὲ τὸν Θεόφοβον εἰς ἀδελφὴν Θεοδώρας Ἀγνούστης γαμβρὸν ἐποιήσατο τρόπῳ τοιῶδε. τοῖς Πέρσαις ἔθος ἦν ἐκ σειρᾶς βασιλικῆς ὑπέχειν ἀνάρρησιν· ὅθεν τοῖς ἀλλεπαλλήλοις πολέμοις τῆς βασιλικῆς σειρᾶς ἐκλιπούσης, καὶ ἐν ἀμηχανία γεγονότες, ἔγνωσαν ὡς ἐκ τῆς βασιλικῆς συγγενείας τῷ βασιλεῖ Ρωμαίων τινὲς προσερχήσαν, καὶ ἐπὶ τούτῳ ἀσπαστὸν ἐλογίσαντο τῆς οἰκείας χώρας ἀπαναστεῦσαι καὶ προσχωρήσαι τῇ Ρωμαίδι διὰ τὸν Θεόφοβον, ὅπως τοῦ κατὰ γένους ἀρχηγοῦ ἐπιτεύξοιτο, καὶ μάλιστα ὅτι καὶ ὁ Περσῶν ἀρχηγὸς Βαβὲκ ἀποστάσει τῇ πρὸς τὸν ἀμερμουμῆν¹⁵ ἐπὶ πέντε ἔτεσιν ἐκεκωρόφωτο. ὧν ἀναμεταξὺ πόλεμοι συμβεβηκότες, ἠττηθεῖς ὁ Βαβὲκ εἰσήει σὺν χιλιάσιν ζ' πρὸς

13. Ὁ.π., σελ. 270-271.

14. IBN AL-ATHIR, σελ. 245-246.

15. Ὁ amira al-muminin, ἄρχων τῶν πιστῶν, δηλαδὴ ὁ χαλίφης.

τὴν Ρωμαϊκὴν ἐπικράτειαν, τὸν Θεοφόβου πατέρα κατὰ τὴν πόλιν Σινώπη ἀνερευνῶν· ὃν ὁ Βαβέκ κατειληφώς, ἐγγύας τε παρὰ βασιλέως δεξάμενος, τὸν ὑπ' αὐτῷ λαὸν καὶ ἑαυτὸν τῷ βασιλεῖ ὑπήκοον τέθηκεν¹⁶.

Στὴ διήγηση τοῦ Συμεῶν τοῦ Μαγίστρου εἶναι ἀξιοσημείωτο τὸ γεγονός, ὅτι ὁ Θεόφοβος αὐτὸς ἐπικεφαλῆς 14.000 Περσῶν ἦρθε στὸ Βυζάντιο δηλαδὴ αὐτὸς τότε πράγματι ἠγεῖτο στρατεύματος ποὺ ἀπαρτιζόταν ἀπὸ Χουρραμίτες. "Ὅπως θὰ δοῦμε περαιτέρω, ἄλλοι βυζαντινοὶ συγγραφεῖς ἀγνοοῦν τὴν δράση αὐτῆ τοῦ Θεοφόβου καὶ μᾶς δίνουν λανθασμένες πληροφορίες. Βέβαια, δὲν εἶναι σωστὴ ἡ ἀναφορὰ τοῦ βυζαντινοῦ συγγραφέα, ὅτι τάχα ἦρθε στὸ Βυζάντιο, φθάνοντας ὡς τὴν Σινώπη, ὁ Bābek, ἄλλος ἀρχηγὸς τῶν Χουρραμιτῶν. Γι' αὐτὸ θὰ γίνῃ λόγος κατωτέρω.

Γιὰ τοὺς διαφυγόντες στὸ Βυζάντιο Χουρραμίτες¹⁷ καὶ τὸν ἀρχηγὸ τοῦ Θεοφόβου (Νάσρ) πιὸ ἐμπεριστατωμένα στοιχεῖα — ἂν καὶ σὲ μερικὰ σημεῖα μυθικά, ἀλλὰ ὅπωςδήποτε μὲ ἱστορικὴ βάση¹⁸, ἀπαντοῦν στὰ ἔργα τοῦ Γενεσίου καὶ τοῦ Συνεχιστῆ τοῦ Θεοφάνη. Ὁ τελευταῖος γράφει τὰ ἐξῆς: δηλώσει δὲ καὶ τὸν Θεόφοβον ὁ λόγος, ὅθεν τε καὶ ὅπως ἐκ Περσῶν καταγόμενος τῷ βασιλεῖ γέγονε γνῶριμος καὶ τὴν ἀδελφὴν αὐτοῦ εἰς γάμον ἡμερόσατο. εἰς πρεσβείαν τίς ποτε τῶν ἐκ βασιλικῆς σειρᾶς Περσῶν ἀφικόμενος πρὸς τὴν Κωνσταντίνου, οὐκ ἐκ νομίμου συναφείας κρυφίου δὲ καὶ λαθραίας τοῦτον γεννηθῆναι ποιήσας ἐξαπεδήμησεν. ἐπεὶ δὲ νόμος τοῖς Πέρσαις ἀπαράβατος μή τινα τοῖς παρ' αὐτῶν ἀρχῆς ἐγκρατῆ γενέσθαι, εἰ μὴ τῆς βασιλικῆς μετέχῃ σειρᾶς, ἐξέλιπον δὲ ἐκ

16. ΣΥΜΕΩΝ Ο ΜΑΓΙΣΤΡΟΣ (CSHB), σελ. 625-626. Πρβλ. Γεώργιος Μοναχός (CSHB), σελ. 793. Διασώθηκε ἓνα μολυβδόβουλλο τοῦ Θεοφόβου, ὅπου αὐτὸς ὀνομάζεται «ἐξουσιαστὴς Περσῶν» (G. ZACOS - A. VEGLERI, *Byzantine Lead Seals*, τόμ. 1, μέρ. 1-3, Βασιλεία 1972, π. 2526). Οἱ ἐκδότες τοῦ μολυβδόβουλλου ἀνέγνωσαν Θεόφοβος ἐξουσιαστὴς Χερσῶνος. Ὁ V. ZEIBT διόρθωσε τὸ λάθος: Θεόφοβος ἐξουσιαστὴς Περσῶν. (*Byzantinoslavica*, 36/2 (1975), σελ. 212).

17. Σύμφωνα μὲ τὸν Ma'sūdī, οἱ φυγάδες ἦσαν «πολλὰς χιλιάδες», τὸν Συμεῶν Μαγίστρο καὶ Συνεχιστῆ τοῦ Γεωργίου τοῦ Μοναχοῦ 14.000. Ὁ Συνεχιστὴς τοῦ Θεοφάνη γράφει, ὅτι αὐτοὶ στὸ Βυζάντιο πληθύνθηκαν ἕως 30.000.

18. Ἡ ἡχὼ τῶν μυθευμάτων αὐτῶν ἀπαντᾷ καὶ στὸ ἔργο τοῦ Συμεῶν τοῦ Μαγίστρου (σελ. 627).

τῶν συνεχῶν πολέμων καὶ τῆδε κάκεισε μετασκηνώσεων ὑπὸ τῶν Ἀγαρηνῶν ἐλαννόμενοι οἱ τῆς βασιλικῆς φυλῆς, ἀλλὰ καὶ λόγος ἐφέρετο πολὺς περὶ αὐτοῦ παρὰ τῶν ἐν Περσίδι μενόντων, ὡς ἦ τις κατὰ τὸ Βυζάντιον ὀνομασμένος Θεόφοβος (καὶ γὰρ ἦν δοθεὶς ὑπὸ τοῦ τηνικαῦτα σπείραντος πατρός), ἔδοξε τοῖς ἀρίστοις τῶν Περσῶν κρύφα τινὰς ἐκπέμψαι τοῦ ζητουμένου εἰς ἔρευναν. (...) δῆλους ἑαυτοὺς οἱ ἀπεσταλμένοι ποιοῦσι τῷ βασιλεῖ καὶ τὰ τοῦ δράματος σαφηνίζουσιν, εἰρήνην καὶ σπονδὰς καὶ παντὸς τοῦ ἔθνους ὑποταγὴν καθυπισχνούμενοι, εἰ τοῦτον αὐτοῖς ἐπιδοῦναι οὐ παραιτήσεται. ἐγεγῆθει γοῦν τοῖς ὑποσχεθεῖσιν ὁ βασιλεύς, καὶ ἐπέειπε οὕτως ἔχουσαν εὔρισκε τὴν ἀλήθειαν, ἐν βασιλείοις τοῦτον ἀλλίζεσθαι καὶ κατασκηνοῦν ποιεῖ, μαθήμασί τε καὶ παιδεῖα ἐπιμελούμενον.

"Ἔστι δὲ καὶ ἄλλος λόγος περὶ τοῦ Θεοφόβου (καλὸν γὰρ ἀμφοτέρους εἰρηῆσθαι), μικρὸν μὲν κατὰ τὴν ἀρχὴν διενηγοχένοι δοκῶν, τᾶλλα δὲ ὅμοια σώζων τῶν γεγραμμένων καὶ πάρισα· ἔστιν δὲ ὃς οὐκ ἀπὸ πρέσβεός τινος τὴν νόθον σπορὰν δέξασθαι τοῦτον φησιν, ἀλλὰ κατὰ τινα περιπέτειαν τῶν ἐν πολέμοις συμβαινόντων καὶ τὸν τούτου πατέρα, εἴτε βασιλεύοντα εἴτε καὶ βασιλέως ἐγγυὸς ὄντα κατὰ συγγένειαν, φυγεῖν ἐκ Περσίδος καὶ πρὸς τὴν βασιλεύουσαν πένητα διαθλοῦντα βίον προορῆναι, κάκεισε καπηλίδι τινὶ γυναικῶν δουλεύοντα ὀφεί ποτε τῷ ταύτης ἔρωτι καὶ νομίμῳ συναφείᾳ τοῦτον ἐναποτεκεῖν. ἀλλ' ὁ μὲν ἐξ ἀνθρώπων ἐγένετο, ἀστρονομία δὲ τινὶ καὶ μαντεία (καὶ γὰρ φάσι ταύτας τὰς ἐπιστήμας ἀκμάζειν ἔτι παρὰ Πέρσαις) μαθεῖν περὶ τοῦ Θεοφόβου, ζητοῦσιν αὐτοῖς εἰ ἔστι πού τις ἐκ βασιλικῆς φυλῆς καταγόμενος, καὶ ἐπέειπε ἔμαθον, σπουδῆ ἐπὶ τὴν Κωνσταντίνου θεῖν εἰς τὴν τοῦ ζητουμένου ἔρευναν. γνωστὸν οὕτως γενέσθαι τῷ βασιλεῖ, καταληφθέντος αὐτοῦ. ἐπεὶ περ οὖν ἡ τούτου ἐμφάνεια καὶ κατὰ τὸν βίον παρουσία ἄπασιν ἐγνώσθη τοῖς κατὰ τὴν Περσίδα διὰ τῶν ὑποστρεφάντων ἀποστόλων, ἠδὲ πᾶσιν ἐφάνη καὶ ἐφετὸν τοῦ ἀπόστασίν τινα ἐννοῆσαι ἀπὸ τῶν τῆς Ἀγαρ, τῆ δὲ τῶν Ρωμαίων ἀρχῆς προσχωρήσαι, ὡς ἂν τοῦ κατὰ γένος ἀρχηγοῦ εὐμοιρήσειαν. ἔτυχε δὲ ἄλλως ὁ τῶν Περσῶν ἀρχηγὸς Βάβεκ ἤδη πενταετίαν ἔχων ἐξ ἀμεραμουνῆ ἀποστάς

καὶ πτέρναν ἐπάρας κατ' αὐτοῦ ἐν χιλιάσιν ἐπτά· ὃς καὶ πόθῳ πρὸς τὸν Θεόφοβον καὶ φόβῳ τῷ ἐξ οὗ ἀπέστη Ἀγαρηνοῦ πρὸς τὴν Ρωμαϊκὴν ἐπικράτειαν κατὰ πόλιν Σινώπην ἔρχεται, καὶ τῷ βασιλεῖ ἑαυτὸν τε καὶ τὸ ὅλον ἔθνος ὑπήκοον τέθεικεν. διὰ τοι τοῦτο τὸν τε Θεόφοβον ὁ Θεόφιλος τιμῇ τῇ πατρικίων ἐναριθμεῖ, καὶ τῇ ἑαυτοῦ ἀδελφῇ πρὸς γάμον ἐκδίδωσι, συναρμόζεσθαι τε ἕκαστον τῶν Περσῶν νομοθετεῖ τοῖς Ρωμαίοις καὶ κατ' ἐπιγαμίαν ἀπειθεῖν τε καὶ συνείρεσθαι, πολλοὺς τούτων τοῖς βασιλικοῖς ἐμπρέπειν ἀξιώμασι πεποιηκῶς. ἀλλὰ καὶ κώδιξι στρατιωτικοῖς αὐτοὺς ἀναγράφεται, καὶ τάγμα οὕτως καλούμενον Περσικὸν ἐγκατέστησε, καὶ τοῖς κατὰ πόλεμον ἐξιούσι Ρωμαίοις κατὰ τῶν Ἀγαρηνῶν ἐναριθμεῖσθαι προσέταξε¹⁹.

Ὁ Συνεχιστὴς τοῦ Θεοφάνη, γράφει ἐμπεριστατωμένα γιὰ τὴν δράση τοῦ Θεοφόβου στὸν βυζαντινὸ στρατὸ καὶ τὴ συμμετοχὴ τοῦ στὸν πόλεμο κατὰ τῶν Ἀράβων. Ὅταν ἐπέστρεψε ἀπὸ τῆ μάχης τῆς Σωζόπετρας, ὁ αὐτοκράτωρ Θεόφιλος τῷ Θεοφόβῳ τὰ τῶν Περσῶν ἐνδιάθεσθαι προτρεψάμενος καὶ αἰτίας διὰ ταχέων ἐπαναδραμεῖν πρὸς αὐτόν. ἀλλ' οἱ Πέρσαι συσχόντες αὐτόν κατὰ τὴν Σινώπην βασιλέα καὶ ἄκοντα ἀνεκέρησαν²⁰. ὃς αἰδοῖ τε καὶ φόβῳ πρὸς τὸν βασιλέα βαλλόμενος ἀνένενε τε καὶ δεινὰ πείσεσθαι τούτους ἔλεγεν ἐπὶ τῷ τολμήματι²¹. ὅθεν πλέον κατορρωδοῦντες αὐτοὶ τὰς ἐκ βασιλέως ἀπειλὰς εἶχοντο μὲν τῆς γνώμης αὐτῶν, εἶχον δὲ καὶ αὐτόν ἐν μέσῳ παραθαρύνοντες. Ἀλλ' ὁ Θεόφοβος λάθρα τὰ τελεσθέντα δηλοῖ τῷ βασιλεῖ, καὶ ἐνωμότως πληροφορεῖ ὡς οὐκ αὐτὸς ἐκεῖνοι δὲ τῶν τολμηθέντων ὑπαίτιοι. ἀλλ' ἐκείνου τε ὁ βασιλεὺς ἀσμένως ἀποδέχεται τὴν προαίρεσιν καὶ πρὸς τὰ βασίλεια εἰσκαλεῖ, τὴν ἀρχαίαν εὐκληρίαν ἀποδιδούς· συγγνώμην τε ἅπασιν τοῖς ἄλλοις καὶ ἀμνηστίαν κακῶν δούς τῆς Σινώπης, εἴτε

19. Συν. Θεοφάνη (CSHB), σελ. 110-112.

20. Γιὰ τὴν ἀντιβυζαντινὴ ἐπανάσταση τῶν Περσῶν (Χουρραμιτῶν) τοῦ Θεοφόβου τὸ 838 βλ. ἰδιαιτέρως: ROSSER, ὁ.π., σελ. 263-271.

21. Τὴν ἡχῶ αὐτοῦ ἀπαντοῦμε στὸ ἱστορικὸ ἔργο τοῦ Σαμουήλ τοῦ Ἀνιώτη, Βαλαρσαπάτ 1893, σελ. 92, πού ἀναφέρει ὅτι ὁ Θεόφιλος μπῆκε στὴν Τραπεζοῦντα καὶ «κατέσφαξε τοὺς Πέρσας», κατὰ πᾶσα πιθανότητα τοὺς Χουρραμίτες. Ὁ BROSET, ὁ.π., σελ. 423, κατὰ λάθος μεταφράζει «Ἀραβες».

δὴ καὶ Ἀμάστριδος, ποιεῖ ἐκδημεῖν. καὶ ἐπέιπερ εἰς πολυπληθίαν ἐνέδωκάν τε καὶ ἠῤῥησαν ὡς εἰς τρεῖς μυριάδας ἐληλακέναι, οὐ συμφέρον ἐδόκει τῷ βασιλεῖ τούτους ἐλευθέρους εἶναι καὶ ἀνειμένους, ἀλλὰ καλῶς σκεψάμενος ἕκαστῳ θέματι χιλιάδας δύο ἀπέσταλκεν, ὑπὸ χεῖρα τελεῖν τοῖς εἰς στρατηγίαν τεταγμένοις· ἐφ' ὧν καὶ τουρμάρχας ἐπιστατεῖν ἐξετίθετο. ὅθεν ἄχρις ἡμῶν τὴν προσηγορίαν Περσῶν αἱ τῶν θεμάτων τοῦρμαι κακλήρωνται, ἐφ' οἷς διεσπάρησαν. τοῦτο γοῦν τὸ τόλμημα θρασύτερόν πως καὶ ἰταμώτερον δόξαν τῷ Θεοφίλῳ αὐτούς τε διασπαρῆναι καὶ διανεμηθῆναι ἐποίησεν καὶ τὸν Θεόφοβον μετ' οὐ πολὺ ἀπήγαγε τῆς ζωῆς²².

Τὸ ζήτημα εἶναι ὅτι ὁ Θεόφοβος κατηγορεῖται γιὰ ἔσχατη προδοσία, καὶ γι' αὐτὸ φυγαδεῖα χρησάμενος πρὸς τὴν Ἀμαστριν (πόλις δὲ αὐτῆ Ποντικῆ) μετὰ τέκνων ὁμοῦ χωρεῖ τε καὶ γυναικῶν καὶ τινῶν ἐκκρίτων ἀνδρῶν. ἀνήγετο οὖν στόλος εὐθύς κατ' αὐτοῦ, καὶ πόλεμος σφοδρὸς ἐξηρτύετο ὡς πρὸς ἐχθρόν τοῦ βασιλέως κατὰδηλον, καὶ τοῦ τοιούτου στόλου ἀρχηγὸς ὁ τῆς βίγλης δρουγγάριος οὕτως Ὠορύφας λεγόμενος. ἀλλ' ὁ Θεόφοβος τὸν τοῦ θεοῦ φόβον ἐν ἑαυτῷ συλλαβὼν οὐκ ἔφησε δίκαιον εἶναι Χριστιανὸν ὄντα αἵμασιν ἀνθρώπων χαίρειν πιστῶν· ὅθεν ὑπέικει τῷ βασιλεῖ ὄρκους δελεασθεῖς, καὶ πρὸς αὐτόν ἐπανάγεται τοῖς ὄρκους θαρρῶν. ἀλλ' ὁ Θεόφιλος τούτους θέμενος εἰς οὐδὲν νῦν μὲν εἰρκτῇ τινὶ καὶ φρουρᾷ τῇ κατὰ τὸν Βουκολέοντα τοῦτον τίθησι, φρουρεῖσθαι προστάξας· μιᾷ δὲ τινὶ τῶν ἡμερῶν, ἐπεὶ ἔγνω ἑαυτὸν ἤδη ἀποβιοῦντα καὶ τὰ ἔσχατα πνέοντα, κελεύει ἐν νυκτὶ ἐξ αὐθεντίας ἀποτμηθῆναι οἷόν τι πικρὸν αὐτοῦ ἐντάφιον καὶ λυπηρόν, καὶ πρὸς ἑαυτὸν τὴν ἐκείνου ἀχθῆναι κεφαλὴν. Ἐπεὶ γοῦν ἤχθη κατὰ τὸ πρόσταγμα, τῇ ἑαυτοῦ χειρὶ τὴν ἐκείνου ρίνα λαβὼν «νῦν γε» ἔφησεν «οὐδὲ σὺ Θεόφοβος οὐδ' ἐγὼ Θεόφιλος»²³. εἰσὶ δὲ οἱ τὸν θάνατον τοῦ

22. Συν. Θεοφάνη, σελ. 124-125.

23. Σύμφωνα μὲ τὸν Συμεὼν τὸν Μάγιστρο (σελ. 810), ἡ αἰτία τῆς ἐκτέλεσης τοῦ Θεοφόβου ἦταν ὁ φόβος τοῦ αὐτοκράτορα, ὅτι μετὰ τὸν θάνατό του οἱ Πέρσες μπορούσαν νὰ ἀνακηρύξουν αὐτοκράτορα τὸν Θεόφοβο. (Πρβλ. καὶ τὸ ἔργο τοῦ Συνεχιστῆ τοῦ Γεωργίου τοῦ Μοναχοῦ, σελ. 810). Βλ. καὶ S. ŠESTAKOV, *O rukopisjah Simeona Logofeta* (Γιὰ τὰ χειρόγραφα τοῦ Συμεὼν τοῦ Λογοθέτη, *Viz. Vrem.* 5 (1898), σελ. 20).

Θεοφόβου τῷ Ὠορύφῳ ἀλλ' οὐ τῷ βασιλεῖ διδόασιν, φάσκοντες ὡς ἅμα τῷ πιστεῦσαι τούτῳ αὐτόν, τὴν κεφαλικὴν ἐπαγαγεῖν τιμωρίαν αὐτῷ λάθρα διὰ νυκτός. ἐκεῖθεν οὖν διαβεβόηται μέχρι τοῦδε παρὰ Πέρσαις μὴ ὄψεσθαι θάνατον τὸν Θεοφόβον ἀλλ' ἐν ἀφθασίᾳ διαζῆν, τῷ κρύβδην ἀλλ' οὐκ ἀναφανδὸν τὸν ἐκείνου θάνατον γενέσθαι ποτέ²⁴.

Στὴ διήγηση τοῦ Συνεχιστῆ τοῦ Θεοφάνη δὲν εἶναι δύσκολο νὰ σημειώσουμε πολλά λάθη καὶ μυθεύματα. Πρῶτα τὸ ὅτι ὁ Θεόφοβος (Νάσρ) γεννήθηκε στὸ Βυζάντιο. Τὰ δεδομένα τῶν πηγῶν, σύμφωνα μὲ τὰ ὁποῖα στὰ χρόνια τῆς βασιλείας τοῦ Θεοφίλου ἦταν ἓνα δωδεκάχρονο παιδί, εἶναι ἀπόλυτο λάθος. Ἐάν, ἀκόμη, οἱ Πέρσες τὸν ἀνακάλυψαν κατὰ τὸ πρῶτο ἔτος τῆς βασιλείας τοῦ Θεοφίλου (829), κατὰ τὸ ἔτος τοῦ θανάτου τοῦ αὐτοκράτορα (842) θὰ ἦταν τὸ πολὺ 24 χρονῶν, ἐνῶ ἐμεῖς τὸν συναντοῦμε ὡς ἀρχιστράτηγο κατὰ τὴν πρώτη ἐκστρατεία τοῦ Θεοφίλου (830)²⁵. Τὸ δεύτερο λάθος ἀφορᾷ στὴν πληροφορία γιὰ τὴ φυγὴ τοῦ Bābek στὸ Βυζάντιο. Εἶναι γνωστό, ὅτι ὁ Bābek ἐπαναστάτησε τὸ 816/817. Πρῶτα ἀπ' ὅλα δὲν συμφωνοῦν τὰ χρονολογικὰ δεδομένα. Κατὰ τὸν βυζαντινὸ συγγραφέα ὁ Bābek ἤρθε δῆθεν στὸ Βυζάντιο πέντε χρόνια μετὰ τὴν κήρυξη τῆς ἐπανάστασης, δηλαδὴ τὸ 821. Ἄλλὰ ὁ Θεόφιλος βασιλεύει ἀπὸ τὸ 829. Ὁ A. Vasiliev ἔχει δίκαιο θεωρώντας ὡς λάθος τὴ μνεία γιὰ τὸ πέρασμα τοῦ Bābek καὶ τῶν Περσῶν, στοὺς ὁποίους αὐτὸς ἠγεῖτο, στὸ μέρος τῶν βυζαντινῶν, ἐφόσον εἶναι γνωστό, ὅτι ὁ Bābek ἐπὶ εἴκοσι χρόνια πολεμοῦσε στὴν Περσία ἐναντίον τῶν Ἀράβων καὶ δὲν εἶχε ἐξέλθει ἀπὸ τὴ χώρα²⁶.

24. Συν. Θεοφάνη, σελ. 135-135. Πρβλ. ΓΕΝΕΣΙΟΥ (CSHB), σελ. 53. Ἡ διαδεδομένη μεταξὺ τῶν Περσῶν γνώμη, ὅτι ὁ Θεόφοβος δὲν μπορεῖ νὰ πεθάνει, ὅτι εἶναι ἀθάνατος, εἶναι ἡχώ τῆς ιδεολογίας τῶν Χουρραμιτῶν (βλ. παραπάνω, σημ. 1). Κατὰ τὸν Ἀρμένιο ἱστορικό τοῦ II' αἰῶνα Βαρδάνη «ἓνας ἄνδρας ἀπὸ τὸ ἔθνος τῶν Περσῶν ὀνόματι Bab [ὁ Bābek] ... ἔλεγε πὼς εἶναι ἀθάνατος». *La domination arabe en Arménie, extrait de l'Histoire Universelle de Vardan, traduit de l'arménien et annotée par J. Muijldermans*, Λουβαίν-Παρίσι 1927, σελ. 119.

25. VASILIEV, *Byzance et les Arabes*, τόμ. 1, σελ. 98-103.

26. Ὁ.π. Ἡ ἀρχαία ἀρμενικὴ μετάφραση τῆς Χρονογραφίας τοῦ Μιχαὴλ τοῦ Σύρου (σελ. 274) ἀναφέρει ὅτι μαζί μὲ τὸν Νάσρ καὶ ὁ Bābek εἶχε τάχα διαφύγει στὸ Βυζάντιο:

Δεύτερο· κατὰ τὰ δεδομένα τῶν βυζαντινῶν συγγραφέων, τὸν Θεόφοβο (Νάσρ) τὸν καταδίκασε σὲ θάνατο καὶ τὸν ἐκτέλεσε ὁ Θεόφιλος (ἢ ὁ δρουγγάριος Ὠορύφας)²⁷, διότι αὐτὸς ἦταν ἐπικεφαλῆς τῆς ἀντιβυζαντινῆς ἐπανάστασης τῶν Χουρραμιτῶν. Ἀλλὰ ὁ Μιχαὴλ ὁ Σύρος γράφει ὅτι ἐναντίον τοῦ ἀρχηγοῦ τῶν Χουρραμιτῶν (Khourdanaye) Νάσρ, τὸ θέρος τοῦ 839 ἢ 840, ἐπιτέθηκε ὁ νεοδιορισμένος διοικητὴς τῆς Συρίας καὶ τῆς Μεσοποταμίας Abū Sa'īd Muhammad, ὁ γιὸς τοῦ Γιουσούφ, καὶ ὅτι ὁ Νάσρ φονεύθηκε στὸ θέμα τῶν Βουκελλαρίων, κατὰ τὴ μάχη ποὺ ἐγίνε στὴν ὄχθη τοῦ ποταμοῦ Aqarqa. Ὁ Νάσρ καρατομήθηκε ἀπὸ τὸν Bšir, στρατηγὸ τοῦ Abū Sa'īd Muhammad, ποὺ ἀναφέρθηκε παραπάνω καὶ κάρφωσε τὸ κεφάλι του σὲ λόγχη. Σύμφωνα μὲ τὸν Σύρο ἱστορικό, ὅταν οἱ Χουρραμίτες εἶδαν ὅτι ὁ στρατηγὸς τους εἶναι νεκρὸς, ἂν καὶ ἐπείσθησαν ὅτι δὲν ὑπάρχει σωτηρία, πολέμησαν ἀλλὰ ἠττήθηκαν. Ὁ ἀμυρᾶς διέταξε νὰ τοὺς ἀποκεφαλίσουν καὶ τὰ κεφάλια τους τὰ ἔστειλε στὴ Μοψουεστία, στὸν χαλίφη. Ὁ τελευταῖος ὅταν ἔμαθε γιὰ τὸν θάνατο τοῦ Νάσρ, χάρηκε, ἐφόσον αὐτὸς, ὁ Νάσρ, εἶχε κατεριπώσει τὴν πόλη Zubatra²⁸.

Ἀπὸ τὰ δεδομένα τῶν βυζαντινῶν πηγῶν τὸ πραγματικὸ εἶναι²⁹ ὅτι μέγα σῶμα Χουρραμιτῶν πέρασε στὸ Βυζάντιο καὶ ὅτι ἡ αὐτοκρατορία ὀργάνωσε ἀπὸ αὐτοὺς τάγματα, τὰ ὁποῖα πολέμησαν σὲ διάφορα μέτωπα κατὰ τοῦ Χαλιφάτου. Μὲ βάση ὅλα τὰ δεδομένα τῶν πηγῶν γίνεται φανερό, ὅτι οἱ Χουρραμίτες τοῦ Νάσρ πῆ-

«Τότε οἱ δύο στρατηγοὶ τῶν Ἀράβων Νάσρ καὶ Bābek, ἀφοῦ ἀσπάστηκαν τὴν πίστη τῶν Χριστιανῶν, ποὺ τὴν ἐγνώρισαν ἀπὸ τοὺς Νουβίους, μὲ πλῆθος στρατιωτῶν ἐπῆγαν πρὸς τὸν βασιλέα τῶν Ἑλλήνων Θεόφιλο καὶ ἐγιναν Χριστιανοί». Ἐδῶ ἡ μνεία τοῦ Bābek εἶναι ἀπλή προσθήκη τοῦ Ἀρμένιου μεταφραστῆ· στὸ συριακὸ πρότυπο δὲν ἀπαντᾷ τίποτε τὸ παρόμοιο, ἂν καὶ τέτοια λαθεμένη ἀποψη, ὅπως εἶδαμε, ἀπαντᾷ καὶ στὶς βυζαντινὲς χρονογραφίες.

27. Κατὰ τὸν ΛΕΟΝΤΑ ΤΟΝ ΓΡΑΜΜΑΤΙΚΟ (CSHB), σελ. 227-228, ὁ Πετρωνᾶς, ὁ ἀδελφὸς τῆς αὐτοκράτειρας Θεοδώρας, καὶ ὁ Λογοθέτης (Θεόκτιστος), σελ. 227-228.

28. MICHEL LE SYRIEN, III, σελ. 96. Ἡ πόλη Zubatra (Ζάπετρα-Σωζόπετρα) ἦταν ἡ γενέτειρα τοῦ χαλίφη Μουτασίμ.

29. Ὁ H. GRÉGOIRE, ὁ.π., σελ. 183-204, ἀπέδειξε, ὅτι ὁ μῦθος αὐτὸς ποὺ ἀπαντᾷ στὶς βυζαντινὲς πηγές ἔχει ἱστορικὴ βάση. Πρβλ. καὶ VASILIEV, *Byzance et les Arabes*, ὁ.π., (Notes complementaires), σελ. 413-417.

ραν μέρος στη μάχη της Σωζόπετρας τον Μάρτιο-’Απρίλιο του 837. Κατά τον Tabarī, ο βασιλεύς Θεόφιλος «έφθασε στη Zibathra, έχοντας μαζί του ένα στρατιωτικό τάγμα που το αποτελούσαν Χουρραμίτες, μεταξύ των οποίων ήταν και από αυτούς που είχαν επαναστατήσει στο Djibal και είχαν καταφύγει στους Ρωμαίους»³⁰. Αυτόι πήραν μέρος και στη μάχη του Δαζιμών το 838 (κατά τον Ramsay ή πόλη Τοκάτ)³¹. Σύμφωνα με τον Ma’sūdi «πολλές χιλιάδες Χουρραμιτών», οι οποίοι ήταν φυγάδες από το «Azarbaïdjan»³² και Djibal, πολεμούσαν μέσα στον στρατό του Θεοφίλου»³³.

’Ο Συνεχιστής του Θεοφάνη μνημονεύει και ένα ενδιαφέρον γεγονός. Τελειώνοντας τον λόγο του για την θανάτωση του Θεοφύβου από τον Θεόφιλο, θυμάται αΐφνης, ότι τον Θεόφοβο και τον αδελφό της αυτοκράτειρας Θεοδώρας καισαρά Βάρδα, ο Θεόφιλος τους έστειλε στην ’Αβασγία, όπου αυτοί ισχυρώς έδυστύχησαν, ολίγων άγαν εκείθεν ύποστρεψάντων»³⁴.

Την έκστρατεία αυτή, που έγινε το 837, οι μελετητές την ταυτίζουν με εκείνη που πραγματοποίησε ο Θεόφιλος στη Χαλδία, και την όποια μνημονεύει ο ’Αρμένιος ιστορικός Στέφανος ο Ταρωνίτης³⁵. ’Ο J. Laurent ύποθέτει ότι αυτή κατευθυνόταν έναντίον του άμνηρά της Τιφλίδας Ishak ibn Ismail (στην Χρονογραφία του Στεφάνου του Ταρωνίτη Sahak υιού του Ismail)³⁶. ’Αλλά της έκ-

30. TABARI, III, 1235-1236 (apud REKAYA, δ.π., σελ. 56).

31. W. M. RAMSAY, *The Historical Geography of Asia Minor*, Λονδίνο 1890, σελ. 326 και 329.

32. ’Ο REKAYA (σελ. 62), με βάση άλλες πηγές έδειξε, ότι οι φυγάδες αυτοί δεν ήταν από την ’Ατροπατηνή, αλλά μόνο από το Djibal.

33. ’Ο.π.

34. Συν. Θεοφάνη, σελ. 137. Ξεκινώντας από αυτό, ο A. Každan συμπεραίνει, ότι η ιστορία του Θεοφύβου στη Χρονογραφία του Συνεχιστή του Θεοφάνη είναι παρεμβολή, ότι ο ιστορικός μετά την αποπεράτωση του βασικού μέρους του έργου του σχετικά με τον Θεόφοβο εκμεταλλεύτηκε μια άλλη πηγή (A. KAŽDAN, «Iz istorii vizantiiskoj hronografii X veka. “Kniga tsarej” i “Žizneopisanije Vasilija”», *Viz. Vrem.* 21 (1962) (σελ. 113).

35. *Histoire Universelle par Étienne Acoghig de Daron*. Traduite de l’arménien et annotée par E. DULAURIER, τόμ. 1, Παρίσι 1883, σελ. 171.

36. J. LAURENT, *L’Arménie entre Byzance et l’Islam. Nouvelle édition revue et mi-*

στρατείας αυτής ήγειτο άραγε ο Θεόφιλος, και πράγματι έγινε προς την ’Αβασγία; Μεταφέρω έδω όλόκληρο το μέρος της Χρονογραφίας του Στεφάνου που μάς ενδιαφέρει.

«Το 278 (829) πέθανε ο Μιχαήλ [ο Μιχαήλ ο Β’ Τραυλός — 820-829] και βασίλεψε ο γιός του Θεόφιλος, έτη 13. Στα χρόνια του έγινε η έλευση των Hořomdier στην έπαρχία Basean³⁷. Αυτόι, άφοϋ έπιτέθηκαν κατά της κωμόπολης Gomadzor, κατέσφαξαν πολλούς. ’Ο Θεόφιλος πήγε στη Χαλδία, ανέβηκε στη Tsamak kamourdj³⁸ και αιχμαλώτισε πολλές οικογένειες ’Αρμενίων, έδωσε το αξίωμα της ύπατειας, δηλαδή του άνθυπάτου πατρικίου στον ’Ασώτ, γιό του Šarouh, και τον άφησε στην έπαρχία του Sper³⁹. ’Ο ίδιος, άφοϋ πήρε τους φόρους από τους Θεοδοσιουπολίτες, επέστρεψε από εκεί. ’Επειτα, άφοϋ ήλθαν στην (έπαρχία) Vanand⁴⁰, στην κώμη Kajkakar οι Hořomdier, έξοντώθηκαν από τον Sahak γιό του Ismail. Το ίδιο έτος ο Θεόφιλος εισέβαλλε στη Συρία⁴¹ και κυρίευσε την πόλη Ourbeli⁴², πολέμησε κατά των ’Αράβων στο Ašmoušat⁴³ και ενίκησε. Κατά την έκστρατεία του στην ’Ανατολή, στα μέρη της ’Αρμενίας, κατέλαβε στην έπαρχία Gelam το κάστρο Ćmu⁴⁴ των ’Αρμενίων, το Asa’i, Metzker, Albert και κα-

se a jour par M. CANARD, Λισαβόνα, 1980, σελ. 67. ’Ο μόνος δισχυρισμός του Laurent, ότι η έκστρατεία αυτή ήταν έναντίον του άμνηρά της Τιφλίδας στηρίζεται στη μνεία του Στεφάνου του Ταρωνίτη, η όποια όμως δεν μάς δίνει βάση για τέτοια έρμηνεία. ’Ο άμνηράς της Τιφλίδας άπλως τους έξόντωσε στο Vanand. ’Η άμυνα των περιοχών αυτών από το Βυζάντιο ήταν κύριο καθήκον του.

37. Basean-Basen (ή Βασιανή του Μενάνδρου). ’Επαρχία του νομού ’Αϊραράτ της Μεγάλης ’Αρμενίας, στην άνω δχθη του ποταμού ’Αράξη, ανατολικά της Θεοδοσιούπολης (’Ερζερούμ). Τώρα Πασίν ’Οβά.

38. Tsamak kamourdj. Κατά λέξη «Ξερή γέφυρα».

39. Sper (Σπιρϊτις). ’Η 7η έπαρχία του νομού ’Υψηλή ’Αρμενία (τώρα ’Ισπίρ), στην άνω δχθη του ποταμού Τζορόχη.

40. ’Η 9η έπαρχία του νομού ’Αϊραράτ, με κέντρο την πόλη Κάρος.

41. Για την έκστρατεία αυτή του Θεοφίλου βλ. J. MARKWART, *Südarmenien und die Tigrisquellen*, Βιέννη 1930, σελ. 53. E. HONIGMANN, *Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches*, Βρυξέλλες 1961, σελ. 58, 199.

42. Κατά τον Markwart (δ.π., σελ. 48, σημ. 2) η Σωζόπετρα.

43. Τά ’Αρσαμόσατα (’Ασμόσατον, άραβ. Šimšat) στη Σωφηνή της τετάρτης ’Αρμενίας.

44. Το Τζιμενού των Notitia episcopatum. Στην Κελτζινή (’Ακιλισινή των αρχαίων έλληνικών πηγών).

τερείμωσε τὸ Χοζαν καὶ τὴν Τετάρτη Ἀρμενία ἀπὸ ἀνθρώπους καὶ ζῶα»⁴⁵.

Γίνεται σαφές, ὅτι ἐδῶ δὲν γίταται λόγος γιὰ ἐκστρατεία στὴν Ἀβασγία, ἀλλὰ στὴν Ἀρμενία. Οἱ βυζαντινοὶ συγγραφεῖς ὅταν κάνουν λόγο γιὰ ἐκστρατεία στὴν Ἀβασγία, δὲν μνημονεύουν τὸν Θεόφιλο, ἀλλὰ μόνο τὸν Θεόφοβο καὶ τὸν καίσαρα Βάρδα. Καὶ ἀπὸ τὰ δεδομένα τοῦ Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτη εἶναι σαφές, ὅτι ὁ λόγος δὲν ἀφορᾷ τὶς ἐκστρατεῖες τοῦ Θεοφίλου. Ἀνεξάρτητα ἀπὸ τὸν Θεόφιλο, ἔκανε ἐκστρατεία στὴν Ἀρμενία ἓνα αἰνιγματικὸ στρατεύμα, ποὺ στὸ ἔργο τοῦ Ἀρμενίου ἱστορικοῦ παρουσιάζεται ὡς «*Hořomdier*». Ποιοὶ εἶναι αὐτοί; Ἄς δοῦμε ἐδῶ πῶς ἐρμηνεύουν οἱ μεταφραστὲς τῆς Χρονογραφίας τοῦ Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτη τὴν φράση αὐτή. Πρῶτα ὁ Μ. Ἐμὶν στὴ ρωσικὴ του μετάφραση: «Τὸ 278=829 πέθανε ὁ Μιχαὴλ καὶ κάθησε στὸν θρόνο ὁ γιὸς του Θεόφιλος (ποὺ βασίλεψε) 13 χρόνια. Ἐπὶ τῆς βασιλείας του τὰ ἐλληνικὰ στρατεύματα (*Hořomi diear?*) μπῆκαν στὴν ἐπαρχία *Basen*». «...Μετὰ τὰ ἐλληνικὰ στρατεύματα (*Hořomi diearank?*) ἤρθαν στὴ κώμη *Kajkakar*, ποὺ βρίσκεται στὴ *Vanand*»⁴⁶.

Στὴ γαλλικὴ μετάφραση τοῦ E. Dulaurier διαβάζουμε ἀντίστοιχα: «...*Théophile, son fils, qui occupa le trône 13 ans. Sous son règne eut lieu l'arrivée des Hořomitians (Romains ou Grecs), Chalcédoniens dans le district de Pasen...*». «...*Les Hořomitians ayant pénétré dans / le sidtrict de / Vanant, au village de Gadjgak'ar...*»⁴⁷, δηλαδή τὸ *Hořomi dier* (ἢ *Hořomdier*, αὐτὸς γράφει *Hořomitians*) τοῦ κειμένου μεταφράζει Ρωμαῖοι ἢ Ἕλληνες, χαλκηδονῖτες.

45. *Histoire Universelle par Étienne Açoghik de Daron*. Traduite de l'arménien annotée par E. DULAURIER, τόμ. 1, Παρίσι 1883, σελ. 171.

46. *Vseobščaja Istorija Stepanosa Taronskogo, Asogika po prozvaniju, pisatelja XI stoletija* [Γενικὴ Ἱστορία τοῦ Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτη, συγγραφέα τοῦ ΙΑ' αἰῶνα], Μόσχα 1864, σελ. 335. Ὁ Μ. Ἐμὶν, ὅπως βλέπουμε, μεταφράζει «ἐλληνικὰ στρατεύματα» ἀλλὰ ἐν παρενθέσει καὶ μὲ ἐρωτηματικὸ δίνει τὴ διατύπωση ποὺ μᾶς ἐνδιαφέρει μὴ μπορώντας νὰ δώσει ἐξήγηση. Ὅπως φαίνεται, παρατηρεῖ ἐδῶ κάποια ἀλλοίωση.

47. *Histoire Universelle par Étienne Açoghig de Daron*, σελ. 171.

Κατὰ τὴν ἀποψή μου, ὀρθότερα τὸ ἀπέδωσαν οἱ H. Gelzer καὶ Aug. Burckhardt, οἱ μεταφραστὲς στὰ γερμανικὰ τοῦ ἔργου τοῦ Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτη. Γι' αὐτούς, ἀναμφιβόλως, ἦταν σαφές, ὅτι οἱ *Hořomdier* δὲν ἔχουν τίποτε τὸ κοινὸ μὲ τοὺς Ρωμαίους-βυζαντινοὺς, ἀλλὰ καὶ μὴ ἔχοντας τὴ δυνατότητα νὰ δώσουν κάποια ἐξήγηση στὸ αἰνιγματικὸ αὐτὸ στρατιωτικὸ τάγμα, ἄφησαν τὴ λέξη χωρὶς μετάφραση: «*Aber im 278sten Jahre der Ära starb Mikhayēl, und es war Kaiser sein Sohn Thēophilos 13 Jahre. In seinen Tagen kam Hořomdieros (mit seinen Leuten) nach Provinz Basean...*», «...*Als nun die Hořomdäer nach dem Dorfe Kačkakhar in Distrikt von Wanand gekommen waren...*»⁴⁸.

Τὸ ἐθνικὸ *Hořom* (Ρωμαῖος -Ἕλλην) ἦταν τόσο σαφές καὶ κατανοητὸ στοὺς μεσαιωνικοὺς Ἀρμένιους συγγραφεῖς, ποὺ αὐτοὶ μὲ κανένα τρόπο δὲν μποροῦσαν νὰ τὸ ἀλλοιώσουν. Ἐὰν αὐτὸ παρουσιάζεται μὲ τὴ «συνέχεια» (*dier*), σημαίνει ὅτι γιὰ τοὺς μεσαιωνικοὺς ἀντιγραφεῖς τοῦ χειρογράφου ἐκεῖ φέρεται γι' αὐτούς μιὰ ἀκατανόητη «λέξη». Τὸ πρῶτο μισὸ πολὺ εὐκόλα ἦταν δυνατό, ξεκινώντας ἀπὸ τὴν ὁμοφωνία, νὰ τὸ πάρουν ὡς *Hořom*-Ρωμαῖος. Ἀλλὰ γι' αὐτούς ἦταν ὅλως ἀκατανόητο τὸ δεύτερο μισὸ τῆς «λέξης». Πάντως εἶναι ἄγνωστο σὲ μᾶς πῶς ἀπαντοῦσε ἡ «λέξη» αὐτὴ στὸ αὐτόγραφο τοῦ Στεφάνου.

Ὅπως εἶδαμε, τὸ πρῶτο μισὸ τῆς «λέξης» τὸ ἐρμήνευσαν «Ρωμαῖος» (δηλαδή «Ἕλλην») καὶ οἱ μεταφραστὲς τῆς Χρονογραφίας τοῦ Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτη «ἐλληνικὰ στρατεύματα» (στὶς ἀρμενικὲς πηγές οἱ λέξεις *Hořom* (Ρωμαῖος) καὶ *Youn* (Ἴων -Ἕλλην) εἶναι συνώνυμα), *Hořomitians* (*Romains ou Grecs, Chalcedoniens*). Καὶ οἱ νέοι ἐρευνητὲς δὲν διαφέρουν ἀπὸ αὐτούς καὶ τὸ *Hořom* (ὅπως οἱ Ἀρμένιοι ἀντιγραφεῖς τῶν χειρογράφων) τὸ ἐννοοῦν ὡς Ρωμαῖος-βυζαντινός, χωρὶς νὰ κάνουν ἀπόπειρα νὰ ἐρμηνεύσουν τὸ δεύτερο μισὸ τῆς λέξης -*dier*. Κι ἔτσι, κατ' αὐτούς οἱ βυζαντινοὶ

48. *Der Stephanos von Taron Armenische Geschichte*. Aus dem altarmenischen übersetzt von Heinr. Gelzer und Aug. Burckhardt. Λιψία 1907, σελ. 107.

ἔφθασαν μέχρι τὴν ἐπαρχία τῆς Ἀρμενίας Gelarkouni, κατέσφαξαν τοὺς κατοίκους, κατερείπωσαν πόλεις καὶ χωριά⁴⁹.

Συμπέρασμα: Πρῶτο· ἡ στρατιὰ τῶν Hoïomdier ποὺ μνημονεύεται ἀπὸ τὸν Στέφανο τὸν Ταρωνίτη, ποὺ εἰσέβαλε στὴ Βασιανὴ καὶ τὸ Vanand καὶ διέπραξε θηριωδίες δὲν ἦταν βυζαντινὴ, ἀλλὰ τὴν ἀποτελοῦσαν Χουρραμίτες (ὁ Στέφανος ὁ Ταρωνίτης μᾶς δίνει τὴν περσικὴ ὀνομασία τους «Χορραμντίν» καὶ ὄχι τὴν ἀραβικὴ ἢ συριακὴ), τοὺς ὁποίους ὁ αὐτοκράτωρ Θεόφιλος ἐγκατέστησε στὸν Πόντο, στὴ Σινώπη καὶ Ἀμαστρίδα καὶ στὶς περιοχὲς τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας, ποὺ βρίσκονταν στὰ πλαίσια τῆς αὐτοκρατορίας, δηλαδὴ στὸ θέμα τῶν Ἀρμενιάκων, πλησίον τῶν ἀρμενικῶν ἐπαρχιῶν Βασιανῆς καὶ Vanand, ποὺ περιλαμβάνονταν στὰ πλαίσια τῆς ἀραβοκρατουμένης Ἀρμενίας. Σύμφωνα μὲ τὰ σχέδια τοῦ Θεοφίλου, οἱ Χουρραμίτες αὐτοὶ θὰ πολεμοῦσαν κατὰ τῶν ἀνατολικῶν ἐδαφῶν τοῦ Χαλιφάτου, στὶς ἀρμενικὲς περιφέρειες ἐπίσης. Ἐπομένως δὲν πρέπει νὰ θεωρηθεῖ τυχαῖα ἢ ἐγκατάστασή τους στὸ θέμα αὐτό.

Δεύτερο· ἡ βυζαντινὴ στρατιὰ γιατί θὰ πήγαινε στὴν Ἀβασγία μέσω τοῦ Vanand; Ἐπομένως ἢ ἡ Ἀβασγία τῶν βυζαντινῶν πηγῶν εἶναι παραφθορὰ τῆς Ἀρμενίας, ἢ πρόκειται γιὰ δύο διαφορετικὲς ἐκστρατεῖες. Μὲ βάση τὴν ὁμοιότητα τῶν δεδομένων τοῦ Συνεχιστῆ τοῦ Θεοφάνη γιὰ τὴν ἐξολόθρευση τῶν Χουρραμιτῶν τοῦ Θεοφόβου στὴν «Ἀβασγία» (ἀποσταλέντες μετὰ στρατιᾶς ἰσχυρῶς ἐδυστύχησαν, ὀλίγων ἄγαν ἐκεῖθεν ὑποστρεψάντων) καὶ τῆς ἐξιστόρησης τοῦ Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτη γιὰ τὴν πανωλεθρία τῶν Hoïomdier στὸ Vanand («ἐξοντώθηκαν ἀπὸ τὸν Sahak, γιόν τοῦ Ismail»), πιστεύουμε ὅτι ὁ λόγος ἀφορᾷ στὴν Ἀρμενία καὶ στὴν ἴδια ἐκστρατεία. Ὁ Θεόφιλος καὶ οἱ βυζαντινοὶ (Ρωμαῖοι) στὴν Ἀρμενία δὲν κατέσφαξαν γυναῖκες καὶ παιδιά. Τέλος εἶναι προσῆκον νὰ παραθέσουμε ἐδῶ τὶς διηγήσεις τῶν ἀρμενικῶν πηγῶν γιὰ

49. ΛΕΟ, Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας, τόμ. 2, Ἐρεβάν 1947, σελ. 436. R. GROUSSET, *Histoire de l'Arménie des origines à 1071*, Παρίσι 1947, σελ. 354. J. LAURENT, ὅ.π., σελ. 250. A. TER-GHEVONDIAN, *Armenia i Arabski Halifat*, σελ. 138.

τὸ πανομοιότυπο τῆς μεθόδου τῶν θηριωδιῶν τοῦ Bābek καὶ τῶν Hoïomdier, γιὰ νὰ φανεῖ καθαρὰ ἡ ταυτότητα τοῦ «χειρογράφου» τῆς δράσης τους. «Ἀνθρωποσφάκτη, ἐξολοθρευτὴ, αἱματομανὲς θηρίο» ὀνομάζει ὁ Μωϋσῆς ἀπὸ τὸ Καλανκατούϊκ (Dasxurançi) τὸν Χουρραμίτη Bābek (Baban), ὁ ὁποῖος «κατερείπωσε τὴν χώρα, κατέσφαξε τὶς γυναῖκες καὶ τὰ παιδιά τῆς ἐπαρχίας Balk. Ἀπὸ ἐκεῖ τὸ ἐπόμενο ἔτος ὁ Baban πέρασε στὴν ἐπαρχία Gelarkouni καὶ κατέκοψε τοὺς κατοίκους ὡς 15 χιλιάδες. Αὐτὸς ἔκανε παρανάλωμα τοῦ πυρὸς τὴν μεγάλη μητροπολιτικὴ πόλη Makenaçik»⁵⁰. Σύμφωνα μὲ τὸν Βαρδάνη ὁ Bābek ἦλθε «μέχρι τὴν Gelarkouni καὶ ἐξόντωνε διὰ μαχαίρας μεγάλους καὶ μικρούς»⁵¹.

Ὁ Στέφανος Ὁρμπελιάν, Ἀρμένιος ἱστορικὸς τοῦ ΙΓ' αἰώνα, γράφει ὅτι ὁ Baban «κατέσφαξε φοβερὰ καὶ ἀνελέητα τοὺς κατοίκους τῆς ἐπαρχίας Balasakan (τῆς νότιας Ἀρμενίας). Αὐτὸς θανάτωσε ἀκόμη γυναῖκες καὶ παιδιά, ποὺ ὄντας ἀναμάρτητα, θὰ λάβουν τὸν στέφανο τοῦ μάρτυρα ἀπὸ τὸν Χριστό. Τὸ δὲ ἐπόμενο ἔτος ὁ Baban πῆγε στὴν ἐπαρχία Gelarkouni καὶ κατακρεοῦργησε τοὺς κατοίκους ἕως 15 χιλιάδες, καταλήστεψε τὴν περίβλεπτη μονή, περίφημη σκῆτη Makenaçik, κατέκαυσε καὶ κατερείπωσε ὅλα τὰ οἰκοδομήματα»⁵². Οἱ Χουρραμίτες ποὺ βρῆκαν ἄσυλο στὸ Βυζάντιο μὲ ἐπικεφαλῆς τὸν Νάσρ, ὅπως εἶδαμε, ἀφοῦ ἦλθαν στὴν ἐπαρχία Basean, ἐπιτέθηκαν ἐναντίον τῆς κωμόπολης Gomadzor καὶ «πάμπολλους κατέσφαξαν»⁵³.

50. *The History of the Caucasian Albanians by Movsēs Dasxurançi*, translated by C. J. F. DOWSETT, Λονδίνο 1961, σελ. 214.

51. *La domination arabe en Arménie*, σελ. 119. Οἱ Χουρραμίτες ἔκαναν θηριωδίες στὴν Ἀρμενία καὶ ἐπὶ τοῦ Mahdi, ἐνὸς ἀπὸ τοὺς προγενεστέρους τοῦ Bābek. (MICHEL LE SYRIEN, III, σελ. 50).

52. *Histoire de la Siounie par Stephannos Orbelian*. Traduite de l'arménien par M. BROSSET, τόμ. 1, Ἀγ. Πετρούπολη 1864, σελ. 97.

53. Ὅπως εἶναι γνωστὸ, ἡ σοβιετικὴ ἱστοριογραφία καὶ τοὺς ληστάρχους ἀνακήρυξε ἦρωες κοινωνικῶν, λαϊκο-ἀπελευθερωτικῶν κινημάτων. Δὲν ἔμεινε ἄμοιρος τῆς «τιμῆς» αὐτῆς καὶ ὁ Bābek. Ἄν καὶ ὅπως εἶδαμε ὅλες οἱ πηγές (βυζαντινές, ἀρμενικές, ἀραβικές, συριακές) τὸν Bābek καὶ τοὺς ὄπαδούς του τοὺς ἀποκαλοῦν Πέρσες, ἡ ἀζερμπαϊτζανικὴ ἱστοριογραφία τοὺς βάφτισε Ἀζέρους, βασιζόμενη στὸ γεγονός ὅτι τὸ κίνημά τους ξεκίνησε στὴν Ἀτροπατηνὴ (τὸ κυρίως Ἀζερμπαϊτζάν-Azerbaïdjan). Τὸ τελευταῖο ἦταν καὶ

Ἔτσι μᾶς γίνεται γνωστή μιὰ ἀκόμη θλιβερὴ σελίδα τῆς ἱστορίας τοῦ ἀρμενικοῦ ἔθνους. Οἱ ἀναφερόμενοι ἀπὸ τὸν Στέφανο τὸν Ταρωνίτη *Hiromdier* δὲν εἶναι ἄλλοι, ἀπὸ τοὺς Χουρραμίτες, ποὺ ἐγκαταστάθηκαν στὸ Βυζάντιο καὶ ποὺ συνεχίζοντας τὶς «παραδόσεις» τους, κατερείπωσαν διὰ πυρὸς καὶ σιδήρου τὶς ἀρμενικὲς ἐπαρχίες *Basean* καὶ *Vanand*. Γίνεται ἐπίσης σαφὲς ὅτι οἱ Χουρραμίτες μὲ τὸ ὄνομά τους αὐτὸ εἶναι γνωστοὶ ὄχι μόνο ἀπὸ τὶς ἀνατολικὲς πηγές, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τὶς ἀρμενικὲς.

εἶναι ἐπαρχία τῆς Περσίας. Μετὰ τὴν μπολσεβικικὴ ἐπανάσταση, οἱ τρεῖς λαοὶ τοῦ Ἀντικαυκάσου ἀνακήρυξαν ἀνεξάρτητες Δημοκρατίες. Τὸ ἐθνικιστικὸ κόμμα «Μουσαβάτ» τῶν Τατάρων τοῦ Καυκάσου ποὺ κυβερνᾷ, ἐπιδιώκοντας, γιὰ πολιτικούς, φυσικά, λόγους, νὰ καταβροχθήσει τὸ κυρίως Ἀζερμπαϊτζάν, ποὺ κατοικεῖται κυρίως ἀπὸ τουρκόφωνους (ἡ ἱστορία τῆς «Μακεδονίας» ἔχει προηγουμένο...), τὴ χώρα τους Ἀρρὰν-Σιρβάν τὴν ὠνόμασαν Ἀζερμπαϊτζάν, καὶ τοὺς ἑαυτοὺς τους Ἀζερμπαϊτζανούς. Αὐτοὶ ἀνακήρυξαν τὸν *Bābek* ὡς ἐθνικὸ τους ἥρωα. Ἡ κινηματογραφία τους μάλιστα γύρισε καὶ ἀφιερωμένη σ' αὐτὸν καλλιτεχνικὴ ταινία, ὅπου πλέκεται τὸ ἐγκώμιο τοῦ ὀλετῆρα-ἀρχιληστῆ καὶ λέγονται τὰ αἰσχίστα κατὰ τοῦ Ἀρμενίου ἄρχοντα Ἰσαάκ (*Sahl Smbatian*), ποὺ τὸν συνέλαβε καὶ τὸν παρέδωσε στὶς ἀράβικες ἀρχές. Στὸ Ἀζερμπαϊτζάν τώρα ὑπάρχει καὶ πόλη μὲ τὸ ὄνομα τοῦ κακούργου, ποὺ ἐκεῖ ἔχει γίνει καὶ βαφτιστικὸ.

ΠΟΥ ΕΥΡΙΣΚΕΤΟ Η ΑQRITA;

τοῦ
Χράτς Μπαρτικιάν
 καθηγητῆ-δ/ντῆ Τμήματος Μεσαιωνικῆς Ἱστορίας
 Ἰνστιτούτου Ἱστορίας Ἀρμενικῆς Ἀκαδημίας Ἐπιστημῶν
 Ἀκαδημαϊκοῦ

Ἐνα ἀπὸ τὰ θέματα ἀφορῶντα τὸ βυζαντινὸ ἔπος τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα, εἶναι καὶ αὐτὸ ποὺ ἀναφέρεται στὴν ἱστορικὴ γεωγραφία. Τὰ διάφορα ἀπαντώντα στὸ ἔπος τοπωνύμιο *Aqrta*, βέβαια, ἔχει σχέση μὲ τοὺς Βυζαντινοὺς ἀκρίτες. Αὐτὸ ἀπαντᾷ στὸ γεωγραφικὸ ἔργο τοῦ Ἀραβὰ γεωγράφου τῶν ἀρχῶν τοῦ 10ου αἰῶνα *Ibn al-Fakih* καὶ θεωρεῖται ἀπὸ αὐτὸν ἕδρα τοῦ βυζαντινοῦ θέματος τῆς Χαλδίας. Ὅπως ἔγραφε ὁ *H. Grégoire*. «Ἀσφαλῶς δὲν ὑπάρχει πόλη μ' αὐτὸ τὸνομα στὸ θέμα Χαλδίας, δηλαδὴ στὸ θέμα τῆς Τραπεζοῦντας. Καὶ πιστεύουμε, ὅπως καὶ ὁ κ. Χόνιγκμαν, πὼς οἱ Ἀραβες, μὴ γνωρίζοντας τί νὰ τὸ κάνουν τὸνομα αὐτὸ Ἀκρίτες ποῦχε δοθεῖ στοὺς πολεμιστὲς συνοριακοῦ θέματος, καὶ στὸ θέμα τὸ ἴδιο, ἴσως τὸ σύνδεσαν, ἔτσι στὴ τύχη, μὲ τὸνομα ἐνός ἀπ' τὰ ἀνατολικά θέματα»¹.

Μία τυχαῖα ἀνακάλυψη μεταξὺ τῶν χειρογράφων τοῦ *Matenadaran* (Κέντρου Ἐρευνῶν ἀρχαίων ἀρμενικῶν χειρογράφων τοῦ Ἐρεβάν), μᾶς ἀναγκάζει νὰ ἀναφερθοῦμε μία ἀκόμη φορά στὸ γριφο τοῦ *Aqrta*. Πρόσφατα γιὰ τὸ πρόβλημα εἶχε γράψει εἰδικὸ ἄρθρο ὁ βυζαντινολόγος Ἡλίας Ἀναγνωστάκης². Ἐφόσον ὁ ἀρθρογράφος σημειώνει πλούσια βιβλιογραφία, φέρει τὰ διάφορα συμπεράσματα πολλῶν ἐρευνητῶν τοῦ θέματος, θεωροῦμε ἀρκετὸ τὸ νὰ σημειώσουμε ἐδῶ τίς γνωστὲς ἀπόψεις ἐπὶ τῆ βάσει τοῦ ἄρθρου του. Καὶ οὕτως:

«*Aqrta*, *Aqritya* (*Ikrita*, *Ikritiya*)», χώρα, πιθανόν τοῦ βυζαντινοαραβικοῦ συνόρου τοῦ 8ου αἰ., ἀλλὰ ἀναφερομένη ἀπὸ ἀραβες συγγραφεῖς ὡς ἕδρα στρατηγοῦ τῆς Χαλδίας. Προτεινόμενες λύσεις: α) Ἡ Κρήτη, β) τὸ θέμα τῆς Λυκανδοῦ, ὡς κατεξοχὴ θέμα ἀκριτῶν, γ) Περιοχὴ τοῦ Πόντου ἢ τῆς Ἀρμενίας, δ) Γενικὸς περιγραφικὸς ὄρος μὲ τὸν ὅποιο οἱ Μουσουλμάνοι ἀναφέρονται στοὺς ἀκρίτες τῶν συνόρων ε) Φανταστικὴ χώρα, ἀποτέλεσμα τῆς ἤδη διαπιστωμένης μυθολογικῆς χρησιμοποίησης τῶν ἀκριτῶν καὶ τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα ἀπὸ τοὺς Μουσουλμάνους³.

Ὁ Ἡ. Ἀναγνωστάκης ἐκτός ἀπὸ τὰ δεδομένα τοῦ *Ibn al-Fakih*, γιὰ τὴν τοποθέτηση τῆς *Aqrta* στὸ θέμα τῆς Χαλδίας, φέρει καὶ τὰ δεδομένα τοῦ *Tabari*. Ὁ τελευταῖος ἀναφέρει τὴν *Ikritiya* σχετικὰ μὲ τὴν ἐκστρατεία τῶν Ἀράβων τὸ 792. Ὁ Ἀναγνωστάκης προσεγγίζει τὰ χωρία τοῦ *Tabari* μὲ τὰ τῶν τοῦ *Μιχαήλ* τοῦ Σύρου καὶ τοῦ *Bar Ebraïou*, οἱ ὅποιοι μὴ ἀναφέροντες τὴν *Aqrta-Ikriya*, μνημονεύοντας δὲ τὴν αὐτὴ

1. *H. Grégoire*. Ὁ Διγενῆς Ἀκρίτας. Ἡ βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴν ποίηση. New York 1942, 123. Πρὸβλ. καὶ *Costantino Porfirigenito De Thematibus*. Introduzione, Testo critico, commento a cura di A. Pertusi, Vaticano 1952, 139.

2. Ἡ. Ἀναγνωστάκης. Ἱστοριογεωγραφικὲς σημειώσεις. I. *Aqrta*, *Ikriya* (= Τραπεζοῦντα Ἐκρη(κ)τικὴ χώρα ἢ χώρα τῶν Ἀκριτῶν); *Συμμ* 8 (1989), 61-9.

3. Ὁ.π., 63-4.

έκστρατεία τῶν Ἀράβων, σημειώνουν τοποθεσία Simison-Samsoun, τήν ὁποία ὁ Ἀναγνώστῆς τήν ταυτίζει μέ τήν παραθαλάσσια Ἀμισό. «Συνεπῶς –συμπεραίνει αὐτός– τά γεγονότα διαδραματίζονται σέ κάποια περιοχή τοῦ Εὐξείνου Πόντου, ὅπου ἴσως πρέπει νά ἀναζητηθεῖ ἡ Ikritiya».⁴

Ξεκινώντας ἀπό τήν προϋπόθεση, ὅτι ἡ Aqrta βρίσκεται στήν ἀκτὴ τοῦ Εὐξείνου Πόντου, ὁ Ἡ. Ἀναγνώστῆς ἀποτείνεται στά δεδομένα τοῦ Πλινίου, τοῦ Πτολεμαίου καί τῆς Ἀρμενικῆς Γεωγραφίας τοῦ 7ου αἰῶνα, ὅπου ἀναφέρεται χώρα Ἐκρητική ἢ Ἐκρηκτική, regio Gegrutice ἢ Agritice, Egr (Egrewiki-Agriwiki), τήν ὁποία καί ταυτίζει μέ τήν γνωστή μας ἤδη Aqrta. Αὐτός γράφει: «Ἡ ἀρμενική Γεωγραφία τοῦ Ζ' αἰῶνα (...) μᾶς παρέχει πληροφορίες πού ἴσως ἀποτελοῦν καί τήν τελική λύση τοῦ γρίφου».⁵ Ταυτοχρόνως ὁμοῦς ὁ ἀρθρογράφος περατώνει τήν διατριβή του μέ τήν φράση: «Τελικά τέτοιου εἴδους προβλήματα, ὅπως τῆς Ikritiya-Aqrta, ἴσως εἶναι καταδικασμένα νά ἐπιδέχονται περισσότερες ἀπό μία πιθανές λύσεις».⁶

Οἱ ἀρμενικές πηγές παρουσιάζουν στόν μελετητή ἀκριβῶς μία ἄλλη λύση. Ἀλλά πρὶν ἀναφερθοῦμε σ' αὐτήν, ἄς σημειώσουμε, ὅτι, βέβαια, ἡ Simison-Samsoun δέν ἔχει τίποτε τό κοινό μέ τήν Ἀμισό. Στή παραθαλάσσια Ἀμισό καί τόν Ἰανουάριο δέν κἀνει τόσο κρῦο γιὰ νά πέφτουν (παγωμένα) χέρια καί πόδια, τῶν Ἀράβων στρατιωτῶν, ὅπως γράφουν ὁ Tabari καί ὁ Μιχαήλ ὁ Σῦρος ἀναφορικά μέ τήν σημειωθεῖσα ἄνω ἐκστρατεία τοῦ 792. Ἐκτός τούτου, ἡ Ἀμισός ἐβρίσκειτο στό θέμα Ἀρμενιάκων, καί ὄχι τῆς Χαλδίας. Τό Simison-Samsoun, βέβαια, εἶναι ἡ ὀρεινή περιοχή Σανασούν-Σασούν, στήν νότια Ἀρμενία, στήν ἐπαρχία Ταρών. Κατά τόν αὐτόν Μιχαήλ τόν Σῦρο, ἀκριβῶς ἐδῶ μεταγενέστερα πάγωσαν οἱ Τοῦρκοι-Σελτζούκοι.⁷ Ἐκτός τούτου ἡ ὀνομασία τῆς Ἀμισοῦ ὡς Σαμψούν εἶναι μεταγενέστερη, ἔτσι ὀνομάστηκε ἀπο τοῦς Τούρκους-Σελτζούκους. Δηλαδή ἡ δόξα γιὰ τοποθέτηση τῆς Aqrta στίς ἀκτές τοῦ Εὐξείνου Πόντου, δέν εἶναι σταθερή.

Ἡ χώρα Ἐκρητική-Ἐκρηκτική - Gegrutice-Agritice-Egrewiki-Agriwiki δέν μπορεῖ νά ταυτισθεῖ μέ τήν Aqrta, τήν ἕδρα τοῦ θέματος τῆς Χαλδίας, ἐφόσον ἡ «χώρα», δέν μπορεῖ νά εἶναι ἕδρα χώρας. Καί εἶναι πρόβλημα, ἂν τήν ἐποχή πού μᾶς ἐνδιαφέρει, ἡ χώρα Egr βρίσκεται ἐκτός τοῦ θέματος Χαλδίας.⁸ Ἡ ταύτιση βασιζέται κυρίως στήν ὁμοιοφωνία τῶν τοπωνυμίων Aqrta - Ἐκρητική κ.τ.τ.

Ὅτι τό τοπωνύμιο Aqrta ἔχει σχέση μέ τοῦς ἀκρίτες τοῦ Βυζαντίου (συνεπῶς μέ τό ἔπος τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα), πού, ὅπως εἶδαμε, ὑποστήριζε ὁ Η. Γρέγοιρ καί ἄλλοι, τελικά ἀπέρριψε ὁ Ἡ. Ἀναγνώστῆς. Ἀλλά ἄς ἐπιστρέψουμε στό ἔπος. Θά μᾶς ἀπασχολήσει ἡ γενέτειρα τοῦ πατρός τοῦ Διγενῆ.

Στή διασκευή τῆς Ἀνδρου-Ἀθηνῶν εἶναι, τοῦ «Ρουχᾶ τό κάστρον» (Α. 939, 952, 997), στή διασκευή Κρυπτοφέρρης «τό Ραχᾶ τό κάστρον» (Κγ 50, 63, 111), στό τοῦ

4. Ὁ.π., 65.

5. Ὁ.π., 67.

6. Ὁ.π., 69.

7. Michel le Syrien, Chronique. Editée pour la première fois et traduite en français par J.-B. Chabot, t. III, Paris 1905, 159.

8. Στό τέλος τοῦ ἀρθρου του ὁ Ἡ. Ἀναγνώστῆς φέρνει, ἀπλοποιημένο «τόν χάρτη», L' Arménie et les pays limitrophes au IXe siècle» τοῦ J. Laurent, L' Arménie entre Byzance et l' Islam depuis la conquête arabe jusqu' en 886, Lisbonne, 1980, ἀλλά καί «διορθωμένο» σέ ὅ,τι ἀφορᾶ τήν χώρα Egr(es). Ὁ Laurent τήν τοποθετεῖ ἀνατολικά τοῦ ποταμοῦ Τζορῶχη, ἐκτός τοῦ θέματος Χαλδίας, στά πλαίσια τῆς Γεωργίας. Στή «διόρθωση» τοῦ Ἡ. Ἀναγνώστῆς ἡ Egre(es) ἔχει τοποθετηθεῖ στό θέμα Χαλδίας.

Ἐσκοριάλ «τοῦ Ραχέ τό κάστρον» (Ε. 527, 531).

Ἀναμφιβόλως, τά διαφορετικά αὐτά τοπωνύμια εἶναι παραλλαγές τοῦ ἐνός, τοῦ Ρουχᾶ, πού δέν εἶναι τίποτε ἄλλο, παρά ἡ ἀναφερόμενη στίς ἀρμενικές πηγές πόλη-κάστρο Urha (μεταγενέστερα Urfa), δηλαδή ἡ Ἐδεσσα τῆς Συρίας. Αὐτό ὑποστήριξαν ὅλοι οἱ μελετητές τοῦ ἔπους, οἱ ὁποῖοι, ἐκτός τοῦ ὀνόματος τῆς πόλης, εἶχαν καί ἄλλα τεκμήρια γιὰ τήν ταύτιση αὐτή: τό ἱστορικό γεγονός τῆς προσχώρησης τοῦ Abu Χάφς (Ἀπόχαψ), Ἄραβα ἀμῆρᾶ στό Βυζάντιο, ἡ ἀντανάκλαση τῆς ὁποίας ἀπαντᾶ στό βυζαντινόν ἔπος, ἡ ὑπαρξη σ' αὐτήν τῆς ἀχειροποιήτου εἰκόνας τοῦ Σωτήρος («τό μανδύλιν τοῦ Νεεμάν»), ἀναφερόμενη καί στό ἔπος, καί ἄλλα.

Τελευταῖα ὁ κ. Στ. Ἀλεξίου πρότεινε νέα εἰκασία. Θεωρώντας τήν παράδοση τοῦ Ἐσκοριάλ-Ραχέ-Ραχαί-πιό ἔγκυρη, ἀρνήται τήν Ρουχᾶ - Urha - Ἐδεσσα, καί ταυτίζει αὐτή μέ τήν πόλη Raqqa, νοτίως τῆς Ἐδέσσης.⁹ Ἀλλά ἔτσι ἡ πόλη αὐτή ἀπομακρύνεται πολύ ἀπό τό βυζαντινόν ἀκριτικό περιβάλλον, μπαίνουμε στή καρδιά τοῦ ἀραβικοῦ χαλιφάτου, ὅπου, σώζονται τά ἐρείπια ἀξιολόγου κάστρου καί ἀνακτόρου τοῦ Harun al - Rashid.¹⁰ Τί κοινό μπορεῖ νά ἔχει αὐτό μέ τοῦς ἀκρίτες τοῦ Βυζαντίου; Ἀλλά συνάμα καί ἀψηφοῦνται τά πάμπολλα σοβαρά τεκμήρια τῆς ταύτισής της μέ τήν Urha - Ἐδεσσα, πού ἀναφέραμε παραπάνω.

Περῶ στίς ἀρμενικές πηγές. Σέ πολλά ἀρμενικά χειρόγραφα τοῦ Matenadaran ἀπαντᾶ εἶδος «Nomina urbium mutata», γεωγραφικοί πίνακες ἀρχαίων τοπωνυμίων. Συγγραφεύς εἶναι ὁ Ἀρμένιος πατριάρχης τῆς Κωνταντινούπολης Γρηγόριος ὁ Καισαρεύς (πέθανε τό 1636). Παραλλήλως δίνονται οἱ ὀνομασίες τῆς ἐποχῆς. Τό ἔργο του ἔχουν ἐκμεταλλεθεῖ καί μεταγενέστεροι συγγραφεῖς, ὅπως ὁ Ἱερεμίας Μεγρεσί, συμπληρώνοντας αὐτό μέ ἄλλα τοπωνύμια. Τό μεγάλο μέρος τῶν τοπωνυμίων ἀφορᾶ τήν Ἀρμενία, ἀλλά δέν εἶναι καί λίγα αὐτά πού ἀφοροῦν τήν Ἑλλάδα καί τίς περιοχές τῆς Μικρᾶς Ἀσίας. Γιὰ νά πεισθοῦμε στίς καλές γνώσεις τοῦ συγγραφέα, σημειώ- νουμε μερικά:

Ankuria (δηλαδή Ἄγκυρα) – ἡ πόλη Enguri

Axios - ὁ ποταμός Vardar suu

Buzantion - ἡ πόλη Stambol

Edesia - ἡ πόλη Urfa

Ellada - τό βιλαέτιο Urumeli

Enbia - ἡ νῆσος Eiripoz (Εὔριπος)¹¹

Enkhaitia (δηλαδή Εὐχαΐται) - ἡ Ἀμάσια

Epesos - ἡ πόλη Ayasulu

Mažak (δηλαδή τά Μάζακα) - ἡ πόλη Γαῖσερί (Καισάρεια)

Melos ἢ Milos (δηλαδή Μέλας) - ὁ ποταμός Γαρασοῦ (Μαυροπόταμος).

Ἐνα ὁμοῦς χειρόγραφο, τό ἀριθ. 8189 στό τέλος μνημονεύει καί ἕνα τοπωνύμιο, τό ὅποιο δέν ἀπαντᾶ στά πολλά, γνωστά σ' ἐμένα χειρόγραφα. Στή σελίδα 1476 διαβά- ζουμε: Aqrta - ἡ πόλη Orha. Orha-Urha, ὅπως εἶδαμε, εἶναι ἡ Ἐδεσσα τῆς Συρίας.

Εὐκολώτερο ἀπό ὅλα εἶναι νά ποῦμε, ὅτι ὁ Ibn al-Fakih κάνει λάθος θεωρώντας τήν Aqrta (τήν Orha - Ἐδεσσα τῆς ἀρμενικῆς πηγῆς) ἕδρα τοῦ στρατηγοῦ τοῦ θέματος τῆς Χαλδίας, ἐφόσον ἡ πόλη αὐτή δέν ἦταν πρωτεύουσα τοῦ θέματος αὐτοῦ, πολύ πε-

9. Στ. Ἀλεξίου, Ἀκριτικά, Ἡράκλειο Κρήτης 1979, 18.

10. Ὁ.π.

11. Πρῶλ., «Εὐβοία ἢ Εὐριππος». Hieroclis Synecdemus, accedunt fragmenta apud Constantium Porphyrogenetum servata et nomina urbium mutata, rec. A. Burckhardt, Lipsiae 1893, 69.

ρισσότερον, δέν εύρίσκετο κἀν στά πλαίσιά του. Ἐπίσης εἶναι εύκολο νά ποῦμε, ὅτι κάνει λάθος ὁ Ἄρμενιος συγγραφεύς τοῦ *Nomina urbium mutata*, ταυτίζοντας τήν Aqrīta μέ τήν Orha - Ἔδεσσα. Οἱ ἀναφερθέντες ἄνω ἐξηγήσεις του τῶν τοπωνυμῶν καί πολλῶν ἄλλων μὴ σημειωθέντων, δέν μᾶς δίνουν τό δικαίωμα νά ἀμφιβάλλουμε στήν ἀκρίβεια τῶν ταυτίσεων του. Χωρίς νά ἔχω ἀξιώσεις νά λύσω τόν γρίφο, θέλω νά σημειώσω, ὅτι στίς ἀρμενικές πηγές, ἀλλά καί στίς συριακές, ὡς συνώνυμο τοῦ «Σῦρος» ἔχουμε τό «Χαλδαῖος». Μποροῦσε ὁ Ibn al-Fakih τό θέμα Χαλδίας νά συγγεί με τή Συρία, πρωτεύουσα τῆς ὁποίας τῶ ὄντι ἦταν ἡ Ἔδεσσα - Urha; Ἀλλά ὁ Ibn al-Fakih δέν ἤξερε, ὅτι ἡ Συρία τότε βρισκόνταν στά πλαίσια τοῦ χαλιφάτου τους;

Ἡ ἀρμενική αὐτή πηγὴ ὁμως ἕνα πρόβλημα λύει: ἡ Aqrīta δέν εἶναι «χώρα», εἶναι πόλη, καί δέν μπορεῖ νά ἔχει σχέση μέ τήν ἀναφερθεῖσα ἄνω χώρα Ἑκρητική κ.τ.τ. Αὐτὴ θά βρισκόνταν στά νότια βυζαντινο-ἀραβικά μεθόρια, τὰ ὁποῖα, μέ τήν ἀντίληψη τῶν Βυζαντινῶν, ὄντως ἦταν ἀκριτικά.

Θέλω νά τονίσω ἐδῶ, ὅτι οἱ ἀκριτικές μεθόριοι γιὰ τοὺς Βυζαντινοὺς ἦταν κυρίως οἱ τῆς Συρίας καί τῆς Μεσοποταμίας (δηλαδή τοῦ ἀραβικοῦ χαλιφάτου), καί ὄχι οἱ τῆς Ἰθρίας. Στίς ἀραβικές πηγές αὐτὰ εἶναι γνωστά ὡς «ἀλ-Θουγούρ», («μεθοριακὴ ζώνη»). Τὰ τῆς Συρίας «ἀλ-Θουγούρ as-Šamiya», τὰ τῆς Μεσοποταμίας - «ἀλ-Θουγούρ ad-Jazīriya», μέ κέντρο τήν Μελιτηνὴ, πρώην πρωτεύουσα τῆς Τρίτης Ἀρμενίας τοῦ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Α'. Ἔως τό 863 ἀμρᾶς τῆς ἦταν ὁ Omar ibn Abdallah al-Aqta, (ὁ Ἀμβρόν τοῦ Συνεχιστῆ τοῦ Θεοφάνη καί τοῦ βυζαντινοῦ ἔπους τοῦ Διγενῆ Ἀκριτά). Ἀκριδῶς νοτίως αὐτῆς ἦταν ἡ Ρουχᾶ-Ἔδεσσα. Βέβαια στίς βυζαντινές πηγές «Συρία» γενικῶς εἶναι τό ἀραβικὸ χαλιφάτο. Αὐτό δεβαιώνεται καί μέ τὰ δεδομένα τοῦ Ἀωνύμου ἔργου τοῦ 10ου αἰῶνα «Περὶ παραδρομῆς πολέμου» κατά λάθος ἀποδιδόμενο στόν Νικηφόρο Β' τόν Φωκᾶ (963-969). Ἀναφερόμενο στοὺς βιγλάτορες καί τίς βίγλες (πού δέν εἶναι τίποτε ἄλλο, παρὰ οἱ ἀκρίτες καί τὰ ἄκρα), αὐτό λέγει: «Κεφ. β'. Περὶ τῶν καμινοβιγλίων καί κατασκόπων» Ἀναγκαῖα δέ ἡ τῶν καμινοβιγλατόρων ὑπάρχει ὠφέλεια (...). Ἦνίκα κινήσεις τῶν ἐχθρῶν γένηται, καί οἱ βιγλάτορες ταύτης αἰσθωνται διὰ τῶν καμινοβιγλων, καί ὁ στρατηγός τήν ἐξέλευσιν τῶν ἐχθρῶν προγινώσκη, καί ποῖαν ὁδόν ἐξελεθῆν μέλλουσι (...). Ἐν δέ ταῖς ἄκραις τῶν Ἀρμενικῶν θεμάτων¹² ἐπεὶ οἱ Ἀρμένιοι οὐ καλῶς οὐδέ ἀσφαλῶς τήν τῶν βιγλῶν ἐκτελοῦσι δουλείαν, ὀφειλόμενόν ἐστι φυλάττεσθαι τόν ἀπό παλαιοῦ κρατούσαντα τῶν ἐν ταῖς βίγλαις τῶν Ἀρμενίων (...). Ἀπό τῶν ἀποστελλομένων κατασκόπων χρητᾶς κινήσεις τῶν φωσσάτων ἀναμανθάνειν, καί τραπεζίτας¹³ ἐπιλέγεσθαι γενναίους, οὓς οἱ Ἀρμένιοι τασιναρίους καλοῦσι (...), οἷς, πρὸς τῇ ἀνδρείᾳ, καί πολλή ἐμπειρία τῶν ὁδῶν καί τῶν τῆς Συρίας χωρῶν πρόσσεσι· καί τούτους διηνεκῶς ἀποστέλλειν τοῖς κατέρχεσθαι εἰς τὰς τῶν πολεμίων χώρας, καί καινοτομεῖν αὐτάς καί βλάπτειν...¹⁴.

12. Τὰ «Ἀρμενικά θέματα» δέν εἶναι τό τῶν Ἀρμενιάκων (Ἀρμενιάκων), ἀλλά τὰ ὀργανωμένα τόν 10ο αἰῶνα θέματα τῶν ἀνατολικῶν μεθοριῶν καί κατοικημένα κυρίως ἀπό Ἀρμένιοις. Στίς πηγές ὀνομάζονται «μικρά» καί «ἀρμενι(α)κά» θέματα, ἐν ἀντιθέσει μέ τὰ «μεγάλα» καί «ρωμαϊκά». Βλ. N. Oikonomidès, *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*, Paris 1972, 345.

13. «Μεθερμηνευμένη» ἀρμενική (περσικῆς προέλευσης) λέξη darvazban-darvazeban (ἀπὸ τῆς λέξης darvaz-darbaz-darbaz, πού σημαίνει κλεισοῦρα). Darvazban = φρουρός τῶν κλεισοῦρῶν. Ἡ ἑλληνικὴ λήγουσα -ίτης (τραπεζίτης) πολὺ σωστὰ παρουσιάζει τήν περσικὴ «ban». Βλ. Χρ. Μ. Μπαρτικιάν, Δύο ἀνατολικῆς προέλευσης βυζαντινοὶ στρατιωτικοὶ ὄροι, *Δελτίο Κοινωνικῶν Ἐπιστημῶν τῆς Ἀρμενικῆς Ἀκαδημίας Ἐπιστημῶν*, ἀριθ. 8, 1970, 76-7 (στά ρωσικά).

14. De Velitationibus Bellicis Domini Nicephori Augusti. In: Leonis Diaconi Caloënsis *Historiae* lib. decem, e recensione Caroli Benedicti Hasii, Bonnae 1828, 188-9.

Τέλος, ἡ σωστὴ ὀνομασία τοῦ τοπωνυμίου εἶναι Aqrīta. Οἱ ἄλλες παραλλαγές εἶναι παραφθορές.

Ἐρεβάν, Ἰανουάριος-Φεβρουάριος 1996

WHERE WAS THE LOCATION OF AQRITA?

by Hratch M. Bartikian

The enigmatic "Aqrīta" was not a territory but, as Armenian sources show, a city, which could probably be identified with Syrian Edessa/Urfa (Urfa/Orha in Armenian). Detailed examination of the pertinent Greek, Moslem and Armenian sources.

ΤΟ ΒΥΖΑΝΤΙΟ ΜΗΠΩΣ ΑΝΑΓΝΩΡΙΣΕ ΤΗΝ ΑΡΜΕΝΙΑ ΤΩΝ ΒΑΓΡΑΤΙΔΩΝ ΩΣ ΒΑΣΙΛΕΙΟ;

Hratch M. BARTIKIAN

Μετά τήν δεύτερη διαίρεση τῆς Ἀρμενίας μεταξύ τοῦ Βυζαντίου καί τῆς Περσίας τῶν Σασσανιδῶν (591) τό μεγαλύτερο τμήμα τῆς χώρας μπήκε στά πλαίσια τῆς αὐτοκρατορίας. Τήν ἐποχή τῆς ἀραβοκρατίας στήν Ἀρμενία ἄν καί τά ἐδάφη της παρουσίαζαν μιά ἐπαρχία τοῦ Χαλιφάτου, τό Βυζάντιο συνέχιζε νά θεωρεῖ αὐτά δικά του, καί ὅταν ἀπό τό μισό τοῦ Θ' αἰῶνα τό ἄστρο τοῦ Χαλιφάτου σιγά σιγά ἔσβηνε, τό Βυζάντιο ἐπεδίωξε νά τά συμπεριλάβει στή σφαῖρα τῆς ἐπιρροῆς του. Στήν ἀρχή ἡ αὐτοκρατορία ἦταν ἀναγκασμένη νά ἐνδώσει στή δημιουργηθεῖσα στήν Ἀρμενία πολιτική κατάσταση, νά ἀναγνωρίσει τό γεγονός τῆς ὑπαρξης σειρᾶς πριγκηπάτων. Τό μεγαλύτερο ἀπό αὐτά ἦταν τό κράτος τῶν Βαγρατιδῶν τοῦ Σιράκ μέ ἐπικεφαλῆ τόν ἄρχοντα τῶν ἀρχόντων, πού τήν 26η Αὐγούστου τοῦ 884 ὀνομάσθηκε βασιλεὺς πάσης Ἀρμενίας.

Ἡ βυζαντινὴ αὐτοκρατορία, πιθανόν, τότε ἀναγνώρισε τό κράτος τῶν Βαγρατιδῶν τοῦ Σιράκ, ἂν καί δέν ἔχουμε λόγους νά ἀπορρίψουμε ὅτι τό Βυζάντιο θά εἶχε συνάψει πολιτικές σχέσεις πρὶν, ὅταν κύριος τοῦ Σιράκ ἦταν ὁ ἄρχων τῶν ἀρχόντων. Τό κύριο ζήτημα ὅμως εἶναι ἄλλο. Ἡ αὐτοκρατορία τό 884/885 ἀναγνώρισε τό ἀρμενικὸ κράτος τοῦ Σιράκ ὡς τί, πριγκηπάτο ἢ βασίλειο, τήν κεφαλὴ τοῦ κράτους ὡς ἄρχοντα τῶν ἀρχόντων ἢ ὡς βασιλέα; Ἀπὸ τοὺς ἱστορικοὺς τῆς μεσαιωνικῆς Ἀρμενίας ὁ πρὶν ἐγγὺς τῶν γεγονότων κείμενος καί ἀξιόπιστος γιὰ τήν διασαφήνιση τοῦ ζητήματος, φυσικά, εἶναι ὁ καθολικὸς (πατριάρχης) Ἰωάννης ὁ Ε' ἀπὸ τό Δρασχανακέρτ (898-929). Σ' αὐτόν θά ἀναφερθοῦμε λίγο μετὰ. Ἐδῶ νά σημειώσουμε ὅτι ὁ γράφας ἕναν αἰῶνα μετὰ τά γεγονότα Στέφανος ὁ Ταρωνίτης δείχνει ὅτι ἡ παλινόρθωση τοῦ ἀρμενικοῦ βασιλείου ἐγινε «διὰ χειρὸς τοῦ Ἀσωτίου τοῦ Βαγρατίδη, ἐπὶ τῶν ἡμερῶν καί διὰ τῆς συναινέσεως τοῦ βασιλέως τῶν Ἑλλήνων Βασιλείου»¹. Μέ συναίνεση τοῦ βυζαντινοῦ αὐτοκράτορα βασίλευσε καί ὁ Σμπάτ ὁ Α', γιὸς τοῦ Ἀσωτίου².

1. ΣΤΕΦΑΝΟΥ ΤΟΥ ΤΑΡΩΝΙΤΗ, ὀνομαζομένου Ἀσολικ, *Οἰκουμένη Ἱστορία*, Ἁγία Πετρούπολη 1885, σ. 157 (στά ἀρχαῖα ἀρμενικά. Σημειώνουμε καί τό πρωτότυπο δεδομένου ὅτι οἱ μεταφράσεις δέν εἶναι πάντοτε σωστές); STEPHANOS VON TARON, *Armenische Geschichte*. Aus dem altarmenischen übersetzt von H. GELZER und A. BURCKARDT, Leipzig 1907; ETIENNE ASOLIK DE TARON, *Histoire Universelle*. Trad. Fr. MACLER, Paris 1917.

2. Αὐτόθι, σ. 159.

Τό γεγονός αυτό μαρτυρεί μόνον και μόνον ότι τό Βυζάντιο δέν ήταν κατά τής παλινόρθωσης του αρμενικού κράτους, αυτό όμως δέν σημαίνει ότι ή αυτοκρατορία αναγνώριζε τήν κεφαλή αυτού ως βασιλέα μέ τήν βυζαντινή έννοια του όρου.

Η μετά σαφηνείας ρητή μνεία του γεγονότος άπαντά στά έργα του Βαρδάνη από τήν Ανατολή και του Κυριάκου από τό Καντζάκιο, Αρμενίων ιστορικών, γραψάντων όμως τέσσαρες αιώνες μετά. Ο Βαρδάνης γράφει ότι ό άμερμουμνής (χαλίφης) «στέλνει [στόν Ασωτίο Α'] στέμμα, άλουργίδα και ήππους. Τό ίδιο στέλνει και ό αυτοκράτωρ Βασίλειος»³. Παρόμοια σημειώνει και ό Κυριάκος από τό Καντζάκιο: «Μετά τήν άποστολή του ισμαηλιτικού στέμματος, στέλνει και αυτός»⁴, ό Βασίλειος.

Η φράση αυτή στά έργα των αρμενολόγων σαν κυλιόμενη χιονοστιβάδα έλαβε άπίστευτες διαστάσεις. Κατ' αυτούς, συνελόντι ειπεΐν, ή βυζαντινή αυτοκρατορία αναγνώρισε τήν Αρμενία ως βασιλείο, τόν ήγεμόνα της ως βασιλέα⁵.

Ο Ν. Adontz στα δεδομένα των μεταγενεστέρων μεσαιωνικών ιστορικών για λήψη του Ασωτίου στέμματος από τόν Βασίλειο, δέν δίνει σημασία. Αναφερόμενος στη μνεία περί τής άποστολής από τόν χαλίφη Μουτάμιντ στόν Ασωτίο στέμματος και τής στέψης αυτού, ό Adontz γράφει: «ό αυτοκράτωρ Βασίλειος έσπευσε νά εξασφαλίσει τήν επίτευξη του Ασωτίου, συνάψας μ' αυτόν σύμφωνο ειρήνης, ύποτέλειας⁶ και φιλίας, όνομάσας αυτόν τέκνον άγαπητόν, καταστήσας αυτόν κοινωνόν άπάσης τής βασιλείας του κράτους του». Η σημασία των τελευταίων λέξεων - γράφει ό Adontz - είναι νά πάρει τόν Ασωτίο κάτω από τήν προστασία τής αυτοκρατορίας⁷.

Τό ζήτημα μελέτησε ιδιαίτερος και έμπεριστατωμένως ό Κ. Ν. Yuzbashian, ό όποιος δικαίως τά δεδομένα του Βαρδάνη και του Κυριάκου για άποστολή στόν Ασωτίο στέμματος από τόν Βασίλειο θεωρεί «ύποθέσεις μεταγενέστερης έποχής, που αναφάνηκαν κάτω άπο τήν επίδραση άναμνήσεων για τά άραβικά στέμματα»⁸, άν και στη δημοσιευθείσα προσφάτως μο-

3. ΜΕΓΑΛΟΥ ΒΑΡΔΑΝΗ ΑΠΟ ΤΟ ΜΠΑΡΤΖΡΜΠΕΡΤ, *Οικουμενική Ιστορία*, Μόσχα 1861, σ. 117 (στά αρχαία αρμενικά); *La domination arabe en Arménie. Extrait de l'«Histoire Universelle» de Vardan*. Trad. J. MUYLDERMANS, Louvain-Paris 1927, p. 141.

4. ΚΥΡΙΑΚΟΥ ΑΠΟ ΤΟ ΚΑΝΤΖΑΚΙΟ, *Ιστορία τής Αρμενίας*. Επιμέλεια Κ. Α. ΜΕΛΙΚ-ΟΧΑΝΤΖΑΝΙΑΝ, Έρεβάν 1961, σ. 80 (στά αρχαία αρμενικά); *Deux historiens arméniens: Kirakos de Gantzac, XIIIe siècle, Histoire d'Arménie, Oukhtanes d'Ourha, Xe s. Histoire en trois parties*. Trad. M.-F. BROSET, Saint-Petersbourg 1870, p. 42.

5. Μ. TCHAMTCHIAN, *Ιστορία τής Αρμενίας*, τ. Β', Βενετία 1785, σ. 703 (στά αρχαία αρμενικά). Μ. ORMANIAN, *Ιστορία τής αρμενικής Εκκλησίας*, μέρος Α', Κωνσταντινούπολη 1913, σ. 994 (στά αρμενικά). LEO (Αρακέλ Μπαμπαχανιάν), *Ιστορία τής Αρμενίας*, τ. Β', Έρεβάν 1947, σ. 522 (στά αρμενικά). R. GROUSSET, *Histoire de l'Arménie. Des origines à 1071*, Paris 1947, p. 395. Η. MANANDIAN, *Κριτική επισκόπηση τής ιστορίας του αρμενικού έθνους*, τ. Β', Έρεβάν 1960, σ. 40, 64, 234 (στά αρμενικά). Του ίδιου, *Γιά τό έμπόριο και τίς πόλεις τής Αρμενίας. Σχετικά μέ τό διεθνές έμπόριο των αρχαίων χρόνων*, Έρεβάν 1954, σ. 202 (στα ρωσικά). Ash. HOVHANNISIAN, *Μελέτες για τήν ιστορία τής αρμενικής άπελευθερωτικής σκέψης*, τ. Α', Έρεβάν 1957, σ. 38 (στά αρμενικά).

6. Κατά πᾶσαν πιθανότητα, αναγνώρισης του βυζαντινού αυτοκράτορα ως κυρίου του Ασωτίου.

7. Ν. ADONTZ, *Η δόξα των Βαγρατιδών. Ιστορικές μελέτες*, Παρίσι 1948, σ. 86 (στά αρμενικά). Οί ύπογραμμισμένες φράσεις είναι του Ιωάννη από τό Δρασχανακέρτ.

8. Κ. Ν. YUZBASHIAN, *Η Αρμενία τής έποχής των Βαγρατιδών από τήν άποψη του διεθνούς δικαίου, Ιστορικο-φιλολογικό περιοδικό τής Ακαδημίας Επιστημών τής Σ.Σ.Δ. Αρμενίας* 1, 1975, σ. 48-49 (στά αρμενικά).

νογραφία του δέν επιμένει στην ιδέα αυτή και δέν άποκλείει τήν ύπαρξη τής «πράξης αυτής»⁹.

Περαιτέρω θά γίνει λόγος για τό άβάσιμο τής γνώμης αυτής, αλλά θεωρούμε άναγκαίο νά σημειώσουμε έδώ, ότι εάν τούς Αρμενίους και ξένους αρμενολόγους μπορούμε κάπως νά δικαιολογήσουμε, έχοντας ύπ' όψη τό ότι αυτοί δέν είναι βυζαντινολόγοι, δέν είναι δυνατόν νά κάνουμε τό ίδιο σχετικά μέ μερικούς γνωστούς βυζαντινολόγους. Ο G. Ostrogorsky, π.χ. γράφει: «Ο Ασωτίος ό Α' αναγνωρίστηκε βασιλεύς από τόν χαλίφη (885), ως και από τόν βυζαντινό αυτοκράτορα (887)¹⁰.» Η γνώμη αυτή επαναλαμβάνεται στόν Β' τόμο τής *Ιστορίας του Βυζαντίου*, τής Ακαδημίας Επιστημών τής ΕΣΣΔ: «Ο άντιβασιλεύς του χαλίφη τό 886 έβαλε στέμμα επί τής κεφαλής του Ασωτίου του Βαγρατιδου, αναγνωρίσας τήν ύπαρξη του αρμενικού βασιλείου [...]. Ο Βασίλειος ό Α' εκ μέρους του του έστειλε στέμμα¹¹.»

Στόν αυτό Β' τόμο τής *Ιστορίας του Βυζαντίου*, όμως δικαίως αναφέρεται ότι «ό θεΐος αυτοκράτωρ έθεωρείτο ό κύριος τής Οίκουμένης. Αυτός ήταν ό μόνος άληθινός κύριος. Όταν όλοι οι άλλοι δυναστες ήταν παρά μόνον άρχοντες, κυβερνήτες. Η βυζαντινή πολιτική θεωρία επί πολύ χρόνο δέν συμφωνούσε νά άποδώσει τόν τίτλο του βασιλέως στους απογόνους του Καρόλου του Μεγάλου¹².»

Ποίος μπορούσε νά είναι καλλίτερα από όλους ένήμερος, παρά ό σύγχρονος των γεγονότων και παίξας τόν κύριο ρόλο πατριάρχης και ιστορικός Ιωάννης από τό Δρασχανακέρτ; Αυτός, πράγματι, άνέβηκε στόν πατριαρχικό θρόνο 14 χρόνια μετά τή στέψη του Ασωτίου του Α' (898-929), αλλά είναι άπίθανο τότε νά ήταν άπλως μοναχός ή ιερεύς ή μακράν τής πολιτικής ιστάμενο πρόσωπο. Αυτός ήταν ύψηλου βαθμού ιερωμένος, μορφωμένος άνθρωπος. Στην άξιόλογη *Ιστορία* του για τήν ανακήρυξη του βασιλείου των Βαγρατιδών, αναφερόμενος στό ζήτημα τής διεθνούς αναγνώρισης αυτού, γράφει: «Ο χαλίφης, "μέσω του άμηνά Hiseh", στέλλει [...] στόν Ασωτίο βασιλικό στέμμα [...] και άλλα ιμάτια βασιλικά¹³.» Όταν δέ ό λόγος άφορά τό Βυζάντιο, ό ιστορικός σημειώνει: «Αλλά και ό μέγας αυτοκράτωρ των Έλλήνων Βασίλειος έσύναψε μέ τόν άρχοντά μας Ασωτίο σύμφωνο ειρήνης, ύποτέλειας και φιλίας, όνομάσας αυτόν τέκνον άγαπητόν¹⁴.» Αυτό είναι έγγραφο τής επίσημης αναγνώρισης του κράτους του Σιράκ, σύναψης διπλωματικών σχέσεων μεταξύ των δύο κρατών, και αναγνώρισης από τόν Ασωτίο τής υπεξουσιότητάς του. Έδώ δέν γίνεται λόγος για αναγνώριση του άρχηγού του κράτους ως βασιλέως. Σε ό,τι άφορά τό «τέκνον άγαπητόν», αυτό δέν είναι συνήθης έκφραση, αυτό, όπως θά δοϋμε, είχε όρισμένη σημασία.

Ο αυτοκράτωρ Βασίλειος, άν και μιά στιγμή ύποθέσουμε ότι έστειλε στόν Ασωτίο τόν Α' στέμμα, δέν θά μπορούσε ποτέ νά τόν αναγνωρίσει βασιλέα. Όπως είδαμε άνωτέρω, σύμφωνα μέ τήν αυτοκρατορική ιδέα, στόν κόσμο

9. Κ. Ν. YUZBASHIAN, *Τά αρμενικά κράτη τής έποχής των Βαγρατιδών και τό Βυζάντιο*, Θ' Α' αιώνας, Μόσχα 1988, σ. 89 (στά ρωσικά).

10. G. OSTROGORSKY, *Histoire de l'Etat byzantin*, Paris 1956, p. 265.

11. *Η ιστορία του Βυζαντίου*, τ. Β', Μόσχα 1967, σ. 191 (στά ρωσικά).

12. Αυτόθι, σ. 157.

13. ΙΩΑΝΝΗ ΚΑΘΟΛΙΚΟΥ ΑΠΟ ΤΟ ΔΡΑΣΧΑΝΑΚΕΡΤ, *Ιστορία τής Αρμενίας*, Τιφλίδα 1912, σ. 139 (στά αρχ. αρμενικά); *Histoire d'Arménie par le Patriarche Jean VI dit Jean Catholikos*. Trad. J. SAINT-MARTIN, Paris 1841, p. 125.

14. Αυτόθι, σ. 140, 285 (γαλ. μετάφραση, σ. 126).

υπάρχει ένας βασιλεύς, αυτός που έδρευε στην Κωνσταντινούπολη. "Όλοι οι άλλοι κυρίαρχοι, είτε στην Ανατολή, είτε στη Δύση, δεν μπορούν να είναι βασιλείς. Στο γραμμένο μετά έφτα δεκαετίες από τα γεγονότα από τον Κωνσταντίνο τον Πορφυρογέννητο, *De cerimoniis aulae byzantinae*, μνημονεύονται (έκτός των ιεραρχών) 55 κράτη και οι αρχηγέτες των. Στο βιβλίο υποδειχνεται πώς πρέπει να ονομάζεται ο κάθε παραλήπτης της αποστελλομένης από την Κωνσταντινούπολη επίσημης επιστολής. Μόνον ένας από αυτούς, ο αρχηγός της Βουλγαρίας, ονομάζεται βασιλεύς, με ειδική σημείωση: «εις τόν εκ Θεού ἄρχοντα Βουλγαρίας, ... Κωνσταντίνος και Ρωμανός, πιστοί εν αὐτῷ τῷ Θεῷ βασιλείς Ρωμαίων πρὸς τόν πεποθημένον και πνευματικόν ἡμῶν τέκνον και εκ Θεοῦ ἄρχοντα τοῦ χριστιανικωτάτου ἔθνους τῶν Βουλγάρων. Τό ἀρτίως γραφόμενον [...] πρὸς τόν πεποθημένον και πνευματικόν ἡμῶν τέκνον τόν κύριον ὁ δεῖνα βασιλέα Βουλγαρίας.¹⁵»

Ἐπομένως κατά την ἀνακήρυξη τοῦ βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν, και δεκαετίες μετά, γιά τό Βυζάντιο στόν κόσμο ὑπῆρχε ἕνας βασιλεύς, ὁ βυζαντινός αὐτοκράτωρ.

Σύμφωνα μέ τό *De cerimoniis aulae byzantinae*, ἡ αὐτοκρατορία ἀναγνώριζε, και μέ τή σημερινή ἔννοια εἶχε διπλωματικές σχέσεις, μέ τά κάτωθι ἄρμενικά πριγκηπᾶτα και, μέ τήν ἀντίληψη τῶν Ἀρμενίων, βασιλεία: Μεγάλη Ἀρμενία, δηλαδή τό βασίλειο τῶν Βαγρατιδῶν τοῦ Σιράκ, Βασπουρακάν (τό βασίλειο τῶν Ἀρτζρουνιδῶν), Κοκοβίτ, Ταρών, Μῶεξ (Μῶξηνή), Αὐζαν (Ἀντζεβασιέ), Συνή (Σιουνί), Βαιτζῶρ (Βαϊότς Τζῶρ), Χατζιένη (Χατσέν) και Σερβότιοι (Σεβορδίκ)¹⁶. "Όλοι οἱ ἡγεμόνες αὐτῶν ονομάζονται ἄρχοντες, ἐκτός τοῦ τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας και τοῦ Βασπουρακάν, πού λέγονται ἄρχοντες τῶν ἀρχόντων. Οἱ Ἀσώτιος Α' Βαγρατιδῆς, ὁ γιός του Σμπάτ (Συμβάτιος), ὁ γιός τοῦ τελευταίου Ἀσώτιος Β' ὁ Σιδηροῦς, και σύμφωνα μέ μία ἄλλη ἐργασία τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογέννητου, ονομάζονται ἄρχοντες τῶν ἀρχόντων. Σημειῶνω τό ἐνδιαφέρον ἐμᾶς ἐδάφιο ὁλόκληρο: «Ἰστέον ὅτι πρό τοῦ Ἀσώτιου τοῦ ἄρχοντος τῶν ἀρχόντων, τοῦ πατρός τοῦ Συμβατίου τοῦ ἄρχοντος τῶν ἀρχόντων, ὄν ἀπεκεφάλισεν ὁ ἀμηρᾶς Περσίδος ὁ Ἀποσάτας, ὅς και ἐποίησε δύο υἱούς, τόν τε Ἀσώτιον τόν μετ' αὐτόν γενόμενον ἄρχοντα τῶν ἀρχόντων και Ἀπασάκιον τόν μετά ταῦτα μάγιστρον τιμηθέντα, τά τρία ταῦτα κάστρα, τό τε Περκρί και τό Χαλιάτ και τό Ἄρσες, ὑπό τήν τῆς Περσίδος ἐπικράτειαν ἐτύγχανον¹⁷.»

Ἐπὶ τῶν ἄλλων ἐνδείξεις πού βεβαιοῦν τό ζήτημα. Στήν ἐπιστολή τοῦ συγχρόνου τῶν γεγονότων πατριάρχη τῆς Κωνσταντινούπολης Νικολάου τοῦ Μυστικοῦ (901-907, 912-925) στόν Σμπάτ Α' Βαγρατιδῆ, ὁ τελευταῖος ονομάζεται «ἀρχων τῶν ἀρχόντων¹⁸.» Τέλος, στή μή σωθεῖσα στό ἑλληνικό

15. *Constantini Porphyrogeneti Imperatoris De cerimoniis aulae byzantinae*, Rec. J. REISKE, I, Bonn 1829, p. 690. Κατά τή γνώμη μερικῶν μελετητῶν, ἐπίσημη ἀναγνώριση και ἀποδοχή ἀπό τό Βυζάντιο τοῦ τίτλου τοῦ βασιλέως στόν Συμεῶν δέν ἔγινε. Ἐγινε αὐτοκήρυξη τοῦ Βουλγάρου ἄρχοντα. Ὁ πατριάρχης Νικόλαος ὁ Μυστικός στό κεφάλι τοῦ Συμεῶν δέν ἔβαλε στέμμα, ἀλλά τό ἐπιρριπτάριο. Γιά τίς διαφορές γνώμες, δέξ: Α. ΣΤΑΥΡΙΔΟΥ-ΖΑΦΡΑΚΑ, Ἡ συνάντηση Συμεῶν και Νικολάου Μυστικοῦ (Ἀύγουστος 913) στά πλαίσια τοῦ βυζαντινοβουλγαρικοῦ ἀνταγωνισμοῦ, Θεσσαλονίκη 1972, σ. 68 κέξ.

16. *De cerimoniis aulae byzantinae*, p. 687.

17. *Constantine Porphyrogenitus, De administrando imperio*. Greek text edited by Gy. MORAVCSIK, English translation by R. J. H. JENKINS, Budapest 1949 (CFHB 1), p. 198.

18. *Nicholas I Patriarch of Constantinople, Letters*. Greek text and English translation by R. J. H. JENKINS and L. G. WESTERINK, Washington 1973 (CFHB 6), p. 446.

πρωτότυπο και διατηρηθεῖσα στή ἀρχαία ἄρμενική μετάφραση ἐπιστολή τοῦ Ἰωάννη Τσιμισκῆ (969-976) στόν Ἀσώτιο Γ' Βαγρατιδῆ (953-977) (ἡ ἐπιστολή ἔχει περιληφθεῖ στή Χρονογραφία τοῦ Ματθαίου τοῦ Ἐδεσσηνοῦ), ὁ παραλήπτης ονομάζεται «Ἀσώτιος šahinšah τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας και πνευματικόν ἔμὸν τέκνον»¹⁹. Χωρίς ἄλλο, στό ἑλληνικό πρωτότυπο, ἐκεῖ ὅπου στήν ἄρμενική μετάφραση ἀπαντᾶ šahinšah, θά ἦταν ἄρχων τῶν ἀρχόντων. Δηλαδή ὅλη ἡ φράση συμπίπτει κατά λέξη μέ τή φράση τοῦ *De cerimoniis aulae byzantinae*. Ἐφ' ὅσον στή σταλεῖσα τό 974 στόν Ἀσώτιο Γ' Βαγρατιδῆ ἐπιστολή τοῦ Ἰωάννη Τσιμισκῆ προβάλλει ὁ ἄρχων τῶν ἀρχόντων, ὡς ἐπίσημη ὀνομασία τοῦ Βαγρατιδῆ βασιλιᾶ, αὐτό ἀναίρει τήν θεωρία τοῦ Κ. Ν. Yuzbashian, σύμφωνα μέ τήν ὁποία μετά τό 929 ὁ τίτλος αὐτός δέν δόθηκε πλέον στους Βαγρατιδες. «Δέν ὑπάρχουν βάσεις (!) – γράφει αὐτός – νά σκεφτοῦμε ὅτι ὁ τίτλος ἄρχων τῶν ἀρχόντων ἐπέστρεψε (!) στους Βαγρατιδες»²⁰. Καί βασιζέται στή γνώμη τοῦ A. Rambaud, ὅτι στή μετάφραση τῆς ἐπιστολῆς τοῦ Τσιμισκῆ τό šahinšah εἶναι ὁ ἑλληνικός ὄρος «πρῶτος». Ἐάν στό ἑλληνικό κείμενο τῆς ἐπιστολῆς τοῦ Τσιμισκῆ ἦταν τό «πρῶτος», γιάτί ὁ Ἀρμένιος θά μετάφραζε šahinšah;

Και ὁ ἡγεμὸν τοῦ Βασπουρακάν στό ἔργο τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογέννητου ονομάζεται ἄρχων μέ τήν διασαφήνιση: «ὁ νῦν τιμηθεῖς ἄρχων τῶν ἀρχόντων»²¹. Ἐδῶ τονίζεται τό γεγονός τῆς ἀνακήρυξης τοῦ Κακικίου Ἀρτζρουνιδῆ τό 908 βασιλέως. Ἀλλά και ὁ τελευταῖος βασιλεύς τοῦ Βασπουρακάν Σενεκερίμ Ἀρτζρουνιδῆς στήν Ἱστορία τοῦ Ἰωάννη Σκυλίτση ονομάζεται ἄρχων²².

Και ἔτσι ἐμεῖς ἔχουμε ἐντελῶς ἀξιόπιστα και ἀναμφισβήτητα στοιχεῖα ὅτι ἡ βυζαντινὴ αὐλή δέν ὀνόμασε βασιλέα τούς Βαγρατιδες Ἀσώτιο τον Α', Συμβάτιο τον Α', Ἀσώτιο Β' τόν Σιδηροῦν, τόν Ἀβάς (αὐτόν δέν τόν ὀνόμασε και ἄρχοντα τῶν ἀρχόντων, ἀλλά ἀπλῶς μάγιστρο) και τόν Ἀσώτιο Γ' τόν Ἐλεήμονα. Ἀπό τόν Ἰωάννη Σκυλίτση εἶναι γνωστό ὅτι και ὁ Ἰωάννης-Συμβάτιος (Ἰωαννίκιος) Βαγρατιδῆς (1020-1040) δέν ὀνομάσθηκε βασιλεύς, οὔτε και ἄρχων, ἀλλά πολύ ἀπλά τοῦ Ἀνίου τοπάρχης²³, τόν δέ ἀδελφό του Ἀσώτιο, ὅπως θά δοῦμε παρακάτω, ἐξουσιάρχην τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας. Νά σημειώσουμε ἐδῶ ὅτι ὁ ἔχων πολύ περισσότερο κύρος βασιλεύς τῆς Ἀρμενοκιλικίας Λεβόν (1198-1219), ὁ ὁποῖος τῶ ὄντι ἔλαβε ἀπό τό Βυζάντιο στέμμα, ἀλλά και ὄλοι οἱ ἄλλοι βασιλείς τοῦ κράτους αὐτοῦ, σέ ὅλα τά γνωστά ἔγγραφα, ονομάζονται ῥήξ (rex) και μόνο ῥήξ. Τή διαφορά μεταξύ τοῦ βασιλέως και τοῦ ῥηγός σημειῶνει ὁ Κίνναμος: «Και βασιλέα μέν ἱμπεράτορα καλεῖν ἔθος Λατίνους ἐστὶ τόν ὑπὲρ ἐπέκεινα αἰνιττομένοις, ῥηγας δέ τούς ὄσους δευτέρας εἰλήχασι τάξεως²⁴.»

19. ΜΑΤΘΑΙΟΣ Ο ΕΔΕΣΣΗΝΟΣ, *Χρονογραφία*, Βαλαρσαπάτ 1898, σ. 19 (στά ἀρχ. ἄρμενικά); *Chronique de Matthieu d'Edesse (962-1136) avec la continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162*. Trad. E. DULAURIER, Paris 1858, p. 16.

20. Κ. Ν. YUZBASHIAN, *Τά ἄρμενικά κράτη* (βλ. σημ. 9), σ. 86.

21. *De cerimoniis aulae byzantinae*, p. 687.

22. *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*. Rec. I. THURN, Berlin-New York 1973 (CFHB 5), p. 354.

23. Αὐτόθι, σ. 435.

24. *Ioannis Cinami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum*. Rec. A. MEI-NEKE, Bonn 1836, p. 69.

Ἐπομένως δέν εἶναι σωστό νά ἐπιμένουμε ὅτι τόν Ἀσώτιο τόν Α' τό Βυζάντιο τόν ἀναγνώρισε βασιλέα καί τοῦ ἔστειλε στέμμα. Καί ἡ σιωπή τοῦ πατριάρχη Ἰωάννη ἀπό τό Δρασχανακέρτ εἶναι γεγονός, argumentum ex silentio. Τό Βυζάντιο τούς Ἀρμενίους ἰθύνοντες δέν ἀναγνώρισε ὡς βασιλεῖς, καί στέμμα βασιλικό δέν ἔστειλε καί στό μέλλον. Ἐχουμε καί τήν ἀπόδειξη τοῦ γεγονότος αὐτοῦ καί στά ἀρχιτεκτονικά μνημεῖα.

Μεταξύ τῶν ἀναγλύφων τοῦ ναοῦ τοῦ Ἀχταμάρ ὑπάρχει καί τό ἀνάγλυφο τοῦ Κακικίου Ἀρτζρουνίδη. Στό κεφάλι του δέν εἶναι στέμμα, ἀλλά ὁ ἀραβικός τσαλμᾶς. Στούς τοίχους τῶν ναῶν Ἀχπάτ καί Σαναχίν ἀπαντᾶ τό ἀνάγλυφο τοῦ βασιλέα Συμβάτιου τοῦ Β' (977-990), πάλι μέ τσαλμᾶ στό κεφάλι. Τέλος στό κεφάλι τοῦ ἀνακαλυφθέντος κατά τίς ἀνασκαφές τοῦ Ἀνίου ἀγάλματος τοῦ Κακικίου Α' Βαγρατιδῆ δέν εἶναι στέμμα, ἀλλά ὁ ἴδιος ἀραβικός τσαλμᾶς. Ἐάν γιά τόν ἀνακηρυχθέντα τό 908 βασιλέα Κακικίον Ἀρτζρουνίδη τό γεγονός αὐτό ἐξηγήσουμε μέ τήν ἐξάρτηση ἀκόμα τῶν Ἀρτζρουνιδῶν ἀπό τό Χαλιφάτο, πῶς νά τό ἐξηγήσουμε ἀναφορικά μέ τήν περίπτωση τοῦ Κακικίου Α' Βαγρατιδῆ (990-1020) πού ὀνομάσθηκε βασιλεὺς ἑκατό περίπου χρόνια μετά τήν ἀνακήρυξη τοῦ βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν;

Καί ἐπιτέλους, ἐάν ὁ Ἀρμένιος ἡγεμὼν εἶχε λάβει στέμμα ἀπό τό Χριστιανικό Βυζάντιο, γιατί θά ἔβαζε στό κεφάλι του τόν τσαλμᾶν; Δέν εἶναι τυχαῖο τό ὅτι στό γράμμα του στόν Κωνσταντῖνο τόν Πορφυρογέννητο ὁ Ἰωάννης ἀπό τό Δρασχανακέρτ ἀποφεύγει νά ὀνομάσει τόν Συμβάτιο τόν Α' βασιλέα, αὐτό θά δυσαρεστοῦσε τόν αὐτοκράτορα, καί τόν μνημονεύει ὡς «κεφαλὴν πάντων τῶν ἀνατολικῶν» πού «πνευματικῶς ἀξιώθηκε νά ὀνομασθεῖ ἀπό ἑσᾶς τέκνον ὑμῶν, δοῦλος ὑμῶν»²⁵. Ἀπό τίς πολλές ἔννοιες τῆς λέξης Ἀνατολή (Ἑω) πού ἀπαντᾶ στίς ἀρμενικές καί βυζαντινές πηγές, μία εἶναι καί ἡ Μεγάλη Ἀρμενία. Ὁ καθολικός Ἰωάννης, πιθανόν, αὐτὴν ἔχει ὑπ' ὄψη του, ἀν καί δέν ἀποκλείεται ὅτι μέ τόν ὄρο Ἀνατολή αὐτός ἔννοε καί τούς εὐρισκόμενους σέ ὑποτελεια στοὺς Βαγρατιδῆδες καί ἄλλα πριγκηπάτα, τῶν Γεωργιανῶν, τοῦ Eger καί τῶν Ἀλβανῶν τοῦ Καυκάσου. Ὁ καθολικός παρακαλεῖ τόν αὐτοκράτορα νά σώσει «τό μερίδιο τῆς κληρονομίας του»²⁶, δηλαδή ἐκφράζεται ὅπως εἶναι καθιερωμένο στή βυζαντινὴ αὐλή. 250 χρόνια μετά, ὅταν ὁ πρίγκηπας τῆς Ἀρμενοκιλικίας Λεβόν ὁ Α' (1129-1137) τόλμησε νά φορέσει βασιλικό στέμμα, κόκκινα πέδιλα καί νά ὀνομάσει ἑαυτόν βασιλέα, τό γεγονός αὐτό ἔκανε ἐξωφρενῶν τόν Ἰωάννη Β' Κομνηνό, τίς διαθέσεις τοῦ ὁποίου ἐξέφρασε ὁ Μιχαὴλ Ἰταλικός στό Ἐγκώμιο τοῦ αὐτοκράτορα: «Εἶτα, ᾧ, τί ἂν εἰπῶν σέ τις ὀρθῶς προσεῖποι, Ἀρμένιε βάρβαρε; ὁ τοῦ Διοσκόρου συνθιασιώτης καί τοῦ Σεβήρου συγχορευτῆς καί ὅσοι τούτου τοῦ κόμματος; σύ κάθαυμα βασιλείας προφέρεις καί τούνομα; σύ βασιλεύς; σύ τό διάδημα; σύ τό πέδιλον; ἔπειτα πῶς οὐκ ἐνενοεῖς ἐπὶ σαντόν ἔλκων τούς αὐτοκράτορας κεραυνούς; ὑπὲρ τόν Ἰξίονα τό θράσος, τήν ὕβριν ὑπὲρ τόν Τάνταλον, Σαλμονεύς ἀντικρυς ἀνθρωπος»²⁷.

25. ΙΩΑΝΝΗ ΑΠΟ ΤΟ ΔΡΑΣΧΑΝΑΚΕΡΤ, *Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας*, σ. 276-277 (ἡ γαλλικὴ μετάφραση, σ. 275, εἶναι λανθασμένη).

26. Αὐτόθι, σ. 280 (γαλ. μετάφραση, σ. 278).

27. Fr. FUSCO, *Il Panegirico di Michele Italico per Giovanni Comneno*, *EEBS* 37, 1969-70, p. 154.

Αὐτό ἀκριβῶς παρέσχε ἀφορμὴ γιά εἰσβολὴ τῶν βυζαντινῶν στρατευμάτων στή Κιλικία, εἶχε ὡς ἀποτέλεσμα τὴν αἰχμαλωσία τοῦ ἄρχοντα Λεβόν καί τοῦ γιοῦ του Τορός καί τὴν προσωρινὴ πτώση τοῦ πριγκηπάτου τῆς Κιλικίας.

Λοιπόν, ἡ βυζαντινὴ αὐτοκρατορία αὐτοὺς τούς ἄρχοντες τῶν ἀρχόντων μήπως ἀναγνώριζε ὡς κυρίαρχους δεσπότες κυρίαρχων κρατῶν; Στό γράμμα τοῦ Ἰωάννη ἀπό τό Δρασχανακέρτ, ὅπως εἶδαμε, σχετικὰ μέ τόν Συμβάτιο τόν Α', ἔχει λεχθεῖ ὅτι ὁ βασιλεὺς τῶν Ἀρμενίων ἀπό τόν αὐτοκράτορα «ἀξιώθηκε νά ὀνομασθεῖ [...] τέκνον ὑμῶν, δοῦλος ὑμῶν». Καί στίς βυζαντινές πηγές ἀπαντᾶ ἡ τάση αὐτή. Εἶναι ἄλλο ζήτημα κατὰ πόσον αὐτό ἀντιστοιχεῖ στή πραγματικότητα. Ὁ Κακικίος Β' Βαγρατιδῆς (1042-1045), σύμφωνα μέ τόν Ἰωάννη Σκυλίτση, «εἰρήνην μὲν διετήρει πρὸς Ρωμαίους καί ὀμαιχιμῖαν, κατεῖχε μὲντοι τὴν πατρίαν ἀρχὴν, καί ἀποδοῦναι Ρωμαίοις οὐκ ἠθέλεν ὡς τό πατρικόν ἐβούλετο γραμματεῖον»²⁸ [...] δοῦλον μὲν ἑαυτόν ἀνομολογοῦντος Ρωμαίων, ἀποστῆναι δέ τῆς πατρίδας ἀρχῆς μὴ ἐθέλοντος, πολεμητέον ἐδόκει τῷ βασιλεῖ»²⁹. Ἀλλά εἶναι γεγονός ὅτι ἡ αὐτοκρατορία θεωροῦσε αὐτοὺς ὑποτελεῖς τῆς. Κατὰ τὴν ἀντίληψη τῆς βυζαντινῆς αὐλῆς, «ἐπεὶ δέ ὁ ἄρχων τῶν ἀρχόντων δοῦλος τοῦ βασιλέως τῶν Ρωμαίων τυγχάνει, ὡς παρ' αὐτοῦ προβαλλόμενος»³⁰ καί τό τοιοῦτον δεχόμενος ἀξίωμα, δηλονότι καί τὰ ὑπ' αὐτοῦ δεσποζόμενα κάστρα καί πολιτεῖαι καί χωρία τοῦ βασιλέως τῶν Ρωμαίων τυγχάνουσιν»³¹.

Ὅπως σημειώσαμε παραπάνω, τό θέμα μελετήθηκε ἐμπεριστατωμένα ἀπὸ τόν Κ. Yuzbashian. Ἀλλά σέ μερικά ζητήματα, κατὰ τὴν γνώμη μας, ὁ ἱστορικός ἤλθε σέ ἀκατάπειστα συμπεράσματα. Πρῶτα γιά τόν τίτλο ἄρχων τῶν ἀρχόντων. Ὁ Yuzbashian θεωρεῖ αὐτόν βυζαντινὸ τιμητικὸ τίτλο, πού παρέχεται ἀπὸ τὴν αὐτοκρατορία σέ ἕναν Ἀρμένιο ἄρχοντα καί κατὰ βούληση ἀφαιρεῖται ἀπὸ αὐτόν καί παρέχεται σέ ἕναν ἄλλο, ὅτι ὑπὸ τοῦ παρόντος μπορεῖ νά εἶναι μόνον ἕνας ἄρχων τῶν ἀρχόντων»³².

Ὁ ἄρχων τῶν ἀρχόντων δέν εἶναι βυζαντινὸς τιμητικὸς τίτλος, ἀλλά ἡ κατὰ λέξη μετάφραση τοῦ ἀρμενικοῦ ἰσχανακ ἰσχαν. Αὐτός ὁ τίτλος δέν παρέχεται ἀπὸ τὴν βυζαντινὴ αὐλή, ἀλλά ὁ φορέας αὐτοῦ ἀναγνωρίζεται ὡς τέτοιος ἀπὸ τὴν αὐτοκρατορία. Δέν ἔχουμε καμιά ἔνδειξη ὅτι ἡ αὐτοκρατορία τόν τίτλο αὐτόν ἀφαίρεσε ἀπὸ κάποιον καί «παρέσχε» σέ ἄλλον. Παραπάνω σημειώσαμε ὅτι στό βιβλίον τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογέννητου μνημονεύονται δύο ἄρχοντες τῶν ἀρχόντων, ἕνας Βαγρατιδῆς καί ἕνας Ἀρτζρουνίδης. Γιά νά ἐπικυρώσει τὴν γνώμη του ὁ Yuzbashian προσπαθεῖ νά ὀρίσει τὴν ἀκριβὴ ἡμερομηνία πού ὁ τίτλος ἄρχων τῶν ἀρχόντων τῶν Βαγρατιδῶν ἐδόθη στοὺς Ἀρτζρουνίδες - 929. Ἡ ἡμερομηνία αὐτὴ δέν εἶναι τυχαία, εἶναι τό κλειδί μέ τό ὅποιο ὁ Yuzbashian θέλει νά δικαιώσῃ τὴν γνώμη του γιά ἕναν ἄρχοντα

28. Ἐχει ὑπ' ὄψη τὴ συνθήκη τῆς Τραπεζούντας (1021) μεταξύ τοῦ Βασιλείου Β' καί τοῦ βασιλέως Ἰωάννη-Συμβάτη Βαγρατιδῆ, κατὰ τὴν ὁποία ὁ Ἀρμένιος βασιλεὺς ἄφησε ὡς κληρονομία στό Βυζάντιο τό κράτος του. Ὁ Ἰωάννης Σκυλίτσης κατὰ λάθος θεωρεῖ τόν Κακικίον Β' γιὸ τοῦ Ἰωάννη-Συμβάτη (Ἰωβανσεϊκίου). Στὴν πραγματικότητα, αὐτός ἦταν γιὸς τοῦ Ἀσωτίου τοῦ Δ', ἀδελφοῦ τοῦ Ἰωάννη-Συμβάτη.

29. *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum*, p. 435.

30. Πρβλ. τὸ τοῦ Στεφάνου τοῦ Ταρωνίτη: «Μέ συναίνεση τοῦ βασιλέως.»

31. *De administrando imperio*, p. 200.

32. Κ. Ν. YUZBASHIAN, Ὁ ἀγνωστος παραλήπτης τῆς ἐπιστολῆς τοῦ αὐτοκράτορα Ρωμαίου τοῦ Λεκαπηνοῦ, *Δελτίο κοινωνικῶν Ἐπιστημῶν τῆς Ἀκαδημίας Ἐπιστημῶν τῆς Σ.Σ.Α. Ἀρμενίας* 1, 1974, σ. 41-42 (στά ἀρμενικά). Τοῦ ἴδιου, *Τὰ ἀρμενικά κράτη*, σ. 85.

των αρχόντων. Αυτή είναι τό έτος του θανάτου του 'Ασώτιου Β' του Βαγρατίδη. Ο 'Ασώτιος έπρεπε νά πεθάνει για νά παρέξει ή αυτοκρατορία τόν τίτλο αυτό στον Κακίκιο, σέ έναν, μόνον έναν. Για τό Βυζάντιο - γράφει ο Yuzbashian - ο 'Ασώτιος Β' ο Σιδηρούς ήταν ο τελευταίος που έφερε τόν τιμητικό τίτλο αρχων των αρχόντων.

Όπως είναι γνωστό, στό *De cerimoniis aulae byzantinae*, δέν σημειώνεται ήμερομηνία. Στο 48° κεφάλαιο του Β' βιβλίου αυτού, τό «Τά άκτα των εις τους εθνικούς γενομένων επιγραφών», συνεχώς «άνανεώθηκε» έχοντας ύπ' όψη την παρούσα πραγματικότητα. Εάν ο τίτλος του αρχοντος του Βασπουρακάν «νύν» είναι αρχων των αρχόντων, σημαίνει ότι στό προγενέστερο κείμενο δέν ήταν αρχων των αρχόντων, αλλά αρχων. Εάν για τόν ήγεμόνα της Βουλγαρίας είναι γραμμένο ότι αυτός είναι αρχων, αλλά στην «τελευταίως» άπεσταλήμένη σ' αυτόν έπιστολή γράφεται «στόν βασιλέα της Βουλγαρίας», αυτό μαρτυρεί για τό ίδιο.

Τό *De cerimoniis aulae byzantinae*, στή μορφή που έφθασε σέ μās, είναι γραμμένο όχι πριν τό 956-957. Σημαίνει ότι ο Κωνσταντίνος ο Πορφυρογέννητος παρέδωσε στό γραφείο επί των έξωτερικών υποθέσεων της αυτοκρατορίας τό κείμενο αυτό προς χρήση. Εάν αυτή είναι ή πραγματικότητα, νά συμφωνήσουμε μέ την θεωρία του Yuzbashian για τό υπό του παρόντος ενός αρχοντος των αρχόντων, σημαίνει ότι ο Κωνσταντίνος ο Πορφυρογέννητος παραπλανεί τους εργαζομένους του γραφείου αυτού, δείχνοντας ότι στην Αρμενία υπάρχουν δύο αρχοντες των αρχόντων.

Εάν, σύμφωνα μέ τόν Yuzbashian, οι Βαγρατίδες τό 929 για την βυζαντινή αλλη έπαψαν νά είναι αρχοντες των αρχόντων, τί έγιναν, συνήθεις αρχοντες; Δέν είναι σοβαρό νά πούμε ότι τό Βυζάντιο στον Βαγρατίδη δεσπότη δέν έστειλε πλέον καμιά έπιστολή. Στόν συνήθη αρχοντα μήπως είναι δυνατόν τό γράμμα σ' αυτόν νά έφερε βούλλα χρυσή τρισολδία³³; Στους υπόλοιπους όκτώ αρχοντες της Αρμενίας αποστέλλονταν γράμματα χωρίς καμμία χρυσή βούλλα. Συμβαίνει στους Βαγρατίδες έπίσης; Αλλά είναι γνωστό ότι αυτοί έπαιφναν γράμματα μέ χρυσή βούλλα τρισολδία.

Νά επιμένουμε στην άποψη ότι κατά τό παρόν στην Αρμενία μπορούσε νά είναι μόνον ένας αρχων των αρχόντων σημαίνει άγνωσία ή παράβλεψη των βασικών αρχών κάθε αυτοκρατορίας, μή έξαιρουμένης και της βυζαντινής, του διαίρει και βασίλευε. Για τό Βυζάντιο, ήταν άπαραίτητο νά βλέπει την Αρμενία διηρημένη, διχασμένη, και όχι έναίιο κράτος, τους αρχοντες της αντίπαλους παρά συμμάχους, αυτή άκριβώς έσπειρε ζιζάνια μεταξύ των για νά ψαρέψει στά θολά νερά. Μήπως είναι τυχαίο που στίς αποστέλλόμενες στους αρχοντες των Βαγρατιδών και Αρτζρουνιδών έπιστολές, ή χρυσή βούλλα είχε τό αυτό βάρος, ήταν τρισολδία; Εάν ή μία βούλλα διέφερε της άλλης αυτό θά σήμαινε ότι τό Βυζάντιο ύπατον κύριον της Αρμενίας άναγνωριζε τον έναν από αυτούς. Έπρεπε ή βούλλα νά έχει τό ίδιο βάρος, όπως ή έριδα μεταξύ των δύο αυτών για προτεραιότητα νά υποδουλιζεται σταθερά. Γιατί ο 'Ασώτιος ο Β' όνόμασε εαυτόν šahinšah; Για νά είναι αυτός ο primus στην Αρμενία, όπου τόν καιρό αυτό υπήρχαν όχι μόνο πολλοί αρχοντες, αλλά και βασιλείς. Στο šahinšah οι Αρμένιοι και οι Βυζαντινοί έθεταν διαφορετικ

σημασία. Οι Βαγρατίδες τό έρμήνευαν ως βασιλεύς των βασιλέων, οι δέ Βυζαντινοί απλώς αρχων των αρχόντων, που μπορούσε νά είναι όχι μόνον ένας.

Την αρχή διαίρει και βασίλευε, τό Βυζάντιο πραγματοποιούσε και άλλως. Τό πιο εύγλωττο είναι ή παροχή στον αρχοντα του Ταρών Γρηγόριο του τίτλου του μάγιστρου, του άνωτάτου δεδομένου σέ ξένο και, συνάμα, του ποσού των δέκα λιτρών χρυσοϋ και δέκα λιτρών άργύρου. Μ' αυτό τόν τρόπο τό Βυζάντιο κτύπησε μ' ένα σμπάρο δύο τρυγόνια, όχι μόνο άναψε τόν δαυλό της διχόνοιας μεταξύ των μεγιστάνων του Ταρών, αλλά και μεταξύ του αρχοντος του Ταρών και αρχηγέτων των άλλων αρμενικών πριγκηπάτων. Κατά τά δεδομένα του Κωνσταντίνου του Πορφυρογέννητου, «Από δέ των τοιούτων βασιλικών φιλοτιμιών, των προς τόν αρχοντα του Ταρών, φθόνος ύπεφίη και άνεβλάστησεν προς αυτόν παρά τε του Κακικίου, του αρχοντος Βασπαρακά, και Αδρανασήρ, του κουροπαλάτου Ίβηρίας, και Ασωτικίου, του αρχοντος των αρχόντων, οίτινες έγραψαν προς τόν βασιλέα [Ρωμανόν] διαγογγίζοντες, δι' ήν αίτιαν ο Ταρωνίτης μόνον ρόγας άπολαύει βασιλικής, αυτών άπάντων λαμβανόντων ουδέν. "Τίνα γάρ - έλεγον - περισσοτέραν δουλειαν ήμών ποιείται, ή τί πλέον ήμών τους Ρωμαίους έπωφελεί; Όθεν χρή ή και ήμās ως εκείνον ρογεύεσθαι, ή μηδ' εκείνον εντός της τοιαύτης τυγχάνειν δωρεās³⁴»

Μέ τόν τρόπο αυτό ή αυτοκρατορία στερησε τό Ταρών και της βοήθειας των άλλων αρμενικών κρατών. Αυτό πρό της επιθετικότητας του Βυζαντιού έμεινε κατάμονο, εγκαταλειμένο στην τύχη του, και τέλος έγινε θύμα της αυτοκρατορίας.

Δέν άνταποκρίνεται στην πραγματικότητα και ή έκφρασθεισα μέ αυτοπεποίθηση γνώμη του Yuzbashian, ότι «όλοι οι γνωστοί φορείς του τίτλου αυτοί είναι βασιλείς της Αρμενίας, [...], δέν έχουμε βάση νά υποθέσουμε ότι ή βυζαντινή αλλη, παραβιάζοντας τό έθιμο [!] [...] νά προσέφερε τόν τίτλο σέ όχι Αρμένιο»³⁵. Όχι, υπάρχει βάση. Τό Βυζάντιο άπευθύνονταν μέ τόν τίτλο αυτό και σέ μερικούς Αραβες άμηνάδες³⁶.

Για την βυζαντινή αυτοκρατορία οι ήγεμόνες των γειτονικών και πορρωκρατών όνομάζονταν: για τόν αρχοντα και τόν αρχοντα των αρχόντων μύησαμε. Προσθέτουμε τόν κουροπαλάτη, έξουσιοκράτορα, έξουσιαστή, εάν ο λόγος άφορά την Ανατολή, και ρήξ, πρίγκηψ, εάν έχουμε ύπ' όψη την Δυσση. Αυτοί για τόν αυτοκράτορα ήσαν τέκνα, πνευματικά τέκνα, ή αδελφοί. Όταν ο λόγος άφορά τόν Πάπα της Ρώμης, αυτός για τόν αυτοκράτορα ήταν πνευματικός πατήρ. Για τόν πατριάρχη της Κωνσταντινούπολης ο Αρμένιος Καθολικός (Πατριάρχης) ήταν πεποθημένος πνευματικός αδελφός. Ο Πατριάρχης της Κωνσταντινούπολης Νικόλαος ο Μυστικός άπευθύνεται προς τόν Ιωάννη από τό Δρασχανακέρτ: «τῷ έσαει άγαπητῷ αδελφῷ ήμῶν Ιωάννη τῷ της Μεγάλης Αρμενίας Καθολικῷ³⁷»

Κατά την αντίληψη της αυτοκρατορίας, τέκνα ήσαν οι εύρισκομενοι σε έποταγή, οι αρχηγέτες άνεξάρτητου (μόνο χριστιανικού) κράτους ήσαν αδελφοί του αυτοκράτορος, πνευματικοί αδελφοί, οι ρήγες της Σαξωνίας, Βαυαρίας,

³⁴ *De administrando imperio*, p. 194.

³⁵ K. N. YUZBASHIAN, 'Ο άγνωστος πριγκηπτης (βλ. σημ. 32), σ. 39.

³⁶ L.-R. MÉNAGER, *Amiratus-Amirats. L'Empire et les principautés (X^e-XIIe siècles)*, Paris 1960 (apud BZ 54, 1961, p. 200).

³⁷ ΙΩΑΝΝΗ ΑΠΟ ΤΟ ΔΡΑΣΧΑΝΑΚΕΡΤ, *Υπόμνημα της Αρμενίας*, σ. 266 (παλ. έκδοση, σ. 263).

Γαλλίας, Φραγκίας και Γερμανίας, *πνευματικοί αδελφοί*. Οί δυνάστες τῶν μουσουλμανικῶν κρατῶν, π.χ. ὁ ἀμερμουμνῆς τῆς Αἰγύπτου, ἦταν *ἠγαπημένος φίλος*. Τέτοιος ἦταν καὶ ὁ δυνάστης τῆς Ἰνδίας. Ὁ Βαγρατίδης ἡγεμὼν τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας ἦταν τὸ *πνευματικόν τέκνον* τοῦ αυτοκράτορος, πού κατὰ πᾶσαν πιθανότητα διέφερε ἀπὸ τὸ σύνθητες τέκνον. Ὁ Ἀσώτιος Β΄ ὁ Σιδηροῦς, «ὄταν εὐρίσκετο στό κράτος τῶν Ρωμαίων, μέ βαθεῖα εὐγνωμοσύνη καὶ εἰλικρινή δουλική ὑπόσχεση παρακαλεῖ τὸν αυτοκράτορα ὅπως τοῦ δωθεῖ ἄδεια νά ἐπιστρέψει ἀπὸ ἐκεῖ στό πατρίο του κράτος»³⁸. *Μέ δουλική ὑπόσχεση* σημαίνει μέ ὑπόσχεση ὑποτέλειας. Ἐάν λάβουμε ὑπ' ὄψη τὴν ἀξιοθρήνητη πολιτική κατάσταση τῆς Ἀρμενίας στὶς ἀρχές τοῦ Ι' αἰῶνα, τὸν μαρτυρικό θάνατο τοῦ βασιλέως Συμβάτιου, πατρός τοῦ Ἀσωτίου τοῦ Β' ἀπὸ τὸν ἀμνηρᾶ Γιουσούφ, ὁ ἀποτεινόμενος στό Βυζάντιο γιὰ βοήθεια μποροῦσε νά ἐκφρασθεῖ ἔτσι.

Ὁμοία ἦταν ἡ κατάσταση καὶ ἐπὶ Συμβάτιου. Κατὰ τὸν Ἰωάννη ἀπὸ τὸ Δρασχανακέρτ, ὁ αυτοκράτωρ Λέων ὁ Στ' ἦταν «μεγαλύτερος τοῦ Συμβάτιου (μέ τὴν ἔννοια τοῦ ἀνωτέρου, ὑπερτέρου, ὑπερέχοντος), διότι ὁ αυτοκράτωρ τὸν Συμβάτιο ὠνόμαζε τέκνον ἠγαπητόν»³⁹.

Πνευματικόν τέκνον ἦταν καὶ ὁ ἄρχων τῆς Ἀλανίας, ὁ ἄρχων τῆς Βουλγαρίας πρὶν ὀνομασθεῖ βασιλεύς. Ὄταν ὀνομάσθηκε βασιλεύς, αὐτὸς ἦταν ἤδη *ἠγαπητόν τέκνον*, ὅπως ὁ Ἀσώτιος ὁ Α'⁴⁰ καὶ ὁ Συμβάτιος Α' οἱ Βαγρατίδες⁴¹. Ὁ Ἀσώτιος ὁ Γ' ὁ Ἐλεήμων, ὅπως εἶδαμε, ἦταν *πνευματικόν τέκνον*. Ὡς πρὸς τὸν Ἀρμένιο βασιλέα, ὁ αυτοκράτωρ ἦταν γι' αὐτὸν *πατήρ*. Ὁ Συμβάτιος Α' ὁ Βαγρατίδης ἀποτείνεται πρὸς τὸν αυτοκράτορα Λέοντα τὸν Στ' «ὡς πρὸς ὑπερτερόν του καὶ γνήσιον πατέρα»⁴². Ὁ Ἀρμένιος δὲ Βαγρατίδης βασιλεύς ἐκ μέρους του ἦταν *πατήρ* γιὰ τὸν Ἰβηρα βασιλέα Ἀδρανασήρ καὶ τὸν βασιλέα τῶν Ἐγέρων (Egrisi) Κωνσταντῖνο. Ὁ Συμβάτιος τὸν Ἰβηρα κουροπαλάτη «Ἀδρανασήρ στέψας [...] ἐγκατέστησε βασιλέα τῆς χώρας τῶν Ἰβήρων καὶ ἐγκρίνει δεύτερον τοῦ κράτους του». Ὁ Ἀδρανασήρ «ἐφύλαττε πρὸς τὸν βασιλέα Συμβάτιο ἀτάραχη καὶ εἰλικρινή τὴ συνθήκη εἰρήνης καὶ φιλίας», ἀπευθύνετο πρὸς τὸν Ἀρμένιο βασιλέα «μέ μεγάλο σεβασμό», «ὡς πρὸς πατέρα καὶ μᾶλλον σάν δοῦλος [...], ἐμπιστεύσας ἑαυτὸν σ' αὐτόν»⁴³.

Τὸ Βυζάντιο δὲν ὠνόμασε ποτέ τὸν Ἀδρανασήρ βασιλέα, ἀλλὰ *κουροπαλάτη Ἰβηρίας*. Σέ ὅ,τι δὲ ἀφορᾶ τὸν βασιλέα τῶν Ἐγέρων, ὁ Συμβάτιος «περιβάλλει αὐτόν δι' ἀλουργίδος, θέτει ἐπὶ τῆς κεφαλῆς του στέμμα χρυσοῦν διακοσμημένον διὰ μαργαριτῶν καὶ ζωννύει αὐτόν διὰ χρυσοῦς ζώνης»⁴⁴. Ὁ δὲ δυνάστης τῶν Ἐγέρων Κωνσταντῖνος «ἐμονάρχησε στό κράτος του. Αὐτὸς γιὰ τὴν πατρική τοῦ Συμβάτιου πρόνοια, ἦταν σέ μέγα βαθμό ὑποτελής του καὶ πιστός του δοῦλος, διάγων ἐν ὁμονοίᾳ»⁴⁵. Ὄταν ὁ Κωνσταντῖνος ἀπειράθηκε νά σφετερισθεῖ περιοχές τοῦ Συμβάτιου, ὁ Ἰβηρ βασιλεύς Ἀδρανα-

38. Αὐτόθι, σ. 292 (γαλ. μετάφραση, σ. 292).

39. Αὐτόθι, σ. 159 (γαλ. μετάφραση, σ. 144-145).

40. Αὐτόθι, σ. 140 (γαλ. μετάφραση, σ. 126).

41. Αὐτόθι, σ. 159, 200 (γαλ. μετάφραση, σ. 144-145, 189).

42. Αὐτόθι. Γιά τὸ ζήτημα, δέξ. Η. AHRWEILER, *L'idéologie politique de l'Empire byzantin*, Paris 1975, p. 46-47.

43. ΙΩΑΝΝΗ ΑΠΟ ΤΟ ΔΡΑΣΧΑΝΑΚΕΡΤ, *Ἱστορία τῆς Ἀρμενίας*, σ. 184 (γαλ. μετάφραση, σ. 172).

44. Αὐτόθι, σ. 202 (γαλ. μετάφραση, σ. 191).

45. Αὐτόθι.

σὴρ ἀποδοκίμασε αὐτόν «γιὰ νά μὴ ἀντιτίθεται στόν ἀνώτερό του μέ ἄφρονες προθέσεις»⁴⁶.

Ἀνωτέρω σημειώσαμε ὅτι ὁ χαλίφης ἔστειλε στόν Ἀσώτιο Α' Βαγρατίδη «βασιλικό στέμμα [...] καὶ ἄλλα ἱμάτια βασιλικά». Τὸ ἴδιο καὶ στόν διάδοχό του Συμβάτιο Α': «... μετά, ἔστειλε στόν Συμβάτιο στέμμα βασιλικό τὸ ὁποῖο διὰ διαταγῆς τοῦ ἀμερμουμνῆ ἐγχειρίζει σ' αὐτόν ὁ ἄρχοντας [ἀμνηρᾶς] τῆς Ἀτροπατηνῆς Ἰσμαηλίτης Ἀφσίν. Μαζί μ' αὐτό καὶ χρυσοκέντητο ἱμάτιο, περόποδες ἵππους, κατάφορτους μέ ὄπλα καὶ χρυσήλατα ἔξοχα κοσμήματα»⁴⁷. Ἐκ δευτέρου, αὐτὴ τὴ φορά μετά τὸν θάνατο τοῦ Ἀφσίν, ὁ χαλίφης «ἔστειλε στόν Συμβάτιο ἐξαισία ἀλουργίδα καὶ στέμμα βασιλικό, ζώνη ἀπὸ ἀτόφιο χρυσό, κοσμημένη μέ πολύτιμους λίθους, ὑπέροχο σπαθί καὶ περόποδες ἵππους κατάφορτους μέ ὄπλα καὶ κοσμήματα»⁴⁸.

Αὐτὸ εἶναι κατανοητό, στή δικαιοδοσία τοῦ χαλίφη ἀφορᾶ τὸ νά ἀναγνωρίσει τὸν ἡγεμόνα γειτονικοῦ κράτους, βασιλιᾶ ἢ ὄχι. Ἀλλὰ πῶς νά ἐξηγήσουμε τὸ κάτωθι γεγονός: στόν Συμβάτιο τὸν Α' στέμμα στέλνει καὶ ὁ ἀμνηρᾶς τῆς Ἀτροπατηνῆς Γιουσούφ. Ὁ ἀμνηρᾶς εἶχε τὴ δικαιοδοσία αὐτή; Ἰδιαιτέρως ἐάν λάβουμε ὑπ' ὄψη τὸ γεγονός ὅτι «ὁ ἀμνηρᾶς Γιουσούφ τὸν καιρὸ ἐκεῖνο εἶχε σηκώσει ὄπλα καὶ ἐπαναστατήσκει ἐναντίον τοῦ μεγάλου ἀμερμουμνῆ»⁴⁹. Ὁ ἴδιος Γιουσούφ, γιὰ νά ἐνσπείρει ζιζάνια μεταξύ τοῦ Κακικίου Ἀρτζρουνίδη καὶ Συμβάτιου Α' τοῦ Βαγρατίδη, «προσφέρει [στόν Κακίκιο] στέμμα βασιλικό, βασιλικές τιμές καὶ δῶρα γιὰ νά διασπάσει τὴν ὁμόνοια αὐτῶν»⁵⁰. Ὄταν ὁ Κακίκιος πῆγε στήν Ἀτροπατηνή, στόν Γιουσούφ, «ἐκ δευτέρου στέφθηκε ἀπὸ αὐτόν»⁵¹. Ὁ Ἰωάννης ἀπὸ τὸ Δρασχανακέρτ δὲν σημειώνει ὅτι αὐτὸ ἐγινε μέ διαταγή τοῦ ἀμερμουμνῆ. Αὐτὸ σημαίνει ὅτι τὸ δοθέν ἦταν σύνθητες στέμμα-σαλμάς, καὶ ὄχι ἀπόδειξη ἀναγνώρισης βασιλέα, πού δὲν ἦταν στήν δικαιοδοσία ἐνός ἀμνηρᾶ.

Τὸ συμπέρασμά μας: Ἡ βυζαντινὴ αυτοκρατορία ἀναγνωρίζοντας τὸ ἀρμενικό κράτος, δὲν ἀναγνώρισε αὐτὸ ὡς βασιλεῖο, οὔτε τὸν ἡγεμόνα αὐτοῦ ὡς βασιλέα. Ὁ ἀναγνώστης νά μὴν σχηματίζει τὴν ἐντύπωση ὅτι ὁποῖος δέχεται τὴν ὑπόθεση τῆς ἀναγνώρισης τοῦ Ἀρμενίου ἡγεμόνα ὡς βασιλέως, εἶναι «πατριώτης», ὁ δὲ δεχόμενος ὀλιγότερο ἢ καθόλου «μὴ πατριώτης». Δὲν ὑπάρχει ζήτημα πατριωτισμοῦ, ὑπάρχει ἡ αυτοκρατορική ἰδέα, ἡ ὁποία δὲν ξεκινᾶ ἀπὸ τὴν ἐπιθυμία οὔτε τῆς Ἀρμενίας, οὔτε τῶν κρατῶν καὶ τῶν ἀρχόντων τῆς ἐποχῆς. Ὁ κάθε ἄρχων εἶχε τὸ δικαίωμα νά φέρει ὅποιο τίτλο ἤθελε, ἀλλὰ ἡ αυτοκρατορία δὲν ἔδινε σ' αὐτὸ σημασία, οὔτε τὸ ὑπολόγιζε. Ὁ ἰδρυτὴς τῆς Μακεδονικῆς δυναστείας Βασίλειος ὁ Α' εἶναι ἀπίθανο νά καταπάτησε τὴν αυτοκρατορική ἰδέα γιὰ πρώτη φορά πρὸς ὄφελος τοῦ *νιοῦ* καὶ *δούλου* του Ἀσωτίου τοῦ Α', νά θεώρησε αὐτόν ἰσότιμο καὶ ἐφάμιλλό του. Νά ἀρνηθοῦμε τὴν ὑπαρξὴ τῆς αυτοκρατορικῆς ἰδέας σημαίνει ἐθελουφυλοῦμε.

Ἀλλὰ ὅλα αὐτὰ δὲν σημαίνουν ὅτι γιὰ τὴν αυτοκρατορία τὸ βᾶρος τῆς Ἀρμενίας ἦταν δευτερεύον. Αὐτὸ ζύγιζε πολὺ περισσότερο ἀπὸ ὅλων τῶν κρατῶν τῆς Ἀνατολῆς καὶ τῆς Δύσης, ἐξαιρουμένου τοῦ ἀραβικοῦ χαλιφάτου.

46. Αὐτόθι, σ. 200 (γαλ. μετάφραση, σ. 190).

47. Αὐτόθι, σ. 147 (γαλ. μετάφραση, σ. 132).

48. Αὐτόθι, σ. 193 (γαλ. μετάφραση, σ. 181).

49. Αὐτόθι, σ. 203 (γαλ. μετάφραση, σ. 192).

50. Αὐτόθι, σ. 209 (γαλ. μετάφραση, σ. 200).

51. Αὐτόθι, σ. 212 (γαλ. μετάφραση, σ. 203).

Στις βυζαντινές πηγές, είναι αυτονόητο, γι' αυτό δέν άπαντᾶ ὡς σαφές δεδομένο, ἄλλὰ τό ζήτημα εἶναι δυνατόν νά διαλευκανθεῖ μέ τό βάρος τῆς χρυσοῦς βούλλας τῆς ἐπί τῶν ἐπισήμων γραφῶν τῆς βυζαντινῆς κυβέρνησης στούς ἡγεμόνες τῶν κρατῶν αὐτῶν. Στή Βαγδάτη, στόν Ἀββασίδη χαλίφη ἀπεστέλλετο γραφή μέ βούλλα χρυσοῦς τετρασολδία. Τό ἴδιο καί στόν ἀμπερᾶ τῆς Αἰγύπτου. Οἱ ἐπόμενοι ἦταν οἱ Βαγρατίδες καί Ἀρτζρουνίδες βασιλεῖς: βούλλα χρυσοῦς τρισολδία. Οἱ γραφές στούς ἡγεμόνες τῆς Ἰβηρίας, Ἀβασγίας, Ρωσίας, Οὐγγαρίας καί τῶν Πατζινακῶν ἔφεραν βούλλαν χρυσοῦς δισολδιαν, τό ἴδιο στούς ἡγεμόνες τῆς Δύσης – στόν πρίγκηπα τῆς Ρώμης καί τῆς Σαρδινίας. Στόν δέ ρῆγα τῆς Φραγγίας, ἄρχοντα τῆς Εὐδαίμονος Ἀραβίας – μονοσολδία⁵².

Hratch M. Bartikian
Académie des Sciences d'Arménie

52. *De cerimoniis aulae byzantinae*, p. 686-692.

ΧΡΑΤΣ Μ. ΜΠΑΡΤΙΚΙΑΝ

Ο ΚΟΥΡΑΤΩΡ ΜΑΝΖΙΚΕΡΤ ΚΑΙ ΤΗΣ ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑΣ
ΚΑΙ Η ΑΝΑΤΟΛΙΚΗ ΠΟΛΙΤΙΚΗ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ Β΄

Ὁ δάσκαλός μου, ὁ ἀνατολιστής-ἱστορικός καί ἀρχαιολόγος Ἰωσήφ Ὀρμπέλι (1887-1961), διευθυντής τοῦ Ἑρμιτάζ τοῦ Λένινγκραντ (1934-1951) καί ἰδρυτῆς καί πρῶτος πρόεδρος τῆς Ἀκαδημίας Ἐπιστημῶν τῆς Ἀρμενίας (1943-1947), ὑπογραμμίζοντας τήν ἐξαιρετική σημασία τοῦ ὑλικοῦ πολιτισμοῦ ὡς ἱστορικῆς πηγῆς μέ κάθε εὐκαιρία ἐπαναλάμβανε: «Τά πράγματα, τά ἀντικείμενα δέν ψεύδονται», σέ ἀντίθεση πρὸς τίς ἀφηγηματικές πηγές, πού ἔχουν χαρακτήρα ὑποκειμενικό καί ὅπου τά γεγονότα παρουσιάζονται ἀπό τή σκοπιὰ τοῦ συγγραφέα τους καί ὄχι πάντοτε τεκμηριωμένα. Τά βυζαντινά μολυβδόβουλλα ἀνήκουν στίς πηγές πού δέν ψεύδονται. Σέ αὐτό συμφωνοῦν ὅλοι ὅσοι τὰ μελέτησαν καί συνεχίζουν νά τὰ μελετοῦν, ἐνῶ συγχρόνως τονίζουν τίς σοβαρές δυσκολίες πού παρουσιάζει ἡ κατανόηση καί ἐρμηνεία τοῦ λακωνικοῦ περιεχομένου τους.

Στή μελέτη του γιά τὰ μολυβδόβουλλα, ὁ Ν. Οἰκονομίδης¹ ἐπισημαίνει ὅτι ἀποτελοῦν πηγὴ μέ πρωταρχική σημασία κυρίως γιά θέματα διοικητικῆς ὀργάνωσης τοῦ βυζαντινοῦ κράτους καί παρατηρεῖ ὅτι συχνὰ θέτουν ἀναπάντεχα προβλήματα ἱστορικῆς γεωγραφίας. Ὡς παράδειγμα χρησιμοποιοῖ τὴ σφραγίδα τοῦ Μιχαὴλ Καταφλῶρον, βασιλικοῦ κουράτορα τοῦ Μαντζικέρτ καί τῆς «Ἐσω Ἰβηρίας», πού περιλαμβάνεται στή συλλογὴ τοῦ Dumbarton Oaks (DO 58.106.5502) καί χρονολογεῖται γύρω στὰ μέσα τοῦ 11ου αἰῶνα². Ἀναζητώντας μέ βάση τὴν ἐπιγραφή τῆς

1. Ν. ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΗΣ, Τὰ βυζαντινά μολυβδόβουλλα ὡς ἱστορικὴ πηγὴ, *Πρακτικά τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν*, ἔτος 1987, τόμος 62, Ἀθήνα 1988, 240-255.

2. Ὁ.π., 243-244.

σφραγίδας την περιοχὴ δικαιοδοσίας τοῦ βασιλικοῦ κουράτορα καὶ τὴν ἔρμηνεία τῆς ὀνομασίας «Ἐσω Ἰβηρία», ὁ Ν. Οἰκονομίδης διατυπώνει τὶς ἀκόλουθες παρατηρήσεις:

1. Ἡ «Ἐσω Ἰβηρία» θὰ πρέπει νὰ ἀναζητηθεῖ σχετικὰ κοντὰ στὸ Μαντζικέρτ καὶ δὲν μπορεῖ νὰ ταυτισθεῖ μὲ τὴν περιοχὴ τοῦ Τάικ, τὴν ὡς τώρα θεωρούμενη ὡς τὸ μόνο βυζαντινὸ θέμα Ἰβηρίας, καὶ ἀκόμη λιγότερο μὲ τὴ βορειότερη Γεωργία, τὴν ὁποία ὁ Σκυλίτζης φαίνεται νὰ ἀποκαλεῖ ἐνδοτέρω Ἰβηρίαν.

2. Ἡ ὀνομασία «Ἰβηρία» σὲ μὴν ἀναμφισβήτητα ἄρμενικὴ περιοχὴ χρησιμοποιεῖται μᾶλλον καταχρηστικὰ γιὰ νὰ δηλώσει, ὅπως καὶ σὲ ἄλλα βυζαντινὰ κείμενα, τὸν τόπο πού κατοικεῖται ἀπὸ ὀρθόδοξους Ἀρμενίους (Χαλκηδονίους), τοὺς ὁποίους συχνὰ οἱ Βυζαντινοὶ ἀποκαλοῦσαν Ἰβηρες.

3. Δὲν ἀποκλείεται ὁ περίφημος «ιβηρικὸς στρατὸς», ὁ ἀποτελούμενος κατὰ κοινὴ παραδοχὴ ἀπὸ ἄρμενίους στρατιῶτες καὶ τὸν ὁποῖο διέλυσε ἐπὶ Κωνσταντίνου Μονομάχου ὁ φοροεισπράκτωρ Λέων Σερβλίας, γιὰ νὰ αὐξήσει τὰ κρατικὰ ἔσοδα, νὰ βρισκόταν σὲ αὐτὴ τὴν «Ἐσω Ἰβηρία», ὅταν μάλιστα καὶ ὁ Κεκαυμένος τοποθετεῖ τὴ δράση τοῦ Σερβλίας στὸ νότο, στὴν Ἰβηρία καὶ τὴ Μεσοποταμία, καὶ ὄχι στὸ Τάικ. Καὶ εἶναι ἐπίσης πιθανὸ ἡ κουρατορεία τῆς «Ἐσω Ἰβηρίας» νὰ δημιουργήθηκε ὡς συνέπεια τῶν μέτρων τοῦ Σερβλίας, ἀφοῦ εἶναι γνωστὸ ἀπὸ ἄλλες πηγές ὅτι καὶ παλαιότερα τὰ δημευόμενα κτήματα ἄρμενίων στρατιωτῶν μπορούσαν νὰ δοθοῦν σὲ κουρατορεῖς.

Καταλήγοντας, ὁ Οἰκονομίδης σημειώνει ὅτι ἡ ὑπαρξη μιᾶς δευτέρας βυζαντινῆς διοικητικῆς περιοχῆς μὲ τὸ ὄνομα Ἰβηρία, τῆς «Ἐσω Ἰβηρίας», πολὺ νοτιότερα ἀπὸ τὸ Τάικ, σὲ ἄρμενοκρατούμενη περιοχὴ, θὰ ὀδηγήσει χωρὶς ἀμφιβολία σὲ πολλὰ ἀναθεωρήσεις τῆς διοικητικῆς ἱστορίας τοῦ ἀνατολικοῦ συνόρου καὶ καλεῖ τοὺς καθ' ἕλην εἰδικούς νὰ ἀναζητήσουν ὀριστικότερες ἀπαντήσεις.

Θά προσπαθίσω, λοιπὸν, μὲ τὴ σειρά μου νὰ διατυπώσω ἐδῶ μερικὲς σκέψεις, ἀρχίζοντας ἀπὸ τὸ Μαντζικέρτ, τὸ πρῶτο ἀπὸ τὰ δύο τοπωνύμια τῆς ἐπιγραφῆς, πού διαβάζομε στὴ σφραγίδα τοῦ Καταφλῶρον

A. Τὸ Μαντζικέρτ καὶ ἡ περιοχὴ του

Τὸ μολυβδόβουλλο, ἡ πηγὴ πού δὲν ψεύδεται, παραδίδει τὸ τοπωνύμιο ὡς ΜΑΝΖΗΚΕΡΤ, ὄνομα τῆς ἄρμενικῆς πόλης³.

3. Ὁ Οἰκονομίδης μεταγράφει τὸ τοπωνύμιο ὡς Μανζηκ(ί)ερτ(ε), βασιζόμενος στὴ μαρτυρία τοῦ Ἰωάννη Σκυλίτζη καὶ ἄλλων βυζαντινῶν πηγῶν: ΣΚΥΛΙΤΖΗΣ, *Σύνοψις ἱστοριῶν*, ἔκδ. J. THURN.

Σύμφωνα μὲ τὴν Ἀρμενικὴ Γεωγραφία (Ašxarhatsoyts), ἔργο εἴτε τοῦ ἀρμένιου συγγραφέα τοῦ Ζ' αἰῶνα, Ἀνανία τοῦ Σιρακηνοῦ, εἴτε κάποιου ἀνώνυμου συντάκτη, ἡ ἱστορικὴ Μεγάλη Ἀρμενία ἀπαρτιζόταν ἀπὸ δεκαπέντε μεγάλες περιφέρειες, *ašxarh*⁴, πού ἀναλογα μὲ τὸ μέγεθός τους περιλάμβαναν ἕναν ἀριθμὸ, μικρότερο ἢ μεγαλύτερο, μικρότερων περιοχῶν, πού ὀνομάζονταν *gawar*⁵.

Τὸ τέταρτο κατὰ σειρά *ašxarh* τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας ἦταν τὸ *tourouberan* ἢ ἀλλιῶς κλίμα —κατὰ λέξη: πλευρά— τοῦ Ταρῶν καὶ περιλάμβανε δεκαεξί *gawar*. Τὸ δέκατο τέταρτο ἦταν τὸ *Arahounik*⁶, μὲ κέντρο τὴν πόλη *Manazkert*⁷, πού μνημονεύεται ἀπὸ τὸν Κωνσταντῖνο Πορφυρογέννητο στὴν ἀρχὴ τοῦ τίτλου τοῦ 44ου κεφαλαίου τοῦ *De Administrando Imperio: Περὶ τῆς χώρας τοῦ Ἀπακουνηῆς καὶ τοῦ κάστρου τοῦ Μαντζικέρτ*.

Τὸ 966, τὸ Ταρῶν περιῆλθε στὴ βυζαντινὴ ἐπικράτεια, ὄχι ὅμως καὶ τὸ *Arahounik* μὲ τὸ *Manazkert*. Ἐκεῖ ἦταν τότε ἐγκατεστημένοι οἱ Καϊσίκοι⁸, τὸ

Βερολίνο 1973, 462 Ὁ τύπος «Μαντζικέρτ» (ὀρθότερα: Μαντζκέρτ) ἀπαντᾷ σὲ πολλές ἄρμενικὲς ἀφηγηματικὲς πηγές, ἂν καὶ ἡ πιὸ διαδεδομένη γραφὴ εἶναι *Manazkert*. Στὶς πρώιμες ἄρμενικὲς πηγές γράφεται καὶ *Manabazaker*. Στὶς βυζαντινὲς πηγές, ὅπως καὶ στὸ μολυβδόβουλλο, μὲ τὸ γράμμα *z* ἀποδίδεται φθόγγος μεταξύ τοῦ *tz* καὶ *ts*, πού δὲν ὑπάρχει στὴν ἑλληνικὴ γλῶσσα. Ἡ τελευταία συλλαβὴ —*κέρτ* (κάτ) τοῦ τοπωνυμίου εἶναι λέξη ἱρανικὴ καὶ δηλώνει τὴν πόλη (π.χ. *Tigranakert* —στὶς ἑλληνικὲς πηγές *Tigranokerka*—, Ἐροθανδοκέρτ, Βαλαρσακέρτ, Βαρδανακέρτ κ. ἄ): Ν. ADONTZ, *Armenia in the Period of Justinian*, Louvain 1970, 11.

4. Στὶς βυζαντινὲς πηγές τὸ *ašxarh* μεταφράζεται ὡς χώρα: πρβλ. Κωνσταντίνος Πορφυρογέννητος, *Πρὸς τὸν ἴδιον υἱὸν Ρωμανὸν* [στὸ ἐξῆς: DAI], ἔκδ. G. MORAVCSIK-R. J. H. JENKINS, Washington 1967, κεφ. 43: *Περὶ τῆς χώρας τοῦ Ταρῶν*. Ὁ ὄρος μεταφράζεται ὡς province.

5. DAI, κεφ. 44, 40–41, 86–87: χώρα. Στὴ μετάφραση: district.

6. Τὸ μνημονεύει ὁ Κωνσταντῖνος Πορφυρογέννητος ὡς Ἀπακουνηῆς: *ταύτας τὰς χώρας, τὸ τε Ἀπακουνηῆς καὶ τὸ Κορὴ καὶ τὸ Χάρκα*: DAI, κεφ. 44, 86–87). Τὸ Κορὴ εἶναι τὸ 15ο τοῦ Ταρῶν, τὸ Χάρκα (*Hark'*) τὸ 9ο *gawar*.

7. Τὸν 4ο αἰῶνα μνημονεύεται ὡς κόμη. Ἡ Σύνοδος τοῦ 726 ἐγίνε στὴν πόλη *Manazkert*.

8. Βλ. περισσότερα γιὰ τοὺς Καϊσίκοις στὸν Α. TER-GHEWONDYAN. *The Arab Emirates in Bagratid Armenia*, Lisbon, 1976, 51 κ. ἔ. Οἱ Καϊσίκοι ἀναφέρονται καὶ στὸ ἔπος τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα: *Καὶ ἀλλὶ ἐμὲν <ἀλλὶ ἐμὲν> ἂν μάθουν οἱ Κασίσοι* (βλ. δασκευὴ Ἐσκοριάλ, στ. 245, κριτικὴ ἔκδοση Στ. ΑΛΕΞΙΟΥ, *Βασίλειος Διγενῆς Ἀκρίτης καὶ τὸ ἄσμα τοῦ Ἀρμούρη*, Ἀθῆνα 1985). Ὁ ἰδρυτὴς τοῦ ἐμιράτου τῶν Καϊσίκων τοῦ *Manazkert* ὀνομαζόταν *Abu' l-Ward*. Ὁ Κωνσταντῖνος Πορφυρογέννητος [DAI, κεφ. 44, 17, 19, 23] τὸν ὀνομάζει Ἀπελβάρτ, ὅπως καὶ τὸν δεύτερο συνονόματο ἡγέτη του ἐμιράτου [τὸν ἀργίως κρατοῦντα τὸ *Manzikert*: DAI, κεφ. 44, 79, 107, 112], ὁ ὁποῖος βασιλεὺς, ὅταν ὁ αὐτοκράτορας ἔγραφε τὸ ἔργο του. Ὁ *Abu' l-Ward* στὸ βυζαντινὸ ἔπος ὀνομάζεται Ἀπλορράβδης: Ὁ μέγας Ἀμυρᾶς ὁ Ἀπλορράβδης τῆς Ρωμανίας, ἐκούρσευε τὰς πόλεις καὶ τὰς χώρας (δασκευὴ Ἄνδρου —Ἀθηνῶν, ἔκδοση Π. ΚΑΛΟΝΑΡΟΥ, Ἀθῆνα² 1970, στ. 2446, 2468, 2552,).

Οἱ «Κασίσοι» ἐσφαλμένα ταυτίζονται μὲ τοὺς αἰρετικούς Ἰσμαηλίτες, Ἀσασσίνους, οἱ ὁποῖοι ἐμφανίστηκαν μόλις τὰ τέλη τοῦ 11ου αἰῶνα.

σημαντικότερο από τα άραβικά φύλα, που από τον 8ο αιώνα είχαν αρχίσει να μεταφέρονται στην Ἀρμενία, μετά την κατάκτηση της χώρας από τους Ἀραβες. Οἱ Καϊσίκιοι ἐγκαταστάθηκαν ἐκεῖ, πιθανότατα, στα τέλη του 8ου αιώνα, στα χρόνια του καλίφη Χαρούν ἀλ-Ρασίντ (786-809), ἐνῶ τὴν ἕκτη δεκαετία τοῦ 9ου αιώνα, ἦταν ἤδη οἱ κύριοι του gawar.

Στὸ 44ο κεφάλαιο τοῦ *De administrando imperio*, πού πραγματεύεται τὴν ἱστορία τῶν Καϊσίκιων ἀμπαδῶν τοῦ Αραχουνικ', τῶν πόλεων καὶ κάστρων του ἀπὸ τὴν ἐποχὴ τοῦ ἀρμένιου βασιλιᾶ Ἀσώτιου Α' (884-890), ὁ Κωνσταντῖνος Πορφυρογέννητος ἀναφέρει ἐπανελημμένα ὅτι αὐτοὶ ἦταν φόρου ὑποτελεῖς στὸ βυζαντινὸ αὐτοκράτορα: Ὅτι Ἀπελβάρτ (Abu'l-Ward A') ἐκράτει τὸ Μανζικέρτ, καὶ ἦν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν [Ἀσώτιου], τοῦ ἄρχοντος τῶν ἀρχόντων⁹. Τοῦ δὲ Συμβατίου (τοῦ Βαγρατίδη βασιλέα Συμβατίου Α' [890-913]), τοῦ ἄρχοντος τῶν ἀρχόντων, παρὰ τοῦ Ἀποσάτι, τοῦ ἀμπαρᾶ Περσίδος (Yusuf Abu Kasim' b. Abu'l Sadj, τῆς Ἀτροπατηνῆς), ἀνααιρεθέντος, ἐκράτησεν (ὁ Ἀποσεβατᾶς = Abu-Sawada b. Abd al-Hamid) αὐθεντῶς καὶ κυρίως ὡς δεσπότης καὶ αὐτοκέφαλος τὸ τε κάστρον τὸ Μανζικέρτ καὶ τὰ λοιπὰ κάστρα καὶ τὰς χώρας, ὅστις καὶ ὑπετάγη τῷ βασιλεῖ [Ρωμαίων] μετὰ τῶν ἐτέρων δύο ἀδελφῶν αὐτοῦ, τοῦ τε Ἀπολεσφούετ (Abu'l-Aswad b. abd al-Hamid) καὶ τοῦ Ἀποσέλημ (Abu Salim b. Abd al-Hamid), διὰ τὸ διαφόρως καταπολεμηθῆναι τὰ τε κάστρα καὶ πραιδευθῆναι καὶ ἀφανισθῆναι καὶ τὰς χώρας αὐτῶν παρὰ τοῦ δομestikou τῶν σχολῶν (τοῦ Ἰωάννη Κουρκούα), παρέχοντες τὸν βασιλέα Ῥωμαίων καὶ πάκτα ὑπὲρ τῶν κάστρων καὶ τῶν χωρίων αὐτῶν¹⁰.

Φόρου ὑποτελεῖς στὸν βυζαντινὸ αὐτοκράτορα παρέμειναν καὶ οἱ μετὰ τὸν Ἀποσεβατᾶ ἀμπαράδες τοῦ Μανζικέρτ: Ὅτι ὁ Ἀποσεβατᾶς... ἐδίδου τὰ ὑπὲρ αὐτῶν (τοῦ Ἀπαχουνῆς καὶ τοῦ Κορη καὶ τοῦ Χάρκα) πάκτα τῷ Ῥωμαίων βασιλεῖ, καὶ τούτου τελευτήσαντος, ἐκράτησεν ὁ υἱὸς αὐτοῦ, ὁ Ἀβδεραχεῖμ, καὶ ἐδίδου καὶ αὐτὸς τὰ προρρηθέντα πάκτα¹¹.

Ἀναφερόμενος στὸν ἐπόμενο ἀμπαρᾶ, ὁ Πορφυρογέννητος σημειώνει: Ὅτι καὶ αὐτὸς ὁ Ἀχμετ δοῦλος ἦν τοῦ βασιλέως... παρέχων καὶ τὰ ὑπὲρ αὐτοῦ καὶ τὰ ὑπὲρ τοῦ θεῖου αὐτοῦ, τοῦ Ἀπολεσφούετ, πάκτα¹².

Στὸ τέλος τοῦ ἴδιου κεφαλαίου μνημονεύονται συνοπτικὰ οἱ κῶρες πού ἀνήκαν στοὺς Καϊσίκιους ὡς ἐξῆς: Ὅτι ταῦτα πάντα τὰ προρρηθέντα κάστρα καὶ αἱ

9. DAI, κεφ. 44, 17-19.

10. DAI, κεφ. 44, 27-34.

11. DAI, κεφ. 44, 85-89.

12. DAI, κεφ. 44, 110-112.

προρρηθεῖσαι κῶραι οὐδέποτε γέγονασιν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῆς Περσίδος¹³ ἢ ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τοῦ ἀμερμουμνη, ἀλλ' ὑπῆρχον, καθὼς εἴρηται, ἐν ταῖς ἡμέραις τοῦ κυροῦ Λέοντος, τοῦ βασιλέως ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τοῦ Συμβατίου, τοῦ ἄρχοντος τῶν ἀρχόντων, καὶ μετὰ ταῦτα ἐγένοντο ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῶν τριῶν ἀδελφῶν, τῶν προρρηθέντων ἀμπαδῶν, τοῦ τε Ἀποσεβατᾶ καὶ τοῦ Ἀπολεσφούετ καὶ τοῦ Ἀποσέλημ· καὶ ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτῶν καὶ ἐδουλώθησαν καὶ ἐπακτώθησαν καὶ ἐγένοντο ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῶν βασιλέων τῶν Ῥωμαίων¹⁴.

Μολονότι, κατὰ τὸν Πορφυρογέννητο, τὸ Αραχουνικ' καὶ τὸ Μανζικέρτ ἐδουλώθησαν καὶ ἐπακτώθησαν ἀπὸ τὸ Βυζάντιο διατηρούσαν, ὡστόσο, τὴν ἀνεξαρτησία τους, ἀφοῦ ἡ αὐτοκρατορία κατέβαλε ἐπανελημμένες προσπάθειες νὰ τὰ κυριεύσει.

Τὴ συνέχεια τῆς ἱστορίας διηγεῖται ὁ σύγχρονος τῶν γεγονότων, Στέφανος ὁ Ταρωνίτης, ὁ ὁποῖος σημειώνει ὅτι: «τὸ 417ο ἔτος τῶν Ἀρμενίων (=29 Μαρτίου 969-28 Μαρτίου 970) ὁ Βάρδας, ἀνιψιὸς (γιὸς τοῦ ἀδελφοῦ) τοῦ Νικηφόρου [Φωκά], ἦλθε μὲ βαρὺ στρατὸ στὸ [gawar] Αραχουνικ' καὶ πολιορκήσεν τὴν πόλιν Μανζικέρτ, τὴν κυρίευσεν καὶ κατεδάφισεν ἐκ θεμελίων τὰ τεῖχνα τῆς»¹⁵. Ἡ κατεδάφιση τῶν τευχῶν τῆς πόλης ἀπὸ τὸν Βάρδα σημαίνει, προφανῶς, ὅτι τὸ Μανζικέρτ δὲν εἶχε οὐσιαστικὰ ἐνταχθεῖ στὰ ἐδάφη τῆς αὐτοκρατορίας καὶ ὅτι τὸ ζητούμενο ἦταν νὰ κλονισθεῖ ἡ ἄμυνα τῆς πόλης.

Ὅταν τὸ 976 ὁ Βασίλειος Β' ἀνέβηκε στὸ θρόνο, ὁ Βάρδας Σκληρὸς ἐπαναστάσεν καὶ ἡ αὐτοκρατορία βρέθηκε σὲ καώδη κατάστασι. Ὁ Στέφανος ὁ Ταρωνίτης γράφει: «Καὶ ὅταν τὸ βασιλεῖο τῶν Ἑλλήνων εὕρισκετο σὲ τέτοιαν ἀναταραχὴν, ὁ ἀμπαρᾶς τοῦ Χλιὰτ¹⁶ καὶ τοῦ Νφρκέρτ¹⁷, ὀνόματι Μπάτ¹⁸, κτίζει ἐκ νέου τὴν πόλιν Μανζικέρτ»¹⁹, δηλαδὴ τὴν κυρίευσεν καὶ ἀνοικοδόμησεν τὰ κατεδαφισθέντα ἀπὸ τοὺς Βυζαντινοὺς τεῖχνα τῆς.

13. Τῶν Ἀράβων ἀμπαδῶν τοῦ Adarbaygan (Ἀτροπατηνῆς) τῆς Περσίας.

14. DAI, κεφ. 44, 116-124.

15. *Des Stephanos von Taron, Armenische Geschichte*, γερμ. μτφρ. Heinr. GELZER und Aug. BURCKHARDT, Λιψία 1907, 134 (στὸ ἐξῆς: *Stefanos von Taron, Geschichte*)

16. Πρβλ. DAI, κεφ. 44, 3: τοῦ Χλιὰτ καὶ τοῦ (διορθωτέο: τοῦ καὶ) Χαλιὰτ.

17. εἶναι ἡ Μαρτυρούπολη, ἄρμενικὰ Np'rkert, συριακὰ mefrkt. Ὀνομάζεται καὶ Muharkin, συριακὰ mefarkin, πού εἶναι ἰσοτίμο τοῦ ἀραβικοῦ miyyafarkin, βλ. ADONTZ, *Armenia in the Period of Justinian*, 10-11.

18. Badh al-Kurdi ἢ Abu Abd Allah al-Hasan b. Dustak al-Harbukhti, ἰδρυτῆς τοῦ μεγάλου κουρδικοῦ ἐμιράτου τῶν Μερβανιδῶν (στὰ ἀραβικὰ Μαρουάν). Πρβλ. TER-GHEWONDYAN, *The Arab Emirates in Bagratid Armenia*, 111-113.

19. *Stephanos von Taron, Geschichte*, 141.

Στην ἀρχὴ τῆς ἐπανάστασης τοῦ Βάρδα Σκληροῦ, τὸ 976, ὁ Βασίλειος Β' στέλνει τὸν ἀγιορεῖτη μοναχὸ Τορνίκιο στὸν κουροπαλάτη τοῦ Τάικ, Δαυίδ, ζητώντας τὴ βοήθειά του καὶ ὑποσχόμενος νὰ τοῦ παραχωρήσει σὲ ἀνταπόδοση πόλεις, gawar καὶ φρούρια: «τὸ Xaldoyariğ μετὰ τὴν κλεισούρα, τὸ Ćormayr καὶ τὸ Καρὶν (Θεοδοσιούπολη), τὴ Βασιανή (Basen), τὸ φρούριο Σευάκ, δηλαδὴ τὸ Μαρδαλί, τὸ Χάρκ καὶ τὸ Αραχουνίκ»²⁰. Στὸ σημεῖο αὐτὸ ὁ Στέφανος Ταρωνίτης δηλώνει ἄγνοια σχετικὰ μετὰ τὴν πραγματοποίησιν αὐτῶν τῶν ὑποσχέσεων. Καὶ εἶναι γνωστὸ ὅτι ὁ Δαυίδ δὲν ἀπέκτησε τότε τὸ Αραχουνίκ²¹. Συζητήσιμη εἶναι, ἄλλωστε, καὶ ἡ εὐκρίνεια τῶν προθέσεων τοῦ Βασίλειου Β'. Ὡστόσο, εἶναι φανερὸ ὅτι τὸ 976 ὁ αὐτοκράτορας θεωροῦσε ὅτι τὸ Αραχουνίκ' καὶ συνακόλουθα τὸ κέντρο του, ἡ πόλη Μαναζκέρτ, τοῦ ἀνήκαν.

Στὴ συνέχεια ὁ Ταρωνίτης γράφει γιὰ τὴν τύχη τοῦ Μαντζικέρτ μετὰ τὸ θάνατο τοῦ ἀμυρᾶ Μπάτ (990), ἡ κυριαρχία τοῦ ὁποῦ εἶχε προφανῶς ἀποκατασταθεῖ στὴν πόλη: «ὁ ἀμυρᾶς [τοῦ gawar] Αραχουνίκ' καὶ τοῦ Νφρκέρτ²², Μπάτ, πίπτει στὸν πόλεμο ἐναντίον τῶν Ἀράβων τῆς ἐρήμου. Τὸν διαδέχεται ὁ γιὸς τῆς ἀδελφῆς του καὶ τοῦ Μερουάν. Μετὰ τὸ θάνατο τοῦ Μπάτ, ὁ κουροπαλάτης τοῦ Τάικ Δαυίδ πολιορκεῖ τὴν πόλη Μαναζκέρτ, διὰ τῆς σπάθης καὶ τοῦ λιμοῦ τὴν βάζει σὲ ἀφόρητη κατάσταση, τὴν κυριεύει, ἐκτοπίζει τοὺς Ἀραβες κατοίκους τῆς καὶ ἐγκαθιστᾷ ἐκεῖ Ἀρμενίους καὶ Ἰβηρες, δηλαδὴ Ἀρμενίους Χαλκηδονίους, ὑπηκόους του. Ἡ ἐνέργειά του προκάλεσε τὸν φθόνον καὶ τὴν ὀργὴν Περσῶν²³ καὶ Ἀράβων, οἱ ὁποῖοι στέλνουν στὸν κουροπαλάτη ἀντιπροσωπεία καὶ ἀπαιτοῦν μετὰ τὴν ἀπειλή πολέμου νὰ τοὺς ἐπιστρέψει τὴν πόλη»²⁴. Στὸν κουροπαλάτη Δαυίδ ἔστειλαν βοήθεια ὁ βασιλιάς τοῦ Ἀνίου Κακίκιος Α' (990-1020), ὁ βασιλιάς τοῦ Βανάντ (Κάρς), Ἀμπᾶς (984-1029), καὶ ὁ βασιλιάς τῶν Ἰβήρων, Παγκράτιος Γ' (975-1014). Ὁ «περσικὸς» στρατὸς, καταπονηθεὶς, ἐπέστρεψε σὴν χώρα του, χωρὶς νὰ ἐμπλακεῖ σὲ μάχη, ἀφοῦ προηγουμένως ἀποτέφρωσε ὅλο τὸ gawar τοῦ Bagrewand μετὰ τὸ κέντρο του, τὴν πόλη Βαλαρσακέρτ²⁵.

Γιὰ μερικά χρόνια, λοιπόν, ἡ πόλη Μαναζκέρτ περιήλθε στὸν κουροπαλάτη τοῦ Τάικ, Δαυίδ. Τὸ 447ο ἔτος τῶν Ἀρμενίων (22 Μαρτίου 997-21 Μαρτίου 998),

20. Ὁ.π., 142.

21. TER-GHEWONDYAN, *The Arab Emirates in Bagratide Armenia*, 110.

22. Ἀναφερόμενος στὰ γεγονότα τοῦ 976, ὁ Στέφανος Ταρωνίτης ὀνομάζει τὸν Μπάτ ἀμυρᾶ τοῦ Χλάτ καὶ τοῦ Νφρκέρτ, ἐνῶ ἐδῶ ὡς ἀμυρᾶ τοῦ Αραχουνίκ' καὶ τοῦ Νφρκέρτ.

23. Πιθανότατα, τῶν ἀμυράδων τῆς Ἀτροπατηνῆς (Ađarbay-gan).

24. *Stephanos von Taron, Geschichte*, 202.

25. Ὁ.π., 203.

ὁ ἀμυρᾶς τῆς Ἀτροπατηνῆς Μαυλάν (Mamlan b. Abu'l-haydja al Rawwadi), γιὸς τοῦ Ἀπλχάτζ (Abu'l-haydja al-Rawwadi), κήρυξε, ὅπως γράφει ὁ Στέφανος ὁ Ταρωνίτης, πόλεμο ἐναντίον τοῦ Δαυίδ, ἐπειδὴ οἱ Χριστιανοὶ εἶχαν κατεδαφίσει τὸ εὐρισκόμενον στὸ Μαναζκέρτ τέμενος. Ὁ Μαυλάν συγκέντρωσε στρατοὺς Περσῶν καὶ Μήδων (=Κούρδων), πῆρε βοήθεια ἀπὸ τὸν ἀμυρᾶ τοῦ Χορασάν, πλῆθος ἄλλων ποικίλων βαρβάρων στρατιωτῶν, μετὰ τὴν προοπτικὴ νὰ κυριεύσει τὴν Ἀρμενία καὶ τὴν Ἰβηρία, νὰ ἀνοικοδομήσει τὴ Θεοδοσιούπολη, νὰ λεηλατήσῃ τὴν χώρα τοῦ Τάικ καὶ μέσω τοῦ Βασπουρακάν νὰ φθάσῃ στὸ gawar Αραχουνίκ'²⁶. Τὸν κουροπαλάτη Δαυίδ βοήθησαν ὁ βασιλιάς τῆς Ἀρμενίας, Κακίκιος, ὁ ἀντιβασιλεὺς τῆς Ἀβασγίας, Gurgen Β' (978-1008), καὶ ὁ βασιλιάς τοῦ Βανάντ, Ἀμπᾶς. Οἱ Χριστιανοὶ κατατρόπωσαν τοὺς Πέρσες στρατιῶτες τοῦ ἀμυρᾶ Μαυλάν καὶ τοὺς κατεδίωξαν ὡς τὴν πόλη Ἀρτζές²⁷.

Σύμφωνα πάντοτε μετὰ τὸν Στέφανο Ταρωνίτη, ὁ κουροπαλάτης τοῦ Τάικ Δαυίδ εἶχε κληροδοτήσει τὴν χώρα του μαζί μετὰ τὸ τάγμα τῶν ἀζάτων του στὸν αὐτοκράτορα Βασίλειο Β', ἐπειδὴ ὁ ἴδιος «δὲν εἶχε γιὸ ἢ ἀδελφόν, γιὰ νὰ τὸν διαδεχθεῖ»²⁸. Εἶναι, ὅμως, βέβαιον ὅτι αὐτὸ ἐγένετο ὑπὸ τὴν πίεσιν τῶν Βυζαντινῶν. Στὸ ἴδιο ζήτημα ἀναφέρεται καὶ ὁ Βαρδάνης ὁ Μέγας στὴν «Οἰκουμενικὴ ἱστορία» του, ὅπου γράφει ὅτι ὁ Δαυίδ κληροδότησε στὸν αὐτοκράτορα Βασίλειο τὴν χώρα του, «τὸ Οὐχτικόν²⁹, τὸ Μαμουράν καὶ τὴν πόλη τοῦ gawar Αραχουνίκ', Μαντζικέρτ»³⁰ καὶ ὅτι εὐθὺς μετὰ τὸ θάνατό του, τὸ ἔτος 1000, ὁ αὐτοκράτορας, εὐρισκόμενος στὴν Ταρσὸ τῆς Κιλικίας, «σπεύδει νὰ ἔλθῃ σὴν χώρα μας», γιὰ νὰ γίνῃ κύριος τῆς κληρονομίας του. Συνεχίζοντας, ὁ Στέφανος ὁ Ταρωνίτης γράφει ὅτι ὁ Βασίλειος μέσω Μελιτηνῆς, Ἀνζιτηνῆς, Μπαλοῦ, Ἀσθιανηνῆς, Σωφηνῆς καὶ Χορζιανηνῆς, ἔφθασε στὸ gawar Aršatounik', στὴν πόλη Ἐριζά καὶ «διέταξε τοὺς στρατοὺς τῆς Τετάρτης Ἀρμενίας καὶ τοῦ Ταρῶν νὰ σπεύσουν σὲ βοήθειά του». Ἀπὸ ἐκεῖ μετέβη στὸ ὄρος Ηανξίγ³¹, στὴν ὁμώνυμη πόλη, ἔπειτα, μέσω τοῦ gawar Hark'³² στὴν πόλη Μαναζκέρτ, ἀπὸ ἐκεῖ στὸ gawar Bagrewand καὶ κατέληξε στὴν πόλη Οὐχτικόν. Κυρίευσεν ὅλα τὰ φρούρια καὶ τὰ ὄχυρά τοῦ Τάικ, «διώρισεν ἐκεῖ ἔμπιστους τοῦ ἀνθρώπου, μετέφερε καὶ ἐγκατέστησε σὴν χώρα τῶν Ἑλλήνων τοὺς ἐναπο-

26. Ὁ.π., 205.

27. Ὁ.π., 208. Ὁ Πορφυρογέννητος, *DAI*, κεφ. 44, 3, 11, 15, ὀνομάζει τὴν πόλη Ἀρτζές.

28. *Stephanos von Taron, Geschichte*, 209-210.

29. Κέντρο τοῦ Τάικ. Τὸ σημερινὸ Ὀλίτ στὴν Τουρκία.

30. *Vseobščaya istorija Vardana Velikogo*, μτφρ. Ν. ΕΜΙΝ, Μόσχα 1861, 117.

31. Στὴς βυζαντινὲς πηγὲς γράφεται, Χαβτζιτζιν, βλ. Ε. HONIGMANN, *Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches*, Βρυξέλλες 1961, 192, 194-196.

32. Βλ. πρὸ πάντων, σημ. 7.

μείναντες μεγιστάνες του Τάικ και ο ίδιος μέσω Θεοδοσιούπολης και Χαλτογαριζ έπεστρεψε στην Κωνσταντινούπολη»³³.

Στο σημείο αυτό, ο Άριστακός από το Λαστιβέρτ, ο οποίος στο έργο του³⁴ χρησιμοποιεί ως πηγή τον Στέφανο τον Ταρωνίτη, δίνει όρισμένες συμπληρωματικές πληροφορίες για την οργάνωση της διοίκησης της περιοχής από τον Βασίλειο Β': «Ο Βασίλειος κυριεύσε πολλά gawar, φρούρια και πόλεις και διώρισε σε αυτές διοικητές (gordzakal, δηλ. τοπάρχες, ήγεμόνες), κριτές (datavor)³⁵ και verakatzou³⁶ αυτό έγινε το τετρακοσιοστό πεντηκοστό έτος (450+551 = 1001) και η χώρα έπι δεκατέσσερα χρόνια ειρήνευσε»³⁷.

Μία ιδιαίτερα ενδιαφέρουσα πληροφορία, που προκύπτει από τα συμφραζόμενα του Άριστακός, είναι ότι η όνομασία Μαναζκέρτ δεν δήλωνε μόνο την όμώνυμη πόλη. Ο συγγραφέας, αναφερόμενος στο Ουχτίκ, το κέντρο του Τάικ, το όνομάζει πόλη, ενώ αριθμεί ως gawar τα Hark, Μαναζκέρτ και Bagrevand. Επίσης, στο 25ο κεφάλαιο της Ιστορίας του, όπου άφηγείται τα γεγονότα του 1071, σημειώνει ότι ο Ρωμανός Διογένης έφθασε «στα όρια του gawar Μαναζκέρτ»³⁸. Το ΜΑΝΖΗΚΕΡΤ, λοιπόν, της σφραγίδας του Μιχαήλ του Καταφλώρον δηλώνει, πιθανότατα, όχι μόνο την πόλη, αλλά το gawar Αραχουνικ' με κέντρο την πόλη Μαναζκέρτ, και συνακόλουθα ο Μιχαήλ δεν είναι ο κουράτωρ της πόλης, αλλά του gawar Αραχουνικ', το οποίο, κατά τα φαινόμενα, δεν εντάχθηκε στα πλαίσια του βυζαντινού θέματος Ίβηρίας και αποτέλεσε ιδιαίτερη διοικητική περιφέρεια.

33. *Stephanos von Taron, Geschichte*, 213.

34. *Aristakès de Lastivert, Récit des malheurs de la nation arménienne*, γαλλ. μτφρ. και σχόλια Μ. CANARD et H. BÉRBÉRIAN, Βρυξέλλες 1973 (έκδοση στην άρχαία άρμενική Κ. YUZBASIAN, Έρεβάν 1963, ρωσική μετάφραση ο ίδιος, Μόσχα 1968)

35. Ο Άριστακός μνημονεύει ως «datavor της χώρας» έναν άπεσταλμένο του αυτοκράτορα στην Άκιλισηνή, όνόματι Ήλία, αλλά δεν διευκρινίζει ούτε για ποιόν αυτοκράτορα πρόκειται, ούτε τον χρόνο της άποστολής.

36. Απόδοση του έλληνικού όρου «έπιστάτης», στον όποιο θα αναφερθούμε και στη συνέχεια 'Ο Yuzbasian μεταφράζει «nadsmotrščik» δηλαδή, έπόπτης, οί Μ. Canard και H. Bérberian «inspecteur». Κατά τον Άριστακός, το 1027, ο βασιλιάς στέλνει ως verakatzou στην Άνατολή κάποιον ευνούχο, όνόματι Νικήτα, που περνά στο gawar των Ίβήρων, δηλαδή στο βυζαντινό θέμα Ίβηρίας. Το 1028 δέ έρχεται με βαρύ στρατό στην Άνατολή ο ευνούχος Σίμων ο παρακοιμώμενος (βλ. πιο κάτω, σμ. 62), «που περνά στη χώρα των Ίβήρων» δηλαδή στην καθεαυτο Ίβηρια.

37. *Aristakès de Lastivert*, 6.

38. Ό.π., 126.

Β. Η Έσω Ίβηρία

Συμφωνώ άπολύτως με τον Οικονομίδη ότι η Έσω Ίβηρία δεν μπορεί με κανένα τρόπο να ταυτισθεί με την περιοχή του Τάικ, όχι όμως και με την εκτίμησή του ότι βρισκόταν νοτιότερα του Τάικ. Νοτίως του Τάικ είναι οί χώρες Αίραράτ (το δυτικό της άκρο) και το Ταρών, και δυτικά η Ύψηλή Άρμενία ή χώρα του Καρίν (της Θεοδοσιούπολης), που δεν είναι δυνατόν να όνομασθούν Έσω Ίβηρία. Έξάλλου, ο Κεκαυμένος, στα λεγόμενα του όποιου βασίζεται ο Οικονομίδης, δεν όμιλει περί νότου, γράφει μόνον «εις Ίβηριαν και Μεσοποταμίαν»³⁹ και πρέπει να σημειωθεί ότι η Μεσοποταμία του Κεκαυμένου δεν συμπίπτει με τη Μεσοποταμία του Ίεροκλή, την μεταξύ του Τίγρη και του Εύφρατη χώρα, που δεν είχε παρά μία μόνο πόλη, την Άμιδα⁴⁰.

Η Μεσοποταμία, στην όποία κατά τον Κεκαυμένο έδρασε ο φοροεισπράκτορας Λέων Σερβλίας, είναι το ένατο θέμα της Μεσοποταμίας, που ιδρύθηκε από τον Λέοντα Σ' με βάση τα καστέλλια που παρέδωσαν στον αυτοκράτορα οί άρμένιοι άδελφοί Παγκρατούκας, Πουκρίκας και Ταυτούκας, και το όποιο, κατά τα λεγόμενα του Πορφυρογέννητου, ήταν, πρώτα κλεισοῦρά τις άνώνυμος και άκατονόμαστος⁴¹. Το θέμα αυτό συνόρευε στο Βορρά με το θέμα της Κολωνείας και με τη Χαλδία και έφθανε ως την Κάμαχο, άμέσως άπέναντι από το Έρζιντζάν, άνατολικά με τους Άραβες⁴², νοτίως με τη Λυκανδό και δυτικά με το θέμα Σεβαστείας⁴³.

Δεν χωρεί αμφιβολία ότι το τοπώνυμο Έσω Ίβηρία δεν είναι παρά η κατά λέξη μετάφραση της ίβηρικής όνομασίας Šida K'art'li. Στην ίβηρική συλλογή ιστορικών έργων του Λεόντιου Μροβέλι, του 11ου αιώνα, η όποία είναι γνωστή ως *K'art'lis Tzchowreba* (ο βίος της K'art'li -Ίβηρίας) και άρχίζει με την ιστορία των Ίβήρων βασιλέων, προπατόρων και γενών, ως Šida K'art'li (Έσω Ίβηρίας) δηλώνεται η περιοχή των πόλεων Ούπλιστσίκε, Ούρμπνίσι και Κάσιπ ως την πύλη του Τάικ. Στην άρχαία άρμενική μετάφραση του *K'art'lis Tzchowreba*, που έκπονήθηκε κατά τους 11ο και 12ο αιώνες, η Šida K'art'li μεταφράζεται ως Νερκίν Κάρτλ (Έσω

39. *Sovety i rasskazy Kekavmena*, έκδ. G. G. ΛΙΤΑΒΡΙΝ, Μόσχα 1972, 152.

40. *Hieroclis Synecdemus accedunt fragmenta apud Constantinum Porphyrogennetum servata et nomina urbium mutata*, έκδ. A. BURCKHARDT, Λιψία 1893, 39-40 (=ν. Έπαρχία Μεσοποταμίας, υπό ήγεμόνα, πόλις α. Άμιδα).

41. *Κωνσταντίνος Πορφυρογέννητος, Περί Θεμάτων*, έκδ. A. PERTUSI, Βατικανό 1952, [Studi e Testi 160], 73.

42. Δηλαδή τα άραβοκρατούμενα εισέτι άρμενικά έδάφη.

43. *Περί Θεμάτων*, 140. Βλ. και τον χώρο του Honigmann, *Fines orientales Imperii Byzantini c. annum 960*.

Κάρτλ). Στη Šida K'art'li ο Λεόντιος Μροβέλι επανέρχεται, αναφερόμενος στη διοικητική δραστηριότητα του Ίβηρα βασιλιά Φαρνάβазου, όπου Šida K'art'li θεωρείται ή περιοχή της Τιφλίδας, ή εκτεινόμενη από 'Αράγκβι ως την πύλη του Τάικ⁴⁴. Μητρόπολη της Šida K'art'li ως τα τέλη του 5ου αιώνα ήταν η Μτσκέτα, είκοσι ένα χιλιόμετρα βορείως της Τιφλίδας. Ύστερα, μητρόπολή της έγινε η Τιφλίδα. Έσω Ίβηρία, δηλαδή, είναι το κεντρικό τμήμα, ή κοιτίδα του Ίβηρικού κράτους, το οικονομικό, πολιτικό και πολιτιστικό του κέντρο. Στις αρμενικές πηγές η Šida K'art'li ονομάζεται Verin ašxarh Vratz, δηλαδή «Άνω χώρα των Ίβήρων», έκφραση που αποδίδει κατά λέξη την ιβηρική zemo sor'eli, «Άνω χώρα»⁴⁵. Και αξίζει επίσης να σημειωθεί ότι ο Πορφυρογέννητος μνημονεύει τη zemo sor'eli ως Βεριασάχ, από την αρμενική της ονομασία, Verin ašxarh⁴⁶.

Θα αναφερθώ τώρα στην ενδοτική Ίβηρία του Σκυλίτζη, την οποία ο Honigmann τοποθετεί βορείως του Τάικ⁴⁷ και ο Οικονομίδης, όπως είδαμε, στη βορειότερη Γεωργία και θεωρεί ότι δεν θα μπορούσε με κανένα τρόπο να ταυτισθεί με την Έσω Ίβηρία. Τα δικά μας, όμως, συμπεράσματα είναι τελείως διαφορετικά: κατά τη γνώμη μας, η ενδοτική Ίβηρία του Σκυλίτζη και η Έσω Ίβηρία της σφραγίδας του Μιχαήλ Καταφλώρον είναι η ίδια γεωγραφική περιοχή. Έσω Ίβηρία (Šida K'art'li) είναι η επίσημη ονομασία της, αυτή με την οποία γράφεται και στη σφραγίδα του κρατικού λειτουργού, του βασιλικού κουράτορα Μιχαήλ. Ο Σκυλίτζης, ο οποίος γνώριζε καλά την ύπαρξη του βυζαντινού θέματος «Ίβηρία»⁴⁸, στο βάθος και πέρα από την καθαυτό Ίβηρία (K'art'li), ήταν φυσικό να την αποκαλέσει ενδοτική Ίβηρία.

44. Βλ. την αρχαία αρμενική μετάφραση του K'art'lis Tzkhovreba ή «Ιστορίας των Ίβήρων». Το ιβηρικό πρωτότυπο και την αρχαία αρμενική του μετάφραση με μελέτη και λεξικό εκδίδει ο I. ABULADZE, Τιφλίδα 1953, 13, 35· βλ. και G. A. ΜΕΛΙΚΙΣΒΙΛΙ, *K istorii drevnei Gruzii*, Τιφλίδα 1959, 113, 118· M. D. LORDKIPANIDZE, *Istoria Gruzii XI-načala XIII veka*, Τιφλίδα 1974, 7 και σημ. 3· *Očerki istorii Gruzii*, τόμος 2, Τιφλίδα 1988, passim.

45. S. T. EREMIAN, *Hayastane est Ašxarhatoytzi* ('Η Αρμενία κατά την Γεωγραφία του 7ου αι.), Έρεβάν 1965, 83-84.

46. Κωνσταντίνος Πορφυρογέννητος, *Περί βασιλείου τάξεως*, τόμ. 1, Βόννη 1829, 687.

47. HONIGMANN, *Die Ostgrenze*, 194 κ.έ.

48. Πρβλ. τις πηγές που δεν ψεύδονται: την ελληνική επιγραφή του Ιωάννη Μοναστηριώτη από το Άνλιο (1059): «Ιωάννου βεστάρχου και κατεπάνω Αρμενίας και Ίβηρίας του Μοναστηριώτου» τη σφραγίδα του μάγιστρου Άαρών: «Κύριε βοήθει Άαρών μαγίστρω και δουκι Ίβηρίας και της Μεγάλης Αρμενίας», την επιγραφή ενός άλλου κατεπάνω: «Κύριε βοήθη τον δουλον σου Ρωμανόν τον Δαλασινόν κέ κατεπάνον της Ίβηρίας»: Χρ. ΜΠΑΡΤΙΚΙΑΝ, Γιά τον «ιβηρικό στρατό» και το βυζαντινό θέμα «Ίβηρία», *Βυζαντινά* 13/1, 1985, 473, 475.

Γ. Τα όρια της δικαιοδοσίας του κουράτορα Μιχαήλ Καταφλώρον και οι αρμοδιότητές του

Το μολυβδόβουλλο της συλλογής του Dumbarton Oaks, που δημοσιεύει ο Οικονομίδης, δεν είναι η μοναδική σφραγίδα του κουράτορα Μιχαήλ Καταφλώρον που έχει διασωθεί. Η Valentina Šandrovskaya, που επί δεκαετίες μελετά την πλούσια συλλογή μολυβδόβουλλων του Έρμιτάζ του Λένινγκραντ, ανακάλυψε ένα δεύτερο μολυβδόβουλλο του Μιχαήλ (M-6733), όπου αυτός ονομάζεται κουράτωρ μόνο της Έσω Ίβηρίας. Το ΜΑΝΖΙΚΕΡΤ δεν μνημονεύεται στον τίτλο του. Στον όπισθότυπο αυτού του μολυβδόβουλλου εικονίζεται η μορφή της Θεοτόκου, ενώ σε εκείνον του μολυβδόβουλλου του Έρμιτάζ ο άγιος Νικόλαος. Στην επιγραφή του εμπροσθότυπου διαβάζομε: Θεοτόκε (βοήθει) Μιχαήλ κουράτωρ(ι) της Έσω Ίβηρίας.

Αναφερομένη στα πορίσματα του Οικονομίδη, η Šandrovskaya σημειώνει με τη σειρά της ότι η ονομασία της Έσω Ίβηρίας, ή θέση της, τα όρια και ο χρόνος της ύπαρξής της είναι ζητήματα που παραμένουν ακόμη προς εξακρίβωση. Και προσθέτει ότι η Έσω Ίβηρία ήταν, κατά τα φαινόμενα, τμήμα μεγάλου βυζαντινού θέματος και η διοικητική της οργάνωση, όπως και τα καθήκοντα του κουράτορά της, απαιτούν περαιτέρω διεκρίνιση⁴⁹.

Για να καθορίσουμε το ρόλο του βασιλικού κουράτορα της Έσω Ίβηρίας, δηλαδή του καθαυτού βασιλείου των Ίβήρων (της Γεωργίας) είναι αναγκαίο να αναφερθούμε στις βυζαντινο-ιβηρικές και βυζαντινο-αρμενικές σχέσεις της εποχής που μας ενδιαφέρει: το Τάικ, το έτος 1000, περιήλθε στο Βυζάντιο, χωρίς όμως να οργανωθεί ως διοικητική περιφέρεια και, πιθανότατα, εξακολουθούσε να ονομάζεται Τάικ⁵⁰. Στη συνέχεια, ο βασιλιάς των Ίβήρων, Γεώργιος (1014-1027), σφετερίσθηκε, σύμφωνα με τους ισχυρισμούς των βυζαντινών αρχών, διάφορες περιοχές του Τάικ και, όταν, μετά το τέλος του βυζαντινο-βουλγαρικού πολέμου (1018), ο αυτοκράτορας Βασίλειος Β΄ ασχολήθηκε απερίσπαστος με τις ιβηρικές υποθέσεις

49. Valentina ŠANDROVSKAYA, *Ermitažnye pečati Katafloron, Naučnaja konferencija pamjati A. V. Bank*, Άγία Πετρούπολη 1996, 67. Ο τελευταίος στίχος της επιγραφής είναι σβησμένος. Έκφράζω από εδώ θερμές ευχαριστίες στην κυρία Šandrovskaya, για τη βοήθειά της κατά τις μεταπτυχιακές μου σπουδές (1954-1958) στο βυζαντινολογικό τμήμα του Έρμιτάζ και για τις φωτογραφίες του μολυβδόβουλλου που μου διάθεσε για μελέτη και έκδοση.

50. Μερικές δεκαετίες πριν από την εποχή που μας ενδιαφέρει ο Πορφυρογέννητος [*Περί βασιλείου τάξεως*, 687] το ονομάζει Καρνατάς· πρόκειται για μετάθεση του ιβηρικού Ταοσ Καρ(η)ι = Πύλη του Τάικ. Ο Πορφυρογέννητος μεταφέρει την αρμενική προφορά του Τάικ (Τάις είναι η αιτιατική του Τάικ): βλ. C. ΤΟΥΜΑΝΟΦΦ, *Studies in Christian Caucasian History*, Georgetown 1963, 493-494.

καὶ ἀπαίτησε νὰ τοῦ ἐπιστραφοῦν τὰ καταπατημένα ἐδάφη, τὰ πράγματα κατέληξαν στὸν βυζαντινο-ἰβηρικὸ πόλεμο.

Ὁ Ἀριστακὲς ἀπὸ τὸ Λαστιβέρτ, τὸ ἔτος 470 τῶν Ἀρμενίων (=16 Μαρτίου 1021-15 Μαρτίου 1022), γράφει ὅτι ὁ Βασίλειος ἦλθε μὲ βαρὺ στρατὸ στὴ Θεοδοσιούπολη καὶ περίμενε τὸ βασιλιὰ τῶν Ἰβήρων νὰ ἔλθει νὰ τοῦ δηλώσει «τὴν ὑποταγή του». Ὁ Ἰβηρας ὁμως ἠγεμόνας ἀρνήθηκε νὰ προσέλθει, πειθόμενος στὴ συμβουλή τῶν προκρίτων του: «Πολλοὶ ἀπὸ αὐτοὺς τὸν ἐκφόβιζαν, ὅτι μόλις σὲ δεῖ (ὁ βασιλιάς τῶν Ρωμαίων) ἢ θὰ σὲ σκοτώσει ἢ θὰ σὲ ρίξει στὴ φυλακή»⁵¹. Ὁ Βασίλειος, πλήρης ὀργῆς, διατάσσει νὰ καταστραφεῖ διὰ πυρός, σιδήρου καὶ ἐξανδραποδισμοῦ ἡ μεγάλη κωμόπολη Ὀκόμη (σημ. Uğumli τῆς Τουρκίας) καὶ τὰ περικύρια. Ὁ Γεώργιος εἰσβάλλει στὴ μεγάλη πόλη Οὐκτικ καὶ αὐτὴ γίνεται παράλωμα τοῦ πυρός. Ἡ ἀποφασιστικὴ μάχη μεταξὺ τοῦ Βασιλείου καὶ τοῦ Γεωργίου διεξάγεται κοντὰ στὴ λίμνη Παλακασις (σημ. Caldır-göl στὴν Τουρκία), ὁ βυζαντινὸς στρατὸς ἠττάται, ὁ μεγάλος ἄρχων Ράτ πέφτει στὸ πεδίο τῆς μάχης «καὶ ἔγινε μέγα πένθος στὴ χώρα τοῦ Τάικ»⁵². Ὁ Βασίλειος, πῦρ καὶ μανία, «στέλνει στὰ τέσσερα μέρη τῆς χώρας [τῶν Ἰβήρων] στρατό, δίνει φοβερὴ διαταγὴ νὰ μὴ λυπηθοῦν γέροντες, νέους, παιδιὰ καὶ ἐνηλίκους, ἄνδρες καὶ γυναῖκες, κάθε ἡλικίας. Καὶ ἔτσι ἐδήλωσε δώδεκα gawar... Ἀλλοίμονο, ἄσπλαγχνη διαταγὴ τοῦ βασιλιᾶ... Μὲ τὸν τρόπο αὐτὸ ἄφησε τὴν ἀνθοῦσα χώρα ἔρημη ἀνθρώπων»⁵³.

Ὁ Ματθαῖος ὁ Ἐδεσσηνὸς συσχετίζει στὸ Χρονικὸ του τὴ μεγάλη ὀργὴ τοῦ Βασιλείου Β' καὶ μὲ τὴ συμμαχία, ποὺ συνῆψε τὸ 1022 ὁ Γεώργιος ἐναντίον τοῦ αὐτοκράτορα, μὲ τὸν ἐπαναστάτη Νικηφόρο τὸν Στραβολαίμη (γιὸ τοῦ Βάρδα Φωκά). «Ὁ Βασίλειος μὲ μεγάλη ὀργὴ καὶ πολυάριθμο στρατὸ ἐπιτίθεται ἐναντίον τοῦ Ἰβηρα βασιλιᾶ Γεωργίου... ὁ ὁποῖος κατατροπωθεὶς περισώζεται στὰ ὄχυρά φρούρια καὶ γράφει τὸν ἑαυτοῦ τοῦ δουλοῦ τοῦ Βασιλείου, δώσας τὸν γιὸ του ὡς ὄμηρο»⁵⁴.

Παρόμοια εἶναι ἡ περιγραφή τῶν γεγονότων καὶ ἀπὸ τὸν Λέοντα Μροβέλι: «οἱ Ἰβηρες ἀφανίσθηκαν καὶ καταστράφηκαν, ἡ χώρα τους ἐρειπώθηκε... Ὁ Γεώργιος ἠττήθηκε καὶ ἀπελπισθεὶς ἔδωσε γιὰ τρία χρόνια τὸ γιὸ του Παγκράτιο ὡς ὄμηρο καὶ ὁμολόγησε δουλεία [στὸν Βασίλειο]»⁵⁵.

51. *Aristakès de Lastivert*, 12.

52. Ὡ.π., 13.

53. Ὡ.π.

54. *Chronique de Matthieu d'Edesse (962-1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162*, ἔκδ. καὶ γαλλ. μτφρ. E. DULAURIER, Παρίσι 1858 (471ο ἔτος τῶν Ἀρμενίων =16 Μαρτίου 1022-15 Μαρτίου 1023).

55. *K'art'lis Tzoxwreba*, 222-224.

Σύμφωνα μὲ τὸν Ἀριστακὲς, ὁ Βασίλειος διαχειμάζει στὸ gawar Χαλδία, ὅπου ἔρχεται καὶ τὸν συναντᾷ, τὴν ἡμέρα τῶν Θεοφανείων, ὁ Ἀρμένιος πατριάρχης, Πέτρος. «Ἐκεῖ ὑπογράφηκε τὸ ἔγγραφο τῆς ἀπώλειας τῶν Ἀρμενίων. Ἐφ' ὅσον ὁ [ἀρμένιος βασιλιάς] Ἰωάννης εἶχε παραγγεῖλει στὸν πατριάρχη: Γράψε ἔγγραφο καὶ δώσε στὸν βασιλιὰ ὅτι, μετὰ τὸ θάνατό μου, τὴν πόλη μου [Ἄνιο] καὶ τὴ χώρα μου ἀφήνω σὲ αὐτὸν κληρονομία»⁵⁶. Πρέπει νὰ σημειωθεῖ ὅτι ἡ ἐνέργεια αὐτὴ τοῦ ἀρμένιου βασιλιᾶ ἔχει σχολιασθεῖ τόσο ἀπὸ τοὺς ἀρμένιους ἱστορικοὺς τῆς ἐποχῆς ὅσο καὶ ἀπὸ τοὺς σύγχρονους ἐρευνητὲς ὡς λιποψυχία. Ἄν, ὁμως, ἀναλογισθοῦμε τὴ θέση τοῦ ἀμέσως μετὰ τὴν καταστροφὴ τῶν Ἰβήρων, μετὰ τὴν κατάκτηση τοῦ βασιλείου τῶν Ἀρζιτρονιδῶν τῆς Βασπρακανίας/Βασπουρακάν, φαίνεται ὅτι ὁ Ἰωάννης δὲν εἶχε ἄλλη ἐπιλογὴ.

Ὁ βασιλιάς τῶν Ἰβήρων Γεώργιος ζητεῖ ἀπὸ τὸν Βασίλειο νὰ συνάψουν εἰρήνη. Ὁ Βασίλειος ἀπαιτεῖ νὰ πάρει ὡς ὄμηρο τὸν γιὸ τοῦ Γεωργίου καὶ τὸν παίρνει, μαζί μὲ ἄλλους ὀμήρους, ὑποσχόμενος ὅτι μετὰ ἀπὸ τρία χρόνια θὰ τοὺς ἐπιστρέψει. Καὶ κράτησε τὸ λόγο του.

Κατὰ τοὺς βυζαντινοὺς ἱστορικοὺς, οἱ ὁποῖοι ἐπίσης ἀναφέρονται στὰ παραπάνω γεγονότα, μετὰ τὴν κατάκτηση τοῦ Τάικ, τὸ ἔτος 1000, ὁ ἰβηρας βασιλιάς εἶχε βλέψεις σὲ διάφορα ἐδάφη τοῦ Τάικ, ποὺ ὁ Βασίλειος τὰ θεωροῦσε μέρη τῆς κληρονομίας του. Ὁ Σκυλίτζης λέει ὅτι ὁ αὐτοκράτορας τὸν Γεώργιο, τὸν τῆς ἐνδοτέρω Ἰβηρίας ἄρχοντα τοῖς οἰκείοις ἀρκεῖσθαι πείσας, καὶ μὴ ἐπιβαίνειν τοῖς ἀλλοτριόις⁵⁷ καὶ συνεχίζει: *Γεωργίου δὲ... τὰς πρὸς Ῥωμαίους ἀθεπίσαντος συνθήκας καὶ τὰ ὄμορα κατατρέχοντος, ἔξεισι κατ' αὐτοῦ ὁ βασιλεὺς πανστρατὶ καὶ ὁ Γεώργιος φεύγει εἰς τὰ ἐνδότερα ὄρη τῆς Ἰβηρίας (εἰς τὰ ὄρη τῆς ἐνδοτέρω Ἰβηρίας): μετ' ὀλίγον δὲ πρεσβευσάμενος καὶ τῷ βασιλεῖ ἐκστὰς χώρας ὁπόσος ἐβούλετο, σπένδεται, ὄμηρον δούς τὸν υἱὸν αὐτοῦ Παγκράτιον. ὃν μάγιστρον ὁ βασιλεὺς ποιήσας ὑπέστρεψε*⁵⁸.

Τὸ ἐρώτημα ποὺ τίθεται εἶναι ἂν, πράγματι, ὁ Γεώργιος σφετερίσθηκε τὰ ἐδάφη τοῦ Τάικ ἢ μήπως ἡ αἰτίαση τοῦ σφετερισμοῦ ἐπινοήθηκε ὡς πρόσχημα, ποὺ θὰ ἐπέτρεπε στὸν Βασίλειο νὰ ἐκστρατεύσει ἐναντίον του, ὥστε, μετὰ τὴν κατάκτηση τῆς Ἀρμενίας, νὰ ὀλοκληρώσει καὶ τὴν κατάκτηση τῆς Ἰβηρίας. Μία τέτοια ὑπόθεση δὲν φαίνεται ξένη πρὸς τὶς φιλοδοξίες τοῦ Βασιλείου οὔτε πρὸς τὴν τακτικὴ τῶν βυζαντινῶν αὐτοκρατόρων σὲ ζητήματα τοῦ ἀνατολικοῦ συνόρου τῆς ἐπικρατείας τους.

56. *Aristakès de Lastivert*, 16.

57. ΣΚΥΛΙΤΖΗΣ, 339.

58. ΣΚΥΛΙΤΖΗΣ, 367.

Ἐνάλογη τακτικὴ ἐφαρμόζει μερικὰ χρόνια ἀργότερα καὶ ὁ Κωνσταντῖνος Θ' ὁ Μονομάχος, ὅπως φαίνεται ἀπὸ τὴ διήγηση τοῦ Σκυλίτζη. Τὸ 1045, ὅταν ἄρχισε ὁ πόλεμος ἐναντίον τοῦ βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν καὶ τοῦ βασιλιᾶ Κακικίου Β', ὁ Κωνσταντῖνος ὁ Μονομάχος στέλνει γράμματα... πρὸς Ἀπλησφάρην (Abul-Aswar), τὸν ἄρχοντα τοῦ Τιβίου καὶ τῆς παρὰ τὸν Ἀράξην ποταμὸν Περσαρμενίας, παρακαλοῦντα τοῦτον κατὰ τὸ δυνατὸν δεῖν τὴν μεγάλην Ἀρμενίαν καὶ τὴν ὑποκειμένην χώραν τῷ Κακικίῳ... Ὁ δὲ τὰ γράμματα δεξάμενος ἀμείβεται ἐπιτελῆ ποιῆσαι τὰ κεκελευσμένα, εἰ γράμμα πεμφθεῖ τούτῳ βασιλικὸν ἀσφάλειαν παρέχον αὐτῷ πάντα ἔχειν ἐν βεβαίῳ δεσποτικῶς τὰ φρούρια καὶ χωρία, ὅσα περ ἰσχύσει νόμῳ πολέμου κτήσασθαι ἀπὸ τῶν διαφερόντων τῷ Κακικίῳ. ἐδέξατο τὸν λόγον ὁ βασιλεὺς, καὶ χρυσοβούλλοις γραφαῖς ἐπιβεβαίωσεν, ὅσα ὁ Ἀπλησφάρης ἠτήσατο⁵⁹.

Ὁ Ἀπλησφάρης ἐπληξε τὸν Κακικίον στὰ νῶτα, πολλὰ τῶν τοῦ Κακικίου ἐκπολιορκήσας κατέσχευε ὀχυρώματα καὶ χωρία. Ὁ Μονομάχος ὅμως, μολονότι εἶχε ὑποσχεθεῖ στὸν Ἀπλησφάρην μὲ χρυσοβούλλο, πῶς ὅ,τι κυρίευε θὰ ἦταν δικό του, μετὰ τὴ συνθηκολόγηση τοῦ Κακικίου τὰ ἐκπολιορκηθέντα φρούρια παρὰ τοῦ Τιβιάτου (τοῦ Ἀπλησφάρη) καὶ χωρία ὡς μέρη τοῦ Ἀνίου (βασιλείου τῶν Βαγρατιδῶν) ἐπιζητῶν, ἐπεὶ ἐκεῖνος ἐκὼν γε εἶναι οὐ μεθίετο τούτων, ἀλλ' ἀντεῖχετο τῆς χρυσοβούλλου γραφῆς, ἀναιρεῖται πόλεμον πρὸς αὐτόν⁶⁰. Ὁ Σκυλίτζης παραδίδει ἐκτενῆ περιγραφὴ τῆς λήξης τοῦ πολέμου. Ὁ βυζαντινὸς στρατὸς κατατροπώθηκε, μαζί μὲ αὐτὸν καὶ ὁ ἀρμενικὸς, πού ἤδη ὑπηρετοῦσε στὸ Βυζάντιο. Στὸ πεδίο τῆς μάχης ἔπεσαν ὁ ἀρχιστράτηγος τῶν Ἀρμενίων Βακράμ Πακλαβίδης μαζί μὲ τὸ γιό του Γρηγόριο⁶¹.

Τὸ 1022, μετὰ τὴ νικηφόρα γιὰ τοὺς Βυζαντινοὺς λήξη τοῦ πολέμου, τὸ Τάικ ὀργανώνεται ὡς ἰδιαίτερη διοικητικὴ περιφέρεια, κατεπανάτο, μὲ τὸ ὄνομα Ἰβηρία. Στὴν ὀνομασία αὐτὴ λανθάνει ἡ πολιτικὴ σκοπιμότητα τῆς μελλοντικῆς συγκέντρωσης τοῦ ἐδάφους τοῦ καθαυτοῦ Ἰβηρικοῦ κράτους μὲ τὸ θέμα τῆς Ἰβηρίας, ἡ ὁποία καὶ θὰ σήμαινε τὴν ὀλοκλήρωση τοῦ εὐρύτερου κατακτητικοῦ προγράμματος τοῦ Βασιλείου Β': τὸ 1018, ὁ Βασίλειος ὑπέταξε τὴ Βουλγαρία, τὸ 1022 εἶχε συντελεσθεῖ ἡ κατάκτηση τῆς Ἀρμενίας (τὸ 966, τὸ Ταρῶν εἶχε προσαρτηθεῖ στὰ βυζαντινὰ ἐδάφη, ἀκολούθησε τὸ 1000 ἡ προσάρτηση τοῦ Τάικ καὶ τὸ 1021 τοῦ Βασπουρακάν, ἐνῶ ἡ μεγάλη Ἀρμενία τῶν Βαγρατιδῶν εἶχε κληροδοτηθεῖ σπὴν αὐτοκρατορία) καὶ ἡ μόνη πού εἶχε ἀπομείνει ἦταν ἡ Ἑσῶ Ἰβηρία -K'art'li. Εἶναι

59. ΣΚΥΛΙΤΖΗΣ, 436.

60. ΣΚΥΛΙΤΖΗΣ, 437.

61. *Matthieu d'Edesse*, 80.

τυχαία ἢ τόσο ἐπίμονη, πεισματώδης καὶ ἀνένδοτη ἀντίσταση τοῦ βασιλιᾶ Γεωργίου κατὰ τοῦ Βασιλείου; Ἡ συμμετοχὴ του στὰ ἀντιβυζαντινὰ ἐπαναστατικὰ κινήματα; Μήπως ὅλα αὐτὰ ἀφοροῦσαν μόνο τὴν κατάληψη μερικῶν περιοχῶν τοῦ Τάικ;

Ὁ Βασίλειος ἀπεβίωσε τὸ 1025, ἔχοντας πραγματοποιήσει μὲ τὴν κατάληψη τοῦ Τάικ μέρος μόνο τῶν Ἰβηρικῶν του σχεδίων καὶ ὁ ἀδελφὸς του Κωνσταντῖνος θὰ καταβάλλει προσπάθειες, ὥστε νὰ τὰ φέρει σὲ πέρας. Τὸ 1028 τὸ Βυζάντιο ἄρχισε νέο πόλεμο ἐναντίον τοῦ Ἰβηρικοῦ βασιλείου. Ἔχουμε τὴ μαρτυρία τοῦ Ἀριστακῆς: «στὴν ἀρχὴ τοῦ τρίτου ἔτους (τῆς βασιλείας τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Η') ἔρχεται σπὴν Ἀνατολή μὲ πολυἀριθμο στρατὸ ὁ εὐνοῦχος (ἐλλ. παρακοιμώμενος) Σίμων⁶², πού εἶχε τὴν ἐξουσία τοῦ μισοῦ βασιλείου. Αὐτὸς φθάσας ἐπὶ τόπου, περνᾷ σπὴν χώρα (αἰσχρῆ) τῶν Ἰβήρων. Ἀλλὰ δὲν πρόλαβε νὰ κάνει κάτι. Ἐφθασε ἡ συγκλονιστικὴ εἶδηση τοῦ θανάτου τοῦ βασιλιᾶ, καὶ ἀκούσας αὐτό, ἄνευ ἀναβολῆς ἐπέστρεψε μὲ τὸ στρατό του σπὴν Κωνσταντινούπολη»⁶³.

Τὸ 1028, ἡ κατάκτηση τῆς Ἰβηρίας-Κάρτλι δὲν ἐπιτεύχθηκε. Τὸ 1045, μετὰ τὴν κατάκτηση τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας, τὸ βυζαντινὸ θέμα Ἰβηρίας, δηλαδὴ τὸ Τάικ, καὶ ἡ Μεγάλη Ἀρμενία ὀργανώθηκαν ὡς ἐνιαῖο κατεπανάτο, «τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας».

Ἄν, λοιπόν, ἐμπιστευθοῦμε τὸν Σκυλίτζη, ἡ ἔγνοια τοῦ Βασιλείου ἦταν νὰ κάνει τὸ γιό τοῦ Ἰβηρα βασιλιᾶ μάγιστρο! Μὲ μεγάλες ἀπώλειες⁶⁴ καὶ βαρεῖες ἡττες⁶⁵ νὰ νικήσει τελικὰ τὸν βασιλιᾶ Γεώργιο καὶ ἐκεῖνος νὰ γράψει «ἐαυτὸν δούλον τοῦ Βασιλείου»⁶⁶ καὶ ὡς μόνη ἐγγύηση νὰ πάρει ὡς ὄμηρο τὸ γιό του Πα-

62. Ἀναφερόμενος, στοὺς διορισμοὺς τοῦ Κωνσταντίνου Η', ὁ ΣΚΥΛΙΤΖΗΣ [370] γράφει διὰ αὐτὸς Νικόλαον... δομέστικον προεβάλλετο τῶν σχολῶν καὶ παρακοιμώμενον... Συμεῶν... δρουγγάριον τῆς βίγλας. Ἐφ' ὅσον ὁ Ἀριστακῆς ὀνομάζει τὸν Σίμωνα παρακοιμώμενον, ὁ Α. Kazhdan εἶναι βέβαιος, διὰ τὸ 1028 ἔδρασε σπὴν Ἰβηρία ὁ παρακοιμώμενος Νικόλαος καὶ ὁ Σίμων-Συμεῶν. Ὁ παρακοιμώμενος Νικόλαος ἔδρασε σπὴν Ἀρμενία τὸ 1047, ἀλλὰ δὲν ἔχουμε καμία ἐνδειξη διὰ 20 χρόνια πρὶν ἔδρασε καὶ σπὴν Ἰβηρία. Πῶς ὁ Ἀριστακῆς θὰ ἔκανε τὸν Νικόλαο Σίμωνα; Τὸ πολὺ μπορεῖ κατὰ λάθος νὰ τὸν θεώρησε παρακοιμώμενον.

63. *Aristakès de Lastivert*, 27. Γιὰ τὸ Βυζάντιο παρόμοια ἀναποδιὰ συνέβη καὶ τὸ 1047 σπὴν Ἀρμενία, ὅταν ὁ μέγας ἐταιρειάρχης Κωνσταντῖνος πολεμοῦσε ἐναντίον τοῦ ἀμπαρᾶ τοῦ Τιβίου (Δβίν), ἧς ἦν τοῦ παντὸς ἔθνους μητρόπολις. Κυρίευσε σερὰ φρουρίων τῶν ὅσα τῷ Ἀνίῳ ὑπέκειντο, λίγο ἔλειψε νὰ πάρει καὶ τὸ φρούριον τὸ καλούμενον Χελιδόνιον... οὐ πόρρω κείμενον τοῦ Τιβίου, ὅταν ἀφηνιδίως ἡ τοῦ πατρικίου Λέοντος τοῦ Τορνικίου ἐξ ἐσπέρας ἀνιήθη ἀποστασία. Ὁ Κωνσταντῖνος λύει τὴν πολιορκίαν... καὶ τὰς δυνάμεις ἀναλαβὼν σπουδαίως ἠπειγέτο πρὸς τὴν βασιλίδα. ΣΚΥΛΙΤΖΗΣ, 438-439.

64. ΣΚΥΛΙΤΖΗΣ, 367: *πίπτουσι πολλοὶ τῶν Ῥωμαίων*.65. «κατατρόπωνσαν τοὺς στρατοὺς τῶν Ῥωμαίων»: *Aristakès de Lastivert*, 7-866. *Matthieu d'Edesse*, (ἔτος 470 -16 Μαρτίου 1021-15 Μαρτίου 1022).

γκράτιο για να τον κάνει μάγιστρο! Ο Βασίλειος, όμως, είχε ήδη επανακτήσει τα εδάφη του Τάικ δια των ὄπλων. Είναι γνωστό ότι ο νικητής παίρνει όμηρους του ήττημένου για να τον αναγκάσει να εκτελέσει σειρά υποχρεώσεων. Οί υποχρεώσεις του Γεωργίου απέναντι στον αυτοκράτορα θα ήταν ή καταβολή φόρων ή μάλλον πολεμικής αποζημίωσης και ασφαλώς αρμόδιος να μεριμνήσει για την εΐσπραξη ο διορισμένος από τον Βασίλειο βασιλικός ἐπόπτης-ἐφορος στην περίπτωση μας, ο κουράτωρ τῆς Ἑσῶ Ἰβηρίας, Μικαήλ ο Καταφλῶρον.

Ἄν ή αΐχμαλωσία του γιου του βασιλιᾶ τῶν Ἰβήρων, Παγκράτιου, ἔληξε τὸ 1025 με τὸν θάνατο του Βασιλείου, τοῦτο σημαίνει ότι και οί υποχρεώσεις του πατέρα του ἔναντι του Βυζαντίου εΐχαν ἐκπληρωθεΐ. Κατὰ συνέπεια, ή θητεία του κουράτορα τῆς Ἑσῶ Ἰβηρίας, ή ὁποία δὲν εΐχε λόγο να παραταθεΐ, θα πρέπει να τοποθετηθεΐ στο διάστημα μεταξύ 1022 και 1025. Μποροῦμε, λοιπὸν, να συναγάγομε ὅτι ή Ἰβηρία του Κεκαυμένου, ὅπου ἔδρασε ὁ Λέων Σερβλίας τὴν ἐποχὴ του Κωνσταντίνου Μονομάχου, δὲν ἔχει σχέση με τὴν Ἑσῶ Ἰβηρία. Ὁ Κεκαυμένος εΐχε, προφανῶς, στο νοῦ του ή τὸ βυζαντινὸ θέμα Ἰβηρίας, δηλαδή τὸ Τάικ, ή μάλλον τὴ Μεγάλη Ἀρμενία. Ὁ μοναχὸς Θεόδουλος, γραφέας τῆς διαθήκης του Εὐσταθίου του Βοήλα (1059), ὀνομάζει στην ἐνθύμησή του τὸν κατεπάνω Ἀρμενίας και Ἰβηρίας, Ἰωάννη Μοναστηριώτη, ὁ τῆς Ἰβηρίας⁶⁷. Τὸ 1047, ὁ ἐπαρχιαρχὸς Κωνσταντίνος, μαχόμενος ἐναντίον του ἀμπερᾶ του Δβίν Ἀπλησφάρη, εΐχε πολιορκήσει τὸ φρούριο Χελιδόνιο, οὐ πόρρω κείμενον του Τιβίου, δηλαδή του Δβίν, πρώην πρωτεύουσας τῆς Ἀρμενίας και ἔδρας του πατριάρχη-καθολικοῦ τῶν Ἀρμενίων. Ἐπί ἀραβοκρατίας ἔγινε ἔδρα ἄραβα κυβερνήτη τῆς «Ἀρμίνιγια». Ὅταν ἐξεργράγη ή ἐπανάσταση του Λέοντα Τορνίκιου, πῆγε ἀπὸ τὴν Κωνσταντινούπολη ἄγγελος εἰς τὸν Κωνσταντῖνον ἐν Ἰβηρία για να τὸν εἰδοποιήσει να ἐπιστρέψει τὸ ταχύτερο⁶⁸. Ὁ Κωνσταντῖνος δὲν βρισκόταν στην Ἰβηρία. Αὐτὸ, ὅμως, δὲν σημαίνει ὅτι ὁ κουράτωρ του Μαντζικέρτ ἔπαυσε τὴ δράση του. Ὁ Ἀριστακὸς πρὶν ἀπὸ τὸ 1054, μνημονεύει ἄρχοντα, πὸ εΐχε τὴ μέριμνα του verakatzου τῆς πόλης Μαναζκέρτ.

Στὴν περαιτέρω διευκρίνιση του ὅρου «κουράτωρ Ἑσῶ Ἰβηρίας» και τὸν προσδιορισμὸ τῶν ἀρμοδιοτήτων του κρατικοῦ αὐτοῦ λειτουργοῦ συμβάλλει, νομίζομε, τὸ περιεχόμενο τῆς ἐπιστολῆς του Ἰωάννη Τζιμισκῆ στον Βαγρατίδη βασιλέα Ἀσώτιο Γ΄. Ὅπως εΐναι γνωστό, ή ἐπιστολή διασώζεται μόνο σὲ ἀρχαία ἀρμενική μετάφραση στὴ Χρονογραφία του Ματθαίου του Ἑδεσσηνοῦ, πὸ ασφαλῶς συντάχθηκε στὴν αὐλή του Ἀρμένιου βασιλιᾶ.

67. P. LEMERLE, *Cinq études sur le XIe siècle byzantin*, Παρίσι 1977, 39.

68. ΣΚΥΛΙΤΖΗΣ, 439.

Στὴν ἐπιστολή, ὁ Τζιμισκῆς ἐξιστορεΐ τὶς νίκες του στὴν «ἅπασα ἀνατολὴ τῶν Περσῶν», δηλαδή τῶν Μουσουλμάνων, οί ὁποῖες μνημονεύονται στὴ Χρονογραφία του Σκυλίτζη συνοπτικά: *Τῶν δ' ὑπὸ του βασιλέως Νικηφόρου προσκτηθεισῶν πόλεων και τῶν ὑποφόρων γενομένων Ῥωμαίοις, ἀραμένων πέρναν και τὴν Ῥωμαϊκὴν ἀποσεισαμένων ἐξουσίαν, ἔξεισι κατ' αὐτῶν ὁ βασιλεύς [Τζιμισκῆς] και ἄπεισιν ἄχρι Δαμασκοῦ. Καὶ τὰς μὲν πειθοῖ και λόγῳ, τὰς δὲ πολέμῳ και βίᾳ ἀνακτησάμενος, και πάντα κατὰ τὸ πρέπον καταστησάμενος, ἀνελεύγυνε πρὸς τὴν βασιλίδα⁶⁹.*

Ὁ Τζιμισκῆς γράφει στὴν ἐπιστολή του πρὸς τὸν Ἀσώτιο ὅτι κυριεύσας τὴ Νίσιβη, ἔλαβε τοὺς φόρους του και ἀναχώρησε. Ὑστερα νίκησε τὸν ἀμερμουμνῆ τῆς Αἰγύπτου, κυριεύσε τὰ ἔσῳ τῆς χώρας του, κατέκοψε πολλὰς ἐπαρχίας και ἀναχώρησε. Εἰσέβαλε στὴ χώρα τῶν Φοινίκων και τῶν Παλαιστινίων, τοὺς ὑπέταξε και ἐπέβαλε ἐπ' αὐτῶν βαρεῖς φόρους. Πολιόρκησε τὴν πόλη και τὴν ἐπαρχία τῆς Δαμασκοῦ και εἰσέπραξε φόρο σαράντα χιλιάδες νομίσματα. Οί Δαμασκηνοὶ «ἔλαβαν ἀπὸ ἐμᾶς στρατηγούς και ἔδωσαν ἔγγραφο, ὅτι εἰς αἰῶνας θα εΐναι δοῦλοι του βασιλείου». Ὁ Τζιμισκῆς «διώρισε ἐκεῖ στρατηγὸ κάποιον Βαγδαπνὸ ὀνόματι Τοῦρκο... Οί Δαμασκηνοὶ ἔδωσαν γραπτὸν ὄρκο ὅτι θα καταβάλλουν ἀδιακόπως τοὺς φόρους». Ἀπὸ ἐκεῖ ὁ βασιλεύς πῆγε στὴν Τιβεριάδα, «οί κάτοικοι τῆς ὁποίας ἐδήλωσαν ὑποταγή, κατέβαλαν φόρο τριάντα χιλιάδες νομίσματα, ἐκτὸς τῶν ἄλλων δασμῶν, ἀπαίτησαν στατηγούς, και ὅπως οί Δαμασκηνοί, ἔδωσαν ἔγγραφο ἀδιασειστοῦ δουλείας να εΐναι αἰώνια ὑποτελεῖς και να καταβάλλουν ἀδιακόπως τὸν φόρο. Στὸν Τζιμισκῆ ἀποτάθηκαν οί ἀπὸ τὸ Ραμαλάχ και τὴν Ἱερουσαλήμ προσλιπαροῦντες ἔλεος. Ἐξαίτησαν στρατηγὸ, ἔγιναν φόρου ὑποτελεῖς και δοῦλοι τῶν Ῥωμαίων.

Στὴ συνέχεια, ὁ Τζιμισκῆς ἀριθμεῖ και ἄλλες πόλεις πὸ ἔγιναν φόρου ὑποτελεῖς: «ή Πενιάδα, δηλαδή ή Δεκάπολη», ή Γενησαρέτ, «ή Ἄκρα δηλαδή ή Πτολεμαῖδα», και ἔγγράφως ὑποχρεώθηκαν να καταβάλλουν ἐπίσιο φόρο και να εΐναι δοῦλοι. Κυριεύσε και τὴ Βηρυττό και διώρισε ἐκεῖ στρατηγὸ. Οί Σιδώνιοι για να ἀπαλλαγοῦν ἀπὸ τὸν πόλεμο, συμφώνησαν να εΐναι φόρου ὑποτελεῖς. Ὁ Τζιμισκῆς διώρισε και σὲ αὐτοὺς στρατηγούς.

Εΐναι, νομίζομε, ἐμφανὲς τὸ συμπέρασμα πὸ προκύπτει ἀπὸ τὴν ἐπιστολή. Ὁ Τζιμισκῆς ἐνδιαφερόταν κυρίως για τὴ φορολογία τῶν πόλεων και ἐπαρχιῶν πὸ εΐχε κυριεύσει. Δὲν φαίνεται να ἄλλαξε τὴ διοίκησή τους, δὲν συγκρότησε στρατηγεῖς ή θέματα, δὲν ἐγκατέστησε βυζαντινὲς φρουρές. Ἄλλωστε, οὔτε ὁ Σκυλίτζης ἀναφέρει κάτι σχετικὸ. Τὸ ζήτημα, συνεπῶς, εΐναι οἰκονομικὸ και ὄχι διοικητικὸ και

69. ΣΚΥΛΙΤΖΗΣ, 311.

οί «στρατηγοί», που επανειλημμένα μνημονεύονται είναι μάλλον —ό άρμένιος μεταφραστής τής ἐπιστολῆς μετέφρασε ὡς «ζοραβάρ» τὸν ἄγνωστο σὲ αὐτὸν βυζαντινὸ ὄρο στρατηγός— ἐπόπτες, ἐπιστάτες, ἔφοροι, διαχειριστές, που θὰ εἶχαν ὡς ἔργο τὴν εἴσπραξη τῶν φόρων ἀπὸ τοὺς ὑποταχθέντες στὸν αὐτοκράτορα πληθυσμούς, καὶ οἱ ὅποιοι «εἶναι δοῦλοι τοῦ βασιλέως καὶ καταβάλλουν φόρους». Ὁ Ἰβηρας βασιλεὺς «γράφει ἑαυτὸν δοῦλον τοῦ βασιλείου», ἐπομένως καταβάλλει φόρο⁷⁰.

Τὸ περιεχόμενο τοῦ ὄρου «κουράτωρ» τῶν σφραγίδων τοῦ Μιχαήλ πρέπει νὰ συμπίπτει μὲ ἐκεῖνο τοῦ verakatzου τοῦ Ἀριστακῆς καὶ τοῦ στρατηγοῦ τῆς ἐπιστολῆς τοῦ Τζιμισκῆ. Ὡς verakatzου, ὅπως ἤδη σημειώσαμε, μεταφράζεται ὁ ἑλληνικὸς ὄρος ἐπιστάτης⁷¹. Ὁ λατινικὸς δηλαδὴ ὄρος curator διατηρεῖ τὴν πρώτη του σημασία, αὐτὴ τοῦ ἐπιμελητῆ, τοῦ ἐπόπτη, τοῦ ἔφορου. Τὸ Μανζκέρτ (τὸ gawar) εἶχε τὸν δικό του κουράτορα. Ὁ Μιχαήλ, πρῶτα, ἦταν κουράτωρ τοῦ Μαντζικέρτ. Τὸ 1022, ἔγινε κουράτωρ τοῦ Μαντζικέρτ καὶ τῆς Ἑσῶ Ἰβηρίας καί, ὕστερα, μόνο τῆς Ἑσῶ Ἰβηρίας. Φυσικά, τὸ λειτούργημα τοῦ κουράτορα τοῦ Μαντζικέρτ θὰ ἀνατέθηκε σὲ ἄλλον.

Μία μικροσκοπικὴ πηγὴ, ὅπως εἶναι ἡ σφραγίδα τοῦ Μιχαήλ, ἔδωσε τόση τροφή γιὰ σκέψεις καὶ συλλογισμούς...

70. Κατὰ τὸν Πορφυρογέννητο, DAI, κεφ. 44, 110-112, (ὁ καίσιμος ἀμπερᾶς τοῦ Μανζκέρτ, Ἀχμέτ) δοῦλος ἦν τοῦ βασιλέως... παρέκων καὶ τὰ ὑπὲρ αὐτοῦ καὶ τὰ ὑπὲρ τοῦ θεοῦ αὐτοῦ, τοῦ Ἀπολεσφούετ, πάκτα

71. Βλ. σημ. 39.

H. BARTIKIAN, Le curateur de Mantzikert et de l'Ibérie Intérieure et la politique orientale de Basile II

Se fondant sur l'indiscutable crédibilité des informations provenant des deux sceaux du curateur royal Michel Kataphlôron (DO 58. 106. 5502 et M-6733), l'auteur réexamine les sources narratives byzantines en les confrontant avec les récits des chroniqueurs arméniens et aboutit à des propositions nouvelles concernant 1) le type correct du nom Mantzikert et la région administrative qu'il représentait 2) le contenu géographique et administratif de l'Ibérie Intérieure et 3) l'étendue de la juridiction de ce fonctionnaire et ses compétences.

LA GÉNÉALOGIE DU MAGISTROS BAGARAT, CATÉPAN DE L'ORIENT, ET DES KÉKAUMÉNOS

En 1059-1060, l'empereur Constantin X Doukas (1059-1067) nommait duc d'Ani, sur sa demande, l'Arménien Pankratios. Skylitzès¹ et Attaleiatès², contemporains de l'événement, le relatent en termes très vivants. Quant à la date de la promotion, elle ressort d'un double témoignage : le colophon d'un manuscrit daté de 1059 atteste que, cette année-là, Bagarat était encore duc du Vaspurkan (*Παγκρατίου Βασπακᾶ*)³; d'autre part, en 1060 il se trouve déjà à Ani, où il a laissé une inscription sur le mur de la cathédrale. Cette inscription, maintes fois publiée⁴, commence ainsi :

ԱՆՈՒԱՄԲ ՏՆ ԱՄԵՆԱԿԱԼԻ ԵՒ ՈՂՈՐՄՈՒԹԵԱՄԲ
ՄԲ ԵՒ ԻՆՔՆԱԿԱԼ ԹԱԳԱՒՈՐԻՆ, ԿՈՍՏԱՆԴԵԱ
ԴՈՒԿԻ ԿԱՄ ԵՂԵԻ ԻՄ ԲԱԳՐԱՏԱ ՄԱԳԻՍՏՌՈՍԻՍ
ԵՒ ԱՐԵԻԵԼԻՑ ԿԱՏԱՊԱՆԻՍ ՎԽԿԱՑՈՅՍ ԱՌՆԵԼ
ՈՂՈՐՄՈՒԹԻՒՆ ՄԱՅՐԱՔԱՂԱՔԻՍ ԱՆԻՈ . . .

Ce Bagarat, qui se dit *Vxkac'i* (*վխկացի*), est certainement un Arménien — les deux historiens mentionnés plus haut sont formels là-dessus — et, selon toute probabilité, un Arménien de confession géorgienne : Matthieu d'Edesse est d'ailleurs le seul auteur arménien à parler de ce « Bagarat, frère de Smbat »⁵. Le suffixe *-ac'i* du patronyme *Vxkac'i* indique que le personnage, ou sa famille, était originaire

¹ Skylitzès, p. 652-653, Bonn.

² Attaleiatès, p. 80, Bonn.

³ H. Omont, Fac-similés des manuscrits grecs datés du IXe au XIVe siècle, *Bulletin de la société nationale des antiquaires de France*, 1890, p. 100-101. N. Benešević, *Tri anijskie nadpisi iz epochi viz. vladycstva*, Petrograd, 1921, p. 16.

⁴ Brosset, *Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie exécuté en 1847-1848*, 1849, p. 94 (avec traduction française, p. 95; N. Sargisian, *Telagrutiwnk' i P'ok'r ew i Mec Hays.*, 1864, p. 120 (en arménien); Alishan, *Sirak*, 1881, p. 70 (en arménien); N. Emin, *Arminske nadpisi v Karse, Ani i v okrestioštjach poslednich*, Moscou, 1881, p. 14-15 (avec trad. russe); K. Kostanian, *Vimakan Taregir*, St. Pétersbourg, 1918, p. 27; N.B. Benešević, *Tri anijskie nadpisi...* p. 22 (avec traduction russe); S.A. Eliazarov, *Issledovanija po istorii armjanskogo prava publičnogo i častnogo*, vyp. 1, Kiev, 1919, p. 5-6 (traduction russe seulement, très défectueuse).

⁵ Matthieu d'Edesse, *Žamanagagrut'iwn*, Valaršapat, 1896, p. 148.

au Xe siècle, dont parle longuement Constantin Porphyrogénète¹⁵. A ce propos, N. Sargisian écrit en note que « ce Smbat, fils de Gurgen, prince d'Artanutch, est mort en 1011, mais il ne s'appelle pas Kiskac'i; c'est un autre ayant vécu environ un siècle plus tôt »¹⁶. Il songe certainement à Ašot Kiskasi mentionné par le Porphyrogénète. Enfin Wassilievsky et Jernstedt, les éditeurs du *Stratègikon*, pensent de même que ΚΙΣΚΑΤΖΙ-KHXATZI ne fait qu'un avec le Kiskasi de Constantin VII.

Récemment G. Garitte a essayé d'interpréter le KHXATZI — c'est sa lecture — de l'inscription d'Ekrek comme un participe, sans caractère toponymique. Il écrit : « il n'existe pas d'ancien nom de lieu arménien connu dont κηχάτζι serait dérivé. Ce doit donc être un participe en -ac (prononcez -ats), son rendu en grec par τξ, participe passif normal en moyen arménien. Dans ce cas, le -i final de κηχάτζι ne ferait pas partie du mot, mais serait la désinence grecque du génitif (comme dans Συμπάτι, de Smbat, par Συμπάτιος > Συμπάτις). Or en arménien existe un verbe *kizem*, qui signifie brûler. Son participe passif en moyen arménien est *kizac* (prononcez *kizats*). On attendrait certes *Κιζάτζι*, mais il faut rappeler que le χ grec correspond parfois au š arménien dans les transcriptions grecques (voir *Narratio de rebus Armeniae*, p. 366). On peut supposer la prononciation *Kišaci* (Kišatsi) peu éloigné de *Kizaci* (Kizatsi). *Κηχάτζι* serait donc le participe arménien signifiant brûlé »¹⁷.

Séduisante au premier abord, cette étymologie n'est pas convaincante. Si les Kékauménos s'étaient eux-mêmes appelés *Kizac*, et si ce mot était si largement répandu dans leur milieu qu'ils eussent pensé à l'inscrire en caractères grecs sur les murs de l'église d'Ekrek, l'historien contemporain Aristakēs Lastivertc'i n'aurait pas écrit que « Kamenas (c'est-à-dire Kékauménos — H. Bartikian) ...se traduit feu »¹⁸. C'est bien la preuve que les contemporains, et particulièrement les Arméniens, ne donnaient pas aux Kékauménos le sobriquet de *Kizac*.

¹⁵ Constantin Porphyrogénète, *De administrando imperio*, ed. Moravcsik-Jenkins, 1949, cap. 46, p. 214 sq.

¹⁶ N. Sargisian, *op. cit.*, p. 93, n. 1.

¹⁷ Lemerle, *op. cit.*, p. 35.

¹⁸ *Patmutiwn Aristakisi Lastivertc'woy*, Erévan, 1963, p. 80. Je ne tiens pas pour fautive la forme *Kamenas* de Lastivertc'i, et je pense que la famille s'est vraiment appelée ainsi. Kékauménos est la forme littéraire du nom; le peuple devait l'appeler aussi Kaménos. Deux autres sources arméniennes citées plus bas ignorent la forme *Kékauménos*, mais connaissent *Kaménas*.

Quant au nom de famille *κισκάσης*, mentionné par le Porphyrogénète (on trouve dans les manuscrits aussi la leçon *κισκάση*, sans *s* final), c'est, selon Brosset, le géorgien « Kaskasi, qui signifie *vif, agile*¹⁹, ou *vif dans ses mouvements* »²⁰. Le tout récent commentaire du *De administrando imperio* adopte cette étymologie (« nimble »)²¹. Enfin, I. Zdanevitch pense que *Κισκάτζι* signifie « originaire de Kiche » et que Smbat *κισκάτζι* veut dire : « Smbat, originaire de Kiche ». D'après lui, Kiche se trouve au nord d'Ekek, qu'il identifie avec Ekrek, sur l'autre versant de la Montagne²². Cette localisation ne tient pas : Ekrek et Ekek sont des villages différents, et Ekek se trouve au sud-ouest d'Ekrek²³. P. Lemerle était donc fondé à mettre en doute l'interprétation de Zdanevitch²⁴ et, quoi qu'il en soit de son explication, il a le premier défini le sens du suffixe de KHXKATZI, en l'identifiant avec le suffixe arménien -ac'i.

Toutes les hypothèses qui précèdent sont caduques. On va en voir la raison. Dans les manuscrits byzantins comme dans les inscriptions, la lettre *K* ressemble tellement à la lettre *B* que les éditeurs, après les copistes eux-mêmes, ont fréquemment pris l'une pour l'autre. C'est ainsi que la tradition grecque de la Chronographie de Théophane — mais non Anastase, le traducteur latin — présente un *Καρισπερότζις* qui n'est autre que l'arménien *Varaztiroc*²⁵. Un examen attentif de l'inscription d'Ekrek montre que la lettre *B* n'y est pas attestée. A trois reprises on trouve un *K* là où il faudrait un *B* : *Κασιλειου, Κασιλαίων Ἰκηρος*²⁶. S'agissant de mots grecs, les éditeurs ont restitué sans peine la bonne orthographe, mais le nom de KHXKATZI, qui n'est pas grec, n'a frappé que la perspicacité de Lemerle, qui écrit : « je serais tenté de préférer la dernière hypothèse (addition du *κ* lors de l'établissement du fac-simile), qui ne porte pas atteinte à la rigueur scientifique de Brosset. On pourrait d'ailleurs faire encore d'autres suppositions : puisqu'à trois reprises, sur le fac-simile (donc

¹⁹ Brosset, *Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie*, 1851, p. 154, n. 5.

²⁰ Brosset, *Inscriptions géorgiennes*, p. 13.

²¹ Constantin Porphyrogénète, *De administrando imperio*, II, *Commentary*, 1962, p. 178.

²² Lemerle, *op. cit.*, p. 35, n. 2.

²³ Voir la carte de Tortum dans S. Sargisian, *op. cit.*, p. 82.

²⁴ Lemerle, *op. cit.*, p. 35, n. 2.

²⁵ Emendation de N. Adontz dans ses *Etudes historiques* (en arménien), Paris, 1948, p. 36.

²⁶ Lemerle, *op. cit.*, p. 35, n. 2.

sur le document fourni par le P. Sargisian), ce qui devait être *B* est écrit *K*, faudrait-il aussi corriger en *B* l'un des deux *K* de *Κηχκάτζι*, et lequel ? »²⁷ On voit par là que Lemerle prenait ses distances par rapport à la thèse susmentionnée de Garitte ou à celles qui avaient été émises précédemment. Il semble donc que Karayanopoulos se méprend lorsqu'il fait endosser par P. Lemerle l'hypothèse de Garitte, à savoir *KHXATZI* = brûlé = Kékauménos, et identifie le patronyme *KHXATZI* (*KHXKATZI*) avec le nom de Kékauménos d'après cette équivalence²⁸.

Nul doute donc qu'il y ait eu confusion de lettres et que *KHXATZI* doive être lu *BHXKATZI*. Et cela nous ramène au Bagarat *Vxkac'i* de l'inscription d'Ani. En grec, il est impossible de combiner les consonnes *V* (*B*) et *X* sans voyelle intercalaire, et la voyelle arménienne *բ*, qui se prononce mais ne s'écrit pas, est devenue, en grec, *ι*, pour la simple raison que le grec ne possède pas le phonème.

Quant au *Κισκάσι* (lire *Βισκάση*) du Porphyrogénète, il est tout-à-fait régulier : le phonème (*š*) est transcrit en grec par *Χ* comme Artasēs 'Αρταχέζης²⁹. L'inverse n'est pas non plus rare : *x* (*μ*) change en *š* (*ζ*), mais comme le grec ne possède pas de caractère pour *š*, il s'écrit *s*. C'est la règle, en grec, aussi bien pour la Crète et Chypre³⁰ que pour le Pont (cf. *Χοίρος* prononcé *širos*, *σχίζω* prononcé *sšizo*; *ἄσχημος* prononcé *šimos*, etc.³¹. Nous obtenons ainsi *Κισκάση* - *Βισκάση* - *Βιχκάση*.

La démonstration qui précède prouve que le nom de *Vxkac'i* n'était pas seulement celui du magistros Bagarat, catépan de l'Orient, mais celui de toute une famille d'origine arménienne et de Tayk'. Cette famille possédait autrefois Artanutch et comptait de nombreux domaines à Tortum. Lorsque Tayk' fut devenue province byzantine, les Kékauménoi-*Vxkac'i* se mirent au service de l'empire et déployèrent leur activité tant en Orient qu'en Occident. Byzance a largement utilisé les Kékauménoi-*Vxkac'i*, en Arménie et en Géorgie. On sait que Katakalon Kékauménos a servi Byzance durant de longues

²⁷ Id., *ibid.*

²⁸ J. Karayannopoulos, *Zur Frage der Autorschaft am Strategikon des Kekaumenos*, *Byz. Zeitschr.*, 54, 1961, p. 263.

²⁹ G. Garitte, *La « Narratio de rebus Armeniae »*, Louvain, 1952, p. 366.

³⁰ 'Ελευθεροδάκη, 'Εγκυκλοπαιδική Λεξικόν, t. IB', Athènes, 1931, p. 784.

³¹ *Ibid.*, Les Grecs riverains de la mer Noire, en majorité originaires du Pont, prononcent jusqu'aujourd'hui « macheri » au lieu de maheri (*μαγαίρι*).

années dans ces deux pays. Bagarat *Vxkac'i*, duc du Vaspurkan jusqu'en 1059, le devint ensuite d'Ani, où il succéda à son parent Katakalon Kékauménos. Cette politique de Byzance était naturelle. Pour asseoir sa domination en Arménie et en Géorgie, l'empire se servait d'éléments « dénationalisés », plus précisément d'Arméniens de confession géorgienne, que leur double appartenance, ethnique et religieuse, faisait agréer aussi bien des Arméniens que des Géorgiens. Du temps de Bagarat *Vxkac'i*, c'était un arménien de confession géorgienne qui se trouvait à la tête d'Ani, Grigor Bakurian. La persistance du suffixe *-ac'i* aux Xe et XIe siècles prouve que la famille des *Vxkac'i* n'avait pas cessé de se considérer comme arménienne et sans doute de parler l'arménien³².

Où situer la localité de *Vxik-Vixik*, dont dérive le nom de *Vxkac'i* d'une des branches des Bagratides ?³³ Exactement là où se trouvait le domaine d'Ašot Kiskasi, là où fut construite l'église qui porte l'inscription du patrice Grigor, fils de Smbat *Vxkac'i* : dans le canton de Tortum, à cinq ou six heures de marche vers le nord-ouest. Il existait encore à cet endroit, au milieu du XIXe siècle, un village de *Vxik* qui est sans nul doute celui de l'histoire³⁴.

Nous voudrions ajouter ici, à propos du § 63 du *Stratègikon*, où

³² Le nom de *Vxkac'i*, sous sa forme géorgienne, se rencontre dans le colophon en géorgien d'un évangile arménien copié au XIVe-XVe siècle (voir N. Ja. Marr, *Ob armjanskoi i illjustrirovannoji rykopisi iz Chalkedonitskoji oredy*, *Izvestia imper. Akad. Nauk*, 1911, p. 1298). Marr observe, à ce propos, que « ce nouveau nom géographique, à savoir celui du village de *Vixik*, dont sont originaires les *Vixikar* vu *Vxkac'i*, demande encore à être expliqué » (*ibid.*). Ces *Vixikar* n'ont peut-être aucune relation avec la famille princière *Vixkac'i*, et leur nom dérive tout simplement du nom de lieu *Vxik*, comme autrefois celui des représentants de la famille princière des *Vxkac'i*. Mais il n'est pas exclu qu'ils comptent parmi les descendants des célèbres *Vxkac'i*. Si ces derniers se désignent d'après leur lieu d'origine, sans se servir de leur prénom, c'est que ce patronyme était bien connu.

³³ Il est intéressant de citer ici ce que Brosset écrivait, dès 1849, au sujet du nom de *Vxkac'i* de Bagarat, catépan de l'Orient : « je ne puis déterminer le sens du mot *Vkhcatsi*, qui me paraît pourtant indiquer le lieu de la naissance » (*Rapport sur un voyage archéologique*, p. 95). M. Emin a confondu *Vxik* avec le fort célèbre de *Vahka*, en Cilicie (voir *Armenskie nadpisi v Karse, Ani v okrestnostjach poslednich*, Moscou 1881, p. 14, n. 1). Ce fort est mentionné dans les sources byzantines sous le nom de *Baka*, voir *Alishan, Sissouan*, 1885, p. 161.

³⁴ Voir la carte de Tortum dans N. Sargisian. — N.d.l.R. : Ce village existe toujours, sous le nom de *Vihik*, dans le *caza* de Tortum. Dans la nouvelle orthographe turque, *k* représente *x*; voir *Köylerimiz*, Istanbul, 1936, p. 758.

il est question du grand-père de Kékauménos l'auteur, quelques remarques d'intérêt topographique et historique. Ce paragraphe est intitulé dans la rubrique : *περὶ κάστρου κεφαλῆς τοῦ Τιβινίου*,³⁵ et dans le pinax général : *περὶ κάστρου καὶ κεφαλῆς τοῦ Τιβινίου*. Dans l'original la place fortifiée ou *kastron* est orthographiée : *τοβίου*, ce que les éditeurs ont corrigé en *Τιβίου* et identifié avec la célèbre ville arménienne de Duin-Dvin³⁶. Lemerle rejette cette identification pour de bonnes raisons³⁷. Il se demande, sans plus, si le mot *Τοβίου* ne serait pas « soit l'une des formes grecques du nom *Taiq*, dont la plus fréquente paraît être *Tais*, soit le nom d'une place ou d'un district du *Taiq* ou du voisinage », et il cite Brosset selon lequel « une des divisions administratives du pays de *Taiq* se nommait *Tbeth* »³⁸. Ces éventualités ne sauraient être retenues : d'abord, parce que dans les sources byzantines *Tayk'* s'appelle *Tais*; ensuite, parce que *Tbeth* ne se trouve pas en *Tayk'* mais en *Chauchétie*³⁹. A. Ter-Ghévondian rejette de même l'identification de *Τοβίου-Τιβίνιον* avec Duin-Dvin⁴⁰, pour la raison que la description du *kastron* du *Stratègikon* ne correspond pas à la configuration de cette ville.

Il importe de remarquer que le *Stratègikon* ne décrit que le *kastron* dont le grand-père de l'auteur, toparque de *Τιβίου*, voulait s'emparer. Cette place forte s'appelle, comme il a été dit, *Τιβίνιον*. On s'est donc entièrement mépris en identifiant ce *kastron* *Τιβίνιον*, qui était sis dans la Grande-Arménie, avec la toparchie de *Τοβίου*. Le *kastron* *Τιβίνιον* et le *kastron* non autrement désigné du texte doit être dis-

³⁵ L'expression *κάστρου κεφαλῆς* est la traduction grecque de l'arménien *berdi glux* (tête de forteresse).

³⁶ Cf. *Kekaumeni Stratègikon*, p. 26. G. Litavrine l'identifie avec Duin-Dvin (G.G. Litavrin, *Byl li Kekavmen avtor « Strategikona » feodalom ? Vizantijskie očerki*, Moscou, p. 28-29).

³⁷ Lemerle, *op. cit.*, p. 28-29.

³⁸ Id., *ibid.*, p. 33, n. 5.

³⁹ Georgij Merčul, *Zitie sv. Grigorija Chandztijskogo. Gruzinskij tekst, vvedenie, izdanie, perevod H. Marra s/ dnebnikon poezdki v ščavščiju i kpardžiju*, Saint Petersburg, 1911, p. 10 et suiv. D'après la *Géographie (Ašxarhac'uyc')* du VIIe siècle, *Tayk'* était le 14e canton de la Grande Arménie, et, d'après la même source, *Chawchet* appartenait à la Géorgie; voir S. Erémian, *l'Arménie d'après l'Ašxarhac'uyc'* (en arménien), Erévan, p. 104, 110. (Voir plus loin l'article consacré à cet ouvrage. N.d.l.R.).

⁴⁰ A. Ter-Ghévondian, *Chronologie de la ville de Duin* (voir p. 303-318, la traduction de cette étude, N.d.l.R.). Id., *Les émirats arabes en Arménie* (en arménien), Erévan, 1965, p. 187. Ter-Ghévondian écrit que, d'après S. Erémian, la localité mentionnée est *Dvnik'* arménien entre les cantons 774 un et d'Egeilac' de la Haute-Arménie.

tingué du *Τοβίου* mentionné un peu plus loin, qui est un district administratif, dont le grand-père de l'auteur du *Stratègikon* était gouverneur.

Le paragraphe que nous analysons pourrait faire supposer que le toparque de *Τοβίου* commença par être un « ennemi de la Romanie » (au sens d'Empire byzantin)⁴¹. Mais comment expliquer, dans l'hypothèse, que l'auteur du *Stratègikon*, dévoué à l'empire corps et âme, ait pu rappeler un souvenir aussi déplaisant ? Lemerle a envisagé une autre hypothèse, à savoir que le *kastron* n'aurait pas appartenu aux Byzantins, mais il l'écarte aussitôt pour la raison que le contexte et les mots *ἐχθρὸς τῆς Ῥωμανίας* s'y opposent⁴². Wassiliewsky a bien proposé de corriger *Ῥωμανίας* en *Ἀρμενίας*, mais, comme observe Lemerle, « une telle hypothèse ne fait que souligner l'imbroglie de difficultés dans lequel nous sommes »⁴³. A notre avis, la suggestion avancée par Lemerle, que le *kastron* n'aurait pas été une forteresse byzantine, est la plus probable et il n'est pas impossible de concilier le texte avec cette hypothèse.

Résumons le passage pour situer la phrase décisive. L'auteur met l'*akritas* en garde contre tout commerce trop confiant avec ses voisins. Et pour illustrer sa leçon, il cite en exemple le stratagème utilisé par son grand-père, toparque de *Τοβίου*, pour s'emparer du fort de *Τιβίνιον* en Grande Arménie. Le toparque se concilie le *stratègos*⁴⁴ voisin, sans doute un émir arabe, en lui proposant ses services au cas où il se trouverait à manquer de céréales. A quelque temps de là, le stratège se trouve en pénurie de blé et il fait appel au toparque, tout en pensant par devers lui : « *παρ' αὐτοῦ τοῦ ἐχθροῦ τῆς Ῥωμανίας ἐὰν σιταρχισθῆ τὸ κάστρον μου, τίνος ἀξιὸς εἶμί* ». Ce que l'on a compris jusqu'ici : « Si mon fort en vient à être ravitaillé en céréales par l'ennemi de la Romanie, à quoi suis-je bon ? ». Le sens exact nous paraît plutôt le suivant : « Si (...) ravitaillé en céréales par l'ennemi de Romanie » ou « l'ennemi qui est la Romanie ». Alors la contradiction est levée : le toparque est un gouverneur byzantin qui dupe un émir arabe dont les domaines sont situés en Grande-Arménie. Ter-Ghévondian avait

⁴¹ Lemerle, *op. cit.*, p. 28.

⁴² Id., *ibid.*, p. 28, n. 4.

⁴³ Id., *ibid.*

⁴⁴ Dans les sources byzantines, les généraux arabes sont fréquemment appelés *stratègoi*; cf. par exemple, Théophane, *Chronographie*, ann. 6129, de Boor, p. 340, et ann. 6146, p. 345.

donc raison d'écrire que « probablement, ce fort se trouve dans cette partie de l'Arménie occidentale où existaient des émirs musulmans soumis à Byzance »⁴⁵.

Il reste à situer la toparchie de *Τοβίον*. Un colophon d'évangéliste va nous mettre sur la voie. Il s'agit d'un manuscrit en parchemin conservé à l'église Saint Georges d'Akn (Egin, aujourd'hui Kemaliye), copié par le scribe Aristagès « dans les montagnes du Taurus, dans le territoire de Sasun »⁴⁶. Le colophon a été écrit en 1169 « sous le pontificat du seigneur Nersès⁴⁷, catholicos des Arméniens, et sous Vigen, seigneur de Sasun, grand patuelēsimos⁴⁸, fils de Čortuanēl, petit-fils du grand et puissant T'ornik, qui (...) en l'an 618 (= 1169) ... ». La femme du prōtonobélissimos Vigēn⁴⁹ était fille de Hmayak, grand prince des Mekk', de la lignée des Arcrunides et s'appelait Meleksti.

Du mariage de Vigēn et de Meleksti naquirent des enfants, dont une fille aînée, du nom de Kata, « que sa mère préférait à tous ses autres enfants... et au nom de laquelle cet évangile a été écrit ». Les parents donnent leur fille « en grande pompe, en mariage à Šahnšah, fils de

⁴⁵ Ter-Ghévondian, Chronologie de la ville de Duin. On ne connaît pas d'émirats arabes en Tayk', ce qui infirme aussi toute tentative d'identifier *Τοβίον* avec Tayk' ou Tbeth.

⁴⁶ Description de cet évangéliste par D. Sruanjtiane, *T'oros albar*, Constantinople, 1884, II, p. 305-318. Voir aussi Alishan, *Hayapatum*, Venise, 1901, p. 391-396. Ce colophon a été copié dans un autre manuscrit arménien et publié par G. Yovsep'ian, *Yšakatarank' Jeragrac'*, Antélias, 1951, I, p. 397-405. Il a été aussi publié partiellement par J. Markwart, *Süd-armenien und die Tigrisquellen*, Wien, 1930, p. 518-522. C'est d'après ce colophon que Markwart a rédigé son sixième excursus, intitulé « Die Herkunft der Furste von Sasun in 11 und 12 Jahrhundert ». Voir aussi N. Akinian, *Matenagrakan hetazotutiwnner* (La généalogie des T'ornikiens), Vienne, 1936, p. 86. Id., *Nerses Lambronac'i, ark'episkopos Tarsoni*, Vienne, 1956, p. 402-404. Pour la description sommaire du manuscrit contenant ce colophon, voir Y.K. Čanikian, *Hnutiwnk' Aknay*, Tiflis, 1895, p. 77. Le manuscrit pesait 13 kilos. (Le capitaine Vincent W. Yorke a vu ce manuscrit, dont il dit qu'il a été écrit par un prince de Sasun, dont le nom est devenu illisible, et qu'il contenait les portraits du prince, de la princesse et de leur fille; cf. « A Journey in the Valley of the Upper Euphrates », *Geographical Journal*, VIII, oct. 1896, p. 333) (N.d.l.R.).

⁴⁷ Nersès le Gracieux (1166-1173).

⁴⁸ Dans la variante de Yovsep'ian « protonuēlesimos ». Il s'agit évidemment du titre de *πρωτονοβελίσσιμος*.

⁴⁹ Le protonovelissimos Vigēn était apparenté au célèbre Grigor Magistros. La fille de celui-ci avait épousé le prince T'ornik de Sasun, et de ce mariage étaient nés Čortuanēl et Vasak. Vigēn était le fils de Čortuanēl. Voir N. Akinian, *Matenagrakan Hetazotutiwnner*, IV, p. 86, et *Nerses Lambronac'i*, p. 402-404.

Grigor, petit fils de KATAKALOS, fils de Kamēn le Grand, dans le canton de Degik, au grand fort qui s'appelle Sałuk »⁵⁰.

Ce précieux colophon nous a ainsi conservé la généalogie du célèbre général arménien de Byzance, Katakālōn Kékaumēnos, appelé dans le colophon « le grand Kamen ». On a vu plus haut que son contemporain l'historien Aristakēs Lastivertc'i aussi l'appelait Kamenas⁵¹. Le fils de ce « grand Kamenas », selon le même colophon, s'appelait Katakalos, et il s'agit probablement du Katakālōn Kékaumēnos, mentionné par Anne Comnène, qui, en 1094, fut impliqué dans un complot contre Alexis Ier Comnène, et fut aveuglé pour ce motif⁵². Notre texte confirme donc l'hypothèse selon laquelle le Katakālōn Kékaumēnos mentionné par Anne Comnène et le Katakālōn Kékaumēnos qui a déployé son activité dans la première moitié du même XIe siècle ne sont pas la même personne, mais sont des homonymes⁵³. D'après le colophon, le fils de « Katakalos » s'appelait Grigor, d'un prénom qui semble avoir été en faveur dans la famille des Katakālōn, et son petit-fils Šahinšah qui, vers le milieu du XIIe siècle, s'allie avec un descendant d'une autre célèbre famille princière, les T'ornikean. De ce mariage est né un fils nommé Šahinšah. En 1166, Kata, à son second accouchement, meurt enceinte de deux jumeaux⁵⁴.

Ce n'est pas tout. Kata s'était mariée dans « la grande forteresse » des Kékaumēnos, qui se trouvait dans le canton de Degik et s'appelait Sałuk. Degik (Tekik) était le huitième canton de l'Arménie quatrième⁵⁵,

⁵⁰ Sruanjtiane, *op. cit.*, p. 312-313. Les majuscules du nom de Katakalos sont de l'auteur et étaient probablement soulignées dans le manuscrit.

⁵¹ Matthieu d'Édesse mentionne Katakalon Kékaumēnos à propos des incursions seldjoucides, mais il l'appelle Kamen. Après le massacre d'Arcn, en 1049, « le roi Monomaque envoya en Orient des troupes sous le commandement de Kamen, de Grigor, fils de Vasak et de Liparit, frère du vaillant Rat » (*Chronographie*, p. 103-104). Le même auteur mentionne Kamenas une seconde fois, à l'occasion de la bataille de Kapetru : « quand l'armée grecque arriva en Orient, Kamen et Ařon et Grigor, fils de Vasak ... » (*ibid.*, p. 107). Pour la biographie de Katakalon, voir N. Bănescu : Un duc byzantin du XIe siècle, Katakalon Kékaumēnos, *Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine*, XI, 1920, p. 25-36, cité par P. Lemerle.

⁵² Anne Comnène, *Alexiade*, I, p. 454 et p. 458, Bonn.

⁵³ Lemerle, *op. cit.*, p. 38.

⁵⁴ Sruanjtiane écrit qu'à la dernière page du manuscrit se trouvait « la figure d'une femme en linéol, qui était certainement la fille défunte du roi Vigēn, Kama (lire Kata), ayant à ses côtés les figures de ses deux nouveaux-nés ». Si ce manuscrit s'était conservé, nous aurions eu l'unique figure de l'un des membres de la famille Kékaumēnos.

⁵⁵ S. Erémian, *op. cit.*, p. 49.

et était situé entre l'Euphrate et Tchimishgadzak ⁵⁶. Dans les sources byzantines, c'est-à-dire chez le Porphyrogénète, il est mentionné sous la forme *Τεκῆ* ⁵⁷. Le colophon nous apprend donc que le *canton* de Degik appartenait à la famille des Kékauménos, et, à ce propos, il est impossible de ne pas penser à la *toparchie* du *Stratégikon*. Il n'est pas exclu que la graphie de ce nom de lieu, comme celle du patronyme *Κηγκάτζι*, ait pâti d'une erreur et qu'il faille lire *k* au lieu de *b* : on obtiendrait ainsi, non pas *Τιβίον*, mais *Τοκίον*, qui peut résulter d'une altération de *Τεκῆ* - *Τοκί[ου]* - *Τεκῆ*. Degik a donc appartenu à la famille des Kékauménos au moins à partir du Xe siècle.

Erévan

H. BARTIKIAN

NOTES SUR L'ÉPOPÉE BYZANTINE

« DIGENIS AKRITAS » *

I. SUR LA QUESTION DE L'HISTORICITÉ DES PERSONNAGES
DE « DIGENIS AKRITAS »

1. 'Απλορράβδης — 'Απελβάρι — Abu-l-Ward.

Parmi les nombreux personnages mentionnés dans l'épopée byzantine « Digenis Akritas », dont l'identification avec des personnalités historiques soulève beaucoup de difficultés, se rencontre le nom d'un certain Haplorrabdis, qui apparaît en qualité d'émir de Méferké. On entend par ce nom la ville de Mayyâfârikîn (Martyropolis), située à la frontière arméno-mésopotamienne. La fille d'Haplorrabdis, à propos de laquelle est mentionné son père, dit à Digenis :

'Εμὴ πατὴρς νεώτερε τὸ Μεφερκὲ τυγχάνει ·
τὸν 'Απλορράβδην¹ ἤκουσας, τὸν ἀμῆρᾶν τῶν πάντων,
οὗτος πατὴρ ἐμός ἐστι, μήτηρ ἢ Μελανθία.

(Ma patrie, jeune homme, est Méferké; tu as entendu parler de Haplorrabdis, le premier des émirs; il est mon père; ma mère est Mélanthia.)²

Cet Haplorrabdis, qui se distingue dans l'épopée par son caractère belliqueux, a retenu en captivité chez lui de nombreux chrétiens de marque.

* Bien qu'un compte-rendu détaillé de cet article ait été fait dans le tome II de la Revue des Études Arméniennes, Nouvelle Série, il a paru utile d'en donner ici une traduction. Nous rappelons que l'article de H. M. Bartikian a paru dans le *Vizantijskij Vremennik*, XXV (1964), p. 148-166. Les additions du traducteur, pour la plupart références à des traductions françaises d'ouvrages arméniens, ont été mises entre crochets. [M. CANARD].

¹ Dans le ms. : 'Απλοράβδιν. Corrigé d'après les Mss de Trébizonde et Andros.

² *Digenes Akrites*, ed. with an introd., transl. and commentary by J. Mavrogordato, Oxford, 1956, V, 66-8. Trad. A. J. SYRKIN, *Digenis Akrit*, Moscou, 1960, p. 76. L'expression τὸν ἀμῆρᾶν τῶν πάντων peut être traduite par « le plus grand émir ». [N.d.tr. : Voir *Les Exploits de Digenis Akritas, Épopée Byzantine du dixième siècle...* par C. Sathas et E. Legrand, Paris, 1875, p. 140-141. L'expression grecque que Syrkin a traduite « Là il gouverne tous », a été comprise par E. Legrand, dont nous avons reproduit la traduction, comme l'a fait Bartikian.]

⁵⁶ *Ibid.*

⁵⁷ Const. Porphyrogénète, *De administrando*, p. 238. Aussi *Διγισσηνή* ou *Διγισινή*; voir Georgii Cyprii *Descriptio orbis romani*, ed. H. Gelzer, p. 49; Hieroclis *Synecdemos et Notitiae graecae episcopatum accedunt. Nili Doxapatri Notitia patriarchatum et locorum nomina immutata*, ex recognitione Gustavi Parthey, 1886, p. 90. Cf. Hübschmann, *Die altarmenische Ortsnamen*, p. 302-303.

ἐν τοῖς πολέμοις γὰρ αἰεὶ εἴωθεν ἀσχολεῖσθαι³.

(— mon père — occupé, selon son habitude à des guerres continues.)

Dans la littérature considérable consacrée aux questions que pose cette épopée, on a fait diverses hypothèses et tentatives pour identifier cet Haplorrabdis avec divers personnages historiques. Le savant grec P. Karolidès identifie Haplorrabdis avec Ἀβδουρραχίμ⁴. Mavrogordato l'identifie à l'émir de Mayyâfârîkîn Ἀποτάγλε (Abû Taghlib)⁵, qui apparaît dans les années 70 du Xe siècle comme allié de Bardas Skléros. A. J. Syrkin, dans un article publié récemment et consacré spécialement à la question de l'historicité des personnages de l'épopée « Digenis Akritas », repousse à juste titre ces suppositions et les considère comme extrêmement hypothétiques, sans faire cependant de tentative pour identifier Haplorrabdis⁶.

Dans l'épopée, il est dit aussi que se trouvait en captivité chez Haplorrabdis un jeune homme, fils d'un certain stratège Antiochus, qui a réussi à s'enfuir de sa prison avec la fille d'Haplorrabdis. Comme il est indiqué dans l'épopée, le père de ce jeune homme périt en captivité chez les Arabes qui sont appelés Perses⁷.

Il est fort possible que dans cet Haplorrabdis épique on doive voir l'émir de Mantzikert (Μαντζικέρτ) et de la région de l'Apahunik' (Ἀπαχουνή), mentionné dans le *De administrando Imperio* de Constantin Porphyrogénète, Ἀπελβάρτ-Abulward⁸. Dans l'épopée, sans doute, par la transposition de βαρδ en -ραβδ⁹, le copiste du manuscrit, ou

³ *Digenes Akrites*, V, 76. [N.d.tr. : *Les Exploits...*, p. 140-141.]

⁴ Π. Καρολίδης. Σημειώσεις κριτικά ἰστορικά καὶ τοπογραφικά εἰς τὸ μεσαιωνικὸν ἔπος. Ἐπετηρὶς τοῦ ἐθνικοῦ Πανεπιστημίου. Ἐν Ἀθήναις, 1906, σελ. 242.

⁵ *Digenes Akrites*, p. 146.

⁶ A. J. SYRKIN, « Sur l'historicité des personnages de 'Digenis Akritas' », *Viz. Vrem.*, XVIII (1961), p. 148.

⁷ A. J. SYRKIN, *op. cit.*, p. 148-149. [Cf. *Les Exploits...*, p. 152-153.]

⁸ [VOIR CONSTANTINE PORPHYROGENITUS, *De administrando imperio*, Greek Text ed. by Gy. Moravcsik, Engl. Transl. by R. J. H. Jenkins, Budapest, 1949, chap. 44, 17 sq., 79, 107, 112; Idem. Volume II, *Commentary* by F. Dvornik, R. J. H. Jenkins (and others), ed by R. J. H. Jenkins, University of London, The Athlone Press, 1962, p. 169-170. Cf. M. CANARD, *Hist. de la dynastie des Hamdanides*, 1951, p. 474 sq.]

⁹ Dans Constantin Porphyrogénète, Ἀπελβάρτ. Le dernier δ, dans ce cas, correspond à la lettre d, car le δ grec à cette époque se prononçait comme th anglais (dans le mot *this*), ou même, ce qui est très fréquent chez le même auteur, η arménien = d est transcrit d'après la prononciation arménienne occidentale t, étant donné que le nom Vart (Vard) est arménien.

avant lui, le conteur grec, a voulu donner l'idée que le motράβδης dérivait de ράβδος, la massue, (c'est ce que laisse entendre le double ρρ dans le mot composé Ἀπλορράβδης dans les versions de Trébizonde et d'Andros¹⁰. Quant à l'arabe Abu-l, dans l'épopée, il est aussi senti comme ἀπλο... de ἀπλός¹¹.

Chez Constantin Porphyrogénète apparaissent comme émirs de Mantzikert deux Abu-l-Ward. Le premier a régné, d'après lui, dans le troisième quart du IXe siècle. Le prince des princes arménien Ašot Bagratuni (862-885), roi de 885 à 890, lui remit les forteresses de Xlat, Arčēš et Berkri¹². C'est tout ce que nous savons sur ce premier Abu-l-Ward chez Constantin Porphyrogénète.

Les sources arméniennes donnent aussi des détails sur cet Abu-l-Ward. Grégoire Narakac'i¹³ du Xe siècle, qui a été accusé de partager l'hérésie des T'ondrakites, appelés dans les sources byzantines Pauliciens, a écrit une épître contre les hérétiques, dans laquelle nous trouvons des données précieuses sur l'activité de l'émir de Mantzikert, dirigée contre les hérétiques t'ondrakites¹⁴. Dans cette épître il loue un « vengeur, l'émir païen Aplvard », qui vivait dans le voisinage des hérétiques t'ondrakites¹⁵, et était un persécuteur de ces derniers. Il mentionne aussi que cet Aplvard arrêta et fit mettre à mort le fondateur et chef de ce mouvement, Smbat de Zarehavan, contemporain de Carbéas et de Chrysocheir¹⁶.

¹⁰ À ce propos, on peut noter qu'il y avait dans l'armée byzantine une sorte de ράβδος (massue), appelée βαρδούκια ou βαρδύκια. Voir Ν. Καλομενοπούλου. Ἡ στρατιωτικὴ ὀργάνωσις τῆς Ἑλληνικῆς Αὐτοκρατορίας τοῦ Βυζαντίου, Ἐν Ἀθήναις, 1937, σελ. 133. Ainsi, le nom Ward pouvait facilement, chez les Byzantins, être associé avec le mot ράβδος, aussi bien phonétiquement que sémantiquement.

¹¹ C'est ce qu'indique aussi l'esprit rude devant ce nom arabe grecisé, provenant de Abu-l, à l'époque où Abu était chez les Byzantins interprété non par le mot ἀπλος, mais simplement par la préposition ἀπό. Ainsi Ἀποκάπης, Ἀποτάγλε, Ἀπόχαψ etc. Le b arabe se transformait en π : Abu-Ἀπο, Abu-l-Ἀπλο, car à cette époque le β sonnait comme maintenant v. C'est pourquoi, dans la transcription byzantine, le β étranger était souvent rendu par π. Ainsi l'arménien Abas, chez le même Constantin Porphyrogénète apparaît sous la forme Ἀπασ(άκιος).

¹² CONSTANTINE PORPHYROGENÈTE, *op. cit.*, 198, ch. 44.

¹³ Voir H. BARTIKIAN, « L'origine légendaire des Pauliciens d'après un manuscrit vieux-bulgare » (en arménien) : Bull. de l'Ac. des Sc. de la Rép. Soc. Sov. d'Arménie. Série des Sciences Sociales, n° 1, 1957, p. 89.

¹⁴ Voir *Le Livre des Épîtres*, Tiflis, 1901, p. 498 (en arm. ancien).

¹⁵ *Ibid.*, p. 500. Le centre du mouvement, le village de T'ondrak, se trouvait dans la région de l'Apahunik'. Voir Aristakès DE LASTIVERT, *Histoire*, Tiflis, 1912, p. 150 (en arm. anc.) [Trad. franç. de E. Prudhomme, chap. XXII, p. 127 sq.].

¹⁶ Pour des détails sur lui, voir Ašot YOANNISIAN, « Le mouvement des T'ondrakites

Des détails nous sont également donnés sur cet Abu-l-Ward par l'historien arménien du Xe siècle Thomas Arcruni. Il y mentionne que, dans les années 70 du IXe siècle, l'émir des Kaysikk' de Manazkert dans la région de l'Apahunik' était un nommé Ablbar, qu'il appelle le tyran de l'Apahunik' ¹⁷.

Les Kaysikk' mentionnés dans les sources arméniennes et appartenant à la famille émirale de Manazkert, de la tribu de Sulaym, étaient dès les années 60 du IXe siècle maîtres de l'Apahunik'. Ils se sont vraisemblablement installés en Arménie sous le règne de Hârûn al-Rašîd à la fin du VIIIe siècle ¹⁸. Les possessions des Kaisikk', selon les données de Constantin Porphyrogénète, étaient Manazkert, Berkri, Xlat, Arcēš; jusqu'au règne de Ašot I, elles se trouvèrent sous la dépendance du califat, appelé chez lui la Perse. À l'époque d'Ašot I, toutes ces forteresses et villes furent sous la dépendance et la suzeraineté d'Ašot I. Lorsque le roi arménien Smbat I eut été mis à mort par les Arabes (914), les Kaysikk' devinrent vassaux de Byzance, lui payant un tribut déterminé (jusqu'à ce que le contemporain de Constantin Porphyrogénète, Abu-l-Ward II eût cessé d'être subordonné à Byzance).

Constantin Porphyrogénète considère que les princes d'Arménie se trouvaient sous la dépendance et la suzeraineté de Byzance et que les émirs kaysikk' étaient des vassaux de ces princes. Par suite, l'insoumission à un prince d'Arménie était une insoumission à Byzance.

Thomas Arcruni nous parle de la lutte des Bagratides arméniens contre les émirs de l'Apahunik', ce qui veut dire en même temps et qu'un émir était en état d'insoumission à Byzance et qu'il luttait contre Byzance. Thomas mentionne aussi que l'émir kaysikk' avait à sa disposition « l'armée perse » qui se livrait à des incursions de pillage

en Arménie » dans *Voprosy istorii* (Questions d'histoire), 1954. n° 10; IDEM, « Smbat de Zarehavan, son époque et ses contemporains » dans *Le Messager du Maténadaran*, 1956; IDEM, *Esquisse d'une histoire de l'idée d'indépendance arménienne*, I, Erévan, 1957; S. POŁOSIAN, *Le servage des paysans et les mouvements paysans en Arménie du IXe au XIIIe siècle*, Erévan, 1956 (en arm.).

¹⁷ Thomas ARCRUNI, *Histoire de la maison des Arcruni*, Tiflis, 1917, p. 353. [Cf. la traduction Brosset dans *Collection d'historiens arméniens*, 2 v. St. Pétr. 1874-1876, I, 178 sq.; de même J. LAURENT, *L'Arménie entre Byzance et l'Islam*, Paris, 1919, 273, 281-2, 325.]

¹⁸ J'utilise ici le manuscrit d'une monographie de A. TER-GHEVONDIAN, *Les émirs arabes dans l'Arménie bagratide*, qui doit paraître bientôt. [Paru en 1965.]

en Romanie ¹⁹. Dans l'épopée de Digenis Akritas, « le grand émir » Haplorrabis ravage avec une grande armée les terres de la Romanie ²⁰.

Le second Abu-l-Ward vivait à l'époque de Constantin Porphyrogénète, et l'empereur nous donne beaucoup plus de renseignements sur lui. Ce second Abu-l-Ward, *μετά δόλου και χλεύης*, assassine Ahmed (Achmet), soumis à l'empereur byzantin, un Kaysik aussi, possesseur des forteresses de Xlat, d'Arcēš et Arcke; il réunit à nouveau toutes les terres qui appartenaient à la tribu des Kaysikk', cesse d'être vassal de Byzance et refuse de lui payer tribut. Constantin Porphyrogénète conseille à son fils de ne pas manquer de prendre possession de ces forteresses et aussi de Berkri, car selon les paroles de l'empereur, « si l'empereur devient maître de ces forteresses, l'armée arabe (*περσικόν φουσατόν*) ne pourra pénétrer en Romanie, étant donné qu'elles se trouvent entre la Romanie et l'Arménie et qu'elles sont une barrière et des *ἀπλίκτα* des armées (contre les ennemis) ²¹.

Il est intéressant de souligner ici que Constantin Porphyrogénète (comme l'historien arménien Thomas Arcruni, à propos de Abu-l-Ward I), appelle les Arabes, dont le nom ne soulève aucun doute dans le contexte donné, Perses, et le califat arabe, Perse (*Περσίς*), considérant que les territoires mentionnés ne se sont jamais trouvés sous la dépendance de la Perse et du califat (*ταῦτα τὰ προρρηθέντα κάστρα και αἱ προρρηθείσαι χώραι οὐδέποτε γεγόνασιν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῆς Περσίδος ἢ ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τοῦ ἀμερμουμνῆ* ²². Dans l'épopée aussi, il est dit que le stratège Antiochus, qui a été fait prisonnier, a été tué par les Perses, c'est-à-dire par les Arabes, et A. J. Syrkin, a parfaitement raison de considérer que l'épisode de la fille de Haplorrabis se déroule chez les Arabes ²³.

Dans toute cette histoire il ne vient qu'un doute à l'esprit. Haplorrabis dans l'épopée est l'émir de Méferké-Mayyâfârîkîn, tandis que

¹⁹ Thomas ARCRUNI, *Histoire de la maison des Arcruni*, p. 395. [Trad. Brosset, p. 170 sq., 199; cf. aussi, MARKWABT, *Südarmerien*, 300-305; THOPDSCHIAN, *Politische und Kirchengeschichte unter Ašot I und Smbat I (875-890, 890-914)*, p. 190, 194.]

²⁰ Βασίλειος Διγενῆς Ἀκρίτας, ἐποποιία βυζαντινῆ τῆς 10-ῆς ἐκατονταετηρίδος κατὰ τὸ ἐν Ἀνδρῶ ἀνευρεθέν χειρόγραφον ὑπὸ Ἀ. Μηλιαράκη. Ἐν Ἀθήναις, 1920 (vers 2468-2470).

²¹ *De administrando imperio*, éd. Moravcsik-Jenkins, ch. 44, p. 202 sq.; [Commentary, p. 170; M. CANARD, *Hist. de la dynastie des Hamdanides*, p. 475. Sur ἀπλίκτα (*ἀπλήκτα*) au sens de φουσατά, camps, voir LÉON VI, *Tactica*, P.G., 107, col. 792 et A. DAIN, *L'Extrait Tactique* » tiré de Léon le Sage, B.E.H.E., Sc. hist. et phil., n° 284, Paris, 1942, p. 99-100].

²² *De administrando imperio*, *ibidem*.

²³ A. J. SYRKIN, *Sur l'historicité des personnages de « Digenis Akritas »*, p. 149.

le premier et le second Abu-l-Ward sont émirs de Manazkert. Des inexactitudes de cette sorte sont assez fréquentes dans une épopée et cela ne doit pas nous troubler. À ce propos, on doit remarquer que, conformément aux données d'Ibn al-Aṭīr et de Yaḥyâ b. Sa'īd²⁴, Abu-l-Ward I fut défait et tué par un certain Nadjâ, lieutenant de l'émir du Diyâr Bekr (Aldznik'), le Ḥamdânide Sayf al-Dawla dont le centre était la ville de Mayyâfârîkîn.

Une autre question est troublante : auquel des deux Abu-l-Ward faut-il identifier Haplorrabis ? L'hypothèse la plus convaincante est que nous avons affaire à Abu-l-Ward I, contemporain de Chrysovergès-Chrysocheir et de Karoès-Karbéas²⁵.

2. Sur le prototype du héros Ankylas.

Dans l'épopée de Digenis Akritas, dans la version de Trébizonde²⁶, dans celle d'Andros (maintenant « d'Athènes », manuscrit de la Bibliothèque Nationale n° 1074)²⁷, dans la version en prose d'Andros²⁸ et dans celle d'Oxford²⁹, on rencontre parmi les adversaires de Digenis Akritas un certain héros appelé Ankylas³⁰, qui se distingue par une grande force et combat uniquement avec une massue. Il est le seul héros qui ait réussi une fois à vaincre Digenis Akritas. Ankylas a écrit sur la massue du vaincu : « Que Digenis aille chez les Apélates et raconte que Ankylas lui a laissé la vie ! » Ce détail souligne non seulement la force d'Ankylas, mais encore sa générosité. Mais au bout d'un an, Digenis provoque Ankylas en combat et le tue d'un coup de massue sur la tête.

²⁴ Voir M. CANARD, *Recueil de textes relatifs à Sayf al-Dawla*, Paris, 1934, p. 249-251. [Voir aussi p. 256-257 et le passage d'Ibn al-Azrak cité dans le même *Recueil*, p. 257-8 et dans Miskawayh, II, 202, n. 1. Cf. M. CANARD, *Hist. de la dynastie des Hamdanides*, p. 630-631.]

²⁵ [Voir à ce sujet REArm, N.S. II, p. 399-405.]

²⁶ *Les exploits de Basile Digenis Akritas*, vers 2071-2123, p. 172-176.

²⁷ Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας. Τὰ ἔμμετρα κείμενα Ἀθηνῶν (πρώην Ἀνδρου) μετὰ συμπληρώσεων καὶ παραλλαγῶν ἐκ τῆς διασκευῆς Τραπεζοῦντος, Κρυπτοφέρρης καὶ Ἐσκοριάλ. Νέα πλήρης ἔκδοσις μετ' εἰσαγωγῆς, ὑποσημειώσεων καὶ κριτικοῦ ὑπομνήματος ὑπὸ Πέτρου Καλονάρου, τ. Α'. Ἀθήναι 1941, σελ. 171-174 (στιχ. 3068-3120).

²⁸ Οἱ δέκα λόγοι τοῦ Διγενοῦς Ἀκρίτα, κατὰ τὴν πεζὴν διασκευὴν τῆς Ἀνδρου. Ἐκδ. Δ. Πασχάλη. Λαογραφία ». IX, 1928, σελ. 379-381.

²⁹ *Collection de Romans grecs en langue vulgaire et en vers publiée pour la première fois d'après les manuscrits de Leyde et d'Oxford* par S. Lampros, Paris, 1880, vers 2495-2562.

³⁰ [Nous adoptons la forme Ankylas, qui est celle de E. Legrand, et de H. Grégoire et qui est conforme à l'orthographe. R. B. a préféré transcrire Angila, d'après la prononciation.]

Plus bas sera donnée une traduction de la partie de l'épopée concernant Ankylas d'après la version de Trébizonde. Le récit est fait à la première personne. Digenis raconte ses exploits aux apélates.

Récit d'Akritis concernant Ankylas. Vers 2071-2115³¹.

« Un jour, dans une de mes expéditions, je montai à cheval et me rendis dans la plaine. En Mésopotamie, je fis la rencontre d'un jeune homme bien dispos, de belle tournure, plein de bravoure, auquel il me plut de prendre son cheval. Ce jeune homme portait alternativement ses regards sur son coursier et sur moi-même. Très vaillant et très alerte, il fit un léger écart et m'asséna un coup de sa massue, et de ce coup il m'enleva la mienne, sur laquelle il traça avec du sang des lettres formant une missive qui commençait par ces mots : 'Ne te chagrine pas, Akritis, et bannis de ton cœur toute tristesse. Je suis ton serviteur, le lion Ankylas. C'est pour toi que je suis venu, je n'avais pas autre chose à faire ; j'ai accompli mon dessein et ton vœu également, Akritis. Raconte donc à tous les apélates qu'Ankylas t'a donné un grand coup de massue et que ce brave ne t'a pas tout-à-fait tué'.

» Voilà ce que m'écrivit le célèbre Ankylas, et je vais vous raconter le châtement que je lui infligeai. Je m'élançai sur mon cheval, je reprends ma massue, et je retourne dans ma tente, en proie à une violente douleur ; à l'aide des étriers³², je descends de mon merveilleux cheval gris, et je lis ce qui était écrit avec du sang sur ma massue. Le souci de ma vengeance m'obsédait continuellement.

» J'attendis donc une année, dévoré par le chagrin, et, après que l'année fut arrivée à sa fin, je résolus à part moi de payer à l'illustre et vaillant Ankylas la dette du coup de massue, ainsi que celle de la lettre.

» Je m'élançai sur le dos de mon admirable bai brun, le cheval qui avait toujours confiance dans mes prouesses. Je prends mon bouclier, ma lyre et ma massue simple, puis je pars pour la lutte.

» Arrivé près de la demeure d'Ankylas, je frappai sur ma lyre et je me mis à chanter. Je chantai comme un rossignol, remplissant tout le monde d'admiration, et ma chanson débutait par ces paroles : 'Dans ces vallons, dans ces défilés, dans ces endroits rocheux, les nobles et

³¹ [Nous reproduisons ici simplement la traduction d'E. Legrand, étant donné que B. a traduit la version de Trébizonde qui est celle de Sathas et Legrand.]

³² [La traduction de H. B. « postavil lesenku » diffère ici de celle de Legrand. Le mot grec σκάλα signifie « échelle » et « étrier ». M. CANARD]

vaillants hommes donnent aux braves de bons coups de massue; c'est une dette qui me tourmente beaucoup, et avec justice. Je veux la payer intégralement, et je suis venu ici pour m'en acquitter'.

Comment Akritas frappa de sa massue Ankylas à la tête et le tua.

« Ankylas, ayant entendu mes paroles à son adresse, et rempli, comme à son habitude, d'une excessive confiance en lui-même, excita son cheval et fondit sur moi. J'excitai pareillement mon bai brun, et je commençai à frapper Ankylas. Je lui assénai un léger coup de massue sur le front, et aussitôt il demeura sans voix et tomba de cheval. Ayant incontinent mis pied à terre, je prends le jouvenceau pour le relever, mais il poussa un soupir et expira sur le champ. » (Vers 2116-2123.)

La version en vers d'Andros³³ et celle d'Oxford ne nous présentent rien qui diffère de celle de Trébizonde, sauf le seul fait important, comme nous verrons plus loin, que dans la version d'Oxford, Ankylas est appelé un géant, *γίγας*, (v. 2520).

Dans les chants du cycle acritique rassemblés à Telmessos en Cappadoce et publiés par P. de Lagarde³⁴, est mentionné un certain Akylas qui apparaît en qualité de beau-père de Karabieris. H. Grégoire identifie Akylas à Ankylas et Karabieris à Karoès de l'épopée, c'est-à-dire à Karbéas historique³⁵.

On a fait peu de tentatives pour identifier le héros Ankylas à une personnalité historique quelconque. L'hypothèse trop assurée avancée par P. Kalonaros que Ankylas serait le héros de l'épopée turque Sayyid Battâl, ne semble absolument pas convaincante et n'a qu'une base très précaire³⁶. A. J. Syrkin considère qu'il est difficile d'identifier

³³ La version en vers d'Andros m'est restée inaccessible.

³⁴ P. DE LAGARDE, *Neugriechisches aus Kleinasien*, Abhandl. der kgl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Bd. 33, 1886, S. 20, 9.

³⁵ H. GRÉGOIRE, « Notes sur l'épopée byzantine. 2. Une mention du héros Ankylas et du Paulicien Karbeas dans un chant acritique », *Byzantion*, XIII (1938), fasc. 1, p. 251. Les noms Karo[es] ou Karbeas sont des hypocoristiques arméniens (chez les Arméniens on rencontre aussi les formes Krpe-Krbe, Krpo-Krbo) de Karapet-Karabet, signifiant « le Précurseur » (grec πρόδρομος). Voir R. AÇARIAN, *Dictionnaire des noms de personnes arméniens*, II, Érévan, 1944, p. 582 sq. Sous ce rapport, *Καραβιέρης* (vraisemblablement déformation de *Καραβιέρης*) du chant mentionné plus haut est très proche du nom Karabet, et la supposition de Grégoire que *Καραβιέρης* est identique à Karoes est très plausible. Là-dessus voir aussi R. BARTIKIAN, *Les sources pour l'étude de l'histoire du mouvement paulicien*, Érévan, 1961, p. 166.

³⁶ Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας... εκδ. II. Καλονάρου, τ. Α', σελ. 172, ὑπόσημ.

Ankylas avec un personnage quelconque³⁷ et cela est compréhensible, car on voit bien d'après le récit mentionné plus haut que nous avons affaire non à une personnalité historique, mais à une personnalité mythique, légendaire.

Tout d'abord, arrêtons-nous sur la région d'où est originaire Ankylas. C'est la Mésopotamie, certainement pas la Mésopotamie historique d'entre les deux fleuves, mais la province byzantine de Mésopotamie. Dans la division administrative de Byzance, la province de Mésopotamie, avec comme centre Amid, faisait partie de la Préfecture de l'Orient³⁸. Dans les sources syriaques, la région d'Amid portait dans l'antiquité le nom de Bêt-Aggelayê, d'après l'ancienne forteresse Aggel, située au nord d'Amid³⁹.

Faisait partie de la province de Mésopotamie la région qui, dans les sources arméniennes est appelée Angel-tun, maison, c'est-à-dire pays d'Angel (Angilène des Byzantins)⁴⁰. De cela témoignent les protocoles du Concile de Chalcédoine de 451 : « La Mésopotamie était représentée par six évêques, ceux de Amid, Sophène, Anzitène, Martyropolis, Angilène et Sophanène⁴¹ ».

Au VIe siècle, l'Angilène faisait partie de la Grande Sophène, mais après 591, la Grande Sophène avec l'Arzanène fit partie de la province de Haute-Mésopotamie⁴². La Haute-Mésopotamie, chez Georges de Chypre, est identifiée avec la IVe Arménie — *Ἐπαρχία Μεσοποταμίας*

³⁷ A. J. SYRKIN, *Sur l'historicité des personnages de « Digenis Akritas »*, p. 147.

³⁸ *Notitia dignitatum*, ed. O. Seeck. Berolini, 1876, p. 77. Cf. N. V. FIGULEVSKAJA, *Les sources syriaques pour l'histoire des peuples de l'Union Soviétique*, Moscou-Leningrad, 1941, p. 15 (en russe).

³⁹ N. V. FIGULEVSKAJA, *op. cit.*, p. 15.

⁴⁰ Angel-tun, pays de Angel ou Angl : *Անգլ* [Voir la carte de HÜBSCHMANN, *Die altarmenischen Ortsnamen*, I. F., XVI, 1904 et celle de A. TER-GHEVONDIAN, *Les émirats arabes dans l'Arménie bagratide*, Érévan, 1965, p. 96 (en arm.). Nous conservons l'appellation Angilène de H. B., bien que l'on dise d'ordinaire Ingilène (*ΙΓΓΙΑΗΝΗ* des Byzantins). Voir par exemple, E. HONIGMANN, *Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches*, Bruxelles, 1935, p. 3-4 et les cartes I et IV. Voir aussi J. LAURENT, *L'Arménie entre Byzance et l'Islam...*, Paris, 1919, p. 85 et Louis DILLEMANN, *Haute-Mésopotamie Orientale et pays adjacents*, Inst. d'arch. de Beyrouth. Bibl. arch. et hist., t. LXXII, Paris, 1962, p. 121 (Engilène).]

⁴¹ Voir MANSI, VII, p. 403 : *provinciae Mesopotamiae ep. VI : Symeon Amudensis, Neo Cesariensis, Zephanensis, Maras Azetiniensis, Zebennos Martyropolitani, Gaiumas Inseles, Inreles (sc. Ingeles), Eusenius (sc. Eusebius) Rufuniensis, Suphaniensis*. Les corrections sont dues à N. Adontz. Voir N. ADONTZ, *L'Arménie à l'époque de Justinien*, St. Pétersbourg, 1908, p. 39, n. 1 (en russe). [Cf. E. HONIGMANN, *Die Ostgrenze...*, p. 8.]

⁴² H. HÜBSCHMANN, *Die altarmenischen Ortsnamen*, p. 303-304.

ἀνω ἦτοι Δ Ἀρμενίας⁴³. Mais la IVe Arménie dans la Géographie Arménienne du VIIe siècle est identifiée avec la Sophène : *Ἐγγληνὴ ἡ ἄνω ἡ ἄνω ἡ ἄνω*⁴⁴. L'Angilène, comme nous l'avons montré plus haut, faisait partie de la Sophène.

Tout ce qui vient d'être dit témoigne que l'Angilène faisait partie de la Mésopotamie, cette Mésopotamie d'où était originaire le héros Ankylas.

Plus tard, comme on voit d'après Constantin Porphyrogénète, les territoires mentionnés entrèrent dans le thème de Mésopotamie fondé par Léon VI (886-911). Sous l'empereur Romain Lécapène firent partie du thème de Mésopotamie Romanopolis et Hanjit⁴⁵ εἰς τὸ Μεσοποταμίας θέμα ἐπὶ Ῥωμανοῦ δεσπότου προσετέθη ἢ τε Ῥωμανόπολις καὶ τὸ Χανζίτ.

La région de Hanjit (arm. *Մանջիտ*), l'Anzitène des Byzantins, les régions de la Sophène, de la Sophanène et aussi l'Angilène étaient à une époque plus ancienne connues sous le seul nom de Sophène. Elles se trouvaient entre l'Euphrate et le Tigre occidental⁴⁶.

Que représentait en elle-même l'Angilène? C'était une très ancienne région. Le hittitologue allemand E. Forrer considère que l'Angilène est l'Ingal-ava des inscriptions hittites⁴⁷. L'Angilène, avec sa forteresse inaccessible joua par la suite un grand rôle dans l'histoire du peuple arménien. L'historien arménien connu Gr. Kapanc'ian écrit : « Avec l'extension de l'influence politique et sociale d'une famille féodale qui possédait la forteresse d'Angel, tout le territoire environnant sur le cours supérieur de l'Argana Şū et du Zibene Şū (dans lequel se jette l'Argana Şū) s'appela aussi Maison d'Angel (*Մանջիտ տուն*)⁴⁸... Chez les Arméniens, sont liées au nom de cette ville forteresse d'anciennes traditions relatives à leur évolution et régime politiques, sans parler de leur signification au point de vue culturel⁴⁹.

⁴³ GEORGII CYPRII, *Descriptio orbis Romani*, ed. H. Gelzer, Lipsiae, 1890, p. 46.

⁴⁴ *Géographie* de Moïse de Khoren, texte arménien, tr. française par Arsène Soukry, Venise, 1881, p. 30.

⁴⁵ CONSTANTINE PORPHYROGENITUS, *De administrando Imperio*, ed. G. Moravcsik, Budapest, 1949, p. 238. Sur la situation de Romanopolis, voir E. HONIGMANN, *Trois Mémoires posthumes d'Histoire et de Géographie de l'Orient Chrétien*. « Subsidia Hagiographica », n° 35, Bruxelles, 1961.

⁴⁶ Voir N. ADONTZ, *L'Arménie à l'époque de Justinien*, p. 30.

⁴⁷ *Real-Lexikon der Assyriologie*, I, 88, s.v. « ALZI ».

⁴⁸ Angel-tun. Voir plus haut, n. 40.

⁴⁹ Voir Gr. KAPANC'IAN, *Hayasa, berceau des Arméniens. Ethnogénèse et histoire primitive des Arméniens*, Erévan, 1947, p. 199-200 (en russe).

Au IVe siècle, chez les Arsacides chrétiens, l'Ingilène était domaine royal. Comme le montre l'historien arménien P'awstos Buzand (Ve siècle), la région d'Angel-tun était anciennement *ostan ark'uni*, c'est-à-dire région royale⁵⁰. À l'époque des incursions dévastatrices du naxarar arménien Meružan Areruni, le roi Aršak résida en Ingilène. Évidemment, cette région servit temporairement de résidence aux rois arméniens.

Au rapport du même P'awstos Buzand, les troupes du roi de Perse Šapuh, sous le commandement de Meružan, « marchèrent sur la puissante forteresse d'Angel dans le *gawar* (district) d'Angel-tun et l'assiégèrent, étant donné que se trouvaient là les tombeaux de nombreux rois arméniens Aršakuni (Arsacides) et que là, depuis des temps anciens avaient été accumulés par leurs ancêtres de nombreux trésors. Ils marchèrent vers la place, assiégèrent la forteresse et comme ils ne purent la prendre en raison de l'inaccessibilité du lieu, ils renoncèrent et se retirèrent »⁵¹.

L'historien arménien du Ve siècle Agathange mentionne parmi les seize princes de l'Arménie en premier lieu « le prince d'Angel-tun » et ce prince est le seul à porter chez lui le surnom de « grand »⁵².

⁵⁰ *L'Histoire d'Arménie* de P'awstos Buzand, trad. russe de M. A. Gevorkian, Erévan, 1953, p. 163. [Trad. française par Emin dans Langlois, *Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie*, I, p. 289, liv. V, ch. XVIII.]

⁵¹ IDEM, p. 112. [Trad. française, p. 261, l. IV, ch. XXIV.]

⁵² AGATHANGE, *Histoire d'Arménie*, Tiflis, 1909, p. 414 et p. 460. [Trad. gr. et fr. dans LANGLOIS, *Collection*, I, p. 170. (Les passages correspondants dans le texte grec d'Agathange sont : *κελεύει οὖν (ὁ βασιλεὺς Τιριδάτιος) τοὺς ἀρχηγούς τῶν σατραπῶν συγκαλέσασθαι καὶ τοπάρχας καὶ πρῶτος ἀρχῶν Ἀγγελιτῶν οἴκου καὶ τὸν μέγιστον ἀρχοντα τοῦ οἴκου τῶν λεγομένων Ἀγγελιτῶν* (*Agathangelus und die Akten Gregors von Armenien*. Neu herausgegeben von Paul de Lagarde, Göttingen, 1887, S. 68, 83). Voir aussi Jean MAMIKONIAN, *Histoire du Taron*, Erévan, 1941, p. 77. Dans la version arabe d'Agathange, on lit : « Et dès qu'arrivèrent les lettres (à savoir de Tiridate), vinrent le trouver trois rois, le roi Abkhaze, le roi Géorgien et le roi Alain, et avec eux une assemblée de princes. Dans les premiers, le prince de Gips (Angel). Voir N. J. MARR, « Le baptême des Arméniens, Géorgiens, Abkhazes et Alains par Saint Grégoire (version arabe) ». *Zapiski vostočnogo otdelenja Russkogo arzeologičeskogo Obščestva* (ZVORAO), t. XVI, 1905, p. 115.

N. J. Marr, dans une note de son édition et traduction de la version arabe d'Agathange, p. 202, explique comment il est arrivé à traduire le texte arabe par « le prince de Gips (Angel) ». Le texte arabe *الأول مسلط الحبس*. Marr a corrigé par conjecture *الحبس*, qui n'offre aucun sens, en *الجيبس*, al-Ġibs ou al-Gibs, ou al-Gips. On sait que le ج arabe rend aussi bien *ğ* que *g*, et le ب arabe aussi bien *b* que *p*. Dans le mot ainsi obtenu, il voit une transcription du grec γύψ (Génitif γύπος), signifiant

Les ruines du château d'Angel se trouvent près de la localité d'Agil, qui a conservé l'ancien nom ⁵³.

Dans les sources syriaques, la forteresse d'Angel est mentionnée par Josué le Stylite, Zacharias le Rhéteur, Jean d'Éphèse qui d'ailleurs est lui-même originaire d'Angel, sous la forme Agel ⁵⁴. Chez les auteurs syriaques modernes, la localité s'appelle Agyl ou Angyl ⁵⁵.

Dans les sources byzantines, l'Angilène est mentionnée par Pierre le Patrice sous la forme Ἰγγηληνή ⁵⁶ et de même dans le Code Justilien ⁵⁷. Elle est comptée au nombre des principautés arméniennes qui dans les sources byzantines étaient appelées satrapies et étaient situées au sud de l'Arménie entre le Tigre et l'Euphrate et s'étendaient du côté de la ville d'Amid ⁵⁸.

Angel-tun, au sud-est était limitrophe de Sasun ⁵⁹, région où a été créée l'épopée arménienne de David de Sasun, qui a beaucoup de points de contact avec l'épopée byzantine de Digenis Akritas. On trouve mention de la rivière de la région d'Angel-tun dans l'épopée héroïque arménienne. Nous lisons dans une des versions :

« vautour », traduction grecque de l'arménien *անգղ* (génitif *անգղեղ*), c'est-à-dire *angl* (génitif *angel*), vautour. Il y aurait donc eu une confusion, peut-être volontaire, entre le nom propre du pays et le nom commun de même forme, et Angel aurait été rendu par le grec *γύψ*, qui serait devenu Gips (Gibs) en arabe.

Ce n'est pas impossible. Mais on pourrait aussi chercher dans le mot arabe une transcription soit de Ἀγγελιτών, qui est dans le texte grec, soit du génitif Ἰγγίληνης (ou Ἀγγίληνης), soit même de l'arménien Angel-tun. La forme Ἀγγελιτών peut fort bien remonter à انجلتن, Ang.l.t.n., qui transcrirait aussi bien Ἀγγελιτών que Angel-tun, ou à انجلنس, Ang.l.n.s., qui transcrirait Ἀγγίληνης. Sans entrer dans le détail, on peut dire que la graphie arabe rend possible de telles surprises. (M.C.).

⁵³ N. ADONTZ, *L'Arménie à l'époque de Justinien*, p. 42. [Le nom actuel est Eḡil et la localité est reliée par une route secondaire à la grande route Diyarbakir-Ergani-Elaziğ.]

⁵⁴ N. V. FIGULEVSKAJA, *La Mésopotamie aux confins des Ve-VIe siècles de notre ère. La chronique syriaque de Josué le Stylite comme source historique*, Travaux de l'Institut d'Orientalisme, XXXI, Moscou-Leningrad, 1940, p. 149.

⁵⁵ ASSEMANI, *Bibl. Orient.*, t. I, p. 273; t. III, p. 714.

⁵⁶ *Ex Historia Petri Patricii et Magistri excerpta de legationibus Romanorum ad gentes*, Bonnae, 1829, p. 135.

⁵⁷ Cod. Just. *De off. mag. mil.* I, 29, 5 (*Magnam Armeniam, quae Interior dicebatur et gentes : Anzetenam videlicet, Inqilenam, Asthianenam, Sophanenam, in qua est Martyropolis, Balabitenam*). Cf. N. ADONTZ, *L'Arménie à l'époque de Justinien*, p. 26.

⁵⁸ Procopii de aed., III, 1 : τῇ δὲ ἄλλῃ Ἀρμενία ἦπερ ἐντὸς Εὐφράτου ποταμοῦ οὐσα διήκει εἰς Ἀμίδαν πόλιν, σατράπεις ἐφεστήκεσαν Ἀρμένιοι πέντε.

⁵⁹ Voir *Sasna Cyfer* (David de Sasun), II, 2e partie, Érévan, 1951, p. 822 (en arm.).

« La mère de Msra Melik dit à son fils : Mon fils, si tu ne veux pas, alors appelle deux bons pahlevans, qu'ils soient forts et donne leur David, fais-le partir, qu'il aille dans le pays de son père afin qu'il ne tombe plus sous tes yeux. » Msra Melik appela deux vaillants pahlevans, leur donna David et leur dit : « Emportez-le jusqu'à la rivière d'Angel, là, égorgez-le et apportez-moi en cadeau ses oreilles » ⁶⁰. Dans la même épopée est mentionné au vers 2552 le monastère d'Angel (Angelenc' vank') ⁶¹.

Sous le rapport du culte, que représente Angel-tun ? Tout d'abord, il faut remarquer que dans le panthéon païen arménien, il y avait un Dieu appelé Angel. Ceci est confirmé par le fait que le dieu biblique Ἐργέλ — Nergal, dans la traduction arménienne de la Bible faite au Ve siècle, apparaît sous la forme Angel. La Bible dit : « Mais les nations firent chacune leurs dieux, et les placèrent dans les maisons des hauts lieux bâties par les Samaritains, chaque nation dans la ville qu'elle habitait. Les gens de Babylone firent Sochoth-Benoth, les gens de Cutha (en grec ἄνδρες Χούθ) firent Nergel... » ⁶². Dans la traduction arménienne : *ew ark' K'ut'ay ararin zAngel*.

Adontz met sur une même ligne le sémitique Nergal, le grec Héraclès et l'arménien Angel et croit possible que le prototype soit le sémitique Nergal. Il considère comme certain que Angel, sinon par son étymologie, du moins par ses attributs est identique à Nergal. Il considère que le nom de la forteresse de Angel provient du dieu du même nom Angel, dont le temple, selon toute vraisemblance, se trouvait à cet endroit ⁶³.

Puisque nous avons commencé à parler du centre de culte de Angel-tun et de la divinité arménienne Angel, il est temps de recourir aux sources arméniennes du Moyen Âge et, en premier lieu, de se tourner vers l'auteur du Ve-VIe siècle Moïse de Khoren (Movsēs Xorenac'i), dont l'Histoire d'Arménie selon la définition précise de N. Adontz, est réellement un monument saillant, qui sous beaucoup de rapports, n'a pas d'égal dans la littérature arménienne, remarquable avant tout par la grande idéologie nationale qu'il a créée et de laquelle ont été nourries les générations postérieures dans le cours de nombreux siècles ⁶⁴.

⁶⁰ IDEM, p. 250-251 (vers 494-500).

⁶¹ IDEM, t. II, 2e partie, p. 317 (vers 2552).

⁶² Voir IIe Livre des Rois, XVII, 29-30.

⁶³ Voir N. ADONTZ, « Le Dieu Tarku chez les anciens Arméniens », *Houschardzan*, Vienne, 1911, p. 392-393 (en arm.).

⁶⁴ N. ADONTZ, *L'Arménie à l'époque de Justinien*, p. 209.

Le roi arménien Vałaršak, frère du roi parthe Aršak, d'après Moïse de Khoren, a remis le gouvernement de diverses régions d'Arménie à des familles de naxarars. Parmi eux un homme ayant des traits de visage rudes, grand, lourdaud, avec un nez aplati, des yeux caves, un regard farouche, géant par la taille et la force, de la descendance de Pasxam, petit-fils de Hayk, du nom de Turk',⁶⁵ qui portait le surnom de *Angeleay* à cause de son extraordinaire difformité, est nommé par Vałaršak gouverneur de l'Occident. Vałaršak appelait aussi sa famille, en raison de la difformité (de Turk'), *Maison d'Angel*. D'ailleurs, si tu le désires, je te raconterai sur lui les mêmes histoires invraisemblables et absurdes que les Parthes racontent sur Rostom Sagčik⁶⁶, affirmant qu'il possédait la force de cent-vingt éléphants. Les paroles de la *Chanson sur la force et l'intrépidité de Turk'* sont si incohérentes qu'elles ne peuvent s'appliquer ni à Samson, ni à Héraklès, ni à Sagčik. Car on chantait de lui : il prenait dans ses mains trois rocs de granit sans fissure et les brisait, selon son désir, en plusieurs morceaux, petits ou grands ; il se mettait à les aplanir avec ses ongles et à en former des dalles sur lesquelles avec ses ongles il représentait des aigles et autres choses semblables. (On chantait aussi de lui) que, près des rivages de la mer Noire, ayant rencontré des navires ennemis, il s'était jeté sur eux. Mais les navires avaient réussi à s'échapper en haute mer à une distance de huit stades, et Turk' n'avait pas pu les suivre. Alors, à ce que l'on chante dans la chanson, il avait arraché un énorme rocher d'une colline et l'avait lancé derrière eux. Les eaux s'étant violemment entrouvertes, plusieurs vaisseaux sombrèrent et les vagues se soulevant par suite de l'agitation des eaux avaient poussé les autres vaisseaux jusqu'à une distance de plusieurs milles. Mais tout cela est une légende, une véritable reine des légendes. Mais qu'est-ce que cela peut te faire ? Une chose est certaine, (Turk') possédait une force extraordinaire et ce n'est pas sans raison qu'on a composé sur lui de pareilles légendes. »⁶⁷

⁶⁵ Var. Tork'. Il va sans dire que le nom Turk'-Tork' n'a rien de commun avec l'ethnique « Turc ».

⁶⁶ C'est-à-dire du Sagastan (Sakastân, Sidjistân).

⁶⁷ *Histoire d'Arménie* de Moïse de Khoren, nouvelle trad. russe par N. Emin, Moscou, 1893, liv. II, chap. 8 (p. 59), avec quelques précisions apportées sur la base du texte critique de Moïse de Khoren édité par M. Abegian et S. Yrut'iunian (Tiflis, 1913, p. 114-115). [Trad. fr. dans LANGLOIS, *Collection...*, II, 84 ; cf I, 50 (Hist. anc. de l'Arménie: Mar Apas Catina)]. Les mots soulignés l'ont été par moi. Le η (i) arménien dans l'antiquité se prononçait comme l (russe) — cf. $\eta\eta\omega\omega\eta\eta$, Platon ; $\mathcal{U}\eta\eta\eta\eta$, Apollon ; $\mathcal{U}\eta\eta$.

Tout d'abord, il faut remarquer que tout ce que dit Moïse de Khoren sur la difformité d'Angel est en rapport avec une fausse étymologie populaire du mot Angel (*an-* particule négative, et *gel-* beauté). Vraisemblablement c'est avec cette étymologie populaire qu'on doit mettre en rapport la seconde partie du récit qui correspond à la légende du cyclope difforme Polyphème de l'Odyssée d'Homère, bien que l'on ait exprimé des hypothèses selon lesquelles de pareilles légendes ont pu exister en Asie Mineure indépendamment d'Homère⁶⁸. Mais dans notre cas ceci importe peu.

Ainsi Turk' Angel - Angeleay fut nommé gouverneur de l'Occident de l'Arménie, plus exactement de la « Maison d'Angel ». Nous avons déjà parlé de la divinité Angel. Arrêtons-nous maintenant sur le nom Turk'-Tork'. N. Adontz trouve que Tork', par ses attributs, est identique à Angel (qui est le célèbre dieu hittite Tarku, dont le nom se rencontre dans les appellations géographiques des régions de l'Arménie où était le district d'Angel), et que la tradition arménienne rattachant Tork' à Angel, autorise à penser que Tork' n'est pas autre que l'ancien Tarku⁶⁹.

Chez l'auteur arménien anonyme dont le texte nous est parvenu dans les manuscrits postérieurs de l'Histoire de l'auteur du VIIe siècle Sebeos, est mentionné le roi arménien P'arnabaz. « Il eut comme fils

$\eta\eta\eta$, Solomon ; $\mathcal{U}\eta\eta\eta$, Lucas etc. Sur la prononciation de η arménien, voir A. MELLETT, « Remarques sur les l de l'arménien classique », *Houschardzan*, Vienne, 1911, p. 208-211. η est aujourd'hui prononcé par les Arméniens comme le grec γ , mais comme ce son n'existe pas en russe, il est rendu soit par Г, soit par x (cf. les noms de famille néo-arméniens Sogomonian, Gukasian, etc.), c'est pourquoi, quand Emin translittère la lettre η par x dans les noms propres, nous l'avons partout rendue, non par x, mais par l (russe) : Vałaršak et non Vazaršak, Angelea, Angel et non Angexea, Angex. [Ces remarques ne valent que pour le texte russe de l'article. Dans notre traduction, nous avons partout rendu η arménien par i, conformément au système de translittération de la Revue. — Au passage cité de Moïse de Khoren sur Angeleay-Turk', on peut ajouter celui de Asohik, ch. 5, sur les Institutions de Vałaršak : trad. Gelzer et Burckhardt, p. 24-25.]

⁶⁸ Voir M. ABELIAN, *Histoire de la littérature arménienne ancienne*, t. I, Érévan, 1948, p. 27-28 (en arménien).

⁶⁹ N. ADONTZ, « Le Dieu Tork' chez les anciens Arméniens », p. 392-393. Sur Tork' voir aussi N. ADONTZ, « Tarkou chez les anciens Arméniens », *Revue des Études Arméniennes*, VII/1, 1927, p. 185-194 ; Gr. KAPANC'IAN, *Hayasa, berceau des Arméniens*, 199 sq. ; IDEM, *Les Dieux d'Asie Mineure (asianiques) chez les Arméniens*. Travaux historico-linguistiques sur l'histoire primitive des Arméniens, Érévan, 1956, 273-274 ; N. MARTIROSIAN, « Recherches à propos de noms d'Asie Mineure », *Revue historique et philologique*, de l'Ac. des Sc. de la R.S.S. d'Arménie 1961, n° 3-4, p. 86-87 (en arménien).

Bagam et Bagarat; Bagarat eut comme fils Binrat et Binrat Aspat. Les fils de Bagarat reçurent en héritage (des terres) dans les régions de l'occident, c'est-à-dire la 'Maison d'Angel', et c'est pourquoi Bagarat fut appelé aussi Angel, que les peuples barbares à cette époque déifièrent. »⁷⁰

Des légendes sur le héros-géant Angeleay ont existé en premier lieu dans l'Angel-tun-Angilène, où vraisemblablement elles ont pris naissance. Mais il ne s'ensuit pas qu'on ne les connaissait que dans l'Angilène. Elles ont été vraisemblablement répandues dans toute l'Arménie et en particulier dans toute l'Arménie occidentale. Ici, il faut souligner que dans les chansons sur Turk' Angel - Angeleay, on ne chantait pas du tout le dieu hittite Tarku ou son équivalent arménien Angel. Non! À l'époque de Moïse de Khoren, et encore après lui, existaient des chansons précisément sur Turk' Angel - Angeleay, héros géant, n'ayant rien de divin, mais conservant seulement des traits héroïques, ce qui, selon les paroles de Moïse de Khoren, l'a rendu digne de pareilles légendes. Moïse de Khoren compare Angeleay au héros perse Rostom, au biblique Samson, au Grec Héraklès, soulignant seulement sa force, mais aucunement son origine divine. Moïse de Khoren, mentionnant le surnom de Turk' Angel - Angeleay, c'est-à-dire « l'Angelite », suggère lui-même que nous avons affaire non au dieu même Angel, mais à un homme qui fut considéré comme semblable au dieu Angel, vraisemblablement à cause de sa force incroyable⁷¹. Ceci est confirmé par l'exclamation de Moïse de Khoren : « Tout cela n'est que légende, véritablement une reine des légendes »⁷². On doit arriver aussi à la même conclusion, sur la base du fragment cité plus haut de l'Anonyme. Le même Anonyme, dans sa préface qu'il est à notre avis utile de citer assez en détail, souligne que nous avons affaire non à des dieux mais à des héros-hommes. Il écrit : « Ce n'est pas pour mon bon plaisir que j'ai entrepris de décrire avec soin l'époque et de

⁷⁰ *Histoire de l'évêque Sébéos*, trad. K. Patkanian, St. Pét., 1862, p. 7. [Trad. franç. par Langlois, *Collection*, I (Pseudo-Agathange), p. 198.]

⁷¹ D'autres savants considèrent que Turk'-Angeleay signifie Turk' de la localité de Angel, c'est-à-dire que par le nom de Angel ils entendent non une divinité, mais une localité. Voir Ast. XAC'ATRIAN, « Turk'-Angelea dans la littérature arménienne ancienne et dans la philologie nouvelle, *Bull de l'Inst. des Sciences et des Arts de la R.S.S. d'Arménie*, n° 5, Érévan, 1931, p. 49; N. MARTIROSIAN, « Recherches à propos des noms d'Asie Mineure, p. 91.

⁷² Voir N. EMIN, *Moïse de Khoren et l'ancienne épopée arménienne*, Moscou, 1881, p. 69, n. 1.

retracer l'histoire des héros anciens, en mentionnant avec cela aussi ce qui est fabuleux...; je commencerai par regarder le livre de Mar Abbas, le philosophe de Mcurm,⁷³ l'inscription qu'il a trouvée dans la ville de Mubin (Nisibe), dans le palais du roi Sanatruk, en face de la porte du palais royal, qui était gravée sur une pierre couverte par les débris de la demeure royale. Quand les colonnes de ce palais ont été réclamées pour la cour du roi de Perse, en fouillant les ruines pour rechercher les colonnes, on trouva de façon inattendue une inscription grecque, gravée sur la pierre, (indiquant) les jours et les années (de règne) des anciens rois des Arméniens et des Parthes. Découvrant cette inscription chez ses élèves en Mésopotamie, je voudrais vous en communiquer (le contenu). Voici le titre de cette inscription :

« Moi, le scribe Agat'angelos, j'ai inscrit sur cette pierre, de ma propre main, les années (de règne) des premiers rois arméniens, sur l'ordre du vaillant Trdat, en ayant tiré le contenu des archives royales. Tu verras une copie (de cette inscription) un peu plus bas en son lieu. »

« Je commencerai par raconter l'épopée d'un roi terrible et d'un homme vaillant : en premier lieu, l'histoire des anciens, d'où est sortie l'abondance de la construction terrestre, ensuite, j'ajouterai et je grefferai là-dessus les mythes des héros et les récits fabuleux des guerres folles. »⁷⁴

Des chansons sur le héros épique Angeleay ont existé dans l'Angel-tun-Angilène (et non seulement là, mais d'une façon générale dans toute l'Arménie) pendant un long temps. De cela témoigne, en premier lieu, l'Anonyme dont nous avons cité plus haut les données. Mais les chansons et les légendes sur Turk' Angel - Angeleay, comme nous avons réussi à l'expliquer, ont eu une beaucoup plus grande extension, même au XVIe siècle, et non seulement parmi les Arméniens, mais aussi parmi les Musulmans. L'historien kurde de la première moitié du XVIe siècle, Šeref ed-dîn de Bitlis, dans son célèbre *Šeref-nâme*, qui représente la première tentative de donner une histoire systématique du peuple kurde, parmi les différentes tribus et dynasties kurdes, mentionne aussi la tribu de Mirdâs. Au XIe siècle la dynastie mirdâside a régné à Alep, mais une branche de cette tribu, à une époque beaucoup plus tardive, s'est établie à Agil, c'est-à-dire dans l'Angel-tun-Angilène.

⁷³ Auteur du Ve siècle dont l'œuvre ne nous est pas parvenue.

⁷⁴ *Histoire de l'évêque Sébéos*, p. 1-2; [trad. franç. par Langlois, *Collection*, I, 195-196 : Pseudo-Agathange.]

Voici ce qu'écrit, en rapport avec la forteresse d'Agil, cet historien kurde : « Agil est une forteresse construite sur le versant d'une haute montagne. Ce versant est si distordu que celui qui y porte ses regards est saisi de frayeur et de peur. Dans le langage de tous les gens (du pays) et de bouche à bouche circule une légende connue de tous à savoir que un des hommes chéris de Dieu (prophètes) est arrivé à cet endroit et a fait un signe *en turc* (dans le texte persan, : *be-lafze torki*) au versant de cette montagne et par la toute-puissance de Dieu, il est devenu tortu. Dieu seul connaît la vérité. » ⁷⁵

Sous l'expression « *be-lafze torki* », selon toute vraisemblance, se cache le nom de notre géant Turk' — Tork'. Son nom chez les Musulmans a provoqué cette association. En faveur de l'opinion que, sous cette expression se cache le héros Turk' — Tork', il y a la circonstance que là, « *be-lafze torki* » est absolument incompatible avec le sens dans lequel l'a compris Šeref ed-dîn et incompréhensible. En outre, c'est précisément à Agil que cette légende s'est répandue. En troisième lieu, l'expression « il a fait un signe... à ce versant, et le versant... est devenu tortu » correspond aux paroles de Moïse de Khoren : Turk' saisissait de ses mains des rocs de granit sans fissure, les brisait, selon son désir, en morceaux plus ou moins gros, se mettait à les aplanir avec ses ongles et en formait des dalles... ».

Ces chansons et légendes sur le géant Angeleay, sans aucun doute, n'ont pu disparaître sans laisser de traces. La Mésopotamie, la IVe Arménie, la Petite Arménie et les territoires de la Grande Arménie qui y touchent, étaient des territoires ayant une grande densité de population arménienne, des régions où dès le VIIe siècle a été largement représentée l'hérésie des Pauliciens arméniens, au milieu desquels se sont développés divers chants, (de ce nombre vraisemblablement aussi les chants sur le géant Ankylas-Angeleay, qui par la suite ont donné naissance à la fameuse épopée « Digenis Akritas » ⁷⁶. Les chants

⁷⁵ *Cheref-Nameh ou Histoire des Kourdes* par Chéref, prince de Bitlis, publ. par Veliaminof-Zernof, St. Pétersbourg, 1860, I, 177. [Trad. franç. par F. Charmoy, St. Pétersbourg, 1868-1875, II, 17-18 : «... serait venu dans cette contrée et aurait indiqué cette roche en lui donnant un nom turc, de sorte que... » On voit que l'interprétation diffère.]

⁷⁶ Sur le fait que l'épopée byzantine est née dans un milieu d'hérétiques pauliciens. voir N. ADONTZ, « Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digenis Akritas », *Byz. Zeitschrift*, Bd. XXIX-XXX, 1929-1930, p. 198-227 réimprimé dans N. Adoutz, *Études arméno-byzantines*. Lisbonne, 1965, p. 7-36 (Bibliothèque arménienne de la Fondation Calouste Gulbenkian); H. GRÉGOIRE, 'Ο Διγενής 'Ακρίτας. 'Η βυζαντινή έποποιία στην ιστορία και στην ποίηση. New York, 1942.

sur Angeleay ont pénétré et ont trouvé la place qui leur était due dans l'épopée de Digenis, dont l'activité se déroule précisément dans les régions où existaient des chants sur le héros Angeleay, car le héros Ankylas de l'épopée byzantine, dont la force est plusieurs fois soulignée — *ἀνδρειωμένος, μάλλον ἀνδρειωμένος, ἄγαν ἀνδρειωμένος, θαυμάσιος, λέων, γίγας*, dont *τὸ θάρρος τὸ πολὺ τῆς σννηθείας τούτου*, d'après notre hypothèse n'est pas autre chose que le héros arménien Angeleay, dont la force légendaire a été décrite par Moïse de Khoren ⁷⁷.

Il n'est pas difficile de répondre à la question de savoir pourquoi le nom de Angeleay est devenu Ankylas (*'Αγκύλας*) et a été écrit dans toutes les versions avec un *v*. C'est tout simplement parce que le mot a été compris, à la manière grecque, comme venant du mot *ἀγκύλη*, courroie servant à lancer le javelot, javelot, lance.

Angeleay, par son origine, est lié à l'Angilène, à Angil, comme nous l'avons fait remarquer plus haut, à la province ou thème de Mésopotamie, dont faisait partie le territoire de l'Angilène.

L'importance de la recherche que nous avons menée ne réside nullement, nous semble-t-il, dans le fait que nous avons réussi à identifier une personnalité de l'épopée byzantine. Non ! Sa signification est autre et consiste en ce que le terrain historique sur lequel est née l'épopée byzantine devient beaucoup plus clair, et que l'hypothèse de N. Adontz, selon laquelle l'Arménie occidentale et sa population arménienne ont joué le principal rôle dans la création de cette épopée, est encore une fois confirmée et s'enrichit de nouveaux arguments. Il n'est pas douteux que cette population, aux IXe-XIe siècles, était déjà grécisée, qu'elle parlait grec selon toute vraisemblance, (car il est difficile d'admettre que la domination de Rome et de Byzance qui a duré plus d'un millénaire n'y a pas laissé quelque trace), mais que cependant cette population n'avait pas oublié son histoire, n'avait pas oublié ses légendes, ses contes, ses chants populaires et, se les transmettant de génération en génération, les a conservés jusqu'à l'époque de la création de l'épopée byzantine. Sous ce rapport, on peut dire avec certitude que certains côtés de l'épopée byzantine, certains de ses personnages qui n'ont pas encore trouvé leur explication et leur

⁷⁷ D'ailleurs, comme on voit par la version de Grotta Ferrata de l'épopée de Digenis Akritas, le cycle des chants sur les héros apélates, Philopappos, Kinnamos et Ioannakis, dont les noms sont d'origine commagéno-partho-arménienne, a précédé les chants sur Digenis Akritas et a été en grande partie évincé par eux. Voir *Digenis Akrit*, trad. A. J. Syrkin, Moscou, 1960, remarque au livre IV, 33, p. 193.

prototype, ne peuvent être expliqués et identifiés qu'en liaison avec une étude approfondie de l'histoire des Arméniens et, en premier lieu, des légendes, contes et chants populaires, en un mot du folklore du peuple arménien.

À la fin de mon étude, je voudrais indiquer le contenu d'un article publié récemment par A. Bryer, *Akhtamar et Digenis Akritas*⁷⁸. L'auteur, dans cet article, montre ce qu'il y a de commun entre le palais construit par Digenis sur les bords de l'Euphrate, son ornementation artistique, et le palais érigé par Gagik, le roi arménien du Vaspurakan (908-943), maintenant détruit, mais dont Thomas Aracruni nous a laissé la description, et d'autre part l'ornementation artistique de l'église d'Akhtamar, construite par le même Gagik sur l'île d'Akhtamar dans le lac de Van, en face de la ville de Van, et qui a été entièrement conservée jusqu'à nos jours. Trouvant dans ces constructions beaucoup de points communs, montrant en outre qu'ils sont géographiquement et chronologiquement proches l'un de l'autre, Bryer note la possibilité d'un lien commun entre les deux.

Nous pourrions ajouter à la réflexion exprimée par Bryer que, selon l'épopée héroïque arménienne de David de Sasun, qui, comme nous l'avons noté plus haut, a beaucoup de points de contact avec l'épopée de Digenis Akritas, la mère de Sanasar, grand-père de David de Sasun, était dans certaines versions la fille du roi de « Van » ou d'« Akhtamar », Gagik⁷⁹, le Gagik aux constructions duquel Bryer compare le palais de Digenis Akritas. La fille du roi Gagik épousa le fils du « roi païen », c'est-à-dire musulman, qui régnait sur le pays de « Teltis », de la même façon que la fille des Kinnamides épousa l'émir arabe, du mariage desquels est issu Digenis.

On voit par tout cela que non seulement les renseignements narratifs, mais encore les données de culture matérielle parlent en faveur de l'hypothèse de N. Adontz mentionnée plus haut, relativement à la base historique de l'épopée byzantine.

II. SUR LES « SATRAPES » ET SUR LES « ΕΘΝΗ »

Dans cette étude, nous aurons recours à un matériel qui complètera la recherche précédente sur le prototype du héros Ankylas et pose une

⁷⁸ A. A. M. BRYER, « Akhtamar and Digenis Akritas », *Antiquity*, vol. 34, n° 136, Dec. 1960, p. 295-297.

⁷⁹ *Sasna Ç'êr* (David de Sasun), t. II, p. 475 sq., 529 sq., 607 sq., 1091 sq.

série de questions qui nécessitent une recherche ultérieure. Nous faisons allusion à la mention dans l'épopée des « satrapes » et des « ἔθνη ».

À ma connaissance, parmi les byzantinistes qui se sont occupés spécialement de l'épopée byzantine, aucun n'a prêté attention aux « satrapes ». En ce qui concerne les « ἔθνη », (mot qui est passé en arménien sous la forme *het'anos*, signifiant païen, adorateur d'idoles), ils l'ont conçu simplement comme nationalités d'origine non chrétienne.

Les « satrapes » sont mentionnés dans toute l'épopée deux fois, dans les deux versions de Trébizonde et d'Andros, avec le contexte suivant :

1. La naissance de la mère d'Akritis a causé une grande joie non seulement chez ses parents, mais aussi parmi λαῶν, ἀρχόντων, σατραπῶν, μετὰ παντὸς τοῦ πλήθους, (A. 66).

2. Beaucoup d'années ayant passé, après que Digenis fut devenu célèbre par ses exploits et qu'il eut fait construire sur les bords de l'Euphrate un palais fameux, de tous les côtés commencèrent à affluer les cadeaux :

οἱ μεγιστᾶνες λέγω δὴ καὶ οἱ σατράπαι πάντες,
φιλοτιμίας ἔστελλον, χάρισματα τε πλείστα,
ὁμοίως καὶ οἱ ἄρχοντες, τῆς ὅλης Ῥωμανίας,
ἔστελλον δῶρα θαυμαστά, ἐξαίσια ἠδέως,
αὐτὸν μετὰ φιλότητος, καὶ μετ' εὐγνωμοσύνης.

Ἄλλὰ καὶ αὐτὸς ὁ βασιλεὺς ἔστελλεν καθ' ἐκάστην
μεγίστας τοίνυν δωρεὰς τῷ θαυμαστῷ Ἀκρίτῃ. (A. 4066-4072)⁸⁰

Les « ἔθνη » sont mentionnées dans l'épopée trois fois dans les contextes suivants :

1. Digenis, parlant de ses exploits, dit qu'il a imposé un tribut aux « ἔθνη » :

Χαράτσια ἐπαρασκεύασα τὰ ἔθνη διὰ τὰ δίδου,
τῷ βασιλεῖ τῷ Ῥωμανῷ, τῷ μέγα τροπαιούχῳ (A. 3857-3858).

2. L'auteur de l'épopée fait l'éloge de Digenis et, parmi ses nombreux exploits, mentionne qu'il a forcé les « ἔθνη » à payer chaque année un tribut à l'empereur byzantin :

κατὰ πολὺν δὲ φοβερῶς τὰ ἔθνη ὑποτάξας
ὥστε καὶ φόρους βασιλεῖ παρέχειν ἐτησίους
καὶ οἱ ποτὲ πολέμιοι γεγόνασιν ἰκέται (A. 4335-4337).

3. Aux funérailles de Digenis, ont assisté, parmi d'autres, aussi les « ἔθνη » :

⁸⁰ [Trébizonde, vers 2861-2866.]

καὶ πῶς αὐτοὺς ἐθρήνησεν πολλὰ ὁ κόσμος ὅλος,
καὶ τὴν κηδεῖαν ἔκαμεν ἐντίμως καὶ ἀξίως
αὐτοῦ καὶ τῆς συμβίου του τὰ ἔθνη ὅλα τότε (A. 4363-4365).

Aux IXe-Xe siècles, quand fut composée dans ses grandes lignes l'épopée de Digenis Akritas, on ne peut guère entendre par les satrapes mentionnés dans l'épopée les satrapes de l'époque achéménide, qui ont cessé d'exister un millénaire et demi plus tôt. En revanche, il n'est pas douteux que parmi les gens vivant à l'orient de Byzance, on avait encore un souvenir récent des satrapes de l'Arménie sud-occidentale, dont les territoires s'étendaient, sinon précisément là où est née l'épopée byzantine, du moins dans le voisinage ⁸¹.

Le terme «les satrapes» se rencontre très souvent dans les sources arméniennes des Ve-VIe siècles; par ce nom on entend les grands féodaux-naxarars arméniens soumis au roi arménien. Après la suppression en 428 de la royauté arménienne des Arsacides ⁸², les satrapes du sud-ouest de l'Arménie acquièrent l'indépendance dans les cadres de l'empire byzantin. Ils eurent leurs propres forces armées et, comme le montre Procope de Césarée, dans les opérations militaires ils étaient autonomes; telle fut la situation jusqu'à l'époque de l'empereur Justinien ⁸³.

Aux Ve-VIe siècles, selon Procope ⁸⁴ et la Nouvelle XXXI de Justinien, il y eut cinq satrapies, et, selon les données fournies par un document officiel du même empereur Justinien, six ⁸⁵. Ils se soulevèrent fréquemment contre l'empire. À l'époque de l'empereur Zénon, ils prirent part au soulèvement d'Illus et Leontius ⁸⁶, après l'écrasement duquel Zénon supprima le pouvoir héréditaire des satrapes arméniens et se mit à les nommer lui-même à sa guise. Mais c'est l'empereur Justinien I qui porta le coup le plus sensible aux satrapes arméniens. En 529, il rendit un édit d'après lequel l'Arménie, le Pont Polémoniaque et les satrapies furent soumises au stratège ou magis-

⁸¹ Sur les satrapes et satrapies d'Arménie sud-occidentale, voir K. GÜTERBOCK, *Römisch-Armenien und die römischen Satrapien im 4. bis 6. Jahrhundert*, Königsberg, 1900; N. ADONTZ, *L'Arménie à l'époque de Justinien*, p. 28-45.

⁸² [Voir R. GROUSSET, *Histoire de l'Arménie des origines à 1071*, Paris, 1947, p. 182 sq.]

⁸³ *De aedif.*, III, 1.

⁸⁴ *Ibidem*.

⁸⁵ COD. JUST., *De off. mag. mil.*, I, 29, 5. Sur la différence dans le nombre, voir des détails dans N. ADONTZ, *op. cit.*, p. 43-44.

⁸⁶ [Cf. OSTROGORSKY, *History of the Byzantine Empire*, p. 58 et N. V. PIGULEVSKAJA, *La Mésopotamie aux confins... Chronique de Josué Stylite*, § 12 et suiv.]

tre ⁸⁷. Le pouvoir des satrapes fut supprimé et à leur place furent nommés des ducs byzantins soumis au stratège ci-dessus mentionné, le *magister militum* ⁸⁸.

Il va sans dire que Justinien ne supprima pas physiquement les satrapes-naxarars. Ils conservèrent encore longtemps leurs possessions et fournirent constamment à l'armée byzantine des chefs militaires de premier plan.

Dans l'épopée, il est dit que «tous les satrapes» envoient des cadeaux à Digenis. C'est vraisemblablement là un écho de ces «présents» dont les satrapes arméniens étaient forcés de s'acquitter (précisément de s'acquitter, car ces présents prenaient déjà l'aspect d'un impôt) en faveur de Byzance *pro devotione quae Romano debetur imperio* et qui étaient appelés *aurum coronarium* ⁸⁹. Il apparaît nettement par un autre côté qu'il s'agit d'un impôt. D'après l'épopée, Digenis a contraint les *ἔθνη* à payer des impôts chaque année à l'empire. Mais qu'y a-t-il de commun entre les *ἔθνη* et les satrapes? Beaucoup de choses. Car les *ἔθνη* sont équivalentes aux satrapies. Les mêmes principautés, dans les documents officiels émanés de Justinien sont appelés *gentes* et *ἔθνη*, par opposition à l'Armenia Magna ou Interior ⁹⁰. Dans la législation de l'empereur, en ce qui concerne les territoires arméniens, nous lisons ce qui suit : *Magnam Armeniam, quae Interior dicitur, et gentes : Anzetenam videlicet, Ingilenam, Asthianenam, Sophanenam, in qua est Martyropolis, Balabitenam* ⁹¹. La XXXIe nouvelle de Justinien présente les satrapes et les *ἔθνη* comme un seul et même concept : *Τῶν ἐθνῶν... Τζοφανηγή τε καὶ Ἀνζιτηγή καὶ Τζοφανή, καὶ Ἀσθιανηγή καὶ Βαλαβιτηγή καλουμένη καὶ ὑπὸ σατράπαις οὔσα*.

Pour Procope satrapes et *ἔθνη* sont aussi synonymes : *Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς τὸ μὲν τῶν σατραπῶν ὄνομα ἐξήλασεν ἐνθένδε εὐθύς, δούκας δὲ τοὺς καλουμένους δύο τοῖς ἔθνεσιν ἐπέστησε τούτοις*. ⁹²

D'après l'épopée, les *ἔθνη* étaient des ennemis *πολέμιοι*, des ennemis de l'empire (A. 4337). Et, effectivement, Procope de Césarée représente les relations entre la population de l'Arménie occidentale et l'empire comme des relations extrêmement hostiles. Après la suppression du pouvoir des satrapes arméniens, Justinien transforma les terri-

⁸⁷ COD. JUST., *De off. mag. mil.*, I, 29, 5.

⁸⁸ PROCOP., *De aedif.*, II, 1.

⁸⁹ COD. THEOD., *De aur. coron.*, XII, 13, 6.

⁹⁰ Voir N. ADONTZ, *L'Arménie à l'époque de Justinien*, p. 29.

⁹¹ COD. JUST., *De off. mag. mil.*, I, 29, 5.

⁹² PROCOP., *De aedif.*, III, 1.

toires des satrapes en une simple province de l'empire, l'organisation générale de l'empire fut étendue à ces provinces et la population arménienne des satrapies et en général de l'Arménie byzantine fut transformée en un peuple d'esclaves de l'empire. De cela témoigne Procope de Césarée par la bouche de l'Arsacide Aršak⁹³, cet Aršak qui, avec le fameux Artavan prépara un attentat contre la vie de Justinien; de cela témoigne aussi le soulèvement, en 540, à l'instigation du roi de Perse Chosroès, contre l'empire, des Arméniens qui avaient à leur tête le nazarar Vasak⁹⁴.

Dans la version de Grotta-Ferrata, il n'y a aucune mention des satrapes; en ce qui concerne les *ἔθνη*, ce mot s'y rencontre trois fois (I, 65, I, 67, IV, 2094); mais là l'auteur ne sait pas exactement ce que sont en réalité les *ἔθνη* et suppose qu'il est question de non-chrétiens, d'Arabes, qui, en un autre endroit apparaissent comme païens, — *ἔθνικός* (IV, 51).

Pour terminer, je voudrais indiquer que, dans la mesure où dans les version d'Andros (en vers et en prose) et de Trébizonde, il y a un récit sur Angeleay, sur les satrapes et sur les *ἔθνη*, et qu'il est aussi fait mention du centre paulicien de Mananahi-Achaïe (voir plus bas) et dans la mesure où ces données manquent dans la version de Grotta-Ferrata, on peut supposer que l'auteur de leur source primitive était plus proche de la réalité de l'Arménie du sud-ouest que l'auteur de la version de Grotta-Ferrata.

III. OÙ SE TROUVAIT L'ACHAÏE ?

D'après les deux versions d'Andros, en vers et en prose, de l'épopée de Digenis Akritas⁹⁵, l'empereur Romain après sa rencontre avec le héros Digenis sur les bords de l'Euphrate, s'en retourne en Achaïe, où il remporte une victoire sur ses ennemis :

*Καὶ χαίρων τότε μίσεισε στὰ μέρη Ἀχαΐας
πρὸς πόλεμον κατὰ ἐχθρῶν, καὶ νικητῆς ἐφάνη* (A. 2419-2420).

Dans la paraphrase de Paschalis (voir plus haut, n. 28), nous lisons que, après sa rencontre avec Digenis, l'empereur s'en retourna en Achaïe parce que *εἶχεν ἐκεῖ πόλεμον καὶ ἐνίκησεν τοὺς ἐχθρούς του...* (II 364,

⁹³ PROCOPE., *De Bel. Got.*, III, 32.

⁹⁴ PROCOPE., *De Bel. Pers.*, II, 3.

⁹⁵ Par suite aussi dans Trébizonde, mais il y a là une lacune.

32-34); il en résulte que la guerre contre les ennemis en Achaïe était déjà en cours auparavant.

D'après les versions de Trébizonde et d'Andros, l'empereur se trouvait en Cappadoce avec une nombreuse armée, destinée à combattre contre les *Μαγουλίων* (A. 2347-8; T. 1481-2). Dans celle de Grotta-Ferrata nous lisons que l'empereur, au moment où il désira voir Digenis, *ἔτυχε κατὰ Περσῶν ποιῶν τὴν ἐκστρατεῖαν ἐν ἐκείνοις τοῖς μέρεσι ἐν οἷς ὁ παῖς διῆγεν* (IV 975-976).

Dans toutes les versions, la rencontre a lieu sur les bords de l'Euphrate.

Par *Μαγούλιοι* et par *Πέρσαι*, comme on sait, on entend les Arabes.

Si l'on veut être rigoureusement conséquent, il faut se représenter les choses de la façon suivante : L'empereur (Basile ou Romain, peu importe ici) se trouvait avec une grande armée en Cappadoce (ou « dans les lieux où était Digenis », c'est-à-dire sur l'Euphrate), ayant l'intention de partir en guerre contre les Arabes. En chemin, il désira rencontrer Digenis; après la rencontre avec lui sur l'Euphrate, il continua sa route pour marcher contre les ennemis. La version de Grotta-Ferrata ne nous dit pas où se dirigeait l'empereur. Celle d'Andros l'indique : en Achaïe; par suite, c'est à cet endroit que se trouvaient les ennemis appelés *Μαγούλιοι* ou *Πέρσαι*, c'est-à-dire les Arabes.

Si l'on admet qu'il s'agit de l'Achaïe du Péloponnèse, un pareil itinéraire de l'empereur apparaît comme complètement absurde. Afin de se rendre dans le Péloponnèse, il suffit simplement de traverser la mer Egée. Seulement, les sources ne nous disent pas que les empereurs Basile ou Romain aient fait la guerre contre les Arabes dans l'Achaïe du Péloponnèse.

On doit avouer que l'épopée donne l'impression que l'Achaïe se trouverait à côté de l'Euphrate. Mais nous ne connaissons que l'Achaïe dans le nord du Péloponnèse, et c'est précisément là que l'ont vue ceux qui ont étudié l'épopée. P. Kalonaros, par exemple, considère qu'il est question là du principat franc d'Achaïe, que, dans l'épopée, on a le reflet des guerres soutenues par les Byzantins contre les Latins de Morée et que la mention de l'Achaïe est très importante, car elle peut servir à dater la version de Trébizonde, les versions en vers et en prose d'Andros, et même celle de l'Escorial⁹⁶.

⁹⁶ Βασίλειος Διγενῆς Ἀκρίτας. Τὰ ἔμμετερα κείμενα Ἀθηνῶν (πρώην Ἀνδρου) μετὰ συμπληρώσεων καὶ παραλλαγῶν ἐκ τῆς διασκευῆς Τραπεζοῦντος, Κρυπτοφέρρης καὶ Ἐσκοριάλ, ἔκδοσις... II. Καλονάρου, τ. Α'. Ἀθήναι, 1941, σελ. 133-134, ὑπόσημ.

Mais les Francs ne se sont pas installés en Achaïe avant 1205, ce qui sort du cadre, non seulement du règne de Romain I Lécapène, mais même de celui du dernier Romain, Romain IV Diogène (1067-1071); de plus comme nous l'avons vu plus haut, l'épopée a en vue les Arabes, non les Francs.

C'est encore à l'arméniste et byzantiniste Nicolas Adontz que l'on doit l'hypothèse, fondée sur une grande quantité de faits, que le noyau de l'épopée byzantine a pris naissance dans le milieu des hérétiques pauliciens⁹⁷. Cette hypothèse a été acceptée et développée par le célèbre byzantiniste belge H. Grégoire⁹⁸, qui s'est consacré pendant de nombreuses années à l'étude tant de l'épopée byzantine que du mouvement paulicien, et aussi par d'autres byzantinistes. Bien que l'on ait formulé contre cette hypothèse plusieurs objections, je ne crois pas qu'il soit juste d'ignorer complètement le rôle des Pauliciens dans la création de l'épopée. L'histoire des Pauliciens projette en particulier de la lumière sur la localisation de l'Achaïe de l'épopée. Elle se trouvait réellement à côté de l'Euphrate. Qu'en est-il en effet?

Dès le début de la naissance de l'hérésie des Pauliciens, les hérétiques tentèrent de toutes les façons de montrer leur attachement à l'apôtre Paul. Du premier hérésiarque, Constantin, jusqu'au dernier, Serge, les hérésiarques se sont approprié le nom de disciples de l'apôtre Paul (les célèbres hérésiarques Silvain, Timothée, Tite, Épaphrodite, Tykhikès, etc.). Finalement les Pauliciens ont donné aussi à leurs communautés le nom de communautés fondées par l'apôtre Paul. Nous trouvons chez eux des communautés qui portent le nom de Macédoine, d'Achaïe, des Philippéens, des Laodicéens, des Éphésiens, des Colosséens. Sur la communauté d'Achaïe, nous lisons chez Georges Moine ce qui suit :

*Λέγουσι δὲ (οἱ Παυλικιανοί) καὶ ἐξ ἐκκλησίας ἐν τῇ ὁμολογίᾳ αὐτῶν τὴν Ἀχαΐαν, ἣτις ἐστὶ κώμη Σαμωσάτου ἢ Μανανάλις ἣν ἐμαθήτευσε Γενέσιος ὁ καὶ Τιμόθεος.*⁹⁹

Il s'en suit que Mananali est l'Achaïe. Mananali est appelée κώμη, village, mais il a été montré depuis longtemps que l'on entend par là

⁹⁷ N. ADONTZ, « Les fonds historiques de l'épopée byzantine », *B.Z.*, Bd. XXIX-XXX, 1929-1930.

⁹⁸ H. GRÉGOIRE, *Ὁ Διγενὴς Ἀκρίτας. Ἡ βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴ ποίηση*. New York, 1942.

⁹⁹ Georgii Monachi *Chronicon*, ed. C. de Boor, Lipsiae, 1904, p. 720-721.

la région de Mananali des sources premières arméniennes¹⁰⁰. Elle se trouvait à la frontière arabo-byzantine, ἄκρα, et a constamment changé de mains. La frontière de cette région était précisément l'Euphrate.

C'est à Mananali-Achaïe que c'est déroulée l'activité de l'hérésiarque Genesisios-Timothée. L'époque de son activité est bien connue, c'est la première moitié du VIIIe siècle. Mais Mananali est restée le centre des Pauliciens longtemps encore après Genesisios. Pierre de Sicile écrit que même à son époque, à l'époque où il écrivait son *Traité contre les Pauliciens* (869), Mananali continuait à rester un centre important des Pauliciens : Mananali « μέχρι τοῦ νῦν Μανιχαίου (c'est-à-dire les Pauliciens) ἐκτρέφει »¹⁰¹. En conséquence, dans la seconde moitié du IXe siècle, les Pauliciens durent encore appeler Mananali l'Achaïe.

Ceci est également clairement visible d'après les épîtres du très important hérésiarque paulicien Serge-Tykhikès, mort en 835. Dans une de ses épîtres, parvenue jusqu'à nous dans l'œuvre de Pierre de Sicile, nous lisons : *Ἐπι δὲ λέγω, τὴν ἐν Κορίνθῳ ἐκκλησίαν ὑποκόμησε Παῦλος... καὶ Ἀχαΐαν ἀνιστόρησε Τιμόθεος· λέγει δὲ τὴν Μανανάλιον· καὶ τὸν Γενέσιον, Τιμόθεον ὀνομάζει, τὸν ὄντως Θυμόθεον.*¹⁰²

Serge lui-même n'a pas considéré comme nécessaire de donner une explication du nom Achaïe, car ce nom était solidement enraciné parmi les Pauliciens et était parfaitement compris d'eux.

Mananali a été le centre des hérétiques (T'ondrakites), comme on voit par l'Histoire de l'historien arménien du XIe siècle Aristakès de Lastivert, de même qu'aux Xe-XIe siècles¹⁰³. Mais les T'ondrakites n'étaient rien d'autre que les Pauliciens, dans une réalité doublement arménienne, et, selon toute vraisemblance, les hérétiques continuèrent à appeler Mananali l'Achaïe encore longtemps après le IXe siècle.

¹⁰⁰ E. HONIGMANN, *Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071...*, Bruxelles, 1935, p. 192. Cf. p. 64, 180, 184.

¹⁰¹ Petri Seculi *Historia*, P.G., t. 104, col. 1276.

¹⁰² *Ibidem*, col. 1297.

¹⁰³ Aristakēs LASTIVERTC'I, *Texte préparé et muni d'une introduction par K. N. Jusbasian*, Érévan, 1963, chap. 23. [Trad. franç. d'E. Prudhomme, p. 128 sq. : Comment l'incendie de l'erreur s'alluma dans la contrée de Mananagh'i.]

Dans l'épopée, comme nous l'avons vu plus haut, on parle du fait que l'empereur Romain partit pour l'Achaïe pour continuer la lutte contre les ennemis qu'il vainquit. Les savants supposent qu'il s'agit de Romain I Lécapène. Il s'en suit que Romain Lécapène est allé combattre en Achaïe-Mananahi contre les Arabes. Cela correspond tout à fait à la réalité. On sait par les sources byzantines et arméniennes que le règne de l'empereur Romain I Lécapène est en rapport avec une lutte opiniâtre contre les Arabes, dans laquelle Byzance remporta beaucoup de succès. Le résultat de cette lutte fut la conquête d'un grand nombre de régions frontières dont l'Achaïe-Mananahi et leur inclusion dans le corps de l'empire byzantin. C'est de cette victoire sur les Arabes qu'il est question dans l'épopée de Digenis Akritas.

Ainsi, ce n'est pas dans le Péloponnèse qu'il faut chercher l'Achaïe, mais à l'orient de Byzance. L'Achaïe était le centre des hérétiques pauliciens, la région de Mananahi.

IV. SUR L'EMPEREUR « NICEPHORE »

Comme on sait, dans toutes les versions de l'épopée de Digenis Akritas, il est fait mention d'une rencontre de Digenis avec l'empereur byzantin sur les bords de l'Euphrate. Dans la version de Grotta-Ferrata, le nom de l'empereur est Basile¹⁰⁴, dans les versions de Trébizonde, d'Andros en vers et en prose et d'Oxford, le nom de l'empereur est Romain¹⁰⁵.

Mais dans la version en vers d'Andros (v. 4344), dans celle de Trébizonde (v. 3110) et aussi dans la version en prose d'Andros, qui toutes pour leur origine se rapportent à une seule et même source première, il est fait une seule et unique fois mention du nom de l'empereur Nicéphore.

Tous les savants sont arrivés à la conclusion que ce passage de l'épopée est une interpolation, mais comme le nom de Nicéphore a été porté par plusieurs empereurs byzantins, les uns ont considéré qu'il s'agissait de Nicéphore II Phocas, d'autres que c'était Nicéphore III

¹⁰⁴ Certains savants pensent qu'il s'agit de Basile I, d'autres de Basile II. On doit signaler, à ce propos, que dans la version en vieux-russe de l'épopée de Digenis Akritas, dans la geste de Devgenij, le nom de l'empereur est aussi Basile.

¹⁰⁵ Dans la pensée des savants, il s'agit de Romain I Lécapène.

Botaniate, et ils ont daté l'interpolation en conformité avec l'époque du règne de l'un ou l'autre empereur¹⁰⁶.

Mais il ne ressort absolument pas du texte que dans le passage en question il s'agisse d'une interpolation, et la mention dans l'épopée de l'empereur Nicéphore est fondée sur un simple malentendu.

L'empereur Romain, dans la version de Trébizonde, dans les deux versions d'Andros, en vers et en prose, c'est-à-dire dans les versions où est mentionné une seule fois Nicéphore, est à plusieurs reprises pourvu des épithètes suivantes :

Ῥωμανοῦ τοῦ πανευτυχοῦς (A. 1369)

Καὶ βασιλέα τὸν λαμπρὸν Ῥωμανόν (A. 1663) .

Ὅμοίως γὰρ καὶ βασιλεὺς ὁ μέγας τῶν Ῥωμαίων

ὁ Ῥωμανὸς ὁ πλούσιος καὶ νικητῆς ὁ μέγας (A. 2342-3)

καὶ χαίρων τότε μίσεισε στὰ μέρη Ἀχαΐας

πρὸς πόλεμον κατὰ ἐχθρῶν καὶ νικητῆς ἐφάνη (A. 2419-2420)

τῷ βασιλεῖ τῷ Ῥωμανῷ, τῷ μέγα τροπαιοῦχῳ (A. 3858)

La mention unique de l'empereur Nicéphore se présente de la façon suivante :

Ὁῦ (c.à.d. τοῦ Διγενῆ) καὶ τὰ κατορθώματα ὁ βασιλεὺς ἀκούων

ὁ Νικηφόρος ὁ λαμπρός, ὁ μέγας τροπαιοῦχος

ὁ τῶν Ῥωμαίων τὴν ἀρχὴν καλλίστως διοικήσας

μεγίστην ἄγαν δωρεάν, πεπλουτισμένην μάλα

τοῦ Διγενῆ ἀπέστειλεν ἡμέραν καθ' ἡμέραν (A. 4343-4347)

Comme on peut le voir, l'auteur du poème applique à l'empereur Nicéphore littéralement les mêmes épithètes qu'à Romain (*μέγας, τροπαιοῦχος, λαμπρός, etc.*). Le récit sur les importants cadeaux offerts par l'empereur Nicéphore à Digenis, correspond au fond au récit sur les dons de Romain à Digenis (A. 2408 sq.).

¹⁰⁶ H. GRÉGOIRE, « Le tombeau et la date de Digenis Akritas » (Samosate, vers 940 après J.-C.). *Byzantion*, VI (1931), p. 495-496; KYRIAKIDÈS, recension de l'article ci-dessus mentionné de H. Grégoire. *Λαογραφία*, I, σελ. 624, 658 (cité d'après *Βασίλειος Διγενῆς Ἀκρίτας*, εκδ. Π. Καλούρα, τ. Α'. Ἀθήναι, 1941, σελ. 237, ὑπόσημ.). H. GRÉGOIRE *Ὁ Διγενῆς Ἀκρίτας. Ἡ βυζαντινὴ ἐποποιία.....*, New York, 1942, p. 198; *Digenes Akrites*, edited with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato, Oxford, 1956, p. LX; *Digenis Akrit.* Traduction, articles et commentaires de A. J. Syrkin, Moscou, 1960, p. 143, 145; V. D. KUZ'MIN, *La geste de Devgenij (La geste des braves des temps anciens)*, Moscou, 1962, p. 33; [voir à propos du Digenis russe P. PASCAL, « Le 'Digenis' slave ou la geste de Devgenij », *Byzantion*, X, 1935, 301-334; M. SPERANSKY, « Les exploits de Digenis », *Sbornik otdelenija Russkogo Jazyka i Slovesnosti*, XCIX, 7 (1922).]

On doit reconnaître que la mention de l'empereur Nicéphore apparaît comme tout à fait inattendue : du moment de la rencontre de Digenis avec Romain jusqu'à la mention de Nicéphore, il ne s'est pas passé assez de temps pour que l'auteur de l'épopée ait pu considérer comme une chose se comprenant d'elle-même l'apparition d'un nouvel empereur, mais si même cela avait eu lieu, très vraisemblablement l'auteur, après avoir mentionné à plusieurs reprises le nom de Romain, aurait dû de quelque façon indiquer cette circonstance.

Y a-t-il donc un malentendu ? Le fait est que, au vers 4344 de la version d'Andros, et dans la version correspondante de Trébizonde et d'Andros en prose, il ne s'agit pas d'un nouvel empereur, mais du même empereur Romain, le « vainqueur » (*νικητής*), le « grand vainqueur » (*νικητής ὁ μέγας*), plus d'une fois mentionné, avec cette différence que là, au lieu de *νικητής*, il l'appelle *νικηφόρος*, le « porteur de la victoire ». Dans les manuscrits de l'épopée, le texte est donné sans lettres (majuscules) initiales, et les éditeurs, ayant supposé par suite d'un malentendu qu'il s'agissait de l'empereur Nicéphore, ont transformé l'épithète *νικηφόρος*, se rapportant à l'empereur Romain, en un nom propre *Νικηφόρος*, ce qui a été la cause de nombreux malentendus.

Nous corrigeons donc le texte de la façon suivante :

*Ὁδὲ καὶ τὰ κατορθώματα ὁ βασιλεὺς ¹⁰⁷ ἀκούων
ὁ νικηφόρος, ὁ λαμπρός, ὁ μέγας τροπαιοῦχος.*

Érévan.

H. M. BARTIKIAN.

DIGÉNISTIQUE DANS L'ÉPOPÉE KURDE

« LE KHÂN MAIN D'OR »

En 872, les armées byzantines, après plusieurs années de batailles acharnées, parvenaient à mettre en déroute les terribles hérétiques pauliciens et à venir à bout du grand danger qui menaçait les frontières orientales de Byzance. La capitale des hérétiques, la célèbre Tefrikè (Divrigi) fut réduite à l'état de ruines. Une fin tragique attendait aussi le plus dangereux ennemi de Byzance, le chef des Pauliciens Chrysocheir. Assiégé dans la localité de Bathyrryax, non loin de Tefrikè, il tomba victime de la lance d'un traître, Poulladès. Les soldats byzantins coupèrent la tête de Chrysocheir et l'envoyèrent en guise de cadeau à l'empereur Basile I le Macédonien (867-886) qui, voulant se venger du terrible chef des hérétiques, la perça de trois flèches¹.

La lutte contre les hérétiques avait été extrêmement dure pour les Byzantins. Tout avait débuté après qu'eurent commencé sur le territoire de Byzance les rigoureuses persécutions contre les Pauliciens et que les hérétiques eurent été forcés de passer la frontière et de chercher refuge chez les Arabes. Le passage des Pauliciens, avec à leur tête l'hérésiarque Sergios, du côté des Arabes eut lieu apparemment au début des années 30 du IXe siècle. Ils furent accueillis par l'émir de la ville de Mélitène, 'Omar b. 'Abdallāh al-Aqṭa'. Il assigna aux réfugiés comme résidence la ville d'Argaouth (Arguwān) et ensuite les Pauliciens se construisirent encore une série de forteresses et de villes parmi lesquelles la plus importante fut la ville de Téfrikè, leur capitale².

La guerre des hérétiques contre Byzance prit des proportions particulièrement grandes avec les chefs militaires des Pauliciens Karbéas, et après la mort de ce dernier en 863, Chrysocheir son gendre. Karbéas avait précédemment servi dans l'armée byzantine et avait obtenu le grade de prôtomandatôr. Mais quand son père, qui professait la foi des hérétiques eut été tué lors des persécutions de l'impéra-

¹ Theophanes Continuatus, Bonnae, 1838, p. 271-272.

² Petri SICULI, *Historia Manichaeorum*, Migne, PG, t. 104, cap. XLII.

¹⁰⁷ C'est-à-dire l'empereur Romain.

trice Théodora, Karbéas fut forcé de fuir et, à la tête de 5000 hérétiques, trouva refuge chez les Arabes. Il se présenta personnellement au khalife arabe et conclut avec lui une alliance militaire contre Byzance³.

Chrysocheir fut plus opiniâtre et plus audacieux. Il parvint, avec ses troupes jusqu'à Nicée et Nicomédie et même jusqu'à Éphèse, où il convertit l'Église de Saint-Jean Précurseur en écurie pour ses chevaux. L'empereur Basile I le Macédonien s'adressa à lui et l'invita à cesser la guerre, mais il reçut une réponse hautaine, attestée par l'Histoire de Génesios : si l'empereur désirait la paix, il devrait renoncer à ses provinces orientales, sinon les Pauliciens s'efforceraient de le détrôner⁴.

Karbéas et Chrysocheir, comme l'émir de Mélitène 'Omar b. 'Abdallāh al-Aqṭa', ont été célébrés tant par les hérétiques que par les Arabes et ce n'est pas un hasard s'ils ont trouvé un écho dans la fameuse épopée « Digenis Akritas ». Chrysocheir était le grand-père du héros principal, Digenis, et son arrière-grand-père était l'émir de Mélitène 'Omar b. 'Abdallāh al-Aqṭa'. En ce qui concerne Karbéas, il est aussi mentionné dans l'épopée en qualité d'oncle du père de Digenis.

Deux éminents byzantinistes, l'Arménien N. Adontz et le Belge H. Grégoire, ont montré que l'épopée byzantine est née dans le milieu des hérétiques, et pour soutenir cette thèse, ils ont apporté de nombreux arguments sérieux⁵. Quelque vive qu'ait été la réaction d'une série d'autres byzantinistes contre cette thèse⁶; des recherches ultérieures ont mis en évidence de nouveaux faits en faveur de l'hypothèse de N. Adontz et H. Grégoire⁷.

Aux batailles des Pauliciens et des Arabes contre les Byzantins ont, selon toute vraisemblance, pris part aussi des Kurdes. On peut le conjecturer d'après le témoignage du Continuateur de Théophane

³ Theophanes Continuatus, p. 166-167.

⁴ Genesis Regum Libri IV, Bonnæ, 1834, p. 121-122.

⁵ N. ADONTZ, *Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digenis Akritas*, B.Z., XXIV, 3 et 4, repris dans *Études arméno-byzantines*, Lisbonne, 1965, p. 16 et suiv.; H. GRÉGOIRE, 'Ο Διγενής Ακρίτας, 'Η Βυζαντινή ἐποποιία στήν ιστορία καί στή ποίηση. New York, 1942, p. 74.

⁶ Digenes Akrites, edited with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato, Oxford, 1956, p. lxiv et suiv.

⁷ H. M. BARTIKIAN, « Notes sur l'épopée byzantine Digenis Akritas ». *Viz. Vrem.*, t. XXV, 1964, p. 148-160. (Trad. française dans REArm, N.S. (1966), p. 147-176.)

(Xe siècle). Voici ce qu'il écrit en racontant les événements de l'année 873 : « De là, ayant traversé le massif du mont Argée (aujourd'hui Erciyas Daği) et étant arrivé à Césarée, il (l'empereur Basile le Macédonien) reçut d'heureuses nouvelles de victoires, suivies de preuves matérielles (une quantité de trophées et de prisonniers de guerre), de Kolonea et Lulon et de la forteresse de Tarse, ainsi que des villes des Manichéens (c'est-à-dire des Pauliciens). Là fut ammenée aussi une grande quantité de Kurdes (πλείστον ὄχλον τῶν Κούρτων) que l'empereur ordonna d'égorger... étant donné que l'armée était très surchargée (de butin) et que l'empereur ne voulait pas s'alourdir davantage »⁸.

La circonstance que des Kurdes ont été faits prisonniers montre qu'ils opposaient de la résistance à l'empereur, et à cette époque ils n'ont pu combattre contre Byzance qu'en union avec les Pauliciens et les Arabes : par suite les Kurdes ont été en relations avec les Pauliciens commandés par Karbéas et Chrysocheir et aussi avec les Arabes ayant à leur tête 'Omar b. 'Abdallāh al-Aqṭa'. Pour cette raison, on peut affirmer que l'épopée paulicienne de Digenis Akritas, où sont chantés (les exploits de) Karbéas et Chrysocheir d'une part, de l'émir de Mélitène 'Omar b. 'Abdallāh al-Aqṭa' d'autre part, n'a pas été pour les Kurdes quelque chose d'étranger et d'inconnu⁹.

Passons maintenant à l'épopée populaire kurde.

Parmi les Kurdes habitant les régions du Proche et du Moyen Orient est largement répandue l'épopée du khân à la Main d'Or, qui construisit non loin du lac d'Urmiya la forteresse de Dimdim. Elle est encore chantée de nos jours, mais elle n'a été publiée pour la première fois qu'en 1860 par A. Jaba¹⁰, consul de Russie à Erzerum. Bien qu'il existe de nombreuses versions de cette épopée, leur ossa-

⁸ Theophanes Continuatus, p. 283.

⁹ Nous avons des données précises sur le fait que d'anciennes légendes et chansons répandues parmi les Arméniens vivant sur le territoire en question étaient connues aussi des Kurdes. Nous faisons allusion à la légende de Tork-Angel, que mentionne l'historien kurde Šeref ed-dîn (voir H. M. BARTIKIAN, « Échos de la légende de Tork (Tork'-Angel dans le Šerefnâme ») (*Patma-Banasirakan Handes*, 1963, 2; Idem, l'article mentionné dans la note 7. Parmi les Kurdes a été répandue l'épopée de David de Sasun (voir O. DJALILOV, « Sur quelques questions de la littérature populaire kurde » (*Patma-Banasirakan Handes*, 1960, 4, p. 202) qui a beaucoup de points communs avec l'épopée de Digenis Akritas.

¹⁰ *Recueil de notices et récits kourdes*, servant à la connaissance de la langue, de la littérature et des tribus du Kurdistan, St-Petersbourg, 1860.

ture est au fond la même, et le contenu en est assez simple. Les événements racontés dans l'épopée se déroulent à l'époque du šah iranien Ismā'il (1502-1524). À cette même époque, est-il dit dans l'épopée, vivait le khān Abdal, seigneur de la forteresse de Dimdim. « Il était jeune et beau, c'est pourquoi on l'appelait Main d'Or ». Contre Abdal khān lutte un Persan appelé Askerkhan de la province de Maragha. Abdal khān demande secours au pacha turc de Van, mais ne reçoit aucune aide. La lutte se termine par la défaite des Kurdes et la destruction de la forteresse de Dimdim.

Intéressant dans cette version est le fait que Abdal khān est appelé « Main d'Or » uniquement pour la raison qu'il est « jeune et beau ». Le conteur de cette version ne connaît pas l'explication que d'autres donnent de ce surnom. Autre chose attire l'attention, c'est que la version enregistrée par Jaba est la seule qui rapporte les événements à l'époque du šah Ismā'il (1502-1524). Dans toutes les autres, c'est 'Abbās qui apparaît comme šah.

D'après la version publiée par A. Socin en 1887¹¹, le Khān Main d'Or, dont le nom est Abdal-Beg, a été élevé par le šah et est devenu son fidèle serviteur. Le nom du šah est mentionné en tout une fois; Šah 'Abbās (1587-1629). Le khān reçoit du šah une terre et se construit la forteresse de Dimdim. Bientôt entre Abdal-Beg et Šah 'Abbās s'éleva un conflit aigu. Le Khān Main d'Or lutte avec « *sabre et bouclier* » contre les 32 khāns du šah. Au moment du siège de la forteresse, avec l'aide du traître kurde Alakani, les Persans coupent les conduites d'eau qui fournissent l'eau à la place. Les Kurdes, pour ne pas tomber vivants aux mains de l'ennemi, décident de faire sauter la forteresse.

Comme on le voit, le conteur de cette version ne sait pas que Abdal-Beg n'a qu'une main, bien qu'il l'appelle « Main d'Or ».

D'après la version enregistrée par G. Djidi en 1943¹², « le khān des Kurdes », dont le nom n'est pas mentionné, désirent en finir avec sa vie vagabonde, s'adresse au šah de Perse dont le nom n'est pas non plus mentionné et se met à son service en qualité de gardien de chevaux. Un jour, en défendant les chevaux du šah contre des brigands, il perd une main. Le šah ordonne de faire fabriquer pour lui une main d'or. Ensuite, à la demande du khān, le šah assigne à ce dernier un territoire dans le district de Dimdim, où il construit une forteresse, mais à la fin des

¹¹ A. SOGIN, *Kurdische Sammlungen*, St Pétersbourg, 1890.

¹² *Le folk-lore kurde*, Notation, traduction, introduction et notes de G. Djidi, Erévan, 1947 (en arménien).

travaux, il fait couper la tête aux constructeurs. Le khān n'épargne que Maḥmūd Malagani qui est son intime. Une guerre commence entre le khān des Kurdes et le šah, qui dure sept ans. Maḥmūd Malagani devient traître et informe les Persans de l'emplacement de la conduite d'eau (alimentant la forteresse. À la suite de la coupure de cette conduite) les Kurdes manquent d'eau, mais ils continuent à combattre. Le conteur dit que la lutte se prolonge et que la forteresse est jusqu'alors aux mains des Kurdes.

Selon la version enregistrée par O. Djalilov¹³, le khān Main d'Or ou le Manchot, après de longues pérégrinations en Turquie et en Iran, entre au service du Šah 'Abbās comme gardien de chevaux. Aux cours d'une lutte avec des brigands, le khān perd une main. Dans une autre version également enregistrée par O. Djalilov, le khān était au service de l'émir de la ville de Amadiye et un habile constructeur. Sur l'ordre de l'émir, il construit un minaret, mais une fois la construction terminée, l'émir lui fait couper une main, afin qu'il ne construise plus de minarets. Après la perte de sa main, le khān se rend à Mossoul¹⁴, se fait fabriquer une main d'or qui, par la suite, grâce à Dieu, devient vivante. À partir de ce moment, le khān dont le nom dans cette version n'est pas mentionné, commence à être appelé « Main d'Or » et en même temps « le Manchot ».

La suite de la version est identique aux données de la version enregistrée par Socin.

Les kurdologues considèrent¹⁵ que, dans l'épopée il y a le reflet d'événements historiques qui se sont déroulés au commencement du XVIIe siècle, à savoir les soulèvements des Kurdes sunnites habitant le territoire de la forteresse de Dimdim dans le district de Mergaver (Urmiya en Iran) contre le šah de Perse 'Abbās. Comme on sait, l'historien persan du XVIIe siècle Iskender Beg Turkmen a consacré à

¹³ Je remercie vivement le kurdologue O. Djalilov qui a aimablement mis à ma disposition ses notes sur l'épopée.

¹⁴ Šeref ed-dīn sous les années 1507-1508 mentionne en qualité de gouverneur de Diyarbakir, « Émir-khān de Mossoul » qui fut en excellentes relations avec Šah Ismā'il. Voir *Cherefnameh ou Fastes de la nation kurde* par Cheref-ou'd-dine, prince de Bidlis. Traduits du persan et commentés par F. B. Charmoy, t. II, 1, St Pétersbourg, 1873, p. 518.

¹⁵ Voir O. DJALILOV, « Le canevas historique de l'épopée héroïque kurde : 'Le Khān Main d'Or' ». *Izvestia de l'Acad. des Sc. de la RSS d'Arménie*, 1960, 10, p. 53-64; Idem, *L'épopée héroïque kurde « le Khān Main d'Or » (Dimdim)*. Compte rendu par l'auteur de sa dissertation pour l'obtention du grade universitaire de candidat en sciences philologiques, Léningrad, 1961, p. 8-11.

cette révolte plusieurs pages dans son ouvrage intitulé « Ta'rikh-i 'Ālam Arā-i 'Abbāsi ». Selon les données de ce dernier, à la tête de cette révolte était le prince de Barādōst Emir khān et le khān de Mukri Abdal.

L'historien écrit que Emir khān, ¹⁶ avant qu'il n'eût rompu les relations avec le šāh de Perse 'Abbās, servit auprès de lui et, dans une bataille, perdit une main, après quoi il fut appelé Emir khān Čolakh, c'est-à-dire le Manchot. Le šāh fit faire pour lui une prothèse en or, ornée de pierres précieuses. Ēmir khān demanda ensuite à Šāh 'Abbās de lui donner une terre, sur laquelle il construisit sa forteresse de Dimdim. Mais bientôt s'éleva une vive inimitié entre Ēmir khān et le šāh de Perse, entraînant une longue guerre qui se termina par la défaite d'Ēmir khān. Iskender Beg raconte en détail les opérations militaires et la défaite des Kurdes.

Il ne fait pas de doute pour moi que, dans l'ouvrage historique d'Iskender Beg, tout au moins dans le récit sur la main d'or d'Ēmir khān et dans la description de certains côtés de sa biographie, il y a une grande part de conte populaire. Il n'est pas difficile de s'en convaincre si l'on fait attention à la circonstance suivante : je suis parvenu à trouver dans l'histoire des Kurdes exactement le même khān à la Main d'Or, avec la même biographie que celle d'Ēmir khān, avec cette seule différence qu'il a vécu juste un siècle avant Ēmir khān Main d'Or.

Šeref ed-dīn de Bitlis a écrit sa célèbre « Histoire des Kurdes », le « Šeref nāmeḥ » en 1597-1598. Il va sans dire qu'il ne pouvait rien savoir de la révolte de Dimdim et de son chef Ēmir khān Main d'Or. Mais il raconte ce qui suit :

Après l'abolition de l'État des Aḳ-Ḳoyūnlu (1501), le Kurde Šekh-Suvar-Beg, fils de Ḥusayn 'Alī Beg, de la tribu Pāzūkī, envoya son fils Khāled Beg se mettre au service du šāh sefevide Ismā'il. Au cours d'une bataille Khāled Beg brilla par son courage et son sang-froid, mais perdit une main. Šāh Ismā'il lui fit faire une main d'or pour remplacer celle dont il avait été amputé, après quoi il fut appelé Čolakh Khāled, c'est-à-dire Khāled le Manchot, (exactement comme, dans Iskender

¹⁶ Il n'est pas superflu de dire que « Ēmir-khān » n'est pas un nom, mais un titre. Dans Šeref ed-dīn sont mentionnés quelques « Ēmir-khān » qui ont vécu à différentes époques. Voir *Cherēf-Nāmeḥ*, II, 1, p. 287, 536, etc.

Beg Turkmen, ¹⁷ Ēmir khān fut appelé Ēmir khān Čolakh. A partir de ce moment il devint le favori du šāh et reçut de lui en cadeau les districts de Khnus, de Manazkert et de Muš. Čolakh Khāled Beg aspira à l'indépendance, désirant édifier un état-sultanat qui lui fût propre. Il se fit nommer dans le *khoṭba* ¹⁸ et même il décida de faire frapper sa propre monnaie. Finalement il rompit les relations avec les Kizilbāš (Persans) et se soumit au sultan turc Selīm (1512-1520), prit part à la fameuse bataille de Čaldirān (1514), mais à son retour, il fut exécuté ¹⁹.

Ainsi, il n'est pas douteux que nous avons devant nous la même figure du Khān Main d'Or. C'est ce que peut confirmer aussi l'épopée. En effet, dans une des variantes enregistrées par Jaba, les faits se déroulent précisément à l'époque de Šāh Ismā'il ! Et là, il est peu probable que nous ayons affaire à un anachronisme comme le pensent les kurdologues. Si la même figure du début du XVIe siècle apparaît un siècle plus tard, alors, nous avons parfaitement le droit de supposer qu'un prototype du héros du XVIe siècle n'est pas exclu. Notre supposition devient plus vraisemblable si l'on fait attention à une autre circonstance. Dans la version publiée par Jaba, comme dans d'autres versions non publiées de l'épopée kurde de sa collection, il est dit que les poètes kurdes Fakie Tairan (1302-1375) et Malla Bate (1417-1497) ont composé un poème sur le Khān Main d'Or. Mais ces poètes ont vécu de 50 à 250 ans plus tôt que les événements de Dimdim. O. Djalilov, étant persuadé que l'épopée reflète exclusivement les événements du XVIIe siècle, écrit : « La variante en prose publiée [par Jaba : H.B.] et les variantes dans la collection ne peuvent appartenir à la plume de ces auteurs [c'est-à-dire Fakie Tairan et Malla Bate : H. B.], étant donné qu'ils ont vécu de 100 à 150 ans (sic) ! avant les événements racontés dans l'épopée. Il nous semble, continue-t-il, que la variante en vers « Récit sur la bataille avec les Kizilbāš pour la forteresse de Dimdim, composé par Fakie Tairan » appartient à un

¹⁷ Iskender Bey TURKMEN, *Ta'rikh-i 'Ālam Arā-i 'Abbāsi*, Téhéran, 1335 (1957), p. 791-797. Les pages se rapportant au sujet ont été traduites pour moi du persan par l'iranisant Hakob Papazian.

¹⁸ Sermon qui est prononcé avant la prière lors de l'office du vendredi. Dans la *khoṭba*, après la louange de Dieu et les bénédictions du Prophète, est mentionné le nom du souverain au pouvoir au cours d'une invocation en faveur des fidèles. Voir *Le livre de mon aïeul Korkut, épopée héroïque oghuz*, traduction de V. V. Barthold, édition préparée par V. M. Žirmanskij et A. N. Kononov, Moscou-Léninegrad, 1962, p. 260. Dans le cas en question, a été mentionné dans la *khoṭba* le nom de Khāled Beg.

¹⁹ *Cherēf-Nāmeḥ*, II, 1, p. 192-193.

disciple de l'école littéraire ou tendance de Fakie Tairan, qui vivait à l'époque de l'événement historique ou qui le connaissait d'après les dires d'autres personnes »²⁰.

L'Histoire de Šeref ed-din ne parle pas en faveur de l'hypothèse d'O. Djalilov, mais au contraire confirme que les poètes kurdes indiqués ont réellement composé un poème sur le Khān Main d'Or longtemps avant la révolte de Dimdim en 1608-1610, même longtemps avant le Khāled Beg Main d'Or de Šeref ed-din. Par conséquent, on peut arriver à la conclusion que Šeref ed-din se trouve dans la même situation que Iskender Beg Turkmen, c'est-à-dire qu'il écrit l'histoire du héros Main d'Or en utilisant largement le folk-lore populaire, les chansons du peuple glorifiant un certain héros, le Manchot Main d'Or. La figure de ce héros au cours des siècles, est passée d'une personnalité fameuse dans l'histoire des Kurdes à un autre²¹.

Mais quel est le prototype du héros Main d'Or ?

Plus haut, nous avons mentionné l'émir de la ville de Mélitène 'Omar b. 'Abdallāh al-Aqṭa', le terrible adversaire de Byzance et ses alliés les Pauliciens Karbéas et Chrysocheir, personnages historiques qui sont devenus légendaires et qui ont été chantés tant dans l'épopée byzantine que dans l'épopée arabe. Or que signifie le surnom al-Aqṭa' ? Précisément *le Manchot*. Parmi les auteurs byzantins, Pierre de Sicile, qui fut contemporain de l'émir, l'appelle *Μονοχέρης*²² (le Manchot, *Čolakh* selon la terminologie de Šeref ed-din et d'Iskender Beg). Et que signifie le nom de son allié, le terrible chef paulicien Chrysocheir ? Précisément Main d'Or. Abdal Beg refuse la couronne qui lui a été envoyée par le šāh, le Chrysocheir épique refuse le titre de « patrice » qui lui a été offert par l'empereur byzantin. Abdal Beg est trahi par Moḥamad Alakani, comme Chrysocheir a été trahi par Poulladès, qui était un de ses intimes. On tranche la tête de Chrysocheir (c'est-à-dire de Main d'Or) et on l'envoie en présent à Basile I;

²⁰ O. DJALILOV, *L'épopée héroïque kurde* ..., p. 6.

²¹ N. MARR a écrit que les sujets des chants héroïques des Kurdes se sont constamment renouvelés. Voir N. MARR, *Encore le mot « Čelebi »* (Contribution à la question de l'importance culturelle de la nationalité kurde dans l'histoire de l'Asie antérieure). Tiré à part du Bulletin de la Section Orientale de la Société archéologique imp. russe, XX, 1911, p. 30.

²² Petri SICULI ..., *op. cit.*, cap. XLI. Dans le « Chant d'Armouris » considéré comme le noyau de l'épopée de Digénis, l'émir 'Omar est appelé *μονοχέρης* (voir H. GRÉGOIRE, *op. cit.*, p. 203-209). Ce surnom correspond on ne peut mieux au persan *Čolakh*.

on tranche aussi la tête d'Émir Khān Main d'Or et on l'envoie en présent à Šāh 'Abbās.

Toutes ces coïncidences sont-elles fortuites ? Il semble que non. Tout ce qui a été dit plus haut indique que les événements qui se sont déroulés en Arménie occidentale dans les années 60-70 du IXe siècle, qui ont concerné aussi les Kurdes ont laissé leur souvenir non seulement chez les Byzantins, les Arméniens et les Arabes, mais aussi chez les Kurdes qui vivaient dans cette région. Des chants sur la bravoure et la fin tragique des personnages historiques 'Omar et Chrysocheir (Main d'Or) ont été chantés non seulement parmi les hérétiques arméniens et grecs, parmi les Arabes, hostiles à l'expansion de Byzance, mais aussi les Kurdes. Dans l'épopée kurde les figures du Manchot, émir de Mélitène, et du Paulicien Chrysocheir ont été reportées sur une seule et même personnalité. Ceci est compréhensible. Si le héros est « Main d'Or », on peut penser qu'il lui manque une main. De là la légende sur la perte d'une main et la prothèse en or.

Le Chrysocheir historique, bien entendu, n'était pas manchot; il avait une main d'or, non au sens propre du mot, mais au sens figuré. Mais parmi un peuple simple, son nom a été interprété précisément au sens propre et, tout naturellement, il a fallu déterminer quand et dans quelles circonstances il a perdu cette main et qui lui a donné « une main d'or ». Chacun a fourni son explication. C'est pourquoi, dans les différentes versions de l'épopée kurde, le récit relatif à cet épisode est donné de façon différente.

De tout ce qui a été dit, bien entendu, on ne peut tirer la conclusion que les Kurdes au IXe siècle ont été convertis à la foi des Pauliciens. Mais les Kurdes n'ont-ils pas pu avoir quelque chose de commun avec les Pauliciens sous l'aspect idéologique ? Dès 1850, le célèbre théologien allemand August Neander faisait un essai de comparaison entre l'idéologie des Bogomiles et la religion des Kurdes Yézidis²³. N. Marr, soixante ans après, a trouvé beaucoup de points communs entre l'idéologie des Pauliciens et la doctrine des Yézidis²⁴, et cette circonstance a peut-être joué un rôle considérable dans le rapprochement entre les hérétiques pauliciens et des Kurdes vivant dans leur voisinage au sein de la lutte contre l'expansion byzantine en Orient.

Tout en acceptant pour le fond les conclusions d'O. Djalilov, à savoir que, dans l'épopée kurde sur le khān Main d'Or, *dans la forme*

²³ N. MARR, *op. cit.*, p. 33-36.

²⁴ Idem, *ibid.*, p. 36.

où elle nous est parvenue, se reflètent les troubles de 1608-1610, je considère comme indispensable de faire remarquer que, dans cette épopée, il y a des stratifications de plusieurs siècles, que le noyau principal s'est formé bien avant que n'éclate la révolte de Dimdim, précisément à la fin du IXe siècle. La tâche des kurdologues est de mettre en évidence ces stratifications de plusieurs siècles, de montrer à quelle époque se rapporte tel ou tel événement raconté dans l'épopée, de déterminer par exemple, ce qui se rapporte soit à l'époque de Šāh 'Abbās, soit à l'époque de Šāh Ismā'il, soit à une époque antérieure et finalement ce qui est resté de la version primitive.

En conclusion, je voudrais souligner que je suis très loin de l'idée de considérer comme la version primitive de l'épopée du Khān Main d'Or l'épopée byzantine en milieu kurde. Non. L'épopée du Khān Main d'Or est une épopée kurde, dans la forme primitive de laquelle s'est reflétée une réalité commune et aux Arméniens et aux Arabes et aux Byzantins. L'épopée byzantine nous est parvenue sous une forme écrite (le manuscrit le plus ancien date du XIVe siècle), c'est pourquoi elle reflète régulièrement l'époque où elle a été créée. L'épopée kurde nous est parvenue oralement, de la bouche du peuple, et c'est la raison principale pour laquelle elle a perdu ses traits primitifs. Des événements plus récents qui ont joué un rôle important dans la vie des Kurdes ont évincé les éléments anciens, mais, comme nous l'avons vu, pas complètement.

Finalement, il est clair que nous n'avons pas le droit de refuser d'accorder aux éminents poètes kurdes Fakie Taïran et Malla Bate l'honneur d'avoir composé un poème sur le Khān Main d'Or, en raison de l'existence de chants le célébrant au milieu du peuple kurde. Il est tout à fait possible qu'ils ne soient pas restés indifférents devant cet admirable sujet, et des recherches ultérieures sur les variantes *en vers*, et précisément *en vers*, de l'épopée kurde pourront en partant de ce point de vue enrichir nos connaissances sur l'héritage littéraire de ces poètes, car il n'est pas exclu que certains vers qui sont parvenus jusqu'à nous dans l'épopée appartiennent précisément à leur plume.

Traduction de M. CANARD.

Hratch M. BARTIKIAN.

Traduit de l'article en russe paru dans *Lraber* (Vjestnik). Bulletin de l'Académie des Sciences de la RSS d'Arménie. Sciences sociales. I. janvier 1967. Erévan, p. 47-54.

SUR QUELQUES QUESTIONS RELATIVES A L'ÉPOPÉE BYZANTINE DE DIGENIS AKRITAS

1. La géographie de l'épopée.

Les savants ont déjà travaillé beaucoup pour arriver à une localisation précise des diverses localités indiquées dans l'épopée byzantine. Cependant ce n'est un secret pour personne que dans ce domaine, il y a encore un grand travail à accomplir, car beaucoup de choses restent encore obscures. Même les points qui ont semblé définitivement précisés provoquent, si on les étudie plus soigneusement, des doutes justifiés. Nous allons toucher ici précisément à deux de ces dénominations géographiques qui jusqu'à présent n'avaient soulevé aucun doute. Il s'agit de *Χαρζιανή* et de *Χώρα τοῦ 'Ηρακλέος*. Comme on sait, les savants identifiaient *Χαρζιανή* avec le thème de Charsiane et *Χώρα τοῦ 'Ηρακλέος* avec la ville d'Héraclée, aujourd'hui Ereğli, qui se trouve au nord-ouest de la Cilicie.

Le futur père du héros Digenis, l'émir de la ville d'Édesse, dans une de ses incursions habituelles, atteint la Cappadoce, emmène en captivité la fille du stratège qui par la suite devient sa femme et est la mère de Digenis Akritas. Tout est extraordinairement simple. Seul l'itinéraire de l'émir provoque de l'embarras¹. Je vais citer les vers de l'épopée qui nous intéressent :

Διαδραμῶν Χαρζιανήν Καππαδοκίαν φθάνει (G.F., I, 56).

*Κάστρα πολλὰ ἐκούρσευσε, Χώραν τοῦ 'Ηρακλέος,
Χαρζιανήν ἐπραΐδευσε καὶ τὴν Καππαδοκίαν* (G.F., IV, 41-42).

Ainsi, comme il ressort apparemment de l'épopée, l'émir, sur le chemin de la Cappadoce, pille de nombreuses forteresses, *Χώραν τοῦ 'Ηρακλέος* (le pays d'Héraclès), ensuite *Χαρζιανήν*, et c'est seulement ensuite qu'il atteint la Cappadoce.

Si *Χώρα τοῦ 'Ηρακλέος* est la ville d'Héraclée qui se trouve au nord-ouest de la Cilicie, et si *Χαρζιανή* est le thème de Charsiane, comment l'émir a-t-il pu atteindre le thème de Charsiane avant la Cappadoce. Car la Cappadoce est entre Héraclée et le thème de Char-

¹ Cf. A. J. SYRKIN, *Le poème de Digenis Akritas*, Moscou, 1964, p. 99. (En russe).

siane. Si le but de cette incursion était la Cappadoce, pourquoi et comment a-t-il pu atteindre la Charsiane? On peut objecter que, dans une épopée tout est possible et qu'il ne faut pas y chercher une géographie précise. Admettons. Cependant, comment se tirer d'autres questions? Pourquoi le thème de Charsiane, dans le manuscrit le plus ancien renfermant l'épopée (Grottaferrata, XIVe siècle), est-il appelé *Χαρζιανή*, pourquoi, quand dans toutes les sources narratives byzantines le thème de Charsiane est cité exclusivement au neutre (*τὸ Χαρσιανόν*²), est-il dans l'épopée partout cité au féminin, *Χαρζιανή*³?

Tout trouve son explication si nous renonçons à la localisation donnée de *Χαρζιανή* par les savants qui ont fait des recherches sur l'épopée byzantine, et si nous convenons que nous avons affaire non au thème byzantin de Charsiane, mais plutôt au district arménien de Xorjean (*Χορζιανή*), qui se prononce Xordzian⁴. Dans la Géographie arménienne du VIIe siècle, le Xorjean est appelé le premier *gavar* (district, canton) de la Quatrième Arménie, cette Arménie qui, — on peut le dire nettement tout de suite —, a joué un grand rôle dans la création de l'épopée byzantine. « La deuxième province de la (Grande) Arménie, est-il dit dans la « Géographie arménienne », est la quatrième Arménie, c'est-à-dire la région de la Sophène. Au nord elle est limitrophe de la Haute Arménie, à l'ouest de la ville de Mélitène, au sud de la Mésopotamie, et à l'est du Tarawn. La Quatrième Arménie a huit cantons : au nord-est le Xorjean à travers lequel près de Kolobert coule la rivière l'Autre Lykos... »⁵.

² Constantin Porphyrogénète appelle le thème *τὸ Χαρσιανόν* (voir De adm. imp., ch. 50; De Them., ch. 20; De Cerim., p. 696). C'est au neutre aussi qu'il cite le thème dans la *Vie de Basile* (Theoph. Cont., p. 272, 273). Il en est de même chez le Continuateur (Th. Cont., 114, 181, 183, 374, 427, etc.) et dans le Cleorologion de Philotéos (De Cerim., p. 713, 714, 727). Je ne connais pas de mention de ce thème sous la forme féminine.

³ C'est certainement une faute pour H. Grégoire qui corrige la version de Grottaferrata, I, 56 et écrit : *Διαδραμὼν Χαρσιανόν Καππαδοκίαν φθάνει* : H. GRÉGOIRE, 'Ο Διγενὴς Ἀκρίτας, New York, 1942, p. 136. Il faut cependant remarquer que dans le même ouvrage, H. Grégoire, à la p. 50, donne le texte exact, « non corrigé ».

⁴ Sur le Xorjean (Xordzean), pour le détail, voir N. ADONTZ, *L'Arménie à l'époque de Justinien* (Armenija v epoxu Justiniana), St. Pét., 1908, p. 13-15, 19-21, etc.; N. HÜBSCHMANN, *Die altarm. Ortsnamen*, Strasb., 1904, p. 290-291; E. HONIGMANN, *Die Ostgrenze des byz. Reiches*, Bruxelles, 1935, p. 19, 78, n. 12, 195, 204.

⁵ Voir S. T. EREMIAN, *L'Arménie d'après le « Ašxarhac'oyc' »* (Géographie arménienne du VIIe s.), Erévan, 1963, p. 106-107. (En arménien.) Voir aussi R. H. HEWSEN, « Armenia according to the Ašxarhac'oyc' », *REArm.*, N.S., II, 1965, p. 327. Le Xorjean, avant 591, faisait partie de la Grande (Haute) Arménie, voir HÜBSCHMANN, *op. cit.*, p. 247-248

De précieux renseignements qui confirment notre hypothèse nous sont fournis sur le district de Xorjean par Procope de Césarée. Il l'appelle de deux manières : *Χορζιανηνή* (*De Bello Pers.*, II, ch. 24) et *Χορζάνη* (*De Aedif.*, III, ch. 3). Dans ce dernier ouvrage, Procope montre que sur la route de Kitharidzôn à Theodosiopolis et à l'autre Arménie (*ἑτέρα Ἀρμενία*) se trouve *Χορζάνη*, territoire égal à une distance de trois jours de route. (*Χορζάνη μὲν ἡ χώρα καλεῖται, διήκει δὲ ἐς ὁδὸν τριῶν ἡμερῶν μάλιστα*) L'historien souligne que la voie la plus facile et la moins pénible vers les possessions byzantines pour le roi de Perse passait à travers le Xorjean. L'empereur Justinien I, pour défendre la province contre une invasion perse, entoura d'un mur solide un centre du Xorjean, Artalesôn. Il y établit des unités militaires sous le commandement d'un duc.

L'émir arabe, partant de Syrie pour aller en Cappadoce, a apparemment choisi la même route facile et sans obstacle, c'est-à-dire qu'il a adopté l'itinéraire du roi de Perse par la *Χορζια[νη]νή*, la *Χαρζιανή* de notre épopée.

Il est clair maintenant que la graphie la plus correcte de cette dénomination géographique est celle qui nous est donnée par le manuscrit le plus ancien contenant l'épopée, celui de Grottaferrata. C'est seulement dans cette version que la région en question est appelée *Χαρζιανή*. Dans toutes les autres versions, on rencontre la forme *Χαρσιανή*, par laquelle les copistes déjà entendaient le thème de Charsiane (comme le font également les chercheurs contemporains), sans se décider toutefois à mettre le nom au neutre, à « corriger » le texte de la source première⁶.

Ainsi, l'émir arabe s'est rendu en Cappadoce, non en passant par le thème de Charsiane, mais en passant par le Xorjean en Quatrième Arménie.

Comme nous l'avons montré plus haut, avant d'arriver au thème de Charsiane, l'émir est passé par le pays d'Héraclès, *Χώραν τοῦ Ἡρακλέος*. Je vais citer les vers de l'épopée qui nous intéressent : *Τὰ μέρη δὲ καταλαβὼν χώρας ᾗ τοῦ Ἡρακλέος*

⁶ Dans les sources syriennes, le district arménien de Xorjean se rencontre avec la graphie suivante : Khorsen; voir HONIGMANN, *op. cit.*, p. 78, n. 12. Par suite on ne peut pas dire de façon convaincante que les copistes des autres versions ont entendu obligatoirement par *Χαρσιανή* le thème de Charsiane.

⁷ Le mot est, non à l'acc. pl., comme l'ont pensé les traducteurs de l'épopée (« Taking those parts, the lands of Heracles » : Mavrogordato; « Ayant conquis de haute lutte les environs d'Irakl » : Syrkin), mais au g. sg., comme cela est visible par l'exemple suivant : GF, IV, 41. Il est question de *parties* (cantons) de la région [τῆς] *χώρας* d'Héraclès.

πόλεις ἠρήμωσε πολλὰς ἐρήμους καταστήσας (G.F., I, 50-51).
 Κάστρα πολλὰ ἐκούρσευσε, χώραν τοῦ Ἡρακλέος
 Χαρζιανὴν ἐπραΐδευσε καὶ τὴν Καππαδοκίαν (G.F., IV, 41-42).

Les savants qui ont étudié l'épopée, comme nous l'avons fait remarquer plus haut, entendent par *χώρα τοῦ Ἡρακλέος*, la ville d'Héraclée — *Ἡράκλεια*, située au nord-ouest de la Cilicie, bien que, dans l'épopée, il soit nettement question, non d'une ville, mais d'un pays, d'une province, qui porte le nom du héros Héraclès. S'il s'agit de la ville d'Héraclée, comment a-t-il pu y avoir, dans cette ville, une quantité d'autres villes (G.F., I, 50-51)? Il est clair qu'il s'agit d'un pays, d'une province, dont font partie une série de *μέρη*, de cantons⁸. On ne voit pas non plus pour quelle raison ces savants accordent à cette ville d'Héraclée une aussi grande importance dans l'histoire des relations byzantino-arabes, alors que, dans les sources byzantines les plus importantes de l'époque donnée, on ne rencontre presque pas le nom de cette ville⁹.

Nous avons montré plus haut que la route de l'émir vers la Cappadoce passait par le Xorjean. S'il en est ainsi, l'itinéraire par Héraclée, qui se trouve loin au sud-ouest du Xorjean, n'est plus de rigueur. Mais l'émir arabe a pu partir de la Syrie pour le Xorjean, en passant par une autre région qui se trouve dans la même Quatrième Arménie, précisément par l'Angilène. Nous avons eu l'occasion de nous étendre en détail sur cette région¹⁰. Nous avons fait remarquer que les Arméniens rattachaient la dénomination de cette région au nom du héros-géant Angeł, et qu'ils appelaient l'Angilène Angeł-tun, maison (c'est-à-dire pays, province)¹¹ d'Angeł. Angeł est l'Héraclès des

⁸ D'après les données de l'épopée, il y aurait aussi, dans la province de Mananali, une série de *μέρη*. Cf. R. BARTIKIAN, « Remarques sur l'épopée byz. de Digenis Akritas », *Viz. Vrem.*, XXV (1964), p. 163.

⁹ J'en ai rencontré la mention deux fois seulement : une fois dans la *Chronographie* de Théophane, où il est dit qu'à l'époque d'une incursion en 806, le calife Hārūn ar-Rašīd prit τὸ Ἡρακλέως Κάστρου (voir HONIGSMANN, *op. cit.*, p. 47) et chez Skylitzès-Cedrenus, qui, racontant une incursion de l'émir de Tarse en Romanie, à l'époque de Constantin Porphyrogénète, signale une *Κώμη τοῦ Ἡρακλέος* (Georgii CEDRENI, *Historiarum Compendium*, II, Bonnae, 1839, p. 329). Dans les deux cas la localité donnée est considérée tantôt comme un village, tantôt comme une forteresse, mais jamais comme un pays ou une province.

¹⁰ Cf. R. BARTIKIAN, *Remarques sur l'épopée byz. de Digenis Akritas. Viz. Vrem.*, XXV (1964), p. 151 sqq.

¹¹ Dans les sources arméniennes médiévales, l'Arménie est appelée *Hayoc'tun*, « maison

Arméniens¹². Moïse de Khoren (livre II, ch. 8) compare le héros Angeł au Grec Héraclès, au Perse Rostom, au biblique Samson. Il va de soi que la population arménienne grécisée de l'Arménie du Sud identifiait le héros Angeł à Héraclès, et la *χώρα τοῦ Ἡρακλέος* n'est rien autre chose qu'une traduction littérale, et la plus exacte, de l'arménien Angeł-tun¹³. Comme nous l'avons vu plus haut, Procope de Césarée appelle le gawar arménien de Xorjean *χώρα*. Angeł-tun est aussi un gawar. Et ce n'est pas par hasard que la région d'Héraclès a été appelée *χώρα* dans l'épopée¹⁴.

Ainsi, l'itinéraire de l'émir arabe, de Syrie en Cappadoce, dans l'épopée, apparaît correct par l'Angilène et le Xorjean.

2. Sur deux personnages de l'épopée.

N. Adontz, dans son article consacré aux fonds historiques de l'épopée byzantine¹⁵, s'appuyant sur les données des sources primitives, a montré l'origine arménienne d'un grand nombre de person-

des Arméniens », c'est-à-dire, contrée, pays (*χώρα*) des Arméniens la Géorgie *Vrac'tun*, « maison des Géorgiens », c'est-à-dire pays des Géorgiens, la Perse *Paršac'tun*, maison, c'est-à-dire « pays des Perses », et Byzance s'appelle *tunn Yunac'*, « maison des Grecs ». Il en est de même chez les Syriens où *beth* signifie maison et pays. La région arménienne de Moks, dans les sources syriennes, est appelée *beth Moksáyé*, « maison (pays) des Moks ». Cf. R. ADJARIAN, *Dict. étym. et des racines de la langue arm.*, t. VI, Erévan, 1932, p. 973.

¹² Voir N. ADONTZ, « Le Dieu Tarku chez les anciens Arméniens », *Huschardzan*, Vienne, 1911, p. 392-393. (En arménien.) Il faut faire remarquer que, à l'époque d'avant le christianisme, les Arméniens identifiaient avec Héraclès aussi Vahagn : voir Moïse DE KHOREN, *Hist. d'Arm.*, II, ch. 12.

¹³ Angeł-tun, comme les autres cantons de l'Arménie IV, se trouvait dans la région appelée par les Arabes « at-Tugūr » (zone frontière) et les localités de cette région changèrent sans cesse de mains. Samuel d'Ani (XIIe siècle) écrit que l'empereur Théophile (829-842) dans une de ses expéditions en Arménie prit la forteresse d'Angeł. Voir ses *Extraits des écrits des historiens*, Valaršapat, 1893, p. 92. Selon les renseignements d'Étienne de Tarawn (Asołik), l'empereur Théophile « dévasta la Quatrième Arménie et en fit un désert vide d'hommes et d'animaux », Étienne DE TARAWN, *Hist. universelle*, St. Pétr., 1885, p. 144. (En arménien.)

¹⁴ Constantin Porphyrogénète appelle *χώρα* les districts du Tarawn, de l'Apahunik', du Basean et autres (*χώρα τοῦ Ταρών, χώρα Ἀπαχουνῆς, χώρα Φασιανῆς* : *De adm. imp.*, ch. 43, 44, 45).

¹⁵ Voir N. ADONTZ, « Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digenis Akritas », *B.Z.*, XXIX-XXX, 1929-1930, p. 198-227. Réédité dans *Études arméno-byzantines*, Lisbonne, 1965, p. 7-36.

nages qui se rencontrent dans l'épopée. Il a eu en vue principalement les versions de l'épopée de Trébizonde et de Grottaferrata et naturellement il a porté son attention sur les personnages attestés dans ces deux versions. Pour nous, nous nous sommes arrêté sur deux personnages de l'épopée mentionnés seulement dans la version de l'Escorial qui n'a pas fait l'objet d'une étude spéciale de la part de N. Adontz¹⁶. Il s'agit du vieux *Μαϊακῆς* et de son petit-fils *Αποχάλλης*.

L'un des personnages principaux de l'épopée, comme on sait, est le père de Digenis Akritas, arabe d'origine. Dans toutes les versions il apparaît comme émir (*ἀμνηρᾶς*). La version de Trébizonde (v. 3070), celle d'Andros (302, 4706) et aussi celle de l'Escorial (723) lui donnent le nom de Musur (*Μουσοῦρ*)¹⁷. D'après toutes les versions de l'épopée, le père de Digenis était le maître de la ville de Ruha (*Ρουχᾶ, Ραχέ,*

¹⁶ La version de l'Escorial de l'épopée de Digenis Akritas a provoqué dans l'opinion publique scientifique les prises de position les plus contradictoires. Tantôt elle est considérée comme la version primitive de l'épopée, tantôt on est sceptique à cet égard. H. Grégoire a attiré l'attention sur certains passages précieux. Voir sa recension de l'article de Dangicin : H. GRÉGOIRE, « Le problème de la version 'originale' de l'épopée byzantine de Digenis Akritas », *Revue des Études byzantines*, t. VI, fasc. 1, 1948, p. 27-35.

¹⁷ Les savants considèrent que Mousour est une déformation du nom arabe Mûsû ou bien Manşûr (voir A. J. SYBKIN, *op. cit.*, p. 99). Le nom de l'émir, Mousour, est donné par les versions de Trébizonde, d'Andros et de l'Escorial. La plus ancienne, celle de Grottaferrata, ne mentionne pas le nom. (Dans la version de Grottaferrata, sous le nom de Mousour, apparaît un brigand tué par Digenis : GF, V, 168, 203, 215, 261). Trébizonde et Andros appellent du nom de Mousour un chef arabe tantôt identifié avec Karoès, frère de la mère de l'émir, tantôt non. Mais si dans ce dernier cas, d'après le contexte de Trébizonde et d'Andros, Mousour est un nom, en se tournant vers le passage correspondant de Grottaferrata, il est facile de découvrir que nous n'avons pas affaire à un nom de personne. Là, nous lisons : *ὁ ἀδελφός μου, ὁ θεῖος σου, ὁ μουρῆς* (lire *μουρῆς*), *ὁ Καρόης* (GF, II, 75). Là, *μουρῆς* clairement n'est pas un nom. Il est très possible que *μουρῆς* soit une déformation de la dénomination du pays *Misir*, sous laquelle il faut entendre, selon toute vraisemblance, non l'Égypte, mais la Syrie. Dans l'épopée de David de Sasun, il est fait mention de quelques rois de *Msr*, c'est-à-dire des rois de Misir. Comme on sait, dans l'épopée arménienne s'est reflétée la lutte des Arméniens contre les Arabes de Syrie (du califat arabe) au IXe siècle, et non d'Égypte. Dans l'épopée arménienne, Misir est mentionné à plusieurs reprises, et le mot se rencontre devant le nom d'une série de personnages, non seulement arabes, mais aussi arméniens, et le plus probable est que sous ce nom se cache la « Syrie ». Moursès, visiblement, a une similitude phonétique avec *Msr* de l'épopée arménienne et signifie « de Misir », c'est-à-dire de Syrie. Dans la paraphrase de l'épopée byzantine de K. Dapontès, il est indiqué que le père de Digenis Akritas était « Soultanos tou Misiriou ». Le père de Digenis et l'Égypte n'ont rien de commun. Il était émir de Syrie. Il est clair que Syria et Misirion apparaissent comme synonymes.

Ραχᾶς, Ραχάβ), nom par lequel on entend la ville d'Édesse (arm. *Urha, Ուռζω*) en Syrie. L'émir, par la suite, devient maître de toute la Syrie. L'émir à Édesse a une famille, beaucoup de femmes et d'enfants. L'épopée nous donne le nom de la mère de l'émir (*Panthia, Πανθία*) et aussi celui de son grand père, Ambron *Ἀμβρών*. L'émir fait souvent des incursions en Romanie (c'est-à-dire dans l'empire byzantin) et emmène en captivité beaucoup de gens. Au cours d'une de ses habituelles incursions, il atteint la Cappadoce et emmène en captivité la fille du stratège. Cette incursion est devenue le nœud de l'action de l'épopée. L'émir tombe fortement amoureux de la fille du stratège et finalement part avec elle et passe du côté des Byzantins, adoptant le christianisme. La mère de l'émir, d'Édesse, s'adresse à lui dans une lettre qu'elle fait passer secrètement à travers les troupes arabes. Dans cette lettre, elle lui demande de revenir dans sa patrie et de ne pas devenir un renégat. Les troupes (arabes), ayant atteint la Cappadoce, s'arrêtent dans la localité de Leukopetra (var. Lakkopetra, Chalkopetra), non loin de l'endroit où habite l'émir ainsi que la famille de sa femme. Les frères de la femme de l'émir, ayant appris l'arrivée des Arabes, se sont rendus au grand galop auprès d'eux et les ont invités à venir chez eux à la maison. Les frères, finalement, ont consenti à ce que leur beau-frère, l'émir, parte pour Édesse, à la condition qu'il revienne à sa femme et à son fils Digenis Akritas. En route pour la Syrie, l'émir s'est mis à rappeler aux Arabes les exploits accomplis par lui, quand lui et ses guerriers furent encerclés par les Byzantins dans la localité de Malakopeia (aujourd'hui Melegob) et comment lui, l'émir, rompit l'anneau de l'encerclement et comment tous échappèrent avec les prisonniers capturés par eux précédemment.

Les savants qui ont étudié l'épopée considèrent que ce récit sur l'encerclement des Arabes rappelle le fait historique de l'encerclement de l'émir arabe de la ville de Mélitène (Malatya), en 863, 'Omar (Amr) b. 'Abdallâh al-Aqta', par le général byzantin d'origine arménienne Petronas (frère de l'impératrice Théodora et du César Bardas), dans la bataille de Gyrin, où 'Amr fut tué et où échappèrent seulement son fils et quelques hommes qui finalement furent capturés par le clisurarque de Charsiane¹⁸. L'émir 'Omar ('Amr), chez le Continuateur

¹⁸ Theoph. cont., Bonn, 1838, p. 183. Cf. A. J. SYBKIN, *op. cit.*, p. 100. Sur l'émir 'Omar ('Amr), voir le précieux article de M. CANARD, « Un personnage de roman arabo-byzantin », Extr. du Deuxième Congrès National des Sciences Historiques, Alger, 1932, p. 1-14.

de Théophane, est appelé Ambron, c'est-à-dire précisément comme le grand père du père de Digenis. Sur cette base, les mêmes savants considèrent que le père de Digenis est le petit-fils de l'émir de Mélitène 'Omar ('Amr), Abû Ḥafṣ, qui fut aussi émir de Mélitène. L'émir Abû Ḥafṣ passa du côté des Byzantins en 928 à l'époque des expéditions du Domestique Jean Corcuas, Arménien d'origine.

Dans la version de l'Escorial, le récit ci-dessus mentionné de l'émir, sur sa libération de l'encerclement byzantin, a un aspect un peu différent. Selon cette version, les guerriers de l'émir furent encerclés (plus exactement faits prisonniers) par les Byzantins (ὅταν ἐφθάσασαν στρατηγοὶ καὶ ἐπῆραν σας δεσμίουσ : E, 504). L'émir ne prit pas part à cette bataille. A ce moment-là, il était en train de chasser avec cinq de ses compagnons. Ayant appris le malheur qui était arrivé, il se rendit à toute vitesse sur les lieux et délivra ses soldats.

Si nous nous sommes ainsi arrêtés sur les détails de l'épisode ci-dessus mentionné, c'est que les personnages qui nous intéressent y sont mentionnés nommément. Selon la version de l'Escorial, l'émir délivre les Arabes qui ont été faits prisonniers, avec l'aide de ses cinq compagnons, dont deux seulement sont désignés par leur nom. Ce sont « le fils de Mûsâ » et « le petit-fils du vieux Maïakès, Apochalp ». Voici les vers qui nous intéressent (E. 505-7) :

*Καὶ ἐγὼ ἐκυνήγουν, ἀγούροι μου, μετὰ πέντε παλλικάρια
μὲ τοῦ Μουσι τὸν υἱὸν καὶ μὲ τον Ἀποχάλπην
τὸν ἔγγονον τοῦ γέροντος τοῦ Μαιακῆ καὶ ἄλλους τρεῖς στρατιῶτες.*

Qui est ce compagnon Apochalp ? Son nom, sans doute, rappelle celui du petit-fils de l'émir 'Omar ('Amr) b. 'Abdallâh al-Aqṭa', le Abû Ḥafṣ historique. Qui plus est, c'est aussi le nom arabe Abû Ḥafṣ. Et rien d'autre. Pouvons-nous considérer le nom Apochalp comme un écho précisément du nom du petit-fils de l'émir 'Omar ('Amr), Abû Ḥafṣ, comme un nom traditionnel¹⁹, ou bien Apochalp est-il l'écho du nom d'un autre homme, et n'est-ce pas une autre personnalité qui se cache sous le nom Apochalp ?

Le Abû Ḥafṣ historique, comme son doublet que nous trouvons dans l'épopée, émir d'Édesse et petit-fils d'Ambron, est aussi un Arabe d'origine. Dans la version de l'Escorial, bien que Apochalp soit mentionné au nombre des compagnons de l'émir, il n'est cependant rien dit sur son appartenance nationale, son nom mis à part qui est claire-

¹⁹ H. GRÉGOIRE, *ὁ Διγενὴς Ἀκρίτας*, etc., p. 112; A. J. SYRKIN, *op. cit.*, p. 101.

ment arabe. Mais à l'époque envisagée, beaucoup d'Arméniens portaient aussi des noms arabes. Le frère du prince du Tarawn Grigor par exemple s'appelait aussi Apoganem ('Απογάνεμ). Chez les Arméniens étaient répandus des noms arabes comme Abusahl (au Xe siècle), Abumrvan (au IXe siècle), Abugamr (au Xe siècle)²⁰, etc. Que le Apochalp épique soit non un Arabe, mais un Arménien²¹, c'est ce qui est curieusement confirmé si l'on prend en considération le nom de son grand père, mentionné dans la version de l'Escorial. Il est appelé *Μαϊάκης* (et non *Μαιακῆς*, comme dans le texte édité. Or *Maiakès* n'est pas autre chose que le nom arménien Hmayeak (*Հմայեակ*) donné dans la version de l'Escorial sans déformation. Il y manque une lettre, h, au début, mais dans la transcription grecque, comme on sait, cette lettre ne pouvait être écrite, puisqu'elle n'existe pas en grec²². Le nom arménien Hmayeak fut porté au Moyen Âge principalement par les membres de la famille naxararesque des Mamikonians, qui détenait la charge de sparapet. Ce nom était répandu aussi parmi les membres d'autres familles naxararesques²³. Il n'est pas superflu de dire que, dans la généalogie légendaire du fondateur de la dynastie macédonienne, Basile I, le grand père de l'empereur qui se considérait comme Arsacide s'appelait Hmayeak (*Μαΐκτης*)²⁴.

Il est certainement difficile de dire qui l'épopée a en vue sous ce nom de Hmayeak. Le prototype historique de son petit-fils, appelé dans l'épopée, comme on l'a remarqué plus haut, Apochalp, pourrait apporter quelque lumière là-dessus. Que savons-nous de lui ? Nous savons qu'il est Arménien et qu'il vit à Édesse, si l'on considère que c'est la ville dans laquelle règne son maître, l'émir. Par suite, nous devons chercher un Apochalp à Édesse, et le chercher parmi les Arméniens. Et, en fait, il y a à Édesse un Arménien portant ce nom. Selon

²⁰ Voir R. ADJARIAN, *Dict. des noms propres arm.*, I, Erévan, 1942.

²¹ Bien entendu H. Grégoire a tort de considérer le compagnon Apochalp « comme un autre petit-fils de l'émir (c'est-à-dire 'Omar-'Amr) : μ' ἕναν ἄλλον ἔγγονο τοῦ γέροντα δηλαδὴ τοῦ Ἐμίρη, ποὺ ὀνομαζόταν Ἀποχάλπης ». Il est admis que le père de Digenis Akritas et son compagnon Apochalp sont frères. Mais l'Escorial donne le nom de ce « geronta » (ancien), grand père d'Apochalp, et il l'appelle non Ambron, mais *Μαϊάκης*.

²² Elle n'existe pas non plus en russe et le nom arménien Hmayeak, en russe, sonne et est écrit Amayak.

²³ Pour plus de détails, voir R. ADJARIAN, *Dict. des noms propres arm.*, III, Erévan, 1946, p. 89-91.

²⁴ Voir Theoph. cont., p. 215 et cf. N. ADONTZ, « L'âge et l'origine de l'empereur Basile I », *Études arméno-byzantines*, p. 91, 105. [Voir aussi du même *Armenija v epoxu Justiniana*, p. 27, 464, 472. M.C.]

toute vraisemblance, sous l'Apochalp de l'épopée se cache le duc byzantin de la ville d'Édesse, arménien d'origine, Apuk'ap²⁵.

La source la plus précieuse pour la biographie de cet Apuk'ap est la *Chronographie* de Mathieu d'Édesse qui, étant originaire d'Édesse, connaissait parfaitement l'histoire de son pays d'origine. Il écrit que cet Apuk'ap (*Աϋκ.αϋκ*) avait précédemment servi auprès du Curoplate du Tayk' David, qui mourut en 1000. Mathieu d'Édesse écrit plus loin que l'empereur byzantin Romain (Romain III Argyre, 1028-1034) partit en expédition contre les Arabes et établit son camp dans la localité de 'Azâz près d'Alep (en 1030). A ce moment, parmi ses troupes, certains prirent la résolution secrète de renverser l'empereur au moment où se livrerait la bataille et de l'abandonner à son sort. Le secret fut révélé à l'empereur par cet Apuk'ap, ci-dessus mentionné. Les Arabes battirent l'armée byzantine, tuèrent, d'après les renseignements de l'historien arménien, 20.000 Byzantins. Romain échappa par la fuite avec ses fidèles parmi lesquels se trouvait certainement Apuk'ap. Mathieu d'Édesse, plus loin, parle de l'inimitié qui existait entre deux émirs de la ville d'Édesse, Šepl et Utayr, de l'immixtion dans cette querelle du grand émir des Tadjik Nsrtoł (qui gouvernait à Mufargin, c'est-à-dire Mayyâfâriqîn, Martyropolis), par l'intermédiaire de son général le « ra'is Payel », et aussi du maître de la forteresse haute » d'Édesse, Salmân. Toute cette âpre lutte se termina de la façon suivante : Salmân fut forcé de s'adresser au « prince des Romains » Georges Maniakès à Samosate, afin qu'il vînt prendre Édesse, ce qui fut accompli²⁶. Salmân avec ses fils passa du côté des Byzantins et adopta le christianisme. L'empereur le fit prince (*išxan*) et lui donna en possession des cantons (*gawars*). Mathieu d'Édesse termine cette histoire en indiquant que l'empereur Romain nomma à la place de Maniakès, comme duc de la ville d'Édesse, Apuk'ap²⁷.

Comme on sait, Georges Maniakès s'empara d'Édesse en 1032. Romain III mourut en 1034. C'est donc entre ces deux dates que

²⁵ Ce nom, en qualité de nom de famille, se rencontre chez les auteurs byzantins sous la forme 'Αποκάπης; voir Michaelis ATTALIOΤΑΕ, *Historia*, Bonn, 1853, p. 83; Ioannis ZONARAE *Epitome Historiarum*, t. III, Bonn, 1897, p. 678; Georgii CEDRENI *Historiarum Compendium*, t. II, Bonn, 1839, p. 654. En tous cas 'Απόχαψ (Apochaps) et 'Αποκάπης sont le même nom arabe Abû Hafş.

²⁶ G. CEDRENI *Hist. comp.*, t. II, p. 500-501.

²⁷ Mathieu d'ÉDESSE, *Chronographie*, Valarsapat, 1893, p. 57-64.

Apuk'ap fut fait duc d'Édesse²⁸. Édesse était restée aux mains des Arabes près de quatre siècles, de 641 à 1032. Son passage aux mains des Byzantins produisit une très forte impression sur les contemporains et il est possible que l'auteur d'une rédaction plus tardive ait considéré comme nécessaire de mentionner le nom du duc byzantin d'Édesse Apuk'ap. Georges Maniakès fut duc d'Édesse pendant un court laps de temps. Jusqu'à la prise de la ville par les Seldjoukides, Édesse se trouva sous la direction dudit Apuk'ap et de son fils Basile. Les sources ignorent le nom du père d'Apuk'ap, à plus forte raison celui de son grand père. Si notre identification d'Apochalp avec le Duc d'Édesse Apuk'ap est exacte, l'épopée complète les données des sources narratives, en donnant le nom de son grand père, Hmayeak.

Ainsi la version de l'Escorial de l'épopée de Digenis Akritas nous a fourni le nom de deux personnages, absents des autres versions dont nous avons essayé plus haut de démontrer l'historicité et l'appartenance nationale²⁹.

Hratch BARTIKIAN.

Traduit de l'article en russe publié dans le *Bulletin de l'Université d'Érévan*, 1968, n° 1, p. 201-208.

²⁸ Ici on doit remarquer que Cedrenus appelle le successeur de Maniakès au poste de duc d'Édesse Lependrénos (*ibid.*, p. 515).

²⁹ La version de l'Escorial a conservé encore le nom d'un personnage qui ne se trouve pas dans les autres versions. C'est un combattant envoyé d'Édesse à l'émir en Cappadoce par sa mère. La version de l'Escorial le considère comme un Sarrazin et l'appelle Mousoufris (*Μουσουφρίς*, l. 337). Kalonaros (voir son *Βασιλειος Διγενής 'Ακρίτας*, tom. II, 'Αθήναι, 1941, note aux l. 145 et 147, l'identifie erronément avec le père de Digenis Akritas, l'émir Mousour, considérant que Mousoufris est une déformation de Mousour, sans faire attention au fait que, dans l'épopée, c'est un soldat envoyé à l'émir Mousour, c'est-à-dire qu'il est clair que ce sont deux personnages différents. Mousoufris est sans doute le nom arabe al-Muzaffar. Nous sommes enclin à l'identifier avec Μουδαφάρ, fils du fameux général arménien Manuel, maître du Tékès (Degik de la IVe Arménie), qui fit beaucoup parler de lui sous le règne de Léon VI. Manuel, avec ses fils, parmi lesquels Moudafar, passa du côté des Byzantins. Moudafar reçut de Léon VI en possession des terres impériales à Trébizonde. Voir Constantin PORPHYROGÉNÈTE, *De adm. imp.*, ch. 50 (éd. Moravcsik et Jenkins, p. 238, l. 115 sqq; *Commentary*, p. 190). Cf. HONIGMANN, *op. cit.*, 78. Nous avons l'intention de traiter ultérieurement en détail de la personnalité de ce Mousoufris.

LES AREWORDI (FILS DU SOLEIL) EN ARMÉNIE
ET MÉSOPOTAMIE ET L'ÉPÎTRE DU CATHOLICOS
NERSÈS LE GRACIEUX

Parmi les nombreux mouvements hérétiques du Moyen Âge arménien, celui des Arewordi, « Fils du Soleil », occupe une place bien déterminée. Ce mouvement a eu une large expansion en Arménie et en Mésopotamie, principalement aux XIe-XIIe siècles, bien que l'on trouve mention de ces hérétiques et de certaines de leurs communautés à une époque beaucoup plus tardive.

Nous avons très peu de renseignements sur le mouvement des Arewordi et c'est une des raisons pour lesquelles il a été insuffisamment étudié. Une autre cause est le peu d'intérêt des historiens pour ce mouvement du fait que, dans la mesure où on peut le savoir par les sources, il n'a pas eu une amplitude et une envergure pareilles à celles qu'ont eues les mouvements des Pauliciens et des Thondrakites par exemple, et n'a pas abouti à une lutte de classe ouverte contre les exploiters féodaux. A l'époque où nous le connaissons, il a été une secte hérétique. Cependant, cette circonstance ne nous donne pas le droit d'ignorer le mouvement des « Fils du Soleil », car, pour comprendre plus pleinement la lutte sociale et la lutte des idées au Moyen Âge arménien, et non seulement arménien, il est nécessaire d'étudier tous les mouvements et toutes les idées d'opposition.

Outre des mentions isolées dans des manuels et dans des monographies où sont étudiées l'histoire du peuple arménien et de l'Église arménienne ou même l'histoire des hérésies arméniennes, nous n'avons en tout qu'un seul article consacré à ce mouvement, celui de Gr. Vantzian, publié en 1896¹. Autant que nous sachions, il n'y a pas d'autres études relatives à ce mouvement. Nous exposerons plus loin différentes opinions, exprimées par les savants sur les « Fils du Soleil », et nous signalerons aussi les mentions relatives à ces hérétiques que l'on rencontre chez des auteurs du Moyen Âge.

¹ Gr. VANTZIAN, « La question des Arewordi », *Handes Amsorya*, Vienne, 1896, p. 12-19. Dans la même revue des Mechitharistes de Vienne (1901, n° 2, p. 42-44), Gr. Vantzian a publié « Deux mots sur les Arewordi », où il soutient les mêmes conclusions que dans l'article ci-dessus mentionné.

Les « Fils du Soleil » sont mentionnés pour la première fois au milieu du XIe siècle par le fameux philosophe et chef militaire arménien Grégoire Magistros. Dans sa longue épître qui est une réponse au catholicos syrien de la ville d'Amid et relative aux hérétiques, pauliciens et thondrakites, nous lisons entre autres : « Il y a aussi certains autres (hérétiques), infectés par le mage Zradašt, sectateurs des mages perses, et les actuels adorateurs du Soleil, empoisonnés par eux, que l'on appelle Arewordi. Dans cette région (c.-à-d. celle d'Amid), il y en a beaucoup et ils se donnent ouvertement le nom de chrétiens. Mais nous savons que vous êtes renseigné sur leur manière de vivre égarée et déréglée »².

Après plus d'un siècle de silence dans les sources, les « Fils du Soleil » sont mentionnés par le catholicos Nersès le Gracieux (1166-1173). Le clergé arménien et les autorités laïques de la ville de Samosate envoyèrent une lettre au catholicos, voulant savoir sous quelle forme les hérétiques « Fils du Soleil » qui désiraient abjurer leur hérésie devaient être admis au sein de l'Église. En réponse à cette lettre, dans une épître dont la traduction est donnée à la fin de cet article, le Catholicos leur donne les indications nécessaires et en même temps des renseignements précieux sur les idées et les opinions des « Fils du Soleil ». On voit par cette Épître que le mouvement des « Fils du Soleil » était répandu, outre la région de la ville d'Amid, ce que nous savons par l'Épître de Grégoire Magistros, dans la ville de Samosate aussi, peut-être même dans le territoire du royaume arménien des Rubénides en Arménie cilicienne, car, comme l'écrit le catholicos Nersès, « se sont aussi présentés à nous des gens venus de parmi eux, qui nous ont adressé la même demande ». Le catholicos Nersès montre nettement que les « Fils du Soleil » sont d'origine arménienne, qu'ils adorent le Soleil, le considérant comme « quelque chose d'autre », et aussi le peuplier, en considération de ce que le bois de la croix du Christ était de peuplier.

Dans l'Épître de Nersès le Gracieux, il y a une importante indication relative à la corruption du clergé arménien, sur lequel les nouveaux convertis ne devaient pas prendre exemple. Importante aussi est la mention à l'Église pour l'administration des sacrements, baptême, confession,

² Voir R. BARTIKIAN, « La lettre-réponse de Grégoire Magistros Pahlavuni au Catholicos syrien », *Palestinski Sbornik*, n° 7, 1962, p. 139. [Cf. le compte rendu de cet article dans REArm., I (1964), p. 450-455.]

communion, enterrement, etc. Étant donné que ces « dons » pouvaient être un obstacle à la conversion des « Fils du Soleil » à l'orthodoxie, le catholicos Nersès conseille de ne plus les faire remettre par les nouveaux convertis sous la contrainte, mais de laisser cette question à leur jugement. Cette indication prouve que la lutte, attestée aussi chez d'autres hérétiques, contre l'administration des sacrements, a, outre des raisons idéologiques, aussi des causes économiques, elle était liée au désir des masses de se libérer du paiement d'une redevance déterminée.

Les « Fils du Soleil » sont mentionnés aussi chez un écrivain du XIIe siècle, auteur de règles ecclésiastiques, David fils d'Alawik. Il écrit : « Les Pauliciens, ou Messaliens, sont la race de Arewordi »³, c'est-à-dire qu'il entend de manière non équivoque par Arewordi des hérétiques.

Les hérétiques Arewordi sont mentionnés aussi dans l'Épître au Pape du catholicos Mxithar. Il écrit que, à son époque (c'est-à-dire au milieu du XIVe siècle), à Manazkert, il y avait des Arewordi⁴.

Au même XIVe siècle, Mxithar Aparantzi nous donne une série de détails sur les « Fils du Soleil ». Il constate : « Il y a certains Arméniens, parlant l'arménien, et adorant le Soleil, qui sont appelés Arewordi. Ils n'ont ni écriture, ni littérature ; les pères instruisent leurs enfants d'après des traditions que leurs ancêtres ont reçues du mage Zradašt, grand maître d'un temple païen. Ils adorent le Soleil en tournant vers lui leur visage, révèrent l'arbre peuplier, et, parmi les fleurs, la fleur de lis, la fleur de coton et d'autres qui toujours tournent leur face vers le soleil⁵. Ils se considèrent comme semblables à ces fleurs, comme élevés et embaumés par la foi et les œuvres, accomplissent des sacrifices [pour le salut de l'âme] des défunts et payent les impôts [canoni-

³ Voir L. ALISHAN, *Les anciennes croyances ou la religion païenne des Arméniens*, Venise, 1910, p. 102 (en arm.). Édité primitivement en 1894 dans la revue des Mechitharistes de Venise, *Pazmaveb*, t. 52. Alishan a aussi écrit sur les Arewordi dans son étude antérieure intitulée *Nersès le Gracieux et son temps*, Venise, 1873, p. 399-404.

⁴ L. ALISHAN, *Les anciennes croyances...*, p. 102.

⁵ Sans aucun doute, ce sont les « Fils du Soleil » que visait le juriste et fabuliste Mkhithar Goš, mort en 1213, dans sa fable « La Fleur du Soleil » : « La fleur du jonc et d'autres semblables furent accusées d'être des adoratrices du Soleil. Mais elle, élevant ses mains vers le Soleil, jura par le Soleil : « Je ne suis pas une adoratrice du Soleil ». Voir I. A. ORBELI, *Les fables de l'Arménie du Moyen Âge*, Moscou-Leningrad, 1956, p. 23, 70.

ques] au prêtre arménien. Leur chef s'appelle Hazirpet⁶ et, deux fois par an ou plus souvent, hommes et femmes, fils et filles, se réunissent par un temps très sombre dans un endroit secret⁷, se mettent à nu, et le hazirpet leur fait [un sermon] et fait tinter [une clochette]⁸.

A la fin du XIVe siècle, l'historien arménien Thomas Medzopetzi, décrivant l'invasion de Tamerlan en Mésopotamie, rapporte entre autres choses : « Il arriya à Mârdîn⁹, détruisit la ville... et aussi quatre villages d'Arewardi adoreurs d'idoles, Šol, Šymrah, Safari et Maraši, de fond en comble. Mais ensuite, par suite des menées de Satan, ils se multiplièrent à Mârdîn et Amid¹⁰.

Finalement, par la Vie de Putakh d'Amid (qui fut martyrisé en 1524), nous apprenons que Putakh était le fils d'un hérétique Arewardi et que sa mère était originaire de la ville de Maragha. Le père et le frère de Putakh entrèrent dans l'Église jacobite, et Putakh dans l'Église arménienne, bien qu'il ne connût pas la langue arménienne, mais seulement les langues arabe et turque¹¹.

Sur la base de ces renseignements, on peut déterminer les régions suivantes d'extension de l'hérésie des « Fils du Soleil » : les villes de Manazkert, Amid et son district, Samosate, Mârdîn, peut-être aussi la Cilicie. En considération d'une pareille aire d'extension de l'hérésie on peut supposer qu'elle était répandue non seulement parmi les Arméniens, mais probablement aussi parmi les Syriens.

⁶ C'est le mot *hazarapet*. Titre perse qui s'est répandu aussi dans l'ancienne Arménie, où les personnages, au gouvernement, qui dirigeaient les finances, étaient appelés *hazarapet*. Dans la traduction arménienne du Nouveau Testament, *hazarapet* correspond au grec *oikonomos*. Voir pour plus de détails à ce sujet A. MANANDIAN, *Le féodalisme dans l'Arménie ancienne*, Erévan, 1934, p. 69-73. [Sur ce mot voir aussi E. BENVENISTE, *Titres et noms propres en iranien ancien*, Paris, 1966, p. 69 sqq. Il correspond à grec *chiliarchos*. Mais, dit Benveniste, « gr. *chiliarchos* et arm. *hazarapet* désignent des réalités différentes selon qu'ils figurent dans les versions de l'Ancien Testament ou dans les ouvrages historiques. »]

⁷ Litt. dans une fosse, un trou.

⁸ Voir L. ALISHAN, *Hayapatum et les historiens de l'Arménie*, Venise, 1901, p. 551-552 (en arm.).

⁹ Ville de Mésopotamie, plus au sud qu'Amid, sur la route d'Édesse à Nişibîn. [Voir LE STRANGE, *The Lands of the Eastern Caliphate*, p. 96.]

¹⁰ THOMAS MEDZOPETZ-I, *Histoire de Tamerlan et de ses successeurs*, éd. K. Sahnazarian, Paris, 1860, p. 45.

¹¹ Voir *Les nouveaux martyrs arméniens (1155-1843)*, éd. A. Manandian et H. Adjarian, Vagharchapat, 1903, p. 360 et suiv. (en arm. ancien).

Avant de nous arrêter sur l'article de G. Vantzian, le seul travail consacré spécialement au mouvement des « Fils du Soleil », nous considérons comme indispensable de citer l'opinion des érudits arméniens qui ont partiellement touché à l'hérésie des « Fils du Soleil », en liaison avec leurs recherches dans le domaine de l'histoire de l'Arménie et de l'histoire de l'Église arménienne.

Michel Tchamtchian, dans sa volumineuse *Histoire de l'Arménie*, considère les hérétiques Arewardi comme des païens, qui vivaient encore à l'époque de Grégoire l'Illuminateur dans certains villages frontaliers d'Arménie où habitait une population mêlée d'Arméniens et de gens d'autres nationalités. Les hérétiques qui, d'après les renseignements de Moïse de Khoren, furent poursuivis par Mesrop Machtotz au Ve siècle, sont considérés par Tchamtchian comme des Arewardi, et ce sont à son avis, non des Arméniens, mais des gens issus d'autres peuples auxquels se sont joints quelques-uns des Arméniens¹².

Un autre historien arménien, B. Sargisian, dans une étude consacrée à l'histoire de l'hérésie manichéenne, paulicienne et thondrakite, considère que les Arewardi, originellement, sont liés aux Manichéens et qu'ils se sont rencontrés en Arménie beaucoup plus tôt que ne le laissent entendre les mentions que font d'eux les auteurs du XIe siècle et des siècles postérieurs¹³.

Karapet Ter Mkrttschian, dans son ouvrage sur les Pauliciens, a consacré un chapitre spécial au mouvement des Arewardi, dans lequel il dit que les Arewardi n'ont rien de commun avec les Pauliciens et les Thondrakites, mais qu'il est possible que parfois ils aient été en rapports avec eux et aient subi leur influence, mais quelle influence, nous ne le savons pas. Il considère les Arewardi comme des Arméniens païens, qui sont tombés sous l'influence de la religion babylonienne. Il se montre méfiant à l'égard de l'information de Thomas Medzopetzi selon laquelle, après le massacre de Tamerlan, par suite des menées de Satan, les Arewardi se sont multipliés à Amid et Mârdîn, et il suppose que cet auteur a pu avoir en vue, sous le nom d'Arewardi, non les Arewardi de Nersès le Gracieux, mais les actuels Kurdes Yézidi¹⁴.

¹² M. TCHAMTCHIAN, *Histoire de l'Arménie*, t. I, Venise, 1784, p. 398, 766, t. III, p. 86-87 (en arm. anc.).

¹³ B. SARGISIAN, *Recherches sur l'hérésie des Thondrakites manichéo-pauliciens*, Venise, 1893, p. 31-32 (en arm.).

¹⁴ K. TER-MKRTTSCHIAN, *Die Paulikianer im Byzantischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien*, Leipzig, 1893, S. 101-103.

F. Conybeare estime que les Arewordi sont des Manichéens arméniens et que leur secte est née en Arménie très anciennement ¹⁵, c'est-à-dire que sa conclusion concorde avec celle de B. Sargsian.

L. Alishan considère les Arewordi comme des adorateurs du Soleil d'origine inconnue, qui ont subi l'influence des Pauliciens et des Thondrakites. A son avis ils ont existé jusqu'au XIXe siècle inclusivement ¹⁶.

D'après l'opinion du principal historien de l'Église arménienne, M. Ormanian, les Arewordi sont des hérétiques arméniens semblables aux Thondrakites, mais l'adoration du Soleil, de Satan et du Peuplier les rapproche des Kurdes-Yézidi contemporains ¹⁷.

D'autres déclarations d'érudits contemporains sur les Arewordi répètent plus ou moins les jugements mentionnés plus haut, c'est pourquoi il n'y a pas lieu de citer leur opinion.

Abordons maintenant le travail de Gr. Vantzian. Il estime que les Arewordi ne sont ni des Arméniens, ni des chrétiens hérétiques, qu'ils ont une religion tout à fait autre, car ils sont des adorateurs du Soleil. Il considère que, par « le mage Zradašt », Grégoire Magistros entend Zradašt-Zoroastre, prophète de la religion zoroastrienne, et que le culte du Soleil des Arewordi, conformément à son point de vue témoigne d'une affinité de ces derniers avec le zoroastrisme. C'est pourquoi Gr. Vantzian exprime des doutes relativement aux termes de Grégoire Magistros, « et les... maintenant, empoisonnés par eux (c.-à-d. par les mages) » ¹⁸, car il n'est pas possible d'admettre, dit-il, que jusqu'au XIe siècle, le zoroastrisme ait atteint une force et un élan tels qu'il ait pu influencer aussi d'autres peuples. Partant de ce mot « maintenant », Vantzian considère comme possible que, jusque là, les Arewordi aient eu une autre religion, qui ne se distinguait pas beaucoup du zoroastrisme; c'est, écrit-il, le culte des plantes, qui demeura chez les Arewordi jusqu'au XIVe siècle. Les données de David fils d'Alawik (« Les Pauliciens ou Messaliens sont la race des Arewordi ») sont considérées par Vantzian comme erronées. David,

¹⁵ F. CONYBEARE, *The Key of Truth. A Manuel of the Paulician Church in Armenia*, Oxford, 1898, p. CXXXII.

¹⁶ L. ALISHAN, *Les anciennes croyances...*, p. 100-104.

¹⁷ M. ORMANIAN, *Azgapatum (Histoire de l'Église arménienne)*, t. I, Constantinople, 1912, col. 1425-1426 (en arm.).

¹⁸ Mais chez Grégoire Magistros, le mot « maintenant » est employé au sens de « d'à présent, d'aujourd'hui, actuels ».

selon son opinion, s'est servi des Épîtres de Grégoire Magistros qui, comme David, considère les Arewordi non comme des Arméniens, mais comme une race distincte, « la race des Arewordi ».

En ce qui concerne l'Épître du catholicos Nersès, Vantzian écrit que le catholicos n'avait pas le droit de considérer les Arewordi comme des Arméniens, puisqu'il ne les connaissait que d'après les renseignements de Grégoire Magistros et de David fils d'Alawik, que de même les « écrits » mentionnés par Nersès ont pu n'être que l'Épître de Grégoire Magistros et le travail de David. Vantzian considère les données de Nersès le Gracieux comme très sujettes à caution. Il accorde une grande importance à la mention, par Mxithar Aparantzi, du fait que les Arewordi n'avaient ni écriture ni littérature. De cela, Vantzian tire la conclusion suivante : si les Arewordi étaient des Arméniens, ils n'ont pas pu ne pas avoir une littérature, par suite, ils n'étaient pas Arméniens. Il appuie sa supposition sur le fait que, dans les limites d'une religion, l'hérésie était poursuivie avec beaucoup de rigueur, tandis que les représentants d'une religion étaient beaucoup plus tolérants à l'égard des sectateurs d'une autre religion. Nous voyons, écrit-il, que l'Église arménienne a mené une lutte acharnée contre les Thondrakites, car ces derniers étaient des Arméniens hérétiques; à la même époque, l'Église arménienne a été très tolérante à l'égard des Arewordi, ce qui prouve que les Arewordi n'étaient pas des Arméniens.

Résumant son travail sur les « Fils du Soleil », Vantzian tire les conclusions suivantes : 1) Les Arewordi ne sont pas des Arméniens; 2) ce ne sont pas des chrétiens hérétiques; 3) on ne peut identifier leur religion au zoroastrisme; 4) les données qu'on possède sont insuffisantes pour préciser leur origine ¹⁹.

Ainsi, le point de départ, pour Vantzian, n'est pas constitué par les sources, mais par des idées préconçues. Il considère comme erroné tout ce qui ne correspond pas à ses hypothèses, et son appréciation des données fournies par les sources premières porte le caractère de l'arbitraire.

Nous n'avons aucune raison de mettre en doute les données de Nersès le Gracieux et de Mxithar Aparantzi, qui considèrent les

¹⁹ En 1894, dans la revue *Murtch*, Vantzian exprimait l'opinion que les Arewordi étaient des Tziganes. Par la suite, il a abandonné cette manière de voir. En 1896, dans la revue *Handes Amsorya*, à propos de l'article de Vantzian, Pahlavuni a exprimé l'idée que les Arewordi étaient d'origine perse, qu'ils étaient une branche des Parsis, établis après la conquête arabe dans l'Inde et peut-être aussi en Occident.

Arewardi comme des hérétiques arméniens. En rapport avec cela, je doute que la supposition, que Grégoire Magistros et David fils d'Alawik seraient les seules sources de Nersès le Gracieux, soit exacte. Il est douteux que l'homme qui a été en contact personnel avec les hérétiques Arewardi se soit contenté de certaines déclarations des auteurs mentionnés plus haut.

Nous considérons aussi que Vantzian n'a pas compris correctement la déclaration de Mxithar Aparantzi : « ils n'ont ni écriture ni littérature » et ils transmettent oralement l'hérésie que leurs pères ont reçue du mage Zradašt, déclaration sur la foi de laquelle Vantzian dénie aux Arewardi une origine arménienne. Mxithar Aparantzi, selon toute vraisemblance, attire l'attention sur le fait que les Arewardi n'avaient pas de dogmes sous forme écrite, mais qu'ils les propageaient oralement. Mais il en était de même pour les autres hérétiques²⁰.

En ce qui concerne Zradašt, mentionné par Grégoire Magistros et par Mxithar Aparantzi, sous ce nom, ce n'est pas le prophète de la religion zoroastrienne que l'on entend. La Chronique syrienne de la ville de Karkhâ de-Bêth Selôkh considère comme fondateur du mazdakisme un certain Zaradušt, contemporain de Mani. La Chronique syrienne de Josué le Stylite, composée avant 518, mentionne une religion des « Mages » appelée « Zaraduštakan »²¹. Une des sources de Ṭabarî comme ce Zaradušt père idéologique des Mazdakites, et Mazdak seulement le disciple de Zaradušt. Nöldeke a écrit que ce Zaradušt n'était pas un personnage fictif et qu'il n'avait rien de commun avec le prophète du zoroastrisme portant le même nom, que ce personnage était Zaradušt fils de Khurrahân de Fasâ (Pasâ)²². Grégoire Magistros et Mxithar

²⁰ Par « écriture et littérature », par « livre », au Moyen Âge, on entend aussi les Saintes Écritures ; « n'ayant pas de livre », à la même époque, signifiait « n'ayant pas de foi », « infidèle ».

²¹ Voir les travaux de N. V. FIGULEVSKAJA, *La Mésopotamie aux confins des Ve et VIe siècles. Chronique de Josué le Stylite comme source historique*, 1940, p. 12, 135, et *Les villes d'Iran dans le Haut Moyen Âge*, 1956, p. 289-290. [Voir de ce dernier ouvrage la traduction française, *Les villes de l'État iranien aux époques parthe et sassanide*, p. 203. Dans cette traduction Zaraduštakan est écrit Zaradoushtaghan].

²² Voir Th. NÖLDEKE, *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden aus der arab. Chronik des Tabari*, Leiden, 1879, p. 154 ; Ṭabarî, I, 892 ; N. V. FIGULEVSKAJA, « Le mouvement mazdakite », *Izvestija A.N. SSSR, Série historique et philologique*, n° 4, 1944, p. 171. Pour des détails sur le mouvement de Mazdak, voir la nouvelle étude de Otakar KLÍMA, *Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung in Sassanidischen Persien*, Prague, 1957. [Dans la traduction française de l'ouvrage de N. V. FIGULEVSKAJA, *Les*

Aparantzi ont sans aucun doute en vue, dans le « Mage Zradašt » le Zaradušt qui vivait au IIIe siècle, prédécesseur idéologique de Mazdak, et « les mages perses » de Grégoire Magistros, « infectés par le Mage Zradašt », sont évidemment les partisans de Mazdak.

Bien que le mouvement mazdakite eût été écrasé, les idées mazdakites continuèrent à vivre, tant dans l'Iran lui-même qu'en dehors de ses frontières²³, et il est très possible que, sous le nom de « Fils du Soleil », nous ayons affaire à des survivants isolés du mazdakisme en Arménie et Mésopotamie, qui se sont adaptés aux croyances chrétiennes, car Grégoire Magistros indique de façon concrète que les actuels Arewardi « ont été infectés par les mages perses », les partisans du Mage Zradašt. Il est possible aussi que le surnom du chef des « Fils du Soleil », *hazirpet-hazarapet*, bien qu'il ait été répandu aussi en Arménie fasse également allusion à cela.

L'Église arménienne a été tolérante à l'égard des Arewardi, mais non parce que ceux-ci n'étaient pas des Arméniens, comme l'ont affirmé Vantzian et d'autres. Cela s'explique par l'originalité même du mouvement des « Fils du Soleil ». C'est un fait que les mouvements paulicien et thondrakite ont abouti à une lutte ouverte des classes inférieures de la société contre l'exploitation féodale ; c'est pourquoi les pouvoirs ecclésiastique et laïque ont dû mener contre eux une lutte implacable. En ce qui concerne les Arewardi, ils ont été dans chaque cas à l'époque mentionnée et d'après les données que nous possédons, une secte au plein sens du mot. Leur mouvement n'a pas pris le caractère d'une insurrection armée contre l'exploitation féodale comme celui des Pauliciens et des Thondrakites. C'est la raison pour laquelle précisément il était complètement indifférent à Nersès le Gracieux qu'ils devinssent ou non des chrétiens orthodoxes. Ils n'ont nullement constitué un danger social, ni par leur nombre, ni par le caractère de leur mouvement, et le catholicos Nersès a eu raison quand il a écrit que, si les Arewardi « retournent à leur vomissement, nous n'en éprouverons aucun dommage ».

Tout à fait erronée est l'affirmation que les Arewardi ne sont pas des hérétiques, puisqu'ils sont des adorateurs du Soleil. Nous n'avons aucune raison de mettre en doute les données de Grégoire Magistros qui mentionne les Arewardi à côté des Pauliciens et des Thondrakites.

villes d'Iran..., le nom du père de Zaradušt est écrit Khvarraghan, c.-à-d. Khwarrahân. Sur Pasâ dans le Fars, voir LE STRANGE, *The Lands...*, p. 290 sqq.]

²³ N. V. FIGULEVSKAJA, *Le mouvement mazdakite...*, p. 181.

Nous n'avons aucune raison non plus de mettre en doute les données de David fils d'Alawik, d'après lequel les Pauliciens ou Messaliens sont la race des Arewordi, d'où il résulte que les Arewordi sont des chrétiens hérétiques. Sans nul doute, il y a dans les dogmes des Arewordi des survivances du paganisme, mais des survivances qui, à cette époque, avaient déjà un contenu tout à fait nouveau. Que les Arewordi soient des hérétiques, on n'a pour s'en convaincre qu'à se tourner vers les sources byzantines et arméniennes. Le Soleil, pour les hérétiques, est le Christ. Les hérétiques appelaient le Soleil Christ, ils identifiaient ces deux concepts. Dans les formules d'abjuration du manichéisme, qui ont été postérieurement utilisées contre les Pauliciens et d'autres chrétiens hérétiques, il est dit que les hérétiques doivent vouer à l'anathème ceux qui appellent le Soleil Christ et qui jurent par le Soleil (*ἀναθεματίζω τοὺς τὸν Χριστὸν λέγοντες εἶναι τὸν ἥλιον καὶ εὐχομένους τῷ ἥλιῳ*)²⁴. Dans le « Chant » byzantin « sur le Fils d'Armouris », le serment suivant est six fois mentionné : « Je jure par le doux Seigneur le Soleil et par sa douce mère » (*μὰ τὸν κῦρ ἥλιον τὸν γλυκύν, μὰ τὴν γλυκεῖαν τοῦ μάνα*)²⁵. Il ne peut pas y avoir de doute : là il s'agit bien du Christ et de la Sainte Vierge. A ce propos, on ne peut pas ne pas mentionner l'épopée de Digenis Akritas, dont l'action se déroule précisément dans les régions où se sont répandus les mouvements des « Fils du Soleil » et d'autres hérétiques. Dans les différentes versions de l'épopée, on peut rencontrer beaucoup de traces de l'adoration du Soleil.

Dans le Livre arménien des Hérésies, il est dit des Pauliciens qu'ils appellent le Soleil Christ²⁶. Sous ce rapport, deviennent parfaitement compréhensibles les paroles que le catholicos adressait au clergé de la ville de Samosate au sujet des Arewordi : « Enseignez-leur à ne pas considérer le soleil comme quelque chose d'autre qu'un flambeau éclairant l'univers, créé par Dieu Créateur... comme la lune et les étoiles », ce qui veut dire qu'il fait allusion au fait que les Arewordi entendaient par le Soleil, non seulement le flambeau, mais quelqu'un d'autre, le Christ, comme le montrent de façon non équivoque les sources citées plus haut. Ainsi, si le Soleil est le Christ, il s'en suit que dans le cas donné un adorateur du Soleil est identique à un adora-

²⁴ *Appendix monumentorum ad recognitiones Clementinas*, Migne P.G., t. I, col. 1465.

²⁵ H. GRÉGOIRE, *Ἡ βυζαντινὴ ἐποποιὰ στὴν ἱστορία καὶ στὴ ποίηση*, New York, 1942, σελ. 204-212 (στίχοι 61, 76, 95, 143, 154, 161).

²⁶ *Le Livre des hérésies*, éd. Miaban, Ararat, 1892, n° 2, p. 112.

teur du Christ, qu'un adorateur du Soleil est un chrétien et Grégoire Magistros montre de façon parfaitement juste que les Arewordi « s'appellent eux-mêmes chrétiens ». Notre opinion est confirmée aussi par d'autres faits. D'après Nersès le Gracieux, ce que les Arewordi révéraient le plus, c'était le peuplier, mais ils considéraient que la croix du Christ avait été faite de peuplier, par suite ils révéraient le bois de la croix du Christ, ce qui veut dire qu'ils étaient chrétiens.

Malheureusement les maigres données fournies par les historiens arméniens ne nous permettent pas de connaître les détails de leur doctrine et de leur histoire. Sous ce rapport, il est difficile de dire quoi que ce soit de la secte des « Šamsiya » qui existait encore au XVIIIe et au XIXe siècle en Mésopotamie²⁷, et que l'on considère comme pouvant représenter des survivants des Arewordi²⁸. Cependant, les données des sources arméniennes sont en nombre suffisant pour que le mouvement des « Fils du Soleil » fixe nettement sur lui l'attention, non seulement des érudits arméniens, mais aussi des iranisans et syriacisants, car les sources syriaques et autres peuvent vraisemblablement jeter quelque lumière sur cette hérésie, et il est à souhaiter que les syriacisants et les iranisans se tournent vers leurs sources en partant précisément de ce point de vue.

Nous donnons ci-après la traduction du texte complet de l'Épître du catholicos arménien Nersès, qui est la source arménienne la plus importante pour l'étude de l'histoire du mouvement des Arewordi. Il existe une traduction latine de cette Épître par Cappelletti²⁹. F. Conybeare a reproduit sous une forme abrégée la traduction de Cappelletti³⁰. Il existe aussi, en traduction russe, une série d'autres Épîtres de Nersès, qui sont très précieuses pour l'histoire des relations de Byzance avec le royaume d'Arménie cilicienne dans la seconde moitié du XIIe siècle³¹.

²⁷ D. CHWOLSOHN, *Die SSabier und der SSabismus*, St. Pétersbourg, 1856.

²⁸ VANTZIAN, « Deux mots sur les Arewordi », p. 42-44.

²⁹ *Nersesis Clajensis armeniorum Catholici Opera, nunc primum ex armenio in latinum conversa notisque illustrata studio et labore D. Josephi Cappelletti*, vol. I, Venetiis, 1833, epistola XX, p. 269-273.

³⁰ F. CONYBEARE, *The Key of Truth*, p. 158-159, appendix V.

³¹ Voir *Documents historiques du dogme de l'Église arménienne se rapportant au XIIe siècle*. Traduction de l'arménien par Alexandre Khudobachev, St. Pétersbourg, 1847.

ÉPITRE DE MGR. NERSÈS, CATHOLICOS (ARMÉNIEN),
ADRESSÉE A LA VILLE DE SAMOSATE,
ET RELATIVE A LA CONVERSION DES AREWORDI ³²

Nous, Nersès, esclave de Dieu et par Sa bienveillance, catholicos des Arméniens, à vous, nobles prêtres de la ville de Samosate, à Toi chorévêque Thoros et à tes prêtres assistants, et à vous, pieux laïques, à toi Gaza[vo]n et à tous les chefs de famille de nos fils spirituels, nous envoyons nos salutations, pleines d'affection, et nos bénédictions, de la part de mon saint signe de la Croix qui a reçu Dieu, de la dextre du saint Illuminateur, et de mon Siège, que le Seigneur veuille conserver toujours vivant en corps et en esprit.

Sachez que, depuis longtemps, nous avons reçu votre lettre relative aux Arewordi qui vivent dans votre ville et à leur désir et leur demande d'être accueillis parmi les ouailles du Christ, car, étant par la naissance et par la langue de la race des Arméniens, il aspirent à être unis à eux de foi et d'âme. A nous aussi se sont présentés des gens venant de parmi eux, qui nous ont demandé la même chose. Nous leur avons fait connaître ce que nous avons lu dans un écrit relativement à leur satanique hérésie, ce que la rumeur publique nous avait appris des diverses idées et actions pernicieuses de leurs partisans. Car, de même que, dans le peuple des Romains [c'est-à-dire des Byzantins] les [hérétiques] appelés Bogomiles sont restés privés de la lumière de l'évangile et de la gloire du Christ, et, conservant secrètement dans leurs cœurs l'hérésie de Satan, n'ont pas obéi à la prédication des apôtres, de même dans notre peuple les Arewordi, restant dans les ténèbres du domaine de Satan, n'ont pas voulu être éclairés de la lumière divine par la main de notre Illuminateur Saint Grégoire, et, ayant préféré, non la lumière, mais les ténèbres, y restent encore aujourd'hui. Et puisque, en nos temps privés du bien, Dieu leur a pardonné et a ouvert les yeux enténébrés de leurs âmes, et que, s'étant éloignés de Satan, ils se sont tournés vers Dieu non pas par feinte, mais en sincérité, nous devons remercier Dieu pour sa bonté. Pareillement, des gens, étant venus à nous et ayant fait un grand serment, ont adjuré cette mauvaise hérésie, ont maudit de leur propre bouche

³² Traduction faite d'après l'édition des *Encycliques de Saint Nersès le Gracieux*, Jérusalem, 1871, p. 223-229 (en arm. anc.).

ceux qui cachent en eux-mêmes un pareil athéisme. Ils se sont engagés à satisfaire à toutes les exigences que nous avons exposées devant eux. A leur égard, nous, par cela même, nous accomplissons la volonté du Seigneur ³³ : « Je ne repousserai pas celui qui vient à moi », car Dieu « veut que tous soient sauvés et atteignent à la connaissance de la vérité » ³⁴, conformément à ce qu'a dit l'Apôtre [Paul]. S'ils se tournent vers Dieu sincèrement, le salut des âmes de tant de gens sera une joie pour Dieu et pour les anges du Ciel et pour nous qui sommes sur la terre. Mais si leur conversion est mensongère, comme le pensent beaucoup à leur sujet, et s'ils retournent à leur vomissement ³⁵, de cela nous n'éprouverons aucun dommage, car, selon la volonté du Christ, nous souhaitons et nous efforçons de les prendre — si possible, tous les peuples aussi — dans les filets de Son évangile, de choisir et de rassembler tout ce qui est bon dans un bon vase, et de rejeter tout ce qui est mauvais, conformément aux paroles de la parole de l'évangile ³⁶ : c'est le fait du juge équitable, quand Il siègera sur le trône de Sa gloire et donnera à chacun selon sa foi et ses œuvres.

Ainsi, selon la volonté de Dieu, nous avons considéré comme opportun de procéder avec eux de la manière suivante : Que tous les prêtres avec nos disciples vénérables viennent dans la grande église qui est dans votre ville, et qu'ils réunissent tous ceux qui sont appelés Arewordi, hommes, femmes et enfants, aux portes de l'église. Tout d'abord, ils leur demanderont : « Voulez-vous de tout votre cœur, de toute votre raison et de toute votre âme rejeter l'ancienne erreur de vos pères et accéder à la véritable connaissance de notre christianisme ? ». Quand ils auront accepté cette proposition et qu'ils auront dit : « C'est de notre plein gré et à l'appel du cœur que nous renonçons à l'erreur satanique de nos pères et que nous nous tournons vers le Christ » alors demandez-leur à nouveau trois fois, comme au baptême des enfants : « Renoncez-vous à Satan et à tous ses desseins, ses paroles et ses œuvres ? ». Et quand ils auront accepté cela et dit : « Nous y renonçons », alors faites-leur tourner leur visage vers l'Occident et dites : « Crachez trois fois au visage de Satan, injuriez-le et traitez-le d'infâme, de menteur et de sans foi ni loi ». Quand ils auront fait cela, apprenez leur à ne pas considérer le soleil comme quelque chose d'autre

³³ Jean, VI, 37.

³⁴ 1re Timothée, II, 4.

³⁵ Livre des Proverbes, XXVI, 11 ; 2e Épître catholique de Pierre, II, 22.

³⁶ Mathieu, XIII, 48.

qu'un flambeau éclairant le monde, créé par Dieu Créateur et établi par Lui au-dessus des nuages, comme la lune et les étoiles, pour éclairer la terre. Apprenez-leur aussi à ne pas révéler le peuplier plus que le saule, le hêtre ou les autres arbres, à ne pas considérer le bois de la croix du Christ comme fait de peuplier, dites-leur que cela est un mensonge et une duperie de Satan, qui les a induits en erreur et les a détournés de Dieu. Car cet arbre, appelé peuplier, était pour eux un objet de culte à l'époque de l'adoration des idoles, et en lui s'étaient installés des démons, et ils recevaient des hommes l'adoration. Et bien que, par la grâce de Dieu, cette erreur ait été extirpée au sein des autres peuples habitant sur la terre, Satan l'avait enfermée parmi vous et conservée comme le levain du mal, et, si vous désirez accéder à la vérité du Christ, alors arrachez de vous cette mauvaise coutume. Non seulement ne révèrez pas le peuplier plus que les autres arbres, mais considérez-le comme inférieur aux autres arbres, car, de cette façon, Satan sera humilié. Si quelqu'un de vous connaît d'autres superstitions démoniaques professées par eux, parlez-leur aussi de ce sujet et dites-leur qu'ils renoncent à ces superstitions et les rejettent.

Ensuite, faites-leur tourner le visage vers l'Orient et demandez-leur : « Croyez-vous à la Très-Sainte Trinité, — le Père, le Fils et le Saint-Esprit —, qui est trois personnes et un seul Dieu, une seule nature et une seule force, un seul pouvoir et un seul principe créateur, duquel par Son Verbe sont sorties du néant toutes les créatures visibles et invisibles, le ciel et la terre et tout ce qui est dans les cieux et sur la terre, les anges et les êtres raisonnables, le soleil, la lune et les étoiles, flambeaux du monde, les créatures de la terre, du ciel et des eaux, toutes les herbes et tous les arbres, tout ce qui est immobile et tout ce qui se meut, et il n'y a aucune créature existante, corporelle ou incorporelle, qui n'ait été créée par le vrai Dieu. Croyez-vous en l'incarnation du Christ, l'une des trois personnes, le Fils de Dieu, qui, par la bienveillance du Père et du Saint-Esprit a désiré devenir le Fils de l'homme, né de la Vierge Marie, éternellement vierge, pour le salut du genre humain, qui a reçu le baptême de Jean dans le Jourdain, qui a été attesté par le Père et le Fils, qui a été tenté par Satan et a triomphé de la tentation; [croyez-vous] qu'Il a chassé les démons et qu'Il a guéri des maladies du corps et de l'âme celui qui le Lui a demandé avec foi. [Croyez-vous] qu'Il a donné la lumière aux aveugles, qu'Il a guéri les boiteux, qu'Il a ressuscité les morts, qu'Il a marché sur la mer comme sur la terre ferme, qu'Il

a dompté comme le Créateur le vent et la mer et qu'ils se sont calmés, qu'Il a rassasié une foule de gens au moyen de quelques pains? [Croyez-vous] que, après avoir accompli une quantité de miracles et signes divins, Il a assumé volontairement de subir les douleurs salvatrices de la Passion, qu'Il a supportées dans notre nature [humaine], qu'Il a été mis en croix et qu'Il a racheté par cela les péchés d'Adam et de sa descendance? [Croyez-vous] qu'Il est mort corporellement et qu'Il a donné vie aux hommes par l'âme, qu'Il est descendu au tombeau et qu'Il a sauvé les âmes qui étaient dans l'Enfer? Qu'Il est ressuscité d'entre les morts le troisième jour et a donné aux hommes l'espérance de la résurrection, à son image, lors de sa seconde apparition [Jugement dernier]? Qu'Il a été, en présence de ses disciples et dans notre corps [humain] élevé au ciel et qu'Il est assis à la droite de Son Père au plus haut des cieux? Qu'Il viendra à nouveau pour prononcer un jugement équitable sur toutes les races humaines, récompensant en bien les hommes qui ont fait de bonnes actions et ont vécu dans la vraie foi chrétienne, et préparant pour les infidèles et les pécheurs impénitents des tourments éternels dans les mains de Satan et de ses diables? [Croyez-vous] que, avec Ses saints et Ses justes, il régnera éternellement dans les siècles des siècles?

Et après qu'ils auront accepté et qu'ils se seront mis à confesser la vraie foi chrétienne, que nous avons exposée, rassemblez-les dans l'église. A celui d'entre eux qui n'a pas été baptisé, enseignez les mystères de la foi; confessez les adultes, imposez-leur pour un court espace de temps une pénitence et au bout de quelque temps, baptisez-les. Pour ceux qui sont mineurs et pour les enfants baptisez-les immédiatement. Quant à ceux qui ont été baptisés antérieurement, amenez-les seulement à la confession et, après leur avoir imposé une pénitence, oignez leur corps et leurs organes des sens avec le Saint-Chrême en disant : « Au nom du Père et du Fils et du Saint-Esprit » et ensuite accueillez-les dans le troupeau du Christ. Et, comme l'a ordonné le Christ à ses disciples, après le baptême des disciples païens, [disant] : « Apprenez-leur à observer tout ce que je vous ai prescrit »³⁷, faites la même chose vous aussi à leur égard, en leur commandant de renoncer au meurtre, à l'adultère, à la perfidie à l'égard des amis, à l'ivrognerie et à tous les actes mauvais de Satan, ce que Dieu hait, et, au contraire, [apprenez-leur] à pratiquer l'amour de leur prochain, la vertu,

³⁷ *Mathieu*, xxviii, 20.

et non seulement à ne pas voler le bien des autres, mais à donner à ceux qui ont besoin leur propre bien acquis par un [travail] honnête, conformément au précepte du Christ, et à ne pas suivre l'exemple de quelques-uns des anciens chrétiens, qui sans crainte commettent des actions contraires aux lois de Dieu. Si même ils voient parmi les prêtres quelqu'un qui soit de conduite déréglée et dépourvu de crainte, qu'ils ne soient pas tentés par la vilénie de quelques-uns [dans leur attitude] à l'égard des véritables lois des Chrétiens, et qu'ils tournent leurs regards vers les bons et les élus, que pour eux-mêmes ils reçoivent d'eux le bon exemple, car, aux mauvais, ce n'est pas la loi de Dieu qui leur commande d'être mauvais, mais leur paresse et leur déraison. C'est lui, Satan, qui est l'ennemi du bien, qui leur propose pour perdre leurs âmes de transgresser les lois de Dieu.

De la même façon, prescrivez aux femmes de s'éloigner davantage de la sorcellerie, de la magie et des tous les charmes diaboliques, car tous ceux qui s'occupent de sorcellerie, ceux-là sont les serviteurs des Démons et leurs adorateurs. Car ceux qui font de la sorcellerie et ceux qui s'adressent à un sorcier, ceux-là ne sont pas dignes de la communion, ni des funérailles chrétiennes. De même façon, [apprenez-leur] que si quelqu'un, par amour diabolique, mêle à la nourriture ou à la boisson quelque saleté ou quelque ordure, et donne cela à un chrétien, alors il se retranche de Dieu, il se prive de la Sainte Communion et il mérite une véritable haine, c'est pourquoi, mettez-les en garde contre la préparation de tous talismans de ce genre.

Outre ce que j'ai dit, que ce dont nous parlons [ci-dessous,] brièvement et en passant, soit une loi générale pour eux. Que deux ou trois fois ou davantage dans l'année, ils confessent leurs péchés aux prêtres, qu'ils acceptent la pénitence que le prêtre leur imposera pour [les purifier] de leurs péchés : c'est l'observance des jeûnes, les prières, et la distribution d'aumônes, grâce à quoi ils mériteront de Dieu la rémission des péchés qu'ils ont avoués. Que, à toutes les heures [réglementaires] de prières, ils aillent avec les autres chrétiens à l'oratoire auprès des prêtres, qu'ils se prosternent devant Dieu, créateur de l'univers et qu'ils prient devant Lui, qu'ils Lui demandent la rémission des péchés, [afin] d'obtenir le royaume des cieux, d'être sauvés des tourments de la géhenne, de conserver leur âme et leur corps dans cette vie purs et à l'abri de tous les pièges de Satan, de tous les dangers et de toutes les tentations. Qu'ils observent pieusement tous les jeûnes réglementaires qui sont observés par les autres

chrétiens dans le monde entier, et qu'ils s'abstiennent de nourriture grasse et de boissons enivrantes. Apprenez-leur aussi ce qui suit : à obéir et à se soumettre à la voix de l'Évangile et aux autres paroles des Écritures inspirées par Dieu. Vous, prêtres savants, expliquez leur selon vos possibilités les paroles cachées des Écritures. Accueillez leurs enfants pour l'enseignement des Saintes Écritures. Nous le leur avons demandé quand ils sont venus à nous et ils ont promis volontiers de donner [leurs enfants], afin que, peut-être, leurs enfants soient dignes de devenir des prêtres, pareillement à ce qui est arrivé quand Saint Grégoire a enseigné les enfants des sacrificateurs païens et les a ordonnés prêtres et évêques ³⁸.

A vous qui vous efforcez de les instruire, Dieu vous rendra cela au centuple comme il a dit par la bouche du prophète : « Si tu sépares ce qui est précieux de ce qui est vil, tu seras comme Ma bouche » ³⁹.

En achèvement de tout cela, qu'ils changent le nom Arewordi qu'ils ont reçu de leurs ancêtres et qu'ils soient à l'avenir appelés du grand et merveilleux nom du Christ, chrétiens, nom que se sont donné les saints apôtres croyants dans le Christ, dans la grande Antioche. Et nous demanderons à Dieu dans nos prières qu'Il les affermisse sur la pierre de la foi, afin que la Porte de l'Enfer, — Satan et ceux qui lui complaisent —, ne puissent les repousser hors de la vraie foi et des lois de Notre Seigneur Jésus-Christ. Gloire et puissance à Lui ainsi qu'au Père et au Saint-Esprit pour les siècles des siècles. Amen.

Quand, par la grâce de Dieu, ils se seront joints au troupeau du Christ selon les règles que nous avons mentionnées plus haut, qu'ils deviennent un lot [réserve] des prêtres sages, savants et pleins de la crainte de Dieu, afin que ces derniers soient en mesure de les instruire de façon constante et de leur enseigner les Écritures inspirées par Dieu. Il ne faut pas les induire en tentation en exigeant qu'ils apportent des offrandes dans les églises pour le baptême, la confession, la communion, l'enterrement ou quelque chose d'autre, mais contentez-vous de ce qu'ils donneront de leur plein gré. Que les exhortations que vous leur adresserez ne soient pas sévères, mais amicales, afin que, pour votre douceur, vous receviez une récompense de Dieu et non le châti-

³⁸ Cf. AGATHANGE, *Histoire d'Arménie*, Tiflis, 1909, ch. 121, § 845, p. 441-442 (en arm. anc.). Voir le texte grec, *Agathangelus und die Akten Gregors von Armenien*, neu hrsg. von P. DE LAGARDE, 1887, p. 116.

³⁹ *Livre de Jérémie*, xv, 19.

ment que méritent ceux qui scandalisent, au cou desquels on suspendra une meule de moulin et qu'on jettera dans la mer ⁴⁰.

Erévan.

Hratch BARTIKIAN.

Traduit par M. Canard de l'article en russe publié dans *Le Proche Orient Hellénistique. Byzance et l'Iran. Histoire et philologie*. (Recueil en l'honneur de Mme N. V. Pigulevskaja, membre correspondant de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S., à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire. Moscou, 1967), p. 102-112.

⁴⁰ *Mathieu*, XVIII, 6.

L'ÉNOIKION À BYZANCE
ET DANS LA CAPITALE DES BAGRATIDES,
ANI, À L'ÉPOQUE DE LA DOMINATION BYZANTINE
(1045-1064)*

L'histoire des villes et de la vie urbaine à Byzance a été assez bien étudiée par les savants soviétiques et étrangers. On a déjà une série de monographies et d'articles particuliers qui éclairent l'un ou l'autre côté du problème¹. Parmi les questions qui ont besoin d'éclaircissements complémentaires est celle de l'*énoikion* (ἐνοίκιον), sur laquelle on ne possède pas de très nombreux renseignements. Pour l'étude de cette question reste principalement le *Livre de l'Éparque* (ou du Préfet). Mais les données qui y sont contenues sont loin d'être suffisantes pour nous fournir une idée plus ou moins claire de l'*énoikion* dans les villes byzantines et en particulier à Constantinople. Nous avons étudié les matériaux arméniens, qui sont restés entièrement inexplorés par les historiens, de ce point de vue, et qui donnent la possibilité de se faire une idée plus claire de l'*énoikion* byzantin.

L'*énoikion* jusqu'à présent a été considéré comme un loyer que les commerçants et artisans des villes payaient aux possesseurs des « immeubles » utilisés en qualité de magasins et d'ateliers. Il va sans dire que ces « immeubles » ont pu appartenir soit à des particuliers, soit à l'État, qui en recevait le loyer.

« Les immeubles constantinopolitains, écrit M.J. Sjuzumov, dans le centre et dans les quartiers commerçants ont été construits en vue de donner à bail les étages inférieurs; habituellement ceux-ci étaient loués par de petits commerçants et artisans, qui rarement possédaient des ateliers et des boutiques dans leur propre maison. Pour le plus grand nombre ils étaient obligés de prendre à loyer des emplacements

* Les mots entre crochets [] sont des additions du traducteur.

¹ Voir la bibliographie dans les ouvrages suivants : A.P. KAŽDAN, *Le village et la ville à Byzance aux IXe-Xe siècles*, Moscou, 1960, Introduction. — *Le Livre de l'Éparque*, Article d'introduction, traduction et commentaire par M.J. SJUZJUMOV, Moscou, 1962. [Le Livre du Préfet ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople, trad. fr. et commentaire par J. Nicole, Genève, 1894.]

dans des maisons particulières ou des bâtiments appartenant à l'État².

Dans le Livre de l'Éparque il est question huit fois de *l'énoikion* : IV § 9, VI § 5, IX § 4, X § 3, XI § 7, XIII § 6, XVIII § 1, XIX § 2.

Dans six cas il est mentionné en rapport avec l'interdiction d'élever ouvertement ou frauduleusement (le taux de) *l'énoikion*, c.-à-d. du loyer. Dans un cas (VI, § 5), il est parlé du fait que des commerçants étrangers en soie grège sont tenus de payer seulement *l'énoikion* et la taxe de séjour. Et finalement, en un autre cas (XVIII § 1), il est dit que les boulangers « sont tenus de compter (leur) bénéfice (au taux de) 1 kération et deux miliarésia sur un nomisme »; dont une partie va à *l'énoikion*, le loyer.

Dans tous les exemples ci-dessus mentionnés le mot *énoikion* a le sens de loyer, payé par un artisan (ou par une corporation d'artisans) et par un commerçant au propriétaire d'un immeuble, qui est une personne privée. Dans un seul cas (VI § 5) le propriétaire de l'immeuble, selon toute vraisemblance est l'État.

Mais pouvons-nous considérer *l'énoikion* seulement comme un loyer payé pour un local? En quoi consistent les réformes de Romain I Lécapène sur la dispense du paiement de *l'énoikion*? Cedrénus à ce propos écrit : « ... ὁ βασιλεὺς Ρωμανός... ἀπέτισε... καὶ τὰ χρέα τῆς πόλεως ἀπὸ τε πλουσίων καὶ πενήτων, δεδωκώς, ὡς φασι, κεντηνάρια δέκα ἑννέα, τὰ δὲ γραμματεῖα κατακαύσας ἐν τῷ κατὰ τὴν Χαλκῆν πορφυρῷ ὀμφαλίῳ. δέδωκε δὲ καὶ τὰ ἐνοίκια τῆς πόλεως ἀπὸ τοῦ ὑψηλοτάτου καὶ μέχρι τοῦ ἐσχάτου »³. (L'empereur Romain... acquitta... aussi les dettes des citoyens (de la ville), riches et pauvres, ayant donné, à ce qu'on dit, dix-neuf kenténaria, et ayant fait brûler les documents (relatif aux dettes conservés) dans la Chalcé, sur l'omphalion de porphyre. Il affranchit aussi (les citoyens de) la ville du paiement des *énoikia*, du plus haut jusqu'au plus bas ».

Il est aussi question de cela dans le Continuateur de Théophane où est donnée la date de la réforme, la 22e année de règne de Romain Lécapène (941)⁴.

L'empereur sans aucun doute avait parfaitement le droit de ne pas percevoir le loyer sur ceux qui avaient loué un immeuble apparte-

² *Le Livre de l'Éparque*, p. 153.

³ *Cedrenus*, t. II, ed. Bonnæ, p. 318-319.

⁴ *Theoph. Cont.*, ed. Bonnæ, p. 430.

nant à l'État. Mais il est difficile qu'il ait pu priver des propriétaires particuliers du droit à un loyer pour des locaux leur appartenant. Pourquoi un propriétaire aurait-il dû fournir gratuitement son immeuble à des commerçants ou des artisans? Cette question a attiré l'attention des chercheurs. M.J. Sjuzumov a écrit : « On ne voit pas clairement à qui cela se rapporte, s'il s'agit seulement de ceux qui ont pris à bail, dans l'année, un local dans des édifices de l'État, ou des personnes qui ont loué des immeubles particuliers. Si l'on doit prendre en considération le fait que Romain I, d'après les renseignements des auteurs, a libéré de leurs dettes tous (les citoyens) riches et pauvres, alors il est logique de considérer que l'ordonnance s'étendait à *l'énoikion* aussi bien des locaux publics que des locaux privés »⁵.

Une telle position de la question n'est pas convaincante, car la réforme concernait non le loyer que les commerçants et les artisans payaient aux propriétaires d'immeubles, mais un impôt payé à l'État par les commerçants et les artisans. Cette réforme n'a absolument pas lésé les intérêts de l'aristocratie, comme le suppose M. Sjuzumov. De tout ce qui vient d'être dit, il s'ensuit que *l'énoikion* de Cedrénus et du Continuateur de Théophane, ne correspond pas au contenu de *l'énoikion* du Livre de l'Éparque.

Ceci est confirmé par les sources arméniennes. En 1045, après une série de tentatives infructueuses, au moyen de fourberie et de ruse, Byzance réussit à s'emparer de la capitale des Bagratides arméniens, la ville d'Ani. Le royaume des Bagratides disparut. L'Arménie devint une des nombreuses provinces de l'empire byzantin. A Ani s'installa un gouverneur byzantin, un catépan, qui devait à l'avenir gouverner le pays.

Dans la période indiquée, Ani fut une des villes les plus riches et les plus développées, le centre d'un commerce international actif. Les métiers atteignirent là un très haut niveau⁶. De cela témoignent les sources non seulement arméniennes, mais aussi byzantines. Michel

⁵ *Le Livre de l'Éparque*, p. 154.

⁶ Voir J. A. MANANDIAN, *The trade and cities of Armenia in relations to ancient world trade*, trad. N. GARSOÏAN, Lisbonne, 1965, de la seconde édition de l'original [O torgovle i gorodax Armenii v svjazi s mirovoj torgovlej drevnix vremen, Erevan, 1954.]; B.N. ARAKELIAN, *Les villes et les métiers d'Arménie aux IXe-XIIIe siècles*, t. I, II, Erévan, 1958-1964 (en arménien).

Attaliatès, par ex., écrit que la ville d'Ani était une merveille (*θαυμασία πόλις*) et que toute la population s'occupait de commerce (*ἔμποροι*)⁷.

En Arménie un local occupé par un commerçant était appelé « *kulpak* », (magasin, boutique, échoppe). Ce mot se rencontre fréquemment dans les inscriptions lapidaires, particulièrement dans les inscriptions mêmes de la ville d'Ani. Cependant il est très étrange que nulle part on ne rencontre le mot « atelier ». Et ceci à une époque où le matériel archéologique et les sources narratives soulignent le fait d'un artisanat développé à Ani. Mais dans les inscriptions lapidaires se rencontre très souvent, à côté du mot *kulpak*, le mot *tun* (maison, en grec *οἶκος*), mot par lequel on entend sans doute un atelier. Parmi les milliers d'inscriptions lapidaires, rassemblées sur le territoire de l'Arménie historique, une partie importante est constituée par des inscriptions ayant un contenu de donation. A l'époque où dans les inscriptions d'Ani et de sa région, des *kulpak* et « des maisons », offerts en don à des églises et monastères, se rencontrent souvent, ils sont presque absents dans les inscriptions d'autres districts d'Arménie. Là comme location apparaissent principalement des terres, des vignes, de l'eau, des moulins, des animaux, des livres, de l'argent, des forêts et autres biens.

Dans le Corpus des inscriptions arméniennes de Kostaniantz⁸, réunies dans les différentes régions de l'Arménie; le mot *kulpak* est mentionné dans 21 inscriptions, dont 18 se rapportent à Ani et à ses environs (inscriptions des Xe-XIIIe s.). Dans les inscriptions de la même période sont mentionnées 33 fois des « maisons », principalement à Ani et ses environs et partiellement aussi dans d'autres villes. Il est frappant que les « maisons » mentionnées dans les inscriptions d'autres localités, sont non des ateliers mais des habitations ordinaires à la différence des « maisons » d'Ani et de ses alentours.

Dans 163 inscriptions non datées, rassemblées par Kostaniantz, « maison » est mentionné 11 fois, dont 10 se rapportent à Ani et à ses

⁷ *Michaelis Attaliothae Historia*, Bonnae, 1853, p. 80-81.

⁸ Voir « Les Annales sur pierres » (*Letopis' na kamnjax*), *Recueil et index des inscriptions arméniennes*, établi par K. KOSTANIANZ, St Pét., 1913. Il va sans dire que le Corpus de Kostaniantz est loin d'être complet, mais jusqu'ici il est le seul Corpus d'inscriptions de toutes les régions d'Arménie. Malgré son insuffisance, il donne un tableau complet des choses. L'Institut d'Archéologie et d'Ethnologie de l'Académie des Sciences de la R.S.S. d'Arménie a entrepris l'édition d'un Corpus des inscriptions en plusieurs tomes dont trois ont déjà paru. [Voir CR., t. IV et V de la REArm.]

environs. Dans la 11ème inscription le mot « maison » est employé au sens de famille. Dans ces 163 inscriptions, *kulpak* est mentionné quatre fois, et dans trois inscriptions ces mentions se rapportent à Ani.

Chronologiquement, *kulpak*, dans les inscriptions d'Ani se rencontre au Xe siècle, la dernière fois il est mentionné dans une inscription de 1042. Il apparaît de nouveau dans les inscriptions d'Ani au commencement du XIIIe siècle. Il est curieux que le même fait se répète avec *tun*. Du milieu du XIe à la fin du XIIe siècle nous ne rencontrons plus le mot *tun*. Il apparaît au commencement du XIIIe siècle.

Et finalement, nous citerons un fait, mais cette fois tiré des sources narratives. Dans le « Code » de Mxit'ar Goš, composé en 1184, il est dit : « Soynpēs ew ayžm lic'i. zi arcat'agin andastan ew aygestan ew burastan mi lic'i ənd harkaw hngeki, nmanapēs ew jrafac' ew tun ew xanut'. Ayl t'ē bnakič'k'n ənd aruesti ew kam ənd vačari harkic'in, zi oč' ē hark glxoy k'ristonēic', bayo' aylazgeac' yoržam bini ənd harkaw arasc'en ».

« Que maintenant, il soit (fait) de telle sorte que les champs jardins, parterres floraux (jardins fleuristes) d'achat, de même que les moulins, les maisons et les boutiques, ne soient pas soumis à l'impôt du 5ème. Que les habitants soient soumis (à l'impôt) pour leur métier et leur commerce, car la taxe de capitation n'existe pas pour des Chrétiens, mais seulement pour des Infidèles, quand ils ont été réduits à la soumission par la force »⁹. Comme nous le voyons, en face des mots « maisons et boutiques » se trouvent « métier et commerces », et si commerce est lié avec boutique, alors « maison » se rapporte à « métier ».

Les Byzantins s'étant emparés de l'Arménie, sans aucun doute, ont commencé par soumettre la population locale à des impôts. A Ani des impôts ont du être payés principalement par les commerçants et les artisans, étant donné que la ville était un centre commercial et industriel. Le savant arabe Marwazi, qui vivait aux confins du XIe et du XIIe siècle a écrit qu'à Byzance la plus grande partie des revenus de l'État était constituée par des impôts levés sur les commerçants¹¹.

⁹ Mxit'AR GOŠ, *Code Arménien* (Mxit'aray Goši Datastanagirk' Hayoc'), Vagharchapat, 1880, p. 341.

¹⁰ *Le Code Arménien* de Mxit'AR GOŠ, trad. de l'arm. par A.A. PAPOVIAN, introduction et notes de B.M. ARUT'YUNIAN (exactement Harut'yunian) Erévan, 1947, p. 147.

¹¹ V. MINORSKY, *Marwazi on the Byzantines. Mélanges H. Grégoire*, t. II, 1950, p. 462.

De l'époque de la domination byzantine à Ani ont été conservées deux inscriptions lapidaires, gravées sur le mur de la Cathédrale. La première, datée par V.N. Beneševič de 1055-1056 appartient au fameux magistros Aaron. Il y est dit :

« Kamawk' ew olormut'eamb barerarin Ay. es Arawns magistross mecareal i mecap'ar t'agaworut'eanc'n i geł zardu ew i tis mangut'ean imo eki yArewels i gelec'kašen berds yAni, barjrac'uc'i bawandak zparisp sorin karkarakoyt arjanawk' ew hastaheloys amrut'eamb; ew i yimoc' mecacax ganjuc' aci janiw ĵur yordabux i meĵ amroc'is yuraxut'iwn ew i zovac'umn caraweac' : Beri oski mataneaw gir azatut'ean zink'nakal ciranecin t'aguhoyñ vasn paxtic' tanc' k'alak'is ew t'astakin zor tain am yamē' č'ap' ut'ic' lterc' ayl ew i xndro išxanaworac's xap'anec'i ew zgiwt erkuc' lterc' zor tayr mut'asibn. Zays amen... »¹².

« Par la volonté et la grâce du Dieu créateur. Moi, magistros Aaron, élevé (à cette dignité) par les glorieux règnes, dans la fleur de la beauté et dans les années de ma jeunesse, je suis arrivé en Orient dans cette forteresse admirablement construite d'Ani, j'ai rehaussé tous ses murs, après l'avoir consolidée par des tours (faites) de tas de pierres sur une base solide profondément assise. Et par mes propres moyens en grande quantité et avec difficulté, j'ai amené une eau abondante à l'intérieur de cette forteresse pour la joie et le rafraîchissement, de ceux qui avaient soif. J'ai apporté, munie d'un sceau d'or une lettre de franchise de l'Impératrice Autocrate Porphyrogénète concernant les impôts sur les maisons de cette ville et les *t'astak* (impôts) qu'ils donnaient chaque année au chiffre de huit *litrai*; et de même, à la demande des (gens) dépendants¹³, j'ai supprimé aussi le paiement de deux *litrai* de *giwt* que versait le muhtasib. C'est tout »¹⁴.

Dans l'inscription ci-dessus mentionnée, pour nous est importante la mention « de l'impôt sur les maisons » et du *t'astak*. Sans nous arrêter sur la lecture et l'interprétation fautives de ce passage de l'in-

¹² Inscription du Magistros Aaron (*Corpus des inscriptions arméniennes*. Fasc. I : *La Ville d'Ani*. Établi par I.A. ORBELI, Erevan, 1966, p. 38).

¹³ Dans l'inscription, *išxanawor*, qui peut désigner « celui que est dépendant » et aussi « le maître, le seigneur », a été compris par Beneševič dans le premier sens. Il nous semble plus convenable d'adopter le second.

¹⁴ Trad. V.N. BENEŠEVİČ, *Trois inscriptions d'Ani de l'époque de la domination byzantine*, St. Pétersbourg, 1921, p. 24 avec des précisions sur le nom des impôts. (en russe).

scription par les chercheurs arméniens, qui ont interprété le mot « maison » dans le sens propre du mot et ont considéré les huit *litrai* comme un impôt en nature, payé par chaque maison de la ville d'Ani¹⁵, nous remarquerons qu'il s'agit là, sans aucun doute d'un impôt payé au gouvernement par les propriétaires d'ateliers et les commerçants. En ce qui concerne les huit *litrai*, ce sont huit *litrai* d'or ou 576 nomismes, somme totale de l'impôt¹⁶ qui chaque année était perçu sur les propriétaires de « maisons » et boutiques de la ville d'Ani.

« Les impôts sur les maisons » (dans l'inscription *paxt tanc' « paxt »* sur les maisons) sans aucun doute, est l'équivalent de l'énoikion byzantin (mot dans lequel il n'est pas difficile de remarquer le mot *oikos*, maison).

Ainsi, à Ani, l'énoikion était un impôt d'État, que seul le gouvernement pouvait supprimer. En 1055-1056, Byzance renonça à cet impôt et ce renoncement fut légalisé par un chrysobulle de l'impératrice Theodora.

Maintenant il n'est pas difficile de comprendre le sens de la réforme de Romain I Lécapène. L'énoikion dans *le Livre de l'Éparque* et dans l'ordonnance de Romain I ne sont pas une seule et même chose. Si, dans *le Livre de l'Éparque* c'est un loyer pour des ateliers et boutiques appartenant à des personnes privées ou à l'État, dans l'ordonnance de Romain l'énoikion est un impôt, le même que le « *paxt* » sur les maisons payé par les artisans et les commerçants au gouvernement, mais pas du tout un loyer payé au propriétaire d'une maison. Il en résulte que la même personne payait l'énoikion (loyer) au propriétaire de la maison et un *énoikion* au gouvernement sous forme d'impôt sur le revenu¹⁷. Il est maintenant clair que Romain a pu renoncer à cet

¹⁵ Voir des détails à ce sujet dans notre article « Sur les impôts mentionnés dans l'inscription du Magistros Aaron (1055-1056) », *Revue historique et philologique de l'Ac. des Sciences de la R.S.S. d'Arménie*, 1959, n° 4 (en arm.).

¹⁶ Il est curieux que, dans l'inscription, le mot impôt soit exprimé par le terme *paxt*. C'est le seul cas, dans les sources arméniennes, où l'on rencontre ce terme byzantin (*πάχτρον, πάκτρον*).

¹⁷ A la lumière de tout ce qui vient d'être dit, on peut expliquer au premier coup d'œil, un malentendu. D'après un document édité par Miklosiö et Müller, une tour qui avait été donnée à bail pour servir d'atelier, rapporta au propriétaire un revenu de 200 nomismes par an, mais d'après la *Diataxis* de Michel Attaliatès, pour le loyer d'un atelier de préparation du Saint-Chrême [huile de baume], il fallait payer 14 nomismes par an (voir *Livre de l'Éparque*, p. 153). Quelque grande que soit la différence entre les deux ateliers (et pour l'emplacement dans la capitale et pour la dimension), la différence pour la somme

impôt (comme le fit Théodora en 1055-1056), renoncer à l'impôt le plus élevé comme au plus bas, que payaient les artisans et les commerçants selon les dimensions et l'emplacement de leurs ateliers et boutiques. On comprend que cette ordonnance a dû réjouir tout le monde et non seulement une partie de la population.

Retournons à l'inscription du magistros Aaron. Comme il a déjà été dit, les habitants d'Ani payaient huit litrai d'or non seulement à titre d'impôt sur les maisons, c'est-à-dire sur les ateliers; là-dedans entraient aussi un impôt qui dans les inscriptions est appelé *t'astak*. Dans la littérature de recherche scientifique arménienne le terme *t'astak* n'a pas encore trouvé d'explication définitive. V.N. Beneševič l'a traduit par dîme, mais sans aucun fondement. N.J. Marr a considéré que ce mot provient du persan « dastak », lettre, mais il le traduit par redevances¹⁸.

J. Egiazarov a rattaché aussi ce mot au persan « dastak », entendant par là « un impôt déterminé en faveur du percepteur des impôts »¹⁹. Ceci est inexact, car par l'inscription on voit clairement que cet impôt était payé à l'État et qu'il a été supprimé par un chrysobulle de l'impératrice elle-même. Avec Egiazarov est d'accord J.A. Manandian qui de son côté, ajoute que « *t'astak* » est la même chose que « šariat » ou « paxt » sur les maisons » ou le quart de cet impôt au *muhtasib* (éparque de la ville). Cette idée est erronée car dans l'inscription d'Aaron, « paxt sur les maison » et *t'astak* se rencontrent l'un à côté de l'autre et s'ils représentaient un seul et même concept, leur mention ensemble n'aurait pas de sens²⁰.

Le mot *t'astak* ne se rencontre que dans les inscriptions lapidaires et en tout cinq fois, et seulement au XIe siècle.

1) Dans une inscription des années 1008-1014, sur le mur de l'église de Tekor, il est dit : « Moi, roi Ašot, j'ai aboli toutes les tailles (*hark*) à jamais et le *t'astak* ».

2) Dans une inscription de 1013, gravée sur le mur de l'église de Hořomos, l'higoumène Anania écrit que le roi Gagik et ses fils Smbat,

est démesurément grande. Apparemment, dans le cas des 200 nomismes, il est question d'un loyer, et dans celui des 14 nomismes, il s'agit d'un impôt de l'État.

¹⁸ N.J. MARR, « Nouveaux matériaux d'épigraphie arménienne ». *Bulletin de la Section Orientale de la Société Impériale Archéologique Russe*, t. XIII, 1893, p. 80. (en russe).

¹⁹ S.A. EGIAZAROV, *Recherches relatives à l'histoire du droit arménien*, Kiev, 1919, p. 4.

²⁰ Voir S. HAGOPIAN, *Histoire de la paysannerie arménienne*, livre I, Erévan, 1957, p. 412 (en arménien).

Abas et Ašot ont affranchi l'église du paiement des tailles (*hark*) et du *t'astak*.

3) Dans l'inscription de l'église de Ereruyk, il est dit que la princesse fille du roi Abas, a libéré Ereruyk du paiement du *t'astak*.

4) Dans une inscription de l'église de Alamn de 1041, la reine Xosrovanuš a affranchi Alamn du paiement des tailles (*hark*) et du *t'astak*.

5) Ce même terme est contenu dans l'inscription du magistros Aaron ci-dessus citée.

Comme nous voyons, les cinq inscriptions se rapportent à Ani et à ses environs. Dans tous les cas, l'impôt a été payé à l'État et c'est la cour, dans les quatre premiers cas, du Bagratide, dans le dernier cas, la cour byzantine (puisque le royaume des Bagratides en Arménie avait déjà été supprimé), qui a donné l'ordre d'affranchir l'un ou l'autre des monastères ou des villes du paiement du *t'astak*.

De ces cinq cas, *t'astak* est mentionné une seule fois isolément, dans trois cas avec le mot *hark*, taille, et seulement une fois avec le mot « paxt sur les maisons » (c.à.d. les ateliers). Il est curieux que les trois cas de mention du *t'astak* avec le mot *hark* se rapportent non à la ville même d'Ani, mais à ses environs. C'est seulement dans une seule mention de ce mot qu'il se rapporte à Ani et qu'il apparaît avec *l'énoikion*. Si *hark* se rencontre aussi ultérieurement, *t'astak* est mentionné la dernière fois dans l'inscription du magistros Aaron, c'est-à-dire qu'il a apparu et qu'il a cessé son existence à la même époque que le « paxt sur les maisons ». Cette circonstance aussi nous donne le droit de voir en eux un contenu (très) proche.

Ainsi, si, dans l'inscription d'Aaron le « paxt sur les maisons » est un impôt prélevé sur les propriétaires d'ateliers, alors il n'est pas exclu que le *t'astak* soit un impôt sur les propriétaires de « *kutpak* » -magasins, sur les commerçants. Les deux impôts ensemble à Ani faisaient une somme de huit litrai d'or par an. Autant qu'on sache, c'est l'unique cas dans l'histoire de Byzance, où la somme d'un impôt payé chaque année par la ville, est indiquée de façon précise²¹.

Et ceci est très important, car il devient possible de fixer dans les grands traits, la quantité des points de commerce et d'artisanat à

²¹ Les dix-neuf kentinaria (135.800 nomismes) auxquels a renoncé Romain Lécapène, ont pu être non seulement les impôts d'une seule année, mais aussi les arriérés des années antérieures.

Ani. Comme il a été dit, à Constantinople un atelier de préparation du Saint-Chrême payait au gouvernement 14 nomismes d'impôt par an. Si l'on prend comme base à Ani la moitié de cette somme (peut-être moins), au milieu du XIe siècle, il y avait là environ 100 importants ateliers-magasins, qui étaient soumis à un impôt de l'État. A cette époque, vivaient à Ani de 50 à 60.000 habitants environ, et un tel nombre d'ateliers-magasins ne semble pas éloigné de la vérité.

De l'époque de la domination byzantine à Ani, comme il a été noté, il nous est parvenu encore une deuxième inscription arménienne. Elle a été gravée au nom du catépan d'Orient, Bagarat le Magistros et est datée de 1060²².

Bagarat surnommé Vixkac'i appartenait à la famille connue des Kekaumenos²³. Il avait précédemment servi à Byzance en qualité de duc du Vaspurakan, ce dont témoigne un colophon du moine Théodule²⁴ de 1059. Bagarat est mentionné deux fois dans les sources byzantines, par Skylitzès-Cedrénius et par Michel Attaliatès. Tous deux s'expriment à son sujet d'une manière peu flatteuse, le considérant comme le principal responsable de la chute d'Ani sous les coups des hordes seldjoukides d'Alp-Arslan. Selon les données d'Attaliatès, Bagarat (*Παγκράτιος*) s'adresse à l'empereur pour lui demander de le nommer gouverneur de l'Orient sans aucune rémunération pécuniaire et lui promet de mieux pourvoir Ani et ses environs de tout le nécessaire²⁵. L'empereur qui avait un vif besoin d'argent donna satisfaction à sa demande. Skylitzès nous apporte des renseignements encore plus importants pour notre sujet. Il écrit que Pankratios promet à l'empereur de ravitailler l'armée au moyen des *ressources locales* (*ἐκ τῶν ἐνόντων ὑποσχόμενος τὰ ἐκείσε στρατεύματα διοικεῖν*)²⁶ Et quelles pouvaient être les ressources locales en Arménie, en premier lieu dans la capitale des Bagratides arméniens? Sans aucun doute les impôts sur les commerçants et les artisans. Nous nous rappelons encore une fois les paroles de Marwazi disant que, à Byzance, « la plus grande partie du revenu de l'État était constituée par les impôts

²² Cf. V.N. BENEŠEVIČ, *Trois inscriptions arméniennes*, p. 26.

²³ Voir H. BARTIKIAN, « La généalogie du Magistros Bagarat, Catépan d'Orient et des Kekaumenos », *REArm.*, N.S., t. II, 1965, p. 261.

²⁴ Voir H. OMONT, *Facsim. des manuscrits datés du IXe au XIVe siècle*, tableau XXVI.

²⁵ Voir *Michaelis Attaliotae Historia*, p. 80.

²⁶ *Cedrenus*, II, p. 635.

levés sur les commerçants». Bagarat par « ressources locales » avait en vue précisément ces impôts, c'est à dire « le *paxt* sur les maisons » et le « *t'astak* », abolis par l'impératrice byzantine Theodora grâce à l'intercession du magistros Aaron.

Ainsi en 1060, Bagarat, devenu catépan d'Orient, arriva à Ani et se mit à réaliser ce qu'il avait promis à l'empereur. Il a laissé (le texte de) son ordonnance sur le mur de la cathédrale, dans la ville d'Ani, sous la forme d'une inscription gravée à côté de l'inscription du magistros Aaron, dont nous avons déjà parlé. Nous donnons ci-dessous le début de l'inscription : « Anuamb tearn amenakali ew olormut'eamb surb ew ink'nakal T'agaworin Kostandea Duki kam elew im Bagrta magistrosis ew Arewelic' katapanis Vxkac'oys, arnel olormut'iwn mayrak'alakis Anwoy, yoržam arin ztanutrut'iwns Mxit'ar ipatosn Krtin ordin ew Gregor Lapastaka ordin spat'arkantitatn ew Sargis Artawaza ordin spat'arkankitatn ew azatec'in zvec'kē koř ew zsayli ew zkamin ew zangarion... »²⁷.

« Au nom de Dieu et par la grâce du saint et autocrate empereur Constantin Doucas, j'ai voulu moi Bagarat Vixkac'i, magistros et catépan d'Orient, montrer de la bonté à cette capitale d'Ani, quand l'hypatos Mxit'ar, fils de Kurt et le spatharokandidat Grigor, fils de Lapastak, et le spatharokandidat Sargis, fils d'Artawaz ont reçu le *tanuterat* et ont affranchi de la *vec'kē* corvée (du *vec'kē koř*)²⁸ et de la corvée du charroi et de (la corvée) de battage et de l'*angarion* »²⁹.

²⁷ *Corpus des inscriptions arméniennes*. Fasc. I : *La Ville d'Ani*. Établi par I.A. ORBELL, Erevan, 1966, p. 37. — Nous donnons la traduction du début de l'inscription seulement, car elle n'a pas été encore entièrement déchiffrée, et les traductions qui en ont été faites sont peu convaincantes et inadmissibles.

²⁸ *Koř*, en arménien signifie corvée (voir H.A. MANANDIAN, *Le féodalisme en Arménie ancienne*, Erevan, 1934, p. 210 (en arm.)). *Vec'kekoř* est une corvée effectuée à l'aide d'une charrue tirée par une paire de bœufs (voir S. HAKOPIAN, *Histoire de la paysannerie arménienne*, t. I, Erevan, 1957, p. 317 (en arm.)). [On pourrait donc traduire par corvée de labourage.]

²⁹ Trad. Beneševič, avec quelques corrections. [Le mot *angarion* est le perso *āγγαρήιον*, service des courriers montés en Perse : Hérodote, 8, 98, de *āγγαρος*, courrier perse requis par corvée de relais en relais pour le service du roi. D'où *āγγαρεία*, service ou fonction de courrier, puis corvée (cf. *āγγαρεύω* requérir pour une corvée, contraindre, réquisitionner). Les *āγγαρεία* à Byzance sont des prestations, des corvées : voir G. ROUILLARD, « Les taxes maritimes et commerciales d'après les actes de Patmos et de Lavra », dans *Mélanges Ch. Diehl*, 1930, p. 277 sqq (obligation de servir pour le transport des fournitures civiles

Les trois chefs militaires, comme on voit, ont reçu le *tanuterat*. Ainsi a traduit Beneševič. Dans l'inscription, cela est exprimé par les mots « *arin ztanutrut'iwns* ». Tous les chercheurs sans exception ont compris par *tanutrut'iwñ*, *tanutērut'iwñ*, les uns corrigent le mot de l'inscription, les autres, bien qu'ils ne corrigent pas le mot, le comprennent, l'interprètent et le traduisent comme *tanutērut'iwñ*. Brosset traduit par « tanouters » et explique : « c.à.d. maire, échevin »³⁰. C'est sans aucun doute inexact, car l'idée de l'institution supposée est rendue dans la traduction de Brosset, par le titre du personnage qui est à la tête de cette institution. N. Emin traduit : « quand ils ont reçu le gouvernement de la ville »³¹. S. Egiazarov traduit aussi « quand ils ont reçu le gouvernement de la ville »³². Cela est également fautif, car dans l'inscription, le mot est au pluriel et en outre on sait que la ville était gouvernée par Bagarat.

Tanutērut'iwñ est un terme complexe répandu dans les sources du Haut-Moyen-Age (Movsēs Xorenac'i, Lazare P'arpec'i). Il est composé de « tun » (génitif: tan), maison et de *terut'iwñ*, maîtrise, pouvoir, et le possesseur de cette qualité était appelé *tanutēr* (de *tun*, maison et *tēr*, seigneur). Toute l'Arménie perse avant 591 s'appelait tanutérique (*tanuterakan*)³³ et son marzban (satrape) *tanutēr*. Il était seul. Mais dans la période qui nous intéresse, bien que des *tanutērs* soient mentionnés en grand nombre, le *tanutérat* (*tanutērut'iwñ*) n'apparaît pas comme institution. Et les *tanutērs* n'ont pas les attributions (litt. : le contenu) qu'ils avaient précédemment. Le *tanutēr* dans les villes est la même chose que le grec *οἰκόκυρος* dans les sources byzantines (*οἰκόκυρος* est aussi composé des mots *οἶκος*, maison et *κυρός*, maître (*tēr*), mais *οἰκόκυρος* dans le « livre de l'Éparque » signifie possesseur de maison, c'est-à-dire possesseur d'une boutique ou d'un atelier. C'est précisément

et militaires...); G. ROUILLARD et P. COLLOMP, *Actes de Lavra*, I, 1937, passim. F. DÖLGER, *Byzanz und die europäische Staatenwelt*, 1953, p. 245; H. AHRWEILER, *Byzance et la Mer*, 1966, p. 144 et passim. Sur l'ἀγγαρήιον perse, voir Cl. HUART, *La Perse antique*, p. 65.] Voir aussi ROSTOVTSSEV « Angariae » *Klio*, VI, 249 sqq.

³⁰ BROSSET, *Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et l'Arménie*, IIIe rapport, St. Pétr., 1849, p. 95.

³¹ N. EMIN, *Les inscriptions arméniennes à Kars, Ani et aux environs de cette dernière*, Moscou, 1881, p. 14.

³² S.A. EGIJAROV, *op. cit.*, p. 5.

³³ N. ADONTZ, *Armenija v epoxu Justiniana*, p. 232.

ainsi qu'il faut comprendre le mot « *tanutērs* » dans la même inscription de Bagarat, dans la partie que nous n'avons pas donnée³⁴.

Si, au XIe siècle le concept de *tanutērut'iwñ*, en tant qu'institution n'existait pas, il est d'autant plus étrange que, dans l'inscription de Bagarat le mot, pris par les chercheurs pour *tanutērut'iwñ*, soit à l'accusatif pluriel, et pour être conséquent il aurait fallu traduire, non par *tanutérat*, mais par *tanutérats*, non par gouvernement, mais par gouvernements. Il s'ensuit que, à Ani, il y avait plusieurs *tanutérats*, dont ceux qui le désiraient pouvaient « se charger », ou qu'ils pouvaient « recevoir » (dans l'inscription : *arin ztanutrut'iwns*). Il n'y a, dans aucune source de l'époque donnée, de témoignage de l'existence du concept de *tanutērut'iwñ* comme institution, à plus forte raison de l'existence simultanée de quelques semblables institutions dans une seule et même ville.

Dans l'inscription, il n'y a aucune faute, réellement il doit y avoir *tanutrut'iwñ* et non *tanutērut'iwñ*. Ce mot ne consiste pas en *tun* + *tērut'iwñ* (maison + pouvoir); mais en *tun* + *trut'iwñ*. *Trut'iwñ* provient du mot *tur* (pluriel: *turk'*), qui signifie impôt gouvernemental³⁵ et du verbe *tal*, donner (cf. russe *podat'*, dan' impôt, tribut, grec : *δόσις*). Il y a en arménien une quantité de mots semblables au second de ces mots, à *trut'iwñ*; par exemple *baretrut'iwñ* (donations de biens), *p'aratrut'iwñ* (éloge, littéralement donation de gloire) etc...³⁶.

³⁴ Le mot est mentionné dans le contexte suivant : « Et les autres dépenses pour les semailles, les *tanutēr* les prendront en charge par leur propre maison, afin qu'il n'en résulte aucun dommage pour Ani (la traduction de ce passage de l'inscription par Beneševič n'est pas exacte). Dans le Typikon de Grigor Pakurian, Arménien d'origine, mais Chalcédonien de foi, composé presque à la même époque que l'inscription de Bagarat, nous lisons : « *Ετερος δὲ ἔστω κελλαρίτης, ὃς παρὰ τοῖς Ἰβηροῖς τανουτέρης ὀνομάζεται* (Les renseignements des écrivains byzantins sur la Géorgie, t. V, Tbilisi, 1963, p. 152). Pakurian précise de quoi s'occupait ce *κελλαρίτης* [chez les Géorgiens, appelé *τανουτέρης*]: il s'occupait de la nourriture des moines. Dans le *Grand Dictionnaire de Dimitrakos* (t. V, p. 3846), le mot [*κελλαρίτης*, latin *cellarites*, sommelier] est expliqué de la façon suivante : *ὁ ἀποθηκάριος, ὁ φροντιστὴς τῶν τροφίμων ἐν μονῇ ἢ ἄλλῳ ἰδρύματι*, [le magasinier, celui qui prend soin des vivres dans un couvent ou autre établissement.] [Cf. sur le *κελλαρίτης*, *Cambridge Medieval History*, IV, *The Byz. Empire*, part II, chap. XXV, *Byz. Monasticism*, p. 175.] Pour devenir *κελλαρίτης*, il n'était pas nécessaire d'avoir le haut rang de *spatharokandidat*. Dans un village, il y avait aussi des *tanutēr*; ils étaient là les doyens d'âge, les anciens.

³⁵ Voir H. ADJARIAN, *Dict. étymologique de la langue arménienne*, t. VI, Erévan, 1932, p. 732-733.

³⁶ ADJARIAN, p. 733.

Par suite *tanutrut'iwn* dans l'inscription de Bagarat signifie impôt gouvernemental sur les maisons, la même chose que « paxt sur les maisons » dans l'inscription du magistros Aaron, la même chose que *l'énoikion* byzantin.³⁷

Ainsi, si par l'ordre de l'impératrice Théodora en 1055-1056, les habitants d'Ani ont été affranchis du paiement au gouvernement de l'énoikion, trois ou quatre ans après, sous le règne de Constantin Doucas, cet impôt avait été déjà rétabli avec cette différence que à l'époque du magistros Aaron la somme de l'impôt était bien déterminée et qu'on la payait directement au gouvernement, et que maintenant intervenait dans la perception de cet impôt un intermédiaire, en l'occurrence trois hommes³⁸ selon la terminologie de l'auteur Kekauménos, des « fermiers » (*πακτονάριος*)³⁹, de la conscience desquels dépendait la somme collectée. Pour recevoir le droit d'être collecteurs d'impôts, ils payaient une somme déterminée et il va de soi qu'ils étaient intéressés à recevoir en retour, non seulement le capital (*κεφάλαιον*) — qu'ils avaient versé —, mais encore un avantage (*κέρδος*). Ici il est très à propos de se souvenir que les auteurs byzantins ont écrit au sujet d'une semblable pratique de la perception des impôts à l'époque en question, sur les moyens de spéculation auxquels recouraient les fonctionnaires byzantins pour se procurer des avantages, de se souvenir de l'écrivain Kekauménos qui a écrit que « celui qui a acquis une charge à prix d'argent, s'efforce non seulement de recouvrer ce qu'il a dépensé, mais de tirer des profits (de sa charge), à la suite de quoi il deviendra pour tous un objet d'aversion et de haine⁴⁰. De la pratique répandue à Byzance d'acquérir à prix d'argent le droit d'être percepteur des impôts, l'écrivain Kekauménos parle plus d'une

³⁷ Il eût été étrange que, dans une inscription consacrée entièrement aux impôts et contributions, il n'y eût pas un mot sur l'impôt principal des commerçants et artisans, mentionné dans l'inscription du magistros Aaron en premier lieu.

³⁸ La ville d'Ani, historiquement, était divisée en trois zones (voir I. ORBELI, *Petit Guide des ruines de la ville d'Ani. Œuvres choisies*, Erévan, 1963, p. 105). On peut supposer que chacun de ces trois chefs militaires avait la charge de la perception des impôts dans une de ces zones.

³⁹ [C'est l'expression même de Kekauménos. Ce passage de Kekauménos est cité par G. KOLIAS, *Aemter- und Würdenkauf im früh- und mittelbyzantinischen Reich*, Athènes, 1939, p. 107 note (Kekaumenos, § 140)].

⁴⁰ *Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus*, ediderunt B. WASSILIEWSKY et V. JERNSTEDT, Petropoli, 1896, p. 59. [Trad. H. G. BECK, *Vademecum des byzantinischen Aristokraten*, Graz, Wien, Köln, 1956, p. 105-106].

fois. Il indique que le neveu de son père, le protospathaire et stratège Yoannès Maios avait pratiqué cela⁴¹.

Les chefs militaires mentionnés plus haut, selon toute vraisemblance, avaient, pour obtenir le droit d'être percepteurs des impôts, donné de l'argent à Bagarat, c'est-à-dire que c'est cet argent que Bagarat avait en vue, quand il parlait à l'empereur byzantin des « ressources locales ». Et quoique dans son inscription, il écrive qu'il désirait « témoigner sa bonté à cette capitale d'Ani », il n'a pas joui chez les Arméniens d'une bonne réputation et a été appelé par eux — dans le cas en question par Mathieu d'Edesse — un prince vil, cause de la perte d'Ani et de l'Arménie.

Les chefs militaires, ayant reçu de droit d'être percepteurs des impôts, comme il est dit plus loin dans l'inscription, « affranchirent de la corvée de labour, de la corvée de charroi, de la corvée de battage, de *l'angarion* ». A Byzance, comme on sait, les artisans et les commerçants, soumis à l'éparque, devaient effectuer des prestations de services déterminés que l'on appelait « liturgies ». Dans le cas en question, apparemment, il s'agit d'une prestation de travail des artisans et des commerçants d'Ani. En percevant le *tanutrut'iwn*, c'est-à-dire l'énoikion, Bagarat les affranchit de l'accomplissement de la prestation de travail qui, selon toute vraisemblance, avait été introduite par le magistros Aaron, quand il affranchit les habitants d'Ani du « *paxt sur les maisons et du t'astak* ». Aaron, introduisant la prestation de travail, s'était donné pour but de renforcer la capacité défensive de la ville et de lui assurer du pain. Que le renforcement des murs de la ville fut effectué non aux frais (litt. sur les ressources) de Byzance, mais par le travail des habitants d'Ani, c'est ce qui est visible par l'inscription même d'Aaron, dans laquelle, parlant de la construction d'un aqueduc, il indique qu'il l'a réalisée par ses propres moyens, tandis que rien de semblable n'est dit, quand il est question de la construction des murs des tours, bien qu'il ait été parlé dans l'inscription de cette construction avant celle de l'aqueduc⁴².

Ainsi, aussi bien à Constantinople que dans la capitale de l'Arménie, Ani, existaient des « *kułpak* » et des « maisons » : boutiques et

⁴¹ *Id.*, p. 39. [Trad. BECK, p. 76].

⁴² Sur l'existence à Ani de « liturgies », I.A. Orbeli a le premier attiré l'attention. Voir son article « Sur deux termes dans les inscriptions d'Ani », *Œuvres choisies*, Erévan, 1963, p. 477-481.

ateliers, appartenant à des propriétaires d'immeubles et donnés à bail par eux à des commerçants et des artisans. Ces derniers étaient tenus de payer des impôts à l'État, qui à Byzance étaient appelés *évoίκιον* ou *éνοικιακά*,⁴³ mais en Arménie « paxt sur les maisons » ou « *tanutrut'iwñ* ». En ce qui concerne Byzance, le terme *évoίκιον* avait là une double signification. Il désignait simultanément et un loyer, et un impôt sur le revenu.

Erévan.

Hratch BARTIKIAN.

Traduit par M. Canard de l'article en russe publié dans la *Revue historique et philologique* (Padma-Banasirakan Handes), n° 2 (41), 1968, p. 117-128.

LA CONQUÊTE DE L'ARMÉNIE PAR L'EMPIRE BYZANTIN

En 863, le général byzantin Petronas, d'origine arménienne, battit à Poson les armées arabes commandées par l'émir de Mélitène, 'Amr ibn 'Abdallah al-Aqta'¹. Ainsi les Byzantins eurent le dessus dans la lutte séculaire menée contre les Arabes. Après avoir sommeillé pendant deux siècles dans la politique extérieure de l'Empire byzantin, « la question arménienne », si l'on peut la nommer ainsi, revint à l'actualité. De nouveau Byzance essaya de dominer l'Arménie et, pour arriver à son but, elle employait non seulement ses forces armées et son expérience diplomatique, mais s'efforçait de justifier « historiquement » ses abus.

L'empereur Basile Ier le Macédonien se proclama Arsacide², bien qu'il n'eût même pas une seule goutte de sang arsacide dans les veines. En agissant ainsi Basile voulait non seulement cacher son origine obscure, légitimer ses droits à la couronne byzantine, mais il avait aussi un but lointain : faire de l'Arménie une vassale.

Du temps de la puissance des Arsacides, tous les seigneurs arméniens, même les Bagratides, les Artsrounis, les Antsévatiss, les Siwnis, etc. qui avaient obtenu leur indépendance au IXe siècle, étaient les vassaux de la dynastie régnante. En se proclamant arsacide, Basile Ier devenait le suzerain des princes ci-dessus nommés et désirait dominer l'Arménie *de jure*. Ceci est confirmé par une théorie inventée dans un bureau du ministère des affaires étrangères de l'Empire byzantin : après la mort du roi Arsace des Parthes, seuls les descendants des Arsacides avaient le droit de régner sur les Parthes, les Mèdes et les Arméniens³; la bravoure et la gloire du roi en avaient fait une loi. Le but en était clair : étant un Arsacide, Basile Ier devait, suivant la loi, régner aussi sur les Arméniens. Comme on le voit, l'invention était assez bien imaginée.

Cependant on comprend qu'après deux siècles d'esclavage, de telles « théories » et de telles « lois » n'annonçaient rien de bon pour les

¹ THEOPHANES, *Continuatus*, Bonnae, 1838, p. 183.

² *Ibidem*, p. 212.

³ *Ibidem*, p. 212-213. Cf. N. Adontz, « L'âge et l'origine de l'empereur Basile I », in *Études arméno-byzantines*, p. 86.

⁴³ [Voir P. ΚΟΥΚΟΥΛΗΣ, *Byzantinôn Bios kai Politismos*, t. IV, Athènes, 1951, p. 252 : ... On appelait « éνοικιακα » les logements ou magasins donnés à loyer (epi énoikið)].

Arméniens qui venaient de recouvrer leur indépendance. A peine rejeté le joug de l'un, ils ne voulaient plus retomber sous celui d'un autre, même celui d'un État chrétien. Ils essayaient de résister par tous les moyens à la politique d'expansion de Byzance.

Les Pauliciens constituèrent le premier obstacle que rencontra Byzance sur la voie de la conquête de l'Arménie. En 879, après une longue lutte sanglante, l'Empire réussit à vaincre définitivement les sectaires⁴. Mais la défaite politique et militaire des Pauliciens ne signifiait pas encore leur destruction physique. Une partie des sectaires a sans doute pu trouver refuge chez leurs anciens alliés, les Arabes. Sous ce rapport il faut étudier de plus près le rôle politique et militaire joué par un certain nombre de personnalités d'origine arménienne dans les régions situées près des centres pauliciens de Tephriké et Argavous (Argovan), mais en territoire arabe, du temps du successeur de Basile Ier, Léon VI. Il s'agit de Mélias (Mleh), Vasak, les frères Grigorik et Pazoun, et Ismaïl l'Arménien qui ont régné dans la région de Mélitène, ainsi que de Manuel et ses fils Pangratoukas, Yakhnoukas, Moudafar et Jean qui ont vécu à Dégik, dans la Quatrième Arménie.

On conçoit facilement que toutes ces personnalités n'étaient pas originaires de Quatrième Arménie et de Mélitène, bien que Constantin Pophyrogénète les considère comme natifs de cette région⁵. De plus, ce ne sont pas des représentants des maisons princières arméniennes. La plupart de leurs noms en sont la preuve. Et si Constantin Porphyrogénète dit que Mélias « se trouvait encore réfugié à Mélitène »⁶, c'est qu'il s'était sauvé de Byzance chez les Arabes, dans la ville de l'allié des Pauliciens, 'Amr ibn-'Abdallah al-Aqṭa'. On a tout lieu de supposer que non seulement Mélias, mais aussi Vassak, Grigorik, Pazoun, Ismaïl, Pangratoukas, Yakhnoukas, Moudafar et Jean, que nous avons déjà mentionnés, s'étaient réfugiés de même chez les Arabes de Mélitène et dans la Quatrième Arménie.

Est-ce un hasard s'ils avaient fui de Byzance dans des régions proches de centres pauliciens? Certainement pas. Sous le règne de Léon VI, ils décident de retourner à Byzance; par conséquent ils

⁴ M. CANARD. « Note ... (Revue des Études Arméniennes. N.S. IV, 1967, p. 405).

⁵ *De Administrando Imperio*, ed. Gy. Moravcsik, Budapest, 1949, p. 238.

⁶ *Ibidem*. Il ne serait pas inutile de noter ici qu'avant de passer à Byzance, ils avaient demandé une garantie écrite du général Eustatheos Argyros, commandant des armées de Kharsianon, qu'ils obtiendraient de Byzance des propriétés et des régions à gouverner.

attendaient la mort de l'empereur précédent, Basile Ier, l'ennemi juré des Pauliciens. Nous ne serions pas loin de la vérité en supposant qu'ils avaient fui chez les Arabes pour échapper aux persécutions de Basile Ier qui persécutait les Pauliciens. Notre hypothèse est justifiée par le fait que Mélitène et la Quatrième Arménie se trouvaient tout près de l'ancienne république paulicienne, et que si Mélias accepte de rester à Byzance sous le règne de Léon VI, c'est à condition de devenir kleïsourarque de la région de l'Euphrate, laquelle n'était rien d'autre que la région de Tephriké⁷ qui avait appartenu autrefois justement aux Pauliciens.

La Quatrième Arménie et Mélitène étaient déjà, du temps de Philippikos-Vartan (711-713), un refuge⁸ pour les Pauliciens. Quarante ans après, c'est de Mélitène que Constantin Copronyme fait émigrer les Pauliciens en Thrace⁹. Au début du IXe siècle, c'est à Mélitène que se trouve le grand chef de la secte paulicienne, Sergios, avec le gros de ses adeptes¹⁰. Enfin, le célèbre chef militaire des Pauliciens, Karbéas (mort en 863), se réfugia à Mélitène avec cinq mille Pauliciens¹¹. On comprend ainsi mieux l'historien byzantin Génésius d'après lequel, au début des années 70 du IXe siècle, les Pauliciens rescapés s'étaient réfugiés en Syrie¹².

On sait qu'après la mort de Basile Ier, son fils Léon VI changea la politique de son père envers les Pauliciens. Il voulait bien se servir des sectaires guerriers pour la réalisation de ses desseins. Ce n'est pas par hasard que Léon VI donna le grade de mensurator à Diakonitsès, le lieutenant de Chrisocheir, chef des Pauliciens, et l'envoya en Italie avec une armée composée de Pauliciens, pour combattre les ennemis de l'Empire¹³. Il fit certainement de même avec les Arméniens dont nous avons parlé plus haut, avec la seule différence qu'il ne les envoya pas en Occident, mais les laissa en Orient, suivant l'accord conclu, et avec leur aide il conquiert de nouvelles terres arméniennes. En rapport avec cela il est intéressant de noter que ces personnalités

⁷ Voir E. HONIGMANN, Carte de l'an 960, dans *Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches*, Bruxelles, 1935.

⁸ H. BARTIKIAN, « Sur la question du mouvement paulicien à Byzance dans la première moitié du VIIIe siècle, (*Vizantijskij Vremennik*, VIII, 1956 (en russe).

⁹ *Theophanis Chronographia*, ed. Boor, Lipsiae, 1883, t. II, p. 429.

¹⁰ PETRI SICULI, *Historia Manichaeorum*, MIGNÉ, P.G., t. 104, cap. XLI.

¹¹ THÉOPHANES *Continuatus*, pp. 166-167; Petri SICULI, cap. LXII.

¹² GENESI *Regum*, p. 121.

¹³ THÉOPHANES, *Continuatus*, p. 313; *Genesisi Regum*, p. 125.

arméniennes, bien qu'ayant reçu des villes et des provinces à gouverner à Byzance, en furent bientôt privées pour diverses raisons. Par exemple, Vassak fut exilé sous accusation d'avoir « voulu trahir ». De tous ces Arméniens c'est seulement Mélias qui est mentionné par la suite dans les sources.

Après y avoir fortifié sa position, l'Empire byzantin essayait d'aller plus loin. Se trouvait à l'ordre du jour la question de Théodosiopolis-Karin, une ville qui était aux mains des Arabes. Pour se rendre maître de la ville il était nécessaire que Byzance prit la forteresse de Ketzéon dont les Ibères étaient maîtres. Malgré toutes les promesses de Byzance qu'après la prise de Théodosiopolis Ketzéon serait rendu aux Ibères, ces derniers ne cédèrent pas¹⁴. Il est à remarquer que les Ibères et les Arméniens étaient contre la prise de Théodosiopolis. Les uns et les autres préféraient que la ville restât aux mains des Arabes, au lieu d'appartenir à Byzance. C'est que les Arabes ne représentaient plus une menace sérieuse pour eux, tandis que le but de Byzance était clair après plusieurs siècles d'une amère expérience. Pour les Arméniens et les Géorgiens il était préférable d'avoir entre eux et Byzance une unité politique comme l'émirat de Théodosiopolis. Il n'y a pas d'émirat de Theodosiopolis-Karin-Qâlîqalâ. C'est une place frontière du système des frontières arabes avec une garnison. Celui qui y commande dépend du gouvernement central ou du gouverneur chargé de la défense des frontières dites « mésopotamiennes ». Mais leur résistance ne dura pas longtemps. En 949 Byzance réussit à occuper la ville et élargir sa politique de conquête vers l'Est et le Sud-Est. Le tour de Tarawn était arrivé.

La principauté arménienne de Tarawn¹⁵ avait été fondée dans la première moitié du IXe siècle. Autrefois Tarawn appartenait aux seigneurs Mamikonian, mais au cours du VIIIe siècle Tarawn passa progressivement aux Bagratides. Le prince Bagarat fut le fondateur de la principauté de Tarawn.

¹⁴ *De Administrando Imperio*, p. 208.

¹⁵ Sur Tarawn voir M. BROSSET, *Collection d'historiens arméniens*, t. I, Appendice II. Sur le Tarawn et les Taronites, p. 613 sq., S. Pétersbourg, 1874. J. MARKWART, *Süd-armenien und die Tigrisquellen*, Wien, 1930. N. ADONTZ, « Les Taronites en Arménie et à Byzance », (*Études arméno-byzantines*, Lisbonne, 1965, p. 197-263). *Idem*, « Observation sur la généalogie des Taronites », Réponse au R.P.V. Laurent. *Byzantion*, t. XIV (1938), fasc. 2, p. 407-413. V. LAURENT, « Alliances et filiations des premiers Taronites, princes arméniens médiatisés », *Echos d'Orient*, t. 37 (1938), p. 127-135.

La position de la principauté de Tarawn fut, dès le début, compliquée et difficile. Se trouvant entre l'Empire byzantin et le califat arabe, Tarawn faisait de grands efforts pour son indépendance et son intégrité. Les princes de Tarawn y réussissaient grâce à leur politique prévoyante. Constantin Porphyrogénète écrivait clairement que le prince Grigor de Tarawn était l'ami de l'empereur byzantin en paroles seulement, mais en fait il aidait le califat. Il guidait souvent les armées arabes qui attaquaient l'Empire. Il dévoilait aux Sarazins¹⁶ les plans secrets de Byzance.

La mésentente et les luttes intestines nourries et mises à profit par l'Empire, n'étaient pas une moins grande difficulté pour la principauté de Tarawn. Avant toute autre chose, Byzance faisait tout pour obliger le prince Grigor de Tarawn à rompre avec le califat, et finalement elle y parvint. Sous le règne de l'empereur Léon VI, le prince Grigor obtint le titre de magistros et le grade de stratège du Tarawn. Cela montre clairement que le Tarawn avait rompu ses relations avec le califat arabe, était devenu le vassal de Byzance.

Pour étendre son influence sur le Tarawn, l'Empire byzantin se servait des personnalités arméniennes se trouvant à Byzance, comme Sinoude, le chartulaire du Drome, les interprètes Théodoros et Krintès, le protospathaire Constantin, etc. Les liens par mariage jouèrent aussi un grand rôle. Léon VI donna en mariage la sœur du magistros Théophylacte au fils aîné du prince Grigor, Bagarat, et la fille du protospathaire Constantin au frère de Grigor, Apoganem. Cependant Byzance ne se contentait pas de la dépendance vassale du Tarawn : il lui en fallait la conquête totale, puisqu'elle avait besoin d'un point d'appui pour de nouvelles conquêtes en Arménie. Après la mort du prince Grigor, le Tarawn fut partagé, d'une part entre les fils de Grigor, Bagarat et Achot, et de l'autre le fils d'Apoganem, Tornik. Une lutte sanglante commença entre eux, et Tornik fut obligé, à la fin, de « léguer » sa part à l'Empire. Dès lors, la conquête du Tarawn ne présentait plus de difficultés. Le prince Achot aussi « légua » sa part à Byzance, et après sa mort, en 966, la conquête du Tarawn fut terminée.

Le fait que dix ans après, lors de la révolte de Bardas Skléros contre l'empereur, les fils du prince Achot de Tarawn, Grigor et Bagarat

¹⁶ *De Administrando Imperio*, p. 188.

passèrent de son côté, sans doute pour reprendre leurs parts perdues, montre combien ces « legs » étaient involontaires.

Tout en se fortifiant dans le Tarawn, Byzance commença la conquête de certaines régions d'Arménie qui se trouvaient sous la domination des émirs arabes. Déjà en 968, Byzance avait conquis la ville de Manazkert, centre de l'Apahounik.

Le peuple arménien se dressa contre le danger qui menaçait le pays. L'empereur Jean Ier Tzimiskès (969-976) avait projeté une campagne contre les Arabes à travers l'Arménie. Comprenant comment cela pourrait finir, les Arméniens, sous la direction d'Achot III, firent obstacle à l'empereur dans la province de Hark' ¹⁷. Les rois d'Albanie et du Vaspourakan, ainsi que les princes de Kars (Andzévatsik, Siwnie et de Sassun s'unirent à Achot III. Il n'y eut pas de bataille dans le Hark'. Mais on ne peut douter que dans une autre province les Arméniens résistèrent par les armes à Jean Tzimiskès, so on en croit l'historienne Anne de Comnène. Celle-ci écrit que Jean Tzimiskès fit émigrer, des régions d'Arménie et de Chalybe, en Thrace des Arméniens pauliciens qu'il avait auparavant écrasés par les armes et dont il avait confisqué les châteaux et lieux fortifiés ¹⁸. On comprend aisément que 100 ans plus tard, après l'écrasement de leur mouvement, les Pauliciens pouvaient à peine exister, et encore moins avoir des forteresses et résister à l'empereur par les armes. Les Pauliciens dont parle Anne de Comnène étaient certainement des tondrakites : ce sont eux qui ont résisté par les armes à l'empereur ¹⁹.

David, le curopalat de Tayk, opposait aussi une résistance à l'avance de Byzance en Arménie. Si, la première année du règne de l'empereur Basile II, trompé par la promesse qu'il aurait « Khahtoyarič (c'est-à-dire les kleisura avec la clisure) (Cf. Honigmann, 54, 151), Tchormayri et Karin, Basēan avec la forteresse de Sévouk qui est Mardaghi, le Hark' et l'Apahounik'... s'il lui envoyait une armée en aide » ²⁰. David aida l'empereur à réprimer la révolte

¹⁷ Voir la *Chronique* de MATTHIEU D'ÉDESSE, Vaghachapat, 1898, p. 17. [Tr. Dulaurier, p. 14-15].

¹⁸ ANNA COMNÈNE, *Alexiade*, PG., [édition B. Leib (Collections byzantines, Les Belles Lettres) III, p. 179-180].

¹⁹ Voir H. BARTIKIAN. « L'origine légendaire des Pauliciens selon un vieux manuscrit bulgare », dans *Telekagir de l'Académie des sciences de la RSS d'Arménie* (Sciences sociales), 1957, n° 1, p. 89 (en arménien).

²⁰ Étienne DE TARAWN, *Histoire universelle*. St. Pétersbourg, 1885, (en arménien) [= tr. Macler, p. 59-60; tr. Geltzer-Burchardt, p. 142].

de Bardas Scéros, dix ans plus tard il comprit le but poursuivi par Byzance et fut obligé de s'allier au soulèvement de Bardas Phokas contre ce même empereur. Mais après la défaite de Phokas, craignant les représailles de Basile II, le curopalate David fut, lui aussi, obligé de « léguer » son patrimoine à l'empereur. En l'an 1000, après sa mort (il serait plus juste de dire son assassinat ²¹, car les Byzantins ont certainement accéléré sa mort pour recevoir plus tôt « leur héritage ») Basile II régna sur le Tayk'.

D'après le témoignage de Stépanos Asohik, Basile II « conquiert toutes les forteresses et les châteaux forts de Tayk', y désigna des hommes dignes de foi, et emmena avec lui les autres nobles de Tayk' et les fit habiter dans le pays des Grecs » ²².

En 1021, le roi de Vaspourakan, Sénék'érim, laissa un « héritage » semblable à Basile. Ne pouvant résister à la pression de Byzance à l'Ouest, et aux attaques des Seldjouks à l'Est et au Sud, il abandonna le Vaspourakan, et recevant le titre de magistros, il s'établit à Sébastia. Byzance reçut 72 forteresses, 4000 villages et 8 villes dans le Vaspourakan ²³.

Dans les régions arméniennes qu'il avait conquises, l'Empire byzantin organisait des catépanats dont le principal était celui du Vaspourakan, avec Van pour centre. Byzance prêtait une grande importance au Vaspourakan : il y concentrait de grandes armées commandées par des généraux célèbres afin de consolider ses conquêtes et faire des préparatifs pour envahir le royaume des Bagratides de Chirak qui subsistait jusqu'alors. Le Vaspourakan devint le refuge de tous ceux qui étaient persécutés dans le royaume des Bagratides pour leur sympathie envers Byzance. Le catépanat d'Ibérie jouait le même rôle.

En 1022, à Trébizonde, sous la pression de Byzance un traité fut conclu entre les Arméniens et les Byzantins, suivant lequel le roi bagratide Hovhannès Smbat « légua » son royaume à l'Empire. Aristakès de Lastivert écrivait : « Là fut écrite la lettre de la perte de l'Arménie, car Hovhannès avait donné l'ordre au catholicos : 'Écris et fais un testament qu'après ma mort je lui lègue ma ville et mon

²¹ Voir MATTHIEU D'ÉDESSE, p. 38 [= tr. Dulaurier, p. 33].

²² ÉTIENNE DE TARAWN, p. 278 [= tr. Macler, p. 165].

²³ SAMUEL D'ANI, Vagharchapat, 1893, p. 104 = tr. Brosset, *Collection d'historiens arméniens*, St. Pétersbourg, 1876, II, p. 443. Sur le Vaspourakan, voir V. VARDANIAN, *Le royaume des Ardzrounis du Vaspourakan*. Érévan, 1969. (En arménien).

pays' »²⁴. Le chroniqueur byzantin Skcylytès a consacré à cet événement un récit plus détaillé. Il écrit : « Quant le chef de l'Abkhazie, Georgios, entreprit une guerre contre les Grecs, Hovhannésik (*Iōvannesikēs*), le maître d'Ani, s'allia à lui. Cependant l'empereur Basile vint en Ibérie avec ses armées, commença une guerre contre Georgios, le vainquit et le fit prisonnier. Hovhannésik, redoutant la vengeance de l'empereur parce qu'il s'était allié à Georgios, se présenta à l'empereur, lui remit de son plein gré les clés de la ville d'Ani et se rendit. L'empereur apprécia le bon sens de Hovhannésik, lui décerna le titre de magistros et le désigna prince à vie d'Ani et de la Grande Arménie, recevant en échange un écrit, suivant lequel « à la mort de Hovhannésik, tous ses biens passeraient aux mains de Basile et deviendraient partie intégrante de l'Empire byzantin »²⁵.

En 1042, le roi Hovhannès-Smbat mourut sans descendance. Son frère Achot, qui était mort un an avant, avait un fils de 18 ans, du nom de Gagik, qui reçut la couronne de Chirak. Cependant Byzance n'avait pas oublié l'accord signé à Trébizonde. L'empereur Constantin Monomaque réclama « son héritage ». Après avoir essuyé un refus, il commença une longue guerre inexorable contre les Arméniens. A la fin Byzance put, par perfidie, supprimer le royaume de Chirak.

Le Chirak forma une unité administrative avec le catépanat d'Ibérie qui existait alors, et dont le gouverneur siégeant à Ani s'intitula dès lors « Gouverneur d'Ani et d'Ibérie » (*τοῦ Ἀνίου καὶ τῆς Ἰβηρίας κατάρχων*) ou « Catépan d'Arménie et d'Ibérie » (*κατεπάνω Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας*). Ani devint un point de départ pour Byzance en vue de nouvelles conquêtes, car son appétit n'était pas encore apaisé. L'année qui suivit la conquête d'Ani, en 1046, Byzance commença une guerre contre l'émir de Dvine Abu'l-Uswar, son ancien allié contre le Chirak des Bagratides, mais elle fut vaincue. Bien qu'en 1047 Byzance avançât triomphalement, prenant à l'émir plusieurs forteresses, elle fut obligée de retirer ses troupes, pour réprimer la révolte de Léon T'ornik à Byzance, et elle dut se contenter de ce qu'elle avait conquis.

* * *

²⁴ ARISTAKÈS DE LASTIVER, *Histoire* (ed. K.N. Yuzbachian), Érévan, 1963, p. 32 [= tr. Prud'homme, p. 27].

²⁵ Georgii CEDRENI, *Historiarum Compendium*, t. II, Bonnae, 1839, p. 556-557.

Byzance commença une politique d'éloignement des nobles arméniens de leurs pays, dans les régions conquises. Distribuant des grades et des titres, d'immenses terres dans l'Empire même, Byzance réussit à envoyer en Asie Mineure et aux Balkans un assez grand nombre de nobles arméniens. On a déjà eu l'occasion de constater que Byzance avait suivi la même politique envers les nobles de Tayk'. Mais bien plus tôt, tout au début de son règne, Basile II, au dire d'Étienne de Tarawn, « avait voulu faire passer en Macédoine, contre les Bulgares, des Arméniens qui étaient sous sa domination, pour qu'ils fassent prospérer cette contrée. Il y en a transplanté un grand nombre »²⁶. Aristakès de Lastivert a décrit d'une manière plus imagée cette politique et ses conséquences désastreuses pour les Arméniens : « Les princes chassés de leurs patrimoines ont émigré dans la terre étrangère. Nos districts furent ruinés et devinrent la proie de la maison impériale des Grecs. Les villages opulents devinrent des repères de bêtes sauvages, et leurs champs le pâturage du gibier. Des esprits maléfiques — des hambarous et des houchkapariks — habitèrent leurs chères maisons, grandes et hautes »²⁷. Byzance laissait sur place des nobles qui lui étaient fidèles, tout en essayant de nommer des féodaux byzantins dans les territoires conquis dont l'un des plus connus fut Eustathios Boylas²⁸.

Avec les conquérants, l'ordre et l'administration byzantins, les lourds impôts entrèrent en Arménie. Évoquant la politique administrative de Basile II en Arménie, Aristakès de Lastivert écrit : « Il régnait sur de nombreuses provinces, forteresses et villes, il y désigna des gouverneurs, des juges et des administrateurs »²⁹. En 1018, suivant ce même Aristakès, « L'empereur omnipotent y envoya un certain prince de Nicomédie, lequel vint en Arménie et y instaura la corvée »³⁰.

Les abus des percepteurs qui prenaient, en général, à forfait la perception des impôts, excitèrent la juste fureur de la population. Kékauménos, auteur du *Stratégikon*, et témoin des faits, conseille à l'em-

²⁶ ÉTIENNE DE TARAWN, p. 201 [= tr. Macler, p. 74].

²⁷ ARISTAKÈS DE LASTIVER, p. 55, (= tr. Prud'homme, p. 38-39).

²⁸ Voir H. BARTIKIAN, « Le testament d'Eustathios Boylas (1059), comme source importante pour l'histoire de l'Arménie et de la Géorgie *Banber Maténadarani* 5, 1960).

²⁹ ARISTAKÈS DE LASTIVER, p. 24 (en arménien) [= tr. Prud'homme, p. 11]

³⁰ *Ibidem*, p. 28. [tr. Prud'homme, p. 20]

pereur de mettre fin aux abus des fonctionnaires byzantins, principalement dans les « régions frontalières », car, selon lui, cela fut la cause de la perte de plusieurs provinces et de la trahison de beaucoup de gens ³¹. L'inscription laissée par le catépan d'Orient, le magistros Bagarat Vkhkatsi, gravée sur un mur de la cathédrale d'Ani ³², témoigne de cette politique.

Les gouverneurs byzantins du Vaspourakan et des autres régions d'Arménie étaient en général d'origine grecque, rarement bulgare. C'est seulement dans la dernière période de la domination byzantine, quand le danger extérieur grandit, que l'Empire nomma des Arméniens comme gouverneurs, dont le plus connu fut Grégoire Magistros. Celui-ci dans une lettre se nomme lui-même « Grand seigneur du Vaspourakan, du Tarawn, de Manazkert, d'Ardjèche, de Berkri, de Mésopotamie et Magistros de Monomaque, prince et duc » ³³. Et dans l'inscription gravée de Kétcharis (1051) il est appelé « kitonite » ³⁴, c'est-à-dire chambellan. Ceci montre clairement que Grégoire Magistros avait servi auparavant au palais byzantin de Constantinople. Byzance prenait aussi à son service des Arméniens d'origine, mais de croyance chalcédonienne, parmi lesquels il faut noter Bagarat Vkhkatsi et Grigor Bagourian.

Au début, Byzance conserva les troupes arméniennes et ibères, et cela se comprend. Ces troupes étaient nécessaires pour de nouvelles conquêtes tant à l'Ouest qu'à l'Est. Jean Tzimiskès se servait encore de ces troupes en 969 dans la guerre contre les Bulgares ³⁵. Basile II aussi se servit d'elles contre les Bulgares ³⁶, bien qu'elles ne fussent pas toujours fidèles à l'empereur et souvent même eussent passé à l'ennemi. Aussitôt après la mort de David, curopalate de Tayk', Basile II « ordonna aux troupes de la Quatrième Arménie et de Tarawn de lui venir en aide là où il ferait appel à elles » ³⁷. Même sous le règne des descendants de Basile, l'Empire byzantin ne refusait pas les

³¹ CECAUMENTI, *Stratégicon*, éd. Wassiliowsky et Jernstedt, Petropoli, 1896, p. 28.

³² Voir en détail H. BARTIKIAN, « L'ἐνοίκιον à Byzance et à Ani, capitale des Bagratides arméniens à l'époque de la domination byzantine ». (En russe), dans *Patma-banasirakan Handes*, 1968, n° 2, p. 127-128.

³³ GRÉGOIRE MAGISTROS, *Lettres*, Alexandropol, 1910, p. 213.

³⁴ K. KOSTANIAN TZ, *Annales épigraphiques*, St. Pétersbourg, 1913, p. 23 (en arménien).

³⁵ ÉTIENNE DE TARAWN, p. 245. Cf. p. 201. (en arménien) [= tr. Macler, p. 124 et p. 74].

³⁶ *Ibidem*, p. 244. [= tr. Macler, p. 124].

³⁷ *Ibidem*, p. 276. [= tr. Macler, p. 163].

services des forces armées arméniennes : l'empereur « leva cette année-là, écrit Mathieu d'Édesse, des troupes dans toute la Grèce et l'Arménie, à Sébaste, en Tarawn et tout le Vaspourakan qui se trouvaient sous la domination grecque. L'empereur Michel vint à l'Ouest à la tête d'une armée innombrable et conquiert tout le pays des Goths » ³⁸. L'Empire conserva les forces armées arméniennes même après la prise d'Ani. Le sparapet Vahram Pahlavouni et son fils Grigor prirent part en 1046, avec les troupes arméniennes, à la campagne de Dvine contre l'émir Abu'l-Uswar. C'est lors de cette campagne qu'il mourut avec son fils ³⁹. Selon les données de Skylitzès, les troupes ibères prirent part aussi à cette campagne ⁴⁰.

Cependant, lorsque l'Empire byzantin eut renforcé ses positions, ces troupes ne lui furent plus d'aucune utilité, et même plus, elles devenaient un danger. Et Byzance ne tarda pas à disperser ces troupes et, en compensation, elle obligea les Arméniens et les Ibères à payer un impôt militaire ⁴¹.

Les régions conquises, particulièrement la Mésopotamie et l'Arménie étaient monophysites. L'Empire byzantin intervenait souvent dans les affaires ecclésiastiques des Arméniens et des Syriens, et même les persécutait et les obligeait à embrasser la doctrine chalcédonienne. Même avant la conquête complète de l'Arménie, le métropolite de Sébaste, en 986, avait déjà commencé à persécuter les croyants arméniens : « Des pasteurs efféminés et le métropolite de Sébaste, écrit Étienne de Tarawa, se mirent à faire souffrir les Arméniens. Ils firent violence à des prêtres à cause de leur foi. Les principaux prêtres de la ville de Sébaste furent envoyés, chargés de fers, à la porte de l'empereur. Ils torturèrent en prison et mirent à mort leur doyen, Gabriel... Tandis que d'autres prêtres, gens obscurs, deux évêques de Sébaste et de Larissa, Sion et Hovhannès, furent obligés par le même métropolite d'embrasser la foi chalcédonienne, en se séparant de la foi des Arméniens » ⁴².

Cependant il faut noter que la politique religieuse de l'Empire était assez souple et changeait souvent suivant l'époque et les circonstances. Si, par exemple, on préparait une nouvelle attaque contre

³⁸ MATTHIEU D'ÉDESSE, p. 88 (en arménien), [= tr. Dulaurier, p. 166].

³⁹ *Ibidem*, p. 98 [= tr. Dulaurier, p. 80].

⁴⁰ GEORGII CEDRENI, t. II, p. 559.

⁴¹ MICHAELIS ATTALIOUAE, *Historia*, p. 81.

⁴² ÉTIENNE DE TARAWN, p. 201-202 [= tr. Macler, p. 74-75].

les terres arméniennes, on cessait alors, en général, les persécutions contre les Arméniens, pour les poursuivre ensuite à nouveau, avec plus de rigueur. Si, au début de la domination byzantine à Ani, sous le règne du catépan Asit (*Iasitès*), à la veille du déclin de l'État arménien, le catholicos Pierre (*Petros*) jouissait de la gloire et des honneurs, bientôt pendant le règne du catépan Katakālōn Kékauménos la situation changea. La raison en est qu'après la chute de l'État arménien, la force principale, centralisante et organisatrice des Arméniens était le catholicos. Ceci n'était pas dans l'intérêt de Byzance, et bientôt Katakālōn Kékauménos supprime le siège du catholicos d'Ani et le transféra dans une région plus proche de Byzance. Ce fut Kékauménos qui « trouva le catholicos Pierre et lui fit quitter sa ville en disant : l'empereur t'a ordonné d'habiter le village d'Arzn (*Arcn*), dans la province de Karin »⁴³. Mais Byzance ne désirait pas non plus que Pierre restât là. Elle l'amena dans un endroit plus sûr, à Constantinople, où « elle le garda trois ans, car elle évitait de le laisser en Arménie de peur qu'il ne soulevât Ani »⁴⁴. Bien plus, quand le successeur de Pierre, le catholicos Khatchik (*Xač'ik*) était à Constantinople, les Byzantins essayèrent même de lever des impôts sur l'Église arménienne : « Ils voulaient même imposer le paiement d'un tribut au catholicos Khatchik, mais il refusa en disant qu'il n'accepterait pas ce qui n'existait pas avant lui »⁴⁵.

La domination byzantine en Arménie se heurtait à la résistance du peuple arménien qui essayait par tous les moyens de rejeter le joug de l'Empire et de rétablir son indépendance. Il est intéressant de noter que lorsqu'une révolte éclatait contre le gouvernement central à Byzance, les Arméniens essayaient d'y prendre part. Bardas Skléros était d'origine arménienne. Quand il se révolta en 976 contre Basile II, il est possible qu'il n'ait pas eu l'intention de libérer les terres arméniennes du joug de Byzance. Ses intentions étaient certainement tout autres. Pourtant on ne peut pas dire que tous les Arméniens qui se sont rangés de son côté avaient pour but de faire monter Skléros sur le trône de Byzance. Cette insurrection éclata peu après la conquête de Karin, du Tarawn, de l'Apahunik' et du Hark' par Byzance. Ce sont les *Arméniens* qui ont les premiers

⁴³ ARISTAKÈS DE LASTIVERT, p. 63 [= tr. Prud'homme, p. 71].

⁴⁴ *Ibidem*, p. 82 [= tr. Prud'homme, p. 86].

⁴⁵ *Ibidem*, 83 [= tr. Prud'homme, p. 88].

proclamé empereur Skléros l'insurgé⁴⁶ (*τῶν Ἀρμενίων καταρξάντων τῆς εὐφημίας*). Le premier endroit où Skléros s'installa a été la forteresse arménienne de Kharberd⁴⁷ (*Χάρπορε*). Se trouvaient aux mains de Skléros une grande partie de la *Mésopotamie arménienne* et de la *Quatrième Arménie* : le Hišn al-H.n.d.r.s., la Vallée au Sud de Tarawn, la forteresse de Sassoun, Angełtoun, Handzit, Til Khoun au Sud-Est d'Arzan et Hani⁴⁸. Skléros se proclama empereur dans la capitale de l'ancienne *Troisième Arménie*, Mélitène⁴⁹. La cavalerie arménienne⁵⁰, au service de Byzance, passa du côté de l'insurgé. Le prince Zap'ranik de Mokk' s'unit à Skléros, ainsi que les fils du prince de Tarawn, Grigor et Bagarat qui avaient été dépouillés de leurs terres dix ans auparavant.⁵¹ Le général byzantin Sahak-Vahram⁵², Arménien de nation, passa du côté de Skléros. Les insurgés vinrent au camp militaire de Likandos⁵³, lequel, selon Constantin Porphyrogénète, avait été fondé par des *Arméniens* et dont les habitants étaient tous *arméniens*⁵⁴. Bourtzès, le duc d'Antioche, passa avec ses troupes arméniennes du côté de Skléros. Il arriva dans la ville arménienne de Tzamndav (*Τζαμανδός*). Michel K'ourdik, de nationalité arménienne, passa aussi du côté de Skléros. Est-ce que le but et la pensée de tous ces Arméniens étaient seulement d'aider Skléros à conquérir la couronne ? Il semble que non. Leur but était avant tout de libérer les provinces arméniennes tombées sous la domination de Byzance, d'empêcher la conquête d'autres terres arméniennes restées indépendantes. Et si, de plus, on considère le fait que Basile II rassembla contre Bardas Skléros exclusivement « les troupes de Byzance, de Thrace, de Macédoine avec toutes celles de l'Ouest »⁵⁵, qui, lors de

⁴⁶ GEORGII CEDRENI, t. II, p. 419.

⁴⁷ *Ibidem*, p. 419.

⁴⁸ Pour plus de détails voir M. CANARD, « Deux documents arabes sur Bardas Skléros, *Atti del V Congresso Internazionale degli Studi Bizantini* (Studi Bizantini e Neoellenici), vol. V, Roma, 1936, p. 60-61.

⁴⁹ ÉTIENNE DE TARAWN, p. 191 (= tr. Macler, p. 56).

⁵⁰ *Ibidem*.

⁵¹ *Ibidem*.

⁵² GEORGII CEDRENI, t. II, p. 422.

⁵³ *Ibidem*.

⁵⁴ CONSTANTINI PORPHYROGENETI, *De Thematisibus*, Bonnæ, 1826, p. 32-33.

⁵⁵ GEORGII CEDRENI, t. II, p. 423-424.

⁵⁶ *Ibidem*, p. 423.

⁵⁷ *Ibidem*, 424.

⁵⁸ ÉTIENNE DE TARAWN, (= tr. Macler, p. 56), tr. Celzer, p. 140.

la première défaite de Skléros commencèrent à massacrer seulement⁵⁹ les prisonniers *arméniens*, alors notre hypothèse au sujet de la nature de la révolte de Skléros sera confirmée. Les Arméniens essayèrent encore de se soulever contre l'Empire en 1051. La révolte préparée dans la province de Paghin (*Pakhn*) de la Quatrième Arménie n'eut pas lieu à cause d'une trahison⁶⁰. Mais les tondrakites jouaient un grand rôle dans la lutte contre la domination byzantine, et on comprend pourquoi dès le début du Xe siècle Byzance luttait furieusement contre eux. L'Empire put enfin les écraser vers la moitié du XIe siècle.

La politique de l'Empire en Arménie était peu prévoyante. Il détruisit de ses propres mains la muraille qu'il avait construite pendant des siècles contre l'invasion des hordes étrangères.

Èrévan.

H. M. BARTIKIAN.

Traduit de l'article en arménien publié dans *Patma-Banasirakan Handes*, 1970, 2, p. 81-92.

ENCORE UNE FOIS SUR L'ORIGINE DU NOM PAULICIENS

Les savants qui se sont livrés à une étude plus ou moins approfondie de l'histoire d'un des plus importants mouvements sociaux du Moyen Âge, le paulicianisme, ont touché aussi à la question de la signification du nom des pauliciens. Comme il est hors de doute qu'il est lié au nom d'un « Paul », une chose restait à faire aux savants : déterminer la personnalité de ce « Paul ». Cette question a fait l'objet d'une étude, non seulement dans des travaux touchant le mouvement paulicien dans son ensemble, mais encore dans des articles spéciaux qu'on y a consacrés¹. Les savants adoptent des points de vue divers, ce qui, en premier lieu, est lié aux renseignements divergents des sources premières.

K. N. Yuzbashian, dans un article qu'il a publié récemment (voir plus haut, p. 352-372) et qui est un résumé détaillé des sources et de la littérature consacrée à ce sujet, écrit que, conformément aux sources premières, le nom des pauliciens provient :

1. du nom de Paul, fils de la manichéenne Kallinikè — ou :
2. du mélange des noms des deux fils de Kallinikè ci-dessus mentionnée, Paul et Jean (Yohann). Cette idée apparaît dans la première partie de l'ouvrage du patriarche Photius qui est une redite de l'« Histoire des Pauliciens » de Pierre de Sicile. D'après cette version, des Pauliciens s'appelaient primitivement Pauloyannistes, d'où est venu ensuite « Pauliciens » ;
3. ou bien, finalement, du nom de l'Arménien Paul, père de l'hérésiarque Gegnesius, qui exerçait son activité dans la première moitié du VIIIe siècle.

K. N. Yuzbashian conclut : « Les renseignements des sources au sujet du nom « Pauliciens » remontent... soit à Paul de Samosate, fils de Kallinikè, soit à Paul et à son frère Jean, soit en fin de compte à Paul l'Arménien, père de Gegnesius et de Timothée². « Les Pauliciens, con-

¹ M. Loos, « Deux contributions à l'histoire des Pauliciens ; 2. Origine du nom des Pauliciens. *Byzantinoslavica*, t. 18, 1956 ; K. N. YUZBASHIAN, « Sur l'origine du nom « Pauliciens ». *Vizantijskie očerki*, Moscou, 1971, p. 213-235 (voir plus haut).

² Là, K. N. YUZBASHIAN est dans l'erreur. Les fils de l'Arménien Paul s'appelaient non Gegnesius et Timothée, mais Gegnesius et Théodore. Timothe est le deuxième nom du même Gegnesius. [Ce lapsus a été corrigé sur l'extrait de l'article].

⁵⁹ GEORGII CEDRENI, t. II, p. 425-426 (3 lignes en grec, p. 9).

⁶⁰ MATTHIEU D'ÉDESSE, p. 109.

tinue K. N. Yuzbashian, bien entendu, doivent l'origine de leur nom à la seule ingéniosité de Photius ou de l'auteur qui se cache sous son nom, et on peut d'emblée faire abstraction de cette hypothèse »³.

Plus loin, K. N. Yuzbashian cite l'opinion de certains savants qui répètent les déclarations des sources ou qui arrivent à d'autres conclusions. Parmi ces derniers sont les auteurs qui, considérant ce qui est commun à la doctrine des Pauliciens et à celle de l'évêque d'Antioche du IIIe siècle Paul de Samosate, rattachant le nom des Pauliciens au nom de ce Paul. Comme le remarque justement K. N. Yuzbashian, « la théorie faisant remonter les Pauliciens aux Paulianistes reste indémontrée, et conformément à cela, il n'y a aucune raison de considérer que l'appellation « Pauliciens » se rattache au nom de l'évêque d'Antioche du IIIe siècle Paul de Samosate. Cela n'est confirmé ni par des données indirectes sur l'origine de l'hérésie des Pauliciens, ni par des données directes sur l'origine de leur nom »⁴.

D'autres chercheurs, partant du fait que les hérétiques ont profondément révérendé l'apôtre Paul, ont considéré les Pauliciens comme les porteurs du nom de l'apôtre Paul. A ce propos, K. N. Yuzbashian écrit : « On a exprimé l'opinion que l'on a appelé les hérétiques Pauliciens d'après le nom de l'apôtre Paul. En fait, continue-t-il, les hérétiques révèrent Paul de toutes les manières possibles, leurs chefs prennent les noms des disciples de l'apôtre... Des motifs pauliniens apparaissent de toute évidence dans le paulicianisme »⁵.

Dans la mesure où K. N. Yuzbashian n'a pas trouvé dans les sources une indication directe d'une corrélation entre « Pauliciens » et le nom de l'apôtre Paul⁶, il ne présente cette opinion que comme une hypothèse et ne l'inclut pas dans son corpus « des informations positives données par les sources premières ». Mais est-il juste de considérer comme une indication indirecte le fait que le fondateur du mouvement

³ K. N. YUZBASHYAN, (voir plus haut).

⁴ Id., *ibid.*

⁵ Id., *ibid.*

⁶ D'autres chercheurs ne l'ont pas trouvée non plus, entre autres le savant grec I. Anastasiou, qui, dans une monographie récemment publiée et consacrée spécialement à l'hérésie paulicienne, écrit avec assurance : « *Εἰς τὰς πηγὰς ποιεῖται δὲν ἀναφέρεται, ὅτι οἱ ἴδιοι οἱ Παυλικιανοὶ ἐχρησιμοποιοῦν τὸ ὄνομα τοῦτο* » (Dans les sources, il n'est nulle part dit que les Pauliciens eux-mêmes ont employé ce nom (c'est-à-dire Pauliciens). Voir 'Ιωαν. Ε. 'Αναστασίου, *Οἱ Παυλικιανοί, Ἡ ἱστορία καὶ ἡ διδασκαλία τῶν ἀπὸ τῆς ἐμφανίσεως μέχρι τῶν νεωτέρων χρόνων*. Ἀθήναι, 1959, p. 216.

paulicien Constantin a pris le nom de Sylvain, disciple de l'apôtre Paul, qu'il a appelé la communauté fondée par lui « Macédoine » (du nom de l'Église chrétienne fondée par l'apôtre Paul) et a dit à ses disciples qu'il « était lui-même Sylvain mentionné dans les épîtres de l'apôtre (Paul), que Paul a envoyé comme disciple fidèle en Macédoine » ?⁷.

Se solidarissant avec les déclarations d'une série de sources sur le lien entre l'appellation « Pauliciens » et le nom de Paul, fils de la légendaire Kallinikè, et considérant que ce Paul a été aussi le fondateur du mouvement, qu'il lui a donné son nom, K. N. Yuzbashian a été obligé de démontrer l'historicité de Paul, de déterminer sa place dans le temps et dans l'espace, sans avoir, il est vrai, des bases suffisantes pour cela. Il n'a pas prêté attention à la tendance des auteurs orthodoxes à démontrer que le paulicianisme est une continuation, une renaissance, comme l'écrit le patriarche Photius, une seconde croissance de l'hérésie des manichéens. S'ils ont agi ainsi, c'est parce que le manichéisme, depuis longtemps avait subi une défaite, que, grâce aux efforts de l'Église et de l'État, il avait été discrédité aux yeux des fidèles, que « manichéen » était devenu un surnom injurieux auquel on recourait même à l'Hippodrome de Constantinople au VIe siècle. Il y eut contre les manichéens une énorme littérature. Il était possible de l'utiliser aussi contre les pauliciens et d'étendre à eux les lois et les dispositions prises en leur temps contre les manichéens. K. N. Yuzbashian n'a pas fait attention au fait que la légende de Kallinikè et de ses fils était le chaînon qui manquait aux gens d'Église pour relier entre elles les deux hérésies, manichéenne et paulicienne.

Malgré tout ce qui a été dit, K. N. Yuzbashian considère que « Paul, [fils de la manichéenne Kallinikè] est devenu l'éponyme des pauliciens »⁸, qu'il est le fondateur de la secte⁹. Cette personnalité, réelle à son avis, a existé selon la plus grande probabilité, antérieurement au milieu du VIe siècle. K. N. Yuzbashian ne répond pas à la question qu'on se pose à juste titre : « Sur la base de quels faits date-t-il l'apparition de Paul à l'époque donnée ? Est-ce sur la base du fait que, dans le « Serment de l'unité de notre pays d'Arménie », serment qui fut

⁷ H. M. BARTIKIAN, *Les sources pour l'histoire du mouvement paulicien*, Érévan, 1961, p. 136. (En russe.)

⁸ K. N. YUZBASHIAN, *Sur l'origine...*, (voir plus haut).

⁹ Id., *ibid.*

prêté au concile de Duin en 554 ou 555, sont mentionnés des hérétiques dont le nom est semblable à celui des Pauliciens ? Si même nous admettons que les Pauliciens sont mentionnés au milieu du VIe siècle, cela donne-t-il une raison pour dater l'apparition de Paul, fils de Kallinikè, et le commencement du mouvement paulicien ? Et pourtant K. N. Yuzbashian écrit : « La naissance du paulicianisme [et par suite l'apparition de Paul, fils de Kallinikè] doit être rapportée à une époque antérieure à la prestation du « Serment »¹⁰. Mais qu'est-ce que K. N. Yuzbashian entend par époque « antérieure à l'apparition du Serment » ? Sous ces termes on peut comprendre aussi bien un jour que quelques siècles.

Nous n'avons aucun motif pour considérer Kallinikè et ses fils Paul et Jean comme des personnages réels, à plus forte raison pour dater l'époque de leur activité. Voici ce que rapporte sur eux Pierre de Sicile : « Quelques-uns de ses disciples, [c'est-à-dire des disciples de Mani, exécuté en 276-277] parvinrent à Samosate en Arménie, et, ayant semé là l'ivraie de la perfidie, firent tomber dans l'erreur un grand nombre des Arméniens qui y habitaient. *Au bout de quelque temps*, la racine de la semence du mal crut, donna de nombreux fruits mortels, sur toute l'étendue [du pays] jusqu'à Phanaroia. Car une certaine femme de Samosate, appelée Kallinikè, qui avait deux fils, Paul et Jean, ayant éduqué ceux-ci et leur ayant enseigné l'hérésie la plus infâme, les envoya de Samosate pour prêcher l'erreur »¹¹.

Ainsi, avons-nous le droit de considérer une date imprécise comme *au bout de quelque temps* (μετὰ δὲ χρόνου τινός) (après l'exécution de Mani en 276-277, plus de trois siècles en arrière, et d'appeler fondateur du paulicianisme un homme qui vivait, hypothétiquement, 300 ou 400 ans avant la naissance du mouvement paulicien ? Nous ne pensons pas que K. N. Yuzbashian date l'apparition de la secte des pauliciens de la fin du IIIe ou même du début du IVe siècle.

Il y a plus de dix ans, nous écrivions : « La légende de Kallinikè et de ses fils n'a rien de commun avec les pauliciens. Cette légende, selon toute vraisemblance, a été créée plus tard par le clergé orthodoxe. Dans la personne de Paul de Samosate, fils de la manichéenne Kallinikè, il n'est pas difficile de voir le fameux hérésiarque d'Antioche du IIIe siècle Paul de Samosate. Il n'y a pas de doute pour nous que

¹⁰ Id., *ibid.*

¹¹ Voir H. M. BARTIKIAN, *Les sources...*, p. 133.

ce qui a contribué à la création de cette légende, c'est premièrement l'appellation des hérétiques liée au nom de Paul, et deuxièmement la circonstance que, réellement, le premier hérésiarque des pauliciens, Constantin-Sylvain, apparut dans la ville de Samosate [c'est-à-dire Arsamosate], qui fut le berceau de l'hérésie paulicienne. A la création de la figure de la *manichéenne* Kallinikè, mère du *fondateur* de la secte des pauliciens, Paul, a contribué l'effort de l'Église officielle pour faire apparaître le paulicianisme comme une renaissance ou une « seconde croissance de l'hérésie manichéenne »¹².

Cette hypothèse, nous la considérons maintenant comme fondée.

K. N. Yuzbashian, sous ce rapport, se déclare aussi convaincu que ce seraient « leur adversaires qui ont appelé ces sectaires « pauliciens », que ce nom n'était pas celui qu'ils se donnaient eux-mêmes »¹³, que « les hérétiques... ont résolument repoussé le nom de « pauliciens », attribué à eux par leurs adversaires »¹⁴, que « l'appellation qui nous intéresse leur a été donnée par leurs adversaires, que eux-mêmes ont catégoriquement repoussé ce nom »¹⁵.

K. N. Yuzbashian voit « un refus catégorique » dans le fait que les hérétiques se considéraient comme les véritables chrétiens (καλοῦσι δὲ ἑαυτοὺς χριστιανούς), que par suite leur appellation propre était « Chrétiens »¹⁶.

Sans aucun doute, K. N. Yuzbashian a raison quand il écrit : « Il est bien naturel de supposer que, dans l'appellation qu'ils se sont donnée eux-mêmes (c'est-à-dire Chrétiens) s'exprimait la conviction que

¹² Id., *ibid.*, p. 103, n. 1.

¹³ K. N. YUZBASHIAN, *op. cit.*

¹⁴ Id., *ibid.*

¹⁵ Id., *ibid.* Cf. la remarque suivante.

¹⁶ Id., *ibid.*, K. N. Yuzbashian répète l'opinion de I. Anastasiou qui en 1959, écrivait : « Οἱ ἴδιοι ἀνόμαζον ἑαυτοὺς « χριστιανούς » ἐν ἀντιθεσει πρὸς τοὺς ὀρθοδόξους, τοὺς ὁποίους ἀνόμαζον Ρωμαίους ». Οἱ παυλικιανοὶ λοιπὸν ἔχον ὄνομα οἱ ἴδιοι καὶ δὲν εἶχον ἀνάγκην νὰ εὔρουν νέον. Τὸ νέον ὄνομα ἀπεδόθη εἰς αὐτοὺς ὑπ' ἄλλων. [Les hérétiques] s'appelaient eux-mêmes Chrétiens, et les Orthodoxes, au contraire, ils les appelaient Romains. Par conséquent, les Pauliciens ont eu leur propre nom, ils n'avaient aucune nécessité de chercher un nouveau nom. Le nouveau nom (c'est-à-dire Pauliciens) leur a été donné par d'autres : *op. cit.*, p. 216. Concrétisant sa pensée, I. Anastasiou estime qu'on s'est mis à les appeler « Pauliciens » quelque temps après la naissance du mouvement, à l'époque de Paul, père de l'hérésiarque Gegnesius-Timothés, et leur nom est en rapport avec le nom de ce Paul. Mais les hérétiques ont continué à s'appeler « Chrétiens ». Id., *ibid.*, p. 218.

c'était précisément eux, déclarés hérétiques, qui étaient les porteurs et les conservateurs du véritable christianisme, alors que leurs adversaires, les Romains, avaient trahi ses principes »¹⁷.

Ainsi, les conclusions de K. N. Yuzbashian se réduisent à ce qui suit :

1. « Pauliciens » n'est pas le nom que se donnent eux-mêmes les hérétiques, mais le nom qui leur a été attribué par leurs adversaires.

2. Le nom « Pauliciens » n'a aucun rapport avec le noms de l'apôtre Paul ou des « Paul » énumérés. Il provient du nom de Paul, fils de Kallinikè.

Malheureusement, les conclusions de K. N. Yuzbashian sont en contradiction avec les données d'une source primaire, de l'authenticité de laquelle nous n'avons pas le droit de douter. K. N. Yuzbashian commence son article par les mots suivants : « Dans la littérature scientifique consacrée au paulicianisme, l'origine du nom des hérétiques est expliquée de façons très diverses, alors que, dans les sources primaires est contenue une réponse tout à fait précise à cette question »¹⁸. Mais le fait est que K. N. Yuzbashian a cité toutes les données des sources primaires, à l'exception de la plus importante et la plus incontestable, qui donne aussi cette réponse précise. Il s'agit des *Λόγοι* du patriarche Photius contre les Pauliciens¹⁹. Si sa *Narratio de Manichaeis recens repullulantibus* est une simple redite de l'*Histoire des Pauliciens* de Pierre de Sicile, les *Λόγοι* de Photius sont une œuvre originale et très précieuse, particulièrement pour l'étude de l'idéologie des hérétiques. C'est précisément là que le savant patriarche montre sa profonde connaissance des questions de la doctrine paulicienne, qu'il donne une réponse à la question que se sont posée depuis longtemps les chercheurs et qui était devenue pour eux une question litigieuse, sur l'origine du nom des pauliciens. Dans ces *Λόγοι*, le Patriarche dit, entre autres choses : « πῶς οὐκ αἰσχύνονται τῆς ἀποστασίας τὸ σύνταγμα, καίτοι ψευδῶς μὲν, διδάσκαλον δὲ ὅμως τὸν ταῦτα κηρύσσοντα (Παῦλον) ὑποκρινόμενοι καλεῖν »²⁰. Comment cette troupe de

¹⁷ K. N. YUZBASHIAN, *op. cit.*

¹⁸ ID., *ibid.*

¹⁹ A ce propos, on doit dire que cette source a échappé aussi à d'autres chercheurs qui ont touché au problème de l'origine du nom « Pauliciens ».

²⁰ Photii Patriarchae Constantinopomitani Sermo III contra Manichaeos. MIGNÉ, PG, t. 102, col. 144.

rénégats (les Pauliciens) ne rougissent-ils pas, quand ils feignent d'une manière trompeuse d'appeler cependant maître celui qui prêche cela ? (Paul)). Plus loin, de façon plus claire et plus nette : Παῦλον δὲ μαρτυροῦντα, οὗ ψευδεπώνυμοι παραγράφονται.²¹ (témoigne de cela, l'apôtre Paul, du nom duquel ils se considèrent de façon trompeuse comme les porteurs).

ρονται.²¹ (témoigne de cela, l'apôtre Paul, du nom duquel ils se considèrent de façon trompeuse comme les porteurs).

Si un des adversaires les plus déclarés des pauliciens, contemporain de leur mouvement, le patriarche Photius écrit que les Pauliciens considèrent l'apôtre Paul comme leur maître (que cela soit sans fondement, comme il semble à Photius!), et se considèrent comme les porteurs de son nom — ψευδεπώνυμοι. ce que d'autres écrivains aux dispositions d'esprit orthodoxes, dans leur effort et leur empressement pour cacher aux fidèles le lien d'idées qui existe entre les pauliciens et l'apôtre Paul, évitent de mettre en lumière), ces paroles de Photius ont toutes raisons d'être justes²².

Résumons-nous :

1. Pauliciens est le nom que se donnaient eux-mêmes les hérétiques.
2. Il vient du nom de l'apôtre Paul, patron des Pauliciens.

Érévan.

Hratch BARTIKIAN.

Traduit par M. Canard de l'article en russe publié dans *Traber des Sciences sociales de l'Académie des sciences de la RSS. d'Arménie*, 1973, n° 2, p. 85-90.

²¹ *Idem*, Sermo II contra Manichaeos. MIGNÉ, PG, t. 102, col. 119.

²² Le fait que, dans la première partie de la *Narratio*, le nom « Pauliciens » est déduit du nom des fils de Kallinikè, Paul et Jean (Pauloyannistes) ne change rien au fond de l'affaire, puisque cette partie de la *Narratio* n'est pas l'œuvre du patriarche Photius, mais une redite de l'*Histoire des Pauliciens* de Pierre de Sicile, faite par Photius.

IV. DISCUSSIONS

1. *Philologie*LA MENTION IMAGINAIRE DE LA "REINE DE KARTLI"
DANS L'INSCRIPTION ARMÉNIENNE DU SIONI D'AT'ENI

Zaza Aleksize a récemment publié une inscriptions arménienne incomplète du Sioni d'At'eni, que Paruyr Muradyan a réétudiée. Les deux éditeurs y trouvent mention d'une "reine des Géorgiens". Les *Annales de Géorgie* permettent de rectifier cette lecture et de traduire: "Bagrat, roi des Apxazs, reprit Tigvi aux Géorgiens et, l'année suivante, prit Upliscixe". Il n'est donc pas question ici de la reine Guranduxt', mère de Bagrat' III.

Il y a relativement peu de temps, le médiéviste géorgien Zaza Aleksize a découvert sur la saillie centrale de la façade occidentale du Sioni d'At'eni un fragment d'inscription arménienne, qui se distingue de la plupart des autres inscriptions lapidaires arméniennes de Géorgie en ce que, dans une certaine mesure, elle éclaire les événements historiques survenus en Géorgie à la fin du Xe siècle. La partie conservée de l'inscription a été déchiffrée et traduite en géorgien par Zaza Aleksize. Dans son déchiffrement, elle apparaît ainsi:

"Չայս ես Գերգիուծ
ԵրՀասանա որդի: Որ
զայս կարդայ Ա[ստուծո] նկար-
իչս [յիշեցէք]: Որ Բարգրատ Ափխազա-
ց թագաւորն տիկինի վրա-
ց ետ-արավ եւ գայ... լտ Ոփ-
լիսցիէ կալաւ սի(?)":

Zaza Aleksize a donné de l'inscription la traduction suivante: "Ceci, moi, Gergium, fils d'Erhasan. Qui lit ceci [qu'il se souviene] du sculpteur divin. Quand le roi des Apxazs Bagrat se brouilla avec la reine de Kartli... prit Upliscixe..."¹. L'éditeur, se fondant sur le nom du roi des Apxazs Bagrat' mentionné dans l'inscription, la date des années de son règne: 978-1014, plus précisément de l'année où il prit la ville d'Upliscixe (probablement entre 980 et 988), bien que la mention du fait de la prise de la ville par Bagrat' soit somme

¹ Je cite d'après MURADYAN 1979, pp. 214-215, 223.

toute le *terminus ante quem* de l'inscription, sa limite inférieure, et non la date de sa rédaction.

Après la publication du travail de Zaza Aleksizze, l'inscription arménienne a été l'objet d'une étude spéciale du kartvéologue Paruyr Muradyan, lequel apporta certains correctifs tant dans le déchiffrement que dans la traduction de l'inscription. Une partie des corrections de Paruyr Muradyan, comme de ses interprétations, est convaincante. Je cite le texte corrigé par lui:

“Չայս ես՝ Գերջիում
ԵրՀասանա որդի: Որ
զայս կարգայ այն տար-
ին, որ Բարդրատ Ափխազա-
ց թագաւորն տիկինի վրա-
ց ետ արավ եվ զալ [ա]ծ Ոփ-
փիսցիսէ կալաւ, որ...”:

Paruyr Muradyan revint une seconde fois à la susdite inscription, dans le quatrième volume d'*Armeno-Georgica*, qui présente le corpus des inscriptions lapidaires arméniennes des deux provinces les plus importantes dans l'histoire de la Géorgie: Kartli et K'axeti. Là, Paruyr Muradyan reproduit le déchiffrement et l'interprétation de l'inscription qu'il avait donnés dans l'article susmentionné². Considérant son déchiffrement comme le “**texte authentique**” de l'inscription, Paruyr Muradyan le traduit ainsi:

“J'[ai écrit] ceci, Gerjium, fils d'Erhasan. Qui lit ceci, l'an où le roi des Apxazs obligea la reine des Géorgiens à se détacher [de l'entente], et l'an d'après, il prit Upliscixe, afin de...”.

Nous n'avons pas l'intention de nous occuper de l'inscription dans le but de traiter en détail de la personne de Gerjium, car dans l'article et le livre de Paruyr Muradyan il en est traité tout de même assez à fond et de manière convaincante. Remarquons seulement que le point après *որդի* n'est probablement pas nécessaire; il doit plutôt se trouver après le mot *կարգայ*; quant au mot *այն*, il est indispensable de l'écrire avec une majuscule, puisqu'une nouvelle proposition, non liée à la précédente: “Չայս ես՝ Գերջիում ԵրՀասանա որդի, որ զայս կարգայ”, commence. La première proposition a le sens de: que celui qui lit cette inscription sache qu'elle a été faite par Gerjium, fils d'Erhasan. Puis suit une proposition complète, sur laquelle nous avons l'intention de nous attarder tout au long.

Nous en sommes venu à la conclusion que cette partie de l'inscription, selon la lecture de Paruyr Muradyan, est loin d'être le “**texte authentique**”. Ici, les deux éditeurs ont commis des fautes dans le déchiffrement et l'interprétation des mots “*տիկինի վրաց ետ արավ*”. Zaza Aleksizze, on l'a dit, les a traduits:

² MURADYAN 1985, p. 107.

“(le roi des Apxazs Bagrat (III)) se brouilla avec la reine de Kartli”, sans préciser qui elle était. Paruyr Muradyan a justement montré que les mots *ետ արավ* — indépendamment du fait qu'on les interprète comme “*ետ արավ*” ou comme “*ետ առավ*” — ne pouvaient signifier “se brouilla”. Toutefois, le fait est que Paruyr Muradyan a, malheureusement, suivi Zaza Aleksizze et, comme lui, découvert dans l'inscription “la reine des Géorgiens” (Zaza Aleksizze: “la reine de *Kartli*”, ce qui est plus juste). Ayant justement montré l'interprétation erronée des mots *ետ արավ* (“se brouilla”) par le savant géorgien, Paruyr Muradyan a commis une faute non moins grave, les traduisant ainsi: “obligea la reine des Géorgiens à se détacher [de l'entente]”. Il est visible, même à l'œil nu, que cette traduction n'est pas exacte. Cependant Paruyr Muradyan n'en reste pas là et décide de définir qui est la “reine des Géorgiens” et ce à quoi faisait allusion Gerjium, fils d'Erhasan. Il parvient à la conclusion que l'auteur de l'inscription faisait allusion à Guranduxt³, mère du roi des Apxazs Bagrat III.

Dans l'inscription de Gerjium, le “mot” *տիկինի* est traduit par Zaza Aleksizze et par Paruyr Muradyan par “la reine”. En arménien, *տիկին* signifie réellement “maîtresse”, et la reine était également appelée ainsi. Toutefois, dans notre inscription, il n'y a pas *տիկին*, mais *տիկինի*. S'il avait été question de la reine, il y aurait eu ici non *տիկինի*, mais *զտիկինն* ou *տիկինն*, mais en aucune façon *տիկինի*. Paruyr Muradyan explique cette “faute” ainsi qu'il suit: “Au lieu de l'accusatif attendu du mot *տիկին* sous la forme *զտիկինի*, il (Gerjium) utilise une forme dialectale du génitif *տիկինի* (en arménien littéraire ancien *տիկինոյ*)”. Son explication n'est pas convaincante, car aucun scribe n'a utilisé semblable forme, littéraire ou dialectale; il était tenu d'employer en tout et pour tout l'accusatif. Bien plus, il ne pouvait omettre la détermination à la fin du mot *տիկին*, i.e. il aurait dû écrire *տիկինն*, ou bien, si l'on se range à l'hypothèse de Paruyr Muradyan selon laquelle Gerjium a utilisé une forme dialectale, *տիկինին*, mais en aucun cas il ne pouvait employer ce mot au génitif-*տիկինի*.

L'inscription de Gerjium est un exemple frappant de la façon dont nous attribuons nos propres fautes à des gens parfaitement compétents dans leur langue — personnes qui en définitive sont tenues pour peu compétentes ou écrivant en dialecte³. Malheureusement, nous imputons à Gerjium une proposition qui, tant du point de vue littéraire que dialectal, est absurde. Elle ne correspond pas à la norme de la langue arménienne.

³ Paruyr Muradyan est sûr de ce que “*տիկինի վրաց*” et “*ետ արավ*” sont “des innovations grammaticales et lexico-phraséologiques (!)” qui “donnent à cette inscription une importance particulière (!)” et montrent que “Gerjium écrivait comme il parlait” i.e. en dialecte (MURADYAN 1979, p. 222). Cette conception est généralisée dans la préface du livre de Paruyr Muradyan, où il écrit sur la “fixation” par lui, Muradyan, “dans les monuments épigraphiques de la langue vivante parlée” (MURADYAN 1985, p. 11).

Un chercheur inexpérimenté corrigerait le mot *արազ* de l'inscription en *անազ*, y voyant une faute d'orthographe commise sous l'influence de la langue géorgienne⁴, dans laquelle il n'y a pas de *r* dur. Mais la "reine" a induit Zaza Aleksizé et Paruyr Muradyan en erreur; la troisième personne de l'aoriste du verbe *աննել* (*անազ*: prit, conquit et *ետ անազ*: reprit, reconquit) ne peut nullement s'accorder avec elle. Paruyr Muradyan est assuré de ce que dans l'inscription le mot *արազ* est employé au sens de *աննել* (qui signifie: former, faire). Mais la forme de la troisième personne de l'aoriste du verbe *աննել* est *արար*, non *արազ*. Le savant y voit une forme non littéraire, mais dialectale, de transcription de l'aoriste de ce verbe (pour plus d'évidence, c'est traduit en arménien moderne: "տիկինի վրաց ետ արեց"):

Ainsi, ayant déterminé que la "reine" imaginaire était Guranduxt', mère du roi Bagrat' III, Paruyr Muradyan écrit: "Dans l'inscription de Gerjium, il est parlé de la prise d'Upliscixé à Guranduxt'". Même à partir de la traduction de Paruyr Muradyan, il n'est pas évident que Bagrat' ait pris la ville en question à Guranduxt'. C'est que Paruyr Muradyan a introduit les données des *Annales de Kartli* ... dans l'inscription de Gerjium. Il est dit dans les *Annales de Kartli*: "[Bagrat'] enleva la citadelle [d'Upliscixé] à sa mère". Mais les *Annales de Kartli* et l'inscription arménienne de Gerjium ne constituent pas une source identique. Développant son idée, Paruyr Muradyan écrit plus loin: "Grâce à cette inscription, non seulement ce que font savoir les *Annales de Kartli* est confirmé, mais encore quelques détails du combat qui a eu lieu deviennent connus. Ainsi, la formule *տիկինի վրաց ետ արազ* ("oblige la reine des Géorgiens à se détacher") indique clairement que Bagrat' et sa mère se sont trouvés dans des camps différents, opposés; la mère soutenait les aznaurs de Kartli, opposants à la politique de Bagrat' de constitution d'un royaume géorgien unifié. D'après les *Annales de Kartli* — poursuit-il —, le roi des Apxazs demeura à Upliscixé "quelques jours", dans l'inscription aussi il est indiqué que Bagrat' vint d'abord à bout des aznaurs et de sa mère (!), contrairement à sa politique, puis "l'année d'après, prit Upliscixé", i.e. les affaires de Kartli l'occupèrent non quelques jours, mais une année entière⁵. Ceci, évidemment, — Paruyr Muradyan conclut son idée — parle de "l'organisation et du grand nombre de participants à la résistance"⁶.

Rien de tel! Dans l'inscription de Gerjium, il n'est nullement parlé de ce que Bagrat' combattit les aznaurs et sa mère; l'inscription ne donne pas davantage

⁴ MURADYAN 1985, p. 11. Nous rencontrons cette influence dans les inscriptions de Géorgie même... en 1904 (it., p. 48, où au lieu de *կառուցի, կառուցալ* il est écrit *կարուցի, կարուցալ*).

⁵ Il est dit en réalité dans les *Annales de Kartli* que Bagrat' III demeura "quelques jours" à Upliscixé, mais nullement que les affaires de Kartli l'occupèrent "quelques jours", comme le croit Paruyr Muradyan.

⁶ MURADYAN 1985, pp. 107-108.

de motif de parler de "l'organisation et du grand nombre de participants à la résistance". La "reine" attira une faute après l'autre. En fait, dans l'inscription, il n'est nullement question d'une "reine" quelconque. Mais pour bien comprendre le contenu de l'inscription, il nous faut recourir aux mêmes *Annales de Kartli*. Il y est dit: Bagrat' "vint en Kartli, afin de rétablir les affaires délabrées de Kartli. Il entra dans Tigvi. Mais, à ce moment-là, quelques aznaurs de Kartli ne souhaitaient pas sa venue, car ils gouvernaient à part les affaires de Kartli, quoiqu'ils demeurassent soumis à Guranduxt'... Bagrat' entra à Upliscixé, il enleva la citadelle [d'Upliscixé] à sa mère, resta [là quelques] jours, remit un peu en ordre les affaires de Kartli, prit sa mère et partit en Apxazie"⁷.

Ainsi, si l'on omet les détails, apparaissent au premier plan deux événements importants liés à l'expédition en Kartli de Bagrat' III: l'entrée du roi des Apxazs à Tigvi et Upliscixé, et, en outre, que l'entrée du roi à Tigvi fut antérieure à la prise d'Upliscixé. Dans l'inscription arménienne de Gerjium, fils d'Erhasan, il est parlé clairement de la prise d'Upliscixé ("*Բարգրատ Ափխազաց թագաւորն... Ոփխցիսէ կալաւ*") et, à cet égard, la lecture des deux érudits Zaza Aleksizé et Paruyr Muradyan est convaincante. Néanmoins, le fait est que dans l'inscription arménienne aussi, dans le même ordre que dans les *Annales de Kartli*, il est parlé de la prise de Tigvi et d'Upliscixé; seul le déchiffrement erroné du toponyme a été la cause de l'apparition mythique de la reine Guranduxt', de ses relations avec son fils Bagrat' et même du camp dans lequel était Guranduxt', etc.

Nous déchiffrons ainsi "*տիկինի վրաց*": *Տիկ[վ]ին ի վրաց*", i.e.: "Tikvi aux Géorgiens". L'incontestabilité de notre lecture est confirmée par les mots: "*ետ արազ*", au sens de: "*ետ անազ*" (reprit, reconquit), comme on l'a déjà dit. Il n'est pas inutile de dire ici que l'interprétation des mots: "*ետ արազ*" par Paruyr Muradyan éveille la perplexité. Selon lui, "*ետ արազ*" est employé au sens de "*ետ աննել*", qu'il comprend comme "violier un engagement, ne pas tenir une promesse"⁸, et il cite comme exemple vraiment trop de tournures populaires et contemporaines, du genre: "*Հարսնացուին կամ Հարսին ետ են անում՝ Հակոտակ պայմանավորվածութեան, առուծախի պայմանադրութեանից ետ են լինում*" (i.e. "bru on fiancée, contrairement au contrat, ետ են անում (ils renvoyaient (chez elle), ou ետ են լինում (ils désavouaient) le contrat commercial")⁹. Même si on acquiesce à

⁷ Traduction russe de CULAIA (p. 58). La traduction de LORDKIPANITSE diffère un peu (p. 39).

⁸ "*ետ աննել*" signifie en réalité "restituer, laisser derrière": cf. SUK'IASYAN/GALSTYAN, p. 203.

⁹ Zaza Aleksizé a bien lu ici le mot "*արազ*" au sens d'"*անազ*", mais l'a mal interprété ("se brouilla"). Paruyr Muradyan estime que même si ce mot est employé au sens de "*արազ-աննել*", il ne faudrait pas le comprendre ainsi, car "il devrait avoir été utilisé au sens figuré (!) et signifierait "penser, considérer, examiner, peser, développer (!)" (MURADYAN 1979, p. 217).

une telle explication, d'où vient alors "obligea à se détacher [de l'entente]"? Quoi de commun entre: "violer un engagement", "ne pas tenir une promesse", et: "obligea à se détacher"?

Ainsi, il faut comprendre les mots: "ես արավ" comme: "ես առավ", ce qui trouve sa suite logique dans le verbe: "կալա" (prit, conquit) que les suit et qui se rapporte à Upliscixie¹⁰.

Nous déchiffrons ainsi le passage de l'inscription arménienne du Sioni d'At'eni qui nous intéresse:

"... Այն տար-
ին, որ Բարդրատ Ափխազա-
ց թագաւորն Տիկ[վ]ին¹¹ ի վրա-
ց էտ արավ եւ գալ [ա]ծ Ոփ-
լիսցիսէ կալաւ...":

Traduction:

"L'année où le roi des Apxazs Bagrat reconquit ("reprit") des Géorgiens Tig[v]i, l'année suivante il prit Upliscixie...".

Ici, l'opposition des "Apxazs" et des "Géorgiens" — "le roi des Apxazs" reprit "des Géorgiens" — est tout à fait logique. Dans la lecture de Paruyr Muradyan, l'opposition est contre nature. Si Bagrat' est roi "des Apxazs", comment sa mère pouvait-elle être reine "des Géorgiens"?

Les chercheurs peuvent objecter que, dans les *Annales de Kartli*, le toponyme est cité comme "Tigvi", mais que dans l'inscription de Gerjium le "v" manque: "Tiki". Mais cela est apparemment régulier. Un autre toponyme géorgien, Tmogvi, figure dans les mêmes *Annales de Kartli* comme "Tmogi", sans "v"¹². Il en va également ainsi dans l'ancienne traduction arménienne des *Annales de Kartli*: "թճաւք"¹³. En ce qui concerne la première lettre du toponyme Tigvi (dans les *Annales de Kartli*: t, dans l'inscription de Gerjium: t), cela aussi est régulier. Le toponyme de Tbilisi se rencontre dans les sources médiévales géorgiennes sous les deux formes (dans les sources arméniennes, avec t)¹⁴.

¹⁰ "Առավ" et "կալա" sont des synonymes que Gerjium a utilisés pour éviter de répéter le même verbe. C'est suffisant pour considérer Gerjium comme un homme parfaitement instruit, maniant bien la langue littéraire.

¹¹ Le *v* final est ici le déterminant. Dans le toponyme Upliscixie, il a été omis, et il aurait été logique de s'attendre à ce qu'il n'ait pas dû être employé non plus dans le toponyme Tik[v]i. Mais il s'y trouve bien, parce que le toponyme est suivi de la préposition *i*: Tik[v]i *i*. Cela aussi témoigne de la connaissance des lettres qu'avait Gerjium.

¹² Cf. ABULAՅԷ, p. 216.

¹³ *Ibid.* Les Grecs également ont omis ce *v*. Le toponyme géorgien Elavsi figure dans les sources grecques comme Ελας. L'inverse se rencontre aussi. Le nom Simon est en géorgien Svimon, Kurike-K'virik'e, Kirion-K'virion.

¹⁴ MURADYAN 1971. L'inverse aussi se rencontre. Le *t* arménien devient *t* en géorgien. Cf. Տրդատ-Թրդատ.

Ainsi, il ressort de ce qui a été exposé ci-dessus qu'avant de prendre Upliscixie, Bagrat' III a repris aux Géorgiens Tigvi; cette ville se trouvait donc auparavant dans les limites du territoire de Bagrat' III et n'avait été prise que depuis peu par les Géorgiens, c'est pourquoi Bagrat' III fut obligé de la leur reprendre.

On le voit, les données de l'inscription arménienne de Gerjium s'accordent tout à fait avec celles des *Annales de Kartli* au sujet de la reconquête par Bagrat' des villes de Tigvi et Upliscixie. Et rien de plus!

Traduit du russe par Bernard OUTTIER

HRAČ' BART'IKYAN

(*Lraber hasarakakan gitut'yunneri* 2, 1986, pp. 75-80)

BIBLIOGRAPHIE

- [ABULAՅԷ]: ABULADZE, Iliia, *Drevnearmjanskij perevod gruzinskix istoričeskix xronik (kartlis cxrovreba)* (Traduction arménienne ancienne de chroniques historiques géorgiennes (*kartlis cxrovreba*), original géorgien, traduction arménienne ancienne, étude et lexique, Tbilisi, 1953.
- CULAIA: *Letopis' Kartli* (Annales de Kartli), traduction, introduction et notes de G. CULAIA, Tbilisi, 1982.
- LORTKIPANIՅԷ: *mat'iane kartlisa* (Annales de Kartli), traduction, introduction et notes de mariam LORTKIPANIՅԷ, tbilisi, 1976.
- MURADYAN 1971: MURADYAN, Paruyr, *Vrac' zamanakagrut'yun (1207-1318)* (Chronique géorgienne (1207-1318)), traduction du géorgien ancien, introduction et notes, Erevan, 1971.
- 1979: —, Novovyjavlennaja armjansakaja nadpis' Atenskogo Siona (L'inscription arménienne du Sioni d'At'eni nouvellement découverte), *Patma-banasirakan handes* 3, 1979.
- 1985: —, *Armjanskaja èpigrafička Gruzii. Kartli i Kaxeti* (Inscriptions arméniennes de Géorgie. Kartli et K'axeti), Erevan, Ed. de l'Académie des sciences, Institut d'Orientalisme, 1985.
- SUK'IASYAN/GALSTYAN: SUK'IASYAN, A./GALSTYAN, S., *Hayoc' lezvi darjvack'abanakan bararan* (Dictionnaire phraséologique de la langue arménienne), Erevan, 1975.

LES RELATIONS DES ÉGLISES DE L'ARMÉNIE CILICIENNE ET DE L'EMPIRE BYZANTIN ET LEURS IMPLICATIONS POLITIQUES

Les relations ecclésiastiques arméno-byzantines remontent à une époque très ancienne, alors que la notion d'Arménie-Cilicie n'existait pas encore. Le fait est que les Arméniens, qui prennent une part active aux trois premiers conciles œcuméniques (ceux de Nicée en 325, de Constantinople en 381 et d'Ephèse en 431), sont empêchés de participer au quatrième, celui de Chalcédoine, par la situation politique compliquée qui règne dans leur pays. Peu de temps après, les canons adoptés au Concile de Chalcédoine deviennent la cause du schisme de l'Église Universelle. Les Églises orientales : la syrienne, l'arménienne, la géorgienne soumise jusqu'au VIIe siècle à l'Église arménienne, ainsi que la population grecque du Proche-Orient et de l'Égypte se refusent à adopter les décisions de Chalcédoine et se séparent de l'Église grecque. A première vue, la raison de schisme est religieuse et dogmatique. Selon les canons adoptés au Concile d'Ephèse, le Christ représente une union des natures divine et humaine. La devise adoptée est l'énonciation de Cyrille d'Alexandrie : *"une nature du Verbe Incarné"*, à l'encontre du dogme critiqué de Nestorius, selon lequel les natures divine et humaine du Christ existent séparément l'une de l'autre et Dieu ne s'est pas uni à l'homme, mais a élu domicile en lui, d'où le Christ est appelé Théophore et Marie Christotokos. Trouvant les décisions du Concile de Chalcédoine en contradiction avec les canons du Concile d'Ephèse et les considérant comme une restauration des dogmes de Nestorius, les Arméniens refusent une fois pour toutes de les adopter. Tous les efforts de Byzance visant à restaurer l'unité de l'Église sont voués à l'échec. Aussi bien l'Hénotique de l'empereur Zénon (474-475, 476-491) que la doctrine uniate de l'empereur Héraclius (610-641) sont rejetés et par les monophysites et par les dyophysites.

Bien que le Concile de Chalcédoine se soit tenu en 451, ses décisions ne constituent pas un problème pour les Arméniens jusqu'au moment où le catholicos Babkène Ier monte sur le siège patriarcal, car ils n'ont pas l'occasion de s'en occuper. Ce n'est qu'au Concile de Dvine de 506 que les Nestoriens sont critiqués, bien que le nom de Chalcédoine ne soit pas mentionné. Les Arméniens se comportent de même au Concile réuni en 508. Toutefois, le dyophysisme est pleinement et définitivement rejeté en 554, au IIe Concile de Dvine, sous la direction du catholicos Nersès II (548-557).

Ce schisme confessionnel n'est pas sans inquiéter Byzance. Le fait est que le différend n'est dogmatique qu'à première vue, son essence réelle est

politique. C'est ce qui explique les tentatives réitérées visant à l'union des Églises monophysite et chalcédonienne tout au long de l'existence de Byzance. La question occupe l'empereur Maurice au VIe siècle, l'empereur Héraclius au VIIe, le patriarche Photius au IXe et le patriarche Nicolas le Mystique au Xe siècle. De longues et vaines discussions ont lieu au XIe siècle avec la participation d'ecclésiastiques du plus haut niveau, aussi bien que d'hommes politiques éminents. Le roi Gagouk II Bagratouni, tout détrôné qu'il est, ne cesse de lutter avec passion contre les dogmes du Concile de Chalcédoine à la cathédrale de Ste-Sophie de Constantinople et de défendre les thèses de l'Église Arménienne. La vaste Apologie de Gagouk II est conservée dans le Chronique de Matthieu d'Edesse.

L'initiative de l'union des deux Églises vient tantôt des Arméniens, tantôt de Byzance. Les premiers y aspirent lorsqu'ils se trouvent dans une situation politique difficile et ont besoin de l'aide de Byzance. Les Byzantins vont souvent au-devant de ces propositions sans même attendre de les recevoir des Arméniens, dans le but d'en tirer des bénéfices politiques, de soumettre l'Église arménienne et ensuite l'État arménien.

Sous la domination arabe, lorsque la souveraineté arménienne cesse d'exister, les démarches de ce genre cessent elles aussi, mais après la restauration de la principauté, puis de la royauté bagratide, alors que la menace de l'Islam n'est pas encore définitivement liquidée et que le soutien de Byzance est nécessaire, l'Empire est prêt à l'apporter, mais en échange de l'union des Églises. A la veille de la chute du Royaume bagratide, lorsque ce dernier est menacé par l'Empire, le catholicos arménien Pierre Ier (1019-1058), naturellement de concert avec les princes au pouvoir, est contraint de se rendre à Constantinople où il signe - selon nous, pour la forme - le document concluant l'union, afin de prévenir l'avance des troupes byzantines vers Ani, ce qui ne sauve malheureusement pas le Royaume bagratide. Dès lors, les tentatives d'union entre les Églises byzantine et arménienne s'interrompent.

A la fin du XIe siècle, les Arméniens, fuyant les persécutions des Turcs Seldjoukides, créent en Cilicie une nouvelle principauté qui, un siècle plus tard, se proclame royauté et est reconnue aussi bien par Byzance que par les États occidentaux. La situation géopolitique de la Cilicie est suffisamment compliquée : Empire Byzantin, Sultanat d'Iconium, émirats, sultanats et atabégats arabes, Mongols, Turcomans, puis Ottomans et Mamelouks : voici dans ses traits les plus généraux l'entourage essentiellement hostile de l'Arménie Cilicienne contrainte à louvoyer parmi ses voisins.

Le premier catholicos cilicien qui aspire à établir d'étroites relations avec l'Église byzantine est Grégoire II le Martyrophile (1066-1105). Ses activités dans ce domaine sont développées par Nersès le Gracieux (1166-1173) avant même qu'il ne monte sur le trône patriarcal. En 1165, encore évêque, il se rend à Mopsueste chez le protostrator Alexis pour mener de

longues négociations dogmatiques et lui présenter la "Charte" de la confession arménienne, qui sert ensuite de référence à l'empereur Manuel Comnène pour écrire en 1167 au catholicos au sujet de l'union des Églises et inviter Nersès à Constantinople. Ce dernier ne se rend pas à l'invitation et refuse poliment l'union.

Il est à noter que les lettres des empereurs byzantins et des patriarches de Constantinople adressées aux catholicos et aux rois arméniens (celles de Nicolas le Mystique à Hovhannès de Draskhanakert (898-929) et à Smbat Ier Bagratide (890-913), de Manuel Comnène et du patriarche Michel à Grégoire le Martyrophile, à Nersès le Gracieux et à Grégoire Tgha (1173-1193), d'Isaac II Ange (1185-1195, 1203-1204) au catholicos Grégoire Tgha, du patriarche Germain II (1222-1240) au catholicos Constantin Ier de Bardzrberd (1222-1267), du patriarche Manuel II (1244-1254) au roi Héthoum Ier (1226-1270) et au même catholicos Constantin Ier, du patriarche Isaïe (1323-1332) au catholicos Constantin IV (1323-1326) et au roi Léon IV (1320-1341) y parlent de lettres reçues par eux de la part des catholicos et des rois arméniens au sujet de l'union des Églises ; toutefois, aucun original arménien, aucune copie de ces lettres n'a été conservé. On connaît cependant les lettres de Nersès le Gracieux et de Grégoire IV où, bien que l'union soit qualifiée de souhaitable, il n'est même pas question de se soumettre à l'Église grecque. Bien au contraire, Nersès écrit à l'empereur Manuel que *"si Dieu veut que nous nous rencontrions et menions des négociations, adressons-nous l'un à l'autre non pas comme un maître à son serviteur, ni comme des serviteurs à leurs maîtres"*. Ceci permet de conclure que les dirigeants arméniens, bien que soi-disant partisans de l'union, ne tiennent pas à ce que leurs démarches soient connues des différents milieux de la société arménienne de Cilicie, et ils ne conservent pas les textes de leurs lettres. Ce n'est pas par hasard que l'empereur Manuel et le catholicos Nersès s'écrivent, au sujet de l'union, des lettres "secrètes" (*μdotiký*) dont le contenu ne doit pas être connu des vastes milieux séculiers et ecclésiastiques de Cilicie. Il n'est pas fortuit non plus que, de retour à Constantinople, le magistre Théorianos, chef de la délégation envoyée par Manuel Comnène en Cilicie pour mener des négociations avec Nersès, note dans son rapport au synode et à l'empereur qu'il lui semble fort douteux que Nersès soit sincère dans son désir d'union, que personne ne le croit dans tout l'Empire et que le catholicos *"ne consentira jamais à l'union"*. Tout ceci montre que les raisons des démarches des Arméniens et des Byzantins ne sont nullement dogmatiques, mais plutôt politiques.

L'Empire Byzantin connaît une période difficile quand Constantinople tombe aux mains des Latins (1204). L'Empire de Nicée a besoin d'alliés et s'efforce d'en acquérir au-delà du Sultanat de Roum : la Royauté arménienne de Cilicie, devenue un État puissant sous Léon Ier (1199-1219),

peut devenir cet allié. Le mariage essentiellement politique arrangé en 1213 l'atteste : Philippine, fille de Roupen, frère de Léon Ier, épouse Théodore Ier Laskaris (1208-1222).

Jean III Vatatzes (1222-1254), successeur de Théodore Laskaris, continue à entretenir des relations amicales avec la Cilicie, dont les buts sont analogues : s'acquérir des alliés au-delà du même sultanat d'Iconium. En 1239, une délégation arménienne, menée par Jacques Vardapet, part pour Nicée. Germain II, patriarche de Constantinople, va au-devant de la proposition d'union des Arméniens et envisage même de se rendre personnellement en Cilicie, épisode sans précédent dans les relations arméno-byzantines. Ses délégués sont porteurs d'une lettre du métropolite Jean et du patriarche où ce dernier exprime sa joie de voir "un peuple noble, nombreux et dispersé dans le monde entier prendre la voie du salut et renoncer à son égarement", c'est-à-dire au monophysisme, pour adopter la confession dyophysite. Toutefois, les délégués du patriarche reviennent bredouilles de Cilicie, car Constantin Ier, catholicos des Arméniens, n'est pas là pour les accueillir : il s'est rendu préalablement à Hromkla (Roumkale). Il est hors de doute que cette absence du catholicos n'est pas fortuite, mais constitue un moyen de laisser en suspens l'affaire de l'union et de la faire échouer. Les négociations continuent durant les années où le siège patriarcal de Constantinople reste vacant (1240-1244), mais toujours sans résultat. Et c'est alors qu'on assiste en 1247-1248 à une nouvelle étape des négociations arméno-byzantines au sujet de l'union.

Qu'est-ce qui pousse Byzance à revenir à cette question quelques années plus tard ? Très probablement, un regain d'activité en Cilicie par l'Église de Rome. A cette même époque, les Arméniens s'efforcent d'obtenir le soutien de l'Occident. Innocent IV, pape de Rome, promet de consentir à une union des Églises arménienne et romaine à condition que les Arméniens se convertissent au catholicisme. En 1246, le pape de Rome envoie en Cilicie son légat porteur d'une lettre où il propose aux Arméniens de faire certaines concessions dogmatiques, ce que les Arméniens refusent, comme on le comprend. C'est justement cette activité du pape qui inquiète les Byzantins.

Les négociations de 1247-1248 entre la Cilicie et Byzance, de même que celles des deux périodes précédentes, ne sont pas mentionnées dans les sources arméniennes. Nous apprenons leur existence dans la lettre inédite adressée par le patriarche Manuel au roi cilicien Héthoum, au catholicos Constantin Ier et à "toute l'Église arménienne". Elle porte la date de 6756 de la Création du monde, 6e indiction, c'est-à-dire hiver 1247/48. La lettre est conservée en deux exemplaires manuscrits. Le fait qu'elle soit inédite nous contraint à nous y arrêter plus en détail. On remarque l'accent extrêmement flatteur de la lettre. Or, d'une manière générale, les lettres de la partie grecque, bien que toutes consacrées à la cause "agréable à Dieu"

de l'union des Églises, sont de tons très variés, correspondant avec précision à la situation politique qui règne à l'époque aussi bien à Byzance qu'en Arménie. Si ce ton est rude, orgueilleux et offensant, la situation politique est difficile en Arménie et le pays a besoin du soutien de l'Empire. Si ce ton est aimable et amical, alors c'est l'Empire qui se trouve dans une situation difficile, ou du moins il aspire à établir des relations amicales avec la Cilicie et de s'en faire une alliée. Le ton des lettres de Nicolas le Mystique, patriarche de Constantinople, à Hovhannès de Draskhanskert est extrêmement orgueilleux et offensant : "les amis ou les serviteurs reconnaissants, écrit-il, s'ils sont jugés dignes de bienfaits, s'efforcent de rendre la pareille à leurs bienfaiteurs. Cela montre qu'ils sont prêts à accomplir les désirs de leurs bienfaiteurs". Il faut rappeler ici les paroles de Nersès le Gracieux adressées à l'empereur Manuel : "Adressons-nous l'un à l'autre non pas comme un maître à son serviteur, ni comme des serviteurs à leurs maîtres". Dans une autre lettre adressée au roi Smbat Ier Bagratide, Nicolas le Mystique traite la confession arménienne de "la pire", "menant à la perdition", de "secte" et de "tromperie". Par contre, dans les lettres adressées par Manuel Comnène au catholicos Nersès, le ton est amical ; bien que chacun des parties loue et défende sa propre confession, on n'y trouve pas d'expressions sévères. Le ton de la lettre d'Isaac Ange au catholicos Grégoire IV est quelque peu différent. Tout en honorant ce dernier du titre de "catholicos très-saint des Arméniens", il le nomme son "cadet" ("le "cadet" est béni par l'aîné"). L'empereur considère l'Église grecque Église-mère et l'arménienne Église-fille, tout en consentant à certaines concessions, du moins pour la forme. Quant au ton des lettres du patriarche Isaïe au catholicos Constantin IV et au roi Léon IV, il est offensant à l'extrême : "Nous voyons, écrit le patriarche, que vous avez récolté de mauvaises graines chez l'ennemi commun (Satan)", "le temps est arrivé de votre guérison", "à présent, vous méprisez, vous haïssez, vous rejetez entièrement ce que vos pères avaient malignement adopté en contradiction avec les dogmes véritables de l'Église, vous condamnez leur manque de raison et leur égarement et vous avouez ouvertement la vérité, vous priez, vous suppliez avec humilité, vous souhaitez que nous vous accueillions dans notre sein, à la gloire du Créateur, de Dieu le Père".

Le ton bienveillant de la lettre du patriarche Manuel est sans précédent. Toutes les épithètes relatives au catholicos Constantin et au roi Héthoum sont au superlatif. Le roi Héthoum est "bienheureux", "le plus noble", "le plus glorieux", "le plus sublime", "le plus renommé", "il tient de Dieu le pouvoir royal", "le peuple arménien est le plus courageux", "le plus puissant", "le catholicos Constantin est suprême", "doué" "de sagesse", "de raison". Le patriarche honore d'épithètes du même genre le clergé arménien qui est extrêmement "célèbre", "éminent", "le plus remarquable" et, ce qui est absolument inattendu dans une lettre pareille, il honore aussi l'armée arménienne. Cette dernière

circonstance n'atteste-t-elle pas qu'à cette époque l'Empire de Nicée a aussi l'intention de conclure avec la Cilicie un pacte militaire ?

Le patriarche Manuel note dans sa lettre qu'elle est la troisième et que si la précédente ne se distingue pas par l'élégance du style, son contenu n'est pas différent. Il faut supposer que, selon toute probabilité, les épithètes susmentionnés y manquent ou qu'elles sont moins flatteuses. L'auteur de la lettre signale aussi que, sur la demande du roi Héthoum, le patriarche d'Antioche adresse par l'intermédiaire de Blaise, prieur du monastère St.-Théodore de Skopélos, les lettres proposant l'union à l'empereur et au patriarche défunt Germain II. Comme on l'a signalé, ce dernier avait exprimé le désir de visiter personnellement la Cilicie. C'est un acte de bonne volonté et pas plus, évidemment. Toutefois, certaines circonstances l'empêchèrent de réaliser cette visite et il envoya le métropolitain de Mélitène pour remettre les lettres du patriarche et en recevoir les réponses, où il est dit que très prochainement une délégation arménienne ira remettre une charte exposant l'essence de la confession arménienne : ce qui a effectivement lieu.

Menée par le métropolitain susmentionné de Mélitène, une nouvelle délégation byzantine est envoyée de Nicée en Cilicie pour remettre au roi Héthoum les lettres de l'Empereur et du synode. Toutefois, la délégation s'en retourne les mains vides, car, une fois de plus, le catholicos est parti pour Hromkla. *"Sans lui et sans le haut clergé de l'Église arménienne, écrit Héthoum, il est impossible de réaliser l'union"*. C'est là un moyen vérifié d'éviter l'union. Nous avons vu qu'en 1239 le catholicos Constantin Ier a eu recours à ce même moyen.

Dans la suite de sa lettre, le patriarche Manuel écrit que des années ont passé depuis et que voici une nouvelle délégation arménienne qui se rend à Nicée avec les documents relatifs à l'union et que la question est discutée pour la troisième fois. La lettre spécifie que, conformément à la demande des Arméniens, le même métropolitain de Mélitène, accompagné du métropolitain Phokas de Philadelphie, sont délégués avec cette lettre pour éclaircir l'essence de certains points. Le patriarche Manuel termine sa lettre en exprimant la conviction qu'un accueil aimable sera réservé à la délégation grecque et que les relations fraternelles établies entre les deux Églises par Constantin le Grand et Tiridate III seront restaurées.

Le contenu de la lettre du patriarche Manuel est purement dogmatique, mais à la différence des lettres analogues des empereurs byzantins et des patriarches de Constantinople, elle ne touche pas toutes les questions confessionnelles faisant l'objet de la discussion et ne s'arrête pas sur le rituel de l'Église arménienne. La seule question que soulève le patriarche Manuel concerne les natures du Christ. On est frappé par la phrase qu'on trouve au début de la lettre : *"Le Christ est vénéré dans une nature divine, avec le Père et le (Saint) Esprit"*.

Qu'est-ce donc cela ? Une concession aux monophysites arméniens ou, plutôt, un moyen de les tromper. Toutefois, dans la suite de sa lettre, le patriarche écrit : *"En ces derniers temps, le Christ est né pour notre salut de la Vierge Marie et deux natures existent en lui dans une seule hypostase"*. Et le patriarche argumente en détail, sans les citer expressément, les décisions du Concile de Chalcédoine.

Ainsi, cette lettre extrêmement importante du patriarche Manuel permet d'établir que dans les trois cas mentionnés, l'initiative des négociations sur l'union vient des Arméniens. Mais le fait est qu'à ces mêmes époques les Arméniens adressent des demandes d'union au Pape de Rome. Lorsque les délégués byzantins arrivent en Cilicie, les Arméniens font traîner en longueur, sous différents prétextes, les négociations ou refusent l'union. Le catholicos quitte d'avance la Cilicie, se retire à Hromkla dans le but de faire échouer les négociations. Tout cela ne peut être qualifié autrement que d'une tactique de louvoiement entre deux voisins, afin de les avoir sinon pour alliés, du moins de ne pas s'en faire des ennemis, sans d'ailleurs leur faire aucune concession.

Les Arméniens de Cilicie s'adressent pour la dernière fois à Byzance relativement à l'union des Églises à un moment fort pénible pour eux. Nous apprenons des lettres du patriarche Isaïe de Constantinople (1323-1334) adressées au catholicos Constantin IV de Lambron et au roi Léon IV. A cette époque, la Cilicie subit d'un côté les incursions répétées des Seldjoukides et Karamanides, menés par Timourtach, de l'autre celles des Mamelouks d'Égypte avec le sultan Mélik Nassir en tête. Les troupes arméniennes essuient défaite sur défaite dans cette lutte inégale. Les demandes d'aide adressées à l'Occident ont pour unique résultat de rendre encore plus tendues les relations des Arméniens avec leurs voisins. La lettre du patriarche Isaïe nous apprend que les Arméniens envoient une délégation à Constantinople pour demander l'intervention de l'Empire, afin de normaliser les relations de la Cilicie avec le sultan Mélik Nassir d'Égypte. *"Le valet de chambre du roi, est-il dit dans la lettre, doit d'abord se rendre chez le sultan pour l'affaire que vos ambassadeurs trouvent si urgente"*. En revanche, les Arméniens promettent, peut-être pour la forme, de *"se convertir, de s'en tenir en tout aux mêmes opinions et à la même foi"*.

C'est dans cette capacité de louvoyer que tient la souple diplomatie des Arméniens de Cilicie, qui leur permet de sauvegarder pendant trois siècles leur souveraineté dans un entourage dangereux de dizaines d'ennemis : aussi longtemps que les Arsacides qui n'avaient affaire qu'à deux ennemis, la Perse et Rome, deux fois plus que les Bagratides de Grande Arménie et les Artzrounis du Vaspourakan qui, eux, n'avaient qu'un seul ennemi, Byzance.

LES GAURADES À TRAVERS LES SOURCES ARMÉNIENNES

Hratch BARTIKIAN

Au cours des vingt-cinq dernières années, nombre d'études prosopographiques - concernant les Cantacuzènes¹, les Doukai², les Raoul³, les Dermokaïtai⁴, les Argyroi⁵, les Skléroi⁶, les Comnènes⁷ et les Kekauménoi⁸ - ont vu le jour, alors que la publication du dictionnaire prosopographique de l'époque des Paléologues se poursuit encore⁹. Par ailleurs, des monographies et des articles sur les aristocrates arméniens au service de l'Empire byzantin ont également été publiés¹⁰. Ainsi sont parues une série d'études consacrées à la famille aristocratique des Gaurades¹¹, qui, pendant sept siècles, a joué un rôle très important à Byzance et ailleurs.

Une des principales préoccupations des chercheurs concernait l'origine ethnique de cette famille. Les spécialistes ont d'abord tenté de comprendre le sens du nom de famille «Gauras», pensant résoudre par là la question de leur origine. La prononciation correcte du nom en question aurait pu contribuer à la solution de ce problème; la difficulté vient de ce que ce nom figure dans

1. D. M. NICOL, *The Byzantine family of Kantakouzenos*, Washington 1963 (Dumbarton Oaks Studies 11).
2. D. POLEMIS, *The Doukai. A contribution to Byzantine prosopography*, Londres 1968.
3. St. FASSOULAKIS, *The Byzantine family of Raoul (Ral(1)es)*, Athènes 1973.
4. D. M. NICOL, The Byzantine family of Dermokaites, circa 940-1453, *BSI*. 35/1, 1974, p. 1-11.
5. J. F. VANNIER, *Familles byzantines. Les Argyroi (IXe-XIIe siècles)*, Paris 1975 (Byzantina Sorbonensia 1).
6. W. SEIBT, *Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie*, Vienne 1976 (Byzantina Vindobonensia 9).
7. K. BARZOS, *Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν*, Thessalonique 1984 (Βυζαντινά Κείμενα καὶ Μελέται 20A-20B).
8. A. G. C. SAVVIDES, The Byzantine family of Kekaumenos (Cecaumenus) (late 10th-early 12th century), *Δίπτυχα* 4, Athènes 1986-1987, p. 12-27.
9. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*, ed. E. TRAPP, Vienne 1976 s. Pour les Gaurades de cette époque, voir le t. 2, Vienne 1977, p. 125-130, n° 3319-3373.
10. P. CHARANIS, *The Armenians in the Byzantine Empire*, Lisbonne 1963; A. P. KAŽDAN, *Armjane v sostave gospodstvujuščego klassa Vizantijskoj imperii v XI-XII vv.*, Erévan 1975 (cité KAŽDAN, *Armjane*); ID., The Armenians in the Byzantine ruling class predominantly in the ninth through twelfth centuries, *Medieval Armenian Culture*, T. SAMUELIAN and M. STONE ed., 1983 (University of Pennsylvania Texts and Studies 6).
11. A. BRYER, A Byzantine family: the Gabrades, c. 979-c.1653, *University of Birmingham Historical Journal* 12, 1970, p. 164-187 (cité BRYER, Gabrades); A. BRYER, St. FASSOULAKIS, D. M. NICOL, A Byzantine family: the Gabrades. An additional note, *BSI*. 36-1, 1975, p. 38-45; Cl. CAHEN, Une famille byzantine au service des Seldjuquides d'Asie Mineure, *Polychronion (Festschrift Franz Dölger)*, Heidelberg 1966, p. 145-149.

les sources sous deux formes différentes, Gauras et Gabras. Or, à cause de leur prononciation érasmiennne, certains chercheurs européens se trompent doublement. Premièrement, ils ne disposent pas d'un son équivalent à celui de γ, deuxièmement, ils prononcent le β comme b. Le problème de la prononciation correcte de ce nom, qui apparaît à première vue secondaire, aurait pu nous conduire, avec l'aide d'autres données, à l'interprétation correcte du nom de famille «Gauras».

Les chercheurs s'accordent à réfuter l'origine grecque du nom «Gauras». Certains voudraient rattacher ce nom à un toponyme: Golubovich le relie à Kabeira du Pont¹², et Eremian à Gavrëk en Arménie occidentale¹³. Mais la désinence -ας ne peut avoir aucune relation avec un toponyme. Prenant en considération les liens de parenté existant entre les Gaurades et les Tarônites, A. Vasiliev estimait que le nom «Gauras» serait de provenance arménienne¹⁴. A. Bryer ne suit pas l'opinion de Vasiliev surtout parce qu'il n'a pas trouvé ce nom dans le dictionnaire des noms propres arméniens de H. Ačarian¹⁵. En échange, il propose deux solutions possibles. La première est celle que le grand Fallmerayer avait exprimée autrefois, selon laquelle le nom «Gauras» est de provenance araméenne-syrienne - «g-b-r» - et signifie «héros» ou «homme»¹⁶; et la seconde solution, que Bryer considère comme la plus plausible, le mot arabe *kāfir* (l'étranger qui vit dans un milieu musulman, Arménien ou chrétien orthodoxe ou archonte de la frontière), qui a donné ultérieurement le turc *giaour* (infidèle chrétien)¹⁷.

A. Každan laisse de côté la signification du nom de famille «Gauras» dans sa monographie consacrée aux Arméniens au service de l'Empire byzantin, mais il suppose que la famille est d'origine arménienne¹⁸.

Ainsi, selon les chercheurs précédents, nous ne disposons pas de données précises sur l'origine ethnique de la famille des Gaurades, au moins pour la première période, celle de leur apparition. Ce qui est certain, c'est que le nom Gauras n'est pas de provenance grecque, mais orientale, quoiqu'on ignore laquelle précisément. On peut aussi indiquer leur région d'origine, les territoires appartenant au thème des Arméniaques.

Retournons maintenant au dictionnaire des noms propres de H. Ačarian, où Bryer n'a pas trouvé le nom Γαυρᾶς. Selon nous, la prononciation

12. Sur les diverses propositions de sens et de provenance du nom de famille Gauras, voir Bryer.

13. KAŽDAN, *Armjane*, p. 88-89.

14. A. A. VASIL'EV, *Goty v Krymu*, Saint-Petersbourg 1925, p. 278. Dans l'édition anglaise de l'ouvrage (A. A. VASILIEV, *The Goths in the Crimea*, Cambridge, Mass., 1935, p. 156), une telle assertion ne figure pas. Voir KAŽDAN, *Armjane*, p. 88.

15. BRYER, *Gabrades*, p. 165, n. 9.

16. J. P. FALLMERAYER, *Geschichte des Kaisertums von Trapezunt*, Munich 1827 (rééd. Hildesheim 1964), p. 19.

17. A. BAUSANI, *EP*, s.v. «Gabr».

18. KAŽDAN, *Armjane*, p. 88 et index. Dans une autre étude concernant les Gaurades et les Dalassènes, A. Každan écrit: «Sont-ils Arméniens?» (*Social'nyj sostav gosподstvjuščego klassa Vizantii XI-XII vv.*, Moscou 1974, p. 200). Mais à la p. 212, il considère que les Gaurades sont «d'origine caucasienne ou micrasiatique».

érasmiennne a dû le conduire à chercher Gabras, qu'il n'a évidemment pas pu trouver. Mais si Bryer avait prononcé ce nom comme le faisaient les Grecs (et les Arméniens) au moyen âge, il l'aurait sans doute trouvé. Quant à Ačarian qui ignorait l'existence de la famille byzantine des Gaurades, il inclinait à croire que le nom «Hauras», qu'on trouve dans les sources arméniennes du XIIIe siècle, dérivait du perse *xurūs* («coq»), parvenu aux Arméniens par l'intermédiaire du turc *xorōz*¹⁹. L'étymologie d'Ačarian est erronée, puisque les Gaurades sont déjà connus au Xe siècle et qu'il est alors beaucoup trop tôt pour parler d'une influence turque; d'autre part, la forme correcte est «Gauras» et non «Hauras». Par ailleurs, Bryer n'est guère convaincant quant il considère le mot «Gauras» comme dérivant de l'arabe *kāfir*. Il est peu probable qu'un chrétien au service de l'Empire byzantin ait pu se nommer *kāfir*. Il est plus vraisemblable que le nom de famille Gauras provient de l'adjectif arménien devenu nom, *Gor/Goroz*, qui signifie «fier», «terrible», «brave». Déjà Plutarque mentionne le frère du roi Tigrane II le Grand sous le nom de «Gouras»²⁰. L'historien arménien du XIe siècle Samuel d'Ani témoigne que ce nom était répandu parmi les Arméniens également beaucoup plus tard, justement dans les années où apparaît sur la scène historique le premier Gauras byzantin connu de nous: il appelle le général en chef du roi arménien Ašot III le Bagratide (953-977) *Goř*²¹. Sans le mentionner par son nom, le contemporain de Samuel d'Ani, Matthieu d'Édesse, précise que ce dernier, prêt à combattre Jean Tzimiskès, avait campé avec l'armée arménienne dans la province arménienne de Hark²².

L'hypothèse que le nom *Gor/Goroz* s'identifie avec le nom «Gauras» des sources byzantines n'est pas uniquement fondée sur leur consonance. *Gor/Goroz* et «Gauras» s'identifient par le sens, puisque le grec Gauras est étroitement lié à l'adjectif γαῦρος qui signifie, comme le mot arménien *gor/goroz*, «fier», «décent», «majestueux» (selon Hésychius)²³. Comme on le verra plus bas, dans les sources arméniennes figure un personnage qui porte le nom de Gauros (plutôt Hauros), ce qui constitue la principale forme grecque du nom de famille Gauras. Puis, à l'instar du prénom Γρηγόριος qui, comme éponyme, prit la forme Γρηγορᾶς, l'adjectif γαῦρος a donné Γαυρᾶς.

C'est ainsi que nous avons la traduction grecque de l'adjectif arménien, réalisée par un Arménien connaissant la signification du mot arménien *gor/goroz*. Et du fait que le grec Gauras est lié au mot grec γαῦρος, on doit considérer que la forme principale du nom est Γαυρᾶς (avec υ) et non Γαβρᾶς (avec β). Ce n'est pas par hasard que l'orthographe Γαυρᾶς (deux fois Γαυρᾶς et une

19. H. AČARYAN, *Hayoc' anjanunneri bararan*, II, Erévan 1944, p. 503 (en arménien).

20. PLUTARQUE, *Lucullus*, 32, 4;

21. Samouel d'Ani, Tables chronologiques, dans *Collection d'historiens arméniens*, trad. M. BROSSET, II, Saint-Petersbourg 1876, p. 437.

22. *Chronique de Matthieu d'Édesse (962-1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162*, par E. DULAURIER, Paris 1858, p. 14.

23. Décent, majestueux, HÉSYCHIUS D'ALEXANDRIE, *Lexikon*, s.v. «γαῦρος». Dans les inscriptions antiques d'Érétie et de Tanagra γαῦρος est une épithète laudative. Cf. L. ROBERT, *Hellenica I*, Amsterdam 1977, p. 127-131. Dans les inscriptions de l'époque de Trajan découvertes à Ihsaniye, on retrouve des noms de λειτουργός parmi lesquels les Γαυριανοί. Cf. Fr. K. DÖRNER, *Inchriften und Denkmaler aus Bithynien*, *Istanbuler Forschungen* 14, Berlin 1941, p. 57, 59.

fois Γαβρᾶς) l'emporte dans le manuscrit le plus ancien de la *Chronique* de Skylitzès (*Coisl.* 136, XIIe siècle).

Le premier personnage connu de cette famille dans les sources est Constantin Gauras²⁴, qui participa à la révolte de l'Arménien Bardas Sklèros. D'après les sources arméniennes et byzantines, tous les officiers de ce rebelle étaient des Arméniens. Parmi eux on compte les archontes de l'ex-principauté de Tarōn, Grégoire et Pangratios²⁵, le seigneur de Môxène Zafranik²⁶, Sahakios Brahamios²⁷, Michel Bourtzès en compagnie de ses soldats arméniens²⁸, l'amiral Michel Kourtikios²⁹, Romain Tarônites³⁰. Ce n'est pas un hasard si, après la première défaite de Sklèros, les soldats byzantins (qui venaient tous de Constantinople, de Thrace, de Macédoine, et aucun d'Asie Mineure) ont massacré les prisonniers arméniens, parce qu'ils avaient adhéré au rebelle en l'acclamant empereur³¹. En outre, la révolte commença dans des provinces arméniennes : Xarberd, Quatrième Arménie, Tarōn, Sasun, Angilène, Anzitène, Lykandos, Tzamandos. Notons que Sklèros se proclama empereur à Mélitène en Troisième Arménie. Tout cela ne semble-t-il pas prouver qu'au moins au début de la révolte les officiers de Sklèros étaient des Arméniens ? Ne peut-on par conséquent considérer Constantin Gauras comme Arménien ? En outre, nous disposons d'autres témoignages sur l'origine arménienne des Gaurades. Jean Skylitzès mentionnant la guerre byzantino-bulgare sous Basile II, qui entraîna en 1018 la décomposition de l'État bulgare, précise que cette année-là eut lieu une tentative pour secouer le joug byzantin. À la tête de la révolte des Bulgares se trouvaient les porteurs du titre byzantin de patrice, un certain Élémagos (Élinagos Phrantzès d'après Michel de Déabolis)³² et Gauras³³. La révolte fut réprimée et Gauras fait prisonnier par les Byzantins qui, par la suite, l'aveuglèrent à Thessalonique.

Dans la liste de Bryer, ce Gauras n'a pas été inclus : ce chercheur ainsi que les historiens bulgares³⁴ l'ont considéré comme un «archonte bulgare», qui par simple coïncidence portait le même nom. Pourtant, dans l'article de Bryer écrit en collaboration avec Fassoulakis et Nicol³⁵, Gauras est considéré comme

24. *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*, ed. I. THURN, Berlin-New York 1973 (CFHB 5), p. 321-322 (cité SKYLITZÈS).

25. ÉTIENNE ASOLIK DE TARON, *Histoire Universelle*, trad. Fr. MACLER, Paris 1917, p. 56-57.

26. *Ibid.*

27. SKYLITZÈS, p. 318.

28. *Ibid.*, p. 319, 321.

29. *Ibid.*, p. 322.

30. *Ibid.*, p. 320.

31. *Ibid.*, p. 316, 321.

32. C. PROKIĆ, *Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes. Codex Vindobonensis hist. graec. LXXVII. Ein Beitrag zur Geschichte des sog. westbulgarischen Reiches*. Diss. München, 1906. Les interpolations de Michel de Déabolis ont été incluses par I. Thurn dans son édition critique de la *Chronique* de Skylitzès. On apprend par les écrits de Michel de Déabolis le nom arménien de la mère de Samuel, qui est Hřip'simē.

33. SKYLITZÈS, p. 364.

34. V. ZLATARSKI, *Istorija na b'lgarskata d'ržava prez srednite vekove*, I, 2, Sofia 1971, p. 742 ; P. MUTAFČIEV, *Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays danubiens*, Sofia 1932, p. 205.

35. BRYER, FASSOULAKIS, NICOL, Gabrades, cité *supra* n. 11, p. 39.

un Byzantin qui déserta chez les Bulgares en 1018. On a du mal à croire qu'en 1018 un patrice byzantin ait déserté chez les Bulgares, comme il est invraisemblable qu'en ce temps-là un archonte bulgare se soit trouvé au service de l'armée byzantine. Enfin, il est impensable qu'en 1018 les Bulgares aient suivi un stratège byzantin contre Byzance.

Dans ce cas, si ce Gauras n'est ni Bulgare, ni Byzantin que peut-il être ? Comment peut-on expliquer que celui qui se trouvait au service de l'empire et avait reçu le titre élevé de patrice, ait tout à coup fait son apparition en Bulgarie, luttant contre l'empire l'année même de l'abolition de l'État bulgare et de la toute-puissance de Byzance ? Cette énigme ne peut trouver sa solution qu'à l'aide des données de l'historien arménien, contemporain des faits, Étienne Asohik de Tarōn. Dans sa narration sur les deux *komètopouloi*, Étienne Asohik de Tarōn signale : «L'aîné se nommait Samuel ; [ils étaient] Arméniens, de la province de Derzē. L'empereur Basile [II] les envoya tous les deux en Macédoine avec leurs troupes pour combattre les Bulgares. Ils saisirent l'occasion pour désertier le camp de l'empereur romain et passer au roi eunuque des Bulgares et ils reçurent pour leur bravoure de grands honneurs³⁶.»

Le fait que des officiers arméniens aient déserté en compagnie de leurs troupes nous conduit à supposer que le Gauras en question doit être un allié du *komètopoulos* Samuel, qui, après la mort de ce dernier en 1014, poursuivit la lutte des Bulgares contre Byzance. Cela signifie que Gauras ne déserta pas en 1018, mais beaucoup plus tôt. Le cas de Gauras et d'Elinagos (ainsi que celui des *komètopouloi*) n'est pas unique. La désertion chez les Bulgares d'officiers arméniens au service de Byzance nous est connue aussi par les inscriptions protobulgares des khans Kroum et Omourtag³⁷. On retiendra parmi d'autres les noms des officiers Bardanès et Kordylès, du candidat Tourdatzès (Tiridate)³⁸.

Le nom du compagnon de Gauras, Élinagos Phrantzès, mérite aussi que l'on s'y arrête. Ce nom hors du commun, qui ne peut que provoquer l'étonnement du fait qu'il combine un prénom étranger avec un nom byzantin, inconnu même à la fin du Xe et au début du XIe siècle³⁹, pourrait s'expliquer de la manière suivante. Dans la *Vie* de sainte Marie la Jeune († 903), il est question d'un Arménien, drongaire byzantin et propriétaire en Thrace appelé Bardas Bratzès⁴⁰. Le nom arménien de ce personnage, la forme arménienne de son nom de famille, qui signifie Ibère, certifie que ce Bardas était un Arménien chalcédonien⁴¹. Par conséquent, n'est-t-il pas logique de supposer qu'au départ Élinagos le Phrantzès était Élinagos le Bratzès ? Pour le copiste grec du manuscrit le nom de «Bratzès» ne signifiait rien et il aurait pu facilement le

36. L'eunuque est Romain, fils du roi bulgare Pierre.

37. V. BEŠEVLIÉV, *P'rvob'lgarski nadpisi*, Sofia 1979, p. 173-174.

38. *Ibid.*, p. 221-222. À ce sujet, voir R. M. BARTIKIAN, *O protobolgarskih nadpisjah hanov Kruma (803-814) i Omurtaga (814-831) i nekotoryh voprosah organizacii rannebolgarskogo gosudarstva*, *Vestnik obščestvennyh nauk AN Armjanskoj SSR*, 1981, n° 4, p. 67-77.

39. G. TSARAS, Σφραντζῆς, Φιαλίτης ἢ Φραντζῆς ; *Byzantiná* 9, 1977, p. 126.

40. Vita S. Mariae Iunioris, *Acta SS Novembris*, IV, Bruxelles 1925, p. 692.

41. H. M. BARTIKIAN, *O Bápδας ó Bpatzῆς Žitija sv. Marii Novoj*, *Istoriko-filologičeskij žurnal AN Arm. SSR*, 1980, n° 3, p. 247.

corriger en «Phrantzès», nom très connu à l'époque. Cet Élinagos était donc un des officiers que Basile II avait envoyés avec Samuel originaire de Derzēnē (et avec Gauras) en Occident pour combattre les Bulgares. De même, on trouve souvent dans les manuscrits byzantins et arméniens des fautes d'orthographe. Par exemple, l'ethnique «Βράγγοϛ-Βάραγγοϛ» a été corrigé tant dans les manuscrits de l'*Histoire* d'Aristakès de Lastivert que chez le Continuateur de Théophane d'après le nom plus connu de «Φράγγοϛ»⁴².

En bref, les Gaurades étaient une famille aristocratique byzantine d'origine arménienne. Si le premier Gauras connu par les sources est le compagnon d'armes de Sklèros, Constantin Gauras, le deuxième doit être le Gauras «Bulgare» aveuglé par les Byzantins à Thessalonique.

La présente étude n'a pas l'intention de prendre en considération tous les Gaurades d'Asie Mineure connus pour la période qui nous concerne. Ce travail a été déjà fait par Bryer et ses collaborateurs, ainsi que par Cl. Cahen. Il faut toutefois préciser qu'à partir du milieu du XIIe siècle on trouve des Gaurades au service des Seldjoukides d'Asie Mineure⁴³, dont le premier en rapport avec les événements de 1146. Selon Kinnamos, ce Gauras «était chez eux [chez les Seldjoukides] le gouverneur d'une satrapie»⁴⁴. Par «satrapie» Kinnamos entend le mot «émirat»; ce Gauras-là était donc un émir au service des Seldjoukides de Rum. Compte tenu du fait que les Byzantins, après avoir capturé Gauras, le décapitèrent, on incline à croire que c'était un renégat. Un autre émir Gauras, selon Chôniatès, était «celui qui avait reçu les plus grands honneurs de la part de celui [le sultan Kılıdj Arslan II] dont il était le familier»⁴⁵. Ce personnage est considéré dans les sources orientales comme *amir-i-hadjib* et porte le nom d'Ikhtiyār al-Dīn Ḥasan ben Gauras⁴⁶. Ses terres étaient situées près d'Erzincan.

Un autre Gauras, Jean, se trouvait au service du sultan seldjoukide 'Alā' al-Dīn Kaykubād Ier, qui l'envoya comme ambassadeur en Europe en 1234. Ce Jean Gauras est considéré par les chercheurs comme le dernier Gauras connu au service des Seldjoukides.

Les sources arméniennes nous offrent toutefois la possibilité de compléter la liste des Gaurades, dont l'activité se situe en Arménie, ainsi que de délimiter la région sur laquelle s'étendait leur autorité. Plus précisément, nous devons souligner que nos renseignements concernant les Gaurades exerçant quelque autorité en Arménie occidentale sont dus aux notices des copistes des manuscrits arméniens écrits par des Arméniens chalcédoniens dans les monastères dyophysites arméniens du XIIIe siècle. Connus sous l'appellation de Tzatoi à

42. K. N. JUZBAŠJAN, «Varjagi» i «pronija» v sočinenii Aristakèsa Lastivertci, *VV* 16, 1959, p. 14-28. THÉOPHANE CONTINUÉ, éd. Bonn, p. 423.

43. Cl. CAHEN, Famille byzantine, cité *supra* n. 11.

44. KINNAMOS, éd. Bonn, p. 56.

45. *Nicetae Choniatae Historia*, éd. I. A. VAN DIETEN, Berlin-New York 1975 (CFHB 11), p. 189.

46. IMĀD ED-DĪN EL-KĀTĪB EL-ISFAHĀNĪ, *Conquête de la Syrie et de la Palestine de Salēh ed-Dīn*, éd. C. DE LANDBERG, Leiden 1988, p. 451; Sp. VRYONIS, *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of islamization from the eleventh through the fifteenth century*, Berkeley 1971, p. 231. Dans l'article de Bryer, Fassoulakis et Nicol, cité *supra* n. 11, ils sont considérés comme des personnages différents (p. 39).

travers les sources byzantines et arméniennes, ces Arméniens chalcédoniens font leur apparition dès le Xe siècle⁴⁷. Nikôn de la Montagne Noire les situe en Mésopotamie⁴⁸, c'est-à-dire dans le thème byzantin de Mésopotamie (et non en Syrie, comme le font les savants Arméniens). Le thème byzantin de Mésopotamie embrassait les territoires de la Première et de la Deuxième Arménie, et une partie de la Quatrième. Au nord, il s'étendait jusqu'à Kamach et avoisinait les thèmes de Colonée et de Chaldia. Autrement dit, il comportait les territoires d'où venaient et où étaient actifs les Gaurades depuis le Xe siècle. Par conséquent, il est logique de considérer les Gaurades, au moins pour l'époque qui nous concerne, comme des Arméniens chalcédoniens, c'est-à-dire des Tzatoi. Il n'est pas sans intérêt de remarquer que les Arméniens chalcédoniens copistes de manuscrits qualifient, dans leurs notices, ces émirs et gouverneurs Gaurades d'archontes «pieux et amis du Christ», nous laissant ainsi entendre qu'eux-mêmes n'étaient pas des renégats à l'instar du Gauras du milieu du XIIe siècle. C'est justement en Mésopotamie proprement dite que nous rencontrons les Tzatoi des notices des manuscrits arméniens et plus précisément dans la région d'Erzincan où, nous l'avons vu plus haut, l'*amir-i-hadjib* du sultan Kılıdj Arslan II, Ikhtiyār al-Dīn Ḥasan ben Gauras, possédait des biens. Il est très intéressant de noter ici que jusqu'aux massacres arméniens de 1915, c'est justement dans cette région qu'habitaient les Arméniens chalcédoniens, connus comme *hai-horoum* (Arméno-Romains), c'est-à-dire Arméniens d'origine ethnique et Romains de confession (Grecs orthodoxes). Jusqu'alors, il existait près d'Erzincan un village d'Arméniens chalcédoniens connus sous le nom de «Tzatoi»⁴⁹.

Nous avons fait mention plus haut des monastères arméniens chalcédoniens où furent copiés des livres arméniens contenant des notices si intéressantes pour nous. Dans ces notices sont mentionnées les régions où se trouvaient les monastères. Situer ces monastères n'est pas difficile. Ils étaient proches de la ville d'Akn (en turc Eğin, aujourd'hui Kemālye) aux confins de la Petite et de la Grande Arménie et de Tsimiskatzak. Soulignons ici qu'au début de notre siècle les villages arméno-romains de la région d'Akn portaient les noms des villages où furent copiés les manuscrits et rédigées les notices du XIIIe siècle.

À travers les données des notices des manuscrits arméniens, nous apprenons que les Gaurades qui y sont mentionnés étaient des gouverneurs d'un émirat relevant de l'État Seldjoukide d'Asie Mineure et qu'ils y exercèrent des fonctions du milieu du XIIe siècle jusqu'à la fin du XIIIe siècle, au moment où se dissout le sultanat de Rum.

Dans la collection des manuscrits arméniens du monastère des Saints-Jacques à Jérusalem, le manuscrit sur parchemin n° 336 contient des *Questions*

47. *Deux historiens arméniens. Histoire d'Arménie par le vartabied Kirakos de Gantzac; Oukhtanès d'Ourha, Histoire en trois parties*, trad. M. BROSSET, Saint-Petersbourg 1871, p. X.

48. *Opisanie grečeskikh rukopisej monastyrja Svjatoj Ekateriny na Sinae*, I, éd. V. N. BENEŠEVIČ, Saint-Petersbourg 1911, p. 588; N. ADONTZ, O proishozhdenii armjan-catov, *Žurnal Ministerstva narodnogo prosvješčenija*, 1911, p. 242

49. Un village du même nom existe encore aujourd'hui dans la province Toumanian d'Arménie; il apparaît pour la première fois dans une inscription lapidaire de 1221.

et Réponses de saint Basile et des Vies de saints copiées par deux copistes dans un monastère arménien chalcédonien. Une miniature de saint Basile figure au deuxième folio du manuscrit avec l'inscription grecque 'Ο ἄγιος Βασίλειος. En regard de l'image du saint se trouvent les figures des deux moines en prière qui, selon toute vraisemblance, sont les copistes des deux ouvrages. La marge inférieure du folio porte deux notices en grec :

μνήσθητι κ̄ε τήν	μνήσθητι κ̄ε
ψυχὴν τοῦ δούλλου σου	τήν ψυχὴν τοῦ
.....	δούλλου σου Α. . .
..... μοναχῶν ⁵⁰

Les noms des deux moines en prière sont effacés. En dehors de deux notices principales concernant notre sujet et dont on fera mention plus bas, on trouve dans le manuscrit d'autres notices plus brèves, qui présentent de l'intérêt pour les noms des moines de ce monastère. Il s'agit du «prêtre Charitôn Hamartôlos» et du moine Eutaxès qui transforma son nom en Euthyme, noms qui soulignent une fois de plus que le monastère était arméno-chalcédonien. Dans la première mention principale de l'œuvre de saint Basile on lit :

«... et a été copié dans la région de Salik, sous la domination de Kyr Léon Gauras, que le Seigneur le garde. Copié dans le monastère dit le Nouveau monastère, sous la protection de la Sainte Mère de Dieu l'an du monde 6722. A pris fin le mardi 15 avril. Copié de la main de l'humble diacre Serge...»

À la fin du deuxième texte du manuscrit, on trouve une notice rédigée quatre mois plus tard :

«Ce livre a été copié en 6722 et a été terminé le mercredi 13 août, dans le monastère dit le Nouveau monastère, [dit aussi] Lykou, près du bourg appelé Atma, sous la domination de Kyr Léon Gauras, le pieux archonte, que le Seigneur le garde de toute tentation.»

La région de Salik s'identifie avec Tsimiskatzak, mais l'expression «près du bourg appelé Atma» nous permet de situer avec précision le monastère dit le Nouveau ou Lykou. Près de la ville d'Akn (Egin), sur la rive gauche de l'Euphrate existaient jusqu'en 1915 des villages *hai-horoum* (arméno-romains) portant les noms suivants : Vank (qui signifie monastère), Šrzou (c'est-à-dire «de Serge»), champ de Šrzou, Atma, Tzorak et de Mousoulakios. De plus, le bourg d'Atma, près duquel se trouvait le Nouveau monastère ou Lykou, était situé dans la région de la ville d'Akn. Entre parenthèses, nous devons souligner que Jean Atmanos, l'higoumène arménien chalcédonien, sous l'empereur Manuel Ier Comnène, du «monastère arménien de Philippoupolis»⁵¹, c'est-à-dire du monastère de Pakourianos à Bačkovo⁵², était originaire du bourg des Arméno-Romains Atma. Ces données témoignent une fois de plus que le monastère de Pakourianos était arménien chalcédonien.

50. «Souviens-toi, Seigneur, de l'âme de ton serviteur...»; «souviens-toi, Seigneur, de l'âme de ton serviteur A... moine». Voir N. POLAREAN, *Mayr c'uc'ak jeragrac' Srboc' Yakobean'*, t. 2, Jérusalem 1967, p. 220.

51. *Theoriani Orthodoxi Disputatio cum Armeniorum Catholico*, PG 133, col. 120.

52. H. M. BARTIKIAN, Rol' igumena Filippopol'skogo armjanskogo monastyrja Ioanna Atmana v armjano-vizantijskikh cerkovnyh peregovorah pri katolikose Nersese IV Blagodatnom (1166-1173), *Vestnik obščestvennyh nauk AN Arm. SSR*, 1984, n° 4, p. 86.

Dater les notices se heurte à des difficultés. Toutes deux, nous l'avons vu, portent la date de l'an 6722 de la fondation du monde. Néanmoins, cette ère n'est pas celle de Constantinople, où l'année 5508 correspond à l'an 1. Or un autre manuscrit, dont nous parlerons ci-dessous, porte à la fois la date, en année de la fondation du monde, 6751, et la date, en ère arménienne, 721. Puisque l'ère arménienne commence en 551, l'année 6751 de la fondation du monde correspond à l'an 1272 (= 551 + 721). On peut donc en déduire que l'an 1 de l'ère utilisée est 5479 et non 5508. Si les moines qui ont effectué, en 6722, la copie de ce manuscrit dans le Nouveau Monastère près du bourg d'Atma, suivent bien le même calendrier, ce manuscrit aura été copié en 1243⁵³.

Le représentant suivant de la famille des Gaurades, Constantin Gauras, est mentionné dans la notice laissée par le copiste d'un autre manuscrit, également rédigée dans un monastère arménien chalcédonien. Ledit manuscrit se trouvait dans le monastère de Saint Jean à Muš de Tarôn jusqu'aux massacres de 1915; il est maintenant disparu et l'on connaît son existence grâce à un catalogue de manuscrits remontant à 1912. Dans la notice du manuscrit on lit :

«Ce superbe évangile daté en 6751 de la fondation du monde et en 721 de la chronologie arménienne a été copié dans la région de Šerziou [Sergiou] et dans le monastère des glorieux martyrs Serge et Bacchus, au bord de l'Euphrate, sous la protection de la Très Sainte Mère de Dieu, sous la domination de l'émir Kyr Constantin Gauras, que le Christ accorde de longues années de vie à lui, à sa famille et à ses enfants. Amen.»

Il nous faut rappeler ici que nous avons rencontré plus haut le nom de la région de Šerziou (Sergiou) à propos des villages de *hai-horoum*, d'Arméniens chalcédoniens, autour de la ville d'Akn-Egin. Deux de ces villages, qui ont existé jusqu'en 1915, portaient le nom de Šrzou et Champ de Šrzou.

Ainsi, en ce temps-là, le gouverneur-émir de la région d'Akn était Constantin Gauras qui portait l'épithète grecque de Kyr et le titre arabe d'amiras.

Comme on le constate, les données sur lesquelles est fondée notre hypothèse quant à la copie des manuscrits dans des monastères arméniens chalcédoniens, suffiraient. Mais l'évangile, dont nous parlerons maintenant, nous offre un témoignage direct. Cet évangile se trouve actuellement dans la bibliothèque du catholicos arménien de Cilicie, à Antelias (Liban), sous le numéro 223. Outre l'évangile, le manuscrit contient un canon rédigé «à la manière des Grecs». Le miniaturiste est le moine Métrophane; le copiste est Théophile Tzatos, qui effectua la copie à l'exhortation du «papas Paul» et à la prière du grand anachorète, «de papas Nicolas». Le prix de l'encre a été couvert par la «sœur spirituelle» de Théophile, Thomaïs. Enfin, l'higoumène du monastère porte le nom d'Onuphre. Une telle pléthore de noms grecs face à l'absence totale de noms arméniens, constitue la meilleure preuve de ce que le manuscrit a été exécuté dans un monastère arménien chalcédonien.

53. S. A. MURATEAN, N. P. MARTIROSEAN, *C'uc'ak jeragrac' Mšoy S. Arak'eloc' Targmanč'ac' vank'i ew šrjakayic'*, Jérusalem 1967, p. 97-98.

Dans la notice du manuscrit on lit :

«...ce saint et superbe Évangile a été copié dans la localité de Salik dans l'ermitage connu sous le nom de Žilyk, sous la protection du grand anachorète Onuphre, sous la domination de notre seigneur pieux et ami du Christ Šahinšah [archonte des archontes] Basile Gauras, que lui, son épouse couronnée par le Christ, leurs enfants donnés par Dieu, et ses frères, Christ Dieu les garde en paix et en dehors de la tentation. Amen. A été écrit l'an 6784; a été achevé le premier du mois de septembre et a été commencé le trois juillet...⁵⁴»

Ainsi, cet évangile comme celui contenant les œuvres de Basile de Césarée ont été copiés dans le même monastère de la ville de Salik (Tsimiskatzak) le premier dans le monastère de Lykou, le deuxième au monastère de Žlik.

Selon la notice de 6784 (= 1305), dans la région de Salik, le gouverneur-émir était Basile Gauras. Il est commémoré, mais sans son nom de famille (Gauras), dans un autre manuscrit arménien (le n° 1273 du monastère des Saints-Jacques) où son titre principal de *šahinšah* est transmis sous le titre identique en arménien de *išxanatz išxan*, c'est-à-dire «archonte des archontes». Enfin, ce Basile est commémoré sous son nom de famille dans quatre notices du manuscrit n° 1722 de la collection du même monastère des Saints-Jacques⁵⁵.

En résumant ce qui précède, nous constatons que tous les Gaurades connus à travers les manuscrits arméniens étaient gouverneurs de la région d'Akn-Tsimiskatzak dans la province de Théodosiopolis, sur les confins de laquelle se trouvait Erzincan, où en 1410 encore l'auteur arménien Mxit'ar Aparanc'i situait les Tzatoi⁵⁶.

Plus haut il a été fait mention de l'origine ethnique des Gaurades, de leur activité en Asie Mineure et en Arménie occidentale. Toutefois, on trouve les Gaurades (Haurades) dans le nord-est de l'Arménie, précisément durant les XIIe et XIIIe siècles. Ceci est très paradoxal, puisque ni les sources arméniennes ni les sources byzantines ne font la moindre allusion à une éventuelle émigration des Gaurades. La question qui se pose alors est la suivante : quelle relation ont les Haurades du nord-est de l'Arménie avec les Gaurades d'Asie Mineure et d'Arménie occidentale ? Font-ils partie de la même famille, où sont-ils apparentés par alliance ?

Des renseignements sur les Gaurades du nord-est de l'Arménie proviennent de notices de manuscrits arméniens, ainsi que d'inscriptions en pierre. Au Matenadaran (Institut des manuscrits) d'Erévan, l'Évangile en parchemin n° 1519 de 1232 comporte une notice de copiste, où celui-ci précise qu'il effectua sa copie à la demande de son «*patrôn* Hauras, fils de l'émir Sarkis [...] à la mémoire de son fils Sasna décédé jeune»⁵⁷. Dans une autre notice du même copiste ce Hauras est qualifié d'«archonte des archontes». On sait que l'émir Sarkis était l'oncle maternel des célèbres Zak'arē et Ivanē Zacharides, qui brillèrent surtout du temps de la reine de Géorgie Thamar.

54. A. DANIELEAN, *Mayr c'uc'ak hayerēn jeragrac' meci tann Kilikiy kat'olikosut'ean*, Antelias, Liban, 1984, p. 545-546.

55. N. POLAREAN, *Mayr c'uc'ak jeragrac' Srboc' Yakobeanc'*, t. 4, Jérusalem 1969, p. 33-34.

56. L. ALISAN, *Hayaoatym*, Venise, 1901, I, p. 552.

57. G. YOVSEPEAN, *Yiŝatakarak' Jeragrac'*, I, Antelias, Liban, 1951, p. 885-886.

Il n'est pas difficile de remarquer que les titres honorifiques de Hauras coïncident avec ceux des Gaurades de l'Arménie occidentale. *Patrôn* correspond à Kyr ; quant à l'«archonte des archontes», nous l'avions déjà trouvé pour Basile Gauras, ainsi que le titre perse analogue de *Šahinšah*.

Hauras fut marié deux fois. Sa première femme, la mère de Sasna, était d'origine turque et s'appelait Houtlou Hatoun. Sa deuxième femme s'appelait Zmrouht Hatoun (ce qui signifie «Émeraude» Hatoun) et, comme la première, était turque. Toutes deux avaient embrassé le christianisme. Zmrouht Hatoun était apparentée aux émirs Seldjoukides. On connaît le nom de la belle-fille de Hauras, l'épouse de Sasna. Elle s'appelait Taïk et sa tombe se trouve dans l'ésônarthex du monastère d'Aghbat, au nord-est de l'Arménie.

Nous connaissons aussi le nom du petit-fils de «Hauras le Grand»⁵⁸, grâce à une inscription en pierre de 1262. Celui-ci portait le nom de son grand-père, Hauras. Dans le même ésônarthex du monastère d'Aghbat, où se trouve la tombe de Taïk, il en existe une autre, dont la pierre porte gravés les noms de Hauras et Hasan⁵⁹. Dans la même tombe se trouve enterrée une personne qui porte les deux noms, à moins qu'il ne s'agisse de deux personnes distinctes - on ne peut trancher. Il faut pourtant noter que Gauras, qui décéda en 1192 et qui était actif à Iconium et à Erzincan, portait le nom de Hasan-Gauras. Le Hauras qui se trouve dans l'ésônarthex d'Aghbat est Hauras le Grand, ou son petit-fils homonyme, ou encore une troisième personne du même nom, que nous ne pouvons identifier.

Nous retournerons maintenant à notre problème principal. Quelle relation existe-t-il entre les Haurades et les Gaurades ? Il semble que tant Hauras l'Ancien que ses descendants n'entretenaient pas de rapports directs avec l'Arménie occidentale et le sultanat des Seldjoukides. Le seul lien clair entre Hauras l'Ancien et les Seldjoukides se trouve chez ses épouses. Zmrouht Hatoun est descendante d'un émir seldjoukide. Quant au nom du fils de Hauras - Sasna -, il vient à l'appui de cette thèse, puisqu'il est en relation avec la province de Sasun, en Arménie occidentale⁶⁰. Quel personnage alors établit les liens entre les Haurades, les Seldjoukides et l'Arménie occidentale ?

Mxit'ar Gōš, le juriste arménien, familier de la famille de Hauras, éclaire ce sujet. Il écrit qu'après la mort du roi de Géorgie David, son successeur Georges III (1156-1184) voulut capturer le gouverneur de Tiflis, l'Arménien Vasak. Aussi ce dernier chercha-t-il refuge à Théodosiopolis (Erzeroum) en compagnie de ses frères, Kourt et Sarkis ; il y fut accueilli chaleureusement par l'émir de la ville Saltouh dont il reçut de nombreux villages. Vasak, avant de mourir, légua à son frère Kourt «son drapeau, sa fortune et son pouvoir». Après la mort du roi de Géorgie Georges III, en 1184, Kourt rentra en Géorgie⁶¹.

En ce qui concerne le troisième frère, Sarkis, il n'est autre que l'émir Sarkis, le père de Hauras l'Ancien. Du fait que les sources témoignent du retour de Kourt sans rien mentionner au sujet de Sarkis, nous devons considérer que

58. N. SARGISEAN, *Telagrut'iwnc' i P'ok'r ew i Mec Hays*, Venise 1864, p. 188-189 ; K. KOSTANEANC', *Vimakan taregir*, Saint-Petersbourg 1913, p. 104.

59. K. ĻAFADARYAN, *Halbat. Čartarapetakan Karuc'vack'nerē ew vimakan azjanagrut'yunnerē*, Erévan 1963, p. 188.

60. H. AČARYAN, *Hayoc' anjanunneri bararan*, IV, Erévan 1979, p. 399

61. L. ALISAN, *Hayapatum*, cité supra n. 56, p. 389-390.

ce dernier resta à Théodosiopolis en tant qu'héritier du commandement de son frère Kourt. Il semble que l'émir Sarkis fonda une famille à Théodosiopolis, et s'il nomma son fils Hauras, nous sommes porté à croire que celui-ci s'allia par des liens de parenté aux Gaurades byzantins (chrétiens) au service des Seldjoukides, qui gouvernaient justement à cette époque-là des provinces voisines de Théodosiopolis. Le fils de l'émir Sarkis, Hauras, rentra en compagnie de son oncle Kourt dans l'Arménie du Nord-Est où il fut honoré de grandes dignités, sans pour autant interrompre ses relations avec les Seldjoukides. Cette hypothèse est renforcée par le fait que ses deux épouses étaient des Turques christianisées, dont l'une était la fille d'un émir.

Pour terminer, nous aborderons encore une autre question, qui bien qu'elle dépasse notre spécialité et nos propres compétences, mérite au moins une mention. Le travail ci-dessus nous y pousse. C'est la question de «l'art seldjoukide» et plus précisément de ses origines.

Notre professeur, l'académicien Joseph Orbeli, écrit à ce propos: «Il y a déjà longtemps que la science européenne a pris en considération les relations étroites existant entre l'architecture seldjoukide et l'architecture de l'Arménie et de la Géorgie [...] En étudiant les mausolées d'Ahlat, Erzerum, Vostan, nous remarquons la naissance d'un nouveau style architectural à l'état de greffe, coupé de l'église chrétienne, arménienne ou géorgienne, qui s'est développé au cours des siècles [...] Il n'y a rien qui nous autorise à considérer les monuments seldjoukides du Caucase et des anciennes provinces arméniennes de l'Asie Mineure comme le fruit de maîtres venus du dehors et porteurs d'une nouvelle forme d'art. En tant que porteurs de leur culture nomade, ces nouveaux venus n'avaient la possibilité de transporter avec eux ni l'architecture en pierre, ni la force créatrice qui sont indispensables à l'accomplissement de nouvelles formes d'art, architectural et décoratif, sur pierre⁶².»

La naissance de cet art-là coïncide chronologiquement avec la période où la famille aristocratique des Gaurades, porteurs de l'art arménien comme de l'art byzantin, occupait de hautes fonctions à la cour des Seldjoukides de Rum. Si l'on se réfère seulement à l'architecture, nous pouvons signaler que le fameux sanctuaire d'Ala ed-Din à Iconium a été bâti par un architecte arménien en 1158⁶³; quant au monument dit Ince Minare Medrese, dans la même ville, il a été bâti par l'architecte Galoust en 1251⁶⁴.

Ce que nous avons dit ne nous donne-t-il pas le droit de soutenir que jouèrent un rôle dans la naissance de «l'art Seldjoukide», et les Gaurades - au service de la cour des Seldjoukides dès la première moitié du XIIe siècle -, et - pourquoi pas? - les frères Vasak, Kourt, Sarkis et leur entourage, originaires de l'Arménie du Nord-Est?

Hratch Bartikian
Académie des Sciences, Arménie

62. I. A. ORBELI, *Problema sel'džukского iskusstva. Izbrannye trudy*, Erévan 1963, p. 364 s. Voir aussi: A. L. JAKOBSON, *Sel'džukskie otkliki na temy armjanskoj srednevekovoj arhitektury, Istoriko-filologičeskij žurnal A.N. Arm. SSR*, 1983, n° 4, p. 126-130; Karoj GOMBOŠ, *Maloazijskij kover v sisteme vostočnyh kovrov, ibid.*, 1986, n° 4, p. 61.

63. G. MIGEON, *Manuel d'art musulman*, II, Paris 1927, p. 120.

64. H. SALADIN, *Manuel d'art musulman*, I, Paris 1907, p. 456.

THE RELIGIOUS DIPLOMACY OF BYZANTIUM IN ARMENIA DURING THE TENTH AND ELEVENTH CENTURIES*

HRAČ' M. BART'IKIAN

The Council of Chalcedon (451 A.D.) created such a rift between the Byzantine and Armenian churches, between the Armenians and the Greeks, that it was impossible to resolve the issue during the entire existence of Byzantium. Indeed, it was the monophysite-dyophysite controversy, starting in the fifth century, that caused mutual intolerance and conflict between the two neighboring countries. This is understandable; the controversy, cloaked in religious robes, had deeper political and cultural roots. Beginning in the ninth century, when the subjugation of Armenia had become the order of the day for the Byzantine Empire, the aforesaid issue emerged quite naturally. Byzantium was Chalcedonian; Armenia was monophysite. This circumstance could not fail to cause difficulties to confront the Empire, which for a long time had decided to establish itself there. Since Byzantium had no thought of accepting monophysitism, nor did it feel it desirable to adopt a middle course, there remained only one course: to make every effort to convert Armenia to Chalcedonianism. So the Empire started working toward that end. On the surface the issue was religious; thus, the effort was headed by the religious leaders of Byzantium. The patriarch Photius had already made a serious effort in that direction. From the surviving letter of 862, written by him to prince Ašot, we

* Haïg Berbérian treated at length these relations for the eleventh century, «Hayoc' kat'otikosakan at'orin barjumə 11rd darun erkrord kəsin (Die Enthebung des armenischen Katolikosatsitzes in der Zweiten Hälfte des XI. Jahrhunderts)», *HA* (1967), nos. 4-6, cols. 145-160, nos. 7-9, cols. 327-346.

learn about Armenians in Fourth Armenia and Tarōn, who had accepted «orthodoxy» (i.e., Chalcedonianism) [καὶ τῶν Ἀρμενίων τοὺς ὀρθοδοξήσαντας δευτέρα πάλιν σταλεῖσα ἐπιστολή, τοὺς κατοικοῦντας τὴν Τετάρτην Ἀρμενίαν Ταρρωνίτας], and to whom Photius had sent two letters (1). Photius had also a series of letters written to the same Armenian prince of princes Ašot, and to catholicos Zak'aria, again on the doctrinal issue (2).

The work started by Photius was enthusiastically continued by the patriarch of Constantinople, Nicholas Mystikos, who sent a few letters to the Armenian king Smbat and catholicos Yovhannēs of Drasxanakert (3). The original Greek text of those letters has been preserved, and the catholicos mentions them in his history (4). During the reign of emperor Romanos I Lecapenos, Byzantium was carrying on an intense correspondence even with the religious heads of far-off Siwnik', probably with the thought of gaining support there against the Bagratids. The letter written by the aforesaid emperor to the Armenian bishop of Siwnik' has been preserved (5).

The Empire gained some success in Siwnik'; to the point even that in the ninth province of Siwnik', Bałac', Vahan of Siwnik', having become catholicos, 968-969, «was willing to write of amity and satisfaction with Chalcedonianism» (6). When a religious conference was

(1) J. Darrouzès, «Deux lettres inédits de Photios aux Arméniens», *Revue des Etudes Byzantines*, XXIX (1971), p. 147.

(2) See *Girk' t'li'oc'*, Tiflis, 1901, pp. 279-294, also *Palestinskii Sbornik*, 31 (1892), pp. 179-294. «Letter of Patriarch Photius to Catholicos Zak'aria of the Armenians, Concerning the Union of Two Natures into One of Our Lord Jesus Christ, and Concerning the Correctness of the Council of the Holy Fathers Convened in Chalcedon», N. Akinean, *HA* (1968), nos. 1-3, cols. 61-100, «Copy of the Letter of Patriarch Photius of Constantinople to Prince of Princes Ašot», N. Akinean, *HA*, (1968), nos. 10-12, cols. 439-450; «Response to the Paper of Photius Written to Prince of Princes Ašot of the Armenians», N. Akinean, *HA* (1968), nos. 10-12, cols. 451-472, all three articles in Armenian.

(3) H. M. Bart'ikian, «101st and 139th Letters of Nicholas Mystikos, Patriarch of Constantinople, Addressed to Hovhannes Drasxanakert'ci and to King Smbat I», *PBH*, (1966), no. 4, pp. 251-256, in Armenian.

(4) *Catholicos Yovhannēs Drasxanakert'ci, Patmut'wn Hayoc'*, Tiflis, 1912, reprint, Delmar, New York, 1980, pp. 280-282.

(5) J. Darrouzès, «Un recueil épistolaire byzantin. Le manuscrit de Patmos 706», *Revue des Etudes Byzantines*, XIV (1956), p. 115.

(6) *Asolkan patmut'wn tiezerakan*, Step'anos Tarōnec'i, St. Petersburg, 1885, p. 181.

convened in Ani to oppose him, Vahan escaped to Vaspurakan where probably there were Chalcedonian sympathizers (7).

The doctrinal arguments between Armenian and Greek doctors became frequent; they arose as canonical issues in the capital city of Byzantium, and were engaged in by lay leaders as well. Perhaps a clergyman went to Constantinople during the reign of John I Tzimisces: «The Armenian vardapet (Pandaleon) spoke to all the philosophers of Constantinople (*Horomoc'*) in the presence of the king» (8).

During the later years of the reign of Basil II, the vardapet Samuel of Kamrjajor went to Constantinople at the emperor's invitation, where Basil II «established... a forum for him to speak to the Greek doctors of theology» (9). Jacob of Sanahin or of K'arabin (10), Gagik II Bagratid (11), Gagik Abas (12), Grigor Magistros (13), Prince Atrnerseh of Bagrewand (14), and others held similar debates in Constantinople. Written correspondence on doctrinal matters were also lively (15).

The religious issue was very delicate during the Middle Ages, especially since the controversy between the monophysites and the dyophysites was very keen. Armenians considered the Greeks to be heretical (16). Anania of Narek even had an order promulgated «to rebaptize... one who was baptized as a Chalcedonian» (17). And for Byzantines, Armenians were heretical («the heretical inhabitants of Iberia, Mesopotamia, all the way to Lykandos and Melitene, and adjacent Armenia (18)»). As the Armenian catholicos Xaç'ik (973-992) wrote in a letter directed to the metropolitan of Sebasteia, «at the beginning of your letter, and many times subsequently, you have labeled us heretical (19)». Emperor Romanus III, observing the Black Moun-

(7) *Ibid.*, p. 182.

(8) Matt'ēos Urhayec'i (Matthew of Edessa), *Žamanakagrut'iwn*, Valaršapat, 1898, p. 28.

(9) *Ibid.*, p. 44.

(10) *Ibid.*, pp. 161, 227.

(11) *Ibid.*, pp. 163-178.

(12) *Ibid.*, p. 138.

(13) *Ibid.*

(14) *Ibid.*

(15) *Ibid.*, pp. 39, 44.

(16) Matt'ēos Urhayec'i, *Žamanakagrut'iwn*, p. 96.

(17) Step'anos Tarōnec'i, *Patmut'iwn*, p. 178.

(18) 'E.Θ. Τσολάκη, *Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτση, Θεσσαλονίκη*, 1968, σελ. 141.

(19) Step'anos Tarōnec'i, *Patmut'iwn*, p. 203.

tain monastics holding to the Armenian doctrine, put the following question, «What is that crowd of heretics?» (20).

Under such circumstances the task of the Empire's planned subjugation of Armenia had become quite difficult; she was forced to conduct flexible diplomacy with the Armenians. However, not all the emperors were conscious of this matter. Basil II had carried on a relatively flexible diplomacy. The positive attitude expressed toward him in Armenian sources attests to this. «Great king Basil of the Romans», wrote Paul of Tarōn, «all that analysis of yours regarding faith is not made for Armenians» (21). While according to Aristakes of Lastivert Basil II and the emperors preceding him «displayed guardianship toward our nation, which was under them» (22). Of course, that does not mean that during the reign of the aforesaid emperor, Byzantium did not persecute those who held to the Armenian doctrine. During the early period of the reign of Basil II, as early as 979, the Byzantines «prohibited the call to church from the city of Sebasteia» (23), while in 986, «feminized pastors and the metropolitan of Sebasteia began to harass the Armenians about their faith, and having seized the priests began to torture them about their faith, and the head priest of Sebasteia was brought in chains before the king. And the archpresbyter Gabriel was tortured in prison and killed» (24).

It is clearly understandable that this condition existed not only in Sebasteia, but also in other regions where there were Armenians.

During the times of Basil II, and undoubtedly of emperors preceding and succeeding him, those Armenians that accepted Chalcedonianism enjoyed advantages before the law over Armenian monophysites. To escape a judgement Vrveř, the T'ondrakian, «promised to become dyophysite» (25). These circumstances, as well as force, yielded appreciable results for the Empire. For example, as a result of religious persecution the bishops Sion and John of Sebasteia and Larisa «under the same metropolitans's pressure accepted the Council

(20) *Patmut'iwn Aristakisi Lastivertc'woy*, ed. K. N. Yuzbařyan, Erevan, 1963, p. 43.

(21) *T'ult' eranelwoyn Pawłosi Tarawnac'woy yalt'awl axoyean vardapeti anddēm T'ēop'isteay horōm p'ilisop'ayin*, Constantinople, 1752, p. 273.

(22) Aristakes Lastivertc'i, *Patmut'iwn*, p. 43.

(23) Step'anos Tarōnec'i, *Patmut'iwn*, p. 202.

(24) *Ibid.*, p. 201.

(25) Aristakes Lastivertc'i, *Patmut'iwn*, p. 132.

of Chalcedon, breaking away from the unity of the Armenians» (26). Later in Constantinople, Yakobus of Sanahin, «gave in to the dual nature of Christ, and was converted to the side of the Romans (i.e., Byzantines); ... he wrote a discourse on the union of the Armenians and the Romans» (27).

Under similar circumstances Chalcedonian bishoprics began to grow like mushrooms in Armenia, emerging as centers working to the benefit of Byzantium (28). From this point of view, the bishopric established in the city of Vałarřakert, and working for the benefit of Byzantium, is very typical (29). It was fairly active in the early 20's of the eleventh century, during the Byzantine-Georgian War. The Armenian bishop Zak'aria, of Vałarřakert, who held to the Chalcedonian doctrine, not only served as a negotiator between Basil II and the Georgian king Giorgi, but even tried to delude the Georgian king to Basil's advantage, «probably deceiving Giorgi with his words» (30), while keeping Basil informed about the strength of Georgian military forces and their readiness for combat (31). It was not by chance that in the year 1000, Basil II, on a journey from Tarōn to Tayk', the route «of the army passed by the plain near the city of Vałarřakert» (32). And from there he went to Uxt'ik' (33).

Basil II had ties even with the Chalcedonian head abbot of the Armenian monastery at the foot of the Black Mountain in the region of far-off Antioch (34).

Basil II differed from the other emperors in religious matters in that, when necessary, he could win over the Armenians, temporarily ceasing his persecution of those who held to the Armenian doctrine, if that was diplomatically expedient. If in 979, or even 986, those

(26) Step'anos Tarōnec'i, *Patmut'iwn*, p. 202.

(27) Matt'ēos Urhayec'i, *Žamanakagrut'iwn*, pp. 161-162.

(28) See E. Honigmann, *Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches*, Bruxelles, 1935, pp. 198-210. M. Thierry, «Notes de géographie historique sur Vaspourakan», *Revue des Etudes Byzantines*, xxxiv (1976), pp. 159-173.

(29) Probably established in the seventh century, «Nersēs, catholicos of Armenians, who was by birth from Tayk', who built Holy Mother-of-God of Vałarřakert,» see Yovhan Mamikonean, *Patmut'iwn Tarōnoy*, ed. Ař. Abrahamyan, Erevan, 1941, p. 280.

(30) Aristakes Lastivertc'i, *Patmut'iwn*, p. 36.

(31) *Ibid.*, p. 36.

(32) Step'anos Tarōnec'i, *Patmut'iwn*, p. 277.

(33) *Ibid.*, p. 278.

(34) Matt'ēos Urhayec'i, *Žamanakagrut'iwn*, p. 50.

holding to the Armenian doctrine were being persecuted, only 15 years later, when the subjugation of Tayk^ʿ had become an issue, and the emperor needed to win their support, he directed that the Armenians be allowed to be «outspoken in all matters concerning doctrine, and to sound the bells», in the Armenian churches of Sebasteia (35).

After Basil's death Byzantium's religious diplomacy in Armenia changed materially. Romanos III «through personal command directed the church of God to assume a new form» (36). He even conscripted into military service the monks from monasteries of the Black Mountain holding to the Armenian doctrine (37). The situation deteriorated even more after the subjugation of Armenia, when there was no longer any effort being made to win over Armenians; «When the Armenians were taken over by the Greeks», writes Matthew of Edessa, «he prevented any evil action by the Armenian nation; *they sat down to an examination of faith*, and through it rejected the battle arena and considered the Church of God established. They willingly retreated from battle with the Persians, and tried to hinder and divert all true believers in Christ from their belief...» (38).

While up until the subjugation of Armenia, the empire interacted with those who held to the Armenian doctrine, after the subjugation it stood in direct confrontation with the Armenian catholicate. Under conditions of proliferating Armenian sovereignty the catholicate was the principal unifying force of the Armenians. Byzantium could not fail to take that fact into account. For that very reason one of her first acts was to enhance the Armenian catholicate in Ani. If in 1045, immediately after the occupation of Ani, «of Armenia and Iberia,» the principal commander of the regional forces, Iasites, on arriving at his new capital city of Ani, «greatly honored the Patriarch Petros» (39), it is understandable, because of the latter's friendly acts toward Byzantium. But his immediate successor, Katakalon Kekaumenos, after one year, «did not show high honor to the patriarch» (40). Even more, catholicos Petros, the spiritual head of the Armenians, was removed from Ani, and sent to Arcn, and from there to Constanti-

(35) Step'anos Tarōnec'i, *Patmut'iwn*, p. 276.

(36) Aristakes Lastivertc'i, *Patmut'iwn*, p. 43.

(37) *Ibid.*

(38) Matt'ēos Urhayec'i, *Žamanakagrut'iwn*, p. 136.

(39) Aristakes Lastivertc'i, *Patmut'iwn*, p. 63.

(40) *Ibid.*

nople, where, after being kept for three (or four) years, his permanent domicile was designated as the city of Sebasteia, because the Byzantine governor did not dare to allow him to return to Ani, fearing that he would «cause a rebellion in Ani» (41). After remaining in Sebasteia for two years catholicos Petros died. His successor, catholicos Xaç'ik, Petros' nephew, was taken to Constantinople in the same manner by the Emperor, kept for three years, and then permitted to go to Tarnta canton, Second Armenia, «for he was ordered to live there» (42).

The catholicate of the Armenians was in this manner taken out of Armenia; its existence within the boundaries of Byzantium could not have any real significance for Armenians; Aristakes Lastivertc'i writes, «The heir to the See was taken away as captive and prisoner» (43).

The strength of the Armenian church sprang from its economic prosperity. Matthew of Edessa writes, «When catholicos Petros occupied the patriarchal throne in Armenia, it had holdings, granted by the Armenian kings, of 500 renowned, populated, and prosperous villages as well as 500 overseeing bishops in charge of 700 dioceses... and the patriarchal throne was not inferior to that of the kingdom of Armenia» (44). The historian also writes of the wealth of the Armenian church. Byzantium, in conquering Armenia, stripped the Armenian church of its land holdings. But that was not enough for the Empire. The Byzantines «made... an issue of the quantity of the wealth in gold and silver of His Holiness Petros, Catholicos of Armenians» (45). The Byzantine government succeeded in transferring those treasures of the Armenian catholicate in Constantinople that they discovered «in Sebasteia and in Armenia» (46).

After doing all this the Empire took another approach. It tried to make the Armenian catholicate subject to taxation. Aristakes Lastivertc'i writes, that the Romans «wished to impose taxes» on catholicos Xaç'ik (47). Catholicos Xaç'ik positively rejected this, saying, «it has not been thus from ancient times, and I shall not allow it» (48).

(41) *Ibid.*, p. 82.

(42) *Ibid.*

(43) *Ibid.*, p. 99.

(44) Matt'ēos Urhayec'i, *Žamanakagrut'iwn*, pp. 153-154.

(45) *Ibid.*, p. 137.

(46) Aristakes Lastivertc'i, *Patmut'iwn*, p. 82.

(47) *Ibid.*, p. 83.

(48) *Ibid.*

The persecution of those holding to the Armenian doctrine became intensified with new vigor, especially during the reign of emperor Constantine X Ducas, 1059-1067. He «conceived an evil plan wanting to take over and restrict the Patriarchal See of St. Gregory of the Armenians... and instituted persecution and imposed various examinations on the faith of the Armenian nation» (49).

The religious diplomacy of the Byzantine Empire had a negative impact not only on the Armenians, but also on the Greeks themselves. During that century the existing abyss between those of Armenian doctrine and the Chalcedonians became deeper and wider. Byzantium was unable to establish strong support in Armenia. It felt itself a foreigner in hostile territory, a fact that could not fail to have a fatal meaning during the period of the Turkish invasions.

Translated from Armenian by Arra Avakian.

Armenia and Armenians in the Byzantine Epic

Hratch Bartikian

After the first and second partition of Armenia between Sassanian Persia and the East Roman Empire (in A.D. 387 and 591), and again after the Arab conquest of Armenia, many Armenian aristocrats emigrated to Byzantium, where they attained high-ranking positions. As early as 414, in the Codex Theodosianus, we find the name of a certain *praepositus* Muselios, a name belonging to the Mamikonian feudal family. It may therefore be concluded that the *praepositus* Muselios belonged to the well-known family which held the supreme command of the Arsacid armies. Subsequently other bearers of this name will reach high office (Muselios, Musele, Mosele), of whom the most outstanding is Alexios Musele. Yet another will appear in the guise of ἑξάκουστος Μουσελάωμ in the Byzantine epic, as the maternal great-grandfather of Digenes Akrites.

Armenian dignitaries moved to Byzantium again after the second partition of Armenia in 591, but the Arab conquest provoked a mass exodus. There is no need here to mention the many Armenian emperors and military personnel, the three Armenian patriarchs of Constantinople, two saints of the Orthodox Church, and many men of letters. This phenomenon is well-known, but I draw attention to it in order to show that it is not futile to follow through the same phenomenon in the Byzantine epic, most of whose episodes take place in a more or less Armenian environment. The first to have written on this was the distinguished Armenian historian and literary scholar, Nicholas Adontz. Subsequent research has vindicated his opinions.

Geography in the epic

First let us consider the geography of the epic. The cradle of Byzantine epic poetry is Cappadocia, which under Diocletian was called Armenia II, under Justinian I Armenia III, while in the seventh century along with Pontos it constituted the Armenian theme. It is here, and specifically at the place called Lykandos, that the future father-in-law of Digenes has his home. We know from Constantine Porphyrogenitus that Lykandos had been barren and uninhabited until the time of Leo VI (ἔρημος ἦν . . . καὶ ἀοίκητος) and that Melias and his Armenians

(49) Matt'ēos Urhayec'i, *Žamanakagrut'iwn*, p. 138, cf. also pp. 160-1.

τὴν πόλιν τοῦ πτώματος ἤγειρε καὶ προβαίνουσα ἐπὶ τὸ πρόσθεν
πᾶσα ἡ χώρα μεστὴ γέγονεν τῶν Ἀρμενίων . . . Ἡ δὲ ὀνομασία
τῆς πόλεως ἀρχαία τις καὶ παλαιὰ ἀπὸ τῆς τῶν Ἀρμενίων γενεᾶς
καὶ τε καὶ γλώττης ὀνόμαστο (*De Thematis* 75–6).

In this way the birthplace of Digenes' mother turns out to be the Armenian city 'burgeoning with Armenians' of the period of Leo VI.

Digenes' homeland on his father's side is the city of Πουχᾶ (A939, 952, 957),¹ which appears as 'Urha' in the Armenian sources ('Urfa' is the later Turkish name), which is identified with Edessa in Osroene, in Syria, where the Armenian element had always been present, and which even at the beginning of native Armenian historiography, in the fifth century, is considered an Armenian city, just as the Syrian Kingdom of Osroene is considered an Armenian Kingdom, and its King Augaros who embraced Christianity is likewise considered an Armenian King. It should be noted here that when Digenes departs with his bride from Cappadocia, he makes his headquarters at a place called Trosis, in the Arab–Byzantine borderland, which was identified by Grégoire with the Turkish town of Turuṣ in the *vilayet* of Urfa/Edessa. Under Justinian this region was known as Armenia IV.

Every commentator on the Πουχᾶ of the epic has identified it with Urfa/Edessa. Stylianos Alexiou, who has studied the Byzantine epic so fundamentally and profoundly – and is justly considered an expert among scholars of *Digenes Akrites*, and to whom we shall often be referring in connection with historical and geographical issues – prefers the Παχέ of the Escorial version and identifies it not with Urha, but with the Arabic Raqqah, south of Edessa. This conjecture, I must confess, does not convince me. And while on the subject of Πουχᾶ/Urha, I find it necessary also to discuss in more detail the enigmatic toponym *Aqrīta*, which is mentioned by the Arab geographer of the ninth century al-Fakihi as the capital of the Byzantine theme of Chaldia.

A great deal has already been written upon this subject. It has been understood as a reference to Crete; to the theme of Lykandos, as the theme *par excellence* of the *akritai*; to the region of Pontos or Armenia; and as a general descriptive term by which the Muslims denoted the *akritai* of the frontiers. Recently the issue has been re-examined by I. Anagnostakis, who believes that *Aqrīta* is probably the Byzantine–Arab borderland in the eighth century, but referred to by Arab writers as the seat of the *strategos* of Chaldia (Anagnostakis 1989). Drawing on information from Ptolemy and Pliny about the χώρα Ἐκρητικὴ or Ἐκρηκτικὴ, and the *Regio Gegrītice* or *Agrītice*, he proceeds to an extended discussion of Armenian geography in the seventh century. As a result, Anagnostakis has been able to offer information which perhaps provides a complete solution to the riddle (1989: 67).

¹ References to the A version in this paper are to the edition by Kalonaros (1941).

The Armenian *Geography* mentions this country or region as *Egrewiki* and *Agriwike*, by which are meant the present-day Mengrelia which Anagnostakis identifies with the *Aqrīta* of the Arab writers; although he concludes by saying that 'at the end of the day problems like that of Ikritiya–Aqrīta may be consigned to being susceptible of more than one plausible solution' (Anagnostakis 1989: 69). That is to say, he considers the identification *Aqrīta* = *Egrewike* = *Agriwike* to be a mere possibility, and not the final answer to the enigma.

What is the weak point in these theories? All the possibilities discussed so far refer to a 'country' or 'province'. How can the seat of the *strategos* of Chaldia be a country, and indeed far from the Byzantine theme of Chaldia? It is far from certain that, at the period which concerns us, the present-day Mengrelia was included within the boundaries of that theme.

In many Armenian manuscripts of the *Matenadaran* (preserved in the Centre for Research into Ancient Manuscripts in Erevan) there occurs a sort of *Nomina Urbium Mutata*, or geographical list of ancient toponyms. Its author was the Armenian Patriarch of Constantinople, Gregory of Caesarea (c. 1570–1636). Alongside the ancient names, those current at the time are also given. The majority of toponyms relate to Armenia, but no small number also relate to Greece and parts of Asia Minor. In order to assure ourselves of the author's knowledge, it is worth quoting some of his identifications:

- Ankouria (i.e. Ancyra) – the town of Enguri
- Axios – the river Vardar Su
- Byzantion – the city of Stambol
- Edesia – the town of Ourfa
- Ellada – the *vilayet* of Ouroumeli
- Evia – the island of Eīripoz [Euripos]
- Epesos – the town of Ayasoulou
- Mazak – the town of Gāiseri [Caesarea]
- Melos, or Milos – the river Garasu [Mavropotamos]

One manuscript, however, no. 8189, includes at the end a toponym not found in many other manuscripts known to me. On f. 147^v we read: 'Aqrīta – the town of Orha'. Orha (or Urha) is, as we have seen, Edessa in Syria.

Naturally the mention in our manuscript does not solve the riddle; on the contrary, it makes it darker still. For Edessa was never the capital of the theme of Chaldia; what is more, it was not even *in* Chaldia. Without claiming to have solved the riddle, I should like to point out that in the Armenian as well as in the Syriac sources, 'Chaldaean' appears as a synonym for 'Syrian'. In the prologue to a Syriac manuscript of the *Chronicle* of Michael the Syrian, 'the book of Marimpas the Chaldaean' is noted as a source. An Armenian historian of the fifth century, Moses Chorenos, regards the same Syrian writer as Chaldaean (μελετητὴ χαλδαϊκῶν [i.e. Syriac] γραφῶν). Could it be that the Arab writers confused the theme of Chaldaea with Syria, whose capital was indeed Edessa/Urha?

Other Armenian toponyms are mentioned in the epic, such as Charziane (G1.6, 56; 4.42), which has nothing in common with the Charsianon theme, as is often supposed,² but is the district of Chorziane–Chorzianene (Armenian Chorzian), of Armenia IV. It is worth noting here that these are not the only mentions of Armenia IV. Who are the ἔθνη and the σατράπαι recorded by the epic (A4066, 3857, 4335, 4365), if not the inhabitants of Armenia IV, who are called ἔθνη (*gentes*) in Justinian's Novel 31, in the Justinianic code, in the *De Aedificiis* of Procopius, and the feudal landlords/administrators of Armenia IV, who are known to the same, as well as to the Armenian, sources as σατράπαι?

The town of Akina in the epic (A 658) is the Armenian town of Akn (gen. Akna; the modern Egin), on the upper bank of the Euphrates, which from the tenth century until 1915 was a major centre of Chalcedonian diphysites. Finally Achaia (A2419) has nothing to do with the province of the same name in the Peloponnese but is Armenian Mananale, an important centre of the Paulicians, who called it Achaia. Nor should we forget that Digenes' paternal grandfather was Chrysocheir, commander in chief of the Paulicians, while his father's uncle was Karbeas, another commander of the same heretics.

Personal names in the epic

Among other characters in the epic that could be considered to be of Armenian origin is Mouselom, Digenes' great grandfather on his mother's side. In the A version the brothers of Digenes' mother-to-be address the Emir of Roucha in these words:

πατήρ μας δὲ ὁ Ἀαρὼν ἐκ τῶν Δουκῶν τὸ γένος, . . .
καὶ Μουσελῶμ ὁ θαυμαστός πατήρ ἦν τοῦ πατρός μας (A489, 491)

which is a perfectly correct and normal expression. In E we read:

«Πατήρ μας ἦτον Ἀαρὼν καὶ θεῖος μας ὁ Καροήλης,
ὁ Μουσελῶμ ὁ ἐξάκουστος πατήρ ἦν τοῦ πατρός μας
καὶ ἐκεῖ τοὺς ἐνταφίασαν ἴς τὸν τάφον τοῦ προφήτου. (E145–7)

The words καὶ θεῖος μας ὁ Καροήλης, according to Kalonaros, 'are due to a misunderstanding caused by confusion on the part of the redactor'. Regarding the burial at the Tomb of the Prophet, he notes that the redactor's confusion 'has been exacerbated by the incoherence of the line'. It is not hard to conclude that this line has nothing to do with the events just narrated and is left hanging in the air.

Alexiou is wrong, in my view, to transpose these lines of E, so that the words of the brothers are placed in the mouth of the Emir, with the result that Aaron Doukas, descended from the Kinnamades, becomes the Arab Caliph Harun

² Trapp, for example, silently corrects Χαρχιανή (Mavrogordato 1956) to Χαρσιανή and glosses as θέμα in his index of proper names (1971).

al Rashid (Trapp, for Aaron, gives Ἀμβρών), while Mouselom becomes the Emir's grandfather and son of Haroun al Rashid. In transposing these lines, Alexiou ought to have noted that the place of the Girl's brothers (plural) has been usurped by the Emir, who could not possibly have said 'our father was Aaron ...', but would have had to say 'my father ...' In this way, according to Alexiou, the Byzantine nobleman Mouselom, whose name is the Armenian Mušel (let us recall here the *praepositus* Muselios of 414, who was no Arab) becomes an Arab and is identified with the Arab general Masalma who invaded Asia Minor or with Abumuslim (a 'former slave' according to Theophanes), who is inexplicably called by Alexiou 'Mousalim'.

The name Mušel, which has nothing Arabic about it, derives from the Hittite Mušil. In the *Shahname* of Firdowsi this Armenian name appears as Mūšil, while the Arabs write Mūšail. The earliest mention of this name among Armenians dates from the third century.

Digenes' grandfather on his father's side, as we noted, was Chrysocherpes, or Chrysocheir, the renowned commander-in-chief of the Paulicians, while his uncle, again on the father's side, was Karbeas, who preceded Chrysocheir in that role. The name of the uncle in the epic, Karoes, is Karo, the diminutive of the Armenian name Karapet, to which has been added the Greek suffix ης (just as with Μελεμέντζης -ης, Μαϊτάκ -ης, on which see below). Karbeas is also a diminutive of this name: in Armenian Karpis, or Karbis. In an akritic song published by Grégoire, he is called Καραβιέρης, which must be related to Καραπέτης (assimilated to καράβι in Greek).

On the *apelatai* Melementzes (Μελεμέντζης, and not Μελεμέτζης as Alexiou has it) much has been written. First Adontz and then Grégoire identified him with the renowned Melia/Mleh (*mentz* in Armenian means 'great'). If he too, like the Paulician heretics Sergios and Baanes, but also like their commander-in-chief Karbeas with thousands of their followers, fled to Melitene and sought asylum among the Arabs, it is not unlikely that he was a Paulician. Alexiou prefers the Escorial reading, Μιλμίτσης, since he regards Melementzes as 'a less reliable form'. Why? According to Alexiou the ending -ίτσης is a very common Byzantine diminutive of the Arabic name Melem, which, he claims, means 'strong'. This name he even finds in the toponym Maleme in Crete.

But how are we to understand this name if it means 'a little bit strong'? Can a warrior whom Maximou εἶχε πρῶτον ἀγουρον ἐξάρχοντα τῶν ἄλλων (G6.428), and who εἰς χιλίους οὐδέποτε συνεργοῦ ἐδεήθη (G6.492) be so described? But if the Arabic name is Melem, should the correct form not logically be Melementzes, instead of Milimitses? But even the translation of Melem as 'strong' is not certain.³

³ The same Arabic root can be realized as as *melām*: ethnarch; *mālām*: bad man; *malam*: curse; *melamm*: mainland.

We noted above that this character is named in the A version as Melementzes and not Melemetzes. At first sight this is a trivial difference; however in this case the letter 'n' has considerable significance, as it underlines the Armenian nature of the name. In Armenian *metz* is the learned form of the word *mentz*, which means 'great'. This is the true significance of the name Melementzes.

Other names, which in my opinion are of Armenian origin, are: Apochalpes, Maiakes and the Mousouphres of the E version. The future father of Digenes, the Emir, says (Kalonaros 1941):

καὶ ἐγὼ ἐκυνήγουν . . .
 . . . μετὸν Ἀποχάλπην,
 τὸν ἔγγονον τοῦ γέροντος τοῦ Μαΐακη . . . (E 505-7)⁴

In the early editions of the E version the name appears as Μαΐακη. Alexiou adopts 'the correct reading by Karayanni: τὸν ἔγγονον τοῦ Μαΐακη' (1985: 94). The diaeresis had been adopted a decade before Karayanni's study by myself, without even having access to the manuscript, simply on the basis of the fact that the name is Armenian: Hmayak.

If Apochalpes is the grandson of Maiakes, and Μαΐακη the Armenian name Hmayak (the grandfather of the Armenian Emperor of Byzantium Basil I was called Μαΐακη, i.e. Hmayak), then the grandson must also be Armenian. Apochalpes corresponds to Apokapes in the Byzantine and Abukap in the Armenian sources. After George Maniakes, the first Governor of the town of Edessa (that is, Urha, the Roucha of the epic), his place was taken by the Armenian Apokapes. This name was turned by the Byzantines into a patronymic. Many Armenians at that time had Arabic names of this sort. Constantine Porphyrogenitus mentions an Armenian Prince of Taron by the name of Apoganem (Abu Ghanim). At the same period we have Armenian noblemen with such names as Abu-l-Gharib, Abu-l-Jahab. The father and son of Senekerim, King of Bospourakan, were both named Abu-Sahl. Known nobles of Bapourakan are Abu-Belj, Abu-Jafar, Abu-Haya, Abu-Mugdem, Abu-Haraz; other nobles families include such names as Abu-Sahak, Abu-Selm, Abu-Set (Said), and many others.

The name Maiakes, for Alexiou, 'is reminiscent of Syrian names and toponyms such as Maiouma, Mai-Fermat, etc.', and the bearer of this name is a 'Saracen' (1979: 28). But why should we have recourse to Syria and Arabia, when this Armenian name appears in the poem intact? The origin of the name is Persian (Humayak, meaning 'blessed'). In the form Humaya ('Υμέης in Herodotus) it was the name of the brother-in-law and general of Darius I. The Chief Magician of the time of Shah Bahram Gur (420-21), according to the

⁴ For the MS readings and Alexiou's emendations see S. Alexiou 1985: *apparatus criticus* and p. 94.

Shah-nameh, was called Homai. The name Hmayak occurs among the Armenians from the earliest times, and has nothing to do with the Arabs.

As for Mousouphres, which is indisputably the Arabic al-Muzaffar, this was, according to Constantine Porphyrogenitus, the name of the son of the famous Armenian General Manuel, in the form Moudaphar.

Finally I should like to comment on the name Ankylas ('Αγκύλας), which is found in the Trebizond, Athens and Oxford versions. Ankylas is a giant of untold physical strength. His home is in Mesopotamia and he alone is credited with having defeated Digenes in a skirmish. According to George of Cyprus, Upper Mesopotamia corresponds to Armenia IV. In this province was a region which the Byzantine sources call Angilene, whose capital is the Fortress of Angel ('Αγγέλ). Here were the tombs of the ancient Armenian kings, as well as their treasury. Angel was a famous religious centre where a divinity by the name of Angelia was worshipped. This divinity by the Early Middle Ages had become a hero. The Armenian historian of the fifth century, Moses Chorenos, compares Angelia with the Jewish Samson, the Persian Rostom and the Greek Heracles, and writes that in Armenia epic songs are sung about him, and legends told, chiefly in Armenia IV, which includes Angilene, that is, in the later akritic provinces of Byzantium, which were largely inhabited by Armenians. We should not be surprised to find these songs echoed in the Byzantine epic. If Angelia is the Greek Heracles, then ἡ χώρα τοῦ Ἡρακλέως in the Byzantine epic is none other than Angilene, which in Armenian is called Angeltun – the Province of Angelia, that is, of Heracles, and the phrase in the poem is simply a literal translation into Greek of the Armenian toponym. This could have been converted by the compiler or copyist into Ἡράκλεια, as the name of a city, since χώρα τοῦ Ἡρακλέως sounds strange, but to change a city by the name of Herakleia into χώρα τοῦ Ἡρακλέως, and to place it in Charziane or Cappadocia, is improbable indeed.

Even if all the evidence presented above for Armenian content (toponyms, proper names) were absent, the allusion to Armenian epic songs in the Byzantine epic would be enough by itself to draw attention to Armenian elements in *Digenes Akrites*.

In conclusion I should like to emphasize that the Armenian element in the Byzantine epic is nothing but the reflection of historical reality which was discussed at the beginning of this paper. Just as the presence in Byzantium of numerous emperors, generals, high-ranking churchmen and men of letters of Armenian origin has never challenged the Hellenic character of the Byzantine state, so may the same be said of the Armenians and their deeds in the Byzantine epic of *Digenes Akrites*.

СОДЕРЖАНИЕ ПΕΡΙΕΧΟΜΕΝΑ

CONTENTS

60. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в., Византийский временник, т.VIII, 1956. 1
61. Армянские источники для изучения истории павликианского движения, Палестинский Сборник, вып. 4 (67), 1959..... 7
62. К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским армянским государством в конце XII в., Византийский временник, том XVII, 1960 21
63. Петр Сицилийский и его „История павликиан,, Византийский временник, т. XVIII, 1961 27
64. Критические заметки о завещании Евстафия Воилы (1059), Византийский временник, т. XIX, 1961 63
65. Ответное послание Григория Магистра Пахлавуни сирийскому католикосу, Палестинский Сборник, вып. 7 (70), 1962 75
66. Два послания Григория Магистра Пахлавуни (XI в.) относительно еретиков-тондракитов, Палестинский Сборник, вып. 9 (72), 1962..... 91
67. Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите, Византийский временник, т. XXV, 1964..... 99
68. Дигенистика в курдском эпосе о Златоруком хане, Вестник общественных наук АН Арм.ССР (далее- Вестник) No 1, 1967 119
69. Еретики Ареворди („Сыны солнца ,,) в Армении и Месопотамии и послание армянского католикоса Нерсеса Благодатного. „Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран,,. Сборник в честь семидесятилетия члена-корреспондента Академии наук СССР Н.В.Пигулевской, Москва 1967..... 127
70. О некоторых вопросах византийского эпоса о Дигенисе Акрите. Вестник Ереванского университета, No 1, 1968 139
71. „Эникион,, в Византии и столице армянских Багратидов Ани в эпоху византийского владычества (1045-1064). Историко-филологический журнал АН Арм.ССР (далее - ИФЖ), No 2, 1968 147
72. Об одной важной конъюнктуре в „Советах и рассказах,, Кекавмена, Вестник, No 8, 1968..... 159
73. О двух византийских военных терминах восточного происхождения, Вестник, No 8, 1970..... 163
74. О „монголах,, в „Дигенисе Акрите,, , ИФЖ, No 3, 1972 175
75. О владелице рукописи „Советов и рассказов,, („Стратегикона,,) Кекавмена, Вестник, No 1, 1973 181

76.	Еще раз о происхождении имени „Павликиане,, , Вестник, No 2, 1973	185
77.	О болгарском войске в Васпуракане и последних годах царства Арцрунидов, Вестник, No 10, 1973	191
78.	О павликианах после павликиан. „Античная древность и средние века,, Сборник 10, Свердловск, 1973	201
79.	Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX-XII вв. Actes du XIVe Congrès International des Etudes byzantines, Bucarest, 1974 (в соавторстве с З.В.Удальцовой и А.П.Кажданом).....	207
80.	Некоторые замечания о „Советах и рассказах,, Кекавмена, Вестник, No 2, 1974	213
81.	О феме Иверия, Вестник, No 12, 1974	231
82.	Несколько конъектур к сочинению Кекавмена „Советы и рассказы,, (Стратегикон), Вестник, No 6, 1975	243
83.	Миграция армян в XI веке: Причины и последствия. XVe Congrès International d'Etudes Byzantines, Rapports et co-rapports, I. Histoire. 2.Composition et mouvement de la population dans le monde byzantin, Athènes 1976.....	251
84.	Об армянской памятной записи в грузинской рукописи содержащей Типик Григория Пакуриана, Вестник, No 7, 1978	271
85.	О Βάρδας ὁ Βρατζῆς Жития св. Марии Новой и византийских патронимах Иверици и Ватаци, ИФЖ, No 3, 1980	277
86.	Движение тондракитов в Византии, Вестник, No 9, 1980	285
87.	Византийская, армянская и болгарская легенды о происхождении павликиан и их историческая основа. Byzantinobulgarica, t. VI, Sofia, 1980	297
88.	О протоболгарских надписях ханов Крума (803-814) и Омуртага (814-831) и некоторых вопросах организации раннеболгарского государства, Вестник, No 4, 1981,	303
89.	Маттеос Урхаеци. В кн. Видные деятели армянской культуры (V-XVIII века), Ереван, 1982.....	315
90.	Разрешение проблемы мардаитов, Вестник, No 2, 1983.....	323
91.	Роль игумена Филиппопольского армянского монастыря Иоанна Атмана в армяно-византийских церковных переговорах при католикосе Нерсесе IV Благодатном (1166-1173), Вестник, No 6, 1984	341
92.	У истоков армяно-болгарского сотрудничества (по лапидарным надписям ханов Крума и Омуртага). Българска Академия на науките. Археологически Институт и Музей, Институт за история. Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов, София, 1984	353
93.	К разгадке загадки о „славянском,, происхождении основателя Македонской династии Василия I (867-886), Вестник, No 7, 1985	359

94.	Об особенностях участия армян в правлении византийским и болгарским государствами в VIII-IX вв., Культурное наследие Востока,, Сборник статей, посвященный 75-летию Б.Б. Пиотровского, Ленинград, 1985	367
95.	Мнимое упоминание „Картлийской царицы,, в армянской надписи из Атенского Сиона, Вестник, No 2, 1986.....	375
96.	Еще раз об армянской надписи из Атенского Сиона, Вестник, No 8, 1986.....	381
97.	О византийской аристократической семье Гаврас (Γαυράς-Γαβράς). I. Об этнической принадлежности семьи. ИФЖ, No 3, 1987. II. Гаврасы Малой Азии и Западной Армении (XI-XIII вв). Еще раз о цатах (армянах-халкедонитах), ИФЖ, No 4, 1987. III. Гаврасы Западной Армении по армянским источникам XIII века. IV. Гаврасы Северо-восточной Армении в XII-XIII вв. ИФЖ, No 1, 1988	389
98.	О связях монастыря Григория Пакуриана с Арменией, Вестник, No 6, 1988.....	429
99.	О византийском клиторологии в Судебнике Мхитара Гоша и его армянском переводчике, ИФЖ, No 3, 1989.....	435
100.	Накануне падения армянского царства Багратидов Ширака (к миссии католикоса Петра I в Константинополь). „Мировая культура. Традиции и современность,,. Сборник статей, посвященных 80-летию академика Б.Б.Пиотровского, Москва, 1991.....	443
101.	О царском кураторе „Μαυζηκέρτ και Ἔσω Ἰβηρίας,, Михаиле. В связи с восточной политикой Василия II (976-1025), ИФЖ , No 1, 2000	453
102.	Ἡ Μετανάστευσις τῶν Ἀρμενίων τὸν ΙΑ΄ αἰῶνα. Αἴτια καὶ συνέπειαι. XV Congrès International d' Etudes byzantines. Rapports et co-rapports. I. Histoire. 2. Composition et mouvement de la population dans le monde byzantine, Athènes, 1976	473
103.	Βυζάντιον καὶ Ἀρμενία. „Βυζαντινά,, Ἐπιστημονικὸν Ὀργανὸν Κέντρου Βυζαντινῶν Ἐρευνῶν Φιλοσοφικῆς Σχολῆς Ἀριστοτελείου Πανεπιστημίου. τόμος 12ος, Θεσσαλονίκη, 1983.....	487
104.	Γιὰ τὸν Ἰβηρικὸ στρατὸ,, καὶ τὸ βυζαντινὸ θέμα Ἰβηρία,, Δῶρημα στὸν Ἰ.Καραγιαννόπουλο, „Βυζαντινά,, τόμος 13ος, Θεσσαλονίκη, 1985	519
105.	Ἡ λύση τοῦ αἰνίγματος τῶν Μαρδαϊτῶν. „Βυζάντιον,, , ἀφιέρωμα στὸν Ἄνδρέα Ν.Στράτο, τόμος Α΄, Ἀθήναι 1986	529
106.	„Διγενὴς Ἀκρίτας,, καὶ Ἀρμενία. Ἐταιρεία Κυπριακῶν Σπουδῶν. Πρακτικὰ Β΄ Διεθνoῦς Κυπριολογικοῦ Συνεδρίου, τόμος Β΄, Μεσαιωνικὸ τμήμα, Λευκωσία 1986.....	553
107.	Ἐπίσημα βυζαντινὰ ἔγγραφα σὲ ἔργα Ἀρμενίων μεσαιωνικῶν συγγραφέων. Α΄. Οἱ ἐπιστολὲς τοῦ Ἰωάννη Τιμιμσκή στοὺς Ἀρμένιους.	

	„Βυζαντινὸς Δόμος,,. Περιοδικὸ μεσαιωνικῆς ἑλληνικῆς ἱστορίας καὶ πολιτισμοῦ, τόμος 2, Ἀθήνα 1988	569
108.	Γιὰ τὴ λύση τοῦ αἰνίγματος περὶ τῆς „Σλαυικῆς,, καταγωγῆς τοῦ Βασιλείου Α΄. „Βυζαντινὸς Δόμος,, τόμος 3, Ἀθήνα 1989.....	591
109.	Τὸ κίνημα τῶν Θουδρακιτῶν στὸ Βυζάντιο, „Βυζαντινὸς Δόμος,, τόμος 3, Ἀθήνα 1989	601
110.	Ἡ οἰκονομικὴ πολιτικὴ τοῦ Βυζαντίου στὴν Ἀρμενία. Δεύτερο μισὸ τοῦ 10ου μὲ πρῶτο μισὸ τοῦ 11ου αἰῶνα. Πρακτικὰ του Α΄ Διεθνoῦς Συμποσίου „Ἡ καθημερινὴ ζωὴ στὸ Βυζάντιο,, , Ἀθήνα 1989.....	615
111.	Ἡ ἀρμενικὴ παρουσίᾳ στὸ Βυζάντιο, (κεφάλαιο Β΄ τοῦ βιβλίου Ἐλληνισμὸς καὶ Ἀρμενία,, ἐκδόσεως τοῦ Ἰδρύματος Γουλανδρῆ - Χόρν), Ἀθήνα 1991.....	625
112.	Βυζαντινὸ κλητορολόγιο στὸν Κώδικα τοῦ Ἀρμενίου νομικοῦ Mkhithar Goš (+ 1213). „Τὸ Βυζάντιο κατὰ τὸν 12 ^ο αἰῶνα. Κανονικὸ Δίκαιο, Κράτος καὶ Κοινωνία,, Ἀθήνα 1991	663
113.	Ὁ Ἰωάννης Ἀτμάνος, ἡγούμενος τῆς ἐν Φιλιππουπόλει ἀρμενικῆς μονῆς, καὶ ὁ ρόλος του στὶς ἀρμενο-βυζαντινὲς ἐκκλησιαστικὲς διαπραγματεύσεις ἐπὶ τοῦ καθολικοῦ (πατριάρχῃ) Νερσὲς Δ΄ τοῦ Χαρίεντος (1166-1173). „Ἀρμὸς,, , τιμητικὸς τόμος στὸν καθηγητὴ Ν.Κ.Μουτσόπουλο γιὰ τὰ 25 χρόνια πνευματικῆς του προσφορᾶς στὸ Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Πολυτεχνικὴ Σχολή, τμῆμα ἀρχιτεκτόνων, τόμος Β΄, Θεσσαλονίκη 1991.....	685
114.	Ὄνοματοδοσίαι λαῶν στὶς ἀρμενικὲς πηγές. Πρακτικὰ τοῦ Β΄ Διεθνoῦς συμποσίου „Ἡ ἐπικοινωνία στὸ Βυζάντιο,,. Κέντρο Βυζαντινῶν Ἐρευνῶν τοῦ Ἐθνικοῦ Ἰδρύματος Ἐρευνῶν, Ἀθήνα 1993	693
115.	Οἱ „Βυζαντινοί,, Χουρραμίτες καὶ ἡ Ἀρμενία. Ἐθνικὸ Ἰδρυμα Ἐρευνῶν, Σύμμεικτα τόμος ἑνάτος, Μιήμη Δ.Α.Ζακυθηνοῦ, Μέρος Α΄, Ἀθήνα 1994	711
116.	Ποῦ εὐρίσκετο ἡ Aqrita; „Βυζαντινὸς Δόμος,, τόμος 8-9, Ἀθήνα 1995-97.....	729
117.	Τὸ Βυζάντιο μήπως ἀναγνώρισε τὴν Ἀρμενία τῶν Βαγρατιδῶν ὡς βασίλειο; Εὐψυχία, Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler, Série „Byzantina Sorbonensia 16, Paris 1998.....	735
118.	Ὁ κουράτωρ Μανζικέρτ καὶ τῆς Ἑσῶ Ἰβηρίας καὶ ἡ ἀνατολικὴ πολιτικὴ τοῦ Βασιλείου Β΄. Ἐθνικὸ Ἰδρυμα Ἐρευνῶν. Ἰνστιτοῦτο Βυζαντινῶν Ἐρευνῶν, τόμος δέκατος τέταρτος, Ἀθήνα 2001.....	747
119.	La généalogie du Magistros Bagarat, catépan de l'Orient, et de Kékaumènos, Revue des Etudes Arméniennes, t. II, 1965.....	767
120.	Notes sur l'épopée byzantin „Digénis Akritas,, REA, t. III, 1965.....	779
121.	Digénistique dans l'épopée kurde „Le khan Main d'Or,, REA , t.IV 1967	809
122.	Sur quelques questions relatives a l'épopée byzantine de Digénis Akritas, REA, t. V, 1968	819

123.	Les Arewordi (Fils du Soleil) en Arménie et Mésopotamie et l'épître du catholicos Nersès le Gracieux, REA t.V, 1968	831
124.	L'Enoikion à Byzance et dans la capitale des Bagratides, Ani, a l'époque de la domination byzantine (1045-1064), REA , t. VI, 1969	849
125.	La conquête de l' Arménie par l' Empire Byzantin, REA t. VIII, 1971	865
126.	Encore une fois sur l'origine du nom „Pauliciens,, REA, t. IX, 1972	879
127.	La mention imaginaire de la „Reine de Kartli,, dans l'inscription arménienne du Sioni d'Ateni, Revue des Etudes Georgiennes et Caucasiennes, No 3, 1987.....	887
128.	Les relations des Eglises de l'Arménie Cilicienne et de l'Empre Byzantin et leurs implications politiques, Actes du Colloque „Les Lusignans et l'Outre Mer,, Poitiers-Lusignan 20-24 Octobre 1993	8 95
129.	Les Gavrades a travers les sources arméniennes. In: „L'Arménie et Byzance. Histoire et Culture,,. Publications de la Sorbonne, Série „Byzantina Sorbonensia,, 12, Centre de Recherches d'Histoire et de Civilisation byzantines, Paris, 1996	903
130.	The Religious Diplomacy of Byzantium in Armenia during the tenth and eleventh Centuries. „Armenian Studies, Etudes Arméniennes. In Memoriam Haig Berberian,,. Caloust Gulbenkian Foundation, Lisboa, 1986	915
131.	Armenia and Armenians in the Byzantin Epic. In: Digenes Akrites. New Approaches to Byzantine Heroic Poetry. Edited by R.Beaton and David Ricks, Centre for Hellenic Studies, King 's College, London, 1993.....	923

Աստվածաբանության ֆակուլտետ

ՇՐԱԶ Մ. ԲԱՐԹԻԿՅԱՆ

ՇԱՅ- ԲՅՈՒԶԱՆԴԱԿԱՆ ՆԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

ՀԱՏՈՐ ԵՐԿՐՈՐԴ

ՀՈԴԿԱԾՆԵՐ ՕՏԱՐ ԼԵԶՈՒՆԵՐՈՎ

Համակարգչային ձևավորումը **Տիգրան Ապիկյանի**

Հանձնված է տպագրության 04.11. 2002 թ., թուղթ՝ օֆսեթ,
տպագրությունը օֆսեթ, պատվեր 25, տպաքանակ 250